КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ТОМЪ LX.

1893 г.

ЯНВАРЬ.

КІЕВЪ.

Типогра[redacted]Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1892.

СОДЕРЖАНІЕ.

Дозволено цензур. Кіевъ, 29-го декабря 1892 г.

СИСТЕМА КАРАТЕЛЬНЫХЪ МѢРЪ ВЪ ЗАПОРОЖЬИ.

(ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

„La connaissance des moeurs d'une nation est le flambeau de son histoire"
Lesur, Histoire de kosaques, t. I, p. 277.

I.

„Славное войско Запорожское Низовое", появившееся въ XVI в. и просуществовавшее два съ лишнимъ столѣтія, привлекало вниманіе современниковъ, какъ оригинальнымъ строемъ своей жизни, такъ и громкими подвигами храбрости, повѣствованія о которыхъ, принимая иногда характеръ легенды, распространялись далеко за предѣлы его собственной земли. Слава запорожцевъ была велика; ихъ неукротимая храбрость и стойкое мужество пользовались такимъ обаяніемъ, что нѣкоторые иностранные государи (напр.—императоръ германскій Рудольфъ II) во время приготовленія къ войнамъ вступали съ ними въ переговоры, чтобы привлечь ихъ на свою сторону. Рыцарская привязанность къ вѣрѣ, во имя которой было совершено не мало блестящихъ подвиговъ, цѣломудріе и простой, даже суровый образъ жизни, ихъ пламенная любовь къ свободѣ и горячее участіе въ дѣлѣ освобожденія угнетенныхъ братій на Украйнѣ, наконецъ, демократическій строй ихъ общины,—ставили въ глазахъ современниковъ и историковъ этотъ своеобразный военный союзъ наравнѣ со Спартанской республикой и ор-

деномъ Мальтійскихъ рыцарей. Но не будемъ касаться здѣсь исторіи Запорожья; наша задача—изслѣдовать только одинъ уголокъ его жизни, а именно: ознакомиться съ внутренней борьбой Запорожья, съ преступной дѣятельностью его членовъ или, говоря другими словами, съ тѣми карательными мѣрами, которыя примѣнялись къ преступникамъ. Знакомство съ правовыми воззрѣніями этой общины, кромѣ значенія чисто юридическаго, представляетъ несомнѣнно интересъ и историческій, такъ какъ наказанія, отражая въ себѣ до извѣстной степени эпоху и народныя правовоззрѣнія, восполняютъ общую картину его исторической жизни. Карательныя мѣры складываются подъ вліяніемъ опредѣленныхъ условій жизни, того или другаго ея строя, въ зависимости отъ степени культуры, характера человѣка, а также тѣхъ или другихъ задачъ народной жизни. Въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, отражается духъ извѣстнаго времени съ его задачами и всѣми специфическими чертами, ему свойственными; въ нихъ, наконецъ, воплощаются народныя воззрѣнія на извѣстнаго рода общественныя отношенія и представленія о степени важности тѣхъ или другихъ охранительныхъ нормъ. Въ этомъ отношеніи изученіе господствовавшихъ въ извѣстное время формъ наказаній представляетъ существенный интересъ, какъ для юриста, такъ и для историка.

Къ сожалѣнію, нарисовать полную картину карательной дѣятельности въ Запорожской Сѣчи является невозможнымъ. Въ Запорожьи не было писаныхъ законовъ [1]); господствовалъ тамъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ обычай, бывшій результатомъ его правовыхъ убѣжденій. Это обстоятельство, т. е. отсутствіе въ Сѣчи положительнаго законодательства и существованіе тамъ исключительно одного только обычнаго права, подтверждается, кромѣ свидѣтельства историковъ и лѣтописцевъ, нѣкоторыми дошедшими до насъ историческими актами, въ которыхъ

---

[1]) Ригельманъ, Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи. Москва. 1847 г. ч. IV, стр. 82: „правъ и законовъ письменныхъ у нихъ не имѣлось и судились по стариннымъ своимъ обычаямъ словесно и такъ, какъ отъ древности у нихъ было“. Кн. Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одес. 1851, ст. 56.—Современная записка,—примѣчаніе о запорожцахъ, § 12.

часто встрѣчаются выраженія: „наказаніе учинить по запорожскому обыкновенію“, „карать по войсковому обычаю“ и т. п. [1]). Такимъ образомъ всѣ свѣдѣнія, всѣ данныя относительно карательной дѣятельности въ Запорожьи можно лишь почерпнуть изъ воспоминаній и лѣтописныхъ повѣствованій современниковъ, близко знавшихъ Запорожье, а также изъ сохранившагося небольшаго количества оффиціальныхъ актовъ и документовъ, касающихся исторіи Запорожской Сѣчи; но въ этихъ столь драгоцѣнныхъ для исторіи запорожскаго войска документахъ мы находимъ очень мало матерьяла для интересующаго насъ теперь вопроса; они преимущественно носятъ характеръ политической переписки или же касаются вопросовъ о пограничныхъ спорахъ, о набѣгахъ запорожцевъ и дѣлахъ чисто гражданскаго характера, да къ тому же, они большею частью относятся къ послѣднему періоду существованія Сѣчи. Какъ ни бѣденъ матерьялъ, относящійся къ данному вопросу, но тѣмъ не менѣе, мы думаемъ, есть возможность намѣтить главныя черты карательной дѣятельности въ Запорожьи и установить тѣ начала, которыми руководствовались запорожцы въ сферѣ отправленія уголовнаго правосудія.

Элементы, входившіе въ составъ Запорожскаго Коша, причины, создавшія это рыцарское общество, а также тѣ пути, коими шло его образованіе, несомнѣнно должны были отразиться на всемъ строѣ жизни общины. Мы не будемъ останавливаться здѣсь болѣе подробно на вопросахъ объ историческомъ происхожденіи запорожскаго козачества, о его задачахъ, организаціи, внутренней жизни, а коснемся ихъ лишь въ общихъ чертахъ и въ тѣхъ предѣлахъ, на сколько это является необходимымъ для изслѣдованія непосредственно интересующаго насъ предмета.

Запорожская Сѣчь была обѣтованной землей для всего недовольнаго, угнетаемаго и бѣднаго православнаго населенія Украйны. Простой народъ, стонавшій подъ игомъ панщины, на-

[1]) Матерьялы для исторіи южно-русскаго края въ XVIII ст. Одесса. 1886. ст. 38, 49, 92.—Кіевская Старина, Декабрь. 1882 г., документы, касающіеся исторіи Запорожья, ст. 527, 537.

ходился въ самомъ безотрадномъ положеніи. Произволъ пановъ господствовалъ надъ ними безпредѣльно. Обременяемый различными тяжелыми повинностями и податями, облагаемый различными несправедливыми поборами, крестьянинъ, въ потѣ лица своего трудящійся всю невеселую свою жизнь, въ концѣ концовъ доходилъ до нищенскаго, жалкаго состоянія въ то время, когда кругомъ его плодородныя нивы приносили обильныя жатвы, а его панъ, пресыщенный удовольствіями, искалъ всё новыхъ развлеченій и отымалъ у него послѣднее имущество, чтобы удовлетворить своимъ прихотямъ. „Но это еще не все", пишетъ Бопланъ; „помѣщики, отнимая имѣніе у крестьянъ, располагаютъ произвольно и жизнью ихъ. Такъ неограничены вольности польскаго дворянства! Оно блаженствуетъ какъ будто-бы въ раю, а крестьяне мучатся, какъ въ чистилищѣ. Если же судьба пошлетъ имъ злаго господина, то участь ихъ тягостнѣе галерной неволи" [1]). Но этимъ страданія не ограничивались; самыя лучшія, самыя святыя чувства и вѣрованія ихъ подвергались самому унизительному поруганію: честь жены, дочери, сестры, всё, что дорого и близко было сердцу, находилось въ постоянной опасности отъ разгульныхъ посягательствъ пановъ; наконецъ, одно, что оставалось ему въ утѣшеніе—вѣра, и та сдѣлалась предметомъ самыхъ жестокихъ гоненій и оскорбленій, какъ со стороны католиковъ, такъ и со стороны жидовъ, державшихъ на откупѣ церкви и всѣ церковныя требы. Усталый, измученный, истерзанный нравственно и физически русскій крестьянинъ направлялся къ святому храму, чтобы здѣсь въ горячей молитвѣ искать силы и подкрѣпленія для своей дальнѣйшей горькой жизни; и тутъ передъ дверями храма становился передъ нимъ арендаторъ-жидъ и грубо требовалъ отъ него денегъ за допускъ въ церковь. Если прибавить ко всему этому безсовѣстно-безчеловѣчную эксплоатацію, которой подвергались крестьяне во всѣхъ областяхъ ихъ жизни со стороны жидовъ, то передъ нами возстанетъ во всей полнотѣ безобразная кар-

---

[1]) Бопланъ, Описаніе Украины (Спб. 1832), ст. 9.

тина угнетенія русскаго народа на Украинѣ. Не лучше было положеніе и горожанъ [1]).

И вотъ всѣ тѣ, кто любилъ страстно свободу, въ комъ кипѣла горячая кровь, чьи сердца загорались жаждой смѣлыхъ подвиговъ, кто въ безшабашной удали и отчаянномъ молодечествѣ искалъ забвенія и спасенія отъ невыносимо-тяжелой жизни на родинѣ,—всё это оставляло богатыя нивы родной земли, покидало могилы своихъ предковъ и бѣжало въ привольныя, безбрежныя степи днѣпровскаго понизовья. Здѣсь, въ этихъ степяхъ, на Днѣпрѣ было свито то гнѣздо отважныхъ удальцевъ, бывшихъ грозой своихъ сосѣдей, которые удивляли современниковъ и потомковъ своими безпримѣрными подвигами, рыцарскимъ мужествомъ и отчаянной храбростью. Не разъ на своихъ длинныхъ и легкихъ чайкахъ вылетали эти смѣльчаки изъ своей родной Сѣчи въ Черное море, появляясь то подъ стѣнами Трапезонда, Смирны, Варны, то, даже „касаясь мужественно стѣнъ Константинопольскихъ, довольно окуривали ихъ дымомъ мушкетнымъ, причиняя мѣшканцамъ цареградскимъ страхъ и смятеніе“. Здѣсь былъ безпредѣльный просторъ для самыхъ смѣлыхъ предпріятій: захватывая и уничтожая турецкіе корабли и даже цѣлыя эскадры или прокрадываясь мимо нихъ ночью, бросались запорожцы на малоазіатскіе и крымскіе берега, сжигали и уничтожали богатые города и селенія и, освобождая мучившихся въ неволѣ христіанъ, возвращались обратно домой, обремененные богатой и многочисленной добычей. Всё побережье Чернаго моря находилось въ постоянномъ страхѣ въ ожиданіи грозныхъ гостей.

Свободная жизнь, просторъ для удали, освобожденіе отъ панскаго гнета, возможность богатой добычи привлекали въ Запорожье бѣглецовъ, и наплывъ ихъ съ каждымъ годомъ увеличивался. Польское правительство не могло спокойно наблюдать это явленіе; съ тревогой слѣдило оно за всевозростающею численностью безпокойнаго запорожскаго козачества, которое могло, наконецъ, сдѣлаться на столько сильнымъ, что стало бы угрожать спокойствію самой Рѣчи Посполитой. Набѣги на мало-

[1]) Подробно см.: Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, т. I, гл. I.

азіатскіе и крымскіе берега порождали постоянно недоразумѣнія между Польшей и Оттоманской Портой, угрожая опасностью разрыва со стороны Порты, которая, считая Запорожскую Сѣчь входящею въ составъ Польской республики, предполагала, что набѣги эти дѣлаются не безъ вѣдома и одобренія польскаго правительства. Съ другой стороны, край начиналъ понемногу пустѣть, и паны неоднократно обращались съ жалобами на постоянные побѣги хлоповъ. Польское правительство начало принимать мѣры къ воспрепятствованію побѣговъ въ Запорожье, но это не помогало; изобрѣтательность бѣглецовъ успѣвала обмануть бдительность правительства, и число побѣговъ не уменьшалось. Запорожье росло. Оно наполнялось уже не одними только недовольными изъ Украины,—сюда начали стремиться и безпокойныя головы изъ Литвы, Бѣлоруссіи и даже изъ пограничныхъ областей московскаго государства. И вотъ всѣ эти разнородные элементы сплачивались и объединялись подъ именемъ „Запорожской Сѣчи", организованной на началахъ полнаго братства и равенства.

„Отвага, говоритъ Соловьевъ [1]), нужная человѣку, рѣшившемуся или принужденному оставить родину, идти въ степь, въ невѣдомую страну, эта отвага поддерживается въ немъ жизнью въ степи, гдѣ онъ предоставленъ однимъ собственнымъ силамъ, долженъ постоянно стоять на сторожѣ противъ степныхъ хищниковъ. Отсюда эти люди должны соединяться въ братства, въ общины, для которыхъ война служитъ главнымъ занятіемъ". И тамъ не было ни пановъ и хлоповъ, ни богатыхъ и бѣдныхъ, а каждый былъ просто свободный козакъ [2]).

Братство, товарищество, цѣломудріе, святая православная вѣра, борьба съ невѣрными и защита слабыхъ, угнетенныхъ

---

[1]) Исторія Россіи, т. V, ст. 385 (Мос. 1882, изд. 5).

[2]) На равенство членовъ запорожской общины прямо указывается въ докладѣ Коша Сенату 1767 г. 30 ноября во время участія запорожскихъ депутатовъ въ трудахъ коммиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія: „въ войскѣ запорожскомъ служатъ и въ Сѣчи Запорожской жительство имѣютъ изъ шляхетства и гражданъ; но все общество войска запорожскаго равно Е. И. В. отправляетъ воинскую службу, тѣмъ паче между онымъ раздѣлений на особливыя каждаго состоянія нѣтъ". Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, т. I, ст. 88 (Одесса. 1885 г. изд. 3).

братій на Украйнѣ — вотъ тѣ начала, на которыхъ покоился весь строй запорожской общины. Во главѣ военнаго братства стоялъ кошевой атаманъ, выбиравшійся изъ козаковъ на общей радѣ 1 января каждаго года.—Козакъ, на котораго падалъ выборъ товарищества, на высотѣ своей власти не долженъ былъ забывать, что онъ такой же козакъ, какъ и его товарищи, и съ этой цѣлью новоизбранному кошевому нерѣдко вымазывали лицо грязью [1]). Но получивши булаву, кошевой атаманъ становился полновластнымъ властителемъ сѣчи; его слово было закономъ; онъ творилъ судъ и расправу, онъ велъ въ сраженіе войско, и тотъ, кто осмѣлился бы поступить вопреки его приказанію, могъ поплатиться за это жизнью. Его власть ограничивалась только радой, общимъ собраніемъ всего сѣчеваго товарищества, бывшимъ высшимъ законодательнымъ органомъ [2]). Приговоръ рады былъ приговоромъ всей войсковой общины, которому должны были подчиниться всѣ, начиная съ простаго козака и кончая кошевымъ. Кошевой атаманъ являлся такимъ образомъ высшимъ исполнительнымъ органомъ, долженствовавшимъ всѣ важные и серьезные вопросы, напр. о войнѣ и мирѣ, передавать на обсужденіе общей рады. За кошевымъ слѣдовала войсковая старшина,—войсковые судья, писарь и асаулъ, имѣвшіе опредѣленный кругъ дѣятельности и власти, и представители 38 куреней, на которые дѣлился кошъ, куренные атаманы. Всѣ эти должности были выборными и временными [3]). Таковы въ общемъ были условія образованія Сѣчи и ея организація.

---

[1]) Кн. Мышецкій, Исторія о козакахъ запорож., ст. 39.

[2]) Авторъ записки о запорожцахъ приписываетъ кошевому атаману безграничную власть (Соврем зап.; примѣч. о запорожцахъ, § 13); онъ указываетъ, что кошевой былъ властенъ за малѣйшую вину безъ всякаго суда и не отвѣтствуя ни предъ кѣмъ лишить виновнаго жизни. Эта записка носитъ тенденціозный характеръ и въ ней много преувеличеній. Кошевой атаманъ, пользовавшійся почти безграничною властью въ походахъ, тѣмъ не менѣе долженъ былъ руководствоваться при отправленіи своей должности установившимися обычаями; въ противномъ случаѣ ему могло грозить смѣщеніе съ должности и даже лишеніе жизни.

[3]) Объ устройствѣ и управленіи запорожскаго войска подробно см. Скальковскій, Исторія Нов. Сѣчи, ч. I, гл. II.

Эпоха, въ которой гремѣла слава запорожскихъ подвиговъ, была суровымъ и тяжелымъ временемъ. Широкія степи, окружавшія запорожье и наполненныя постоянными опасностями, постоянныя схватки съ татарами, смѣлые набѣги на турецкіе берега, отчаянная борьба съ поляками, исконными врагами православія, однимъ словомъ—жизнь полная опасностей и тяжкихъ лишеній, должны были образовать среди запорожцевъ мужественные и суровые характеры. И дѣйствительно, настоящій запорожецъ приводилъ всѣхъ въ удивленіе своимъ мужествомъ, храбростью и безпримѣрной выносливостью; они безъ содраганія и страха смотрѣли въ лицо смерти. Колесуемые, четвертуемые, подвергаясь самымъ мучительнымъ пыткамъ, они въ минуты самаго невыносимаго страданія, часто ни однимъ движеніемъ, ни однимъ звукомъ не обнаруживали всей той глубины страданія, которое переполняло ихъ души. Рѣдко кто изъ нихъ умиралъ естественною смертью, большая часть складывала свои головы на полѣ чести или въ польскихъ городахъ на плахѣ [1]). Эта суровая школа, образовавшая столь сильные характеры, положила свою печать и на весь строй запорожской сѣчи.

Какъ раньше мы уже замѣтили въ запорожьи не было писаныхъ законовъ; порядокъ и форма управленія, отправленіе правосудія, всѣ внутреннія отношенія Коша, однимъ словомъ, весь строй общинной жизни опредѣлялся войсковыми обычаями и традиціями, строго хранившимися стариками и передававшимися изъ поколѣнія въ поколѣніе. Какъ проста и элементарна была эта жизнь, такъ несложны и безъискусственны были эти нормы! Свободенъ былъ доступъ въ запорожье, свободенъ былъ и выходъ изъ него; но разъ козакъ выбиралъ себѣ курень и поступалъ въ составъ сѣчеваго товарищества, онъ принималъ на себя рядъ обязанностей и долженъ былъ безусловно подчиняться господствовавшимъ тамъ обычаямъ. Лица, бѣжавшія въ дикія степи, окруженныя врагами и полныя опасностей, лица различнаго происхожденія, различныхъ характеровъ и съ разнообразными страстями, чтобы имѣть возможность существовать

---

[1]) Бопланъ, Опис. Украины, ст. 8.

и бороться съ общимъ врагомъ или осуществлять тѣ или другія цѣли и задачи, должны были соединиться въ сплоченное, стройное, твердое товарищество и, слѣдовательно, должны были проникнуться и подчиниться тѣмъ объединяющимъ началамъ, безъ которыхъ было бы немыслимо ихъ самостоятельное существованіе. Сѣчь давала имъ свободу, сѣчь раскрывала передъ ними широкій просторъ для подвиговъ, славы, мести, для пріобрѣтенія богатства, но она требовала самаго строгаго подчиненія кореннымъ основамъ сѣчевой организаціи, ревниво охраняя товарищество отъ всѣхъ посягательствъ, могущихъ внести деорганизацію въ установившіяся отношенія. Начала товарищества и братства проходили черезъ всю сѣчевую организацію. „Нѣтъ узъ святѣе товарищества! Пусть знаютъ они всѣ, что такое значитъ въ русской землѣ товарищество", говоритъ козакамъ передъ битвой старый Тарасъ Бульба, этотъ возсозданный Гоголемъ типъ запорожскаго козака, и козаки, старые и молодые, дѣйствительно живо чувствовали святой смыслъ этихъ словъ. Совмѣстная жизнь, полная опасностей, сходство положеній, однородность стремленій, а можетъ быть и единство причинъ, толкнувшихъ ихъ бѣжать въ запорожскія степи,—все это способствовало установленію братскаго единенія, которымъ была сильна и грозна Сѣчь. Вотъ почему она беретъ подъ свою охрану этотъ основной принципъ сѣчевой организаціи—товарищество—и всякое посягательство на него ставитъ подъ угрозу строжайшихъ наказаній. Убійство козака козакомъ, воровство между ними, посягательство на сѣчевое имущество признавались самыми тяжкими преступленіями [1].

Не менѣе тяжкимъ преступленіемъ считалось нарушеніе другаго принципа сѣчевой организаціи,—нарушеніе обѣта безженной жизни. Женщинѣ было строго запрещено появляться въ сѣчи, и козакъ, вводившій ее туда, подвергался строжайшимъ наказаніямъ [2]. Этотъ принципъ остался неприкосновеннымъ до

[1]) Ригельманъ, Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи, ч. IV, ст. 82, 83. (Мос. 184).—Князь Мышецкій, Ист. о каз. зап., ст. 56, 57, 58.—Кіевская Старина 1882 г. декабрь, приговоръ большой экстроординарной рады, ст. 529.

[2]) Вотъ что по этому поводу пишетъ Lesur: „la loi la plus antique etla plus sévèrement observée parmi eux était celle qui excluait, sous peine d'être laptdé

послѣдняго дня существованія сѣчи. Запрещеніе ввода женщины въ Сѣчь распространялось не только на козаковъ, но и на всѣхъ постороннихъ лицъ, имѣвшихъ тамъ жительство или прибывавшихъ туда по какимъ либо дѣламъ. Когда во время войны Россіи съ Турціей въ Сѣчь прибылъ гарнизонъ изъ русскихъ войскъ подъ начальствомъ подполковника Глѣбова, вызвавшаго къ себѣ жену, то толпа запорожцевъ, узнавшихъ объ ея пріѣздѣ, сейчасъ же окружила домъ Глѣбова и начала грубо требовать выдачи пріѣхавшихъ женщинъ. Большого труда стоило Глѣбову успокоить козаковъ и во избѣжаніе дальнѣйшихъ недоразумѣній онъ принужденъ былъ немедленно отправить жену обратно [1]).

Въ связи съ нарушеніями этого характера стоятъ преступленія противъ нравственности и другія менѣе важныя преступныя дѣянія, о которыхъ мы скажемъ въ свое время при изложеніи системы наказаній.

При простотѣ и немногочисленности общественныхъ отношеній въ Запорожьи, надо думать, что классъ правонарушеній не могъ быть тамъ великъ и многообразенъ и что первоначально область преступныхъ дѣяній не выходила изъ сферы посягательствъ на основныя нормы, охранявшія внутренній распорядокъ въ общинѣ. Свобода личности признавалась тамъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, и Сѣчь, куда устремлялись бѣглецы во имя свободы, созданная исключительными условіями и окруженная со всѣхъ сторонъ врагами, очевидно, поставила подъ охрану лишь только тѣ нормы, которыя обезпечивали ея дальнѣйшее существованіе и способствовали осуществленію ея основныхъ задачъ. Но съ теченіемъ времени область преступныхъ дѣяній должна была расширяться. Измѣнялись условія жизни, измѣнялась обстановка; внутреннія отношенія между членами дѣлались сложнѣе, а также усложнялись и отношенія къ сосѣдямъ, въ особенности къ Россіи, которая съ каждымъ

toute femme de la Setsche. Cette loi n'a jamais èté impunement enfreinte; „chose singulière, dit un brillant écrivain, que celle étrange république se soit établie vis-vis de la côte où la fable avait placé le séjour des Amazones". Hist. de cos p., 290 t. I.

[1]) Манштейнъ, Записки о Россіи (724—1744), ст. 14. (сп. 1875).

годомъ все внимательнѣе присматривалась къ тому, что происходило внутри Запорожья.—Эти обстоятельства не остались, конечно, безъ вліянія на дальнѣйшій характеръ сѣчевыхъ правовоззрѣній.

Условія, создавшія Сѣчь, основныя черты ея организаціи, эпохи, однимъ словомъ—вся совокупность обстоятельствъ, о которыхъ мы говорили раньше, должны были несомнѣнно отразиться и на самомъ характерѣ наказаній. Наказанія въ Запорожьи дѣйствительно были суровы; но если мы вспомнимъ это суровое время, когда безпрерывная кровавая борьба убивала въ человѣкѣ гуманныя чувства и дѣлала жестокимъ его сердце, если мы оглянемся на то, что происходило тогда (XVI, XVII и частью XVIII ст.) въ сферѣ карательной дѣятельности на западѣ и въ Московской Руси, если мы, наконецъ, примемъ во вниманіе, что запорожское братство было военной общиной, гдѣ желѣзная строгость наказаній находитъ себѣ больше всего оправданія,—то мы не можемъ не прійдти къ заключенію, обозрѣвая систему карательныхъ мѣръ, что мѣры эти носили тамъ сравнительно мягкій характеръ. Наказанія были безспорно строги, но въ нихъ далеко не было той изысканной жестокости, той утонченной изобрѣтательности въ смыслѣ причиненія преступнику излишнихъ страданій, которыми отличались карательныя мѣры на западѣ. Достаточно обратиться къ Constitutio Criminalis Carolina (1532), въ варварствахъ коего, по словамъ Бернера [1]), вполнѣ отразился духъ того времени, достаточно взглянуть на Codex juris bavarici criminalis (1751), задуманнаго, по словамъ Фейербачи, въ духѣ Дракона и написаннаго кровью [2]), чтобы представить себѣ вполнѣ ясную картину всей утонченной сложности, жестокости и безчеловѣчности наказаній, господствовавшихъ въ ту эпоху.

Въ исторіяхъ о малороссійскомъ козачествѣ, въ хроникахъ и актахъ, относящихся къ этой исторіи и въ особенности къ борьбѣ украинскаго народа съ поляками, т. е. къ казацкимъ

---

[1]) Berner, Lehrbuch des deutchen Strafrechtes, ст. 65 (Лейпцигъ 1872).

[2]) Сергѣевскій, Русское уголовное право, ст. 39 (СПБ. 1890).

возстаніямъ, мы читаемъ о цѣломъ рядѣ жестокостей, совершавшихся какъ казаками, такъ и крестьянами. Но это явленіе не должно насъ удивлять и не можетъ служить поводомъ къ предположенію, что жестокость, проходившая кровавой нитью черезъ всѣ козацкія возстанія, была также и отличительной чертой карательной системы въ Запорожьи, принимавшемъ самое горячее участіе въ этой борьбѣ. Борьба съ поляками была въ полномъ смыслѣ этого слова борьбой народной. Она велась не изъ какихъ либо отвлеченныхъ принциповъ или отдаленныхъ соображеній; она была въ одно и тоже время и местью ненавистнымъ эксплоататорамъ, и желаніемъ сбросить съ себя тяжелое, невыносимое иго панскаго и жидовскаго произвола. Всякій бравшійся за оружіе сознавалъ и чувствовалъ всѣмъ своимъ существомъ, во имя чего онъ беретъ оружіе, за что и для чего онъ будетъ проливать кровь. Цѣли для него были до очевидности близки, понятны и ясны. Неукротимая ненависть, злоба, жажда мести выростали въ его душѣ, съ неудержимой силой охватывали его всего, душили его.... и человѣкъ переступалъ границы; чувство снисхожденія, сожалѣнія, справедливости, чувство простой человѣческой гуманности на время замирали въ немъ, страсти разгорались,—и онъ не зналъ и не хотѣлъ знать предѣла своей ненависти. Безъ сожалѣнія поднявшіяся руки закалывали женщинъ и невинныхъ младенцевъ; десятками, сотнями вѣшались, сжигались, утоплялись ненавистные жиды, пившіе христіанскую кровь, въ развалинахъ лежали католическіе костелы съ вырѣзанными ксендзами и монахами, и пылавшія кругомъ деревни и панскія усадьбы зловѣщимъ заревомъ освѣщали эту кровавую картину, наводя страхъ и ужасъ на окрестное населеніе. Всѣ эти жестокости, а подчасъ и мучительныя пытки, которымъ нерѣдко подвергались жиды и польское дворянство, были лишь дѣломъ народной расправы и бушевавшихъ народныхъ страстей, перелившихся черезъ край долготерпѣнія, а не сознательнымъ приложеніемъ на дѣлѣ извѣстной системы карательныхъ мѣръ.

Какъ на Западѣ, такъ и въ Московскомъ государствѣ наказанія лишеніемъ жизни во всѣхъ ихъ видахъ получили въ

этотъ періодъ уже самое широкое распространеніе. Раздавались иногда голоса, указывавшіе на суровую жестокость карательной системы, на ея нецѣлесообразность и неправомѣрность, но это были лишь одиночныя вспышки благородныхъ умовъ и сердецъ, умолкавшія вскорѣ среди общаго равнодушія, не вызывая ни у кого сочувствія и поддержки. Четвертованіе, залитіе горла расплавленнымъ металломъ, окопаніе въ землю по плечи, повѣшеніе на крюкъ за ребра, сожженіе, зарытіе въ землю живаго, содраніе кожи, вытягиваніе кишекъ, колесованіе и т. п. [1]),—всѣ эти мучительные виды смертной казни, затѣмъ безчеловѣчныя изувѣчивающія тѣлесныя наказанія не вызывали въ современникахъ глубокаго отвращенія, не вопіяли къ чувству справедливости и человѣческой гуманности; сердца ихъ оставались безстрастными, и голосъ разума молчалъ въ полномъ убѣжденіи въ необходимости жестокости по отношенію къ преступнику. Духъ времени господствовалъ здѣсь въ полной своей силѣ. Такъ ли жестоки были уголовныя системы въ Запорожьи? Изъ упомянутыхъ сейчасъ квалифицированныхъ видовъ смертной казни въ Запорожьи примѣнялись: посаженіе на колъ, закопаніе въ землю живымъ и повѣшеніе на крюкъ за ребро [2]), т. е. только первобытные, грубые виды ея, не требовавшіе ни сложныхъ орудій, ни большихъ затратъ, ни опытныхъ исполнителей. Отражая въ себѣ суровый духъ того времени, они тѣмъ не менѣе были лишены утонченныхъ придатковъ западно-европейской изобрѣтательности. Найболѣе распространеннымъ видомъ смертной казни было простое повѣшеніе, о которомъ исключительно и упоминаютъ памятники, относящіеся къ послѣднему столѣтію существованія Сѣчи. Изъ тѣлесныхъ наказаній въ Запорожьи, можно сказать, имѣла мѣсто одна лишь форма ихъ—битье кіями. Это обстоятельство становится для насъ совершенно понятно, если мы вспомнимъ, изъ какихъ элементовъ создалась Сѣчь и каковы были ея задачи. Сѣчь была военнымъ братствомъ, на долю котораго выпала постоянная борьба съ

---

[1]) Сергѣевскій, наказаніе въ русскомъ правѣ XVII ст., стр. 104 (см. 1887). Berner. Lehrbuch des deut. Strafrechtes, ст. 65.

[2]) Устное повѣствованіе запорожца Киржи, ст. 25 (Одес. 1883).

сосѣдями. Вѣчная подвижность, постоянная готовность къ походу и бою, а отсюда необходимость въ сильныхъ, здоровыхъ, выносливыхъ воинахъ—были причиной того, что въ сферѣ карательной дѣятельности Запорожье отказалось отъ всѣхъ тѣхъ наказаній, которыя дѣлали членовъ ея неспособными къ выполненію ихъ непосредственной задачи. Если вина преступника была велика, если его дѣяніе шло въ разрѣзъ съ основными правоотношеніями, на которыхъ покоились твердость и крѣпость Сѣчи, то такой преступникъ, какъ негодный и вредный членъ общины, не могущій стоять въ ея рядахъ,—уничтожался, т. е. лишался жизни. Наоборотъ, тѣ преступники, дѣянія которыхъ были сравнительно маловажны, которые не нарушали коренныхъ основъ организаціи или совершали преступленія случайно или подъ вліяніемъ аффекта, обладая въ сущности всѣми качествами необходимыми для настоящаго Запорожца, такіе преступники получали соотвѣтственное возмездіе, но, признаваемые способными остаться членами общины, они подвергались наказаніямъ, не лишавшимъ ихъ возможности оставаться въ Запорожьи и служить общему дѣлу. Въ Запорожьи по самому его характеру могло существовать лишь два рѣзкихъ типа наказаній: наказанія, уничтожающія, стирающія преступника съ лица земли, и наказанія, которыя, воздавая преступнику должное, не дѣлали бы его неспособнымъ быть членомъ общины, когда признавалась возможность его дальнѣйшаго пребыванія въ Сѣчи.

Вышеизложенное служитъ достаточнымъ объясненіемъ тому, почему въ запорожскомъ войскѣ совершенно отсутствовали изувѣчивающія тѣлесныя наказанія, какъ то: отсѣченіе рукъ, ногъ, пальцевъ, отрѣзаніе языка и т. п.

Другіе виды карательныхъ мѣръ, какъ то наказанія, направленныя на свободу, честь и имущество, получили очень малое развитіе, такъ какъ не соотвѣтствовали ея организаціи и духу. Сѣчь по самому своему существу не могла организовать правильной системы наказаній лишеніемъ свободы, съ другой же стороны продолжительное лишеніе свободы было противно чувству запорожцевъ, во имя свободы соединившихся

въ военное братство. Если этотъ видъ наказаній и примѣнялся въ Запорожьи, то онъ или служилъ средствомъ пресѣченія преступнику уклониться отъ суда, или же имѣлъ, какъ наказаніе, кратковременный характеръ. Точно также не соотвѣтствовали сѣчевымъ правовоззрѣніямъ и наказанія, направленныя на честь. Запорожскій „лыцарь", стоявшій на стражѣ святой православной вѣры и поднимавшій оружіе противъ невѣрныхъ и на защиту своихъ угнетенныхъ братій на Украинѣ, долженъ былъ олицетворять въ себѣ всё благородное и осуществлять понятіе рыцарской чести и доблестей, которымъ, конечно, не соотвѣтствовали безчестящія наказанія. Хотя этотъ видъ наказаній и имѣлъ нѣкоторое примѣненіе въ Сѣчи (прикованіе къ столбу или пушкѣ, битіе кіями подъ висѣлицей), но широкаго и многообразнаго развитія оно не получило. Наконецъ, что касается наказаній, направленныхъ на имущество, то примѣненіе ихъ ограничивалось почти лишь одной формой ихъ—отнятіемъ имущества у преступника. Болѣе широкое примѣненіе этотъ родъ наказаній имѣлъ въ паланкахъ [1]), гдѣ жило семейное козачество, имѣвшее свою землю и самостоятельное хозяйство.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію системы карательныхъ мѣръ, мы скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ цѣляхъ, которымъ могло служить и служило наказаніе въ Запорожьи.

Конкретныя наказанія, принимая ту или другую форму, получая то или другое содержаніе, конечно, слагались подъ извѣстнымъ воззрѣніемъ на тѣ цѣли, на тѣ задачи, для которыхъ они должны были служить. Цѣли эти весьма разнообразны и находятся въ прямой зависимости какъ отъ понятій и воззрѣній, господствующихъ въ извѣстную эпоху, такъ и отъ

---

[1]) Весь запорожскій край, кромѣ Сѣчи, дѣлился на нѣсколько паланокъ или вѣдомствъ (въ началѣ 5, къ концу существованія Сѣчи—8), которыми завѣдывали полковники со старшиной, наблюдавшіе за поведеніемъ запорожскаго войска внѣ Сѣчи и за границею. Въ нѣкоторыхъ изъ паланокъ жили семейные козаки, посполъство, не входившее въ составъ сѣчеваго войска; въ этихъ паланкахъ имѣлись хутора, села и города; другіе паланки учреждались ежегодно для рыбной и звѣриной ловли и не имѣли постоянныхъ жителей: запорожцы, занимавшіеся промыслами, жили здѣсь въ зимовникахъ. Скальковскій, Ист. Нов. Сѣчи, т. I, гл. 1.

другихъ соображеній, вытекающихъ изъ чисто общественныхъ нуждъ.

Въ зависимости отъ обстоятельствъ времени и мѣста изъ этихъ цѣлей къ данную эпоху выдвигается преимущественно какая нибудь одна опредѣленная цѣль, или же преслѣдуются нѣсколько цѣлей заразъ, наравнѣ. Въ болѣе или менѣе твердо сложившемся и установившемся государственномъ организмѣ, въ которомъ обычное право до извѣстной степени уступило господство положительному закону и гдѣ задачи государства приняли широкій размѣръ, тамъ эти цѣли, преслѣдуемыя конкретными наказаніями, проявляются въ болѣе яркихъ, опредѣленныхъ, наглядныхъ формахъ. Отсутствіе въ Запорожьи положительнаго права, а также отсутствіе памятниковъ, касавшихся карательной дѣятельности Сѣчи, не даютъ намъ возможности точно, документально установить эти цѣли и опереться въ выводахъ на тѣ или другіе акты; но данный вопросъ можетъ быть почти безошибочно разрѣшенъ, если при изслѣдованіи этого предмета мы внимательно остановимся на характерѣ этой общины, ея задачахъ и организаціи.

Цѣлей, которымъ служило наказаніе въ Запорожьи, было немного и онѣ непосредственно вытекали изъ самой сущности сѣчевого быта. Главная цѣль наказаній была *обезпеченіе* общины отъ преступниковъ, т. е. уничтоженіе такихъ преступниковъ, которые, какъ мы замѣтили выше, посягали на коренныя основы сѣчевой организаціи и своими преступленіями, подрывая авторитетъ вѣковыхъ традицій и основныхъ принциповъ, обезпечивавшихъ твердое и самостоятельное существованіе Сѣчи, могли бы внести разладъ и замѣшательство во внутреннія отношенія Коша. Съ другой стороны, примѣняя къ каждому конкретному случаю то или другое наказаніе, Сѣчь имѣла также въ виду и цѣли *устраненія*, т. е. воздержаніе, какъ самаго преступника, такъ и другихъ членовъ общины отъ преступныхъ посягательствъ на будущее время. Этотъ взглядъ на наказаніе, какъ на устрашающее средство, высказывается также и въ дошедшихъ до насъ памятникахъ; такъ, въ приказѣ са-

марскому полковнику отъ 7 декабря 1772 г. [1]) Кошевой пишетъ, чтобы казака, который самарскую жительницу „опорочилъ не по пристойности“, сыскать и „въ страхъ прочимъ“ публично на базарѣ кіями наказать, „дабы и другіе такихъ непристойныхъ худостей дѣлать не отваживались“. Понятно само собою, что наказаніе являлось и какъ *возмездіе* преступнику за причиненное имъ зло. Другихъ цѣлей наказаніе не имѣло и имѣть не могло. Исправленіе преступника, извлеченіе изъ него тѣхъ или другихъ полезностей не входило и не могло входить въ кругъ дѣятельности общины. Исправлять преступника—значитъ надо было устроить исправительное заведеніе, надо было имѣть персоналъ лицъ, спеціально долженствовавшихъ слѣдить за поведеніемъ преступника, воспитывать его, вліять на него въ смыслѣ пробужденія уснувшаго въ немъ нравственнаго сознанія. Запорожье по самому своему существу не могло задаваться подобными цѣлями. Нравственный, духовный міръ запорожца былъ внѣ контроля товарищества, которое комплектовалось изъ людей всякаго сорта, очень часто весьма сомнительныхъ нравственныхъ качествъ и подозрительнаго прошлаго. Сѣчь нуждалась въ хорошихъ, мужественныхъ воинахъ, она требовала наличности лишь нѣкоторыхъ опредѣленныхъ качествъ, храбрости и строгаго подчиненія волѣ войсковыхъ старшинъ; до нравственнаго міра козака ей не было дѣла, да она въ него и не вторгалась. Наконецъ, характеръ жизни запорожцевъ, ихъ постоянные походы и вѣчная борьба дѣлали просто невозможнымъ осуществленіе этой цѣли. Чтобы осуществить эту цѣль на практикѣ, имъ пришлось бы бросить сабли и обратить Сѣчь въ обширное исправительное заведеніе. Что же касается до извлеченія изъ преступника тѣхъ или другихъ выгодъ, то подобный взглядъ на цѣль наказанія шелъ бы прямо въ разрѣзъ съ основными чертами сѣчевой организаціи. Сѣчь была соединеніемъ свободныхъ и равныхъ. Подчиненность, гнетъ, рабство, отъ которыхъ бѣжали въ Запорожье, конечно, не могли имѣть мѣста тамъ, куда бѣжали за свободой. Извлечь

[1]) Кіевская Старина, мартъ 1886 г., ст. 613.

изъ преступника выгоду для общества—значило поставить его въ служебное, подчиненное положеніе по отношенію къ общинѣ, т. е. нарушить тотъ принципъ, который оставлялъ сущность организаціи запорожскаго войска и чтился ими выше всего. Если преступникъ не могъ быть терпимъ или нарушалъ своимъ дѣяніемъ господствовавшій обычай, то онъ выбрасывался изъ общины, уничтожался или, получивши должное возмездіе за причиненное зло, оставался полноправнымъ членомъ общины, но никогда не становился простой служебной силой, служащей для извлеченія тѣхъ или другихъ матеріальныхъ выгодъ.

Карательная дѣятельность въ Запорожьи носила общественный, публичный характеръ; личный, частный принципъ здѣсь не имѣлъ уже мѣста, и наказаніе примѣнялось не въ интересахъ частныхъ лицъ, а въ интересахъ самой общины. Возмѣщеніе вреда непосредственно самому потерпѣвшему, и именно въ его личныхъ интересахъ, въ это время уступало мѣсто удовлетворенію нарушенныхъ преступнымъ цѣяніемъ общественныхъ интересовъ и порядка. Интересъ общины—выше интереса отдѣльнаго члена,—формула, ясно сознанная правосознаніемъ Сѣчи и логически вытекавшая изъ существовавшаго порядка вещей, при которомъ твердость и цѣлость общины находились въ прямой зависимости отъ ограниченія личнаго произвола и частныхъ взглядовъ въ той области, гдѣ господство таковыхъ могло грозить нарушеніемъ единства и крѣпости организаціи союза.

Подчиняя идею наказанія задачамъ внутренней и внѣшней безопасности общины, Сѣчь, при опредѣленіи степени виновности, обращала преимущественно вниманіе на важность нарушеннаго права и при назначеніи наказаній главнымъ образомъ сообразовалась съ тѣмъ зломъ, вредомъ, которые были причинены преступнымъ дѣяніемъ. Но, останавливаясь прежде всего на внѣшней сторонѣ дѣянія, она тѣмъ не менѣе выдвигала иногда впередъ субъекта и субъективные моменты, не оставляя безъ вниманія и внутреннюю сторону преступленія, т. е. различные оттѣнки вины съ внутренней стороны или, говоря вѣрнѣе, принимая во вниманіе наличность въ преступникѣ из-

вѣстныхъ качествъ и личныхъ достоинствъ, которыя пользовались особымъ уваженіемъ среди запорожцевъ.

„Злодѣя и убійцу, о которомъ цѣлымъ обществомъ жалѣть будутъ, почитая его по качеству, что оный храбръ и человѣкъ надежный былъ, онаго по приговору цѣлаго общества отъ смерти освобождали и вмѣсто оной инымъ чѣмъ наказывали или налагали только, какое ни есть взысканіе“ [1]).

Наконецъ, что касается вопросовъ, существовало ли различіе въ наказуемости умышленныхъ дѣяній и неосторожныхъ, а также въ какой мѣрѣ наказывались предварительныя ступени преступной дѣятельности (приготовленіе, покушеніе), участіе и прикосновенность къ дѣлу, то за неимѣніемъ данныхъ, относящихся къ этимъ вопросамъ, установить какіе либо принципы нѣтъ возможности. По этому предмету мы находимъ лишь маленькое указаніе въ исторіи Мышецкаго: „а ежели оный воръ воровалъ, да приносилъ другому кому нибудь изъ ихъ казачества для сохраненія, или, кто вѣдая купитъ оные воровскіе пожитки, то и оному чинится такожде, какъ надъ сущимъ воромъ“ [2]).

Изъ этого отрывка мы видимъ, что укрыватели краденаго а также лица, покупавшія завѣдомо краденыя вещи, наказывались наравнѣ съ главнымъ виновникомъ. Послѣ этихъ общихъ соображеній, касавшихся карательной дѣятельности въ Запорожьи, перейдемъ теперь къ подробному разсмотрѣнію самихъ карательныхъ мѣръ.

А. Д—скій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Ригельманъ, Лѣтоп. повѣст. ч. IV, ст. 83.

[2]) Мышецкій, Исторія о каз. зап., ст. 58.

УКРАИНСКІЙ АЛЬМАНАХЪ.

О харьковскихъ альманахахъ нынѣшняго столѣтія до сихъ поръ почти не говорилось въ печати, хотя они и представляютъ много любопытнаго, заключая въ себѣ нѣкоторыя особенности по сравненію съ другими русскими альманахами. Главная характерная черта этихъ альманаховъ происходитъ отъ желанія ихъ издателей сдѣлать ихъ возможно болѣе національными, малорусскими, и дать въ нихъ матеріалъ для изслѣдователей Украины. Такимъ образомъ харьковскіе альманахи представляютъ изъ себя не чисто литературные, а скорѣе историко-литературные сборники. Правда, этотъ характеръ альманаховъ присущъ не всѣмъ сборникамъ такого рода и не выдѣляется особенно рѣзко. Тѣмъ не менѣе его нельзя не отмѣтить, какъ нѣчто самостоятельное, новое въ литературѣ, а также какъ задачу, къ которой стремились издатели.

Не отказываясь отъ намѣренія коснуться когда нибудь изданія другихъ альманаховъ, я хочу въ этой замѣткѣ сказать нѣсколько словъ только объ одномъ такомъ сборникѣ—Украинскомъ Альманахѣ—первомъ опытѣ этого рода въ харьковской литературѣ, представляющемъ особый интересъ, благодаря участію въ немъ лицъ, впослѣдствіи занявшихъ замѣтныя мѣста въ исторіи литературы и науки.

Украинскій Альманахъ (Харьковъ. Въ университетской типографіи. 1831) представляетъ изъ себя небольшую книжку въ 16°, на 136 страницахъ. Содержаніе его не можетъ быть названо богатымъ: весь альманахъ состоитъ изъ девяти проза-

ическихъ статей, двадцати одного стихотворенія и шести думъ и пѣсенъ. Я позволю себѣ привести здѣсь его оглавленіе:

Проза.

Стихотворенія.

Имени редактора или издателя на альманахѣ не выставлено; не выставлены также имена подъ нѣкоторыми піесами, вошедшими въ составъ альманаха. Благодаря находящемуся у меня подъ рукой матеріалу относительно изданія Украинскаго альманаха, мнѣ представляется возможность разъяснить скрытыя имена его издателей и сотрудниковъ. Издатели-редакторы альманаха были Измаилъ Ивановичъ Срезневскій и Иванъ Васильевичъ Росковшенко; прямымъ доказательствомъ этому служитъ отмѣтка, приписанная рукой И. И. Срезневскаго на одномъ экземплярѣ альманаха, находящемся въ моихъ рукахъ: „изданъ И. И. Срезневскимъ и И. В. Росковшенковымъ". Ниже я представляю рядъ другихъ доказательствъ [1]).

Въ виду того, что свѣдѣнія о жизни Ив. Вас. Росковшенка доселѣ почти не были нигдѣ напечатаны [2]) и потому могутъ имѣть нѣкоторый интересъ, я позволю себѣ сказать о немъ нѣсколько словъ. Ив. Вас. Росковшенко оставилъ по себѣ довольно незначительный слѣдъ какъ литературной, такъ и служебной дѣятельностью. Единственная, на сколько я знаю, его литературная работа, исключая статьи альманаха, это стихотворный переводъ Ромео и Джульетты Шекспира, напечатанный сначала въ Библіотекѣ для чтенія (1839, т. XXXIII, № 4, отд. I, стр. 81—228), потомъ въ 1861, вышедшій отдѣльно съ присовокупленіемъ большого введенія [3]). Можно предположить, что и ранѣе напечатанія этого перевода Росковшенко помѣщалъ свои статьи въ петербургскихъ журналахъ; изъ его писемъ къ И. И. Срезневскому видно, что это былъ человѣкъ интересующійся литературой, занимающійся ею не изъ одной прибыли; онъ оказалъ по-

[1]) Такимъ образомъ предположенія г. С. Р. въ его статьѣ „Харьковская Журналистика начала настоящаго столѣтія" (Кіев. Ст. 1892. 8) о проф. Шпигоцкомъ, какъ объ издателѣ Альманаха, невѣрно. Кстати замѣчу, что Аѳанасій Григорьевичъ Шпигоцкій, о которомъ только и можетъ быть здѣсь рѣчь, не былъ профессоромъ ни въ то время, ни послѣ, насколько я знаю; въ 1831 году онъ былъ корректоромъ университетской типографіи; послѣднее свѣдѣніе я нашелъ въ одномъ изъ его писемъ Срезневскому, „Не забылъ ли ты мой адресъ? Вотъ онъ: Въ Москву Корректору университ. типографіи".

[2]) Нѣсколько данныхъ о немъ см. въ Рус. Арх. 1892 г. № 2, стр. 310—315.

[3]) Вотъ полное заглавіе: Ромео и Джульета. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ Шекспира. Перевелъ И. Росковшенко. Москва. Въ типографіи Грачева 1861.

мощь Срезневскому при изданіи Запорожской Старины, какъ это указывается въ примѣчаніяхъ ея составителя. О служебной дѣятельности Росковшенка я могу дать также немного свѣдѣній, почерпнутыхъ частью изъ его писемъ, частью изъ другихъ источниковъ. Первоначально служившій въ Министерствѣ Юстиціи, въ Коммисаріатскомъ департаментѣ Военнаго министерства и съ 1837 г. въ редакціи журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, онъ въ 1840 г. перешелъ на службу по учебному вѣдомству. Съ 1840—1847 г. онъ занималъ мѣсто инспектора гимназіи въ Тифлисѣ, съ 1848—1853 г. былъ директоромъ каменецъ-подольской гимназіи, въ 1856 г. вышелъ въ отставку, а съ 1858 г. снова поступилъ на службу при московскомъ цензурномъ комитетѣ, гдѣ долгое время занималъ должность цензора; онъ умеръ въ отставкѣ въ 1880-хъ гг. Вотъ и все, что я могъ узнать о его служебной дѣятельности.

Мысль издать альманахъ, можно думать, принадлежитъ Росковшенку; Срезневскій, сначала принявшій косвенное участіе въ этомъ изданіи, не сразу вполнѣ раздѣлилъ работу съ Росковшенкомъ: Ф. С. Евецкій, товарищъ Срезневскаго по университету, въ мартѣ 1830 г. писалъ Срезневскому: „Извѣсти меня, какого содержанія альманахъ Росковшенка и какимъ именемъ онъ хочетъ крестить это дитя свое.... У меня есть нѣсколько десятковъ довольно занимательныхъ анекдотовъ оригинальныхъ и переводныхъ—не знаю, можетъ ли это годиться. Когда, какъ и гдѣ будетъ печататься этотъ альманахъ?“. Въ отвѣтномъ письмѣ Срезневскій уже пишетъ объ изданіи альманаха, какъ объ общемъ его дѣлѣ съ Росковшенкомъ. Онъ пишетъ: „Ты просишь извѣстить тебя о содержаніи Альманаха и о имени его. Не хочешь ли ты быть крестнымъ отцемъ ему — очень рады—хотя заочнымъ. Имя ему Украинскій Памятникъ. Содержаніе: Поэзія, Повѣсти, Мысли, Анекдоты, разсужденія о Словесности и прч. Словомъ все со вкусомъ написанное и не дально ученое идетъ въ Альманахъ Украинскій. Пришли свои Анекдоты; да не забывай обязанности: доставлять мнѣ все касающееся Малороссіи. Альманахъ изданъ будетъ къ генварю 1831 года, я думаю, въ Москвѣ, ибо у насъ печать гад-

кая. Въ немъ учавствуютъ (sic) человѣкъ 25, и между ними много извѣстныхъ литераторовъ. Напиши что нибудь юмористическое, но что бы касалось Украйны" (Письмо 23 марта 1830 г.). Мысли высказанныя Срезневскимъ были далеко не выполнены. Не говоря уже про названіе альманаха, измѣненное позднѣйшею редакціею, самое содержаніе далеко не соотвѣтствовало предположенію Срезневскаго. Изъ 32 піесъ, помѣщенныхъ въ альманахѣ, можно отмѣтить только 8 имѣющихъ отношеніе къ Украйнѣ; остальныя не заключаютъ въ себѣ ничего Украинскаго. Надо думать, что тутъ сказалось съ одной стороны вліяніе Росковшенка, съ другой—недостатокъ національнаго матеріала. Предположеніе относительно 25 сотрудниковъ тоже оказалось только предположеніемъ: въ альманахъ вошли статьи лишь двѣнадцати авторовъ; тринадцатый сотрудникъ И. Г. Кулжинскій [1]) только доставилъ двѣ статьи другихъ авторовъ; это указано въ концѣ оглавленія альманаха: „за двѣ прозаическія статьи *Нѣжинскіе Греки* и *Исторія моего авторства*, издатель благодаритъ Ив. Г. Кулжинскаго". Извѣстныхъ литераторовъ, т. е. получившихъ тогда уже, или нѣсколько позже нѣкоторую литературную извѣстность въ Украйнѣ, можно назвать только трехъ: Филиппа Морачевскаго, Льва Боровиковскаго и Евг. Гребенку, подписавшагося въ альманахѣ Гребенкинымъ. Ф. С. Морачевскій, впослѣдствіи написавшій сборникъ стихотвореній: До чумака або война янгло-хранцузо-турецька у 1853 и 1854 рокахъ (Кіевъ 1855) помѣстилъ три стихотворенія; кажется, это его первый печатный опытъ; должно быть, впрочемъ, его стихи ходили на югѣ по рукамъ и ранѣе уже составили нѣкоторую извѣстность ихъ автору; по крайней мѣрѣ Росковшенко познакомился съ нимъ спеціально для Альманаха [2]).

---

[1]) Ив. Гр. Кулжинскій, учитель Латинскаго языка въ Нѣжинскомъ лицеѣ, потомъ въ Харьковѣ, впослѣдствіи директоръ Луцкой гимназіи, сотрудничалъ во многихъ журналахъ. Свѣдѣнія о немъ см. въ автобіографической запискѣ его (Лицей кн. Безбородко. 116).

[2]) „Я буду проѣзжать Сумы... постараюсь познакомиться съ Морачевскимъ, и можетъ быть достану что нибудь", т. е. для Альманаха (Письмо Росковшенка Срезневскому). Морачевскій въ это время былъ учителемъ Сумскаго Уѣзднаго Училища. Впослѣдствіи онъ былъ инспекторомъ Лицея кн. Безбородка въ Нѣжинѣ.

Л. И. Боровиковскій, выступившій на литературномъ поприщѣ нѣсколько ранѣе, именно въ 1829 г., помѣстилъ въ Альманахъ малорусскую піэсу свою „Козакъ". Евг. Гребенка напечаталъ въ Альманахѣ русскую піесу „Рогдаевъ пиръ"—это его первое напечатанное произведеніе [1]); впослѣдствіи оно было перепечатано въ сочиненіяхъ Гребенки, т. V. стр. 413—416 въ полномъ спискѣ печатныхъ сочиненій Е. П. Гребенки; въ этотъ списокъ, а не въ текстъ, оно вошло, какъ произведеніе „весьма слабое по исполненію"; „не желая начинать отдѣла мелкихъ стихотвореній такой слабой піесой, говоритъ Н. В. Гербель, редакторъ собранія,—я помѣщаю ее здѣсь," т. е. въ спискѣ. Имена другихъ сотрудниковъ мало извѣстны: Иноземцевъ, вѣроятно, тотъ самый, который издалъ въ 1833 г. въ Харьковѣ повѣсть „Ссыльный" [2]), участвовалъ въ Альманахѣ, изданномъ И. Петровымъ „Утренняя звѣзда" и былъ учителемъ русской словесности въ Харьковской гимназіи. Далѣе, приняли участіе въ Украинскомъ альманахѣ: Е. Бурковъ, В. Граевичъ, А. И. Яковлевъ, Г. Крылова, А. Г. Шпигоцкій, и лица, псевдонимовъ которыхъ мнѣ не удалось раскрыть: А. Ч., NN (можетъ быть, одинъ изъ братьевъ Евецкихъ), Украинскій Пустынникъ. Вообще составъ сотрудниковъ былъ совершенно случайный. Вотъ напримѣръ, что читаемъ въ одномъ изъ писемъ Росковшенка Срезневскому: „Третьяго дня былъ у меня Яковлевъ, но ничего не привезъ [3]), а далъ слово чести на будущей неделе [4]) доставить вотъ что: Бандуристъ; отрывокъ изъ поэмы: Любовь и геній; Искатель кладовъ (повѣсть); письма (онъ говоритъ, что они скучны) и еще кой-что изъ прозы и стиховъ. Я же досталъ стихотвореніе *Тоска* какого-то А.

---

[1]) Піеса подписана „Евгеній Гребенкинъ"; такъ Гребенка подписывался до 1834 г.; подъ этою фамиліею онъ былъ извѣстенъ въ Гимназіи Высшихъ наукъ кн. Безбородко, гдѣ онъ воспитывался (Воспоминаніе учителя И. Г. Кулжинскаго. Москвитянинъ, 1854. т. VI. № 21 отд. V с. 5).

[2]) Ссыльный, Русская повѣсть, соч. Павла Иноземцева. Харьковъ. 1833 Университетская типографія.

[3]) Росковшенко почему то очень усердно добивался сотрудничества Яковлева; пьеса, имъ доставленная для альманаха (Чигринскій козакъ)—слабое подражаніэ извѣстному отрывку изъ Полтавы („Кто при звѣздахъ и при лунѣ").

[4]) При печатаніи писемъ привожу ихъ совершенно буквально.

Кремницына, который подарилъ моей родственицѣ... (приводится плохое стихотвореніе).... Годится ли для Украинскаго Альманаха или нѣтъ? Мнѣ оно не очень понравилось, рѣшай ты. Яковлева пьесы на будущей или предбудущей почтѣ непремѣнно доставлю. Онъ тебѣ кланяется, его сочиненія ходятъ по рукамъ"... (Письмо 10 іюля 1830 г.). Въ другомъ письмѣ онъ пишетъ: „Вчера я былъ у Яковлева, онъ или по безъпечности (sic) или не знаю по чему, до сихъ поръ не выполняетъ даннаго слова, говоритъ, что еще не собралъ всѣхъ статей, которыя не у него. Онъ только мнѣ и далъ Чигринскаго Козака, вновь исправленнаго, котораго перепишу и съ слѣдующею почтой ты получишь. Завтре ко мнѣ пріѣдетъ Яковлевъ и привезетъ 2 главу изъ поэмы: Любовь и геній. А къ отъѣзду обѣщался приготовить: Искатель кладовъ или ночь противъ свѣтлаго воскресенія и быть можетъ что небудь (sic) еще, какъ то: Бандуристъ etc. Я надѣюсь еще достать нѣсколько піесъ слѣдующимъ образомъ: я познакомился съ офицеромъ Арзамасскаго Кон. егер. полку; онъ обѣщался мнѣ достать отъ военныхъ литераторовъ для Укр. Аль. отъ какихъ то: Сол....ова, Маркова, Ознобишина и, можетъ быть, Краинскаго и Башилова, который юнкеромъ въ Переяславскомъ Кон. егер. полку". (1830. 19 іюл.).— Такъ любопытно подбирались сотрудники.

Шпигоцкимъ доставлены для альманаха отрывокъ русскаго перевода Конрада Валенрода, напечатаннаго впослѣдствіи цѣликомъ [1]), Малороссійская баллада, малорусскій переводъ отрывка Полтавы подъ заглавіемъ „Марія" и др. Переводъ Полтавы Шпигоцкаго немного предупредилъ отрывки перевода Гребенки, напечатанные въ 1831 г. въ Московскомъ Телеграфѣ (1831 г. 41. № 17, стр. 128—129) и въ альманахѣ „Утренняя звѣзда" (1833); Переводъ Шпигоцкаго, какъ и слѣдовало ожидать, многимъ уступаетъ переводу Гребенки.

Кромѣ сочиненій постороннихъ лицъ, о которыхъ я сейчасъ говорилъ, въ альманахъ вошли статьи самихъ издателей

---

[1]) Конрадъ Валленродъ. Историческая повѣсть изъ Литовскихъ и Прускихъ событій. Перевелъ съ Польскаго Афанасій Шпигоцкій. Москва 1832. 8°.

Срезневскаго и Росковшенка. Сочиненія Срезневскаго представляютъ собою много любопытнаго, какъ первый его литературный опытъ, первое проявленіе работы его мысли. Особый интересъ заключаютъ въ себѣ его „Мысли и замѣчанія", подписанныя X. X. X. Давно забытыя, даже не прочтенныя большинствомъ лицъ, интересующихся дѣятельностью Срезневскаго, они не могутъ не обратить на себя ихъ вниманія. Считаю по этому возможнымъ сдѣлать изъ нихъ нѣкоторыя выписки.

„Грамматика есть Статистика языка; она схватываетъ и рисуетъ искусною кистью одну минуту жизни его. Соединеніе сихъ картинъ въ одно цѣлое составитъ исторію языка...

„ Мысль—духъ; слова—тѣло, въ которое облекается духъ; выраженіе—форма его тѣла. Тѣло и его форма составляютъ видимое проявленіе духа, отъ котораго онѣ зависятъ, и съ которымъ должны быть въ совершенной и безусловной связи и гармоніи...

„Чувствованія, понятія, сужденія, умствованія: вотъ подлинникъ, который должно срисовывать слово человѣческое. Чѣмъ вѣрнѣе срисованный снимокъ, тѣмъ онъ изящнѣе. Сдѣлать два снимка съ одинаковою точностью и совершенно сходныхъ между собою не возможно. Всѣ они будутъ разниться между собою, и, съ этимъ вмѣстѣ, всѣ будутъ сходны съ подлинникомъ.

„Живописецъ, дѣлая снимокъ съ какого нибудь вида природы, составляетъ прежде легкій очеркъ, далѣе набрасываетъ краски, наконецъ располагаетъ тѣни. Снимокъ—оканчивается; улучшить его невозможно; если же и возможно, то развѣ въ такомъ только случаѣ, когда гдѣ нибудь тѣнь недостаточна. Излишнее увеличеніе тѣней портитъ картину.—То же дѣлается и съ языкомъ какого нибудь народа: въ началѣ своемъ онъ состоитъ изъ малыхъ, но сильныхъ, краткихъ, но рѣзкихъ очерковъ; далѣе постепенно появляются на немъ краски,—онъ улучшается, наконецъ краски въ языкѣ получаютъ оттѣнки,—языкъ совершенствуется; еще одинъ шагъ—и онъ начинаетъ портиться.

„Въ образованіи языка есть три періода. Первый періодъ—время нуждъ, языкъ выражаетъ одно необходимое, которое ограничивается матеріяльнымъ. Второй періодъ—время поэзіи и перваго появленія наукъ. Третій періодъ—время, въ которое

языкъ, совершенствуясь, стремится къ усовершенствованію наукъ.

,,Поэзія—одна и есть три поэзіи. Поэзія—духъ; поэзія—чувство, оживленное духомъ; поэзія—выраженіе чувства, оживленнаго духомъ.

,,Есть люди великіе по размышленію, хотя рождены слабыми по характеру; сіи люди будутъ производить великія дѣла, если будутъ занимать мѣсто столь высокое въ отношеніи подобныхъ себѣ, что будутъ совѣтоваться только сами съ собою; если же будутъ окружены льстецами,—они сдѣлаются людьми обыкновенными. Пока Цицеронъ слушалъ только самого себя,—онъ былъ мужественъ и великъ; когда же онъ ввѣрился людямъ слабымъ,—сдѣлался робкимъ и малодушнымъ. Страхъ и жажда почестей внушили ему рѣчь pro Marcello; сердце, одно только благородное сердце, могло внушить ему похвалу Катону. Впрочемъ есть люди совершенно иной природы. Они слабы, если они трудятся или вообще дѣйствуютъ уединенно. Они велики,—(странное дѣло) если окружены льстецами, которыхъ каждое слово взвѣшивается ими по достоинству. Тогда всѣ дѣла ихъ совершаются превосходно.

„Великіе умы постигаютъ высокія идеи, люди слабые—о нихъ мечтаютъ; люди безпокойные—ихъ ищутъ; одни геніи—исполняютъ.

„Что настоящая Русская поэзія?—Корабль, имѣющій много, по большей части неопытныхъ матросовъ и ни одного—кормчаго“.

Особенный интересъ въ этихъ „Мысляхъ и замѣчаніяхъ“ представляютъ собою замѣтки о языкознаніи, такъ напоминающія нѣкоторыя страницы другихъ *Мыслей* И. И. Срезневскаго, обратившихъ на него въ первый разъ вниманіе, какъ на филолога: „Мыслей объ исторіи русскаго языка“. Нельзя не отмѣтить, что „Мысли и замѣчанія“ писаны, когда ихъ автору было всего 18 лѣтъ. Другія произведенія Срезневскаго, помѣщенныя въ Украинскомъ Альманахѣ, слѣдующія: „Море“—стихотвореніе подъ псевдонимомъ А. Погорѣльцева [1]), Мысли Саади—

[1]) Отмѣчено уже въ отчетѣ II-го отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, за 1880 годъ, гдѣ помѣщена составленная А. Ѳ. Бычковымъ замѣтка о жизни и трудахъ И. И. Срезневскаго.

стихотвореніе подписанное буквою *и*, Молдавскія пѣсни, числомъ двѣ, подписанныя также буквою *и*. Срезневскимъ же были доставлены для Альманаха нѣкоторые матеріалы по народной словесности, именно малорусскія думы (стр. 119—131).

Росковшенко помѣстилъ въ Альманахѣ пять своихъ стихотвореній и одну „сцену изъ комедіи: Провинціалы". Эти произведенія его довольно слабы, очень наивны и написаны напыщеннымъ тономъ. Одно изъ нихъ, именно стихотвореніе подъ заглавіемъ „Къ Тавридѣ", обратило на себя вниманіе Телескопа, помѣстившаго замѣтку объ Украинскомъ Альманахѣ (1831. 104); въ этой замѣткѣ между прочимъ читаемъ: „Изъ остальныхъ стихотвореній, въ коихъ Украинцы принимаютъ языкъ и тонъ Москалей, нѣкоторыя очень недурны. Таково на примѣръ поэтическое возваніе къ Тавридѣ" (слѣдуетъ стихотвореніе). „Это стихотвореньице, продолжаетъ критикъ, не сдѣлало бъ стыда никакому столичному альманаху".—Стихотворенія Росковшенка подписаны или буквами: И. Р. или: И. Р—въ.=Росковшенковъ, по бывшему тогда въ ходу обыкновенію прибавлять *въ* къ малорусскимъ фамиліямъ, оканчивающимся на *енко*. Сцена подписана ***.

Я позволю себѣ въ заключеніе коснуться вопроса, какая цѣль руководила издателей альманаха и что послужило поводомъ къ этому изданію. Въ одномъ изъ писемъ къ Срезневскому Росковшенко говоритъ: „Судьба нашего альманаха очень плачевна. Онъ не избѣжалъ холеры, и, кажется, Москва несравненно отъ нея больше потерпѣла нежели Харьковъ. Ты совершенный прожектеръ: 50 подписчиковъ, 150 р., альманахъ напечатанъ и дѣло въ шляпѣ. Ты безкорыстная душа; я признаюсь, я грѣшенъ, мнѣ бы не такъ хотѣлось"... (1830 г. 31 окт.). Едва ли такимъ образомъ была, по крайней мѣрѣ у Срезневскаго, денежная цѣль. Какъ онъ, такъ и Росковшенко, я думаю, прежде всего хотѣли литературной славы, и это было ихъ основное стремленіе. Оба они были молодые люди лѣтъ восемнадцати, девятнадцати, только что вышедшіе изъ университета, честолюбивые и увлеченные Украиной. Это увлеченіе, можетъ быть, тоже способствовало выходу въ свѣтъ альманаха: выше приведенное письмо Срез-

невскаго показываетъ желаніе сдѣлать альманахъ исключительно Украинскимъ по содержанію. Кружокъ сблизившихся на университетской скамьѣ молодыхъ людей—Боровиковскій, Джунковскій, Росковшенко, Ф. Каразинъ, Срезневскій, Тихановичъ и др. съ любовью вникали въ малорусскую рѣчь, слушали и записывали пѣсни, думы, обряды, бродя изъ хутора въ хуторъ. Эти этнографическія путешествія дали много матеріала для извѣстнаго изданія Срезневскаго „Запорожская Старина“. Пріятели и „благопріятели“, какъ когда-то онъ выразился [1]), очень сочувствовали его идеѣ этнографическаго и историческаго сборника, и въ письмахъ ихъ то и дѣло попадаются то списки пѣсенъ и пословицъ, то описанія обрядовъ, то указанія на различныя повѣрья, существовавшія въ Малороссіи въ 1830-хъ годахъ [2]).

Украинскій Альманахъ, по предположенію Срезневскаго долженъ былъ послужить только началомъ и повлечь за собой изданіе другихъ подобныхъ альманаховъ. Аѳ. Гр. Шпигоцкій въ 1831 г. писалъ Срезневскому: „поздравляю, душевно поздравляю тебя, юный орленокъ, съ первымъ порывомъ крылъ твоихъ, смѣлымъ розмахомъ сулящихъ многое со временемъ. Но съ нетерпѣніемъ жду и не дождуся твоего милаго дитяти—

---

[1]) См. Переписку А. Х. Востокова (СПБ. 1873), стр. 462.

[2]) Характеръ увлеченія Украйной очень любопытно высказывается въ одномъ изъ писемъ къ Срезневскому лица, принадлежавшаго къ Харьковскому кружку и уѣхавшаго на службу въ Москву. „На постылой Московщинѣ мнѣ добрая доля сулила увидѣть Украинца (т. е. Украинскій Альманахъ). Какъ всѣ воспоминанія Харьковскаго слились въ немъ одномъ, моемъ ненаглядномъ! Какіе новые виды онъ открылъ мнѣ! Какія надежды онъ чаровникъ вселилъ въ грудь мою! Какъ сладко мечтаю о славѣ нашей Украины, родной матери моей! О другъ, ревнуй, ревнуй о пробужденіи Малороссійскаго генія и вѣрь мнѣ: твои труды будутъ оцѣнены. Молю только тебя, какъ можно болѣе будь недовѣрчивъ къ своимъ силамъ, будь всегда недоволенъ собою—и всѣ будутъ довольны тобою; унижай самъ себя въ своихъ глазахъ и будешь превознесенъ другими; работай въ тиши, въ глуши: и пламень духа, всегда стремящійся выспрь, прокрадется, прожжетъ самъ завѣсу безвѣстности и вспыхнувъ, разольетъ румяное зарево, вѣнокъ твой, вѣнокъ твоему самоотверженію для славы тебя питающей и поящей Украины. Миновалось ея козакованіе на поляхъ бранныхъ; не полагать уже козаку меча своего на вѣсы судебъ; закозакуе же онъ теперь на поляхъ сладкаго пѣснопѣнія“... (Письмо Шпигоцкаго. 1831 г. 14 сент.).

родного мнѣ Альманаха Украинскаго. Радостно для меня увидѣть его, *еще радостнѣе слышать, что его братецъ готовъ гулять по бѣлу свѣту.* Послушай же, когда ты его составишь, не подумаешь ли прислать ко мнѣ. Въ Москвѣ можно пріискать всѣ пособія и эти хлопоты я взялъ бы на себя. Ты, вѣдь знаешь, что для альманаха непремѣнное условіе—красивое изданіе, а средствъ для сего въ Харьковѣ нѣтъ. Какова тебѣ покажется моя мысль: что бы придать уже и въ наружномъ видѣ болѣе національности Альманаху 1) попросилъ бы ты у Ольгинштета его видъ Харькова, который велѣть вылитографировать для альманаха [1]). Не правда ли это хорошо? 2) Избрать бы самое любопытнѣйшее о какомъ нибудь нашемъ Сковородѣ и тому подобномъ, составить изъ этого серьозную статью и приложить портретъ; также коснуться малороссійскихъ миѳовъ. Пиши ко мнѣ объ этомъ и скажи свое мнѣніе. Кажется, едва ли ты приберешь достаточныхъ опроверженій моихъ совѣтовъ" (1831 г., 14 сент.). Альманахъ, о которомъ здѣсь говорится, изданъ не былъ. Статьи предназначавшіяся для него, частью остались неизданными, частью, вѣроятно, вошли въ „Очерки Россіи" В. В. Пассека, частью въ альманахъ „Утренняя Звѣзда", изданный Петровымъ въ 1833 г. Въ этомъ альманахѣ между прочимъ есть статья И. И. Срезневскаго о Сковородѣ подъ такимъ заглавіемъ: „Отрывки изъ записокъ о старцѣ Григоріѣ (sic) Сковородѣ", подписанная буквами: И. С. р. з. к.; здѣсь же помѣщены Срезневскимъ „Украинскія пѣсни съ переводомъ и историческими примѣчаніями". Мысль издать новый альманахъ долго была лелѣема Срезневскимъ. Отказавшись отъ нея въ мелочахъ, онъ не отказался въ общемъ и въ 1838 г. приступилъ къ печатанію Украинскаго Сборника, который долженъ былъ представлять собою видъ повременнаго изданія. Украинскій Сборникъ, по словамъ Срезневскаго, долженъ быть „собраніемъ всякого рода памятниковъ народности Украинской".

---

[1]) Этотъ самый вѣроятно рисунокъ былъ помѣщенъ г. Петровымъ въ его альманахѣ „Утренняя Звѣзда". И. И. Альгенштетъ былъ учителемъ рисованья въ Харьковѣ въ 1830-хъ гг.

Каждая книжка сборника, по предположеніямъ издателя должна была составить сама по себѣ особенное цѣлое и такимъ образомъ не имѣть уже характера, присущаго альманахамъ. Въ первой книжкѣ была помѣщена извѣстная опера Котляревскаго „Наталка Полтавка" съ присоединеніемъ введенія, послѣсловія и объяснительнаго словаря, составленныхъ Срезневскимъ. Въ слѣдующихъ книжкахъ издатель обѣщалъ помѣстить: „Выборъ Украинскихъ пѣсень и думъ, Выборъ стихотвореній Артемовскаго-Гулака, Боровыковскаго, Гребенки, Шпигоцкаго, Падурры, Корженёвскаго и проч., Жизнь и сочиненія Сковороды, Украинскія пословицы и загадки, Москаль Чаравикъ (sic) И. П. Котляревскаго, Грамматическій разборъ Южно-Русскихъ нарѣчій, Украинскія лѣтописи и проч."—Матеріала, такимъ образомъ, у Срезневскаго было много, но ему не удалось напечатать предполагаемый сборникъ; часть этого матеріала, впрочемъ, была помѣщена въ Запорожской Старинѣ. Украинскій Сборникъ между тѣмъ заглохъ на второй книжкѣ, выпущенной въ Москвѣ уже послѣ отъѣзда Срезневскаго заграницу.

Украинскій Альманахъ, какъ я уже указалъ выше, былъ замѣченъ столичной критикой; она привѣтствовала его довольно ободрительно для его издателей. Статья „Телескопа" [1]) отмѣтила въ Альманахѣ то достоинство, что онъ „не заключаетъ въ себѣ ничего посторонняго, ничего чужого". „Украинскій Альманахъ, говоритъ критикъ, составленъ изъ однихъ чисто-украинскихъ произведеній. Въ него не брошено ни одной крупицы аристократическою гордостью столичныхъ писателей: на его страницахъ не сверкаетъ ни одного знаменитаго имени. Это конечно не обѣщаетъ ему блестящей участи: его не замѣтили и не замѣтятъ на шумныхъ литературныхъ торжищахъ. Но за то онъ тѣмъ любопытнѣе для спокойныхъ наблюдателей, коимъ пріятно видѣть въ немъ домашніе, такъ сказать, плоды украинскаго образованія". „Итакъ Украинскій Альманахъ,—заканчиваетъ замѣтка Телескопа,—можно прочитать и теперь съ удовольствіемъ: но мы большаго ожидали отъ Украинцевъ. Имъ принадлежитъ высшее

---

[1]) Телескопъ 1831 г. № 17. стр. 104—106.

назначеніе: быть для насъ органами своей поэтической родины, обильной свѣжими, драгоцѣнными остатками русской, общей намъ, древности. Пусть займутся они прилежной разработкой этой богатой почвы, подъ браздами коей найдутся воспоминанія собственнаго нашего младенчества, застуженныя въ насъ сѣвернымъ холодомъ. Мы обѣщаемъ имъ за то и нашу сердечную благодарность".

Вс. Срезневскій.

Малороссійская обитель на Аѳонѣ.

Далеко отсюда, подъ яснымъ сводомъ южнаго неба, глядящагося въ лазурныя волны Архипелага, въ глубокомъ лѣсистомъ ущельи, сплошь заросшемъ почти дѣвственными чащами лавра, горнаго дуба и дикихъ розъ, изъ роскошнаго хаоса полуденной растительности подымаются купола уединенной обители.

Темныя стѣны мощной зелени обступили ее, словно укрывая отъ міра, заслонивъ ее съ юга, съ запада и съ сѣвера; только къ востоку широко раздались онѣ, на встрѣчу восходящему солнцу и сверкающей морской дали, на легкой, воздушной синевѣ которой вырѣзываются суровыя очертанія византійскихъ башенъ и бойницъ древняго монастыря Пантократора. Живительное дыханіе моря доносится въ дикую, лѣсную глушь, играя трепетными листьями раинъ; въ знойномъ воздухѣ, наполненномъ запахомъ цвѣтущей лаванды и дикаго меда, разносятся густые, гармоническіе удары колокола.

Что-то близкое, родное чудится въ этомъ привѣтномъ благовѣстѣ, встрѣчающемъ путника за тысячи верстъ отъ родины, въ безмолвіи лѣсной аѳонской пустыни; какимъ-то живымъ напоминаніемъ вѣетъ отъ бѣлыхъ ея стѣнъ, прячущихся въ яркой зелени: и знакомый, стародавній типъ церквей и зеленыя маковки колоколенъ и шумящія вокругъ пирамидальныя тополи, съ мелькающими за ними крыльями вѣтряной мельницы [1]), и от-

---

[1]) Единственной на всей Аѳонской горѣ.

куда-то доносящійся скрипъ колодезнаго „журавля“, вмѣстѣ со звуками родной рѣчи, такъ странно и неожиданно звучащей подъ чуждымъ ей небомъ Македоніи,—все это внезапно охватываетъ мысль и переноситъ ее далеко на сѣверъ, подъ иныя небеса, къ мирнымъ хуторамъ Малороссіи.

Этотъ живой уголокъ далекой Украйны, со всѣми ея характерными особенностями, съ ея традиціоннымъ радушіемъ и стариннымъ малорусскимъ гостепріимствомъ, цѣликомъ пересаженный на легендарную почву Аѳона, къ священнымъ источникамъ, дубравамъ и скаламъ, гдѣ классическій миѳъ о Дафнэ и Аполлонѣ живетъ рядомъ со сказаніями о высокихъ подвигахъ христіанскаго смиренія и самоотреченія,—эта укромная обитель въ теченіе полутора вѣка мирно развивавшаяся на сѣверо-восточномъ склонѣ святой горы,—извѣстна у насъ не многимъ. Мало кому приходилось интересоваться историческими судьбами Малороссійскаго Ильинскаго скита, духовнаго дѣтища запорожскаго козачества, возникшаго на мусульманскомъ востокѣ во второй половинѣ прошлаго столѣтія.

Основатель его, извѣстный Паисій Величковскій, принадлежалъ къ той плеядѣ замѣчательныхъ духовныхъ дѣятелей, коими такъ была богата Старая Малороссія, и изъ которой вышли почти всѣ знаменитые русскіе іерархи XVIII вѣка. Не призванному, подобно Стефану Яворскому, св. Димитрію Ростовскому, І. Кроковскому, Ѳ. Прокоповичу, Р. Заборовскому и Іоасафу Горленку, на духовное служеніе Государству,—Паисію достался болѣе скромный и безвѣстный удѣлъ—аскетической и подвижнической жизни.

Уроженецъ Полтавы, сынъ настоятеля мѣстной соборной церкви, воспитанникъ Кіевскаго духовнаго училища, юный Величковскій съ ранняго возраста обнаружилъ непреодолимое влеченіе къ созерцательной, затворнической жизни. Съ 17 лѣтъ онъ уже числился среди послушниковъ Любечьскаго монастыря, а два года спустя былъ принятъ въ иноческій чинъ, въ Медвѣдовскомъ Николаевскомъ монастырѣ Кіевской Епархіи.

Вскорѣ, однако, гоненіе, воздвигнутое противъ православія поборниками Уніи, заставило новопостриженнаго Платона

искать убѣжища въ Кіево-Печерской Лаврѣ. Здѣсь Величковскій оставался не долго. Жажда уединенія и духовныхъ подвиговъ не нашла себѣ полнаго удовлетворенія и побудила молодаго отшельника удалиться сперва въ Валахію, а, затѣмъ, въ 1746 г. на Аѳонъ. Красоты южной природы и плѣнительная тишина рощъ и заливовъ, блещущихъ всѣми переливами полуденныхъ красокъ, произвели на него неизгладимое впечатлѣніе. Подобно пр. Антонію Печерскому, онъ рѣшилъ остаться на Аѳонѣ, чтобы, въ полномъ уединеніи, предъ лицемъ необъятнаго неба, таинственно сливавшагося съ безпредѣльнымъ моремъ,—всецѣло отдаться своему идеалу отшельнической жизни. Поселившись въ одной изъ заброшенныхъ келій, принадлежавшихъ греческому монастырю Пантократора, Величковскій принялъ здѣсь второе постриженіе съ именемъ Паисія.

Строгая жизнь и нравственное обаяніе малорусскаго подвижника не замедлили привлечь къ нему учениковъ. Уступая ихъ просьбамъ, онъ оставилъ уединенное свое жилище и вмѣстѣ съ новыми послѣдователями переселился сначала въ общежитіе во имя св. Равноапостольнаго Императора Константина, а вскорѣ затѣмъ въ 1757 г. приступилъ, съ разрѣшенія властей Пантократора, къ устройству небольшаго скита во имя св. пророка Иліи, въ живописной лѣсистой мѣстности.

Положенный въ основаніе обители строго общежительный уставъ дѣйствуетъ въ ней и понынѣ: имъ предписывается одинаковая для всей братіи трудовая и дѣятельная жизнь и полное равенство, какъ въ одеждѣ, такъ и въ исполненіи общихъ послушаній, на которые выходятъ всѣ, отъ настоятеля и до послѣдняго послушника, общихъ обязанностей, соединяющихся съ тяжелымъ физическимъ трудомъ—рубкой лѣса, воздѣлываніемъ земли и т. п.

Возникновеніе малорусскаго скита на Аѳонѣ совпало съ временемъ тяжкихъ испытаній для правобережной Украйны. Покрытая сѣтью висѣлицъ и тюремъ, она задыхалась подъ двойнымъ гнетомъ Польши и іезуитовъ, достигшимъ наибольшей силы въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка и завершившимся страшнымъ взрывомъ „Коліивщины“.—Тогда многіе изъ злопо-

лучныхъ ея обитателей, бросая все, семью и родину, по примѣру отцовъ, бѣжали на волю, въ „Великій лугъ“, въ „Сичъ-Маты“, чтобы, вернувшись оттуда, огнемъ и мечемъ, въ потокахъ крови, мстить за поруганную вѣру и попранныя права; иные же болѣе робкіе искали за монастырской оградой спасенія и выхода изъ невыносимой неволи и бдѣніемъ и постомъ старались вымолить лучшую долю несчастной родинѣ. И тѣ, и другіе, въ концѣ концевъ, изнемогали въ непосильной борьбѣ и безплодномъ ожиданіи: отчаявшись въ лучшемъ будущемъ, гонимые отовсюду, стекались они въ глухія пустыни и скалистыя Ѳиваиды Востока, съ тѣмъ, чтобы, въ дали отъ міра и людей, въ глубокомъ уединеніи обрѣсти забвеніе и душевный покой. Подъ монашеской власяницей и веригами схимника равно хоронились и кровавое, темное прошлое, и разбитыя, свѣтлыя упованія.

Такихъ бѣглецовъ „изъ міра“, выброшенныхъ жизненной волной на скалистые берега Аѳона, набиралось все болѣе вокругъ о. Паисія. Они шли изъ предѣловъ Россіи, съ польскихъ окраинъ и съ границъ Молдавіи, отъ Днѣпра и отъ Дуная. Вскорѣ число братіи на столько увеличилось, что новоустроенный скитъ не былъ въ состояніи прокормить ее на свои скудныя средства. Не видя иного выхода, Паисій съ горестью рѣшился оставить Аѳонъ: онъ раздѣлилъ иноковъ на двѣ части и съ большинствомъ ихъ отправился искать новаго пріюта въ Молдовалахію. Онъ скончался въ 1794 г. въ званіи настоятеля знаменитой Нямецкой лавры, обязанной его управленію особеннымъ своимъ процвѣтаніемъ.

Съ 1764 г., впродолженіе почти ста лѣтъ, осиротѣвшая малорусская обитель не находила достойнаго замѣстителя Паисію. Оставшаяся въ ней братія состояла почти исключительно изъ малороссіянъ, къ которымъ прибавилось немало старыхъ „сѣчевиковъ“, разбредшихся по бѣлу свѣту по раззореніи ихъ роднаго гнѣзда. Болѣе чѣмъ когда либо ощущалось теперь отсутствіе твердой, непреклонной воли и громаднаго нравственнаго авторитета основателя обители, сдерживавшихъ доселѣ разнородные и нерѣдко безпокойные элементы пришлой братіи, па-

мять о которыхъ была еще свѣжа у ихъ бывшихъ „куренныхъ братчиковъ“ на Дунаѣ и на Черноморьи. Конецъ прошлаго и первая треть этого вѣка были эпохой упадка монастыря, не смотря на посильную помощь, оказываемую ему селившимися въ предѣлахъ Турціи и на Кубани запорожцами, особенно излюбившими Ильинскую обитель. Отъ нихъ въ пользованіе ея перешли рыбныя ловли по Дунаю; ихъ же иждивеніемъ былъ сооруженъ въ началѣ этого столѣтія соборный монастырскій храмъ, а въ ризницѣ его хранятся богатыя приношенія доблестнаго войска черноморскаго [1]). Къ своимъ покровителямъ на Черноморье бѣжалъ, захвативъ съ собой монастырскую сокровищницу и святыни, и игуменъ Парѳеній, когда, въ 1822 г., обитель подверглась разгрому турокъ, въ теченіе восьми лѣтъ разорявшихъ св. гору. Лишь по заключеніи мира Россіи съ Турціей, въ 1830 г. разсѣянная братія вернулась въ свой разоренный, запустѣлый скитъ. Въ густой, одичавшей растительности, запутавшей непроходимой чащей всѣ горные проходы и тропинки, ильинскіе монахи едва могли найти слѣды своего прежняго пепелища.

Любовь малороссіянъ къ родной обители подняла ее изъ развалинъ и ея обновленныя стѣны стали опять наполняться козацкими выходцами съ придунайскихъ и черноморскихъ береговъ. Но не прекратились внутреннія неурядицы въ скиту; онѣ продолжались и по смерти о. Парѳенія, ставшаго жертвой занесенной на Аѳонъ чумы, до самаго появленія у власти старца Паисія II, въ 1841 г.

Родиной этого достопамятнаго въ монастырскихъ лѣтописяхъ лица была Бессарабія. Получивъ образованіе въ Кишиневѣ, онъ рано поступилъ въ монашество и за три года до своего избранія удалился на Аѳонъ, гдѣ и проживалъ въ глубокомъ уединеніи.

Не однимъ только именемъ, но и пламенными качествами духа напоминалъ новоизбранный игуменъ перваго основателя

---

[1]) Старинныя превосходной парчи облаченія, шитая золотомъ, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями плащаница, большія и малыя евангелія въ серебряныхъ окладахъ, священные сосуды и т. д.

скита. Его свѣтлая личность была какъ бы подтвержденіемъ пророческихъ прощальныхъ словъ Паисія Величковскаго: „Со временемъ будетъ въ скиту другой Паисій и при немъ обитель устроится, возвеличится и прославится“.

Дѣйствительно, за тридцатилѣтнее управленіе втораго Паисія, Ильинская обитель переродилась и нравственно, и матеріально. Его трудамъ и неусыпнымъ заботамъ скитъ обязанъ обновленіемъ зданій, разведеніемъ виноградниковъ и маслничныхъ рощъ, проложеніемъ и открытіемъ новыхъ дорогъ. Не менѣе благотворно было его вліяніе и внутри обители, гдѣ строгая дисциплина умѣрила все еще жившій въ козацкихъ сердцахъ братіи духъ стараго своевольства и строптивости.

Преемникомъ тихо-угасшаго въ 1871 году старца, и въ особенности уважаемому *О. Гавріилу*, нынѣ стоящему во главѣ скита, выпала болѣе благодарная задача продолженія начатаго имъ дѣла; этому способствовало и увеличившееся благосостояніе монастыря. Посѣщеніе его великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ было первымъ толчкомъ къ пробужденію участія къ судьбамъ Ильинской обители на сѣверѣ Россіи. Въ то время какъ любители и покровители украинской исторіи и старины, казалось, и не подозрѣвали о запорожской святынѣ на Аѳонѣ, щедрая и добровольная помощь не разъ приходила къ ней изъ далекихъ великороссійскихъ губерній. Въ спискахъ ктиторовъ и ревнителей *малороссійскаго* скита за истекшее пятидесятилѣтіе значатся имена московскихъ и петербургскихъ благотворителей,— малороссіянъ же—ни одного!

Желательнымъ было бы, чтобы и наши украинцы вспомнили, наконецъ, о существованіи обители, родственной имъ и по преданіямъ, и по происхожденію [2]), и *именно въ настоящее время*, когда малороссійскій Ильинскій скитъ нуждается въ новомъ храмѣ, въ замѣну стараго, маловмѣстительнаго и грозящаго разрушеніемъ. Не одинъ южно-русскій паломникъ, особенно глубоко чувствующій свою живую, нравственную связь съ родиной,

---

[2]) Братія и теперь почти исключительно состоитъ изъ Малороссіянъ, а почтенный ея настоятель, о. Гавріилъ—кровный Черноморецъ.

при посѣщеніи этого далекаго, оторваннаго уголка Малороссіи, скажетъ имъ за это спасибо.

Раннимъ, весеннимъ утромъ, до разсвѣта, разстался съ радушнымъ кровомъ Ильинской обители. Въ недвижномъ, еще спавшемъ, воздухѣ, словно замерли темные кипарисы; кругомъ—ни звука, ни шелеста. Только на днѣ глубокихъ овраговъ, еще подернутыхъ ночными тѣнями, въ сырой прохладѣ зеленыхъ тайниковъ, звенѣли родники. Холодный утрѐнній туманъ клубился въ разсѣлинахъ скалъ; по природнымъ ихъ уступамъ отчетливо и увѣренно ступали цѣпкія копыта румелійскихъ горныхъ лошадокъ, вслѣдъ за мелькавшими въ кустахъ орѣшины и „суссуры“ [1]) бѣлой фустанелой и турецкимъ ружьемъ проводника-арнаута.

Сильнѣе курились смолистые ароматы дикихъ цвѣтовъ и травъ, все гуще и роскошнѣе сплетался надъ головой зеленый сводъ каштановъ и липъ, а сквозь увитыя плющемъ и виноградомъ вѣтви цвѣтущихъ миртъ и гранатъ — величественно выплывало изъ моря, въ пурпурно-фіолетовомъ сіяніи, лучезарное солнце,—солнце новой эры плодотворной русской духовной дѣятельности на старомъ Эллинскомъ Аѳонѣ.

Князь Александръ Дабижа.

Аѳонъ 15-го мая 1892 г.

[1]) Хвойное растеніе въ изобиліи растущее на Аѳонѣ.

Изъ исторіи южно-русскаго общества начала XIX вѣка.

(ПИСЬМА В. И. ЧАРНЫША, А. И. ЧЕПЫ, В. Г. ПОЛЕТИКИ И ЗАМѢТКИ КЪ НИМЪ).

Печатаемая ниже переписка сохранилась въ архивѣ князя Николая Васильевича Репнина въ м. Яготинѣ полтавской губерніи, откуда и заимствована съ благосклоннаго разрѣшенія владѣльца. Въ архивѣ она составляетъ часть бумагъ А. И. Чепы, бывшихъ въ пользованіи Бантышъ-Каменскаго во время составленія имъ „Исторіи Малороссіи". Извѣстно, что въ изданіи этой исторіи живое участіе принималъ малороссійскій генералъ-губернаторъ князь Николай Григорьевичъ Репнинъ. Бумаги Чепы, жившаго въ томъ же пирятинскомъ уѣздѣ, гдѣ было и главное имѣнье князя, добыты были вѣроятно имъ же, а потому и возвращены Бантышъ-Каменскимъ Репнину, по минованьи въ нихъ надобности. Повидимому, онѣ отданы были наслѣдниками послѣ смерти Чепы, такъ какъ въ числѣ бумагъ оказалась и его частная переписка.

Дошедшая до насъ то въ самыхъ письмахъ, то (со стороны Чепы) въ черновыхъ „отпускахъ", эта переписка выводитъ на сцену выдающихся лицъ тогдашняго общества. Завязавшись по поводу общаго вопроса, она кладетъ начало сближенію двухъ замѣчательныхъ людей того времени, до тѣхъ поръ другъ друга не знавшихъ,—Адріана Ивановича Чепы и Василія Григорьевича Полетики, на почвѣ общихъ стремленій, взглядовъ, занятій и упованій, и кончается тою близостью, какая вызывается общностью мыслей и идеаловъ. Въ своихъ письмахъ эти лица рисуются сами собою; подробно разсказывается и за-

нимающее ихъ сначала дѣло объ утвержденіи въ дворянствѣ малороссійскихъ войсковыхъ чиновъ. Записка по этому предмету В. Г. Полетики печатается въ Приложеніи къ нашей статьѣ. Приведемъ немногія извѣстныя біографическія данныя объ участникахъ переписки, необходимыя для ея ясности.

Возбудившій переписку Василій Ивановичъ Чарнышъ былъ первымъ маршаломъ полтавской губерніи. Въ 1802 году, при генералъ-губернаторѣ князѣ А. Б. Куракинѣ, прежде бывшая одна малороссійская губернія распалась на двѣ—Черниговскую и Полтавскую (состоявшую тогда изъ десяти уѣздовъ). Дворянскіе выборы происходили въ іюнѣ 1802 года, но въ должности маршала или губернскаго предводителя остался избранный уѣздными предводителями въ декабрѣ 1801 года, при предварительномъ съѣздѣ ихъ въ Полтавѣ передъ открытіемъ губерніи, В. И Чарнышъ. Въ 1803 году онъ назначенъ былъ въ генеральные судьи перваго департамента, и на мѣсто маршала избранъ С. М. Кочубей. Въ 1809 году Чарнышъ снова выбранъ былъ маршаломъ и оставался имъ до 1812 года, когда уступилъ свой постъ Д. П. Трощинскому. Къ этому времени относится возбужденное имъ дѣло о малороссійскихъ чинахъ и настоящія письма. Въ третій и послѣдній разъ Чарнышъ занималъ должность маршала съ 1818 по 1820 годъ. Его смѣнилъ авторъ „Ябеды“ В. В. Капнистъ [1]).

Объ Адріанѣ Ивановичѣ Чепѣ сообщались уже въ „Кіевской Старинѣ“ имѣющіяся скудныя свѣдѣнія [2]). Уроженецъ полтавской губерніи, онъ началъ свою карьеру въ качествѣ подписка при земскомъ судѣ Роменскаго повѣта, откуда переведенъ въ канцелярію правителя Малороссіи П. А. Румянцева въ 1779 году. Если припомнить, какъ рано начинали вообще служебное поприще въ ту пору, то можно предположить, что Чепѣ, при переходѣ его на службу къ Румянцеву, не было и двадцати лѣтъ и что родился онъ, значитъ, въ началѣ 760-хъ

---

[1]) „Памятная книжка полтавской губерніи на 1865 г.“, изданная П. М. Бодянскимъ.

[2]) „Кіевск. Стар.“ 1890. № 5 и 1891 г. № 1. Двѣ замѣтки г. А. Л.

годовъ. При Румянцевѣ, какъ сообщаетъ онъ самъ въ одномъ изъ писемъ къ Полетикѣ, онъ служилъ девятнадцать съ половиною лѣтъ, значитъ оставилъ службу въ началѣ 1799 года, т. е. вскорѣ послѣ смерти Румянцева (1796 г.). Впослѣдствіи онъ жилъ въ пирятинскомъ уѣздѣ, въ основанномъ имъ или родовомъ селѣ Чепурковкѣ, нынѣ носящемъ другое названіе. Собираньемъ историческихъ документовъ и изученіемъ прошлыхъ судебъ Малороссіи онъ сталъ заниматься, еще служа при Румянцевѣ. Онъ былъ въ сношеніяхъ со всѣми, кто посвящалъ въ ту пору свой трудъ разработкѣ мѣстной исторіи, былъ друженъ съ Яковомъ Марковичемъ, Ригельманомъ, Берлинскимъ, подъ конецъ жизни съ В. Г. Полетикой, знакомъ съ Бантышъ-Каменскимъ и, вѣроятно, Репнинымъ. Умеръ во второмъ десятилѣтіи настоящаго вѣка, во всякомъ случаѣ ранѣе 1822 года,—времени выхода перваго изданія „Исторіи Малороссіи" Бантышъ-Каменскаго, въ примѣчаніяхъ къ которой авторъ называетъ Чепу уже умершимъ.

Судьба собраній документовъ, составленныхъ Чепой, была, какъ извѣстно, печальна. Четырнадцать большихъ сборниковъ переданы были имъ въ Петербургъ Якову Михайловичу Марковичу, приступившему къ сочиненію книги о Малороссіи, которой имъ издана была только первая часть [1]). За смертью Марковича сборники эти были потеряны, и впослѣдствіи Чепой найдены были только два изъ нихъ. Бумаги Чепы называетъ Бантышъ-Каменскій въ перечисленіи матеріаловъ своей исторіи. Въ Яготинскомъ архивѣ князя Репнина сохранилось много отдѣльныхъ документовъ, писанныхъ рукою Чепы. Нѣкоторые изъ нихъ были заимствованы оттуда и разновременно напечатаны въ „Кіевской Старинѣ".

Что касается нравственной личности Чепы, то она рисуется въ печатаемыхъ теперь письмахъ. До желанныхъ новыхъ откры-

[1]) „Записки о Малороссіи, ея жителяхъ и произведеніяхъ". Спб. 1798 г. Часть I. Въ историческомъ обзорѣ здѣсь бѣгло разсматриваются судьбы Южной Руси до нашествія Батыя; второй отдѣлъ посвященъ прошедшему и современному автору состоянію гражданскаго строя страны. Далѣе идутъ: общее физическое описаніе Малороссіи, характеристики малоросіянъ, малороссійская гидрографія и исчисленье минераловъ, открытыхъ до тѣхъ поръ въ Малороссіи. Всего около ста страницъ.

тій, это пока единственныя свидѣтельства объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ. Съ увѣренностью можно сказать, что много писемъ его, а можетъ быть и сообщенныхъ имъ документовъ, погибло въ домашнемъ архивѣ Полетикъ, разновременно подвергавшемся потерямъ и дошедшемъ только въ незначительныхъ остаткахъ.

Василій Григорьевичъ Полетика (1765—1845) былъ сыномъ Григорія Андреевича Полетики, извѣстнаго депутата отъ шляхетства Лубенскаго полка въ Екатерининскую коммиссію сочиненія новаго уложенія [1]). Отцемъ онъ былъ воспитанъ въ духѣ любви къ родинѣ, въ гуманитарномъ и возвышенномъ направленіи и съ юныхъ лѣтъ сталъ усерднымъ начетчикомъ и собирателемъ книгъ и рукописей, продолжая дѣло отца, владѣвшаго замѣчательнымъ ихъ собраніемъ, почти цѣликомъ погибшимъ въ пожарѣ въ 1761 году.

Онъ получилъ образованіе въ Виленскомъ университетѣ, куда опредѣленъ былъ по рекомендаціи Георгія Конискаго, учителя его отца. Кромѣ наукъ „математическихъ, физическихъ, нравственныхъ и словесныхъ“, онъ ознакомился тамъ съ языками латинскимъ, французскимъ, нѣмецкимъ и польскимъ. Дѣтство провелъ въ Петербургѣ, гдѣ отецъ его былъ инспекторомъ морскаго шляхетскаго корпуса. По окончаніи университета въ Вильнѣ, онъ поступилъ въ военную службу съ чиномъ „капитана Виртембергской арміи“, безъ сомнѣнія купленнымъ. Въ отставку изъ русской военной службы онъ вышелъ маіоромъ и переселился навсегда на родину въ Малороссію, гдѣ, послѣ смерти отца, ему достались обширныя имѣнія. Они находились въ роменскомъ уѣздѣ полтавской губерніи (села Коровинцы и Оксютинцы, слободка Раковая Сѣчь и хуторъ Переточанскій), стародубскомъ черниговской (села Юдоновъ и Чеховка, слободка Прилепова и земли въ заштатномъ городѣ Погарѣ) и въ путивльскомъ уѣздѣ курской губерніи (села Николаевка и Мануховка)

---

[1]) Наиболѣе точныя біографическія свѣдѣнія о Григоріи Полетикѣ сообщены недавно А. М. Лазаревскимъ въ „Кіевской Старинѣ“ 1891 № 4, въ статьѣ „Отрывки изъ семейнаго архива Полетики“.

и населены были 520 душами крѣпостныхъ людей. Поселившись въ селѣ Коровинцахъ, въ двадцати верстахъ отъ Ромна, гдѣ еще отцемъ и дѣдомъ его была устроена прекрасная усадьба, Полетика вскорѣ выбранъ былъ уѣзднымъ роменскимъ „маршаломъ", но первый разъ оставался имъ не долго. Выбранный снова въ 1805 году, онъ оставался маршаломъ семь лѣтъ, по 1812 годъ, былъ попечителемъ роменскихъ богоугодныхъ заведеній, въ основаніи и судьбѣ которыхъ принималъ горячее участіе. О дѣятельности его какъ маршала роменскаго повѣта напоминаютъ нѣсколько рѣчей его, напечатанныхъ въ „Вѣстникѣ Европы". Еще кое-что изъ писаннаго имъ помѣщено Воейковымъ въ книгѣ „Образцовыя сочиненія въ прозѣ знаменитыхъ древнихъ и новыхъ писателей". Большую часть жизни онъ жилъ безвыѣздно въ деревнѣ, ревностно занимаясь хозяйствомъ и научными работами. Умеръ въ 1845 году восьмидесяти лѣтъ и похороненъ въ Коровинцахъ. Таковы внѣшніе факты его жизни.

Письма его, печатаемыя теперь, относятся къ тому времени, когда ему было сорокъ четыре года и прошло двадцать шесть лѣтъ со дня смерти его отца. Его равно занимаетъ тогда и дѣло малороссійскаго дворянства, которое онъ стремится поставить на историческую почву, и какой то самостоятельный историческій трудъ, матеріаловъ для котораго онъ ищетъ въ сборникахъ Чепы. Только ему одному изъ трехъ участниковъ переписки довелось увидѣть окончательное разрѣшеніе дѣла о малороссійскихъ войсковыхъ чинахъ, послѣдовавшее лишь въ 1835 году[1]). Объ историческомъ трудѣ Василія Полетики можно дѣлать лишь предположенія на основаніи собственныхъ его словъ, общему направленію его ума и убѣжденій, тону и слогу его писемъ и всему складу его личности и характера. Нижеслѣдующая переписка, касаясь вообще значительныхъ общественныхъ явленій начала нашего вѣка, представитъ къ тому нѣкоторыя данныя и послужитъ опорой для нашихъ предположеній объ этомъ историческомъ трудѣ.

---

[1]) Законъ 20 марта 1835 года, опредѣлившій окончательно, какіе малороссійскіе чины даютъ право на дворянство.

А. И. Чепѣ отъ В. И. Чарныша.

Милостивый государь Андріанъ Ивановичъ! Дворянство поручило мнѣ ходатайствовать, чтобы прежніе малороссійскіе чины, о которыхъ герольдія по несравненію ихъ противу армейскихъ и другихъ чиновъ судитъ, что съ ними не соединено дворянское достоинство, признаваемы были доказательствомъ дворянства.

Составивъ о семъ записку для представленія моего, я имѣю честь препроводить оную къ вамъ, милостивый государь мой, на усмотрѣніе.

Извѣстно, что вы изобилуете матеріалами къ предмету сему относящимися. Знаю опять, сколь много любите націю свою, и слѣдовательно мнѣ остается только просить васъ покорнѣйше о принятіи на себя труда пополнить (и) исправить прилагаемую записку во всемъ по собственнымъ мыслямъ вашимъ.

Къ запискѣ сей прилагается и выписка изъ положеній на счетъ прежнихъ чиновъ, хотя впрочемъ оная, какъ мнѣ кажется, будетъ излишнею при изобиліи у васъ свѣдѣній по сей части.

Ласкаюсь надеждой, что вы не оставите дать у себя мѣсто моей покорнѣйшей просьбѣ. Я имѣю честь ожидать возвращенія отъ васъ за поправкою прилагаемой бумаги въ Гадячъ ко мнѣ, бывъ всегда съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ и совершенною преданностью, милостивый государь мой, вашего высокородія покорнѣйшій слуга *Василій Чарнышъ*.

Февраля 2 дня 1809 года,
Полтава.

В. И. Чарнышу отъ А. И. Чепы.

Милостивый государь мой Василій Ивановичъ! Покорно благодарю вамъ за оказанную мнѣ честь препорученіемъ пополненія записки о преимуществахъ чиновъ малороссійскихъ.

Сколько по усердію и любви къ націи, столько и во угодность вамъ, милостивый государь мой, я оную записку дополнилъ сколько могъ, переписалъ и при семъ возвращаю со всѣми

приложеніями. Прошу покорно извините недостатки въ оной встрѣтиться могущіе [1]).

Впрочемъ сіе важное обстоятельство [2]) достойно всего вашего попеченія. Я имѣю честь быть въ числѣ чиновъ малороссійскихъ и искренно порадуюсь успѣху благотворительнаго вашего для земляковъ нашихъ подвига.

Прошу продолженія давней вашей благосклонности ко мнѣ и честь имѣю быть и проч. *Андріянъ Чепа.*

Февраля 18 дня 1809 года
Чепурковка.

А. И. Чепѣ отъ В. И. Чарныша.

Милостивый государь мой Андріянъ Ивановичъ! Возвратясь изъ вояжа моего, я имѣлъ честь получить вмѣстѣ всѣ четыре ваши письма съ приложеніями по предмету уничиженія герольдіею національныхъ нашихъ чиновъ. При совершеннѣйшей признательности къ трудамъ принятымъ вами въ дѣлѣ семъ, приношу вамъ за оные всепокорнѣйшую мою благодарность.

Сими чувствованіи не одинъ я всегда преисполненъ буду къ вамъ, милостивый государь мой, но вмѣстѣ и благородное дворянство, коему столь ощутительно упослѣжденіе достоинства предковъ. Основательная и обильная ваша мысль въ семъ дѣлѣ будетъ моимъ руководствомъ. И какой ни будетъ успѣхъ мой въ порученномъ ходатайствѣ, я не премину въ свое время учинить почтенному дворянству извѣстнымъ толико значущее участіе ваше въ совѣтѣ и пособіи мнѣ.

Прошу покорнѣйше не лишить меня еще дополненій, если какіе къ сообщенной уже мысли вашей изобрѣсть изволите, адрессуя оные по прежнему. Прежде трехъ недѣль я не войду еще къ начальству съ моимъ представленіемъ, между симъ честь

---

[1]) Зачеркнуто: „Потому что я человѣкъ не ученый, а былъ приказнымъ запроста". Далѣе зачеркнуто еще: „Я не могъ повѣрить прописанныхъ въ запискѣ договорныхъ пунктовъ гетманскихъ; отдалъ оные одному пріятелю къ сочиненію малороссійской исторіи".

[2]) Зачеркнуто: „Повидимому еще никогда въ подробности наразсматриванное".

имѣю на вопросъ вашъ отвѣтствовать, что дворянство точно назначило васъ къ балатированію въ генеральные судьи второго департамента, но какъ при семъ случаѣ избранъ нынѣшній генеральный судья г. Каніевскій и кандидатъ по немъ г. статскій совѣтникъ Тарновскій, то по воли дворянства оставлено продолженіе балатированія другихъ.

Не могу указать на лица, пропозировавшіе васъ въ званіе оное.

Сколько могъ я замѣтить обще отозвались съ требованіемъ балатировать васъ, такъ какъ обще требовали и оставить балатированіе, ограничиваясь избраніемъ двухъ кандидатовъ.

Имѣя честь и т. д. *Василій Чарнышъ.*

16 марта 1809 года,
Полтава.

В. И. Чарнышу отъ А. И. Чепы.

М. Г. мой Василій Ивановичъ! Письмо ваше отъ 16 числа истекшаго марта я имѣлъ честь получить. Благодарю вамъ покорнѣйше, что вы мѣлочную мою услугу, которою вы мнѣ же доставили удовольствіе сдѣлать собраніе.—.—. и сочиненіе записки о преимуществахъ чиновъ малороссійскихъ,—приняли сверхъ чаянія моего толь благосклонно и намѣрены оную учинить извѣстною почтенному дворянству. Честь лестная и безцѣнная, которую я много почитаю!

Въ угодность вамъ препровождаю еще нѣсколько обстоятельствъ, написанныхъ на особой бумагѣ. Впрочемъ знаю, что вы въ изготовляемой вами для поднесенія начальству запискѣ разставите обстоятельства въ приличнѣйшей связи, нежели я могъ то сдѣлать, и дополните многое изъ записки Василія Григоріевича господина Полетики, который сдѣлалъ мнѣ честь присылкою оной для прочету и которая заключаетъ въ себѣ много важныхъ обстоятельствъ въ дѣлѣ справедливомъ и основательномъ. Милостивый Государь, вы начали подвигъ благодѣтельный для всего благороднаго сословія. Я осмѣливаюсь предсказать вамъ успѣхъ въ вашемъ ходатайствѣ.

Я думаю что вы снабдите [1]) — — безъ сомнѣнія, чтобы въ Петербургѣ сократить или облегчить справки о документахъ, упоминаемыхъ въ запискѣ; одни будете имѣть въ справочныхъ копіяхъ о другихъ призапастесь свѣдѣніями, въ какихъ книгахъ они напечатаны или въ какихъ правительствахъ [2]) въ Петербургѣ оные отыскать можно. Не излишнее было бы имѣть хронологическій перечень отъ 1654 года походовъ и службъ толь обидно приниженныхъ малороссійскихъ чиновъ. Честь имѣю и пр.

А. Чепа.

Апрѣля — дня
1809 года.

Замѣтка В. Г. Полетики, вложенная въ письмо къ А. И. Чепѣ неизвѣстнаго лица.

26 марта 1809 г. „Записку г. Чепы о малороссійскомъ дворянствѣ вами ко мнѣ доставленную, читалъ я съ особымъ удовольствіемъ. Отгадывая-жъ что сей любитель отечества своего желалъ того, я прошу васъ препроводить къ нему при семъ прилагаемую мою. Примѣчанія его на оную прійму я съ благодарнѣйшею признательностію. Душевно при томъ радуюсь, что въ кругѣ предводительствуемаго мною благороднаго общества нахожу я въ одной особѣ г. Чепы дѣлающаго оному честь своимъ расположеніемъ и своими знаніями сочлена“.

„Вотъ отзывъ нашего г. маршала по прочтеніи вашей записки. Пріятно для меня слышать таковыя мнѣнія о людяхъ, которыхъ я самъ душевно почитаю. Онъ просилъ меня къ вамъ препроводить его сочиненія таковую записку, но объ возвращеніи ничего не упоминалъ“.

В. Г. Полетикѣ отъ А. И. Чепы.

Милостивый Государь мой Василій Григорьевичъ! Поставляю себѣ въ особенную честь то, что вы соизволили прочитать

[1]) По смыслу пропущено, должно быть: „кого нибудь порученіемъ“.

[2]) Очевидно въ смыслѣ „правительственныхъ учрежденій“.

мою записку о преимуществахъ чиновъ малороссійскихъ, удостоили оную и вашего одобренія и толь благосклонно сообщили мнѣ таковую же вашего сочиненія. Я читалъ оную не одинъ и не два раза, а нѣсколько. Безъ лести долженъ вамъ сказать, что она изобилуетъ самыми фундаментальными документами, въ коихъ я имѣлъ недостатокъ и преосновательными мыслями для меня новыми. Господинъ губернскій маршалъ, конечно, воспользуется оною, благородное сословіе будетъ вамъ признательно, а мнѣ позвольте (присланный) списокъ положить въ мою библіотеку, въ коей нѣтъ и не было подобныхъ свѣдѣній.

Во время службы моей при покойномъ Задунайскомъ въ теченіи девятнадцати лѣтъ съ половиною, я собралъ было многіе документы, касающіеся нашего отечества, политическіе и историческіе и прочая, общіе и частные, въ томъ числѣ нѣкоторыя сочиненія, рѣчи произнесенныя въ собраніи шляхетства малороссійскаго и достопамятныя письма незабвеннаго защитника малороссійскихъ преимуществъ, покойнаго родителя вашего. Все это составляло у меня четырнадцать книгъ въ листъ. Я желалъ сохранить оныя отъ ѣдкости времени, отдалъ оныя земляку нашему Якову Михайловичу Марковичу, находившемуся въ Петербургѣ въ канцеляріи Совѣта экспедиторскимъ помощникомъ, который началъ было писать Исторію Малой Россіи; нечаянно (онъ) тамъ умеръ и я лишился [1]) моихъ манускриптовъ.

Вижу что вы оными изобилуете и осмѣливаюсь покорнѣйше просить васъ одолжить мнѣ оные для переписанія, какіе именно я написалъ въ подносимой при семъ запискѣ. Ежели угодно, я взаимно служить вамъ буду нѣкоторыми документами изъ оставшихся у меня, коимъ я намѣренъ написать реестръ и къ вашему назначенію представить.

Прошу вѣрить, что я доброе ваше мнѣніе о мнѣ и благоволеніе поставляю безцѣнными, почитая ваши достоинства и добродѣтели и пребуду къ вамъ съ совершеннѣйшею преданностью навсегда, милостивый государь, и проч. [2]) *Андрьянъ Чепа.*

---

[1]) Зачеркнуто: „моего безцѣннаго собранія“.

[2]) (Года, мѣсяца и числа не означено).

Отъ В. Г. Полетики къ А. И. Чепѣ.

Милостивый Государь мой Андріанъ Ивановичъ! Желая приближить себя наилучшимъ образомъ къ знакомству и благосклонности вашей, съ досадою измѣряю я разстояніе, раздѣляющее насъ на тверди любезнаго отечества нашего. Давно уже ищу случая пользоваться лестнымъ для меня знакомствомъ вашимъ и ожидаю отъ онаго новыхъ и такихъ въ жизни моей удовольствій, какими я въ здѣшнемъ кругу мало наслаждаюсь. Въ отвѣтѣ моемъ на письмо ваше, которымъ вы меня отъ 2 сего апрѣля почтили, впервыхъ препоручаю себя вамъ. Я всегда стараться буду сдѣлаться достойнымъ благорасположенія вашего и тѣмъ оправдать ваши обо мнѣ мнѣнія. Записка ваша о правѣ на благородное достоинство согражданъ нашихъ открыла мнѣ любовь вашу къ отечеству и привязанность къ нимъ, ваши дарованія и знанія. Словомъ сказать все то, что въ глазахъ усердныхъ сыновъ отечества есть безцѣннымъ, все то, что можетъ связать меня съ вами тѣснѣйшими узами дружбы, какъ съ ревностнымъ любителемъ онаго, имѣвшимъ случай узнать многія, до отечественной исторіи нашей принадлежащія и отъ насъ сокрытыя обстоятельства. Вотъ что доставило вамъ долговременное служеніе ваше при покойномъ Задунайскомъ, жизнь котораго съ сей стороны для меня крайне любопытна; но мнѣ неизвѣстна. Есть ли не предначинанія, то по крайнѣй мѣрѣ дѣянія, мнѣнія и распоряженія его имѣли важное вліяніе на страну нашу и на послѣдніе въ ней перевороты, чего никто лучше васъ не знаетъ, и современникамъ открыть не можетъ. При всемъ томъ вы были не только очнымъ свидѣтелемъ, но и, сколько всѣмъ намъ извѣстно, въ числѣ дѣйствующихъ лицъ. Познавая васъ, я не думаю, чтобъ вы отъ насъ скрыли истину, и унесли ее съ собою въ вѣчность, смертнымъ непроницаемую. Жаль, что рукописи собранныя вами, послѣ Якова Михайловича г. Марковича, съ которымъ познакомился было я въ С.-Петербургѣ, находя въ немъ умъ и душу, остались, можетъ статься, въ такихъ рукахъ, которыя не могутъ ихъ употребить въ общую пользу. Мнѣ кажется что вамъ еще бы легко можно

было отъискать ихъ, употребивъ къ тому всѣ способы и старанія. Поставляйте ихъ всегда между лучшими вашими и таками для отечества драгоцѣнностями, каковыя рѣдкіе изъ насъ имѣютъ. Записку мою вы можете оставить у себя. Она для васъ и послана. Но какъ я имѣю здѣсь въ исправныхъ даже перепищикахъ великій недостатокъ, то извините только меня за то, что оная худо и ошибочно переписана. Между моими жъ рукописями я нахожу лучшими писанныя покойнымъ отцемъ моимъ. Въ нихъ блеститъ вездѣ умъ человѣка ученаго, говоритъ духъ патріота великодушнаго. Отъ него учусь я любить людей и отечество и черпаю по большой части нужныя къ защищенію ихъ познанія. Лестно и пріятно для сына имѣть въ отцѣ своемъ такого учителя и наставника! Непростительно бы было погребти во прахѣ посильные труды его для отечества и соотчичей. Малороссіяне, васъ вѣчная любовь должна соединять съ нимъ. Онъ достоинъ вашихъ памятниковъ, и лучшіе будутъ для него, когда вы станете всегда носить его въ благодарныхъ сердцахъ вашихъ. Но для меня то удивительно, что его помнятъ здѣсь немногіе. Отъ Россіянъ, знавшихъ его, слышу то. Вы согласитесь, что я не льщу ему, ни себѣ, какъ сыну его. Я охотно доставляю вамъ имѣющіеся у меня документы по запискѣ вашей, но только возьмите на нѣкоторое время терпѣніе. Ихъ надобно отъискивать во многихъ переплетеныхъ книгахъ, и переписывать здѣсь на мѣстѣ, чѣмъ я готовъ къ удовольствію вашему въ свободное для меня время заняться. Съ нетерпѣливостью ожидаю отъ васъ оглавленія вашихъ рукописей, изъ которыхъ желалъ бы я имѣть тѣ, которыхъ у меня нѣтъ.

Вездѣ стараюсь я сыскивать свѣдѣнія до малороссійской исторіи относящіяся, но мало оныхъ нахожу. До сихъ поръ мы не имѣемъ полныхъ бытописаній отечества нашего. Вѣрные и важнѣйшіе слѣды оныхъ теряются по примѣчанію моему столько жъ почти въ нещастныхъ опустошеніяхъ края нашего и истребленіяхъ оныхъ, сколько и въ самыхъ запущеніяхъ. Писатель сей исторіи находитъ для себя препоны сіи и бросаетъ перо свое. Кромѣ того что безпристрастнаго будетъ

только читать потомство. Малая способность, слабыя знанія мои и то, отвлекаютъ меня отъ труда сего, сколько я о предпріятіи его ни думаю. Какъ бы я доволенъ былъ естьли бы вы, бывая здѣсь близко, удостоили меня посѣщенія своего и со мною больше познакомились. Въ скромномъ сельскомъ уголку своемъ часто скучаю я, не имѣя съ кѣмъ бесѣдовать, предъ кѣмъ излить сокровенныя чувства сердца моего. Это удовольствіе далеко еще отъ насъ. Его находятъ съ людьми просвѣщенными. Остаюсь съ совершеннымъ почтеніемъ и таковою жъ преданностію Вашъ, Милостиваго Государя моего, покорнѣйшій слуга *Василій Полетика.*

Коровинцы
апрѣля 23 дня 1809.

Отъ А. И. Чепы къ В. Г. Полетикѣ.

6 мая (*1809 г.*) Письмо ваше отъ 23 истекшаго апрѣля я имѣлъ честь получить. Заслужить благосклонность и дружбу вашу есть и будетъ для меня пріобрѣтеніе безцѣнное, событіе счастливое! Я почиталъ за долгъ, за честь и за особливое удовольствіе посѣтить васъ. Сіе исполню за симъ въ скорости.

Ежели вы пріймете великій трудъ написать славную вѣтвь россійской исторіи—Исторію Малороссіи, то тѣмъ совершите дѣло достойное васъ, одолжите современниковъ, а потомство, коему предоставлена честь воздать должное добродѣтелямъ, достоинствамъ и заслугамъ покойнаго родителя вашего, съ прочими подвижниками нашего отечества не забудетъ и васъ [1]). По моему заключенію, вы имѣете многіе матеріалы къ сему прекрасному зданію потребные. Хотя я (никакъ) не могу уже имѣть всѣхъ тѣхъ документовъ, которые потерялъ, однако могу еще служить остающимися у меня. Жалѣю что не успѣлъ сдѣлать реестра для представленія вамъ и явлюсь къ вамъ безъ онаго. Но возвратившись сюда надѣюсь немедля представить оный вамъ.

---

[1]) Зачеркнуто: „Къ сему сочиненію вы имѣете много матеріаловъ“.

Вы ни мало не польстили въ скромномъ изображеніи достоинствъ почтеннаго родителя вашего. Кто знаетъ его скажетъ о немъ больше. Его сочиненія будутъ вамъ великимъ пособіемъ.

О послѣднемъ великомъ преобразованіи въ Малороссіи [1]) стоитъ только намекнуть, привѣдши на память нѣкоторыя изъ сочиненій родителя вашего, и вы тотчасъ увидите всѣ истинныя причины, всѣ пружины. Тутъ нѣтъ уже тайны...

Кажется мнѣ вы сами знаете подробно всѣ истиныя причины и дѣйствія. Вамъ извѣстны изображенья, дѣланныя покойнымъ родителемъ вашимъ о преимуществахъ шляхетства малороссійскаго? Извѣстны и тогдашніе ограниченные права дворянъ русскихъ до 1762 года! Разность немалая! Сія разность всегда была причиною многихъ противорѣчій, раздоровъ и кровавыхъ произшествій. Послѣдняя сцена также вамъ извѣстна. Когда малороссійскому шляхетству сказали о сочиненныхъ новыхъ законахъ: изъ нихъ стародубовскіе и нѣжинскіе, опасаясь, повидимому неосновательно, подвергнуться состоянію русскихъ дворянъ, почли за лучшее быть въ оковахъ, чѣмъ согласиться на оные. Но когда поступили съ ними по разуму и изданъ указъ Государя Императора Петра Третьяго о вольностяхъ дворянъ и Высочайшая грамота о дворянствѣ, когда (эти) двѣ эпохи поровняли русскихъ дворянъ въ преимуществахъ съ малороссійскихъ шляхетствомъ, тогда малороссіяне начали смѣло вступать въ россійскую службу, скинули татарскія и польскія платья, начали говорить, пѣть и плясать по русски...

Отъ А. И. Чепы къ В. Г. Полетикѣ.

Милостивый Государь мой Василій Григорьевичъ! Я имѣлъ честь быть въ вашемъ домѣ. По недовѣдомымъ судьбамъ случилось путешествіе мое къ вамъ, которое я предпринялъ съ великимъ удовольствіемъ, во время вашей отлучки изъ дому. Однакожъ въ домѣ вашемъ былъ принятъ и мнѣ оказано го-

---

[1]) Зачеркнуто: „О послѣднихъ переворотахъ въ Малороссіи“.

степріимство. Вашъ Мойсей съ нарочитою вѣжливостью предложилъ мнѣ хлѣбъ, соль и вино. Я въ саду, въ прекрасной бесѣдкѣ вашей обѣдалъ изобильно и отдыхалъ прохладно. Гостепріимство въ домѣ въ отлучку хозяина и хозяйки есть особливая черта добродѣтели. Пріимите мою искреннюю признательность и благодарность. Я много потерялъ не увидѣвшись съ вами, но ласкаю себя надеждою, что въ будущемъ времени можно наградить теперешнюю неудачу съ избыткомъ.

Можетъ быть случится мнѣ пріѣхать на Ильинскую ярмонку, изъ которой въ нѣсколько часовъ я въ вашемъ домѣ. Можетъ быть вы пріимите путешествіе въ Кіевъ къ дѣтямъ вашимъ. Вы ѣдете чрезъ Тепловку. Оттуда до Чепурковки двадцать верстъ. Покорно прошу васъ и почтеннѣйшую супругу вашу сдѣлать мнѣ честь вашимъ посѣщеніемъ. Ежели вы поѣдите столбовою дорогою отъ Прилуки мимо Пирятина чрезъ Ташань на Переяславъ, то не будетъ примѣчательнаго кругу противъ прежней вашей дороги. Кажется что на Переяславъ дорога выгоднѣе. Я живу надъ самою дорогою.

Я теперь же, пріѣхавши въ Чепурковку постараюсь неукосня написать реестръ историческимъ піесамъ и оный представить вамъ.

Побывавши у васъ въ домѣ я любовался прекраснымъ мѣстоположеніемъ вашей селидьбы. Должно похвалить вкусъ хозяина, любителя мудрости и флоры.

Пребывающій съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ и душевною преданностью навсегда *Андрѣянъ Чепа.*

Іюня 2 дня 1809
изъ Полтавы.

А. И. Чепѣ отъ В. Г. Полетики.

Милостивый Государь мой Андріанъ Ивановичъ! Письмо ваше ко мнѣ отъ 9 минувшаго генваря читалъ я съ несказаннымъ удовольствіемъ, находя въ немъ новыя доказательства дружбы и привязанности вашей ко мнѣ, на которыя я не имѣю еще никакого права и которыя даетъ мнѣ одна благосклон-

ность ваша. Вы меня извините за то, что я рукописи ваши, каковыхъ между многими моими по сличенію ихъ съ сими не отъискалось долго еще удержу у себя до переписки оныхъ для моего книгохранилища чемъ уже занимаются три переписчика. Послѣ чего я доставлю вамъ ихъ съ благодарностію въ цѣлости, пріемля съ особенною признательностію безцѣнное для меня одолженіе ваше чрезъ умноженіе отечественныхъ преданій. Къ тому жъ времени надѣюсь я доставить вамъ съ моей стороны и все то изъ оныхъ, чего вы отъ меня требуете. Хотя я и имѣю у себя довольно малороссійскихъ лѣтописцевъ на природномъ нашемъ и иностранныхъ языкахъ, въ томъ числѣ и огромный рукописный Самойла Величка; но собираю и всѣ какія въ руки мои ни попадуться. Жаль что я нахожу въ нихъ однѣ и тѣ-же повторенія и мало ясной истины. Со всѣмъ тѣмъ я почитаю ихъ какъ отечественныя драгоцѣнности; и такихъ, естьли обстоятельства не перемѣняться скоро у насъ не станетъ. Недавно насладился я пріятною вѣстію, что Государь Императоръ по докладу нашего генералъ-губернатора повелѣлъ герольдіи признавать малороссійское дворянство по чинамъ нашимъ и другимъ доказательствамъ въ древнемъ благородномъ его достоинствѣ. Вѣсть сія сладка сердцу моему. Вѣрьте тому что я люблю отечество,—люблю соотчичей моихъ больше самого себя. Одинъ частный человѣкъ пишетъ ко мнѣ удостовѣрительно о семъ изъ Полтавы, читавъ тамъ письмо о семъ князя Якова Ивановича къ Семену Михайловичу Кочубею. Однако жъ я за точность сего еще не отвѣтствую. Естьли это справедливо, то труды наши не пропали. Какъ пріятно трудиться для славы и пользы отечества! Собственныя чувства наши, чувства что мы въ нѣдрѣ онаго не жили праздно, награждаютъ насъ за оные и даютъ намъ счастливѣйшее для смертныхъ право на имя сыновъ отечества. Здѣсь сверхъ сего носится слухъ, что предъ обнародованіемъ и введеніемъ въ употребленіе первой уже вышедшей части новаго государственнаго уложенія призваны будутъ въ конгрессъ россійскихъ на особыхъ правахъ состоящихъ губерній обитатели для изъявленія своего согласія на принятіе для себя сего уложенія. На

семъ поприщѣ возобновится память прежнихъ незабвенныхъ во вѣки нашихъ патріотовъ. Щастливы будемъ ежели увидимъ новыхъ, защищающихъ съ такимъ же усердіемъ права, преимущества, вольности и свободы своего отечества. Напротивъ сего должны мы отвратить взоръ свой съ омерзеніемъ отъ пагубоностныхъ предателей отечества, вредныхъ себялюбцевъ. Пожалуюсь вамъ при семъ на свои несносныя семейныя заботы. 12 ноября минувшаго года я имѣлъ несчастіе лишиться послѣдняго изъ четырехъ родныхъ моихъ братьевъ Андрея Григорьевича, скончавшагося въ цвѣтѣ лѣтъ своихъ. Этотъ ударъ такъ поразилъ меня, что я отъ скорби души не имѣю покою и теряю остатокъ моего и безъ того уже слабаго здоровья. Сближаясь къ могилѣ его не рука а сердце мое написало ему надгробную:

Здѣсь сердце лишъ поставитъ знакъ горести своей;
Оно къ нему прибавитъ слезу души моей.

Сей братъ мой былъ юнѣйшею отраслью дома отца моего. Утѣшьте того своимъ отвѣтомъ, который за честь и долгъ почитаетъ всегда быть съ безпредѣльною преданностію и таковымъ же почтеніемъ вамъ Милостиваго Государя моего покорнѣйшій слуга *Василій Полетика.*

Коровинцы 2 февраля 1810.

В. Г. Полетикѣ отъ А. И. Чепы.

17 февраля 1810 г. [1]). Милостивый Государь мой Василій Григорьевичъ! Письмо ваше отъ 2 числа сего мѣсяца я получилъ. Пожалуйте прочтите терпѣливо мой отвѣтъ который будетъ обширенъ можетъ быть съ излишествомъ.

Самъ Богочеловѣкъ плакалъ надъ гробомъ друга своего и вы воздаете должную дань покойному брату вашему, переселившемуся въ другую, лучшую жизнь. Я по дружбѣ моей къ вамъ

---

[1]) Текстъ этого письма напечатанъ съ бѣловаго списка г. А. Л. въ „Кіевск. Стар." 1890 г. № 5. Черновой набросокъ заключаетъ нѣкоторыя подробности, опущенныя въ послѣднемъ спискѣ но нелишенныя значенія для знакомства съ личностью А. И. Чепы.

принимаю въ печали вашей искреннее участіе. Богъ со временемъ ниспошлетъ вамъ утѣшеніе.

Одно изъ лучшихъ моихъ занятій есть мысли о безсмертіи души, о будущей жизни и особливо когда услышу о переселеніи въ вѣчность подобнаго мнѣ человѣка. Нѣкоторыя сочиненія о сей матеріи читаю и утверждаю себя въ той надеждѣ, что я не умру, но живъ буду и повѣмъ дѣла Господня. Болѣе всѣхъ мнѣ по душѣ доказательства Гердерна, изъ натуры почерпнутыя. Благодаря Бога я могу понимать всѣ бредни и излишнія тонкости матафизическія духовидца Шведенборга, подобнаго ему Штилинга, Экартгаузена и прочая. И такъ я вѣрю, что ежели я въ сей жизни наслаждаюсь вашею дружбою, вашею пріязнію, удивляюсь вашимъ достоинствамъ, то и въ будущей, лучшей жизни увижусь съ вами и съ братомъ вашимъ, котораго вы теперь оплакиваете.

Въ истекшемъ генварѣ мѣсяцѣ возвратились ко мнѣ мои двѣ книги изъ пропадшихъ по смерти покойнаго Я. М. Марковича. Позвольте описать вамъ сокращенно подробности сего для меня случая.

Нѣкто коллежскій ассесоръ Пироцкій-Кудановичъ, служившій въ Петербургѣ, недавно поселился въ Черниговскомъ околодкѣ возлѣ деревни друга моего Аркадія Александровича Ригельмана который, разговаривая, узналъ отъ него что онъ былъ при смерти Я. М. Марковича и что нѣкоторые изъ моихъ фоліантовъ, данные ему для прочета, у него остались. Я писать къ нему и молить его и, по убѣдительной моей и г. Ригельмана просьбѣ, онъ прислалъ мнѣ двѣ не такъ рѣдкія книги, о прочихъ же сказалъ что они можетъ быть въ Петербургѣ у г. Гетуна, Статскаго Совѣтника, или у Ивана Ивановича Покорскаго или же у г. Маковскаго. Правда въ не худыхъ рукахъ, всѣ говорятъ это люди ученые, но мнѣ незнакомые. Я принялъ нѣкоторыя средства къ освѣдомленью о книгахъ, хотя и не надѣюсь возвратить ихъ.

Изъ сихъ одна книга содержитъ договорныя статьи, начиная съ гетмана Многогрѣшнаго и прочія мелочи. Другая же содержитъ въ себѣ списки нѣкоторыхъ изъ тѣхъ документовъ

коихъ я просилъ у васъ для списанія, яко-то: съ привилегіи 1563, 1568 и 1569 годовъ. Но какъ онѣ въ сей книгѣ съ описками, то я покорно прошу васъ одолжить мнѣ вашихъ, кои, уповаю, вѣрнѣе переведены и исправнѣе списаны. Или не прикажите ли сію книгу къ вамъ доставить? Для чего и реестръ оной при семъ подношу.

Я занимаюсь собираніемъ всякихъ бумагъ до Малороссіи касающихся, не только историческихъ документовъ, но всякихъ до правъ обстоятельствъ и состоянія народа касающихся піесъ. Бумаги мои о Малороссіи привожу въ порядокъ, удобный къ пріисканію. Я сдѣлалъ нѣкоторое систематическое расположеніе [1]). Недостающее стараюсь отыскать, заимствовать у знакомыхъ, но еще съ малымъ успѣхомъ. Думаю чтобы сколько можно дополнить историческими, политическими и прочими документами, указами напечатанными въ газетахъ и въ разныхъ періодическихъ сочиненіяхъ статьями (до Малороссіи касающимися), не исключая, публично произнесенныхъ рѣчей и разныхъ примѣчательныхъ писемъ. (Рѣчи покойнаго родителя вашего и ваши, кои я надѣюсь получить отъ васъ кромѣ напечатанныхъ

[1]) Въ черновыхъ набросках А. И. Чепы сохранилось нѣсколько проэктовъ такого расположенія, изъ которыхъ представляемъ наиболѣе полный сводъ, дающій понятіе о ихъ составѣ: *Планъ какъ расположить свѣдѣнія и документы къ исторіи малороссійской.* 1. Общія привилегіи, договорные пункты, грамоты, указы, универсалы. 2) Привилегіи, грамоты и универсалы частныхъ людей. 3) Лѣтописи. 4) Географическія свѣдѣнія. 5) О службахъ, повинностяхъ, податяхъ и доходахъ. 6) О ученыхъ заведеніяхъ для просвѣщенія народа. 7) О публичныхъ строеніяхъ. О запасномъ хлѣбѣ. О соли, о монетахъ, ассигнаціяхъ. О банкахъ и банковыхъ конторахъ. 8) О учрежденіяхъ канцелярскаго порядка. 9) Милостивые манифесты. 10) О нѣкоторыхъ общихъ россійскихъ законахъ и указахъ присвоенныхъ Малороссіи въ объясненіе, поправленіе, дополненіе, измѣненіе, умноженіе и умягченіе правъ малороссійскихъ. 11) О классахъ народа. О монастыряхъ и церквахъ, о духовенствѣ и причетникахъ, о шляхетствѣ и чинахъ, о козакахъ подъ разными именованіями, о артилеріи и о преобразованіи ихъ въ регулярные, о подданныхъ или крестьянахъ. О вольныхъ людяхъ, о вольныхъ земледѣльцахъ, о городахъ и обывателяхъ ихъ, купцахъ, мѣщанахъ и прочихъ, о иностранцахъ въ Малороссіи поселившихся. 12. О земледѣліи, скотоводствѣ, заводахъ, фабрикахъ, ремеслахъ и рукодѣліяхъ. 13) Письма. 14) Рѣчи въ собраніяхъ произнесенныя разными особами, по разнымъ обстоятельствамъ. 15) Стихотворенія. 16) Разные анекдоты и служащія къ онымъ піесы. 17) Записка о суевѣріяхъ, нашептываніяхъ и проч.

въ „Вѣстникѣ Европы“ займутъ первое мѣсто). Я знаю что вы изобилуете матеріалами къ намѣренію моему потребными. Прошу одолжить меня оными для списанія. Можетъ быть не мнѣ а послѣ меня кому нибудь случится мое собраніе употребить въ пользу для отечества нашего.

Мнѣ никогда не случалось читать и видѣть Лѣтописца Самойла Величка. Буди можно покорно прошу одолжить мнѣ оный будущей весною для прочету, а когда оный мнѣ покажется и для списанія.

Покорно благодарю вамъ за пріятное извѣстіе о Высочайчайшемъ утвержденіи малороссійскихъ чиновъ въ благородномъ достоинствѣ. Это должно быть вѣрно и я радъ всею душею.

Не странно ли я думаю? Новые русскіе законы будутъ то самое, что наши старые малороссійскіе...

(Конецъ письма о М. Ѳ. Берлинскомъ совершенно сходенъ съ напечатаннымъ уже текстомъ).

Приведенная выше переписка представляетъ много данныхъ для характеристики времени, общественныхъ вопросовъ, занимавшихъ выдающихся людей тѣхъ годовъ и самихъ участниковъ ея. Оставляя въ сторонѣ эти ея части, какъ матерьялъ для болѣе искуснаго изслѣдователя, мы хотимъ заняться однимъ лишь вытекающимъ изъ нея историко-литературнымъ вопросомъ объ историческомъ трудѣ Василія Григорьевича Полетики, для котораго онъ ищетъ данныхъ въ собраніяхъ Чепы и о которомъ говоритъ въ своихъ письмахъ. Что это за трудъ?

По сходному съ нею вполнѣ тону писемъ, по духу ихъ, по времени появленія, по одному и тому же индивидуальному отпечатку, трудъ этотъ не можетъ быть никакимъ другимъ, какъ извѣстною и загадочною до сихъ поръ „Исторіей Русовъ“. Когда эти письма вывезены были нами въ 1886 году изъ архива князя Н. В. Репнина, мы высказывали это предположеніе нѣкоторымъ интересующимся вопросомъ лицамъ. Нѣсколько позже въ „Кіевской Старинѣ“ напечатаны были замѣтки А. М. Лазаревскаго о Полетикахъ, гдѣ, какъ догадка, высказано было

предположеніе о принадлежности „Исторіи Русовъ“ Григорію Андреевичу Полетикѣ. Для выясненія вопроса и подкрѣпленія нашего предположенія нѣкоторыми доказательствами, прослѣдимъ литературную исторію знаменитой книги и отмѣтимъ нѣкоторыя ея частности, какъ бы обличающія автора.

Время появленія въ обращеніи рукописи „Исторіи Русовъ“ можетъ быть теперь установлено. Она неизвѣстна была Бантышъ-Каменскому при первомъ изданіи его „Исторіи Малороссіи“ въ 1822 году и указывается какъ одинъ изъ источниковъ во второмъ изданіи 1830 года. (Цензурное разрѣшеніе этого изданія помѣчено 1829 годомъ). По свидѣтельству г. Ханенка рукопись „Исторіи Русовъ“ найдена была впервые около 1828 г. въ библіотекѣ с. Гринева стародубскаго уѣзда черниговской губерніи (К. Стар. 1891. № 4 стр. 113). Максимовичъ, въ отзывѣ своемъ объ „Исторіи Русовъ“ [1]), говоритъ, что въ 1830 году „Исторія“ эта *„была уже въ ходу во многихъ спискахъ“*. Такимъ образомъ появилась она въ обращеніи между 22 и 29 годомъ, около 1825 года, и къ тому же времени, какъ мы думаемъ, только и была окончена авторомъ.

Въ исторіи всѣхъ литературъ есть примѣры сочиненій, по тѣмъ или инымъ обстоятельствамъ распространявшихся предварительно въ рукописи, и такіе примѣры особенно численны въ литературѣ русской, по ея спеціальнымъ условіямъ. И всегда судьба этихъ сочиненій одинакова: они распространяются *вскорѣ послѣ окончанія ихъ авторами* и распространеніе ихъ отвѣчаетъ живому интересу современниковъ, которые, а отнюдь не сами авторы, и суть ихъ распространители. Это понятно. Писатель не живетъ внѣ времени и пространства. Дѣятельность его напротивъ вызывается временемъ и, если встрѣчаетъ успѣхъ, значитъ—его мысль находитъ почву и сочувствіе у современнаго общества. Трудно, чтобы такой живой успѣхъ встрѣтила старая, рукопись, писанная пятьдесятъ лѣтъ назадъ, а не произведеніе въ которомъ общество слышитъ какъ бы формулировку своихъ еще смутныхъ думъ и стремленій. Вѣдь даже Саги Оссіана,

---

[1]) „Историческія письма о козакахъ придпѣпровскихъ“. Сочиненія т. I. стр. 305.

такъ угодившія романтизму, оказались сочиненными въ угоду общественному настроенію. Всѣ же сочиненія, интересъ къ которымъ доходилъ до распространенія ихъ въ спискахъ, всегда распространялись въ Россіи этимъ путемъ непосредственно за созданіемъ ихъ авторами. Достаточно вспомнить „Горе отъ ума“, „Войнаровскаго“, нѣкоторыя пьесы Пушкина и Шевченка и въ наши дни „Крейцерову Сонату“.

Распространившись въ спискахъ (съ именемъ Конискаго, присвоеннымъ ей очевидно составителемъ, а не издавшимъ ее впослѣдствіи Бодянскимъ), „Исторія Русовъ“ дѣлаетъ время отъ времени опыты проникновеніи въ печать, то въ отрывкахъ, то въ видѣ матерьяла. Послѣ указанія Бантышъ-Каменскаго, отрывки изъ нея появляются въ 1834 году въ „Запорожской Старинѣ. Здѣсь, въ книгахъ I—III, напечатано Срезневскимъ нѣчто въ родѣ сводной малороссійской лѣтописи („сказанія лѣтописцевъ и преданія о лицахъ и событіяхъ въ Украинѣ и Запорожьи отъ смерти Баторія до Богдана Хмельницкаго“). Во главѣ источниковъ этой компиляціи показана „Исторія Русовъ“. На страницахъ 102 и 103 помѣщены цѣликомъ два отрывка: „Повѣсть Конискаго о слѣдствіяхъ смерти Наливайки“ и „Повѣсть Конискаго о слѣдствіяхъ Брестскаго Собора“, послѣ которыхъ напечатано слѣдующее: „Помянутое посланіе уніатовъ помѣщено въ „Ист. Рус.“ цѣликомъ и цѣликомъ также внесено въ „Исторію Малой Россіи“. *Нѣкоторые* (курсивъ подлинника) думаютъ, что оно не подлинное, а создано смѣлою фантазіей въ послѣдующее время, что будто бы даже есть и подлинное гдѣ то, въ какой то иностранной книгѣ. *Какъ бы то ни было „Исторія Русовъ“ любопытна какъ собраніе подобныхъ документовъ“.* Высказанное сомнѣніе не мѣшаетъ Срезневскому, очевидно по тому же источнику, *составить* яко бы народную пѣсню о сожженіи Могилева, помѣщенную въ той же книгѣ. Еще печатаетъ онъ изъ „Исторіи Русовъ“ сказаніе о гетманѣ Гулакѣ и, въ слѣдующей части своей сводной лѣтописи, опять ставитъ „Конискаго“ во главѣ рукописныхъ источниковъ.

Въ началѣ же тридцатыхъ годовъ познакомился съ „Исторіей Русовъ“ и Гоголь, несомнѣнно пользовавшійся ею при соз-

даніи „Тараса Бульбы“ [1]). Какъ думаетъ г. Тихонравовъ и какъ видно по тожеству заимствованій Гоголя съ отрывками, помѣщенными въ „Современникѣ“, „Исторію Русовъ“ Пушкину и сообщилъ Гоголь, и высокое мнѣніе объ этомъ произведеніи, высказанное Пушкинымъ въ своемъ журналѣ въ 1836 г., было мнѣньемъ обоихъ поэтовъ. Объ „Исторіи Русовъ“ Пушкинъ заговорилъ по поводу изданія сочиненій Конискаго. Отзывъ поэта, всѣмъ извѣстенъ и не нуждается въ повтореніи. Пушкинъ восторгается горячимъ тономъ Исторіи, ея патріотизмомъ и называетъ „Конискаго“ *великимъ живописцемъ*. Въ авторство его онъ твердо вѣритъ и повторяетъ по этому поводу то, что говорится о сочиненіи книги Конискимъ для Григорія Полетики въ предисловіи, извѣстномъ по печатному изданію. Нельзя при этомъ не подивиться критической проницательности великаго поэта, когда онъ говоритъ: „сердце дворянина еще бьется въ немъ подъ иноческою рясою“ и объясняетъ эту черту происхожденіемъ Конискаго. Увѣренность въ авторствѣ послѣдняго скоро была поколеблена, но мнѣнье о талантѣ его оставалось незыблемымъ, пока, послѣ Пушкина и Гоголя, усомнился въ немъ г. Геннадій Карповъ. Въ „Современникѣ“ изъ „Исторіи Русовъ“ напечатаны были „Введеніе Уніи“ и „Казнь Остраницы [2]).

Въ своей „Исторіи Малороссіи“, вышедшей за четыре года до появленія въ печати „Исторіи Русовъ“, Маркевичъ совершенно обобралъ этотъ источникъ. Послѣ появленья печатнаго текста псевдо-Конискаго, „Исторія“ Маркевича сохранила интересъ только своими приложеніями, текстъ же ея, какъ почти цѣликомъ заимствованный, утратилъ значеніе.

Въ это время пресловутая рукопись ходила уже по Малороссіи въ множествѣ списковъ, попадающихся иногда въ глуши и теперь. Она хранила характеръ какой то таинственности; читая ее, запирали въ комнатѣ двери. Популярность ея была ве-

---

[1]) Въ послѣднемъ, десятомъ изданіи его сочиненій, редакторъ изданія г. Тихонравовъ дѣлаетъ интересный анализъ вліянія этого источника па „Тараса Бульбу“ и заимствованій изъ него. (Т. I, стр. 661—664).

[2]) „Исторія Русовъ“ стр. 40—42, 53—57.

лика. Интересное свидѣтельство объ этомъ значеніи рукописи можно встрѣтить въ прозаической повѣсти Шевченка „Близнецы“.

Также велико было ея вліяніе и въ литературѣ. Мы говорили уже о Гоголѣ. Шевченко въ первые годы своего творчества былъ подъ ея очевиднымъ вліяніемъ. Срезневскій, Кулишъ (въ „Михайлѣ Чернышенкѣ“), Костомаровъ (утерянная драма „Косинскій“ и стихотворенія), Гребенка („Иванъ Золотаренко“) и много писателей меньшаго значенія были увлечены талантомъ неизвѣстнаго автора. Попытки напечатать его книгу цѣликомъ дѣлались неоднократно. Наконецъ въ 1846 году она появилась въ московскихъ „Чтеніяхъ въ обществѣ исторіи и древностей“, редактировавшихся О. М. Бодянскимъ.

Суровый критикъ этой „Исторіи“ г. Карповъ, вооружаясь противъ этого сочиненія съ неподходящей къ научной оцѣнкѣ страстностью, упрекалъ впослѣдствіи Бодянскаго даже тѣмъ, что онъ ее напечаталъ. Спокойно возражая на это, что онъ далъ тѣмъ самымъ Карпову возможность судить объ этой „Исторіи“, Бодянскій, въ своемъ объясненіи [1]) припоминаетъ, какъ стояло дѣло съ „Конискимъ“ въ моментъ появленья его въ свѣтъ. „Въ тѣ поры, пишетъ онъ, то и дѣло слышались разсказы, какъ тотъ, другой, третій пытались издать „Исторію Русовъ“, но безуспѣшно, а между тѣмъ особенности этой Исторіи заставляли всѣхъ, кто имѣлъ случай читать ее въ ходившихъ по рукамъ спискахъ, желать ея оглашенія; выставлялись въ такомъ заманчивомъ свѣтѣ особливо смѣлость сужденій сочинителя о событіяхъ и двигателяхъ событіями, равно какъ и самый языкъ его, вовсе не похожій на языкъ прочихъ подобныхъ исторій, что естественно было отважиться, нельзя ли этотъ запретный плодъ сдѣлать доступнымъ всѣмъ и каждому, а не однимъ только тѣмъ кому выпадало такъ или иначе на долю вкусить его. Къ этому присоединялась еще баснословная цѣна за переписку этой исторіи, равномѣрно и требовавшаяся за готовые уже списки ея людьми промышлявшими тѣмъ... Изданіе „Исторіи Русовъ“, чего

[1]) „Чтенія въ Общ. Ист. и Древн.“ 1871 г.

напрасно добивались Устряловъ, Пушкинъ, Гоголь, удалось Обществу, не смотря на то, что съ каждой книжкой „Чтеній“ больше и больше стращали печатавшаго разными страхами. Такъ появилась „Исторія Русовъ“.

Сдѣлавшись всѣмъ доступною, таинственная „Исторія“ стала доступною и для научной критики, подвергнувшей провѣркѣ и опроверженію ея промахи и ошибки и выдѣлившей то, что оставалось въ ней цѣннаго. Нѣсколько фактическихъ поправокъ сдѣлалъ къ ней на основаніи документовъ Бантышъ-Каменскій еще въ 1830 году [1]. Подробнымъ же ея разсмотрѣніемъ занялось вскорѣ новое поколѣніе историковъ, которому дало оружіе въ руки значительно подвинувшееся уже къ тому времени изученіе и обнародованіе историческихъ источниковъ, актовъ, бумагъ государственныхъ и частныхъ архивовъ, появленіе изданій ученыхъ обществъ и коммиссій и т. п.

Первымъ въ ряду этихъ критиковъ выступилъ Соловьевъ, въ статьѣ „Очеркъ исторіи Малороссіи до подчиненія ея царю Алексѣю Михайловичу“ [2]. Здѣсь указано много фактическихъ невѣрностей „Исторіи Русовъ“, какъ напримѣръ—вымышленный разсказъ о смерти осужденнаго и казненнаго будто Косинскаго, который убитъ въ сраженіи подъ Пяткою, задолго до Брестскаго Сейма и Уніи; невѣрность въ описаніи шведскаго нашествія (битва подъ Лѣснымъ была 26 сентября, а Мазепа переправился черезъ Десну, послѣ чего козаки оставили его, 26 октября), противорѣчіе показаній о дѣятельности и судьбѣ Наливайки у „Конискаго“ и въ лѣтописи самовидца и у Ригельмана, разсказы о Тарасѣ Трясилѣ, Павлюгѣ, Перевязкѣ и прочія мало обоснованныя показанія. Максимовичъ въ своихъ маленькихъ, но глубокихъ изслѣдованіяхъ—первыхъ камняхъ въ зданіи достовѣрной малороссійской исторіи,—не разъ останавливался на погрѣшностяхъ „Исторіи Русовъ“, „весьма замѣчательной въ отношеніи художественномъ, но преисполненной свѣдѣній невѣрныхъ и сбивчивыхъ“. Въ брошюркѣ „Первыя

[1]) „Исторія Малороссіи“. Т. I, примѣчанія къ стр. 72, 316 и 317.

[2]) „Отечественныя Записки“ 1848 г. №№ 11 и 12, 1849 № 2.

времена кіевскаго богоявленскаго братства", онъ останавливается, напримѣръ, на показаніи „Исторіи Русовъ" о Сагайдачномъ и кіевскомъ братскомъ училищѣ (стр. 24. Примѣчаніе), заключающемъ невѣрныя и голословныя данныя, и говоритъ: „Неужели это написано перомъ Георгія Кониского? Самое лицо гетмана Жицкаго, яко бы строившаго братскую церковь, принадлежитъ „Исторіи Русовъ". Еще болѣе рѣзкому осужденію подвергаетъ онъ фактическую сторону этой Исторіи въ статьѣ „Историческія письма о козакахъ приднѣпровскихъ".

Частныя поправки къ „Исторіи Русовъ" встрѣчаются и въ сочиненіяхъ Костомарова. Въ статейкѣ „Говорилъ ли Полуботокъ Петру I, рѣчь приводимую Конискимъ" [1]) Лазаревскій подвергаетъ сомнѣнью фактъ произнесенья популярной впослѣдствіи рѣчи Полуботкомъ въ присутствіи Петра. На этомъ фактѣ не настаивалъ бы впрочемъ, вѣроятно, и самъ авторъ книги, вложившій мнѣнія Полуботка въ форму рѣчи просто въ качествѣ литературнаго пріема, къ которому онъ прибѣгаетъ во многихъ мѣстахъ сочиненія. Въ примѣчаніи къ переводу „Описанія войны Ивонія, господаря волошскаго" 1574 Леонарда Горецкаго Антоновичъ обличаетъ выдумки „Исторіи Русовъ" о гетманѣ Свирчовскомъ, вызвавшія впослѣдствіи и поддѣльныя думы въ этнографическихъ Сборникахъ [2]). Самый обширный, но и самый пристрастный разборъ „Исторіи Русовъ" сдѣланъ въ книгѣ Карпова „Критическій обзоръ разработки главныхъ русскихъ источниковъ до Исторіи Малороссіи относящихся за время: 8 генваря 1654 г.—30 мая 1672 года".

Разборъ свой Карповъ начинаетъ съ того мѣста книги, на которомъ остановился Соловьевъ. Помимо фактическихъ поправокъ, въ разборѣ Карпова царитъ мало приличное историку раздраженіе и, главнымъ образомъ, недовольство духомъ „Исторіи Русовъ". „Исторія, говоритъ этотъ авторъ въ другомъ своемъ сочиненіи [3]), есть ничто иное какъ борьба, а стало быть судеб-

---

[1]) „Основа" 1861 г. № 8.

[2]) „Кіевск. Стар." 1889 г. № 10.

[3]) Вступительная рѣчь въ харьковскомъ университетѣ. „Харьковскія Университетскія Извѣстія".

ный процессъ о томъ, которой сторонѣ жить, которой умереть". Сообразно съ этимъ взглядомъ, онъ вноситъ какое-то озлобленіе и задоръ въ весь свой длинный разборъ, „громитъ и разитъ, какъ говоритъ о его статьѣ Бодянскій, въ пухъ и прахъ то самое въ подсудной ему сторонѣ, что въ неподсудной находитъ въ порядкѣ вещей" и въ сужденіяхъ своихъ настолько переходитъ чувство мѣры, что явно обнаруживаетъ свое пристрастіе. Для фактическихъ поправокъ озлобленіе его излишне, а значеніе „Исторіи Русовъ", какъ явленія общественнаго и литературнаго, не умалилось послѣ его разбора ни на волосъ.

Сомнѣнья въ принадлежности „Исторіи Русовъ" Конискому укрѣплялись болѣе и болѣе съ развитіемъ знакомства съ малороссійской старой письменностью и историко-литературныхъ изученій. Опубликованье подлинныхъ его сочиненій, историческихъ и драматическихъ, анализъ самыхъ ошибокъ „Исторіи", окончательно подорвали эту увѣренность и въ настоящее время въ авторство Конискаго не вѣритъ никто. Вообще, съ самаго появленія „Исторіи Русовъ" въ обращеніи, авторство это выставлялось только какъ отводъ на первой страницѣ рукописи, а сейчасъ же вслѣдъ, въ самомъ текстѣ предисловія, о такомъ авторствѣ не говорилось ничего. Предисловіе утверждаетъ только что „Исторія" *передана* Конискимъ ученику своему Григорію Полетикѣ, съ увѣреніемъ въ ея достовѣрности, велась же она, будто бы, какъ лѣтопись при каѳедральномъ могилевскомъ монастырѣ „искусными людьми, сносившимися о нужныхъ свѣдѣніяхъ съ учеными мужами кіевской академіи и разныхъ знатнѣйшихъ малороссійскихъ монастырей". Объясненіе это, конечно, не болѣе какъ мистификація, за которою желаетъ скрыться авторъ. Вся книга проникнута слишкомъ личнымъ отпечаткомъ, въ ней выясняется слишкомъ ярко авторское міровоззрѣніе, и о трудѣ собирательномъ тутъ не можетъ быть и рѣчи. Но кто этотъ авторъ? Покойный Костомаровъ неудачно видѣлъ въ немъ одного изъ новыхъ малороссійскихъ дворянъ, созданныхъ Екатериной [1]), Нѣмецъ Кооль, разсказывая въ своемъ путешествіи

---

[1]) Статья „Поѣздка въ Батуринъ" въ газетѣ „Порядокъ".

о распространенности „Исторіи“ въ Малороссіи, называетъ автора Каневскимъ, конечно, ошибочно только искажая фамилію Конискаго [1]). Всѣ указанія, прямыя и косвенныя, приводятъ изслѣдователей къ дому Полетикъ, откуда несомнѣнно вышла эта Исторія [2]). А. М. Лазаревскій въ замѣткѣ своей „Догадка объ авторѣ „Исторія Русовъ“ авторомъ этимъ считаетъ депутата Екатерининской Комиссіи Григорія Андреевича Полетику. Мнѣнье Максимовича по этому вопросу иное. Вотъ что пишетъ онъ объ авторѣ таинственной исторіи въ статьѣ „О козакахъ приднѣпровскихъ“, уже нами указанной,—начиная съ стараго утвержденія авторства Конискаго: „Я долженъ заявить свое сомнѣніе объ „Исторіи Русовъ“: въ самомъ ли дѣлѣ она есть сочиненіе Георгія Конискаго? Не напрасно ли помыкается имя его за недостатки ея со стороны фактической и превозносится за ея достоинства со стороны художественной? Достопамятный мужъ знакомъ былъ хорошо съ старинными актами, относящимися къ исторіи церкви въ западной Россіи, и обладалъ большою начитанностью польскихъ историческихъ писателей: о томъ свидѣтельствуетъ намъ его книга *Prawa i Wolnosci*, изданная въ 1767 году въ Варшавѣ и небольшое сочиненіе его объ уніи, изданное въ „Чтеніяхъ“. Да и могъ ли Кониській безъ историко-фактическаго запаса вступить на то поприще, на которомъ подвизался съ такой славой! Его историческое познаніе неизбѣжно отозвалось бы въ сочиненной имъ исторіи, какого бы ни была она направленія и духа. А въ „Исторіи Русовъ“ совсѣмъ не видно близкаго знакомства ни съ современными актами, ни съ польскими историками, ни съ главнѣйшими малороссійскими лѣтописями: все взято не изъ первыхъ рукъ, а какъ будто по наслышкѣ и перестроено на свой ладъ, безъ соблюденія вѣрности и точности историческаго факта. Не по характеру Конискому, мнѣ кажется, было сочинять такую исторію и предлагать ее депу-

---

[1]) „Reisen im Inneren fon Rusland und Polen“ fon I. G. Kohl, II Theil, 321.

[2]) Между прочимъ, напримѣръ, восхваленія въ „Исторіи Русовъ“ Многогрѣшнаго и вымыселъ о его смерти, указанные Карповымъ и разъясненные Лазаревскимъ. Полетики оказываются родственною Многогрѣшному фамиліей. (Кіев. Стар. 1891 года № 4).

тату Полетикѣ на то важное дѣло, на какое она требовалась, и съ тѣми архипастырскими увѣреніями, о которыхъ говорится въ предисловіи неизвѣстнаго намъ лица. О Конискомъ извѣстно то, что онъ сообщилъ краткій лѣтописецъ Вас. Рубану, который и напечаталъ его въ 1773 году съ дополненіями написанными А. А. Безбородкомъ. Сомнительнымъ кажется мнѣ и то, чтобы Григорій Андреевичъ Полетика, человѣкъ ума положительнаго, знакомый съ лучшими малороссійскими лѣтописями въ томъ числѣ и съ Величковою, могъ предпочесть имъ неисправную со стороны фактической „Исторію Русовъ" и придержаться ее въ своихъ дѣловыхъ справкахъ, какъ это въ наше время сдѣлалъ авторъ „Украинскихъ мелодій" въ своей „Исторіи Малороссіи"... Мнѣ сдается, что „*Исторія Русовъ" сочинена неизвѣстнымъ для насъ авторомъ, укрывшимъ свое имя подъ двумя малороссійскими знаменитостями*, дабы сказать въ предисловіи, что „прошедшая черезъ эти отличные умы исторія" должна быть достовѣрной!

Не есть ли этотъ авторъ, — сынъ и преемникъ Григорія Полетики въ собираніи историческихъ матеріаловъ и въ изученіи малороссійской исторіи, Василій Полетика? Въ предположеніи нашемъ мы основываемся не столько на исторической критикѣ, сознавая недостаточность для нея нашихъ силъ, сколько на помѣщенныхъ выше документальныхъ данныхъ, случайно попавшихъ въ наши руки.

Въ первомъ изъ печатаемыхъ нами писемъ В. Г. Полетики къ Чепѣ онъ говоритъ: „Вездѣ стараюсь я сыскивать свѣдѣнія до малороссійской исторіи относящіяся, но мало оныхъ нахожу. До сихъ поръ мы не имѣемъ полныхъ бытописаній отечества нашего. Писатель сей исторіи находитъ для себя препоны сіи и бросаетъ перо свое. Малая способность моя, слабыя знанія мои и то отвлекаютъ меня отъ труда сего, *сколько я о предпріятіи его ни думаю*".

Въ раньше напечатанномъ письмѣ его къ Румянцеву, онъ пишетъ [1]): „Собранныя съ великимъ трудомъ и стараніемъ отцомъ моимъ (книги и рукописи) *въ послѣднихъ дняхъ жизни его* († 1784

---

[1]) „Кіев. Стар." 1891 № 4, стр. 105.

года) и напослѣдокъ мною и присовокупленныя къ первымъ, относятся по большей частью къ исторіи малороссійской, *начертаніе которой* было его, а наконецъ *сдѣлалось моимъ предметомъ*".

Вотъ, кажется, прямыя указанія на то, что исторію Малороссіи, которая вышла изъ дома Полетикъ и которая есть „Исторія Русовъ", сначала собирается писать, а потомъ пишетъ одно изъ лицъ этого дома, Василій Полетика.

Первое изъ приводимыхъ нами писемъ относится къ 1809 году. Въ то время историческій трудъ Василія Полетики еще не былъ написанъ; онъ только подготовлялся къ нему и собиралъ матеріалы, ища ихъ и въ чепинскихъ сборникахъ. Почтенному А. И. Чепѣ трудъ этотъ не былъ знакомъ до самой его смерти, иначе въ бумагахъ его нашлось бы какое нибудь свидѣтельство о немъ, а при посредствѣ этихъ бумагъ, узналъ бы объ этомъ трудѣ и Бантышъ-Каменскій и упомянулъ бы о томъ въ первомъ изданіи своей „Исторіи".

Въ приложеніяхъ къ этой книгѣ мы печатаемъ переданную Чепѣ В. Полетикой „записку о малороссійскомъ дворянствѣ". Сравните эту записку и тѣ страницы „Исторіи Русовъ", гдѣ говорится о происхожденіи и историческихъ правахъ малороссійскаго шляхетства (стран. 5—8 и 21 „Исторіи Русовъ"): тѣ-же ссылки, тѣ-же даты, тотъ же тонъ, почти тѣ-же выраженія. И тутъ и тамъ цитуется одна и та-же привилегія Сигизмунда Августа 1569 года шляхетству русскому, напоминается одинаково уравненіе литовскаго и русскаго шляхетства съ польскимъ въ 1563 г. при *Венжикѣ* Хмельницкомъ. Очевидно только, что „Исторія" писана потомъ. Въ ней все отдѣлано и сведено въ стройное зданіе.

Вотъ рѣчи Вас. Григ. Полетики, которыя онъ любилъ говорить въ разныхъ торжественныхъ случаяхъ [1]). Тѣ-же идеи дворянскаго достоинства и понятіе о дворянствѣ какъ о передовомъ, просвѣщенномъ классѣ. Одна рѣчь 1802 года произно-

[1]) Нѣкоторыя изъ нихъ своевременно напечатаны были въ „Вѣстникѣ Европы". Списки ихъ, равно и ненапечатанныхъ, сохранились въ полетикинскихъ бумагахъ, нынѣ принадлежащихъ В. В. Тарновскому.

сится Полетикой въ Полтавѣ по поводу предложенія генералъ-губернатора князя Куракина объ открытіи училища для дворянъ. Горячо отзываясь на этотъ призывъ и видя въ заботахъ о просвѣщеніи первый долгъ и благороднѣйшую заслугу, Полетика взываетъ къ тѣнямъ Конашевича-Сагайдачнаго и Могилы, прославляя ихъ память за ихъ просвѣтительныя заботы, точно такъ, какъ прославляетъ ее въ „Исторіи Русовъ“ [1]).

Во второй половинѣ „Исторіи Русовъ“, наиболѣе цѣнной и достовѣрной, есть описаніе бѣдствій, испытанныхъ Ромномъ и роменцами послѣ удаленія Шведовъ. (Стр. 213). Этотъ параграфъ, написанный съ большою горечью и съ подробностями, очевидно взятыми изъ преданій, могъ написать только мѣстный человѣкъ, долго тамъ жившій и слышавшій разсказы старыхъ людей.

Изъ двухъ Полетикъ такимъ постояннымъ жителемъ той мѣстности былъ Василій Григорьевичъ. Тоже можно сказать и объ эпизодѣ казни Лебединцевъ, подвергнутомъ сомнѣнію Ко-

---

[1]) „Конашевичи и Могилы! Вы первые на отечественной тверди нашей воздвигли храмы наукамъ. Съ жадностію ищу я на ней тѣхъ точекъ и стремлюсь къ нимъ, на коихъ нынѣ покоится прахъ вашъ, дабы надъ могилами вашими преклонить колѣни сердца, пролить слезы благодарности и сказать изъ глубины онаго да будетъ между нами свята, да будетъ благословенна память ваша! Въ вихрѣ восхищенія я могу только жить между вами, когда съ соболѣзнованіемъ вижу, что труды и жертвы ваши для отечества не приносятъ нынѣ плодовъ своихъ. Вы были творцами, а Кіевъ колыбелью немногихъ нашихъ любителей наукъ, нашихъ сыновъ отечества, но не вы, не вы великіе мужи причиною, что насажденія ваши не возродили между нами ни Кодровъ, ни Леонидовъ, ни Фокіоновъ, ни Эпаминондовъ въ любви къ отечеству, ни Гомеровъ, ни Виргиліевъ, ни Демосѳеновъ, ни Цицероновъ, ни Невтоновъ, ни Бюфоновъ въ учености. Мы были ко всему способны. Просвѣщенные народы всегда находили насъ таковыми. Но недѣятельность наша отнимала у насъ мѣсто между ими, отнимала, можно сказать, славу быть извѣстными свѣту. Великіе умы подобно нѣкоему призраку между нами являлись и, не находя для себя у насъ поприща безсмертныхъ дѣлъ, туне исчезали По крайней мѣрѣ теперь изгладимъ, сограждане, сіе справедливое на насъ рода человѣческаго нареканіе и покажемъ свѣту, что и въ Малой Россіи въ девятомъ на десять вѣкѣ жили благородные, не столько по имени, сколько по дѣламъ своимъ люди, любили отечество свое, помнили благо общее, пеклись о потомствѣ и человѣчествѣ“. О просвѣтительной дѣятельности Сагайдачнаго и Могилы „Исторія Руссовъ“, стр. 1 и 48.

стомаровымъ, но нашедшемъ подкрѣпленіе въ преданіи, записанномъ г. Ефименкомъ въ самомъ Лебединѣ [1]).

Обратимся къ доводамъ такъ сказать психологическимъ. Вас. Григ. Полетика бесѣдуетъ съ Чепой о необходимости появленія малороссійской исторіи—тотъ и другой собираютъ матеріалы для нея и горячо желаютъ освѣтить ими мракъ прошедшаго. Возможно-ли, чтобы при такомъ настроеніи, въ перепискѣ интимной и искренней, онъ ни слова ни сказалъ о такой „Исторіи“ еслибъ она написана была его отцомъ и безъ сомнѣнія была бы ему извѣстна? При томъ культѣ, который онъ питаетъ къ памяти отца, такой трудъ, о которомъ мечтаетъ и самъ, онъ поставилъ бы ему съ радостью въ одну изъ важнѣйшихъ заслугъ и ужъ, конечно, подѣлился бы свѣдѣніемъ о немъ съ человѣкомъ, глубоко преданнымъ тому же дѣлу. При несомнѣнной честности и благородствѣ его характера, нельзя допустить также, чтобъ онъ скрылъ трудъ отца и воспользовался имъ для обработки. Нѣтъ, во время переписки его съ Чепой, писанной въ домѣ Полетикъ малороссійской исторіи еще не существовало. „Начертаніе ея“, т. е. мысль о томъ и подготовка къ дѣлу, было заботой отца и „наконецъ стало предметомъ“ сына.

Писанная при иномъ режимѣ, „Исторія Русовъ“ кончена, надо думать, въ половинѣ двадцатыхъ годовъ, когда появленіе ея, особенно послѣ 1825 года, было уже невозможно и самое сочиненіе требовало авторской тайны. Авторъ или друзья его поставили ее тогда подъ защиту духовнаго имени Конискаго, которое такъ долго и оставалось при книгѣ.

Сохранились фамильные портреты обоихъ Полетикъ, Григорія и Василія, одинъ изъ которыхъ есть почти несомнѣнно авторъ занимающей насъ таинственной книги. Портретъ Григорія Полетики, уже знакомый читателямъ „Кіевской Старины“ [2]), изображаетъ красиваго, энергическаго человѣка, съ полнымъ жизни взглядомъ. Такой человѣкъ стремится привести свои

---

[1]) „Кіев. Стар.“ 1884 № 4. Лебединъ находится въ недалекомъ разстояніи отъ Коровинецъ, гдѣ жилъ В. Г. Полетика.

[2]) Портретъ „Кіев. Стар.“ реставрированъ. Вполнѣ сохранившійся портретъ Г. А. Полетики находится въ с. Юдиновѣ старод. уѣзда, черниг. губ.

мысли въ дѣйствія, играть въ современной ему жизни личную, активную роль. Изъ этой категоріи людей выходятъ общественные дѣятели, ораторы, которые производятъ впечатлѣніе личностью своей и слово которыхъ идетъ всегда параллельно съ дѣломъ. Публичныя рѣчи, политическія записки, или же переводы, гдѣ личность писателя стушевывается, были именно тѣми формами, въ которыя выливалась мысль Григорія Полетики. Служебная и общественная дѣятельность, масса дѣловыхъ хлопотъ и процессовъ наполняли его жизнь.

Портретъ Василія Полетики дошедшій до насъ писанъ въ старости. Тѣмъ не менѣе спокойствіе лица, глубокій и грустный взглядъ говорятъ о человѣкѣ сосредоточенной мысли, внутренней жизни, о томъ, что называется человѣкомъ „кабинетнымъ". Мысль такого человѣка стремится полно и всесторонне знать предметъ, знать его подробности, *изслѣдовать* его. Общественная, шумная дѣятельность не соотвѣтствуетъ такому складу ума. А если этотъ человѣкъ обладаетъ литературными задатками, инстинктомъ писателя, то заботы о гармоніи, о формѣ изложенія также присущи ему. Все это требуетъ характера сосредоточеннаго, спокойнаго. Но подъ этимъ спокойствіемъ, необходимымъ для работы ума, таится часто горячая мысль, страстный темпераментъ. Самые горячіе лирики—Дантъ, Руссо, Жоржъ Зандъ были по внѣшности людьми спокойными, и самые краснорѣчивые писатели—людьми молчаливыми и почти всегда плохими ораторами. Параллельно съ работою мысли у такихъ людей идетъ всегда обработка формы (приданіе мысли большей выпуклости, ясности) и одно замедляетъ другое. Сосредоточенное спокойствіе — первая характерная черта физіономіи писателя. Этому впечатлѣнію отвѣчаетъ и внѣшность предполагаемаго нами автора „Исторіи Русовъ".

Въ настоящихъ строкахъ мы не могли сдѣлать даже и бѣглаго наброска этой замѣчательной личности. Для біографіи В. Г. Полетики, труда заманчиваго и требуемаго его благородной памятью, въ настоящее время не найдено еще достаточно матеріаловъ. Случайно уцѣлѣвшія бумаги его въ двухъ собраніяхъ (кн. Репнина и нынѣ г. Тарновскаго) слишкомъ отры-

вочны и сбивчивы. Мы пытались въ нихъ искать нити его авторства. Во всякомъ случаѣ онѣ избѣгнутъ теперь уничтоженія или забвенія. Наткнувшись на первую серію ихъ въ яготинскомъ архивѣ, намъ довелось потомъ предпринять поѣздку и на родину Полетикъ въ с. Коровинцы роменскаго уѣзда полт. губ., откуда г. Тарновскимъ, наканунѣ ликвидаціи этого „дворянскаго гнѣзда", куплены были фамильные портреты, мною—уцѣлѣвшая часть книгъ и г. Тарновскимъ-же—остатки семейнаго архива [1]).

Въ первый пріѣздъ мой въ Коровинцы усадьба Полетикъ хранила еще нѣкоторый отпечатокъ прошедшей жизни. Домъ, хотя и передѣланный, сохранялъ свой старинный пошибъ. Со стѣнъ комнатъ глядѣли портреты Полетикъ и лицъ родственныхъ съ ними фамилій (Ильяшенокъ, Гамалѣевъ, Тихорскихъ). Большая люстра стиля Людовика XVI какимъ то призракомъ былого выглядывала среди новѣйшей обстановки. Совершенно сохранилъ физіономію данную ему насадителями, стародавними хозяевами, небольшой размѣрами, но типичный и на рѣдкость старинный садъ.

---

[1]) Рукописныя и книжныя собранія Полетикъ и самыя имѣнія ихъ разбрелись по свѣту и растаяли подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Наиболѣе значительная часть рукописей была продана сыномъ В. Г. Полетики Судіенку въ началѣ пятидесятыхъ годовъ. Въ числѣ ихъ находились „Лѣтопись Величка", „Лѣтопись Грабянки" (см. предисловіе къ печатному изданію этой лѣтописи), бумаги составившія два тома изданныхъ Судіенкомъ „Матеріаловъ", а также „Наказы депутатамъ", изданные „Кіевской Стариной". Въ пожарѣ старой полетикинской библіотеки, собранной Григоріемъ Полетикой, погибло, надо думать, множество невознаградимыхъ драгоцѣнностей. Вторая библіотека, собиранье которой начато отцомъ и продолжалось всю жизнь сыномъ, по смерти Вас. Вас. Полетики была расхищена разными лицами и продана частью въ Кіевѣ. Какъ заботился о ней хозяинъ ея и составитель В. Г. Полетика, видно изъ завѣщанія его, сохранившагося въ бумагахъ, купленныхъ Тарновскимъ, гдѣ говорится: „Библіотека моя вся, состоящая изъ рукописныхъ и печатныхъ книгъ тако же и всѣ записки, письма и извѣстія, подлинныя и копіи, касающіяся до ученыхъ дѣлъ и исторіи, покойнымъ отцомъ моимъ Григ. Андр. Полетикою собранныя и одному мнѣ изъ сыновъ его отказанныя, а мною послѣ него умноженныя, отказываются и мною одному-жъ сыну моему Григорію. Если-же онъ не женатъ или бездѣтенъ умретъ (что и случилось), то можетъ оную отказать меньшему сыну моему, а своему брату, Василію Полетикѣ, а сей тому изъ наслѣдниковъ своихъ, кто лучше оную въ свою и общую пользу употребить можетъ Я сверхъ сего желалъ бы, чтобы сіе книгохранилище было въ родѣ моемъ не только

Такихъ гигантскихъ кедровъ, какіе осѣняли этотъ почтенный домъ, я не видѣлъ нигдѣ въ Малороссіи ни прежде, ни послѣ. За ними, по склону, къ омывавшему садъ и нынѣ высохшему пруду, расходились радіусами короткія, но страшно высокія липовыя аллеи. Верхушки деревъ сплетались и солнечный свѣтъ дробился въ просвѣтахъ круглыми пятнами. Въ сторонѣ, болѣе низкой массой, разстилалась зелень фруктоваго сада. По стѣнамъ дома вился полузасохшій виноградъ, какъ говорили мнѣ, очень тонкихъ сортовъ, о возрастѣ котораго можно было судить по толщинѣ сучьевъ. Культура и тутъ, по мысли старыхъ хозяевъ усадьбы, какъ въ сферѣ духовной такъ и физической, могли вызвать къ жизни все полезное въ этомъ краѣ. Въ промежутки деревьевъ виднѣлись луга надъ Сулой, когда то здѣсь многоводной и чистой, а теперь высохшей и заросшей. На сѣверъ земли Полетикъ соприкасались съ маіоратнымъ имѣньемъ графовъ Головкиныхъ (бывшимъ Мазепы), Константиновомъ.

Въ двухъ шагахъ отъ усадьбы стоитъ сельская церковь, въ оградѣ которой находится могила Вас. Григ. Полетики, ря-

---

для умнѣйшихъ и достойнѣйшихъ потомковъ моихъ наслѣдственнымъ, но и будучи отъ времени до времени, при невозбранномъ чтеніи и употребленіи книгъ и рукописей ими и даже посторонними людьми и при исправномъ и цѣлостномъ однакожъ возвращеніи ихъ всегда въ оное, умножаемо всѣми ими, такъ сказать, семейственнымъ и общественнымъ, хранилищемъ ихъ душевной пищи, просвѣщенія и нравственности, въ которомъ они, взирая на ликъ перваго основателя онаго, безсмертнаго въ родѣ нашемъ и незабвеннаго въ отечествѣ своемъ Малой Россіи отца моего, а ихъ дѣда Григорія Андреевича Полетики, назидаться будутъ изящными его добродѣтелями и воспламеняться истинною любовію къ отечеству и согражданамъ, прославившимъ имя его въ свѣтѣ, но не воздвигшимъ еще ему никакихъ тлѣнныхъ, кромѣ вѣчныхъ на благодарныхъ сердцахъ достойнѣйшихъ соотчичей его памятниковъ. Мнѣ кажется, что священная тѣнь его будетъ тамъ находиться между потомками его, оживотворяя и поощряя ихъ къ великимъ дѣяніямъ".—Это любимое дѣтище В. Г. Полетики не просуществовало въ своемъ полномъ составѣ послѣ его смерти (1845 г.) и десяти лѣтъ. Купленный мною остатокъ ея въ нѣсколько сотъ томовъ, преимущественно періодическихъ изданій, пожертвованъ мною Кіевской Публичной Библіотекѣ. Имѣнія Полетикъ, розоренныя послѣ смерти Вас. Вас. опекой, распроданы нынѣ по частямъ, въ томъ числѣ и усадьба въ с. Коровинцахъ. Эта старинная и просвѣщеннѣйшая въ томъ краѣ фамилія исчезла оттуда, и новое поколѣніе дворянъ совершенно иного типа, не знаетъ и не помнитъ ея заслугъ.

домъ съ могилой его жены. Въ духовномъ завѣщаніи онъ велѣлъ похоронить и погребсти себя съ величайшей простотой и желанье его исполнено. Надъ нимъ высится длинная земляная насыпь, на которой лежитъ чугунная доска. На доскѣ, послѣ именъ и годовъ, читаемъ сочиненную имъ надпись:

Отечество, воззри! здѣсь сынъ твой погребенъ;
Любя тебя онъ жилъ. Въ семъ гробѣ теперь онъ.

Мысль, что я стою надъ могилою автора „Исторіи Русовъ“ не оставляла меня. Пусть ложна идея этой книги, идея отождествленія стараго козацкаго порядка съ понятіемъ о „вольности“ и взглядъ на представителей „старины“ какъ на творцовъ „самобытности“. Наука и факты исторіи выяснили фальшь этого взгляда, показали истинный характеръ малороссійской исторіи и ея демократическія начала. Но за этой книгой остается горячая любовь къ родинѣ, живость и блескъ разсказа, подробности, взятыя изъ неписанныхъ источниковъ и преданій, которыя служили подспорьемъ цѣлой серіи историковъ. За авторомъ неотъемлемо остаются возвышенность мысли и талантъ,—и эти черты сохранятъ навсегда „таинственной книгѣ“ ея историческое значеніе.

В. Горленко.

Псарь Севастьянъ.

(КАРТИНКА СЪ НАТУРЫ ИЗЪ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО).

I.

Хороша Малороссія въ лѣтнюю пору; хороша подъ осень, когда пожелтѣвшій листъ придаетъ особую красу деревьямъ; хороша и зимой, когда предъ вами разстилается безпредѣльная даль открытаго поля, кой-гдѣ отѣненнаго синевой лѣсовъ, селъ, хуторовъ и хуторковъ. Хороша она во всѣ періоды года; но въ особенности хороша весной, когда свѣжая зелень покрыла поля, когда лѣсъ началъ одѣваться, и рѣки, выступивъ изъ своихъ береговъ, разлили воды и стоятъ, какъ зеркало недвижимою гладью. Особенно величественно въ эту пору Приднѣпровье: лодочки рѣютъ въ дали; на луговой сторонѣ избенки позалиты водой подъ самыя крыши; видны только верхушки деревъ, точно кусты на зеркальной поверхности водъ. А за этой гладью далеко, далеко, чорная, какъ ночь, полоса: то лѣсъ и гора по ту сторону Днѣпра. Катитъ Днѣпръ свои воды въ даль безпредѣльную, къ морю глубокому, и не вернется къ нему ни одна волна, ни одна струя! А онъ, кормилецъ, раскинулъ величаво свои воды въ ширь, какъ гривой трясетъ волнами своими и принимаетъ въ свои объятія, словно дѣтей своихъ, Пселъ и Сулу. А сколько на этомъ пространствѣ реченокъ слилось и образовало острова и островочки; сколько заливовъ, полныхъ рыбы! Сколько звѣрья въ лѣсахъ, окруженныхъ водою, и перелетныхъ птицъ!... Роскошь охотнику!

Домъ бабушки-генеральши на горѣ, надъ самой Сулой, во время разлива представлялъ оживленную картину. Съ третьяго этажа въ ширь и въ даль видно, сколько она захватитъ. Нѣтъ предъ нимъ ни горы, ни лѣса дремучаго: съ одной стороны безпредѣльное море воды, съ другой—открытое поле то рѣетъ бархатомъ зеленой озими, то перемежается черною пахотью. У самаго дома бѣготня прислуги, веселый говоръ, крикъ суетливаго приказчика, а у берега рѣки—цѣлая флотилія: нѣсколько большихъ лодокъ совершенно готовы къ отплытію, гребцы на своихъ мѣстахъ, невода, ружья, гончія, лягавыя собаки, псари—все уже готово. И смѣхъ, и говоръ, и развеселыя шутки, и визгъ собакъ, и плескъ волны о борта лодки,—все слилось въ одинъ звукъ; всѣ чувствуютъ себя хорошо, свободно; даже псарь Севастьянъ, обыкновенно только въ лѣсу заливавшійся звонкой пѣсней, теперь весело поглядывалъ и улыбался.

— Что, Савоська, небось соскучился? Радъ, что вывелъ дѣтокъ погулять?—

Савоська, не отвѣчая на вопросъ, погладилъ по головѣ одного пса, оскалившаго къ нему свои зубы, вѣроятно тоже отъ радости; другому, нетерпѣливо визжавшему, сочувственно заглянулъ въ глаза, и самъ, горя нетерпѣніемъ, перемѣнилъ свою веселую улыбку, апатично сплюнулъ и, какъ бы нехотя, вынулъ трубку и закурилъ. А въ это время господа уже сходили съ крыльца. Двѣ лодки нагрузили собаками, въ другія двѣ усадили господъ, двѣ—заняли люди, необходимые для охоты и рыбной ловли, и наконецъ еще въ двѣ сложили невода, сѣти, провизію. Всѣ разомъ отчалили, всѣ разомъ ударили веслами, и дружная пѣсня эхомъ своимъ отдалась по лугамъ, понеслась волною вдоль по рѣкѣ. Подулъ слегка попутный вѣтерокъ, распустили паруса и при помощи веселъ понеслись быстрѣе птицы. Часъ спустя причалили къ обширному острову, покрытому густымъ лѣсомъ. Кучи валежника, громоздясь одна на другую, въ иныхъ мѣстахъ дѣлали лѣсъ непроходимымъ: овраги, рытвины, полусвалившіеся громадные вѣковые дубы, зеленыя ели, бѣлокудрявыя березы слились своими вѣтвями; на нихъ еще ни листочка, но среди лѣса тѣнь. Вѣ-

теръ не шелохнетъ, и самый высокій дубъ не шевельнетъ своими вѣтвями; только изрѣдка мертвая тишина нарушается плескомъ волны, и то у берега, да подъ часъ крикъ журавля или перелетнаго гуся пронесется по воздуху. Взглянете вы—плывутъ странники повыше дубовъ могучихъ; нѣтъ имъ преграды, не достать ихъ пулей, и никому не посягнуть на ихъ вольную волю.

Лодки съ собаками должны были обогнуть островъ и, приставъ у крутого берега со стороны Днѣпра, выгрузиться; остальные всѣ причалили къ отлогому берегу съ противоположной стороны острова. Картина острова быстро измѣнила свой видъ: люди, молча, не производя ни малѣйшаго шума, разбивали палатки, выносили изъ лодокъ складные стулья, столы, ковры; рыболовы разбирали сѣти, забрасывали ихъ въ заливъ; поваръ уставлялъ походную желѣзную печку, поваренокъ разбиралъ кастрюли; кто чистилъ, кто заряжалъ ружье. Здѣсь уже всѣ смѣшались и перемѣнились до того, что только по костюмамъ можно было отличить баръ. У всякаго было свое дѣло, и только Андрей Романовичъ похлопывалъ самъ себя по рукамъ ниже плечъ и, почесывая съ наслажденіемъ въ затылкѣ, суетился около повара: воображаемая уха съ жирными животрепещущими окунями уже рисовалась ему въ тарелкѣ и разливала свой ароматъ у самаго носа. Андрей Романовичъ былъ лакомка и такъ любилъ покушать, что за тарелку лакомаго блюда отдалъ бы все и даже кучу своихъ дѣтокъ, въ которыхъ бабушка-генеральша не чуяла души. Андрей Романовичъ отошелъ было уже совсѣмъ отъ повара; но потомъ, что-то вспомнивъ, вернулся назадъ. „А что, Лобко, если попадется щука икрянка! Смотри, приготовь икорку съ перчикомъ, съ лукомъ и сдѣлай ксеники подъ соусъ!.. Эхъ, судакъ хорошо-бы подъ яички съ масломъ!“—добавилъ онъ. Конечно, не пересказать намъ всѣхъ любимыхъ блюдъ его, и долго бы пришлось повару выслушивать и наблюдать, какъ Андрей Романовичъ смаковалъ въ своемъ воображеніи,—но вдругъ по ту сторону острова раздался рогъ Севастьяна и пронесся въ воздухѣ надъ самымъ ухомъ Андрея Романовича. То былъ сигналъ стрѣлкамъ занимать

свои мѣста. Въ минуту всѣ бросились къ лѣсу, а на берегу остались только любители рыбной ловли да поваръ съ поваренкомъ.

Севастьянъ всегда угрюмый, всегда суровый, былъ ласковъ только среди своей собачьей семьи, да среди суроваго, угрюмаго лѣса, гдѣ онъ чувствовалъ вполнѣ свою свободу, гдѣ онъ сознавалъ себя старше всѣхъ, гдѣ ему никто, и даже самъ Андрей Романовичъ, не смѣлъ ничего указать. А какая у него послушная стая, какъ они всѣ до одной идутъ за нимъ смирно; ни одна не выкажетъ своего жгучаго нетерпѣнія; и пока Севастьянъ не крикнетъ, пока его голосъ не отдастся эхомъ по лѣсу, пока, взвизгнувъ въ воздухѣ, не щелкнетъ его кнутъ,—до тѣхъ поръ ни одна не пойдетъ, хотя-бы звѣрь передъ носомъ порвался. Севастьянъ зналъ, куда подвести стаю, и насадилъ ее прямо на матку. Соловей первый подалъ голосъ, къ нему подвалили всѣ остальные; голоса слились въ одинъ непрерывный звукъ и погнали цѣлое гнѣздо волковъ, выставивъ ихъ прямо на стрѣлковъ. Пальба сдѣлалась общая. Севастьянушка метался по лѣсу съ неутомимымъ проворствомъ, крикомъ своимъ подохочивалъ стаю, обнадеживалъ охотниковъ: у каждаго изъ нихъ трепетала душа; но стая перевалила за ручей сажень въ пять ширины; ручей этотъ огибалъ самую густую часть лѣса и замыкалъ ее съ трехъ сторонъ. Стрѣлкамъ стоило перейти въ сторону не болѣе двухъ сотъ саженей для того, чтобы запереть выходъ, но никто не сообразилъ, а Севастьянушка далеко поотсталъ отъ стаи, и хотя сразу сообразилъ, что стая осадила волка, но густой лѣсъ, перевитый хмелемъ и лозой, затруднялъ ему путь. Къ счастію, онъ попалъ на тропинку и, упираясь на длинный шестъ, дѣлалъ неимовѣрно широкіе прыжки. Тропинка, впрочемъ, шла не къ выходу изъ острова: онъ очутился у ручья и былъ совершенно отрѣзанъ отъ стаи. Попробовалъ шестомъ—глубоко; измѣрилъ глазомъ—широко и быстрое теченіе. Плюнулъ, перекрестился, вынулъ изъ кармана трубку, заворотилъ ее въ кесетъ съ табакомъ, ощупалъ, тамъ ли огниво и трутъ, наскоро обвилъ кесетъ снуркомъ и со всего размаху швырнулъ на ту сторону ручья, замѣтивъ, гдѣ

кесетъ упалъ, отошелъ шаговъ на десять и, разбѣжавшись, изо всѣхъ силъ уперся шестомъ и сдѣлалъ гигантскій прыжокъ, но не дохватилъ до противоположнаго берега на цѣлую сажень. Берегъ былъ не глубокъ, и хотя воды было ему по поясъ, но кожаный костюмъ, сшитый вмѣтѣ съ сапогами, предохранилъ его отъ мокроты. Дѣло минуты—и Севастьянъ на берегу. Стая валила прямо на него; услыхавъ его голосъ, она ободрилась и тутъ же на виду всѣхъ стрѣлковъ осадила сѣраго. Севастьянушка—на него верхомъ; въ одну минуту схватилъ его за уши, палку въ зубы, надѣлъ намордникъ, связалъ ноги и тогда уже отбилъ разъяренную стаю.

Къ вечеру картина острова, гдѣ расположился охотничій лагерь, опять измѣнилась: въ воздухѣ была такая теплота, что, не смотря на близость воды, сырость совсѣмъ не чувствовалась; притомъ же натаскали такъ много валежника, что костры не погасали далеко за полночь. Прежде всего Севастьянъ позаботился о своихъ дѣткахъ и, накормивъ ихъ до сыта, уложилъ на заранѣе приготовленной соломѣ, оставивъ и для себя мѣстечко. Всего народа, не считая господъ, понабралось человѣкъ тридцать. Выпивъ изрядную порцію водки, всѣ съ наслажденіемъ принялись за ужинъ, позабывъ о приключеніяхъ дня, не смотря на то, что почти на долю каждаго выпалъ какой нибудь случай; разсказать о немъ такъ и забирало нетерпѣніе, но боясь поотстать отъ другихъ, всѣ поспѣшали управиться прежде съ вечерей и потомъ уже, коли въ моготу будетъ, потѣшить себя и другихъ, прихвастнувъ удалью и небывалою находчивостію. Одинъ Севастьянъ не думалъ о своихъ подвигахъ: онъ коли что и дѣлалъ, то единственно самъ для себя, да чтобъ помочь дѣткамъ-собачатамъ. Съ самаго ранняго дѣтства онъ все скитался по лѣсамъ: захватитъ, бывало, на людской ковригу хлѣба, да съ ней и пробавляется цѣлую недѣлю въ лѣсу; совьетъ на дубѣ гнѣздо, укроется его широкими листьями, тамъ и проведетъ ночь. Зато видитъ онъ, куда выходитъ звѣрье и чѣмъ пробавляется; видитъ какъ волчица учитъ своихъ молодыхъ дѣтенышей добычу терзать, и когда начнетъ старый волкъ выть, онъ ему въ тонъ вторитъ, да такъ удачно,

что коли вздумаетъ потѣшиться и начнетъ первый подвывать, все гнѣздо взбудоражитъ, и подымутъ тогда такую пѣсню, что у другаго волосы дыбомъ встанутъ, а онъ какъ ни въ чемъ не бывало. Долго мучился съ нимъ приказчикъ: нѣтъ ему удержу, ни къ какому дѣлу не хочетъ сноровки взять; зато едва псарь собралъ стаю, Савоська уже впереди его съ шестомъ ковыляетъ: потянулъ прямо къ лѣсу. „Ну, быть тому такъ!“—и назначилъ его въ помощники къ псарю. Сшили ему сапоги, куртку одѣли, а въ осень, когда ушли въ отъѣзжее поле, Савоська такъ показалъ свою удаль, что въ тотъ же годъ поручили ему всю стаю. Пріобрѣтши самостоятельность, Савоська больше ничего не желалъ: весь идеалъ его жизни былъ въ его рукахъ. Характеры, подобные Савоськину, во время крѣпостнаго права—явленіе обыкновенное; формировались они подъ разными впечатлѣніями, но больше всего подобными эксцентричностями отличались незаконно съ господами прижитыя дѣти. Выростали они среди дворни, почти безъ материнскаго ухода; за ними ухаживала сама ихъ горькая судьба; отъ всѣхъ пинки, толчки дѣлали ихъ выносливыми, до крайности терпѣливыми. Выбившись изъ дѣтскаго возраста и почувствовавъ въ себѣ кой-какую силушку, они уединялись, сначала, прячась по огородамъ, расхищали въ садахъ овощи; ихъ ловили, задавали имъ порку. Вытерпѣвъ безъ крика, пересчитавъ отъ перваго до послѣдняго всѣ удары и освободясь изъ рукъ тирана, мальчуганъ подымалъ свои ноги и летѣлъ черезъ канавы, черезъ плетни, набитые колючимъ терномъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, принимался за то же дѣло въ другомъ огородѣ. Таковъ былъ и Савоська въ дѣтствѣ, и былъ такимъ до тѣхъ поръ, пока не поручили ему стаи, пока не почувствовалъ онъ своей самостоятельности. Получивъ стаю въ свое независимое распоряженіе, онъ сразу почувствовалъ себя собственникомъ и понялъ, какъ жаль своего нажитого. А онъ дѣйствительно пріобрѣлъ стаю своимъ трудомъ! Развѣ мало стоило ему силы, труда и здоровья, пока онъ усвоилъ всѣ сноровки, пока изучилъ привычки звѣря до того, что сразу угадаетъ, гдѣ онъ залегъ и куда пойдетъ, на случай его тронуть? И вотъ именно только теперь Савоська почувствовалъ призваніе къ

жизни, теперь полюбилъ ее вполнѣ и сталъ дорожить ею. Лѣтомъ, когда охота съ гончими невозможна, никто не смѣетъ послать Савоську никуда и никто ничего ему указать не можетъ,—онъ самъ себѣ господинъ. Соберетъ стаю и чинно, выстроивъ всѣхъ попарно, поведетъ къ лѣсу на выводку, и пока дѣти потѣшаются, онъ лазитъ по гнѣздамъ, подбираетъ яйца дикихъ голубей, а иногда взберется на вершину самаго высокаго дуба, что повыше всѣхъ въ лѣсу, и глядитъ—не наглядится на Божій міръ и дивуется всему, что для него въ немъ не разгадано. Слѣдитъ онъ за тучами, откуда и куда ихъ несетъ; любуется звѣздами, блѣдной луной... И что это на ней за пятна такія? И вспоминаетъ разсказъ стараго кучера, какъ Каинъ Авеля убилъ. И тутъ же приходитъ къ убѣжденію, что въ назиданіе всѣмъ людямъ Богъ изобразилъ эту картину на лунѣ. Приходятъ ему затѣмъ въ память всѣ муки, какія онъ въ дѣтствѣ вынесъ на своемъ тѣлѣ отъ истязаній ему же подобныхъ людей, и терзаетъ его мысль, почему это люди не слушаютъ Бога и безжалостно одинъ другого терзаютъ? И какъ же это такъ у всѣхъ есть родня, а онъ одинъ среди всей дворни не знаетъ ни отца, ни матери! Вотъ щенята—и тѣ родятся! Гдѣ же это я взялся?—думаетъ Савоська и отворачивается теперь отъ всѣхъ людей, такъ точно, какъ въ былое время его никто не хотѣлъ знать.

Пріѣзжіе господа на время охоты всегда вознаграждали Савоську за его усердіе. Собралъ онъ себѣ рублей тридцать чистыми рублевиками; никогда не издерживая ни на что ни одного гроша, онъ считалъ себя богачемъ. „Для чего мнѣ такое богатство?" думалъ часто Савоська: „самъ я на свѣтѣ одинъ одинешенекъ!"

Дѣйствительно, Савоська былъ совершенно одинъ. На псарнѣ, у Персиковой могилы, съ версту отъ селенія онъ жилъ одинъ; никто къ нему не заходилъ, никто не звалъ его къ себѣ ни въ праздникъ, ни на крестины. Сходитъ бывало во дворъ, получитъ провизію для себя и для дѣтокъ собачатъ, а больше ему что? Разъ Савоська шелъ черезъ черный дворъ; смотритъ—у корыта между свиней малая дѣвчонка, лѣтъ трехъ, тягаетъ

своими пальчиками помои—и все въ ротъ: поймаетъ кусокъ сухаря и смокчетъ его съ наслажденіемъ; свинья осерчаетъ—она ее палочкой по рылу; кой-какъ помирятся—и сыты оба. Савоськѣ такъ и представилась вся его дѣтская жизнь, когда онъ пробавлялся помоями, ползая промежъ свиней, пока наконецъ въ силу убрался.

„Чья ты?“—„Не знаю!“—„А кто твоя мама?“—„Не знаю!“—„А тато?“—„Не знаю!“—„Какъ тебя звать?“—„Не знаю!“—былъ одинъ и тотъ же отвѣтъ. Савоська, у котораго никогда ни одна слезинка не являлась на глазахъ, на этотъ разъ залился горючими. Онъ схватилъ къ себѣ на руки дѣвчонку, прижалъ къ своей груди и, осыпая ее горячими поцѣлуями, унесъ къ себѣ на псарню. Бѣдное дитя все думало, что онъ ее будетъ бить, и отъ страха дрожало: невѣдомые и никогда ни отъ кого не получаемые поцѣлуи она считала за угрозу. Савоська шелъ быстро, какъ только могъ, и скоро очутился въ своей землянкѣ на псарнѣ. Дѣвочка все еще не понимала, что съ ней будетъ, и вся дрожала, пока Савоська началъ гладить ее по головкѣ, облѣпленной струпьями. Пріятное ощущеніе вызвало на ея лицѣ улыбку, и она мало по малу успокоилась. Полно, сказалъ Савоська, пробавляться помоями! будетъ съ тебя! И съ тѣхъ поръ, какъ дѣвчонка получила пріютъ, Савоська почувствовалъ, что онъ не одинъ на свѣтѣ и что, кромѣ дѣтокъ-собачатъ, у него есть еще дитятко, которому принадлежитъ вся его жизнь.

Прошло много лѣтъ со времени описанной мною сцены на чорномъ дворѣ, а между тѣмъ никому и на мысль не приходило спросить, куда дѣвалась дѣвчонка; никому и дѣла до нея не было, и только у Савоськи щемило по ней сердце, когда онъ оставлялъ ее одну одинешеньку на псарнѣ, уходя въ отъѣзжее поле, особенно въ первые годы, когда она еще не могла сама о себѣ промышлять. Приготовитъ, бывало, ей хлѣба и воды дней на шесть, поставитъ соли на прилавочекъ, подопретъ ворота, да такъ съ Богомъ и оставитъ дитятко одно одинешенько—и хранитъ его милосердный Творецъ, и ростетъ оно, развивается, красуется, какъ маковъ цвѣтъ, утѣшаетъ Савоську; ждетъ его, какъ ясное солнце, и знаетъ, что только и есть ихъ

двое на всемъ бѣломъ свѣтѣ, одно другому дорогихъ, и что никто, кромѣ собачатъ, о нихъ не потужитъ, а коли и вспомнитъ кто, то развѣ охотники пожалѣютъ о Савоськѣ, какъ о славномъ псарѣ, какого врядъ ли послѣ него скоро можно будетъ нажить.

Пока прислуга заканчивала свой ужинъ, въ палаткѣ, убранный коврами, шла оживленная бесѣда; одинъ Андрей Романовичъ не принималъ въ ней участія,—все его вниманіе было обращено на столъ, уставленный закусками, къ которымъ еще никто не прикасался, но запахъ ихъ уже носился въ воздухѣ и возбуждалъ аппетитъ. Въ палаткѣ шла оживленная бесѣда, а Савоська лежалъ уже на мягкой соломѣ, дѣтки-собачата обогрѣвали ему спину. Хотя послѣ купанья онъ сдѣлалъ изрядный моціонъ, но все же дрожь пробирала его, усталость брала свое, и сонъ одолѣвалъ, а мысли стремились на псарню, гдѣ осталось его ненаглядное дитятко; и хотя онъ былъ совершенно покоенъ, такъ какъ теперь она уже не малый ребенокъ — ей уже пятнадцать годковъ, красива, свѣжа, русые кудри роскошно вьются и нѣтъ на головѣ ни струпика, нѣтъ ничего, что бы ее безпокоило и производило зудъ,—но все же Савоська не могъ уснуть, не подумавъ, какъ она одна одинешенька проведетъ ночь.

II.

Въ то время, когда рѣшеніе крѣпостнаго вопроса подготовлялось, когда въ умахъ народа уже бродила неясная идея воли, Савоська все еще жилъ на псарнѣ у Персиковой могилы. Дитятко его красовалось предъ нимъ въ полномъ цвѣтѣ роскошной юности, и не было у нихъ мысли о другой лучшей волѣ, чѣмъ та, какою они пользовались. И не было красивѣй во всемъ селеніи дѣвки, какъ Мотря, его ненаглядное дѣтище. Но нѣтъ такихъ радостей, которыхъ бы не смѣнило горе! Злое—оно всегда подкрадывается потихоньку, особенно тамъ, гдѣ его совсѣмъ не ждутъ! Еще съ осени баринъ задумывалъ поумень-

шить стаю; но все не рѣшался, и только когда пріѣхалъ старшій его сынъ, горный инженеръ, посовѣтовались они, поговорили о предстоящихъ реформахъ и рѣшили положить конецъ всему, что влекло за собой лишній расходъ.

Иногда день начинается хорошо, а оканчивается очень скверно: солнышко ярко взошло, освѣтило поля и луга, играетъ по снѣгу тысячью переливовъ; безпредѣльная бѣлая степь раскинулась гладью широкой; не шелохнетъ вѣтеръ: тишина... только поскрипываетъ на морозѣ снѣгъ подъ ногами, да иногда вдалекѣ каркнетъ ворона и эхо огласитъ окрестность. Гляди, къ вечеру небо покрылось тучами—и пошла по полю заверюха: куралеситъ, крутитъ, пуще голоднаго звѣря реветъ. Такъ бываетъ и въ жизни: все идетъ хорошо, да потомъ сразу невзгода за невзгодой; такъ съ ней и въ могилу пойдешь! Жилъ Савоська на псарнѣ тридцать лѣтъ, дитятко взростилъ, сколько собачатъ воспиталъ—и не зналъ никогда никакого горя! Вдругъ ночью вся стая вой подняла; да какую же тревогу въ сердцѣ бѣднаго Савоськи заронила! Ужъ онъ и грозилъ, ужъ онъ и трубилъ и Мотря къ нимъ выходила,—нѣтъ, до самаго свѣта тревога. Едва разсвѣло, спѣшно Савоська одѣлся, умылся и вышелъ осмотрѣть вокругъ—не былъ ли ночью гдѣ звѣрь? Но слѣдовъ никакихъ; даже зайчикъ нигдѣ не прошелъ. Стосковался Савоська. Не пошелъ обратно на псарню, а во дворъ—разузнать, не стряслась ли тамъ какая бѣда. Онъ такъ вѣрилъ въ дурное предчувствіе своей стаи, что никакъ не хотѣлъ согласиться, чтобы она напрасно вой подняла.

Вечеромъ въ ту самую ночь молодой баринъ-инженеръ долго не могъ уснуть и позвалъ Вавилку лакея, теперь уже взрослаго парня, друга своего дѣтства. Часто говорятъ: что́ можетъ быть общаго между людьми разнаго образованія, да еще, если положеніе въ свѣтѣ совершенно различно? Не говорите этого! Люди, у которыхъ одно общее прошлое, всегда довольны встрѣчей, какая бы между ними ни была разница, и только надменные педанты, заносчивые гордецы отворачиваются отъ друзей своего дѣтства, а нашъ герой былъ не того пошиба человѣкъ. Молодые люди того времени пробовали уже попадать

въ тонъ либеральному направленію, а въ виду близкой реформы даже необходимо было призапастись друзьями изъ крестьянскаго сословія; притомъ же Вавилко не былъ такой дуракъ, чтобы не нашелъ чѣмъ поразвлечь молодого своего барина. Молодые офицеры очень часто наѣзжали къ нимъ, и Вавилка до тонкости изучилъ всѣ ихъ привычки и съ первыхъ же словъ угадывалъ дальнѣйшее направленіе разговора. Съ молодымъ своимъ бариномъ онъ отъ души желалъ задушевной бесѣды.

Тащи-ка, Вавилка, сюда свой тюфякъ, да ложись вонъ тамъ у печки, будетъ потеплѣй! Да разскажи мнѣ кой-что!

Вавилка спѣшно втянулъ матрацъ и швырнулъ его къ печкѣ. Цыновочной пылью пахну́ло въ лицо молодого барина, да и сапоги издавали не совсѣмъ пріятный запахъ, а когда онъ развернулъ онучи и потянулъ на себя вмѣсто одѣяла старую дубленку,—ароматъ превзошелъ ожиданія. Однако носъ, какъ и всѣ прочіе органы, имѣетъ способность скоро свыкаться со всякой всячиной, а такъ какъ бесѣда обѣщала быть пріятной, то молодой баринъ охотно покорился нѣкоторымъ неудобствамъ.

— Ну! Какъ же ты поживаешь?—

„Ничего съ! днемъ, какъ видите!... поуберемся, поуправимся, а вечеромъ, когда господа поуснутъ, развлеченіе находимъ“.

— Какія же это у васъ тамъ развлеченія? —

„Всякія есть! иногда и музыка играетъ, дѣвки поютъ, а изъ насъ, кто молодецъ—комаринскаго!“

— А хорошія есть у васъ дѣвки?—

„Всякія есть!“

— А правда, что у васъ, говорятъ, съ дѣвками вольно?—

„Бываетъ! отчего-жъ! Только у насъ больше все со скромностью,—баловства никакого!“

— Шутишь, Вавилка! этому я не повѣрю!—

„Истинную правду вамъ говорю! на этотъ счетъ у насъ строгость большая“.

— А скажи, Вавилушка, есть у васъ хорошія дѣвки?—

„У, просто какъ маковъ цвѣтъ! что твоя малина!“

— Знаешь, Вавилушка! когда будутъ у васъ вечерницы, сведи меня!—

„Что вы! всѣ дѣвки поразбѣгутся!“

— Зачѣмъ? я одѣнусь парнемъ, а ты скажешь, что это пріѣзжаго барина кучеръ.—

„Обойдемся и безъ этого!... Есть у меня, баринъ, для васъ припасенъ гостинецъ, но только сплоха его не достать! не тѣ времена настали! Вотъ еслибы годика два раньше, силой бы сюда къ вамъ въ самыя хоромы притащилъ!“

— А какъ же ты говоришь, припасена! значитъ можно?

„Ни Боже мой!“...

— Эхъ ты, Вавилушка! если бы ты меня любилъ, я знаю не посмотрѣлъ бы ни на что! Вспомни-ка, какъ бывало, еще въ дѣтствѣ, сколько ты разъ мнѣ клялся, что на все для меня готовъ и никогда меня не забудешь!... А вотъ теперь то совсѣмъ не то выходитъ! Я тебя прежде вспомнилъ! И въ письмахъ бывало всегда спрашиваю: а что? каково Вавилка поживаетъ?—

„Ну да что жъ, бариночекъ мой, коли тамъ такъ ничего не подѣлаешь! Надо хитрость какую продѣлать. Дѣвка строгая, на вечерницы не ходитъ, а на домъ къ ней не доберешься! Псарня заѣстъ! Только крикнетъ Савоська, въ куски разметаютъ!“

— Да развѣ она на псарнѣ?—

„Пріемышъ Савоськи. За дочку принялъ“.

— И хороша?—

„Не то въ селѣ, а всю окружность исходи, не найдешь, чтобы и близко поставить... одно слово—красавица!“

Долго еще длилась бесѣда на эту тему; много разныхъ плановъ строили, но ни къ какому не пришли рѣшенію, только все больше и больше разгоралось воображеніе страстнаго юноши. Уже и Вавилка уснулъ, уже и храпъ его покрывалъ всѣ прочіе звуки, а молодой баринъ все повертывался съ боку на бокъ, а передъ нимъ такъ и играетъ образъ красавицы Мотри.

Вотъ почему, когда Савоська пришелъ во дворъ, молодой баринъ еще спалъ. Видитъ Савоська, что все во дворѣ благополучно, еще больше стосковался, ума не соберетъ, для чего всю ночь стая держала тревогу.

Андрей Романовичъ любилъ охоту, любилъ хорошую стаю, любилъ Савоську за его удаль; но наступало время, когда надо было положить конецъ всей барской роскоши, надо было если не совсѣмъ уничтожить, то хотя на половину уменьшить стаю. Онъ зналъ, что Савоська сильно возстанетъ; но разъ принявъ рѣшеніе, не хотѣлъ отступать, и потому былъ радъ, увидавъ Савоську въ окно. Правду сказать, когда вышелъ къ нему Савоська, онъ не безъ волненія передалъ ему свою волю, даже слезы навернулись на глаза; но Андрей Романовичъ упорно выдержалъ устремленный на него взглядъ Савоськи и подтвердилъ приказаніе сегодня же покончить со стаей.

Ни шерстинки!—сказалъ сердито Савоська. Кто бы ни пришелъ на псарню!... Съѣдятъ... Съѣдятъ!... Самъ прежде повѣшусь!... И, не обращая вниманія ни на какіе резоны Андрея Романовича, поворотился и ушелъ, повторяя „ни шерстинки"!...

Андрей Романовичъ былъ очень радъ такому строгому отпору со стороны Савоськи. Между тѣмъ Савоська, разгадавъ причину, для чего стая била всю ночь тревогу, пошелъ обратно съ твердой рѣшимостію не дать ни одной шерстинки; но все же тревожное его состояніе усилилось до того, что когда онъ пришелъ на псарню, лицо его сильно измѣнилось, а когда онъ снялъ шапку, то Мотря увидѣла его голову замѣтно побѣлѣвшею. Узнавъ въ чемъ дѣло,—Мотря тоже призадумалась, и совершенно напрасно, потому что молодой баринъ передумалъ и просилъ отца не уничтожать стаю до его отъѣзда, и тутъ же сказалъ, что поѣдетъ осмотрѣть псарню и утѣшить Савоську.

Пріѣздъ молодого барина на псарню былъ совершенно неожиданнымъ для обоихъ жильцовъ. Молодой баринъ не мало удивился аккуратности и чистотѣ, какая, видно, давно была заведена въ крошечной норѣ, гдѣ едва помѣщался большой сундукъ, служившій вмѣстѣ столомъ, а по сторонамъ стояли двѣ лавки, замѣнявшія кровати, чисто содержимыя. На стѣнахъ не было ни иконъ, ни картинъ. Савоська сидѣлъ у стола, облокотясь на руку; лицо его, полное печали, казалось мрачнѣе ночи. Мотря стояла у окна. Шитые рукава тонкой сорочки, поднятые къ локтю, обнаруживали прекрасной формы бѣлую руку; пре-

лестные глаза, черная коса, лицо бѣлѣе мрамора, съ легкимъ оттѣнкомъ румянца,—все представляло типъ совершенной красавицы; шитая плахта обхватывала стройный ея станъ и обнаруживала правильность всѣхъ остальныхъ ея формъ. Я думаю, что такая обстановка Савоськиной норы удивитъ и читателя, особенно, если онъ вспомнитъ Савоську въ прежніе годы, когда еще у него не было дѣтища ненагляднаго, пока его дѣтище не вошло въ силу и не стало ему въ помощь. Какъ только Савоська сталъ не одинъ на бѣломъ свѣтѣ, а, кромѣ дѣтокъ-собачатъ, стала у него Мотря, онъ еще больше началъ копить и сберегать даренныя деньги пріѣзжими господами; часто и лисьи, и заячьи кожи оставались у него,—онъ ихъ берегъ, лѣтомъ выдѣлывалъ и, когда Мотря стала уже взрослой дѣвкой, такую сшилъ ей кожушанку, что любой барынѣ въ пору; а денегъ, всѣ говорили, у Савоськи не перечесть; гляди, если не болѣе тысячи будетъ!

Молодой баринъ еще не разсѣялъ впечатлѣній ночи, произведенныхъ разсказами Вавилки, и вдругъ видитъ предъ собой Мотрю, красавицу, какой еще никогда не видалъ. Дѣйствительно, Мотря была красавица. Только малороссійская природа могла копировать такіе типы. Юноша таялъ, дрожалъ и почти съ трепетомъ сообщилъ Савоськѣ, что стая не будетъ уничтожена никогда. Хотя извѣстіе насчетъ отмѣны жестокаго уничтоженія дѣтокъ-собачатъ утѣшило Савоську, но какое то тяжелое предчувствіе смущало его душу. Всѣ ласки, какія оказалъ ему молодой баринъ, казались недобрыми, всѣ взгляды, какими онъ надѣлялъ Мотрю, казались ему слишкомъ нахальными; ревнивое сердце отца-благодѣтеля строго охраняло свое дѣтище. Молодой баринъ больше часу провелъ на псарнѣ, осмотрѣлъ собачатъ, поговорилъ съ Савоськой насчетъ охоты, потолковали, какой удобнѣе взять островъ, и рѣшили въ первый день при легкой оттепели взять „Лящевку". Зимой рѣдко выдаются хорошіе дни для охоты; но молодого барина такое нетерпѣніе забрало, что хоть по морозу веди. Однако Савоська былъ не таковъ, чтобы пустить своихъ дѣтокъ не въ пору, и потому рѣшили ждать благопріятнаго дня и ждали ровно три недѣли; а въ это время баринъ каждый день посѣщалъ псарню; Савоська

къ нему попривыкъ и даже, коли долго барина нѣтъ, будто день не такъ начался. Мотря тоже поглядывала въ окошко, что это баринъ не ѣдетъ. Кромѣ отцовскихъ ласкъ Савоськи, она не знала другихъ, и баринъ легко заронилъ ей въ душу ту нетерпѣливую тревогу, какой бьется молодое сердце, когда къ ней съ лаской прикоснется рука молодого парня. Ни Мотря, ни Савоська не подозрѣвали злыхъ замысловъ барина. Сами они были чисты, непорочны; будучи отрѣзаны отъ всего остальнаго міра, не имѣли ни съ кѣмъ никакихъ общеній, и рука гибельнаго разврата ихъ не касалась. Дѣти природы—они жили одинъ для другого, и какъ Савоська не перенесъ бы разлуки съ Мотрей, такъ и Мотря никогда не помирилась бы съ мыслью, что у ней нѣтъ Савоськи, единственнаго ея защитника, отца и покровителя.

Я уже такъ много говорилъ о красотѣ малороссійской природы, что возвращаться опять къ ней не слѣдовало-бы, тѣмъ болѣе, что зимой среди поля мертвая тишина, а мятель наводитъ тоску, и не будь здѣсь почти во ста шагахъ отъ псарни, гдѣ жилъ Савоська, рѣки, не будь луга, красиво унизаннаго серебристымъ инеемъ, а на рѣкѣ не гуляй постоянно Мотря, конечно, взглядъ молодого барина не остановился бы нигдѣ ни на одну минуту; но при этой обстановкѣ не только природа, а рѣшительно все барину очень понравилось. Любо посмотрѣть, когда Мотря, одѣвъ свою лисью шубку, крытую синимъ сукномъ, выйдетъ на морозъ. Какая непринужденная ловкость!... Какимъ звонкимъ смѣхомъ она заливается, когда молодой баринъ упадетъ на льду и она поможетъ ему привстать! И такъ ей пріятно, такъ ей легко на душѣ... Дрожитъ молодое сердце, волнуется кровь. Но это все ничего,—пройдетъ; пройдетъ незамѣтно, и даже самъ молодой баринъ, ничего не подмѣтитъ, а если бы и подмѣтилъ, что-жъ такое, развѣ она сказала или сдѣлала что лишнее? Боже сохрани! она не позволитъ ничего ни себѣ, ни ему!... А въ это время барскія губы уже прильнули къ ея щекѣ, уже его дерзкая рука съ неделикатною вольностію вокругъ шеи обвилась. Мотря разсердилась и три дня не ходила на рѣку, а на четвертый ей такъ сдѣлалось ску-

чно, такъ душно и тяжело въ землянкѣ, что она опять пришла. Между тѣмъ молодой баринъ собрался къ отъѣзду. Вавила согласился ѣхать съ нимъ, и не смотря на то, что воля вотъ-вотъ не сегодня-завтра прикатитъ на золотомъ конѣ, онъ далъ слово молодому барину не оставлять его. Ночью, наканунѣ отъѣзда, они долго о чемъ то совѣщались.

Наступили глубокіе сумерки, а Мотря все еще не возвращалась съ рѣки. Не случилось ли что? подумалъ Савоська, взялъ шестъ, кликнулъ пару лучшихъ собакъ и пошелъ къ рѣкѣ; но къ его удивленію никого не было видно. Онъ окликнулъ—эхо ему отвѣчало и съ грустью отозвалось въ сердцѣ. Савоська спустился на рѣку, осмотрѣлъ слѣдъ, окликнулъ еще разъ, прошелъ вдоль рѣки, поглядѣлъ, нѣтъ-ли гдѣ промоины; но зима стояла холодная, ледъ на всемъ протяженіи толстъ и крѣпокъ. Не прошла ли домой тѣмъ временемъ, пока я сюда брелъ?—подумалъ Савоська и воротился назадъ; но въ землянкѣ никого не было. Что за диковина?—сказалъ онъ и пошелъ обратно къ рѣкѣ, осмотрѣлъ всѣ слѣды, — никакъ кто на саняхъ проѣхалъ. Онъ этимъ слѣдомъ дальше—и только на мягкомъ снѣгу явственно разсмотрѣлъ слѣдъ тройки въ саняхъ, но слѣдъ вышелъ на дорогу, гдѣ нельзя было узнать, куда поворотили сани. Пойду во дворъ, подумалъ Савоська; не узнаю ли тамъ, кто проѣхалъ на саняхъ и чего ему по лугамъ ѣздить. Во дворѣ Савоська на счетъ Мотри ничего не узналъ, но зато узналъ, что молодой баринъ уѣхалъ, и коли слѣдъ троичныхъ саней шелъ съ рѣки, можетъ быть, подъѣзжалъ къ Мотрѣ, да чего добраго и ее увезъ съ собой, сказалъ наугадъ старый садовникъ и покачалъ своей сѣдою головой. Савоська схватилъ себя за волосы и какъ шальной бросился вонъ изъ избы. Но куда идти, гдѣ розыскать Мотрю?... А можетъ, она возвратилась?—шепнулъ ему внутренній голосъ, и онъ бѣгомъ пустился на псарню. Глаза его блуждали, взглядъ дикій, бѣлые волосы поднялись вверхъ, походка неровная: онъ то бѣжалъ, то останавливался, осматривался кругомъ, вглядывался въ даль,

кричалъ: Мотря, Мотря!—и опять пускался бѣжать. Въ землянкѣ на псарнѣ темно и пусто; но онъ, не довѣряя самъ себѣ, вошедши окликнулъ—молчаніе; ощупалъ постель—нѣтъ; оглядѣлъ всѣ углы—нѣтъ. Мотря, Мотря!—и упалъ безъ чувствъ. Почти за полночь онъ очнулся; сильная дрожь его пронимала,—отъ непритворенной двери вѣяло холодомъ. Онъ всталъ и притворилъ ее. Всѣ предшествующія впечатлѣнія представились въ его воображеніи. Мотря, Мотря!... и залился слезами. А въ это время вся стая начала выть и подняла тревогу, какой никогда не бывало. Савоська не выходилъ ее унимать; только на разсвѣтѣ стая утихла, и Савоська уснулъ, но не тѣмъ сномъ, что приходитъ самъ собой. Его сонъ былъ болѣзненный; онъ никогда не спалъ такимъ сномъ, а когда проснулся, далеко уже минулъ полдень. Взглядъ его дико блуждалъ, нервная дрожь пробѣгала по всему тѣлу, до глубокой полночи не выходилъ онъ изъ землянки.

Въ полночь красное зарево вспыхнуло на небѣ; церковный сторожъ ударилъ въ колоколъ, и когда прибѣжалъ народъ, только груда пепла лежала на томъ мѣстѣ, гдѣ была псарня: ни Савоськи, ни дѣтокъ собачатъ уже не существовало. А въ это время Мотря, освободясь отъ своихъ злодѣевъ, опозоренная, обезчещенная бѣжала степью, рѣзалась по глубокому снѣгу, изнемогала, падала; ея не страшили ни горы, ни овраги,—она шла напрямикъ, безъ дороги и, пробѣжавъ въ полъ-сутокъ почти сорокъ верстъ, была уже почти у самой псарни, когда появилось тамъ зарево. Ужасъ дикаго отчаянія ее охватилъ, когда она услышала визгъ дѣтокъ-собачатъ и повелительный голосъ Савоськи. Она была у самыхъ дверей псарни, гдѣ Савоська заперся съ дѣтками собачатами и поджегъ крышу; но дверь, запертая съ середины, не подавалась, а голоса ея Савоська не слыхалъ.

Вотъ, вотъ крыша рухнетъ—и я его не увижу. И опять я одна сирота, сирота опозоренная!... одна одинехонькая!... Лѣсенку! лѣсенку вотъ сюда подставлю... Здѣсь меньше огня! Пламя жжетъ ей лицо; вспыхнула коса. Мотря сбросила съ крыши въ сторону нѣсколько обгорѣвшихъ кулей соломы, прыгнула въ сарай и умерла въ объятіяхъ Савоськи.

На другой день утромъ во дворѣ Андрея Романовича прозвучалъ колокольчикъ и не на золотомъ конѣ, а на пароконной обывательской подводѣ прикатила воля. Неожиданно вслѣдъ за ней произшедшая тревога надолго отстранила всѣ прочіе интересы, и происшествія на псарнѣ какъ не бывало. Если бы черезъ полъ-года Вавило не возвратился, такъ бы и кануло все въ вѣчность, никто бы и не вспомнилъ ни Мотри, ни Савоськи, ни дѣтокъ-собачатъ; а то уже Вавило все поразсказалъ, позвалъ священника и на пепелищѣ, гдѣ погребли себя невинныя души, отслужилъ панихиду. Священникъ получилъ три серебряныя монеты рублеваго достоинства, и хотя лицо его выразило удивленіе, но онъ не спросилъ, гдѣ понабралъ онъ такого добра. Впрочемъ, Вавилу часто видывали на развалинахъ Савоськиной землянки, гдѣ онъ каждый вечеръ довольно усердно рылся, и только когда пугачъ начиналъ свою пѣсню, сидя тутъ-же на столѣтнемъ дубѣ, когда эхо его сумно оглашало воздухъ, Вавило вздрагивалъ, снималъ шапку, крестился, а пугачъ все больше кричалъ, и голосъ Савоськи: „Мотря, Мотря!“, а также голосъ Мотри, когда ее схватили и положили силой въ сани: „Таточко, тато, рятуй!“ все ему слышался и наводилъ на душу все большую тоску, причемъ онъ только сильнѣе рылся въ землѣ и наконецъ расчистилъ мѣсто и вынулъ изъ подъ половицы зарытый въ землю небольшой кувшинъ, полный рублевиками.

Н. К. Велецкій.

Старинная запись народныхъ малорусскихъ думъ съ обзоромъ варіантовъ къ нимъ. [1]

4.

Три брата въ плѣну въ Азовѣ [2]).

По мнѣнію Костомарова, „въ основаніе думы о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова едва-ли легло въ самомъ началѣ опредѣленное, дѣйствительное событіе: скорѣе всего это плодъ народнаго творчества изъ бытовыхъ матеріаловъ“ [3]). Но такъ какъ и въ народѣ изначальная пѣсня сочиняется обыкновенно однимъ лицемъ, то, конечно, было такое *опредѣленное* событіе, которое

---

¹) Кіевск. Стар. 1892 г. № 12.

²) Есть довольно значительное количество варіантовъ этой думы: Цертелева (Опытъ собранія старинныхъ малорус. пѣсенъ, 1819, 21—25), Срезневскаго (Запорожская старина, 1, 34, перепечатана въ Историч. пѣсн. малорус. народа, Антон. и Драг. I, 120—124), Максимовича (Украинс. народ. пѣсни, 1834, 9—14, — Сборн. украинс. пѣсенъ, его же, 1849, 19—34,—Историч. пѣсни малорус. народа, Антон. и Драг., I, 124—127); это сводный варіантъ изъ двухъ варіантовъ—Цертелева и Шпигоцкаго: послѣдній помѣщенъ былъ въ Укр. Альм. за 1831 годъ; варіантъ Максимовича напечатанъ былъ также въ Изв. Акад. Наукъ, т. II, Афанасьевымъ съ кой-какими поправками въ языкѣ, см. Памятники и образцы народ. яз. 250—251),—Кулиша (Зап. о Юж. Руси, I, 32—42, перепечатанъ въ Историч. пѣсн. малорус. народа, Антон. и Драг., I, 114—120),—Русова (Зап. юго-зап. отдѣла кіевс. географ. общ., I, 6—11, перепечатанъ тамъ-же, I, 127—133),—Судовщикова (Истор. пѣс. малорус. народа, Антон. и Драг., I, 332—336),—Нѣговскаго (Ibid. I, 106—113),—Иващенка (Запис. юго-зап. отдѣла кіевс. геогр. общ., II, 119—123),—Горленка (Кіевс. старина, 1882 года. Декабрь, 499—504),—Костомарова (Исторія козачества, отд. оттискъ) и, наконецъ, Котляревскаго.

³) Исторія козачества въ памятн. южно-рус. народ. пѣсеннаго творчества, отд. оттискъ, 95.

побудило пѣвца сочинить пѣсню. Впрочемъ, для насъ важно въ данномъ случаѣ не то или другое событіе, послужившее поводомъ къ созданію этой думы, а первоначальная редакція ея. Костомаровъ считаетъ древнѣйшими варіантами свой и Котляревскаго на основаніи цѣлесообразности нравоучительнаго конца думы съ совѣщаніемъ старшихъ братьевъ о томъ, что сказать отцу и матери на вопросъ ихъ о младшемъ братѣ. Но въ думѣ о смерти трехъ братьевъ самъ-же Костомаровъ признаетъ нравоучительный элементъ амплификаціей [1]). Какъ-же быть? Нельзя-же, въ самомъ дѣлѣ, однимъ и тѣмъ-же признакомъ опредѣлять древнѣйшее и позднѣйшее время.

Чтобы разобраться въ вопросѣ о взаимномъ отношеніи различныхъ варіантовъ этой думы, необходимо имѣть въ виду, что всѣ они съ одинаковою подробностію говорятъ о гибели младшаго брата. Это и есть герой думы, неповинная жертва малодушія средняго брата и безсердечія старшаго. Въ любящемъ сердцѣ этого „пишого пишеныци“ не было и капли горечи и негодованія на братьевъ за то, что они бросили его въ степи на произволъ судьбы; напротивъ того, онъ безутѣшно рыдаетъ при мысли, что ихъ настигла турецкая погоня. Симпатичный образъ этого юноши становится еще привлекательнѣе, когда мы узнаемъ объ его одинокой смерти на „Савуръ-могилѣ“, посреди волковъ да орловъ, „гостей не милыхъ“. По нашему мнѣнію, этотъ разсказъ о младшемъ братѣ и есть древнѣйшая часть думы. Въ варіантахъ Цертелева, Срезневскаго, Максимовича, Кулиша и Иващенка конные братья гибнутъ, настигнутые турецкой погоней, въ другихъ—они остаются живы, причемъ въ варіантахъ Котляревскаго, Костомарова, Нѣговскаго и Горленка представлена сцена свиданія ихъ съ отцемъ и матерью, а въ варіантахъ Русова и Судовщикова въ замѣнъ этой сцены разсказывается о томъ, что братья по возвращеніи на родину стараются искупить свой грѣхъ милостыней и проклинаютъ турецкую неволю. Вотъ эти послѣдніе варіанты мы и считаемъ наиболѣе древними. Въ варіантѣ Русова образъ старшаго брата обрисо-

---

[1]) Ibidem, 80.

ванъ болѣе мягкими чертами, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ варіантахъ: старшій братъ не обнаруживаетъ еще жадности по отношенію къ наслѣдству: онъ только малодушный трусъ, и больше ничего. Отсутствіе рѣзкой жестокости въ природѣ двухъ старшихъ братьевъ находится въ полномъ согласіи съ концемъ думы, гдѣ разсказывается, что по пріѣздѣ домой старшіе братья стали

«На святи церквы накладаты».

Такой-же конецъ думы и въ варіантѣ Судовщикова, но здѣсь уже есть указаніе на то, что старшій братъ отказываетъ въ помощи младшему не безъ расчета на отцевское наслѣдство. Это переходный варіантъ, отъ котораго могли пойти всѣ остальные, изображающіе старшаго брата грубымъ эгоистомъ, а средняго безхарактернымъ человѣкомъ. Распадаются эти остальные варіанты на двѣ категоріи: въ однихъ братья, не доѣхавши домой, претерпѣваютъ кару Божію:

«Турки набигалы
И тыхъ двохъ бративъ порубалы,
Тило козацьке карбовалы,
Въ чыстимъ поли роскыдалы,
Головы на шабли здиймалы,
Довго глумовалы» [1]).

По объему это варіанты средней редакціи. Въ другихъ варіантахъ братья пріѣзжаютъ домой, старшій братъ обманываетъ отца и мать, меньшій съ сердечнымъ сокрушеніемъ разсказываетъ всю правду. Это варіанты самой полной редакціи. Если допустить, что изображеніе характеровъ двухъ братьевъ развивалось постепенно, то къ числу позднѣйшихъ нужно отнести варіанты второй категоріи. Къ нимъ принадлежитъ и варіантъ Котляревскаго, представляющій въ самомъ концѣ значительную несообразность. Онъ ничего не говоритъ о погибели двухъ старшихъ братьевъ, между тѣмъ въ заключительныхъ стихахъ читаемъ:

---

[1]) Варіантъ Максимовича.

«*Померла* трехъ братьевъ *голова*,
Только слава не умретъ, не поляжетъ».

Еще одна подробность. Въ одномъ изъ варіантовъ полной редакціи (Нѣговскаго) говорится о появленіи младшаго брата на родинѣ:

«А меншый сынъ, пиша-пишаныця, за гостя прыныкае».

Какъ это могло случиться послѣ подробнаго разсказа въ той-же думѣ о смерти младшаго брата на Савуръ-могилѣ? Есть довольно остроумное объясненіе этого темнаго мѣста въ думѣ: „не удалось младшему брату, говоритъ М. Андріевскій, прибыть въ гости къ отцу и матери, чего онъ такъ страстно желалъ живымъ, и вотъ онъ отъ времени до времени изъ дикой степи является къ нимъ въ гости легкимъ призракомъ [1]). Можно было бы согласиться съ этимъ объясненіемъ, если-бы стихъ былъ полнѣе и выразительнѣе. Весьма можетъ быть, что этотъ стихъ сохранился изъ неизвѣстнаго намъ затеряннаго варіанта, въ которомъ младшій братъ, „пиша-пишаныця", добрался до родины позже старшихъ, къ изумленію и посрамленію ихъ.

Изъ города Азова [1]) была великая погоня,
Втикалъ полчокъ
Малый-невеличекъ,
Въ тикало (sic) три брата ридненькихъ—
Власно-ясны голубенки сивеньки,
Два брата конныхъ,
Межъ ними третій пѣшій-пѣшаница
За конными братами поспѣшае,
Коней за хвосты хватае,
На сырое коренья ноги козацкіе побиваетъ,
Кровь христіанская слѣды заливаетъ,
До братьевъ словами промовляетъ:

---

[1]) Козацкая дума о трехъ Азовскихъ братьяхъ, М. А. Андріевскаго. Одесса, 1884 г., 61.

[2]) Городъ Азовъ, теперь посадъ, на лѣвой сторонѣ устья Дона, занятъ былъ Турками въ 1475 году, а такъ какъ въ думѣ рѣчь идетъ о туркахъ, то есть нѣкоторое основаніе думать, что самая дума сложена не раньше конца XV вѣка.

«Братики мои ридненьки,
Якъ голубоньки сивеньки!
Добре вы, братця, дбайте,
Станьте вы, кони козацкія попасите,
А меня, найменьшаго брата, подождите,
По-пив-чтверти мыли въ городы христіанские подвезите».
Старшій братъ тое зачувае,
Словами промовляе:
«Чи подобно то, брате, дѣло, чтобъ я тебя, ваготу, на кони бралъ,
Свого коня томилъ?
Будетъ изъ города Азова тяжкая великая турецкая погоня,
Мы и сами не утечемъ, и тебя, брате, не вывеземъ,
А какъ ты живъ да здоровъ будешъ,
То и самъ въ землю христіанскую дойдешъ».
Тогда наймѣньшій братъ тое зачувае,
Словами промовляе:
«Браты мои милы,
Якъ голубоньки сывы!
Добре вы, братця, уробите,
Мнѣ, найменьшему брату, сплечь головку снимите,
Мое тѣло козацкое въ степи на дорози поховайте,
Звѣрю, птицѣ, на поталу не дайте».
Средній братъ тое зачувае,
Словами промовляе:
«Брате мой милый,
Якъ голубоньку сывый!
Наша рука козацкая на тебя не здыймется,
Сердце наше козацкое на тебя не осмѣлится,
Мечь нашъ булатный твоей шеи неймѣтъ,
На дробенъ макъ ввесь падетъ».
Наймѣньшій братъ тое зачувае,
Словами промовляе,
Дробными слезами обливае:
«Браты мои милыи,
Якъ голубоньки сивыи!
Будете вы до тернывъ, до байракивъ прибувати,
Добре вы, братця, дбайте,
Терновое вѣтьви истинайте,

Мнѣ, найменьшему брату, на признаку покидайте:
Нехай бы я могъ знати,
Куды въ землю христіанскую до отца и матери прибывати».
Якъ стали браты шестого дня до тернывъ, до байракивъ прибывати,
Стали терновое вѣтья истинати,
Своему меньшему брату на признаку козацкую покидати.
Якъ стали изъ тернывъ, изъ байракивъ выбѣгати,
Стали на зеленыя травы поглядати,
Ставъ середній братъ до старшаго словами промовляти:
«Добре мы, брате, дбаймо,
Спидъ своихъ жупанывъ червоную китайку выдираймо,
Своему меньшему брату признаку козацкую покидаймо,
Чтобъ нашъ могъ братъ знати,
Куды въ землю христіанскую прибувати».
Старшій братъ тое зачувае,
Словами промовляе:
«Чтобъ я свое добро дорогое марне по шляхахъ роскидалъ?
Буду я до отца и до паниматки въ землю христіанскую прибувати,
Будутъ меня ближныя почитати, поважати,
Будутъ противъ мене шапки снимати,
Будутъ меня на хлѣбъ, на соль зазывати».
Середній братъ тое зачувае,
Словами промовляе...
Назади оставае,
Спидъ своего жупана червону китайку выдирае,
Своему брату найменьшему на признаку покидае.
Сталъ меньшій девятаго дня до терновъ, до байраковъ прибывати,
Сталъ терновое вѣтьвя знахожати,
Словами промовляти:
«Я жъ то думалъ, что объ менѣ браты ничого не знаютъ,
Они на меня великое милосердіе маютъ,
Терновое ветвя стинали,
Мени, наймѣньшему брату, на признаку покидали:
Нехай бы я могъ знати,
Куды въ землю христіанскую прибывати».
Ставъ изъ тернывъ, изъ байракивъ выбигати,
Сталъ червону китайку снахожати,
Сталъ словами промовляти:

«Не дурно ся червона китайка на шляхахъ муравскихъ [1]) пробувае,
Знать, моихъ братьевъ въ живыхъ на свѣтѣ немае,—
Выдно, изъ города Азова была тяжкая турецкая погоня,
Меня на спочивку минала,
Моихъ братывъ постреляла, порубала,
Козацкую добычъ до города Азова назадъ завертала...
Колибъ мени Богъ далъ тѣло козацкое снахожати,
Могъ бы я суходолъ саблею копати,
Шапкою, приполомъ землю носити,
Могъ бы ихъ тѣло козацкое въ степу при дорозѣ поховати,
Звѣрю, птицѣ на поталу не дати».
Самъ себѣ козацѣ (sic) думае—гадае, что его безъ хлѣбья, безъ ведья (sic) знемогае,
До Сауры могилы прибувае [2]),
Тамъ на Сауру могилу снисхожае,
Тамъ козакъ лягае, спочивае,
Самъ себѣ думае да гадае...
На очи не гляне
И на ноги не встане,
Головки козацкой не взведе:
Куды вѣтеръ повине, повинется,
Куды трава поклонитъ, туды и поклонится...
Тогда стали орлы чернокрыльцы налѣтати,
Стали въ головахъ козацкихъ сидати,
На черны кудри наступати,
Сталъ козакъ словами промовляти:
«Орлы мои чорноперы и гости невеселы!
Зождить мени малую часинку:

[1]) Муравскій шляхъ—это дорога, которая шла по водораздѣлу днѣпровскаго и азовско-донецкаго басссейновъ. Отъ Перекопа направлялась она къ верхнему теченію р. Конки, близъ теперешняго села Конскіе Раздоры александр. уѣзда, — затѣмъ, пересѣкая р. Волчью и проходя по Злодійской балкѣ, близъ теперешняго села Гавриловки александр. уѣзда, пролегала мимо Гончаровой балки у села Славянки павлоградс. уѣзда, на р. Быкѣ, къ верхнему теченію р. Самары. По этой дорогѣ обыкновенно двигались крымскія орды для разоренія Московскаго государства.

[2]) „Саура могила высокая, лежащая на прямой дорогѣ въ Озовъ, теперь тамъ на вершины (sic) растетъ три куста бузиновыхъ". Это примѣчаніе вставлено въ текстъ думы тою же рукою, какою написана вся дума. Такое же названіе и теперь носитъ эта могила, находящаяся между рр. Міусомъ и Крынкой, при истокѣ р. Камышевахи: это одна изъ возвышенностей донецкаго кряжа, достигающая 50 футовъ

Якъ буде чорная хмара наступати,
Будетъ дробенъ дожчикъ накрапати,
Будетъ козацкая душа разно съ бѣлымъ тѣломъ розлучати,
Тогда вы будете въ головахъ козацкихъ сѣдати».
Уже черная хмара наступила,
Якъ душа козацкая съ бѣлымъ тѣломъ розлучила...
Стали орлы чернокрильцы налѣтати,
Въ головахъ козацкихъ сѣдати,
На черныя кудри наступати,
Изъ лоба кары очи выбирати,
Коло желтой кости тѣло козацкое оббирати,
Стали волки сирохманцы нахожати [1]),
Козацкія кости розношати
По долинахъ, по байракахъ,
По козацкихъ примѣтахъ.
Только козацкая голова на Саурѣ могилы пробувае,
Нихто той головы не дбае,
Кроме сива зозуля прилѣтала,
Въ головахъ козацкихъ сѣдала,
Жалибненько заковала,
Нибы словами промовляла:
«Голово, голово козацкая!
Якъ ты спыла и зъѣла,
Хорошенько сходила,
По чужихъ земляхъ пробувала,
Козацкіе звычаи добре знала,
Теперь ты ни о чемъ не дбаешъ,
Кроме соби правдиваго судіи господа изъ небесъ желаешъ».
Два брата ридненьки,
Власны ясны голубоньки сивеньки,
До рѣчки Самарки, до криницы Салтанки прибували [2]),
Два дни и дви ночи на попасѣ стояли,
Свого найменьшого брата поджидали.
Старшій братъ тое зачувае (sic),
Словами промовляе,
Уже дробными слезами поливае:

---

[1]) „Сырое ѣдатъ“—написано тою же рукою въ скобкахъ.

[2]) Рѣчка Самарка, теперешняя Самара, берущая начало свое въ изюмскомъ у. харьковской губ. и впадающая въ Днѣпръ въ новомосковс. у. екатеринослав. губ.

«Що мы, брате, будемъ думати да гадати,
Якъ будемъ мы до отца и до паниматки прибувати,
Якъ мы будемъ отцевы и маткѣ казати?
Якъ будемъ мы отцу и матцѣ по правдѣ казати,
Будетъ насъ отецъ и матка проклинати».
Середній братъ тое зочувае,
Словами промовляе,
Дробными слезами обливае:
«Будемъ мы, брате, отцу и матери по правдѣ казати,
То можетъ быть будетъ отецъ и мати на насъ великое милосердіе мати».
Старшій братъ тое зачувае,
Словами промовляе:
«Отъ такъ мы, братику, скажимо,
Что въ городѣ Азовѣ не у одного пана въ темницѣ пробували,
Не одному и панови слуговали,
Мы сами—два насъ—утѣкали,
Свого наймѣньшаго брата отъ сна будили и не сбудили,—
То будетъ отецъ и мати помирати,
Будетъ худоба зоставати,
Будемъ мы худобу на двѣ части паивати,
Межъ нами третій не будетъ никто мѣшати».
То два брата ридненьки тое словами промовляли,
На кони козацкія сѣдали,
Въ землю христіанскую до отца и матери приѣжжали.
Отецъ и матѣръ на встрѣчу выхожаютъ,
Словами промовляютъ,
По дорозѣ поздоровляютъ,
Объ меньшомъ сынѣ пытаютъ:
«Сыны мои, сыны,
Какъ ясны соколы!
Вы сами приѣжали,
Свого меньшого брата, а нашаго сына гдѣ вы заподѣли,—
Чи вы его за сіи кони турецкіе вороные,
Чи за сіи шаты дорогіе,
Туркамъ-янычарамъ отдавали»?
Старшій братъ тое зачувае,
Словами промовляе:
«Отецъ и мати!

Мы въ городѣ въ Азовѣ не у одного пана въ темницѣ пробували,
Мы сами изъ темницы утикали,
Свого брата будили отъ сна и не сбудили».
Середній братъ тое зачувае,
Словами промовляе,
Къ сырой землѣ грудью упадаетъ,
Дробными слѣзами обливае:
«Отецъ и мати!
Мы въ городѣ Азовѣ у одного пана въ темницѣ пробывали,
Одному панови слуговали,
Мы всѣ три разомъ изъ темницы утѣкали,
Сами себѣ коней похватали,
Своему найменьшему брату коня не ухватили,
Только недобре мы починали,
Что свого меньшого брата на кони не брали,
По пилъ-чтверти мили до отца и матери въ города христіанскіе не подвозили.
Я добре знаю,
Что нашаго меньшого брата живого на свѣтѣ не мае:
Знать, его козацкая голова въ степи при дорогѣ полягае».
Отецъ и мати тогда добре дбали,
Середняго сына въ свой дворъ пріймали,
Старшаго изъ двора прогнали,
И ляяли, и проклинали:
«Бодай ты, сыну, себѣ щастья-доли не имѣлъ,
Что ты намъ объ меньшемъ сынѣ правды не сказалъ»!
Померла трехъ братьевъ голова,
Только слава не умретъ, не поляжетъ...
Будетъ слава славна
Помежъ друзьями козаками
И дородными головами.

5.

Три брата самарскіе [1].

Въ нашемъ рукописномъ собраніи малорусскихъ пѣсенъ есть одна пѣсня, въ которой рѣчь идетъ о смерти двухъ род-

---

[1]) Дума эта напечатана у Максимовича (Сбор. украинс. пѣсенъ, 1849, 17—19) и перепечатана отсюда у Антон. и Драг. (Историч. пѣсни малорус. народа,

ныхъ братьевъ въ чистомъ полѣ [1]). Лежатъ они „у поли, край могылы“ „постриляни—порубани“. Спрашиваютъ они одинъ у другаго: какая рана болѣе тежелая—„стриляная чы рубаная“? Говоритъ одинъ изъ нихъ: „не шабли насъ порубалы, не кули насъ пострилялы, а слезы отця и неньки насъ спиткалы“. Если бы знала мать о насъ, она бы насъ „поховала, якъ зозулька закувала“. „Я вамъ буду, говоритъ имъ орелъ, отець-маты, я васъ буду доглядаты“. Умоляютъ орла умирающіе братья, чтобы подождалъ онъ часа смертнаго. „Ще жъ часъ смертный не прыпавъ, орелъ очи вытягавъ“.

Такъ заканчивается эта трогательная пѣсня, послужившая, по нашему мнѣнію, ближайшей основой для думы о смерти трехъ братьевъ на поляхъ самарскихъ. Во всѣхъ четырехъ варіантахъ этой думы нѣтъ орла, но, въ замѣнъ этого обычнаго спутника *рубаныхъ* козаковъ, обязательно присутствующаго въ лирическихъ пѣсняхъ, выступаютъ реальныя подробности, свойственныя думамъ. Во всѣхъ варіантахъ ярко обрисована сожженная степь самарская,—только „у ричкы Самаркы, у крыныци Салтанкы“, гдѣ „тры терны дрибненькыхъ, тры байракы зелененькыхъ, лежать тры браты ридненькыхъ“ и просятъ другъ друга о помощи. Большими симпатіями къ роду-племени проникнуты варіанты Метлинскаго и Котляревскаго, хотя въ послѣднемъ, какъ и въ варіантѣ Костомарова, вовсе не упоминается о нравственной причинѣ несчастія, постигшаго трехъ братьевъ. Отличіе варіанта Котляревскаго отъ всѣхъ другихъ заключается въ томъ, что младшій братъ отказывается играть въ войсковые суремки, чтобы не услышали его игры Турки и не забрали полуживыхъ братьевъ въ плѣнъ. Вообще же варіанты Метлинскаго, Костомарова и Котляревскаго мы считаемъ переходными къ варіанту Максимовича, въ которомъ умирающіе козаки выражаютъ желаніе, чтобъ ихъ похоронили не отецъ и мать, а „странни козакы“. Очевидно, въ этомъ варіантѣ гуще

I, 257—259),—у Метлинскаго (Народ. южнор. пѣсни, 437—440),—у Костомарова (Исторія козачества... отд. оттискъ). Къ этимъ тремъ печатнымъ варіантамъ присоединяемъ варіантъ Котляревскаго.

[1]) Записана въ Каменецъ-Подольской губ.

наложены историческія краски, да и въ художественномъ отношеніи сравнительно съ другими онъ строже выдержанъ.

У рѣчки Самарки,
У криницы Салтанки,
Тамъ уси поля самарски пожарами погорѣли,
Только не горѣло два терны дрыбненькихъ,
Два байраки зелененькихъ,
Бо тамъ подлѣ ихъ лежало три брата рыдненьки:
То они пострѣляны,
Порубаны,
На раны смертельныя знемогали,
Що у ихъ раны рубаныя кровью изошли,
А стрѣляныя до сердца пришли.
Промовитъ старшій братъ до середульшаго словами,
Обильется дробными слезами:
«Коли бъ ты, братику, добре дбалъ,
Що бъ ты на ноги козацкія вставалъ,
Збанокъ козацкій [1]) вруки (sic) бралъ,
До криницы Салтанки прихожалъ,
Холодной воды набиралъ,
Наши бъ раны козацкія смертельныя промывалъ.
Середуншій братъ тое зачувае,
Словами промовляе:
Якъ же мини, брате, на ноги козацкія вставати,
Що у мене ноги козацкія порубаны,
Руки козацкія пострѣляны,
Головка козацкая моя побита?
Попросимо мы свого меньшого брата,
Нехай нашъ наймѣньшій братъ на ноги козацкія вставае,
У тонкіе войскowие суремки [2]) заиграе,
То будутъ козаки чистымъ полемъ гуляти,
Будутъ наши игры козацкія зачувати,
Будутъ они до насъ приѣжжати,
Будемъ мы добре дбати,
Отцеви и матери въ землю христіанскую поклонъ передавати,

---

[1]) „Манерка солдатская“—примѣчаніе въ текстѣ рукописи.
[2]) „Трубы“—вставка такъ-же.

Что бъ насъ отецъ и мати добре знали,
Они бъ до насъ приѣжжали,
Они бъ насъ хорошенько поховали.
Меньшій братъ тое зачувае,
Словами промовляе:
«Браты мои милые,
Якъ голубеньки сывые!
Чи не тѣ жъ мене сабли турецки порубали, що и васъ?
Чи не тѣ жъ мене стрѣлки-янычарки пострѣляли, що и васъ?
Якъ вамъ, братця, неможно на ноги козацкія вставати,
Такъ же и мени.
Хочь я, братця, буду въ тонкія суремки жалибненько играти,
То будутъ турки-янычари, безбожны бусурманы, чистымъ полемъ гуляти,
Будутъ наши игры козацкія зачувати,
Будутъ до насъ приѣжжати,
Будутъ намъ живьемъ каторгу завдавати.
Лучше намъ, братця, отъ тутъ въ чистомъ поле помирати,
Отца и пани-матки и родины сердечной въ очи не видати»...
Стала черная хмара на небѣ наступати,
Стали козаки во чистомъ поле помирати,
Стали свои головы козацкія въ рѣчкѣ Самаркѣ покладати...
Чѣмъ тая Самарка стала славна,
Що вона много войска козацкаго у себе видала.

6.

Федоръ Безродный [1]).

Дума о Федорѣ Безродномъ возникла на той же почвѣ древнѣйшихъ пѣсенъ о „рубаныхъ" козакахъ. Издатели историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа справедливо видятъ въ варіан-

[1]) Мы знаемъ четыре варіанта этой думы: Цертелева (Опытъ собранія народн. украинс. пѣсенъ, 1819 г., 48—50), — отсюда перепечатана она Максимовичемъ (Украинс. народ. пѣсни, 1834, 5—7; Сборникъ украинс. народ. пѣсенъ, его-же, 1849, 25—27), изъ сборниковъ Максимовича издателями истор. пѣсенъ малор. народа (I, 248—249); второй варіантъ Метлинскаго (Нар. южнорус. пѣсни, 440—441; Историч. пѣсни малор. нар. Ант. и Драг., I, 249—251); третій—Русова (Записки юзо-зап. отд. географ. общ. I, 12—21; Историч. пѣсни малор. народа, Ант. и Драг.

тахъ Метлинскаго и Русова наслоенія позднѣйшей эпохи [1]). Въ варіантѣ Метлинскаго стихи 45—46 показываютъ, что дума исполнялась передъ козацкой старшиной. Самъ Федоръ Безродный называетъ себя паномъ. Федору-пану недостаетъ суровой простоты Федора-„атамана куринного“, о которомъ рѣчь идетъ въ варіантѣ Максимовича. Тѣ же слѣды болѣе поздняго времени видны и въ варіантѣ Русова—въ изображеніи богатаго костюма Федора Безроднаго. Поэтому варіантъ Максимовича мы считаемъ наиболѣе древнимъ и цѣльнымъ: въ сжатой формѣ онъ передаетъ всѣ главные моменты думы. Начало его переноситъ насъ въ вѣка болѣе отдаленные, когда Федоръ Безродный могъ быть жертвой неосторожности въ пограничной боевой жизни съ татарами. Варіантъ Котляревскаго мы относимъ къ болѣе позднимъ. Большое сходство онъ представляетъ съ варіантомъ Русова: и тамъ и здѣсь „товариство“ подозрѣваетъ джуру въ томъ, что онъ виновникъ смерти своего пана. Главное содержаніе во всѣхъ варіантахъ—это изображеніе смерти и похоронъ козака.

Тыей дороги (sic),
Потребы выйсковой,
Противъ земли цесарской,
Небагато выйска козацкаго понажено
И передъ мечемъ положено,
Ни одной души живой козацкой не оставлено,
Только подъ зеленою, похилою вербою,
Надъ днѣпровою сагою,
Надъ холодною водою,
Лежитъ козаче молодый,
Товарищу выйсковый,
Федоре безридный [1]),

252—255); наконецъ, четвертый варіантъ Котляревскаго. Кромѣ того, сохранились отрывки изъ этой думы, см. Метлин. 441—442: въ одномъ изъ нихъ Федоръ Безродный названъ осауломъ Богуславскимъ. Тамъ-же см. пѣсни, близко подходящія къ содержанію думы (442, 448). Одна изъ этихъ пѣсенъ въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ сохранила форму думы.

¹) Стр. 256—257.

²) Максимовичъ высказалъ предположеніе, что Федоръ Безродный есть Фома Безродный, состоявшій войсковымъ писаремъ при отважномъ гетманѣ Богданкѣ въ

Атамане куренный,
Постреляный,
Порубаный,
На раны смертельныя изнемогае,
Ни отецъ, ни мати, ни родина кревна, сердечна того не знае.
То только у его слуга сидитъ,
Изъ днѣпровой саги холодной воды набираетъ,
Раны козацкія, смертельныя промываетъ,
До Федора Безроднаго словами промовляетъ:
«Пане мый молодый,
Федоре безрыдный!
Добре мы дбаймо,
До твого отца и паниматки, до родины сердечной, выйскомъ днѣпровымъ накажимо,
Нехай твой отецъ и мати добре дбае,
Покрывало тоненькѣ (sic) тебѣ пересылае,—
Нехай бы могли знати,
Якъ тебя на чужой сторонѣ поховати».
Федоръ безродный тое зочувае,
Словами промовляе:
«Слуга мой молодый!
Не поможетъ мнѣ на чужой сторонѣ покрывало тоненьке,
Ты мени, слуга, на чужой сторонѣ отецъ и мати рыдненька,
И братъ, и сестрица вирненька:
Добре ты, слуга молодый, дбай,
Изъ мого позлочистаго комера шовкову тягиню снимай,
На добраго коня сидай,
Промежду выйскомъ козацкимъ проѣжжай:
Чи будешъ ты угоденъ выйску днѣпровому,
Али бо атаману кошевому».
Слуга молодый добре дбае,
Съ позлочистаго комера шовкову тягиню снимае,
На добраго коня ссѣдае (sic),
Между войскомъ козацкимъ поѣжжае,
Отамане кошовый тое забачае,

1576 г. (Украинс. народ. пѣсни, 1834 г., 5). Костомаровъ того мнѣнія, что это имя не собственное, а нарицательное (Исторія козачества въ памятн. народ. пѣсен. творчества, отд. оттискъ, 71).

Словами промовляе:
«Слуга молодый!
Не своимъ ты конемъ поѣжжаешъ,
Не своею сбруею выхваляешся,
Дести (sic) свого пана убилъ альбо ранилъ,
Али бо козацкой души тѣла избавилъ».
Слуга молодый добре дбае,
Съ коня вставае,
Словами промовляе:
«Отамане кошовый!
Я свого пана не убилъ, ни зрадилъ,
Ни козацкой души тѣла не збавилъ:
То жъ его турецкая булатна сабля порубала,
То жъ его стрѣлка-янычарка (sic) пострѣляла»
Отамане кошовый тое зачувае,
Словами промовляе:
«Козаки, панове-молодцы!
Добре вы дбайте,
На кони козацкіе сѣдайте,
Коло лугу Базавлугу объѣжжайте,
Федора безроднаго живого заставайте».
Козаки тогди добре дбали,
Коло лугу Базавлугу [1]) объѣжжали,
Федора безродного живого не зостали,
Саблями, надолками суходылъ копали,
Шапками, приполами землю носили,
Семиперстную могилу высыпали,
Изъ семипядныхъ пищаль пострѣляли.

7.

Козакъ Иванъ Коновченко изъ города Черкасъ [2]).

Пѣсенные мотивы этой думы указаны нами въ IV главѣ нашего изслѣдованія. Во всѣхъ варіантахъ ея нравственныя

---

[1]) Базавлукъ—рѣчка, вытекающая изъ верходнѣпровскаго уѣз. екатериносл. губ. и впадающая въ Днѣпръ на границѣ ектериносл. ихерсонс. уѣздовъ.

[2]) По количеству варіантовъ это самая распространенная дума. Она была напечатана Цертелевымъ (Опытъ собранія народ. малорос. пѣсенъ, 1819 г., 30—36)

черты козака-юноши однѣ и тѣ же. Что касается до матери его, то въ варіантѣ Максимовича она изображена нѣсколько иначе, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ. Какъ и въ другихъ варіантахъ, она не желаетъ разстаться съ своимъ сыномъ, но уступаетъ его настойчивой просьбѣ и даже благословляетъ его на путь. Затѣмъ она „выглядае" своего Ивася, узнаетъ о славной смерти его и не только не проклинаетъ полковника Хвилоненка за то, что онъ увлекъ молодаго Коновченка въ походъ, но даже даритъ ему коня. Какъ мать-козачка, не чуждая козацкаго мужества, она спокойно переноситъ свое горе. По нашему мнѣнію, это и есть основной варіантъ, свободный еще отъ вліянія пѣсенъ. Нѣтъ въ немъ ни загадочныхъ рѣчей козаковъ о судьбѣ Коновченка, обращенныхъ къ его матери, ни зловѣщаго сна ея, который разгадываютъ возвращавшіеся изъ похода козаки. Эти подробности, по всей вѣроятности, вставлены въ думу послѣ того, какъ сложилась фабула ея, при чемъ въ однихъ варіантахъ о женитьбѣ Коновченка на „турненѣ, пышной паннѣ", говоритъ мать его, какъ о сновидѣніи (варіанты Лукашевича и рукописные—лубенскій, харьковскій

и буквально перепечатана изъ этого изданія Максимовичемъ (Украинс. народ. пѣсни, 1834,51 —57); затѣмъ извѣстны варіанты Лукашевича (Малорус. и Червонорус. думы и пѣсни, 36, 47), Метлинскаго (Народ. южно-рус. пѣсни, 413—424), напечатанный въ Кіевс. Телеграфѣ (1873, № 59), Головацкаго (Народ. пѣсни галицкой и угорс. Руси, ч. I. 9—12: здѣсь она перепечатана изъ сборника Żeg. Pauli, 1839, 1, 155—158, а въ этотъсборникъ попала изъ Русалки Днѣстровой, 1837, 11), Конисскаго (Кіевс. Старина, 1882 г., августъ), Боржковскаго (два варіанта, ibidem, 1889, сентябрь). Кромѣ этихъ восьми печатныхъ варіантовъ, для ознакомленія съ думой мы пользовались шестью рукописными варіантами, записанными въ губерніяхъ Полтавской (лубенс. у.), Черниговской (черниговс. у.), Харьковской (богодуховс. у.), Кіевской (кіевс. у.), Каменецъ-Подольской и, наконецъ, варіантомъ Котляревскаго. Костомаровъ упоминаетъ еще о двухъ варіантахъ, изъ коихъ одинъ былъ записанъ имъ въ Харьковѣ, а другой былъ присланъ ему г. Морозомъ. Скудные отрывки изъ обоихъ варіантовъ напечатаны имъ въ изслѣдованіи его: Исторія козачества по памятникамъ южнорус. народ. пѣсен. творчества (Русская Мысль, 1880 г.), но на основаніи этихъ отрывковъ мы не могли составить представленія о цѣломъ. Считаемъ нужнымъ замѣтить также, что дума объ Иванѣ Коновченкѣ, помѣщенная въ Извѣстіяхъ академіи наукъ за 1853 г., т. II. (Памятники и образцы народ. языка, 206—210), составлена Афанасьевымъ-Чужбинскимъ изъ варіантовъ Максимовича и Лукашевича.

и Котляревскаго), въ другихъ говорятъ о томъ-же козаки, намекая матери на смерть сына ея (варіанты Метлинскаго, два Боржковскаго, варіантъ, напечатанный въ Кіевс. Телеграфѣ, и рукописные—черниговскій, кіевскій и подольскій). Въ этихъ послѣднихъ меньше амплификаціи, чѣмъ въ первыхъ, поэтому они, повидимому, ближе стоятъ къ варіанту Максимовича, но сонъ вдовы и рѣчи козаковъ такъ органически связаны между собою, что отсутствіе сна въ указанныхъ выше варіантахъ можно считать искаженіемъ болѣе полнаго текста. Есть и другой признакъ болѣе поздняго происхожденія этихъ варіантовъ. Нѣкоторые изъ нихъ (два варіанта Боржковскаго, галицкій и рукописный подольскій), независимо отъ ясныхъ слѣдовъ искаженія въ самомъ языкѣ, начинаются не съ воззванія полковника корсунскаго или черкасскаго, а съ изображенія мирной жизни вдовы Коновчихи съ сыномъ, причемъ о воззваніи Хвилоненка къ козакамъ нѣтъ ни слова,—въ другихъ (варіанты Кіевс. Телеграфа и рукописный кіевскій) мѣсто дѣйствія не въ Черкасахъ, а въ какомъ-то городѣ Копестрынѣ или Кебестрыни, и самое воззваніе идетъ отъ какого-то полковника Гниды, а въ варіантѣ Конисскаго—не извѣстно отъ кого. Рукописный харьковскій варіантъ представляетъ ту особенность, что Ивась Коновченко является иниціаторомъ похода: не его подбиваютъ козаки „на Черкень-долыну гуляты", а онъ самъ „на вынныкивъ, на броварныкивъ ставъ поклыкаты". Это очевидное забвеніе первоначальнаго факта, за то не позабытъ въ харьковскомъ варіантѣ сонъ вдовы, что сближаетъ его съ варіантомъ средней редакціи. Къ этимъ послѣднимъ относится и варіантъ Котляревскаго. Ближе всего онъ стоитъ къ рукописному лубенскому по двумъ мотивамъ: во-первыхъ, Ивась напивается „оковытой" тайно отъ полковника; во-вторыхъ, полковникъ принимаетъ сердечное участіе въ горѣ вдовы. Между варіантами средней редакціи варіантъ Котляревскаго, повидимому, отличается большею историческою точностію: Хвилоненко сперва обращается съ воззваніемъ къ охотникамъ въ Корсуни, затѣмъ самъ лично появляется въ Черкасахъ и обращается къ войсковой старшинѣ, наконецъ, передъ самымъ отправленіемъ въ походъ „словами промовляетъ":

«Который будетъ козакъ отцевскихъ и матернихъ обѣдовъ дожидати,
Будетъ меня за восемь миль отъ города Черкаса доганяти».

Всѣ эти моменты или сокращены, или спутаны, или совсѣмъ опущены въ другихъ варіантахъ.

На славной Украйнѣ, въ городѣ Корсунѣ[1]),
Тамъ жилъ корсунскій полковникъ панъ Филонъ[2])...
Якъ сталъ въ охотное войско выражати,
Сталъ охотника выкликати,
Крикнетъ, покрикнетъ на винники, на броварники,
На пьяницы, на костерники[3]):
«Которому не хочется по винницяхъ горелокъ курити,
Которому не хочется по броваряхъ пиво варити,
Которому не хочется въ кости играти,
Дурно гуляти,
Идите вы со мною, корсунскимъ полковникомъ, въ охотное войско гуляти,
Пидъ городъ Тягиню[4]),
На Черкень-долину,
За вѣру христіанскую одностайне стати,
Рыцарской славы заживати!»
То тее словами промовляе,
У пятницу до города Черкаса[5]) поспѣшае,
Въ суботу рано пораненко цвѣтную короговъ крещату выставляе.

---

[1]) Корсунь—бывшій полковой городъ, нынѣ мѣстечко на берегу р. Роси, въ 100 верстахъ отъ Черкасъ.

[2]) Полковникъ Филоненко, говоритъ Костомаровъ, дѣйствительно существовалъ въ первой половинѣ XVII в. и извѣстенъ, какъ товарищъ Гуни и Остраницы въ возстаніи противъ Поляковъ: вмѣстѣ съ предводителемъ возстанія онъ, кажется, ушелъ въ Московское государство (Исторія козачества.. Отд. оттискъ, 67).

[3]) „Что въ кости играютъ"—примѣчаніе записавшаго думу.

[4]) Мѣстное турецкое названіе Бендеръ—нынѣ уѣзднаго города въ Бессарабіи. Мѣстоположенія Черкень-долины мы опредѣлить не можемъ.

[5]) Черкасы—бывшій полковой городъ, нынѣ уѣздный, на берегу Днѣпра, въ 287 верстахъ отъ Кіева.

То вже крикнетъ, покрикнетъ на сотники, на полковники,
На отаманы, на осаулы,
На козаки молодые
И на слуги войсковые:
«Що вы, сотники и полковники,
Отаманы и осаулы!
Идите со мной, корсунскимъ полковникомъ, въ охотное войско гуляти,
На Черкень-долину,
Подъ городъ Тягиню,
За вѣру христіянскую одностайно стати,
Будемъ рыцарской славы доставати,
Будемъ мы сапьяновы боты топтати!»
То вже въ городѣ Черкасѣ жила вдова,
Старенькая жена,
По имѣнію Грициха,
По прозванію Коновчиха,
Мала себѣ сына Ивана Коновченка,
Единаго вдовиченка.
Она его до зросту лѣтъ держала,
Въ наймы не пускала,
На стираніе чужимъ рукамъ не давала,
Она изъ его по смерти славы, памяти сподивала.
То вже Иванъ Коновченко на рынокъ выхожае [1]),
Что корсунскій полковникъ, панъ Филонъ, словами промовляетъ,
Въ охотное войско выкликаетъ,
То Иванъ Коновченко до матери своей старой прихожае,
Словами промовляе:
«Мати моя, старенькая жено,
Коли бъ ты, мати, добре дбала,
Четыре волы чабаныи и два коня воропыи изъ стада выручала,
До жида орондаря отгоняла,
И ще бъ стозлотыми гришмы доплатила,
Да мини доброго коня купила,
Що моя душа козацка-молодецка подобила и влюбила.
Пиду я, мати, на Черкеню-долину гуляти,
За вѣру христіянскую одностайне стати,

[1]) Здѣсь пропущенъ стихъ, который долженъ былъ оканчиваться словомъ „зачувае“.

Рыцарской славы доставати,
Козацкихъ звычаевъ добре знати».
Удова, старенькая жена, тое зачувае,
Словами промовляе:
«Сыну мой, сыну, Ивась Коновченко!
Чи у тебе ничего испити або изъисти,
Чи у тебе ни въ чему хорошенько ходити,
Чи тебе мирская старшина не почитае,
Чи тебе козацкая громада зневажае?[1])
Лучше ты будешъ тіи четыре волы чабаные и два коня вороные въ плугъ запрягати,
Будешъ по рилье хлѣба пахати,
Будешъ козаковъ и мужиковъ на хлѣбъ и на соль къ себѣ зазывати,—
Будутъ тебя козаки войсковыхъ потребовъ, козацкихъ обычаевъ научати».
Ивась Коновченко тое зачувае,
Словами промовляе:
«Мати моя, старенькая жено!
Не хочется мнѣ, мати,
На волы козацкимъ гласомъ гукати,
Не хочется мнѣ, мати, въ пыли китайку пылити,
Хочъ я буду козаковъ до себе зазывати,
Будутъ меня козаки домаремъ, гречкосѣемъ прозывати,—
А то лучше я, мати,
Пойду на Черкень-долину гуляти,
За вѣру христіянскую одностайне стати».
Въ недѣлю рано-пораненько
Вдова, старая жена, до Божіей церквы отходила,
Всѣ оружья въ комнату позамыкала,
Только семипядную пищаль-ружье оставляла,—
То Иванъ Коновченко изъ постели вставае,
На рынокъ выхожае,
Що корсунскій полковникъ, панъ Филонъ, словами промовляетъ:
«Который будетъ козакъ отцевскихъ и матерних обѣдовъ дожидати,
Будетъ меня за восемь миль отъ города Черкаса доганяти».

[1]) „Осуждаетъ"—примѣчаніе записавшаго думу.

Сусиды въ церковь уходили,
Вдовѣ сказали:
«Ты, вдова, въ церквѣ стоишъ, ничего не знаешъ,
Что твоего сына Коновченка въ дому немае».
То вдова изъ церкви приходила,
Ивана Коновченка въ домѣ не застала,
Ругала его и проклинала:
«Чтобъ ты, сынъ мой Иванъ, щастя и доли не имѣлъ,
Какъ ты меня, вдову стареньку, на господарствѣ покидалъ!»
Рано въ понедѣльникъ вдова отъ сна прочинала
И словами промовляла:
«Бѣдна, побѣдна моя вдовина голова,
Що я своего сына ругала и проклинала,
Щастье его, долю козацкую потеряла».
Тогда она добре дбала,
Четыре волы чабаные и два коня вороные изъ стада доплатила,
Своему сыну добраго коня купила,
Что его душа козацкая-молодецка сподобила та влюбила,
Ище семъ кипъ козакови на жупанъ давала,
Ище своему сыну добраго коня переслала.
То козакъ на добраго коня сѣдаетъ,
За дванадцять миль отъ города Черкаса корсунского полковника догавяе;
Скоро полковника догналъ,
Межъ пѣхоту вбѣгалъ,
Ивана Коновченка межъ пѣхотою позналъ,
Добраго коня ему въ руки подалъ.
Иванъ Коновченко на добраго кона сѣдаетъ,
То ще словами промовляетъ:
«Я жъ думалъ, братцы, что обо мнѣ мати не знаетъ и не вѣдаетъ,
Ажъ она обо мнѣ великое милосердіе маетъ,
Що мнѣ добраго коня купила,
Що моя душа козацкая-молодецкая сподобила да влюбила.
Коли бъ мнѣ Господь милосердный далъ изъ сего похода выходити,
Могъ бы я знати,
Якъ свою неньку стареньку почитати,
Могъ бы я ей 12 турокъ-янычаръ на послугу посылати!»

То ще якъ сталъ корсунскій полковникъ пане Филоне на Черкень-долину подъ городъ Тягиню прибувати,
Сталъ до козаковъ словами промовляти:
‹Козаки, панове-молодцы!
Который межъ вами козакъ оберется, чтобъ на добраго коня сидати,
Чтобъ изъ Крымцами да Нагайцами на распутьи погуляти?›
То всѣ козаки замолчали,
Только обозвется одинъ Ивась Коновченко,
Единъ сынъ вдовыченко:
‹Благослови ты мнѣ, панъ Филонъ, на добраго коня изсидати,
Съ Крымцами да съ Нагайцами на поединкѣ погуляти!›
То корсунскій полковникъ словами промовляетъ:
‹Иванъ Коновченко!
Ты дѣтина молодая:
Ни на поле, ни на море не бувала,
Козацкой крови не видала,
Какъ ты кровъ христіанскую узришъ,
То ты самъ злякаешъ›.
Иванъ Коновченко словами промовляетъ:
‹Корсунскій полковнику, панъ Филонъ!
«Пойди ты на рѣку, да поймай утя старое и малое,
Та пусти ты на рѣку,—есьли не поплыветъ малое, какъ старое».
Корсунскій полковникъ отвѣчаетъ:
‹Иванъ Коновченко!
Когда могъ ты мнѣ загадку такую загадати,
Благословляю тебя на добраго коня сидати,
Съ Крымцами да съ Нагайцами на поле погуляти›.
Коновченко на коня сѣдаетъ,
Отъ козаковъ благословеніе принимаетъ,
Межъ Крымцы и Нагайцы вбѣгаетъ,
66 Крымцевъ да Нагайцевъ съ коней збываетъ,
Сплечъ головы снимаетъ,
14 рычарей (sic) турецкихъ на арканъ хватаетъ,
Живьемъ до козацкаго намѣту пригоняетъ.
Корсунскій полковникъ, панъ Филонъ, то зобачаетъ
И промовляетъ,

Коновченка братомъ называетъ:
«Иване Коновченко, брате мой сердечный!
Коли могъ ты рыцарской славы достати,
Благословляю тебя въ своемъ намѣтѣ спочивати».
А Иванъ Коновченко тое зачувае
И великую радость мае,
Что корсунскій полковникъ братомъ его называетъ.
То винъ словами промовляетъ:
«Корсунскій полковнику, пане Филоне!
Благослови мнѣ оковитой горелки напиться,
То я могу еще и лучше съ Крымцами да съ Нагайцами побиться!»
Полковникъ словами промовляетъ:
«Иванъ Коновченко!
Я слыхалъ отъ старыхъ людей,
Что сяя оковитая горелка барзо вадитъ,
Не одного человѣка съ сего свѣта збавитъ».
У той часъ и годину
Десь корсунскій полковникъ отгодився,
Иванъ Коновченко довольно горелки напився...
На добраго коня сѣдаетъ,
Саблю изъ рукъ выпускаетъ,
Межъ Крымцы да Нагайцы вбѣгаетъ,
70 человѣкъ съ коней збиваетъ,
Сплѣчъ головы снимаетъ.
Стали безбожныи бусурманы козака въ хмели познавати,
Стали отъ табора козацкаго далѣ отбивати,
Скоро отъ табору козацкаго отбавляли,
Округъ его оступали,
Тамъ его посѣкли, порубали,
Смертельными ранами даровали,
Только козацкаго коня не поймали.
Конь козацкій по табору играетъ,
Нибы ясенъ соколъ лѣтаетъ,
Корсунскій полковникъ тое забачаетъ,
И промовляетъ:
«Недармо нашего Коновченка конь по табору играетъ,
Знать, его въ живыхъ немае...
Вы, панове, сами не добре учинили,
Що пьянаго человѣка съ своихъ рукъ испустили.

Добре вы, братця, дбайте,
На кони козацкіе сѣдайте,
Козацкое тѣло позбирайте,
До козацкаго намѣту привизите».
Тогда козаки добре дбали,
Що козацкое тѣло позбирали,
Суходолъ саблями копали,
Шапками, приполами землю выносили,
Изъ оружія стрѣляли,
Козацкую славу прославляли,
Семиперстную могилу высыпали...
Въ городѣ Черкасѣ
У вдовы, старенькой жены,
По имѣнію Грицихи,
По прозванію Коновчихи,
Приснился сонъ чуденъ-пречуденъ,
Барзо дивенъ да й предивенъ...
Вдова отъ сна прочинала,
На рынокъ выходила,
Съ сосѣдами говорила:
«Приснился сонъ чуденъ да пречуденъ,
Что видится, мой сынъ въ войнѣ оженился,
Понялъ себѣ жену туркеню горду да пышну,
Въ зеленомъ сукнѣ подъ бѣлыми позументами,
Она панщины не робитъ,
Подачки не даетъ,
Никто ее въ углы не толкаетъ,
Только она себѣ правдиваго судіи Господа съ небесъ желаетъ».
Сусиды тое зачували,
Вдовѣ той сонъ отгадали,
Только правды не сказали:
«Вдова небога!
Будетъ твой сынъ изъ войска прибувати,
Будетъ тебя казацкимъ кармазиномъ даровати».
Вдова тогда не убога бувала,
4 бочки горелки и 6 меду на брамѣ становила,
На святу недѣлю козаковъ изъ похода сподѣвалась.
То козаки съ походу идутъ,
Якъ пчелы гудутъ,

То первая дивизія выступаетъ,
Вдова Ивана Коновченка, своего сына, пытаетъ.
То козаки тое добре знали,
Вдовѣ правды не сказали.
Другая дивизія наступаетъ,
И тамъ вдова сына пытаетъ,
И тамъ козаки добре знали,
Вдовѣ правды не сказали.
«Вдова небога, не журыся
Твой сынъ ввойнѣ оженился,
Понялъ себѣ жену туркеню, горду да пышну невѣсту».
Вдова тое зачувала,
Каждаго козака частовала
И словами промовляла:
«Хвалю жъ тебѣ, Господи, что я себѣ тихой да веселой невѣстки дождала!
Хоть буду козакамъ курени подмѣтати,
Аби мене могли при старости лѣтахъ у себѣ держати».
То уже третяя дивизія идетъ,
Корсунскій полковникъ коня въ рукахъ за поводы ведетъ.
То вдова, старенькая жена,
Якъ скоро тее узрила,
То барзо умлила,
На ногахъ не устояла,
Къ сырой землѣ грудью упала,
Въ гору руки поднимала,
Полковника проклинала:
«Полковникъ, панъ Филонъ!
Бодай ты счастья-доли не малъ,
Якъ ты моего сына изъ всего войска потерялъ».
Полковникъ самъ не пышенъ бываетъ,
Съ коня вставаетъ,
Вдову, старенькую жену, съ земли поднимаетъ
И промовляетъ:
«Вдова-небога!
Не проклинай меня,
Щастья моего и доли козацкой не теряй:
Ты сама недобре почпнала,
Что своего сына въ охотное войско не пускала,

Щастье его и долю потеряла,
Ты его проклинала»...
Тогда вдова не убога ся мала,
Сорокъ тысячъ козацкаго войска въ дворъ свой зазывала,
Трое сутокъ ни пити, ни ѣсти хлѣба-соли не поборонила,
Всѣхъ козаковъ, какъ бояръ, даровала,
Давала рушники тканы и вышиваны,
Заразомъ похороны и веселья отправляла,
Козацкую славу прославляла.

8.

Иванъ Богославецъ, гетманъ запорожскій [1]).

По мнѣнію Костомарова, въ эту думу перенесенъ изъ думы о Марусѣ Богуславкѣ разговоръ Ивана Богуславца съ невольниками: „сходство образа темницы и сидящихъ въ ней невольниковъ, говоритъ онъ, и еще болѣе, быть можетъ, сходство именъ *Богуславецъ* и *Богуславка* произвели это смѣщеніе“ [2]). Съ равнымъ основаніемъ, конечно, можно утверждать и обратное. Что касается сходства именъ, то, по нашему мнѣнію, обѣ думы— ничто иное, какъ два отрывка изъ недошедшаго до насъ въ цѣлости обширнаго эпоса о судьбѣ дѣтей одного семейства, можетъ быть, проживавшаго въ г. Богуславѣ. Въ варіантѣ, напечатанномъ въ I томѣ Историч. пѣсенъ Антоновича и Драгоманова, разсказывается о Богуславцѣ, что онъ сперва отказался отъ предложенія пани Кизлевской принять вѣру бусурманскую, когда же она приказала связать его „сырою сырыцею“ и положить его передъ „праведнымъ сонечкомъ“, которое „стало прыгриваты, а сырая сырыця стала ссыхаты“, тогда Иванъ Богуславецъ отрекся отъ вѣры христіанской и зажилъ

---

[1]) Дума эта дошла до насъ всего въ двухъ варіантахъ: одинъ напечатанъ въ I т. Истор. пѣсенъ малорус. народа, Ант. и Драг. 241—242, другой болѣе полный варіантъ въ рукописи Котляревскаго.

[2]) Исторія козачества въ памятникахъ южнорусскаго пѣсеннаго творчества, (стр. 31, отд. оттискъ).

съ пани-Кизлевской. Итакъ, въ этомъ варіантѣ Иванъ Богуславецъ никто иной, какъ ренегатъ.

Ведетъ онъ себя, какъ подобаетъ ренегату, и въ думѣ Вересая о похищеніи изъ турецкой неволи [1]). По всей вѣроятности, въ то время, когда писалась извѣстная исторія Руссовъ Кониескаго, ходила въ народѣ иная дума о Богуславцѣ: изъ нея авторъ этой исторіи могъ почерпнуть извѣстіе о писарѣ Богуславцѣ, который въ концѣ XVI в. „захваченъ былъ турками въ плѣнъ при г. Козловѣ, но послѣ запорожцами былъ выручен помощію Семиры, жены паши турецкаго: Семира выѣхала вмѣстѣ съ Богуславцемъ въ Малороссію и была его женой“ [2]). Ближе всего къ этому предполагаемому нами варіанту стоитъ варіантъ Котляревскаго. Здѣсь Богуславецъ не увлекается „роскошью турецкою“ и тоже бѣжитъ на родину. Наружнымъ образомъ онъ принимаетъ вѣру бусурманскую, чтобы освободить себя и товарищей своихъ изъ неволи. Изъ ренегата онъ превращается въ героя: не только не увозитъ „Алканъ-пашевую, пани молодую“, но за оскорбленіе личной чести мститъ туркамъ, жителямъ города Козлова, и убиваетъ свою любовницу. Такимъ образомъ, если допустить, что во всѣхъ этихъ думахъ Иванъ Богуславецъ есть одно и то же лице, то мы имѣемъ предъ собою всю исторію его: въ такомъ случаѣ варіантъ Котляревскаго, какъ найболѣе разработанный, могъ возникнуть только послѣ появленія думъ, изображавшихъ первоначальную исторію Богуславца.

В городѣ Козловѣ [3]) стояла темница каменая,
7 сажень въ землю въ мурованная (sic),
У той темницѣ пробувало 700 козаковъ,
Бѣдныхъ невольниковъ.
Межъ ними безъ старшины козацкои не бывало,

---

1) Записки юго-зап. отдѣла кіевскаго географ. общества, I, 16—18. Въ изслѣдованіи Костомарова эта дума названа думой о соколѣ.

2) Исторія Руссовъ, Кониескаго, 31—32.

3) Козловъ—нынѣшняя Евпаторія, уѣздный городъ Таврической губ.

Бувъ одинъ старшій старшиною Иванъ Богославецъ [1]),
Гетманъ запорожскій.
Они десять лѣтъ пробували въ неволи,
То Иванъ Богославецъ сидя соби думаетъ да гадаетъ,
До козаковъ словами промовляетъ:
«Козаки, панове-молодцы,
Що у насъ сегодни за день великая субота,
Завтра будетъ святый день—Великъ-день,
Будутъ наши отцы рано вставати,
До Божого дому приступати,
Божіе слово выслухати,
Насъ, бѣдныхъ невольниковъ, поминати».
То всѣ невольники тое зачували,
Дробными слезами обливали,
Иванца-Богославца лаяли-проклинали:
«Бодай ты себѣ, Иванецъ-Богославецъ, щастья и доли не малъ,
Що ты намъ сей праздникъ отказалъ».
Иванъ-Богославецъ тое зачувае,
Словами промовляе:
«Не лайте мене братцы, не проклинайте,
Може намъ, братцы, Богъ милосердный буде помогати,
Чи не будемъ мы съ неволи выступати»?
То въ недѣлю рано-пораненько
Алканъ-пашева турецкая отъ мужа зоставала,
Свого мужа поховала,
До темницы прихожала,
Темницу отмыкала,
Помежъ невольниками похожала,
Иванца-Богославця за бѣлую руку брала,
Ще словами промовляла:
«Иванче-Богославче!
Коли бъ ты свою вѣру христіанскую поломалъ,
А нашу бусурманску на себя бралъ,
Уже бъ ты въ городѣ Козловѣ пановалъ...
Я бъ твоихъ невольниковъ всѣхъ изъ темницы выпускала,

[1]) Согласно съ исторіей Русовъ Конисскаго, Максимовичъ думалъ, что Иванъ Богуславецъ участвовалъ въ походѣ Скалозуба противъ турокъ въ 1583 году, см. Украинс. народ. пѣсни, 1834, 8 .

Въ землю христіанскую хорошенько провожала».
Иванецъ-Богославецъ тее зачувае,
Словами промовляе:
«Алканъ-пашова, пани молодая!
Якъ не будешъ ты мнѣ христіанскою вѣрою урѣкати,
Буду я тебя за жену до себе брати».
То вже Алканъ-пашова, пани молодая,
7 недѣль хмелю не заживала,
Христіанскою вѣрою не урѣкала,
Всѣхъ невольниковъ изъ темницы выпускала,
Въ землю христіанскую хорошенько провожала.
Якъ стала на восьмой недѣле хмѣль заживати,
Стала съ молодыми турецкими панами гуляти,
Стала Иванчевы-Богославцевы христіанскою вѣрою урѣкати:
«Дывится, панове,
Якій у мене мужъ прекрасный,
Та винъ у насъ побусурменился для роскоши турецкой».
Иванецъ-Богославецъ тое зачувае,
До Чернаго моря швиденько прибѣгае,
Въ лодку сѣдае,
Козаковъ середъ Чернаго моря догоняе,
До козаковъ въ судно вступае.
Алканъ-пашева, пани молодая, до Чернаго моря прихожае,
Иванца-Богославца въ суднѣ забачае,
Дробными слезами обливае:
«Иванче-Богославче!
Бодай тебе Господь милосердный на семъ свѣтѣ избавилъ,
Якъ ты мене, молоденьку, зрадилъ»!
То ще якъ стала темная ночъ наступати,
Стали козаки до города Козлова назадъ прибувати,
Стали на турокъ на сонныхъ набѣгати,
Стали ихъ рубати,
Городъ Козловъ огнемъ—мечемъ воевати,
Стали турецкіе лехи разбивати,
Сребро-злато, дорогую одежду забирати,—
Сталъ Иванецъ-Богославецъ Алканъ-пашевую,
паню молодую, рубати,
Стали отъ пристани Козловской поспѣшати,
И ще до свѣта до города Сѣчи прибувати,

Въ городѣ Сѣчи сокровища турецкія раздѣляти,
Стали уже козаки словами промовляти:
«Иванче-Богославче, гетмане запорожскій!
Десять лѣтъ ты въ неволѣ пробувалъ,
Ни одного козака не утерялъ»!
Вызволь, Господи, невольника изъ неволи
На край веселый,
Между миръ христіанскій!

П. Житецкій.

„Правда" о коліивщинѣ польскаго историка г. Корзона.

(По поводу его рецензіи въ № 3 «Kwartalnika historycznego» за 1892 г. на «Очеркъ коліивщины» Я. Шульгина).

Въ „Кіевской Старинѣ" за 1890 годъ былъ нами помѣщенъ „Очеркъ коліивщины по неизданнымъ и изданнымъ документамъ 1768 и ближайшихъ годовъ". По окончаніи печатанія этой работы въ журналѣ она была въ небольшомъ количествѣ оттисковъ выпущена въ свѣтъ отдѣльною книгою. Въ виду интереса эпохи, затронутой въ названной работѣ, а, быть можетъ, и въ виду интереса, представляемаго документами, которыми мы пользовались и которые, какъ намъ кажется, проливаютъ нѣсколько новыхъ лучей свѣта на южно-русское народное движеніе 1768 года, нашъ „Очеркъ коліивщины" вызвалъ къ себѣ нѣкоторое вниманіе печати русской и польской.

Съ благодарностью принимая замѣчанія рецензентовъ на тѣ или другія положенія въ нашемъ „Очеркѣ" и сознавая, что нѣкоторые изъ отзывовъ были, быть можетъ, не въ мѣру благосклонны къ нашему труду (разумѣемъ отзывы въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія" въ № 1 за 1891 годъ и въ „Русской Мысли" за 1890 годъ въ № 7 и за 1891 г. въ № 4), мы однако не считаемъ удобнымъ впредь до втораго изданія книги обмѣняться своими мнѣніями съ благосклонно разбиравшими нашъ трудъ. Иначе мы должны поступить по отношенію къ далеко неблагосклонной рецензіи на него г. Корзона, которая появилась въ издающемся въ Львовѣ журналѣ „Kwartalnik historyczny", органѣ историческаго общества, осно-

ванномъ Ксаверіемъ Лискимъ (Zeszyt III 1892). Въ рецензіи своей, озаглавленной „Nowa książka o koliszczyźnie“ г. Корзонъ проявляетъ такъ много страстности по поводу всего имъ высказываемаго и такъ безпощадно уличаетъ насъ и въ научномъ невѣжествѣ, и въ произвольномъ толкованіи фактовъ, что болѣе скорый отвѣтъ мы обязаны дать ему во избѣжаніе недоразумѣній со стороны читателей нашего „Очерка коліивщины“. Притомъ же пренебречь мнѣніемъ г. Корзона мы не имѣли бы права въ виду основательной популярности, какою пользуется въ исторической литературѣ его имя послѣ появленія въ свѣтъ его четырехтомнаго труда „Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta (1764—1794)“ и ряда другихъ его произведеній по польской и всеобщей исторіи. Если же еще принять въ разсчетъ собственныя заявленія г. Корзона о руководившихъ имъ намѣреніяхъ въ его историческихъ работахъ, то и подавно горькіе попреки его по нашему адресу не могутъ быть оставлены нами безъ возраженій. Въ самомъ дѣлѣ г. Корзонъ въ предисловіи къ своему труду „Wewnętrzne dzieje“ такъ говоритъ о себѣ: „мы были далеки, конечно, отъ всякихъ полемическихъ пререканій. Искренно, старательно искали мы только правды и ничего кромѣ правды, не взирая на то, понравится ли она кому или нѣтъ, покажется ли возвеличивающей или позорящей. Найдемъ въ себѣ довольно силы, чтобы овладѣть своими склонностями, когда идетъ рѣчь о работѣ мысли, о свѣтѣ науки. Вѣдь учимся мы для того, чтобы стать болѣе мудрыми, а какая же мудрость проявится въ результатѣ заблужденій, фальши или слабодушныхъ обходовъ истины? Если поэтому при зондированіи мною раны до дна (рѣчь идетъ о паденіи Рѣчи Посполитой) откроются здоровые соки въ организмѣ, найдутся въ народѣ симптомы жизненности—то вѣрьте такому діагнозу, ибо въ каждомъ изслѣдованіи моемъ исходнымъ пунктомъ для меня было сомнѣніе, даже подозрительность по поводу рѣшаемаго, и все это могли разогнать только очевидныя, осязательныя, непреоборимыя данныя. Никого не превозношу безъ основаній— ни отдѣльныхъ людей, ни сословія, ни народы, ни даже принципы; никого и не черню. Для соотчича и для чужеземца и

даже для самого врага у меня одна рѣчь: „вотъ правда, какъ я ее постигъ и смогъ выразумѣть!“ [1]). Преклоняясь предъ такими намѣреніями историка и нашего критика, могли ли бы мы, узнавъ его мнѣніе о нашемъ трудѣ, не свести съ нимъ счетовъ? Намъ естественно было бы или отказаться отъ тѣхъ своихъ мнѣній по вопросу о коліивщинѣ, которыя имъ опровергнуты для насъ убѣдительно, или же представить достаточныя основанія для ихъ удержанія и для непринятія противоположныхъ мнѣній авторитетнаго рецензента. Считая себя обязанными такъ поступить въ видахъ уясненія истины, мы къ сожалѣнію не имѣемъ возможности согласиться съ тѣмъ толкованіемъ коліивщины, какое даетъ г. Корзонъ, и поневолѣ должны попытаться доказать ему, что онъ не правъ, и что высказанное нами въ книгѣ должно быть признано научнымъ толкованіемъ приведенныхъ въ ней фактовъ.

I.

Наиболѣе рѣзко выступающимъ положеніемъ въ рецензіи г. Корзона является его утвержденіе, что мы ложно толкуемъ политическую сторону народнаго движенія южно-русскаго народа въ 1768 году, а равно и отношеніе къ этому движенію правительствъ Рѣчи Посполитой и Россіи.

Прежде всего по утвержденію г. Корзона движеніе гайдамацкое 1768 г. не было движеніемъ политическимъ, идейнымъ, а было только простымъ разбойничествомъ. Утвержденіе это не высказано однако рецензентомъ въ видѣ отдѣльнаго положенія, но сказалось во многихъ мелкихъ замѣчаніяхъ—и въ сравненіи Желѣзняка, бывшаго однимъ изъ видныхъ, если не самымъ виднымъ ватажкомъ движенія, съ греческимъ разбойникомъ Афанасіемъ, недавно нападавшимъ на поѣзда желѣзныхъ дорогъ и пр. [2]), и въ удивленіи по поводу нашего признанія другого ватажка гайдамацкаго, Семена Неживаго, чело-

---

[1]) T. Korzon. Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta (1764—1794) Przedmowa Str. 2.

[2]) Kwartalnik historyczny. Zeszyt III 1892 r. Str. 528,

вѣкомъ идейнымъ[1]), наконецъ въ томъ, что рецензенту кажется дикимъ наше неоднократное признаніе всего движенія 1768 года войной, до извѣстной степени партизанской, за свободу, вѣру, правду и народность[2]). Наконецъ, квалификація коліивщины, какъ разбойничьяго движенія, дана г. Корзономъ и въ его большемъ трудѣ. „Гайдамачество, пишетъ онъ тамъ, или по просту разбои, безпорядочныя проявленія свободы или вѣрнѣе козацкаго своевольства, выступило тутъ (въ монастыряхъ мотронинскомъ, мошненскомъ, корсунскомъ и жаботинскомъ) съ темнымъ религіознымъ фанатизмомъ и производило настоящій хаосъ въ отношеніяхъ всякаго рода“[3]).

Въ работѣ своей мы держались иного взгляда на коліивщину, чѣмъ г. Корзонъ. Мы прямо считали это движеніе проявленіемъ самостоятельно сознаннаго протеста южно-русскаго крестьянства, угнетеннаго поляками въ соціальномъ и религіозномъ отношеніи[4]). Къ такому убѣжденію привела насъ вся совокупность фактовъ, бывшихъ у насъ подъ рукою по поводу коліивщины. Не можемъ отказаться отъ своего заключенія и теперь, по прочтеніи рецензіи г. Корзона. Всѣ признаки политическаго движенія у насъ въ данномъ случаѣ на-лицо. Если обратить вниманіе на причины, которыя его вызвали, то это были не желанія личнаго обогащенія немногихъ, а мысль объ уничтоженіи условій, сживавшихъ со свѣта русское крестьянское населеніе въ предѣлахъ шляхетско-католическаго государства— Рѣчи-Посполитой. Далѣе способъ веденія возстанія, какъ бы тамъ ни было, былъ сознательно продуманъ: была и кой-какая организація военныхъ силъ, были взвѣшены и тѣ обстоятельства, въ какихъ тогда пребывала Рѣчь-Посполитая и въ частности Украина, а также то содѣйствіе, какое могли встрѣтить возставшіе за вѣру и свободу со стороны Россіи, хотя, конечно, въ этомъ послѣднемъ разсчетѣ было много ошибочнаго. Наконецъ и велось возстаніе ради осуществленія извѣстнаго идеала,

---

1) Ibidem, str. 531, 533.

2) Ibidem, str. 534.

3) T. Korzon. Wewnętrzne dzieje Polski za St. Aug. T. 1. Str. 183.

4) Нашъ „Очеркъ коліивщины“. Отдѣльн. оттискъ стр. 178.

состоявшаго если не въ обрѣтеніи полной независимости, то по крайней мѣрѣ въ подчиненіи единовѣрной Россіи, хотя опять таки разсчеты и въ этомъ отношеніи были достаточно туманны. Такимъ образомъ не своекорыстными причинами было вызвано движеніе 1768 года, придуманъ былъ способъ его осуществленія, оказывались на-лицо и идеалы, во имя которыхъ оно велось,—а все это несомнѣнно признаки движенія политическаго, идейнаго.

Въ разныхъ мѣстахъ нашей книги всѣ эти черты коліивщины были нами отмѣчены. На стр. 13—17 и 195 „Очерка коліивщины“ нами довольно подробно указано, какой удивительной вѣротерпимостью въ предѣлахъ Рѣчи-Посполитой пользовалось православіе, котораго держалось южно-русское населеніе; тамъ же отмѣчено, что неистовства барскихъ конфедератовъ надъ православными были послѣднимъ поводомъ, вызвавшимъ народное возстаніе, причемъ, вопреки утвержденію г. Корзона [1]), будто въ „Очеркѣ“ нашемъ не было приведено ни одного факта въ подтвержденіе неистовствъ тогдашней конфедераціи, мы должны указать на стр. 41 нашей книги, гдѣ приведена жалоба потерпѣвшихъ отъ такихъ неистовствъ. Думаемъ затѣмъ, что много достаточныхъ причинъ для возстанія южно-русскаго народа противъ Рѣчи-Посполитой въ защиту своей вѣры авторъ найдетъ и въ собственномъ сочиненіи. У него есть указанія на то, что терпѣло православное населеніе Рѣчи-Посполитой послѣ Андрусовскаго договора, примѣрно съ 1668 года и особенно послѣ 1686 года. „.... съ 1668 г., пишетъ онъ, вмѣсто того, чтобы умиротворить послѣдователей греческой вѣры, предоставивъ равныя права обѣимъ церквамъ, греческой и уніатской, принята была въ основаніе забота о приведеніи православія къ единенію съ католичествомъ. Фатальныя послѣдствія дала эта забота, какъ и вездѣ, гдѣ правительства принимали на себя апостольскія обязанности въ дѣлахъ вѣры! Не помнящая или не свѣдущая о грозныхъ историческихъ свидѣтельствахъ фанатизированная въ іезуитскихъ школахъ шляхта временъ саксон-

---

[1]) Kwartalnik hisstoryczny. Z. III. str. 536.

скихъ королей едва соблаговоляла терпѣть неунитовъ, но и то ограничивала ихъ въ правахъ гражданскихъ, не допускала до государственныхъ должностей и даже до должностей городскихъ. Повидимому цѣль оказалась достигнутой, когда епископъ львовскій Іосифъ Шумлянскій (1700) и епископъ холмскій[1]) Діонисій Жабокрицкій (1704) приняли унію, но въ груди народа русскаго, а особенно у духовенства греческаго непрерывно накоплялись чувства крайней ненависти къ „ляхамъ“ и сильнѣе всего на Украйнѣ, гдѣ жива была память о Хмельницкомъ, живъ былъ козацкій духъ и обычай. Ненависть эта подогрѣвалась—и розныю въ ежедневныхъ отношеніяхъ, и несправедливостью судовъ и борьбой за бенефиціи и церкви съ уніатами“ [2]).

Какъ кажется, не блѣдныя краски положены самимъ г. Корзономъ для объясненія недовольства русскихъ крестьянъ тогдашними религіозными условіями жизни. Затѣмъ, что до барской конфедераціи, то г. Корзонъ, признавая вполнѣ раціональной ея основную цѣль—возвратъ національной независимости, что выражено было лозунгомъ „za wolnosć, не такъ относится къ ея религіознымъ мечтаніямъ, выразившимся въ другой половинѣ лозунга, въ словахъ: „i za wiarę“ [3]). Выгораживая епископа Красинскаго, какъ вдохновителя барской конфедераціи, отъ упрековъ въ соединеніи такихъ двухъ цѣлей и въ принятіи такого лозунга, г. Корзонъ выражается такъ: „зная его нравственный цензъ и высокія мыслительныя способности, мы почти убѣждены, что вѣроисповѣдный лозунгъ не исходилъ отъ него... А между тѣмъ лозунгъ этотъ былъ искрой, вызвавшей страшный пожаръ, бунтъ Желѣзняка и Гонты, рѣзню уманскую“ [4]). Еще точнѣе о поводѣ возникновенія этихъ ужасныхъ событій г. Корзонъ говоритъ въ цитатѣ изъ письма короля Станислава-Августа къ

---

[1]) Діонисій Жабокрицкій былъ епископомъ не холмскимъ, а луцкимъ (см. у В. Б. Антоновича. Очеркъ состоянія православной церкви въ Ю.-З. Россіи съ половины XVII до конца XVIII в. въ Монографіяхъ стр. 316 и въ Арх. Ю.-З. ч. I. т. IV стр. 118—154 и д.).

[2]) T. Korzon. Dzieje Wewnętrzne za St. Aug. T. I str. 182.

[3]) Ibidem Str. 198, 199.

[4]) Ibidem str. 199.

m—me Жофренъ. „Нѣсколько фанатиковъ, читаемъ мы въ этой цитатѣ, не опровергаемой г. Корзономъ, начали грозить крестьянамъ нашей Украины всякими бѣдствіями, если они не перестанутъ быть греками-неунитами и не сдѣлаются греками уніатами, т. е. если не перестанутъ такъ толковать св. Тройцу, какъ толкуютъ ее въ Петербургѣ, и не начнутъ толковать ее по-римски. Посудите—могли ли эти несчастные хлопы хоть что нибудь понять во всемъ этомъ. Но этого было довольно, чтобы ихъ взволновать,—бунтъ же такихъ людей не шутка!... Фанатизмъ греческій и рабскій борется огнемъ и мечемъ съ фанатизмомъ католическимъ и шляхетскимъ. Несомнѣнно, что безъ барской конфедераціи не было бы этого новаго горя". „Измѣнивъ послѣднее выраженіе, добавляетъ отъ себя г. Корзонъ, или вѣрнѣе, присоединивъ къ нему слова: „безъ лозунга религіознаго въ конфедераціи барской", мы получимъ самое вѣрное и изъ самаго компетентнаго источника исходящее указаніе для пониманія умонастроенія и причинъ, вызвавшихъ уманское бѣдстіе" [1]). Для усиленія впечатлѣнія, производимаго такимъ отношеніемъ польскаго автора къ религіознзму фанатизму барскихъ конфедератовъ, могли бы ему сослужить немалую службу документы, заключающіеся въ Арх. ю.-з. Россіи въ ч. I, т. III, подъ №№ CXXI, CXV, CXIII, CVIII, CXX, CXXV, CXIX, CVI, CVII, CLXVII. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Корзонъ нашелъ бы въ нихъ много указаній на тѣ неистовства барскихъ конфедератовъ, о которыхъ поминаемъ мы въ своей работѣ, будто бы не имѣя на то никакихъ документальныхъ доказательствъ. Сомнѣваться въ достовѣрности неистовствъ, приводимыхъ въ означенныхъ документахъ, г. Корзону едва-ли прійдется: они заявлялись потерпѣвшими отъ конфедератовъ не только архіепископу Гервасію Линцевскому, но и заносились въ гродскія книги, а также доставлялись региментарю Украинской Партіи Вороничу; разъ же они попадали въ такія руки, то писавшіе ихъ, конечно, воздерживались бы отъ преувеличенія фактовъ въ виду возможности ихъ провѣрки; притомъ же безъискуственный, часто наивный тонъ пересказа о

---

[1]) Ibidem str. 199.

всякихъ пареніяхъ кіями, кнутами или розгами благочестивыхъ поповъ и свѣтскихъ дизунитовъ во все продолженіе троекратнаго чтенія псалмовъ „Помилуй мя, Боже“ и „Блаженни непорочніи“ и о всякихъ другихъ конфедерацкихъ и неконфедерацкихъ польскихъ насиліяхъ [1]) исключаетъ всякую мысль о тенденціозной подтасовкѣ фактовъ.

Въ виду же цѣлаго ряда данныхъ о религіозныхъ насиліяхъ полагаемъ, г. Корзонъ согласится, что для политическаго протеста у коліевъ было достаточно основаній, хотя бы никакихъ другихъ насилій со стороны поляковъ не существовало. Припомнимъ за симъ, какія еще соціальныя условія въ Рѣчи-Посполитой могли вызвать тотъ же политическій протестъ со стороны крестьянскаго населенія южной Руси.

Во второй главѣ нашего „очерка колівщины“ [2]) отмѣчено было уже, что къ шестидесятымъ годамъ XVIII столѣтія стали истекать тѣ „слободы“, тѣ льготные сроки для крестьянъ, поселявшихся въ шляхетскихъ владѣніяхъ бывшей руины, благогодаря которымъ шляхтичи обрѣли въ недавней пустынѣ нужныя имъ рабочія руки. Отмѣчено нами было также, что сравнительно сносное существованіе для поселившихся въ Кіевщинѣ и Брацлавщинѣ крестьянъ стало мало-по-малу по истеченіи срока „слободъ“ замѣняться такими условіями, какія царили на Волыни, Полѣсіи да и въ другихъ мѣстахъ Рѣчи-Посполитой. Въ той же главѣ было нами также указано, что въ виду этого русскому населенію бывшей руины легко было предвидѣть полное возвращеніе къ нимъ крѣпостнаго права въ злѣйшихъ его формахъ, поддерживавшихся не столько открытымъ признаніемъ этого права закономъ Рѣчи-Посполитой, а шляхетскими нравами и укоренившимися обычаями. Приведено все это было нами для уясненія того крайняго недовольства соціальнымъ и экономическимъ положеніемъ своимъ, какое проявили крестьяне бывшей руины въ 1768 г. Обо всемъ этомъ во всѣхъ подробностяхъ намъ не было основаній распространяться въ виду имѣю

[1]) Арх. Ю-З. Р. ч. I. т. III, № CXXV.

[2]) „Оч. Кол.“ стр. 103—106.

щагося въ нашей исторической литературѣ вполнѣ авторитетнаго изслѣдованія профессора В. Б. Антоновича объ экономическихъ и юридическихъ отношеніяхъ крестьянъ въ XVIII вѣкѣ; на изслѣдованіе это, служащее предисловіемъ ко II тому 6 части Арх. Ю.-З. Россіи, и были сдѣланы нами ссылки въ нашей работѣ [1]). Что тогдашніе страхи крестьянъ бывшей руины предъ насувавшимся на нихъ возвратомъ польскаго крѣпостничества были основательны, г. Корзонъ легко убѣдится и изъ названнаго изслѣдованія В. Б. Антоновича, и изъ помянутаго тома Архива Ю.-З. Россіи да наконецъ и изъ собственнаго своего труда „Wewnętrzne dzieje Polski za St. Aug.“, гдѣ, во первыхъ, прямо признаетъ въ Рѣчи-Посполитой крѣпостническія отношенія и даже рабство (niewola) и рабовъ (niewolników) [2]) и стоитъ за то, что положеніе „хлопа“ въ этомъ государствѣ было тяжеле положенія крестьянина французскаго (servage) и нѣмецкаго (Leibeigenschaft), хотя и не равнялось древне-римскому рабству. Тамъ же очень опредѣленно отмѣчено авторомъ господство въ отношеніяхъ между шляхтичами-землевладѣльцами и крестьянами полнаго произвола, причемъ „дѣдичи“ были властны даже въ жизни и смерти крестьянъ своихъ уже съ давней поры [3]). Правда г. Корзонъ указываетъ и на то, что право жизни и смерти (jus vitae ac necis) не дано было никогда шляхтичамъ законами Рѣчи-Посполитой и жизнь хлоповъ отъ убійства шляхтичами ограждалась головщизнами, т. е. пенями, сперва довольно ничтожными, а потомъ нѣсколько большими, и по Литовскому Статуту даже смертной казнью,—тѣмъ не менѣе все же писатель-юристъ XVIII столѣтія полякъ Скшетускій, свободный, по словамъ г. Корзона, отъ шляхетскихъ предубѣжденій [4]), считаетъ, что право жизни и смерти надъ крестьянами дѣдичи получили въ Рѣчи-Посполитой въ 1573 г., во время

[1]) Какъ на прекрасный сводъ данныхъ по крестьянскому вопросу въ Польшѣ укажемъ еще на трудъ г. Мякотина „Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху ея раздѣловъ. Спб. 1889 г.“ Для г. Корзона эта книга покажется, быть можетъ, болѣе основательной, какъ не принадлежащая перу писателя „Кіевской школы“.

[2]) Korzon. Wewnętrzne dzieje Polski za St. Aug. t. I, str. 346.

[3]) Ibidem str. 353, 354.

[4]) Ibidem str. 346.

перваго безкоролевья послѣ прекращенія династіи Ягеллоновъ по четвертой статьѣ акта варшавской генеральной конфедераціи, причемъ въ статьѣ этой есть однако ссылка на давній обычай—jako zawsze było [1]). Хорошо, конечно, что г. Корзонъ приводитъ со словъ Скшетускаго это постановленіе конфедераціи 1573 года, но онъ однако напрасно думаетъ, что ранѣе отмѣченное имъ огражденіе жизни крестьянина головщизнами и даже смертною казнью относилось къ ихъ дѣдичамъ; по объясненію Нüрре, отмѣченному въ книгѣ г. Мякотина „о крестьянскомъ вопросѣ въ Польшѣ въ эпоху ея раздѣловъ", приводимыя г. Корзономъ постановленія относились не къ господину крестьнина, а къ чужому шляхтичу: послѣдній денежной пеней возмѣщалъ нанесенный убійствомъ убытокъ господину [2]). Затѣмъ, не смотря на утвержденіе г. Корзона о несуществованіи въ Рѣчи Посполитой закона, предоставлявшаго дѣдичамъ право жизни и смерти надъ крестьянами, и не смотря на нѣкоторое сомнѣніе его по поводу такого фатальнаго значенія рѣшенія варшавской конфедераціи 1573 года, онъ все же долженъ былъ привести указаніе на законъ 1768 года (artikul XIX praw kardynalnych), по которому у шляхтичей или точнѣе у дѣдичей это право было *отобрано* [3]). Конечно, надо думать, что отобрать можно только то, что было дано или что было самовольно присвоено, но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же г. Корзонъ такъ туго соглашался признать существованіе за дѣдичами права надъ жизнью и смертью ихъ крестьянъ? Что г. Корзонъ въ данномъ случаѣ запутался въ своихъ признаніяхъ и сомнѣніяхъ—это болѣе, чѣмъ очевидно. Выйти однако изъ этой путаницы онъ нашелъ

---

[1]) Ibidem str. 355.

[2]) Мякотинъ В. Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху ея раздѣловъ. Спб. 1889. стр. 54, ссылка на книгу Hüppe—Verfassung der Republik Polen. Berlin 1867.

[3]) Korzon. W. d. P. t. I, str. 356. Нѣкоторое сомнѣніе по поводу силы закона 1768 г. въ смыслѣ серіознаго улучшенія крестьянскаго положенія высказываетъ и самъ г. Корзонъ. А у Бандтке въ его посмертномъ изданіи Historyi prawa polskiego" на стр. 673 читаемъ такое заключеніе по поводу закона 1768 г.: „Sumienie pana, na szlachectwie przecenionem uspione, posostało jedynym kodeksem, a Bôg jedynym sędzią dla chłopa poddanego prywatnego". Серіозные доводы въ пользу такого своего заключенія онъ приводитъ затѣмъ на стр. 689.

возможнымъ путемъ такого утвержденія: „на дѣлѣ примѣненія смертной казни дѣдичемъ надъ подданнымъ крестьяниномъ мы не встрѣтили ни единого раза; не слышали объ этомъ и современные писатели; но объ угрозахъ „повѣсить“ читали мы два раза, а о тяжеломъ обращеніи съ крестьянами, объ утѣсненіяхъ ихъ, безжалостномъ эксплоатированіи и даже жестокомъ истязаніи читали часто“ [1]).

Для нашихъ цѣлей достаточно въ данномъ случаѣ и такого признанія г. Корзона. Смѣемъ думать, что и при признаваемомъ имъ способѣ лишенія крестьянъ жизни дѣдичами и истязанія ими, у крестьянъ было достаточно причинъ для недовольства политическими порядками Рѣчи Посполитой и для поднятія политическаго движенія. Такимъ образомъ и съ точки зрѣнія политико-соціальныхъ причинъ коліивщина въ полномъ смыслѣ слова есть движеніе, вызванное не своекорыстіемъ, не порочною злою волею, а сознаніемъ глубокой несправедливости, тяготѣвшей надъ крестьянскимъ населеніемъ Рѣчи Посполитой.

---

[1]) Korzon. W. d. P. za St. Aug. T. I, str. 357.—По поводу столь скромнаго признанія позволимъ себѣ указать со словъ г. Мякотина (см. въ его книгѣ „О крестьянскомъ вопросѣ въ Польшѣ въ періодъ ея раздѣловъ“ на стр. 67. первую ссылку), что по крайней мѣрѣ объ одномъ случаѣ кары смертью крестьянина дѣдичемъ говорится въ брошюрѣ *Nie wszyscy błądzą*, на стр. 10.—Но есть не мало другихъ доказательствъ примѣненія дѣдичами права казнить крестьянъ смертью. Уже изъ отмѣченнаго и г. Корзономъ постановленія варшавской конфедераціи 1573 года видно, что предоставляемое имъ дѣдичамъ право издавна существовало: казнить крестьянъ смертью всегда было въ обычаѣ (zawsze było), а при такой постановкѣ дѣла едва ли можно предполагать, что казней по волѣ дѣдичей въ дѣйствительности не бывало и они какъ-то платонически поддерживали обычай казнить. Наконецъ, въ I т. „Памятниковъ, издан. коммиссіею для разбора древнихъ актовъ при кіевскомъ, подольскомъ и волынскомъ генералъ-губернаторѣ“ мы имѣемъ арендные листы, по которымъ арендаторамъ, между прочимъ евреямъ, право казнить смертью крестьянъ передается владѣльцами имѣній формально. Акты эти относятся къ 1595 и 1596 годомъ. (См. „Памятники“ т. I, стр. 66, 83, 96). Затѣмъ еще болѣе ясныя и точныя указанія и о правѣ дѣдичей казнить крестьянъ и о примѣненіи этого права заимствуемъ изъ справокъ спеціалиста, занимающагося исторіей русскаго и польскаго права, любезно намъ предоставленыхъ для уясненія даннаго вопроса. Лицо это пишетъ: „Правда, въ статутахъ нигдѣ не выражено *прямо* право владѣльцевъ казнить своихъ крестьянъ смерью, но *оно вытекаетъ косвенно изъ опредѣленія смертной казни за извѣстныя преступленія, каковыя подлежали также и суду помѣщиковъ* (Въ Польшѣ это право опредѣленно признано

Вторымъ менѣе характернымъ признакомъ политическаго движенія, но во всякомъ случаѣ важнымъ признакомъ серіознаго дѣла является, какъ уже сказано, извѣстная обдуманность дѣйствій участниковъ движенія, другими словами планъ его, организація. И это все было на-лицо въ коліивщинѣ. Прежде всего мы указали, что театромъ возстанія было избрано кіевское воеводство [1]) и сюда то стянуты были почти всѣ силы коліевъ, пополнявшихъ свои ряды не только изъ крестьянъ бывшей руины—Кіевщины и Брацлавщины, но и изъ пришлыхъ лѣвобережцевъ, запорожцевъ и гайдамакъ степей. Избраніе такого района для нападенія на Рѣчь-Посполитую нельзя назвать неудачнымъ. Здѣсь именно, какъ это было нами указано [2]), чуть не съ 1712 года распоряжались одни только частные владѣльцы—магнаты, а гражданскихъ властей и даже военныхъ не было; коммиссары, губернаторы, поссесоры того времени—это все были или управляющіе имѣніями пановъ, или арендаторы. Имъ было отдано не только завѣдываніе хозяйствомъ въ краѣ, но и часть

закономъ 1557 г. Vol. leg. т. II, стр. 12, § 15).—Зато въ актахъ кіевскаго центральнаго архива мы имѣемъ достаточно прямыхъ и ясныхъ указаній, что помѣщики *приговаривали* крестьянъ къ смертной казни и такіе приговоры *приводились въ исполненіе* съ соблюденіемъ всѣхъ обычныхъ въ такихъ случаяхъ формальностей. Изъ многочисленныхъ указаній подобнаго рода отмѣтимъ нѣсколько: 1) кн. № 2038 л. 140 об. (1564 г.) кн. Чарторыйскій присудилъ „выдать горломъ“ своего слугу корол. толмачу Щастному Шеремеру; 2) кн. № 2044, л. 160 (годъ 1570) земяне Дмитрій и Фоломѣй Рогозинскіе приговариваютъ къ смертной казни (къ повѣшенію) своего крестьянина, виновнаго въ кражѣ; 3) кн. № 2046, л. 210 об. (годъ 1572). помѣщикъ приговариваетъ къ повѣшенію (и приговоръ этотъ приводится въ исполненіе) своего крестьянина за кражу у постороннихъ лицъ; 4) Ibidem, л. 409 подобный же примѣръ; 5) кн. № 2047 л. 166 об. (годъ 1573) казнь помѣщиками своихъ крестьянъ и т. д. и т. д. Право смертной казни передавалось даже заимодавцу при заставѣ имѣнія, арендатору и пр., какъ это видно между прочимъ изъ слѣдующаго: въ заставной записи 1644 г., мая 19 (кн. № 9, л. 356—359) читаемъ: wolno... poddanych nieposłusznych y prawo przestąpiących winami pieniąznemi y gorlowemi karać“.

А что до угрозъ смертью крестьянамъ со стороны дѣдичей, то упоминаній объ этомъ нѣсть числа въ архивныхъ документахъ. Такъ, ихъ много можно найти въ одной только 27 книгѣ Кіев. Центр. Архива, опись которой напечатана.

[1]) Очеркъ коліив. Стр. 10.

[2]) Ibidem. Стр. 83—84.

полицейская и судебная. Экономическій дворъ былъ поэтому своего рода присутствіемъ, имѣвшимъ самыя широкія права надъ крестьянствомъ. Защита края была тоже всецѣло частной: надворныя милиціи при панскихъ замкахъ должны были замѣнять вѣчно распущенныхъ жолнеровъ Украинской Партіи, т. е. той части войска Рѣчи-Посполитой, которая должна была охранять Украину. При такихъ же условіяхъ да еще при всегдашней готовности народныхъ милицій, состоявшихъ изъ мѣстныхъ крестьянъ, переходить на сторону боровшихся за вѣру и свободу собратій своихъ, естественно было коліямъ разсчитывать именно въ этой мѣстности взять верхъ надъ поляками. Если мы обратимся за симъ къ труду самого г. Корзона, то и у него найдемъ прямое указаніе на полное отсутствіе государственнаго порядка въ предѣлахъ бывшей руины именно въ интересующее насъ время. „При недостаткахъ войска, пишетъ г. Корзонъ, при очень слабой пограничной стражѣ, среди политической анархіи только власть патримоніальная дѣдичей, отданная въ руки ихъ официалистовъ, губернаторовъ и коммиссаровъ, одна поддерживала проявленія общественной связи. Сами паны не жили на Украинѣ въ виду ежедневныхъ опасеній. На степномъ пограничіи, вблизи „дикихъ полей“ шляхтичъ не ночевалъ дома, но гдѣ-нибудь за фольваркомъ. Жилось ему тутъ, какъ на вулканѣ, въ неустанной тревогѣ“ [1]). Въ виду же такихъ условій въ тогдашнемъ кіевскомъ воеводствѣ не естественно ли было коліямъ именно въ этой мѣстности на первыхъ порахъ испробовать свою удачу, и они, какъ показываютъ факты, именно здѣсь сосредоточили свою дѣятельность. Мы указали на стр. 10 нашего „Очерка“, что главныя силы коліевъ были расположены именно въ четырехъ углахъ названнаго района: 1) близъ Умани, 2) близъ Чигирина и вообще въ Приднѣпровіи, 3) близъ Бѣлой Церкви и 4) въ виду Радомысля, на границѣ кіевскаго Полѣсія, причемъ ватажки Желѣзнякъ, Неживый, Швачка и Бондаренко были завѣдывающими этими силами. Указали мы и на то, что, кромѣ этихъ главныхъ отрядовъ, существовали и болѣе мелкіе,

---

[1]) Korzon. W. d. P. za St. Aug. T. I, str. 183.

рыскавшіе въ той же мѣстности и ведшіе партизанскую войну. Въ виду такихъ фактовъ, заимствованныхъ и изъ коденской книги и изъ реляціи графа Румянцева [1]), мы естественно заключили, что гайдамаки, напавъ на мѣста наименьшаго сопротивленія, имѣли въ виду завладѣть этими мѣстами, въ частности кіевскимъ воеводствомъ. Но г. Корзону показалось такое заключеніе неубѣдительнымъ, ибо относительно указаннаго плана мы де не имѣли возможности вычитать ни въ „штабныхъ бумагахъ гайдамакъ", ни даже не могли узнать о всемъ этомъ изъ какихъ бы то ни было устныхъ признаній Желѣзняка и К°. [2]). По поводу этого веселаго уясненія дѣла позволимъ себѣ спросить ученаго историка—о многихъ ли битвахъ, вѣдаемыхъ въ исторіи, имѣются „штабныя бумаги" или личныя показанія участниковъ? А съ другой стороны развѣ не достаточнымъ указаніемъ на планъ войны можетъ служить фактическое расположеніе войскъ воюющихъ сторонъ и ихъ систематическое употребленіе въ дѣло? И въ данномъ случаѣ, разъ гайдамаки стали въ четырехъ углахъ Кіевщины, слабо защищенной, развѣ не могли они имѣть въ виду овладѣть ею? Иначе что же они желали сдѣлать? При такихъ сомнѣніяхъ въ очевидностяхъ поневолѣ дойдешь до загадокъ, о которыхъ говоритъ г. Корзонъ. Но сомнѣніями въ основательности нашихъ заключеній относительно плана коліевъ г. Корзонъ не ограничивается и добавляетъ еще и сомнѣнія по поводу указанной нами организаціи ихъ. Съ его точки зрѣнія объ организаціи военной можно только говорить, когда идетъ рѣчь о такихъ порядкахъ, какіе заводилъ Фридрихъ Великій въ своихъ войскахъ или Густавъ Адольфъ, или по крайней мѣрѣ Чингисъ-ханъ [3]), мужики же, по его мнѣнію, очевидно, ни на какую военную организацію не способны. То, что коліи, очевидно, общимъ руководителемъ движенія, или полковникомъ, признавали Желѣзняка, что подѣлили они свои главныя силы на четыре части съ ватажкомъ куреннымъ ата-

---

[1]) Максимовичъ М. А. Сочиненія. Т. I, стр. 616.

[2]) Kwartalnik 1892. Zeszyt III, str. 528.

[3]) Ibidem.

маномъ во главѣ каждой изъ нихъ, и что одновременно путемъ загоновъ, идея которыхъ, конечно, была ими заимствована у татаръ, повсюду въ заполоненномъ ими краѣ вели партизанскую войну [1])—все это, по мнѣнію г. Корзона, не заслуживаетъ названія организаціи, и онъ, прочтя это, почувствовалъ себя обманутымъ въ своихъ ожиданіяхъ заглавіемъ первой главы нашего „Очерка“, трактующей между прочимъ и о военной организаціи гайдамакъ [2]). Не будемъ доказывать, конечно, что вели коліи свое дѣло и съорганизовались по всѣмъ правиламъ военнаго искусства, но не можемъ не отмѣтить, что даже первобытно-элементарная организація коліевъ все-таки сослужила имъ службу при столкновеніяхъ съ поляками, отъ которыхъ естественнѣе было ждать грандіозныхъ военныхъ плановъ Фридриха-ли Великаго или Густава Адольфа! Какъ ни какъ, а при столкновеніяхъ этихъ русскіе мужики являлись побѣдителями надъ отрядами польской Украинской Партіи.

Но особенно сильно обрушивается г. Корзонъ на коліевъ за страшныя истязанія, какія они производили надъ ксендзами, панами и евреями. Намъ для полной обрисовки крестьянскаго движенія казалось необходимымъ не утаить никакихъ жестокостей со стороны мстившей за себя массы. Ограничиваться простой статистикой числа убитыхъ крестьянами едва-ли было бы возможно по ея отсутствію, да едва-ли было бы и равносильно подробному описанію отдѣльныхъ ужасныхъ сценъ возстанія. Въ такомъ случаѣ мы едва-ли имѣли бы возможность уяснить всю силу ненависти къ угнетателямъ со стороны угнетенныхъ. Описаніемъ гайдамацкихъ неистовствъ мы такъ сказать указывали, чѣмъ уравновѣшивались тѣ неистовства со стороны пановъ-католиковъ, какія они позволяли себѣ съ крестьянами и ихъ православными попами. Да и никакая историческая эпоха не можетъ быть изображена безъ проникновенія во всѣ даже мрачныя и тяжелыя детали ея. Съ этой точки зрѣнія не обходилось ни изображеніе крестьянскихъ войнъ въ Германіи въ XVI вѣкѣ, ни великой французской революціи, ни даже любой

---

[1]) Оч. кол. стр. 10, 83, 87.

[2]) Kwartalnik 1892. Zeszyt III, str. 528 („doznaliśmy zupełnego zawodu“).

позднѣйшей войны съ разрывными пулями или безъ нихъ. Почему же для уясненія колівщины изображенія крайне жестокихъ сценъ убійствъ были безполезны? И дѣйствительно такіе ужасы воспроизведены съ плотью и кровью въ большомъ количествѣ въ первой и второй главахъ нашего „Очерка колівщины“. Но, само собою разумѣется, намъ и въ голову не приходило восхищаться сценами насилія и убійства, что нами много разъ и выражено въ нашей работѣ, хотя бы на стр. 138, 140. Г. Корзонъ между тѣмъ вычиталъ въ ней совсѣмъ иное и, не обинуясь, обвиняетъ насъ даже въ сочувствіи ни больше, ни меньше, какъ отцеубійству. Говоря объ одномъ крестьянинѣ, перебившемъ 22 шляхтича, мы отмѣтили, что онъ же убилъ собственнаго отца, зятя и дѣтей послѣдняго, причемъ нами былъ поставленъ вопросъ—не потому ли онъ перебилъ своихъ, что они мѣшали ему совершить расправу съ панами [1]). Предоставляемъ судить каждому, означаетъ ли послѣдняя догадка сочувствіе отцеубійству.

Но не питая сочувствія ни къ какому звѣрству, ни гайдамацкому, ни шляхетскому, мы тѣмъ не менѣе высказывали и высказываемъ, что гайдамаки боролись за правое дѣло и что, проявляя свою жестокость въ народной борьбѣ за вѣру и волю, они вовсе не были выродками человѣчества, какими они казались и кажутся многимъ полякамъ и г. Корзону. Не превознося коліевъ, мы думаемъ, что жестокость и звѣрство ихъ были того же порядка, что въ 1525 г. были жестокость и звѣрство у нѣмецкихъ крестьянъ, стремившихся къ водворенію евангельскаго равенства на землѣ и Лютеромъ обозванныхъ „бѣшенными собаками“.

Не можемъ обойти молчаніемъ все по поводу тѣхъ же формъ крестьянской борьбы и упрека г. Корзона, что мы всегда считаемъ въ нашемъ трудѣ потерянными людьми только тѣхъ гайдамакъ, которые позволяли себѣ грабить свою братію—крестьянъ, а не считаемъ разбойниками тѣхъ, которые продѣлывали то же по отношенію къ шляхтичамъ [2]). Да, у насъ именно та-

---

1) Оч. коліив. стр. 118.

2) Kwartalnik zeszyt III str. 534.

кой критерій былъ при оцѣнкѣ дѣятелей колівщины, и понятно почему. Шляхтичи были для нихъ враги, съ которыми они боролись, и къ нимъ естественно было относиться, какъ къ враждебной воюющей сторонѣ—à la guerre comme à la guerre: такова нравственность войны и борьбы за существованіе; но и для военнаго времени не считается мыслимой нравственность, допускающая ограбленіе своей же братіи, своихъ соучастниковъ, сотоварищей.

Пусть же г. Корзонъ не удивляется, если именно съ этой точки зрѣнія мы ставимъ ватажка Семена Неживаго довольно высоко. Онъ именно представлялъ собою типъ борца, не позволявшаго себѣ даже никакихъ обремененій для крестьянъ при сборѣ реквизиціи, въ которой воюющіе, конечно, нуждались. Мы видѣли, что и Желѣзнякъ, и Швачка, напримѣръ, своими требованіями, отъ крестьянъ лошадей вызывали подчасъ нареканія, хотя нарекавшіе все же мирились съ потерей необходимаго скота и прощали людямъ, шедшимъ бить ихъ враговъ. Неживый же никакимъ нареканіямъ не подвергался, и о томъ, что онъ старался тушить всякій признакъ неудовольствія со стороны своихъ, можно судить хотя бы по тому мелкому случаю, какъ онъ взятымъ у пана казаномъ хотѣлъ уплатить одному крестьянину за взятую у него лошадь. Г. Корзонъ по этому случаю говоритъ [1]), что мы не додумались, какъ бы могъ Неживый удовольнить крестьянина,—стоило бы де только, чтобы Неживый вернулъ ему коня, а не расплачивался похищеннымъ у пана казаномъ. Подумаешь дѣйствительно—какъ просто, а мы и не догадались! Но бѣда, что для веденія возстанія нужны были гайдамакамъ кони, и они волей неволей должны были брать коней у крестьянъ. А что въ вознагражденіе за коня данъ былъ вмѣсто денегъ заграбленный панскій котелъ—дѣло возможное во всякой войнѣ, какъ возможно было и то, что начальный владѣлецъ заграбленнаго имущества могъ его отнять у награжденнаго имъ крестьянина, и этотъ послѣдній долженъ былъ остаться и безъ коня и безъ котла.

---

[1]) Ibidem. str. 531.

Наконецъ, все не выходя изъ предѣловъ характеризованія способовъ веденія возстанія гайдамаками въ 1768 г., мы должны по поводу бросаемыхъ намъ въ глаза упрековъ за то, что коліи были будто-бы разбойники, сказать г. Корзону, что разбойничій элементъ среди коліевъ и мы признали въ своей книгѣ, но при этомъ ясно отмѣтили только, что онъ не былъ преобладающимъ [1]). Появленіе разбойниковъ среди возставшихъ за вѣру и свободу вполнѣ было естественно, какъ естественно привлеченіе къ военному дѣлу всякой грубой силы въ критическіе моменты народной жизни. Но во всякомъ случаѣ даже и присутствіе разбойничьяго элемента среди коліевъ не умаляетъ политическаго значенія коліивщины. Кто не знаетъ, что не можетъ быть признанъ образцовымъ порядокъ въ странѣ, гдѣ разбойничество дѣлается обычнымъ ремесломъ. Отрицательнымъ показателемъ въ порядкахъ Рѣчи Посполитой въ теченіи всего XVIII вѣка было разбойничество, какъ явленіе спорадическое. Не иначе можно относиться и къ тому, что теперь въ Греціи и въ Албаніи и вообще на Балканскомъ полуостровѣ, далѣе въ Италіи съ Сициліей да и въ другихъ государствахъ разбойничество процвѣтаетъ и не поддается искорененію. Поэтому съ извѣстной точки зрѣнія не представляется шуточнымъ и веселымъ и увеселительное сравненіе у г. Корзона [2]) Желѣзняка съ разбойникомъ Афанасіемъ, который на одинъ моментъ занялъ было вниманіе европейской прессы своимъ нападеніемъ на поѣздъ Express Восточной желѣзной дороги въ іюнѣ 1891 года.

Что до третьяго довольно важнаго признака политическаго движенія — существованія у участниковъ его опредѣленнаго идеала будущаго, то съ этой стороны гайдамацкое движеніе 1768 г. изслѣдовано пока слабо, тѣмъ не менѣе кой-какія данныя для характеристики коліивщины и съ этой стороны все-же существуютъ. Такъ, мы указали, пересказывая о ватажкѣ Никитѣ Москалѣ, что люди его загона, грябя панское добро, то

[1]) Оч. Коліивщ. стр. 131—140.

[2]) Kwartal. 1892, zeszyt. III, str. 528.

и дѣло заявляли: „панщины робыть бильше не будемо", и научали крестьянъ такъ: „жыто и всякій хлибъ збирайте на свою корысть, сино косить тилько соби, кабанивъ панськихъ рижте и йижте!" [1]). Отмѣчено у насъ тоже нѣсколько рѣчей гайдамаки Дубеннаго, также свидѣтельствующихъ о тогдашнихъ крестьянскихъ идеалахъ. Бесѣдуя съ однимъ русскимъ маіоромъ, онъ заявлялъ, что радъ былъ бы подпасть власти россійскаго государства, но подъ условіемъ; „треба мени тилько, говорилъ онъ, щобъ було въ мене степу доволи, лису и воды" [2]). Въ религіозномъ отношеніи въ pendant къ идеаламъ фанатиковъ-католиковъ тотъ же Дубенный высказывалъ mutatis mutandis желаніе повсюднаго распространенія въ краѣ православія и говорилъ полякамъ, „żeby się odrzekli wiary swiętey i obżędkow" [3]). Наконецъ самое циркулированіе между гайдамаками подложной золотой грамоты русской царицы тоже косвенное указаніе на существованіе у коліевъ нехитрыхъ политическихъ идеаловъ. Ватажокъ Неживый, простодушный, довѣрчивый, былъ, какъ мы отмѣтили, особенно выдающимся пропагаторомъ близости съ Россіей и дорого заплатилъ за это, попавшись по довѣрчивости въ руки командиру сербскаго гусарскаго полка Ѳедору Чорбѣ. Но, конечно, наиболѣе ясныя указанія на народные идеалы временъ коліивщины мы найдемъ въ народныхъ пѣсняхъ, относящихся къ той порѣ, пока впрочемъ напечатанныхъ въ слишкомъ маломъ количествѣ.

Въ виду всего нами изложеннаго, если и нельзя утверждать, что фактическій матеріалъ коліивщины вполнѣ исчерпанъ, то все же думаемъ—его достаточно для доказательства наличности въ этомъ движеніи всѣхъ трехъ признаковъ политическаго движенія. Мы приводили и данныя въ пользу того, что не мотивы личной наживы руководили тогда возставшими крестьянами, а тяжелыя религіозно-соціальныя условія жизни въ Рѣчи Посполитой; указали мы затѣмъ и на то, что планы и организація были у гайдамакъ; наконецъ, нашли мы и явные намеки

[1]) Оч. кол. стр. 98.
[2]) Ibidem. стр. 113.
[3]) Ibidem. стр. 112.

относительно руководившихъ ими идеаловъ. Простое разбойничество не отливается въ такія формы, какъ отлилось гайдамачество въ 1768 году. Согласиться поэтому со взглядомъ г. Корзона на колiивщину мы абсолютно не можемъ.

II.

Далѣе, по мнѣнію г. Корзона, невѣрно нами истолкована и политика Рѣчи Посполитой по отношенію къ коліямъ. Польскаго историка возмущаетъ, что мы признали обознаго Стемпковскаго, бывшаго потомъ регментаремъ Украинской Партіи, усмирявшаго и судившаго коліевъ, человѣкомъ крайне жестокимъ, готовымъ карать своихъ политическихъ недруговъ не только согласно строгимъ статьямъ Литовскаго статута, но и по произволу [1]). Эта претензія г. Корзона, въ виду присваиваемой имъ себѣ объективности, представляется особенно странной. Развѣ не знаетъ г. Корзонъ, что обозный Стемпковскій вмѣстѣ съ короннымъ гетманомъ Браницкимъ и житомирскимъ судьей Дубравскимъ пользовался при подавленіи колiивщины правомъ меча (jus gladii)? [2]). Развѣ не знаетъ далѣе г. Корзонъ и того, что при обиліи судимыхъ и при спѣшности, съ которою дѣйствовалъ Стемпковскій, и рѣчи не могло быть о правильномъ веденіи судебнаго процесса въ согласіи съ Литовскимъ статутомъ? Во время кодненскаго суда вѣдь исполненіе приговора слѣдовало непосредственно за его произнесеніемъ, а ужъ при такомъ условіи совершалось явное пріостановленіе дѣйствій закона, такъ какъ приговоренные военачальникомъ не жолнеры не имѣли времени аппелировать въ трибуналъ, на чтó по закону они имѣли право [3]). Уже и въ этомъ случаѣ мы имѣемъ на-лицѣ ту пріостановку дѣйствія закона, о которой мы говорили, и именно въ той абсурдной формѣ, которую предположилъ, полемизируя съ нами, г. Корзонъ [4]). Дѣйствительно въ данномъ случаѣ эта

---

[1]) Kwartalnik Zeszyt III, 1892, str. 535.

[2]) Vol. legum. t. II, f. 1372.

[3]) Vol. legum t. II a. 1609 f. 1662, 1664 tit. porzędek.

[4]) Kwartalnik 1892. Zeszyt III str. 535.

пріостановка силы закона допущена обознымъ Стемпковскимъ, а не верховною властью. Правда, это плохая „юриспруденція“, но это была юриспруденція тогдашней Рѣчи-Посполитой.

Г. Корзону угодно еще утверждать, будто правильный судебный процессъ былъ въ Рѣчи-Посполитой устный, и что поэтому мы въ судебныхъ бумагахъ той поры искали напрасно полныхъ доводовъ преступности судимыхъ лицъ [1]). На самомъ дѣлѣ правильный судебный процессъ въ Рѣчи Посполитой былъ письменный, но кодненскій судъ, для котораго законъ не былъ писанъ, могъ быть и устнымъ безъ соблюденія всякихъ формальностей. Согласимся поэтому, что рецензентъ въ своемъ смѣломъ утвержденіи правъ положимъ. Что-жъ тогда? Своимъ заявленіемъ, о которомъ рѣчь, онъ даетъ понять, что кодненскіе судьи могли часто имѣть доводы въ преступности судимыхъ лицъ и въ то же время не успѣть внести ихъ въ свои записи. Въ такомъ случаѣ намъ пришлось бы удивляться характеру тогдашнихъ судебныхъ записей, бывшихъ въ нашихъ рукахъ, разъ въ этихъ записяхъ оказывается отмѣченнымъ наименѣе существенное въ поступкахъ судимыхъ. Отошлемъ для примѣра хоть къ дѣлу о „поколотомъ пупѣ“ [2]). Думаемъ, что въ протоколы все же вносилось существенное изъ устнаго дознанія, если не цѣликомъ все дознанное, и что если мы не находимъ въ нихъ достаточныхъ доводовъ для серіозныхъ осужденій, то только потому, что ихъ часто на самомъ дѣлѣ не было. Въ подтвержденіе такого нашего мнѣнія можемъ сослаться на польскаго писателя, извѣстнаго д-ра Антонія І. По поводу суда Іосифа Стемпковскаго, котораго онъ изображаетъ въ статьѣ „Страшный Іосифъ“, входящей въ серію его „Opowiadań historycznych“, мы читаемъ слѣдующее: „онъ (Стемпковскій) не пускался въ подробности, не допытывался, кто виноватъ больше, а кто меньше; у него каждый пойманный былъ злодѣемъ, кандидатомъ на висѣлицу“ [3]). Отзывъ этотъ принадлежитъ не человѣку „кіевской исторической школы“, а поляку, съ Кіевомъ

[1]) Ibidem.

[2]) Очеркъ Коліевщ. стр. 175.

[3]) Dr. Antoni I. Opowiadania historyczne. Serya trzecia. T. I. Str. 184.

связи не имѣющему; между тѣмъ относится онъ къ Стемпковскому совсѣмъ такъ же, какъ и мы. Отъ него же мы узнаемъ, что даже самъ коронный гетманъ Браницкій стремился уменьшить кровожадную ярость неумѣренныхъ мстителей за коліивщину. „Кто же—говорилъ онъ просителямъ, домогавшимся немилосерднаго правосудія для гайдамакъ,—кто же будетъ поля воздѣлывать, если вы ихъ поубиваете до единаго [1])? Самъ король считалъ достаточнымъ ограничиться клейменіемъ десятаго. Но Стемпковскій упорно выполнялъ рядъ самыхъ ужасныхъ экзекуцій и превзошелъ въ этомъ и житомирскаго судью Дубровскаго и Браницкаго, которые оба достаточно таки сгубили гайдамакъ путемъ казней. Благодаря своей лютости, Стемпковскій рѣзко запечатлѣлся въ народной памяти, и пѣсенъ народныхъ о страшномъ Іосифѣ сохранилось на Руси не мало. „Дубровскаго, читаемъ у д-ра Антонія І., народъ не проклиналъ, потому что въ его понятіи онъ былъ представителемъ суда; Браницкаго не проклиналъ, потому что ловчій коронный каралъ гайдамакъ на поляхъ, почти еще дымившихся кровью, потому что, наконецъ, въ руки ему отдавали виноватыхъ русскія войска съ заявленіемъ, что отдаютъ ему виноватыхъ въ рѣзнѣ, а слѣдовательно преступниковъ... Стемпковскій же напротивъ приводилъ въ исполненіе смертные приговоры спустя три мѣсяца послѣ взрыва возстанія. Пора было уже тогда охладѣть, пора было изслѣдовать причины страшной катастрофы..“ [2]). Думаемъ, такое отношеніе къ Стемпковскому талантливаго польскаго писателя совершенно снимаетъ съ насъ вполнѣ несправедливый упрекъ въ національныхъ пристрастіяхъ и въ предубѣжденномъ отношеніи къ „страшному Іосифу“, являвшему собою, по справедливой характеристикѣ д-ра Антонія І., типъ безпутнаго и бездарнаго искателя карьеры очень мрачной поры польской культуры и исторіи. Самъ г. Корзонъ не защитникъ тогдашняго поколѣнія, вскормленнаго и вспоеннаго въ культурѣ временъ

---

[1]) Ibidem. Стр. 183.

[2]) Ibidem. str. 184.

Августовъ саксонскихъ [1]), и тѣмъ непонятнѣе вылазки г. Корзона по поводу нашихъ отзывовъ о Стемпковскомъ и его судѣ.

III.

Обратимся теперь къ вопросу объ отношеніи къ Рѣчи Посполитой и къ коліивщинѣ Екатерины II. Г. Корзону кажется, что наши объясненія по данному поводу [2]) являются продуктомъ нашей вѣроисповѣдной и національной нетерпимости къ полякамъ [3]). Онъ думаетъ, что иначе мы не имѣли бы надобности обращаться „къ натянутымъ толкованіямъ“ „сѣвернаго акорта“ (nie potrzebował by uciekać się do nacięganych explikacyj „polnocnego akordu“). Мнѣніе это высказано г. Корзономъ безъ большого обдумыванія и, надо полагать, безъ справокъ не только съ матеріалами дипломатическаго характера, заключенными въ „Сборникахъ Имп. Рус. Истор. Общества“, въ т. XXII, но и съ фактическими данными, предлагаемыми въ XXVI и XXVII томахъ „Исторіи Россіи“ С. М. Соловьева. Не подлежитъ сомнѣнію, что если бы г. Корзонъ пересмотрѣлъ цитируемыя нами ниже страницы въ названныхъ книгахъ, то онъ призналъ бы, что „сѣверный акортъ“ съигралъ не малую роль при формированіи тогдашнихъ отношеній между Россіей и Польшей. Мы и теперь поэтому должны повторить по данному вопросу то, что сказали въ своей книжкѣ: „у русскихъ дѣятелей екатерининскаго времени относительно Польши, вслѣдъ за

---

[1]) „Pokolenie owoczesne—читаемъ у него—... było najciemniejsze ze wszystkich pokoleń, jakie zna historyja, przynajmniej od Kasimierza Wielkiego. (Korzon W. d. P. za St. Aug. T. I, str. 40. И далѣе: Nie zejdziemy do szczegołów, pominiemy nawet niezliczone rysy demoralizacyi obywatelskiej, których obficie dostarczyli nam owoczesni i nowsi pisarze (poczynając od Matuszewicza, Kitowicza, Rulhièrz'a, a kończąc na Kalince, Kraszewskim i Roeplu), powiemy tylko, że połwieku takiego życia podalo Polską w pośmiewisko u wszystkich narodów, że polak za granicą wstydził się swego narodowego miana, że po smierci Augusta III, nikt z obcych nie zgłosil się o sponiewieraną koronę.... (Ibidem. Str. 43).

[2]) Оч. Коліивщ., глава V.

[3]) Kwartalnik historyczny 1892. Zeszyt. III, str. 538.

избраніемъ въ короли ея Станислава Понятовскаго, были планы совсѣмъ иного порядка, чѣмъ планы раздѣла или анексіи. Но въ этихъ планахъ Польша не занимала центральнаго и исключительнаго положенія. Дѣло шло о поддержаніи пресловутаго политическаго равновѣсія и о сохраненіи за Россіей почетнаго и независимаго положенія въ ряду европейскихъ державъ, а при такихъ цѣляхъ Польша должна была быть только однимъ изъ звеньевъ въ ряду другихъ, входившихъ въ составъ ковавшейся международной цѣпи“ [1]). Для вящшей убѣдительности данныхъ положеній особенно рекомендуемъ г. Корзону просмотрѣть въ означенномъ выше XXII томѣ Сборника Имп. Рус. Ист. Общества страницы 317, 330—332, 335—337, 220—221. Мы не отрицаемъ, что у тогдашнихъ россійскихъ политиковъ въ числѣ не практическихъ плановъ, а мечтаній были и мечтанія объ анексіи къ Россіи всей Рѣчи-Посполитой цѣликомъ [2]); не отрицаемъ и того, что именно эти мечтанія выступили при Екатеринѣ II и даже раньше, при Петрѣ I, на смѣну традиціоннымъ русскимъ домогательствамъ отнять у Рѣчи-Посполитой только собственно русскія земли [3]), но вмѣстѣ съ тѣмъ мы думаемъ, что ходъ тогдашнихъ международныхъ отношеній вполнѣ заслонялъ для русскихъ политиковъ эти цѣли—и они путались въ дипломатическихъ тонкостяхъ совершенно несущественнаго характера, и только сила событій, подготовленныхъ вѣковыми инстинктами народовъ, привела этихъ политиковъ, помимо ихъ непосредственныхъ стараній, къ результатамъ, которые фатально должны были имѣть мѣсто въ исторіи народныхъ судебъ.

Вопреки желанію г. Корзона только существованіемъ плановъ о „сѣверномъ акортѣ“ у политиковъ Екатерины II объясняется и готовность ихъ въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія улучшить положеніе Польши, и нѣкоторая безразличность къ интересамъ диссидентовъ Рѣчи Посполитой и наконецъ участіе ихъ въ усмиреніи коліивщины. Всѣ эти положенія г. Корзонъ повидимому считаетъ сомнительными.

---

[1]) Очеркъ коліивщины, стр. 181.

[2]) Карѣевъ. „Паденіе Польши“ въ истор. литературѣ стр. 386.

[3]) Костомаровъ. Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой стр. 14—25.

По поводу, напримѣръ, плановъ Панина улучшить сеймовые порядки въ Польшѣ г. Корзонъ выражается, какъ о чемъ-то нами измышленномъ и затѣмъ говоритъ: при „семъ удобномъ случаѣ мы (изъ Очерка коліивщины) узнаемъ, что въ Рѣчи Посполитой польской существовало два права: *liberum veto* и *liberum rumpo;* примѣненіемъ перваго могло быть задерживаемо рѣшеніе того или другаго вопроса, вторымъ же санкціонировалось срываніе цѣлыхъ сеймовъ, не выключая даже рѣшенныхъ въ немъ единогласно дѣлъ“ [1]).

По этому поводу прежде всего спросимъ г. Корзона—зачѣмъ онъ въ чужой книгѣ вычитываетъ то, чего въ ней нѣтъ. Мы вовсе не вели рѣчи о существованіи въ Рѣчи-Посполитой двухъ названныхъ правъ юридически закрѣпленныхъ, а только указали, правда очень кратко, что Панинъ желалъ въ правѣ *liberum veto* сдѣлать ограниченіе въ смыслѣ отнесенія его только къ тому рѣшаемому въ сеймѣ дѣлу, по поводу котораго оно произносилось, чтобы тѣмъ охранять работу сеймовъ по отношенію къ цѣлому ряду раньше рѣшенныхъ дѣлъ [2]). И что мы въ данномъ случаю на фантазировали, и что различіе между *liberum veto* и *liberum rumpo* въ это время ясно сознавалось всѣми тогдашними дѣятелями русскими, польскими и прусскими—это доказывается всѣми выше цитированными страницами XXII тома Сборника Имп. Русск. Истор. Общества, заключающаго въ себѣ дипломатическую переписку той поры. Для полноты можемъ здѣсь указать даже, кто первый тогда заговорилъ о разграниченіи *liberum veto* и *liberum rumpo.* Это былъ тогдашній польскій министръ при русскомъ дворѣ графъ Ржевусскій. Въ письмѣ прусскаго посланника при русскомъ дворѣ графа Сольмса къ королю Фридриху, подъ датою 7 (18) сентября 1764 г. мы читаемъ: „Графъ Ржевусскій, исполнивъ часть своего порученія (исхлопотавъ вновь тогда избранному польскому королю отъ русской императрицы 100000 червоныхъ личнаго пособія) предложилъ въ настоящее время вторую часть въ запискѣ, ко-

---

[1]) Kwartalnik historychny, 1892. Zeszyt III, str. 536.
[2]) Оч. Кол. стр. 187.

торую онъ подалъ графу Панину и сперва показывалъ мнѣ, гдѣ онъ проситъ отъ имени своей республики согласія Ея Императорскаго Величества на проведеніе на будущемъ примирительномъ сеймѣ (diète de pacification) новаго закона, съ цѣлью ограничить злоупотребленія правомъ *liberum veto*, вкравшіяся въ польскіе сеймы. Онъ различаетъ *liberum veto* отъ *liberum rumpo*, новаго созданнаго имъ термина и выражающаго право каждаго польскаго депутата единственною своею властью уничтожать дѣйствительность всего сейма. Это право онъ предлагаетъ совершенно отмѣнить и въ противоположность ему желаетъ оставить первое право, которое онъ объясняетъ, какъ право, предоставляемое каждому депутату единственною своею властью совершенно отвергать извѣстное предложеніе, представляющееся ему несогласнымъ съ благомъ республики или даже съ его личнымъ интересомъ, безъ того, однако, чтобы отклоненіе одного этого предложенія обусловливало недѣйствительность всего сейма и мѣшало бы продолжать обсужденіе другихъ вопросовъ, не связанныхъ съ этимъ“ и т. д. [1]).

Думаемъ, что настоящей цитатой мы достаточно уяснили г. Корзону 187 страницу нашей книжки, и онъ согласится, что если бы онъ ли самъ или кто другой взялся доказывать намъ несостоятельность высказаннаго нами мнѣнія о тогдашней русской политикѣ, о *liberum veto* и такимъ образомъ предпринялъ, по его мнѣнію, чрезмѣрный, неодолимый трудъ, то, конечно, это былъ бы по истинѣ и трудъ чрезмѣрный, и вдобавокъ безполезный, ибо г. Корзону, любящему только правду и ничего кромѣ правды, пришлось бы закрывать глаза предъ фактами и мистифицировать себя, насъ и публику.

Не нравится г. Корзону и ставимое нами въ зависимость отъ дипломатическихъ плановъ Панина недостаточно фанатичное отношеніе русскихъ дѣятелей къ положенію диссидентовъ; не нравится ему и рѣзко отмѣчаемая нами враждебность этихъ дѣятелей къ гайдамакамъ. Все это будто выдумано нами и доказано только путемъ всякихъ натяжекъ. Между тѣмъ въ письмѣ

---

[1]) Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ. стр. 315—316.

къ Репнину Панинъ прямо говоритъ, что диссидентовъ-православныхъ не слѣдуетъ устроить въ Рѣчи Посполитой такъ, чтобы они больше не нуждались въ защитѣ со стороны Россіи [1]) и тѣмъ ясно подчеркиваетъ, что не желаніе удовлетворить нужды православныхъ руководило русскими политиками, а забота о выполненіи задуманнаго плана о политическомъ равновѣсіи. А что до отношенія Екатерины II къ коліивщинѣ, то г. Корзонъ такъ привыкъ твердить, будто гайдамацкое движеніе было вызвано чужеземнымъ вліяніемъ Россіи [2]), что не перестаетъ повторять то же въ виду фактовъ, явно его опровергающихъ. Въ одномъ мѣстѣ своего труда онъ какъ будто и сомнѣвается въ существованіи доказательствъ участія Россіи въ возбужденіи коліивщины, тѣмъ больше, что и депутація четырехлѣтняго сейма при разслѣдованіи вопроса о коліивщинѣ не нашла никакихъ доводовъ въ бумагахъ для подтвержденія такого предположенія, тѣмъ не менѣе онъ все же удивляется, что мы смѣло, вслѣдъ за Костомаровымъ [3]), считаемъ подложнымъ возбудительный манифестъ Екатерины II, напечатанный въ „Recueil des traités, conventions et actes diplomatiques concernant la Pologne 1762—1862“, изданномъ подъ псевдонимомъ le comte d'Angeberg. При этомъ г. Корзонъ по поводу приводимаго у насъ доказательства, что документъ этотъ явно фальшивый, снисходительно поучаетъ насъ, что Желѣзнякъ могъ быть названъ полковникомъ, такъ какъ этимъ званіемъ именовались у Запорожцевъ, изъ среды которыхъ былъ Желѣзнякъ, предводитель войскъ во время войны, забывая, что въ своемъ „Очеркѣ“ мы сами называемъ Желѣзняка полковникомъ въ этомъ смыслѣ, а при разборѣ подложнаго манифеста не допускаемъ только званія „полковника и командующаго нашихъ земель Низоваго Запорожья“, званія, по мыслямъ составителя, очевидно, болѣе постояннаго, чѣмъ званіе обычныхъ тогда запорожскихъ полковниковъ, и смѣшаннаго, опять

---

[1]) Соловьевъ С. М. Исторія Россіи т. XXVII, стр. 246. Korzon W. D Polski ze St. Aug. t. I. str. 187.

[2]) Korzon. W. D. Polsai za St. Aug. t I, Str. 182, 362 и др.

[3]) Костомаровъ Матеріалы для исторіи коліивщины. Кіев. Стар. 1882 г. кн. 8. стр. 297.

таки очевидно, съ титуломъ полковниковъ въ гетманщинѣ. Затѣмъ г. Корзонъ не допускаетъ, чтобы можно было признавать, какъ это дѣлаемъ мы, что у гайдамаковъ ходила по рукамъ какая-то самодѣльная золотая грамота, и въ то же время не приводить текста этой грамоты [1]). Но чтожъ прикажете дѣлать, когда о грамотѣ этой много разъ поминаютъ въ своихъ показаніяхъ гайдамаки, ссылаются на нее, но нигдѣ никому ее не представляютъ текстуально, какъ это видно по крайней мѣрѣ изъ изданныхъ и неизданныхъ документовъ, имѣющихся по данному дѣлу. Ясно, что отъ насъ г. Корзонъ требуетъ невозможнаго, а самъ твердо вѣритъ, вопреки очевидности, что гр. Ангебергъ напечаталъ въ своемъ сборникѣ не поддѣльный манифестъ, а подлинный. Въ концѣ своей рецензіи г. Корзонъ впрочемъ склоняется снова къ мысли, что Екатерина II не возмущала крестьянъ Южной Руси противъ Поляковъ. Въ этомъ его убѣждаетъ [2]): во первыхъ, приведенный у насъ манифестъ Екатерины II отъ 9 іюля 1768 года, гдѣ Императрица признаетъ гайдамакъ разбойниками и велитъ ловитъ ихъ и наказывать; во вторыхъ, указъ ея отъ 24 іюля того же года, и, наконецъ, поступки съ гайдамаками нѣкоторыхъ россійскихъ военачальниковъ (князя Баратова, дѣйствовавшаго въ духѣ Стемпковскаго и неизвѣстнаго по фамиліи генерала въ Тульчинѣ [3]). И въ самомъ дѣлѣ, съ какой бы стати Екатерина II принимала строгія мѣры противъ гайдамакъ и допускала поступки съ ними вродѣ поступка князя Баратова, разъ гайдамаки дѣлали то, къ чему она ихъ подущала? Но если такъ, то и спорнаго манифеста быть не могло. Казалось бы прямая логика должна приводить къ такому заключенію. Но г. Корзонъ колеблется предъ признаніемъ такого вывода, потому что не понимаетъ, изъ за чего Екатеринѣ было душить гайдамакъ. Между тѣмъ прими онъ въ разсчетъ тогдашній планъ Панина о европейскомъ равновѣсіи и о предназначенной имъ роли Польшѣ въ системѣ „сѣвернаго акорта“, фактъ преслѣдованія коліевъ русскими

[1]) Kwartalnik historyszny 1892, Zeszyt III, str. 530.

[2]) Kwart. historyczny 1892 Zeszyt III, str. 539.

[3]) Оч. Коліивщ. стр. 99, 202.

войсками былъ бы понятенъ. Безъ этого польскому серіозному историку для уясненія дѣла приходится говорить довольно наивныя вещи: будто бы у Панина, Репнина, Румянцева, у генераловъ, офицеровъ россійскихъ и у самой Екатерины поступки гайдамакъ вызывали отвращеніе и будто оттого они ихъ губили [1]).

Кромѣ того, при рѣшеніи вопроса о томъ, подущало ли русское правительство гайдамакъ къ возстанію въ 1768 году, для г. Корзона съ легкой руки коммиссіи четырехлѣтняго сейма, изслѣдовавшей вопросъ о колівщинѣ, однимъ изъ серіознѣйшихъ поводовъ подозрѣвать это подущеніе было присутствіе среди коліевъ русскихъ офицеровъ и, прибавимъ отъ себя, солдатъ [2]). У него такъ: разъ эти офицеры и солдаты были въ гайдамацкихъ ватагахъ,—значитъ, Россія подущала коліевъ противъ Польши, а если бы ихъ тамъ не было, то не было бы и рѣчи о русскихъ подущеніяхъ. То, что этихъ офицеровъ и солдатъ третировали, какъ дезертировъ и вообще преступниковъ, въ счетъ не идетъ. Иного толкованія даннаго факта, чѣмъ онъ придумалъ, рецензентъ нашъ не допускаетъ. Для г. Корзона трудно представить себѣ, что между тогдашними великороссами могли найтись люди, сердечнѣе Панина и другихъ важныхъ лицъ постигавшіе правоту колівщины, этой борьбы за вѣру и народность. Попадавшіеся въ ватагахъ великороссы были именно людьми совѣсти и прямолинейности, не знавшими и не постигавшими махинацій „сѣвернаго акорта" и подавленія гайдамакъ. И странно было бы, если бы такіе люди вовсе отсутствовали среди простого народа. Неужто же всѣ русскіе того времени должны были раздѣлять идеи Панина и Репнина, тогдашнихъ заправилъ русской политики, не смотря *хотя бы* на то, что эти идеи Панина и Репнина шли въ разрѣзъ съ тридиціонной національной политикой старого Московскаго государства. Да и минуя эти государственныя традиціи, не могли развѣ они питать въ себѣ идеи болѣе высокого порядка—идеи сочувствія борцамъ за вѣру и русскую народность? Не можемъ не удивляться, что именно г. Корзонъ

---

[1]) Ib dem. str. 538.

[2]) Ibidem. str. 539.

считаетъ столь немыслимымъ разногласіе между дипломатами и простыми людьми, не можемъ не удивляться, что для него нѣтъ политической самостоятельной мысли у этихъ послѣднихъ, нарушившихъ правила субординаціи, но не перестававшихъ быть людьми идейными на свой ладъ. Отъ г. Корзона мы меньше всего могли ожидать этого, потому что въ его именно книгѣ мы прочли слѣдующія строки: „въ скрижаляхъ исторіи Европы Польша оказалась вычеркнутой изъ ряда политическихъ организмовъ, но во всякомъ случаѣ никто не станетъ спорить, что народъ польскій остался и живетъ до нынѣ. Не только для назиданія этого народа, но и съ всеміpно-исторической точки зрѣнія стоитъ изслѣдовать эпоху жизни его, когда одновременно наблюдалась тайна вычеркиванія имени вмѣстѣ съ политической формой существованія и тайна внутренней жизненности, хотя безформенныхъ, но все же ясныхъ чертъ одного изъ самостоятельныхъ типовъ цивилизаціи"...[1]). Какъ видимъ, авторъ понимаетъ, что извѣстная форма не исчерпываетъ всегда сущности дѣла, но хранитъ это пониманіе только pro domo sua.

Съ точки зрѣнія г. Корзона, примѣняемой имъ къ русскимъ людямъ и ихъ православію, невыносимѣйшими для него лицами данной эпохи являются архіепископъ Переяславскій Гервасій Линцевскій и игуменъ Матронинскаго монастыря Мельхиседекъ Значко-Яворскій. Отношеніе этихъ духовныхъ дѣятелей къ Днѣпровскому правобережью обусловливалось прежде всего юридически оговореннымъ правомъ ихъ завѣдывать православной паствой въ южныхъ предѣлахъ Рѣчи-Посполитой. Въ качествѣ истинныхъ духовныхъ пастырей они старались идти на встрѣчу тому крестьянскому люду изъ предѣловъ недавней руины, который тяготился уніей и уніатскимъ духовенствомъ и стремился къ православію. Въ нашей исторической литературѣ это религіозное движеніе изображено такъ обстоятельно во II и III томахъ I части Архива ю.-з. Россіи не только документально, но и въ прагматической связи въ предисловіи къ означеннымъ томамъ, принадлежащемъ перу такого

[1]) Korzon. W. d. Polski za St. Aug. t. I, str. 47—48.

знатока дѣла, какъ покойный Ѳ. Г. Лебединцевъ, что касаться здѣсь вновь доказательствъ вышеизложеннаго было бы излишне. Но для г. Корзона полное безпристрастіе къ данному вопросу и названнаго автора, и наше кажется болѣе, чѣмъ сомнительнымъ. Для него и архіепископъ Гервасій, и Мельхиседекъ не больше, какъ агенты Екатерины II, какъ фанатическіе истребители уніи; всѣ самыя крайнія жестокости гайдамакъ надъ уніатскимъ и католическимъ духовенствомъ онъ готовъ приписывать внушеніямъ названныхъ лицъ и особенно Мельхиседека. Г. Корзонъ упрекаетъ насъ въ невниманіи къ его труду и въ крайней религіозной нетерпимости, но не видитъ, что факты, подобные тому, какой онъ имѣлъ въ виду въ своемъ большомъ трудѣ и который въ подробности цитируетъ въ рецензіи на нашу книжку, были въ нашемъ распоряженіи, и мы ими воспользовались въ нашемъ „очеркѣ“. Что надъ попами уніатскими производились ужасныя насилія—развѣ мы этого не указывали [1])? Что многіе изъ поповъ поневолѣ переходили въ православіе въ виду того, что крестьяне не хотѣли имѣть у себя уніатскаго духовенства—развѣ это было нами скрыто [2])? Но мы, конечно, къ такимъ, хотя бы и грубымъ требованіямъ православнаго населенія южной Руси иначе относимся, чѣмъ г. Корзонъ. Мы думаемъ, что населеніе южно-русское, православное по вѣрѣ, имѣло право желать, чтобы духовенство его было одной съ нимъ вѣры. Вѣдь и либеральный г. Корзонъ, конечно, считаетъ основательной реформу Гладстона относительно отмѣны въ Ирландіи сборовъ на англиканскую государственную церковь и относительно дозволенія католикамъ-ирландцамъ содержать нужное имъ католическое духовенство? Неужто не тѣ же желанія и стремленія выражали южные русскіе люди, выведенные изъ терпѣнія католическо-уніатскимъ фанатизмомъ? Жалобы уніатскихъ поповъ насъ поэтому не особенно трогаютъ. Что же касается поповъ „благочестивыхъ“, то далеко не всѣхъ ихъ мы восхваляемъ, и на страницахъ 16, 17 нашего „Очерка“ рецензентъ нашъ можетъ найти явное тому

[1]) Оч. Кол. стр. 28, 74.

[2]) Ibidem, стр. 16.

подтвержденіе. Что же касается Переяславскаго архіерея Гервасія и игумена Мельхиседека Значко-Яворского, то дѣятельность ихъ намъ кажется вполнѣ почтенной, причемъ мы не думаемъ скрывать извѣстнаго сочувствія по крайней мѣрѣ Мельхиседека, если не Гервасія, даже и вооруженной защитѣ православныхъ крестьянъ отъ католическо-уніатскаго натиска. Г. Корзонъ дѣлаетъ изъ Мельхиседека агента Екатерины II по части возмущенія гайдамакъ, хотя и ясно видитъ, что и Мельхиседека и Гервасія не обошли тогда немилостью, какъ прежде воображала коммиссія четырехлѣтняго сейма. И эту немилость г. Корзону остается объяснять страшнымъ отвращеніемъ Екатерины II отъ мнимыхъ безчинствъ Мельхиседека и Гервасія! По истинѣ объясненіе, заслуживающее названія научнаго.

IV и заключеніе.

Скажемъ же въ концѣ концевъ и нѣсколько словъ въ защиту матеріала, которымъ мы пользовались. Прежде всего позволимъ себѣ тутъ замѣтить, пользовались ли мы однимъ или многими „неизданными документами“. Г. Корзонъ утверждаетъ, что однимъ, а не многими, какъ можно бы заключить изъ заглавія нашей работы. Можемъ по этому поводу его увѣрить, что кодненская книга, которою мы пользовались, вовсе не есть одно цѣльное, законченное сочиненіе; она даже не заключаетъ въ себѣ одного цѣльнаго процесса; всякій, имѣющій возможность заглянуть въ нее, увидитъ, что это случайная большая сшивка отдѣльныхъ мелкихъ и болѣе крупныхъ судебныхъ документовъ, причемъ трудно даже предположить, что сшивка эта и переплетъ изъ папки устроены кодненскимъ судомъ. вѣрнѣе то и другое сдѣлано уже кѣмъ-либо изъ любителей старины, которымъ попались многіе, случайно вмѣстѣ сложенные процессы. А разъ въ кодненской книгѣ много процессовъ и притомъ не объединенныхъ, то она, значитъ, заключаетъ въ себѣ не документъ, а документы.

Затѣмъ что до дерзости нашей считать судебныя показанія гайдамакъ за документы, имѣющіе историческій интересъ, то на дерзости такой осмѣливаемся настаивать и теперь, въ увѣренности, что на это можетъ насъ уполномочивать самая строгая археологія. Показанія гайдамакъ въ документахъ нашихъ записывались безхитростно малограмотными писцами; они даже сохраняли мимо воли малорусскую рѣчь гайдамакъ вопреки своему стремленію выражаться по-польски, сохраняли большею частью и простоту невольной первобытной откровенности полудикихъ людей. Поддѣлокъ, фальши тутъ не было поэтому. При всемъ томъ, однако, каждый сообщаемый въ нихъ фактъ мы старались провѣрить другими данными, заключенными въ другихъ ли документахъ, уже напечатанныхъ, или въ польскихъ мемуарахъ. Прибавимъ еще для г. Корзона, что, передавая въ работѣ своей отдѣльныя фразы изъ гайдамацкихъ показаній и писарскихъ записей, мы никогда ни на іоту не отступали отъ подлинника, такъ что ошибки въ польскомъ правописаніи, встрѣчающіяся въ этихъ цитатахъ, г. Корзонъ можетъ всецѣло отнести не на нашъ счетъ, какъ это дѣлаетъ, а на счетъ писарей кодненской военно-судной коммиссіи. Предварять читателей нашей работы, что мы не будемъ въ цитатахъ изъ документовъ исправлять правописаніе подлинниковъ, мы считали излишнимъ, ибо таковъ уже обычай въ научно-литературномъ мірѣ.

Далѣе не видимъ мы для себя ничего предосудительнаго, что въ работѣ своей мы пользовались еще документами о колівщинѣ, напечатанными въ „Кіевской Старинѣ" за прежніе годы, хотя г. Корзонъ и ставитъ намъ это въ упрекъ. Вполнѣ естественно было представить на страницахъ даннаго историческаго журнала обработку печатавшагося въ немъ сыраго матеріала.

Наконецъ, по поводу заявленія, что мы не во всѣхъ архивахъ побывали, въ которыхъ могутъ быть документы о колівщинѣ, то согласимся, что это неопровержимо вѣрно, но вѣдь ничего подобнаго мы и не обѣщали, приступая къ печатанію „Очерка", да едвали и самъ г. Корзонъ можетъ пору-

читься, что имъ въ его большомъ трудѣ исчерпаны всѣ матеріалы по изслѣдованной имъ эпохѣ. Но и при данномъ вѣрномъ заявленіи напрасно г. Корзонъ мнитъ, что дѣло преслѣдованія архіепископа Гервасія Линцевскаго и игумена Мельхиседека Значко-Яворскаго нуждается еще въ какихъ-то особыхъ консисторскихъ документахъ. Такихъ документовъ болѣе, чѣмъ достаточно собрано въ не разъ цитированныхъ нами II и III томахъ I части Архива ю.-з. Россіи.

Спросимъ теперь себя въ заключеніе, какимъ образомъ нелѣпыя, явно предвзятыя мнѣнія г. Корзона о коліивщинѣ могутъ совмѣщаться съ его громкими заявленіями, что онъ стремится къ одной правдѣ и ни къ чему больше, что онъ вѣритъ только тому, что доказывается фактами, и не руководится ни сочувствіями, ни ненавистями. Думаемъ, что, безъ всякихъ заподозриваній добросовѣстности автора и искренности его заявленій о любви къ правдѣ, мы разрѣшимъ этотъ вопросъ слѣдующей небольшой цитатой изъ статьи одного современнаго французскаго философа, нѣсколько лѣтъ тому назадъ напечатанной въ Revue philosophique.

У философа этого мы читаемъ: „.... часто начинаютъ изучать факты, матеріалы знанія, безъ предвзятой мысли, съ единственнымъ желаніемъ открыть истину. Но при малой даже живости воображенія и быстрой сообразительности изслѣдователь немедленно послѣ извѣстнаго количества отдѣльныхъ наблюденій составляетъ уже себѣ обобщеніе, дающее его наблюденіямъ связь и изъясненіе. Лишь только такое обобщеніе зародилось въ умѣ, умъ начинаетъ имъ дорожить, какъ своимъ созданіемъ; мало-по-малу оно укореняется въ головѣ, всецѣло ею овладѣваетъ—и прости тогда безпартійность, холодная критика! Новыя наблюденія дѣлаются тогда только сквозь призму даннаго предубѣжденія, и эта призма ихъ искажаетъ или окрашиваетъ на свой ладъ; тогда неохотно воспринимаются всѣ факты, противорѣчащіе данной теоріи, а значеніе тѣхъ, которые кажутся подкрѣпляющими ее, преувеличивается; умъ всецѣло воспринимаетъ

тогда только впечатлѣнія, которыя даютъ ему возможность оставаться при дорогомъ ему убѣжденіи, уподобляясь тѣмъ металлическимъ струнамъ, которыя вибрируютъ, откликаясь только на извѣстные звуки, и остаются нѣмыми при всякихъ иныхъ. Такимъ то образомъ иной авторъ можетъ самымъ искреннимъ образомъ воображать, будто онъ все еще держится индуктивнаго метода изслѣдованія, между тѣмъ какъ онъ только развиваетъ принципъ, усвоенный въ самомъ началѣ труда при участіи своего рода ясновидѣнія".

Не сомнѣваемся поэтому, что объективная правда о коліивщинѣ вовсе не высказана г. Корзономъ ни въ его большомъ трудѣ, ни въ ругательной рецензіи на нашъ очеркъ этого движенія. Помѣшало ему въ этомъ предвзятое отношеніе къ дѣлу, „своего рода ясновидѣніе", которое, очевидно, является результатомъ всосанныхъ въ кровь шляхетскихъ особенностей „одного изъ самостоятельныхъ типовъ цивилизаціи", столь восхваляемаго г. Корзономъ и столь гибельнаго для польскаго народа. Старая ненависть польскаго пана къ русскому мужику и его „хлопской вѣрѣ" въ отзывахъ г. Корзона о коліивщинѣ сквозитъ на каждомъ шагу. Поправокъ, быть можетъ вполнѣ необходимыхъ къ нашей работѣ, при такомъ условіи, рецензентъ нашъ сдѣлать не могъ.

Я. Шульгинъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Нѣсколько словъ г. Корзону.

Въ третьемъ выпускѣ за 1892 г. журнала „Kwartalnik historyczny“, издаваемаго во Львовѣ, помѣщена статья г. Т. Корзона подъ заглавіемъ: „Новая книга о Коліивщинѣ“. Статья эта представляетъ отчетъ и критику изслѣдованія г. Я. Шульгина, помѣщеннаго на страницахъ Кіевской Старины. Мы, конечно, очень благодарны г. Корзону за то, что онъ обратилъ серьезное вниманіе на предложенную нами работу г. Шульгина; полагаясь на научную репутацію г. Корзона, мы ожидали строгой объективной критики, основанной, конечно, на взглядахъ, господствующихъ по данному вопросу въ польской исторической литературѣ, но во всякомъ случаѣ исходящей отъ общихъ для всѣхъ занимающихся исторіею положеній науки. Рецензія г. Корзона не вполнѣ оправдала наши ожиданія. Правда, въ статьѣ г. Корзона до извѣстной степени есть научная (хотя и не вполнѣ безпристрастная) полемика относительно провѣрки источниковъ, правильности оцѣнки фактовъ и т. п., но эта сторона работы отодвинута на второй планъ и является только какъ бы аксесуармоъ. Главная задача рецензіи носитъ характеръ публицистически-обличительный; это направленіе не только высказывается въ отдѣльныхъ, ничего неимѣющихъ общаго съ наукою тирадахъ, но сквозить во всей статьѣ, то въ видѣ ироніи, то въ видѣ прямыхъ нападокъ и обличеній, направленныхъ какъ противъ самаго разбираемаго изслѣдованія, такъ, въ большей еще мѣрѣ,

противъ ея автора, журнала, помѣстившаго изслѣдованіе, и созданной воображеніемъ г. Корзона „Кіевской исторической школы“, которой органомъ будто-бы служитъ Кіевская Старина. На историческія замѣчанія, возраженія и разногласія, высказанныя г. Корзономъ, мы предоставили отвѣчать автору разбираемаго имъ сочиненія, но поводу-же публицистической обличительной окраски, по нашему мнѣнію неумѣстной въ исторической работѣ, считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ въ отвѣтъ на рецензію.

Поводомъ нерасположенія г. Корзона и къ изслѣдованію о коліивщинѣ, и къ его автору, и къ „Кіевской Старинѣ“, и къ „Кіевской школѣ“ служитъ его глубокое убѣжденіе, что крестьяне, возставшіе противъ пановъ въ 1768 г., были изверги, разбойники, чудовища и т. д., что въ историческихъ разсказахъ о данномъ событіи взглядъ этотъ долженъ господствовать безусловно, что всякій историкъ, позволяющій себѣ усумниться въ непреложности этого взгляда, совершаетъ преступленіе, подобное дѣяніямъ участниковъ коліивщины [1]), что, наконецъ, репрессаліи, со стороны польскаго правительства, не менѣе жестокія и кровавыя, чѣмъ дѣянія коліевъ, были вполнѣ справедливы и заслуживаютъ полнаго одобренія [2]). Взглядъ этотъ

---

[1]) При семъ удобномъ случаѣ г. Корзонъ распространяетъ свой приговоръ и на тѣхъ историковъ, которые не порицаютъ Богдана Хмельницкаго и Запорожія. „Г. Шульгинъ, говоритъ онъ не безъ ироніи, до конца сохранилъ искусственное соболѣзнованіе къ судьбѣ малорусскаго народа, угнетаемаго поляками, и чествованіе Хмельниччины, Коліивщины и преславнаго запорожскаго товариства“.

[2]) Увлекшись своею тенденціею, г. Корзонъ оклеветалъ польское судопроизводство: встрѣтивъ у г. Шульгина сомнѣніе въ справедливости смертныхъ приговоровъ безъ означенія вины обвиняемыхъ, г. Корзонъ утверждаетъ, что эти приговоры были постановлены на основаніи данныхъ, не внесенныхъ въ приговоръ потому, что будто въ Польшѣ существовала исключительно „изустная процедура“. Мы видѣли въ гродскихъ архивахъ сотни уголовныхъ и политическихъ процессовъ и можемъ удостовѣрить г. Корзона, о чемъ несомнѣнно онъ и самъ знаетъ, что процедура въ этихъ процессахъ была письменная. Нормальный ходъ процесса былъ слѣдующій: инстигаторъ (прокуроръ) вносилъ въ гродскій судъ письменный обвинительный актъ (propozycja literalna), судъ назначалъ подсудимому адвоката (patrona) и снималъ съ него допросы (konfessata dobrowolne i korporalne), которые записывались, затѣмъ составлялъ допросные пункты на письмѣ, (interrogatoria), вручалъ ихъ прокурору и подсудимому и обязывалъ представить по нимъ въ судъ письменныя показа-

былъ-бы вполнѣ умѣстенъ, еслибы г. Корзонъ исполнялъ должность инстигатора въ 1768 году, а не состоялъ историкомъ въ концѣ XIX столѣтія. По нашему мнѣнію, вѣроятно и по мнѣнію г. Корзона, роль историка не должна совпадать съ ролью ни прокурора, ни адвоката; задача его не состоитъ въ томъ, чтобы вызвать приговоръ обвинительный или оправдательный, а въ томъ, чтобы точно установить безъ предвзятыхъ сужденій характеръ даннаго историческаго явленія и, главное, указать вызвавшія его причины, чѣмъ и устанавливается по преимуществу историческое самопознаніе.—Мы, равно какъ и г. Корзонъ, признаемъ, что событія 1768 года были очень печальны; сцены убійства и жестокости, гдѣ бы ни появлялись, всегда возбуждаютъ отвращеніе въ сколько-нибудь цивилизованномъ и гуманномъ человѣкѣ; потому и истребленіе крестьянами множества шляхтичей и евреевъ, и жестокая расправа шляхетскихъ судовъ съ крестьянами, не менѣе жестоко свирѣпствовавшая въ теченіе 4 лѣтъ и истребившая также тысячи жертвъ, по нашему мнѣнію факты печальные и достойные сожалѣнія. Но эти чувства наши совершенно субъективны и не составляютъ цѣли историческаго изслѣдованія. Мы необходимо должны и себѣ, и г. Корзону предложить вопросъ: какія причины вызвали опечалившія насъ явленія? Мы вполнѣ убѣждены, что г. Корзонъ не станетъ ихъ искать, подобно шляхтичамъ XVII—XVIII столѣтія, „въ врожденной хлопской злости“; самъ онъ отрицаетъ взглядъ тѣхъ польскихъ публицистовъ, которые желали взвалить отвѣтственность на „заграничное подстрекательство“. Значитъ, причины приходится искать въ ненормальномъ строѣ общества въ Рѣчи-Посполитой. Для насъ эти причины ясны и вполнѣ логичны: крестьянская масса, не смотря на продолжительное и упорное сопротивленіе, была закрѣпощена, обезземелена и лишена всякихъ, самыхъ элементарныхъ, гражданскихъ правъ. Ее повседневно раздражали шляхтичи безграничнымъ и безконтрольнымъ

нія свидѣтелей (inkwizycje świadców), затѣмъ постановлялъ письменный приговоръ, въ которомъ подробно указывалъ мотивы назначеннаго наказанія. Неужели г. Корзонъ думаетъ, что всѣ эти пріемы судопроизводства относятся къ „устной процедурѣ?“

произволомъ. Помимо матеріальнаго гнета, крестьяне были раздражены и очень жестокимъ религіознымъ преслѣдованіемъ [1]) изъ-за введенія уніи. Наконецъ польское правительство и общество не позаботились о какомъ-бы то ни было просвѣщеніи крестьянъ, хотябы въ самыхъ скудныхъ элементарныхъ размѣрахъ. При такомъ строѣ послѣдствія, конечно, могли быть только печальныя. Обиженная, оскорбляемая и раздраженная масса, конечно, должна была вспыхнуть при первой возможности при первомъ ничтожномъ толчкѣ, и вспышка эта, въ силу совершеннаго отсутствія гражданскаго развитія и гуманнаго образованія, должна была выразиться въ формахъ крайне жестокихъ и кровавыхъ.

Относительно шляхетскихъ репрессалій, менѣе на нашъ взглядъ извинительныхъ, потому что онѣ исходили отъ сословія болѣе образованнаго и обезпеченнаго во всѣхъ отношеніяхъ и притомъ продолжались слишкомъ долго (4 года) и потому носили характеръ не вспышки и увлеченія, а систематической хладнокровной мести, можемъ тоже сказать, что жестокости этихъ репрессалій объясняются состояніемъ общества въ данное время:образованіемъ шляхетскаго сословія, слишкомъ поверхностнымъ и безсодержательнымъ, стоявшимъ далеко ниже того уровня правъ, которое успѣло пріобрѣсти это сословіе; направленіемъ общественной организаціи, слишкомъ одностороннимъ, исключительно сословнымъ. При такихъ условіяхъ, конечно, всякая реакція крестьянская, вмѣсто того чтобы вызвать необходимыя мѣры гарантіи существующаго строя путемъ уступокъ и какого-бы то ни было обезпеченія интересовъ массы, могла вызвать лишь чувство мести, проявляющееся жестокостью, пропорціональною испытанному страху.

Если эти объясненія наши покажутся г. Корзону ошибочными, мы готовы будемъ выслушать его мнѣніе и доводы и по-

---

[1]) См. II—III томы 1-й части Архива юго-западной Россіи. Г. Корзонъ упрекалъ г. Шульгина въ томъ, что онъ не пользовался матеріалами консисторскаго Архива, не обративъ вниманія на то, что названные томы процитированы въ числѣ его источниковъ; они заключаютъ 339 актовъ, извлеченныхъ именно изъ архива консисторіи.

стараемся обмѣняться съ нимъ аргументами, подъ условіемъ конечно, если уважаемый историкъ поведетъ рѣчь съ подобающимъ его наукѣ достоинствомъ и откажется отъ „политики нервовъ“, безполезной на всякомъ поприщѣ и вполнѣ неумѣстной въ наукѣ.

Что касается положенія г. Корзона о томъ, что „Кіевская Старина“ служитъ органомъ извѣстной исторической школы, мы думаемъ, что самъ авторъ, обдумавъ хладнокровно свое положеніе, долженъ будетъ видоизмѣнить его. Что онъ разумѣетъ подъ „школою“ и какое полагаетъ ея направленіе — для насъ не вполнѣ ясно; если онъ, помимо изслѣдованія г. Шульгина, процитировалъ еще другую статью, помѣщенную въ томъ-же журналѣ десять лѣтъ тому назадъ, сходную по направленію съ изслѣдованіемъ г. Шульгина, то мы полагаемъ, что на основаніи двухъ статей невозможно записывать въ „школу“ историческій журналъ, издающійся въ теченіи одиннадцати лѣтъ. Мы можемъ удостовѣрить г. Корзона, что единственная цѣль и задача нашего журнала состоитъ въ томъ, чтобы, по мѣрѣ возможности, разъяснить исторію южной Руси и собрать для этой цѣли возможно большій научный матеріалъ. Особой тенденціи, предвзятой a priori, особыхъ рамокъ для разработки матеріала въ томъ или другомъ направленіи, особыхъ обязательныхъ взглядовъ на тѣ или другія историческія событія редакція никогда не имѣла и не высказывала. Она охотно принимала всѣ труды, направленные къ расширенію историческаго самопознанія, каковы-бы ни были личные взгляды ея сотрудниковъ на то или другое историческое явленіе. Г. Корзонъ можетъ самъ въ этомъ убѣдиться, просмотрѣвъ наше изданіе за 11 лѣтъ его существованія. Если у насъ встрѣчаются довольно часто статьи, посвященныя историческимъ изслѣдованіямъ интересовъ крестьянскаго сословія, населяющаго южно-русскій край и если мы къ этому сословію относимся съ такою-же симпатіею, какъ и къ другимъ туземнымъ сословіямъ края (духовенству, мѣщанамъ, дворянамъ, козакамъ), то, по нашему мнѣнію, мы поступаемъ съ должнымъ безпристрастіемъ и, во всякомъ случаѣ, не могли ожидать, чтобы отсутствіе хлопоненавистничества было намъ по-

ставлено въ укоръ серьезнымъ историческимъ писателемъ какой-бы то ни было литературы.

Въ заключеніе остается намъ сказать нѣсколько словъ по поводу одной весьма странной выходки г. Корзона, которою онъ заключилъ свою рецензію. Совершенно неожиданно г. Корзонъ въ финалѣ своей статьи сбрасываетъ съ себя тогу прокурора для того, чтобы надѣть мантію авгура-сердцевѣдца и, попрекая г. Шульгина въ характерѣ его отношенія къ крестьянамъ XVII и XVIII столѣтій, производившимъ возстанія противъ поляковъ, высказываетъ предположеніе, что „авторъ питаетъ надежду на то, что излюбленныя имъ происшествія XVII и XVIII столѣтій повторятся въ столѣтіи XIX". Несомнѣнно, въ тирадѣ этой г. Корзонъ вышелъ далеко за предѣлы исторической науки, на сколько намъ извѣстно, никогда не ставившей своею цѣлью копаться въ чужой душѣ и предугадывать чужія мысли и надежды. Это можетъ составлять въ наукѣ и на практикѣ развѣ задачу экспериментальной психологіи и ея поборниковъ, но ничуть не исторіи. Впрочемъ, можемъ успокоить встревоженное воображеніе г. Корзона: на повтореніе коліивщины въ XIX столѣтіи никто (за исключеніемъ умственно разстроенныхъ людей) не питаетъ и не можетъ питать надежды. Г. Корзону извѣстно, что южнорусскій край не принадлежитъ Польшѣ, слѣдовательно и возстаніе противъ Польши физически не возможно. Сверхъ того, въ теченіе послѣдняго столѣтія такъ много явилось совершенно измѣнившихся условій жизни крестьянства, что крестьянскія волненія стали невозможны и не мыслимы. Очень жаль только, что праздное предположеніе о ихъ возможности послужило почтенному ученому поводомъ для выходки, неприличной для историка, да и не только для историка... Не желая распространяться далѣе по этому непріятному поводу, мы можемъ развѣ напомнить г. Корзону границы ученой полемики словами французскаго оратора: „Je vous rappelle à la pudeur".

Документы, извѣстія и замѣтки.

Какъ уважаютъ у насъ памятники прошедшаго. *(Корреспонденція «Кіевской Старины»).* На сѣверной окраинѣ прилукскаго уѣзда полтавской губерніи, близъ черниговской границы, стоитъ село Ржавецъ, извѣстное на далекомъ разстояніи по находящейся тамъ чудотворной иконѣ. Икона Божьей Матери помѣщается въ трехгдавомъ «мурованномъ» храмѣ, построенномъ въ 1723 году. Во всей полтавской губерніи сохранилось только четыре каменныхъ церкви, время постройки которыхъ относится къ началу XVIII вѣка и эпохамъ болѣе раннимъ.

Ржавскую икону принесли козаки, мѣстные уроженцы, въ концѣ семнадцатаго столѣтія изъ Каневщины, найдя ее въ Мошнахъ, въ разоренной и заброшенной тамошней церкви. Усиліями и убогими средствами бѣднаго *царинного дида* Грицька, икона эта «обновлена» была въ Густынскомъ монастырѣ иконописцемъ Венедиктомъ. Въ это время появились знаменія, сдѣлавшія ее чудотворною. Вѣсть объ этомъ дошла до кіевскаго митрополита Кроковскаго и вскорѣ приступленно было къ постройкѣ каменнаго храма на средства прихожанъ и поклонниковъ, при помощи сотниковъ Ични и Иваницы Стороженковъ.

Церковь, гдѣ поставлена была мѣстная святыня, построена во вкусѣ и характерѣ того времени и представляетъ типическій образецъ старинпаго мѣстнаго церковнаго стиля, съ своими тремя главами «кораблемъ», съ разсчитанными на столѣтія толстыми стѣнами и фигурными окнами, съ низенькой и причудливой передней пристройкой, съ крестами, покоющимися на полумѣсяцахъ. Входишь въ такую церковь и представляешь себѣ, какъ входилъ и молился здѣсь пращуръ, и живѣе чувствуешь свою связь съ предками, отъ которыхъ

осталась лишь память да истлѣвшій прахъ. И икона, и церковь были всегда мѣстомъ поклоненія и почитанія для всей округи.

Каждый изъ жителей окрестныхъ селъ непремѣнно бывалъ въ Ржавцѣ въ торжественныя или тяжкія минуты своей жизни. Туда эти села несли свое горе, свое упованье на высшую справедливость и милосердіе, потребность въ которомъ такъ велика въ ихъ тяжеломъ быту. Священное изображенье Ржавской Богоматери носитъ трогательный характеръ. Она прижимаетъ къ себѣ Сына, на глазахъ Ея видны слезы. Многочисленныя ex voto всегда привѣшены къ ризѣ иконы, украшенной нѣсколькими пожертвованными драгоцѣнностями, между которыми виситъ и нитка простыхъ янтарей, какіе носятъ крестьянки. Храмъ, икона и вся церковная обстановка знакомы и близки въ этомъ видѣ каждому уроженцу той мѣстности съ самаго дѣтства. Откуда ни подъѣзжать къ Ржавцу, за зелеными его садами, за колосящеюся рожью виднѣются старосвѣтскія зеленыя главы козацкой церкви, какъ живое видѣніе прошедшаго.

Проѣзжая Ржавецъ нѣсколько времени назадъ, я съ удивленіемъ увидѣлъ, что въ церкви его происходитъ полная перестройка. Съ одной стороны ея возвышалась уже конченная квадратная кирпичная пристройка въ уровень съ крышей и приступлено было къ сооруженію такой-же пристройки съ другой стороны. Наружный видъ храма оказался уже измѣненнымъ. Внутри пробивали толстыя каменныя стѣны для соединенія пристроекъ съ средней частью церкви. Известковая пыль стояла въ воздухѣ, валялись куски кирпичей. Икона и утварь однако не были вынесены изъ церкви, такъ какъ въ ней все таки продолжались службы и молебны для пріѣзжихъ. На мои вопросы отвѣчали, что по окончаніи этихъ работъ приступлено будетъ къ передѣлкѣ передней пристройки, къ соединенію церкви съ колокольней и еще не знаю къ чему то...

Итакъ храмъ, гдѣ стояла *вынесенная на рукахъ* изъ разореннаго края икона, храмъ, созданный людьми, на плечахъ своихъ выдержавшихъ племенную борьбу и давшихъ этому краю гражданское спокойствіе, не заслужилъ права на неприкосновенность. Говорить о такихъ мотивахъ организаторамъ подобныхъ перестроекъ, конечно, безполезно. Но есть правительственное распоряженіе, состоявшееся года два или три назадъ, безусловно воспрещающее безъ разрѣшенія Императ. Археологич. Коммиссіи всякія перестройки и передѣлки въ церквяхъ, имѣющихъ историческій или художественно-археологическій интересъ. Это постановленіе слѣдуетъ имъ напомнить. Оно обнародовано, къ

сожалѣнію, нѣсколько поздно, когда произведены уже были многія перестройки и передѣлки (между прочимъ и въ Кіево-Печерской лаврѣ), испортившія и уничтожившія много памятниковъ старины. Передѣлыватели ссылаются вѣчно на одинъ и тотъ же мотивъ: церковь стала тѣсна! На этомъ основаніи недавно сломана замѣчательная Николаевская церковь въ Харьковѣ, которая могла простоять еще тысячу лѣтъ; сломано много другихъ, передѣлывается и скромный Ржавскій храмъ. Но Кіевскія пещеры еще тѣснѣе! Не знаемъ, сдѣланъ ли былъ одновременно съ указаннымъ распоряженіемъ осмотръ церквей по епархіямъ для опредѣленія ихъ интереса въ археологическомъ отношеніи? Безъ такого опредѣленія это распоряженіе, какъ многія другія распоряженія, останется, конечно, мертвою буквой. Для Полтавской епархіи, гдѣ такъ мало церковно-историческихъ памятниковъ, гдѣ деревянныя постройки силою вещей погибаютъ на нашихъ глазахъ, попытка такого опредѣленія сдѣлана была, и она все же могла служить нѣкоторымъ указаніемъ. Въ 1888 году гг. Горленкомъ и Мартиновичемъ составленъ былъ, на основаніи клировыхъ вѣдомостей церквей и личнаго знакомства, списокъ старинныхъ и интересныхъ въ архитектурномъ отношеніи церквей епархіи. Онъ напечатанъ въ офиціальномъ ея органѣ «Полтавскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» 1888 г. въ №№ 16, 17 и 18.

Передѣлка Ржавской церкви производится по иниціативѣ мѣстнаго священника Сахновскаго съ разрѣшенія епархіальнаго начальства. Но какъ же однако согласить такое разрѣшеніе съ Высочайшимъ повелѣніемъ по духовному вѣдомству о томъ, чтобы архіереи до начала перестроекъ старинныхъ церквей входили въ сношеніе о томъ съ Императорской Археологической Коммиссіей, научную компетенцію которой въ дѣлахъ этого рода признало правительство?

Не объяснитъ ли намъ это обстоятельство кто нибудь изъ лицъ, прикосновенныхъ этому дѣлу?

Прилучанинъ.

Къ исторіи будущаго Кіевскаго музея. Одна изъ особенностей Кіева, какъ большаго и древняго города, заключается въ томъ, что онъ до сихъ поръ не имѣетъ историческаго музея (да и никакого, можно добавить). Въ оправданіе такого страннаго явленія кіевляне могутъ сослаться лишь на то, что мысль о музеѣ межъ ними давно уже живетъ, но нѣтъ въ Кіевѣ меценатовъ, нѣтъ въ немъ

Румянцевыхъ и Боголюбовыхъ, хотя и есть съ изобильными средствами люди, легко могущіе стать на стезю сихъ ревнителей просвѣщенія... Не разъ уже случалось, что мысль о кіевскомъ музеѣ вспыхивала, но тутъ же и потухала... Какъ на одну изъ такихъ вспышекъ можемъ указать на возникшую было въ 1887 г. мысль—вмѣстѣ съ празднованіемъ въ Кіевѣ 900-лѣтія крещенія Руси, положить въ немъ начало и историческому музею.—Объ этомъ, не получившемъ дальнѣйшаго своего развитія, начинаніи, писалъ намъ, въ іюнѣ 1887 г., покойный Ѳ. Г. Лебединцевъ: «вчера я былъ у митрополита Платона для отданія ему решпекта и заговорилъ вновь о необходимости учрежденія музея въ память 900-лѣтняго юбилея, чтобъ къ юбилею онъ былъ готовъ и древностями наполненъ. Владыка величайшее сочувствіе изъявилъ, и благословилъ, и просилъ составить проектъ устава, обѣщая первымъ на немъ подписаться въ качествѣ учредителя, пожертвовать нѣкую сумму, дать временное помѣщеніе въ своемъ софійскомъ домѣ и привлечь къ пожертвованіямъ кіевскихъ и иныхъ богачей, да и въ Петербургѣ же осенью похлопотать о разрѣшеніи сего учрежденія»... Мы не знаемъ причинъ, почему это начинаніе кончилось ничѣмъ; очень можетъ быть, что болѣзнь почтеннаго основателя Кіевской Старины, въ это время уже сильно его удручавшая, была одною изъ этихъ причинъ...

Были и прошлую зиму въ Кіевѣ сильные разговоры о кіевскомъ историческомъ музеѣ, но и изъ нихъ ничего не вышло, главнымъ образомъ, кажется, потому, что не находится тотъ центръ, который бы всѣ эти разговоры сгруппировалъ и направилъ къ ясно намѣченной цѣли... А время уходитъ и, главное, масса того матеріала, которому подобаетъ находиться въ витринахъ кіевскаго историческаго музея, безвозвратно расходится по разнымъ мѣстамъ и рукамъ, при чемъ немало его вывозится и заграницу, въ видѣ напр. вещей, находимыхъ крестьянами на «Княжей горѣ» и затѣмъ продаваемыхъ евреямъ... А будь въ Кіевѣ музей,—быть можетъ эти самые крестьяне стали бы его вкладчиками... Вѣдь читаемъ же мы въ описаніи саратовскаго музея, какъ интересуется послѣднимъ народъ: «посѣщая музей, онъ видимо поражался необычайностью встрѣченнаго и держалъ себя въ музеѣ съ какимъ то благоговѣніемъ, словно въ церкви. Эти простые люди понимаютъ назначеніе музея, какъ «сохраннаго мѣста» для всякой старины, и несутъ въ него кто монету, кто старое оружіе, кто кости допотопныхъ животныхъ.

Отъ нѣкоторыхъ изъ такихъ жертвователей музей получилъ довольно рѣдкія вещи, особенно по нумизматикѣ...» [1]).

А. Л.

Письмо петербургскаго архіепископа Сильвестра Кулябки къ брату, лубенскому полковнику Ивану Петровичу Кулябкѣ.

«Любезнѣйшій братецъ Иванъ Петровичъ. Я васъ чрезъ сіе покорно прошу въ особливій респектъ (для меня жъ) принять и ему отмѣнность (для меня жъ) предъ другими показать и въ прозбахъ его (для меня жъ) особливо не оставлять, естли въ чомъ его нужди зайдуть г. сотника константиновскаго [2]) Стефана Полѣтику, а я кажется у васъ то заслужилъ, дабы вы для меня здѣлали что ніесть; я цуга лошадей вашихъ не откину, когда его получить отъ васъ возмогу. Бога ради и себе порока и поговору избавте предъ людми и грѣха предъ Богомъ, не оставляйте синовъ даби не брикали, по Пѣтербурги не ходили и слезами теперъ въ ризницѣ невской [3]), и потай мене, нѣсколько рублей позичили. Нѣчимъ не снабдѣни, во всемъ полковничи сини оставлени; естли чего не можно било прислать зъ обозомъ Якова Петровича, можно било хотя денегъ переслать. Впрочемъ васъ съ домашними вашими Богу поручаю. Вашъ богомолецъ и слуга смиренний Силвестръ, архіепископъ санктъ-петербурскій.

1758 году, марта 16 дня Спб.

Приведенное письмо найдено, въ копіи, въ бумагахъ Гр. А. Полетики (въ собраніи В. В. Тарновскаго) и заключаетъ въ себѣ представительство архіепископа Сильвестра Кулябки (1704—1761) за одного изъ братьевъ Гр. А. П—ки, Степана, бывшаго въ это время сотникомъ константиновской сотни, входившей въ составъ лубенскаго полка. Въ письмѣ этомъ а. Сильвестръ дѣлаетъ брату упрекъ за нѣкоторое его равнодушіе къ нуждамъ сыновей, что будто бы «полковничьи сыны во всемъ оставленны...». А между тѣмъ изъ восьми сыновей Ивана Кулябки три учились въ это время, въ Виттенбергскомъ унисверитетѣ, три—въ Кіевѣ «латинскаго и нѣмецкаго языка» обучались, а два меньшихъ «поспѣвали также къ обученію». Ученіе это, пови-

---

[1]) „Саратовскій Радищевскій музей въ первое свое трехлѣтіе 1885—1888“. Составилъ А. Л. Кущъ, хранитель музея. Саратовъ. 1888, стр. 26—27.

[2]) М. Константиновъ, Роменскаго уѣзда.

[3]) Александроневской лавры.

димому, не пошло въ прокъ, такъ какъ въ 1762 г. отецъ жаловался, что сыновья его «легкомысленнымъ самовольствомъ» надѣлали столько долговъ, что пришлось продавать, «дѣдизные и отческіе грунта». Дѣйствительно, лубенскіе Кулябки, одни изъ замѣтныхъ тамошнихъ богачей въ полов. XVIII в., къ концу этого столѣтія сильно обѣднѣли и выбыли изъ рядовъ тамошней аристократіи.

А. Л.

Дѣло объ отдачѣ сертука исключенному семинаристу.

Святѣйшаго Правительствующаго Сvнода Члену Великому Господину Высокопреосвященнѣйшему Серапіону Митрополиту Кіевскому и Галицкому Кіево-Печерскія лавры священно-архимандриту и разныхъ орденовъ кавалеру.

Кіевскія семинаріи ученика философіи Ивана Лясковскаго

Прошеніе.

Ко Христу дерзновенно приближались вси мытари и грѣшники, дабы сподобиться его щедротъ и милостей, и не отходили тщи отъ кротчайшаго Пастыря и Агнца міра. Въ Твоемъ лицѣ, о Святитель, ту же кротость видя, во упованіе на Бога, въ коего руцѣ сердце твое, притекаю со смиреніемъ ко Твоей Святыни, да призриши и помилуеши мя, яко же Господь Іисусъ бѣдныхъ и нищихъ миловалъ.

Будучи нагъ и босъ, долженъ я позоръ быти міру, есть ли мнѣ явиться между людей безъ одѣянія и прикрытія нужнаго. Посему благоволи, милосерднѣйшій отецъ, дабы мнѣ данъ былъ хотя сертукъ казенный, въ коемъ бы мнѣ можно было выѣхать изъ Кіева въ домъ родственниковъ до выздоровленія.

1818 года, апрѣля 25 дня

О семъ проситъ кіевскія семинаріи ученикъ философіи

Иванъ Лясковскій.

Резолюція: По сему прошенію сертукъ выдать.

Письмо господина Искры графу Платону Александровичу Зубову 1794 года февраля 17 дня. Сіятельнѣйшій графъ! Порываемый ревностію услужить государямъ, прадѣдъ мой полковникъ Искра намекнулъ про измѣну Мазепы, но за то имѣніе и голову по-

терялъ какъ шапку; въ тотъ моментъ появилась и правда его, но голова—не карнизъ! Государь, поправя ошибку, своею особой предалъ землѣ прахъ страдальца и наслѣдникамъ возвратилъ то имѣніе въ Украинѣ. Послѣ Украину отдалъ полякамъ, и наслѣдникамъ обѣщалъ дать въ замѣну въ Малороссіи; но тѣ были тогда малолѣтные, и покудова возмужали, Государь скончался. И тогда и теперь, все равно, вездѣ пишутъ, что наградить насъ должно, но ничего не даютъ. Это—древность, графъ!

Я просился изъ военной въ гарнизонъ, а меня отставили въ чистую, словно какъ будьто бы то въ награжденіе, чтобъ за долговременную и безпорочную службу околѣть съ голоду. А это, графъ,—прошедшее!

Я сюда пріѣхалъ то безъ нужды на облучкѣ, то по нуждѣ на долгихъ; годъ мѣста былъ въ полсыта, а подъѣзжалъ на извощикахъ; другой и третій боролся съ голодомъ, а теперь уже и премудрость не помòга, кромѣ развѣ Діогену въ слѣдъ идтить; служить негдѣ, а дома жить не у чего. Вотъ это—настоящее, графъ! Но то для вельможи—не новизна, а для чувствительной души—состраданье.

Ваша душа преисполнена доброты; такъ помогите мнѣ! Вѣкъ проходитъ, какъ правительствовавшій Малороссіей бывшій гетьманъ и тамошній генералъ-губернаторъ и наконецъ и сенатъ за то отшедшее имѣніе присудили наградить насъ; но и доднесь мы въ чаяніи будущихъ благъ.

Докладъ сената два года лежалъ у господина Державина; хотя и послѣдовала Высочайшая резолюція о воздаяніи намъ, а теперь нѣсколько мѣсяцевъ лежитъ у господина Попова, по которому Императрица именно и точно благоволила повелѣть взять и доложить; а я хлѣбаю все завтрики!

Братъ мой тоже маіоръ, подъ Анапою сдѣлался безъ руки; а у меня хотя и обѣ уцѣлѣли, но только для того развѣ, чтобъ протягивать въ тактъ подъ визгъ—«подайте Христа ради»! и тогда, когда въ цѣлое столѣтіе кровь предковъ, потъ и увѣчье потомковъ непрерывная суть жертва ревности.

Сіятельнѣйшій графъ, ревнитель истины, у престола ходатайствующій о ней! заступи насъ! Единое слово ваше сдѣлаетъ больше, нежели столѣтіе; а мы если незабвенны у васъ, то вы незабвенны будете у Вседержителя; бо мужъ щедрый, рогъ его вознесется во славу.

Вашего Сіятельства всепокорнѣйшій слуга Андрей Искра.

Сообщилъ Н. Петровъ.

Прошеніе отставнаго прапорщика Землянскаго 1816 года.

Августѣйшій Монархъ, Всепресвѣтлѣйшій Великій Государь! Святая соборная апостольская церковь и каждый сынъ церкви имѣютъ дерзновеніе къ небесной царицѣ въ своихъ приношеніяхъ таковое:

«Не ввѣри мя человѣческому предстательству, Пресвятая Владычице, и сама заступи и помилуй».

Такъ и азъ послѣднѣйшій рабъ отъ лица вѣрителей моихъ вопію къ Тебѣ, Пресвѣтлѣйшій Государь! не ввѣряй насъ судіямъ, но самъ заступи и помилуй!

До пятнадцати тысячъ народа бывшіе козаки, что нынѣ привиллегированные войсковые жители, да въ подданствѣ на замежованныхъ земляхъ до двадцати тысячъ душъ страдаютъ отъ самовольныхъ владѣльцовъ уже сорокъ восемь лѣтъ, вездѣ по межевымъ и гражданскимъ правительствамъ просили и просятъ, но покровительства имъ не было и нѣтъ, причины же сему слѣдующія:

Домашніе враги Твоего царства разсвирѣпѣли какъ лютые звѣри, живутъ предъ Тобою безъ страха, предъ Богомъ безъ вѣры, виды являютъ добрые, а въ дѣлахъ—лицемѣры судятъ на лихоимствѣ и лицепріятіи, бѣдныхъ невинныхъ тѣснятъ и разоряютъ безъ мѣры.

Государь! доколѣ не будетъ строгости надъ судіями, дотолѣ царство Твое немирно, угрожается бѣдами (о семъ увѣряетъ насъ священное Писаніе—надежное основаніе въ природѣ). Аще законы Божіе и гражданскіе хранятъ народы, тогда царство славно, и царь великъ, и законы соблюдаютъ, какъ царь велитъ.

Пресвѣтлѣйшій Государь и Отецъ! вонми моленію, пріими прошеніе и слезъ нашихъ не премолчи! Народъ, страдая безъ покровительства полвѣка уже весьма утомленъ и дозѣла изнемогъ.

Ты его освободи Высочайшею милостію, отри слезы страждущихъ и Твоего милосердія ожидающихъ да утѣшится о Тебѣ, царь, Христосъ.

А о чемъ прошеніе, при семъ прилагается краткое объясненіе на четырехъ листахъ.

Вашего Императорскаго Величества Всемилостивѣйшаго Государя вѣрноподданный отъ лица вѣрителей войсковыхъ жителей повѣренный отставной прапорщикъ Петръ Николаевъ сынъ Землянскій съ того жъ уѣзда козачьяго званія, общій съ жителями владѣлецъ нвсѣмъ ихъ тѣснотамъ, обидамъ и разореніямъ очевидецъ, квартирую въ С.-Петербургѣ, Литейной части, въ домѣ купца Погребова, подъ № 113-мъ.

Іюля 16 дня 1816 года. Сообщилъ **Н. Петровъ**.

Похищеніе дѣвицы и оскорбленіе полицейскаго офицера (1785 г.). Позднимъ вечеромъ 28-го апрѣля 1785 г. къ «смотрителю съѣзжей» на Печерскѣ капитану Василію Климовскому явилась проживавшая въ Старо-Кіевской крѣпости помѣщица Екатерина Хитрово [1]) и заявила, что капитанъ Изюмскаго полка Александръ Лосевъ, стоящій на Бѣлогородскомъ форпостѣ, увезъ ея дочь, находившуюся въ Фроловскомъ монастырѣ, и двухъ крѣпостныхъ ея дѣвушекъ. Подозрѣвая, что они скрываются въ домѣ жены отст подпор. Бѣляева, Хитрово просила Климовскаго оказать ей содѣйствіе въ отысканіи увезенной дочери. Климовскій съ «пристойнымъ числомъ нижнихъ чиновъ» произвелъ въ указанномъ домѣ обыскъ и дѣйствительно служанокъ нашелъ запертыми въ чуланѣ и передалъ ихъ Хитрово, а дочери ея не оказалось.

Совѣтникъ Кіев. намѣстничества Василій Лосевъ, братъ офицера, похитившаго дѣвицу Хитрово, узнавши о произведенномъ обыскѣ, явился со своими людьми на съѣзжую и нещадно избилъ трехъ десятскихъ, участвовавшихъ въ обыскѣ у Бѣляевой, а затѣмъ прислалъ другаго брата своего, поручика Сергѣя Лосева на съѣзжую взять и доставить къ нему въ домъ самого Климовскаго. По приказанію этого поручика, явившіеся съ нимъ люди, «съ азартностію, какъ писалъ въ жалобѣ своей Климовскій, схватя меня за руки и за волоса потащили со съѣзжей, подобно яко бы какого преступника, а ведя и били немилосердно». Было это ночью и несчастный Климовскій, престарѣлый уже человѣкъ, лишенный всякой возможности защитить себя, «принужденъ былъ претерпѣвать». Совѣтникъ Лосевъ, когда привели къ нему Климовскаго, «не только не отрицался отъ того, что самъ онъ приказалъ такимъ образомъ поступить, но, будучи въ великомъ азартѣ и не пріемля ничего къ оправданію, кричалъ съ великимъ ругательствомъ», называя при этомъ Климовскаго «пьяницею, катомъ, алтынникомъ и разбойникомъ, а наконецъ, высылая изъ комнаты, похвалялся еще и щоки обить».

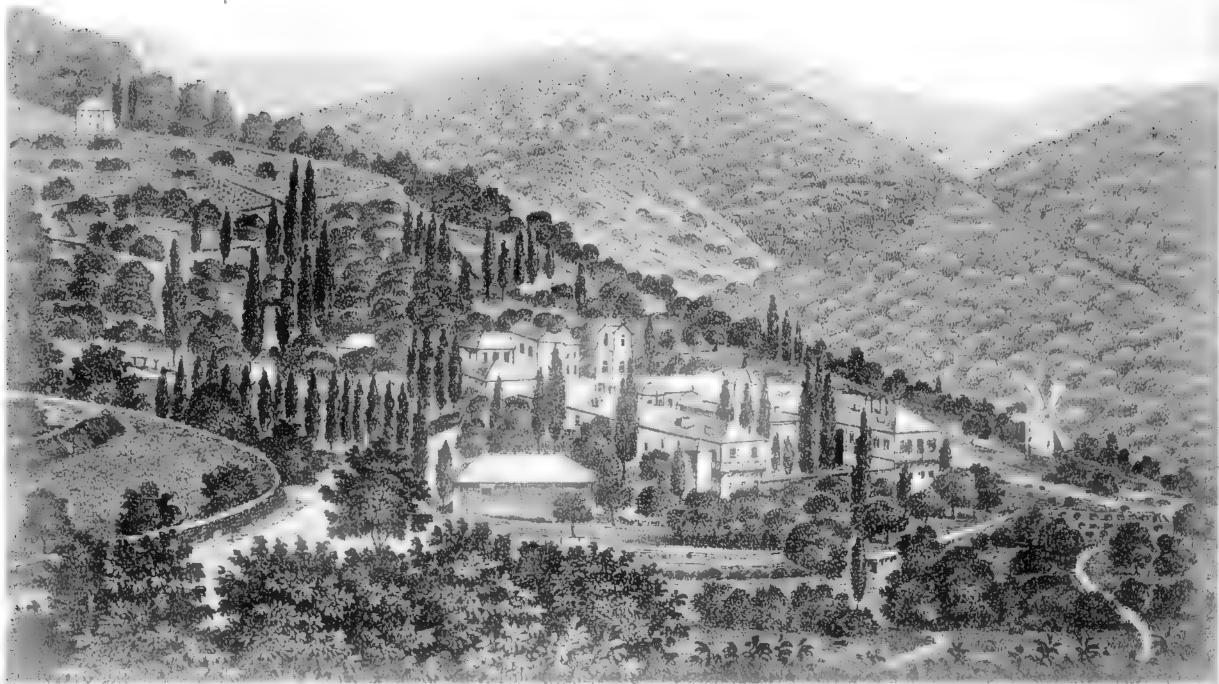
Оскорбленный такъ Климовскій прямо отъ Лосева отправился къ губернатору Ширкову, но тотъ уже спалъ. Пришедши же домой, Климовскій узналъ, что къ нему уже два раза пріѣзжалъ тит.

[1]) Это была дочь графа Фед. Ив. Головина. Мужъ ея Петръ Хитрово, въ чинѣ подпоручика, состоялъ съ 1782 г. предводителемъ дворянства кіевскаго уѣзда.

сов. Рудневъ, который явился къ нему и на другой день утромъ съ просьбой отъ совѣтника Лосева, чтобы онъ, Климовскій, «о той своей обидѣ претензіи не имѣлъ». Тогда же онъ «и отъ прочихъ знатныхъ господъ, по прошенію г. Лосева, упрашиваемъ былъ, чтобъ о томъ жалобы не взносилъ».

Но Климовскій тѣмъ не менѣе нанесеннаго ему жестокаго оскорбленія простить не пожелалъ и, миновавъ почему то уже губернатора Ширкова, подалъ графу Румянцеву челобитную на Высоч. имя. Гр. Румянцевъ предписалъ взять по челобитной Климовскаго отвѣтъ отъ совѣтника Лосева, и съ мнѣніемъ Нам. Пр. немедленно представить ему, а также объяснить, въ чьемъ вѣдомствѣ находится братъ Лосева поручикъ Сергѣй. Чѣмъ дѣло это кончилось, изъ имѣвшихся у меня документовъ не видно.

А. А.



МАЛОРОССІЙСКІЙ СКИТЪ СВ. ПРОРОКА ИЛІИ.

Къ рисунку.

(Малороссійскій скитъ св. Иліи на Аѳонѣ).

Пользуемся случаемъ, доставленнымъ намъ любезно отданной въ нашу редакцію статьей князя Ал. Дабижи „Малороссійская обитель на Аѳонѣ“, и помѣщаемъ при этой-жѣ книгѣ журнала рисунокъ этой обители, сдѣланный фототипіей со снимка, находящагося въ лучшемъ изъ альбомовъ съ видами Аѳона. Этотъ-же снимокъ, очень мало распространенный вообще, помѣщенъ и въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона, гдѣ можно найти и нѣсколько строкъ о самомъ скитѣ. Статья кн. А. Дабижи, дающая наиболѣе свѣдѣній объ этомъ скитѣ, устраняетъ отъ насъ необходимость давать подробныя объясненія къ рисунку

БИБЛІОГРАФІЯ.

Bouillet, Dictionnaire universel d'Histoire et de Geographie, 30-me édition, entièrement refondu sous la direction de M. Gourraigne. Paris. Hachette et C-ie, 1893. (2079 стран.).

Тридцатое, совершенно переработанное и очень значительно дополненное, изданіе этого словаря, извѣстнаго всѣмъ занимающимся исторіей и географіей, представляетъ собой для насъ, главнымъ образомъ, тотъ интересъ, что въ немъ чуть-ли не въ первый разъ во всей французской литературѣ этого рода было обращено серьезное вниманіе на свѣдѣнія, относящіяся къ Россіи, при чемъ составленіе статей по этому предмету было поручено, какъ видно изъ предисловія, члену отдѣла И. Рус. Географич. Общества Ѳ. К. Волкову.

Основныя статьи, касающіяся южной Россіи—*Ukraïne*, *Ukraïniens*, *Cosaques*, *Zaporogues*, *Sitch* и проч., при большой сжатости, требуемой справочнымъ характеромъ изданія, отличаются возможной полнотой и очень старательнымъ указаніемъ источниковъ, что даетъ возможность каждому, получивъ необходимыя свѣдѣнія, расширить ихъ потомъ самостоятельно. Въ статьѣ *Ukraïne*, напр., находимъ: объясненіе и исторію этого слова, краткую географію и исторію страны, полный списокъ малороссійскихъ гетмановъ и главнѣйшіе источники исторіи Украины. Слѣдующая за нею статья *Ukraïniens* заключаетъ въ себѣ названія малоруссовъ въ разныхъ мѣстностяхъ, географическое распространеніе малорусскаго племени, краткую статистику, антропологическія и этнографическія отличія, при чемъ довольно подробно указаны лингвистическія особенности малорусскаго нарѣчія, приведены отзывы различныхъ ученыхъ о его положеніи въ ряду славянскихъ языковъ и приложена библіографія главнѣйшихъ источниковъ (словари, грамматики, соч. Житецкаго, Огоновскаго и проч.).

Затѣмъ, въ той-же статьѣ, при упоминаніи о народной украинской словесности указаны всѣ наиболѣе важные этнографическіе сборники и, наконецъ, приведены главные факты изъ исторіи литературы со всѣми необходимыми указаніями, какъ на общія сочиненія по этому предмету (Пыпинъ и Спасовичъ, Петровъ, Комаровъ и пр.), такъ и на наиболѣе выдающихся авторовъ, которымъ посвящены въ лексиконѣ отдѣльныя статьи. Въ числѣ отдѣльныхъ статей мы находимъ прежде всего краткія біографіи и характеристики историческихъ дѣятелей: Наливайка, Сагайдачнаго, Богдана и Юрія Хмельницкихъ, Выговскаго, Многогришнаго, Самойловича, Мазепы, Даніила Апостола, Разумовскаго, замѣмъ Конст. Острожскаго, П. Могилы, П. Берынды, Дорошенка, Палія, Калнышевскаго, Гонты, Величка и проч. Изъ ученыхъ и литературныхъ дѣятелей недавнаго времени, въ словарѣ помѣщены біографіи: Максимовича, Маркевича, Метлинскаго, Лашнюкова, Костомарова, Чубинскаго, Кистяковскаго, Зибера, Лавровскаго, бар. Корфа, Миклухи-Маклая и др., а также Шевченка, Квитки, Гребинки, Котляревскаго, Федьковича и проч. Въ статьяхъ, относящихся съ болѣе замѣчательнымъ историческимъ мѣстностяхъ южной Руси (Кіевъ, Острогъ, Заблудовъ, Переяславъ, Гадячъ и проч.), сдѣланы довольно подробныя указанія на соотвѣтственныя событія.

Не обошлось, разумѣется, и безъ нѣкоторыхъ пропусковъ и промаховъ, которые впрочемъ объясняются, какъ кажется, недостатками корректуры и общей редакціи Словаря. Такъ напр., пропущены, неизвѣстно почему, біографіи Брюховецкаго и Скоропадскаго, въ статьѣ о Шевченкѣ, его пьесы «Наймычка» и «Катерина» превратились въ одну: *la Servante Catherine* (пропущена запятая), Словарь Желеховскаго названъ нѣмецко-малорусскимъ и т. п. Вообще, просматривая статьи, относящіяся къ южной Руси, нельзя не замѣтить, что нѣкоторыя изъ нихъ, а именно, главнымъ образомъ, статьи о Галиціи были редактированы не тѣмъ лицомъ, которому принадлежатъ прочія, а вѣроятно другимъ, которому были поручены статьи относительно Австріи. Благодаря этому, напр., статья *Galicie* отличается не только сравнительной слабостью и несовременностью, но и содержитъ въ себѣ крупныя ошибки въ родѣ того, будто Голичина населена почти исключительно поляками и что «одна часть этого населенія» носитъ особенное имя русиновъ (une famille de cette population s'appelle d'un nom particulier les Ruthènes). Вслѣдъ-же за этимъ въ статьѣ Ruthènes, принадлежащей очевидно другому автору, галичане оказываются принадлежащими къ русскому племени, указаны ихъ этно-

графическія подраздѣленія, приведены данныя о ихъ литературѣ, главнѣйшихъ писателяхъ, о ихъ политическомъ положеніи, о русскихъ кафедрахъ въ львовскомъ университетѣ и проч. Подобнаго-же рода редакціонныя небрежности встрѣчаемъ мы даже въ двухъ половинахъ одной и той-же основной статьи *Russie*, историческая часть которой обработана довольно внимательно, тогда какъ географическая очевидно совсѣмъ не тронута сравнительно съ прежнимъ изданіемъ и заключаетъ въ себѣ множество самыхъ грубыхъ промаховъ въ родѣ того, что литовцы отнесены къ славянскому племени и т. п., при чемъ статья *Lithuanie* составлена достаточно удовлетворительно и въ ней говорится, разумѣется, совершенно другое.

Очень полезно было-бы, если-бы эти и подобные недостатки были указаны въ французской критикѣ для исправленія ихъ хоть въ дальнѣйшихъ изданіяхъ этого чрезвычайно распространеннаго и въ общемъ очень хорошаго словаря, составляющаго необходимую настольную книгу для тѣхъ, кому не по средствамъ большіе словари или энциклопедіи въ родѣ Брокгаузовскаго, Мейера, Encyclopaedia Britannica, Larousse'a, Научнаго Словника Ригера или Отто и т. п.

В. А.

Виноградники херсонской губ. (Статистико-экономическое описаніе) Т. И. Осадчаго. Херсонъ. 1892 г. 97 стр.

Настоящая брошюра принадлежитъ къ числу трудовъ Херсонскаго Земскаго Статистическаго Бюро, выдающихся въ статистической литературѣ и отличающихся тѣмъ, что въ поуѣздныхъ сборникахъ, независимо отъ матеріаловъ для оцѣнки земельныхъ угодій, помѣщается не мало историко-географическихъ и этнографическихъ данныхъ. И на этотъ разъ выдѣленъ въ особую (1) главу весьма интересный «историческій очеркъ виноградарства въ херсон. губ.». Въ настоящее время оказывается виноградниковъ: въ Приднѣстровьи 4010, въ степной полосѣ по водораздѣлу Днѣстра и Буга 1551, на Побужьѣ 12, въ степной полосѣ по водораздѣлу Буга и Днѣпра 8 и по Тясмину производятся опыты разведенія. Такимъ образомъ главная масса виноградниковъ сосредоточена въ полосѣ Приднѣстровья, въ предѣлахъ нынѣшняго Тираспольскаго и въ части Одесскаго уѣз.; въ этой полосѣ насчитывается между прочимъ до 839 виноградниковъ «старинныхъ», существовавшихъ ранѣе 1820 г. Изъ географи-

ческаго описанія выясняется, что виноградники сосредоточены въ мѣстности, замыкаемой рр. Днѣстромъ, Ягорлыкомъ и Тилигуломъ, причемъ Ягорлыкъ служитъ с.-в. границей виноградниковъ, простирающихся въ южномъ направленіи по теченію Днѣстра. Другую полосу составляетъ водораздѣлъ Тилигула и Буга. По картѣ «земель и вольностей Войска Запорожскаго Низоваго» (1770 г.) упомянутыя полосы значатся къ югу отъ границъ Брацлавскаго воеводства и Запорожскаго Гарда, подъ именемъ «Земли Ногайскихъ татаръ». Въ историческомъ очеркѣ г. Осадчій объясняетъ, что исторія приднѣстровскаго винорадарства непосредственно связана съ судьбами виноградарсва бессарабскаго. Оставляя въ сторонѣ древнѣйшія свѣдѣнія о бессарабскихъ виноградникахъ, мы отмѣтимъ, что въ XVIII в. были извѣстны виноградники молдавскіе, разведенные молдавскими эмигрантами по Днѣстру и Пруту, и что многіе изъ приднѣстровскихъ виноградниковъ были довольно значительны. По словамъ автора, въ разведеніи виноградниковъ въ Приднѣстровьѣ, входившемъ въ составъ Очаковской земли, или Ханской Украины, принимали участіе съ самаго начала XVIII в. и малороссы, уходившіе отъ тяжелаго польскаго гнета изъ Украины и Подоліи въ Молдавію и селившіеся на вольныхъ земляхъ по Днѣстру, рядомъ съ существовавшими тамъ молдавскими и татарскими поселеніями, такъ назыв. «ханскими слободами». Въ 1761—77 г. уже существовали въ тираспольскомъ и одесскомъ уѣз. села, входящія теперь въ раіонъ наибольшаго распространенія виноградарства (въ одес. у. запорожцы основали славящіяся теперь врноградниками большія селенія Ясски, Головкивку, Аджидеръ (Овидіополь и друг.). Съ наступленіемъ войнъ 1769 г. періодъ спокойной жизни для Приднѣстровья миновалъ; разведенные въ спокойное время виноградники были періодически опустошаемы то русскими, то турецкими войсками. Предъ сдачею въ 1787 г. края Россіи, когда осѣдлые татары отсюда вышли, кочевые ногайцы, предавая все огню и мечу, опустошили въ конецъ и виноградники. Послѣ взятія Очакова въ 1788 г. здѣсь были поселены принимавшіе дѣятельное участіе въ войнѣ сѣчевики, переименованные въ черноморскихъ козаковъ. Основавъ свою резиденцію въ Слободзеѣ, сѣчевики заняли мѣста вверхъ (до Терновки) и внизъ по Днѣстру до самаго моря. Авторъ имѣетъ доказательства, что запорожцы приводили въ порядокъ опустошенные виноградники и разводили новые и еще до 1790 г. имѣли виноградники и выдѣлывали вино около Херсона. Подъ прикрытіемъ запорожцевъ край заселился настолько, что по

переводѣ запорожцевъ въ 1793 г. на Кубань, въ ихъ станицахъ осталось значительное населеніе «волошской, малороссійской и великороссійской націй» [1]). Виноградники въ окрестностяхъ Одессы стали разводить позже: первый былъ заложенъ въ 1798 г., въ 1822 г. было 111. При поселеніи колонистовъ болгаръ и нѣмцевъ правительство раздало въ 1803 г. чрезъ контору колоній на каждаго хозяина отъ 5 до 10 лозъ для обязательнаго разведенія виноградниковъ, но мѣра эта не имѣла успѣха по недостатку сочувствія у колонистовъ. Только въ самое послѣднее время въ нѣмецкихъ колоніяхъ стало развиваться виноградарство. Вообще нѣмцы находятъ болѣе выгоднымъ занятіе хлѣбопашествомъ. Въ сѣверной части губерній, въ елисаветградскомъ уѣздѣ (бывшая Новосербія и часть вѣдомства Бугогардовской паланки) въ 1770 хъ г. путешественникъ Гюльденштетъ нашелъ нѣсколько виноградниковъ въ Крюковѣ и близъ него и въ Елисаветградѣ. Въ позднѣйшее время стали разводить и по р. Тясмину крымскій виноградъ (болѣе нѣжный, чѣмъ бессарабскій).

Небезъинтересны нѣкоторыя, выясненныя изслѣдованіемъ, данныя, характеризующія виноградарей по національностямъ. Малороссійское крестьянское виноградарство быстро шагаетъ впередъ съ шестидесятыхъ годовъ. Каждый крестьянинъ стремится имѣть хотя бы небольшой виноградникъ, а нѣкоторые не довольствуются однимъ виноградникомъ, находящимся въ заливной полосѣ, и заводятъ виноградники на склонахъ холмовъ и даже на надѣлахъ въ степи. Въ молдавскихъ поселеніяхъ по Маласнинской вол. «незамѣтно особаго стремленія къ виноградарству по недостатку у населенія сознанія», въ Плосковской вол. виноградарство не распространяется по враждебному отношенію общества къ желающимъ разводить виноградники. Въ нѣмецкихъ колоніяхъ наиболѣе интенсивный ростъ числа нѣмецкихъ виноградниковъ принадлежитъ 1840 и 1880-мъ гг. По замѣчанію изслѣдователя, до самаго послѣдняго десятилѣтія крестьянское виноградарство двигалось главнымъ образомъ любовью малорусскаго населенія къ садоводству, вынесенною изъ родной Украины, причемъ соображенія экономическаго характера, т. е. доходность, мало занимали крестьянина, а потому и культура виноградарства мало улучшилась. Для нѣмца, проникнутаго практическими выгодами, виноградникъ не служитъ эстетическимъ удовольствіемъ, и онъ будетъ разво-

---

[1]) Приведенъ списокъ 8 поселеній тираспол. уѣз., въ которыхъ въ 1793 г. 60 двор. и 3709 д. обоего пола.

дить виноградъ только тогда, когда у него оказываются незанятыя болѣе выгоднымъ хлѣбопашествомъ руки. Онъ также плохо знаетъ условія развитія виноградарства, какъ и крестьянинъ, если не хуже, и также не увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ касательно урожая и вообще положенія виноградарства, какъ и послѣдній.

Въ заключительной главѣ изслѣдованія авторъ обращаетъ вниманіе на то, что виноградники, занимая незначительные кусочки земли, служатъ малороссамъ, молдаванамъ, болгарамъ и нѣмцамъ виноградарямъ значительнымъ подспорьемъ въ хозяйствѣ, снабжая семейства фруктами и виномъ для собственнаго потребленія и избавляя отъ покупки дорого стоющей водки, и притомъ приносятъ еще доходъ отъ продажи произведеній виноградарства на сторону. Въ культурномъ отношеніи какъ крестьяне, такъ и дррyгія сословія, при уходѣ за своими виноградниками держатся только преданій старины: какъ садили, подрѣзывали и вообще смотрѣли за виноградниками ихъ дѣды и отцы, такъ и они теперь дѣлаютъ. По выраженію автора, колонисты нѣмцы и болгары, о благосостояніи и льготахъ для которыхъ столько хлопотало правительство, предоставляя всѣ удобства и для разведенія виноградниковъ, имѣли большую возможность вносить улучшенія въ веденіе этой отрасли,—но этого не произошло. Нынѣшній молдованинъ Маласнинской волости, которой совершенно не коснулась культура, при веденіи виноградарства употребляетъ наиболѣе примитивные способы: вино выжимаемъ ногами, не знаетъ никакихъ инструментовъ, кромѣ тѣхъ, что существовали и въ прошломъ вѣкѣ, когда край принадлежалъ татарамъ. Слѣдуетъ отмѣтить еще, что на печальныя условія, не дававшія развиться крестьянскому виноградарству въ настоящемъ столѣтіи, указывалъ уже 40 лѣтъ тому назадъ г. Шмидтъ, говоря, что въ первой половинѣ прошлаго вѣка виноградники въ Приднѣстровьѣ были болѣе обширными и цвѣтущими, чѣмъ онъ нашелъ ихъ вѣкъ спустя.

Въ изслѣдованіи приведена огромная масса данныхъ о пространствѣ виноградниковъ, о числѣ кустовъ на десятинѣ, о доходности и т. п. Матеріалъ обработанъ очень умѣло, и вообще изслѣдованіе г. Осадчаго представляется весьма интереснымъ и цѣннымъ для уясненія судебъ благодатнаго уголка, который щедро надѣленъ природою для развитія виноградарства, но которому не достаетъ техническихъ знаній для того, чтобы сельское населеніе могло улучшить и упрочить свое благосостояніе. Остается сказать, что трудъ г. Осад-

чаго заслуживаетъ вниманія, какъ экономистовъ, такъ и историковъ, и можетъ быть весьма полезнымъ для исторіи культуры въ Новороссіи.

В. Василенко.

Библіографическая замѣтка.

Читателямъ «Кіевской Старины», вѣроятно, будетъ небезъинтересно узнать, что извѣстный поэтъ А. В. Кольцовъ, уроженецъ г. Воронежа, сочинилъ, между прочимъ, и одну пѣсню на малорусскомъ нарѣчіи. Украинцы всегда привлекали къ себѣ его сочувствіе, что особенно хорошо обнаруживается изъ прекраснаго стихотворенія «Ночлегъ чумаковъ»; но сочувствіе это осязательнѣе выразилось именно въ сочиненіи малороссійской пѣсни. Пѣсня эта не помѣщалась доселѣ въ обыкновенныхъ изданіяхъ стихотвореній Кольцова и была извѣстна лишь потому, что была когда-то напечатана въ «Спб. Вѣдомостяхъ» (1864 г. № 141); не помѣщена она и въ тѣхъ изданіяхъ, какія появились въ Кіевѣ по случаю истеченія пятидесятилѣтія со дня смерти поэта (изд. Іогансона въ его «Библіотекѣ-крошкѣ» ц. 15 к., изд. Н. Терновскаго съ руководящей статьею ц. 20 к.), хотя уже была возможность выпустить дѣйствительно «полное» изданіе, вмѣсто выпускавшихся доселѣ неполныхъ сборниковъ, обыкновенно точныхъ снимковъ съ изданія 1846 года Некрасова и Прокоповича, теперь далеко не удовлетворяющаго ни историко-литературнымъ, ни критическимъ требованіямъ. Кіевскія изданія отличаются впрочемъ не только обычной неполнотою, но и значительной небрежностью выполненія, что особенно относится къ изданію г. Іогансона, гдѣ сплошь и рядомъ попадаются такіе перлы, какъ: ***тѣмъ*** вм. ***тѣломъ*** (Сила молодая тѣмъ износилась, стр. 63), ***мнакомыхъ*** вм. ***знакомыхъ*** (180 стр.), ***дѣвичей*** вм. ***дѣвичьей*** (33 стр.) и т. д. Изъ «полныхъ» собраній намъ показалось полнѣе другихъ и тщательнѣе редактированнымъ изданіе «Нивы», исполненное довольно толково и добросовѣстно и съ значительной затратою труда г. Арс. И. Введенскимъ (См. «Сборникъ Нивы» 1892 г. кн. 11). Въ этомъ изданіи, во—первыхъ, обозначены *годы* написанія стихотвореній; во—вторыхъ, сдѣланы иногда очень цѣнныя *исправленія* по подлиннымъ тетрадямъ поэта, хранящимся въ Имп. публичной библіотекѣ, чѣмъ достигнуто значительное возстановленіе подлиннаго текста; въ—третьихъ, прибавлены: I «первоначальные опыты» Кольцова и II стихо-

творенія, приписанныя Кольцову; есть также «примѣчанія» къ изданнымъ стихотвореніямъ и систематическое оглавленіе, азбучнаго же и хронологическаго оглавленій, къ крайнему сожалѣнію и неудобству читателя, не прибавлено. Стихотворенія, обычно, раздѣлены на три отдѣла: I Пѣсни и бытовыя картины. II Думы. III Стихотворенія общелитературнаго характера; нѣкоторыя измѣненія въ расположеніи пьесъ, сравнительно съ прежними изданіями, сдѣланы вообще къ лучшему, и съ ними можно согласиться.

Указанная нами «Малороссійская пѣсня» помѣщена въ этомъ дѣйствительно полномъ изданіи въ отдѣлѣ первоначальныхъ опытовъ.

Вотъ она:

1) Голубенько доню,
Чому ты не любишь
Мене, козаченька,
Мене, молодого?
2) Хиба жъ ты иного
Вже парубка маешь,
Хиба жъ ты другого,
Серденько, бажаешь?
3) Иль чимъ, мое сердце,
Тобѣ не влюбився?
Хиба моя бидность
Тебе такъ лякае?
4) Голубонько доню,
Я божавъ, кохавъ бы
Тебе дужче того,
Що въ золоти ходить.

Изъ другихъ любопытныхъ особенностей отмѣченнаго нами изданія укажемъ на окончаніе извѣстнаго стихотворенія «Ночлегъ чумаковъ», выпущенное какъ въ изданіи 1846 г., такъ и во всѣхъ послѣдовавшихъ за нимъ, хотя пьеса съ такимъ окончаніемъ была напечатана еще въ «Библіотекѣ для чтенія» 1836 г. т. 16.

Вотъ это мѣсто:

Преданьями родной страны!
Но что, украинцы, они (т. е. преданія)
Все отзываются печалью?
Давнымъ-давно прошли тѣ дни,
Когда у васъ, блистая сталью,
Шумѣлъ раздора буйный гласъ,
И кровь потоками лилась.
Давно прошли тѣ времена;
Вездѣ царюетъ тишина
Подъ скиптромъ Русскаго правленья,
И край вашъ—край теперь веселья.
Любимый, самородный трудъ
Неужли давитъ вашу грудь?
Вы чумакуете по волѣ:
Чего жъ еще желать вамъ болѣ?
Я познакомился со свѣтомъ...
И, если бы... да въ добрый часъ!
Готовъ остаться я у васъ!
Готовъ чумаковать все лѣто.
Тамъ, други, не живетъ веселье,
Гдѣ роскошь, золото, бездѣлье,
Гдѣ много словъ про наслажденье,
Тамъ для него душа мертва,
Какъ на сухой степи трава.
Живалъ въ большихъ я городахъ,
Бывалъ на вашихъ хуторахъ
И замѣчалъ, гдѣ какъ живутъ,
Что горемъ, что добромъ зовутъ,
Съ какою цѣлью вѣкъ трудятся,
Къ чему и мнѣ и тѣ стремятся.
Узналъ, вздохнулъ... И для меня
Пріятно въ дождикъ обсушиться
У васъ подъ буркой близъ огня,
Подъ возомъ отъ грозы укрыться.

Пріятно кашу ѣсть сухую,
Украйны слушать рѣчь простую,
Безпечно время проводить.
На волѣ любо, братцы, жить!
Въ степяхъ я городъ забываю,
Душой и сердцемъ отдыхаю,
У васъ все братски; хороша
Бесѣда ваша, безпритворна.
Гдѣ ты, прекрасная душ а,
Своей природѣ такъ покорна?
Что слободской вашъ жупанъ,
Что шитый шелковый кафтанъ,
Каморы, полныя безъ счету
Снарядовъ разныхъ, серебра,—
Когдъ въ нихъ искры нѣть добра?
Покиньте, братцы, вы охоту
Мѣняться счастіемъ своимъ,
Мѣняться степію широкой
И продовольствіемъ простымъ:
Блистаетъ солнышко-далеко!...
Тутъ рѣчь уныло прервана
Готовой кашею простой;
Они въ кружокъ; шумитъ страна;
Усѣлись на травѣ густой.
Луна изъ облакъ выплываетъ,
Спокойный таборъ озаряетъ;
И свѣтлыхъ звѣздъ—не милліонъ
На нихъ глядитъ со всѣхъ сторонъ.

По какимъ соображеніямъ издатели «Полнаго собранія стихотвореній покойнаго А. В. Кольцова» 1846 г. отбросили это длинное окончаніе стихотворенія «Ночлегъ чумаковъ», намъ неизвѣстно. Вѣроятно, здѣсь скрывался ничѣмъ необъяснимый произволъ, вовсе не свидѣтельствующій объ уваженіи этихъ издателей къ памяти поэта и выразившійся тогда также во множествѣ другихъ подобныхъ сокращеній и исключеній даже цѣлыхъ стихотвореній изъ книги.

А. Степовичъ.

А. А. Потебня. Библіографическіе матеріалы для біографіи Александра Аѳанасьевича Потебни. Собралъ Э. А. Вольтеръ. Спб. 8°. стр. 34. (Извлечено изъ Сбор. отд. р. яз. и слов. Имп. Ак. Н. LIII т. № 8).

«Не ручаясь за полноту собранныхъ нами библіографическихъ свѣдѣній, желаемъ, чтобы полный указатель къ трудамъ Потебни вышелъ впослѣдствіи вмѣстѣ съ новымъ изданіемъ его трудовъ и съ полнымъ собраніемъ его сочиненій». Такими словами заканчиваетъ составитель настоящаго указателя свое краткое предисловіе. Дѣйствительно, почти все сдѣлано имъ въ тѣхъ рамкахъ, въ какихъ возможенъ былъ предполагаемый трудъ, и мы должны быть признательны г. Вольтеру, давшему такой подробный перечень трудовъ покойнаго А. А. Потебни, которые еще надолго будутъ необходимыми настольными книгами каждаго филолога. Указатель этотъ составленъ, главнымъ образомъ, по выпискамъ, сдѣланнымъ Вл. Ив. Штейномъ изъ записокъ И. И. Срезневскаго и Вл. Ив. Ламанскаго, съ поправками и указаніями г. Ляпунова и самого составителя. Сочиненія по-

койнаго А. А. Потебни, оставшіяся въ рукописяхъ, исчислены и вкратцѣ описаны по отчету г. Харціева, занимающагося разборкой его бумагъ. Кромѣ указаній на труды А. А. Потебни, г. Вольтеръ даетъ краткія, пожалуй слишкомъ даже краткія, біографическія замѣтки, списокъ отзывовъ и некрологовъ. Смѣемъ думать, что болѣе подробный опытъ біографіи и характеристики былъ бы далеко не лишнимъ: свѣдѣнія объ А. А. Потебнѣ г. Вольтеръ могъ бы почерпнуть какъ изъ своихъ воспоминаній, такъ и изъ воспоминаній другихъ слушателей и учениковъ покойнаго.

Впрочемъ и теперь приходится быть благодарными за такой трудъ: такіе ученые, какъ А. А. Потебня, пишущіе не для минуты, не для современниковъ только, а для грядущихъ поколѣній, всегда будутъ необходимыми помощниками на пути изученія языка. И если даже наука уйдетъ впередъ и многое изъ ихъ выводовъ окажется устарѣлымъ,—все таки имъ скажутъ великое спасибо за то хотя бы, что ими подготовленъ и разработанъ матеріалъ, доселѣ почти не затронутый наукой. Для будущаго историка изученія русской и славянской филологіи вообще, равно какъ и народной словесности, всегда будетъ необходимость ознакомиться хотя бы съ главнѣйшими трудами нашего великаго, хотя всю жизнь и бывшаго скромнымъ и безпритязательнымъ, ученаго, въ чемъ не мало поможетъ толковый и со вниманіемъ составленный указатель.

В. П.

Ап. Залѣескій. Археологическая, этнографическая и художественная выставка въ гор. Плоцкѣ. Общій обзоръ. Плоцкъ 1892. стр. 14. 8°. (оттискъ изъ Плоцкихъ губ. вѣдомостей).

Предлагаемая авторомъ брошюра является, такъ сказать, толковымъ каталогомъ къ выставкѣ предметовъ старины, устроенной съ благотворительной цѣлью въ гор. Плоцкѣ. Авторъ видимо приложилъ всѣ старанія, чтобы заинтересовать выставкой мѣстныхъ обывателей, не жалѣя трудовъ и учености. Осмѣлимся обратить вниманіе г.г. читателей на нѣкоторыя типичныя мѣста брошюры, которыя лучше всего дадутъ понятіе объ ея содержаніи. На стр. 4 читаемъ слѣдующее: «Каменное рало, найденное въ д. Гилино серпецкаго уѣз., безспорно весьма рѣдкій и цѣнный экземпляръ. Матеріалъ этого земледѣльческаго орудія и обработка его говорятъ объ искусствѣ шлифовки [illegible] же во времена доисторическія, то

ворятъ о томъ, какъ далеко то время, когда ратай-земледѣлецъ съ края въ край бороздки помётывалъ, изъ земли дубъя-колодья вывёртывалъ; и

„Оретъ въ полѣ оратай, посвистываетъ,
У оратая сошка поскрипываетъ,
А омѣшки *по камешкамъ* [1]) почиркиваютъ"

Далѣе идутъ куріозы въ томъ-же родѣ. На слѣдующей страницѣ: «Разсматривая остатки старины, невольно обращаешь вниманіе на заботы первобытнаго человѣка о жизни здѣшней и будущей. Черепъ изъ кургана въ Туровѣ плоцкаго уѣз. съ трепанаціей указываетъ, такъ сказать, на первые шаги человѣка въ области медицины, самой точной ея части хирургіи,—совершалась ли такая операція съ цѣлью добытія амулета, или же, какъ универсальное средство избавиться отъ всѣхъ недуговъ, какіе можетъ причинить, вогнать въ человѣка, злой духъ». Нельзя ли проще объяснить появленіе дыры въ черепѣ? Но авторъ предпочитаетъ мудрствовать. Не менѣе любопытны слѣдующія его умствованія: «Отмѣтимъ, говоритъ г. Залѣсскій, еще нѣсколько интересныхъ предметовъ. Таковыми кажутся намъ двѣ пары ножницъ, точь-въ-точь по формѣ такія, какими «неотвратимая» Атропосъ отрѣзаетъ нить человѣческой жизни на картинѣ Шумана «Парки», и какими теперь—страшно сказать [2]), стригутъ овечью шерсть». Далѣе—въ томъ же родѣ, причемъ мы узнаемъ между, прочимъ, что «ученіе Будды было основано на любви къ ближнему». Наклонность—вольная или невольная—юмористически относиться къ трактуемому предмету видимо является характерной чертой г. Залѣсскаго. Кудряво пишутъ мѣстные плоцкіе гг. литераторы.

Вл. Перетцъ.

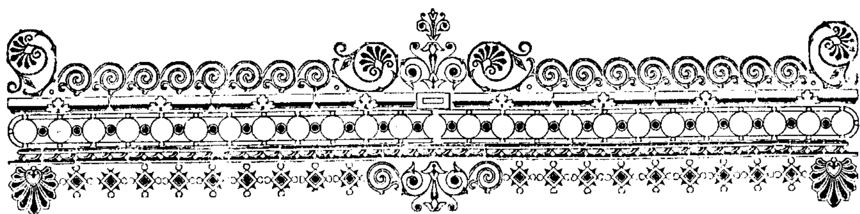
Приглашеніе къ подпискѣ для учрежденія преміи покойнаго профессора А. А. Потебни.

Въ № 12-мъ прошлаго года напечатано было приглашеніе къ подпискѣ для учрежденія преміи имени нашего покойнаго сотрудника, профессора *А. А. Потебни.* Напоминаемъ нашимъ читателямъ, что въ «Кіевской Старинѣ» тоже открыта эта подписка.

---

[1]) Курсивъ автора. Какое отношеніе имѣетъ эта цитата къ каменному раю??

[2]) Что же тутъ страшнаго?



1726 годъ. Мѣсяць януаръ.

Януар. Субота. 1. Сегодня рано былисмо у генераловъ зъ поздравленіемъ нового году, а въ малой церквѣ службы Божой вислухавши, кушалисмо у себе, и зъ нами Семенъ и Федоръ Чуйкевичи и Тарналіотъ. По обѣдѣ были у насъ капитанъ Діонетъ, подпоручикъ Масаловъ и многіе бунчуковіе, такъ же обозный прилуцкій и другіе. Извѣстилисмося отъ генерала Шереметева, что указъ зъ Астраханѣ принесенъ, черезъ вчора пріехавшого куріера, продавать зъ казни государевой водку по 8 гривенъ. Донецъ Степанъ привезлъ денги за водку Мартину 7 р. 8 грив 5 (ден?). Фейверокъ былъ у вечеру, когда рокитка одна въ бокъ летѣвшая убыла вахмистра ростовского полку до смерти.

Неделя. 2. Сегодня былисмо рано у Ярошкина и обоихъ генераловъ, а по службѣ Божой обѣдалисмо купно съ Кочубеемъ въ его квартерѣ; передъ вечоромъ были у насъ Гамалѣи и протчіи, и Дефарнъ, пріехавшій теперъ отъ прорви, а отъ насъ у лѣкара Маса, где забавилисмося долго танцами и въ посѣдѣнню розговорами. Мартинъ поехалъ въ лагеръ за водкою. Вѣжевскому Мартинъ далъ на расходъ грошей 2 р.

Понеделокъ. 3. Сегодня были у насъ рано капитанъ Наgель и поручикъ Корфе, и Кочубей, а по отходѣ ихъ обѣдалисмо зъ Тарноліотомъ и Киселенкомъ, а у вечеру были у Наgеля и порут-

чика Корфе, где въ фанти игралисмо. Винъ брали зъ четверти чарокъ 95, которихъ у ведерку будетъ 380.

Вовторокъ. 4. Сегодня рано былъ у насъ капитанъ Діонетъ, которому тютюну 7 папушъ далемъ, а после его Тарноліотъ и Григорашъ, которіе и обѣдали зъ нами. Получилемъ отъ Дебринея писмо отвѣтное зъ поздравленіемъ и требованіемъ пріезду нашего на прорву и что нашихъ людей при коняхъ, туда пріехавшихъ, послалъ искать подкомендниxъ своихъ. Мартинъ поехалъ въ лагеръ зъ Гудимомъ. Худолѣй пріездилъ ко мнѣ отъ Кандиби, питаючись денгами или горѣлкою позиченную мою горѣлку похочу отобрать.

Среда. 5. Сегодня навечоріе Богоявленія отправлялисмо у малой церквѣ Мартинъ въ лагеръ поехалъ за горѣлкою, Шендрику данною.

Четверъ. Богоявленіе. 6. Сегодня рано былисмо у Еропкина и у генераловъ, а по службѣ Божой ходили на воду, где были води освященіе и стреляно. Обѣдалисмо у Кочубея зъ Шидловскимъ, а по обѣдѣ были мы за валомъ, и въ шахмати началъ учитись. А у вечеру полковникъ Еропкинъ посидѣвши нѣкоторое время, отойшолъ до своей квартири.

Пятокъ. 7. Сегодня рано принималъ я проносное лѣкарство. Писма спорадилъ черезъ Гудима до Астраханѣ къ Полянскому, о присилкѣ сюда рано по скройки ліоду, Гудима; до Демяна о томъ же и о другихъ интерессахъ въ наказѣ ему данниxъ, до архиерея о калмичатахъ, а въ домъ до родителей о поведеніи тутейшомъ, и о виправѣ посилки зарання къ намъ, до жени о томъ же и о швакграхъ, до ясневел. о поведеніи, до брегад., прокур. и Петра Петровича [1]) о томъ же, до князя Михайла Михайловича зъ благодареніемъ за рекомендацію его. Мартинъ посланъ въ лагеръ за горѣл.

Субота. 8. Сегодня кровъ зъ головной жили пускалемъ. Были у Кочубея, где Кандиба съ товарищи приговорили посилать въ П. Бурхъ Кочубея и п. Михайла зъ прошеніемъ объ отпуску. По обѣдѣ, которій имѣлисмо у себе зъ Гамалѣею и Яномъ Миклашевскимъ, былемъ у Шереметева, у вечернѣ, у фонъ-Страла и Еропкина.

---

[1]) Толстаго, нѣжинск. полковника.

Неделя 9. Сегодня рано были мы у генераловъ и у Шереметева; когда были, онъ много разговарувалъ о Кандибѣ, подавшомъ доношеніе объ отпуску бунчуковихъ въ П. Бурхъ, мимо его Кропотову. Гудимъ отъ дороги удержанъ, а писма отдани Неплюеву. Отъ Дебринея получилемъ отвѣтъ зъ прошеніемъ нашего прибитія къ нему на прорву и конвой присланъ отъ него. Генерали и прочіи гуляли у подполковника Лопухина, а ми у полковника Еропкина были передъ вечернею, а позно у вечеру были зъ Кочубеемъ и Сулимою въ Шереметева, и позволенне у его ехать до прорви получили.

Понеделокъ 10, Сегодня рано Неплюевъ капитанъ поехалъ зъ Сулаку въ Астрахань. Виехали мы рано на прорву въ гостѣ до Дебринея, зъ конвоемъ отъ его присланнимъ 12 драгунахъ и 20 козакахъ, а съ нами Кочубей, Сулима, Кованка, и пріехали до прорви о 12 часу въ полдень, где приняти любезно отъ его Дебринея былисмо и у его обѣдали. Прорва отъ крѣпости ст. Креста растояніемъ въ 20 верстахъ, потому зовется, что Сулакъ оставивши давній свой.... (?) въ лѣво потеклъ и тамъ упалъ въ море; около прорви расположеніе мѣста хорошое, лѣси чорніе темніе, полніе звѣру дикого, тамъ клени, дубя и иншое дерево опрочъ лоху удалося, мѣсто сіе къ Андреевой деревнѣ, а барзѣй къ деревнямъ Чепанъ Шафкала. Тамъ, на сей сторонѣ, малий здѣланъ ретранжаментъ, где мѣютъ впредъ семейніе донци въ нижней станицѣ, переселившися, жити. Третего часа по полудни прорва загачена была совсѣмъ, чего ради и съ пушекъ тутъ обрѣтаючихся вистрелено и пошла была вода сулацкая давнимъ своимъ къ крѣпости ст. Креста теченіемъ, чего ради козаки и протчіе всѣ работали около оной греблѣ всю ночь, укрѣпляючи оную при запаленихъ килка десяти канатахъ, а после полночи вода берегъ отъ пріезду, отъ крѣпости, прорвала на килка сажень, и клѣтку тамъ глубоко засипленную на килка верстъ зъ собою унесла. Вечерали мы у Дебринея и ночовали оба въ землянцѣ зъ Дефаршомъ и другими оберъ офѣцерами, а Кочубей зъ Сулимою у Панченка, асаули прилуцкого.

Вовторокъ. 11. Сегодня мы дневали тутъ же, обѣдали и вечерали у Дебринея, а между тимъ играли въ карти у Дефаршовой

землянцѣ, зъ нимъ Дефаршомъ и капитаномъ другимъ. Вѣтеръ жестокій бувъ. Кочубей получилъ вѣсть, что коней его 12, Сулиминихъ 6, Раковичевихъ 3, за Сулакомъ отъ города верстъ у 5 въ полѣ ходившихъ, татаре напавши, загорнули, а человѣка его, Кочубея, ранили; за что Кочубей въ гнѣву былъ генералскомъ, же тоею добичею неприятель себѣ получилъ авантажъ и впредь приступать до крѣпости.

Середа. 12. Сегодня мы откушавши въ землянцѣ, где былъ Дефаршъ зъ Кочубеемъ, Сулимою, Панченкомъ и другими, пожекгнали Дебринея и поехали до крѣпости, а Дебриней у 3 версти опровадивши насъ, повернулся назадъ, а мы поехали зъ конвоемъ, данимъ отъ его, 12 чловѣками драгунъ и ундерофѣцеромъ, и пріехали въ городъ за 2 часа передъ ноччю, и були у полковника Еропкина и генерала Шереметева. Извѣстились мы тутъ, что вода болшая сулацкая у прорви, когда оную загачено, пошовшая сюда до крѣпости, вчерайшей ночи припала сюда на аршинъ вишиною. Играли мы оба въ карти зъ Еропкиномъ и Шеншиномъ, и програлся Шеншинъ всѣмъ намъ въ квартерѣ Еропкина. Отъ Чепаншафкала пріездили люде до Дебринея, что онъ мѣетъ прибыть самъ на прорву. Вѣжевскій зъ дороги вернувшись назадъ до прорви, за мунштучкомъ тамъ згубленнимъ, тамъ и ночовалъ.

Четверъ. 13. Вѣжевскій хлопецъ вернулся зъ прорви. Обѣдалисмо у себе оба. Вѣтеръ надъ мѣру жестокій былъ, непереставая третодневний. Чепанъ Шафкалъ пріехалъ въ крѣпость ст. Креста и сталъ первей на кватирѣ, якая Кандибѣ означенная была, а потомъ пошолъ до генераловъ, на банкетѣ у подполковника Сомова сидѣвшихъ, и тутъ доволно посидѣвши, прийшолъ на другую квартеру Кочубееву, ему отведенную, и тутъ ночовалъ. Мартинъ поехалъ въ лагеръ и въ нижній городокъ за донцемъ Степаномъ, отъ котораго денги приналежатъ.

Пятокъ. 14. Сегодня обѣдали дома, а тутъ же и Іванъ Тарноліотъ, а передъ обѣдомъ были у насъ Масъ и капитанъ Hagель, по обѣдѣ зась былисмо у Кочубея и доволно посидѣвши, и розийшлись. Капитанъ Уваровъ прислалъ п. Михайлу пару щенятъ бор-

зихъ. Онъ же капитанъ за тросгь Стефана Гамалѣю пѣнялъ, будто при оной у него много вещей пропало, а по розиску показалось, что оная трость Гамалѣи отъ Самойловича, а Самойловичу отъ Петра Сенецкого, наказного бывшого въ командѣ Милорадовича, дарованна. У вечеру былъ капитанъ Діонетъ и кгралъ въ пѣкетъ со мною. Капитанъ Макарти былъ у насъ и хвалился, что ему Богъ далъ сына.

Субота. 15. Сегодня рано были мы у Кропотова и Шереметева генераловъ, а кушали у себе зъ Яномъ Миклашевскимъ, Завадовскимъ, капитаномъ Шидловскимъ и Масомъ. Чепанъ Шафкалъ, владѣлецъ горскій, виконалъ присягу лобзаніемъ курана своего и притисненнемъ къ ротѣ, на которой онъ присягалъ, печати своей, что мѣетъ съ дѣтми, внучатми, всѣми узденями и всѣмъ своимъ владѣніемъ быть въ вѣрномъ подданствѣ ея величеству государини імператрици и государства россійского. Получилъ я писмо отъ Якова Якубовича зъ Астраханѣ, 11-го ноеврія прошедшого году писанное, ко мнѣ, въ которомъ ознаймуетъ, что архиерей Гурка [1]) жалостенъ за то, что я къ нему доселѣ не писалъ. Той же Чепанъ Шафкалъ, оставивши тутъ въ аманатахъ трохъ своихъ узденей, отехалъ, а мѣлъ за тиждень въ аманати привезти своего унука самъ сюда, а сина Гайдемирового. Пожаръ у вечеру виденъ былъ, у полночной сторонѣ. Уваровъ капитанъ посидѣлъ у насъ, и Дефартъ пріехавши зъ прорви былъ у насъ же. Сегодня рано началемъ листомъ історію писать до брата Семена, начавши отъ прибытія нашего въ Астрахань.

Неделя. 16. Сегодня рано были мы у Еропкина и у обоихъ генераловъ, а кушали у себе зъ Кандибою и другими. Отъ чеченскихъ трохъ князей (у которихъ владѣніе будетъ на 5000 людей) приехали два узденѣ, зъ тимъ, что оніе хотятъ въ подданствѣ быть ея величества, а они между Кабардою и сими горами живутъ, неподалеку Брауновой княгинѣ. Горѣлку мою, позиченную у мене, отдалъ Кандиба зъ бунчуковимъ (sic). Іванъ Тарноліотъ росказувалъ якъ дѣлать lapidem mirabilem, а именно, галуну и каменя синіого по фунту одному въ полъ 2 ℊарца, води рѣчной, албо дожчевой,

---

[1]) Горка.

варить часовъ 2, передомъ стовченніе и пересѣянніе, а потомъ туда жъ приложить bolum armeni 1 лотъ, церузи чили блейвасу 1 лотъ, и конфори золотникъ 1, такъ же передомъ вкупѣ стертіе, и въ той же варить съ полтора часа на жару, чтобъ толко въ огнѣ легкомъ варилось, а на остатокъ оцту винного стаканъ туда жъ всипать, що все потоль повинно кипѣти, поколь булбашки переставатимутъ збѣгать, а на желѣзо тоей мѣкстури когда каплю спустишъ, то станетъ каменемъ захолонувши; въ тотъ часъ отставить отъ огня и дать охолонуть, якая матерія охолонувши каменемъ станетъ, въ тотъ часъ оній камень растворать водою рѣчною лотъ 1 до кварти води вложивши оний разойдется, въ которую хусту вмочивши до болячого мѣста, албо рани прикладовать. Да тогда жъ Кандиба за секретъ на зуби сказовалъ такое лѣкарство: сучокъ смоловій розрѣзавши дробно, вложить въ горщикъ и, наливши оцтомъ, варить добре, и после тимъ оцтомъ гарячимъ запаровать гарячій зубъ. Были мы у вечеру въ Шереметева и играли въ карти зъ Еропкиномъ и Шеншиномъ, при нашомъ авантажѣ. Далемъ Вѣжевскому на общій росходъ 2 р., а на приватній 5 р., а давніе денги 7 р. отобралемъ у него.

17. Понеделокъ Сегодня рано былъ у насъ Григорашъ и Тарполіотъ, зъ которихъ первимъ кушалисмо, а по обѣдѣ были Макартій капитанъ, просилъ на завтрейшій день къ себѣ, и просилъ на крестини. Потомъ Худолѣй пріехалъ и съ нами ночовалъ, а позно въ ночъ зъ капитаномъ Діонетомъ въ пѣкетъ играли.

18. Вовторокъ. Сегодня обѣдали мы у капитана Макарти, на христинахъ сина его, где отъ кумовъ были Лѣцкинъ полковникъ, подполковникъ Лопухинъ и протчіе. Оттуду были мы у полковника Еропкина, где генералъ Кропотовъ сидѣлъ, и тамъ я зъ Алексѣемъ синомъ генералскимъ танцовалъ, а по отходѣ генерала игралъ я въ въ карти зъ проиграшемъ, а играли Еропкинъ, п. Михайло и Шеншинъ комисаръ, програлъ я 5 р., а 2 р. далъ капитаншѣ, Макартишѣ, итого въ росходѣ сегодня 7 р., а зъ двома р. данними Вѣжевскому на расходъ, 9 р.

19. Серода. Сегодня поутру были у насъ капитани Шидловскій, Дефаршъ, Макарти, Ѳрибовскій, Пѣперъ порутчикъ Корфъ, и

отойшли до Макартего кушать, а мы зъ Тарноліотомъ кушали. Доногъ 15 р. отдалемъ, доводячихся отъ мене въ общую складку. У вечеру были мы у Шереметева и посидѣвши доволно отойшли. Вѣтеръ 11-го януар. начавшійся, весма жестокій, до селѣ тривалъ, а теперъ престалъ и на перемѣну того стало тепло и дожчъ началъ ити. Отъ вѣтру сего великое наводненіе въ ретранжаментѣ аграханскомъ учинилось.

20. Четвергъ. Сегодня рано былисмо у генераловъ (которіе кушали у маіора Аргарова), а мы потомъ оба, Сулима и Гамалѣи у полковника харковского Квѣтки, со мною и съ бывшими въ компанѣи къ намъ, и посидѣвши мало отойшли. Потомъ зайшолъ полковникъ Еропкинъ, подполковникъ Сомовъ, капитанъ Уваровъ, комисаръ Шеншинъ, и призванъ Василь Гамалѣя, которіи играли въ карти; такъ же после Гамалѣи и я игралъ и програлъ 3 р. Позно они отойшли отъ насъ, а Василь Гамалѣя ночовалъ съ нами.

21. Пятокъ. Сегодня рано присилалъ Кропотовъ къ себѣ звать насъ на обѣдъ, и зъ насъ еденъ п. Михайло былъ на ономъ, а по обѣдѣ прійшолъ онъ зъ Василемъ Гамалѣею, тамъ же обѣдавшимъ, которій тутъ позабавивши отойшолъ отъ насъ.

22. Сегодня рано кушалисмо у себе сами, а потомъ былъ я у генерала Кропотова, и тамъ знову кушалъ, а потомъ зайшолъ до Кочубея и тамъ посидѣвши отойшолъ. Былъ у вечеру Тарноліотъ, зъ которимъ въ шахмати играючи, далъ ему матъ, майстру своему. До брата п. Семена написалемъ полълиста исторіи.

23. Неделя. Сегодня рано были мы у Шереметева, где оба были генерали, а обѣдали у генерала Шереметева, где и у карти играли зъ проиграшомъ моимъ и Еропкина полковника.

24. Понеделокъ. Сегодня обѣдалисмо у себе зъ капитаномъ Гіонетомъ и Тарноліотомъ, а по обѣдѣ приходилъ къ намъ генералскій писаръ отъ генерала Кропотова, прося насъ на обѣдъ, куда ми не ходили за тимъ, что уже обѣдали, и потомъ были у Еропкина и зъ нимъ, такъже и зъ Шеншиномъ играли въ карти и виигралъ я 3 р. зол. (?) Часа у два въ ночъ ишолъ снѣгъ и черезъ всю ночъ не переставалъ, и былъ морозъ хорошій.

25. Вовторокъ. Сегодня обѣдали мы у Кочубея, и свой обѣдъ туда носить казали, а по обѣдѣ пришли до своей квартери зъ Якимомъ Горленкомъ и Тарноліотомъ, где посидѣвши мало отойшли, а мы были у генерала Шереметева, и забавивши время нѣкоторое на свою квартеру прійшли. Тамъ же у генерала явился посадскій чловѣкъ, которій прошлого году взятъ былъ въ полонъ въ Таркахъ, куда былъ пріехалъ за торговимъ дѣломъ, а сказовалъ, что оного Шафкалъ отдалъ былъ Суркаю владѣлцу, а отъ Суркая ушолъ и пойманъ былъ знову сином Усмеювимъ, откуду ушелъ также и пришолъ сюда затимъ, что тамъ неволники не тѣснени були вязеннемъ. Онъ же говорилъ, что будто татаре въ разоренних деревняхъ знову стали жить, а около Буйнаковъ, которіе за Тарками обрѣтаются, много скоту по полю ходятъ. Снѣгъ вчора спавшій черезъ увесь день лежалъ и морозецъ бувъ.

26. Середа. Сегодня обѣдали у генерала Кропотова, а по обѣдѣ были у Кочубея, и оттуду въ свою квартеру прійшли, где съ нами ночовалъ Худолѣй. У Кропотова читани 2 листи, писанніе отъ владѣлца Грузинскаго къ обоимъ генераламъ, зъ прошеніемъ присилки войска въ помощъ противъ бѣссурманъ. Противъ сегодня у прорвѣ загаченная плотина знову прорвалася. Полковникъ Лѣцкинъ у разговорѣ своемъ сказовалъ: 1) про чеченскихъ князей, что оніе избрали надъ собою за владѣлца сина Чепанъ Шафкала, которому и повинуются; 2) преждереченній владѣлецъ, просящій войска въ Грузѣю шуринъ принцовому сину, который отця своего убилъ тестя. Наказный полковникъ миргородскій Ярославль (?) сегодня умеръ; и то Лѣцкинъ говорилъ, что принцесса грузинская породи татарской, Гойдемиру и Шафкалу двоеродная сестра.

27. Четвер. Сегодня рано были у насъ капитани Шидловскій и Діонетъ, а по отходѣ ихъ были мы у Кропотова, где и Еропкина застали, и тамъ обѣдали, а по обѣдѣ полковникъ Еропкинъ и Шеншинъ были у насъ, куда потомъ и генералъ Кропотовъ приходилъ и посидя отийшолъ, а мы играли у карти, въ проиграши Шеншинъ и п. Михайло.

28. Пятокъ. Сегодня панахида была по его величеству блаженной памяти государеви нашомъ, преставлшомъся сего числа прошлого 1725-го року. Полковникъ Дебриней и Панченко зъ прорви приехали. Капитанъ Халчевниковъ, женившійся на попадѣ молодой, умеръ.

29. Субота. Сегодня кушалисмо у себе зъ Тарноліотомъ. Мартинъ за яловицю взялъ 5 р., за которые казалемъ куповать де-що на завтрейшій день.

30. Неделя. Сегодня обѣдали у насъ генерали и штапъ-офѣцери, и бавились до ночи, а въ ночѣ были у Дебринея и тамъ позабавивши, прійшлисмо до своей квартиры, а зъ нами Василь Гамалѣя, которій и ночовалъ съ нами, Кочубей Шидловскій и проч. Сей день теплій былъ барзо, дожчъ ишолъ и дуга на небѣ видна была.

31. Понеделокъ. Сегодня поутру были у насъ Прончищевъ и Шидловскій, а обѣдали мы у себе зъ Василемъ Гамалѣею и Тарноліотомъ. Полковникъ Лѣцкинъ, прийшовши до насъ, сидѣлъ зъ Шидловскимъ часовъ нѣсколко и потомъ отойшолъ, а у вечеру Дебриней зъ Дефаршомъ приходили къ намъ и посидѣвши отойшли.

Мѣсяцъ Февруар. 1. Вовторокъ. Сегодня передъ обѣдомъ былъ я у обоихъ генераловъ и Дебринея, а кушалъ у себе и зъ нами Шидловскій, Тарноліотъ и Панченко, асаулъ прилуцкій. Отъ Суркая, владѣлца горского, посланникъ пріехалъ къ генераламъ съ писмомъ, которій въ допросѣ своемъ говорилъ, что онъ желаетъ быть подъ протекцѣю ея величества, а Даутбекъ, на той сторонѣ Кури владѣніе имѣючій, получилъ теперь отъ паши турецкого милость солтанскую: два знамена, и когда помянутий Даутбекъ посланъ былъ зъ войсками къ Кумикамъ въ гори, онъ его яко бы не допустилъ и назадъ прогналъ, понеже, мовитъ, Суркай теперъ владѣніе имѣетъ даже до Кури рѣки и никого туда зъ Даутбековихъ людей и турецкой стороны не припускаетъ; а про Шафкала, онъ же посланникъ сказовалъ, что онъ въ Кайдарахъ обрѣтался и когда Шафкалъ семи человѣка своихъ послалъ былъ къ пашѣ турецкому, онъ будто тихъ переловилъ и не допустилъ туда, такъ же, якіе салдати были у Шафкала, зъ тихъ капрала Максима и другихъ виискалъ и далъ у себе имъ честную

квартеру и доволное пропитаніе; да тамъ же у Суркая консилѣумъ было и приговорили владѣлци горскіе Шафкала или убыть или прислать сюда, либо въ аманатахъ отправить кого. Тотъ же посланникъ двѣ писмѣ привезлъ отъ татаръ владѣнія гайдемирового, которіи требуютъ себѣ отъ генераловъ охранителного писма, чтобъ имъ безопасно было сюда пріезджать за провіянтомъ всякимъ и другими товарами на продажъ. Посланникъ сей Абизъ, родомъ бухарецъ, зъ Бухари съ отцемъ своимъ зайшолъ къ Суркаю и у его живетъ, словесенъ очинь. Поваръ Дебринея женился на служебкѣ Дебринея. Гаврило и Мартинъ поехали въ лагеръ. У вечеру былъ у насъ капитанъ Наgель и просилъ на завтра къ себѣ на вечеринку.

Середа. 2. Сегодня были въ церкви малой на службѣ Божой, а по службѣ обѣдалисмо у себе зъ Тарноліотомъ. Надъ вечеръ ходили мы до капитана Наgеля на вечеринку и забавивши тамъ доволніе время, отойшли оттуду, и зайшли до повара Дебринейского, новооженившогося, и посидѣвши тамъ, пришли до своей квартири.

Четверъ 3. Сегодня были мы рано въ генерала Шереметева и поздравляючи его съ именинницею цесаревною Анною Петровною, изъ нимъ ходили на молебенъ. Ундеръ офѣцеръ пріехалъ зъ Астраханѣ зъ писмами отъ генерала Матюшкина, зъ которимъ и грузинецъ пріехалъ, котораго блаженной памяти его величество пожаловалъ въ генерали. Зъ тимъ ундерофѣцеромъ присланъ зъ Астраханѣ указъ продавать въ кабаку вино по 1 р. и по 4 гривни. Кушали мы у себе зъ Якимомъ Горленкомъ и Тарналіотомъ, такъ же зъ сотникомъ сенецкимъ, Величковскимъ и Панченкомъ, а генерали и штапъ офѣцери кушали у Кропотова генерала. Іванъ машталѣръ, прійшовши зъ прорви, обявилъ намъ, что татаре напавши ноччю на нашихъ людей, отогнали у нихъ всѣ лошадѣ наши, п. Михайла 4, а моихъ 6, именно верховихъ: вороного и ступака полового, лисого гнѣдого, чалихъ двохъ и гнѣдого, а при нашихъ и другихъ бунчуковихъ около 40 коней. У вечеру были мы у Еропкина, и кграли зъ нимъ и Василемъ Гамалѣею въ карти, зъ виграшомъ нашимъ, а потомъ были у Шереметева и обявили о пропалихъ коняхъ своихъ, а прійшовши въ квартиру свою, написали за руками вѣденіе о коняхъ и

послали къ Еропкину. Получилъ я писмо отъ п. Федора, дядка, зъ Астраханѣ, въ которомъ пишетъ, что тамъ наши всѣ здорови и зъ дому жаднихъ вѣдомостей нѣтъ, толко тое вѣстно, что генералъ Роппъ стоитъ теперъ на линѣи, а въ Астраханѣ публѣкованъ указъ—некому не шинковать виномъ простимъ и двойнимъ.

Пятокъ. 4. Сегодня рано были мы у генерала Шереметева, у полковника Еропкина, оттуду у себе кушали зъ Якимомъ Горленкомъ и Тарноліотомъ, а потомъ ходили званни до Кропотова и тамъ кушали зъ Кочубеемъ, Сулимою, Кандибою и Бутовичомъ, где и генералъ кгрузинскій кушалъ. Купилемъ за 20 а. (алтынъ?) у Патрикія ножъ булатний.

Суббота. 5. Сегодня дновалисмо и обѣдалисмо у своей квартирѣ. У лазнѣ зъ Кочубеемъ, Сулимою и другими мился я.

Неделя 6. Сегодня рано былисмо у генераловъ обоихъ, а кушали у генерала Шереметева и въ карти играли зъ Еропкиномъ и Шеншиномъ, зъ виграшомъ нашимъ. Зъ Грузинѣи пріехалъ сюда грузинецъ и явился у Шереметева. Писалъ писма до родителей о себѣ ознаймуючи, о прорвѣ и коняхъ отогнанних и висилцѣ виправи завременно; до жени—о томъ же, до ясневел. также, до ахтирского полковника—о пересилцѣ писемъ, до Полянского—объ отданню писемъ п. Федору дядку и Демяну; до п. Федора—о поводженню нашомъ, до Демяна, чтобъ онъ буде нелзя продать горѣл. и провіантъ присилалъ бы сюда весною, а передомъ ознаймилъ бы о томъ минѣ.

Понеделокъ. 7. Сегодня вчора писанніе писма отослали до генерала Шереметева, которіи въ свой пакетъ вложилъ онъ, а послани почтою черезъ казаковъ терковскихъ. Обѣдали мы у себе зъ Якимомъ Горленкомъ и Петровскимъ. Дебриней пріехалъ зъ прорви въ крѣпость, зъ которимъ я видѣлъся у полковника Еропкина. Дали вѣденіе черезъ Федора Чуйкевича, что у насъ коней нѣтъ.

Вовторникъ. 8. Сегодня были мы у генераловъ обоихъ, а кушали у себе зъ Заборовскимъ и Дефаршомъ. Меду пудъ купили за 3 р. для розсичення. По обѣдѣ ходили до капитана Шидловского и порутчика Прончищева, и въ нихъ до ночи сидѣвши до дому прійшли, где я вомѣтовалъ тяжко. Солтанъ Мамутъ пріехалъ въ крѣпость ст.

Креста и сталъ за городомъ кибѣтками. Прапорщикъ Бекѣчевъ пріехалъ зъ Астраханѣ, которій посиланъ былъ отъ Шереметева генерала, а привезлъ онъ указы и вѣдомости розніе, именно: 1) генералу маіору Кропотову—кавалерію ст. Александра Невского; 2) полковнику Аракчѣеву—указъ отсюду ехать въ полкъ свой зъ офѣцерами и драгунами, отъ шляхетства зъ нимъ сюда прибувшими; 3) что генералъ маіоръ Роппъ пожалованъ въ генерали порутчики и кавалеріею ст. Александра; 4) Опачининъ поехалъ зъ Воронѣжа въ Суми женится на женѣ покойного Василя сумского; 5) офѣцерамъ и драгунамъ зъ шляхетства, которіе были въ лейбъ-швадронѣ свѣтлѣйшого князя, ехать отсюду.

Середа 9. Сегодня были мы у генераловъ Кропотова (которого и поздравляли кавалеріею, данною ему за первий походъ въ гори) и Шереметева, въ котораго видѣли и Бекичева, пріехавшого зъ Астраханѣ, и наше писмо до Петра Андрѣевича писанное назадъ зъ собою привезшего. Обѣдали мы у себе зъ Тарноліотомъ, а по обѣдѣ ходили до харковского полковника, где просидѣли чимало и забавились въ карти зъ нимже въ 3 листа, зъ нашимъ хочъ малимъ виграшомъ. Оттуду пошовши, были у Дебринея, оттуду въ Кочубея, оттоль у насъ зъ Дебринеемъ же и нѣкоторими капитанами. Дебриней поехалъ сеей ночи на прорву. Лѣнце, капитанъ артилерійній, показовалъ Дебринею писмо къ нему зъ Астраханѣ писанное, что Дебринею быть бригадиромъ и комендантомъ въ Ризѣ.

Четвер. 10. Сегодня былъ я у генерала Шереметева, где въ разговорѣ было, что якобы генералъ Роппъ мѣетъ на весну сюда быть за полками на перемѣну сихъ. Обѣдалисмо у себе и зъ нами Миклашевскіе оба, Василь Гамалѣя и Завадовскій. Андрѣй Миклашевскій показовалъ цедулою отъ Стефана Миклашевского къ нему писанную, что якобы п. полковникъ миргородскій и п. судДя генералній Чарнишъ, Корецкій и п. полковникъ сумскій (Кондратьевъ) зъ панею своею пріехали въ доми своя, и что п. Стефана турбуютъ уздичане[1]) и другіе жители за грунта, и отнимаетъ у нихъ, вдавшися до коллегіи. Ночовалъ съ нами Григорій Гамалѣя.

---

[1]) Жители с. Уздицы, глуховск. уѣзда.

Пятокъ. 11. Сегодня никуда не ходили, толко въ Кочубеевой квартерѣ играли въ карти зъ Діонетомъ и Панченкомъ, зъ виграшомъ нашимъ. Вѣжевскому далъ Мартинъ 4 р. на росходъ, а зъ рублемъ, даннимъ отъ мене, есть 5 р. Гудиму 2 р. далъ онъ же для пошиття платтія Думаеви, и отехалъ въ лагеръ за горѣлкою.

Суббота. 12. Сегодня обѣдали у насъ Кандиба, Тарноліотъ и протчіе, а генерали и штапъ офѣцери кушали у полковника Соймонова. Солтанъ Мамутъ отехалъ отъ крѣпости ст. Креста во свояси, а узденей его оставлено зде 3-хъ, чтобъ аулнихъ татаръ присилалъ сюда. Трощинскій Андрѣй ночовалъ у насъ.

Неделя. 13. Сегодня обѣдали мы у полковника Соймонова въ старой крѣпости, а генерали и штапъ кушали у Кочубея; мы же гараздъ подпіяхомъ. Привезени аманатчики отъ Чепанъ Шафкала, унуки его.

Понеделокъ. 14. Сегодня обѣдали мы у генерала Кропотова, а у насъ Тарноліотъ зъ Панченкомъ, по обѣдѣ ходили въ старую крѣпость, а оттоль у Еропкина посидѣли, надъ вечеръ уже ходили до генерала Шереметева и, тамъ забавивши мало, отойшли въ свою квартеру. Видѣли у генерала Шереметева 2 палки отъ Чепанъ Шафкала къ нему въ подарокъ присланніе, на которихъ природніе слои рознихъ коліоровъ. Получилемъ письмо отъ Демяна, ко мнѣ зъ Астраханѣ писанное декавр. 15, въ которомъ пишетъ, что посилаетъ сюда меду пудовъ полъ 6 и фунт. 7, цѣна пуду алтинъ по 30 и что водку даютъ по 3 р. съ полтиною, а листъ въ домъ належачій нашъ мѣлъ Полянскій отъ себе послать; посилаетъ зась медъ тотъ черезъ атамана опошнянской сотнѣ полку гадяцкого Федора Волошина. Состоялъся въ С. П. бурху тайний верховий совѣтъ, въ которомъ мѣютъ 6 персонъ засѣдать: свѣтлѣй. князь Меншиковъ, Федоръ Матвѣевичъ Апраксинъ адмиралъ, графъ Гаврило Івановичъ Головкинъ, графъ Петръ Андрѣевичъ, Толстой, князь Димитрій Михайловичъ Голѣцинъ, подканцлеръ баронъ Остерманъ, откуду въ сенатъ и въ колегіи мѣютъ укази посилатись, а туда доношеніями писать; въ томъ совѣтѣ укази мѣетъ закрiплять канцел. иностранной тайний дѣйствителний совѣтникъ Василий Ва-

силіевичъ Степановъ, въ сенатъ зась колегіи воинская и адмиралтейская промеморіями сноситись имѣютъ и взаимно. Сегодня обѣдалисмо у себе зъ Якимомъ Горленкомъ и Тарноліотомъ, а по обѣдѣ ходилъ я до Сомова подполковника и оттоль до харковского полковника, тамже зайшолъ до Аракчѣева, и тамъ посидѣвши до ночи, прийшолъ въ свою квартеру. Въ розговорѣ, бывшомъ зъ полковникомъ Аракчѣевимъ, было тое, что колмики Каракалпаковъ напавшихъ на ихъ сего лѣта, побыли и аманатовъ зъ нихъ къ себѣ взяли въ той силѣ, чтобъ Каракалпаки все забранное отдали и впредъ въ союзѣ пріятелскомъ найдоволися бы. Гудимъ посиланъ былъ въ лагеръ козачий коменди обозного прилуцкого, довѣдатись объ атаману опошнянскомъ Василю Волошину, которий теперъ еще въ ретранжаментѣ найдуется.

Середа. 16. Сегодня обѣдали мы у полковника Еропкина, а съ нами Кочубей и Сулима, по обѣдѣ играли въ карти зъ Гамалѣею и Еропкиномъ при своемъ проиграшу. Дебриней пріехалъ зъ прорви.

Четвер. 17. Сегодня обѣдали со мною въ квартерѣ нашой Діонетъ и Якимъ Горленко, а до Кропотова генерала хотя и звани были, однакъ Діонетомъ п. Михайло отмовился. По обѣдѣ ходилисмо въ старую крепость, зъ Кочубеемъ и Сулимою, и тамъ въ карти играли, зъ виграшомъ; у вечеру сидѣли у Кочубея, куда и Дебриней прийшолъ и посидѣвши немного отойшолъ.

Пятокъ. 18. Сегодня были мы у генераловъ, а обѣдали у себе зъ Тарноліотомъ. Милися въ лазнѣ мы въ Кочубеевой квартирѣ. У вечеру были у насъ Шидловскій, Діонетъ и Тарноліотъ, которій и вечералъ у насъ-же.

Суббота. 19. Сегодня обѣдали мы у Шереметева и подпіяхомъ, а по обѣдѣ играли у карти зъ виграшомъ. У Аракчѣева полковника косками метали лотъ о лошадѣ его сивой всѣ, где и я рубля отдалъ, и вигралъ лошадь Андрѣй Миклашевскій. Пріехали въ крѣпость синъ княгини браунской и чеченскіе владѣлци, 3 человѣка, зъ которими я видѣлся, а потомъ былъ у генерала грузинского, и оттуду зайшолъ до харковского полковника, тамъ зъ Еропкиномъ и Харковскимъ играли оба мы въ карти зъ виграшомъ.

Неделя. 20. Сирная. Сегодня обѣдалъ у насъ полковникъ Еропкинъ, капитанъ Якобѣ, Дефаршъ, Кочубей, Сулима, Василь Гамалѣя; по обѣдѣ игралисмо въ карти, при виграшѣ, потомъ ходили до капитана Якобѣна, куда потомъ и генералъ Кропотовъ прійшолъ, которого опровадивши мы до квартири, зайшли мы къ генералу Шереметеву и съ тимъ простившись прійшли до своей квартири, въ которой самъ я ужиналъ, и такъ заговѣлъ. Полковникъ Дебриней зъ прорви пошолъ въ партію, а зъ нимъ подполковникъ Лопухинъ, капитанъ Макарти и проч.

Понеделокъ 21. Сегодня постно обиходилисмося и никуда зъ квартири своей не виходили, але въ себе и правило постное читалисмо. Вѣтеръ великій началъ быть.

Вовторникъ. 22. Сегодня тако жъ черезъ цѣлій день былисмо въ дому, и правило молебнее у себе читалисмо, о навечерню у Кочубея. Чеченскіе князѣ, оставивши аманатчика своего, такъ же и княгинѣ браунской синъ, отехали во свояси. Діонетъ у вечеру прійшолъ и сидѣлъ у насъ, онъ же о себѣ сказалъ, что въ 1721 году полковникъ, французъ родомъ, Фѣкгуре закололь былъ его шпадою, которого утекшого нагнано и завернено.

Середа. 23. Сегодня рано былисмо у генераловъ и поздравили ихъ постомъ. Оттуду у Аракчѣева и харковского, а оттоль у церквѣ малой на службѣ Божой, преждесвященной, по службѣ у Еропкина былисмо. Зъ прорви пріехалъ Андрушко и привезлъ 18 р. за барило, а на людяхъ 7 р., именно на лукомцяхъ 4 р., 16 а. ¼ и на другихъ. Зъ тихъ денегъ Вѣжевскому на приватніе росходи далемъ 8 р., а 10 р. вложилемъ въ шкатулку и отдалемъ оную Мартинови. Полковникъ Дебриней повернулся въ крѣпость ст. Креста и обявилъ о себѣ, что онъ зъ партіею ходилъ къ ущеллю, висше тихъ, которіе мы проходили и отогналъ неприятелскихъ овецъ болше 4000.

24. Четверъ. Сегодня нигде небывали мы, а у вечеру боленъ я былъ на вомѣти.

Пятокъ. 25. Сегодня были мы у службѣ Божой въ великой церквѣ. Прорва отъчасти запружена и Сулакъ сюда почалъ ити знатно, а майстеръ у прорви полку стародубовского, сотнѣ новго-

родской козакъ, а совсѣмъ прорва неугачена того ради, чтобъ сюда помалу вода теченіе свое простирала и где пѣскомъ засипало проривала.

Суббота. 26. Сегодня рано показалось тое, что рѣка Сулакъ пройшовшая отъ прорви сюда, вчорайшого дня, начала умалятись, поневажъ около у плотинѣ, якъ далей чути прорвало. Коммунѣковалися всѣ ми бунчуковіе, при крепостяхъ обоихъ будучіе, въ церквѣ малой ст. Константина, въ старой крепости, а обѣдалисмо у себе зъ сотникомъ сенецкимъ и Тимофѣемъ Скоропадскимъ, братомъ п. Михайла; по обѣдѣ были у насъ Григорашъ, писаръ харковскій Романовичъ и другіи; после ходили ми зъ поздравленіемъ коммунѣи до генерала Шереметева, куда полковникъ Еропкинъ повернувшися зъ лагера, где и коммунѣковался, прійшолъ. Потомъ, оттуду зъ генераломъ Кропотовимъ ездили въ каретѣ его до старой крѣпости и тамъ первей у Миклашевскихъ и Гамалѣи, а потомъ у Соймонова полковника посидѣли доволно, а назадъ смеркомъ пріехавши были у Еропкина, где и генералъ Шереметевъ зъ штапъ офѣцерами были и тѣшились зъ нашего татарчука Думая, туда принесенного нарочно. Генералъ Шереметевъ сказовалъ, что присиланни были татаре отъ ауловъ татарских, зъ тимъ, же они идутъ сюда кочовать попрежнему по за крепостями, а ауловъ на... (?)

Неделя. 27. Сегодня ходилъ я рано до Кочубея, где Кандиба былъ съ товарищи и показовалъ писмо до Матюшкина генерала, писанное отъ его, а потомъ былъ у генераловъ и въ церквѣ, а по службѣ Божой кушали ми оба, такъ же и Кочубей и Миклашевскій Андрѣй, и кушали у полковника Еропкина, поневажъ у его крещени двѣ дѣвочки, татарки, а воспріемниками были Кочубей зъ Миклашевскимъ, да воспріемница одна, жена капитана [illegible]. Сидѣли ми у день въ Кочубея зъ Андреемъ Миклашевскимъ и Завадовскимъ, куда потомъ и Мерзлюкинъ прійшолъ и подпіяхомъ по части, а потомъ по вечернѣ заходилемъ зъ Тарноліотомъ, до Шидловского и Маса, откуду прійшовши домой, имѣлемъ гостей, того жъ Шидловского зъ прапорщикомъ тое жъ роти. Въ день генералъ Шереметевъ и Еропкинъ и при нихъ п. Михайло ездили къ лагеру

ЗАПИСКА

О

МАЛОРОССІЙСКОМЪ ДВОРЯНСТВѢ

МАРШАЛА РОМЕНСКАГО ПОВѢТА

ВАСИЛІЯ ПОЛЕТИКИ.

1809 г.

Ситникову прикажите почти безотлучно жить въ Харьковѣ и пресѣкать движенія духа, которое столько жъ для насъ опасно, какъ и проклятое якобинское. Въ протчемъ есмь съ почтеніемъ и преданностію

Вашъ Милостивыхъ Государей моихъ братцовъ

С. Петербургъ Февраля 13 дня 1794.

покорный братъ и слуга
В. Полетика.

Записка о началѣ, происхожденіи и достоинствѣ Малороссійскаго дворянства, писанная маршаломъ Роменскаго Повѣта Василіемъ Полетикою.

(Изъ бумагъ Адр. Ив. Чепы, хранящихся въ яготинскомъ архивѣ князя Н. В. Репнина).

Правительствующаго Сената Герольдія по многимъ въ разсмотрѣніи ея бывшимъ дѣламъ о дворянствѣ Малороссійскихъ родовъ, предки которыхъ были въ малороссійскихъ чинахъ, какъ то: полковыми обозными, хорунжими, асаулами, войсковыми товарищами и сотниками, почему роды тѣ и въ дворянствѣ признаны бывшими до сего дворянскими коммиссіями; разсуждая, что чины сіи по неположеніи ихъ въ табели о рангахъ не могутъ приносить потомству дворянскаго достоинства, не признала въ ономъ всѣхъ таковыхъ и наконецъ между прочимъ по дѣлу о дворянствѣ Василія Орды, коего предки служили въ компанейскихъ полкахъ: прадѣдъ полковымъ обознымъ, дѣдъ полковымъ хорунжимъ а отецъ наказнымъ сотникомъ, Правительствующій Сенатъ, сказавъ, что сихъ доказательствъ къ признанію въ дворянскомъ достоинствѣ достаточнымъ не находитъ потому только, что въ оныхъ нигдѣ не явствуетъ, чтобъ предки доказателя служили въ армейскихъ полкахъ въ такихъ чинахъ, коимъ дворянскою грамотою присвоено дворянское достоинство, въ указахъ чрезъ губернскія правленія предписалъ малороссійскимъ дворянскимъ депутатскимъ собраніямъ, чтобъ оныя по таковымъ доказательствамъ, каковы отъ онаго Орды представлены, въ дворянскомъ достоинствѣ не признавали, въ родословную книгу не вносили, грамотъ и свидѣтельствъ о дворянствѣ не выдавали. Столь унижающее дворянскіе чины, съ которыми въ Малой Россіи всегда соединено было дворянское достоинство, сужденіе произошло вѣрно оттого, что Герольдія

не вникнула въ особливыя права, обыкновенія, привилегіи, вольности, свободы и преимущества, коими Малая Россія съ самыхъ древнихъ временъ пользовалась и съ сохраненіемъ для себя которыхъ добровольно присоединилась къ Всероссійской державѣ. Права сіи, во время бытности Малой Россіи подъ владѣніемъ польскимъ заключались въ привилегіяхъ польскихъ королей: Сигизмунда Августа 1563, 1568 и 1569 годовъ, Генриха 1574 г., Стефана 1576 года, Сигизмунда III 1588 года, Владислава 1633 года и Іоанна Казиміра 1649 года, въ премногихъ подтверждающихъ оныя конституціяхъ сеймовыхъ, и въ правѣ книги Статута, раздѣла 3, артикула 2. 12. 15. 18. 26 и роздѣла 4 артикула 1, которымъ Малая Россія и теперь еще судится. А послѣ такого присоединенія ее къ Россіи заключаются въ договорныхъ малороссійскихъ гетмановъ, подтвержденныхъ Всероссійскими Государями статьяхъ: Богдана Хмельницкаго 1654 года, въ 3 статьи, Даміяна Игнатова 1669 года въ 6 статьи, Ивана Самойловича 1672 года въ 6 статьи, Ивана Мазепы 1687 года въ 4 и 19 статьяхъ, въ сей послѣдней статьи, между прочимъ, ясно написано: «чтобъ никто изъ великороссійскихъ не превозносился тѣмъ что онъ Государевъ,—а потому малороссійскихъ старшинъ не унижалъ и не укорялъ, яко оба сіи народа подъ одною самодержавною властію пребываютъ, то имъ и быть въ равной чести и въ равномъ уваженіи». Въ рѣшительныхъ — —, данныхъ гетману Даніилу Апостолу въ 1728 году въ 1 и 3 пунктахъ, и наконецъ въ Высочайшихъ грамотахъ тѣхъ же государей на утвержденіе правъ и вольностей малороссійскому дворянству: Царя Алексѣя Михайловича, марта 27 дня 1654 г., марта-жъ 3 дня 1669 года и іюня 17 дня 1672 годовъ, Царя Өедора Алексѣевича февраля 1 дня 1676 года и декабря 26 дня 1677 годовъ, Царей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича маія 3 дня 1682 года и октября 13 дня 1699 годовъ, царя Петра Алексѣевича ноября 1 дня 1708 года, февраля 3 дня 1709 года, генваря 5 дня 1711 года и генваря жъ 8 дня 1717 годовъ, Императора Петра іюля 11 дня 1722 г. Императора Петра II сентября 7 дня 1728 г. Императрицы Анны Іоановны маія 15 дня 1730, Императрицы Елисаветы Петровны декабря 15 дня 1749 г. и маія 22 дня 1751 годовъ, Императора Павла I ноября 30 дня 1796 г. и нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Александра I декабря 29 дня 1802 г.—Въ оныхъ Герольдія нашла бы, что малороссійскіе воинскіе и гражданскіе чиновники допускались въ Польшѣ безо всякаго отъ природнаго тамошняго дворянства различія до

ысокихъ сенаторскихъ придворныхъ и земскихъ достоинствъ и что россійскіе Государи по принятіи ихъ съ начальствуемымъ ими Малороссійскимъ народомъ въ свое подданство подтвердили имъ навсегда дворянскую въ чинахъ сихъ честь и избраніе во всѣ оные по прежнему вольными голосами людей заслуженныхъ, знатныхъ и вѣрныхъ.

Сказавши о таковомъ правѣ малороссійскихъ чиновниковъ на благородное достоинство, надобно сказать какъ о началѣ онаго такъ и доказать то съ ясностью, что оно имъ неотъемлемо принадлежитъ и слѣдовательно хотя слегка коснуться малороссійской исторіи.— Всѣмъ извѣстно, что составлявшія въ древнія времена одно пространнѣйшее въ свѣтѣ россійское государство великія княжества Кіевское, Черниговское, Переяславское или нынѣ Малая Россія, такъ и прочія Россіи принадлежащія княженія и земли послѣ владѣнія татарскаго отошли къ королевству польскому и Великому княжеству Литовскому, частью чрезъ завоеваніе, а частью чрезъ добровольное подданство. По свидѣтельству разныхъ лѣтописей и Синопсиса кіевскаго первый былъ Гедиминъ, великій князь литовскій, который татарскому владѣнію надъ княженіемъ кіевскимъ сдѣлалъ конецъ, побѣдивъ въ 1320 году татаръ и кіевскаго князя Станислава при рѣкѣ Ирпень и овладѣвъ городомъ Кіевомъ.—Съ того самого времени Малая Россія осталась при великомъ княжествѣ литовскомъ на тѣхъ самыхъ правахъ и привилегіяхъ, которыя имѣли жители онаго княжества.—Послѣ сего когда Казиміръ великій король польскій въ 1340 году завоевалъ Чермную Россію, то вскорѣ послѣ того и прочія россійскія, литовцами обладаемыя княженія, въ томъ числѣ Кіевское, Черниговское и Переяславское, войною у литовскихъ князей въ 1349 году отобравъ, присовокупивъ къ польскому королевству, и отъ того времени поляки себѣ, а литовцы себѣ присвоили право на вышеписанныя княженія и прочія россійскія земли. Вскорѣ послѣ того помянутый король, созвавши сеймъ, дозволилъ всѣмъ россіянамъ свободнымъ отправленіемъ вѣры и всѣми тѣми правами пользоваться, которыми пользуются поляки и всѣ порядки въ Россіи устроилъ противъ польскихъ, раздѣливъ оную на воеводства и повѣты. Когда же великое княженіе литовское чрезъ великаго своего князя Владислава Ягелона въ 1386 году соединено съ польскимъ королевствомъ и оный великій князь выбранъ королемъ польскимъ, то онъ, помня прежнее свое право на нѣкоторыя россійскія земли, въ томъ числѣ на предпомянутыя княжества, взялъ ихъ пока въ

свое владѣніе, подтвердивъ однако имъ то, что они всѣми тѣми правами пользоваться имѣютъ, которыми и прочія королевства его земли, издавъ въ 1433 году особливое на то установленіе. Подтвердилъ тоже самое и король Сигизмундъ I, изданнымъ въ Краковѣ въ 1507 году установленіемъ. Продолжавшіеся между поляками и литвою споры о томъ кому принадлежитъ княженіе кіевское напослѣдокъ рѣшились при королѣ Сигизмундѣ Августѣ. Помянутый король, узнавъ, что поляки больше имѣютъ право на оное княженіе нежели литовцы, по согласію всѣхъ чиновъ республики на бывшемъ въ Люблинѣ въ 1569 году сеймѣ, княженіе кіевское присоединилъ къ коронѣ польской, давъ оному за подписаніемъ собственной своей руки, и всѣхъ бывшихъ на сеймѣ чиновъ, особливую на то привилегію. Сія привилегія есть безцѣнный остатокъ правъ и вольностей Малыя Россіи; ибо, какъ въ вышеписанныхъ прежнихъ установленіяхъ въ общихъ выраженіяхъ дозволяется россіянамъ пользоваться правами и вольностями республики, такъ въ сей привилегіи всѣ вольности, права и преимущества подробно описуются. Въ первомъ оной привилегіи пунктѣ изъясняется, что земля и княженіе кіевское съ общимъ всея республики, такъ особливо онаго княжества духовныхъ и свѣтскихъ всѣхъ чиновъ согласіемъ отъ послушанія и присяги великому княжеству литовскому увольняется, а присовокупляется вѣчно къ королевству польскому со всѣми городами и удѣлами какъ равные до равныхъ и вольные до вольныхъ люди и каждому изъ нихъ по своему чину и достоинству дозволяется пользоваться тѣми-жъ привилегіями, вольностями и свободами, которыми пользуются всѣ прочіе обыватели королевства польского. Сію привилегію хотя всѣ послѣ Сигизмунда Августа бывшіе короли присягою за себя и за преемниковъ своихъ утверждали, и всѣ въ оной находящіеся пункты напослѣдокъ въ права малороссійскіе внесены, но поелику въ королевствѣ польскомъ отъ бывшихъ послѣ онаго короля Государей многія вольности и преимущества дворянству прибавлены и утверждены, то во всемъ томъ и дворянство княженія кіевскаго всегда равномѣрное съ прочими имѣло участіе. Словомъ сказать, малороссійское дворянство имѣло участіе въ обоихъ чинахъ, которые вмѣстѣ съ королемъ управляли республикою польскою, то есть въ сенаторскомъ и рыцарскомъ. Сіе есть прямое и достовѣрное основаніе дворянства Малыя Россіи во время бытности ихъ подъ Польшею. Сто пятьдесятъ пять лѣтъ проходитъ какъ малороссійскій народъ, будучи въ прежнихъ вѣкахъ чрезъ поляковъ и литву разными случаями от-

торгнутъ отъ соединенія съ Россіею, имѣлъ съ ними во всемъ равенство и пользовался тѣми-же что и они вольностями, правами и преимуществами; а напослѣдокъ озлобленъ и огорченъ многими неправдами чрезъ нарушеніе вѣры, правъ и вольностей своихъ послѣ многолѣтной и кровопролитной войны и многихъ славныхъ надъ ними одержанныхъ побѣдъ, иго ихъ съ себя свергъ подъ предводительствомъ славнаго гетмана Зиновія Богдана Хмельницкаго, презря всѣхъ, которые его ласкали, постороннихъ Государей покровительства, не по нуждѣ какой, но по доброму соизволенію и избранію ради единовѣрія, какъ о семъ помянутый Гетманъ Богданъ Хмельницкій въ листѣ своемъ писанномъ къ Государю царю Алексѣю Михайловичу февраля 13 дня 1654 года точно упоминаетъ, пришелъ подъ всероссійскую державу и учинилъ добровольное подданство на договорахъ содержать и сохранять малороссійскій народъ при всѣхъ тѣхъ правахъ, обыкновеніяхъ, привилегіяхъ, вольностяхъ, свободахъ и преимуществахъ, на которыхъ онъ былъ подъ королями польскими и великими князьями литовскими, безъ всякаго нарушенія и отмѣны. Договоры сіи отъ времени до времени торжественно подтверждаемы были малороссійскому дворянству и народу каждымъ Самодержцемъ всероссійскимъ и нынѣ благополучно царствующимъ всемилостивѣйшимъ Государемъ нашимъ Императоромъ Александромъ Павловичемъ, при вступленіи ихъ на престолъ. Сто пятьдесятъ пять лѣтъ проходитъ какъ малороссійскій народъ, чувствуя таковыя милости, служитъ имъ вѣрно и радѣтельно и не токмо ни на какія прелести непріятелей Россійскаго Государства не склонился, но всегда и противъ всѣхъ ихъ, не щадя имѣнія и живота своего, храбро и мужественно ополчался, о чемъ многіе и славнѣйшіе отъ всероссійскихъ Государей имѣютъ засвидѣтельствованія. Славны и похвальны, предводившіе малороссійское воинство и унижаемые теперь Герольдіею до такой степени, чиновники были тогда когда съ неустрашимостію восходили на смоленскія, азовскія и кизокерменскія стѣны, когда предъ лицемъ Государей и славныхъ россійскихъ вождевъ храбро побѣждали и отводили въ плѣнъ турковъ, татаръ, персіянъ, поляковъ и шведовъ. Великодушіе и мужество перешло въ благородное потомство ихъ, отличающееся и теперь неимовѣрною храбростію въ рядахъ россійскаго воинства и осталось, такъ сказать, наслѣдственнымъ ихъ достояніемъ. И малороссійское дворянство, присоединившееся добровольно къ россіянамъ, какъ къ единороднымъ и единовѣрнымъ братіямъ своимъ, и служившее купно съ ними такъ

вѣрно и такъ долго Престолу и Отечеству могло ли ожидать за свои воинскія доблести, за услуги оказанныя имъ и запечатлѣнныя кровію, столь обиднаго для себя униженія? Въ малороссіи одному только дворянству открытый путь былъ къ чинамъ воинскимъ и гражданскимъ. Изъ вышеписанныхъ договорныхъ статей видно, что малороссійское дворянство—не токмо тѣ кои прошли съ достоинствомъ онаго въ подданство россійскимъ монархамъ и ихъ потомки, но и тѣ, кои будучи уже въ подданствѣ, заслуги свои оказали и за то награждены въ землѣ своей чинами и деревнями и имѣютъ такое-жъ право считаться въ дворянствѣ, какъ и россійское дворянство. Ибо не одно имя дворянина но больше того помѣстья и вотчины жалуемыя за службу отечеству, составляли въ прежнее время прямое дворянское достоинство. Между малороссійскимъ же и россійскимъ дворянствомъ различіе только состояло въ одномъ имени, то есть что россійскіе заслуженные люди жалованы были въ дворяне и въ другіе чины съ помѣстьемъ и вотчинами, а малороссійскіе въ чиновники съ тѣмъ-же. На основаніи вышеприведенныхъ письменныхъ увѣреній малороссійскіе дворяне благородство свое неоспоримо доказать и при ономъ удержаться могутъ слѣдующими образами: 1. Дипломами королей польскихъ на дворянство или привилегіями и крѣпостьми на дворянскія свои имѣнія 2. Жалованными грамотами россійскихъ государей на дворянство или на недвижимыя имѣнія, которыя они получили за знатныя свои службы въ вотчину, коимъ образомъ и россійскіе дворяне достигали своего достоинства. 3. Есть многіе которые вышли изъ Польши, Литвы, Венгріи, Сербіи и Волошской земли, бывъ тамо благородными и то свое благородство утвердить могутъ различными доказательствами. 4. Всѣ малороссійскаго войска чиновники, хотя бы вышеписанныхъ доказательствъ и не показали, имѣютъ на дворянство неоспоримое право, ибо въ Зборовскихъ гетмана Хмельницкаго, постановленныхъ съ республикою Польшею въ 1649 году договорахъ, между прочимъ заключено, чтобъ помянутые чиновники въ королевствѣ польскомъ жили и почитались отъ всѣхъ какъ шляхтичи. 5. Тѣ которые за службы свои по договорнымъ гетмановъ малороссійскихъ съ Государями россійскими статьямъ получили отъ гетмановъ деревни и другія недвижимыя имѣнія, хотя подтвердительныхъ грамотъ на оныя и не имѣютъ, ибо въ тѣхъ договорныхъ статьяхъ Государи обѣщали подтверждать гетманскія дачи, если кто просить будетъ, и срока къ тому не назначили, тѣмъ больше что малороссійскіе гетманы, начавъ отъ Хмельницкаго до Апостола, имѣли

власть награждать деревнями и другими недвижимыми имѣніями, что подтверждено было какъ договорными статьями Даміана Игнатова и Мазепы, такъ особливо присланною къ гетману Скоропадскому въ 1711 году Государя Императора Петра Великаго грамотою, на основаніи которой и гетманъ графъ Разумовскій роздалъ заслуженнымъ въ Малой Россіи людямъ нѣкоторыя деревни и другія имѣнія. 6. Твердѣйшее-же, лучшее и достовѣрнѣйшее малороссійскаго дворянства доказательство основано на привилегіяхъ и правахъ онаго, которыми бы Герольдіи во всемъ, въ разсужденіи сего дворянства, и руководствоваться надлежало. Извѣстно что дипломы и гербы на дворянство въ Польшѣ литовскому и русскому дворянству въ новѣйшія времена, а именно при королѣ Сигизмундѣ Августѣ даваться начали, хотя до его временъ Литва и княженіе Кіевское и Чернѣговское уже преисполнены были дворянства. Всякъ во оныхъ имѣвшій свою собственную землю и съ оной служившій государственную службу почитался за вольнаго человѣка и за дворянина и таковымъ всѣмъ на сеймѣ бывшемъ при помянутомъ королѣ въ 1563 году опредѣлено и привилегіею того-жъ короля утверждено въ полученіи дипломовъ и гербовъ съ польскимъ дворянствомъ равенство имѣть. А хотя бы кто дипломовъ и гербовъ не получилъ, то однакожъ за дворянина считаться и всѣми дворянскими преимуществами пользоваться имѣетъ. Подтверждено сіе и другимъ сеймомъ, бывшимъ въ 1568 году и привиллегіею того-жъ короля.—Сіи обѣ, данныя малороссійскому дворянству привиллегіи доказываютъ, что еще не всѣ тѣ въ Малой Россіи не могутъ быть дворяне, которые вышеписанныхъ доказательствъ не имѣютъ. Могутъ сыскаться между самыми бѣдными воинскаго чина людьми которые родъ свой ведутъ отъ древнѣйшаго дворянства;—и для того въ Малой Россіи должно допустить къ доказательству о дворянствѣ всѣхъ кто только захочетъ, и дать имъ свободу по силѣ статутскаго права раздѣла 3, артикула 19 доводить своего дворянства представленіемъ двухъ сродственныхъ себѣ благородныхъ съ отцовской и двухъ съ материнской стороны, которые присягою бы утвердили, что ищущій дворянства есть природный и настоящій дворянинъ, а если чей родъ извелся, то чтобы онъ могъ представить къ сему постороннихъ благородныхъ. Сія справедливость тѣмъ менѣе малороссійскому дворянству отречена быть можетъ, что всѣ хранившіяся по земскимъ и градскимъ судамъ дворянскія доказательства, въ воеводствахъ кіевскомъ, браславскомъ и чернѣговскомъ, во время бывшей у поляковъ съ Хмельницкимъ войны, сожжены, что

доказываетъ конституція Сейму бывшаго въ Варшавѣ въ 1654 году, которая сей-же самый доводъ о дворянствѣ утверждаетъ. Степени малороссійскихъ чиновниковъ съ великороссійскими чиновниками уравнять для того единственно поставлялось справедливымъ и нужнымъ, чтобъ послѣдніе по одной своей регулярной, но довольнымъ жалованьемъ и другими выгодами награждаемой службѣ не имѣли причины презирать и унижать людей добровольно пришедшихъ, служившихъ вѣрно и при томъ на своемъ собственномъ иждивеніи. Герольдія изъ старыхъ дѣлъ видѣть могла, что малороссійскіе чиновники всегда уравниваемы были съ великороссійскими чиновниками, напримѣръ: Гетманы всегда наравнѣ считались съ первыми классами, какъ то явствуетъ изъ пожалованія гетмана Брюховецкаго въ бояры и гетмана графа Разумовскаго въ генералы-фельдмаршалы со старшинствомъ противъ младшихъ. До учрежденія регулярныхъ войскъ многіе полковники малороссійскіе имѣли и великороссійскихъ стольниковъ чинъ, который, по тогдашнему счисленію, былъ четвертаго класса. По учрежденіи регулярной службы малороссійскихъ полковниковъ служившихъ въ Лифляндіи въ 1701 и 1702 годахъ, Государь Петръ Великій указалъ наградить жалованьемъ и знаками противъ Ертаульнаго воеводы и полковниковъ конныхъ и пѣшихъ; компанейскихъ, сердюцкихъ и запорожскихъ полковниковъ противъ подполковниковъ, а сотниковъ и прочую старшину противъ капитановъ,—что, имѣющіяся въ государственныхъ архивахъ и во многихъ частныхъ домахъ, письменныя доказательства свидѣтельствуютъ. А въ подтвержденіе сему и то служить можетъ, что многіе отъ великороссійскихъ полковниковъ и подполковниковъ жалованы были въ малороссійскіе полковники, а изъ оберъ-офицеровъ въ сотники. Напослѣдокъ и разныя правительства, какъ то: Государственная коллегія иностранныхъ дѣлъ въ 1733 Правительствующій Сенатъ въ 1756 коммиссія о дворянской вольности въ 1763 годахъ подали для конфирмаціи свои мнѣнія и доклады о уравненіи малороссійскихъ чиновниковъ съ великороссійскими, армейскими чиновниками. Въ отправленномъ апрѣля 15 дня 1763 года въ собраніе совѣта о вольности дворянской указъ Императрица Екатерина II, называя «малороссійскій народъ благоприсоединеннымъ и желая не токмо сохранить оный при правахъ его и вольностяхъ, съ которыми онъ подъ державу предковъ ея пришелъ; но, взирая на его всеподданническую и присяжную вѣрность и усердіе и вяще оный къ службѣ своей одобрить, повелѣваетъ оному собранію уравнять малороссійскихъ

чиновниковъ съ великороссійскими». Правительствующій Сенатъ разрѣшилъ въ 1742 году споръ о равенственномъ засѣданіи между великороссійскими и малороссійскими чинами генеральной канцеляріи подтвержденіемъ исполнять первоначальный указъ 1734 года. О таковомъ между ими засѣданіи въ 1762 году. Чернѣговскій полковникъ Иванъ Божичъ пожалованъ при отставкѣ своей Императоромъ Петромъ III въ бригадиры. Въ 1764 году, при вторичномъ учрежденіи малороссійской коллегіи и при назначеніи въ оную членами съ уравненіемъ въ классахъ съ великороссійскими, Императрица Екатерина II пожаловала генеральнаго обознаго Семена Кочубея—генералъ-маіоромъ, генеральнаго писаря Василія Туманскаго—статскимъ совѣтникомъ, генеральнаго асаула Ивана Журавку и генеральнаго жъ хорунжаго Данила Апостола—полковниками; а малороссійскихъ полковниковъ Забѣлу и Занковскаго, противъ доклада что имъ принадлежитъ еще линія въ армейскіе полковники, сказавъ: «Полковникъ однажды уже сдѣланъ полковникомъ»,—въ бригадиры. Въ 3-хъ изъ рѣшительныхъ данныхъ Императоромъ Петромъ II гетману Даніилу Апостолу въ 1728 году пунктѣ сказано: чтобъ гетману одному, безъ совѣта старшины и посполъства въ генеральную старшину, въ полковники, въ полковую старшину и въ сотники не выбирать и не ставить, а выбирать генеральную старшину, полковниковъ, полковую старшину и сотниковъ вольными голосы и по прежнему обыкновенію, изъ заслуженныхъ и знатныхъ и вѣрныхъ и не подозрительныхъ людей и въ генеральную старшину и въ полковники, выбирая прежде кандидатовъ человѣка по два и по три, писать къ Государю и требовать о утвержденіи ихъ указа; а въ полкахъ на порожнія мѣста въ полковую старшину выбирать полковнику съ полковою старшиною, съ сотниками и съ знатными козаками, а въ сотники выбирать въ каждой сотнѣ всѣмъ козакамъ общимъ совѣтомъ и назначая также и отъ таковыхъ-же людей двухъ или трехъ человѣкъ писать къ гетману, которому достойнѣйшихъ изъ нихъ въ чинѣ семъ утверждать универсаломъ, и писать о томъ къ Государю и за вины даже, не дождавшись указа, ихъ не отрѣшать». Самый образъ таковаго выбора ихъ на основаніи малороссійскихъ правъ и напослѣдокъ утвержденія въ чинахъ Государями открываетъ то, что они не могли быть простолюдинами, будучи въ землѣ своей и воинскими и гражданскими чиновниками. Полковникъ, какъ военный начальникъ своего полка, съ полковымъ обознымъ и двумя полковыми асаулами и хорунжими не токмо составляли полковой штабъ и командовали

цѣлымъ полкомъ, но и подъ председаніемъ того жъ полковника засѣдали въ полковой канцеляріи, имѣвшей исполнительную и за порядкомъ и благочиніемъ въ полку наблюдательную власть на всемъ пространствѣ того полка и вмѣстѣ съ полковымъ судіею и писаремъ въ Гродскомъ судѣ, учрежденномъ въ 1763 году для разбора уголовныхъ и другихъ не по земельнымъ спорамъ дѣлъ.

Сотникъ же съ сотенными чиновниками, сверхъ отправленія воинской службы, составляли сотенное управленіе и занимались въ округѣ сотни своей возложеннымъ теперь на нижній земскій судъ управленіемъ. Судъ сей былъ даже формулярнымъ, ибо на оный по рѣшительнымъ пунктамъ даннымъ гетману Даніилу Апостолу октября 15 дня 1728 года, положено быть апелляціи. Бунчуковые, войсковые и значковые товарищи составляли такъ сказать особливое въ малороссійскомъ войскѣ рыцарское сословіе. Происходя изъ благородныхъ и будучи произведены въ чины сіи изъ заслуженныхъ людей, они всегда наряжаемы бывали на военную службу. Первые считались между военными первыми по полковникѣ и служа въ походахъ въ вѣдомствѣ генеральнаго бунчучнаго къ командованію полками на штабъ-офицерскихъ, а вторые сотнями на сотничьихъ мѣстахъ, бывъ поставлены въ табели о малороссійскихъ чинахъ, составленной гетманомъ графомъ Разумовскимъ въ 1756 году и представленной на Высочайшее утвержденіе, выше сотниковъ и состоявъ въ непосредственномъ самаго гетмана и Генеральной Старшины вѣдѣніи. Оба сіи чины не были подчинены полковникамъ; третіе-жъ изъ нихъ были первыми чиновниками въ сотняхъ подъ сотниками и носили въ строю при полковникѣ прапоръ.

Государыня Императрица Екатерина II обращая въ послѣднее время полки малороссійскихъ козаковъ въ карабинерные, въ указѣ своемъ, данномъ военной коллегіи іюня 28 дня 1783 года повелѣла: «находящихся въ малороссійскихъ войскахъ чиновниковъ, кои похотятъ остаться въ военной службѣ и къ оной отъ главнаго начальства способными найдены будутъ, опредѣлить, смотря по степенямъ и заслугамъ, штабъ и оберъ-офицерскими чинами въ ихъ полкахъ, а прочихъ отъ службы уволить, переименовавъ чинами по тому же или по ихъ желаніямъ препроводить для опредѣленія къ дѣламъ». Изъ одного сего указа какъ не могла видѣть герольдія, что малороссійскіе чиновники, служа одному государству, имѣли уже уравнительныя въ чинахъ степени съ великороссійскими чиновниками и не были при семъ случаѣ пожалованы въ оные вновь, но только переимено-

ваны. Сказанное въ семъ указѣ слово переименовать изъ чина въ чинъ можетъ ли имѣть значеніе какого либо новаго производства ихъ въ чины? Исполняя вышеписанный указъ бывшій генералъ-фельдмаршалъ и малороссійскій генералъ-губернаторъ графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ Задунайскій переименовалъ тогда-жъ малороссійскихъ бунчуковыхъ товарищей въ преміеръ-маіоры, полковыхъ обозныхъ, асауловъ, хорунжихъ и писарей въ секундъ-маіоры, сотниковъ въ ротмистры, войсковыхъ товарищей въ поручики, значковыхъ товарищей и сотенныхъ атамановъ въ корнеты. Послѣ чего всѣ изъ тѣхъ чиновниковъ не только утверждены въ сихъ чинахъ, но и получили изъ оныхъ штабъ-офицеры за подписаніемъ собственныя Ея Величества руки, а оберъ-офицеры за подписаніемъ военной коллегіи на тѣ свои чины патенты. Нѣкоторые однакожъ изъ малороссійскихъ чиновниковъ, по великой привязанности своей къ чинамъ національнымъ совсѣмъ не просили тогда о таковомъ переименованіи себя. Сохранивъ такимъ образомъ прежнее названіе чиновъ допускаются они въ оныхъ и по введеніи уже въ Малую Россію Высочайшаго о управленіи губерній учрежденія и по изданіи всемилостивѣйше жалованной россійскому дворянству въ 21 день апрѣля 1785 года грамоты во всѣ гражданскія, выборомъ дворянства наполняемыя и съ предварительнымъ служеніемъ въ дѣйствительной службѣ оберъ-офицерами на основаніи той же грамоты соединенныя должности, и, будучи утверждаемы въ оныхъ здѣшнимъ главнымъ начальствомъ, получаютъ за службу сію прямо, смотря по степенямъ своимъ въ малороссійской службѣ, восьми и другихъ классовъ чины. Въ дни уже наши тысяча двѣсти пятьдесятъ пять малороссіянъ юношей, по большей части дѣтей сихъ самыхъ чиновниковъ, ревнуя предкамъ своимъ въ мужествѣ и любви къ отечеству, охотно посвятили себя военной службѣ въ защиту онаго и носятъ уже многіе изъ нихъ почетные знаки побѣдъ надъ непріятелемъ.

Государь Императоръ Павелъ I удостоилъ принять всѣхъ ихъ какъ дворянъ въ службу сію съ отличною благосклонностію и въ Высочайшемъ рескриптѣ своемъ отъ 22 іюня 1800 года къ малороссійскому гражданскому губернатору Фрейсдорфу поручилъ объявить малороссійскому дворянству за таковое усердіе и ревность къ службѣ полное свое благоволеніе и увѣреніе въ монаршей своей къ нему милости. Не излишнимъ будетъ къ сему прибавить, что Герольдія въ одно время отвергаетъ благородное достоинство малороссійскихъ чиновъ и вноситъ гербы дворянскихъ родовъ сего края—Ла-

годъ, Лазаревича и Хильчевскихъ въ 1 отдѣленіе составляемаго ею дворянскихъ родовъ всероссійской имперіи гербовника, удостоеннаго Высочайшей конфирмаціи; а изъ описанія при сихъ гербахъ видно что предки тѣхъ родовъ достигли дворянства, служа только въ малороссійскихъ чинахъ. Не распространяясь еще далѣе, малороссійское дворянство, противъ уничиженія своего герольдіею, поставляетъ сильнѣйшимъ опроверженіемъ и дражайшимъ при томъ возмездіемъ для себя слѣдующія всемилостивѣйшихъ Монарховъ своихъ при столь многихъ случаяхъ повторенныя обнадеживанія: «а мы васъ всегда будемъ сохранять при прежнихъ вашихъ правахъ, привилегіяхъ и вольностяхъ и въ томъ бы вамъ на нашу государскую милость быть благонадежными».

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XL.

1893 г.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица

СОДЕРЖАНІЕ.

Дозволено цензур. Кіевъ, 1-го февраля 1893 г.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

За продолжительное времяпребываніе въ Петербургѣ, покинутомъ мною окончательно въ 1864 г., мнѣ, благодаря моему старому пріятелю-земляку, Сем. Ст. Гулакъ-Артемовскому, довелось не только познакомиться, но даже очень близко сойтись со многими своими земляками-малороссами, проживавшими въ ту пору въ нашей сѣверной столицѣ, а между ними и съ Т. Гр. Шевченкомъ, и съ Н. И. Костомаровымъ... Много воды утекло съ той поры. Многихъ, очень многихъ изъ нихъ уже и не стало..., но образы ихъ, со всѣми свойственными каждому изъ нихъ характерными особенностями, со всею даже мелочною обстановкою, среди которой они жили,—какъ живые, стоятъ предо мною...

Семенъ Степановичъ Гулакъ-Артемовскій былъ уроженецъ черкасскаго уѣзда, кіевской губерніи, и приходился роднымъ племянникомъ Петру Артемовскому, бывшему ректору Харьковскаго университета и извѣстному малорусскому писателю. Одаренный прекраснымъ голосомъ, Сем. Степ. въ молодости былъ вызванъ въ Петербургъ, откуда вскорѣ былъ отправленъ на казенный счетъ въ Италію для усовершенствованія себя въ пѣніи. Пребываніе Сем. Ст. въ Италіи совпало съ поѣздкою туда покойнаго государя Николая Павловича, который на столько удостоилъ его тогда своимъ вниманіемъ, что подарилъ даже ему брилліантовый перстень. Въ Италіи Сем. Ст. прожилъ пять лѣтъ, въ теченіе которыхъ успѣлъ не только усовершенствовать себя въ пѣніи, но и овладѣть итальянскимъ и французскимъ языками, что не помѣшало однако ему всѣ письма

къ матери писать не иначе, какъ на родномъ своемъ языкѣ, малорусскомъ. Для образчика привожу одно изъ этихъ писемъ, полныхъ самыхъ неподдѣльныхъ чувствъ.—„О такъ, моя ридная ненько,—пишетъ Сем. Ст.,—сыжу я у садочку, пидъ сынимъ небомъ, въ далекій чужій сторони, дывлюсь на сыне море и згадую васъ, а дали дывлюсь, якъ дыки гусы летять, та й заспиваю: гусы мои, гусынята, возьмить мене на крылята, та понесить мене до матинки, а у матинки есть що исты й пыты и хорошо исходыты...“—Мать-старушка, читая такія письма, заливалась, бывало, слезами, приговаривая: „нема кому тоби, мій сыну, моя дытына, въ далекій сторони порадоньки дать, головки вымыть, чистенькои та биленькои сорочки надить...“—По возвращеніи въ Петербургъ Сем. Ст. былъ зачисленъ въ оперные артисты Императорскихъ театровъ и, вплоть до ухода со сцены, пользовался не малою извѣстностью и любовью петербургской публики, посѣщавшей Маріинскій театръ, а особенно въ роляхъ малороссовъ, какъ напр., въ пьесѣ: „Запорожци за Дунаемъ“, слова и музыка которой принадлежали ему-же. Человѣкъ умный, разносторонне, хотя и поверхностно, образованный, крайне живой и подвижный, всегда готовый къ острословію и веселой шуткѣ, Сем. Ст. горячо любилъ свою родину, своихъ земляковъ, но также любилъ и петербургскую общественную жизнь. И гдѣ онъ только не бывалъ, какихъ лицъ не посѣщалъ, начиная отъ убогой квартирки какого-либо изъ своихъ земляковъ до раззолоченныхъ палатъ вельможи, отъ извѣстнаго богача, лейбъ-гусара Яковлева, на лукулловскихъ завтракахъ котораго заставлялъ хозяина завидовать его аппетиту, до знаменитаго нашего математика М. В. Остроградскаго, съ которымъ вечера просиживалъ за столоверченіемъ, чему самъ искренне вѣрилъ и въ чемъ если и не убѣждалъ Остроградскаго, то все же таки заставлялъ призадумываться и говорить: „да, да,—многое еще отъ человѣка сокрыто!...“—Жажда дѣятельности и разнообразія въ Сем. Ст. была такъ велика, что одной своей профессіи ему казалось мало, а потому онъ то и дѣло, что хватался еще за разнаго рода прожекты, которые такъ, впрочемъ, и оставались прожектами, какъ напр., прожектъ объ устройствѣ водопроводовъ

въ Петербургѣ, который съ чертежами былъ даже напечатанъ въ одномъ иллюстрированномъ журналѣ,—не помню уже,—въ 59 или въ 60 годахъ. А то случалось, что они получали и комическій исходъ. Такъ, вздумалось Сем. Ст. совершенствовать общественную нравственность, для чего очень хорошимъ средствомъ показалось ему, въ виду наступавшаго тогда великаго поста, попросить редакціи газетъ и журналовъ разослать ихъ подписчикамъ заповѣди Божіи, которыя на великолѣпной бумагѣ, золотыми буквами, съ подобающею виньеткою, имъ самимъ-же сдѣланною, Сем. Ст. издалъ на свой коштъ. Цѣна за заповѣди назначена была такая, чтобы только покрыть изданіе. Не смотря однако на то, заповѣди не пошли... Постъ, между тѣмъ, близился къ концу. „Ну что, какъ?"—спрашиваю я Сем. Ст.—„Мы, голубе, Зосиме,—отвѣтилъ мнѣ на это пресерьезно онъ,—зробылы велыку помылку: треба було намъ напечатать заповиди ще по-жидивски, то ихъ жиды скорійше купылы-бъ, нижъ паны".

Какъ давно былъ знакомъ Сем. Ст. съ Т. Г. Шевченко,—того сказать не могу; но только взаимныя отношенія ихъ, не смотря на несходство натуръ, были самыя дружескія, фамиліарныя, не нарушаемыя даже не совсѣмъ иногда удачными шуточками Гулака насчетъ Тараса. Такъ, собрались разъ ко мнѣ гости, въ числѣ которыхъ были Н. И. Костомаровъ, Стороженко, Артемовскій и Шевченко. Послѣдній какъ-то особенно разговорился про киргизскія степи и, вспомнивъ между прочимъ о киргизскихъ лошадяхъ, замѣтилъ, что крѣпость ихъ такова, что онѣ могутъ пробѣгать въ сутки до 200 верстъ.—„Слухай, Тарасе,—вдругъ останавливаетъ его Сем. Ст.,—одинъ панъ програвъ въ карты все, що тилько мавъ. Осталось въ его тильки сукна аршинъ 200, але винъ и те сукно програвъ. А хто выгравъ, змирявъ сукно та й каже: замисто 200 тутъ тилько 20 аршинъ?!...—„Бо у мене таки аршины",—отказуе панъ. То, може, и у тебе, Тарасе, таки жъ версты?!..."—„Десь—ты, Семене,—хмуро замѣтилъ на это Тарасъ Григорьевичъ,—для того уродывся, щобъ зъ людей глузуваты?... Лицедію ты!"—„Якъ-бы не було на свити Семеновъ,—продолжалъ расходившійся Артемов-

скій,—то ты, Тарасе, скакавъ-бы съ своими киньми не по 200, а по 1000 верстовъ въ сутки...“—Едва-ли можно представить себѣ болѣе неумѣстнаго, хотя, по сущности, совершенно и незлобиваго подшучиванья, какимъ оказывалось это, направленное на кого-же?—На Тараса Григорьевича!—человѣка въ разговорѣ обыкновенно крайне сдержаннаго, не многорѣчиваго и который, смѣло можно утверждать, въ жизни не проронилъ полъслова лжи: до того послѣдняя находилась въ противорѣчіи со всей его натурой!—Сем. Степан., впрочемъ, и самъ замѣтилъ, что въ данномъ случаѣ, какъ говорится, зарвался, а потому тотчасъ-же началъ увѣрять своего „щираго земляка по родинѣ, по духу и вири“ въ своей братской любви и просить не сердиться на него, потому что нельзя-же иногда и ,,не пошутковать?!...“—Шевченко былъ слишкомъ добрый и умный человѣкъ, да къ тому же вдоволь въ своей жизни и натерпѣлый, чтобы сердиться за всякую, хотя-бы и неумѣстную пріятельскую шутку, а потому на эту, какъ равно и на многія другія подобныя шуточки Артемовскаго, вызывавшія ихъ иногда на взаимную и презабавную подчасъ пикировку,—конечно, махнулъ только съ улыбкою рукой.

Сем. Ст. оставилъ сцену въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, но переселился изъ Петербурга на родину не свою, а своей жены, въ Москву, гдѣ въ 1874 году умеръ.

Заходилъ я, хотя и не часто, къ Тарасу Григорьевичу, но больше встрѣчалъ его у знакомыхъ. Заходилъ и онъ ко мнѣ, принося, бывало, всякій разъ дѣтямъ моимъ гостинца въ видѣ какихъ-либо книжечекъ или рисунковъ.

Послѣ смерти Тараса Григорьевича, квартира, которую онъ занималъ въ Академіи художествъ, была опечатана, и послѣ похоронъ, спустя немного времени, я получилъ оффиціальное приглашеніе отъ полиціи, какъ домовладѣлецъ, присутствовать при описи его имущества, а Григорій Николаевичъ Честоховскій, какъ экспертъ, въ качествѣ художника, для оцѣнки художественныхъ произведеній, оставшихся послѣ покойнаго. Опись производилъ полицейскій офицеръ,—поручикъ Китченко. Квартира состояла изъ одной довольно обширной—длинной, подъ сводами,

комнаты, всѣ стѣны которой почти исписаны были карандашемъ. Въ комнатѣ царилъ полный безпорядокъ; бумаги лежали на полу разбросанными. Сначала я съ Честоховскимъ посписывали со стѣнъ, что нашли нужнымъ, и что не мало заняло у насъ времени; затѣмъ приступили къ описи и, по приведеніи всего въ извѣстность, за исключеніемъ платья, все было нами взято и отдано Михаилу Матвѣевичу Лазаревскому. Михаилъ Матвѣевичъ въ то время служилъ старшимъ совѣтникомъ петербургскаго губернскаго правленія. Онъ былъ большимъ пріятелемъ покойнаго Тараса, который въ свою очередь, также очень былъ расположенъ къ нему.

Въ 1861 г. я познакомился у Н. И. Костомарова съ генералъ-маіоромъ Яковомъ Герасимовичемъ Кухаренко, прибывшимъ тогда въ Петербургъ по распоряженію воен. министра для присутствія въ коммиссіи, въ которой долженъ былъ обсуждаться вопросъ объ устройствѣ войска черноморскаго, гдѣ Кухаренко нѣкоторое время занималъ даже должность атамана. Н. И. Костомаровъ былъ знакомъ съ Кухаренкомъ еще въ Харьковѣ съ молодыхъ лѣтъ, бывши еще студентомъ университета. Яковъ Герасимовичъ пробылъ въ Петербургѣ съ полъ-года и, будучи оторванъ отъ своей семьи и козацкой, очень грустилъ на чужой, далекой сторонѣ, постоянно говоря, что если-бы не встрѣтилъ онъ тутъ своихъ земляковъ, то трудно было бы ему совладать съ собою. Онъ посѣщалъ очень часто редакторовъ „Основы" В. М. Бѣлозерскаго и Н. И. Костомарова, Артемовскаго и другихъ знакомыхъ, бывалъ частенько и въ такъ называемой нами нашей громадѣ, гдѣ ему постоянно оказывали большое уваженіе и почетъ и гдѣ съ великимъ вниманіемъ и удовольствіемъ слушали, бывало, мы его живые и остроумные разсказы изъ бытовой и военной жизни его роднаго черноморскаго войска. Подчасъ онъ любилъ и пошутить и поразсказать нѣкоторые презабавные анекдоты. Яковъ Герасимовичъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, нанялъ для себя квартиру на Васильевскомъ Островѣ, вблизи моей, почему мнѣ доводилось часто видѣться съ нимъ, а нѣкоторое время даже сидѣть у его постели, когда онъ внезапно заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ.

Яковомъ Герасимовичемъ была, какъ извѣстно, написана и издана на малороссійскомъ языкѣ комедія: „Черноморскій побытъ". Покойному чрезвычайно желательно было, чтобы эта піеса разыграна была на любительскомъ спектаклѣ въ его присутствіи. По выбору его, мнѣ назначена была роль сотника, а остальныя розданы были имъ самимъ тѣмъ, кого онъ находилъ подходящими къ извѣстной роли. Но не успѣли мы заучить своихъ ролей, какъ Яковъ Герасимовичъ былъ уже отозванъ къ мѣсту своего служенія, и ему такъ и не удалось видѣть на сценѣ своего дѣтища. Предъ отъѣздомъ онъ заѣхалъ въ громаду проститься. Мы всѣ окружили своего милаго атамана и спѣли ему пѣсню на мотивъ „Ой Морозе-Морозенку", замѣняя Морозенка Кухаренкой: „Ой Якове Кухаренку, ой ты славный козаче, за тобою, Кухаренку, черноморске війско—плаче" и т. д. Яковъ Герасимовичъ, сидя на почетномъ мѣстѣ, глубоко былъ тронутъ нашимъ сердечнымъ къ нему расположеніемъ и со слезами на глазахъ со всѣми нами простился, и простился на вѣки вѣчные, такъ какъ, мѣсяца черезъ два по прибытіи въ Черноморію, взятъ былъ черкесами въ плѣнъ, гдѣ и покончилъ свое земное поприще. Тѣло покойнаго выкуплено было родными и предано землѣ въ Екатеринодарѣ. У покойнаго, кажется, было два сына: Александръ, а имени другаго не знаю. Одна дочь была тогда уже замужемъ, а остальныя воспитывались въ институтѣ. Александръ Яковлевичъ, въ чинѣ поручика, пріѣзжалъ въ Петербургъ и посѣтилъ всѣхъ друзей покойнаго своего отца.

Начало 1860 года представляетъ для исторіи много интереса. Въ юго-западныхъ окраинахъ нашего отечества зарождалось уже тогда сильное броженіе умовъ. Поляки напрягли всѣ усилія свои произвести смуту въ южно-русскомъ народѣ и начали было подкапываться подъ основы нашей народности. Южнорусскій журналъ „Основа", появился на свѣтъ Божій именно въ то самое время, и сталъ сразу-же на стражу этой народности, горячо защищая ее противъ всякихъ какъ старыхъ, такъ и новѣйшихъ польскихъ притязаній.

Иниціатива изданія журнала „Основа" принадлежала нашему могучему богатырю слова, Н. И. Костомарову. Редакцію

и изданіе принялъ на себя Василій Михайловичъ Бѣлозерскій, состоявшій въ то время на службѣ въ государственномъ совѣтѣ и занимавшій видный постъ,—человѣкъ какъ нельзя болѣе для редижировки журнала подходящій. Даровитымъ сотрудникомъ его явился тогда Ал. Ѳед. Кистяковскій, впослѣдствіи извѣстный профессоръ кіевскаго университета. И надо отдать честь редакціи „Основы", умѣвшей почти сразу поставить этотъ, къ сожалѣнію, столь рано погибшій журналъ на уровень съ лучшими журналами, привлекавшими къ себѣ вниманіе и пользовавшимся наибольшимъ уваженіемъ среди самой просвѣщенной части русской интеллигенціи.

Къ этому-же времени относится и начало собраній, прозванныхъ нами малороссійскою громадою. Собранія эти происходили по воскреснымъ днямъ, въ квартирѣ инженера, Ѳедора Ивановича Черненка, человѣка пожилаго уже, состоятельнаго, умнаго и очень добраго и гостепріимнаго. На собраніяхъ этихъ, на которыхъ единственнымъ впрочемъ угощеніемъ былъ чай, хотя и называвшихся „малороссійскою громадою", бывало не малое число и великороссовъ. Не бывало на нихъ только ни поляковъ, ни женщинъ. На собраніяхъ этихъ мы обмѣнивались новостями, вели иногда ученые диспуты, пѣли, играли на фортепіано. Лучшимъ знатокомъ малорусскаго пѣнія былъ у насъ тогда Данило Семеновичъ Каменецкій.

Николай Ивановичъ Костомаровъ рѣдко посѣщалъ эти воскресныя собранія, а Кулишъ чаще. Припоминаю, что П. А. Кулишъ, возвратившись изъ заграницы, какъ то лѣтомъ, навѣстилъ громаду, досталъ изъ боковаго кармана какую-то тетрадь, и, обратившись къ присутствующимъ, просилъ прослушать стихотвореніе одного славянскаго поэта, котораго онъ встрѣтилъ, гдѣ-то тамъ, за Дунаемъ, и, который, по его мнѣнію, окончательно долженъ затмить талантъ Шевченка. Выслушавши прочитанное П. А. Кулишемъ со вниманіемъ, изъ присутствующихъ ни кто не высказалъ ни своего одобренія, ни порицанія. Стихотвореніе это оказалось впослѣдствіи принадлежащимъ самому П. А. Кулишу.

Съ Николаемъ Ивановичемъ Костомаровымъ, нашимъ знаменитымъ историкомъ, я познакомился у Семена Степановича

Артемовскаго. Жили мы на Васильевскомъ Островѣ, въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга: Николай Ивановичъ по 9-й линіи, вблизи набережной, а я—по 8-й. По натурѣ своей Н. И. былъ человѣкъ добраго сердца, но впечатлительный, крайне нервный, а подчасъ, при головной боли (онъ страдалъ мигренью)—капризный и вспыльчивый. Мы сошлись очень скоро. Я полюбилъ этого человѣка сердечно и часто бывалъ ему спутникомъ въ утреннихъ прогулкахъ его. Онъ имѣлъ обыкновеніе рано вставать, часовъ въ шесть утра, и, по заведенному порядку, читалъ по главѣ изъ библіи; послѣ того отправлялся гулять. Въ рѣдкихъ случаяхъ только онъ не заходилъ по пути ко мнѣ съ тѣмъ, чтобы составить ему компанію въ прогулкѣ. Хожденіе продолжалось не долѣе часу, и затѣмъ мы возвращались домой, но я непремѣнно долженъ былъ идти къ нему пить чай. Приглашеніе выражалось такою рѣчью: „Отче Зосиме! идемъ въ храмину мою испити чайнаго зелья, ради житейскихъ печалей и треволненій“. Напившись чаю, я отправлялся домой, а Николай Ивановичъ принимался за письменную работу. Писалъ онъ на бумагѣ, приклеивши листъ къ листу, такъ, что выходило что-то похожее на турецкій фирманъ, или вѣрнѣе, на старинные свитки грамотъ. До изданія сѣверно-русскихъ народоправствъ Н. И. предварительно ѣздилъ въ новгородскую губернію, для осмотра историческихъ памятниковъ, и на рѣку Шелонь, гдѣ происходила битва новгородцевъ съ москвичами при московскомъ князѣ Іоаннѣ III-мъ. Передъ отъѣздомъ, я и Данило Гавриловичъ Лебединцевъ, котораго очень уважалъ Н. И., сговорились встрѣтиться съ нимъ на николаевской желѣзной дорогѣ, чтобы затѣмъ вмѣстѣ на пароходѣ продолжать путешествіе съ Ник. Ив. до Старой Ладоги. Какъ было сказано, такъ и сдѣлано. На пароходѣ я потребовалъ порцію лососины, что, глядя на меня, сдѣлалъ и Ник. Иван.—Оттого-ли, что лососина была не свѣжа, или отъ чего другого, но только я почувствовалъ, что меня, какъ-бы тошнитъ, о чемъ и сказалъ своимъ спутникамъ, забывая про крайнюю мнительность Ник. Ивановича. Но лишь только произнесъ я эти слова, какъ вдругъ почувствовалъ тош-

ноту и Ник. Ив. и, приходя все въ большее и большее волненіе, дошелъ до того, что сталъ кричать: „умираю"! — Можно себѣ представить, что за суматоху вызвали эти крики между пассажирами, изъ которыхъ кто сталъ предлагать свои средства помощи больному, кто спрашивать: нѣтъ-ли между нами врача, а кто ругать прислугу, отравляющую путешественниковъ снадобьями своего буфета. А Николай Ивановичъ, не обращая ни на кого вниманія, продолжалъ кричать: „умираю"! Но вотъ, я потребовалъ себѣ чаю съ ромомъ и, выпивши наскоро стаканъ, говорю, обращаясь къ Д. Г. Лебединцеву, что мнѣ лучше. „И мнѣ чаю и рому", — крикнулъ на всю каюту Н. И. — Подали стаканъ; онъ выпилъ его, и не прошло, полагаю, и получаса, какъ онъ не только почувствовалъ себя здоровымъ, но даже повеселѣлъ и началъ декламировать Энеиду Котляревскаго. Пароходъ остановился у пристани предъ порогами, гдѣ, какъ преданіе говоритъ, остановился св. Антоній Римлянинъ, приплывшій на камнѣ изъ Рима въ Новгородъ. Съ парохода мы перешли въ лодку и поплыли до Ладоги чрезъ пороги. Порогами теченіе чрезвычайно быстрое, и мы верстъ 15, можно сказать, проплыли въ полъ-часа. Извозомъ этимъ занимаются женщины. Въ Ладогѣ мы остановились на мызѣ у знакомаго мнѣ помѣщика Судакова, на правой сторонѣ Волхова. Послѣ закуски, мы отправились на лѣвую сторону Волхова, гдѣ на берегу расположена древняя небольшая крѣпость съ каменною небольшою церковью. Николай Ивановичъ относилъ построеніе этой крѣпостцы ко временамъ Рюрика. Смѣрявъ шагами окружность этой крѣпости, мы зашли въ церковь, постройки отдаленнаго времени. Н. И. утверждалъ, что церковь эта, судя по архитектурѣ, построена во времена Ярослава Мудраго. Съ крѣпости мы отправились въ мужской монастырь, тутъ же расположенный на берегу Волхова, и зашли къ настоятелю монастыря, принявшему насъ радушно и давшему намъ провожатаго—монаха, который довелъ насъ до стараго зданія бывшаго монастыря, отстоящаго отъ рѣки Волхова въ разстояніи около двухъ верстъ, совершенно въ полѣ. Постройку церкви этого монастыря Николай Ивановичъ относилъ къ временамъ Ярослава Мудраго. Внѣ церкви

построекъ никакихъ не было, такъ какъ келіи и трапеза устроены были въ самой церкви. При этомъ сопровождавшій насъ монахъ разсказалъ, что, благодаря тѣснотѣ помѣщенія, съ увеличеніемъ числа братіи, построили на берегу новый монастырь, куда братія переселилась только нѣсколько лѣтъ тому назадъ; но одинъ старецъ благочестивой и строгой жизни пожелалъ остаться въ этомъ храмѣ въ уединеніи, говоря, что тутъ онъ положилъ начало своего иночества, тутъ же желаетъ скончать и дни своей жизни. Вскорѣ какъ то по переходѣ въ новый монастырь, явился старецъ къ настоятелю, разсказавъ такой случай: „Въ одну ночь церковь была заперта изнутри; слышу, говоритъ,—вдругъ стукъ въ дверь моей келіи. Сотворивъ молитву, я окликнулъ: кто-тамъ? Послѣдовалъ отвѣтъ: „я душа такой-то женщины“ (и назвала свое имя)—умершей въ такомъ-то вѣкѣ; погребена безъ христіанскаго обряда; требую исполнить надъ костями моими установленный церковью обрядъ. Когда дверь была послѣ того отворена, то на порогѣ лежалъ черепъ. По распоряженію настоятеля, въ этотъ день братія предала землѣ черепъ по христіанскому обряду, отслуживъ при этомъ панихиду, послѣ чего, по разсказамъ старца, подобное явленіе больше уже не повторялось.

Разсказъ этотъ, произведшій глубокое впечатлѣніе на воспріимчивую и поэтическую натуру Костомарова, не остался безъ послѣдствій. Мы вернулись въ Петербургъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Разъ я какъ-то захожу къ нему.—„Отъ и добре, що оце вы прійшли: мени чогось сумно“,—говоритъ мнѣ Ник. Ив., видимо очень разстроенный. Что такое случилось?—Хранился у Ник. Ив. въ кабинетѣ на книжномъ шкафу черепъ, найденный имъ на полѣ битвы у р. Шелони, который на столько интересовалъ его, что онъ не рѣдко обращался даже къ черепу съ вопросомъ: „скажи мнѣ, кто ты?—витязь или изъ ратныхъ воиновъ?“—Теперь оказалось, что черепъ этотъ заходилъ по ночамъ по кабинету.—„Ночи, говоритъ,—не сплю, слышу, что кто-то ходитъ по кабинету. Кричу Мирона (такъ назывался старикъ слуга Ник. Ив.). Является Миронъ. Я его спрашиваю: кто ходитъ по кабинету? Никого нѣтъ, отвѣчаетъ Миронъ, но я

самъ слышалъ шаги, и уже не одну ночь, и думалъ, что это вы изволите прохаживаться.—,,Отъ тоби и напытавъ соби биды, и треба було мени взяти оцей черепъ"... Мнѣ удалось уговорить Николая Ивановича отвезти этотъ черепъ къ отцу Степану Опатовичу на Смоленское кладбище, для преданія землѣ, что нами и было исполнено, и гдѣ, по распоряженію отца Степана, черепъ зарытъ былъ въ землю и отслужена, по желанію Николая Ивановича, панихида. Послѣ чего объ этомъ черепѣ уже никакого помину не было.

Да, премилый, предобрый былъ человѣкъ Ник. Ив., но своеобразный и вспыльчивый иногда до крайности. Такъ, случилось какъ-то мнѣ просить представить ему одного моего земляка, молодаго офицера, очень желавшаго съ нимъ познакомиться. И до сихъ поръ не знаю, съ чего, но только онъ до того напустился и раскричался на меня, что я схватилъ шапку да тотъ часъ-же и ушелъ домой. На другой день пишу ему письмо и извиняюсь предъ нимъ, что я безъ всякаго злого умысла огорчилъ его. Въ отвѣтъ на это получаю письмо отъ Н. Иван., которое, какъ отлично характеризующее этого замѣчательнаго человѣка, привожу здѣсь въ подлинникѣ: „Не Вы мене смутыли, добродію, а я не знавъ на яку ступыть; бо наробывъ дурныци, такъ що и въ вичи соромно добрымъ людямъ глядиты, бо ни за що, ни про що незвычайне и негрешне обійшовся зъ чоловикомъ. Але Богъ мени свидкомъ, що я не думавъ сёго, а зробылось се Богъ-зна якъ знечевья. Хто тутъ виненъ? одинъ я! Бо и Билозерскій мени приводывъ такого чоловика, шчо я бувъ ему радый, а здалось мени (Богъ зна зъ чого—мабудь лихій попутавъ) здалось мени, що винъ мени приводыть *якогось* зъ тихъ хвертикивъ, о которихъ я тильки що писавъ ему, щобъ до мене не вкралися (?) а здалось мени нибы то мени на наругу и на смихъ робытся. А тутъ инше выйшло; все, дале-би, зъ того, що я не хочу, щобъ зъ мене якусь ломаку робылы, которою можно махать туды й сюды. Простить мене добродію, Христа ради,—буду розумнійшій, а колы ласка буде, ходимте на „Жизнь за Царя", на мирову—заразъ"! Получивши это письмо, я заѣхалъ къ Н. И., и мы вмѣстѣ отправились въ театръ слушать

оперу „Жизнь за Царя“—эту любимѣйшую его оперу, которую, по счету его, онъ ѣхалъ теперь слушать въ 57-й разъ!...

На другой день пришло извѣстіе о возстаніи въ Польшѣ. Я зашелъ къ Н. И., который уже зналъ объ этомъ. При моемъ появленіи онъ сказалъ; „Восташе ляхове на насъ“, и при этомъ повторилъ слова Богдана Хмельницкаго: „теперь не ти ляхи, що колысь булы: Жолткевскіе, Корецкіе, а Заненчковскіе, Тхоржевскіе...—„Ничого съ цёго не буде, добавилъ онъ—да ще у нихъ Богданъ Хмельницкій отнявъ великую силу и перекопавъ имъ глубокимъ яромъ дорогу. Воны повынни булы сыдить и личить старынни раны, а не робыть соби свижихъ для того, щобъ зновъ ихъ личить“. Событіе это не мало произвело тревоги въ обществѣ и породило не мало путаницы въ воззрѣніяхъ на него при сильномъ броженіи въ то время умовъ. Николай Ивановичъ смотрѣлъ на эти событія съ своей точки зрѣнія и повторялъ слова Лафатера: „нужно искать истину въ путаницѣ понятій“, и написалъ по поводу этому статью: „Богданъ Хмельницкій и Владиміръ Мономахъ“, которая была имъ прочитана на литературномъ вечерѣ, въ домѣ Руадзе, на Большой Морской, и напечатана въ Русскомъ Инвалидѣ въ 1863 г. Редакція почему-то медлила печатаніемъ, чѣмъ Н. И. былъ крайне недоволенъ; вслѣдствіе чего попросилъ меня съѣздить въ редакцію съ слѣдующимъ письмомъ: „Покорнѣйше прошу редакцію Инвалида, въ случаѣ нежеланія печатать мою статью, возвратить ее подателю сего, Зосиму Ѳедоровичу Недоборовскому. Іюня 3-го дня Н. Костомаровъ“. Послѣ этого статья эта на другой же день появилась отпечатанною въ Инвалидѣ. Петербургское общество и Государь остались очень довольны этою статьею, какъ передавала объ этомъ Николаю Ивановичу графиня Антонина Дмитріевна Блудова, которою Николай Ивановичъ часто былъ приглашаемъ на литературные вечера. Передавалъ также намъ Николай Ивановичъ, что графиня Блудова въ одно время крайне была на него недовольна за какуюто статью, помѣщенную кажется въ „Основѣ“, сказавъ при этомъ, что она не помирится съ нимъ до тѣхъ поръ, пока онъ не перемѣнитъ своего взгляда. По рекомендаціи графини Блу-

довой Николай Ивановичъ часто былъ приглашаемъ покойнымъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ для ученыхъ бесѣдъ.

Съ начала мая 1863 г., Н. И. условился съ прочими земляками, чтобы въ денъ св. Кирилла и Мееодія заказать обѣдню отцу Степану Опатовичу и отслужить молебенъ просвѣтителямъ славянскимъ, а мнѣ, между прочимъ, поручено было заказать для отца Степана іерейскую палку-патерыцю (посохъ) съ вензелемъ имени его. На собранныя по подпискѣ деньги 15 руб. палка съ серебрянымъ набалдашникомъ ко дню событія была готова, и обѣдня была заказана. 11-го мая пріѣхали въ церковь на Смоленское кладбище, гдѣ отецъ Степанъ былъ настоятелемъ: Н. И. Костомаровъ, В. М. Бѣлозерскій, М. И. Сухомлиновъ, Д. Г. Лебединцевъ, С. С. Артемовскій, Н. И. Петровъ и другіе малороссіяне; не болѣе однако человѣкъ 12-ти. Жена моя снарядила туда и дѣтей моихъ, нарядивъ ихъ въ малороссійскіе костюмы. Въ церкви постороннихъ лицъ было мало, а потому, при просторѣ, тишина была полная. Я читалъ апостолъ. За обѣднею за упокой никто не подавалъ на часточку, и никакихъ покойниковъ не поминали. По окончаніи обѣдни отецъ Степанъ пригласилъ насъ всѣхъ къ себѣ на чай. Не долго пробывши у отца Степана,—мы разъѣхались по домамъ; при чемъ В. М. Бѣлозерскій особенно торопился, побуждаемый къ тому посылкою телеграммы въ Моравію съ поздравленіемъ представителямъ печати Моравскаго народа съ общимъ славянскимъ праздникомъ. Но того же самаго дня, въ пятомъ часу по полудни, заѣзжаетъ ко мнѣ о. Степанъ и сообщаетъ новость, что послѣ отъѣзда нашего, пріѣзжалъ къ нему благочинный съ духовнымъ депутатомъ и жандармскимъ офицеромъ для производства дознанія, по распоряженію митрополита Исидора, о томъ, будто бы онъ, Опатовичъ, служилъ панихиду по убіенныхъ полякахъ!! Допросили всѣхъ, кого только можно было допросить, но, какъ и слѣдовало ждать, обвиненіе Опатовича оказалось полнѣйшею нелѣпицею. Всѣ показали, что обѣдня отслужена была вовсе не заупокойная, такъ какъ священникомъ ни разу не было упомянуто на

ектеніи объ умершихъ; что же касается того обстоятельства, какъ вели себя присутствующіе, то дай Богъ, что бы изъ нашихъ, кто такъ молился и стоялъ чинно, какъ тѣ господа; даже дѣтки—и тѣ всю обѣдню клали поклоны; затѣмъ отслуженъ былъ молебенъ св. Кириллу и Меѳодію, и всѣ вмѣстѣ вышли изъ церкви. Тѣмъ дознаніе и было кончено. На другой день отца Степана митрополитъ вызвалъ къ себѣ для личныхъ объясненій; разспросилъ подробно обо всемъ, велѣлъ даже показать подаренную ему нами палку и отпустилъ домой съ миромъ. Впослѣдствіи оказалось, что дѣло началось по доносу, посланному отъ одного священника того же кладбища изъ личныхъ какихъ то непріязненныхъ отношеній [1])...

Николай Ивановичъ Костомаровъ рѣдко когда оставался на лѣто въ Петербургѣ, почти каждый годъ уѣзжая путешествовать съ научною цѣлью или по Россіи, или заграницу. Въ одно время отправился Н. И. съ Кулишемъ заграницу и, по разсказамъ Кулиша, цѣлую дорогу велъ разговоръ на церковно-славянскомъ языкѣ, который зналъ въ совершенствѣ. Этотъ разговоръ однажды такъ заинтересовалъ пассажировъ, среди которыхъ было много русскихъ туристовъ, что они, ранѣе зная Н. И., какъ профессора, тутъ же съ нимъ перезнакомились. Въ Италіи они разстались. Кулишъ уѣхалъ въ Испанію, а Н. И. вернулся и, на обратномъ пути, посѣтилъ славянскія страны. Пріѣхавши въ Бѣлградъ, онъ поставленъ былъ въ большое затрудненіе разговорнымъ сербскимъ языкомъ, такъ что рѣшился уже искать толмача и, вышедши изъ гостинницы на улицу, встрѣтилъ священника, къ которому обратился по славянски:—„миръ ти, отче!“—„Миръ ти, чадо“, отвѣтилъ священникъ.—„Кіи языци пребываютъ въ семъ градѣ, отче?“—„Мнози языци пребываютъ въ семъ градѣ, чадо! Кія страны еси и камо грядеши, чадо?“ „Изъ града Петрограда, и пришелъ въ страну сію къ братіямъ моимъ славянамъ, имя имамъ Николай Костомаровъ“.—„Родной мой отецъ, Николай Ивано-

[1]) Объ этомъ фактѣ мелькомъ сообщено было въ нашемъ журналѣ за прошлый 1892 г., въ некрологѣ прот. С. И. Опатовича (№ 7, стр. 441).—Ред.

вичъ!“ воскликнулъ священникъ, „я самъ воспитанникъ Кіевской академіи и состою тоже профессоромъ въ великой народной школѣ града сего. Я съ вами лично не знакомъ, но по вашимъ сочиненіямъ знаю васъ. Милости прошу пожаловать ко мнѣ и то не на время, а до тѣхъ поръ, пока будете оставаться въ Бѣлградѣ“. „Въ домѣ новаго знакомаго“,—разсказывалъ Костомаровъ,—„ я встрѣтилъ радушный пріемъ и полное славянское гостепріимство. Кромѣ того, сербскій профессоръ познакомилъ меня съ историческими памятниками Сербіи и для этой цѣли пропутешествовалъ по сербской странѣ до трехъ недѣль“.—Съ этого времени Н. И. велъ постоянную переписку съ ученымъ сербскимъ священникомъ. Въ одномъ изъ писемъ писалъ Н. И. относительно перевода священныхъ книгъ на малороссійскій языкъ. Въ отвѣтномъ письмѣ ученый сербскій священникъ высказалъ свое мнѣніе, что, какъ богослужебныя, такъ и прочія священныя книги должны остаться на славянскомъ языкѣ между племенами славянъ и тѣмъ должны напоминать имъ объ ихъ общемъ славянскомъ происхожденіи.

Нельзя умолчать о добромъ сердцѣ Николая Ивановича: постигавшая ближняго скорбь его самого печалила. Для примѣра приведу слѣдующій случай. Профессоръ П—въ читалъ лекцію на одномъ литературномъ вечерѣ: „Настоящее царствованіе Александра II-го“, и, увлекшись текущими событіями, коснулся нѣкоторыхъ вопросовъ, вызвавшихъ среди молодежи манифестацію: въ залѣ произошелъ шумъ, топанье, именованіе тѣхъ лицъ, которыя были сосланы за политическія преступленія. По окончаніи лекціи П—овъ былъ привлеченъ къ отвѣтственности и административнымъ порядкомъ высланъ въ ярославскую губернію. Узнавъ объ этомъ, Н. И. сейчасъ же поѣхалъ къ министру внутреннихъ Дѣлъ Валуеву просить о П—вѣ. По словамъ Н. И., министръ, зная его лично, принялъ его весьма любезно и, выслушавъ защиту Н. И., просилъ успокоиться и не придавать этому инциденту особаго значенія. Проступокъ П—ова, нарушившаго цензурный уставъ, чѣмъ онъ произвелъ не малый соблазнъ въ публикѣ, долженъ быть непремѣнно наказанъ; но между административнымъ на-

казаніемъ и наказаніемъ по суду—разница громадная. Мы, сказалъ министръ, П—ва выслали въ Ярославль на нѣсколько мѣсяцевъ, и послѣ этого срока, а быть можетъ еще и ранѣе, ему будетъ дозволено опять пріѣхать на жительство въ Петербургъ; судъ же поступилъ бы съ нимъ по силѣ закона и, навѣрно, П—ову пришлось бы понести болѣе тяжелое наказаніе, съ лишеніемъ даже на извѣстное время свободы.—Съ доводами министра Н. И. совершенно согласился и успокоился. Въ такихъ случаяхъ, а тѣмъ болѣе въ тогдашнее смутное время, не каждый бы рѣшился просить за опальнаго своего товарища по профессіи.

Въ частной жизни Н. И. былъ человѣкъ совершенно не практичный. Это онъ самъ сознавалъ и никогда ничего самъ не предпринималъ, безъ совѣта людей опытныхъ въ житейскомъ быту.

Въ одно время, послѣ обыкновенныхъ утреннихъ прогулокъ и чаепитія, зашелъ у насъ разговоръ о сибирскихъ мѣхахъ, и порѣшили мы, что собольи мѣха и красивѣе, и легче другихъ. Не долго думая, обращается Н. И. ко мнѣ съ просьбою сей-часъ же ѣхать съ нимъ въ гостинный дворъ, чтобы вмѣстѣ выбрать соболій мѣхъ на шубу и шапку, о чемъ онъ не упустилъ изъ виду тотчасъ-же сообщить и своей матери. Старушка, конечно, не имѣла ничего противъ этого и замѣтила только, что собольи мѣха очень дороги. „Нѣтъ, маменька",—возразилъ Н. И.,—„ я порѣшилъ построить себѣ шубу и шапку соболью—та ще таку, що якъ надину, то щобъ бувъ похожій на московскаго боярина Ивана Алмазова". И тутъ же начали мы собираться.—При всякомъ сборѣ мать Н. И. необходимо должна присутствовать. Н. И. досталъ деньги изъ своего письменнаго стола, не считая ихъ, сунулъ, какъ ему показалось, въ карманъ; но вмѣсто кармана деньги очутились на полу. Ощупавъ карманъ, который оказался пустымъ, Н. И. обратился къ матери: „маменька! куда я деньги положилъ?"—„А отъ же що на полу лежить", отвѣтила старуха и при этомъ дала наставленіе, чтобы деньги онъ всегда носилъ въ бумажникѣ и не въ брючныхъ карманахъ, а въ боковыхъ-сюртучныхъ. Не прошло и

минуты, опять приглашеніе матери—„гдѣ сигары, маменька?"—„И сигары положены, и ты взялъ", отвѣчаетъ старуха, „и положилъ въ карманъ". „А платокъ носовой дала мнѣ?" сказалъ онъ, стоя уже на выходѣ, у порога. „И платокъ тоби дала".—„То я ничого не забувъ?"—„Та ни, идить уже съ Богомъ!" отвѣчаетъ старуха.

Кажется, что со дня пріѣзда его въ Петербургъ, онъ квартиръ не мѣнялъ, а постоянно жилъ на Васильевскомъ Островѣ, въ 9 линіи, въ домѣ Киршанова, подъ № 4,—[1]) въ третьемъ этажѣ. Квартира была небольшая, со скромною, но очень приличною обстановкою. Обѣдъ его состоялъ изъ трехъ всегда отлично-хорошо приготовленныхъ блюдъ. Чай онъ любилъ пить хорошій и часто пилъ желтый чай. Кофе также любилъ, но постоянно говорилъ, что въ Петербургѣ не могутъ приготовлять такого вкуснаго кофе, какой онъ пилъ въ Италіи.

Въ тѣсномъ своемъ кружкѣ Н. И. любилъ вести разговоры на темы изъ жизни народной, бытовой, при чемъ иногда проглядывала у него склонность къ суевѣріямъ. Зашелъ какъ-то разъ разговоръ о повѣріяхъ нашихъ малороссіянъ, о посѣщеніи умершими своихъ домовъ. Н. И. разсказалъ по этому поводу такой случай: „Пріѣхавъ разъ какъ-то домой, въ деревню свою, въ острогожскій уѣздъ, къ родителямъ на каникулы съ однимъ изъ медиковъ—студентовъ высшаго курса, мы узнали изъ разсказовъ домашнихъ, что одна изъ крестьянокъ неоднократно заявляла моей матери, что недавно похороненный ея мужъ каждую ночь ровно въ полночь приходитъ домой. Явленіе это всегда случается при слѣдующихъ обстоятельствахъ: въ полночь, предъ пѣніемъ пѣтуховъ изъ одного угла избы слышится сильный вѣтеръ, потомъ отворяется въ избу дверь и является тѣнь мужа. Насъ, говоритъ Н. И., заинтересовало это обстоятельство до такой степени, что мы съ товарищемъ порѣшили переночевать въ избѣ и убѣдиться въ справедливости разсказа. Съ вечера пришли мы въ избу и улеглись на полу (поломъ въ малорус-

[1]) Года за три до смерти, Н. И. перебрался изъ этой квартиры въ 1-ю линію въ домъ Бруни.—Ред.

скихъ крестьянскихъ избахъ называется то мѣсто, которое служитъ вмѣсто кровати); съ напряженнымъ вниманіемъ поджидали мы того времени, когда тѣнь явится. Ровно въ полночь услыхали изъ-за угла хаты вѣтеръ; въ это время мы еще больше пришли въ тревожное состояніе; наконецъ мы слышимъ скрипъ дверей, и намъ явственно показалась тѣнь человѣка, идущаго отъ дверей къ столу. Тутъ уже у меня совсѣмъ дыханіе замерло; товарищъ мой до того былъ пораженъ этимъ явленіемъ, что не могъ проговорить ни одного слова. Страхъ нами овладѣлъ не на-шутку; мы не скоро могли подняться и зажечь свѣчу".

Впрочемъ, такіе суевѣрные разсказы имѣли для Ник. Иван. иное значеніе: онъ каждымъ изъ нихъ хотѣлъ воспользоваться для цѣлей научныхъ. Такъ, однажды я разсказалъ ему, что мнѣ пришлось видѣть въ селѣ Либачевкѣ (дубенск. уѣзда), отстоящемъ отъ Берестечка въ 5 верст., множество человѣческихъ костей, валяющихся по дорогѣ и по выгону. На мое замѣчаніе старостѣ, почему онъ не распорядится собрать черепа и кости и предать ихъ землѣ, староста отвѣтилъ мнѣ, что въ этомъ году больше всего вышло костей изъ земли, а бываютъ годы, когда ихъ вовсе нѣтъ; въ иные годы онѣ рѣдко попадаются, но бываетъ время, что поселяне не могутъ обобраться костей, какъ будто село основано на какомъ то большомъ кладбищѣ. „Стари люде говорять, закончилъ староста, и мы добре це зазналы, що кости пидходять съ земли, и це, кажуть, кости тихъ людей, що и земля ихъ не прыймае". Разсказъ этотъ до того заинтересовалъ Н. И., что онъ готовъ былъ сейчасъ ѣхать со мною въ это село для обозрѣнія той мѣстности, изслѣдованія памятниковъ и подробнаго разспроса людей объ этомъ повѣріи. Тутъ онъ припомнилъ то время, когда еще былъ въ Ровенской гимназіи учителемъ и писалъ исторію Богдана Хмельницкаго. Для собранія свѣдѣній о знаменитой битвѣ казаковъ съ поляками подъ Берестечкомъ я, говорилъ Н. И., въ каникулярное время отправился съ товарищемъ, учителемъ гимназіи, въ м. Берестечко. Прибывши въ Берестечко, мы остановились въ жидовскомъ заѣзжемъ домѣ, гдѣ вели разговоръ, от-

носящійся къ тому событію. Жиды, по своей врожденной любознательности, подслушавъ нашъ разговоръ, дали знать становому приставу (становая квартира въ то время расположена была въ томъ же мѣстечкѣ) и передали ему нашъ разговоръ въ такомъ видѣ, какъ будто бы самъ Богданъ Хмельницкій явился съ своимъ полчищемъ для новаго погрома. Становой приставъ не замедлилъ къ намъ явиться и, узнавъ, кто мы и какова цѣль нашего посѣщенія, сказалъ: „Становой приставъ въ своемъ станѣ хозяинъ, а хозяину неловко противорѣчить; я радъ, что имѣю случай познакомиться съ вами, тѣмъ болѣе, что дѣти мои воспитываются въ вашей гимназіи;—прошу васъ перейти въ мой домъ“. Тутъ же онъ велѣлъ сотскому забрать наши вещи и перенести въ становую квартиру; намъ уступлена была отдѣльная комната, предоставлены были всѣ удобства. Пріемъ оказанъ былъ самый радушный. Мы цѣлыя сутки бездѣйствовали, отдыхали и угощались всѣми возможными наливками, такъ какъ хозяинъ дома былъ малороссіянинъ полтавской губерніи. На другой день, по распоряженію хозяина, собраны были старожилы мѣстечка, съ которыми мы и отправились на тѣ мѣста, гдѣ, по указанію ихъ, происходила козацкая битва. Осмотръ м. Берестечка и окрестностей его, при личномъ содѣйствіи пристава, произведенъ былъ безъ малѣйшихъ затрудненій.

Изъ постоянныхъ посѣтителей Н. И. по вторникамъ были профессора: М. И. Сухомлиновъ, Веселовскій, Савичъ, монахъ воспитанникъ Кіевской Духовной Академіи, Афанасій Турчановичъ, бывшій профессоромъ С.-Петербургской Духовной Академіи, помѣщавшій свои статьи въ „Основѣ“, священникъ Степанъ Опатовичъ, уроженецъ Волынской губ., воспитанникъ С.-Петербургской Академіи, бывшіе студенты: Южаковъ, Гайдебуровъ, Комаровъ и другія лица, какъ напримѣръ, графиня Толстая съ двумя дочерьми. Покойный математикъ Савичъ, уроженецъ харьковской губ. и воспитанникъ харьковскаго Университета и, кажется, современникъ по воспитанію Н. И., имѣлъ типъ добродушнаго малороссіянина; всегда спокойный, онъ въ разговорахъ и преніяхъ никогда не горячился, рѣчь его была проста,

плавна, сильна; держалъ себя просто, ласково, непритворно, по врожденной своей кроткой натурѣ. Сколько припоминаю, каждый разъ, когда профессоръ Савичъ бывалъ у Костомарова, заводилъ онъ разговоръ о направленіи нашей литературы и о деспотическихъ пріемахъ нашихъ журналистовъ, которые никому не позволяютъ смѣть свое сужденіе имѣть. Не знаю, по просьбѣ ли Н. И. Костомарова, или же по почину самого А. Н. Савича, въ лѣтнее время мы поѣхали къ нему на Академическую обсерваторію, гдѣ не мало удивилъ Савича Костомаровъ своими познаніями въ астрономической наукѣ. „Э э!— замѣтилъ при этомъ Савичъ,—та я бачу що вы не тилько знаете, що робылось и робыться на земли, але и на неби".

Татьяна Петровна, мать Н. И. Костомарова, по типу и языку принадлежала къ стариннымъ нашимъ малороссійскимъ помѣщицамъ. Она рѣдко выходила къ собиравшимся гостямъ, и то на самое короткое время, желая видѣть кого-либо изъ знакомыхъ. Когда же бывали дамы, то она принимала ихъ въ гостинной, въ которой мужчины никогда не принимались, а всѣ, сколько бы ихъ ни было, помѣщались въ рабочемъ кабинетѣ Н. И. Старуха рѣдко куда выѣзжала, а вела жизнь уединенную. Познакомившись съ моимъ семействомъ, она частенько приходила къ намъ; но когда Н. И. сдѣлался моимъ кумомъ (онъ былъ крестнымъ отцомъ моей дочери Александры, а кумою моя другая дочь тогда еще осьмилѣтняя), то не проходило того дня, чтобы старуха не зашла къ намъ провѣдать крестницу своего сына, которую очень любила, равно какъ и куму, которой постоянно носила куклы и гостинцы.

Вотъ тѣ обрывки, которые сохранила мнѣ моя старая память изъ временъ хорошаго прошлаго, и которыми я считалъ нужнымъ подѣлиться съ читателями.

Зосимъ Недоборовскій.

СИСТЕМА КАРАТЕЛЬНЫХЪ МѢРЪ ВЪ ЗАПОРОЖЬИ.[1]

(ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

II.

Карательныя мѣры.

1) *Смертная казнь.* Во главѣ карательной системы въ Запорожьи стояла смертная казнь. Эта карательная мѣра должна была получить тамъ довольно широкое примѣненіе, такъ какъ задачи карательной дѣятельности союза — обезпеченіе общины отъ преступниковъ—наиболѣе легко и удобно достигалось именно при посредствѣ этой мѣры. Независимо отъ этого она заключала еще въ себѣ элементъ устрашенія, какъ по своему существу, такъ и по моментальности исполненія; затѣмъ она была проста, легко примѣнима, не требовала никакихъ затратъ и вполнѣ соотвѣтствовала военному характеру общины. Дѣйствительно, если мы обратимъ вниманіе на то, что въ Сѣчи лишеніемъ жизни наказывалось простое воровство [2]), то должны будемъ прійдти къ заключенію, что область примѣненія смертной казни, при простотѣ и немногочисленности существовавшихъ тамъ отношеній, была довольно значительна сравнительно съ количествомъ совершавшихся тамъ преступленій. Болѣе точныя границы области ея примѣненія могутъ быть установлены,

---

[1]) Кіевск. Стар. 1893 г. № 1.

[2]) Грабянка, Дѣйствія презѣльной брани, ст. 19. (Кіевъ 1854).—Ригельманъ, Лѣт. повѣст., ч. I, ст. 17. „Воровство и блудъ не терпѣли и если бы кто хотя мало, какъ то путо и плеть у нихъ укралъ, повѣшенъ тотъ на деревѣ будетъ“.

если мы обратимся къ Литовскому Статуту, первоначальной редакціи (1529 г.) въ то время, когда большая часть Украины входила въ составъ Литовскаго княжества.

Опредѣленія Литовскаго Статута, изданнаго въ первый разъ въ 1588 г., не могли, конечно, остаться безъ вліянія на систему карательныхъ мѣръ и на область примѣненія ихъ въ Запорожьи, такъ какъ запорожская Сѣчь, представляя во многихъ отношеніяхъ оригинальную и самобытную организацію, должна была заключать въ себѣ много наносныхъ элементовъ, принесенныхъ изъ той страны, которая была родиной для большинства членовъ общины. Именно въ виду того обстоятельства, что запорожское товарищество состояло преимущественно изъ лицъ, происходившихъ изъ страны, гдѣ господствовали исключительно юридическіе принципы Литовскаго Статута, духомъ котораго они проникались съ малолѣтства, мнѣ кажется, надо признать, что Литовскій Статутъ долженъ былъ имѣть значительное вліяніе на характеръ отправленія уголовнаго правосудія въ Запорожьи. Конечно, опредѣленія Литовскаго Статута, не соотвѣтствовавшія характеру и задачамъ Сѣчи, отбрасывались, но тѣмъ не менѣе въ общемъ они не могли не отразиться на правовоззрѣніяхъ общины.—Въ Статутѣ 1588 г. въ большинствѣ артикуловъ, относящихся къ уголовнымъ преступленіямъ, какъ наказаніе полагается смертная казнь; въ особенности изобилуютъ ею раздѣлы XI и XIV. Если преступленія, за которыя опредѣлялось лишеніе жизни, разбить по группамъ, то по Литовскому Статуту смертная казнь назначалась за слѣдующіе виды преступныхъ дѣяній: за различнаго рода убійства, нанесеніе ранъ и увѣчій [1]), за прелюбодѣяніе [2]), увозъ жены отъ мужа [3]) и сводничество [4]), за подлоги бумагъ и поддѣлки печатей [5]), за раз-

---

[1]) Статутъ Великаго Княэьства Литовскаго 1588 г. (Изд. Имп. москов. общ. ист. и древ. россійскихъ) разд. XI и XII.

[2]) Разд. XIV, ар. 30.

[3]) Ibid. ар. 29.

[4]) Ibid. ар. 31.

[5]) Разд. I, ар. 16, 17.

бой, грабежъ [1]), поджигательство [2]) и простую кражу [3]). Такимъ образомъ, мы видимъ, что область дѣяній, обличаемыхъ смертною казнью, по Статуту является черезвычайно широкой. Любопытно то обстоятельство, что по Литовскому статуту, равно какъ и въ Запорожьи, наказывалось смертною казнью простое воровство. По Статуту воровство наказывалось лишеніемъ жизни, когда воръ былъ пойманъ съ поличнымъ и стоимость похищеннаго была выше 4 копъ грошей; кражи предметовъ, стоимостью меньше упомянутой цѣны, влекли за собою тѣлесное наказаніе, но когда воръ попадался на этой маловажной кражѣ третій разъ, то подвергался смертной казни [4]).

Въ запорожской сѣчи мы находили почти однородныя опредѣленія: кражи маловажныя наказывались прикованіемъ къ столбу на площади; за „великое же воровство" или если въ воровствѣ много разъ „приличился", опредѣлялась смертная казнь" [5]). Кража маловажная по стоимости, но квалифицированная по качеству похищенныхъ предметовъ, т. е. кража предметовъ, наиболѣе необходимыхъ въ домашнемъ обиходѣ или составляющихъ принадлежность снаряженія или хозяйства, какъ по Статуту, такъ и въ Сѣчи, ставилась подъ угрозу наказанія лишеніемъ жизни.

Въ Запорожьи за „едино путо или плеть" вѣшали на деревѣ, а по Литовскому статуту за кражу „свирни або клети панское, шляхетское и мужицкое виновный имѣетъ быти гирломъ каранъ" [6]). Такимъ образомъ, мы видимъ, что простая кража влекла за собою смертную казнь по Литовскому Статуту и въ Сѣчи лишь при рецидивѣ; квалифицированная же кража, даже маловажная по стоимости,—при первомъ совершеніи преступленія. Достаточно этого сопоставленія, чтобы признать на-

---

[1]) Разд. XI, ар. 31, 32.

[2]) Ibid. ар. 18.

[3]) Разд. XIV, ар. 7, 14, 15, 17, 22 и т. д.

[4]) Литовскій Статутъ 1588 г., разд. XIV, ар. 7.

[5]) Мышецкій, исторія, ст. 58; Ригельманъ, лѣт. повѣст. ч. IV, ст. 83.

[6]) Литов. стат. 1588 г., р. XIV, ар. 14.

личность вліянія Статута на характеръ карательной дѣятельности въ Сѣчи.

Область преступныхъ дѣяній, за которыя въ Запорожьи опредѣлялась смертная казнь, была едва ли не больше, чѣмъ въ Литовскомъ Статутѣ. Дошедшіе до насъ акты и лѣтописи упоминаютъ о слѣдующихъ преступныхъ дѣяніяхъ, поставленныхъ подъ угрозу наказанія лишеніемъ жизни: убійство козака козакомъ [1]) и убійство вообще [2]), „великое воровство" и кража вообще, если въ ней кто „много разъ приличится"; блудъ, мужеложство и скотоложство [3]); грабежъ, разбой и гайдамачество [4]); незаконные поступки и оскорбленіе войсковыми старшинами членовъ общины [5]), посягательство на неприкосновенность сѣчеваго имущества [6]), пьянство во время похода [7]), трусость и проигрышъ старшиной сраженія [8]). Кромѣ того, въ историче-

[1]) Мышецкій, Ист., ст. 56.

[2]) Ригельманъ, Лѣтоп. повѣст., ч. IV, ст. 82: „напереду сего разбойниковъ, *смертоубійцъ*, злодѣевъ и воровъ по состоянію винъ ихъ казнили смертью".—Устное повѣствованіе запорожца Коржа, ст. 24 (Одес. 1842): „Убійство также замѣняютъ убійствомъ и убиваютъ преступника до смерти".

[3]) Мышецкій, Исторія ст. 58; Ригельманъ, Лѣтоп. повѣст. ч. IV, ст. 83, ч. I, ст. 17; Грабянка, Исторія през. брани, ст. 19.

[4]) Ригельманъ, Лѣтоп. повѣст. ч. IV, ст. 83. Матерьялы для исторіи южнорусскаго края въ XVIII ст. ст. 21. (Письмо кошеваго атамана Милашевича къ кіев. генер.-губернатору 17 мая 1743 г.); ст. 137—дѣло о тумахъ (бродягахъ) 1747 г.—Эварницкій, сборникъ матерьяловъ для исторіи запорожскихъ козаковъ. Спб. 1888 г. № LXXIV, ст. 166.

[5]) Ригельманъ, Лѣтоп. повѣст. ч. I, ст. 17.: „но и старѣйшинамъ ихъ жить съ опаствомъ съ ними было должно. Ежели бы кто чѣмъ нибудь оскорбилъ ихъ напрасно, тотчасъ предавали попосной смерти или скинутъ по состоянію вины съ начальства". То же, но въ другой редакціи у Грабянки (Ист. през. бр. ст. 19), у котораго очевидно заимствовалъ Ригельманъ.

[6]) Кіевская Старина 1882 г. Декабрь, ст. 528, 529,—приговоръ большой экстраординарной рады 23 декабря 1764 г.: „на кажду потребность атаманамъ и старшинѣ казны войсковой себѣ никогда не дѣлити и не касаться безъ стариковъ до скарбу неподвижнаго войсковаго подъ смертнымъ штрафомъ и кто поступитъ противъ этого войсковаго устава, то горломъ карать и всю худобу его забрать не уважая ни на старшину, ни на атамановъ и ни на кого".

[7]) Бопланъ, Опис. Укр., ст. 63: „козаки во время похода всегда трезвы и если замѣчается пьяница, атаманъ приказываетъ его выбросить за бортъ".—Сѣверный архивъ 1824 г., XI, ст. 283—296, Зап. Ад. Крюйса.

[8]) Бопланъ, Описаніе Укр., ст. 61: „козаки робкаго вождя умерщвляютъ, какъ измѣнника и на мѣсто его ставятъ новаго.—Сѣвер. Архивъ, 1824, XI, ст. 283—296:

скихъ памятникахъ мы находимъ еще указаніе на примѣненіе смертной казни также къ лицамъ, не желавшимъ подчиниться рѣшенію большинства при обсужденіи какихъ либо вопросовъ на общихъ радахъ [1]), а также къ тѣмъ козакамъ, которые отказывались отъ предлагаемаго имъ мѣста кошеваго атамана [2]); но надо замѣтить, что если въ этихъ случаяхъ и имѣло мѣсто наказаніе лишеніемъ жизни, то оно носило скорѣе характеръ народной расправы съ непокорными, нежели было наказаніемъ въ юридическомъ смыслѣ этого слова. Въ запискахъ Манштейна упоминается еще о томъ, что смертной казни подвергались также всѣ тѣ лица, не исключая даже и кошеваго, которые вели переписку помимо писаря, такъ какъ въ Сѣчи вести таковую имѣлъ право одинъ лишь войсковой писарь [3]); это свидѣтельство Манштейна другими памятниками не подтверждается. Такимъ образомъ преступленія, за которыя въ Запорожьи назначалась смертная казнь, по своему характеру и свойствамъ почти вполнѣ соотвѣтствовали таковымъ же дѣяніямъ, поставленнымъ подъ угрозу смертной казни въ Литовскомъ Статутѣ, за исключеніемъ, конечно, такихъ преступленій, какъ напр. подлогъ и поддѣлка монетъ, которыя не могли имѣть мѣста въ Запорожьи; но за то здѣсь, съ другой стороны, былъ выдвинутъ цѣлый рядъ новыхъ преступныхъ дѣяній, явившихся какъ послѣдствіе военной организаціи и военнаго характера запорожской общины, напр. трусость и т. п.

Широка область и многообразны преступленія, за которыя въ Запорожьи полагалась смертная казнь, но надо думать, что границы ея дѣйствительнаго примѣненія были значительно уже и приговоры о смертной казни фактически часто не приводи-

„Самъ атаманъ не безопасенъ при неудачкѣ какого либо похода, ибо таковое несчастіе обыкновенно ему приписывали въ вину и онъ за это платилъ иногда головою".

[1]) Дневникъ Эриха Лассоты, Мемуары, относящіеся къ исторіи южной Руси. Кіевъ 1890 г., вып. I, ст. 168, 173.

[2]) Бопланъ, Описаніе, ст. 60: "если избранный неохотно принимаетъ мѣсто, ему предлагаемое, отговариваясь неспособностью или дряхлостью, ему отвѣчаютъ, что онъ дѣйствительно не достоинъ чести быть козацкимъ предводителемъ и безъ околичностей убиваютъ его".—Сѣвер. Архивъ, 1824 г., XI, ст. 283—296.

[3]) Манштейнъ, Записки о Россіи, ст. 14 (Сп. 1875 г.).

лись въ исполненіе. Къ такому выводу насъ приводятъ нѣкоторыя мѣста изъ памятниковъ, касающихся исторіи Запорожья; такъ, Ригельманъ (Мышецкій) указываетъ въ своемъ лѣтописномъ повѣствованіи, что преступника иногда освобождали отъ наказанія лишеніемъ жизни, когда онъ былъ „храбръ и человѣкъ надежный“ и о немъ „жалѣли цѣлымъ обществомъ“; затѣмъ изъ приговора Коша 1767 г. августа 8 мы видимъ, что нѣкій житель Протовчанской паланки, убившій женщину и изрѣзавшій ножомъ трупъ убитой, хотя за такую „винность и подлежалъ смертной казни“, но въ виду того, что онъ имѣлъ малолѣтнихъ дѣтей и жену, которыя могли остаться „безъ воскормленія“—смертная казнь была замѣнена для него „жестокимъ“ наказаніемъ кіями и отправленіемъ на прежнее жительство на покаяніе [1]). Слѣдовательно, при опредѣленіи размѣра уголовной отвѣтственности за преступленія, принимались во вниманіе не только внѣшняя сторона преступнаго дѣянія, т. е. количество и качество причиненнаго вреда и субъективные моменты виновности, т. е. внутренняя сторона преступнаго дѣянія, но и обстоятельства совершенно посторонія, не имѣвшія никакого отношенія къ преступному дѣянію. При подобномъ взглядѣ на мотивы, опредѣляющіе собою размѣръ уголовной отвѣтственности за преступное дѣяніе, понятно, что замѣна смертной казни другими видами наказаній могла практиковаться въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, такъ какъ въ каждомъ конкретномъ случаѣ подобные мотивы могли быть всегда на лицо. Съ другой стороны, область примѣненія смертной казни должна была съузиться благодаря давленію русскаго правительства, которое подозрительно смотрѣло въ послѣдній періодъ существованія Запорожья на его черезчуръ обширное самоуправленіе и широкую юрисдикцію въ сферѣ уголовно-карательной дѣятельности. Указомъ 1749 г. марта 13 приговоры о смертной казни, наконецъ, были окончательно запрещены; но тѣмъ не менѣе, не смотря на это запрещеніе, они продолжали приво-

[1]) Скальковскій, Ист. Нов. Сѣчи, т. I, ст. 164.—Преступныя дѣянія жителей паланокъ подлежали уголовной юрисдикціи Коша.

диться въ исполненіе до самаго конца существованія Сѣчи: „смертная казнь хотя имъ по указу, такъ равно и прочимъ правительствомъ безъ донесенія о дѣлѣ виннаго и безъ повелѣнія чинить запрещено было, но однакожъ мертвили“ [1]); и мы видимъ, что даже въ 1770 г., т. е. за нѣсколько лѣтъ до уничтоженія Сѣчи, по распоряженію кошеваго атамана Кальнишевскаго, было велѣно козака „вора Зиму“, заслуживающаго смертной казни, „по общему приговору повѣсить тамъ, гдѣ онъ шалости дѣлалъ“ [2]).

Въ XVIII ст. на Украинѣ и въ польскихъ областяхъ начали свирѣпствовать гайдамаки. Широкой волной разливались они по обширному, богатому краю, неся съ собою опустошеніе и оставляя вездѣ кровавые слѣды. Для прекращенія безпорядковъ русское правительство начало принимать самыя энергическія мѣры и поступало съ виновными какъ съ „бунтовщиками, нарушителями общаго покоя, разбойниками и убійцами“ (указъ 24 іюля 1768 г.).

Въ числѣ гайдамакъ, попадавшихъ въ руки правительства, часто находились также и запорожцы, принимавшіе иногда участіе въ вспышкахъ озлобленнаго населенія, покидавшаго семейные очаги для мести, разбоя и грабежа. Попадая въ руки русскаго правительства, они не передавались для сужденія въ Кошъ, а судились на основаніи существующихъ въ Россіи законовъ. Въ отношеніи кіевскаго генер.-губ. Воейкова къ бригадиру Черткову 15 августа 1768 г. предписывалось произвести допросъ содержащимся вмѣстѣ съ гайдамаками запорожцамъ и „формальнымъ образомъ судить“ ихъ по приложенному экстракту указа; въ экстрактѣ же указывалось, что когда преступникамъ „вслѣдствіе всѣхъ на свѣтѣ законовъ опредѣлена будетъ смертная казнь, перемѣнить ее при самомъ исполненіи въ тѣлесное наказаніе кнутомъ, клеймомъ и вырываніемъ ноздрей, ссылкой въ Нерчинскъ, оковавши на мѣстѣ въ кандалы“ [3]). Слѣдова-

[1]) Ригельманъ, Лѣт. повѣст., ч. IV, ст. 82.

[2]) Скальковскій, Ист. Нов. Сѣчи, т. I, ст. 63.

[3]) Кіевская Старина 1882 г. Августъ, ст. 320 и 321,—Отношеніе кіев. генер.-губ. бригадиру Черткову о допросѣ и отсылкѣ запорожцевъ, содержавшихся въ

тельно, если смертная казнь не примѣнялась къ такимъ преступникамъ, „какъ будучи взяты съ оружьемъ въ рукахъ противъ войскъ Ея Императорскаго Величества не могутъ, конечно, оправдаться ни въ бунтовщичьемъ супротивленіи волѣ и оружію Е. И. В., ни въ разнообразныхъ въ Польшѣ произведенныхъ варварствахъ, когда они на самомъ дѣлѣ пойманы" [1]), то нѣтъ сомнѣнія, что русское правительство прилагало съ своей стороны всѣ усилія къ тому, чтобы прекратить въ Запорожьи примѣненіе смертной казни за преступныя дѣянія, которыя имѣли несомнѣнно менѣе серьезный характеръ, нежели вооруженное сопротивленіе императорскимъ войскамъ.—Что отправленіе уголовнаго правосудія въ Сѣчи дѣйствительно въ послѣднее время находилось до нѣкоторой степени подъ контролемъ русскаго правительства, можно заключить изъ тѣхъ донесеній, которыя посылались изъ Сѣчи имѣвшими въ ней жительство съ гарнизономъ русскихъ войскъ офицерами и касались дѣйствій Коша по искорененію гайдамачества и опредѣленія наказаній виновнымъ въ этихъ преступленіяхъ [2]).

Наконецъ, что касается вопроса, какого рода преступныя дѣянія влекли за собою тотъ или другой видъ смертной казни, то мы его коснемся при изложеніи видовъ карательныхъ мѣръ, теперь же замѣтимъ, что строгаго разграниченія въ этомъ отношеніи не существовало и видъ смертной казни, опредѣляемой общиной, назначался въ зависимости отъ обстановки преступнаго дѣянія, а также отъ степени субъективной виновности преступника; иногда за одно и то же преступленіе назначалось нѣсколько видовъ наказаній: „убійство также замѣняютъ убійствомъ и убиваютъ преступника до смерти, какая казнь будетъ положена, тоже по приговору начальства" [3]).

Виды смертной казни. Виды смертной казни по способу ихъ выполненія раздѣляются на двѣ группы: простые и квали-

Кременчугѣ, 15 августа 1768 г.; экстрактъ указа въ кіевскую губернскую канцелярію изъ госуд. коллегіи иностр. дѣлъ, 24 іюля 1768 г.

[1]) Ibid., ст. 321.

[2]) Эварницкій, Сборникъ матер., доношенія капитана Межуева 23 октября 1760 г. и 6 марта 1761 г., ст. 166 и 171.

[3]) Уст. повѣст. зап. Коржа ст. 24.

фицированные. Квалифицированныя формы смертной казни въ свою очередь распадаются на квалифицированныя мучительныя, при которыхъ усугубленіе смертной казни направляется прямо на тѣло преступника прибавленіемъ тѣлесныхъ страданій, которымъ подвергался преступникъ до момента лишенія жизни, и квалифицированныя обрядовыя, соединенныя съ различными унизительными и позорными обрядами и церемоніями. Въ Запорожьи существовали всѣ эти виды смертной казни, при чемъ къ числу квалифицированныхъ должны быть отнесены закопаніе въ землю живымъ, повѣшеніе на крюкъ за ребро, посаженіе на колъ и убіеніе при столбѣ кіями... При разсмотрѣніи наказаній, направленныхъ на жизнь и тѣлесную неприкосновенность, бывшихъ болѣе всего въ употребленіи въ Запорожьи сравнительно съ другими видами наказаній, мы для болѣе полнаго освѣщенія запорожской карательной системы, въ общихъ чертахъ будемъ приводить соотвѣтствующіе виды наказаній, примѣнявшихся по Литовскимъ Статутамъ и въ русскомъ правѣ XVII ст. На этомъ столѣтіи мы останавливаемся въ виду того, что XVII ст. было порой, въ которую запорожское войско достигло найбольшаго развитія и процвѣтанія, и тогда именно получили болѣе удачное выраженіе всѣ самобытныя формы наказаній, еще свободныхъ отъ чуждыхъ имъ по духу вліяній.

а) *Закопаніе живымъ въ землю* [1]). Этотъ жестокій видъ смертной казни, надо полагать, былъ вообще мало роспространенъ даже и въ этотъ суровый вѣкъ. Ни въ судебныхъ, ни въ историческихъ актахъ, относящихся къ исторіи Запорожья, никакихъ указаній на существованіе въ немъ этой формы смертной казни мы не находимъ; упоминаютъ лишь о ней Мышецкій, Ригельманъ и англійскій резидентъ въ Петербургѣ Клавдіусъ Рондо въ донесеніи 1736 г. Лорду Гаррингтону. Надо думать, что закопаніе живымъ въ землю примѣнялось сравнительно рѣдко и къ концу существованія Сѣчи совершенно исчезло, такъ

[1]) M. Lesur. Histoire de kosaques, t. I, p. 294.: „Chez ces farouches guerriers le meurtrier d'un de ses compagnons était enterré vivant couché sur le cadavre“.— A. W. Hupel, Von den Kozaken (Riga 1790) p. 205—223. „Wenn ein kozak den andern erschlug so wurde er mit dem erschlagenen lebendig begraben.

какъ, въ противномъ случаѣ, мы несомнѣнно нашли бы указанія на него въ воспоминаніяхъ зопорожца Коржа. Кромѣ того, это же мнѣніе подтверждается и Ригельманомъ; при перечисленіе видовъ наказаніи, которымъ подвергались преступники, онъ указываетъ, что „по состоянію винъ ихъ казнили смертью, вѣшали и подъ гробъ убитаго въ могилу клали и у столба убивали, что и до разрушенія ихъ ту послѣднюю кару дѣлывали“ [1]). Останавливаясь на редакціи этой выписки, слѣдуетъ прійдти къ заключенію, что передъ разрушеніемъ Сѣчи, закопаніе живымъ въ землю вышло уже изъ употребленія. Какъ самый грубый, жестокій видъ смертной казни, закопаніе живымъ въ землю назначалось за одно изъ самыхъ тяжкихъ преступленій, а именно за убійство козака козакомъ. „Главная вина у нихъ почитается, ежели козакъ козака убьетъ до смерти, то убійцу живаго кладутъ въ гробъ убіеннаго и обоихъ землею засыпаютъ“ [2]). Указаніе англійскаго резидента Рондо и Ригельмана по этому предмету являются болѣе неопредѣленными. Изъ повѣствованія Ригельмана можно вывести заключеніе, что закопаніе живымъ въ землю примѣнялось „по состоянію винъ ихъ“ ко всѣмъ разбойникамъ и смертоубійцамъ безразлично [3]); Рондо же прямо указываетъ, что этотъ видъ смертной казни назначался всѣмъ убіцамъ вообще [4]). Такимъ образомъ изъ этихъ двухъ свидѣтельствъ мы можемъ сдѣлать выводъ, что, если этотъ видъ смертной казни и не назначался за всѣ тѣ преступленія, которыя перечисляетъ Ригельманъ, то во всякомъ случаѣ онъ опредѣлялся за всякое убійство безразлично. Но подобное заключеніе было бы неправильнымъ. Если мы примемъ во вниманіе, что самая строгая форма казни должна была назначаться за самое тяжкое преступленіе, каковымъ въ дѣйствительности и было убійство ко-

[1]) Ригельманъ, Лѣтоп. повѣст., ст. 82.

[2]) Мешецкій, Исторія, ст. 56, 57.

[3]) Ригельманъ, ibid., „разбойниковъ, смертоубійцъ, злодѣевъ и воровъ по состоянію винъ ихъ казнили смертью, вѣшали и подъ гробъ убитаго въ могилу клали“...

[4]) Кіевская Старина, 1889 г. № 11, ст. 445. Англійское извѣстіе о запорожцахъ 1736 г.: „обнаруживъ убійцу, выкапываютъ яму, кладутъ убитаго на убійцу и зарываютъ ихъ рядомъ“.

зака козакомъ, такъ какъ этимъ преступнымъ дѣяніемъ нарушался основной принципъ организаціи Сѣчи—братство и товарищество, что выраженія „смертоубійца, убійца“ должны именно означать убійство козака козакомъ, такъ какъ Сѣчь состояла исключительно лишь изъ козаковъ и убійство другихъ лицъ при разбояхъ и грабежахъ влекло за собою, какъ мы увидимъ ниже, наказаніе болѣе мягкаго характера, то должны будемъ остановиться на томъ предположеніи, что закопаніе живымъ въ землю опредѣлялось исключительно лишь за убійство козака козакомъ какъ за самое тяжкое преступное дѣяніе. На этой же точкѣ зрѣнія стоятъ Lesur и Hupel.

Что касается способа совершенія этого наказанія, то подробнаго описанія обряда казни у лѣтописцевъ мы не находимъ. Изъ приведенныхъ выше отрывковъ видно, что убійцу вмѣстѣ съ убитымъ клали въ могилу и затѣмъ зарывали ихъ землею.— Мышецкій указываетъ на нѣсколько другую форму производства казни: убійцу предварительно клали въ гробъ вмѣстѣ съ убитымъ, а затѣмъ уже зарывали гробъ въ могилѣ [1]).

О существованіи этого вида смертной казни въ Московской Руси упоминаютъ нѣкоторые изъ иностранцевъ (Petrejus, Перри), но Сергѣевскій полагаетъ, что это наказаніе употреблялось тамъ скорѣе какъ форма народной расправы, а не какъ установленный закономъ видъ смертной казни [2]). Но тамъ существовалъ другой видъ смертной казни, близко граничившій съ зарытіемъ живымъ въ землю, а именно—*окопаніе въ землю по плечи*. Это наказаніе опредѣлялось женамъ за убійство мужей; оно практиковалось въ довольно обширныхъ размѣрахъ и сохранилось до 1740 г. [3]).

---

[1]) При отсутствіи положительныхъ документальныхъ свѣдѣній о существованіи этого рода казни въ запорожьи и въ виду характера источниковъ, въ которыхъ встрѣтились приводимыя указанія, мы полагаемъ, что, впредь до открытія неоспоримыхъ документальныхъ свидѣтельствъ, мы въ правѣ сомнѣваться въ томъ, что показанія Лесюра, Рондо, Мышецкаго и Ригельмана основаны на дѣйствительности, и полагаемъ, что они могутъ быть, скорѣе заимствованы изъ бродячей, общей многимъ народамъ легенды.—Ред.

[2]) Н. Д. Сергѣевскій, Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII в. Сп. 1887, ст. 104.

[3]) ibid. ст. 108—111.

Въ Литовскомъ Статутѣ о зарытіи живымъ въ землю не упоминается; за преступленія болѣе тяжкаго характера Статутомъ опредѣлялись наказанія еще болѣе мучительныя, которыя въ Сѣчи совершенно не были въ употребленіи, какъ то: четвертованіе и сожженіе [1]).

б) *Повѣшеніе.* Оно было одно изъ самыхъ употребительныхъ видовъ смертной казни, и относительно его мы находимъ въ памятникахъ многочисленныя указанія. Смертная казнь черезъ повѣшеніе опредѣлялась за слѣдующія преступленія: кражу лошадей и скота [2]); воровство „малое" („если бы кто хотя мало, какъ то путо или плеть у нихъ укралъ, повѣшенъ тотъ на деревѣ будетъ"); „великое воровство и кто много разъ приличился, такихъ, бравъ отъ столба вѣшаютъ" [3]); покупку краденаго и принятіе краденаго на сохраненіе [4]); разбой и грабежъ [5]); гайдамачество [6]). Такъ какъ разбой, грабежъ и вообще гайдамачество сопровождалось большею частью убійствомъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что повѣшеніе примѣнялось и къ этому виду преступныхъ дѣяній [7]). Относительно примѣненія въ Запорожьи этой формы смертной казни находятся еще указанія въ документахъ, приведенныхъ Скальковскимъ въ Исторіи новой сѣчи [8]).

Область примѣненія повѣшенія была очень широка, и оно сохранилось до самаго паденія сѣчи. Если обратимъ вниманіе

---

[1]) Литовскій Статутъ 1588 г., разд. XI, ар. 7, 9, 16, 17, 18 и 1—д: Разд. I, ар. 16, 17.

[2]) Матерьялы для исторіи южно-русскаго края въ XVIII ст., ст. 21; письмо кошеваго Милашевича къ кіев. генер.—губ. Леонтьеву 27 Мая 1743 г.—Эварницкій Сборникъ матерьяловъ, № LXXVIII, ст. 171; доношеніе капитана Межуева 6 марта 1761 г.

[3]) Мышецкій, Исторія, стр. 57.

[4]) Ibid. стр. 58: Вѣроятно лицамъ, виновнымъ въ этихъ преступленіяхъ, опредѣлялась смертная казнь въ томъ случаѣ, когда они уличались въ такомъ преступленіи неоднократно.

[5]) Матеріалы для ист. юж. рус. края въ XVIII ст., ст. 137 (дѣло о тумахъ 1747 г.).

[6]) Эварницкій, сборн. матер., ст. 166; доношеніе капитана Межуева 23 октября 1760 г.

[7]) Надхинъ, память о запорожьи, ст. 54 (Мос. 1877 г.).

[8]) Ист. нов. сѣчи, ст. 63, 71, 78, 166.

на краткій перечень преступныхъ дѣяній, приведенный нами сейчасъ, то должны будемъ прійти къ заключенію, что повѣшеніе опредѣлялось почти исключительно за преступленія противъ собственности; но съ другой стороны, слѣдуетъ замѣтить, что всѣ перечисленныя выше дѣянія влекли за собой часто и другіе виды наказаній, преимущественно битье кіями у столба.

Такимъ образомъ, точнаго разграниченія преступныхъ дѣяній и наказаній, которыми они облагались, не было, хотя надо думать, что нѣкоторая группировка въ этомъ отношеніи существовала; это подтверждается Коржемъ, который говоритъ, что преступниковъ „казнятъ въ Сѣчи или по паланкамъ, смотря по преступленіямъ: иныхъ вѣшаютъ на шибеницу, иныхъ убиваютъкіями до смерти, иныхъ сажаютъ на пали, а иныхъ отсылаютъ въ Сибирь“ [1]).

Кромѣ преступленій противъ собственности, повѣшеніемъ наказывались также и преступленія противъ нравственности. „За блудодѣяніе ихъ междуусобное, наказывались они такъ, какъ и за воровство домашнее“ [2]); воровство же домашнее, какъ мы видѣли раньше, влекло за собою повѣшеніе. Въ другомъ мѣстѣ указанія Ригельмана относительно этого преступленія не представляются столь опредѣленными: „воровство и блудъ не терпѣли, и если бы кто хотя мало, какъ то путо или плеть у нихъ укралъ, повѣшенъ тотъ на деревѣ будетъ“ [3]). Хотя изъ этойредакціи трудно заключить, относится ли повѣшеніе и къ блуду, но весь мавѣроятно, что здѣсь является просто неполнота въ изложеніи,которая можетъ быть восполнена вышеприведенной выдержкой.

Если обратимся теперь къ литовскимъ правамъ, то увидимъ, что статуты великаго княжества Литовскаго имѣли несомнѣнное вліяніе на характеръ наказаній именно за преступленія противъ собственности. Для наглядности приведемъ здѣсь нѣсколько статей изъ этихъ статутовъ. Въ статутѣ 1492 года Казиміра Ягеллончика [4]), смертная казнь черезъ повѣшеніе назначалась за слѣдующія, напримѣръ, преступныя дѣянія про-

---

[1]) Уст. повѣст. зап. Коржа, ст. 24.

[2]) Ригельманъ, лѣт. повѣст., ч. IV, ст. 72.

[3]) Ibid., ч. I, ст. 17;—Грабянка, Ист. прсз. бр., ст. 19.

[4]) Zbior praw Litewskich od roku 1389 do roku 1529 Poznań 1841).

тивъ собственности: когда татя приводили съ лицомъ (поличнымъ) [1]); за кражу домашнихъ вещей на сумму болѣе полтины, если бы даже эта кража была первой [2]); за первую большую татьбу, наприм.—если была похищена лошадь и преступникъ приведенъ съ поличнымъ [3]). Въ Литовскомъ Статутѣ 1529 года этотъ же видъ смертной казни опредѣлялся за вторичную кражу предметовъ стоимостью хотя и меньше 10 грошей, но когда воръ былъ пойманъ съ поличнымъ [4]) и вообще когда „злодѣй будетъ пойманъ на злодѣйствѣ" (воровствѣ) [5]). Если теперь сравнить эти постановленія съ тѣми преступными дѣяніями, приведенными выше, которыя облагались въ Запорожьи смертной казнью черезъ повѣшеніе, то нельзя не признать, что опредѣленія Литовскихъ статутовъ отразились въ сѣчевыхъ правовоззрѣніяхъ на характеръ наказуемости именно этого вида преступныхъ дѣяній.—Въ Литовскомъ статутѣ 1588 года опредѣленіе наказаній за преступленія противъ собственности носитъ неопредѣленный характеръ; артикулы не дѣлаютъ ссылки ни на ту или другую форму наказаній, а выражаются прямо общей фразой: „горломъ каранъ будетъ" [6]). Хотя видъ смертной казни и не опредѣленъ здѣсь безусловно, но, имѣя въ виду постановленія предъидущихъ артикуловъ, надо полагать, что и по статуту 1588 г. за эти преступленія назначалось также повѣшеніе.

Повѣшеніе въ эту эпоху примѣнялось и въ Московской Руси. Оно назначалось за различнаго рода преступленія, напр., за измѣну, возстаніе; затѣмъ назначалось ворамъ, разбойникамъ и татямъ, которые... „довелись смертной казни" [7]).

Что касается способа совершенія казни, то указанія на него находятся у Коржа и Ригельмана. Шибеницы (висѣлицы) устраивались почти во всѣхъ паланкахъ въ различныхъ мѣстахъ,

---

[1]) Ibid. ар. II, ст. 37, 38.
[2]) Ibid. ар. XV, ст. 47.
[3]) Ibid. ар. XVI, ст. 47.
[4]) Ibid. ар. I, ст 376.
[5]) Ibid. ар. XII, ст. 384.
[6]) Лит. стат. 1588 г. р. XIV, ар. 7, 14, 22.
[7]) Сергѣевскій, Наказ. въ рус. правѣ XVII ст., ст. 101.

преимущественно на большихъ дорогахъ [1]) и вообще внѣ городовъ и селеній: „а когда надобно было злодѣевъ казнить, то довбышъ съ командою выходя за городъ...“ [2]). За неимѣніемъ висѣлицъ вѣшали на деревьяхъ [3]). Въ видахъ устрашенія преступниковъ часто вѣшали въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ими были совершены преступленія, какъ это мы видѣли изъ приведенной выше выдержки изъ письма кошеваго Калнишевскаго (11 авг. 1770 г.). Повѣшеніе производилось тремя способами:

1) *простымъ*, нормальнымъ; преступника садили на лошадь верхомъ и подвозили его къ висѣлицѣ или дереву, избранному для повѣшенія, и, накинувши ему петлю на шею, лошадь ударяли плетью; лошадь выводилась такимъ образомъ изъ подъ преступника и преступникъ оставался на висѣлицѣ [4]). Старикъ Россолода въ своихъ воспоминаніяхъ о запорожцахъ разсказываетъ еще о другомъ способѣ этой же казни: „къ висѣлицѣ приставляли лѣстницу, поднимали на ней преступника, а затѣмъ, накинувши ему на шею веревку, лѣстницу отнимали“ [5]).

2) *за ноги*—внизъ головою; объ этомъ видѣ повѣшенія упоминаетъ одинъ лишь Коржъ [6]).

3) квалифицированная форма повѣшенія, — *повѣшеніе за ребро на гакъ* (крюкъ). Объ этомъ видѣ повѣшенія упоминается у Коржа [7]) и у Клавдіуса Рондо [8]), кромѣ того память о немъ сохранилась въ народныхъ преданіяхъ [9]).

Коржъ по поводу этой формы казни говоритъ слѣдующее: преступника вѣшали за ребро на желѣзный крюкъ, и онъ оставался въ такомъ положеніи, пока не умиралъ и кости его не разсыпались; это дѣлалось въ примѣръ и страхъ другимъ, и

---

[1]) Уст. повѣст. Коржа, ст. 24.

[2]) Ригельманъ, Лѣт. повѣст., ст. 83.

[3]) Ibidem.

[4]) Повѣст. Коржа, ст. 25, Ригельманъ, Лѣт. пов., ст. 83.

[5]) Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа, ч. II, ст. 29 (Сп. 1888).

[6]) Коржъ, ст. 25.

[7]) Ibidem.

[8]) Кіевская Старина. 1889 г. № 11445 (донес. Клав. Рондо).

[9]) Надхинъ, Память о запорожьи, ст. 54.

снять его съ крюка никто не смѣлъ подъ угрозой смертной казни. Упоминаемый у Надхина случай, сохранившійся въ народныхъ преданіяхъ, относится къ числу черезвычайныхъ: здѣсь на роднаго отца была возложена жестокая, ужасная обязанность „на гакъ зачепыты“ своего сына собственною рукою. За какія именно преступленія назначалось это наказаніе, изъ памятниковъ не видно; Клавдіусъ Рондо утверждаетъ, что вѣшали за ребро на крюкъ за воровство. Если это и было такъ, то по всей вѣроятности оно назначалось за самые тяжкіе, квалифицированные виды воровства или, вѣрнѣе сказать, за найболѣе тяжелыя формы преступленій противъ собственности, соединенныхъ съ посягательствомъ на личность человѣка, напр., разбой, грабежъ. Это наказаніе, надо думать, употреблялось очень рѣдко, въ черезвычайныхъ случаяхъ и вѣроятно къ концу существованія сѣчи совершенно исчезло, иначе мы непремѣнно встрѣтили бы указаніе на него у Ригельмана, хорошо знавшаго запорожье. До Коржа оно могло дойти по преданію, а кромѣ того, весьма вѣроятно предположеніе, что этотъ видъ смертной казни употреблялся во время разгара страстей при ожесточенной, кровавой борьбѣ съ поляками, когда злоба и чувство непримиримой ненависти не останавливались ни передъ чѣмъ, лишь бы только отомстить за тѣ жестокія варварскія казни, которымъ подвергались въ Варшавѣ и другихъ польскихъ городахъ ихъ лучшіе воины, попадавшіе въ плѣнъ къ полякамъ.

Въ литовскомъ правѣ о повѣшеніи за ребро не упоминается. Въ русскомъ правѣ XVII столѣтія оно примѣнялось рѣдко, но въ XVIII столѣтіи о немъ упоминается уже довольно часто: такъ, объ этомъ наказаніи говорится въ инструкціи 24 декабря 1719 г. для искорененія разбойниковъ (эта же инструкція повторяется въ указѣ 1731 г.); кромѣ того, оно примѣнялось Стенькой Разинымъ и при усмиреніи Пугачевскаго бунта. Повѣшеніе за ребро опредѣлялось для „вящихъ воровъ и разбойниковъ, а особенно тѣхъ, кои чинили смертныя убивства и мученія“, а кромѣ того, оно примѣнялось также къ бунтовщикамъ [1]). Чтобы составить себѣ нѣкоторое понятіе объ

[1]) Сергѣевскій, Наказ. въ рус. правѣ XVII ст., ст. 122—124.

этой казни, приведемъ описаніе совершенія ея изъ книги Сергѣевскаго „Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII ст.“.

„Повѣшеніе за ребро, говоритъ Сергѣевскій, производилось посредствомъ желѣзнаго крюка, который прикрѣплялся къ висѣлицѣ, имѣвшей форму глаголя. Крюкъ вонзался осужденному въ бокъ, между ребрами, продѣвался подъ одно ребро и высовывался острымъ концомъ наружу. Повѣшенный такимъ образомъ долженъ былъ висѣть бокомъ и изогнувшись пополамъ—голова и ноги внизъ,—средина туловища кверху“ [1]). Такимъ же способомъ производилась эта казнь вѣроятно и въ Запорожьи.

в) *Посаженіе на колъ* (острая „паля“) было одной изъ обыкновенныхъ и древнѣйшихъ формъ смертной казни. На примѣненіе его въ обширныхъ размѣрахъ у древнихъ славянъ указываютъ нѣкоторые изъ византійскихъ историковъ; такъ, Левъ Діаконъ говоритъ, что во время похода Святослава въ Болгарію эта казнь примѣнялась къ плѣннымъ [2]). Свидѣтельство Діакона относительно существованія этого наказанія у славянъ подтверждается и Прокопіемъ [3]). Въ Запорожьи посаженіе на колъ употреблялось вѣроятно съ первыхъ же годовъ существованія Сѣчи, такъ какъ объ этомъ видѣ наказанія упоминаетъ уже Бопланъ [4]). Затѣмъ дальнѣйшія извѣстія объ этомъ наказаніи мы находимъ у Ригельмана [5]), Коржа [6]) и въ запискѣ Кре-

---

[1]) Ibid., ст. 123.

[2]) Исторія Льва Діакона Калойскаго (Сп. 1820); кн. VI, ст. 65: „Святославъ надменный одержанными побѣдами надъ Мисянами, исполненный варварской своей гордости, устрашившій и изумившій ихъ врожденной своею свирѣпостью (сказываютъ, что онъ, взявши городъ Филиппополь, жестокимъ и безчеловѣчнымъ образомъ пересажалъ на колъ 20,000 человѣкъ плѣнныхъ и тѣмъ устрашивъ ихъ, заставилъ себѣ повиноваться)“...

[3]) Макушевъ, Сказанія иностранцевъ о бытѣ и нравахъ славянъ, ст. 156, 157, приводитъ выписку изъ Прокопія: „И долго вся Иллирія и Ѳракія были покрыты трупами. Встрѣчныхъ они убивали не мечемъ, ни копьемъ, ни другимъ какимъ либо оружіемъ, но сажали несчастныхъ на колъ“....

[4]) Бопланъ, Опис. Укр., ст. 61: „власть гетмана неограниченна; онъ имѣетъ право наказывать преступниковъ смертью или сажать на колъ“.

[5]) Ригельманъ, Лѣт. повѣст., ч. IV, ст. 82: „... и на колъ живыхъ сажали“.

[6]) Уст. повѣст. запор. Коржа, ст. 25.

мянскаго [1]). Весьма возможно, что на появленіе этого наказанія въ Запорожьи имѣло вліяніе то обстоятельство, что посаженіе на колъ было одной изъ употребительныхъ казней у татаръ [2]), съ которыми запорожцы находились всегда въ тѣсномъ соприкосновеніи.

Острая „паля“ или колъ представлялъ собою деревянный столбъ вышиною въ 6 аршинъ и болѣе, на верху котораго укрѣплялся желѣзный шпиль въ два аршина длины. Посаженіе на колъ производилось слѣдующимъ образомъ: на желѣзный шпиль укрѣпленнаго вертикально столба насаживали преступника такимъ образомъ, что шпиль выходилъ изъ затылка на полъ аршина выше головы; посаженный на колъ преступникъ оставался въ такомъ положеніи, пока „не высохнетъ и не выкоренится, по словамъ Коржа, какъ вяленая рыба; такъ что когда вѣтеръ повѣетъ, то онъ крутится кругомъ, какъ мельница и тарахтятъ всѣ его кости, пока упадутъ на землю“ [3]). Память объ этой жестокой, варварской, мучительной казни, производившей несомнѣнно глубокое впечатлѣніе на народъ, долго еще жила въ преданіяхъ народныхъ и дошла еще до Надхина, который разсказываетъ объ одномъ изъ случаевъ примѣненія этого наказанія. Къ посаженію на колъ былъ приговоренъ нѣкто Каленикъ. Будучи посаженъ на колъ, три дня онъ оставался тамъ живъ и, испытывая невыносимыя страданія, обращался постоянно съ просьбой дать ему испить воды; но его просьбы были тщетны; никто подъ страхомъ смертной казни не рѣшался исполнить его просьбу. Тѣло его оставалось послѣ смерти въ такомъ положеніи 6 дней и до того высохло, что при небольшомъ вѣтеркѣ вертѣлось на колѣ, какъ дѣтская мельница [4]).

Многочисленныя свидѣтельства лѣтописцевъ, а въ особенности то обстоятельство, что объ этомъ наказаніи упоминаютъ

---

[1]) Записки Императорскаго Одесскаго общества исторіи и древностей. (Одесса 1867), т. VI, ст. 646: „и иногда на колъ сажали“ (Записки протоіерея Кремянскаго 17 окт. 1836 г.).

[2]) Ibid.; т. XI (Одесса 1879 г.) стр. 482; Описаніе татаръ Жака де-Мопа: „убійцъ у нихъ сажаютъ на колъ“.

[3]) Коржъ, ст. 25.

[4]) Надхинъ. Память о запорожьи, ст. 53.

Ригельманъ и Коржъ, указываютъ на то, что оно сохранилось до самаго конца существованія Сѣчи и примѣнялось вѣроятно запорожцами въ довольно широкихъ размѣрахъ во время борьбы съ поляками.

За какія именно преступныя дѣянія назначалось посаженіе на колъ, неизвѣстно, такъ какъ въ памятникахъ по этому предмету указаній никакихъ не имѣется. Въ „Запорожской Старинѣ“ [1]) между прочимъ упоминается, что посаженіе на колъ опредѣлялось за третью кражу; по словамъ автора около посаженнаго на колъ клали „качалку“, т. е. дубинку, которой каждый проходящій долженъ былъ ударить преступника три раза.— Это извѣстіе довѣрія не заслуживаетъ; и вѣроятно авторъ смѣшалъ здѣсь посаженіе на колъ съ битіемъ кіями у столба, которое, какъ увидимъ ниже, дѣйствительно сопровождалось церемоніей, сходной съ вышеуказанной.

Въ русскомъ правѣ посаженіе на колъ практиковалось въ XVI, XVII и въ началѣ XVIII ст.; преимущественно оно примѣнялось къ измѣнникамъ и бунтовщикамъ, и въ особенности часто о немъ упоминается въ документахъ относящихся къ смутному времени. У Сергѣевскаго находится описаніе посаженія на колъ, сходственное съ описаніемъ Коржа [2]). Посаженіе на колъ имѣло мѣсто и въ литовскомъ правѣ; по Статуту 1588 г. за убійство или нанесеніе ранъ „здрадливымъ потаемнымъ обычаемъ“ шляхтичу шляхтичемъ было опредѣлено карать „смертью четвертованіемъ, або на паль битьемъ карать“ [3]).

2) *Утопленіе* преступниковъ практиковалось, кажется. въ довольно широкихъ размѣрахъ; хотя ни въ судебныхъ, ни въ историческихъ актахъ объ этомъ видѣ наказанія не упоминается, но существованіе его въ Запорожьи несомнѣнно подтверждается, какъ записками современниковъ, такъ и малороссійскими лѣтописями.—Первое извѣстіе объ утопленіи, какъ о формѣ наказанія, мы находимъ у Боплана [4]): „козаки во время похода всегда

---

[1]) Запорожская Старина (Харьк. 1833) ч. I, примѣч. 12, ст. 77.

[2]) Сергѣевскій, Наказаніе въ рус. правѣ XVII ст., ст. 112—113.

[3]) Литовскій Статутъ 1588 г. Р. XI, ар. 17, стр. 295.

[4]) Описаніе Украины, ст. 63.

трезвы, и если замѣчается пьяница—атаманъ приказываетъ его выбросить за бортъ"; это же извѣстіе подтверждается и вице-адмираломъ Крюйсомъ [1]). Затѣмъ на примѣненіе этого наказанія находятся указанія въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ и другихъ памятникахъ.

Въ 1618 г. въ февралѣ мѣсяцѣ 15 запорожскихъ козаковъ „официяла митрополичаго, а по нашему протопопу, который былъ посланъ отъ митрополита Ипатія Потѣя до Киева на протопопство, Антонія Грековича, который присталъ до римскаго костела и хотѣлъ увязаться у монастырь св. Михайла Златоверхаго, поймавши козаки тамъ же противъ Выдубицкаго *подъ мостъ подсадили воды пити*" [2]).

Эрихъ Ляссота, посланный императоромъ австрійскимъ Рудольфомъ II, къ запорожцамъ для заключенія условій о наймѣ ихъ на службу къ императору, разсказываетъ, что когда онъ прибылъ въ Сѣчь и представилъ въ общей радѣ письменное порученіе о вербовкѣ войскъ, то запорожцы для обсужденія сдѣланнаго предложенія раздѣлились на два „кола"—одно, состоявшее изъ старшины, другое—изъ простыхъ козаковъ; когда простые козаки послѣ долгихъ совѣщаній выразили наконецъ желаніе поступить на службу къ императору, то немедленно бросились къ другому колу—старшинѣ съ угрозой „*бросить въ воду и утопить* каждаго, кто будетъ противъ этого мнѣнія" [3]). Затѣмъ, когда предложеніе Лясоты было вновь подвергнуто обсужденію на радѣ, то нѣкоторые изъ запорожцевъ, недовольные ходомъ дѣла, начали обвинять спутника Ляссоты Хлопицкаго въ сдѣланныхъ имъ ложныхъ предложеніяхъ и высказывали намѣреніе „бросить его въ воду" [4]). Эти свидѣтельства не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что къ этому наказанію запорожцы прибѣгали довольно часто. Что утопленіе въ эту эпоху было наказаніемъ обычнымъ и довольно распространеннымъ

---

[1]) Сѣверный Архивъ 1824 г., XI, ст. 283—296.

[2]) Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи южной и западной Россіи (Кіевъ 1888 г.) Кіевская лѣтопись 1241—1621 г., ст. 85.

[3]) Мемуары, относящіеся къ исторіи южной Руси. (Кіевъ 1890); вып. I, Дневникъ Эриха Лясоты изъ Стеблева, ст. 168.

[4]) Ibid. ст. 173.

подтверждается и тѣмъ, что оно примѣнялось вообще на Украинѣ во время недоразумѣній соціальнаго и политическаго характера; на это указываетъ борьба кіевскихъ мѣщанъ съ ихъ войтомъ Ѳеодоромъ Ходыкой въ началѣ XVII в.; борьба эта велась сперва спокойно и глухо, но по мѣрѣ того, какъ страсти горожанъ разгорались, борьба эта начала принимать болѣе острый характеръ и въ концѣ концовъ разрѣшилась тѣмъ, что Ходыка былъ *„подъ ледъ посаженъ воды пить“* [1]).

Доказательствомъ упомянутаго выше положенія можетъ также служить документъ, содержащій въ себѣ приговоръ, постановленный магистратомъ г. Выжвы по дѣлу, возникшему между членами „парубоцкаго братства“. Братчики жаловались на то, что одинъ изъ ихъ среды, получивъ отказъ отъ дѣвушки, не захотѣлъ уплатить братчикамъ установленнаго обычаемъ выкупа на братскую свѣчу; „когда же братчики въ наказаніе, слѣдуя обычаю, бросили его въ воду, то онъ нанесъ нѣкоторымъ изъ нихъ побои, а другихъ обругалъ“. Хотя здѣсь еще не видно утопленія въ собственномъ смыслѣ этого слова, но тѣмъ не менѣе обычай и парубоцкаго братства близко граничилъ съ этой формой наказанія.

Въ широкихъ размѣрахъ утопленіе практиковалось во время козацкихъ возстаній по отношенію къ жертвамъ народной ненависти—жидамъ и полякамъ. При ожесточенной, кровавой борьбѣ, когда таящіяся въ душѣ человѣка чувства глухой мести и глубокой ненависти прорываются, наконецъ, наружу и въ своей грандіозной всепоглощающей силѣ ищутъ немедленнаго удовлетворенія и полнаго насыщенія, эта форма народной расправы является найболѣе удобной и соотвѣтствующей, такъ какъ здѣсь заразъ охватывается большое количество жертвъ, мученія и страданія коихъ до извѣстной степени могутъ успокоить разгорѣвшіяся народныя страсти.

Изъ приведенныхъ выше случаевъ утопленія мы видимъ, что оно назначалось за пьянство во время морскихъ походовъ

[1]) Каманинъ и Истоминъ, Сборникъ историческихъ матерьяловъ, извлеченныхъ изъ древнихъ актовыхъ книгъ Кіевскаго центральнаго архива при унив. св. Владиміра. (Кіевъ 1890), вып. I, ст. 52.

(это наказаніе здѣсь вполнѣ соотвѣтствовало обстановкѣ, не требуя остановокъ и какихъ либо приготовленій), за измѣну православной церкви (случай съ протопопомъ Грековичемъ; здѣсь наказаніе скорѣе носило характеръ народной расправы), наконецъ оно примѣнялось во время несогласій при обсужденіи на радахъ вопросовъ, касавшихся интересовъ всего войска запорожскаго. Вѣроятно это же наказаніе въ зависимости отъ обстановки, условій мѣста и времени примѣнялось къ различнымъ видамъ преступныхъ дѣяній, когда обстоятельства дѣла или народное чувство требовало немедленнаго приведенія смертнаго приговора въ исполненіе. Слѣдуетъ еще здѣсь замѣтить, что, какъ это видно изъ всего вышеизложеннаго, къ единичнымъ лицамъ эта форма смертной казни примѣнялась рѣдко, большею частью она употреблялась тогда, когда надобно было исполнить приговоръ о смертной казни надъ большимъ количествомъ лицъ.

Относительно способа производства самой казни никакихъ свѣдѣній мы не имѣемъ; надо думать, что преступниковъ прямо бросали въ воду безъ какихъ либо предварительныхъ обрядовъ и приготовленій, а можетъ быть, подобно тому какъ и у донскихъ козаковъ, къ преступникамъ привязывали какія нибудь тяжести и въ такомъ уже видѣ бросали ихъ въ воду [1]).

Примѣнялось ли утопленіе по литовскому праву до изданія статута 1588 г., неизвѣстно, но по статуту 1588 г. этотъ видъ наказанія, соединенный какъ съ мучительной, такъ и съ обрядовой квалификаціей, примѣнялся за преступленіе, которое и нынѣшнимъ законодательствомъ признается однимъ изъ самыхъ тяжкихъ, а именно—за убійство отца или матери; такой преступникъ „смертью ганебною маетъ каранъ быти, по рынку возечи клещами тело торгати, а потомъ въ мехъ скуриный всадивши до него пса, кура, ужа, и котку и тое все поспολу въ мехъ всадивши и зашить и где наглубей до воды утопити“... [2]).

[1]) Ригельманъ, Исторія о донскихъ козакахъ 1778 г. (Москва 1846), ст. 10: „на преступниковъ, подлежавшихъ смерти, надѣвали мѣшки, которые наполняли пескомъ и каменьями, и такъ бросали ихъ въ воду“...

[2]) Литов. статутъ 1588 г., разд. XI, ар. 7,

По статуту 1529 г. [1]) за это преступленіе прямо закономъ утопленіе не назначалось; статутъ выражался лишь общей фразой, что такіе убійцы „горло и честь тратятъ"; Czacki [2]) же замѣчаетъ, что они подвергались самой строгой казни, но въ чемъ она заключалась—не извѣстно; можетъ быть, утопленіе въ томъ видѣ, какъ оно изложено выше, употреблялось уже и въ это время.—

У сосѣдей запорожцевъ, у донскихъ козаковъ въ эту эпоху, какъ утверждаетъ Ригельманъ, утопленіе примѣнялось очень часто; кромѣ „преступниковъ, подлежавшихъ смерти", оно опредѣлялось женщинамъ за „продерзости, чужеложство и иныя вины". Осужденнымъ связывали руки и ноги, посыпали за рубашку песку или же просто навязывали камень и затѣмъ ихъ „метали въ воду и топили" [3]). Въ русскомъ правѣ XVII ст. утопленіе практиковалось въ широкихъ размѣрахъ, когда казни производились массами. Къ отдѣльнымъ преступникамъ оно примѣнялось рѣдко, по крайней мѣрѣ на это рѣдки указанія историческихъ памятниковъ [4]).

д) *Разстрѣляніе.* Объ этомъ видѣ смертной казни въ историческихъ памятникахъ, въ запискахъ и лѣтописяхъ современниковъ мы находимъ лишь самыя неопредѣленныя свидѣтельства, поэтому надо полагать, что разстрѣляніе или совсѣмъ не употреблялось въ Запорожьи, или если иногда и примѣнялось, то только въ экстренныхъ, черезвычайныхъ случаяхъ и носило характеръ случайный. Единственное указаніе на примѣненіе этой формы смертной казни мы находимъ лишь у Окольскаго и въ Межигорской лѣтописи [5]). Послѣ низложенія То-

---

[1]) Zbior praw Litowskich, ст. 286, разд. VII, ар. XIV.

[2]) Czacki, o Litewskich i polskich prawach (Warsch. 1801) ст. 123, разд. VII, ар. 4.

[3]) Ригельманъ, Исторія о донскихъ козакахъ, ст. 9, 10.

[4]) Сергѣевскій. Наказ. въ рус. правѣ, ст. 102—103.

[5]) Okolski, Dyarysz transakcyi wojennej między wojskiem koronnem i zaporoskiem w r. 1637 (Krak. 1858): „bez wszelkiego miłosierdzia i respectu, okrutnie na bloniu pszed miastem hetmana z pisarzem wojskowym porozstrzelali"...

Сборникъ лѣтописей, относящ. къ исторіи южной и западной Руси (Кіевъ 1888), Межигорская лѣтопись 1608—1700, ст. 96: „въ 1636 року разстрѣлянъ былъ отъ запорожцевъ гетманъ Савва Москаль и Оношкевичъ".

Костомаровъ. Богданъ Хмѣльницкій, ч. I, ст. 134, 135.

миленка старшинство перешло къ переяславскому полковнику Саввѣ Кононовичу; Павлюкъ, предводитель возставшихъ козаковъ, узнавщи объ этомъ, послалъ отрядъ козаковъ подъ начальствомъ полковника Карпа Скидана и Семена Быховца съ цѣлью схватить Кононовича; Скиданъ дѣйствительно внезапно налетѣлъ на Переяславъ, гдѣ въ это время находился Кононовичъ, схватилъ его вмѣстѣ съ писаремъ Онушкевичемъ и привезъ ихъ въ Крыловъ, гдѣ они были по приказанію Павлюка разстрѣляны.

Отрывочные указанія на существованіе этого наказанія въ Запорожьи передаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ старикъ Россолоди; онъ говоритъ, что между прочимъ: „изъ пистоливъ разстрѣлювали; выхопыть пистоль, бацне у грудь, отъ ему и капутъ,—це за измину“ [1]).

Въ литовскихъ статутахъ о разстрѣливаніи совсѣмъ не упоминается; въ русскомъ же правѣ до введенія воинскихъ артикуловъ Петра Великаго случаи примѣненія этого вида наказанія были очень рѣдки.—

е) *Отсѣченіе головы,* какъ самобытная форма наказанія, въ Запорожьи совсѣмъ не употреблялось; на это прямо указываетъ Ригельманъ: „головы же рубили только правительствомъ и то измѣнникамъ“ [2]). Такимъ образомъ, этотъ видъ наказанія вѣроятно началъ примѣняться въ Запорожьи лишь къ концу существованія Сѣчи, когда уголовное правосудіе начало отправляться подъ контролемъ и воздѣйстіемъ русскаго правительства и наиболѣе важные преступники передавались въ руки правительства для сужденія и наказанія ихъ по русскимъ законамъ. Въ историческихъ памятникахъ мы находимъ лишь незначительный намекъ на возможность самостоятельнаго существованія въ Сѣчи этой формы казни. Такъ, Эрихъ Ляссота въ своихъ мемуарахъ разсказываетъ, что „когда Наливайко предложилъ запорожцамъ послѣ разбитія татаръ подѣлиться съ ними захваченными конями“ и запорожцы, подозрѣвая его во враж-

---

[1]) Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины и предан. народ., ч. II, ст. 29.

[2]) Лѣтопис. повѣст., ч. IV, ст. 83.

дебныхъ къ нимъ отношеніяхъ, отнеслись съ недовѣріемъ къ искренности его дружескихъ увѣреній, то Наливайко пожелалъ лично явиться въ Сѣчь, сложить передъ радой свою саблю и привести доказательства своей дружбы и искренности отношеній; „если же и послѣ того рыцарское коло попрежнему признаетъ его неправымъ, то онъ самъ предложитъ *отрубить ему голову* его собственною саблею“ [1]). Добровольное предложеніе Наливайки, которое могло идти и въ разрѣзъ съ системой карательныхъ мѣръ, господствовавшихъ въ Запорожьи, и съ сѣчевыми правовоззрѣніями, не будучи подтверждено и подкрѣплено другими случаями примѣненія этого наказанія, не можетъ, конечно, опровергнуть высказаннаго нами раньше мнѣнія относительно примѣненія въ Сѣчи этой формы казни.—

Относительно примѣненія отсѣченія головы въ литовскомъ правѣ, трудно сказать что либо опредѣленное; въ статутѣ 1529 года о немъ не упоминается, что же касается статута 1588 г., то большинство артикуловъ не опредѣляетъ точно того или другаго вида смертной казни, а дѣлаетъ лишь общее указаніе—карать „горломъ“. Тѣмъ не менѣе отсѣченіе головы несомнѣнно практиковалось уже въ литовскомъ правѣ начала XVI ст., такъ какъ указаніе на эту форму смертной казни находимъ въ военномъ уставѣ, составленномъ для гетмана Константина Острожскаго въ 1512 г. [2]).

Въ русскомъ правѣ этой эпохи оно практиковалось въ очень широкихъ размѣрахъ, въ особенности во время стрѣлецкихъ бунтовъ, когда бывали случаи, что сами стрѣльцы, являясь съ повинной, приносили съ собою плахи и топоры [3]).

ж) *Убіеніе кіями при столбѣ* стоитъ въ столь тѣсной связи съ тѣлеснымъ наказаніемъ—битьемъ кіями, что рѣзкую, разграничивающую черту между ними провести очень трудно; иногда простое наказаніе битьемъ кіями влекло за собою смер-

---

[1]) Мемуары, относящ. къ истор. Юж. Руси, вып. I; Дневникъ Эриха Ляссоты, стр. 183.

[2]) Zbior praw Litewskich. Ustawa sojmu welikolo Berestejskoho sluczy kniazia Konstantina na służbu, ст. 166.: „а кто кого ранитъ, ино имя втяты“.

[3]) См. Сергѣевскій, Наказ. въ рус. правѣ XVII ст., стр. 99.

тельный исходъ и, наоборотъ, преступники, приговоренные къ убіенію кіями, оставались часто живы и возвращались обратно въ сѣчевое товарищество его полноправными членами; но тѣмъ не менѣе объ этомъ наказаніи, какъ о самостоятельной формѣ смертной казни, находятся многочисленныя свидѣтельства, какъ въ лѣтописяхъ, такъ и въ историческихъ документахъ.

Убіеніе кіями при столбѣ опредѣлялось за мужеложство и скотоложство [1]), за „великое воровство и кто много разъ приличился“ [2]); это же наказаніе опредѣлялось тѣмъ, кто принималъ завѣдомо у вора похищенныя вещи или покупалъ ихъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда преступниковъ не убивали при столбѣ, ихъ брали оттуда и затѣмъ вѣшали [3]).

Въ историческихъ памятникахъ указывается еще на нѣкоторые другіе случаи примѣненія этой казни; такъ, кошевой атаманъ Козелецкій доноситъ рапортомъ 17 дек. 1747 г. кіев. генер.-губ., что нѣкій янычаръ „за мерзостную его продерзость при столбѣ убитъ“ [4]); затѣмъ за воровство былъ убитъ кіями въ Самарѣ въ 1746 г. козакъ Сухій [5]). О примѣненіи этой формы казни въ Запорожьи упоминаетъ также и Манштейнъ [6]).

По описанію Коржа эта казнь производилась слѣдующимъ образомъ: „преступника вяжутъ или куютъ до столба въ Сѣчи или въ паланкахъ на площади или въ базарѣ, потомъ поставляютъ около его разные напитки въ канвахъ, какъ то горилку, медъ, пиво и брагу и накладутъ также довольно калачей и наконецъ принесутъ также нѣсколько оберемкивъ кіивъ и положатъ у столба, гдѣ преступникъ и принуждаютъ его ѣсть,

---

[1]) Мышецкій, Исторія, ст. 58: „кто въ такомъ безчеловѣчіи приличится, того къ тому столбу приковываютъ и убиваютъ до смерти“.—Ригельманъ, Лѣт. повѣст., ст. 83.—Lesur, Histoire de kosaques, t. I, p. 291: „Le crime contre nature, que l'exclusion des femmes semblait deroiz rendre assez fréquent, était puni par un supplice non moins cruel; les biens du coupable étaient confisqués: attaché au pilori fatal, il y périssait sous les coups dont ses camarades allaient l'accabler“.

[2]) Мышецкій, ст. 57, Ригельманъ, ст. 83.

[3]) Ibid.

[4]) Матерьялы для исторіи южно-русскаго края, № IX, ст. 129.

[5]) Скальковскій, Исторія Нов. Сѣчи, т. I, стр. 166.

[6]) Записки о Россіи, стр. 15.

пить сколько хочетъ, а когда наѣстся и напьется, тогда козаки начинаютъ его бить кіями, такъ что всякій казакъ, кто только идетъ мимо него, выпивши корякъ горилки или пива, непремѣнно долженъ ударить его по разу кіемъ и когда ударитъ (де кто якъ попавъ, по головѣ или по ребрахъ), тогда такъ ему приговариваетъ: „отъ тоби, сучій сыну, щобъ ты не кравъ и не розбивавъ, мы всѣ за тебя куринемъ платили. „И потудова сидитъ или лежитъ преступникъ около столба, пока убьютъ его до смерти“ [1]). Аналогичное описаніе производства этой казни находимъ также у Ригельмана и Мышецкаго [2]). Манштейнъ въ своихъ запискахъ о Россіи объ этомъ же наказаніи говоритъ слѣдующее: „наказанія у нихъ также странны, какъ ихъ образъ жизни. Они отъявленные воры и разбойники, но осмѣлься только кто украсть малѣйшую вещь у своего товарища—его привязываютъ къ столбу на площади станицы, ставятъ подлѣ него штофъ водки, хлѣбъ и нѣсколько дубинъ. Каждый прохожій вправѣ задать ему столько палокъ, сколько ему угодно, послѣ чего можетъ дать ему выпить водки и поѣсть хлѣба. Въ этомъ положеніи оставляютъ виновнаго столько времени, сколько имъ заблагоразсудится, иногда до пяти сутокъ. Если послѣ такой пытки онъ остается въ живыхъ, то снова вступаетъ въ свое общество“ [3]). Соединенная съ продолжительными мученіями и страданіями, эта казнь по своей жестокости и тяжести должна быть поставлена наравнѣ съ повѣшеніемъ на крюкъ за ребро и посаженіемъ на колъ живымъ. Преступникъ умиралъ здѣсь медленной, мучительной смертью; страданія его продолжались иногда въ теченіе нѣсколькихъ дней. Какъ мы сейчасъ видѣли, около приговореннаго къ этому наказанію преступника ставили спиртные напитки, которые заставляли его пить; трудно сказать, съ какой именно цѣлью это дѣлалось; можетъ быть, имѣлось въ виду путемъ приведенія его въ состояніе опьяненія нѣсколько облегчить его мученія, или же, наоборотъ, заставляя его выпивать нѣкоторое количе-

---

[1]) Уст. повѣств. зап. Коржа, стр. 25, 26.

[2]) Ригельманъ, Лѣт. повѣст., ч. IV, ст. 83; Мышецкій, Ист. о коз., ст. 57, 58.

[3]) Стр. 15.

ство спирта, стремились лишь поддержать и укрѣпить слабѣющія его силы и такимъ образомъ продолжить только его мученія.—Бывали случаи, что приговореннаго къ этому виду смертной казни преступника никто изъ козаковъ не трогалъ, и онъ оставался живъ; здѣсь получала выраженіе всенародная форма помилованія, примѣнявшаяся вѣроятно въ тѣхъ случаяхъ, когда запорожская военная община рѣзко расходилась во взглядахъ на совершенное преступное дѣяніе со старшиной, или же, когда преступникъ по своимъ личнымъ достоинствамъ и заслугамъ заслуживалъ снисхожденія со стороны своихъ товарищей. Иногда, не смотря на всю жестокость истязаній, преступникъ все таки оставался живъ; сильная, крѣпкая организація спасала его отъ смерти. Битье кіями можно по его характеру сравнить съ практиковавшимся въ русскомъ правѣ битьемъ кнутомъ; послѣдствія зависѣли отъ силы ударовъ и ихъ направленія; иногда нѣсколькихъ сильныхъ ударовъ, направленныхъ на найболѣе чувствительныя части тѣла, было достаточно, чтобы положить преступника на мѣстѣ. Оно также нѣсколько напоминаетъ древне-римское воинское наказаніе „fustuarium", состоявшее въ томъ, что по знаку трибуна, прикасавшагося жезломъ къ осужденному къ смерти преступнику, товарищи послѣдняго наносили ему удары палками и каменьями до тѣхъ поръ, пока онъ не умиралъ [1]).

Приведеніе въ исполненіе приговоровъ о смертной казни. Приговоры о смертной казни приводились въ исполненіе не присяжными палачами, которыхъ въ Запорожьи не было, а преступниками, приговоренными уже къ смертной казни. Казнь производилась преимущественно внѣ городовъ и селеній, на большихъ дорогахъ („шляхахъ"); хотя нѣкоторые виды смертной казни, напр., убіеніе при столбѣ кіями, надо полагать, приводились въ исполненіе въ самой Сѣчи, на площади или базарѣ. „Для оныхъ казней, говоритъ Ригельманъ [2]), они палачей отъ древности не имѣли, а когда надобно было злодѣевъ

---

[1]) Dangelmaier, Geschichte des Militär-Strafrechts (Berlin 1891) стр. 12.

[2]) Лѣтоп. повѣст. ч. IV, ст. 83.

казнить, то довбышъ [1]) съ командою выходя за городъ, злодѣю злодѣя вѣшать или другую обществомъ приговоренную казнь совершать приказывалъ и то такому, который самъ смертной казни подлежитъ". Въ тѣхъ случаяхъ, когда такого преступника на лицо не оказывалось,—приговоренный къ смертной казни содержался въ тюремной ямѣ, пока не являлась возможность привести въ исполненіе приговоръ [2]).

До насъ не дошло никакихъ извѣстій о томъ, какъ именно приводились въ исполненіе приговоры, какіе обряды предшествовали казни и слѣдовали за ея совершеніемъ. Нѣкоторое представленіе объ этомъ мы можемъ себѣ составить по одному изъ случаевъ, который передаетъ Надхинъ [3]), какъ воспоминаніе одного изъ старожиловъ. Къ смертной казни черезъ повѣшеніе былъ приговоренъ одинъ знатный запорожскій старшина, человѣкъ богатый и холостой; казнь была совершена въ Новомосковскѣ (самарской паланки). Когда осужденнаго вели на мѣсто казни, то по немъ, какъ по мертвомъ звонили въ колокола; шелъ онъ въ сопровожденіи священника съ крестомъ и хоругвями; во время шествія по пути процессія нѣсколько разъ останавливалась и во время остановокъ священникъ читалъ евангеліе и совершалъ литію; приговоренный же къ смерти каждый разъ подходилъ къ священнику и наклонялъ голову подъ евангеліемъ.—Такія обрядности были, вѣроятно, рѣдко, большею же частью казнь производилась просто, безъ всякаго торжественнаго церемоніала.

Приведеніе въ исполненіе приговоровъ пріостанавливалось на время праздниковъ и постовъ. Въ 1762 г. февраля 21-го кошевой атаманъ отдаетъ слѣдующій приказъ по поводу содержавшихся въ кодацкой паланкѣ двухъ преступниковъ, обвиняе-

---

[1]) Войсковой довбышъ (барабанщикъ, литаврщикъ) былъ войсковымъ служителемъ и занималъ сравнительно важное мѣсто въ общей войсковой іерархіи. Онъ присутствовалъ при исполненіи судебныхъ приговоровъ, посылался для привоза въ Сѣчь болѣе важныхъ преступниковъ, для повѣрки сборовъ, для побужденія къ скорѣйшей уплатѣ податей и т. п. (см. Скальковскій, Ист. Нов. Сѣчи, т. 1, стр. 71).

[2]) Ригельманъ, Лѣт. повѣст. ч. IV, стр. 83.

[3]) Надхинъ, Память о Запор., ст. 53.

мыхъ въ убійствѣ: „а яко въ нынѣшніе постные дни наступившей первой седмицы о томъ убійствѣ изслѣдованія чинить не слѣдуетъ и не можно до окончанія тѣхъ дней; содержащихся же отцы, жительствующіе въ Кодакѣ, суть люди осѣдлые, для того повелѣваемъ: обвиненныхъ отцамъ ихъ до имѣющагося быть ихъ дѣлу разбора за роспискою отдать на поруки, съ тѣмъ чтобы они по востребованіи оныхъ гдѣ слѣдовать будетъ представили" [1]).

Приговоры о смертной казни, какъ мы раньше уже упомянули, не всегда приводились въ исполненіе. Въ зависимости отъ личныхъ качествъ преступника, степени его субъективной виновности, а также отъ соображеній и обстоятельствъ, не имѣвшихъ прямаго, непосредственнаго отношенія къ дѣлу, смертную казнь замѣняли иногда другими наказаніями, или же даже совершенно освобождали преступника отъ наказанія. Тамъ, гдѣ самая форма смертной казни давала возможность полному и свободному выраженію народныхъ чувствъ и убѣжденій, какъ наприм., при битьѣ кіями у столба, въ этихъ случаяхъ, при настроеніи чувствъ, умовъ и благопріятныхъ преступнику, приговоръ отмѣнялся самъ собою, такъ какъ никто первый не рѣшался нанести осужденному ударъ и казнь такимъ образомъ лишалась исполнителей. Въ другихъ случаяхъ вопросъ о помилованіи преступника передавался на обсужденіе всей военной общины, и здѣсь уже постановлялся приговоръ о полномъ его помилованіи или же только о замѣнѣ смертной казни какимъ либо другимъ наказаніемъ.

Въ народныхъ преданіяхъ сохранилось воспоминаніе о довольно оригинальномъ способѣ освобожденія преступниковъ отъ смертной казни, практиковавшемся въ Запорожьи: осужденный къ смертной казни преступникъ могъ быть отъ нея освобожденъ, когда какая нибудь дѣвушка высказывала желаніе выйдти за него замужъ. Конечно, подобное освобожденіе могло лишь имѣть мѣсто въ паланкахъ, а не въ самой Сѣчи, куда доступъ женщинамъ былъ безусловно запрещенъ. Разсказываютъ о слѣдую-

---

[1]) Скальковскій, истор. нов. сѣчи, т. I, стр. 169.

щемъ случаѣ, бывшемъ въ г. Новомосковскѣ (Самарской паланки): осужденнаго къ смертной казни преступника вели уже къ мѣсту казни; толпа народа безмолвно слѣдовала за нимъ; вдругъ на дорогѣ подъ бѣлымъ покрываломъ показывается дѣвушка, она подходитъ къ преступнику и всенародно высказываетъ желаніе выйти за него замужъ; толпа останавливается, преступникъ требуетъ, чтобы она подняла покрывало; дѣвушка повинуется, но преступникъ, взглянувши на лицо дѣвушки, восклицаетъ: „якъ маты таку дзюбу весты до шлюбу, лишше на шибеницѣ дать дубу" и требуетъ, чтобы его вели къ мѣсту казни [1]). Если этотъ оригинальный обычай дѣйствительно существовалъ въ Запорожьи, то по своему характеру онъ немного напоминаетъ существовавшій въ Римѣ обычай прощать преступниковъ, осужденныхъ на смертную казнь, когда они на пути къ мѣсту казни встрѣчали святыхъ дѣвъ, служительницъ богини Весты [2]).

По совершеніи казни, какъ мы видѣли, тѣла преступниковъ продолжали еще нѣкоторое время висѣть на висѣлицѣ или оставаться на колѣ, и никто не могъ ихъ снять оттуда подъ угрозой наказанія; эта квалификація имѣла, конечно, цѣлью устрашеніе, которое достигалось также тѣмъ, что преступниковъ казнили на большихъ дорогахъ, а также въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они совершали преступленія.

Д—скій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Уст. повѣст. запор. Коржа, ст. 24.—Надхинъ, память о Запор., ст. 54.

[2]) Момсенъ, Римская исторія (Мос. 1877), т. I, ст. 138.

Нѣсколько новыхъ матеріаловъ для біографіи Т. Г. Шевченка.

I.

Отъ редакціи.

Хотя минуло уже 32 года со дня смерти Т. Г. Шевченка; хотя много матеріаловъ для біографіи его собрано уже въ печати за это время,—но и до сихъ поръ мы не можемъ похвалиться безусловной полнотой всѣхъ свѣдѣній, касающихся этого замѣчательнаго поэта. Главная причина этой неполноты извѣстій заключается въ непривычкѣ нашихъ соотчичей переводить на бумагу, въ видѣ дневниковъ и мемуаровъ, тѣ мысли, и чувства, которыя переиспытываются ими какъ современниками, подъ впечатлѣніемъ переживаемыхъ моментовъ. Какъ много драгоцѣнныхъ свѣдѣній унесено уже въ могилу лицами, близко знавшими Т. Шевченка, и какъ много можетъ еще погибнуть для потомства, если находящіеся въ живыхъ его современники не позаботятся разсказать, хотя-бы и не для текущей печати, но для будущей, всего ими видѣннаго, слышаннаго и пережитаго въ жизни общественной, а равно и личной, въ соприкосновеніи съ именами, ставшими достояніемъ исторіи! Вотъ почему мы всегда съ особеннымъ удовольствіемъ встрѣчаемъ даже мельчайшіе факты въ новыхъ какихъ-нибудь мемуарахъ современниковъ Шевченка; вотъ почему и въ данномъ случаѣ мы охотно на страницахъ нашего журнала помѣщаемъ нѣсколько такихъ новыхъ данныхъ, кото рыя читатель найдетъ въ напечатанныхъ выше воспоминаніяхъ З. Ф. Недоборовскаго, а равно и въ предлагаемыхъ ниже вос-

поминаніяхъ Г. М. Косарева. Особенно рады мы тому обстоятельству, что приходится намъ помѣстить эти матеріалы въ февральскомъ номерѣ журнала, т. е. въ томъ мѣсяцѣ, который болѣе всего связывается съ именемъ Т. Г. Шевченка, и родившагося, и умершаго въ этомъ мѣсяцѣ чуть ли не въ одно и то-же число (род. 25-го, умеръ 26-го).

Въ 1889 году въ нашемъ журналѣ (№ 2) была помѣщена статья Н. Д. Н. подъ заглавіемъ „На Сыръ-Дарьѣ у ротнаго командира". Статья эта составлена была авторомъ на основаніи устныхъ разсказовъ и рукописныхъ замѣтокъ бывшаго ротнаго командира Т. Шевченка во время ссылки послѣдняго въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи. Этотъ ротный командиръ, не названный тогда авторомъ полной фамиліей, есть *Георгій Михайловичъ Косаревъ*, скончавшійся 30-го декабря 1891 года. Пользуемся случайностью, доставившей намъ № 4-й за прошлый 1892 годъ „Туркестанскихъ Вѣдомостей", чтобы извлечь оттуда краткія свѣдѣнія о жизни этого симпатичнаго человѣка.

„30 декабря (1891) смерть унесла въ могилу одного изъ старѣйшихъ и симпатичнѣйшихъ туркестанцевъ, Георгія Михайловича *Косарева*. Покойный происходилъ изъ дворянъ оренбургской губерніи и родился въ 1818 г. Получивъ домашнее воспитаніе, Г. М. въ 1835 г. поступилъ на службу въ одинъ изъ оренбургскихъ линейныхъ баталіоновъ унтеръ-офицеромъ, съ выслугою трехъ мѣсяцевъ за рядоваго. Въ офицеры онъ былъ произведенъ въ 1839 году. Почти вся его долгая, 49-лѣтняя служба прошла на пустынномъ Мангишлакскомъ полуостровѣ и въ степныхъ туркестанскихъ укрѣпленіяхъ. Въ 1846 г. онъ участвуетъ въ возведеніи Ново-Петровскаго укрѣпленія (впослѣдствіи переименованнаго въ фортъ Александровскій) и остается здѣсь много лѣтъ, пользуясь всеобщимъ расположеніемъ и любовью. Въ это время въ укрѣпленіи находился на службѣ *Шевченко*, котораго поэтому близко зналъ Г. М., тѣмъ болѣе, что Тарасъ Григорьевичъ былъ нѣкоторое время у него въ ротѣ. Въ 1864 г. Г. М. былъ назначенъ комендантомъ форта № 2, а чрезъ пять лѣтъ—форта № 1 (Казалинскъ), въ которомъ прослужилъ 15 лѣтъ, до выхода своего въ отставку, поль-

зуясь неизмѣннымъ, глубокимъ расположеніемъ всѣхъ, кто его зналъ. Общій миротворецъ, хлѣбосолъ и истинно добрый и честный человѣкъ, покойный оставилъ по себѣ самую лучшую память. Покойный въ очень многомъ напоминалъ симпатичнаго капитана Миронова, коменданта Бѣлогорской крѣпости („Капитанская дочка", Пушкина). Въ наше время такіе люди уже большая рѣдкость. „Нервный вѣкъ", быстро прогрессирующій, вырабатываетъ иные типы, столь мало похожіе на Косаревыхъ и Мироновыхъ, и тѣмъ большая ощущается грусть, когда смерть похищаетъ изъ нашей среды такихъ людей, какъ покойный Георгій Михайловичъ".

Въ дополненіе къ этой краткой характеристикѣ Г. М. Косарева укажемъ только на упомянутую нами статью Н. Д. Н., гдѣ личность эта обрисована со всей ея простотой и задушевностью, напоминающими лермонтовскаго Максима Максимыча.

Какъ было сказано, статья Н. Д. Н. составлена между прочимъ на основаніи замѣтокъ Г. М. Косарева. Въ настоящее время намъ доставлены точно переписанныя съ подлинной рукописи Г. Косарева его воспоминанія о Шевченкѣ, добытыя у вдовы покойнаго нашимъ сотрудникомъ К. М. Оберучевымъ, который снабдилъ ихъ предисловіемъ и примѣчаніями. По всему видно, что это тѣ самыя воспоминанія, которыя доставлены были покойнымъ г-ну Н. Д. Н. Въ виду какъ общаго, такъ и спеціальнаго интереса этихъ воспоминаній, мы печатаемъ ихъ почти цѣликомъ, исключая только тѣ факты, которые сами по себѣ являются мелочными и мало связанными съ личностью поэта, или же были безъ всякихъ отличій переданы въ статьѣ г. Н. Д. Н.

Пользуемся также случаемъ, чтобы напечатать краткія замѣтки, доставленныя намъ Г. П. Даценкомъ, имѣвшимъ возможность добыть нѣкоторыя данныя изъ времени пребыванія Шевченка въ Орской крѣпости, уясняющія кое-какія подробности, о которыхъ идетъ рѣчь и въ воспоминаніяхъ Г. Косарева.

Можемъ также подѣлиться съ читателями нѣсколькими письмами нашего поэта, писанными извѣстной благопріятельницѣ его, княжнѣ Варварѣ Николаевнѣ Репниной. Слишкомъ хо-

рошо извѣстны тѣ дружескія отношенія, которыя существовали между княжной Репниной и Т. Г. Шевченкомъ, чтобы нужно было намъ указывать на значеніе опубликованія этихъ писемъ, которыя покойная княжна не желала предавать печати при своей жизни. Смерть ея, послѣдовавшая 28-го ноября 1891 года, открываетъ теперь намъ право, не нарушая ея воли, сдѣлать эти письма достояніемъ людей, интересующихся всякими новыми матеріалами для изученія жизни поэта, а тѣмъ болѣе такими, какъ переписка его съ княжной В. Н. Репниной.

Наконецъ, къ этому-же февральскому номеру нашего журнала мы прилагаемъ извѣстный очень немногимъ портретъ поэта, исполненный въ 1888 году знаменитымъ художникомъ И. Е. Рѣпинымъ. Портретъ этотъ есть результатъ долговременной работы художника, которому пришлось исполнить трудную задачу: воспроизвести своей кистью лицо человѣка, руководствуясь только фотографическими снимками, многочисленными портретами, маской, снятой съ лица покойника, и разсказами и описаніями людей, лично знавшихъ поэта. Нечего удивляться, что всѣмъ извѣстный громадный талантъ И. Е. Рѣпина побѣдилъ всѣ эти трудности, и—по заявленію современниковъ поэта—данный портретъ его удался какъ нельзя лучше. Портретъ этотъ былъ въ прошломъ году на выставкѣ въ Петербургѣ и Москвѣ, а затѣмъ перешелъ въ частную собственность, вслѣдствіе чего помѣщеніе его въ фототипическомъ снимкѣ не можетъ быть признано излишнимъ.

II.

Извлеченіе изъ дѣлъ и памяти: нѣчто о Тарасѣ Григорьевичѣ Шевченко, съ 1846 по 1857 годъ включительно.

30-го Декабря 1891 г. въ г. Ново-Маргеланѣ умеръ отставной полковникъ Георгій (Егоръ) Михайловичъ Косаревъ, имя котораго связано съ именемъ поэта Тараса Григорьевича Шевченка: Косаревъ съ 1850 по 1857 годъ зналъ лично Шевченка и даже нѣкоторое время былъ его ротнымъ коман-

диромъ. Послѣ смерти Косарева мнѣ удалось познакомиться съ его семействомъ. Во время одной изъ бесѣдъ я спросилъ вдову Косарева: „не сохранилось ли у нея записокъ ея мужа, нѣтъ-ли какихъ либо воспоминаній его о пребываніи Шевченка въ его ротѣ?“—Есть—отвѣтила мнѣ Серафима Васильевна и охотно предложила въ мое распоряженіе все, что нашла при бѣгломъ просмотрѣ бумагъ покойнаго мужа. Такимъ образомъ, часть записокъ Г. М. Косарева оказалась въ моихъ рукахъ. Полученное мною состоитъ изъ двухъ тетрадокъ, озаглавленныхъ: „Извлеченіе изъ дѣлъ и памяти“, и $8^1/_2$ отдѣльныхъ листовъ, одна часть которыхъ представляетъ какъ бы черновые листы тетрадей, а другая—заполнена отрывочными замѣтками, справками. По прочтеніи двухъ тетрадей записокъ я нашелъ въ нихъ большое сходство съ замѣткой Н. Д. Н. „На Сыръ-Дарьѣ у ротнаго командира“, напечатанной первоначально въ „Кіевской Старинѣ“ и вышедшей затѣмъ отдѣльнымъ оттискомъ. Ясно, что авторъ упомянутой замѣтки пользовался этими записками, что подтверждается однимъ изъ писемъ покойнаго Косарева къ г. Н. Д. Н., черновикъ котораго имѣется у меня. „Окончивъ свѣденія о Тарасѣ Григорьевичѣ Шевченко на 9 цѣлыхъ листахъ, при семъ къ вамъ посылаю“. Такъ пишетъ Косаревъ Н. Д. Н., посылая ему свои замѣтки. Да и самъ Н. Д. Н. въ статьѣ своей указываетъ, что онъ пользовался „замѣтками“ К—ва. Такимъ образомъ замѣтки Косарева были уже предложены публикѣ въ двовольно подробномъ извлеченіи.

Не смотря на это, я позволяю себѣ, съ разрѣшенія вдовы Косарева, опубликовать его записки, во первыхъ, потому, что изъ нихъ извлечено не все, разсказанное Косаревымъ о Шевченкѣ, а во вторыхъ—потому, что ввиду нѣкоторыхъ неточностей воспоминаній Косарева, вошедшихъ и въ замѣтку г. Н. Д. Н. я, для облегченія будущему біографу великаго народнаго поэта, хотѣлъ снабдить эти записки пояснительными примѣчаніями.

Предлагаемыя записки представляютъ точную копію двухъ тетрадей Косарева подъ заглавіемъ: „Извлеченіе изъ дѣлъ и памяти“. Въ примѣчаніяхъ мною приведены соотвѣтственныя

замѣтки Косарева, взятыя изъ отдѣльныхъ листовъ, а также сдѣланы нѣкоторыя сопоставленія воспоминаній Косарева съ заявленіями другихъ лицъ и документами.

Считая весьма важнымъ сохраненіе и опубликованіе всякихъ матеріаловъ о жизни поэта, а тѣмъ болѣе о весьма мало извѣстномъ времени ссылки его, я съ удовольствіемъ публикую эти записки, тѣмъ болѣе, что въ нихъ чувствуется теплота и искренность отношеній автора къ поэту.

К. Оберучевъ.

Новый Маргеланъ Ферганской Области.
25 февраля 1892 г.

На сколько могу припомнить художникъ и поэтъ Тарасъ Григорьевичъ Шевченко еще въ 1846 [1]) году былъ конфирмованъ по Высочайшему повелѣнію за политическое преступленіе и сосланъ рядовымъ въ отдѣльный Оренбургскій корпусъ для замѣщенія въ одинъ изъ Оренбургскихъ линейныхъ батальоновъ 23-й тогда пѣхотной дивизіи.

По прибытіи къ батальонному штабу рядовой Шевченко поступилъ во 2-ю роту и значился по рапортному списку 191 человѣкомъ, который былъ ростомъ 2-хъ аршинъ $3^1/_4$ вершковъ [2]). Ротный его командиръ былъ тогда поручикъ Богомоловъ.

Въ томъ-же году двѣ роты со штабомъ 4-го Оренбургскаго линейнаго батальона были замѣнены въ Орской крѣпости

---

[1]) Дата Косарева, какъ извѣстно, не вѣрна.

[2]) Въ замѣткѣ А. Р. „Туркестанская старина" (Туркестанскія вѣдомости № 15 1891 г.) сказано, что Шевченко „въ іюнѣ (1847 г.) былъ уже въ Орскѣ и зачисленъ въ 5 оренбургскій линейный батальонъ".

Въ отдѣльныхъ листахъ записокъ Косарева, есть замѣтка, справка изъ дѣлъ: „Рядовой Тарасъ Шевченко 19 декабря 1848 года значился по списку 2-й роты № 4 батальона въ командировкѣ на Косъ-Аралѣ. Командиръ роты былъ поручикъ Богомоловъ. Командиръ батальона маіоръ Дамичъ, начальникъ укрѣпленія подполковникъ Матвѣевъ, состоявшій по особымъ порученіямъ при командирѣ отдѣльнаго оренбургскаго корпуса".

Въ замѣткѣ А. Родзевича „Тарасъ Шевченко въ закаспійскомъ краѣ" „Русская старина май 1891 г. приведенъ „формулярный о службѣ линейнаго оренбургскаго батальона № 1 рядоваго Тараса Шевченко", изъ котораго видно, что Шевченко поступилъ на службу 23 іюня 1847 г. въ линейный оренбургскій батальонъ № 5. Изъ того-же формулярнаго списка не видно, чтобы Шевченко числился въ 4-мъ батальонѣ.

таковыми-же батальона № 5, которыя по распоряженію начальства выступили въ уральское укрѣпленіе.

Въ укрѣпленіи этомъ было предназначено собраться отряду изъ указанныхъ 2-хъ ротъ 4-го батальона, 2-хъ сотенъ козаковъ уральскаго войска, артиллеріи оренбургскаго гарнизона, башкирцевъ до 600 человѣкъ и вольнорабочихъ, для возведенія укрѣпленія на р. Чинарѣ. Но къ выступленію отряда въ степь ожидался командиръ отдѣльнаго оренбургскаго корпуса генералъ-адъютантъ Обручевъ, который тогда съ ранней весны находился на полуостровѣ Мангишлакъ, на сѣверо-восточномъ берегу каспійскаго моря, съ особымъ отрядомъ для возведенія новопетровскаго укрѣпленія, откуда и возвратился въ началѣ мая мѣсяца.

Въ то время отрядъ двинулся къ Аральскому морю, а по прибытіи сталъ возводить укрѣпленіе, такъ что въ 1847 году уже раимское укрѣпленіе было построено.

Генералъ Обручевъ по возведеніи крѣпостныхъ верковъ и сдѣланіи нужныхъ распоряженій возвратился обратно въ городъ Оренбургъ.

Въ 1847 году [1]) въ Раимское укрѣпленіе прибылъ отъ флотиліи лейтенантъ Бутаковъ съ прапорщикомъ корпуса флотскихъ штурмановъ Поспѣловымъ, матерьялами для судовъ и рабочими.

Лейтенантъ Бутаковъ съ помощью сихъ рабочихъ собралъ двѣ парусныя шкуны, оснастилъ ихъ и спустилъ въ р. Сыръ-Дарью. Суда эти въ послѣдствіи времени получили названіе „Михаилъ“ [2]) и „Константинъ“. Первая шкуна была поручена подъ начальство прапорщику Поспѣлову, а надъ второй принялъ начальство самъ лейтенантъ Бутаковъ, онъ же завѣдывалъ и эскадрою.

---

[1]) Въ упомянутой замѣткѣ А. Р. („Туркестанскія Вѣдомости № 15 1891 г.) сказано „ 11 мая 1848 года онъ (Шевченко) выступилъ изъ Орска въ степь, въ Раимъ вмѣстѣ съ транспортомъ, при которомъ шелъ начальникъ и члены экспедиціи, а также части разобранной шкуны „Константинъ“.

[2]) Въ запискѣ Косарева на листахъ есть замѣтка: „Шевченко находился съ Бутаковымъ на шкунѣ „Константинъ“, въ 1848 и 1849 годахъ, шкуной же „Николай“ командовалъ прапорщикъ Поспѣловъ“.

Для выполненія матросскихъ обязанностей были откомандированы нижніе чины изъ двухъ ротъ 4-го Оренбургскаго линейнаго батальона: 5 унтеръ-офицеровъ, 36 рядовыхъ и одинъ фельдшеръ. Въ этомъ числѣ находился и рядовой Тарасъ Шевченко [1]).

Для этого флота въ 1848 году былъ построенъ на Косъ-Аралѣ отдѣльный небольшой фортъ, названный Косъ-Аральскимъ фортомъ, въ которомъ и помѣщались всѣ воинскіе чины флота, независимо отъ гарнизона, расположеннаго въ Раимскомъ укрѣпленіи.

Лейтенантъ Бутаковъ получи(в)лъ распоряженіе отъ главнаго начальника оренбургскаго края отправиться съ ввѣренной ему эскадрой въ аральское море, по открытіи весенней навигаціи 1848 года, какъ для обозрѣнія онаго и береговъ, такъ и (для) промѣра глубины въ морѣ.

Дождавшись этого времени, онъ выступилъ съ эскадрою въ морское плаванье, пробывъ тамъ все лѣто, а въ половинѣ августа возвратился въ Косъ-Аральскій фортъ, еще неокончивши всего обозрѣнія. Въ 1849 году съ открытіемъ весенней нави-

---

[1]) Назначеніе Шевченка въ экспедицію Бутакова въ замѣткѣ А. Р. объясняется совершенно иначе. „Когда А. И. Бутаковъ собирался для описи Аральскаго моря, то его просили доброжелатели Шевченка взять съ собою поэта. Вѣроятно и передъ В. А. Обручевымъ было замолвлено доброе слово. По крайней мѣрѣ, Шевченко безъ особыхъ затрудненій былъ назначенъ, по просьбѣ Бутакова, къ нему въ экспедицію, *для рисованія видовъ морскихъ береговъ*".

Изъ примѣчанія 3-го видно, что Шевченко прибылъ въ Раимское укрѣпленіе въ 1848 году, а не вмѣстѣ съ ротами 4-го батальона весною 1847 года. Сопоставляя это съ данными формулярнаго списка и датами стихотвореній „Чернецъ" и „Не для людей и не для славы", подъ которыми подписано „1848 г., Орская крѣпость" (см. „Кобзарь" Прага 1876 г. и С-П-бургъ 1884 г.) можно съ увѣренностью заключить, что Косаревъ ошибался, говоря, что Шевченко прибылъ въ Раимъ въ 1847 г. вмѣстѣ съ ротами 4-го батальона и отъ нихъ былъ уже командированъ въ качествѣ матроса къ лейтенанту Бутакову.

Поэтому правильнѣе указанія А. Родзевича и А. Р. (два разныя лица), что Шевченко по прибытіи въ Оренбургъ былъ зачисленъ въ 5-ый батальонъ. Былъ-ли потомъ переведенъ Шевченко въ 4-ый батальонъ и это пропущено въ формулярномъ спискѣ, или же оставался въ 5-мъ, пока остается открытымъ.

Не лишнее припомнить, что подъ стихотвореніемъ „На Риздво" помѣчено „Косъ-Аралъ, на Аральскому мори 24 декабря 1848 г.

гаціи лейтенантъ Бутаковъ вторично выступилъ въ море, гдѣ по окончаніи всего обозрѣнія возвратился въ фортъ.

Всѣ нижніе чины, исполнявшіе обязанности матросовъ, въ томъ числѣ и Тарасъ Шевченко, за морскую кампанію 1848 и 1849 года получили Высочайше дарованную денежную награду, каждый по 5 рублей серебромъ [1]).

Капитанъ-лейтенантъ Бутаковъ, согласно испрошеннаго имъ разрѣшенія у командира отдѣльнаго Оренбургскаго округа генералъ-адъютанта Обручева, отправился въ г. Оренбургъ, что-бы ускорить (поспѣшить) тамъ составленіемъ плана и отчетности по обозрѣнію, для Государя Императора и военнаго министра, передавъ флотилію въ распоряженіе коменданта, взявъ съ собою подпоручика Поспѣлова, топографовъ Рыбина и Христофорова, унтеръ-офицера Вернера, старшаго фельдшера Истомина, рядоваго Шевченко и своего деньщика Тихова, съ которыми и отправился въ г. Оренбургъ, выѣхавъ изъ Раимскаго укрѣпленія 8 октября [2]). Степью прослѣдовалъ благополучно и прибылъ въ г. Оренбургъ 10 числа ноября.

Капитанъ-лейтенантъ Бутаковъ возвратился въ Раимское укрѣпленіе въ половинѣ мая мѣсяца 1850 года. Тарасъ Шевченко не возвращался [3]); а изъ дѣлъ архива въ укрѣпленіи коменданта форта № 1 по спискамъ 2-хъ ротъ 4-го батальона, болѣе не значился. А также не видно, чтобы Шевченко зани-

---

[1]) „Согласно предписанія Штаба войскъ отдѣльнаго оренбургскаго корпуса отъ 30-го апрѣля 1851 года за № 2267“. какъ сказано въ отдѣльныхъ листахъ замѣтокъ Косарева.

[2]) „Приказъ по Раимскому гарнизону маіора Дамича (о распоряженіи) отъ 6 октябр я 1849 г. за № 607 объ отправленіи (ихъ) 8 числа капитанъ-лейтенанта Бутакова съ прочими (словъ че разобралъ) (въ томъ числѣ и Шевченко), подъ прикрытіемъ „ “ основанный на распоряженіи корпуснаго командира отъ 12 мая № 1466“. Замѣтка Косарева на отдѣльныхъ листахъ.

[3]) Относительно этого считаю не лишнимъ сопоставить указанія А. Р. и А. Родзевича. Изъ замѣтки А. Р. видно, что Шевченко по доносу былъ арестованъ въ концѣ апрѣля 1850 г. въ Оренбургѣ, отправленъ въ Орскъ и болѣе въ Туркестанскій край не возвращаяся, что согласуется съ замѣтками Косарева. А Родзевичъ говоритъ, что въ половинѣ апрѣля 1850 г. Шевченко былъ отправленъ изъ Раимскаго укрѣпленія въ Орскъ, т. е. какъ будто изъ Оренбурга онъ возвратился назадъ въ укр. Раимское.

мался когда либо въ Раимскомъ укрѣпленіи художественными издѣліями или какими сочиненіями [1]).

. . . .

Я не буду здѣсь описывать въ подробности всего, но только обращусь къ тому времени, когда прибылъ на службу къ намъ рядовой Тарасъ Шевченко.

Онъ прибылъ въ Новопетровское укрѣпленіе въ двѣ роты Оренбургскаго Линейнаго № 1 батальона въ маѣ [2]) мѣсяцѣ 1850 года и поступилъ въ 4-ю роту, которой тогда командовалъ штабсъ-капитанъ Потаповъ, онъ же и завѣдывалъ двумя ротами, такъ какъ штабъ батальона еще въ 1847 году возвратился въ г. Уральскъ.

Командиръ 4-й роты былъ довольно строгій съ нижними чинами, приказалъ назначить къ Шевченку дядьку, хорошаго строгаго солдата, поручивъ ему обучать Шевченка ружейнымъ пріемамъ и маршировкѣ. Но почему-то Шевченку эта наука не давалась, поэтому онъ и называлъ ее „премудростью".

О Шевченкѣ никакихъ письменныхъ свѣдѣній изъ батальона не присылалось, а только было предписано завѣдывающему двумя ротами считать его политическимъ преступникомъ, а у коменданта было особое распоряженіе отъ штаба войскъ отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса, что-бы ему недозволять имѣть карандаши, чернило, перья и бумагу, писать и рисовать; но въ послѣдствіи времени это было разрѣшено, только подъ надзоромъ коменданта или кого изъ офицеровъ.

Въ 1852 году я былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны, а штабсъ-капитанъ Потаповъ отправлялся въ 10-й Оренбургскій Линейный батальонъ. Поэтому мнѣ было предложено вступить въ завѣдываніе двухъ ротъ этого батальона и одной ротой командовать на законномъ основаніи. Рядовой Шевченко перешелъ

---

[1]) Послѣ этого въ запискахъ Косарева идетъ подробное изложеніе хода постройки укрѣпленія Ново-Петровскаго (нынѣ фортъ Александровскій), участникомъ которой онъ былъ. Я пропускаю всѣ подробности, какъ неимѣющія никакого отношенія къ поэту.

[2]) Дата А. Родзевича „17 октября" правильнѣе, такъ какъ основана на офиціальныхъ документахъ.

ко мнѣ въ роту. Держалъ онъ себя очень прилично и жилъ онъ въ казармахъ. Въ свободное время ходилъ къ коменданту обучать дѣтей грамотѣ.

Когда было разрѣшено Шевченку писать и рисовать, тогда онъ со многихъ офицеровъ снималъ портреты, въ томъ числѣ и съ меня, бѣлымъ, чернымъ и желтымъ карандашами,—но нѣкоторые портреты не были похожи [1]). Онъ также написалъ въ стихахъ „Кобзаря" [2]), сдѣлалъ двѣ формы и отлилъ изъ алебастра двѣ картины: одна — Іисусъ Христосъ, сидящій на табуретѣ въ терновомъ вѣнцѣ, мучимый евреями; другая картина: стоитъ въ лѣтнее время раскрытая киргизская битка, въ которой у задней стѣны рѣкишетки лежитъкирпичъ съ открытымъ ртомъ и довольной физіономіей, играя на домрѣ (родъ русской балалайки), самъ полунагой и на головѣ надѣтъ кошмяной [3]) колпакъ. Снаружи противъ него у дверей стоитъ жена съ улыбающейся къ нему физіономіей, толчетъ въ деревянной ступѣ просо; она, какъ видно, одѣта въ рубашку и на головѣ чаблукъ. Около нея сидятъ на землѣ двое играющихъ нагихъ маленькихъ дѣтей—мальчиковъ; съ правой стороны кибитки привязанъ теленокъ, а съ лѣвой три козы [4]).

---

[1]) Вотъ что говоритъ Косаревъ въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ на листахъ... Только съ меня снятый портретъ вышелъ очень похожій. Отдѣланный на полулистѣ александринской бумаги портретъ мой и въ настоящее время находится въ Оренбургѣ у прежнихъ моихъ родственниковъ по первой женѣ,—Колмаковыхъ,—который остался у нихъ послѣ смерти тамъ моей жены.

[2]) Именно ко времени пребыванія поэта въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи (1850—1857 гг.) относится наименьшее число поэтическихъ произведеній Шевченка.

„Хатына" подписана „1850 р. надъ Каспіемъ", „Москалева Криниця" подписана „1857 р. Новопетровское укрѣпленіе". („Кобзарь изд. 1884 г."). Кромѣ того въ томъ же изданіи подъ 1850 помѣщены нѣсколько пьесъ. 1851, 1852, 1853, 1854, 1855 и 1856 года въ „Кобзарѣ" совершенно отсутствуютъ.

Въ сборникѣ русскихъ повѣстей и разсказовъ есть двѣ повѣсти, относящіяся къ этому же времени: 1) „Художникъ"—„4 октября 1856 г." и 2) „Музыкантъ"— „15 января 1857 г.".

[3]) Войлочной.

[4]) Эта группа нѣсколько иначе описана Косаревымъ на отдѣльныхъ листахъ... а двое маленькихъ нагихъ дѣтей,—мальчикъ и дѣвочка—играли, сидя на землѣ съ правой стороны матери, съ козленкомъ.

Кромѣ того, Шевченко выливалъ изъ элебастра и другія статуэтки.

Произведенія эти онъ раздавалъ желающимъ, за что ему платили деньги.

Въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи было офицеровъ до 20 человѣкъ, въ томъ числѣ семейныхъ 12. Жизнь была почти однообразна: днемъ казенныя работы и ученья, а вечерами собирались по домамъ провести время въ семействахъ, гдѣ устраивалось лото, преферансъ и ералашъ по $^{1}/_{10}$ или $^{1}/_{1000}$ копѣки, или танцы. Музыканты у насъ были изъ двухъ оркестровъ, одинъ офицерскій, а другой изъ нижнихъ чиновъ; но и это намъ наскучило.

Окрестности укрѣпленія незавидныя: съ одной стороны горы, а съ другой бушующее море. Осенью и зимою постоянно дуютъ сѣверо-восточные вѣтры.

Наконецъ придумали устроить любительскій спектакль.

Помѣщенье было занято въ одной пустопорожней казармѣ. Декораціи были сдѣланы своими же художниками. Занавѣсъ былъ данъ на время изъ пунцовой шелковой матеріи съ кистями одной офицершей. Люстры и канделябры устроены изъ ружейныхъ штыковъ, взятыхъ изъ цейхгаузовъ. Освѣщенье было общее, такъ какъ представленье театра игралось безденежно.

Выбрали комедію соч. Островскаго „Свои люди сочтемся". Дамы наши не участвовали въ комедіи, а только были зрительницами. Роли были даны: поручику З(убильскому)—купца Большова, его жену Аграфену Кондратьевну дали прапорщику Б(ажанову), дочь Липочку—прапорщику У(гла), сваху Устинью Наумовну—поручику Г., приказчика Подхалюзина пришлось играть мнѣ и приказнаго Рисположенскаго—Тарасу Шевченку, а роль приказчика Тишки—поручику Б.

Всѣ актеры свои роли разучили къ 25 декабря [1]) довольно твердо; костюмы, парики и бороды накладныя были готовы, сдѣланы и прилажены очень сносно.

---

[1]) 1850 года, какъ это видно изъ замѣтокъ на отдѣльныхъ листахъ, слѣдовательно—Шевченко сразу былъ принятъ въ общество офицеровъ.

1-е представленіе было назначено 27 декабря[1]); такъ какъ представленіе было безденежное, то и посѣтителей набралось очень много, не исключая и купечества, которое тоже намъ содѣйствовало къ убранству комнаты и въ освѣщеніи.

Наступило время представленія. Шевченка я замаскированнымъ не видалъ, потому что мнѣ приходилось въ своемъ костюмѣ дирижировать оркестромъ музыки, поставленной за кулисами, и самому играть первую скрипку. Комедія началась. О себѣ ничего не скажу, но всѣ играли хорошо, а въ особенности Липочка. Нужно замѣтить, что прапорщикъ У(гла) былъ шведъ, красивый собой, блондинъ съ голубыми глазами, бѣлымъ лицомъ, безъ усовъ, стройный и небольшаго роста; немного картавилъ.

Но когда показался на сцену Шевченко, то смѣшно было на него смотрѣть: онъ былъ одѣтъ въ довольно поношенный, старый и нѣсколько узкій на него фракъ изъ синяго сукна, короткіе панталоны неизвѣстной матеріи гороховаго цвѣта, тоже поношенныя, сапоги съ заплатами, а одинъ—истоптанный на одну сторону, жилетъ когда-то бывшій зеленаго цвѣта изъ бумажной матеріи съ обтяжными пуговицами. На головѣ надѣта стариковская, смятая пуховая шляпа. Въ соотвѣтствіе такому костюму и лицо Шевченка было размалевано красками. Однимъ словомъ, онъ изображалъ изъ себя приказнаго, какъ будто явившагося съ похмѣлья и не доспавшаго послѣ сильнаго перепоя.

Шевченко былъ смѣшонъ въ то время, когда купецъ Большовъ былъ за долги посаженъ въ яму, и жена его, сидя дома съ свахой Устиньей Наумовной, скорбѣла и плакала, а приказный Рисположенскій въ то время заходитъ къ ней и спрашиваетъ: „а что вы, Аграфена Кондратьевна, огурчики то солили? Это что у васъ—водочка, что-ли? Я рюмочку выпью".—„Э-эхъ батюшка, до огурчиковъ ли мнѣ сегодня! Выпей, батюшка",—отвѣчала Аграфена Кондратьевна". Вообще Шевченко съумѣлъ превосходно сыграть свою роль.

---

[1]) Въ замѣткахъ Косарева на листахъ сказано, что 1-й спектакль былъ 26 декабря, 2-й 28-го, а 27-го и 29-го комедія „Свои люди сочтемся" была сыграна для нижнихъ чиновъ.

По окончаніи спектакля, комендантъ укрѣпленія устроилъ намъ вкусный ужинъ, на который были приглашены и прочіе съ семействами офицеры и купечество.

Послѣ того, комедія эта, по просьбѣ общества, еще повторялась 2 раза [1]), и два раза играли для нижнихъ чиновъ. .... [2]) Такъ что къ масляницѣ составился театръ изъ нижнихъ чиновъ, которые играли довольно удачно комедію „Ворона въ павлиньихъ перьяхъ" и одинъ водевиль „Дядюшка", за что платилось имъ за первое мѣсто рубль, второе 50 к., третье 20 к. и четвертое 10 к.

Шевченко по окончаніи втораго представленія комедіи „Свои люди сочтемся", переодѣвшись въ малороссійскій костюмъ, плясалъ на сценѣ малороссійскій танецъ. Музыка играла трепака Онъ удивилъ всѣхъ своимъ искусствомъ въ пляскѣ; съ тѣхъ поръ, гдѣ бывали вечера съ танцами, приглашали и Шевченка, и онъ, по просьбѣ общества, никогда не отказывался отплясать трепака.

Въ воскресные дни офицеры нерѣдко собирались пѣть на клиросѣ. Не отставалъ отъ нихъ и Шевченко. Онъ пѣлъ тепоромъ. Голосъ у него былъ довольно чистый и звонкій. Онъ любилъ иногда дома, или по просьбѣ, въ обществѣ, пѣть пѣсни и малоросійскія, а въ особенности любилъ пѣть „Віють витры".

Тарасъ Шевченко, какъ было видно, хорошо образованъ; любилъ много говорить. Онъ копировалъ купцовъ, хохловъ, поповъ, старовѣровъ разныхъ сектъ.

Любилъ онъ и выпить или убить муху въ зеленомъ винѣ. Офицеры изучили Шевченка такъ, что если у кого онъ сидитъ въ гостяхъ и преимущественно въ семейномъ домѣ, то слѣдятъ за нимъ, въ особенности, когда подана на столъ сухая закуска и водка.

Шевченко зналъ множество анекдотовъ; когда онъ выпивалъ первую рюмку водки, то разсказывалъ ихъ уже свободнѣе,

[1]) Смотри примѣчаніе выше.

[2]) Очевидно пропускъ. На отдѣльныхъ листахъ это мѣсто написано слѣдующимъ образомъ: „27 го и 29-го чиселъ было сдѣлано представленіе этой комедіи для нижнихъ чиновъ, которое послужило имъ въ пользу, такъ что въ послѣдствіи

за второй рюмкой еще свободнѣе, а наконецъ послѣ 3-й онъ былъ только годенъ въ холостой компаніи [1]).

Въ укрѣпленіи въ то время находился повѣреннымъ по акцизной части нѣкто отставной чиновникъ 14-го класса, Константинъ Николаевичъ Зигмунтовскій, и жена его чухонка, Софья Самойловна. Ему было отъ роду лѣтъ 70, а ей 50. Онъ былъ еще бодрымъ, а она свѣжая, бѣлая и румяная; смолоду, надо полагать она была красавица. Семейство это, кромѣ продажи питей, имѣло у себя винный погребокъ и магазинъ разныхъ для продажи вещей. Зигмунтовскій еще въ нижнихъ чинахъ служилъ въ какомъ-то гусарскомъ полку, былъ въ походахъ съ княземъ Суворовымъ за Балканами, а по выходѣ въ отставку съ чиномъ 14-го класса жилъ въ Бессарабіи, послѣ того перебрался въ городъ Астрахань и поступилъ къ кому-то въ повѣренные. Зигмунтовскій любилъ тѣхъ людей, которые вызывали его на разсказы о его походахъ за Балканы съ княземъ Суворовымъ. Онъ готовъ говорить цѣлые дни и ночи, а гдѣ возможно даже и приврать. Въ это время хозяйка дома выноситъ большой поднось съ винами и разными закусками, ставитъ на столъ передъ диваномъ и угощаетъ гостя и своего мужа Константина Николаевича. Тарасъ Шевченко часто придумывалъ предлогъ забраться къ спиртомору (такъ солдаты прозвали Зигмунтовскаго, потому что онъ при отпускѣ спирта въ команды показывалъ крѣпость онаго черезъ спиртометръ Траллеса,—поэтому отъ слова спиртометръ назвали его спиртоморомъ), а тѣмъ болѣе, что онъ былъ и пріятелемъ Зигмунтовскаго. Отправляется: „Здравствуйте, добрѣйшій мой Константинъ Николаевичъ и многоуважаемая Софья Самойловна! Какъ ваше драгоцѣнное здоровье? Какъ живете, можете?“—Ахъ безцѣнный нашъ, Тарасъ Григорьевичъ! Живемъ, слава Богу, по маленьку вашими усердными молитвами. Какимъ вѣтромъ васъ занесло къ намъ? Вы

времени изъ нихъ нашлось много актеровъ, которые стали въ дни сырной недѣли играть комедіи и водевили. А съ того времени постоянно были театры“.

[1]) Пропускаемъ тутъ разсказъ о шуточныхъ похоронахъ Шевченка, переданный уже въ ст. Н. Д. Н.

давненько насъ не навѣщали... Очень, очень рады! Просимъ милости садиться, дорогой нашъ гость! Побесѣдуемъ кое-о чемъ, а то вѣдь намъ скучно однимъ-то со старухою.

Гость и хозяинъ садятся на диванъ за круглый столъ, а хозяйка отправляется за закускою.

Кхи, кхи, кхи, а я, почтеннѣйшій Константинъ Николаевичъ, составляю исторію, то мнѣ нужно бы кое-что извлечь отъ васъ о Суворовскомъ походѣ, о Дунаѣ и переходѣ черезъ Балканы, а также нѣчто о Бессарабіи. Вѣдь у васъ навѣрно это все осталось въ памяти?"

Зигмунтовскому только этого и нужно было. Начинается разсказъ чуть-ли не со дня рожденія его самого и Софьи Самойловны, которая въ то время уже ставила на столъ подносъ съ винами и многосложной закускою. Разсказъ продолжался до возвращенія изъ Суворовскаго похода и оканчивался тѣмъ, что у нихъ въ Бессарабіи родятся огурцы настолько большіе, что, бывало, разрѣжешь пополамъ огурецъ, изъ одной половинки сдѣлаешь лодку, а изъ другой два весла, сядешь и переплывешь черезъ Дунай на другую сторону.

Тарасъ въ свою очередь прерываетъ разговоръ и начинаетъ свой.

Выслушайте теперь меня, безцѣнный Константинъ Николаевичъ! Когда я служилъ на Раимѣ, вы не повѣрите, что тамъ есть рѣка Сыръ-Дарья, очень широкая и рыбная. Въ ней очень много всякой крупной рыбы, которая почти вся по верху плаваетъ и довольно смирная и никого не пугается. Бывало, захочешь отправиться на другую сторону рѣки, то свиснешь и скоро перебѣжишь по рыбѣ: одной ногой станешь на сома, другой на осетра, а потомъ на сазана, судака, усача, а иногда такъ случится, что большая рыба и сама догадается—перевезетъ; смотришь—и переправился. Стоишь на берегу и любуешься на эту рыбную рѣку".

— Да вы, кажется, неправду говорите Тарасъ Григорьевичъ!?—смотритъ удивленно на него Зигмунтовскій.

„Можетъ быть я и приврал, Константинъ Николаевичъ, но и вы, кажется, сказали неправду объ огуречной лодкѣ".

Наконецъ хозяинъ сознается передъ гостемъ, что онъ совралъ.

Между тѣмъ бутылка опустѣла, закуска съѣдена; хозяинъ и гость угостились; оставляя разговоръ до другаго времени, ложатся спать, или гость кое-какъ отправляется домой (въ казармы)[1]).

Въ 1856 году, по семейнымъ обстоятельствамъ я выпросилъ себѣ смѣну и отправился съ ротою въ г. Уральскъ; пробывъ тамъ до весенняго времени 1857 г., женился и возвратился обратно въ укрѣпленіе, такъ какъ нѣкто маіоръ Л., смѣнившій меня, сталъ вести себя дурно, пить, ничего не дѣлать и, наконецъ, умеръ скоропостижно. Все это дошло до свѣдѣнія начальника дивизіи, бывшаго тогда въ г. Уральскѣ, который и командировалъ меня туда вступить по прежнему въ завѣдываніе тѣми-же двумя ротами и за это представилъ меня въ маіоры. По прибытіи въ Ново-Петровское укрѣпленіе въ маѣ мѣсяцѣ того года, я засталъ Шевченка въ добромъ здоровьи, котораго я перевелъ тогда къ себѣ во 2-ю роту изъ 4-й, отправлявшейся въ г. Уральскъ (роты стояли въ укрѣпленіи по 2 года каждая).

Въ томъ же году рядовой Шевченко получилъ Высочайше дарованное прощеніе и уволился отъ службы; съ тѣмъ однако, что ему запрещено было проживаніе въ г. Кіевѣ[2]), а также въѣздъ въ столицу.

Въ концѣ августа[3]) того-же года Тарасъ Шевченко былъ отправленъ на почтовой лодкѣ въ Гурьевъ городокъ[4]) для от-

---

[1]) Пропускаемъ разсказъ о поѣздкѣ на охоту, переданный въ статьѣ Н. Д. Н.

[2]) Билетъ № 1403 Шевченку былъ выданъ (правда по ошибкѣ) для проживанія въ С.-Петербургѣ.

Въ предписаніи генералъ-адъютанта графа Перовскаго отъ 28 мая 1857 г. № 543 начальнику 23 пѣхотной дивизіи мѣстомъ жительства Шевченко впредь до увольненія на родину назначенъ г. Оренбургъ. Въѣздъ въ столицы былъ ему воспрещенъ. „Русская Старина", май, 1891 г. статья А. Родзевича. *К. О.*

[3]) 1-го августа 1857 г., „Русская Старина" май, 1891 г. стр. 444, ст. А. Родзевича.

[4]) Въ Гурьевъ городокъ Шевченко не ѣздилъ, а отправился прямо въ Астрахань, куда и прибылъ 22-го августа, что видно изъ рапорта отъ 4 сентября 1857 г. № 97 астраханскаго плацъ-адъютанта прапорщика Буруева маіору Ускову. Тамъ-же, стр. 444.

правленія ва г. Уральскъ къ батальонному штабу. По прибытіи туда [1]) и увольненіи отъ службы, Шевченко и выѣхалъ изъ Уральска въ г. Кіевъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ.

Съ того времени я его больше не видалъ.

О немъ хлопотала одна графиня, которой онъ показывалъ мнѣ и письмо.

Шевченка мнѣ много разъ приходилось исправлять гауптвахтнымъ арестомъ или казарменнымъ, не выпуская со двора, и онъ сознавалъ свою виновность, нисколько на это не роталъ, а напротивъ меня любилъ и уважалъ.

По выходѣ изъ службы Шевченко расписалъ въ какомъ-то журналѣ батальоннаго командира подполковника Л. [2]), котораго онъ не уважалъ.

Начало службы Шевченка я зналъ изъ разсказовъ самого его и другихъ лицъ, служившихъ въ Раимѣ, а также и изъ дѣлъ сохранившихся, въ архивѣ управленія форта № 1; а остальная его служба была почти (все время) подъ моимъ начальствомъ въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи.

Е. Косаревъ.

III.

Нѣсколько словъ о «Тарасѣ Григорьевичѣ Шевченкѣ».

Съ 1886 года по 1889 мнѣ пришлось служить въ военной службѣ въ Орскѣ въ управленіи уѣзднаго воинскаго начальника. При управленіи оказался архивъ, въ которомъ хранятся дѣла нѣсколькихъ частей войскъ, бывшихъ въ 40 и 50 годахъ въ крѣпости Орской и др. ближайшихъ степныхъ укрѣпленій. Архивъ былъ въ большомъ безпорядкѣ, такъ что мнѣ въ 1888 году пришлось приводить его въ порядокъ. Зная, что Та-

---

Объ отправленіи Шевченко въ Астрахань, а не въ Гурьевъ городокъ говорила мнѣ вдова Косарева, объясняя это ошибочнымъ распоряженіемъ маіора Ускова.

[1]) Въ Уральскъ Шевченко не ѣздилъ, а прямо направился въ Нижній-Новгородъ, гдѣ и былъ задержанъ. Тамъ-же стр. 444, 446.

[2]) Если не ошибаюсь, въ журналѣ „Основа“ за 1861 г. въ дневникѣ.

расъ Григор. былъ первоначально на службѣ въ Орскѣ въ № 5 баталіонѣ, я сталъ просматривать дѣла съ цѣлью отыскать что нибудь, имѣющее біографическое значеніе. Хотя меня предупреждали, что все уже, что только было, вынуто изъ дѣлъ и отослано будто-бы въ Петербургъ по чьему-то требованію, но это меня нисколько не остановило. Впрочемъ, дѣйствительно я сталъ замѣчать, что нѣкоторыя бумаги, и повидимому относящіяся къ жизни поэта—вынуты изъ дѣлъ. Но мнѣ все таки попалось нѣсколько бумагъ, о которыхъ я и намѣренъ сообщить—быть можетъ это когда нибудь пригодится. Къ сожалѣнію изъ числа попавшихся мнѣ бумагъ я снялъ копію только съ одной, а остальныя такъ и оставилъ въ дѣлахъ безъ снятія копій: я думалъ, что все попадавшееся мнѣ уже извѣстно въ печати. Изъ числа оставшихся въ дѣлахъ бумагъ помню рапортъ баталіоннаго командира о томъ, что прибывшій на службу художникъ с.-петербургской академіи Т. Гр. Шевченко заявилъ, что въ Кіевѣ у губернатора остался принадлежащій ему портфель съ бумагами, рисунками и, кажется, палка, почему проситъ ходатайства о возвращеніи ихъ ему. На это оказался въ дѣлѣ отвѣтъ кіевскаго губернатора о томъ, что портфель и вещи Шевченка отосланы въ 3-е отдѣленіе канцеляріи Его Императорскаго Величества. Нашелся листъ, на которомъ Тарасъ Григорьевичъ былъ приведенъ къ присягѣ. Листъ этотъ послѣ слова „аминь“ подписалъ „рядовой Тарасъ Григорьевъ сынъ Шевченко“, священникъ Павловскій и присутствовавшій подпоручикъ Ростопчинъ. Не помню только ни числа, ни года, когда была сдѣлана присяга. Затѣмъ нашлось распоряженіе командира отдѣльнаго оренбургскаго корпуса и оренбургскаго военнаго губернатора, генерала отъ инфантеріи Обручева, отъ 27 апрѣля 1850 г. за № 52 на имя начальника 23 п. дивизіи, генерала Толмачева,—съ котораго снята мною копія.

Генералъ Обручевъ, въ дополненіе къ предписанію отъ 22 генваря и 9 февраля за №№ 292 и 507, даетъ знать, „что назначенный къ отправленію въ Ново-Петровское укрѣпленіе рядовой Шевченко, по встрѣтившимся обстоятельствамъ, отставляется отъ этой командировки“, и проситъ распоряженія „о

переводѣ его изъ оренбургскаго линейнаго № 4 по прежнему въ баталіонъ № 5 съ учрежденіемъ надъ нимъ строжайшаго надзора съ запрещеніемъ писать и рисовать, и чтобы отъ него ни подъ какимъ видомъ не могло выходить возмутительныхъ сочиненій, какъ было сообщено отъ 10 іюня 1847 г. за № 25. При чемъ далѣе говорится, что, рядовой этотъ, по моему распоряженію, содержится нынѣ въ здѣшней главной гауптвахтѣ, а потому объ отправленіи его въ баталіонъ послѣдуетъ въ свое время особое распоряженіе". Генералъ Толмачевъ, начальникъ 23 п. дивизіи, сообщилъ объ этомъ командиру 1 бригады, генералу Федяеву, съ присовокупленіемъ, что Шевченко приказомъ по дивизіи 30 апрѣля за № 91 переведенъ изъ № 4 въ № 5. баталіонъ. Федяевъ въ свою очередь сообщилъ распоряженіе командиру № 5 баталіона, находившагося по прежнему въ кр. Орской.

Такъ какъ баталіонъ № 4 находился въ то время въ укрѣпленіи Раимскомъ, баталіонъ № 5—въ орской крѣпости, а главная гауптвахта въ Оренбургѣ, то ясно, что весною 1850 года Шевченко былъ уже не въ Орскѣ, а въ Оренбургѣ, откуда предполагалось отправить его въ Ново-петровское укрѣпленіе, находившееся на Аральскомъ морѣ. Такъ какъ командировки въ степныя укрѣпленія совершались однажды въ годъ, а именно весною, въ апрѣлѣ или маѣ мѣсяцѣ, то нужно полагать, что въ весну 1850 г. Тарасъ Григорьевичъ не былъ въ степи.— Подъ выраженіемъ упомянутаго распоряженія о томъ, что онъ содержится въ главной гауптвахтѣ, нужно подразумѣвать, что онъ въ то время находился подъ арестомъ и по этой причинѣ не могъ быть отправленъ къ № 5 баталіону въ Орскъ тотчасъ, а впредь до особаго распоряженія.

Кромѣ этой бумаги, въ дѣлахъ попадались мнѣ списки нижнимъ чинамъ, отданнымъ въ военную службу по Высочайшему повелѣнію за политическія преступленія. Въ этихъ спискахъ значится и Т. Гр. Шевченко. Въ отмѣткахъ противъ него говорится, что онъ опредѣленъ на службу 23 іюня 1847 года въ № 5 оренбургскій линейный баталіонъ по Высочайшему повелѣнію, объявленному въ предписаніи корпуснаго командира

отъ 10 іюня 1847 г. за № 25, изъ художниковъ с.-петербургской академіи „за сочиненіе на малороссійскомъ языкѣ возмутительнаго и самаго дерзкаго содержанія стиховъ", съ правомъ выслуги. Другихъ важныхъ документальныхъ свѣдѣній о пребываніи Шевченка въ войскахъ не попадалось мнѣ, не смотря на то, что я чуть-ли не по листамъ пересмотрѣлъ многія дѣла. Если и были таковыя, то, какъ я уже говорилъ, они вынуты раньше по чьему т отребованію изъ С.-Петербурга.

Въ бытность мою въ Орскѣ мнѣ попалось одно стихотвореніе Шевченка, котораго, кажется, вовсе нѣтъ въ изданныхъ до сего времени сборникахъ стихотвореній поэта. Такъ какъ стихотвореніе я помню наизустъ, то и привожу его здѣсь цѣликомъ.

„Ой у саду, саду,
Гулялы кокошки,
Чернявая, билявая,
Дзюбатая трошки.
Хочъ я и дзюбата,
Таки-жъ бо я пышна,
Сватай мене, серце мое,
Я-бъ за тебе выйшла.

Я-бъ за тебе выйшла,
Я-бъ тебе любыла,
Ой я тоби, що субботы,
Кучерики змыла.
Ой змыла-бъ я, змыла,
Та щей й росчесала,
Ой я-бъ тебе, серце мое,
Ще-й поцилувала.

Стихотвореніе это было напечатано въ Оренбургскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1888 годъ[1]). Долженъ сказать, что въ этихъ вѣдомостяхъ часто попадаются корреспонденціи или фельетоны, сообщающіе о различныхъ обстоятельствахъ жизни Тараса Григорьевича въ этомъ краю. Сообщенія эти очевидно принадлежатъ почитателямъ таланта и личности поэта, пребывающимъ до настоящ. времени тамъ. Изъ числа этихъ свѣдѣній навѣрное найдутся очень важныя въ біографическомъ отношеніи. Поэтому желательно было бы, чтобы составители полной біографіи знаменитаго нашего поэта не преминули воспользоваться всѣмъ тѣмъ матеріаломъ, который находится въ названныхъ вѣдомостяхъ, а быть можетъ и въ другихъ, напр. Ташкентскихъ.

Людей, которые бы могли помочь въ чемъ нибудь существенномъ по собиранію біографическихъ свѣдѣній, въ г. Орскѣ

---

[1]) Почти навѣрное можно сказать, что это стихотвореніе не принадлежитъ Шевченку, о чемъ мы подробнѣе скажемъ послѣ.—Ред.

въ настоящее время нѣтъ. Сколько мнѣ извѣстно, свѣдѣнія о Шевченкѣ собиралъ инспекторъ городскаго училища въ Орскѣ Иванъ Антоновичъ Романинъ, которыя онъ, вѣроятно, и помѣщаетъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ, а также учитель того училища А. Михайловъ.

Между прочимъ, долженъ сказать, что память о Шевченкѣ, самая пріятная, сохранилась въ Орскѣ до настоящаго времени, не смотря на то, что со времени пребыванія его прошло около 40 лѣтъ. Встрѣчались тамъ мнѣ люди, которые, знакомясь со мною, при одномъ имени, что я малороссъ и прибылъ изъ Малороссіи, вспоминали Тараса Григоревича Шевченка и что онъ былъ сосланъ туда. Какъ тѣ немногіе, которые лично помнятъ Тараса Григорьевича, такъ и другіе, знающіе о немъ только по наслышкѣ отъ другихъ, но уже умершихъ или выѣхавшихъ изъ Орска людей,—восхваляли поэта, какъ веселаго, остроумнаго и добраго человѣка. Люди, которые лично помнятъ его, говорятъ о немъ съ глубокимъ одушевленіемъ и уваженіемъ. Однимъ словомъ, можно сказать, что память о поэтѣ надолго останется у жителей города Орска и вообще въ томъ краѣ.— Вотъ все, что я хотѣлъ сказать въ нѣсколькихъ словахъ о нашемъ высокочтимомъ поэтѣ. *Г. П. Даценко.*

IV.

Письма Т. Г. Шевченка къ кн. В. Н. Репниной.

Въ сочиненіи М. К. Чалаго „Жизнь и произведенія Тараса Шевченка“ (стр. 43) сказано: „къ величайшему сожалѣнію, письма Шевченка къ княжнѣ безвозвратно погибли“. Не знаемъ, какія данныя имѣлъ въ рукахъ почтенный авторъ этого сочиненія, утверждая только-что приведенное, но мы можемъ съ полной достовѣрностью сказать, что печатаемые ниже 7 писемъ Шевченка къ княжнѣ сохранились въ подлинномъ видѣ, и намъ доставлена самая точная копія съ нихъ. Впрочемъ, надо замѣтить, что это, по всей вѣроятности, далеко не всѣ письма его къ княжнѣ, т. к. переписка ихъ началась по крайней мѣрѣ за три года раньше даты перваго изъ этихъ писемъ (1847 г.).

I [1]).

Крѣпость Орская.
24 окт 1847.

По ходатайству вашему, добрая моя Варвара Николаевна, я былъ опредѣленъ въ Кіевскій университетъ, и въ тотъ самый день, когда пришло опредѣленіе, меня арестовали и отвезли въ Петербугъ 22 апреля (день для меня чрезвычайно памятный), а 30 маія мнѣ прочитали комфермацію и я былъ уже не учитель Кіевскаго университета, а рядовой солдатъ Оренбургскаго линѣйнаго гарнизона!

О какъ невѣрны наши блага
Какъ мы подвержены судьбѣ.

И теперь прозябаю въ киргизской степи, въ бѣдной Орской крѣпости. Вы непремѣнно разсмѣялись бы, еслибъ увидѣли теперь меня; вообразите себѣ самого неуклюжого гарнизонного солдата, растрепанного, небритого, съ чудовищными усами, и это буду я, смѣшно, а слезы катятся, что дѣлать, такъ угодно Богу. Видно я мало терпѣлъ въ моей жизни, и правда, что прежнія мои страданія, въ сравненіи съ настоящими, были дѣтскія слезы; горько, невыносимо горько! и привсемъ этомъ горѣ мнѣ строжайше запрещено рисовать что бы то нибыло и писать (окроми писемъ), а здѣсь такъ много нового: Кыргизы такъ живописны, такъ оригинальны и наивны, сами просятся подъ карандашъ, и я одурѣваю, когда смотрю на нихъ, мѣстоположеніе здѣсь грустное, однообразное, тощая рѣчка уралъ и орь, обнаженные сѣрые горы, и безконечная киргизская степь. Иногда степь оживляется бухарскими на верблюдахъ караванами, какъ волны моря зыблющими вдали, и жизнію своею удвоеваютъ тоску, я иногда выхожу за крѣпость, къ караванъ-сараю, или мѣновому двору, гдѣ обыкновенно бухарцы разбиваютъ свои разноцвѣтные шатры, какой стройный народъ! Какіе прекрасные головы! (чистое кавказское племя) и постоянная важность, безъ малѣйшей гордости; если бы мнѣ можно рисовать, сколько бы я вамъ

[1]) Сохраняемъ правописаніе подлинника.—Ред.

прислалъ новыхъ и не оригинальныхъ рисунковъ. Но что дѣлать! а смотрѣть и нерисовать это такая мука, которую пойметъ одинъ истинный художникъ. И я все таки почитаю себя счастливымъ въ сравненіи съ Кулѣшомъ и Костомаровымъ, у перваго жена прекрасная молодая, а у второго бѣдная добрая старуха мать, а ихъ постигла таже участь, что и меня, и я не знаю, за какое преступленіе они такъ страшно поплатились. Вотъ уже болѣе полугода я не имѣю никакого понятія о нашей бѣдной новой литературѣ, и я просилъ бы васъ, добрая Варвара Николаевна, ежели достанете последнѣе сочиненіе Гоголя *письма къ друзьямъ*, то пришлите мнѣ, вы сдѣлаете доброе дѣло и если можно, *чтеніе Московскаго Археологическаго Общества* издаваемое *Бодянскимъ*, я могъ бы выписать все это самъ но..... пришлите добрая Варваря Николаевна это будетъ вѣрнѣе, и Богъ вамъ заплатитъ за доброе дѣло. Адресъ мой сообщитъ вамъ Андрей Ивановичъ [1]). Моя сердечная благодарность княгинѣ Варварѣ Алексѣевнѣ [2])—и всему дому вашему моя любовь и уваженіе, прощайте желаю вамъ всѣхъ благъ и иногда вспоминать безталаннаго Т. *Шевченка.*

Княжнѣ Варварѣ Николаевнѣ.

II.

К. О. 1848.
25 февраля.

Тринадцатый день уже читаю ваше письмо, наизустъ выучилъ, а сегодня только нашелъ время и мѣсто (въ казармахъ) отвѣтить вамъ, Добрѣйшая и благороднішая Варвара Николаевна. Я какбы отосна тяжолого проснуся, когда получу письмо отъ кого-нибудь неотрекшагося мене, а ваше письмо, перенесло меня изъ мрачныхъ казармъ на мою родину—и въ вашъ прекрасный Яготынъ, какое чудное наслажденіе воображать тѣхъ, которые вспоминаютъ обо мнѣ, хотя ихъ очень мало, ща-

---

[1]) Андр. Ивановичъ Лизогубъ.—Ред.

[2]) Варвара Алексѣевна Репнина.—Ред.

стливъ кто малымъ доволенъ, и въ настоящее время я принадлежу къ самимъ щастливымъ, я бесѣдуя съ вами, праздную 25 февраля, не шумно, какъ это было прежде! но тихо, тихо, и такъ весело, какъ никогда не праздновалъ, и за эту виликую радость я обязанъ вамъ и Г. Ивановнѣ [1]), Да осенить васъ благодать божія, пишите ко мнѣ такъ часто, какъ вамъ время позволяетъ. молитва и ваши искренніи письма болѣе всего помогутъ мнѣ нести крестъ мой. Евангеліе я имѣю, а книги, окоторыхъ я просилъ васъ, пришлите, это для меня хотя малое но все же будетъ развлеченіе.

26 февр. вчера я немогъ кончить письма, потому что товарыщи солдаты кончили ученье, начались разсказы кого били, кого обѣщались бить, шумъ, крикъ, балалайка, выгнали меня изъ казармъ, я пошолъ на квартиру къ офицеру (меня спасибо имъ всѣ принимаютъ какъ товарища) и только расположился кончить письмо, и вообразите мою муку: хуже казармъ, а эти люди (да простить имъ богъ) съ большой претензіей на образованность, и знаніе приличій, потому что нѣкоторые изъ ихъ присланы изъ западной Россіи, Боже мой! неужели и мнѣ суждено быть такимъ. страшно! пишите ко мнѣ и присылайте книги.

27 фев. Только сегодня, и то можетъ быть, кончу давно начатое письмо. Что дѣлать!

Теперъ самое тихое и удобное время—одинадцатый часъ ночи: все спитъ, казармы освѣщены одной свѣчкой, около которой только я одинъ сижу и кончаю нескладное письмо мое, не правда ли картина во вкусѣ Рембрандта?—Но и величайшій геній поэзіи не найдетъ въ ней ничего утѣшительнаго для человѣчества, содня прибытія моего въ К. О. [2]) я пишу дневникъ свой, сегодня развернулъ тетрадь, и думалъ сообщить вамъ хоть одну страницу,—и чтоже! такъ однообразно-грустно, что я самъ испугался—и зжогъ мой дневникъ на догорающей свѣчѣ. Я дурно здѣлалъ, мнѣ послѣ жаль было моего дневника, какъ матери своего дитяти, хотя и урода.

---

[1]) Глафира Ивановна Дунинъ-Борковская.

[2]) Крѣпость Орская.

28 фв. вчера я просидѣлъ до утра, и немогъ собраться съ мыслями, чтобы кончить письмо, какоето безотчетно состояніе овладѣло мною (прійдите всѣ труждающіися и обремененные, и азъ упокою вы). предъ благовѣстомъ къ заутрени, пришли мнѣ на мысль слова распятаго за насъ, и я какъ бы ожилъ, пошолъ къ заутрени и такъ радостно, чисто молился, какъ можетъ быть никогда прежде. Я теперь говѣю, и сегодня пріобщался святыхъ таинъ—желалбы чтобъ вся жизнь моя была такъ чиста и прекрасна, какъ сегоднѣшній день! Ежели вы имѣете, первого или второго изданія книгу Ѳомы Кампейскаго о подражаніи Христу, Сперанскаго переводъ, то пришлите ради Бога. Предстоитъ весною походъ въ степь, на берега оральскаго моря для построенія новой крѣпости, бывалые въ подобныхъ походахъ здѣшнюю въ К. О. жизнь сравниваютъ съ эдемомъ. каково же должно быть тамъ, коли здѣсь эдемъ! Но никто какъ богъ, одно меня печалитъ: туда не ходитъ почта и прійдется годъ, а можетъ быть и три, коли переживу, не имѣть сообщенія ни скѣмъ близкимъ моему сердцу, пишите, еще мартъ мѣсяцъ нашъ, а тамъ да будетъ воля божія!

Пугаетъ моя настоящая болѣзнь *скорбутъ*, а въ степи говорятъ, она ужасно свирепствуетъ. Да заменимъ уныніе надеждой и молитвой, странно! прежде я смотрѣлъ на природу одушевленную, и неодушевленную, какъ на совершеннѣйшую картину, а теперь какъ будьто глаза перемѣнились: ни линій, ни красокъ ничего невижу. Неужели это чувство прекрасного утрачено на вѣки? а я такъ дорожилъ имъ! Такъ лелеялъ его! нѣтъ я должно быть тяжко согрѣшилъ, предъ богомъ, коли такъ страшно караюсь!

Ежели будете писать Андрею Ивановичу, просите его о томъ, о чемъ я его просилъ, и если можно, чтобы онъ поторопился, боюсь ежели его посылка не застанетъ меня здѣсь, и васъ прошу о томже; одно спасеніе отъ одеревененія—книги.

29 фев. *высокосъ* читая и перечитывая ваше письмо, я только сегодня замѣтилъ слова—*вы меня вспомнили въ далекой сторонѣ.* Не вспомнилъ, Добрая благородная Варвара Никоваевна,

а помнилъ, со дня или вечера, когда я вамъ жаловался на сосѣда вашего П. Л. [1]) (да проститъ ему господь), и буду помнить васъ, пока угодно будетъ богу оставить во мнѣ-хоть искру чувства добраго. Молитеся, молитеся, молитва ваша угодна богу. Она меня оградитъ, отъ этого страшного безчувствія, которое уже начинаетъ проникать въ мою разслабленную душу.

Миръ праху доброго человѣка [2]), который привѣтствовалъ меня въ новый годъ не какъ безпріютного скитальца, а какъ родного сына. Какъ это недавно было, мнѣ кажется вчера, а сколько надеждъ моихъ несбылися?

Вы говорите, что у васъ въ Яготынѣ все идетъ по прежнему, общество тоже самое, исключая Татьяны Ивановны, да исцѣлитъ ея господь. Сердечно радъ, что добрый человѣкъ, бывшій кіевскій студентъ, между вами, благодарю его за память обо мнѣ, и всѣхъ кто не забылъ меня. Князю В. Н. [3]) и княгинѣ мое глубочайшее почтеніе, прощайте и молитеся за нещастливаго и душею вамъ преданного. *Т. Шевченка.*

Благодарю васъ Глафира Ивановна за ваши не многіе но искренніе строки, не пиняйте что я поздно отозвался, такъ было угодно богу, и это письмо не знаю когда прыйдетъ къ вамъ! когда бы не пришло, передайте его доброй вашей тети и вспоминайте хоть изрѣдка незабывающаго васъ *Т. Ш.*

Т. И. тое глубочайшее почтеніе; пришлите ежели имѣете *свячену воду*; она оросить мое увядающее сердце, братьямъ и сестрамъ вашимъ поклонъ, скажите имъ и просите ежели незабыли меня Да помолятся обо мнѣ.

III.

На дняхъ возвратился я изъ Киргизской степи, и изъ аральского моря, въ Оренбургъ. И сегодня Лазаревскій сообщилъ мнѣ письмо ваше, гдѣ вы именемъ всего дорогого просите сообщить обомнѣ хоть какое нибудь извѣстіе. Добрый и

---

[1]) Платонъ Лукашевичъ.—Ред.

[2]) Вмѣсто „человѣка“ стояло „отца вашего“, но зачеркнуто рукою Т.Г.Ш. – Ред.

[3]) Василій Николаевичъ Репнинъ.—Ред.

единый другъ мой! Обо-мнѣ никто не зналъ, гдѣ я прожилъ эти полтора года, я ни съ кѣмъ не переписывал, потому что не было возможности, почта ежели и ходитъ черезъ степь, то два раза въ годъ. а мнѣ всегда въ это время не случалось бывать въ укрѣпленіи. вотъ причина! и да сохранитъ васъ господь подумать, чтобы я могъ забыть васъ, добрая моя Варвара Николаевна. Я очень, очень часто въ моемъ уединеніи вспоминалъ Яготинъ и наши кроткіе и тихіе бесѣды, немного прошло времени, а какъ много измѣнилось, по крайней мѣрѣ со мною, вы бы уже во мнѣ не узнали прежняго глупо восторженнаго поэта, нѣтъ я теперь сталъ слишкомъ благоразуменъ; вообразите! въ продолженіи почти трехъ лѣтъ ни одной идеи, ни одного помисла вдохновенного—проза и проза или лучше сказать степь, и степь! да, варвара Николаевна я самъ удивляюсь моему превращенію, у меня теперъ почти нѣтъ ни грусти ни радости, зато есть миръ душевный, моральное спокойствіе до рибьего хладнокровія. Грядущее для меня какъ будьто не существуетъ. ужели постоянные несчастія могутъ такъ печально переработать человѣка? да это такъ. Я теперь совершенная изнанка бывшаго Шевченка, и благодарю бога,

Много есть любопытнаго въ киргизской степи и въ аральскомъ морѣ, но вы знаете давно, что я врагъ всякихъ описаній, и потому не описываю вамъ этой неисходимой пустыни, лѣто проходило въ морѣ, зима въ степи, въ занесенной снѣгомъ джеломѣйкѣ *въ родѣ шалаша*, гдѣ я бѣдный художникъ рисовалъ киргизовъ и между протчимъ нарисовалъ свой портретъ, который вамъ посылаю на память обо мнѣ, о нещастномъ вашемъ другѣ.

Проживая въ Одессѣ бить можетъ встрѣтитесь съ алексѣемъ ивановичемъ Бутаковымъ, это флотскій офицеръ и иногда бываетъ въ Одессѣ, у него въ Николаевѣ родственныки и родные, это мой другъ товарищъ и командиръ, при описаніи аральскаго моря. сойдитесь съ нимъ Благодарите его за его доброе братское сомною обращеніе, онъ ежели встрѣтитесь съ нимъ, сообщитъ всѣ подробности о мнѣ,

Прощайте добрая моя варвара Николаевна, кланяюсь Глафирѣ Ивановнѣ князю василію Николаевичу и всему дому вашему.

Т. Шевченко.

14 Ноября
1849—оренбургъ.

IV.

1. Января 1850
Оренбургъ.

Поздравляю васъ съ новымъ годомъ, молю Господа о ниспосланіи вамъ всѣхъ благъ. Я теперь сижу одинъ одинешенекъ и вспоминаю то прошлое, когда мы съ вами въ первый разъ встрѣтились въ яготынѣ—и многое пришло въ мою грустную безталанную голову—ужели и конецъ моей жизни будетъ также печаленъ какъ настоящій день? въ несчастіи невольно дѣлаешься суевѣрнымъ—я теперь почти убѣжденъ, что мнѣ невидить веселыхъ дней, и сердцу дорогихъ, и милой моей родины!

Для новаго года мнѣ обявили, что слѣдующей весною я долженъ буду отправиться опять на аральское море, вѣрно мнѣ отуда невозвратится! за прошедшій походъ мой мнѣ отказано въ представленіи на высочайше помилованіе? и подтверждено запрещеніе писать и рисовать! вотъ какъ я встрѣчаю новый годъ! неправда весело?

Я сегодня же пишу Василію Андреевичу Жуковскому—(я съ нимъ лично знакомъ) и прошу его о исходатайствованіи позволенія мнѣ только рисовать. Напишите и вы ежели вы съ нимъ знакомы. Или напишите Гоголю, чтобы онъ ему написалъ обо мнѣ, онъ съ нимъ въ весьма короткихъ отношеніяхъ. О большемъ несмѣю васъ безпокоить. Мнѣ страшно дѣлается, когда я подумаю о киргизской степи—съ отходомъ моимъ въ степъ я долженъ буду опять прекратить переписку съ вами и можетъ быть намного лѣтъ—а можетъ быть и навсегда! Не допусти Господи!

Я недавно вамъ писалъ; незнаю, получили-ли вы? потому что адресъ не тотъ, который мнѣ прислалъ на дняхъ андрей ивановичъ. ежели будите писать ко мнѣ, то сообщите свой на-

стоящій адресъ—и сообщите адресъ Гоголя, и я напишу ему по праву малоросійского виршеплета, а лично его не знаю. Я теперъ какъ падающій въ бездну готовъ завсе ухватится—ужасна безнадежность! такъ ужасна, что одна только христіанская философія можетъ боротся съ нею. Я васъ попрошу, ежели можно достать въ Одессѣ—потому что я здѣсь не нашолъ—прислать мнѣ *Ѳому Кампейскаго* о подражаніи Христу. Единственная отрада моя въ настоящее время,—это евангеліе. Я читаю ее безъ изученіе, ежедневно и ежечастно. прежде когдато думалъ я анализировать серце матери, по жизни святой Маріи, непорочной матери Христовой,—но теперъ и это мнѣ будетъ въ преступленіе, какъ грустно я стою между людьми! ничтожны матеріальные нужды въ сравненіи съ нуждами души,—а я теперъ брошенъ въ жертву той и другой! добрый Андрей Ивановичъ проситъ меня прислать все чтобы я ненарисовалъ и назначать самъ цѣну; что я ему пошлю? когда руки и голова закованы! едвали кто нибудь терпѣлъ подобное горе!

Я васъ печалю для нового года, добрая Варвара Николаевна, своимъ грустнымъ посланіемъ—что дѣлать! у кого что болитъ, тотъ о томъ говоритъ; и мнѣ хотя немного отрадніе стало, когда я выисповѣдался предвами! Кланяюсь Глафирѣ Ивановнѣ и всему дому вашему.

Пишите ко мнѣ въ Г. Оренбургъ на имя его благородія Карла Ивановича *Герна* въ генеральный штабъ, не надписывая моей фамиліи—онъ узнаетъ по штемпелю.

Прощайте Варвара Николаевна; незабывайте бѣдного и искреннаго къ вамъ *Т. Шевченко.*

V.

Оренбургъ 7-го марта 1850.

Всѣ дни моего пребыванія когдато въ Яготынѣ есть и будутъ для меня рядъ прекрасныхъ воспоминаній. одинъ день былъ покрытъ легкой тѣнью, но послѣднее письмо ваше и это грустное воспоминаніе освѣтило. Конечно вы забылы? вспемните! Случайно какъ то зашла рѣчъ у меня съ вами о *мертвыхъ душахъ* и вы отозвались чрезвычайно сухо, меня это по-

разило не приятно, потому что я всегда читалъ Гоголя съ наслажденіемъ, и потому что я въ глубинѣ души уважалъ вашъ благородный умъ, вашъ вкусъ, и ваши нѣжно возвышенные чувства. Мнѣ было больно, я подумалъ: я такъ грубъ и глупъ, что не могу нипонимать, ни чувствовать прекрасного? да, вы правду говорите, что предубѣжденіе ни вкакомъ случаи не позволительно, какъ чувство безъ основанія.—Меня восхищаетъ ваше теперешнее мнѣніе—и о Гоголѣ, и его безсмертномъ созданіи! я въ восторгѣ, что вы поняли истинно христіанскую цѣль его! да!... Передъ Гоголемъ должно благоговѣть, какъ предъ человѣкомъ, одареннымъ самимъ глубокимъ умомъ и самою нѣжною любовью къ людямъ! Сю, помоему похожъ на живописца, который, не изучивъ порядочно анатоміи, принялся рисовать человѣческое тѣло, и чтобы прекрить свое невѣжество, онъ его полуосвѣщаетъ. Правда, подобное полуосвѣщеніе эфектно, но впечатлѣніе его мгновенно!—такъ и произведенія Сю, пока читаемъ—нравится и помнимъ, а прочиталъ—и забылъ. Эфектъ и больше ничего! Нетаковъ нашъ Гоголь—истинный вѣдатель сердца человѣческаго! Самый мудрый философъ! и самый возвышенный поэтъ долженъ благоговѣть предъ нимъ, какъ передъ человѣколюбцемъ! Я никогда не престану жалѣть, что мнѣ не удалося познакомиться лично съ Гоголемъ. Личное знакомство съ подобнымъ человѣкомъ неоциненно, въ личномъ знакомствѣ случайно иногда откриваются такіе прелести сердца, что невсилахъ никакое перо изобразить!

Я здѣлался настоящимъ попрошайкой! Что дѣлать? Оренбургъ такой городъ, гдѣ и неговорятъ о литературѣ, а не то чтобы можно было въ немъ достать хорошую книгу. Вся та рѣчь къ тому, что бы вы мнѣ (найвсепокорнѣйше прошу) прислали *Мертвыя души*. Меня погонятъ 1 маія въ степь, на восточный берегъ каспійскаго моря въ новопетровское укрѣпленіе, слѣдовательно опять прервутъ всякое сообщеніе съ людьми. И такая книга какъ М. Д. будетъ для меня другомъ въ моемь одиночествѣ!

Пришлите В. Н. ради Бога—и ради всего высокого заключенного въ сердце человѣческомъ;—конечно ненадокучая

вамъ можпобы выписать изъ Москвы, но увы! Я немогу себѣ теперь позволить подобной роскоши. У меня давно было намѣреніе просить у васъ эту книгу, но помня тотъ грустный вечеръ въ Яготынѣ, я не осмѣливался. Пришлите ради всего святого!

Новый завѣтъ я читаю съ благоговѣйнымъ трепетомъ. Въ слѣдствіи этого чтенія во мнѣ родилась мысль описать сердце матери пожизни пречистой дѣвы матери спасителя. И другая— написать картину роспятого сына ея. Молю Господа, чтобы хоть когда нибудь олецетворились мои мечты! Я предлагаю здѣшней католической церквѣ (когда мнѣ позволятъ рисовать) написать запрестольный образъ (безъ всякой цѣны и уговору), изображающій смерть спасителя нашего, повѣшенного между разбойниками, но ксендзъ не соглашается молится предъ разбойниками! Что дѣлать! поневоли находишъ сходство между 19 и 12 вѣкомъ.

Молюся Богу, и нетиряю надежды что испытанію моему прійдетъ когда нибудь конецъ. Тогда отправляюся прямо въ Седневъ, и помѣрѣ силъ моихъ, олецетворю мою такъ долго лелѣянную идею. Въ седневской церквѣ надъ иконостасомъ два вдѣланные въ стѣну желѣзные крюка, меня непріятно поражали — и я думалъ; чемъ закрыть ихъ? И ничего лучше не могъ выдумать, какъ картиною, изображающей смерть спасителя нашего. Если не ошибаюсь, я говорилъ обетомъ съ Андрей Ивановичемъ, непомню.

Лазаревскій теперь въ отсутствіи, но вы адресуйте свое письмо въ пограничную коммисію. Онъ и его получитъ. Это одинъ изъ самыхъ благородныхъ людей! Онъ первый не устыдился моей сѣрой шенели, и первый встрѣтилъ меня по возвращеніи моемъ изъ Кирги. степи и спросилъ, есть ли у меня что пообѣдать. Да, подобный привѣтъ дорогъ для меня; напишите ему, благодарите его, потому что я и благодарить не умѣю за его пріязнь!

Хотѣлось бы долго, вѣчно бесѣдовать съ вами, единая сестра моя! но что дѣлать. Почта, какъ и время, неостанавли-

6*

ваются ни для нашей грусти, ни для нашей радости. Адресъ мой прежній К. И. Герну. До свиданія *Т. Шевченко.*

(Сбоку страницы) Глафирѣ Ивановнѣ и всему дому вашему поклонъ.

VI

Ново-Петровское укрѣплен.
12 генваря 1851 года.

Мнѣ до сихъ поръ живо представляется 12 число генваря—и сосѣдка ваша Т. О. Вольховская, жива ли она добрая старушка? Собираются ли по прежнему въ этотъ день къ ней нецеремонные сосѣди сочады и домочадцы повеселиться денька два-три и потомъ разъехатся по хуторамъ до слѣдующаго 12 генваря. Жива ли она? И много ли еще осталося въ живыхъ, о которыхъ съ удовольствіемъ воспоминаю? Да, впрошедшемъ моемъ хоть изрѣдка мелькаетъ нето чтобы истинная радость, покрайней мѣрѣ и не гнетущая тоска. Недавно каж[illegible] всего четыре года, а какъ тяжело они прошли надъ мое[illegible] головою, какъ измѣнили они меня, то я самъ себя не узнаю. Вообразите себѣ безжизненного флегму—и это буду я. Не слѣдовало и говорить объ этомъ, а лучшаго нѣчого сказать.

Въ прошедшемъ году сомною ничего новаго не случилось, развѣ только что меня перевели изъ орской крѣпости въ новопетровское укрѣпленіе, на восточный берегъ каспійскаго моря. Начальники мои добрые люди, здоровье мое благодаря Бога хорошо, только чтеніе весьма ограничено, что и удвоиваетъ скуку однообразія. Вотъ и весь бытъ мой настоящій. Когда будете писать Андрею Ивановичу, поклонитесь ему отъ меня, живъ ли Алексѣй Васильевичъ [1])? Я онемъ совершено ничего незнаю, кланяюся Глафирѣ Ивановнѣ и князю В. Н. и всему дому вашему и поздравляю васъ, единый другъ мой съ новымъ годомъ Прощайте! вспоминайте иногда искренного вашего *Т. Шевченко.*

Въ лѣтніе мѣсяцы пишите ко мнѣ черезъ г. Астрахань, а въ зимніе черезъ г. Гурьевъ въ Новопетровское укрѣ-

[1]) Капнистъ.—Ред.

пленіе, на имя Г. Коменданта Его Высокоблагородія Антона Петровича Маевскаго.

VII.

Я здѣсь пользуюся покровительствомъ полковника *Матвѣева*. Напишите ему хоть пару строчекъ, васъ это не унизитъ, а мнѣ принесетъ существенную пользу. Его зовутъ, *Ефимъ Матвѣевичъ Матвѣевъ*, адресуйте письмо на имя *Герна*—съ передачею *Матвѣеву*. Бога для, здѣлайте это, мое возвращеніе изъ Новопетровскаго укрѣпленія будетъ зависить отъ него.

Послалъ я здѣшнего краю произведеніе (кусокъ матеріи) Андрею Ивановичу, въ первыхъ числахъ генваря—и досихъ поръ неимѣю отвѣта. Чтобы значило? Когда будете писать къ нему, упомяните и обе этомъ.—

Простите мнѣ подобные требованія.

Путешествія въ Малороссію академика Гильденштедта и кн. И. М. Долгорукаго.

Güldenstedt. Reise durch Russland. B. II (изд. 1791 г.).

Кн. И. М. Долгорукій. Славны бубны за горами или путешествіе мое кое-куда 1810 г. („Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Ист. и древ. Россійскихъ". 1869 года кн. II и III).

Онъ-же. Путешествіе въ Кіевъ въ 1817 г. (Тѣ-же „Чтенія" 1870 г., кн. II).

При написаніи настоящей статьи изъ путешествій на нѣмецкомъ языкѣ, подъ руками у насъ находилось не только путешествіе Гильденштедта, но еще и „Путешествіе въ 1787 году изъ Волыни въ Херсонъ" Мöллерса (Möllers, Reise von Volhynien nach Cherson im Jahre 1787, Hamburg 1802) и „Путешествіе въ южную Россію" Коля (Kohl, Reisen in Südrussland, Dresden und Leipzig, 1841). Но намъ не удалось въ равной степени воспользоваться этими сочиненіями: въ то время, какъ Гильденштедтъ даетъ обильный матеріалъ, у Мöллерса мы находимъ очень мало данныхъ для характеристики современной ему Малороссіи, у Коля—никакихъ. Въ виду этого, оставивъ совершенно въ сторонѣ Коля, все свое вниманіе мы сосредоточили на Гильденштедтѣ, а у Мöллерса взяли лишь нѣсколько данныхъ о цѣнахъ и его разсказъ о Кременчугѣ, гдѣ онъ былъ въ 1787 г., входя въ составъ свиты императрицы Екатерины II; все-же остальное опустили, такъ какъ разсказы его о Кіевѣ, Каневѣ, Черкасахъ и другихъ городахъ и мѣстечкахъ не представляютъ никакого интереса.

Отказавшись, такимъ образомъ, отъ ознакомленія читателей журнала съ разсказами 2-хъ иностранцевъ (Мöллерса и Коля),

мы въ то же время позволили себѣ пополнить свѣдѣнія, сообщаемыя Гильденштедтомъ, данными, позаимствованными изъ путешествій Долгорукаго въ Малороссію. Хотя эти „Путешествія“ не составляютъ библіографической рѣдкости, подобно путешествію Гильденштедта (въ Кіевѣ мы не нашли этого сочиненія, и экземпляръ, которымъ пользовались, принадлежитъ Московскому Обществу Испытателей Природы), но, будучи напечатаны въ спеціальномъ изданіи, они могутъ быть совершенно потеряны для неспеціалиста, а въ то же время они даютъ нѣсколько несомнѣнно интересныхъ данныхъ.

Изъ сочиненія Гильденштедта мы передаемъ лишь то, что касается собственно Малороссіи, не касаясь его разсказовъ о слободской губерніи и елисаветградской провинціи, такъ какъ недавно въ мѣстныхъ изданіяхъ („Харьковскій Сборникъ“ за 1891 г. и „Елисаветградскій Вѣстникъ“ за 1889 г.) былъ помѣщенъ переводъ этихъ разсказовъ. Находя очень цѣнными тѣ свѣдѣнія, какія сообщаетъ путешественникъ-академикъ, мы даемъ во многихъ случаяхъ полный переводъ ихъ, въ другихъ подробное изложеніе. Далеко не въ такой полнотѣ пользовались мы разсказами Долгорукаго, но гдѣ это дѣлали, тамъ, по возможности, старались говорить словами самого-же путешественника.

Гильденштедтъ описаніе своего путешествія (онъ совершалъ его въ 1774 г., когда еще существовало дѣленіе Малороссіи на 10 полковъ)—даетъ въ формѣ дневника. При передачѣ разсказа Гильденштедта, мы не нашли удобнымъ сохранить ни эту форму разсказа, ни порядокъ изложенія, а соединили отдѣльныя поденныя записи въ 5 болѣе крупныхъ отдѣловъ, къ которымъ пріурочили и разсказы Долгорукаго.

Краткія біографическія свѣдѣнія о Гильденштедтѣ имѣются въ предисловіи г-жи Салтыковой къ переводу разсказа Гильденштедта о слободской губ. („Харьковскій Сборникъ“, 1891); о кн. Долгорукомъ есть статья Дмитріева въ „Москвитянинѣ“ за 1851 г. (кн. III). Путешествія Долгорукаго, изъ которыхъ Дмитріеву, если и было знакомо, то лишь первое, даютъ обильный матеріалъ для обрисовки личности путешественника, но при

всемъ интересѣ, какой представляла бы задача,—дать характеристику этого губернатора-поэта, за свое покровительство просвѣщенію удостоившагося чести быть почетнымъ членомъ московскаго университета, этого несомнѣнно оригинальнаго мыслителя, правда защищающаго иногда слишкомъ рискованныя положенія,—она заставила бы насъ выйти далеко за намѣченныя нами рамки, и потому, отказываясь отъ нея, мы переходимъ къ непосредственной передачѣ разсказовъ нашихъ путешественниковъ о Малороссіи, начиная эту передачу съ разсказовъ о Кіевѣ.

I.

Г. Кіевъ; учебныя заведенія Харькова и Чернигова.

При разсказѣ о Кіевѣ Гильденштедтъ останавливается главнымъ образомъ, хотя и не исключительно, на внѣшнемъ описаніи города. Но даже и въ этомъ внѣшнемъ описаніи есть много любопытныхъ подробностей, благодаря которымъ оно можетъ служить прекраснымъ дополненіемъ къ почти одновременному описанію Кіева д-ра Лерхе (послѣднее относится къ 1770—1771 г.), помѣщенному въ „Описаніи Кіева" Закревскаго [1]). Подъ 1 октября 1774 г. Гильденштедтъ пишетъ:

„Дорога такъ песчана, что намъ потребовалось 5 часовъ для проѣзда 18 верстъ отъ Броваровъ до Кіева. Мостъ черезъ Днѣпръ имѣетъ 450 шаговъ длины. Мостъ—пловучій, укрѣпленный вбитыми сваями; онъ лежитъ шаговъ на 100 внизъ отъ Печерска. Съ моста мы въѣхали на высокій западный берегъ Днѣпра, самая высокая часть котораго, гдѣ расположена печерская крѣпость, находится на высотѣ 44 саж. По возвышенности дорога шла влѣво отъ печерской крѣпости, далѣе вправо отъ стараго Кіева и затѣмъ на приднѣпровскую низменность—Подолъ. На эту дорогу, всего около 4-хъ верстъ, при плохихъ почтовыхъ лошадяхъ, намъ понадобилось тоже 5 часовъ".

---

[1]) „Описаніе Кіева" стр. 83—94. М. 1868.

Въ Кіевѣ путешественникъ пробылъ отъ 2 до 9 октября, подъ какими числами и помѣщено описаніе города. Давъ понятіе о геологическомъ строеніи днѣпровскихъ береговъ и гидрографіи мѣстности, болѣе подробно Гильденштедтъ останавливается на ботаническихъ данныхъ и затѣмъ переходитъ къ кіевскимъ садамъ.

„Фруктовые сады можно найти почти при каждомъ домѣ въ Кіевѣ. Въ самомъ городѣ они малы, въ предмѣстьяхъ-же и при монастыряхъ—обширны. Въ нихъ не замѣтно ни порядка, ни стремленія къ красотѣ, не заботятся даже о надлежащемъ подрѣзываніи деревьевъ. Говоря это, мы исключаемъ казенный садъ при царскомъ дворцѣ, на возвышенности между старымъ городомъ и печерскомъ, и губернаторскій садъ, на возвышенности внизу Печерска. Въ нихъ есть нѣсколько аллей, крытыхъ ходовъ, бесѣдокъ. Счастливое естественное положеніе придаетъ царскому саду особую прелесть. Верхняя часть его, лежащая предъ дворцомъ, представляетъ собою квадратную площадь, сторона которой имѣетъ 400 шаговъ длины. Отъ площадки садъ продолжается амфитеатромъ, имѣющимъ 3 уступа; въ углубленіип ослѣдней долины расположена бесѣдка, апредъ ней прудъ. Къ сѣверу отъ дворца и по обѣимъ его сторонамъ (въ нѣкоторомъ разстояніи) находятся теплицы. Противоположная возвышенность, съ покатостью къ югу, занята виноградниками“. Перечисляя фруктовыя деревья царскаго сада, Гильденштедтъ въ особенности останавливается на волоскихъ орѣхахъ и шелковицѣ и говоритъ, что деревья этихъ двухъ родовъ есть почти при всякомъ домѣ въ Кіевѣ, шелковица даже чаще, чѣмъ волоскій орѣхъ. Шелковичныя деревья такъ велики, что ихъ нижній діаметръ достигаетъ $1^1/_2$ футовъ. На Подолѣ есть казенная шелковичная плантація, занимающая 40 кв. саж. и заключающая въ себѣ 500 большихъ шелковичныхъ деревьевъ и зданіе для выращиванія шелковичныхъ червей. Шелководство на этой плантаціи представляется Гильденштеду игрушкой, жители совершенно имъ не занимаются. А между тѣмъ, еслибы какъ слѣдуетъ воспользоваться всѣми имѣющимися въ Кіевѣ шелкович-

ными деревьями, то, по разсчету путешественника, ежегодно можно было-бы получать до 40 пуд. шелка. Онъ указываетъ и удобное мѣсто для обширной шелковичной плантаціи — это въ верхней части Подола, въ низменной равнинѣ предъ Іорданскимъ монастыремъ.

Вотъ, что касается разведенія винограда въ Кіевѣ, то оно представляется нашему путешественнику дѣломъ неимѣющимъ будущности; имъ, по его выраженію, можно заниматься лишь „курьеза ради": виноградъ здѣсь дозрѣваетъ рѣдко, а если и дозрѣваетъ, то очень киселъ.

„Саженяхъ въ 100 къ юго-западу отъ описаннаго сада есть еще другой царскій садъ, расположенный на высокой плоскости. Въ немъ были липовыя аллеи и фруктовыя деревья, но теперь остались лишь жалкіе остатки. Въ саду есть большое каменное 2-хъ этажное зданіе съ 15 окнами въ длину и ширину, служившее вмѣстѣ съ другими окружающими его зданіями лазаретомъ для 1-й арміи. Дворецъ при раньше описанномъ царскомъ саду имѣетъ 50 саж. длины и 5 ширины. Фундаментъ и подвалъ каменные, остальное изъ дерева. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ этого главнаго зданія стоятъ 2 флигеля, безъ подваловъ и цѣликомъ каменные. Благодаря тому, что дворецъ и садъ расположены на возвышенной мѣстности, изъ нихъ открывается великолѣпный видъ на всѣ части города, такъ что это мѣсто несомнѣнно самое красивое во всемъ Кіевѣ и очень удачно выбрано для увеселительнаго дворца".

О самомъ Кіевѣ Гильденштедъ разсказываетъ слѣдующее:

Городъ Кіевъ состоитъ изъ 3-хъ совершенно отдѣльныхъ городовъ: Печерской крѣпости, стараго Кіева и Подола.

Печерская крѣпость—важнѣйшая часть города. Крѣпость была собственноручно заложена въ 1707 году Петромъ Великимъ. Она правильной формы, съ 2 воротами въ каменной стѣнѣ, глубокими сухими рвами, высокими валами и различными наружными укрѣпленіями, занимаетъ 2 версты въ окружности. Крѣпость лежитъ на открытой возвышенности, на высотѣ 44 саж. надъ уровнемъ воды въ Днѣпрѣ, на крутомъ правомъ бе-

регу его. Обращенная къ рѣкѣ, или сѣверная, часть имѣетъ наклонъ къ рѣкѣ и не снабжена укрѣпленіями.

Въ крѣпости помѣщается сильная артиллерія.

Внутренность печерской крѣпости не застроена правильно; въ ней находится: 9 каменныхъ монастырей и церквей, 3 деревянныхъ казенныхъ дома: губернатора, оберъ-комменданта и артиллерійскаго генерала, и затѣмъ каменныя: караулки, казармы и магазинъ.

Затѣмъ Гильденштедтъ описываетъ печерскій монастырь—церковь Успенія, печерскую колокольню, пещеры (послѣднее даетъ поводъ ему, какъ геологу, остановиться на свойствахъ печерской горы и указать, что въ такой почвѣ трупы тощихъ людей легко могли засохнуть, не подвергаясь гніенію), посѣщенія пещеръ; приводитъ также краткую историческую справку о печерскомъ монастырѣ.

Внѣ монастыря въ печерской крѣпости есть еще 4 плохихъ каменныхъ церкви. Рядомъ съ монастыремъ очень запущенный фруктовый садъ, изъ бесѣдки котораго открывается прекрасный видъ на Днѣпръ. Самый лучшій видъ на Днѣпръ изъ дома генералъ-губернатора, расположеннаго на краю возвышенности, спускающейся къ рѣкѣ. Шагахъ въ 300 къ западу отъ печерской крѣпости—монастырь св. Николая. Къ югу, шагахъ въ 100 отъ крѣпости на плоской возвышенности раскинулось обширное *Печерское предмѣстье*, гдѣ 100 съ чѣмъ-то домовъ, въ которыхъ живутъ гарнизонные офицеры, солдаты и нѣсколько русскихъ купцовъ; тамъ-же рыночная площадь, на которой лавки. Въ предмѣстьи—2 деревянныхъ церкви.—Въ нѣсколькихъ верстахъ ниже по Днѣпру лежитъ каменный Выдубецкій св. Михаила монастырь, деревянный Голосеевскій и каменный Китаевскій.

Старый Кіевъ. Ст. Кіевъ лежитъ почти въ 2-хъ верстахъ къ с.-з. отъ печерской крѣпости или въ такомъ-же разстояніи вверхъ по Днѣпру. Онъ расположенъ на 10 саж. ниже печерской крѣпости, поверхность его очень неровно и круто спускается въ низменную равнину, которая, при ширинѣ почти въ 1 версту, простирается до днѣпровскаго русла. Укрѣпленія, со-

стоящія изъ земляного вала и сухихъ рвовъ и окружающія Старый Кіевъ, имѣютъ около 3-хъ верстъ въ окружности. Они теперь въ полномъ упадкѣ, возлѣ нихъ только нѣсколько часовыхъ, да и тѣ скорѣе полицейскіе, чѣмъ воины. Но въ тоже время на валахъ стоитъ еще нѣсколько большихъ желѣзныхъ пушекъ. Внутри укрѣпленія—2 монастыря, 5 каменныхъ и 5 деревянныхъ церквей и какая-нибудь сотня плохихъ деревянныхъ жилыхъ домовъ, гдѣ живутъ офицеры, солдаты и церковнослужители.

Описывая каѳедральный Софійскій соборъ, Златоверхій Михайловскій монастырь, Андреевскую и Десятинную церковь (упоминая также церкви Георгіевскую, св. Тройцы и 3-хъ Святительскую) и приводя историческія справки относительно названныхъ церквей, Гильденштедтъ настаиваетъ на возобновленіи, за счетъ правительственныхъ средствъ, Десятинной церкви, имѣвшей тогда 3 саж. въ длину и 2 въ ширину и построенной изъ остатковъ старой.

Внутри укрѣпленія Стараго Кіева нѣсколько хорошихъ колодцевъ. Возлѣ Десятинной церкви замѣтны остатки стараго фундамента, на которомъ, повидимому, стоялъ великокняжескій домъ. Тогда городъ, говоритъ Гильденштедтъ, былъ, вѣроятно, гораздо меньше теперешняго, если на площади, гдѣ нынѣ Софійская церковь, были разбиты печенѣги. Большая часть жителей жила, конечно, тогда, какъ и теперь, на приднѣпровской низменности. Старый Кіевъ въ просторѣчьи обыкновенно зовется Софійскимъ городомъ.

За укрѣпленіями на западной сторонѣ, рядомъ со Старымъ городомъ, находится оврагъ, называемый *Гончарами*, такъ какъ тамъ живутъ гончарники. Между жилищами тамъ 2 деревянныхъ церкви. Этотъ оврагъ открывается на Подолъ.

Подоломъ называется низменная часть Кіева, лежащая между пологимъ берегомъ Днѣпра и подножіемъ спускающейся отъ Стараго города возвышенности. Низменность эта образуетъ 3-хъ-угольникъ; самая длинная сторона его, до 2-хъ верстъ, примыкаетъ къ подножію возвышенности, другая—около 1-й версты—граничитъ съ Днѣпромъ и третья—длиной тоже въ 1 версту—

ограничена частоколомъ, идущимъ отъ подножія возвышенности къ Днѣпру.

Въ ю.-в. углу, гдѣ подножіе возвышенности почти примыкаетъ къ Днѣпру, идетъ дорога вверхъ по возвышенности на Печерскъ; почти по срединѣ длинной стороны треугольника идетъ дорога вверхъ по возвышенности на Старый Кіевъ. Дорога на Печерскъ на протяженіи 1/2 версты дѣлаетъ подъемъ въ 25 саж., затѣмъ идетъ горизонтально на протяженіи 1/3 вер. вдоль забора царскаго сада, далѣе на 1/2 вер. очень полого, дѣлая спускъ въ 15 саж. все возлѣ сада до царскаго дворца, а оттуда по горизонтальной равнинѣ, еще почти на 2/3 вер., до печерскаго укрѣпленія.

На Подолѣ до 300 домовъ, возлѣ каждаго фруктовый садъ и обширный дворъ. Но улицы такъ узки, что въ нихъ едва могутъ разминуться 2 повозки. Только нѣсколько главныхъ улицъ выложено досками, остальныя очень грязны и почти непроходимы, такъ какъ туда стекаетъ вода почти со всѣхъ сторонъ возвышенности. Дома обыкновенно стоятъ внутри двора за высокими досчатыми заборами, такъ что ихъ почти не видно. Дома—плохіе, деревянные, крытые гонтомъ; только нѣсколько каменныхъ и тѣ очень маленькіе. Между общественными зданіями есть нѣсколько большихъ каменныхъ домовъ. На площади, занимающей средину города и имѣющей около 200 шаговъ въ сторонѣ четырехъ-угольника, находится ратуша—2-хъ-этажное зданіе, длиной въ 17 и шир. 8 саж. Почти по срединѣ одной изъ длинныхъ сторонъ ратуши—башня сажень въ 20 высотой, на ней часы, циферблатъ которыхъ обращенъ во всѣ 4 стороны. Они бьютъ часы и четверти, при чемъ слышится игра колокольчиковъ. При восходѣ солнца, въ полдень и при закатѣ на площади играютъ въ трубы трубачи, содержимые магистратомъ. Наверху башни—подвижной золоченый двуглавый орелъ. Съ другой стороны, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ратуши, среди ярмарочной площади подъ каменнымъ куполомъ—колодезь съ каменными стѣнками. Посрединѣ колодца на пьедесталѣ стоитъ статуя, въ правой рукѣ держащая большую кружку, изъ которой постоянно течетъ вода. Для устройства этого главнаго колодца воспользо-

вались ручьемъ на возвышенности, отъ котораго, при помощи подземныхъ трубъ, и отвели воду къ колодцу. Изъ послѣдняго, тоже при помощи трубъ, вода проведена во многіе другіе колодцы, устроенные на улицахъ города. Они обшиты деревомъ, имѣютъ сажень въ поперечникѣ и обшивка ихъ подымается всего на 3 фута надъ поверхностью земли, такъ что изъ нихъ очень удобно черпать воду. По маленькому каналу, идущему чрезъ городъ вдоль частокольной стѣны, вода стекаетъ въ Днѣпръ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ короткой стѣны ратуши находится каменный кабакъ. Плохія мелочныя и мясныя лавки окружаютъ торговую площадь съ остальныхъ сторонъ. Вблизи площади есть еще каменный магазинъ, а на площади стоятъ вѣсы и четвериковая мѣра.

Братскій монастырь, какъ обыкновенно его называютъ, собственно-же „Кіево-Братской, Училищной Богоявленской монастырь“ (такъ пишетъ русскими буквами его названіе Гильденштедтъ),—самое видное зданіе на Подолѣ. Церковь Успенія имѣетъ 17 саж. длины и 10 шир. Рядомъ съ ней—2-хъ-этажное зданіе, въ которомъ обучается юношество. Въ нѣсколькихъ вокругъ лежащихъ деревянныхъ зданіяхъ живетъ начальство, учителя и монахи монастыря. Всѣ зданія окружены стѣной, которая только одной улицей отдѣляется отъ ратуши. Число юношей, обучающихся при монастырѣ, нынѣ (т. е. 1774 г.) доходитъ лишь до 500. 200 изъ нихъ живутъ въ монастырскомъ зданіи и содержатся на общественный счетъ,—частью на счетъ подаяній, частью на счетъ суммъ, оставляемыхъ по завѣщанію, частью на счетъ монастыря, который отпускаетъ имъ провизію: гарнецъ муки въ мѣсяцъ. Остальные живутъ на свой счетъ, на вольныхъ квартирахъ.—Здѣсь учатъ латинскому языку, въ 4-хъ классахъ, въ каждомъ есть особый учитель; греческому, еврейскому, французскому и нѣмецкому; латинской поэзіи и риторикѣ, аристотелевой философіи, богословію и 3-мъ частямъ математики: именно—ариѳметикѣ, геометріи и тригонометріи. Всему учатъ на латинскомъ языкѣ, только математика преподается по-русски. Каждый языкъ и наука имѣютъ особаго учителя, большею частію изъ монаховъ. Ихъ содержитъ и оплачиваетъ монастырь. Архиманд-

ритъ монастыря—въ то-же время ректоръ. Часто происходятъ философскіе и богословскіе споры, въ праздники говорятся проповѣди.

Описанное учрежденіе не заслуживаетъ названія университета; оно едва можетъ сойти за посредственную гимназію. Но въ тоже время оно единственное во всей Малороссіи, гдѣ учатъ наукамъ. Въ остальныхъ школахъ, которыя есть при каждой церкви, и въ Кіевѣ, и во всей странѣ, учатъ лишь читать и писать по-русски и затверживаютъ евангеліе и нѣсколько молитвъ.

Красивые каменные—церковь и жилые дома принадлежатъ Фроловскому женскому монастырю; монастырь свв. Петра и Павла и „Кіево-Подолской святыя Великомученницы Екатерины монастырь“, въ просторѣчіи „Греческій“ имѣютъ каменныя церкви, но плохія постройки. Кромѣ этихъ монастырей, на Подолѣ есть еще 8 каменныхъ церквей, названія которыхъ Гильденштедтъ пишетъ по-русски слѣдующимъ образомъ: храмъ Воскресенія, Пречистои, Николая Бережнаго, Николая Доброва, Николая Критійска, Покрова, Бориса и Глѣба, Царя Константина; и 6 деревянныхъ (названія—тоже по начертанію Гильденштедта): храмъ Рожества, Духа Святаго, Спасителя, въ Веденія въ храмъ Богородицы, Василія Великаго и Епископской дворецъ.

За частоколомъ кончается Подолъ, но по подошвѣ возвышенности на протяженіи 2-хъ верстъ тянется еще цѣлый рядъ домовъ, большею частью винокуренъ. Между этими домами 2 плохихъ женскихъ монастыря—Іорданскій и Богословскій. Въ 4-хъ верстахъ съ с.-з. отъ Подола лежитъ Кирилловскій монастырь, верстахъ въ 20 дальше—каменный Межигорскій монастырь, одинъ изъ красивѣйшихъ. Такимъ образомъ къ Кіеву принадлежитъ всего 12 мужскихъ и 3 женскихъ монастыря. Въ 6 мужскихъ монастыряхъ архимандриты, въ остальныхъ—только игумены.

Приведши историческую справку о Кирилловскомъ монастырѣ, Гильденштедъ даетъ такую же справку о Кіевѣ слѣдующаго содержанія: „Городъ построенъ около 430 года славян-

скимъ княземъ Кіемъ. Въ 880 сдѣлался резиденціей великаго князя новгородскаго; значеніе его возрастало, и въ 1037 г. Великимъ княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ былъ объявленъ резиденціей и главнымъ городомъ всей Россіи. Это почетное положеніе онъ занимаетъ до средины XIII в. Онъ былъ разоренъ въ 1240 г. татарскимъ ханомъ Батыемъ и покинутъ великимъ княземъ и митрополитомъ, изъ которыхъ первый избралъ своимъ мѣстопребываніемъ Москву, 2-й—сперва Владиміръ, а затѣмъ тоже Москву. Вскорѣ послѣ татарскаго погрома городъ захватили литовскіе князья, а отъ нихъ его отняли польскіе короли. Послѣдніе съ 1471 по 1651 г. управляли городомъ черезъ воеводъ. Въ 1667 г. Кіевъ по Андрусовскому миру перешелъ къ Россіи на время, а съ 1686 г. на всегда".

Жители Печерска и его предмѣстій, а также Стараго Кіева принадлежатъ къ числу священно-и церковно-служителей, чиновъ администраціи, а также служащихъ въ артиллеріи въ гарнизонѣ, который состоитъ изъ 6 батальоновъ. Жители Подола—купцы, ремесленники и козаки. Губернскіе чиновники и магистратъ подчинены генералъ-губернатору [1]; ему-же подчинена кавалерійская рота, которая употребляется для посылки по пограничнымъ дѣламъ. Онъ-же завѣдываетъ раскольниками, живущими въ стародубскомъ полку, числомъ до 20,000, прежде зависѣвшими отъ гетмана. Гарнизонъ подчиненъ оберъ-коменданту, которому подчинены также гарнизонъ и коменданты въ Черниговѣ, Переяславѣ, Переволочкѣ, Самарѣ, Изюмѣ и Торѣ.— Козаки подчинены кіевской сотничьей канцеляріи, и только въ этомъ отношеніи Кіевъ принадлежитъ къ малорусской коллегіи или малорусскому генералъ-губернаторству; во главѣ купцовъ и ремесленниковъ стоитъ магистратъ, главное лицо въ которомъ войтъ и къ которому принадлежатъ также 6 бургомистровъ и 6 ратмановъ.

---

[1]) Въ Кіевѣ существовалъ тогда еще свой отдѣльный генералъ-губернаторъ съ очень ограниченнымъ кругомъ власти, такъ какъ у него, по выраженію Шафонскаго, не было даже „настоящей и цѣлой губерніи". Отдѣльное кіевское генералъ-губернаторство было уничтожено 20 октября 1775 г. (См. А. Шафонскаго „Черниговскаго намѣстничества топографическое описаніе", стр. 103 и 104).

Торговля въ Кіевѣ весьма незначительна, въ обширныхъ размѣрахъ не торгуютъ ничѣмъ. Въ немногихъ мелочныхъ лавкахъ продаютъ пряности, посредственнаго достоинства галантерейные товары и обыкновенную домашнюю утварь. Немногимъ больше можно найти на ярмаркахъ; ихъ бываетъ 3 на Печерскѣ: на Тройцу, на Петра и Павла, на Успеніе; на Подолѣ 2—въ первую субботу великаго поста и на Вознесеніе.

Главные доходы купцы получаютъ отъ винокуренъ и шинковъ, при чемъ на Подолѣ вольная продажа вина, а на Печерскѣ—отъ казны. На берегу Днѣпра возлѣ Кіева много водяныхъ мельницъ, построенныхъ на судахъ.—Нищіе, къ стыду богатыхъ монастырей, сидятъ въ Кіевѣ на улицахъ, какъ и вездѣ въ Украинскихъ городахъ. Многіе могли-бы еще зарабатывать хлѣбъ въ рабочихъ домахъ. Очень много слѣпыхъ, объ излѣченіи которыхъ слѣдовало-бы позаботиться правительству.

При губернской канцеляріи есть докторъ, штаба—хирургъ и нѣсколько хирурговъ; на Подолѣ—частная аптека.—Нѣмцы сами содержатъ лютеранскаго пастора.

Кіевъ оба раза служилъ главною цѣлью путешествія Долгорукаго, но обстоятельныхъ свѣдѣній о современномъ ему положеніи города и его жизни Долгорукій не даетъ: какъ онъ самъ признается, онъ „многое видѣлъ урывками, а обстоятельно не видѣлъ ничего". Онъ особенно жалѣетъ, что въ первое свое путешествіе не провелъ въ Кіевѣ мѣсяца вмѣсто 10 дней, которые онъ былъ тамъ. „Тогда, говоритъ онъ, я носилъ званіе публичное; меня и пускали, и провожали повсюду, опасаясь, не ревизоромъ-ли я инкогнито разъѣзжаю, а нынѣ (въ 1817 г.) другое совсѣмъ воспослѣдовало.

Такъ какъ, говоритъ въ другомъ мѣстѣ князь, у насъ въ Россіи можетъ видѣть что-либо лишь тотъ путешественникъ, который снабдитъ себя „ордерами и рублями".

Но и въ тѣ 10 дней, когда предъ княземъ были раскрыты всѣ двери, онъ не могъ воспользоваться этимъ въ достаточной степени, такъ какъ его отвлекали отъ этого съ одной стороны „суеты набожныхъ посѣтителей" Кіева по случаю Успенскаго

праздника, съ другой—необходимость сдѣлать и принять массу визитовъ.

Главнымъ образомъ въ Кіевѣ вниманіе князя, по выраженію его, привлекали „разные духовные предметы". Съ особеннымъ чувствомъ посѣтилъ онъ Фроловскій монастырь,—гдѣ подвизалась знаменитая бабка князя—схимомонахиня Нектарія, въ мірѣ княгиня Наталья Борисовна Долгорукая,— и поклонился гробу своей бабки у входа въ Кіево-Печерскую лавру. Былъ, конечно, въ самой Лаврѣ и въ пещерахъ. Въ Лаврѣ показывали князю ризницу, но онъ нашелъ, что „въ ней нѣтъ никакихъ достопамятныхъ рѣдкостей или отмѣнныхъ сокровищъ, нельзя сравнить ее ни мало съ Троицкою".

Не останавливаясь на описаніи кіевскихъ святынь, видѣнныхъ княземъ, упомянемъ о знакомствахъ, которыя онъ сдѣлалъ (въ 1810 г.) въ духовномъ мірѣ. Съ особеннымъ восторгомъ Долгорукій говоритъ о знаменитомъ кіевскомъ проповѣдникѣ, протоіереѣ Левандѣ: „какой выродокъ во дняхъ нашихъ! Потомки позавидуютъ такому современнику предковъ своихъ. Я нѣсколько разъ посѣщалъ его, ѣздилъ слушать его бесѣды, учиться у него думать, чувствовать и жить. Почтенный старецъ (ему было тогда 70 лѣтъ) не скучаетъ своими сѣдинами; онъ бодръ еще и съ перомъ въ рукахъ паритъ, какъ юный орелъ. Какой сладкій органъ! Какая скромность въ выборѣ предметовъ разговора! Какая нѣжность въ произношеніи!... Въ словахъ его, а паче въ надгробныхъ, неисчерпаемая руда чувствительности. Гдѣ онъ возметъ свои мысли и выраженія? Откуда родятся чувствованія? Но онъ плѣнитъ, изумитъ, восхититъ; ему-то прилично, идучи на каѳедру, сказать: „Отверзу уста моя—и наполнятся духа!"

„Образъ жизни его простъ. Окруженъ книгами, рукописями, читаетъ, пишетъ или очищаетъ въ саду деревья и наслаждается природою. Леванда—любимое дитя натуры и небесъ; я ласку его и пріязнь почитаю пріобрѣтеніемъ".

Далеко не такія чувства внушилъ Долгорукому Викарій митрополита кіевскаго—епископъ чигиринскій Ириней (Фальков-

скій), обладавшій, по отзыву Бодянскаго [1]), самой многосторонней ученостью, почему бывшій незамѣнимымъ человѣкомъ для академіи того времени.

„Онъ уже не молодъ и отправляетъ званіе свое безъ всякой сановитости; нѣтъ въ немъ ни величія, ни пріятной простоты. Онъ не ходитъ, а бѣгаетъ; движенья его всѣ отмѣнно скоры... Ни слово его, ни обращеніе не плѣняетъ. Я входилъ къ нему въ келью: пріемъ принужденный, бесѣда пустая".

Въ 1817 г. Долгорукій не измѣнилъ своего мнѣнія объ Иринеѣ:

„Ириней все такъ-же бѣгаетъ, какъ заяцъ, тупитъ глаза въ землю, какъ сурокъ, и отъ излишней дикости въ поступкахъ чрезвычайно страненъ... Онъ говорилъ проповѣдь своего собственнаго рукодѣлія... я слушалъ его со вниманіемъ, но, наскучивъ повтореніемъ безпрестаннымъ однихъ и тѣхъ-же словъ, въ числѣ которыхъ чаще всего твердилъ онъ „дѣла таковыя" или: „таковыя дѣла" и опять черезъ строку „таковыя дѣла", я проворчалъ отъ себя на счетъ его поученія: „такія суть дѣла, ужасныя дѣла!" и обратился къ мощамъ, приложился къ нимъ и поѣхалъ домой".

Попавъ (въ 1810 г.) въ Кіевъ въ каникулярное время, Долгорукій не могъ ознакомиться съ его учебными заведеніями. Онъ былъ лишь въ академіи, зданіе которой ему очень понравилось.

„Мнѣ полюбились болѣе прочихъ слѣдующіе замыслы живописца: надъ дверьми философскаго класса изображенъ Фаетонъ, надъ дверьми богословскаго—Аполлонъ; Фаетонъ хотѣлъ поревновать солнцу и взялъ его упряжку, но кони его помчали, и онъ стремглавъ низвергся на землю: живой образъ философіи, которая ищетъ премудрости, плѣняется ложнымъ умозрѣніемъ и пропадаетъ въ своихъ пытливыхъ системахъ; Аполлонъ, напротивъ, прямые лучи Феба отражаетъ на себѣ и лира его плѣняетъ всю вселенную: не такъ-ли учитъ насъ Богословія, когда она прямо отъ источника вѣры заимствуетъ свои доказательства и истины?

---

[1]) См. примѣч. къ „Путешествію 1810 г." стр. 275.

Далѣе примѣтилъ я нѣчто также замысловатое: написанъ юноша: онъ глядитъ на солнце, силится разсмотрѣть его, но жмурится и взоръ его темнѣетъ: такъ глядитъ атеистъ или язычникъ на Саваоѳа. Другой рядомъ съ нимъ держитъ трубу, наводитъ на солнце и видитъ безъ помѣхи; труба въ его рукахъ—есть вѣра. Когда она дѣйствуетъ на наши мысленныя очи, мы тогда видимъ и ощущаемъ Божество".

Очень понравилось Долгорукому нахожденіе на хорахъ академической залы бюстовъ „остроумныхъ писателей въ язычествѣ"—Цицерона, Саллюстія, Виргилія и др. „Кто располагалъ эту залу, говоритъ онъ, тотъ не былъ суевѣръ".

Изъ „гражданскихъ строеній и заведеній", осмотрѣнныхъ въ 1810 г. княземъ, наиболѣе интересно описаніе арсенала, откуда въ то время постоянно возили (на волахъ) въ Молдавію бомбы и ядра. Особенное вниманіе князя въ залахъ арсенала обратили на себя слѣдующіе предметы: кумачный шатеръ, завоеванный Румянцевымъ у визиря; мѣдныя орудія, взятыя у турокъ; турецкіе бунчуки; гетманскія булавы; собраніе россійскихъ орудій и различныхъ знаменъ, частью завоеванныхъ, частью отобранныхъ у полковъ „по разнымъ реформамъ".

Въ то время, когда (въ 1810 г.) былъ въ Кіевѣ Долгорукій, городъ уже славился своими контрактами. Всѣ знаютъ, говоритъ онъ, что такое контракты: они начинаются въ генварѣ и продолжаются недѣли 3. Въ эту бѣшенную пору всѣ магазины и лавки опустошаются, все раскупятъ. Поляки наѣзжаютъ кучами отвсюду для своихъ продажъ, размѣновъ, арендъ и откуповъ. Изъ кармановъ ихъ посыплются кучи золота, и я видѣлъ такіе дома, которые невѣроятный даютъ хозяину доходъ, напримѣръ, домъ г-на Спер., въ которомъ жилъ тамошній прокуроръ, занимается уже нѣсколько лѣтъ сряду на время контрактовъ какой-то графинею Потоцкой, которая за двѣ недѣли найма платитъ до 4 тысячъ рублей; а домъ деревянный и далекъ отъ того, чтобъ быть очень обширнымъ; мнѣ самъ постоялецъ это сказывалъ".

Изъ магазиновъ удивленіе князя возбудилъ магазинъ Губарева, „у котораго вы найдете все, что можетъ обворожить самаго равнодушнаго къ прелестямъ роскоши скупца; все вы-

писное: стекло, фарфоръ, золотыя вещи, бронзы; о мелочахъ-же и говорить нечего—сюрпризы, какихъ лучше нѣтъ и въ Москвѣ; все это завелось здѣсь съ тѣхъ поръ, какъ сюда перенесены контракты. Это очень возвысило красоту города и воспособило его отстройкѣ".

Весело жилось князю въ Кіевѣ въ 1810 г.: его всѣ тогда принимали: онъ былъ на „огромномъ праздникѣ", который давалъ 10 Августа кіевскій военный губернаторъ въ честь г-жи Мятлевой, пріѣхавшей изъ Рима; пилъ чай у гр. Безбородки (чего мы при этомъ не ѣли и не пили, говоритъ Долгорукій по этому поводу); обѣдалъ у Миклашевскихъ, у Могилевскаго, почти каждый день бывалъ за-просто у Мятлевыхъ, у которыхъ просиживалъ цѣлые вечера, говоря „о Римѣ, о руинахъ, о тамошнихъ красотахъ". Но ни эта веселая жизнь, которая должна была настроить Долгорукаго на благодушный тонъ, ни почетъ, съ которымъ встрѣчали вездѣ „носившаго званіе публичное", не могли заставить князя удержаться отъ нѣсколькихъ ѣдкихъ замѣчаній на тему о неумѣстной торговлѣ, нарушающей благочиніе и благолѣпіе храма, а также отъ замѣчанія по поводу кичливой надписи на монументѣ погребеннаго въ Лаврѣ фельдмаршала гр. Разумовскаго.

Къ проявленіямъ притворнаго благочестія и ханжества относитъ князь открытіе въ Кіевѣ Библейскаго Общества. Князь былъ на торжественной церемоніи открытія и про себя подумалъ: „Du sacre à la folie il n'y a qu'un pas." То молитвенное настроеніе, которое охватило высшія и чиновныя сферы послѣ столь недавняго индифферентизма въ этомъ отношеніи, то смиренномудріе, на которое стали смотрѣть, какъ на высшую добродѣтель, и, конецъ, само библейское общество, возникшее на этой почвѣ,—все это казалось Долгорукому ложнымъ, не естественнымъ:

„Не молиться вовсе и никогда, какъ завелось было у насъ, совершенно пагубно; но при всякой исходящей изъ суда бумагѣ класть, при подписаніи ея, земные поклоны, при помѣтѣ каждаго имяннаго указа бѣгать въ соборъ и окропляться святою водою есть другое низкое суесвятство, которое не религію оз-

начаетъ, а слабость ума человѣческаго. Отчего многіе вообразили, что будто подъ словомъ: „нищіе духомъ“ должно разумѣть людей, окраденныхъ умомъ и безтолковыхъ? Большое заблужденіе! Религія ни мало не чужда уму высокому, но чистому; напротивъ, чѣмъ кто благочестивѣе, тѣмъ умнѣе и разсудительнѣе между себѣ подобными; и прямыхъ христіанъ, угождающихъ Богу, отнюдь не въ толпѣ ханжей и не въ безумныхъ домахъ искать должно“.

„Я, не робѣя, дерзну сказать, что наши Общества Библейскія не суть плодъ вѣры, а плодъ духа лести. Это какой-то припадокъ, который такъ-же скоро пройдетъ, какъ и многіе, ему подобные, порождаемые не любовію ко христу, а лукавствомъ и самолюбивою прелестью. Я помню, что кумъ Матвѣй не выходилъ изъ рукъ у каждаго юноши; теперь всякой хватается за Іезекіиля: все иода и человѣкоугодіе! Дай Богъ, чтобъ въ этомъ случаѣ не сбылась съ Россіей старая ея пословица: „гдѣ вода была, тутъ и будетъ“. Опять появится кумъ Матвѣй, но, Боже сохрани, чтобъ послѣдняя лесть не сдѣлалась горше первой“.

Болѣе подробно, чѣмъ о кіевскихъ учебныхъ заведеніяхъ, Долгорукій говоритъ о Харьковскихъ, именно о Духовномъ Коллегіумѣ и Университетѣ. Въ Коллегіумѣ Долгорукому пришлось (въ 1810 г.) присутствовать на происходившемъ „по порядку годичному“ „состязанію въ Богословскихъ и Философскихъ предметахъ“. Состязаніе это велось на русскомъ языкѣ „съ примѣсью иногда латыни“, и князю, основательному знатоку латинскаго языка (по свидѣтельству Дмитріева) особенно понравилось латинское произношеніе учениковъ Коллегіума. „Нигдѣ, говоритъ онъ, я не слыхивалъ такого сладкаго произношенія латинскаго нарѣчія, какъ въ устахъ малороссіянъ: выговоръ ихъ имѣетъ что-то особенно пріятное для слуха нѣжнаго“. Въ диспутахъ принимали участіе и студенты университета. „Студенты университета приходили съ академиками въ коллегіумъ оспаривать ихъ предложенія и отъ сей стычки умовъ и понятій летятъ искры глубокихъ познаній“.

Благодаря любезности ректора университета, профессора Рижскаго, Долгорукому удалось осмотрѣть университетское зданіе, кабинеты, познакомиться съ профессорами.

Университетъ помѣщался тогда (1810 г.) въ генералъ-губернаторскомъ домѣ; къ тому времени онъ былъ уже „обогащенъ книгами и разными инструментами". „Сихъ послѣднихъ, говоритъ Долгорукій, на уважительную уже пріобрѣтено сумму, и удачный выборъ ихъ есть опытъ трудовъ пекущихся о семъ новомъ (оно было основано въ 1803 году) заведеніи". Долгорукій съ похвалой говоритъ объ астрономическомъ и минералогическомъ кабинетахъ; онъ видѣлъ также „мимоходомъ нѣсколько искусственныхъ моделей для класса Технологіи". Изъ рѣдкостей университетскихъ больше всего вниманіе Долгорукаго привлекла „кожа, содранная съ дикой женщины въ Америкѣ". Онъ даже выпросилъ себѣ на память лоскутокъ этой кожи.

Изъ профессоровъ, между которыми всѣ почти были люди молодые, Долгорукій „особенно занялся" старикомъ-французомъ Беленъ де Баллю (Belin de Ballu), который былъ преподавателемъ „изящной латинской и греческой словесности" и въ тоже время библіотекаремъ.

„При всей угрюмости, разсказываетъ Долгорукій, какой требуютъ возложенные на него труды и самыя его лѣта, я удивился, нашедъ его въ иныя минуты такъ легкимъ, смѣю-ли сказать? и вѣтреннымъ, какъ мы привыкли понимать его соотчичей; вдругъ онъ заважничаетъ и сдѣлается несноснѣйшимъ педантомъ, чтобъ тотчасъ-же послѣ того надъ собой разсмѣяться и выпустить какую-нибудь остроту". Студентовъ въ университетѣ было 60 человѣкъ; на медицинскомъ факультетѣ, при 12 профессорахъ, всего 2 студента. „Студенты, сообщаетъ Долгорукій, сами держатъ артель, и одинъ изъ нихъ печется о столовомъ хозяйствѣ".

Независимо отъ университета, „по общему стату для губернскихъ городовъ", въ Харьковѣ была и гимназія съ 400 учениковъ.

На учебныхъ заведеніяхъ Долгорукій останавливается и при описаніи *Чернигова*. Самый городъ,—гдѣ „нѣтъ ни театра, ни клуба, ни гульбищъ, одна модная лавка, да и та заперта, а только вывѣска торчитъ, дабы проѣзжій въ просонкахъ увидалъ изъ коляски, что онъ будто въ городѣ“,—такой городъ ему не понравился. Едва-ли есть въ Россіи много уѣздныхъ, которые были-бы хуже Чернигова, говоритъ Долгорукій.

Но зато очень понравилось „полезное учрежденіе“, которымъ городъ обязанъ кн. Куракину, именно ремесленное училище. Въ немъ „разные вольные мастера обучаютъ искусствамъ: столярному, рѣзному, слесарному и бронзовому, сребродѣланію, мастерству сапожному и проч. Всякой малороссійской помѣщикъ можетъ отдать сюда обучаться своего слугу за самую умѣренную плату“.

Кромѣ ремесленнаго училища въ городѣ существуетъ гимназія и училище для бѣднѣйшихъ дворянъ съ 40 учениками.

Л. Синицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Старинная запись народныхъ малорусскихъ думъ съ обзоромъ варіантовъ къ нимъ.[1]

(ОКОНЧАНІЕ).

9.

Кишка Самыйло [2]).

Вопросъ о происхожденіи этой думы остроумно поставленъ и разрѣшенъ В. П. Науменкомъ [3]). На основаніи лѣтописныхъ извѣстій о Самыйлѣ Кишкѣ онъ пришелъ къ заключенію, что, „плѣненіе Самыйла Кишки турками—фактъ историческій, который, по всей вѣроятности, случился въ началѣ XVII вѣка около 1620 года,—фактъ же бѣгства его изъ неволи ничѣмъ не можетъ быть удостовѣренъ". Сопоставляя затѣмъ содержаніе одной италіанской брошюры, изданной въ Римѣ въ 1643 го-

¹) См. „Кіевск. Старина" 1893 г., № 1.

²) Долгое время эта дума считалась unicum, не имѣвшимъ варіантовъ. Въ первый разъ напечатана она была Лукашевичемъ въ 1836 г. (Малорус. и Червонорус. думы и пѣсни 15—27), но разъ послѣ того она была перепечатана. какъ образецъ думы, самой обширной по объему и богатой по содержанію (Сборн. Украинск. пѣсенъ Максимовича, 1849, Изв. Акад. наукъ, т. II. 1853 г.; Историч. пѣсни малорус. народа Антон. и Драгом., т. I, 1874 г.). Только въ 1880 г. явились отрывки изъ варіантовъ ея въ изслѣдованіи Костомарова: Исторія козачества въ памятн. южнорус. народ. пѣсен. творчества, (отдѣльный оттискъ, 16—30): одинъ изъ нихъ—печатаемый ниже варіантъ Котляревскаго, другой—отрывочный и скудный—сообщенъ былъ Костомарову г. Зайкевичемъ, который записалъ эту думу въ Лубен. у. Полт. губ. Наконецъ въ Кіевс. Старинѣ за 1882 г. (декабрь, 505—507) напечатанъ былъ варіантъ, сходный съ варіантомъ Зайкевича, записанный г. Горленкомъ въ г. Лохвицѣ Полт. губ.

³) Кіевс. Старина, 1883 г., іюнь.

ду, съ содержаніемъ думы о Самыйлѣ Кишкѣ, онъ нашелъ, что герой брошюры" нѣкій знатный офицеръ русинъ, по фамиліи Симоновичъ, овладѣвшій турецкой галерой и освободившій себя и 207 невольниковъ христіанъ изъ польской Руси, подъ вліяніемъ разсказовъ объ этомъ событіи невольниковъ, возвратившихся на родину, пріуроченъ къ народному герою, Самыйлѣ Кишкѣ, о плѣненіи котораго существовалъ уже раньше рядъ сказаній. Эти соображенія подкрѣпляются варіантами Зайкевича и Горленка, въ которыхъ ренегатъ—дидъ Бутурлакъ представляетъ полнѣйшее сходство съ ренегатомъ брошюры, по имени Микулой: и тамъ, и здѣсь ренегаты, оставаясь въ тайнѣ вѣрными христіанской религіи, только лицемѣрятъ передъ турками и proprio mutu содѣйствуютъ своимъ единоплеменникамъ овладѣть галерой. Оказывается, что болѣе искаженные варіанты ближе стоятъ къ первоначальной редакціи этой думы, если допустимъ, что на образованіе ея имѣли вліяніе разсказы невольниковъ, освобожденныхъ Симоновичемъ, котораго подвигъ приписанъ Самыйлу Кишкѣ. Нужно сказать однакоже, что и варіанты Лукашевича и Котляревскаго представляютъ многія черты древности въ подробностяхъ, утраченныхъ варіантами Зайкевича и Горленка: таковы, напримѣръ, всѣ реальныя подробности, относящіяся къ описанію турецкой галеры и жизни невольниковъ на галерѣ,—таково въ особенности описаніе въ варіантѣ Лукашевича дѣлежа турецкой добычи, которое могло быть составлено только пѣвцомъ, близко знакомымъ съ дѣйствительностію. Что касается до сравнительной цѣнности обоихъ этихъ варіантовъ, то намъ она представляется въ такомъ видѣ. 1) Въ варіантѣ Котляревскаго рѣзче очерченъ типъ ренегата, суроваго и безпощаднаго: ренегатъ, изображенный въ варіантѣ Лукашевича, принадлежитъ къ разряду людей нерѣшительныхъ, колеблющихся, представляя переходныя черты отъ тайнаго врага турокъ (варіанты Зайкевича и Горленка) къ преданному и вѣрному слугѣ ихъ, котораго по возвращеніи на родину козаки убиваютъ безъ всякой жалости (варіантъ Котляревскаго). 2) Самъ Самыйло Кишка въ варіантѣ Котляревскаго напоминаетъ отчасти Ивана Богуславца: притворно, какъ и этотъ послѣдній,

онъ „христыянську виру ламае, а Бога мылосердного въ сердци соби мае“.—По этому случаю Ляхъ-Бутурлакъ пьетъ и гуляетъ съ нимъ, что болѣе естественно, чѣмъ въ варіантѣ Лукашевича, гдѣ Ляхъ-Бутурлакъ послѣ отказа Кишки отъ принятія бусурманской вѣры и послѣ наказанія его за это дѣлится съ нимъ напитками, присланными на галеру Алканъ-пашей. 3) Вообще варіантъ Котляревскаго менѣе подвергся амплификаціи, чѣмъ варіантъ Лукашевича. Сильное вліяніе на этотъ послѣдній оказала дума объ Иванѣ Богуславцѣ.

Оно очень замѣтно: а) тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о выходѣ козаковъ изъ галеры на берегъ для избіенія сонныхъ турокъ,—выходѣ неестественномъ и несогласномъ съ обстановкой событія, изображаемаго въ думѣ о Самыйлѣ Кишкѣ,—б) тамъ, гдѣ дивка Санджаковна, уже послѣ избіенія ея единоплеменниковъ, посылаетъ, стоя на пристани, упреки Алкану-пашѣ за ранній отъѣздъ его, не догадываясь, что онъ тутъ ни при чемъ Справедливо говоритъ Костомаровъ, что „образъ пани Турецкой перенесенъ изъ думы объ Иванѣ Богуславцѣ въ думу о Самыйлѣ Кишкѣ по варіанту Лукашевича и приложенъ къ дѣвкѣ Санджаковнѣ неумѣстно“,—впрочемъ, не потому, что дѣвка Санджаковна ведетъ себя не по турецки, а по украински: какъ въ той, такъ и въ другой думѣ, турецкимъ женщинамъ усвоены черты мѣстныя, украинскія.

Такимъ образомъ, въ четырехъ варіантахъ думы о Самыйлѣ Кишкѣ мы имѣемъ двѣ редакціи ея. Обѣ онѣ могли образоваться скоро послѣ событія, о которомъ повѣствуетъ итальянская брошюра, на почвѣ поэтическихъ преданій о Самыйлѣ Кишкѣ, несогласныхъ между собой въ изображаніи ренегата. Если же допустить появленіе въ то время сперва одной редакціи, а потомъ другой, то преимущество древности нужно отдать полузабытымъ и искаженнымь варіантамъ Зайкевича и Горленка. Въ давнее время эти варіанты составляли одинъ цѣльный текстъ, распавшійся тоже давно на двѣ редакціи, изъ коихъ каждая въ настоящее время имѣетъ по два варіанта.

Изъ города Козлова до города Трапезона
Гуляла галера цвѣткована-малевана,
Четырьма цвѣтами процвѣтанна,
Первымъ цвѣтомъ процвѣтанна—
Синими киндяками обвиванна,
Другимъ цвѣтомъ процвѣтанна,
Турецкою червоною габою обвиванна,
А третимъ цвѣтомъ процвѣтанна—
Христіанскою кровью фарбованна,
Четвертымъ цвѣтомъ процвѣтанна—
Неволниками осаженна,
Козацкими гарматами обрыштована.
У той галерѣ пробувало 700 турокъ-янычаръ,
Межъ ними булъ старшій старшиною Алканъ-паша,
Трапезонское дитя молодое.
Около той галеры пробувало 350 козаковъ-неволниковъ.
Уже они 40 лѣтъ въ неволѣ пробуваютъ,
Объ землѣ христіанской ничего не знаютъ.
То межъ ними безъ старшины козацкой не бывало,
Только одинъ бувъ старшій старшиною,
Кишка Самыйло, гетманъ запорозскій [1])
Другій бувъ старшій старшиною
Судья черкаскій Марко Грачъ [2]).
То вже тогда Алканъ-паша, трапезонское дитя, добре винъ дбае,
На невольниковъ по два, по три кайдановъ набывае,
Березиною по голыхъ рукахъ христіанскихъ затинае,
Кровью христіанскою слѣды заливае:
«Добре вы, невольники, дбайте,
Скорейше галеру до города Трапезона [3]) доганяйте!»
Тогда невольники за опашны руками хватали,
Изъ глыба (sic) морской воды доставали.
Швыдко галеру Чернымъ моремъ погоняли,

---

[1]) Историческія справки о Самойлѣ Кошкѣ, кошевомъ запорожскомъ, см. Историческія пѣсни Антон. и Драгом., I, 227, а также статью Науменка: „Происхожденіе малорусской думы о Самойлѣ Кошкѣ" (Кіев. Старина, 1883 г., Іюнь).

[2]) Объ этомъ второстепенномъ лицѣ думы мы не имѣемъ никакихъ историческихъ свѣдѣній.

[3]) Трапезунтъ—резиденція паши, начальника эйлета (намѣстничества).

До острова Тендера [1]) приганяли,
Противъ Кефы [2]) города на опочинокъ ставали,
Тамъ вони соби заночевали.
То Алканъ-паши трапезонскому ополночи приснился сонъ
чуденъ да пречуденъ,
То Алканъ-паша отъ сна прочинае,
Промежду турками-янычарами похожае:
«Который бы межъ вами могъ сей сонъ отгадати,
Могъ-бы я его великимъ паномъ наставляти,
Що приснился мнѣ сонъ чуденъ да пречуденъ:
Видится, козаки-невольники моихъ турокъ-янычаръ всѣхъ
порубали,
Въ Черное море вкидали,
А видится, Кишка Самійло, гетманъ Запорозскій, мене
на руки бралъ,
Мени сплечъ (sic) головку снималъ,
Въ Черное море вкидалъ».
То межъ турками-янычарами никто не могъ сего сна
отгадати,
Только бувъ межъ ними старшій старшиною Ляшъ (sic)
Бутурлака [3]),
Полковникъ переяславскій,
Недовѣрокъ христіанскій,
А винъ ключникъ галерскій,
Той могъ сей сонъ отгадати,
Сталъ словами промовляти:
«Велю я тебѣ, пане молодый, изъ невольниковъ старые кайданы
снимати,
А новыхъ по два, по три набивати,
То будетъ твоя галера въ цѣлости пробувати».
Тогди турки-янычаре изъ невольниковъ старые кайданы
снимали,
Новыхъ по два, по три набивали
И скоренько до города Трапезона поспѣшали,

---

[1]) Тендеръ—низменный песчаный островъ противъ Кинбурской косы.

[2]) Кефа—городъ или-же Кафа—нынѣшняя Θеодосія.

[3]) Ляшъ Бутурлака—собственное имя изъ нарицательнаго *потурнакъ*—отурченный, потурченный.

До дѣвки Санжакивны скоро приѣжжали [1].
Стали до города Трапезона приѣжжати,
Стали галеру до берега припинати,
Сталъ Алканъ-паша молодый до дѣвки Санжаковны прибувати,
Усихъ турокъ-янычаръ съ собою брати,
Тылько клюшника галерского въ галерѣ оставляти,
То тамъ сталъ пити та гуляти,
Только двохъ турокъ янычаръ сталъ на подслухи посылати,
Що буде Ляхъ Бутурлака изъ гетманомъ Самійломъ розмовляти.
Тодѣ Ляхъ Бутурлака до Кишки Самила словами промовлялъ:
«Колы бъ ты, Кишко Самійло, свою вѣру христіанску поламалъ,
А нашу бусурманску на себе взялъ,
Ужебъ я тебя съ кайданывъ расковалъ
И съ собою за однимъ столомъ сажалъ».
То Кійшко (sic) Самійло свою вѣру христіанскую будто поламае.
А Бога Милосердного въ сердцѣ себѣ мае.
Ляхъ Бутурлака Кишку Самійла изъ кайданивъ росковалъ
И съ собою за однимъ столомъ сажалъ,
Про козацкіи звычаи роспиталъ.
То турки-янычари тогди тое выслухали,
До Алканъ-паши прибували,
Словами промовляли:
«Теперъ, пане молодый, пый та гуляй,
Только Ляха-Бутурлака не забувай.
Алканъ-паша пье та гуляе,
Въ галеру напитки посылае.
Якъ сталъ Ляхъ Бутурлака пидпивати,
Сталъ гетману запорожскому по три чарки горилки даваты
То Кишка Самійло по одной чаркѣ выпивае,
А по другой въ рукава выливае,
А третію чарку черкаскому судьи посылае.
То вже Ляхъ-Бутурлака якъ упився,
То на лижко свалился,

---

[1]) „То есть къ невѣстѣ“—примѣчаніе въ текстѣ рукописи. По варіанту Лукашевича *дивка Санжакивна*, дочь губернатора Козловскаго. Санджакъ состоялъ изъ нѣсколькихъ *киличей*—уѣздовъ.

То Кишка Самійло отъ его пьяного съ запояса (sic) ключи отобралъ,
Увсѣмъ (sic) невольникамъ въ руки подавалъ:
«Вы, братцы, сами себя отмыкайте,
Брязку не учините,
Ильяша (sic) Бутурлака не збудите».
Тогда невольники сами себя отмыкали,
Брязку не учинили,
Ляша (sic) Бутурлаки не збудили.
Тогди Кишка Самійло Ляшу бутурлацы (sic) ключи до пояса привязалъ.
О полночной годинѣ Алканъ-паша, дитя молодое, отъ дѣвки Санжакивны изъ турками до галеры прибывае,
То вже самъ лягае,
Спочивае,
И только двухъ турокъ ради осмотрѣнія кайданъ посылае.
То турки мижъ невольниками похожали,
За кайданы руками не хватали,
До Алканъ-паши прибували,
Словами промовляли:
Теперъ ты, пане нашъ молодый, спочивай,
«Только Ляша Бутурлаки не забувай».
Турки пьяны бували,
Великимъ сномъ крѣпко спали.
Кишка Самійло изъ рукъ, изъ ногъ тогди кайданы спускае,
До невольниковъ словами промовляе:
«Невольники, изъ рукъ, изъ ногъ кайданы спускайте,
Брязку не учините,
Турокъ-яньчаръ не збудите,
Сабли булатные въ руки хватайте,
Туркамъ головы снимайте,
Въ Черное море вкидайте,
Только Ляша Бутурлака не займайте,
Для порядку козацкаго оставляйте.
Кишко (sic) Самійло Алканъ-пашу, трапезонское дитя молодое, на руки бралъ,
Сплечъ (sic) голову снималъ,
Въ Черное море вкидалъ,
Словами промовлялъ:

«Алканъ-паша, трапезонское дитя!
Що тоби во снѣ снилось,
То тебѣ на яви взъявилось».
Тогда уже Кишко Самійло, гетманъ запорожскій, до козаковъ словами промовляе:
«Ну-мо жъ мы, братця, сію турецкую галеру отъ пристани трапезонской далѣ отгоняти».
Якъ стали Чернымъ моремъ поѣжжати,
Стало ясне сонце снихожати (sic),
Сталъ Ляшъ-Бутурлака отъ сна прочинати.
Тогди по галерѣ поглядаѣ (sic),
Що ни одного турка немае,
Тогди до козаковъ словами промовляе:
«Козаки, панове-молодци!
Нехай бы я могъ знати,
Кого межъ вами паномъ назвати».
Козаки словами промовляли:
«Ляше Бутурлако,
Полковнику Переяславскій!
Ты и самъ добре знаешъ,
На-що ты насъ пытаешъ»?
Тогди Ляшъ Бутурлака съ лижка вставае,
До Кишки Самыйла приступае:
«Ей, гетмане запорожскій!
Зрадивъ ты мене старого,
И мого пана молодого».
Кишка Самійло словами промовляе:
«Якъ будешъ ты мени сее говорити,
То буду я тебе въ Черное море живьемъ укидати,
А то я тебя могъ для порядку козацкаго оставляти».
Въ обѣдней годинѣ стало ихъ 9 галеръ турецкихъ зостречати,
Сталъ Ляшъ Бутурлака словами промовляти:
«Кишко Самыйло,
Гетманъ запорожскій!
Половыну козаковъ въ кайданы забивай,
А половину въ турецкое платье наряжай».
Тогди Кишко Самійло половину козаковъ въ кайданы забывае,
А половину въ турецкое платье наряжае,
Ляхъ Бутурлака на чердакъ выхожае,

Турецкую короговъ выставляе,
До турокъ-янычаръ словами промовляе:
«Турки-янычари, не близко вы проѣжжайте,
Цытте (sic), не кричите,
Молодого пана моего не збудите,
Бо мій панъ цѣлу ночъ съ дѣвкою Санжакивною гулялъ,
А теперъ винъ спочивае».
Тогди турки-янычари тое зачували,
За три версты галеры турецкыи отвертали.
Тогди Ляшъ Бутурлака словами промовляе:
«Ей, ну-те жъ, козаки галеру швыденько до Сѣчи приганяйте,
Щобъ не могли турки того дознати,
Назадъ галеры привертати».
Стали козаки галеру до города Сѣчи приганяти,
Стали сѣчовые козаки тое забачати,
Стали вони изъ пушокъ гремати:
«Ну-мо мы, братця, сію турецкую галеру розбивати,
Щобъ могли турки въ Черномъ море (sic) потопати».
Ляшъ Бутурлака тое забачае,
До Кишки Самыйла словами промовляе:
«Кишко Самыйло,
Гетманъ Запорожскій!
Ты межъ козакамы пробуваешъ,
Козацкихъ звычаевъ не знаешъ...
Цвѣтную козацкую крещату хороговъ на чердакъ выноси,
Будутъ сѣчевые козаки тое забачати,
Будутъ нашу галеру козацкую крюками за лавки хватати,
До берега ближе притягати,
А то намъ доведется на Черномъ море пропадати».
Кишко Самійло червону короговъ крещату на чердакъ выставляе,
Сѣчевые козаки стали познавати,
Стали въ лодки сѣдати,
Стали близчѣ приѣжжати,
За лавки галеру крюками хватати,
Стали до берега близче притягати,
Стали козаки съ галеры на берегъ выступати,

Семене Скалозубе гетмане до галеры ближче приступае [1]).
Гетмана запорожского Самыйла тамъ пизнавае,
И ще до его словами промовляе:
«Кишко Самыйло, гетмане запорожскій,
Сорокъ годивъ ты въ неволѣ пробувалъ,
Ни одного козака изъ войска своего не утерялъ».
Тогди Кишко Самыйло изъ галеры выступае,
Семена Скалозуба въ турецкую одежу наряжае,
На (sic) козакивъ словамы промовляе:
«Козаки, панове-молодцы! Ляша Бутурлаку изрубайте,
А то мы тогди его не рубали,
Що для порядку козацкаго оставляли».
Приѣхалъ Кишко Самыйло, гетманъ запорожскій, въ осени о Покровѣ,
Та умеръ въ Филиповку объ Николаѣ.

10.

Пирятинскій Поповичъ Алексѣй [2]).

Древнѣйшіе элементы этой думы указаны Потебней. Таковы поэтическіе образы въ самомъ началѣ ея, стоящіе въ непосредственной связи между собою: *море*, *бѣлый камень*, на которомъ сидитъ *соколъ*; онъ смотритъ на море и „квилыть—

[1]) Скалозубъ Семенъ, кошевой запорожскій, жившій во второй половинѣ XVI вѣка: см. замѣтку о немъ въ Историч. пѣс. малорус. народа. Антон. и Драгом., I, 228.

[2]) Есть много варіантовъ этой думы. Почти всѣ они помѣщены въ изданіи Антоновича и Драгоманова: Историч. пѣсни малорус. народа, 1874 г., 176—201. Здѣсь не достаетъ только 1) варіанта, довольно сжатаго, помѣщеннаго у Цертелева (Опытъ собранія старин. малор. пѣсенъ, 1819, 26—29), 2) варіанта Котляревскаго и 3) варіанта, помѣщеннаго въ сборникѣ пѣсенъ, изданныхъ Кирѣевскимъ, 1860 г., вып. IV, приложенія, стр. XXIII—XXVI, отличается онъ отъ всѣхъ варіантовъ нѣкоторыми особенностями: Алексѣй Поповичъ предлагаетъ козакамъ не просто бросить его въ море, но отрубить ему сперва голову, и потомъ бросить трупъ его въ море,—когда же козаки на это не согласились, то онъ самъ проситъ ихъ „хочъ на ливий руци“ отрубить мизинный палецъ—и пустить въ Черное море кровь Христіанскую: когда море начнетъ „кровь хрыстіянськую учуваты“, говоритъ онъ, тогда „Господь Мылосердный буде насъ рятуваты“. Не сказано, сдѣлали ли это козаки, сказано только, что море утихло.

проквыляе“, потому что видитъ на морѣ *бурю,* которая *корабль* потопляе [1]). Особенно любопытно сходство поэтическихъ мотивовъ, лежащихъ въ основаніи нашей думы и болгарской пѣсни о Станкевичѣ Дукѣ, а также цѣлаго ряда Сербскихъ пѣсенъ [2]). Это послѣднее сопоставленіе переводитъ вопросъ о происхожденіи думы объ Алексѣѣ Поповичѣ на почву фольклорныхъ заимствованій, оставленныхъ Потебней безъ объясненій.

Не менѣе любопытны соображенія, высказанныя многими учеными о генетической связи между былиннымъ Алешей Поповичемъ и малорусскимъ Олексіемъ Поповичемъ [3]). Все это съ большею или меньшею вѣроятностію указываетъ на сложный составъ нашей думы, переработанный пѣвцами въ своеобразномъ стилѣ казацкаго эпоса. На малорусской почвѣ прозвище Поповичъ могло найти поддержку и въ томъ обстоятельствѣ, что творцу думы о бурѣ на Черномъ морѣ необходимо было грамотное лице, которое скрѣпило бы обычную семейную мораль, выраженную въ думѣ, авторитетомъ „святого письма“, а имя *Олексій,* какъ извѣстно, пользуется большою популярностью между лирниками и кобзарями, поющими извѣстный стихъ объ Алексѣѣ, божьемъ человѣкѣ. Есть, впрочемъ, варіанты этой думы, въ которыхъ рѣчь идетъ не объ Алексѣѣ Поповичѣ, а о двухъ братьяхъ, застигнутыхъ бурею на Черномъ морѣ [4]). Въ минуту опасности они исповѣдываютъ другъ другу грѣхи свои, и буря утихаетъ. Грѣхи у нихъ тѣ же, что и у Алексѣя Поповича, нравоучительную мысль опи высказываютъ ту же, что и Алексѣй Поповичъ. Конечно, варіанты съ именемъ Алексѣя Поповича имѣютъ преимущество древности, въ особенности тѣ изъ нихъ, въ которыхъ упоминается объ умилостивленіи бушующаго моря цѣ-

---

[1]) Объясненія малорус. и сродныхъ народныхъ пѣсенъ, II, 301.

[2]) Ibidem, 305—310.

[3]) Въ первый разъ высказаны они въ голословной формѣ Безсоновымъ въ приложеніяхъ къ IV выпуску пѣсенъ, собранныхъ Кирѣевскимъ (XX—XXVII), повторены Л. Майковымъ и О. Миллеромъ,—развиты и научнымъ образомъ мотивированы А. Н. Веселовскимъ (Южнорус. былины, III—XI, 279) и Н. П. Дашкевичемъ (Чтенія въ историч. обществѣ Нестора Лѣтописца, 1889 г., кн. IV, 60—62).

[4]) Историч. пѣсни малорус. народа, Антоновича и Драгоманова, I, 190—200.

ною жизни Алексѣя Поповича. Не пускаясь въ обширную область миѳологическихъ сближеній, указываемъ на то обстоятельство, что въ думѣ преданіе о жертвѣ морю отозвалось въ смягченной формѣ: козаки приготовили Алексѣя Поповича въ жертву морю, но ограничились тѣмъ, что пустили только кровь въ море изъ его мизиннаго пальца.

На черномъ море,
На бѣломъ камени,
Сидитъ ясенъ соколъ,
Квилитъ, дуже проквиляетъ,
На Чорное море испилня поглядаетъ,
Что на Чорномъ море не добре починаетъ:
На святомъ небѣ всѣ звезды помрачило,
Половина мѣсяца въ тьму вступило,
Изъ чистаго поля буенъ вѣтеръ повѣваетъ,
На Черномъ море супротивну валечну филю изрываетъ...
Скоро супротивную валечну филю сорвало,
Козацкое судно на три части розбивало:
Первую часть отбило,
Въ дунайское гырло забило [1]),
А другую часть отбило,
Въ Арапскую землю заносило,
Третію часть середъ Чорнаго моря потопило...
На той части потопаетъ триста пятьдесятъ козаковъ,
Межъ ними безъ старшины козацкой не бывало,
Только былъ одинъ старшій старшиною Грицко Зборовскій [2]).
Гетманъ запорожскій Коломіенко [3]),
А другой былъ старшиною Алексѣй Поповичъ Пирятинскій,

---

[1]) „Чортове окно"—примѣчаніе записавшаго думу.

[2]) Грицкомъ Зборовскимъ названъ въ думѣ извѣстный авантюристъ польскій Самуилъ Зборовскій, бывшій кошевымъ запорожскимъ въ восьмидесятыхъ годахъ XVI вѣка. См. о немъ Историч. пѣсни малорус. Антон. и Драгом. I, 202, а также Pamętniki o Sam. Zborowskim, zebrane przez L. S., Poznań, 1844 г.

[3]) Коломіенко—тотъ-же Зборовскій, такъ какъ родомъ онъ былъ изъ Коломіи (изъ г. Злочева).

Козаче войсковый,
Писарь лійстровый.
То якъ стало судно потопати,
Сталъ Грицко Зборовскій на чердакъ выхождати,
Сталъ словами промовляти:
«Козаки, панове молоды!
Который межъ вами козакъ найбольшій грѣхъ соби мае,
Може черезъ того наше судно козацкое потопае,
То добре вы, братця, дбайте,
Милосердному Богу, и Черному морю и всему выйску днѣпровому, и мнѣ, атаману кошевому грѣхъ свой откривайте:
Нехай вы будете одинъ въ море потопати,
За собою войска козацкаго, запорожскаго не занапащати!»
То всѣ козаки замолчали,
Бо ни одинъ въ грѣхахъ не чували,
Тылько обызвется одинъ Алексѣй Поповичъ пирятинскій,
Козаче высковый (sic),
Писаръ лійстровый:
«Добре вы, братца, дбайте,
Изъ мого тугого лука шелковую тетиву изнимайте,
Назадъ мнѣ руки козацкіе завяжите,
До шеи тяжкій камень привяжите,
Чернымъ оксаментомъ мнѣ очи завяжите,
Та въ Черное море меня упустите:
Нехай я буду въ Черномъ море потопати,
За собою выйска козацкаго не занапащати».
Тогда козаки тое зачували,
Словами промовляли:
«Алексѣю Поповичу Пирятинскій!
Ты святое письмо читаешъ,
Насъ, простыхъ людей, на все добре научаешъ:
На що соби великій такій грѣхъ уже маешъ?»
Алексѣй Поповичъ тое зачувае,
Словами промовляе:
«Хочъ я святое письмо читаю
И васъ, простыхъ людей, на все добре научаю,
Я соби найбольшій всѣхъ васъ грѣхъ маю:
Що я отъ отца своего, отъ панниматки изъ города Пирятина въ охотное войско выѣжжалъ,

Я съ отцемъ и паниматкою прощенія не принималъ,
Я отца своего и паниматку стременами въ груди отъ себя отпихалъ,
Старшого своего брата зневажалъ,
Старшую свою сестру сильно проклиналъ,—
Що я, панове, самъ не добре починалъ,
Что кровъ христіанскую безъневинно проливалъ,
По городу Пирятину поѣзжалъ, дѣтокъ маленькихъ добрымъ конемъ розбивалъ:
Отъ тѣмъ мене Господь милосердный на великой потребѣ покаралъ».
То Грицко Зборовскій тое зачувае,
Словами промовляе:
«Козаки панове-молодцы,
Добре вы, братця, дбайте,
Алексѣя, Поповича пирятинского, на чердакъ выводите,
Справой (sic) руки пальца-мизинца урубайте,
Христіянскои крови въ Черное море впускайте:
Якъ будетъ Черное море кровъ христіянскую пожирати,
То буде на Черномъ море супротивна валечна филя утихати».
Тогда козаки добре дбали,
Алексѣя, Поповича пирятинского, на чердакъ выводили,
Справои руки пальца-мизинца урубали,
Христіянскую кровъ въ Черное море впускали...
Стало Черное море кровъ христіянскую пожирати,
Стала на Чорномъ море супротивная валечная филя утихати,
Стало судно козацкое, ниби руками, на берегъ выкидати,
Стали козаки изъ судна на песокъ выходити,
Стали въ четыре ряды на песку становити,
Сталъ Алексѣй, Поповичъ пирятинскій, межъ всѣми козаками прохожати,
Сталъ до козаковъ словами промовляти:
«Щасливой то человѣкъ въ свѣтѣ бувае,
Отцевой-паниматчиной молитвы почитае,
Отца и матери молитва изо дна моря душу вынимае,
Отъ грѣховъ сумертвенныхъ (sic) откупляе,
Предъ Праведнымъ Судіею поставляе...»

11.

Атаманъ Матяшъ старый.

Мы не имѣемъ варіантовъ къ этой думѣ, поэтому о текстѣ ея ничего не можемъ сказать положительнаго. Замѣтимъ только, что едва-ли могла имѣть мѣсто въ первоначальномъ текстѣ думы сказочная гипербола о томъ, что Атаманъ Матьяшъ и его двѣнадцать козаковъ побѣждаютъ цѣлыя тысячи турокъ. Самъ Матьяшъ есть лице, неизвѣстное въ исторіи. Событіе, о которомъ рѣчь идетъ въ думѣ, относится къ числу заурядныхъ явленій въ пограничныхъ столкновеніяхъ козаковъ съ татарами и турками.

На устьи Самары—Богу [1])
Семенова козацкаго рогу [2])
Уси поля самарскія пожарами погорѣли,
Только два терны-байраки не горѣли,
Що подъ собой гостей великихъ имѣли:
Тамъ пробувало 12 козаковъ бравославцевъ-небувальцовъ [3]).
Межъ ними былъ Атаманъ Матяшъ старенькій.
Стали козаки вечера дожидати,
Стали терновые огни раскладати,
Стали по чистому полю кони козацкіе пускати,
Стали козацкіе седла отъ себе далеко откидати,
Стали козацкіе семипядные пищали по-за кустами ховати.

---

[1]) Костомаровъ, измѣнивъ слова подлинника (*на устьи Самарки-Богу*), предполагалъ въ Самарѣ рѣчку Савранку, впадающую въ р. Бугъ (Исторія козачества въ произведеніяхъ народ. пѣсен. творчества, отд. оттискъ, 48). По нашему мнѣнію топографія думы затмилась въ сознаніи позднѣйшихъ пѣвцевъ ея.

[2]) Въ исторіи о козакахъ запорожскихъ кн. Мышецкаго находимъ интересную замѣтку объ этой мѣстности: „Вышелъ изъ Польши одинъ человѣкъ, именемъ Семенъ, на устье Бугъ рѣки, въ Лиманъ, на одну косу, которая коса и донынѣ зовется Семеновъ рогъ, для своихъ промысловъ, и будучи на оной косѣ одно лѣто, пришелъ домой, и какъ провѣдали тамошнее довольствіе ближніе его сосѣди, то предались къ нему человѣкъ болѣе ста для оныхъ промысловъ, а оного Семена стали у себя имѣть атаманомъ" (стр. 1—2).

[3]) Козаки *бравославци-небувальци*, вѣроятно, *Браславцы*, не бывавшіе въ военныхъ походахъ.

Атамане Матяшъ старенькій тое зачувае,
Словами промовляе:
«Козаки, панове молодцы!
Не безпечно вы майте,
Козацкихъ коней изъ препона не пущайте,
Сѣдла козацкія подъ головы покладайте,
Бо се долина Кайнарская,
Недалече здесь земля татарская.
Тогда козаки съ Атамана Матяша насмѣхали:
Десь ты, Атамане Матяшу старенькій, межъ козаками не бывалъ,
Де-сь ты козацкои каши не ѣдалъ,
Де-сь ты козацкихъ звычаевъ не зналъ,
Що ты намъ козакамъ бравославцамъ, великій страхъ задалъ».
Тогда Атаманъ Матяшъ отъ нихъ далеко отступалъ,
Терновый огонь роскладалъ,
Коня свого козацкого осидлалъ,
Биля себе препиналъ.
То саме въ ночи зождавъ малую годинку, невелику часинку,
Якъ не буйные вѣтры повѣвали,
Якъ турки-янычары съ чистаго поля въ долину припали,
12 козаковъ бравославцевъ-небывальцевъ въ полонъ забрали.
Атаманъ Матяшъ старенькій на добраго коня сѣдаетъ,
6 тысячъ турокъ-янычаръ побѣждаетъ,
Бравославцевъ-небывальцевъ изъ полону отбиваетъ,
Щей словами промовляетъ:
«Козаки бравославцы-небывальцы!»
На кони козацкіе сидайте,
Мнѣ, старому, помощи давайте»!
Тогда козаки на кони сидали,
4 тысячи безбожныхъ бусурмановъ побѣждали,
Сребро и злото турецкое отъ нихъ забирали,
До города Сѣчи свиденько (sic) поспѣшали,
Въ городѣ Сѣчи безпечно себе мали,
Серебро и золото турецкое между собою раздѣляли,
За Атамана Матяша Господа-Бога прохали:
«Десь твоя мати въ небѣ пресвятилась,
Що тебе [1]) . . . . . порода̊ила,

[1]) Слово не разобрано. Кажется—„тебе *лицира да* породила“.

Що ты въ чистомъ поле пробувавъ,
Изъ насъ, бравославцевъ-небывальцовъ, ни одного козака изъ войска не утерялъ.

12.

Вдова Сирка Ивана.

Дума эта сохранилась только въ рукописи Котляревскаго. Но о сыновьяхъ Ивана Сѣрка были, вѣроятно, пѣснопѣнія народныя, судя по нѣсколькимъ стихамъ, уцѣлѣвшимъ въ думѣ объ Иванѣ Богуславцѣ, которая записана была г. Носомъ въ Конотопѣ; начинается она обращеніемъ къ Сирку Роману, о которомъ горюетъ мать его Сирчиха въ печатаемой ниже думѣ, какъ объ умирающемъ своемъ сынѣ:

«Ой Лымане, Лымане,
Ты, Сирку Романе,
Да гей же ты, Сирку Романе!
Ой що будемъ робыты,
Нема козакамъ по чарци горилки де взяты,
Да гей же, де взяты!» [1]).

Стихи эти не имѣютъ никакой связи съ дальнѣйшимъ содержаніемъ думы.

Трагическое положеніе матери-Сирчихи обрисовано въ думѣ Котляревскаго просто и сильно. Безъ всякаго сомнѣнія, Гоголь могъ ничего не знать о Сирчихѣ, но поэтическимъ чутьемъ своимъ, воспитаннымъ на малорусскихъ народныхъ пѣсняхъ, понялъ состояніе души ея, когда разсказывалъ о женѣ Тараса Бульбы, которая „приникла къ изголовью дорогихъ сыновей своихъ, лежавшихъ рядомъ, глядѣла на нихъ вся, глядѣла всѣми чувствами, вся превратилась въ одно зрѣніе и не могла наглядѣться.... На мигъ только она жила любовью, только въ первую горячку страсти, въ первую горячку юности, и уже суровый прельститель ея покидалъ её для сабли, для товарищества, для

---

[1]) Историческія пѣсни Антон. и Драгоманова, 1874, I, 241.

бражничества".... Съ Ивана Сирка какъ будто-бы писалъ Гоголь портретъ Тараса Бульбы. Тонъ думы документальный, но въ текстѣ ея есть слѣды искаженія (см., напр., стихи 48, 49, 50).

Въ городѣ Мерефѣ [1]) жила вдова,
Старенькая жена,
Сирчиха—Иваниха,
Она 7 лѣтъ пробувала
Сирка Ивана въ очи не видала [2]).
Только соби двохъ сыновъ мала,
Первого сына Сирченка Петра,
Другова (sic) сына Сирченька Романа,
Она ихъ до зросту держала,
Ище отъ нихъ славы—памяти по смерти сподивала.
Якъ сталъ Сирченко Петро выростати,
Сталъ своей мати (sic) старенькой питати:
«Мати моя, старая жено,
Сколько я у тебѣ пребуваю,

---

[1]) „Къ Дону"—вставка въ текстѣ рукописи. Мерефа городъ—нынѣ козацкая слобода, при р. Мерефѣ, Харьковскаго уѣзда.

[2]) О Сиркѣ Иванѣ см. выше. Въ дополненіе къ характеристикѣ этого знаменитаго героя Украины выписываемъ изъ лѣтописи Величка извѣстіе о смерти и погребеніи его: „Того жъ лѣта (1680) Иванъ Сѣрко, славный Атаманъ кошовій, въ Грушовцѣ, пасѣцѣ своей, чрезъ нѣколикое время поболѣвши, преставился отъ жизни сея августа 1, и припроваженній водою до Сѣчи Запорожской, и погребенъ чесно всѣмъ войскомъ Низовымъ Запорожскимъ въ полю за Сѣчою, гдѣ иншое товариство запорожское погребалося. Погребенъ тежъ знаменито августа 2, зъ многою арматною и мушкетною стрелбою и со великою всего войска Низового жалостію, яко по томъ вожду своемъ справномъ и щасливомъ, который отъ младости ажъ до старости своея военными бавячися промислами, не тилко значне Кримъ воевалъ и нѣкоторіи въ немъ попалилъ гради, также и въ поляхъ дикихъ на розвихъ мѣсцахъ многіе татарскіе громлювалъ чамбули, и плѣненній ясиръ Христіянскій отгромлювалъ, але и въ Черное море лотками вплинувши, на розвихъ мѣсцахъ не маліе Бѣсурманамъ чинилъ шкоди и раззоренія, а по морю Чорному кораблѣ и катареи, зъ Константинополя въ Кримъ, Азовъ и на инніе мѣсца пливучіе,—громлѣвалъ и зъ великими здобычами щасливе зъ войскомъ запорожскимъ до коша своего повертался, которого все войско зѣло любило и за отца своего почитало. Погребши же его, яко вишей рѣкомъ зъ жалостію, значную надъ нимъ могилу висипало, и крестъ каменній на ней поставило, зъ належитимъ имени и дѣлъ его подписомъ". (Ст. 2, Стр. 497—498).

Отца своего, Сирка Ивана, въ очи не видаю:
Нехай бы я могъ знати,
Гдѣ своего отца, Сирка Ивана, шукати».
Вдова стара промовляла:
«Пошой (sic) твой отецъ до стародавняго
Тору [1]) пробувати,
Тамъ сталъ онъ свою голову козацкую покладати».
То вже Сирченко Петръ тое зачувае,
Пилипа Мерефіянскаго съ собою подмовляе,
Голуба Волошина за джуру [2]) у себе мае.
Стали вони до стародавняго Тору приѣжжати,
Атамана Торскаго, Яцка Лохвицкаго познавати;
Отамане Торскій, Яцко Лохвицкій, изъ куреня выхожае,
Словами промовляе,
Сирченка Петра познавае:
Сирченку Петре, чого ты сюда приѣжжаешь,
Десь ты своего отца, Ивана шукаешъ»?
Сирченко Петро словами промовляе:
«Отамане Торскій, Яцко Лохвицкій [3])
Я 7 годъ пробуваю,
Отца своего, Сирка Ивана, въ очи не видаю».
То вже Сирченко Петро съ козаками опрощеніе принимае,
До трехъ зеленихъ байракивъ прибувае.
Козаки до Сирченка Петра словами промовляли:
«Сирченку Петре, не безпѣчно себе май,
Коней своихъ козацкихъ отъ себе не пускай».
А Сирченко Петро на тее повѣряе,
Подъ тернами байраки (sic) легае (sic)—спочивае,
Кони свои козацки далеко отъ себѣ пускае,
Только Голуба Волошина до коней посылае.
Турки тое забачали,
Изъ терниво, изъ байракивъ выбегали,
Голуба Волошина у полонъ до себе брали,

---

[1]) „Рѣка“ вставка въ текстѣ рукописи. Торъ—заштатный городъ Славянскъ Харьковской губ., на р. Торцѣ: это была козацкая стоянка на границѣ между Московскимъ государствомъ и татарскою степью.

[2]) „Слуга“—вставка въ текстѣ рукописи.—Волошинъ—молдаванинъ.

[3]) О второстепенныхъ лицахъ думы— Пилипѣ Мерефіянскомъ и Яцкѣ Лохвицкомъ—мы не имѣемъ никакихъ историческихъ указаній.

Ище словами промовляли:
«Голубе Волошине! Не хочемъ мы ны (sic) твоихъ коней вороныхъ,
Хочемъ мы добре знати,
Щобъ твого пана молодого изрубати».
Голубъ Волошинъ словами промовляе:
«Турки!
Коли можете вы мене отъ себе пускати,
Могу я самъ ему сплечъ головку сняты»
Турки того дознали,
Голуба Волошина отъ себе пускали.
Голубъ Волошинъ до Сирченка Петра прибувае,
Словами промовляе:
«Сирченку Петре, пане молодый,
На добраго коня сѣдай,
Межъ турками поспѣшай!»
Не успѣлъ Сирченко Петре межъ турки-янычари вбѣгати,
Могъ ему Голубъ-Волошинъ сплечъ головку сняти.
Тогда турки Пилипа Мерефіянскаго округъ оступали,
Сплечъ головку козацьку снимали,
Козацьке тѣло посѣкли-порубали.
Козаки стародавные тое забачали,
На добрые кони сѣдали,
Турокъ побѣждали,
Козацьке тѣло позбирали,
До стародавняго куреня привозили;
Суходолъ саблями копали,
Шапками-приполами землю носили,
Козацкое тѣло схоронили.
Атаманъ Торскій, Яцко Лохвицкій, тое зачувае.
До вдовы старенькой, Сирчихи-Иванихи, въ городъ у Мерефу письмо посылае,
Сирчиха-Иваниха писмо читае,
Словами промовляе,
Къ сырой землѣ крыжемъ упадаетъ,
«Что вже теперь на моей головѣ три печали пробувае:
Первая печаль, что я 7 годъ пробувала,
Сирка Ивана въ очи не видала,
Другая печаль, что Сирченка Петра на свѣтѣ живого немае.
Третяя печаль, что Сирченко Романъ умирае.

13.

Разговоръ Днѣпра съ Дунаемъ.

За отсутствіемъ варіантовъ этой думы, а также указаній въ самомъ содержаніи ея на историческія лица и событія, мы не можемъ даже приблизительно опредѣлить первоначальную редакцію ея.

Питается Днѣпръ тихаго Дуная:
«Тихій Дунаю,
Что я своихъ козаковъ на тебѣ не видаю?
Чи твое дунайское гирло моихъ козаковъ пожерло,—
Чи твоя Дунай-вода моихъ козаковъ забрала»?
Промолвитъ тихій Дунай до Днѣпра-Славута (sic) [1]:
«Днѣпръ-батьку, славуто!
Самъ себѣ думаю да гадаю,
Что твоихъ козаковъ у себѣ не видаю:
Уже чтверь (sic) года три мѣсяца выбывае,
Якъ твоихъ козаковъ у меня немае,
Ни мое дунайское гирло твоихъ козаковъ не пожерло,
Ни моя дунайска вода твоихъ козаковъ не забрала,
Ихъ турки не постреляли, не порубали,
До города-царя въ полонъ не забрали...
Всѣ мои квити луговые и низовые понидели,
Что твоихъ козаковъ у себя не видѣли.
Твои козаки на черкеской горе пробуваютъ,
Холодной воды въ барила набираютъ,
Шляхи и дороги замѣчали,
Городы бусурменски плюндрували,
Огнемъ мечемъ воевали,
Сребра-злата по достаткахъ набирали,
До рѣчки Хортеци прибували,
Велику переправу соби мали,
До стародавной Сѣчи поспѣшали,

---

[1]) *Славута*-Днѣпръ—старинный эпитетъ Днѣпра, перешедшій въ думы изъ поэтическихъ преданій кіевской эпохи.

У стародавной Сѣчи очертою (sic) сѣдали,
Сребро и злато турецьке на три части паивали.
Медъ и оковиту горѣлку подпивали,
За весь миръ Господа прохали...
Которие козаки чистымъ полемъ гуляли,
Рѣчки низовыя, помощницы днѣпровыя, добре знали,

Подведемъ итоги наблюденіямъ нашимъ надъ текстомъ малорусскихъ думъ по рукописи А. А. Котляревскаго.

Собственно говоря, наглядно-документальный интересъ представляютъ въ ней три новыя думы, которыя не извѣстны были собирателямъ народныхъ малорусскихъ пѣсенъ. Что касается до варіантовъ къ извѣстнымъ уже думамъ, то они въ большинствѣ случаевъ *редактированы* позже, чѣмъ многіе другіе варіанты, *записанные* позже, поэтому не подлежитъ никакому сомнѣнію, что и во второй половинѣ XIX вѣка не потухла еще въ пѣвцахъ народныхъ думъ поэтическая искра, въ которой довольно явственно можно различать отраженіе стариннаго поэтическаго творчества. Мы имѣли въ виду уловить это отраженіе посредствомъ сравненія думъ, помѣщенныхъ въ рукописи Котляревскаго, съ варіантами ихъ рукописными и печатными. Мы старались опредѣлить, такъ сказать, первоначальное гнѣздо каждой думы и такимъ образомъ приблизительно указать первоначальную редакцію ея, созданную мѣстными потребностями мысли и жизни. Само собою разумѣется, что, называя тотъ или иной варіантъ извѣстной думы первоосновой ея, мы желали только выдвинуть этотъ варіантъ, какъ наиболѣе близкій къ первооснове, которая по свойству устнаго поэтическаго творчества никогда не можетъ быть открыта въ ея неприкосновенности. Вообще же при оцѣнкѣ разныхъ варіантовъ мы не переходили за черту тѣхъ данныхъ, которыя даетъ намъ ближайшая, собственно козацкая старина, предоставляя другимъ болѣе насъ компетентнымъ силамъ искать въ думахъ отзвуковъ старины болѣе отдаленной. Руководствовались мы въ своемъ трудѣ разными соображеніями.

I. Варіанты, въ которыхъ сохранились намеки на докозацкую старину, мы считали древнѣе тѣхъ варіантовъ, въ которыхъ при единствѣ и даже тождествѣ текста нѣтъ этихъ намековъ.

II. Варіанты, не отступающіе отъ основной темы и не осложненные подробностями, хотя бы и согласующимися съ темой, но, во всякомъ случаѣ, второстепенными, мы тоже считали ближе стоящими къ первоосновѣ думы.

III. Если въ пѣсняхъ развивается мотивъ семейный, обыкновенно замѣняемый въ думахъ мотивомъ общественнымъ, то отсюда мы дѣлали заключеніе, что дума образовалась изъ пѣсни, при чемъ ближе къ моменту образованія ея стоятъ, по нашему мнѣнію, тѣ варіанты, въ которыхъ менѣе развитъ мотивъ общественный.

IV. Думы, тождественныя по содержанію съ пѣснями, но съ обычной нравоучительной мыслью, мы считали переработкой пѣсеннаго матеріала, а тѣ варіанты думъ—болѣе древними, которые по своему содержанію ближе стоятъ къ пѣснямъ.

V. Если же фабула думы возникла независимо отъ пѣсенъ и только усвоила изъ нихъ тѣ или другіе поэтическіе образы, то на этомъ основаніи мы дѣлали противоположное заключеніе, полагая, что ближе стоятъ къ первоначальной редакціи такой думы тѣ варіанты ея, въ которыхъ нѣтъ вставокъ изъ пѣсенъ. Иногда подобныя вставки появляются не изъ пѣсенъ, а изъ другой какой-нибудь думы, гдѣ онѣ органически связаны съ ея главнымъ сюжетомъ: въ такомъ случаѣ намъ казались болѣе древними тѣ варіанты думы, которые вполнѣ свободны отъ всякихъ вставокъ.

VI. Впрочемъ, и въ варіантахъ, подвергшихся вліянію другихъ думъ и заключающихъ въ себѣ ненужныя изъ нихъ вставки, сохраняются иногда черты древности, всегда ощутимой въ реальномъ изображеніи мелочей жизни, которыя могли быть извѣстны только лицу, жившему въ очень давнее время. Иногда въ полузабытой и краткой редакціи есть слѣды первоосновы, которая въ давнее время могла распасться на двѣ редакціи. Чѣмъ рѣзче отличается одна редакція отъ другой, тѣмъ болѣе давнимъ нужно считать это распаденіе.

VII. Варіанты, изображающіе козака-воина въ суровой простотѣ козацкаго быта, по нашему мнѣнію, ближе стоятъ къ первоначальной редакціи думы, чѣмъ тѣ варіанты, въ которыхъ тотъ-же козакъ является уже въ болѣе роскошной обстановкѣ козацкой старшины.

VIII. Если въ цѣломъ рядѣ варіантовъ нравственныя черты дѣйствующихъ лицъ вырисовываются съ возрастающей ясностію и отчетливостію, и мы видимъ предъ собою какъ бы цѣлый процессъ обработки характеровъ, то варіанты менѣе обработанные мы должны были считать болѣе древними—конечно—при полномъ отсутствіи въ нихъ слѣдовъ искаженія и явнаго забвенія первоначальнаго текста.

IX. Иногда въ разныхъ варіантахъ одно и то же лицо изображено въ разные моменты его жизни, при чемъ измѣняются, какъ положеніе, такъ и поступки этого лица: въ такомъ случаѣ мы допускали исходный моментъ, а варіантъ, въ которомъ воспроизведенъ этотъ моментъ, считали древнѣйшимъ.

Однимъ словомъ, руководящею нитью въ анализѣ думъ служило для насъ то положеніе, что болѣе простое предшествуетъ болѣе сложному, а такъ какъ форма думы сложнѣе, чѣмъ форма обыкновенной пѣсни, то первоначальнымъ моментомъ въ литературной исторіи думъ нужно считать нравственную потребность пѣвцовъ воспользоваться пѣсеннымъ матеріаломъ для нравоучительныхъ или же общественныхъ цѣлей. Но, создавая новую поэтическую форму, они должны были обладать такимъ складомъ мысли, который заключалъ въ себѣ нѣчто новое, если не совсѣмъ чуждое народному пѣсенному творчеству, то мало присущее ему.

Подъ этимъ *нѣчто* мы разумѣемъ *рефлексію,* наклонность къ обобщенію явленій жизни, воспитанную книжными вліяніями, которыя изъ старинной южнорусской школы направлялись къ народной массѣ разными путями. На этой почвѣ взаимодѣйствія народнаго и школьнаго міровоззрѣнія, пѣсеннаго и виршеваго творчества, выработались техническіе пріемы *думнаго* творчества, о которыхъ мы говорили въ первой главѣ нашего изслѣдованія. Такимъ образомъ, въ этомъ послѣднемъ творчествѣ

мы должны признать литературный актъ, закрытый отъ насъ осложненіями устной передачи. Конечно, мы не имѣемъ возможности выдѣлить его въ видѣ указанія на самодѣятельную, личную, такъ сказать, книжность творца той или другой думы, тѣмъ болѣе, что на всѣхъ творцевъ думъ школа оказывала однородное вліяніе. Одно можно сказать съ полною увѣренностью, что сильнѣе выступаетъ этотъ актъ тамъ, гдѣ нѣтъ пѣсенныхъ мотивовъ. Таковы именно думы о Богданѣ Хмельницкомъ, какъ объ этомъ замѣтили мы выше. По всему видно, что это думы позднѣйшія, какъ по содержанію, такъ и по литературному складу, который началъ вырабатываться раньше, на почвѣ пересозданія пѣсеннаго матеріала.

Могла продолжаться и прежняя поэтическая техника, состоявшая подъ вліяніемъ пѣсенъ, но она не составляла уже господствующаго начала въ вѣкъ Богдана Хмельницкаго. Судя по яркому колориту думъ о немъ, видно, что онѣ слагались подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ событій, которыя глубоко врѣзывались въ народную память: между событіемъ и появленіемъ самихъ думъ не было посредствующихъ ступеней въ видѣ прозаическихъ сказаній или же пѣсенныхъ преданій. Вотъ почему онѣ почти свободны отъ анахронизмовъ и всякихъ несообразностей, присущихъ народному эпосу вслѣдствіе недостатка въ народномъ сознаніи исторической перспективы.

Можно полагать поэтому, что онѣ ближе стоятъ къ первоначальному тексту, чѣмъ думы болѣе ранняго періода, которыя долѣе обращались въ устахъ народа, поэтому и дошли до насъ въ большемъ количествѣ варіантовъ—сравнительно съ думами, изображающими дѣянія и подвиги Богдана Хмельницкаго. Впрочемъ, и въ думахъ давнихъ, менѣе сохранившихъ печать первоначальнаго творчества, не затерялись, какъ мы видѣли, слѣды непосредственныхъ впечатлѣній жизни, доказывающіе, что не только творцы, но и пѣвцы думъ могли быть свидѣтелями и даже участниками въ боевой жизни козачества. Сохранилось извѣстіе отъ 1711 года, что на Запорожьи слѣпыхъ музыкантовъ принимали въ полковую службу и выдавали имъ

жалованье наравнѣ съ зрячими [1]). Въ составъ этой полковой музыки могли попадать люди, одаренные искрой поэтическаго огня и въ то же время совмѣщавшіе въ себѣ книжное настроеніе съ народнымъ,—поэтому неудивительно, если тамъ же, въ запорожской Сѣчи, съ самаго основанія ея возникали мотивы многихъ думъ, изобиловавшіе реальнымъ содержаніемъ и, можетъ быть даже, воспроизведенные въ поэтической формѣ думъ, которыя разносились потомъ по всей Украинѣ, получая дальнѣйшую обработку въ полу-народной, полу-книжной средѣ, постоянно поддерживаемой шпиталями и народными школами.

П. Житецкій

[1]) Кіевская Старина, 1892 г., Ноябрь, 296.

Ѳаддей Чацкій.

I.

Въ концѣ января 1813 года въ городъ Дубно, волынской губерніи, экстренной почтой прибылъ Ѳаддей Чацкій, тайный совѣтникъ, визитаторъ училищъ югозападнаго края. Онъ спѣшилъ изъ Житомира въ Кременецъ для встрѣчи князя Адама Чарторыйскаго, попечителя виленскаго учебнаго округа, съ которымъ былъ въ большой дружбѣ. Зима въ то время на Волыни стояла суровая. Въ дорогѣ Чацкій заболѣлъ нервной горячкой. Нервнымъ разстройствомъ онъ страдалъ и прежде. По пріѣздѣ въ Дубно больной слегъ въ постель. Медицинская помощь дубенскихъ докторовъ не поправила здоровья больного. Чацкій умеръ 8 февраля 1813 года.

Съ тѣхъ поръ прошло ровно 80 лѣтъ, но исторія не сказала еще о Чацкомъ своего слова и, должно быть, долго еще не скажетъ.

Современники называли Чацкаго человѣкомъ „ловкимъ", „предпріимчивымъ", „ученымъ", человѣкомъ „удивительной энергіи" и даже „геніемъ". Русское правительство, въ виду его симпатичныхъ личныхъ качествъ и энергичной дѣятельности на пользу просвѣщенія страны, прощало ему его политическія увлеченія и снисходительно глядѣло на его полонофильскія затѣи. Польскіе историки, конечно, говорятъ о Чацкомъ, какъ о великомъ человѣкѣ. Напротивъ, русскіе отзываются о немъ или

тономъ пренебрежительнаго равнодушія, или съ антипатіей. Въ основаніи польскаго взгляда лежитъ преувеличенное сужденіе о заслугахъ Чацкаго, обусловленное естественнымъ чувствомъ любви и уваженія къ своимъ дѣятелямъ. Въ основаніи русскаго лежитъ не менѣе естественная, неизгладившаяся историческая непріязнь къ политически-погибнувшей Польшѣ [1]).

Широкія научныя потребности нашего времени не оправдываютъ такой тендеціозной точки зрѣнія въ отношеніи къ историческимъ дѣятелямъ, хотя бы нѣкогда и враждебнымъ Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ увѣренность вполнѣ, что долженъ быть объективный критерій для оцѣнки личностей людьми разныхъ лагерей.

Въ своемъ небольшомъ очеркѣ мы имѣемъ въ виду, не претендуя на полноту біографическихъ данныхъ, дать общую характеристику Ѳаддея Чацкаго—этого, какъ увидитъ читатель, замѣчательнаго человѣка. Но выставляя его такимъ, мы не желаемъ упустить изъ виду, что дѣятель этотъ, трудясь на поприщѣ просвѣщенія поляковъ, всегда имѣлъ въ виду историческую Польшу отъ моря до моря, а не этнографическую, и, по меньшей мѣрѣ непростительно для ученаго, забывалъ, что свой польскій лицей и свои польскія гимназіи онъ заводилъ на южно-русской землѣ и на средства, добытыя потомъ и кровью южно-русскихъ крестьянъ, для которыхъ польская культура и историческая Польша нужны не были. Упускалъ это изъ виду впрочемъ не одинъ Ѳ. Чацкій; упускало изъ виду тоже самое и современное ему русское правительство.

II.

Родъ Чацкихъ—одинъ изъ старинныхъ родовъ юго-западнаго края. Чацкіе издавна владѣли имѣніемъ въ мѣстечкѣ Порицкѣ, волынской губерніи, владиміро-волынскаго уѣзда. Ѳаддей Чацкій увеличилъ свое недвижимое пріобрѣтеніемъ новыхъ имѣ-

---

[1]) Какъ далеко объективное сужденіе о Чацкомъ, можно судить по тому, что на страницахъ довольно распространеннаго въ свое время журнала высказывались, напримѣръ, такія сужденія: „надобно быть идіотомъ (sic!) или невѣждой, чтобы не

ній—села Брусилова и Острожскаго имѣнія [1]). Отецъ Ѳаддея, Щенсный-Чацкій, принималъ дѣятельное участіе въ политическихъ волненіяхъ Польши конца XVIII вѣка.

XVIII вѣкъ для Польши почти весь прошелъ въ междоусобіяхъ внѣшнихъ и внутреннихъ. Партійность составляла какъ бы основную стихію политической жизни Польши того времени. Поляки не безъ гордости говорили: Polska nierządem stoi. Поляки не могли понять, что оппозиція и партійность въ государствѣ тогда только законны, когда вызываются дѣйствительными потребностями народа и вызываются не искусственно, а сами собою вытекаютъ изъ порядка вещей; что только тѣ партіи пользуются настоящею политическою жизнью, которыя своею цѣлью имѣютъ благоденствіе страны и, въ случаѣ необходимости, готовы принести личные свои интересы общему дѣлу. Въ конечныхъ цѣляхъ государственной жизни всѣ партіи должны быть вполнѣ солидарны между собою [2]). Иное видимъ въ Польшѣ. Партійность поляковъ часто вытекала изъ честолюбія и интересовъ частныхъ лицъ и фамилій, а не народа и питалась эгоизмомъ и междоусобіями. Поляки, какъ извѣстно, умѣли иногда воевать храбрѣе между собою, чѣмъ съ иноземцами.

Въ самое критическое время исторической жизни Польши (конецъ XVIII вѣка) поляки не могли придти къ опредѣленному соглашенію въ своихъ политическихъ требованіяхъ. Аристократическая партія требовала продолженія польской конституціи, измѣненной на основаніи началъ французской республики. Приверженцы демократіи требовали радикальнаго измѣненія

шутя видѣть что-нибудь хорошее въ пропавшей Рѣчи Посполитой. Если бы Ѳ. Чацкій родился по крайней мѣрѣ не въ русской старинной области, не на Волыни, но въ коренной Польшѣ... тогда онъ имѣлъ бы какое нибудь право употреблять постоянно бывшія у него на умѣ и на языкѣ слова „нашъ край", „нашъ народъ" (Воспоминаніе о Волыни И. Кулжинскаго В. 3. Р. 65 г. IV. II, 125 стр.). Въ „Сборникѣ статей, разъясняющихъ польское дѣло"... Шолковича (Вильно, 1885 г. т. 1-й), въ который вошла и статья Кульжинскаго, эти слова уже опущены. Потребовалось, такимъ образомъ, двадцать лѣтъ исторической жизни, прежде чѣмъ сознались рѣзкость и тенденціозность подобныхъ сужденій русскаго публициста.

[1]) Архивъ Государственаго Совѣта т. 3. ч. 2, стр. 185.

[2]) Какъ это издавна ведется въ Англіи.

политическаго строя Польши. Были даже партіи въ духѣ политическихъ идеаловъ Жанъ-Жака-Руссо. Однимъ изъ радикаловъ въ своихъ политическихъ требованіяхъ и былъ Чацкій-отецъ. Это былъ истый полякъ съ его капризнымъ veto и неумолимымъ гоноромъ. До болѣзненности развитое самолюбіе и раздражительность стоили ему большихъ непріятностей въ жизни. Захваченный однажды противной политической партіей, Щенсный Чацкій долженъ былъ отсидѣть въ мѣстечкѣ Бродахъ подъ стражею семь лѣтъ. Послѣ семилѣтняго заключенія, его водворили въ его собственномъ имѣніи Порицкѣ безъ права выѣзда.

Ѳаддей Чацкій родился въ 1765 году. Безпокойный характеръ отца, его страсть къ государственно-общественной дѣятельности и политическимъ интригамъ благопріятствовали свободному развитію Ѳаддея. Онъ росъ внѣ отцовскаго вліянія. Домашнимъ воспитателемъ его былъ Фаустинъ Гродзинскій, умный и хитрый іезуитъ, съумѣвшій возбудить въ своемъ воспитанникѣ съ раннихъ лѣтъ страсть къ научному образованію. Не безъ вліянія іезуита развилась въ молодомъ Чацкомъ унаслѣдованная отъ отца жажда дѣятельности и неуклонное стремленіе къ намѣченной цѣли. Серьезное знакомство съ классиками пріучило его къ точности мысли, а изученіе старыхъ польскихъ ораторовъ воспламенило его воображеніе и способствовало развитію въ немъ замѣчательнаго по своей силѣ и гибкости ораторскаго таланта.

Въ то время, когда въ Польшѣ учреждалась конституція 3 мая, составлялась торговицкая конфедерація и шли подготовительные переговоры объ окончательныхъ передѣлахъ Польши, молодой Чацкій, движимый рѣдкою страстью къ наукѣ, изучалъ польскую исторію и до самозабвенія увлекался родной литературой. Отъ книжныхъ занятій его отвлекло на время путешествіе въ Молдавію, куда онъ былъ посланъ польскимъ правительствомъ въ званіи посла отъ скарбовой коммиссіи Рѣчи Посполитой для дипломатическихъ переговоровъ съ княземъ Ипсиланти объ отпускѣ соли въ Польшу [1]). Должно быть Польша

[1]) Соляныя копи Бохніи и Велички въ то время не принадлежали Польшѣ. Онѣ отошли къ Австріи.

сильно нуждалась въ то время въ общественныхъ дѣятеляхъ, если для подобныхъ переговоровъ должна была употребить молодого, едва ли опытнаго въ такихъ дѣлахъ, ученаго. Чацкому было тогда не болѣе двадцати лѣтъ. Не смотря однако на свою молодость, онъ съ успѣхомъ выполнилъ порученіе. Этимъ онъ открыто заявилъ о своей способности къ общественной службѣ.

Подъ вліяніемъ ранняго и серьезнаго знакомства съ исторіей Польши, въ немъ рано пробудилось чувство историческаго уваженія къ родинѣ. Разъѣзжая въ свободное отъ научныхъ занятій время по старымъ кляшторамъ и замкамъ, онъ жадно разыскивалъ памятники польской старины. Древніе польскіе писатели сдѣлались для него необходимостью, а польская этнографія—любимымъ занятіемъ. Онъ не жалѣлъ средствъ на пріобрѣтеніе старой польской книжки. Его историко-этнографическая богатая библіотека, (доставшаяся кіевскому университету) дѣлаетъ честь его библіофильскому вкусу, умѣнью цѣнить книжную рѣдкость. Съ особенною любовью занимался онъ археологическимъ изученіемъ краковскихъ древностей и за нѣсколько дней до майской конституціи подалъ скарбовой коммиссіи проектъ „о состояніи въ археологическомъ отношеніи осмотрѣннаго имъ города Кракова и о необходимости поддержать зданія Краковскаго замка, семь вѣковъ уже бывшаго свидѣтелемъ славы Польши".

Среди такихъ историко-археологическихъ увлеченій Чацкаго застали переговоры объ окончательныхъ раздѣлахъ Польши. Гроза висѣла надъ Польшей, и если не всѣми открыто высказывалась, зато сознавалась всякимъ, кто только былъ чуждъ политическаго самообольщенія.

Печальныя обстоятельства родины ясно подсказали чуткому и впечатлительному Чацкому дальнѣйшую программу его дѣятельности. Онъ понялъ, что расшатанная политически Польша требуетъ не кабинетныхъ, а общественныхъ дѣятелей. Со всей горячностью своего увлекающагося темперамента бросился онъ служить умиравшей отчизнѣ. Онъ участвовалъ во многихъ польскихъ сеймахъ, восторженно говорилъ при всякихъ удобныхъ случаяхъ патріотическія рѣчи, возбуждалъ своихъ земля-

ковъ къ энергической дѣятельности, участвовалъ въ разныхъ антирусскихъ тайныхъ обществахъ [1]).

Научная дѣятельность Чацкаго приняла въ это время жизненное, практическое направленіе. Чацкій приступилъ къ экономическому и географически-статистическому изученію Польши и побудилъ къ тому дѣлу многихъ ученыхъ. Значительную часть своего состоянія (10,000 червон. злот.) онъ истратилъ на составленіе научной гидрографической карты Польши и Литвы. Не довѣряя чужимъ источникамъ, онъ лично обозрѣлъ всѣ пристани на рѣкахъ. Послѣ майской конституціи онъ подалъ той же скарбовой коммиссіи другой проектъ о необходимости сдѣлать генеральное, подробное измѣреніе и размежеваніе Польши и составить подробную географически-статистическую карту Польши въ экономическомъ, агрономическомъ и другихъ отношеніяхъ. Два краковскіе профессора, Янъ Снядецкій и Феликсъ Радванскій, по предложенію Чацкаго, взялись за составленіе этой карты. Въ различныхъ мѣстахъ Польши были начаты географически-статистическія работы. Благодаря работамъ польскихъ географовъ, были произведены измѣренія пинскихъ болотъ. Но широкимъ предпріятіямъ польскихъ ученыхъ не суждено было осуществиться. Вслѣдствіе неблагопріятныхъ политическихъ обстоятельствъ, ихъ работы остались неоконченными. Изъ другихъ работъ Чацкаго извѣстны его проекты объ улучшеніи состоянія ремеслъ и рукодѣлій въ Польшѣ, о еврейскомъ вопросѣ въ Польшѣ и др. Ни внутреннія междоусобія, ни раздѣлы Польши не могли остановить горячей, научной дѣятельности Чацкаго на пользу дорогаго для него отечества. Во время гродненскаго сейма, рѣшившаго судьбу Волыни, Чацкій, какъ бы не обращая вниманія на политическую смерть Польши,

[1]) Степень несомнѣннаго участія Чацкаго въ тайныхъ обществахъ и политическихъ тайныхъ замыслахъ Польши противъ Россіи пока не выяснена. Польскіе историки, конечно, стараются снять съ Чацкаго всякое пятно политическаго участія въ замыслахъ противъ Россіи, которой онъ былъ многимъ обязанъ. Осинскій говоритъ „будто всѣ политическія преступленія Чацкаго состояли только въ томъ, что онъ во время польской революціи, исправлялъ должность подскарбія (Вѣст. Зап. Рос. IV. II. 128)“.

въ товариществѣ многочисленной молодежи слушалъ лекціи въ краковской академіи. Любовь къ отечеству отождествлялась у него съ любовью къ наукѣ, и торжество послѣдней стало для него цѣлью жизни.

Дѣятельность Чацкаго была слишкомъ замѣтна, чтобы не обратить на себя вниманія русскаго правительства. Еще въ 1794 году баронъ Игельстромъ донесъ русскому правительству о дѣятельномъ участіи Чацкаго (въ то время подскарбія, или государственнаго казначея) въ польскомъ мятежѣ, начавшемся въ Краковѣ въ 1793 году. Дѣлу было дано законное движеніе, и имѣнія Чацкаго (брусиловское и острожское) были конфискованы и розданы по частямъ въ видѣ бенефицій помѣщикамъ, заслужившимъ довѣріе русскаго правительства. Чацкій не легко могъ примириться съ утратою своихъ обширныхъ имѣній. Онъ пытался доказать русскому правительству свою непричастность къ политическимъ дѣламъ. Въ доказательство своей политической благонадежности онъ представилъ даже свидѣтельство, данное ему отъ какого-то дѣйствительнаго статскаго совѣтника Дивова, въ которомъ Чацкій былъ дѣйствительно аттестованъ самымъ безупречнымъ образомъ. Строгая русская политика въ отношеніи къ Польшѣ при Екатеринѣ II не благопріятствовала рѣшенію дѣла Чацкаго въ его пользу. Только въ виду настойчивыхъ домогательствъ Чацкаго, русское правительство согласилось возвратить ему его имѣнія, но съ обязательнымъ условіемъ, чтобы онъ продалъ ихъ и выѣхалъ изъ предѣловъ Россіи. Для ликвидаціи дѣлъ ему дана была отсрочка въ два года. Чацкій обѣщалъ, но не спѣшилъ... Когда правительство настойчиво потребовало исполненія обѣщанія, Чацкій долженъ былъ уступить. Онъ подумывалъ было уже о переселеніи въ свой любимый Краковъ. Тамъ, на досугѣ, онъ мечталъ предаться своимъ научнымъ работамъ для славы родины, но обстоятельства измѣнились.

III.

Съ восшествіемъ на престолъ Павла Петровича, какъ извѣстно, началась общая реакція политики Екатерины II. Строгая русская политика въ отношеніи къ Польшѣ стала постепенно измѣняться въ мягкую, снисходительную.

Чацкій воспользовался начавшимся благопріятнымъ для Польши вѣяніемъ... Онъ отправился въ Петербургъ и тамъ съумѣлъ лично оправдаться отъ всѣхъ политическихъ подозрѣній. Часть его имѣній была ему возвращена.

Политическая благонамѣренность Чацкаго въ глазахъ русскаго правительства была закрѣплена представительствомъ Чацкаго на коронаціи императора Павла. Кіевское дворянство избрало для этой почетной роли именно его, какъ болѣе виднаго и заслуженнаго человѣка. Чацкій, конечно, не отказался отъ столь лестнаго предложенія.

Въ Москвѣ, во время коронаціонныхъ торжествъ, Чацкій съумѣлъ ловко воспользоваться общеторжественнымъ настроеніемъ русскихъ государственныхъ людей и, чрезъ князя Куракина, исходатайствовалъ для своихъ земляковъ нѣсколько очень важныхъ бенефицій и льготъ.

По его ходатайству, послѣдовала Высочайшая амнистія полякамъ, состоявшимъ въ политическомъ подозрѣніи;—разрѣшено перенести въ югозападныя губерніи дворянскій архивъ бывшей Польской республики. Не безъ иниціативы Чацкаго, введенъ также въ западныя и югозападныя губерніи особый самостоятельный судъ, подобный тому, какой былъ устроенъ для литовскихъ провинцій; полякамъ было дозволено избирать изъ среды своихъ помѣщиковъ предводителей дворянства и исправниковъ. Чацкій съумѣлъ войти въ милость русскаго правительства. Императоръ Павелъ пожаловалъ ему чинъ тайнаго совѣтника и предложилъ даже мѣсто сенатора.

Съ этого времени въ характерѣ дѣятельности Чацкаго настала перемѣна. Онъ отказался отъ рѣшительнаго образа дѣйствій въ столь трудномъ дѣлѣ, какъ пробужденіе политической Польши послѣ ея раздѣловъ. Чацкій убѣдился, что возстано-

вить Польшу путемъ прямыхъ радикальныхъ предпріятій невозможно. Сила историческихъ обстоятельствъ была выше искреннихъ и горячихъ, но совершенно неосуществимыхъ политическихъ чаяній польскихъ патріотовъ. Оставалось примириться съ фактомъ и дѣйствовать съ другой стороны,—не видимой для русскаго правительства,—путемъ подъема національнаго самосознанія чрезъ распространеніе въ краѣ низшаго и средняго образованія въ строго польскомъ направленіи. Чацкій сталъ благонадежнымъ ревнителемъ просвѣщенія югозападнаго края. Онъ рѣшилъ посвятить себя изученію историческаго прошлаго Польши. Исторія Польши Нарушевича не была кончена [1]). Чацкій горячо взялся за ея продолженіе. Онъ мечталъ довести ее до послѣднихъ событій. Въ своемъ письмѣ къ послѣднему польскому королю Станиславу-Августу онъ назвалъ себя польскимъ „исторіографомъ“ и просилъ позволенія пользоваться обширнѣйшей рукописной библіотекой королевскаго дворца. Въ качествѣ исторіографа Чацкій предпринялъ путешествіе по Польшѣ и посѣтилъ города, выдававшіеся своими библіотеками и цѣнными въ историческомъ отношеніи собраніями: Гнѣзно—столицу великой Польши, Познань, Калишъ и Куявы. У папскаго литовскаго нунція онъ выхлопоталъ разрѣшеніе читать историческія запрещенныя книги, недоступныя другимъ. Прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ открылъ для него тайный архивъ крестоносцевъ въ Кенигсбергѣ.

Занимаясь исторіографіей, Чацкій не оставлялъ въ сторонѣ текущихъ современныхъ вопросовъ и нуждъ своей Польши. Это былъ человѣкъ, умѣвшій согласить привязанность къ исторической наукѣ съ служеніемъ живымъ интересамъ политики въ одной программѣ, если и не вездѣ послѣдовательной, зато искренней. Въ Варшавѣ онъ организовалъ, между прочимъ, два общества: одно научное—подъ названіемъ „Towarzystwo przyjaciół nauk“, другое—„Towarzystwo Handlowe“.

---

[1]) „Исторія польскаго народа“ Нарушевича въ 6 томахъ (три изданія: первое въ 1780—6 г. въ Варшавѣ и 1803 г., второе 1803—4 г., третье въ Лейпцигѣ 1836—1837) доведено авторомъ до Владислава Ягеллы.

Своею литературною дѣятельностью Чацкій обратилъ на себя общее вниманіе соотечественниковъ и возвысился до положенія крупнаго государственнаго человѣка.

Въ 1802 году въ Россіи было учреждено Министерство Народнаго Просвѣщенія съ шестью учебными округами [1]). Возсоединенныя земли югозападнаго края были отнесены въ учебномъ отношеніи къ виленскому учебному округу, попечителемъ котораго былъ назначенъ князь Адамъ Чарторыйскій, не скрывавшій своихъ плановъ на возстановленіе „отчизны" по Днѣпръ. Напрасно императоръ Александръ старался убѣдить его въ несбыточности такихъ плановъ, увѣряя, что никакая логика въ мірѣ не заставитъ русскихъ отказаться отъ своихъ правъ на Литву, Волынь и Подолію—Чарторыйскій оставался всю жизнь вѣрнымъ своимъ несбыточнымъ политическимъ взглядамъ [2]).

Чацкій очень рано свелъ дружбу съ попечителемъ виленскаго округа. Чарторыйскій и Чацкій скоро сошлись и поняли другъ друга. Когда въ 1803 году открылась должность помощника попечителя виленскаго округа, то на нее, не безъ содѣйствія попечителя, былъ назначенъ Чацкій въ званіи „генеральнаго визитатора училищъ кіевской, волынской и подольской губерній". Съ этого времени исторія жизни Чацкаго соединяется съ исторіей просвѣщенія югозападнаго края. Чацкій живетъ теперь исключительно для школъ. По словамъ польскаго писателя „онъ былъ неукротимъ въ своихъ проектахъ и дѣятеленъ до дерзости въ исполненіи ихъ" [3]). Цѣлыхъ десять лѣтъ, съ знаніемъ своего дѣла, прослужилъ онъ въ должности визитатора и не зналъ устали въ своей работѣ. Дружба съ вліятельнымъ Адамомъ Чарторыйскимъ гарантировала его отъ подозрѣнія въ чемъ-либо противоправительственномъ и придавала ему больше самоувѣ-

---

[1]) Полное собран. закон. т. XXVII. № 20,406. (Манифестъ объ учрежденіи министерствъ 8 сентября 1802 г.).

[2]) Характеръ этихъ взглядовъ опредѣленно высказался въ письмахъ Чарторыйскаго и Александра 1-го, изданныхъ въ сочиненіи: „Alexandre I et le prince Czartoryski. Correspondance particulière et conversations, 1801—1813 г." Paris.

[3]) Осинскій: „Bujnym był w tworżeniu przedsięwzięć a nagłym i dzielnym ich dokonaniu". B З. P. IV. II. 131.

ренности и энергіи въ его дѣятельности. Умный Чацкій съумѣлъ подчинить своему вліянію Чарторыйскаго, и послѣдній во многихъ своихъ распоряженіяхъ дѣйствовалъ по внушенію Чацкаго. Чацкій пригласилъ къ себѣ сотрудника Гуго Колонтая, а Чарторыйскій—Стройновскаго, ректора виленской академіи. Оба сотрудника были завзятые полонофилы, вполнѣ соотвѣтствовавшіе видамъ постепенно пробуждавшихся польскихъ мечтаній о политической жизни Польши.

IV.

Эти мечтанія особенно воспламенилъ узникъ св. Елены. „Звѣзда Наполеона заблистала на политическомъ горизонтѣ міра", говоритъ съ паѳосомъ польскій писатель: „его могучій геній, невѣроятные почти успѣхи, обширные планы, казалось, предсказывали нашему отечеству самобытность. Цвѣтъ нашего юношества былъ увлеченъ обаятельной силой великаго человѣка. Кости польскія забѣлѣлись въ Сенъ-Доминго, и полякъ ежедневно раздавалъ приказанія со стѣнъ Капитолія. Эта минута вызвала въ польской поэзіи рыцарскую школу" [1]).

И не въ одной только поэзіи... Во всѣхъ областяхъ общественной жизни явились своего рода рыцари. Закипѣла поздняя, но горячяя работа, направленная къ подъему упадавшей польской государственности. Въ области просвѣщенія такимъ польскимъ рыцаремъ былъ Ѳаддей Чацкій.

Много обстоятельствъ благопріятствовало успѣшной дѣятельности Чацкаго: снисходительное и гуманное отношеніе русскаго императора къ полякамъ, розовыя надежды на Наполеона и общее возбужденіе народа, чувствовавшаго всю тягость своего неопредѣленнаго государственнаго положенія между Наполеономъ и Александромъ.

Въ это время преобразовывается краковскій университетъ, образуются разныя ученыя общества, является цѣлая фаланга писателей и выводитъ польскую литературу изъ сферы класси-

---

[1]) „Исторія польской литературы". Сырокомли. Москва 1860 г. стр. XXI.

цизма на національную польскую почву. Казалось, Польша въ нѣсколько лѣтъ хотѣла исправить всѣ свои прежнія увлеченія псевдоклассицизмомъ, подражаніе французскому образованію и т.п.

Чацкій пользовался всякимъ обстоятельствомъ для подъема образованія въ краѣ. Съ этою цѣлью имъ задумана была реорганизація базиліанскихъ монастырей.

Базиліанскіе монастыри въ Польшѣ давно обращали на себя вниманіе русскаго правительства. Католическое монашество, распространенное въ русской странѣ, не соотвѣтствовало видамъ правительства. Монахи-базиліане жили преимущественно созерцательной жизнью. При томъ же имъ принадлежали громадныя имѣнія. Благотворительность была имъ совершенно чужда. Воспитаніемъ народа они не занимались. Рѣшено было уничтожить базиліанскій орденъ. Екатерина II велѣла закрыть тѣ изъ уніатскихъ базиліанскихъ монастырей, при которыхъ не было школъ. Такихъ монастырей въ одной волынской губерніи оказалось одиннадцать. Приступлено было къ ихъ упраздненію и секуляризаціи ихъ имѣній. Монахамъ очень не хотѣлось разставаться съ своими насиженными, доходными мѣстами. Чацкій предложилъ базиліанамъ заняться просвѣщеніемъ народа и за это обѣщалъ выхлопотать для нихъ у русскаго правительства право неприкосновенности базиліанскаго ордена со всѣми его помѣстьями, прерогативами и даже съ правомъ орденскаго самоуправленія съ генераломъ или протоархимандритомъ во главѣ. Базиліане согласились. Дѣйствительно, по ходатайству Чацкаго, князь Чарторыйскій предложилъ правительству сохранить для просвѣтительныхъ цѣлей базиліанскій орденъ съ ихъ фундушами и автономной администраціей. Въ 1807 г. предложеніе князя Чарторыйскаго получило Высочайшее утвержденіе.

Проекту преобразованія монашескаго базиліанскаго ордена въ воспитательный не легко было осуществиться. На практикѣ оказалось, что воспитательныя цѣли были только благовиднымъ предлогомъ удержанія католическимъ, непредпріимчивымъ монашествомъ своихъ правъ. Образованіемъ народа оно почти не способно было заниматься.

Впослѣдствіи, по настоянію уніатскаго митрополита Лисовскаго, желавшаго привлечь всѣ поіезуитскія имѣнія къ уніатамъ, былъ организованъ комитетъ для сужденія о нововведеніяхъ Чарторыйскаго и Чацкаго. Комитетъ пришелъ къ заключенію, что новаторы въ отношеніи къ базиліанскому ордену поступили совершенно произвольно. Чацкій, по заключенію комитета, не имѣлъ никакого права измѣнять первоначальную организацію монашескаго ордена. Дѣлу былъ данъ другой исходъ. Орденъ былъ закрытъ.

Въ 1803 году 4 апрѣля, по предложенію попечителя Чарторыйскаго, былъ открытъ извѣстный виленскій университетъ съ католической семинаріей при немъ (уставъ университета утвержденъ въ 1806 году). Инціатива открытія и сложная организація университета и семинаріи во многомъ обязаны работамъ Чацкаго. Старинная система латинскаго воспитанія встрѣтилась здѣсь съ національно католическимъ образованіемъ [1]). На содержаніе виленскаго университета правительство назначило ежегодно по 105000 рублей. Кромѣ того, въ его владѣніе были отданы многія земли, принадлежавшія прежде іезуитамъ.

Задавшись широкими просвѣтительными задачами, Чацкій остановилъ свое вниманіе на польско-католическомъ духовенствѣ, которое, по старой традиціи, считалось лучшимъ проводникомъ образованія. При учрежденіи виленской семинаріи введено было опредѣленіе, чтобы на должности монастырскихъ настоятелей, проповѣдниковъ, учителей монастырскихъ школъ—назначались монахи, кончившіе курсъ виленскаго университета или получившіе отъ него свидѣтельство о своихъ познаніяхъ. До „визитаторства" Чацкаго въ югозападномъ краѣ (волынской, кіевской и подольской губерніяхъ) насчитывалось 43 монастырскія школы, замѣнявшія уѣздныя училища. Чацкій предложилъ открыть еще 48 училищъ [2]) и завести при нѣкоторыхъ мона-

---

[1]) Уставъ виленскаго университета въ „Сборникѣ постановленій по Министерству Народн. Просв." 1 т. 58 стр. Полн. собр. закон. т. XXVII. № 20765.

[2]) Эти школы перечислены въ „Полн. Собр. Закон". т. XXVII. № 21089.

стыряхъ астрономическія наблюденія. Предложеніе Чацкаго было принято, но осуществилось не вполнѣ. Жизни проекта мѣшали консерватизмъ и непривычность къ такимъ дѣламъ католическаго духовенства.

Не довольствуясь виленскимъ университетомъ, Чацкій задумалъ открыть общеобразовательную гимназію въ Кременцѣ.

Онъ не привыкъ долго думать... Съ подписнымъ листомъ въ рукахъ явился Чацкій на очередное дворянское собраніе (1803 г.), взошелъ на каѳедру и сказалъ талантливую рѣчь о проектѣ гимназіи въ Кременцѣ. „Паденіе ойчизны, говорилъ Чацкій, не повлекло еще за собою упадка доблести и наукъ“, гимназія въ Кременцѣ необходима „dla ocalenia droższego dziedzictwa—mowy rodaków“.

Своимъ предложеніемъ онъ привелъ въ восторгъ земляковъ. Послѣ рѣчи никто не сомнѣвался въ необходимости гимназіи—и дѣло рѣшилось. Проектъ Чацкаго былъ одобренъ.

Затѣмъ Чацкій спѣшитъ въ Луцкъ на съѣздъ польско-католическаго духовенства, созванный по его же предложенію 20 октября 1803 года, и по дорогѣ заготовляетъ новую рѣчь. Ораторъ и здѣсь съумѣлъ подѣйствовать своимъ словомъ на собраніе. Лучшимъ доказательствомъ вліянія рѣчей Чацкаго служитъ фактъ замѣчательной отзывчивости на предложеніе. Пожертвованія давались щедрой рукой. Въ самомъ непродолжительномъ времени пожертвованіями польскаго дворянства и духовенства была сложена сумма въ 415720 польскихъ злотыхъ. 10000 злотыхъ изъ этой суммы были пожертвованы русскими базиліанскими монастырями и болѣе 14000 князьями: Чарторыйскими, Яблоновскими, Любецкими, Воронецкими.

Такимъ образомъ, двѣ талантливо сказанныя рѣчи рѣшили дѣло въ пользу Чацкаго безъ всякихъ коммиссій, обсужденій, предписаній, обыкновенно неизбѣжныхъ въ такихъ случаяхъ.

На этомъ же съѣздѣ былъ принятъ другой проектъ Чацкаго объ открытіи „парафіальныхъ школокъ“ при польскихъ костелахъ. Луцкое духовенство дало письменное обязательство непремѣнно имѣть при костелахъ школу для элементарнаго обученія. Доминиканцы обѣщали содержать школы въ Лети-

чевѣ, Тывровѣ, Мурафѣ, Тульчинѣ (трехкласная повѣтовая школа), Сокольцѣ, Солобковцахъ и Шаравкѣ. Такое же обѣщаніе дали и другіе католическіе ордены подольской епархіи: браиловскіе антитринитаріи, купинскіе кармелиты, ярмолинскіе и яновскіе бернардины. Сумма содержанія школъ не была, впрочемъ, точно обозначена. Въ каменецъ-подольской епархіи на ихъ содержаніе былъ установленъ (въ 1804 г.) общій сборъ десятой части всѣхъ ксендзовскихъ доходовъ, давшій единовременный годичный сборъ въ 10,958 червонныхъ злотыхъ. Пожертвованія другихъ епархій представляли почти такія же суммы.

Благодаря такимъ денежнымъ средствамъ, Чацкій въ непродолжительное время своей дѣятельности открылъ 126 начальныхъ школъ (85 въ волынской губерніи, 26 въ подольской и 15 въ кіевской) и восемь уѣздныхъ училищъ въ мѣстечкахъ югозападнаго края: Владиміръ-Волынскѣ, Домбровицѣ, Любари, Бердичевѣ, Овручѣ, Житомирѣ, Барѣ, Винницѣ [1]). Даже еврейскіе кагалы были привлечены Чацкимъ къ жертвамъ въ пользу широко начавшагося просвѣтительнаго движенія. Любарскій, овручскій и барскій кагалы пожертвовали, по предложенію Чацкаго, на уѣздныя училища 900 злотыхъ. Всѣ эти училища, какъ въ организаціи учебныхъ силъ, такъ и въ направленіи преподаванія, носили польскій патріотическій характеръ. Въ этомъ и заключалось ихъ отличіе отъ училищъ прежняго времени, имѣвшихъ только клерикально-католическое направленіе [2]). „Прежнія училища въ западныхъ губерніяхъ, говоритъ Іосифъ Сѣмашко, имѣли болѣе римское религіозное, нежели польское патріотическое направленіе и занимались болѣе изученіемъ латинскаго, нежели польскаго языка. Чарторыйскій, руководимый извѣстнымъ Чацкимъ, преобразовалъ прежнія училища и за-

---

[1]) Въ „Волыни“ Петрова и Малышевскаго прибавлены къ вышеозначеннымъ училищамъ еще три—въ Межиричѣ, Клевани и Луцкѣ (стр. 258).

[2]) Уставъ народныхъ школъ въ западномъ краѣ въ царствованіе Александра I см. въ „Сборникѣ постановленій по Министерству Народнаго Просвѣщенія. I т. 430—431 стр. и 444.

велъ множество новыхъ, въ которыхъ всѣ науки преподавались на польскомъ языкѣ"... Проэктъ начальныхъ народныхъ училищъ, открытыхъ Чацкимъ, утвержденъ въ 1809 году [1]).

V.

10 октября [2]) 1805 года въ присутствіи волынскаго губернатора, князя Волконскаго, двухъ католическихъ бискуповъ и всей почти польской знати была торжественно открыта Кременецкая гимназія—„колонія Виленскаго университета", какъ остроумно выразился одинъ изъ русскихъ историковъ [3]). Величественное изящное зданіе смѣшанной архитектуры, построенное въ долинѣ Авратынскихъ горъ производитъ даже и теперь сильное впечатлѣніе величавости. Въ то время оно было еще красивѣе и величественнѣе.

Четыре рѣчи говорилось при открытіи Кременецкой гимназіи. Графъ Александръ Ходкевичъ ораторствовалъ отъ имени дворянства края. Янъ Вилежинскій—отъ имени Виленскаго университета. Янъ Лернетъ—отъ имени варшавскато общества любителей наукъ. Послѣ всѣхъ появился на трибунѣ Чацкій—виновникъ торжества. Много слышало польское общество рѣчей Чацкаго, но такой блестящей и эффектной ему еще не довелось слышать. Говорятъ, что публика была положительно экзальтирована рѣчью Чацкаго и восторгъ слушателей превзошелъ предѣлы этикета, положеннаго оффиціальнымъ торжествамъ. Въ этой рѣчи талантливый ораторъ превзошелъ самого

---

[1]) Какъ высоко было поднято, благодаря стараніямъ мѣстныхъ польскихъ дѣятелей, образованіе въ виленскомъ учебномъ округѣ, можно судить по слѣдующимъ приблизительнымъ, сравнительнымъ статистическимъ даннымъ 1808 года. Виленскій округъ, заключавшій въ себѣ 8 губерній, въ своихъ 6 гимназіяхъ имѣлъ 1305 учениковъ, а въ 54 уѣздныхъ училищахъ 7422; тогда какъ московскій учебный округъ, состоявшій изъ 10 губерній, имѣлъ при 10 гимназіяхъ только 447 учениковъ и при 44 уѣздныхъ училищахъ 2356; харьковскій округъ (11 губерній) при 8 гимназіяхъ имѣлъ 477 учениковъ и въ 18 уѣздныхъ училищахъ 1747 учен. („Исторія среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи" Е. Шмида. Спб. 1878 г. стр. 69).

[2]) Въ замѣткѣ Кулжинскаго „Ѳ. Чацкій и Кременецкій лицей" днемъ открытія лицея ошибочно названо 1 октября.

[3]) М. О. Кояловичъ.

себя. „Читая вашу рѣчь,—писалъ графъ Завадовскій, министръ народнаго просвѣщенія („умная хохлацкая голова“, какъ называли его современники), которому Чацкій послалъ копію рѣчи,—я такъ наслаждался, какъ наслаждались древніе греки, слушая Геродота, читавшаго имъ свою исторію. Тѣмъ, которые утверждаютъ, будто природа, утомленная созданіемъ великихъ геніевъ, теперь уже отдыхаетъ, я могу указать на геній Чацкаго, который на польскомъ парнасѣ воскрешаетъ музъ, умершихъ въ Аттикѣ“.

Основавъ лицей, Чацкій приложилъ все свое стараніе для его благоустройства. Для него, какъ бы, не существовало преградъ. Дѣло, начатое имъ, не стояло на полъ-пути. Онъ мало зналъ неудачъ въ дѣятельности своей. Препятствія только раздражали, но не охлаждали его. Новый лицей нуждался въ библіотекѣ и научныхъ средствахъ. Чацкій съумѣлъ возбудить широкую благотворительность въ пользу научныхъ средствъ гимназіи. Интеллигентный, состоятельный классъ общества былъ привлеченъ имъ къ жертвамъ для устройства гимназіи. Со всѣхъ сторонъ стекались въ Кременецъ денежныя и книжныя богатства. Многіе спѣшили быть признательными Чацкому за его энергическую просвѣтительную дѣятельность и жертвовали, что могли. Самъ Чацкій пожертвовалъ гимназіи всю свою библіотеку. Онъ не щадилъ средствъ для благоустройства своего дѣтища. Огромная библіотека короля Станислава Августа была имъ куплена за 7500 червонныхъ злотыхъ и пожертвована въ кременецкую библіотеку. Не смотря на то, что основанная гимназія была притономъ польскаго сепаратизма и открыто служила польскимъ интересамъ края, Чацкій не стѣснялся просить у императора Александра субсидій на содержаніе гимназіи. Гуманный и снисходительный императоръ отдалъ въ пользу гимназіи доходы съ цѣлаго Кременецкаго староства. Согласно Высочайшему указу 1803 года 13 октября, доходы этого староства (принадлежавшаго князю Сангушко, въ то время умершему) назначались на содержаніе училищныхъ, филантропическихъ и хозяйственныхъ заведеній, учрежденныхъ при волынской гимназіи.

Уставъ волынской гимназіи вчернѣ былъ составленъ тремя учеными поляками: Игнатіемъ Потоцкимъ, Гуго Колонтаемъ и Яномъ Снядецкимъ. Чацкій самъ разсмотрѣлъ составленный уставъ, датировалъ его окончательную форму и послалъ на Высочайшее утвержденіе. Уставъ былъ утвержденъ 29 іюля 1805 года. Десятилѣтній курсъ ученія въ Кременецкой гимназіи былъ раздѣленъ между четырьмя годичными отдѣленіями для малолѣтнихъ и тремя двухгодичными курсами для взрослыхъ. Русская литература и русскій языкъ занимали по уставу второе мѣсто. Главное мѣсто отводилось польскимъ наукамъ. Въ низшихъ классахъ преподавались элементарныя гимназическія науки. Въ высшихъ были обязательными: математика, топографическое черченіе, физика, естественная исторія, химія, всеобщая исторія, естественное, гражданское и народное право, политическая экономія, литература польская, россійская, греческая, латинская, французская и нѣмецкая. При гимназіи преподавались также гимнастика и искусство фехтованія.

15 іюля 1806 года, на заключительномъ торжественномъ актѣ, по окончаніи перваго учебнаго года, Чацкій говорилъ рѣчь. Въ этой, по обыкновенію, торжественной и восторженной рѣчи, обращаясь къ присутствовавшему на собраніи архибискупу Цецишевскому, Чацкій сказалъ, между прочимъ: „Благослови это училище. Наши покорныя сердца Творецъ приметъ въ жертву чрезъ твои святыя руки. Это твое дѣло, которымъ ты нынѣ утѣшаешься. Будь увѣренъ, что мы желаемъ этому училищу существовать только до тѣхъ поръ, пока оно будетъ украшаться религіей и добродѣтелью. Пусть оно превратится въ развалины, ежели запятнаетъ себя преступленіемъ!“

Въ 1809 году (по Вѣнскому трактату) Варшавское герцогство увеличилось присоединеніемъ къ нему значительной части земель, отошедшихъ прежде къ Австріи. Въ томъ же году Кременецкая гимназія, подъ вліяніемъ широкихъ политическихъ надеждъ поляковъ, была переименована въ лицей.

Лицеисты, дворянская молодежь, съѣхавшіеся въ Кременецъ для образованія, въ часы отдыха скучали. Глухой, еврейскій, грязный городокъ не могъ доставить ни средствъ для бла-

городныхъ развлеченій, ни соотвѣтствующаго общества. Чацкій, не задумывавшійся надъ препятствіями, предложилъ польскимъ достаточнымъ помѣщикамъ поселиться въ Кременцѣ съ своими семействами, среди которыхъ ученики имѣли бы возможность проводить свободное отъ занятій время. Нѣкоторые отозвались на предложеніе и завели свои дома на боковыхъ „семинарскихъ" улицахъ. Одна изъ этихъ улицъ и въ настоящее время носитъ названіе „дворянской". Боковыя загородныя улицы и до сихъ поръ имѣютъ чистенькіе, опрятные дома, тогда какъ главная кременецкая, узкая улица, по недоразумѣнію называемая „широкою", украшена скученными еврейскими домами пребезобразной архитектуры.

Какъ лицей, такъ и открытыя народныя школы, постепенно расширявшіяся по количеству учениковъ, нуждались въ средствахъ своего существованія. Постояннаго источника доходовъ парафіальныя школы не имѣли. Пожертвованія на нихъ дворянства были неопредѣленны и не могли служить вѣрнымъ фондомъ ихъ содержанія. Обстоятельства и въ данномъ случаѣ помогли Чацкому.

Еще въ 1775 году, до окончательныхъ раздѣловъ Польши, по предложенію Чацкаго, принятому сеймомъ, рѣшено было всѣ оставшіяся послѣ изгнанія іезуитовъ имѣнія обратить въ источникъ доходовъ для содержанія народныхъ училищъ въ краѣ. Училищная коммиссія, такъ называемая „эдукаціонная", организованная 21 декабря 1807 года въ Кременцѣ для управленія дѣлами поіезуитскихъ имѣній въ югозападныхъ губерніяхъ, не столько управляла, сколько запутала дѣла управленія.

Чацкій съ обычной своей энергіей и настойчивостью взялся за дѣла коммиссіи, самъ вызвался быть президентомъ ея и въ нѣсколько засѣданій распуталъ затянувшіяся дѣла. Изъ процентовъ и доходовъ съ бывшихъ іезуитскихъ имѣній онъ съумѣлъ составить крупный капиталъ въ 2.350,000 золотыхъ [1]) въ пользу училищъ.

---

[1]) На наши деньги 350,000 рублей.

Располагая такими крупными средствами, Чацкій не стѣснялся въ проведеніи своихъ дальнѣйшихъ проектовъ. Онъ расширилъ кругъ преподаваемыхъ предметовъ въ лицеѣ, устроилъ въ 1807 году при лицеѣ двѣ школы практической механики, школу землемѣровъ—геометровъ, отвелъ помѣщенія такъ называемаго „малаго" корпуса подъ типографію Гликсберга. Весь малый корпусъ—трехъэтажное зданіе—былъ заваленъ книгами. Въ угловыхъ башняхъ лицея были устроены приспособленія для астрономическихъ наблюденій. Телескопы, подзорныя трубы—были выписаны лучшія по тому времени. За лицейскими зданіями во всю длину холма, на которомъ стояло зданіе, былъ разведенъ прекрасный ботаническій садъ съ обширными теплицами. Болѣе 5,000 экземпляровъ растеній, выписанныхъ изъ различныхъ частей свѣта, росло въ саду и хранилось въ этихъ теплицахъ. Впослѣдствіи число рѣдкихъ растеній дошло до 12,000. Передъ лицеемъ, между фассадомъ главнаго корпуса и боковыми крыльями высокихъ корпусовъ, былъ разбитъ небольшой палисадникъ съ пирамидальными тополями. Почва для палисадника искуственно поднята и заключена въ каменную стѣну. Помостъ предъ лицеемъ и широкія наружныя лѣстницы выложены мѣстнымъ камнемъ—булыжникомъ. Неутомимый прожектеръ хотѣлъ еще открыть манежъ для обученія верховой ѣздѣ и хирургическое отдѣленіе для обученія акушеровъ, но не успѣлъ...

VI.

Когда волынскій лицей былъ болѣе или менѣе устроенъ, Чацкій принялся за разработку и осуществленіе проекта открытія польской гимназіи въ Кіевѣ. Какъ и при открытіи волынскаго лицея, Чацкій дѣйствовалъ самъ лично, поспѣвая во-время вездѣ, гдѣ требовалось его присутствіе. Онъ возбудилъ кіевское дворянство къ пожертвованіямъ и въ скоромъ времени 462,000 рублей были въ его распоряженіи для осуществленія задуманнаго дѣла (дворянство собрало по 1 рублю съ каждой ревизской души).

30 января 1812 года въ Кіевѣ, въ Липкахъ открылась кіевская гимназія для дворянъ. Ея первымъ директоромъ былъ ех-іезуитъ Мышковскій. Какъ и при открытіи волынской гимназіи, Чацкій удивилъ собраніе польско-русской аристократіи своею блестящею рѣчью. По замѣчанію Адама Чарторыйскаго „Чацкій съ рѣдкою ловкостью изложилъ свои мысли въ такомъ необычайномъ порядкѣ, что побѣдоносною силою своего ума пробился сквозь великія трудности".

Чацкій отличался рѣдкимъ даромъ слова. Когда онъ говорилъ, его мысли текли ровно, спокойно, логично и выливались въ неподражаемыя по своему изяществу и паѳосу формы. Это не былъ площадной крикунъ, какъ многіе изъ его соотечественниковъ въ то время. Это былъ благородный, дѣловитый ораторъ съ рѣдкимъ талантомъ рѣчи. Его слова. дѣйствовали неотразимо. По поводу пребыванія смертныхъ останковъ графа Румянцева Задунайскаго и князя Константина Острожскаго въ одной церкви печерской лавры, Чацкій въ неподдѣльномъ ораторскомъ паѳосѣ восклицалъ:

— „Воскуряйте ѳиміамъ обѣимъ тѣнямъ! Въ пространствѣ вѣковъ великіе люди сохраняютъ между собою братство. Они уже предъ престоломъ Предвѣчнаго. Онъ—Господь всѣхъ людей. Каждый мужественный защитникъ, каждый доблестный поборникъ своего отечества имѣетъ свою заслугу предъ Его правосудіемъ. Природа... сглаживаетъ силою времени всѣ могилы—эти памятники несчастныхъ несогласій. Старайтесь поставить и украсить алтарь мира и единенія" и т. д.

Среди такихъ высокопарныхъ, эффектныхъ мыслей Чацкій умѣлъ очень политично вставить: „пусть всѣ славяне прославляютъ Александра I"... и высказаться à propos за единство Руси. Онъ угождалъ, такимъ образомъ, и полякамъ, и русскимъ. Неудивительно, что „силою своего ума онъ пробился сквозь великія трудности"...

Политическія обстоятельства и направленія внутренней русской политики въ то время вполнѣ благопріятствовали просвѣтительной свободной дѣятельности польскихъ иниціаторовъ. Еще при Павлѣ I въ бѣлорусскихъ литовскихъ провинціяхъ

началась реакція обрусѣнію, положенному радикальными распоряженіями Екатерины II. При Александрѣ I эта реакція, по словамъ митрополита Сѣмашко, превратилась въ рѣшительно враждебное направленіе къ Россіи. „Подъ русскимъ владычествомъ, писалъ Францискъ Дмоховскій Гуго Колонтаю, тоже устроявшему учебныя заведенія въ югозападной Россіи, намъ открываются самые благопріятные виды... Безъ польскаго языка нельзя распространять образованія въ массѣ. Въ данномъ случаѣ цѣли императора Александра таковы, что онѣ позволяютъ надѣяться получить отъ него гораздо больше, нежели сколько можетъ дать намъ какое бы то ни было правительство".

Полонизмъ, благодаря энергичнымъ затѣямъ Чацкаго, значительно оживился. Польскій языкъ постепенно освобождается отъ тяготившей его латыни и схоластики и получаетъ въ школахъ первенствующее значеніе. Лицейское образованіе въ рукахъ опытныхъ, понимавшихъ задачи своей дѣятельности, педагоговъ, отрѣшилось отъ іезутски-схоластическихъ формъ и приняло живое направленіе, соотвѣтствовавшее пракчическимъ цѣлямъ полонофиловъ. Лучшіе польскіе писатели новѣйшей литературы явились въ эпоху упадка польской политической самостоятельности. Этнографическая литература оживилась. Изъ профессоровъ Кременецкаго лицея извѣстны своими научными трудами: филологъ Алоизій Осинскій, составившій „словарь польскихъ писателей" и „словарь польскаго языка", драматургъ Алоизій Фоминскій, романистъ Іосифъ Корженевскій, математикъ Чехъ, ботаники Бессеръ и Андржеевскій и др.

Все было бы хорошо, если бы польскіе горячіе дѣятели въ родѣ Чацкаго, подъ предлогомъ этнографическаго самостоятельнаго развитія, не преслѣдовали тайныхъ цѣлей политическаго сепаратизма. Какъ и слѣдовало ожидать, стремленіе къ автономіи, начавшееся въ предѣлахъ сочувствія этнографическому интересу страны, постепенно разраслось и, подъ вліяніемъ общенароднаго возбужденія, вызваннаго раздѣлами Польши, перешло въ политическія стремленія. Въ это именно время національные польскіе патріоты пришли къ безотрадному позднему сознанію величія своей бѣдной Польши, которой небо от-

казало въ одномъ дарѣ—добрыхъ сосѣдяхъ (Сырокомля Кондратовичъ)". Поздно оглядѣлись „панове!"... Время политической силы Польши прошло. Національное польское пробужденіе начала нашего столѣтія показало только, что Польша могла бы жить, но не умѣла... Главная ошибка всей дѣятельности Чацкаго заключалась въ томъ, что онъ слѣпо вѣрилъ въ политическую жизнь Польши. Онъ лучше зналъ историческое прошлое Польши, чѣмъ современное положеніе вещей. Его историческому полету воображенія недоставало трезваго пониманія современной международной политики. Кременецкій лицей, олицетворившій въ себѣ попытку искусственнаго политическаго самовозбужденія подъ видомъ скромныхъ научно-образовательныхъ цѣлей, былъ грандіознымъ надгробнымъ памятникомъ политической Польши. Чацкій, произнося эффектныя рѣчи при его открытіи, едва-ли предвидѣлъ, что его слова будутъ прощальной лебединой пѣснью „милой ойчизнѣ". Ни ботаника, ставившая своею цѣлью изученіе только мѣстной флоры, ни польская исторія, проходившаяся въ лицеѣ для поддержанія патріотизма, не могли уже пробудить „Рѣчи Посполитой". Обученіе лицеистовъ рыцарскому фехтованію и верховой ѣздѣ и самое положеніе лицея близъ границы хорошо говорили сами за себя, и только русское правительство глядѣло на всѣ затѣи Чацкаго снисходительно, считая ихъ какъ бы дѣтскими и безвредными Государь Императоръ награждалъ даже польско-католическихъ дѣятелей за ихъ просвѣтительную дѣятельность. Каноникъ Трещевскій, за пожертвованные имъ 130 рублей въ пользу одного приходскаго училища, былъ пожалованъ отъ Александра I бриллiантовымъ перстнемъ (въ 1810 году); ксендзъ Рупейко въ Шадовѣ за устройство начальной приходской школы награжденъ орденомъ св. Анны 3 степени.

Самъ Чацкій заслужилъ со стороны русскаго правительства благодарность за свою народно-просвѣтительную дѣятельность. Пользуясь симпатіей къ себѣ со стороны нѣкоторыхъ членовъ государственнаго совѣта, Чацкій подалъ въ государственный совѣтъ просьбу о вознагражденіи за убытки, понесенные имъ при секвестрѣ имѣній. Хитрой политикой и, должно

быть, не безъ протекціи Чарторыйскаго, онъ добился того, что государственный совѣтъ не только призналъ его просьбу законной, но увидѣлъ въ его дѣятельности такія заслуги, за которыя онъ достоинъ высшей награды. „Совѣтъ, разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла, нашелъ, что Чацкій, дѣйствительно, въ секвестрѣ его имѣнія потерпѣлъ весьма важныя убытки и что возвращеніе части его имѣнія всей потерѣ его несоразмѣрно; что со времени присоединенія Польши къ Россіи онъ былъ вскорѣ употребленъ въ разборѣ дѣлъ упавшихъ банковъ, а потомъ опредѣленъ по части учебной, гдѣ, по засвидѣтельствованію министра просвѣщенія, оказалъ многіе опыты отличнаго усердія, дѣятельности и знаній и содѣйствовалъ особеннымъ образомъ успѣху ввѣренныхъ ему заведеній. По симъ уваженіямъ совѣтъ считаетъ, что онъ заслуживаетъ всемилостивѣйшаго вниманія и соразмѣрно уже заслугамъ его возмездія". Большинсто министровъ совѣта согласилось съ мнѣніемъ совѣта. Только министръ коммерціи, графъ Николай Румянцевъ, выступилъ съ своимъ мнѣніемъ, въ которомъ, не считая политическую благонамѣренность Чацкаго вполнѣ доказанною, говорилъ, что платить Чацкому изъ казны 552000 рублей за имѣніе, взятое правосудіемъ своего времени, неосновательно, „ибо гдѣ указать такія суммы, писалъ графъ, изъ которыхъ можно было бы отдѣлить болѣе полумилліона рублей? И какъ безмѣрны должны быть тѣ суммы, когда, удовлетворивъ одного, поощряли бы тѣмъ примѣромъ къ подобнымъ исканіямъ и другихъ, могущихъ себя почитать въ равномъ оскорбленіи?" См. Арх. Госуд. Совѣта т. III Спб. 1878 года стр. 184—191.

Такое снисходительно-поощрительное отношеніе русскаго правительства къ Чацкому обусловливалось, съ одной стороны, либеральными началами, лежавшими въ основаніи внутренней политики Россіи въ первую половину царствованія Александра I, а съ другой—личнымъ симпатичнымъ характеромъ Чацкаго. При болѣе „бдительномъ начальствѣ" Чацкому не избѣжать бы участи „политическихъ неблагонамѣренныхъ"... Полонофильская политическая агитація Чацкаго въ ущербъ русскихъ интересовъ въ

краѣ не подлежитъ сомнѣнію, хотя документально и не раскрыта еще до сихъ поръ.

Генералъ-губернаторъ Голенищевъ-Кутузовъ видѣлъ всѣ замыслы Чацкаго глазами русскаго строгаго политика. По его настоянію Чацкій былъ даже выселенъ на нѣкоторое время въ Харьковъ. Но не таковъ былъ Ѳаддей Чацкій, чтобы согласился жить въ Харьковѣ. Личными происками и протекціей онъ получилъ разрѣшеніе вернуться обратно въ Кременецъ. Нѣкоторые болѣе дальновидные люди совѣтовали ему для безопасности изъять нѣкоторые предметы изъ програмы лицейскаго кременецкаго образованія, напримѣръ—фехтованіе, верховую ѣзду. Но Чацкій и слушать ничего не хотѣлъ.

Много, много разныхъ проектовъ по учебному вѣдомству носилось въ горячей головѣ польскаго „агитатора“. Быть можетъ, не одну гимназію онъ еще открылъ бы, если бы не ранняя сравнительно смерть его самаго.

Онъ умеръ 48 лѣтъ отъ роду, въ полномъ расцвѣтѣ энергіи, отъ напряженной неутомимой дѣятельности. Постоянная работа мысли, нервное возбужденіе истощили его и онъ въ 48 лѣтъ казался старикомъ, какъ объ этомъ можно заключать по его портретамъ. Литературныя произведенія Чацкаго носятъ преимущественно историко-юридическій и бытовой характеръ. Изъ нихъ отдѣльно изданы:

1) „Obraz panowania Zygmunta Augusta“.

2) „O litewskich i polskich prawach“. Три изданія: первое въ 1800—1801 г. (Варшава), второе—1843 (Познань) и третье 1861 (Краковъ).

3) „Rosprawa o żydach“. Два изданія: первое—1807 г. (Вильно), второе—1860 (Краковъ).

4) „Czy prawo rzymskie buło zasadą praw litewskich“ 1807 г. (Вильно)

5) „O prawach mazowieckich“ изд. въ Кременцѣ.

Въ 1843—1845 гг. изслѣдованія Чацкаго вышли тремя томами подъ общимъ заглавіемъ: „Dzieła zebrane“. Познань. Первый и второй томы заключаютъ изслѣдованія по литовско-польскимъ вопросамъ, третій—разныя разсужденія по общественно-экономическимъ и политическимъ вопросамъ.

VII.

Болѣе двадцати лѣтъ кременецкій лицей служилъ разсадникомъ польскаго просвѣщенія въ югозападномъ русскомъ краѣ. Нужно было крупное, изъ ряда выходящее обстоятельство, чтобы русское правительство взглянуло построже на постепенно разроставшійся полонофилизмъ.

Такимъ именно событіемъ, положившимъ конецъ дѣлу Чацкаго, было польское возстаніе 1830—1831 г. Это востаніе, какъ извѣстно, имѣло для поляковъ рѣшительныя, печальныя послѣдствія. Можно сказать, что Польша пала не въ эпоху раздѣловъ, послѣ которой поляки могли еще кое-какъ политически существовать, а послѣ 1830—1831 годовъ, когда ихъ мечты о независимости и о порабощеніи южной и западной Руси были окончательно подавлены военнымъ правомъ сильнаго.

Въ возстаніи приняли участіе многіе изъ учениковъ кременецкаго лицея. Разсказываютъ, что въ механической кузницѣ, устроенной въ помѣщеніяхъ бывшаго православнаго кременецкаго монастыря, готовилось оружіе для бунтовщиковъ.

Въ 1832 году лицей былъ закрытъ. Профессоры лицея разошлись по гимназіямъ. Часть ихъ поступила въ кіевскій университетъ. Типографія Гликсберга уничтожена. Зданія лицея были проданы министерствомъ народнаго просвѣщенія духовному вѣдомству за 200,000 рублей. Въ нихъ въ настоящее время помѣщается волынская духовная семинарія.

Долголѣтнее пребываніе духовной семинаріи въ лицейскихъ кременецкихъ зданіяхъ отразилось самымъ печальнымъ образомъ на положеніи послѣднихъ. Зданія запущены и нуждаются для своей поддержки въ капитальномъ ремонтѣ. Стѣны потемнѣли, штукатурка осыпается, карнизы съ каждымъ годомъ отваливаются. Высокія обсерваціонныя башни особенно много потерпѣли отъ времени: почернѣли и во многихъ мѣстахъ дали трещины. Изъ башенныхъ оконъ и амбразуръ не глядятъ болѣе астрономическія трубы... Внутри ихъ спокойно вьютъ свои гнѣзда галки и совы. Величественный, громадный храмъ съ грандіозными колонами внутри и замѣчательно красивыми сво-

дами, карнизами, носитъ уже признаки близкаго разрушенія. Каменные помосты съ каждымъ годомъ портятся. Въ нѣкогда очень изящномъ, симметричномъ палисадникѣ складывается по угламъ муссоръ. Обширный ботаническій садъ запущенъ и содержится крайне небрежно. Стѣны сада—разваливаются, сторожевки пустуютъ, цвѣтники поросли травой. Фруктовыя деревья, вслѣдствіе недостатка ухода, портятся и дичаютъ. Оранжерея среди сада, хранившая нѣкогда благоухающую флору края, въ настоящее время хранитъ нечистоты, недопускающія къ себѣ человѣка съ здоровымъ обоняніемъ. Sic transit...

Іезуитскій коллегіумъ... кременецкій лицей... духовная семинарія—всё это рѣзкіе, отчетливые періоды въ быстромъ и разнохарактерномъ движеніи просвѣщенія на Волыни настоящаго столѣтія. Это цѣлыя эпохи въ миніатюрѣ.

Въ послѣднее время довольно настойчиво поговариваютъ о переводѣ волынской семинаріи изъ Кременца въ Житомиръ... Говорятъ, что кременецкія зданія перейдутъ въ военное вѣдомство... Существуетъ также мнѣніе, что въ нихъ будутъ помѣщены два духовныя уѣздныя училища...

Всё можетъ быть.

Можетъ быть и то, скажемъ мы съ своей стороны, что въ ожиданіи рѣшенія своей дальнѣйшей судьбы зданія разрушатся и запустѣютъ. И на томъ мѣстѣ, гдѣ кипѣла впродолженіи столѣтія столь разнообразная и богатая по своему характеру просвѣтительная работа—воцарится разрушеніе. Предположеніе возможное, если примемъ во вниманіе, что основательный ремонтъ зданій потребуетъ громадной суммы. А нашъ практическій вѣкъ едва ли можетъ дать средства на поддержку какого-то Кременецкаго Олимпа...

Невольно пожалѣешь, что люди, вродѣ Ѳаддея Чацкаго, рѣдки, и что Южная Русь, по крайней мѣрѣ теперь, не богата ими. На ихъ долю должна была бы пасть забота о приведеніи въ порядокъ и Кременецкаго Олимпа, но только не ради возстановленія въ южнорусскомъ краѣ культуры польской, а напротивъ—ради нахожденія собственной, національной.

Ѳ. Кудринскій.

Нѣсколько замѣчаній по поводу статьи г. Н. В. о децентрализаціи нашихъ историческихъ архивовъ.

Съ большимъ вниманіемъ прочелъ я въ декабрьской книжкѣ «Кіев. Стар.» за прошлый годъ любопытную замѣтку г. Н. В. о нашихъ историческихъ архивахъ. Она затрогиваетъ вопросъ, которымъ очень живо интересуются многіе изслѣдователи южнорусскаго стариннаго быта въ различныхъ уголкахъ нашей родины. Да и можно ли оставаться равнодушнымъ, когда дѣло идетъ о практической раціональной организаціи архивнаго дѣла не только у насъ на югѣ, но и во всей Россіи? Само собою разумѣется, что и уважаемый г. Н. В. не смотрѣлъ на свою замѣтку, какъ на окончательное рѣшеніе вопроса: онъ хотѣлъ, очевидно, только возбудить вниманіе къ нему и вмѣстѣ съ тѣмъ познакомить въ общихъ чертахъ читателей съ тѣмъ взглядомъ, который сложился лично у него на это дѣло. Это даетъ мнѣ смѣлость выступить здѣсь съ нѣкоторыми замѣчаніями какъ по поводу общихъ взглядовъ автора, такъ и по поводу частныхъ его заключеній. При томъ г. Н. В. допускаетъ одну *серьезную* неточность относительно харьковскаго историческаго архива, который находится въ моемъ вѣдѣніи—и на мнѣ лежитъ обязанность высказаться по поводу ея.

Исходя изъ того положенія, что децентрализація архивнаго дѣла въ Россіи, въ видѣ такъ называемыхъ губернскихъ ученыхъ архивовъ и архивныхъ коммиссій, сложилась *на практикѣ* не вполнѣ удовлетворительно, г. Н. В. отрицаетъ даже самую пользу такой *мелкой* децентрализаціи; онъ говоритъ, что губернскія архивныя коммиссіи ограничиваются въ своей дѣятельности только сохраненіемъ памятниковъ, но не направляютъ ее на ученую разработку ихъ (стр. 454). Цѣлый рядъ соображеній (стр. 454—455) заставляетъ г. Н. В.

«высказаться противъ мелкой децентрализаціи архивовъ». Мнѣ лично доводы г. Н. В. показались неубѣдительными. Разберемъ каждый изъ нихъ въ отдѣльности. «Никакая серьезная работа, говоритъ г. Н. В., въ глуши невозможна» (стр. 454). Это сказано слишкомъ категорически—нѣкоторые серьезные труды были написаны да и теперь пишутся именно въ глуши, въ провинціи, а *мѣстныя* историко-географическія, археологическія и этнографическія изслѣдованія только и возможны на мѣстѣ. П. С. Ефименко долго и серьезно работалъ въ глуши (въ архангельской губ.); въ *вятской* глуши теперь *серьезно* работаетъ г. Спицынъ (въ области мѣстной исторіи и археологіи); М. Евгеній, Второвъ и Александровъ Дольникъ, Де Пуле, г. Вейнбергъ *серьезно* разыскивали и разрабатывали историческіе акты Воронежскаго края въ Воронежѣ. Не мало было полезныхъ труженниковъ, возсоздававшихъ намъ исторію своего края по мѣстнымъ архивнымъ матеріаламъ, и на Дону (вспомнимъ хотя бы Сенюткина, Савельева). А неужели извѣстныхъ Мельникова и А. С. Гацисскаго нельзя назвать *серьезными* работниками на полѣ нижегородской археографіи? А г. Шишонко, издавшій *Пермскую* лѣтопись по архивнымъ матеріаламъ и мѣстнымъ лѣтописямъ? А. г. Визевскій, написавшій солидное сочиненіе о Неплюевѣ и оренбургскомъ краѣ? А Словцовъ, собравшій матеріалы для своего «Историческаго обозрѣнія Сибири» въ сибирской же глуши, въ г. Тобольскѣ? Обращаясь къ южнорусскому краю, нельзя не вспомнить съ благодарностью всѣмъ хорошо извѣстныя имена гг. Короленка, Фелицына, Щербины, работавшихъ въ *Екатеринодарѣ*, арх. Филарета, А. М. Лазаревскаго, А. И. Ханенка, П. С. Ефименка, трудившихся въ *Черниговѣ*, В. И. Пероговскаго, занимавшагося изслѣдованіями Волыни, Арендаренка, много работавшаго—въ Полтавѣ и издавшаго извѣстныя «Записки о полтавской губ.». Число такихъ примѣровъ можно было бы значительно увеличить; мы привели только нѣкоторые изъ нихъ, наиболѣе характерные. Ихъ во всякомъ случаѣ вполнѣ достаточно, чтобы ограничить слишкомъ рѣзкое и не вполнѣ справедливое сужденіе г. Н. В. Въ глуши работать трудно, но возможно, въ особенности по мѣстной исторіи, о которой и идетъ главнымъ образомъ рѣчь; возможна и обработка архивныхъ данныхъ, и изданіе ихъ. Да это и понятно. Едва ли кто нибудь теперь можетъ возражать противъ областнаго способа разработки русской исторіи; а такой способъ выдвигаетъ на очень видное мѣсто и мѣстные матеріалы, и мѣстныя изслѣдованія, и мѣстныхъ изслѣдователей старины. Конечно, для *полной* исторіи

извѣстной территоріи невозможно ограничиваться исключительно мѣстными матеріалами: нужно заглянуть и въ центры—Москву и Петербургъ; иногда даже (какъ это показываетъ примѣръ проф. Перетятковича и Буцинскаго) можно написать областную монографію исключительно по матеріаламъ центральныхъ хранилищъ. Но разработка *отдѣльныхъ* сторонъ мѣстной исторической жизни осуществима и въ провинціи; безъ такихъ трудовъ и появленіе полной всесторонней исторіи той или иной области окажется невозможнымъ или по крайней мѣрѣ чрезвычайно затруднительнымъ.

Нельзя согласиться также и съ тѣмъ, чтобы дѣятельность губернскихъ архивныхъ коммиссій не направлялась на ученую разработку архивныхъ матеріаловъ. Примѣръ И. И. Дубасова далеко не исключительный. Кто слѣдилъ за дѣятельностью архивныхъ коммиссій, тому извѣстно, что онѣ въ предѣлахъ своихъ скромныхъ средствъ работаютъ довольно энергично и при томъ въ различныхъ направленіяхъ—собираютъ архивные документы, составляютъ библіотеки и музеи съ археологическими и нумизматическими коллекціями, издаютъ изслѣдованія и матеріалы. Неужели не заслуживаетъ полной признательности, ученая дѣятельность правителя дѣлъ таврической архивной коммиссіи г. Лашкова, издавшаго цѣлый рядъ любопытныхъ памятниковъ и изслѣдованій по исторіи Крыма? Не менѣе энергично работаетъ недавно возникшая саратовская архивная коммиссія, въ составѣ которой мы находимъ такихъ серьезныхъ знатоковъ мѣстной исторіи, какъ Ѳ. Ѳ. Чекалинъ (недавно выпустившій соч. «Саратовское Поволжье съ древнѣйшихъ временъ до конца XVII в.) и А. Н. Минхъ. Нельзя также обвинить въ бездѣятельности рязанскую и костромскую архивныя коммиссіи. За тѣмъ не слѣдуетъ игнорировать того обстоятельства, что архивныя коммиссіи только начали открываться съ 1884 г.; нѣкоторыя изъ нихъ возникли въ самое послѣднее время; поэтому нельзя произносить окончательнаго приговора объ ихъ дѣятельности только на основаніи того, что онѣ сдѣлали: въ будущемъ онѣ сдѣлаютъ еще больше. «Только съ изданіемъ матеріаловъ мѣстныхъ архивовъ, говоритъ проф. В. С. Иконниковъ, выяснятся многія стороны нашего общественнаго быта, черты нравовъ разныхъ классовъ общества, религіозныхъ явленій народной жизни, характеръ административнаго управленія ближайшаго къ намъ времени». Уже по изданнымъ матеріаламъ можно судить о неосновательности мнѣнія относительно мягкости бывшаго вотчиннаго режима, о важности религіозныхъ движеній и т. п. вопросовъ. Важ-

ность мѣстныхъ архивовъ для исторіи этихъ вопросовъ со всею ясностью выступаетъ въ извѣстномъ трудѣ Н. С. Соколова «Расколъ въ саратовскомъ краѣ, т. 1-й. Поповщина до 50-хъ годовъ настоящаго столѣтія». (Губ. ученая архив. ком. 1884—1890, стр. 34). Можно и даже должно, конечно, критически относиться къ дѣятельности нынѣшнихъ архивныхъ коммиссій; отъ этого только выиграетъ само дѣло. Можно, напримѣръ, думать какъ это дѣлаетъ проф. В. С. Иконниковъ, что едва ли полезно совмѣщать въ однихъ и тѣхъ же учрежденіяхъ историческія и археологическія задачи. Мы лично полагаемъ, что напрасно коммиссіи желаютъ изъ своихъ изданій сдѣлать не то сборники, не то журналы разнообразнаго, пестраго содержанія; почему бы вмѣсто множества тоненькихъ, тощихъ брошюръ не выпускать разъ въ годъ одного тома трудовъ и матеріаловъ, гдѣ бы смѣси отведено было соотвѣтственное ей второстепенное мѣсто, между тѣмъ какъ теперь обращаютъ особенное вниманіе на отдѣльные документы болѣе или менѣе исключительнаго содержанія; высказывалась надежда, такимъ образомъ, привлечь къ изданію вниманіе мѣстныхъ читателей; но это соображеніе едва ли основательно: нужно преслѣдовать исключительно научныя цѣли и отдавать предпочтеніе серіямъ документовъ, обрисовывающихъ намъ какую нибудь сторону жизни, передъ тѣмъ, что имѣетъ интересъ раритета, курьеза.

Тѣмъ не менѣе въ общемъ, повторяемъ, архивныя коммиссіи сдѣлали уже теперь такъ много, что можно желать только дальнѣйшаго развитія ихъ дѣятельности. Уже однимъ сохраненіемъ отъ гибели многихъ тысячъ документовъ онѣ пріобрѣли себѣ право на общую признательность всѣхъ любителей отечественной старины. Г. *Н. В.* находитъ очень вредною разбросанность губернскихъ архивовъ и предпочитаетъ ей исключительное сосредоточеніе архивныхъ бумагъ въ столицахъ, «такъ какъ если человѣку часто невозможно бываетъ поѣхать въ столичный городъ, то ужъ разъѣзжать по губернскимъ городамъ и рыться въ тамошнихъ архивахъ ему и думать нечего» (стр. 455). На это замѣтимъ прежде всего, что въ столицахъ и безъ того сосредоточено огромное количество документовъ, относящихся къ различнымъ губерніямъ Европ. и Азіатской Россіи; въ особенности это нужно сказать относительно московскаго архива мин. юстиціи, куда поступили старыя дѣла упраздненныхъ уѣздныхъ судовъ; значитъ, едва ли можно допустить необходимость ученаго путешествія по губ. городамъ; матеріалы же, сосредоточенные въ губ. архивахъ, издаютъ и разрабатываютъ не пріѣзжіе ученые, а мѣстные скромные труженники,

которые безъ этого, б. м., и вовсе должны были бы отказаться отъ удовольствія заниматься отечественной стариной. Правда, губернскіе архивы въ настоящее время не особенно обезпечены отъ пожаровъ, и на эту сторону дѣла слѣдуетъ обратить серьезное вниманіе. Но не слѣдуетъ забывать, что все таки и эти помѣщенія спасли то, что безъ этого было бы обречено на гибель; а о пожарахъ губ. архивовъ мы, слава Богу, пока еще не читали.

Мы разобрали всѣ соображенія г. Н. В., заставившія его высказаться противъ губ. архивовъ и архивныхъ коммиссій, и не признали ихъ убѣдительными. Теперь обратимся къ его предложенію объ устройствѣ, взамѣнъ губернскихъ, областныхъ архивовъ. Такіе архивы должны существовать въ Казани, Томскѣ, Тифлисѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Кіевѣ, Вильнѣ, Варшавѣ, Дерптѣ, Оренбургѣ и Ташкентѣ. Мы думаемъ, что такіе *областные* архивы дѣйствительно въ высшей степени желательны, но они нисколько не мѣшаютъ и не будутъ мѣшать губернскимъ архивамъ. По нашему мнѣнію, въ виду огромнаго пространства Россіи, необходимы и столичные, и областные, и губернскіе архивы; одни будутъ дополнять дѣятельность другихъ. Къ сожалѣнію едва ли можно надѣяться на скорое открытіе во всѣхъ этихъ пунктахъ архиво-хранилищъ: финансовое положеніе нашихъ министерствъ довольно затруднительно, а разсчитывать искючительно на мѣстныя средства невозможно. Вполнѣ обезпечено теперь существованіе только трехъ центральныхъ архивовъ: кіевскаго, виленскаго и витебскаго. Было бы крайне желательно, чтобы новые областные архивы (на подобіе центральныхъ) были по крайней мѣрѣ открыты въ университетскихъ городахъ—при университетахъ. И этого возможно достичь только однимъ средствомъ, о которомъ мнѣ приходилось говорить уже много разъ—*введеніемъ ученыхъ архивовъ въ штатъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій университетовъ*. Въ особенности это нужно сказать относительно тѣхъ пунктовъ, гдѣ имѣются уже въ натурѣ значительные архивы. Тутъ получаются иногда даже странныя аномаліи. При харьковскомъ университетѣ, напримѣръ, состоитъ весьма значительный историческій архивъ, въ составъ котораго вошли старые документы *трехъ* губерній—харьковской, черниговской и полтавской (въ томъ числѣ и знаменитый архивъ малороссійской коллегіи, перевезенный изъ Чернигова); и что же? Онъ не введенъ въ штатъ, не имѣетъ устава и вообще находится въ болѣе неопредѣленномъ положеніи, чѣмъ всѣ губернскіе архивы. Нѣсколько разъ возбуждалось ходатайство о введеніи его въ штатъ учебно-вспомогательныхъ

учрежденій университета, на подобіе музея древностей и изящныхъ искусствъ, но пока безуспѣшно. Въ Одессѣ также, насколько намъ извѣстно, возбуждалось ходатайство объ учрежденіи архива, но и оно, повидимому, успѣха не имѣло. Спрашивается, можно ли и удобно ли оставлять въ неопредѣленномъ состояніи, безъ правилъ, правъ и обязанностей, уже *существующее* учрежденіе, которое было создано путемъ общественной инициативы и на которое положена была масса труда? Покойнаго директора Археологическаго института И. Е. Андреевскаго сильно озабочивалъ этотъ вопросъ, и было бы желательно, чтобы и нынѣшняя администрація Археологическаго института поставила его на очередь, (хотя бы тогда, когда будутъ пересматриваться штаты учебно-вспомогательныхъ учрежденій университетовъ). Но при образованіи новыхъ областныхъ архивовъ не слѣдуетъ руководствоваться исключительно теоретическими соображеніями, — нужно исходить изъ живой дѣйствительности. Тамъ, гдѣ есть зерно, можетъ вырости и цѣлое дерево; и потому прежде всего нужно прійти на помощь существующимъ архивамъ, а потомъ уже создавать новые. Легко на основаніи одной теоріи распредѣлять матеріалъ по архивамъ и по извѣстнымъ районамъ—къ Одессѣ приписать Новороссію, къ Харькову—б. Слободскую украйну (хотя и тутъ могутъ быть еще споры—куда тяготѣетъ та или иная губернія); но на практикѣ явится цѣлая масса затрудненій, подчасъ совершенно непреодолимыхъ. Самъ г. Н. В. сознается, что не только трудно, но даже *невозможно* разбить матеріалъ на группы такъ, чтобы одна тою или иною стороною не входила въ другую (стр. 456). Но есть и еще одинъ элементъ въ этомъ дѣлѣ, который совершенно игнорируетъ г. Н. В.,—это право и справедливость. Цѣлые десятки лѣтъ, напримѣръ, архивъ малороссійской коллегіи оставался въ Черниговѣ, постепенно сокращаясь отъ расхищенія и дѣйствія стихій (см. объ этомъ ст. П. С. Ефименка «Архивъ Малорос. кол. при харьк. у—ѣ» въ Кіев. Стар. 1882, январь); положеніе его не измѣнилось къ лучшему и тогда, когда въ Кіевѣ былъ учрежденъ центральный архивъ и временная коммиссія для разбора древнихъ актовъ; предсѣдатель этой послѣдней, Судіенко, сильно интересовавшійся дѣлами черниговскаго коллежскаго архива и извлекшій изъ него 2 тома «матеріаловъ отеч. исторіи», оставилъ архивъ малорос. коллегіи на прежнемъ мѣстѣ и въ прежнемъ положеніи и свои заботы о немъ только ограничилъ передачей нѣкоторыхъ дѣлъ въ кіев. археогр. коммиссію. И такъ дѣло продолжалось до 1879 года, когда по предложенію П. С. Ефименка, харьк истори-

ко-фил. общество возбудило ходатайство о передачѣ этого архива харьковскому университету; въ томъ же 1879 г. Архивъ былъ переведенъ въ Харьковъ П. С. Ефименкомъ, лично принявшимъ его въ Черниговѣ и конвоировавшимъ дѣла до ближайшей желѣзнодорожной станціи. Средства на перевозку архива ассигновалъ университетъ и историко-филологическое общество. Съ той поры, вотъ уже 13-й годъ архивъ малорос. коллегіи находится въ Харьковѣ. На разборку и приведеніе въ порядокъ его дѣлъ затрачена масса дароваго и платнаго труда. Достаточно замѣтить, что дѣла были переданы *безъ всякой описи* и эту послѣднюю пришлось составлять вновь. Между тѣмъ количество всѣхъ занесенныхъ въ реестръ номеровъ документовъ достигло почтенной цифры 30,818. Составленіе этого каталога потребовало десятка лѣтъ систематическаго труда. Университетъ изъ своихъ спеціальныхъ средствъ ассигнуетъ въ послѣдніе годы по 500 р. на вознагражденіе архиваріусу. Благодаря передачѣ дѣлъ архива малороссійской коллегіи, Харьковъ сосредоточилъ у себя мало по малу болѣе важные архивные матеріалы трехъ губерній. По моему предложенію былъ переведенъ изъ Полтавы архивъ старыхъ дѣлъ полтав. губ. правленія, составляющій *органическую* часть архива малорос. коллегіи. Въ томъ же архивѣ губернскаго правленія я открылъ часть Румянцовской описи Малороссіи, о нахожденіи которой тамъ дотолѣ никто не вѣдалъ. И мнѣ кажется, что я имѣлъ нравственное право направить ее изъ канцелярскаго заточенія туда, гдѣ ею могутъ пользоваться всѣ желающіе. Открывъ ея мѣстонахожденіе, я немедленно же сообщилъ краткія свѣдѣнія о ея составѣ ученымъ, собравшимся на археологическій съѣздъ въ Одессу (рефератъ этотъ былъ потомъ напечатанъ въ Трудахъ съѣзда). Наконецъ, старыя дѣла, относящіяся къ харьковской губ., б. Слободской Украйнѣ, составили особое харьковское отдѣленіе нашего историческаго архива. Архивъ продолжаетъ рости и теперь путемъ поступленія новыхъ бумагъ отъ лицъ и учрежденій. Г. Н. В. *могъ* почерпнуть всѣ сообщаемыя мною здѣсь данныя о харьк. историческомъ архивѣ хотя бы изъ того указателя литературы предмета, который помѣщенъ въ «Опытѣ рус. исторіографіи» проф. В. С. Иконникова; но онъ предпочитаетъ отозваться невѣдѣніемъ, почему архивъ малорос. коллегіи попалъ въ Харьковъ, и къ этому прибавляетъ еще одно замѣчаніе, которое слишкомъ важно, что бы его можно было бросать вскользь, мимоходомъ и *безъ всякихъ доказательствъ*. Архивъ черниговскаго губернскаго правленія, говорить г. Н. В. перевезенъ *почему то* въ Харьковъ, «гдѣ имъ *серьезно*

никто не занимается и заниматься не будетъ» (стр. 458). Мы видѣли, *почему* и при какихъ обстоятельствахъ черниговскій архивъ былъ перевезенъ въ Харьковъ; мы видѣли, что въ Харьковѣ усердно занимались разборкою его бумагъ. Мало того, не смотря на неблагопріятныя внѣшнія условія для работы (разумѣемъ тѣсноту помѣщенія) многія лица извлекали и продолжаютъ извлекать изъ него матеріалы для своихъ ученыхъ изслѣдованій, статей и замѣтокъ. Свѣдѣнія объ этихъ работахъ г. Н. В. могъ бы получить изъ годичныхъ отчетовъ Харьковскаго историко филологическаго общества, печатавшихся прежде въ Харьковскомъ календарѣ, а потомъ въ «Сборникѣ» общества. Да и помимо того о нихъ можно было составить себѣ нѣкоторое понятіе, прочитывая внимательно «Кіевскую Старину», гдѣ по большей части и печатались статьи, основанныя на документахъ нашего архива. Я напомню г. Н. В. о нѣкоторыхъ изъ этихъ статей. Архиваріусами архива состояли три лица—А. Д. Твердохлѣбовъ, Н. Н. Бакай и М. М. Плохинскій (послѣдній занимаетъ эту должность и въ настоящее время). 1-й напечаталъ въ «Кіев. Старинѣ» старый Скельскій монастырь (1886, X, 392—398), эпизодъ изъ предсмертной борьбы Запорожья (ibidem, XII, стр. 749—756) и «наслѣдственное полковничество» (ib. 1887, V); 2-й—о полтавскомъ архивѣ (въ Хар. Губ. Вѣд.) и нѣсколько замѣтокъ въ «Кіев. Стар». и Сборникѣ харьк. ист. фил. общ. (Значеніе сельской громады въ судебномъ процессѣ к. XVII в. О Консистентахъ); онъ же началъ трудиться надъ обширной монографіей по исторіи колонизаціи лѣвобережной Малороссіи, (по даннымъ архива малорос. кол.), но къ сожалѣнію обстоятельства заставили его уѣхать изъ Харькова и прервать работу, которая несомнѣнно выполнена была бы весьма удовлетворительно (начало этой работы помѣщено въ 4-мъ томѣ «Сборника» харьк. ист. фил. общ.). М. М. Плохинскій задумалъ также обширный трудъ, всецѣло основанный на матеріалахъ нашего архива, «Объ иностранцахъ въ Малороссіи»; одна глава изъ этого труда (О цыганахъ въ Малороссіи) уже напечатана (въ «Этнограф. Обозрѣніи»), другая (о грузинкахъ въ Малороссіи) печатается въ 5-мъ томѣ «Сборника харьк. ист. фил. общ.»; въ 3-мъ томѣ «Сборника» напечатана обширная статья того же автора «О бобровникахъ и стрѣльцахъ въ лѣвобережной Украйнѣ» (съ приложеніемъ многихъ документовъ) и нѣсколько мелкихъ замѣтокъ. Завѣдующему архивомъ (мнѣ) принадлежатъ слѣдующія работы, въ основу которыхъ положены документы архива малорос. коллегіи: 1) Замѣтка объ архивѣ малорос. коллегіи (въ кіев. Унив. изв. 1882, сент.), и Мысли объ устройствѣ

историческаго архива при харьк. унив. (въ Вѣст. археол.), 2) Рецензія, составленная по порученію Академіи Наукъ на извѣстный трудъ А. М. Лазаревскаго «Описаніе Старой Малороссіи»; въ эту рецензію внесено значительное количество матеріала изъ архива малор. коллегіи; 3) составляется обширное изслѣдованіе «О магдебургскомъ правѣ въ городахъ лѣвобережной Малороссіи», которое главнымъ образомъ будетъ основано на документахъ нашего архива, какъ въ этомъ можно убѣдиться по двумъ главамъ его, напечатаннымъ въ Жур. Мин. Нар. Просв. (за 1892 годъ). Изъ постороннихъ лицъ, работавшихъ въ архивѣ малорос. коллегіи, отмѣтимъ прежде всего П. С. и А. Я. Ефименокъ; Петръ Савичъ Е. напечаталъ въ «Кіев. Ст». замѣтки: «Одинъ изъ протестовавшихъ» (1882, III, 602—608), «Школа для обученія пѣвчихъ» (Ib. 1883, V, стр. 169—174), «Упыри» (Ib. VI, стр. 371—379), «Околдованіе начальства» (Ib. 1886, V, стр. 175—178), «Рудни въ Сѣверщинѣ» (Ib. 1888, IV, стр. 52—63), Александрѣ Яковлевнѣ Ефименко принадлежатъ слѣдующія статьи: 1) О конныхъ судахъ, (Ib. 1885, X.), 2) О Полуботкѣ и 3) «Турбаевская катастрофа» (К. Стар. 1891, III, стр. 373—401); затѣмъ, во время пребыванія своего въ Харьковѣ не мало работалъ въ архивѣ малорос. коллегіи И. В. Теличенко, напечатавшій на основаніи его монографію «Очеркъ кодификаціи малороссійскаго права», (Кіев. Стар. 1888, сентябрь и октябрь), статью объ архивѣ (Ib. 1889, II), и нѣсколько замѣтокъ въ той же «Кіев. Стар». («Къ исторіи финансовъ малорос. и слоб. укр»., 1888, IV, Универсалъ гетмана Разумовскаго, 1890, IV) и въ Хар. Губ. Вѣд. (О наборѣ пѣвчихъ въ Малор. и др.), въ настоящее время также энергично трудится Д. П. Миллеръ надъ обширнымъ изслѣдованіемъ «О гродскихъ, земскихъ и подкоморскихъ судахъ въ Малороссіи к. XVIII вѣка»; ему же принадлежитъ извѣстная читателямъ «Кіев. Старины» статья «Голштинскіе наборы въ Малороссіи» (1892, сентябрь, стр. 293—312) и нѣсколько замѣтокъ по исторіи Малороссіи въ газетѣ «Южный Край». Ел. Петр. Радакова почти въ теченіе двухъ лѣтъ посѣщала нашъ архивъ и извлекала матеріалы по внутренней исторіи козачества въ лѣвобережной Украйнѣ; первый опытъ ея архивныхъ трудовъ напечатанъ въ «К. Старинѣ»—Гетманъ Даніилъ Апостолъ въ роли колонизатора (1891, VI, стр. 458—468); другая статья «Командировки малорос. козаковъ къ Ладожскому каналу» была давно уже отправлена въ одинъ изъ южныхъ сборниковъ, который къ сожалѣнію не вышелъ въ свѣтъ; она также скоро появится въ печати. Г-жа Лобко напечатала за-

мѣтку объ уравненіи мѣръ и вѣса въ Малороссіи (Кіев. Стар. 1889 VII, 232—239). Сверхъ того, пользовались дѣлами архива малор. коллегіи—Д. И. Эварницкій, Н. Ѳ. Сумцовъ, П. П. Короленко, г. Лилеевъ, а также В. И. Савва, работающій теперь надъ изслѣдованіемъ о промышленности въ лѣвобережной Малороссіи.

Но почему же г. Н. В. утверждаетъ, что архивомъ малорос. кол. никто въ Харьковѣ серьезно не занимается? Онъ самъ на этотъ вопросъ, къ сожалѣнію, не даетъ никакого отвѣта; онъ просто утверждаетъ, но ничѣмъ не доказываетъ этого, и потому намъ остается сдѣлать два предположенія—или г. Н. В. *не зналъ* о перечисленныхъ нами трудахъ, основанныхъ на документахъ харьк. архива, или зналъ о нихъ, но все таки не считалъ ихъ достаточно серьезными. Мы бы, конечно, предпочли первую догадку... Но весьма возможно, что г. Н. В. дѣйствительно не считаетъ достаточно серьезными ни всѣхъ перечисленныхъ нами трудовъ въ ихъ совокупности, ни каждаго изъ нихъ взятаго въ порознь. Какъ бы то ни было, въ ожиданіи соотвѣтствующаго разъясненія и мы повременимъ съ оцѣнкою ихъ научнаго значенія и предоставимъ рѣшеніе этого вопроса читателямъ «Кіев. Старины», знакомымъ съ большею частью этихъ работъ. Но г. Н. В. долженъ, по нашему мнѣнію, отказаться отъ своего *предсказанія,* что и впредь дѣлами архива малорос. въ Харьковѣ *никто серьезно заниматься не будетъ.* На чемъ основываетъ г. Н. В. свой пессимистическій взглядъ на судьбу харьк. ист. архива? Зачѣмъ ему смущать насъ своими мрачными мыслями? Быть можетъ, мы сдѣлали гораздо меньше, чѣмъ нужно; но мы возлагаемъ надежды на будущее и думаемъ, что, съ улучшеніемъ условій существованія нашего архива, увеличится и число работниковъ. До настоящаго времени харьковскій архивъ во всякомъ случаѣ уже создалъ нѣсколькихъ молодыхъ дѣятелей—имена ихъ мы привели выше—и это служитъ ручательствомъ, что такіе же работники не оскудѣютъ въ будущемъ.

Д. И. Багалѣй.

Документы, извѣстія и замѣтки.

О происхожденіи слова „колеивщина“. Гайдамацкое движеніе 1768 г. носитъ, какъ извѣстно, специальное названіе «колеивщина». Значеніе слова гайдамачина объяснено удовлетворительно еще со времени появленія перваго изданія книги Скальковскаго «Наѣзды гайдамакъ» (1845 г.) [1]; терминъ же колеивщина не разъясненъ и до настоящаго времени. Одни производятъ это слово отъ *колъ*, другіе отъ *колоть*, третьи отъ *collega*; различное производство отражается и на правописаніи этого слова: одни пишутъ *колеивщина*, другіе—*коліивщина*. Цѣль настоящей замѣтки—предложить новое объясненіе, повидимому, болѣе соотвѣтствующее понятію, выражаемому словомъ, а также и его этимологіи.

Изслѣдованіями, появившимися послѣ книги Скальковскаго (М. А. Максимовича, В. Б. Антоновича, Я. Н. Шульгина), вполнѣ установлено, что гайдамачина представляетъ не что иное, какъ видоизмѣненное подъ вліяніемъ новыхъ условій козачество, т. е. своеобразную военно демократическую организацію, цѣлью которой была борьба за вѣру и народность. Подобная организація народныхъ силъ составляетъ характерное явленіе всей южно-русской исторіи, бывшее результатомъ мѣстныхъ условій географическихъ, этнографическихъ и политическихъ. Первыми представителями этой организаціи, по мнѣнію компетентныхъ изслѣдователей южно-русской старины (И. И. Срезневскій, П. В. Голубовскій, И. А. Житецкій) являются *бродники*, упоминаемые въ лѣтописяхъ еще въ періодъ до-татарскій. Послѣ татарскаго нашествія въ южно-русскихъ степяхъ являются *козаки*; впрочемъ, названіе *козакъ* могло появиться и раньше, такъ какъ это слово

[1]) Точную этимологію этого слова см. въ изслѣдованіи В. Б. Антоновича (Арх. Ю.-З. Р., часть 3-я, томъ III, предисловіе стр. 10—11).

половецкое, означающее «стражъ, передовой, ночной и дневной» [1]). Упорная борьба козаковъ съ сосѣдями кончилась, какъ извѣстно, во второй половинѣ XVII ст. раздѣленіемъ Украины на правобережную и лѣвобережную, при чемъ козачество сохранилось въ видѣ сильной, но утратившей свой первоначальный характеръ, организаціи только въ Украинѣ лѣвобережной; въ правобережной же имя козаковъ *почти* исчезаетъ (въ другомъ мѣстѣ мы постараемся доказать, что и здѣсь оно не исчезло вполнѣ). Но потребности народа даютъ себя знать по прежнему, и старое козачество возрождается въ формѣ *гайдамацкихъ* возстаній. Замѣтимъ еще, что слово гайдамакъ (какъ и козакъ) не мѣстнаго происхожденія, а заимствовано отъ одного изъ тѣхъ народовъ, съ которыми вели борьбу гайдамаки, и по значенію аналогично старинному термину *бродникъ*.

Одно изъ гайдамацкихъ возстаній получило особое названіе—*колеивщина*. Что же можетъ означать это слово и какого оно можетъ быть происхожденія? Мы думаемъ, что слово это по значенію *должно быть* близко къ одному изъ приведенныхъ выше терминовъ, а по происхожденію *можетъ быть* или самобытнымъ, или заимствованнымъ отъ одного изъ тѣхъ народовъ, съ которыми вели борьбу гайдамаки; притомъ, если это слово заимствованное, то оно можетъ быть взято скорѣе всего изъ польскаго языка, такъ какъ примѣняется спеціально къ самому обширному возстанію гайдамаковъ противъ польскаго правительства. Мы думаемъ, что оно происходитъ отъ польскаго слова *kolej*—очередь. Въ современныхъ актахъ (второй половины XVIII вѣка) слово это употребляется для обозначенія очередной стражи. Такъ, въ инвентарѣ староства Таборовскаго 1789 г. [2]) сказано: «Szlachta z całego starostwa Taborowskiego resydencyą do zamku Taborowskiego W-go Starosty *w koley* odbywać po iednemu maią, y z listami gdzie interess wypadnie bez żadney sprzeczki y dania nadgrody iechać są obowiązani; na co zwierchnosć znaczki na odbytą *koley* niedaley iak do Żytomierza dawać ma». Въ инвентарѣ добръ Журобенпцы 1765 г. сказано: «Stroz roczny powinien bydz od gromady postanowiony na usługę dworskę, lub bez *koley* maią odbywać w nienaięciu stroza» Изъ этихъ примѣровъ видно, что во второй половинѣ XVIII в. на Украинѣ и шляхта, и подданные отбывали различныя сторожевыя повинности *w koley*—по очереди, при чемъ были цѣлые

[1]) П. В. Голубовскій. Печенѣги, торки и половцы до нашествія татаръ. Стр. 211.

[2]) К. Ц. Архива кн. № 121, л. 573—575.

разряды такихъ очередныхъ стражей, приписанныхъ къ извѣстной территоріи. Такая организація военной стражи вполнѣ соотвѣтствовала козацкимъ привычкамъ населенія и, при первомъ толчкѣ, легко могла обратиться противъ польскаго правительства. Такимъ толчкомъ и служили «наѣзды гайдамакъ». Гайдамаки составляли бродячій элементъ южно-русскаго населенія, наиболѣе приближавшійся по своему характеру къ козакамъ запорожскимъ, съ которыми они всегда и были въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ; *«колеи»* были люди осѣдлые и соотвѣтствовали прежнимъ городовымъ козакамъ, тоже, какъ извѣстно, охотно откликавшимся на запорожскія возстанія.

Итакъ, терминъ *«колеивщина»* происходитъ, по нашему мнѣнію, отъ слова *колея—очередь, въ смыслѣ очередной вооруженной стражи*, и является какъ-бы синонимомъ слова *«козачество»*.

Косвеннымъ подтвержденіемъ такого объясненія представляется намъ, во 1 хъ, тотъ фактъ, что терминъ колеивщина примѣняется только къ возстанію 1768 г., въ которомъ наибольшее впечатлѣніе произвела «Уманская рѣзня» (возстаніе мѣстныхъ надворныхъ козаковъ), и во 2 хъ, соотвѣтствіе этому производству польскаго термина—Koleszczyzna.

В. Щербина.

Къ родословію Алексѣя Петровича Стороженка. Благодаря любезности г. конотопскаго уѣзднаго предводителя дворянства К. Ѳ. Кулябки, мы имѣли возможность ознакомиться съ дѣломъ конотопской дворянской опеки 1783—85 гг. объ опредѣленіи опекуновъ къ дѣтямъ бунчуковаго товарища Даніила Григорьевича Стороженка, дѣда извѣстнаго малорусскаго писателя Алексѣя (Олексы) Петровича Стороженка, вслѣдствіе чего можно точно опредѣлить личный составъ той отрасли рода дворянъ Стороженковъ, изъ которой происходилъ нашъ писатель.

Начнемъ съ «мужа знаменитаго», Григорія Андреевича, члена коммиссіи для составленія свода малороссійскихъ законовъ («книгъ правныхъ»), портретъ и біографія котораго были помѣщены въ «Кіевской Старинѣ» за 1890 годъ; онъ приходится Алексѣю Петровичу прадѣдомъ.

У Григорія Андреевича, женатаго на вдовѣ бунчуковаго товарища Якима Ѳедоровича Кулябки, Евдокіи Андреевнѣ, урожденной Лизогубъ, было 4 сына: Степанъ, Андрей, Даніилъ и Петръ. Средній

сынъ, бунчуковый товарищъ Данило Григорьевичъ, жилъ въ слободѣ Лисогорѣ, нынѣ въ борзенскомъ уѣздѣ черниговской губерніи, и имѣлъ двухъ сыновей и двухъ дочерей: Павла (род. 1766 г.), Петра (род. 1769 г.), Анну и Екатерину. Старшаго сына своего, Павла, Данило Григорьевичъ помѣстилъ въ сухопутный шляхетный кадетскій корпусъ, который онъ и окончилъ успѣшно, будучи выпущенъ поручикомъ, а меньшаго, Петра, по достиженіи имъ тринадцатилѣтняго возраста, записалъ регистраторомъ въ канцелярію графа Румянцева.

По обычаю тѣхъ временъ, Данило Григорьевичъ имѣлъ несчастье затѣять нѣсколько процессовъ со своими родственниками: со вдовой старшаго брата своего, Степана Григорьевича, Мареой, и его двумя сыновьями, Михайломъ и Иваномъ, и съ единоутробными своими братомъ и сестрой—бунчуковымъ товарищемъ Андреемъ Якимовичемъ Кулябкой и его родной сестрой, Ириной, бывшей замужемъ за нѣжинскимъ полковымъ судьей Василіемъ Кулаковскимъ, съ первыми—изъ-за злоупотребленія яко-бы Степаномъ Григовьевичемъ опекунскими правами, въ бытность его впродолженіе шестнадцати лѣтъ опекуномъ надъ своими малолѣтними братьями, съ послѣдними—изъ-за неправильнаго де раздѣла имущества, оставшагося имъ послѣ смерти ихъ общей матери, Евдокіи Андреевны Лизогубовны.

Въ 1783 году Данило Григорьевичъ умеръ, не приведши вчатыхъ исковъ къ благополучному окончанію. Вдова его Екатерина Өедоровна, дѣвическая фамилія которой намъ не извѣстна, хотѣла продолжать ихъ производство, но различныя судебныя инстанціи потребовали отъ нея прежде всего письменныхъ доказательствъ, что ея покойный мужъ поручилъ ей завѣдыванье оставшимся послѣ него имуществомъ и веденіе предъявленныхъ имъ исковъ, каковыхъ она не могла представить, ограничиваясь лишь заявленіемъ, что покойный мужъ препоручилъ ей все это словесно; тогда борзенская дворянская опека стала пріискивать опекуна, но довольно неудачно, такъ какъ всѣ, кому предлагали опеку, отказывались по разнымъ причинамъ; наконецъ, опекуномъ былъ назначенъ Дмитрій Григоровичъ, родственникъ по Кулябкамъ, бунчуковый товарищъ. Между тѣмъ Екатерина Өедоровна все просила различныя инстанціи, чтобы не назначали опекуна изъ постороннихъ лицъ въ виду того, что старшій сынъ ея, Павелъ Даниловичъ, скоро кончаетъ корпусъ и достигаетъ совершеннолѣтія, но хлопоты ея не увѣнчались успѣхомъ и она умерла 19 мая 1785 г., оставивши трехъ малолѣтнихъ сиротъ на произволъ чужихъ людей. Съѣхавшіеся въ Лисогоръ на похороны,

родственники, бунчуковый товарищъ Григорій Андреевичъ Стороженко, предводитель дворянства прилуцкаго уѣзда Василій Яковлевичъ Тарновскій и корнетъ Василій Андреевичъ Кулябка, поручили завѣдываніе всѣмъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ сиротъ польскому шляхтичу Ивану Сочинскому, а сироты подали заявленіе на имя борзенскаго предводителя дворянства, полковника Петра Ивановича Забѣлы, о назначеніи опекуномъ надъ ними достигшаго уже совершеннолѣтія старшаго брата ихъ, Павла, имѣющаго въ скоромъ времени окончить корпусъ. Борзенская дворянская опека, хотя самаже отставила Григоровича отъ опеки, вслѣдствіе достиженія Павломъ Даниловичемъ совершеннолѣтія, но не обратила вниманія на это заявленіе и стала вновь пріискивать опекуновъ. Надворный совѣтникъ Василій Васильевичъ Кочубей (с. Кунашевка) и надворный совѣтникъ Михайло Михайловичъ Стороженко (с. Ржавецъ), которымъ было предложено взять на себя опеку, отказались, и едва нашелся охотникъ въ лицѣ ротмистра Михаила Васильевича Чеснока. Но сироты никакъ не могли помириться съ такимъ распоряженіемъ борзенской опеки и продолжали просить о назначеніи опекуномъ старшаго брата Павла; наконецъ, ихъ воплямъ вняла палата гражданскаго суда черниговскаго намѣстничества и прислала выговоръ борзенской дворянской опекѣ, что она назначаетъ чужое лицо опекуномъ, когда есть законный опекунъ, въ лицѣ совершеннолѣтняго Павла Даниловича, который и былъ, наконецъ, утвержденъ опекуномъ.

Во время всѣхъ этихъ передрягъ тяжебныя дѣла продолжались, не смотря на неоднократныя просьбы сиротъ о временной пріостановкѣ ихъ до утвержденія ихъ брата, Павла, опекуномъ и до выхода его изъ корпуса; а такъ какъ некому было слѣдить за общимъ направленіемъ ихъ и главное за судебными сроками, то естественно, что они кончались не въ пользу сиротъ. Процессы и своекорыстные опекуны и управляющіе значительно уменьшили отцовское наслѣдіе, такъ что, когда Павелъ и Петръ Даниловичи сдѣлались самостоятельными хозяевами, то они оказались далеко не крупными собственниками. Но все таки Петръ Даниловичъ имѣлъ на столько средствъ, чтобы дать образованіе своимъ двумъ сыновьямъ—Алексѣю и Николаю Петровичамъ, съ которыми и угасла эта отрасль рода Стороженковъ...

Николай Стороженко.

Графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій въ роли челобитчика въ сенатъ. Помѣщаемая ниже челобитная графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго въ сенатъ является несомнѣно важнымъ вкладомъ въ исторію гадяцкой старины, но имѣетъ и общій интересъ для исторіи малороссійскаго землевладѣнія.

Хотя на черновикѣ челобитной, который сохранился въ Яготинскомъ архивѣ князя Н. В. Репнина, и нѣтъ даты, но изъ самаго содержанія ея видно, что она была написана и представлена въ сенатъ въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, когда графъ Разумовскій полноправно владѣлъ недавно пожалованнымъ ему гадяцкимъ замкомъ или ключемъ, не думая еще объ его продажѣ. Гадяцкій ключъ былъ пожалованъ графу Кириллу Григорьевичу въ вѣчное владѣніе въ 1764 г., а въ 1785 г. большинство входившихъ въ составъ его поселеній съ 9949 д. крестьянъ мужескаго пола и относящимися къ нимъ землями было продано имъ въ казну за 596850 р., за нимъ же осталось 2786 д. крестьянъ. Свѣдѣнія эти заимствованы нами изъ краткой исторіи гадяцкаго замка, разсказанной въ «Топографическомъ описаніи черниговскаго намѣстничества» Шафонскаго и дополненной г. Василенкомъ въ пятой книжкѣ «Чтеній въ обществѣ Нестора лѣтописца» новыми данными изъ найденныхъ имъ рукописныхъ матеріаловъ.

Причиной составленія жалобы въ сенатъ была попытка со стороны крестьянъ въ гадяцкомъ ключѣ высвободиться изъ крѣпостной зависимости путемъ перехода въ казаки, а со стороны представителей козачьей старшины захватить часть земель, входившихъ въ составъ гадяцкаго ключа и округлить такимъ образомъ свои земельныя владѣнія.

Графъ Разумовскій, еще будучи гетманомъ, до пожалованія ему ключа, хлопоталъ о сохраненіи его въ томъ составѣ, какъ онъ былъ во времена польскаго владѣнія, когда считался королевскимъ замкомъ. Въ своей челобитной Разумовскій говоритъ, что, «бывши гетманомъ, *онъ* (даже) *незналъ*, что будетъ ему пожалованъ замокъ гадяцкій, но имѣлъ долгъ отобрать на урядъ гетманской, по силѣ гетманскихъ рѣшительныхъ пунктовъ» все разновременно захваченное. Конечно, что распоряженія Разумовскаго въ этомъ смыслѣ встрѣтили сильное противодѣйствіе со стороны захватившихъ, а когда онъ получилъ гадяцкій ключъ въ свою собственность, то эти распоряженія были истолкованы своекорыстными побужденіями. Съ пожалованьемъ гадяцкаго ключа Разумовскому хищенія не прекращались, въ особен-

ности, когда Разумовскій, по увольненіи своемъ отъ гетманства, уѣзжалъ за границу, такъ что пришлось энергично браться за возвращеніе захваченнаго имущества при помощи судебныхъ инстанцій. Въ своей челобитной Разумовскій обвиняетъ въ захватахъ главнымъ образомъ представителей мѣстной козачьей старшины и при этомъ намекаетъ на происхожденіе многихъ гадяцкихъ родовъ изъ Татаръ, Евреевъ, Поляковъ, Грековъ, Волоховъ, Сербовъ и Цыганъ. Дѣйствительно, такіе роды, какъ Крыжановскіе и Бороховичи, еврейскаго происхожденія, Милорадовичи, Пламенацы и Драгомановы(?)—сербскаго, Грабянки, Галецкіе, Геевскіе и Масюки (Maciej-Maciuk)—польскаго и т. п.; быть можетъ, при дальнѣйшей разработкѣ генеалогіи гадяцкихъ дворянскихъ родовъ обнаружится принадлежность ихъ предковъ и къ прочимъ упомянутымъ Разумовскимъ національностямъ. Въ подтвержденіе правоты своихъ распоряженій и въ защиту своихъ личныхъ интересовъ, Разумовскій высказываетъ свой взглядъ на исторію малороссійскаго землевладѣнія со ссылками на Литовскій статутъ, что центральному правительству непремѣнно слѣдуетъ противодѣйствовать переходу изъ одного состоянія въ другое. Взглядъ этотъ важенъ для насъ не только потому, что принадлежитъ послѣднему малороссійскому гетману, но и потому что это былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и взглядъ центральнаго правительства, вслѣдствіе чего и была пріобрѣтена въ казну въ 1785 г. большая часть гадяцкаго ключа, что бы такимъ образомъ лишить представителей мѣстнаго козачества возможности узаконить за собою давностью занятыя ими земли и тѣмъ утвердиться въ шляхетскихъ правахъ, а крестьянъ—высвободиться изъ крѣпостной зависимости и увеличить количество вольнаго козачества.

Челобитная графа К. Г. Разумовскаго

Ключъ Гадяцкой, какъ малая Россія была подъ Польшею, имѣлъ свой округъ: внутрь его границъ населены местечка, села и деревни, о чемъ есть доказательствомъ и генеральное 1730 года слѣдствіе.— Сей ключъ былъ коронной для стола королевскаго, а во время присоединенія къ Россіи, на урядъ гетманской. Гетманы учредили въ немъ з бывшихъ королевскихъ крестьянъ полкъ казачій и назвали его Зѣнковскимъ, наконецъ переименовали Гадяцкимъ, и сему числу людей до тысячи человѣкъ опредѣлили земли для пропитанія и содержанія къ службѣ, протчими же всѣми землями и крестьянами владѣли гетманы. Со дня Мазепы раздавали съ тѣхъ селъ монастырямъ и козачимъ чиновникамъ во временное владѣніе тѣмъ, кому

они хотѣли оказать приватное угожденіе: такову раздачу *въ универсалахъ* своихъ назвали *ко вспартью,* до возстановленія дому или экономіи, *до ласки войсковой,* пока угодно гетману. Итакъ заключаютъ оные универсалы временное владѣніе, а не вѣчнопотомственное: ибо гетманы публичнымъ обязаны правомъ давать вѣчнопотомственно недвижимыя имѣнія за отличныя услуги, оказанныя отечеству на войнѣ противъ непріятеля, атестуя въ шляхтичи, или урожденнымъ шляхтичамъ, сынамъ отечества. Но такихъ универсаловъ находится весьма мало, съ которыхъ для примѣру одинъ прилагается, на вѣчнопотомственное владѣніе урожденному шляхтичу данный, который оказалъ отличныя услуги отечеству во время шведской компаніи, бывши въ совѣтѣ и въ дѣлѣ при гетманѣ. Другой примѣръ въ сенатѣ есть при дѣлѣ, что Мазепа универсаломъ далъ монастырю Гадяцкому одно село во вѣчность, а другимъ универсаломъ другое село до исправленія токмо монастырскихъ нуждъ. Третій примѣръ, что одинъ гетманъ одно имѣніе давалъ многимъ, перемѣняя свои довременные универсалы. Въ законахъ же со стороны довременнаго владѣнія не дозволено получать *экспектативъ,* листовъ позволительныхъ, то есть, когда дано будетъ имѣніе по смерть отцу, то сынъ не имѣетъ права владѣть такъ, какъ и просить о позволительномъ листѣ, но долженъ возвратить въ коронное владѣніе, не защищаяся и земскою давностью, ибо Государеву [1]) имѣнію, равно какъ шлятетскому противъ нешляхтича нѣтъ давности [2]).

За такою временною раздачею въ поданной въ кабинетъ вѣдомости 1727 года марта 10-го поставлено наличныхъ семь городовъ и двадцать два села, въ нихъ крестьянскихъ дворовъ и бездворныхъ избъ 2951, и козачьихъ 5512, а прочее за разночинцами. Потому въ рѣшительныхъ 1728 года пунктахъ гетману Апостолу данныхъ велѣно коронныя имѣнія всѣ возвратить изъ незаконной раздачи, но не возвращены, ибо гетманъ еще и экспектативы далъ въ противность онымъ пунктамъ и правамъ.

Первый гетманъ Хмельницкій положилъ быть числу козакамъ 60000-му, а какъ по ту сторону Днѣпра, которая нынѣ подъ Польшею, большая часть была Малой Россіи, то и видно, сколь мало должно быть козаковъ на сей сторонѣ и для ихъ службы потребной

---

[1]) Раздѣла 1-го артикула 33-го § 2-й конституціи 1550-го страница 4-я, 1562-го стр. 20-я, 1588-го года генваря 30 го.

[2]) Раздѣла 3-го артикулъ 26-й.

земли: онъ обязался своими статьями учинить разборъ кому быть козакамъ, наконецъ, и другіе гетманы также обязались, но того не исполнили. Итакъ крестьяне самопроизвольно объявляли себя козаками, не взирая на оное опредѣленное число. Въ разсужденіи же законовъ такое дерзновеніе непростительно, потому что крестьяне не имѣютъ вѣчно вольности, если формально изъ крестьянства уволнены не будутъ тѣ, которые въ крестьянствѣ пребыли за многихъ королей, поелику они названы дѣдичные и отчизные. Другой родъ крестьянъ есть вольной: они названы боярами, панцырными и путными слугами, которые получили вольность отъ королей, для того что первые выбраны для пересылокъ письменныхъ, вторые и послѣдніе для охраненія домовъ управительскихъ и казны. Такихъ людей и шляхтичи у себя имѣли изъ своихъ крестьянъ, однакожъ и сей родъ людей увольненныхъ и переходящихъ оставленъ на такихъ кондиціяхъ, что безъ дозволенія своихъ господъ, къ которымъ придутъ жить, отойти не должны, а, получивши дозволеніе, должны оставить господину все нажитое и чѣмъ вспоможены, но бывши во владѣніи у одного господина десять лѣтъ должны еще и откупиться десятью рублями, ежели же побѣгутъ тайнымъ образомъ, должны будутъ судомъ опредѣлены быть уже во вѣчность и отданы какъ дѣдичные и отчизные, а столѣтное пребываніе у одного господина дѣлаетъ ихъ дѣдичами и отчичами. Равнымъ образомъ предписано и съ тѣми поступать, кои дозволятъ себя похитить, съ похитителями же обоихъ родовъ крестьянъ, какъ съ ворами, обыкновенной казни подлежащими.

Въ 1-мъ пунктѣ пунктовъ онаго перваго гетмана и особливою Высочайшею грамотою козаки, выбранные симъ гетманомъ, оставлены на такихъ правахъ, чтобы два третьяго судили естественнымъ правомъ, чтобы не отбирать у нихъ, у женъ ихъ, у дѣтей, земель, и чтобы старшинамъ ихъ получать инымъ жалованье, а полковникамъ дать по одной мельницѣ. Права оныя козачія суть тѣ, которыя даны бывшимъ запорожцамъ, ибо отъ козаковъ запорожскихъ отъ пороговъ по Чигиринъ городъ населены земли, но сю-жъ сторону Днѣпра никакихъ не было козаковъ, но они набраны токмо первымъ гетманомъ изъ крестьянъ на правахъ оныхъ запорожскихъ. Однако козаки и чиновники ихъ не шляхтичи, ибо по смерти перваго гетмана вторый Выговскій, измѣнивши Россію, трактовалъ уже съ Польшею въ бывшей Гадяцкой коммиссіи, о которой напечатано въ конституціяхъ, чтобъ съ каждого полку каждой годъ по сту человѣкъ коза-

ковъ были произведены въ шляхтичи, въ которое время нѣкоторые полковники козачіе, именно въ конституціи изображенные, и получили отъ Польши шляхетство и земли для шляхетскаго помѣстія, но сей свой трактатъ Польша уничтожила, когда козаки пришли паки подъ державу Россіи, Россія простила только ихъ дерзость и оставила на правахъ перваго гетмана. Наконецъ, гетманы пунктами своими положили уже, чтобъ о заслуженныхъ представлять Государю для пожалованія въ шляхтичи, для утвержденія деревень, которыя даны имъ отъ гетмановъ будутъ ради шляхетскаго помѣстія. Итакъ сіи пункты согласны съ правами [1]), потому что въ шляхтичи тотъ достоинъ, кто окажетъ отлично храбрыя и мужественныя дѣла на войнѣ противъ непріятеля, а въ конституціи положено, чтобы гетманъ или сенатъ въ томъ аттестовали. Первая же прерогатива шляхетская въ томъ, что кто не изъ шляхетства, не долженъ тотъ завладѣть деревнями, такъ что, какъ выше сказано [2]) и никакой давности почитаемо быть не должно. Равнымъ образомъ не долженъ завладѣть и никакой чужестранной [3]) шляхтичъ, подобныхъ не оказавъ заслугъ отечеству и формально неприсоединенъ къ сынамъ отечества, а въ противномъ случаѣ, кто донесетъ, взято должно быть на Государя и половину отдано доносителю. Положено-жъ и въ статьяхъ третьяго гетмана, чтобы никакихъ перекрестамъ [4]) и иноземцамъ не давать достоинствъ.

Но все противно тому въ замкѣ Гадяцкомъ, ибо вышедшіе изъ Татаръ, Жидовъ, крестьянъ Польскихъ, Грековъ, Волохъ, Сербовъ и Цыганъ, завладѣли коронными замку Гадяцкаго землями и крестьянами, назвали себя козаками, сдѣлалися козачьими чиновниками и присвоили себѣ прерогативу шляхетскую, поелику всѣ козаки, отступивши своихъ правъ запорожскихъ, присвоили себѣ права шляхетскія толь самовольно и толь недолжно.

Что-жъ до шляхтичей, какъ Малая Россія была подъ Польшею, то тогда-жъ и учиненъ разборъ: шляхетство и рыцарство приведены въ надлежащій списокъ, наконецъ, вновь много произведено въ шляхтичи и даны имъ помѣстія въ извѣстныхъ мѣстахъ и границахъ.

---

[1]) Раздѣла 3-го артикулъ 12-й и конституція 1601-го года на стр. 736-й подъ титуломъ о новой шляхтѣ.

[2]) Вышеупомянутый 26-й артикулъ.

[3]) Вышеупомянутаго 12-го артикула § 2-й и конституція 1601-го года на стр. 743-й.

[4]) Юрія Хмельницкаго 8-й артикулъ.

Мѣщанство и крестьянство приведено тако-жъ въ извѣстный порядокъ. О сихъ-то шляхтичахъ первый гетманъ въ 3-мъ пунктѣ своихъ пунктовъ и Государь особою-жъ Высочайшею грамотою опредѣлилъ, чтобы оставлены имъ были права и привилегіи, которые они получили отъ королей польскихъ, и суды земскіе и градскіе ихъ шляхетскіе, потому что малороссійское шляхетство присоединено было къ коронѣ Польской въ полномъ равенствѣ сыновъ отечества.

Онъ-же гетманъ положилъ при монастыряхъ быть тѣмъ правамъ и привилегіямъ, которые имъ даны отъ тѣхъ-же королей и которыми наданы имъ деревни во вѣчность; между прочими-же правами наконецъ конституціями положена со стороны шляхтичей давность 60-ти лѣтняя [1]) и запрещено, чтобы не записывать земель во всѣ монастыри, а который урядъ допуститъ совершить крѣпость, тотъ долженъ быть низложенъ, но въ противность правамъ гетманы отдали монастырю Гадяцкому деревни изъ урядныхъ гетманскихъ.

Гетманъ графъ Разумовскій приказалъ возвратить къ замку Гадяцкому отъ монастыря и отъ разночинцевъ всѣ надлежащія къ нему села и деревни, которыя розданы гетманами ненадлежаще и въ довременное владѣніе и земли, и крестьянъ, которые, какъ выше сказано, расхищены, но нѣкоторые токмо отобраны, а другіе оставлены, ибо неисполнено его повелѣніе, за отсутствіемъ его и какъ отборъ учиненъ по повелѣнію его не для его, но Государю, то и долженъ сей отборъ быть защищенъ правомъ Государевымъ, то есть упомянутыми рѣшительными пунктами.

Но при увольненіи графа отъ уряду гетманскаго, какъ пожалованы ему оныя маетности и какъ графъ былъ въ чужихъ краяхъ, расхищены и больше земли и крестьянъ, и другія угодія, такъ что ни одно мѣстечко и ни одно село не имѣетъ должнаго количества и качества.

Напротиву же того доносятъ въ сенатѣ разночинцы, что графъ взялъ больше, какъ ему пожаловано. Симъ несправедливымъ доносомъ сдѣлали ему чувствительнѣйшую обиду, ибо въ челобитьи своемъ подвели такое право, чрезъ которое думаютъ, что для графа и для его потомства Высочайшее пожалованье не будетъ дѣйствительно. А какъ оное право требуетъ учредить Государеву коммиссію, въ ко-

---

[1]) Конституція 1633 г. на стр. 26 подъ титуломъ прискрипція и 1635 г. на стр. 12-й подъ титуломъ о давности, тогожъ 1635 г. на стр. 7-й подъ титуломъ— ординація Рѣчи посполитой.

торой изобличенъ будетъ ложной доносъ, того ради проситъ графъ и опредѣлить коммиссію, но въ сенатѣ разсмотрѣть: 1-е, что бывши онъ гетманомъ незналъ, что будетъ ему пожалованъ замокъ гадяцкой, но имѣлъ домъ отобрать на урядъ гетманской по силѣ упомянутыхъ рѣшительныхъ пунктовъ, а челобитчики ежели отборъ сей считали не по силѣ оныхъ пунктовъ, имѣли волю бить челомъ въ сенатъ, но никто не билъ челомъ, такъ что между тѣмъ и прошла давность земская десятилѣтняя уже по то число, какъ они подали въ сенатъ свою челобитную, извиняются же но незаконно, что не объявлено имъ рѣшенія, ибо отборъ учиненъ по онымъ пунктамъ, итакъ сіи пункты есть рѣшеніе, а отборъ исполненіе оныхъ, въ противность же законовъ званъ графъ и въ суда земскіе въ то время уже, какъ пожалованы ему всѣ оныя мѣстечка, села и деревни, и сей однако-жъ позывъ въ промолчаніи оной давности не извиняетъ ихъ для того, что принадлежащія въ разсмотрѣніе Государю[1]) и сенату дѣла отнесли они въ судъ земскій для одной уловки, 2-е, временную гетманскую надачу по правамъ, объ экспектативахъ, 3-е, о козакахъ тѣхъ, коихъ Хмельницкій выбралъ въ козаки и которые состоятъ въ старыхъ спискахъ, о крестьянахъ, самовольно опредѣлившихся въ козаки, и о выходцахъ изъ разныхъ народовъ, кои взяли на себя козачее имя и козачіе чины и присвоили коронныя земли и права шляхетскія, и наконецъ, 4-е, отдать ему графу всѣ, какъ Высочайше пожаловано, мѣстечка, села и деревни, принадлежащія замку гадяцкому.

Сообщ. **Н. В. Стороженко.**

Неосуществившееся изданіе малорусскаго альбома. Тѣмъ, кто много ѣздилъ по южнорусскому краю, кто съ любовью къ природѣ и болѣе или менѣе развитымъ чувствомъ изящнаго много разъ любовался живописными видами этого края, кому милы и дороги эти знакомые, родные уголки, съ которыми такъ много связано въ воспоминаніяхъ нашихъ съ раннихъ лѣтъ,—тѣмъ и въ произведеніяхъ искусства бываетъ особенно пріятно остановить свое вниманіе на художественномъ воспроизведеніи предметовъ, которые такъ много говорятъ нашему сердцу, такъ много намъ напоминаютъ. Отсюда естественнымъ образомъ вытекаетъ желаніе видѣть въ печати болѣе или менѣе удачно составленное собраніе рисунковъ или снимковъ

[1]) Роздѣла 3-го артикулъ 5-й, роздѣла 4-го артикула 3-го § 1-й и артикулы 44-й и 83-й.

наиболѣе красивыхъ и характерныхъ видовъ и типовъ нашего края, и не одному почтенному дѣятелю приходила въ голову мысль удовлетворить этому желанію изданіемъ альбома, посвященнаго художественному возпроизведенію малорусской природы и жизни. Предположенія однихъ, если не вполнѣ, то частію, были приведены въ исполненіе, предположеніямъ другихъ не суждено было осуществиться. Читателямъ «Кіевской Старины», конечно, хорошо извѣстны сдѣлавшіяся библіографическою рѣдкостью изданія, которыя подъ названіемъ «Живописной Украйны» два раза были предпринимаемы: въ первый разъ—въ 1844 году незабвеннымъ Тарасомъ Григ. Шевченкомъ, а въ другой—въ 1861 году художникомъ Львомъ Мих. Жемчужниковымъ. Были также изданія, посвященныя видамъ нѣкоторыхъ губерній въ частности; таковы напримѣръ: альбомъ видовъ Полтавской губерніи, изданный въ приложеніи къ третьему тому «Записокъ о Полтавской губерніи» Н. Арандаренка (1852 г.),—альбомъ видовъ Кіевской губерніи академика Г. Ф. Ваничека, изданный подъ заглавіемъ: «Альбомъ живописныхъ видовъ Россіи» (вышла только 1-я тетрадь, заключающая въ себѣ 22 вида Кіевской губерніи, Москва 1859 г.). Съ меньшимъ умѣньемъ, но съ замѣчательнымъ усердіемъ, и съ интересомъ болѣе научнымъ, чѣмъ художественнымъ, срисовывалъ виды и типы Кіевской губерніи докторъ де-ля-Флизъ, объ альбомахъ котораго, не появлявшихся въ печати, были помѣщены извѣстія въ Кіевской Старинѣ [1]).

Изъ бумагъ покойнаго Николая Андреевича Маркевича оказывается, что и его занимала мысль издать малорусскій альбомъ, причемъ не только былъ выработанъ планъ изданія, но и составленъ списокъ тѣхъ видовъ, которые должны были войти въ альбомъ. Съ предполагавшимся планомъ изданія читатели могутъ ознакомиться изъ слѣдующихъ строкъ, принадлежащихъ перу почтеннаго автора «Исторіи Малороссіи»:

«Изданіе будетъ называться—*Живописные виды Малороссіи*». Видовъ снимется 120 масляными красками, съ нихъ—120 литографій. Литографіи будутъ выходить по 5 въ тетради съ текстомъ пояснительнымъ; въ годъ выйдетъ 60 литографированныхъ листовъ съ 60 листами (пояснительнаго текста).

Цѣна за билетъ 50 рублей серебромъ.

Каждый пріобрѣтатель билета получаетъ картину, писанную масляными красками, и 120 литографированныхъ видовъ съ текста-

---

[1]) 1889 г. № 7 и 1891 г. № 3.

ми—такимъ образомъ: каждую треть года получаютъ подписчики по 20 видовъ; по полученіи же всѣхъ 120, раздаются картины, масляными красками написанныя, на слѣдующемъ основаніи:

1. Если есть картины, представляющія виды селеній, садовъ, домовъ владѣльца, которому принадлежитъ билетъ, то онъ предпочтительно можетъ взять одну изъ таковыхъ картинъ.

2. Остальныя затѣмъ будутъ розданы по жребію между тѣми подписчиками, которые не получили еще картинъ. Жребіи будутъ вынимаемы по старшинству подписки, начиная съ того, кто раньше подписался, т. е. чей номеръ старѣе».

А вотъ и составленный Н. А. Маркевичемъ списокъ тѣхъ видовъ, которые долженствовали войти въ это изданіе:

Живописные виды Малороссіи.

I. Полтава.

1. Изъ дому Котляревскаго.
2. Изъ архіерейскаго сада.
3. Изъ Заворсклья.
4. Отъ часовни Петра Великаго.
5. Изъ городскаго сада черезъ оранжереи.
6. Изъ дому Познанскаго.
7. Площадь съ памятникомъ.
8. Съ Шведской могилы.

II. Бѣлоцерковка.

9. Съ горы во время разлива.
10. Изъ за послѣдняго моста на княжую дорогу.

III. Лубны.

11. Изъ дому Полторацкаго.
12. Изъ дому Голованова.
13. Оврагъ влѣво по спуску съ горы.
14. Видъ вправо съ первой платформы съ горы.
15. Изъ за Сулы на городъ и на монастырь.
16. Монастырь.

IV. Прилука.

17. Съ грунта Тарасевича.
18. Изъ дому Величка.

V. Густыня.

19. Съ ярмарочной площади.
20. Съ главной возвышенности по Роменской дорогѣ.

VI. Борсина и Мольки.

21. Видъ на Прилуку съ горы.

VII. Валки [1]).

22. Видъ на Густыню съ горы.

23. Внутренній видъ села и горъ у плотинки черезъ Удай.

VIII. Дорога въ Ичень изъ Прилукъ.

24. Видъ на Прилуку изъ за Половой.

25. Видъ съ дороги влѣво на Толкачовку.

IX. Высокое.

26. Видъ изъ дому Медвѣдовскаго.

X. Городня [3]).

27. Видъ на долину влѣво съ горы.

28. На село изъ за трактира Булгарова.

XI. Ряшки.

29. Съ горы по дорогѣ Калюжинской черезъ кладбище.

30. Оттуда же, съ лѣваго холма видъ направо.

XII. Дорога въ Ромны изъ Прилукъ.

31. Съ горы, выдавшейся на переволочанскую дорогу.

32. Съ долины на горы.

XIII. Охоньки.

33. Съ высшаго пункта, влѣво отъ роменской дороги взятаго.

34. Съ плотины на село.

XIV. Пручаи.

35. Дорога оврагомъ изъ Калюжинецъ.

36. Съ грунта Ив. Ант. Милорадовича.

XV. Калюжинцы.

37. Съ плотины на село.

XVI. Сокиринцы.

38. Съ горы, ведущей мимо саду.

39. Подъѣздъ къ дому.

40. Большая плуза [3]).

41. Съ нижней дорожки на ротонду, ставъ спиной къ оранжереямъ.

42. Съ полуострова на садъ.

43. Съ заворота въ паркѣ на Сокиринцы.

42. [4]) Со второго заворота на Калюжинцы.

44. Отъ деревенской церкви.

45. Съ козачьяго грунта, вправо по дорогѣ въ Васьковцы.

XVII. Васьковцы.

46. Съ горы на Рудовщину и черезъ пруды на село.

---

[1]) Очевидно—не городъ Харьковской губерніи, а село прилукскаго уѣзда, находящееся недалеко отъ Густынскаго монастыря. Н. Ш.

[2]) Тоже надо разумѣть не городъ Черниговской губерніи, который указывается ниже, а село Полтавской губерніи.

[3]) Повидимому—лужайка или поляна, расчищенное мѣсто.

[4]) Въ оригиналѣ здѣсь ошибки въ номераціи.

47. Отъ Стригуна.

48. Отъ Чапиги.

49. Съ Роменской дороги.

XVIII. Тростянецъ.

50 На домъ и садъ съ горы по дорогѣ въ Ярошевку.

XIX. Аржавецъ.

51. Съ горы на церковь.

XX. Срѣбное.

52. Съ горы, отъ дому господскаго.

53. По дорогѣ въ Прилуку, съ плотины хуторной на Деймановку.

XXI. Лодинъ.

54. Видъ отъ монастыря внизъ.

55. Спускъ съ горы въ Журавку и провалье.

XXII. Варва.

56. Внутри.

XXIII. Красляне.

57. Дорога нижняя по селу.

58. Видъ отъ Никол. Пил. на село.

59. Дорога изъ Краслянъ въ Дегтяри.

XXIV. Дегтяри.

60. Съ горы Сокиринской черезъ Иванковцы.

61. Съ садоваго балкона.

62. Съ двороваго балкона.

63. Дворъ съ принадлежностями, изъ крестьянскаго противоположнаго двора.

XXV. Ромны.

64. Видъ на Засулье.

65. Покотъ въ самомъ городѣ къ дому полицмейстера.

XXVI. Гадячъ.

66. Внутри.

XXVII. Деревня Паульсона.

67. Съ горы.

XXVIII. Берега Днѣпра.

68. Видъ на Кіевъ отъ Краснаго кабачка.

69. На Трахтимировъ съ половины Днѣпра.

70. На Каневъ съ переправы.

71. На Мошны князя Воронцова.

XXIX. Обуховка.

72. Внутри, съ берега Псла.

XXX. Черниговъ.

73. Съ прежней квартиры Грембецкаго.

74. Съ горы монастырской (не Елецкаго монастыря).

75. Троицкій монастырь.

76. Елецкій монастырь и могила Церны.
77. Изъ дому кн. Прозоровской на Стрижень.
78. Изъ за Десны на городъ.
79. Изъ дому Барковскаго.

XXXI. Седневъ.

80. Изъ сада на Сновъ и на деревню.

XXXII. Кролевецъ.

81. Изъ дому бывшаго Кочубейскаго.

XXXIII. Ярославецъ.

82. Съ Мутинской горы.
83. Изъ дому, съ праваго фланга, на церковь и село.

XXXIV. Дубовичи.

84. Изъ дому на церковь.

XXXV. Сверковъ.

85. Изъ стараго сада на рѣку и садъ.

XXXVI. Волокитинъ.

86. На Клевень.

XXXVII. Глуховъ.

87. Изъ за плотины на тріумфальную арк.
89. [1]) Изъ дому Ассинга.

XXXVIII. Полошки.

90. Отъ церкви.
91. Изъ садовой бесѣдки.
92. Съ дворовой горы на село.
93. Изъ Литвиной рощи.
94. Отъ оранжерей на право на Щебры.
95. Отъ нихъ на лѣво на Слѣпородъ.
96. Съ полковницкого лѣсу.

XXXIX. Дуноецъ.

97. Съ горы за садомъ, на село.
98. Съ другой на Петропавловскій монастырь.

XL. Некрасовъ.

99. На Есмань съ полугоры.

XLI. Батуринъ.

100. Изъ за Сейма на домъ Разумовскаго.
101. Отъ церкви съ Гетманской горы (на) лѣвый бокъ.

XLII. Новгородъ-Сѣверскъ.

102. Съ рѣки на городъ.
103. Монастырь.
104. Съ горы монастырской на Судіенковъ садъ.

---

[1]) Здѣсь повидимому возстановлена правильная номерація, сдѣлавшаяся не вѣрною вслѣдствіе вышеуказанныхъ ошибокъ.

105. Отъ почтовой станціи на Десну.
106. Съ горы, ведущей въ Леньковъ, на городъ.
107. Съ горы, вдавшейся въ Десну.

XLIII. Южновъ.

108. Съ низу на домъ и на террасы.
109. Съ горы на Десну и на село.

XLIV. Горки.

110. На Десну.

XLV. Локнисто.

111. Изъ дому кн. Прозоровской.

XLVI. Божки.

112. Видъ на Сеймъ.
113. Внутренній видъ.

XLVII. Городня.

114. Видъ на Сновъ.

XLVIII. Яготинъ.

115. Съ Княжой дороги изъ лѣсу на озеро
116. Плуза и озеро передъ домомъ.
117. Изъ за Супоя на домъ.

XLIX. Диканька.

118. Изъ дому черезъ овраги на церковь.
119. Домъ и фонтанъ.

L. Остаповка.

120. На село и домъ Высоцкаго.

LI. Нѣжинъ.

121. Группа Нѣжинскихъ церквей.

Какъ видно изъ напечатаннаго списка, затѣвавшійся Н. А. Маркевичемъ альбомъ посвящался видамъ полтавской и черниговской губерній; любоваться Кіевомъ читатель альбома, вмѣстѣ съ его издателемъ, могъ только отъ «Краснаго кабачка», находившагося за Днѣпромъ, т. е. въ черниговской губерніи; на другія мѣста кіевской губерніи (Каневъ и Мошны) онъ могъ смотрѣть только съ Днѣпра. Очевидно, предпринимая изданіе «видовъ Малороссіи», Маркевичъ не хотѣлъ выходить изъ предѣловъ тѣхъ двухъ губерній, которыя на оффиціальномъ языкѣ называются малороссійскими.

Въ самомъ выборѣ видовъ видно слишкомъ много личнаго. Значительная часть ихъ должна была изображать мѣста, сосѣднія съ имѣніемъ Маркевича (въ селѣ Туровкѣ, прилукскаго уѣзда); это—все мѣста, которыя ему были хорошо знакомы, въ которыхъ онъ часто бывалъ. Подробности указаній относительно того, съ какихъ пунктовъ снимать виды, какую точку зрѣнія вибирать, свидѣтельствуютъ о томъ

что прежде, чѣмъ намѣтить тотъ или другой видъ для своего альбома, Маркевичъ не одинъ разъ присматривался къ мѣстности, чтобъ выбрать болѣе красивые виды. Мѣста, излюбленныя имъ, въ которыхъ онъ чаще бывалъ, онъ желалъ воспроизвесть во многихъ видахъ: такъ напримѣръ, с. Сокиринцы (имѣніе Галагановъ, прилукскаго уѣзда) должно было быть воспроизведено въ девяти видахъ, еще менѣе замѣчательное село Полошки (имѣніе Скоропадскихъ, глуховскаго уѣзда)—въ семи видахъ, между тѣмъ какъ на всемъ протяженіи Днѣпра онъ нашелъ только четыре живописныхъ вида. Большая половина видовъ, предназначенныхъ для альбома, должна была изображать или помѣщичьи усадьбы съ ихъ домами, садами, бесѣдками и другими затѣями, или тѣ селенія, въ которыхъ такія усадьбы находились. Такимъ образомъ, альбомъ Маркевича, еслибъ онъ былъ изданъ, представилъ бы намъ изображеніе преимущественно помѣщичьей Малороссіи съ ея показной стороны, съ великолѣпіемъ ея обстановки, нынѣ уже уходящихъ въ область прошлаго. Именно потому, что оно уходитъ въ область прошлаго, нельзя не пожалѣть, что предпріятіе Маркевича не осуществилось. Все съ теченіемъ времени измѣняется, и конечно придетъ пора, когда внукамъ былобы интересно посмотрѣть, какъ живали ихъ дѣдушки въ старину, какія «монрепо» себѣ устраивали.

Высокая цѣна, назначенная за альбомъ, ограниченное число экземпляровъ, на которое открывалась подписка (по числу картинъ, писанныхъ масляными красками, ибо каждый подписчикъ имѣлъ право на полученіе одной изъ такихъ картинъ) и приманка для подписчиковъ въ видѣ полученія картинъ съ изображеніемъ ихъ собственныхъ усадьбъ—указываютъ, что изданіе альбома было разсчитано на помѣщиковъ, какъ будущихъ подписчиковъ.

Къ какимъ именно годамъ относится задуманное Маркевичемъ предпріятіе—на это въ разсмотрѣнныхъ нами бумагахъ его нѣтъ указаній. Подъ вышеприведеннымъ спискомъ видовъ имѣются лишь двѣ отмѣтки, написаныя съ обозначеніемъ чиселъ, но безъ указанія года, и показывающія, что Маркевичъ входилъ въ переписку съ разными лицами относительно предположеннаго имъ изданія. Отмѣтки эти слѣдующія: а) «къ Селецкому отъ 17 августа» и б) «къ графу Алекс. Григ. окт. 19». Очевидно, первая отмѣтка относится къ бывшему Кіевскому губернскому предводителю дворянства Петру Дмитріевичу Селецкому, записки котораго, относящіяся къ 1821—1846 годамъ, были помѣщены въ Кіевской Старинѣ 1884 г. и который умеръ въ

1879 г., а вторая отмѣтка — къ графу Александру Григорьевичу Кушелеву-Безбородко, умершему въ 1855 году. Такимъ образомъ, въ виду этихъ отмѣтокъ, можно лишь сказать, что приведенныя нами бумаги Маркевича были написаны имъ не позже 1855 года.

Почему именно изданіе альбома не состоялось—представляется неизвѣстнымъ; всего же вѣроятнѣе можно предположить, что Маркевичу не удалось склонить къ подпискѣ тѣхъ лицъ, на которыхъ онъ разсчитывалъ.

Посѣтивши лѣтомъ прошлаго года оригинальную усадьбу покойнаго Ив. Мих. Скоропадскаго въ с. Тростянцѣ, прилукскаго уѣзда, мы видѣли тамъ около 15-ти картинъ, написанныхъ масляными красками академикомъ В. М. Резановымъ и изображающихъ виды разныхъ селеній и городовъ черниговской и полтавской губерній, изъ числа указанныхъ въ спискѣ Маркевича (напримѣръ видъ на Глуховъ изъ-за плотины, Батуринъ, Васькивцы, Дунаецъ, Сокиринцы, Полошки, Тростянецъ, Ярославецъ и другіе); а изъ книги Булгакова «Наши художники на академическихъ выставкахъ» [1]) видно, что такихъ видовъ, написанныхъ Резановымъ, у И. М. Скоропадскаго было больше 15 ти, именно 25-ть (вѣроятно часть картинъ, которой мы не видѣли, находится въ другомъ имѣніи Скоропадскаго—вышеуказанномъ селѣ Полошкахъ). Совершенно одинаковый размѣръ этихъ картинъ, выборъ для нихъ именно тѣхъ сюжетовъ, которые указаны въ спискѣ Маркевича, сосѣдство села Туровки, гдѣ жилъ и умеръ Маркевичъ, съ имѣніемъ Скоропадскаго, а также съ мѣстомъ родины художника Резанова (борзенскій уѣздъ)—навели насъ на мысль, не было ли писаніе этихъ картинъ началомъ исполненія задуманнаго Марковичемъ предпріятія; однако лица, знавшія И. М. Скоропадскаго, удостовѣрили намъ, что означенныя картины были написаны Резановымъ по заказу Скоропадскаго, а не Маркевича. Такимъ образомъ, упомянутое совпаденіе приходится объяснить общими вкусами и симпатіями Маркевича и Скоропадскаго. А можетъ быть, послѣ того какъ предпріятіе, задуманное Маркевичемъ для многихъ, не могло осуществиться, Скоропадскій, сочувствовавшій этому предпріятію, пожелалъ собственно для себя выполнить по крайней мѣрѣ часть этого предпріятія, почему и заказалъ Резанову написать 25 «живописныхъ видовъ Малороссіи».

Н. Шугуровъ.

---

[1]) Томъ II, стран. 116.

Казенные кабаки въ Кіевѣ (1721—1734 гг.). Казенная продажа питей въ Кіевѣ, со времени введенія ея, причиняла всегда много хлопотъ мѣстной администраціи. Въ виду существованія магистратскихъ и монастырскихъ шинковъ, казенные кабаки и «австеріи» не могли давать значительныхъ сборовъ; а между тѣмъ насчетъ этихъ сборовъ относились многіе очень важные расходы. Уже въ 20-хъ годахъ встрѣчаются жалобы губернской администраціи на «уменьшеніе» питейныхъ сборовъ и невозможность покрывать ими указанные расходы. А сколько хлопотъ причиняло самое производство торговли въ казенныхъ кабакахъ до отдачи ихъ на откупъ! Указомъ Воен. Коллегіи отъ 15-го апр. 1721 г. служившіе при казенныхъ кабакахъ изъ гарнизонныхъ солдатъ служители отчислялись отъ полковъ и получали жалованье изъ суммъ губ. канц. Князь Голицынъ въ томъ же 1721 году установилъ для кіевскихъ кабаковъ такой штатъ служителей: 5 бурмистровъ по 10 р. каждому, 8 ларечныхъ по 9 р., 6 унтеръ-офицеровъ по 8 р., 8 рейтаръ по 7 р. 50 к., 7 капраловъ по 6 р. и 80 рядовыхъ по 5 р. каждому, всего же 114 человѣкъ и на нихъ жалованье (кромѣ провіанта) 672 р. въ годъ.

О числѣ казенныхъ кабаковъ въ Кіевѣ точное свѣдѣніе относится къ 1751 году. Согласно указу Камеръ-Коллегіи отъ 20-го сентября 1733 г., весь сборъ въ казенныхъ кабакахъ представлялся въ Губ. Канц. ежемѣсячно. Нѣсколько вѣдомостей такой мѣсячной «высылки» изъ ящиковъ имѣлось у меня за 1751 годъ. Изъ нихъ видно, что въ Кіевѣ было тогда 16 казенныхъ кабаковъ [1]; въ которыхъ общій сборъ за генварь составилъ 518 р. 13 к., за февраль 401 р. 61 к.

Надо думать, что въ Петербургѣ въ Камеръ-Коллегіи недовѣрчиво относились къ цифрѣ кіевскихъ питейныхъ сборовъ и удивлялись ея незначительности, требуя отъ мѣстной администраціи обстоятельныхъ объясненій. Кажется, отвѣтомъ на такое требованіе и служила любопытная канцелярская справка 1726 г. объ уменьшеніи питейныхъ сборовъ, которую и привожу цѣликомъ:

«Въ Кіевѣ и въ трехъ гарнизонахъ—Нѣжинѣ, Черниговѣ, Переяславлѣ—въ австеріяхъ въ сборахъ кабацкихъ питейныхъ и дег-

[1] Поименованы они въ вѣдомости такъ: 1) въ верхнемъ городѣ, 2) у Печерскихъ воротъ, 3) у Золотыхъ воротъ, 4) у Львовскихъ воротъ, 5) за Кіевскими вороты съ Киселевки, 6) у Крещатской пристани, 7) у Крещатской рогатки, 8) подъ Николой у провалу. 9) въ Солдатской слободѣ, 10) у Самары въ избѣ. 11) за Васильковскою рогаткою, 12) на Неводницкомъ взвозѣ, 13) въ Печерской крѣпости, 14) у Тріумфальныхъ воротъ, 15) на Солоной горѣ и 16) подъ Солоною горою.

тярныхъ помѣшательство и остановка есть отъ малороссійскаго народу обывателей, что они распространяютъ свои шинки съ напитками, которые передъ прошлыми годами на многихъ мѣстахъ и близъ самыхъ австерій построили вновь и указомъ изъ Мал. Кол. о шинковыхъ ихъ вольностяхъ позволяются и берутъ съ нихъ сборщики чевовой сборъ.

И въ тѣхъ шинкахъ противъ австерской продажи и во время въ праздники бываемыхъ ярмонокъ за умноженіемъ оныхъ шинковъ сверхъ обыкновенныхъ становятся на площадяхъ до пятидесяти шалашей и больше со всякими напитками и торгуютъ оными безъ всякаго препятствія самою меньшею противъ австерій цѣною въ продажѣ. Повторне недоборъ въ австеріяхъ нынѣ противъ прошлыхъ лѣтъ того ради, что прежде сего кіевскихъ гарнизонныхъ солдатъ комплетъ былъ полной и при Кіевѣ были армейскіе полки и у городового дѣла работники и полная состоятельная кіевская губернія и для того въ пріѣздѣ было въ Кіевѣ изъ великороссійскихъ городовъ людей многое число, а съ прошлаго 1720 году оная кіевская губернія раздѣлена по провинціямъ и въ Кіевъ бываетъ въ пріѣздѣ людей малое число и армейскихъ полковъ не бываетъ и у городового дѣла работныхъ людей нѣтъ и кіевскихъ гарнизонныхъ полковъ солдатъ комплетъ нынѣ не полной, понеже командированы въ нижній корпусъ.

И паки третье помѣшательство близь Печерской крѣпости на базарѣ и въ домахъ своихъ разныхъ чиновъ люди торгуютъ брагою пьяною, которую гарнизонные солдаты пьютъ непрестанно.

Четвертое помѣшательство: кіевскаго гарнизона-жители покупаютъ вино хлѣбное за городомъ у малороссійскихъ жителей въ шинкахъ и въ винницахъ каждого дня ведрами и квартами и вносятъ въ городъ невозбранно, а прежде сего такіе покупные вины у городовыхъ воротъ караульные солдаты какъ ведрами, такъ квартами никогда въ пропускѣ въ городъ не было».

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1734 г. кіев. губ. канцелярія доносила въ гос. камеръ-коллегію, что въ кіевской губерніи «положенныхъ на адмиралтейство сборовъ, за выключеніемъ на содержаніе штата и канцелярскихъ расходовъ, въ сборѣ имѣлось въ 1731 году 6304 р. $42^7/_8$ к., въ 1732 г. 5770 р. 36 к., въ 1733 г. 5662 р. 20 к., и больше никоторыми мѣры собрать невозможно, понеже отъ кіевскихъ монастырей шинковныхъ домовъ передъ прежнимъ многочисленно построено, да и нынѣ близъ самыхъ австерій малороссійскаго народа жители, по обыкновеннымъ своимъ вольностямъ, за позволе-

ніемъ бывшей малороссійской коллегіи, многіе шинковые домы строятъ и въ оныхъ всякими напитками торгуютъ свободно и противъ австерской продажи дешевле, и во время бываемыхъ праздничныхъ дней на площадяхъ шинковыхъ шалашей становится до пятидесяти со всякими напитками, изъ которыхъ тутошніе обыватели и впредь въ домы свои запасаютъ напитки покупкою; и за такимъ помѣшательствомъ противъ окладу по осьми тысячъ въ годъ собрать невозможно».

Но камеръ-коллегія нашла эти объясненія губ. канц. не уважительными и указомъ 11-го декабря 1734 г. предписала «имѣть крѣпкое смотрѣніе, чтобъ конечно тѣ сборы сбираны были противъ окладовъ сполна, а ежели въ тѣхъ сборахъ отъ несмотрѣнія учинятся какіе недоборы, и оные взыщутся на кіев. губ. канцеляріи безъ всякого упущенія, понеже тѣ шинки имѣются еще до состоянія табельного окладу». А. А.

Арестованіе водки, везенной изъ полтавскаго монастыря въ Кіев. Канцелярію „на поклонъ" (1775 г.) 18 декабря 1775 г. на Неводницкой пристани остановлены были монахи полтавскаго Крестовоздвиженскаго монастыря, которые везли «въ кіевскую катедру для презенту разнымъ чинамъ» два боченка водки и боченокъ сливянки. Доставленный въ питейную контору монахъ Іерофей показалъ, что де по указу кіев. дух. конс. высланы къ преосв. Гавріилу, митрополиту кіевскому, изъ ихъ монастыря на четырехъ повозкахъ намѣстникъ іеромонахъ Созонтъ, іеродіаконъ Өеофилъ и онъ, Іерофей, при чемъ игуменъ Амфилохій и далъ имъ названные напитки «для отдачи въ поклонъ, а не для корчемства». «Что жъ здѣсь въ Кіевѣ на откупу питейная продажа состоитъ и что ввозить горячіе напитки запрещено, о томъ оной монахъ Іерофей ни отъ кого не слышалъ и не знаетъ, знаетъ же то, что ежегодно изъ того полтавскаго монастыря посылается въ Кіевъ на консисторію провизія съѣстныхъ и питейныхъ припасовъ». Монахъ былъ на другой день отпущенъ, а напитки арестованы при губ. канц., которая, принявъ во вниманіе существующія узаконенія, а равно и контрактъ, заключенный въ 1774 г. іюля 14 д., о содержаніи въ кіевской губ. питейныхъ сборовъ на откупу валуйскому купцу Андрею Воронкову, а по довѣренности отъ него перемышельскому купцу Ивану Зябкину, опредѣлила: арестованные напитки отдать въ пит. контору. А. А.

Преслѣдованіе кіевскимъ магистратомъ „неапробованныхъ въ медиціи людей“. Отставной гусаръ старо-сербскаго гусарскаго полка Семенъ Хотинскій, ставши обывателемъ г. Кіева, занимался врачеваніемъ разныхъ болѣзней. По всей вѣроятности, только такого рода врачами и пользовались въ прошломъ столѣтіи кіевскіе обыватели, но, какъ видно, въ случаяхъ неуспѣха такихъ врачей постигала горькая участь: магистратъ кіевскій былъ въ такихъ случаяхъ строгъ къ «неапробованнымъ въ медиціи людямъ». Въ 1766 году на Хотинскаго поступили въ магистратъ жалобы отъ священника Успенской церкви Алексѣя Сафоновича, отъ двухъ студентовъ академіи и отъ мѣщанина Ч-го. Первые три заявляли «о поврежденіи имъ Хотинскимъ неискуснымъ лѣченіемъ больныхъ глазовъ», а мѣщанинъ Ч. о такомъ же неискусномъ лѣченіи «бывшей у него подъ бородою раны». Такъ какъ Хотинскій юрисдикціи магистрата не подлежалъ, то магистратъ, арестовавши его, препроводилъ въ Губ. Канц., гдѣ и состоялось такое опредѣленіе: «оному Хотинскому за ненадлежащее имъ вступленіе въ леченіе, не имѣя на то ни отъ кого дозволенія, и въ страхъ другимъ учинить наказаніе батоги».

Еще болѣе суровый приговоръ надъ лѣкаркою встрѣтился мнѣ въ одномъ дѣлѣ 1787 года.

Мѣщанинъ Захарій Гаркашевскій рекомендовалъ жившую у него въ домѣ дѣвицу 28 лѣтъ, Агриппину Трохимову, монаху Выдубецкаго монастыря Никанору, какъ мастерицу лѣчить глаза. Однако глазъ эта дѣвица монаху не излѣчила, а въ одинъ изъ своихъ врачебныхъ визитовъ похитила у него 60 рублей, почему и была представлена въ городовой магистратъ. Здѣсь оказалось, что у дѣвицы этой «лѣвый глазъ и верхняя губа болѣзнію повреждены и носъ совсѣмъ спорченъ, говоритъ сипляво», что вообще она «есть весьма подозрительнаго состоянія и была уже до сего за починенныя ею воровства въ приводахъ на уряды и за то штрафована тюрьмою и смирительнымъ домомъ». Она созналась въ воровствѣ, но утверждала, что похитила не болѣе 20-ти рублей, которые и употребила большею частію «на пропой».

Городовой магистратъ рѣшилъ наказать ее за воровство и за то, что она, «не имѣя и малѣйшаго въ медицинской наукѣ искусства, отважилась приняться за лѣченіе глазъ», наказать публично плетьми и затѣмъ отпустить, обязавъ ее подпискою, что она «впредь будетъ жить честно и постоянно и никакимъ лѣченіямъ болѣзней прини-

маться не будетъ». Но губернскій магистратъ, отмѣнивъ это рѣшеніе, постановилъ болѣе суровое, наказавъ вмѣстѣ съ тѣмъ и мѣщанина Гаркашевскаго за рекомендацію такой лѣкарки: губернскій магистратъ опредѣлилъ наказать Трохимову плетьми, а затѣмъ сослать ее въ Сибирь, съ Гаркашевскаго же взыскать въ пользу іеромонаха Никанора 60 руб., обязавъ при этомъ его подпискою, что онъ «впредь таковыхъ неапробованныхъ въ медиціи людей рекомендовать никому не будетъ». Уголовная Палата утвердила этотъ приговоръ.

А. А.

Поправка. Въ № 1 текущаго года въ нашемъ журналѣ было напечатано письмо Искры къ графу Зубову. Считаемъ долгомъ своимъ дать справку нашимъ читателямъ, что письмо это было уже напечатано раньше г. Бартеневымъ въ Русскомъ Архивѣ 1869 года, стр. 1566—1568, въ болѣе исправномъ спискѣ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Pieśni ludu, zebrał Zygmunt Gloger (w latach 1861—1891), muzykę opracował Zygm. Noskowski. Kraków. 1892. 8° str. 361 3.

Изо всѣхъ національностей, населяющихъ Европу, славяне, какъ издавна признано, наиболѣе сохранили памятниковъ народнаго творчества и способность къ этому творчеству, вѣроятно, въ силу того, что до сихъ поръ находятся подъ меньшимъ вліяніемъ образованности, которая является наибольшимъ врагомъ свѣжаго первобытнаго народнаго міросозерцанія и результата, отраженія его—народной пѣсни. Отсюда ясно, что тѣ изъ славянскихъ племенъ, которыхъ менѣе коснулось культурное вліяніе запада, болѣе сохранили остатковъ старины обще-славянской; таковы сербы, болгары, малоруссы и великоруссы на дальнемъ сѣверѣ. Тѣ же славянскія племена, которыя стояли на границѣ между западной Европой и остальнымъ славянствомъ, въ силу такого своего положенія, равно какъ и вслѣдствіе рано развившейся исторической и государственной жизни, рано утеряли свой героическій и историческій эпосъ и остались лишь съ пѣснями наиболѣе устойчивыми—обрядовыми (свадебными) и лирическими балладами. Такъ случилось съ чехами и поляками. Послѣднимъ старинные наши ученые, занимавшіеся народной словесностью (напр. Бодянскій), категорически отказывали даже въ способности создать нѣчто вродѣ малорусскихъ думъ, великорусскихъ былинъ и чешской «Краледворской рукописи», нынѣ признанной поддѣльной.

Между тѣмъ трудами K. Wojcickiego и др., а главнымъ образомъ O. Kolberga, этого неусыпнаго и энергичнаго труженика на поприщѣ собиранія памятниковъ народной словесности, появились богатыя собранія пѣсенъ, сказокъ, присловій, загадокъ, обычаевъ и суевѣрій польскаго народа. Трудъ г. Глогера, о которомъ мы будемъ говорить,

является до нѣкоторой степени единственнымъ по мысли автора: въ своемъ сборникѣ г. Глогеръ поставилъ себѣ задачей помѣстить въ связной картинѣ избранныя пѣсни, по возможности простыя и характеристичныя, чтобы книга, составленная подобнымъ образомъ, могла послужить пособіемъ при преподаваніи польской литературы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это не только хрестоматія, составленная по готовымъ печатнымъ источникамъ: сюда вошли пѣсни, собранныя г. Глогеромъ изъ устъ народа въ теченіе времени 1861—91 г. и также розысканныя имъ въ старыхъ рукописяхъ, доставленныхъ ему изъ разныхъ закаулковъ царства Польскаго. Въ предисловіи собиратель съ достаточной подробностью излагаетъ исторію своего труда, начало котораго относится еще къ тому времени, когда г. Глогеръ воспитывался въ гимназіи, гдѣ преподавательствовалъ извѣстный К. Войцицкій, выше нами упомянутый, который и пріохотилъ его къ собиранію пѣсенъ.

Сборникъ г. Глогера состоитъ изъ пяти отдѣловъ, неравныхъ какъ по объему, такъ и по значенію. Сдѣлаемъ краткое обозрѣніе его. Въ первомъ отдѣлѣ находимъ 128 пѣсенъ, относящихся къ различнымъ годовымъ праздникамъ и къ различнымъ опредѣленнымъ событіямъ въ крестьянской жизни—это колядки, щедровки, пѣсни весеннія, дожиночныя и др. Второй отдѣлъ представляетъ картину всей свадебной драмы и отличается замѣчательною полностью о обстоятельностью; третій отдѣлъ, самый краткій, но наиболѣе интересный заключаетъ въ себѣ 164 думы и думки, о которыхъ мы ниже скажемъ нѣсколько обстоятельнѣе. Четвертый отдѣлъ и пятый, наиболѣе распространенные по числу NN пѣсенъ, посвящены пѣснямъ плясовымъ, шуточнымъ, припѣвкамъ и самымъ характернымъ произведеніямъ польскаго народнаго творчества—краковякамъ, которыхъ здѣсь собрано болѣе, чѣмъ въ какомъ-либо изъ старыхъ, ранѣе появлявшихся сборниковъ.

Попытаемся сдѣлать оцѣнку труду г. Глогера. Несомнѣнно, что онъ является весьма полезнымъ вкладомъ въ литературу, какъ по массѣ сообщаемаго матеріала, такъ и по добросовѣстному отношенію къ нему собирателя. Съ другой стороны нельзя не отмѣтить его недостатковъ, которые бросаются въ глаза при первомъ же взглядѣ по прочтеніи предисловія, гдѣ авторъ выражаетъ желаніе, чтобы его трудъ могъ служить пособіемъ при изученіи народной словесности: пѣсни хотя и снабжены напѣвами (впрочемъ далеко не всѣ), однако объяснительныя примѣчанія вполнѣ отсутствуютъ, а они были бы

далеко не лишними. Мы говоримъ объ отсутствіи какихъ бы то ни было указаній не только на варіанты пѣсенъ сродныхъ народовъ, но даже на сходныя пѣсни польскаго народа, изданныя Кольбергомъ и другими. Въ настоящее время отъ собирателя, кажется, можно требовать нѣсколько больше, чѣмъ механическаго подбора разрозненныхъ пѣсенъ въ опредѣленныя рубрики по содержанію или иному признаку, положенному въ основаніе классификаціи. Указаніе варіантовъ и сходныхъ мотивовъ при изданіи пѣсенъ въ значительной степени облегчаетъ работу изслѣдователя, не заставляя его производить долгую черновую работу разысканія разбросанныхъ по сборникамъ варіантовъ, чему теперь приходится посвящать не мало времени. Въ этомъ случаѣ г. Глогеръ могъ бы взять, какъ примѣръ, *старыя* изданія чешскихъ народныхъ пѣсенъ Erben'a Lušil'a и др., а также трудъ гг. Антоновича и Драгоманова «Истор. п. малор. нар.».

Обратимся теперь къ частностямъ, именно къ содержанію третьяго отдѣла труда г. Глогера. Здѣсь мы укажемъ нѣкоторыя темы пѣсенъ, встрѣчающіяся и въ малорусской народной поэзіи. Такова тема «сестра отравляетъ брата, чтобы жить съ любовникомъ» (стр. 147—149), библіографія которой была уже нами отчасти указана въ нашей рец. на сборникъ галицко-р. и словацкихъ пѣсенъ М. Врабля (Кіевск. Стар. 1892 г. іюнь); дѣвушку увозятъ рыцари съ собой (въ мр. п. козаки) стр. 152—3; отъѣздъ милаго на войну, дѣвушка проситъ взять ее съ собой, стр. 159—161 (обычна и у вр., разобрана А. А. Потебней въ объясн. мр. п.); молодецъ ѣдетъ на войну, милую его насильно выдаютъ замужъ за нелюба стр. 165; возвращеніе мужа, жена не узнаетъ его—тема сходная съ похожденіемъ Добрыни и Алеши и женитьбой послѣдняго на женѣ Добрыни; ср. ст. В. Миллера въ Этн. Обозр. 1890 г. № 5 стр. 110—у Глогера стр. 165; къ этой темѣ обширныя указанія въ сочин. Ор. Миллера «Илья Муромецъ стр. 523, Всев. Миллеръ—Экскурсы...» стр. 53, также у В. Дашкевича въ К. Ун. Изв. 1883 № 5 стр. 49 и у Халанскаго—Вр. былины. Кіевск. цикла.

Далѣе остановимся на темѣ «жена въ отсутствіи мужа измѣняетъ ему» (стр. 161): обширная и широко распространенная тема, разработанная въ массѣ пѣсенъ и въ сказаніяхъ о злыхъ женахъ; тоже можемъ сказать о темѣ «жена убиваетъ мужа», извѣстной намъ въ слѣдующемъ рядѣ варіантовъ: Пинчуки, сб. Булгаковскаго стр. 118 и 130; у Смирнова (пѣсни крестьянъ Влад. и Нижег. г. 1849 г.) стр. 136; у Шейна,—Вр. п. стр. 316; у Деволлана стр. 138—139;

затѣмъ пѣсни той же темы даютъ намъ Wacław z Ol. 505; Vojcicki I, 115, II, 304; Zbiòr. wiadom. II, Mat. etn. str. 82; Kollar II, 36; Sušil str. 95—и, кромѣ того, мы имѣемъ запись, сдѣланную въ новгор. губ. въ недавнее время. Затѣмъ отмѣтимъ темы: молодецъ сидитъ въ темницѣ стр. 169; отецъ убиваетъ сына по наговору мачихи стр. 178; двое влюбленныхъ умираютъ въ разлукѣ стр. 195 у Глогера— сравнимъ съ стихотвореніемъ I. Залѣскаго «Dwojaki koniec» (wyd. r. 1851 str. 240), которое является литературной обработкой этой народной темы. Далѣе «милая выкупаетъ изъ неволи» стр. 204—тема, разобранная А. А. Потебней (въ Объясн. мр. п.).

Мать запрещаетъ сыну жениться, смерть его, жалоба изъ гроба—стр. 206; козаки подманиваютъ дѣвушку убѣжать съ ними стр. 206, и близкая къ ней тема—«дѣвушка убѣгаетъ съ любовникомъ», который топитъ ее въ рѣкѣ—стр. 213 и 215; въ другой пѣснѣ—стр. 214 № 103 любовникъ указываетъ дѣвушкѣ на убитыхъ уже ранѣе имъ 8 женъ и угрожаетъ ей также смертью, но она хитростью сама убиваетъ его—тема, сходная съ рядомъ сказаній о Radul Barbe bleu, отраженіе которыхъ, быть можетъ, она и представляетъ. Далѣе отмѣтимъ тему— «злая свекровь обращаетъ сноху въ тополю», стр. 214, и заставляетъ сына срубить ее»—тема, распространенная среди малор. п.

Остановимся еще на темѣ «мужъ разбойникъ» (стр. 217),—довольно обстоятельная библіографія которой указана въ соч. Ант. и Драг. «Историч. п. малор. нар.» и которой мы намѣрены посвятить болѣе детальное изслѣдованіе. Эта тема извѣстна почти у всѣхъ славянскихъ народовъ, начиная отъ сербовъ, кончая великоруссами. Если провести линію въ такомъ направленіи и закончить ее въ предѣлахъ новгородской губ., то легко будетъ замѣтить, что всѣ варіанты расположатся по ней въ нижеслѣдующемъ порядкѣ: начиная съ великорусскихъ замѣчаемъ, что они кратки и порой неточны и необстоятельны и по характеру своему напоминаютъ *пересказъ*. Направляясь къ югу варіанты этой темы являются болѣе свѣжими и жизненными и наибольшаго расцвѣта и драматизма достигаютъ въ устахъ галицкихъ русскихъ и словаковъ.

На сѣверѣ же, у чеховъ, находимъ лишь слабыя отраженія этой темы, а на югѣ—у сербовъ пѣсни эти, приближаясь къ типу великорусскихъ, также принимаютъ характеръ пересказа, причемъ мы наблюдаемъ такое явленіе: сербскія пѣсни рѣзко различаютъ двѣ версіи, что слабо замѣтно въ пѣсняхъ малор. и галицко-русскихъ.

Обратимся теперь къ темѣ, также весьма распространенной— «дѣвушка дѣтоубійца». (стр. 220). Изъ малор. вар. укажемъ лишь на пѣсню у Головацкаго III стр. 26, затѣмъ у Wacł. z Ol. 489, Żegot. P.—I, 89, и II, 8; также въ Zbiorze wiad. IV M. etn. str. 94 и у Wojcick. I, 91, 93 и II, 293. Чешскіе и моравскіе варіанты у Erben'a II 34 и Susil'a str. 3, доп. стр. 774, стр. 155. Также у Stanka Oraza—србск. вар. I 66—70 (3 вар.). Если же мы заглянемъ въ сборники нѣмецкихъ нар. пѣсенъ, хотя бы Kreschmar'a II Bд., s. 223 и Luttler'a (стр. 56—60), то найдемъ тамъ рядъ сходныхъ пѣсенъ, послужившихъ, быть можетъ, Шиллеру основаніемъ для созданія его баллады того-же содержанія. Надъ разработкой этой темы съ любовью останавливалась также фантазія благочестивыхъ людей, что видно изъ упомянутыхъ выше духовныхъ пѣсенъ у Susil'a и изъ польскихъ пѣсенъ съ церковнымъ оттѣнкомъ, обрабатывающихъ тотъ же сюжетъ, напр. у Глогера же стр. 240 и 241.

Кромѣ всего вышесказаннаго, отмѣтимъ еще думы о «Panu Sawie» и гостяхъ съ Украйны (стр. 230) и о спорщицѣ женѣ (стр. 301); варіанты къ послѣдней пѣснѣ были также указаны нами въ выше названной рец. на сб. Врабья (К. Ст. 1892. іюнь). Изъ другихъ пѣсенъ отмѣтимъ еще одну весьма распространенную—именно молодецъ хочетъ овладѣть дѣвушкой, а она всячески отъ него старается вырваться, между ними происходитъ разговоръ, въ которомъ дѣвушка обѣщаетъ обратиться то въ птицу, то въ рыбу и т. д., чтобы избѣгнуть его, а молодецъ, въ свою очередь, обѣщаетъ какъ бы то ни было овладѣть ею. Данную тему можемъ сравнить съ эпизодомъ изъ Калевалы, гдѣ подобный же разговоръ происходитъ между второй дочерью Лоухи и смѣлымъ кузнецомъ Ильмариненомъ, пришедшимъ къ ней свататься. (Калевала руна 38).

Изъ сдѣланнаго краткаго обозрѣнія видимъ, что хотя поляки не имѣютъ національнаго героическаго эпоса, однако эпосъ балладный представляетъ много любопытнаго, хотя бы потому, что даетъ много данныхъ для изученія движенія пѣсенныхъ сюжетовъ. Весьма вѣроятно, что въ числѣ пѣсенъ польскаго народа, приведенныхъ въ сб. Глогера, есть немало пѣсенъ, общихъ другимъ славянамъ и ихъ сосѣдямъ, но это понятно само собой: вѣдь «народный эпосъ всякаго историческаго народа по необходимости международный» какъ говоритъ А. Н. Веселовскій (Южнор. был.).

Владимиръ Перетцъ.

Этнографическое обозрѣніе. Изданіе Этнографическаго Отдѣла Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ Университетѣ подъ ред. Секретаря Этнограф. Отдѣла Н. А. Янчука. Москва 1892 г. Кн. XIII и XIV (2 и 3 №№ за 1892 г.).

И въ настоящихъ номерахъ «Этнографическаго Обозрѣнія», какъ и во всѣхъ почти предъидущихъ, не мало труда удѣлено на разработку содержанія нашихъ былинъ путемъ сличенія ихъ съ героическимъ эпосомъ монгольскимъ и индо-европейскимъ, въ частности иранскимъ и кавказскимъ. Обнаруживая, какъ и раньше, громадную эрудицію въ разработкѣ своихъ сюжетовъ, авторы статей по данному вопросу въ разбираемыхъ номерахъ опять таки такъ же, какъ и прежде, не щедры на указанія общаго плана своихъ работъ и избѣгаютъ обобщеній, которыя бы могли неспеціалистамъ облегчать возможность оріентироваться въ безконечныхъ подробностяхъ производимыхъ ими сравненій. Невольно поэтому и при чтеніи этихъ новѣйшихъ работъ ихъ по фольклору, какъ при чтеніи болѣе раннихъ, у иного читателя является сомнѣніе въ томъ, нужно ли было для дѣла сравнивать мелочи, не представляющія ничего характернаго въ сравниваемыхъ произведеніяхъ, а затѣмъ и въ томъ, точно ли сравниваются вещи соизмѣримыя, принадлежащія у разныхъ народовъ къ соотвѣтственнымъ эпохамъ ихъ историческаго развитія или хотя бы только къ эпохамъ ихъ историческаго сближенія. Нѣсколько свободнѣе отъ такихъ недоумѣній читатель-профанъ бываетъ только при чтеніи статей Всев. Ѳ. Миллера, который въ новѣйшихъ своихъ детальныхъ работахъ можетъ быть по праву болѣе свободенъ отъ обязательства давать поученія обобщающаго характера въ виду того, что такія обобщенія, много существеннаго привнесшія въ русскую ученую литературу, даны имъ въ его книгѣ «*Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса*». Впрочемъ и Н. Ѳ. Сумцовъ на этотъ разъ позволилъ себѣ нѣкоторое отступленіе въ пользу объясненій общаго характера. Но какъ бы вообще ни были скупы на обобщенія авторы статей о русскомъ эпосѣ, во всякомъ случаѣ они и безъ того чуть не каждой строкой своихъ трудовъ доказываютъ ту важную и пока не всѣми усвоенную истину, что многое признаваемое *національнымъ* не уполномачиваетъ на признаніе туземности его происхожденія, такъ что все больше и больше накопляется доводовъ въ пользу утвержденія акад. Веселовскаго, что народный эпосъ всякаго историческаго народа по необходимости есть международный.

Въ разбираемой книжкѣ «Этногр. Обозрѣнія» отмѣченный выше сюжетъ трактуется въ слѣдующихъ трехъ статьяхъ: «*Былины о Добрынѣ и Маринѣ и родственныя имъ сказки о женѣ волшебницѣ*» *Н. Ѳ. Сумцова*, «*Матеріалы для исторіи былинныхъ сюжетовъ*» *Всев. Ѳ. Миллера* и «*Марья Лебедь Бѣлая въ былинахъ и сказкахъ*» *Г. Н. Потанина.*

Въ первый изъ названныхъ статей почтенный авторъ устанавливаетъ непосредственную связь былины о Добрынѣ и волшебницѣ Маринкѣ съ очень широко распространенными сказками о женѣ волшебницѣ. Прежде, во времена, напримѣръ, Кирѣевскаго, установленіе такой связи могло бы быть почтено апокрифическимъ, ибо былины почитались тогда имѣющими строго опредѣленный характеръ, стихъ ихъ казался вполнѣ выработаннымъ, между тѣмъ какъ сказки казались произведеніями расплывчатыми, безъ опредѣленнаго содержанія, способными родниться съ любымъ произведеніемъ народной словесности. Н. Ѳ. Сумцовъ считаетъ такое разграниченіе двухъ видовъ народнаго эпоса вполнѣ несостоятельнымъ и говоритъ: «въ дѣйствительности между многими сказками и былинами по содержанію нѣтъ никакого различія, и вся разница въ формѣ, въ былевомъ стихѣ. Въ настоящее время, читаемъ у него далѣе, кажется, можно согласиться съ тѣмъ положеніемъ, что многія былины представляютъ повтореніе или искаженіе сказочныхъ и литературныхъ мотивовъ, причемъ одни мотивы могли существовать на русской почвѣ задолго до былевой ихъ обработки, другіе забрели на Русь, быть можетъ, недавно, въ XVI или XVII ст.». Былина о Добрынѣ и волшебницѣ Маринкѣ именно возникла на почвѣ сказокъ, ранѣе циркулировавшихъ у разныхъ народовъ. Въ основѣ же всѣхъ этихъ сказокъ, по мнѣнію автора, лежитъ не средневѣковая сказка о женѣ волшебницѣ, а древне-греческая. Сказки о женѣ волшебницѣ имѣются у великороссовъ, малороссовъ бѣлоруссовъ, поляковъ, хорутанъ, вотяковъ, у многихъ кавказскихъ народовъ—осетинъ, кабардинцевъ, чеченцевъ. Авторъ тщательно приводитъ содержаніе всѣхъ ихъ. Малорусскія сказки на эту тему извѣстны подъ названіемъ «Диво» или «Диковина». Авторъ пользуется въ статьѣ своей варіантами ея, приведенными *П. В. Ивановымъ* въ его «*народныхъ разсказахъ о вѣдьмахъ*», въ сборникѣ г. Манжуры и въ «*Трудахъ*» *Чубинскаго.* Варіантъ г. Иванова приведенъ въ статьѣ цѣликомъ. Можно бы было заключить въ виду доказанной связи нашего народнаго эпоса съ кавказскимъ, что кавказскія сказки о женѣ-волшебницѣ и былиперво образомъан-

шихъ, но уже болѣе ранніе изслѣдователи, напр. Афанасьевъ, замѣтили ту же сказку и между сказками *«Тысячи и одной ночи»*; затѣмъ основные мотивы ея попадаются въ классической древности: у *Лукіана* въ его *«Луціи и оселъ»*, у *Апулея* въ его *«de asino aureo»*, у *Овидія* въ *«Превращеніяхъ»*, въ *«Одиссеѣ»*—въ эпизодѣ о красавицѣ Цирцеѣ. Во всѣхъ сказкахъ волшебница превращаетъ или мужа, или любовника то въ сабаку, то въ воробья, то въ коня, то въ свинью. Кромѣ самой волшебницы, дѣйствуетъ иногда колдунъ, становящійся на сторону мужа и дающій ему силу обращать жену то кобылой, то козой, то сорокой. Жена подчасъ не только волшебница, но и упырь и ѣстъ мертвечину. Оборотни не причастные волшебству, сохраняютъ при этомъ человѣческій разсудокъ и нерѣдко приносятъ пользу своимъ временнымъ хозяевамъ и т. д. и т. д. Подведя итогъ содержанію сказокъ, сравнивъ ихъ съ былиной о Добрынѣ и Маринѣ, г. Сумцовъ видитъ существенную особенность содержанія этой послѣдней въ томъ, что Добрыня былъ обращенъ въ тура. Впрочемъ до этого обращенія онъ тоже побывалъ, въ разныхъ варіантахъ, сорокой, вороной, свиньею, а въ одномъ варіантѣ Гильфердинга «ходилъ кобелемъ ровно суточки» Обращенія Добрыни въ тура даетъ автору возможность отвергнуть предположеніе г. Ровинскаго, будто былина о Добрынѣ и Маринѣ создана на Руси въ XVII в. и изображаютъ Филарета Никитича и Марину Мнишекъ. Г. Сумцовъ побѣдоносно доказываетъ, что къ XVII в. туры на Руси исчезли, а потому въ то время Добрыня не могъ бы быть обращенъ въ тура, такъ что былина должна была явиться раньше По мнѣнію автора, «въ очень давнее время, когда туръ былъ на Руси еще обыкновеннымъ животнымъ, въ эпоху расцвѣта былеваго творчества, сказка о женѣ-волшебницѣ вошла въ былины Владимірова цикла съ пріуроченіемъ къ исторической личности Добрыни... Нужно думать, читаемъ въ статьѣ дальше, что въ личной жизни Добрыни или въ древнихъ пѣсняхъ и сказаніяхъ о немъ были такія черты, которыя обусловили или содѣйствовали привлеченію сказки въ кругъ былинъ, напр., что-нибудь на тему о злой женѣ». Что могъ быть токой поводъ къ «историзаціи» сказки о женѣ-волшебницѣ,—примѣняемъ терминъ Всев. Ѳ. Миллера,—это легко допустить, но такъ же точно легко допустить, что даннаго повода могло и не быть: изъ сферы гаданій мы такимъ образомъ не выходимъ. Затѣмъ, что до пути, какимъ къ намъ проникла сказка о женѣ-волшебницѣ, послужившая основой былины о Добрынѣ и Маринѣ, то разбираемая статья даетъ слѣдующія заключенія: «въ глубокой древности на гре-

ческомъ востокѣ циркулировали сказки о богинѣ волшебницѣ Цирцеѣ... Разными путями, черезъ Балканскій полуостровъ, черноморскія колоніи, вѣроятнѣе всего—черезъ Кавказъ, сказки о Цирцеѣ проникли къ славянамъ и монголамъ. Божественный харатеръ Цирцеи ослабѣлъ въ славянскихъ передачахъ; хорошо сохранились ея черты, какъ волшебницы. Греческая сказка тѣмъ легче могла привиться на славянской почвѣ, что ея внѣшняя демонологическая обстановка не чужда была славянамъ: она нашла у славянъ волшебницъ, упырей, чародѣйскую плеть, заклинанія. Яркость красокъ классической сказки померкла на чуждой ей почвѣ, но общій строй ея, схема, основные мотивы, самый порядокъ ихъ распредѣленія удержался. Незначительныя особенности славянскихъ варіантовъ обусловлены, можетъ быть, порчей, искаженіями греческаго оригинала, весьма возможными при многовѣковой жизни сказки; можетъ быть, и это даже вѣроятнѣе, разница въ славянскихъ варіантахъ обусловлена разницей ихъ греческихъ источниковъ»...

Какъ видимъ, почтенному автору въ выводахъ своихъ слишкомъ часто приходится прибѣгать къ выраженію «можетъ быть» вслѣдствіе полнаго отсутствія при разслѣдованіи происхожденія нашихъ былинъ и сказокъ сколько-нибудь прочныхъ основъ: недатированные литературные матеріалы, очевидно, не скоро смогутъ найти свои даты и потому не скоро смогутъ быть поставлены и въ преемственную связь Лучшимъ подтвержденіемъ этого, намъ кажется, можетъ служить заключительное довольно горькое сознаніе многотрудившагося автора «*Возможны*, говоритъ онъ, и другія объясненія сходства древнихъ и новыхъ сказаній о женѣ-волшебницѣ, объясненія болѣе узкія, болѣе одностороннія. *Можно*, напримѣръ, не ставить греческія сказанія о Цирцеѣ въ доминирующее положеніе; въ такомъ случаѣ нужно *или* допустить гипотезу, что сказанія вынесены нѣкоторыми отраслями индо-европейскаго племени изъ своей прародины и разработаны самостоятельно греческими поэтами, *или* допустить гипотезу о значительномъ вліяніи древнѣйшихъ кавказскихъ сказаній на греческую словесность на югѣ и славянскую на сѣверѣ»... Однимъ словомъ, *многое возможно*, и для объясненія фактовъ, чего добраго, не вполнѣ соизмѣримыхъ, можетъ оказаться достаточное количество «*или*»,—но вѣдь такіе результаты, по правдѣ говоря, недостаточно научны и мало утѣшительны.

Къ уясненію той же былины о Добрынѣ и Маринѣ служитъ и часть статьи *Всев. Ѳ. Миллера «Матеріалы для исторіи былинныхъ*

сюжетовъ». Здѣсь авторъ сближаетъ былинный сюжетъ, трактующій объ увлеченіи Добрыни волшебницей Маринкой въ моментъ, когда она умывалась, съ талмудическимъ еврейскимъ апокрифомъ, въ которомъ тоже Давидъ увлекся Вирсавіей во время ея умыванія. Интересно, что моменту увлеченія въ обоихъ случаяхъ предшествуетъ стрѣляніе въ птицу, но въ талмудическомъ апокрифѣ птица эта сатана, а въ русской былинѣ мы имѣемъ дѣло съ невинными голубями, но за то стрѣла Добрыни все же хоть случайно угодила въ нечистую силу—Тугарина Змѣевича, любовника Марины. Сближеніе былинной фабулы съ талмудическимъ апокрифомъ оправдывается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что и Давидъ, и Добрыня оба любители музыки и сами музыканты: царь Давидъ извѣстенъ, какъ псалмопѣвецъ, и іудейскіе равины, объясняя 9 стихъ 56-го псалма: *«воспряни слава моя, воспряни псалтырь и гусли, пробужусь рано»*, говорятъ, что ночью надъ постелью Давида всегда висѣла цитра; когда въ полночь начиналъ дуть сѣверный вѣтеръ и ударялъ въ струны, Давидъ вставалъ и начиналъ упражняться въ игрѣ. Также и у Добрыни въ домѣ висятъ гусельки яворчатыя, которыя онъ беретъ съ собою, переодѣваясь скоморошиной, и на которыхъ играетъ при дворѣ Владиміра. Заключая изъ столь разныхъ совпаденій въ подробностяхъ о связи нашей былины съ даннымъ талмудическимъ апокрифомъ, Всев. Ѳ. Миллеръ думаетъ, что вообще апокрифическіе мотивы такъ же, какъ и многіе другіе, повидимому чужеродные, входятъ въ составъ нашего былиннаго эпоса. Къ такому заключенію привели его и нѣкоторыя другія совпаденія съ іудейскими апокрифами подробностей въ нашихъ былинахъ, на что было сдѣлано много указаній при разборѣ былинъ раньше (см. Этногр. обозр. книги XIII—XIV 1892, стр. 114). О близости былины про Добрыню и Марину съ талмудическимъ апокрифомъ о Давидѣ и Вирсавіи отмѣчено было и у г. Ровинскаго, Н. Ѳ. Сумцовъ въ вышеразсмотрѣнной статьѣ указываетъ на это сближеніе.

Въ числѣ другихъ матеріаловъ для исторіи былинныхъ сюжетовъ Вс. Ѳ. Миллеръ приводитъ въ настоящей книжкѣ «Этногр. Обозрѣнія» очень интересную сказку Ингушей о богатырѣ-пахарѣ. Первая жена пахаря въ его отсутствіе сошлась съ другимъ. Онъ тогда бросилъ ее и женился вторично. Чтобы предупредить измѣну второй жены, онъ сталъ ее носить всегда съ собой въ сундукѣ. Повстрѣчавшись однажды съ узденемъ, тоже уязвленнымъ невѣрностью жены, пахарь послѣ распросовъ сталъ объяснять ему—зачѣмъ онъ таскаетъ жену съ собой въ сундукѣ; при этомъ, чтобы показать жену

свою, онъ открылъ сундукъ. Къ его удивленію изъ сундука, кромѣ жены, вышелъ еще невѣдомый молодецъ. Жена объяснила мужу, что она сама закликала молодца въ сундукъ, когда однажды мужъ ея, оставивъ свою ношу, побѣжалъ за волами, закликала—чтобы не скучать одной. Узденъ убѣдился послѣ этого, что нѣтъ средства укараулить жену. Сказка эта несомнѣнно заключаетъ въ себѣ тѣ же черты, что и былина о Святогорѣ, таскающемъ свою жену на плечахъ въ хрустальномъ дворцѣ и все же сохранявшемъ въ своемъ карманѣ спрятаннаго туда женою Илью Муромца, съ которымъ она измѣнила мужу. Такимъ образомъ лишній разъ констатируется близость нашего эпоса съ кавказскимъ. Въ той же сказкѣ богатырь пахарь сильно напоминаетъ не столько Святогора, сколько Микулу Селяниновича. Встрѣча пахаря съ узденемъ и его свитой напоминаетъ встрѣчу Микулы съ Вольгой и его дружиной, тѣмъ болѣе, что и въ сказкѣ узденъ и свита оказываются безсильными сравнительно съ пахаремъ.

Очень интересна еще между *«Матеріалами для исторіи былинныхъ сказаній»* параллель, проводимая авторомъ между былинной подробностью о встрѣчѣ Вольги съ Микулой Селяниновичемъ съ персидскимъ, очевидно, народнымъ же разсказомъ, проникшимъ въ поэму персидскаго поэта Низами (жившаго въ концѣ XII вѣка) объ Искандерѣ (Александрѣ Македонскомъ), который будто бы бесѣдовалъ съ чуднымъ юношей пахаремъ, не пожелавшимъ промѣнять трудную земледѣльческую работу на предложенную ему жизнь царскихъ спутниковъ, не смотря на обѣщанныя ему царемъ почести. Параллель, здѣсь указанная, кажется автору тѣмъ интереснѣе, что и въ былинахъ о походѣ Вольги въ Индію и другихъ его приключеніяхъ чуется сходство этого богатыря съ Александромъ Македонскимъ. Объ этомъ отраженіи въ нашемъ эпосѣ *«Александріи»* авторъ писалъ еще раньше въ работѣ *«Отголоски Александріи въ болгаро-русскихъ былинахъ»* и въ другой—*«По поводу Трояна и Бояна»*. Признавая возможнымъ указать на эту преемственность сюжетовъ, авторъ воздерживается отъ опредѣленныхъ заключеній и выражается такъ: «мнѣ кажется, что приведенное сказаніе (изъ Низами) можетъ пригодиться впослѣдствіи для уясненія литературной исторіи нашего былиннаго разсказа о встрѣчѣ Вольги съ чуднымъ пахаремъ Микулой. Конечно, отношеніе былиннаго разсказа къ персидскому пока еще не можетъ быть уяснено, и послѣдній можетъ служить первому только интересной параллелью, а не источникомъ. Но если мы примемъ въ соображеніе,

что указанная параллель намъ встрѣтилась и въ сказаніяхъ объ Александрѣ Македонскомъ, который, повидимому, отчасти отразился въ нашемъ былинномъ Вольгѣ, то можемъ, по крайней мѣрѣ, отсюда извлечь нѣкоторое указаніе на то, въ какомъ направленіи слѣдуетъ искать источника (или одного изъ источниковъ) нашего былиннаго сюжета. Оба разсказа о встрѣчѣ съ пахаремъ (русскій и персидскій) восходятъ въ концѣ концовъ къ общему весьма отдаленному и древнему источнику, который, быть можетъ, впослѣдствіи удастся найти». Данный поводъ вызвалъ автора въ заключеніи статьи еще къ одному замѣчанію о Вольгѣ и Микулѣ Селяниновичѣ. По словамъ его, Микула Селяниновичъ въ нашемъ эпосѣ есть фигура эпизодическая, Вольга же—главная; разсказъ идетъ о похожденіяхъ Вольги, въ числѣ которыхъ была и вертѣча съ пахаремъ. Тоже можно сказать и о соотвѣтственныхъ персонажахъ приведеннаго въ статьѣ персидскаго сказанія объ Искандерѣ и чудномъ пахарѣ.

Какъ видимъ, Вс. Ѳ. Миллеръ, какъ и другіе фольклористы, довольно широко пользуется теоріей заимствованія сюжетовъ въ народномъ эпосѣ, но при этомъ твердо помнитъ самимъ имъ поставленный критерій для оцѣнки правильности ея примѣненія. Теорія заимствованія, по его словамъ, «имѣетъ всѣ права на вниманіе, но подъ двумя условіями: она приложима, во-первыхъ, въ такихъ случаяхъ, когда сравниваемыя сказанія у разныхъ народностей представляютъ слишкомъ близкое сходство въ деталяхъ, чтобы можно было это сходство объяснить эпическою случайностью, основанною на одинаковости психическихъ свойствъ людей вообще; во-вторыхъ, если заимствованіе однимъ народомъ у другого находятся въ связи съ историческими данными и можетъ быть прослѣженъ или, по крайней мѣрѣ, намѣченъ путь, которымъ шло вліяніе одного народа на другой». Намъ кажется, что именно памятованіе авторомъ этого критерія всегда облегчаетъ читателю принять ту или иную его гипотезу и руководствоваться ею при объясненіи предлагаемыхъ литературныхъ фактовъ далекой поры.

Гораздо труднѣе дается, по крайней мѣрѣ для неспеціалиста, усвоеніе указаній въ статьяхъ Г. Н. Потанина относительно связи сюжетовъ и темъ нашего народнаго эпоса съ сюжетами и темами монгольскаго. Статья его въ разбираемой книжкѣ *«Этнографическаго Обозрѣнія»*—*«Марья Лебедь Бѣлая въ былинахъ и сказкахъ»* въ этомъ отношеніи не составляетъ исключенія. Авторъ вліяніе востока на нашъ народный эпосъ находитъ часто не въ близко сходныхъ сказ-

кахъ съ тождественными темами и съ обиліемъ тождественныхъ подробностей, а въ всегдашней почти возможности той или другой отдѣльной чертѣ русской ли былины или сказки найти рядъ аналогій въ сказкахъ на довольно разнообразныя темы разныхъ монгольскихъ народовъ. При этомъ авторомъ обыкновенно довольно подробно приводится содержаніе безчисленнаго количества монгольскихъ сказокъ—и во всѣхъ ихъ деталяхъ неспеціалисту мудренно не запутаться. Приведя въ разбираемой статьѣ содержаніе русской былины о Марьѣ Лебеди Бѣлой и о Потыкѣ, а также русской сказки о Лебеди птицѣ, красной дѣвицѣ, и о Данилѣ Безсчастномъ, авторъ сперва доказываетъ, что, не смотря на различіе въ нравѣ Марьи Лебеди Бѣлой и Лебеди птицы, это все же одно и то же лицо. Затѣмъ каждой подробности въ данной былинѣ и данной сказкѣ онъ находитъ прототипы въ подробностяхъ множества монгольскихъ сказокъ. Далѣе изъ сличенія обсуждаемыхъ русскихъ произведеній съ сказками о дочери Морского царя въ монгольскомъ эпосѣ авторъ выводитъ, что былина о Марьѣ Лебеди Бѣлой повторяетъ тему восточныхъ сказокъ объ освобожденіи отъ змѣя, а сказка о Лебедѣ птицѣ, красной дѣвицѣ—тему о мудрости дѣвы. При этомъ отношенія русской былины о Марьѣ Лебеди къ монгольскимъ сказкамъ онъ представляетъ въ такомъ видѣ: «темы, входящія теперь въ составъ былины, ходили въ ордѣ отдѣльно, но то одна изъ нихъ, то другая приставали къ схемѣ о дочери морского царя, потому что въ народѣ жило сознаніе, что всѣ онѣ относятся къ одному этому персонажу. Въ одной редакціи онѣ укрѣпились всѣ вмѣстѣ, и эта редакція зашла въ Россію подъ видомъ былины о Марьѣ Лебеди Бѣлой». Полной убѣдительности приводимые авторомъ доводы не имѣютъ для читателя, хотя и слишкомъ ясно, что и данный былинный и сказочный сюжетъ не туземно-русскій, а представляетъ собою одну изъ многихъ странствующихъ международныхъ темъ, получившихъ послѣ долгаго повторенія ея сѣверными русскими сказителями великорусскій характеръ.

Кромѣ трактуемаго въ настоящемъ № «Этногр. Обозрѣнія» вопроса о былинахъ, связанныхъ, какъ это теперь признано, съ нашимъ малорусскимъ югомъ, для насъ не малый интересъ представляетъ еще въ этой же книжкѣ матеріалъ этнографическій, предлагаемый нашимъ извѣстнымъ этнографомъ г. П. И. въ статьѣ *«Изъ области малорусскихъ народныхъ легендъ»*, предъидущія главы которой появились въ «Этногр. Обозрѣніи» ранѣе и отмѣчены были въ нашемъ журналѣ Н. Ѳ. Сумцовымъ. На этотъ разъ г. П. И. приводитъ народныя *ска-*

занія о ветхозавѣтныхъ событіяхъ и лицахъ и самымъ опредѣленнымъ образомъ констатируетъ фактъ вліянія на наши народныя сказанія и легенды и апокрифической литературы, и вообще книжнаго элемента. «Какъ средневѣковому философу или учителю церкви на западѣ, а частью и у насъ, пишетъ г. П. И., нерѣдко приходилось отвѣчать на самые разнообразные вопросы—религіозные, политическіе, общественные, даже естественно-историческіе, такъ точно и въ наше время простолюдины, особливо изъ числа грамотныхъ, обращаются иногда съ подобнаго рода вопросами къ священно-и церковно-служителямъ или къ учителямъ сельскихъ училищъ, отчасти изъ любознательности, а отчасти изъ желанія показать при этомъ и собственное знаніе». Указавъ затѣмъ, что для разрѣшенія всякаго рода «недоумѣнныхъ» вопросовъ писались въ древней Руси сборники вродѣ «Бесѣды трехъ святителей», авторъ припоминаетъ еще и «Евангелистскую пѣснь». «Дячку, дячку вывченый, на всѣ школы выбраный,—читаемъ въ ней,—повѣждзъ же намъ, що еденъ, а еденъ?» «Що я вѣмъ, вамъ повѣмъ: еденъ то бувъ самъ Сынъ Божій, що надъ нами кралюе и кралеваць все буде». Затѣмъ въ порядкѣ слѣдуютъ вопросы: что два, что три и т. д. (Головацкій. Нар. пѣсни Галицкой и Угорской Руси М. 1878, 146 и др.). Въ этой пѣснѣ нельзя не видѣть прямого указанія разряда лицъ, къ которымъ народъ обращался съ своими вопросами. При обычаѣ почерпать разрѣшеніе «недоумѣнныхъ вопросовъ» у духовенства, естественно въ народномъ міросозерцаніи сказывались иногда тѣ идеи, какія это духовенство само черпало у византійскаго источника, хотя, конечно, полной точности своимъ первоисточникамъ идеи эти не сохраняли. Попадаются поэтому въ народныхъ сказаніяхъ чуть не Платоновскія идеи, ибо и эти послѣднія пускались иногда въ ходъ духовными ораторами XVII вѣка въ ихъ «казаньяхъ».

Но и самъ авторъ статьи *«Изъ области малорусскихъ народныхъ легендъ»* не думаетъ, что источникомъ народныхъ сказаній была исключительно книжная премудрость духовенства; признавая воздѣйствіе на нихъ и иныхъ вліяній, авторъ отсылаетъ за уясненіемъ этихъ воздѣйствій къ работамъ Порфирьева, Веселовскаго, Сумцова и др. Особенно трудно было бы одними христіанскими апокрифами уяснить обильное проявленіе дуализма въ сказаніяхъ о сотвореніи міра. Трудно даже въ частныхъ случаяхъ по поводу того или другаго сказанія выводить проявленіе дуализма изъ какого-либо точнаго источника, напр. изъ богомильскаго ученія о мірозданіи. Заимство-

ваніе было бы въ такомъ только случаѣ доказательно, если бы народныя легенды наши о твореніи міра Богомъ и Сатанаиломъ только и имѣли параллели, что въ данномъ богомильскомъ ученіи, но разъ тѣ же разсказы оказываются и у финскихъ племенъ, и у полинезійцевъ Океаніи, и гдѣ угодно—тогда для происхожденія разсказовъ приходится искать иныхъ уясненій. Впрочемъ главное въ статьѣ г. П. И.—не объясненія, а матеріалъ этнографическій, матеріалъ же этотъ у него въ высокой степени интересенъ и носитъ вполнѣ мѣстный малорусскій колоритъ, что, конечно, могло быть слѣдствіемъ живого интереса народа къ проникавшимъ къ нему книжнымъ и инымъ сюжетамъ, а также слѣдствіемъ долгаго повторенія этихъ сюжетовъ въ своихъ сказаніяхъ именно малороссами. Одною изъ самыхъ характерныхъ особенностей приводимыхъ сказаній является отношеніе малоросса къ чорту. Г. Ивановъ говоритъ: «Чортъ постоянно вертится около человѣка, и поэтому, вѣроятно, его присутствіе потеряло для малоросса свое устрашающее значеніе. Безпокойная дѣятельность чорта, вѣчная и при томъ часто безполезная и напрасная суета его вызываетъ у любящаго спокойствіе хохла чувство нѣкотораго даже состраданія къ чорту и отчасти покровительственное отношеніе къ нему. Скажемъ болѣе того: непреклонная гордость чорта до того близка упрямству, что не можетъ не привлекать къ себѣ сочувствія со стороны малоросса». Что до языка приведенныхъ сказаній и легендъ, то, надо думать, не всѣ записыватели ихъ стремились къ точному воспроизведенію народной рѣчи, чѣмъ такъ выгодно отличались прежніе этнографы-собиратели. Во многихъ случаяхъ содержаніе народныхъ сказаній передано сотрудниками г. П. И. русской литературной рѣчью, а во многихъ хотя и по-малорусски, но со внесеніемъ собственныхъ поправокъ записывателей. Особенно много такихъ субъективностей рѣчи записывателя мы замѣтили въ сказкѣ о женѣ-волшебницѣ изъ сборника г. Иванова, которую въ данной книжкѣ «Этнограф. Обозрѣнія» цѣликомъ перепечаталъ г. Сумцовъ въ своей статьѣ *«былины о Добрынѣ и Маринѣ»*; подчасъ объ отдѣльныхъ мѣстахъ этой сказки можно сказать, что они выражены не по-малорусски, а мало по русски. Конечно, необходимость торопиться съ собираніемъ этнографическаго матеріала ведетъ за собою подчасъ небрежное отношеніе къ языку, лишь бы успѣть уловить содержаніе записываемаго. Возвращаясь же къ малорусскимъ легендамъ, смѣло можемъ утверждать, что характерныя особенности малорусскаго народнаго міросозерцанія въ нихъ чувствуются и при несоблюденіи точности въ передачѣ языка разсказчиковъ.

Въ данной книжкѣ «Этногр. Обозрѣнія, окончена печатаніемъ и статья г. *Ветухова*[1]) «*Народныя колыбельныя пѣсни*». Мы уже отмѣтили, говоря о началѣ статьи въ прежней нашей рецензіи, симпатичныя стороны этой работы. Теплое отношеніе автораа къ народу, подчеркиваніе всего поэтичнаго въ собранныхъ и систематизированыхъ авторомъ произведеніяхъ—все это на лицо и въ этой второй статьѣ. Приводимыя здѣсь колыбельныя пѣсни, безъ разграниченія, какъ и раньше, малорусскихъ, великорусскихъ и бѣлорусскихъ, сгруппированы въ два отдѣла: 1) пѣсни съ значительнымъ лирическимъ элементомъ и 2) пѣсни на исторической подкладкѣ. Изъ толкованій автора намъ кажется не совсѣмъ удачнымъ одно. Онъ говоритъ, будто мать въ пѣснѣ проситъ, чтобы Богъ далъ ея дитяти «въ головку тришкы» и мотивируетъ это «тришкы» ея опасеніемъ, «чтобы различныя размышленія и умственныя запросы не отвлекали крестьянина отъ тяжкой работы, доставляющей семьѣ насущный хлѣбъ». Сколько знаемъ, такого страха предъ «размышленіями и умствеьными запросами» у народа нашего нѣтъ, нѣтъ его, очевидно, и въ цитируемой авторомъ колыбельной пѣснѣ. Вотъ эта пѣсня:

Ой ты спы, росты,
У Бога счастя просы,
А Богъ тоби счастя дасть
И добрую годыну
Для малои дытыны
И ручки и нижкы,
И въ головку тришкы.
Пошлы ему, Боже, сонъ,
Щобъ головка не болила
А серденько не щемило.

Ясно, кажется, что выраженіе «*въ головку тришкы*» есть только скромное выраженіе пожеланія о ниспосланіи дитяти великаго разума, выраженіе подобное тому выраженію, какое нерѣдко примѣняютъ къ умному человѣку: «а въ его такы йе трохи розуму». Дальнѣйшія выраженія «щобъ головка не болила, а серденько не щемило» ставятся въ пѣснѣ въ зависимость отъ сна, а не отъ того, что у человѣка будетъ мало разуму. Но конечно, это мелочь, нисколько не умаляющая общаго хорошаго впечатлѣнія, оставляемаго статьей г. Ветухова.

---

[1]) Въ рецензіи на прежнія книжки „Эти. Обозрѣнія“ (Кіев. Ст. Августъ 1892 г.), по случайному недосмотру г. Ветуховъ названъ Верховымъ.

Библіографическій отдѣлъ какъ всегда, очень богатъ въ „Этногр. Обозрѣніи». Въ этотъ разъ мы встрѣтили въ немъ и тщательно составленный г. В. Каллашемъ указатель этнографическихъ матеріаловъ и статей въ «Кіевской Старинѣ» съ начала ея изданія. Указатель доведенъ пока до 1887 года.

Я. Ш.

Матеріалы къ оцѣнкѣ земель Полтавской губерніи. Естественно-историческая часть. Вып. I—XV. Изд. Полтавскаго Губернскаго Земства. С.-Пб. 1889—1892.

Полтавское Губернское Земство, по примѣру Нижегородскаго, въ 1887 году обратилось къ проф. *Докучаеву* съ предложеніемъ взять на себя изслѣдованіе почвъ Полтавской губерніи. Сочиненіе, заглавіе котораго мы привели, представляетъ собою рядъ отчетовъ по таковому изслѣдованію, исполненному подъ непосредственнымъ руководствомъ проф. Докучаева гг. *Георгіевскимъ* (Полтавскій уѣздъ), *Левинсономъ-Лессингомъ* (Лубенскій), *Полѣновымъ* (Хорольскій и Константиноградскій), *Глинкой* (Роменскій и Лохвицкій) [1]), *Земятчинскимъ* (Зѣньковскій), *Богушевскимъ* (Гадячскій и Переяславскій), *Ферхминымъ* (кобелякскій), *Пироцкимъ* (Золотоношскій), *Бодиско* (Миргородскій), *Агафоновымъ* (Прилуцкій), *Выдринымъ* (Пирятинскій) и *Вернадскимъ* (Кременчугскій).

При изслѣдованіи почвъ Полтавской губерніи, по словамъ руководителя, имѣлось въ виду главнымъ образомъ ближайшее *научное* знакомство съ ихъ *природными* достоинствами и недостатками, и кромѣ того желательно было воспользоваться такимъ изслѣдованіемъ, конечно въ связи съ сельскохозяйственными и экономическими данными, для *равномѣрнаго обложенія земель* и установки главнѣйшихъ основъ къ *поднятію производительности мѣстныхъ почвъ*.

Въ каждомъ изъ вышедшихъ до сихъ поръ 15 выпусковъ представлены оро-гидрографическій и геологическій очерки даннаго уѣзда, изложено описаніе отдѣльныхъ мѣстностей въ почвенномъ отношеніи, а также даны общіе выводы касательно *типовъ* почвъ уѣзда, причемъ эти типы охарактеризованы со стороны ихъ мощности, распространенія, условій залеганія, физическихъ свойствъ и химическаго состава.

---

[1]) Изслѣдованіе Лохвицкаго уѣзда было произведено г. Васильевымъ, но, за смертью его, описаніе сдѣлано г. Глинкой.

Общій сводъ изъ всего фактическаго матеріала, заключающагося въ вышедшихъ описаніяхъ уѣздовъ, будетъ сдѣланъ, по заявленію проф. Докучаева, въ заключительныхъ выпускахъ, куда войдутъ гео-ботаническій и климатическій очерки всей губерніи, а также—данныя объ общемъ характерѣ и сравнительной расцѣнкѣ почвъ ея. По выходѣ въ свѣтъ этихъ заключительныхъ выпусковъ мы не замедлимъ познакомить съ ихъ содержаніемъ.

А.

Приглашеніе къ подпискѣ для учрежденія преміи покойнаго профессора А. А. Потебни.

Въ № 12-мъ прошлаго года напечатано было приглашеніе къ подпискѣ для учрежденія преміи имени нашего покойнаго сотрудника, профессора *А. А. Потебни.* Напоминаемъ нашимъ читателямъ, что ъ «Кіевской Старинѣ» тоже открыта эта подписка.

Запоздавшій выходомъ Библіографическій указатель всѣхъ статей и матеріаловъ, помѣщенныхъ въ „Кіевской Старинѣ“ въ теченіе 10 лѣтъ (1882—1891 гг.) будетъ приложенъ къ мартовской книжкѣ текущаго года.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

чевскаго. 2) Янъ Амосъ Коменскій. 3) Какъ я сдѣлался писателемъ? (Нѣчто въ родѣ исповѣди). Проф. Н. П. Вагнера; 4) Изъ пережитаго (въ Маріинской женской гимназіи). Д. Д. Семенова; 5) Объ отношеніяхъ умственнаго труда къ физическому. В. В. Гориневскаго; 6) Объ общественныхъ задачахъ образованія. П. Ѳ. Каптерева; 7) Вопросъ объ обремененіи учениковъ нашихъ гимназій въ зависимости отъ ихъ положенія въ семьѣ и домашней обстановки. Я. Г. Мора; 8) Къ вопросу о задачахъ воспитанія въ области явленій, связанныхъ съ половою жизнью человѣческаго организма. А. М. Калмыковой; 9) Причины половыхъ аномалій въ дѣтскомъ возрастѣ и мѣры къ предупрежденію ихъ и устраненію въ семьѣ и въ школѣ. Д-ра А. С. Виреніуса; 10) Голосъ врача-профессора по вопросу о вліяніи экзаменовъ на здоровье испытуемыхъ. Проф. Н. И. Быстрова; 11) Къ вопросу о физическихъ упражненіяхъ учащихся. А. Я. Чернышевой; 12) О задачахъ русской педагогики. М. И. Демкова; 13) Наблюденія надъ развитіемъ нравственнаго уровня дѣтей въ одной изъ начальныхъ городскихъ школъ. О. Х. Павловичъ; 14) Общественное воспитаніе дѣтей въ Парижѣ. А. С. Симоновичъ; 15) О безпризорныхъ дѣтяхъ и дѣтскихъ садахъ для нихъ. Е. М. Гаршина; 16) Педагогическое значеніе занятія фотографіей. Проф. Д. Н. Кайгородова; 17) Къ вопросу о преподаваніи естественныхъ наукъ въ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Проф. П. Ф. Лесгафта; 18) Желательная постановка преподаванія физики въ нашихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ. М. Ю. Гольдштейна; 19) Къ вопросу о внѣклассномъ чтеніи въ связи съ вопросомъ объ ученическихъ сочиненіяхъ. Ю. А. Галабутскаго; 20) О грамматическомъ матеріалѣ въ русскихъ учебникахъ. А. И. Анастасіева; 21) О постановкѣ преподаванія математики въ среднеучебныхъ заведеніяхъ Франціи. В. Б. Струве; 22) О составленіи учениками историческихъ альбомовъ. К. А. Иванова; 23) Народное образованіе во Франціи. А. С. Симоновичъ; 24) Новый прусскій законопроектъ относительно народныхъ училищъ 1892 г. К. Н. Модзалевскаго; 25) О санитарномъ состояніи школъ въ Московской губерніи. В. А. Крандіевскаго; 26) О требованіяхъ, предъявленныхъ къ народнымъ училищамъ на съѣздѣ русскихъ дѣятелей по техническому профессіональному образованію. А. А. Ильина; 27) Въ чемъ нуждаются городскія училища и начальныя школы. А. Г—ина; 28) Городскія училища по положенію 31 мая 1872 года. К. К. Сенъ-Илера; 19) Общественное и юридическое положеніе сельскаго учителя. А. М. Тютрюмова.

Кромѣ того, въ вышедшихъ книжкахъ за текущій 1892 годъ заключается цѣлый рядъ критическихъ статей и рецензій слѣдующихъ постоянныхъ сотрудниковъ „Русской Школы" проф. Д. Ѳ. Бѣляева, проф. Ю. А. Кулаковскаго, проф. П. Ф. Лесгафта, А. С. Виреніуса, В. В. Гориневскаго, П. Г. Мижуева, А. Ѳ. Соколова, А. Г. Шалыгина и многихъ другихъ (всего болѣе 60 рецензій); обзоръ нѣсколькихъ педагогическихъ журналовъ, иностранныхъ и русскихъ, а также цѣлый рядъ статей по хроникѣ народнаго образованія Я. В. Абрамова; Отчеты о засѣданіяхъ С.-Петербургскаго и Московскаго Комитетовъ грамотности; отчеты о засѣданіяхъ общепедагогическаго отдѣла Педагогическаго музея; цѣлый рядъ замѣтокъ по статистикѣ народнаго образованія въ Западной Европѣ и въ Россіи и т. п.

Журналъ „Русская Школа" выходитъ ежемѣсячно книжками не менѣе восьми печатныхъ листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки— ШЕСТЬ рублей въ годъ; съ доставкою 6 р. 50 к.; для иногородныхъ съ доставкою СЕМЬ рублей; съ пересылкой за границу—ДЕВЯТЬ рублей въ годъ. Гг. сельскимъ учителямъ и учительницамъ дѣлается съ подписной цѣны одинъ рубль уступки и, кромѣ того, допускается разсрочка платы въ два срока.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (уголъ Лиговки и Бас-

сейной, гимназія Гуревича) и въ главныхъ отдѣленіяхъ конторы: въ книжныхъ магазинахъ Карбасникова, „Новаго Времени“ и Калмыковой.

Подписка на 1890 г., за израсходованіемъ всѣхъ экземпляровъ, прекращена.

За 1891 и 1892 годы имѣется еще въ конторѣ редакціи небольшое число экземпляровъ по вышеозначенной цѣнѣ.

№ 1. Редакторъ-издатель *Я. Г. Гуревичъ.*

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА
АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ
въ 1893 году.

Въ 1893 г. „Извѣстія“ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ будутъ выходить шесть разъ въ годъ (въ первыхъ числахъ января, марта, мая, іюля, сентября и ноября) книжками въ 7—8 листовъ in 8°.

Въ содержаніе каждой книжки входятъ:

1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи:

2) Спеціальныя изслѣдованія и статьи по археологи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Поволжья, Средней Азіи и Сербіи).

3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ періодическихъ изданій Восточной Россіи.

4) Хроника извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи.

5) Программы по спеціальнымъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльные вопросы редакціи.

6) Библіографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Въ первыхъ книжкахъ „Извѣстій“ за 1893 г. будутъ напечатаны между прочимъ, слѣдующія статьи: „Данныя о городахъ Волжской Булгаріи“ П. А. Пономарева; „Матеріалы для характеристики бронзовой эпохи въ Волжско-Камскомъ краѣ“ Его же, „Древнія мѣдныя орудія въ Кавк. губ.“ А. А. Штукенберга, „Древности Костром. губ.“ Его же, „Тяглыя земли на Вяткѣ въ XVII в.“ А. А. Спицына, „Формы жилищъ и селеній у народовъ В. Россіи“ (сводъ извѣстій путешественниковъ и этнографовъ, въ составленіи котораго примутъ участіе К. И. Воронцовъ Н. Я. Кириловъ, А. К. Кулагинъ, М. Н. Пинегинъ, П. В. Траубенбергъ), „Мордва Историко-этнографическій очеркъ“ И. Н. Смирнова (отдѣлъ этнографическій), „Черемисы Арбанской волости“ Н. Троцкій, „Замѣтки о Мордвѣ Нижегородскй губерніи“ А. Д. Смирнова, „Остатки языческихъ вѣрованій и обрядовъ у Зырянъ“ А. В. Красова, „Кара-Якубовская волость Белеб. у. Уф. г. б.“ И. А. Износкова и др.

Въ видѣ приложеній къ „Извѣстіямъ“ будутъ печататься двѣ серіи изданій:

1) Матеріалы для этнографіи Поволжья. I. „Черемиско-русскій словарь“ В. П. Троицкаго, II. „Мордовско-русскій словарь“ М. Е. Евсевьева.

2) Археологическая библіотека Извѣстій“. I. Мѣдный вѣкъ въ Европѣ. М. Мухъ. II р. съ нѣм.

Цѣна годовому изданію 5 руб., каждая книжка отдѣльно по 1 руб. Желающіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1 іюля.

Подписныя суммы адресуются: Казань, Университетъ, Секретарю Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи.

№ 1. Члены Редакціоннаго Комитета **И. Смирновъ и А. Соколовъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА ВЪ 1893 ГОДУ

на ежемѣсячный литературно-научный и политическій журналъ

СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ,

выходящій 1-го числа каждаго мѣсяца.

Условія подписки:	На годъ.	По полугодіямъ.		По четвертямъ года.			
		Январь.	іюль.	Январь.	Апрѣль.	Іюль.	Окт.
Безъ доставки въ конторѣ журнала. . .	12 р. — к.	6 р. — к.	6 р. — к.	3 р. — к.	3 р. — к.	3 р. — к.	3 р.
Съ доставкой въ Спб.	12 „ 50 „	6 „ 50 „	6 „ — „	3 „ 50 „	3 „ — „	3 „ — „	3 „
Съ пересылкой въ предѣлахъ Имперіи. .	13 „ 50 „	7 „ — „	6 „ 50 „	3 „ 50 „	3 „ 50 „	3 „ 50 „	3 „
За границей	15 „ — „	8 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — ,,	3 „

Вмѣсто разсрочки годовой цѣны на журналъ, подписка по полугодіямъ и по четвертямъ года принимается безъ повышенія годовой цѣны подписки. Книгопродавцамъ уступка въ 50 к. съ годового экземпляра.

Подписка принимается:

Въ С.-Петербургѣ: Въ Главной Конторѣ журнала, Троицкая ул., д. 9, и въ отдѣленіяхъ Конторы; въ Москвѣ въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, въ книжныхъ магазинахъ Новаго Времени и Н. П. Карбасникова.

Въ теченіе 1892 г. въ „Сѣв. Вѣстн.“ было, между прочимъ, напечатано:

„Золото“, ром. Д. Мамина-Сибиряка. Жена, пов. А. Чехова. Севилья, миражи, впечатлѣнія, легенды В. Немировича-Данченко. Законныя жены, очерки Ольги Шапиръ. Трупъ, разск. П. Боборыкина. Vae victis, отрывокъ неоконч. романа Софьи Ковалевской. Петербургскій случай, пов. К. Баранцевича. Грани жизни, ром. А Лугового. Общество грамотности, посмертный разск. Каронина. Передъ чѣмъ-то, П. Боборыкина. Обида, пов. А. Шеллера (Михайлова). Дневникъ Маріи Башкирцевой, пер. съ франц. Алія, ром. Леффлеръ ди-Кайянелло, перев. со шведскаго. Софья Ковалевская (Что я пережила съ нею и что она разсказывала мнѣ о себѣ), Леффлеръ ди-Кайянелло. перев. со шведской рукописи, М. Лучицкой. Статьи: Неурожаи въ Россіи и ихъ причины, Л. Весина. Открытое письмо Генри Джорджа къ Папѣ Льву XIII, проф. И. Янжула. Право и справедливость, проф. С. Муромцева. Голодовки въ Россіи до конца прошлаго вѣка, проф. Ѳ. Леонтовича; Криминаль-

ная антропологія; проф. В. Чижа. Наканунѣ новаго столѣтія, проф. Алексѣя Веселовскаго. Объ усталости, М. Манасеиной; Двадцатипятилѣтіе передвижниковъ. Вѣнская музыкально-театральная выставка и др. В. Стасова. Кавалеры и круглоголовые, проф. Максима Ковалевскаго. Врагъ съ Востока, Влад. Соловьева. Борьба растеній съ засухой, проф. К, Тимирязева. Генрихъ Ибсенъ и его пьесы, Н. Минскаго. Судебная фотографія, И. Щегловитова, и друг. Стихотворенія: А. Жемчужникова, Н. Минскаго, Влад. Соловьева и друг.

Ежемѣсячные отдѣлы въ журналѣ: 1) Областной отдѣлъ. 2) Земскій отдѣлъ И. Бѣлоконскаго. 3) Провинціальная печать, (4 Новыя книги, 5) Письма изъ Америки, В. Макъ-Гаханъ. Письма изъ Парижа, Роберъ де Серизи, Письма изъ Италіи, Л. Рускина. 6) Внутреннее обозрѣніе. 7) Политическая лѣтопись проф. А. Трачевскаго и 8) Литературныя замѣтки А. Волынскаго.

Ближайшее участіе въ журналѣ принимаютъ слѣдующія лица:

М. Н. Альбовъ, А. Л. Волынскій, Л. Я. Гуревичъ, Л. А. Полонскій, А. П. Субботинъ и А. С. Трачевскій.

Издательница Л. Я. Гуревичъ Редакторъ М. Н. Альбовъ. №—1.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА ВЪ 1893 Г. НА

ТЕХНИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

4-й ГОДЪ И ВѢСТНИКЪ ПРОМЫШЛЕННОСТИ, Изданія.

Ежемѣсячный журналъ открытій, изобрѣтеній и усовершенствованій по всѣмъ отраслямъ промышленности.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

1. Правительственныя распоряженія и узаконенія, касающіяся фабрично-заводской промышленности, желѣзныхъ дорогъ и т. п. промышленныхъ предпріятій. 2. Машиностроеніе и механическое дѣло. 3. Механическія производства, ручная и машинная обработка металловъ, дерева, волокнистыхъ матеріаловъ и проч. 4. Химическія производства. 5. Желѣзнодорожный отдѣлъ. 6. Архитектура.—Инженерное и строительное искусства. 7. Электро-техническій отдѣлъ. 8. Санитарное дѣло. 9. Кустарный отдѣлъ. 10. Графическія искусства. 11. Техническое образованіе. 12. Обозрѣніе дѣятельности торгово-промышленныхъ учрежденій и техническихъ обществъ. Біографіи съ портретами выдающихся дѣятелей техники и промышленности. 13. Критика и библіографія. 14. Смѣсь: Техническія замѣтки о новостяхъ техники, рецепты совѣты, описанія различныхъ новыхъ составовъ и средствъ, патентованныя и секретныя средства и пр.—Для выполненія упомянутыхъ выше отдѣловъ программы Редакція обезпечила себя солиднымъ контингентомъ постоянныхъ сотрудниковъ изъ числа профессоровъ и преподавателей техническихъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, а также практическихъ дѣятелей, занимающихся на русскихъ и заграничныхъ фабрикахъ, заводахъ и въ др. промышленныхъ учрежденіяхъ. 15. Справочный отдѣлъ: вопросы и отвѣты на запросы гг. подписчиковъ, относящіеся до ихъ спеціальности. Торговыя и статистическія свѣдѣнія; данныя о спросѣ и предложеніи. Свѣдѣнія о новыхъ привилегіяхъ. 16. Объявленія въ текстѣ и въ видѣ особыхъ приложеній.

Все изданіе составитъ 105—115 вып. (8 томовъ) и будетъ закончено въ 1893 году.

Подробные проспекты для ознакомленія съ изданіемъ высылаются по требованію безплатно.

Гг. служащіе въ казенныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ пользуются разсрочкой за поручительствомъ казначеевъ.

нашему и недоежджая оного, осмотрували новой прорви, которая здѣлалася отъ Сулаку въ озера, але еще не силна, бо недавно, а будетъ верстъ зо двѣ отъ крѣпости.

Понеделокъ. 28. Сегодня рано были мы у генераловъ, обѣдали у генерала Кропотова, а по обѣдѣ ездили мы въ старую крѣпость, где були у Сойманова, а оттуду у Василя Гамалѣи, именинника, и просидѣли тамъ долго, играли у карти зъ Еропкиномъ и Мерзлюкиномъ; въ ночѣ пріехалисмо въ новую крѣпость и вечерали у Еропкина. Еропкину полковнику далемъ доношеніе, чтобъ пашпортъ данъ былъ слузѣ моему Алексѣеви въ Астрахань ехать. Дебриней пріехалъ зъ прорви.

Вовторникъ. Мѣсяцъ мартъ. 1. Сегодня татарчуку Думаеви имя далъ священникъ протопопъ здешній, Платона, и огласилъ оного ко крещенію, о которомъ такъ и въ рапортѣ написалемъ. Обѣдалисмо у себе зъ Тарновіотомъ, а передомъ были у мене обозній прилуцкій и сотникъ сенецкій и дали писма свои, чтобъ я включилъ въ свои въ домъ. Мартинъ повернулся зъ лагера и объявилъ, что за горѣлку отобралъ 42 руб., 26 а. и 4 д., а столько жъ еще отъ полковниковъ наказнихъ лубенского и полтавского доводится.

Середа. 2. Сегодня были ми у генераловъ обоихъ, а обѣдали зъ полковникомъ Еропкинимъ у генерала Шереметева. Надъ вечеръ были ми у Еропкина и посидѣли тамъ, а я игралъ зъ полковникомъ Еропкинымъ въ шахмати и виигралъ, а онъ безъ ферза игралъ; а оттуду прійшовши, застали у себе Худолѣя, которій и ночовалъ у насъ.

Четвер. 3. Сегодня былъ я рано у генерала Шереметева, где и пашпортъ получилъ слузѣ своему Алексѣю въ Астрахань зъ поворотомъ. У вечеру былъ у насъ капитанъ Гіонетъ и игралъ со мною въ пѣкетъ. Зачулемъ отъ генерала Шереметева, что гекботъ прійшолъ къ пристани аграханской, а откуду неизвѣстно. Генералъ Грузинскій, зъ Астраханѣ сюда пріехавшій, землею поехалъ въ ретранъжаментъ, а оттуду кверсомъ въ Гилянъ, черезъ которого писалъ я до Маслова коменданта гилянского, Александра Григор.

Пятокъ. 4. Сегодня были ми на службѣ Божой у великой церквѣ, а п. Михайло, передомъ бувши у Еропкина, отдалъ доношеніе о пашпортѣ слузѣ Гаврилови, которій мѣетъ въ домъ послатись зъ поворотомъ его сюда. По обѣдѣ были у насъ Стефанъ Гамалѣя и Григорашъ, а потомъ капитанъ Якобинъ, зъ которимъ игралъ я въ шахмати и виигралъ, а капитани Гіонетъ и Макарти, тутъ же прійшовшіи, играли въ ломбаръ зъ п. Михайломъ.

Субота. 5. Сегодня былъ у генерала Шереметева рано, а по службѣ обѣдали у себе зъ Худолѣемъ; по обѣдѣ ходили до крѣпости старой, а оттуду до обозного прилуцкого, где посидѣвши доволно, повернулись. Прорва загачена совсѣмъ.

Неделя. 6. Сегодня рано былъ я у генерала Шереметева, а по службѣ у Еропкина; обѣдалы у себе зъ Кандибою, Тарновіотомъ, Григорашомъ и Худолѣемъ. Зъ Кабарди до гг. генераловъ принесенно писмо и отъ солтанъ Мамута. Ходили мы до старой крѣпости и видѣли умножившуюся воду въ Аграханѣ. Повернувшись оттуду, былемъ у Еропкина, которій въ разговорѣ со мною говорилъ о чолобитной нашой. Писалемъ писмомъ до обозного прилуцкого о меду моемъ, зъ Астрахани отъ Демяна сюда посланномъ черезъ Федора Волошина, атамана опошнянского, сюда посланнимъ, але насъ недошедшимъ.

Понеделокъ. 7. Сегодня обѣдалисмо у себе зъ Худолѣемъ. Полковникъ Дебриней пріехалъ зъ прорви. Надъ вечеръ, я бувъ у капитана Якобина и просилъ его жени быть воспріемницею моему татарчукови, а назадъ поворочаючись, стрѣлъся зъ капитаномъ Оздорфомъ, зъ которимъ и другими офѣцерами прійшолемъ до своей квартири.

Вовторникъ. 8. Сегодня татарчукъ мой Платонъ крещенъ, а воспріемникомъ былъ я и жена Якобина. Полковникъ Еропкинъ сегодня по полудню пошелъ въ партію въ тисячномъ числѣ рекгулярнихъ, а зъ нимъ подполковникъ Сомовъ и маіоръ Мерзлюкинъ. Ходилисмо до старой крѣпости и тамъ у Миклашевскихъ посидѣвши, назадъ прійшлисмо до своей квартири. Кума дала мнѣ хуетку, а я ей червоного.

Середа. 9. Сегодня обѣдалъ я у генерала Шереметева, а по обѣдѣ ходилъ до Дебринея и тамъ позабавивши, прійшолъ до своей квартири. Худолѣй ночовалъ у насъ.

Четвер. 10. Полковникъ Аракчѣевъ, а при немъ молодиковъ нашихъ два, Гаврило да Алексѣй, поехали зъ крѣпости ст. Креста въ Астрахань, откуду Гаврило мѣетъ ѣхать въ Украину, а Алексѣй сюда повернется. Черезъ Гаврила писалемъ до ясневел., брегад. и прокур. и род., о поведеніи нашомъ; до род. приложено, чтобъ Гаврилу, когда будетъ назадъ поворочатись, придано козаковъ два до Царичина чили сторожовъ. Гаврилу п. Михайло далъ 12 р. да черезъ его жъ писалъ я до брата Семена, до Василя Жуковского и до жени, чтобъ поспѣшалась виправа и зъ шваграми пресѣкла вражду. Алексѣю далемъ на покупки 9 р., да черезъ его жъ писалемъ до архиерея астраханского, до Полянского, п. Федора Марковича, до Якубовича и до Демяна о немедленномъ Алексѣя сюда поворотѣ, о висилцѣ сюда провіянта и остановцѣ оного малого числа тамъ, о баранкахъ, о колмичатахъ и протчемъ; ему жъ Алексѣеви далемъ наказъ, що мѣетъ спорадить тамъ и жебы болше 5 денъ не бавилъ въ Астраханѣ, а скоро сюда поворочался. Аракчѣеву далемъ писмо одно до князь Михайла Михайловича (Голицына) писанное отъ мене, а отъ обоихъ, другое, до Петра Андрѣевича (Толстаго). Получилемъ писмо отъ Якубовича зъ Астраханѣ 5 февр. ко мнѣ отправленное, въ которомъ ознаймуетъ цедулою, что Безобразовъ полковникъ и капитанъ Гуревъ уехали въ Москву и что надъ бунчуковими въ Астраханѣ обрѣтаючимися, дана коменда Стефану Миклашевскому, которій по всякъ день репортуетъ генерала порутчика Матюшкина, и что онъ, Якубовичъ, Томара, Дорошенко, Ширай, Галенъковскій, мѣютъ сюда своею волею пріехать; и что архиерей двохъ калмичонковъ мнѣ приготовилъ, которихъ онъ и видѣлъ. Обѣдалисмо оба и Худолѣй у генерала Кропотова. Худолѣй ездилъ до лагеру, черезъ которого еще о капустѣ, петрушцѣ и протчемъ приложилемъ, жебы купить въ Астраханѣ Алексѣеви. Пушкаря полкового отъ регулярнихъ, поѣхавшого въ поле, напавши татаре зрубали. Ночовалъ у насъ Худолѣй.

*2

Пятокъ. 11. Сегодня рано пріѣхалъ отъ Еропкина полковника зъ партіи Демяновъ зъ писмомъ къ генераламъ, въ которомъ ознаймуетъ, что ему помислно поводилося и немалое число всякого скоту загналъ, о чомъ будетъ нижей означено. Козаки яицкіе, ездившіе зъ капитаномъ Неплюевимъ до Астраханѣ, повернулись оттуду и сказовали про Неплюева, что оній удержанъ отъ генерала порутчика Матюшкина, а вмѣсто его посланъ другій офѣцеръ въ П. Бурхъ зъ извѣстіемъ о походѣ другомъ генералномъ. Андрей Миклашевскій былъ у насъ, зъ которимъ у службѣ Божой былисмо. Ревѣдовалемъ Вѣжевского въ росхожихъ денгахъ. Снѣгъ при заходѣ слонца началъ ити и холодно было. Худолѣй ночовалъ.

Субота. 12. Сегодня були мы у генерала Шереметева рано, а обѣдали у себе зъ Тарновіотомъ и Худолѣемъ. Полковникъ Еропкинъ, ходившій въ партію, повернулъся сюда и сказовалъ, что былъ онъ за Тарками недалеко ущелля караптацкого, где занялъ 3 табуна лошадей, а между тими жеребцовъ и кобилъ зъ лошатами около 700 или и болшъ, всѣхъ, да въ томъ же числѣ и собственнихъ шафкалскихъ многое число; между якими многие наши лошадѣ отогнанніе и мой ступакъ половій показалися; тогда жъ у татаръ, тамъ же, отогналъ онъ же товару рогатого штукъ 190 и овецъ болшъ 1000, при якихъ табунахъ и другой скотинѣ, убито татаръ около 50 чловѣка, а одного хлопца живцемъ взяли, да онъ же полковникъ сказовалъ, что синъ шафкалскій Будай былъ тогда въ Тарках въ 40 чловѣкахъ и пѣши въ гори увойшолъ, оставивши одежду свою и нѣсколко сѣделъ, про которого въ тотъ часъ наши не вѣдали. Ранено тамъ зъ нашей сторони чловѣка 2, колмикъ, одного донского козака да одного служителя генерала Кропотова. Онъ же полковникъ Еропкинъ сказовалъ, что получилъ онъ писма отъ князь Михаила Михаиловича Голѣцина и Григорія Петровича Чарнишева къ нему писанніе, въ якихъ обнадежуютъ его, что онъ отсюду будетъ свобожденъ и о всей комендѣ его князь Голѣцинъ мѣлъ доношеніе послать въ воинскую колегію. Худолѣй ночовалъ. Болѣлъ я тяжко на лоно и всю ночь страждалъ.

Неделя. 13. Сегодня да вчора приключившоюся болѣзнію, никуда не ходилъ, а обѣдалисмо у себе зъ Троцынскимъ и Худолѣемъ. По обѣдѣ приходилъ до насъ обозній прилуцкій, а у вечеру капитанъ Шидловскій. Кобили, конѣ и жеребята, пригнанніе зъ партіи, раздѣляли на генералитетъ, штапъ и другихъ офѣцеровъ. Тако жъ на рекгулярнихъ и на нерекгулярнихъ всякихъ на 1000 члоѣка по 50 коней опредѣляли. Получилъ я зъ Астраханѣ писма отъ Демяна 8-го февр. писанніе двѣ, въ которихъ ознаймуетъ, что у его взято 5 р. тамъ и запечатано водку.

Понеделокъ. 14. Сегодня полковникъ Еропкинъ прислалъ ко мнѣ ступака моего полового, которого въ партіи отъ татаръ отогнали, який прежде бывши на прорвѣ февр. 3-го отогнанъ зосталъ былъ. Обѣдалисмо у себе зъ Худолѣемъ, а по обѣдѣ были у полковника Еропкина, у полковника Квѣтки и у Тарновіота, а потомъ прійшолъ я до квартири. Полковникъ Дебриней пріехалъ зъ прорви и былъ у насъ на квартирѣ. Зъ прорви жъ пріехалъ машталѣръ мой литвинъ Юско и сказалъ, что конь гнѣденкий, которого татаре не могли загнать зъ протчіими, за его приставствомъ здесь, и другий буланий здичать (?) готуется. Дефаршъ коня вороного кучеравого прислалъ назадъ ко мнѣ, которого я ему зъ пріезду моего подарилъ, того ради, что онъ готуется ехать до Астраханѣ зъ Дебринеемъ.

Вовторникъ. 15. Сегодня рано былъ я у генераловъ и полковника Еропкина, а обѣдали у себе зъ Худолѣемъ и штирманомъ морскимъ Норовымъ... По обѣдѣ ходилисмо до старой крѣпости, а оттуду ворочаючись, зайшли запрошенни до комисара Шеншина, оттуду до Дебринея, зъ которимъ на валъ ходилисмо, а потомъ на нашу квартеру, где посидѣли доволно. Князя Дергелинского горского братъ приехалъ съ синомъ его княжимъ малчикомъ сюда.

Середа. 16. Сегодня былъ я у генераловъ Кропотова и Шереметева, а обѣдалъ зъ п. Михаиломъ у полковника Еропкина. Худолѣй ночовалъ. Сими многими днями тепло зъ погодою великое было, такъ якъ у насъ о тройци буваетъ.

Четверъ. 17. Сегодня обѣдалисмо у себе, а зъ нами Худолѣй и Тарновіотъ. По обѣдѣ ходили до Шереметева, а оттуду

зайшли до Дебринея, у которого въ карти погравши прійшли до своей квартири. Сегодня извѣстно намъ стало, что аулнихъ татаръ партія пойшла на шафкала. Худолѣй ночовалъ у насъ и подштирманъ Норовъ, пянъ прійшовшій.

Пятокъ. 18. Сегодня получилъ я писмо отъ п. Федора Марковича зъ Астраханѣ, въ якомъ пишетъ, что Тернавскій и Полунѣцкій отпущени въ Малую Россію, а протчіимъ неслишно отпуску; до которого отписалемъ о собѣ, ознаймуючи и листъ другій приложилемъ до Алексѣя, чтобъ онъ прикупилъ еще овса четвертей 5, хрѣну и вина и армудовъ (?), и о колмичатахъ, и о покупкѣ на составленіе sap. mirab. Кропотовъ генералъ присилалъ сюда сина своего Семена ко мнѣ, просячи для болной генералши вина ренского, которого въ бутилцѣ далъ.

Субота. 19. Былъ я рано у генерала Шереметева, а обѣдалисмо у себе зъ Худолѣемъ и Трощинскимъ. Полковникъ Еропкинъ получилъ писмо отъ маіора Аргарова зъ прорви писанное, что татаре 3-го часа ночи отогнали у донскихъ и яицкихъ козаковъ 360 лошадей противъ суботи, зъ якими конми послани они были въ Гребени, а козаковъ были 106 чловѣка, а зверхъ тихъ лошадей исцѣлѣли, у приколля бывшіе 116 числомъ. Мартинъ за вину свою наказанъ, а водка и вино врученно Вѣжевскому, его жъ калкуліовано въ денгахъ,которихъ въ пріемѣ показалось 496 зол. и 9 шаг., а въ расходѣ 350 зол. и 7 шаг., отобралемъ у его оставшихся 30 р. Худолѣй ночовалъ. Масу лѣкару далемъ 5 таляровъ битихъ.

Неделя. 20. Сегодня былъ я рано у генераловъ, а по службѣ Божой былъ у насъ харковскій полковникъ, а потомъ зъ нимъ же обѣдалисмо у генерала Шереметева. Коня рижого купилемъ у капитана Волжинского за 12 р. Писма писалемъ до князь Михайла Михайловича зъ прошеніемъ о ходатайство, взглядомъ отпуску моего до полковника ахтирского и до родителя, а писма оніе включени въ пакетъ Еропкина полковника, которій онъ посилаетъ въ Астрахань черезъ своего человѣка. Писма другіе въ Астрахань писанніе до дядка п. Федора и до Алексѣя, Івану Кулябцѣ, теперъ отпускаючомуся въ Астрахань, отдалемъ черезъ Худолѣя, о якихъ

намѣнилемъ числа 18-го сего мѣсяца. Противъ понеделка ополночи, генералша Кропотова, Устина, преставилася. Татаре аулніе, ходившіе въ партію, повернулися.

Понеделокъ. 21. Сегодня обѣдалисмо у себе зъ Худолѣемъ и Тарновіотомъ. Погребеніе генералши Кропотовой было передъ вечоромъ, спѣваніе по малороссійску, при собраніи многомъ, и поховано онную въ церквѣ великой, по лѣвой сторонѣ, при дверахъ западнихъ. Прапорщикъ казанского полку Биримовъ померъ, которого при церквѣ погребли зъ стрелбою трикратною 56 драгунъ. Еропкину посналемъ барило водки двойной.

Вовторникъ. 22. Сегодня рано полковникъ Дебриней отехалъ въ Астрахань, отсюду до ретранжамента Аграханского шлюпкою, а до Астраханѣ ботомъ. Поварови Дебринея далемъ 5 зол. Черезъ Дефарша писалемъ до Якубовича о здешнемъ поводженню моемъ и листъ давнѣйший къ нему писанний, а тутъ завалившійся, ему жъ отданъ черезъ Григораша шаргородскаго. По обѣдѣ ходилемъ до Еропкина и тамъ посидѣвши, отойшолъ.

Середа. 23. Сегодня по службѣ Божой обѣдалисмо у себе зъ Терновіотомъ и Худолѣемъ. Андрушко за барилце отдалъ 23 зол., якіе Вѣжевскій отобралъ. Маркитанти пріехали зъ Дербенѣ, которіе сказовали про бусу мою, якобы стала розбита. Аулніе татаре, сказовалъ Худолѣй, будто другимъ разомъ загорнули у татаръ противнихъ на килка десятъ коней.

Четвер. 24. Сегодня по службѣ Божой заходилъ до насъ Мерзлюкинъ маіоръ и капитани Бакѣевъ и Уваровъ и выпивши водки, отойшли отъ маркитантовъ, зъ Дербенѣ пріѣхавшихъ. Получилемъ писмо Гаврила слуги, зъ Дербенѣ писанное 15-го марта, въ якимъ ознаймуетъ, что судно мое буса разбита у низовей, межи Дербентомъ и Бакою, и что мозурѣ порабовали багажъ безъ него тогда тамъ же, когда его взяли были татаре, на два днѣ, до владѣлца татарского.

Благовѣщеніе. Пятокъ. 25. Сегодня рано были мы у генераловъ и службѣ Божой, где многіе зъ значковихъ и другой старшини, такъ же и бунчуковіе, спѣвали на криласахъ, нарочно орде-

ромъ генералскимъ призванъніе. У генерала Шереметева пакетъ отъ Холодовича писанній до обозного прилуцкого, врученъ оному жъ обозному, въ которомъ и ко мнѣ отъ Гаврила 3 писмѣ включенніе были, въ якихъ о бусѣ, же разбита ознаймуетъ и что мозурѣ шкоди въ грабежѣ учинили на 100 р., которіе потомъ поймани въ Дербенѣ и осажени за караулъ, до особливе пишутъ ко мнѣ атамани смѣловскій и чорнускій зъ комендою, тамъ же въ Дербенѣ обрѣтаючійся, что скудѣни они въ харчъ и одѣяніе. Ходилемъ у день до старой крѣпости и сидѣлемъ у Миклашевскихъ.

Субота. 26. Сегодня былисмо у генераловъ, а по службѣ Божой у Еропкина, потомъ у насъ обѣдали Худолѣй, Григорашъ, Голубъ и Самойловичъ, а мы у генерала Кропотова обѣдали, где и всѣ штапъ офѣцери кушали, понеже его именини были, Гаврила; по обѣдѣ у вечеру ходилъ я до Щербачова капитана, базаромъ завѣдуючого, который про кгрузинъ сказалъ мнѣ, что въ Дербенъ едутъ, а оттуду заходилъ до Шереметева. Худолѣй ночовалъ у насъ

Неделя. 27. Сегодня обѣдали мы у полковника Еропкина зъ Худолѣемъ. Полковникъ Еропкинъ сказовалъ, что 2 фѣскала подали генераламъ доношеніе на полковника Дебринея, въ томъ что онъ въ запруженню прорви много кошту государевого потералъ, безъ чего было можна обойтись и что прорву не онъ послѣдній сей разъ, але козаки малороссійскіе, 3 чловѣка, запрудили. Худолѣй ночовалъ у насъ.

Понедел. 28. Сегодня рано былъ я у генерала Кропотова и просилъ его о писмо до Юнкгера, коменданта дербенского, и полковника Андрея Томасовича, а потомъ ходили за городъ на ринокъ, откуду повернувшись зъ Тарновіотомъ, кушали у себе, а по обѣдѣ были у насъ маіоръ Мерзлюкинъ, Кочубей, капитанъ Шидловскій на малое время. На прорвѣ вода плотину стала знову портить, чего ради майстеровъ нашихъ малороссійскихъ, загатившихъ оную, послано туда. На прорвѣ 3 чловѣка татаръ драгуни поймали, которіе были подъ табуни подлѣзли, якіе въ допросѣ сказали, что оніе владѣнія Чепанъ Шафкала и будто ишли на Кубань коней красть. Тулзаковъ былъ у насъ, зъ которимъ равномѣрно у шах-

мати игралемъ. Худолѣй ночовалъ. Подорожную получилемъ у Шереметева, Гудимови въ Дербенъ ехать.

Вовторокъ. 29. Сегодня рано былъ я генерала Кропотова, отъ которого, такъ же отъ Лѣцкина и Еропкина полковниковъ писма, до Юнкгера о помоществованіи людемъ моимъ, получилемъ. Обѣдалъ у насъ обозній прилуцкій, а по обѣдѣ приходили до насъ Панченко, Тарновіотъ и Григорашъ. Гудиму далемъ на дорогу грошей 3 р.

Середа. 30. Сегодня по службѣ Божой обѣдалисмо у себе зъ Худолѣемъ, а передъ вечоромъ милися у лазнѣ въ квартирѣ Кочубеевой. Григорій Гудимъ поехалъ въ Дербенъ зъ Армениномъ въ бусѣ его, а черезъ его писалемъ до Гаврила наставленіе пунктами, жебы онъ управился зъ работниками, багажъ спродалъ, если що есть, такъ же и снасть по бусѣ оставшую, албо остановилъ у кого зъ роспискою, покупки спорадилъ и сюда приездилъ; а буде тамъ не управится, то ехалъ бы въ Астрахань; о помоществованіи въ томъ ему зъ прошеніемъ писалемъ до полковника Андрея Томасовича, Юнкера, такъ же до Холодовича, Назаренка и Мокіенка. Ему жъ Григорію Гудиму данъ приказъ на писмѣ, о покупкахъ, а взялъ онъ зъ собою 94 фунта воску.

Четвер. 31. Сегодня рано ходилъ я до генераловъ, а обѣдалисмо у себе зъ Тарноліотомъ. Полковникъ Еропкинъ ездилъ зъ лекаромъ Масомъ до лагеру нашего осмотрувать болнихъ коменди своей, для отпуску онихъ въ Астрахань. Сегодня татаръ непріятелскихъ 300 чловѣка напали на прорвѣ на нашихъ драгунъ. 30 чловѣка и 8 козаковъ донскихъ, обездившихъ караулъ, и когда драгуне спѣшились, то и татаре зсѣвши съ коней, не всѣ, стриляли на нашихъ и убыли нашихъ драгунъ 2, а 11 ранено, и 3 съ козаковъ, а коней драгунскихъ на томъ бою отогнали татаре зъ кулбаками 17.

Мѣсяць Априль. Пятокъ. 1. Сегодня неходилъ я никуда, но въ своей квартирѣ былъ.

Субота. 2. Сегодня обѣдали мы у генерала Кропотова, а у насъ Худолѣй и Тарновіотъ. Сотникъ сенецкій, полку лубенского, Кирило Криштоповъ померъ зъ горячки. Обозній прилуцкій былъ унасъ.

Цвѣтная неделя. 3. Сегодня по службѣ Божой кушалисмо у себе зъ Худолѣемъ и Федоромъ Чуйкевичомъ. Андрушко вѣдругбе за бочонокъ водки отдалъ Мартину 24 зол. По обѣдѣ зъ крѣпости прійшлисмо къ берегу надъ Сулакъ зъ п. Михайломъ, Тарновіотомъ и Худолѣемъ, зъ которими я пожекгнавшись, поехалемъ шлюпкою Миклашевскихъ до лагера нашего и пріехалемъ сюда при заходѣ слонца и тутъ наметомъ сталемъ. Маіоръ Аргаровъ зъ прорви пошолъ въ партію.

Понеделокъ вел. 4. Сей день въ лагерѣ пробавилемъ въ наметѣ и зъ Федоромъ Чуйкевичомъ въ куренѣ. Слишно учинилось, что маіоръ Аргаровъ остановился и неишолъ въ партію. Посѣщалемъ Семена Чуйкевича и Василя Романовича, болѣзнуючихъ. Коменди полковника Еропкина нерекгулярной 1500 чловѣка опредѣлени къ роботѣ до крѣпости новой на валъ, где обрѣтались цѣлий тиждень.

Вовторникъ вел. 5. Сегодня зъ прорви пріехали машталѣре и коней привели. Кучеръ пригналъ зъ города 2 козѣ зъ 4 козенятами, Мартиномъ купленнихъ. Стефанъ Гамалѣя подарилъ мнѣ гордовину на чубукъ. Листъ до брата п. Семена, въ 12 листахъ затинаючійся, окончилемъ.

Середа. 6. Сегодня рано прійшолъ Потапъ зъ крѣпости и подалъ писма зъ Астраханѣ привезенніе, зъ которихъ едно било ко мнѣ отъ полковника ахтирского Лесевицкого, отпущено генвар. 11, въ якомъ ознаймуетъ, что мои писма отсюду отправленніе въ Ахтирку принесенни генвар. 2-го, а между тими жъ писмами одно отъ Стефана Миклашевского до Кандиби писанное, въ якомъ узнаймуетъ, что товариство въ Астраханѣ обрѣтаючееся не похотѣли до складки грошевой пристати и что г. генералъ Матюшкинъ обѣщался до своихъ друзей въ П. Бурхъ о насъ писать и что милостивъ показуется. Андрею Трощинскому далемъ пшона мѣшокъ.

Четвер. вел. 7. Капелянъ тутейшій занемоглъ, чего ради призванъ сюда зъ нижней станицѣ капелянъ донскій, которій и службу Божую отправлялъ, а Потапъ зъ Вѣжевскимъ ездили въ старую

крѣпость причащатися. По службѣ Божой заходилемъ до Гамалѣи, гдѣ и обѣдалемъ.

Пятокъ вел. 8. Сегодня Худолѣй пріехалъ зъ крѣпости и забавивши тутъ до полудня отехалъ. Волъ Якубовичевъ, межи нашими волами бывшій, здохъ. Вѣжевскій переписалъ рѣчи всякіе у лагерѣ тутъ наши найдуючіеся реестромъ.

Субота. 9. Сегодня приступалъ я до коммунѣи, а обѣдалъ зъ Трощинскими, въ ихъ палатцѣ. Вѣжевскій передомъ, зъ рѣчами моими, отправленъ въ крѣпость.

Воскресеніе, неделя. 10. Пріехалъ я рано сюда въ крѣпость ст. Креста и оба зъ п. Михайломъ ходилисмо до генераловъ и полковниковъ зъ поздравленіемъ, а потомъ у службѣ Божой въ великой церквѣ были, гдѣ когда читалося Евангеліе, то зъ пушекъ, на валу стоячихъ всѣхъ, палено. Обѣдалисмо у Кропотова генерала зъ старшимъ Миклашевскимъ и Стефаномъ Гамалѣею. Генералъ Кропотовъ сказовалъ про князя Василія Володимер. Долгорукова, что оній виехалъ зъ С. П. Бурху о первой неделѣ поста, а отправленъ онъ сюда въ Астрахань главнимъ комендиромъ, чиномъ генерала полного пожалованъ и что генералъ полній Бонъ зъ 5 полками слѣдуетъ съ Казанѣ сюда жъ, очищать Астрабатъ и Мензандронъ.

Понеделокъ 11. Сегодня рано былисмо у генераловъ, а по службѣ Божой ходили до насъ обозній прилуцкій зъ полковниками наказними своее комендии и випивши водки, отойшли. По обѣдѣ прійшолъ до насъ Еропкинъ и игралъ съ нами и зъ Гамалѣями, оба порознь, въ карти; а меншій Гамалѣя Григорій захоровалъ у насъ на фебру [1]).

Вовторникъ. 12. Сегодня по службѣ Божой обѣдалисмо у себе зъ Григорашомъ и Худолѣемъ; по обѣдѣ ходили до старой крѣпости, а прійшовши оттуду позвани были до Еропкина, гдѣ генерали и штапъ офѣцери кушали сегодня, и заставши всѣхъ, кромѣ Кропотова, забавили и сами, а потомъ розійшлись. Мерзлюкинъ коменди-

[1]) За симъ слѣдуетъ списокъ „пожалованныхъ въ чины персонъ", который здѣсь опускается. См. изд. 1859 г., I, 154.

рованъ зъ двома ротами драгунъ въ гребенскіе городки, для припроваженния оттуду сюда драгунскихъ лошадей, тамъ зимовавшихъ въ крѣпость, при которихъ были 2 капитана и 400 драгунъ. П. Михаило купилъ коня рижого за 9 р. зъ полтиною у донця. У вечеру былъ у насъ оберъ провіянтмейстеръ Лутавинъ и сказовалъ про 2 щербота, новоздѣланніе судна въ Казанѣ, прійшовшіе зъ Астраханѣ будто въ ретранжаментъ аграханскій, да онъ же говорилъ, что здесь провіянтъ дается на 14000 человѣка, кромѣ семейнихъ донцовъ, зъ которими будетъ на 15000 зъ баришкомъ, але уменшается такая дача провіянтовая, затимъ же помираютъ много, якъ и въ прошломъ мартѣ мѣсяцѣ умерло зъ всего корпуса на 500, а зъ команди обозного прилуцкого, черезъ еденъ мартъ, 284 чловѣка.

Середа. 13. Сегодня по службѣ Божой обѣдалисмо у генерала Шереметева многіе зъ бунчуковихъ, также Еропкинъ, обозній прилуцкій зъ двома полковниками наказними. Капитанъ чили порутчикъ Григоровъ пріехалъ зъ Астраханѣ сюда на тихъ щерботахъ, о которихъ вчора упомянуто въ 4-мъ нумерѣ, и вѣдомость привезлъ о перемѣнѣ генерала Бона князь Василіемъ Володимеровичомъ Долгоруковимъ. Были у насъ въ день капитани Діонетъ, Макарти и Пѣперъ, зъ которими кромѣ Пѣпера, ходилисмо за городъ зъ Худолѣемъ.

Четвер. 14. Сегодня по службѣ Божой былъ я у генерала Шереметева, оттуду въ себе кушалисмо зъ Діонетомъ и Тарновіотомъ, и Худолѣемъ. У вечеру ходилъ я до харковского полковника и тамъ зъ Кочубеемъ посидѣвши и Сулимою, назадъ повернулъся.

Пятокъ. 15. Сегодня рано были мы у генераловъ, а кушали оба зъ п. Михайломъ у Еропкина; оттуду прійшлисмо въ свою квартеру зъ капитаномъ Якобѣномъ и порутчикомъ Мертвимъ. Получилемъ писмо отъ ахтирского полковника, 21 януар. отпущенное, въ которомъ пишетъ о добромъ здоровью домашнихъ моихъ. Алексѣй слуга мой повернулся зъ Астраханѣ и привезлъ провіянтъ и писма: *1-т*, писмо отъ архиерея Ѳорки, въ которомъ объявляетъ, что архимандритъ Рафаилъ Заборовскій устроенъ епископомъ псковскимъ и совѣтникомъ въ синодѣ и что отецъ Соколовичъ померъ, и о кол-

мичатахъ, на попа рождественского отца Петра Аграханского нѣчого надѣятись. *2-do.* Писмо другое отъ Полянского, о томъ что немоглъ на своихъ судахъ отправить провіянта моего за оскудѣніемъ онихъ и что оніе жъ въ комендѣ офѣцеровъ морскихъ, а не его суть. *3-tio.* Отъ пана Федора Марковича зъ комплементомъ. *4-to.* Отъ Демяна, февр. 23-го писмо, въ якомъ пишетъ, что получилъ онъ писма зъ дому ко мнѣ надлежащіе отъ губернатора астраханского роспечатанніе и что архиерей обѣщалъ одно колмича дать мнѣ. *5-to.* Отъ Демяна-жъ, о томъ что взялъ бурмистръ 3 кулѣ бокуну у его штрафу, тамъ же приложенъ реестръ 13 р. денегъ, даннихъ Алексѣеви на покупку. Особливе же реестрикъ приложенъ, что зъ Алексѣемъ отпустилъ онъ сюда гербарій 8, борошна куховъ 7, тютюну куховъ 2 и кулей 7, сухарей кулей 4, меду полъ 6 пуда, кагве фунтовъ 7, сала мало и протчее дробнее, да еще реестра приложени, что гор. продалъ онъ вѣд. 12, а взялъ денегъ 40 р. и 8 гривенъ, роздалъ людямъ по моемъ приказу вѣдеръ 6, тютюну продалъ 300 папушъ и бокуну столко жъ, а взялъ 18 р., и того всѣхъ денегъ взялъ 58 р. и 8 гривенъ, а въ росходѣ реестромъ показалъ денегъ 58 р. и 30 а. Особливе зъ дому писма получилемъ черезъ Алексѣя жъ: *1-mo,* отъ родителя и родителки зъ обыкновеннымъ благословеніемъ; *2-do,* отъ жени, что она въ декавр. поехала въ Чернѣговъ, ради поминовенія родителя своего и что всѣ живи домашніе, и что въ Тулиголовахъ у винницѣ на 10 казановъ робится, лошаковъ у степу поставили на станокъ 30, млинъ калюжновскій мелетъ, въ Сварковѣ хати молодецкіе додѣлани, а зъ верблюдовъ, посланнихъ зъ Царицина, еденъ на дорозѣ здохъ, а три пригнани; *3-tio,* отъ Якова Дуброви писмо, въ якомъ ознаймуетъ, что въ Перервинцяхъ коней верховихъ 9, ижджалихъ 15, четвертаковъ вновъ случennихъ 15, дрикгантовъ 6, да дрикгантовъ же своего стада два, гнѣдій и чалій; особливе кобилъ зъ лошатами 42, яловихъ 21, лошаковъ третяковъ 12, лошицъ третячокъ 12, стрижаковъ 19, стрижачокъ 17, лошатъ сеголѣтнихъ 43, овецъ стриженихъ 165; въ Кривой Рудѣ коровъ съ телятами 70, яловихъ биковъ, бичатъ и телицъ не означилъ, телятъ 43, овецъ

725, козъ 92, сѣна скиртъ 70, въ Сухоносовцѣ скиртъ 7, и что шинкара лубенского зраховалъ, отъ которого, за 723 и 724 года, приходилю отъ его за всякіе напитки грошей 568 зол. и шаг. 5, зъ якои суми Орановскій взялъ до своихъ рукъ 190 зол., а Романъ слуга бывшій 127 зол. и шаг. 5, а розно забрано 55 зол. и шаг. 7, Плетюнка, староста сухоносовскій, забралъ 65 зол. и шаг. 5. и того въ заборѣ 438 зол. и шаг. 7, а еще на ономъ доводится 129 зол. и шаг. 8, а въ 1725 году Плетюнка далъ ему варъ пива, да бочку меду, за якій напитокъ и отобралъ староста денги. Вѣдомо учинилося, что писаръ енер. Семенъ Савичъ, въ Москвѣ, отъ каменной болѣзни, и Кирпичъ померъ. Суддя гадяцкій Гребянка и Петро Корецкій зъ С. П. Бурху отпущенни зъ нѣкоторими въ доми свои. Брегадиръ Веляминовъ отехалъ въ С. П. Бурхъ и прокуроръ Хрущовъ отехалъ же туда вовся, и той же брегадиръ виступилъ зъ моего двора и сталъ тамъ комендантъ Писаревъ; урожай въ Малой Россіи на хлѣбъ не худий былъ и хочай жита отъ збытнихъ дожчевъ послабы были, однакъ ярини хорошіе.

Субота 16. Сегодня по службѣ Божой заходили мы до полковника Еропкина, где вѣдомо намъ было о Івану Андрѣевичу Толстому, что оній повернулъся зъ Цариграда и знову въ генварѣ имѣлъ ехать туда жъ. Дефаршъ пріехалъ въ крѣпость ст. Креста и, бувши у насъ, отдалъ мнѣ писмо отъ Якубовича писанное о его въ Астраханѣ удержаннюся и чтобъ Рогачевского туда послать.

Неделя. 17. Сегодня былисмо у генерала Шереметева, где видѣли нѣчмана Хитрова, пріехавшого зъ Астраханѣ на щерботахъ, которій сказовалъ, что 50 щерботовъ опредѣлено ходить сюда до Сулаку для привозу сюда провіанта, и отдани оніе подъ коменду 5 нѣчманамъ. Обѣдалисмо у себе зъ Худолѣемъ и Тарновіотомъ, а по обѣдѣ приходили до насъ Кочубей и Сулима. Были мы у оберъ провіянтмейстера Радіона Назаріева Лутавѣнова и видѣли тамъ обявленіе о состоявшомся тайномъ верховомъ совѣтѣ февр. 14, о чомъ тамъ же зри нумеръ 4. Козакъ яитскій, бывшій у шафкала въ неволѣ, сказовалъ, что къ оному шафкалу пріездилъ Суркай и обявлялъ, что имѣетъ онъ 5000 пѣхоти татаръ и обѣ-

щалъ шафкалу помогать, ежели турчинъ приидетъ на помочь, а въ шафкала его войска всего будто будетъ на 3000 и пушокъ 3 и въ ущелля висшого караулъ отправляютъ его татаре по 500 чловѣка. Тризничъ приходилъ до насъ и далъ мнѣ писмо отъ Якубовича зъ Астраханѣ отпущенное ко мнѣ марта 25-го, въ якомъ пишетъ о томъ, что хотя онъ и другіе бунчуковіе просились будто сюда въ Сулакъ у г. генерала Матюшкина, однакъ отказалъ онимъ, же мовитъ и зде будетъ вамъ дѣло и чтобъ слугъ Якубовичеви отослать въ Астрахань, и что іваницкій сотникъ полку прилуцкого Іванъ Стороженко первую жену свою, за болѣзнь ея, постригши въ черницѣ, женилъся на другой и недель зо двѣ поживши, самъ померъ и постриженая преставилась.

Понеделокъ. 18. Сегодня былъ у насъ рано харковскій полковникъ зъ Миклашевскими обома и, випивши водки, отойшолъ, а Миклашевскіе у насъ кушали. Ширай до Миклашевского п. Андрѣя писалъ, что г. генералъ Матюшкинъ о нашемъ отпуски до господъ въ С. П. Бурхъ двократно писалъ, и что вѣсть носится въ Астраханѣ, якобы свѣтлѣйшому князю (Меншикову) Батуринъ данъ въ день первозванного ст. апостола Андрея. Худолѣй у насъ. Отъ Кочубея принесени мнѣ двѣ цедули отъ п. Федора дядка ко мнѣ писанніе, въ якихъ ознаймуетъ, что табаку моего 3 кулѣ взяти вмѣсто штрафа въ Астраханѣ и что объ отпуску нашемъ тамъ вѣсти жадной нѣтъ.

Вовторникъ. 19. Сегодня кушалисмо у себе зъ Худолѣемъ и Тарновіотомъ, а по обѣдѣ были у Кочубея и посидѣвши отойшли оттуду, а ходили до старой крѣпости и на ринокъ, откуду зъ харковскимъ полковникомъ были у Миклашевскихъ, и прийшли потомъ до своей квартери, куда у вечеру приходилъ до насъ Чуйкевичъ; Худолѣй ездилъ въ лагеръ и того ради не ночовалъ у насъ.

Середа. 20. Сегодня по службѣ Божой былъ я у генерала Шереметева, где мнѣ вручено писмо отъ Любима Полянского зъ Астраханѣ писанное зъ еднимъ комплементомъ; оттуду зайшолъ я до генерала Кропотова, а обѣдалъ у полковника Еропкина, куда потомъ и Худолѣй пришовши, съ нами жъ обѣдалъ. Потомъ хо-

дили мы до полковника Лѣцкина и, тамъ посидѣвши, заходили на мостъ и приишли въ свою квартеру. Маіоръ Мерзлюкинъ повернулъся зъ Гребеней и припровадилъ въ цѣлости всѣ лошадѣ тамъ досолѣ обрѣтавшіеся разнихъ командъ и потомъ у насъ былъ. Худолѣй, повернувшись зъ лагера, привезлъ мнѣ писмо ахтирского полковника до Стефана Гамалѣи писанное, въ которомъ виражено, что надѣятись намъ отпуску на весну до дому, понеже о насъ тамъ старателство въ Ахтирки отъ князь Михаила Михаиловича Голѣцина имѣетъся. Да Бутовичъ же Стефанъ показовалъ листъ отъ швакгра его полковника гадяцкого Милорадовича къ нему писанний, что помянутий князь Голѣцинъ изволилъ сказовать, что на веснѣ непремѣнно намъ отпускъ учинится. Алексѣй пріехалъ сюда водою зъ провіянтомъ, зъ нимъ отъ Астраханѣ припроваженнимъ, але провіянтъ, за небытіемъ здѣ воловъ, до завтрого на берегу зложенъ, а въ лагерѣ зложилъ онъ муки пшеничной бочокъ 4, житной бочку 1, пшона 1, товчи 1, съ тютюномъ 2, сухаревъ куліовъ 4.

Четвер. 21. Сегодня рано былъ у насъ Кандиба и показивалъ писма отъ Тамари къ нему зъ Астраханѣ писанніе, въ которихъ ознаймуетъ объ отездѣ г. генерала Матюшкина въ Москву и о прихилности его до нашихъ. Также былъ у насъ же рано обозній прилуцкій и капитани чили порутчики Прончищевъ и Давидовъ, а обѣдали у своей квартири зъ Синдаревскимъ, Дефаршомъ, Тарновіотомъ, Григорашомъ и Худолѣемъ. Получилъ я писма 2 зъ Дербенѣ отъ Мокіенка и Гаврила слуги моего, писанніе 1-го апр., въ которихъ нѣчого немашъ полезного, ибо первий проситъ въ позику денегъ, а другій требуетъ резолюціи на первіи свои писма. Барилъ досипали водкою, зъ тутейшого барила, на досипку трохъ барилъ пойшло горѣлки осмухъ 21, а вѣдерокъ здешнихъ 2 и осмухъ 1, а другихъ трохъ барилъ на досипку жъ, зъ привезенного барила, пойшло осмухъ полъ 14, що чинитъ вѣдеръ тутейшихъ 1, и полъ 3 осмухи. Тютюну куліовъ 4, зложили папушами тютюнъ въ коморцѣ, зъ первого куля війшло папушъ 150, зъ другого 206, зъ третого 185, зъ четвертого 100 и того 641, зъ пятого проданного жъ. Барилъ всѣхъ было привезено 8, въ которихъ въ росходъ

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

1893 г.

МАРТЪ.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1893.

СОДЕРЖАНІЕ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

1893 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4

Дозволено цензур. Кіевъ, 27-го февраля 1893 г.

Нѣкоторыя черты изъ былой жизни духовенства юго-западнаго края.

Жизнь нашего духовенства во многихъ отношеніяхъ протекаетъ при такихъ условіяхъ, въ которыхъ слышатся отголоски далекой старины. То, что для другихъ соціальныхъ группъ давно отошло въ область смутныхъ преданій, сдѣлалось достояніемъ прошлаго и останавливаетъ на себѣ вниманіе лишь историковъ, то—здѣсь, въ духовенствѣ, часто является самой животрепещущей дѣйствительностью и составляетъ предметъ близкаго, неискоренимаго интереса, затрогивающаго чувствительнѣйшія человѣческія струны. Возьмемъ, напр., судопроизводство. Извѣстно, какими благодѣтельными послѣдствіями сопровождалась судебная реформа, двадцатипятилѣтіе которой, недавно исполнившееся, достойно было бы болѣе сочувственнаго празднованія. Духовенство же остается при старомъ порядкѣ, и для него и до сихъ поръ имѣютъ полное право гражданства тѣ самыя формы суда и судебнаго слѣдствія, которыя были дѣйствующими еще въ прошломъ столѣтіи.—Съ другой стороны, и административная машина не можетъ похвалиться особенно успѣшнымъ движеніемъ впередъ. Много прорѣхъ, много застарѣлыхъ язвъ, требующихъ радикальнаго лѣченія; польза же новыхъ заплатъ на старой одеждѣ слишкомъ ничтожна и сомнительна, чтобы слѣдовало возлагать на нихъ большія, несбыточныя надежды. А между тѣмъ не такъ давно, кажется въ августѣ 1892 года, мы были свидѣтелями синодальнаго распоряженія, въ силу котораго весь составъ одной

изъ духовныхъ консисторій замѣненъ новымъ. Такая экстраординарная мѣра вызвана, вѣроятно, серьезной причиной. По этому поводу въ нѣкоторыхъ духовныхъ органахъ, напр. въ „Церк. Вѣстн.“, появились статьи о разныхъ злоупотребленіяхъ, отъ которыхъ и понынѣ не свободны иныя консисторіи.

Какими невѣроятными, мучительными страданіями сопровождаются подобныя злоупотребленія, какой жгучей нравственной болью отзываются они въ сердцахъ многихъ и многихъ человѣческихъ существованій,—это прекрасно изображено въ замѣчательномъ разсказѣ Чехова „Кошмаръ“. Съ трудомъ вѣрится, чтобы здѣсь изображалась дѣйствительность; хотѣлось бы думать, что это въ самомъ дѣлѣ кошмаръ. Но увы! отъ каждаго слова вѣетъ такой искренностью, а въ положеніи дѣйствующихъ лицъ и вообще во всѣхъ подробностяхъ разсказа столько простоты, что невольно убѣждаешься въ непреложной истинности описываемыхъ фактовъ. Кто хоть нѣсколько интересуется бытомъ духовенства, пусть прочтетъ этотъ разсказъ: своимъ глубокимъ реализмомъ онъ производитъ потрясающее впечатлѣніе.

Предъ нами молодой священникъ, которому удалось получить приходъ только при условіи уплаты довольно крупной суммы, что-то около 200 руб. Взносъ денегъ разсроченъ, и уплата ихъ должна производиться помѣсячно въ теченіе года. Всякій посторонній наблюдатель, вздумавшій зайти въ воскресенье въ церковь, поражается отсутствіемъ въ ней людей того возраста, который извѣстенъ подъ именемъ „мужества“: безъисходная нужда, вѣчное голоданіе и каторжный, нескончаемый трудъ сдѣлали то, что здѣсь есть только дѣти и старики. Благодаря этому, средства священника, который жалованья не получаетъ и въ матеріальномъ отношеніи всецѣло зависитъ отъ прихожанъ, болѣе чѣмъ ограниченны; ихъ вовсе нѣтъ, а въ консисторію все таки нужно доставить опредѣленный ежемѣсячный взносъ, который лежитъ на немъ особенно тяжелымъ бременемъ. Кромѣ того, нельзя оставить безъ вспомоществованія старика-предмѣстника, потому что иначе ему нечѣмъ, буквально не-

чѣмъ существовать. Наконецъ, крайне необходимо содержать брата въ училищѣ. Вслѣдствіе этого всякій день, всякій часъ, каждая минута жизни этого священника наполнены одною горькою думой: какъ жить, чѣмъ пробиваться? Онъ стоитъ у престола и читаетъ молитву, но... не идутъ на умъ слова молитвы; его неотступно преслѣдуютъ въ это время размышленія другого, болѣе прозаическаго характера... Начальство то и дѣло шлетъ предписанія объ устройствѣ церковно-приходской школы, а душа священника при каждомъ такомъ случаѣ испытываетъ тяжелую, неописанную муку... Однажды ему случилось быть по дѣламъ несуществующей школы у почетнаго ея попечителя, довольно важнаго чиновника среди лицъ уѣздной администраціи. Просятъ садиться, угощаютъ чаемъ съ сухарями. Священникъ беретъ сухарикъ, отламываетъ кусокъ и съѣдаетъ, а другую часть тутъ же, на глазахъ хозяина, прячетъ въ карманъ. Впослѣдствіи оказалось, что онъ приберегъ это лакомство для любимой жены; онъ всегда пользовался подобнымъ случаемъ, чтобы принести ей гостинецъ, и это для него, при данныхъ условіяхъ, единственное средство, при помощи котораго онъ можетъ обнаружить нѣжныя чувства къ своей подругѣ. Важное чиновное лицо было оскорблено и возмущено. Пораженное какъ этимъ, такъ и нѣкоторыми другими странными поступками священника, оно донесло архіерею, что онъ пьяница. Не вѣдавшій ничего священникъ, чрезъ нѣсколько дней, приходитъ пѣшкомъ, за нѣсколько верстъ, обрызганный грязью, въ городъ, является къ тому же чиновному лицу и проситъ предоставить ему освободившуюся вакансію письмоводителя. По этой должности платили 20 руб. въ мѣсяцъ, но онъ счелъ бы себя невыразимо-счастливымъ, если бы ему позволили работать и за 10. Здѣсь начинается безконечно-грустная, мучительно трогательная исповѣдь, изъ которой и открывается, въ какія тяжелыя, даже можно сказать, жестокія, безвыходныя условія была поставлена жизнь этого священника. Съ горькимъ, обиднымъ, но впрочемъ мимолетнымъ чувствомъ досады слушало эту исповѣдь чиновное лицо, только что предъ тѣмъ пославшее доносъ архіерею.

Скажутъ, быть можетъ, что это рѣдкій, исключительный, единичный случай. Едвали?—отвѣтимъ мы. Но пусть такъ, пусть это случай не обыденный; даже и при такомъ ограниченіи страшно становится за человѣка, когда возможны подобные, хотя бы и единичные случаи. Страшно особенно потому, что человѣческое существо низводится здѣсь на крайнюю степень нравственнаго униженія. Всѣ благородныя, возвышенныя стремленія атрофированы; всѣ порывы къ добру, всякіе идеалистическіе инстинкты убиты въ самомъ зародышѣ. Не видится нигдѣ просвѣта, не слышно ободряющаго голоса. Остается одно жалкое зоологическое прозябаніе въ самой первобытной формѣ. На комъ же лежитъ отвѣтственность за эту метаморфозу? Несомнѣнно, что не послѣднюю роль въ этомъ дѣлѣ играютъ тѣ факторы, которые имѣютъ характеръ злоупотребленій и на которые было уже обращено вниманіе. Но въ нашу задачу не входитъ обсуждать современное положеніе духовенства; мы хотѣли только указать, какою живучестью отличаются нѣкоторыя весьма ненормальныя явленія въ духовномъ быту. Въ настоящее же время мы имѣемъ въ виду, на основаніи нѣкоторыхъ архивныхъ матеріаловъ, нѣсколько освѣтить тѣ же явленія въ былой жизни духовенства.

I.

Въ статьяхъ, напечатанныхъ въ духовныхъ журналахъ по поводу обозначенныхъ выше консисторскихъ злоупотребленій, было замѣчено, что одною изъ причинъ этого явленія должно считать недостаточность содержанія чиновниковъ. Все зло здѣсь заключается, конечно, не въ тѣхъ двугривенныхъ и полтинникахъ, которыми иногда награждаютъ за какую-нибудь неважную услугу маленькихъ писцовъ, получающихъ дѣйствительно ничтожное содержаніе, т. е. рублей 10—15 въ мѣсяцъ. Тѣмъ болѣе, что о вымогательствѣ съ ихъ стороны не можетъ быть и рѣчи, ибо оно, во первыхъ, не имѣетъ резона, а во вторыхъ, всякій съ полнымъ правомъ могъ бы сказать: „не по чину берешь!“ Слѣдовательно, бѣда въ сотенныхъ, которыя попадаютъ

въ карманъ тѣхъ лицъ, что чиномъ повыше. А объ ихъ содержаніи нельзя сказать, чтобы оно было недостаточно.

Перенесемся теперь мыслью за сто лѣтъ назадъ и посмотримъ, какими окладами пользовались консисторскіе чиновники въ то время. Вотъ росписаніе штатовъ волынской епархіи, учрежденной въ 1795 г. и считавшейся на первыхъ порахъ викаріатствомъ минской архіепископіи. Архіерей, которому жалованье положено было по „третьему классу", получалъ тысячу рублей. „Да емужъ за хлѣбъ и за протчую всякую собственно для него принадлежащую провизію, т. е. за муку крупичатую и пшеничную, разныя маслы и крупы, рибу, соль, медъ и вино горячее; а притомъ за дрова, желѣзо и уголье, такъ же за овесъ и сѣно для лошадей—800 руб." Послѣдняя сумма предназначалась на содержаніе не одного собственно архіерея, а всего архіерейскаго дома, штатъ котораго, кромѣ многочисленной прислуги, состоялъ изъ 12 человѣкъ. Сюда принадлежали такія лица, какъ экономъ, ризничій, духовникъ и др. Объ нихъ сказано, „онымъ всѣмъ будущимъ при архіереѣ чинамъ хлѣбомъ и протчею пищею довольствоваться изъ означенной собственно на архіерея полагаемой на провизію суммы сверхъ опредѣляемаго имъ денежнаго жалованья". Жалованье же каждаго изъ нихъ ограничивалось довольно ничтожной суммой: найбольше получалъ экономъ, именно 30 руб., духовникъ—15, а крестовый іеромонахъ всего 8. Указываемъ эти подробности потому, что нѣкоторые изъ поименованныхъ „чиновъ" бывали иногда членами консисторіи. Въ этомъ же росписаніи штатовъ можно познакомиться и съ размѣромъ жалованья, назначеннаго „ссборянамъ". Самая солидная цифра—60 руб. была назначена протопопу, ключарь получалъ 40, а священники по 30. И изъ этихъ лицъ протопопъ, напр., непремѣнно былъ однимъ изъ членовъ консисторіи. Если мы теперь, пройдя мимо пѣвчихъ, раздѣленныхъ на три „станицы", и множества звонарей и сторожей, причислявшихся также къ соборянамъ, обратимся собственно къ консисторіи, то увидимъ, что содержаніе ея обходилось не особенно дорого, только 448 руб. Всѣхъ служащихъ полагалось 19 человѣкъ. Наиболѣе крупный окладъ, въ

количествѣ 80 руб., былъ опредѣленъ главному начальнику—секретарю консисторіи; далѣе, въ нисходящемъ порядкѣ, идутъ 3 канцеляриста, получавшіе по 40 руб., 1 стряпчій—30, 6 копіистовъ—по 20, 2 сторожа и 6 приставовъ—по 6 руб. каждый; наконецъ, на канцелярскіе расходы ассигновано 50 р. [1]).

Какъ видимъ, оклады не особенно жирные; теперь даже трудно себѣ вообразить, какъ можно было существовать на такое мизерное жалованье.—Но вѣдь за то и жизнь тогда какъ дешево стоила!—возразитъ иной. Это правда: жизнь была не дорога, а все таки необходимо признать, что тогдашнее жалованье консисторскихъ чиновниковъ было болѣе, чѣмъ ничтожно. Къ этому выводу можо придти путемъ, между прочимъ, слѣдующаго силлогизма. Допустимъ, что жизненныя потребности возрасли съ того времени и предметы потребленія вздоражали въ десять разъ. На основаніи этого слѣдовало бы, чтобы и жалованье консисторскихъ чиновниковъ было теперь въ десять разъ больше, чѣмъ столѣтіе назадъ, но мы знаемъ, что оно увеличено на самомъ дѣлѣ въ двадцать разъ. Не смотря однако на это, церковныя газеты пишутъ въ настоящее время объ его недостаточности, какъ объ одной изъ причинъ извѣстныхъ злоупотребленій. Значитъ, въ то время и подавно была на лицо эта недостаточность. А у голодающаго аппетитъ всегда сильнѣе, чѣмъ у сытаго; недаромъ говорятъ—„сытый голоднаго не разумѣетъ". Какъ же удовлетворялся этотъ аппетитъ?

Прежде всего просимъ обратить вниманіе на то, что собственно членамъ консисторіи не положено было жалованья. Нѣкоторые изъ нихъ, пожалуй, могли въ немъ и не нуждаться. Таковъ, напр., первоприсутствующій, которымъ на Волыни обыкновенно бывалъ архимандритъ острожскаго Преображенскаго монастыря. Онъ состоялъ на полномъ монастырскомъ довольствіи, да кромѣ того, по должности настоятеля, получалъ 500 р. въ годъ. Онъ же вмѣстѣ съ тѣмъ бывалъ иногда и ректоромъ семинаріи. Таковымъ, далѣе, можно считать и протопопа, штатное жалованье котораго было небольшое, но при этомъ

[1]) Арх. волын. дух. конс. 1796 г. № 544.

онъ пользовался еще приходскими доходами и соборной кружкой. Слѣдовательно, этихъ лицъ мы можемъ оставить въ покоѣ. Гораздо болѣе интересуетъ насъ судьба тѣхъ сверхштатныхъ чиновниковъ, которые вовсе не получали жалованья; изъ дѣлъ же видно, что были и такіе. Чѣмъ же они существовали? Ассигнованная изъ казны на канцелярію сумма была такъ не-велика, что не очень раскошелишься: ея, вѣроятно, едва хватало на удовлетвореніе прямыхъ и ближайшихъ нуждъ. Поэтому на содержаніе сверхштатныхъ чиновниковъ приходилось изыскивать мѣстные источники. Для этого, впрочемъ, существовали нѣкоторые, освященные традиціей и закономъ, пути, къ которымъ безъ дальнихъ поисковъ и обращались по мѣрѣ надобности.

Въ старину было въ ходу положеніе, въ силу котораго можно было назначать священниковъ на половинную и даже на третью часть прихода. Въ дѣлахъ того времени часто попадаются термины „половинный", „третинный" священникъ. Вотъ этимъ-то обычаемъ и пользовались для поднятія консисторскихъ фондовъ. Какимъ образомъ происходила процедура назначенія и поступленія въ консисторію этимъ путемъ денегъ, видно изъ слѣдующаго факта. Въ ноябрѣ 1796 г. благоч. луцкаго повѣта Вигура донесъ консисторіи, что изъ присоединенныхъ въ его уѣздъ приходовъ „добрихъ не болѣе находится какъ три: Конюхи, Рожища и Садовъ". Кандидатовъ на эти приходы довольно и „много меня трудятъ, но какъ во всемъ уѣздѣ для управленія духовенствомъ способнихъ людей вовсе не имѣется, кромѣ одного архидіакона Бучинскаго, если пожелаетъ присоединиться", то поэтому онъ предлагаетъ консисторіи самой назначить на эти мѣста священниковъ. Начальство охотно исполнило это и, въ силу архіерейской резолюціи, Рожища, какъ „добрый приходъ", были предоставлены, въ видахъ поощренія, одному изъ благочинныхъ, а въ остальныя два села велѣно „опредѣлить надзирателей, которые въ тѣхъ бы приходахъ жили, и одну часть доходовъ брали бы для себя, а другую присылали въ консисторію въ пользу живущихъ здѣсь на своемъ содержаніи канцелярскихъ служителей и діаконовъ".

Какъ ни проста эта мѣра, не видно, чтобы она широко практиковалась. Вакантныхъ приходовъ въ то время было достаточно, особенно потому, что значительное число уніатскихъ священниковъ не пожелали возсоединиться, и такимъ образомъ села оставались безъ пастырей; обязанности ихъ временно исполняли случайные замѣстители — и всетаки мы не часто встрѣчаемся съ предписаніями, аналогичными вышеприведенному. Причина этого кроется, быть можетъ, въ томъ немаловажномъ обстоятельствѣ, что трудно было учесть цифру доходовъ съ наблюдаемаго прихода; слишкомъ много надо было имѣть вѣры въ человѣческую честность, чтобы вполнѣ положиться на добросовѣстность наблюдающаго священника. Но и безъ того подобныя предписанія исполнялись весьма туго: только послѣ нѣсколькихъ предписаній и подтвержденій, сопровождаемыхъ угрозами, да и то исполнялись съ большою неохотою. Напр., въ указанномъ случаѣ предписаніе состоялось въ ноябрѣ, но прошло четыре мѣсяца, а съ исполненіемъ его не очень торопились. По этому въ концѣ марта 1797 г. консисторія рѣшается „предписать и притвердить“ луцкому духовному правленію, чтобы „оное о выполненіи указныхъ велѣній лучшее имѣло вниманіе и излишнихъ затрудненій и переписокъ не плодило бы, опасаясь за то законнаго взысканія“. Духовное правленіе на это время оказалось въ отсутствіи; главные члены его были въ отлучкѣ, и оно состояло изъ одного только и то „сторонняго“ человѣка, свящ. Севрука, который былъ посланъ въ этотъ уѣздъ для наблюденія праздныхъ приходовъ. Отъ имени духовнаго правленія онъ объяснялся, что хотя оно „репримантъ терпитъ, но угрожающаго ему законнаго взысканія избѣжать никакъ не можетъ“. Тѣмъ не менѣе консисторскій указъ своевременно былъ отправленъ къ благочинному для исполненія. Но чрезъ три мѣсяца, именно въ іюлѣ, читаемъ новое подтвержденіе консисторіи, которая на этотъ разъ даже недоумѣваетъ, чему вмѣнить „такъ странный поступокъ духовнаго правленія: притязанію ли какому, или нераченію, или же невниманію предписаніямъ сего мѣста“. Только послѣ этого духовное правленіе прислало 18 злотыхъ, при чемъ съ Садова всего 3 злот., а ос-

тальные 15 съ Конюхъ [1]). Деньги были истребованы уже давно, но растрачены самимъ духовнымъ правленіемъ „на указніе расходы". Опасеніе—„дабы и впредь не подпасть толико чувствительнымъ нарѣканіямъ"—побудило его отнестись наконецъ съ должнымъ вниманіемъ къ распоряженіямъ начальства и выслать деньги [2]). Такимъ образомъ, въ теченіе семи мѣсяцевъ, съ двухъ „добрыхъ" приходовъ получено было консисторіею всего лишь 2 р. 70 к. „Овчинка не стоитъ выдѣлки!" — скажетъ всякій. Дѣйствительно, надо было имѣть много мужества, чтобы изъ-за такой мелочи предпринимать столько хлопотъ. Неудивительно, что епархіальное начальство избѣгало подобной мѣры.

Столь же мало пригоденъ былъ другой путь, направленный повидимому, къ той же цѣли,—именно штрафы. Легко сообразить, что это источникъ случайный, да при томъ сопряженный съ такими же неудобствами, какъ и предыдущій. Если къ нему не рѣдко прибѣгали, то больше въ видахъ дисциплинарныхъ, а не фискальныхъ. Особенно интересна въ нѣкоторомъ отношеніи исторія съ однимъ штрафомъ, которому подверглось Базалійское духовное правленіе. Въ перепискѣ съ Староконстантиновскимъ нижнимъ земскимъ судомъ, это правленіе выразилось, что „судъ не слушаетъ законнаго гласа", такъ какъ не оказалъ однажды поддержки священнику. Суду показались обидными эти выраженія и онъ пожаловался губернскому правленію, а сіе послѣднее сообщило объ этомъ брацлавской духовной консисторіи. Консисторія, разсмотрѣвъ дѣло, нашла, что базалійское духовное правленіе поступило „неосмотрительно"; оно „нанесло напрасное нарѣканіе и присудственному мѣсту свѣтской, и вѣдомству духовной команды"; вслѣдствіе этого было постановлено—„въ страхъ другимъ, а сему духовному правленію въ будущую осторожность оштрафовать присудствующихъ онаго за несоблюденіе своей присяжной должности взысканіемъ 5 руб. на бѣдныхъ" [3]). Хотя штрафныя деньги велѣно было прислать

[1]) Если принять злотый равнымъ 15 к., итого слѣдовательно 2 р. 70 к.

[2]) Арх. вол. дух. конс. № 615.

[3]) Деньги предназначались, повидимому, собственно для бѣдныхъ но онѣ поступали въ общія консисторскія суммы и расходовались на общія же надобности

съ первой почтой, но назначено было, кромѣ прежняго, и новое взысканіе въ количествѣ 10 руб., а ни тѣ, ни другія деньги не были присланы. Наступило время, что и само базалійское правленіе было упразднено, а брацлавская консисторія напрасно ожидала присылки денегъ. Видитъ она, что дѣло плохо, пишетъ „бывшимъ уничтоженнаго базалійскаго духовнаго правленія присудствующимъ понужденіе", причемъ назначаетъ трехнедѣльный срокъ на исполненіе своихъ предписаній; но прошелъ цѣлый мѣсяцъ уже послѣ этого срока, а деньги все не были представлены. Тогда консисторія рѣшилась на послѣднее средство: для взысканія денегъ былъ командированъ на счетъ оштрафованныхъ спеціальный чиновникъ, снабженный особой инструкціей, въ которой между прочимъ, сказано: „Буди же бы паче чаянія, кто съ нихъ въ чемъ малѣйше попротивился и не хотѣлъ отдать, то не смотря на лицо безъ всякаго послабленія взять того съ помощью церковнослужителей и представить въ консисторію для сужденія по всей строгости законовъ" [1]).

Но если штрафнымъ деньгамъ иной разъ и не приходилось лавировать подобнымъ образомъ между Сциллой и Харибдой, то ихъ ожидали превратности судьбы въ другомъ родѣ, такъ что эти деньги въ концѣ концовъ попадали совсѣмъ не туда, куда собственно предназначались. Такъ случилось съ тѣми 10 руб., которыя были присланы благочиннымъ острожскаго уѣзда Башуцкимъ. Этотъ благочинный долго не представлялъ метрическихъ тетрадей, почему консисторія вынуждена была послать къ нему нѣсколько подтвержденій. Наконецъ требуемые документы были доставлены и въ извиненіе благочинный ссылался на нерадѣніе священниковъ. Однако начальство его же самого обвинило въ этомъ нерадѣніи и, настращавъ, что за каждый подтвердительный указъ слѣдовало бы оштрафовать 10 р., ограничилось общимъ взысканіемъ въ 10 руб. Указъ объ этомъ состоялся 8 мая 1796 г., а 11-го деньги уже были внесены. Между тѣмъ въ апрѣлѣ 1806 года канцеляристъ Шумскій докладываетъ, что хотя при дѣлахъ и есть замѣтка о полученіи

---

[1]) Арх. вол. дух. конс. № 622.

денегъ прот. Веледницкимъ, но на приходъ онѣ никуда не записаны. Затребовано было объясненіе, и протоіерей сталъ совсѣмъ отрицать, чтобы онъ когда-либо получалъ деньги. Тогда спросили благочиннаго, имѣетъ ли расписку; тотъ отвѣтилъ, что въ теченіе 10 лѣтъ расписка затерялась, но что онъ дѣйствительно вручилъ деньги вмѣстѣ съ репортомъ этому самому протоіерею. Неловко было консисторіи своего же собственнаго члена заподозрѣвать въ нѣсколько двусмысленной неаккуратности, но волей неволей она должна была предписать о взысканіи съ него денегъ, если онъ не представитъ доказательствъ, что онѣ не имъ приняты, или что употреблены на казенныя надобности. Протоіерей однако никакъ не желалъ подчиниться этому распоряженію и объяснялся, что оно для него не безобидно. Ясно, что всякія надежды на истребованіе денегъ должны были угаснуть; оставалось теперь одно—оправдать какимъ-нибудь образомъ поступокъ Веледницкаго, и вотъ, не безъ нѣкотораго риска, онъ былъ подведенъ подъ манифестъ, состоявшійся еще въ 1802 г. [1]).

Изложенные факты даютъ нѣкоторое понятіе о томъ, что законными, находившимися въ распоряженіи мѣстной власти, мѣрами трудно было улучшить матеріальный бытъ консисторскаго персонала; мѣры были не вѣрны, мало надежны и почти не достигали цѣли. Поэтому чиновники должны были сами промышлять о себѣ, что они, какъ кажется, неизмѣнно и практиковали.

Самый прочный заработокъ доставляло канцеляристамъ писаніе прошеній для лицъ, обращавшихся къ епархіальной власти по извѣстнымъ дѣламъ. Это видно изъ того, что обыкновенно этого рода бумаги бывали написаны той же рукой, какой послѣ излагалось консисторское постановленіе. Вообще тогда кандидаты, напр., священства почти не дерзали самолично писать просьбу архіерею: они еле выводили буквы, а о грамотности имѣли понятія настолько либеральныя, что слово иподіаконъ въ ихъ начертаніи принимало форму „и Под-

---

[1]) Ibid. № 238.

дияконъ". Естественно, что, пріѣхавъ въ епархіальный городъ, они и обращались къ одному изъ канцеляристовъ за помощью. Лишь изрѣдка они являлись съ готовымъ, уже написаннымъ прошеніемъ, но и тогда оно было плодомъ работы канцеляриста того духовнаго правленія, въ вѣдомствѣ коего состоялъ проситель; такимъ образомъ правленскому чиновнику кое-когда удавалось перехватить мзду, долженствовавшую поступить въ распоряженіе его консисторскаго собрата. Нужно добавить, что всѣ прошенія кандидатовъ священства, какъ написанныя одними и тѣми же лицами, до чрезвычайности шаблонны и однообразны. Но въ потребныхъ случаяхъ и канцеляристы не считали излишнимъ возвышаться до паѳоса и въ прошеніи какой-нибудь „вдовстсвующей попадьи" о предоставленіи за сиротами прихода можно встрѣтить такія фразы: „Въ таковомъ будучи горестномъ положеніи, ваше пр., со слезами прошу, не лишить злополучную мать и нещастныхъ чадъ ея своего архипастырскаго благопризрѣнія" [1]).

Новое затрудненіе для кандидата священства возникало при написаніи ставленническаго допроса, потому что здѣсь ему нужно было подписаться. Услужливый канцеляристъ и тутъ выручалъ новичка изъ бѣды. Онъ простиралъ свою заботливость до того, что принималъ на себя этотъ трудъ и самъ подписывалъ фамилію ставленника, стараясь при этомъ царапать невообразимѣйшія каракули, чтобы такимъ образомъ достигнуть возможно большаго сходства съ его почеркомъ. Но вотъ молодой человѣкъ, пройдя тысячи самыхъ разнообразныхъ мытарствъ, на которыя намъ удастся намекнуть впослѣдствіи, благополучно очутился на приходѣ. Уменьшились ли теперь неудобства и затрудненія, сопряженныя съ его весьма слабыми каллиграфическими наклонностями? Наоборотъ, онѣ едвали не увеличились: надо вести отчетность по церковнымъ суммамъ, надо писать метрическія книги, составлять разныя вѣдомости, изготовлять разныя справки... Опять приходится прибѣгать за содѣйствіемъ къ болѣе компетентнымъ въ этомъ дѣлѣ лицамъ. Такими ли-

---

[1]) Арх. волын. дух. конс. № 633.

цами, несомнѣнно, должно признать канцеляристовъ, и къ нимъ-то особенно сподручно было обращаться тѣмъ священникамъ, которые жили вблизи епархіальнаго города. Объ этомъ можно заключить по нѣкоторымъ производившимся въ консисторіи дѣламъ. Такъ, свящ. Капличъ жаловался еп. Варлааму, что канцеляристъ Малевичъ взялъ у него 2 руб. съ условіемъ написать „росписи,“ но не исполнилъ своего обязательства, а потому теперь благочинный, за непредставленіе въ срокъ требуемыхъ документовъ, грозитъ взыскать 10 руб. штрафа. Архіерей не только освободилъ просителя отъ взысканія, но еще велѣлъ отобрать 2 руб. у Малевича и отдать ихъ другому канцелярскому служителю, или семинаристу, „который росписи переписать обовяжется“ [1]).

Встрѣчаются по такимъ же поводамъ и жалобы болѣе серьезнаго характера. Особенно интересна въ этомъ отношеніи жалоба свящ. Ендржеевича. Въ числѣ разныхъ обвиненій противъ благоч. Бакуревича онъ, между прочимъ, указываетъ, что тотъ требовалъ „бы были роспыси готовіи на Ѳомину недѣлю непремѣнно на три рукы списаны“. Такъ какъ благочинный „натиснулъ срокомъ“ и успѣть было трудно, то священникъ нанялъ „писаря“ за 2 руб., но представленныя послѣ этого росписи почему-то небыли приняты. Вмѣсто того благочинный пригласилъ просителя въ консисторію и здѣсь обязалъ его подпискою въ „едной седмыци“ исполнить его требованіе. При этомъ „за одну только руку что переписано въ консисторіи я, жалуется священникъ, мусѣлъ заплатить 5 руб. старыхъ.“ Это обстоятельство бросилось въ глаза мѣстному архіерею, и онъ въ своей резолюціи предписалъ“ прилежнѣйше изслѣдовать по канцеляріи: для чего не позволено просителю представить росписей тѣхъ, кои написаны ему за 2 руб. постороннимъ человѣкомъ, а принудили его дать въ консисторіи, т. е. консисторскимъ служителямъ, за одну только таковую роспись 5 руб. Кажется, здѣсь дѣйствовало зловредное, присутственному мѣсту крайне предосудительное лихоимство“ [2]). **В. Храневичъ.**

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Арх. волын. дух. конс. № 580.

[2]) [illegible] № 55[illegible]

Путешествія въ Малороссію академика Гильденштедта и кн. И. М. Долгорукаго.[1])

II.

Г. Глуховъ.

Гильденштедтъ посѣтилъ и *административный центръ* Малороссіи, которымъ былъ тогда г. *Глуховъ*. Недалеко уже было то время, когда, по рескрипту Екатерины II отъ 26 октября 1781 г., суждено было пасть этому центру. По пункту 8 этого рескрипта „публичное въ городѣ Глуховѣ каменное строеніе все, что за помѣщеніемъ присутственныхъ мѣстъ глуховскаго уѣзда и потребныхъ магазейновъ останется, Всемилостивѣйше жалуется Приказу общественнаго призрѣнія губерніи новгородъ-сѣверской, для обращенія того на дѣла полезныя", а какъ разъ во время посѣщенія Гильденштедта еще только отстраивалось главное изъ публичныхъ строеній, которому пришлось вмѣщать въ себѣ малороссійскую коллегію меньше того времени, какое было затрачено на постройку, и дѣлались попытки придать, при помощи правительственныхъ субсидій, городу благообразную внѣшность, какая подобаетъ центру. Но предоставимъ разсказывать нашему ученому путешественнику: „$\frac{12-28}{XI}$ 1774 г. Эти дни я провелъ въ Глуховѣ, гдѣ долженъ былъ ожидать, пока малороссійская коллегія сообщитъ мнѣ необходимыя свѣдѣнія о дѣленіи страны, городахъ и селахъ, числѣ жителей, ежегодно рождающихся, умирающихъ и брачущихся.

[1]) См. „Кіевск. Старина" 1893 г., № 2.

Глуховъ является теперь главнымъ городомъ малороссійскаго генералъ-губернаторства. Послѣ разоренія Батурина и бѣгства невѣрнаго гетмана Мазепы, съ 1708 г. здѣсь находится мѣстопребываніе (центральнаго) управленія страной. Глуховъ состоитъ изъ города, окруженнаго землянымъ валомъ, и 4 предмѣстій. Самый городъ лежитъ на мѣловомъ возвышеніи, до 10 саж. высотой, на лѣвомъ берегу рѣчки Есмани. Земляной валъ 8 лѣтъ тому назадъ значительно исправленъ: въ немъ 4 воротъ, изъ которыхъ двое съ красивыми каменными сводами—это московскія и кіевскія (черезъ нихъ проходитъ дорога въ оба эти города), 3-и ворота—путивльскія (ведутъ въ Путивль) и 4-я—бѣлополовскія (къ нимъ примыкаетъ предмѣстье Бѣлополовка). Къ главнымъ зданіямъ въ городѣ принадлежитъ зданіе коллегіи, женскій монастырь, 5 каменныхъ церквей, торговыя лавки и аптека.—Зданіе коллегіи (кирпичное) начали строить 8 лѣтъ тому назадъ и теперь большая часть его уже готова. Оно лежитъ на главной улицѣ, влѣво (если въѣзжать въ нихъ) отъ московскихъ воротъ, и состоитъ изъ главнаго корпуса, въ 53 сажени длины, и 2 крыльевъ (23 сажени длиною и 7 шириною). Зданіе 2-хъ этажное и крыто желѣзомъ. Здѣсь должна помѣститься коллегія со всѣми своими развѣтвленіями и жить генералъ-губернаторъ [1]). Женскій монастырь носитъ названіе Глуховскаго Успенскаго монастыря и состоитъ изъ нѣсколькихъ плохихъ построекъ и каменной церкви Успенія. Кромѣ этой, въ городѣ есть еще 4 каменныхъ церкви: Тройцы, Николая, Трехъ Анастасій и Архангела Михаила.—Лавки находятся противъ зданія коллегіи, въ нихъ нѣсколько купцовъ изъ русскихъ продаютъ товары для повседневнаго употребленія, отчасти торгуютъ пряностями и галантерейнымъ товаромъ. Аптека принадлежитъ частному лицу—Морицу Вильгельму Шрейберу изъ Риги.

Дома въ городѣ предполагается всѣ построить изъ камня: казна отпускаетъ для этой цѣли ссуды въ 3000 руб. на пер-

---

[1]) Домъ этотъ имѣлъ 250 комнатъ; уцѣлѣвшее отъ него разобрано въ 1836 г. на постройку присутственныхъ мѣстъ (см. примѣчаніе О. Б. къ путешествію Долгорукаго 1810 г., стр. 320).

вые 5 лѣтъ безъ процентовъ, на слѣдующіе 5 лѣтъ по 5%. Домъ для образца, стоющій 3000 р., уже нѣсколько лѣтъ какъ выстроенъ въ городѣ (Гильденштедтъ даетъ описаніе этого дома: онъ 3-хъ этажный, съ подваломъ и со службами). Но до сихъ поръ еще никто не начиналъ строить каменнаго дома, хотя и многіе взяли деньги.

Одно изъ предмѣстій *Шпанская улица*—лежитъ на лѣвой сторонѣ рѣки, внизъ отъ города; въ немъ 1 каменная церковь. Другое—*Бѣлополовка* на той-же сторонѣ вверхъ отъ города, въ немъ тоже 1 каменная церковь—Воскресенія Христова—и 1 деревянная—Св. Духа; здѣсь проживаетъ гарнизонъ, частью на квартирахъ, частью въ собственныхъ домахъ. 3-е—*Усовка*, на правомъ берегу рѣки, выше города, въ немъ 1 деревянная церковь—Покрова Богородицы. 4-я—*Веришка*, на томъ же берегу рѣки, внизъ отъ города и противъ него, въ немъ 3 деревянныхъ церкви—Захаріи, Елисаветы и Всѣхъ Святыхъ. Здѣсь прежде находились дома гетмана и его чиновъ. Гетманъ, гр. Разумовскій [1]), велѣлъ построить эти дома въ 2 ряда, между которыми проходила Кіевская улица. Послѣ того какъ гетманское достоинство уничтожено, въ послѣднія 10 лѣтъ дома эти (всѣ они деревянные) снесены и частью проданы, а частью матеріалы ихъ пошли на другія общественныя постройки. Въ особенности слѣдуетъ упомянуть о большомъ дворцѣ, почти на берегу Есмани и противъ кіевскихъ воротъ, предназначенномъ для житья генералъ-губернатора. Возлѣ этого дома—различныя пристройки, между ними оранжерея.—Сообщеніе города съ послѣдними двумя предмѣстьями поддерживается по мельничной гати. На этой гати 4 года тому назадъ механикомъ Гиршбер-

---

[1]) Гетманъ не былъ доволенъ этими постройками. „Гнусное мѣстечко Глуховское, пишетъ онъ къ гр. М. И. Воронцову, на которомъ я построился уже было не мало, и при томъ по сырости, низости и болотной землѣ почти уже деревянное строеніе, не въ пору строенное и скороспѣшно худыми плотниками и изъ мелкаго лѣса, до того меня на послѣдокъ привели, что я единственно для здоровья, которое домъ мой глуховской весьма повреждаетъ, принужденъ нынѣшняго лѣта зачать каменный домъ въ Батуринѣ“. („Семейство Разумовскихъ“ А. А. Васильчикова, т. I, стр. 214).

гомъ, нынѣ покойнымъ, устроена мельница о 2-хъ поставахъ. Каждый поставъ въ 24 часа при полой водѣ перемалываетъ 50 четвертей зерна. Мельница казенная, завѣдываетъ ею нѣмецъ; доходъ, равняющійся $^1/_{10}$ помола, поступаетъ въ скарбовую канцелярію.

Въ Глуховѣ стоитъ 1 батальонъ гарнизона, надъ которымъ начальствуетъ комендантъ, подъ его-же юрисдикціей состоятъ великорусскіе купцы, проживающіе въ Глуховѣ. Самъ онъ зависитъ отъ московскаго оберъ-коменданта. Кромѣ того, здѣсь есть рота фузелеровъ въ 150 человѣкъ; прежде эта рота состояла изъ козаковъ, которые служили тѣлохранителями гетмана; послѣ уничтоженія гетманства, стражу эту переформировали, дали ей нынѣшнее имя и форму—зеленый мундиръ съ красными обшлагами и желтые штаны. Они зависятъ лишь отъ малороссійской коллегіи, которая назначаетъ и офицеровъ. Фузелеры служатъ въ качествѣ стражи при коллегіи и какъ полицейскіе чиновники [1]).

Въ Глуховѣ есть цейхгаузъ, но въ немъ очень мало артиллеріи, наилучшая въ Кіевѣ и при 1-й арміи.

Въ Глуховѣ въ общемъ до 1000 домовъ, всѣ деревянные и плохой постройки, многіе покрыты соломой. Жители большею частью малороссы, къ великороссамъ принадлежатъ купцы и солдаты. Нѣмцевъ очень мало, они занимаютъ казенныя должности. Ради нихъ держали здѣсь лютеранскаго пастора, Нейбауера, который прожилъ здѣсь 20 лѣтъ и умеръ въ мартѣ текущаго года. Лѣтъ 8 тому назадъ, когда еще не было дивизіонныхъ пасторовъ, онъ былъ единственный на всю Украину.

Глуховъ находится въ 300 верстахъ отъ Кіева и 590 отъ Москвы. Почта съ письмами изъ Глухова въ Москву идетъ по средамъ и субботамъ, приходитъ въ воскресенье.

Въ Глуховѣ 4 ярмарки въ годъ, всѣ незначительны. Съѣстные припасы здѣсь не дешевы: фунтъ баранины стоитъ $1^1/_2$ к.,

---

[1]) По открытіи новгородъ-сѣверскаго намѣстничества, фузелерная рота, „между пѣхотныхъ солдатъ, въ штатную новгородъ-сѣверскую губернскую роту помѣщена“. (А. Шафонскій, стр. 69).

фунтъ хорошей говядины—2 коп., плохой—1½. Индюкъ—20 к., утка—10, курица—8. Фунтъ масла—10 к., 1 ф. пшеничнаго хлѣба—2 к., 2 ф. ржанаго—1 коп., штофъ молока—8 коп., 4 яйца—3 к., головка бѣлой капусты 3 к. и т. д. Изъ Воронежа въ Глуховъ привозятъ хорошее пиво, считающееся лучшимъ въ Украинѣ, гдѣ варятъ очень мало пива и меду, вѣроятно потому, что они портятся скорѣе, чѣмъ водка.

Поля въ Глуховѣ удобряютъ рѣдко и то лишь для яровыхъ хлѣбовъ.—Въ лѣсахъ здѣсь попадается козуля, но рѣдко; другая сѣверная дичь довольно часто.

Въ 30 верстахъ отъ Глухова и въ 3-хъ отъ деревни Лосятки есть селитроваренный заводъ, на которомъ очищаютъ селитру, получаемую изъ остальныхъ мѣстъ Украины. Можно было бы значительно увеличить число селитроваренъ въ Малороссіи, такъ какъ большая часть валовъ, окружающихъ сотничьи города, содержитъ селитру.

Говоритъ Гильденштедтъ и о фарфорой глинѣ изъ окрестностей Глухова, о разсказахъ о которой намъ уже приходилось говорить въ прошлой статьѣ. („Кіев. Ст.“ № 3, 1892 г.).

„Возлѣ деревни Полошки, въ 10 верстахъ къ ю.-з. отъ Глухова по кіевской дорогѣ, шагахъ въ 100 влѣво отъ нея, если ѣхать изъ Кіева, есть оврагъ, открывающійся въ потокъ Вербивку (притокъ Есмани). Въ этомъ оврагѣ, называемомъ *Глинище*, находятъ очень тонкую фарфоровую глину. Въ пологихъ возвышенностяхъ прокапываютъ ямы отъ 6 до 10 саж. глубиной, пока не дойдутъ до слоя фарфоровой глины, въ 2 ф. мощностью. Площадь этого слоя можно прослѣдить по стольку, по скольку можетъ выдержать, не обрушиваясь верхній слой земли; поэтому работы производятъ только зимой, когда отъ морозу земля крѣпче. Фарфоровая глина бѣла и тонка, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ ней замѣчаются пятна, окрашенныя вслѣдствіе присутствія желѣза. Для обыкновенныхъ горшечныхъ работъ глину употребляютъ такъ, какъ она есть; для полученія фарфора ее слѣдуетъ освободить отъ всѣхъ желѣзосодержащихъ включеній. Говорятъ, что глина эта употребляется для издѣлій на московскихъ фарфоровыхъ фабрикахъ. Пудъ ея

продаютъ здѣсь по 5—6 коп. Оврагъ, гдѣ находятъ глину, принадлежитъ различнымъ частнымъ лицамъ. Рабочіе, которыхъ нужно около 5 на каждую шахту, обыкновенно дѣлятъ добычу съ владѣльцами. Въ деревнѣ Полошкахъ много этой глины въ запасѣ.

Въ окрестностяхъ Глухова, очень овражистыхъ, находятъ также обыкновенную желтую глину, желѣзистый песокъ и мѣлъ. Изъ мѣлу выжигаютъ здѣсь известь, но плохую, почему жилища не долговѣчны. Глина этой мѣстности мало годится для выдѣлки кирпича, такъ какъ въ ней масса мергелистыхъ и мѣловыхъ частицъ, отчего кирпичи изъ этой глины на воздухѣ сильно впитываютъ влагу и распадаются. Песчаникъ, идущій въ Глуховѣ на фундаменты жилыхъ зданій, добываютъ въ окрестностяхъ Воронежа, въ 20 верстахъ къ сѣверу отъ Глухова“.

Долгорукій былъ въ Глуховѣ и въ 1810 г. и въ 1817 г., но не сообщаетъ о немъ никакихъ данныхъ. Въ первый разъ онъ высказываетъ сожалѣніе, что недостатокъ времени не позволилъ ему „высмотрѣть“ городъ, который „съ наружнаго виду показался ему хорошъ“; во второе свое путешествіе по поводу Глухова ограничивается похвальнымъ отзывомъ о его тротуарахъ.

III.

Полтава, Кременчугъ, Лубны, нѣкоторые изъ сотничьихъ городовъ.

Первымъ полковымъ городомъ, посѣщеннымъ Гильденштедтомъ при его проѣздѣ черезъ Малороссію, была *Полтава*, но, какъ полковой городъ, она доживала тогда свои послѣдніе дни: еще въ 1764 г. потеряла она большую часть своихъ сотенъ, отошедшихъ къ новороссійской губерніи, а въ слѣдующемъ послѣ посѣщенія путешественника, т. е. 1775 г., сама съ послѣдними 5 сотнями была причислена къ той-же губерніи.

Этотъ умирающій полковой городъ, съ жалкими остатками старой крѣпости, не могъ, конечно, показаться особенно кра-

сивымъ путешественнику, который подъ 18—21 сентября заноситъ въ свой дневникъ по поводу Полтавы слѣдующее:

„Иррегулярная крѣпость, состоящая лишь изъ земляныхъ валовъ и сухихъ рвовъ, лежитъ на правомъ берегу Ворсклы, на 30 саж. надъ уровнемъ воды и имѣетъ 2½ версты въ окружности. Теперь крѣпостныя укрѣпленія въ упадкѣ, здѣсь нѣтъ ни артиллеріи, ни гарнизона, ни комменданта. Въ крѣпости 5 церквей, изъ которыхъ 3 каменныя, такъ-же, какъ и дома обывателей у торговыхъ лавокъ; крѣпость со всѣхъ сторонъ окружена обширнымъ предмѣстьемъ. Чрезъ крѣпость проходитъ оврагъ, по которому протекаетъ ручей Полтава, тотчасъ-же за крѣпостью впадающій въ Ворсклу. Съ юго-вост. стороны крѣпости берегъ Ворсклы очень крутъ и недоступенъ, съ сѣверо-восточной—положе и спланированъ для въѣзда.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Полтавы, между двумя оврагами, изливающими свои воды въ Ворсклу, расположенъ полтавскій монастырь. Строенія окружены деревяной стѣной и состоятъ изъ большой каменной церкви, двухъ меньшихъ филіальныхъ церквей, каменнаго дома архимандрита или игумена и различныхъ, частью каменныхъ, частью деревянныхъ, зданій, служащихъ монашескими кельями. Кромѣ игумена въ монастырѣ—66 монаховъ.—Монастырь принадлежитъ къ кіевской епархіи и основанъ лѣтъ 100 тому назадъ. Доходы монастырю даютъ нѣсколько близъ лежащихъ селеній, съ населеніемъ въ 400 семействъ. Вблизи монастыря—хорошій фруктовый садъ и виноградникъ. Кромѣ яблонь, грушъ, вишенъ и сливъ,—здѣсь есть еще абрикосы, персики, волоскіе орѣхи и кизилъ. Волоскіе орѣхи (они уже поспѣли) очень хороши; персики плохи, величиной всего съ грецкій орѣхъ, еще не поспѣли и уже пострадали отъ мороза. Виноградъ—довольно хорошаго сорта, ягоды величиной съ вишню, частью бѣлыя, частью красныя; намъ дали молодого вина, оно было плохаго качества и уже прокисло. Безъ сомнѣнія, грозды были сорваны слишкомъ рано. Изъ монастыря открывается прекрасный видъ на окрестности. До сихъ поръ для монастыря возили воду изъ Ворсклы, въ этомъ году устроили колодезь возлѣ монастыря“.

Послѣ исторической справки на счетъ пребыванія въ монастырѣ Карла XII, а также на счетъ полтавскаго боя и шведской могилы, Гильденштедтъ возвращается къ Полтавѣ:

„14 сентября, въ день Воздвиженія св. креста, ежегодно въ Полтавѣ бываетъ большая ярмарка; кромѣ этой—еще 3 другихъ. Въ лавкахъ постоянно можно найти все, необходимое для жизни; въ мирное время—много турецкихъ и крымскихъ товаровъ, которыхъ теперь совсѣмъ нѣтъ. Многіе европейскіе товары, особенно французскія шелковыя ткани, здѣсь дешевле, чѣмъ въ Москвѣ, что объясняется, можетъ быть, контрабанднымъ провозомъ ихъ черезъ Польшу и Ново-Сербію. Большая часть жителей состоитъ изъ купцовъ, немогущихъ похвалиться большою состоятельностью: 2—3 между ними, взявшіе на себя, въ теченіе настоящей войны, доставку провіанта для 2-й арміи, нѣсколько разбогатѣли. Во время этой войны главная зимняя квартира командующаго 2-й арміей была въ Полтавѣ. Благодаря этому, нравы жителей очень измѣнились; жены богатѣйшихъ горожанъ перемѣнили обычный малорусскій костюмъ на французскій; мущины упорно держатся старой моды, исключая поступившихъ въ регулярную армію. Замѣтно, что въ теченіе этого же времени появилось больше вкуса въ убранствѣ жилищъ, вт меблировкѣ ихъ.—Но все таки, исключая 2—3 домовъ, остальные деревянные, неправильно разбросанные. Въ крѣпости 400 домовъ, въ предмѣстьи—вдвое больше. У домовъ предмѣстья—обыкновенно есть фруктовые сады, главнымъ образомъ изъ вишневыхъ деревьевъ.

Въ этомъ-же городѣ мѣстопребываніе полкового священника украинской дивизіи, пастора Вебера. Для удобства нѣмцевъ, главнымъ образомъ офицеровъ лютеранскаго вѣроисповѣданія, по всемилостивѣйшему приказу Ея Императорскаго Величества, данному 8 лѣтъ тому назадъ, велѣно на казенный счетъ содержать 7 полковыхъ священниковъ, раздѣленныхъ по такимъ дивизіямъ, которыя стоятъ въ мѣстахъ, гдѣ до сихъ поръ не было вблизи ни одного лютеранскаго священника, каковы—Иркутскъ, Тобольскъ, Казань, Астрахань, Смоленскъ, Сѣвскъ въ бѣлгородской губерніи и Полтава въ Малороссіи“.

Не останавливаясь на довольно подробномъ сообщеніи Гильденштедта о полтавской флорѣ, приведемъ его разсказъ объ условіяхъ найма женкой прислуги въ Полтавѣ:

„Женскую прислугу нанимаютъ здѣсь за 4 рубля въ годъ съ платьемъ отъ хозяина. Платья, которыя носятся во время службы, остаются въ пользу хозяина и, покидая службу, прислуга снова одѣвается въ то платье, въ какомъ была при поступленіи. Если служанка родитъ во время службы, то, въ наказаніе, должна служить годъ безплатно. Это случается здѣсь очень часто, такъ какъ въ отношеніяхъ половъ замѣтна большая распущенность нравовъ. Послѣднимъ объясняется большая распространенность венерическихъ болѣзней. Для несчастныхъ, зараженныхъ этой болѣзнью, недавно устроенъ госпиталь“.

Ко времени посѣщенія Полтавы въ 1810 г. Долгорукимъ, она съ лихвою возвратила себѣ утраченное было положеніе административнаго центра: полковой городъ, на время переименованный въ уѣздный, въ 1802 г. дѣлается губернскимъ, съ назначеніемъ сюда особаго малороссійскаго генералъ-губернатора (кн. А. Б. Куракина); вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря стараніямъ своего перваго генералъ-губернатора, который „весьма старался сдѣлать изъ Полтавы въ маломъ видѣ Петербургъ и большія имѣлъ къ тому средства—казна отворяла ему всегда свою широкую кису“,—городъ во многихъ отношеніяхъ измѣнилъ свою внѣшность. Куракинъ надѣлалъ „бульваровъ и тротуаровъ изъ какого-то ломкаго щебня“, прирѣзалъ къ городу площадь (она, говоритъ Долгорукій, какъ особое что-то пришита къ городу и тѣмъ дѣлаетъ старинную Полтаву еще хуже, ибо округлость ея весьма великолѣпна), поставилъ на площади 9 казенныхъ каменныхъ зданій, „въ 3 и не ниже 2-хъ этажей, въ новомъ самомъ вкусѣ, стоившіе казнѣ слишкомъ до милліона рублей“, и памятникъ въ честь Полтавскаго боя, тоже очень дорогой (дороже 100 тысячъ рублей), красивый, но говорящій уму и сердцу меньше простаго монумента, воздвигнутаго Марченкой (на этомъ монументѣ, какъ передавали мы

уже въ прошлой статьѣ, была доска съ изображеніемъ Полтавскаго боя). „По крайней мѣрѣ и самый простой гуляка-пѣшеходъ, хоть мало знающій грамотѣ, могъ себѣ изъяснить, что это представляетъ и на что этотъ столбъ; ученый, сравнивая искусственный видъ съ естественнымъ мѣстоположеніемъ, могъ преслѣдовать всюду за Петромъ ожесточеннаго Шведа и участвовать живымъ образомъ въ славѣ соотчичей. Тутъ убитые, раненые, пѣхота, конница; тутъ вырѣзано все: и взоръ пламенный Петра, и упрямое Карлово чело, а въ новомъ зодческомъ зданіи славной сей побѣды увидитъ орла, чугунъ, бронзу, гранитъ и, сказавши: „Ахъ! какъ это все хорошо!“ принужденъ будетъ спросить: „Что это такое?“

Но все это были самыя поверхностныя измѣненія внѣшности, измѣненія чисто декоративныя, иногда въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Такъ, на той-же площади, гдѣ воздвигнуты 9 каменныхъ зданій и монументъ, „на мѣсто гимназіи, которая въ томъ-же мѣстѣ быть должна, но еще и не заложена, дабы сохранить всю прелесть оптики, преждевременно сдѣланъ щитъ, представляющій домъ въ два этажа съ красной крышею въ томъ самомъ размѣрѣ и по той фасадѣ, какіе даны для настоящаго зданія. Это тѣмъ больше обманываетъ глаза, что никто себѣ вѣрно не вообразитъ, вмѣсто дома, одинъ его дощатый портретъ: эта игрушка, думаю, также не бездѣлицы стоитъ, по своей огромности въ безлѣсномъ мѣстѣ. Я на сей счетъ оставляю всякаго отважнаго критика дѣлать примѣчанія, какія ему угодно; для меня довольно удостовѣрить, что это не сказка, а сущая истина, которую я лично видѣлъ и осязалъ“.

На ряду съ этими декоративными украшеніями, почти всѣ обывательскіе дома представляютъ собою глинобитныя постройки, въ городѣ совершенно нѣтъ мостовыхъ, что, при „кряжѣ земли естественно иловатомъ“, является причиной страшной грязи. „Я слышалъ, и не для шутки здѣсь передаю, но за мѣстную истину, что иногда дамы, приглашаемыя на балъ или чей-либо праздникъ, не могутъ на 4 лошадяхъ доѣхать: все тонетъ среди улицы—и животныя, и повозка. Что-жъ?

Припрягають воловъ—и полтавская щеголиха, въ бриліантовыхъ ожерельяхъ, довершаетъ на нихъ путь свой!“

Князь осматривалъ полтавскія богоугодныя заведенія и въ общемъ аттестуетъ ихъ не особенно удовлетворительно: они не понравились ему по внѣшности, да и „въ самомъ внутреннемъ содержаніи ихъ не нашелъ (онъ) желаемаго порядка: безумные всѣ въ одной комнатѣ и хотя они кажутся быть смирными, но положиться на человѣка безъ смысла не вовсе благонадежно“. Помѣщеніе для больныхъ неудобно и тѣсно, больные заразными болѣзнями лежатъ вмѣстѣ съ хрониками. Неудачной и опасной въ пожарномъ отношеніи представляется князю постройка подъ одной кровлей со всѣми другими зданіями—лабораторіи, тѣмъ болѣе, что послѣдняя выстроена изъ сырцу и покрыта дранью.

Въ военномъ воспитательномъ домѣ,—гдѣ „до 90 дворянъ и купцовъ обучаются разнымъ наукамъ, содержатся на ногѣ солдатской и готовятся къ военному состоянію“, обстановка въ гигіеническомъ отношеніи изъ рукъ вонъ плоха: „воздухъ сжатъ и нездоровъ; дѣти спятъ въ шкафахъ, изъ коихъ выдвигаютъ кровати, и потомъ, когда приберутся, то въ комнатахъ ихъ не видно; но сколько заводится гаду“! Въ дѣтской больницѣ очень тѣсно и душно.

Преподаватели въ школѣ „приходящіе изъ гимназіи“. Во главѣ ея стоитъ „одинъ отставной офицеръ кирасирскихъ полковъ; онъ славенъ здѣсь наипаче тѣмъ, что перевелъ Енеиду на малороссійскій языкъ“. „Имени его, говоритъ Долгорукій, не помню“, но его помнитъ вся Малороссія, такъ какъ это былъ извѣстный ея писатель И. П. Котляревскій.

При приказѣ существуетъ суконная фабрика, „на которой работаютъ праздношатающіеся евреи; рабочихъ-же и смирительныхъ домовъ здѣсь нѣтъ“.

Съ особенной подробностью останавливается Долгорукій на растратѣ казенныхъ суммъ, пошедшихъ на созданіе въ Полтавѣ такъ наз. „Нѣмецкой слободы“,—колоніи иностранцевъ, заведшихъ суконныя фабрики.

Изъ плетня, набитаго навозомъ, построено для колонистовъ 50 домовъ, каждый изъ которыхъ обошелся казнѣ до 2 тысячъ,

„а простоитъ-ли 5 лѣтъ, сомнительно“. Постройка ужасная, воздуху мало, рамы „для прочности“ разъ навсегда вмазаны въ стѣны и не отворяются ни лѣтомъ, ни зимой. Чтобы не задохнуться, обитатели этихъ домовъ принуждены выламывать рамы, чѣмъ способствуютъ полнѣйшему разрушенію этихъ никуда негодныхъ построекъ.

За аршинъ сукна отъ казны платится ткачамъ по 82 к., считая въ эту цѣну и стоимость матеріала. Но это цѣна фиктивная; различныя ссуды и льготы, дарованныя колонистамъ, въ дѣйствительности значительно повышаютъ ее: „Сказывали мнѣ на ухо, говоритъ князь, что, если разложить на вытканное сукно заимообразно розданныя суммы, то оно обойдется по 4 рубля за аршинъ; да и за это кто-же можетъ ручаться, доколѣ не протекутъ 10 лѣтъ льготы?... И такъ пусть цѣна, къ общей похвалѣ заводчиковъ, воображается на бумагѣ 82 коп., время откроетъ глаза и покажетъ истину: мишура золотомъ казаться не можетъ“.

Жизнь въ Полтавѣ показалась Долгорукому очень монотонной; монотонность ея была нарушена годичнымъ полтавскимъ торжествомъ—богослуженіемъ 27 іюня на Шведской могилѣ, подробно описываемымъ Долгорукимъ, да пиршествами, устроенными тогдашнимъ малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ кн. Я. И. Лобановымъ-Ростовскимъ, который „съ готовностью прямо-дружескою“ доставлялъ Долгорукому „всѣ средства найти себя самымъ лучшимъ образомъ въ Полтавѣ“. Въ это время, по случаю годичнаго торжества, посѣтилъ Полтаву гр. Безбородко, и „присутствіе такого знаменитаго посѣтителя, который столь щедро обогащаетъ многія заведенія въ Малороссіи, было поводомъ къ нѣкоторымъ чрезвычайнымъ собраніямъ“.

Но особый складъ полтавской публики отравлялъ Долгорукому всякое удовольствіе: „публика уединена и вообще нисколько не любитъ шумныхъ увеселеній. Пашня занимаетъ всѣ умственныя способности здѣшняго жителя. Нѣтъ вкуса къ удовольствіямъ роскошнымъ, все скупо и каждый сжатъ въ домѣ своемъ, какъ въ скорлупѣ“.

Такую-же нѣмецкую суконную фабрику, созданную на казенныя деньги, какъ и въ Полтавѣ, Долгорукій нашелъ и въ *Кременчугѣ*. Тамъ, кромѣ нѣмецкой, существовала и другая суконная фабрика. „Тутъ школа суконодѣлія для евреевъ: ткачи жиды обучаютъ своему ремеслу малолѣтковъ и сами толстое сукно работаютъ на станахъ казенныхъ. Вездѣ видны доказательства крайней нужды въ сукнѣ и усилія довольствоваться домашнимъ“.

Такъ-же, какъ и въ Полтавѣ, Долгорукій осматривалъ въ Кременчугѣ богоугодныя заведенія, но остался ими доволенъ гораздо болѣе, чѣмъ полтавскими; онъ находитъ постройки этихъ заведеній достойными всякой похвалы, больные содержатся чисто, воздухъ въ больницахъ прекрасный. Для евреевъ есть особая больница. По поводу ея Долгорукій высказываетъ слѣдующія соображенія: „Жидъ развѣ не человѣкъ? Оставимъ при немъ его суевѣріе, его нелѣпости, самые его обманы; вспомнимъ, что онъ также близкій нашъ, и когда онъ страждетъ, отворимъ ему сострадательное сердце. Вотъ какъ думалъ здѣшній начальникъ, когда онъ обратилъ взоръ свой на нихъ и особую для жидовъ устроилъ больницу.

Этотъ домъ сталъ казнѣ тысячъ до 80-ти, но пусть-бы сталъ и 100: Приказы Общественнаго Призрѣнія не копить, а съ пользой расточать обязаны свои сокровища. Внутреннія убранства и кровати доставлены иждивеніемъ здѣшняго помѣщика Пономарева. Лучше дать больному еврею на лѣкарство, нежели честному христіанину проиграть въ запрещенную игру въ трактирѣ“.

Съ похвалой отзывается путешественникъ о кременчугскихъ ремесленникахъ; очень понравились ему строенія магистрата и думы, одни изъ лучшихъ въ городѣ.

Былъ Долгорукій и въ саду, гдѣ нѣкогда находился дворецъ, принимавшій въ 1787 г. въ своихъ стѣнахъ Екатерину II; князь гулялъ въ немъ „съ нѣкоторыми тутошними жителями, кои помнятъ еще и нынѣ, какъ сюда при Потемкинѣ возили крымскія растенія и разсаживали ихъ, дабы обольстить взоръ Фелицы. На почтовыхъ привозили кадки съ большими плодо-

витыми деревьями и вкопаны были въ землю, гдѣ по времени безъ присмотра пропали. Все дѣлано было на минуту, на минуту и стало: слѣдовъ малѣйшихъ такого величія не осталось".

По поводу этихъ воспоминаній о 1787 г. мы позволимъ себѣ привести сущность разсказа о городѣ Кременчугѣ и о нѣкоторыхъ изъ обитателей его—современника и очевидца торжественной встрѣчи Екатерины II въ Кременчугѣ—Мöллерса. Но описаніе самой встрѣчи и времяпрепровожденія императрицы въ Кременчугѣ мы опустимъ, такъ какъ оно не прибавляетъ ни одной новой черты къ давно извѣстнымъ подробностямъ.

„До окончанія постройки Екатеринослава, пишетъ Мöллерсъ, Кременчугъ—главный городъ намѣстничества. Мы пристали у ратуши, со вкусомъ построеннаго деревяннаго зданія, украшеннаго колоннадой. Старый городъ окруженъ валомъ, новый—открытое мѣсто, съ красивой рыночной площадью, гдѣ подъ навѣсомъ находятся лавки; улицы прямыя и широкія. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города—замокъ намѣстника, кн. Потемкина; при замкѣ—прекрасный паркъ; залъ въ замкѣ громадной величины, онъ занимаетъ все лѣвое крыло его и можетъ вмѣстить нѣсколько тысячъ человѣкъ. Кромѣ того, здѣсь есть замокъ губернатора Синельникова, замокъ генералъ-лейтенанта Гаудевица, назначеннаго херсонскимъ губернаторомъ (нынѣшній губернаторъ ген.-лейтенантъ Самойловъ, племянникъ кн. Потемкина, отправляется на нѣсколько лѣтъ, вмѣстѣ со своей женой, въ путешествіе), а также нѣсколько другихъ замковъ различныхъ генераловъ.

Въ пристройкѣ къ губернаторскому дому находится казенная аптека; помѣщеніе очень сырое, и отъ сырости, а также уничтоженія мышами пропадаетъ до 40% товара. Всѣ представленія аптекаря Шика (изъ Петербурга), 16 лѣтъ завѣдывавшаго передъ тѣмъ казенной аптекой въ Александровской крѣпости, объ отведеніи ему другаго помѣщенія—остаются безуспѣшными; онъ хлопочетъ предъ медицинской коллегіей о предоставленіи ему другаго мѣста, и я очень хотѣлъ-бы, чтобы онъ добился этого, такъ какъ это человѣкъ не только вполнѣ

знающій свое дѣло, но и вообще очень ученый и образованный, кромѣ того отличающійся превосходнымъ характеромъ. Все время пребыванія въ Кременчугѣ я пользовался его гостепріимствомъ".

Этотъ Шикъ сообщилъ Мöллерсу о дѣйствіи многихъ лѣкарственныхъ веществъ и между прочимъ передалъ ему составъ „бальзамическаго пластыря", секретъ котораго продалъ императрицѣ за 30,000 руб. прусскій камеръ-юнкеръ Шиффгаузенъ фонъ-Везелинъ. Это было какое-то универсальное средство. М. приводитъ списокъ болѣе 30 болѣзней, отъ которыхъ будто-бы помогаетъ этотъ пластырь, между прочимъ—имъ излѣчиваются слѣпота, глухота, головная и зубная боль, ревматизмъ, рожа, подагра, ракъ, венерическія болѣзни, облегчаются тяжелые роды.

Тотъ-же Шикъ много разсказывалъ Мöллерсу о запорожцахъ, въ число которыхъ онъ самъ былъ принятъ. Его дипломъ былъ подписанъ послѣднимъ гетманомъ Петромъ Кальнишевскимъ. За принятіе Шикъ подарилъ братству серебряный кубокъ, цѣной 50 руб.; самъ получилъ лисью шубу.

Со словъ Шика Мöллерсъ сообщаетъ, что отнятыя у запорожцевъ, при разрушеніи Сѣчи, 400.000 рублей назначены императрицей на постройку университета въ Екатеринославѣ, а также передаетъ запорожскую думу—плачъ запорожцевъ по поводу потери ими свободы (дума эта была уже напечатана въ „Кіевской Старинѣ").

„Въ городѣ, продолжаетъ свой разсказъ о Кременчугѣ Мöллерсъ, 2 православныхъ церкви и 1 старообрядческая часовня; у лютеранъ также есть молитвенный домъ и кладбище. Лѣтъ 15 тому назадъ устроенъ здѣсь сиротскій домъ, изъ мальчиковъ котораго состоитъ большая часть капеллы кн. Потемкина, въ которой до 60 человѣкъ. Княгиня Хилкова, родственница князя, стоитъ во главѣ школы для бѣдныхъ дѣвочекъ. Для мальчиковъ состоятельныхъ родителей устроенъ пансіонъ механикомъ Фирлингомъ изъ Страсбурга. За обученіе, квартиру и столъ онъ беретъ съ каждаго по 150 руб. въ годъ. Кромѣ того, какъ механикъ, онъ получаетъ большое жалованье отъ казны и имѣетъ чинъ капитана.

И. Д. Бруннеръ, изъ С.-Галленскаго аббатства, директоръ фабрики кисеи въ Крюковѣ, находится здѣсь съ октября 1786 г. съ 6 работниками-швейцарцами; онъ жалуется, что получаетъ плохую шерсть и что ему не дали обѣщанныхъ учениковъ. Бруннеръ—большой любитель минералогіи и очень хотѣлъ-бы вернуться къ минералогическимъ экскурсіямъ, которыя онъ совершалъ въ Швейцаріи.

Юни, изъ Берна, директоръ фабрики шелковыхъ чулокъ, также живетъ здѣсь; получаетъ 1000 рублей жалованья, имѣетъ въ своемъ завѣдываніи 200 русскихъ и 20 швейцарцевъ. Фабрика находилась прежде въ Петербургѣ, здѣсь Юни—всего недѣлю. Его прядильная машина на 400 шпулекъ, изъ которой онъ дѣлаетъ большой секретъ, еще не прибыла".

Мöллерсъ посѣтилъ также д-ра *Самойловича*, еще раньше извѣстнаго ему по сочиненію „Memoire sur la peste. Paris. 1783". Отъ него получилъ еще 4 сочиненія относительно возможности прививки чумы, а также о микроскопическихъ изслѣдованіяхъ для опредѣленія природы чумнаго яда. Мöллерсъ очень сожалѣетъ, что не было произведено опытовъ прививки яда надъ преступниками. Самойловичъ, по сообщенію путешественника, былъ единственный врачъ, состоявшій на коронной службѣ и въ то же время независѣвшій отъ медицинской коллегіи въ Петербургѣ.

Со времени бывшей въ Кременчугѣ чумной эпидеміи, изъ опасенія повторенія болѣзни, установлено было нѣчто въ родѣ карантиннаго досмотра, существовавшаго и при Мöллерсѣ: каждый иногородній, по прибытіи своемъ, долженъ былъ дать знать о себѣ полиціи, послѣ чего его ежедневно навѣщалъ квартирмейстеръ, чтобы освѣдомиться о здоровьи.

Возлѣ Кременчуга существовалъ тогда разводной мостъ, длиною 500 саж. „Нѣкій маіоръ, сообщаетъ путешественникъ, получаетъ за содержаніе его 10.000 рублей въ годъ; купцы, суда и плоты вносятъ ему кромѣ того подарки" (за разведеніе моста?)

О намѣстникѣ края Мöллерсъ даетъ такой отзывъ: „князь Потемкинъ прилагаетъ много труда къ основанію фабрикъ;

даже въ Петербургѣ фабрики и художники находятъ въ немъ могущественнаго покровителя, напримѣръ: фабрика фарфоровыхъ издѣлій Конради и Розе, фаянсовая и ситцевая—англичанина Козенса, механикъ Кулибинъ и т. д., но всетаки ропщутъ противъ князя и его управленія, которое довольно сурово."

Интересно своей своеобразностью сообщеніе Мöллерса о духоборцахъ, живущихъ въ 200 верстахъ отъ Кременчуга. „Они," говоритъ онъ „ровно ничему не вѣрятъ, но ведутъ жизнь весьма добродѣтельную."

Вторымъ изъ полковыхъ городовъ, черезъ который пришлось проѣзжать Гильденштедту, были *Лубны*. Путешественникъ даетъ описаніе монастыря (главнымъ образомъ, сада при немъ), аптеки, а также упоминаетъ объ археологическихъ находкахъ.

Лубенскій монастырь, говоритъ онъ, лежитъ на ровной возвышенности, образуемой правымъ берегомъ Сулы. Монастырскія зданія, окруженныя деревянной стѣной, состоятъ изъ 2 каменныхъ церквей и 3 длинныхъ каменныхъ зданій для архимандрита и монаховъ; кромѣ того, много различныхъ деревянныхъ зданій. Возлѣ монастыря—хорошій виноградникъ, содержащій болѣе 1000 лозъ; большею частью виноградъ потребляютъ въ сыромъ видѣ, но получаютъ изъ него также немного вина для монастыря. Возлѣ монастыря есть также хорошій фруктовый садъ, въ которомъ, кромѣ обыкновенныхъ фруктовыхъ деревьевъ, есть персики, абрикосы, барбарисъ, волоскіе орѣхи, шелковица, нѣсколько каштановъ. Волоскіе орѣхи и шелковица есть въ большей части обывательскихъ садовъ, окружающихъ г. Лубны. Шелковичныя деревья въ Лубнахъ, хотя и остаются безъ всякаго призора, никогда не страдаютъ отъ зимняго холода. При всемъ томъ шелковичныхъ червей здѣсь не разводятъ. Очень удобна для шелковичной плантаціи былабы низменность на лѣвомъ берегу Сулы, противъ Лубенъ.

Монастырю принадлежитъ нѣсколько хорошо содержимыхъ лѣсовъ, откуда дерево продается въ Лубны.

Объ аптекѣ Гильденштедтъ почерпнулъ свѣдѣнія, посѣтивъ мѣстнаго аптекаря Юргенсона, уже около 7 лѣтъ проживавшаго въ Лубнахъ.

Аптека была устроена еще во время Петра В. Изъ нея снабжаются лѣкарствами близъ расположенныя войска,въ теченіе настоящей войны—особенно 2-я армія. Стоимость потребленныхъ въ эту войну лѣкарствъ за годъ составляетъ 200.000 руб. Здѣсь собираютъ много Simplicia частью для собственнаго потребленія, частію для отсылки въ главную Московскую аптеку.—Зданіе аптеки и лабораторіи—деревянное и въ очень плохомъ состояніи. Около 10 лѣтъ тому назадъ здѣсь устроенъ аптечный садъ, онъ лежитъ на ровной возвышенности, около версты вверхъ отъ города, занимаетъ площадь въ 100 кв. с. и окруженъ рвомъ и палисадами. Растеній, любящихъ сырость и тѣнь, здѣсь нельзя разводить, такъ какъ мѣстность возвышенная и совершенно незащищенная отъ солнца.

Отъ аптекаря я получилъ 25 римскихъ серебрянныхъ монетъ для передачи ихъ надворному совѣтнику Модель (Modell). Онѣ величиной въ русскій гривенникъ (grieven), но нѣсколько толще. Ихъ находятъ въ землѣ въ окрестностяхъ Днѣпра и продаютъ на ярмаркахъ подъ названіемъ „Ивановы Головы“ по 30—40 коп. за штуку. Здѣсь также, какъ и на Хоролѣ, находятъ такія-же окаменѣлости, какъ и на Дону и Волгѣ, именно кости слоновъ. Объ археологическихъ находкахъ говоритъ Гильденштедъ и при описаніи г. *Хорола*, и именно слѣдующее:

„Свѣдущій и достойный довѣрія человѣкъ въ Хоролѣ разсказывалъ мнѣ, что въ окрестности въ пескѣ находили наконечники стрѣлъ, по всей вѣроятности, отравленные и сдѣланные изъ такого твердаго сплава, что пробиваютъ желѣзо; затѣмъ въ здѣшнихъ курганахъ рядомъ со скелетами людей и лошадей находили нагрудники, шлемы и идоловъ“.

При разсказѣ о 2-хъ сотничьихъ городкахъ Лубенскаго полка, о Городищѣ и Пирятинѣ, Гильденштедъ сообщаетъ нѣсколько свѣдѣній о мѣстной промышленности и торговлѣ.

„*Городище*—малорусскій сотничій городокъ съ одною церковью и 200 домами. Въ городѣ много фруктовыхъ садовъ

особенно сливовыхъ и яблочныхъ. Эти сады у мѣстныхъ жителей снимаютъ московскіе купцы, и теперь (Гильденштедтъ былъ здѣсь 27/IX 1774 г) около 50 повозокъ съ яблоками было уже готово къ отправкѣ въ Москву. Это—частое явленіе во многихъ мѣстахъ Малороссіи. Въ Городищѣ много горшечниковъ, выдѣлывающихъ изразцы и глиняную посуду.

Много глиняныхъ издѣлій изготовляется также въ Камышнѣ Миргородскаго полка (на Пселѣ, выше Сорочинецъ). Возлѣ *Пирятина* на Удаѣ устроена мельничная запруда, на которой стоитъ 11 мельницъ, каждая о 2 поставахъ. Самый городокъ очень плохъ; старая крѣпость, заложенная на низменности, на правомъ берегу Удая, пришла въ совершенную ветхость; въ ней 2 церкви и на лѣвомъ берегу рѣки также церковь съ нѣсколькими домами. Правый берегъ рѣки съ очень незначительною пологостью, на немъ около 200 очень плохо построенныхъ домовъ. Въ Пирятинѣ бываетъ 4 ярмарки въ годъ. Московскіе купцы закупаютъ здѣсь главнымъ образомъ рогатый скотъ. Обыкновенная цѣна быка была 10 руб., теперь, вслѣдствіе недостатка корма, она пала до 6. Четверть ржи дошла здѣсь уже до 2 р. 40 к. Ведро водки, купля и продажа котораго здѣсь совершенно свободна, стоитъ 60 к.; пудъ соли, уже 2 года продающейся отъ казны, стоитъ 48 коп.

Объ одной изъ отраслей мѣстной промышленности Гильденштедту приходится говорить и при описаніи Решетиловки.

„Знамениты здѣшнія курчавыя барашковыя шкурки, во всей Украинѣ употребляющіяся на изготовленіе шапокъ, сотня ихъ на ярмаркахъ въ Ромнахъ продается теперь по 60—70 рублей, прежде по 30 руб. Барашковъ, отличающихся особенно красивой шерстью, бьютъ вскорѣ послѣ ихъ рожденія. Мясо сушатъ въ печахъ и сохраняютъ, такъ какъ во время поста, когда какъ разъ барашки бываютъ молоды, мяса нельзя ѣсть. Особенно высоко цѣнится мѣхъ сброшенныхъ ягнятъ, такъ какъ волоски на немъ очень коротки и онъ имѣетъ видъ бархата. Но никогда, развѣ только случайно, не убиваютъ объягнившейся овцы, чтобы добыть мѣхъ нерожденныхъ еще ягнятъ.“

Но ни одинъ изъ городовъ не даетъ Гильденштедту повода сообщить столько интересныхъ данныхъ о современной ему украинской промышленности, а особенно о торговлѣ, какъ городъ *Нѣжинъ*.

IV.

Городъ Нѣжинъ и украинская торговля.

Было время, и въ этомъ грязномъ и незначительномъ [1]) нынѣ городишкѣ кипѣла жизнь, онъ былъ торговымъ центромъ края; были сдѣланы попытки и, казалось, онѣ должны были увѣнчаться успѣхомъ, чтобы сдѣлать его и центромъ умственнымъ... Но все это минуло, остались одни воспоминанія о былой славѣ, а то, чѣмъ славенъ городъ теперь, такъ пошло, такъ мизерно въ сравненіи съ прошлымъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ настоящемъ вся слава зиждется на наливкахъ да соленьяхъ, а прежде о немъ говорили такъ: „Нѣжинъ не только въ Черниговскомъ намѣстничествѣ, но и во всей Малой Россіи одинъ такой городъ, который торговымъ называться можетъ и который многимъ великороссійскимъ городамъ въ своемъ торговомъ состояніи не уступаетъ" (Шафонскій, стр. 477).

Счастливое географическое положеніе города, бывшаго въ XVII и XVIII столѣтіи почти пограничнымъ городомъ Южной Россіи, лежавшимъ въ центрѣ торговыхъ дорогъ, и предпріимчивость поселившихся здѣсь греческихъ выходцевъ, надѣленныхъ цѣлымъ рядомъ льготъ и со стороны малороссійскихъ гетмановъ, начиная съ Богдана Хмельницкаго, а потомъ и со стороны русскихъ царей [2]), способствовали развитію торговли города, но затѣмъ расширеніе территоріи государства перемѣстило центръ торговаго движенія въ другія мѣста, и къ нимъ отхлынуло торговое населеніе города.

---

[1]) См. очеркъ Сребницкаго въ книгѣ „Гимназія высшихъ наукъ и лицей князя Безбородко изд 2-е. СПБ. 1881.

[2]) См. „Черниговскаго намѣстничества топографическое описаніе" сочиненное А. Шафонскимъ въ 1786 г. Кіевъ 1851 г.

Гильденштедтъ былъ въ Нѣжинѣ во время его торговаго процвѣтанія и, описывая городъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ останавливается на малороссійской торговлѣ вообще, такъ что страницы, посвященныя описанію Нѣжина, принадлежатъ къ интереснѣйшимъ въ путешествіи Гильденштедта, и потому дальше мы даемъ ихъ полный переводъ.

„13—15 октября 1774 г. Эти дни я провелъ въ Нѣжинѣ, чтобы изучить этотъ городъ, въ торговомъ отношеніи являющійся самымъ важнымъ въ Малороссіи.—Городъ былъ заложенъ болѣе 600 лѣтъ тому назадъ. Онъ расположенъ на низкой и потому очень сырой равнинѣ на маленькой рѣчкѣ Острѣ. Отъ своего низкаго мѣстоположенія городъ и получилъ свое названіе—сперва „Низина", потомъ перешедшее въ Нѣжинъ. Начало городу было положено на лѣвомъ берегу рѣки, гдѣ около 900 домовъ составляютъ узкія и неправильныя улицы; нѣкоторые изъ этихъ домовъ выстроены изъ камня и кирпича, но большей частью—деревянные. Между домами расположено 10 каменныхъ и нѣсколько деревянныхъ церквей. Всѣ зданія окружены валомъ и рвомъ, въ послѣднемъ во многихъ мѣстахъ застоялась загнившая вода. Въ верхней части города, сейчасъ возлѣ Остра, находится небольшая цитадель, а въ ней каменная церковь и нѣсколько плохихъ жилыхъ домовъ. Около 10 лѣтъ тому назадъ цитадель занималась русскимъ регулярнымъ гарнизономъ, съ комендантомъ во главѣ, и, вмѣстѣ съ Стародубомъ, Переяславомъ и Полтавой, Нѣжинъ принадлежалъ къ городамъ, занятымъ русскими войсками со времени присоединенія Хмельницкаго къ Россіи. Въ настоящее царствованіе, со времени учрежденія малороссійскаго генералъ-губернаторства, города эти оставлены незанятыми, изъ нихъ выведены гарнизоны и артиллерія.—Цитадель пришла въ большую ветхость, укрѣпленія города еще въ большую.—Противъ цитадели на правомъ берегу Остра лежитъ предмѣстье, называемое „Новое Мѣсто"; въ немъ 100 домовъ и каменная церковь, такъ что послѣднихъ въ Нѣжинѣ всего 12.—Здѣсь 2 монастыря, мужескій и женскій. Каменная церковь, выстроенная греческимъ купечествомъ, самая большая и красивая изъ всѣхъ нѣжин-

скихъ церквей; старая-же, въ которой до сихъ поръ богослуженіе совершается по гречески, мала и плоха.

Здѣшніе купцы и ремесленники,—частью велико—, частью малороссы,—подчинены мѣстному магистрату; греки-же, составляющіе наибольшую и важнѣйшую часть мѣстныхъ купцовъ, имѣютъ собственный судъ, называемый нѣжинскимъ греческимъ братствомъ, въ которомъ выборные изъ ихъ среды старшины рѣшаютъ возникающіе между греками споры, при чемъ судятъ ихъ по своимъ законамъ; апелляція на эти рѣшенія подается непосредственно въ малороссійскую коллегію въ Глуховѣ.

Дѣла грека съ русскимъ рѣшаются въ магистратѣ. Большая часть грековъ сохранила свой новогреческій языкъ, азіатскую одежду и нравы, другая измѣнила ихъ на русскіе и европейскіе. По особымъ привилегіямъ Петра Великаго, греки свободны отъ всѣхъ государственныхъ повинностей и могутъ свободно выѣзжать изъ россійскаго государства, что и дѣлаютъ нерѣдко.

Торговля въ Нѣжинѣ. По срединѣ города расположены торговыя лавки, построенныя частью изъ камня, частью изъ дерева. Большая часть деревянныхъ выгорѣла около году тому назадъ. Въ городѣ можно найти различные европейскіе, турецкіе, крымскіе, русскіе и сибирскіе товары, такъ какъ здѣсь складочный товарный пунктъ торговли между Россіей—съ одной стороны, Крымомъ, Молдавіей, Валахій, Турціей, Данцигомъ и Лейпцигомъ—съ другой; при этомъ почти вся торговля въ рукахъ грековъ.

Въ Данцигъ, Лейпцигъ и Силезію (которую здѣсь называютъ Шлёнскомъ) вывозятъ мѣха, воскъ, юфть, клей, щетину; оттуда привозятъ—тонкое и средняго качества голландское и англійское сукно, голландское и силезское полотно, французскія и нѣмецкія шелковыя и хлопчатобумажныя издѣлія, галуны, штирійскія косы и различные галантерейные товары.— Въ Польшу вывозятъ также мѣха, табакъ въ сыромъ видѣ, юфть, крымскій сафьянъ; оттуда получаютъ соль и уже готовый табакъ. Получаемая соль—колодезная, въ видѣ цилиндровъ. Здѣсь называютъ ихъ гуски, въ Польшѣ—столпики. Они

бываютъ вѣсомъ или въ $^{3}/_{4}$, или въ 2 фунта. Фунтъ стоитъ $1^{1}/_{2}$ коп.—Въ Молдавію и Турцію вывозятъ грубыя полотна, мѣха и юфть, ввозятъ оттуда—вина изъ Молдавіи и Валахіи, каменную соль (пудъ которой стоитъ здѣсь 1 рубль), а изъ Турціи—шелковыя ткани и пряности. Молдавскихъ винъ ввозится ежегодно на 50.000 руб. Большею частью, вино это потребляется въ многочисленныхъ нѣжинскихъ шинкахъ; кварта его, въ 2 фунта вѣсомъ, теперь стоитъ 20 коп., предъ войной—16.

Къ такъ называемой здѣсь и во всей Малороссіи бакаліи (отъ à Bacha), привозимой изъ Турціи, принадлежитъ жирный сыръ, называемый бринзой, рисъ, кофе, миндаль, грецкіе орѣхи, фиги, изюмъ, коринка, лимоны, и высушенныя и засахаренныя лимонныя и апельсинныя корки; персики, абрикосы и виноградъ, частью въ видѣ сироповъ, частью въ видѣ водочныхъ настоекъ, и каракатица, морской паукъ (sepia octopodia), котораго греки называютъ octopus и въ постное время употребляютъ, какъ лакомство.—Въ Крымъ вывозятъ грубое полотно, юфть и сибирскіе мѣха; оттуда привозятъ соль, сафьянъ, черныя и сѣрыя барашковыя шкурки, крупные орѣхи, рисъ и крымское, особенно кудакское (судакское) вино.—Такъ какъ торговля съ Крымомъ въ началѣ настоящей войны пріостановилась, то изъ Нѣжина и изъ другихъ мѣстъ Малороссіи были посланы за элтонскою солью пустые возы на Волгу, въ Камышенку. Соль эта продается отъ казны по 48 коп. за пудъ и имѣется непроданной во многихъ магазинахъ, такъ какъ жителямъ предоставлено право покупать крымскую соль, а пудъ ея стоитъ всего 38 к.—Возы, запряженные парой воловъ и посланные въ Камышенку пустыми, а назадъ возвращающіеся съ грузомъ въ 70 пудовъ соли, на дорогу теряютъ 13 недѣль времени. Соль въ камышенскомъ магазинѣ стоитъ 6 коп., а провозная плата на пудъ составляетъ 30 коп.—Для поѣздки въ Перекопъ и къ лежащимъ тамъ солянымъ озерамъ и на обратную дорогу, съ грузомъ, нужно 8 недѣль. Въ теченіе настоящей войны возы, посылавшіеся за крымскою солью, нагружались 10 четвертями овса или муки, отсылаемой въ тамошніе магазины при арміи,

за что возчикъ получаетъ отъ купца 6 рублей съ условіемъ нагрузить въ Крыму 70 пуд. соли, изъ которыхъ 40 пуд. идетъ на долю возчика, а 30 доставляется въ Нѣжинъ купцу, послѣдній-же и въ Крыму, и въ русской таможнѣ въ Цариченкѣ платитъ все, слѣдуемое за 70 пуд. Общая уплата слагается изъ слѣдующаго: 1) при соляномъ озерѣ въ Крыму за весь грузъ или 70 пуд.—2½ рубля, уплачиваемыхъ откупщику, а отъ него поступающихъ къ крымскому хану; 2) при проѣздѣ черезъ Перекопскую крѣпость за грузъ въ 70 пуд. или за каждый возъ—20 коп., 3) на таможнѣ въ Цариченкѣ по 8 коп. за каждый пудъ или 5 р. 60 к. за весь грузъ.—Такимъ образомъ возчикъ за все путешествіе съ парой воловъ въ теченіе 8 недѣль, отъ Нѣжина до Перекопа и обратно, зарабатываетъ 6 руб. и 40 пуд. соли, стоющихъ 16 р., всего 22 руб. За поѣздку-же въ Камышенку за 13 недѣль зарабатываетъ всего 21 р, Для купца посылка за солью въ Крымъ также имѣетъ свои выгоды: издержки его составляютъ 14 р. 40 к. и за это онъ доставляетъ 10 четвертей провіанта и получаетъ 30 пудовъ соли, которая одна стоитъ 12 руб.

Въ Силезію возы отправляются на лошадяхъ, при возѣ большею частью находится великороссъ. За поѣздку платится 25 рублей.

Перевозку товаровъ для внутренней торговли малороссы совершаютъ на волахъ; обыкновенно ѣдутъ изъ сѣверныхъ полковъ, стародубскаго и черниговскаго, гдѣ много винокуренъ, въ полтавскій и миргородскій и оттуда привозятъ въ Нѣжинъ зерно. Въ этомъ году дѣло обстоитъ иначе, такъ какъ въ южныхъ областяхъ былъ неурожай на хлѣбъ и сѣно, а на сѣверѣ онъ меньше. Теперь изъ полтавскаго, гадяцкаго и миргородскаго полковъ пересылаютъ стада овецъ на прокормленіе на зиму въ Нѣжинъ, при условіи получить обратно весной всего лишь половину скота.

Подвозятъ товары и водой, если не до самаго Нѣжина, то до близъ лежащихъ мѣстъ. Обыкновенно товары, предназначаемые для Нѣжина, выгружаются въ Кладковкѣ на Деснѣ, въ 50 верстахъ отъ Нѣжина. По Деснѣ изъ окрестностей Старо-

дуба, Брянска сплавляютъ сюда строевой лѣсъ. За 100 трехъсаженныхъ сосновыхъ балокъ платится 9 руб. Этимъ-же путемъ привозятъ доски, бутовый камень, мельничные камни, известь, смолу, водку. Каменныя ломки известняка, мѣла и песчаника начинаются уже въ окрестностяхъ Новгорода—Сѣверскаго на Деснѣ.

Въ Нѣжинѣ бываетъ 3 ярмарки: именно отъ 1 до 14 октября, въ недѣлю пятидесятницы и на масляницу, послѣдняя—самая плохая. На ярмарки, въ мирное время, являются поляки, турки, греки, татары, запорожскіе и донскіе козаки, калмыки и великороссы. Татары, калмыки и козаки пригоняютъ главнымъ образомъ лошадей и рогатый скотъ, такъ что тогда, въ среднемъ, можно купить за 10 руб. хорошую лошадь и за 6 р. хорошаго вола. Теперь лошадь, годная для легкой кавалеріи, стоитъ 24 рубля.

Изъ стародубскаго полка доставляется много выдѣлываемаго тамъ грубаго полотна по 2 коп. за аршинъ; изъ городка Добрянска на Днѣпрѣ, гдѣ находится таможня, привозится хорошая, тамошней выдѣлки, юфть, а изъ Роменъ, Ивангорода на Острѣ и Умани—табакъ отличнаго качества. Сто связокъ листоваго табаку или папуша, въ $1^1/_2$ пуда вѣсомъ, теперь продается за 80 коп., прежде—всего за 40.

Небезполезно привести здѣсь цѣны, какія стоятъ теперь въ Нѣжинѣ и почти повсемѣстно въ Украинѣ на обыкновенные товары. Война, неурожай и недостатокъ полиціи подняли ихъ болѣе, чѣмъ на половину. Волъ стоитъ отъ 8 до 10 руб., невыдѣланная кожа 1 р.—1 р. 50 к.; 1 фунтъ говядины—2 коп.; овца—70 к., прежде съ ягненкомъ—50 коп.; большая овечья шкура 35 коп., 1 ф. баранины—2 к., связка овечьей шерсти, болѣе 2 ф. вѣсомъ,—25 к., прежде—всего 5 коп. Пудъ шерсти около 4 руб.; черный ягненокъ—40 коп., бѣлый—30 коп., крестьянская свита изъ грубаго сукна—1 р. 20 к., прежде—всего 50 коп. Фунтъ масла—10 к., десятокъ яицъ въ октябрѣ—4 к., живой гусь—10 коп., индюкъ—15 к.; 1 ф. пшеничнаго хлѣба—$1^1/_2$ к., черный хлѣбъ въ 6 фунтовъ—4 коп., четверть ржаной муки—$2^1/_2$ р., четверть овса—1 р. 20 к.—1 р. 50 к., прежде 40 к.,

казенное ведро водки—1½ р. (особенно хорошую водку приготовляютъ вь Коропѣ), 1 п. воска—11 руб., 1 пудъ меда—1 р. 60 к., пудъ сѣна—8 к., въ южныхъ областяхъ въ этомъ году—18 к., прежде—всего 5 к., кварта волошскаго вина, въ 2½ ф.,—20 коп. Заячья шкура—10 коп., шкурка крымскаго сѣраго барашка—5½ руб. Большіе круглые крымскіе или скорѣе анатолійскіе орѣхи—25 к. фунтъ, такіе-же орѣхи, но длинноватые, фунтъ 16 коп.; миндаль безъ шелухи фунтъ 20—25 коп., перловой крупы фунтъ 10 к., рису—10, изюму—13, коринки (наз. здѣсь коронка)—25 к., макароновъ—25 к., сухихъ абрикосовъ и персиковъ, вареныхъ въ сахарѣ,—1 р., 1 ф. хлопчатой бумаги —40 к., турецкаго мыла—80 к., шоколаду 2 рубля [1]).

Товары, прибывающіе въ Нѣжинъ изъ Крыма, оплачиваются пошлиной въ Цариченкѣ на старой украинской линіи, а прибывающіе съ той стороны Днѣпра—или въ Кременчугѣ, или Васильковѣ, или, наконецъ, въ Добрянкѣ черниговскаго полка. Кромѣ того и въ Нѣжинѣ есть таможня, на которой оплачиваются пошлиной товары, подлежащіе вывозу, чтобы ихъ можно было на мѣстѣ задѣлать и за печатью таможни, уже не открывая для таможеннаго осмотра, перевозить черезъ границу. Но пограничные таможенные чиновники все таки обыкновенно разрываютъ тюки, чѣмъ причиняютъ большой убытокъ купцамъ, и внутренняя таможня является такимъ образомъ совершенно излишней.

---

[1]) Для сравненія съ этими цѣнами приведемъ нѣсколько данныхъ, сообщаемыхъ Мöллерсомъ и относящихся къ 1787 г.: въ *Трипольѣ* за 12 большихъ раковъ онъ заплатилъ 1 польскій грошъ; кусокъ соли (опредѣленной формы) изъ Бохніи стоилъ тамъ 4 к., горсть татарской соли всего 1 к. По дорогѣ изъ Кременчуга къ порогамъ, Мöллерсъ отмѣчаетъ слѣдующія цѣны на продукты; въ Романовкѣ курица стоитъ 7 к.; мѣра водки въ 3 штофа—2 гульдена; близь Каменки курица 10 к., десятокъ яицъ—2 к. Большая лодка возлѣ старой Сичи стоитъ 10 руб., меньшая (длинной 15 ф. и шир. 4)—5 руб. Штофъ греческаго вина, привозимаго изъ Херсона, 50 польскихъ грошей. Въ Херсонѣ четверть пшеничной муки стоитъ 3 р. 20 к., ржаной 2 р. 30 к., овса 95 к.; штофъ вина—5 к.; большой шелковый платокъ—1½—2 рубля.

Что касается стоимости рабочихъ рукъ, то рабочій, временно данный въ проводники Мöллерсу, получалъ въ годъ отъ своего постояннаго хозяина 10 руб. жалованья и 2 рубахи; состоявшіе при конскомъ заводѣ—въ годъ по 15 руб., нѣкоторые до 80.

Промышленность въ Нѣжинѣ. Кромѣ зауряднѣйшихъ ремесленниковъ, въ Нѣжинѣ имѣются мануфактуры всего 2-хъ родовъ—ткачество и выдѣлка шляпъ. Ткачи сосредоточены на маленькой фабрикѣ верстахъ въ 2-хъ отъ Нѣжина, въ деревнѣ Филовкѣ; они выдѣлываютъ хлопчато-бумажныя ткани за счетъ одного здѣшняго купца. Фабрика находится въ плохомъ состояніи.—Шляпочникъ принадлежитъ къ числу колонистовъ, нѣмецъ, по имени Іоганъ Тирлейнъ. Онъ можетъ дѣлать самыя тонкія работы. Я видѣлъ у него красивыя касторовыя шляпы и очень тонкія шляпы изъ заячьей шерсти. Но онъ работаетъ одинъ съ женой и не имѣетъ никакой другой помощи. Фабрикѣ такого рода слѣдовало-бы оказать всяческое покровительство, такъ какъ сырыхъ матеріаловъ для этого дѣла весьма много въ странѣ и они очень дешевы. Очень тонкую касторовую шляпу, на $^2/_3$ состоящую изъ шерсти молодаго бобра съ примѣсью $^1/_3$ кроличьей шерсти (изъ одной бобровой шерсти нельзя свалять плотной кошмы), онъ предлагаетъ за 5 рублей. Шляпу средней тонкости изъ заячьей шерсти онъ продаетъ за $1^1/_2$ рубля и увѣряетъ, что имѣетъ 50 коп. чистаго дохода на каждой шляпѣ. Заячьи шкурки здѣсь продаютъ по 10 рублей за сотню, а какъ полезно было-бы эти шкурки, которыхъ ежегодно отпускается изъ Петербурга за границу 40.000, дома передѣлывать въ шляпы, частью для внутренней, частью для внѣшней продажи.—Обыкновенную солдатскую шапку изъ овечьей шерсти Тирлейнъ продаетъ за 30 к. и имѣетъ 10 коп. заработку.—Рядомъ съ шляпочниками слѣдовало-бы послать сюда ткачей суконъ и полотенъ, веревочниковъ, кожевниковъ, табачныхъ мастеровъ, такъ какъ въ Украинѣ достаточно сыраго матеріала, надъ которымъ могли-бы работать всѣ названные мастера. Суконныхъ фабрикъ я знаю всего 2, одну въ деревнѣ Ряскѣ, въ 15 верстахъ отъ Прилукъ, другую въ Батуринѣ. Товаръ, выдѣлываемый на этихъ фабрикахъ, грубъ, аршинъ его продается по рублю. Полотно, канатъ и кожи нигдѣ не выдѣлываются на фабрикѣ, а выходятъ изъ рукъ ремесленниковъ, работающихъ въ одиночку. Въ стародубскомъ полку, гдѣ особенно много льна, крестьяне ткутъ въ большомъ количествѣ грубое полотно, по 2 коп. за аршинъ, а возлѣ Топала

графомъ Румянцевымъ недавно устроена парусная фабрика.— Меннониты въ Вишенкѣ, на Деснѣ, недалеко отъ Коропа, ткутъ полотно, шириной и тонкостью похожее на хорошее силезское, аршинъ его стоитъ 25—35 коп.—Табачной фабрикаціи нигдѣ въ Малороссіи не существуетъ. Въ Петербургъ ежегодно отправляютъ 38.000 пудовъ сыраго украинскаго табаку, и оттуда получаютъ его уже приготовленнымъ.

Въ Нѣжинѣ кусокъ земли, который можно обработать большимъ плугомъ въ 1 день, называется „днёмъ" и служитъ единицей мѣры земли. Такой кусокъ земли стоитъ теперь отъ 6 до 12 рублей, прежде—всего 20 коп".

Сказавши въ заключеніе описанія Нѣжина нѣсколько словъ о его флорѣ, Гильденштедтъ упоминаетъ, что въ городѣ насчитываютъ 16.000 жителей. „Въ Нѣжинѣ есть городской хирургъ, назначенный медицинской коллегіей, но ни одной аптеки, хотя она была-бы очень нужна. Здѣсь проживаетъ также докторъ Иванъ Горголіусъ, мѣстный грекъ, но онъ не имѣетъ veniam practicandi".

И. М. Долгорукій не даетъ о Нѣжинѣ такихъ обстоятельныхъ свѣдѣній, какія сообщаетъ Гильденштедтъ, но по сравненію съ послѣднимъ, князю удалось увидѣть въ Нѣжинѣ и нѣчто новое, по крайней мѣрѣ, начало этого новаго.

Сказавши нѣсколько словъ о нѣжинскихъ казенныхъ постройкахъ и церквахъ, вообще о предметахъ, „входящихъ въ рядъ весьма обыкновенныхъ предпріятій", Долгорукій обращается къ „совершенно диковинному зданію, начатому тогда постройкой". „Нѣжинъ, по словамъ путешественника, уже и теперь имъ щеголять можетъ, а современемъ прославится въ ученомъ свѣтѣ. Гр. Безбородко пожертвовалъ милліонъ рублей на то только, чтобы здѣсь основать огромную гимназію для грековъ и малороссіянъ". „Этотъ домъ строится изъ кирпичу и длиной будетъ 40 саж., первый этажъ уже выведенъ; года въ 3, думать должно, что и весь корпусъ кончится" (это писалось въ 1810 г.).

Ко времени 2-го посѣщенія Долгорукимъ Нѣжина, въ 1817 г., зданіе было уже окончено постройкой. „Заложенной

при мнѣ, разсказываетъ онъ, корпусъ для училища высшихъ наукъ, иждивеніемъ гр. Безбородко, совершенно оконченъ и скоро откроется въ немъ вертоградъ словесности. Замокъ обширный, въ 4 этажа, весь каменный, съ большою колоннадою, фасадъ щегольской, при немъ огромный садъ и большая усадьба земли".

Нахожденіе въ Нѣжинѣ кромѣ того еще повѣтовой гимназіи, греческаго училища, а также содержавшагося какимъ то французомъ частнаго пансіона, „въ которомъ до 14 благородныкъ дѣвушекъ хорошихъ домовъ обучаются разнымъ наукамъ и художествамъ за умѣренную цѣну",—приводитъ князя къ заключенію, что „ни въ одномъ городѣ нѣтъ такого числа учебныхъ заведеній, какъ въ Нѣжинѣ" и что „при такихъ способахъ должно надѣяться, что малороссійскіе дворяне не станутъ жаловаться на недостатокъ просвѣщенія". О торговлѣ нѣжинской Долгорукій говоритъ лишь въ общихъ словахъ: „городъ сей (Нѣжинъ) наполненъ людьми: по улицамъ безпрестанно ходятъ и ѣздятъ. Торговля—душа городовъ. Здѣсь она очень выгодна и занимательна". Изъ предметовъ торговли князь упоминаетъ о табакѣ, которымъ производится „важный торгъ": „его возятъ во всю Россію".

Изъ лицъ, съ которыми пришлось Долгорукому встрѣтиться въ Нѣжинѣ (между прочимъ онъ упоминаетъ о московской дамѣ М. С. Бахметьевой, возвращавшейся въ каретѣ въ столицу изъ Кіева, куда она пришла пѣшкомъ изъ Москвы), особенное вниманіе князя, благодаря своей нравственной чистотѣ, привлекъ архимандритъ Нѣжинскаго монастыря „Назарета"—*Викторъ*, бывшій ректоръ черниговской семинаріи. Долгорукому понравилась необыкновенная скромность архимандрита, почтеннаго особыми знаками монаршей милости; понравилось неблестящее, простое, но отъ сердца идущее слово пастыря, съ которымъ тотъ обратился къ народу послѣ заамвонной молитвы; понравилось, наконецъ, то, что въ своихъ проповѣдяхъ Викторъ „часто глаза колетъ, безъ разбора чиновъ и званій, всякому".

Нѣсколько разъ Долгорукому приходилось и лично бесѣдовать съ Викторомъ. Оказалось, что онъ много занимался исторіей и, ссылаясь на свидѣтельство Несторовой лѣтописи, по-

святилъ Долгорукаго въ „этимологію названія города Нѣжина“; неограничиваясь изученіемъ прошедшаго, Викторъ желаетъ проникнуть и въ будущую судьбу народовъ: „онъ роется въ Апокалипсисѣ и на нѣкоторыхъ своихъ догадкахъ основываетъ мысль, что христіане Турецкой имперіи скоро освободятся изъ ига магометанскаго“.

Въ 1817 г. Долгорукому пришлось побывать въ Нѣжинѣ и у полковника *Краснокутскаго*, подарившаго князю описаніе своего путешестія въ Константинополь и показывавшаго ему полученные отъ султана—бриліантовую табакерку съ крупными алмазами и орденъ луны „на померанцевой лентѣ“. „Краснокутскій, сообщаетъ Долгорукій, посыланъ былъ въ 1807 году отъ фельдмаршала Прозоровскаго съ важными депешами къ Портѣ. Онѣ относились къ миру между ею и нами, и потому посланный былъ вездѣ отлично принятъ и угощаемъ. Ему дали шубу, золотой кафтанъ, жеребца, табакерку богатую и орденъ луны“.

Л. Синицкій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

СИСТЕМА КАРАТЕЛЬНЫХЪ МѢРЪ ВЪ ЗАПОРОЖЬИ.[1]

(ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

(ОКОНЧАНІЕ).

2) *Наказанія тѣлесныя*, направляясь прямо на тѣлесную неприкосновенность преступника, имѣютъ въ виду или только причиненіе физической боли, или же кромѣ того и лишеніе одного изъ органовъ его тѣла. Въ первомъ случаѣ они носятъ названіе наказаній тѣлесныхъ въ тѣсномъ смыслѣ или же болѣзненныхъ, а во второмъ—наказаній тѣлесныхъ, изувѣчивающихъ или членовредительныхъ. Въ первой своей формѣ тѣлесныя наказанія имѣли самое широкое примѣненіе въ Запорожьи, отличаясь простотою и однообразіемъ видовъ при отсутствіи утонченности исполненія, коимъ они характеризовались въ западной Европѣ. Послѣ смертной казни тѣлесное наказаніе болѣзненное, имѣвшее исключительною цѣлью причиненіе преступнику физической боли и страданія, какъ возмездіе за совершенное имъ преступное дѣяніе, являлось наиболѣе удобнымъ и соотвѣтствующимъ организаціи Сѣчи, тѣмъ болѣе, что другіе виды наказаній, которые въ нынѣшнихъ уголовныхъ кодексахъ получили преобладающее значеніе, не могли достигнуть въ Сѣчи какого либо значительнаго развитія, какъ напр.—наказанія лишеніемъ свободы. Изувѣчивающія наказанія противорѣчили основнымъ началамъ организаціи и бытовымъ условіямъ жизни запорожскаго войска, а потому въ самой Сѣчи не могли имѣть и не имѣли примѣне-

[1]) Кіевск. Стар. 1893 г. № 2.

нія; если въ историческихъ памятникахъ и находятся указанія на употребленіе ихъ въ Запорожьи, то случаи примѣненія ихъ имѣли мѣсто не въ самой Сѣчи, а въ паланкахъ, гдѣ составъ населенія былъ совершенно другой и вполнѣ допускалъ возможность существованія и примѣненія этого вида тѣлесныхъ наказаній.

а) *Наказанія тѣлесныя болѣзненныя. Битіе кіями.* Этотъ видъ тѣлеснаго наказанія назначался за самыя разнообразныя по характеру преступныя дѣянія. Отъ самой легкой формы—простаго наказанія кіями, онъ переходилъ въ „жестокое, нещадное“ битье и влекъ иногда за собою смертельный исходъ.

Въ историческихъ памятникахъ и документахъ упоминаются слѣдующіе случаи, когда надъ преступникомъ было назначено наказаніе битьемъ кіями: за *пренебреженіе къ старшинѣ* [1]); *за нанесеніе побоевъ,* имѣвшихъ смертельный исходъ, виновный былъ на сходкѣ жестоко наказанъ кіями и пущенъ на покаяніе (приговоръ 1767 г.) [2]); за *побои,* нанесенные въ пьяномъ видѣ, козакъ Рябый былъ наказанъ у столба кіями и умеръ [3]); за *гайдамачество* и въ особенности за *воровство лошадей* въ Польшѣ и Буджикѣ виновный „по довольномъ кіевомъ наказаніи подъ висѣлицею войскомъ и священниками испрошенъ и отпущенъ на поруки“ (пригов. 1759 г.) [4]); за *разбой и грабежъ* купцовъ запорожскій козакъ, по приказанію кошеваго, „подъ висѣлицею нещадно битъ кіями“ (приг. 1747) [5]); козакамъ Колвычу и Рѣшетниченко за *подкупъ часоваго* и *способствованіе къ побѣгу* заключеннаго „по обыкновенію запорожскому учинено въ общей войсковой сходкѣ кіевымъ боемъ жестокое наказаніе“ (1749) [6]); этому же наказанію были подвергнуты: *дезертиры,* ушедшіе изъ отряда во время экспедиціи подъ Очаковъ [7]), одинъ козакъ ка-

[1]) Записки Императ. Рус. Общ. исторіи и древностей т. VI, ст. 645.

[2]) Кіевская Старина 1886 г. Мартъ, стр. 614, 615:—Скальковскій. Ист. Нов. Сѣчи, т. I, стр. 163.

[3]) Скальковскій, т. I, ст. 165.

[4]) Ibidem, стр. 165;—Кіев. Стар. 1886 г. Мартъ, ст. 615.

[5]) Матерьялы для истор. южн.-рус. края въ XVIII ст., стр. 137.

[6]) Матеріалы для исторіи южно-рус. края, стр. 49.

[7]) Скальковскій, Ист. Нов. Сѣчи, ч. I, стр. 165 (письмо кошевого къ войсковымъ судьѣ 1770 г.).

невскаго куреня за то, что имъ была *„опорочена не по пристойности“* самарская жительница [1]), и наконецъ маркитантъ Грицко Носъ за то, что былъ пойманъ „съ блядною“ [2]). Изъ этого перечня мы видимъ, что этотъ видъ тѣлеснаго наказанія назначали за самыя разноообразныя преступленія, какъ то за преступленія противъ собственности, тѣлесной неприкосновенности и нравственности; здѣсь даже выдвигаются преступленія чисто воинскаго характера, напр.—дезертирство.

Если мы сопоставимъ здѣсь тѣ преступныя дѣянія, за которыя назначалось битье кіями, съ тѣми, за которыя опредѣлялась смертная казнь убіеніемъ кіями у столба, то увидимъ, что кража между козаками наказывалась гораздо строже, нежели такія преступленія, какъ разбой и грабежъ лицъ, не принадлежавшихъ къ составу сѣчеваго товарищества; здѣсь, такимъ образомъ, получилъ полное выраженіе взглядъ запорожской общины на то, что преступныя дѣянія, посягающія на неприкосновенность ея членовъ и основныя начала ея организаціи, должны караться гораздо строже по сравненію съ другими преступленіями, не носящими этого характера.

Наказаніе кіями производилось при различной обстановкѣ въ зависимости отъ характера совершеннаго преступленія; преступниковъ наказывали кіями *на войсковой сходкѣ, на базарѣ, у столба* и, наконецъ, *подъ висѣлицей*; послѣднее наказаніе было наиболѣе позорнымъ и, составляя обрядовую квалификацію, назначалось, какъ это мы видимъ, за преступленія противъ собственности. Наказанія у столба и на базарѣ означаютъ, вѣроятно, одно и тоже, такъ какъ битье кіями производилось всегда публично, и преступникъ, подлежавшій экзекуціи, привязывался къ столбу.

Употреблявшіеся для наказанія кіи, по описанію Коржа [3]) были „не такъ велики и толсты, а подобны бичамъ, что у цѣповъ, коими хлѣбъ молотятъ, дубовые или изъ другаго крѣп-

---

[1]) Кіевская Старина 1886 г. Мартъ, стр. 613 (приказъ кошеваго самарскому полковнику 1772 г. декабря 7).

[2]) Матер. для истор. южно-рус. края, стр. 134.

[3]) Устн. повѣств., ст. 25.

каго дерева нарубленные". Манштейнъ говоритъ (Записки о Россіи, стр. 15), что для тѣлеснаго наказанія въ Запорожьи употреблялись „дубины", т. е., вѣроятно, опять таки тѣ же кіи, которые описываетъ Коржъ; Ригельманъ же утверждаетъ, что для этой цѣли употребляли просто полѣно или же били чѣмъ попало (стр. 83).

Въ Задунайской Сѣчи, образованной бѣжавшими послѣ уничтоженія Днѣпровской Сѣчи запорожцами, вмѣсто кіевъ употреблялись, такъ называемые, „бичи", средней толщины кизиловые прутья [1]). Самое наказаніе производилось описаннымъ уже выше способомъ.

Въ менѣе важныхъ случаяхъ, напр.—при тяжебныхъ дѣлахъ, „если два козака между собою подерутся или поспорятъ, или одинъ другому по сосѣдству шкоду сдѣлаетъ, т. е. своимъ скотомъ потравитъ хлѣбъ или сѣно или другую какую либо обиду причинитъ и между собою не могутъ помириться" [2]), также прибѣгали къ наказанію кіями, но при этомъ обрядъ исполненія наказанія былъ нѣсколько иной. Присужденнаго къ экзекуціи приводили къ кошевому, клали его на землю и закидывали кафтанъ; два сторожа съ кіями въ рукахъ становились по обѣ стороны виновнаго, а козаки садились къ нему на руки и ноги, чтобы онъ лежалъ спокойно и не сопротивлялся при исполненіи наказанія; по знаку кошеваго, сторожа начинали наносить удары кіями, которые лежали связками тутъ же на мѣстѣ производства экзекуціи; послѣ 50 или 100 ударовъ, кошевой дѣлалъ знакъ остановиться, вновь начиналъ допрашивать виновнаго, а затѣмъ прекращалъ экзекуцію или продолжалъ ее, въ зависимости отъ обстоятельствъ дѣла [3]).

---

[1]) Кондратовичъ, Задунайская Сѣчь, ст. 76. Въ Задунайской Сѣчи наказаніе бичами имѣло менѣе суровый характеръ и назначалось за менѣе серьезные проступки, напр. за неснятіе шапки молодымъ козакомъ передъ старшимъ, за оставленіе самовольно Сѣчи и. т. п.

[2]) Устн. повѣст. Коржа, стр. 13.

[3]) Устн. повѣст. зап. Коржа, ст. 19.

Старикъ Россолода въ своихъ воспоминаніяхъ, записанныхъ Эварницкимъ (Запорожье въ остаткахъ старины, ч. II, стр. 29), между прочимъ, относительно наказанія кіями разсказываетъ, что „за дивчатъ до стовпа привязували"; столбъ

Какъ раньше мы уже замѣтили, тѣлесное наказаніе кіями близко граничило съ смертной казнью убіеніемъ при столбѣ кіями, и „нещадное, жестокое, немилостивое“ наказаніе кіями очень часто имѣло въ результатѣ смерть преступника, о чемъ неоднократно свидѣтельствуютъ памятники [1]).

По литовскому статуту 1588 г. наказаніе кіями и орудіями въ родѣ кіевъ (дубцы, пуги) назначалось въ довольно обширныхъ размѣрахъ, нося характеръ матеріальнаго тальона или же просто имѣя въ виду причиненіе преступнику физической боли и страданій. Въ формѣ матеріальнаго тальона битье кіями, пугами и дубцами назначалось за нанесеніе ударовъ этими же орудіями или кистенемъ, булавою и другими подобными предметами (разд. XI, ар. 27). Затѣмъ наказаніе дубцами и пугами у столба („у столпа дубцы и пугами битъ быти маетъ“) назначалось за мелкія кражи на сумму менѣе 4 копъ грошей, за кражу сноповъ, за ловлю рыбы въ первый разъ въ прудахъ и садкахъ, за ложное донесеніе о преступленіи, совершенномъ шляхтичемъ и т. п. [2]). Слѣдовательно по Литовскому праву наказаніе кіями (дубцами и пугами) у столба назначалось за менѣе тяжкія преступленія противъ собственности. Эта форма тѣлеснаго наказанія у столба, широко практиковавшаяся по литовскому статуту, несомнѣнно отразилась на организаціи этого же вида наказанія въ Сѣчи, гдѣ оно примѣнялось позже въ той же формѣ и при той же обстановкѣ (при столбѣ), какъ и въ литовскомъ правѣ.

ставился на дорогѣ, возлѣ него три кія; всякій прохожій долженъ былъ взять кій и ударить привязаннаго три раза; если онъ этого не дѣлалъ, то его самого били. Кромѣ того, Россолода въ воспоминаніяхъ своихъ упоминаетъ о наказаніи розгами, битьѣ кіями и палками по подошвамъ и пяткамъ; подтвержденій этому мы не находимъ ни въ воспоминаніяхъ другихъ запорожцевъ (Коржа), ни въ какихъ либо другихъ историческихъ памятникахъ. Что касается наказанія розгами, то надо замѣтить, что оно даже не практиковалось въ русскомъ правѣ XVII ст. (Сергѣевскій, Нак. въ рус. пр., 149).

[1]) Объ этомъ видѣ тѣлеснаго наказанія см. также: Lesur. Histoire de cosaques, p. 293, 294, t. I. Huppel, Von den Kosaken, p. 205—223. A. v. B. die Kosaken in ihrer geschichtlichen Entwickelung und gegenwärtigen Zuständen (Berlin 1860), p. 77.

[2]) Литов. статутъ 1588 г., разд. XIV, ар. 7, 10. 26, 27...

Въ русскомъ правѣ XVII ст. спеціальнаго наказанія кіями не было; къ болѣзненнымъ тѣлеснымъ наказаніямъ относились: кнутъ, батоги и плети. Изъ нихъ наказаніемъ, наиболѣе подходящимъ къ кіямъ, какъ по формѣ орудія, такъ и по способу выполненія наказанія—были батоги. Русскіе батоги были тоньше запорожскихъ кіевъ; употребленіе батоговъ толщиною въ ручной палецъ вызывало уже жалобы наказанныхъ, а битье палками было безусловно запрещено и употребленіе ихъ при экзекуціи преслѣдовалось закономъ [1]). Батоги по русскому праву употреблялись какъ наказаніе и какъ орудіе правежа при гражданскихъ взысканіяхъ.

Въ одномъ изъ документовъ, приводимыхъ Скальковскимъ въ Исторіи Нов. Сѣчи (т. I, стр. 168, 169), упоминается о томъ, что въ 1774 г. былъ допрашиваемъ „батожьемъ" нѣкто Швецъ. Спеціальнаго наказанія батогами въ Запорожьи не было; если мы обратимъ вниманіе на то, что этотъ документъ относится къ самому концу существованія Сѣчи, то можемъ предположить, что батоги были туда занесены въ послѣдній періодъ существованія Запорожья изъ Россіи; кромѣ того, въ виду сходства орудій наказанія (батоги и кіи), а также отчасти и способа его выполненія, можетъ быть въ этомъ документѣ просто къ кіямъ примѣнено русское названіе батоговъ.

б) *Наказанія тѣлесныя, изувѣчивающія.* Этотъ видъ тѣлесныхъ наказаній, какъ мы сказали выше, не могъ имѣть примѣненія въ самой Сѣчи, такъ какъ противорѣчилъ организаціи и основнымъ формамъ и быту запорожской жизни... „Изувѣчивающія наказанія, говоритъ Сергѣевскій [2]), слагаются подъ вліяніемъ трехъ идей. Они или подчиняются идеѣ возмездія въ формѣ матеріальнаго тальона, или направляются къ тому, чтобы сдѣлать преступника безвреднымъ на будущее время, или они имѣютъ своею цѣлью только отмѣтить лихаго человѣка". Идея возмездія въ формѣ матеріальнаго тальона была чужда, право-

[1]) Сергѣевскій, наказаніе въ рус. правѣ XVII ст., стр. 167. О производствѣ самаго наказанія см. ibid., ст. 165.

[2]) Наказаніе въ рус. правѣ. стр. 131, 132.

вымъ воззрѣніямъ Сѣчи и характеру ея организаціи; наказаніе преступника имѣло главною цѣлью удовлетвореніе нарушенныхъ интересовъ общины, а не удовлетвореніе личнаго чувства обиженнаго; съ другой стороны, лишеніе тѣхъ или другихъ органовъ тѣла, не уничтожая преступника совершенно, дѣлало его лишь негоднымъ членомъ общины, не могущимъ выполнить своей непосредственной задачи; такое положеніе преступниковъ было бы въ высшей степени тягостнымъ для Сѣчи при ея военной организаціи и, конечно, Сѣчь не могла терпѣть такого порядка вещей. Присутствія „лихихъ“ людей, т. е. такихъ, отъ которыхъ можно было всегда ожидать посягательствъ на основныя нормы правоотношеній, Сѣчь въ своей средѣ допустить не могла; если преступникъ былъ дѣйствительно вреденъ и отъ него надо было обезпечить общину, то онъ прямо уничтожался, т. е. предавался смертной казни. И дѣйствительно, ни въ историческихъ документахъ, ни въ воспоминаніяхъ современниковъ мы не находимъ указаній на существованіе именно въ Сѣчи, среди запорожскаго войска этого вида тѣлесныхъ наказаній. Въ Кіевской Старинѣ [1]) среди другихъ историческихъ документовъ, относящихся къ исторіи Запорожья, находится, между прочимъ, документъ, указывающій случай примѣненія въ Запорожьи изувѣчивающаго наказанія въ формѣ уломленія одной ноги. Шатавшійся по Запорожью наймитъ (поденщикъ) Капустенко, находясь на рыбныхъ ловляхъ въ Колміусской паланкѣ, служилъ при заводѣ одного запорожскаго козака, гдѣ, напившись пьянымъ и поссорившись съ другимъ запорожскимъ козакомъ, ранилъ его ножемъ; по приговору въ Колміусской паланкѣ 1767 г. онъ былъ наказанъ на сходкѣ уломленіемъ одной ноги. Изъ этого документа видно, что изувѣчивающее тѣлесное наказаніе было примѣнено *въ паланкѣ не къ запорожскому козаку* и только къ *концу существованія Сѣчи*. Кромѣ того, объ этой формѣ тѣлесныхъ наказаній упоминаетъ еще въ своей запискѣ протоіерей Кремянскій [2]); но если мы примемъ здѣсь во вниманіе всё вы-

---

[1]) Кіевская Старина 1886 г. Мартъ, стр. 614;—также у Скальковскаго, Ист. Нов. Сѣчи, I, 163.

[2]) Записки Импер. одес. общ. ист. и древ., т. VI, 616: „а за большія вины переламывали руку и ногу“.

шесказанное, то должны будемъ прійдти къ заключенію, что если изувѣчивающія тѣлесныя наказанія и имѣли примѣненіе въ Запорожьи, то только не въ самой Сѣчи и не по отношенію къ запорожскимъ казакамъ. Въ актахъ историческихъ мы больше не находимъ указаній по этому предмету, но воспоминанія объ этихъ наказаніяхъ сохранились въ народныхъ преданіяхъ [1]). Россолода (Эварницкій, Запор. въ ост. стар., ч. II, 29) передаетъ, что за измѣну преступникамъ отрубали правую руку и лѣвую ногу, а потомъ лѣвую руку и правую ногу, т. е. указываетъ на существованіе въ Запорожьи четвертованія; подтвержденія этому мы нигдѣ не находимъ; вообще къ воспоминаніямъ Россолоды надо относиться съ крайней осторожностью,— они очень неточны и иногда прямо идутъ въ разрѣзъ съ историческими документальными данными и съ воспоминаніями другихъ современниковъ; да, кромѣ того, они являются передачей чужихъ воспоминаній, а не собственныхъ наблюденій.

По Литовскому Статуту 1588 г. изувѣчивающія тѣлесныя наказанія назначались щедрою рукою [2]) и примѣнялись въ слѣдующихъ формахъ: отсѣченіе рукъ, ногъ, носа, ушей, губъ, выбитіе зубовъ и лишеніе зрѣнія. Они назначались въ формѣ матеріальнаго тальона за преступленія противъ тѣлесной неприкосновенности; при кражахъ и сводничествѣ они имѣли цѣлью отмѣтить воровъ и сводницъ (послѣднимъ отрѣзали носъ, губы и уши и изгоняли съ мѣста жительства). Въ литовскомъ правѣ изувѣчивающія наказанія являются очень рано; такъ, въ военномъ уставѣ, составленномъ для гетмана Константина Острожскаго въ 1512 г. уже упоминается объ отсѣченіи руки [3]). Широкая примѣнимость этихъ наказаній въ литовскомъ правѣ,

[1]) Кіев. Стар. Май, 1882 г. ст. 347. „Гайдамацкій Кутъ", извѣстіе Левченко. Левченко передаетъ, что въ Буго-Гардовской паланкѣ, по преданію, была въ ходу одна изъ изувѣчивающихъ формъ тѣлесныхъ наказаній—*кутаніе*: виновному обматывали паклею правую руку и лѣвую ногу, обливали паклю смолою и, отведя его шаговъ на 20, 30 отъ рѣки, паклю зажигали и въ такомъ видѣ освобождали преступника. Если онъ имѣлъ настолько присутствія духа, что могъ добѣжать до рѣки и умѣлъ плавать, то спасался, переплывая на другой берегъ Буга.

[2]) Лит. Стат. 1588 г. разд. XI, ар. 16, 27, 39; разд. XIV, ар. 11, 22, 27 и 31.

[3]) Zbiór praw Litewskich. Ustawa woyenna do het. Ostrog. 1512 г. стр. 116.

которое имѣло несомнѣнное вліяніе на образованіе уголовныхъ обычаевъ въ Запорожьи и отсутствіе этихъ же наказаній въ запорожскомъ обычномъ правѣ, прямо указываетъ на то, что Сѣчь отказалась отъ нихъ, какъ противорѣчащихъ ея военной организаціи. Въ русскомъ правѣ XVII ст. примѣнялись слѣдующія изувѣчивающія наказанія: отсѣченіе рукъ, ногъ и пальцевъ, отрѣзаніе ушей и языка, поротіе ноздрей, рѣзаніе носовъ и клеймленіе или пятненіе [1]).

3) *Наказанія лишеніемъ свободы.* Этотъ видъ наказаній, занимающій въ современныхъ уголовныхъ кодексахъ преоблающее, господствующее мѣсто и по своему существу и характеру наиболѣе соотвѣтствующій спеціальнымъ задачамъ и цѣлямъ наказанія, въ Запорожьи почти не имѣлъ примѣненія.—Тамъ онъ противорѣчилъ тѣмъ началамъ, во имя которыхъ стекались бѣглецы въ Запорожье, онъ требовалъ затраты значительныхъ силъ и средствъ и, наконецъ, прямо шелъ въ разрѣзъ съ военнымъ характеромъ общины, отличительной чертой которой были постоянныя войны, походы и вѣчная подвижность. Въ историческихъ памятникахъ мы находимъ очень мало указаній на примѣненіе въ Сѣчи этого рода наказаній, и самое примѣненіе ихъ тамъ носило болѣе характеръ предупредительной мѣры противъ уклоненія отъ суда, нежели характеръ наказанія въ тѣсномъ смыслѣ; кромѣ того, краткосрочное лишеніе свободы, назначаемое преступнику за совершенное имъ преступное дѣяніе, по существу своему должно быть скорѣе отнесено къ наказаніямъ направленнымъ на честь, нежели на лишеніе свободы. Коржъ въ своихъ воспоминаніяхъ указываетъ на одинъ видъ лишенія свободы, а именно на ссылку въ Сибирь на поселеніе: „четвертая казнь—отсылки въ Сибирь, по обычаю же и Россія отсылаетъ преступниковъ“ [2]); но это наказаніе примѣнялось не на основаніи правъ и обычаевъ запорожскихъ; оно назначалось, вѣроятно, русскимъ правительствомъ тѣмъ преступникамъ изъ запорожцевъ, которые попадались въ его руки

[1]) Сергѣевскій, Наказ. въ рус. правѣ, стр. 131—137.

[2]) Уст. повѣст., стр. 26.

и судились по русскимъ законамъ; но оно могло назначаться также и въ Запорожьи, гдѣ русское вліяніе въ послѣдніе годы его существованія достигло значительныхъ размѣровъ; но наиболѣе вѣроятно предположеніе, что ссылка въ Сибирь на поселеніе опредѣлялась запорожцамъ русскими судами при тѣхъ же условіяхъ, при которыхъ они, какъ это видѣли раньше, присуждались къ клеймленію, вырыванію ноздрей и ссылкѣ въ каторжныя работы [1]), т. е. въ тѣхъ случаяхъ, когда преступники или сами попадались въ руки правительства, или передавались ему Сѣчью.

Краткосрочное лишеніе свободы: а) *прикованіе къ столбу* примѣнялось въ Сѣчи въ довольно значительныхъ размѣрахъ за маловажныя нарушенія и преступленія. Виновный привязывался или приковывался къ столбу, который находился у самой колокольни при Сѣчевой Покровской церкви и оставался тамъ въ такомъ положеніи иногда довольно продолжительное время; такъ, дезертиры, ушедшіе изъ отряда во время похода подъ Очаковъ, были наказаны кіями, а затѣмъ по приказанію Кошеваго, оставались привязанными у столба до возвращенія въ Сѣчь отряда [2]). Это наказаніе, будучи направлено на лишеніе свободы, вмѣстѣ съ тѣмъ носило въ себѣ осрамительный элементъ и считалось однимъ изъ позорныхъ. Опредѣлялось оно за мелкую кражу и другія „прегрѣшенія“: „когда же козакъ у козака что укралъ въ городѣ или за городомъ или гдѣ бы не случилось и въ томъ приличенъ былъ, также приковывали на базарѣ къ столбу, нарочно для того поставленному и держивали до тѣхъ поръ, доколѣ возвратитъ или заплатитъ покраденному и хотя бы онъ и тотчасъ того удовольствовалъ, однакожъ трои сутки у столба выстоять долженъ былъ“ [3]) Мышецкій (стр. 49) къ этому добавляетъ, что родственники виновнаго, „закупивши“ кошеваго и судью, могли совершенно избавить его отъ наказанія „отбить отъ столба“, но и въ этомъ случаѣ винов-

---

[1]) Кіев. Старина, 1882 г. августъ, стр. 320, 321.

[2]) Кіев. Стар. 1886 г. мартъ, стр. 617.

[3]) Ригельманъ, Лѣт. повѣст. ч. IV, стр.83;—Мышецкій, 57, 58.

ный прежде всего долженъ былъ вознаградить потерпѣвшаго. О назначеніи этого наказанія за кражу упоминается еще въ письмѣ кошеваго Василія Григорьевича 1745 г. къ Кіев. генер.-губер. [1]). Кромѣ того въ историческихъ документахъ упоминается еще о примѣненіи этого наказанія за простое насильственное отнятіе однимъ козакомъ у другаго лошади (вѣроятно самоуправство) [2]).

Изъ только что сказаннаго видимъ, что прикованіе къ столбу, т. е. одна изъ менѣе тяжкихъ формъ наказанія, опредѣлялась за преступленіе, которое считалось однимъ изъ самыхъ тяжкихъ въ Сѣчи и, какъ мы видѣли раньше, очень часто влекло за собою смертную казнь. Надо полагать, что прикованіе къ столбу за мелкія кражи начало опредѣляться лишь въ послѣдній періодъ существованія Сѣчи, когда уголовные обычаи подъ вліяніемъ гуманитарнаго направленія конца XVIII ст. и воздѣйствія русскаго правительства, начали принимать болѣе мягкій характеръ и когда, просуществовавши два съ лишнимъ столѣтія, въ теченіе которыхъ организація, всѣ формы быта окончательно установились и окрѣпли, она могла уже отказаться отъ строгой наказуемости такихъ преступленій, которыя перестали грозить ея твердости и крѣпости.

б) *Прикованіе къ пушкѣ* назначалось, вѣроятно, за менѣе важныя правонарушенія; такъ оно было въ 1763 г. примѣнено къ запорожскому старшинѣ, который, будучи посланъ въ крѣпость св. Елисаветы для опредѣленія границы запорожскихъ земель совмѣстно съ русскими властями, оказалъ неуваженіе генералу-поручику Мельгунову; по опредѣленію Коша было постановлено провинившемуся старшинѣ: „при собраніи всего Коша жестоко быть избранену и, по обычаю, держиму на базарѣ публично на пушкѣ цѣлую недѣлю“ [3]). Употреблялось это наказаніе также при дѣлахъ гражданско-правоваго характера, какъ орудія правежа: „когда же казакъ деньгами долженъ былъ,

[1]) Матер. для истор. южн. рус. края, стр. 29.

[2]) Кіевск. Стар. 1886 г., № 3, стр. 617.

[3]) Кіевская Старина, 1886 г. Мартъ, 613, 614;—Скальковскій Истор. Нов. Сѣчи, I, 162.

а платить не хотѣлъ или желалъ, да нечѣмъ, и заимодавецъ болѣе не ждалъ, то такихъ винныхъ къ пушкѣ приковывали, который до тѣхъ поръ содержался доколѣ выплатитъ или черезъ поручителя освобождается“ [1]). Память объ этомъ наказаніи сохранилась и въ народныхъ преданіяхъ“ [2]). Пушка, къ которой приковывали осужденныхъ, стояла на базарѣ или площади. Прикованіе къ пушкѣ, точно также какъ и прикованіе къ столбу, носило позорный, осрамительный характеръ и было направлено также противъ чести осужденныхъ. Будучи наказаніемъ самостоятельнымъ при маловажныхъ правонарушеніяхъ, прикованіе къ столбу и пушкѣ являлось добавочнымъ при наказаніяхъ тѣлесныхъ, присовокупляя къ специальному тѣлесному наказанію элементъ позора—публичность производства наказанія.

в) *Содержаніе подъ арестомъ и заключеніе въ тюрьмѣ* (ямѣ). Этотъ видъ лишенія свободы не имѣлъ значенія наказанія въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. онъ не назначался самостоятельно въ видѣ наказанія за тотъ или другой проступокъ, а примѣнялся лишь, какъ мѣра пресѣченія преступнику возможности уклониться отъ суда, и затѣмъ къ тѣмъ преступникамъ, которые были уже осуждены и ждали только исполненія приговора“ [3]). Мѣстомъ заключенія для преступниковъ въ Сѣчи служила пушкарня. Она имѣла видъ погреба, и прикованный здѣсь къ пушкѣ преступникъ ждалъ иногда довольно продолжительное время рѣшенія своей участи. Содержаніе въ пушкарнѣ было крайне неудобно и сопряжено съ опасностью умереть отъ холода и голода до окончанія дѣла или до приведенія приговора въ исполненіе. Содержаніе подъ арестомъ сопровождалось часто закованіемъ въ желѣзо („ланцуги“) и забитіемъ ногъ въ колодки“ [4]). У Левченка находится слѣдующее описаніе запорожской тюрьмы, которую ему показывали около села Константиновки: „это небольшая пещера въ скалѣ,

---

[1]) Ригельманъ, 83; – Мышецкій, 58.

[2]) Кіевская Стар. 1882 г. Май, ст. 347.

[3]) Ригельманъ, Лѣт. повѣст., ч. IV, 83.

[4]) Матерьялы для исторіи юж.-рус. края, стр. 92, 93, 98, 134; — Скальковскій Ист. Нов. Сѣчи, т. I, стр. 168, 169.

нависшей надъ Бугомъ; входъ въ пещеру находится на нѣсколько сажень выше поверхности воды въ Бугѣ и на нѣсколько аршинъ ниже гребня скалы. Виновнаго на веревкѣ опускали ко входу въ пещеру и на веревкѣ же опускали ему пищу" [1]).

4) *Пораженіе чести и правъ.* Наказанія, направленныя противъ чести, имѣютъ двоякую форму: одни изъ нихъ направляются на нравственную личность человѣка и имѣютъ цѣлью униженіе его личнаго достоинства, другія же имѣютъ въ виду его правовое положеніе и направляются исключительно на ограниченіе или совершенное лишеніе тѣхъ или другихъ политическихъ и общественныхъ правъ. Въ Запорожьи существовали оба эти вида наказаній, направленныхъ на честь.

Къ первому виду должны быть отнесены упомянутыя уже выше прикованіе къ столбу и пушкѣ, а также битье кіями подъ висѣлицей, при которомъ исполненіе наказанія подъ висѣлицей, нося осрамительный характеръ, служило позорнымъ дополненіемъ къ наказанію тѣлесному въ тѣсномъ смыслѣ. Кромѣ того, въ одномъ изъ дошедшихъ до насъ историческихъ документовъ упоминается еще о лишеніи чести; но въ чемъ заключалось это лишеніе чести, въ одномъ ли лишь устраненіи отъ должности или же въ какихъ либо еще другихъ позорящихъ моментахъ, остается намъ неизвѣстнымъ. Въ русскомъ правѣ подъ лишеніемъ или отнятіемъ чести подразумѣвалось лишеніе чиновъ и званія; можетъ быть, такой же характеръ лишеніе чести носило и въ Запорожьи.

„А ежели въ какомъ куренѣ атаманъ не исправенъ, ослушенъ и потакать злодѣямъ будетъ, то кошевому вольно его покарати и того приказать отставить, а другого избрать, а его во всѣхъ куреняхъ всякой чести лишить, и въ другой разъ атаманомъ не выбирать и не ставить" [2]).

Въ нѣкоторой связи съ наказаніями направленными на честь находятся *выговоръ* и *внушеніе*. Дѣлаемые публично, при

---

[1]) Кіев. Стар., Май, 1882 г., стр. 347; извѣстіе Левченко: „Гайдамацкій Кутъ".

[2]) Кіев. Старина 1882 г. Декабрь, стр. 527, 528; приговоръ большой экстраординарной рады 23 Декабря 1764 г.

извѣстной торжественной обстановкѣ или сопровождаемые сильными выраженіями, они прямо переходятъ въ наказаніе позорящее, осрамительное, такъ какъ прямо направляются на униженіе нравственнаго достоинства человѣка. Въ Запорожьи имѣли примѣненіе оба эти вида наказаній; такъ, изъ приведеннаго уже раньше документа мы видѣли, что Запорожскій старшина за неуваженіе, оказанное русскимъ властямъ, былъ приговоренъ „при собраніи всего Коша жестоко быть избраненъ"; затѣмъ нѣсколько казаковъ за угонъ скота отъ татаръ были подвергнуты „словесному терзанію въ церкви" и потомъ принесли присягу въ томъ, что больше не будутъ позволять себѣ подобныхъ самовольствъ" [1]). Словесное истязаніе было, вѣроятно, внушеніемъ, увѣщаніемъ, дѣлаемымъ провинившимся. Оба эти наказанія производились при торжественной обстановкѣ: при собраніи всего Коша и въ церкви.

Ко второй формѣ наказаній направленныхъ противъ чести въ Запорожьи относились: *отставленіе отъ должности* и *устраненіе отъ выбора на должность на будущее время.* Кромѣ куренныхъ атамановъ отставленію отъ должности подвергались и всѣ другія должностныя лица: кошевой, судья, писарь и асаулъ; если кто либо изъ нихъ „явится въ чемъ потакунъ или добрыхъ и невинныхъ казаковъ будетъ обижать, то, не дожидая рады годовой или полугодовой, атаманамъ и старшинамъ такихъ правителей заразъ съ доносомъ главнымъ командамъ отъ Коша отставить и никогда того подозрительнаго и слабаго старшину уже не выбирать и ни въ какой чинъ не ставить и яко дѣла и обиды не окончитъ, то съ самого взыскать" [2]).

Относительно отставленія отъ должности должностныхъ лицъ находимъ также указанія у Крюйса, Ригельмана и Манштейна" [3]). Отставленіе отъ должности назначалось преимущественно за злоупотребленія по службѣ.

---

[1]) Кіев. Ст. 1886г. Мартъ, стр. 613;—Скальковскій, Ист. Нов. Сѣчи, I, 161, 162.

[2]) Приговоръ большой экстраор. рады (Кіев. Ст. 1882 г. Декабрь).

[3]) Сѣвер. Архивъ 1824, XI, 283—296: „если атаманъ сдѣлаетъ проступокъ, то его отставляютъ, а тогда и казнятъ"; также см. Ригельманъ, ч. I, стр. 17;— Манштейнъ. Зап. о Рос., стр. 13, 14.

5) *Наказанія имущественныя* въ Сѣчи не получили почти никакого развитія. При отсутствіи собственности, за исключеніемъ предметовъ снаряженія, вооруженія и одежды, и при общности всего остальнаго имущества, подобное явленіе было вполнѣ нормальнымъ. Такъ какъ запорожцы послѣ походовъ сухопутныхъ и въ особенности морскихъ возвращались часто домой съ богатой добычей, часть которой отдѣлялась въ личную собственность захватившаго добычу, то въ Сѣчи могъ существовать видъ имущественнаго наказанія, состоявшій въ лишеніи права на добычу или въ полномъ отнятіи ея, но указаній на этотъ видъ лишенія имущества мы нигдѣ не находимъ.

Въ запорожскомъ войскѣ существовали лишь самые элементарные и грубые виды наказаній имущественныхъ, состоявшіе преимущественно въ отнятіи у преступника его одежды: „при всякомъ приводѣ вора и злодѣя довбышъ, снявъ съ него платья бирывалъ себѣ“ [1]). Затѣмъ въ приговорѣ большой экстраординарной рады 23 декабря 1764 г. имѣется еще указаніе на отнятіе у лицъ, посягнувшихъ на неприкосновенность войсковой казны, принадлежавшей имъ „худобы“ (скота). Другихъ указаній на имущественныя наказанія въ памятникахъ не находится; весьма возможно, что они въ болѣе широкихъ размѣрахъ примѣнялись въ паланкахъ, гдѣ жило много лицъ, имѣвшихъ какъ движимую, такъ и недвижимую собственность. Къ имущественнымъ наказаніямъ можетъ быть еще отнесена *отдача на грабежъ имущества*, принадлежавшаго ремесленникамъ и торговцамъ, жившимъ въ Сѣчи, въ тѣхъ случаяхъ, когда они продавали товары по цѣнѣ выше установленной войскомъ [2]);

---

[1]) Ригельманъ, Лѣт. повѣст., ст. 83;—Мышецкій, Исторія, стр. 57, 58, 49;

[2]) Ригельманъ Лѣт. повѣст. ч. IV, стр. 83, 84. „Ежели шинкари, крамари, мясники или калашники что свыше установленной отъ войска цѣны продажу чинили и оное войсковою старшиною и атаманами по слѣдствію сыскано было, то давали козакамъ за то дозволеніе виноватаго грабить, что тотчасъ толпою и дѣлали, и все, что у продавца того было, не только товаръ, но и платье, посуду и деньги все себѣ брали и бочки съ пойломъ разбивали, пили и выпускали и по улицамъ поливали и все разоряли у нихъ до основанія“.

здѣсь подвергались имущественному наказанію лица постороннія, не входившія въ составъ сѣчевой общины.

6) *Наказанія церковныя* существовали въ Запорожьи въ двухъ формахъ: 1) публичное покаяніе въ церкви и 2) ссылка въ монастырь на покаяніе.—О публичномъ покаяніи въ церкви упоминаетъ Клавдіусъ Рондо (Кіев. Стар. 1889 г. № 11, 446) въ донесеніи 1736 г. Запорожскому духовенству, пишетъ онъ, зазапрещалось вмѣшиваться въ мірскія дѣла „исключая заступничества за преступниковъ и присутствованія при публичномъ покаяніи ихъ въ церкви въ случаѣ учиненія послѣдними какихъ либо неважныхъ правонарушеній". Затѣмъ изъ судебнаго показанія и допроса 1756 г. 2-го іюля [1]), видно, что нѣсколько запорожскихъ козаковъ за угонъ скота у татаръ были подвергнуты „словесному истязанію въ церкви" и „за самовольное покаяніе" прощены.

Ссылка въ монастырь на покаяніе назначалась за болѣе важныя преступленія и, надо полагать, преимущественнно за преступленія противъ нравственности и союза брачнаго; такъ нѣкто Донецъ, житель самарской паланки, уличенный запорожскими казаками въ двоеженствѣ, по приговору митрополита былъ вмѣстѣ со второю женою сосланъ въ монастырь на покаяніе [2]).— Изъ этого дѣла о Донцѣ можно сдѣлать выводъ, что преступленія противъ союза брачнаго, учиненныя въ предѣлахъ земель запорожскаго войска, лицами не принадлежавшими къ составу сѣчеваго товарищества, передавались на обсужденіе духовнымъ властямъ, какъ болѣе компетентнымъ въ такихъ дѣлахъ. Эти два вида церковныхъ наказаній примѣнялись, вѣроятно, и какъ самостоятельныя наказанія при маловажныхъ правонарушеніяхъ и какъ добавочныя при болѣе тяжкихъ преступленіяхъ.

Такова была система карательныхъ мѣръ въ Запорожьи. Обозрѣвая эту систему, мы не можемъ не признать, что она была отмѣчена желѣзной строгостью; видами наказаній, полу-

[1]) Кіев. Стар. 1886 г. мартъ, стр. 613;—Скальковскій, Ист. Нов. Сѣчи, I, 161, 162.

[2]) Матер. для истор. юж.—рус. края, ст. 98.

чившихъ самое широкое примѣненіе, были наказанія, направленныя на жизнь и тѣло преступника. Въ то время, когда другія формы наказаній, направленныхъ на свободу, честь и имущества, едва получили тамъ развитіе, смертная казнь и тѣлесныя наказанія щедрою рукою назначались за преступныя дѣянія самаго разнообразнаго характера, начиная отъ простой кражи и кончая тягчайшимъ видомъ преступленія—убійствомъ козака козакомъ. Мучительныя, квалифицированныя смертныя казни, уступавшія по изобрѣтательности и утонченности западно-европейскимъ, но грубыя и жестокія въ своемъ элементарномъ, первобытномъ примѣненіи, получили по своимъ формамъ и видамъ значительное развитіе и опередили въ этомъ отношеніи простую смертную казнь, которая примѣнялась въ однообразной и почти единственной формѣ—повѣшенія.

Но духъ времени и новыя вѣянія не остались и здѣсь безъ вліянія. Область примѣненія, какъ квалифицированной, такъ и простой смертной казни, подъ вліяніемъ гуманнаго направленія второй половины XVIII ст. и воздѣйствія русскаго правительства, постепенно съуживалась, и наказанія эти начали понемногу вырождаться и исчезать. Обратное явленіе наблюдается въ исторіи развитія тѣлесныхъ наказаній. Будучи примѣняемы въ столь же широкихъ размѣрахъ, какъ и смертная казнь, они первоначально имѣли только характеръ наказаній болѣзненныхъ, направленныхъ исключительно на причиненіе физической боли и страданій; но въ XVIII ст. наряду съ болѣзненными видами тѣлесныхъ наказаній появляются и изувѣчивающія, членовредительныя наказанія, которыя хотя и не были въ употребленіи въ самой Сѣчи, но тѣмъ не менѣе начали примѣняться въ паланкахъ, бывшихъ въ вѣдѣніи Сѣчи и подлежавшихъ ея уголовной юрисдикціи.

Система эта, будучи строго выдержана сообразно духу и военной организаціи запорожскаго войска, тѣмъ не менѣе при опредѣленіи размѣровъ уголовной отвѣтственности, помимо внѣшней стороны преступнаго дѣянія, принимала во вниманіе разнообразные оттѣнки субъективной виновности преступника и даже обстоятельства совершенно посторонніе, лежавшія внѣ пре-

ступника и совершеннаго имъ преступленія. Такимъ образомъ допускалась возможность существованія институтовъ помилованія и разнообразной замѣны наказаній, которыя, имѣя довольно широкое примѣненіе, до извѣстной степени скрашивали общій суровый характеръ системы. Задача устрашенія и обезпеченія при такомъ характерѣ карательныхъ мѣръ вполнѣ достигалась; остававшіеся на висѣлицахъ и на колахъ трупы преступниковъ, производя глубокое, потрясающее впечатлѣніе на проходящихъ, свидѣтельствовали о той страшной карѣ, которой подвергнется каждый, кто рѣшился бы посягнуть на неприкосновенность и святость основныхъ принциповъ организаціи.

А. Д—скій.

НОВЫЕ МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ ШЕВЧЕНКА.

I.

Нельзя не отдать справедливости трудолюбію и рвенію лицъ, занимающихся собираніемъ матеріаловъ для біографіи Шевченка: они перерыли всѣ доступные имъ семейные архивы, допросили всѣхъ лицъ, сколько нибудь знавшихъ поэта. Ежегодно въ февральской книжкѣ *Кіевской Старины*, съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемой почитателями памяти нашего кобзаря, они сообщаютъ результаты своихъ поисковъ. Благодаря ихъ трудамъ, мракъ, облегавшій самый темный періодъ жизни поэта—періодъ его ссылки, начинаетъ мало по малу разсѣиваться. Той же цѣли предназначена служить и настоящая статья, основанная на *Дѣлѣ о художникѣ Шевченкѣ*, хранящемся въ архивѣ Департамента полиціи и представляющемъ собой драгоцѣнный матеріалъ не только для біографіи Шевченка, но и для исторіи его творчества. Дѣло это состоитъ изъ двухъ большихъ томовъ и, кромѣ оффиціальной переписки, заключаетъ въ себѣ поэму Шевченка *Осыка* [1]), письма къ поэту различныхъ лицъ, два

[1]) Въ изданіяхъ Кожанчикова и Іогансона она носитъ заглавіе *Видьма.* Такъ какъ поэту пришлось впослѣдствіи возстановлять ее по памяти, то не мудрено, что во всѣхъ изданіяхъ она является въ значительно измѣненномъ, а главное въ сокращенномъ видѣ. *Осыка* начинается вступленіемъ, котораго нѣтъ въ печатныхъ изданіяхъ. Вотъ первые четыре стиха этого вступленія:

Росте въ поли на могили
Осыка заклята,
А тамъ видьма похована.
Хрыститьця, дивчата! и т. д.

альбома съ его рисунками и стихотвореніями, въ числѣ которыхъ есть нѣсколько совершенно неизвѣстныхъ, и т. д. [1]).

Заподозрѣнный въ принадлежности къ Кирилло-Меѳодіевскому обществу, Шевченко былъ арестованъ на возвратномъ пути изъ черниговской губерніи при переправѣ черезъ Днѣпръ 5 апрѣля 1847 г. При арестѣ у него были отобраны слѣдующія бумаги, отосланныя кіевскимъ гражданскимъ губернаторомъ въ третье отдѣленіе собственной Е. И. В. канцеляріи и находящіяся при дѣлѣ:

Во 1-хъ) Поэма *Осыка*, стихотворенія *Русалка*, *Лилея* и стихотворное переложеніе 149 псалма Давидова. Три послѣднія стихотворенія можно найти во всѣхъ изданіяхъ произведеній Шевченка.

Во 2-хъ) Два письма Квитки къ Шевченку, изъ которыхъ одно помѣчено: Основа, 1847 г. 22 ноября.

Въ 3-хъ) Нѣсколько стихотвореній Чужбинскаго, Андрусскаго и др.

Въ 4-хъ) Пространное письмо П. А. Кулиша изъ Петербурга отъ 25 іюля 1846, заключающее въ себѣ тонкую эстетическую критику стихотвореній Шевченка, которой онъ и воспользовался.

Въ 5-хъ) Письмо княжны В. Н. Репниной къ Шевченку отъ 9 декабря 1845 г. Помимо теплаго участія къ самому поэту, которымъ проникнуты всѣ ея письма, въ немъ есть намёкъ на неизвѣстный доселѣ фактъ, что гуманная княжна, глубоко тронутая бѣдственнымъ положеніемъ родныхъ Шевченка [2]) задумала что-то предпринять въ ихъ пользу, можетъ быть, съ помощью подписки среди своихъ знакомыхъ выкупить ихъ изъ крѣпостной неволи.

---

[1]) За разрѣшеніе пользоваться этимъ драгоцѣннымъ матеріаломъ авторъ приноситъ глубокую благодарность Его Высокопревосходительству Г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ И. Н. Дурново и Г. Директору Департамента исполнительный полиціи П. К. Дурново.

[2]) Отъ 19 іюля 1844 г. княжна писала поэту: „отъ грустнаго письма вашего у меня навернулись слезы на глазахъ. О, увѣдомьте меня, когда вы будете совершенно спокойны, насчетъ братьевъ вашихъ! Я прямо не смѣла васъ о нихъ спрашивать—слова замирали на устахъ“. (*Чалый*, жизнь Шевченка, стр. 46).

Мы такъ бѣдны и литературными и художественными запасами—писала В. Н., что посылка моя будетъ очень неудовлетворительна: вотъ два № Отечественныхъ Записокъ. Вы я думаю, ихъ не читали". Сообщивъ затѣмъ, что ея пріятельница Глафира Ивановна Псіолъ выходитъ замужъ за Дунинъ-Борковскаго, княжна продолжаетъ: „сожалѣю, что не могу прислать вамъ что нибудъ по-пріятнѣе для чтенія, но я теперь совершенно ничего не читаю и очень бы желала прочесть ваши новыя произведенія. Жаль очень, что вы такъ легкомысленно отказались отъ добраго дѣла для родныхъ вашихъ. Жаль ихъ и совѣстно передъ всѣми, кого я завлекла въ это дѣло. Но то хорошо, что у васъ есть занятія. Пора вамъ, въ самомъ дѣлѣ, отказаться не отъ поэзіи, но отъ того, что вы называете поэтической жизнью [1]).

Начало роковаго для него 1847 г. Шевченко провелъ въ Борзнѣ у своего пріятеля, поэта Забѣлы. По его собственнымъ словамъ (въ письмѣ къ Костомарову отъ 1 февраля, напечатанномъ въ книгѣ Чалаго), онъ въ это время ничего не дѣлалъ, а все больше прохаживался „коло чарочокъ". Изъ Борзны во второй половинѣ февраля онъ поѣхалъ въ Седневъ къ А. И. Лизогубу. Здѣсь снова посѣтило его вдохновеніе, онъ дѣятельно принялся за работу, написалъ поэму *Осыка* (подъ ней стоитъ подпись: Сѣдневъ, 7 марта, 1847 г.) и приготовилъ къ печати вторую часть Кобзаря, въ которую должно было войти все, что было имъ написано послѣ 1840 г. (годъ изданія первой части Кобзаря).

17 Апрѣля 1847 Шевченко былъ привезенъ квартальнымъ надзирателемъ кіевской полиціи Гришковымъ въ Петербургъ и сданъ въ III-е отдѣленіе; въ принятіи его выдана Гришкову квитанція. Допросъ Шевченка представляетъ мало новаго и интереснаго. На всѣ вопросы слѣдователя о принадлежности къ Кирилло-Меѳодіевскому обществу Шевченко отвѣчалъ отрицательно, и такъ какъ показанія другихъ арестованныхъ его не уличали, то это обвиненіе было оставлено, и слѣдствіе перешло

[1]) Намекъ на неумѣренныя возліянія Бахусу, которымъ предавался Шевченко въ обществѣ Закревскаго и другихъ членовъ общества мочемордія. (См. Воспоминанія о Шевченкѣ Чужбинскаго, *Русское слово*, 1861 г. № 5).

на почву литературную. На вопросъ, предложенный Шевченку, признаетъ-ли онъ себя авторомъ приписываемыхъ ему пасквильныхъ стиховъ, поэтъ отвѣчалъ утвердительно и объяснилъ, что возмущенный созерцаніемъ ужасовъ крѣпостнаго права и, считая правительство виновнымъ въ ихъ допущеніи, онъ по неразумію своему позволялъ себѣ въ своихъ разговорахъ и стихахъ дерзкія выходки противъ верховной власти, въ чемъ теперь искренно раскаивается.—Просидѣвъ около полутора мѣсяца въ III-мъ отдѣленіи, Шевченко былъ по Высочайшему повелѣнію опредѣленъ въ отдѣльный оренбургскій корпусъ рядовымъ съ правомъ выслуги, подъ строжайшій надзоръ, съ воспрещеніемъ ему писать и рисовать, чтобы отъ него не могло исходить возмутительныхъ и пасквильныхъ сочиненій. Такъ какъ оренбургскій линейный № 5 батальонъ, въ который былъ зачисленъ Шевченко стоялъ въ Орской крѣпости, то поэтъ, прибывшій 9 іюня въ Оренбургъ, былъ въ скоромъ времени отправленъ къ мѣсту своего служенія въ Орскую крѣпость. Вѣсть о разжалованіи въ солдаты и ссылкѣ Шевченка произвела тяжелое впечатлѣніе въ Малороссіи. Лишенные возможности чѣмъ бы то ни было помочь Шевченку, друзья его могли только рекомендовать ему мужество и терпѣніе и молиться за него. Узнавъ отъ проживавшаго въ Кіевѣ художника Сажина о томъ, что Шевченко сосланъ въ Орскую крѣпость, А. И. Лизогубъ первый изъ друзей написалъ ему.

„Бувъ я сего року у Кіеви—писалъ Лизогубъ—и вельми зрадувався якъ прочитавъ Вашъ листъ, коханый Тарасе Григоровичу! Дякую Господа, шо надиливъ Васъ терпѣніемъ. Молюсь Господеви за Васъ, шо-бъ Винъ пиддержавъ васъ, шо-бъ давъ сылу и волю нести крестъ, хочъ дуже важкій, шо вамъ пославъ, безъ жалю на Господа и на людей. Колы виноватъ—терпы шо Богъ пославъ и дякуй Господа; колы здаеця шо й не выноватъ, а Богъ карае, усе таки дякуй Господа, писано бо: кого люблю, того и караю, а кара и испытаніе божіе завсегда добро намъ суть, бо роблять насъ лучшими, до бидныхъ мылостывыми, до терплящихъ жалостливыми, тогда и мы сами лучше шануемось и другихъ бильше жалуемо и усякого чоло-

вика за брата маемо, а колы робымось лучшими, то и до Бога намъ блыжче. Не знаю, хтось пысавъ, шо несчастья—таке страшило, шо мае голову свитлу, якъ сонце, а ноги зализны; колы хто, страшила злякавшись, упаде на землю, то воно його росхтопче своими важкими ногами; колы жъ не злякавшись зирне йому въ вичи, тоди лыхо зробытця чоловикови добромъ. Терпить же и вы, коханый Тарасе, и дякуйте Бога и Богъ васъ помылуе, дасть покой и тыхую радисть серцю, щастя на неби и пошле прощеніе и мылость на земли". Одесса 21 октября 1847 г.

Въ своемъ отвѣтѣ Лизогубу Шевченко спрашиваетъ его о кн. Репниной, которой писалъ раньше [1]), но отъ которой еще не получалъ отвѣта: „Скажить ій якъ побачыте, або напышить, нехай до мене напыше хоть одну стричечку; ій прекрасная добрая душа частенько навидуе мене въ неволи" [2]). Приведенныя строки, которыя А. И. Лизогубъ не замедлилъ сообщить кн. Репниной, жившей тоже въ Одессѣ, вызвали первое письмо ея къ Шевченку, безъ числа и года, но написанное либо въ концѣ 1847 г., либо въ началѣ 1848.

„Тарасъ Григорьевичъ!—писала княжна—да поможетъ вамъ Господь Всемогущій понести до конца тяжелый крестъ вашъ той узкой и скорбной стезей, которую Онъ проложилъ намъ любовію и кровію своею! За васъ много, много молитвъ, а молитва даромъ не пропадаетъ. Когда вамъ сдѣлается грустно—вспомните о смерти. Когда бы вы знали, какъ эта мысль утѣшаетъ; за ней слѣдуетъ мысль о жизни не старѣемой, безгрѣшной и вѣчной. Христе, свѣте истинный, просвѣщающій и освѣщающій всякаго человѣка, грядущаго въ міръ, да знаменуется на насъ свѣтъ лица Твоего, да въ немъ узримъ свѣтъ неприступный молитвами Пречистыя Твоея Матери. Аминь. Вотъ вамъ молитва, которая содержитъ въ себѣ все, что желаю вамъ отъ глубины души въ замѣну всѣхъ утратъ и скорбей

---

[1]) Извлеченіе изъ письма Шевченка къ кн. Репниной отъ 24 октября было приведено въ моей статьѣ—*Первые четыре года ссылки Шевченка* (Кіевская Старина 1888. Октябрь).

[2]) *Чалый*, Жизнь и произведенія Тараса Шевченка, стр. 68.

вашихъ. Да пребудетъ съ вами благодать и даръ св. Духа. Прощайте или лучше до свиданья радостнаго и общаго". Далѣе слѣдуетъ приписка, писанная рукою А. И. Псіолъ. „Я увѣрена, многоуважаемый Тарасъ Григорьевичъ, вы не найдете страннымъ, что я пишу вамъ, хотя въ обществахъ, гдѣ мы встрѣчались иногда, ни разу не говорила съ вами. Отдаленіе дѣлаетъ меня отважнѣе; притомъ же я имѣю тройное право быть вамъ не чужою. (Слѣдуетъ нѣсколько строкъ зачеркнутыхъ самой А. И. Псіолъ). Протягиваю вамъ руку и прошу васъ, добрый Т. Г., считайте меня старой знакомой. Дай намъ Богъ увидѣться въ свѣтѣ Его! Богъ знаетъ, какъ бы я желала, чтобъ васъ по крайней мѣрѣ не изгоняли изъ Эдема.—Да пребудетъ Онъ всегда съ вами и не допуститъ васъ умереть для высокаго и прекраснаго! Нѣтъ, не можетъ быть, чтобы въ душѣ вашей, въ которой совершались дары чистой поэзіи, гдѣ раздавались такіе торжественные гимны, не можетъ быть, чтобъ въ ней воцарилась когда нибудь мерзость запустѣнія! Не бойтесь этого, Т. Г., за васъ такъ много молитвъ сестеръ вашихъ по Христу".

Письмо кн. Репниной произвело самое благотворное вліяніе на Шевченка, онъ видѣлъ, что его не забыли, отъ него не отреклись, и это сознаніе подняло его духъ, заронило въ его душу надежду. Въ своемъ отвѣтѣ онъ умоляетъ писать къ нему, какъ можно, чаще: „молитва и Ваши искреннія письма больше всего помогутъ мнѣ нести крестъ мой". И просьба его не осталась гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Посылая Шевченку давно желаемую книгу *Избранныя мѣста изъ переписки съ друзьями Гоголя*, В. Н. сопровождаетъ свою посылку въ высшей степени сердечнымъ письмомъ, которое находится при дѣлѣ. Я надѣюсь, что эти строки къ празднику придутъ къ вамъ: да воскреснетъ Христосъ въ душѣ Вашей, мой добрый Тарасъ Григорьевичъ, да освятитъ Онъ душу вашу, да просіяетъ въ васъ благодать святая! Вотъ мои желанія. Завтра я за васъ выну часточку. Я всегда молюсь за васъ, я вамъ желаю такъ много хорошаго, лучшаго. Прошу Бога, чтобы онъ привелъ меня увидать васъ еще въ сей жизни, но покоряюсь Его волѣ и отъ души прошу Его, чтобы Онъ помянулъ васъ въ царствіи своемъ!

Тамъ все будетъ ясно, свято, блаженно! О, устремите туда взоры души вашей, не забывайте, что у васъ здѣсь есть друзья искренніе, желающіе вамъ того, чего желаютъ себѣ. Глафира уѣхала въ Кіевъ къ больной сестрѣ, которая готовилась къ вождѣленному концу. Какая очищенная благословенная душа у Тани! Маменька вамъ кланяется. Сегодня не могу много писать—готовлюсь къ исповѣди. Простите мнѣ все то, въ чемъ я не исполнила къ вамъ долга христіанскаго. Дѣлать добро душѣ брата—обязанность, которую мы слишкомъ часто выпускаемъ изъ виду. Да покроетъ милосердіе Господне и его благость всѣ наши упущенія! Прощайте, мой добрый Т. Г., да почіетъ на васъ міръ Христа Спасителя! Вамъ душею преданная Варвара Репнина 19 марта 1848 г.

Къ письму кн. Репниной А. И. Псіолъ приложила прелестное стихотвореніе, которое должно было доставить большое утѣшеніе поэту.

Молымъ Тебе Боже правды, Боже благостыни,
Не покидай сиротою у степу пустыни
Брата нашого! Якъ батько, якъ ридная маты
Озовысь до його души, не дай унываты!
Зберы, Боже, наши слёзы въ темнисеньку хмару
И, якъ серцу розбытому стане нудно, жарко,
Тоди нехай воны брызнуть якъ дощикъ весною...
Зробы чудо—воны стануть, святою водою
Живущою цилющою, вси раны загоить
Якъ въ купели выкупае и душу напоить.

Приведенныя нами стихотворенія А. И. Псіолъ могутъ служить доказательствомъ того могущественнаго вліянія, которое оказалъ Шевченко на развитіе украинской поэзіи. Люди, зачитывавшіеся его стихотвореніями, невольно увлекались его примѣромъ, шли по его слѣдамъ и облекали свои мысли и чувства въ стихотворную форму, которая по своей красотѣ мало уступаетъ Шевченковой. Въ самомъ началѣ своего поэтическаго поприща, въ своемъ знаменитомъ стихотвореніи *Думы мои, Думы мои* Шевченко заявилъ, что его лучшей наградой будутъ слезы украинскихъ красавицъ, которыя прольются надъ его стихами. Сосланный на дальній востокъ, разжа-

лованный въ солдаты, несчастный изгнанникъ долженъ былъ ощущать высокое нравственное удовлетвореніе при мысли, что его трудъ не пропалъ даромъ, что его прекрасныя почитательницы выплакали свое горе по немъ риѳмованными слезами...

Въ своемъ первомъ письмѣ къ кн. Репниной изъ Орской крѣпости Шевченко живо изобразилъ муки художника, окруженнаго самыми оригинальными типами, но лишеннаго возможности перенести ихъ на бумагу. „А какъ нарочно здѣсь такъ много новаго, киргизы такъ живописны, такъ оригинальны и наивны, сами просятся подъ карандашъ, и я одурѣваю, когда смотрю на нихъ... Смотрѣть же и не рисовать это такая мука, которую пойметъ только истинный художникъ". Движимая состраданіемъ къ этимъ мукамъ Тантала, переживаемымъ ея другомъ, В. Н. рѣшилась написать шефу жандармовъ гр. А. Ѳ. Орлову и просить его во имя милосердія исходатайствовать для Шевченка позволеніе рисовать. Обладая возвышеннымъ строемъ мыслей и исповѣдуя религію состраданія и любви, кн. Репнина думала, что гр. Орловъ съумѣетъ стать на ея точку зрѣнія, пойметъ побужденіе, ею руководившее, и отнесется къ Шевченку, какъ къ заблудшему брату, котораго нужно не только карать, но и жалѣть. Подъ вліяніемъ этой мысли она написала нижеслѣдующее исполненное достоинства письмо, въ которомъ, какъ въ зеркалѣ, отражается ея благородная высокогуманная душа. Мы приводимъ это письмо въ подлинникѣ, присоединивъ къ нему и нашъ переводъ:

Monsieur Le Comte,

„Vous êtes un homme révêtu de grand pouvoir et en consequence de cette position et de Votre caractère honorable, ayant mission de faire le bien. Si de maintenir l'ordre et de faire justice du mal est un apanage de l'homme d'état et de l'homme de bien, avoir l'oeil ouvert afin que la justice ne devienne pas rigueur, et qu'à la justice accomplie, succède la misericorde—n'est ce pas là le suprême complement du bien? Forte de cette conviction, je viens M-r Le Comte Vous implorer en faveur du malheureux Шевченко. Moi qui le connais beaucoup, je puis Vous certifier, que quelqu' ait été

son délit il est bien reellement puni par sa position de soldat et l'eloignement dans lequel il se trouve de son pays, sans qu'il soit necessaire pour le persuader de sa coupabilité, d'y joindre le cruel rafinement de lui interdire le dessein. Monsieur Le Comte, j'espère, que Vous comprendrez, que connaissant particulièrement Шевченко et sachant, qu'il est completement orphelin dans ce monde, je regarde de mon devoir, puisque Dieu m'a mis au coeur la pensée de m' interesser à lui, de faire tout ce qui dépend de moi pour de moins essayer d'adoucir son sort. Pour parvenir à cet but, je n'ai pas d'autre route à suivre que de m'adresser à Vous pour Vous suplier d'obtenir pour lui la permission de dessiner. C'est une grâce, que je Vous demande à mains jointes! Quoique zéro par moi même, comme fille de mon père, qui a tant souffert et souffert innocement je me reconnais le droit de parler en faveur des malheureux et c'est en appellant au souvenir de mon père, qui Vous estimait, que je Vous prie Monsieur Le Comte d'excuser mon importunité, pour m'exprimer selon le langage du monde, car dans mon idée je trouve que je fais ce que je dois faire, en Vous implorant pour un infortuné égaré, mais digne de toute sympathie et qui n'a ni famille, ni protection.

Veuillez, Monsieur Le Comte, agréer l'expression de ma considération et je voudrais pouvoir déjà prédire de ma vive reconnaissance. Jagotin, 18 Fevrier 1848. [1]).

Едвали нужно говорить, что В. Н. пришлось горько разочароваться въ своихъ надеждахъ на гр. Орлова. Послѣ двухлѣтняго ожиданія получился отъ него отвѣтъ и самый небла-

---

[1]) „Графъ, Вы человѣкъ, облеченный большою властію и въ силу своего высокаго положенія и благороднаго характера призваны дѣлать добро. Если поддерживать порядокъ и наказывать зло есть задача, достойная государственнаго сановника и добродѣтельнаго человѣка, то слѣдить за тѣмъ, чтобы справедливость не превратилась въ жестокость, а смѣнялась бы милосердіемъ—не состоитъ-ли въ этомъ высшая задача добродѣтели? Проникнутая этимъ убѣжденіемъ, я являюсь передъ Вами, Графъ, ходатайствующей за несчастнаго Шевченка. Зная его хорошо, я могу засвидѣтельствовать, что какова бы ни была его вина, онъ уже настолько наказанъ разжалованьемъ въ солдаты и удаленіемъ отъ родины, что едва-ли пред-

гопріятный [1]), но онъ относится уже ко времени возвращенія поэта изъ Аральской экспедиціи въ Оренбургъ. Къ этому періоду жизни Шевченка, насколько онъ освѣщается новыми документами, мы надѣемся возвратиться въ одной изъ ближайшихъ книжекъ *Кіевской Старины.*

Н. Стороженко.

ставляется надобность прибавлять къ его наказанію утонченную жестокость, запрещая ему рисовать. Надѣюсь, Графъ, Вы поймете, что зная Шевченка хорошо, зная, что онъ одинокъ въ этомъ мірѣ, я сочла своимъ долгомъ сдѣлать все возможное, чтобы смягчить его участь. Для достиженія этой цѣли у меня нѣтъ другого пути, какъ обратиться къ Вамъ и умолять Васъ исходатайствовать для него позволеніе рисовать. Этой милости я прошу у Васъ съ сложенными на груди руками! Хотя я сама по себѣ ничего не значу, но какъ дочь отца моего, который столько страдалъ и страдалъ безвинно, я признаю за собой право говорить за несчастныхъ и во имя памяти моего отца, такъ Васъ уважавшаго, я прошу Васъ, Графъ, извинить мою докучливость, какъ говорятъ въ свѣтѣ. Что до меня, то я убѣждена, что дѣлаю то, что должна дѣлать, умоляя Васъ за несчастнаго заблудшаго, но достойнаго всякаго состраданія человѣка, у котораго нѣтъ ни семьи, ни покровителей.

Примите, Графъ, выраженіе моего къ Вамъ уваженія и, мнѣ хотѣлось бы сказать, моей глубокой благодарности.

[1]) Содержаніе письма Гр. Орлова изложено довольно подробно въ моей статьѣ. *Первые четыре года ссылки Шевченка.*

Отрывки изъ записокъ Автонома Акимовича Солтановскаго.[1]

Въ виду того, что нами сдѣланъ маленькій перерывъ въ печатаніи записокъ А. А. Солтановскаго, считаемъ нужнымъ напомнить читателямъ, что въ печатаемой теперь 2-й части этихъ записокъ нѣтъ вполнѣ связнаго изложенія событій, а идетъ только рядъ эпизодовъ, изъ которыхъ далеко не все можетъ попасть въ настоящее время въ печать. Эпизоды эти относятся преимущественно ко времени и къ событіямъ польскаго возстанія, а потому внутренняя связь между ними легко устанавливается. Нѣсколько такихъ эпизодовъ напечатано уже въ № 12-мъ прошлаго года нашего изданія; теперь-же мы надѣемся безостановочно довести печатаніе отрывковъ изъ записокъ А. Солтановскаго до конца.

Присяга учениковъ VI и VII класса.

Незадолго до панихиды[2]) гимназическій капеланъ въ присутствіи какого-то члена революціоннаго кимитета привелъ къ присягѣ въ гимназической каплицѣ учениковъ VI и VII классовъ. Клялись они на Евангеліи, крестѣ, револьверѣ и мечѣ положить жизнь за возстановленіе Польши и не выдавать другъ друга. Кто измѣнитъ, того здѣсь покараетъ мечъ или револьверъ, а на томъ свѣтѣ Евангеліе и крестъ. Чтобы, не возбуждая подозрѣнія, ученикамъ можно было присягнуть, два поль-

---

[1]) Кіевск. Стар. 1892 г. № 12.

[2]) См. ниже.

скихъ учителя, имѣвшіе въ VI и VII классахъ первые уроки, сказались больными. Учениковъ отпустили домой. Ученики пошли въ костелъ, гдѣ ихъ ожидалъ капеланъ и делегаты. Заперли изнутри костелъ, и совершилась присяга.

Панихида по пяти убитымъ въ Варшавѣ.

Съ утра возлѣ кладбищенской каплицы, что на валѣ, замѣчалось въ будни особенное какое-то движеніе. Около 11 часовъ стали съѣзжаться изъ имѣній, не только окрестныхъ, но и отдаленныхъ, всевозможные экипажи съ панами, паніями, паненками, офиціалистами. Кареты, кочи, фаэтоны, шарабаны заняли огромное пространство. Полиція не понимала, что это за торжество. Исправникъ Г—ъ послалъ въ каплицу квартальнаго надзирателя: посреди каплицы стоялъ траурный катафалкъ съ пустымъ гробомъ и надпись: pięć ofiar zamordowanych w Warszawie moskalami. Тутъ же за стекломъ красовались карточки убитыхъ и карточка, изображающая ихъ въ гробахъ, а также карточка ихъ торжественныхъ похоронъ. Въ гимназіи объ этомъ начальство ничего не знало. Отпустили на большую перемѣну учениковъ домой на завтракъ. Послѣ перемѣны явились русскіе учителя; но ни учениковъ, ни польскихъ учителей не было. Уроки не состоялись. Послѣ узнали, что ученики и поляки учителя собрались на опредѣленномъ заранѣе пунктѣ и стройными рядами пошли въ кладбищенскую каплицу. Всѣмъ распоряжался въ каплицѣ сынъ одного помѣщика, студентъ университета. Онъ раздавалъ листки съ запрещенными гимнами, онъ руководилъ пѣніемъ; онъ вручилъ листокъ и полицейскому надзирателю; онъ же собиралъ и пожертвованія. Дамы, кромѣ денегъ, бросали на подносъ часы, серьги, кольца, золотыя цѣпи. Генералъ-губернаторъ, недоброжелательно относясь къ тогдашнему попечителю округа Пирогову, почему-то полагалъ, что все дворянство и вообще поляки, не смотря на варшавскіе манифестаціи, остаются чуждыми всѣмъ противоправительственнымъ проискамъ; что только одни учебныя заведенія, которыя красными идеями Пирогова доведены до послѣдней степени распу-

щенности, сочувствуютъ варшавянамъ и подражаютъ имъ. Вотъ почему чиновникъ волынскаго губернатора, производя слѣдствіе о панихидѣ по убитымъ, всю вину свалилъ на гимназистовъ. Это ему было и выгодно: паны хотѣли быть въ сторонѣ и не жалѣли для этого порядочныхъ кушей. Впрочемъ, чиновнику этому не вполнѣ удалось скрыть участіе пановъ въ манифестаціи, благодаря депутатамъ со стороны учебнаго вѣдомства, и онъ подвергся опалѣ.

Порча тумбъ на шоссейномъ мосту учениками.

Зима 1863 года отличалась дождями и невылазною грязью. Шли дожди, а снѣгу почти не было. Конецъ генваря и начало февраля отличались теплыми солнечными днями. Поляки узнали, что чрезъ Ровно изъ Новоградъ-Волынска (Звягля) будетъ проходить въ царство польское батарея. Съ вѣдома одного учителя, его многолюдная ученическая квартира, соединившись еще съ другими учениками охотниками, отправилась по шоссе въ лѣсъ гулять и рвать ранніе цвѣты. Проходя черезъ мостъ на 3-ей верстѣ отъ города, подлѣ лѣса, взрослые рѣшили испортить мостъ и такимъ образомъ остановить движеніе артиллеріи. Но мостъ оказалось трудно испортить. Удалось только сломать нѣсколько гнилыхъ тумбъ. Затѣмъ, возвращаясь въ городъ, одинъ изъ учениковъ подлѣ верстоваго столба произнесъ рѣчь: братья поляки! представьте себѣ, что этотъ столбъ не просто столбъ, а представляетъ собою всю Россію, всѣхъ москалей. Смерть москалямъ! долой ихъ эмблему! и, схвативъ камень, ударилъ въ столбъ. Посыпались камни, и столбъ былъ порядочно покалѣченъ. Люди, бившіе на шоссе камень, бросились къ ученикамъ. Ученики разбѣжались и удрали въ городъ. Одинъ изъ рабочихъ узналъ въ лицо 6-ть человѣкъ учениковъ. Ихъ, по распоряженію генералъ-губернатора, исключили изъ гимназіи.

---

1 мая. Экономка аптекаря[1]) разсказываетъ, что до его ареста, у него на хуторѣ, около Тыннаго, въ теченіе трехъ

[1]) См. „Кіев. Стар.“ 1892 г. № 12.

недѣль пекли ежедневно хлѣбы и куда то на повозкахъ увозили въ лѣсъ. Вчера ожидали нападенія повстанцевъ на Ровно. Крестьяне изъ Липокъ доставили экономскаго сына, у котораго, по разсказамъ однихъ, нашли въ повозкѣ пудъ съ четвертью пороху, а другіе говорятъ, что сверхъ того отыскали ружья на пять человѣкъ, что онъ спѣшилъ въ банду. Въ городѣ вчера была тревога: козаки летали по улицамъ. Въ 11 часовъ исправникъ съ козацкимъ маіоромъ въ фаэтонѣ, въ сопровожденіи 30 козаковъ, ѣздили обыскивать одного помѣщика, а послѣ въ 3 часа по полудни производили ревизію у другого помѣщика въ Омеляной. Ученикамъ взрослымъ повстанскій комитетъ, говорятъ, роздалъ деньги, чтобы они, при вступленіи въ городъ банды, присоединились къ ней. И дѣйствительно, у самыхъ бѣдныхъ учениковъ замѣчается не только серебро, но и золото. Предводитель дворянства говоритъ, что повстанцы образовали банды въ лѣсахъ уѣздовъ: житомирскаго, заславскаго, острожскаго, новоградъ-волынскаго и старо-константиновскаго. Въ житомирскомъ уѣздѣ крестьяне наловили до 140 повстанцевъ. У одного изъ нихъ сверхъ дорогого коня и оружія оказалось три тысячи рублей. И конь, и оружіе, и деньги подарены помѣщикомъ. Въ одномъ мѣстѣ крестьяне остановили фургонъ съ оружіемъ и шестью повстанцами, изъ которыхъ одинъ выстрѣломъ призвалъ банду, стоявшую недалеко. Банда окружила крестьянъ и нѣсколькимъ изъ нихъ отрубила кисти правой руки. Привезли жандармы изъ Житомира аптекаря С. и живописца княжескаго Б. для разбора на мѣстѣ ихъ дѣла. Подъѣхали прямо къ полицейскому управленію. Исправникъ поздоровался съ С., и вещи его стали было сносить съ повозки; но С. объявилъ, что желаетъ послать телеграмму губернатору, чтобы ему позволено было съ товарищами нанять помѣщеніе до окончанія ихъ дѣла, такъ какъ они не намѣрены сидѣть въ тюрьмѣ съ ворами. Исправникъ заспорилъ съ ними и въ концѣ концовъ отправилъ ихъ въ тюрьму.

Дѣвушки и дамы приготовили собственными руками, огромнѣйшій коверъ для гимназической каплицы, съ разными эм-

блемами: якорями спасенья, сломанными крестами, одноглавыми орлами и пр. Для алтаря соорудили antepedium съ польской короной и одноглавымъ бѣлымъ орломъ, внизу подпись: „pod twoie obrone panie“, и разные занавѣсы траурнаго и кроваваго цвѣта. Сегодня все это развѣсили. Собралась огромная масса народу, особенно женщинъ, на вечернее majiowe nabożenstwo, и вдругъ, отъ свѣчи загорѣлись занавѣсы и сгорѣлъ antepedium. Произошла суматоха. Пожаръ успѣли потушить. Но этотъ случай произвелъ на набожныхъ полекъ удручающее впечатлѣніе; боятся дурного исхода затѣваемаго на Волыни возстанія.

Козацкій полкъ изъ Кіева ожидался сюда къ 10 мая. У меня на квартирѣ жили ученики. Я запретилъ имъ покрывать воротники крепомъ, какъ это сдѣлали всѣ ученики гимназіи. Это озлобило другихъ учениковъ, и они въ классѣ моимъ квартирантамъ вымазали воротники чернилами. Ксендзъ именемъ революціоннаго комитета приказалъ ученикамъ, квартировавшимъ у русскихъ учителей, перемѣнить квартиры. Всѣ они или выбыли изъ гимназіи, или перешли на квартиры въ польскія семейства. Ни для кого не тайна, что въ самомъ городѣ гдѣ-то заготовлено оружіе, порохъ, пули, конфедератки и чемарки, которыя будутъ розданы по приходѣ банды въ Ровно—взрослымъ ученикамъ и всѣмъ, кто пожелаетъ вступить въ банду. Начиная съ магнатовъ и кончая бѣднѣйшимъ польскимъ семействомъ—вездѣ женщины и дѣвицы по цѣлымъ днямъ и ночамъ готовятъ корпію, бинты, значки, знамена, конфедератки. Полиція на это не обращаетъ вниманія. Сперва поляки въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ безнаказано гуляли во всевозможныхъ старопольскихъ костюмахъ, производили манифестаціонныя процессіи, служили революціонныя молебствія съ пѣніемъ возмутительныхъ гимновъ: Bozé coś polskie! и „z dymem poźarów“, собирали ofiare на возстаніе, глумились надъ русскими, плевали на поповъ, а потомъ, подъ покровительствомъ мировыхъ посредниковъ изъ пановъ, составили банды. Только тогда правительство стало принимать мѣры противъ всѣхъ этихъ

проявленій польскаго патріотизма. До того же времени, т. е. до вооруженнаго возстанія, правительства русскаго и полиціи казалось совсѣмъ не существовало въ краѣ.

---

2 мая. Поляки говорятъ, что сегодня войска дерутся съ повстанцами въ таращанскомъ уѣздѣ кіевской губерніи и въ Богуславѣ.

3-го мая. Еще три сообщника экономскаго сына изъ Липокъ доставлены крестьянами и посажены въ тюрьму. Статскій совѣтникъ Тихомировъ, чиновникъ особыхъ порученій при кіевскомъ интенданствѣ, пишетъ женѣ, что путь изъ Ровно въ Кіевъ не безопасенъ отъ повстанскихъ бандъ. Ученикъ V класса ровенской гимназіи, который нѣсколько дней тому назадъ уѣхалъ домой, схваченъ съ оружіемъ крестьянами и доставленъ въ заславскую полицію; туда же доставленъ, по слухамъ, графъ П—ій, зять князя С—ки. Жандармы встрѣтили толпу крестьянъ, сопровождавшихъ около 30 связанныхъ повстанцевъ. Соколовскій, становой приставъ изъ Межеречья, привезъ сегодня двоихъ повстанцевъ, доставленныхъ крестьянами. Предводитель дворянства, потребовалъ его къ себѣ и сказалъ, что онъ очень рискуетъ, арестуя инсургентовъ. Приставъ объяснялся, что его къ этому принуждаютъ крестьяне, которые въ случаѣ явной потачки повстанцамъ могутъ убить его самого, какъ измѣнника. Тотъ же Соколовскій передавалъ, что, по разсказамъ крестьянъ, въ глубокихъ лѣсахъ Полѣсья бродитъ нѣсколько шаекъ.

4 мая. Поляки открыто заявляютъ, что ночью ожидается въ Ровно банда повстанцевъ. Исправникъ телеграммой просилъ у губернатора двухъ ротъ пѣхоты. На весь уѣздъ только 50 козаковъ и 50 инвалидныхъ солдатъ. Поляки хвастаютъ, будто вчерашней ночью инсургенты заняли Новоградъ-Волынскій, прогнали войска и овладѣли 8-ю русскими пушками. Конечно—это ложь. Въ заславскомъ уѣздѣ мировые посредники—поляки оффиціально предписали волостнымъ старшинамъ снять повсемѣстно земскую стражу на трое сутокъ. Въ это время повстанцы безпрепятственно по два, по десятку и болѣе со всѣхъ сторонъ напра-

вились къ Славутинскимъ лѣсамъ и успѣли образовать банду въ 2000 пѣшихъ и въ 600 конныхъ вооруженныхъ людей. Эта банда ночевала въ имѣніи мирового посредника, помѣщика Л., который объ этомъ нарочнымъ увѣдомилъ сына, воспитанника V класса ровенской гимназіи, и поручилъ ему немедленно извѣстить объ этомъ предводителя дворянства, прибавляя, что банда пойдетъ на Ровно для соединенія съ другой, идущей изъ—за Горыни изъ Литвы. Л. засталъ у предводителя исправника. Послѣдній сказалъ, что, по слухамъ, въ заславскомъ уѣздѣ инсургенты вѣшаютъ становыхъ. Предводитель отвѣчалъ: не бойся, полковникъ, не вѣшаютъ, но bię w skóre!—Т. е. по рожѣ? поспѣшилъ сказать исправникъ.—Нѣтъ! продолжалъ предводитель, просто спустятъ штаны, дадутъ 200 нагаекъ, натрутъ растворомъ соли и пустятъ lajdaka на всѣ четыре стороны. Уже троихъ такъ высѣкли! „Плохи дѣла! сказалъ исправникъ и побѣжалъ въ управленіе опять телеграфировать о подкрѣпленіи. Сегодня же должно произойти нападеніе на острожское уѣздное казначейство, въ которомъ, по словамъ управляющаго акцизомъ, хранится, вслѣдствіе опасности пересылки, 886000 руб.

Вечеромъ на нишпораль въ ученической каплицѣ собрались всѣ ровенскія дамы и дѣвицы и со слезами и рыданьями пѣли молитвы. Было въ каплицѣ около десятка загорѣлыхъ чамарокъ, вѣроятно прибывшихъ изъ лѣса. Около нихъ терлись всѣ взрослые ученики. Полиція такъ струсила и растерялась, что не посмѣла ихъ арестовать. Одинъ ученикъ VI класса, изъ житомирцевъ, сынъ очень богатаго человѣка, и гувернеръ его, кандидатъ унив. св. Влад. поступили въ отрядъ заславскихъ инсургентовъ. Ученикъ V класса, исключенный за порчу моста на шоссе, въ томъ же отрядѣ. Исправникъ собралъ волостныхъ старшинъ и требовалъ, чтобы они мѣшали повстанцамъ соединяться въ банды. Если кто изъ пановъ захочетъ отлучаться изъ дому безъ его разрѣшенія, того арестовать и доставлять ему. Старшины просили оружія. Исправникъ обѣщалъ вечеромъ отпустить по 10 ружей на волость; но, узнавши, что старшинъ

подбилъ просить оружія мировой посредникъ, помѣщикъ Я—цкій, онъ оружія не отпустилъ.

По разсказамъ поляковъ, въ Кіевѣ образовалась на глазахъ Генералъ-Губернатора и полиціи огромная банда, состоящая изъ студентовъ, учениковъ и чиновниковъ поляковъ. Она безъ препятствія двумя партіями отправилась въ лѣсъ. Пѣшая партія къ рѣкѣ Ирпени, а другая, конная, бросилась по направленію къ Таращѣ. Вслѣдъ за первою посланы были на пожарныхъ телѣгахъ стрѣлки и нѣсколько драгунъ. Послѣ горячаго боя на Ирпени банда разсѣялась. Много повстанцевъ убито, ранено и взято въ плѣнъ. Другіе разбѣжались по лѣсу. Ихъ ловятъ крестьяне и привязанными къ длиннымъ шестамъ подъ карауломъ бабъ съ кочергами препровождаютъ въ Кіевъ. Конная партія тоже истреблена; предводитель ея, учитель верховой ѣзды въ университетѣ—Ольшанскій, взятъ въ плѣнъ и разстрѣлянъ. Сынки экономовъ, мелкихъ помѣщиковъ и разные панскіе оффиціалисты, старались подбить народъ къ возмущенію противъ правительства, раздавая ему золотыя грамоты, въ которыхъ обѣщалась народу, уже освобожденному отъ барщины, свобода, равенство и проч. Народъ представлялъ властямъ раздавателей грамотъ. Паны дурачили передъ возстаніемъ правительство, пугали крестьянскими мнимыми бунтами, идеею свободной Украины и предлагали безщадно сѣчь народъ и морить его военной экзекуціей. Они разсчитывали, что эти несправедливости и жестокости возстановятъ противъ правительства украинскій народъ, и онъ присоединится къ польской революціи, но горько ошиблись.

Флигель-Адьютантъ Казнаковъ настигъ 10 Мая близь селенія Линковцы заславскаго уѣзда банду повстанцевъ въ 2000 человѣкъ и разбилъ ее совершенно. Они черезъ Староконстантиновскій уѣздъ побѣжали къ австрійской границѣ. Убитыхъ на полѣ-битвы найдено 78, въ томъ числѣ 3 ксендза и предводитель банды помѣщикъ Ц—скій, въ плѣнъ взято 59 и весь повстанскій обозъ. Въ нашихъ войскахъ убито 10 стрѣлковъ и 1 казакъ; ранено 16 стрѣлковъ и 1 казакъ. Объ этомъ

въ Ровно сдѣлалось извѣстнымъ уже 11 мая посредствомъ устроенной поляками быстрой революціонной почты. Поляки упали духомъ.

12-го мая прошла черезъ Ровно въ Новоградъ-Волынскъ рота забалканскаго полка, а вечеромъ того же дня 3 сотни козацкаго полка во Владиміръ-Волынскій. Это тѣ сотни, которыя дрались подъ Линковцами. Они вели съ собою прекрасныхъ повстанскихъ лошадей, отбитыхъ у повстанцевъ. Особенно выдѣлялся тысячный бѣлый жеребецъ предводителя банды Ц—скаго. Ц—скій—помѣщикъ, маіоръ въ отставкѣ. Зимою онъ хлопоталъ объ адресѣ Государю, такомъ-же, какой былъ составленъ въ подольской губерніи, но потерпѣлъ почему то неудачу. Онъ одѣтъ былъ во время битвы въ малиновую конфедератку съ бѣлыми и черными перьями и бѣлымъ одноглавымъ орломъ. Малиновая чемерка вся зашита была золотомъ и украшалась жирными генеральскими эполетами. Черезъ плечо красовалась широкая лента Бѣлаго орла. Миропольской бандой предводительствуетъ подполковникъ генеральнаго штаба Р—цкій, адъютантомъ при немъ женщина. Въ Острожскомъ уѣздѣ по лѣсамъ бродятъ еще небольшія банды. Крестьянамъ на уѣзды роздали по 400 ружей и пикъ. Образована по деревнямъ и селеньямъ вооруженная стража и особые отряды изъ крестьянъ, которые обходятъ лѣса. Они ловятъ одиночныхъ и истребляютъ маленькія банды. Въ присутственныхъ мѣстахъ приказано употреблять русскій языкъ въ разговорѣ.

У помѣщика Л—ича повстанцы насильно вытребовали 14-ть тысячъ. Телеграфистъ Т—скій взялъ отпускъ домой, а между тѣмъ пошелъ въ Линковецкую банду и, по разбитіи ея, бѣжалъ въ Ровно и вступилъ въ свою должность. Полиція провѣдала и сегодня посадила его въ тюрьму. Изъ 28 учениковъ VII класса явилось на экзамены только восемь. Ученики высшихъ классовъ и вся служащая молодежь сейчасъ бы отправилась въ лѣсъ, еслибы ей удалось унести съ собою гдѣ-то спрятанное оружіе; но теперь это трудно сдѣлать, такъ какъ крестьяне и мѣщане зорко слѣдятъ, даже по ночамъ, за всѣми поляками, а также и козаки: пикеты ихъ всю ночь окружаютъ городъ.

Жиды натаскали изъ Варшавы массы портретовъ Костюшки, варшавскихъ повстанцевъ, убитыхъ въ сраженіи, а также торжественныхъ ихъ похоронъ; траурныхъ браслетовъ съ повстанскими эмблемами, серегъ, колецъ. Ярыя польки, въ виду преслѣдованія траура, стали носить траурныя подъ платьями юбки, подвязывать чулки траурными подвязками и даже обшивать трауромъ подолы рубахъ. Объ этомъ разсказываютъ ученики взрослые и молодежь, которыхъ польки, откровеннымъ съ ними обхожденіемъ и ласками, стараются наэлектризовать и толкнуть непремѣнно въ банды.

Послѣ разбитія главныхъ шаекъ, добровольно организовалась стража изъ крестьянъ. Въ каждомъ селеньи, въ каждой деревнѣ проѣзжающихъ обыскиваютъ. Въ сѣнокосъ и жнива караулъ держатъ бабы, вооруженныя кочергами, ухватами, цѣпами и проч. Даже дѣти караулятъ и производятъ обыски.

---

9 іюня Сегодня ѣдутъ въ Кіевъ на съѣздъ учитель словесности Солтановскій и учитель русскаго языка изъ духовнаго званія, пожилой человѣкъ Егоровъ. Почтовыя станціи по кіевскому шоссе помѣстительны и содержатся весьма опрятно. Стѣны выклеены бумажкой, мебель на пружинахъ. Смотрители—народъ вѣжливый и услужливый. Прислуга, самоваръ, свѣчи поставляются отъ казны безплатно.Около второразрядныхъ станцій устроены квартиры, а въ перворазрядныхъ имѣются царскіе покои. Лошадей даютъ безъ задержки. Лошади здоровыя и застоявшіяся, по случаю малой гоньбы, вслѣдствіе мятежа. Лошади съ мѣста просто несутъ, пока не успокоятся. Новоградъ-Волынскъ довольно красивенькій уѣздный городокъ и опрятный.

10 іюня. Житоміръ очень красивый и опрятный городъ. Мостовая хороша. Въ городѣ много зелени и здоровый воздухъ. На сколько въ уѣздныхъ городахъ строги къ траурнымъ костюмамъ, на столько въ Житомірѣ снисходительны. Траурные костюмы у дамъ попадаются на каждомъ шагу; между мужчинами есть и чамарки, и конфедератки, и штыфли. Траурная дама, встрѣтивши чиновничью кокарду или военнаго, злобно осмотритъ и затѣмъ въ сторону плюнетъ. На каждой улицѣ непремѣнно встрѣтишь или ксендза, или католическаго монаха,

или клирика. Около Житоміра рѣка Тетеревъ съ впадающею въ нее Каменкою. Берега обѣихъ рѣкъ обрывисты, каменисты поросли деревьями и отличаются дикой красотой. На Каменкѣ деревянный шоссейный мостъ, съ деревянными перилами. Онъ поднятъ ужасно высоко на устояхъ въ нѣсколько этажей, покоющихся на массѣ обдѣланнаго плитняка. Около Горбакова на рѣкѣ Горыни тоже высоко поднятъ деревянный мостъ, утвержденный на столбахъ въ нѣсколько ярусовъ. Противъ теченія подъ мостомъ устроены изъ столбовъ остроконечные углы; такіе же углы имѣются въ концахъ моста для разбитія весенняго ледохода. Въ Новоградъ-Волынскѣ шоссейный мостъ на Случина каменныхъ устояхъ съ чугунными перилами. Отъ Ровно до Корца мѣста тоже открытыя и волнистыя; шоссе поднимается съ холма на холмъ; вездѣ горизонтъ широкъ; кругомъ далеко виднѣются села, деревни и небольшія рощи. Въ Корцѣ площадь обстроена хорошими домами. Въ сторонѣ развалины замка Корецкихъ князей Берега Случи обрывисты и каменисты. За 16 верстъ передъ Новоградъ-Волынскомъ начинается сплошной лѣсъ: дубъ, береза, сосна, лѣщина, и тянется почти безъ перерыва до самаго Житоміра. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ подходитъ къ шоссе, образуя сплошную зеленую стѣну. Деревни въ лѣсу попадаются рѣдко; заѣздныхъ домовъ и корчемъ нѣтъ. Однѣ только въ лѣсу почтовыя станціи. Мѣстами лѣсъ ростетъ на мочарахъ, и подъ травой вездѣ вода. За Житоміромъ вплоть до Кіева опять лѣса или на пескѣ, или на болотахъ. Около Корыстышева опять съ обрывистыми каменистыми берегами Тетеревъ. Черезъ него въ Корыстышевѣ шоссейный мостъ съ чугунными перилами. Къ Кіеву мѣстность становится холмистой. Отъ шоссейной заставы, которая по Житомірской дорогѣ въ 25 верстахъ отъ Кіева, видѣнъ уже куполъ колокольни Кіево-Печерской Лавры.

Поляки въ Кіевѣ, послѣ разбитія банды около Ирпени, подъ Бородянкою, присмирѣли; но не теряютъ надежды на вмѣшательство Франціи, Англіи и Австріи и ведутъ свою подпольную работу. Coś to będzie! Пришло извѣстіе, что инсургенты вторглись въ Радзивиловъ изъ Австріи, и что бан-

ды показались въ Луцкомъ и Ровенскомъ уѣздахъ. Ксендзы, пани и паненки стараются поддержать падающій духъ молодежи посредствомъ разсказовъ о чудесныхъ явленіяхъ, о божественной силѣ, явно покровительствующей католикамъ. Такъ разсказываютъ, будто москали обставили кругомъ Ченстоховскій монастырь пушками, но въ одинъ прекрасный вечеръ пушки эти сами собою повернулись дулами къ Московскому лагерю. Ихъ опять направили на монастырь, а онѣ опять сами собою повернули дула на москалей. Москали струсили и оставили Ченстохово въ покоѣ. Между тѣмъ монахи остановили около стѣнъ монастыря какого то старца; думая, что это развѣдчикъ, его представили настоятелю. Но онъ на глазахъ всѣхъ исчезъ. Вдругъ на стѣнѣ монастырской въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ остановленъ старикъ, явилась икона Св. Іосифа. Въ лицѣ Іосифа всѣ узнали исчезнувшаго старика. Это онъ поворачивалъ пушки дулами противъ москалей. Другой разсказъ касался с. Мильковецъ въ заславскомъ уѣздѣ, около котораго будто-бы послѣ сраженія, крестьяне убили ксендза и зарыли въ землѣ. Онъ сталъ ихъ по ночамъ безпокоить. Священникъ посовѣтовалъ крестьянамъ пойти на могилу помолиться и покаяться въ своемъ преступленіи. Крестьяне услышали исходящій изъ могилы голосъ, который по польски сначала пѣлъ: Святый Боже! а послѣ: Matka Boska, kròlowa Polska, modlsié za nas! Pokaray Moskalow! Испуганные крестьяне опять къ священнику. Одѣвшись въ облаченіе со всѣмъ причтомъ, священникъ отправился на могилу ксендза, отслужилъ панихиду, и тогда только ксендзъ перестал являться по ночамъ крестьянамъ.

Мировой посредникъ, богатый помѣщикъ Л—ій, который снялъ по селамъ и деревнямъ караулы, чтобы дать возможность разрозненнымъ по встанцамъ соединиться и образовать банду Ц—скаго, посредствомъ подкуповъ не только успѣлъ избѣгнуть кары, но ему возвращено мѣсто мироваго посредника. Недавно онъ сталъ объѣзжать помѣщиковъ, какъ это было и до рухавки. Крестьяне это замѣтили и заподозрѣли его въ стремленіи образовать новую банду. Въ одномъ помѣщичьемъ домѣ они цѣлою тол-

пою накрыли его и потребовали объясненія: зачѣмъ онъ опять шатается по панамъ? Л—ій надѣлъ цѣпь мирового посредника и сталъ прикрикивать на крестьянъ. Тѣ приняли угрожающій видъ. Л—ій выстрѣлилъ изъ револьвера. Крестьяне моментально его смяли, связали и доставили въ Житоміръ. Теперь онъ опять подъ арестомъ

Іюнь. Подъ Радзиviловымъ убитъ воевода Волынскій—Городынскій; затѣмъ занявшій его мѣсто Семятицкій тоже убитъ. Погибъ также Чудовскій помѣщикъ, зять Дворжанскаго и родственникъ предводителя дворянства Заленскаго. Когда изъ Заслава плѣнныхъ препровождали въ Житоміръ, въ костелѣ ксендзъ служилъ напутственный молебенъ и произнесъ возмутительную проповѣдь. Квартальный потребовалъ отъ ксендза эту проповѣдь. Пани и паненки бросились на квартальнаго, избили и поцарапали его; едва удалось подоспѣвшимъ козакамъ вырвать жертву изъ рукъ разъяренныхъ фурій. Въ тотъ же день громъ ударилъ въ этотъ костелъ, и костелъ сгорѣлъ. Молодежь на улицахъ обрываетъ на дамахъ русскихъ свѣтлыя платья или обливаетъ сѣрною кислотою. Исправникъ-же съ своей стороны преслѣдуетъ на женщинахъ трауръ; но только его преслѣдованію подвергаются малозначущія личности; крупныя пани и паненки безбоязненно и безпрепятственно щеголяютъ въ траурѣ. Ровенскій уѣздъ въ военномъ отношеніи подчиненъ воинскому начальнику, полковнику Багговуту, квартирующему въ Луцкѣ. 9-аго провезли черезъ городъ въ Пермь двухъ ксендзовъ изъ Вишневца, кременецкаго уѣзда. Ксендзы завтракали въ трактирѣ. Когда они садились на повозки въ сопровожденіи двухъ чиновниковъ и двухъ казаковъ, прощавшихся съ товарищами, подошелъ къ нимъ исправникъ Г—ъ. „Пошелъ! закричалъ онъ. Ксендзы ему поклонились. „Скорѣе ихъ вонъ изъ города! кричалъ онъ. Жидовъ собралась цѣлая толпа. При приближеніи Г—а они стали расходиться.

23 іюня. Явился какой то мальчикъ и заявилъ, что въ Тучинскихъ лѣсахъ видѣлъ банду. Водили туда съ мальчикомъ роту пѣхоты; но никого не нашли.

Крестьяне не хотятъ снимать помѣщичій хлѣбъ. Исправникъ то упрашиваетъ ихъ, то грозитъ имъ плетьми. Какъ дѣйствовалъ во время мятежа этотъ исправникъ, приблизительно такъ-же дѣйствовали и всѣ прочіе исправники югозападная края. Они метались, шумѣли, доносили—и доносили всегда невѣрно; преслѣдовали самымъ грубымъ образомъ мелкоту, учениковъ и студентовъ, которые были только орудіями въ рукахъ богатыхъ пановъ и вліятельныхъ ксендзовъ. На послѣднихъ же, подготовившихъ возстаніе и старавшихся руководить имъ, смотрѣли сквозь пальцы, получая отъ нихъ подарки и даже заискивая у нихъ протекціи. Тотъ только исправникъ сидѣлъ прочно на своемъ мѣстѣ, который пользовался расположеніемъ и протекціей пановъ. Если исправникъ не умѣлъ угодить какому нибудь крупному пану—онъ летѣлъ вонъ съ должности.

Если бы съ начала варшавскихъ манифестацій, администрація югозападнаго края строго отнеслась къ панамъ и ксендзамъ, то въ этомъ краѣ, при сплошномъ русскомъ православномъ населеніи, враждебно расположенномъ къ шляхтѣ, немыслимъ былъ бы мятежъ, не было бы ни манифестацій, ни бандъ, ни безполезныхъ жертвъ и напрасной траты денегъ.

Панская прислуга пустила въ народѣ слухъ, что если Царь въ теченіе двухъ недѣль не приметъ условій, предложенныхъ ему „*Панской Радой*“, то прійдутъ французы и шведы и вмѣстѣ съ поляками пожгутъ всѣ села и деревни. Почему на всякій случай хлѣбъ слѣдуетъ складывать въ полѣ, подалѣе отъ жилыхъ строеній.

Въ Любарѣ находится этапный дворъ подъ присмотромъ офицера А—ко и 25 инвалидныхъ солдатъ. Вотъ въ мѣстечкѣ распространился слухъ, что въ него прійдутъ мятежники. Мѣщане вооружились косами, топорами, цѣпами, чѣмъ кто могъ, и вышли въ лѣсъ за мѣстечко поджидать враговъ. А—ко тоже вывелъ свою команду и принялъ на себя командованіе и мѣщанами. Прождали напрасно всю ночь и, крѣпко уставъ, ра-

зошлись на разсвѣтѣ по домамъ. А—ко отдохнулъ, пообѣдалъ и пошелъ въ гости на карты. Солдаты мирно почивали на этапномъ дворѣ. Вдругъ разнеслось зловѣщее: „идутъ! идутъ!“ Поднялась суета: жиды—запирать лавки; солдаты черезъ прудъ въ лѣсъ, а А—ко въ монастырь, а оттуда въ монашеской одежѣ драла въ Житоміръ. Инсургенты заняли его квартиру и вездѣ его разыскивали, съ цѣлью повѣсить. Три дня они стояли въ Любарѣ, занимаясь ученіемъ и набирая рекрутъ, а потомъ двинулись къ Мирополю, гдѣ и были разбиты.

Въ іюнѣ на Горыни показалась банда, человѣкъ 1500, вѣроятно, обломокъ какой-нибудь въ Литвѣ разбитой шайки. Они намѣревались перейти Горынь и утвердиться въ Домбровицѣ. Приставъ становой собралъ мужиковъ и нѣсколько нѣмцевъ колонистовъ, вооруженныхъ двустволками. Нѣмцы выкопали около переправы ямы, засѣли въ нихъ, и давай палить въ подошедшихъ повстанцевъ. Самъ приставъ съ мужиками засѣлъ подалѣе въ лѣсу и принялся бить въ полицейскій барабанъ. Инсургенты, полагаячто приближается пѣхота, отступили назадъ и вскорѣ наткнулись на летучій отрядъ, который ихъ совсѣмъ разметалъ. Всѣ ихъ повозки, оружіе и казна въ 15000 руб. досталась побѣдителямъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СУДЪ БОЖІЙ НАДЪ ЕПИСКОПОМЪ.

(ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЕГЕНДА).

Легенда, послужившая сюжетомъ настоящаго стихотворенія, относится къ событію, случившемуся въ Холмѣ въ 1624 г. Она не есть плодъ фантазіи автора, а цѣликомъ, со всѣми почти подробностями, заимствована изъ записокъ кіевскаго митрополита Петра Могилы, который съ полнымъ довѣріемъ относился къ ней, тѣмъ болѣе, что слышалъ ее изъ устъ свидѣтелей—якобы очевидцевъ событія. Въ ту эпоху крайняго религіознаго воодушевленія, охватившаго православныхъ подъ вліяніемъ борьбы за неприкосновенность народной вѣры, много сложилось подобныхъ легендъ; ихъ можно читать въ тѣхъ же запискахъ П. Могилы, въ Тератургимѣ Кальнофойскаго и во многихъ полемическихъ сочиненіяхъ того времени.

Аѳанасій Пакоста, о позорной кончинѣ котораго повѣствуется въ нашей легендѣ, епископствовалъ въ Холмѣ съ 1619 по 1624 г. Это былъ уже третій уніатскій владыка въ Холмской епархіи, потерянной православными со времени провозглашенія уніи въ 1596 г. Его предмѣстники—Діонисій Збируйскій (+1604 г.) и Арсеній Андреевскій (1604—1619) не очень ревностно заботились о распространеніи уніи; но Пакоста, ставленникъ Рутскаго, видимо старался подражать знаменитому въ то время ревнителю уніи, полоцкому архіепископу Іосафату Кунцевичу, прозванному „душехватомъ“ и убитому въ 1623 г. раздраженными его жестокостями витебскими мѣщанами. Подробныхъ свѣдѣній о Пакостѣ мы не имѣемъ; но вотъ что разсказываетъ о

немъ современникъ, безъ сомнѣнія, лично его знавшій, митрополитъ П. Могила въ упомянутыхъ запискахъ: „Онъ былъ родомъ изъ г. Вильны, гдѣ, за кражу кармазина у одного изъ виленскихъ бурмистровъ Лукаша Бандиковича, ему несомнѣнно угрожала висѣлица, еслибы не убѣжалъ къ уніатамъ и не постригся въ монашескій чинъ. Принявъ епископскій престолъ, этотъ *Пакость* жилъ соотвѣтственно своему имени: будучи человѣкомъ суровымъ и немилостивымъ, онъ воздвигъ великое гоненіе на православную церковь въ своей епархіи: вязалъ и мучилъ непокорявшихся ему священниковъ, изгонялъ ихъ изъ домовъ и имѣній, насильственно отнималъ церкви, разбивая топорами двери, и передавалъ своимъ богомерзкимъ іереямъ или же запечатывалъ ихъ и оставлялъ въ жертву запустѣнію. Однажды онъ прибылъ въ г. Красноставъ, гдѣ, сотворивъ много зла мѣщанамъ, напалъ съ отрядомъ воиновъ, съ трубами и тимпанами, на церковь каменную и, разбивъ двери, овладѣлъ ею. Оттуда пошелъ онъ къ деревянной церкви св. мученицы Параскевы, такъ же насиліемъ открылъ въ ней двери, вошелъ въ алтарь и, ставъ предъ св. престоломъ, хотѣлъ творить молитву. Вдругъ невидимая божественная сила оттолкнула его. Не смотря на это, онъ снова вошелъ въ алтарь—и снова былъ оттолкнутъ. Полагая, что это—дѣйствіе какихъ-то чародѣяній со стороны мѣщанъ, онъ, разъяренный, вошелъ и въ третій разъ;—и вдругъ божественная сила уже не просто оттолкнула отъ св. престола, но отбросила его изъ алтаря, такъ что онъ замертво упалъ передъ амвономъ, на позоръ и удивленіе всѣмъ бывшимъ тамъ. Слуги вынесли его изъ церкви, и онъ едва ожилъ, и съ того времени постигла его болѣзнь. Но, какъ Фараонъ, при видѣ чудесъ Божьихъ, еще болѣе ожесточалъ сердце свое и злобился на Его народъ, такъ и этотъ, будучи наказанъ Богомъ, не очувствовался, но еще съ большею злобою преслѣдовалъ церковь Божью и православныхъ христіанъ; а та церковь была запечатана. Много зла причинилъ онъ святымъ Божьимъ іереямъ, православнымъ инокамъ и бѣльцамъ, узами, побоями и темничнымъ заключеніемъ принуждая ихъ къ уніи. Къ инымъ же злобамъ и свирѣпствамъ немилостивой мучительской души своей и

суроваго сердца присоединилъ онъ, при кончинѣ окаяннаго житія своего, и такой ужасный поступокъ. Находясь въ послѣднемъ недугѣ, онъ, по совѣту чародѣевъ, повелѣлъ зарѣзать передъ собою повара своего, молодого юношу, по имени.... [1]) (такъ что брызгнувшая изъ него кровь окропила его) и сердце его, еще бившееся, вырвать и испечь, которое онъ и съѣлъ, какъ звѣрь. Ибо такъ сказали ему волшебники: „если ты теплою человѣческою кровью окропишься и сердце человѣческое съѣшь—здоровъ будешь“. Но ложное ихъ было обѣщаніе, ибо черезъ три или четыре дня послѣдовала кончина его, лютая и жестокая, сообразная его жизни: когда онъ извергалъ скверную и немилосердную душу свою, то бѣсы страшно и безжалостно съ насиліемъ оторвали невидимо хульную его голову отъ нечистаго и богомерзкаго тѣла, и всѣ предстоящіе видѣли, какъ она отъ тѣла и съ одра упала, въ удивленіе имъ и обличеніе ихъ беззаконнаго отступничества. По истинѣ, смерть грѣшниковъ люта! Обо всемъ этомъ повѣдали намъ слуги его (Пакосты) и многіе другіе, очевидцы событія, а больше всѣхъ—Стефанъ Иляковскій (родной братъ Елисея инока, протопсалта лавры Печерской Кіевской), служившій у окаяннаго того отступника домовымъ отрокомъ; онъ находился при немъ до его издыханія и все это видѣлъ своими глазами и повѣдалъ намъ. А мы записали это для того, чтобы вѣдали всѣ православные, каковъ плодъ вѣроотступничества“... *(Архивъ югозап. Россіи, часть I, томъ 7, стр. 114—116).*

Сличивъ эту выписку съ помѣщаемымъ стихотвореніемъ, читатели сами могутъ судить о томъ, на сколько удалось автору старание передать не только фабулу, но и тотъ простодушный тонъ, какимъ проникнута эта легенда въ передачѣ знаменитаго южнорусскаго пастыря.

Ред.

---

[1]) Въ собственноручныхъ запискахъ П. Могилы (подлинникъ коихъ хранится въ библіотекѣ Кіево-Софійскаго собора) въ этомъ мѣстѣ оставленъ пропускъ для внесенія, по наведеніи справокъ, имени зарѣзаннаго юноши.

Ужъ три дня, какъ въ Холмѣ, будто въ мрачной тюрьмѣ,
Все уныло, въ тревогѣ, въ смятеньи.
Тихо въ рынкѣ, въ домахъ, лишь въ костелахъ, въ церквахъ
Раздается молебное пѣнье.
Что жъ смутило былой холмскихъ гражданъ покой?
Не чума-ли грозитъ имъ бѣдою?
Иль опять козаки собираютъ полки,
Чтобъ на Польшу ударить съ Ордою?
Слуховъ нѣтъ о чумѣ, да и время къ зимѣ,
Козаки же въ далекой стоянкѣ;
Съ королемъ друженъ ханъ,—а смутилъ горожанъ
Дивный случай въ епископскомъ замкѣ.
Въ замкѣ томъ на горѣ, на роскошномъ одрѣ
Изнываетъ и корчится съ крикомъ
Пастырь съ волчьей душой, ихъ мучитель лихой,
Отщепенецъ ихъ вѣры—владыка.
Ужъ прошло много лѣтъ, какъ покоя имъ нѣтъ
Отъ несытыхъ волковъ уніатскихъ;
Лишены они всѣхъ христіанскихъ утѣхъ
И живутъ какъ въ цѣпяхъ мусульманскихъ.
Двухъ владыкъ уже Богъ пережить имъ помогъ;
Хоть пришлось претерпѣть отъ ихъ злости,
Но такого волка адъ родитъ лишь въ вѣка,
Какъ послѣдній владыка Пакоста.
Былъ онъ родомъ русинъ и, какъ бѣдности сынъ,
Въ братской школѣ пригрѣтъ и воспитанъ;
Но бѣжалъ отъ петли изъ родной онъ земли
И предался отцамъ езуитамъ.
И отъ нихъ перенявъ злой, лукавый ихъ нравъ
И коварства и злобы науку,
Былъ въ саккосъ облеченъ и въ Холмѣ водворенъ,
Православнымъ на гибель и муку.
Онъ душой пламенѣлъ и того лишь хотѣлъ,
Чтобъ Русинъ сталъ Ляху въ вѣрѣ братомъ,
И таковъ былъ успѣхъ его замысловъ тѣхъ,
Что прозвали его „душехватомъ“.

Онъ ходилъ какъ Гирей среди паствы своей,
Полонъ злобы и замысловъ чорныхъ;
Все разилъ изувѣръ и, какъ бѣшеный звѣрь,
Онъ терзалъ и душилъ непокорныхъ.
И казалось, что зло надъ добромъ верхъ взяло:
Кто былъ чтителемъ вѣры и чести—
Всѣ томились въ цѣпяхъ иль скрывались въ лѣсахъ.
Но ужъ близокъ былъ часъ Божьей мести.
—„Я потрясъ до корней схизму въ паствѣ моей,—
Такъ Пакоста писалъ езуитамъ,—
Но клянусь, я не дамъ передышки врагамъ,
Пока всѣ не пристанутъ къ унитамъ!“
И пришелъ въ Красноставъ и, нежданно заставъ
Здѣсь ревнителей отческой вѣры,
Онъ съ отрядомъ солдатъ, какъ лихой супостатъ,
Топорами разбилъ въ церковь двери.
Но едва лишь въ алтарь онъ вступилъ, какъ ударъ
Ощутилъ отъ руки онъ незримой....
Вздрогнулъ онъ; но не страхъ отразился въ очахъ,
А лишь отблескъ злобы нестерпимой.
Весь прещеньемъ дыша, торопясь и спѣша,
Онъ стремится проникнуть къ святынѣ;
Но Господь вышнихъ силъ во мгновенье смирилъ
Дерзновенный порывъ злой гордыни.
Лишь безумецъ ступилъ два шага отъ перилъ,
Какъ, при общемъ нѣмомъ изумленьи,
Вдругъ отброшенъ былъ онъ далеко за амвонъ
И упалъ, какъ мертвецъ, безъ движенья.
Его вынесли въ дворъ; отуманенъ былъ взоръ,
Но чрезъ часъ возвратилось сознанье:
Знать, Господь не хотѣлъ, чтобы духъ отлетѣлъ
У безумнаго безъ покаянья.
Что жъ случилось? Когда миновала бѣда,
То владыка въ слѣпомъ изувѣрствѣ
Обвинилъ цѣлый станъ Красноставскихъ мѣщанъ
Въ преступленіи зломъ—чародѣйствѣ.

Лишь покорность и мзда ихъ спасли отъ суда;
А тотъ храмъ, гдѣ свершилося чудо,
Навсегда затворенъ и въ пустырь обращенъ,
Пока станетъ онъ камней лишь грудой.

Не стерпѣлъ наконецъ правосудный Творецъ
Такихъ наглыхъ надъ правдой глумленій—
И владыка-злодѣй сталъ добычей скорбей
И неслыханныхъ лютыхъ мученій.

Поразилъ его вдругъ неисцѣльный недугъ:
Тѣло вздулось зловонной корою,
Какъ въ огнѣ онъ пылалъ и покоя не зналъ
Ни дневной, ни ночною порою.

О, какъ страшно вопилъ, выбиваясь изъ силъ,
Какъ терзался средь адскихъ мученій!
И какъ клялъ онъ тотъ часъ, когда жизнь въ немъ зажглась,
И какъ жаждалъ ея прекращенья!...

Но не шла смерть на зовъ; сами жъ жизни оковъ
Ужъ не въ силахъ разбить его руки.
И ни жертвы друзей, ни старанье врачей
Не могли облегчить его муки.

Мало пользы принесъ и тотъ врачъ, что привезъ
Папскій нунцій съ собой изъ Варшавы:
—„Медицинѣ не въ мочь чѣмъ-нибудь здѣсь помочь,—
Противъ Бога ничто наши травы“.

—„Гдѣ наука молчитъ, тамъ молитва живитъ!“—
Такъ рѣшилъ арцибискупъ Познанскій,—
И онъ постъ заказалъ и къ молитвѣ призвалъ
Свою паству и клиръ христіанскій.

И въ процессіяхъ шли, и святыни несли
Францискане, ксендзы, кармелиты,
И униты—чернцы и мірскіе отцы,
А усерднѣе всѣхъ—езуиты.

И гремѣлъ мрачно хоръ, какъ духовный соборъ
Зачиналъ тотъ припѣвъ литаніи:
„Творче неба, земли! Ты молитвѣ внемли:
Пусть живетъ онъ для блага уніи!...“

Ужъ молитвенный пылъ догорѣлъ—и остылъ,
А больному все нѣтъ облегченья....
И созрѣло во тьмѣ въ изступленномъ умѣ
Безразсудное, злое рѣшенье.
—„Не далъ помощи Богъ, сонмъ врачей не помогъ,—
Не пора ли воззвать къ Асмодею?
Мнѣ ужъ выбора нѣтъ! Въ глазахъ меркнетъ ужъ свѣтъ
Гей, зовите ко мнѣ чародѣя"!...
Поскакали гонцы во всѣ царства концы,
Чтобъ исполнить приказъ господина,
И чрезъ нѣсколько дней изъ далекихъ степей
Привезли чародѣя литвина.
Онъ всю ночь колдовалъ: духовъ тьмы вызывалъ,
Наблюдалъ тѣлъ небесныхъ движенье,
Воскъ топилъ и свинецъ—и изрекъ наконецъ
Онъ больному такое рѣшенье:
—„О владыка, не вѣрь, что гнѣвъ Божій повергъ
Тебя въ бездну несчастій и муки:
Нѣтъ, въ недугахъ твоихъ и въ характерѣ ихъ
Узнаю я преступныя руки.
„Злой колдунъ тутъ ходилъ, мертвымъ жиромъ кропилъ...
Чтобъ разрушить тѣ чары волшебства
И тебя исцѣлить, къ жизни вновь возвратить—
Есть одно только вѣрное средство:
„Ты младенца зарѣжь, его сердце ты съѣшь
И невинною теплою кровью
Свои раны омой, злыя язвы напой,—
И вернется къ тебѣ вновь здоровье"...
Что сказалъ чародѣй, то владыка—злодѣй
Не задумался выполнить смѣло,—
И лишь палъ мракъ ночной, какъ въ тиши замковой
Совершилось ужасное дѣло...
И напившись живой дѣтской крови, больной
Вдругъ уснулъ, хоть спокойный, но блѣдный.
То впервые онъ спалъ съ той поры, какъ страдалъ,
Но то былъ его сонъ и послѣдній.

Ночью взвыла гроза; какъ въ огнѣ небеса;
Буря съ громомъ сильнѣй все ярится.
За окномъ ревъ и вой, будто призраковъ рой,
Чуя пищу, проникнуть стремится.
Ужъ владыка не спитъ—въ изступленьи вопитъ,
Задыхаясь, дрожа и синѣя.
Клиръ съ свѣчами стоитъ и молитвы творитъ...
Глядь—владыка сталъ угля чернѣе...
Вдругъ раздался ударъ; замокъ весь задрожалъ;
Вмигъ разбиты всѣ окна, какъ градомъ.
Бурный вихрь ворвался, страшный визгъ раздался,
И въ минуту все стало здѣсь адомъ...
Что тамъ было—про то не повѣдалъ никто:
Страхъ сковалъ всѣмъ и очи и уши,—
И никто не видалъ, какъ владыка отдалъ
Сатанѣ свою грѣшную душу...
И когда свѣтъ зажгли—трупъ безглавый нашли,
Голова же была средь помоста...
Такъ погибъ злой тиранъ, бичъ убогихъ мѣщанъ,
Уніатскій владыка Пакоста.

N.

Частная переписка Григорія Андреевича Полетики.

(1750—1784 г.).

Въ другомъ мѣстѣ [1]) мы сообщили подробныя свѣдѣнія о происхожденіи Полетикъ и о дѣятельности одного изъ нихъ— Григорія Андреевича (р. 1725+1784), человѣка очень извѣстнаго въ свое время, какъ любовью къ просвѣщенію, такъ и своею „патріотическою горячностью". Но для лучшаго пониманія печатаемыхъ нынѣ писемъ припомнимъ и здѣсь главныя обстоятельства изъ жизни П—ки. Онъ былъ сынъ, жившаго въ Ромнѣ бунчук. товарища Андрея Полетики (р. 1682+1773) и учился въ кіевской академіи, по выходѣ изъ которой, поступилъ переводчикомъ сначала, въ 1746 г., въ академію наукъ, а потомъ, черезъ два года, въ 1748 г., въ синодъ; отсюда Григорій Андр—чъ въ 1764 г. былъ назначенъ инспекторомъ морскаго корпуса и, пробывъ на этой должности девять лѣтъ, въ 1773 г. вышелъ въ отставку, по болѣзни. Въ 1767 г., во время службы его въ морскомъ корпусѣ, Григорій Андр—чъ былъ выбранъ отъ шляхетства лубенскаго полка депутатомъ въ комиссію сочиненія новаго уложенія. Женатъ былъ П—ка на дочери отст. генер. судьи Ивана Андр—ча Гамалѣи, за которою получилъ въ приданое богатыя имѣнія около Погара (Юдиновъ и Чеховку). Женины имѣнія да свое (въ с. Коровинцахъ, роменск. у.) сдѣлали Гр. Андр—ча однимъ изъ богатѣйшихъ малороссійскихъ помѣщиковъ: въ 1780 г. за нимъ числилось около 3000 крест. об. п.—Умеръ Григорій Андр—чъ П—ка въ 1784 г., въ Петер-

[1]) Кіевск. Старина 1891 г., № 4, „Отрывки изъ семейнаго архива Полетикъ".

бургѣ, куда поѣхалъ въ это время ради веденія двухъ его процессовъ, одного—съ братомъ Степаномъ, за отцовское наслѣдство, а другое—съ братьями Мих. и Вас. Корсаками, за Гамалѣевскія имѣнія. Похороненъ П—ка въ Александроневской лаврѣ.

Въ сохранившейся перепискѣ Григорія Андр—ча главное мѣсто, по количеству писемъ, занимаютъ его письма къ женѣ, въ которыхъ, на первомъ планѣ, мы видимъ заботы хозяина объ улучшеніи разныхъ сторонъ сельскаго хозяйства, въ его обширныхъ имѣніяхъ; ревностно заботясь объ увеличеніи доходовъ съ этихъ имѣній, Григорій Андр—чъ въ тоже время стремился устроить сельскую свою обстановку по всѣмъ требованіямъ тогдашней цивилизаціи, съ потребностями которой онъ освоился, конечно, во время двадцатипятилѣтней своей жизни въ Петербургѣ. Для знакомства съ сельской жизнью богатаго малороссійского помѣщика к. XVIII в., письма Григорія П—ки представляютъ цѣнный и пока единственный матеріалъ. Имѣютъ значеніе въ этихъ письмахъ и свѣдѣнія о первоначальномъ обученіи дѣтей Гр—ія Андр—ча, при чемъ особаго вниманія заслуживаютъ письма его къ сыновьямъ, когда тѣ учились уже внѣ дома. Другихъ писемъ Гр. И.П—ки, писанныхъ къ роднымъ и пріятелямъ, мы нашли очень мало, такъ какъ эти письма могли попасть въ его архивъ лишь случайно. Писемъ, писанныхъ къ Григорію Андр—чу П—кѣ сохранилось немного, хотя, какъ видно, онъ велъ переписку довольно обширную; слѣдуетъ думать, что переписка эта растеряна уже послѣ смерти Григорія Андр—ча. Вѣроятно растеряны и *всѣ* письма его жены, которая, какъ видно ниже, вела дѣятельную переписку съ мужемъ, когда послѣдній находился напр. въ Петербургѣ. Среди писемъ писанныхъ къ Григорію Андр—чу, наиболѣе содержательными представляются письма его братьевъ, рисующія намъ степень, образованія и семейныя отношенія людей средняго достатка въ старой Малороссіи втор. пол. XVIII в. Изъ писемъ же постороннихъ лицъ, наибольшимъ интересомъ отличаются письма двоюроднаго брата Григорія Андр—ча, Григорія Ивановича Полетики, который, проживъ цѣлые годы въ Вѣнѣ (занимая должность совѣтника тамошняго посольства), представляетъ намъ собою

рѣдкій изъ тогдашняго времени портретъ—малоросса-европейца. Вообще, печатаемыя здѣсь письма близко знакомятъ насъ съ частною обстановкою и интересами малорусскаго общества второй половины, XVIII в.

Почти всѣ письма печатаются съ подлинниковъ; но есть нѣкоторыя, сохранившіяся только въ копіяхъ, что̀ и указано при нихъ; письма, неимѣющія такихъ указаній, напечатаны съ подлинниковъ.—Сдѣланныя къ письмамъ подстрочныя поясненія—принадлежатъ намъ.

Въ приложеніяхъ помѣщаемъ духовное завѣщаніе Григорія Андр—ча и нѣсколько писемъ, писанныхъ хотя и не къ Григорію Андр—чу, но касающихся или его или его близкихъ. Всѣ печатаемыя письма находятся въ собраніи В. В. Тарновскаго

8 февраля, 1893 г. **Ал. Лазаревскій.**

I. Письма Григорія Андреевича Полетики.

1) Къ дядѣ Павлу Ласкевичу, изъ Петербурга, 1750 г., 11 марта [1]).

Государь мой дядя Павелъ Семеновичъ! Въ удоволстіе требованія вашего, на присланное отъ васъ комнѣ писмо, симъ отвѣтствую: показанная отъ насъ за село Коровинцы сумма такъ праведна, какъ объявленную вами въ покупкѣ Радченковой части тисячу осмисотную сумму не мои, но родные ваши сестры и шурья неправедною и излишною быти утверждаютъ. Справки

[1]) Настоящее письмо есть отвѣтъ на письмо П. С. Ласкевича, писанное къ Гр. А. Полетикѣ, въ Петербургъ, 1750 г., мая (марта?) 9 д., которое здѣсь и приводимъ: „Государь мой племянникъ Григорій Андреевичъ. Вы, мой государь, при раздѣлѣ села общого нашего Коровинецъ, обявили, что вами денегъ, страпаючи, здержано тисячу семъ сотъ рублевъ, а понеже я, здѣсь будучи, справился во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ было должно таковые деньги потерять, что ни послѣдному канцеляристу ничего не дали; а въ лучшихъ Григорій Савичъ мнѣ сказалъ, что онъ во всѣхъ господъ о вышеписанномъ селѣ стряпалъ и каковы ему отъ господъ милостивые слова говорены, вы тѣ въ Малой Россіи говорили, что то вами дѣйствовалось; мы же зъ братомъ моимъ паномъ Петромъ и росписалисъ выше обявленную вами суму уплатить, а нынѣ повидимому платить вить не доводится; васъ покорно прошу ко мнѣ на сіе мое писаніе отвѣтъ здѣлать и приложить при томъ реестръ— кому что и сколько дадено, дабы я могъ съ вашимъ родителемъ безъ всякого спору

ваши о издержанной отъ насъ суммѣ очень неисправны, для того что я не думаю, чтобъ кто съ вами въ такъ глубокой кредитъ войшолъ, чтобъ онъ обявлялъ вамъ все то, что онъ отъ кого получитъ. Что до болшихъ господъ касается, отъ троихъ до четырехъ персонъ, то подлинно, что я Григорію Савичу много одолженъ въ томъ, что онъ, по своей дружбѣ, ихъ обо мнѣ просилъ и онъ то одинъ такой у меня проситель былъ, который по одной толко дружбѣ, хотя уже поздо, однакъ съ ползою, свое стараніе употребилъ; не не имѣлъ же я и прежде кромѣ его знатныхъ о мнѣ просителей, которыхъ къ тому чѣмъ нибудь склонить было надобно. Въ томъ же вы очень ошибаетесь, будто я милостивыя слова, отъ нѣкоторыхъ господъ Григорію Савичу сказиванныя, себѣ приписивалъ, ибо я ничего того предъ вами не говорилъ, чего самъ не слихалъ, то что я вамъ оніе обявилъ, вы въ томъ меня винить не можете; повѣрте, что я еще лгать и обманивать не научился, развѣ кто будучи въ своей совѣсти подозрѣнъ, и про людей то же думаетъ. Вамъ толко не писавъ этого писма, прежде было подумать надлежало, чѣмъ вы уже насъ удоволствовали, или вы обявленную отъ насъ сумму изъ своего кармана выложили? Вѣдаете ли вы, что и то самое, чемъ вы наградить насъ за трудъ и коштъ нашъ одолжились, есть то, что мы жъ сами, тѣми жъ трудомъ и коштомъ, достали нашимъ, да и то (о чемъ знать вы упомнѣли) состоитъ нынѣ подъ арестомъ. Вмѣсто требуемаго вами реестра, все вышеписанное служить вамъ можетъ; впрочемъ ежели вы немиролюбные свои затѣйки исполнять намѣрены, въ томъ вамъ дается воля; вы можете себѣ причитать за обиду то, отъ чего вамъ воспослѣдовала польза, а конецъ

въ Малой Россіи роздѣлатся, ибо я вамъ обявляю, что въ моей обидѣ бить челомъ не оставлю. Остаюсь васъ моего государя вѣрній слуга и дядко Павелъ Ласкевичъ". (*Съ копіи*). Дѣло шло о тѣхъ издержкахъ, которыя понесены были Полетиками на веденіе процесса съ Полуботками за с. Коровинцы. П. С. Ласкевичъ былъ сынъ роменскаго сотника Семена Ласченка, у котораго былъ братъ Иванъ, на старшей дочери котораго Аннѣ былъ женатъ Андрей Полетика,. отецъ Григорія Андреевича. См. Кіевск. Стар. 1891 г., январь, 187—188.

дѣло похвалитъ. Я желаю, чтобъ Богъ во всѣхъ справедливыхъ вашихъ начинаніахъ вамъ помоглъ и остаюсь васъ государя моего охотный слуга и племянникъ Г. Полетика. (*Съ копіи*).

2) Къ брату Степану Андреевичу, изъ Глухова, 1754 г., 18 марта.

Государъ мой братецъ Стефанъ Андреевичъ. Я уже совсѣмъ отсюду отправился и по милости пана обозного, [1]) у котораго я вчерашней день съ многими другими, для именинъ графа Алексѣя Григоріевича приглашенными, персонами обѣдалъ и милостиво принятъ былъ), получилъ подорожную на почтовые лошади, а севодни, съ крайнею нетерпѣливостью и скукою, дожидаюсь отъ васъ по коммиссіи нѣжинской писма, которого ежели еще севодни, неполучу, то незнаю что и дѣлать, а дорога чрезъмѣрно нортится. Кромѣ вышепомянутого господина, былъ я еще у господъ Якубовича [2]), Оболонского [3]), Высоцкого [4]) и Дергуна, и отъ всѣхъ благосклонно принятъ; съ паномъ Оболонскимъ и Высоцкимъ говорилъ я по дѣлу съ Ласкевичами, о части Радченковой, они оба такого мнѣнія, что надлѣжитъ имъ не прежде отъ батюшки получить денги, покамѣстъ съ нею не роздѣлаются; а если де, ежели они смирится не захотятъ, не можно ли склонить какъ чтобъ она свой имъ напасъ переказала (передала) и взять отъ нея вѣдомость, что она отъ нихъ и въ какой цѣнѣ получила, что думаю вамъ, ежели къ тому доходитъ будетъ черезъ Буячку или Остапа Можневскаго, учинить нетрудно, посовѣтовавшись еще какъ бы лучше съ правными людми; и сей послѣдній совѣтъ есть одного пана Оболонского. Сани также теперь весма бъ способно переслани быть могли, и п. Дергунъ обѣщался, однакъ и онѣ еще до сихъ поръ не прислани. Изъ здѣшних вѣдомостей со-

---

[1]) Повидимому, разумѣется Иванъ Петровичъ Кулябка, который послѣ лубенскаго обозничества, назначенъ былъ въ 1757 г. лубенскимъ полковникомъ.

[2]) Яковъ Демьян., генер. есаулъ.

[3]) Демьянъ Вас., генер. судья.

[4]) Писарь генер. суда.

общаю, что Валкевичъ [1]) Высоцкого публично въ судѣ обезчестилъ и изъ кантори вигналъ, зато что онъ жаловался на нево гетману, а тѣмъ себѣ и своимъ единомышленнимъ много помогъ; онъ послѣ тово случая силно занемогъ и уже къ смерти изготовленъ. Преосвященний киевский уже совсѣмъ опредѣленъ въ Новгородъ, о чемъ нарочний съ указомъ изъ Синода на сихъ дняхъ въ Киевъ пробѣжалъ. Я, ежели сево дни отъ васъ писма не получу, то незнаю отважусь ли третій день онаго дожидатся, а въ такомъ случаѣ стану просить пана Симоновского, чтобъ писмо переслалъ ко мнѣ чрезъ надежную оказізію, и васъ бы о томъ увѣдомилъ, а впротчемъ при желании моемъ всякого благополучія и благодаря за всякую вашу любовь, остаюсь вашъ государя моего братца веедоброжелательный и вѣрный братъ Г. Полетика.

P. S. Сей день присланъ ордеръ гетманскій о бытіи Почекѣ [2]) нѣжинскимъ пысаремъ, а какому то Тарасевичу асауломъ. Диво мнѣ Дергунъ сказалъ, будто сказовалъ ему, здѣсь будучи, Антонъ Стефановичъ [3]), что онъ съ вами не видался и писма отъ васъ не получалъ и сожалѣлъ де, что вы ему, нескоро, а нужное де писмо сообщили; и сани жъ уже говорятъ присланы, а ко мнѣ никакого извѣстия нѣтъ. (*Съ копіи*).

3) Къ брату Степану Андреевичу, изъ Глухова, 1754 года, 19 марта.

Государъ мой братецъ Степанъ Андреевичъ. Я сей часъ, къ великому удоволствию моему, получилъ отъ васъ писмо съ векселемъ и радуюсь, что оно меня здѣсь застало, ибо уже совсѣмъ уклался и за лошадми послалъ. Ежели въ наставленіи Залцера не написанно, чтобъ вамъ декоктъ пить вмѣсто ординарново питья, то вамъ можно между тѣмъ и самую чистую, толко безъ вина, пить воду; ежели жъ написано вмѣсто ординарново питья, какъ мнѣ помнится, употреблять, то уже и

[1]) Петръ Вас., генер. есаулъ.

[2]) Яковъ Максимовичъ, изъ полк. есауловъ.

[3]) Крыжановскій, въ это время сотникъ елинскій, а потомъ—полковникъ гадяцкій.

спрашивать нѣчево, изволте употреблять по предписанию декоктъ, чрезъ привичку отъ часу пріятнѣе становится будетъ, а хотя би и непріятенъ билъ, то снести надобно, нежели неснесши, все испортить. По доношеніямъ, которие отъ васъ присланы будутъ, я радъ старатся, толко надобно знать чрезъ кого ихъ подать. Вы ничего не пишете о томъ предприняль ли Крижановский что нибудь въ вашу ползу; онъ недавно предъ симъ отправилъ въ Москву Балацкого, сказуютъ, будто съ тѣмъ, чтобъ ему быть нѣжинскимъ пысаремъ, а я болше думаю, чтобъ ему быть на свѣтовомъ [1]) мѣстѣ; а северни едетъ другой ево человѣкъ, съ которимъ Дергунъ и сани троицкие послать хочетъ. Напишите ко мнѣ къ кому надежнѣе всѣхъ писма пересилать можно; я думаю не къ нему ли и когда такъ, то пишите къ нему съ прозбою. Я забилъ къ вамъ по дѣлу Радченковой написать тово, что мнѣ бунчучний сказалъ, а именно: ежели де вы ее склоните на свою сторону, то можетъ она вамъ писмо дать въ такой силѣ, что она, вѣдая вашу здѣлку о уплатѣ пополамъ ее части, а не получивши оной отъ Ласкевичевъ, уступаетъ вамъ, то на нихъ доправитъ, а зато де можетъ она съ васъ весма малую или не такъ великую взять сумму; а ежели бъ то Ласкевичи согласились на то, чтобъ отъ батюшки взять до 500 рублевъ и ее бъ вмѣстѣ умитиговать, хотя бъ придавши ей и довгополовскій грунтъ, то бъ то еще и тово лучше; толко тово крѣпко наблюдать надобно, чтобъ они ее не подговорили подать мировую, что она уже отъ нихъ всѣ денги приняла; однако и въ такомъ случаѣ можно отъ нея и отъ нихъ потребовать реестра подъ присягою. Прошу васъ, государя моего братца, какъ возможно постаратся о скорой пересилкѣ денегъ, тулуповъ и пшена, которые двѣ послѣдние вищи можете и чрезъ дядю Матвѣя передать, а другие и ускорѣе, и при надежнѣйшей окказии перешлите. Я вчера успѣлъ еще и къ батюшкѣ написать писмо, которое ви, вичитавши и запечатавъ, отошлите. Высоцкій на меня весма важные въ его дѣлѣ наложилъ коммиссіи и обязалъ себя зато вамъ

[1]) Свѣтъ былъ, кажется, ропенскій священникъ.

и всему дому нашему всею возможностью служить, и для того я вамъ у него, а особливо у пана бунчучного, совѣта просить въ чемъ надобно будетъ совѣтую; съ Крижановскимъ, можно видѣть, онъ и самъ не отрицаетъ мира, толко зато досадуетъ, что онъ де хочетъ, чтобъ я къ нему, а не онъ ко мнѣ пришолъ; ему бъ де можно чрезъ кого нѣбудь тѣхъ средствъ употребить, чтобъ со мною сойтись. Я дожидаясь ежели Богъ дастъ на мои писма уже въ Москвѣ отъ васъ скораго отвѣта, поручаю себя искренной вашей любви и остаюсь вашъ вседоброжелательный братъ и вѣрний слуга, Г. Полетика.

PS. Я на первый разъ писма мои можетъ быть перешлю къ Ошевскому или Симоновскому, о чемъ я ихъ просилъ, а впредь, коли ви разсудите, къ Дергуну переслать можно будетъ. Пожалуй, любезний братецъ, постарайся о хорошихъ тулупцахъ. (*Съ копіи*).

4) *Къ брату Андрею Андреевичу, изъ Петербурга, 1761 г., 12 іюня.*

Государь мой братецъ Андрей Андреевичъ. Посылаемые при семъ чрезъ господина Воротеляка два большія пакета книгъ и писмо къ кіевобратскому архимандриту, пожалуйте, какъ возможно поскорѣе, въ Кіевъ отошлите, толко съ вѣрнымъ ѣздокомъ. Я вамъ писмо, къ батюшкѣ писанное, подъ открытою печатью посылаю, чтобъ вы прочитавши оное, уразумѣли какъ трудно здѣсь апелляцію противъ неизвѣстнаго рѣшенія подавать, а вы не могли приложить піеаранія, чтобъ всякими образы достать оное, однако, когда и по полученіи сего достать можетѣ, старайтесь всячески, какъ найскорѣе сюда прислать, ибо я можетъ быть и весь іюль здѣсь проживу и слѣдовательно могу успѣть подать апелляцію. Ежели вы въ Глуховѣ, то писма, приложенныя при семъ, отошлите въ домъ припечатавъ батюшкино. Я впротчемъ есмь вашъ вседоброжелательный братъ Г. Полетика.

5) *Къ брату Степану Андреевичу, изъ Петербурга, 1768 г., 27 іюля.*

Государь мой братецъ Стефанъ Андреевичъ. Іюня отъ 7 дня, писанное ко мнѣ письмо ваше получилъ я; весма раду-

юсь, что вы ваши мнѣнія въ разсужденіи братьевъ, перемѣнили и желаю сердечно, чтобъ онія и впредъ непремѣнними остались; естли искъ не начнется о селѣ Коровинцахъ, то я могу у всѣхъ купить тѣ земли, которія съ моими смѣжни будутъ, когда окончится роздѣлъ оними, при которомъ обѣщаетъ, по моей вѣрующей, быть Петръ Афанасіевичъ [1]), а сверхъ того естли ему невозможно будеть при ономъ быть, посилаю другую вѣрующую къ Василию Василиевичу Янджулю и уповаю, что за мною остановки въ томъ не будеть; естли жъ зачнется искъ, то не толко мнѣ тамъ ничто ненадобно, но и вамъ совѣтую искать полезныхъ средствъ какъ би оттуду убратся. Впротчемъ есмь съ истиннимъ усердіемъ вашъ государя, моего братца вседоброжелателный братъ и слуга Г. Полетика. (*Съ копіи*).

б) Къ брату Степану Андреевичу, изъ Петербурга, 1768 г., 28 декабря.

Государь мой братецъ Стефанъ Андреевичъ. На писмо ваше, писанное ко мнѣ отъ 30 сентября, симъ отвѣтствую: вѣрующое писмо о роздѣлѣ между нами коровинскихъ угодій отправилъ я къ управителю моему еще въ прошедшемъ августѣ мѣсяцѣ, и просилъ его, чтобъ оній роздѣлъ, когда всѣ соучастники согласятся, еще нынѣшнею осенью окончанъ былъ, что когда не воспослѣдуетъ, то прошу васъ сдѣлать такія учрежденія, чтобъ дѣло сіе будущею весною непремѣнно окончено было, а безъ того степу у васъ покупать я сомнителенъ, тѣмъ болше, что незнаю ни мѣри онаго, ни того—будетъ ли оный смѣженъ съ моимъ степомъ, безъ чего онъ мнѣ будетъ служить больше къ затрудненію, нежели къ пользѣ; сверхъ сего и означенная оному вами цѣна 2000 рублей кажется бить гораздо немала, когда люди, да и ви сами, за такую или и за меншую цѣну, деревны съ угодіями покупаете; однако въ цѣнѣ могли бы ми сойтись, естли би вышеписанни два пункта о мѣрѣ и смѣжности оного очищени были. Я, естли намъ походъ въ Москву не

---

[1]) Шкляревичъ, отецъ котораго, сотникъ хмѣловскій, былъ женатъ на сестрѣ Григорія Андр—ча, Ульянѣ.

будетъ сказанъ, намѣренъ дома побивать сею зимою, въ будущемъ генварѣ или февралѣ мѣсяцѣ; естли жъ будетъ намъ походъ въ Москву, то инако бить не могу какъ весною и при свиданьи моемъ съ вами можемъ положить о семъ конечное рѣшеніе. Головкину [1]) жъ продавать безъ роздѣлу, мнѣ кажется, вамъ и намъ, и ему самому, будетъ небезсомнително. Впрочемъ объявляю вамъ, что сего ноября 5 д. даровалъ мнѣ Богъ сына которій, по имени прадѣда своего, названъ Павломъ. Наконецъ есмь съ истиннымъ усердіемъ вашъ государя моего братца веедоброжелателный братъ и слуга Г. Полетика (*Съ копіи*).

7) Къ брату Степану Андреевичу, изъ Петербурга, 1769 г., 20 августа.

Государь мой братецъ Стефанъ Андреевичъ. Я прежде увѣдомился о вашей отставкѣ [2]) и возвращеніи изъ похода, нежели получилъ письмо ваше отъ 6 мая, изъ онаго ко мнѣ писанное, которое я сегодни получилъ; сего же дня при случившейся оказіи на оное отвѣтствую: вы знаете, что я и на прежнія ваши письма отъ покупкы коровинского степу не отказивался, такимъ же образомъ не отказываюсь и теперь, но ви много ошибаетесь, естли думаете, что я достовѣрно знаю цѣну оному, тѣмъ болѣе цѣну отъ васъ положенную и требуемую, ибо вамъ доволно извѣстно, что я никогда не толко коровинского степу не мѣралъ, но порядочно и необъѣзжалъ, а хотя бы то и другое было, то однако все еще отгадать немогу, сколько онаго на вашу часть достанется, и въ смѣжныхъ ли съ моимъ степомъ мѣстахъ, и весь ли ви оній безъ остатку продаете, или и для себе что нибудь оставляете; и для того васъ, государя братца, чрезъ сіе прошу пообождать съ продажею сего степу до будущого лѣта, которимъ, я, естли все будетъ у васъ спокойно, намѣренъ просить отпуску вдомъ на полгода; и тогда во всемъ какъ надлежитъ сойдемся, а между тѣмъ, когда вамъ необходимая нужда есть въ денгахъ, для отдачѣ батюшки, то

---

[1]) Владѣльцу сосѣдняго съ Коровинцами м. Константинова.

[2]) Отъ константиновскаго сотничества.

пишу я къ женѣ, чтобъ она взявши взайми у Ивана Михайловича Скоропадскаго 1000 р., вамъ оную взайми жъ на годъ дала съ процентами указними, которія платимъ мы ему сами. Я уповаю, что вы сею, чинимою вамъ отъ меня вигодою, доволни будете и возьимѣете терпѣніе съ продажею степу поудержатся до того времени, пока мнѣ самому способно такъ же и вигодно будеть оній осмотрѣть, а не наудачу у васъ купить; естли жъ вы самъ моимъ предложеніемъ не будете довольни, то изволте поступать какъ хотите, дѣлить степу мнѣ кажется хотябы я и тамъ былъ, невозможно безъ брата Андрея, а можетъ быть и изъ другихъ наслѣдниковъ кто нибудь въ походѣ, а на будущее лѣто, уповаю, всѣ будете дома. Желая вамъ всякого благополучія и покойного въ отставкѣ житья, есмь съ истиннимъ усердіемъ вашъ государя моего братца вседоброжелателній братъ и слуга Г. Полетика. (*Съ копіи*).

8) Къ женѣ, изъ Петербурга, 1772 г. 22 октября.

Матушка, душа моя, Елена Івановна. Объявляю вамъ, что я въ С.-Петербургъ пріѣхалъ прошедшаго мѣсяца 20 числа, и давно бы уже къ вамъ отписалъ, но по почтѣ писать опасалъся, чтобъ писмо не пропало, а нарочныхъ ѣздоковъ не было; наши же люди еще только на сихъ дняхъ пріѣхали, и понеже при нихъ была одна лишняя лошадь, то я прикупивши четвертую лошадь и принявши вновь человѣка, отправляю онаго къ вамъ вмѣстѣ съ людьми Василія Андрѣевича, съ домашними припасами, а именно посылаю: 1 полбочку англискаго пива, которое когда привезено будетъ, дайте ему выстояться недѣли двѣ, а между тѣмъ велите сколько есть англискихъ бутылокъ собрать и перемыть неразъ, чтобъ онѣ никакими другими напитками не пахли, а ежели своихъ бутылокъ нестанетъ, то прикупить въ Погарѣ или въ Почепѣ, и переливъ, покласть ихъ въ погребу не пересыпая пѣскомъ, ибо пиво крѣпкое и онѣ въ пѣску болше будутъ лопаться. 2) Сахару два пуда тридцать семь фунтовъ, въ десяти головахъ. 3) Кофи полпуда, которую я взялъ только на пробу и естьли оная вамъ понравится, то напишите, такъ я болше съ собою привезу. 4) Пробокъ бархатныхъ для ан-

глискаго пива триста въ кулкѣ и вниxъ положены два пробошника, а пятьсотъ простыхъ пробокь разсыпаны въ боченкѣ. 5) Сутуги фунтъ для завязки бутылокъ. 6) Два бочонка осмушечныхъ съ селдями. 7) Бочонокъ миноговъ. 8) Бочонокъ соленныхъ лимоновъ. Что все получивши, желаю вамъ во здравіе употреблять, а человѣка сего, который оныя привезетъ, оставьте при себѣ, въ какой хочете должности, ибо онъ съ тѣмъ и приставалъ, чтобъ остаться у насъ въ службѣ. Онъ лубенскаго полку козачій сынъ, и называется Ѳедоръ Коноваловъ. Ещежъ васъ увѣдомляю, что я о своей отставкѣ подалъ уже челобитну, которая отъ Ивана Логиновича на сей недѣли представлена будетъ въ адмиралтейскую коллегію, а оттуду государынѣ, и я надѣюсь на Бога, что по первомъ зимнемъ пути отсюду отправлюсь, когда отъ государыни выйдетъ на докладъ обо мнѣ резолюція, а когда нѣтъ, то надобно дожидаться. Нѣмецъ, каналія, надѣлавши мнѣ какъ въ дорогѣ, такъ и здѣсь, превеликихъ пакостей и досалъ, напослѣдокъ отошолъ отъ меня, да и я его охотно отпустилъ, чтобъ болше съ нимъ не мучиться, а остался при своихъ людяхъ, изъ которыхъ Лозовскаго и въ науку отдавать нѣлзя, потому что онъ около меня ходитъ. Я надумалъ писать къ вамъ и требовать отъ васъ совѣта о нижеслѣдующемъ: мнѣ кажется, не худобы намъ набрать изъ юдиновскихъ и чеховскихъ малчиковъ, сверхъ имѣющихся при мнѣ, еще человѣкъ шесть или семь, чтобъ отдать ихъ здѣсь въ разныя для дому нужныя художества, и ежели вы будете одного со мною мнѣнія, то скоро выпадетъ первая дорога, то наберите ихъ, несмотря ни на какія отцовъ и матерей ихъ отговорки, и пришлите ихъ сюда съ Дуриндою, на своихъ лошадяхъ, трехъ или четырехъ по одиночкѣ или попарно, давши имъ съѣстныхъ припасовъ столько, чтобъ стало на всю дорогу, ибо на дорогѣ все дорого; а карантины слышно всѣ скоро снимутся, то велите въ билетѣ написать, что они отправляются ко мнѣ съ съѣстными припасами, а другихъ никакихъ вещей при себѣ не имѣютъ; ибо съ припасами невелѣно карантиновъ держать. Я бы сихъ малчиковъ отдалъ при себѣ по мастерамъ и съ ними бы контракты заключилъ, а при отъѣздѣ оставилъ бы также въ

наукѣ Лозовскаго и Ильюшку, а Дуринду и Савку съ собою взялъ, а впрочемъ нѣлзя будетъ здѣсь Лозовскаго оставить. Только при Дуриндѣ отправте еще одного или двухъ изъ мужичковъ, чтобы могли на своихъ лошадяхъ накупленныя мною здѣсь вещи везти. Я сихъ малчиковъ, когда вы ихъ пришлете, намѣренъ въ смотреніе поручить никому другому, какъ Смирному, и для того пожалуйте, матушка, для заохочиванія его къ сему, пришлите ему съ тѣми жъ людьми, изъ домашнихъ припасовъ, масла, ветчины, крупокъ мѣлкихъ и еще чего вы вздумаете, изъ хорошихъ и здѣсь нужныхъ вещей. О малчикахъ я здѣсь спрашивалъ Лозовскаго и Ильюшку, они мнѣ насказали человѣкъ до десятка, а вы изъ тѣхъ выберите, которыхъ лучшихъ человѣкъ семь, изъ которыхъ намѣренъ я отдать одного въ портные, другаго въ сапожники, третіяго въ столари, четвертаго въ кузнецы, пятаго въ сѣделники, шестаго въ каретники, седмаго въ живописцы. Естьли жъ вамъ ихъ теперь, какъ весьма въ удобное время, невозможно будетъ отправить, то развѣ уже отправимъ послѣ моего пріѣзду. Я здѣсь уже кое какія для дому вещи искупилъ, а другія дѣлать заказалъ, въ томъ числѣ купилъ для васъ не токмо одну, но и двѣ хорошія кареты, и вѣрно вамъ докажу того, что обѣщалъ. Также купилъ для васъ на платья; вмѣсто отласу, гренитуру весма хорошаго и самаго моднаго, и уповаю, что вы имъ довольны будете. Естьли дастъ Богъ, что я отсюду съ милостію отпущенъ буду, то я вамъ еще и не то намѣренъ привезти. Я въ великой скукѣ и сомнѣніи нахожусь, что не имѣю отъ васъ писемъ. Пишите Бога ради почаще о своемъ и о дѣтскомъ здоровьѣ, также—что увасъ дѣлается и по домашней економіи, а особливо, прошу васъ, сдѣлайте лучшее о дѣтяхъ учрежденіе по прежнимъ моимъ писмамъ, а между тѣмъ и я буду здѣсъ стараться о порядочной женщинѣ, которая бъ годиласъ для домашняго правленія. Я намѣренъ додѣлать серебряную столовую посуду и для того пришлите мнѣ сюда одну конфетную ложку и одни вилки и напишите, сколько у насъ конфетныхъ вилокъ и сколько ложекъ. Впрочемъ желая вамъ отъ сердца въ скорости и въ добромъ здоровьѣ видѣть, а дѣтей благословляя, есмь вашъ вѣрный другъ и мужъ Г. Полетика.

P. S. Присылается присемъ тридцать бутылокъ англискихъ.—Записка о малчикахъ при семъ посылается, да поскорѣе пожалуйте присылайте мѣру покоямъ, чтобъ я зналъ, сколько ихъ купить.

9. Къ женѣ, изъ Петербурга, 1777 г., 16 января.

Матушка, душа моя, Елена Івановна. Объявляю вамъ, что я съ товарищемъ своимъ приѣхалъ въ С.-Петербургъ сего генваря 2 дня и, съ самаго приѣзду, занемогши поносомъ, немогъ изъ дому выѣзжать чрезъ пять дней, а теперь, слава Богу, обмогшись, объѣхалъ, хотя не всѣхъ еще нужныхъ людей, и только что успѣлъ подать челобитну по дѣлу съ Корсаками, а по дѣлу съ Степаномъ[1]) еще ничего не подавалъ, въ ожиданіи Ласкевича, который вслѣдъ за нами ѣхать хотѣлъ, но и до сихъ поръ еще не бывалъ. Повѣрьте, душенка, что я не менше бы съ Степаномъ, какъ и съ ними проклятыми соучастниками[2]), хотѣлъ раздѣлаться, столко они мнѣ по дѣламъ пакости и остановки дѣлаютъ своими безсовѣстными поступками и нерадѣніемъ въ дѣлахъ. Я вамъ ничего больше о дѣлахъ и о моей здѣсь бытности сказать не могу, ибо еще и самъ незнаю, а буду пространнѣе къ вамъ писать чрезъ людей нашихъ, какъ назадъ поѣдутъ. Между тѣмъ прошу васъ писать ко мнѣ почаще о своемъ и о дѣтскомъ здоровьѣ, и домашнемъ поведеніи, а Данилу Осиповичу[3]) рекомендовать, чтобъ почаще прочитывалъ оставленныя мною ему о домашнихъ исправленіяхъ записки и по онымъ старался все возможное исправлять; а особливо, чтобъ старался о винокуреніи, о продажѣ вина, когда подряду не сдѣлается, о доправкѣ съ людей долговъ, и о покупкѣ на будущій годъ хлѣба. Естьли въ погарской ярмонкѣ не купленъ елементарь[4]) для Ванюши, то велите інспектору написать въ Кіевъ, къ кому нибудь изъ своихъ пріятелей, и, давъ денги, отправте хотя нарочнаго, чтобъ тамъ

---

[1]) Братомъ.

[2]) Соучастниками въ коровинскомъ имѣніи, Ласкевичами и друг.

[3]) Управляющему.

[4]) Азбука.

куплены были два елементаря и двѣ грамматики, тоесть для Ванюши и для Павлуши, а можетъ быть сей же посланный могъ бы намъ привезти и два антала венгерскаго вина, получивъ оное отъ брата Ивана Андрѣевича; ибо братъ Григорій Ивановичъ [1]) пишетъ ко мнѣ изъ Вѣны, что оное вино куплено и отправлено къ Ивану Андрѣевичу, въ Васильковъ, съ тѣмъ, чтобъ онъ намъ оное доставилъ; и для того лучше бы всего отправить для сего дѣла въ Кіевъ Грицка Малярчука на парѣ лошадей, и велѣть ему оное вино бережно и окутавши везть, а когда привезетъ, то осмотрѣть полны ли анталы и поставить ихъ въ погребу, до моего пріѣзду, только боюсь я, чтобъ сіе вино не взяло худаго духу отъ другихъ напитковъ, а особливо отъ квасовъ. Вы напишите отъ себе писмо къ Ивану Андрѣевичу, а я отсюду другое писать буду. Впрочемъ, желая сей годъ болше съ вами нежели здѣсь, препроводить и увидѣть васъ скоро въ добромъ здоровьѣ, а дѣтей благословляя, есмь вашъ вѣрный другъ и мужъ Г. Полетика.

P.S. Писма ваши можете вы написавъ на почтовой бумагѣ съ вѣсовыми денгами, отправлять въ Глуговъ, къ секретарю суда генералнаго Василію Петровичу Кондратіеву, для пересылки ко мнѣ, только будте осторожны, что въ нихъ писать.

10) Къ управляющему, изъ Петербурга, 1777 г., 6 февраля.

Государь мой Данило Осиповичъ. Писмо ваше, отправленное съ людьми нашими, получилъ я, содержаніе котораго въ томъ наиболѣе меня смутило, что Езерскій отказывается по три кадки въ сутки выкуривать вина, ставя мнѣ въ вину, что я котлы и трубы велѣлъ передѣлать. Въ первыхъ, не должно бы ему, каналіи, о томъ разсуждать, что господинъ для собственной пользы дѣлать вздумаетъ, ибо весма бы то глупо и чудно было, естьли бы мы хозяйство наше по мыслямъ прика, щика, а не по своимъ вели; второе, что и котлы не уповаючтобъ были менше, а хотя бы малымъ чемъ и менше, то сему, какъ сказывалъ мнѣ Потурай, въ заторѣ пособить можно, разводя работу немножко погуще, да то бѣда, что ни онъ, ни вы,

[1]) Двоюродный братъ. См. ниже его письма.

ни у Потурая, ни у другихъ, о семъ не спрашиваетесь и несовѣтуетесь, какъ бы сему пособить. Мнѣ ето удивително, какъ у другихъ людей одинъ такій, какъ нашъ, да еще и меншій котелъ, выдаетъ по кадкѣ въ день, а у насъ шесть котловъ немогутъ выдать трехъ кадокъ. Мнѣ кажется, не диковинка бы доѣхать въ Погаръ и тамъ въ другихъ, а особливо въ Лашкевичевой, винокурняхъ справится, по скольку кадокъ выдаютъ его котлы, которые гораздо менше нашихъ, а только съ такими шапками и трубами, да и самъ Езерскій, когда курилъ на трехъ котлахъ, то тогда въ два наклада входила у него работа въ котлы, а когда сталъ курить на шесть котловъ, тогда уже и не входитъ. И для того вы всѣ способы извѣдавъ, употребите пожалуйте всего вашого старанія, чтобъ по три кадки въ день выкуривалось. Посидите сами нѣсколько дней въ Волотынѣ [1]), не дайте имъ досыпать ночей и по пустому расхаживать по винокурнѣ, и лежать, и высыпатся послѣ обѣда, а доведите до того, чтобъ по нашему, а не по ихъ было. Горѣлка, что дешево продается, что жъ дѣлать; вы и свою, примѣняясь къ другимъ продавцамъ, а особливо обтовымъ, по той же цѣнѣ продавайте, да отпускайте, въ Николаевку [2]) не худую, гдѣ она скорѣе сходить можетъ. Я по взятымъ мною здѣсь справкамъ знаю уже, что Ѳедоръ въ поѣздку свою въ Кременчукъ не могъ подрядится на поставку вина въ казну, ибо говорятъ, что въ новороссійской губерніи государевыхъ отдаточныхъ дворовъ нѣтъ, а отдается винная торговля совсѣмъ откупщикамъ; и такъ, увѣдомъте меня поскорѣе, не подрядилъся ли онъ съ откупщикомъ какимъ, или съ другимъ партикулярнымъ человѣкомъ, на винную поставку, или не были ли у васъ покупщики изъ великороссійскихъ городовъ по оставленнымъ мною, ѣдучи по калужской дорогѣ, въ городахъ запискамъ. Хлѣбъ покупать весма бы хорошо потому, что отвсюду слышно, что онъ дешево продается, да то бѣда какъ у васъ денегъ не будетъ;. однако покупайте столько сколько денегъ станетъ, а между тѣмъ старайтесь, сколько можно, и изъ укра-

---

[1]) Хуторъ, гдѣ находилась винокурня.

[2]) Деревня въ Курской губ.

инскихъ деревень перевезть въ Юдиновъ и перевесть оный на литовскій хлѣбъ [1]). Естьли бы можно недорого достать подводъ и денги бы на заплату ихъ были, то не худо бы сотню какую или болше четвертей ржи перевезть и на наемныхъ подводахъ. Столарямъ, естьли юдиновской работы не станетъ, велите дѣлать николаевскую, взявъ къ нимъ и Никиту, а именно рамы на окошки и ставни, карнизы потолочные противъ юдиновскихъ, пояски и плинтусы къ панелямъ; однако на сіи двѣ вещи надобно взять образецъ у архітектора, который онъ и дать обѣщалъся, за чемъ такъ какъ и за другими нужными образцами, какъ то на оставшіеся еще придѣлки къ присѣнкамъ и прочему, можете и нарочно послать Мишку въ Почепъ. Только приказуйте столарямъ, чтобъ они все помѣрѣ николаевскихъ покоевъ дѣлали, и не можно ли, чтобъ карнизы, пояски и плинтусы по мѣрѣ каждаго покоя были сцѣлные, а по нуждѣ уже штукованіе. Пояски и плинтусы я для того велю дѣлать, что вы можетъ быть помните, что тамъ вмѣсто деревяныхъ панелей будутъ холстяные. Лошадей велите пожалуйте конюхамъ проѣзживать и приобучать ихъ, чтобъ они всякими манѣрами въ повозкахъ ходили. Я сіе для того вамъ пишу, что присланные сюда лошади великую мнѣ пакость строятъ въ ѣздѣ. Приложенное писмо къ Енгельгарту [2]) доложите Еленѣ Ивановнѣ, чтобъ отослала или сама отвезла, и когда его нѣтъ въ Березовкѣ, чтобъ сказала женѣ, чтобъ она прочитавъ его, отослала съ нарочнымъ въ Смоленскъ. Впрочемъ есмь вашъ, государя моего, доброжелательный слуга Г. Полетика.

PS. Писмо сіе все прочитайте Еленѣ Ивановнѣ.

11) *Къ женѣ, изъ Петербурга, 1777 г., 6 февраля.*

Матушка, душа моя, Елена Івановна. Въ тотъ самый день, какъ я отпустилъ первое мое къ вамъ писмо, тоесть 17 числа

---

[1]) Т. е. украинскій (изъ степныхъ мѣстъ) хлѣбъ промѣнять на стародубскій, который для винокуренія представляется болѣе выгоднымъ, какъ полученный съ песчаной земли, а не съ чернозему.

[2]) Андрей Богдановичъ Э—тъ былъ женатъ на Ефросиньѣ Гавриловнѣ Витковичъ и получилъ за нею въ придансе въ стародубск. у. с. Березовку и друг. деревни.

сего мѣсяца, пріѣхали сюда люди, и привезли писмо ваше, которымъ я много былъ обрадованъ, узнавъ изъ онаго, что вы и дѣти наши здоровы, какія вѣсти и впредь отъ васъ почаще получать желаю. О себѣ же объявляю вамъ, что я негораздо здоровъ, воздухъ здѣшній и другія обстоятельства не весма мнѣ благопріятствуютъ, а особливо, что почти всякій день долженъ я выѣзжать со двора, и умножать насморкъ и боль головы, которыми я непрестанно мучусь. Дѣла жъ наши вотъ какъ идутъ: до пріѣзду моего сюда, Левандовскій[1]) выправилъ указы изъ Сената, чтобъ дѣла наши съ Степаномъ сюда присланы были на разсмотреніе; но съ тѣми указами отправилъ нарочнаго не прежде, какъ чрезъ двѣ или полтретьи недѣли послѣ моему пріѣзду, и такъ дѣла оныя не прежде могутъ быть присланы, какъ на масляницѣ или на первой недѣли великаго поста, а я между тѣмъ съ пріѣхавшимъ уже сюда Ласкевичемъ, на сихъ дняхъ, подадимъ челобитну, чтобъ Сенатъ тѣхъ дѣлъ не перерѣшивалъ, но утвердилъ бы приговоры полюбовнаго суда; и естьли Богъ намъ поможетъ, что сія челобитна принята и резоны наши уважены будутъ, то я бы надѣялъся, что мы чрезъ великій постъ съ сими дѣлами управимъся, и къ вамъ скоро послѣ свѣтлаго праздника отсюду отправимъся; естъли жъ инако дѣла поведутъ, тоесть по рестру, то мнѣ также конца ихъ дождаться здѣсь невозможно будетъ, но приготовивши екстракты къ слушанію и подписавши, долженъ буду отсюду уѣхать и пріѣхать въ такое время, какъ пора ихъ будетъ слушать. И такъ, хотя однимъ или другимъ образомъ дѣла пойдутъ, все мнѣ хочетъся какъ можно поскорѣе къ вамъ вырваться; однако все сіе зависѣть будетъ отъ воли Божіей и обстоятельства дѣлъ. Дѣло съ Корсаками тоже сомнѣваюсь, чтобъ скоро рѣшено быть могло, и уже напередъ меня увѣряютъ, что оно не можетъ инако дойти къ слушанію, какъ по реестру; а сіе сдѣлается развѣ года въ два или въ три. Другую пару нашихъ лошадей намѣренъ былъ я чрезъ нѣсколько день послѣ

---

[1]) Оберъ-секретарь сената Михаилъ Левандовскій—зять Степана Андреевича Полетики.

пріѣзду отсюду отправить, но мужикъ одинъ ѣхать не смѣетъ, а ѣздоковъ такихъ, съ кѣмъ бы его отправить нѣтъ, почему я принужденъ былъ обѣ пары здѣсь оставить, и на одной самъ ѣзжу, а на другой ѣздитъ Николай Николаевичъ, и ихъ кормитъ, а на масляницѣ или на первой недѣлѣ великаго поста намѣренъ для своихъ покупокъ нанять извощика и вмѣстѣ съ нашимъ мужикомъ отправить; и сія есть причина, что посылки къ вамъ нескоро еще привезены будутъ. Удивително мнѣ, что непотребный человѣкъ и лѣнивецъ Алексѣй Езерскій отговаривается выкуривать въ сутки по три кадки горѣлки, потому что работа не вся въ котлы входитъ, а когда онъ на три только котла курилъ, то работа въ два наклада въ тѣ котлы входила, то есть въ шесть котловъ, а теперь когда прибавлено такихъ же и еще болшихъ котловъ три, то уже въ шесть котловъ не входитъ. Но о семъ, чтобъ не затруднять васъ, пишу я пространнѣе къ управителю. Какъ можно, душенка, постарайтесь призапастись хлѣбомъ подъ нынѣшнюю дешевизну на будущій годъ. Впрочемъ желая васъ скоро и въ добромъ здоровьѣ видѣть, благословляя дѣтей, а сестрыцѣ Аграфенѣ Григорьевнѣ и другимъ ея братцамъ и сестрицамъ кланяясь, есмь вашъ вѣрный другъ и мужъ Г. Полетика.

P. S. Братъ Михайло Івановичъ [1]) по пріѣздѣ моемъ сюда, просилъ меня, чтобъ я о его дѣлѣ, гдѣ надлежитъ, поговорилъ и попросилъ; сіе я съ охотою и исполнилъ, ибо первый разъ, какъ я пошолъ къ Петру Васильевичу Заводовскому, не говоря ни слова о своихъ дѣлахъ, столько говорилъ и изъяснялъ его дѣло, что онъ самъ того учинить былъ бы не въ состояніи и сіе мнѣ тѣмъ лучше сдѣлать удалось, что весь сей разговоръ былъ въ присутствіи бывшаго тамъ же генералъ-маіора Черепова, который тому можетъ быть свидѣтелемъ. Тожъ самое учинилъ я у генерала рекетъмейстера Маслова. Но Михайло Ивановичъ тѣмъ еще былъ недоволенъ: онъ вздумалъ, чтобъ я, оставивши мои собственныя дѣла, бѣгалъ вездѣ и просилъ о его дѣлахъ, понуждая меня къ тому сперва словами, а потомъ и

---

[1]) Гамалѣя—братъ жены Гр. А. П—ки.

писмомъ, изъясняя въ ономъ, что я ищу мертваго, оставя живое, и устращивая, что Леонъ Череповъ хочетъ нашею Николаевкою также дѣлиться, какъ и его деревнями. Я ему хотя и не отказывалъ въ моемъ стараніи, однако говорилъ ему, что сіе долженъ я дѣлать при хорошемъ случаѣ, когда мнѣ у Заводовскаго и у другихъ быть случится. За сіе изволилъ онъ осердиться, и уже недѣли съ двѣ у меня не бываетъ, а когда вчера я послалъ его звать съ собою во дворецъ и на обѣдъ, то онъ отказалъся. Я въ вечеру самъ къ нему заѣхалъ, но онъ меня принялъ весма холодно, и первую вѣсть мнѣ сказалъ, что жена его къ нему пишетъ, что Череповъ похваляется на Николаевку. Я ему въ отвѣтъ сказалъ, что я Черепова не боюсь, и когда онъ коснется къ Николаевкѣ, то бить велю, потому что она въ дѣлежъ не принадлежитъ, будучи поселена на дачахъ Лухтовскихъ, купленныхъ дѣдомъ вашимъ Анненковымъ. Потомъ сталъ было ему говорить о дѣлѣ, но онъ мнѣ съ грубостью отвѣчалъ, что онъ меня по своему дѣлу безпокоить не хочетъ, и что у меня своихъ дѣлъ много, а онъ уже и самъ по своему дѣлу просилъ, и когда я его спросилъ, на какомъ оно основаніи находится, то онъ мнѣ несказалъ. Хотя его безумный гнѣвъ и устращиванія вовсе не страшны, однако прикажите Ѳедору, чтобъ онъ о семъ обстоятелно развѣдалъ, и въ случаѣ, что Череповъ вздумаетъ съ отказомъ приѣхать и въ нашу деревню, чтобъ онъ къ тому всѣми силами не допустилъ и отказщика съ будущими при немъ прогналъ, о чемъ я и самъ къ нему пишу и приказую.

12) Къ женѣ, изъ Петербурга, 1777 г., 20 февраля.

Матушка, душа моя, Елена Івановна. Третіе уже писмо я къ вамъ отсюду пишу, а отъ васъ еще не получилъ ни одного, а я васъ просилъ, чтобъ вы ко мнѣ почаще писали и увѣдомляли меня, какъ о своемъ и дѣтскомъ здоровье, такъ и о домашней економіи, и писма бы ваши пересылали въ Глуховъ генералнаго суда къ секретарю Василію Петровичу Кондратіеву, для отсылки ко мнѣ. Пожалуй, душенка, пишите ко мнѣ почаще, по крайнѣй мѣрѣ раза два въ мѣсяцъ, и въ тѣхъ писмахъ про-

писывайте, какія вы мои писма и коего мѣсяца и числа писанныя, получили. Я васъ о себѣ увѣдомляю, что живу здѣсь въ великой скукѣ и печали, и при худомъ здоровьѣ, на которое однако не смотря, ѣзжу вездѣ по господамъ и нужнымъ мнѣ людямъ, и прошу ихъ не такъ о томъ, чтобъ они дѣла на нашу сторону рѣшили, какъ о томъ, чтобъ насъ не проволочили и рѣшили скоро. Со всѣмъ тѣмъ и рѣшить еще нѣчего, потому что до сихъ поръ дѣла не присланы, и Левандовскій стороною обнадеживаетъ меня долгою по онымъ волокитою. Что Богъ дастъ, то и будетъ. Наступающій великій постъ все окажетъ. Естьли я увижу, что дѣла пойдутъ въ проволочку, то я и самъ нимало здѣсь медлѣть не буду, а по сочиненіи екстрактовъ заразъ поѣду, естьли жъ пойдутъ на ладъ, то должно будетъ мнѣ конца ихъ дождаться. Но какъ бы то ни было, все мнѣ до свѣтлаго праздника отсюду выѣхать нѣлзя будетъ. Вчерашняго дня получилъ я чрезъ почту отъ Ѳедора Бартоша [1]) писмо, въ которомъ пишетъ онъ, что по обоимъ моимъ коммиссіямъ, то-есть о подрядѣ вина и о покупкѣ грунтовъ, ничего онъ не успѣлъ; и для того я, какъ самъ къ нему пишу, такъ и васъ прошу приказать ему, чтобъ онъ, удостовѣрившись заподлинно отъ Стороженка, продаетъ ли онъ или нѣтъ, въ случаѣ непродажи, не пропуская марта мѣсяца, отвезъ бы денги къ Скоропадскому, по оставленной мною у него запискѣ. Пишетъ также, что горѣлка вездѣ дешево продается, и для того и вы, смотря по другимъ продавцамъ, съ своею не дорожитесь; въ присланной отъ васъ Мишкиною рукою писанной запискѣ, не написано, естьли въ остаткѣ что нибудь изъ тѣхъ обоевъ голубыхъ, которыми обивали переднюю, и для того отпишите ко мнѣ о семъ, а сверхъ сего, прикажите ему, чтобъ онъ, вымѣрявши порядочно вдоль и вширь столики и угольники мраморныя, записалъ, и ту записку ко мнѣ перешлите; ибо сіе надобно, чтобъ порядочно подъ нихъ сдѣланы были ножки. Еще жъ, душенка, провѣдайте искусным образомъ чрезъ Лобысевичевъ или ихъ женъ, зачемъ до сихъ поръ ни одинъ изъ

---

[1]) Управляющій степными имѣніями Гр. А. П—ки.

Корсаковъ сюда не ѣдетъ, и повѣреннаго не присылаютъ?—не обнадежены ли они кѣмъ нибудь, что дѣло и безъ ихъ приѣзду сюда сдѣлается, и о семъ, какъ можно, поскорѣе меня увѣдомьте, и при отсылкѣ вашего писма напишите или велите написать Данилу Осиповичу къ секретарю Кондратіеву, чтобъ онъ то писмо немедлѣнно чрезъ почту, или чрезъ вѣрную оказію, ко мнѣ переслалъ. На сей неделѣ отправлю я къ вамъ и своего мужика съ покупками. Впрочемъ желая васъ въ добромъ здоровьѣ и скоро видѣть, дѣтей благословляя, а сестрѣ Аграфенѣ Григорьевнѣ кланяясь, есмь вашъ вѣрный другъ Г. Полетика.

13) Къ женѣ, изъ Петербурга, 1777 г., 1 мая.

Матушка, душа моя, Елена Івановна! Вчерашняго дня получилъ я отъ васъ два писма въ одномъ ковертѣ, да отъ Данила Осиповича два жъ писма, отъ 3 и 6 числъ апрѣля мѣсяца писанныя, да отъ Ѳедора чрезъ ту же почту получилъ я два жъ писма. Не упуская времени, заразъ, какъ на ваши, такъ и на управителскія писма симъ однимъ писмомъ отвѣтствую, для избѣжанія лишнихъ издержекъ на почтѣ, да и вы прикажите управителю, чтобъ онъ впредь писалъ свои писма на почтовой, а не на простой бумагѣ, и особливыхъ бы ковертовъ не дѣлалъ, а клалъ бы ихъ въ вашъ ковертъ, подъ одну печать. Что вы свои писма отправили въ ковертѣ къ Василію Александровичу Шарапову, весма хорошо вы то сдѣлали, да и впредь то дѣлайте; ибо таковымъ образомъ оныя вѣрно и надежно ко мнѣ доходить могутъ, и не пропадутъ, хотя бы и послѣ моего отъѣзду получены были. Что вы еще сколько нибудь съ дѣтьми здоровы, тому весма радуюсь и благодарю Бога, а самъ я нахожусь между болѣзнію и здоровьемъ на серединѣ, и на сихъ дняхъ хочу пускать кровь и лѣчиться; ибо боль бока моего отчасу умножается, и лѣкари по оной доходятъ, что у меня зарождается или уже и есть камень, противъ котораго хотятъ меня полѣчить. Что вы вещи посланныя отсюду получили въ цѣлости, я тѣмъ, такъ какъ и хозяйскими вашими учрежденіями, весма доволенъ, а особливо, что вы налили на лягирь (?)

венгерскаго вина французское вино, а пиво англиское пора было уже, душенка, давно перелить, но видно, что остановка была за неимѣніемъ бутылокъ; итакъ, естьли оное и до полученія сего писма не будетъ перелито, за сею жъ причиною, то я бы совѣтовалъ вамъ съ бочкою зарыть его въ ледъ, естьли еще стараго для вашего расходу на нѣкоторое время станетъ, а когда соберется столько бутылокъ, то тогда бы и перелить; бочки вамъ закажу сдѣлать, да и въ прочемъ, естьли что для васъ и для дому надобно, пишите ко мнѣ завременно. Не хочете ли, такъ я вамъ привезу чепчикъ, въ который натыкаютъ столько перья, сколько въ гранодерскія шапки, а иныя и совсѣмъ уже чепчиковъ не носятъ, а одни только перья; однако жъ сего другія, которыя постепеннѣе, женщины не дѣлаютъ. Многія уже не носятъ въ ушахъ серегъ, а бриліянтами своими украшаютъ свои башмаки, которые называютъ *подь сюда и посмотри*, а прочихъ бѣшенствъ не могу вамъ и пересказать, какъ потому что мерзюсь ими, такъ и потому что объ нихъ весма мало любопытствую. О горѣлкѣ нетужите и въ продажу ниже 60 копѣекъ, и то развѣ по нуждѣ въ денгахъ, и естьли кто много вдругъ возметъ, не продавайте: ибо здѣсь сыскивается добрый человѣкъ, который обѣщаетъ, естьли не нынѣшнимъ лѣтомъ, то осенью всю мою горѣлку завесть въ продажу; вы только пожалуйте прикажите продавать одну ниже полугарную, а настоящую полугарную и пѣнную сберегать, а особливо, естьли и по 60 копѣекъ давать нестанутъ за полугарную, а за пѣнную по 80 копѣекъ. О Савкѣ Башѣ сожалѣю, а что другаго на его мѣсто приняли, хорошо сдѣлали. Писма вы моего шестаго вѣрно не получили того, которое я писалъ чрезъ повѣреннаго Ласкевичеваго, при которомъ однако поѣхалъ и коровинскій мужикъ; и здѣсь меня Ласкевичъ увѣрялъ, что онъ мои писма чрезъ того мужика къ женѣ своей послалъ и велѣлъ тотъчасъ въ Коровинцы для пересылки въ Николаевку отправить; велите только о семъ Бартошу справиться. Тяжкая моя здѣсь скука по крайней мѣрѣ нѣсколько облегчится, когда дѣла присланы будутъ, о которыхъ пишетъ Ѳедоръ, что уже будто совсѣмъ къ отсылкѣ готовы и на почтѣ лежатъ; однако онъ

великое дурачество сдѣлалъ, что не заплативъ вѣсовыхъ денегъ, вздумалъ прежде къ вамъ списатся, а сіе самое сдѣлаетъ, что оныя недѣлями двумя позже присланы будутъ. Со всѣмъ тѣмъ я уже радъ буду, что узнаю, какъ оныя пойдутъ и какъ себя расположить: тоесть ѣхать ли домой, здѣсь ли оставаться до рѣшенія оныхъ, а я думаю, что чуть ли не сіе послѣднее должно будетъ сдѣлать; ибо когда недавно былъ я у Петра Васильевича Заводовскаго, то онъ спрашивалъ у меня—не пріѣхалъ ли Левандовскій, онъ де мнѣ сказывалъ, что скоро опять сюда будетъ; изъ чего я заключаю, что вслѣдъ за дѣлами кто нибудь изъ нихъ будетъ, либо онъ, либо Стефанъ; а когда пріѣдетъ сюда который нибудь изъ нихъ, то тутъ уже мнѣ до рѣшенія дѣлъ, какъ я и въ прежнихъ писмахъ писалъ къ вамъ, отлучится никакъ невозможно будетъ. Мнѣ бы только далъ Богъ отъ сихъ дѣлъ освободится, отъ другихъ же дѣлъ я и самъ уйду, потому что и надежды нѣтъ, чтобъ ихъ скоро рѣшили. Прошу васъ, матушка, сказать Данилу Осиповичу, чтобъ онъ меня, какъ можно поскорѣе увѣдомилъ о нижеслѣдующемъ: 1) всѣ ли у насъ горшки и трубы къ котламъ обоихъ винокуренныхъ заводовъ подѣланы, или недостаетъ чего и сколько, кромѣ куба и вароваго котла, о которыхъ мнѣ извѣстно, что ихъ нѣтъ, и гдѣ бы ихъ лучше здѣлать, здѣсь ли или туда мѣди прислать и сдѣлать у нѣмца; 2) сколько у насъ можетъ быть въ остаткѣ ржи къ будущему винокуренію, считая въ то число какъ наличный, такъ и тотъ хлѣбъ, что людямъ рozданъ; 3) просить его, чтобъ онъ постарался поранѣ спустить чеховское озеро и вычистить его хорошо толокою, а потомъ укрѣпить, пошарить и повысить хотя не болшое дѣло греблю и гдѣ надлежать будетъ вновь каналы прорѣзать и старые почистить; 4) не можетъ ли онъ постараться, чтобъ того прикащика, который къ намъ прошлаго года отъ Косача просилъся, на нынѣшній годъ достать и уговорить; 5) въ привозѣ хлѣба изъ Николаевки пишутъ они съ Ѳедоромъ розно, ибо тотъ пишетъ, что ржи послано 205, а сей пишетъ, что получено 200; овса 21 послано, а получено 20 четвертей; и для того хотѣлъ бы я знать откуду сія разница, о чемъ я и къ Ѳедору пишу. Впрочемъ я надѣюсь

скоро опять къ вамъ писать, а болше всего желалъ бы васъ самыхъ въ скорости видѣть здоровыхъ, дѣтей же благословляя, а Аграфенѣ Григорьевнѣ кланяясь, есмь вашъ вѣрный другъ и мужъ Г. Полетика.

P. S. По написаніи моего писма, принесли ко мнѣ ваше писмо отъ 14 апрѣля ко мнѣ писанное, и сюда роднею Григорія Григорьевича Гаевскаго привезенное, но какъ въ ономъ писмѣ вашемъ писано по болшой части о такихъ дѣлахъ, о которыхъ уже вы и въ другихъ писмахъ ко мнѣ писали, а я уже на оныя и отвѣтствовалъ, то на оное отвѣчать вамъ буду только въ томъ, что за нужнѣйшее нахожу. Весма я, душенка, доволенъ, что вы согласны со мною на подрядъ вина; оный здѣсь начнется съ будущаго августа мѣсяца, а окончится въ сентябрѣ, а поставка по оному должна начатся еще съ будущаго 1779 года; и такъ какъ доволно останется времени, чтобъ прибратся, дай только Богъ, чтобъ удачно подрядиться. Но между тѣмъ, прошу васъ приказать управителю и Бартошу 1) чтобъ они комнѣ прислали каждый порознь, сколько въ Литвѣ и сколько въ Украинѣ есть у насъ въ наличіи, какого именно хлѣба; ибо Бартошъ, хотя ко мнѣ и прислалъ, но не обстоятелную вѣдомость, а извиняется своими разъѣздами по дѣламъ, и что еще не весь хлѣбъ перемолоченъ. 2). Пускай Данило Осиповичъ потрудится съѣздить самъ, или Типку пошлетъ, въ Трубчевскъ и посовѣтуется съ Губкинымъ, можно ли намъ будетъ въ Трубчевскомъ уѣздѣ сыскать подводчиковъ для перевозу вина, естьли подрядъ возмемъ въ Бѣлогородскую и въ Воронежскую губернію, въ города отстоящія отъ Трубчевска по 300 по 400 и 500 верстъ, и почему, думаетъ онъ, возмутъ они отъ бочки или отъ вѣдра, и въ которое время лучше и дешевлѣ вино ставить лѣтомъ ли или зимою? 3). Съ общаго совѣта напишите ко мнѣ, какую бъ мнѣ требовать цѣну за поставку вина въ такія мѣста, которыя отъ насъ 300, 400 и 500 верстъ отстоятъ, и отчего не можно менше взять, ибо слышно, что, по урожаю хлѣба, хотятъ убавлять цѣну и на вино, а нынѣшніе поставщики въ тѣ мѣста ставятъ по 85, по 80, по 75, по 70 и по 63 копѣйки вѣдро, смотря по близости и по далности мѣстъ. Мнѣ кажется

лучше хотя-бъ съ маленкимъ барышемъ остатся, а чтобъ горѣлка на шеи не висѣла. 4). Нехудо бъ, естьли бы завременно поискали подрядить на отдѣлку 100 или 200 бочекъ 5). Велите подъ рукою справится и ко мнѣ напишите, сколько у обоихъ Лобысевичей есть въ наличіи непроданнаго пѣннаго и полугарнаго вина, и имѣютъ ли они надежду къ продажѣ онаго? Что я писалъ къ вамъ въ писмѣ о дѣлахъ, что оныя короткою дорогою поведены будутъ, въ томъ никому не открывайтесь, ибо боюсь, чтобъ и тутъ Левандовскій не прискакалъ и не помѣшалъ, а о Стефанѣ пишетъ братъ Адрей, что врядъ ли будетъ живъ и уже де о своихъ дѣлахъ раскаивается, и хочетъ во всемъ оныя окончить по совѣсти и по нашему требованію, естьли выздоровѣетъ, а естьли умретъ, проситъ о призрѣніи сиротъ дѣтей своихъ. Сія вѣдомость заставила меня цѣлый день неутѣшно плакать и размышлять о безсовѣстіи и суетахъ человѣческихъ, и что не вовремя они исправлятся начинаютъ. О подрядѣ на вино также при себѣ подержите. Табаку вамъ куплю и пришлю или съ собою привезу.

P. S. Просилъ я суда генеральнаго секретаря Василія Петровича Кондратіева, чтобъ онъ мои писма, присылаемыя изъ С. Петербурга, отсылалъ къ Ѳедору, а Ѳедору приказалъ къ вамъ съ нарочными отправлять. Такимъ же образомъ, естьли и вы ко мнѣ писать будете, то присылайте къ нему, въ Глуховъ, вмѣстѣ съ вѣсовыми денгами, на почту, а онъ уже ихъ ко мнѣ отправлять будетъ, только знайте что писать ко мнѣ чрезъ почту и чего писать. Пишите больше о хозяйствѣ, и пишите на почтовой бумагѣ, чтобъ менше вѣсовыхъ денегъ исходило, а мѣлче уже писать не надобно, какъ пишетъ Данило Осиповичъ.

14) Къ женѣ, изъ Петербурга, 1717 г., 8 мая.

Матушка, душа моя, Елена Ивановна! Я положилъ себѣ за правило, какъ можно скорѣе, отвѣтствовать. Итакъ на писмо ваше отъ 17 апрѣля, ко мнѣ писанное, а мною вчерашняго дня полученное, по севоднишней почтѣ отвѣтствую. Я весма обрадованъ былъ, читая начало писма вашего, узнавъ изъ онаго, что вы и дѣти наши въ добромъ здоровьѣ находитесь;

но постскриптъ вашъ опечалилъ меня—Павлушѣ случившеюся жестокою лихорадкою. Дай Богъ, чтобъ онъ выздоровѣлъ, и не былъ бы причиною тяжкой нашей, естьли умретъ, печали; ибо приснившійся мнѣ сей ночи сонъ, хотя я снамъ и не очень вѣрю, нѣчто печальное возвѣщаетъ. Показалось мнѣ, будто въ домѣ нашемъ свадба, и много происходитъ стряпни и поставлено разныхъ напитковъ на столахъ. Однако во всемъ да будетъ воля Божія. О себѣ вамъ объявляю, что хотѣлъ въ семъ мѣсяцѣ пустить кровь, но къ сему меня сперва не допустилъ случившійся и черезъ три дни продолжавшійся жестокій поносъ, а послѣ его не допускаютъ открившіяся гемороиды, при которыхъ крови пускать не совѣтуютъ. Сегодня былъ у меня кабинетскій лѣкарь, который, не пуская крови, прописалъ мнѣ другія лѣкарства, которыя, какъ онъ говоритъ, будутъ помогать моимъ гемороидамъ и облегчатъ боль моего боку и головы, которая непрестанному насморку подвержена, а болше еще тревожитъ и боль ея умножаетъ неприсылка дѣлъ, которыхъ еще и до сихъ поръ здѣсь нѣтъ, по дурачеству Бартоша; однако надѣюсь, что оныя получены будутъ въ будущую недѣлю, и тогда я увидѣвъ какъ пойдутъ, долженъ буду брать свои мѣры, тоесть оставаться ли здѣсь долѣе жить, или бросивши ихъ, ѣхать къ вамъ. Весма я вамъ, душенка, благодаренъ за увѣдомленіе ваше о произсшествіи съ братьями халопецкими [1]), весма доволенъ и постоянствомъ Василія Григорьевича [2]). Утверждайте ихъ и впредь въ семъ же, объявивъ имъ то, что они по праву безъ моего согласія ничего не могутъ сдѣлать, а хотя и сдѣлаютъ, то все будетъ ничто, со мною же вмѣстѣ, хотя въ имѣніяхъ, хотя въ денгахъ, всегда болше выиграютъ. Но сіе говорите имъ, какъ будто отъ себя, а не такъ, какъ будто вы сіе говорите по моему наставленію. Естьли они и того не знаютъ, что вы ко мнѣ писали и писма копію сообщили, то и о семъ не говорите имъ, боюсь, чтобъ Лаврентій [3]) не рознесъ, а я хочу себя такъ здѣсь представлять, будто я ни очемъ незнаю, ибо и со мною здѣсь поступаютъ на однихъ

---

[1]) Гамалѣями, жившими въ х. Холопцѣ, стародубск. у.

[2]) Гамалѣи.

[3]) Лаврентій Григорьевичъ Гамалѣя

комплиментахъ и учтивостяхъ. Жаль, что вы не освѣдомились хорошенко отъ Василія Григорьевича и ко мнѣ ненаписали, для кого именно сей торгъ происходилъ, для родни ли нашей или для того, чей адъютантъ былъ у нихъ. Провѣдайте, пожалуйте, и ко мнѣ напишите. Онъ вѣрно, хотя, можетъ быть, ему и не сказано, примѣтить могъ, для кого сей торгъ идетъ; но писма ваши присылайте, какъ я уже и писалъ къ вамъ, подъ ковертомъ Василія Александровича. Дадутъ, я вижу, мнѣ дѣла собирающіеся сюда ѣхать, и я напередъ уже видѣлъ, что не напрасно ни одинъ изъ моихъ соперниковъ сюда не ѣдутъ. О инспекторѣ [1]) я давно уже писалъ, къ вамъ, что надобно послать за другимъ; но велѣть стараться и писать къ брату, чтобъ постарался выбрать добраго и искуснаго человѣка, не жалѣя ему дать до 50 и до 60 рублей жалованья. Къ Михайловскому писмо отъ сына я послалъ, а Лобысевичъ велѣлъ мнѣ сказать, будто онъ уже къ своему отцу писалъ; однако я на то не смотря, и вчера будучи у Ивана Логгиновича, чрезъ одного офицера велѣлъ ему сказать, чтобъ онъ писалъ и писмо свое ко мнѣ прислалъ. Данилу Осиповичу скажите, пожалуйте, чтобъ естьли что къ нашимъ заводамъ изъ мѣлкой посуды мѣдной не готово, тоесть горшки или трубы, то взявъ бы изъ Николаевки старые котлы, велѣлъ подѣлать нѣмцу, только естьли трубы вновь будетъ дѣлать, то пускай дѣлаетъ съ притрубками полуциркулными, а о варовомъ котлѣ и о кубѣ я уже стараться буду. Въ прочемъ желая васъ и дѣтей, которымъ даю благословеніе, здоровыхъ видѣть, а сестрѣ Аграфенѣ Григорьевнѣ кланяясь, есмь вашъ вѣрный другъ и мужъ Г. Полетика.

15) Къ женѣ, изъ Петербурга, 1777 г., 14 мая.

Матушка, душа моя, Елена Ивановна! Кромѣ писемъ моихъ чрезъ почту къ вамъ отпускаемыхъ, я не пропускаю и случающихся ѣздоковъ, чтобъ не писать къ вамъ, почему и теперь пишу къ вамъ и, для вѣрнѣйшаго доставленія, писмо сіе отдаю брату Михайлѣ Ивановичу для пересылки къ женѣ его, а оттуду къ

[1]) Т. е. о гувернерѣ для дѣтей.

Бартошу и къ вамъ. О себѣ объявляю, что нахожусь въ лѣченьѣ всю сію недѣлю; однако поправы въ боли боку моего и насморкѣ, ничего неимѣю, еще что то впредь Богъ дастъ. Присылки дѣлъ съ нетерпѣніемъ ожидаю, не будутъ ли оныя присланы по завтрешней почтѣ, а какъ скоро присланы будутъ, такъ стану добиваться толку—дожидаться, ли мнѣ ихъ рѣшенія или уѣзжать отсюду, и когда только оныя присланы будутъ, то я тотъ часъ увѣдомлю васъ, что со мною воспослѣдуетъ. Писалъ ко мнѣ Өедоръ, что онъ еще до свѣтлаго праздника хотѣлъ отправить въ Черкаскъ за рыбою, и естьли такъ онъ сдѣлалъ, то имъ скоро и назадъ быть надобно, почему я теперь пишу къ нему, чтобъ онъ, какъ скоро та рыба въ Николаевку пріидетъ, отправлялъ бы ее немедленно къ вамъ, тоесть такъ: чтобъ четыре воза прошло въ Стародубъ не десятовскую ярмонку [1]), а пятый къ вамъ въ Юдиновъ, или когда не пять возъ, но четыре въ Черкаскъ послано, то чтобъ три отправилъ на ярмонку, а четвертый къ вамъ; и какъ отправитъ, то чтобъ вамъ далъ впередъ знать чрезъ нарочнаго, а вы по полученіи того писма, отправте пожалуйте Данилу Осиповича въ Стародубъ, чтобъ онъ постарался ту рыбу продать по той цѣнѣ, по какой другіе продавать будутъ, а для сей продажи можетъ онъ съ собою взять кого нибудь изъ надежныхъ мужиковъ. Мнѣ кажется, лучше ее заразъ стараться продать, чемъ держать, а на послѣдокъ отдать по той же или еще по дешевшей цѣнѣ. Естьли жъ въ Стародубѣ не удастъся продать, то пускай везутъ въ Почепъ и тамъ стараются продать, а по продажѣ, велите на тѣ возы изъ Юдинова накласть того, что теперь въ Николаевкѣ нужнѣе, тоесть горѣлки ли дору [2]) ли или другаго чего, по вашему разсмотренію и писму Бартоша, а съ того воза, который къ вамъ привезенъ будетъ, всю ли рыбу оставите для домашняго расходу или что велите продать, то остается въ вашей волѣ. Въ прочемъ желая васъ видѣть здоровыхъ, дѣтей благословляя, сестрѣ Аграфенѣ Григорьевнѣ съ братьями ея и сестрами, кланяясь, есмь вашъ вѣрный другъ и мужъ Г. Полетика.

---

[1]) Въ десятую пятницу послѣ пасхи.

[2] Дрань для крыши.

P. S. Какъ и въ Николаевкѣ уповаю, для косовицы и для другихъ работниковъ, нужна будетъ тарань, то велѣлъ я Бартошу, чтобъ онъ тамъ ее оставилъ по своему разсмотренію хотя и до тысячи.

16) Къ женѣ, изъ Петербурга, 1777 г., 3 іюня.

Матушка душа моя, Елена Ивановна! На два писма ваши отъ 28 апрѣля и отъ 1 маія, вдругъ, по одной почтѣ мною маія 21 числа полученныя, по которой присланы также и толь долго удерживаемыя, компромисныя наши дѣла, хотя еще не всѣ, а остальныхъ дожидаюсь по будущей почтѣ, не отвѣтствовалъ вамъ чрезъ почту, потому что товарищъ мой Ласкевичъ проживши здѣсь съ небольшимъ четыре мѣсяца, на особливой отъ меня квартирѣ, ибо со мною вмѣстѣ стоять не захотѣлъ, и издержавши всѣ почти свои и Телесницкаго складочныя денги, и гораздо болше, нежели я, имѣю лучшую отъ него квартиру, содержа себя, людей и лошадей, вдругъ заряхался (sic) домой ѣхать, такъ что я его никакими образы удержать не могъ, да правду сказать и держать его было нѣ длячего, развѣ для одного проматыванія денегъ; а дѣла за нимъ, почти во все время его здѣсь бытности, не было ни на полушку; и потому я хотѣлъ чрезъ него писать къ вамъ писма, но какъ между тѣмъ пріѣхавшіе изъ Стародуба сказали Михайлѣ Ивановичу, что тесть его Борозднa умеръ, то онъ, не дожидаясь на поданную отъ него челобитну о снятіи по дѣлу исполненія, вздумалъ и самъ ѣхать домой; и такъ на писма ваши, вмѣсто Ласкевича, чрезъ него отвѣтствую, на первое тѣмъ, что я о Павлушѣ сердечно сожалѣю, и если онъ еще не освободилъся отъ лихорадки, то Бога ради призовите лѣкаря и старайтесь ему помочь. Я также вамъ, душенька, весма благодаренъ, что вы послали деньги для заплаты вѣсовыхъ денегъ за дѣла на почтѣ, а что вы меня пеняете, что я не сдѣлалъ такихъ учрежденій, чтобъ оныя дѣла заразъ послѣ меня, или еще и прежде моего отъѣзду, отправлены были, въ томъ я увѣренъ, что не вы пеняете, а пеняетъ Данило Осиповичъ, не разсудивъ того, что тѣхъ дѣлъ, хотя бы я на то тысячи употребилъ, отправить ихъ сюда не могъ, потому

что по онымъ мы оправлены, а братъ Стефанъ обвиненъ и запрещена ему аппеляція и намъ, а посему ни онъ, ни мы сихъ дѣлъ никуды перенесть не могли; но когда онъ, чрезъ зятя своего Левандовскаго, не смотря на запрещеніе, подалъ аппелляцію въ сенатъ, то велѣно тѣ дѣла прислать и указы приготовлены были къ отдачѣ на почту, чрезъ которую могли бы они въ двѣ недѣли дойти въ Глуховъ, но и тутъ мошенникъ Левандовскій спроворилъ, и выпросилъ тѣ указы въ свои руки, сказавъ, что онъ съ ними нарочнаго пошлетъ на почтѣ, и, вмѣсто двухъ недѣль, продержалъ оныя 6 недѣль, до самой масляницы, а въ пятницу предъ масляницею, бросивши ихъ въ коллегію, никакого не имѣлъ старанія, чтобъ дѣла посланы были, ибо полза ихъ въ томъ состояла, чтобъ насъ сколько можно болѣе проволочить. Подождавши я нѣсколько недѣлъ и видя, что присылки дѣлъ нѣтъ, началъ писать въ Глуховъ, къ Семену Васильевичу (Кочубею) и къ прочимъ, для чего дѣла не присылаются?—Отписали ко мнѣ—для того де, что указы еще недавно поданы, что по онымъ де сыскиваются дѣла отъ полюбовныхъ судей, и какъ де скоро сысканы будутъ и вѣсовыя денги заплатятся, то и отправлены будутъ; а потомъ стали писать, что дѣла не посылаются затѣмъ, что денегъ на почтѣ никто не платитъ, нашей сторонѣ отпюдь ихъ платить не слѣдовало, а должно было платить Стефану, но я, видя, что сему не будетъ конца, началъ писать къ вамъ и къ Бартошу, чтобъ заплатили свои денги, и дѣла отправили. Вотъ прямая всему сему произшествію исторія, которую Данилу Осиповичу, естьли не зналъ или догадаться не умѣлъ, сперва было извѣдать, а потомъ пени писать надлежало. Однако не думайте, чтобъ сія волокита имъ много помогла, ибо сенатъ узналъ еще болѣе изъ сего ихъ неправость, и уже было сдѣлалъ опредѣленіе, чтобъ дѣла и безъ заплаты сюда присланы были, а денги бы взысканы были съ имѣнія братняго, но какъ дѣла между тѣмъ присланы то сіе такъ и осталось, а сдѣланъ генералный законъ, чтобъ впредь съ таковыми такъ поступать. По присылкѣ дѣлъ, первое мое стараніе было, чтобъ узнать каковымъ путемъ оныя поведены будутъ?—Вышла, слава Богу, резолюція, что поведены бу-

дутъ кратчайшимъ путемъ, тоесть велѣно сдѣлать краткія экстракты и выписать силу нашихъ дѣлъ и обязательствъ, и доложить, стороны жъ противной для рукоприкладства къ естракту зазывать и ей полугодоваго для явки сроку давать не будутъ, а когда сама приѣдетъ, то быть при слушаніи дѣла не возбранятъ. Нынѣшній мѣсяцъ весь въ сенатѣ никакихъ челобитческихъ дѣлъ не слушаютъ, потому что всѣ сенаторы на оный для раздоху увольняются, а послѣ Петрова дни опять принимаются за дѣла, и такъ дѣла наши въ движеніе начнутъ приходить въ іюлѣ мѣсяцѣ, а дай Богъ, чтобъ окончились въ августѣ. Я бы, душенька, сердечно желалъ кончить всѣ наши дѣла въ одинъ день, но онѣ здѣсь не по нашему желанію производятъся, и съ здѣшними большими боярами не можно такъ и говорить, какъ въ Глуховѣ, а должно все кланяться и просить. Вотъ бѣдный Михайло Ивановичъ, еще и до дѣла не приступая, за самою бездѣлицею проѣздилъ слишкомъ восемъ мѣсяцей, и теперь ни съ чемъ отъѣзжаетъ. Вы, естьли желаете и можете, повидайтесь съ нимъ и спросите его о моемъ здѣшнемъ прожитіи и о всемъ прочемъ. Онъ вамъ скажетъ, какъ мы весело здѣсь живемъ, что не дай Богъ никому изъ добрыхъ людей такой веселости. Онъ, когда увидѣлъ, что дѣла его не по его мыслямъ, но по моему предсказанію идутъ, прилепилъся гораздо ко мнѣ и рѣдкій день проходилъ, чтобъ либо онъ у меня, либо я у него небылъ; и теперь на дорогу, при недостаткѣ денегъ, взялъ у меня 50 рублей, обѣщавъ оныя мнѣ сюда прислать; однако о мирѣ за Юдиновъ онъ мнѣ, а я ему—ни слова не поминаемъ. На Лобысевича весма мнѣ досадно за порубку лѣса, и вы очень хорошо сдѣлали, что велѣли оную описать возному и квитъ отъ него взять; однако позва ему давать до моего приѣзду, я не совѣтую, а по моемъ приѣздѣ, когда не удовольствуетъ, я съ нимъ раздѣлаюсь; и недружбы явной съ нимъ держать я вамъ также не совѣтую, но когда они къ вамъ ѣздятъ, то ѣздите и вы къ нимъ. О винѣ венгерскомъ и говорить нѣчего, что вы его перелили, то сдѣлали хорошо, кушайте теперь во здравіе, когда вамъ угодно, ибо право буду на васъ сердиться, естьли до моего приѣзду не начнете. Бартошъ о заниманіи на вольныхъ степахъ слободъ го-

сподами, писалъ къ вамъ—пустошь и мужичія сказки. Они видно, не понявши указа о межеваньѣ воронижской губерніи, сплели сіи басни. Далъ бы то Богъ, чтобъ Галецкій дѣло бросилъ; однако жъ, для всякаго случая, посылаю къ вамъ подлинный универсалъ гетмана Скоропадскаго, данный на Чеховскую землю съ ограниченьемъ, который, пожалуйте, берегите сохранно и когда прійдетъ до дѣла, то поручите управителю—для представленія и снятія копіи гдѣ подлежитъ. При сей же крѣпости посылаю еще и другую, на пожню, купленную у дѣвки Тарасенковой, съ тѣмъ, чтобъ по сему образцу Данило Осиповичъ исправилъ запись и отъ Сердюкова, продавшаго свою пожню въ дачахъ чеховскихъ, и сконфирмовавъ въ земскомъ судѣ, заплатилъ бы ему досталныя денги. Вотъ уже сколько я вамъ намаралъ, а еще только отвѣтъ написалъ на одно ваше писмо; и длятого, чтобъ не много васъ утруждать, коротко буду отвѣтствовать на другое. Что за инспекторомъ въ Кіевъ послали, хорошо сдѣлали, только надобно было послать до отъѣзду стараго, чтобъ дѣти не были безъ призрѣнія. Напишите ко мнѣ: получили ли его и каковъ человѣкъ? Горѣлки—что продается, то хорошо, а о досталной я несомнѣваюсь, только прошу васъ, душенька, велите самую лучшую оставлять въ обтовую продажу, чтобъ иногда не остраматься, если явится ниже полугарная, а я продамъ за полугарную [1]), да не только отъ сего можетъ произойти стыдъ, но и убытокъ, ибо купецъ можетъ откинуться. Велите Данилу Осиповичу, чтобъ онъ мнѣ хоть въ вашихъ писмахъ писалъ, сколько ее каждый мѣсяцъ будетъ въ приходѣ, въ расходѣ и въ остаткѣ. За отдачу денегъ Скоронадской также васъ не пеняю. Бартошевымъ дурачествомъ мы грунтики, весма и необхимо намъ нужныя, потеряли, потому что онъ не умѣлъ дать за нихъ заразомъ 2000 рублей, а теперь де пишетъ онъ ко мнѣ, что Стороженко къ нему отозвался, что у него уже купилъ Кочубей за туже сумму. О столаряхъ романовскихъ [2]), естьли ихъ нѣтъ, пишите и вы къ Василію Андрѣевичу, и я къ

---

[1]) См. примѣчаніе въ письмѣ № 20.

[2]) Изъ с. Ром новки, мглинск. уѣзда.

нему при семъ пишу, чтобъ далъ ихъ—домъ додѣлать, а вы, писмо мое пославъ, велите отписать къ прикащику, чтобъ съ нарочнымъ туда, гдѣ онъ находится, немедлѣнно отослалъ. Я незнаю для чего бы то, по мнѣнію Данила Осиповича, не можно было около покоевъ жолобовъ установить и поспличивать (sic) лучше и порядочнѣе, нежели какъ было. Развѣ не можно бляшекъ поотривать, и опять поприбивать?—видь же рукавы также прибиты, но ихъ должно оторвать и прибить другіе, Мишкою отсюда привезенные. Ему все невозможнымъ кажется. Что я писалъ къ вамъ о подрядѣ Прокопа на стулья, то я такъ и разумѣлъ, что рядить его по отдѣлкѣ дому, о отдѣлкѣ котораго прежде всего прошу васъ стараться. Я еще прошу васъ, дуи шенька, приложить старанія, чтобъ онъ весь и окрашенъ былъ, тоесть оставшаяся половина крышки съ олѣемъ, карнизы, наличники и ставни оконничные—бѣлою краскою съ олѣемъ же, а стѣны—шарою, водяною краскою, которая какъ составляется изъ уголья и извѣсти, о томъ можетъ вамъ дать записочку господинъ архітекторъ; тако жъ и присѣнки шарою, но олѣйною краскою, а по мѣстамъ и бѣлою. Всего лучше, естьли вы попросите, чтобъ пріѣхалъ архітекторъ и разсказалъ обстоятелно маляру и кирпичникамъ—какъ и чемъ что выкрасить. Да велите, оторвавши около фундаменту доски, починить фундаментъ, гдѣ вывалились кирпичи, и опять досками обить и покрасить ихъ такою краскою, какою стѣны покрашены будутъ, только олѣйною. Естьли бъ то олѣи у васъ стало, то бъ нехудо покрасить и верхъ людскихъ покоевъ и кухни, а еще нужнѣе подвесть бы подъ ихъ стояны и подвалины дубовыя, гдѣ ихъ нѣтъ, ибо безъ того недолго имъ стоять. Столовую нашу не голубыми, но зелеными, еще не начатыми, обоями велите обивать, ибо я такъ и говорилъ при моемъ отъѣздѣ, да должно прежде сего двери въ дѣтскихъ покояхъ, противъ другихъ дверей, попередѣлывать, такожъ отдѣлать дѣтскія покои попрежнему моему писму, для дѣтей ли или для пріѣзду Григорія Ивановича [1]), все равно, и обои я отсюда пришлю. Естьли вы желаете знать

[1]) Полетики.

обо мнѣ, то я вамъ скажу, что я ни боленъ, ни здоровъ, гемороиды мои чрезъ четыре или пять день кончились, послѣ того выпустили изъ меня пять чашекъ крови, велѣли мнѣ жрать чрезъ двѣ недѣли пилюли и пить травы, но ничего болному моему боку и насморку не помогло; что впредь Богъ дастъ?—еще хотятъ коновалить. Дай Богъ вамъ, душенька, лучшее отъ моего здоровья, въ которомъ бы я васъ и дѣтей нашихъ желалъ какъ найскорѣе видѣть. Но благословите отъ меня дѣтей, поклонитесь Аграфенѣ Григорьевнѣ съ братьями и сестрами, и вѣрьте что я есмь вамъ вѣрный другъ и мужъ Г. Полетика.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВМѢСТО ВВЕДЕНІЯ

къ 1 выпуску „Современной малорусской этнографіи“.

Цѣль автора изслѣдованія о современной малорусской этнографіи представить сводъ наличныхъ матеріаловъ и высказанныхъ въ печати научныхъ выводовъ по малорусскому фольклору, что должно расчистить почву для научныхъ работъ въ ближайшемъ будущемъ. Провинціальные дѣятели, имѣя въ такомъ изслѣдованіи нѣкоторое руководство, не будутъ затрачивать силы на разысканіе того, что уже дано въ обиліи (напр., свадебныхъ пѣсенъ), и направятся на новые пути въ собираніи и изученіи матеріала (напр., легендъ, анекдотовъ, проклятій, писанокъ).

Въ теченіе 1892 года мнѣ удалось представить обзоръ научной дѣятельности семи лицъ. Въ черновыхъ наброскахъ и замѣткахъ у меня еще значится 40 именъ. Кромѣ того, въ мои предположенія входило еще представить очерки объ отраженіи этнографическихъ интересовъ и изученій въ литературѣ и живописи, въ изданіяхъ земскихъ и статистическихъ комитетовъ, въ текущей журналистикѣ, на этнографическихъ выставкахъ и этнографическихъ музеяхъ. Задача, очевидно, широкая, и авторъ неоднократно задавалъ себѣ вопросъ, — по силамъ ли задача? и всякій разъ успокаивался на той мысли, что все, сдѣланное въ этомъ направленіи, можетъ быть своевременно, умѣстно и полезно. Незаконченность труда и пропуски не могутъ быть поставлены автору въ вину. Мы имѣемъ здѣсь дѣло не только съ живымъ народомъ, какъ объектомъ опи-

санія, но большею частью и съ живыми дѣятелями, иными лишь начинающими и многообѣщающими по вервымъ своимъ опытамъ (Янчукъ, Охримовичъ, Каллашъ), слѣдовательно, тутъ всегда предполагаются расширеніе, дополненіе, поправки и улучшенія.

Изслѣдованіе о современной малорусской этнографіи первоначально предполагалось въ видѣ цѣльной монографіи, и въ такомъ предположеніи написано и напечатано нѣсколько первыхъ главъ; но затѣмъ нѣкоторыя непредвидѣнныя обстоятельства, въ частности одна срочная научная работа, исполняемая по порученію Академіи Наукъ, побудили автора разбить свое изслѣдованіе на нѣсколько частей и печатать его выпусками, съ временными остановками и перерывами, въ зависимости отъ разныхъ постороннихъ обстоятельствъ, съ которыми по необходимости приходится считаться. Эти остановки для автора и, можетъ быть, для заинтересованнаго читателя имѣютъ то неудобство, что затягиваютъ окончаніе работы на неопредѣленно долгое время; съ другой стороны, здѣсь есть и нѣкоторый выигрышъ въ томъ отношеніи, что въ статью могутъ войти отчеты о нѣкоторыхъ крупныхъ пріобрѣтеніяхъ послѣдняго времени, напр. Rites et usages nuptiaux en Ukraine г. Волкова, о значеніи малор. свад. пѣсенъ Охримовича, при благопріятныхъ обстоятельствахъ о нѣкоторыхъ статьяхъ болгарскаго сборника „за народни умотворенія“. Не опредѣляя въ настоящее время вполнѣ точно объемъ и содержаніе всего изслѣдованія, я намѣчаю три выпуска; въ первый входятъ преимущественно восточно-и южно-украинскіе этнографы, съ А. А. Потебней въ главѣ, во второй—преимущественно кіевскіе и галичане, причемъ на первомъ мѣстѣ предполагались труды г. Кузмичевскаго, но затѣмъ пришлось измѣнить распорядокъ главъ, что также затормазило продолженіе нашего труда, и въ третій выпускъ предположены малорусскіе этнографы польскаго происходенія съ Кольбергомъ во главѣ.

Въ виду научно-общественнаго значенія серіознаго фактическаго обзора современнаго малорусскаго фольклора я имѣю основаніе разсчитывать на нѣкоторое содѣйствіе со стороны самихъ этнографовъ изслѣдователей и собирателей, и отъ ихъ участія будетъ отчасти зависѣть дальнѣшій успѣшный ходъ моей

работы. Я могу собирать отдѣльныя крупныя монографіи, могу пользоватся крупными научными изданіями, выходящими въ больших культурныхъ центрахъ, напр., Antropologie, Revue d. trad. popul., Melusine, Wisła, Časopis čes. Musea, Сборн. за нар. умотвор., Этногр. обозр. и др. подобн. изданіями, въ которыхъ находятъ мѣсто статьи по малорусскому фольклору; но мелкія брошюры, статьи журнальныя и газетныя легко могутъ ускользнуть отъ моего взиманія, и безъ прямаго содѣйствія самихъ авторовъ, я въ иныхъ случаяхъ вынужденъ буду лишь вкратцѣ и мимоходомъ говорить объ ихъ дѣятельности, пропуская, быть можетъ, кое-что крупное и самими авторами весьма цѣнимое.

Желательно получить слѣдующія свѣдѣнія:

1) Краткую *автобіографію* (о времени и мѣстѣ рожденія и воспитанія, о родѣ службы и обстоятельствахъ, расположившихъ къ этнографіи).

2) *Списокъ сочиненій*, замѣтокъ, отзывовъ, если можно, оттиски статей и рецензій [1]).

3) Указаніе на матеріалы, находящіеся въ *рукописи* и приготовленные къ печати, на предполагаемыя этнографическія экскурсіи, и

4) Desiderata (пожеланія) относительно фольклора.

Считаю при этомъ не лишнимъ пояснить:

1) Современную малорусскую этнографію я ограничиваю временемъ около 12 лѣтъ (съ 1880 г.). Этнографическія изученія, вышедшія изъ народничества 60-хъ годовъ, въ истекшее десятилѣтіе получили съ одной стороны твердое научное обоснованіе (труды Потебни, Кузьмичевскаго), съ другой—широкое распространеніе не только въ предѣлахъ Россіи, но и за границей (труды Охримовича, Волкова, Ржегоржа).

---

[1]) Для обмѣна могу предложить слѣдующія свои статьи: библіографическіе указатели литературы о колдовствѣ и заговорахъ, (1892 г.), Преданіе о Ханенкѣ (1890), Этнографическія замѣтки (1889), Объ апокрифахъ (1887), О коломійкахъ (86), О пьяницкихъ пѣсняхъ (86), О малор. мѣстныхъ названіяхъ, О южнорусской литературѣ XVII в., Объ Іоаннѣ Вишенскомъ (1885); О князѣ В. Ѳ. Одоевскомъ (1884).

2) Общія рамки, порядокъ и характеръ изслѣдованія опредѣлены въ напечатанныхъ уже статьяхъ о Потебнѣ, Ивановѣ, Манжурѣ, Новицкомъ, Эварницкимъ, Андреевскомъ и Ржегоржѣ. За краткими біографическими свѣдѣніями слѣдуетъ обзоръ (по возможности) всѣхъ статей, сравненіе ихъ съ однородными другими статьями и краткая общая оцѣнка съ сравнительно-этнографической точки зрѣнія.

Н. Сумцовъ.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Генеалогическій самообманъ. Въ «Крестномъ календарѣ» на настоящій годъ напечатанъ некрологъ его основателя А. А. Гатцука, при чемъ составитель некролога, находя «не неумѣстнымъ сказать «нѣсколько словъ» о родѣ умершаго, говоритъ слѣдующее: *«по документамъ* фамилія Гацуковъ извѣстна съ 1634 г., когда одинъ изъ членовъ ея, Яковъ Гацукъ, значится служившимъ въ золотой хоругви войска польскаго и благородный домъ его, изъ предковъ, гербомъ Пеликана, дѣти своею грудью питающаго, въ червленомъ полѣ, защищался и печатался въ гербарѣ брацлавскаго воеводства»; что затѣмъ «по выходѣ Якова Гацука изъ того воеводства въ Заднѣпровье, въ г. Конотопъ, на благопріобрѣтенную дворянскую осѣдлость, служилъ онъ воинско, въ знатномъ чинѣ»; что «онъ же, или его сынъ, тоже Яковъ, въ 1705 г., жалованъ, за отличную противъ прочихъ службу, на собственное его имя (?), золотою медалью императоромъ Петромъ 1-мъ»; что «изъ жившихъ позднѣе членовъ этой фамиліи, Стефанъ Гацукъ былъ въ 1736 г. полковникомъ нѣжинскаго козачьяго полка, подъ Азовомъ»... Смѣемъ увѣрить неизвѣстнаго составителя некролога, что въ приведенномъ имъ «родословіи» Гацуковъ— *нѣтъ правды ни слова.* Всѣ эти свѣдѣнія о происхожденіи Гацуковъ и о службѣ ихъ въ XVII и XVIII вв., представляютъ собою *сочиненіе* конца XVIII в., когда малорусская козачья старшина стремилась попасть въ тѣ дворянскіе списки, которые были установлены дворянскою грамотою. Съ помощью «гербаровъ» Окольскаго (Orbis polonus etc.) или Папроцкаго (Herby rycerstwa polsk.), для этого сочинялись «родословія» —съ большимъ или меньшимъ искусствомъ, смотря по умѣлости автора такого родословія—сблизить напр. потомковъ какого нибудь *Троця* (Трофима) съ воеводствомъ *Троцкимъ...* Однимъ

изъ сочинителей такихъ родословій былъ и извѣстный Гр. Андр. Полетика, который будучи хорошо знакомъ съ исторіей Польши, беззатруднительно выводилъ изъ послѣдней предковъ тѣхъ или другихъ своихъ кліентовъ... Неизвѣстный сочинитель родословія Гацуковъ написалъ послѣднее, несправляясь, какъ видно, ни съ какими источниками, а лишь освѣдомившись изъ «гербара» (Окольскаго) о существованіи брацлавскаго воеводства и герба Пеликана. Затѣмъ, зная отъ потомковъ, что первый извѣстный имъ Гацукъ звался Яковомъ, сочинитель родословія помѣщаетъ этого Якова сначала на службу въ какую то, невѣдомую ему, «золотую хоругвь», а потомъ переводитъ его съ праваго берега Днѣпра на лѣвый и поселяетъ въ Конотопѣ,—гдѣ жили Гацуки въ концѣ XVIII в.,—и поселяетъ его тутъ—«на благопріобрѣтенную дворянскую осѣдлость», а чтобъ эта *дворянская* осѣдлость была вѣроподобнѣе, то добавляетъ, что этотъ Яковъ («или сынъ его») будто бы былъ пожалованъ Петромъ Великимъ «за отличную службу, золотою медалью»... Всѣ эти факты выдуманы «отъ руки» и разсчитаны на полное невѣжество тогдашнихъ читателей «родословій»... Никакихъ и никогда не давалъ Петръ Великій медалей малорусскимъ (да и великорусскимъ, кажется) служилымъ людямъ, даже и самыхъ высшихъ ранговъ. (Былъ данъ имъ, портретъ, разъ только, гадяцкому полковнику Милорадовичу). Далѣе сочинитель также «отъ руки» выдумываетъ нѣжинскаго полковника изъ Гацуковъ и службу его подъ Азовомъ... Никакой Гацукъ въ XVIII в. не былъ не только нѣжинскимъ, но и никакимъ полковникомъ, да и подъ Азовъ малороссійскіе козаки въ XVIII в. тоже не ходили...

Сочиненность приведеннаго родословія вполнѣ подтверждается и письменными свѣдѣніями о конотопскихъ Гацукахъ. Въ спискѣ «товариства коннаго и пѣшаго» конотопской сотни за 1711 г. (*напечатанъ*) изъ Гацуковъ значится одна только—«удова Яковиха Гацучка». Эта форма имени указываетъ, что Яковъ Гацукъ дѣйствительно существовалъ, примѣрно ок. 1700 г., но что былъ онъ не какой либо важный служилый человѣкъ, а просто—рядовой козакъ. Конечно, сыномъ этого Якова былъ и тотъ Степанъ Гацукъ, котораго родословіе произвело въ чинъ нѣжинскаго полковника, но который въ дѣйствительности былъ всего только значковымъ товарищемъ, какимъ онъ и значится по ревизіи нѣжинскаго полка за 1736 г., среди конотопскаго «товариства» (*рукопись*). А значковыми товарищами звались тѣже рядовые козаки, только побогаче, которые

желая выдѣлиться изъ массы, указывали, что они несутъ службу при сотенномъ «знакѣ» (знамени), какъ несутъ свою службу бунчуковые товарищи—около гетманскаго бунчука... (Если перевести чинъ значковаго товарища на современное понятіе, то это будетъ какой нибудь унтеръ-офицеръ...) Наконецъ, демократизмъ конотопскихъ Гацуковъ виденъ и изъ тѣхъ «дворянскихъ» списковъ, о которыхъ сказано выше; списки эти по конотопскому уѣзду сохранились (*и напечатаны*) и въ нихъ за 1783 г., значатся два брата Гацуки: войск. товар. Яковъ и войск. канцел. Иванъ, (при чемъ у Якова показанъ и четырехлѣтній сынъ *Степанъ*) и сказано, что по ревизіи 1782 г., братья Гацуки за собою «имѣютъ малороссіянъ въ г. Конотопѣ и близь онаго, въ хуторѣ, 20 душъ». Такимъ образомъ изъ письменныхъ свѣдѣній видно, что ок. 1700 г. въ числѣ конотопскихъ рядовыхъ козаковъ былъ и козакъ Яковъ Гацукъ, по смерти котораго вдова его «Яковиха Гацучка», оставшись съ малолѣтнимъ сыномъ Степаномъ, выростила этого Степана и послѣдній сталъ настолько «можнымъ» и «грунтовымъ», что могъ писаться уже значковымъ товарищемъ; что сыновья этого Степана—Яковъ и Иванъ, (что это были сыновья Степана, это видно и изъ указанія некролога, говорящаго, что генералъ *Степанъ* Гацукъ (сынъ Якова) былъ внукъ «нѣжинскаго полковника» Степана Гацука) еще нѣсколько повысили свое общественное положеніе, добившись «чиновъ»: первый—войск. товарища, а второй—войск. канцеляриста. Кромѣ того, Яковъ и Иванъ Гацуки, имѣя достаточное количество «грунтовъ», могли на нихъ поселить нѣсколько семей «подсосѣдковъ», которыхъ потомъ, при ревизіи 1782 г., и записали за собою, но еще не крестьянами (этого названія подсосѣдки испугались бы и—ушли), а только—«малороссіянами»... Съ такимъ общественнымъ положеніемъ Яковъ и Иванъ Гатцуки не задумались записаться, въ 1783 г., въ дворянскіе списки своего уѣзда, но при этомъ нужно было представить, кромѣ свидѣтельства «двѣнадцати несомнительныхъ дворянъ» (п. 12 дворянской грамоты), о своемъ шляхетскомъ происхожденіи, еще и письменный перечень своихъ предковъ съ указаніемъ ихъ службъ... Въ этотъ моментъ и было состряпано приведенное «родословіе»... Баснѣ этой, сочиненной ad hoc, Яковъ и Иванъ Гацуки, конечно, не вѣрили (вѣдь знали же они, что отецъ ихъ не былъ нѣжинскимъ полковникомъ).—Неужели же этой баснѣ вѣрятъ ихъ потомки, не имѣя у себя *ни одного документа* въ ея подтвержденіе?...

Конотопецъ.

Современное письмо (1819 г.) о смерти Ал. Мих. Будлянскаго.

Отецъ Алексѣя Мих—ча Будлянскаго, Михаилъ Власьевичъ былъ родной племянникъ гетмана Разумовскаго, сынъ сестры его Агафьи, вышедшей замужъ за козака Власа Климовича, которому впослѣдствіи присвоили фамилію Будлянскаго. Благодаря дядьямъ Разумовскимъ, Мих. Вл. Б—ій скоро сталъ виднымъ,—по богатству и положенію,—человѣкомъ. Женатъ онъ былъ на единственной дочери богача генер. есаула Валькевича, да самъ былъ тоже единственнымъ сыномъ у отца (у М—ла Вл—ча была только одна сестра) и потому получилъ громадное наслѣдство въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи; одно только отцовское наслѣдство заключало въ себѣ до 7000 крест. У этого богача, и при томъ тайнаго совѣтника, было два сына, Алексѣй и Петръ. Послѣдній умеръ очень рано и всѣ богатства Будлянскихъ достались одному Алексѣю, который и зажилъ въ такой роскошной обстановкѣ, что обращалъ на себя общее въ Малороссіи вниманіе. Извѣстный кн. Шаликовъ, путешествуя въ Малороссіи въ первые годы настоящаго столѣтія, посѣтилъ и Алексѣя Будлянскаго, въ стародубской его резиденціи—с. Пантусовѣ; впечатлѣніе этого посѣщенія, записанное Шаликовымъ въ его книгахъ, было такое: «прекрасный сельской домъ, убранный руками грацій, прекрасная услуга (т. е. прислуга), прекрасный столъ, прекрасная музыка,—все доказываетъ, что пять тысячъ душъ, которыми Б(удлянскій) обладаетъ, не въ сундукахъ гарпагоновыхъ.... Съ какимъ удовольствіемъ принималъ, угощалъ насъ любезный хозяинъ»...

Память объ этомъ «счастливомъ любимцѣ фортуны» долго жила въ Малороссіи. Еще въ шестидесятыхъ годахъ стародубцы вспоминали разныя подробности изъ жизни красавца-толстяка Будлянскаго, какъ напр. онъ взвѣшивалъ себя на городскихъ вѣсахъ и вытягивалъ девять пудовъ [1]....

Полнота Б—аго была причиною его смерти, какъ это подробно описано въ нижеслѣдующемъ письмѣ.

«М—вая г—ня Варвара Яковлевна! Извините, милая моя, долгому моему молчанію, что я такъ долгое время не отвѣчала; истинно времени неимѣла, всякой день гости были, и вчера; и сей день только свободной. Благодарю васъ за поздравленіе меня праздникомъ Богоявленіемъ и за всѣ ваши мнѣ желанія; взаимно жъ, хотя и прошедшемъ, симъ же праздникомъ поздравляю, желаю отъ искреннаго

[1]) Записки Черниг. Губ. Стат. Комит., II, 146.

сердца, да продлитъ Господь вашу жизнь и сполнитъ ваши всѣ желанія. Вотъ еще кромѣ гостей, и печальное встрѣтилось: Будлянскій, Алексѣй Михайловичъ, приказалъ вамъ долго жить, декабря 27-го скончался, меня и ето потревожило. И къ немалому сожалѣнію, что безъ христіанскаго порядка, а другое, что етіи бѣдные народы[1]) остались безъ всякаго распоряженія. И болѣзнь его, еще можно сказать, небывалая: кровью зойшолъ, изъ пупка всіо кровь ишла, и сколько не было дохторовъ, немогли ему помочь. Когда его послѣ кончины, открыли (?), ибо скоро скончался, тотъчасъ его раздуло, то найшли столько въ немъ жиру въ грудяхъ и въ животѣ, что до кишокъ на силу добылись,—и сыскалось, что етые три жилки, которые отъ пупка идутъ, сгнили отъ жиру, чему уже никакъ неможно было помочь. Онъ занемогъ 22 декабря: обѣдалъ въ генерала Орлова[2]) и еще гдѣто былъ, пріехалъ, ліогъ на диванъ и видно уснулъ, и почувствоваль горячность на рукахъ и ногахъ, велѣлъ свѣчу подать, увидѣлъ окровавленаго себя, за докторами тотъ часъ послалъ, но какіе старанія недѣлали, немогли. И генералъ Орловъ сказуютъ, ему предлагалъ какъ о людяхъ, такъ и о христіянскомъ порядкѣ;—за людей сказалъ: я послѣ сдѣлаю, а за порядокъ христіянскій сказалъ, что я не умираю; и сказуютъ, перемѣнился на лицѣ, поблиднѣлъ; но Орловъ его уговаривалъ: ето, говоритъ, несмертельное есть дѣло, а такое, что оживляетъ нашу душу, и тѣло. И до самой кончины ѣлъ и пилъ, и ходилъ, но и плакалъ. Вотъ наша суетная здѣсь жизнь! Еще, говорятъ, какъ онъ прибирался какой то балъ, такой великолѣпной, дѣлать, и уже нѣсколько декорацій сдѣлано. Онъ князя (?) къ себѣ звалъ. Но не проговариваютъ, что онъ хотѣлъ жениться, послѣ новаго года, на Масовой, но еще за вѣрное не могу сказать. При самой кончинѣ потребовалъ священника и совѣтника. Священника—на двери, а онъ—скончался.... Скажу вамъ, мнѣ его жаль, ему еще не больше какъ пятьдесять шесть лѣтъ, но ежели уже Богъ ему такую жизнь опредѣлилъ, то я изъ етой стороны считаю лучше, что въ Кіевѣ умеръ. Хорошо его хоронили: самъ митрополитъ былъ и разрѣшителную молитву читалъ; поминовенія дѣлали, бѣдныхъ награждали, вездѣ посылали заключеннымъ и больнымъ, порядокъ очень хорошой былъ. Сыскали сорокъ шесть тысячь (рублей) при

---

[1]) Т. е. крестьяне, доставшіеся потомъ разнымъ, болѣе или менѣе далекимъ, родственникамъ Будлянскаго.

[2]) Михаила Федоровича, брата извѣстнаго кн. Алексѣя Фед—ча Орлова.

немъ, а въ Чемерѣ [1]), ежели бы умеръ, то мужиковъ бы напоили, и можетъ быть наслѣдники и того недали. Въ него много наслѣдниковъ есть, можетъ быть и хорошіе, и всякіе. И сказываютъ, что онъ отъ жиру и пресыщенія етую болѣзнь имѣлъ. Вотъ милая моя, что причиною моего долгого молчанія, то то, то другое. Но прошу, другъ мой, увѣдомить меня о вашемъ здоровьи; я своимъ здоровьемъ кажется здорова, но лѣтное (т. е. по лѣтамъ) здоровье,—какіе лѣта, такое и здоровье. Вѫпрочемъ честь имѣю быть къ вамъ съ истиннымъ моимъ почтеніемъ, милостивой государынѣ... [2]).

1819 года, генваря 23 д.
Г(ородъ) К(озелецъ).

Письмо это писано близкой родственницей Б—аго—Катериной Ефимовной Галаганъ, которая будучи дочерью кіевскаго полковника Ефима Дарагана, женатаго на одной изъ сестеръ Разумовскихъ, Вѣрѣ, приходилась двоюродной теткой Алексѣю Б—ому. Ефимъ Дараганъ, умирая въ 1762 г., оставлялъ трехъ сыновей, Василія (любимца императора Петра III), Ивана и Григорія, и двухъ дочерей, Софью (по мужу кн. Хованскую) и Катерину. По духовному завѣщанію отца, эти сыновья получили: Василій—два села, Семиполки и Рудню, и двѣ деревни, Святое и Опанасовъ, Иванъ—м. Борисполь, с. Глыбокое и д. Перегуды, и Григорій—села Рудковку, и Мостища и Сухинку и Даневку, и, кромѣ того, всѣмъ вмѣстѣ, завѣщаны были два золотоношскіе хутора, Михаловщина и Вѣтровка, да женѣ—назначено было село В. Пески [3]).

Всѣ сыновья Ефима Дарагана поумирали бездѣтными и всѣ ихъ имѣнія [4]) перешли къ сестрѣ Катеринѣ (вѣроятно и Софья не имѣла дѣтей), вышедшей замужъ за Ивана Григорьевича Галагана. Катерина Ефимовна, по преданію, была женщина замѣчательнаго ума, энергіи и стойкости характера. Рано овдовѣвъ, она самостоятельно

[1]) Принадлежавшее Будлянскому с. Чемеръ—въ козелецк. уѣздѣ.

[2]) Письмо это въ черновикѣ найдено нами среди разныхъ хозяйскихъ распоряженій Кат. Еф. Галаганъ, въ связкѣ бумагъ, пріобрѣтенной у одного изъ кіево-подольскихъ букинистовъ Черновикъ писанъ, какъ можно думать, подъ диктовку К—ны Еф—ны, которая затѣмъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, собственноручно его исправила.

[3]) Изъ этихъ имѣній—Семиполки, Рудня, Мостище и Святое были куплены Еф. Дараганомъ, въ 1753 г., за 9000 р., у сыновей бывшаго переяславскаго коменданта Матвѣя Андреевича Хераскова, Александра, Петра и *Михайла*; такимъ образомъ, имѣнія эти, когдато, частью принадлежали и „творцу“ Россіады.

[4]) Кромѣ Борисполя, проданнаго Лукашевичамъ.

вела хозяйства въ отцовскихъ имѣніяхъ, живя въ принадлежащей теперь коллегіи Павла Галагана подъ-козелецкой усадьбѣ Покорщинѣ. Сынъ ея Григорій жилъ отдѣльно отъ матери, въ отцовскомъ имѣніи Сокиринцахъ. По разсказу, слышанному нами отъ Гр. П. Галагана, († 1888 г.), дѣдъ его, Григорій Ив—чъ, по характеру совсѣмъ не походилъ на мать, которая настолько была недовольна его поведеніемъ, что запретила ему бывать у себя, въ Покорщинѣ. Такъ мать съ сыномъ и не видались... но когда послѣдній сильно заболѣлъ, то послалъ нарочнаго изъ Сокиринцовъ въ Покорщину, просить у матери прощенія. Катерина Ефимовна немедленно написала сыну прощающее письмо и отдавая его посланному, приказала, что если онъ не застанетъ въ живыхъ Григорія Ивановича, то чтобы письмо положено было къ нему въ гробъ... Такъ и случилось: нераспечатанное письмо съ прощеніемъ матери было положено въ гробъ сына...

А. Л.

Замѣтка къ знанію надлежащая о малороссійскомъ полковомъ и сотенномъ судѣ. (Изъ бумахъ А. И. Чепы). *Въ судѣ полковомъ* надлежитъ быть безпремѣнно всегда судіи и при немъ писару полковому, а съ ними въ ономъ-же судѣ засѣдать с полковой старшины—обозному, асауламъ двомъ, хоружимъ двомъ, и значковому товарищу, поочередно, то есть тремъ персонамъ—двомъ изъ означенной старшины, а третему значковому товарищу, по чверти года. А оного суда всегда полковникъ долженъ смотрѣть такъ, чтобы за его вѣдомомъ и соизволениемъ и за подписомъ руки всѣ дѣла вершилися, и въ приключающихся криминалнихъ и иныхъ значныхъ, подлеглыхъ суду полковому, справахъ, долженъ самъ полковникъ со всею купно старшиною присутствовать суду и, вершение справы учиня, со старшиною согласно подписоватся, ибо многіе давніе декрета или писма судовые имѣются въ разнихъ чиновъ людей за руками и печатьми прежнихъ полковниковъ, изъ которыхъ показуется, что въ судахъ полковыхъ сами полковники з старшинами присудствовали и по приговору и согласію общему разные дѣла вершили. Понеже все судебное дѣло наипаче залежитъ на судіи да на писару, почему и титуломъ тѣмъ славится судія, того ради долженъ быть судья, кромѣ природнаго добронравія, совѣстный, умный и въ писаніи искусный, наипаче права знающій.

Въ сотенныхъ судахъ, гдѣ нѣтъ магистрату, засѣдать всегда безпеременно сотнику, атаману городовому, писару, хоружому, войту и бургомистрамъ, а гдѣ атамана городового нѣтъ, тамъ атаманамъ курининмъ быть, и употреблять особливо къ знатнимъ дѣламъ, сколько пристойно, отъ знатного сотенного товариства, *а гдѣ есть магистратъ* и въ томъ-же городѣ сотникъ, тамъ магистратъ особно, а сотенный судъ особно свои дѣла отправлять имѣютъ.

Вышеозначеннымъ-же судовымъ особамъ въ судѣ засѣдать и оный производить три дни в тиждень—в понеделникъ, среду и пятокъ, а того ради не по вся дни, чтобъ можно было управится въ писаніи обстоятелномъ дѣлъ.

Сообщ. **Н. В. Стороженко.**

Письмо Лукашевича къ генералъ-губернатору Д. Г. Бибикову[1]. Ваше Высокопревосходительство милостивый государь Дмитрій Гавриловичъ! Въ прошломъ іюлѣ мѣсяцѣ я получилъ отъ г. предсѣдателя временной коммиссіи для разбора древнихъ актовъ Н. Э. Писарева отзывъ, въ коемъ извѣщаетъ объ утвержденіи меня вашимъ высокопревосходительствомъ въ званіи члена сотрудника оной коммиссіи. За столь лестное для меня назначеніе приношу вамъ чувствительнѣйшую благодарность; я же готовъ во всякое время, по вашему вызову, быть полезнымъ своими трудами временной коммиссіи, которая подъ эгидою вашею успѣла оказать важныя и неоцѣненныя услуги изданіемъ памятниковъ, повидимому, уже осужденныхъ временемъ на безвозвратную утрату. И сколько важныхъ истинъ она раскрыла, довольно непріятныхъ для враговъ имени русскаго! Всякій, занимающійся отечественною исторіею, находитъ въ нихъ нерѣдко безцѣнныя и нигдѣ не извѣстныя до сего данныя.

Не взирая на это, актовъ по двумъ или тремъ важнѣйшимъ вопросамъ, рѣшившимъ политическую участь Югозападной Руси до восприсоединенія оной къ Россійской имперіи, въ памятникахъ вовсе не находится. Чрезъ это самыя главныя и неслыханныя въ исторіи человѣчества хищничества Посполитой Рѣчи въ Югозападной Руси до сихъ поръ не обнаружены. И, конечно, какъ изданные памятники суть только простое собраніе историческихъ документовъ и матеріа-

---

[1]) Печатаемъ это письмо цѣликомъ, въ виду того интереса, какой оно представляетъ для надлежащей характеристики лицъ и пережитой эпохи.—Ред.

ловъ, нельзя требовать отъ нихъ ни историческихъ изслѣдованій, ни историческихъ выводовъ. Но въ нынѣшнее время это есть существенная необходимость, тѣмъ болѣе, что исторія этой части нашего отечества по нынѣ еще критически не обработана.

Этотъ недостатокъ или эту необходимость въ полной мѣрѣ призналъ Н. Э. Писаревъ и, зная, что я болѣе 20 лѣтъ занимаюсь постоянно симъ предметомъ, предложилъ мнѣ, для полноты дѣйствій коммиссіи, заняться редакціей историческихъ записокъ объ Югозападной Руси, въ составъ коихъ входили бы: древняя и новая ея исторія, географія славянскаго и до-татарскаго періодовъ, филологія и древности. Я принялъ это предложеніе съ тѣмъ, чтобы мысленіе (sic!) не было стѣснено, а изданіе было бы изящное, съ картами, планами и изображеніями. Затѣмъ я далъ слово Николаю Эварестовичу прислать вскорѣ къ нему конспектъ Историческихъ записокъ; но отозваніе его въ С.-Петербургъ, а потомъ назначеніе его въ губернаторы въ великороссійскую губернію положило конецъ этому предпріятію. Безъ сомнѣнія, онъ уже докладывалъ объ этомъ предположеніи вашему высокопревосходительству.

Нельзя не согласиться, что нынѣ историческая истина болѣе всего необходима въ дѣлахъ государственныхъ: ибо за правымъ Богъ! Не политикѣ, или дипломатіи, суждено выявлять оную, а исторіи — разумѣется, безпристрастной. Горе историку, который, льстя страстямъ, не указываетъ на истины вѣковѣчныя; но горе и народу, который не разумѣетъ ихъ и ими пренебрегаетъ. Такъ вышло и съ Польшею.

Теперь, когда во Франціи объявлено республиканское олигархическое правленіе, когда такъ называемый Германскій союзъ видимо повергается въ ту же бездну своеволія и буйства; нынѣ, когда временные правители Франціи явно провозглашаютъ союзъ Франціи съ Германіею—для удобнѣйшаго распространенія гибельныхъ своихъ идей и даже угрожаютъ Россіи отпаденіемъ Польши, заключая ее въ границы, какія она имѣла до перваго своего раздѣла (т. е. по Днѣпръ!),—нынѣ болѣе всего предстоитъ нашимъ историкамъ и изслѣдователямъ заняться обнаруживаніемъ тѣхъ истинъ, отъ которыхъ враги Россіи трепещутъ, внутренно сознаваясь въ своемъ безсиліи и рано или поздно ожидая справедливаго возмездія за свои неправды и хищничества, произведенныя въ западной Руси. Таковъ есть непреложный законъ Творца, законъ самосохраненія каждаго племени рода человѣческаго.

Не взирая иногда на неблагопріятныя обстоятельства, исторія общеславянская и русская сдѣлала большіе успѣхи. Въ исторіи юго-западной Руси два изъ важнѣйшихъ вопросовъ рѣшены положительно: первый—объ особомъ славяно-русскомъ происхожденіи ея жителей, и вторый—о вѣрѣ ихъ, какъ о причинѣ отпаденія и отчужденія ихъ отъ Польши. *Первымъ рѣшеніемъ* прекращена возможность лгать польскимъ писателямъ: о недавности населенія Украины и Подоліи, объ олюдненіи туземцевъ сихъ странъ по милости поляковъ и проч. и проч. *Вторымъ* доказано положительно о привязанности малороссіянъ къ вѣрѣ своихъ предковъ, къ православію, и слѣдовательно о невозможности ихъ окатоличить и ввести гибельныя западныя идеи; такъ что, по землеписи знаменитаго Шафарика, нѣтъ ни одной малороссійской веси, въ которой бы ея жители были римскіе католики, или лютеране, или раскольники. И потому то, по присоединеніи кіевской, подольской и волынской губ. къ Россійской имперіи, русское правительство возвратило ея туземцамъ православную вѣру ихъ отцовъ, отъ которой они принуждены были насиліемъ Уніи наружно отказаться.

Въ началѣ этого года, когда буря неустройствъ разразилась на западѣ Европы, когда ослѣпленная утопіею эта часть Европы бросила свой дерзкой взглядъ на Польшу, въ это время, какъ и должно быть, русская исторія вошла въ кругъ обычной своей дѣятельности—для опроверженія ложныхъ историческихъ выводовъ, распространяемыхъ поляками на Западѣ. Въ семъ родѣ появилось въ С.-Петербургѣ сочиненіе неизвѣстнаго автора подъ названіемъ: *Взглядъ на исторію Западной Руси.* Авторъ этого сочиненія превосходно воспользовался всѣми до сего времени сдѣланными выводами по исторіи западной Руси, именно тѣми, о коихъ я сейчасъ упомянулъ; затѣмъ уже опровергаетъ несбыточныя мечты польскихъ выходцевъ. Но по односторонности самыхъ этихъ историческихъ выводовъ, образъ изложенія или нить повѣствованія автора стала чрезъ сіе совершенно неудовлетворительна и даже двусмысленна, загадочна, какъ всякое дѣло или происшествіе, на половину только изслѣдованное. Во всякомъ разѣ недоизслѣдованіе историческое вредно даже и для дипломатіи, для законодательства и т. под. И въ самомъ дѣлѣ, какъ не удивляться явному историческому пробѣлу, когда авторъ, разсуждая о западной Руси, безпрестанно сбивается на *поляковъ*? Невольно спрашиваешь: откуда же взялись въ ней эти польскіе паны съ многочисленными толпами польскихъ шляхтичей и еще съ многочисленнѣй-

шими жидами, отъ берега Днѣпра до Карпатскихъ горъ, а на сѣверо-западъ до царства Польскаго по рѣчку Вепрь, когда сіи послѣдніе западные предѣлы искони служили русскому племени его естественною безмятежною границею?..

Не удивительно послѣ этого, что г. Сенковскій, издатель библіотеки для чтенія, по случаю разбора Исторіи Малой Россіи Маркевича, дерзнулъ сказать, что *малороссіяне всегда были холопами поляковъ*. Эта выходка произвела негодованіе во всей Россіи. Я слышалъ въ Петербургѣ, что ваше высокопр—ство достойно протестовали противъ этого неумѣстнаго патріотизма хитраго ляха.

Другіе писатели, желая кое-какъ загладить неимовѣрныя въ нашъ вѣкъ хищничества Посполитой-Рѣчи, говорятъ, что нѣкоторые изъ польскихъ пановъ суть малороссійскаго происхожденія, иначе—что ихъ предки были русскіе, что они приняли католицизмъ изъ видовъ корыстолюбія. Пусть такъ; но ничто бы не помѣшало имъ именоваться русскими, не отказываться отъ языка, быта и образа мыслей русскаго народа и не быть угнетателями того народа, отъ котораго сами произошли,—введя аренды и до двухъ милліоновъ жидовъ на землю русскую. Нѣтъ, малороссіяне умываютъ руки отъ притязаній быть отцами подобныхъ исчадій, истинныхъ израдцевъ, губителей общаго великаго русскаго отечества!.. Нѣтъ, истинные малороссійскіе бояре и малороссійская шляхта отъ Днѣпра до Карпатъ давно уже погибли отъ меча лядскаго, отъ козней езуитовъ и уніатовъ, отъ ихъ палачей, или бѣжали за Днѣпръ къ своимъ соотечественникамъ, заповѣдуя дѣтямъ и внукамъ своимъ вѣчную месть противъ несносимаго ига лядскаго. Ничто и никогда не помѣшаетъ малороссіянамъ взяться за опять прадѣдовскіе мечи на пораженіе ляховъ, ежели только Польша задумаетъ со двадесятью языками Запада возстать противъ милосерднаго царя нашего. Судите сами, ваше высокопр-ство, сколь, къ несчастью, справедливо негодованіе Западной Руси противъ поляковъ, ея угнетателей! Прочтите исторію Червоной Руси, или Галиціи, г. Зубрицкаго: тамъ тѣ же вопли малороссіянъ на поляковъ и жидовъ, тѣ же жалобы, тѣ же вздохи! И истинно это вопросъ важный, великій, всечеловѣческій: быть ли Руси Западной отъ Днѣпра до Тиссы, какъ то было искони, или быть тамъ полякамъ, жидамъ, венграмъ (по послѣднимъ извѣстіямъ, Венгрія отдѣляется совершенно отъ Австріи и угнетаетъ подчиненныхъ ей малороссіянъ и словаковъ)?—одинъ Богъ то рѣшитъ, а по его соизволенію царь нашъ русскій, православный: царево бо сердце въ

руцѣ Божіей. Дѣло же истиннаго, безпристрастнаго историка подмѣчать вѣрно ходъ, направленіе судебъ описываемаго имъ народа.

Такимъ образомъ на лжи польскихъ выходцевъ, противъ Россіи устремленныя, мы, русскіе, вынуждаемся сказать слѣдующія истины. Довольно явственно, что пробѣлъ въ исторіи западной Руси происходитъ отъ нерѣшенія по сю пору послѣдующихъ не менѣе важныхъ вопросовъ, именно—*третьяго* (или послѣдующаго послѣ изслѣдованія о вѣроисповѣданіи): извѣстно, что во время польскаго королевства въ нынѣшнихъ волынской, под. и кіевской губ. и другихъ находились безчисленныя коронныя имѣнія, состоявшія въ городахъ, мѣстечкахъ, селеніяхъ, и заключавшія въ общемъ итогѣ сотни тысячъ душъ; бо́льшая часть жителей этихъ *новозавоеванныхъ отъ козаковъ* волостей обязывалась королю пятидневною въ году панщиною да столькими же днями въ отправленіи земскихъ повинностей. Спрашивается: гдѣ подѣлись эти коронныя и мнимо-коронныя имѣнія? *Отвѣтъ*: въ 1775 г. поляки, собравшись на сеймъ, беззаконно раздѣлили между собою всѣ сіи обширныя имѣнія или, лучше сказать, волости; но, какъ бы убоясь своего хищничества, отняли оныя у короля *условно*—въ эмфитеутичное право, потомъ различными пронырствами, плутовствами и подлогами завладѣли безусловно этими богатыми помѣстьями, а вольныхъ тамошнихъ жителей, западныхъ русиновъ, обратили въ своихъ холоповъ. Вотъ польская республика!

Четвертый вопросъ (и вмѣстѣ четвертое историческое положеніе): Извѣстно также, что по Андрусовскому договору въ 1667 г. Малороссія правой стороны Днѣпра, страна, заключающая нынѣ губерніи кіевскую, подольскую и части волынской и могилевской, отдана была польской республикѣ, съ тѣмъ, однако, чтобы личность, права и собственность тамошняго русскаго православнаго народа были не нарушимы, въ чемъ клятвенно утверждали сіи условія всѣ короли польскіе. Но поляки, соединясь съ уніатами и жидами, вскорѣ успѣли истребить тамъ все православное духовенство, все малороссійское шляхетство и всю старшину козацкую войсковую. Но этого мало. Западная Русь, подобно какъ и восточная, всегда имѣла между сословіями своими сословіе воинское, которое владѣло собственными своими землями и всегда готово было противъ враговъ отечества. Въ древности оно называлось: ра́сынками, дѣтскими, отроками; при князьяхъ литовскихъ: панцырными, путными, бронными (sic!) боярами, а наконецъ козаками. Извѣстно, что не только во времена Хмельницкаго, Палѣя и другихъ, но гораздо позднѣе послѣ гетмана

Самуся (sic!), число козаковъ правой стороны Днѣпра было равное (если только не большее) съ козаками лѣвой стороны сей рѣки; сихъ послѣднихъ считается нынѣ въ черниг. и полтавской губ. болѣе 600,000 душъ муж. пола. Спрашивается: куда подѣлось это многочисленное и знаменитое козачье сословіе, обитавшее отъ Днѣпра по Случъ и Днѣстръ? *Отвѣтъ*: въ прошломъ вѣкѣ порабощено поляками. Порабощеніе сіе тѣмъ болѣе для поляковъ было выгодно, что вмѣстѣ съ симъ они отнимали земли и угодья козачьи. *Вопросъ*: какими путями они этого достигли? *Отвѣтъ*: Первоначально, при Палѣѣ, были знатныя битвы козаковъ съ Посполитою-Рѣчью и отдѣльными панами, потомъ настала совершенная рѣзня, а подъ конецъ простая травля на несчастныхъ русскихъ воиновъ. Обыкновенныя казни для нихъ были: сажаніе на колъ, сдираніе съ живыхъ кожи, четвертованіе; а меньшее наказаніе: отрубаніе руки и ноги. Въ 1768 г. козаки уманскіе, бѣлоцерковскіе и другіе пали со славою и разомъ всѣ до единаго или погибли, или отъ поляковъ умучены, а трупы ихъ были отданы псамъ на съѣденіе. Недавно полякъ (sic!) Скальковскій, въ сочиненіи своемъ подъ названіемъ исторіи гайдамакъ, написалъ похвальное слово своимъ соотечесвенникамъ и жидамъ. Такъ пало знаменитое бывшее великое княжество кіевское, *истинная* русская земля, растерзанное, облитое собственною кровью, предавъ злачистыя свои пажити и цвѣтущіе луга пришельцамъ изъ за Вислы.

Пятый вопросъ (и вмѣстѣ пятое историческое положеніе): Удачное нашествіе поляковъ на Русь западную положило конецъ и ея свободѣ, и собственности, и народности. Поляки всѣмъ въ ней овладѣли, хотѣли даже лишить русскихъ и православія; но это имъ не удалось. Небольшая кучка народа, каковы были поляки въ западной Руси, произвела въ оной столь неслыханный жестокій переворотъ, что съ трудомъ этому вѣрится, еслибы она не имѣла при себѣ дѣятельныхъ помощниковъ. Это были *жиды* (учтиво именуемые евреями). Они были для поляковъ банкирами, ремесленниками, купцами, маркитантами, шпіонами, откупщиками и арендаторами. Древніе промыслы, искусства, художества и торговля русиновъ были соперничествомъ жидовъ, непокровительствомъ и войнами уничтожены. Но, оставивъ въ покоѣ заслуги, оказанныя жидами полякамъ, что должно заключить о такъ называемомъ новѣйшемъ *германскомъ гуманизмѣ*, силящемся къ уравненію жидовъ въ правахъ со всѣми другими народами? *Отвѣтъ*: Онъ удивительно хорошо разсчитанъ нѣмцами и устремленъ прямо

противъ западной Руси. Извѣстно, что нѣмцы давнымъ давно выгнали изъ своей земли почти всѣхъ жидовъ въ бывшее королевство Польское, такъ что въ Германіи на 40 милліоновъ жителей находится только 300,000 жидовъ, что составляетъ отношеніе какъ 1:133. Слѣдовательно, нѣмцамъ теперь ничего не стоитъ быть *гуманистами* и имѣть самую нѣжную любовь къ жидамъ: іудеи нынче вовсе не опасны для нѣмцевъ, а напротивъ, при торжествѣ гуманизма, весьма будутъ полезны Германіи. *Вопросъ*: Чѣмъ это можно доказать? *Отвѣтъ*: Во всѣхъ государствахъ жиды составляютъ собою исключеніе лишь въ царствѣ Польскомъ. Если бы сгресть въ одно мѣсто со всѣхъ пяти частей свѣта жидовъ, то ихъ числомъ далеко не будетъ столько, сколько находится ихъ собратовъ въ западной Руси, включая въ нее Галицію и литовско-бѣлорусскія губерніи: до двухъ милліоновъ душъ, такъ что вообще на 7 русскихъ приходится одна жидовская душа. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этой части Россіи это отношеніе русскихъ къ жидамъ есть еще меньшее. Извѣстно, что жиды въ 50 лѣтъ удвояютъ свое населеніе, напротивъ русское народонаселеніе удвояется только во сто лѣтъ. Ежели подобная прогрессія въ обоихъ народахъ продлится, то не пройдетъ 250, а много 300 лѣтъ, какъ населеніе жидовское будетъ далеко превышать русское на всемъ огромнѣйшемъ пространствѣ зап. Руси; а 300 лѣтъ въ жизни народовъ періодъ не великъ. Вотъ подарокъ, данный русинамъ польскою аристократіей! Не пройдетъ послѣ того еще ста лѣтъ, какъ злополучная Русь должна будетъ утонуть въ морѣ іудейскомъ, какъ утонулъ фараонъ, преслѣдуя жидовъ черезъ Чермное море. Жиды, давно утративъ природный свой языкъ, употребляютъ между собою нѣмецкій: естественно имъ примкнуть къ Германіи, какъ ко второму своему отечеству, съ которой сверхъ того связаны и сходствомъ нравовъ, привычекъ и домашняго быта. *Вопросъ*: Должно ли желать, чтобы жиды приняли христіанскую вѣру? *Отвѣтъ*: Отъ души должно имъ этого желать и чтобы вмѣстѣ съ симъ прямо отправились въ Сирію, въ свое отечество; теперь пути сообщенія быстры, легки и удобны. *Вопросъ*: Должно ли желать, чтобы кровь жидовская смѣшалась съ славянской? *Отвѣтъ*: О Господи! не допусти насъ до сего послѣдняго и крайняго уничиженія и несчастія. Лучше намъ совсѣмъ не родиться, нежели имѣть въ своихъ жилахъ хотя одну каплю жидовской крови.

Со всего этого можете усмотрѣть Ваше Выс—ирство, какъ ничтожны и ни на чемъ основаны сужденія о Западной Руси польскихъ

выходцевъ и вообще польскихъ писателей. И точно, одни русскіе лучше всѣхъ могутъ судить объ исполненныхъ историческихъ судьбахъ своего края. Будущее извѣстно единому Богу.

Имѣю честь представить при семъ и брошюру *Взглядъ на исторію Западной Руси,* которой здѣсь счелъ обязанностію сдѣлать разборъ. Зная, что вы не чужды музъ и любознательности свойствъ нашего языка, усерднѣйше прошу принять одно изъ моихъ филологическихъ сочиненій; за особую честь себѣ вмѣню, если удѣлите ему нѣсколько досуговъ. За симъ съ достодолжнымъ уваженіемъ и глубочайшею преданностью имѣю честь пребыть... и проч.

1848 года, сентября 12-го дня.

Платонъ Лукашевичъ.

По поводу рецензіи г. Я. Ш. на мою статью о Добрынѣ и Маринѣ во 2 кн. Кіев. Стар. 1893 года. Въ статьѣ о Добрынѣ и Маринѣ, напечатанной въ XIV кн. Этнограф. Обозрѣнія 1892, я пришелъ къ двумъ выводамъ: 1) былины о Добрынѣ и Маринѣ въ главной своей части (оборотничество) представляютъ передѣлку сказки о женѣ-волшебницѣ и 2) сказки о женѣ-волшебницѣ—отголоски древнихъ греческихъ сказаній о Цирцеѣ и зашли въ Россію черезъ Кавказъ. Послѣдній выводъ сдѣланъ мной съ такими оговорками (можетъ быть, возможно и пр.), которыя подали поводъ моему почтенному рецензенту въ Кіевской Старинѣ не только усомниться въ его основательности, но даже признать его «мало научнымъ». Мнѣ кажется, что я въ дѣйствительности погрѣшилъ въ излишней осторожности и такимъ образомъ лишь поколебалъ довѣріе къ моему выводу. Я упустилъ изъ виду одно важное обстоятельство, которое замѣтилъ уже по напечатаніи статьи при новомъ пересмотрѣ кавказскихъ варіантовъ. Оказывается, что на Кавказѣ сказка о женѣ-волшебницѣ встрѣчается въ тѣсномъ соединеніи съ другими сказочными мотивами, стоящими въ очевидной связи съ Одиссеей. Въ этомъ отношеніи замѣчательна, напримѣръ, кабардинская сказка о Хагорѣ въ XII т. Сборника матер. для опис. Кавказа. Я указалъ въ статьѣ на первую половину этой сказки, гдѣ говорится о женѣ-волшебницѣ; но совсѣмъ не обратилъ вниманія на другія части этой сказки, а между тѣмъ въ сказкѣ о Хагорѣ оказывается мотивъ объ одноглазѣ, поразительно сходный съ XI пѣснью Одиссеи, что уже было указано и оговорено г. Лопатинскимъ въ примѣчаніи къ кабардинской сказкѣ. Такое близ-

кое сосѣдство сказочныхъ мотивовъ о Цирцеѣ и Полифемѣ въ одной и той же кабардинской сказкѣ прямо говоритъ въ пользу нашего предположенія, которое вполнѣ совпадаетъ съ мнѣніемъ проф. В. Ѳ. Миллера, высказаннымъ по поводу другой кабардинской сказки—о похищеніи красавицы Елены (Сборн. мат. XII 76), что «мы имѣемъ на почвѣ Кавказа отголоски Одиссеи или, говоря точнѣе, отголоски тѣхъ же народныхъ сказаній, которыя нѣкогда вошли въ составъ Одиссеи»....

Н. Ѳ. Сумцовъ.

Украинскій варіантъ о происхожденіи табака. I. Про табакъ у сни прыснылося чоловикови. Ходывъ по монастырямъ Богу молыться; якъ прійшовъ до якихсь святихъ тай углядивъ табакъ у тій слободи, городи тому. Ему у сни увыдилося: отто картошка цвите; тамъ яблучки зъкартошки есть,—то ты тихъ яблучокъ нарвы возьми у гній закопай гарячій, то воно паросты попустыть; тоди ты паросты посады и полывай, полывай... тоди щось тоби буде». Той чоловикъ такъ и зробывъ — закопавъ; та що дня ходе поглядать; та якъ пишовъ дванадцятого дня, а надъ нымъ сыдить еврей, тай каже: «чого ты, чоловиче, ходышъ?» — «Я тутъ одну штучку закопавъ» «Яку?» Винъ давай ёму казать.— «Не ходы жъ ты, каже, шисть день ще, то воны выйдуть самы». Винъ шисть день не бувъ—паросты повыходылы. Скопавъ грядочку, взявъ и посадывъ; посадывъ тай полыва, тай полыва; люды дывляться що винъ робе и пытають его, а винъ: «вамъ не питать, мени не казать». А дывиця—мабудь Недиля, св. Воскресеніе каже: «хиба це Богъ давъ? це не Богъ давъ? якому Богу молывся, той Богъ и давъ, це не Боже!» — «Що жъ менипробыть?» «Колы хочъ своіи души спасенія, то откажись, а колы хочъ богатыремъ буть—робы; кого ты прохавъ, той тоби дасть!» — «Що Богъ дасть!» А винъ каже: «то не Богъ; Богъ на небесахъ, а твій Богъ въ свынынци стоить!» — «Уже я тебе не послухаю». Пишовъ у хливъ подывытся—чи правду винъ каже. А винъ (лукавый) стоить у золоти и каже: «ще й ти, чоловиче, будешъ у золоти?» — Чого я бажавъ, то мени Богъ и давъ!» — «Тутъ Бога нема; будь мени товарышемъ». Винъ прыступывъ «ты никого не слухай, полывай, полывай, а якъ выросте, то лыстячко обламай, а насинячко прибերегай — то будешъ богатыремъ».

II. У Божои Матери голова заболила—а вона понюхала—голова и перестала болить; вона и каже: «у мене перестала голова болить, нехай и мыръ крещений тимъ оборотъ дилае—що у мене голова перестала болить».

(Зап. отъ старухи Соточихи, по фамиліи — Тищенко, въ с. Шебекинѣ, бѣлгородск. у. курской губерніи въ 91 году).

М. К. Васильевъ.

Поправка. Въ № 2-мъ текущаго года слѣдуетъ исправить такія опечатки:

Стр. 357 строка 5 снизу—послѣ словъ «Журобеницы 1765 г.» пропущена выноска: 3) К. Ц. Архива кн. № 76, л. 177—178.

Тамъ же строка 4 снизу напечатано: «bez koley», должно быть «też koley».

БИБЛІОГРАФІЯ.

Werenka, D., Bukowinas Entstehen und Aufblühen. Maria Theresias Zeit. Nach Acten aus Archiven. I. Theil: 1772—juni 1775—Wien, 1892.

Небольшую по объему и на три четверти наполненную сырымъ матеріаломъ книжечку Веренки нельзя назвать ни особенно интересной по изложенію, ни выдающейся по методу изслѣдованія. Это — заурядный, чисто гелертерскій трудъ, суховатый по содержанію, вяло изложенный, «представляющій простую сводку матеріала, находившагося въ распоряженіи автора. Но дѣло въ томъ, что самый матеріалъ, касающійся исторіи родственнаго племени, имѣетъ громадный интересъ и значеніе. Авторъ воспользовался совершенно неизвѣстными до сихъ поръ документами, хранящимися въ архивахъ, еще недавно недоступныхъ для изслѣдователей. Онъ работалъ въ архивахъ Вѣны: и въ государственномъ, и министерствъ военнаго, внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и т. п., и въ вышедшемъ первомъ выпускѣ далъ рядъ депешъ и писемъ и Кауница, и Іосифа II, и цѣлаго ряда разныхъ военныхъ и дипломатическихъ агентовъ, сидѣвшихъ то въ самой Буковинѣ, то въ Варшавѣ, то въ лагерѣ и при особѣ русскаго главнокомандующаго, графа Румянцева. Здѣсь масса, быть можетъ, иногда и мелкихъ, но въ высшей степени характерныхъ и любопытныхъ подробностей, ярко обрисовывающихъ политическіе нравы недавняго еще прошлаго. Съ другой стороны, авторъ задался цѣлью написать полную исторію Буковины на основаніи совершенно новыхъ данныхъ. Выпуская пока лишь первую часть своего труда, онъ обѣщаетъ дать въ ближайшемъ будущемъ и исторію организаціи Буковины при Маріи Терезіи, и исторію реформъ Іосифа II, и исторію сліянія Буковины съ Галичиной. Не-

сомнѣнно, книга Веренки будетъ первой серьезной попыткой написать самостоятельную исторію только одной Буковины, исторію области, еще, строго говоря, не имѣвшей своего историка. За исключеніемъ небольшой брошюры, написанной извѣстнымъ историкомъ гуцуловъ, Бидерманомъ: «die Bukowina unter österreichischer Verwaltung» съ 1775 по 1875 г., брошюры, заключающей въ себѣ лишь самый общій очеркъ исторіи Буковины на основаніи большею частью печатныхъ и весьма скудныхъ источниковъ,—въ исторической литературѣ нѣтъ труда, прямо и спеціально касающагося этой области. Лишь исторія присоединенія ея къ Австріи была предметомъ изслѣдованія, главнымъ образомъ въ трудѣ Арнета: «Maria Theresia», но вскользь, въ общихъ чертахъ. Веренка попытался пополнить то, что не было сообщено или не было затронуто ни Арнетомъ, ни другими изслѣдователями, и это то и дѣлаетъ его книгу заслуживающею особаго вниманія со стороны историческаго органа.

Въ разсматриваемой книгѣ наибольшій интересъ представляетъ не общій ходъ присоединенія Буковины къ Австріи,—онъ уже хорошо извѣстенъ былъ и ранѣе, и съ этой стороны трудъ Веренки даетъ сравнительно мало новаго. Но то, какъ и съ помощью какого процесса и какихъ мѣръ удалось произвесть захватъ новой области, раскрыто въ книгѣ автора и особенно въ приложенныхъ имъ документахъ съ поразительною ясностью.

Серьезнымъ образомъ вопросъ о Буковинѣ возникъ лишь послѣ раздѣла Польши 1772 года. До того шла нѣсколько разъ рѣчь о присоединеніи къ Австріи Молдавіи и Валахіи, но всякій разъ безуспѣшно. Когда началась русско-турецкая война 1768—1774 г., Австріи обѣщаны были оба княжества, если она либо заговоритъ съ Турціей энергическимъ языкомъ, либо прибѣгнетъ для этой цѣли къ угрожающимъ демонстраціямъ. Австрійское правительство, опасавшееся усиленія Россіи, отклонило сдѣланное предложеніе. Оно попыталось, правда, получить тоже путемъ тайнаго договора съ Турціей (6 іюля 1771 г.), но англійскому послу удалось пронюхать тайну. Онъ сдѣлалъ сообщеніе о договорѣ русскому правительству, и дѣло окончилось ничѣмъ. Поэтому возобновленіе того же предложенія, сдѣланное во время переговоровъ о первомъ раздѣлѣ Польши, встрѣтило полный отказъ. «И то уже съ моей стороны большая жертва, писала Марія Терезія Ласи 6 февраля 1772 года,—что я дѣлюсь съ другими; но разъ это необходимо, пусть все ограничится одной Польшей. Молдавія и Валахія, въ томъ видѣ, какой представляютъ эти

области, крайне разоренныя и нездоровыя, для насъ не годятся». Подобнаго рода заявленіе со стороны Маріи Терезіи было вполнѣ естественнымъ и понятнымъ: та аггрессивная политика присоединеній, гдѣ бы то ни было и во что бы то ни стало, которую такъ рельефно формулировали министры Леопольда I въ 1689 году, въ XVIII вѣкѣ была какъ бы позабыта. О томъ, чтобы стремиться «къ расширенію границъ до Константинополя или, по крайней мѣрѣ, за Балканы до Адріатическаго моря», послѣ позорнаго бѣлградскаго мира, полнаго разоренія и истощенія страны,—этого неизбѣжнаго послѣдствія внутренней австрійской политики XVII и XVIII вѣковъ, не могло быть и рѣчи. Вопросы восточной политики пришлось отодвинуть на задній планъ: на первый планъ выдвинулись вопросы самосохраненія, внутренняго укрѣпленія. Никакихъ войнъ, ни малѣйшихъ уклоненій отъ старой системы, полный нейтралитетъ относительно Турціи, ни копѣйки денегъ «отъ этихъ людей» (молдаванъ и валаховъ),—вотъ чего постоянно и упорно держалась старѣющая императрица. И это въ то время, когда ей пришлось раздѣлить управленіе съ сыномъ Іосифомъ II, сдѣлавшимся ея Corregens'омъ и мечтавшимъ вновь вернуться къ традиціямъ министровъ Фердинанда I... Въ лицѣ Кауница и затѣмъ Тугута онъ нашелъ достойныхъ и ловкихъ дѣятелей—дипломатовъ, готовыхъ идти по слѣдамъ старой, временно забытой политики. Возникавшая, хотя еще и слабая, борьба между обѣими политиками не была тайной ни для кого и нашла для себя прелестную характеристику въ разговорѣ, имѣвшемъ мѣсто позже, въ февралѣ 1775 года, между однимъ изъ австрійскихъ агентовъ и турецкимъ пашей. «А что, старая императрица все еще въ добромъ здоровьи»? спросилъ паша.— «О, да, конечно, ея здоровье въ наилучшемъ видѣ», отвѣтилъ я.— «О! пока она жива, никакой войны не будетъ у насъ съ вами, замѣтилъ паша; однако сыну ея довѣрять то много нельзя». (Отчетъ Вейнбергена, прилож. № LXXXIV, у Werenka).

При такихъ отношеніяхъ въ средѣ правительства, уступка, сдѣланная Маріей Терезіей въ вопросѣ о Галичинѣ, неизбѣжно должна была повести къ ряду другихъ. Благодаря отказу Маріи Терезіи отъ Молдавіи, граница, отдѣлявшая Галичину отъ Буковины, была съ точки зрѣнія военныхъ интересовъ крайне неудобной: турецкія владѣнія узкой полосой, клиномъ врѣзывались въ земли монархіи; идеалъ границы того времени—«естественная граница»—отсутствовалъ. И во время русско-турецкой войны это сказалось весьма чувствитель-

нымъ образомъ для Галичины и особенно для Трансильваніи, куда то и дѣло вторгались румынскіе добровольцы, сожигали и грабили села. Дипломатическая переписка между Кауницомъ, австрійскимъ посломъ въ Константинополѣ, Броньяромъ, и турецкимъ правительствомъ не приводила ни къ какимъ существеннымъ результатамъ, и вопросъ о занятіи Буковины въ той или иной формѣ долженъ былъ раньше или позже, вопреки волѣ Маріи Терезіи, разрѣшиться.

Затрудненіе заключалось въ томъ, какъ и какими средствами достигнуть желаемой Іосифомъ и Кауницемъ цѣли: расширенія территоріи, умноженія числа подданныхъ, солдатъ, финансовыхъ средствъ, не нарушая открыто воли императрицы, не создавая крупныхъ затрудненій для самой монархіи. Путь дипломатическихъ непосредственныхъ сношеній съ Турціей или Россіей не улыбался ни Кауницу, ни Тугуту, замѣнившему Броньяра въ качествѣ посла при Портѣ. «Получить, такъ сказать in petitorio, этотъ округъ отъ Порты, говорилъ Кауницъ,—безнадежное и напрасное дѣло, ибо многолѣтній опытъ достаточно убѣдительно научилъ насъ, что нѣтъ возможности добиться отъ Порты не только уступки какой либо узурпированной ею территоріи, но даже простого исправленія границъ». И совершенно также смотрѣлъ на дѣло и Тугутъ, посылавшій по этому поводу рядъ депешъ въ Вѣну. Съ другой стороны просилъ онъ Кауница быть на сторожѣ и не входить равнымъ образомъ въ слишкомъ тѣсныя соглашенія съ Россіей: это раздражитъ Турцію и при заключеніи мира, въ близости котораго Тугутъ не сомнѣвался,—Порта чего добраго отдастъ всѣ княжества Россіи. (Депеша отъ 1773 г., у Hurmuzaki, VII, 99 и сл.) Но предупрежденіе было излишне: Кауницъ и самъ опасался начать съ Россіей переговоры, такъ какъ они неизбѣжно сдѣлались бы извѣстными не только Турціи, но и Пруссіи, агенты которой, немедленноже, предъявятъ вѣчныя свои требованія о вознагражденіи, «Aequivalenzansprüche».

Обойти всѣ эти нежелательные пути, пріобрѣсть въ тоже время искомую территорію, укрѣпить новую границу, а затѣмъ освятить фактическое владѣніе юридической санкціей, такова была задача, и ее блистательнымъ образомъ выполнили Іосифъ II, Кауницъ и ихъ агенты, выполнили такъ, что старой императрицѣ пришлось уступить.

Русскія войска занимали всю Молдавію и Валахію; здѣсь же находилась и главная квартира съ графомъ Румянцевымъ, какъ главнокомандующимъ, и сюда то явился еще въ 1772 году въ качествѣ не то волонтера, не то военнаго агента генералъ баронъ Барко. Ему

удалось очень быстро заслужить уваженіе и любовь Румянцева, у котораго онъ скоро сдѣлался своимъ человѣкомъ, и его то избрало австрійское правительство орудіемъ для выполненія намѣченной цѣли. Необходимо было исподоволь, тайкомъ занять войсками свободную отъ русскихъ войскъ Буковину, служившую лишь мѣстомъ добыванія фуража для русской арміи, а для этого требовалось согласіе графа Румянцева. Барко, которому поручено было склонить къ тому графа Румянцева, дѣйствовалъ настолько успѣшно, что, несмотря на сопротивленіе нѣкоторыхъ изъ генераловъ русской арміи, графъ Румянцевъ далъ полное свое согласіе на это, и уже въ концѣ 1773 г. и въ началѣ 1774 года было окончательно рѣшено между графомъ Румянцевымъ и австрійскимъ правительствомъ, помимо Санктъ-Петербургскаго двора, что какъ только русскія войска очистятъ Молдавію, Австрія займетъ Буковину, и займетъ, какъ предполагали, еще въ маѣ. (Прилож. у Веренки, №XV, XX, ср. тамъ-же стр. 8—9). Дѣло съ этой стороны было обставлено настолько выгодно и прочно, что въ августѣ того-же года Іосифъ и отъ своего имени, и отъ имени матери прислалъ графу Румянцеву въ даръ усыпанную бриліантами табакерку и 5000 дукатовъ, и еще одну тысячу для раздачи «всѣмъ полезнымъ для дѣла лицамъ, или боярамъ, или другимъ адъютантамъ, или чиновникамъ канцеляріи» (Веренка, №XXVIII стр. 112)[1]).

Нѣсколько раньше, еще въ началѣ 1773 года, когда возникъ болѣе опредѣленнымъ образомъ вопросъ о присоединеніи Буковины,— нѣкоторое количество военныхъ силъ было пододвинуто къ границѣ, подъ предлогомъ и моровой язвы, и необходимости установленія кордона на границѣ, а за тѣмъ, по примѣру 1769 года и Галичины, отряду военныхъ картографовъ, въ томъ числѣ и Зеегеру, знаменитому составителю карты Галичины 1769 года, превратившему рѣку Збручъ въ Подгорицу, поручено было произвесть съемку на карту

---

[1]) Wären die empfangenen 6000 und Tabatiere dergestalt verwenden, dass Barco aus Dankbarkeit für die gut geleistete Nachbarschaft und die ihme Barco... bey der Armee vom Feld Marschall Romanzov bezeigte Gefälligkeit von Ihre Majestät der Kayserin aus, diese brillantene Tabatiere sammt 5000 ihme als ein Geschenkniss zum Zeichen Ihrer zufriedenheit übergeben könne, hierauf nachhero nach der vom Fürst Kaunitz gemachten Punctation, die Behandlung anstelte die nach übrigen 1000 aber zur Verwendung *theils bey ein—oder anderen zum Geschäft nützlich seyn könnenden oder Bojern oder andern adjutanten oder Kanzley - Beamten nach* seinem gutdünken überlassen würden". Подписано Іосифомъ въ Вѣнѣ 8 авг. 1774 г.

границъ Буковины. Но Зеегера понадобилось отправить въ Варшаву, и дѣло съемки возложили на поручика Мига. Къ сентябрю 1773 же года карта въ чернѣ была готова и отправлена въ Вѣну, а вслѣдъ за тѣмъ въ декабрѣ того-же года неутомимый Мигъ отправилъ новое донесеніе, произведшее сильнѣйшій фуроръ въ Вѣнѣ и побудившее правительство немедленно же послать приказъ о возведеніи Мига въ званіе маіора (№ VI). То былъ знакъ благодарности со стороны Іосифа II за доставленныя свѣдѣнія. А для Кауница то были именно тѣ свѣдѣнія, въ которыхъ онъ особенно нуждался. Мигъ сообщалъ, между прочимъ, что, производя съемку возлѣ колодца Савки на горномъ хребтѣ, отдѣляющемъ Буковину отъ собственно Молдавіи, онъ отъ присутствовавшихъ при томъ евреевъ узналъ, что здѣсь подлѣ колодца находится и теперь еще пограничный камень,—ясное подтвержденіе, пишетъ Мигъ, того, что ему разказывали крестьяне о нѣкогда проходившей по хребту горъ польской границѣ. Въ тоже время, писалъ онъ далѣе, ему удалось войти въ близкія отношенія къ одному изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, который сообщилъ ему, что не такъ давно весь черновицкій и сучавскій округи принадлежали Польшѣ и что онъ можетъ дать въ доказательство дарственную запись на земли, выданную нѣкоему Голубовскому королемъ Іоанномъ Собѣсскимъ въ 1691 году. Мигъ не называетъ имени лица, сообщившаго документъ, такъ какъ съ него, Мига, взято обѣщаніе ничего объ имени не говорить. «Ибо, пишетъ Мигъ, сіе лицо увѣрено, что отъ турокъ грозила бы опасность лишиться головы, а отъ другихъ—опасность попасть въ Сибирь (№ III). Какое громадное значеніе придалъ Кауницъ документу, видно изъ того, что 12 генваря 1774 года онъ потребовалъ немедленной доставки ему подлинной и легализованной копіи съ документа и въ подлинникѣ, и въ хорошемъ и точномъ переводѣ. (№ VIII.) Документъ, вѣдь, указывалъ на то, что польскій король дарилъ, хотя бы и на пожизненномъ правѣ только, земли на Прутѣ въ предѣлахъ Черновицкой земли.

Какъ и какимъ образомъ перешли земли, входившія въ составъ Буковины,—разъяснить этого Мигъ не могъ, и потому уже ранѣе того посланному въ Варшаву Зеегеру было вновь предписано усиленно и возможно быстрѣе работать, съ цѣлью изысканія историческихъ данныхъ, которыми подтверждались бы права Польши на Буковину. Требовалось доказать, что граница, намѣченная Мигомъ, была дѣйствительною границей польскихъ владѣній. «Историческая наука», облеченная въ костюмъ дипломатіи, согласно съ тогдашними

принципами, должна была одновременно послужить и санкціей присоединенія, и, въ случаѣ чего, и предлогомъ или оправданіемъ для него. Всегда можно было сослаться на фактъ узурпаціи главнаго и постояннаго виновника, т. е. турокъ. По соображеніямъ Кауница въ возможно быстрой доставкѣ требуемыхъ «научно-историческихъ» справокъ была настоятельная нужда, такъ какъ внутреннія препятствія къ завладѣнію были какъ разъ въ то время устранены. Марію Терезію удалось поколебать, склонить въ пользу проекта Іосифа II и Кауница. Все тотъ же баронъ Барко, съумѣвшій сладить съ графомъ Румянцевымъ, успѣлъ повліять и на престарѣлую императрицу. 12 генваря 1774 года онъ отправилъ въ военный придворный совѣтъ (Hofkriegsrath) подробный и любопытный во многихъ отношеніяхъ отчетъ о состояніи и рессурсахъ Молдавіи и Валахіи, этихъ «разоренныхъ и нездоровыхъ» мѣстностяхъ, какъ думала Марія Терезія.

Ежегодно, писалъ Барко въ своемъ отчетѣ,—(который мы приводимъ почти цѣликомъ въ виду важныхъ данныхъ, заключающихся въ немъ),—ежегодно Россія получаетъ съ Молдавіи путемъ сбора арендъ съ вина и соли, десятины съ свиней, меду, овецъ и т. п. около 395 т. флориновъ. Къ тому же доставляется для арміи безденежно такое количество зерна, ячменя, кукурузы, убойнаго скота, что только за время съ октября по апрѣль и по самому умѣренному счету все доставленное превышаетъ сумму въ 2 милліона. А въ мирное время господарь Молдавіи ежегодно получаетъ со всего около 3 съ $^1/_2$ милліоновъ, и это при населеніи въ 1 милліонъ. «Всѣ прилежащія земли, продолжаетъ онъ, не могутъ идти и въ сравненіе съ Молдавіей и Валахіей ни по количеству, ни по качеству, такъ какъ для того, чтобы имъ хоть отчасти сравняться съ ними, нужны и большая энергія, и тяжелый трудъ». «Кромѣ того, здѣшніе крестьяне не находятся въ крѣпостной зависимости, и по существующей въ странѣ конституціи каждый крестьянинъ обязанъ своему господину лишь въ теченіе 12 дней въ году нести барщинную работу или вмѣсто того уплачивать за эти 12 дней 2 флорина въ годъ и сверхъ того платить со всѣхъ продуктовъ десятину, что въ совокупности составляетъ отъ 12 до 15 флор. Каждый крестьянинъ можетъ свободно переходить отъ одного владѣльца къ другому, и тотъ, отъ котораго онъ уходитъ, не имѣетъ права его удерживать, равнымъ образомъ и тотъ, къ которому онъ поселяется, не можетъ ему отказывать. И Барко затѣмъ добавляетъ слѣд. важное для тогдашней Австріи замѣчаніе: «Подданные его императорскаго величества, жи-

вущіе на границѣ, имѣютъ на этотъ счетъ кой какія свѣдѣнія и крестьянамъ польскимъ и русскимъ очень улыбается переходъ въ эту мѣстность. Кромѣ того многіе, не смотря на войну, перебираются сюда со всѣмъ имуществомъ, а, напротивъ того, здѣшніе, хотя и страдаютъ отъ теперешняго военнаго времени, не хотятъ уходить отсюда. И заграничные крестьяне тѣмъ съ большею охотою будутъ стремиться сюда, особенно послѣ заключенія мира, что здѣшніе жители обѣщаютъ имъ чрезъ эмиссаровъ еще больше льготъ, чѣмъ тѣ, которыми пользуются крестьяне нынѣ». (№ X, стр. 67—70).

Донесенія Зеегера получены были одно вслѣдъ за другимъ почти въ тоже время (одно въ декабрѣ 1773, а другое въ февралѣ 1774 г., № II и XIII, стр. 57, 72—87). И донесенія эти, особенно второе, какъ разъ заключали въ себѣ именно все то, чего желалъ Кауницъ. Зеегеръ наводилъ справки вездѣ и у всѣхъ; онъ справлялся у польскихъ ученыхъ, у датскаго посла, который былъ одно время пасторомъ въ Буковинѣ, и т. д. Ссылки на Старовольскаго, Залускаго, Кромера, Длугоша, Сарницкаго, Пясецкаго, длиннѣйшія выписки изъ нихъ,—все это для подтвержденія словъ Мига,—пестрѣли въ его докладѣ. Узурпація турокъ доказана была несомнѣннымъ образомъ. Буковина оказалась яблокомъ раздора между Польшей и Молдавіей. Хотя она и принадлежала Молдавіи, но переходила въ руки поляковъ, причемъ границей всегда служила искомая горная цѣпь. «Развѣ, заканчиваетъ Зеегеръ свой докладъ, изъ объясненій турокъ, данныхъ при заключеніи пассаровицкаго мира, не ясно, что Польша могла всегда предъявить права на границу Покутья и Буковины и что лишь ея слабость и дурное внутреннее устройство помѣшали ей настойчиво сопротивляться узурпаціи ея границъ турками». Правда не много спустя, въ присланной имъ Кауницу брошюрѣ: «kurze Beschreibung von der Moldau und Wallachey aus bewährten Autoribus ausgezogen», онъ съ такою же ученостью сталъ доказывать, что Молдавія и Валахія принадлежали Венгріи и что, хотя Польша и желала завладѣть Молдавіей, но всѣ ея попытки не опирались на какихъ нибудь прочныхъ правахъ, но такое его заявленіе имѣло мало значенія теперь, въ данную минуту.

Его первые два отчета привели въ восторгъ и Кауница, и Іосифа II, и Зеегеру была послана отъ имени Іосифа высочайшая благодарность (№ VI, стр. 65). Присланный позже отчетъ о правахъ Венгріи былъ отложенъ Кауницемъ въ сторону: при существовавшемъ положеніи дѣлъ, въ виду недавняго раздѣла, предложеній, сдѣ-

ланныхъ тогда насчетъ Молдавіи, но отвергнутыхъ Маріей Терезіей, было и выгоднѣе, и удобнѣе ссылаться на права Польши, на фактъ узурпаціи ея границъ Турціей. Съ другой стороны, предъявленіе правъ только на новозанятую границу во имя Польши было безопаснѣе, могло вызвать меньшія компликаціи, чѣмъ ссылка на стародавнія права Венгріи на всю Молдавію и Валахію. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ дѣло могло дойти до войны, чего Австрія въ данную минуту желала избѣгнуть.

Планъ дѣйствій былъ теперь уже окончательно почти выработанъ. Уже въ генварѣ 1774 г. были отправлены пограничные знаки съ орлами, гербомъ Австріи. Вотъ что писалъ Іосифъ II по этому поводу: «Съ водруженіемъ орловъ на ново-намѣченной границѣ Покутья надо еще повременить, потому что подлѣ стоятъ еще русскія войска; а какъ только эти войска будутъ удалены изъ Молдавіи, не нужно будетъ медлить съ орлами и тотчасъ же водружать ихъ», (№ VI). А менѣе чѣмъ два мѣсяца спустя, повторяя то же предписаніе объ орлахъ, Іосифъ уже пишетъ и о томъ, что для водруженія ихъ будутъ присланы и войска, которыя могли бы сдержать сопротивленіе мѣстнаго населенія. (Отъ 6 марта 1774, № XV, стр. 89). И въ томъ же почти смыслѣ писала и Марія Терезія (№ XVI, стр. 89). Въ дѣйствительности уже въ мартѣ два отряда были подвинуты къ новой границѣ, а къ Мигу послано было предписаніе дѣйствовать такъ, чтобы не чинить никакихъ препятствій русской арміи, избѣгать всякихъ столкновеній съ нею (приказъ Іосифа, № XX, стр. 94). Благосклонное отношеніе Румянцева, о чемъ не переставалъ сообщать Барко, дѣлало вполнѣ безопаснымъ фактъ посылки войскъ въ Буковину, въ черновицкій округъ, и въ маѣ Барко удалось получить отъ Румянцева новое разрѣшеніе подвинуть къ границѣ Буковины нѣсколько свѣжихъ отрядовъ. Оккупація пріобрѣтала все болѣе и болѣе рѣшительный характеръ, и все зависѣло отъ того, когда окончится война, и русскія войска очистятъ Молдавію.

Почти два мѣсяца прошло, пока, наконецъ, въ іюлѣ 1774 г. было получено извѣстіе о прекращеніи военныхъ дѣйствій и о заключеніи Кучукъ-Кайнарджійскаго мира. 17 іюля Барко писалъ объ этомъ, какъ о совершившемся фактѣ (№ XXV, стр. 103), а нѣсколько времени спустя, несмотря на тайну, въ которую облекали мирный договоръ, тайну, которую не удалось даже узнать австрійскому послу въ Петербургѣ въ сентябрѣ, Барко сообщалъ въ августѣ о томъ, что русская армія очиститъ Молдавію лишь 5 мѣсяцевъ спустя послѣ

заключенія мира. (№ XXXI, стр. 115). Моментъ былъ въ высшей степени важный для Австріи, слѣдовало торопиться съ занятіемъ еще новыми войсками Буковины. Обратиться для этого къ Петербургскому двору Кауницъ не желалъ: въ письмѣ къ Маріи Терезіи (№ XXX) онъ указываетъ и на причины этого. «Такъ какъ, пишетъ онъ, между Россіей и Турціей уже заключенъ мирный договоръ, то, кажется мнѣ, не зачѣмъ намъ терять времени для занятія Буковины... Сноситься съ русскимъ дворомъ прямо и непосредственно, въ виду того, что наше право владѣнія однимъ округомъ на Збручѣ подвергается имъ спору, было бы безполезно и увеличило бы лишь затрудненія, существующія и безъ того. При такомъ положеніи вещей самымъ лучшимъ выходомъ, и даже единственнымъ, было бы сдѣлать попытку добиться чего либо у фельдмаршала Румянцева». Барко, «пользующійся дружбой, вниманіемъ и гостепріимствомъ» у Румянцева, по мнѣнію Кауница, одинъ можетъ помочь въ этомъ дѣлѣ, и Кауницъ не ошибся. Въ августѣ австрійское правительство, получивши донесеніе отъ Мига, что Сучавскій округъ не занятъ русскими войсками, предписало двумъ бригадамъ двигаться медленнымъ маршемъ въ эту мѣстность. Такъ велика была увѣренность въ согласіи фельдмаршала. Кауницъ, давая совѣтъ дѣйствовать именно такимъ образомъ, разсчитывалъ, что съ посланнымъ въ Петербургъ курьеромъ, для разъясненія недоразумѣній о Галичинѣ, получится въ скоромъ времени благопріятный отвѣтъ и что, съ другой стороны, такъ какъ изъ за занятія Буковины Австріи прійдется вѣдаться лишь съ Турціей, то ни фельдмаршалъ, ни русскій дворъ не будутъ ни въ малѣйшей степени скомпрометтированы. (Тамъже). 24 августа Барко донесъ, что со стороны фельдмаршала нѣтъ и не имѣется препятствій къ посылкѣ войскъ, разъ не будетъ сдѣлано ни малѣйшей помѣхи для русской арміи (№ XXXI, стр. 115—116). Результатомъ была присылка весьма значительнаго количества войскъ и занятіе всѣхъ важнѣйшихъ пунктовъ на новой границѣ. (См. таблицу расположенія войскъ въ Буковинѣ № LXXII и LXXXII).

Повидимому все было кончено въ смыслѣ осуществленія принципа beati possidentes, когда внезапно, какъ снѣгъ на голову, получено было извѣстіе о томъ, что Румянцевъ опасно заболѣлъ и командованіе войсками перешло сначала къ Солтыкову, а затѣмъ къ Репнину, противникамъ и Румянцева, и Австріи. Въ тоже время, несмотря на всю ту таинственность, въ какую было облечено дѣло занятія новой границы, свѣдѣнія о томъ дошли до силистрійскаго

паши, а самый фактъ занятія возбудилъ сильное волненіе среди населенія Молдавіи, терявшаго крупную и богатую область. «Мы то старые друзья, говорилъ одинъ изъ турецкихъ пашей австрійскому уполномоченному; но тѣмъ не менѣе, вѣдь это совсѣмъ не по дружески, этакъ завладѣть частью Молдавіи» (№ I XXXIV). Австрійскому уполномоченному пришлось сослаться на то, что каждый беретъ то, что ему принадлежитъ и что занятіе это не помѣшаетъ старой дружбѣ». Но не такъ смотрѣли на дѣло турки. При первомъ же извѣстіи о совершившемся фактѣ, паша Силистріи обратился съ запросомъ въ главную русскую квартиру, а къ Мигу, командовавшему войсками въ Буковинѣ, послано было посольство съ цѣлью получить у него разъясненія относительно дѣйствій и его, и его правительства. Въ свою очередь и Репнинъ потребовалъ (18 сентября) отъ Барко объясненій, на какомъ основаніи войска ихъ королевскихъ и императорскихъ величествъ не только вступили въ границы Молдавіи, но и требуютъ съ жителей занятой области фуражъ. (№ XLV). Положеніе было въ высшей степени затруднительное; нужно было выиграть время, и Барко, не медля ни минуты, раньше полученія письма отъ Репнина, послалъ инструкціи Мигу, что тотъ долженъ былъ отвѣчать. Отвѣтъ Мига сенатору Бельтиману, посланному къ нему изъ Яссъ, былъ именно тотъ, какой отъ него желалъ Барко. На вопросъ, по чьему приказу присланы войска въ сучавскій округъ, Мигъ объяснилъ, что по приказу императора; на другой вопросъ, изъ за чего такъ много войскъ разставлено, далъ отвѣтъ, что войска поставлены для охраны «нашихъ границъ» и обезпеченія Австріи отъ чумы и разбоевъ. Когда же его спросили, а что это за столбы вездѣ поставлены на границѣ и что они означаютъ, Мигъ безъ смущенія заявилъ, что это не болѣе какъ вѣхи, необходимыя, какъ геометрическіе знаки для снятія карты края, что дѣлается съ вѣдома и согласія Румянцева. (№ XI III, стр., 128—129).

Къ счастію для Австріи отвѣчать на запросъ Репнина оказалось не нужнымъ, такъ какъ уже въ началѣ октября онъ заболѣлъ, а нѣсколько дней спустя выздоровѣвшій Румянцевъ вновь вступилъ въ управленіе дѣлами. Теперь представилась для Австріи полная возможность вознаградить потерянный мѣсяцъ, отмѣнить приказы о пріостановкѣ движенія войскъ, такъ какъ въ согласіи на этотъ счетъ Румянцева никто въ Австріи не сомнѣвался. Барко получилъ безъ труда отъ Румянцева увѣреніе, что онъ не намѣренъ оказывать ни малѣйшаго препятствія занятію области и собиранію фуража. Даже

болѣе того: вопреки первоначальному условію, въ сил которого водруженіе австрійскихъ орловъ должно было совершиться не раньше, чѣмъ русскія войска очистятъ Молдавію, австрійцамъ разрѣшено было уже въ ноябрѣ 1774 года выкинуть повсюду вдоль границы свои орлы. 12 ноября началась ихъ установка, 19 тогоже мѣсяца она была окончена. Буковина фактически была присоединена къ Австріи, и не прошло и года, какъ въ маѣ (7 и 20) 1775 года уже была заключена и подписана съ Турціей конвенція, въ силу которой Порта отказывалась отъ своихъ юредическихъ правъ на Буковину, (№ XC и XCI).

Въ такомъ то совершенно новомъ видѣ обрисовываютъ документы, напечатанные Веренкой, исторію того, какъ и съ помощью какихъ средствъ Австрія увеличила въ 1774 году свою территорію. Мы не пойдемъ далѣе за Веренкой въ разсказѣ его о томъ, какъ этотъ фактическій захватъ получилъ, наконецъ, и юридическую санкцію и какъ и какими средствами удалось Тугуту заставить Порту признать совершившійся фактъ, дать на него согласіе. Наша цѣль заключалась лишь въ указаніи на тѣ новыя данныя, которыя выясняютъ первый и наиболѣе интересный и характерный періодъ фактическаго занятія Буковины.

Кіевъ 13 февраля 1893 г.

И. Лучицкій.

По поводу одной піесы. («Олеся», драма М. Л. Кропивницкаго)

Малороссійскій театръ въ послѣдніе десять—двѣнадцать лѣтъ сталъ явленіемъ столь замѣтнымъ, что дѣятельности его позволительно коснуться и историческому изданію. Начавшись съ одной спеціально малороссійской труппы съ довольно ограниченнымъ репертуаромъ, подвизавшейся преимущественно на русскомъ югѣ, этотъ театръ проникъ во всѣ замѣтные русскіе центры, завоевалъ большой успѣхъ въ обѣихъ столицахъ; репертуаръ его разростался постепенно и достигъ теперь почтеннаго числа піесъ, а вмѣсто одной первоначальной труппы, какъ говорятъ свѣдующіе люди, ихъ дѣйствуетъ въ настоящее время, по всему лицу Россіи, около восемнадцати, большихъ и малыхъ. Закулисныя распри и малороссійскій индивидуализмъ способствуетъ конечно такому дробленію силъ, быть можетъ излишнему. Но намъ нѣтъ дѣла до этого частнаго проявленія внутренней жизни труппъ. Мы наблюдаемъ явленіе въ цѣломъ его объемѣ и при-

вѣтствуемъ талантъ и плодотворный трудъ одинаково, гдѣ бы они ни проявились.

Создателемъ, иниціаторомъ и душою дѣла малороссійскаго театра, какъ всѣ знаютъ, былъ знаменитый артистъ и драматургъ М. Л. Кропивницкій. Послѣ старыхъ украинскихъ авторовъ, оставившихъ по одной—двумъ прекраснымъ, но случайнымъ піесамъ, онъ первый сталъ писать для малороссійской сцены на современныя темы въ въ разныхъ сценическихъ рядахъ. Первый онъ же собралъ и сплотилъ правильную труппу, счастливо отыскивая талантливыя силы въ любительской средѣ, образовалъ товарищества актеровъ и создалъ типъ того украинскаго театра, какой мы знаемъ теперь.

Сфера этого театра—народная жизнь въ формахъ ея стараго этнографическаго типа, романтическая фантастика въ связи съ народной музыкой, изрѣдка вещи историко-бытового оттѣнка и то новое, что опредѣляется на нашихъ глазахъ въ народной средѣ. Какъ вездѣ въ драматической литературѣ, область чувства господствуетъ здѣсь и даетъ поводъ нѣкоторымъ говорить объ усиленномъ ея подчеркиваніи, несоотвѣтствующемъ дѣйствительности. Предъявляются иногда и требованья большей реальности въ изображеніи быта народа. Но все это дѣло поправимое, главное-же, что существуетъ арена для проявленія писательскихъ и исполнительскихъ драматическихъ силъ. Развитіе и совершенствованіе этого театра стоитъ въ зависимости отъ развитія въ духѣ народныхъ началъ самого общества. Въ своемъ нынѣшнемъ фазисѣ малороссійскій театръ является культурной силой, дѣйствующей на общество и разрабатывающей духовныя черты малороссійской народности. Этихъ заслугъ слишкомъ достаточно, чтобы, при ихъ наличности, требовать отъ этого театра еще какого то аванса на будущее, всецѣло зависящее отъ того, какъ пойдетъ развитіе самаго общества.

Бодрый, дѣятельный, находящій и источникъ, и поддержку почти исключительно въ той же группѣ сценическихъ дѣятелей, которая является и его осуществительницей, украинскій театръ заслуживаетъ глубокаго уваженія и сочувствія. Какъ всякое дѣло, въ которомъ есть внутренняя правда и жизнь, онъ вызвалъ изъ разнообразныхъ сферъ и неожиданно даровитыхъ выразителей, имена которыхъ не забудутся. Такіе артисты какъ г. Кропивницкій и г-жа Заньковецкая прежде всего, гг. Саксаганскій, Садовскій, Манько, г-жи Затаркевичъ, Линицкая сразу поставили дѣло малороссіской сцены на уровень высшихъ требованій современнаго искусства. Обратилъ на себя

вниманіе и общій ладъ и полный естественности тонъ исполненія, справедливо поставленный украинскому театру съ самаго начала въ заслугу.

Существуетъ мнѣніе, что эти естественность и типичность, отличающія часто игру даже третьестепенныхъ малороссійскихъ актеровъ, зависятъ отъ того, что имъ приходится изображать народные, этнографическіе типы, такъ рельефно опредѣлившіеся долгими вѣками существованія въ народной средѣ, что усвоеніе и передача ихъ характерныхъ чертъ совершенно достаточны для выпуклости сценическаго созданія. Мнѣніе это только отчасти справедливо. Хотя въ народной средѣ развитіе характеровъ и личныхъ особенностей конечно менѣе значительно, чѣмъ въ средѣ культурной, но народные украинскіе типы представляютъ также много разнообразія. Малорусская сцена не чуждается къ тому же и самыхъ новѣйшихъ явленій жизни и воспроизведенія посторонних элементовъ, въ эту жизнь проникающихъ. Все это находитъ въ ней исполнителей способныхъ и наблюдательныхъ. Поэтому надо отдать справедливость усердному труду малороссійскихъ артистовъ, вышедшихъ вдобавокъ прямо изъ разныхъ слоевъ общества и хорошо знающихъ жизнь, мастерскому руководству организаторовъ труппъ и тому общему духу, который нельзя иначе назвать какъ артистической *школой* и который слѣдуетъ признать чертой національной. Что касается артистовъ, названныхъ выше, и нѣкорыхъ другихъ, то таланты ихъ извѣстны всей Россіи, прошли пробу всевозможныхъ опытовъ и не нуждаются въ иномъ обясненіи, кромѣ дѣйствительной ихъ силы.

Суровые судьи, какіе такъ легко и обильно вездѣ находятся, ставятъ въ упрекъ малороссійскому театру однообразіе его репертуара, повторяемость сценическихъ мотивовъ и т. п. Намъ кажется напротивъ, что въ условіяхъ, въ которыхъ онъ находится, въ короткое время своего существованія онъ сдѣлалъ страшно много. Для украинской сцены работаетъ весьма немного дѣятелей, изъ которыхъ два главные, гг. Кропивницкій и Карый, несутъ на себѣ трудъ первыхъ актеровъ; театръ этотъ лишенъ совершенно переводовъ и заимствованій, чѣмъ такъ усердно пробавляются другія сцены, а оригинальныя новыя піесы, которыя разрабатывали постоянно съ новыхъ сторонъ содержаніе жизни, и вездѣ не часто являются. Суровымъ судьямъ мы сказали бы: работайте, наблюдайте жизнь, пишите и давайте намъ піесы. Вы найдете и исполнителей, которые воспроизведутъ съ блескомъ ваше творчество, и публику, которая приметъ ихъ съ чуткимъ интересомъ.

Намъ случилось недавно познакомиться съ послѣдней новинкой южнорусской сцены, касающейся самой живой современности, и видѣть впечатлѣнiе, которое она произвела на публику примитивную, въ глухой, провинцiальной средѣ. Этотъ интересный спектакль,—ликуйте друзья культурной децентрализацiи,—Мордовцовъ, Гацисскiй, забытый нынѣ П. Ч. и др,—происходилъ въ городкѣ Ромнахъ, куда труппа Кропивницкаго заѣхала на нѣсколько представленiй. Шедшая въ тотъ вечеръ пiеса—новая драма неутомимаго артиста, драматурга и импрессарiо— «Олеся», только недавно увидѣвшая свѣтъ рампы.

Прiѣздъ труппы оживилъ сонный и мертвый городокъ. Даже всемогущiй винтъ и житейскiе гешефты забыты были на время, и небольшая зала мѣстнаго клуба во всѣ дни представленiя была набита биткомъ. Много зрителей прiѣзжало нарочно для спектаклей изъ деревень. Особеннымъ успѣхомъ пользовались пьесы новыя, касающiяся современности, какихъ дано было нѣсколько. «Зайды-голова», «Чмырь», «Цыганка Аза» произвели фуроръ. Въ одно изъ послѣднихъ представленiй шла эта совсѣмъ свѣжая новость.

Въ душной и низенькой залѣ, переполненной публикой, занимающей проходы, лѣстницу, арку, соединяющую залу съ сосѣдней комнатой, на маленькой сценѣ, при убогой обстановкѣ, но съ нѣсколькими сильными исполнителями и съ молодой, оживленной труппой, играющей дружно, развертывалась слѣдующая сценическая фабула:

Мѣщанинъ Кондратъ Антоновичъ Балтызъ, «землевладѣлецъ» новой послѣ-реформенной формацiи, когда то управляющiй помѣщиковъ Загрывъ, путемъ закладной, взятой у послѣдняго отпрыска этого рода, молодого офицера, сталъ собственникомъ имѣнiя и дома. Безпечный и безпутный юноша прiѣзжаетъ въ родной домъ тогда, когда дѣло стало непоправимымъ и введенный во владѣнiе Балтызъ распоряжается всѣмъ на правахъ владѣльца, ему же даетъ у себя временный прiютъ. И Балтызъ, и жена его торжествуютъ, считая себя совершенно правыми, какъ дѣйствовавшiе на строгомъ основанiи закона. Ихъ не смущаетъ нисколько насмѣшливое отношенiе къ нимъ прежнихъ слугъ, трунящихъ надъ ихъ вульгарностью и мѣщанскимъ скопидомствомъ. Они провозглашаютъ торжествующiй принципъ новаго времени «у кого гроши—той и панъ» и въ новомъ своемъ положенiи предполагаютъ примѣнять туже систему незнающаго пощады стяжательства. Разладъ въ ихъ жизнь вносится единственнымъ лицомъ, но лицомъ самымъ имъ близкимъ,—единственной дочерью

ихъ Олесей, развившейся,—благодаря чему и какъ, это остается авторской тайной,—совсѣмъ въ иныхъ понятіяхъ и взглядахъ.

Молодой Загрыва, наивно думающій, что кромѣ формальныхъ сдѣлокъ существуютъ еще и правила нравственности, пріѣзжаетъ въ увѣренности, что, подѣйствовавъ на совѣсть Балтыза словомъ и убѣжденіемъ, можно спасти дѣло, или по крайней мѣрѣ избѣжать разоренія и грабежа. Онъ наталкивается на полный и суровый отпоръ. Сторону его принимаетъ только Олеся. Одну минуту Балтызъ увлекается честолюбивымъ планомъ выдать дочь за Загрыву и сдѣлать ее дворянкой. Но Олесѣ не нравится несчастный, но пустой Леонидъ Загрыва. Сердце ея принадлежитъ простому, идеализированному авторомъ, парубку Власу, сыну бѣдной вдовы, которому она не рѣшается открыться въ своей любви, въ виду ея необычности, и который въ свою очередь, любя ее, не смѣетъ въ томъ признаться и не вѣритъ ей.

Загрыва, отчаявшись спасти что нибудь, хватается за послѣдніе остатки своего наслѣдія. На сценѣ происходитъ устроенный имъ аукціонъ принадлежащей ему «движимости», мебели и другихъ вещей. Покупателями являются юркіе жидки и колонистъ-нѣмецъ. При помощи ловкой надбавки и тутъ пріобрѣтаетъ все Балтызъ. Загрыва, у котораго послѣднія минуты пребыванія въ родномъ домѣ прогоняютъ и опьяненіе, прощается со всѣмъ, среди чего протекли его дѣтство и юность, и уѣзжаетъ. Когда Олеся узнаетъ о всемъ происшедшемъ, между ней и родными происходитъ горячее объясненіе. Отецъ оправдывается передъ нею, разсказывая ей свою прошлую жизнь, жизнь труда и лишеній. Этотъ разсказъ, объясняя дочери многое, не убѣждаетъ ее и не заставляетъ признать законность грабежа и жестокости.

Между тѣмъ Власъ, считая бесѣды и встрѣчи Олеси игрой и насмѣшкой съ ея стороны, торопится забыть ее и женится на другой. Въ это время Балтызъ въ газетѣ «Свѣтъ» читаетъ новость о самоубійствѣ Загрывы въ Харьковѣ. Все, съ чѣмъ связана была жизнь Олеси, потрясено. Сельскій романъ ея конченъ неожиданнымъ недоразумѣніемъ; родители ея оказываются причиной смерти разореннаго ими человѣка. Мѣра терпѣнія ея переполняется, и душевная буря разражается въ болѣзненномъ кризисѣ, который едва не стоитъ ей жизни. Балтызъ, въ которомъ возможность потери единственной дочери производитъ переворотъ,—готовъ согласиться на все. Олеся объявляетъ, что покинетъ родныхъ, чтобъ учиться и трудиться на пользу ближнихъ и страдающихъ.

Пьеса умна и бьетъ по больнымъ мѣстамъ современности. Авторъ не осуждаетъ никого; онъ умѣло ставитъ только передъ нами явленія жизни. Рѣшительныя реформы, измѣняя характеръ сословныхъ и экономическихъ отношеній, какъ бы хочетъ сказать онъ, не мѣняютъ съ такой же быстротой сложившихся втеченіе долгихъ лѣтъ людскихъ характеровъ и результатовъ воспитанія, и въ переходныя эпохи являются жертвы, которыя требуютъ и сочувствія и защиты.

Въ дворянскомъ классѣ много праздности, много легкаго отношенія къ жизни, но тамъ же сосредоточивалась долго и образованность, изъ того же класса вышло большинство дѣятелей просвѣщенія, не все тамъ было зломъ и много было тамъ чертъ великодушія. Балтызъ безспорно труженикъ, создавшій основу состоянія мозолями своихъ рукъ, но онъ и ожесточенный грабитель, и его развернувшіеся на волѣ инстинкты стяжанія проявляютъ такія формы, передъ которыми кажутся наивными прежнія. Возможны и тѣ сомнѣнія и запросы, которые волнуютъ душу Олеси, а любовный эпизодъ съ Власомъ не представляетъ ничего необычайнаго, хоть и кончается взаимнымъ недоразумѣніемъ этихъ двухъ идеализированныхъ лицъ. Правиленъ и выводъ изъ этой житейской коллизіи: просвѣщеніе, широкое и истинное просвѣщеніе, одно лишь можетъ быть цѣлителемъ общественныхъ болей и золъ.

Чтобы вѣрно судить о пьесѣ, какъ литературномъ произведеніи, надо требовать отъ нея того, на что она сама заявляетъ право. Это — народная драма или мелодрамма, въ лучшемъ значеніи этого термина. Родъ этотъ когда то былъ осмѣянъ, но практика показала, что онъ живъ, что дѣйствіе его на массы безспорно и несомнѣнно, также какъ несомнѣнны его значеніе и польза. Нѣтъ надобности противупоставлять такія пьесы строго художественнымъ комедіямъ нравовъ и корить ихъ приподнятостью и нѣкоторой преднамѣренностью замысла и подробностей. Разница ихъ отъ строго художественныхъ вещей — декоративность письма, предназначеннаго для «большой публики», живопись широкою кистью, ясная постановка положеній, всѣмъ доступное разграниченіе добра и зла, крупныя психологическія черты, уклоненье отъ детальнаго анализа, не всегда доступнаго простому, «обыкновенному» зрителю. Если этотъ зритель увлеченъ будетъ занимательнымъ, живо развивающимся дѣйствіемъ, если душа его отзовется на добрыя и справедливыя чувства и мысли, если онъ выйдетъ изъ театра съ болѣе яснымъ пониманіемъ окружающаго и съ непріязнью къ злу, то обвинять ли его за то, что онъ не замѣ-

тилъ нѣкоторыхъ труизмовъ, общихъ мѣстъ, нѣкоторой условности что онъ интересовался только содержаніемъ и былъ равнодушенъ къ степени литературнаго мастерства автора, къ проявленному имъ чувству мѣры, къ нѣкоторымъ, можетъ быть, не вполнѣ реальнымъ чертамъ? Эти замѣчанья наши не всѣ относятся къ пьесѣ Кропивницкаго, которая, принадлежа къ *типу* мелодрамы, заключаетъ въ себѣ много наблюдательности, а типичность языка представляетъ не мало чертъ и настоящей бытовой картины.

Она очень сценична и представляетъ благодарный матерьялъ исполнителямъ. Самъ авторъ играетъ роль Балтыза. Говорить ли о той смѣси практической сметки и жестокости, хитрости и сластолюбія, какія съ такимъ рельефомъ воспроизводитъ Кропивницкій въ образѣ этого сильнаго человѣка? Трудная роль героини досталась г-жѣ Зарницкой, играющей ее съ пониманіемъ и умомъ. Конечно, роль эта у Заньковецкой вышла бы иною. Она оживила бы силою таланта и чувства блѣдныя и книжныя мѣста, внесла бы въ бытовую сторону роли массу прелестныхъ оттѣнковъ. Но исключительныя способности никогда не могутъ быть той мѣркою, которую позволительно было бы предъявлять всѣмъ. Г. Саксаганскій подошелъ бы къ трагизму въ роли Загрывы, но и молодой актеръ Шатковскій исполнялъ ее въ вѣрномъ тонѣ; удачно придалъ элегическій оттѣнокъ роли Власа и г. Гайдамака и рѣшительно выдѣлялся многообѣщающій и умный артистъ г. Левицкій въ роли одного изъ представителей «дворни» крѣпостныхъ временъ.

М. Л. Кропивницкій написалъ свою первую піесу тридцать лѣтъ назадъ. Почти столько же лѣтъ онъ подвизается на сценѣ. Имъ написано около двадцати, всегда самостоятельныхъ, пьесъ, изъ коихъ половина многоактныхъ, шедшихъ вездѣ съ успѣхомъ. Всѣ сколько нибудь видные дѣятели малороссійской сцены, гдѣ бы они теперь ни подвизались, вышли изъ его школы. Есть на что оглянуться въ жизни и есть что вспомнить! Пожелаемъ ему еще долгой и бодрой дѣятельности!

Глаголь.

Матеріалы для біографіи Гоголя. В. И. Шенрока. Томъ второй Москва 1893. XII+403 стр.

Мы уже имѣли случай (Кіевская Старина 1892 № 4) высказаться о первомъ томѣ капитальнаго труда г. Шенрока о Гоголѣ, вышедшемъ въ началѣ прошлаго года. Теперь передъ нами второй

томъ этого сочиненія. Такая энергія дѣлаетъ честь почтенному автору, продолжающему съ замѣчательной настойчивостью и сосредоточенностью отдавать свое вниманіе разъ выбранному предмету. Основныя особенности работы г. Шенрова остаются для второго тома тѣ же, что и въ первомъ: и тутъ, какъ и тамъ, внимательный читатель найдетъ богатство матеріала, систематически изложеннаго въ той мѣрѣ, въ какой это было возможно по состоянію самаго вопроса, во многихъ своихъ частяхъ еще довольно темнаго и часто нуждающагося не только въ идейномъ но и въ фактическомъ освѣщеніи. Отсюда—неизбѣжные недостатки сочиненія, которые хорошо сознаетъ и самъ авторъ (стр. VII—VIII), и за которые трудно было бы его судить; книга его предполагаетъ въ будущемъ настоящую біографію и историко-литературное изслѣдованіе о великомъ писателѣ, для которыхъ трудъ г. Шенрока даетъ теперь лишь въ извѣстной степени сгруппированный и въ значительной своей части самимъ имъ впервые отысканный и опубликованный весьма цѣнный матеріалъ.

Настоящій томъ заключаетъ въ себѣ три большія главы: въ I ой передаются біографическія данныя и матеріалы для исторіи творчества Гоголя въ періодъ «Арабесокъ» и «Миргорода» (1832—1835 гг.), во II-ой разсматривается Гоголь, какъ историкъ и педагогъ, и въ III-ей говорится о его драматическихъ произведеніяхъ: комедія—«Женитьба», «Владиміръ 3 степени», «Ревизоръ и «Игроки». Затѣмъ слѣдуетъ небольшой отдѣлъ, «приложеній», и томъ заканчивается особой статьей, посвященной брошюрѣ г. Витберга «Н. В. Гоголь и его новый біографъ», вышедшей въ прошломъ году и направленной противъ перваго тома сочиненія г. Шенрока. Если мы упомянемъ еще о краткомъ предисловіи въ началѣ книги, посвященномъ преимущественно общему обзору рецензій на первый томъ, то этимъ опредѣлимъ весь составъ II-го тома «матеріаловъ для біографіи Гоголя».

Г. Шенрокъ по прежнему ведетъ въ своей работѣ біографическія изслѣдованія параллельно съ историко-литературными, и если въ I томѣ преобладали первыя, то во II болѣе мѣста дано вторымъ: это опредѣлилось самой сущностью дѣла, такъ какъ г. Шенрокъ вступилъ теперь уже въ болѣе важный періодъ литературной дѣятельности Гоголя, въ біографіи котораго эта послѣдняя играла несравненно болѣе выдающуюся роль, чѣмъ раньше. Мы думаемъ однакоже, что въ этихъ изслѣдованіяхъ г. Шенроку не достаетъ болѣе широкой исторической точки зрѣнія на дѣло. Онъ съ большой внимательностью слѣдитъ за стилистической и образно-поэтической связью

между различными произведеніями Гоголя, за подробностями исторіи созданія каждаго отдѣльнаго произведенія, нерѣдко касается вопроса о народно-поэтическихъ источникахъ послѣднихъ,—словомъ, отдаетъ много мѣста чисто литературной сторонѣ дѣла, а, напротивъ, слишкомъ мало говоритъ о внутреннихъ историко-бытовыхъ условіяхъ русской жизни, среди которыхъ появлялись и на которыя опирались произведенія Гоголя: особенно это умѣстно и необходимо было бы тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о драматическихъ произведеніяхъ гоголевскаго генія, глубоко-реальное и жизненное значеніе и характеръ которыхъ не требуютъ доказательства. Пора бы, наконецъ, оцѣнить должнымъ образомъ этотъ методъ изученія данныхъ нашей литературы даже новѣйшаго періода, который (методъ) является въ цѣляхъ историческаго изученія наиболѣе существеннымъ и надъ которымъ однакоже по старой привычкѣ берутъ нерѣдко перевѣсъ изслѣдованія собственно литературныя извѣстнаго значенія, умѣстности и законности которыхъ, конечно, также невозможно отвергать. О двадцатыхъ, тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ накопилось въ нашей исторической печати достаточно разнообразнаго матеріала, историко-бытовое содержаніе котораго слѣдовало бы пускать въ оборотъ при историческомъ изученіи современныхъ этому произведеній нашей художественной литературы. Только при такой постановкѣ вопроса, думается намъ, можно претендовать на извѣстную полноту и историческую цѣнность въ изслѣдованіи историко-литературныхъ вопросовъ. Мы не отрицаемъ трудности подобнаго изученія, и потому не ставимъ въ большой грѣхъ г. Шенроку указаннаго пробѣла въ его книгѣ. Самъ г. Шенрокъ, повидимому, сознавалъ и предъявлялъ къ самому себѣ въ принципѣ эти требованія: напр., говоря о разработкѣ вопросовъ воспитанія въ произведеніяхъ Гоголя, онъ для удобства ихъ историческаго разсмотрѣнія, пользуется Пушкинымъ, по скольку послѣдній касался тѣхъ же вопросовъ, и въ этомъ пріемѣ сравненія двухъ писателей ищетъ для себя почвы въ своихъ изслѣдованіяхъ и выводахъ о Гоголѣ; но такой пріемъ могъ привести лишь къ одностороннимъ и лишеннымъ полноты результатамъ.

Склонный болѣе къ литературнымъ изученіямъ въ самомъ тѣсномъ смыслѣ, авторъ нашъ, и въ сферѣ литературнаго изслѣдованія, охотно игнорируетъ до извѣстной степени такія его стороны, которыя соприкасаются съ исторической стороной вопроса: этимъ вѣроятно, слѣдуетъ объяснять скудость фактическихъ указаній изъ области народнаго пѣсеннаго творчества при разборѣ повѣсти «Страш-

ная месть» со стороны ея источниковъ (стр. 54 и сл.)—на ряду съ чрезвычайнымъ, доходящимъ до утомительности, изобиліемъ сопоставленій разныхъ мѣстъ этой повѣсти съ другими произведеніями Гоголя («Вій», «Тарасъ Бульба»), для доказательства ихъ взаимной образно-поэтической и стилистической связи.

Вмѣстѣ съ этимъ общимъ недостаткомъ въ манерѣ изслѣдованія г. Шенрока, который кладетъ извѣстную печать на оба вышедшіе тома его почтеннаго труда и устраненіе котораго желательно было бы видѣть въ послѣдующемъ изложеніи (авторъ обѣщаетъ его еще на два тома), мы позволимъ себѣ указать еще на особенность, невыгодно отличающую второй томъ отъ перваго: въ немъ уже слишкомъ много полемическаго элемента. Имя г. Витберга, которому, повидимому, авторъ ни разу не упускаетъ случая возражать, встрѣчается, по крайней мѣрѣ на третіей части, если не на половинѣ страницъ, составляющихъ книгу, не смотря на то, что возраженіямъ этому критику труда г. Шенрока, посвящено особое прибавленіе ко II-му тому. Не касаясь сущности самыхъ возраженій,—въ которыхъ, какъ намъ кажется, болѣе правды на сторонѣ г. Шенрока, чѣмъ его антагониста—мы должны однакоже отмѣтить, что на читателя разсматриваемаго тома «Матеріаловъ» эта иногда слишкомъ уже детальная и растянутая по всей книгѣ полемика производитъ весьма не желательное впечатлѣніе, много мѣшая спокойствію изложенія. Г. Шенрокъ и г. Витбергъ расходятся принципіально во взглядѣ на личность Гоголя: послѣдній убѣжденъ въ его безусловной искренности, тогда какъ первый относится ко многимъ его словамъ со справедливой осторожностью и недовѣріемъ; достаточно было выяснить эту общую точку зрѣнія, чтобы потомъ уже болѣе не возвращаться каждый разъ къ ея частнымъ приложеніямъ; внимательный и интересующійся читатель могъ бы уже самъ, на основаніи указаній, сдѣлать провѣрку въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ и взвѣсить слова Гоголя съ той общей точки зрѣнія, которая покажется ему наиболѣе вѣрной; а изложеніе книги отъ этого бы только выиграло, пріобрѣтя болѣе объективности въ изслѣдованіи вопроса и спокойствія въ изложеніи.

Мы считаемъ излишнимъ прибавлять, что эти замѣчанія вызваны лишь уваженіемъ къ солидной работѣ г. Шенрока, способной возбудить вниманіе всѣхъ любителей отечественной литературы. Въ сочиненіи такого объема, при изложеніи вопросовъ нерѣдко весьма спорныхъ и трудныхъ, не легко удовлетворить всѣмъ возможнымъ

требованіямъ, которыя всегда легче исполненія. Пожелаемъ автору скорѣйшаго завершенія его во многомъ очень хорошаго и полезнаго труда.

Е. Пѣтуховъ.

Памятная книжка сѣдлецкой губ. на 1892 г. Сѣдлецъ 1892 г.

Намъ неразъ уже приходилось на страницахъ «Кіевской Старины» касаться подобныхъ изданій, и еще недавно мы привѣтствовали «Памятную книжку курской губ.» Изданія эти тѣмъ болѣе привлекаютъ къ себѣ наше вниманіе, чѣмъ болѣе заключается въ нихъ, кромѣ обычнаго матеріала мѣсяцеслововъ и календарей, статей по мѣстной исторіи, народоописанію и т. п. Разсматриваемая нами теперь книжка представлена лишь одной довольно любопытной статьей такого рода, принадлежащей перу извѣстнаго народовѣда Н. Янчука: «Нѣсколько словъ по поводу археологическо-этнографической экскурсіи въ сѣдлецкую губ. въ 1891 г.». Къ статьѣ приложено и восемь снимковъ съ вещей, найденныхъ при раскопкахъ, произведенныхъ въ с. Чекановѣ лѣтомъ 1891 г. Выводъ, къ которому привело изслѣдователя разсмотрѣніе предметовъ, найденныхъ въ девяти раскопанныхъ имъ могилахъ Чекановскаго могильника, довольно нерѣшителенъ, такъ какъ настаиваетъ на дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ, которыя «можетъ быть, убѣдительнѣе покажутъ, что каменныя могилы подлясья принадлежали народу литовсколатинскаго племени, каковымъ признаются, между прочимъ, обитавшіе здѣсь 6—7 вѣковъ тому назадъ Ятвяги». Впрочемъ, самъ изслѣдователь, сдѣлавшій такой неопредѣленный выводъ лишь изъ простой научной осторожности, лично, кажется, убѣжденъ въ принадлежности означенныхъ могилъ Ятвягамъ, и его соображенія намъ кажутся вообще довольно убѣдительными.

А. С.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ГОДЪ II. **„МІРЪ БОЖІЙ"** ГОДЪ II.

Литературный и научно-популярный журналъ для юношества.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1893 ГОДЪ.

Въ прошломъ 1892 году въ журналѣ было, между прочимъ, помѣщено слѣдующее по беллетристикѣ: Д. Мамина-Сибиряка: „Зимовье", „Отъѣздъ", „Шарлатанъ" „Послѣдняя треба", повѣсть И. Потапенки „Земля", повѣсть А. Шеллера-Михайлова „Трудные годы", разсказъ Е. Коваленской „Валетка, „Въ чемъ же счастье?" повѣсть Бѣлавина, „Чортово болото", повѣсть Жоржъ-Зандъ, „Непонятная" повѣсть Э. Ожешковой, Вамирэхъ", романъ изъ врем. каменнаго вѣка—Рони. Разсказы Киплинга. Въ приложеніи помѣщены 2 романа: „Сайласъ Марнеръ" Джорджъ Эллiотъ и „Тьма и разсвѣтъ", историческій романъ Фаррара. Изъ научно-популярныхъ статей: „Сократъ и его время", историческій очеркъ Д. Сиповскаго. „Этографичекіе очерки", проф. Ю. Петри. „О драмѣ", Ив. Иванова, его же „Идеи и люди сороковыхъ годовъ", „О Кольцовѣ", В. Острогорскаго, „Въ поискахъ за истиной", очеркъ по астрономіи Н. Рубакина, „Прошедшее и настоящее химіи" проф. Гольдштейна. „Финляндія, страна и народъ", Е. Водовозовой, „Растенія-животныя и животныя-растенія" д-ра Пфуль, „Мильтонъ и Кромвель" д-ра Штерна, „Зороастръ и его ученіе" проф. Всев. Миллера.

Журналъ будетъ издаваться по прежней программѣ. Подписка принимается въ Петербургѣ, Лиговка, 25—8, и во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ. Подписная цѣна безъ доставки 6 р., съ доставкой и пересылкой въ Россіи 7 р., за границу 10 руб.

Подписка на 1892 г., за израсходованіемъ всѣхъ экземпляровъ, прекращена.

Издательница *А. Давыдова*. Редакторъ *Викторъ Острогорскій*. № 3.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XL, 1893 г. Январь, Февраль и Мартъ.

стр.

взяти 2 барилѣ, а въ нихъ вѣдеръ 9 и 15 квартъ, а въ остатку 29 вѣдеръ безъ одной кварти.

Пятокъ. 22. Сегодня обѣдалъ я зъ Синдаровскимъ. Алексѣй зъ Андрушкомъ наняли комору на мѣсяцъ по 4 зол. и взяли барило гор. и куль тютюну, а другій бокуну. Діонету капитану далемъ 15 папушъ тютюну. Полковникъ Еропкинъ получилъ писмо отъ брата Александра зъ Москви, 3-го марта писанное, въ якомъ обявляетъ, что онъ зъ Цариграда отъ Александра Івановича зъ писмами и грамотами отъ султана турского поехалъ до ея величества, заключаючими вѣчній миръ между Россіею и Портою атаманскою состоявшійся, и что Александеръ Івановичъ имѣлъ сеей весни конечно отпущенъ быти въ Персѣю для розграниченя. Капитанъ Неплюевъ, посиланний отсюду после второго походу въ Астрахань, зъ вѣдомостію тоею повернулся сюда и привезлъ кавалерію ст. Александра Невского генералу Кропотову.

Субота. 23. Сегодня рано былъ я у генераловъ обоихъ, а по службѣ Божой кушали всѣ штапъ-офѣцери и ми два зъ п. Михайломъ у генерала Кропотова. Капитанъ Дефаршъ и зъ нимъ Якубовича Рогочевскій зъ Мискомъ, при пашпорту генерала Шереметева, отехали въ Астрахань. Черезъ Рогочевского писалемъ въ Астрахань до Демяна, чтобъ онъ зъ осталнимъ всѣмъ провіянтомъ моимъ пріездилъ сюда, купивши вина, на що также и на викупъ табаку въ штрафѣ взятого, послалъ я черезъ Рогачевского жъ ему 12 р. Да еще жъ писалемъ до Полянского, до Томари и до Якубовича объ отправѣ оного сюда Демяна; да черезъ помянутого жъ Рогачевского послалъ я пакетъ писемъ въ домъ надлежащій до Демяна, жебы оній вручилъ Томарѣ, а Томара вмѣсто своего послалъ бы до генерала Ропна, а въ пакетѣ томъ писалемъ до полковника ахтирского, чтобъ онъ писма тие мои переслалъ въ Роменъ, а въ Роменъ писалемъ до родителя о своемъ поводженню и о висилцѣ другой виправи. Тожъ и до родителки; также и до жени писалемъ, жебы она старалась тую виправу вислать посередъ лѣта, и прислала бы платте людямъ, простиралъ 2, вина и гор., добрихъ, закусокъ, оливокъ, соку, масла, языковъ вялихъ, курей сушенихъ,

зѣлля до ванни и голови, чаю, шалвѣи, тютюну тур. окъ 10, свѣчокъ восковихъ, корѣння всякого по части, оцту винного и простого, оливу, олѣи сколко можна, тютюну простого втрое болше противъ зъ мною взятого. Были у насъ по службѣ приехавший ново лѣкарь Карлъ Петровичъ, такъ и Діонетъ на водцѣ. У лазнѣ въ квартирѣ Мерзлюкина милисмося. Генералъ Кропотовъ впервое надѣлъ на себе кавалерію.

Неделя. 24. Сегодня по службѣ Божой былисмо у полковника Еропкина, а кушали у капитана Діонета, оба мы зъ Худолѣемъ третимъ. Приходили ко мнѣ старшина лубенскіе зъ суплѣкою просячи, чтобъ за моимъ прошеніемъ обозний прилуцкій вилалъ имъ въ позику денги покойного сотника сенецкого, зъ чимъ я посилалъ къ оному Худолѣя и онъ отложилъ до повиданняся зъ мною. Романовичъ меншій пріехалъ зъ лагера зъ писмомъ отъ Кандибы до Кочубея, насъ и другихъ бунчуковихъ писаннимъ, чтобъ мы завтра ехали зъ генераломъ Кропотовимъ, мѣючимъ ехать на прорву для осмотру плотини, якая будто начала теперъ портится, а насъ всѣхъ імѣетъ ѣхать чловѣка 20. Ходили мы до Фонстрала, где и Еропкинъ зъ Сомовимъ были, оттуду зъ Еропкиномъ до его зайшли и вечерали у его.

Понеделокъ. 25. Сегодня рано генералъ Кропотовъ и мы обидва и протчіе бунчуковіе числомъ 20, и Худолѣй, и для конвою при генералу 200 чловѣка дракгунъ, да 280 козаковъ донцовъ поехали зъ крѣпости ст. Креста и пріехали до прорви, въ обѣдную годину. Обѣдалисмо вкупѣ зъ Кочубеемъ и Іваномъ Миклашевскимъ и другими въ полатцѣ Миклашевского. Холодъ великій зъ дожчемъ и вѣтромъ бувъ черезъ всю ночь и мы, виехавшіе на еденъ день безъ всякого запасу, нужду терпѣли. Для поправи плотини прибули козаковъ 1000 зъ капитаномъ Банѣномъ.

Вовторникъ. 26. Сей увесь день на прорвѣ пробавилисмо, обѣдалъ я зъ Григоріемъ Гамалѣею и Худолѣемъ у квартирѣ своей. Генералъ Кропотовъ получилъ вѣсть, что шафкалъ черезъ Гайдемира намѣриваетъ повинную принести, также и буйнацкій владѣлецъ своего аманата хочетъ дать. У вечеру бувъ я у гене-

рала съ Заводовскимъ. Плотину поправили и нестало внизу текти. Дурголѣнскій владѣлецъ писалъ до генерала, обявляючи, что будто шафкала поймать не можетъ за его осторожностю и чтобъ войска наши ишли скоро въ гори, для того же увесь скотъ шафкалскій въ деревнѣ Каротахъ обрѣтаетца.

Середа. 27. Сегодня рано зъ генераломъ виехалисмо зъ прорви и проехали до крѣпости ст. Креста и зайшли до генерала Шереметева, а потомъ у Кропотова обѣдалисмо. Романчуку молодому Вѣжевскій далъ 4 р. въ позику и карту отдалъ. У Абраима переводчика, обездившого море Каспѣйское неразъ, и моремъ, и землею, при разговорѣ слишалъ я, что отъ крѣпости ст. Креста почтою мощно стать на одни сутки въ Дербенѣ, а оттуду въ Бацѣ за одни жъ сутки, а оттуду въ Гилянѣ стать мощно за 2 сутокъ. Сотникъ коропскій и наказ. полковникъ нѣжинскій Іванъ Пороховскій нечаянно померъ, ходячи по лагеру и потомъ поднявши руки и затрасшися.

Четвер. 28. Сегодня обѣдалисмо у себе зъ Худолѣемъ и Григоріемъ Котляренкомъ; по обѣдѣ ходилъ я до Кочубея, оттуду до полковника Еропкина, а оттоль до полковника харковского, перейшовшого зъ давней своей квартири въ Дефарша бывшую квартиру, а оттоль заходилъ я до своей квартири зъ п. Андрѣемъ Миклашевскимъ, которий, посидѣвши мало, отехалъ. Козакамъ сотнѣ глуховской, сотнику Черневскому и 3-мъ сварковскимъ далъ Вѣжевскій въ позику грошей 18 зол. и карту отъ нихъ взялъ, якая въ книгу заменена.

Пятокъ. 29. Сегодня Худолѣй пріѣхалъ зъ лагера зъ писмомъ Кандибинимъ до товариства бунчукового писаннимъ, жебы хто недодалъ, албо не далъ денегъ окладнихъ по реестру, отдали бъ для заплати за забранную горѣлку etc. Обѣдалисмо у себе зъ Худолѣемъ, а по обѣдѣ былъ у насъ Шаргородскій, Стефанъ Гамалѣя и Петровскій. Стефану Гамалѣи позиченную отъ его книгу „Compendium medicum“ полскую отдалемъ, и мою другую время Basilii magni до прочитання позичилемъ. П. Михайло на февру захоровалъ. Щербатову черезъ Худолѣя отослалемъ 20 папушъ

тют. Былемъ у генерала Шереметева, где отъ Василя Савича зачулемъ, же якобы Стефанъ Миклашевскій отпущенъ зъ Астраханѣ въ домъ свой. Dописалемъ писма: 1) до Григораша—допросить Кулинича о байраку и степу его доставшомъся родителямъ; 2) до родителей и 3) жени о присилцѣ сюда виправи посередъ лѣта; 4) до ясневел. объ отпускѣ нашемъ, о старанне прошеніемъ; 5) до п. Федора дядка о нашемъ походѣ въ гори; 6) до Демяна о его сюда пріезду и покупцѣ вина, соку, etc. Вѣжевскій ренское вино зъ барилця висипалъ въ бутилки, которихъ стало болшихъ 7, а меншихъ полъ 7. Сегодня Сулакъ рѣка начала зъ горъ водою текучою умножатись.

Субота. 30. Сегодня зъ ночи принималемъ пѣгулки. Куөу меншую тютюну Алексѣю и Андрушкови отдали, въ которой по ищисленію показалось папушъ 316. Обѣдалъ я зъ Худолѣемъ и Тарновіотомъ; по обѣдѣ приходилъ до насъ полковникъ Еропкинъ и подполковникъ Сомовъ, потомъ прийшолъ генералъ Кропотовъ и полковникъ Лѣцкинъ и, посидѣвши, отойшли, а п. Михайло сегодня принималъ лѣкарство проносное и рвотное. Трое коней купилемъ: гнѣдого, вороного и кобилу мишастую, за всѣхъ дали грошей 11 р. и полтину.

Мѣсяцъ май. Неделя. 1. Сегодня рано былъ я у генераловъ обоихъ, а по службѣ Божой былъ у насъ на водцѣ Андрей Миклашевскій и Сулима, а обѣдалисмо у себе зъ Худолѣемъ и Григорашемъ, по обѣдѣ ходилъ я до Еропкина и тамъ доволно просидѣвши, прійшолъ до своей квартири. Получилъ полковникъ Еропкинъ писма зъ С. П. Бурху отъ Опачинина писанніе, въ которихъ включени были до Василя Гамалѣи и до п. Михайла отъ его жъ, съ которихъ въ первомъ пишетъ, что онъ туда пріехалъ 28-го декавр., а въ генвар. подалъ наше писаніе общое свѣтлѣйшему князю и чолобитную его свѣтлость приказалъ при себѣ въ сенатѣ дать, але не бывалъ въ ономъ долго за своею немощію, а о себѣ онъ же Опачининъ пишетъ, что надѣется бить маіоромъ въ астраханскомъ полку и вѣцекапраломъ у кавалергвардіи, а въ другомъ до насъ обявляетъ, что писма наши отдалъ Петру Андрѣевичу

(Толстому) и Івану Петровичу и они обѣщались о насъ ходатайствовать, и что яко бы онъ до насъ писалъ генваря 3-го числа. Алексѣй принюсъ грошей за гор. 10 р. еще, а передомъ дали 10 р., да за 150 папушъ тютюну 6 р. и 20 к. куліового. Василь Гамалѣя захоровалъ былъ тяжко, же ежели бы Масъ не пустилъ ему крови, то едва живъ бы былъ.

Понеделокъ. 2. Противъ сегодня пѣгулки принималемъ, прежде пявокъ належачіе. Вѣжевскій отдалъ мнѣ 20 р. зъ денегъ взятихъ у Алексѣя онимъ, а зъ осталнихъ далемъ ему 3 р. на общій расходъ, а 3 р. зъ 20 к. на приватніе. Кандиба пріездилъ рано и былъ у насъ и состоялся приговоръ грабить [1]) недодавшихъ и недавшихъ гроши складніе по определѣнію. Также и до астраханскихъ нашихъ товарищей написать объ отдачи таковихъ же грошей и на случай тихъ, которіе сюда для продажи прислали свои записи, доправить по реестру. Обѣдалисмо у себе зъ Худолѣемъ и Тарновіотомъ и Синдаровскимъ, а по обѣдѣ приходилъ до насъ Діонетъ и готовалъ зупъ п. Михайлу французскій; потомъ прийшли къ намъ маіоръ Мерзлюкинъ и капитанъ Уваровъ, и посидѣвши мало отойшли. Ходилемъ зъ Тарновіотомъ до старой крѣпости для посѣщенія болѣзнуючого п. Василя Гамалѣи и, зъ нимъ простившись, повернулемся въ свою квартеру. Масъ лѣкаръ смеркомъ прійшолъ до насъ и обявилъ, что Василь Гамалѣя [2]) Андрѣевъ синъ преставилъся зъ болѣзни именуемой empyema, 3 днѣ оною тяжко хоровавши. Худолѣй повернулся зъ лагеру и ночовалъ зъ нами. Алексѣеви дано барилце водки, якое передъ симъ началъ продавать Андрушко и не випродалъ. П. Михайлу пускалъ кровъ зъ медіани правой руки Масъ.

Вовторникъ. 3. Сегодня извѣстилъся я, бувши у полковник Еропкина, что онъ вчорайшой ночи пробавилъ въ лагерѣ нашомъ и донскомъ, и всѣ козаки при коняхъ и оружжѣ за лагеромъ ночовали, того ради что слухъ былъ о непріятелскихъ людяхъ на караулъ нашъ наездившихъ, чего ради и капитанъ Якобѣнъ въ

---

[1]) Т. е. брать принудительнымъ способомъ.

[2]) Сынъ бунч. тов. Андрея Андреевича Гамалѣи, убитаго въ 1706 г., в Несвижѣ.

погоню за оними ездилъ и сего жъ дня повернулся. Ходилемъ въ старую крѣпость съ капитаномъ Діонетомъ, где по службѣ Божой вчора преставлшійся Василь Гамалѣя, бунчуковий товаришъ, погребенъ зосталъ при церквѣ, близъ дверей лѣвихъ, и при собраніи съ знакомъ всего бунчукового товариства, также при трократномъ стреляннию отъ 100 человѣкъ. Обѣдалъ у насъ Худолѣй и Діонетъ, а по обѣдѣ полковникъ Еропкинъ зъ Уваровимъ были у насъ, и посидѣвши, отойшли. Діонетъ робилъ намъ колбаси зъ мяса бараніого, заднихъ стегенъ, зъ которихъ повибиравши жили, посѣчено мясо дробно и посоливши соллю и перцемъ, такъ же и гвоздисами мало и присипавши кубокъ вина ренского, понакладалъ ковбаси яловичіе и оніе поперевязовалъ ниткою, а тіе ковбаси передомъ куплени и вичищени водою и ножемъ, а потомъ надутіе висѣли долгій часъ. П. Михайло легше мѣлъ себе въ день, нѣжели въ ночѣ прошлой. Мартинови за коней 4 купленнихъ, гнѣдого, вороного, лисого и кобилу половую, далемъ денегъ 19 р., да онъ же, розситивши меду, отехалъ въ лагеръ за долгомъ отъ Григораша. Зискался реестръ людей, лохвицкихъ жителей, владѣючихъ сѣножатми и полемъ около степку волного сухоносовского, именно: 1) отъ шляху за могилою робленою, Хвесково Прокопенково, якобы отцемъ его у Степаненковъ еще дорогого року [1]), купленное, невѣдать за що; 2) Юска Хоця, отъ тестя наданное; 3) Бровка дѣдизное; 4) долина, прозиваемая Кривецкого зъ полемъ Миколи Жученка, за гроши купленіе; 5) Івана Синенка зъ низу взявши, купленное; 6) Степана Довголя дѣдизное; 7) Трохима Чорненкого купленное; 8) Якова Павленка балокъ отъ шляху купленний; 9) Бакулово дѣдизное.

Середа. 4. Сегодня рано былъ я у генерала Шереметева и по службѣ Божой заходилъ до полковника харковского, а оттуду прійшовши, обѣдалъ въ своей квартерѣ зъ обозним прилуцкимъ Панченкомъ и Худолѣемъ, а по обѣдѣ были у насъ п. харковскій, Миклашевскіе, Григор. Гамалѣя, Кочубей и проч., которіе всѣ не могли уговорить Худолѣя. Генералъ Кропотовъ ездилъ въ лагеръ въ день и повернулся, а генералъ Шереметевъ по обѣдѣ на ночъ

[1]) Т. е. въ 1690 г.

зъ полковникомъ Еропкиномъ туда жъ поехалъ; для генерала мой наметъ тамъ розбитъ. Барило водки и куфу тютюну Алексѣєви дано, а въ куфѣ папушъ 316. На приговорѣ нашихъ, чтобъ доправить на слугахъ астраханскихъ бунчуковихъ складную суму, подписались. Худолѣй повернулея зъ лагера. Збитень готовать такъ: двѣ части пива, одну оцту, четверть водки, а меду до смаку приложить, перцю, имберу и вирить.

Четвер. 5. Сегодня генералъ Шереметевъ и Еропкинъ полковникъ, переночовавши въ лагерѣ, пріѣхали въ крѣпость. Алексѣй отдалъ Вѣжевскому 16 р. и 8 шаг. денегъ, которіе до себе взялемъ. Худолѣй сегодня два стихи видалъ и наконецъ витверезилъся. Обѣдали мы у себе зъ Діонетомъ. Діонетъ кушанне у насъ готовалъ—фрикасе зъ ножокъ баранѣхъ, передомъ отваривши оніе, а потомъ смажилъ въ маслѣ, придавши перцю, петрушки, дробно укришеной и печерицъ; а потомъ сице: 3 саміе жовтки зъ сметаною и сокомъ розвювши и талки (?) придавши, растворилъ и всипавши въ ринку, видалъ на столъ. Въ Сулаку теперъ великое барзо наводненіе учинилось. Ходилъ я зъ Худолѣемъ на мостъ смотрѣть рѣки и оттуду повернувшись, заходилъ до Шереметева и оттуду до своей квартири прійшолъ.

Пятокъ. 6. Сегодня обѣдалисмо у себе зъ Тарновіотомъ. П. Михайла пароксизмъ фебри знову держалъ жестоко. Прапорщикъ, посиланний до шафкала, повернулъся. Мартинъ пріездилъ зъ лагера и привезлъ допросъ Кулинича, закрѣпленний руками старшини лубенской и знову поехалъ тудажъ, которому п. Михайло далъ денегъ на покупку коней 3-хъ. Сулакъ рѣка еще умножилася. Татаринъ астраханскій Урусовъ пріехалъ сюда зъ Астраханѣ зъ інструкцѣею себѣ данною отъ г. генерала Матюшкина быть ему комендиромъ при аулнихъ татарахъ. А прапорщикъ, отъ шафкала повернувшийся, сказалъ, что шафкалъ желаетъ быть по прежнему въ подданствѣ россійскомъ, толко для учиненя переговору и трактатовъ желаетъ того, чтобъ висланъ былъ въ гори которій штапъ-офѣцеръ.

Субота. 7. Сегодня рано Іванъ Тарновіотъ прійшолъ до насъ зъ писмомъ Кандибинимъ, чтобъ всѣмъ товарищамъ бунчуковимъ

быть въ лагерѣ для смотру полковникомъ Еропкиномъ мѣючого чинитися. Обѣдалисмо у себе зъ Худолѣемъ и Тарновіотомъ, а между тимъ были у насъ Миклашевскіе и Григор. Гамалѣя. По обѣдѣ зась былъ я у Еропкина и генерала Шереметева и потомъ въ свою прійшолъ квартиру. Маркитанти взяли 11 вѣдерокъ по 3 р., итого 33 р. Кровъ жилную головную зъ правой руки пускалемъ. Худолѣй по обѣдѣ ездившій до лагера, повернулъся и привезлъ мнѣ отъ Стефана Гамалѣи книжку compendium medicum.

Неделя. 8. Сегодня былъ я въ церквѣ малой на службѣ Божой, где въ разговорѣ зъ подполковникомъ Сомовимъ увѣдомилемся, что ундеръ-офѣцеръ, посиланний отъ генерала Кропотова въ Астрахань, повернулъся, которій сказовалъ, что вѣсть носится тамъ быть перемѣнъ генералитету. Пообѣдалисмо у себе зъ Худолѣемъ, а по обѣдѣ былъ у насъ генералъ Кропотовъ и полковникъ Лѣцкинъ для посѣщенія болного п. Михайла. П. Михайло теперъ на себѣ пароксисму лихорадки не имѣлъ. Рѣка Сулакъ начала умалятись.

Понеделокъ. 9. Сегодня рано былъ я у генерала Шереметева, где отъ его жъ слихалъ, что походъ будетъ намъ въ пріидучій день воскресний. Да онъ же говорилъ, что полковникъ и комендантъ дербенскій Юнкеръ ходилъ въ партію на Усмея, у которого отогналъ 7000 овецъ и чловѣка зъ 30 татаръ, при онихъ обрѣтавшихся, взялъ, и что мы, когда пойдемъ на Усмея, по дорозѣ имѣтимемъ теплие води. Денги, о которихъ упомянуто въ 7-мъ числѣ 3-мъ нумерѣ, отобралемъ отъ Алексѣйця. Особливе въ его жъ за гор. нинѣшную взялемъ 10 р.; на партикулярний росходъ Вѣжевскому далемъ 5 р. У вечеру былъ я у полковника Еропкина, где сказивалъ капитанъ Якобынъ, что синъ генерала Кропотова Никита пріехалъ зъ Астраханѣ и же перемѣна будетъ генералу Кропотову, такъже и Матюшкину, и что 8000 лошадей женутъ сюда. Смѣловскимъ козакамъ еще 4 р. позичилемъ, которіе на сіе, и прежніе денги числомъ 8 р., дали карту едну зъ подписомъ Худолѣя, коная въ заключеніи. Конѣ Терновіота, Горленка и Петракія ушли безвѣстно.

Вовторникъ. 10. Сегодня рано былъ я у генераловъ обоихъ, а обѣдалисмо у себе зъ Худолѣемъ и Тарновіотомъ, по обѣдѣ ходилъ я до Еропкина, где зъ нимъ, Мерзлюкиномъ и Якубиномъ, играли въ карти при моемъ виграшу. Тарновіотъ и проч. конѣ свои да не всѣ получили, але передомъ добре отъ Еропкина были трактовани. Писма составилисмо въ домъ до род. о нашемъ походѣ, до жени о томъ же, въ Астрахань до Якубовича, чтобъ тіе писма переслалъ въ домъ и чтобъ виправу, когда прійдетъ, сюда отправилъ и чтобъ писма до Гурки архиерея (астраханскаго) отнюсъ самъ, въ якимъ листѣ включени 2 писмѣ до Петра Андрѣевича и до преосвященного псковского (Феофана Прокоповича), зъ прошеніемъ о нуждѣ нашей, которіе переслани бъ были въ С. П. Бурхъ вскорѣ, да архиерею жъ въ Астрахань о колмичатахъ и чтобъ мене наставилъ о моемъ отсюду отлученнюся. Худолѣй ночовалъ, якъ и прежде.

Середа. 11. Сегодня рано ходилъ я до Кочубея, где п. Андрѣя Миклашевского видѣлъ, который сказовалъ, что братъ его Стефанъ пишетъ зъ Астраханѣ, же Тамара и Ширай пріедутъ сюда и что еще зъ С. П. Бурху жадной о насъ нѣтъ резолюціи. Обѣдалисмо сами у себе зъ Тарновіотомъ, а по обѣдѣ заходилъ я до п. харковского (полковника), оттуду до Еропкина и тамъ долго просидѣлъ. Онъ же показовалъ писмо свое мнѣ, писанное до князь Михайла Михайловича (Голицына) объ отпуску отсюду его и комменди его жъ зъ прошеніемъ. Рѣка Сулакъ, якъ начала умалятись отъ 8-го дня, то теперъ и барзѣй умалилась. Атаманъ донскихъ семейнихъ козаковъ тутейшихъ повернулся зъ С. П. Бурху зъ жалованнемъ и новими короговами (знаменами), которому дано жалованння тамъ 200 р., а козакамъ съ нимъ бывшимъ по 90 р., а жалованння всякому козаку привезлъ по 5 р.—10 р. за водку Алексѣй отдалъ Вѣжевскому, которіе отобралемъ до себе. Зъ писмами вчорайшого числа, 3-го нумера означенними, посланъ въ лагеръ Худолѣй, для отдання оныхъ Андрею Марченку сумскому, которій приставомъ надъ болними розныхъ нерекгулярнихъ комендъ въ Астрахань отпущенъ. Князь Бѣлоселскій, штирманъ морский, былъ

у мене на квартирѣ, и въ разговорѣ обявлялъ, что зъ Баки до рѣки Кури будетъ миль 20, къ которой по надъ моремъ лѣси на горахъ.

Четверъ. 12. Алексѣй за медъ прѣсний, проданний, принюсъ грошей 5 р. и 10 а., пудъ по 2 р., якій медъ въ Астраханѣ Демянъ покупалъ. Полковникъ Еропкинъ поехалъ въ лагеръ, смотръ имѣть надъ бунчуковимъ товариствомъ и козаками малороссійскими, слободскими и донскими. Миклашевскіе, Сулима и протчіе зъ полковникомъ Еропкинимъ повернулися зъ лагера и были въ насъ, а сказали, что Худолѣй тамъ за тое, же на смотрѣ зъ значковими не явился, посаженъ на пушку, ради которого мы, обѣдва зъ п. Михайломъ, ходили до Еропкина и просили за нимъ, чего ради посланъ указъ черезъ ординарца въ лагеръ къ Чабукову освободить его. Писма писали мы до дому, я писалъ до родителя и жени, о себѣ ознаймуючи и о висилцѣ посередъ лѣта виправи, а до ясневел., чтобъ она писала еще о насъ до Петра Андреевича и листъ нашъ до ея писанний послала бы, и тіе листи всѣ такъ же и п. Михайлови въ пакетъ включенние, при особливомъ моемъ писмѣ писанномъ, о пересилцѣ онихъ въ Роменъ до г. генерала фонъ-Вейзбаха отправилемъ, якій пакетъ мѣлъ полковникъ Еропкинъ въ свой включить, до его жъ писанний. У лазнѣ милемъся у полковника Еропкина квартерѣ, и банки пускалемъ на крижу 4.

Пятокъ. 13. Сегодня ходилемъ до Еропкина, а оттуду до Бекичева и знову прійшолъ до своей квартири. Писма полковникъ Еропкинъ свои составилъ вверхъ, а я ковпертъ переправилъ и до генерала Вейзбаха включенъ въ его листъ. Василь Савичъ былъ у насъ и принюсъ ко мнѣ пашпортъ отъ генерала Шереметева слузѣ моему Алексѣю. Слуга Лизогуба конотопского (Андрея) прійшолъ ко мнѣ зъ картою отъ Кандиби писанною о томъ, что онъ 14 р. взялъ отъ п. Чуйкевича Семена, доводячихся на Рощаковскомъ и чтобъ я на слузѣ п. Федора Марковича доправилъ отъ его належачіе денги 21 р.

Субота. 14. Сегодня рано былъ я у генерала Кропотова, а по службѣ Божой кушалисмо у себе зъ Тарновіотомъ. Тарновіоту

подаровалемъ фузѣю малую, а онъ прислалъ ко мнѣ чапракъ на коня красний. Алексѣй принюсъ за куфу меншую тют. полъ 7 р., а осталось папушъ зъ 60. Онъ же принюсъ за бар. гор., гуртомъ проданное, 31 р. 25 а., а за другое подробицею продаючеєся—9 р. 20 а. Обявлено маршъ непремѣнно завтрійшого дня. До утренѣ зъ вечера ходилисмо, тогда воръ подъ избою прокрался былъ, але Діонетомъ гараздъ отогнанъ зосталъ, але передомъ кунтушъ у фендрика укралъ.

Неделя. 15. Сегодня рано были въ службѣ Божой, а по службѣ кушалисмо у себе зъ Діонетомъ и Худолѣемъ. Сегодня зъ лагеровъ нерекгулярніе, также и зъ крѣпости рекгулярніе, пѣхота и конница, вiйшли въ походъ и, перейшовши черезъ плотину, за версту отъ старой крѣпости стали лагеромъ, куда и мы при генералу Шереметеву для осмотру ездившемъ, ездилисмо и зъ нимъ же назадъ повернулись, и ночовали въ своей квартирѣ зъ Худолѣемъ. Отъ шафкала и Гайдемира къ генераламъ пріездили посланніе зъ писмомъ, въ якомъ шафкалъ проситъ себѣ позволення—где прибути ему до генераловъ и что хочетъ самъ ехать въ С. П. Бурхъ, просить прощенія въ своей винѣ у ея величества.

Понеделокъ. 16. Сегодня рано былисмо у генерала Шереметева по службѣ Божой, а обѣдалисмо зъ собою и зъ п. обознимъ прилуцкимъ и Панкевичомъ. У слуги п. Федорового взялъ у нашей квартерѣ Покотило 14 таляр., доводячихся отъ его по общей складцѣ грошей, о чомъ я до п. Федора писалемъ черезъ того жъ его слугу Якова Волошина. Виехалисмо зъ крѣпости ст. Креста въ походъ и пріехавши до лагера, стали наметомъ; потомъ былисмо у полковника, играли въ карти зъ нашимъ проиграшемъ. Сулакъ рѣка отъ пятка прошедшого, начавши прибувать, до сего ранку велми прибула, а въ день знову стала умалятись. Алексѣй двома рази приносилъ денги за гор. и тютюнъ, за гор. около 50 р. принюсъ, а за тютюнъ толко полъ 6 зол. давней куфи, а другий сеей за 100 папушъ 5 р.; онъ же теперъ шестее взялъ барило, въ якомъ вѣдеръ ром. пол. 6. Въ походъ сей взялемъ коней верховихъ двое, а возовихъ 6, и воловъ 3, овецъ 4, будку, возъ и

одноконній палубецъ. Гайдемиръ, владѣлецъ андрѣевскій, пріехалъ въ крѣпость ст. Креста и просилъ отъ шафкала, чили рачей шамхана, чтобъ три днѣ подождали и внутръ горъ не входили, понеже самъ шамханъ мѣетъ къ нимъ пріѣхать, въ такой силѣ, что онъ хочетъ самъ ехать въ С. П. Бурхъ до ея величества, просить милости ея величества въ своей винѣ.

Вовторникъ. 17. Сегодня рано генералъ Шереметевъ пріехалъ въ лагеръ, а после его генералъ Кропотовъ, котрий и обездилъ весь лагеръ и оному честь отдавано при игранню и барабанахъ. Рушилисмо зъ лагера таковимъ же порадкомъ, якъ и прежде, и мы бунчуковіе зъ генераломъ Кропотовимъ, а ишли часовъ нѣсколко и прійшовши до лѣса, прозиваемого Дурвасъ, тутъ сталисмо лагеромъ, где води и трави не было, а коней листемъ зъ дерева мусѣлисмо кормить. Гайдемиръ отпущенъ до шафкала, чили шамхана, зъ таковою резолюціею, что оного будутъ г.г. генерали черезъ 3 днѣ ждать и чтобъ онъ ехалъ къ намъ, а на милость ея величества надѣялся. Игралисмо въ карти на ночлѣгу нинѣшнемъ зъ Еропкинимъ и Мерзлюкинимъ, при своемъ маломъ виграшѣ, и вечералисмо у его жъ Еропкина. Ундеръ-офѣцеръ зъ крѣпости пріехалъ до генераловъ зъ указами, присланними зъ Астраханѣ, между которими и о нашей якоби перемѣнѣ есть еденъ указъ, о чомъ впредь яснѣй означенно будетъ.

Середа. 18. Сегодня рано вставши, зъ ночлѣга нашего рушилисмо цѣлимъ корпусомъ и, перейшовши лѣсъ Дурвасъ, ишли степомъ голимъ, на которомъ трави очинь мало, толко трави дурной да Гадиння великого превного минали, и, увойшовши верстъ зъ 25, прійшли надъ рѣчку Кумъташкалскую и недоходячи Кумтаркаловъ, надъ оною лагеромъ сталисмо о полднѣ. Увѣдомилисмося о вчорайшомъ указѣ, въ которомъ предложено, чтобъ донскихъ козаковъ и колмикъ, а не насъ, перемѣнить, когда прійдутъ 3000 донцовъ и 500 колмикъ, около Черкаского кучуючихъ, зъ полковникомъ Дѣтловскимъ, а указъ тотъ въ февралѣ мѣсяцѣ состоялъся, въ якомъ указѣ и тое приложено, чтобъ онимъ за службу ихъ при отпуску дать зъ губернского збору жалованне: атаману 20 р., стар-

шинѣ по 12 р., писару 6 р., всѣмъ донцамъ по 5 р., а колмикамъ по 3 р.; такъ же и тимъ, которіи зъ Черкаского вислани мѣли быть на перемѣну, видать зъ провинціи воронѣжской жалованне противъ сего. Показались отъ Кумтаркаловъ были 5 чловѣка татаръ, которіе когда увидѣли нашихъ до ихъ ехавшихъ, поутѣкали въ гори. Да при томъ указѣ и другій указъ принесенъ, что Янъ Сапѣга, староста бобровскій, устроенъ фелтмаршаломъ надъ войски россійские.

Вознесеніе. Четвер. 19. Сегодня на томъ же становиску простоялисмо увесь дечь и службы Божой, въ церквѣ походной нашей, вислухалисмо. Отъ Шамхана пріехалъ въ лагеръ къ генералитету Никитка толмачъ Шамхановъ зъ тимъ предложеннемъ, что шамханъ передомъ себе пришлетъ аманатчиковъ и самъ прибудетъ въ неделю для того, что въ суботу праздникъ ихъ будетъ, которій Никитка и отпущенъ передъ службою. Зъ крѣпости ст. Креста еще другій ундеръ-офѣцеръ пріехалъ сюда въ лагеръ зъ указами вновъ присланними, между которими и тутъ, якоби есть потвержателний объ отпуску донскихъ козаковъ. Билисмо на ординансѣ, оба зъ п. Михайломъ, у генерала Кропотова. Принесенъ къ генералу колосъ ячменю на зябъ сѣянного, налитий уже зерномъ, которій ячмѣнь за 10 день безпечно можна жати.

Пятокъ. 20. Сегодня рано зъ вчорайшого ночлѣга рушилисмося къ Кумтаркаламъ и зближивши́сь къ онимъ, якобы верстъ у 3 недоежджаючи, по семъ боку яру, зъ пріезду нашего, лагеромъ сталисмо. Передъ вечеромъ пріехалъ въ лагеръ Гайдемиръ и привюзъ аманатчика отъ шамхана, унука шамханового, да отъ Кудбенского князя, которій отъ Карантаковъ въ сторону за 10 верстъ живетъ, сина жъ, малихъ обоихъ еще дѣтей, да зъ нимъ же, Гайдемиромъ, повернулся и прапорщикъ Аблесимовъ, московского полку, зъ Гайдемиромъ къ шамхану ездившій, умѣючій и языкъ татарскій. Книжку Івана Тарновіота видѣломъ, въ которой написано, что ему 30 годъ отъ роду сего 7-го мая минуло.

Субота. 21. Сегодня рано былъ я у полковника Еропкина, генераловъ обоихъ и Лѣцкина, за брегадира управляючого, а по

службѣ Божой былъ у насъ генералъ Шереметевъ и другіе, и поздравляли мене именинницею, женою моею, а были на водцѣ. По обѣдѣ вѣдомо учинился, что шамханъ при ущеллѣ не подалеку отсюду обрѣтаетця и ждетъ поколь къ нему виедетъ генералъ Шереметевъ, для обнадеживанія его въ томъ, что его зде не умертвлятъ. Однако жъ вмѣсто того, отправленъ къ нему полковникъ Еропкинъ и зъ бунчуковихъ 4 насъ, п. Михайло, Григорій Гамалѣя, Іванъ Миклашевскій и я, и отъ нерекгулярнихъ килка сотъ, и переѣхавши Кумтаркалскую рѣчку, зехали на гору на другой сторонѣ и переехавши городокъ Кумтаркали, виехали въ поле, зближаючись къ ущеллю, а былъ съ нами жъ и Гайдемиръ, которій тогда оставивши насъ, отехалъ къ шафкалу, а полковникъ Еропкинъ въ долинѣ оставивши всѣхъ, самъ малолюдно, и ми съ нимъ виехали на пригорбокъ и увидѣли шамхана къ намъ едучого, зъ которимъ узденей его за нимъ зъ ружжемъ на колѣнахъ державчихъ зъ 25 чловѣка ехало, и когда совокупился съ нами, шамханъ зъ полковникомъ привиталися манѣеромъ азіятицкимъ и ехали такъ къ лагеру, оставивши влѣво уже Кумтаркали и когда зближатись стали къ лагеру, виехалъ на встрѣчу шамхану генералъ Шереметевъ и, поздравивши его, ехали вкупѣ, поколь въехавши въ лагеръ до генерала Кропотова шамханъ пріехалъ и потомъ сталъ квартерою въ наметѣ моемъ, поручъ зъ генералскими, на правой сторонѣ отъ Кропотова розбитимъ. Генералъ Кропотовъ получилъ писмо отъ генерала Матюшкина зъ Астраханѣ о присилцѣ туда п. Михайла, а п. Михайло получилъ писмо отъ Петра Петровича (Толстаго) зъ С. П. Бурха 15 февр. писанное, въ которомъ упоминаетъ, что объ отпуску его п. Михайла въ домъ писалъ къ Матюшкину, а буде невозможно, то чтобъ онъ, п. Михайло, присланъ былъ зъ писмами въ С. П. Бурхъ, а писалъ Петръ Андрѣевичъ (Толстой). Вечералъ я у полковника Еропкина и розговаривалъ о посилцѣ къ князь Михайлу Михайловичу (Голицыну). П. полковникъ харковскій заболѣлъ и ради болѣзни отпущенъ въ крѣпость.

Неделя. 22. Сегодня по службѣ Божой кушалисмо въ наметѣ п.п. Миклашевскихъ. П. Михайло на лихорадку знову захо-

ровалъ, але отчасти. Сини шафкалскіе поехали въ гори за владѣлцами другими, чтобы ехали сюда присягу виконувать на вѣрность и подданство ея величеству. Такъ же и къ Усмею послани. Григорій Гамалѣя показовалъ писмо отъ слугъ его зъ Дербенѣ присланное, въ якомъ ознаймуютъ, что они туда 15-го апр. приехали и что теперъ тамъ въ кабаку водку велено продавать по полъ 2 руб. безъ гривни.

Понеделокъ. 23. Сегодня по службѣ Божой обѣдалемъ вкупѣ зъ Миклашевскими, а п. Михайло кровъ пускалъ зъ медияни лѣвой руки. Потомъ у Еропкина, также и зъ Миклашевскими особливо игралемъ въ карти и 3 р. програлемъ. Вѣдомо учинилось, что донскіе козаки, на перемѣну симъ отправленніе, и колмики прибули уже къ Курдюкову, и переправляются черезъ Терекъ. Сини шамханови и другіе владѣлци пріехали къ ущеллю, а сюда ехать опасаются, требуя того, чтобъ генералъ Шереметевъ виехалъ поблизше къ нимъ, где они готови присягу виконать на вѣрность ея величеству. Писма зъ Астраханѣ 23-го апр. отпущенное отъ п. Федора дядка и Якубовича, получилемъ, въ которихъ—въ первомъ, виражено, что на бусѣ моей ездившіи люде мои добре гостили и будто буса цѣла, которая запевне пропала, а въ другомъ, чтобъ слугъ его послать въ Астрахань. Слишно, что рѣка Сулакъ еще умножилась уже и роздоли тіе, где мы лагеромъ стояли, війшовши зъ крѣпости, затопило.

Вовторникъ. 24. Сегодня по службѣ Божой кушалемъ у п.п. Миклашевскихъ. Владѣлци горскіе, которіе еще не были въ крѣпости, дургелинскій, кудбенскій и другіе присягали на вѣрность ея величеству при ущеллю томъ, откуду шафкалъ віехалъ, а для присмотренія ездилъ туда полковникъ Лѣцкинъ и съ нимъ драгунъ 400, а синовъ шафкалскихъ и не было въ присязѣ и не приездили сюда, опасаяся. Полковникъ Еропкинъ сказовалъ, что Усмей писалъ до княжиковъ здешнихъ, чтобъ они отъ его аманатовъ дали генераламъ и самъ обѣщался пріехалъ. П. Михайло знову фебри жестокій имѣлъ пароксизмъ.

Середа. 25. Сегодня рано рушилисмося зъ становиска къ Таркамъ и перейшовши рѣчку Кумтаркалскую нижше, завернули якбы назадъ и увойшовши верстъ зъ 10, стали лагеромъ при тоей же рѣчцѣ на лугахъ. Шамхалъ зъ своими узденями посланъ подъ карауломъ въ крѣпость ст. Креста и зъ нимъ отправленъ подполковникъ Іванъ Евсевіевичъ Сомовъ, Уваровъ капитанъ, 400 драгунъ и 600 нерекгулярнихъ, а посланъ подъ такимъ образомъ, будто Михайло Афанасіевичъ мѣетъ пріехать зъ Астраханѣ, въ крѣпость, для розговору зъ нимъ и о томъ, чтобъ ему дожидатца, шамхану, получили генерали къ себѣ указъ; а владѣлецъ андрѣевскій Гайдемиръ зъ нами ехалъ даже до нинѣшнего ночлѣга и зъ нимъ другіе княжики, того ради, что имѣлъ генерали(тетъ) писмо оборонителное отъ нашихъ слѣдуючихъ войскъ дать ему и обявить указъ о селеніи ихъ; да особливе жъ дургелинскій князь зъ братомъ своимъ ехали правою стороною, съ которими ихъ татаръ было на 150 чловѣка оружейнихъ, которіе то жъ въ одномъ же лагерѣ стали. П. Михайло на вомѣти принималъ прошокъ и 9 разъ вомѣтовалъ. Полковникъ Еропкинъ показовалъ мнѣ писмо отъ князя Михайла Михайловича писанное къ нему 18 апр., зъ виражениемъ того, что послано отъ его доношеніе въ високій сенатъ, чтобъ полковникъ и коменда его были отпущени, а буде такъ невозможно, то чтобъ были перемѣнени другими. Отъ п. Холодовича, сотника воронѣжского, получилемъ листъ зъ Дербенѣ 30-го апр. отправленний, въ якомъ виражаетъ тое, что Гаврило, еслибы зъ Дербенѣ немедля по совѣту его и г. коменданта скоро отплилъ, куда надлежало, то неузналъ бы таковогo тяжкого случаю, а теперъ онъ зъ 4-ма человѣками мозуръ при подорожной комендатской, на гекботѣ отехалъ въ Астрахань. На прорвѣ слишно, что прорвало и хотя плотина исцѣлѣла, однакъ якобы берега сего боку и самого городка на 20 саженъ винесло. Гайдемиръ отехалъ во свояси зъ другими княжиками.

Четвер. 26. Сегодня зъ ночлѣга вчорайшого рушилисмося къ Таркамъ и увойшовши верстъ зъ 20, прійшли до Тарковъ и внизу противъ самого городка стали лагеромъ, откуду полковники Лѣцкинъ и Еропкинъ, и съ ними мы, многіе бунчуковіе, ездили въ

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ

УКАЗАТЕЛЬ

„КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ“.

ЗА ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ

(1882—1891 гг.).

Цѣна 75 коп.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., д. № 4.
1893.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ

УКАЗАТЕЛЬ

„КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ"

ЗА ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ

(1882—1891 гг.).

Цѣна 75 коп.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., д. № 4.
1893.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 1 ноября 1893 года.

Настоящій указатель, печатавшійся въ видѣ приложеній въ 1893 году (№№ 3, 4, 5, 6, 7, 11 и 12), служитъ справочной книгой къ журналу „Кіевская Старина“ за первыя 10 лѣтъ ея существованія, обозначая какъ всѣ статьи и матеріалы, такъ и рецензіи и мелкія замѣтки. Не гоняясь за мелочной систематизаціей, составитель указателя нашелъ болѣе удобнымъ установить *восемь отдѣловъ*, а именно: 1) *Археологія* (№№ 1—70); 2) *Исторія*: а) *матеріалы* (№№ 71—310), б) *статьи* (№№ 311—604), в) *исторія мѣстностей и учрежденій* (№№ 605—693); 3) *Литература*: а) *матеріалы* (№№ 694—799), б) *статьи* (№№ 800—844); 4) *Этнографія* (№№ 845—1073); 5) *Біографическіе матеріалы*: біографіи, характеристики, некрологи, воспоминанія о лицахъ, письма (№№ 1074—1236); 6) *Портреты, рисунки и статьи о нихъ* (№№ 1237—1290); 7) *Библіографія* (№№ 1291—1843); 8) *Дополненія и поправки* (№№ 1844—2020). Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ восьми отдѣловъ статьи расположены въ алфавитѣ авторовъ (отдѣлы: 1-й, 2-й (*б* и *в*), 3-й (*а* и *б*) 4-й и 8-й), а въ остальныхъ — въ алфавитѣ предметовъ, гдѣ большую роль играетъ самый матеріалъ, а не авторъ, сообщающій его, какъ напр.: въ отдѣлѣ библіографическомъ.

Сознавая, что и при этой упрощенной системѣ составленія указателя возможны промахи, составитель, для облегченія справокъ, прилагаетъ къ библіографическому указателю еще и *алфавитный указатель личныхъ и географическихъ именъ*, встрѣчающихся въ заглавіи статей (стр. 87—108).

I. Археологія.

1. **А—въ.** Отрывочныя замѣтки о запорожской старинѣ. (1884, № 9, стр. 165—168).

2. **А.** В. Запись о кладѣ XVIII столѣтія. (1885, № 8, стр. 735—736).

3. **А.** В. Изъ археологическихъ поисковъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра. (1886, № 7, стр. 560—562).

4. **А.** В. Археологическія изслѣдованія въ бассейнѣ Сулы. (1886, № 8, стр. 763—766).

5. **А.** В. Бакотскій скальный монастырь. (Объясненіе къ рисункамъ). (1891, № 10, стр. 108—116).

6. **Александровичъ** М. Н. Кафельные памятники XVIII в. (посмертная замѣтка). (1883, № 1, стр. 211—213).

7. **Антоновичъ** В. Змієвы валы въ предѣлахъ кіевской земли (съ картой). (1884, № 3. стр. 355—370).

8. **Антоновичъ** В. Раскопки у Трехсвятительской церкви въ г. Кіевѣ. (1885, № 5. стр. 163—167).

9. **Антоновичъ** В. Изъ археологической экскурсіи: село Кальникъ и его памятники старины. (1887, № 8, стр. 761—765).

10. **Антоновичъ** В. Забытый городъ. (Изъ археологической экскурсіи). (1888, № 4. стр. 24—27).

11. **Антоновичъ** В. Обозрѣніе предметовъ великокняжской эпохи, найденныхъ въ Кіевѣ и ближайшихъ его окрестностяхъ, и хранящихся въ музеѣ древностей и мюнцъ-кабинетѣ университета св. Владиміра. (1888, №. 7, стр. 117—132).

12. **Б.** Н. Памятники козацкой старины въ музеѣ Императорскаго Одесскаго Общества исторіи и древностей. (1891, № 11, стр. 292—295).

13. **Багалѣй** Д. И. VIII-й археологическій съѣздъ въ Москвѣ. (1890, № 3, стр. 464—484).

14. **Бны—нъ.** В. Надгробный запорожскій крестъ. (1886, № 3, стр. 603).

15. **Бучневичъ** В. Е. Поправка надписи на иконѣ въ селѣ Жукахъ. (1884, № 9, стр. 175—177).

16. **Бѣляшевскій** Н. Два замѣчательные предмета кіевскаго церковно-археологическаго музея. (1888, № 7, стр. 133—135).

17. **Бѣляшевскій** Н. Клады великокняжеской эпохи, найденные въ Кіевѣ. (1888, № 7, стр. 136—143).

18. **Бѣляшевскій** Н. Слѣды велико-княжеской эпохи на горѣ Киселевкѣ. (1888, № 8, стр. 53—55).

19. **Бѣляшевскій** Н. Еще нѣсколько словъ о горѣ Киселевкѣ. (1888, № 9, стр. 77—78).

20. **Бѣляшевскій** Н. Могильникъ въ урочищѣ Остроня, близъ г. Заславля волынск. губ. (1888, № 10, стр. 31—35).

21. **Бѣляшевскій** Н. Церковище возлѣ дер. Монастырекъ, канев. у., кіевской губ. (1889, № 1, стр. 210—213).

22 **Бѣляшевскій** Н. Первобытный человѣкъ на берегахъ рѣки Днѣпра вблизи г. Кіева. (1890, № 4, стр. 1—21).

23. **Бѣляшевскій** Н. Княжа Гора. (1890, № 12, стр. 494—503).

24. **Бѣляшевскій** Ник. Нѣсколько новыхъ стоянокъ каменнаго вѣка по Днѣпру и его притокамъ. (1891, № 3. стр. 433—444).

25. **Васильевъ** Мих. Изъ письма въ редакцію. (Пещера въ лебединскомъ лѣсу и остатки старинной живописи въ лебединскомъ монастырѣ). (1885, № 10 стр. 364—367).

26. **Возстановленіе** древней паперти Кіево-Софійскаго Собора. (1882, № 8, стр. 387—390).

27. **Г.** Лубенскій музей Е. Н. Скаржинской. (1890, № 10, стр. 123—134).

28. **Г. В.** Новое пріобрѣтеніе церковно-археологическаго музея. (1888, № 8, стр. 32—33).

29. **Г. Ѳ.** Урны съ жженными человѣческими костями въ хотинскомъ уѣздѣ и погребеніе мертворожденныхъ въ горшкахъ. (1890, № 9, стр. 504—505).

30. **Гавриловъ** М. Уцѣлѣвшая старина. (1883 № 8, 757—760).

31. **Дверницкій** Е. Археологическія изслѣдованія въ г. Владимірѣ-Волынскомъ и его окрестностяхъ. (1887, № 1, стр. 36—50).

32. **Еврейская** торговля антикварными рѣдкостями. (1891, № 6, стр. 488—489).

33. **З.** Раскопка кургана близъ с. Рыжановки звенигородск. уѣзда, кіевской губ. (1885, № 8, стр. 727—729).

34. **Завитневичъ** В. З. Къ вопросу о выработкѣ критерія для классификаціи кургановъ по типамъ. (1890, № 5, стр. 255—267).

35. **Залѣсскій** Ап. Церковная старина пирятинскаго у. (1889, № 7, стр. 268—274).

36. **Замѣтка** о казацкихъ знаменахъ (къ рисунку). (1890, № 10, стр. 153—157).

37. **Клады** въ Кіевѣ и его окрестностяхъ. (1883, № 6, стр. 387—392; № 7, стр. 592—594; № 8, стр. 770—773).

38. **Кудлаевичъ** Петръ. Земляные валы близь села Кудинки (летичевскаго уѣзда, подольской губерніи). (1882 г., № 6, стр. 535—543).

39. **L.** Неудачная археологическая экскурсія Н. Д. Иванишева. (1890, № 3, стр. 533—537).

40. **Л.** П. **Къ** статьѣ г. Бѣляшевскаго. (см. № 21). (1889, № 1, стр. 213—217).

41. **Л. П.** Остатки церквей на развалинахъ древняго Корсуня или Херсонеса, ихъ открытіе и значеніе. (Съ 2 картами). (1889, № 4, стр. 56—73).

42. **Л—въ** П. Открытіе древнихъ мозаикъ въ главномъ куполѣ Кіево-Софійскаго собора. (1884, № 9, стр. 162—165).

43 **Л—въ** П. Софія — премудрость Божія въ иконографіи Сѣвера и Юга Россіи. (1884, № 12, стр. 555—567).

44. **Лашкаревъ** П. Остатки древняго храма въ г. Переяславѣ. (1889, № 1. стр. 204—210).

45. **Лебединецъ** Г. Слѣды поселенія запорожцевъ въ Сванетіи. (Изъ письма въ редакцію). (1885, № 2, стр. 403—406).

46. **Лобода Ѳ.** Изъ археологической экскурсіи въ г. Владиміръ-Волынскій. (1886, № 8, стр. 766—769).

47. **Лоначевскій А.** Археологическія находки въ гомельскомъ уѣздѣ могилевской губерніи. (1885, № 3, стр. 573—577).

48. **Новицкій** Ив. Старинныя орудія наказанія и исправленія. (1885, № 11, стр. 551—554).

49. **Онацкій** Д. Вниманію археологовъ. (1887, № 2, стр. 366—368).

50. **П.** Н. Церковно-археологическое общество при кіевской духовной академіи въ 1881 г. (1882, № 4, стр. 153—157).

51. **П.** Н. Подарокъ кіевскому церковно-археологическому музею. (1882, № 5, стр. 327—329).

52. **Падалка** Л. Каменный затонъ и бѣлозерское городище на Днѣпрѣ. (Съ картой). (1891, № 12, стр. 384—390).

53. **Памятники** древностей въ окрестности Корсуня. (1887, № 10, стр. 371—376).

54. **Петровъ Н.** О нѣкоторыхъ монетахъ, приписывавшихся Ярославу мудрому. (1890, № 12, стр. 507—510).

55. **Праховъ** Адріанъ. Фрески кіево-кирилловской церкви XII в. (Рѣчь). (1883, № 5, стр. 97—110).

56. **Р—въ.** А. Небесные архистратиги въ образѣ запорожцевъ. (1887, № 11, стр. 587—588).

57. **Рѣдкая** древняя надпись. (1882, № 7, стр. 190—192).

58. **С.** Вниманію археологовъ. (1887, № 6—7, стр. 572—573).

59. **С.** А. Новыя извѣстія о старыхъ фигурныхъ изразцахъ. (1883, № 3, стр. 687—688).

60. **Сапожниковъ.** Къ исторіи кіевскихъ золотыхъ воротъ. (1886, № 5, стр. 163—168).

61. **Святославскій И. Я.** Два памятника полтавской побѣды въ Бѣлгородщинѣ. (1886, № 6, стр. 378—381).

62. **Х.** Замѣтка объ археологической выставкѣ VII съѣзда въ Москвѣ. (1890, № 2, стр. 347—349).

63. **Ханенко** А. Археологическая находка въ Черниговѣ. (1883, № 5, стр. 174—178).

64. **Ч.** Н. Археологическая находка. (1887, № 10, стр. 381—383).

65. **Ч.** В. Нѣкоторые остатки старины въ Херсонщинѣ. (1888, № 9, стр. 73—75).

66. **Шестой археологическій** съѣздъ въ Одессѣ. (1884, № 10, стр. 337—346).

67. **Шляпкинъ** И. Интересная надпись (1890, № 11, стр. 333).

68. **Эварницкій** Д. И. запорожская пещера надъ Днѣпромъ. (1885, № 5, стр. 167—170).

69. **Эварницкій** Д. И. Раскопка, кургана «Мухина гора». (1885, № 8, стр. 707—722).

70. **Эварницкій Д.** Раскопка кургана въ д. Вороной. (1885, № 8, стр. 722—727).

II. Исторія.

а) *Матеріалы.*

71. **Автобіографическая** «сказка» малороссійскаго лѣтописателя Стефана Лукомскаго. Сообщ. *О. И. Левицкій.* (1890, № 9, стр. 477—485).

72. **Автобіографія** южно-русскаго священника 1-ой половины XVIII ст. Съ предисловіемъ. (1885, № 2, стр. 318—332).

73. **Актъ** избранія Варлаама Ясинскаго архимандритомъ кіево-печерскаго монастыря. Сообщ. *А. Востоковъ.* (1887, № 7, стр. 573—576).

74. **Архивная** справка моровой язвѣ въ г. Кіевѣ въ 1770—71 гг. *Ал. Андріевскаго.* (1891, № 8, стр. 304—314).

75. **Архивные** матеріалы для исторіи запорожья. *Д. И. Эварницкаго.* (1886, № 7, стр. 520—536).

76. **Архивная** справка по поводу «записокъ И.М. Сбитнева». *Н. Сумцова.* (1887, № 3, стр. 571—574).

77. **Архивъ** малороссійской коллегіи при харьковскомъ университетѣ. *П. Ефименко.* (1882, № 1, стр. 193—198).

78. **Архивы** въ Малороссіи (съ прилож. акта о смерти Шуйскихъ) *И. Л. Линниченко.* (1888, № 8, стр. 349—380; № 10, стр. 193—214.)

79. **Благодарственное** письмо Григ. Андр. Полетики своимъ выборщикамъ за избраніе въ званіе депутата въ коммиссію для сочиненія новаго уложенія Сообщ. *С. Д. Носъ.*. (1890, № 11, стр. 334—335).

80. **Бугское** козачество и военныя поселенія. (Лѣтописные наброски *Владиміра Лобачевскаго*). (1887 № 12, стр. 591—626).

81. **Васильковская** таможня и городничіе-монахи. *Ал. А—скаго.* (1883, № 1, стр. 193—202).

82. **Вздорожаніе** хлѣба, въ 1765 году. *А. А.* (1891, № 12, стр. 474—476).

83. **Возваніе** конфедератовъ воеводства сандомирскаго къ русскому народу. (около 1733 года). (1885, № 6, стр. 263—272).

84. **Волынская** революція 1-ой четверти XIX столѣтія. (Письма надворнаго совѣтника Опытова къ графинѣ Старожиловой). (1883, № 1, 2 и 4, стр.121--144; 319—365; 774—828).

85. **Воспоминанія** *М. К. Чалаго.* (1889, № 1—12, стр. 1—40; 388—402; 613—644; 74—91; 295—331; 149—187; 436—467; 709—726; 121—142; 257—280; 495—545).

86. **Воспоминанія** о польскомъ возстаніи въ Украйнѣ 1863 г. *Б. Познанскаго.* (1885, № 11, стр. 436—465, № 12, стр. 571—611).

87. **Воспрещеніе** гетманомъ Скоропадскимъ сборовъ на «ралець». (1885, № 10, стр. 361—364).

88. **Всеподданнѣйшій** рапортъ о состояніи университета св. Владиміра 1835 г. *В. Науменка.* 1890, № 2, стр. 349—355).

89. **Гетманскіе** проповѣдники. (Письмо кіевскаго митрополита Тимоѳея Щербацкаго къ гетману Разумовскому, съ посылкой проповѣдника). (1890, № 1, стр. 118—119).

90. **Гетманское** приглашеніе на

свадьбу. (1882, № 12, стр. 613—614).

91. **Гетманъ** Разумовскій въ нуждѣ. *А. Т.*(1886, № 9, стр.182—183).

92. **Голосъ** запорожскаго депутата во Всероссійскомъ собраніи депутатовъ 1768 г. (1883, № 3, стр. 683—687).

93. **Грамота** патріарха Адріана кіевскому митрополиту Варлааму Ясинскому, (по жалобѣ кіевскаго войта и мѣщанъ на незаконныя нѣкоторыя распоряженія митрополита). (1885, № 9, стр. 139—144).

94. **Грамота** Петра I черниговскому архіепископу Іоанну Максимовичу, (объ измѣнѣ Мазепы и избраніи новаго гетмана). Сообщ. графъ *Милорадовичъ.* (1884, № 8, стр. 747—748).

95. **Дарственная** запись Станислава Потоцкаго Вероникѣ Кроисъ. *Ц. Г. Неймана.* 1885, № 7, стр. 512—514).

96. **Два** акта для исторіи «руины» правобережной украйны. 1672—1682 гг. Сообщ. *Ал. Лазаревскій.* (1887, № 2, стр. 368—370).

97. **Два** документа для исторіи семейства Разумовскихъ. (1890, № 4, стр. 159—161).

98. **Два** документа къ исторіи черниговской типографіи. *А. Лазаревскаго.* (1886, № 11, стр. 571,—579).

99. **Два** документа о состояніи малороссійскаго козачества въ половинѣ XVIII ст. (1882, № 10, стр. 126—133).

100. **Два** документа о хозяйствѣ кіевскихъ монастырей въ половинѣ XVIII ст. (1883, № 8, стр. 719—734).

101. **Два** документа по дѣлу передачи почаевской лавры изъ вѣдѣнія уніатовъ въ вѣдомство православное. (1882, № 9, стр. 486—502).

102. **Два** дѣла о волшебствѣ. *И. А. Линниченко.* (1889, № 10, стр. 172—179).

103. **Два** памятника изъ эпохи Богдана Хмельницкаго. 1) Универсалъ Хмельницкаго, возбуждающій чернь къ войнѣ. 2) Пасквиль по поводу заключенія мира съ козаками. *О. Л.* (1888, № 7, стр. 14—18).

104. **Два** письма А. И. Чепы, собирателя к. XVIII в. письменныхъ памятниковъ по исторіи Малороссіи. *А. Л.* (1890, № 5, стр. 264—269).

105. **Два** письма Б. Хмельницкаго къ П. Сапѣгѣ, воеводѣ виленскому, гетману Литовскому. Сообщ. *Н. В. С—ко.* (1885, № 1, стр. 196—198).

106. **Два** письма историка Н. А. Маркевича о своемъ родоначальникѣ Маркѣ Аврамовичѣ. Сообщ. *П. Дорошенко.* (1885, № 12, стр. 690—698).

107. **Два** письма Натальи Демьяновны Разумовской къ сыну Алексѣю Григорьевичу, 1743 и 1748 гг. Сообщ. *А. Л.* (1890, № 11, стр. 332—334).

108. **Двѣ** грамоты митрополитовъ кіевскихъ Самуила Миславскаго (1783—1796 г.) и Іерофея Малицкаго (1796—1799 г.). *Н. В. Стороженка.* (1890, № 12, стр. 511—514).

109. **Двѣ** записки Димитрія Ростовскаго о пріемѣ и сдачѣ имъ Елецкаго черниговскаго монастыря. (1882, № 10, стр. 170—173).

110. **Двѣ** записки сенатора Е. Ѳ. фонъ-Брадке, составленныя по обревизованіи херсонской губерніи въ 1850—1851 гг. (1885, № 9, стр. 128—138).

111. **Двѣ** ревизіи (Немировская гимназія въ концѣ 40-хъ годовъ). *М. К. Чалаго.* (1883, № 2, стр. 444—453).

112. **Дневникъ** генеральнаго подскарбія Якова Марковича (1717—

179. **Лѣтописныя** замѣтки о событіяхъ въ Новороссіи. (1740—1806). (1890, № 3 и 4, 60—64, 65—69).

180. **Лѣтописныя** замѣтки (1651—1749 гг.). *А. Л.* (1883, № 3, 680—682).

181. **Лѣтопись** Яна Юзефовича, какъ источникъ для исторіи Южной Руси. *В. Антоновича.* (1887, № 11, 529—536).

182. **Любопытный** сборникъ документовъ въ Гадячѣ. *Николая Бакая.* (1884, № 12, 735—739).

183. **Ляментація** кіево-братскихъ монаховъ конца XVII в. (1884, № 10, 353—357).

184. **Малоизвѣстные** и неизвѣстные источники свѣдѣній о минувшей жизни Полтавщины. *Н. С.* (1884, № 4, 684—688).

185. **Манифестъ** Императрицы Екатерины къ православному населенію Польши 9 іюля 1768 г. (1882, № 5, 308—311).

186. **Матеріалы** для исторіи возникновенія и распространенія штунды въ Россіи. *П. Л—ва.* (1884, № 10, 304—320).

187. **Матеріалы** для исторіи гайдамачины. (1888, № 11, 307—325).

188. **Матеріалы** для исторіи б. Запорожья. (1882, № 8, 322—339).

189. **Матеріалы** для исторіи Колiивщины или рѣзни 1768 г. *Н. Костомарова.* (1882, № 8, 297—321).

190. **Матеріалы** для исторіи колонизаціи лѣвобережной Украйны. *В. Н. Сторожева.* (1890, № 9, 497—503).

191. **Матеріалы** для исторіи народнаго образованія. (Приложеніе къ статьѣ «Учебныя заведенія въ русскихъ областяхъ Польши въ періодъ ея раздѣловъ». «Кіев. Ст.», №№ 2 и 3, 1882 г.). (1882, №№ 5 и 6, 276—307, 451—497).

192. **Мемуары** К. А. Рощаховскаго времени освобожденія крестьянъ. (1887, №№ 6 и 7, 396—450).

193. **Мемуары**, касающіеся исторіи юга Россіи съ предисл. *В. Б. Антоновича.* (1889, № 5, 6, 8, 9, 10 и 11, 1—16, 17—48, 49—80, 81—112, 113—139).

194. **Наборъ** въ Кіевѣ пѣвчихъ для придворной капеллы въ 1758 г. *А. А.* (1891, № 3, 512—513).

195. **Наказы** малороссійскимъ депутатамъ 1767 г., и акты о выборахъ депутатовъ въ коммиссію сочиненія уложенія. Съ предисловіемъ. (Приложеніе) (1888, №№ 1, 2, 3, 4, 5, 8, 9, 10, 11, 12, 1889, 1, 2, 3).

196. **Населеніе** города Кіева въ 1742 г. *М. В.—Б.* (1888, № 4, 1—10).

197. **Населеніе** Кіева въ прошломъ столѣтіи. *П. Л.* (1884, № 2, 352—354).

198. **Наслѣдственное** полковничество. (Переписка по поводу борьбы двухъ полковничьихъ родовъ за полковничій рангъ). *А. Твердохлѣбова.* (1887, № 5, 152—170).

199. **Неизвѣстные** памятники памятныхъ лицъ. *Ст. фонъ-Носъ.* (1882, № 6, 552—554).

200. **Неосуществившійся** университетъ въ Новгородъ-Сѣверскѣ. (Два письма о немъ 1802—1803 г.). (1882, № 3, 592—597).

201. **Новые** историческіе матеріалы о Богданѣ Хмельницкомъ. Съ предисловіемъ *И. Каманина.* (1888, № 7, 18—20—24).

202. **Новый** источникъ о козацкомъ возстаніи 1625 г. и мѣстѣ заключенія Куруковскаго договора (съ картою) *Ѳ. Николайчика* (1889, № 10, 52—69).

203. **Нѣсколько** данныхъ о состояніи кіевскаго учебнаго округа

въ 1835 году. *В. Науменка.* (1890, № 1, 127—130).

204. **Нѣсколько** документовъ къ исторіи гайдамаччины. *А. Скальковскаго.* (1885, № 10, 277—318).

205. **Объясненіе** полковника И. Черняка о работахъ козаковъ на Ладожскомъ каналѣ. (1884, № 5, 117—122).

206. **Объ учрежденіи** въ г. Кіевѣ запаснаго хлѣбн. магазина (1754—56 гг.), *А. Андріевскаго.* (1891, № 6, 475—479).

207. **О дозволеніи** сыновьямъ священниковъ вступать въ козачье сословіе со званіемъ значковаго товарища. *Н. С—ка.* (1888, №№ 1—3, 28—30).

208. **Описаніе** бѣдствія, постигшаго Умань и всю Украйну въ 1768 году. (1882, № 3, 520—529).

209. **Опись** имѣній Бороздны, 1638 г. *А. Л.* (1889, № 12, 622—628).

210. **О происхожденіи** гетмана Павла Тетеры (Письмо г. Э. Руликовскаго къ М. Александровичу) *В. А.* 1888, № 6, 69—74).

211. **Ордеръ** правителя Малороссіи А. Румянцева объ устройствѣ пѣвческой школы въ Глуховѣ. (1886, № 11, 579—580).

212. **Отвѣтъ** малороссійскихъ козаковъ Украинскимъ слобожанамъ (Найденный въ глуховскомъ архивѣ). (1884, № 11, 550—552).

213. **Отзывъ** графа А. К. Разумовскаго по поводу неурожая. *Н. В. Шугурова.* (1891, № 12, 470—471—472).

214. **Отрывки** изъ лѣтописи Мгарскаго монастыря.(1682—1775) Съ предисловіемъ *А. М. Лазаревскаго.* (1889 №№ 4, 5, 6, 37—52, 53—76).

215. **Отрывки** изъ фамильнаго архива Полетикъ. (Съ портретомъ Гр. Андр. Полетики). *Ал. Лазаревскаго.* (1881, № 4, 97—116).

216. **Отрывки** изъ фамильныхъ преданій и архивовъ. *Н. В. Стороженка.* (1891, № 2, 5, 7, (320—334, 303—309, 141—147).

217. **Отрывокъ** изъ записокъ *Анонима* (1768 г.). (Казнь Гонты и усмиреніе «Коліивщины»). (1882, № 11, 349—353).

218. **Отрывокъ** изъ записокъ русскаго паломника первой половины XVII вѣка, о Кіевѣ. *Архимандрита Леонида.* (1890, № 2, 344—346).

219. **Очаковская** зима по современному описанію. *В. Ястребова.* (1884, № 8, стр. 731—732).

220. **Памятникъ** прежнихъ отношеній пасомыхъ къ своему архипастырю. (Жалоба, поданная кіевскому митрополиту крестьянами села Свиноѣдъ на злоупотребленія державцы Ивана Быковскаго). *В. А.* (1884, № 12, стр. 745—747).

221. **Переписка** гр. П. А. Румянцева о возстаніи въ Украйнѣ 1768 г. (1882 г., № 9,—10, стр. 523—552, 89—119; 1883, № 9—10, стр. 254—286).

222. **Петръ I.** въ русской Равѣ въ 1698 году. (1882, № 1, стр. 214—218).

223. **Письмо** Августа II, короля польскаго, къ Семену Палію. *С—ка.* (1885, № 10 стр. 360—361).

224. **Письмо** арх. новг. Ѳеофана Прокоповича въ арх. кіевск. Рафаилу Заборовскому. 8-го марта 1734 г.(О способахъ къ улучшенію матеріальнаго положенія кіевск. академіи). (1884, № 3, стр. 465—470).

225. **Письмо** воронежскаго сотника Холодовича къ намѣстнику черниговской «Катедры» Саввѣ Шпаковскому, 1721 г. *А. Л.* (1888, № 5, стр. 45—47).

226. **Письма** графа Аракчеева къ Г. И. Лисаневичу. (1817—1820). Съ предисловіемъ *В. Я.* (1884, № 12, стр. 673—692).

227. **Письмо** графа П. А. Румянцева-Задунайскаго къ генералъ-прокурору князю А. А. Вяземскому, о награжденіи Малороссіянъ чинами. *Н. В. Стороженка.* (1891 г. № 1, стр. 176—177).

228. **Письмо** епископа Якова Суши къ гетману Выговскому съ цѣлію склонить его къ уніи (изъ старыхъ бумагъ холмскаго архива). *В. Т. М—ча.* (1883, № 5, стр. 111—126).

229. **Письмо** А. М. Милорадовича къ Н. М. Стороженку. (1888, № 1, 2, 3. стр. 16—19).

230. **Письмо** изъ Варшавы отъ 6-го Апр. 1790 г. (1883, № 5, 178—181).

231. **Письмо** и стихи Варлаама Ясинскаго. *О. Л.* (1890, № 3, 537—539).

232. **Письмо** кн. Н. В. Репнина къ Императору Николаю Павловичу (по дѣлу сложенія недоимокъ съ помѣщичьихъ крестьянъ полтавской и черниговской губерній) *Ст. Фонъ-Носъ.* (1882, № 12, 557—563).

233. **Письмо** князя Константина Острожскаго, воеводы кіевскаго, къ сыну его Янушу, каштеляну Краковскому, 7-го мая 1607 года. (1883, № 11, 477—480).

234. **Письмо** кошевого Осипа Гладкого къ А. А. Скальковскому (1883, № 4, 902—903).

235. **Письмо** къ другу отъ офицера, находящагося въ Кіевѣ. *В. Н. Ястребова.* (1885, № 11, 543—551).

236. **Письмо** О. М. Бодянскаго къ А. В. Шишацкому—Илличу. *В. К—ша.* (1887, № 4, 782—784).

237. **Письмо** П. Д. Юркевича къ прот. П. И. Катранову. (1891, № 11, 304—307.)

238. **Письмо** Петра I о полтавской по бѣдѣ. *Ор. Левицкаго.* (1891, № 1, 162—164).

239. **Письмо** С. А. Неплюева къ новобрачной дочери. *В. Иконникова.* (1888. №№ 1-3, 21—23—25).

240. **Письмо** 1801 г., изъ Чернигова, о тамошнихъ новостяхъ. (1890, № 3, 539—540).

241. **Письмо** 1781 г., глуховскаго адвоката изъ Петербурга, о тамошней жизни. (1890, № 2, 337—338).

242. **Письмо** Ходаковскаго къ З. Я. Карнѣеву. *Д. И. Багалѣя.* (1891, № 6, 469—470—475).

243. **Повѣсть** объ осадѣ г. Михайлова гетманомъ Сагайдачнымъ въ 1618 году. (1885, № 12, 684—689).

244. **Польское** привѣтствіе Наполеону I отъ лица Бѣлоруссіи. *С. Н. И.* (1885, № 7, 514—515).

245. **Посѣщеніе** Кіева в. кн. Павломъ Петровичемъ и в. кн. Маріей Ѳеодоровной (современное описаніе). (1883, № 7, 539—562).

246. **Пребываніе** Императора Александра I-го въ Кіевѣ въ 1816 году. *Льва Мацѣевича.* (1885, № 2, 399—403).

247. **Предложеніе** гетмана Мазепы кіевскому войту и магистрату 1703 года. (О не утѣсненіи причта и прихожанъ успенской церкви г. Кіева). *М. А. Андреевскаго.* (1884, № 9, 132—136).

248. **Предостереженіе** Д. Г. Бибикова одному изъ русскихъ помѣщиковъ кіевской губерніи. *В. В. Борисова.* (1882, № 9, 575—577).

249. **Приглашеніе** къ открытію университета св. Владиміра и правилаи оступленія въ оный. *Графа Милорадовича.* (1884, № 7, 529—537).

250. **Прилуцкій** полковой асаулъ Михайло Мовчанъ и его записная

книга. *В. Антоновича.* (1885, № 1, 57—71—84)

251. **Примѣчанія** АлександраПишчевича на Новороссійскій край. (1884, № 1, 111—134).

252. **Присяга** духовенства. *П. Ефименка.* (1884, № 5, 151—153).

253. **Просьба** объ установленіи таксы на требы въ пол. XVIII в. *А. А.* (1891, № 9, 492—493).

254. **Прошеніе** малороссійскаго шляхетства и старшинъ, вмѣстѣ съ гетманомъ, о возстановленіи разныхъ старинныхъ правъ Малороссіи поданное Екатеринѣ II-й въ 1764 г. (1883, № 6, 317—345).

255. **Проѣздъ** турецкаго посла черезъ Кіевъ въ 1775 году *А. Андріевскаго.* (1891, № 6, 479—481).

256. **Проэктъ** церемоніала, предполагавшагося при закладкѣ зданій университета св. Владиміра въ октябрѣ 1895 г. *В. Науменка.* (1890, № 8, 323—324).

257. **Проэктъ** упорядоченія дѣлъ римско-католической церкви въ литовскихъ провинціяхъ. (1885, № 5, 127—136).

258. **Проектъ** казеннаго сельскаго хозяйства въ присоединенныхъ отъ Польши къ Россіи областяхъ. (1885, № 4, 746—754).

259. **Проэкты** кіевской губернской канцеляріи, представленные въ Елисаветинскую и Екатерининскую законодательныя коммиссіи. *М. Ф. Владимірскаго - Буданова.* (1888, № 5, 37—43).

260. **Пять** документовъ рода Савичей. (1887, № 9, 153—158).

261. **Разсказъ** современника о приключеніяхъ съ нимъ во время «Колiивщины». Съ предисловіемъ *Ѳ. Рыльскаго.* (1887, № 1, 51—64).

262. **Распредѣлительная** запись имѣній графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго между его сыновьями. *А. Л.* (1891, № 8, 317—325).

263. **Рескриптъ** императора Павла объ опредѣленіи малороссійскаго дворянства въ военную службу. (1886, № 11, 579).

264. **Родъ** Лашкевичей и дневникъ одного изъ нихъ. *Ѳ. Николайчика.* (1887, № 12, 697—716).

265. **Рукописи** Румянцевскаго музея по исторіи Кіева. *С. П.* (1882, № 4, 158—160).

266. **Рѣчь** автора «Ябеды», В. В. Капниста, въ полтавскомъ дворянскомъ собраніи. (1886, № 12, 717—722).

267. **Рѣчь** Д. Г. Бибикова къ дворянству Юго-Западнаго края. (1882, № 6, 530—535).

268. **Рѣчь** князя Н. Г. Репнина и дѣло объ ея напечатаніи. *В. Ю.* (1890, № 7, 117—123).

269. **Рѣчь** малороссійскаго генералъ-губернатора кн. Н. Гр. Репнина къ дворянству черниговской и полтавской губерній. *А. С. Лашкевича.* (1887, № 1, 172—177).

270. **Рѣчь** М. А. Максимовича надъ гробомъ генералъ-фельдмаршала князя Сакена. (1887, № 10, 331—335).

271. **Рѣчь** «о поправленіи состоянія» Малороссіи. (1882, № 10, 119—125).

272. **Рѣчь,** произнесенная малороссійскимъ военнымъ губернаторомъ княземъ Н. Г. Рѣпнинымъ, при открытіи дворянскихъ выборовъ въ Черниговѣ, 25 сентября, 1823 г. (1890, № 5, 373—375).

273. **Рядная** запись 1-й половины XVIII в. (1884, № 3, 471—476).

274. **Свѣдѣнія** о задунайскихъ запорожцахъ въ 1826 г. *А. Л.* (1891, № 11, 295—299).

275. **Святый** Владиміръ, благовѣрный и равноапостольный князь кіевскій. (Лѣтописное сказаніе). *П. Л.* (1888, № 7, 1—15).

276. **Секретная** переписка Коша Запорожскаго (1734—1763). *А. Скальковскаго.* (1886, № 2, 327—349).

277. **Семейная** хроника и воспоминанія князя Бориса Ивановича Куракина (род. 1676—ум. 1727), (1884, № 9, 104—129, № 11—12, 478—498, 621—638).

278. **Случай** столкновенія кіевскаго магистрата съ военнымъ начальствомъ. (1773). *А. А.* (1891, № 10, 127—129).

279. **Слѣды** частной переписки Имп. Петра I съ Саввою Рагузинскимъ. *А. Лашкевича.* (1887, № 6—7, 487—494).

280. **Состояніе** полиціи въ Малороссійскихъ городахъ XVIII в. *Дм. Багалѣя.* (1882, № 8, 379—382).

281. **Сосѣдственно-пріятельское** письмо Богдана Хмельницкаго къ царю Алексѣю Михайловичу. (1884, № 11, 541—542).

282. **Судьба** кіевскихъ водяныхъ мельницъ. *А. Андріевскаго.* (1891, № 7, 131—133).

283. **Табачная** контрабанда среди кіевскихъ мѣщанъ. *А. А.* (1891, № 11, 259—266).

284. **Три** документа къ исторіи бунта въ Малороссіи въ 1687. Съ предисловіемъ *И. Лучицкаго.* (1884, № 6, 306—310—314).

285. **Три** документа къ исторіи экономическихъ отношеній въ Малороссіи XVIII столѣтія (1884, № 1, 143—148).

286. **Три** письма гр. П. В. Завадовскаго, 1775 и 1776 г.г.,(1890, № 9, 491—494).

287. **Указъ** Имп. Екатерины II объ учрежденіи Малороссійской коллегіи. (1883, № 8, 738—740).

288. **Указъ** кіевскаго митрополитанскаго коллегіума о кулачныхъ бояхъ и вечерницахъ. *Н. В.* (1891, № 2, 317—319—320).

289. **Указъ** Петра 1-го о ссылкѣ Забѣлы и Загоровскаго. *П. Е.* (1887, № 8, 777—779).

290. **Указъ** 1734 г. о бытіи въ Кіевѣ войтомъ Козьмѣ Кричевцу и свѣдѣніе объ испр. въ 1739 г. должн. кіевскаго войта Быковскимъ *А. Андріевскаго.* (1891, № 5, 309—311).

291. **Универсалъ** гетмана Разумовскаго объ ограниченіи права перехода крестьянъ. *А. Лазаревскаго.* (1885, № 7, 476—482).

292 **Универсалъ** гетмана Разумовскаго относительно порядка избранія сотниковъ. *Ив. В. Теличенка.* (1890, № 4, 163—166).

293. **Универсалъ** гетмана Скоропадскаго о переводѣ «книгъ правнихъ» на малорусскій языкъ. *Ал. Лазаревскаго.* (1887, № 4, 788—789).

294. **Универсалъ** кіевскаго полковника Василія Дворецкаго 1660 г. (объ отдачѣ церкви Николая Добраго въ Кіевѣ бернандинскихъ, іезуитскихъ и армянскихъ грунтовъ). (1885, № 4, 743—745).

295. **Универсалъ** черниговскаго полковника Лизогуба 1690 г. (Въ разрѣшеніе земельныхъ претензій польской шляхты, изгнанной изъ черниговщины при Хмѣльницкомъ). (1885, № 3, 538—542).

296. **Уставъ** кіевскаго цирюльническаго цеха 1767 г. (1883, № 11, 470—476).

297. **Уцѣлѣвшіе** остатки архива К. Г. Разумовскаго. *Николая Бакая.* (1886, № 12, 743—746).

298. **Филиппъ** Орликъ и Запорожцы. *А. Скальковскаго.* (1882 г. № 4, 106—132).

299. **Хмельницкій** въ представленіи Кромвеля. (1882, № 1, 212).

300. **Ходатайство** Потемкина о замѣнѣ Запорожской старшинѣ.

смертной казни заточеніемъ въ монастырь. (1887, № 9, 191—193).

301. **Хроника** кіевской общественной жизни по дневнику Митрополита Серапіона (1804—1824 годовъ). (1884, № 7, 423—466).

302. **Черниговская** лѣтопись по новому списку (1587—1725). Съ предислов. *А. М. Лазаревскаго.* (1890. №№ 4, 5, 6, 70—73—80, 81—96, 97—110).

303. **Четыре письма** д. пр. Трощинскаго къ кн. Я. И. Лобанову-Ростовскому. (1886, № 12, 709—716).

304. **Четыре письма** Евгенія, митрополита кіевскаго, къ архимандриту Мелетію, ректору кіевской академіи., *Свящ. I. Левандовскиго.* (1883, № 6 310—316).

305. **Четыре письма** жены полкового обознаго Евдокіи Сахновской къ мужу; 1743—44 гг. Съ предисл. *А. Л.* (1891, № 1, 177—178—183).

306. **Четыре письма** митрополита кіевскаго Евгенія къ ректору кіевской академіи, архимандриту Мелетію. *Свящ. I. Левандовскаго.* (1884, № 2, 297—304).

307. **Четыре письма** О. М. Бодянскаго. *А Л.* (1889, № 11, 446—450).

308. **Число** крестьянскихъ дворовъ, находившихся во владѣніи козацкой старшины въ половинѣ XVIII в. (Документъ 1743 года) *А. Л.* (1891, № 8, 284—298).

309. **Что претерпѣлъ** въ Кіевѣ малороссіянинъ за «хожденіе при шпагѣ». (1849 г.) *А. А.* (1891, № 12, 473—474).

310 **Южно-русскій** городъ въ началѣ текущаго столѣтія (Изъ «дневныхъ записокъ» *А. С. Пишчевича*). (1886, № 1, 173—183).

б) *Статьи.*

311. **А. В.** Поселенія запорожцевъ въ Банатѣ. (1882, № 6, 549—552).

312. **Андр—скій** Ал. Запорожскіе выборы и порядки половины XVIII в. (По современнымъ описаніямъ). (1883, № 5, 127—139).

313. **Андр.** А. Кіевскіе толмачи. (1889, №№ 5 и 6, 586—594).

314. **Андр.** А. Запорожскій старшина Антонъ Головатый въ Кіевѣ. (1890, № 2, 341—344).

315. **Андріевскій** А. Войтовство Ивана Сычевскаго въ Кіевѣ (1754—1766 г.). (1891, №№ 4, 5 и 6, 1—31, 210—243, 384—409—410—422).

316. **Андріевскій** А. Кіевскія смуты средины прошлаго столѣтія. (1886, № 12, 664—708).

317. **Антоній** I. д-ръ. Савва Чаленко. (Изъ исторіи Гайдамачины прошлаго вѣка). (Переводъ съ польскаго). (1887, № 11, 471—490).

318. **Антоновичъ** В. Грановщина. (Эпизодъ изъ исторіи брацлавской Украины). (1888, № 1, 2 и 3, 75—93).

319. **Антоновичъ** В. Неизвѣстный доселѣ гетманъ и его приказъ. (1883, № 5, 140—145).

320. **Антоновичъ** Вл. Папы ходыки, воротилы городского самоуправленія въ Кіевѣ въ XVI—XVII ст. (1882, № 2, 233—261).

321. **Антоновичъ** В. Польско-русскія соотношенія XVII в. въ современной польской призмѣ. (По поводу повѣсти Г. Сенкевича «Огнемъ и Мечемъ»). (1885, № 5, 44—78).

322. **Антоновичъ** В. Уманскій

сотникъ Иванъ Гонта (1768 г.). (При статьѣ портретъ). (1882, № 11, 250—276).

323. **Арсеній** архимандритъ. Попытка основанія православной архіерейской каѳедры въ Немировѣ въ XVIII ст. (1883, № 4, 883—893).

324. **Архангельскій** А. Борьба съ католичествомъ и умственное пробужденіе Южной Руси къ концу XVI ст. (Историческій очеркъ). (1886, №№ 5 и 6, 44—78, 237—266).

325. **Б.** И. «Царь Максиміліанъ» въ Ковлѣ. (1887, № 12, 798—799).

326. **Багалѣй** Дмитрій. Генеральная опись Малороссіи. Эпизодъ изъ дѣятельности перваго правителя Малороссіи, гр. П. А. Румянцева-Задунайскаго. (1883, № 11, 402—432).

327. **Багалѣй** Дмитрій. Займанщина въ Лѣвобережной Украйнѣ XVII и XVIII ст. (1883, № 12, 560—592).

328. **Багалѣй** Д. И. Колонизація Новороссійскаго края и первые шаги его по пути культуры. (1889, №№ 4, 5, 6 и 7, 27—55, 438—484, 110—148).

329. **Багалѣй** Дмитрій. Къ исторіи Екатерининской коммиссіи для составленія проэкта новаго уложенія. (1885, № 9, 1—30).

330. **Багалѣй** Д. Наслѣдники Запорожскихъ земель. (1885, № 4, 783—790).

331. **Бакай** Николай. Значеніе сельской громады въ судебномъ процессѣ конца XVII вѣка. (1886, № 11, 567—569).

332. **Бакай** Николай. Поѣздка гетмана К. Г. Разумовскаго въ Батуринъ и Козелецъ. (1888, № 6, 74—75).

333. **Бакай** Николай. Южнорусскій дворянинъ XVIII вѣка. (1885, № 4, 717—742).

334. **Барсуковъ** А. Правительственныя печати въ Малороссіи отъ временъ Стефана Баторія до Екатерины II. (Историческ. справка по документамъ архива департамента герольдіи). Съ одной таблицей рисунковъ. (1887, № 9, 90—92).

335. **Барымовъ** А. Харьковскій Вертеръ (Психологическо-юридическій очеркъ изъ харьковской хроники начала тридцатыхъ годовъ). (1883, № 5, 49—65).

336. **Береза** К. Архіерейскія печали. (1882, № 5, 225—240).

337. **Бершадскій** С. А. Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій земскій, членъ Рады великаго княжества Литовскаго. Отрывокъ изъ исторіи внутреннихъ отношеній Литвы въ началѣ XVI ст. (1888, №№ 9, 10, 11, 12, 467—499, 69—120, 235—265, 417—458).

338. **Василенко** В. Изъ народныхъ воспоминаній объ О. М. Гладкомъ и возвратившихся съ нимъ Запорожцахъ. (1885, № 6, 344—350).

339. **Василенко** В. Остат. братствъ и цеховъ въ полтавщинѣ. (1885, № 9, 159—171).

340. **Венгрженовскій** С. Свадьба Тимоша Хмельницкаго. (Эпизодъ изъ исторіи малорусско-молдавскихъ отноше—ій). 1887, № 3, 5, № 469—493, 26—51).

341. **Владимірскій-Будановъ** М. Передвиженіе южно-русскаго населенія въ эпоху Богдана Хмельницкаго. (1888, № 7, 79—116).

342. **Востоковъ** А. Изъ прошлаго города Кіева. (1889, № 10, 185—190).

343. **Востоковъ** А. Козелецкая рада 1662 года. (1887, № 2, 269—284).

344. **Востоковъ** А. Къ исторіи

перваго крымскаго похода. (1886, № 2, 267—278).

345. **Востоковъ** А. Нѣжинская рада 1663 г. (1888, № 5, 125—139).

346. **Востоковъ** А. Первыя сношенія Богдана Хмельницкаго съ Москвой. (1887, № 8, 714—744)

347. **Востоковъ** А. Посольство Шакловитаго къ Мазепѣ въ 1688 г. (1890, № 5, 199—226).

348. **Востоковъ** А. Судъ и казнь Григорія Самойловича. (1889, № 1, 41—63).

349. **Востоковъ** А. Судьба Выговскихъ и Ивана Нечая. (1890, № 1, 35—44. Отъ редакціи 44—46).

350. **Г.** В. Племянница Потемкина. (1888, № 11, 72—77).

351. **Г.** В. Придворный бандуристъ въ бѣгахъ. (1888, № 10, 21—23).

352. **Г.** В. Ученики переяславскихъ славяно-латинскихъ школъ. въ 1744 г. (1888, № 10, 23—26).

353. **Г—на** В. Французъ-путешественникъ на Украйнѣ. (1885, № 12, 749—757).

354. **Гетманское** представительство при Русскомъ дворѣ. (1883, № 9, 10, 317—320)·

355. **Голодъ** въ Полтавщинѣ въ 1833 г. и 34 году и мѣры, принятыя противъ него. (1886, № 11, 580—585).

356. **Голубевъ** С. О началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ. (1882, № 6, 381--400).

357. **Голубевъ** С. Очерки изъ исторіи кіевской духовной академіи за XVIII столѣтіе. (1889, № 4, 1--26).

358. **Голубовскій** П. Болгары и Хозары, восточные сосѣди Руси при Владимірѣ св. (Историко-этнографическій очеркъ). (1888, № 7, 26—68).

359. **Городецкій** Д. Замѣтка о времени смерти кн. Константина Острожскаго. (1885, № 7, 511—512).

360. **Грушевскій** М. Волынскій вопросъ 1097—1102 г. (1891, № 1, 5, 32—55, 259—272).

361. **Дабижа** А. В. Роспись рода Горленковъ, составленная по фамильнымъ и поминальнымъ спискамъ, грамотамъ и документамъ Горленковскаго архива. (1886, № 6, I—XII).

362. **Дабижа** А. Горленки (Очерки Прилуцкой старины) (1887, № 2, 10, 237—268, 199—232).

363. **Дешко** А. П. О Карпатской Руси. (Краткій этюдъ). (1887, № 11, 537—548).

364. **Добротворскій** Н. Крестьянскія движенія въ грайворонскомъ уѣздѣ курской губерніи въ 1861—62 г.г. (1887, № 4, 657—680).

365. **Е.** А. Къ «Турбаевской катастрофѣ». (1891, № 4, 155—160).

366. **Е.** П. Изъ эпохи крестьянской реформы на Югѣ Россіи. (Народные слухи и толки о волѣ и землѣ). (1886, № 1, 91—110).

367. **Е.** С. Гетманство Брюховецкаго. (1885, № 8, 545—596).

368. **Евреи**—козаки въ началѣ XVII в. (1890, № 5, 377—379).

369. **Европейскій** баптизмъ—родоначальникъ малорусской штунды. (1885, № 12, 639—650).

370. **Есиповъ** Г. В. Путешествіе Императрицы Екатерины II въ южную Россію въ 1787 г. (1890, №№ 11, 12; 1891, №№ 1, 2, 3, 4, 5, 7, 8, 9, 11, 12, 175—194, 391—411, 98—118, 215—231, 402—421, 68—81, 244—258, 22—52, 237—253, 407—426, 232—245, 360—383).

371. **Ефименко** А. Двѣнадцать пунктовъ Вельяминова. (1888, № 10, 162—175—182).

372. **Ефименко** А. Бѣдствія евреевъ въ южной Руси XVII в.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLI.

1893 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4

СОДЕРЖАНIЕ.

Дозволено цензур. Кіевъ, 24-го марта 1893 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XLI, 1893 г. Апрѣль, Май и Іюнь.

стр.

Константинъ Александровичъ Трутовскій.

(НЕКРОЛОГЪ).

17 марта, какъ видно изъ только что полученной редакціею телеграммы, скончался въ обоянскомъ уѣздѣ Константинъ Александровичъ Трутовскій, о чемъ, конечно, пожалѣютъ всѣ, кому дороги интересы искусства, а мы въ особенности: въ лицѣ Константина Александровича мы потеряли симпатичнаго художника, который въ теченіе очень многихъ лѣтъ свою дѣятельность посвящалъ главнымъ образомъ художественному изображенію малорусской народной жизни и котораго потому можно было назвать по преимуществу украинскимъ жанристомъ.

Краткія біографическія свѣдѣнія о жизни покойнаго, вмѣстѣ съ перечнемъ его картинъ, были помѣщены въ статьѣ нашей: „К. А. Трутовскій и его картины и рисунки изъ малорусскаго быта", напечатанной въ Кіевской Старинѣ 1889 г. № 5—6. Послѣ того, біографическія свѣдѣнія о Трутовскомъ, съ приложеніемъ его портретовъ, были помѣщены въ журналѣ „Сѣверъ" за тотъ же 1889 г. № 37, въ статьѣ „Наши художники—живописцы", и въ изданной въ 1890 году книгѣ Ѳ. И. Булгакова: „Наши художники на академическихъ выставкахъ" (томъ II, страницы 210—215).

По поводу понесенной утраты, отчасти напомнимъ, а отчасти дополнимъ сообщенныя нами свѣдѣнія.

Происходя изъ слободско-украинскихъ дворянъ, К. А. Трутовскій родился 28 Января 1826 г. въ г. Курскѣ, а дѣтство провелъ въ имѣніи своего отца—въ ахтырскомъ уѣздѣ

харьковской губерніи. Воспитывался онъ сначала въ Харьковѣ въ частномъ пансіонѣ Зимницкаго, откуда въ 1839 г. поступилъ въ Николаевское инженерное училище въ Петербургѣ [1]). Окончивъ курсъ инженерной академіи (тогда—„офицерскіе классы“) въ 1845 г. и будучи, согласно собственному желанію, оставленъ въ качествѣ репетитора при названномъ училищѣ, К. А. Трутовскій, наслѣдовавъ наклонность къ рисованію отъ своего отца (служившаго въ военной службѣ), сталъ посѣщать классы академіи художествъ, гдѣ считался ученикомъ Ѳ. А. Бруни. Продолжая занятія вь ней до 1850 г., Трутовскій вышелъ въ этомъ году въ отставку и переселился въ ахтырскій уѣздъ въ имѣніе отца. Константинъ Александровичъ часто любилъ вспоминать и разсказывать о томъ, какъ очаровала его тогда Малороссія послѣ продолжительнаго отсутствія изъ нея. Тамъ же опредѣлились его художественныя вкусы и его дальнѣйшая дѣятельность. Полюбивъ малорусскіе типы, онъ всю жизнь остался вѣренъ имъ, воспроизводя ихъ въ безчисленномъ множествѣ картинъ и рисунковъ.

Женившись въ 1852 году на племянницѣ жены Сергѣя Тимофеевича Аксакова С. А. Самбурской, К. А. Трутовскій послѣ этого очень сблизился съ С. Т. Акаковымъ [2]), который, какъ видно изъ писемъ его, недавно напечатанныхъ въ „Русскомъ Художественномъ Архивѣ (1892 г., выпуски 2—4), самымъ симпатичнымъ образомъ относился къ таланту Трутовскаго, давалъ ему совѣты и старался своимъ вліяніемъ поддержать и поощрить его въ занятіяхъ искусствомъ.

Такъ послѣ появленія въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ статьи скульптора Н. А. Рамазонова о первыхъ картинахъ Трутовскаго, Аксаковъ въ письмѣ отъ 13 марта 1854 г. пи-

[1]) Въ то же время, когда въ этомъ училищѣ воспитывались извѣстные писатели Ѳ. М. Достоевскій и Д. В. Григоровичъ, а также извѣстный генералъ Тотлебенъ.

[2]) По матери своей К. А. Трутовскій и самъ былъ въ родствѣ съ женою С. Т. Аксакова Ольгою Семеновною: онъ приходился ей двоюроднымъ внукомъ; такимъ образомъ онъ женился на своей троюродной теткѣ: на этой свадьбѣ С. Т. Аксаковъ былъ посаженнымъ отцемъ, И. С. Аксаковъ и А. С. Хомяковъ—щаферами, а Н. В. Гоголь, по порученію О. С. Аксаковой, покупалъ для этой свадьбы образъ

салъ Константину Александровичу: „Статья Рамазонова доставила мнѣ большое удовольствіе: кромѣ того, что она написана умно, кромѣ того, что мнѣ пріятно видѣть достойную оцѣнку вашего таланта,—меня порадовала искренность художника, который съ радостью привѣтствовалъ появленіе другаго художника; тутъ конечно нѣтъ уже никакихъ другихъ побужденій, ни дружескихъ связей, ни желанія угодить какому-нибудь третьему лицу. Я за эту статью полюбилъ Рамазонова, и если буду имѣть случай, то непремѣнно съ нимъ познакомлюсь. У васъ возникали, милый мой родной, иногда сомнѣнія на счетъ обширности и серьезности вашего таланта; восхищеніе наше и нашихъ знакомыхъ диллетантовъ искусства не могли разсѣять сомнѣній взыскательного художника. Но я думаю, что теперь признаніе самихъ художниковъ и ихъ высокая оцѣнка должны удостовѣрить васъ, что въ будущемъ ожидаютъ васъ блистательные утѣхи. И такъ съ Богомъ въ путь! Искусство—ваше назначеніе“.

Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ Аксаковъ, получивши картину отъ Трутовского, писалъ ему: „У васъ художническая натура, и это слышно во всемъ, даже въ простомъ описаніи незначущаго предмета. Ваша картинка, милый мой Константинъ Александровичъ, обдѣланная въ легенькія рамки, стоитъ передъ моими глазами на письменномъ столѣ. Не одинъ разъ случалось, что я садился за него въ непріятномъ расположеніи духа; но взглянувъ на мельничное колесо, сухой каузъ и плотину, на дрожащую свѣтомъ воду,—я задумывался, забывался и непремѣнно тишина и спокойствіе овладѣвали моимъ духомъ. Да, эта картинка такъ хороша, что я еще не зналъ ей цѣны, когда вы подарили мнѣ ее. Политипажи ваши [1]) доставляютъ намъ большое удовольствіе и нерѣдко развеселяли насъ, чѣмъ-нибудь озабоченныхъ или огорченныхъ. Ваши дѣдушка и бабушка долго мерещились мнѣ, какъ лица Гоголя

---

[1]) Письма свои къ Аксакову Трутовскій иногда сопровождалъ рисунками, которые быстро набрасывалъ перомъ. Пишущему эти строки также случалось получать отъ Трутовскаго письма съ такими же иллюстраціями къ нимъ.

изъ Мертвыхъ душъ. Пишите, трудитесь и совершенствуйте вашъ талантъ, котораго у васъ по истинѣ такъ много".

Интересно, что за много лѣтъ до появленія картинъ и рисунковъ Трутовскаго на сюжеты изъ сочиненій Гоголя, еще когда Трутовскій въ письмѣ своемъ только сообщалъ Аксакову о предположеніи своемъ иллюстрировать „Вечера на хуторѣ близъ Диканки", Аксаковъ въ письмѣ отъ 5 сентября 1852 г. писалъ по этому поводу слѣдующее: „Вижу я, какъ полна душа ваша Гоголемъ! Я понимаю васъ. Хотя я не былъ уже молодымъ человѣкомъ, когда явился Гоголь, но помню, въ какой восторгъ привела меня *Диканька.* Даже гораздо позднѣе мнѣ случалось читать самое смѣшное изъ Гоголя и заливаться слезами. „Диканька", безъ сомнѣнія, уступающая во многомъ другимъ творческимъ произведеніямъ Гоголя, за то рѣшительно превосходитъ ихъ свѣжестью, ароматомъ юности, такъ сказать, которымъ дышатъ въ ней каждая картина, каждое слово. Мнѣ очень хочется самому вновь, Богъ знаетъ въ какой разъ, прочесть или прослушать Диканьку, но померъ Гоголь,—имя друга нашего такъ еще болѣзненно, что никто не рѣшается испытать это впечатлѣніе, и еще болѣе боятся за меня [1]). Трудитесь, другъ мой! Не смущайтесь тѣмъ, если иногда карандашъ не соотвѣтствуетъ душевному представленію и требованію вашему, въ такомъ случаѣ оставьте на время работу; это значитъ, что, втайнѣ для васъ самихъ, какіе-нибудь другіе образы мѣшаютъ ясности тѣхъ, которые вы хотите изобразить. Вы, по преимуществу, художникъ Гоголя, особенно для сценъ, совершающихся на югѣ Россіи. Я такъ и думаю и ношу увѣренность въ душѣ моей, что вашъ талантъ проявится во всемъ блескѣ въ малорусскихъ сценахъ Гоголя".

Изъ той же переписки видно, что въ пятидесятыхъ годахъ Трутовскому хотѣлось издать малорусскій альбомъ [2]), вслѣд-

---

[1]) Это письмо писано чрезъ полгода послѣ смерти Н. В. Гоголя, который скончался 21 февраля 1852 г.

[2]) Это—еще одна изъ тѣхъ неосуществившихся попытокъ издавать малорусскіе альбомы, о которыхъ мы говорили въ помѣщенной въ февральской книгѣ Кіевской Старины за этотъ годъ замѣткѣ: „Неосуществившееся изданіе малорусскаго альбома".

ствіе чего онъ чрезъ М. П. Погодина въ 1853 г. послалъ свои рисунки въ петербургское Общество поощренія художествъ, предлагая составить альбомъ изъ сценъ малорусской жизни съ тѣмъ, не найдетъ ли общество возможнымъ пріобрѣсть и издать этотъ альбомъ. Въ отвѣтъ на это, Погодинъ получилъ отъ Ѳ. И. Прянишникова [1]) отношеніе слѣдующаго содержанія: „На почтеннѣйшее письмо вашего превосходительства отъ 31 минувшаго октября, объ оказаніи содѣйствія отставному инженеръ-поручику Трутовскому въ заказѣ ему альбома малороссійскихъ сценъ, имѣю честь увѣдомить, что присланные рисунки я представлялъ въ засѣданіе комитета общества поощренія художествъ, бывшее 5-го сего ноября, изъ которыхъ гг. члены комитета, хотя и видѣли бойкость кисти и юморъ, но, по неоконченности работъ этихъ, не могли рѣшиться въ настоящее время заказать ему вышеозначенный альбомъ и предоставили г. Трутовскому представить въ общество, какъ образецъ, рисунокъ въ величину предполагаемаго альбома, дабы комитетъ могъ видѣть какъ форматъ этого альбома, такъ и оконченность изображенія, при семъ увѣдомить о количествѣ листовъ. Возвращая при семъ ящикъ съ рисунками, прошу принять“ и т. д.

Посылая Трутовскому копію этого отношенія, С. Т. Аксаковъ 9 декабря 1853 г. писалъ по этому поводу слѣдующее: „Возвращенію ихъ (т. е. рисунковъ) я очень обрадовался, потому что очень боялся, какъ бы ихъ тамъ не затаскали и даже не затеряли, но отношеніемъ я очень недоволенъ. Конечно, комитетъ долженъ имѣть предварительныя свѣдѣнія о числѣ предполагаемыхъ рисунковъ и объ ихъ размѣрѣ, но какой оконченности они хотятъ и что̀ разумѣютъ подъ этимъ словомъ? Чѣмъ должны быть сдѣланы рисунки: акварелью, тушью, или карандашемъ? Все это не ясно и не извѣстно. Я непремѣнно попрошу Погодина, чтобы онъ частнымъ образомъ переписался съ Прянишниковымъ и спросилъ его на чистоту: что̀ это такое, отказъ ли подъ видомъ проволочки, или неизбѣжная формальность. Смѣшно было бы въ первомъ случаѣ посылать имъ еще

[1]) Извѣстный собиратель картинъ, галлерея котораго поступила послѣ въ Румянцевскій музей.

рисунокъ. Я вѣдь знаю эти комитеты: въ нихъ есть всегда какой-нибудь самозванецъ-диллетантъ искусства, котораго другіе слушаютъ, а потому отъ нихъ мало бываетъ толку".

Какъ извѣстно, предполагавшійся альбомъ не былъ изданъ, и мы думаемъ, что Прянишниковъ и другіе члены комитета общества поощренія художниковъ не особенно сочувственно отнеслись къ предложенію Трутовскаго именно потому, что онъ тогда былъ еще неизвѣстный художникъ, который ни разу не выставлялъ своихъ картинъ и о которомъ въ печати не было сказано ни одного слова.

Въ слѣдующемъ 1854 году Трутовскій получилъ отъ академіи художествъ, за впервые присланные имъ въ академію картины, званіе свободнаго художника, а въ 1861 году—званіе академика. Въ этомъ же (т. е. 1861) году онъ вторично женился на внучатной племянницѣ А. С. Грибоѣдова О. И. Лисицыной. Съ 1871 по 1881 годъ Трутовскій стоялъ во главѣ управленія московскимъ училищемъ живописи и ваянія въ качествѣ его инспектора, а послѣ того поселился въ обоянскомъ уѣздѣ, гдѣ и умеръ.

По поводу завѣдыванія московскимъ училищемъ живописи и ваянія мы вспоминаемъ, что покойный не одинъ разъ говорилъ съ нами о томъ, какъ бы хорошо было, еслибъ въ Кіевѣ было въ такихъ же размѣрахъ устроено училище живописи и ваянія и какъ бы пріятно ему было трудиться для такого училища.

Послѣ помѣщенія нами въ Кіевской Старинѣ вышеупомянутой замѣтки о Трутовскомъ и его картинахъ изъ малорусскаго быта, Трутовскій самъ сдѣлался сотрудникомъ Кіевской Старины, помѣстивъ въ сентябрьской книгѣ за 1889 годъ статью: „Изъ воспоминаній о поѣздкахъ по Малороссіи" съ пятью рисунками къ ней. Послѣ того, въ письмахъ своихъ къ пишущему эти строки Трутовскій, сообщая о томъ, что Кіевская Старина такъ интересуетъ его, что многія книги онъ читаетъ ничего не пропуская, „отъ доски до доски", писалъ, что онъ хотѣлъ бы еще чѣмъ-нибудь быть полезнымъ для Кіевской Старины. Судьба не судила, чтобъ это желаніе исполнилось,

Миръ праху честнаго труженика и симпатичнаго человѣка!

Н. Шугуровъ.

Родіонъ Григорьевичъ Дмитрашко, полковникъ переяславскій.[1]

Лѣтомъ 1665-го года, по тогдашнему въ Брацлавскомъ полку или воеводствѣ, а по нынѣшнему въ южной части Подольской губерніи, появился изъ-за Днѣстра искатель приключеній, сразу обратившій на себя всеобщее вниманіе. Гдѣ онъ родился и въ какой семьѣ, опредѣлить крайне трудно, хотя, судя по тому, что въ теченіе всей жизни онъ писалъ свое крестное имя не въ календарной формѣ *Родіонъ*, а въ юго-славянской народной *Райче* или *Райча*, и что при подписяхъ онъ ставилъ его по венгерскому обычаю, существующему и нынѣ, всегда послѣ фамиліи,—можно думать, что по національности онъ принадлежалъ къ венгерскимъ сербамъ. Изъ подписей на нѣкоторыхъ изъ дошедшихъ до насъ писемъ этого человѣка видно, что отца его звали *Григоріемъ*. Что касается фамильнаго прозвища *Дмитрашко* или *Думитрашко*, то оно встрѣчается въ Валахіи и Молдавіи въ XVII-мъ вѣкѣ неоднократно. Такъ, напримѣръ, жупанъ и великій стольникъ Думитрашко подписался на завѣщаніи угровалашскаго воеводы Яна-Матвѣя Басараба, составленномъ въ г. Торговищѣ на р. Яломницѣ въ пользу монастыря Папратіи 20-го ноября 1645-го года [2]). Нѣсколько позднѣе, въ 1673-мъ году, какой-то Думитрашко былъ взятъ въ плѣнъ Татарами и поставленъ отъ нихъ

---

[1]) Настоящій очеркъ представляетъ собою отрывокъ изъ предпринятаго нами изслѣдованія о всѣхъ лицахъ, занимавшихъ полковничій урядъ въ Переяславскомъ полку за все время его существованія (1648—1782).

[2]) См. Шафарика Památky dřevniho písemnictví Jihoslovanův. Vyd. 2. 1873. Стр. 116.

господаремъ въ Молдавію вмѣсто Петрацея [1]). Волошскій господарь Думитрашко упоминается еще въ 1675-мъ году [2]). Очень можетъ быть, что нашъ Дмитрашко состоялъ съ этими Думитрашками въ какомъ-нибудь родствѣ. Въ такомъ случаѣ его происхожденіе опредѣляется яснѣе: онъ принадлежалъ, очевидно, къ сербскому семейству, переселившемуся изъ Венгріи въ придунайскія княжества и занявшему здѣсь довольно вліятельное положеніе. Знаменитый современникъ нашего Дмитрашка гетманъ Петръ Дорошенко считалъ его Волохомъ, т. е. уроженцемъ Валахіи, и, характеризуя его, какъ дѣятеля, говорилъ, что ему прирождена свойственная Волохамъ страсть сѣять смуту— „волоская баламутня“ [3]).

По професіи Родіонъ Григорьевичъ былъ воинъ, въ военномъ ремеслѣ онъ искалъ для себя источника славы и богатства и, очевидно, что его привела въ Подолію жажда вмѣшаться въ тѣ кровопролитныя схватки, которыя, со смерти Богдана Хмельницкаго, вотъ ужъ болѣе восьми лѣтъ (1657—1665) то и дѣло вспыхивали на поляхъ Украины между Москвой, Польшей и Татарской Ордой или, вѣрнѣе, между жалкими орудіями московской, польской и татарско-турецкой политики,—искателями гетманской булавы. Ни любви къ родинѣ, ни стремленія къ благоустройству ея быта, ни какихъ-либо политическихъ идеаловъ не находимъ мы въ тогдашнихъ малорусскихъ дѣятеляхъ, за исключеніемъ развѣ одного—гетмана Петра Дорошенка [4]); одно только личное честолюбіе и ненасытная жажда къ обогащенію заставляли ихъ подвергаться опасностямъ войны и добиваться того положенія, которое найболѣе могло удовлетворить этимъ инстинктамъ по тогдашнему порядку вещей,— гетманскаго сана. Въ Кіевщинѣ и въ Подоліи въ это время сѣялъ смуту нѣкто Степанъ Опара, желавшій попасть на гетманство при помощи Поляковъ, въ Чигиринѣ сидѣлъ непоколе-

[1]) См. Ригельманъ, Лѣтописное Повѣствованіе о Малой Россіи. М. 1847, ч. II, стр. 140—141.

[2]) См. Акты Ю. З. Р. XII, стр. 235, 239.

[3]) См. А. Ю. З. Р. VIII, стр. 124.

[4]) См. характеристику Дорошенка у Костомарова, Руина, 1882. стр. 512.

бимый въ своемъ стремленіи къ политической независимости и самобытности Малороссіи Петръ Дорошенко, а на лѣвой сторонѣ Днѣпра гетманомъ отъ Москвы былъ Иванъ Брюховецкій, бывшій „джура", по нынѣшнему адъютантъ, Богдана Хмельницкаго, а теперь бояринъ царя Алексѣя Михайловича.

Чтобы занять сколько-нибудь видное мѣсто въ тогдашнемъ обществѣ, необходимо было не только отличаться личною храбростью, но и опираться на значительную военную силу. Нашъ искатель приключеній позаботился объ этомъ и привелъ съ собою изъ придунайскихъ княжествъ 500 человѣкъ „товариства хоругвей волоскихъ", какъ тогда выражались, а вѣрнѣе сказать—разнаго сброда, преимущественно, вѣроятно, изъ южныхъ славянъ, хотя въ тѣ времена всѣ пришельцы въ Малороссію изъ-за Днѣстра безъ отношенія къ ихъ этнографическому происхожденію носили названіе „Волоховъ" [1]). Распоряжаясь этой вооруженной толпой, онъ могъ разсчитывать получить извѣстное значеніе въ глазахъ тогдашнихъ дѣятелей. Оставалось только рѣшить вопросъ, которая изъ борющихся сторонъ имѣетъ болѣе шансовъ на побѣду при окончаніи военнаго состязанія, и къ которой, слѣдовательно, выгоднѣе примкнуть. Природный умъ и знаніе обстоятельствъ подсказали Дмитрашку, что въ концѣ концовъ побѣдитъ Москва, и вотъ онъ начинаетъ служить ей, не связавши еще себя формальной присягой на вѣрность Московскому царю. Тогдашній Брацлавскій полковникъ Василій Дворецкій съ самодовольствомъ сообщаетъ объ этомъ царскому воеводѣ въ Кіевѣ князю Никитѣ Львову въ письмѣ отъ 21-го августа 1665 г.: „Хотя я не присягалъ его царскому пресвѣтлому величеству, но при вѣрѣ и умрети готовъ есмь при достоинствѣ его царского пресвѣтлого величества, и съ тѣми заодно, яже со мною суть: Дмитрашко, полковникъ, Константинъ, полковникъ Подольскій, Евтифѣй, полковникъ пѣхотный, не такъ, какъ тѣ кривоприсяжцы" [2]).

Первой значительной услугой, которую оказалъ Дмитрашко избранной имъ сторонѣ, былъ перехватъ въ августѣ 1665-го

---

[1]) См. Dr. Antoni I. Sylvetki historyczne. Serya VIII, 1892, str. 392.

[2]) См. А. Ю. З. Р. V, стр. 307.

года писемъ, отправленныхъ Опарою къ польскому королю, причемъ онъ далъ татарамъ и козакамъ, везшимъ эти письма, „поученіе грозное" въ Ладыжинѣ (въ гайсинскомъ уѣздѣ подольской губерніи) и „пословъ Опариныхъ... ни единаго не живилъ и всѣхъ ко Аврааму пустилъ" [1]). Слѣдующей услугой была продолжительная оборона отъ гетмана Дорошенка важнаго въ стратегическомъ отношеніи мѣстечка Рашкова надъ р. Днѣстромъ въ нынѣшнемъ ольгопольскомъ уѣздѣ подольской губерніи [2]).

Матеріальная сила и умѣнье пользоваться обстоятельствами скоро отдали въ распоряженіе Дмитрашка Брацлавскій полкъ, и онъ свилъ себѣ въ мѣстечкѣ Рашковѣ крѣпкое гнѣздо, присвоивъ себѣ и титулъ полковника Брацлавскаго. Фактически онъ, вѣроятно, не выполнялъ по отношенію къ осѣдлому и трудящемуся населенію края служебныхъ обязанностей правителя, какимъ бывалъ всегда въ позднѣйшее время малороссійскій полковникъ. Да и нечѣмъ было управлять тамъ, потому-что край отъ постоянныхъ войнъ превратился почти въ пустыню.

Въ скоромъ времени Дмитрашко счелъ нужнымъ подвинуться съ своей дружиной поближе къ предѣламъ Московскаго государства, отъ котораго онъ могъ ожидать наградъ за свою кровавую службу. Позднею осенью 1665-го года (въ концѣ ноября) онъ пришелъ въ г. Каневъ, а оттуда въ г. Переяславъ. Для зимней стоянки Дмитрашко выбралъ почему-то нынѣшній глуховскій уѣздъ черниговской губерніи. Хотя онъ въ это время принесъ уже присягу на вѣрность московскому государю, однако Брюховецкій не довѣрялъ ему и просилъ у царя разрѣшенія отправить Дмитрашка на службу въ Смоленскъ, но царь совѣтовалъ гетману лучше отправить его обратно за Днѣпръ въ Подолію для защиты отъ непріятелей тамошнихъ городовъ. Брюховецкій распорядился иначе: весною 1666-го года онъ послалъ Дмитрашка съ полкомъ наказать городъ Гомель, отпавшій какъ разъ въ это время отъ Москвы. По возвращеніи изъ Гомельскаго похода Брюховецкій указалъ Дмитрашку съ его кон-

---

[1]) См. А. Ю. З. Р. VI, стр. 25.

[2]) См. А. Ю. З. Р. VI, стр. 53, 166.

нымъ полкомъ расположиться на квартиры въ окрестностяхъ Остра, Козельца, Борисполя и Воронькова, „чтобы оттуду себѣ и кормъ имали, а непріятелей, естьли которые на сю сторону Днѣпра итти имѣли, подстерегали и отпоръ давали“ [1]). Въ октябрѣ 1666-го года на Переяславскую сторону Днѣпра дѣйствительно вторгнулись Татары и приверженцы Дорошенка. Козацкіе полковники, вѣрные Брюховецкому и Москвѣ, въ томъ числѣ и Дмитрашко, дали имъ бой подъ Переяславомъ, причемъ много знатныхъ людей съ обѣихъ сторонъ было убито, а раненый Дмитрашко попался въ плѣнъ. Но вѣрно недолго оставался онъ въ рукахъ враговъ, потому-что всего черезъ годъ, осенью 1667-го года, мы встрѣчаемъ его опять на лѣвой сторонѣ Днѣпра въ г. Золотоношѣ, которую онъ для чего-то укрѣпляетъ и окапываетъ глубокими рвами. Для зимовки своего „товариства хоругвей волоскихъ“ онъ выбралъ на этотъ разъ окрестности Батурина и Бахмача, въ нынѣшнемъ конотопскомъ уѣздѣ черниговской губерніи. Козаки его вели себя, какъ разбойники, разоряли крестьянъ, били и мучили ихъ, забирали у нихъ деньги и движимость, вслѣдствіе чего крестьяне не могли вносить податей по окладнымъ книгамъ въ царскую казну и „отъ того... денежному и хлѣбному сбору чинитца недоборъ большой“ [2]).

Осень 1667-го года осталась для Дмитрашка знаменательною полосою жизни, по двумъ событіямъ: въ эту осень онъ принялъ на себя урядъ переяславскаго полковника, остававшійся вакантнымъ съ іюля 1666-го года, послѣ убійства въ Богушковой Слободѣ (золотоношскаго уѣзда) полковника Данила Ермоленка козаками его-же полка, и въ эту-же осень онъ женился на вдовѣ казненнаго въ Борзнѣ 18 сентября 1663-го года нѣжинскаго полковника Василія Никифоровича Золотаренка, имѣвшей отъ Золотаренка сына Степана и дочь Анну. Съ этого времени и до конца жизни Дмитрашко остался постояннымъ жителемъ Переяславщины. Центромъ, какъ для жительства, такъ

---

[1]) См. А. Ю. З. Р. VI. стр. 136.

[2]) См. А. Ю. З. Р. VII, стр. 12.

и для управленія Переяславскимъ полкомъ, онъ выбралъ мѣстечко Барышевку, руководствуясь, вѣроятно, тѣмъ соображеніемъ, что здѣсь онъ будетъ независимѣе отъ царскаго воеводы, чѣмъ въ г. Переяславѣ, гдѣ постоянно проживалъ послѣдній во главѣ отряда московскихъ ратныхъ людей. Въ Барышевкѣ онъ выстроилъ себѣ собственный домъ, а невдалекѣ отъ нея въ лѣсахъ среди болотъ, образуемыхъ двумя маленькими рѣчками Березанкой и Сухоберезицей, онъ завелъ себѣ хозяйственный хуторъ „Бакумовку“. Впослѣдствіи Бакумовская усадьба была укрѣплена валомъ и рвомъ и сдѣлалась родовымъ гнѣздомъ Дмитрашковъ.

Когда гетманъ Брюховецкій задумалъ измѣнить Москвѣ, то кажется, что ему сочувствовалъ и Дмитрашко. По крайней мѣрѣ онъ принималъ участіе въ тайной радѣ, созванной Брюховецкимъ, чтобы обсудить выгодность этой измѣны. Смерть Брюховецкаго (въ іюнѣ 1668-го года) поставила, какъ видно, Дмитрашка въ затруднительное положеніе: ему не хотѣлось приставать къ Дорошенку, хотя послѣдній и манилъ его къ себѣ, но и въ отношенія къ Москвѣ вкралось нѣкоторое недоразумѣніе. И вотъ Дмитрашко держится особнякомъ: пригласилъ къ себѣ 20.000 татаръ, стоитъ съ ними лагеремъ въ нынѣшнемъ козелецкомъ уѣздѣ черниговской губерніи подъ с. Басанью и подходитъ по временамъ къ Кіеву, приглядываясь, нельзя-ли отнять его у Москвичей [1]).

Между тѣмъ лѣвобережная старшина начала хлопотать въ Москвѣ, чтобы ей было разрѣшено выбрать вмѣсто убитаго Брюховецкаго новаго гетмана, и остановилась на черниговскомъ полковникѣ Демьянѣ Игнатовичѣ Многогрѣшномъ. Когда вѣсть объ этомъ дошла до Дмитрашка, то онъ счелъ нужнымъ посовѣтоваться о своемъ положеніи съ пріятелемъ—нѣжинскимъ полковникомъ Филиппомъ Уманцемъ и написалъ ему 11 января 1669-го года изъ Барышевки письмо слѣдующаго содержанія: „Мнѣ зѣло ласкавый пане полковникъ нѣжинскій, пріятелю мой желателный и брате! Предложивъ тебѣ мое, пану и брату, взаимъ обыкновенное поздравленіе, и съ того зѣло утѣшаюсь, егда

---

[1]) См. А. Ю. З. Р. VII, стр. 109, 122.

вижу тебя, пана и брата, купно же его милости пана гетмана Сѣверского, его царского пресвѣтлого величества, Демьяна Игнатовича къ себѣ ласкавую склонность и пріятелское желателство, изъ котораго меня писаніемъ своимъ обослати и во всемъ до святаго дѣла предъ себя воспріятого, въ немъ же Господь Богъ васъ да поблагословитъ, вѣсно чинити изволяешь; для чего, чтобъ и впредь меня по такому желателству своему не препоминалъ, такъ радъ бы есмь душею моею къ такому, реку, святому дѣлу подъ его царского пресвѣтлого величества оборону подобіемъ вашимъ приклонитися и желателнымъ быти такъ пану гетману, какъ и тебѣ, пану и брату, яко и прежде сего; толко мнѣ того недостаетъ, что не вѣдаю, есть ли панъ гетманъ Сѣверскій уже впрямь есть отъ васъ и ото всей черни войска запорожского, какъ покойный Брюховецкой, за позволеніемъ его царского пресвѣтлого величества, на сей сторонѣ обранъ на гетманскій чинъ, или Дорошенка по прежнему слушати надобно намъ? И для того, мой брате, прошу: изволь мнѣ о всемъ совершенно вѣдомо учинить. При чемъ вы одержаватися будете, а я, за воспріятіемъ вѣдома, буду вѣдать, какъ въ томъ дѣлѣ поступить. А нынѣ пребываю желателнымъ твоимъ, брата моего пріятелемъ и слугою" [1]).

Вѣроятно, разъясненія Уманца удовлетворили Дмитрашка, потому-что въ началѣ февраля 1669-го года въ Барышевской соборной церкви онъ торжественно присягнулъ вновь на вѣрность московскому государю со всѣмъ „товариствомъ и посполствомъ" Переяславскаго полка въ присутствіи присланнаго изъ Кіева отъ боярина Шереметева Павла Аристовича Глѣбова. Объ этомъ подробно разсказываетъ самъ Дмитрашко въ письмѣ изъ Барышевки отъ 9 февраля 1669-го года къ бѣлгородскому намѣстнику князю Григорію Григорьевичу Ромодановскому [2]). Въ Москвѣ оцѣнили вѣрность Дмитрашка, и 19 апрѣля ему была выслана благодарственная царская грамота. Между тѣмъ Дорошенка страшно разсердилъ переходъ Дмитрашка на сторону Много-

---

[1]) См. А. Ю, З. Р. VIII, стр. 61.

[2]) См. А. Ю. З. Р. VIII, стр. 80—81.

грѣшнаго, и онъ посылалъ нѣсколькихъ преданныхъ людей, чтобы обманнымъ образомъ арестовать переяславскаго полковника и доставить его въ Чигиринъ; но это не удалось. Не удалась также и попытка приверженца Дорошенка есаула Тимофея Шулики овладѣть Барышевкой и захватить Дмитрашка силою, хотя это обстоятельство сильно безпокоило послѣдняго и лишило его возможности явиться на раду въ Глуховъ (6 марта 1669 г.) для утвержденія въ гетманствѣ Многогрѣшнаго [1]).

Съ фактомъ избранія Многогрѣшнаго не сразу примирились въ Малороссіи, и нѣкоторые города и мѣстечки продолжали признавать власть Дорошенка [2]) Къ числу послѣднихъ принадлежало и мѣстечко Вороньковъ въ нынѣшнемъ переяславскомъ уѣздѣ, которое еще зимою 1668—1669 г. приняло къ себѣ гарнизонъ изъ заднѣпровскихъ козаковъ и знать не хотѣло власти Многогрѣшнаго и Москвы. Въ маѣ мѣсяцѣ 1660-го года Дмитрашко съ 5000-мъ отрядомъ двинулся изъ Барышевки къ Воронькову; чтобы взять его приступомъ и избить приверженцевъ Дорошенка. Но вороньковскіе козаки храбро защищались, дѣлали постоянныя вылазки, Дмитрашко самъ былъ раненъ изъ пищали въ бокъ на вылетъ и долженъ былъ отступить и расположиться въ с. Глубокомъ въ 3-хъ верстахъ отъ Воронькова [3]), Кажется, что Вороньковъ такъ и не былъ взятъ. Между тѣмъ Дмитрашко, радуясь за благополучный для жизни исходъ полученной раны, поѣхалъ въ началѣ іюня поклониться святынямъ Кіево-печерской лавры—„по обѣщанію моему опасенія ради бывшаго“, какъ говоритъ онъ въ письмѣ къ гетману Многогрѣшному изъ Барышевки отъ 9 іюня [4]). Затѣмъ онъ ходилъ съ отрядомъ покорять мятежные Ромны, но и этотъ походъ окончился неудачно. Роменскіе козаки говорили: „буде гетманъ Демьянъ Игнатовичъ съ войскомъ и великаго государя съ ратными людми придетъ подъ Роменъ самъ, и они де ему сдадутца, а Дмитрашку де они не сдадутца“. „И Дмитрашкова де полку

[1]) См. А. Ю. З. Р. VIII, стр. 122.

[2]) См. А. Ю. З. Р. VIII, стр. 121.

[3]) См. А. Ю. З. Р. VIII, стр. 212, 213, 230, IX, стр. 22.

[4]) См. А. Ю. З. Р. VIII, стр. 262—263.

козаки, поимавъ подъ городомъ животину, отошли къ Воронкову", добавляетъ современникъ [1]).

Въ августѣ мѣсяцѣ Дмитрашко сопровождалъ изъ г. Остра въ г. Кіевъ александрійскаго патріарха Паисія [2]).

Въ январѣ 1670 г. онъ поѣхалъ къ гетману Многогрѣшному въ Батуринъ съ извѣстіемъ, что Орда взяла въ плѣнъ Юрія Хмельницкаго [3]). Здѣсь Дмитрашко прожилъ до самой весны. Апрѣля 17-го у гетмана былъ обѣдъ. „А въ тѣ поры", говоритъ очевидецъ, „пріѣхали къ гетману всѣхъ городовъ сеѣ стороны Днѣпра полковники, опричь полтавского и миргородского, поздравлять гетмана съ праздникомъ Свѣтлымъ Христовымъ Воскресеніемъ. И гетманъ тѣмъ полковникомъ и старшинѣ говорилъ: слышитъ де онъ и многіе къ нему вѣсти доносятца, что де его гетмана всѣхъ городовъ козаки мало любятъ, а будетъ же де и впрямъ его гетмана мало любять, и они бъ де били челомъ великому государю о обраніи иного гетмана и клейноты онъ войсковые уступитъ тому, кого они себѣ гетманомъ оберутъ; а будетъ де онъ покамѣсть гетманомъ будетъ, и онъ своевольниковъ будетъ усмирять, покамѣсть его мочи будетъ, на томъ де онъ великому государю присягалъ, и не такъ бы де, что Ивашка Брюховецкій, какъ Іуда Христа предалъ, такъ и онъ великому государю измѣнилъ; а онъ де гетманъ обѣщался за великого государя умереть, чтобъ де впредь и по немъ роду его слава была. А покамѣстъ де тѣмъ своевольникомъ и не крутитца, а опричь де великого государя дѣтца имъ негдѣ. И слыша то отъ гетмана переяславской полковникъ Дмитрашко, ударяся о столъ, говорилъ со слезами: полно де имъ ужъ тѣхъ гетмановъ обирать, и за тѣми гетманами крови християнской литца! будемъ толко себѣ одного великого государя имѣть неотступно, а своеволниковъ укрочать" [4]).

Вторую половину 1670-го года и большую часть слѣдующаго 1671-го года Дмитрашко провелъ у себя въ Барышевкѣ,

---

[1]) См. А. Ю. З. Р. IX, стр. 23.

[2]) См. А. Ю З. Р. IX, стр. 54.

[3]) См. А. Ю. З. Р. IX, стр. 158.

[4]) См. А. Ю. З. Р. IX, стр. 187.

зорко наблюдая за тѣмъ, что дѣлается по ту сторону Днѣпра у Дорошенка, и постоянно выслушивая разныхъ лицъ, приходившихъ оттуда. О новостяхъ онъ сообщалъ иногда письменно гетману Многогрѣшному.

Осенью 1671-го года падчерицу Дмитрашка Анну Золотаренкову сваталъ братъ гетмана Григорій Дорошенко. Въ письмѣ изъ Канева отъ 28-го октября къ женѣ Дмитрашка онъ проситъ скорѣе отвѣчать на его предложеніе и въ концѣ нѣжно добавляетъ: „Дѣвицѣ Аннѣ любовь мою при поволности обыкновенной препосылаю и усердно желаю счастливого повиданья съ нею“ [1]). Кажется, что бракъ этотъ не состоялся по политическимъ соображеніямъ.

Между тѣмъ отношенія Дмитрашка къ гетману Многогрѣшному становились все болѣе и болѣе натянутыми. Можетъ быть, сватовство Григорія Дорошенка на падчерицѣ Дмитрашка показалось гетману подозрительнымъ. Дмитрашко съ своей стороны озлоблялся противъ гетмана и не слушалъ его распоряженій. Гетманъ приглашалъ его пріѣхать къ нему въ Батуринъ, но онъ заперся у себя въ Барышевкѣ и говорилъ окружающимъ: „какъ де гетманъ сгубилъ Сомка и Золотаренка, также де и надъ нимъ хочетъ учинить, и для де того онъ и не ѣдетъ къ нему“. Подъ защиту Барышевскихъ укрѣпленій бѣжали къ Дмитрашку жители многихъ мѣстечекъ и селъ Переяславскаго полка. Тогда гетманъ рѣшился наказать ослушника, отставилъ его отъ полковничества и двинулся съ войскомъ по направленію къ Барышевкѣ, чтобы взять Дмитрашка въ плѣнъ силою. 14-го октября 1671-го года гетманъ выступилъ уже изъ Нѣжина. Между Нѣжиномъ и Барышевкой онъ встрѣтилъ ѣдущаго въ Москву сербскаго митрополита и просилъ его поѣхать въ Барышевку и уговорить Дмитрашка покориться. Но Дмитрашко не поддался на эти увѣщанія, готовился къ отпору, созвалъ въ Барышевкѣ раду и уговаривалъ Барышевцевъ отбиваться отъ гетмана. Но тутъ его постигло разочарованіе: Барышевцы отказывались сражаться. Напрасно онъ обѣщалъ,

---

[1]) См. А. Ю. З. Р. IX, стр. 459.

что, по его приглашенію, явятся на подмогу и король польскій, и коронные гетманы, и Ханенко. Барышевцы не слушали этихъ рѣчей и требовали, чтобы Дмитрашко ѣхалъ мириться съ Многогрѣшнымъ. Онъ было уступилъ и поѣхалъ, но потомъ раздумалъ и съ дороги вернулся обратно. Тогда Барышевцы заперли передъ нимъ городскія ворота и не пустили его въ городъ. Дмитрашко заплакалъ съ досады, но тѣмъ не менѣе поѣхалъ на встрѣчу гетману въ Басань, взявъ съ собою и жену. Свиту его составляли двѣсти человѣкъ козаковъ „двора его кумпаніи". Гетманъ Многогрѣшный не принялъ повинной отъ Дмитрашка. Онъ велѣлъ заковать въ цѣпи полковника и прибывшихъ съ нимъ сотниковъ, а „кумпанію козаковъ его велѣлъ по полкамъ разобрать за варту" (арестовать). На его мѣсто полковникомъ переяславскимъ онъ назначилъ бунчужнаго своего Константина Стрыевскаго. Самого-же Дмитрашка гетманъ повезъ съ собою въ Батуринъ, гдѣ продержалъ закованнымъ подъ карауломъ еще двѣ ночи, а послѣ того, по просьбѣ греческихъ митрополитовъ, освободилъ, но велѣлъ ему проживать въ Батуринѣ, не предчувствуя, что этимъ онъ готовитъ себѣ гибель [1]). Сначала отношенія между Многогрѣшнымъ и Дмитрашкомъ какъ-будто наладились; однажды онъ былъ даже „на банкетѣ" у Дмитрашка и говорилъ собравшейся здѣсь старшинѣ: „Видите ль де вы, какая ко мнѣ великого государя неизреченная милость: по указу его царского величества присланъ де ко мнѣ полковникъ Григорій Неѣловъ съ полкомъ, а у него де стрѣлцовъ въ полку 1000 человѣкъ [2]). Потомъ Многогрѣшный услыхалъ, будто московское правительство имъ недовольно и хочетъ назначить на его мѣсто гетманомъ полковника Солонину. Тогда онъ началъ съ досады непомѣрно пьянствовать и однажды въ пьяномъ видѣ изрубилъ саблею у себя въ свѣтлицѣ явившагося къ нему Дмитрашка, такъ-что послѣдній долго послѣ того болѣлъ отъ ранъ въ Батуринѣ [3]). Дмитрашко не

---

[1]) См. А. Ю. З. Р. IX, стр. 578, 579, 582, 792, 793.

[2]) См. А. Ю. З. Р. I.Хс, тр645.

[3]) См. А. Ю. З. Р. IX, стр. 643.

могъ простить этого гетману и началъ усиленно добиваться его сверженія. Онъ сталъ разсказывать, что Многогрѣшный вошелъ въ переговоры съ Дорошенкомъ; что онъ собирается измѣнить царю и поступить подъ власть турецкаго султана; что онъ его, „особливе запровадивши до своея комнаты, до присяги приводилъ, обѣцуючи полковництво переяславское назадъ привернути, толко жебы противно его царскому пресвѣтлому величеству поднялся воевать; для чого чотири полки, лубенскій, миргородскій, полтавскій и переяславскій до Думитрашка, абы въ комендѣ его зоставали, ординовалъ; въ тымъ, для лѣпшое пріязни, свой сагайдакъ и шаблю, которимъ бы непріятеля звитяжалъ, благословилъ и даровалъ“; что онъ его „передъ сырною недѣлею“ позвалъ къ себѣ, снялъ со стѣны икону пресвятыя Богородицы и „кланяясь до земли присягалъ и говорилъ: не измѣни мнѣ, куме, мнѣ самого царя есть указъ Москву рубить“ [1]). Конечно, очень трудно провѣрить теперь, насколько справедливы были рѣчи Дмитрашка, и не были-ли онѣ клеветой, придуманной нарочно для того, чтобы уничтожить непріятнаго начальника. Въ непродолжительномъ времени Дмитрашко дожилъ до той счастливой минуты, когда въ ночь съ 12-го на 13-е марта 1672 года старшины Петръ Забѣла, Иванъ Домонтовичъ, Иванъ Самойловичъ, Карпъ Мокріевичъ, Филиппъ Уманецъ, Петръ Рославецъ и стрѣлецкій голова Григорій Неѣловъ отправились вмѣстѣ съ нимъ въ гетманскія хоромы, арестовали гетмана, надѣли на него цѣпи и отправили въ Москву, какъ измѣнника. Дмитрашко изъ Батурина поспѣшно отправился въ Курскъ увѣдомить о низложеніи гетмана князя Григорія Григорьевича Ромодановскаго и просить его о присылкѣ въ Батуринъ московскихъ ратныхъ людей для защиты старшины отъ возможныхъ нападеній со стороны приверженцевъ низложеннаго гетмана. Въ Москву онъ не сопровождалъ арестованнаго гетмана, а уѣхалъ 24-го марта 1672-го года къ себѣ въ переяславскій полкъ [2]), чтобы захватить въ свои руки отнятую было у него въ пользу Константина Стрыевскаго полковничью власть.

---

[1]) См. А. Ю. З. Р. IX, 673, 676 754, 757.

[2]) См. А. Ю. З. Р. IX, стр. 725.

Въ іюнѣ того-же года Дмитрашко явился на раду въ Козацкую Дуброву (село въ путивльскомъ уѣздѣ курской губерніи, недалеко отъ границы черниговской губерніи) для избранія новаго гетмана—Ивана Самойловича. Когда формальность выборовъ была окончена, то онъ и кіевскій полковникъ Солонина взяли Самойловича подъ руки и поставили его на столъ, а обозный Петръ Забѣла съ другими полковниками поднесли гетману булаву и укрывали его знаменемъ и бунчукомъ. На радѣ въ Козацкой Дубровѣ Дмитрашко получилъ отъ московскаго государя за вѣрность, обнаруженную въ дѣлѣ Многогрѣшнаго, подарки: одинъ сорокъ соболей цѣною въ 60 рублей, одну пару соболей цѣною въ 10 рублей и 10 аршинъ гладкаго атласа [1]). На присяжномъ листѣ и подъ статьями, принятыми на радѣ, Дмитрашко почему-то не подписался собственноручно; его подпись сдѣлана такъ: переясловской Дмитряшко Райча; въ его мѣсто руку приложилъ его жъ полку казакъ Кирило Бувайло [2]). Между тѣмъ изъ прилагаемаго къ настоящей статьѣ факсимиле его подписи и изъ извѣстія, что 30-го января 1673-го года онъ писалъ письмо въ Сосницу къ гетману Ивану Самойловичу „своею рукою, волоскимъ писмомъ“ [3]), мы знаемъ, что онъ былъ грамотнымъ. Для объясненія этой странности остается предположить, что Дмитрашко во время Козацко-дубровской рады на владѣлъ еще рукою послѣ ранъ, нанесенныхъ ему за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ бывшимъ гетманомъ Демьяномъ Многогрѣшнымъ.

Зиму 1672 — 1673 гг. Дмитрашко проводилъ дома въ Барышевкѣ, слѣдя по обыкновенію за тѣмъ, что дѣлается по ту сторону Днѣпра у Дорошенка, и дѣлясь своими свѣдѣніями съ гетманомъ и съ московскими воеводами въ Малороссіи. Въ январѣ 1673-го года гетманъ Самойловичъ приглашалъ его пріѣхать въ Сосницу повидаться съ нимъ и съ ѣхавшимъ изъ Москвы въ Кіевъ княземъ Трубецкимъ. Дмит-

---

1) См. А. Ю. З. Р. IX, стр. 952.

2) См. А. Ю. З. Р. IX, стр. 907.

3) См. А. Ю. З. Р. XI, стр. 160.

рашко отвѣчалъ письмомъ отъ 30-го января, въ которомъ онъ между прочимъ объясняетъ, почему не можетъ пріѣхать: „хотя бы и самые болшіе имѣлъ домашніе недосуги, и тѣ бы всѣ на сторону, для привѣтствованія и встрѣчи такъ высокопочтенные и у великаго государя нашего, его царского пресвѣтлого величества, знатные особы его милости господина боярина и воеводы кіевского, князя Юрья Петровича Трубецкого, отставивъ, не столко на второе, отъ милости твоей господьской ко мнѣ въ Барышевку присланное писмо, но и на прежней листъ къ отцу Симеону Адамовичю, протопопу нѣжинскому и иченскому, о томъ же писанный, поспѣшеніемъ съ охотою моею, чего себѣ отъ души желаемъ, радъ бы есмь до боку милости твоей государьской учинити; но какъ я напомянулъ въ писмѣ моемъ о моемъ неспособномъ здоровьѣ, и о великой болѣзни ножной, и отъ тоя болѣзни избы перетти не могу, удержало меня, и нынѣ тою жъ скорбію лежу“. Но зато онъ обѣщалъ, что „боярина де и воеводъ встрѣтитъ онъ съ полкомъ своимъ отъ Кіева въ ближнихъ мѣстехъ“ [1]). Обѣщаніе это не осталось пустымъ словомъ, и онъ проводилъ князя Трубецкаго до самаго Кіева, куда они прибыли 13-го февраля. Здѣсь на слѣдующій день видѣлся съ Дмитрашкомъ московскій дипломатическій агентъ, подъячій Семенъ Щоголевъ, посланный съ цѣлію уговаривать каневскаго полковника Якова Лизогуба и другихъ полковниковъ отступить отъ Дорошенка, а самого Дорошенка, если онъ поддастся на это,—отступить отъ султана. Дмитрашко разсказывалъ Щоголеву, что Лизогубъ живетъ съ нимъ въ дружбѣ и хотѣлъ сватать за своего сына падчерицу его Анну Золотаренкову, но что гетманъ Дорошенко съ митрополитомъ Тукальскимъ отговорили Лизогуба отъ этого намѣренія, ссылаясь на то, что Дмитрашки—люди богатые и спесивые, будутъ пренебрегать имъ; что сынъ Лизогуба женился на дочери гетмана Дорошенка въ январѣ (1673 г.) и Дорошенко съ конвоемъ въ 1.000 человѣкъ пріѣзжалъ въ Каневъ на свадьбу; и что онъ, Дмитрашко, постарается переманить Лизогуба на московскую

[1]) См. А. Ю. З. Р. XI, стр. 122—126.

сторону, тѣмъ болѣе, что Лизогубъ не доволенъ бракомъ своего сына и говоритъ: „такое со мною учинилось, чего моя душа никогда не желала“ [1]). Щоголевъ остался очень доволенъ своими разговорами съ Дмитрашкомъ и подарилъ ему отъ имени царя двѣ пары соболей. Дмитрашко принялъ подарокъ съ благоговѣніемъ, благодарилъ великаго государя за милость, кланялся до земли и, смотря на образъ пресвятой Богородицы, говорилъ: „По Господѣ Бозѣ вся надежда на него великого государя, и за его государскую премногую милость о всякихъ его государскихъ дѣлахъ радѣти и за его великого государя умирати готовъ“ [2]). Послѣ того Дмитрашко уѣхалъ въ Барышевку, условившись позвать туда Щоголева, когда онъ снесется съ Лизогубомъ. 19-го февраля Дмитрашко прислалъ уже въ Кіевъ козака, приглашая Щоголева ѣхать въ Барышевку, „не мѣшкая“. Здѣсь Щоголевъ выслушалъ 28-го февраля длинное показаніе побывавшаго у Лизогуба грека Павла Ростанова и велъ съ Дмитрашкомъ продолжительные политическіе разговоры, сводившіеся къ тому, что, по мнѣнію Дмитрашка, если московскій государь хочетъ добиться спокойствія въ Малороссіи и присоединенія праваго берега Днѣпра, то онъ долженъ съ наступленіемъ весны (1673 г.) собрать какъ можно бо́льшее войско и предпринять вмѣстѣ съ гетманомъ походъ въ Крымъ, ударить на татаръ дома, въ ихъ землѣ, и такимъ образомъ лишить ихъ возможности поддерживать Дорошенка и его сторонниковъ; такой походъ, въ случаѣ побѣды, повлечетъ за собою паденіе Дорошенка, отвлечетъ турокъ отъ вмѣшательства въ малороссійскія дѣла и дастъ возможность добиться отъ Польши, которая будетъ бояться испытать участь Крыма,— уступки Кіева съ воеводствомъ въ вѣчное обладаніе Москвы. Это мнѣніе могло интересовать Щоголева, какъ выраженіе политическихъ взглядовъ мѣстныхъ людей, но положительныхъ результатовъ поѣздка его не принесла [3]).

---

[1]) См. А. Ю. З. Р. XI, стр. 162—63.

[2]) См. А. Ю. З. Р. XI, стр. 163—164.

[3]) См. А. Ю. З. Р. XI, стр. 186—195.

Прекрасныя отношенія къ московскому правительству не помѣшали Дмитрашку хлопотать въ Польшѣ о томъ, что особенно могло его интересовать при его богатствѣ и политическомъ значеніи,—о дворянствѣ. Дворянство, въ смыслѣ сословія людей благороднаго происхожденія, существовало только въ Польшѣ, и вотъ Дмитрашко обратился туда за дворянской грамотой. Нѣтъ надобности предполагать, что Дмитрашко измѣнялъ ради этого московскому царю и передавался Польшѣ, и что „нобилитація“ являлась наградой за измѣну. Напротивъ, мы думаемъ, что онъ никогда не рѣшился бы на подобный шагъ, живя въ мѣстности, тяготѣвшей къ Москвѣ, и имѣя много выгодъ отъ службы московскому правительству. Въ пріобрѣтеніи польскаго дворянства онъ видѣлъ просто средство выдѣлиться изъ толпы и хлопоталъ о немъ такъ, какъ въ наше время хлопочутъ иные о полученіи иностранной орденской ленточки. Такое предположеніе тѣмъ болѣе правдоподобно, что сеймъ въ Варшавѣ, на которомъ было утверждено за Дмитрашкомъ шляхетное достоинство, происходилъ въ январѣ 1673 года (съ 4-го числа) [1]), а королевская грамота, удостовѣряющая это пожалованіе, датирована 25-мъ февраля того-же года [2]), т. е. что всѣ формальности облеченія Дмитрашка шляхетствомъ имѣли мѣсто какъ разъ въ то время, когда самъ онъ былъ занятъ сопровожденіемъ князя Трубецкаго въ Кіевъ и переговорами съ подъячимъ Семеномъ Щоголевымъ и, слѣдовательно, не могъ принять никакого личнаго участія въ хлопотахъ по этому дѣлу. Очевидно, что онъ поручилъ эти хлопоты другому лицу. По этому предмету есть два извѣстія. Нѣкій Степанъ Куницкій, котораго обвиняли въ томъ, будто онъ ѣздилъ въ Польшу выхлопатывать шляхетство для себя и для Дмитрашка, на допросѣ въ Батуринѣ показывалъ: „не вѣдомо, для чего тамъ Дмитрашка, подданного царского величества и желателного господину гетману нашему, господа рѣчь посполитая шляхтичемъ учинили и я де объ немъ тамъ не билъ челомъ, будто де тамо братъ его

---

[1]) См. Vol. Legum, изд. 1860, т. V, стр. 79.

[2]) См. Русскій Архивъ, 1875, т. II, стр. 403, ст. А. М. Лазаревскаго.

двоюродной отъ нѣколиканадесяти лѣтъ въ корунѣ полской былъ,будто тотъ билъ челомъ" [1]). Въ упомянутой выше королевской грамотѣ отъ 25 февраля 1673 г. сказано, что „клейнотъ шляхетства полского" даруется Дмитрашку „за особливою рекомендаціею благороднаго Михайла Ханенка, гетмана войскъ нашихъ запорожскихъ". Какъ бы то ни было, Дмитрашко сдѣлался шляхтичемъ, а „благородный Александръ Кладнѣцкій, ротмистръ придворной корогвы козацкой" допустилъ его „до гербу своего *Сасъ*", потому-что гербомъ „всякому шляхтичу полскому защищать и украшать себя надлежитъ". Это обстоятельство очень удивило современниковъ. „Зѣло и мы съ господиномъ гетманомъ пріудивляемся", пишетъ нѣжинскій протопопъ Симеонъ Адамовичъ къ боярину Артамону Сергѣевичу Матвѣеву, „что господа поляки, имѣя съ царскимъ пресвѣтлымъ величествомъ поприсяжёное перемирье, подданныхъ его великого государя шляхтичами чинятъ... Не отъ чего иного, токмо отъ зависти то господа поляки учинили, оболгивая всѣхъ насъ къ царскому величеству, и тому нѣчему вѣрити, государь Артемонъ Сергѣевичъ" [2]).

Съ весны 1674 года начался походъ соединенныхъ гетманскихъ и московскихъ силъ противъ чигиринскаго гетмана Дорошенка и союзныхъ съ нимъ турокъ и татаръ. Дмитрашко, какъ храбрый и опытный военачальникъ, около 10 лѣтъ служившій уже вѣрно московскому государству, поставленъ былъ во главѣ отдѣльнаго отряда съ титуломъ наказнаго гетмана. Ему были даны полки: переяславскій, полтавскій, миргородскій, гадяцкій и лубенскій, а на правомъ берегу Днѣпра, куда онъ отправлялся, приказано ему было сойтись съ тамошними полками: черкасскимъ, каневскимъ, уманскимъ и торговицкимъ, да съ охочими полками. Всего козацкаго войска подъ командой Дмитрашка собралось до 20.000. Къ этому отряду присоединилось два московскихъ полка съ 15-ю пушками подъ начальствомъ полковника рейтарскаго строя Беклемишева. Въ маѣ

---

[1]) См. А. Ю. З. Р. XI, стр. 332.

[2]) См. А. Ю. З. Р. XI, стр. 332–333.

мѣсяцѣ войско это стало лагеремъ въ окрестностяхъ м. Смѣлой (въ нынѣшнемъ черкасскомъ уѣздѣ кіевской губ.). Далѣе Грабянка повѣствуетъ [1]): „Въ тое-жъ время війшолъ зъ Криму въ двадесяти тисячахъ Орди нѣкій Солтанъ на-ново Дорошенку въ помочъ, и согласившися зъ Андреемъ Дорошенкомъ, даби подъ Смѣлою всячески розбити Дмитрашка, вземши полки Сердюковъ, Компанѣю и Чемереси, идоша подъ войско тайно, и не доходя Дмитрашка, нечаянно найдоша подъ Орловцемъ на полки случившіеся: гадяцкій, уманскій, торговицкій, на нихъ же Андрей Дорошенко и Солтанъ, всѣми своими войски нечаянно нападше, крѣпко удариша. Но помощію Божіею, мужественно чрезъ долгій часъ отбивающимся, не возмогоша что дѣлати; а тимъ временемъ, Дмитрашко, получивъ о стрелбѣ нѣкую вѣсть, яко найскорѣе, комонно зъ войскомъ тамо-жъ приспѣлъ и татаръ понадъ Ташликомъ и Дорошенка тако поразили, что даже густимъ трупомъ на чтири милѣ поле услали и многихъ татаръ и козаковъ живихъ взяша“. Этотъ бой извѣстенъ у современниковъ подъ названіемъ сраженія подъ Орловцемъ (нынѣ селеніе черкасскаго уѣзда). По однимъ извѣстіямъ происходило оно въ маѣ, по другимъ—9-го іюня.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1674 года гетманъ Самойловичъ съ княземъ Ромодановскимъ перешли черезъ Днѣпръ и подступили къ Чигирину. Дмитрашка съ бывшими при немъ полками они отправили „на защищеніе края поднѣстрянскаго“ [2]), такъ какъ до нихъ дошли вѣсти, что „непріятель креста святаго, се есмь татары и турки, изъ Волоскіе земли на сю сторону Днѣстра подъ городы украинскіе подбѣгаючи, тотъ край пустошитъ и въ людехъ упадокъ чинитъ“. Походъ начался въ концѣ іюля. Въ началѣ августа Дмитрашко сталъ лагеремъ надъ р. Горнымъ Тикичемъ, около с. Буки, въ нынѣшнемъ уманскомъ уѣздѣ кіевской губерніи, и послалъ своего наказнаго Войцу Сербина съ 2.000 козаковъ къ р. Бугу въ подъѣздъ. Войца перешелъ р. Бугъ у Ладыжина, соединился съ полковникомъ Мурашкою и разбилъ

---

[1]) См. Лѣтопись Грабянки, Кіевъ 1854, стр. 214—15.

[2]) См. А. Ю. З. Р. XI, стр. 545.

скопище турокъ и татаръ. Пятсотъ непріятелей нашли смерть на полѣ брани, а пятнадцать знатныхъ турокъ попалось въ плѣнъ. Но тогда подступили большія силы турокъ и татаръ и осадили отряды Мурашки и Войцы Сербина въ Ладыжинѣ (гайсинскаго уѣзда подольской губ.). Въ день Преображенія (6-го августа) козаки Войцы Сербина вырвались изъ городка, переправились черезъ р. Бугъ, убѣжали въ расположенный противъ Ладыжина лѣсъ и черезъ два дня соединились съ главнымъ отрядомъ Дмитрашка. Узнавъ отъ нихъ о превосходствѣ непріятельскихъ силъ, Дмитрашко отступилъ сначала къ Лысянкѣ, а затѣмъ къ Корсуню. Самойловичъ, узнавъ объ отступленіи Дмитрашка, сталъ хлопотать въ Москвѣ о присылкѣ подкрѣпленій. Между тѣмъ Мурашка заперся въ Ладыжинѣ, выдержалъ продолжителную осаду и, наконецъ, погибъ со всѣмъ своимъ отрядомъ подъ ударами превосходнаго силами непріятеля.

Хотя Самойловичъ съ Дмитрашкомъ находились въ какомъ-то свойствѣ, однако въ концѣ 1674-го года между ними вышли, вѣроятно, какія-нибудь недоразумѣнія, и Дмитрашко былъ лишенъ полковничества, потому-что на письмѣ отъ 13 января 1675-го года къ гетману переяславскимъ полковникомъ подписанъ уже Войца Сербинъ [1]). Такимъ образомъ Дмитрашко почти семь лѣтъ (1667—1674) занималъ полковничій урядъ. Маленькій перерывъ въ его управленіи полкомъ былъ только зимою 1671—1672 гг., когда онъ былъ арестованъ гетманомъ Многогрѣшнымъ и былъ временно замѣненъ бунчужнымъ Константиномъ Стрыевскимъ.

Съ этого времени Дмитрашко не возвращался болѣе на полковничій урядъ, но зато занялъ выдающееся положеніе, какъ знатный войсковой товарищъ. Главный вѣсъ давало ему, конечно, его богатство. Не даромъ гетманъ Дорошенко говорилъ о супругахъ Дмитрашкахъ, что они люди богатые и спѣсивые, когда отговаривалъ каневскаго полковника Якова Лизогуба отъ намѣренія женить сына на падчерицѣ Дмитрашка Аннѣ Золотаренковой. Частью путемъ „заимки", частью покупкою и захватомъ у каза-

---

[1]) См. А. Ю. З. Р. XII, стр. 21-22.

ковъ[1]) собралъ онъ въ своихъ рукахъ огромное пространство земли въ нынѣшнемъ переяславскомъ уѣздѣ полтавской губерніи, на которомъ расположились селенія: Семеновка, Березань, Недра, Парышковъ, Лукаши, Лукьяновка, оба Круполя (Великій и Малый), Войтово, Пилипчичи, Ярешки, Лехновка, Малая Березанка и Жуковка. Въ настоящее время въ дачахъ этихъ селеній по даннымъ генеральнаго межеванія числится 59.207 десятинъ земли. Если изъэтого количества исключить около 20.000 десятинъ земли козачей, которая и въ XVII вѣкѣ принадлежала уже козакамъ, то окажется, что Дмитрашко владѣлъ пространствомъ въ 40.000 десятинъ. Центромъ этихъ владѣній былъ хуторъ „Бакумовка". Частью этихъ земель пользовались „посполитые" крестьяне Дмитрашка и зато отбывали въ пользу владѣльца „панщину" и доставляли ему извѣстное количество живности и сельскихъ продуктовъ („чиншъ")[2]). На другой свободной части выпасывались принадлежавшія владѣльцу стада рогатаго скота, овецъ и лошадей. Въ лѣсахъ, которыми густо поросли берега протекавшихъ по владѣніямъ Дмитрашка рѣчекъ, Недры и Березанки, располагались владѣльческія пасѣки, служившія въ тѣ времена источникомъ большихъ доходовъ. Все это недвижимое имущество давало, конечно, возможность своему владѣльцу и собрать значительные денежные капиталы въ „червонцахъ" и „талярахъ", по тогдашнему порядку денежнаго обращенія, и снабдить свой домъ всякаго рода движимостью въ видѣ одеждъ, посуды, оружія, сбруи и проч. Кромѣ того не мало вещей пріобрѣталъ, вѣроятно, Дмитрашко во время своихъ походовъ по праву войны. Есть извѣстіе, что онъ занимался также торговлею съ греческими купцами[3]) и, конечно, торговые обороты также увеличивали его благосостояніе. Но кромѣ богатства, Дмитрашка выдвигали впередъ и его личныя качества: храбрость, боевая опытность, проницательный умъ и знаніе политическихъ отношеній.

---

[1]) См. Лучицкій, Сборникъ матер. для исторіи земель и угодій, Кіевъ, 1884, стр. 17—27, 149—154, особенно стр. 153.

[2]) См. Лазаревскій, Посполитые крестьяне, Черниговъ 1866, стр. 34—35.

[3]) См. Мотыжинскій Архивъ, Кіевъ 1890, стр. 129.

Все вышеизложенное дѣлаетъ вполнѣ понятнымъ, что Дмитрашко не могъ примириться съ оффиціальнымъ устраненіемъ отъ служебной дѣятельности и началъ стремиться къ низверженію того человѣка, отъ воли котораго зависѣло это устраненіе, т. е. гетмана Самойловича. Онъ былъ гордъ и высоко цѣнилъ себя, а потому находилъ, что онъ можетъ быть гетманомъ съ такимъ же правомъ, какъ и Самойловичъ. Этимъ объясняется участіе его въ двухъ заговорахъ противъ Самойловича, въ 1676-мъ и въ 1682-мъ гг.

Заговоръ 1676 года составился изъ слѣдующихъ лицъ: нѣжинскаго протопопа Семеона Адамовича, генеральнаго писаря Карпа Мокріевича, полковниковъ Петра Рославца, Лазаря Горленка и нашего Дмитрашка. Заговорщики имѣли въ виду убить гетмана и приверженную къ нему старшину („пана судію и пана бунчучнаго“), отложиться отъ Москвы и выбрать новаго гетмана. Относительно Дмитрашка одинъ изъ участниковъ, протопопъ Симеонъ Адамовичъ, показывалъ на слѣдствіи: „Дмитрашко мѣючи зо мною сполне на все совѣтъ, далъ на томъ слово и говорилъ мнѣ, що я его милость пана гетмана потрафлю застрѣлити съ пистолета, у войску; повторе, онъ же Дмитрашко хвалився—ити въ Запороги и тамъ бунтовати“. Относительно будущаго, по тому-же показанію, были слѣдующія предположенія: „Привѣвши всѣ тіе наши намѣренія до скутку, на томъ постановились ми, же южъ не подъ царского величества рукою, но съ ханомъ кримскимъ житы, якъ Хмельницкій живъ; а вже тое вчинили бысми, хоть Дорошенко, хоть Дмитрашко, хоть Рославецъ мѣвъ бы быти гетманомъ, то подъ ханскою рукою жити“. Заговоръ этотъ не имѣлъ для Дмитрашка никакихъ послѣдствій [1]).

Второй заговоръ задуманъ былъ, повидимому, Поляками съ помощью только Дмитрашка. Единственнымъ уличителемъ его являлся Барышевскій поповичъ „Хвесько“ (Федоръ), который, какъ на первомъ допросѣ 5 декабря 1682 г. въ присутствіи Переяславской полковой старшины, такъ и на второмъ

---

[1]) См. Мотыж. Арх. стр. 118—121.

допросѣ 22 января 1683 г. въ присутствіи присланныхъ отъ гетмана Самойловича особыхъ уполномоченныхъ разсказывалъ слѣдующее:

„Оставивши домъ отца, я пошелъ учиться въ Кіевъ, а изъ Кіева съ студентомъ Иваницкимъ постранствовалъ во Львовъ, а оттуда съ Константиномъ Меѳодіевичемъ зашелъ въ Краковъ и тамъ видѣлъ погребеніе умершаго коронного гетмана князя Дмитрія (Вишневецкаго?). Въ Краковѣ я поступилъ на службу къ слугѣ новаго коронного гетмана Яблоновскаго—Станишевскому, съ которымъ былъ въ Теребовлѣ и подъ Бучачемъ. Когда однажды я увидѣлъ, что коронный гетманъ, отправляя Кучинскаго въ полѣсскіе города по военнымъ дѣламъ, далъ ему связку писемъ къ Дмитрашку съ приказаніемъ передать ихъ черезъ Искрицкаго въ собственныя руки Дмитрашка, на котораго, какъ выражался гетманъ, отъ короля польскаго „не лихій вѣтръ повѣваетъ", то я поблагодарилъ Станишевскаго за службу, присталъ къ Кучинскому и поѣхалъ съ нимъ въ Дымеръ (мѣст. Кіевскаго уѣзда), а оттуда мы объѣхали вмѣстѣ всѣ города, въ которыхъ были порученія. Письма къ Дмитрашку были переданы Кучинскимъ Искрицкому, а Искрицкій передалъ ихъ мнѣ и строго приказалъ, чтобы я, выбравши время, отдалъ ихъ въ собственныя руки Дмитрашку. Наканунѣ отъѣзда моего въ Барышевку за ужиномъ у Искрицкаго сидѣли Семенъ, тамошній пѣхотный полковникъ, и Софроній, монахъ Межигорскаго монастыря; разговаривая съ ними о положеніи дѣлъ за Днѣпромъ, Искрицкій сказалъ: „удивляюсь я немало, что Дмитрашко до сихъ поръ тамъ не заколотитъ; мы такъ въ немъ увѣрены, что̀ каждый часъ этого ожидаемъ". Когда я пріѣхалъ въ Барышевку, то не засталъ Дмитрашка дома; барышевскій сотникъ послалъ меня разыскивать пана полковника, и я, выѣзжая изъ дому, писемъ съ собою не взялъ, а завернулъ ихъ въ платокъ и спряталъ въ отцовской хатѣ въ стрѣху. Пана полковника мы нашли за Десной въ с. Куковичахъ, и онъ сталъ меня спрашивать, не привезъ-ли я какихъ-либо писемъ. Въ то время я не сознался относительно писемъ, и меня отправили къ господину гетману. Въ скоромъ времени я

вернулся опять въ Барышевку, засталъ Дмитрашка дома и вечеромъ въ субботу 19-го ноября, выбравши подходящее время, я вручилъ ему письма. Получивши ихъ, Дмитрашко строго приказалъ мнѣ никому ничего о нихъ не говорить, потому-де, что дѣло это—уголовное; „если я услышу, что ты что-нибудь разболталъ объ этихъ письмахъ, то я собственноручно отрублю тебѣ голову", добавилъ Дмитрашко поповичу. Того-же вечера въ субботу Дмитрашко выѣхалъ на ночь въ Бакумовку".

Показаніе поповича „Хвеська", хотя и не опровергнутое Дмитрашкомъ, даетъ только указаніе на какія-то сношенія Дмитрашка съ поляками, но нисколько не выясняетъ, какіе именно замыслы имѣлъ Дмитрашко противъ гетмана Самойловича. Подобнаго показанія было-бы недостаточно для обвиненія человѣка въ измѣнѣ, если-бы не существовало закоренѣлой вражды Самойловича къ Дмитрашку. Но въ данныхъ условіяхъ обвиненіе сочтено было доказаннымъ, и угодливый гетману судъ приговорилъ Дмитрашка къ смертной казни черезъ отсѣченіе головы. Приговоръ суда былъ посланъ изъ Переяслава на утвержденіе гетмана въ Батуринъ, а между тѣмъ Дмитрашку данъ былъ извѣстный срокъ на устройство домашнихъ дѣлъ. 31-го января 1683 г. получена была конфирмація отъ гетмана и казнь назначена была на понедѣльникъ 5-го февраля [1]). Какъ удалось вывернуться Дмитрашку изъ этого критическаго положенія и избѣжать смертной казни, мы не знаемъ. Можно только представить себѣ, въ какой мѣрѣ разгорѣлась въ немъ съ этого времени ненависть къ виновнику всѣхъ пережитыхъ тревогъ—гетману Самойловичу! Тѣмъ не менѣе прошло еще четыре года, прежде чѣмъ судьба помогла Дмитрашку свести свои счеты съ ненавистнымъ гетманомъ.

Съ весны 1687 г. начался такъ называемый первый крымскій походъ подъ начальствомъ князя Василія Васильевича Голицына. Малороссійское войско соединилось съ московскимъ на поляхъ между р. р. Орелью и Самарою. Въ числѣ участниковъ похода, какъ знатный войсковой товарищъ, былъ и Дмитрашко.

---

[1]) См. Мотыж. Арх. стр. 123—129.

Изъ изслѣдованія покойнаго Н. И. Костомарова „Руина“ извѣстны всѣ подробности этого похода [1]). Достаточно выяснено, что Самойловичъ явился очистительной жертвой за чужія ошибки и что на него свалили вину за всѣ тѣ бѣдствія, которыя претерпѣло соединенное малороссійско-московское войско отъ зноя, безводья, степныхъ пожаровъ и т. д. Когда негодованіе противъ гетмана достигло высшей степени, князь Голицынъ приказалъ привести его къ себѣ въ шатеръ. Дмитрашко, находившійся тутъ-же, хотѣлъ ударить гетмана саблей, но князь Голицынъ остановилъ его и сказалъ: „онъ приведенъ сюда, чтобы судить его, а не для того, чтобы убивать его безъ суда, незаконно“. Сначала бояринъ сообщилъ гетману въ короткихъ словахъ, въ чемъ его обвиняютъ, а затѣмъ, несмотря на то, что гетманъ все отрицалъ и выражалъ готовность оправдаться передъ судомъ, объявилъ, что такъ какъ онъ неугоденъ войску, то отрѣшается отъ гетманскаго уряда. Гетманъ былъ посаженъ подъ караулъ и Дмитрашко могъ наслаждаться паденіемъ своего самаго заклятаго врага.

25 іюля 1687 г. въ лагерѣ на Коломакѣ избранъ былъ новый гетманъ—Иванъ Степановичъ Мазепа. Со свойственною ему вкрадчивостью онъ постарался привлечь на свою сторону такого храбраго и опытнаго дѣятеля, какимъ былъ Дмитрашко. Но хорошія отношенія сохранялись, кажется, не долго. Менѣе чѣмъ черезъ годъ по вступленіи въ должность гетмана, Мазепа послалъ его въ Москву, яко-бы съ порученіями, а на самомъ дѣлѣ, чтобы отъ него избавиться. Здѣсь видѣлъ его знаменитый генералъ Патрикъ Гордонъ и разсказываетъ о немъ въ своемъ дневникѣ слѣдующее: „18 мая 1688 г. прибылъ въ Москву переяславскій полковникъ Дмитрашко по поводу одного пустаго проекта; онъ былъ хорошо принятъ и передъ нимъ очень притворялись. Между тѣмъ въ засѣданіи Тайнаго совѣта было рѣшено задержать его въ Москвѣ, чтобы лишить его возможности поднять возстаніе противъ Мазепы и возбудить безпорядки, такъ какъ онъ былъ очень дѣятельный человѣкъ и не

[1]) См. Руина изд. 1882, стр. 665 и слѣд.

былъ особенно хорошо расположенъ къ гетману. 19 іюня переяславскій полковникъ Дмитрашко противъ всякаго ожиданія былъ отпущенъ. Гетманъ написалъ, что для предотвращенія безпорядковъ на Украинѣ его слѣдуетъ подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ задержать въ Москвѣ. Однако онъ нашелъ средство открыть себѣ обратный путь. И въ Москвѣ считали благоразумнымъ возможно болѣе полковниковъ сдѣлать независимыми отъ гетмана (Мазепы) и не дозволять, чтобы нынѣшній гетманъ (Мазепа) опять получилъ такое значеніе и такую силу, какими пользовался предыдущій (Самойловичъ) [1]).

Возвратившись домой въ Переяславщину, Дмитрашко съ помощью племянника своего Марка Дмитрашка принялся мстить одному также изъ злѣйшихъ враговъ своихъ, бывшему передъ избраніемъ Мазепы оффиціальнымъ полковникомъ Переясловскимъ (1682—1687), Леонтію Полуботку. Онъ посылалъ своихъ людей разбивать пасѣки Полуботка, разорять строенія въ его дворахъ, забирать рыбу изъ его рыболовень, захватывать его воловъ и лошадей, вывозить муку изъ его мельницъ и т. д. Во главѣ посылаемыхъ людей становился иногда племянникъ его Маркъ Дмитрашко, который и заслужилъ за это названіе „грабителя и на чужіе домы нападателя". Леонтій Полуботокъ обратился къ защитѣ гетмана Мазепы и послѣдній послалъ генеральнаго судью, Михаила Вуяхевича, съ нѣкоторыми другими лицами въ Переяславъ разобрать жалобы Полуботка на Дмитрашковъ. Обвиненія противъ нихъ подтвердились, и судъ 18 декабря 1688 г. присудилъ, чтобы Дмитрашки вознаградили Полуботка за причиненные ему убытки. Въ случаѣ неисполненія судебнаго приговора они должны были заплатить въ войсковую казну „тисячу талярей вини" [2]).

Съ этого времени Родіонъ Дмитрашко сходитъ съ политическаго поприща. И времена измѣнились, и старость не располагала уже къ прежней удалой, безпокойной жизни. Какъ спутники старости, пришли религіозное настроеніе, и стремле-

---

[1]) См. Tagebuch des generals Patrik Gordon. Veröff. durch Posselt 2. B. Spb. 1851, S. 218, 220.

[2]) См. Мотыж. Арх. стр. 130—135.

ніе богоугодными дѣлами загладить грѣхи жизни и подготовить примиреніе съ Богомъ въ загробномъ мірѣ. Поэтому съ этихъ поръ встрѣчаются только извѣстія о немъ, какъ о строителѣ и благодѣтелѣ храмовъ. Въ концѣ 1680-хъ годовъ по какимъ-то связямъ съ Золотоношей онъ обстроилъ вновь, находящійся въ 4-хъ верстахъ отъ нея, Красногорскій монастырь [1]), а въ началѣ 1690-хъ годовъ соорудилъ онъ церковь у себя въ Бакумовкѣ, нынѣ упраздненную. Въ музеѣ церковно-археологическаго общества при Кіевской Духовной Академіи хранятся двѣ громадныя иконы изъ иконостаса этой церкви съ слѣдующими любопытными надписями: на одной иконѣ значится—„(Ив)ан Миславскій року Божого ахчг (1693) мѣсяца“..., на другой—„жертвою пана Радиона Думитрашка—Райчя за пана (Ни)колая старости Березанскаго Михаила Палиенка сотника“ [2])...

Умеръ Родіонъ Дмитрашко около 1705 года глубокимъ старикомъ послѣ сорока-лѣтней кипучей дѣятельности въ предѣлахъ Малороссіи (1665—1705) [3]).

Хотя онъ былъ женатъ два раза—въ первый разъ, какъ разсказано выше, на вдовѣ казненнаго нѣжинскаго полковника Золотаренка, а во второй—на какой-то Анастасіи Максимовнѣ, но собственныхъ дѣтей у него не было. Наслѣдниками его имени и состоянія явились, послѣ смерти его вдовы, сыновья его племянника Марка Дмитрашка, Алексѣй и Дмитрій. Отъ нихъ пошли позднѣйшіе Дмитрашки, присоединившіе, по недоразумѣнію, крестное имя своего двоюроднаго дѣда *Родіонъ* въ сербской народной формѣ *Райча* или *Райче* къ фамильному прозвищу, такъ какъ они, очевидно, не знали, что подпись его *Дмитрашко Райча* объясняется только привычкой къ венгерскому обыкновенію писать имя послѣ фамиліи. Самъ Родіонъ Григорьевичъ Дмитрашко считалъ, вѣроятно, болѣе правильнымъ называться *Дмитровичемъ* и, называясь *Дмитрашкомъ*, дѣлалъ только уступку малорусской средѣ, въ которой жилъ; по крайней мѣрѣ на сохранившемся до настоящаго времени

[1]) См. Максимовичъ, Собр. соч. т. II, 1877, стр. 378.

[2]) См. Извѣстія церк. арх. Общества за 1879 г., Кіевъ 1880, стр. 80.

[3]) См. Рус. Арх. 1875, II, стр. 404.

перстнѣ его съ гербовою печатью вокругъ герба выгравирована надпись: *Радіонь Дмітровчь.*

Оцѣнивая общественную дѣятельность Дмитрашка, мы не должны, конечно, смотрѣть съ точки зрѣнія нашихъ теперешнихъ идеаловъ, а обязаны взглянуть на нее глазами его современниковъ. Съ тогдашней точки зрѣнія онъ былъ несомнѣнно не только умнымъ и дѣятельнымъ, но и полезнымъ для общества человѣкомъ. Изъ многихъ частностей его жизни видно, что онъ былъ крѣпко убѣжденъ въ необходимости для малорусскаго народа сліянія съ Москвой, чтобы послѣдній могъ сохранить основу своей жизни—православную вѣру, и глубоко ненавидѣлъ гетманскій режимъ, который открывалъ широкій просторъ для всевозможныхъ личныхъ честолюбій и интригъ. Эти убѣжденія раздѣляла вся масса малорусскаго народа, и кто проводилъ ихъ въ жизнь, тотъ, безъ сомнѣнія, являлся человѣкомъ полезнымъ и могъ разсчитывать на популярность. Если онъ сносился иногда съ поляками и добивался отъ нихъ нѣкоторыхъ выгодъ, напр. шляхетства, то при этомъ онъ не поступался своими коренными убѣжденіями, а пользовался только оплошностью поляковъ, чтобы ихъ перехитрить, или съ ихъ помощью насолить какому-либо непріятному человѣку. Жажда наживы, мстительность по отношенію къ врагамъ и страсть къ markdown козням, которыя такъ непріятно поражаютъ насъ въ Дмитрашкѣ, были настолько присущи людямъ того грубаго и расшатаннаго въ нравственномъ отношеніи вѣка, что за нихъ нельзя осуждать въ частности Дмитрашка. Здѣсь онъ не составлялъ только исключенія въ лучшую сторону.

Мы знаемъ теперь важнѣйшія жизненныя занятія героя нашего очерка: военные походы, сношенія личныя и письменныя съ тогдашними политическими дѣятелями, борьба съ личными врагами и, наконецъ, имущественныя и торговыя дѣла съ ихъ сдѣлками, разсчетами и пр.—заполняли его, такъ сказать, рабочее время. Затѣмъ оставался еще досугъ. Часть его уходила на „банкеты“ съ обильными возліяніями Бахусу, какъ это было въ обычаѣ того времени, когда держались поговорки Владиміра Св. „Руси есть веселіе пити“ и пили подолгу и

неумѣренно. Но Дмитрашко не принадлежалъ къ „піякамъ", какъ тогда выражались. Съ другой стороны онъ былъ настолько малограмотенъ, что врядъ-ли имѣлъ библіотеку и могъ читать что-либо, кромѣ Часословца, Псалтири и другихъ богослужебныхъ книгъ. Между тѣмъ въ немъ, какъ и въ другихъ людяхъ того времени, должны были быть извѣстныя эстетическія потребности, которыя влекли-бы ихъ къ наслажденію поэзіей, музыкой и пѣніемъ. Я полагаю, что потребностямъ этимъ удовлетворяло слушаніе пѣвцовъ думъ—кобзарей. Для Дмитрашка подобное провожденіе времени должно было быть особенно привычнымъ, такъ какъ у него на родинѣ въ Сербіи *пјевач* составлялъ всегда необходимый элементъ общественной жизни [1]). Вѣроятно, въ его *компаньи* на ряду съ *довбишами*, о которыхъ дошло до насъ случайное извѣстіе [2]), были и кобзари, можетъ быть изъ тѣхъ-же омалоруссившихся сербовъ, которые въ числѣ 500 человѣкъ *товариства хоругвей волоскихъ* пришли съ Дмитрашкомъ изъ Молдавіи въ 1665-мъ году. При этой гипотезѣ легко объясняются нѣкоторыя сербскія вліянія, которыя замѣтны въ малорусскихъ думахъ. П. И. Житецкій въ своихъ цѣнныхъ „Мысляхъ о малорусскихъ думахъ" (Кіев. Стар. 1892—1893 гг.) разъяснилъ намъ, какъ малорусское эпическое творчество вытекло изъ нравственныхъ потребностей народа и какъ въ него вторгся школьный элементъ; теперь же для насъ приподымается нѣсколько завѣса надъ вопросомъ, почему малорусскія думы такъ далеки отъ великорусскихъ былинъ и такъ родственны сербскимъ *пјесмамъ*. Но объ этомъ въ другомъ мѣстѣ [3]).

А. Стороженко.

---

[1]) См. Введеніе въ сочиненіе Дозона L'épopée serbe, Paris 1888.

[2]) См. М. Борисполь, Кіевъ 1892, стр. 77—79.

[3]) Къ нашей статьѣ прилагаются: 1) факсимиле подписи Родіона Дмитрашка на присяжномъ листѣ 1682 г. на вѣрность наслѣдникамъ царя Федора Алексѣевича 2) снимокъ съ его печати на перстнѣ, сохранившемся у одного изъ потомковъ его племянника Марка. Посреди печати гербъ Сасъ, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, а вокругъ приведенная выше надпись. Для сравненія прилагается и настоящій гербъ Сасъ.

Снимки съ подписи Родіона Дмитрашка, съ его печати на перстнѣ и съ герба Сасъ.

Путешествія въ Малороссію академика Гильденштедта и кн. И. М. Долгорукаго.[1]

(ОКОНЧАНІЕ).

V.

Крупныя помѣщичьи хозяйства.—Крестьянскіе доходы и повинности.—Общія замѣчанія о краѣ.

Какъ посѣщеніе главнаго города нѣжинскато полка дало Гильденштедту поводъ представить описаніе украинской торговли, такъ пребываніе въ Батуринѣ, городѣ того-же полка, познакомивъ его съ имѣніями графа Разумовскаго, позволило ему дать *очеркъ крупнаго помѣщичьяго хозяйства въ Малороссіи*.

Съ 21 октября по 7 ноября 1774 г. прожилъ Гильденштедтъ въ Батуринѣ и эти дни заняты были у него описаніемъ различныхъ плуговъ, употребляемыхъ въ Малороссіи, а также осмотромъ хозяйственныхъ приспособленій и работъ въ графскихъ имѣніяхъ, при чемъ большую помощь оказалъ ему управляющій Разумовскаго майоръ Отто фонъ-Гоффштейнъ, лифляндецъ родомъ.

„Въ Батуринѣ, разсказываетъ нашъ путешественникъ, находится экономическая канцелярія графа Разумовскаго, съ Гоффштейномъ во главѣ, завѣдывающая всѣми украинскими имѣніями графа, раздѣленными на 9 округовъ, въ каждомъ изъ которыхъ имѣется по главноуправляющему [2]).

[1]) См. „Кіевск. Старина“ 1893 г., № 3.

[2]) Какъ извѣстно, въ это время бывшій гетманъ Малороссіи „нѣсколько поневолѣ“, по выраженію А. А. Васильчикова, долженъ былъ жить въ Петербургѣ и, не имѣя возможности лично управлять своими южными помѣстьями, поручилъ это дѣло сыну своему Алексѣю, постоянно жившему въ Москвѣ, а лѣтомъ посѣщавшему

Округи эти или, какъ называютъ ихъ здѣсь, волости слѣдующія: 1-я *Почепская*, крестьяне, принадлежащіе къ ней, живутъ въ городкѣ Почепѣ на Судости и въ близъ лежащей мѣстности въ стародубскомъ полку; 2-я *Бакланская*, крестьяне живутъ въ Баклани, тоже на Судости, и въ окрестностяхъ; 3-я *Шептаковская* въ Шептакахъ и въ ихъ округѣ; 4-я *Ропская*, крестьяне этой волости живутъ въ городкѣ Ропскѣ и въ его округѣ. Четыре вышеназванныя волости принадлежатъ къ стародубскому полку. 5-я *Карловская*, крестьяне живутъ въ городкѣ Карловкѣ и его округѣ, причислены частью къ полтавскому полку, частью къ Екатерининской провинціи. Помѣстья вышеперечисленныхъ 5 волостей, съ ихъ крестьянами, были подарены Государыней графу Алексѣю Григорьевичу Разумовскому, а послѣ смерти его, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, перешли къ графу Кириллѣ Григорьевичу, бывшему гетману [1]). Остальныя 4 волости еще раньше принадлежали Кириллѣ Григорьевичу, получившему ихъ отъ казны. Это: 6-я *Батуринская*, крестьяне ея живутъ въ Батуринѣ и окрестностяхъ, принадлежатъ къ нѣжинскому полку; 7-я *Быковская*—въ городахъ Быковѣ и Козельцѣ и вокругъ нихъ въ переяславскомъ и кіевскомъ полкахъ, 8-я *Яготинская*—въ Яготинѣ и въ окрестностяхъ, въ переяславскомъ полку, и 9-я—*Гадяцкая*—въ Гадячѣ и округѣ его въ гадяцкомъ полку. По ревизіи 1764 г. рабочій персоналъ (между 15 и 60 годами) подданныхъ графа ислислялся: въ Батуринской волости—5605, въ быковской—4849, яготинской—2398, гадяцкой—9797 душъ.—Эти люди живутъ по различнымъ город-

---

малоросійскія имѣнія отца. „Управленіе ими, говоритъ Васильчиковъ, шло неудовлетворительно. Графъ Алексѣй не имѣлъ рѣшительно никакихъ способностей къ хозяйственнымъ занятіямъ. Онъ постоянно увлекался изъ одной крайности въ другую, не довѣрялъ людямъ и при этомъ вѣчно находился подъ вліяніемъ какого-нибудь пройдохи". („Семейство Разумовскихъ" Васильчикова, т. II, стр. 25).—Послѣ такого отзыва, пожалуй не въ пользу Гоффштейна можетъ служить то обстоятельство, что графъ Алексѣй высоко цѣнилъ его (см. письмо А. К. къ отцу отъ 5 Апрѣля 1774 г., стр, 354—356 т. I „Сем. Раз.)"; но изъ разсказа Гильденштедта не видно, чтобы Гоффштейнъ былъ „пройдохой".

[1]) Это не совсѣмъ точно. Волости Шептаковская и Бакланская были дарованы графу Кирилѣ Григорьевичу еще при жизни Алексѣя Григорьевича, указомъ Императрицы Елисаветы отъ 17 февраля 1760 г.

камъ и селамъ, въ перемежку съ козаками, горожанами и подданными различныхъ другихъ дворянъ. Всѣ они имѣютъ собственныя земли, которыя могутъ воздѣлывать по своему усмотрѣнію, какъ хотятъ, но не могутъ продавать. Они вольны выйти изъ подчиненія, но при этомъ теряютъ свои земли и дома. Благодаря такимъ порядкамъ, при видимой свободѣ крестьянъ, въ дѣйствительности, въ отношеніи пользованія ею, они сильно стѣснены.

Экономія владѣетъ собственными землями, состоящими изъ полей, луговъ и лѣсовъ и разбросанными повсюду; въ удобныхъ мѣстахъ его устроены такъ называемые хутора, гдѣ частью гонятъ водку и варятъ пиво, частью занимаются земледѣліемъ, ведутъ молочное хозяйство, держатъ конскіе заводы, разводятъ овецъ. Для этихъ экономическихъ работъ крестьяне должны выставлять работниковъ, нести такъ назыв. *панщину*. Обыкновенно каждый работаетъ на помѣщика 2 дня въ недѣлю".

Чтобы дать понятіе объ украинскомъ земледѣльческомъ хозяйствѣ, которое, по словамъ Гильденштедта поставлено въ имѣніяхъ графа лучше, чѣмъ гдѣ-бы ни было въ Малороссіи, онъ приводитъ нижеслѣдующія даныя о посѣвѣ и урожаѣ 1772 г. (въ четвертяхъ):

	Въ Батуринской волости.		Въ Быковской.		Въ Гадяцкой.		Въ Яготинской.	
	Посѣяно.	Собрано.	Посѣяно.	Собрано.	Посѣяно.	Собрано.	Посѣяно.	Собрано.
Озимая рожь.	445	1624	181	1641	256	1617	380	1826
Яровая ,,	$1^3/_4$	9	—	—	—	—	—	—
Озимая пшен.	18	87	20	161	18	182	7	50
Яровая ,,	47	226	$^1/_2$	15	35	257	6	67
Ячмень . . .	158	925	206	1009	105	682	371	1973
Овесъ	769	3701	712	2021	306	1832	452	1863
Гречиха . . .	178	459	69	198	40	242	81	326
Горохъ . . .	8	32	2	19	—	—	2	15
Просо	16	190	15	168	16	185	17	196
Ленъ.	5	22	6	35	—	—	$1^1/_2$	$5^3/_4$
Конопля. . .	23	184	23	139	21	76	8	44
Макъ	—	—	$^1/_8$	23	—	—	$^1/_8$	$9^1/_2$

Посвятивши затѣмъ нѣсколько словъ разсмотрѣнію приведенной таблицы и упомянувши о томъ, что полей въ Малороссіи никогда не унаваживаютъ, Гильденштетдъ указываетъ на важность, въ видахъ будущей торговли на Черномъ морѣ, поощренія, со стороны правительства, земдѣлія въ южныхъ частяхъ Украины: введеніе лучшихъ плуговъ и удобреніе полей, что легко было-бы сдѣлать правительственнымъ учрежденіямъ, сильно подняло-бы урожайность.

Количество скота въ 4-хъ упомянутыхъ волостяхъ (Батуринской, Быковской, Гадяцкой и Яготинской) въ 1769 г., когда маіоръ Гоффштейнъ вступилъ въ должность, было слѣдующее: взрослыхъ воловъ—553, молодыхъ—886, старыхъ коровъ—465, молодыхъ—448; овецъ—6951, пчелиныхъ ульевъ—1159. Въ 1772 г.—взрослыхъ воловъ—968, молодыхъ—1265; старыхъ коровъ—702, молодыхъ—705; овецъ—11469, пчелиныхъ ульевъ—1912. На конскихъ заводахъ—800 племенныхъ кобылицъ и 5000 лошадей.

Всѣ доходы съ графскихъ имѣній въ этихъ 4 волостяхъ, съ земледѣлія, скотоводства, рыбныхъ ловель, мельницъ, шинковъ, лѣсовъ и суконной фабрики въ Батуринѣ, въ 3-хъ лѣтіе 1766—1768 г. въ общемъ равнялись 111438 р. Благодаря Гоффштейну, въ слѣдующее трехлѣтіе, 1769—1771 г., доходы поднялись до 176826 р., причемъ въ число этихъ доходовъ не засчитано 23006 четвертей различнаго хлѣба и указанное увеличеніе количества рогатаго скота, овецъ, пчелъ.

Винокурни гр. Разумовскаго расположены въ Стародубскихъ лѣсахъ (и въ это дѣло Гоффштейнъ внесъ улучшенія). Отсюда водка развозится по шинкамъ въ остальныя графскія имѣнія. Въ немногихъ деревняхъ, сплошь заселенныхъ графскими подданными, нѣтъ другихъ шинковъ, кромѣ графскихъ. Но въ городахъ со смѣшаннымъ населеніемъ вольной продажей вина занимаются и другіе помѣщики, а также казаки. Въ городскихъ имѣніяхъ ведро водки продается по различнымъ цѣнамъ, смотря по ея крѣпости. Держатъ водку 3-хъ сортовъ: 33-хъ градусную, ведро ея стоитъ 90 к., 50—градусную 1 р. 20 к. и 66—градусную 1 р. 50 к.

Пивоварни есть лишь въ немногихъ мѣстахъ, такъ какъ въ Украинѣ пьютъ больше водки, чѣмъ пива.

Давши затѣмъ описаніе пивоварни на хуторѣ Парасушка въ 20 верстахъ отъ Батурина, Гильденштедтъ переходитъ къ описанію графской сушильни для хлѣба, рѣдкости въ своемъ родѣ, такъ какъ, по наблюденію путешественника, обыкновенно въ Украинѣ хлѣбъ молотятъ, не высушивая его, даже не давъ просохнуть предварительно на воздухѣ. Молотятъ цѣпами въ клуняхъ или на гумнѣ. Сѣно складываютъ въ кучки въ 100 или 200 копъ (въ копѣ около 5 пудовъ). Кучамъ сѣна придаютъ призматическую, рѣдко коническую форму.

На графскомъ хуторѣ Заруковна, въ 20 верстахъ къ югу отъ Батурина, прекрасно поставлено молочное хозяйство, но стойла для скота выплетены изъ ивняка и покрыты соломой. Въ началѣ ноября дойныхъ коровъ начинаютъ кормить сѣномъ, воламъ-же даютъ лишь солому; въ срединѣ марта рогатый скотъ выгоняютъ на луга. Лучшія коровы даютъ здѣсь не больше 4-хъ квартъ или русскихъ штофовъ въ день: 2 утромъ и 2 вечеромъ. За цѣлый годъ въ среднемъ корова даетъ 1 пудъ масла, что стоитъ здѣсь 2 р. 50 к., и 2 пуда творогу, по 2 к. за 1 фунтъ. Для сбиванія масла на графской молочной фермѣ употребляется спеціальный приборъ, описаніе котораго дано въ текстѣ путешествія; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи сливки сбиваютъ въ масло руками, обыкновенно-же и въ Малороссіи, и въ Великороссіи масло не бьютъ, а топятъ: глиняный горшокъ со сливками помѣщаютъ въ истопленную печь, масло подымается вверхъ, вода остается внизу, и, послѣ охлажденія, свернувшееся масло снимаютъ съ поверхности воды. Творогъ изъ скисшаго снятаго молока продаютъ свѣжимъ подъ именемъ сыра; только изрѣдка готовятъ изъ него прессованный сыръ, который называется тогда манорика. (?) Сыръ, который осаждаютъ изъ нескисшаго молока при помощи рубцовъ телятъ или ягнятъ, называютъ по украински гляганка, а порусски—качкавалъ.

Рогатый скотъ на графской фермѣ, также какъ и большей частью во всей южной Украинѣ, сѣровато-бѣлаго цвѣта и крупнѣе русскаго бураго и чернаго рогатаго скота.—Что касается

овцеводства, то графъ держитъ частью украинскихъ или черкаскихъ, частью силезскихъ овецъ (Гильденштедтъ даетъ описаніе тѣхъ и другихъ). Шерсть стригутъ только разъ въ годъ—весной, а иногда и дважды, въ томъ и другомъ случаѣ овца даетъ $2^1/_2$—3 пуда шерсти въ годъ. Стойла для овецъ представляютъ собою плетневые загоны, неплотно прикрытые соломенной крышей.—Лучшій конскій заводъ графа—въ 30 верстахъ отъ Батурина.

Упомянувъ о своемъ осмотрѣ пчеловодства на хуторѣ Парасушка и давъ описаніе ульевъ и способа сохраненія пчелъ зимой, путешественникъ переходитъ къ графскимъ садамъ. Лучшіе изъ нихъ—въ Батуринѣ, въ Подлипномъ—въ 30 верстахъ къ ю.-в. отъ Батурина, въ Парасушкѣ—рядомъ съ Бахмачемъ и въ Яготинѣ. Въ Подлипномъ есть плантація шелковичныхъ деревьевъ изъ 630 шт., а въ Яготинѣ изъ 1434. Шелковичныхъ червей еще не разводили, но уже все готово, чтобы начать это дѣло.

Говоря о рыболовствѣ въ графскихъ имѣніяхъ, Гильденштедтъ описываетъ различные способы рыбной ловли, не отличающіеся и отъ нынѣ практикующихся въ Малороссіи. Затѣмъ онъ перечисляетъ четвероногихъ [1]) и пернатыхъ, водящихся въ лѣсахъ, и останавливается на описаніи охотничьихъ пріемовъ при охотѣ за дичью, между прочимъ при охотѣ за тетеревами.

Далѣе путешественникъ даетъ списокъ полезныхъ растеній въ этой мѣстности, между прочимъ красящихъ. „Здѣсь часто находятъ *Galium Rubioides* (подмаренникъ, марена), которымъ простонародье пользуется въ качествѣ красной краски, еще чаще *Genista tinctoria* (дрокъ), которую употребляютъ частью какъ желтую краску, частью въ декоктѣ для предотвращенія бѣшенства, послѣ укушенія собакой, и *Serratula tinctoria* (серпуха, бодячекъ)—также желтая краска. Genista и Serratula пользуются и на графской суконной фабрикѣ въ Батуринѣ, Galium-же Rubi-

---

[1]) На Сеймѣ, возлѣ Батурина, по показанію Гильденштедта, водится выдра, Lutra, малая—Lutreola и бобръ. Но о Castor Moschatus здѣсь, какъ и на остальныхъ притокахъ Днѣпра, никто не слыхалъ.

oides нѣтъ, а красятъ въ красный цвѣтъ крапомъ, который уже совершенно готовымъ покупаютъ въ Москвѣ по 11 р. 50 к. за пудъ. Готовую вайду и индиго также покупаютъ въ Москвѣ, по цѣнѣ 72—120 р. за пудъ. Необходимые для окраски квасцы продаются на украинскихъ ярмаркахъ по 4—5 р. за пудъ.

На суконной фабрикѣ графа—11 станковъ, на 10 ткутъ сукно, на одномъ—грубую байку. Ширина сукна на станкѣ—3 арш., основа—на 2650 ниткахъ, длина куска—40 аршинъ. Два ткача, приставленные къ каждому станку, получаютъ за кусокъ сукна 3 р. 40 к. (тратятъ они на него 3—4 дня). Мальчикъ, наматывающій при станкѣ нитки на чурки, получаетъ съ куска сукна 20 к., за наборъ основы—50 к. съ куска, за ческу шерсти—4 к. съ фунта, за пряжу—3 к. Ткутъ большимъ (5 фут. въ діаметрѣ) маховымъ колесомъ и маленькимъ веретеномъ. Для пряденія пользуются услугами дѣтей обоего пола, выпрясть въ день они могутъ не болѣе полуфунта пряжи. Сукно окрашиваютъ въ различный цвѣтъ: синій, красный, зеленый, сѣрый, коричневый, фіолетовый. Лучшее, окрашенное въ синій цвѣтъ, сукно стоитъ 1 рубль за аршинъ.

Очень усердно заняты пряденіемъ женщины изъ украинскаго простонародья. Это почти единственное занятіе ихъ отъ 12 лѣтъ и до глубокой старости. Прядутъ веретеномъ; шерсть и коноплянную кудель натыкаютъ на гребень и затѣмъ сучатъ нитки и наматываютъ на веретено; льняную кудель обматываютъ вокругъ небольшаго стерженька и уже изъ такихъ мотковъ сучатъ нитки, наматывая ихъ на веретено. Прядильнаго колеса, какъ и во всей внутренней Россіи, здѣсь не знаютъ. 4 фунта очищенной конопли въ Батуринѣ стоитъ 5 коп., 4 ф. пряжи для грубаго полотна на рубахи—14 к., 4 ф. еще болѣе грубой пряжи—для полотна на мѣшки и шарсвары—8 к.

Украинки прядутъ, хотя и рѣдко, весьма тонкую льняную пряжу, изъ которой приготовляютъ ткань въ родѣ марли, идущую на головные платки.—Изъ льняной пряжи женщины сами ткутъ полотно па рубахи, шаровары, скатерти, полотенца, мѣшки. Изъ шерстяной пряжи ткутъ разноцвѣтную рѣдкую ткань на плахты; кусокъ ея въ 3 арш. длиной и $^1/_2$ шириной стоитъ 80 к.

Ткутъ также грубое сукно, частью изъ бѣлой, частью изъ темнокоричневой шерсти и неокрашеннымъ употребляютъ на мужескія и женскія свиты.

Только знатные и богатые покупаютъ для своихъ свитъ на фабрикахъ и въ лавкахъ синее, зеленое и красное сукно.

Кожу рогатаго скота дубятъ для выдѣлки сапогъ, но кожа получается очень плохая.

Графъ Разумовскій осенью 1774 г. поручилъ англичанамъ устроить кожевенный заводъ близъ дер. Устье въ 20 верстахъ къ западу отъ Батурина. Такого рода фабрику Гильденштедтъ находитъ совершенно умѣстной на Украинѣ, но неудачно, по его мнѣнію, было задумано устройство зеркальной фабрики близъ Батурина, неудачно потому, что въ краю этомъ нѣтъ ни необходимыхъ для производства матеріаловъ, ни даже достаточнаго количества лѣса. Фабрику пришлось закрыть, послѣ того какъ истрачено было на нее большое количество денегъ. Зеркальныя пластины, приготовленныя для пробы, на воздухѣ принимали молочный цвѣтъ и были непрозрачны, что объясняется вѣроятно излишнимъ прибавленіемъ къ стекляной массѣ щелочныхъ солей.

Въ заключеніе разсказа объ имѣніяхъ графа Разумовскаго, Гильденштедтъ даетъ описаніе *Батурина*:

На ровной возвышенности, на высокомъ крутомъ лѣвомъ берегу Сейма лежитъ старая, окруженная неправильнымъ валомъ крѣпость, съ 1687 по 1708 г. бывшая резиденціей гетмана Мазепы. Съ тѣхъ поръ какъ, по повелѣнію Петра, крѣпость эта была разрушена въ 1708 г., она до сихъ поръ остается въ запустѣніи. Посрединѣ ея—кирпичная церковь, также пришедшая въ ветхость и развалившаяся. Въ этой-же крѣпости находится входъ въ подземные ходы, имѣющіе 1 саж. ширины, болѣе 1 саж. высоты и 15 длины; въ концѣ продольныхъ ходовъ есть боковые такой-же длины. Ходы эти, называемые мѣстными жителями „лёхами“, выкопаны въ глинистой почвѣ и не обложены камнемъ; въ былыя безпокойныя времена они служили для храненія городскаго имущества. Такіе „лёхи“ есть и въ другихъ мѣстахъ Украины, особенно возлѣ Яготина.

Вокругъ старой крѣпости расположены обывательскіе дома, ихъ до 400; всѣ плохо построены и малы; между ними—3 церкви. Въ немногихъ, имѣющихся въ Батуринѣ, мелочныхъ лавкахъ продаютъ обыкновенные товары, въ пятницу и воскресенье—базарные дни, а 3 раза въ годъ бываютъ ярмарки. Жители—частью казаки, частью графскіе подданные.

Близко къ обывательскимъ домамъ примыкаютъ графскія постройки, между которыми проходитъ дорога изъ Кіева въ Москву. По одной сторонѣ ея—садъ, деревянный дворецъ, нѣсколько меньшихъ деревянныхъ зданій для кухни и прислуги; съ другой стороны—2 каменныхъ запасныхъ магазина, а по бокамъ послѣднихъ—нѣсколько деревянныхъ зданій для жилья и конюшенъ.

Все окрашено въ желтую краску, незамѣтно никакой роскоши, многое пришло въ большую ветхость [1]). Во дворцѣ есть графская библіотека, тысячи въ 2 томовъ, главнымъ образомъ по изящнымъ наукамъ; большая часть книгъ на французскомъ языкѣ, лишь немного—на русскомъ, еще меньше—на нѣмецкомъ, англійскомъ и италіанскомъ.

Еще раньше, чѣмъ въ Батуринѣ (именно 16 сентября), Гильденштедтъ былъ въ другомъ графскомъ имѣніи *Карловкѣ*, сперва принадлежавшей Миниху, послѣ же конфискаціи имущества послѣдняго подаренной импер. Елисаветой Алексѣю Разумовскому, отъ котораго (послѣ его смерти) имѣніе перешло къ Кириллу Григорьевичу. При описаніи Карловки Гильденштедтъ нѣсколько больше, чѣмъ при общемъ описаніи имѣній, остановился на повинностяхъ и доходахъ подданныхъ графа.

„Жители отъ каждаго семейства поставляютъ цѣлый годъ работника по 2 дня въ недѣлю (пѣшаго или съ запряжкой во-

---

[1]) Гр. Кирилла Григорьевичъ намѣревался было поправить свой дворецъ и въ письмѣ отъ 5 апрѣля 1774 г. Алексѣй Кириллычъ отговариваетъ отца отъ намѣренія починить „столь великій и черезъ мѣру пространный домъ“, гдѣ „какъ крышку, такъ и почти всѣ стѣны, полы и печи доведется дѣлать новые“, а предлагаетъ вмѣсто этого изъ остатковъ стараго дома „собрать спокойнѣе и удобнѣе домъ на лучшемъ по соизволенію вашему мѣстѣ“ („Семейство Разумовскихъ“, т. I, стр. 354).

ловъ, смотря по требованію) для земледѣльческихъ и всякихъ домашнихъ работъ. 4 семейства вмѣстѣ должны доставить возъ сѣна и выставить для жатвы особыхъ работниковъ. Въ казну съ Карловки поступаетъ 400 руб., платежи эти жители (ихъ 300 семействъ) раздѣляютъ между собою такимъ образомъ, что съ нѣкоторыхъ идетъ всего 20 коп., съ другихъ—до 4 рублей.

Средства къ жизни жители получаютъ отъ скотоводства и земледѣлія. Они держатъ много свиней, нѣкоторые до 20 и не меньше 2 на каждый домъ, въ среднемъ на домъ приходится по 6 шт. 3-хъ лѣтняя еще неоткормленная свинья стоитъ здѣсь 2 талера или 2 р. 40 к. Откормленныхъ свиней бьютъ въ началѣ ноября, сало ихъ служитъ для питанія зимой; только немногихъ откармливаютъ и въ теченіе зимы, большею частью бьютъ поросятами. Рогатаго скота у каждаго хозяина есть по нѣсколько штукъ, у нѣкоторыхъ число ихъ доходитъ до 50. Дома въ Карловкѣ почти всѣ плетневые, только немногіе цѣликомъ изъ дерева; расположены на правой сторонѣ Орчика, на подъемѣ. Топятъ въ домахъ соломой и тростникомъ, чаще сухимъ пометомъ. На возвышеніи находится небольшое 4-хъ угольное укрѣпленьице, церковь и барскій домъ. Вокругъ Карловки много вѣтряныхъ мельницъ“.

Упоминая подъ 22 сентября о *Яготинѣ*, Гильденштедтъ говоритъ, что здѣсь лучшая во всей Украинѣ гребля, устроенная гр. Разумовскимъ.

Очень понравилась эта гребля и князю Долгорукому, видѣвшему ее въ 1817 г. „Всего больше плѣнили меня, говоритъ онъ, мельница и плотина: она продолжается версты на 1½ и ее можно прямо назвать une belle chaussée. Что мудренаго? Нѣсколько тысячъ козаковъ положили ей основаніе, а додѣлывали англичане. Гетманъ Малороссіи былъ маленькой полубогъ, особливо-же когда вспомнишь, что къ этому званію онъ присоединялъ титулъ фаворита Елисаветы, то найдешь все, что здѣсь видишь, очень натуральнымъ“.

Яготинъ князю пришлось видѣть лишь изъ коляски, такъ какъ управляющій графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго, которому тогда принадлежало это имѣніе, „не менѣе какъ чи-

новникъ VI класса", оказался человѣкомъ очень грубымъ, не разрѣшилъ остановиться „ни въ которомъ флигелѣ графскомъ", и нашему путешественнику не показалъ, да вообще „никому не кажетъ всѣхъ подробностей этого сокровища природы". Но и мимоѣздомъ Долгорукому было пріятно взглянуть на Яготинъ, особенно говоритъ онъ: „проѣхавши мимо кургановъ, напоминающихъ проказы Хмельницкаго, Дорошенка и Мазепы, обрадуешься всѣмъ сердцемъ монументу золотыхъ временъ, возникшихъ изъ малороссійскихъ междуусобій"—При всемъ восхищеніи великолѣпіемъ Яготина, Долгорукій находитъ его неумѣстнымъ, такъ такъ, по его соображенію, великолѣпныя зданія строятся изъ тщеславія, а „здѣшнимъ панамъ некогда ѣздить смотрѣть на чужіе фонтаны и галлереи".

Былъ Долгорукій и въ Батуринѣ и при томъ въ оба свои путешествія, въ 1810 и 1817 гг., хотя болѣе обстоятельно разсказываетъ о немъ лишь въ 1810. Тогда его вниманіе обратили на себя дома графа: одинъ—деревянный (о которомъ мы уже говорили выше), хотя онъ и „обнаженъ всѣхъ своихъ прелестей, но по огромности своей и количеству покоевъ, достоинъ и по нынѣ примѣчанія"; другой—каменный 3-хъ-этажный, съ широкимъ балкономъ и колоннадой.—Въ имѣніи 16 т. душъ, даетъ оно до 200 тысячъ доходу.

Въ то время (1810 г.) имѣніе принадлежало графу Андрею Кирилловичу Разумовскому, а вѣдалъ всѣми дѣлами англичанинъ, сынъ покойнаго управляющаго имѣніями фельдмаршала. Андрей Кирилловичъ далъ своему управляющему неограниченныя полномочія: силою „вѣрющаго письма", присланнаго графомъ изъ Вѣны, онъ „имѣетъ право на всякія распоряженія, можетъ даже для изворотовъ хозяйственныхъ продавать и закладывать". Управляющій обязанъ лишь посылать графу годовые отчеты въ доходахъ и расходахъ. Но „отчетъ сей состоитъ, безъ всякихъ мелочныхъ подробностей, въ показаніи крупныхъ статей сбора и издержекъ. Расходы по дѣламъ въ присутственныхъ мѣстахъ совершенно лежатъ на его совѣсти; затѣмъ чистый барышъ переводится въ Вѣну. Графъ Андрей Кирилловичъ такъ привыкъ ему вѣрить, что онъ ничего болѣе не требуетъ

а все аппробуетъ. Есть-ли такая довѣренность дѣлаетъ много чести англичанину, который черезъ 40 лѣтъ ее не употребилъ во зло и всегда больше и больше оной удостоивался, то не меньше, смѣю думать, похвально и для помѣщика-вельможи, что, испытавъ качества повѣреннаго своего, не мучитъ его мелочьми, не дрожитъ изъ копѣйки и не прѣетъ надъ расходными кипами бумагъ".

За свои труды управляющій получаетъ десятую долю съ чистаго графскаго дохода. „Въ прошедшемъ году ему дошло взять тысячъ съ 16; кромѣ того столъ, услуга, погребъ, освѣщеніе, квартира, все графское и все съ большою роскошью: какое прекрасное состояніе!"

Говоритъ Долгорукій о „разныхъ заведеніяхъ" Батурина: о заводѣ, гдѣ дѣлаютъ „славныя восковыя свѣчи, а также недавно начали лить короткіе огарки нарочно для ночниковъ"; тѣхъ и другихъ мало продаютъ, потому что графъ Андрей Кирилловичъ затребовалъ къ себѣ въ Вѣну до 400 пуд. свѣчъ; объ овчарномъ заводѣ, въ 40 верстахъ отъ Батурина, гдѣ, по слухамъ до 1200 испанскихъ овецъ; наконецъ, о суконной фабрикѣ о 50 станкахъ (появившихся теперь вмѣсто прежнихъ 11, о которыхъ разсказываетъ Гильденштедтъ)—„на иныхъ точется солдатское сукно, а на другихъ тонкое. Для храненія ихъ устроенъ особый магазинъ, изъ котораго сукна выпускаются на вольную продажу". (Это была, говоритъ Бодянскій въ своемъ примѣчаніи къ этому мѣсту путешествія Долгорукаго, первая суконная фабрика въ нынѣшней черниговской губерніи, устроенная въ 1756 году).

Говоря о Батуринской Воскресенской церкви, гдѣ похороненъ послѣдній гетманъ Малороссіи, Долгорукій замѣчаетъ о немъ: „онъ умеръ по-философски и самъ назначилъ мѣсто своего погребенія. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ кончиною, онъ поручилъ англичанину, отцу нынѣшняго управителя, вырыть ему въ церкви могилу. Болѣзнь препятствовала ему долго самому ее осмотрѣть. Онъ спросилъ иностранца: „Зробывъ мнѣ хату?" Графъ любилъ весьма нарѣчіе своей родины и часто въ Батуринѣ мѣшалъ его въ разговоръ свой. Узнавши, что яма

готова, самъ ее осмотрѣлъ и одобрилъ. Не всякой вельможа такъ равнодушно спустится въ землю!“

Англичанинъ оказался гостепріимнымъ хозяиномъ и угостилъ Долгорукаго на славу. За обѣдомъ пѣлъ графскій хоръ въ 12 человѣкъ, обучавшихся пѣнію у Бортнянскаго (это былъ остатокъ капеллы [1]), которую держалъ кн. Андрей Кирилловичъ въ бытность свою посломъ въ Вѣнѣ). Князю особенно понравились малорусскія пѣсни. Онѣ его „совершенно обворожили“; „въ малороссійскихъ пѣсняхъ, говоритъ онъ, я всегда находилъ что-то томное, унылое, что идетъ прямо до души: они запѣли меня до слезъ!“

Съ чувствомъ признательности вспоминаетъ объ этомъ пріемѣ Долгорукій и въ 1817 г., когда уже англичанина не было въ живыхъ, а имѣніемъ управлялъ нѣмецъ, сильно разгнѣвавшійся на своего помощника, подпоручика Котляревскаго, оказавшаго, въ отсутствіи нѣмца, любезный пріемъ Долгорукому. „Есть-ли бы, говоритъ Долгорукій, економъ ранѣе меня пріѣхалъ въ Батуринъ, съ нами-бы, уповательно, повторилась Яготинская встрѣча“.

Изъ наблюденій Долгорукаго, сдѣланныхъ имъ во 2-е посѣщеніе Батурина, интересно лишь упоминаніе объ измѣненіи цѣнности серебряныхъ денегъ. „Здѣсь я нашелъ, говоритъ онъ, большую перемѣну въ звонкой монетѣ: серебро ниже мѣди; за мѣдныя деньги за 15 к. такой купишь хлѣбъ, котораго менѣе 20 к. не отдадутъ за серебряныя“.

Болѣе подробно, чѣмъ о Батуринѣ, въ это путешествіе (1817 г.) Долгорукій говоритъ о *Пестовщинѣ*, польскихъ заводахъ гр. Петра Кирилловича Разумовскаго, гдѣ управляющимъ

---

[1]) Андрей Кирилловичъ былъ страстнымъ меломаномъ и отличался тонкимъ музыкальнымъ чутьемъ; послѣднее качество особенно цѣнилъ въ немъ близкій къ князю композиторъ Гайднъ. Больше всего Андрей Кирилловичъ любилъ такъ называемую камерную музыку и содержавшійся на княжескія средства Вѣнскій „квартетъ Разумовскаго“ знаменитъ въ исторіи музыки. См. объ этомъ, а также о вліяніи Андрея Кирилловича на музыкальное развитіе Бетховена и объ услугахъ, оказанныхъ княземъ Вѣнѣ въ музыкальномъ отношеніи, стр. 455—456, т. III „Семейства Разумовскихъ“. А. А. Васильчикова.

былъ англичанинъ, получавшій „кромѣ разныхъ мѣстныхъ выгодъ, ничего не стоющихъ помѣщику, 1000 руб. денегъ“. Постройки для жилья здѣсь посредственныя: „видно, что графъ не бывалъ здѣсь никогда и впередъ не будетъ. А для лошадей его много строенья поставлено. Послѣ обѣда англичанинъ водилъ насъ въ манежъ, казалъ лучшихъ лошадей, и на одной, сѣвши самъ верхомъ, перескакивалъ черезъ палку, во весь галопъ, довольно высоко. Я не стану говорить о красотѣ лошадей, потому что, по цѣнѣ, должны быть онѣ прекрасны. Та, на которой онъ свои штуки намъ показывалъ, стоитъ, по его словамъ, 1500 руб. Какая страшная цѣна! Какъ ни хвали ее, а все не больше, какъ скотина, которая и того не выработаетъ, что кляча простая русская въ возу, у орловскаго ямщика, цѣною рублей въ 70, доставитъ ему барыша въ одну зиму. Прихоть на все налагаетъ свою таксу“.

Въ другомъ помѣстьи того-же графа Петра Кирилловича, Долгорукій ходилъ смотрѣть фабрики: „суконную, коверочную и шпанскихъ овецъ; здѣсь также и свѣчи восковыя дѣлаются, старинный промыселъ этой фамиліи“.

Изъ имѣній, принадлежавшихъ другимъ малорусскимъ фамиліямъ, Гильденштедтъ болѣе подробно останавливается на *Федоровкѣ* на Хоролѣ, о которой онъ сообщаетъ слѣдующее:

„Въ Федоровкѣ 386 домовъ и 1800 душъ м. п., принадлежитъ она фамиліи Апостоловъ и съ рукой Екатерины Павловны Апостоловой перешла къ полковнику Кондрату Павловичу Битяковскому. Послѣдній 8 лѣтъ тому назадъ (т. е. въ 1766 г.) построилъ здѣсь красивый барскій домъ. Жители платятъ въ казну по 1 р. 2 к. съ каждаго двора. Кромѣ того отсюда набираютъ работниковъ для крѣпостныхъ работъ и на ямщину. Работникъ для крѣпостныхъ работъ или такъ называемый лопатникъ получаетъ за лѣто 7 руб. и снабжается отъ общины платьемъ и лошадью. Отъ 200 домовъ поставляется всего 1 работникъ.—На владѣльца жители должны работать, когда онъ потребуетъ, пѣшіе и конные; другихъ повинностей по отношенію къ нему они не несутъ. Доходы владѣльцу при-

носятъ — земледѣліе, существующее на счетъ крестьянскаго труда, разведеніе рогатаго скота и лошадей, а также шинки.— У здѣшнихъ обывателей много пчелъ; ульи весной ставятъ среди кустовъ, лѣтомъ на поляхъ, особенно гречишныхъ. Мѣстный медъ, а также и воскъ, отличаются темнокраснымъ цвѣтомъ. Пудъ воска стоитъ 12 руб., ведро (равное двумъ казеннымъ ведрамъ) нечистаго меда—4 руб. Рожь и пшеница обыкновенно приносятъ урожай всего самъ 3. Богатѣйшіе крестьяне рѣдко высѣваютъ больше 3-хъ четвертей; у такого крестьянина самое большее—4 пары воловъ, такъ что ихъ достаточно лишь для его плуга. Больше всего дохода здѣшнимъ крестьянамъ даютъ овцы. Немного лѣтъ тому назадъ овца стоила всего 70 к., теперь за нее платятъ 1 рубль.—Ленъ и коноплю сѣютъ лишь для домашняго обихода, ячмень—почти совершенно нѣтъ, овса— лишь немного, больше всего пшена и гречихи".

Въ раковинахъ, въ большомъ количествѣ попадающихся въ Хоролѣ, часто находятъ хорошія жемчужины, цѣлое собраніе которыхъ показывала Гильденштедту полковница Битяковская.

На томъ-же Хоролѣ, въ 10 верстахъ отъ Миргорода, Гильденштедтъ посѣтилъ село *Хомутецъ,* принадлежавшее Апостоламъ. Въ селѣ обратилъ на себя его вниманіе хорошій барскій домъ и садъ съ теплицами, въ саду—виноградъ, шелковица, волошскіе орѣхи, персики, абрикосы, бергамоты, различные роды грушъ, яблокъ, сливъ и вишенъ.

Къ бывшимъ владѣніямъ Апостоловъ принадлежала также *Сухараблнвка,* гдѣ особенное вниманіе Гильденштедта привлекла мельница. „Здѣсь, говоритъ онъ, есть мельница на Пселѣ, о 18 поставахъ, двигающихъ 12 мельничныхъ камней и 6 толчей. Мельница была постоянно въ ходу даже въ это сухое лѣто. Каждый камень въ сутки перемалываетъ 50 мѣшковъ зерна или 12 четвертей, изъ которыхъ за помолъ идетъ $^{1}/_{10}$. Поэтому доходъ съ нея очень значителенъ, чѣмъ и объясняется то, что за это село недавно заплочено 18000 рублей полтавскимъ купцомъ Руденко (Rudinka), купившимъ его у Апостоловъ.

Разсказываетъ Гильденштедтъ и о нѣкоторыхъ изъ имѣній

тогдашняго правителя Малороссіи, графа П. А. Румянцева. больше всего о селахъ Вишенькѣ и Черешенькѣ.

„Село Вишенька, въ 80 домовъ, принадлежитъ графу Румянцеву, которому было подарено казной вмѣстѣ со многими другими селами. Жители села—малороссы и принадлежатъ къ черниговскому полку.—Въ нижнемъ концѣ, сейчасъ-же возлѣ деревни, уже 3 года живутъ меннониты—60 человѣкъ обоего пола и разнаго возраста. Прежде они жили въ Молдавіи, куда бѣжали изъ Трансильваніи вслѣдствіе религіозныхъ преслѣдованій. Всѣ они нѣмцы. Въ Молдавіи они просили защиты у гр. Румянцева, и онъ отослалъ ихъ въ свое имѣніе. По меннонитскому обычаю, всѣ они составляютъ одно семейство. Графъ далъ имъ поле, луга и немного лѣса. На 3 года они были избавлены отъ всякихъ повинностей; по истеченіи этихъ 3-хъ лѣтъ, они, также какъ и другіе, живущіе въ графскихъ имѣніяхъ крестьяне, за 12 дес. поля и 6—луга (что составляетъ здѣсь обычный полный надѣлъ крестьянскаго семейства) должны ежегодно платить 8 р. 40 к. Если они возвратятъ всю полученную ими ссуду, графъ предоставляетъ имъ полное пользованіе своей свободой.—У нихъ я нашелъ прекрасный пеклеванный ржаной хлѣбъ, очень хорошее масло и хорошій яблочный сидръ. Есть между ними знакомые съ винодѣліемъ. Нѣкоторые изъ этихъ меннонитовъ—земледѣльцы, другіе—ремесленники (ткачи, горшечники, кузнецы, каретники, сапожники). Домашнюю утварь и платье они приготовляютъ себѣ сами; кромѣ того занимаются продажей изготовляемой ими глиняной посуды и тонкаго полотна, аршинъ котораго (шириной тоже въ аршинъ) стоитъ 25—35 коп.

Въ верстѣ отъ Вишеньки лѣтъ 5 тому назадъ построенъ увеселительный дворецъ гр. Румянцева—Черешенька". На стр. 406—407 Гильденштедтъ даетъ подробное описаніе этого дворца и перечисленіе всѣхъ службъ при немъ.

Изъ заводовъ, принадлежавшихъ графу Румянцеву, Гильденштедтъ упоминаетъ о парусной фабрикѣ, первой въ Украинѣ, находящейся въ Топалѣ, въ стародубскомъ полку.

Кромѣ описанія хозяйства въ отдѣльныхъ имѣніяхъ, мы находимъ у Гильденштедта также и нѣсколько общихъ замѣчаній о положеніи земледѣлія и скотоводства въ цѣлыхъ полкахъ. По поводу южныхъ полковъ Гильденштедтъ разсказываетъ слѣдующее:

„Въ Полтавщинѣ разводится мало пшеницы; на послѣдней часто появляется загарина и въ большомъ количествѣ примѣшанъ куколь. Первое зависитъ, кажется, отъ неумѣлой сушки, благодаря которой здѣсь почти вся пшеница отдаетъ затхлостью, второе—отъ недостатка чистыхъ сѣмянъ пшеницы. Избытокъ куколя неизбѣжно придаетъ черный цвѣтъ пшеничной мукѣ и испеченому изъ нея хлѣбу. Поэтому полтавской пшеницѣ предпочитаютъ бѣлгородскую, такъ какъ послѣдняя не содержитъ сорныхъ травъ и даетъ бѣлую муку, почему ее часто покупаютъ сами полтавцы... Если бы дѣло велось надлежащимъ образомъ, то на жирной глинистой украинской почвѣ пшеницу можно было-бы разводить съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ въ Россіи".

„Въ лубенскомъ и переяславскомъ полку лишь изрѣдка вокругъ деревень и домовъ устраиваютъ плетни, въ лубенскомъ—изъ орѣшника, въ переяславскомъ—изъ березы. Обыкновенно-же жилища, деревни, поля окружаютъ рвами и небольшими земляными валами, назыв. „царина", чтобы оградить ихъ отъ скотины. Чаще всего существуютъ одни валы, безъ рвовъ, съ пологимъ уклономъ въ сторону поля и почти отвѣсные въ сторону дороги, высотою въ 3 фута. Этотъ родъ огражденій болѣе долговѣченъ, при рвахъ-же они сползаютъ. На дорогахъ, ведущихъ на поля черезъ эти валы, цѣлое лѣто караулятъ бѣдняки, которые за это во время жатвы получаютъ по снопу съ каждаго воза.—Для пастбищъ въ этомъ округѣ мало свободной земли, такъ что скотъ пасется на паровыхъ поляхъ и среди порослей кустарника. Поэтому рогатый скотъ здѣсь хуже, чѣмъ въ полкахъ миргородскомъ, полтавскомъ и на украинской линіи. Здѣшнія лошади также очень малы и слабы и быстро устаютъ въ дорогѣ. Но въ то же время въ лубенскомъ и переяславскомъ полкахъ у крестьянъ гораздо больше лошадей, чѣмъ въ пол-

кахъ миргородскомъ и полтавскомъ. Для разведенія овецъ возвышенныя сухія поля полтавскаго и миргородскаго округа гораздо удобнѣе сырыхъ мѣстностей переяславскаго и лубенскаго полковъ".

Такія-же общія замѣчанія Гильденштедтъ посвящаетъ и сѣвернымъ полкамъ—Стародубскому и Черниговскому.

„Земледѣліе въ стародубскомъ полку имѣетъ больше сходства съ русскимъ, чѣмъ съ украинскимъ. Выжиганіе для удобренія почвы производится лишь изрѣдка, унаваживаніе тоже не часто. Сѣютъ здѣсь много конопли, гречихи и овса, ржи мало, ячменя, пшеницы и проса совсѣмъ не сѣютъ. Хлѣбъ сушатъ въ овинахъ, пашутъ русской сохой, запряженной одной лошадью. Коноплю свозятъ зимой къ Двинѣ, а оттуда весной по водѣ отправляютъ въ Ригу. Въ стародубскомъ краю очень много винокуренъ, такъ что отсюда снабжается водкой большая часть Украины. Въ лѣсахъ стародубскихъ выжигаютъ немного поташу, смолы и дегтю".

„Въ черниговскомъ полку сѣютъ много ржи, гречихи и овса, но мало пшеницы, ячменя, проса и конопли, а еще меньше льна. Удобреніе полей мало употребительно, также мало извѣстно сушеніе немолоченнаго хлѣба. Въ южной части пашутъ большими украинскими плугами о 4 волахъ, въ сѣверной—плугомъ, совершенно похожимъ на русскую соху. Въ ней дѣлаютъ только небольшія измѣненія и пашутъ 2 волами (двойнякъ), но употребляется и соха безъ всякихъ измѣненій (соха косунья), которой пашутъ на 1 лошади".

Упомянувъ, что изъ лѣсистыхъ стародубскаго и черниговскаго полковъ вся Украина снабжается телѣгами и деревянной утварью, Гильденштедтъ затѣмъ описываетъ водный путь, по которому сплавляли мачтовыя деревья изъ стародубскихъ лѣсовъ (во время Гильденштедта такихъ деревьевъ уже почти совершенно не осталось); приводитъ соображенія о возможности соединенія Днѣпра съ Двиной, Волги съ Дономъ; даетъ техническія подробности относительно полученія поташа и смольчуга въ стародубскихъ лѣсахъ. Затѣмъ говоритъ о ежегодной недостачѣ хлѣба у жителей стародубскаго полка, особенно живущихъ по

Ипоти, и указываетъ по этому поводу на необходимость ограниченія винокуренія и улучшенія луговодства, путемъ очищенія луговъ и осушенія болотъ.

Разъ мы заговорили объ общихъ замѣчаніяхъ, дѣлаемыхъ Гильденштедтомъ, то позволимъ себѣ привести и тѣ замѣчанія, которыя онъ въ качествѣ путешественника, совершившаго свой путь на почтовыхъ, посвящаетъ почтѣ. Упомянувъ о своемъ намѣреніи, по выѣздѣ изъ Кіева, ѣхать по почтовой дорогѣ черезъ Нѣжинъ, Батуринъ, Глуховъ, Сѣвскъ и Калугу до Москвы, Гильденштедтъ продолжаетъ: „на этой дорогѣ находятся почтовыя станціи, изъ которыхъ каждая содержитъ 40 лошадей. По сенатскому повелѣнію отъ 5/IV 1772 г. за каждую версту платится по 1 коп. съ лошади, при чемъ въ казну идетъ лишь 1/2 к. Кромѣ того, почто-содержателю ежегодно выплачивается изъ канцеляріи по 30 руб. за пару лошадей, а канцеляріи собираютъ эти деньги съ жителей. За это вознагражденіе почто-содержатели должны содержать лошадей и ямщиковъ".

На другой день по выѣздѣ изъ Кіева (11/X) Гильденштедтъ, при описаніи Козельца, упоминаетъ о предметѣ, близко интересующемъ всѣхъ, совершающихъ длинное путешествіе на лошадяхъ. „Здѣсь, какъ почти во всѣхъ городахъ и селахъ на дорогѣ изъ Кіева въ Глуховъ, есть постоялые дворы, гдѣ путешественники для себя и своихъ лошадей могутъ найти ночлегъ, пищу и питье. Гдѣ разстояніе между деревнями велико, тамъ помѣщиками устроены постоялые дворы при дорогѣ".

Особенно понравилась Гильденштедту каменная гостинница, построенная, по распоряженію гр. Румянцева, въ Дѣвицѣ, 6-й почтовой станціи отъ Кіева. Нижній этажъ этой гостинницы предназначался для простонародья, верхній—для „чистой" публики.

„Здѣсь, говоритъ Гильденштедтъ, путешественникамъ представляются такія удобства, которыя очень рѣдко, даже почти совершенно нельзя найти въ Россіи".

Общія замѣчанія и даже болѣе общія, чѣмъ замѣчанія Гильденштедта, такъ какъ они посвящены не какой-нибудь ча-

сти Малороссіи, а всему краю, дѣлаетъ и Долгорукій. Замѣчанія эти невеселаго свойства.

„Прощаясь съ Украиной, я, говоритъ князь, кончу разсказъ мой о ней послѣднимъ замѣчаніемъ. Сколько я примѣтилъ, смотря и слушая, Малороссія не гордится счастіемъ, не смотря на благодѣянія къ ней натуры. Политическое солнце ея не столько согрѣваетъ, сколько свѣтило небесное. Она изнурена, терпитъ разныя тягости и чувствуетъ вполнѣ потерю свободныхъ ея вѣковъ. Ропотъ глухой, но почти общій,и явственныя примѣты многихъ неустройствъ тѣмъ болѣе меня удивили, что Малороссія имѣла всегда на первыхъ ступеняхъ престола чадъ, вскормленныхъ ею отъ самой юности".

Одною изъ такихъ тягостей, о которыхъ говоритъ Долгорукій, были „тѣсныя квартиры". Вотъ „изъясненіе", какое даетъ путешественникъ этому „новому тактическому слову".

„Подъ словомъ *тѣсныя квартиры* разумѣется временное, иногда долго, иногда кратко, пребываніе воинства по селеніямъ. Въ старину бывали лагери: полки въ нихъ выступятъ и живутъ своими колоніями, не тревожа никого.

Нынѣ приведутъ ихъ въ города или деревни и разставятъ такъ, что на каждой дворъ придется человѣкъ по 8 и больше постояльцевъ. Лагерей уже почти нѣтъ нынѣ. Такимъ образомъ въ самое то время, когда убирается хлѣбъ, налетѣли рыцари въ окрестныя деревни для спеціальныхъ осмотровъ и ученій бригадныхъ. Дома нѣтъ никого изъ хозяевъ, остаются въ избахъ однѣ старухи, или недужныя, или младенцы въ люлькахъ и дѣвочки. Тутъ-то водворится шайка солдатъ. Можно вообразить, какъ хорошо хозяевамъ отъ гостей. Первые терпятъ и молчатъ, благодаря еще тѣхъ пришельцевъ, кои не отваживаются на злодѣянія и наглыя обиды, и ужъ за куръ, пшено и борщъ не стоятъ. Мнѣ разсказывали, что одному солдату вздумалось всякой день окачиваться водой, и бѣдная баба, у которой онъ стоялъ, не могла натаскаться ея изъ-подъ горы на гору; другому солдату могла прійти мысль другого рода, а хозяева все одни и тѣ-же. Вотъ что называется тѣсныя квартиры!"

Заканчивая сообщеніемъ этихъ общихъ замѣчаній о краѣ какъ настоящую статью, такъ и вообще обзоръ „разсказовъ о Малороссіи путешественниковъ конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка“, мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи— выразить искреннюю признательность А. М. Лазаревскому, снабдившему насъ почти всѣмъ матеріаломъ, и профессору П. Я. Армашевскому, любезному содѣйствію котораго мы обязаны полученіемъ сочиненія Гильденштедта.

Л. Синицкій.

Г. Кіевъ.
29 Сентября 1892 года.

Замѣтки и воспоминанія объ Афанасіѣ Васильевичѣ Марковичѣ.

Помнится мнѣ (такъ давно это было, кажется въ 1858—59 году).. я впервые услышалъ отъ отца о дядькѣ Панасѣ, какъ звали его у насъ дома. Отецъ показалъ письмо и передалъ матери; мать пришла въ восторгъ: какъ я рада, что увижу Машу и Афанасія! Давненько не видали ихъ, замѣтилъ отецъ,—должно быть, уже остепенился... я радъ ему, очень радъ... И начали обсуждать, куда помѣстить дядька Опанаса, ибо его ждали; онъ писалъ, что скоро будетъ съ женою и съ сыномъ Богдасемъ.

Жили мы тогда вдали отъ села, за греблею и за помѣщичьей винницей въ Черниговской губерніи. За винницею раскинулся только что разведенный садъ, дальше нашъ домъ съ огромнымъ дворомъ и въ немъ громадныя сосны, а за заборомъ-лѣсъ сосновый; дворъ какъ-бы ухватилъ часть чуднаго загадочнаго лѣса. Этотъ лѣсъ меня всегда поражалъ таинственностью. Казалось, что вотъ—вотъ онъ заговоритъ, что шопотъ его перейдетъ въ мелодичный разговоръ. Да проститcя мнѣ: вспомнилъ, какъ дядька ждали, вспомнилъ комнату, въ которую его помѣстили—и рой, назойливый рой воспоминаній заслоняетъ все, что нужно писать, и толкаетъ писать то, что никому не нужно, а что хочется писать. Нѣтъ лучше воспоминаній, какъ воспоминія дѣтства!

Вспоминается мнѣ эта комната, длинная, узкая, двумя окнами во дворъ-лѣсъ; громадная печь заняла четверть ея; по стѣнамъ стоятъ сосновыя полки съ массою книгъ; столъ у окна и диванъ у стѣны. Это батьковъ кабинетъ; на этомъ диванѣ

онъ цѣлыми днями лежалъ, читалъ, читалъ и читалъ; на этомъ диванѣ зародилась и во мнѣ первая мысль.... здѣсь мечталось! Въ комнатѣ тепло натоплено, воздухъ насквозь пропитанъ ароматнымъ запахомъ сосновыхъ стѣнъ, срубомъ сложенныхъ, не обшитыхъ; окна замерзли изящными, причудливыми узорами, и только верхушки стеколъ свободны и пропускаютъ цѣлый столбъ луннаго свѣта; а ниже—сквозь замерзшую часть лучи преломились, играютъ синими и зелеными мягкими оттѣнками и снѣжинки ярко блестятъ. Тишина поразительная,—дѣтская далеко, отецъ въ канцеляріи въ мезонинѣ. Лежу я, малый мальчикъ еще, на диванѣ и мечтаю: я вижу лѣсъ, днемъ его видѣлъ, и онъ живой предо мною.

Это руки, думалось мнѣ; не вѣтви, а руки, и на нихъ не снѣгъ, а рукава большой бѣлой рубахи; сосны шепчутъ: это люди были и замерзли.... Но вотъ звонко, рѣзко слышенъ лай одной собаки; ужаснымъ трубнымъ звукомъ эхо пронеслось по лѣсу; за нею подняли полувой, а затѣмъ и лай, „музыку завели“—гончіе, а вотъ и вся стая съ ревомъ бросилась къ забору, перепрыгнула черезъ него и залилась звонкомъ въ лѣсу.. У меня сердце бьется, мнѣ нравятся эти звуки, я знаю ихъ, люблю и боюсь. Я знаю, что волки подошли, и стая собакъ пошла за ними; мнѣ хочется встать, выглянуть въ окно, но это ужасно страшно!

По лѣстницѣ сверху слышенъ топотъ бѣгущихъ и голосъ отца: Ефимъ, трубу не забудь!—Взялъ—отвѣчаетъ. Это отецъ и Ефимъ, писарь, азовскій казакъ, бѣгутъ съ ружьями, надѣясь выбѣжать по просѣкѣ „на вперейми“ волку.

Дверь захлопнулась, шаги бѣгущихъ по морозному снѣгу, скрипъ отъ нихъ все меньше слышенъ.... замолкъ... и только едва, едва долетаетъ музыка гончихъ глухо, далеко. И я мыслями несусь въ лѣсъ за отцомъ, живо мнѣ чудится грозный шопотъ лѣса; я живо вижу отца и Ефима; вотъ они бѣгутъ и стали, прислушиваются, голоса стаи собакъ ближе и ближе, она уже не лаетъ, а визжитъ, поетъ; въ кустахъ что-то мелькаетъ— и вылетаетъ громадный волчище... Я его представляю себѣ ужаснымъ, онъ бросается на отца, онъ можетъ его укусить,

онъ укусилъ его.... и мнѣ страшно, страшно становится, я закрываю глаза и кричу:“ мама! мама! Но мамы нѣтъ, и я радъ еще полежать и помечтать, но о волкѣ думать не буду. Часы, старые фамильные часы, чикаютъ: тикъ—такъ, тикъ—такъ, и я подстраиваю пѣсню подъ это тиканье.... тикъ—такъ, тикъ—такъ считаютъ часы такъ звонко, пріятно, но они все медленнѣе стучатъ, вотъ уже нѣкоторые звуки я пропускаю, мнѣ слышатся они рѣже и рѣже,—свѣта уже нѣтъ, туманъ глаза застилаетъ, вѣки съ трудомъ поднялись разъ, другой—и смежились.

Лай собакъ, стукъ въ ворота разбудилъ меня, и я въ ужасѣ вскочилъ и сѣлъ на диванѣ. Стукъ сталъ еще сильнѣе; ворота заскрипѣли; послышалось позвякиваніе почтоваго колокольчика и, наконецъ, визгъ полозьевъ подъ окномъ. Черезъ минуту въ передней раздался чей-то хохотъ. Это смѣялся бархатный баритонъ. Такого смѣха я никогда въ жизни не слыхалъ: задушевный, веселый, беззаботный и заразительный смѣхъ.

„А що не ждалы? Адже ось и мы! Тоню, голубко!“ кричалъ голосъ къ матери, „Василю—брате!“ къ отцу... Я догадался, что это пріѣхалъ дядько и выглянулъ въ двери. Въ большой передней я увидѣлъ что-то громадное (пишу, какъ мнѣ тогда представлялось). Дядько въ сивой высокой шапкѣ и шубѣ, весь сѣдой отъ мороза, цѣловался съ отцемъ. Здѣсь-же развертывали бережно какой-то узелокъ: тамъ, оказалось, спалъ мой двоюродный братъ Богданъ, лѣтъ 4—5; далѣе освобождали изъ массы платковъ тетку Марью Александровну, уже тогда извѣстную Марко—Вовчокъ. Какъ меня увели спать, я не помню; но ночью я просыпался нѣсколько разъ отъ звуковъ громкаго голоса и порывистаго смѣха дядька.

Все это живо я помню; помню лице и фигуры дорогихъ людей. Дядько Опанасъ былъ высокаго роста, брюнетъ, съ небольшими усами; носъ его, довольно крупный, шелъ къ нему, если можно такъ выразиться; каріе глаза постоянно измѣняли выраженіе; лицо въ высшей степени подвижное: то дѣлалось грознымъ, и я боялся его въ тѣ моменты, то вдругъ прояснялось такъ быстро, что перехода отъ суроваго къ веселому не-

возможно было замѣтить, при самой напряженной наблюдательности, и это выраженіе покрывалось раскатистымъ душевнымъ смѣхомъ. Лицо дѣлалось такое доброе, что глядя на него нельзя было не любить его, не улыбаться вмѣстѣ съ нимъ. Чрезвычайно подвижной, дядько Опанасъ всей фигурой своей, всѣмъ существомъ могъ увлечь и, казалось, былъ созданъ для увлеченія окружающихъ. Тетка Марья Александровна, которую я помню только по наружному виду, ибо второй разъ въ жизни своей не видѣлъ, отличалась отъ Афанасія Васильевича всѣмъ, рѣшительно всѣмъ: блондинка съ сѣрыми красивыми глазами, ровными, плавными и покойными движеніями: въ моменты рѣзкихъ порывовъ дядьки Опанаса она смотрѣла на него широко раскрытыми глазами, не улыбаясь. Я помню ее высокою, съ большою русою косою... Но всѣхъ болѣе удивилъ меня Богдась. Мы были воспитаны въ панскихъ привычкахъ. Мама—полу-испанка, полу-нѣмка, няня нѣмка, отецъ, говорившій всегда по русски,—вели насъ такъ, какъ и всѣхъ панскихъ дѣтей: учили приличіямъ, одѣвали по-нѣмецки—и вдругъ я вижу Богдася: волоса свѣтлой головки острижены коротко въ кружокъ, одѣтъ былъ въ „вышиваной" сорочкѣ, заложенной въ штаны, подпоясанный и босой; говоритъ только по-украински. Совершенный мужичекъ, казалось мнѣ. Этотъ мальчичекъ моложе меня, мало подвижной, но личико измѣнялось такъ-же быстро, какъ и у отца, и такъ-же быстро озарялось улыбкою.

Точно и опредѣленно помню слѣдующій эпизодъ. Сидимъ мы съ Богдасемъ на окнѣ, и я его просвѣщаю. По дорогѣ ѣдутъ крестьяне изъ лѣсу и везутъ лѣсъ на саняхъ. Отецъ мой былъ лѣсничимъ, и я постоянно слышалъ и видѣлъ, какъ лѣсные объѣздчики задерживали крестьянъ съ похищеннымъ лѣсомъ. Я и говорю Богдасю: „—Вонъ мужики ѣдутъ, они украли лѣсъ и везутъ домой"!

Розговаривавшій съ отцемъ дядько Опанасъ сразу оборвалъ разговоръ и, подойдя ко мнѣ, грозно заговорилъ:

— Шо ты сказавъ, шо сказавъ?

Заикаясь я отвѣтилъ: „мужики краденый лѣсъ повезли".

— Мужыки?! Хто тебе вчивъ? яки мужыки? Такого слова немае, забудь его! Словомъ „мужыкъ" люде лаються. Не му-

жыкъ, а крестьянынъ, селянынъ, хлиборобъ, ґречкосій. Памьятай и николы не кажы „мужыки“—це лайка, а лаяться грихъ, Богъ бытыме, гримъ убье!.. А звидки ты знаешь, що крадене, що лисъ не купованый, а краденый? Це вже грихъ набильшій на чесного хлибороба сказать: крадене везе, укравъ! И пошелъ дядько меня разносить... Вступился отецъ, началъ по обыкновенію, подтрунивать надъ Опанасомъ за его народолюбство, сталъ доказывать, что лѣсъ всегда крадутъ и не красть нельзя. Братья кричали, горячились; но я чувствовалъ великій стыдъ, я чувствовалъ, что дядько правъ. Съ той поры до сегодняшняго дня я только ругаюсь словомъ „мужикъ“.

Тогда же отецъ затѣялъ „выставку“—„комедію“, по словамъ матери, камедію, которой она не любила. По просьбѣ отца, мать садилась за рояль, а кругомъ располагались: отецъ, сестра Елена, я, сестры—Варвара, Маруся и на фортепіано сажалась годовая Соня; мать брала аккордъ, отецъ давалъ тонъ и запѣвалъ прекраснымъ тенoромъ „Ой не гораздъ запорожци“; мы всѣ подхватывали—и лилась чудная пѣсня куплетъ за куплетомъ. Хоръ нашъ получилъ подкрѣпленіе въ лицѣ чуднаго баритона дядьки Опанаса. Затѣмъ сѣлъ за рояль дядько Опанасъ и запѣлъ. Онъ такъ просто, задушевно, съ такою выразительностію и глубокимъ чувствомъ передавалъ одну за другою народныя украинскія пѣсни, что мать, музыкантша съ высокоразвитымъ музыкальнымъ вкусомъ, не выдержала и расплакалась. Тетка обратила вниманіе Опанаса, и онъ моментально бросился на колѣни передъ мамою: „Тоню! Сеструню, голубонько! Що се ты?“ На отца пѣніе тоже произвело впечатлѣніе: онъ зажурился, повѣсилъ голову, потомъ, желая скрыть свое смущеніе, неудачно сталъ свистать и ушелъ. Изъ дверей выглядывали Горпына, Гапка и на главномъ фонѣ баба, моя няня, утирала слезы. (Баба эта, по словамъ матери, героиня одного изъ разсказовъ Марко Вовчокъ). Но вотъ дядько вскочилъ, по его приказу появился тазъ, вмѣсто бубна, кочерга съ кольцами, колокольчики; дядько собираетъ насъ всѣхъ дѣтей, раздается мажорный аккордъ и дядько запѣлъ:

Ой я тоби моя мамо, перекиръ нароблю,
Повну хату козакивъ наведу,
Та ще жъ тоби моя мамо перекорыще
Повну хату и кимнату
Та ще й дворыще!

Мы всѣ подхватываемъ, и начинается адская музыка. Опанасъ съ увлеченіемъ, грозно насупивъ брови, переходитъ изъ тона въ тонъ, мы всѣ съ нимъ поемъ, кричимъ, визжимъ. Тазъ гремитъ, кочерга брезчитъ, колокольчики звенятъ! „Годи!“—закричалъ онъ, и все лицо его отъ подбородка до корня волосъ озарилось улыбкой, и онъ сталъ хохотать неистово, увлекательно.

— „Чулы? Ха, ха, ха! Отце какофонія! Ха, ха, ха!“—заливался онъ.

Мама забыла о слезахъ, закрывала уши, отецъ хохоталъ, бабы въ восторгѣ взирали на Опанаса, а мы, дѣти, пришли въ энтузіазмъ: визжали, кричали до одуренія.

Пріѣздъ дядьки былъ въ то время, когда онъ, кажется, только что былъ освобожденъ изъ ссылки изъ г. Орла. Это было за нѣсколько дней до Рождества и, благодаря ему, въ первый разъ мы слышали колядки, щедривки и представленія съ козой, и все это съ поясненіями дяди Опанаса.

„Риздвяне Свято“ всегда ждалось особенно усердно. Таинственность самого праздника, предварительное знакомство о рожденіи Божественнаго младенца, окруженнаго ореоломъ гоненій, кроткій ликъ Матери, торжественная встрѣча праздника въ домѣ производила на насъ, дѣтей, поражающее впечатлѣніе. Вся семья наша и по сей день встрѣчаетъ этотъ праздникъ и всѣ мы, нынѣ старики считаемъ лучшимъ воспоминаніемъ, воспоминаніе о праздникѣ Рождества Христова. Народъ, или проще крестьяне, въ поэтической Украинѣ чествуютъ Рождество Христово особенно торжественно.

Помню ..... дня за 3—4 до праздниковъ днемъ и поздно вечеромъ видны костры на льду рѣки. Вокругъ костровъ толпятся люди. Это „шмалятъ кабановъ“; такъ и хочется бѣжать туда, къ мальчикамъ, но этого нельзя, насъ не пускаютъ. Но вотъ мы видимъ въ окно во дворѣ приготовленія: поваръ нашъ Прохоръ съ двумя подручными возятся. Видимъ, что изъ сарая

тащатъ кучи соломы, несутъ ведра, лохань; маленькія саночки повезли на задній дворъ, а минутъ черезъ десятъ на саняхъ повезли уже заколотаго кабана, и всѣ направляются къ рѣкѣ. Наконецъ пускаютъ и насъ. Я съ сестрами летимъ за саночками, а Прохоръ идетъ важно, окружаетъ себя торжественностью, говоритъ съ разстановкою, не смѣется, какъ обыкновенно, и не шутитъ. Хлопци Василь и Пылыпъ тащатъ сани; стыйчикъ (присылаемый изъ казенныхъ крестьянъ вѣстовымъ) несетъ ведра и лоханку...

Кабанъ, его препарированіе, шматованье, очистка, соленіе, копченіе, колбасы и проч.—это цѣлый культъ.

— „Прохоръ, голубчикъ, да какой онъ большой!" кричимъ мы.

— „А то-жъ вы думали, що малого будемъ колотъ на таке свято?" иронически отвѣчаетъ Прохоръ. И мнѣ стыдно, что такую глупость сказалъ! Въ самомъ дѣлѣ, развѣ малого кабана можно колоть въ этакій праздникъ?! И такъ мнѣ это непріятно: Пилипъ смѣется; а что это за язвительный этотъ Прохоръ? Желая попасть въ тонъ, я замѣчаю: „а у Оверка можетъ и кабана не будетъ". Но Прохоръ презрительно отмалчивается.

На рѣкѣ уже 5—6 костровъ: идетъ „шмаленіе" кабановъ; я съ гордостью взираю на нашего; онъ въ ряду другихъ царитъ своею величавостью.

—„Раскладуйте солому ривнесенько, и „его" кладить; да не руште дуже, не вертить его, бо уся кровъ вытече. Зъ чого я тоди кровьяну кишку зроблю?"—командуетъ Прохоръ, и пока исполняютъ его приказаніе, онъ идетъ здороваться къ другимъ групкамъ, отправляющимъ культъ кабана. Рядомъ Оверко, дальше вдова—такъ безъ фамиліи, просто вдова; а дальше Смоловикъ, съ однимъ глазомъ „бо другій жинка рогачемъ выбыла"; къ нимъ присталъ „кривый Явхимъ"—„чередныкъ', и дальше все извѣстные, но какъ будто и незнакомые люди. Лица у нихъ другія: торжественно-спокойно-довольные. Смоловикъ кажется съ двумя глазами, Явхимъ какъ будто и не „крывый", онъ не кричитъ, какъ обыкновенно на коровъ: „куды ряба? А щобъ ты здохла! щобъ тебе вовкъ лупывъ!" и проч. Съ такимъ

удовольствіемъ стоимъ мы и смотримъ на всѣхъ этихъ людей. Морозъ щиплетъ за пальцы ногъ и рукъ, за носъ; западъ уже яркокрасный отъ заходящаго солнца, дымъ изъ трубъ идетъ прямою струйкою. Вотъ уже начинаютъ свѣтиться огни въ нѣкоторыхъ домахъ; уже и Гершко вышелъ изъ шинка и сталъ на горбикѣ надъ рѣкой и хитро улыбается; уже и Прохоръ замѣтилъ: „свиняче ухо выйшло! Іуда предатель!" а мы еще не дошли до самаго интереснаго момента. Кабанъ ошмаленъ, облитъ водой, вычищенъ, лоснится, отъ него паръ идетъ, его накрываютъ соломою и Прохоръ садится на него верхомъ. „Сидайте!" командуетъ Прохоръ, и мы всѣ садимся и по командѣ подпрыгиваемъ и вновь грузно садимся. „Це—щобъ сало добре одъ мяса одставало". Все кончено, и мы идемъ назадъ. Уже стемнѣло, дымъ разстилается и на морозномъ воздухѣ хорошо пахнетъ, скрипятъ ворота, на улицѣ никого уже не видно изрѣдка только запоздалая „молодыця" спѣшитъ съ рѣки зъ видрами, изящно колыхаясь подъ тяжестью ноши, да вереницей отъ проруби идутъ шершавые кони, а за ними солидный хлопецъ, этакъ лѣтъ 6, 7, подгоняетъ послѣднюю отставшую шкапу...

Тогда-же, предъ Рождествомъ, два крестьянина привезли съ хутора масло, свинное сало, куръ и „прядыво". Люди эти входили въ комнаты, извинялись, что мало привезли, жаловались на недостатки. На вопросъ отца, отчего оброкъ не доставили, они отвѣтили цѣлымъ рядомъ земныхъ поклоновъ, извиненій. Меня ребенка это до крайности удивило: къ намъ никогда никто не возилъ никакой живности и все было или свое, или покупалось на базарѣ въ Шостенскомъ пороховомъ заводѣ. Конечно, за разъясненіемъ этого я обратился къ моему другу нянѣ, именовавшейся „бабой" (я до сихъ поръ не знаю, какъ было ея имя; „баба" или „Пылыпова маты"—тутъ и все: имя ея и званіе).

— Та хыба-жъ вы не чулы? Тожъ папа „купывъ" тихъ мужыкивъ и землю купывъ, отъ воны ему и вынни возыты усячыну.

— Якъ, бабо, купывъ, хибъ-жъ то кони?

— Бачу, Мытя, що вы ще дурненьки; то копи, а то люде... Якъ купывъ, значить що можна насъ куповаты.

— А що жъ воны возятъ и що то за „оброкъ“?

— Имъ папа отдавъ землю, отъ воны и платять гроши и возять за землю.

Эти объясненія меня не удовлетворяли, и я какъ-то обратился къ дядькѣ Опанасу.

— „Дядя! Развѣ людей продаютъ“?

— Продаютъ, какъ скотовъ, какъ лошадей, не по правдѣ это. Цего, Мытю, коханый мій, уже скоро не буде. Це грихъ великій: воны роблять, працюють, а мы йимо те, що воны заробляють...—Скоро, скоро сонечко засвитыть, хмары розійдутця и люде вильны будуть...

— Скоро, да не очень! У насъ на бумагѣ все скоро, замѣтилъ батько, и жаркій споръ загорѣлся между отцомъ и дядькомъ. Въ чемъ былъ споръ, я не понималъ; но на всю жизнь остались мнѣ въ памяти приходившіе два крестьянина, робкіе, тихіе, кланяющіеся въ землю, просящіе, и на ряду съ этимъ мнѣ представляется ярмарокъ, конная, цыгане смотрятъ въ зубы лошадямъ, и почему-то казалось, что на томъ-же базарѣ, гдѣ-то въ другомъ углу продаютъ крестьянъ. Мнѣ очень хотѣлось спросить, смотрятъ-ли и крестьянамъ зубы, а потомъ стыдно было, храбрости не хватило спросить.

Какъ я говорилъ, всѣ сдѣлали уступку дядѣ Опанасу: мама, чистеха страшная, слѣдившая за чистотою половъ, приказала вечеромъ послать рядна, насъ одѣли въ шапки и пальто, что-бы мы не простудились, а въ залъ ввалилась толпа хлопцевъ. Всѣ чинно расположились и стали пѣть колядки. Мнѣ казалось, что они очень громко, но прекрасно поютъ. Дядько, весь серіозность, что-то объяснялъ своей женѣ, теткѣ Марусѣ, и ея чудные, сѣрые глаза, такіе-же покойные, уставились на него. Дядько долго продержалъ эту толпу и записывалъ ихъ пѣсни, а когда они ушли, поставилъ ноты на фортепіано и пропѣлъ намъ. Я былъ пораженъ, какъ это онъ точно и хорошо записалъ.

Позже пришли дивчата и снова повторилась та-же исторія; потомъ пришли съ козою. Мы сначала ужасно испугались, но замѣтивъ, что у козы только пара ногъ въ громадныхъ чоботахъ, успокоились, и дѣти были въ восторгѣ; а дядько Панасъ своей женѣ и мамѣ разсказывалъ и объяснялъ значеніе козы и пѣсенъ.

Все время перваго пребыванія дядьки, перваго въ памяти моей, онъ ходилъ по селу и что-то записывалъ; какъ впослѣдствіи оказалось, это были пѣсни, повѣрья, пословицы и поговорки, давшія позже такой богатый матеріалъ въ книгѣ Номиса.

Вспоминая о нашихъ двухъ крѣпостныхъ хуторянахъ, я не могу не вспомнить и того часа, когда пришли всѣ наши дворовые крѣпостные изъ церкви, гдѣ имъ читали Высочайшій манифестъ 19 февраля. Крѣпостныхъ было у насъ—Дмитро, мой сверстникъ, крестникъ матери, сирота; баба моя съ сыномъ Пылыпомъ и семья повара Прохора, состоявшая изъ жены его Гапки, его матери-бабы („Прохорова маты") и дѣтей—Горпыны и Васыля. Такимъ образомъ, глава всѣхъ былъ Прохоръ, величайшій философъ. Не могу отказать себѣ въ удовольствіи (да проститъ мнѣ читатель это ненужное отступленіе) представить Прохора. Онъ происходилъ изъ села Кулажынецъ пирятинскаго уѣзда, нашего родового имѣнія, въ то время уже проданнаго; воспитанъ среди помѣщичьяго, крѣпостническаго величія дѣда Василія Ивановича Марковича. Прохоръ былъ въ числѣ 30 поваренковъ и несъ высоко знамя своей профессіи, вспоминая съ торжественностью былое великолѣпіе блюдъ и отношеній. Скубленіе за чубы, порки жестокія, выливаніе неудачныхъ соусовъ на головы виновниковъ поваровъ и тому подобныя воздѣйствія и украшенія крѣпостныхъ отношеній,—все это исчезло изъ памяти его, замерло, и осталось только лучшее, что его тогда сильнѣе всего поражало: многочисленность дворни, великолѣпіе выѣздовъ, оркестры, хоры своихъ музыкантовъ и пѣвцовъ. Поэтому онъ къ родителямъ моимъ, жившимъ сравнительно бѣдно, относился только толерантно, съ оттѣнкомъ нѣкоего презрѣнія. Не могу забыть его анекдотовъ. Бывало прибѣжишь на кухню, поздороваешься съ Прохоромъ, а онъ насупивъ грозно брови:

— А вы чого сюды? Отъ заразъ папынци скажу... Гапка давай ганчирку! повьяжешь паннчеви на шыю,—угрожаетъ онъ. Но мы его знаемъ—онъ шутитъ.

Считая свое искусство важнымъ, Прохоръ бывалъ глубоко обиженъ, если ему поручали другое дѣло. Онъ безбожно ворчалъ: „я поваръ, мое дило у кухни" и проч. Помню презабавную исторію. Кучеръ заболѣлъ, и потому Прохору было приказано запрягать лошадей и ѣхать. „Що? Що таке? Я поваръ, а не кучеръ, щобъ я на тихъ скаженыхъ коняхъ ихавъ?"

— „Ну, ну не разсуждай! Живо запрягай", раздался властный голосъ отца, и Прохоръ пошелъ въ конюшню. Послѣ криковъ отца, повторявшихся раза четыре, черезъ часъ или полтора мы увидѣли такую картину: тройка лошадей запряжена, но такъ, что коренникъ на пристяжкѣ, лѣвая пристяжная въ корню, а правая на пристяжкѣ на лѣво; Прохоръ въ курткѣ, колпакѣ поварскомъ и фартухѣ собирается садиться на козлы.

„Это что такое? Перепречь лошадей. Что это ты осломъ садишься въ колпакѣ? кричитъ отецъ.

— Я у своему мундури. Я поваръ, а не кучеръ—мрачно возражаетъ Прохоръ.

Тѣмъ не менѣе лошадей перепрягли, Прохоръ напялилъ армякъ, но длинныхъ рукавовъ не собралъ, а концы ихъ обратилъ въ перчатки. „Нё, лукава! А вовкъ тебе лупы, нё!—дергалъ онъ возжами и подкатилъ къ крыльцу. Замѣчательно: горячія вятки, какъ будто были загипнотизированы спокойствіемъ Прохора. Отецъ уже сѣлъ было въ тарантасъ, какъ замѣтилъ, что подъ подушкой на козлахъ что-то наложено: Прохоръ не сидитъ, а весь наклонился впередъ и полустоитъ.

— Что это у тебя тамъ такое напихано?

— Якъ що? Усе, що треба...

— Щожъ тоби треба? А ну показуй.—

Подняли подушку—и о ужасъ! Тамъ двѣ веревки, молотокъ, клещи, гвозди и кусокъ старой подошвы.

— Начорта ты это всё набралъ?

— Ото яки чудни! Въ дорози все пригодытьця, у дорози усе треба: не дай Боже, що зломаетьця. Но взрывъ смѣха отца

и насъ всѣхъ положилъ конецъ его разсужденіямъ: дорога, завѣдомо для Прохора, была до Шостки всего три версты. Но упорство Прохора на этомъ не окончилось; выѣхавъ со двора, на приказъ отца: „на право“, онъ упорно поворачивалъ налѣво, говоря „я поваръ, а не кучеръ, я не знаю, що воно право и ливо“; а въ лѣсу умудрился раза два такъ заѣхать, что то одна пристяжная, то другая забѣгали за дерево, рвали повода, и тройка останавливалась при усиленномъ осаживаніи Прохоромъ и восклицаніяхъ тпру! А щобъ ты лопнула. Бачъ яка! Га?! Отце коняка! Вовкъ тебе лупы и проч.

Странно, но Прохоръ, самъ происходя изъ „хлиборобовъ“, относился съ нескрываемымъ презрѣніемъ къ крестьянамъ; „мужло“, „мурло“ называлъ онъ ихъ; а выходя на огороды, онъ, заложивъ руки за спину, ходилъ около работающихъ и посмѣивался, „копай, копай мужло! Зовсимъ якъ червякъ писля дощу: у землю зарывся!“

— Та вы бъ, Прохоръ Ивановичъ и сами бъ покопали, земля маты наша.

„Що, що? щобъ я за землю брався?! Ащо бъ ты не диждавъ, щобъ я свои руки поганывъ! А якъ же писля того *биштекъ*, або *безе* робытыму?“ И „мужло“, сраженное наповалъ такой аргументаціей и особенно словами „биштекъ“ и „безе“, постыдно умолкало.

Странно, говорю, такое отношеніе къ землѣ; оно очевидно было наносное, хотя, впрочемъ, коренное впослѣдствіи всплыло таки. По объявленіи „воли“, о которой наши люди знали за годъ ранѣе, былъ призванъ Прохоръ.

— Ну чтожъ, Прохоръ, слышалъ, читалъ про волю?

— Чувъ, читалы.

— Вотъ ты и вся твоя семья отъ сего часу вольные. Хотите оставайтесь у насъ, не хотите—ищите себѣ другого мѣста.

— Такъ, я чувъ и знаю: куды хочешь, туды и йды, и якъ хочешь: чи зъ торбынкою, чи безъ торбынки,—съострилъ Прохоръ, но отецъ оставилъ это безъ вниманія.

— Я тебѣ и ранѣе жалованье платилъ, но если этого мало, скажи свои условія и „згодымося, а якъ не згодымося, то до другихъ станешъ“—говорилъ отецъ.

— Воно конечне: я можу и у васъ и у другихъ стать. Знаю, що й у грапа стану. Мени що? Мени жалованье не велика штука; у насъ, слава Богу, доволи всего, спасыби вамъ. Тилько я думаю не про гроши, або мисце яке, а я думаю, якъ воно зъ *землею* буде?

— Якою землею?

— Отъ тоби и якою? А дежъ я земли визьму?

— А де хочешь, хиба я знаю.

— Такъ... Ни, уже земли вы мени дайте....

— Отъ тоби и маешъ?! А я-жъ де визьму земли? у мене у самого немае.

— Це мени усе ривно... А я безъ земли не можу. Подумайте жъ сами: якъ же я на старисть? Що жъ я безъ земли?

— Не розумію я, Прохоре, чого ты хочешъ; або ты здуривъ, або що...

— Та таки жъ здуривъ!... А хочъ и здуривъ, а вы мени земли дайте... я такы у васъ служытыму, бо куды-жъ я пиду? А земли вже якъ соби хочете...

— Ты всегда былъ глупъ, а теперь совѣмъ съ ума спятилъ,—горячился отецъ. Пойми же ты, что получаетъ землю тотъ, кто землю обработывалъ, и помѣщикъ долженъ дать,— а ты не обработывалъ, и земли у меня нѣтъ. Что-же я куплю для тебя землю?

— Того я не знаю. А вотъ що; мій батько оброблявъ землю?

— Ну, оброблявъ, такъ що-жъ зъ того?

„А ему дадено землю?

— Якъ же ему дать—винъ, царство ему небесне, уже покійныкъ.

„Не про те ричь: ему належала земля? належала,—ну, значить, и мени належыть. Хиба я своею волею у поваряхъ? може й я-бъ хлиборобствовавъ. Вы якъ соби хочете, а мени земли дайте.

Видя, что всѣ разговоры ни къ чему не поведутъ, отецъ взялъ изъ цвѣточнаго горшка земли, завернулъ въ бумажку и подалъ Прохору.

— Якъ земли, то и земли. Отъ все, що маю, того и тоби частыну виддаю. А теперь ступай себѣ!

Прохоръ взялъ эту землю, спряталъ въ карманъ и совершенно серьезно замѣтилъ:

„Ну и за це спасыби.... и вышелъ.

Тѣмъ не менѣе, должно быть была доля правды въ требованіи Прохора, ибо отецъ купилъ ему усадьбу, и онъ черезъ годъ переселился въ неё и занялся огородничествомъ: „у мужлу одъ воли повернувся“, —говорилъ онъ про себя, посмѣиваясь въ усы.

Освобожденіе крестьянъ у насъ дома ничѣмъ болѣе не выразилось; всё потекло по старому, только отецъ совершенно исчезалъ изъ дому по цѣлымъ недѣлямъ, ѣздилъ, суетился, готовилъ и произносилъ „спичи“,—онъ считался ораторомъ.

Какъ отразилось освобожденіе крестьянъ на другихъ, и что мною замѣчено, не входитъ въ программу настоящихъ замѣтокъ.

Дядько Опанасъ, такъ горячо ждавшій этого великаго часа, немедленно вступилъ въ должность непремѣннаго члена съѣздовъ мировыхъ посредниковъ по назначенію отъ правительства въ черниговской губерніи.

Марья Александровна еще, кажется, съ 1859 г. жила въ Парижѣ. Почему они жили врозь, я не знаю; но твердо знаю, что дядько Опанасъ страшно тосковалъ, и любимая его тема разговоровъ со мною, гимназистомъ 2-го класса въ 1860 году, это разговоры о сынѣ Богдасѣ, о его ученьѣ и письмахъ его.

Изъ этого періода моей жизни я только помню его пріѣзды на съѣздъ въ Новгородъ-Сѣверскій. Несмотря на массу работы и занятій, онъ успѣлъ составить любительскій спектакль и поставить „Наталку Полтавку“.

Я жилъ тогда на квартирѣ у добрѣйшей, благороднѣйшей Марьи Самойловны Синдаровской. Эта замѣчательная по своей душевной чистотѣ женщина, какъ и большинство въ Новгородъ-Сѣверскѣ въ то время, говорила чистымъ прекраснымъ малорусскимъ языкомъ; какъ она ни старалась говорить по-русски,

но изъ этого ничего не выходило. Дядько познакомился съ нею и въ первый же визитъ заявилъ, что она „Терпелыха“.

— Що вы, Опанасъ Васильевичъ! Я, я Терпелыха?

„Та вы-жъ, вы така Терпелыха, якои й не бувало!

— Бійтесь вы Бога! я старуха, маты трехъ сынивъ, я буду ахтёркою? Да я изъ стыда сгорю, я на вулыцю не выйду; да мене й Катька (кухаркина дочь, дѣвочка лѣтъ 6) засміе....

Тѣмъ не менѣе Марья Самойловна играла Терпелыху, и играла безподобно. Дядько Панасъ на колѣни становился, цѣловалъ руки, кричалъ, угрожалъ, просилъ, опять цѣловалъ руки—и уломалъ.

Мыколу игралъ Юрко З..., мой репетиторъ, гимназистъ 5-го класса. Это былъ чудный, сильный, бархатистый баритонъ. Пѣлъ онъ, усвоивъ манеру народную, открыто, свободно, съ громадною экспересіею.

И вотъ на репетиціи дядько дирижируетъ оркестромъ и режиссируетъ играющими. Тишина на сценѣ; это не говорливая репетиція весёлыхъ аматёровъ, результатомъ которой всегда бывали или свадьба, или мордобитіе,—нѣтъ, это какое то священнодѣйствіе. Выходитъ Мыкола и начинаетъ пѣсней; дядько весь въ голосѣ, въ оркестрѣ. Въ мѣстахъ *форте*—онъ выростаетъ, лицо грозное, брови нависли, руками машетъ, стучитъ, но вотъ *піано*, и дядько весь присѣлъ, лицо доброе, руки и палочка въ рукахъ едва, едва движется, вся его фигура затихла, замерла, весь онъ собою увлекаетъ оркестръ и пѣвца.

Юрко кончилъ и уже въ объятіяхъ дядьки, онъ на рукахъ несетъ верзилу Юрка по сценѣ и цѣлуетъ его. Съ каждою репетиціею дядько прибавлялъ и вставлялъ новые номера пѣнія, конечно изъ народныхъ пѣсенъ. Помню, въ одной изъ послѣднихъ репетицій Юрко пѣлъ излюбленную дядькову чудную пѣсню;—запѣлъ, голосъ его сорвался, и въ тотъ же моментъ дядько упалъ на полъ и кричалъ „убывъ, убывъ, заризавъ!“ Такого энтузіазма, неподдѣльнаго глубокаго чувства и рѣзкихъ переходовъ отъ гнѣва къ похвалѣ—мнѣ никогда не приходилось встрѣчать. И всё это поразительно дѣйствовало на окружающихъ,—глубокая вѣра, искренность чувства увлекала ихъ.

Пріѣздъ дядьки въ Новгородъ-Сѣверскъ произвелъ цѣлую революцію въ обществѣ и въ гимназіи. Пѣніе мужицкихъ пѣсенъ вошло въ моду; идеализація крестьянства въ пьесахъ малорусскихъ заставила обратить вниманіе на него, взглянуть человѣческимъ окомъ,—прежде по обычаю, теперь сознательно пѣлись украинскія пѣсни и записывались; слушали пѣніе крестьянъ, отъ нихъ не невольно, какъ прежде, а сознательно заучивались эти пѣсни; костюмъ народный вошелъ въ моду, даже альбомы у барышенъ наполнялись не „черною шалью", а стихами Шевченка, стихами пѣсенъ. Мужикофильство, какъ говорили помѣщики, сразу внесло живую струю въ общество.

Во время прогулокъ дядька Панаса, онъ всегда былъ окруженъ нѣсколькими гимназистами старшихъ классовъ. Что́ онъ имъ говорилъ (а онъ говорилъ много), скажутъ сами гимназисты; ихъ имена появляются подъ солидными работами въ журналѣ Кіевская Старина, я же пишу только то, что самъ лично помню. Онъ, дядько, несомнѣнно внесъ живую струю въ захолустье; ему, думаю, обязаны многіе первыми проявленіями національнаго сознанія... Несомнѣнно знаю, что въ классахъ, въ свободное отъ урока время, читались Шевченко и другіе поэты, даже Мицкевичъ по-польски; пѣлись пѣсни украинскія, русскія, сербскія. Знаю, что директоръ гимназіи Кулжинскій строго запретилъ бывать у дядька и водить съ нимъ знакомство. Это мнѣ стало извѣстно только въ 1890 г. отъ П. П. Д—о, бывшаго ученика н.-сѣв. гимназіи въ то время.

Таково было мнѣніе о значеніи Афанасія Васильевича многихъ учителей гимназіи и жителей Новгородъ-Сѣверска, а имена такихъ лицъ, какъ В. В. Порскалова, А—га, Ш—ова, Метлинскаго и друг., заставляютъ меня вѣрить этому и заносить въ эти замѣтки.

Прошло послѣ этого много лѣтъ, когда я свидѣлся съ дядькою, жилъ съ нимъ и похоронилъ его.

Это было при слѣдующихъ обстоятельствахъ: мы волею судебъ, перекочевали въ 1862 г. въ Вологду, гдѣ я учился въ гимназіи, воспитывался подъ вліяніемъ литературы и лучшихъ

людей того времени. Въ 1865 г. въ декабрѣ, далеко отъ семьи, умеръ отецъ загадочною смертью; одни говорили, отъ апоплексіи, другіе—отъ умышленнаго отравленія, но не самоубійства.

Громовой ударъ разбилъ нашу семью, и мы всѣ двинулись на югъ, въ Полтаву, а въ началѣ 1866 г. я, 18-лѣтній юноша, не окончивъ гимназіи, побрелъ въ кіевскій университетъ вольнослушателемъ.

Безъ денегъ, безъ знакомыхъ, безъ умѣнья самостоятельно жить, я очутился въ ужасныхъ условіяхъ; вмѣсто работъ въ alma mater я искалъ работы для куска хлѣба, не находилъ ея..., но это не идетъ къ дѣлу. Однимъ словомъ, потерпѣвъ полнѣйшее фіаско, проболѣвъ въ больницѣ желтухой,—я въ 1866 году, при первыхъ морозахъ, рѣшилъ ѣхать въ деревню къ сестрѣ, въ новгородъ-сѣверскій уѣздъ отдохнуть, подлѣчиться и снова начать ученье. На Подолѣ я условился съ жидомъ, почтеннѣйшимъ Мошкою, и за 30 руб. плюсъ возмѣщеніе на мѣстѣ всѣхъ тратъ его на мое продовольствіе въ пути—я залѣзъ въ „балагулу“, которая и потащила меня въ Новгородъ-Сѣверскъ.

Я вѣрю въ то, что большинство читателей лѣтъ 40 и болѣе прочтетъ эти строки не безъ удовольствія. Кто же изъ васъ не ѣздилъ съ „Мошками?“ кого изъ васъ не истязали они своею медленною ѣздою, надувательствами?—но ѣхали вы молодые, полные жизни, надеждъ, ѣхали или съ благоговѣніемъ къ храму науки, идеализируя его до безконечности, или „до дому, на село“ отдохнуть. И потому, хотя къ воспоминаніямъ объ Афанасіѣ Васильевичѣ это никакого отношенія не имѣетъ, я разскажу, какъ мы ѣхали съ Мошкою.

Какъ теперь помню, былъ сѣренькій октябрскій морозный день; вечерѣло; Кіевъ весь покрытъ былъ звуками благовѣста въ церквахъ, когда мы выѣхали на цѣпной мостъ. За мостомъ уже было темно, и назади я видѣлъ только огни, усыпавшіе свѣтлыми значками Подолъ, часть горы и всё это вдвойнѣ свѣтилось въ водахъ батька Днѣпра.

Всѣ Мойше, по непонятнымъ совершенно соображеніямъ, считаютъ нужнымъ, отъѣхавъ 5—6 верстъ (отъ Кіева), устраивать первую стоянку. На вопросъ, для чего это, онъ всегда

глубокомысленно отвѣчаетъ: „будемъ попасать“ и преспокойно, не слѣзая съ козелъ, начинаетъ переговоры съ другими извозщиками, къ глубокой скорби пассажировъ, остановившимися въ 5 верстахъ подъ Кіевомъ тоже „попасать“.

Гирканье продолжается съ $^1/_2$ часа; лошади убійственно покойно, опустивъ головы чуть не до земли, стоятъ какъ статуи.

Гирканье жидовъ продолжается, и результатъ его—двѣ руки, подающія Мошкѣ деньги. Вы не понимаете этого, но утро вамъ все объяснитъ.

— Ну, цего шидите? Злазте, будемъ ноцевать.

Взвывъ негодованія моего и почтенной офицерши, моей попутчицы, не производитъ ни малѣйшаго впечатлѣнія на Мошку; онъ въѣзжаетъ во дворъ, слазитъ, и мы идемъ въ шинокъ.

И такъ, въ 5 верстахъ отъ Кіева первая ночевка. Шинокъ полонъ жидовъ извозчиковъ; идетъ громкое гирканье, крикъ, ссора; двое Мошекъ ссорятся, слышна вначалѣ „арихан-тателе“ и „арихан-мамеле“; рѣчь ускоряется, голоса становятся крикливѣе, „арихан-тателе“—хватилъ одинъ по восходящей родственной; другой не отстаетъ: онъ вспоминаетъ предковъ женской линіи, всѣхъ предковъ, и оба заключаютъ плевками на землю и словили „ай ду швалоцъ, пашкедстве“....

Мы стоимъ, ибо сѣсть негдѣ, обратиться не къ кому, всѣ увлечены перебранкою... Сальная свѣча на стойкѣ и другая на столѣ плохо освѣщаютъ шинокъ, паръ густой, смѣшанный съ дымомъ трубокъ и папиросъ, не даетъ разсмотрѣть всѣхъ почтенныхъ Мошекъ.

Наконецъ хозяйка замѣтила насъ и повела въ другую, чистую комнату.

Обстановку ея вы знаете; небольшая комната, столъ, уставленный стекляной съ золотомъ посудой, покрытый красной салфеткой, а поверхъ—узорчатой бѣлой; двѣ кровати, наполненныя бѣлыми, громадными пирогами—подушками, съ поднятыми углами въ видѣ ушей, и два деревянныхъ дивана, покрытыхъ поганенькими ковриками.

На стѣнѣ портретъ Садогурскаго рабина и картина, изображающая столъ и на немъ массу золотыхъ свѣчей. Это ком-

ната хозяевъ, она же гостинная, и въ неё впускаютъ „благородныхъ“ пассажировъ.

Моя попутчица и спасительница офицерша оказалась дамою солидною; Мошку она держитъ строго, въ решпектѣ, и видно, что достаточно была искушена въ путешествіяхъ. За чаемъ она разсказала, что ужъ 15 разъ переѣзжаетъ, и здѣсь же привела интересную солдатскую легенду. Въ то время, а особенно въ царствованіе Николая Павловича, казармъ почти не было; всѣ войска стояли на вольныхъ квартирахъ по селамъ; переводили ихъ постоянно съ мѣста на мѣсто; каждый годъ ломали походы и при самыхъ ужасныхъ условіяхъ, ибо кому-же неизвѣстно, что, какъ только войска идутъ, то и дождь и снѣгъ идетъ и распутица? Эти постоянные походы и вызвали легенду. Однажды въ полѣ солдаты ужинали, кашу ѣли, всякій солдатъ за голенищемъ имѣлъ свою ложку; темно было; никто не замѣтилъ, какъ къ группѣ солдатъ подошелъ старичокъ безъ шапки.

„Благослови васъ Богъ! привѣтствовалъ онъ. Солдаты благодарили.

„Хлѣбъ да соль“—сказалъ онъ.—Милости просимъ, садись старичокъ, похлебай солдатской каши!—приглашали солдаты.

Старикъ сѣлъ, посидѣлъ, посмотрѣлъ: всѣ ѣдятъ, а никто ложки не предложитъ.

„Что-жъ ты не ѣшь? спрашиваютъ.

— Да ложки нѣтъ... „Нѣтъ? ну и будешь не солоно хлебавши, носи ложку съ собою.

Старикъ всталъ. „Ну, если вы такіе, если такъ страннаго человѣка принимаете, то будьте вы прокляты, чтобъ вамъ весь вѣкъ учиться и не выучиться, весь вѣкъ ходить и до мѣста не дойти“! Сказалъ и исчезъ. А былъ то не простой старикъ, а угодникъ Божій.

„Вотъ съ той поры у солдатъ вѣчно ученье, и ничего они незнаютъ, вѣчно ходятъ въ походахъ, а до мѣста не дойдутъ,—закончила офицерша.

Благодаря ей и ея одѣяламъ (пледовъ тогда еще въ модѣ не было), мы пристроились кое-какъ на диванчикахъ, но сна-

чала галдѣнье въ сосѣдней комнатѣ, а затѣмъ жиганье, жалинье, колотье и щипанье цѣлой арміи клоповъ не давали долго заснуть...

— Поѣдемъ уже!—раздался голосъ Мошки.

Мы встали. Было темно, два часа ночи; холодно, сыро,— однако, покорные волѣ нашего Мошки, влѣзли мы въ балагулу.

— Это кто здѣсь? Тебѣ чего? Вонъ отсюда!—кричитъ офицерша изъ балагулы.

— Нехай, нехай,—успокоиваетъ Мошка: ницего, пусцай шидитъ,—и по-жидовски что-то скомандовалъ. Въ балагулѣ началась возня, кто-то пересѣдалъ.

Лѣзу и я; влажу, въ темнотѣ сажусь на свое мѣсто и..... о ужасъ! чувствую что-то живое подъ собою. Я кричу: „это кто? тебѣ чего? Вонъ отсюда!

— Нехай, нехай, пусцай шидитъ; Гершъ! гейтъ!—успокоиваетъ Мошко, и что то живое толкаетъ меня, давитъ, выкарабкивается, топчетъ ногами и гдѣ-то въ темнотѣ усаживается.

Мы уже сидимъ, но Мошко исчезъ;—онъ, для угоды и удобства своихъ пассажировъ, теперь только вздумалъ идти разсчитываться съ хозяиномъ за сѣно и овесъ.

Сидимъ $^1/_2$ часа, сидимъ часъ... Наконецъ появляется Мошко, и въ балагулу влазятъ съ двухъ сторонъ сразу двѣ фигуры, влазятъ стремительно, топчутъ намъ ноги, одинъ садится между нами, другой впередъ. Офицерша кричитъ, ругаетъ Мошку, а онъ неизмѣнно: „нехай, нехай, пусцай шидитъ! влазитъ впередъ, раздается въ воздухѣ свистъ кнута и крики „вьё, вьё“!— и колымага выкатывается на шоссе.

Вчерашнія руки, платившія Мошкѣ, обнаружились: когда разсвѣло, мы увидѣли, что, кромѣ насъ двухъ, въ будѣ сидятъ еще 4 шарфа и пятый на козлахъ съ Мошкою рядомъ. Я говорю „шарфъ“ потому, что каждый изъ путешествующихъ жидовъ вполнѣ увѣренъ, что главное — это имѣть на шеѣ шарфъ; пальто легкое, сапожки безъ галошъ, но непремѣнно громадный шарфъ или просто платокъ женскій на шеѣ.

Тѣсно, неудобно, тряско, холодно въ будѣ! На всѣ протесты, ругательства Мошка хладнокровно отвѣчаетъ: „нехай,

пусцай; дорогой все улязится, усядетъ и прецудесно будетъ шидѣть". И мы привыкаемъ.

Дѣйствительно: узелъ одного изъ „шарфовъ" съ сапожными колодками какъ то вростаетъ, вдавливается въ мой бокъ; ноги другого „шарфа", столь жестоко давившія мои ноги, очутились на нашемъ сидѣньѣ, около локтя моего; крыша буды, такъ жестоко бившая по головѣ, какъ бы поднялась, и бьетъ изрѣдка и сравнительно мало и легко; „шарфы", начавшіе было облокачиватся на насъ и кунять носами въ колѣни наши, послѣ грознаго внушенія офицерши, вошли въ норму; а безпокоившее насъ галдѣнье и гирканье нѣсколько притихло, успокоилось послѣ твердаго заявленія офицерши, что она въ г. Козельцѣ позоветъ квартальнаго и велитъ ему всѣхъ обыскать и справиться о ихъ паспортахъ. Евреи ненавидятъ паспорты и всякія законности, предпочитая беззаконія. Благодѣтельнѣйшая офицерша! Никогда ее не забуду!

Буда скрипитъ, звенитъ, стучитъ, изгибается и катится, катится черепашьимъ шагомъ.

Дальше и дальше—и всё тѣ же шинки, тѣ же ненужныя остановки, бесѣды Мошки съ встрѣчными Мошками; остановки съ заявленіемъ „будемъ попасать", т. е. онъ, Мошка, будетъ сидѣть въ шинкѣ, ѣсть гугиль или гуся, мы сидѣть въ будѣ, а лошади стоять, понуривъ головы и въ заключенье, получивъ по ведру воды, ѣхать далѣе. Рѣшительно не понимаю и по сей часъ, чѣмъ жили эти несчастные сподвижники вѣчнаго шатанья Мошки, и какъ они давно не пали? Видно, не только человѣка трудно забить на смерть, трудно и лошадь довести до того же... Черезъ недѣлю мы добрались до Сосницы и здѣсь шабашовали. Вечеромъ въ пятницу добродѣтельный Грыцько, наймытъ шинкаря, отпрегъ лошадей и ухаживалъ за ними.

Въ шинкѣ было чисто, т. е. выметено, еврейки почище одѣты; хозяинъ въ длинномъ сюртукѣ сидѣлъ около печи, обрѣзалъ ногти и бросалъ въ еще непотухшій огонь, на столѣ уже стояла масса маленькихъ сальныхъ свѣчей въ подсвѣчникахъ на ножкахъ, кварта спирту, горячія булки и тарелки. Намъ накрыли въ сторонѣ столъ и поставили супъ и еще что-то

съѣдобное. Все мое вниманіе поглощено было евреями; я въ первый разъ видѣлъ, какъ встрѣчается у нихъ суббота. Вскорѣ изъ другой комнаты и еще откуда-то появились два три мальчика, два взрослые сына, „жать“ (зять) и швагеръ. (Не видалъ я ни одного семейства евреевъ, не зналъ ни одного уголовнаго еврейскаго дѣла, гдѣ бы не былъ по меньшей мѣрѣ одинъ „швагеръ“). Все это мужское семейство сѣло за столъ. Хозяинъ началъ читать или, правильнѣе, завывать молитву и всѣ за нимъ; женщины стояли у дверей или подавали на столъ. Затѣмъ хозяинъ взялъ хлѣбъ, поцѣловалъ его, читалъ молитву, разломалъ и передалъ по куску каждому изъ сидѣвшихъ за столомъ. Потомъ выпилъ спирту и надъ нимъ читалъ молитву и угостилъ всѣхъ и даже мальчиковъ. Никто не улыбался и ничего не говорилъ. Все это было совершено торжественно и отзывало библейскимъ покоемъ. Ужинъ длился долго, и къ концу его сѣли и всѣ женщины, и между ними красавица Рухля. Ѣли они гугиль: вермишель, запеченный въ бабку на смальцѣ изъ гуся, рыбу по жидовски, (превкусная рыба, перчонная, острая!) супъ и варенаго гуся. Все это накладывалось и наливалось изъ большихъ горшковъ, которые накрывались крышкою, замазывались ржанымъ хлѣбомъ и вставлялись обратно въ печь. Мошка нашъ былъ также въ числѣ ужинавшихъ и неузнаваемъ: онъ умылся первый разъ за недѣлю. Послѣ ужина всѣ мыли руки изъ кружки съ двумя ручками и подняли всобщее козлогласованіе, всѣ на разные тоны запѣли и декламировали молитвы. Суета евреевъ, молитвы продолжались часовъ до 10, и затѣмъ все смолкло.

Утро въ субботу началось молитвами, и мужчины ушли въ школу съ мѣшками съ твилимомъ и талесами. Затѣмъ евреи цѣлый день спали, а Мошка рѣшительно не переворотился даже. Только передъ вечеромъ ко мнѣ подсѣлъ хозяинъ и сталъ разспрашивать со свойственною его націи безцеремонностью, кто я, откуда, куда ѣду, а еврейка—отчего я такой молодой и такой желтый, а, узнавъ, что я болѣлъ желтеницей, не подозрѣвая горькой ироніи, совѣтовала смотрѣть на червонцы. Узнавъ мою фамилью, еврей сказалъ, что здѣсь есть мой однофами-

лецъ акцизный надзиратель, „окружной“, какъ онъ его называлъ; я просилъ узнать, какъ его имя и отчество, и это оказался Афанасій Васильевичъ, мой дядько Опанасъ. Къ несчастью я его не засталъ и, оставивъ записочку, что былъ у него и ѣду къ сестрѣ, уѣхалъ далѣе.

Чѣмъ ближе мы подъѣзжали къ Новгородъ-Сѣверску, тѣмъ бдительнѣе и усерднѣе былъ за мною надзоръ Мошки; онъ не выпускалъ меня изъ виду, когда я шелъ впередъ пройтись; чемоданчикъ мой хранился уже не въ будѣ, а на передкѣ, гдѣ Мошка сидѣлъ. Тѣмъ не менѣе мы разстались съ Мошкою друзьями, и онъ добросовѣстно посчиталъ все мною съѣденное и выпитое, получилъ деньги, а дорогою выучилъ меня нѣсколькимъ еврейскимъ пѣснямъ, которыя я и до сихъ поръ помню.

Замѣтки мои и воспоминанія о дядѣ такъ расплылись и уклонились отъ главной цѣли, задачи этого разсказа, что я долженъ отказаться отъ удовольствія вспоминать моихъ друзей, козаковъ Оснашей, титку Нянилу съ ея заговорами, леченьями и ворожбою, и перейти непосредственно къ встрѣчѣ съ Опанасомъ. Недѣли черезъ двѣ за мной пріѣхалъ Дорошенко, пріятель Афанасія Васильевича и его помощникъ, и увезъ въ Сосницу. Дядька я засталъ въ убогой обстановкѣ; въ его распоряженіи были двѣ комныты, въ остальныхъ помѣщалось акцизное управленіе. Эти двѣ комнаты наполнены были столами, а на нихъ масса книгъ, тетрадей и исписанныхъ листовъ, все это въ безпорядкѣ. Здѣсь лежала груда листковъ съ народными пословицами, тамъ—ноты, между ними рукописи и опять лоскутки съ записанною гдѣ-нибудь пѣснею, стихотвореньемъ, стаканъ недопитаго чаю,—обстановка столь знакомая студентамъ. Опанасъ горячо меня привѣтствовалъ и долго разспрашивалъ объ отцѣ, скоропостижно умершемъ въ Красноборскѣ, о матери, сестрахъ и среди этихъ разспросовъ разсказывалъ о Марьѣ Александровнѣ и Богдасѣ, что они бѣдуютъ въ Парижѣ, что, несмотря на посылки денегъ, они никакъ не могутъ пріѣхать, и онъ страшно тоскуетъ.

Вообще считаю нужнымъ оговориться, что, по полученіи писемъ изъ Парижа, дядя то оживлялся, немедленно бѣгалъ искать квартиру, покупалъ мебель, т. е. одну кровать или какой нибудь ни для кого ненужный столикъ или дорогую лампу безъ стекла и колпака,—и второе письмо повергало его въ печаль: онъ былъ мраченъ, столикъ отсылался обратно, лампа дарилась хозяйкѣ, и дядя твердилъ печально: „не прыидуть, не прыидуть не прыидуть, не можна!“ На мои разспросы, отчего не пріѣдутъ, онъ мрачно отвѣчалъ „не можна... богато казать, та ничого слухать“. И эти обѣщанія пріѣхать и опять отказы пріѣхать тянулись цѣлые $^1/_2$ года 1866 и 1867, все время моего совмѣстнаго житья.

Какова его обстановка, такова и вся его жизнь была. Безсребренникъ поразительный, онъ ни одного момента не задумывался, дать ли ему денегъ первому встрѣчному, заявившему ему о своей нуждѣ; онъ никогда не имѣлъ ни гроша, ибо въ день полученья жалованья все раздастъ и разошлетъ.

На утро послѣ моего пріѣзда у него было собранье служащихъ: здѣсь я увидѣлъ вновь помощника его Дорошенка, бухгалтера Быковскаго (кажется) и человѣкъ 6—7 юношей такихъ, какъ и я. Все это были старшіе надсмотрщики. Онъ устроилъ надзоръ на винокуренныхъ заводахъ такъ: старшіе надсмотрщики были юноши, или выключенные изъ гимназій и семинарій, или вышедшіе оттуда по собственному желанію; всѣ они подъ руководствомъ дядьки готовились въ университетъ; онъ возилъ имъ книги, поддерживалъ ихъ, выдавалъ черезъ годъ наградные изъ %% денегъ по 100 и 200 р. и благословлялъ идти въ науку, въ университетъ.

Заводы, по мнѣнію дяди, сближали насъ съ народомъ, знакомили насъ съ нимъ.

На заводахъ положенье наше было тягостное: всѣ ключи отъ подвала, затрубныхъ и отъ разныхъ ларей были у насъ, старшихъ, а всю черную работу несли младшіе изъ нижнихъ чиновъ, отставныхъ чиновниковъ, былъ даже одинъ маіоръ, горькій пьяница. Молодежь не сдавалась ни на какіе подкупы;

я помню, что на Лазовскомъ заводѣ предлагали плату по 15 р. въ день за самое небольшое попущеніе.

Оригинальную картинку представляло это собраніе у Афанасія Васильевича: за столомъ сидѣли почти дѣти 16—18 лѣтніе, одѣтые въ свитки или кожушки, рядомъ съ ними сѣдоусые надсмотрщики и заправскіе чины,—но ничто не напоминало, что между ними есть ихъ начальникъ. Дядько въ кожушкѣ держалъ рѣчь.

Много прошло времени съ тѣхъ поръ, но я помню, что онъ говорилъ. Обсуждался вопросъ, какъ бороться съ жидомъ винокуромъ (всѣ заводы были въ рукахъ жидовъ), какъ охранить заводы отъ хищенія спирта и выдачи его помимо надзора. Дядько вѣщалъ, а мы внимали: „казна богата — то злодіи дураки говорять. Украсты копійку у Ивана або Петра—то лыхо, а вкрасты, або пустыть крадежъ казенной копійки—це гиршее лыхо, бо тутъ не знаешъ кому виненъ, бо виненъ милліонамъ Иванивъ-хлиборобивъ“. И далѣе шла подробная, обстоятельная лекція о значеніи государственныхъ богатствъ, о производителяхъ истинныхъ и т. д. Такъ называемое совѣщаніе, т. е., пропаганда честности, любви къ народу, отечеству, сознательному служенію государству даже надсмотрщиками, тянулось далеко за полночь. За ужиномъ, достаточно бѣднымъ, много ѣлось, сыпались остроты, прибаутки, пословицы и все закончилось хоровымъ пѣніемъ малорусскихъ пѣсенъ. Въ жизни моей не приходилось встрѣчать другого человѣка, который бы съ такою устойчивостью, вездѣ, на всякомъ мѣстѣ, буквально на всякомъ мѣстѣ, проповѣдывалъ бы любовь къ народу, снисхожденіе къ нему, глубокую вѣру въ науку и знанія. Чудаковатость, рѣзкость, оригинальность, прямота и честность были основными чертами его характера. Помню одинъ случай: были мы у предводителя дворянства, нашего, однофамильца Марковича; „гостювалы“, а послѣ завтрака все общество вышло провожать насъ. Дядько Опанасъ распростился и взялся руками за тарантасъ, поставилъ ногу на подножку и только что хотѣлъ сѣсть, какъ взоръ его упалъ на кучера обывательскихъ кониковъ, крестья-

нина, недовольно и неловко возсѣдавшаго, конечно, не на козлахъ, а на подножкѣ.

— А чи ты знаешъ, яке сегодня свято? спросилъ дядя.

— А хто его знае, отвѣчалъ недовольный хлиборобъ.

— Якъ? не знаешъ? и, перемѣнивъ тонъ, обратился онъ покойно къ обществу: винъ не знае, бо винъ зъ нимцивъ або зъ жидовъ.

Взрывъ смѣха смутилъ кучера, и онъ, озлившись, сказалъ: „не зъ нимцивъ я, а православный, зъ хрестьянъ, тутешній, сосницкого повиту"...

— А! А! грозно, драматически произнесъ дядько; ты тутешній и не знаешъ, хто булы св. Борисъ и Глибъ! Несчастный!—и кони дернули, и дядько упалъ. Но лошадей удержали, а дядько, яко бы къ кучеру, но всему обществу прочелъ блестящую лекцію о мученикахъ князьяхъ, ихъ значеніе для родины и мѣстнаго края, и только черезъ два часа мы вернулись обратно въ гостинную, „бо треба коней попасты, я ихъ такъ заговорывъ, що зъ двору не выидуть", заключилъ дядько, покрывая это своимъ задушевнымъ раскатистымъ смѣхомъ. Это было 2-го мая 1867 года.

Не дождался онъ пріѣзда семьи изъ Парижа: жены Марьи Александровны и сына Богдана.

Здѣсь, кажется, у мѣста будетъ сказать, что я лично посылалъ нѣсколько разъ по порученію А. В., деньги Марьѣ Асександровнѣ, и этимъ опровергнуть возложенную на его доброе имя хулу и клевету. Такъ, въ Вѣст. Евр. за 1885 г. кн. 3, стр. 36 въ статьѣ Анненкова „Переписка съ И. С. Тургеневымъ" въ письмѣ изъ Парижа отъ 12 октября 1860 г. значится: „Пристройте, т. е., помогите устроить чрезъ Е. Ковалевскаго, Марковича (мужа г-жи Марко Вовчокъ). Жена его здѣсь несовсѣмъ здорова и грустить. Но это пройдетъ, и она оправится. А главное, она безъ гроша. Хотя мужъ ей посылать не будетъ, но если у него будетъ порядочное жалованье, такъ онъ, по крайней мѣрѣ, не будетъ ее грабить".

Очевидно, идеально честнаго и геніальнаго писателя кто то ввелъ въ заблужденіе...

Мы ждали опроверженія со стороны тѣхъ, кто получалъ отъ него деньги и кому должна быть дорога память А. В., но тѣ молчали и молчатъ. И пусть на ихъ совѣсть падетъ гнетъ такого позорнаго обвиненія...

Въ годъ моего пребыванія въ сосницкомъ уѣздѣ нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ и я, пошли въ университетъ и технологическій институтъ, благодаря пособію предоставленіемъ заработковъ и нравственной поддержкѣ со стороны Афанасія Васильевича.

Въ іюнѣ 1867 г. дядько заболѣлъ и переѣхалъ въ Черниговъ. Здѣсь онъ жилъ въ семьѣ Н. Гр. Загорскаго, или правильнѣе эта семья жила съ нимъ. Больной, онъ былъ постоянно истязуемъ сценами ревности и вымогательствомъ денегъ со стороны горькаго пьяницы Загорскаго. Это былъ несчастный, пропившійся, раззорившійся помѣщикъ; горбатый, уродливый, злой въ пьяномъ видѣ, онъ „владѣлъ" женою изъ дома Ходотовъ Меланіей Авдѣевной, прекрасной, красивой, доброй и съ громадными голосовыми средствами. М. А. была украинскимъ соловьемъ.

Какъ Остапъ Вересай былъ послѣднимъ бандуристомъ, такъ и М. А. была послѣдней пѣвицей „жиночихъ писень". Лучше ея никто не пѣлъ, знать пѣсенъ больше ея—никто не зналъ. Почти весь 3-й выпускъ народныхъ пѣсенъ Н. В. Лысенка записанъ изъ ея устъ.

Пьяные дебоши и побои Загорскимъ жены своей, въ присутствіи больного дядька, нѣжно любившаго Меланію Авдѣевну,—изводили его, и друзья его, И. Н. Дорошенко, Рашевскіе, Волки, Лавриненко и другіе перевели его въ отдѣльное помѣщеніе городской больницы, кажется, въ квартирѣ смотрителя. Въ 1-хъ числахъ августа онъ выписалъ меня и кузину Манефу Аполлоновну, по мужу Писемскую, и здѣсь, въ больницѣ, я его засталъ въ безнадежномъ состояніи.

Болѣлъ онъ туберкулезомъ кишекъ, а затѣмъ и легкихъ. Но здѣсь этотъ, якобы губитель своей семьи, надѣялся и ждалъ пріѣзда жены и сына въ особенности и не дождался...

Дня за 4 до смерти, ночью дядько подозвалъ меня и сказалъ:

— Чи ты знаешь, що я бувъ у тюрьми, якъ злодій?

— Знаю, отвѣчалъ я.

— Я *имъ* усе простывъ... прощай и ты, Дмытре; „не вѣдаютъ бо что творятъ"... Я не бувъ злодій, а отъ тоби мій приказъ.—Знаешъ ты, що я вже не житыму... Мовчи... У шкатульцѝ бумаги есть, дай ихъ.

Я подалъ, и онъ сталъ уничтожать массу замѣтокъ, писемъ... Вынувъ конвертъ изъ твердой бумаги, онъ далъ его мнѣ.

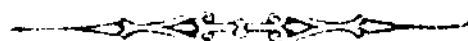
— Оттутъ дви бумажки, тамъ напысано, чого мы хотилы, чимъ жилы, въ кого вировалы....

„Заховай, отдай Тони (моя мать) нехай сховае, а якъ можна буде, надрукуй...

Утромъ 1 сентября 1867 г., часовъ около 8, дядя Афанасій Васильевичъ скончался на моихъ рукахъ при кузинѣ Манефѣ и изступленныхъ рыданіяхъ Маланіи Авдѣевны....

Хоронили его, какъ и насъ всѣхъ служащихъ и не пріобрѣтшихъ домика на имя жены будутъ хоронить, по подпискѣ; друзья покойнаго сложились, и на Ильинскомъ кладбищѣ Чернигова сложили останки благороднѣйшаго, талантливаго, скромнаго сѣятеля добра, красоты и науки....

Димитрій Марковичъ.



Нѣкоторыя черты изъ былой жизни духовенства юго-западнаго края. [1]

(ОКОНЧАНІЕ).

II.

На основаніи представленнаго случая легко догадаться, что консисторскіе чиновники находились какъ бы въ нѣкоторой предосудительной стачкѣ съ благочинными, и въ виду этого не мѣшаетъ присмотрѣться поближе къ дѣйствіямъ этихъ послѣднихъ. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ замѣтить, что веденіе священниками всякаго рода письменной отчетности являлось въ глазахъ благочинныхъ доходной статьей, откуда они по возможности старались извлекать прибыль и, благодаря разнымъ ухищреніямъ, достигали своей цѣли. Требовалось, напр., однажды доставить въ консисторію къ извѣстному сроку метрическія свѣдѣнія по всей губерніи, которыя нужны были для составленія генеральной вѣдомости. Однако въ срокъ это требованіе почти никѣмъ не было исполнено; нѣкоторые же священники метрическихъ книгъ никогда не писали, а потому и совсѣмъ отказались отъ исполненія, такъ что, для острастки, на счетъ виновныхъ, былъ командированъ къ нимъ особый чиновникъ, которому поручено было собрать на мѣстѣ необходимыя метрическія данныя. Въ то же время одинъ благочинный объяснялъ свою медленность тѣмъ, что двое десятоначальниковъ его округа

---

[1]) См. „Кіевск. Старина“ 1893 г., № 3.

„болѣе о пріобрѣтеніе себѣ користи, нежели о исполненіи указныхъ предписаній старались". Забравъ къ себѣ формы требуемыхъ вѣдомостей, они не показывали ихъ подвѣдомственнымъ священникамъ и „сами для многихъ сочинять за деньги похотились" [1]). Впрочемъ, въ другой разъ благочинный съ полною готовностью выдавалъ, даже безъ надобности навязывалъ формы разныхъ вѣдомостей, а когда священникъ представлялъ составленныя по этимъ формамъ самыя вѣдомости, то онъ находилъ ихъ неудовлетворительными и отказывался принимать. „Видаетъ образъ разныхъ писимъ—писалъ уже упомянутый свящ. Ендржеевичъ—потомъ здѣланній непріимаетъ, но своему дяку писать кажетъ, а ему чтобъ платить что схощетъ". Такимъ образомъ, сверхъ всякаго чаянія, и дьячекъ оказывается пособниковъ и участникомъ разныхъ незаконныхъ придирокъ, но, конечно, его роль была болѣе, чѣмъ пассивная: не трудно понять, что онъ употреблялся скорѣе для отвода глазъ.

Самый фактъ появленія священниковъ съ разными приходскими документами въ домѣ благочиннаго служилъ ему поводомъ для поборовъ. Тотъ же Ендржеевичъ пишетъ, что благочинный „по Рождествѣ за метрики отъ котораго что моглъ напрасно бралъ, я самъ ледве на рубль старій упросилъ что принялъ, а хотѣлъ конечне два дуката!" До какихъ значительныхъ размѣровъ простирались эти поборы, видимъ изъ заключительныхъ словъ прошенія этого священника. „Мой приходъ, говоритъ онъ, хотяй кажется прибольшой, но народъ убогъ. Я имѣя жену и дѣтей=8=отъ куду озму на такъ частую оплату денегъ, уже и такъ до ста злотыхъ [2]) ѿ Рождества Христова потиралъ зъ натиснутія благочиннаго моего". Всѣ эти обстоятельства предписано было изслѣдовать, обративъ особенное вниманіе на то, что благочинный съ „подсудныхъ священниковъ" производитъ денежные поборы. Но обвиняемый въ скоромъ времени умеръ, а потому дѣло, не успѣвши начаться, было прекращено и сдано въ архивъ [3]).

[1]) Арх. Вол. Дух. Консист. № 660.

[2]) Если согласимся, что злотый равнялся 15 коп.,—выходитъ 15 рублей: по тому мремени деньги большія.

[3]) Арх. волын. дух. конс. № 550.

Интересно, что нѣкоторые благочинные находили неудобнымъ такой примитивный способъ увеличенія своихъ доходовъ. Извольте-ка, въ самомъ дѣлѣ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ предпринимать новую аттаку, толковать, выяснять, убѣждать. Тутъ невольно нарвешься на непріятность и попадешь иной разъ на такую непонятливую Коробочку, или на столь развязнаго Ноздрева, что послѣ и самъ не радъ будешь. Не лучше ли „нормировать" это дѣло, придать ему строго-опредѣленный характеръ, установить разъ навсегда извѣстную таксу и этимъ самымъ санкціонировать за нимъ нѣкоторый видъ законности? Такъ и поступилъ житомирскій благочинный, протоіерей Кизимовичъ, возведенный въ это достоинство изъ уніатскихъ администраторовъ. Онъ самъ сознался, что взималъ отъ священника по 2 коп. съ каждаго двора въ приходѣ, а съ дьячка по денежкѣ. Однако въ жалобѣ, представленной священниками, добавлено, что кромѣ того онъ еще взыскивалъ съ каждаго изъ нихъ по полтинѣ. При взиманіи этихъ сборовъ, благочинный заявлялъ, что это онъ дѣлаетъ по указу консисторіи, куда будто и отсылаетъ деньги, оставляя себѣ лишь „малую часть". Предъ начальствомъ же онъ объяснялся, будто священники сами изъявили добровольное согласіе дѣлать эти взносы, въ удостовѣреніе чего представилъ ихъ подписку отъ 31 августа 1795 г. [1]). Но въ подпискѣ есть одна необъяснимая странность: на ней значится фамилія сингурскаго священика, который тогда вовсе еще и не былъ священникомъ. Однако духовенство понимало полное беззаконіе этихъ сборовъ, и вотъ, когда въ с. Пискахъ между свящ. Михайловскимъ и его предмѣстникомъ, изъ уніатовъ, свящ. Величковскимъ возгорѣлась распря, то одинъ изъ нихъ говорилъ другому: „Пр. Кизимовичъ отвѣчаетъ за взятки, а и вы за взыманіе таковыхъ же... будете въ свое время отвѣчать" [2]).

Помимо этого, нужно сказать, что вообще благочинные не пропускали подходящихъ случаевъ для извлеченія изъ нихъ соб-

---

[1]) Арх. волын. дух. конс. № 46.

[2]) Ibid. № 54.

ственной пользы... Въ отношеніи къ окружному духовенству они пользовались гораздо большею властью, чѣмъ теперь, а потому и подходящіе случаи представлялись довольно нерѣдко. Мы уже видѣли, что благочинный могъ, напр., подвергать священника денежному штрафу, чего теперь нѣтъ и въ поминѣ. Могъ онъ давать священнику довольно важныя командировки, сопряженныя съ большими расходами,—и тотъ не смѣлъ противиться. Такъ, уже извѣстный намъ благоч. Бакуревичъ поручилъ свящ. с. Могилянъ острожск. уѣзда Волосевичу отправиться, вмѣсто себя, въ Житомиръ за книгами. Время было осеннее, дорога прескверная... но священникъ не могъ „отговоритись" и „за пожиченними въ церкви деньгами" поѣхалъ на своихъ лошадяхъ и привезъ книги. Хотя благочинный раньше и обѣщалъ „за трудъ выдатокъ въ путѣ денегъ", однако ничего не далъ, а когда тотъ же священникъ взялъ въ свою церковь книги, не заплативши за нихъ, что было положено, то благочинный публично обличалъ его въ воровствѣ и лошадь у него „заграбылъ, какъ бы въ злодѣя" [1]). Или вотъ, напр., еще подходящій случай. По возсоединеніи уніатовъ, начались маленькія передѣлки во внутреннемъ устройствѣ приходскихъ храмовъ въ смыслѣ приближенія ихъ къ православному типу. Съ этою цѣлью вездѣ были вновь построены по извѣстному образцу престолы. Согласно общепринятому порядку, всѣ церкви должны были быть наново освящены. Этимъ дѣломъ завѣдывали благочинные, но всякій разъ требовали себѣ вознагражденія. Стали возникать жалобы, и архіеп. Викторъ Садковскій особымъ указомъ выразилъ порицаніе такимъ дѣйствіямъ, „запретивъ требовать, или брать за то каковую-либо плату, во пресѣченіе подобныхъ жалобъ, каковы уже на нѣкоторыхъ благочинныхъ отъ священниковъ и ихъ прихожанъ доходить ко мнѣ начали" [2]).

Насколько широки были полномочія благочинныхъ, видно изъ той роли, какая была присвоена имъ при опредѣленіи священниковъ на приходъ. Для всякаго кандидата священства од-

---

[1]) Ibid. № 634.

[2]) Ibid. № 28.

нимъ изъ необходимѣйшихъ документовъ было „заручное“ или „желательное прошеніе„, или же, какъ оно еще иначе иногда называлось, „одобреніе“ отъ прихожанъ. То одинъ, то другой, то третій изъ указанныхъ терминовъ почти безразлично прилагались къ этому документу, но только взятые въ своей совокупности, они вполнѣ выражаютъ его смыслъ. Здѣсь, вопервыхъ, свидѣтельствовалась личность намѣченнаго кандидата и перечислялись нравственныя его качества, съ выраженіемъ надлежащаго одобренія; во вторыхъ, высказывалось желаніе имѣть священникомъ именно его, а не кого-либо другаго; въ третьихъ, наконецъ, здѣсь были приложены руки крестьянъ, подписывавшихся обыкновенно „знакомъ святаго креста“. Безъ этого документа никто не могъ имѣть никакихъ видовъ на извѣстный приходъ. Между тѣмъ взятіе такого „одобренія“, или „желательнаго прошенія“ всецѣло было предоставлено благочиннымъ; они же своею подписью и печатью завѣряли его подлинность. Затѣмъ дѣло шло къ архіерею, иногда чрезъ духовное правленіе, иногда чрезъ того же благочиннаго. Такъ или иначе, но кандидатъ священства долженъ былъ задобрить прежде всего ближайшее начальство. Однако нѣкоторые изъ благочинныхъ, не ограничиваясь добровольными приношеніями, вымогали и лишнее. Когда діак. Буткевичъ „промовался“ на приходъ, то при взятіи одобренія далъ благоч. Высоцкому четыре рубля, да брату его, при полученіи „презентальныхъ бумагъ“, далъ одинъ рубль, а одинъ серебряный рубль вручилъ ему же на ярмаркѣ въ м. Народичахъ. Высоцкому этого было мало и онъ потребовалъ еще три рубля, но такъ какъ Буткевичъ не имѣлъ больше, то его заставили дать росписку на эту сумму. Выведенный изъ терпѣнія чрезмѣрными требованіями, онъ пожаловался начальству. На допросѣ въ консисторіи бл. Высоцкій пробовалъ было сначала отрицать заявленіе діак. Буткевича, но сторонамъ даны были очныя ставки, и тутъ-то и выяснились существенныя черты дѣла въ томъ видѣ, какъ онѣ изложены. Удостовѣрившись въ наличности злоупотребленія, еп. Варлаамъ въ своей резолюціи писалъ: „По всему видна іерея Іоанна Высоцкаго съ другимъ іереемъ Григоріемъ Высоцкимъ постыдная стачка къ озло-

бленію невиннаго человѣка. Дабы впредь на подобное не покушалися, то велѣть взыскать съ лихоимщиковъ въ пользу обидимаго не только 4 руб., которые они отъ него дѣйствительно взяли, но и тѣ, которые по силѣ исторгнутыя подписки, взять еще хотѣли; и сіи послѣдніе взыскать въ наказаніе ихъ числомъ сугубымъ, съ перваго, т. е. три, и съ втораго три руб., а всѣхъ 10 руб.; и какъ іерей Іоаннъ Высоцкій здѣсь на лицо, то онъ и долженъ удовлетворить по вышеписанному діакона и за партизанта своего, а съ нимъ можетъ послѣ вѣдаться. Сверхъ того отрѣшить его, яко недостойнаго, отъ должности, къ коей кѣмъ онъ опредѣленъ, о томъ я освѣдомленъ быть желаю" [1]).

Къ довершенію характеристики дѣятельности благочинныхъ съ этой стороны необходимо указать на странную попытку ихъ захватывать въ свои руки по нѣсколько приходовъ. Тѣмъ страннѣе эта попытка, что ее обнаруживали лица, отъ которыхъ меньше всего можно было ожидать этого. Такъ, когда настоятель м. Шепетовки не пожелалъ возсоединиться, то его приходъ былъ засчитанъ вакантнымъ и порученъ въ наблюденіе одному праздному священнику. Но благоч. м. Судилкова, а послѣ протоіерей заславскій Тороканъ-Тхоржевскій просилъ арх. Виктора устранить этого священника и предоставить м. Шепетовку въ наблюденіе ему. Основательныхъ причинъ для этого онъ не указываетъ, а напротивъ, самъ сознается, что онъ рукоположенъ безженнымъ, такъ какъ во время уніи такой порядокъ допускался въ подражаніе общепринятой практикѣ римско-католической церкви. Отсюда можно бы заключить, что его потребности, какъ человѣка безсемейнаго, были ограничены и что поэтому онъ долженъ былъ бы постѣсниться вступать съ подобнымъ ходатайствомъ. Но это не удержало его въ должныхъ границахъ и онъ все-таки взялся хлопотать. Однако хлопоты кончились ничѣмъ, такъ какъ ходатайство его не было удовлетворено. Бывали также благочинные, которые заявляли стремленія по своему произволу разсортировывать при-

[1]) Ibid. № 558.

ходы, но, вслѣдствіе возникавшихъ жалобъ, были благоразумно останавливаемы въ такомъ, слишкомъ неумѣстномъ, рвеніи. По крайней мѣрѣ, когда „вице-благочинный“ (т. е. исправляющій должность) Ципановскій приписалъ с. Кривичи къ приходу тестя своего, то, по жалобѣ обиженнаго, велѣно было другому благочинному изслѣдовать это дѣло, причемъ еп. житомирскій Варлаамъ мотивировалъ свое распоряженіе главнымъ образомъ тѣмъ, что эта незаконная приписка состоялась „противу желанія поселянъ“ [1]).

Покончивъ съ оо. благочинными, обратимся еще, на самое короткое время, къ кандидатамъ священства и прослѣдимъ дальнѣйшія ихъ похожденія.

Какъ уже было упомянуто, представленія объ нихъ къ архіерею шли очень часто чрезъ духовное правленіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо замѣтить, что вообще каждый кандидатъ священства, по тѣмъ или другимъ поводамъ, все таки долженъ былъ являться также и въ духовное правленіе. Такимъ образомъ, если онъ счастливо разсчитался, въ лицѣ благочиннаго, съ первой стадіей испытаній, то, переступая порогъ духовнаго правленія, начиналъ готовиться къ новымъ неизбѣжнымъ посягательствамъ на свой карманъ. Нужно было, напр., Горскому получить въ староконстантиновскомъ духовномъ правленіи метрическое свидѣтельство о рожденіи,—онъ и явился за нимъ. Свидѣтельство уже было заготовлено и оставалось только подписать. Вотъ Горскій взялъ бумагу и поднесъ протоіерею Пашкевичу для подписи. Но протоіерей спросилъ:

— Уплатилъ ли ты за трудъ въ канцелярію?

— Еще дѣла своего не получилъ, то и награжденія не учинилъ, отвѣчалъ Горскій.

— Мнѣ надлежитъ наградить, ибо дѣло таковое платится три рубля.

Но Горскій доложилъ, что имѣетъ только „три злоты“ (т. е. 45 коп.)

— Поди прочь! услышалъ онъ въ отвѣтъ.

---

[1]) Арх. волын. дух. конс. № 489.

Такъ и ушелъ Горскій прочь ни съ чѣмъ.

Спустя нѣсколько дней, онъ вторично явился къ протоіерею, и тотъ велѣлъ ему идти въ канцелярію.

— А съ надеждою ль о полученіи оного? будетъ ли съ чѣмъ у архипастыря явиться?—рѣшился онъ спросить.

Вмѣсто отвѣта протоіерей обозвалъ его дуракомъ, а когда онъ заявилъ, что „отъ архипастыря своего таковой грубости не слыхалъ, онъ протоіерей безчестнымъ словомъ началъ болѣе грубыть, Горскій, выдя вымогательство и покушенія на взятокъ протоіерея, безъ свидѣтельства отъѣхалъ въ домъ“[1]). Необходимый документъ былъ вытребованъ только путемъ оффиціальныхъ сношеній. Что касается нѣсколько удивительной въ этомъ случаѣ неуступчивости Горскаго, то она объясняется, быть можетъ, тѣмъ, что собственно представленіе объ немъ зависѣло отъ заславскаго духовнаго правленія, по отношенію къ которому и должны были направляться его благодарственныя чувства; обращеніе же къ староконстантиновскому протоіерею было болѣе или менѣе случайнымъ, а потому и окончилось столкновеніемъ.

Если староконстантиновское духовное правленіе, въ лицѣ прот. Пашкевича, слишкомъ круто дѣйствовало по отношенію къ кандидатамъ священства, такъ что имъ подчасъ приходилось довольно солоно, то наоборотъ, луцкое духовное правленіе, въ нужныхъ случаяхъ, бывало очень снисходительно и допускало даже нарушеніе закона. Между прочимъ, по закону, при представленіи кандидатовъ къ рукоположенію, должны были прилагаться и выданные имъ билеты на женитьбу. Но вотъ, при представленіи Мицевича, формальность не была соблюдена и билета не оказалось. Консисторія потребовала билетъ и нашла, что онъ просроченъ. Это, конечно, мелочь, но на нее взглянули слишкомъ строго и положили оштрафовать членовъ луцкаго духовнаго прявленія 10 руб. Хотя еп. Варлаамъ уменьшилъ эту сумму до 3-хъ руб., но главный членъ, прот. Вигура, счелъ нужнымъ объясниться. Оказалось, что онъ не зналъ о суще-

[1]) Ibid. № 571.

ствованіи закона, такъ какъ былъ въ отлучкѣ, когда онъ состоялся. А между тѣмъ Мицевичъ былъ родственникъ прот. Княжинскаго, и вотъ тотъ просилъ оказать ему снисхожденіе. Вигура повѣрилъ его словамъ и, чтобы избавить просителя отъ лишней поѣздки въ г. Острогъ, написалъ представленіе. Впослѣдствіи консисторія отмѣнила штрафъ съ виновныхъ, за что они сочли долгомъ выразить ей свою „глубочайшую благодарность [1]). Такимъ образомъ, идеалы Фамусова, который старался разыскать родню ползкомъ, хоть на днѣ морскомъ, и почиталъ преступленіемъ не порадѣть родному человѣчку, были предвосхищены нѣкоторыми духовно-административными органами и уже въ давнее время высоко цѣнились въ этой средѣ.

Благополучно перешагнувши всѣ предварительныя ступени чистилища, кандидатъ священства приближался теперь къ самому входу въ него. Онъ пріѣзжалъ въ епархіальный городъ, гдѣ его ожидалъ экзаменъ, предстояли разные допросы и вообще все то, что обыкновенно въ такихъ случаяхъ бывало, а отчасти и бываетъ. Поэтому слѣдовало бы намъ изобразить тѣ злоключенія, какія онъ претерпѣвалъ здѣсь. Но это задача довольно сложная, да и нѣтъ у насъ требуемыхъ матерьяловъ. Объ этихъ злоключеніяхъ мы можемъ только гадать. Нѣкоторыя немаловажныя основанія для такихъ гаданій даетъ намъ жалоба прот. Бочковскаго на староконстантиновскаго протоіерея Пашкевича. Бочковскій былъ одинъ изъ дѣятелей возсоединенія. Вызванный изъ минской епархіи, онъ былъ назначенъ въ староконстант. округу благочиннымъ, разъѣзжалъ по селамъ и занимался присоединеніемъ уніатовъ. Прихода онъ не имѣлъ и, какъ кажется, считался какъ бы прикомандированнымъ къ уѣздному собору. Когда возсоединеніе кончилось, онъ задумалъ прочнѣе утвердиться здѣсь, но мѣстный протоіерей не допустилъ его до этого. Бочковскій жалуется, что прот. Пашкевичъ даже не дозволяетъ ему служить и одинъ всѣми доходами пользуется „по причинѣ, какъ самъ проговорилъ, чтобы выбрать деньги, здержанніи нимъ при производствѣ его въ протоіе-

---

[1]) Ibid. № 446.

реи" [1]). Въ протоіереи производились и производятся почтенные, заслуженные священники, выдающіеся какими-ниб. особенными достоинствами. Если для такихъ лицъ служебное повышеніе требовало специальныхъ расходовъ, то что же сказать о новичкахъ, едва вступающихъ на стезю священства? Не безъ основанія можно утверждать, что они представляли собою обильную жатву для тѣхъ лицъ, отъ которыхъ въ томъ или другомъ отношеніи были поставлены въ зависимость.

III.

Таковы были отклоненія отъ прямаго пути, имѣвшія мѣсто при обычномъ и нормальномъ теченіи дѣлъ. Нѣсколько иное освѣщеніе принимаютъ они и съ совершенно новой стороны выступаютъ передъ нами въ томъ случаѣ, когда естественный порядокъ нарушался, т. е. когда священникъ по тѣмъ или другимъ поводамъ подпадалъ подъ слѣдствіе. Если на него взводили ложное обвиненіе, если какіе-либо злые люди изобрѣтали чудовищную каверзу, или донимали напрасной клеветой, онъ еще храбрился, вступалъ въ честный, открытый бой, отстаивалъ, какъ умѣлъ, свою личность, ратовалъ за свою правоту и ею старался сразить врага. Онъ зналъ, что подъ ногами у него твердая почва, и потому дѣйствовалъ смѣло. Само собою понятно, что совсѣмъ не такъ чувствовалъ себя дѣйствительно провинившійся іерей. Желаніе избѣжать строгаго приговора суровой Немезиды подсказывало ему испытанное вѣками средство— подкупъ тѣхъ лицъ, отъ которыхъ ближайшимъ образомъ зависѣла его будущая судьба. Не всегда это средство оказывалось вполнѣ надежнымъ и кое-когда приходилось обманываться. Въ этомъ отношеніи не безъинтересенъ случай съ однимъ священникомъ с. Онацковецъ лабунскаго уѣзда. Этотъ священникъ, будучи вдовъ, „оставилъ, какъ выражается благоч. Гловачевскій, добродѣтель званія своего быть ему трезвенну на всякое время, принялъ образъ пяницы и плоды его". Самъ архіерей, при

[1]) Ibid. № 95.

двукратномъ проѣздѣ, каждый разъ заставалъ его пьянымъ. Крестьяне первоначально защищали своего священника, скрывали его недостатокъ и на вопросы благочиннаго большею частью отмалчивались. Но потомъ что-то не поладили и по собственной иниціативѣ представили довольно неблагопріятныя свѣдѣнія о немъ. Даже при совершеніи нѣкоторыхъ таинствъ, напр., крещенія, онъ бывалъ въ такомъ состояніи, что воспріемники и церковно-служители, въ предупрежденіе паденія, должны были его поддерживать, „а при погребеніи проводимъ былъ подъ руки и надъ гробомъ умершаго удерживанъ, чтобы въ яму не упалъ". Однажды въ такомъ состояніи онъ зашелъ къ шляхтянкѣ Яцкевичевой, „осмѣлилъся касать за тѣло ее" и дѣлалъ извѣстныя, весьма недвусмысленныя предложенія. Проступки— все явные, очевидные; священникъ понималъ, что коли на то пойдетъ и начнется слѣдствіе, ему не сдобровать, а потому, доносилъ благ. Гловачевскій, „хотя знайти у меня мылость, покусился здѣлать меня вторымъ Іудою, да бымъ я за три червонца продалъ истенну". Оказать же въ настоящемъ случаѣ милость было тѣмъ менѣе возможно, что самъ архіерей уже имѣлъ поводъ убѣдиться въ небезупречномъ поведеніи священника. Въ своей резолюціи онъ писалъ: „Въ самомъ дѣлѣ, переѣжжая чрезъ с. Онацковцы, дважды я заставалъ священника пьянаго, и при послѣднемъ разѣ, явился онъ предо мною въ крайнемъ безъобразіи" [1]). Но, кромѣ того, есть основанія полагать, что этотъ именно благочинный, въ силу свойственныхъ ему принциповъ, не могъ за три червонца продать истину. Только высочайшій манифестъ 1801 года освободилъ священника отъ угрожавшаго ему взысканія. Итакъ, въ силу ли случайныхъ обстоятельствъ, или благодаря принципамъ, истина здѣсь все таки восторжествовала.

На ряду съ этимъ предъ нами развертываются картины другого характера, гдѣ истина терпитъ жестокіе удары и едва не подвергается самому унизительному пораженію. И здѣсь можно бы замѣтить господство нѣкоторыхъ принциповъ, но они

---

[1]) Ibid. № 644.

отличаются такой растяжимостью, столь слабой упругостью и крайней эластичностью, что человѣческія добродѣтели представляются въ нѣсколько извращенномъ видѣ. Когда овручскій протоіерей Янчевскій, производившій слѣдствіе надъ священникомъ Бобровницкимъ, допустилъ разныя злоупотребленія и его уличили въ нихъ, то онъ объяснялся, что сдѣлалъ все это по христіанскому человѣколюбію. Самое слѣдствіе возникло въ 1796 г. по прошенію громады с. Андреевичъ, которая выставила около десяти обвинительныхъ пунктовъ противъ священника. Здѣсь, между прочимъ, заявлялось, что, во первыхъ, онъ иногда отказывается исповѣдывать больныхъ, говоря: „еще тебя чортъ не возьметъ"; во вторыхъ, не пошелъ однажды погребать ребенка и сказалъ: „хотя брось его себѣ собакамъ, а я хоронить безъ денегъ не хощу"; въ третьихъ, женщины-родильницы, просившія прочитать въ сороковый день положенную молитву, получали такой отвѣтъ: „пойдите до жида, онъ вамъ дастъ молитву". Кромѣ прот. Янчевскаго, въ производствѣ слѣдствія участвовалъ еще и благоч. Луцкевичъ. Стремленія слѣдователей привести дѣло къ благопріятному концу не увѣнчались успѣхомъ. Видно, что священникъ дѣйствительно досадилъ крестьянамъ. Они порѣшили во что бы то ни стало выжить его и почти поголовно повторяли все то, что было написано въ прошеніи. Какъ ни хитри, какъ ни мудри, а надо писать подлинныя показанія. Такъ и было сдѣлано: такъ и въ бѣловой было написано и даже подписано благоч. Луцкевичемъ. Но когда та же бѣловая поступила на разсмотрѣніе архіерея, то оказалось, что всѣ выше перечисленныя, инкриминированныя выраженія были тщательно выскоблены ножикомъ и вмѣсто нихъ стояло слѣдующее: 1) „потерпи мало"; 2) „и самъ его погреби"; 3) „иди до дому". Эти краткія, небольшія измѣненія совершенно скрашивали слѣдственное дѣло и придавали ему совсѣмъ не тотъ грозный видъ, какой оно имѣло раньше.

Нужно быть очень патріархальнымъ человѣкомъ и слишкомъ добродушно смотрѣть на свои права и обязанности, чтобы соблазниться такой первобытной мѣрой и допустить подобный

фокусъ. Кромѣ того, надо обладать большой дозой наивности, чтобы имѣть надежду, будто все это пройдетъ незамѣченнымъ и безнаказаннымъ. Самый неопытный глазъ, при первомъ же взглядѣ на исправленныя мѣста, увидитъ, что здѣсь что-то не такъ, что-то не ладно, и весьма скоро догадается, въ чемъ собственно дѣло. Не могъ, конечно, не замѣтить этого и еп. Варлаамъ. Въ декабрѣ 1797 года онъ по этому поводу писалъ: „Во взятыхъ протоіереемъ овручскимъ и благоч. Луцкевичемъ по доносу на свящ. Бобровницкаго отъ свидѣтелей показаніяхъ во всѣхъ важныхъ мѣстахъ открыты подчистки. Какъ онѣ не могутъ быть случайны, то и должно слѣдователей подозрѣвать въ злоумышленіи. Для того взять отъ нихъ по всей строгости надлежащіе отвѣты и разсмотря оныя, представить съ мнѣніемъ“. Благоч. Луцкевичу легко было объясниться. Когда онъ подписывалъ дѣло, ничего подозрительнаго въ немъ не было, никакихъ подчистокъ и поправокъ тамъ нельзя было найти. Въ такомъ видѣ оно было взято и увезено протоіереемъ въ Овручъ. Слѣдовательно, вся вина этой продѣлки подала на протоіерея. Ему одному предстояло теперь изворачиваться, а вмѣстѣ съ тѣмъ малую толику лукавить. Онъ не утаилъ, что именно онъ сдѣлалъ поправки и подчистки, но оправдывалъ себя тѣмъ, что сдѣлалъ это не ради какихъ-либо корыстолюбивыхъ цѣлей, а „по простотѣ своей и единственно съ человѣколюбія, видя слѣдствія священниковы непріятныя“. Такимъ образомъ уже есть небольшое лукавство, но дальше къ нему прибавляется еще другое, будто протоіерей, за давностью времени, не помнитъ, какія слова стояли въ подчищенныхъ мѣстахъ. Повѣрить этому было тѣмъ труднѣе, что онъ самъ себѣ противорѣчилъ. Не далѣе, какъ въ слѣдующемъ же пунктѣ, когда ему напомнили выскобленныя мѣста, онъ сознается, что точно эти слова были раньше написаны. Новое противорѣчіе заключалось въ томъ, что протоіерей, забывъ о простотѣ и человѣколюбіи, которыми онъ сейчасъ объяснялъ свои дѣйствія, указывалъ теперь совершенно другой мотивъ для нихъ. Онъ заявляетъ, что разногласіе свидѣтелей породило въ немъ сомнѣніе въ справедливости ихъ показаній, а потому онъ сдѣлалъ

подчистки. Болѣе справедливое представленіе о побужденіяхъ, руководившихъ прот. Янчевскимъ, мы можемъ получить изъ седьмаго пункта его объясненій, гдѣ требовалось отвѣтить на такіе вопросы: „Не просилъ ли васъ кто о здѣланіи отмѣны въ томъ и почистки, и что вы за то отъ таковаго просителя получили?“ Сознаться прямо и откровенно во всемъ какъ-то неловко, но и скрыть то, что для всѣхъ очевидно, тоже весьма затруднительно: приходится снова огородъ городить; заборъ однако такъ непрочно построенъ, что отъ одного прикосновенія разлетается въ прахъ. Спорвоначалу протоіерей твердо и громогласно заявляетъ, что ни о какихъ подчисткахъ его никто не просилъ, а онъ самъ собою все это учинилъ; но дальше говоритъ, что, по окончаніи слѣдствія, свящ. Бобровницкій пригласилъ и его, и бл. Луцкевича къ себѣ въ домъ и „далъ за труды обѣимъ по рублю“. По пріѣздѣ же домой, онъ нашелъ въ своей повозкѣ кусокъ холста, стоющаго не болѣе тридцати копѣекъ, который положила туда, совершенно помимо его вѣдома, жена обвиняемаго. „Но сіе ни малѣйше не было поводомъ такова поступка, ибо послѣ и отъ прихожанъ получилъ онъ, мимо требованія его, чрезъ десятоначальника Іерея Корнилія Войну одинъ рубль не за что иное, кромѣ только за труды въ переѣздѣ на слѣдствіе“ [1]). Не правда ли, наивность поразительная! Послѣ этого можно, пожалуй, согласиться, что злоупотребленія допущены единственно и исключительно по простотѣ. Въ самомъ дѣлѣ, подъ какую категорію прикажете подвести усиленное желаніе протоіерея опереться на количественное ничтожество полученной взятки? Вѣдь отъ той или другой суммы сущность дѣла ни на іоту не измѣняется и нисколько не оправдываетъ провинившагося, не дѣлаетъ его выше, чище, благороднѣе въ нравственномъ отношеніи. А какъ смотрѣть на то интересное явленіе, что протоіерей, нимало не стѣсняясь, съ одинаково легкимъ сердцемъ получаетъ по рублю и отъ истцовъ, и отъ отвѣтчика, и въ обоихъ случаяхъ считаетъ

---

[1]) Ibid. № 453.

себя вполнѣ неуязвимымъ? Болѣе того, онъ полагаетъ, что взимаетъ лишь слѣдующее ему по праву.

Не меньше простоты и патріархальности проявилъ тотъ же протоіерей и при производствѣ другого слѣдствія—надъ дьячкомъ с. Голубіевичъ Куцевичемъ. Дьячекъ „старался во священники", но мѣстный настоятель Цыбульскій донесъ, что онъ уроженецъ кіевской епархіи, а стало быть, не имѣетъ права домогаться прихода на Волыни. Въ старину же на этотъ счетъ существовали довольно строгія правила, и при переходѣ церковниковъ изъ одной епархіи въ другую соблюдалась длинная процедура: требовалось сперва испросить увольненіе [1]) у своего начальства, потомъ ходатайствовать о принятіи въ чужую епархію и тогда уже хлопотать о приходѣ. Другое важное препятствіе, мѣшавшее Куцевичу поступить въ священство и указанное его недоброжелателемъ, было то, что онъ былъ подданный гетмана Браницкаго. Во время набора въ жолнеры, ему угрожала солдатская лямка, но онъ предался бѣгству и нашелъ спасеніе и мирное успокоеніе подъ сѣнію дьячковства въ глухомъ захолустьи волынскаго села. Наконецъ, въ отношеніи нравственныхъ качествъ Цыбульскій выставилъ противъ него обвиненіе въ воровствѣ. Вотъ по этимъ то пунктамъ и поручено было прот. Янчевскому совмѣстно съ благочиннымъ Кондратовичемъ произвести разслѣдованіе. Когда дѣло было сдѣлано и въ декабрѣ 1797 года представлено еп. Варлааму, то по нѣкоторымъ даннымъ можно было заключить, что „слѣдователи старались не открыть истину, но угодить Куцевичу". Потребовали отъ заподозрѣнныхъ лицъ надлежащихъ объясненій. Оба были одинаково заинтересованы въ угожденіи Куцевичу, но роль благочиннаго была подчиненная,—онъ только второй членъ коммиссіи; главный же заправила слѣдственнаго дѣла—протоіерей, и на него-то и валитъ всю тяжесть подозрѣній его

[1]) Не всегда просьбы этого рода удовлетворялись. Напр., нѣкто Чернищевскій, волынскій уроженецъ, просилъ дать ему увольненіе и дозволить перейти въ кіевскую епархію, пот. что тамъ дядя уступалъ ему приходъ. Но еп. Варлаамъ отказалъ, дозволивъ искать прихода на Волыни, особливо въ луцкомъ и ковельскомъ уѣздахъ. Арх. волын. дух. конс. № 595.

собратъ, стараясь не только выгородить себя, но выставить въ нѣкоторомъ родѣ добрымъ геніемъ, нашептывавшимъ протоіерею слова правды и направлявшимъ его на путь истины. Не его вина, если эти внушенія не были приняты во вниманіе, не принесли пользы и остались втуне.

При допросѣ свящ. Цыбульскій показывалъ подъ присягою, что Куцевичъ „воръ и любодѣй, а о подданническомъ званіи отъ людей слыхалъ". Послѣ этихъ словъ его выслали изъ комнаты, и протоіерей по собственному усмотрѣнію сталъ диктовать писарю показаніе. Благочинный замѣтилъ о неумѣстности такого образа дѣйствій.—„Я еще съ нимъ поговорю", отвѣтилъ протоіерей. Онъ позвалъ священника и началъ увѣщевать, чтобы тотъ лучше „рѣшился облегчить судьбу" Куцевича. Цыбульскій согласился, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы Куцевичъ далъ подписку предать все забвенію и не возбуждать дѣла за безчестіе. „Кто же писалъ оную подписку, заявляетъ не безъ лукавства благочинный, совершенно не помнитъ, а кажется ему, что или самъ онъ Кондратовичъ, или же писарь, а чтобы написать оную, было повелѣніе протоіерея Янчевскаго". Сей послѣдній отрицаетъ, впрочемъ, свое участіе въ этомъ дѣлѣ и изображаетъ весь ходъ такимъ образомъ, будто и обвинитель, и отвѣтчикъ „сами между собою въ сѣняхъ говорили"; плодомъ этихъ взаимныхъ переговоровъ и явилась будто бы подписка, какъ вполнѣ добровольная обоюдная сдѣлка. Отрицаетъ прот. Янчевскій и то, чтобы онъ имѣлъ какое-либо „наклоненіе къ оправданію Куцевича". А между тѣмъ его соратникъ, благоч. Кондратовичъ, твердо заявляетъ, что „когда примѣтилъ онъ таково протоіерея наклоненіе къ отмѣнѣ показанія священника", то говорилъ ему:

— „Допустивши священника Цыбульскаго къ присягѣ, должно уже и показаніе по словамъ его написать".

Протоіерей на это отвѣчалъ:

— „Вы бо еще въ такомъ дѣлѣ не бывали, вотъ я ему здѣлаю увѣщаніе".

Подписался же онъ Кондратовичъ на слѣдствіи болѣе по неосмотрительности, за скоростью, поелику слѣдствіе сіе болѣе

не производилось какъ часа два, почему онъ въ такъ короткое время разсудить не могль, въ какую цѣль сіе протоіерея было наклоненіе".

Но въ чемъ оба слѣдователя въ своихъ показаніяхъ совершенно сходятся, такъ это въ томъ, что собственно отъ Куцевича ни тотъ, ни другой ничего не получили. „Отъ самаго Куцевича, говоритъ Кондратовичъ, не взялъ онъ ничего", а протоіерей на вопросъ: „Почему таково было ваше къ оправданію Куцевича наклоненіе, не за подарки ль?"—отвѣчаетъ: „Къ оправданію онаго К. не чинилъ онъ наклоненія за подарки да и не получалъ оныхъ отъ него". Во вторыхъ, оба слѣдователя согласно утверждаютъ, что еще задолго до слѣдствія, недѣль за шесть, протоіерей получилъ одинъ червонецъ золотомъ, но, поясняетъ онъ, деньги эти присланы были ему чрезъ Кондратовича тещей обвиняемаго „за почтеніе къ пособію въ случаѣ по дѣлу зятя ея Куцевича".—Темна вода во облацѣхъ, а все таки смыслъ этого выраженія можно отчасти уловить. Но какъ согласовать его съ прежнимъ утвержденіемъ, что никакіе подарки не имѣли мѣста? Очевидно, протоіерей невольно проговаривается и съ головой выдаетъ себя. По окончаніи слѣдствія, и протоіерей, и благочинный также не остались безъ вознагражденія. Проѣзжая черезъ с. Базаръ, они были приглашены той же злополучной тещей къ обѣду и затѣмъ получили отъ нея по серебряному рублю, да отъ зятя ея по столько же. Но, прибавляетъ смиренно протоіерей, какъ приглашеніе и угощеніе, такъ и вознагражденіе состоялись съ цѣлью поминовенія умершей недавно дочери этой самой тещи. Послѣ всего этого онъ и еще разъ съ невиннымъ видомъ утверждаетъ, что „отъ Куцевича не получалъ онъ ничего ни вещьми, ни деньгами, а еще самъ подарилъ его однимъ злотымъ", когда тотъ отправлялся въ г. Острогъ съ представленіемъ.

Нечего и говорить, что всѣ эти злоупотребленія не остались безнаказанными. Слѣдователи, за пристрастія при производствѣ дознанія, были удалены изъ духовнаго правленія и дали подписки, гдѣ каждый обѣщалъ, что „впредь своимъ поведеніемъ старатымусь загладить подозрѣніе и представлять себя

во всѣхъ случаяхъ беззазорнымъ". Эти подписки вытребованы были отъ слѣдователей вмѣсто угрожавшаго имъ штрафа, отъ котораго они были освобождены въ виду манифеста [1]). Но въ данномъ случаѣ не это для насъ важно и не эта сторона дѣла достойна вниманія. Насъ больше интересуетъ та откровенность, съ какою въ подобныхъ случаяхъ выяснялись требуемыя подробности. При другихъ обстоятельствахъ, для раскрытія ихъ, нужно было бы снаряжать новое слѣдствіе, а въ старое время заподозрѣннаго въ какомъ-либо проступкѣ обыкновенно призывали къ отвѣту, и онъ прямо, безъ утайки разсказывалъ все, въ чемъ былъ виноватъ. Даже если онъ пробовалъ истолковать свои дѣйствія въ благопріятномъ для себя смыслѣ, то дѣлалъ эту операцію такъ неловко, неумѣло, неискусно, что сразу видна была вся фальшь. Такимъ образомъ, прибѣгать къ косвеннымъ уликамъ не было надобности; онѣ могли бы только запутать и усложнить дѣло, которое само по себѣ до очевидности было ясно. Напр., здѣсь, когда благочинный Кондратовичъ старается въ благородномъ свѣтѣ изобразить свои дѣйствія, и въ то же время заявляетъ, что онъ получилъ рубль „за трудъ, понесенный въ переѣздкѣ и при самомъ слѣдствіи", то сразу понятно, что это не совсѣмъ гармонируетъ съ приписываемою имъ себѣ благородною ролью. Или, когда протоіер. Янчевскій тщится доказать, что „не чинилъ наклоненія за подарки", и тутъ же начинаетъ перечислять всѣ эти подарки, то не ясно ли, что первое только lapsus linguae и, что вся суть дѣла именно въ подаркахъ?

Окидывая однимъ взглядомъ всѣ изложенные факты, мы должны сказать, что здѣсь пріоткрытъ самый ничтожный край завѣсы, скрывающей отъ насъ прошедшее. Это только маленькій уголокъ большой картины, столь же широкой и необъятной, какъ сама жизнь. Мы имѣли возможность разсмотрѣть и разсказать лишь то немногое, что нашли въ оффиціальныхъ до-

[1]) Дѣло это находится въ декабрьской связкѣ 1796 г. № его неизвѣстенъ, такъ какъ начала нѣтъ, а сохранилась только вторая половина дѣла.

кументахъ, при томъ за очень короткій промежутокъ времени. Но какъ ни маловажно это немногое, оно можетъ послужить нѣкоторымъ базисомъ для вѣроятныхъ заключеній о такихъ сторонахъ картины, которыя скрыты отъ насъ. Ученый палеонтологъ, по найденной полуистлѣвшей челюсти, съ удивительною точностью опредѣляетъ строеніе допотопнаго животнаго. Конечно, было бы большою смѣлостью требовать подобнаго же научнаго, можно сказать, подвига отъ того, кто стремится проникнуть въ нравственную область и опредѣлить тѣ или другія стороны въ прошлыхъ судьбахъ хотя бы и самой незначительной общественной группы. Но во всякомъ случаѣ, и здѣсь позволительно дѣлать нѣкоторыя вѣроятныя заключенія и строить болѣе или менѣе достовѣрныя гипотезы.

Всякое злоупотребленіе, гдѣ бы то ни было и когда бы то ни было допускаемое, тщательно скрывается отъ постороннихъ глазъ; оно составляетъ тайну заинтересованныхъ лицъ, и если всплываетъ наружу, то лишь благодаря какимъ-нибудь особеннымъ обстоятельствамъ. Слѣдовательно, и тѣ злоупотребленія въ духовномъ быту, на которыя мы указали, только ничтожная капля изъ того, что происходило въ дѣйствительности, такъ какъ несомнѣнно, что въ оффиціальные документы попала весьма и весьма малая доля ихъ. Но и изъ этого немногаго можно заключить, что разнаго рода злоупотребленія были расположены въ извѣстной градаціи, послѣдовательныя ступени которой находились во взаимной зависимости. Если благочинный устанавливалъ таксу поборовъ, то, можетъ быть, потому, что и для него въ свою очередь также обязательно было помнить извѣстную таксу. Еще снисходительнѣе приходится взглянуть на эту сторону дѣла, припоминая, что тогда, какъ и теперь, благочинный не пользовался извѣстнымъ, присвоеннымъ этой должности, жалованьемъ. Но на это не смотрѣли и предъявляли къ нему требованія, какъ и ко всякому должностному лицу. До самаго недавняго времени благочинные на Волыни вознаграждались за свои труды такимъ образомъ, что каждый священникъ, при полугодовой получкѣ жалованья, отдѣлялъ рубль или два въ пользу благочиннаго. Не говоря уже о крайней шаткости и неопредѣ-

ленности размѣровъ вознагражденія, такой порядокъ дѣйствовалъ тягостно и удручающе какъ на дающихъ, такъ и на получающихъ. Весьма кстати поэтому явилось въ свое время распоряженіе, чтобы окружные причты на общихъ собраніяхъ оформили это дѣло и установили равномѣрное отъ всѣхъ количество взносовъ на жалованье благочинному. И теперь, дѣйствительно, вездѣ установлены на этотъ счетъ опредѣленныя правила.

При обнаруженіи злоупотребленій, высшая епархіальная власть проявляла большую строгость, но безуспѣшно. Проходило самое короткое время, и тѣ-же лица вновь совершали такія же злоупотребленія, за какія они только что претерпѣли гоненіе и получили возмездіе. Не свидѣтельствуетъ ли это о томъ, какъ глубоко и прочно коренились преслѣдуемыя дѣйствія, какую благодарную почву имѣли они для своего развитія? Самыя формы ихъ проявленія, въ большинствѣ случаевъ, отличались такимъ добродушіемъ, такой примитивностью, столько семейственной патріархальности было въ основѣ ихъ, что этимъ въ значительной степени смягчалась самая неукротимая начальственная строгость.

В. Храневичъ.

Частная переписка Григорія Андреевича Полетики.[1]

(1750—1784 г.).

17) Къ женѣ, изъ Петербурга, 1777 г., 23 іюня.

Матушка, душа моя, Елена Ивановна! Писмо ваше отъ 28 маія получилъ я сего іюня 18. На оное отвѣтствую вамъ слѣдующимъ. Въ первыхъ, благодарю васъ за всѣ ваши домашнія учрежденія и труды, и что вы ни сдѣлали или сдѣлаете, тѣмъ я доволенъ буду, а что самъ къ вамъ такъ скоро, какъ бы я желалъ и какъ вы требуете, быть не могу, тому причины писалъ я уже къ вамъ въ двухъ писмахъ, тоесть чрезъ Михайла Ивановича и чрезъ почту, сего іюня отъ 16 числа. Я думаю, вы бы и сами того не пожелали, чтобъ я пріѣхавши къ вамъ на мѣсяцъ или на другой, опять бы заразъ сюда бѣжалъ, и только бы то и дѣлалъ, что въ проѣздахъ и въ здѣшнемъ прожитьѣ терялъ здоровье и денги, которыхъ уже и такъ немало издержано, а теперь Богъ знаетъ кому ихъ и платить будетъ. Лучше уже разъ пріѣхавши, стараться такъ, чтобъ либо никогда сюда самому не ѣздить, либо по необходимости хотя и поѣхать, но не скоро и не надолго, а сверхъ того, извольте увѣрены быть, что безъ васъ уже, сюда, одинъ никогда не поѣду. Съ посылкою за инспекторомъ вы немного, душенька, опоздали. За нимъ надлежало было еще предъ святами или на святахъ послать, чтобъ онъ могъ быть уже въ домѣ нашемъ, когда другій выѣзжать намѣренъ былъ. Да и посылать было за

---

[1]) См. Кіевск. Стар., 1883 г., № 3.

нимъ не мужика, но Мишку или Малярчука, давъ наставленіе, какъ онъ и за чтобъ съ учителемъ рядится могъ, а въ такомъ случаѣ онъ бы могъ договориться и безъ брата, а Лысый, какъ вы видите, и столько ума не прибралъ, чтобъ поѣхать обратно къ Ульянѣ Ѳедоровнѣ, которая не хотящаго ѣхать инспектора могла бы увѣрить письмомъ или чрезъ человѣка о жалованьѣ. Но быть такъ, дай Богъ, чтобъ уже хотя за другимъ разомъ его привезли. Пуще всего жаль, какъ дѣти, пробывши уже и такъ долгое время безъ ученья, еще и цѣлое лѣто пробудутъ.

О холстѣ московскомъ я давно уже и самъ думалъ; дай Богъ только, чтобъ остались денги, купить не премину, или еще лучше напишу въ Ярославль, къ Василевскому. Для избѣжанія лишней тягости на почтѣ, вздумалъ я, чтобъ въ вашемъ же писмѣ отвѣтствовать и на писмо Данила Осиповича, чего однако не начну, не попенявши ему, что онъ ваше и свое писмо запечаталъ въ одномъ только ковертѣ и подписалъ оный на имя Василія Александровича, видно не понявши моего прежняго писма, въ которомъ написано было, чтобъ онъ ваши писма отправлялъ такъ, какъ тѣ писма отправлены были, тоесть, чтобъ мой ковертъ вкладывать въ ковертъ Шарапова и надписывать мой на мое, а его на его имя, а то и теперь онъ, получа, распечаталъ было, и увидѣвъ, что не къ нему писма, заразъ припечатавъ своею печатью, ко мнѣ прислалъ. И на что таки до того доводить, чтобъ другіе, хотя и пріятели, могли куріозничать въ нашихъ перепискахъ. Впредь, естьли не будетъ чего секретнаго, пожалуйте прикажите подписывать писма на мое одно имя, а чтобъ отдавать мнѣ ихъ въ его домѣ; и сіе для случая моего отсюду отъѣзду, а секретныя велите подписывать и на его, и на мое имя. Теперь отвѣтствую на его писмо. 1) Мѣдныя досталныя три горшки пускай дѣлаетъ Гротъ, которому велѣть у сихъ трехъ горшковъ и притрубки подѣлать полуциркулныя такія, какія онъ сдѣлалъ было къ кубу, который я видѣлъ у Шкляревича, а сіе для того, что ежели сіи притрубки будутъ помощію болшой трубѣ въ скорѣйшемъ выкуриваніи вина, то и другіе можно будетъ передѣлать. Да не забудьте, теперешнимъ лѣтнимъ временемъ, велѣть выкрасить трубы такъ, какъ

видѣлъ выкрашенныя у него Мишка, для того, чтобъ не столько въ водѣ ржавѣли. Росплатиться съ нимъ давно пора и для того прикажите пожалуйте съ нимъ росплатиться, а и то не худо, что ему школу за школу выдали. Только для расплатки поѣзжайте сами, Данило Осиповичъ, и Мишку съ собою возмите, чтобъ напрасно не платить за его перевѣсъ. Мѣдь на сіи и на прочія подѣлки, я уже писалъ къ вамъ, взять изъ Николаевки. 2) Хлѣба, что столько есть, слава Богу; увѣдомте меня, что еще теперь въ Юдиновѣ и въ Чеховкѣ съ поля снято будетъ и что дастъ вымолоту. 3) Чеховское озеро спустивъ и вычистивъ, велите немного пошарить и гребли, и привесть ее въ такое доброе состояніе, какъ юдиновскую. 3) Весма бъ вы хорошо сдѣлали, когдабъ постарались о косачевомъ прикащикѣ, ибо такой намъ необходимо нуженъ будетъ, естьли я подряжусь на поставку вина. 4) Горѣлку надѣюсь на Бога, что всю заведу въ продажу, только надобно, чтобъ именно знать сколько будетъ ее полугарной, а въ то число считайте и вышполугарную, чтобъ одна другую поправляла. Я объявляю вамъ, душенька, и управителю, а вы сего никому не объявляйте, что сыскалъ я дружбу, только жаль весма, что поздо, тоесть въ маіѣ мѣсяцѣ, съ такимъ человѣкомъ, у котораго въ рукахъ всѣ откупщики, и который мнѣ сказалъ, что естьли бъ я его зналъ въ генварѣ мѣсяцѣ, я бы вамъ хотя сто тысячъ вѣдръ продалъ; я де симъ услужилъ Неплюеву и прочимъ, и вамъ де я симъ услужу, только не ранѣ какъ будущею зимою. Я чтобъ лучше его къ сему заохотить, сдѣлалъ съ нимъ уговоръ, что я, у кого только могу, буду скупать дешевою цѣною горѣлку, а онъ чтобъ старалъся здѣсь дорожшею продать, а барышами будемъ дѣлиться пополамъ, на что онъ весма охотно согласилъся. И для того то я къ вамъ и писалъ, чтобъ вы велѣли подъ рукою провѣдать сколько у Лобысевичевъ есть въ наличности горѣлки, а хотя и у другихъ, гдѣ можете, велите провѣдывать и мнѣ давать знать, а къ Борковскому я также о семъ писалъ. У сего жъ человѣка и подряды на поставку вина въ рукахъ, въ чемъ онъ мнѣ также обѣщается помогать. 5) На наливы тоже буду искать охотниковъ. 6) Доски, что на

огорожу двора внутри порѣзаны, то хорошо, велите ихъ складть куда нибудь подъ крышку до моего пріѣзду, и не худобы, чтобъ подъ крышкою были и купленныя всѣ и свои доски. 7) Въ амбарѣ есть неисправность не въ томъ, что поздо сдѣланъ (ибъ сего за глаза судить не можно), но въ томъ, что засѣки съ обоихъ сторонъ перегорожены, а я велѣлъ, и кажется въ запискѣ написалъ, чтобъ только одинъ засѣкъ перегородить, а другаго ненадобно; но что сдѣлано, то сдѣлано, теперь старайтесь, чтобъ другій амбаръ безъ ошибки былъ сдѣланъ, а дерева можно навозить, что съ повали, а что съ новаго. 8) Горѣлку велите почаще, тоесть черезъ 2 а покрайнѣй мѣрѣ черезъ 3 недѣли, доливать, то смотрите, что не столько будетъ убытку. 9) О чеховской винокурнѣ отпишите ко мнѣ, что дѣлается и что сдѣлано. 10) Въ покояхъ малыхъ дѣтей велите переставить печку и естьли свои не сумѣютъ, то хотя нанять, съ тѣмъ однако, чтобъ съ нее дымъ никогда немогъ выхватываться. Обращаюсь, матушка, къ вамъ съ тѣмъ, что всеусердно желаю васъ вскорѣ и въ добромъ здоровьѣ съ дѣтьми, которыхъ благосковляю, видѣть и есмь вашъ вѣрный другъ и мужъ Г. Полетика.

P. S. Иванъ Михайловичъ Скоропадскій, сейчасъ будучи у меня, приказалъ вамъ засвидѣтельствовать свое почтеніе.

18) Къ женѣ, изъ Петербурга, 1777 г., 14 іюля.

Матушка, душа моя, Елена Ивановна! Писмо ваше отъ 24 іюня ко мнѣ писанное, получилъ я сего іюля 10 числа. Сперва было онымъ обрадовалъся, начитавъ, что Павлуша, слава Богу, выздоровѣлъ; но когда дочиталъся до пронесшагося слуха о моей смерти и оттого воспослѣдовавшаго всему нашему дому, а особливо вамъ, сѣтованія и печали, и чрезъ то поврежденія въ вашемъ здоровьѣ, то радость моя превратилась въ горькую печаль, а притомъ вь досаду, и негодованіе на тѣхъ злыхъ людей, которые такъ васъ встревожили. Можетъ быть имъ смерть моя надобна, но она не прійдетъ мнѣ по ихъ желанію, но по воли Того, который далъ мнѣ жизнь, и ее, когда захочетъ, взять отъ меня можетъ, въ чемъ я и всѣ мы Ему повиноваться

должны. Я думаю, что слухъ сей непріятели наши, а можетъ быть и неразсудливые люди пронесли по причинѣ смерти брата Стефана Андреевича, которую они за мою вмѣнили, а вы, душенка, не боялись Бога, чтобъ вдругъ, не изслѣдовавъ и не росспросясь, толь скоропостыжнымъ и пустымъ слухамъ повѣрить и убивать себя на здоровьѣ, которое, естьли бы я и умеръ, должны бы вы щадить для тѣхъ же самыхъ малолѣтныхъ дѣтей нашихъ, нежели сокрушая себя безвременно, естьли бы, чего недай Богъ, вамъ самымъ приключилась смерть, то вы бы и меня, и ихъ погубили. Боже васъ сохрани впредь отъ такихъ сокрушителныхъ вѣстей, а я, хотя при обыкновенныхъ моихъ слабостяхъ, однако еще въ живыхъ нахожусь, и уповаю на Его благость, что умирать къ вамъ пріѣду. Я уже писалъ къ вамъ въ прежнихъ писмахъ обстоятелно о тѣхъ причинахъ, которыя меня здѣсь задерживаютъ и велятъ дожидаться рѣшенія дѣлъ нашихъ, а теперь еще и новая явилась причина, чтобъ въ другій разъ безъ васъ умирать сюда не ѣздить. Дѣла наши компромисныя всѣ изготовлены къ слушанію и въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ можетъ быть бы и выслушаны были, но та бѣда, что одинъ сенаторъ въ отпуску на сей мѣсяцъ, а одинъ только въ сенатъ ѣздитъ и дѣлъ никакихъ дѣлать не принимается, третій же Тепловъ, которому бъ должно ѣздить, по своимъ болѣзнямъ почти никогда не ѣздитъ, ...[1]) наши не прежде, какъ въ будущемъ мѣсяцѣ . . .[1]) и, уповаю на Бога, что выслушаютъ и рѣшатъ, и я въ сентябрѣ мѣсяцѣ, посмотря чемъ подрядъ на вино кончится, буду стараться непремѣнно къ вамъ выѣхать, а дотого часто васъ увѣдомлять буду, какъ подряды пойдутъ. Саранчею вы меня не повесели. Пожалуйте, во всякомъ писмѣ пишите, какъ она съ хлѣбомъ обходитъся, и въ которыхъ мѣстахъ она есть и въ которыхъ нѣтъ, какъ дорого съ новины хлѣбъ продаватся станетъ, сколько онаго у насъ съ поля снимется и прочая. Въ подрядѣ я на людей смотрѣть буду, которые не смотря на всѣ трудности, рядится однако же будутъ съ надеждою прибыли, а я вслѣдъ за ними пойду. Лучше

[1]) Вырѣзана часть письма.

имѣть маленкіе, но всегда извѣстные барыши, чемъ курить вино и незнать, гдѣ его дѣвать. Что чеховская винокурня до сихъ поръ не начата строиться, то приписываю я неосмотренію и во всѣхъ дѣлахъ продолженію Данила Осиповича. Мнѣ ето удивительно, чтобъ дожидаться три мѣсяца отказу Соболевскаго [1]), всесвѣтнаго плута. Мнѣ кажется, доволно бы было одинъ мѣсяцъ дать сроку на плутовство, а тамъ, отобравши свой задатокъ, или послать вездѣ искать другихъ, или, хоть помаленку, и своими начинать; а теперь, какъ я вижу отсюду, дѣло съ сею винокурнею до того доведено, что въ нынѣшнее лѣто ничего съ нею не будетъ, ибо хотя мошенники прежніе плотники и наняты будутъ, то они намъ ее въ одинъ годъ не сдѣлаютъ, но будутъ ее и насъ года два или три мучить. По сей необходимости, вотъ какое мое о семъ мнѣніе: 1), естьли плотники на строеніе сей винокурни наняты и въ работу вступили, а притомъ роскидали и старую винокурню, то старайтесь, Данило Осиповичъ, чтобъ новая непремѣнно совсѣмъ поспѣла къ сентябрю, ибо чемъ ранѣ начнется винокуреніе, тѣмъ лучше а естьли бы чоповъ рубленыхъ и неуспѣли сдѣлать, то на сей годъ можно оставить хотя и старые чопы, потому что за симъ непоспѣхомъ и винокуреніе въ Чеховкѣ должно будетъ оставить на старомъ основаніи, тоесть чтобъ курить на шесть котловъ и по двѣ кадки пятиведерныхъ въ день, а куба не вмазывать; почему выбравши для него удобное мѣсто, оставить, а горѣлку курить на тѣхъ же котлахъ; варовый же котелъ вмазать желѣзный; однако подъ него занимать такое мѣсто, чтобъ не менше было волотынскаго, чтобъ, когда привезется, и новый могъ свободно вмазанъ быть; печки же всѣ, несмотря что по старому будетъ винокуреніе производится, дѣлать съ трубами, и трубницу такую какъ въ Волотынѣ, только поширѣ; 2) естьли жъ до полученія сего писма старая винокурня не роскидана, а новая не начата, или хотя и начата, то лучше старой не роскидывать и въ ней, когда прійдетъ время, продолжать винокуреніе, а

---

[1]) Войск. тов. Григорій Семеновичъ. О немъ см. Опис. Стар. Малороссіи, I, 237 и 241.

новую отдѣлывать сколько можно, а вино въ ней курить развѣ, дастъ Богъ, начнемъ на будущій годъ, почему, мнѣ кажется, и печекъ въ ней кллсть ненадобно. Естьли поѣдете, душенька, въ Николаевку, то напишите, что тамъ дѣлается. Также побывайте и въ Ромнѣ, и что тамъ видѣть и слышать будете, ко мнѣ отпишите. Желая васъ въ добромъ здоровьѣ видѣть, а дѣтей благословляя, есмь вашъ вѣрный другъ и мужъ Г. Полетика.

19) Къ женѣ, изъ Петербурга, 1777 г., 10 августа.

Матушка, душа моя, Елена Ивановна! Писмо ваше отъ 19 іюля писанное, получилъ я чрезъ курьера, а не чрезъ почту, сего августа 9 числа, въ подагрѣ, которою я немогу и изъ дому не выѣзжаю другую недѣлю, послужило оно мнѣ къ немалому обрадованію тѣмъ, что изъ онаго увѣдомилъся, что вы и дѣти наши, слава Богу, здоровы, о чемъ я много сомнѣвалъся, чрезъ три почты отъ васъ не получая писемъ. Теперь на оное писмо вамъ отвѣтствую. Вы ошиблись, душенка, что не послали сахару къ брату Ивану Андреевичу, считая будто закуски [1]) въ Кіевѣ продаются по 13 рублей пудъ за все, въ томъ числѣ и за сахаръ; но братъ Иванъ Андреевичъ ко мнѣ, а я къ вамъ писалъ такъ, что по 13 рублей требуютъ только за работу, за фрукты и за стекло, а сахаръ надлежитъ дать свой, и я пишучи къ вамъ, чтобъ послали сахаръ, думалъ, что симъ убавлю лишнюю передачу денегъ за оныя, ибо, естьли припомните, прошлаго году купленъ для насъ пудъ закусокъ въ Кіевѣ по 28 рублей, а теперь положа сахару самую вышшую цѣну, тоесть по 10 рублей пудъ, да за работу и за прочее 13 рублей, обошлися бы онѣ намъ по 22 рубли, слѣдовательно на каждомъ пудѣ было бы выигрышу 5 рублей. Человѣку жъ тамъ дожидаться закусокъ нѣдлячего было, ибо оныя всѣ немогли бы инако поспѣть какъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, и такъ вѣрно братъ человѣка бы нашего не удержалъ, а сыскалъ бы случай—какъ оныя въ свое время въ домъ нашъ доставить. Но быть такъ, когда не послали, то теперь уже ни сахару, ни денегъ посылать не надобно, а прошу только

---

[1]) Рѣчь идетъ, п видимому, о кіевскомъ вареньи.

васъ прибавить Михайловской полъпуда сахару на сухія конфекты и просить ее, чтобъ сдѣлала, ибо извольте знать, что ее дѣланыя конфекты обходятъся намъ менше 17 рублей, а здѣсь ихъ почитаютъ ничемъ нехуже французскихъ. Лимоновъ и померанцовъ, естьли только сыщу чрезъ кого прислать, то пришлю, хотя они нынѣшній годъ и недешевы. За увѣдомленіе о дѣтяхъ, чему учатъся, покорно вамъ благодарствую. Я о семъ для того болше спрашивалъ, что непрестанно думаю и промышляю, въ какія бы то школы и пенсіоны ихъ отдать. Вѣсти ваши о саранчѣ попортившей во многихъ мѣстахъ хлѣбъ, весма меня не веселятъ, жаль, что не написали вы, поѣла ли она хлѣбъ и въ въ нашемъ владѣніи. Слава Богу, что не залѣзла она въ украинскія мѣста, съ которыхъ пишутъ сюда, что урожай весма хорошъ, хлѣбъ очень дешевъ, а горѣлка ни почему. По сей то причинѣ, душенька, я принужденъ буду попытаться, не удастъся ли мнѣ подрядиться на поставку оныя. Лучше маленкій барышъ взять, только чтобъ былъ всегдашній збытъ. Люди на то не смотрятъ, что впредь будетъ, а рядятъся на волю Божію и кромѣ замотайловъ, никто еще отъ поставки не разорилъся. Здѣсь уже, какъ слышу, много наѣхало подрядчиковъ и подаютъ о желаніи своемъ рядиться въ сенатъ доношенія, что и я учиню, какъ, дастъ Богъ, стану выѣзжать. Буду, по вашему совѣту, стараться, чтобъ рядиться на ближайшія мѣста, тоесть на Трубчевскъ, Брянскъ, Карачевъ, Путивль и Рыльскъ; но когда въ тѣхъ мѣстахъ получить не могу, то рядиться буду и подалѣ, напримѣръ въ Орелъ, Мценскъ и Курскъ, гдѣ чуть ли еще и несходнѣе будетъ, потому что и цѣну въ тѣхъ мѣстахъ должно взять болшую, и отвезши вино, на тѣхъ поводахъ можно привезть хлѣбъ. Что жъ Данило Осиповичъ пишетъ, чтобъ рядиться по 1 руб. 50 и по 1 руб. 20 копѣекъ, то пишетъ онъ то, чего въ русскомъ царствѣ небывало и въ самыхъ труднѣйшихъ и отдаленнѣйшихъ мѣстахъ, ибо не знаю почему состоится ряда въ Петербургѣ, а знаю то, что въ Новгородской губерніи, какъ мнѣ самъ намѣстникъ сказывалъ, въ самыя далнія мѣста порядились по рублю, въ Новгородъ по 69¾ коп. Лозовскій вмѣстѣ съ барыномъ на карточку вашу отвѣтствуетъ, что повелѣваемыя вами гребешки оба

куплены будутъ, но прежде васъ увѣдомляютъ, что гребешковъ уже нигдѣ не носятъ, а подвязываютъ шеньоны лентами, и для того будутъ они ожидать отъ васъ повторительнаго извѣстія, прикажите ли тѣ гребешки покупать или нѣтъ. На что таки, душенька, такія комплименты, не могли бъ ли вы ко мнѣ прямо и безъ Лозовскаго о семъ написать. Пожалуйте впередъ сего не дѣлайте, а о всемъ вамъ нужномъ пишите ко мнѣ. Мѣрочки съ дѣтей присылать сюда не надобно, потому что я когда сыщу докупить сукна противъ образчика, платье и тамъ сшить можно. Дѣла наши готовы къ слушанію, но до выздоровленія и выѣзду моего не могутъ быть слушаны, а когда выѣду, то всякій день о томъ кучить буду. Взаимно препоручая себя вашей любви, а дѣтей благословляя, есмь вамъ вѣрный другъ и мужъ Г. Полетика.

20) Къ управляющему, изъ Петербурга, 1777 г., 10 августа.

Государь мой Данило Осиповичъ! На писмо ваше отъ 19 іюли ко мнѣ писанное, симъ отвѣтствую: 1) я требовалъ отъ васъ о хлѣбѣ увѣдомленія, сколько онаго всего, считая и розданный на людей, можетъ остаться къ будущему винокуренію, и вы мнѣ писали въ прежнемъ вашемъ писмѣ, что его будетъ 800 слишкомъ четвертей, а теперь пишете объ одномъ только наличномъ въ домѣ, а о розданномъ ничего, почему я, что принадлежитъ до винокуренія, ничего и заключить не могу. Я прошу васъ, безъ присылки особливыхъ вѣдомостей, написать ко мнѣ краткими словами, сколько въ домѣ нашемъ наличной, и сколько по людямъ розданной ржи, да сколько съ юдиновскаго и чеховскаго полей сняго копъ, и оныя по сколку даютъ вымолоту хотя напримѣръ, ибо не всякая дастъ ровно, анъ тутъ развѣ я не вразумлюсь ли. 2) Горѣлочная вѣдомость ваша также для меня не вкусна, потому, что догадочная, ибо когда ни вы, ни Езерскій не знаете сколько точно есть какого вина, то можно было сіе увѣдать чрезъ обжиганіе [1]), тоесть отжегши особливо

---

[1]) Въ старину, говорятъ, вмѣсто спиртомѣровъ употребляли такой способъ опредѣленія крѣпости вина: наливъ извѣстную мѣру водки, зажигали ее и затѣмъ

волотынскую, а особливо чеховскую, или особливо зимную, а особливо другую, какъ волотынскую такъ и чеховскую, или же всю обще смѣшавъ и беручи половину лучшей, а половину худшей, чрезъ десять бочекъ, отжигать, и такъ однимъ изъ сихъ способовъ и явилось бы точно, сколько есть какой горѣлки, а напослѣдокъ и то не великаго бы труда и убытку стояло, естьли бы и каждую буту и бочку отжиганіемъ спробовать и меня увѣдомить; а то, по вашей вѣдомости, мнѣ нетолько на 2000, но ни на одно вѣдро прямо полугарнаго вина съ надеждою рядиться невозможно; и такъ, пожалуйте, отвѣдайте ее какимъ нибудь изъ вышеписанныхъ способовъ и меня увѣдомьте, а я васъ между тѣмъ увѣдомляю, что я здѣсь въ продажу заводить буду своего полугарнаго вина 5000 вѣдръ, съ тѣмъ что ежели не явитъся много полугарнаго, то можно и цѣнное все потребить на роздачу нижеполугарнаго, чтобъ его сдѣлать прямо полугарнымъ, а естьли можно сыскать у другихъ поцѣнно купить съ тѣмъ, чтобъ продать хотя съ неболшимъ барышомъ, то я бы рядился и на гораздо болшее число, тоесть на 10 или на 20 тысячъ вѣдръ, да то бѣда, что отъ васъ самыхъ нужнѣйшихъ о семъ не получилъ увѣдомленій, то есть по чему какая въ нашихъ мѣстахъ продается горѣлка, естьли у сосѣдей нашихъ въ запасѣ оная, также и у другихъ помѣщиковъ, и коликое число, а сіи справки взять, кажется мнѣ, естьли не самымъ вамъ, то и чрезъ другихъ бы, не трудно; и для того, хотя теперь, сіе, пожалуйте, найскорѣе сдѣлайте, и меня увѣдомьте. Сверхъ того, пока покупщики приѣдутъ брать вина, а именно неранѣ генваря, до тѣхъ поръ у насъ нѣсколько и новаго накуритъся. 3) За винокурню вы отнюдь не можете быть правы, потому что дожидались три мѣсяца, чтобъ бездушные люди праводушными стали, а они таковыми быть не могутъ ни въ 300 лѣтъ; но теперь, когда уже оную начали, то и продолжайте по предписанію прежняго моего писма, тоесть естьли не скоро надѣетесь сію новую поспѣшить, а старой до

опредѣляли мѣру и крѣпость—по количеству выгорѣвшей воды. Отсюда названіе—*полугаръ*, какъ обозначеніе водки средней крѣпости, *выгорѣвшей* наполовину.

полученія моего писма не розбирали, то лучше винокуреніе начинать въ старой, а сію отдѣлывать деревянымъ строеніемъ для будущаго года и завременно туда повтаскивать брусье для трубницы нужное, чтобъ не тогда съ нимъ таскаться, когда втаскать нѣкуда будетъ; когда жъ старую розобрали, то всемѣрно поспѣшать новую и отдѣлывать въ ней печки и прочее все такъ, какъ я въ томъ моемъ писмѣ писалъ. Но я въ превеликомъ отчаяніи нахожусь, чтобъ вы оною поспѣшили до Покрова, во первыхъ, потому что работы не мало, во вторыхъ, что работники плуты, втретьихъ, что вы еще и съ Гротомъ не роздѣлались и досталной мѣдной посуды не заказали, а сіе то все вмѣстѣ съ другими причинами собравшись, доведетъ, что сія наша винокурня около Рождества Христова закуритъся; а мое было мнѣніе такое, чтобъ въ обѣихъ винокурняхъ зачинать винокуреніе съ начала сентября мѣсяца, чего когда съ обѣими доказать не можете, то доказывайте хотя съ одною, тоесть съ волотынскою, и велите Езерскому, чтобъ онъ бралъ все полугарную настоящую горѣлку, а о пѣнной бы и не думалъ, ибо оная намъ впредь почти вовсе не нужна будетъ, тожъ дѣлать и въ другой винокурни, когда поспѣетъ. Сверхъ сего, прикажите Езерскому, чтобъ онъ кадки три, четыре или пять выкурилъ слѣдующимъ заторомъ для пробы: положить въ заторъ 10 пудъ ржаной муки, 7 пудъ ржаного солоду, 2½ пуда ячнаго солоду (который велѣть сдѣлать, естьли нѣтъ готоваго) 1½ пудъ овсяной муки, а всего хлѣба, чтобъ было 21 пудъ, и посмотрѣть, сколько изъ такого затору выйдетъ горѣлки; а здѣсь у одного изъ моихъ пріятелей выходитъ самой доброй полугарной 15, а рѣдко весма 14 вѣдръ; и естьли бы намъ такъ удалось, то бъ съ Божіею помощью и мы такъ закурили; однако не сего года, потому что у насъ неможно достатчить такого числа солоду, а развѣ на будущій годъ. Сіе можетъ быть и вамъ, и Езерскому покажется удивително, но извольте знать, что въ Лифляндіи, какъ меня увѣрялъ одинъ изъ тамошнихъ помѣщиковъ, что съ такого жъ числа пудовъ, съ тѣмъ еще различіемъ, что муки берутъ болше, а солодъ кладутъ все ячный, берутъ горѣлки по 17 вѣдръ. 4) Озеро и греблю чеховскія,

когда станете прибирать, то прибирайте такъ, чтобъ было за что поблагодарить, и пожалуйте не велите запускать криницъ; да не худо бы и въ Юдиновѣ также отдѣлать криницы, одну ту, что въ Селищѣ, а другую, что у мельника Петрока, ибо уже вонючая вода и такъ доволно наскучила. 5) Чеховскій прикащикъ, когда проплутовалъся, вы можете его и перемѣнить, сыскавъ другаго, а и на Езерскаго мѣсто, дастъ Богъ, сыщетъся, а когда не сыщетъся, то будемъ и своими мужиками обходится. 6) Съ рыбою, видно, на ярмонку опоздали; лучше было ее по 3 рубли да обтомъ продать, нежели пускать въ роздробь, которому можетъ быть въ нѣсколько лѣтъ не будетъ конца. Развѣ не можно было изъ Стародуба велѣть провезть въ почепскую ярмонку. 7) Дегтю, когда накурили, то оставя для дому нужное число, досталный продать, а лучше было его не курить и не давать каналіямъ портить гаю [1]); да помнится, третьяго году курили они съ половины, а не съ третьяго вѣдра, а теперь, когда кора [2]) вездѣ рѣдка становится, отдано съ третьяго. 8) Постарайтесь, сколько возможно, прибавить ямъ для хлѣба [3]). 9) Къ строенію винокурни и печекъ чеховскихъ отъ времени до времени приглашайте Потурая или Егора, и съ ними по совѣту велите дѣлать, а ихъ хотя чемъ зато и подарите. 10) Трубницу въ новой винокурни чемъ возможно шире велите сдѣлать, чтобъ трубы почти всѣ въ водѣ были. Впрочемъ, естьли что написалъ не по вашему вкусу, простите, подагра то и скука здѣшная дѣлаетъ, а я есмь и пребуду всегда вашъ, государя моего, вседоброжелателный слуга Г. Полетика.

PS. Пожалуйте, Данило Осиповичъ, постарайтесь, чтобъ завременно прикащики сочтены были и чтобъ книги щетные у васъ въ порядкѣ были, чтобъ мнѣ осталось только ихъ повѣрить, а не мучиться надъ ними послѣ здѣшняго мученія; также и долговые реестры, чтобъ были въ исправности, естьли останутъся

---

[1]) Лѣсъ.

[2]) Березовая, изъ перегонки которой получается деготь, называемый въ Малороссіи—„добрымъ", въ отличіе отъ „возоваго", получаемаго изъ сосновой смолы.

[3]) Въ Малороссіи встарину, да и теперь еще—у крестьянъ, хлѣбъ сохранялся въ ямахъ, которыя для этого роются преимущественно на глинистомъ грунтѣ; въ такихъ ямахъ рожь, даже сыромолотная, можетъ сохраняться понѣсколько лѣтъ.

которыя долги недоправленныя. Езерскій, кажется мнѣ, чуху вамъ порет, увѣряя васъ, что муки молоть не надобно для того, что слягаетъся. Я не знаю, почему она у людей не слягается, которые на свои винокуренные заводы на цѣлый годъ ею запасаются. Напишите ко мнѣ: была ли саранча и въ нашемъ владѣніи, и много ли пакости и надъ которымъ хлѣбомъ сдѣлала?

21) Къ женѣ, изъ Петербурга, 1777 г., 21 августа.

Матушка, душа моя, Елена Ивановна! Увѣдомляю васъ, что я, слава Богу, немного отъ подагры освободилъся, которая меня болше двухъ недѣль мучила, и изъ дому выѣзжать не допускала. Теперь, выѣхавши, ѣзжу я и прошу, чтобъ представлены и выслушаны были дѣла мои, и уповаю, не дастъ ли Богъ, что оныя въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ начнутъ слушать, а въ будущемъ окончатъ; со всѣмъ тѣмъ зависитъ сіе отъ Божьей и отъ господъ, дѣлали нашими управляющихъ воли. Наканунѣ Успенья Богоматери, приѣхалъ сюда изъ Вѣны братъ Григорій Ивановичъ, который вамъ свидѣтельствуетъ свое почтеніе. Онъ приѣхалъ съ тѣмъ, чтобъ исправивши свои дѣла, ѣхать вмѣстѣ со мною въ Малую Россію, но естьли онъ до окончанія моихъ дѣлъ своего дѣла не окончитъ, то я не дожидаясь и его, одинъ поѣду, а онъ, когда захочетъ, послѣ приѣхать можетъ. Я пишу, когда захочетъ, потому что ему, хотя еще пожилъ здѣсь малое время, такъ всѣ здѣшнія обращенія не нравятъся, что онъ естьли бы можно, все бы въ состояніи бросить и ѣхать назадъ хоть сейчасъ, а икъ женидьбѣ болшой склонности не оказываетъ. Василій Андрѣевичъ Борковскій пишетъ ко мнѣ, что въ скорости хотѣлъ къ намъ отпустить столарей, и такъ естьли отпуститъ, то не худо бы, чтобъ они досталное что нужнѣйшее поотдѣлывали. Прикажите, матушка, управителю, чтобъ по полученіи сего, заразъ отправилъ въ Николаевку двухъ мужиковъ изъ Юдинова или изъ Чеховки, изъ небогатыхъ дворовъ, съ тѣмъ, чтобъ они надъ николаевскимъ овиномъ смотреніе имѣли [1]),

[1]) Въ южной Малороссіи рожь молотятъ сырую, а въ „Литвѣ" (т. е. въ сѣверныхъ уѣздахъ черниговской губерніи) рожь сначали сушатъ въ овинѣ. Какъ видно, для сушки ржи, по „литовскому" способу, въ Николаевку посылались стародубскіе „литвины".

когда станутъ рожь молотить, и вмѣстѣ бы съ николаевскими мужиками молотили, а за то будутъ ихъ дворы освобождены отъ пригону въ Литвѣ, а тамъ получатъ они такую жъ, какъ и другіе молотники, коробку. Я думаю, что на такомъ основаніи и много охотниковъ сыщетъся, чтобъ ити въ Николаевку; однако, мнѣ кажется, болше двухъ туда бы ихъ отправлять не надобно, потому что ихъ главная должность состоять будетъ въ томъ, чтобъ имѣть смотреніе за топкою печей и укладкою сноповъ, а прочее все дѣло тамошніе мужики исправлять могутъ; а въ прочемъ, естьли вы и управитель заблагоразсудите и болше ихъ отправить, то можете учинить, я пишу сіе, потому что и дома люди надобны. Наконецъ, желая васъ въ скорости видѣть въ добромъ здоровьѣ съ дѣтьми, которымъ мое благословеніе даю, есмь вашъ вѣрный другъ и мужъ Г. Полетика.

22) Къ женѣ, изъ Петербурга, 1777 г., 4 сентября.

Матушка, душа моя, Елена Ивановна! Отъ 12 августа писанное выше писмо получилъ я вчерашняго дня, а сегодня, не упуская времени, на оное отвѣтствую. Видно, что добрые то люди были изъ знатныхъ, которые, не имѣя никакой подлинности о моей смерти, подтверждали и увѣряли васъ въ оной. Однако ложныя ихъ увѣренія смерти никому не принесутъ, но только несносно досадно и жалко, что вамъ много здоровья убавили, которое, чтобъ Богъ вамъ сторычно наградилъ желаю. Вы можетъ быть и отгадали бы, что я рѣшивъ мои дѣла, пріѣхалъ бы къ вамъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, естьли бы не случилось съ оными нечаянное препятствіе. Когда всѣ екстракты по дѣламъ нашимъ изготовлены и нѣкоторые изъ нихъ набѣло переписаны были, и только оставалось доложить ихъ сенату, выслушать и рѣшить, какъ вдругъ производившій оныя наши и прочія малороссійскія дѣла секретарь Туманскій, отъ оныхъ отрѣшенъ, и изъ третіяго сенатскаго департамента переведенъ въ первый, а на его мѣсто опредѣленъ другій секретарь. Сіе произошло, какъ отъ другихъ малороссіянъ, подававшихъ на него подозрѣнія по болшей части плутовскія и недѣлныя, такъ и отъ повѣреннаго Левандовскаго, такогожъ плута и мошен-

ника, какъ онъ самъ, который подалъ челобитну, прося отрѣшить Туманскаго отъ дѣлъ нашихъ, потому что покойный братъ Стефанъ, будучи здѣсь въ 1764 году, съ братомъ Туманскаго Осипомъ и будто и съ нимъ имѣлъ ссору, и въ самомъ дѣлѣ ето правда, что ссорилъся съ Осипомъ, но ложь, чтобъ онъ когда нибудь съ меншимъ Туманскимъ ссорилъся, и сей меня увѣряетъ, что онъ не помнитъ,—и видѣлъ ли онъ когда нибудь покойнаго брата. Со всѣмъ тѣмъ, понеже сего хотѣлось и надобно было одному изъ болшихъ людей, чтобъ его вывесть изъ третіяго департамента, то впору ябедники поспѣли и онъ выведенъ; но вмѣсто того, чтобъ они ему испортили, они направили ему много, ибо за нѣсколько предъ симъ дней, отъѣхавшій отсюду графъ Румянцовъ, изъ дороги прислалъ представленіе въ сенатъ, чтобъ Туманскій произведенъ былъ въ надворныя совѣтники и опредѣленъ въ Малороссійскую коллегію членомъ, что по его представленію и учинено [1]). Между тѣмъ видѣлъся я съ опредѣленнымъ вновь секретаремъ и просилъ его о нашихъ дѣлахъ, но онъ напротивъ того просилъ меня, чтобъ я ему далъ время на пріемъ дѣлъ отъ Туманскаго, а какъ де пріиму, то потребно де мнѣ еще время на высмотреніе вашихъ дѣлъ и екстрактовъ, а высмотрѣвъ де, я не замедлю доложить; и такъ пока кончитъся тотъ пріемъ и высмотреніе дѣлъ, то пройдетъ нѣсколько недѣль, а другія нѣсколько недѣль пройдутъ, пока выслушаютъ, рѣшатъ и подпишутъ. Итакъ, я бы вседушно желалъ, чтобъ сіе все сдѣлалось въ сентябрѣ, но весма сомнѣваюсь, а дай Богъ, чтобъ хотя въ октябрѣ кончилось. Сверхъ же сего и подряды на вино, не прежде, какъ въ первыхъ числахъ октября кончатъся, въ который хочется попытаться, чтобъ вступить съ ползою, а безъ того не вступлю. Мнѣ только жаль, что Данило Осиповичъ не пишетъ, почему какая горѣлка продается, чтобъ мнѣ можно было на всякій случай взять свои предъосторожности и мѣры. Ошибку вашу о покупкѣ въ Кіевѣ конфектовъ я уже въ прежнемъ моемъ писмѣ

[1]) Рѣчь идетъ объ Иванѣ Григорьевичѣ Туманскомъ, старшій братъ котораго Василій Гр—чъ, сначала генер. писарь, а потомъ членъ малороссійск. коллегій, пользовался большимъ довѣріемъ у гр. Румянцова.

вамъ изъяснилъ, а между тѣмъ получилъ отъ брата Ивана Андрѣевича писмо, что онъ, не дождавшись нашего сахару, далъ свой на вареніе конфектовъ; однако нужды нѣтъ отдавать ему сахаромъ, а лучше заплатимъ денгами. Я его просилъ, чтобъ онъ ихъ переслалъ въ Николаевку на своихъ подводахъ, а когда не случатся, то велѣлъ Бартошу туда нарочнаго послать и отыскавъ къ вамъ отправить. Прикажите, матушка, управителю, чтобъ онъ не поздалъ съ винокуреніемъ, но тѣмъ лучше, чѣмъ ранѣе начиналъ бы, и велѣлъ бы до моего пріѣзду на обоихъ винокурняхъ курить по двѣ кадки въ день, но стараться, чтобъ горѣлка была самая добрая, полугарная. Въ Чеховкѣ, естьли не роскидана старая винокурня, то сей годъ пускай курятъ въ старой и постарому. Впрочемъ, желая васъ и дѣтей, которыхъ благословляю, скоро и въ добромъ здоровьѣ видѣть, есмь вашъ вѣрный другъ и мужъ Г. Полетика.

23) Къ женѣ, изъ Петербурга, 1777 г., 11 сентября.

Матушка, душа моя, Елена Ивановна! Писмо ваше чрезъ людей г. Лобысевича получилъ я сего сентября 6 дня, которымъ я весма обрадовалъся, что вы и дѣти наши, слава Богу здоровы. Меня, напротивъ того, опять подхватила было подагра и подержавъ нѣсколько дней, опять отпустила. Обрадовали вы меня и тѣмъ, что въ хозяйствѣ нашемъ все хорошо идетъ и что хлѣбъ уцѣлѣлъ отъ саранчи. Не пишите ко мнѣ, что бывши въ Ярцовѣ [1]), были ли вы и у дяди Ивана Ивановича Бороздны, а не худо бы было, бывши такъ близко, побывать. Данилѣ Осиповичу скажите, чтобъ винокуреніе въ Чеховкѣ велѣлъ производить въ старой винокурнѣ, а новую отдѣлывать совсѣмъ одною плотничною работою, надсматривая надъ плотниками, чтобъ не плутовали. Крышка на ней, чтобъ была какъ можно поострѣе, и чтобъ бруски, которыми притягиваетъся доръ, такъ были сдѣланы, чтобъ по-подъ ними свободно вода проходила, окошки слуховыя, чтобъ были такъ, какъ на волотынской или какъ на амбарѣ, который тѣмижъ плотниками въ дворѣ сдѣланъ, двери

---

[1]) Село стародубскаго уѣзда.

въ винокурню, чтобъ были къ той сторонѣ, что къ греблѣ, а не посерединѣ сдѣланы; а пуще всего, чтобъ брусья на трубницу заволочены были теперь, какъ можно подлиннѣе, чтобъ для нихъ не пришлось опять роскидывать или стѣны пробуравливать въ винокурнѣ. У мужиковъ, какъ своихъ, такъ и чужихъ, пускай хлѣбъ доправляетъ весь, обнадеживая своихъ, что я по пріѣздѣ моемъ опять велю ихъ ссудить. Въ списываніи горѣточной вѣдомости толь великой, напрасно Данило Осиповичъ трудилъся, а я его просилъ, чтобъ онъ мнѣ самую краткую, но обстоятелную прислалъ, а то хотя она и велика, но не безъ ошибокъ. По сей его вѣдомости все я могу заводить въ продажу пять тысячъ вѣдръ, ибо хотя бы за продажею чего и нестало, такъ накуритъся вновь. Естьли только Богъ пощаститъ, то я надѣюсь не только свою всю горѣлку продать, но хочется еще и у сосѣдовъ искупить и продать съ барыша. Павелъ Кириловичъ [1]) пишетъ ко мнѣ, что у его еще и прошлогодской много, а я напротивъ того пишу къ нему, что я можетъ быть буду на нее купецъ. Приложенная при писмѣ вашемъ карточка много меня опечалила, однако благодарствую вамъ, что вы меня о семъ произшествіи увѣдомили, и ещебъ было лучше, естьли бъ вы то учинили чрезъ почту. Теперь они [2]) не такъ страшны и важны здѣсь, чтобъ ихъ опасаться. Вотъ что вы писали ко мнѣ, что будто одинъ полковникъ сіе купитъ, а я давно уже зналъ, что они всѣ на сіе согласны; однако я на одного Бога полагаюсь и ихъ отнюдь не боюсь, а боюсь только того, чтобъ братья [3]) не вошли въ дурачество и меня не завели въ новыя хлопоты. Я для того пишу къ нимъ писмо, и оное не запечатавъ при семъ къ вамъ посылаю. Вы оное прочитавъ, можете своею печатью запечатать и имъ отдать, а копію онаго у себя оставить; а отдайте сіе писмо пригласивъ ихъ къ себѣ, и просите, чтобъ они ко мнѣ на оное отписали, а если не отпишутъ, то, по крайнѣй

---

[1]) Кажется, Лобысевичъ, бунчук. тов., жившій въ с. Гримячомъ.

[2]) Братья Корсаки?

[3]) Т. е. Гамалѣи, къ которымъ Гр. А. П—ка писалъ вслѣдъ за симъ помѣщенное письмо.

мѣрѣ, отпишите вы что они говорить будутъ. Увѣрьте ихъ между тѣмъ, что мнѣ, при справедливости дѣла, не только сіи покупщики, но и никто другій, хотя бы ихъ еще силнѣе былъ, нестрашенъ. Еще жъ васъ хочу увѣдомить, что вчерашняго числа начавшись съ ночи, такое здѣсь наводненіе было, какого еще почти никто не запомнитъ. Оно здѣсь сдѣлало превеликія бѣдствія и разоренія людямъ: избы поуносило, людей потопило доволно, мости почти всѣ поламало, барки и прочія суда премногія поразбивало, въ гостинномъ ряду товары поподмочивало и проч. и проч. Однако въ той сторонѣ, гдѣ я живу, слава Богу, не было. Дѣла наши еще все въ такомъ же состояніи, какъ я писалъ къ вамъ въ недавно отправленномъ моемъ писмѣ, а теперь опять носится слухъ, что еще другаго хотятъ опредѣлять (секретаря), потому что сей нашихъ дѣлъ ничего не смыслитъ и не понимаетъ. Усердно желая васъ въ скорости въ добромъ здоровьѣ съ дѣтьми, которыхъ благословляю, видѣть, а Аграфенѣ Григорьевнѣ кланяясь, есмь вамъ вѣрный другъ и мужъ Г. Полетика.

P. S. Не пишите вы, душенка, ничего—получили ли вы и отдали ли писмо мое писанное къ Андрею Богдановичу Енгелгарту. Естьли получили и отдали, и онъ еще сюда не поѣхалъ, то скажите ему, въ прибавокъ къ тому писму, что уже по ихъ дѣлу и докладъ отъ сената государынѣ поданъ и что де болшая часть сенаторовъ въ ползу соперника его, а не его, представили, и хотятъ де такъ, чтобъ имѣніе брегадиршѣ [1]) и подполковнику раздѣлено было пополамъ, а посему онъ уже съ женою безъ ничего останетъся. Утверждаютъ же и то, что оный докладъ, по старанію подполковничьихъ благодѣтелей, скоро и выйдетъ; и такъ естьли хочетъ не потерять того, что въ рукахъ имѣетъ, пускай все оставивъ, сюда ѣдетъ и предъупредитъ рокъ свой. Вы когда сами къ нимъ не ѣздите, то пошлите хотя Данила Осиповича, чтобъ онъ имъ сіе переказалъ. О горѣлкѣ опять пишу къ вамъ, чтобъ вы не сомнѣвались и за

---

[1]) Говорится о вдовѣ бригадира Степана Витковича, выходца изъ Сербіи, которому въ 1743 г. были пожалованы села Березовка, Михновка и Казиловка. На племянницѣ (?) Степана В—ча былъ женатъ Энгельгардтъ. См. письмо № 10.

безцѣнокъ ее, продавать не спѣшили, въ надежеѣ на Бога той, что она осенью вся продана будетъ, только, чтобъ была она прямая полугарная и вышполугарная или пѣнная, а что болше ея будетъ, то лучше, а сколько ее можетъ быть въ обтовой продажѣ, пускай по окончаніи винокуренія о томъ Данило Осиповичъ такъ, какъ и о прочемъ, о чемъ писано, въ прежнемъ писмѣ, какъ найскорѣе увѣдомитъ. Хотя я и отъ себя писалъ, однако и вы потвердите отъ себя Өедору, чтобъ николаевскій и коровинскій прошлогодскій хлѣбъ перемолоченъ, высушенъ и въ амбары или въ ямы спрятанъ былъ, чтобъ между тѣмъ, когда не присмотренъ будетъ, не остался онъ жертвою гнилости и снѣдію мышей. Естьли будете писать ко мнѣ писма, то велите надписывать въ С.-Петербургѣ, въ домѣ надворнаго совѣтника Василія Александровича Шарапова, а онъ уже мнѣ ихъ доставлять будетъ, ибо хотя я стою и въ домѣ Николая Николаевича, но сей домъ далеко, а Шарапова ближе, и его лучше знаютъ всѣ почтиліоны розвозящіе писма.

24) Къ Лаврентію, Василію и Григорію Григорьевичамъ Гамалѣямъ, изъ Петербурга, 1777 г., 11 сентября [1]).

Милостивые государи, мои братци, Лаврентій Гр—чъ, Василій Гр—чъ и Григорій Гр—чъ. Увѣдомился я, что его превосходителство Петръ Васильевичъ Заводовскій приглашалъ васъ къ себѣ и склонялъ васъ къ миру съ г. г. Корсаками о доискуемыхъ мною наслѣдныхъ вашихъ имѣніяхъ. Не знаю какія были его предлагаемаго вамъ мира условія, а знаю то что какъ скоро вы мнѣ дѣло свое повѣрили и записью утвердили, чтобъ оное судомъ или миромъ окончить, то я предъпочитая миръ тяжбѣ, чрезъ три честныя лица, а іменно: чрезъ старого Івана Івановича Бороздну [2]), чрезъ Івана Андреевича Миклашевскаго [3])

---

[1]) См. письмо № 14.

[2]) Ив. Ив—чъ Бороздна—генер. бунчучный въ отставкѣ (съ 1762 г.), называется *старымъ* въ отличіе отъ сына своего Ивана Ив—ча, бунч. товарища, женатаго на Настасьѣ Крыжановской.

[3]) Бывшій въ 1783—84 г. г. новгородсѣверскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства.

и чрезъ Василія Васильевича Христачевскаго [1]), дѣлалъ гпдамъ Корсакамъ предъложеніе о мирѣ, уповая, что оный могу заключить на выгодныхъ для насъ и для ихъ кондиціяхъ, но какъ на то неполучилъ отъ ныхъ никакого о склонности ихъ отвѣта, то питался я отвѣдать еще одинъ разъ и въ прошломъ 1775 г., изъясняя обстоятелно все наше дѣло, писалъ къ Петру Васильевичу Заводовскому и просилъ его, чтобъ онъ вошолъ въ сіе миротвореніе, естли не самъ собою, то чрезъ брата своего Івана Васильевича. На сіе мое писмо не получилъ я отъ его превосходителства никакого отвѣта, а напротивъ того, отъ надежныхъ людей увѣдомленъ былъ, что все содержаніе писма моего гпда Корсаки знали. Не заключая изъ сего, чтобъ между нами могъ воспослѣдовать миръ, принялся я за дѣло, которое въ малороссійской колълегіи и рѣшено въ ползу нашу, изъключая одно то, что за просроченнную гпдами Корсаками аппельляцію невелѣно учинить раздѣлъ, за что одно я теперъ въ правителствующемъ сенатѣ аппельлюю. По пріездѣ моемъ въ С. Петербургъ, былъ я нередко у Петра Васильевича и надѣялся, что онъ что нибудь со мною о семъ нашемъ дѣлѣ заговоритъ, но онъ, принимая меня въпротчемъ ласково и учтиво, не говорилъ о томъ ниодного слова, во уваженіи видно томъ, что о немъ заговорю, но я такъ же ниоднимъ словомъ къ нему не отзивался; а между тѣмъ съ разныхъ сторонъ слыхалъ, что сіе наше дѣло, въ предосужденіе мнѣ, самимъ несправедливымъ и безъчестнымъ оглашаемо было. Смѣялся я и презиралъ всѣ таковыя разглашенія, не будучи въ совѣсти моей изобличаемъ чтобъ я по человѣколюбію, по свойству, по бѣдъности и по прозбѣ вашей, вошедши въ ваше дѣло, сдѣлалъ тѣмъ какій либо поступокъ честности и справедливости противный. Но какое мое было обрадованіе, когда услышалъ я, что гпда Завадовскіе, признавъ видно сіе наше дѣло небезъчестнимъ и несправедливимъ, сами во оное входятъ и стараются васъ мирить съ гпдами Корсаками, двоекратно васъ къ себѣ при-

---

[1]) Сынъ новгородсѣверскаго сотника Василія Христачевскаго, владѣлецъ части с. Кренидовки.

глашая. Но какъ судъ и миръ по сему дѣлу, записью вашею, поручилы вы мнѣ, такъ похваляю вашу честность и постоянство, что вы безъ меня на то не согласились и отъ обовязательства вашего не отступили, чего отъ васъ и въпредъ ни подъ какимъ видомъ не надѣюсь, ибо пускай кто хочетъ васъ увѣряетъ, что бы безъ меня въ какія нибудь здѣлки, презрѣвъ первую вашу запись, войти можете, то законы все инное скажутъ и васъ никто, такъ какъ и меня, отъ взаимныхъ обовязателствъ отвести и оныя уничтожить не можетъ; а какъ я ничего съ моей стороны противнаго моимъ обязателствамъ не дѣлалъ, такъ надѣюсь, что вы своимъ тоже ничего противнаго не сдѣлаете. Я слыхалъ, что вы, при послѣднемъ васъ приглашеніи, требовали, чтобъ миръ сей утвержденъ былъ отдачею половини вашихъ имѣній, на таковый миръ и я бы въмѣстѣ съ вами согласился, но слышу, что хотятъ оный купить денгами; хорошо бъ взять и денги да такія, которыхъ имѣніе наше стоитъ, а я цѣню оное во сто двадцять тысячъ; пускай сію цѣну дадутъ, такъ можно будетъ и на денги согласиться. Однако все сіе должно дѣлать съ общаго вашего со мною согласія; естьли жъ хотятъ сіе ваше имѣніе достать..... такъ какъ у насъ говорятъ гроши, то мнѣ кажется, что не будетъ противно и совѣсти, и чести, чтобъ употреблять бѣдность и безъсиліе ваше себѣ въ ползу; сверхъ сего, имѣнія сего, хотя бы вы оное получили, никому вы продать не можете кромѣ меня и естьли вамъ денги, а не имѣніе надобны, то я иду съ мирящими и мирящимися въ . . . . . [1]) и надъ всякую цѣну, которую оны вамъ давать станутъ, даю шесть тисячъ рублей, тоесть естьли оны вамъ давать (?) будутъ 30000, я дамъ 36000 рублей, естьли 40000, я дамъ 46000 рублей и такъ далѣ. При всемъ томъ я твердо надѣюсь, что вы лучше захочете взять имѣнія нежели денги, которихъ надѣюсь на Бога и на правосудіе, никто у насъ не отсудитъ. Въпротчемъ пребываю съ истиннимъ къ вамъ усердіемъ и почтеніемъ вашъ, милостивыхъ государей моихъ, покорный слуга Григорій Полетика.

---

[1]) Вирвана часть письма.

P. S. Естьли вы, милостивые государи, братцы, возмете во уваженіе и разсудите хорошо сіи четири пункта вашей, данной мнѣ записи, то я надѣюсь, что никакія обнадеживанія и ухищренія не склонятъ васъ къ соглашенію съ кѣмъ бы то ни было, безъ моего согласія. 1) Вы мнѣ поручили судиться и мириться по дѣлу вашему съ Корсаками, слѣдовательно вы ни того, ни другаго безъ меня учинить не можете; 2) въ имѣніи вашемъ я такій же участникъ, какъ и вы, до четвертой части, почему есть ли бы вы и могли за свои части мириться, то за мою уже не имѣвъ отъ меня полномочія, никакъ мириться не можете, а гпда ваши миротворци, уповаю, васъ за все помирить хотятъ. 3) Что вы имѣнія вашего, поручивъ мнѣ оное къ дохожденію, а слѣдовательно и не имѣя онаго въ рукахъ, никому онаго продать не можете, но хотя бы вы и въ свои руки получили, въ силу вашей записѣ, никому кромѣ меня, продать не можете. 4) Я думаю мириться съ вами хотятъ не токмо за недвижимое, но и за движимое имѣніе, а вы знаете, что движимаго половину вы мнѣ уступили, и такъ за мою половину можете ли вы мириться? Еще прибавлю и 5) пунктъ: есть ли вы заглянете въ запись и увидите, какими заруками [1]) вы обязались, естли въ чемъ противъ записи своей со мною поступите, то и сіе уповаю предъхранитъ васъ отъ всякихъ противъ меня съ другими соглашеній, но я болше на честность, на постоянство, на свойство и дружбу вашу ко мнѣ, нежели на все сіе, надѣюсь. А въпротчемъ, изволте быть увѣрены, что дѣло наше своитъ на хорошемъ весма основаніи и въ правости оного никого я не боюсь. (*Съ копіи*).

[1]) Неустойками.

Отрывки изъ записокъ Автонома Акимовича Солтановскаго.[1]

Въ содовскіе лѣса около Луцка проникла откуда то небольшая банда. 20 крестьянъ и 5 солдатъ, обходя лѣсъ, случайно открыли ее. Повстанцы иные спали, а другіе варили кашу. Замѣтивъ крестьянъ и солдатъ, кашевары подняли крикъ. Повстанцы, съ просонья побросавъ оружіе, стали удирать въ кусты. Испуганные крикомъ крестьяне и солдаты бросились въ другую сторону въ разсыпную. Унтеръ-офицеръ, приблизившись къ бандѣ, сдѣлалъ выстрѣлъ! На тревогу прискакали казаки и явилась рота пѣхоты. Унтеръ говоритъ, что разбилъ большую банду, но преслѣдовать ее съ горстью людей очень неблагоразумно. Отрядъ нашелъ костры, повозки и оружіе и, обыскавши лѣса, захватилъ 120 безоружныхъ повстанцевъ.

---

5 августа. Сегодня изъ Ровно посланы въ Цумань казаки, гдѣ появилась какая то банда, пытавшаяся собирать съ крестьянъ на народову справу по 60 коп. съ души. Говорятъ, что это не военная банда, а кинжальщики.

Гдѣ-то около Ивангородской крѣпости разбитъ русскій отрядъ, состоявшій изъ роты саперъ и роты гарнизона, каза-

---

[1]) См. Кіевск. Стар, 1883 г., № 3.

ковъ и пушки. Отрядъ изъ крѣпости провожалъ арестантовъ и денежный ящикъ. Поляками офицерами извѣщена была большая повстанская банда. Отрядъ двигался безъ предосторожностей и разъѣздовъ. Вступивъ въ небольшой лѣсокъ, расположенный на холмѣ, отрядъ былъ осыпанъ пулями и мгновенно окруженъ. Пробилось весьма немного и то раненныхъ. Арестанты дрались вмѣстѣ съ солдатами противъ поляковъ. Казна и пушки перешли къ полякамъ.

Виленскій предводитель дворянства Домейко, который представилъ адресъ за подписью 235 помѣщиковъ, изъявившихъ вѣрноподданническія чувства и просившихъ помиловать ихъ, подвергся нападенію кинжальщика въ собственномъ кабинетѣ и раненъ кинжаломъ.

Черезъ Ровно и ведутъ, и везутъ инсургентовъ: все молодые паны въ черкескахъ, свиткахъ и великолѣпныхъ штыфляхъ.

---

30 августа. Сегодня въ церкви читалъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ Даніилъ Клюковскій, ровенскій протоіерей; послѣ прочета манифеста онъ произнесъ крестьянамъ слово, въ которомъ прежній бытъ крестьянъ сравнилъ съ египетскимъ рабствомъ, а государя освободителя Александра II назвалъ вторымъ Моисеемъ. У васъ теперь нѣтъ пановъ! Теперь вы сами паны! заключилъ онъ свое слово.

Кокошкинъ, сотрудникъ газеты „День“, сегодня посѣщалъ гимназію и осматривалъ фундаментальную и ученическую библіотеки. Его сопровождали директоръ и инспекторъ. Исправникъ весьма ухаживаетъ за Кокошкинымъ: пригласилъ его на обѣдъ и возитъ на прогулку въ Шпановъ.

Арестованъ въ Житомірѣ нѣкій Др—кій. Это молодой человѣкъ, помѣщикъ подольской губерніи и кандидатъ въ миро-

вые посредники. Его арестовалъ на 5-й верстѣ отъ Житоміра частный приставъ, который слѣдилъ за нимъ еще въ Житомірѣ. Изъ документовъ, найденныхъ у Др—каго, выяснилось, что купцы, евреи бердичевскіе и кіевскіе, взялись перевезти изъ Одессы въ три югозападныя губерніи порохъ и оружіе и внесли революціонному комитету залогъ, равняющійся стоимости товара; что одинъ бердичевскій банкиръ состоитъ главнымъ агентомъ комитета; что даже въ штабѣ генералъ-губернатора устроено агентство, которое извѣщаетъ революціонный комитетъ о всѣхъ распоряженіяхъ власти и движеніи войскъ; что въ Кіевѣ существуетъ лабораторная школа для обученія учениковъ и студентовъ поляковъ приготовлять порохъ и оружья; устраиваются почты, команды жандармовъ вѣшателей, на которыя возлагается повсемѣстный принудительный сборъ денегъ въ пользу возстанія и истребленія лицъ, мѣшающихъ возстанію, и наконецъ, что всѣ поляки, занимающіе разныя должности на государственной службѣ, принесли присягу агентамъ революціоннаго комитета всѣми мѣрами содѣйствовать успѣху революціи.

Родной братъ управляющаго акцизными сборами Р—ъ, служившій совѣтникомъ при Радзивиловской таможнѣ, арестованъ и преданъ суду. Во время сраженія въ Радзивиловѣ жена его стрѣляла изъ окна въ проходившихъ казаковъ и убила казака и одну лошадь. Ее и мужа арестовали; но по ходатайству графа Эстергази генералъ Семякинъ нашелъ возможнымъ ихъ освободить. Впрочемъ, кѣмъ то изъ служащихъ при таможнѣ сдѣланъ былъ на Р—а доносъ. При обыскѣ у него нашли много компрометирующихъ бумагъ, и выяснилось, что черезъ него повстанцы сносились съ Галиціей. Его, наконецъ, предали суду, уволивъ отъ должности.

15 сентября. Поляки распустили слухъ, что въ городѣ Луцкѣ было сраженье. Слухъ оказался ложнымъ. Онъ былъ, кажется, распущенъ, чтобы помѣшать пріѣзду Анненкова на ревизію. Анненкова ожидаютъ завтра. Квартира для него отве-

дена въ помѣщеніи директора гимназіи. Анненковъ въ Ровно будетъ смотрѣть войска.

На другой день съ утра было пасмурно, а потомъ показалось солнце. Въ 2 часа объявленъ пріѣздъ Анненкова. У крыльца поставили двѣ караульныя будки. Улицу посыпали бѣлымъ песочкомъ. Собрались всѣ власти, и пріѣхалъ генералъ Іорданъ. Все это съ 2-хъ часовъ расхаживало по улицѣ около дома, скучало, курило папиросы или сидѣло въ пріемной. Исправникъ уѣхалъ на встрѣчу; его помощникъ караулилъ на дрожкахъ на заставѣ. За нѣсколько верстъ отъ города разставлены были махальные казаки на лошадяхъ. Стало темнѣть, а генералъ-губернаторъ не пріѣзжалъ. Послышались предположенія: не попалъ ли онъ въ руки какой нибудь банды. Зажгли свѣчи. Въ 8 часовъ прискакалъ жандармъ и сообщилъ, что если къ 9 часамъ не пріѣдетъ Анненковъ, то власти могутъ разойтись, за исключеніемъ военныхъ и полиціи. Въ 9½ часовъ пріѣхалъ чиновникъ Анненкова, а въ 11 часовъ явился самъ онъ. Съ ранняго утра квартальный и десятскіе ходили по улицѣ, удаляя все, что могло мѣшать сну Анненкова: прогоняли коровъ, свиней, куръ, гусей, и не позволяли ѣздить по улицѣ. Въ 8 часовъ утра стали отворять ставни. Въ 9—Анненковъ вышелъ на улицу съ папиросой и прошелъ къ гимназическому зданію. Обошелъ его кругомъ въ сопровожденіи инспектора. Затѣмъ представлялись ему начальственныя лица. Въ распоряженіе Анненкова князь Любомирскій прислалъ свой фаэтонъ въ національной краковской упряжи и три верховыя лошади. Изъ клеванскаго имѣнія, принадлежащаго князю Чарторыйскому, явились крестьяне съ жалобою на управляющаго М—скаго, съ которымъ исправникъ въ отличныхъ отношеніяхъ. Онъ сейчасъ распорядился мужиковъ упрятать въ кутузку, а евреевъ, явившихся къ Анненкову съ разными прошеніями, приказалъ отгонять прочь. Вотъ подъѣхалъ къ крыльцу фаэтонъ, выскочили впередъ на лошадяхъ два казака, отворились въ фаэтонѣ дверцы, и Анненковъ уѣхалъ на смотръ. Уѣзжая, Анненковъ обѣщалъ директору, что прямо со смотра пріѣдетъ въ гимназію. Директоръ все время въ мундирѣ кара-

улилъ его въ гимназическихъ воротахъ. Около директорской квартиры поставленъ былъ караулить пріѣздъ Анненкова надзиратель, а далѣе около квартиры исправника гимназическій сторожъ. Въ часъ стали возвращаться со смотра роты. Въ 2 часа кончились въ гимназіи занятія, но учениковъ удержали въ классахъ. Анненковъ поѣхалъ со смотра въ лазаретъ, тюрьму, а затѣмъ на завтракъ къ князю Любомирскому. Въ три часа примчался помощникъ исправника, затѣмъ самъ исправникъ съ инвалиднымъ начальникомъ, и наконецъ показался фаэтонъ съ Анненковымъ. Казаки впереди и фаэтонъ неслись стрѣлою. Анненковъ приказалъ собрать въ гимназическій залъ и учителей, и учениковъ.

Не обративъ вниманія на общій поклонъ учителей, Анненковъ направился къ ученикамъ. „Здравствуйте"! сказалъ онъ. „Здравія желаемъ ваше высокопревосходительство", отвѣчали ученики. „Вы должны цѣнить милости правительства, которое на ваше образованіе тратитъ много денегъ", продолжалъ Анненковъ. „Вы должны дѣлать свое дѣло—учиться. Ваше доброе поведеніе будетъ оцѣнено правительствомъ. Безъ ученія нельзя быть полезнымъ ни правительству, ни себѣ, ни обществу, ни семейству. Патріотизмъ выкиньте изъ головы. Нѣкоторые патріоты бунтовали. Бунтовать противъ правительства все равно, что сражаться съ вѣтряными мельницами. Кто не будетъ исполнять своихъ обязанностей, того, какъ дурную траву, вонъ съ корнемъ"! и обратившись къ директору прибавилъ: „безъ послабленія"! Затѣмъ повернулся и пошелъ къ выходу, но остановившись, сказалъ, обращаясь къ ученикамъ: „не пеняйте, что задержалъ васъ лишнее время"! Учителя опять отвѣсили поклонъ, на который Анненковъ опять не обратилъ вниманія, и вышелъ. По полутемной лѣстницѣ онъ пробрался въ физическій кабинетъ, а затѣмъ въ библіотеку: „Книгъ достаточно! а хорошъ ли выборъ?" Директоръ похвалилъ.

Директоръ удивленъ небрежностью, съ которою Анненковъ обошелся съ учителями, и думаетъ, что причиною рекомендація княгини Любомирской, недовольной тѣмъ, что ея дру-

зей, учителей поляковъ, замѣняютъ русскими. Пообѣдавъ у князя Любомирскаго, Анненковъ уѣхалъ вечеромъ въ Дубно.

Поляки о самыхъ секретныхъ распоряженіяхъ власти знаютъ скорѣе, чѣмъ тѣ лица, которыя эти распоряженія должны приводить въ исполненіе. Такъ, помощникъ исправника шелъ изъ полиціи на обѣдъ и повстрѣчался съ полякомъ, подсудкомъ К—скимъ. „Что у васъ новаго?“—спросилъ послѣдній. „Ничего!“—отвѣчалъ тотъ. „А развѣ вы не получили еще распоряженія объ уменьшеніи контрибуціи съ 10 на 6 процентовъ, и что время взысканія продолжено на 3 недѣли“. Дѣйствительно, такое распоряженіе было получено, но только спустя недѣлю. Эта милость была слѣдствіемъ ухаживаній за Анненковымъ старикомъ польскихъ пановъ и пань.

17 сентября. Военный начальникъ города Ровно маіоръ В—скій получилъ отъ революціоннаго комитета предписаніе выйти въ отставку. Онъ полякъ. Не знаю, что онъ сдѣлалъ съ этимъ предписаніемъ—представилъ ли его своему начальству или не представилъ, знаю только, что онъ обращался къ доктору поляку съ просьбою написать въ комитетѣ, что у него 3 сына на содержаніи правительства въ кадетскомъ корпусѣ и, сверхъ того, дома куча дѣтей. Впрочемъ онъ готовъ повиноваться комитету, если послѣдній вполнѣ обезпечитъ его семейство. Докторъ отвѣчалъ, что онъ никакого комитета не знаетъ и сношеній съ нимъ не имѣетъ. Говорятъ, будто въ Житомірѣ въ высокоторжественный день у губернатора Друцкаго во время оффиціальнаго обѣда, послѣ тоста за государя, русскіе чиновники предложили тостъ за Муравьева и послали ему телеграмму. Друцкой предложилъ тостъ за Анненкова; поляки охотно выпили; но между русскими послышалось: „не стоитъ; Анненковъ заботился не о русскихъ интересахъ!“—„Онъ *теперь* заботится!“—сказалъ будто Друцкой. Обо всемъ этомъ поляки сейчасъ довели до свѣдѣнья Анненкова. Теперь, проѣзжая черезъ Житоміръ и принимая русскихъ чиновниковъ, онъ всѣхъ распушилъ, а нѣкоторымъ предложилъ убираться вонъ. „Мнѣ съ такими служить неудобно“! объявилъ имъ.

Изъ 2-го этажа съ балкона дома графа Замойскаго брошена была въ экипажъ намѣстника Берга орсиньевская бомба. Экипажъ пробитъ въ 17 мѣстахъ; убито среди черкескаго конвоя 2 лошади и одинъ черкесъ; намѣстникъ и его адъютантъ уцѣлѣли. Домъ Замойскаго навсегда конфискованъ въ военное вѣдомство. Виновники покушенія скрылись.

Пришелъ въ Ровно кременчугскій пѣхотный полкъ; направляется въ Люблинъ. Это уже третій пѣхотный полкъ идетъ въ царство черезъ Люблинъ.

Разсказываютъ, будто дочь русскаго генерала П., получившая воспитаніе въ варшавскомъ институтѣ, вступила въ банду и состоитъ адъютантомъ при одномъ изъ предводителей.

Польскій революціонный комитетъ въ особой прокламаціи объявилъ всѣхъ русскихъ офицеровъ, дѣйствующихъ въ царствѣ, сѣверо-и югозападномъ краѣ, состоящими внѣ закона и въ случаѣ плѣна подлежащими повѣшенію.

Октябрь 1863 года. Маіоръ В—скій говорилъ ученикамъ, будто западныя державы уже объявили войну Россіи. Это разнеслось по городу. Исправникъ по этому поводу имѣлъ какое то объясненіе съ В—скимъ.

Евреи говорятъ, что около Томашполя граница совсѣмъ открыта, и везутъ оттуда безпошлинно всякіе товары. Въ Каменцѣ ученики побили надзирателя гимназіи и инспектора. Въ подольской губерніи организовалось польское тайное правительство, и начальникъ города Каменца за своею псевдонимною подписью и печатью съ бѣлымъ одноглавымъ орломъ прибилъ ночью на столбахъ и стѣнахъ объявленія, чтобы никто не смѣлъ покупать имущества помѣщиковъ, которыя будутъ продаваться съ аукціона за невзносъ контрибуціи.

Въ Европейской гостинницѣ въ Варшавѣ кинжальщики закололи какого то доктора Германа. Гостинница конфискована.

въ военное вѣдомство. Военный отрядъ сопровождаетъ пинскую почту отъ Ровно до Колокъ. Оставшіеся учителя поляки еще настолько сильны по составу, что въ совѣтѣ рѣшаютъ принятіе обратно въ гимназію учениковъ, завѣдомо выбывшихъ для поступленія въ банды или побывавшихъ уже въ бандахъ.

1 Ноября. Поляки по случаю праздника всѣхъ святыхъ толпятся въ гимназической каплицѣ. Не смотря на крики исправника, все еще облечено въ трауръ. Поляки проповѣдуютъ, будто въ Пруссіи возстаніе и будто французскія войска уже на Рейнѣ. Говорятъ также, будто вторгшаяся изъ Галиціи банда дралась на прошлой недѣлѣ подъ Порѣцкомъ.

Въ сегодняшнемъ 238 № С.-Петербургскихъ Вѣдомостей напечатана тронная рѣчь Наполеона III. Не обѣщаетъ она покою. Наполеонъ хочетъ помочь Польшѣ путемъ обще-европейскаго конгресса, гдѣ бы обсуждены были всѣ требующія перемѣнъ дѣла; если же конгрессъ не состоится—тогда война.

Помѣщикъ Кондаковскій, возвратившись изъ люблинской губерніи, разсказывалъ у учителя Скальскаго, что по дорогѣ въ лѣсахъ встрѣчалъ банды польскихъ уланъ, драгунъ и косиньеровъ. Гдѣ русскихъ войскъ нѣтъ,—тамъ царитъ ржондъ. Вездѣ по дорогамъ виднѣются черные кресты съ терновыми вѣнками. Въ радзиловской таможнѣ поляки потеряли мѣста.

Пріѣхалъ изъ Берлина прусскій подданный князь Радзиллъ и былъ вчера у исправника. Онъ говорилъ, что за границей общее убѣжденіе въ неизбѣжности весною большой войны. На таможнѣ арестовали его багажъ и бумаги и отправили въ Кіевъ. Въ каменецкой гимназіи исключенъ съ оповѣщеніемъ одинъ ученикъ, а во 2-ой кіевской—11-ть, въ томъ числѣ 5 учениковъ VII класса. Когда Ружицкій проникъ изъ Галиціи до Теофильполя, онъ оставилъ на попеченіи доктора Гартмана и аптекаря Гласки троихъ раненыхъ богатыхъ галиційскихъ паничей. Теофильпольскій становой приставъ, полякъ Л—цкій, посѣщалъ раненыхъ и ничего не доносилъ начальству. Но вотъ онъ получилъ предписаніе по выздоровленіи немедленно аре-

стовать раненыхъ. Становой, захвативъ какія возможно было казенныя деньги, арестовалъ раненыхъ и увезъ ихъ прямо въ Галицію.

Какой-то молодой галиційскій графъ, крѣпко раненый въ радзивиловской битвѣ, посаженъ въ тюремную больницу. Его нашли на мѣстѣ битвы безъ чувствъ и совершенно обобраннымъ. Предводитель дворянства кременецкаго уѣзда Могильницкій прислалъ ему дюжину тонкихъ рубахъ. Графчикъ не принялъ подарка, говоря, что онъ привыкъ носить только шелковыя рубахи, а нѣтъ шелковыхъ, такъ лучше безъ рубахи.

22 Ноября вечеромъ пріѣхалъ на ревизію попечитель округа Федоръ Федоровичъ Витте.

23 Ноября. Еще ночью бѣгалъ по учителямъ гимназическій сторожъ и передавалъ приказаніе въ $7^1/_2$ часовъ въ полной мундирной формѣ быть въ инспекторской. Въ 8 часовъ явился въ инспекторскую со звѣздою на груди Витте. Директоръ представлялъ учителей, и каждому Витте старался сказать какую нибудь любезность. Учителю польскаго языка Гродецкому сказалъ, что въ Государственномъ Совѣтѣ теперь обсуждаютъ упраздненіе польскаго языка въ гимназіяхъ, но что онъ, Витте, постарается дать Гродецкому другое мѣсто. Учителю словесности Солтановскому сказалъ, что изъ ровенской гимназіи получается въ Округъ много хорошихъ сочиненій ученическихъ. Учителю законовѣдѣнія Невгадову—что этотъ предметъ тоже будетъ упраздненъ въ гимназіяхъ, и учитель получитъ другое мѣсто; при этомъ Витте прибавилъ, что самъ онъ докторъ законовѣдѣнія. Протоіерея Клюковскаго просилъ пораньше завтра служить обѣдню и отслужить молебствіе за успѣшный объѣздъ округа. Затѣмъ предложилъ учителямъ переодѣться въ вицмундиры, которые они принесли съ собою въ платкахъ, согласно предварительному указанію. Прежде всего Витте былъ у старика Епифановича на латинскомъ языкѣ въ VII классѣ и остался очень доволенъ. Старикъ Епифановичъ, который еще не совсѣмъ оправился отъ недавней простудной болѣзни и всегда привыкъ тепло одѣваться, пробывши нѣсколько

часовъ въ вицмундирѣ въ холодной классной и корридорной атмосферѣ, сейчасъ послѣ уроковъ серьезно заболѣлъ. Доктора Богуцкій и Ляндсбергъ уже были у него на консиліумѣ. Затѣмъ Витте посѣтилъ урокъ физики Лапицкаго, который былъ заранѣе отрекомендованъ Витте директоромъ 2-й кіевской гимназіи Вилуевымъ, съ которымъ Лапицкій служилъ въ Бѣлой-Церкви. Вилуевъ же—товарищъ Витте по педагогическому институту. По окончаніи урока, Витте, обращаясь къ ученикамъ сказалъ: „Г. Лапицкій своимъ преподаваніемъ дѣлаетъ честь ровенской гимназіи. Вамъ можно позавидовать, что у васъ такой учитель“! Дѣйствительно, Лапицкій отличный учитель и весьма способный человѣкъ, но крайній нигилистъ. Лапицкій блондинъ, высокаго роста, съ голубыми глазами и богатырски сложенъ. Витте посѣтилъ еще уроки: словесности, законовѣдѣнія, естественныхъ наукъ и польскаго языка. Послѣ уроковъ осматривалъ двѣ ученическія квартиры: Сушинской и Корженевской. Осматривалъ еще одну учительскую квартиру въ зданіи оранжереи, гдѣ предполагается устроить православную церковь. Церковь и до сихъ поръ (1885 г.) не устроена.

24 ноября. Витте былъ въ церкви на богослуженіи, посѣтилъ еврейское училище и ѣздилъ въ Шпановъ для ревизіи приходскаго училища. Обѣдалъ у исправника. На обѣдѣ были: какой-то офицеръ, назначенный мировымъ посредникомъ, бывшій мировой посредникъ, помѣщикъ Яновицкій, Дворжанскій, директоръ, инспекторъ и учитель Лапицкій. Дворжанскій завелъ разговоръ объ освобожденіи крестьянъ и считалъ его обременительнымъ для помѣщиковъ и вреднымъ для самихъ крестьянъ. Лапицкій горячился, доказывалъ противное. Витте говорилъ въ примирительномъ духѣ.

25 ноября. Попечитель не былъ въ гимназіи: у него нарывъ на щекѣ. Изъ Каменца депеша, требующая безотлагательнаго пріѣзда попечителя. Разсказываютъ, что уволенный учитель польскаго языка Коперницкій собралъ въ гимназію въ торжественный залъ всѣхъ учениковъ и сказалъ имъ такую патріотическую прощальную рѣчь, что на другой день, когда надзиратель предложилъ ученикамъ разойтись по классамъ и

не толпиться въ корридорѣ, ученикъ V класса ударилъ его 2 раза по лицу. Инспекторъ хотѣлъ арестовать ученика; но его выгнали ученики изъ класса. Послали за полиціймейстеромъ. Между тѣмъ въ гимназіи ученики стали буянить до крайности. Рѣшили убить надзирателя. Въ его квартирѣ переломали всю мебель. Искали его въ учительскихъ квартирахъ.

По требованію шефа жандармовъ Долгорукаго, попечитель уволилъ учителей кіевскихъ гимназій: Малерба, Шумовскаго, Рупневскаго и Козловскаго. Рупневскій и Козловской сверхъ того назначены въ приходскія училища въ Малороссію. Между учениками 2-й гимназіи распространился слухъ, будто эти увольненія состоялись по доносу директора 2-й гимназіи Вилуева. Они стали кричать въ корридорѣ и требовали Вилуева. Когда явился Вилуевъ, въ него пущены были книги и сапоги.

28 ноября. Попечитель былъ все утро на урокахъ въ гимназіи. Вечеромъ въ квартирѣ директора—засѣданіе подъ предсѣдательствомъ попечителя. Потомъ чай. Попечитель благодарилъ директора, учителей: Лапицкаго, Епифановича, Солтановскаго, Тышецкаго. Полякамъ учителямъ запретилъ въ гимназіи говорить съ учениками по-польски. Требовалъ, чтобъ всѣ безъ исключенія учителя содѣйствовали директору въ поддержаніи порядка въ гимназіи. Къ 1865 г. обѣщалъ прибавку къ жалованью До засѣданія былъ у князя Любомирскаго и завтра у него обѣдаетъ.

29 ноября. На 3-мъ урокѣ попечитель распрощался съ учителями и учениками, и, согласно просьбѣ учениковъ 7 класса, позволилъ у нихъ прекратить уроки съ 15 Марта, дабы они могли приготовиться къ окончательному испытанію.

7 декабря. Въ домѣ покойнаго мироваго посредника—помѣщика Калиновскаго, въ сараѣ, въ шкафу случайно открыли большой складъ золотыхъ грамотъ, которыя распространялись мировыми посредниками.

11 декабря. Ученикъ VI класса Б., квартировавшій у учителя В—а, женатаго на дочери польскаго эмигранта, отпросился домой въ кременецкій уѣздъ, а оттуда съ братомъ, тоже

бывшимъ ученикомъ VI класса, ушелъ въ Австрію къ инсургентамъ. В.—лютеранинъ, уроженецъ остзейскихъ губерній, воспитывался въ педагогическомъ институтѣ. Онъ былъ уже прикосновенъ къ дѣлу, о раздачѣ въ костелѣ запрещенныхъ гимновъ во время панихиды по убитымъ въ Варшавѣ.

1864 годъ.

4 января. Арестовано много помѣщиковъ острогскаго, староконстантиновскаго и кременецкаго уѣздовъ. Нѣкоторые арестованы за распростаненіе фальшивыхъ ассигнацій.

Ксендзы запрещаютъ католичкамъ браки съ православными, а тѣмъ, которыя уже замужемъ, толкуютъ, что такого рода бракъ недѣйствительный, что онѣ не въ брачномъ союзѣ, а въ простомъ сожительствѣ, а измѣнять сожителю, мѣнять сожителей не грѣхъ, особенно если сожитель схизматикъ, врагъ католицизма и короны. Недавно, исповѣдывая жену одного чиновника, клеванскій прелатъ утверждалъ ее въ этихъ мысляхъ и лишилъ причастія. Мужъ жаловался. Прелатъ объяснилъ, что она налгала на него за лишеніе ея Евхаристіи, а лишена она за то, что призналась ему въ крайне развратной жизни: имѣла десятки любовниковъ.

31 января. Пришло распоряженіе около почтовой конторы ставить на ночь караулъ, почту денежную сопровождать конвою, осматривать проѣзжающихъ и вообще принять всевозможныя мѣры предосторожности. На дняхъ исправникъ съ офицеромъ, козаками и понятыми обыскивали костелы въ Клевани и Тайкурахъ, но ничего не нашли. Сегодня на подводахъ куда-то повезли роту пѣхоты и поѣхалъ самъ исправникъ.

6 февраля. Послѣ обѣда исправникъ, военный начальникъ, рота пѣхоты и масса крестьянъ съ заступами и топорами оцѣпили весь гимназическій дворъ. Произвели обыскъ на чердакахъ, въ библіотекѣ, въ кабинетахъ, въ классныхъ комнатахъ,

лазили на печки. Конечно, ничего не нашли въ зданіи, гдѣ администрація русская, а служителя — отставные русскіе солдаты.

Обыскъ въ гимназіи произведенъ по слѣдующему случаю. Командиръ своднаго баталіона, квартирующаго въ Корцѣ, полковникъ Мясоѣдовъ увѣдомилъ эсаула Гроховскаго, квартирующаго въ Ровно, что по секретнымъ слухамъ ему сдѣлалось извѣстнымъ, что въ г. Ровно въ дворянской школѣ хранятся боевые припасы. Командиръ предлагалъ Гроховскому объявить объ этомъ военному начальнику Ѳедорову, секретно развѣдывать и, если слухи окажутся вѣрными, то немедленно приступить къ военно-полицейскому обыску. Какъ только Гроховскій сообщилъ Ѳедорову письмо Мясоѣдова, то этотъ маіоръ сейчасъ собралъ 20 козаковъ, 80 человѣкъ пѣхоты, и явился въ 11 час. утра къ исправнику, требуя немедленно произвести обыскъ. Домскій, помощникъ исправника, едва успѣлъ убѣдить Ѳедорова подождать окончанія уроковъ. Козаковъ и пѣхоту спрятали во дворѣ исправника, и какъ только ученики стали выходить изъ гимназіи, сейчасъ оцѣпили весь кварталъ, гдѣ находится гимназическое зданіе, и начали обыскъ. Такъ какъ директоръ и учителя дѣлали все возможное, что-бы противиться мятежному теченію въ гимназіи, то поляки посредствомъ жидовъ факторовъ въ отместку устроили русскимъ этотъ скандалъ. Ѳедоровъ при обыскѣ грубилъ заступающему мѣсто директора, инспектору Коленку, и русскимъ учителямъ. Донесено объ этомъ Генералъ-Губернатору и Попечителю. Дѣйствительно, при прежнихъ капелланахъ носились слухи, что въ гимназической каплицѣ гдѣ-то прячутъ разные документы и даже оружіе. Но тогда власти не обратили своевременно на это вниманіе, да и теперь почему-то, роясь въ песочницахъ въ классныхъ комнатахъ, оставили безъ обыска каплицу, стоящую отдѣльно среди вѣковыхъ липъ на гимназическомъ дворѣ.

Говорятъ, что начальникъ кинжальщиковъ, молодой помѣмѣщикъ Б., встрѣтивъ на улицѣ въ Дубно судью Голубовскаго,

старика хромого лѣтъ 70-ти, сбросилъ ему палкою съ головы шапку, и когда Голубовскій нагнулся поднимать шапку, онъ топорикомъ разсѣкъ ему пополамъ черепъ. Б. схваченъ и преданъ военному суду. Голубовскій, состоя предсѣдателемъ коммиссіи въ Дубно для разбора дѣлъ по разнаго рода манифестаціямъ, безпощадно приговаривалъ обвиняемыхъ къ тюрьмѣ и огромнымъ денежнымъ штрафамъ. За это его и приговорилъ ржондъ къ смерти.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Раскопки на Княжей Горѣ въ 1892 г.

Систематическія раскопки городища на Княжей горѣ, начатыя въ 1891 г., продолжались и все лѣто 1892 г. Въ первый годъ раскопокъ была изслѣдована верхняя часть городища, а неизслѣдованными оставались бока горы; въ 1892 г. послѣдовательными траншеями пройдена вся юго-восточная сторона и часть сѣверо-западной. Сосредоточены раскопки были на юго-восточной сторонѣ, главнымъ образомъ потому, что въ прошлый годъ сторона эта оказалась найболѣе богатой находками, да къ тому же, въ виду сравнительно меньшей крутизны ската, производить раскопки здѣсь было удобнѣе.

Съ юго-восточной стороны раскопки начались сейчасъ же внизу вала и доведены до самаго обрыва къ Днѣпру. Культурный слой залегалъ здѣсь неравномѣрно: ближе къ вершинѣ горы онъ былъ толще (1—2 метра), спускаясь внизъ по склону горы, онъ становился все мельче и мельче, наконецъ совсѣмъ прекращался, такъ что въ нижнихъ частяхъ этого склона почву составлялъ песчаный суглинокъ, занимавшій на городищѣ положеніе подпочвы. Что касается того, какъ далеко внизъ, къ подошвѣ горы, распространялся культурный слой, то въ этомъ отношеніи особой правильности не замѣчалось: въ однихъ мѣстахъ слой спускался довольно низко, образуя нѣчто въ родѣ мысовъ, въ другихъ прекращался довольно скоро; если взять началомъ гребень горы, то отъ него культурный слой спускался внизъ въ среднемъ на 25—30 метровъ; только ближе къ обрыву на Днѣпръ, и особенно, у самого обрыва, слой залегалъ довольно низко, приблизительно метровъ на 50—60 отъ гребня, и имѣлъ значительную толщину даже въ самомъ низу. На сѣверо-западномъ склонѣ, гораздо болѣе крутомъ, чѣмъ юго-восточный, культурный слой залегалъ довольно равномѣрно, толщиной въ 1—2 метра, и въ проти-

воположность юго-восточному склону мощность его книзу увеличивалась; раскопками здѣсь пройдена въ длину приблизительно половина горы, въ ширину же, т. е. по направленію отъ вершины къ подошвѣ, площадь, занятая раскопками, имѣла 15—20 метровъ. Но этимъ протяженіемъ культурный слой не исчерпывался, онъ продолжался дальше и занималъ подошву горы, которая ближе къ валу городища имѣетъ видъ бугристой, покрытой многочисленными углубленіями, поверхности, отлого и неровно спускающейся къ обрывистому оврагу болѣе поздняго происхожденія; мѣстность эта раньше вспахивалась и во время вспахиванія, по разсказамъ крестьянъ, встрѣчались предметы, аналогичные съ находимыми на самомъ городищѣ; это подтвердили произведенныя здѣсь пробныя раскопки. Пробная траншея была также заложена и въ мѣстности, лежащей къ юго-западу отъ городища, за рвомъ, отдѣляющимъ это послѣднее отъ поля, и здѣсь найдены, хотя и не въ такомъ большомъ числѣ, разныя вещи, указывающія на то, что жизнь поселка распространялась, по крайней мѣрѣ въ мирное время, за предѣлы собственно городища.

Всѣ предметы, добытые раскопками 1892 г., распадаются, какъ и предметы изъ раскопокъ 1891 г., главнымъ образомъ, на двѣ группы, и относятся къ каменному вѣку и великокняжеской эпохѣ; кромѣ предметовъ этихъ двухъ подраздѣленій, на этотъ разъ найденъ, хотя лишь въ единственномъ числѣ, предметъ, несомнѣнно относящійся къ промежуточной эпохѣ, но о немъ ниже.

Въ виду того, что въ отчетѣ о раскопкахъ на Княжей горѣ 1891 г. [1]) было помѣщено подробное описаніе найденныхъ вещей и такъ какъ раскопки 1892 дали матеріалъ, служащій лишь дополненіемъ къ добытому въ первый годъ, то въ настоящемъ отчетѣ, избѣгая повтореній, я упомяну только о предметахъ, раньше не встрѣчавшихся, и приведу нѣсколько свѣдѣній объ общихъ результатахъ раскопокъ.

Издѣлія каменнаго вѣка найдены въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ въ 1891 г.; распадаются онѣ на кремневыя отбивныя, шлифованныя каменныя, костяныя и глиняныя. Самый многочисленный видъ кремневыхъ орудій составляютъ пилы; на этотъ разъ ихъ найдено 5; самый совершенный экземпляръ изъ нихъ—пила изъ сѣраго кремня, въ видѣ хорошо отдѣланной серповидной пластинки, выгнутый и, главнымъ образомъ, вогнутый края которой снабжены

[1]) „Кіевск. Стар.“ 1892 г., январь.

неправильными, мелко отбитыми, зубьями; въ нѣсколькихъ мѣстахъ на зубьяхъ замѣтны слѣды полировки, образовавшейся вѣроятно отъ работы инструментомъ; къ сожалѣнію настоящій экземпляръ сломанъ и сохранилась только половина, имѣющая 9 стм. длины и $5^1/_2$ ширины при 8 мм. толщины въ самой толстой части. Другой экземпляръ, не такъ искусно отдѣланный благодаря дурному качеству кремня, найденъ вполнѣ цѣлымъ; одна сторона его такъ же, какъ и на предыдущемъ, выгнута и зазубрена, другая въ противоположность первому не вогнута, а прямая или скорѣе даже немного выгнута, представляетъ собою острый край, носящій признаки скребка, такъ что одна сторона даннаго орудія служила для пиленія, другая для сдиранія мяса и очистки кожъ; длина этого экземпляра $12^1/_2$ стм., ширина $4^1/_2$ стм.; онъ немного тоньше предыдущаго. 3 остальныя пилы имѣютъ видъ неправильной формы продолговатыхъ кусковъ кремня въ 9, 7 и 4 стм. длиной, у которыхъ одна изъ длинныхъ сторонъ представляетъ рядъ мелкихъ зубьевъ. Изъ кремневыхъ орудій найдено также нѣсколько разной формы скребковъ. Оружіе представлено однимъ наконечникомъ дротика и двумя наконечниками стрѣлъ; первый сдѣланъ изъ куска сѣраго кремня посредствомъ отбивки съ двухъ сторонъ, такимъ образомъ, что края и верхъ заострены, средина же и низъ представляютъ утолщеніе, верхъ и низъ закруглены, и весь наконечникъ имѣетъ вытянутую овальную форму; длина его $7^1/_2$ стм., ширина $2^1/_2$ и толщина 1 стм.; наконечники стрѣлъ очень миніатюрны—въ 2 и 4 стм. длиной, у одного нижній край имѣетъ выемку и два рожка по бокамъ, у другого рожки также есть, но вмѣсто выемки выдается стержень, который всаживался въ древко; приготовлены стрѣлочки очень изящно. Общее число кремневыхъ издѣлій, добытыхъ двухлѣтними раскопками, немногимъ превышаетъ 20 штукъ; такое небольшое количество этихъ предметовъ сравнительно съ общимъ числомъ предметовъ, относящихся къ каменному вѣку, можно объяснить усовершенствованіемъ техники въ обработкѣ другихъ матеріаловъ, изъ которыхъ доисторическій человѣкъ приготовлялъ себѣ орудія, именно, разныхъ породъ камня и кости, кремень же сохраняется для тѣхъ орудій, гдѣ раковистый изломъ его былъ наиболѣе пригоденъ,—таковы и являются скребки и пилы. Что касается послѣднихъ, то такой большой процентъ ихъ среди другихъ кремневыхъ орудій указываетъ на потребность именно въ этомъ инструментѣ, служившемъ для обработки дерева, кости и по всей вѣроятности камня, что въ свою очередь говоритъ за распростра-

ненность орудій изъ этихъ послѣднихъ матеріаловъ и объясняетъ малочисленность кремневыхъ издѣлій. Отбойниковъ, служившихъ для приготовленія кремневыхъ орудій, найдено въ этомъ году четыре; всѣ они изъ песчаника, два имѣютъ форму сплюснутыхъ шаровъ въ 8 и 6 стм. діаметромъ, третій неправильнаго квадрата въ 6—7 стм. въ поперечникѣ и 2—3 стм. толщины съ однимъ краемъ болѣе тонкимъ,—эта сторона предназначалось для нанесенія ударовъ, четвертый въ видѣ продолговатаго квадратнаго столбика $8^1/_2$ стм. длиной. Всѣхъ вообще шлифованныхъ каменныхъ орудій найдено до 70 ти. Отмѣтимъ нѣкоторыя изъ найденныхъ въ 1892 г. На первомъ мѣстѣ стоятъ топоры—молоты, всего ихъ найдено до 25 штукъ, и притомъ все половины или обломки. По формѣ ихъ можно подраздѣлить на три вида: первый составляютъ небольшіе молотки, съ расширеніемъ въ срединѣ и съуживающіеся къ острію и тылью; они всегда хорошо отшлифованы, изваяны вполнѣ симметрично и имѣютъ иногда изящную форму, которой способствуютъ нерѣдко помѣщаемыя украшенія въ видѣ полосокъ; они разной длины и ширины, но толщина ихъ остается всегда незначительной—$2^1/_2$—$3^1/_2$ стм.; у одного изъ найденныхъ молотковъ этого вида (тыльная половина) въ средней части, тамъ гдѣ дыра, по бокамъ сдѣланы два выступа въ видѣ выдающихся кружковъ, что придаетъ своеобразную форму молотку; ко второму виду относятся молотки гораздо массивнѣе первыхъ, сохраняя приблизительно ту-же длину, они шире и толще, именно—толщина ихъ въ срединѣ 4—6 стм., въ общемъ они далеко уступаютъ въ изществѣ первымъ, за то болѣе удобны для работы; единственный представитель третьяго вида отличается отъ второго громадными размѣрами и удлиненнымъ, вытянутымъ остріемъ; молотъ сломанъ на дырѣ, сохранилась передняя часть, напоминающая формой утюгъ, длина сохранившейся части 18 стм., ширина $7^1/_2$ стм. и толщина $6^1/_2$ стм., діаметръ дыры $3^1/_2$ стм. Къ единственному найденному цѣлымъ шлифованному орудію, именно найденной въ 1891 г. булавѣ, въ этомъ году присоединилась еще половина булавы своеобразной формы: по сторонамъ ея выступаютъ четыре выдающихся кружка, отверстіе булавы въ 6 стм. длиной сдѣлано въ два пріема. Изъ найденныхъ въ этомъ году пестовъ или зернодробилокъ, особенныхъ формъ, отличныхъ отъ описанныхъ въ первомъ отчетѣ, не оказалось; всѣхъ пестовъ (цѣлыхъ и сломанныхъ) 25 штукъ. Для шлифованія употреблялись камни двоякаго вида: одни—*на которыхъ* производилась шлифовка, другіе—*которыми* шлифовали; перваго

вида былъ найденъ одинъ камень, къ сожалѣнію разбитый рабочими, размѣры его весьма значительны—приблизительно 35 стм. длины, 20 ширины и 25 высоты; верхняя плоскость представляла ровную, шероховатую поверхность, о которую и производилась шлифовка изготовляемыхъ орудій; другой видъ небольшіе камни разной формы, ихъ брали въ руку и шлифовали; имѣютъ они одну или нѣсколько зашлифованныхъ плоскостей, приготовлены изъ песчаника или изъ твердыхъ породъ; въ одномъ случаѣ шлифовальнымъ камнемъ служитъ простой валунъ, на одной изъ сторонъ его видны слѣды шлифовки; всѣхъ такого рода камней найдено 6 На одномъ изъ топоровъ можно прослѣдить за процессомъ шлифовки: топоръ былъ приготовленъ вчернѣ, такъ что поверхность его не гладка, а шероховата, затѣмъ въ немъ продѣлана дыра, и послѣ этого приступили къ шлифовкѣ; уже была отшлифована нижняя часть, но тутъ молотокъ сломался и шлифовка брошена. На нѣкоторыхъ сломанныхъ топорахъ, въ мѣстѣ излома замѣчаются слѣды шлифовки, а у одного зашлифовано въ плоскость и остріе—быть можетъ такіе испорченные экземляры служили для шлифовки другихъ орудій. Замѣтимъ кстати, что топоры ломались, главнымъ образомъ, вслѣдствіе неправильнаго сверленія—дыра продѣлывалась не на срединѣ топора, а немного всторону, отсюда происходило неравномѣрное распредѣленіе тяжести при ударѣ. Въ этомъ году найдено очень много костяныхъ орудій, распадающихся главнымъ образомъ на двѣ большія группы: остріа и долота; первыхъ, считая съ прошлогодними,—100 штукъ; за немногими исключеніями сдѣланы онѣ изъ продольно расколотыхъ полыхъ костей, и притомъ самой разнообразной величины, только около 10 экземпляровъ приготовлены изъ цѣлой плотной кости съ сохраненіемъ даже у нѣкоторыхъ сочленовной головки, да около 5 штукъ изъ полой, но нерасколотой кости. Способъ приготовленія этихъ орудій очень простъ—посредствомъ тренія о камень заострялась верхняя часть костяныхъ обломковъ; характеръ собственно острія различенъ: большинство экземпляровъ заострены очень тонко, такъ что вполнѣ могли служить шилами, у меньшинства—заостреніе грубо и неправильно и кость у этихъ послѣднихъ обыкновенно длиннѣе и толще; долота, которыхъ найдено 17, сдѣланы изъ расколотыхъ толстыхъ костей или рога (такихъ 2) путемъ стачиванія въ сравнительно широкое остріе одного или двухъ концовъ; есть два долота изъ цѣлыхъ полыхъ костей и одно изъ нихъ изъ птичьей кости. Интересъ представляютъ два ножа или скребка—одинъ изъ плоской

кости, другой изъ клыка дикаго кабана; посредствомъ шлифовки у нихъ образованы рѣжущіе края. Изъ другихъ костяныхъ издѣлій отмѣтимъ 5 костяныхъ трубочекъ со слѣдами отдѣлки, около 10 костяныхъ конусовъ, неизвѣстнаго назначенія, нѣсколько черепаховыхъ пластинокъ, тоже неопредѣленнаго назначенія, и 8 костяныхъ бабокъ, съ продѣланными въ бокахъ грубыми сквозными отверстіями, хотя, быть можетъ, эти бабки относятся къ болѣе позднему времени; въ этомъ году найдено около 10 костяныхъ стрѣлъ въ видѣ длинной пластинки, срѣзанной на 4 грани, и, въ противоположность такимъ стрѣлкамъ изъ раскопокъ 1891 г., прекрасно сохранившихся; это обстоятельство и затѣмъ слѣды на нихъ повидимому металлическаго инструмента, которымъ онѣ изготовлялись, заставляетъ насъ, какъ это и сдѣлано въ прошломъ отчетѣ, не причислять эти стрѣлы къ предметамъ каменнаго вѣка; относятся онѣ по всей вѣроятности къ одной изъ промежуточныхъ эпохъ между каменной и великокняжеской. Число найденныхъ въ этомъ году черепковъ отъ сосудовъ очень велико; доставили они прекрасный подборъ разнообразнѣйшихъ орнаментовъ, но опять, и въ этотъ годъ раскопокъ, цѣлаго сосуда, относящагося къ каменному вѣку, не найдено; только по одному куску, составляющему половину сосуда, можно возстановить форму—это былъ небольшой горшочекъ 9 стм. высоты и 6—9 въ діаметрѣ со скошенными на двѣ грани боками; найдена еще часть оригинальной плошки, покрытой съ внутренней стороны орнаментомъ веревочкой, но найденная часть недостаточна для возстановленія формы; нѣкоторые изъ сосудовъ были очень мелки—у одного изъ найденныхъ черепковъ край поднимается надъ дномъ только на 2 стм. Коллекція глиняныхъ грузовъ увеличилась многими экземплярами разной формы и съ различнымъ орнаментомъ. Слѣдуетъ упомянуть еще объ интересныхъ подѣлкахъ изъ глины—это миніатюрные глиняные топорики, сдѣланные по формѣ каменныхъ, съ дырочками по срединѣ, ихъ 2 цѣлыхъ въ 4 и 5 стм. длиной и половинка; имѣли они, вѣроятно, значеніе дѣтскихъ игрушекъ. Скажу въ заключеніе объ украшеніяхъ и амулетахъ, относящихся къ каменному вѣку; ихъ всѣхъ найдено три—одна небольшая, въ 2 стм. длины, плитка зеленоватаго камня съ дырочкой для привѣшиванія и 2 зуба; эти послѣдніе можно считать скорѣе амулетами, чѣмъ простыми украшеніями; одинъ изъ нихъ цѣлый—это медвѣжій клыкъ съ продѣланной кругомъ конца корня бороздкой для прикрѣпленія шнурка или ремешка, отъ другого сохранилась только часть, въ которой замѣтны слѣды круглой

дыры. Общій выводъ, къ которому можно прійти на основаніи разсмотрѣнія найденныхъ предметовъ каменнаго вѣка и обстоятельствъ ихъ находки, заключается въ слѣдующемъ: поселеніе на Княжей горѣ, какъ мѣстоположеніемъ, такъ и характеромъ предметовъ, отличается отъ т. н. стоянокъ первобытнаго человѣка, расположенныхъ на песчаныхъ береговыхъ дюнахъ, и, въ противоположность этимъ послѣднимъ, по большей части служившимъ лишь временнымъ мѣстопребываніемъ для доисторическаго человѣка, поселеніе это было постояннымъ; въ немъ сосредоточивалось производство глиняныхъ, костяныхъ, кремневыхъ отбивныхъ и каменныхъ шлифованныхъ орудій; благодаря главнымъ образомъ послѣднему обстоятельству, поселокъ получилъ большое развитіе, такъ какъ можно предположить, что производство послѣдняго рода носило промышленный характеръ; умѣнье сверлить и прекрасно шлифовать камень, хорошее приготовленіе гончарныхъ издѣлій и небольшое число кремневыхъ отбивныхъ орудій указываетъ на то, что поселокъ на Княжей горѣ относится къ самому концу каменнаго вѣка [1]). Слѣды каменнаго вѣка обнаружены еще въ мѣстахъ, прилежащихъ къ Княжей горѣ, именно—на береговой террасѣ, составляющей подошву т. н. Малого Городыща, лежащаго немного выше Княжей горы; тутъ при земляныхъ работахъ найденъ діоритовый топоръ, 10 костяныхъ орудій и цѣлый глиняный сосудъ. Мѣстность эта по находкамъ вполнѣ схожа съ Княжей горой; кромѣ того, на высокой горѣ, называемой Велыкимъ Городыщемъ и лежащей рядомъ съ Малымъ Городыщемъ на песчаной выдувной полянькѣ найдено много черепковъ отъ сосудовъ, приготовленныхъ безъ гончарнаго круга.

Въ отчетѣ о раскопкахъ въ 1891 г. я указывалъ на тотъ фактъ, что на Княжей горѣ отсутствуютъ предметы промежуточныхъ эпохъ между каменной и великокняжеской, фактъ, дававшій поводъ предположенію о перерывѣ на довольно продолжительный періодъ жизни на горѣ; указывалъ я также, что къ промежуточной эпохѣ могутъ быть отнесены найденные тамъ бронзовые браслетъ и кольцо архаическаго стиля; но въ виду того, что такого рода браслеты сохранились довольно долго и встрѣчаются въ могилахъ, относящихся ко времени, близкому къ историческому, вопросъ этотъ оставался открытымъ; во время раскопокъ 1892 г. найденъ бронзовый наконеч-

---

[1]) Совершенно аналогичное поселеніе каменнаго вѣка съ обширнымъ производствомъ каменныхъ шлифованныхъ орудій изслѣдовано К. Н. Мельнику, с. Волошское, екатеринослав. губ. и уѣзд., въ урочищѣ, называемомъ „Стрельча Скеля“.

никъ стрѣлы, принадлежащій къ одной изъ недостающихъ эпохъ; онъ имѣетъ видъ небольшой тонкой бронзовой пластинки въ видѣ вытянутаго ромба съ закругленными углами; такого типа наконечники относятся къ бронзовому вѣку, на югѣ же Россіи они встрѣчаются нерѣдко въ могилахъ, гдѣ каменные, бронзовые и желѣзные предметы находятся вмѣстѣ, и на основаніи чего въ русской археологіи существуетъ мнѣніе, что въ средней Россіи вслѣдъ за каменной эпохой наступила прямо желѣзная культура безъ промежуточной бронзовой. Совершенно такой экземпляръ стрѣлы, только побольше, происходящей съ Княжей горы, находится въ коллекціи проф. Д. Я. Самоквасова (въ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ, таб. 285, № 4240) [1]).

Переходя къ предметамъ великокняжеской эпохи, отмѣтимъ прежде всего между ними два, болѣе или менѣе датированные. Это, вопервыхъ, небольшая мѣдная византійская монета, очень дурного чекана, имѣющая видъ чашечки, относится она къ XIII в. и чеканена въ царствованіе одного изъ династіи Комненовъ. Другой предметъ заслуживаетъ большого вниманія—это вислая свинцовая печать; къ сожалѣнію, въ томъ мѣстѣ, гдѣ проходилъ шнурокъ, служившій для привѣшиванія печати, она разломана и сохранилась только одна ея часть, правда бо́льшая; на одной сторонѣ печати изображена Божія Матерь съ поднятыми руками и съ ликомъ Спасителя на груди, справа, въ трехъ строкахъ, помѣщена, идущая сверху внизъ надпись—НІ|Е|РА; оборотъ печати занятъ надписью въ пяти продольныхъ строкахъ— + ΚΥΡΙ... | ΜΟΝΑΧΟ...|ΘΥ|ΑΡΧΙΕΠ... | ΤΗC|ΜΡΟ...ωC|Pω..., такимъ образомъ вслѣдствіе отсутствія части печати не сохранились и концы строкъ надписи; но къ счастью, помочь горю можетъ совершенно цѣлая печать съ Княжей горы, находящаяся въ той же коллекціи Д. Я. Самоквасова и битая повидимому даже однимъ и тѣмъ же штемпелемъ, надпись на ней слѣдующая— + ΚΥΡΙΛΛΟC| ΜΟΝΑΧΟC|ΕΛΕω|ΘΥ|ΑΡΧΙΕΠΙCΚΟΠΟC|ΤΗC|ΜΡΟΠΟΛΕωC|PωCIAC [2]),

---

[1]) Кстати приведу справку, относящуюся къ исторіи изслѣдованія Княжей горы; еще въ 1877 г. проф. Д. Я. Самоквасовымъ были произведены раскопки на городищѣ Княжей горы; по словамъ проф. Самоквасова, надъ самымъ обрывомъ къ Днѣпру въ то время еще оставалась часть городка съ площадью не болѣе какъ въ 30 кв. саж.; въ настоящее время нѣтъ уже никакихъ слѣдовъ этого городка; во время раскопокъ проф. Самоквасовымъ были добыты различныя украшенія и бытовые предметы, въ томъ числѣ печать митрополита Кирилла и каменный образокъ св. Николая (см. „Антропологическая выставка 1879 г.“ т. 3, стр. 182 и 350).

[2]) „Кириллъ монахъ милостью Божіей архіепископъ митрополіи Русской“.

печати эти, съ большой долей вѣроятности, можно считать принадлежащими кіевскому митрополиту Кириллу Греку (1225—1233).

Раскопками 1891 г. обнаружены многочисленные слѣды жилищъ въ видѣ разрушившихся печей, расположенныхъ по бокамъ раздѣльнаго бугра. Въ 1892 г. такихъ разрушившихся печей найдено еще нѣсколько, найдена также и одна печь почти цѣлой, обнаружена она самымъ валомъ, отдѣлявшимъ городище отъ поля на довольно значительной глубинѣ; она глинобитная, конусообразной формы со срѣзаннымъ верхомъ—вышина ея 0,7 стм., діаметръ основанія 14 м., діам. вершины 0,7 стм., отверстіе сдѣлано при самомъ основаніи на сѣверо-востокъ, высота его 0,4 ширина 0,6; внутри печи видны въ глинѣ отпечатки кольевъ, поставленныхъ наклонно—колья эти служили основой, на которую накладывалась глина, со временемъ они уничтожились отъ огня; въ вершинѣ печи находится отверстіе, но въ виду того, что въ этомъ мѣстѣ печь немного разрушена, трудно сказать, сдѣлано ли оно нарочно или образовалось уже впослѣдствіи. Не ограничиваясь только самой вершиной горы, жилища были расположены и въ другихъ мѣстахъ, немного въ сторону, гдѣ это позволяла поверхность, такъ напр: съ юго восточной стороны приблизительно на половинѣ горы и метровъ 15 внизъ отъ бугра открыта ровная площадка, вырытая въ желтой подпочвѣ на глубину 1,7 м.; сдѣлана она полукругомъ въ 3,6 м. въ поперечникѣ, по бокамъ земляныхъ стѣнокъ замѣтны слѣды истлѣвшаго дерева, полъ состоитъ изъ убитой и гладко смазанной глины, ближе къ внутреннему краю находятся остатки печи; такимъ образомъ въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ жилищемъ, носящимъ всѣ признаки землянки. Но еще яснѣе можно возстановить жилище по остаткамъ его, найденнымъ съ той же стороны у самого обрыва къ Днѣпру и метровъ на 50 внизъ отъ вершины; въ довольно крутомъ обрывѣ горы сдѣлана выемка въ 1,8 м. высотой, выемка полукруглая въ 3,3 м. въ поперечникѣ у наружнаго края, въ глубь горы она простирается на 2,5 м., у внутренней стѣны видны по угламъ двѣ ямы съ сохранившимся истлѣвшимъ деревомъ отъ столбовъ, поддерживавшихъ крышу, тутъ же находится и вполнѣ сохранившаяся печь, но она другого устройства, чѣмъ выше описанная; она состоитъ изъ узкаго (0,7 м.) и длиннаго (1,4 м.) продолженія той же выемки въ бокъ горы; если загородить наружную сторону и сдѣлать крышу, то получится довольно просторная землянка; на уступѣ горы сейчасъ же надъ этой землянкой устроена совершенно такимъ же образомъ другая, немного больше пер-

вой, съ такой же печью. Для храненія разныхъ припасовъ и другихъ вещей служили вырытыя въ землѣ ямы; нѣсколько такихъ было открыто въ 1891 г.; онѣ описаны въ предыдущемъ отчетѣ. Въ 1891 г. ямъ обнаружено около 30—всѣ съ юго-восточной стороны; тянутся онѣ длиннымъ рядомъ на различномъ другъ отъ друга разстояніи, приблизительно на 5—7 метровъ ниже вершины горы, и соотвѣтствуютъ ряду остатковъ жилищъ, расположенныхъ по бокамъ раздѣльнаго бугра; при расчисткѣ ямъ почти въ каждой изъ нихъ были найдены различныя вещи—земледѣльческія орудія, посуда, мелкіе предметы домашняго обихода, украшенія, оружіе и наконецъ истлѣвшіе или обгорѣвшіе хлѣбные запасы; я не привожу подробнаго описанія содержимаго каждой ямы, такъ какъ надо полагать, что найденныя вещи попали въ ямы по большей части случайно, во время разгрома поселка, и не составляютъ отдѣльныхъ хозяйствъ.

Привожу описаніе болѣе замѣчательныхъ вещей, добытыхъ раскопками 1892, придерживаясь порядка предыдущаго отчета. Предметъ, несомнѣнно указывающій на существованіе богослуженія въ поселкѣ на Княжей горѣ—это каменная печать для просфиръ; она круглая въ 5 стм. діаметромъ, въ кругѣ помѣщенъ четвероконечный крестъ, въ срединѣ котораго вырѣзанъ другой маленькій крестъ съ аканфами, а по угламъ еще 4 крестика, по сторонамъ креста—буквы IC, N, K, въ одномъ углѣ кусочекъ печати съ буквами откололся, тамъ вѣроятно помѣщались буквы XC, всѣ эти изображенія сдѣланы вглубь, въ печати продѣланы 4 сквозныя отверстія. Уже раскопками 1891 г. добытъ прекрасный подборъ древнѣйшихъ образковъ и крестовъ; въ 1892, подборъ этотъ пополненъ новыми экземплярами, именно: каменный четыреугольный образокъ $4^1|_2$ стм. длины и $3^1/_2$ ширины съ рельефнымъ изображеніемъ св. Николая во весь ростъ, по бокамъ идутъ надписи сверху внизъ—АГНѠС| NHKOЛAE, вверху образка въ углахъ двѣ дырочки для шнурка; въ 1891 г. была найдена нижняя половинка каменной иконки съ изображеніемъ воина въ панцырѣ, въ правой рукѣ держащаго копье, а лѣвой опирающагося на ромбовидный щитъ; въ 1892 г. отъ этого образка найденъ еще кусочекъ верхней части, на которомъ вырѣзана голова въ нимбѣ и сбоку, въ двухъ строкахъ, надпись—ГЕОРГН, въ цѣломъ видѣ образокъ $3^1/_2$ стм. длиной и $2^1/_2$ шириной; мѣдный образокъ въ 5 стм. длины и 4 ширины съ погруднымъ изображеніемъ высокимъ рельефомъ Божіей Матери со Спасителемъ на рукахъ; такой же величины образокъ-складень, на немъ въ средней части помѣщено

рельефное распятіе съ предстоящими Божіей Матерью и Іоанномъ, а на лѣвой створкѣ воинъ во весь ростъ съ копьемъ, сверху надъ нимъ можно разобрать надпись—ГЕОР..., правой створки не сохранилось; часть мѣднаго образка съ рельефнымъ изображеніемъ стоящей фигуры съ правой рукой, положенной на грудь, и лѣвой, отставленной всторону, голова отломана, на другой сторонѣ образка вырѣзанъ крестъ съ развѣтляющимся нижнимъ концомъ (аканфы). Очень много и въ этомъ году найдено крестовъ; есть нѣсколько типовъ новыхъ; на первомъ мѣстѣ стоитъ серебряный складной крестъ (энколпіонъ) единственный среди многочисленныхъ мѣдныхъ; онъ $5^1/_2$ стм. длины, на одной сторонѣ его распятіе, на другой Влахернская Божія Матерь, по угламъ какъ съ той, такъ и съ другой стороны небольшіе крестики съ аканфами въ кругахъ, всѣ изображенія сдѣланы очень тонко рѣзцомъ и чернью; затѣмъ слѣдуютъ: часть односторонняго креста, вверху его изображена на перекладинѣ одежда, за ней крестъ, копье и губка, по бокамъ верхней части 2 прорѣзныхъ ангела, въ боковыхъ частяхъ креста по 2 фигуры святыхъ, пространство между боковыми частями заполнено надписью изъ четырехъ строкъ, идущихъ сверху внизъ, въ нижней части помѣщенъ крестъ; верхняя часть большого энколпіона въ $9^1/_2$ стм. длины, углы креста гладки, чего не встрѣчалось на прежнихъ экземплярахъ; послѣ отчистки одного изъ мѣдныхъ энколпіоновъ оказалось, что онъ былъ позолоченъ; кромѣ большихъ энколпіоновъ найдено еще 3 маленькихъ, 2 прорѣзныхъ распятія съ придѣланными гвоздями, 2 крестика тѣльника изъ сланца и одинъ изъ глины—всѣ размѣрами въ 2 стм., янтарный тѣльникъ въ 3 стм. и нѣсколько мѣдныхъ и серебряныхъ; къ группѣ предметовъ, относящихся къ религіи, можно присоединить, найденные въ 1892 два такъ называемыя змѣевика, занимающихъ среднее мѣсто между образками и амулетами; отъ одного, большаго, сохранилась только часть и весь онъ сильно попорченъ огнемъ; на одной сторонѣ рельефомъ изображенъ архангелъ Михаилъ, какъ это можно заключить по сохранившимся сбоку буквамъ—ІЛО, въ ободкѣ по краю идетъ надпись—...ГНОСА ГНОСА...., на оборотѣ голова съ расходящимися отъ нея змѣями и также остатки надписи—...СНЛНЕКОСЪ РКУМОР..., змѣевикъ былъ позолоченъ; другой змѣевикъ—поменьше, цѣлый; на одной сторонѣ его двѣ стоящія фигуры святыхъ, между ними внизу крестъ съ аканфами, вверху скорпіонъ, по ободку надпись—+ АГОС АГОС АГОС КССА....СО. РАНО. М. Г..., на оборотѣ такая же голова со змѣями. Я только сдѣлалъ поверхностное описаніе

нѣкоторыхъ крестовъ и образковъ; въ виду древности, какую они представляютъ, коллекція ихъ, заключающая большой и разнообразный подборъ, заслуживаемъ спеціальнаго изслѣдованія. Въ 1892 г. найдено около тысячи разнообразныхъ бытовыхъ предметовъ; большинство уже имѣетъ представителей, но есть нѣсколько и новыхъ, есть нѣсколько новыхъ типовъ замковъ, нѣсколько мѣдныхъ литыхъ оковокъ отъ ларцовъ и сундуковъ, мѣдныя чашечки разныхъ величинъ, мѣдный колокольчикъ 8 стм. длины и 10 стм. при отверстіи, часть деревянной точеной чашки съ 3 параллельными рельефными бороздками, части мѣдныхъ тазовъ и чашекъ изъ листовой мѣди—(тазъ имѣлъ приблизительно 24 стм. въ діаметрѣ и 11 стм. высоты, чашка 10 стм. діам. и 3 стм. высоты); изъ глиняной посуды укажу на плоскій, оригинальной формы горшочекъ; есть, кромѣ того нѣсколько крошечныхъ горшечковъ, служившихъ игрушками, хотя цѣлый отдѣлъ ихъ со слѣдами поливы, быть можетъ, имѣлъ назначеніе чернильницъ, одинъ горшокъ найденъ съ пережженной пищей, повидимому горохомъ, и т. д. Изъ инструментовъ найдена большая наковальня, разные молотки, кузнечныя щипцы, маленькія ножницы, одинъ изъ ножиковъ найденъ съ двумя серебряными оковками отъ истлѣвшей деревянной ручки, отъ другого ножика сохранилась костяная орнаментированная ручка; очень интересна небольшая шиферная формочка для отливки украшенія въ видѣ кружка съ звѣздочкой; форма состоитъ изъ двухъ частей и, будучи сложена, представляетъ собой усѣченную пирамидку. Украшеній и въ этомъ году найдено довольно много; такъ, найденъ кладъ (5-ый по числу), состоящій изъ браслета въ видѣ согнутой полоски, серьги замкообразной формы съ чернью и ажурнымъ ободкомъ, 21 продолговатая пластинка отъ ожерелья или повязки и 8 серегъ кіевскаго типа; всѣ вещи серебряныя, завернуты онѣ были въ холщевую тряпку, части которой сохранились. Кладъ найденъ надъ самымъ обрывомъ къ Днѣпру. Въ одной изъ ямъ найдены локтевая и лучевая кости съ сохранившимся на нихъ витымъ стекляннымъ браслетомъ; найдено также нѣсколько перстней, на щиткѣ одного изъ нихъ вырѣзанъ крестъ, помѣщающійся на подставкѣ въ формѣ буквы П; изъ многочисленныхъ бусъ укажу на двѣ мѣдныя ажурныя; найдены остатки холста, выдѣланной кожи, нѣсколько разной формы серебряныхъ нашивокъ на одежду, игральныя кости [1]). Изъ монетныхъ знаковъ къ

[1]) По поводу вообще бытовыхъ предметовъ съ Княжей горы приведу фактъ, интересный для сравнительнаго ихъ изученія; въ коллекціи, полученной Москов-

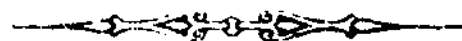
пяти прежде найденнымъ прибавились еще двѣ шестиугольныя гривны въ 38¹/₄ и 39 золот. вѣсомъ. Изъ художественныхъ произведеній (къ которымъ относятся и всѣ украшенія) заслуживаетъ вниманія мѣдная, къ сожалѣнію обломанная пластинка, на которой выгравированы четыре воина съ копьями и щитами; сохранились они по грудь, лица круглыя безбородыя, волосы острижены въ кружокъ, воины стоятъ подъ зубчатой аркой, которая соединяется съ трехъэтажной башней, въ башнѣ 3 окна, слѣва башни остатки орнамента; величина пластинки 10 стм. длины и 7 и 4 стм. ширины.

Антропологическій матеріалъ пополнился нѣсколькими десятками череповъ; на одномъ изъ нихъ виденъ слѣдъ сабельнаго удара; найдено нѣсколько костей со сросшимися переломами, причемъ сростаніе очень неправильно, что указываетъ на плохое состояніе хирургіи въ то время; въ двухъ или трехъ случаяхъ сохранились на костяхъ куски кожи и сухожилій, сохранились они благодаря мѣдной окиси отъ находившихся по сосѣдству кусковъ мѣди; благодаря этому же обстоятельству у одного черепа, у затылочной кости, сохранился пучекъ волосъ, волосы темнорусые.

И въ эпоху великокняжескую поселокъ распространялся за предѣлы Княжей горы; у подошвы Марьиной горы, сосѣдней Княжей, на береговой терассѣ встрѣчаются такіе же какъ и на Княжей предметы; въ 1892 г. тамъ найдено нѣсколько бусъ и проволочныхъ серегъ, а также перстень со вставленнымъ круглымъ зеленоватымъ стекломъ.

Вся добытая масса предметовъ довольно полно характеризуетъ жизнь порубежнаго поселка, слѣды котораго обнаружены на городищѣ Княжей горы; вмѣстѣ съ предметами, происходящими изъ разныхъ другихъ мѣстъ, они представляютъ богатыя данныя для исторіи матеріальной культуры великокняжеской эпохи, данныя, еще ожидающія систематической обработки.

Ник. Бѣляшевскій



скимъ Историческимъ Музеемъ изъ раскопокъ въ Херсонесѣ, цѣлую группу составляютъ предметы, совершенно тожественные даже въ мелочахъ таковымъ съ Княжей горы, изъ Кіева и др. мѣстъ Кіевской земли, относящимся приблизительно къ половинѣ XIII ст., но что главнымъ образомъ интересно, это то обстоятельство, что заимствованіе въ этотъ періодъ совершалось Херсонесомъ у Кіева, такъ какъ напр. среди херсонесскихъ вещей есть энколпіонъ съ изображеніемъ Бориса или Глѣба.

САНИ ВЪ ПОХОРОННОМЪ ОБРЯДѢ.

(КЪ РИСУНКУ).

Однимъ изъ „пережитковъ“ глубокой старины, бытующимъ еще иногда среди малорусскаго народа, является употребленіе саней въ похоронномъ ритуалѣ, независимо отъ времени года. Извѣстія о такомъ употребленіи саней восходятъ къ XI вѣку въ примѣненіи, главнымъ образомъ, къ погребенію князей; затѣмъ мы имѣемъ указанія на этотъ обычай въ послѣдующіе вѣка вплоть до XVII в. и особенно много въ XVII в. въ царскихъ похоронахъ. Страннымъ, поэтому, кажется игнорированіе его прежними изслѣдователями русскаго быта; такъ напр., А. Котляревскій, въ своемъ изслѣдованіи „о погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ“ (М. 1868 г.), упоминаетъ объ употребленіи саней только мелькомъ (стр. 222), не придаетъ этому факту особаго значенія и склоняется въ объясненіи его къ мнѣнію, высказанному Успенскимъ [1]), что подъ санями здѣсь нужно понимать „родъ особой повозки, покойной и небольшой“; такое отношеніе къ данному вопросу можно объяснить, пожалуй, мифологическимъ направленіемъ тогдашнихъ этнографовъ, къ школѣ которыхъ принадлежалъ и покойный Котляревскій; сани давали имъ очень мало мѣста для мифологическаго толкованія. Совершенно другое отношеніе мы находимъ въ недавно вышедшей монографіи проф. Д. Н. Анучина „Сани, ладья и кони, какъ принадлежности похороннаго обряда“ [2]); здѣсь цѣ-

1) Успенскій, „Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ“, Харьк. 1818 г.

2) Древности, труды Имп. Моск. Арх. Общ. т. XIV, 1890 г. и отдѣльный оттискъ.

Funérailles des paysans.

Dans le district de Radomysl, les paysans ont la coutume d'exporter le corps au cimetière, sur un traîneau traîné par des bœufs, même en été.

Крестьянское Погребенie.

лый отдѣлъ занимаютъ сани, и проф. Анучинъ, путемъ сравнительно-этнографическимъ, устанавливаетъ вполнѣ реальное основаніе употребленія ихъ въ похоронномъ ритуалѣ.

Въ этой работѣ проф. Анучинъ подробно разбираетъ извѣстія нашей первоначальной лѣтописи о перенесеніи и перевозкѣ умершихъ въ саняхъ, отмѣчаетъ при этомъ фактъ неупотребленія до позднѣйшаго времени гробовъ въ тѣсномъ смыслѣ слова и замѣны ихъ обертываніемъ тѣла матеріями, останавливается на обычаѣ выноса покойника не въ обыкновенный выходъ изъ жилища (обычай, сохранившійся и въ Малороссіи), приводитъ по этому поводу данныя сравнительной этнографіи и объясняетъ обычай боязнью по отношенію къ покойнику. Затѣмъ идетъ рядъ выписокъ изъ описаній царскихъ похоронъ, гдѣ сани являются обычной принадлежностью. Переходя къ объясненію употребленія саней при погребеніи проф. Анучинъ разбираетъ прежде высказанныя по этому поводу мнѣнія (Успенскаго, Котляревскаго, Труворова) и доказываетъ ихъ несостоятельность, приводитъ затѣмъ факты употребленія саней при свадьбѣ, указываетъ случаи пользованія санями, какъ лѣтнимъ экипажемъ, причемъ даетъ характеристику тогдашняго ссстоянія путей сообщенія и экипажнаго искусства. Далѣе въ трудѣ проф. Анучина мы находимъ массу данныхъ, касающихся употребленія саней въ похоронномъ обрядѣ, какъ въ древнее, такъ и новое время, у народовъ дикихъ и культурныхъ; тутъ указывается, между прочимъ, на существованіе этого обычая и въ настоящее время въ Малороссіи и Угорской Руси, причемъ отмѣченъ фактъ впряганія въ сани воловъ предпочтительно предъ лошадьми. Въ концѣ отдѣла проф. Анучинъ доказываетъ происхожденіе саней изъ „волокушъ", волочащихся по землѣ стволовъ и жердей, и употребленіе саней ранѣе повозокъ на колесахъ, помѣщаетъ по этому поводу приведенныя Чубинскимъ малорусскія повѣрья, напр., что „съ самого початку свита люде не малы возивъ, а йздылы литомъ и зимою на саняхъ", что возъ и колеса выдумалъ чортъ или „завезлы воза до людей и далы его имъ святы Петро и Павло" или возъ былъ изобрѣтенъ Соломономъ.

Послѣ этого краткаго и бѣглаго перечня содержанія первой части работы, не останавливаясь на другихъ двухъ, какъ не имѣющихъ прямого отношенія къ интересующему насъ вопросу, приведемъ тѣ общіе выводы, къ которымъ пришелъ проф. Анучинъ; они слѣдующіе: „Сани (дровни) развились изъ волокуши и были древнѣйшей повозкой. Впослѣдствіи ихъ смѣнили телѣги, колы, колесницы, развившіяся, въ свою очередь, изъ двухколесной арбы съ вращающеюся осью, составлявшею одно цѣлое съ вырѣзанными изъ цилиндрическаго ствола сплошными колесами.

Въ нѣкоторыхъ странахъ, особенно въ Россіи, сани продолжали еще долго играть роль найболѣе распространенной повозки, которою пользовались и лѣтомъ, особенно въ болотистыхъ, лѣсистыхъ и гористыхъ мѣстностяхъ, гдѣ сани употребляются мѣстами, въ лѣтнее время года еще и теперь. Кромѣ того, при несовершенствѣ (тряскѣ) колесныхъ экипажей и ихъ дороговизнѣ санями продолжали пользоваться лѣтомъ еще долго и въ городахъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, кода требовалось болѣе покойное и солидное, хотя и медленное, передвиженіе. Употребленіе саней при похоронномъ обрядѣ могло обусловливаться, кромѣ того, большею древностью ихъ, чѣмъ колесницы, а равно практиковавшимся ранѣе обычаемъ оставлять сани на могилѣ, что въ примѣненіи къ телѣгѣ или колесницѣ было менѣе удобно вслѣдствіе ея большей цѣнности и рѣдкости въ прежнее время, хотя иногда колесницы также полагались въ могилу. Особенность русскихъ (по крайней мѣрѣ великокняжескихъ и царскихъ) похоронъ состояла еще въ томъ, что сани служили и носилками для несенія тѣла (и гроба умершаго), а иногда и для несенія сопровождавшей гробъ вдовы покойнаго“. Такимъ образомъ, употребленіе саней при похоронахъ проф. Анучинъ объясняетъ большей ихъ древностью сравнительно съ колесными экипажами, а также обычаемъ оставлять сани на могилѣ; такое объясненіе, главнымъ образомъ въ первой части, является вполнѣ удовлетворительнымъ и находится въ связи съ другими такого рода фактами; очень часто разнаго рода пріемы, служившіе для удовлетворенія въ одно и тоже время мірскихъ и

религіозныхъ цѣлей, впослѣдствіи, по изобрѣтеніи новыхъ способовъ удовлетворенія, сохранились лишь въ религіозныхъ обрядахъ въ силу освященія ихъ религіей; укажемъ для примѣра на вызываніе священнаго, „живаго", „божьяго" огня посредствомъ тренія двухъ кусковъ дерева у римлянъ, славянъ, германцевъ, на употребленіе каменныхъ ножей въ религіозныхъ обрядахъ мексиканцевъ, египтянъ, евреевъ, и т. д.; такого рода „пережитковъ" сравнительная этнографія даетъ много.

Прилагаемый къ настоящей книжкѣ „Кіев. Стар". рисунокъ изображаетъ похоронную процессію въ радомысльскомъ у. кіевской губ., въ которой не смотря на лѣтнее время тѣло покойника отвозится на кладбище на саняхъ, запряженныхъ волами; рисунокъ этотъ сдѣланъ въ 50-хъ годахъ съ натуры докторомъ Де-ла-Флизомъ и взятъ изъ рукописнаго этнографическаго альбома его, хранящагося въ Кіевскомъ Церковно-Археологическомъ Музеѣ [1]).

Приводимъ за одно указаніе на существованіе такого же употребленія саней на Волыни въ XVII в., взятое изъ одного документа, вообще характеризующаго нрава польской шляхты того времени [2]).

---

[1]) Краткій перечень содержанія этого альбома, а также и другихъ работъ д—ра Де-ла Флиза помѣщенъ нами въ „Кіевск. Стар". 1889 г. № 7 и 1891 г. № 3. Въ „Русской Старинѣ за 1891 и 1892 г. напечатаны записки Де-ла-Флиза о походѣ въ Россію въ 1812 г. Къ этимъ запискамъ предпослана замѣтка сына д—ра Де-ла-Флиза („Русск. Стар". 1891 г. № 9), изъ которой мы заимствуемъ здѣсь нѣкоторыя біографическія данныя. Де-ла-Флизъ служилъ военнымъ медикомъ въ гвардіи Наполеона I; въ 1812 г., во время сраженія подъ Краснымъ, былъ взятъ въ плѣнъ и принятъ въ домъ генералъ-лейтенанта графа Гудовича; женившись на племянницѣ графа и купивши имѣніе въ кіевской губ., Де-ла-Флизъ до конца жизни оставался въ Россіи; въ 1843 году онъ поступилъ на государственную службу старшимъ врачемъ по вѣдомству государственныхъ имуществъ кіевской губ. и былъ на службѣ до 1858 г.; затѣмъ, выйдя въ отставку и продавъ имѣніе, переселился къ сыну въ г. Нѣжинъ, гдѣ былъ штатнымъ смотрителемъ уѣзднаго училища; умеръ онъ 1861 г. Во время службы по вѣдомству государственныхъ имуществъ Де-ла-Флизъ на основаніи личныхъ наблюденій и составилъ вышеуказанныя медико-топографическія и этнографическія работы по кіевской губ.

[2]) Кіевск. Центр. Арх., акт. кн. № 4, л. 475; документъ этотъ любезно указанъ намъ О. И. Левицкимъ.

Въ ноябрѣ 1690 г. хорунжій житомирскій Михаилъ Ставецкій подалъ въ судъ „протестацію“, въ которой жаловался на жену своего покойнаго брата чашника овруцкаго. Обвиненіе его состояло въ томъ, что жена брата, пользуясь любовью и имуществомъ послѣдняго, отплачивала неблагодярностью, питая къ нему недоброжелательсто и желая даже его смерти, хотя на виду этого и не показывала; особенно такое отношеніе къ мужу она выказала уже послѣ его смерти, такъ какъ вопреки благородному положенію „имѣя оставшіяся (послѣ мужа) лошади, волами, на простыхъ саняхъ въ маѣ мѣсяцѣ 1690 г..... велѣла отвезть тѣло мужа до Овруча [1]).“ Видя въ такомъ поступкѣ поруганіе божескихъ и человѣческихъ законовъ, Ставецкій проситъ учинить вдовѣ Ставецкой должное наказаніе. Въ свою очередь вдова Ставецкая подала „репротестацію“ противъ Михаила Ставецкаго и привлекла въ качествѣ обвиняемыхъ еще и другихъ лицъ; въ этой „репротестаціи“ она утверждаетъ, что, напротивъ, оказывала мужу всякое почтеніе, заботилась о немъ во время его болѣзни, покупала лѣкарства и т. п., что, когда онъ умеръ, то, привезши тѣло въ Овручъ (о способѣ перевозки Ставецкая умалчиваетъ), она не жалѣла денегъ на церковную службу и колокольный звонъ, устроила дубовый склепъ въ костелѣ ксендзовъ іезуитовъ, и вообще хотѣла какъ слѣдуетъ [2]) справить погребальный обрядъ. Далѣе Ставецкая заявила, что обжалованныя ею лица пользовались ея добромъ и даже во время отсутствія ея, по случаю погребенія мужа въ г. Овручѣ, ночной порой „какъ непріятель“ напали на ея домъ и разграбили имущество. Мы не знаемъ, чѣмъ кончилась тяжба, такъ какъ въ дѣлѣ указаній на это нѣтъ. Изъ этого интереснаго въ бытовомъ отношеніи документа видно, что обычай употребленія саней въ похоронномъ обрядѣ въ XVII в. въ данномъ случаѣ на Волыни, а по всей вѣроятности и въ другихъ частяхъ

---

[1]) „cadaver mariti sui extra decentram status nobilicaris, maiąc konie pozostale, volami, prostymi saniami, w miesiącu main teraznieyszego roku 1690.... do Owrucza odwiesc kazala“..

[2]) „bez oslawienia ludzkiego“, какъ она выражается.

Украины, въ противоположность Московской Руси, сохранился лишь среди народа, и примѣненіе его по отношенію къ лицамъ высшаго сословія даже могло служить однимъ изъ поводовъ для возникновенія судебнаго процесса.

Ник. Бѣляшевскій.

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Къ исторіи начальнаго обученія въ Харьковѣ, въ нач. этого вѣка. Въ Кіевск. Старинѣ за 1891 г. помѣщенъ былъ обстоятельный очеркъ педагогической дѣятельности даровитаго и образованнаго И. Ф. Тимковскаго, (р. 1773 † 1853), написанный по бумагамъ семейнаго архива Н. В. Шугуровымъ. Изъ этого очерка мы знаемъ, что Тимковскій, занимая должность визититора учебныхъ заведеній харьковскаго учебнаго округа, былъ правою рукою тогдашнего попечителя гр. Потоцкаго во всѣхъ распоряженіяхъ, касавшихся устройство учебнаго дѣла въ округѣ.—Въ январской книжкѣ К. Стар. за настоящій годъ сообщены н менѣе интересныя свѣдѣнія о другомъ образованномъ малороссѣ—В. Гр. Полетикѣ (р. 1765 † 1845), въ которомъ предполагается даже авторъ «Исторіи Руссовъ». Получивъ заботливое воспитаніе, при неусыпныхъ о томъ стараніяхъ отца, Василій Григорьевичъ П—ка, какъ видно, очень заботился о воспитаніи и своихъ дѣтей. Отыскивая ту первоначальную школу, въ которую можно было бы помѣстить восьмилѣтняго своего сына [1]), В. Гр. П—ка обратился за совѣтомъ къ И. Ф. Тимковскому, какъ человѣку, который по своему служебному положенію, хорошо былъ освѣдомленъ о положеніи начальнаго обученія въ новомъ цетрѣ южнорусскаго просвѣщенія, замѣнившемъ прежній Кіевъ,—Харьковѣ. Печатаемое здѣсь письмо Тимковскаго и есть отвѣтъ на просьбу Полетики.—Кромѣ свѣдѣній, касающихся интересовавшаго Полетику вопроса, письмо Тимковскаго интересно еще и по особому его тону предупредитель-

---

[1]) Повидимому, забота идетъ авторомъ сынѣ Василія Гр—ча Полетики, Василій же (род. 1802 г.), такъ какъ старшему, Григорію, въ это время было уже 17-ть лѣтъ.

ности, указывающему на то уваженіе, которымъ пользовался среди мѣстной интеллигенціи предполагаемый авторъ «Исторіи Руссовъ».

А. Л.

М. Г. Василій Григоровичъ! Случаемъ приходитъ мнѣ то, что приобрѣсть издавна уже было въ пріятнѣйшихъ моихъ исканіяхъ, почтеннѣйшее ваше знакомство. Велико щастіе встрѣтиться желаніемъ съ такою взаимностью, какъ изъявляютъ выраженія писма вашего, которое я имѣлъ честь получить, въ минувшемъ мартѣ. Сугубо мое удовольствіе, что предлогомъ сего есть требованіе услуги моей. И обязанностью, и чест'ю себѣ навсегда поставляю соотвѣтствовать внимательному ко мнѣ благопріятству вашему, въ ономъ писмѣ оказанному. Тѣмъ болѣе надѣюсь нынѣ быть вамъ угоденъ въ доставленіи свѣденія, котораго требовать отъ меня и самое званіе мое даетъ вамъ властное право. Искренно будетъ мое мнѣніе предъ вами. Нѣтъ при здѣшнемъ университетѣ никакого пенсіона, кромѣ самаго малаго числа мѣстъ занимаемыхъ при студентахъ казеннаго иждивенія совокупно студентами вольными, которые пользуются всѣми выгодами содержанія наравнѣ съ первыми, взнося въ общую сумму по 250 рублевъ; а для учениковъ учреждено подобное заведеніе при гимназическихъ питомцахъ, съ положеніемъ по 150 р. ежегоднаго взноса, которое однако не воспріяло должнаго своего дѣйствія, по причинѣ начатой обстройки зданій гимназіи. И такъ, поступаю къ частнымъ. Лучшій пенсіонъ здѣсь есть иностранца Гилейна, въ который платятъ по 400 р. съ лица, Поллинно и между столичныхъ онъ въ своемъ родѣ подостаточнѣе и предметами, и присмотромъ. Но найпаче предъ вами не постояла бы утайка, еслибы я и допустилъ ее, что успѣхи въ немъ крайне скудны. Гдѣ ученье и уроки не разложены порядкомъ по классамъ, тамъ смѣсь многоразличныхъ возрастовъ и способностей оставляетъ однихъ, останавливаетъ другихъ, и едва чѣмъ богатитъ старшихъ. Впрочемъ ежели вы наклонны отдать сына вашего въ пенсіонъ, то судя по его лѣтамъ, рано было бы обратиться вамъ къ пенсіону московскаго университета; и года на два пенсіонъ Гилейна можетъ занять его. Упоминаю здѣсь для соображенія и о пенсіонѣ при полтавской состоящемъ гимназіи. Но какъ искуснѣйшимъ способомъ, по всеобщему оправданію, тотъ признается, чтобы дѣти, живучи подъ вѣденіемъ и руководствомъ домашняго учителя, отъ него или и отъ другихъ по урокамъ приходящихъ пользовались ученьемъ, либо приуготовясь, получали оное въ обще-

ственныхъ училищахъ; то здѣсь таковыхъ воспитателей домашнихъ изъ иностранцевъ и россіянъ изрядно находить можно. Для сего представляется въ выборѣ и судѣ столько подробностей, что личнымъ только усмотрѣніемъ опредѣлить можно; а затѣмъ качества назначаютъ цѣну и сами цѣною назначаемы бываютъ. При такихъ уваженіяхъ и учитель новгородсѣверской гимназіи, именно швейцарецъ, кандидатъ богословіи, при наукахъ знающій отлично языки французской и нѣмецкой, живущій лѣтъ 30 въ Россіи, Вернетъ [1]), о которомъ вы располагались писать къ батюшкѣ Ивану Ивановичу [2]), если только согласится принять на себя трудъ воспитанія, о чемъ и при опредѣленіи его туда были мои совѣты, и нынѣ продолжаются, можетъ надежнѣйшимъ быть для васъ прибѣжищемъ; между тѣмъ же уединеніе тамошней гимназіи, устроенной какъ и другія, болѣе благопріятствуетъ начальной наукѣ.—Съ истиннымъ почтеніемъ и отличною преданностью имѣю честь быть, милостивый государь мой, вашимъ покорнѣйшимъ слугою Илья Тимковскій [3]).

1810. Апр. 2. Харьковъ.

Изъ уголовной хроники XVIII в. (*Мотивы двухъ убійствъ*).— I. Отцеубійца Ничипоръ Лененко, житель с. Березовой Луки, (миргородскаго уѣзда), при допросѣ о причинѣ преступленія, показалъ: «Случилось де отцеви моему въ старосты тамошнего березолуцкого подпить, а я зъ молодиками тожъ подпивъ, и когда отецъ мой подпилий, пришовъ до господи [4]) увечору, въ тое время, якъ товаръ [5]) зъ поля поприходивъ, я изъ жалю своего, что самъ и корови дою, и все домашное господарство, принадлежащое жонкамъ, пораю, (исполняю), промовивъ отцеви: албо самъ женися [6]), албо мене ожени!—И отецъ за тое оскорбившися, вхативши рубель тотъ, що платте

---

[1]) Конечно, этому Вернеру принадлежитъ напечатанная въ Украинск. Журналъ 1825 г., № 13, статья—„Весенняя прогулка по Валковскимъ окрестностямъ", изъ которой напр. читаемъ: „Окрестности валковскія пріятны и для меня, жившаго на прелестныхъ берегахъ Рейна и Неккера"...

[2]) Иванъ Ивановичъ Халанскій,—тесть И. Ф. Тимковскаго, тогдашній директоръ новгородсѣверской гимназіи.

[3]) Съ подлинника, наход. въ собраніи В. В. Тарновскаго.

[4]) Домой.

[5]) Скотъ.

[6]) Видно, что отецъ преступника былъ вдовецъ.

качають, началъ мене быти въ хатѣ, и я, вирвавши тотъ рубель зъ рукъ, вдарилъ и его отца разъ, по плечахъ и кинувъ подъ лавку оний рубель, и пошовъ на дворъ. И за другое, когда увойшолъ я въ хату, знову отецъ вхвативши сокиру, сталъ мене обухомъ бити, который я отнявши зъ рукъ, вдарилъ его, отца, тимъ же обухомъ одинъ разъ повинше уха, и болше не былъ, одъ которого удару впалъ де отецъ на землю и захрупъ [1]), и вскорѣ, якъ бы у годину, и умеръ. *(Показаніе дано въ 1728 г.)*.

II. Чумакъ с. Свинарной (гадяцкаго уѣзда) Грицко Тихенко, убившій въ дорогѣ другаго чумака, жителя м. Опошни Назара Макаренка, причину преступленіе такъ объяснилъ: «Когда прибыли въ Переволочную [2]), тамъ я Соляникового наемного хлопця вдарилъ трийчи батогомъ за тое, что онъ бранилъ матерно; а Назаръ Макаренко, називаючи того хлопця сродникомъ своимъ, пришолъ пяний до нашихъ возовъ и ухватя мене за волоса, бючи ногами и пощокамъ, окривавилъ; за который бой хотѣлъ я тамже Макаренка люшнею вдарить, но Дмитро Осиченко, опошанскій житель, воспятилъ тому моему намѣренію. И якъ Макаренка отведено до другого огня, въ ту пору молодики въ той компаніи будучіе, походившись до возовъ, бранили мене за тое, что я не йшолъ бить Макаренка, а Салниченко за тоежъ мене и по щоцѣ вдарилъ и; я съ тоей ихъ намови, пошедши до другого огня, вдарилъ люшнею Макаренка по головѣ, который отъ едного разу упавши на землю, не сталъ говорить и на другій день безъ рѣчи померъ». *(Показаніе того же 1728 г.)*.

Челобитная монаха К. Печерской Лавры (1773 г.). Изъ архивныхъ дѣлъ прошлаго вѣка видно, что К. Печерская Лавра, ревниво оберегая всякаго рода свои «права и привилегіи», не допуская вмѣшательства другихъ властей въ тѣ дѣла, которыя подлежали исключительно ея вѣдѣнію, нерѣдко приходила по этому поводу въ непріязненныя столкновенія съ гражданскими учрежденіями и лицами [3]). Особенно непріятны, конечно, были для мона-

---

[1]) Захрапѣлъ.

[2]) Въ полтавск. губ. есть двѣ Переволочныхъ, одна въ прилуцкомъ уѣздѣ, а другая—въ кобелякскомъ.

[3]) Вообще надо имѣть въ виду, что К. Печерская Лавра вела чрезвычайно обширную переписку со всѣми правительственными учрежденіями и лицами. Владѣя обширными помѣстьями, ближайшее управленіе которыми ввѣрялось

стырскаго начальства тѣ случаи, когда гражданская власть вмѣшивалась такъ или иначе во внутренюю жизнь монастыря, въ его домашнія, такъ сказать, дѣла и отношенія. А такіе случаи бывали и поводъ для нихъ нерѣдко подавали сами же монахи, обращаясь къ гражданской власти съ «неподлежащими разсмотрѣнію» этой послѣдней просьбами. Такую именно просьбу представляетъ приводимая ниже любопытная челобитная монаха Іереміи, поданная на Высочайшее имя и въ кіев. губернскую канцелярію. Челобитная эта, найденная мною въ обрывкѣ совершенно истлѣвшаго «дѣла», даетъ нѣсколько интересныхъ черточекъ изъ домашней, такъ сказать, жизни монастыря.

Изъ перваго пункта ея видно, что монахъ Іеремія, убоясь насильственнаго со стороны своего начальства «безвиннаго заключенія и заточенія», обратился 4-го генваря 1773 г. съ челобитной на Высоч. имя въ кіев. губ. канц., прося выдать ему пашпортъ для проѣзда въ С.-Петербургъ, гдѣ онъ намѣренъ былъ жаловаться Св. Синоду на причиненныя ему обиды и просить опредѣленія въ «россійскіе монастыри». К. Губ. Канцелярія не только приняла эту обидную для Лавры челобитную, но и приняла по ней крайне оригинальную, дѣйствительно обидную, мѣру: для охраненія монаха предоставила ему солдата... Получивъ такое «защищеніе», монахъ Іеремія, два мѣсяца спустя, недовольный тѣмъ, что монастырское начальство не принимаетъ отъ него имѣвшихся у него денежныхъ суммъ, вновь обращается къ «правосудію» Губ. Канцеляріи и подаетъ новую челобитную, въ которой и набрасываетъ довольно густую тѣнь на картину «братскихъ» отношеній въ монастырѣ. Эту челобитную К. Г. К. препроводила уже въ Лавру при письмѣ генералъ-губернатора къ архимандриту. Въ челобитной этой Іеремія писалъ такъ:

По productionомъ учиненномъ мнѣ милосердіемъ В. И. В. отъ К. Г. К. защищеніи устремились [1]) на меня въ Лаврѣ Печ. тягчайшіе и ожесточеннѣйшіе ненависти и съ самого того времени

особымъ управителямъ и „городничимъ“ изъ монаховъ, Лавра вела дѣла по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, снабжая для „хожденія“ по нимъ особыми довѣренностями своихъ же монаховъ, свѣдующихъ въ юриспруденціи. При трудности строгаго разграниченія „вѣдомствъ“ неизбѣжно возникали постоянныя пререканія между монастырскимъ начальствомъ и гражданскими учрежденіями и лицами.

[1]) Защищеніемъ онъ называетъ предоставленіе ему отъ К. Г. К. солдата для его охраны.

употребляетъ Лавра всевозможныя искательства, какъ бы меня удержать въ своей власти, и за тѣмъ состоящей въ вѣдѣніи моемъ денежной суммы понынѣ отъ меня не принимаетъ, выискивая притомъ средства, какъ бы еще чѣмъ и опорочить и вмѣсто покаянія привести въ отчаяніе, и для того учинила всей лаврской братіи запрещеніе, чтобъ всякъ меня чуждался со всякимъ презрѣніемъ.

По симъ обстоятельствамъ, будучи я убѣждаемъ всегдашнимъ душевнымъ неспокойствіемъ и уныніемъ и не имѣя ни отъ кого спасительнаго окормленія, пребываю въ Лаврѣ, какъ заблуждающая въ горахъ овца, и къ душевному тутъ миру надежды крайне не предвидится, и тщетно, паче же и со вредомъ на душу преходитъ краткая сія покаянія моего ожидающая временность, поелику нѣтъ нынѣ въ сей святой обители благопризрѣнія и попеченія о тѣхъ, кои вѣрно служатъ въ послушаніяхъ и благочинно себя ведутъ и желаютъ въ простотѣ и покаяніи монашествовать, но всѣ таковые презрѣнны со осмѣяніемъ отъ самихъ же старѣйшихъ духовныхъ предводителей, о ихъ высокопреподобіяхъ, какъ бы они не поступали и какіе бы непристойности и обиды и увѣчья братіи и бѣднымъ людямъ ни дѣлали, и добро общее монастырское какъ бы расточительно ни обращали, бѣдной братіи ни думать, ни говорить, кольми паче писать, отнюдь невозможно, братія бо у нихъ именемъ только, а вещію какъ бы послѣдніе ихъ рабы, и если кто съ братіи хотя мало что погрѣшитъ, такъ уже не исправятъ, но паче въ отчаяніе приведутъ своимъ ожесточеніемъ, какъ уже многіе чрезъ то и бѣжать изъ Лавры принуждены были, а иные, съ поруганіемъ и немилосердіемъ въ заключеніяхъ сидя и отчаясь, сами себя умертвили, нѣкоторые жъ, будучи въ заперти поброшени, безъ исповѣди и причастія св. таинъ холодомъ уморены; такъ по симъ и по прежде показаннымъ въ первой моей челобитной причинамъ и мнѣ къ дальнѣйшему въ Лаврѣ пребыванію не остается никакой доброй надежды, кромѣ чаянія, чего Боже сохрани, такой же погибели, и затѣмъ нужда належитъ, остая многочисленнымъ и многомощнымъ въ Лаврѣ святой властямъ всякое спокойство и давъ гнѣву ихъ мѣсто, удалиться заблаговремено въ безмолствующіе монастыри россійскіе.

И дабы высоч. В. И. В. указомъ повѣлено было сіе мое вторичное челобитье въ К. Г. К. принять и не оставить сообщить въ К. Печ. Лавру о немедленномъ отъ меня пріемѣ имѣющейся въ моемъ вѣдѣніи денежной лаврской суммы, и какъ оная принята будетъ, то

поелику Лаврѣ дѣла до меня уже не остается, дать мнѣ о пропускѣ въ С.-Петербургъ до Св. Пр. Синода пашпортъ, а ежели что Лавра святая имѣетъ на меня писать, то разсудитъ между Лаврою и мною послѣднѣйшимъ Св. Синодъ, какъ главное духовное правительство».

По поводу этой челобитной К. Г. К—ія опредѣлила написать въ Лавру, чтобы просьба монаха Іереміи о принятіи отъ него денежной суммы была исполнена «безотрицательно, дабы онъ не имѣлъ больше причинъ къ нарѣканію и жалобы уплождать».

Въ отвѣтъ на письмо генералъ-губернатора Архимандритъ К. Печ. Лавры прислалъ обстоятельное объясненіе, сущность котораго сводится къ тому, что де челобитная монаха Іереміи и написана не толь со включеніемъ бранныхъ и къ дѣлу, о чемъ прошеніе есть, непринадлежащихъ словъ, но и съ немалымъ на Лавру пасквильнымъ поношеніемъ», указомъ же Пр. Сената 13-го Сентября 1764 г. такія челобитныя подавать и принимать строжайше запрещено, а потому де и Лавра, получивъ изъ К. Г. К. эту челобитную, не находитъ нужнымъ «чинить по ней какое бы то ни было производство». Выразивъ мнѣніе, что и первой челобитной», которая въ Лавру не препровождена, не слѣдовало К. Г. К. принимать въ силу упомянутаго выше указа Пр. Сената, архимандритъ писалъ въ заключеніе. «Еликомъ принадлежитъ до непорядочнаго обхожденія и бродяжества онаго Іереміи и произносимыхъ Лаврѣ поношеній, я о томъ отъ 28 февраля хотя В. В. Пр—ву и объяснилъ въ письмѣ, и какъ всѣмъ тѣмъ заслуживаетъ онъ таковому объ немъ быть опредѣленію, сходному съ законами и духовными правилами, силою которою воздержанъ бы онъ былъ отъ всего того, то и просилъ я надлежащаго разсмотрѣнія и увѣдомленія, однако и понынѣ не снабдѣнъ я отъ В. В. П—ва на то сообщеніемъ, а помянутый Іеремія, симъ случаемъ въ его развращенности пользуясь, отважился уже сочинять нарочито пасквильные о Лаврѣ и пребывающихъ во оной стихи и посылать чрезъ имѣющагося при немъ отъ К. Г. К. опредѣленнаго солдата, и самъ, выходя изъ Лавры, разсѣялъ сіи клеветные плевелы по окресностямъ и болѣе умножаетъ въ посмѣяніе, изъ чего Лавра чувствуетъ крайную и неудобостерпимую обиду.

Къ сожалѣнію, письмо архимандрита сохранилось въ такомъ видѣ, что возстановить его цѣликомъ невозможно, невозможно извлечь и свѣдѣнія о той денежной суммѣ, которая находилась на рукахъ монаха Іереміи. По видимому, у него хранились разныя сборы за 1771 и 1772-й годы, слѣдуемые въ войсковой Скарбъ съ вотчинъ

Лаврскихъ, находившихся въ Кіевской сотнѣ, а также деньги (въ суммѣ 388 р. 50 к). за «взыманное въ 769 годѣ на казенныхъ воловъ сѣно». Въ Октябрѣ 1772 г. Іеремія, согласно его желанію, былъ опредѣленъ на жительство въ Китаевскую пустынь и просилъ разрѣшенія положить имѣвшіяся у него деньги въ церковное хранилище. По видимому, Лавра хотѣла получить отъ него не деньги, а квитанціи о внесеніи этихъ денегъ въ комиссаріатство.

Въ письмѣ архимандрита весьма ясно видно, что «защищеніе», оказанное монаху Іереміи со стороны Кіев. Губ. Канц., представляя обидное и незаконное вмѣшательство этой послѣдней въ монастырскія дѣла, послужитъ поводомъ для жалобы монастыря на Кіев. Губ. Канц. къ высшей власти.

По всей вѣроятности, въ этомъ 1773 году особенно обострились отношенія К. Печ. Лавры къ Губ. Канц. Къ этому же году относится одно дѣло, которое встрѣчалось мнѣ въ архивѣ К. Губ. Пр., но изъ котораго я въ свое время не сдѣлалъ извлеченія «дѣло о произведеніи въ силу указа Пр. Сената, по доносу К. Печерскія Лавры монаха Епифанія о провезенномъ изъ Польши безъ пошлинъ венгерскомъ винѣ.

Сущность дѣла заключается въ томъ, что монахъ Епифаній, по всей вѣроятности, тоже посорившись со своимъ начальствомъ, донесъ, что онъ, по порученію К. Печерской Лавры, купилъ въ Польшѣ венгерскаго вина, которое и провезъ на подводахъ, нанятыхъ у польскихъ мужиковъ, въ сѣнѣ, не уплативъ надлежащихъ пошлинъ. Дѣло дошло до Пр. Сената, который и предписалъ изслѣдовать его самому кіевскому генералъ-губернатору, «такъ какъ изъ показанія Епифанія не видно, чьимъ несмотрѣніемъ таковой изъ-за границы пропускъ учиненъ т. е. отъ таможенъ ли и ихъ заставъ или по случаю затворенія оныхъ отъ бывшихъ по границамъ карантинныхъ смотрителей, которые состоятъ въ губернаторскомъ вѣдомствѣ».

Имя монаха Епифанія почему-то встрѣчается и въ упомянутомъ выше письмѣ архимандрита къ генералъ-губернатору. Къ нему какъ будто бы приравнивался и взятый К. Г. Канц. подъ защиту монахъ Іеремія. Объ этомъ Епифаніи раньше производилось въ Губ. же Канц. слѣдствіе о его блудодѣяніи, какъ видно изъ имѣвшагося у меня «Экстракта изъ дѣла Кіев. Губ. Канц. о непристойныхъ поступкахъ бывшаго въ расколѣ, обратившагося потомъ въ православіе и принятаго въ К. Печ. Лавру монаха Епифанія».

Но еслибы даже монахъ Іеремія былъ подобенъ Епифанію, о которомъ въ Губ. Канц. имѣлись такія неодобрительныя свѣдѣнія,

который и доносъ свой сдѣлалъ, обвинивъ какъ бы монастырское начальство въ корчемствѣ, по своей развращености, все же челобитная Іереміи и вмѣшательство по ней гражданской власти въ домашнія дѣла монастыря представляла фактъ крайне непріятный для К. Печ. Лавры.

А.

Жалованная грамота гр. Ф. К. Браницкому на Бѣлоцерковское староство (1774 дек. 13). Среди многочисленныхъ дѣлъ К. Ц. Архива «объ ищущихъ вольности» едва-ли не преобладающее мѣсто занимаютъ дѣла объ ищущихъ вольности «съ подъ владѣнія гр. Ф. К. Браницкаго», а впослѣдствіи вдовы его гр. А. В. Браницкой. Самыя раннія изъ этихъ дѣлъ относятся къ первымъ годамъ XIX ст. (намъ попадались дѣла 1800 г.), позднѣйшія къ 40—50 годамъ. Такое обиліе дѣлъ, относящихся къ владѣніямъ одной фамиліи, объясняется съ одной стороны громадною территоріею этихъ владѣній, съ другой своеобразнымъ характеромъ ихъ. Большую часть владѣній гр. Браницкихъ составляли бывшія староства Бѣлоцерковское и Богусловское, уступленныя сеймомъ королю на извѣстныхъ условіяхъ, а имъ на тѣхъ же условіяхъ переданныя въ частное владѣніе. Надѣясь впослѣдствіи возвратиться къ этому вопросу, имѣвшему въ свое время громадное значеніе въ исторіи мѣстнаго землевладѣнія и душевладѣнія, находимъ небезполезнымъ издать пока важный документъ, на который ссылались обыкновенно обѣ стороны и копіи котораго встрѣчаются поэтому чуть не въ каждомъ дѣлѣ объ ищущихъ вольности. Это—жалованная грамота гр. Ф. К. Браницкому на Бѣлоцерковское староство. Въ дѣлахъ, которыми мы пользовались, встрѣчается и латинскій текстъ грамоты, и оффиціальный переводъ ея на русскій языкъ, который, для удобства читателей, мы и приводимъ (съ нѣкоторыми необходимыми поправками по латинскому тексту).

«Станиславъ Августъ Б. М. Король Польскій, Великій Князь Литовскій, Русскій, Прусскій, Мазовецкій, Сомогитскій, Кіевскій, Волынскій, Подольскій, Подляскій, Ливонскій, Смоленскій, Сѣверскій и Черниговскій—объявляемъ настоящею нашею грамотою всѣмъ и каждому въ особенности, кому о семъ знать слѣдуетъ, что по елику мы, обративъ вниманіе на заслуги Великаго Короннаго Гетмана Франца Ксаверія Браницкаго съ молодыхъ лѣтъ въ разныхъ случаяхъ намъ и Республикѣ оказанныя съ опасностью жизни и потерею

всего почти имѣнія своего, защищая всегда благосостояніе Царскаго Трона нашего и Республики, и все то какъ нынѣ при трудныхъ обстоятельствахъ за защищеніе Республики и на предбудущее время для поощренія къ дальнѣйшему оказанію таковыхъ услугъ [1]), желаемъ пополнить, для того освобождая любезнѣйшую намъ Республику и насъ самихъ полагаемъ учинить на то (faciendum esse dufimus), что ему и наслѣдникамъ его староство или имѣніе Бѣлоцерковъ съ его принадлежностями въ кіевскомъ воеводствѣ состоящее намъ и наслѣдникамъ нашимъ по силѣ права въ Варшавскихъ Гродскихъ Актахъ 5 числа сего года и мѣсяца посредствомъ явки записаннаго, наслѣдственнымъ вотчиннымъ правамъ (какое на другія имѣнія дворянъ и помѣщиковъ сего королевства распространено) съ другими тремя староствами [2]) Республикою предложенное, нами же съ объявленіемъ соблюсть до временъ жизни дѣйствительныхъ зависимыхъ (actualium modernorum) владѣльцевъ обоего пола принятое—тѣмъ же наслѣдственнымъ вотчиннымъ земскимъ правамъ вмѣстѣ съ правомъ дожизненннаго настоящаго владѣльца въ отношеніи доходовъ, имъ обыкновенно получаемыхъ, даемъ и дарствуемъ, а именно: настоящею Дарственною Грамотою нашею оное наслѣдственное имѣніе наше, то есть мѣстечко Бѣлоцерковъ съ замкомъ, укрѣпленіемъ и предмѣстьями и селенія Шемраевку, Дулицкое, Руду, Матюши, Трутки, Безпечну, Пищики, Адвокацію, Безугляки, Каменку или Фурсы, Напрасники, Дрозды, Мазепинцы, Великую Половецку, Малую Половецку, Краснолѣсъ, мѣстечко Трилѣсы, Пивни, Королевку, Пилановку, Кищинцы, Кожанки, Зубары, Яхны, Поляпычинцы, Коваліовку, Устимовку, Сыдоры, Гребіонки, Саливоньки, Пинчуки, Храпачи, Глушки, Скребеши, Палочи, Великую Ольшанку, Тростынку, Барахты, Кодакъ, Мытницу, Погребы, Гусачевку, Матьяшовку, Грегоровку, Блащинцы, Острійки, Тамиловку, Ново-яновъ, Бируки, Клочки, Коженники, Насташку, Севериновку, Плоску Долину, Потієвку, Поправку, Боярку, Погибляки, Рѣдкодубы, Каменный Бродъ, Жидовскую Греблю, Куровинцы, Побережье, Долгую Греблю, Сушковку, Шубинные Ставы,

[1]) Такъ переведена эта фраза оффиціальнымъ переводчикомъ. Въ латинскомъ подлинникѣ она изложена слѣдующимъ образомъ: nec in praesenti propter augustias Thes uri Reipublicae, nec in futurum propter Legem subsequentem ademptionis Nobis gratiae distributivae queuntes compensare (какъ нынѣ при трудныхъ обстоятельствахъ финансовыхъ, такъ и въ будущемъ по случаю изданія закона, отнимающаго у насъ право пожалованія - не имѣя возможности вознаградить),

[2]) Богуславское, Каневское и Хмельницкое.

Волнянку, Косяковку, Товстороги, Березянку, Журавлиху, мѣстечко Ставище, селенія Попружну, Федюховку, Станиславчикъ, Гейсиху, Розумыху, Мнишкову, Скибину Греблю, Городище, Снижки, Войнаровку, Братчину Греблю, Остру Могилу, Янишовку, Бриліовку, Яблуновку, Хвесюры, Щербаки, Фастовку, Сорокотягы, Бокалы, Глубочку, Пилипчу, Малую Ольшанку, Коржовку, Черкасъ, Озерну, Бехову Греблю, Городище другое, и новопоселенія, слободами называемыя: Чупиру, Ружки, Тетерову, Рипки, Нагорну, Бастечки, Красиловку, Краснополье, Виноградъ, Базовку, Поповку, Вотылевку, Чаплинку, Волнянку, Ясіоновку, Веселый Кутъ, а также селенія на подобіе мѣстечка Сыняву (tum vilas: Szeniawa, quondam oppidum, Puhaczówka etc), Пугачовку, Суховцы или Сухолѣсы, Сиротынцы, Островъ, Прусы, Саварку, Крыве, Улашовку, Буды, Саловку, Чернинъ, Троцкое и новопоселенія, слободами называемыя: Янковку, Антоновку, Камёнку, Чепеліовку, Слуповъ, Юзефовку, Городище и Сельскій Хуторъ—со всѣмъ того имѣнія правомъ, владѣльчествомъ, собственностью, принадлежностью и правомъ наслѣдства, прибыльми [1]), владѣніями, замками, укрѣпленіями, строеніями, зданіями, полями, лугами, сѣнокосами, лѣсами, кустарниками, озерами рыбными, прудами, рѣками, водною силою, воднымъ обращеніемъ, мельницими, мельниками, фабриками, фабрикантами, мѣщанами, крестьянами, простолюдинами, садовниками и жителями въ вышесказанномъ имѣніи находящимися и гдѣ-либо отыскаться могущими, рогатымъ скотомъ, лошадьми и со всею того имѣнія домашнею рухлядью, данями, податьми, сборами, рабочими днями, сторожами и со всякимъ повиновеніемъ крестьянъ, обыкновенно ими выполняемымъ, а также и съ правомъ одобрять вступающихъ всякихъ священниковъ обоего исповѣданія, и со всѣми наконецъ принадлежностями, подъ какимъ бы то ни было именемъ и названіемъ числящимися и къ оному староству или недвижимому имѣнію Бѣлоцерковскому относящимися, ничего ни для насъ, ни для наслѣдниковъ нашихъ (единокровныхъ) не исключая, но въ таковой ширинѣ, долготѣ и окружности, какъ нынѣ въ своихъ межахъ и границахъ состоятъ и такъ какъ настоящій дожизненный владѣлецъ по праву владѣетъ—означенному Великому Коронному Гетману Ф. К. Браницкому и его наслѣдникамъ наслѣдственнымъ вотчиннымъ земскимъ и никогда не нарушимымъ

[1]) Въ подлинникѣ: utilitatibus, usibus fruetibus, profentibus, comodis et obfentionibus.

правомъ во всей самоточнѣйшей формѣ Статута даемъ, даримъ и на вѣчныя времена уступаемъ. По силѣ каковой дарственной нашей оный Вел. Кор. Гетм. Ф. К. Браницкій и наслѣдники его помянутое наслѣдственное вотчинное имѣніе Бѣлоцерковъ со всѣми принадлежностями посредствомъ урядоваго ввода приняться имѣемое (apprehendenda) содержать и владѣть будетъ, а доходами изъ того имѣнія настоящимъ дожизненнымъ владѣльцемъ обыкновенно получаемыми не прежде какъ по смерти онаго доживотнаго владѣльца распоряжать будетъ, съ полною властію и наслѣдственнымъ правомъ помянутое имѣніе дать, даровать, продать, замѣнить уступать и во всякую свою и наслѣдниковъ своихъ пользу сообразно волѣ и желанію своему обратить. Объявляемъ же при томъ, какъ со стороны Насъ, такъ и со стороны рода Нашего, что частореченному Вел. Кор. Гетману и его наслѣдникамъ въ спокойномъ наслѣдственнаго означеннаго имѣнія владѣніи и непосредственномъ полученіи доходовъ препятствія чинить не будемъ, ниже кого либо другого къ тому не допустимъ, равно наслѣдники наши препятствовать не будутъ, ниже препятствія чинить не дозволятъ; но напротивъ того еще какъ его самого, такъ и наслѣдниковъ его въ правѣ и наслѣдственномъ владѣніи соблюдать, поддерживать и защищать будемъ, равно и наслѣдники наши соблюдать, поддерживать и защищать будутъ. Наконецъ, соизволяя Мы, дабы вышеписанное всѣмъ, кому слѣдуетъ, а особливо тѣмъ урядамъ и судебнымъ мѣстамъ королевства нашего, вѣдомству коихъ означенное имѣніе подлежитъ, извѣстно было, повелѣваемъ: вышеозначенное имѣніе В. К. Г. Ф. К. Браницкому въ законное владѣніе урядово отдать и настоящую Жалованную Грамоту нашу во всемъ привесть въ исполненіе и оную какъ сами почитать должны, такъ и другихъ почитать и соблюдать заставить обязаны для признательности нашей и по долгу своей обязанности. Во увѣреніе чего сію собственноручно нами подписанную печатью нашею утвердить повелѣли. Дано въ Варшавѣ 13 декабря 1774 года, царствованія же нашего 21 года. На подлинномъ подпись такова: Король Станиславъ Августъ. Пожалованная непремѣнная грамота на староство или имѣніе Бѣлоцерковъ со всѣми принадлежностями въ кіевскомъ воеводствѣ состоящее В. К. Г. Ф. К. Браницкому дается. Королевства статсъ-секретарь Реентъ канцеляріи королевской Камергеръ Гіяцинтъ Огродскій».

Приведенный документъ представляетъ тотъ интересъ, что 1) точно опредѣляетъ объемъ уступаемаго староства (извѣстный впрочемъ и изъ люстраціи 1765), 2) заключаетъ въ себѣ перечисленіе всѣхъ

существовавшихъ въ моментъ пожалованія поселеній (не вполнѣ совпадающее съ мострацію) и, наконецъ, 3) опредѣляетъ права владѣльца по отношенію къ населенію имѣній: съ данями, податьми, сборами, рабочими днями, сторожами и со всякимъ повиновеніемъ крестьянъ, *обыкновенно ими выполняемымъ*». Въ дополненіе къ этому опредѣленію считаемъ не лишнимъ привести слѣдующее мѣсто изъ «Volumina legum», которымъ опредѣлялись права короля на уступленныя ему постояннымъ сеймомъ четыре староства, въ числѣ которыхъ было и Бѣлоцерковское: «My Krol przez takowe Nam oddanie w dziedzictwo wzwyż rzeczonych starostw, nie więcey sobie przywlaszczać będziemy nadto co dzisieysi possessorowie prawnie posiadaią: mieszczan zoś y chłopow w tychże starostwach w dziedzictwo dla Nas obroconych, *przy tych prawach y wolnosciach, ktorych do tych czas wżywali, zachowuiemy na zawsze* (Vol. leg. VIII, 209).

В. Щербина.

Өеофилъ Ленартовичъ. *(Некрологъ)* [1]. Въ недавнее время польская поэзія лишилась одного изъ самыхъ вдохновенныхъ своихъ представителей: 22 января (3 февраля) текущаго года умеръ во Флоренціи на 71-мъ году жизни Өеофилъ Ленартовичъ. Родился онъ 15 (27) февраля 1822-го года въ Варшавѣ, но дѣтство провелъ въ деревнѣ. Сынъ бѣдныхъ родителей, онъ едва окончилъ уѣздное училище. На 14-мъ году отъ роду нужно было уже думать о кускѣ хлѣба и поступить писцомъ въ контору одного изъ варшавскихъ адвокатовъ. Въ 1837-мъ году Ленартовичъ перешелъ на службу въ Варшавскій Сенатъ, гдѣ и получилъ 30-го октября 1842 г. штатное канцелярское мѣсто въ X-мъ департаментѣ съ жалованьемъ въ 120 рублей въ годъ. Во время варшавской службы онъ старался пополнить свое скудное образованіе изученіемъ польской литературы и общеніемъ съ болѣе образованными пріятелями. Здѣсь онъ примкнулъ къ литературному кружку молодежи, издававшему альманахъ *Nadwiślanin*, гдѣ

---

[1]) Источниками при составленіи настоящаго некролога служили статьи о Ленартовичѣ въ словаряхъ Губернатиса (Dizionario biografico, Firenze, 1879, p. 625—626—съ портретомъ), Оргельбранда (Encyklopedyja powszechna, t. VII, 1884, str. 128), въ исторіи польской литературы Здановича и Совинскаго (Rys dziejów literat. polskiej T. III, 1876, str. 642—654), въ журналѣ „Kraj“ 1893, № 5, str. 16—17 и библіографическія указанія въ книгахъ: Эстрейхера—Zestawienie przedmiotów zawartych w 136 tomach Biblioteki Warszawskiej, 1875, и Папроцкаго—Wiadomóści bibliograficzne warszawski 1882—1886 гг.

и появились первыя его стихотворенія. Въ 1848-мъ году Ленартовичъ эмигрировалъ за границу и прожилъ нѣсколько лѣтъ по очереди въ Краковѣ, Бреславлѣ и Познани. Потомъ онъ отправился въ Парижъ и поселился въ Фонтенебло. Въ 1854-мъ году онъ перебрался въ Италію и жилъ сначала въ Римѣ, но нездоровый для его слабыхъ легкихъ римскій климатъ заставилъ его переѣхать во Флоренцію, гдѣ онъ основался окончательно и дожилъ до смерти. Съ 1861 г. онъ былъ женатъ на сестрѣ жены Мицкевича Софіи Шимановской, извѣстной своимъ талантомъ въ живописи, но потерялъ ее послѣ десятилѣтняго счастливаго супружества. Умерло и единственное дитя его отъ этого брака. Утѣшенія отъ семейныхъ горестей онъ искалъ въ музыкѣ, въ поэзіи и въ скульптурѣ, которой онъ со страстью предался подъ вліяніемъ жены и чудныхъ скульптурныхъ собраній Италіи. Произведенія его рѣзца пользуются у итальянскихъ художниковъ значительной славой.

Поэтической дѣятельности Ленартовича трудно дать сейчасъ обстоятельную и вѣрную оцѣнку, такъ какъ произведенія его частью не изданы, частью разсѣяны на протяженіи болѣе пятидесяти лѣтъ (1841—1892) въ газетахъ и журналахъ, полные экземпляры которыхъ могутъ найтись только въ большихъ библіотекахъ. Это сдѣлается возможнымъ только тогда, когда появится полное собраніе всѣхъ его сочиненій, какъ обнародованныхъ въ печати, такъ и оставшихся въ рукописяхъ. Для любителей библіографіи отмѣтимъ, что значительная часть стихотвореній Ленартовича сороковыхъ, пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ была помѣщена въ журналѣ *Biblioteka Warszawska*. Здѣсь напечатаны стихотворенія: Złota kaczka, Strzelec, Niema modlitwa (1843), Wspomnienie, Urywek, Rzeźbiarz, Wiersz do poezyi, Laokoon (1844) Obrońca Boski, Italia (1845), Zachwycenie, Wiochna, Mały światek, Widzenie (1853), Pasterz i rybak (1855), Paproć, Dzieci, Książę na Ostrogu (wyjątki z baśni), Ruskie piosnki ludowe: Trzy kukułki, Dwie zorze (1856), Karpacki dudarz, Z powrotem (1858), Niech będzie pochwalony Iezus Chrystus (1863), Historya o pani, co pana zabila, Moja kochanka (1869), Niemcy a Ghrobaty (u stępy z poematu—1870), Wiersz do Kornelego Ujejskiego (1871). Въ восьмидесятыхъ годахъ Ленартовичъ не имѣлъ опредѣленнаго органа, гдѣ онъ печатался-бы, а появлялся изрѣдка въ самыхъ различныхъ изданіяхъ. Изъ этого времени намъ извѣстны слѣдующія его стихотворенія: 1883 г.—Czarne ziele (Kuryer Warszawski № 5), Ustępyz poematu dramatycznego Socrates (Kronika rodzinna № 13,

Tygodnik illustrowany № 31), Chudoba poety (Kuryer warszawski № 232), Wiersz w albumie pani H. Kuczkowskiej (Tygodnik illustrowany № 36), Pani B. W. przesełając fotografię (Gazeta Lubelska № 279); 1885 г.—Nie zagroda a nagroda (Kronika rodzinna str. 673), Z nad morza (Kuryer warszawski № 1), Wyjątki z poematu dramat. Socrates (Bluszcz str. 9); 1886 г.—Modlitwa (Tygodnik illustrowany str. 862), Na wigilię (Kraj № 26), Preludyum Szopena (Echo muzyczne str. 131). Были и отдѣльныя изданія стихотвореній Ленартовича: мы знаемъ сборники—Szopka (Бреславль 1849), Lirenka (Познань 1851), Nowa Lirenka (два изданія—Познань 1857 и Варшава 1859), Poezye (два изданія—Варшава 1858 и Познань 1863), Album włoskie (1863) и отдѣльную брошюру—N. M. P. Studzieniecka, Warszawa 1857 in 16⁰. Въ словарѣ Губернатиса упоминается еще собраніе стихотвореній 1878 г., но мы нигдѣ не нашли точнаго его заглавія.

Въ общихъ чертахъ поэтическая дѣятельность Ленартовича распадается на два періода. Въ первомъ онъ былъ преимущественно народнымъ поэтомъ, писалъ народнымъ языкомъ и стремился обрабатывать темы изъ устной народной словесности. Любимой книгой его за это время былъ сборникъ народныхъ пѣсенъ Жеготы Паули (Pieśni ludu polskiego w Gałicyi—zebrał Żegota Pauli, Lwów 1838, 8⁰, str. 240). Съ шестидесятыхъ годовъ Ленартовичъ погрузился въ прошедшее и сталъ заимствовать темы изъ исторіи—польской, славянской и классической. Были напечатаны отрывки изъ его поэмъ: Янъ Собѣскій, Косцюшко, Ванда, Сократъ и т. д.

Поэзія перваго періода дѣятельности Ленартовича оказала вліяніе на творчество малорусскаго поэта Степана Руданскаго, который скорѣе подражалъ родственному по духу Ленартовичу, нежели поэтамъ совершенно другой среды—Кольцову и Некрасову, какъ это предполагаетъ Н. И. Петровъ [1]). Приведемъ здѣсь одно изъ переведенныхъ Руданскимъ стихотвореній Ленартовича, которое прекрасно характеризуетъ первую манеру этого поэта [2]).

Ластивка.

Иде дивчына—сыротына,
Тяжевько здыхае,
А ластивка по-надъ нею
Кругамы литае;

[1]) См. Очеркъ исторіи Украин. Литературы, Кіевъ 1884, стр. 444 и замѣтки Ивана Франка „До студій надъ Ст. Руданьскимъ“ въ галицкомъ журналѣ „Зоря“ 1892, №№ 1 и 16.

[2]) См. Основа, 1861, мартъ, стр. 51—52.

И литае и щебече,
По-надъ нею вьетця,
Мало-мало крылечкамы
У косы не бьетця.
„Чого вьесся, чого бьесся?
Покынь мене, пташко,
Покынь мене, моя пташко,
Бо й такъ мени важко“!
— Не покыну, не покыну,
А буду литаты:
Буду тоби за братыка
Твого щебетаты;
Бо твій братыкъ що-день Божый
Плаче у темныци:
Навидайся, мыла пташко,
До моій сестрыци:
Чы ще вона свого брата
Добромъ спомынае?
Чы ще вона по братови
Слёзы пролывае!

А. Стороженко.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Опытъ русской исторіографіи В. С Иконникова, профессора университета св. Владиміра. Кіевъ. 1891—1892. Томъ I часть первая стр. VIII+882+CCXXII. Томъ I часть вторая отъ 883 по 1539 стр.+отъ CCXXIII по CCLXXI+149 стр.

«Кіевская Старина»—въ большомъ долгу предъ читателями, не познакомивъ ихъ до сихъ поръ съ самымъ выдающимся явленіемъ нашей исторіографической литературы за послѣднее время, трудомъ профессора кіевскаго университета В. С. Иконникова, *Опытъ русской исторіографіи* [1]).

Трудъ этотъ вышелъ въ свѣтъ почти уже годъ тому назадъ и долго ожидался съ большимъ нетерпѣніемъ всѣми, заинтересованными развитіемъ исторической науки въ Россіи. Изрѣдка о немъ проникали слухи въ печать: казалось, мы наканунѣ выхода книги; къ сожалѣнію только, разныя побочныя обстоятельства и служебныя занятія автора отвлекали его отъ главнаго дѣла, принуждали надолго прерывать работу и тормозили, такимъ образомъ, выходъ книги, такъ что вмѣсто того, чтобы явиться въ свѣтъ къ 50-лѣтнему юбилею университета св. Владиміра (1884 г.). которому она и посвящена, какъ университету, воспитавшему автора и въ которомъ онъ состоитъ профессоромъ—книга явилась много лѣтъ спустя. Но отъ этого, конечно, ни достоинство книги, ни ея значеніе для русской исторіографіи нисколько не умалились, какъ это можно было предполагать и раньше, имѣя въ виду, что за дѣло взялся такой человѣкъ,

[1]) Въ одной изъ ближайшихъ книжекъ редакція „Кіевской Старины" надѣется помѣстить обстоятельную статью о значеніи труда проф. В. С. Иконникова спеціально для малорусской исторіографіи. Ред.

какъ проф. В. С. Иконниковъ, отличающійся замѣчательною, щепетильной, сказали бы мы, добросовѣстностью въ своихъ научныхъ трудахъ. Не смотря на то, что книга проф. Иконникова печаталась много лѣтъ, она *нисколько* не устарѣла при своемъ выходѣ, въ ней сдѣланы соотвѣтствующія измѣненія, добавленія и поправки, и книга, по вѣрному выраженію академика К. Н. Бестужева-Рюмина, *является доведенной, такъ сказать, до вчерашняго дня.*

Нечего и говорить о томъ, сколько затрудненій пришлось преодолѣть автору, подготовляя свой трудъ. Можно даже сказать, что рѣшиться предпринять такой трудъ, какъ *«Опытъ русской исторіографіи»* и удовлетворительно выполнить его могъ только проф. Иконниковъ, съ его замѣчательнаго начитанностью, съ его удивительной усидчивостью, съ его добросовѣстностью въ научныхъ трудахъ, сказали мы, доходящей до щепетильности.

О происхожденіи своей книги, задачахъ ея и о тѣхъ трудностяхъ, которыя пришлось преодолѣть при ея составленіи В. С. Иконниковъ говоритъ слѣдующее. «Въ теченіе своей преподавательской дѣятельности автору не однократно приходилось излагать курсъ *исторіографіи* или спеціальные отдѣлы его. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ интересомъ библіографа онъ слѣдилъ за текущей литературой своего предмета; а во время поѣздокъ на археологическіе съѣзды (до 1881 г.) ему удалось собрать и не мало библіографическихъ рѣдкостей или мѣстныхъ изданій, не всегда проникающихъ въ другіе концы Россіи. Такъ, постепенно составился тотъ матеріалъ, который послужилъ основаніемъ для настоящаго труда. Въ этомъ отношеніи автору приходилось работать еще въ то время, когда значительная часть новѣйшихъ библіографическихъ изданій и описаній архивовъ и библіотекъ не появлялась въ свѣтъ. Впрочемъ, заботясь о библіографической полнотѣ, онъ далекъ былъ отъ мысли придавать своему труду подобное значеніе и вовсе не думаетъ замѣнять имъ необходимость въ другихъ библіографическихъ справкахъ. Такое исключительное значеніе настоящаго труда и немыслимо было бы даже по самому положенію его автора. Хотя онъ могъ располагать довольно полными отдѣлами старинной литературы, которыми богата мѣстная университетская библіотека, и не менѣе систематически подобранной собственной библіотекой, но все таки не рѣдко онъ не въ состояніи былъ воспользоваться своевременно справками въ томъ или другомъ изданіи, а иногда вынужденъ былъ и вовсе отказываться отъ нихъ, не находя необходимыхъ пособій на мѣстѣ, вслѣдствіе этого ему

приходилось замедлять свою работу или подвергать ее разнымъ другимъ неудобствамъ. При существованіи въ Петербургѣ такихъ библіотекъ, какъ Императорская Публичная и Академическая, а въ Москвѣ Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ, указанныя неудобства легко устраняются.

Съ другой стороны, служебныя, литературныя и т. п. обязанности постоянно отвлекали автора онъ главнаго предмета его занятій. Прочитавъ вновь вышедшее изслѣдованіе, въ особенности, по вопросу его интересовавшему, авторъ не всегда могъ остаться на столько равнодушнымъ, чтобы не высказаться по поводу его, а получивъ любопытное собраніе матеріаловъ,—не составить иной разъ монографіи или очерка. Впрочемъ, такое отвлеченіе въ сторону являлось иногда даже потребностью для него среди однообразія и тягостей настоящей работы. А между тѣмъ, благодаря указаннымъ обстоятельствамъ, ему приходилось нерѣдко оставляетъ эту послѣднюю на нѣсколько мѣсяцевъ и ожидать болѣе или менѣе благопріятнаго настроенія, которое такъ необходимо въ ученой работѣ, но которое, какъ часто бываетъ, уже не возвращалось къ нему (см. Эристика А. Шопенгауэра стр. VII).

Такимъ образомъ явилась надобность въ *дополненіяхъ*, помѣщенныхъ въ концѣ каждой части, въ которыя авторъ внесъ потомъ и нѣкоторыя другія подробности. Быть можетъ, если бы онъ предвидѣлъ всѣ эти трудности, то и не рѣшился предпринять настоящій свой трудъ, а занялся бы другими вопросами, болѣе или менѣе имъ обработанными, представивъ собраные имъ матеріалы болѣе счастливому изслѣдователю. Вотъ почему авторъ предпочелъ назвать этотъ трудъ только «опытомъ», даже болѣе: онъ готовъ считать его лишь «матеріаломъ» для будущей исторіографіи. Тѣмъ не менѣе онъ позволяетъ себѣ думать, что трудъ его можетъ имѣть еще и другое значеніе, помимо чисто библіографическаго интереса. При внимательномъ и послѣдовательномъ чтеніи, на основаніи его можно составить сводъ данныхъ о многихъ малоизвѣстныхъ памятникахъ, о переводной русской литературѣ въ древній и новый періоды нашей письменности, или установить принадлежность нѣкоторыхъ изъ этихъ памятниковъ извѣстнымъ писателямъ. Точно также, на основаніи сообщаемыхъ данныхъ можно прослѣдить, какіе умственные интересы господствовали въ русскомъ обществѣ въ ту или другую эпоху или какіе умственные или литературные вкусы существовали въ средѣ представителей и общественныхъ дѣятелей. Но, предлагая въ своей

книгѣ библіографическія указанія потому или другому вопросу, о томъ или другомъ памятникѣ, авторъ считалъ уже излишнимъ сообщать перечень всѣхъ сочиненій и статей, если они указаны въ одномъ изъ позднѣйшихъ изслѣдованій, приведенныхъ у него». (Предисловіе стр. V—VII).

Авторъ понимаетъ *исторіографію* какъ «критическое изученіе источниковъ и литературы исторіи въ ихъ постепенномъ развитіи». Такъ онъ понимаетъ и задачу своего труда. «Вначалѣ онъ думалъ ограничиться только небольшимъ очеркомъ тѣхъ вопросовъ, которымъ посвященъ настоящій (первый) томъ; но предпринятыя у насъ обширныя и многочисленныя изданія, заключающія въ себѣ описанія и извлеченія матеріаловъ, хранящихся въ различныхъ архивахъ и библіотекахъ—правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ, а въ связи съ этимъ—систематическая разработка архивныхъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Россіи, побудили автора дать настоящей части его труда вполнѣ самостоятельное значеніе. Такимъ образомъ послѣдняя, по плану автора, заключаетъ въ себѣ какъ обозрѣніе основнаго матеріала, рукописнаго и печатнаго, такъ и трудовъ тѣхъ изслѣдователей и труженниковъ, которые содѣйствовали собиранію и обнародованію этого матеріала, являясь вмѣстѣ съ тѣмъ нерѣдко и главными двигателями въ его разработкѣ. Систематическій обзоръ источниковъ русской исторіи и исторія развитія ея науки составятъ вторую часть предпринятаго труда». (стр. 258).

Первый томъ *Опыта* проф. Иконникова распадается на два отдѣла. Большая часть перваго отдѣла посвящена изложенію, такъ сказать, теоретической стороны исторической науки и ея вспомогательныхъ знаній: авторъ приводитъ здѣсь массу мнѣній, принадлежащихъ болѣе или менѣе авторитетнымъ ученымъ. Касаясь вопроса о предметѣ исторіи, авторъ излагаетъ взгляды на нее въ различныя эпохи и отношеніе въ различныя эпохи къ историческому матеріалу; касается затѣмъ общаго хода исторической критики въ его историческомъ развитіи; положенія исторіи въ ряду другихъ наукъ; вопроса объ оцѣнкѣ свидѣтельствъ, разнообразіи историческаго матеріала, относительнаго значенія источниковъ, преданій и миѳовъ; указываетъ на значеніе скептицизма въ разработкѣ исторической науки и въ заключеніе *первой главы* говоритъ объ условіяхъ разработки русской исторіи. *Вторая глава* посвящена вспомогательнымъ знаніямъ и способамъ ихъ примѣненія къ исторической критикѣ; архивнымъ матеріаламъ и ихъ изданіямъ; письменнымъ и ве-

щественнымъ памятникамъ и ихъ практическому изученію. *Третья* занимается вопросами внутренней исторической критики: авторъ касается вопроса о воспроизведеніи фактовъ, о причинахъ и слѣдствіяхъ, о сравнительномъ методѣ, гипотезахъ, культурной исторіи, философіи исторіи, вопроса о значенія личности въ исторіи, о единствѣ въ исторіи, историческомъ законѣ, статистическомъ методѣ, прогрессѣ, субъективизмѣ; вліяніи времени, національныхъ чертахъ— и указавъ затѣмъ на качества, требуемыя отъ историка и на значеніе исторіи, въ заключеніе главы дѣлаетъ обзоръ трудовъ по русской исторіографіи. *Четвертая глава* посвящена исторія книжнаго дѣла въ Россіи до XIX столѣтія: читатель найдетъ здѣсь довольно подробныя свѣдѣнія о началѣ книжнаго дѣла въ Россіи: о перепискѣ и собираніи рукописей, о московской библіотекѣ и царскомъ архивѣ, о книгопечатаніи, о заботахъ Петра о сохраненіи матеріаловъ и памятниковъ древности. Глава оканчивается обзоромъ распоряженій правительства и частныхъ разысканій до конца XVIII вѣка.

Пятая глава посвящена находкамъ и открытію матеріаловъ въ первой четверти XIX вѣка, причемъ дѣятельность гр. Н. П. Румянцева и его сотрудниковъ разсмотрѣна такъ подробно, что эта часть представляетъ изъ себя цѣлую монографія. Въ главѣ же пятой читатель найдетъ свѣдѣнія объ ахреографической экспедиціи, устроенной при участіи Румянцева, и описаніяхъ библіотекъ и архивовъ. Въ *шестой главѣ* изложена исторія дѣятельности археографическихъ экспедиціи и коммиссіи; мѣстныхъ коммиссій для описанія и изданія актовъ и памятниковъ древности и трудовъ статистическихъ комитетовъ.

Глава седьмая занята обзоромъ ученыхъ обществъ въ Россіи и иностранныхъ ученыхъ обществъ, касающихся Россіи; а затѣмъ обзоромъ періодическихъ изданій и сборниковъ матеріаловъ и библіографіей изданій.—Этимъ и заканчивается первый отдѣлъ перваго тома.

Второй отдѣлъ посвященъ исключительно обзору архивовъ и библіотекъ. *Въ первой главѣ* авторъ высказываетъ взглядъ на архивное дѣло въ Россіи въ разное время, и дѣлаетъ обзоръ правительственныхъ и центральныхъ архивовъ, ихъ описаній и изданныхъ матеріаловъ. *Вторая глава* занята архивами губернскими, областными, городскими, войсковыми и сословными; а *третья* обозрѣваетъ епархіальные, монастырскіе и церковные архивы и библіотеки; раскольничьи собранія рукописей; архивы и библіотеки римско-католической церкви и протестанскихъ общинъ въ Россіи.

Четвертая глава касается библіотекъ духовнаго вѣдомства— Синодальной и типографской, духовныхъ академій, духовныхъ семинарій и училищъ. *Пятая* посвящена правительственнымъ и общественнымъ библіотекамъ: Императорскому Эрмитажу; Дворцовой библіотекѣ въ г. Павловскѣ; Императорской Публичной библіотекѣ; Московскому Публичному и Румянцевскому музеямъ и мѣстнымъ публичнымъ библіотекамъ. *Шестая* обнимаетъ библіотеки, архивы и музеи Импер. академіи наукъ, университетовъ, учебныхъ заведеній и ученыхъ обществъ; коллекціи статистическихъ комитетовъ, археографическихъ коммиссій, археологическаго института и коллекціи губернскихъ ученыхъ архивныхъ коммиссій. *Седьмая глава* дѣлаетъ обзоръ фамильныхъ и частныхъ архивовъ и библіотекъ въ Россіи, а *восьмая*—музеевъ, какъ хранилищъ памятниковъ вещественныхъ, древностей и искусствъ. Читатель найдетъ здѣсь свѣдѣнія о музеяхъ правительственныхъ, общественныхъ, церковныхъ и частныхъ въ Россіи, объ оружейной палатѣ, московскомъ Историческомъ музеѣ; Эрмитажѣ; Академіи художествъ, о музеяхъ разныхъ вѣдомствъ, городскихъ, церковныхъ, частныхъ.

Послѣдняя *девятая* глава содержитъ въ себѣ свѣдѣнія объ иностранныхъ архивахъ, библіотекахъ и музеяхъ, касающихся Россіи: правительственныхъ, церковныхъ и частныхъ Италіи, Австріи, Саксоніи, Пруссіи и др. нѣмецкихъ земель, а также Швеціи, Даніи, Голландіи, Англіи, Франціи, Испаніи, Бельгіи и Швейцаріи, славянскихъ земель, Востока, Аѳона и патріархатовъ.

Таково въ общемъ содержаніе труда проф. Иконникова. Изъ одного этого голаго перечня, сдѣланнаго нами, читатель можетъ видѣть, какую массу свѣдѣній сообщаетъ авторъ и какое, поэтому, значеніе можетъ имѣть его книга для всякаго интересующаго исторіей русской исторической науки, не говоря уже о спеціалистахъ, для которыхъ трудъ проф. В. С. Иконникова долженъ сдѣлаться прямо таки необходимой, настольной книгой. Нужно имѣть при этомъ въ виду ту полноту и обстоятельность, которая на каждомъ шагу поражаетъ читателя книги нашего автора: лучшій знатокъ нашей исторіографіи академикъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ говоритъ, что онъ умышленно старался найти пропуски, старался заподозрить книгу въ неполнотѣ, но его подозрѣнія оказались неосновательными. Такое достоинство придаетъ, конечно, книгѣ еще большее значеніе.

Чтобы оцѣнить значеніе труда проф. Иконникова въ русской исторіографіи, не нужно забывать, что ему приходилось работать на

пути почти новомъ. Мы этимъ не хотимъ сказать, что у профессора Иконникова совсѣмъ не было предшественниковъ, занимавшихся исторіографіей. Они были; но ихъ было съ одной стороны слишкомъ мало, а съ другой труды ихъ носили частичный характеръ, были посвящены то отдѣльнымъ эпизодамъ въ исторіи развитія исторической науки, то даже отдѣльнымъ лицамъ или группамъ лицъ и далеко не охватывали предмета во всемъ его объемѣ, какъ дѣлаетъ это трудъ проф. Иконникова, задачей котораго, какъ мы сказали, было «критическое изученіе источниковъ и литературы исторіи въ ихъ постепенномъ развитіи» (стр. 258).

Начало русскихъ библіографическихъ и исторіографическихъ трудовъ нужно отнести ко времени царствованія Петра, съ именемъ котораго тѣсно связано начало разработки русской исторіи. Первыми учеными, занимавшимися изученіемъ и описаніемъ источниковъ русской исторіи и литературы были иностранцы—академикъ Коль и датчанинъ Ад. Селій. Но особенно библіографическій интересъ пробудился въ царствованіи Екатерины II, какъ то показываютъ труды Бакмейстера, Новикова, Шторха, Аделунга, Сопикова. Въ это же собственно время начинаютъ появляться и труды, посвященные исторіографическимъ вопросамъ. Извѣстный Г. Ф. Миллеръ въ своемъ *«Опытѣ новѣйшей исторіи Россіи»* говоритъ о лѣтописяхъ, хронографахъ, архивныхъ и др. документахъ, которыми ему пришлось пользоваться; а знаменитый Шлёцеръ далъ во введеніи къ своему *Нестору* обзоръ *источниковъ* и *исторію русской исторіи* по 1800 г. включительно.

Въ началѣ XIX ст. профессоръ московскаго университета Буле поднимаетъ вопросъ о необходимости критическаго обзора источниковъ русской исторіи и въ первомъ томѣ своего *Versuch einer kritischen Literatur der russischen Geschichte* разсматриваетъ литературу древнѣйшей сѣверной исторіи. Почти въ то же время въ «Вѣстникѣ Европы» появляются знаменитыя статьи Каченовскаго *«Объ источникахъ для русской исторіи»*, гдѣ авторъ дѣлаетъ обзоръ и критику лѣтописей, хронографовъ и книгъ родословныхъ.

Въ 1827 году неудачную попытку исторіографическаго труда сдѣлалъ Зиновьевъ въ своей диссертаціи, признанной неудовлетворительною: *«О началѣ, ходѣ и успѣхахъ критической Россійской исторіи»*. «Авторъ подробно говоритъ объ исторической критикѣ, о происхожденіи Русскаго государства, объ источникахъ вообще, ссылаясь въ своихъ сужденіяхъ о нихъ, главнымъ образомъ, на мнѣнія Шлё-

цера; дѣлаетъ перечень писателей, впрочемъ почти безъ всякой критики и считаетъ свое время счастливѣйшею эпохою для нея; но все это изложено кратко и поверхностно». (Стр. 260—261). Нѣсколько шире труда Зиновьева по объему и систематичнѣе является диссертація А. Ѳ. Ѳедотова (проф. Демид. лицея). «*О главнѣйшихъ трудахъ по части критической русской исторіи*». Авторъ начинаетъ свой обзоръ съ Байера, Миллера и Шлёцера и доводитъ до своего времени (1839 г.), вкратцѣ говоря о систематическихъ сочиненіяхъ до Карамзина и подробнѣе о Карамзинѣ и современныхъ ему изслѣдователяхъ (Лербергѣ, Эверсѣ, Кругѣ).

Въ 1834 году отмѣтимъ трудъ П. М. Строева «*Хронологическое указаніе матеріаловъ отечественной исторіи, литературы, правовѣдѣнія, до начала XVIII ст.*, а въ 1836 году докторскую диссертацію Устрялова *О системѣ прагматической русской исторіи*, въ которомъ разсмотрѣны, главнымъ образомъ, труда Карамзина и Полеваго.

Къ 1845 году относится книга А. В. Александрова «*Современные историческіе труды въ Россіи*» (Каченовскаго, Погодина, Устрялова и др.)—рядъ писемъ къ издателю *Маяка* въ защиту *славянской школы*, безъ всякой системы и обработки. Къ тому жъ времени (40—50 годамъ) относятся и труды А. В. Старчевскаго «*Очеркъ литературы русской исторіи до Карамзина*», *Н. М. Карамзинъ*. «*Русская историческая наука въ первой половинѣ XIX ст.*, «*О заслугахъ Румянцева, оказанныхъ отечественной исторіи*. Труды эти представляютъ изъ себя обзоръ источниковъ, сочиненій, изданій; замѣчанія же автора носятъ скорѣй библіографическій и біографическій характеръ и мало касаются критической стороны дѣла.

Инымъ характеромъ отличается трудъ Н. Иванова, бывшаго сначала казанскимъ, а затѣмъ дертпскимъ профессоромъ. Трудъ этотъ напечатанъ только отчасти. «Въ началѣ его идутъ общія теоретическія понятія объ идеѣ исторіи и ея обработкѣ, изложенныя въ славянофильскомъ направленіи. Затѣмъ онъ разсматриваетъ источники русской исторіи въ такомъ порядкѣ: monumenta illiterata, куда входятъ памятники вещественные и бытъ народа (миѳологія, пѣсни, праздники и пр.) и monumenta literata. При обозрѣніи послѣднихъ авторъ съ особою подробностью останавливается на лѣтописяхъ, разсматривая какъ печатные, такъ и рукописные списки, хранившіеся тогда въ разныхъ библіотекахъ. Изъ другихъ источниковъ онъ касается: степенныхъ книгъ, хронографовъ, сказаній, записокъ, государственныхъ актовъ, нѣкоторыхъ изъ нихъ весьма кратко, а также

иностранныхъ писателей о Россіи: византійскихъ, восточныхъ и западныхъ. Послѣдніе указаны хотя не всѣ, но съ достаточною полнотою.

Гораздо подробнѣе изложена часть, посвященная обработкѣ русской исторіи (пособія для отечественной исторіи), начиная съ первыхъ попытокъ въ этомъ родѣ (ранѣе Татищева) до XIX в. включительно. Обозрѣніе ея раздѣляется на общія сочиненія, причемъ болѣе подробно говорится о Карамзинѣ, Полевомъ и Устряловѣ, и на спеціальные труды по части русской исторіи. Въ числѣ послѣднихъ нашли подобающее мѣсто: дѣятельность археографической экспедиціи и коммиссіи и ученыя общества (Москов. истор., общества Остзейскаго края и Одесское истор. о-во), наконецъ скептическая школа и ея противники (Погодинъ, Бутковъ)» (стр. 263—264).

С. М. Соловьеву принадлежатъ слѣдующіе труды по исторіографіи: 1) *Писатели русской исторіи XVIII вѣка*—обзоръ дѣятельности Манкіева, Татищева, Ломоносова, Тредьяковскаго, кн. Щербатова, Болтина, Эмина, Елагина и м. Платона (арх. Калачова) 2) *Ѳ. И. Миллеръ* (современникъ). 3) *Шлецеръ* (Рус. Вѣст.) и «*Шлецеръ и антиисторическая критика*» (Ibid). 4) *Карамзинъ и его литературная дѣятельность.* (Отеч. Зап.). 5) *М. Т. Каченовскій* (Біогр. слов. моск. у—та). 6) *Очеркъ исторіи Малороссіи* (От. Зап.), гдѣ критически разсмотрѣны нѣкоторыя источники, относящіеся къ исторіи послѣдней.

Спеціально же источникамъ Малороссіи посвящено и изслѣдованіе Г. Э. Карпова «*Критичскій обзоръ разработки главныхъ источниковъ, до исторіи Малороссіи относящихся*» (М. 1870).

П. В. Знаменскій сдѣлалъ оцѣнку «трудовъ русскихъ источниковъ XVIII вѣка» Татищева, Щербатова и Болтина,—главнымъ образомъ, «въ отношеніи къ русской церковной исторіи», но въ связи съ общимъ направленіемъ литературы того времени (Труды кіев. дух. акад. 1862); а И. В. Лашюковъ въ своихъ *Очеркахъ русской исторіографіи* далъ «систематическій, хотя и не полный обзоръ *источниковъ и обработки* исторіи». (Кіев. ун. изв. 1869).

Одно изъ видныхъ мѣстъ въ исторіографіи послѣдняго времени принадлежитъ безспорно академику К. Н. Бестужеву-Рюмину, болѣе или менѣе обстоятельныя рецензіи котораго сопровождаютъ появленіе почти всѣхъ значительныхъ трудовъ по русской исторіи, главнымъ образомъ, до-Петровскаго времени. Изъ болѣе крупныхъ библіографическихъ и исторіографическихъ трудовъ г. Бестужева-Рюмина проф.

В. С. Иконниковъ перечисляетъ слѣдующіе: 1) *Современное состояніе русской исторіи, какъ науки* (Моск. обоз.)—статья, написанная по поводу исторіи Соловьева и представляющая очеркъ развитія исторической науки русской исторіи отъ Щербатова; причемъ авторъ особы вниманіе удѣляетъ представителямъ историко-юрид. школы Соловьеву, Тюрину, Кавелину, Чичерину. 2 и 3) рядъ статей по поводу сочиненій Соловьева, Устрялова, Погодина, Арцыбашева. 4) Обзоръ историко-юридическихъ сочиненій Кавелина, Дмитріева Чичерина. 5) *Славянофильское ученіе и его судьба въ рус. литературѣ* (по поводу соч. К. Аксакова, Кирѣевскаго, Хомякова). 6) *Біографіи* и *характеристики* (Татищевъ Шлецеръ, Карамзинъ, Погодинъ, Соловьевъ и Ешевскій). 7) *О составѣ русскихъ лѣтописей до к. XIV в.* 8) *Очеркъ русской исторіографіи* въ I т. «Русской исторіи» и 9) Лекціи по исторіографіи, читанныя на высшихъ женскихъ курсахъ 1881—1882 гг.

Самымъ важнымъ изъ исторіографическихъ трудовъ К. Н. Бестужева-Рюмина, безъ сомнѣнія, является для насъ *«Очеркъ русской исторіографіи»* въ I т. «Русской исторіи». Представляя изъ себя обзоръ источниковъ и исторію литературы, трудъ этотъ сопровождается обширными библіографическими указаніями и являлся произведеніемъ единственнымъ въ своемъ родѣ, нѣсколько напоминающемъ *Опытъ русской исторіографіи* проф. Иконникова, хотя, само собой разумѣется, ни по полнотѣ, ни по обстоятельности разработки онъ не можетъ сравниться съ послѣднимъ, на что ужь указываетъ число страницъ, посвященныхъ однимъ и тѣмъ же вопросамъ—у г. Бестужева ок. 200, у проф. Иконникова ок. 2000.

Послѣ труда К. Н. Бестужева вплоть до появленія книги В. С. Иконникова не появлялось болѣе или менѣе значительныхъ трудовъ по русской исторіографіи. Объемистый трудъ М. О. Кояловича *«Исторія русскаго самосознанія по историческимъ памятникамъ и научнымъ сочиненіямъ»*—является скорѣй историческимъ памфлетомъ, чѣмъ ученымъ трудомъ: «слѣдя главнымъ образомъ за развитіемъ общаго взгляда, выраженнаго въ самомъ заглавіи сочиненія, авторъ впадаетъ въ крайній субъективизмъ, послѣдователемъ котораго (въ извѣстномъ направленіи) онъ и объявляетъ себѣ. Эта основная точка зрѣнія особенно сказывается въ отношеніи къ нѣкоторымъ писателямъ, оказавшимъ, однако, несомнѣнныя услуги русской исторіи (Миллера, Шлецера и др.). Опредѣленія разныхъ направленій въ русской исторіографіи и ихъ характеристики не всегда точны и еще

менѣе вѣрны. Библіографія вопросовъ, входящихъ въ названный трудъ, также страдаетъ значительною неполнотою. Прибавимъ, наконецъ, что въ свое время этотъ трудъ вызвалъ со стороны русскихъ историковъ рядъ замѣчаній и возраженій, отличающихся рѣдкимъ въ спорныхъ вопросахъ единомысліемъ» [1]).

Инымъ характеромъ отличается статья П. Н. Милюкова *«Юридическая школа въ русской исторіографіи»*, представляющая довольно обстоятельную оцѣнку значенія трудовъ Соловьева, Чичерина, Кавелина и г. Сергѣевича въ исторіи развитія русской исторической науки (Рус. Мысль). Она является, безъ сомнѣнія, цѣннымъ пріобрѣтеніемъ въ области русской исторіографіи.

Кромѣ всѣхъ названныхъ трудовъ и въ другихъ сочиненіяхъ: Карамзина, Татищева, Костомарова, Порфирьева, Срезневскаго, Замысловскаго и пр. можно найти болѣе или менѣе обстоятельные указатели и обзоры литературы и источниковъ, относящихся къ извѣстному періоду, эпизоду, лицу и пр.; есть и труды, посвященные критическому разбору, болѣе или менѣе обстоятельному, отдѣльныхъ трудовъ или ихъ серій, какъ критическія замѣтки проф. М. Ф. Владимирскаго-Буданова, Н. П. Загоскина, М. М. Ковалевскаго и др.; но въ трудахъ этихъ въ рѣдкихъ случаяхъ, да и то мимоходомъ, указывается на исторію разработки извѣстнаго вопроса и къ нимъ поэтому, не примѣнима та мѣрка, съ которой мы должны подходить къ труду проф. В. С. Иконникова и вообще къ подобнаго рода трудамъ, имѣющимъ цѣлью «критическое изученіе источниковъ и литературы исторіи въ ихъ *постепенномъ* развитіи», т. е. къ трудамъ *исторіографическимъ* въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

Если мы припомнимъ теперь содержаніе книги проф. В. С. Иконникова и тотъ краткій очеркъ развитія исторіографической литературы, который мы привели выше—намъ станетъ ясна заслуга автора *Опыта русской исторіографіи*, какъ самостоятельнаго труженника въ этой области и вполнѣ опредѣлится все громадное значеніе его труда».

Трудъ кіевскаго профессора рѣзко вообще отличается не только отъ библіографическихъ обзоровъ, но и отъ всего, что до него было сдѣлано, собственно въ области исторіографіи. Онъ не является простою сводкою всего предыдущаго, только съ дополненіями автора; сводкою онъ и быть не могъ, ужъ по одному тому, что въ той области, которую

---

[1]) В. С. Иконниковъ. Опытъ русской исторіографіи стр. 258—269.

затрогиваетъ первый вышедшій томъ труда, мало, почти ничего не было сдѣлано. Автору, поэтому, приходилось самому подолгу останавливаться надъ многими вопросами, входить въ ихъ детальное разсмотрѣніе и давать въ своемъ трудѣ главы, которыя, по своей обстоятельности, и полнотѣ могутъ прямо таки назваться отдѣльными монографіями. Къ числу такихъ, напримѣръ, главъ принадлежитъ глава вторая перваго отдѣла, посвященная вопросу о вспомогательныхъ знаніяхъ, особенно малоразработанному у насъ, въ Россіи: археологіи съ ея подраздѣленіями, палеографіей, дипломатикой, сфрагистикой, геральдикой, нумизматикой, древностями искусствъ и быта; генеалогіи, хронологіи, исторической географіи и др. Авторъ сообщаетъ читателю теоретическія и практическія свѣдѣнія для пользованія каждымъ изъ этихъ вспомогательныхъ знаній, и свѣдѣнія эти имѣютъ особую цѣну потому, что у насъ, вѣдь, въ Россіи нѣтъ ни палеографическихъ атласовъ, ни палеографическихъ, дипломатическихъ руководствъ. Даже такой, напр., предметъ, какъ хронологія, съ которой приходится постоянно возиться изслѣдователямъ русской и западнорусской исторіи, не вызвалъ спеціальнаго пособія, какое имѣется, напримѣръ, въ Германіи, въ видѣ Handbuch der Chronologie Grotefend'a. Поэтому особенно цѣнны 145—152 стр. труда г. Иконникова, посвященныя спеціально русской хронологіи, такъ какъ смѣна мартовскаго года сентябрьскимъ, вліяніе католическаго счета на с.-з. Русь, особенность новгородскаго счета времени часто таки вносили путаницу въ историческія изслѣдованія.

Изъ другихъ обстоятельнѣйшихъ и вполнѣ самостоятельныхъ главъ назовемъ обширную главу, посвященную роли Н. П. Румянцева въ исторіи русской исторіографіи, гдѣ авторъ самымъ подробнѣйшимъ образомъ знакомитъ читателя съ замѣчательнымъ эпизодомъ въ исторіи развитія русской исторической науки. Не менѣе важны и обстоятельны главы о дѣятельности археографической экспедиціи и коммиссіи, а также о дѣятельности русскихъ и иностранныхъ ученыхъ обществъ по отношенію къ разработкѣ науки русской исторіи. Обзоръ дѣятельности обществъ—опять таки новость, которая почти не затрогивалась въ прежнихъ исторіографическихъ трудахъ.

Но что придаетъ особенную цѣну труду В. С. Иконникова и что особенно заставляетъ цѣнить заслугу его, какъ автора *Опыта русской исторіографіи*, такъ это обзоръ нашихъ архивовъ и библіотекъ, о которыхъ русская публика, даже и ученая, имѣла въ большинствѣ случаевъ только смутное представленіе. Обзору этому посвя-

щена большая часть перваго тома (съ 377 стр.). Изложивъ вообще исторію архивнаго дѣла въ Россіи и взглядъ на него у представителей науки и администраціи въ разное время, авторъ начинаетъ свое обозрѣніе съ правительныхъ архивовъ, а именно съ *архива м—ва иностранныхъ дѣлъ* въ Москвѣ, переходя затѣмъ къ ученымъ учрежденіямъ и пр. Говоря о томъ или другомъ архивѣ, авторъ сообщаетъ исторію его возникновенія, называетъ лицъ, работавшихъ въ немъ, архивныя научныя изданія, описанія документовъ и пр. Такимъ образомъ, читатель не только знакомится съ содержаніемъ архива, но имѣетъ возможность опредѣлить роль того или другаго архива въ исторіи развитія русской исторической науки. Если смотрѣть та вопросъ съ этой послѣдней точки зрѣнія, то книга проф. Иконникова даетъ богатый уже матеріалъ для болѣе основательнаго рѣшенія архивнаго дѣла, которое до сихъ поръ рѣшалось въ большинствѣ случаевъ путемъ простыхъ разсужденій, почти безъ фактовъ.

Въ отдѣлѣ объ архивахъ особенное вниманіе привлекаетъ глава о частныхъ архивахъ и библіотекахъ (глава VII 2-го отд.). Глава эта представляетъ совершенную новость въ нашей исторіографіи, такъ какъ до сихъ поръ никто кажется не рѣшался взяться за такую трудную и вмѣстѣ съ тѣмъ такую неизвѣстную задачу. Правда, изрѣдка появлялись въ печати извѣстія о томъ или другомъ собраніи книгъ и рукописей, но извѣстія эти, конечно, были случайными, о многихъ же собраніяхъ почти никто не вѣдалъ или зналъ только ближайшій кругъ знакомыхъ. Заслуга проф. В. С. Иконникова заключается въ томъ, что онъ собралъ и свелъ воедино всю печатную литературу о частныхъ архивахъ и затѣмъ самъ ужъ путемъ сношеній съ частными лицами, путемъ разспросовъ старался собрать свѣдѣнія о всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ частныхъ книго- и бумагохранилищахъ. Что это былъ за трудъ—легко догадаться, зная, что проф. Иконникову приходилось имѣть дѣло съ людьми русскими, отличающимися часто халатностью, эгоизмомъ, неуваженіемъ чужаго труда или невниманіемъ къ нему, а потому и не легко откликающимися на подобнаго рода просьбы. Можно, конечно, и даже можетъ быть, даже отчасти, поэтому, сказать, a priori, что въ главѣ о частныхъ архивахъ у проф. Иконникова будутъ пропуски; но это понятно, нисколько не умалитъ его громадной заслуги предъ русской исторической наукой. Все, что мы говорили сейчас о частныхъ архивахъ, можно сказать, и о частныхъ музеяхъ, о которыхъ тоже знали мало, да и то въ

большинствѣ случаевъ только по наслышкѣ. Профессоръ Иконниковъ и здѣсь тѣми же путями собралъ довольно обстоятельныя свѣдѣнія.

Не менѣе главъ о частыхъ библіотекахъ, архивахъ и музеяхъ заслуживаютъ вниманія главы объ архивахъ губернскихъ, областныхъ, сословныхъ (III глава 2-го отдѣла) и затѣмъ объ архивахъ духовнаго вѣдомства, епархіальныхъ, монастырскихъ, семинарскихъ, духовныхъ училищъ (главы II, III и IV того же отдѣла). Здѣсь опять читатель встрѣчается съ массой новыхъ кропотливо собранныхъ данныхъ, свѣдѣнія о которыхъ были или затеряны въ массѣ другихъ или же совсѣмъ неизвѣстны. Прежніе исторіографическіе труды совсѣмъ не касались этихъ отдѣловъ русскаго архивнаго дѣла, и проф. Иконникову поэтому и здѣсь пришлось взяться за дѣло, не имѣя предшественниковъ.

Мы не станемъ утомлять читателя перечисленіемъ всего, что далъ новаго трудъ В. С. Иконникова: для этого пришлось бы самымъ подробнѣйшимъ образомъ пересказать всѣ 2000 страницъ, такъ какъ одни вопросы, разработанные въ трудахъ его предшественниковъ, имъ освѣщены подробнѣе, дополнены; другіе переработаны вновь; третьи, прежде только намѣченные, разработаны, и затѣмъ, какъ мы видѣли, поставлено множество незатронутыхъ прежде вопросовъ и имъ дано самое широкое освѣщеніе. Отмѣтимъ еще, въ заключеніе, одинъ только вопросъ, на который проф. Иконниковъ обратилъ серьезное вниманіе—это вопросъ объ иностранныхъ архивахъ, которымъ посвящена послѣдняя глава его книги. Вопросъ этотъ, правда, и прежде затрогивался въ трудахъ Adelung'a, г. Бестужева-Рюмина, г. Брикнера, но, конечно, только въ частностяхъ и, само собой разумѣется, совсѣмъ ужъ не съ той полнотой и подробностью, какъ это сдѣлано у проф. Иконникова, который больше 100 страницъ посвятилъ обзору архивовъ почти всѣхъ европейскихъ странъ и христіанскаго Востока.

Намъ кажется, все сказанное до сихъ поръ даетъ понятіе читателю, какое значеніе трудъ проф. В. С. Иконникова имѣетъ въ исторіи русской исторіографіи, съ одной стороны, и въ практическомъ отношеніи для спеціалиста съ другой. *Опытъ русской исторіографіи*, какъ говоритъ и самъ авторъ, вовсе не является исключительно библіографическимъ трудомъ. Напротивъ, онъ является цѣннымъ вкладомъ въ исторію умственнаго развитія русскаго общества, знакомя насъ съ богатымъ матеріаломъ для рѣшенія вопроса о томъ, какъ, какими путями и усиліями русское общество вообще и ученая публика, въ частности,

стремилась къ созданію и развитію у насъ въ Россіи одной изъ важнѣйшихъ общественныхъ наукъ—исторіи; какой прогрессъ сдѣлала эта наука, какія ошибки. Трудъ г. Иконникова, думается намъ, даетъ возможность оглянуться назадъ, выдвинуть, а, можетъ, и быть рѣшить вопросъ, нормаленъ ли тотъ путь, которымъ движется наука русской исторіи; можно ли работать такъ несистематично, такъ частично, какъ работаютъ наши историки въ настоящее время, вслѣдствіе чего одни, существенно важные вопросы, едва затронуты, (напр. вліяніе татарскаго ига на экономическое положеніе Руси, исторія Малороссіи и пр.) о другихъ же, второстепенныхъ, пишется цѣлая масса работъ (напр. варяжскій вопросъ, исторіи отдѣльныхъ княжествъ), а въ цѣломъ никто ничего толкомъ не знаетъ, что сдѣлано, что слѣдуетъ сдѣлать, какіе вопросы слѣдуетъ разсмотрѣть детальнѣе и пр. Разсмотрѣніе этихъ вопросовъ, на которые наталкиваетъ трудъ г. Иконникова теперь и на которые еще больше долженъ натолкнуть второй его томъ, который будетъ заключать въ себѣ систематическій обзоръ литературы,—естественно должно выдвинуть и вопросъ о русскихъ историческихъ школахъ и коллективности историческаго труда. Данныя о дѣятельности нашихъ ученыхъ обществъ, напр., сообщенныя В. С. Иконниковымъ (стр. 290—374), думается намъ ясно показываютъ, что организація историческихъ обществъ, какъ она сложилась у насъ—явленіе ненормальное. Общество предполагаетъ общій, коллективный трудъ, коллективную разработку вопросовъ, обмѣнъ мнѣній по поводу этихъ вопросовъ и *установленіе* болѣе вѣрнаго изъ этихъ мнѣній; а у насъ дѣятельность общества свелась къ пустой формалистикѣ—чтенію калейдоскопа рефератовъ, неизвѣстно для чего и зачѣмъ, и затѣмъ печатанія этихъ рефератовъ въ трудахъ обществъ, т. е. чисто къ матеріальной складчинѣ, что съ успѣхомъ могли бы дѣлать и люди не ученые. На много еще и другихъ вопросовъ, перечислять которые не мѣсто въ рецензіи, наводитъ трудъ нашего автора. Но однимъ этимъ все же не исчерпывается значеніе его труда. Авторъ тысячу разъ правъ, когда говоритъ, что «при внимательномъ и послѣдовательномъ чтеніи, на основаніи его (труда) можно составить сводъ данныхъ о многихъ малоизвѣстныхъ памятникахъ, о переводной русской литературѣ въ древній и новый періоды нашей письменности, или установить принадлежность нѣкоторыхъ изъ этихъ памятниковъ извѣстнымъ писателямъ. Точно также на основаніи сообщаемыхъ данныхъ можно прослѣдить, какіе умственные интересы господствовали въ русскомъ обществѣ въ ту или другую эпоху и какіе ум-

ственные и литературные вкусы существовали въ средѣ его представителей и общественныхъ дѣятелей». (Предисловіе, стр. VI—VII).

Что касается практическаго значенія книги проф. В. С. Иконникова, какъ справочнаго указателя для спеціалистовъ, то и въ этомъ отношеніи авторъ оказалъ громадную услугу людямъ науки. Не нужно забывать полноту, точность, щепетильную добросовѣстнось библіографическихъ указаній автора. Каждая глава его книги содержитъ массу указаній, а въ концѣ приложенія, обыкновенно, библіографія вопроса, который трактуется въ той или другой главѣ. Не нужно, при этомъ, упускать изъ виду, что книга снабжена громаднымъ (149 стр. въ два столбца), подробно составленнымъ именнымъ и географическимъ указателемъ, который даетъ возможность дѣлать самыя мелкія справки; «къ сожалѣнію, говоритъ авторъ, онъ не могъ приложить, сверхъ именнаго и географическаго указателей, указателя предметовъ, который онъ успѣлъ составить лишь для перваго отдѣла настоящаго тома» (стр. VII). Какъ ни значительно облегчилъ бы подобный указатель справки спеціалистовъ, но отсутствіе его мы никакъ не можемъ поставить въ вину автору и даже нѣсколько удивляемся щепетильной добросовѣстности его, рѣшившагося сдѣлать даже попытку такого труда; намъ кажется, что составить подобнаго рода указатель — значитъ написать второй *Опытъ русской историографіи*, только въ алфавитномъ порядкѣ вопросовъ въ немъ затронутыхъ: такая масса *предметовъ* въ немъ затрогивается.

Въ своей рецензіи мы, понятно, не могли исчерпать всего содержанія книги, ни указать на всю заслугу автора и значеніе его книги; но и изъ того, что сказано, думаемъ, читатели поймутъ, что такое *Опытъ русской историографіи*. Книга эта такого рода, что о ней можно говорить только вообще, оцѣнивать ея общее значеніе, не вдаваясь въ детальную критику. Пусть будутъ въ ней даже мелкіе пропуски (крупные врядъ ли встрѣтятся), кой-какая частичная неполнота все это ни на одну іоту не можетъ умалить всеобщаго значенія гигантскаго труда, выполнять который началъ проф. Иконниковъ. Дай только Богъ ему поскорѣй довести его до конца. Мы съ нетерпѣніемъ будемъ ждать второго тома.

Н. В.

Сборникъ харьковскаго историко-филологическаго общества. Томъ IV-й. Харьковъ. 1892 г.

Обозрѣвая почти каждую вновь выходящую книжку «Сборника», служащаго органомъ историко-филогическаго общества при харьковскомъ университетѣ, и слѣдя такимъ образомъ изъ года въ годъ за дѣятельностью этого почтеннаго общества, мы съ удовольствіемъ можемъ отмѣтить фактъ увеличенія числа его научныхъ силъ и произведенныхъ ими изслѣдованій, главнымъ образомъ, въ области исторіи и этнографіи; мы можемъ, кажется, также считать и «Сборникъ» правильнымъ ежегоднымъ изданіемъ общества, что́ при его скудныхъ матеріальныхъ средствахъ составляетъ большую заслугу.

О развитіи дѣятельности харьковскаго общества свидѣтельствуетъ *отчетъ* за истекшій 1891—92 учебный годъ (отчетъ составленъ секретаремъ Н. Ѳ. Сумцовымъ); изъ него мы узнаемъ, что въ указанномъ году Общество имѣло 11 засѣданій, въ которыхъ было прочтено 23 научныхъ доклада и 2 некролога; доклады могутъ быть распредѣлены такъ: къ политической исторіи относилось 4 доклада, къ бытовой—1, въ исторіи церкви и монастырей—2, къ исторіи русской литературы и языка—4, къ исторіи колонизаціи—1, къ мѣстной археологіи и археографіи—3, къ греческимъ древностямъ—3, къ древней миѳологіи—1, къ этнографіи—1, къ славянской литературѣ—1, къ педагогикѣ—1 и къ библіографіи—1; нѣкоторые изъ распредѣленныхъ по этимъ группамъ докладовъ могутъ быть относимы одновременно въ одну и въ другую группу, а также и къ области права. Въ личномъ составѣ общества нельзя не отмѣтить какъ крупный фактъ, перемѣну предсѣдателя; на мѣсто отказавшагося по болѣзни отъ этой должности покойнаго А. А. Потебни, служившаго обществу въ теченіе 12 лѣтъ, вступилъ проф. М. С. Дриновъ. Въ дѣйствительные члены избрано десять лицъ, между которыми встрѣчаются имена, знакомыя читателямъ «Кіев. Старины» по серьезнымъ работамъ въ области мѣстной исторіи, печатавшимся въ ней. Съ особеннымъ интересомъ и удовольствіемъ мы останавливаемся на той части отчета, въ которой говорится о заботливости общества о своемъ краевомъ архивѣ и увеличеніи въ немъ количества историческихъ матеріаловъ; заботы эти принялъ и продолжаетъ нести на себѣ проф. Д. И. Багалѣй, положившій основаніе Архиву и теперь завѣдывающій имъ; въ отчетномъ году въ Архивѣ работало 12 лицъ, то съ научной цѣлью, то съ цѣлью розысканія фамильныхъ документовъ.

Свѣдѣній о трудахъ новоучрежденнаго при Обществѣ *педагогическаго отдѣла* мы еще не находимъ; напечатанъ пока уставъ его, утвержденный г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 25 февраля 1892 г.

Если справедливо мнѣніе, что только со смертью человѣка обнаруживается его истинное значеніе для общества, то *смерть проф. А. А. Потебни* показываетъ, насколько велико было его вліяніе при жизни, какъ ученаго и человѣка, и насколько поэтому тяжела его потеря для харьковскаго университета и для историко-филологическаго общества, для русской науки, вообще, и для его учениковъ, въ частности. Въ настоящей книжкѣ «Сборника» напечатано все, что сказано было о покойномъ не только во всѣхъ концахъ Россіи, но и на далекомъ западѣ Европы. Вездѣ помянули А. А. добрымъ словомъ. Миръ праху этого, неутомимаго труженика науки! Историко-филогическое Общество для увѣковѣченія памяти А. А. Потебни выработало проектъ, теперь Высочайше утвержденный, преміи имени покойнаго за лучшія сочиненія по исторіи русскаго языка и русской словесности; къ подпискѣ на эту премію «Кіев. Старина» приглашала уже своихъ читателей въ декабрьской книжкѣ за прошлый годъ. Пожелавъ полнаго успѣха полезному начинанію, перейдемъ теперь къ обозрѣнію статей и матеріаловъ въ этомъ IV-мъ томѣ «Сборника».

Первой по мѣсту и времени, котораго она касается, и наиболѣе интересной по содержанію мы находимъ статью г. *Н. Бакая*: «*Къ исторіи колонизаціи лѣвобережной Украины въ XV и XVI вв.*» Авторъ на основаніи напечатанныхъ до сихъ поръ матеріаловъ, излагая исторію заселенія территоріи лѣваго берега р. Днѣпра, начинаетъ ее съ мнѣнія проф. В. Б. Антоновича относительно мнимаго запустѣнія кіевской области послѣ татарскаго нашествія, затѣмъ пересматриваетъ лѣтописныя данныя и, въ концѣ, приходитъ къ тому же выводу, какъ и проф. Антоновичъ, т. е. что и лѣвобережная Украина не запустѣла послѣ татарскаго погрома, а лишь ослабѣло ея политическое значеніе; населеніе, сначала рѣдкое, становится болѣе густымъ въ этой мѣстности къ половинѣ XVI в.; заселеніе авторъ приписываетъ не правительственнымъ мѣрамъ сосѣднихъ государствъ, а «вольному переходу на жительство гонимаго силою религіозныхъ, соціальныхъ и экономическихъ причинъ народа юго-западнаго края».

Къ исторіи колонизаціи также южной окраины Московскаго государства относится статья г. *М. Плохинскаго*: «*Гетманъ Мазепа въ*

роли великорусскаго помѣщика»; она составлена по матеріаламъ фамильнаго архива князя А. В. Барятинскаго. Авторъ характеризуетъ Мазепу, какъ весьма дѣятельнаго колонизатора степей и дикихъ полей въ рыльскомъ уѣздѣ, которые онъ частью скупалъ, частью получалъ отъ государя по пожалованію; основываемыя села и слободы онъ заселялъ преимущественно великороссами, выдавая ихъ за «черкасовъ», которыхъ обязывался переводить сюда на жительство; между поселенцами Мазепа старался распространить занятія промыслами и ремеслами. Къ статьѣ приложенъ и матеріалъ: «опись, составленная въ 1708 году для вотчинной конторы князя А. Д. Меньшикова», которому за «батуринское взятье», послѣ измѣны Мазепы были пожалованы всѣ имѣнія послѣдняго.

Продолжая изслѣдовать міровоззрѣніе крестьянскаго населенія купянскаго уѣзда, г. *П. Ивановъ* останавливается въ настоящее время на *«народныхъ разсказахъ о Долѣ»*. Изъ изученія этихъ разсказовъ онъ приходитъ къ заключенію, что Доля понимается не какъ простое олицетвореніе отвлеченнаго понятія, а считается, во 1-хъ, душей предковъ, умершихъ родителей и вообще близкихъ людей, составляя такимъ образомъ отраженіе древняго культа предковъ, покровителей семейнаго очага; во 2-хъ, разсматривается, какъ ангелъ хранитель, который въ періодъ утробной жизни человѣка научаетъ его всему, что необходимо знать въ жизни; въ 3-хъ, опредѣляется, какъ душа человѣка или двойникъ его, предчувствующій горе и радость, долю и недолю, въ созданіи которыхъ участвуетъ и личная воля человѣка, кромѣ судьбы или воли Божіей; въ этой смѣси народныхъ представленій о Долѣ г. Ивановъ различаетъ три идеи: идею предопредѣленія, идею прирожденности и идею случая; но такъ какъ эти идеи не вполнѣ слились и сохраняютъ свою древнюю окраску, то въ разсказахъ и пѣсняхъ можно найти указаніе на существованіе трехъ долей: Божьей (соотвѣтствующей идеѣ предопредѣленія), материнской (соотвѣтствующей идеѣ прирожденности) и отцовской (соотвѣтствующей идеѣ случайнаго счастія); они управляютъ жизненными явленіями, вообще, и главными актами человѣческой жизни (рожденіемъ, бракомъ и смертью), въ частности, и такимъ образомъ, по мнѣнію автора, сближаются съ парками, дѣвами судьбы, судицами и рожаницами; таковы интересныя и вполнѣ вѣроятныя главныя положенія статьи по вопросу о Долѣ; изложеніе ихъ авторомъ заставляетъ желать большей ясности и болѣе прочнаго обоснованія.

Далѣе, весьма значительная часть настоящаго тома занята матеріалами для бытовой исторіи южно-русскихъ монастырей. *А. А. Русовъ* сообщаетъ «*нѣкоторые документы, касающіеся Густынскаго и Мгарскаго монастырей*», извлеченные имъ изъ архива харьково-полтавскаго управленія государственными имуществами; по числу ихъ одиннадцать; по содержанію эти универсалы гетмановъ (Мазепы и Скоропадскаго), генеральной и полковой старшины, а также акты частныхъ лицъ (купчія, завѣщанія и проч.), данныя монастырямъ на право владѣнія недвижимымъ имуществомъ—селами и хуторами; по времени они относятся къ первой половинѣ XVIII в., именно къ 1700—1735 гг. Этимъ документамъ г. Русовъ предпосылаетъ нѣсколько словъ, въ которыхъ кратко очерчиваетъ внѣшнюю жизнь монастырей и ихъ хозяйственную дѣятельность, давая такимъ образомъ читателю возможность уяснить себѣ связь этихъ документовъ съ другими, напечатанными уже раньше; существеннѣйшій вопросъ о времени возникновенія монастырей, хотя и затронутъ авторомъ, но не опредѣлено отношеніе ихъ къ степени заселенія этого края, успѣхи котораго авторъ всецѣло приписываетъ князьямъ Вишневецкимъ, бывшимъ скорѣе устроителями, чѣмъ колонизаторами лѣвобережной Украины.

«*Вотчиннаго быта монастырей Курскаго-Знаменскаго и Бѣлогородскаго-Николаевскаго*» касаются документы—всѣхъ ихъ 54,—сообщаемые г. *А. Лебедевымъ*; они извлечены имъ частью изъ Москов. архива министерства юстиціи, частью же найдены въ самыхъ монастыряхъ; документы эти относятся къ половинѣ XVIII вѣка, къ 1730—1760-мъ гг. и по содержанію своему представляютъ, главнымъ образомъ, акты вотчиннаго управленія; расположены они по особой, весьма неудобной для справокъ, системѣ,—въ порядкѣ изложенія предисловія, предшествующаго этому матеріалу. Тѣмъ не менѣе и этотъ послѣдній и предисловіе къ нему весьма интересны и цѣнны; если въ предисловіи г. Русова рельефнѣе представляется лицевая, такъ сказать, сторона монастырской жизни—«размноженіе хвалы Божой» поминовеніе сорокоустное, дорочное и вѣчное по усопшимъ жертвователямъ, то въ предисловіи г. Лебедева—обратная: ихъ хозяйничанье въ селахъ, ничѣмъ не отличающееся отъ частнаго землевладѣнія, безнедоимочные сборы натуральныхъ и денежныхъ повинностей, строгое требованіе барщины, а рядомъ съ тѣмъ жестокій и немилостивый судъ надъ крестьянами, кровавыя вооруженныя столкновенія съ сосѣдними помѣщиками, печальныя злоупотребленія своей

властью со стороны монаховъ—управителей и грубое нарушеніе ими обѣта цѣломудрія; для знакомства съ содержаніемъ, какъ матеріаловъ такъ и предисловія къ нимъ, достаточно, кажется намъ, привести заключательные, но полныя выразительности и силы слова автора, составляющія, вмѣстѣ съ тѣмъ, и его окончательный выводъ: «монашество, вдавшееся въ круговоротъ мірской жизни, гоняющееся, по образцу мірянъ, за наживой, тяжущееся, бьющее и побиваемое, и въ другихъ состояніяхъ, иноческому званію совсѣмъ несвойственныхъ, обрѣтающееся, должно было терять всякій престижъ въ глазахъ мірянъ»... Реформа монастырскаго быта становилась дѣломъ настоятельной необходимости.

Тѣмъ же авторомъ, но отдѣльно отъ указанныхъ выше монастырскихъ документовъ, сообщенъ для характеристики суроваго тоговременнаго епископскаго управленія *«синодскій указъ отъ 11 октября 1766 г. по поводу самовластія епископа Бѣлогородскаго и Обоянскаго Порфирія»*, которое послѣдній проявилъ по отношенію къ двумъ архимандритамъ монастырей Бѣлогородскаго-Николаевскаго—Матѳею и Курскаго-Знаменскаго—Гедеону.

Этнографическій матеріалъ, занимавшій видное мѣсто въ предшествовавшихъ томахъ «Сборника», мы находимъ и въ настоящемъ; въ немъ помѣщены теперь исключительно заговоры, именно: «Черноморскіе заговоры» г. П. П. Короленка; «заговоры изъ городищанскаго и черниговскаго уѣздовъ черниговской губерніи», переданные П. С. Ефименкомъ; «Сборникъ И. А. Семенцовой, доставленный изъ села Будищъ кролевецкаго уѣзда черниговской губерніи». Но важнѣе, конечно, всего этого матеріала «Библіографическій указатель» заговоровъ, составленный Н. Ѳ. Сумцовымъ и дополненный въ концѣ тома какъ имъ самимъ, такъ и г. А. Деревицкимъ, потому что поможетъ не только изслѣдователю разобраться въ массѣ этого матеріала, но избавитъ также издателей отъ печатанія одного и того же по нѣскольку разъ. Приводимыя г. Сумцовымъ цифры количества сборниковъ заговоровъ у насъ и въ западной Европѣ (русскихъ—110, нѣмецкихъ—38, польскихъ—7, французскихъ—5, чешскихъ—8, англійскихъ—3, болгарскихъ—2 и сербскихъ—2), показываютъ, какъ охотно печатается у насъ всякій вздоръ, стоитъ только назвать его именемъ излюбленннымъ этнографами; наши издатели не пришли еще, кажется, къ мысли о необходимости дѣлать строго научный выборъ и цѣлесообразный подборъ этнографическаго матеріала, потому что рядомъ съ дѣйствительно важными вещами, весьма впрочемъ рѣдкими, ха-

рактеризующими древнее народное міросозерцаніе, печатается огромное количество такихъ, которыя если и свидѣтельствуютъ о чемъ либо, то развѣ только о глубокомъ невѣжествѣ народа и искаженіи имъ въ доходящихъ до него религіозныхъ и научныхъ истинъ.

Особнякомъ стоятъ рефераты *Н. Θ. Сумцова и М. Халанскаго.* Первый дѣлаетъ обзоръ служебной и учено-литературной дѣятельности (по случаю сороколѣтняго юбилея его) академика *М. И. Сухомлинова,* близкаго г. Харькову, какъ его уроженецъ, и университету, какъ его воспитанникъ, не прерывающій добрыхъ отношеній къ своей alma mater и до сихъ поръ; второй, на основаніи сообщенія профессора Великой школы въ Бѣлградѣ П. С. Сречковича, разъясняетъ отношенія между собой «*Пушкина и г-жи Ризничъ*», и устанавливаетъ фактъ, что только этими дружескими отношеніями были вызваны три лучшія произведенія Пушкина: «Подъ небомъ вѣчно голубымъ страны своей родной», «Для береговъ отчизны дальней» и «Заклинаніе».

Такимъ образомъ, изъ сказаннаго выше о Харьковскомъ историко-филологическомъ обществѣ и разобранномъ нами его органѣ, мы можемъ видѣть, что общество при разработкѣ исторической науки не замыкаетстя въ узкую сферу лишь этой науки и судебъ своего края, но затрогиваетъ и другія времена и народы; что по характеру имѣющагося въ распоряженіи общества матеріала научныя силы его сами собой обращаются къ изслѣдованію главнымъ образомъ мѣстной народной жизни и міросозерцанія; что при незначительности матеріальныхъ средствъ, благодаря лишь энергіи и пожертованію трудомъ со стороны своихъ членовъ, общество упрочиваетъ свой «Сборникъ» и по серьезности своихъ рефератовъ справедливо занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди другихъ ученыхъ провинціальныхъ обществъ. Пожелаемъ же ему въ заключеніе преуспѣянія и развитія своей дѣятельности на будущіе годы.

И. Каманинъ.

Петровъ Н. И. Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ. Вып. I. Собраніе рукописей московскаго митрополита Макарія (Булгакова), Мѣлецкаго монастыря на Волыни, Кіево-братскаго монастыря и Кіевской Духовной Семинаріи. Москва. 1891. 8°. VIII+321 стр. [1]).

Митрополитъ Макарій (Булгаковъ) при ревизіи Кіевской Духовной Академіи, въ 1874 г., высказалъ, между прочимъ, мысль о полезности сосредоточенія при академіи всѣхъ тѣхъ собраній рукописей, которыя непроизводительно лежатъ въ монастырскихъ и церковныхъ библіотекахъ, причемъ сообщилъ, что въ своемъ духовномъ завѣщаніи онъ завѣщалъ свою небольшую коллекцію рукописей, преимуп венно раскольническихъ, въ родную ему кіевскую академію. Мысль свою м. Макарій тутъ же привелъ въ исполненіе, представивъ Синоду о передачѣ въ К. академію книгъ и рукописей изъ монастырей и церквей кіевской и волынской епархій. Представленіе это Синодомъ было тогда же утверждено, вслѣдствіе чего мѣстнымъ, духовнымъ начальствомъ были сдѣланы соотвѣтственныя распоряженія, на основаніи которыхъ и поступили въ библіотеку К. академіи книги и рукописи изъ нѣкоторыхъ монастырей и церквей Волынской епархіи, какъ напр., изъ Почаевской Лавры, Мѣлецкаго монастыря и Межирицкой церкви г. Острога.—Вмѣстѣ съ ними поступили въ академическую библіотеку согласно завѣщанію и рукописи митрополита Макарія, умершаго въ 1882 г.—Описаніемъ поступившихъ такимъ образомъ въ К. академію рукописей занялся Н. И. Петровъ, котораго «Описаніе рукописей церковно-археологическаго музея при Кіевской духовной академіи» служитъ ручательствомъ точности и надлежащей полноты новаго его описанія, начало котораго и представляетъ настоящая книга. Кромѣ рукописныхъ собраній, поступившихъ въ академію, Н. И. Петровъ имѣетъ въ виду описать вмѣстѣ и «рукописныя собранія кіевскихъ неописанныхъ еще книгохранилищъ, начиная съ менѣе извѣстныхъ и имѣющихъ несовсѣмъ точные и подробные каталоги ихъ». Планъ своего описанія авторъ располагаетъ въ такомъ видѣ: въ первый выпускъ (составляющій настоящую книгу) вошло описаніе рукописей м. Макарія, Мѣлецкаго и Кіево-братскаго монастырей и Кіевской духовной семинаріи; во

---

[1]) Отдѣльные оттиски изъ Чтеній въ Общ. Ист. и Древн. Россійск. при Моск. универс.

второй выпускъ войдетъ описаніе рукописей Кіевскихъ монастырей Пустынно-Николаевскаго, Златоверхо-Михайловскаго и Кіево-Печерской лавры. «Что же касается», говоритъ авторъ, «рукописей и документовъ Выдубицкаго монастыря, то объ ученой разработкѣ ихъ, по слухамъ, заботится самъ настоятель этого монастыря архимандритъ Евлогій. Рукописи же Кіево-Софійскаго собора, представляющія самую большую по количеству коллекцію, довольно подробно описаны въ катологѣ, составленномъ покойнымъ кафедральнымъ протоіереемъ собора И. М. Скворцовымъ, потому болѣе другихъ доступны для изученія и могутъ войти въ послѣдній, заключительный выпускъ изданія».—Остается пожелать, чтобы планъ этотъ былъ выполненъ по возможности скорѣе, такъ какъ до настоящаго времени изъ кіевскихъ рукописныхъ собраній спеціалистамъ хорошо извѣстно только собраніе церковно-археологическаго музея, благодаря обстоятельному описанію его, составленному Н. И. Петровымъ. Прочія собранія извѣстны большею частью лишь по слухамъ...

Изъ четырехъ собраній, описаніе которыхъ составило настоящій выпускъ [1]), южно-русскіе памятники вовсе отсутствуютъ въ собраніи м. Макарія, имѣются въ незначительномъ количествѣ въ собраніи Мѣлецкаго и Кіево-братскаго монастырей и въ значительномъ количествѣ—среди рукописей К. духовной семинаріи. Памятники эти составляютъ почти исключительно учебники прошлыхъ временъ К. академіи, начиная съ перв. полов. XVII в. Такъ въ рукописяхъ Мѣлецкаго монастыря сохранились курсы: діалектики и логики, читанные въ 1639—40 гг., профессоромъ Іосифомъ Горбацкимъ, и философіи, читанный въ 1646—47 гг. извѣстнымъ Иннокентіемъ Гизелемъ, тогдашнимъ ректоромъ академіи. Въ рукописяхъ К.-Братскаго монастыря сохранились академическія лекціи богословія, читанныя во втор. пол. XVIII в. Георгіемъ Конисскимъ, Самуиломъ Миславскимъ и Кипріяномъ Лехницкимъ. Обильное количество учебниковъ, исключительно на латинскомъ языкѣ, сохранилось въ рукописахъ К. духовной семинаріи, причемъ межъ ними не мало есть учебниковъ и римско-католическихъ школъ. «Учебники К. академіи, говоритъ авторъ описанія, вообще важны въ томъ отношеніи, что, сохранившись въ разныхъ библіотекахъ въ громадномъ количествѣ, доставляютъ матеріалъ какъ для характеристики преподававшихся въ академіи въ раз-

[1]) Въ числѣ ихъ, изъ К. братскаго монастыря въ академію поступило всего пять рукописей.

ное время наукъ, такъ и для установленія преемственности профессоровъ и даже студентовъ академіи, такъ какъ заключаютъ въ себѣ не только указанія на время преподаванія и на преподавателей тѣхъ или другихъ учебниковъ, но и списки студентовъ, и въ этомъ отношеніи могутъ служить канвою для исторіи К. академіи, особенно съ XVIII в. Не безъинтересны встрѣчающіяся иногда въ этихъ рукописяхъ указанія на школьные порядки, существовавшіе въ старой К. академіи, напр. на публичную защиту тезисовъ, на ежемѣсячныя диспутаціи, на школьные катехизисы и проч.» Историческіе южнорусскіе памятники встрѣчаются въ рукописяхъ лишь въ видѣ крупинокъ... Напр.—«плачъ малой Россіи о ляхолюбцахъ» (л. 246—249 въ рук. № 252, стр. 283), «О войнѣ и побѣдѣ Хмельницкаго (л. 182—183, въ рук. № 258, стр. 285)... Имѣются еще рѣчи, говоренныя на латинскомъ языкѣ студентами изъ дѣтей козацкой старшины, въ присутствіи Мазепы, напр. Oratio impressa dedicatoria conclusionis oblatae illustrissimo domino Ioanni Mazepae duci magno Rossiae a domino Wladimiro Lomikowskj (стр. 280) и друг.—Интересны нѣкоторыя отрывочныя выписки и замѣтки, разбросанныя по рукописямъ; такъ въ одной рукописи, принадлежавшей Варлааму Ясинскому записаны слѣд. стихи на взятіе Каменца-Подольскаго турками въ 1670 г.

Смутныи трены свѣтѣ ся справуютъ,
Же остатънѣи лѣта наступуютъ.
Земля спусъ тѣла.
Турецкого племъя купала (?)
Всего свѣта панства Подоля ревъ не здихаетъ,
Украино тяжко здихаетъ
О тимъ камьянче городе славънимъ
Тоже бувавъ же на весь свѣтъ славънимъ.
Тепера въ тобѣ зостаютъ турки и съ татары.
Где твоя слава Камянче славний? (стр. 275).

А. Л.

Списокъ книгъ, касающихся юга Россіи и вышедшихъ въ концѣ 1892 года.

Александровъ В. С. Складка. Альманахъ. Року Божого. 1892. № 2. Хар. in-8. 2 нен. + 116 стр.

Bienemann F. Werden und Wachsen einer deutschen Kolonie in Süd-Russland. Geschichte der evangelisch-lutherischen Gemeinde zu Odessa. Od. 1893. in-8. X + 460 стр.

Біографія Григорія Федоровича Квитки-Основьяненка. (100 лѣтній юбилей былъ 18 ноября 1878 г.) Александрія. 1892. in-8. 12 стр. Ц. 5 к.

Бюллетень одесской земской управы. № 1. Сентябрь и Октябрь 1892. Сост. статист. бюро одес. земск. управы. Од. 1892. in-8. 14 стр.

Вольтеръ Э. А. А. А. Потебня 1835 $\frac{10 \text{ сент.}}{29 \text{ нояб.}}$ 1891. Библіографическіе матеріалы для біографіи А. А. Потебни. Спб. 1892. in-8. 34 стр.

Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Черниговскаго полка. (1729—30 г). Черн. 1892. in-8. 196 стр.

266 засѣданіе Имп. одесскаго общества исторіи и древностей 25 сент. 1892 г. Од. in-8. 22 стр.

Збирныкъ народнихъ украинськихъ писень. Зибравъ и для хору уложывъ М. Лисенко. 5-й десятокъ. К. in-8. 19 стр. Ц. 50 к.

Збирныкъ украинськихъ писень. Зибравъ и уноты завивъ М. Лисенко. 5-й вып. К. in-4. 84 стр.

Каманинъ И. Александръ Алексѣевичъ Ѳедотовъ-Чеховскій (1806—1892) Некрологъ. К. 1892. in-8. 10 стр.

К—въ И. Историческое описаніе Кіево-Печерской Лавры въ г. Кіевѣ. Изд. 2-е. Губанова. М. in-8. 48 стр.

Котляревскій И. П. Наталка—Полтавка. Малор. опера въ 2 дѣйств. Изд. Ф. Іогансона. К. in-64. 173 стр.

Коципинскій Антонъ. Писни, думки и шумки руського народа на Подоли, Украини и въ Малороссіи. Полный сборникъ Малор. Народ. пѣсенъ для пѣнія съ акомп. фортепьяно. Изд. 2-е, просм. и исправ. Г. К. Ходоровскимъ. М. in-8. 2 нен. + 81+97 стр. Ц. 4 р.

Кудрицкій М. Таблицы метеорологическихъ и почвенныхъ наблюденій, производившихся при коростышевской учительской семинаріи. (Отт. изъ „Зап. Кіев. общ. естеств.“) К. 1892. in-8. 24 стр.

Левицкій О. И. Тревожные годы. Очерки изъ общественной и политической жизни г. Кіева и Юго-зап. края въ 1811—1812 г. г. К. 1892. in-8, 95 стр.

Лонгиновъ А. В. Историческое изслѣдованіе сказанія о походѣ сѣверскаго князя Игоря Святославича на половцевъ въ 1185 г. Од. 1892. in-8. 261 + II стр. Ц. 2 р.

Ляскоронскій Вас. Археологическія раскопки близъ г. Лубенъ, полт. губ. въ урочищѣ Лысая гора. Изд. ж. „Кіев. Ст.“ К. 1892. in-8. 16 стр. + 2 табл. + 1 планъ.

Мѣстечко Борисполе въ XVII вѣкѣ. Акты мѣйскаго уряда 1612—1699 г. г. съ пред. А. В. Стороженка. Изд. ж. „Кіев. Старина.“ К. 1892. in-8. 112 + XVII стр.

Нельговская Е. М. Не все такъ робыться, якъ хочеться. Малор. водевиль въ 1 дѣйствіи съ пѣніемъ. К. 1892. in-8, 32 стр.

Одесскій календарь для южной Россіи на 1893 г. (Г. 7-й.) Изд. О. Федорова. Од. in-16, 64 стр. Ц. 10 к.

Осадчій Т. И. Казацкій батько Палій. Очеркъ изъ исторіи старой казацкой Украины (Кіевщины и Подоліи.) Херс. 1892. in 8. 48 стр. Ц. 15 к.

Отчетъ конотопскаго техническаго желѣзно-дорожнаго училища за 1891—92 уч. г. К. 1892. in-8. 20 стр.

Отчетъ о состояніи Кіевской 2-й гимназіи за 1891—92 уч. годъ К. 1892. in-8. 67 стр.

Отчетъ по одесскому техническому желѣзно-дорожному училищу при юго-зап. ж. д. за 1891—92 уч. г. Од. 1892. in-8. 24 стр.

Памятная книжка Кіевскаго учебнаго округа. Изд. управленія учебнаго округа. К. 1892. in-8. Ч. I. Кіевская губернія. 119 + XIX + 3 нен. стр. Ч. II. Подольская губ. 91 + XIX + 2 нен. стр. Ч. III. Волынская губ. 119 + XXIII + 2 нен. стр. Ч. IV. Черниговская губ. 155 + XV стр. Ч. V. Полтавская губ. 189 + XVI + 3 нен. стр.

Петровъ Н. И. Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ. Вып. I. Собраніе рукописей моск. митр. Макарія (Булгакова), Мѣлецкаго м—ря (на Волыни), Кіево-Братскаго м—ря и Кіевской дух. семинаріи. (Изъ чтеній въ Имп. общ. ист. и др.) М. 1892. in-8. VIII + 321 стр.

Раевскій Петръ. Сцены и разсказы изъ малорусскаго народнаго быта. Изд. 6-е иллюстр. Б. Корейво. К. 1893. in-8. 221 стр. Ц. 1 р.

Storonik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajòw słowianskich. Wydany pod red. B. Chlebowskiego. Tom. XII Zesz. 139. Варш. in-4. стр. 481—560. Zesz. 140. Варш. in-4 стр. 561—640.

Стороженко А. В. Земская дѣятельность въ переяславскомъ уѣздѣ полтавской губ. въ 1886—1892 г. г. К. 1892. in-8. 40 стр.

Стрѣльбицкій I., свящ. Краткій очеркъ штундизма и сводъ текстовъ, направленныхъ къ его обличенію. Од. in-8. 212 стр.

Фабриціусъ В. Кіевскій календарь на 1893 г. Съ адресъ-каледаремъ г. Кіева. К. 1892. in-8. 229 стр. Ц. 25 к.

Шевченко Т. Г. Маленкій кобзарь. Переводы И. А. Бѣлоусова. Изд. Ф. Іогансона. К. in-64. 54 стр.

Эйнгорнъ Виталій. Иванъ Андреевичъ Шматковскій, протопопъ глуховской и его сношенія съ московскимъ правительствомъ (1653—1673 г.). (Старичка изъ исторіи малор. духовенства). К. 1892. in-8. 19 стр.

Южнороссійскій народный календарь на 1893 г. Од. 1892. in-4. 54 стр.

Якъ линывыхъ учыты, та розумъ куповаты. Изд. Ф. Іогансона. К. 1892. in-16. 31 стр.

Поправка опечатокъ въ № 2-мъ.

Просимъ читателей сдѣлать слѣдующія проправки въ рецензіи В. Перетца.

Стр.	387	слѣдуетъ	*S*ušil, а не *L*ušil.
—	384	»	Ra*c*ul, а не Ra*d*ul.
—	385	»	Stanka *V*rasa, а не *O*rasa.
—	—	»	*M*ittler'а а не *L*uttler,а.

городъ и были въ дому шафкалскомъ на горѣ, где збурено все, толко стѣни стоятъ, да живая вода зъ подъ горъ зъ розныхъ мѣстцъ течетъ. Ибраимъ переводчикъ росказовалъ мнѣ: 1—mo, что шафкалъ зовется шамханъ отъ города Шамхъ, которій иначе зовется Димсъ, а то для того, что прародителіе шамханови были оного города владѣлцами подъ турецкимъ царствомъ, откуду изгнани зоставши, прійшли сюда и поселились на горахъ сихъ, на которихъ прежде жилцовъ жаднихъ не было, толко внутръ горъ тавлинци живали. 2—do, лѣтъ тому 300, якъ въ Персѣи былъ монархъ персидскій шахъ Аббасъ, отъ которого монархи послѣдніе всѣ стали називатись шахами, а прежде толко звались падшами, то есть помазанцами. 3—tio, Дербенъ, Бака и другіе мѣста, навѣтъ и сіе гори, были въ владѣніи турецкомъ, отъ якого помянутій шахъ Аббасъ персидскій знову въ свое владѣніе отобралъ и владѣлцовъ горскихъ въ власть шамханову определилъ, и по тому шамханъ былъ цѣлимъ комендиромъ, а усмей, чина имя, вицекомендиромъ. Отъ буднацкого владѣлца 2 чловѣка пріездило къ генералитету питаючись, что чинить повелятъ, которихъ сего жъ дня и отпущено зъ тимъ, чтобъ помянутій владѣлецъ присилалъ аманатовъ и самъ для присяги пріездилъ. Донскіе козаки татарина едного поймали, которого генерали отпустили и, чтобъ и другимъ своимъ обявилъ не боятись ничего, приказали. Перавлскій княжикъ, вчорайшого дня присягу на вѣрность виконавшій, отпущенъ сегодня зосталъ, и поехалъ въ ущелле. П. Михайло имѣлъ жестокій пароксизмъ, а лѣкарство отъ мене пилъ, вино полинное зъ порохомъ.

Пятокъ. 27. Сегодня на семъ же ночлѣгу простоялисмо, а передъ вечеромъ ездилемъ до мора зъ Іваномъ Борозною и Худолѣемъ. Отъ п. Михайла листъ до генер. Матюшкина составилемъ. Получилемъ писма зъ Дербенту, апр. послѣдного числа отправленніе: 1) отъ Гаврила, въ якомъ виражаетъ, что Гудимъ зъ Архипомъ скоро сюда будутъ, а онъ 30 апр. отехалъ въ Астрахань зъ 4-ма мозурами, а 4 увойшли, которихъ взялъ на поруку капитанъ Данило Андрѣевъ синъ Буловѣнъ. Покупокъ не справилъ, понеже оніе въ Гилянѣ, а не тамъ покупаются, толко шафранъ и то у

осени продается по полъ 2 руб. и по 60 а., да прислалъ же чихиру сюда, барилецъ 3, черезъ сотника наказ. лохвицкого, Николу Кочерженка, едно вѣдеръ 8 безъ четверти, другое красного чихиру полтора вѣдра государевого; чихиру, цѣна вѣдру по 4 зол., а третее барило полковнику Еропкину, татарского чихиру 5 кутокъ, а кутка по копѣ зъ 5-ма копѣйками; еще жъ прислалъ орѣховъ волоскихъ, и цибулѣ, и яблукъ. 2) Отъ Сави Мокіенка о томъ, что Гаврило отехалъ въ Астрахань, и что допросовъ тихъ, что мозуровъ допрошувано, невидалъ и не мѣлъ видать комендантъ Юнкгеръ. Колмикъ Раковичевъ Казановичъ пріехалъ въ лагеръ и привезлъ писмо отъ Дорошенка до п. Михайла, въ якомъ и до мене приписувано. Владѣлецъ буднацкій, Мадій, синъ Муртузалея, брата шафкалового, которій въ С. П. Бурху умеръ, а племѣнникъ шафкалскій, пріехалъ въ лагеръ зъ своими узденями и присягу виконавши на вѣрность ея величеству, отехалъ восвояси, и имѣетъ прислать и братовъ своихъ сюда жъ для присяги. Жена шамханова писала до генераловъ, прося на мужа своего, себе и синовъ шамхановихъ милости; такъ сказовалъ генер. Кропот.

Субота. 28. Сегодня рушилисмося зъ становиска и пойшли далѣй дорогею идучою до Дербенту, когда намъ море въ лѣвой, а гори въ правой руцѣ были, и пройшовши верстъ зъ 15, перейшли мосточокъ черезъ малий ровчакъ, которимъ течетъ вода идучая зъ ущелля того, которимъ первого походу входили въ гори, и тое жъ ущелле минувши, стали надъ-подалеку мора при рѣчцѣ малой и озерѣ солодкой води зъ горъ текучой, отъ становиска вчорайшого будетъ верстъ зъ 20. П. Михайла въ дорозѣ еще пароксизмъ взялъ и менше прежнего мучилъ его. Отъ усмея пріехалъ посланецъ, что онъ аманатовъ отдалъ уже въ Дербенъ и болшъ инших давать не имѣетъ, а присягу на вѣрность виконать готовъ, когда къ нему хто присланъ будетъ, толко онъ сюда не хочетъ ехать. Зъ вечера правили всенощное и утреню.

Ст. Тройца. Неделя. 29. Сегодня рано службу Божую на вчорайшомъ становиску отправивши, обѣдалисмо, а по обѣдѣ рушивши увойшли верстъ зъ 5 и прійшли надъ рѣчку отъ Карап-

таковъ по камѣнню велми бистро текучую и перейшовши оную, стали на семъ боку. Тутъ на полѣ стало показоватись зѣлле колючее барзо, на примѣръ лопуха, что и конямъ зъ трудностю ити. Писмо отъ п. Михайла до генерала Матюшкина зъ писмомъ генерала Кропотова послано въ генералскомъ ковперту. Листъ до свѣтлѣйшого князя составилемъ отъ общества. Кубденскій князь съ узденями своими пріехалъ сюда и генералу Шереметеву коня вороного приведено. У вечеру проносное пріймалемъ лѣкарство, которое мене ляксовало разовъ зъ 5. Буйнаки село отъ сего ночлѣга нашего верстъ у 5 впередъ, подъ горою, которое отсюду добре видать у руцѣ правой, а въ лѣвой море, къ Дербенту идучи.

Понеделокъ. 30. Сегодня, на семъ же вчорайшомъ ночлѣгу, весь день простоялисмо. Обѣдали у Миклашевскихъ, еденъ Кочубей былъ. По обѣдѣ игралъ въ карти и програлъ 1 р. П. Михайло пароксизмъ имѣлъ, але напротивъ прежнего легшій. Зъ Буднакъ пріездили татаре зъ лепіошками и чоcникомъ на продажъ.

Вовторникъ. 31. Сегодня рано рушилисмося зъ позавчорайшого становиска, увойшли верстъ зъ 5 и прийшли надъ глубокій ровъ, въ якомъ и мостъ каменний, и перейшовши черезъ оний ровъ, ишли неподалеку отъ Буднакъ, которихъ зблизку того ради не видать было, что ишли подъ горою, на которой оное* село сидитъ подъ болшою горою, а минувши Буднаки горою и низомъ ишли, але веселими мѣстцами, поневажъ у право гори лѣсомъ укритіе, а въ лѣво море Каспѣйское далеко видать было. Въ переходѣ нашемъ черезъ низкіе мѣста многое и безчисленное число видѣли на примѣръ саранчи пѣшой, которой межи пашнею и плодною землею не было. Увойшовши верстъ зъ 15, стали лагеромъ на низу, межи горами и моремъ, въ долинѣ, где и лѣсъ кущами есть и тутъ блаженной памяти его величество лагеромъ стоялъ. П. Андрѣй и я посилали своихъ машталѣровъ зъ толмачемъ въ Буднаки для покупки курей и другихъ истнихъ рѣчий, которіи тамъ никого зъ жилцевъ не застали, бо розбѣглись, а потомъ увидѣвши ихъ малое число, поприходили. Владѣлецъ Буднацкій синъ Муртузолея и братъ его пріездили на дорозѣ до генераловъ и тамъ присягали на вѣр-

ность, по своему обичаю, цѣлуючи алкоранъ и руку на оний покладаючи и имя Божее по турецку припоминаючи. Карантацкій владѣлецъ приславъ своего аманата, малого оробіонка. Игралемъ въ карти до ночи зъ Миклашевскимъ, Hageліомъ и Григор. Гамалѣею при моемъ авантажу. Будваки село не барзо великое, але подобное Ирпелямъ, въ якомъ жилля будетъ на 100, а хочъ болшъ мало, подъ горою болшою лѣсами окритою, сидитъ на ровнинѣ, ниже которой тако жъ равнина низшая, а нижей еще ровнина до мора, близъ которого и пашнѣ ихъ посѣянни, доситъ буйніе, а такъ зъ Буднакъ везде веселій барзо проспектъ.

Іюнь мѣсяць. Середа. 1. Сегодня на семъ же становиску переднowалисмо, ожидаючи, що за отвѣтъ будетъ отъ усмея, котoрий аманатовъ отъ себе прислать обѣцалъ. Получено писмо у генералитету отъ усмея, которій и аманатовъ дать, и подданнимъ быть ея величества не желаетъ, а хвалится описать генералитетъ до двору въ С. П. Бурхъ, если бы на оного прійшли, чего ради обявлено зде оного за непріятеля, и приказано всякую имѣти осторожность и лошадей въ день не пускать зъ лагера. Былемъ у полковника Еропкина, где полковникъ Лѣцкинъ росказовалъ про нѣкоторого Фабрицѣя, который отъ двору голштинского, за дѣда нинѣшнего герцога, посиланъ былъ посломъ въ Персѣю и привезлъ 6 пушокъ мѣдниxъ, мѣрою въ 3 калибера, которий въ Гиспаганъ пріехавши на верблюдахъ, тамъ немалую акцѣю имѣлъ зъ індійцами, поколь по учиненномъ трактату шахъ оного въ дворъ свой принялъ, и отпустилъ назадъ, а онъ въ возвращеніи своемъ землею черезъ гори ишолъ до Гребеней, а оттуду въ Москву и въ Голштинѣю, где и голову ему отсѣчено. Листъ до свѣт. князя написанний переписалъ Трощинскій.

Четвергъ. 2. Сегодня рано рушилисмося зъ вчорайшого ночлѣга и перейшовши черезъ гору, спустилисмося къ мору, а у право были намъ крутіе гори и пройшовши верстъ около 15, сталисмо межи горами лагеромъ, на томъ мѣстцу где его величество блаженной памяти стоялъ въ 1722-мъ году, когда походъ свой имѣлъ до Дербѣнѣ; да тутъ же нападеніе было на его величество отъ

усмея и тавлинцовъ. Въ половинѣ дороги поймани 4 человѣка салдатъ бѣглихъ, зъ Дербенѣ, вологоцкого полку. Зъ донцемѣ толмачомъ, ездившимъ до усмея отъ генераловъ въ питанніюся бывшомъ, извѣстился, что усмей хочай первей и склонился былъ дать аманатовъ, однакъ тавлинци призванніе на помочъ, одраили ему тое, а будетъ ихъ сбору на килка тисячей, толко сколко именъно не знаетъ, и 8 пушокъ. Ночлѣгъ нашъ былъ противъ гори, на которой деревня и замочокъ былъ утемашовского князя, якій разоренъ еще 722-го году. Тутъ же впередъ лагера, по близу, течетъ рѣчка малая отъ тавлинских горъ.

Пятокъ. 3. Сегодня рано рушилисмося зъ ночлѣга вчорайшого, перейдя рѣчку и пройшовши верстъ около 10, прійшли надъ рѣчку другую болотную и перейшовши черезъ оную, знову прійшли надъ рѣчку величиною подобную кумтаркалскимъ, толко прудшую зъ горъ текучую, але неглибокую, и перебравшися черезъ оную, увойшли верстъ около 5 и стали лагеромъ при водѣ и лѣсахъ у право будучихъ, а въ передѣ колодязь гарачій. На дорозѣ колмики поймали одного татарина, а 4 уйшли, которій сказивалъ, что будто сеей ночи мѣютъ татаре на обозъ нашъ вдарить. Зъ Дербенту пріехалъ татаринъ, вчора оттуда увечеру виехавшій зъ писмомъ отъ наипа до генерала Шереметева и протчіими, и зъ тимъ предложеннемъ, чтобъ кромѣ сина усмеіового, жадпихъ инших аманатовъ наши не принимали, поневажъ братанича своего и другихъ и Дербенъ въ аманатахъ давалъ усмей, однакъ они не приняли, вѣдаючи его непостоянство. Зъ лагера того, на которомъ сталисмо, знову рушили и увойшовши зъ версту, стали на ночлѣгъ того ради, что тутъ способнѣйшое показалось мѣсто, а ишли черезъ пшеницѣ и ячменѣ, барзо буйніе и зерномъ великіе, и такъ чистіе, что кукуля непотребного невидать было въ нихъ, толко на нивахъ тихъ каналики маліе частіе покопани для води; день былъ надъ мѣру жаркій, же мусѣлемъ ослабѣти. Передъ заходомъ слонца сдѣлалась у насъ тривога и бито въ барабани и въ шиху всѣ войска стояли, зъ тихъ мѣръ что збоялися наши нѣкоторіе отъ ревгулярнихъ Язикова за атютанта при Якобину будучого, посланного въ Дербенъ

зъ писмами, розумѣючи его здалека бити отъ сторони неприятелской, который после и завернепъ зосталъ. Зновy зъ Дербенту пріехалъ татаринъ, самъ другъ, зъ писмами, что войска въ Дербенѣ обрѣтаючіеся готови до походу въ совокупленіе съ нами обрѣтаются. Козакъ донскій убитъ зосталъ отъ татаръ и припровожепъ въ лагеръ.

Субота. 4. Сегодня рано рушилисмо зъ ночлѣга я увойшовши верстъ зъ 10, пройшли къ солонимъ озерамъ, зъ которихъ нѣкоторіи повисихали и по той землѣ якобы по ліоду ехали, а минувши оніе пріехали къ теплимъ водамъ, которіе здалеку сѣркою пахнуть; а тамъ здѣланна каменная саля, а въ серединѣ оной помянутая вода зъ правой сторони виходитъ отъ землѣ, при якомъ устѣ еи долго палця удержать нелзя, але инде можно свободно и купатись, где многіе зъ офѣцеровъ купалися, а я и протчіе зъ насъ толко парили ноги по колѣна; вода оная якъ висше упомянуто сѣркою барзо пахнетъ и въ оной якоби есть и antimonium Масъ твердилъ, а хочай оная и горачая кажется, однакъ не ворушаючись можно свободно сидѣти, а въ порушенню гарачѣйшая кажется, и потому трудно висидѣти; дѣйствіе оной води якое бы было невидно, толко тое запевне твердятъ, что после великого поту, который, вийшовши зъ води, показоватись обыклъ, апетитъ исти великій приходитъ; въ бутилку оной води взялемъ зъ собою, которая хочай потомъ и прохолонула, однакъ паху сѣрчистого не утратила и смаку подобного яйцямъ спеченимъ. Поехавши оттуду, увойшли якобы верстъ зъ 5 и прійшли надъ рѣчку прозиваемую Ажбудамъ, величиною подобную Сулаку, але быстрѣйшую немного, и стали тутъ лагеромъ. Въ маршѣ вчорайшого дня пойманний татаринъ сказивалъ, что усмей въ собраніи своемъ имѣетъ на 8000 татаръ, тавлинцовъ 6000, а его усмеіовихъ 2000. Игралисмо въ карти своею компанѣею при нашемъ виграшѣ. У правой руцѣ видни были гори далніе снѣговіе,—черезъ двое горъ близшихъ, где ажъ порудѣли снѣги отъ давнего лежання.

Недѣля. 5. Сегодня на вчорайшомъ же ночлѣгу служби Божой вислухавши, обѣдалъ я зъ полковникомъ Еропкинимъ, где

увѣдомился, что усмей обрѣтается въ немаломъ собраніи, а пакушинскій кади на суккурсъ ему готовъ есть, также и Сурхай. По обѣдѣ рушилисмося и перейшовши корпусъ весь черезъ греблѣ 2 здѣланніе на той рѣчцѣ, увойшли отъ оной зъ версту и стали лагеромъ. Татаре пріехали зъ Дербенѣ зъ тимъ, что Юнкгеръ, комендантъ дербенскій, прислалъ сюда водою лодки для перепроважування черезъ рѣчку, а тутъ 2 лодки старіе знать еще 722-го году, отъ походу государевого осталніе обискались.

Понеделокъ. 6. Сегодня рано рушивши зъ ночлѣга вчорайшого, прийшли надъ рѣчку прозиваемую „ “, собою невеликую, але прудкую и перейшовши черезъ оную, (при которой караулня отъ татаръ каменная недавно здѣланна), прийшли надъ другую малую жъ рѣчку прозиваемую Дарбахъ, отъ вчорайшого ночлѣга за 7 верстъ, и тутъ стали лагеромъ. Пріехали въ лагеръ узденѣ чловѣка зъ 20, отъ наипа зъ Дербенту до генераловъ зъ обсилкою, а у многихъ конѣ персидскіе хорошіе, все аркгамаки, и зъ лисмомъ отъ наипа жъ писаннимъ. Сихъ дней владѣлецъ горскій Максимъ Табастранскій на той сторонѣ Дербенту къ Суркаю обрѣтаючійся, поддался подъ протекцѣю и въ подданство ея величества и сина своего въ аманати далъ въ Дербенъ.

Вовторникъ. 7. Сегодня рано полковникъ Еропкинъ, да подполковникъ Сомовъ, и нѣсколко насъ бунчуковихъ, поехали до Дербенѣ и ехали верстъ зъ 15, а когда мы сближилися къ городу, то стрѣтилисмо архимандриту зъ 4-ма попами грузинскими и грузинъ зъ ними зо сто, ехавшихъ до лагера нашего, а близъ города спокалъ насъ комендантъ Юнкгеръ и полковникъ фонъ-Лукей, и съ ними уехавши въ городъ середнѣй, были у наипа дому, где наипъ трактовалъ водкою. Изби у его висланніе коврами и рогожами гилянскими, а столъ и стулля подобіемъ иноземскимъ европейскимъ, посередъ двора деревъ мало есть, але барзо грубихъ, зовемихъ чинаръ, которіе будучи високіе барзо, окриваютъ весь дворъ. Оттуду пойшовши ми пріехали до гостинныхъ дворовъ, на примѣръ астраханского здѣланнихъ, въ которихъ индийци и армене торгуютъ и продаютъ; а оттоль пріехали до квартири пана Холо-

довича, сотника воронѣжского, а оттуду у коменданта и фонъ Юнкера були, где всѣ шумни билисмо, а я мусѣлъ тамъ у фонъ Лукея и ночовать. Покупки справилъ Худолѣй на потребу мою; такъже и вина купилъ чихиру дербенского зъ кабака государевого вѣдерко по 8 гривенъ, бѣлого, а красний продается по рублю. Диспозиція города Дербенѣ таковая есть: на низу и подъ горою жилля подобіемъ Тарковъ отъ гори, на горѣ жъ городъ верхній зъ каменними стѣнами, въ которомъ живутъ рекгулярніе, да въ томъ же городѣ есть студня каменная шиею здѣланная, толко пространная въ ширину сажень въ 6, а въ долготу въ 9, и глубока сажень въ 9 же, вода въ оной холодная и чистая и солодкая, въ оную студню вода зъ горъ рурами течетъ, а зъ студнѣ на весь Дербенъ въ низъ стекаетъ; середній городъ полній жилля людского, въ которомъ и самъ ваинъ живетъ и гостинніе двори и другіе крами; третій городъ, въ якомъ толко живутъ люде, а дворовъ гостинныхъ нѣтъ, есть и четвертій низшій къ мору, пустий; и всѣ сіе городи одинъ по другомъ порадкомъ отъ гори до мора поселенни и отъ мора жъ ажъ за верхній городъ округъ пойшла стѣна каменная, толстая и висока сажень въ 3; внизу при морѣ между стѣнами здѣланна вновъ земляная крѣпость, внутрѣ плетней землею насипанни вали, а на той сторонѣ стѣни здѣланъ тріангуломъ бастіонъ каменний, на обоихъ сторонахъ Дербенту великіе розлоги и сади по близу, а подалѣй пашнѣ, гори укритіе лѣсами; а сказиваютъ, что по горахъ отъ Дербенту ажъ до Чорного мора, стѣна каменная пошла и видать по тихъ же горахъ башнѣ, а такъ ли есть, крѣпко недостовѣрно. Дербенци отъ давнихъ повѣстей своихъ сказиваютъ, что Александръ Великій Македонскій, подъ часъ своего въ Персѣи бытія, ради болнихъ своихъ солдатъ, сей городъ заложилъ. Порту тутъ нѣтъ, поневажъ береги откритіе суть и жадного острова; конѣ въ жителей сихъ персидскіе отчасти, а всяку нужду свою отправляютъ ишаками; вина родятся тутъ подобніе волоскимъ, и привозятся лутшіе зъ Шамахи, отвуду горами въ мало дней поспѣваютъ.

Середа. 8. Сегодня рано былисмо всѣ у полковника Юнкгера, а фонъ-Лукей зъ наипомъ отехалъ въ лагеръ нашъ и бувши тамъ до вечора, отехалъ назадъ въ городъ; при наипу была немалая ассистенція его подвластнихъ при яничаркахъ, а когда зсѣдалъ на коня, то въ двѣ труби, тоншую и товстую, играли нѣсякъ-вѣтакъ. А о полднѣ поехали зъ Дербенѣ и пріехали въ лагеръ. Заездилемъ до козаковъ нашихъ въ Дербенѣ обрѣтаючихся, и бѣдность ихъ видѣлемъ. Въ Дербенѣ покупки споражении, тютюну персидского полботмана, тоесть 6 фунтовъ, за 10 зол., ведро вина по 4 гривни, мигдаловъ зъ лушпинами фунтъ по гривнѣ, родзѣнокъ по 8 копѣекъ, цукру по 20 а. фунтъ и проч., на що у Холодовича взялемъ 27 зол., а ему въ закладъ далемъ 3 червонихъ.

Четверъ. 9. Сегодня п. Михайло не имѣлъ пароксизму. Генералъ Шереметевъ и Еропкинъ, ездивші в въ Дербентъ, повернулись назадъ у вечеру. Игралисмо у карти при проиграшѣ моемъ. Шихъ, то есть пелгримъ наиповъ, ходилъ зъ писмами до усмея и повернулся зъ отвѣтними листами къ генераламъ и наипу отправленними въ тоей силѣ, чтобъ ему разоренія нечинено, и аманатовъ небрато, понеже зъ того нѣчого не будетъ, ежели бы онъ схотѣлъ бить невѣрнимъ, а онъ желаетъ бить въ вѣрности, и на то смотря и протчіе народи дагистанскіе будутъ въ подданствѣ ея величества. Ехати зась опасается къ намъ, приводя удержку шафкалову, а усмей имѣетъ якоби на 25000; крѣпкій городокъ у его Башли прозивается, где бѣгліе солдати здѣлали крѣпость, а особливая великая деревня називается Кубиче; отъ Башли день ходу, въ которой многіе ремесники и тамъ изрядніе яничарки дѣлаются и другіе рѣчи. Генералъ Кропотовъ пріймолъ къ намъ зъ картою, чтобъ Михайлу, хвастовскому полковнику [1]), дать що милостини и я далъ полтину, тако жъ и протчіи зъ бунчуковихъ и отъ штапъ офѣцеровъ.

---

[1]) Повидимому, рѣчь идетъ о Михайлѣ Омельченкѣ, который былъ поставленъ Бѣлоцерковскимъ полковникомъ въ 1704 г., вмѣсто Палія. См. Русск. Стар., 1876 г., № 11, стр. 623.

Пятокъ. 10. Сегодня рано пріехали зъ Дербенту наипъ, комендантъ Юнкгеръ, фонъ-Лукей, Кгарбаръ, для совѣту зъ генералитетомъ о походѣ и забавили они зде до вечора, а отехали шумни. Такожъ и Холодовичъ пріехалъ сюда, и тако жъ у вечеру отехалъ. Онъ же Холодовичъ, въ притомности п. Михайла, сказивалъ, что 1) Гаврило напрасно медлѣлъ тутъ въ Дербентѣ, хочай ему комендантъ и онъ многократно говорили, жебы ехалъ въ Баку; 2) что позно пріехалъ въ Дербенъ; 3) за рибу за 100 лоховъ, хочай давано ему по 25 р., однакъ онъ непродавши, мусѣлъ потомъ по 12 р. продать и то на масло; 4). продали они, за первого своего битія, барило и куфу гор., 5) тютюнъ продавали папушу по 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 и 10 копѣекъ; 5) лодки, виехавши на берегъ, не зволокли на сухо, чего ради розбилась ноччю; 6) до Баки зъ Якимомъ можна было лодкою ехать зъ гор. и за то требовалъ онъ толко 6 р., да не похотѣли; 7) за допросомъ неходилъ до коменданта часто. Степанъ Назаренко, наказний лубенскій, зъ Дербенту пріехавши, просилъ себѣ помощи на Григораша, что онъ его горѣлки куфу продалъ, котирий за оную тутъ ему далъ 100 зол., а 130 зол. въ Сулаку же отдастъ, на томъ карту далъ. Игралисмо въ карти зъ проиграшомъ моимъ, зъ вчорайшимъ трорубелнимъ. По учинившомся консилѣумъ, посланъ знову шихъ до усмея зъ требованіемъ о присилку аманата, якого наипъ требовать радилъ.

Субота. 11. Сегодня рано былъ я у генерала Кропотова и визичилъ у него 20 р. денегъ, а закладъ черезъ Фридрика посладемъ до Неклюдова писара его, 10 червонихъ. У Еропкина зъ нимъ, Сомовимъ и Мерзлюкинимъ, игралемъ въ карти и 1 р. програлъ. Грузанецъ отъ усмея війшолъ, а зъ Казанишъ шамхалова жена писма прислала черезъ татаръ къ генераламъ и полковникамъ, Лѣцкину и Еропкину. Худолѣй ездилъ въ Дербенъ покупать мнѣ нѣкоторіе рѣчи и покупивши калянъ за 4 р., чаю полъ фунт. и червоніе у Холодовича обминявши, повернулся назадъ.

Неделя. 12. Сегодня зъ Сулаку писма поприходили, между которими и до нашихъ товарищей были зъ якихъ вѣдомо учинилося: 1) что Леско, кухарь мой, оставленний въ Сулаку, померъ;

2) Василь Томара и Федоръ Ширай, бунчуковіе товарищи, пріехали въ Сулакъ зъ Астраханѣ; 3) генералъ маіоръ Дебриней пріехалъ въ Сулакъ же; 4) багажъ Карпѣковъ зъ домовъ ихъ пріишолъ въ Астрахань. Писма до свѣт. князя и Роппа составивши, отдали до пересилки въ Сулакъ къ Томарѣ. Обѣдалисмо сами у себе, а потомъ передъ вечеромъ и у вечеру, забавлялися гуртомъ около каляна моего. Калянъ накладиват арапъ Шереметева показалъ способъ таковій: тютюнъ висушивши на слонцѣ, руками ростерти дробно, а ростертій водою розмочивши, якъ тѣсто, тимъ обложить увесь ящикъ каменний, а напередъ въ денце уголь и стручки зъ тютюну поперекладать, чтобъ духъ ишолъ, потомъ середину винявши, наложить сухшимъ, толко мало прикропленнимъ, табакомъ и положивши наверхъ уголь, курить. Худолѣй зъ Самойловичомъ Стефаномъ гараздъ сварилися.

Понеделокъ. 13. Сеей ночи, противъ понеделка, дожчъ великій ишолъ, а рано показалися гори снѣгомъ окрити. П. Михайло поехалъ въ Дербенъ зъ Худолѣемъ, которому казалемъ нѣчто купить, где Григ. Гамалѣя продалъ простую водку ведро москов. по 2 р. съ полтиною. У Еропкина зъ нимъ, Сомовимъ и Мерзлюкинимъ игралемъ въ карти зъ виграшомъ 40 а. Отъ усмея, черезъ шиха повернувшогося, принесени писма, что онъ аманатовъ тихъ, якихъ требуютъ отсюду, готовъ дать, толко бы зъ Кубечъ инних дать аманатовъ, а не якихъ требовано. Шафкалской жени посланніе отправлени назадъ, зъ тимъ что генерали ради оную охраняти отъ нѣкоторихъ затѣваючихъ ей трудность. А шихъ отъ усмея повернувшійся говорилъ, что наказовалъ усмей, же синъ его присланъ будетъ на присягу къ намъ, а онъ тамъ присягти готовъ за присилкою туда офѣцера, жебы и офѣцеръ тамъ же передомъ присягъ, что усмею никакой впредь трудности не будетъ и города тутъ строити не будутъ наши, и до его никому дѣла не будетъ, зъ чего видна бридня.

Вовторникъ. 14. Сегодня передъ обѣдомъ пріехалъ п. Михайло и Худолѣй зъ Дербенѣ и цукру тамъ купили на нашу потребу 2 фунта, да вина красного шамаханского бутилокъ 10. У

Еропкина былъ я, зъ которимъ ходилъ до Сомова, Мерзлюкина и къ намъ прійшовши, играли тутъ у карти зъ проиграшомъ.

Середа. 15. Сегодня былъ я у службѣ Божой, где Федоръ Чуйкевичъ коммунѣковался, а обѣдалисмо у себе. Вчорайшого дня захоровавшимъ, сегодня рано пускалъ Масъ кровъ зъ медняни: Андрѣю Миклашевскому и Григорію Гамалѣи. П. Михайло поехалъ въ Дербенъ ждать тамъ повороту нашего отъ усмея да зъ нимъ же и Мартина слугу болного отправилемъ. Передъ вечоромъ пріехали въ лагеръ наипъ, Юнкгеръ, фонъ-Лукей зъ командою своею, которой будетъ на 1200 пѣхоти, маіоръ Гарбаръ и Холодовичъ, которіе всѣ, кромѣ послѣднего, были въ консилѣумъ и отправивши оное, отехали, а фонъ-Лукей остался. Видѣлемъ лошадь травы худой наившуюся, ногами задними и передними дрижачую, пѣнячую и падаючую. Море отъ дневнихъ штурмсвъ, зипъ (зыбь?) свой зъ превеликимъ шумомъ уже третій день имѣетъ ноччю.

Четвер. 16. Сегодня рано команда полковника фонъ-Лукея зъ Дербенѣ прійшла, полкъ пѣхотній, рекгулярнихъ 1200 чловѣка, и зъ нимъ же припроваженъ мортиръ болший вагою въ 65 пуд. и 100 бомбъ. Особливе жъ зъ Дербенѣ наипскихъ людей оружейнихъ 500, коннихъ грузинъ и дербенцовъ 500, донскихъ „ " и малороссійскихъ команди Холодовича 600, а такъ всѣхъ нерекгулярнихъ фонъ-Лукея команди 1200. Рушили всѣ рано зъ вчорайшого ночлѣга назадъ, перейшовши заразъ рѣчку малую Дарбахъ прозиваемую, на которой ради снаднѣйшого переходу, двѣ греблѣ здѣланни, прійшли до другой рѣчки, у которой и караулня татарская каменная, и перейшовши оную, попрежнему брудма (вбродъ?) при морѣ, остоялися мало, якъбы годинъ зо три; оттуду рушивши прійшли на прежнее мѣстце, где къ Дербенѣ идучи, стоялисмо лагеромъ 6-го юня, недоходя якбы за полверсти рѣчки Ажбудамъ и тутъ расположилисмося лагеромъ. Полковникъ фонъ-Лукей въ маршѣ зехавшись со мною, роскazовалъ: 1-mo, что усмей противъ другихъ владѣлцовъ горскихъ далеко богатшій; для того, что онъ тому килка лѣтъ, согласившись зъ Сурхаемъ, Шамаху розрабовали, где много всего набрали; 2-do, а онъ въ собраніи своего войска болше

не имѣетъ якъ на 8000; 3-tio, да зъ Кубиче города теперъ при немъ людей обрѣтается оружейнихъ на 2000; 4-to, а Кубиче городъ чили деревня великая собою, имѣетъ у себе рѣчъ посполитую, которая змежи себе вибираетъ 12 старшихъ, якіи всѣмъ людомъ правлятъ, а живутъ они ни подъ чіею державою, волніе себѣ, толко что отъ усмея туда хлѣбъ привозятъ, того ради ему мусятъ похлѣбовать, а когда востребуетъ аманатовъ, ему давать. Тамошніе кубическіе жители именуютъ себе иноземцами и отъ повѣстей давнихъ имѣютъ тое, что когда imperium римское обладало и мѣстами нѣкоторими внутръ Персѣи, тогда зъ Риму за вину нѣякую, вмѣсто силки, вислана туда колонѣя и тамъ осажена. Полковникъ Андріянъ Петровичъ Дебриней повернулся зъ Гилянѣ и пріехалъ въ Дербенъ. Былъ у насъ фонъ-Лукей, зъ которимъ ходилисмо до Кочубея, а оттуду всѣ къ нему, где гараздъ смаковали чихиръ. Тогда жъ онъ въ розговорѣ сказовалъ, что Шамаха недалече отъ Дербенѣ, а отъ Баки и велми близко, до которой моремъ Каспѣйскимъ жадного произду нимашъ, того ради, что она за горами сидитъ, якъ бы поближе Баки къ Дербенту и что рѣка Кура по за горами зъ Грузѣи течетъ въ подовжъ еи, начало кажется якбы противъ крѣпости ст. Креста, а противъ Дербенѣ, за горами жъ городъ столечній грузинскій на оной сидитъ, прозиваемій Тефлисъ, а на той же рѣчцѣ городъ славній Генже; ниже того города упадаетъ другая рѣка зовемая Араксъ, якъ бы зъ тоей сторони, где Арменѣя, совокупившись такъ зъ оною рѣка Кура, дале гараздъ Баки упадаетъ у море Каспѣйское, до якого устя отъ Баки день будетъ езди скорой.

Пятокъ. 17. Сегодня всѣ нерекгулярніи знаки знову приняли для розезнання отъ неприятелей, вѣнки зъ щитомъ на головахъ и лѣвая рука перевязаная. Стоялисмо на семъ лагерѣ теперъ для того, что въ прежнемъ переходѣ нашемъ здѣланніе гребдѣ припавши вода зъ горъ отъ снѣговъ растаявшихъ, позносила, а теперъ вновъ дѣлать приказано греблѣ. Ездилисмо по обѣдѣ верстъ за двѣ къ горамъ, где видѣлъ я колодязей нѣсколко, въ якихъ нефта чорная, колодязѣ оніе копани узко, але глибоко, сажень у 7 албо

у 8 и болшъ, где зъ споду вибѣгаетъ вода холодная, а наверхъ оной, якъ устоится, нефта горная, подобная діогтю доброму, тонкому, якую нефту брали всѣ до лагеру мазать вози. Передъ вечоромъ рушили зъ лагера и перейшовши черезъ рѣчку Ажбугамъ, стали лагеромъ, отъ вчорайшого ночлѣга верстъ за 2. Зъ Дербенту пріехали татаре зъ писмами отъ наипа и усмея, которій противъ прежнего склоннѣй показуется и хочетъ склонитися.

Субота. 18. Сегодня рано былъ я у полковника Лѣцкина, а обѣдалисмо у себе зъ Иваномъ Миклашевскимъ; по обѣдѣ передъ вечоромъ ходилъ я до Еропкина, где зъ нимъ, зъ фонъ-Лукеемъ и зъ Бѣлобашевскимъ игралъ въ карти при своемъ проиграшѣ. Фонъ-Лукей сказовалъ, что пишутъ къ нему зъ Гилянѣ, же тамъ за полъ 9 мисяця собралось зъ купечества въ казну денегъ 80000 монетою персидскою, якая чинитъ 130000 р. Посиланние сегодня отсюду до усмея, повернулись купно зъ Узденемъ ближайшимъ усмеевимъ, башлибекъ, тоесть городка Башли первий зъ началнихъ називаючимся, и зъ писмомъ до генерала Кропотова писсаннимъ, яковій уздень его предлагалъ тое, что усмей завтрійшого дня аманатовъ сюда пришлетъ и самъ на вѣрность въ подданство ея величества присягнетъ за себе и за деревнѣ Кубиче и другіе, того ради что отъ нихъ, яко отъ мужиковъ, аманатовъ давать неприлично, и что отъ Буднакъ до воротъ Дербенскихъ и едному чловѣку безопасно будетъ проехать, а если бы что здѣлалось, то онъ готовъ быть за то въ отвѣтѣ.

Неделя. 19. Сегодня по службѣ Божой купалисмо у себе. Передъ полуднемъ зъ полковникомъ фонъ-Лукеемъ ездилъ я и Іванъ Миклашевскій къ усмею, а ехали за проводникомъ его усмеевимъ, котории насъ долго болотами ведучи, привюлъ до футора усмеіового, где овци его заганяно, близъ которого показалось мотиліовъ краснихъ такое множество якъ саранча, а когда виехали на горку, нестало онихъ въразъ. Оттуду пріехали ми къ лѣсу, где намъ посланній усмеевъ сказалъ ждать отъ Усмея вѣдомости и забавили мы тамъ, при водѣ холодной, часовъ зо два, а потомъ пріехали назадъ къ намъ посланніе къ Усмею татаре дербенскіе,

чтобъ намъ далѣй ехать, и поехали мы со всею командою, которой было рекгулярнихъ рота 1, а нерекгулярнихъ татаръ дербенскихъ 60, и уехавши верстъ зъ 8 отъ первого лѣса, а отъ лагера верстъ зъ 20 и болшъ, приближились къ деревнѣ, которой однакъ за лѣсками не видать было, где и удержалисмося, ждучи усмея, котораго тако жъ отъ деревнѣ къ намъ ехалъ, ажъ великій барзо пилъ учинилъся отъ нихъ за лѣсомъ; ездилъ близко туда смотрѣти переводчикъ Ібраимъ, который повернувшись, сказалъ, что видѣлъ войско великое, между которимъ было 6 корогвей и 3 бунчука, а потомъ вскорѣ и усмей, зъ своею ассистенціею, показался и прислалъ къ намъ, чтобъ мы ближей къ нему малолюдно пріехали, а такъ мы оставивши всю команду за версту, пріехали къ нему въ 25 чловѣкахъ, а съ нимъ было зъ 500 чловѣкъ, и когда зехались полковникъ фонъ-Лукей привитался зъ нимъ и зсѣвши съ коней. подъ деревомъ посѣдали на коврѣ, усмей посерединѣ, по правой руцѣ владѣлецъ горскій, дядя шафкаловъ, а по лѣвой салтанъ Мамутъ, нападавшій въ 722 году зъ татарами на его величество блаженной памяти, а полковникъ фонъ-Лукей напротивъ, и мы при немъ; и началъ усмей себе склонного обявлять къ подданству ея величеству и до присяги, толко отступить велѣвши всѣмъ своимъ, предлагалъ полковнику, чтобъ когда онъ присягу виконаетъ, ему нечинено трудности, владѣнія у его неотнимано тако жъ неѳи и соляних озеръ. Окончивши тотъ свой разговоръ, проговорилъ за Ібраимомъ роту и скончивши оную, поцаловалъ куранъ, розгорнувши, и къ ротѣ печать свою приложилъ, намазавши мастю якоюсь чорною оную палцемъ; такъ же салтанъ Амутъ и потомъ два сина его, приходившіе *посля для присяги* и стоявшіе передъ нимъ, присягнувши они, предложили полковнику, чтобъ и онъ взаимно присягъ, же ему якъ виговоръ имѣетъ, по тому учиненно будетъ полковникъ—инное, же такъ будетъ, а о инномъ же донесетъ генераламъ, твердилъ имъ и положеннемъ на себе знаку крестного утвердилъ и надъ тое Ібраимъ, вмѣсто его, присягъ, а за наипа и дербенцовъ всѣхъ, что вродъ жадной обиди ему не будетъ отъ нихъ, присягъ абизъ дербенскій. По окончені того

полковникъ требовалъ аманатовъ и заразъ оныхъ усмей представилъ, между которими былъ синъ салтанъ Мамута маленкій, якихъ отобравши, отехалисмо назадъ, а усмей себѣ жъ къ деревнѣ повернулся, а мы отехавши отъ его передъ заходомъ слонца, пріехали въ лагеръ позно въ ночъ; противъ насъ виездилъ полковникъ Лѣцкинъ и висилано партію рекгулярнихъ и нерекгулярнихъ, думаючи, что зъ нами худо учинилося, яко жъ и можна было думать, поневажъ самохотно въ руки татарскіе далисмося малолюдно. Полковникъ фонъ-Лукей зъ розговору сказовалъ: 1-mo, что теперъ въ Персѣи шаховъ 4, правилний шахъ—синъ меншій шаха старого теперъ въ Астрабатѣ найдуется, якъбы подъ карауломъ хана астрабатского, братъ его старшій въ Аравіи, которому слишно было что муgолъ індійскій будто хотѣлъ помагать, третій Мирведса бунтовщика племѣнникъ въ Іспаганѣ, при которомъ войска въ великомъ собраніи, четвертій новий якійсь бунтовщикъ назвался шахомъ. 2-do, у хивѣйцовъ и бухарцовъ писмо употребляется чагамайское, а въ усмея кайтацкое, веинакшое отъ турецкого. 3-tio, колмики свое писмо имѣютъ отъ индійского муgола и вѣру. Пріехавши мы въ лагеръ, были у генерала Кропотова, оттуду до своей полатки прійшли, где увѣдомились, что слуга Заборовского нехотя зъ пистолета вистрелилъ и коня моего возового вороного у ногу пристрелилъ; и то фонъ-Лукей сказивалъ, что отъ Кабарди до Дербенѣ и за Дербенъ горскіе жители називаются такгистанци, тежъ саміе и тавлинци, понеже taġъ гору низшую, а тавъ гору висшую нарѣчіемъ значитъ.

Понеделокъ. 20. Сегодня кушалисмо сами у себе и зъ нами Тарновіотъ. Полковникъ фонъ-Лукей зъ командою своею рекгулярною и нерекгулярною и зъ мортиромъ, рушилъ сегодня отсюду въ Дербенъ, пожекгнавшись и зъ нами въ наметѣ нашемъ, при которомъ и я поехалъ Худолѣя зъ будкою и палубцемъ въ Дербенъ по п. Михайла. День вѣтраній былъ, а зъ вечера дожчъ черезъ всю ночъ ишолъ зъ вѣтромъ холоднимъ.

Вторникъ. 21. Порутчикъ московского полку Григорій Прончищевъ померъ, которого тутъ же при стролбѣ и поховано. Ездилемъ зъ полковникомъ Еропкиномъ до теплихъ водъ и тамъ до-

(По поводу книги Гретца «Исторія евреевъ отъ эпохи Голландскаго Іерусалима до паденія франкистовъ»). (1890, № 6, 397—408).

373. **Ефименко** А. Турбаевская катастрофа. (1891, № 3, 373—401).

374. **Ефименко** П. Ссыльные малороссіяне въ архангельской губерніи 1708—1802 г. (1882, № 9, 392—412).

375. **Ефименко** П. Школа для обученія пѣвчихъ, назначавшихся ко двору. (1883, № 5, 169—174).

376 **Ефименко** П. Шпитали въ Малороссіи. (1883, № 4, 709—727).

377. **Ефименко** П. Братства и союзы нищихъ. (1883, № 9—10, 312—317).

378. **Ефименко** П. Могила гетманцевъ въ г. Лебединѣ. (1884, № 4, 693—695).

379. **Ефименко** П. Экономическія замѣтки о старинѣ и матеріалы. (1888, № 4, 52—63).

380. **Z**. По пирятинскому уѣзду (Кое-что изъ прежней жизни лѣвобережнаго священства). (1887, № 4, 790—794).

381. **Залѣсскій** Аполинарій. Южно-русскіе священники, отыскивающіе права дворянства.(1885, № 5, 175—179).

382. **Изъ** временъ упадка Запорожья. (1887, № 8, 783—787).

383. **И.** Н. Чума въ сѣверной части херсонской губерніи 1813 г. (1885, № 5, 153—163).

384. **Ивановъ** П. Переселеніе запорожцевъ на Тамань. (1891, № 7, 133—141).

385. **Ивановъ** П. Переселеніе заштатныхъ церковниковъ въ Новороссію при Екатеринѣ II. (1891, № 5, 288—297).

386. **Императоръ** Александръ I и разжалованный въ рядовые генералъ Лошаковъ. (1888, № 9, 71—73).

387. **Какъ** получали Запорожцы денежное и хлѣбное свое жалованье. (1883, № 8, 751—755).

388. **Каманинъ** И. Къ исторіи международныхъ отношеній Польши и Россіи. (1882, № 7, 42—60).

389. **Каманинъ** И. Мазепа и его «прекрасная Елена». (1886, № 11, 522—535).

390. **Каманинъ** И. Послѣдніе годы самоуправленія Кіева по Магдебургскому праву. (1888, № 5, 8, 9, 140—168, 157—195, 597—622)

391. **Каманинъ** И. Кіевляне и Богданъ Хмельницкій въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. (1888, № 7, 69—78).

392. **Каманинъ** И. Малоизвѣстныя историческія лица и событія конца XVIII в. (1891, № 1, 165—173).

393. **Катрухинъ** А. Изъ временъ нашествія Шведовъ на Россію. (1884, № 7, 543—545).

394. **Кирицъ** Н. Память объ Антонѣ Головатомъ въ с. Слободзеѣ тираспольскаго уѣзда. (1890, № 2, 346—347)

395. **Китицынъ** П. Малоизвѣстный историческій родъ. (1884, № 6, 342—344).

396. **Китицынъ** П. Острожское имѣніе. (1888, № 4, 22—23).

397. **Китицынъ** П. Турецкое посольство въ 1793 году. (1888, № 10, 26—29).

398. **Китицынъ** П. Малороссійская губернія. (1889, № 8, 534—543).

399. **Кіевское** представительство прежняго времени. (1882, № 5, 178—192).

400. **К — къ** К. Самозванный флигель-адъютантъ солдатъ Семеновъ (1826 г.) (1882, № 12, 519—526).

401. **Кондратовичъ** Ѳ. Задунайская Сѣчь (по мѣстнымъ воспоминаніямъ и разсказамъ) При статьѣ

карта Задунайской Сѣчи, портретъ Ананія Иван. Коломійца, планъ Верх. Дунавца и рисун. «Верх. Дунавец.» (1883, №№ 1, 2, 4, 27—66, 269—300, 728—773).

402. **Короленко** П. П. Азовцы. (1891, № 7, 8, 53—74, 171—194).

403. **Костомаровъ** Н. Жидотрепаніе въ началѣ XVIII в. (1883, № 1, 3, 1—26, 477—492).

404. **Костомаровъ** Н. Словечко по поводу замѣчанія о федеративномъ началѣ въ древней Руси. (1883, № 4, 899—901).

405. **Кравченко** Д. О новооткрытомъ славянскомъ богѣ Раѣ.(1886, № 9, 163—171).

406. **Крыжановскій** Е. Учебныя заведенія въ русскихъ областяхъ Польши въ періодъ ея раздѣловъ (1882, № 2, 3, 262—300, 442—478).

407. **Ксендзенко** Александръ. Гетманская усыпальница. (1887, № 2, 353—359).

408. **Кудринскій** Ѳ. Цеховыя братства въ мѣстечкѣ Степани (волынск. губ., ровенскаго уѣзда). (1890, № 7, 88—104).

409. **Кулюмбашъ** И. Междуплеменныя соприкосновенія. (1887, № 12, 795—798).

410. **Къ** исторіи южно-русскихъ братствъ. (Основаніе церкви и братства при ней въ м. Срібномъ полтав. губ., прилукскаго уѣзда). (1886, № 9, 183—191).

411. **Къ** реформѣ Сперанскаго. (1889, № 4, 194—196).

412. **Къ** характеристикѣ эпохи уничтоженія козачества. (1882, № 11, 382—389).

413. **Л. А.** Къ исторіи кіевскаго паломничества. (1890, № 9, 476—497).

414. **Л. А.** Мысль Императора Александра I объ учрежденіи въ Малороссія козачьихъ полковъ. (1890, № 1, 119—120).

415. **Л. А.** Къ исторіи Мазепиной измѣны. (1889, № 12, 645).

416. **Л. А.** Въ какой обстановкѣ гетманъ Разумовскій объѣхалъ Малороссію въ 1752 г. (1890, № 1, 117—118).

417. **Л. О.** Заботы Петра I объ овцеводствѣ въ Малороссіи. (1889, № 10, 179—182).

418. **Л. П.** Гдѣ жили первые кіевскіе митрополиты: въ Переяславѣ или въ Кіевѣ. (1885, № 1, 177—182).

419. **Л. П.** Когда и гдѣ совершилось крещеніе кіевлянъ при св. Владимірѣ. (1887, № 9, 175—185).

420. **Л. П.** О началѣ христіанства въ Кіевѣ до торжественнаго принатія христіанской вѣры при св. Владимірѣ. (1888, № 6, 265—283),

421. **Л—въ** П. Баптизмъ или штунда въ Кіевской губерніи. (1885, № 3, 491—518).

422. **Л—въ** П. Двѣ поправки къ статьѣ: «Свадьба Тимоша Хмельницкаго».(1887,№ 6—7, 583—584).

423. **Л—въ** П. Посмертный разсказъ о. Антонія Ковальскаго (Къ исторіи крестьянскихъ волненій въ кіевской губерніи 1855 г.) (1882, № 1, 2, 174—192, 386—396).

424. **Лазаревскій** А. Властная гетманша. (1882, № 1, 213—214).

425. **Лазаревскій** А. Запорожье въ концѣ XVIII вѣка (Современная записка.(1889,№ 12,628—629—637).

426. **Лазаревскій** А. Къ исторіи селъ и селянъ лѣвобережной Малороссіи. (1891, № 1, 1—18).

427. **Лазаревскій** А. Полтавщина въ XVII вѣкѣ. (1891, № 9, 357—374).

428. **Лазаревскій** А. Изъ исторіи селъ и селянъ лѣвобережной Малороссіи. (1891, № 11, 216—231).

429. **Лазаревскій** А. Люди старой Малороссіи І. Лизогубы. (1882, № 1, (101—125).

430. **Лазаревскій** А. Люди старой Малороссіи. 2. Милорадовичи. (1882, № 3, 479—498).

431. **Лазаревскій** А. Люди старой Малороссіи. 3. Миклашевскіе, 4. Свѣчки. (1882, № 8, 243—253, 253—258).

432. **Лазаревскій** А. Люди старой Малороссіи. 5 Марковичи. (1884, № 1, 51—82).

433. **Лазаревскій** А. Люди старой Малороссіи. 6. Голубы. (1885, № 5, 1—20).

434. **Лазаревскій** А. Люди старой Малороссіи. 7. Крыжановскіе. (1885, № 5, 7—14).

435. **Лазаревскій** А. Люди Старой Малороссіи. 8. Кулябки. 9 Ломиковскіе. (1886, № 1, 1—16).

436. **Лазаревскій** А. Люди старой Малороссіи 12. Афендики, 13. Левенцы, 14. Лѣсницкіе. (1886, № 7, 443—455).

437. **Лазаревскій** А. Люди старой Малороссіи 15. Бороздны. (1887, № 6—7, 379—395).

438. **Лазаревскій** А. Люди старой Малороссіи 16. Раковичи, 17. Оболонскіе, 18. Мануйловичи. (1887, № 8, 627—637).

439. **Лазаревскій** А. Люди старой Малороссіи. 19. Жураковскіе, 20. Носевки-Бѣлецкіе, 21. Трощинскіе. (1888, № 11, 364—373).

440. **Лазаревскій** А. Сулиминскій фамильный архивъ. (1882, № 11, 292—327).

441. **Лашкевичъ** А. Родъ Вишневскихъ. (1887, № 5, 73—91).

442. **Лашковъ** Ѳ. Шагинъ-Гирей, послѣдній крымскій ханъ (Историч. очеркъ). (1886, № 9, 37—80).

443. **Лебедевъ** Амф. О борьбѣ духовныхъ властей въ бывшей епархіи бѣлогородской съ суевѣріями. (1890, № 1, 1—21).

444. **Л—ій** О. Потемкинъ и черноморцы. (1887, № 9, 185—190).

445. **Левицкій** О. Южно-русскіе архіереи въ XVI—XVII в. (1882, № 1, 49—100).

446. **Левицкій** Ор. Социніанство въ Польшѣ и Юго-западной Руси. (1882, №№ 4, 5, 6, 25—57 193—224, 401—432).

447. **Левицкій** О. Анна-Алоиза княжна Острожская. (1883, № 11, 329—373).

448. **Левицкій** О. Основныя черты внутренняго строя западнорусской церкви въ XVI и XVII вв. (1884, № 8, 627—654).

449. **Левицкій** О. Очерки стариннаго быта Волыни и Украины (1889, № 4, 11, 92—123, 350—368; 1891, № 1, 2, 19—39, 269—280).

450. **Левицкій** О. Транспортъ вещей Петра I, арестованный на Волыни въ 1701 г. (1890, № 10, 143—147).

451. **Левицкій** О. Тревожные годы. Очерки изъ общественной и политической жизни г. Кіева и юго-западнаго края въ 1811—1812 г.г. I. Пожарныя тревоги. (1891, № 10, 11, 1—21, 169—194).

452. **Левицкій** О. Старинныя воззрѣнія на самоубійство и отголосокъ ихъ въ народныхъ обычаяхъ Южной Руси. (1891, № 12, стр. 345—360).

453. **Левицкій** О. Ганна Монтовтъ. (Историко-бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства XVI в.) (1888, № 1, 2 и 3, 94—161).

454. **Левченко** М. Потомки Запорожцевъ на Островѣ Лети (1882, № 5, 344—345).

455. **Левченко** М. Гайдамацкій кутъ. (1882, № 5, 345—348).

456. **Левченко** М. Гдѣ именно жили запорожцы во время подчи-

невія своего крымскому хану (1709—34 г.) (1882, № 6, 548).

457. **Лелетъ** В. Семейная драма въ Уманскомъ военномъ поселеніи. (1886, № 5, 181—186).

458. **Леонидъ** архимандритъ. Нѣсколько новыхъ замѣчаній къ нашей статьѣ «откуда родомъ была св. великая княгиня Ольга» (Русск. Стар. 1888 г. іюль)—по поводу статьи И. И. Малышевскаго «о происхожденіи великой княгини русской Ольги св.» (Кіев. Стар. (1889, мѣсяцы іюль и августъ). (1889, № 10, I—VIII).

459. **Лилеевъ** М. Изъ начальной исторіи раскола въ Стародубьѣ. (1889, № 8, 9, 376—401, 597—614).

460. **Линниченко** И. Архивы въ Галиціи. (1888, № 8, 349 — 380).

461. **Линниченко** И. Научное значеніе западно-русской исторіи. (1889, № 1, 187—203).

462. **Линниченко** И. Въ какомъ году впервые появились на Руси пушки. (1890, № 1, 132—134).

463. **Л—нко** Арк. Разсказъ о «турбаевской катастрофѣ». (1891, № 9, 493—494).

464. **Лобко** А. Попытка къ уравненію мѣръ и вѣса въ Малороссіи XVIII в. (1889, № 7, 232—239).

465. **Лопулеску**. Русскія колоніи въ Добруджѣ. (Историко-этнограф. очеркъ). (1889, № 1, 2, 3, 117—154, 314—336, 685—704).

466. **Л—скій** А. Судебная «инквизиція» въ бывшей гетманщинѣ. (1886, № 1, 195—198).

467. **Луговой** Ив. Богданъ Хмельницкій и неблагодарная исторія. (1888, № 11, 395—400).

468. **Луговой** А. Н. В. Гоголь въ Гадячской ратушѣ. (1886, № 1, 206—208).

469. **Лучицкій** И. Къ исторіи козачества въ началѣ XVIII в. (1891, № 3, 506—508).

470. **М. Н.** Побожье въ XVII и XVIII в. Къ исторіи польскаго землевладѣнія въ Брацлавщинѣ. (переводъ съ польскаго). (1890, № 9, 11, 12, 456—476, 303—316, 412—433).

471 **М. Н.** Споры луцкихъ евреевъ съ мѣщанами во второй половинѣ XVII в. (1888, № 1, 2, 3, 30—35).

472. **Максимовъ** Евг. Страничка изъ исторіи Слободской Украйны (историческое прошлое суджанскаго уѣзда). (1886, № 3, 467—481).

473. **Максимовъ** Евгеній. Къ вопросу о колонизаціонномъ значеніи монастырей въ Слободской Украйнѣ. (1887, № 9, 93—108).

474. **Малороссійскіе** чины и должности и окладъ ихъ содержанія. (1883, № 6, 381—385).

475. **Малышевскій** И. Происхожденіе русской великой княгини Ольги св. (1889, № 7, 8, 1—27, 325—353).

476 **Маркевичъ** Ал. Къ пребыванью Карла XII въ Бендерахъ. (1889, № 12, 612).

477. **Маркевичъ** А. Марковичи. (1890, № 10, 11, 1—32, 33—55).

478. **Матченко** Иванъ. Къ дѣлу о началѣ единовѣрія въ Кременчугѣ. (1885, № 6, 338—343).

479. **Миллеръ** Ор. Церковь и Византійство. (Памяти Ф. А. Терновскаго и по адресу В. С. Соловьева). (1884, № 11, 419—446).

480. **Милорадовичъ** Г. А. графъ. Родословная дворянъ и князей Кочубеевъ. (1888, № 8, 46—50).

481. **Михаилъ** Чайковскій и козакофильство. (1886, № 4, 763—777).

482. **Мищенко** Ѳ. Къ вопросу о царскихъ скиѳахъ. (1884, № 5, 55—76).

483. **Мищенко Ѳ.** Былъ ли Геродотъ въ предѣлахъ Южной Россіи? (1886, № 6, 349—355).

484. **Молчановскій Н.** Кіевское городское управленіе въ 1786 г. (по протоколамъ засѣданій городской думы). (1889, № 5, 6 и 7, 380—399, 47—63).

485. **Молчановскій.** Н. Англійское извѣстіе 1736 г. о запорожцахъ. (1889, № 11, 444—445—447).

486. **Моравскій С.** Ѳедоръ Лисовскій. 1709—1722. (Очеркъ изъ внутренней исторіи Малороссіи въ 1-ой пол. XVIII вѣка. (1891, № 9—10, 427—454, 22—57).

487. **Мякотинъ В.** Дѣла по исторіи крестьянства лѣвобережной Малороссіи въ XVIII в. въ кіевскомъ центральномъ архивѣ.(1891, № 2, 300—314).

488. **Н. Ив.** Еще объ Иванѣ Поповичѣ. (1889, № 11, 429—439).

489. **Н—й С.** Изъ сферы кіевскаго городскаго хозяйства 2 ой половины XVIII ст. (1887, № 6—7, 578—583).

490. **Науменко В.** Стефанъ Яворскій въ двойной роли хвалителя и обличителя Мазепы. (1885, № 9, 172—175).

491. **Науменко В.** Къ исторіи учрежденія кіевскаго дворянскаго собранія. (1889, № 2, 495—499).

492. **Науменко В.** Къ исторіи землевладѣнія въ лѣвобережной Малороссіи. (1889, № 12, 642—644).

493. **Нейманъ Ц.** Старая брацлавщина и ея люди. (1889, № 5, и 6, 532—547, № 8, 264—281, № 10, 103—120).

494. **Ни—къ Ѳ.** Какъ готовили Кременчугъ къ встрѣчѣ Имп. Екатерины II. (1883, № 2, 460—464).

495. **Ни—къ Ѳ.** Старинные поздравленія и выборы. (1883, № 2, 464—466).

496. **Николайчикъ Ѳ.** Первыя козацкія движенія въ Рѣчи Посполитой. (1591—1596) (1884, № 3—4, 423—442, 525—564).

497. **Новицкій И.** Князья Ружинскіе. (Памяти М. А. Максимовича). (1882, № 4, 58—84).

498. **Новицкій И.** Настоящее имя первой фундаторки кіевскихъ братскихъ школъ. (1885, № 8, 732—735).

499. **Новицкій Я.** Какъ готовилось Екатеринославское духовенство къ встрѣчѣ Импер. Екатерины II. (1887, № 4, 795—798).

500. фонъ-**Носъ** Ст. Изгонъ Іудеевъ начала XVII в. (1883, № 1, 214—215).

501. **О.** Н. «Бунтъ» сквирскаго магистрата. (1888, № 8, 196—245).

502. **Образованіе** ландъ-милиціи въ полтавской губерніи въ декабрѣ 1806-го года и о избраніи командующаго оною милиціею. (1888, № 10, 30—31).

503. **Оглоблинъ Н.** Воеводскія «вѣстовыя отписки» XVII в., какъ матеріалъ для исторіи Малороссіи. (1885, № 7, 365—416).

504. **Оглоблинъ Н.** Очерки изъ быта Украйны конца XVIII столѣтія. I. Сожженіе вѣдьмы. (1887, № 5, 92—124).

505. **Оглоблинъ.** Н. «Кіевскій столъ» разряднаго приказа. (1886, № 11, 536—552).

506. **Оглоблинъ Н.** Эпизодъ изъ исторіи обращенія кіевскихъ уніатовъ. (1889, № 3, 716—725).

507. **Одинъ** изъ Мазепинцевъ (прилуцкій полковникъ Дмитрій Горленко). (1889, № 10, 190—194).

508. **Онацкій Д.** Къ родословной Полуботковъ. (1887, № 2, 365—366).

509. **Очеркъ** исторіи Юго-Западной Руси. (1885, № 1—6, 19—

56, 282—307, 437—464, 678—716, 21—43, 205—218).

510. **П. Л.** Гадяцкая полковая канцелярія 40-хъ годовъ XVIII столѣтія, ея составъ и содержаніе. (1887, № 8, 780—783).

511. **П.Л.** Обезземеленные «вольные матросы» въ г. Никополѣ херсон. губ. (1888, № 12, 124—129).

512. **Петровъ** Н. Къ исторіи колонизаціи слободской Украины. (1888, № 4 и 6, 23—51, 314—340).

513. **Пишчевичъ** А. С. Бугскіе козаки и украинскіе уланы (1886, № 2, 387—394).

514. **Подолянинъ.** Старинный Южно-русскій дворянскій родъ Слупицъ и ихъ помѣстье Купа. (1886, № 7, 563—570).

515. **Познанскій** Борисъ. Императоръ Александръ I въ Бѣлой Церкви у графини Браницкой. (1889, № 4, 187—190).

516. **Познанскій** Борисъ. Замѣтки о саранчѣ, бывшей въ кіевщинѣ въ 1861 г. (1889, № 9, 752—758).

517. **Познанскій** Борисъ. Воспоминанія о рекрутчинѣ по прежнему порядку. (1889, № 11, 225—256).

518. **Поимка** Гаркуши въ Ромнѣ. (1885, № 10, 404—407).

519. **Полницкій.** А. Нападеніе гайдамаковъ на карантинъ въ Ягодной долинѣ въ 1750 году. (1889, № 5—6, 332—379).

520. **Послѣднія** домогательства Малороссійскаго шляхетства. (1884, № 1, 174—177).

521. **Преслѣдованіе** лаптей колонизаторами Новороссіи. (1886, № 8, 754—756).

522. **Происхожденіе** запорожскаго козачества. (1884, № 8—9, 580—608, 27—52).

523. **Протопопъ** Комаръ и его вторичный бракъ. (1882, № 12, 607—613).

524. **П—скій** Борисъ. Изъ письма въредакцію о нѣмецко-хохлацкой штундѣ. (1884, № 11, 543—544).

525. **П—скій** Борисъ. Воспоминаніе изъ недалекаго прошлаго. (о школѣ и грамотности въ кіевской губерніи). (1885, № 2, 241—267).

526. **Раданова Елена.** Гетманъ Даніилъ Апостолъ въ роли колонизатора. (1891, № 6, 458—468).

527. **Раина** Могилянка, княгиня Вишневецкая. (Съ портретомъ). (1887, № 11, I—X).

528. **Раскольничьи** слободы въ черниговщинѣ въ первой половинѣ XVIII в. (1886, № 10, 398—400).

529. **Рева** И. Изъ временъ польскаго возстанія 1863 г. (1885, № 4, 790—791).

530. **Расхищеніе** церковныхъ древностей на Волыни. (1891, № 1, 183).

531. **Рудковскій** А. Свѣдѣніе о Бугскихъ козакахъ. (1882, № 11, 389—391).

532. **Русовъ** А. Осада и взятіе Очакова (1788).(1888, № 12, 543—598).

533. **С.** Н. Къ исторіи малорусскихъ церковно-общественныхъ нравовъ XVIII столѣтія. (1884, № 2, 332—333).

534. **С.** Н. Къ исторіи попытокъ сокращенія числа праздниковъ. (1891, № 3, 503—506).

535. **С.** Е. Семейная жизнь въ Подоліи въ первой половинѣ прошлаго вѣка. (1891, № 4, 56—67).

536. **Сербы** въ Кіевѣ (1753—1754). (1885, № 2, 381—385, № 7, 505—511).

537. **С—ко.** Изъ исторіи развитія канцелярской переписки въ Малороссіи. (1885, № 5, 173—175).

538. **С—ко.** Н. В. Стороженки (Фамильная лѣтопись). (1884, № 2, 205—222).

539 **С—ъ.** 2 случая изъ борьбы крестьянъ съ евреями за аренду казенныхъ земель. (1884, № 10, 346—351).

540. **Скальковскій А.** Еврейскій плѣнъ въ Запорожьи 1770—1772 г. (1884, № 1, 159—165).

541. **Скальковскій** А. Къ исторіи Запорожья. (1882, № 7, 178—180).

542. **Скальковскій** А. Къ исторіи Запорожья. I «Порубежныя любезности». (1882, № 10, 159—166).

543. **Скальковскій** А. Еще о бугскихъ козакахъ. (См. № 531). (1882, № 12, 598—602).

544. **Скальковскій** А. Къ исторіи Запорожья. Внутренніе распорядки. (1882, № 12, 527—537).

545. **Скальковскій.** Къ исторіи бугскихъ козаковъ. (1883, № 5, 186—187).

546. **Скальковскій** А. Дунайцы. (1885, № 1, 117—132).

547. **Скальковскій** А. Какъ судили и рядили въ Сѣчи Запорожской. (1886, № 3, 604—621).

548. **Скальковскій.** А. Русскіе диссиденты въ Новороссіи. (1887, № 4, 771—782). *

549. **Скальковскій А.** Астрономъ Эйлеръ въ Сѣчи Запорожской въ 1770 г. (Отрывокъ изъ напечатанной статьи моей подъ заглавіемъ «Первыя попытки изученія Новороссіи въ 1760—1774. г.)» (1891, № 10, 117—119).

550. **С—овъ.** Н. Ѳ. Къ исторіи цѣнъ въ Малороссіи. (1883, № 12, 696—697).

551. **С—р—ъ** И. Изъ жизни Малороссійскихъ колонистовъ на Сѣверномъ Кавказѣ. (1884, № 7, 467—484).

552. **Старинные** проповѣдническіе амвоны кіевскихъ церквей. (1887, № 5, 206—213).

553. **Старый** Прилучанинъ. Къ турбаевской катастрофѣ. (1891, № 5, 312—313).

554. **Сторожевъ** В. Н. Къ исторіи русскаго просвѣщенія XVII в. (1889, № 11, 328—349).

555. **Сторожевъ** В. Н. Къ вопросу о южно-русской колонизаціи. (1890, № 5, 379—380).

556. **Сторожевъ** В. Н. Къ вопросу о колонизаціи лѣвобережной Украины. (1890, № 6, 544—549).

557. **Стороженко** А. Очерки переяславщины. (1891, № 11, 195—215).

558. **Стороженко** Н. В. Къ исторіи рода Свѣчекъ. (1887, № 11, 580—584).

559. **Стороженко** Н. В. Эпизодъ изъ исторіи малорусскихъ крестьянъ. (1888, № 6, 76—78).

560. **Стороженко** Н. В. Къ исторіи землевладѣнія въ эпоху Богдана Хмельницкаго. (1888, № 7, 11—13).

561. **Стороженко** Н. Къ исторіи овцеводства въ Малороссіи. (1890, № 3, 540—542).

562. **Стороженко** Н. В. Изъ исторіи нѣжинскихъ грековъ. (1890, № 6, 540—544).

563. **Стороженко** Н. В. Полуботокъ или Свѣчка? (Эпизодъ изъ исторіи малороссійскаго землевладѣнія 2-ой половины XVII в.) (1890, № 12, 434—447).

564. **Стороженко** Н. В. Реформы въ Малороссіи при гр. Румянцевѣ. (1891, № 3, 478—493, № 9, 455—465).

565. **Судьба** просвѣтительныхъ учрежденій Кіева. (1890, № 11, 317—322).

566. **Сумцовъ** Н. Къ исторіи слободско-украинскаго чумачества. (1884, № 3, 493—498).

567. **Сумцовъ** Н. Историческій очеркъ попытокъ католиковъ ввести въ южную и западную Рос-

сію григоріанскій календарь.(1888, № 5, 235—258).

568. **Т. А.** Еще о Гаркушѣ. (1886, № 11, 569—571).

569. **Т. П.** Къ исторіи польскаго театра въ Кіевѣ. (1890, № 6, 533—540, см. также поправку «К. Ст.» 1890, № 10, 152).

570. **Твердохлѣбовъ** А. Эпизодъ изъ предсмертной борьбы запорожья за цѣлость своихъ владѣній. (1886, № 12, 749—756).

571. **Теличенко** И. Очеркъ кодификаціи малороссійскаго права до введенія свода законовъ. (1888, № 9—10, 415—466, 22—63—68).

572. **Теличенко** И. Изъ исторіи финансовъ въ Малороссіи и слободской Украинѣ. (1888, № 3, 10—15).

573. **Теличенко** И. Протестъ слободской старшины и козаковъ противъ реформы 1765 г. (1888, № 1—3, 244—270).

574. **Теличенко** И. Скорбный листъ малороссійской коллегіи. (1889, № 2, 445—458).

575. **Теличенко** И. Сословныя нужды и желанія малороссіянъ въ эпоху Екатерининской коммиссіи. (1890, № 8—12, 161—191, 390—419, 94—122, 251—272, 471—493; 1891, № 1—2, 73—97, 232—254).

576. **Терновскій** Ф. Излишніе малороссійскіе монахи конца XVIII ст., какихъ они были качествъ и какъ доживали свой вѣкъ. (1882, № 5, 329—337).

577. **Туренко** М. А. Историческія записки о войскѣ Черноморскомъ. (Со времени поселенія онаго на всемилостивѣйше пожалованной землѣ до 1831 г.). (1887, № 3—7, 494—536, 721—746, 125—151, 335—378).

578. **Удѣльный** періодъ и его изученіе. (1883, № 2, 301—318).

579. **Успенскій** Ѳ. Византійскія владѣнія на сѣверномъ берегу Чернаго моря въ IX и X вѣкахъ. (1889, № 5—6, 253—294).

580. **Храневичъ** В. Обращеніе русской церкви въ латинскій костелъ. (Эпизодъ изъ исторіи церковно-бытовыхъ отношеній между православіемъ и католичествомъ въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія). (1891, № 12, 391—412).

581. **Ц.** К. Движеніе народнаго образованія въ Юго-Западномъ краѣ. (1884, № 8, 725—731).

582. **Ц.** С. Второбрачіе Южно-Русскихъ священниковъ конца XVIII вѣка и его историческіе прецеденты. (По поводу протопопа Комара). (1883, № 2, 429—444).

583. **Чеважевскій** В. Право «презенты» и его значеніе въ исторіи юго-западнаго края. (1888, № 5, 50—53).

584. **Ѳедотовъ Чеховскій** А. А. *Волынская полонениица XVI в.* и ея «орменскій» обожатель. (1887, № 5, 200—204).

585. **Ш.** А. Дѣятели слободской Украины прошлаго вѣка. (1891, № 6, 423—445).

586. **Шафрановъ.** П. А. О статьяхъ Богдана Хмельницкаго(1654г.) (1889, № 11, 369—391).

587. **Шимановъ** А. Предсмертная поземельная борьба Запорожья (Эпизодъ изъ его пограничныхъ споровъ съ б. слободской Украиной). (1883, № 12, 609—636).

588. **Шимановъ** А. Л. Главнѣйшіе моменты въ исторіи землевладѣнія харьковской губерніи. (Матеріалы по вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи. (1882, № 11—12, 191—228, 401—419; 1883, №№ 1, 3, 6, 67—88, 555—594, 249—267).

589. **Шульгинъ** Я. Очеркъ Коліивщины по неизданнымъ и изданнымъ документамъ 1768 и ближайшихъ годовъ. (1890, № 2—8, 185—220, 381—418,22—52,268—

—306,409—426,1—21, 192—223)

590. **Шульгинъ Я.** Нѣсколько данныхъ о школахъ въ правобережной Украинѣ въ половинѣ XVIII в. (1891, № 7, 97—118).

591. **Щербина Ф.** Исторія самоуправленія у кубанскихъ козаковъ. (1884, № 2, 223—246).

592. **Щербина Ф.** Бѣглые и крѣпостные въ Черноморіи. (1883, № 6, 233—248).

593. **Щербина Ф.** Колонизація кубанской области. (1883, № 12, 529—545).

594. **Щербина В.** Сѣчевая школа. (1891, № 9, 491—492).

595. **Щербина В.** Судьба одной знатной козацкой фамиліи. (1891, № 10, 122—126).

596. **Щербина В.** Савва Чаленко и Игнатъ Голый. (1891, № 10, 119—122).

597. **Щербины В.** Великорусскіе чиновники въ Кіевѣ въ двадцатыхъ годахъ XVIII столѣтія. (1891, № 11, 302—304).

598. **Эварницкій Д.** Жизнь запорожскихъ козаковъ по разсказу современника-очевидца. (1883, № 11, 497—510).

599. **Эварницкій Д.** Число и порядокъ Запорожскихъ Сѣчей. (1884, № 4, 589—608).

600. **Эварницкій. Д.** Островъ Хортица на рѣкѣ Днѣпрѣ. (Изъ поѣздки по запорожскимъ урочищамъ). (1886, № 1, 41—90).

601. **Эйнгорнъ В.** Кіевскій воевода П. В. Шереметевъ и нѣжинскій магистратъ (1666—1669 гг.). (1891, № 11, 246—255—258).

602. **Ястребовъ В.** Домашнее воспитаніе начала нашего столѣтія. (1884, № 2, 333—336).

603. **Ястребовъ В.** Греки въ Елисаветградѣ. (Отрывокъ изъ исторіи колонизаціи: 1754—1777). (1884, № 4, 673—684).

604. **Ястребовъ В.** Въ запорожскомъ захолустьѣ. (1885, № 12, 721—729).

в) Исторія мѣстностей и учрежденій.

605. **А. А.** Страничка изъ прошлаго города Переяслава. (1889, № 8, 468—489—490).

606. **А. В.** Православный монастырь и его уніатская лѣтопись. (Къ исторіи сатановскаго монастыря подольской епархіи). (1882, № 2, 418—425).

607. **Андріевскій Ал.** По поводу возстановленія Кіево-Межигорскаго монастыря, нѣсколько свѣдѣній къ его исторіи. (1885, № 9, 178—183).

608. **Андріевскій М.** «Давыдова Боженка». (Изъ лѣтописной топографіи кіевскаго Полѣсья). (Съ планомъ). (1885, № 6, 184—204).

609. **Андріевскій М.** Лѣтописный Юрьевъ на Роси. (Топографическое розысканіе, съ приложеніемъ карты). (1883, № 9—10, 1—38).

610. **Андріевскій М.** Перепетовское поле (Розысканіе въ области лѣтописной топографіи, съ приложеніемъ карты). (1882, № 9, 436—456).

611. **Антоновичъ Вл.** Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV по XVI столѣтіе (1362—1569 г.). (1882, № 1, 1—48).

612. **Б. Н.** Десятинная церковь. (Съ рисунками). (1888, № 7, 3—8).

613. **Б. Н.** Субботовская церковь. (Къ рисунку Т. Г. Шевченка). (1890, № 9, 506—508).

614. **Багалѣй Д. И.** Три «черкассвія» слободы XVIII в. по со-

временному ихъ описанію. (1887, № 6—7, 559—566).

615. **Боцяновскій** Вл. Публичная библіотека въ Житомірѣ. (По поводу ея 25-тилѣтія. (1891, № 8, 254—283).

616. **Бурачковъ** Пл. Замѣтка по исторической географіи южнорусскихъ степей. (1886, № 4, 659, 683).

617. **Бучневичъ** В. Е. Гетманскій городъ. (1885, № 3, 578—580).

618. **W.** На пути въ Іерусалимъ. (Листокъ изъ путевыхъ замѣтокъ 1744 года). (1887, № 5, 204—206).

619. **Васильевъ** Михаилъ. Преданія о лебединскомъ монастырѣ и селѣ Лебединѣ. (1887, № 4, 784—788).

620. **Г. В.** Кіевская публичная библіотека. (1888, № 8, 27—31).

621. **Г. П.** Запорожскій храмъ въ Новомосковскѣ. (Къ рисунку съ фотографіи). (1888, № 1—3, 41—46—48).

622. **Г. П.** 800-лѣтіе со дня освященія церкви Успенія Пресвятой Богородицы въ Кіево-Печерской лаврѣ. (1889, № 9, 777—779).

623. **Гаврышъ** В. Десятилѣтіе каневской публичной библіотеки. (1878—1887 г.). (1889, № 8, 544—549).

624. **Голицынъ** Н. С. Кн. Почаевская Успенская лавра въ концѣ іюля 1855 года. (1882, № 6, 365—380).

625. **Голубевъ** С. Древнія и новыя сказанія о началѣ кіевской академіи. (Къ вопросу о томъ, можетъ ли кіевская академія въ 1889 году праздновать трехсотлѣтіе своего существованія). (1885, № 1, 85—116).

626. **Голубовскій** Петръ. По поводу замѣтокъ по исторической географіи южно-русскихъ степей. (Отвѣтъ г. Бурачкову). (1886, № 5, 168—173).

627. **Горленко** В. Кіевъ въ 1799 году. (1885, № 3, 581—592).

628. **Городня—мѣсто жидотрепанія XVIII в.** (1883, № 1, 208—210).

629. **Д. Е.** Владиміро-Волынскій Мстиславовскій Соборъ XII в. и предстоящее его обновленіе. (Корреспонденція «Кіев. Ст.»). (1886, № 4, 837—839).

630. **Давно забытая древнѣйшая кіевская святыня.** (1884, № 11, 534—541).

631. **Добротворскій** Н. Изъ исторіи одного присеймскаго села. (1887, № 3, 565—571).

632. **Добротворскій** Н. Кудеяровъ курганъ. (1889, № 5—6, 607—609).

633. **Добротворскій** Н. Историческая справка о глушковской суконной фабрикѣ. (1886, № 12, 741—743).

634. **Добротворскій** Н. Къ исторіи глушковской фабрики. (1889, № 8, 532).

635. **Залюбовскій** Г. Новомосковскія учебныя заведенія. (1889, № 5—6, 595—604).

636. **Зозуля** И. Короповъ хуторъ. (1889, № 5—6, 604—607).

637. **Искорость—древній Коростень или Скоростень.** (1882, № 6, 546—548).

638. **Карпинскій** И. Къ юбилею Новгородсѣверской гимназіи. (1889, № 5—6, 633).

639. **Кіево-Печерская Лавра** въ ея прошедшемъ и нынѣшнемъ состояніи. (1886, № 5, 6, 7, 8, 10, 11, 26—43, 293—306, 385—409, 613—618, 252—264, 500—519).

640. **Костомаровъ** Н. Поѣздка въ Бѣлую Церковь. (1882, № 5, 241—256).

641. **Кр. Сф.** Особенности статистическаго изслѣдованія курской губерніи. (Курская губ. итоги статистическаго изслѣдованія.

Курскъ, 1887 г.). (1889, № 3, 582—612).

642. **Крыжановскій** Е. Замѣтка на замѣтку о Почаевской Лаврѣ. (1882, № 11, 373—382).

643. **Л. А.** Черниговъ 80 лѣтъ тому назадъ. (Замѣтки старожила). (1888, № 8, 55—62).

644. **Л. А.** «Тепловка». Страница изъ исторіи стараго Батурина. (Къ рисунку). (1890, № 11, 335—339—343).

645. **Л. А.** Къ исторіи церквей города Остра. (1891, № 11, 299—300).

646. **Л. О.** Кіево-Выдубецкій перевозъ на Днѣпрѣ и его нежданная политическая роль. (1882, № 11, 368—372).

647. **Л. О.** Владиміръ-Волынское братство. (По поводу его перваго годичнаго отчета). (1889, № 7, 285—291).

648. **Л. О.** Путевыя замѣтки Н. Д. Иванишева (бывшаго вице-предсѣдателя кіевской археографической коммиссіи, ректора и профессора Кіевскаго Университета). (1882, № 10, 78—88).

649. **Л. П.** Почему Десятинная въ Кіевѣ церковь извѣстна въ народѣ подъ именемъ Десятиннаго Николая? (1883, № 8, 755—757).

650. **Л. П.** Церковь св. Василія. (1888, № 7, 1—2).

651. **Л. П.** Спасъ на Берестовѣ. (1888, № 7, 8—11).

652. **Л. П.** Къ вопросу о началѣ кіевской академіи. (Отвѣтъ С. Т. Голубеву). (1885, № 2, 268—281).

653. **Л—въ** П. Историческія замѣтки о Кіевѣ. (1884, № 10, 227—253).

654. **Л—въ** П. Еще одна изъ древнѣйшихъ церквей въ Кіевѣ. (1887, № 12, 779—782).

655. **Л—ій** И. Къ исторіи учрежденія семинаріи въ Переяславлѣ. (1888, № 1—3, 35—36—39).

656. **Левицкій** Памфилъ. Прошлое переяславскаго духовнаго училища (бывшей переяславской семинаріи). (1889, № 2, 424—444).

657. **Лучицкій** И. Кіевъ въ 1766-омъ году. (1888, № 1—3, 1—74).

658. **М. К.** Путевые очерки Подолія. (1884, № 5, 7, 9, 10, 1—32, 359—391, 53—81, 254—275; 1885, № 2, 12, 465—489, 651—683).

659. **Матеріалы** для исторіи кіевской духовной академіи. Письма Иннокентія 1820—1825 г. Съ предисловіемъ **Л. М.** (1882, № 3, 499—506—519).

660. **М. Н.** Отъ Случи до Буга Путевыя замѣтки Эд. Хлопицкаго. (Съ польскаго). (1890, № 5, 342—363).

661. **Матеріалы** для исторіи кіевской духовной академіи. (Письма Якова Евдокимова Михайлова (впослѣдствіи Іустина, епископа Владимір.) къ Александру Иван. Бѣлюгову) (1823—1827). (1882, № 7, 106—136).

662. **Маркевичъ Алексѣй.** Къ древней топографіи Кіева. (1887, № 12, 782—787).

663. **Мельникъ** К. На Днѣстровскомъ «Побережьи». (1887, № 8, 638—675).

664. **Миронъ.** Лѣтопись Подгорецкаго монастыря. (1890, № 7, 121—122—128).

665. **Науменко** В. Къ исторіи открытія Немировской гимназіи. (1888, № 12, 116—117).

666. **Оглоблинъ** Н. Къ вопросу о началѣ кіевской академіи. («Выпись изъ книгъ гродскихъ воеводства кіевскаго», 1593 г.) (1886, № 3, 482—494).

667. **П. Л.** Гдѣ находился кіевскій домъ Саввы Туптала сотника? (1887, № 2, 383—384).

668. **Петровъ** Н. Забытыя ино-

ческія обители. (Монастыри Холмскій и Замостьевскій въ общей судьбѣ русско-уніатскаго монашества). (1882, № 6, 8, 1—41, 199—242).

669. **Петровъ Н.** Изъ путешествія въ сѣверо-западный край. (1889, №№ 2, 3, 4, 6, 464—476, 705—716, 174—184, 314—340).

670. **Писаревъ С.** Путевыя замѣтки отъ Смоленска до Кіева. (1887, № 3, 537—544).

671. **Подольское** епархіальное церковное древнехранилище. (1890, № 6, 551—552).

672. **Романовское** староство и судьба его жителей. (1885, № 8, 607—630).

673. **Садовскій.** Столѣтіе Кіевской первой гимназіи, какъ учебнаго заведенія. 1789—1889. (1889, № 11, 423—429)

674. **Сапожниковъ.** Къ исторіи Кіевскихъ Золотыхъ воротъ. (1886, № 5, 163—168).

675. **Свѣдѣніе** о картѣ Малороссіи полов. XVIII в., инженера Дебоскета. (1890, № 8, 316—317).

676. **Смоктій А.** Городъ Умань и Софіевка. (Исторія г. Умани.— Уманская рѣзня.—Софіевка). (1882, № 12, 420—437).

677. **Соборъ** вмѣсто собора (Къ исторіи кіевскихъ соборовъ). (1882, № 2, 413—417).

678. **Стороженко А.** Михайловская и Покровская церкви въ г. Переяславѣ, полтавской губ. (къ рисунк. Шевченка). (1891, № 2, 337—351).

679. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Малорусская географическая номенклатура. (1886, № 7, 456—489).

680. **Сѣверянинъ.** Къ столѣтію Новгородъ-Сѣверской гимназіи (1888, № 9, 63—70).

681. **Т. А.** Покровская церковь въ Переяславѣ. (1883, № 7, 588—592).

682. **Т. П.** Пятидесятилѣтіе Немировской гимназіи. (1888, № 12, 101—115).

683. **Т. П.** Березенская Вознесенская церковь. (Съ рисункомъ). (1889, № 1, 225—229—231).

684. **Т—ій К. И.** Краткій очеркъ исторіи города Умани. (1888, № 8, 381—394)

685. **Тарнавскій А.** По поводу 50-лѣтняго юбилея Почаевской лавры. (1883, № 12, 681—693).

686. **Твердохлѣбовъ А.** Судьба табачной фабрики, заведенной при Петрѣ І-мъ въ Ахтыркѣ. (1886, № 9, 178—182).

687. **Твердохлѣбовъ А.** Къ исторіи Свельскаго монастыря. (1886, № 10, 392—398).

688. **Тысячелѣтіе Кіева.** *Одного изъ народа.* (1882, № 3, I—VI).

689. **Фисенко А.** Кобелякское повѣтовое училище (1808—1833). (1887, № 10, 387—398)

690. **Цѣлебныя воды** въ Константиноградѣ. (1886, № 10, 402—403).

691. **Эварницкій Д.** Топографическій очеркъ Запорожья. (1884, № 5, 6, 7, 33—54, 177—200, 392—422).

692. **Ястребовъ В.** Херсонесъ Таврическій. (1883, № 5, 30—48).

693. **Ящуржинскій Х.** Херсонесъ во время крещенія въ немъ св. Владиміра и дальнѣйшая судьба города. (1888, № 7, 16—25).

III. Литература.

а) Матеріалы.

694. **Антоній** I. д-ръ. Иванъ Подкова. Историческій разсказъ (переводъ съ польскаго). (1885, № 10, 243—276).

695. **Антоній** I. д-ръ. На Шпаковомъ шляху. Разсказъ изъ быта Подоліи начала XVIII вѣка (переводъ съ польскаго). (1887, № 4, 693—720).

696. **Антоній** I. д-ръ. Страшный Іосифъ. (переводъ съ польскаго). (1883, № 9—10, 39—87).

697. **Антоній** I. д-ръ. Судьба красавицы. (Софія Глявоне-Витте-Потоцкая). (1887, № 1, 99—138).

698. **Антоній** I. д-ръ. Украинскія женщины. (Переводъ съ польскаго). (1883, № 6, 268—309).

699. **Артемовскій-Гулакъ** П. П. Два стихотворенія. Сообщ. И. П. Сокольскій. (1887, № 12, 799—802)

700. **Артемовскій-Гулакъ** П. П. Сочиненія (съ предислов. *А. Потебни*). (1888, № 5, 184—185—208).

701. **Барвинокъ** Ганна. Молотники. (Бытовой разсказъ). (1888, № 6, 341—364).

702. **Барвинокъ** Ганна. Половинщикъ. (Этнографическій разсказъ). (1888, № 12, 478—492).

703 **Барвинокъ** Ганна. Русалка. (Этнографическій разсказъ). (1889, № 7, 64—109).

704. **Вирши** на Рождество Христово. (1882, № 11, 398—400).

705. **Вирша** о сожженіи Мліевскаго ктитора Даніила Кушнира. (Сообщ. Ѳ. Лобода). (1886, № 5, 202—205).

706. **Вирша** на Рождество Христово. (Сообщ. С. И. Пономаревъ). (1882, № 12, 624—626).

707. **Вишенскій** Іоаннъ. Неизданныя сочиненія. (Приложеніе къ стат. И. Житецкаго «Литерат. дѣятельность Іоанна Вишенскаго»). (1890, № 6, 111—112—120).

708. **Вишенскій** Іоаннъ. Сочиненіе. (Приложеніе къ стат. Мирона «Іоаннъ Вишенскій»). (1889, № 4, 21—63)

709. **Владиміра** св. Южнорусское житіе XVII в. (Съ пред. П. В. Владимірова). (1889, № 2, 11—20).

710. **«Вояжъ** по Малой Россіи г. генерала отъ инфантеріи Беклешова». (Стихотвореніе). (1890, № 3, 458—463).

711. **Вопль** Мазепы. (Сообщ. С. Н. И.) (1884, № 12, 658—672).

712. **Выдержки** изъ сборника Украинскаго Дѣвичьяго монастыря. (1883, № 8, 760—764).

713. **Голосъ Малороссіи** конца XVIII в, (Стихи, по поводу назначенія Кречетникова малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ) Съ предисл. А. Л. (1890, № 3, 454—455—457).

714. **Гребенка**. Неизданное стихотвореніе. (Сообщ. М. Комаровъ). (1886, № 9, 176—177).

715. **Двѣ Малорусскія** оды изъ эпохи Наполеоновскихъ временъ (1807—1812). (Съ предисл. О. Лев—аго). (1886, № 1, 187—195).

716. **Двѣ** южно-русскія интермедіи начала XVII в. (Сообщ. М. Т—овъ). (1883, № 12, 652—664).

717. **Дополненіе** къ Пасхальной виршѣ. (1882, № 9, 567—571).

718 **Забила** В. Н. Неизданное стихотвореніе. (Съ предисловіемъ

М. Комарова). (1888, № 4, 15—16—18).

719. **Запорожская** пѣсня, записанная нѣмцемъ отъ нѣмца. Сообщ. (А. Лазаревскій). (1883, № 9—10, 322—324).

720. **Генрихъ Іоссе**. Младшій братъ. Очеркъ изъ Галицкой жизни (перев. съ польскаго). (1889, № 10, 143—160).

721. **Каро** Я. Беата и Гальшка. Историч. разсказъ изъ польско-русской жизни XVI в. (переводъ съ нѣмецкаго Н. М.). (1890, № 1, 2, 3, 95—116, 305—319, 485—525).

722. **Квитка** Г. Ѳ. Неизданный разсказъ. (1887, № 1, 91—98).

723. **Левицкій** И. Старосвѣтскіе батюшки и матушки (повѣсть изъ быта украинскаго духовенства20-хъ годовъ XIX ст.). (1884, № 1, 5, 6, 8, 12, 83—110, 88—116, 267—288, 655—680, 586—620; 1885, № 1, 8, 9, 11, 133—156, 630—681, 85—127 466—159).

724. **Левицкая-Пащенко** Юлія. Порченная (Бытовая повѣсть). (1888, № 8, 9, 289—314, 500—522).

725. **Лѣсковъ** Н. Печерскіе антики. (Отрывки изъ юношескихъ воспоминаній) (1883, № 2, 3, 4, 235—268, 493—527, 691—708).

726. **Максимовичъ** М. А. Два рукописныя стихотворенія.(Сообщ. В. Науменко). (1891, № 12, 480—482).

727. **Малороссійскія** Рождественскія вирши. (Извѣстны въ окрестностяхъ с. Ксендзовки кролевецкаго у., черниг. губ.—списаны со словъ А.П.Порохонской.(Сообщ. К. В. Болсуновскій). (1889, № 1, 234—236).

728. **Малорусская** историческая шарада. (1885, № 3, 592—593).

729. **Малорусская** политическая сатира на Польшу по поводу ея раздѣла. (1885, № 4, 791—795).

730. **Маркевичъ** Д. «На Вовчомъ хуторѣ». (1889, № 8, 428—435).

731. **Маркевичъ** Д. «Онъ присягалъ». (1891, № 3, 422—432).

732. **Мачтетъ** Г. А. Бѣлая панна. (Изъ дѣтскихъ воспоминаній неудавшагося поэта). (1889, № 1, 2, 90—116, 337—387).

733. **Миронъ**. Милліонеръ. Картинка изъ Галицкой жизни. (1890, № 5, 6, 307—326, 427—451).

734. **Миронъ**. «Слава Богу, для начала и это хорошо». (Этюдъ изъ жизни Прикарпатскаго народа). (1888, № 10, 121—148).

735. **Миронъ**. Чума.(1889, № 5—6, 400—437).

736. **На рубежѣ**. Повѣсть (переводъ съ польскаго). (1888, № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 8, 9, 180—243, 64—99, 209—234, 365—388, 315—348, 523—566).

737. **Находка** въ области старинной южно-русской письменности. (Сообщ. О. Левицкій). (1886, № 3, 398—601).

738. **Образцы** старо-семинарской поэзіи. (Съ предисл. П. Левицкаго). (1889, № 11, 450—451—454).

739. **Образчикъ** старинной малорусской эпитафіи. Епитафіонъ о дѣйствіяхъ въ жизни и преставленіи Николая Ивановича Тризны, бунчуковаго товарища. (р. 1694 г.+1776). (Сообщ. А. Лазаревскій). (1885, № 5, 180—181).

740. **Оржешко** Элиза. Вѣдьма. (Полѣсскій разсказъ) (перев. съ польскаго). (1886, № 2, 4, 5, 6, 8, 9, 278—326, 684—707, 79—107, 490—519, 693—726, 81—102).

741. **Остоя**. Нечистая сила. Повѣсть. (Переводъ съ польскаго К. М.). (1889, № 4, 5, 6, 7, 8, 152—173, 507—531, 188—220 491—514).

742. **Отголоски** польско-русской борьбы XVII ст. въ мелочахъ будничной жизни. (Стихотворный

памфлетъ въ актовыхъ книгахъ XVII ст. Сообщ. О. Л—й). (1887, № 3, 575—579).

743. **Памятникъ** украинской литературы конца XVIII вѣка.(Сообщ. Н. В.) (1891, № 1, 154--161).

744 . **Панегирикъ** Кочубеямъ. (1-й половины XVIII в.) (1887, № 6—7, 495—509).

745. **Пасхальная вирша**, «говоренная черноморцами его свѣтлости великому гетману, князю Потемкину на Свѣтлый день праздника Пасхи» (въ 1786—1787 г.). (1882, № 4, 168—171).

746. **Пасхальная** вирша въ спискѣ XVIII ст (Сообщ. О. Л.). (1890, № 5, 375—377).

747. **Пекельный** Марко. (Малорусская легенда въ стихотворномъ переложеніи конца XVIII вѣка). (Сообщ. П. И. Зуйченко). (1885, № 8, 682—692).

748. **Петневичъ** З. А. Сельскія недоразумѣнія. (Переводъ съ польскаго К. М.). (1889, № 1, 3, 155--186, 645—664).

749 . « **Письмо** » - Апокрифъ. (Сообщ. Хр. Ящуржинскій). (1891, № 11, 300—302,

750. **Плачъ** дворянина. (Сатира конца XVIII в.). (1889, № 10, 194—196).

751. **Познанскій** Борисъ. «Полячка». (Видѣнное и слышанное). (1890, № 12, 361—390).

752. **Познанскій** Борисъ. Что слышалось и что видѣлось. (1886, № 5, 108—129).

753. **Политическая** сатира конца XVIII в. (Сообщ. И. К—ъ). (1890, № 5, 369—373).

754. **Правила** Погарскаго благороднаго собранія. (Рукописный памфлетъ 1817 г.). (1888, № 11, 68—72).

755. **Прокоповичъ** Θеофанъ. Слово въ день св. равноапостольнаго князя Владиміра. (Приложеніе къ № 7 «Кіевской Старины» за 1888 годъ). (1—14).

756. **Псальма** XVIII столѣтія. (Сообщ. П. Е.) (1887, № 8, 777).

757. **Пѣснь** на случай открытія въ Кіевѣ Университета святаго Владиміра іюля 15 дня 1834 г. (Сообщ. В. Науменко). (1885, № 7, 482—490).

758. **Разговоръ Великороссіи** съ Малороссіей (литературный памятникъ второй половины XVIII вѣка). (Съ предисловіемъ Н. И. Петрова). (1882, № 2, 313—365),

759. **Разговоръ Великороссіи** съ Малороссіей. (Дополненіе къ пред. ст. (1882, № 7, 137—148).

760. **Разсказы** старыхъ людей о старыхъ временахъ. (Сообщ. П. Л—въ). (1884, № 8, 715—725).

761. **Ростовецкій** Василій. Сочиненіе «критика Польскаго Царства». (Малорусская политическая сатира XIX вѣка). (1887, № 6—7, 510—522).

762. **Репьяхъ** Омелько. Не судилъ Богъ. Разсказъ. (1890, № 8, 282—309).

763. **Рогова** О. Сынъ Гетмана. Историческій романъ въ трехъ частяхъ изъ временъ Б. Хмельницкаго. (1890, № 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 221—254, 419—443, 53—83, 227—254, 452—477, 22—58, 224—263, 420—455, 27—48, 273—303).

764. **Рождественскія** вирши въ спискѣ XVIII ст. (Сообщ. О. Л.) (1889, № 1, 242—244).

765. **Руданскій.** Изъ неизданныхъ стихотвореній. (1883, № 2, 471—473).

766. **Руданскій.** Обманутый солдатъ. Стихотвореніе. (Сообщ. А. Я. Креминскій). (1882, № 6, 556—558).

767. **Рукописный** альбомъ Андрея Ищенка 1780—82 г.г.(Сообщ. В.Науменко).(1889,№ 2,488—495).

768. **Савченко** Иванъ (крестья-

нинъ). **Дѣдушкинъ вексель.** (Изъ дѣтскихъ воспоминаній). (1884, № 5, 158—168).

769. **Сарнецкій** Николай. Подсудокъ. Очеркъ изъ волынской хроники (переводъ съ польскаго Н. М.). (1889, № 12, 547—581).

770. **Сатира** на дворянскихъ депутатовъ. (1888, № 1, 2, 3, 25—28).

771. **Сатира** на пановъ въ началѣ 60 годовъ. (Сообщ. В. Науменко). (1890, № 3, 542—546).

772. **Скорбь кіевлянъ** о потерѣ Магдебургскаго права (1835 г.) (современное стихотвор.). (1882, № 5, 352—357).

773. **Словарь** книжной малорусской рѣчи по рукописи XVII вѣка. (Приложеніе къ ст. П. Житецкаго «Очеркъ литерат. ист. малор. нарѣчія въ XVII в. (1888, № 8, 9, 10, 12, 1—104).

774. **Смоктій** А. Картинки народной жизни. (Изъ эпохи перехода отъ козачества къ крестьянству). (1883, № 9—10, 199—236).

775. **Современные** стихи на измѣну Мазепы. (1883, № 7, 596—598).

776. **Сонъ Пресвятой Богородицы** по списку генеральнаго войсковаго судьи Савы. (1887, № 10, 357—360).

777. **Старинный** кантъ. (Сообщ. С. Н. И.) (1886, № 8, 770).

778. **Старинное** малорусское стихотвореніе. (1889, № 10, 161—172).

779. **Старицкая** Л. Живая могила. (Малорусская легенда). (1889, № 10, 70—102).

780. **Стихи** на Рождество Христово. (Сообщ. В. Н—ко). (1891, № 12, 477).

781. **Стихотворный** памятникъ нашествія Шведовъ на Украйну. (Сообщ. К. А. Ставровскій). (1883, № 3, 688—690).

782. **Судъ Божій** надъ душою грѣшника. (Южно-русская религіозная драма конца XVII столѣтія. Съ предисловіемъ Ц. Г. Неймана). (1884, № 6, 289—292—305).

783. **Турчинскій**. Тарасъ изъ Ворохты. Изъ быта гуцуловъ. (Переводъ съ польскаго К. М.) (1888, № 11, 326—363, № 12, 493—542).

784. **Тяпинскій** Василій. Предисловіе къ печатному евангелію, изданному въ Западной Россіи около 1570 г. (Съпредисл. П. Владимірова). (1889, № 1, I—II—1—9).

785. **Федьковичъ** Осипъ. Довбушевъ кладъ. (Гуцульская легенда). (1886, № 8, 739—746).

786. **Федьковичъ** Осипъ. Надъ Днѣстромъ. (Разсказъ изъ народной жизни на Буковинѣ). (1890, № 7, 105—116).

787. **Целляріусъ** Б. Два типа и 2 сцены изъ минувшей жизни Южно-Русскихъ монастырей (1883, № 3, 672—680).

788. **Шевченко** Т. Г. Безталанный. (Поэма). (1887, № 11, 456—470).

789. **Шевченко** Т. Г. Близнецы. (1886, № 10, 11, 12, 199—251, 409—444, 589—626).

790. **Шевченко** Т. Г. Варнакъ. (1886, № 7, 410—442).

791. **Шевченко** Т. Г. Капитанша. (1887, № 4, 5, 589—620, 1—25).

792. **Шевченко** Т. Г. Княгиня. Разсказъ 1853 года (посв. Б. Ф. Засѣцкому). (1884, № 3, 391—422).

793. **Шевченко** Т. Г. Музыкантъ (Повѣсть). (1887, № 12, 627—695).

794. **Шевченко** Т. Г. Наймичка. (1886, № 8, 9, 577—612, 1—36).

795. **Шевченко** Т. Г. «Никита Гайдай». (Отрывокъ изъ драмы). (1887, № 10, 277—288).

796. **Шевченко** Т. Г. Прогулка съ удовольствіемъ и не безъ морали (подпись «Дармограй»). (1887,

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

МАЙ

ТОМЪ XLI.

1893 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

Дозволено цензур. Кіевъ, 2-го мая 1893 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XLI, 1893 г. Апрѣль, Май и Іюнь.

ЛЕГЕНДА О ГРѢШНОЙ МАТЕРИ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Легенда о грѣшной матери въ малорусскихъ варіантахъ. Ихъ обиліе и разнообразіе.—Варіанты великорусскіе, сербскіе, болгарскіе, польскій, моравскій, литовскій, черемисскій, италіанскіе и корсиканскій.—Старинные варіанты въ нѣмецкой рукописи XV в. и въ Великомъ Зерцалѣ.—Нѣкоторыя сходныя черты въ Huon de Bordeaux и въ путешествіи Брандана.—Мнѣнія о происхожденіи этой легенды.—Обзоръ мотивовъ.—Значеніе легенды въ малорусской народной словесности.

Легенда о грѣшной матери принадлежитъ къ числу весьма распространенныхъ въ Россіи и въ Западной Европѣ. Но есть страны, гдѣ она особенно излюблена, усвоена основательно и пользуется громадной популярностью, гдѣ она глубоко внѣдрилась въ народную словесность и въ обиходный кодексъ нравственныхъ понятій. Въ Западной Европѣ такой страной является Италія, въ Южной Европѣ—Болгарія, въ Восточной Европѣ—Малороссія. Возможно, что здѣсь дѣло не обошлось безъ литературнаго общенія. Относительно Италіи я высказываю лишь предположеніе, не настаивая на немъ, по недостатку прямыхъ доказательствъ. Относительно же Болгаріи и Малороссіи или точнѣе Галицкой Руси мы имѣемъ прямое доказательство такой литературной связи въ видѣ одной галицко-русской колядки—близкаго варіанта болгарской пѣсни о грѣшной матери.

Говоря о болгарскомъ вліяніи, мы не исключаемъ возможности и другихъ литературныхъ вліяній. Легенда о грѣшной матери живетъ въ Европѣ уже много столѣтій, и неудивительно, что ея отдѣльныя теченія переплетаются, сливаются, одно дру-

гое усиливаетъ, что на ряду съ литературнымъ воздѣйствіемъ идетъ и устная передача. Можно подчеркивать то или другое проявленіе этой легенды; но ни одинъ изъ ея варіантовъ нельзя ставить въ исключительное и доминирующее положеніе относительно другихъ варіантовъ. Въ настоящемъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ такой легендой, относительно которой нельзя сказать, когда она возникла вообще, когда она появилась въ той или другой странѣ въ частности, гдѣ первоначально она была создана, какой она имѣла видъ въ древнѣйшее время своего существованія, съ какимъ лицомъ священныхъ преданій она была первоначально связана, какими путями она проникала въ тѣ или другія страны. Множество интересныхъ культурно-бытовыхъ и литературныхъ вопросовъ остается безъ отвѣта. Трудность изученія легенды о грѣшной матери обусловливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что эта легенда часто входитъ въ составъ другихъ легендъ и, слѣдовательно, варіанты ея легко могутъ ускользнуть отъ вниманія изслѣдователя, а еще болѣе тѣмъ обстоятельствомъ, что въ легенды о грѣшной матери (особенно въ болгарскіе ея варіанты) вплетены мотивы изъ стиховъ о томъ, чѣмъ душа согрѣшила, изрѣдка эпизоды изъ Павлова Видѣнія и, слѣдовательно, приходится, какъ ни мала эта легенда по содержанію, принимать во вниманіе ея литературный составъ и выдѣлять изъ нея посторонніе элементы. На предстоящихъ страницахъ мы ограничимся подборомъ извѣстныхъ намъ варіантовъ легенды, начиная съ наиболѣе многочисленныхъ малорусскихъ, отмѣтимъ мнѣнія ученыхъ о ея происхожденіи и опредѣлимъ въ общихъ чертахъ ея значеніе въ украинской народной словесности.

Въ Малороссіи легенда о грѣшной матери извѣстна издавна. Въ „*Памятникахъ* старин. рус. литературы“ т. I стр. 99—102 изданъ старинный малорусскій варіантъ (приблизительно XVII в.). Это варіантъ краткій и безсодержательный. Въ немъ говорится только о грѣшной матери, о ея мученіяхъ, въ обрисовкѣ которыхъ обнаруживается вліяніе сказаній о загробныхъ мученіяхъ грѣшниковъ и въ частности наиболѣе популярнаго изъ нихъ Видѣнія ап. Павла. Въ этомъ варіантѣ

нѣтъ главной черты—попытки сына вытащить изъ ада грѣшную мать.

Въ Малороссіи легенда о грѣшной матери встрѣчается во многихъ мѣстахъ, быть можетъ, повсемѣстно; она записана въ Галиціи, въ Харьковщинѣ, въ Приднѣпровьѣ, встрѣчается въ видѣ пѣсенъ и въ формѣ прозаическаго повѣствованія, въ чистонародной украинской обработкѣ, съ своеобразными моральными сентенціями. Наиболѣе подробный прозаическій варіантъ легенды о грѣшной матери напечатанъ въ I т. „Записокъ о Южной Руси"—*Кулиша*: „У пекли кыпыть у смоли жинка, а передъ нею цыбулька лежыть. Дидъ и каже. Се мучытця такъ маты вашого старого титаря Онысыма, що було (т. е. Онисимъ) все старцивъ годуе та биднымъ помогае, а николы жаднои души не обидывъ и ни въ одному слови не збрехавъ. Була вона (мать Онысыма) богата та скнара, що одъ неи нихто и хлиба куска не бачывъ. Ото разъ полола вона цыбулю, ажъ иде поузъ дворье дидъ старецъ". „Подари, каже, пани матко, рады Хрыста". Вона вырвала стрилку: „Пріймы, каже, старче Божій!" Тилько жъ одъ неи и бачылы. Отъ, якъ умерла, то вже звисно—тутъ своя дорога, а тамъ тебе поведуть. Взялы іи небогу та и потяглы въ пекло. А Онысымъ и побачывъ зъ неба, що вона велыку муку пріймае, та и каже: „Боже мій мылый, Спасе мій Хрысте, за всю мою щирость, за всю мою правду, зробы мени таку ласку, нехай и моя маты буде въ раю зо мною. А Хрыстосъ и рече ему". „Ни, каже, Онысыме, вельми гришна твоя маты. Визьмы хиба оту цыбульку, що лежыть передъ нею, та колы вытягнешь іи зъ тіи бездны, то нехай и вона буде въ раю зъ тобою". Узявъ винъ тую стрилочку та и подавъ матери. Схопылась вона за неи.... отъ-отъ вытягне, отъ-отъ вытягне зъ пекла! бо що то Божому святому? Ажъ ни: якъ поначиплювалысь іи и въ плахту, и въ намитку гришныи души, щобъ и соби зъ того пекла выбраться, то и не сдержала тая цыбулька: перервалась; а вона такъ и бовтнула въ горячу смолу".

Въ малорусскихъ легендахъ о загробной жизни часто говорится, что души на томъ свѣтѣ сидятъ за столами, причемъ „хто старцямъ подававъ мылостыню, то все попередъ имъ и

лежыть, чи кильце ковбаски, чи шматокъ хлиба" (*Филол. Записки*), 1878 IV 101, *Манжура*, Сказки и пр. 155, 163). Весьма близкій варіантъ недавно записанъ въ купянскомъ у. харьковской губ.: „Видъ грихивъ вызволяеця той, хто на цимъ свити дае мылостыну. Жила соби одна скупа жинка. Отъ прыйшовъ до неи прохатырь и попросывъ у неи цыбулынку. Вона цёго не пожалила—дала, а якъ вмерла и мучилась въ смоли, то той самый прохатырь прыйшовъ, пустывъ ій цыбулынку, а вона за ню ухватылась та й вылизла изъ смолы" (*Ивановъ*, въ Этногр. Обозр. 1892 II 80).

Въ галицко-русской колядкѣ:

Ой въ раю, въ раю Ангели грають,
Лемъ святый Петро тако й не грае,
Бо его маты ажъ на днѣ въ пеклѣ.
„Позвѣдуй же ся та й святый Петре,
Та й святый Петре своей маточки!
Ци сила дала во имья Боже"?
„Эй я не дала, лемъ пивъ-повисма,
Лемъ пивъ-повисма, пивъ-плосконного".
Складуй же ты ихъ до волокенця,
Подай же ты ихъ на дно до пекла,
Ой стане она ся того хапати".
Подавъ же Петро на дно до пекла.
Стала она ся того хапати,
Стали ся на ню душки вѣшати,
Стала ся она отриповати:
„Эй гетьте, гетьте: бо вы не дали,
Бо вы не дали во имья Боже"!
Святый Петро ставъ, тяжко заплакавъ:
Эй, мати жъ моя та й проклятая!
Не творила-сь добре, то южь и не будешь;
Не вышла-сь съ пекла та южь не выйдешь". *Голов.*, т. II, стр. 45).

Отъ малорусскихъ пѣсенъ и сказаній о грѣшной матери прямой переходъ къ болгарскимъ пѣснямъ. Пѣсни этого рода вошли въ сборники *Чолакова* и бр. *Миладиновыхъ*. Въ сборникѣ Миладиновыхъ четыре пѣсни на эту тему, причемъ три пѣсни отличаются выдержанностью и полнотой содержанія. Во всѣхъ пѣсняхъ выступаетъ ап. Петръ, какъ сынъ грѣшной матери. Затѣмъ слѣдуетъ подробное перечисленіе грѣховъ матери, и эта часть пѣсенъ не осталась безъ вліянія на сербскія пѣсни, въ которыхъ тема о грѣхахъ матери развита въ ущербъ мотива о ея спасеніи, о чемъ здѣсь обыкновенно совсѣмъ умалчивается. Въ болгарской пѣснѣ, представляющей наибольшее сходство съ галицко-русской колядкой, грѣшная мать даетъ нищему „половину конопно поясмо", въ варіантѣ „корка лѣбецъ що стоила три недели и ленъ поясмо". Апостолъ Петръ три дня молитъ Бога и получаетъ разрѣшеніе вытащить мать веревкой изъ того льна, который былъ подаренъ ею нищему. Ап. Петръ опустилъ

веревку въ адъ. Мать схватила веревку, а за мать уцѣпились другія грѣшныя души (въ одномъ варіантѣ 70). Мать стала отталкивать ихъ, и упала „на дно пеколъ“ (Милад. 47—51, 56).

Сербскія пѣсни (у *Караджича*, *Милоевича*, *Ястребова*) сравнительно съ болгарскими блѣдны. Въ однихъ варіантахъ сыномъ грѣшной матери оказывается ап. Петръ, въ другихъ—ап. Іоаннъ, причемъ сынъ упрекаетъ мать за содѣянные ею на землѣ грѣхи, что она не кормила голодныхъ, не давала пить жаждущимъ, не одѣла нищаго, похищала пряжу, хлѣбъ (Ястреб. 123, 86). Эти сербскія пѣсни представляютъ большой интересъ при сравненіи ихъ съ болгарскими, великорусскими и малорусскими на мотивъ о томъ, чѣмъ душа согрѣшила, что не входитъ въ кругъ нашего изслѣдованія.

Въ старинной великорусской легендѣ, изданной по рукописи XVII в. въ I т. „Памятниковъ стар. рус. литерат.“, довольно обширной, но въ то же время и нѣсколько безцвѣтной, говорится о томъ, что молодая вдова вела разгульную жизнь и по смерти оставила своему сыну состояніе. Сынъ роздалъ его нищимъ и, по совѣту одного монаха, 7 дней (въ болгарской пѣснѣ 3 дня) молился объ избавленіи матери изъ ада. Во время молитвы онъ увидѣлъ на лѣвой сторонѣ въ зловонномъ болотѣ мать, а на правой чистую воду. Схвативъ мать за волосы, онъ перебросилъ ее на правую сторону. Долгое время отъ кисти его руки шло большое зловоніе.

На великорусскомъ духовномъ стихѣ о грѣшной матери, изданномъ Кирѣевскимъ, сильно отразилось вліяніе повѣсти „о нѣкоемъ священноинокѣ, иже о матери моляся и какова ему показася за преизлишнее тѣлесное украшеніе“, о чемъ см. изслѣдованіе проф. *Владимірова* о Великомъ Зерцалѣ стр. 98—99. Стихъ этотъ—замѣчательный образчикъ близкаго словеснаго воспроизведенія литературнаго образца.

Въ Бѣлоруссіи легенда о грѣшной матери весьма популярна; но, сколько можно судить по „Бѣлорусскому Сборнику“ *Романова*, въ Бѣлоруссіи легенда о грѣшной матери большею частью входитъ въ составъ другихъ легендъ (о Христовомъ братѣ,

Петръ и малецъ и др. IV 32, 40, 188) въ видѣ частнаго мотива. Въ одной сказкѣ этого рода сынъ скупой матери попадаетъ за милостыню въ рай; онъ увидѣлъ, что въ аду въ смолѣ находится его мать. Онъ хотѣлъ вытащить ее за волоса, вырвалъ клокъ волосъ и спряталъ его въ карманъ. Когда онъ вернулся на землю, то разсказалъ матери, какая печальная участь ждетъ ее на томъ свѣтѣ, и показалъ ей клокъ ея волосъ. Этотъ бѣлорусскій варіантъ представляетъ ту особенность, что видѣніе мукъ матери предшествуетъ ея смерти и служитъ для нея благимъ предостереженіемъ. Въ другихъ варіантахъ все дѣйствіе совершается послѣ смерти матери и сына въ загробномъ мірѣ. Въ бѣлорусскихъ легендахъ о грѣшной матери обнаруживаются, съ одной стороны, сходство съ великорусской старинной легендой (сынъ тащитъ мать изъ смолы за волоса), съ другой—съ малорусскими легендами (упоминается цыбуля, данная матерью нищему, въ одномъ варіантѣ сынъ грѣшной матери называется Петромъ хлѣбопекомъ—слабое отраженіе малорусскихъ и южнославянскихъ варіантовъ объ ап. Петрѣ и его грѣшной матери). Вообще, бѣлорусскіе варіанты занимаютъ среднее мѣсто между великорусскими и малорусскими.

Въ Литвѣ широко распространена легенда о скупой женщинѣ и ап. Петрѣ. Такъ, въ 1871 г. подъ г. Вильно записаны слѣдующіе ея варіаны: Была очень скупая баба; нищимъ она ничего не давала; но однажды, когда она полола въ огородѣ, нищій такъ надоѣлъ ей просьбами, что она вырвала луковицу и дала ее нищему. Нищій этотъ былъ апостолъ Петръ, ходившій въ то время по землѣ. Баба вскорѣ умерла. Когда Іисусъ съ апостоломъ Петромъ спустились въ адъ, то они нашли тамъ скупую бабу. Іисусъ сжалился надъ ней и поручилъ ап. Петру вынуть ее изъ ада. Ап. Петръ сорвалъ росшій вблизи мелкій лукъ (szczypior) и, нагнувшись къ пропасти, опустилъ стебликъ лука, чтобы баба схватилась за него; но стебликъ оборвался, и баба полетѣла въ еще болѣе глубокое мѣсто ада. Въ варіантахъ легенды сынъ бабы съ разрѣшенія Іисуса хочетъ вытащить изъ ада свою мать и протяги-

ваетъ ей стебликъ лука; баба схватила стебликъ, а грѣшныя души схватились за бабу, чтобы вмѣстѣ съ ней выбраться изъ ада. Злая баба стала отталкивать ихъ ногами, сорвалась и полетѣла въ глубь ада, а нѣкоторымъ душамъ удалось по стебельку выбраться изъ ада (*Karlowicz*, въ Zbiór wiadomości XI 274).

Легенда о грѣшной душѣ записана у горныхъ черемисовъ казанскаго края, къ которымъ, вѣроятно, проникла отъ русскихъ. У черемисовъ на праздникъ тарокъ-іолъ дарятъ хозяину возжи или кушакъ. По повѣрью черемисовъ, послѣ смерти этими возжами и кушакомъ можно вытащить человѣка изъ ада. Съ этимъ повѣрьемъ связана легенда на тему „Христосъ въ гостяхъ у мужика", извѣстную въ Россіи. Въ черемисской легендѣ Богъ, уходя отъ мужика, запретилъ ему смотрѣть въ окна избы; но мужикъ посмотрѣлъ и увидѣлъ адъ: покойники мучатся, и стоитъ тутъ одинъ человѣкъ, хочетъ вытащить лукомъ друга изъ ада, но не можетъ—подастъ лукъ, а другъ его и сорвется; въ двухъ другихъ окнахъ черемисъ видитъ рай, въ четвертомъ окнѣ землю. Богъ возвращается и объясняетъ все видѣнное черемисомъ, между прочимъ то, что человѣкъ, который не можетъ вытащить друга изъ ада, подарилъ ему только лукъ, а надобно дарить возжи или кушакъ (*Знаменскій*, въ Вѣстн. Евр. 1867 XII 62—63).

Изъ западнославянскихъ варіантовъ легенды мнѣ извѣстна только одна польская сказка и моравская пѣсня.

Въ польской сказкѣ „о матери св. Петра" говорится, что мать ап. Петра послѣ смерти попала въ адъ (грѣхи не указаны). Ап. Петръ три раза опускаетъ въ глубь стрѣлку лука и каждый разъ мать, отбиваясь отъ уцѣпившихся за нее душъ, обрывается и падаетъ все глубже и глубже въ адъ (*Chelchowski*, Powieści ludowe II № 75).

Въ моравской пѣснѣ царь Давидъ на лугу подъ липой играетъ на гусляхъ. Къ нему подходитъ пресвятая Дѣва Марія и сообщаетъ, что его мать въ аду. Царь Давидъ идетъ въ адъ и вызываетъ мать игрой на гусляхъ. Грѣшныя души уцѣпились за нее и не дали ей ходу. Дьяволъ вступаетъ съ Давидомъ въ состязаніе относительно игры на гусляхъ, проигрыва-

етъ и отпускаетъ его мать изъ ада. (*F. Sušil*), Moravske narodni pisně № 2). Очевидно, что здѣсь царь Давидъ поставленъ вмѣсто ап. Петра, и результатомъ такой подстановки явились игры на гусляхъ и освобожденіе матери изъ ада.

Въ Италіи весьма популярна сказка о грѣшной матери ап. Петра. Питре указываетъ на многіе напечатанные уже варіанты, записанные вблизи Венеціи, Сіены, въ Калабріи, въ Умбріи, въ Сициліи. Легенда, по своей популярности, явилась источникомъ цѣлаго ряда итальянскихъ пословицъ и поговорокъ. Въ Сициліи скупую женщину называютъ „Comu la Mamma di San Petru“, въ Тосканѣ „la Madre di S. Pietro“, въ Венеціи „la Mare de S. Pero“. Насколько италіянскія легенды о грѣшной матери близко стоятъ къ малорусскимъ и южнославянскимъ, можно видѣть изъ слѣдующей сицилійской легенды. Говорятъ, что мать св. Петра была очень скупая женщина и никому не давала ни зерна. Однажды она чистила груши. Нищая стала просить милостыню. Скупая женщина бросила ей кожицу (sfogghia di porru). Когда она умерла, Господь повергъ ее въ адъ. Св. Петръ былъ тогда распорядителемъ въ раю и стоялъ у его вратъ, когда услышалъ голосъ: „О Петръ, сынъ мой, посмотри, какъ меня пекутъ огнемъ; умоли Господа и избавь меня отъ этихъ мукъ. Ап. Петръ сталъ просить Господа. Господь сказалъ, что скупая мать дала при жизни бѣдной только кожицу груши и потому ее можно вытянуть изъ ада этой кожицей. Ангелъ опустилъ кожицу въ адъ, и мать ап. Петра схватилась за нее; но грѣшныя души, желая также выйти изъ ада, уцѣпились за край ея платья. Мать ап. Петра стала отталкивать ихъ ногами и встряхивала одеждой (l'abbramata e chi eracci metti a dari cauci e a scutularisi la vesta). Кожица перервалась и мать ап. Петра упала въ самую глубь ада (*Pitré*, Fiabe, nov. e racconti popolari siciliani III 65—67).

Въ корсиканской сказкѣ мать ап. Петра, очень злая и скупая, послѣ смерти попадаетъ въ адъ. Ап. Петръ огорченъ. Господь обѣщаетъ взять ее на небо, если въ „книгѣ живота“ ея окажется какое-нибудь доброе дѣло. Внимательно пересматри-

вая книгу, ап. Петръ нашелъ, что мать его однажды подала нищему листокъ поррея (feuille de poireau). Онъ опустилъ листикъ въ адъ и сталъ тянуть мать. Сначала одна грѣшная душа прицѣпилась къ матери ап. Петра, къ этой душѣ другая и т. д. Злая мать ап. Петра стала отбиваться отъ нихъ ногами, говоря, что пусть ихъ сыновья выручаютъ изъ ада. Господь видѣлъ эту злость. Ап. Петръ выпустилъ изъ рукъ листъ поррея, и мать упала въ глубь ада (Ortoli, les contes popul. de l'île de Corse, 235—237).

Своеобразные варіанты легенды о грѣшной матери находятся въ старинныхъ западноевропейскихъ письменныхъ памятникахъ. Такъ въ одной нѣмецкой рукописи XV вѣка Келлеръ нашелъ слѣдующую легенду объ ап. Петрѣ и дровосѣкѣ: дровосѣкъ, человѣкъ трудолюбивый, но ничего добраго въ своей жизни не сдѣлавшій, хотѣлъ послѣ смерти войти въ рай. Ап. Петръ сначала не впускалъ его, но потомъ, тронутый его просьбами, сталъ тянуть его на небо за топоръ; когда дровосѣкъ былъ на послѣдней къ небу ступени, ручка топора выскочила (fällt der Stiel aus dem Schlägel), и дровосѣкъ упалъ въ адъ (*Pitre*, Fiabe etc. III 67, изъ Anzeiger f. Kunde. d. deutsch. Vorzeit 1836.

Приблизительно къ тому же времени относится появленіе сборника разсказовъ Великаго Зерцала, причемъ вошедшіе въ него разсказы восходятъ къ XIII в. и болѣе раннему времени. Въ Великомъ Зерцалѣ монахъ молится о прощеніи грѣховъ матери. Онъ увидѣлъ ее сидящей на зміѣ, на ея головѣ ящерицъ и мышей. Мать говоритъ, что она проклята на вѣчныя мученія, и перечисляетъ свои грѣхи и объясняетъ причины, почему ее мучатъ змѣй, ящерицы, мыши и проч. Когда она это сказала, „смрадъ велій повѣя и подвиже змій... и отиде". Такимъ образомъ здѣсь нѣтъ попытки сына вытащить свою мать изъ ада. Повѣсть длинна, риторична и бѣдна содержаніемъ. Въ описаніи мученій обнаруживается вліяніе Павлова Видѣнія. Змій и ящерицы прямо взяты изъ Павлова Видѣнія.

Происхожденіе легенды о грѣшной матери темно. Проф. *Владиміровъ* указываетъ, какъ на источникъ, на повѣсть „Ве-

ликаго Зерцала“ о нѣкоемъ священноинокѣ, иже о матери своей моляся и какова ему показася за презлишнее тѣлесное украшеніе (98—99). *Г. Карнѣевъ* въ статьѣ „Стихъ о женѣ милостивой“ въ VI кн. Журн. М. Н. Пр. 1892 на стр. 225, въ слѣдъ за г. Владиміровымъ, говоритъ, что стихъ о грѣшной матери возникъ непосредственно подъ вліяніемъ Зерцала Великаго. Такое мнѣніе можно принять исключительно для старинныхъ рукописныхъ легендъ, изданныхъ въ Памят. стар. рус. лит., и для возникшаго подъ вліяніемъ именно такихъ легендъ великорусскаго духовнаго стиха. Тутъ въ цѣломъ и въ частностяхъ большое сходство; нѣтъ ни ап. Петра, ни ап. Іоанна; вмѣсто нихъ выступаетъ безыменный монахъ и, главное, нѣтъ, самой характерной особенности вытягиванія изъ ада грѣшной матери лукомъ или другимъ предметомъ, даннымъ ею нищему при жизни. На мой взглядъ, варіантъ Великаго Зерцала имѣетъ свою собственную исторію. Легенда о грѣшной матери, должно быть, существовала до Великаго Зерцала въ разныхъ варіантахъ. По крайней мѣрѣ варіанты малорусскіе, бѣлорускіе, сербскіе, болгарскіе, италіанскіе, въ общемъ весьма сходные, далеко отстоятъ отъ варіанта Великаго Зерцала. Кстати здѣсь можно припомнить одно цѣнное предположеніе проф. М. С. Дринова. Обративъ вниманіе на тотъ дебрскій стихъ въ сборникѣ г. Ястребова, въ которомъ св. Іоаннъ не допускаетъ въ рай свою мать, М. С. *Дриновъ* говоритъ: „Достойно примѣчанія, что тогда какъ во всѣхъ другихъ болгарскихъ и сербскихъ варіантахъ обличителемъ и судьею матери передъ вратами рая является, какъ и слѣдовало ожидать, св. Петръ, въ дебрскихъ варіантахъ Григоровича („Коло V 56) и г. Ястребова въ такой роли встрѣчаемъ св. Іоанна. Очень можетъ быть, что замѣна Петра Іоанномъ тутъ произошла подъ вліяніемъ богомильскихъ воззрѣній. Такое предположеніе, быть можетъ, не покажется очень смѣлымъ, если припомнить, что у богомиловъ св. Іоаннъ Богословъ пользовался особеннымъ уваженіемъ и если при этомъ примемъ въ соображеніе, что пресловутая въ исторіи богомильской ереси гора Бабуна находится не такъ далеко отъ Дебрскаго округа“ (Нѣск. словъ о языкѣ и пѣсн. дебр. славянъ, 35).

Въ пользу значительной древности легенды о грѣшной матери, древности, восходящей далѣе Великаго Зерцала, служитъ то обстоятельство, что сходныя черты находятся во французскомъ романѣ XII в. Huon de Bordeaux и въ еще болѣе старинномъ памятникѣ—Путешествіи св. Брандана. Время возникновенія послѣдняго памятника въ точности неизвѣстно. Бранданъ—ирландскій святой VI в. (+ въ 576 или 577 г.). Путешествіе Брандана уже въ VI в. было въ числѣ популярныхъ книгъ во Франціи, Испаніи, Италіи и Германіи (*Schröder*, St. Brandan, 1871, пред. III—V). Во французскомъ романѣ Huon de Bordeaux на пути въ Азію встрѣтилъ въ морѣ человѣка, носимаго волнами. Этотъ человѣкъ оказался Іудой Искаріотскимъ. Онъ осужденъ вѣчно носиться по волнамъ океана, причемъ его единственной опорой служитъ маленькій кусочекъ полотна, который былъ подаренъ имъ при жизни нищему (*Creiznach*, Iudas Iskariot in leg. û Sage des M. Alters, Paul und Braun Beiträge, Band II Heff 2, p. 205—206, съ ссылкой на Dunlop—Lietrecht'a 128). Замѣчательно, что этотъ самый эпизодъ съ небольшимъ измѣненіемъ повторяется въ Путешествіи Брандана. Здѣсь Іуда въ аду нѣсколько предохраняетъ себя отъ огня, прикрывая свое лицо тѣмъ платкомъ (Tüchlein), который онъ при жизни похитилъ у Спасителя и, раскаявшись въ воровствѣ, подарилъ прокаженному (*Creiznach*, l. c. 205—206). Эта оригинальная черта въ сказаніяхъ объ Іудѣ Предателѣ, по всей вѣроятности, пристала къ нимъ изъ цикла сказаній о грѣшной матери, на ряду съ другими сказаніями, наслоившимися на апокрифическихъ преданіяхъ объ Іудѣ, напр., сказаніемъ о кровосмѣшеніи Іуды съ матерью и убіеніи имъ роднаго отца (изъ цикла классическихъ сказаній объ Эдипѣ и Лаѣ). Сказанія объ Іудѣ въ Huon de Bordeaux и въ Путешествіи Брандана даютъ поводъ думать, что уже въ XI в. легенда о грѣшной матери извѣстна была въ разныхъ варіантахъ, съ пріуроченіемъ къ разнымъ лицамъ Священнаго писанія.

Основными мотивами легенды о грѣшной матери можно признать слѣдующіе:

1) Дѣйствіе происходитъ въ загробномъ мірѣ; дѣйствующія лица—грѣшная мать въ аду и ея добродѣтельный сынъ въ раю.

2) Сыномъ оказывается св. ап. Петръ, вѣроятно, въ силу общераспространеннаго вѣрованія объ ап. Петрѣ, какъ привратникѣ рая, вѣрованія, укрѣпленнаго живописными церковными изображеніями ап. Петра съ ключами въ рукахъ или за поясомъ. Можно считать случайными замѣны ап. Петра ц. Давидомъ, Іудой Искаріотскимъ, ап. Іоанномъ, въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ мѣстныхъ историческихъ или литературныхъ условій. Въ народныхъ преданіяхъ подставленными лицами вмѣсто ап. Петра оказываются—въ малор. благочестивый титарь храма Онысымъ, въ бѣлор.—благочестивый Петръ хлѣбопекъ.

3) Перечисленіе грѣховъ матери не составляетъ существенной части разбираемой легенды и проникло въ нее изъ круга распространенныхъ пѣсенъ о томъ, чѣмъ душа согрѣшила, пѣсенъ, не лишенныхъ мѣстной бытовой окраски. Въ легендѣ о грѣшной матери оказывается одинъ только постоянный грѣхъ ея—скупость, и на этомъ грѣхѣ построено все содержаніе легенды.

4) Попытка сына освободить мать изъ ада оканчивается неудачно, за исключеніемъ немногихъ варіантовъ, слабыхъ и испорченныхъ.

5) Средствомъ избавленія оказывается, большею частью, лукъ, головка или стрѣлка, замѣняемый кожицей груши или листикомъ порея, изрѣдка веревкой, во всѣхъ случаяхъ—предметомъ, подареннымъ матерью при жизни нищему.

Таково, мнѣ кажется, основное содержаніе легенды о грѣшной матери, и тѣ варіанты, гдѣ вмѣсто грѣшной матери является другое лицо (дровосѣкъ, пріятель сосѣдъ, Іуда), я считаю искаженіями основнаго содержанія, и еще большими искаженіями я считаю монастырскія передѣлки легенды безъ имени ап. Петра, съ расписываніемъ грѣховъ и мученій. Такой передѣлкой, сильно уклонившейся отъ оригинальныхъ народныхъ варіантовъ, мнѣ представляется легенда о нѣкоемъ священноинокѣ въ Великомъ Зерцалѣ.

Широкое распространеніе легенды о грѣшной матери объясняется тѣмъ, что она удовлетворяетъ народнымъ понятіямъ о необходимости въ жизни добра и милосердія.

Для Малороссіи такія легенды, какъ легенда о грѣшной матери, имѣли то важное значеніе, что восполняли скудный домашній запасъ легендарной литературы. Такъ какъ свѣтскій и духовный эпосъ растутъ на одной почвѣ и существованіе одного предполагаетъ существованіе другаго, то изъ обилія, напримѣръ, былинъ или думъ можно a priori заключить о соотвѣтствующемъ богатствѣ легендарной словесности. Такое заключеніе, вполнѣ вѣрное въ приложеніи къ Великороссіи, гдѣ наряду съ былинами о кн. Владимірѣ и богатыряхъ стали духовные стихи о сорока каликахъ, про книгу Голубиную и про Егорія Храбраго, не приложимо къ Малороссіи. При блестящемъ развитіи гражданскаго и военнаго эпоса въ Малороссіи религіозный эпосъ оказывается весьма слабымъ. Спокойныхъ духовныхъ стиховъ и эпическихъ повѣствованій о святыхъ, инокахъ, монастыряхъ въ Малороссіи записано очень мало, и старинные памятники даютъ въ этомъ отношеніи весьма немного (кое-что есть и у Петра Могилы и у Галятовскаго). Для развитія религіознаго эпоса малороссамъ недоставало мирной жизни и душевнаго спокойствія. Борьба съ татарами, турками и поляками, борьба военная и полемико-литературная, не давала малоросамъ возможности сосредоточиться, на явленіяхъ религіозно-нравственной и мѣстной церковной жизни и отвлекала ихъ вниманіе на сторону свѣтскихъ дѣлъ и свѣтскаго эпоса. Церкви, иконы, книги въ старинной Малороссіи часто подвергались разоренію и истребленію или со стороны степныхъ хищниковъ татаръ или со стороны фанатиковъ католиковъ и уніатовъ. При этомъ въ пламени пожаровъ погибали всякаго рода рукописи, житія святыхъ, апокрифическія сказанія, живописныя изображенія легендарныхъ и апокрифическихъ сюжетовъ. Къ этимъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ присоединилось еще тяготѣніе высшаго православнаго духовенства въ польской аристократіи и его подчиненіе латинской схоластикѣ. При малочисленности оригинальныхъ легендъ значительную популярность по-

лучили легенды захожія, заимствованныя отъ южныхъ православныхъ славянъ, большею частью путемъ устнаго усвоенія, и отъ славянъ западныхъ, преимущественно поляковъ, при посредствѣ кіевскихъ ученыхъ, хорошо ознакомившихся не только съ пріемами польскихъ ученыхъ и проповѣдниковъ, но и съ содержаніемъ ихъ трудовъ, преимущественно съ переводными промптуаріями, зерцалами, фацеціями и жартами.

На предыдущихъ страницахъ я неоднократно оговаривалъ, что перечисленіе грѣховъ матери и мученій ея имѣетъ второстепенное, служебное значеніе и взято большею частью изъ стиховъ о грѣшной душѣ. Эти стихи существуютъ отдѣльно, встрѣчаются у всѣхъ славянскихъ и многихъ западноевропейскихъ народовъ и представляютъ большой интересъ для историка культуры, литературы и быта. Этимъ стихамъ мы посвящаемъ небольшую отдѣльную монографію въ pendant къ настоящей статьѣ.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

Частная переписка Григорія Андреевича Полетики. [1]

(1750—1784 г.).

25) Къ женѣ, изъ Петербурга, 1777 г., 13 сентября.

Матушка, душа моя, Елена Ивановна! Третьяго дни писалъ я къ вамъ, отвѣтствуя на писмо ваше и управительское, писанныя чрезъ людей Лобысевичевыхъ, и при писмѣ вашемъ приложилъ писмо къ братьямъ холопецкимъ Гамалѣямъ, и писма мои, для скорѣйшаго къ вамъ доставленія, послалъ чрезъ почту. Однако не пропуская и нынѣшняго случая, пишу къ вамъ и прошу васъ, чтобы вы сверхъ того, что въ писмахъ моихъ къ вамъ и къ братьямъ написано, поговорили такъ, какъ будто отъ себя, братьямъ: естли бъ, скажите, прямо хотѣли они [2]) съ вами мириться, когда мужъ мой самъ приглашалъ ихъ на миръ четыре раза, а теперь вы сами можете догадаться, для чего они васъ безъ моего мужа приглашаютъ на миръ, тоесть, чтобъ васъ обмануть и толь знатное имѣніе за ничто получить, и мужу де моему давно извѣстно, что Завадовскіе хотятъ получить тѣ имѣнія, заплатя долгу за Корсака двадцать тысячъ и умогоричивши васъ на чемъ нибудь; однако мужъ мой, какъ никогда ихъ не боялъся и презиралъ ихъ ухищренія, такъ теперь и колмы паче. Для ихъ, скажите, ни сенатъ, ни государыня правосудія сламать не захочетъ; знаютъ, молъ, въ Петербургѣ всѣ, что они съ другими подѣлали и дѣлаютъ. Пускай молъ прежде съ тѣми раздѣлаются, а мужа моего и васъ оста-

---

[1]) См. „Кіевск. Старина" 1893 г. № 4.

[2]) Корсаки.

вять въ покоѣ. При семъ же случаѣ посылаю вамъ, матушка: 1) пятьдесятъ лимоновъ, когда то они въ дорогѣ не позябнуть, а померанцовъ хотя вы и писали ко мнѣ, чтобъ прислалъ, но за великою дороговизною не моглъ я и не разсудилъ за благо покупать ихъ. Они уже тогда, какъ я отъ васъ получилъ писмо, были въ три рубли десятокъ, а теперь послѣ потопу, думаю и за четыре ихъ не взять. Лучше я, когда будутъ ставать денги, куплю вареныхъ. 2) Бочонокъ маленкій голандскихъ селдей, съ подписомъ на днѣ онаго бочонка вырѣзанныхъ литеръ Г. П., и сей бочонокъ посылаю къ вамъ впередъ для употребленія, а когда самъ буду ѣхать, то болше куплю. Я бы очень радъ былъ, естьли бы получилъ отъ васъ писмо или записку о всѣхъ припасахъ и вещахъ, нужныхъ въ домѣ нашемъ, по которой бы я что могъ, старалъся исправить. 3) Пару замковъ съ ключами и со всѣмъ приборомъ, которые бралъ я сюда для починки. Впрочемъ желая васъ съ дѣтьми, которыхъ благословляю, въ добромъ здоровьѣ видѣть въ скорости, есмь вашъ вѣрный другъ и мужъ Г. Полетика.

P. S. Лимоны наши посланы въ особливомъ ящикѣ, на которомъ вырѣзаны также литеры Г. П.

P. S. Пожалуйте, матушка, увѣдомьте меня, что слышно о Корсакахъ, не собираютъся ли они сюда ѣхать и что говорятъ о своемъ дѣлѣ они или ихъ пріятели? Управителю прикажите, сверхъ того затора, о которомъ я въ писмѣ моемъ писалъ къ нему, попробовать еще кадки двѣ или три выкурить слѣдующимъ заторомъ: тоесть положить въ заторъ 16 пудъ ржаной муки, 2 пуда ржаного солоду, 2 пуда ячнаго солоду 1 пудъ овсяной муки, и потомъ осмотрѣть, сколько вѣдръ можно взять изъ сего затору добраго полугарнаго вина. Напишите ко мнѣ, матушка, много ли у насъ въ домѣ сахару.

26) Къ женѣ, изъ Петербурга, 1777 г., 25 сентября.

Матушка, душа моя, Елена Ивановна! Писмо ваше отъ 30 августа по вчерашней почтѣ получилъ я, а по отходящей сего дня отвѣтствую. Весма сожалѣю о худомъ здоровьѣ дѣтей нашихъ, а еще болше о приключающихся вамъ оттого печа-

ляхъ, и прошу васъ какъ можно себя отъ оныхъ поберечь, полагаясь болѣе во всемъ на волю Господню, ибо все отъ его воли зависитъ. За хозяйскія увѣдомленія благодарю васъ, золотыя колца, требуемыя вами, закажу сдѣлать. Продажу крѣпостнаго Пантелѣя отдаю вамъ на волю. Онъ вашъ и съ нимъ что хотите дѣлать можете. Вы знаете, что я не очень гоняюсь за крѣпостными[1]). Чемъ оплачивать его плутни, то лучше продать. Только я бы не совѣтовалъ вамъ продавать въ тотъ домъ, въ который вы пишете, какъ для другихъ мнѣ извѣстныхъ причинъ, такъ особливо и для того, что они хорошо заплатить не похотятъ, и того не дадутъ, что могутъ дать посторонніе. Велите только Ѳедору поискать другихъ купцовъ и прицѣниться, что будутъ давать, а впрочемъ остается въ вашей воли, имъ ли продать или постороннимъ. Здѣсь за людей очень хорошо платятъ, за одного человѣка, годнаго въ солдаты, даютъ по 300 и по 400 рублей, а я знаю, что тамъ и за всю семью того не дадутъ. Дѣла мои опять, слава Богу, на ладъ пошли. Новый секретарь высмотрѣлъ екстракты, и немного кое гдѣ по своему вкусу переправивъ, велѣлъ набѣло переписывать. Итакъ не дастъ ли Богъ, что ихъ вскорѣ доложатъ, естьли то еще какой не воспослѣдуелъ перемѣшки, ибо увѣрено меня, что по выбытіи Туманскаго изъ сената и оберъ-секретарь всѣми силами проситъ увольненія отъ малороссійскихъ дѣлъ и опредѣленія ко онымъ другаго оберъ-секретаря, а самъ желаетъ остаться при однихъ лифляндскихъ дѣлахъ. Притомъ еще ожидаютъ и новаго оберъ-прокурора, ибо старый 22 числа сего мѣсяца пожалованъ въ сенаторы. Все противное тому дѣлается, какъ думаетъ человѣкъ. Я думалъ, что меня, хотя и дѣла кончатъся, подрядъ на вино здѣсь нѣсколько времени удержитъ, а теперь противное все выходитъ, подрядъ на той недѣли начнетъся, а дѣла дай Богъ, чтобъ кончились въ будущемъ мѣсяцѣ; однакожъ я ни о чемъ такъ не думаю, не стараюсь и недокучаю, какъ объ нихъ, и какъ скоро увижу приближаю-

---

[1]) Въ это время, мѣстные крестьяне („подданные") крѣпостными еще не считались. Крѣпостные покупались въ Малороссію изъ великорусскихъ губерній.

щійся имъ конецъ, такъ въ сутки убираться стану, и здѣсь и одного лишняго дня мѣшкать не буду; и для сего то, душенька, и напоминаніе ваше о скоромъ моемъ къ вамъ приѣздѣ мнѣ непротивно потому, что я и самъ о семъ ежеминутно мышлю и сокрушаюсь. Дастъ Богъ, что желаніе обоихъ насъ скоро совершитъся, а нынѣ желая вамъ и дѣтямъ добраго здоровья, и благословляя ихъ, есмь вашъ вѣрный другъ и мужъ Г. Полетика.

P. S. Пожалуйте, душенька, увѣдомьте меня поскорѣе о полученіи моего писма, при которомъ приложено и писмо къ братьямъ холопецкимъ, и какъ вы съ онымъ писмомъ поступили, тоесть отдали ли имъ оное или нѣтъ, и что они по оному говорили или говорятъ, такожъ небыли ли они опять туда жъ призываны?

27) Къ женѣ, изъ Петербурга, 1777 г., 12 октября.

Матушка, душа моя, Елена Ивановна! На писмо ваше отъ 10 сентября ко мнѣ писаннное, а мною 1 октября полученное, пропустилъ я двѣ почты, не отвѣтствуя вамъ, для слѣдующихъ причинъ: 1) что хотѣлъ я къ вамъ, смотря по обстоятельствамъ дѣлъ нашихъ, написать что нибудь надежное; 2) что приѣхавшій сюда съ Маріею Павловною Якимъ Семеновичъ [1]), по неимѣнію квартиры, взъѣхавъ на мою, отнялъ у меня время, чтобъ поскорѣе вамъ на то писмо отвѣтствовать, а теперь уже сыскалъ себѣ квартеру и шестого дня отъ меня переѣхалъ. Онъ привезъ сюда Марію Павловну въ весма худомъ состояніи ея здоровья съ тѣмъ, чтобъ здѣсь ея полѣчить. Она весма болна маткою и отъ нея происходящею гипохондріею, которая производитъ въ ней странныя мысли, задумчивость и печаль. Иванъ Михайловичъ Скоропадскій лѣчитъ ее обыкновеннымъ своимъ лѣкарствомъ, тоесть вымыслами и шутками, но до сихъ поръ мало что помагаетъ [2]). Теперь начну писать къ вамъ о

[1]) Сулима, (р. 1737 † 1818), женатый на Марьѣ Павл Скорупѣ (р. 1753 † 1783). См. Сулимовск. архивъ, стр. 160.

[2]) Бригадиръ Ив. Мих. Скоропадскій, какъ видно, былъ такой же острословъ, какъ и сынъ его Василій, адъютантъ Румянцева. См. о немъ—„Кіевск. Стар." 1882 г., ноябрь, 310 и Опис. Стар. Малороссіи, II, 109.

дѣлахъ. Торги на вино начались и производятъся уже другую недѣлю, и вмѣсто того, что обнадеживали насъ окончить оныя въ одну недѣлю, почему и я къ вамъ писалъ, будетъ еще по онымъ дѣла на двѣ недѣли. Я объявилъ себя поставщикомъ на 1000 вѣдръ въ четыре города, тоесть: въ Трубчевскъ, въ Путивль, въ Рыльскъ и во Мценскъ, и сіе сдѣлалъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ подрядится въ тѣ мѣста, гдѣ на меня выгоднѣе и цѣною сходнѣе будетъ, а отъ прочихъ отказалъся, а можетъ быть откажусь и отъ всѣхъ, потому, что весма унижаютъ цѣны набѣгшіе суда въ великомъ множествѣ поставщики. Вы изъ сего можете разсудить, что въ прежнія подряды въ С.-Петербургъ ставилось вино по рублю и слишкомъ, а теперь въ первомъ еще торгу сбили цѣну до 74 копѣекъ; что жъ будетъ во второмъ и въ третьемъ? а я себѣ положилъ за правило, чтобъ во всѣ прочія города ниже 75, а по крайнѣй мѣрѣ 70 копѣекъ не рядиться, кромѣ Трубчевска, въ который для близости можно взять и дешевлѣ, естли крайнѣ не унизитъ цѣны Подлинева повѣренный, который уже и на первомъ торгу силно мнѣ перебивалъ цѣну. Изъ вышеписаннаго вы можете усмотрѣть, что я въ семъ случаѣ очень осторожно поступаю и поступать намѣренъ, и что торгъ на вино продолжитъся еще на двѣ недѣли. Что жъ касается до компромисныхъ нашихъ дѣлъ, то оныхъ обнадеживаютъ начать слушать на будущей недѣли, и сіе слушаніе уповаю также продолжиться недѣли двѣ или три, а недѣля и другая пройдетъ на написаніе приговоровъ и указовъ. И такъ надежда на Бога, что я отсюду выѣду, естьли не въ среднихъ, то въ послѣднихъ, числахъ ноября, почему вы, душенька, можете еще на сіе мое писмо отвѣтствовать, а съ среднихъ чиселъ ноября я бы уже вамъ и писать ко мнѣ не совѣтовалъ, а я напротивъ того, смотря по надобности и обстоятелствамъ, буду къ вамъ писать до самаго моего отъѣзду. Дай то Богъ, чтобъ не писмами, но устами съ вами разговарывать въ скорости. Жаль мнѣ, естьли у насъ сухихъ конфектовъ не будетъ, потому, что прежнихъ годовъ обсылали здѣшнихъ господъ, а теперь уже нѣчемъ будетъ. О Иванушкѣ сердечно сожалѣю, призирайте его въ сей болѣзни, лѣчите какъ

возможно, онъ у насъ самый надежный сынъ будетъ для снисканія своего щастія чрезъ уложенье[1]). Я для всѣхъ ихъ обще, тоесть для сыновъ и для дочерей, сыскалъ здѣсь недорогаго учителя француза, который ихъ будетъ учить читать и говорить, что самая есть главная нужда во французкомъ языкѣ, и сіе сдѣлаетъ то, что они, научившись дома сему, гораздо скорѣе въ школахъ и въ пенсіонахъ научатъся досталному. Данилу Осиповичу скажите, что я писмомъ его доволенъ, но только на оное пространно отвѣтствовать не имѣю времени; что онъ не совѣтуетъ мнѣ рядится съ откупщиками на болшее число, кромѣ на свои 5000 вѣдръ, то что онъ тогда скажетъ, когда я подряжусь на полугарную по 75 или по 70 копѣекъ, а на пѣнную по 85 или по 90 копѣекъ, съ тѣмъ, чтобъ взяли оную на мѣстѣ. Не могу ли я тамъ у другихъ купить того и другаго вина дешевлѣ, когда онъ же самъ, а сверхъ того и Лобысевичъ, ко мнѣ пишутъ, что полугарное вино продается по 40 и не свыше 50 копѣекъ, а пѣнное въ 60 и въ 70 копѣекъ; съ своею жъ поставкою я никому рядиться не намѣренъ. Дай только Богъ чтобъ несолгалъ тотъ человѣкъ, который мнѣ таковыхъ охотниковъ сыскать обѣщался. Я слышу, что стародубовцы вездѣ по Руси бѣгаютъ и ищутъ ихъ, но не сыскиваютъ. Вотъ ему отвѣтъ, что онъ на сіе скажетъ. Пускай только онъ старается скупать хлѣбъ, сколько можно его достать какъ теперь, такъ особливо, когда станетъ подвозъ по первой дорогѣ, а трудъ о продажѣ вина пускай на мнѣ лежитъ. Впрочемъ желая вамъ и дѣтямъ здоровья и ихъ благословляя, есмь вашъ вѣрный другъ и мужъ Г. Полетика.

P. S. Письмо къ братьямъ[2]) посылаю къ вамъ, душенка, съ тѣмъ, чтобъ вы оное вмѣстѣ съ цедулкою отдали имъ въ такомъ случаѣ, когда они еще въ другій разъ къ Завадовскому не былъ призываны, чтобъ они, узнавъ ухищренія ихъ, а мое напротивъ того къ нимъ добродушіе, знали чемъ предъ нимъ отговориться. Естьли-жъ уже призываны былы и на требованія

---

[1]) Ив. Гр-чъ П-ка служилъ во флотѣ мичманомъ и умеръ холостымъ. (См. № 33). Что значитъ выраженіе—„снисканіе щастія чрезъ уложеніе"—не понимаемъ.

[1]) Т. е. къ Гамалѣямъ. Ст. № 24.

ихъ не соглясились, то хотя отдавайте письмо и цедулку, хотя и нѣтъ, сіе состоитъ въ вашей воли и разсужденіи, а болше посовѣтуйтесь съ сестрою Аграфеною Григорьевною и съ Даниломъ Осиповичемъ. Естьли-жъ, чего не дай Богъ, да согласились они на миръ, то лучше письма сего имъ и не показуйте, ибо тогда другое уже что-нибудъ надобно будетъ начинать. Наиболше вы просите Григорія Григорьевича и сестръ, чтобъ какъ возможно старшихъ двухъ братьевъ совѣтомъ своимъ отъ сего удерживали, сказывая, что они въ дѣлѣ семъ безъ меня вѣрно обмануты будутъ. Мнѣ, душенка, весьма худые сны о васъ снятся, то есть такіе, какіе снились въ прошедшую мою сюда поѣздку. Я весьма оными тревожусь и печалюсь, и ничего такъ не желаю, какъ чтобъ они не сбылись, но съ ночами проходили.

28) Къ управляющему, изъ Петербурга, 1777 г., 9, ноября.

Государь мой Данило Осиповичъ! Писмо ваше отъ 30 сентября получилъ я, на которое симъ отвѣтствую. Въ первомъ писмѣ вашемъ, въ которомъ писали вы объ оставкѣ чеховскаго прикащика и объ опредѣленіи на его мѣсто другого, пропустили вы написать, кто именно опредѣленъ, а изъ сего писма вашего усматриваю, что опредѣленъ Мишка. Хотя и не сомнѣваюсь, чтобъ онъ въ семъ дѣлѣ не могъ исправиться, однако, кажется мнѣ, что вы опредѣлили его туда преждевременно, а вотъ какія тому причины: 1) что вы его оторвали отъ ученія дѣтей ариѳметики; 2) что по пріѣздѣ моемъ надобенъ онъ мнѣ будетъ для посылки сюда за разными нуждами, а сіе учинить весьма будетъ неудобно, когда уже совсѣмъ войдетъ въ правленіе хозяйства; 3) всего же главнѣйше есть то, что я опасаюсь, чтобъ онъ, будучи надъ горѣлкою главнымъ правителемъ, не привыкъ ее хлыстать, и тогда то уже изъ него ничего добраго не будетъ. Всего было лучше, чтобъ вы до моего пріѣзду опредѣлили кого-нибудь изъ мужиковъ, напримѣръ Захарку или другаго кого, а не его; но когда уже опредѣленъ, то пускай будетъ до моего пріѣзда и разсмотрѣнія; однако вы за нимъ прилѣжно надсматривайте и дайте ему знать о моемъ сомнѣніи прописанномъ въ 3 пунктѣ, сказавъ ему при томъ, что теперь его са-

мое критическое время, въ которое онъ себя долженъ наилучше показать и повести, естьли хочетъ, чтобъ и ему хорошо было. Поздно правда начали вы вино курить въ Волотынской винокурнѣ, и могли бы то учинить ранѣ, естьли съ лѣта о томъ думали, а не осенью думать начали; однако ошиблись вы, что я буду за сіе гнѣваться; вотъ не гнѣваюсь потому, что хотя меньше горѣлки въ ней накурится, но болше останется хлѣба къ винокуренію будущаго года, а тутъ то онъ намъ и нуженъ, какъ вы усмотрите изъ нижеслѣдующаго. Третьяго дня кончилъ я мой подрядъ на поставку вина. Въ Трубчевскъ подрядилъ я ставить—1730 вѣдръ по 59 копѣекъ. Въ Путивль — 3254 вѣдра по 65 копѣекъ. Хотѣлъ было я взять вашу цѣну по 2 и 1½ рубля, но казна ещо отъ вѣку сей цѣны никому не плачивала, и повѣкъ уповаю платитя не будетъ, а напротивъ того отказала мнѣ поставку 1864 вѣдръ въ Рыльскъ за то, что я не хотѣлъ ставить ниже 67 копѣекъ, и взяла сію поставку на свой щетъ, изъ казенныхъ заводовъ. И такъ осталось за мною безъ малаго 5000 вѣдръ, а съ наддачею на усышку и утечку трехъ вѣдръ на сто, будетъ съ неболшимъ 5000 вѣдръ. Мнѣ кажется, что сія поставка по нашему перью, и будетъ намъ приносить хотя небольшіе, но всегда надежные барыши, а разорить не можетъ, исключая чрезвычайную дороговизну хлѣба, которой однако намъ смертнымъ предвидѣть неможно, а безсмертный и питающій насъ Богъ оной да не допуститъ. Теперь намъ, бросивши всѣ другія разсужденія, что впередъ будетъ, надобно думать о томъ, чтобъ былъ у насъ въ запасѣ на будущій годъ хлѣбъ, о чемъ пожалуйте приложите вашего staranія слѣдующимъ образомъ: 1) какъ скоро начнется подвозъ хлѣба изъ Россіи, такъ вы, не упуская первыхъ торговъ, начинайте и закупатъ рожь, употребя на то наличныя у васъ имѣющіяся денги. Серебреныя однако естьли можете у кого въ закладъ положить, а взять мѣдныя до отдачи, то весма хорошо сдѣлаете; 2) какъ я не надѣюсь, чтобъ у насъ наличныхъ денегъ много было, по причинѣ застойки нашей горѣлки, то пока я здѣсь употреблю стараніе о продажѣ оной, прилагаю при семъ писмо къ Василію Андреевичу Борковскому,

прося его, чтобъ онъ на малое время, то есть до продажи нашей горѣлки, далъ мнѣ взаймы 1000 рублей ассигнаціями и мѣлкими, и уповаю, что онъ съ меня и процентовъ не возметъ. Естьли его нѣтъ въ Романовкѣ, то вы съ симъ писмомъ пошлите къ нему немедлѣнно одного или двухъ нарочныхъ изъ нашихъ надежныхъ мужиковъ, которые какъ скоро привезутъ къ вамъ отъ него денги, такъ и употребляйте оныя въ покупку хлѣба всѣ безъ остатка, приказывая накрѣпко закупщикамъ, чтобъ они скупали самый чистый и сухій хлѣбъ; а ссыпать велите тамъ, гдѣ заспособнѣе и къ сберееженію угоднѣе разсудите, то есть въ Юдиновѣ ли, въ Волотынѣ ли или въ Чеховкѣ, хотя то въ семъ послѣднемъ мѣстѣ рожь не нужна, а нужна мука, почему и дѣлать такъ надобно, чтобъ тамъ ее не много ссыпать, чтобъ не было лишней возки. 3) Но прежде нежели начнете по торгамъ скупать хлѣбъ, отзовитесь къ Губкину или къ другимъ трубчевскимъ купцамъ, не сказывая однако имъ, что я взялъ подрядъ на вино, и предложите имъ, не захотятъ ли они по погарской или почепской, (смотря гдѣ дешевле будетъ) цѣнѣ и мѣрѣ поставили намъ хлѣбъ, и ежели захотятъ, то вы можете рядить ихъ на 1000 или 1200 четвертей съ поставкою въ которое мѣсто, сколько надобно будетъ; только жъ твердо съ ними договариваться, чтобъ хлѣбъ былъ не съ грязью и пылью, каковъ нѣкогдась поставилъ Губкинъ, такожъ не сырый и не костероватый и проч., а въ противномъ случаѣ, скажите имъ, ни одна четверть не будетъ прянята. Мнѣ кажется сія дружная поставка чуть ли не лучше бъ была и не надежнѣе, нежели частная, а впрочемъ дѣлайте такъ, какъ лучше съ повелѣнія госпожи и по совѣту съ людьми. 4) Привозимый изъ Украины хлѣбъ велите ссыпать въ ямы ли или въ амбары, для раздачи будущею весною людямъ. 5) Писалъ я къ Θедору, чтобъ естьли есть у него въ сборѣ денги, прислалъ бы къ вамъ, которые вы получивъ, употребите на покупку хлѣба. 6) Кажется я и прежде писалъ къ вамъ, чтобъ въ нынѣшній годъ въ обоихъ нашихъ винокурняхъ брали только по 2 кадки въ день, что и нынѣ подтверждаю. Все сіе пишу къ вамъ предупредительно съ тѣмъ, чтобъ вы не до-

жидаясь моего пріѣзда, все то въ дѣйство производили, что полезнѣе для хозяйства, а между тѣмъ я уже далъ слово Еленѣ Ивановнѣ, чтобъ быть къ Рождеству или между святками, котораго и не перемѣню, а вы, пожалуйте, уговаривайте ее, чтобъ она между тѣмъ не скучала и задумчивымъ мыслямъ себя не подвергала. Всѣ вить умремъ, но дай Богъ воскреснуть воскресеніемъ праведныхъ. Впрочемъ есмь вашъ, государя моего, вседоброжетателный слуга Г. Полетика.

29) Къ женѣ, изъ Петербурга, 1777 г., 5 декабря.

Матушка, душа моя, Елена Ивановна! Отъ 31 октября писанное ко мнѣ писмо отъ Данила Осиповича получилъ я 19 ноября, которое столь меня сокрушило и ввергло въ тяжчайшую печаль, что я не могу вамъ изобразить, а скажутъ, может быть, вамъ другіе люди. Въ ономъ писмѣ своемъ увѣдомилъ онъ меня о болѣзни вашей, приключившейся отъ болячки въ горлѣ, которая ни говорить, ни дышать вамъ не даетъ, и я не зналъ, что мнѣ по сему извѣстію начать дѣлать. Думалъ было, все бросивши ѣхать; но пріятели мнѣ говорили, что естьли я отсюду поѣду и, чего не дай Богъ, васъ въ живыхъ не застану, и здѣсь дѣла неоконченныя брошу, а между тѣмъ пріѣдетъ Левандовскій, и ихъ по своимъ похвалкамъ переиначитъ, то двѣ потери мои будутъ невозвратимы, и могутъ тѣмъ скорѣе докончать и мою жизнь; и такъ совѣтовали подождать другаго писма, я ихъ послушалъ, и уже двѣ почты прошло, какъ онаго другаго писма ожидаю, но ни отъ васъ, ня отъ Данила Осиповича онаго не получаю, и удивляюсь страннымъ мыслямъ и поступку сего человѣка, который умѣлъ до крайности меня своимъ писмомъ опечалить, а обрадовать не умѣетъ. Какая бы ему диковинка заразъ по другой почтѣ писать ко мнѣ, выздоровѣли ли вы и есть ли надежда къ вашему выздоровленію или нѣтъ. Я знаю, что онъ скажетъ, что либо вы писать не приказали, или получено мое писмо, въ которомъ я писалъ, чтобъ съ половины ноября мѣсяца уже ко мнѣ не писать. Но въ первомъ случаѣ могъ бы онъ вамъ представить, сколь сія повторытелная вѣдомость для меня нужна, а во второмъ могъ

бы онъ и то разсудить, что до половины ноября все еще, и вамъ, и ему, писать ко мнѣ можно было, а съ 31 октября, котораго числа онъ свое письмо отправилъ ко мнѣ, до 15 ноября слишкомъ двѣ недѣли, то между тѣмъ могъ бы онъ еще ко мнѣ и не одно писмо отправить, для сегожъ чрезвычайнаго случая, могъ бы онъ писать и послѣ 15 ноября. Положимъ, что писмо бы меня здѣсь и не застало, такъ осталось бы у пріятеля, на котораго имя писма надписываются, а въ такомъ случаѣ въ неизвѣстноси меня оставить не должио ему было. Но видно, что онъ такъ своимъ разумомъ надумался. Дай же Богъ, душа моя, чтобъ я васъ засталъ живыхъ и здоровыхъ, что будетъ по тяжкимъ моимъ хлопотами отрадою. Меня здѣсь искуснѣйшіе докторы увѣряютъ, что болячка ваша пе опасна, а особливо де, когда она уже разъ была и лопнула; но въ такомъ де случаѣ всегда должно пустить кровь и принять слабителное. Болячка де безъ нарыву гораздо опаснѣйшая. Но я желаю, чтобъ вы впредь никакой не имѣли. О себѣ объявляю, что три дѣла наши уже выслушаны и рѣшены, а два обѣщаютъ, что на сей недѣли выслушаютъ, и обнадеживаютъ меня совсѣмъ въ скорости отсюду отправить, почему я всѣ приуготовленія дѣлаю, чтобъ мнѣ до празднику отсюда выѣхать, хотя бы то было наканунѣ самаго Рождества, естьли не могу прежде. Вы уже ко мнѣ ничего не пишите, а только старайтесь быть здоровы и ничемъ не смущайтесь. Со мною, уповаю, вмѣстѣ будетъ и братъ Григорій Ивановичъ, который, побывавъ у насъ въ домѣ и повидавшись съ матерью и съ роднею, поѣдетъ назадъ въ Вѣну, а здѣсь ни за что не хочетъ остаться. Хотя его и хотѣли оставить и чинъ ему давали, но онъ лучше соглашается ѣхать безъ чина, нежели быть здѣсь. Съ Иваномъ Михайловичемъ Скоропадскимъ чуть было мы навѣки не попрощались. Ему приключились разныя тяжкія болѣзни, а особливо жестокая горячка, отъ которой чуть онъ не лишился жизни. Теперь, слава Богу, есть ему легче; однако еще все боимся рецидивы. Естьли онъ выйдетъ изъ сей болѣзни, то я могу сказать, что онъ все свое выздоровленіе мнѣ приписать долженъ: я почти всю прошлую недѣлю ни дня, ни ночи покойныхъ не имѣлъ, заботясь

о немъ и сыскалъ для него лучшаго здѣшняго доктора, который его отъ жесточайшихъ припадковъ спасъ. Мы уже хотѣли выписывать сюда и Ульяну Васильевну[1]), но онъ не велитъ. Сіе мое писмо не почитайте послѣднимъ, ибо я еще къ вамъ писать буду и точно означу вамъ день, въ который могу отсюда выѣхать, а теперь пишу только то, что выѣду скоро и отъ всего сердца желаю васъ въ добромъ здоровьѣ видѣть вмѣстѣ съ дѣтьми, которыхъ благословляю и есмь вашъ вѣрный другъ и мужъ Г. Полетика.

30) Къ женѣ, изъ Петербурга, 1777 г., 21 декабря.

Матушка, душа моя, Елена Ивановна! Въ началѣ сего мѣсяца хотя и писалъ я къ вамъ, отвѣтствуя на писмо Данила Осиповича, писанное ко мнѣ отъ 31 октября о болѣзни вашей, но не уповая, чтобъ то писмо дошло до рукъ вашихъ, потому что почта, съ которою оное послано, въ 12 верстахъ отъ Петербурга разбита и разграблена, по причинѣ посланныхъ чрезъ оную не малаго числа денегъ, и только сысканы не многія по дорогѣ и въ лѣсу пакеты, въ которыхъ числѣ, какъ меня увѣряли почтовые служители, будто остался цѣлъ и стародубовскій пакетъ, на что однако не надѣясь, коротко объявляю вамъ, что я въ ономъ писалъ, пеняя Данилу Осиповичу, что онъ послѣ того писма ничего уже ко мнѣ неписалъ и умѣвъ меня привесть въ тяжчайшую горесть, обрадовать ничемъ неумѣлъ. За сіе его не только я пеняю и всегда пенять буду, но и всѣ здѣшніе мои пріятели, кому ни скажу, не хвалятъ, ибо пускай бы его писмо меня здѣсь и незастало, то всетаки, хотя на удачу писать ему ко мнѣ надлежало, что съ вами дѣлаетъся или сдѣлалось, когда уже разъ началъ писать, а писмо бы его или здѣсь въ рукахъ Василія Александровича осталось, или бы ко мнѣ обратно прислано было, а то я его промысломъ и теперь нахожусь въ такой горестной неизвѣстности, что Богъ только знаетъ. Писалъ же я еще въ томъ моемъ писмѣ къ вамъ, что уже три наши дѣла выслушаны, а ос-

---

[1]) Жена Скоропадскаго, рожд. Кочубей.

талныя два хотѣли на будущей недѣли слушать, итакъ уповалъ непремѣнно передъ праздникомъ отсюда выхаѣть; но праведные здѣшніе судьи, откладывая то слушаніе изо дня на день, напослѣдокъ, когда 12 числа сего мѣсяца великій князь Александръ Павловичъ родилъся, чемъ васъ поздравляю, то они сперва для родинъ а потомъ для крестинъ, нѣсколько дней неприсутствовали, а потомъ когда пришло уже до послѣдняго собранія, которое было сегодня, и въ которое все обнадеживали, что будутъ дѣла мои слушать, то въ половинѣ 12 часа, вышедши ко мнѣ оберъ прокуроръ князь Куракинъ, сказалъ, что никакъ неуспѣютъ выслушать потому, что хотятъ очистить и подписать выслушанныя уже дѣла, и съ великими ласками просилъ меня обождать до послѣпраздника. Я и прежде сего одинъ разъ, объявляя вашу болѣзнь и мою о жизни вашей неизвѣстность, плачучи его просилъ, чтобъ онъ велѣлъ поспѣшить окончить мои дѣла, а теперь когда онъ мнѣ сію вѣсть сказалъ, то я ему, имѣя слезы на глазахъ, столько наговорилъ, что онъ, сколько я примѣтилъ, началъ было на меня и досадовать, но видя, что я ему все правду говорю, началъ оправдаться, что онъ всему сему не виноватъ, будучи недавно опредѣленъ, и божилъся, что сей часъ послѣ крещенія мои дѣла предложены и рѣшены будутъ, а рѣшенныя подпишутъся. Я было видя такое продолженіе, хотѣлъ все бросивши, ѣхать, но между тѣмъ получилъ отъ брата Андрея вторычное писмо, которое къ вамъ подлинное посылаю, и по которому Левандовскаго такъ, какъ и по увѣренію его здѣшнихъ пріятелей, всякій часъ здѣсь ожидать должно. Вы хотя изъ онаго увидите его плутовство и хвастовство, однако въ дѣлахъ нашихъ уже онъ мнѣ разъ въ Глуховѣ штукъ надѣлалъ, а естьли и теперь бы я ихъ бросилъ, а онъ пріѣхавши ихъ бы передѣлалъ, то пропали бы цѣлогодныя мои труды, и мнѣ бы ни на кого болше неможно было сожалѣть, какъ на самаго себя. Итакъ прости мнѣ, душенка, что я къ тебѣ двумя или тремя недѣлями позже пріѣду, нежели какъ я думалъ, и вамъ обѣщалъ. Снесите великодушно сію мою безвинную вину, и будте совершенно увѣрены, что я къ вамъ, естьли не въ среднихъ, то въ пос-

лѣднихъ числахъ генваря непремѣнно буду, и впередъ обѣщаю вамъ сюда никогда безъ васъ не ѣздить. Данилу Осиповичу поблагодарите за его исправность и догадливыя мысли, и скажите ему, чтобъ онъ всячески старалъся о покупкѣ хлѣба для будущаго и нынѣшняго винокуренія. Естьли и тамъ также дороги нѣтъ, какъ здѣсь ее вовсе нѣтъ, то уповаю еще и привозу не было; однако онъ пускай времени не пропускаетъ, какъ скоро привозъ станетъ. На горѣлку я также еще неподрядилъся потому, что откупщиъи еще не всѣ собрались, а соберутся развѣ святами, ибо ихъ торгъ отложенъ также до послѣ святъ. Увидя по обстоятельствамъ моихъ дѣлъ, можетъ быть я еще разъ къ вамъ писать буду, а когда не буду, то считайте сіе мое писмо послѣдимъ. Желая вамъ слѣдующій праздникъ и новый годъ въ добромъ здоровьѣ съ дѣтьми, которыхъ благословляю, начинать и провождать, есмь вашъ вѣрный другъ и мужъ Г. Полетика.

P. S. Писмо къ Василію Андреевичу Борковскому велите отослать въ Романовку, гдѣ естьли его нѣтъ, то пускай сами отошлють въ Тупичевъ [1]).

31) Къ неизвѣстному калужскому помѣщику, изъ Юдинова, 1778 г., 9 іюня.

Милостивый Государь мой Гаврило Өедоровичъ! Извѣстясь отъ вручителя сего человѣка моего о благородныхъ вашихъ а честному дворянину приличныхъ постункахъ въ разсужденіи обиды, причиненной мнѣ отъ крестьянина братца вашего Егора Өедоровича, за долгъ мой почелъ принесть вамъ, милостивому государю моему, должное мое за то благодареніе. Сколь много радуюсь, что сыскался въ Калугѣ такой честной человѣкъ, кака вы, который мало или ничего меня не зная, узналъ однако мою невинность, и стараніе прилагалъ меня во оной защищать, столь много сожалѣю, что братецъ вашъ, промѣнявъ дворянина на плута и бездѣлника своего крестьянина, поступилъ со мною столь несправедливо. Вы, милостивый госу-

---

[1]) Другое имѣніе Дуниныхъ-Борковскихъ въ городницкомъ уѣздѣ.

дарь мой, сами благоразсудно извольте разсмотрѣть, что естьли бы мое стремленіе было напрасно обидѣть крестьянини брата вашего, то какая бы нужда меня заставила давать ему росписку въ удержанныхъ мною его 39 рубляхъ, и какая бы нужда велѣла мнѣ посылать съ нимъ своего человѣка въ Калугу; но какъ я сіе дѣлалъ праводушно, желая только одного того, чтобъ помянутый вашего братца крестьянинъ доставилъ мнѣ другаго такова жъ плута, какъ и самъ, крестьянина, котораго онъ мнѣ подставилъ и своимъ батракомъ называлъ, такъ никогда не надѣялъся, чтобъ брдтецъ вашъ причинилъ мнѣ толь немалую обиду и убытки, ибо вмѣсто того, чтобъ сысканъ былъ виноватой и отдана бъ была мнѣ справедливость и удовольство за 39 насчитано на меня 100 рублей, а въ залогъ того арестовано моихъ вещей безъ малаго рублей на триста. Теперь, посылая вновь людей моихъ въ Калугу для выручeнія заграбленныхъ моихъ вещей, и росправы съ помянутымъ бездѣлникомъ крестьяниномъ братца вашего и другимъ таковымъ же названнымъ отъ него батракомъ, покорнѣйше васъ, милостиваго государя моего, прошу привесть братца вашего въ справедливѣйшія обо мнѣ мысли и уговорить его, чтобъ онъ раздѣлалъся со мною по дворянской своей честности и не мѣнялъ бы меня на своего безсовѣстнаго мужика, который для своего интереса и самаго малаго, радъ употребить всякое плутовство, божбу и клятвы. Не сомнѣваясь, что вы, милостивый государь мой, оказавъ мнѣ благосклонность вашу по одной вашей честности и безъ моей прозбы, при оной еще болше ту окажете, а я напротивъ того смѣю васъ увѣрить, что она никогда изъ памяти моей не выйдетъ, и я ничего бы болше не желалъ, какъ имѣть тотъ пріятный случай, который бы вамъ доказать могъ, съ какою къ вамъ благодарностію, усердіемъ и почтеніемъ я есмь вашъ, милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга Григорій Полетика.

32) Къ женѣ, изъ Глухова, 1779 г., 19 января.

Матушка, душа моя, Елена Ивановна! По полученіи вашего писма, по пріѣздѣ моемъ въ Глуховъ, ночью, въ среду,

на другій день отправилъ было я Савку нарочно въ Николаевку съ тѣмъ, чтобъ чревъ сихъ же подводчиковъ, по приказу моему отправляемыхъ, отправилъ прикащикъ къ вамъ рыбу и вьюновъ, но онъ уже ихъ въ Николаевкѣ незасталъ; и такъ они вамъ рыбы, кромѣ 80 метокъ [1]) вьюновъ, которые прикащикъ самъ собою отправить догадалъся, невезутъ, а надѣюсь, что привезетъ оную съ собою Савка, и съ каретою довезетъ въ Юдиновъ. Я здѣсь намѣренъ побыть до понедѣлника, пока подпишетъся опредѣленіе по дѣлу нашему, которое уже слушано, а недождавъся того, ѣхать боюсь, чтобъ неиспакостили. Въ понедѣлникъ же хочу выѣхать въ Сѣвскъ за пенсіономъ, и естьли Богъ дастъ, то на будущей недѣли, въ четверкъ или въ пятницу, уповаю быть дома. Между тѣмъ прошу васъ, душенка, приказать управителямъ учинить слѣдующее: 1) справиться по винокурнямъ,—можетъ ли собраться у насъ до масляницы, для отправленія вина полугарнаго въ Путивль, 1350 или немного болѣе вѣдръ, и естьли можетъ собраться, пускай чрезъ сихъ же подводчиковъ къ николаевскому прикащику пишутъ, чтобъ онъ, слѣдуя моему приказанію, какъ николаевскихъ, такъ и коровинскихъ подводъ половину, а не всѣхъ, отправлялъ въ Юдиновъ, несмотря на масляницу, съ хлѣбомъ, и для отвозу вмѣстѣ съ юдиновцами досталнаго вина въ Путивль; естьли жъ не выкурится столько, какъ вышеписано, вина до масляницы, то, какъ я несомнѣваюсь, чтобъ чрезъ масляницу и первую недѣлю поста, невыкурилось требуемаго числа вина, такъ пускай пишутъ въ Николаевку, чтобъ прикащикъ заразъ на первой недѣли поста отправлялъ подводы, ибо чемъ ранѣ выставить вино тѣмъ лучше. 2) Пускай отберутъ тройку или четверку лошадей для отправки Мишки въ С. Петербургъ и никуда ихъ нетрогаютъ, а между тѣмъ и кормятъ получше. 3) Пускай велятъ столарямъ когда есть, а въ небытность ихъ, Процику заготовить доръ для здѣланія ящиковъ для сухихъ конфектовъ; но оныхъ пускай не клеятъ до моего пріѣзду, ибо лишнихъ ихъ

---

[1]) Вьюны обыкновенно нанизываются понѣсколько десятковъ на прутья лозы, причемъ каждая такая низка и называется „меткою".

надѣлывать нѣчего, да и дору лишняго, смотря по конфектамъ, не велите брать. 4) Данилу Осиповичу скажите, чтобъ онъ съ мужиковъ видрянскихъ, юрковскихъ и прочихъ, которые отговаривались въ неотдачѣ хлѣба тѣмъ, что неперевоженъ былъ изъ-за Судости, непремѣнно оный доправилъ, ибо я несомнѣваюсь, чтобъ они уже его неперевозили и неперемолотили, такожъ пенечные (за пеньку) и прочія долги пускай всемѣрно собираетъ, а съ которыхъ еще не пора или до будущаго года никакъ нельзя будетъ собрать, пускай по реестрамъ представляетъ ихъ Ѳедору Максимовичу, чтобъ они сами ему, какъ свои, такъ и чужіе сказали, что то число должны. Впрочемъ желая васъ и дѣтей, которыхъ благословляю, въ добромъ здоровьѣ видѣть, есмь вашъ вѣрный другъ и мужъ Г. Полетика.

P. S. На сихъ подводахъ, чтобъ праздно назадъ неѣхали, пускай отправятъ тесницы, доръ или что нибудь, давъ имъ на дорогу по 10 копѣекъ.

33) Къ сыновьямъ Василію, Ивану и Павлу, изъ Могилева, 1780 г., 7 сентября [1]).

Любезные мои дѣти Василій, Иванъ, Павелъ! Объявляю вамъ, что я, разлучась съ вами, вчерашняго дня на ночь пріѣхалъ въ Могилевъ, а сего дня отсюду отъѣзжаю домой. Желая вамъ добраго здоровья, отечески вамъ напоминаю, чтобъ вы другъ друга любили, учились прилѣжно и одинъ другому во ученіи, а особливо ты, Васенька, младшимъ своимъ братьямъ помогали, ибо чемъ лучше и скорѣе въ тѣхъ наукахъ, въ которыя вы теперь отданы, успѣете, тѣмъ скорѣе можете посланы быть туда, гдѣ вышшія науки преподаются. Особливо тебя Ванюша, и тебя, Павлуша, упоминаю, чтобъ вы время ваше не столько въ гуляньѣ и шалостяхъ, сколько во ученіи провождали, и когда тебя, Ванюша, лѣкарь начнетъ лѣчить, то чтобъ ты крайнѣ берегъся отъ бѣганья и сильныхъ тѣлодвиженій, и дѣлалъ бы все то, что онъ прикажетъ, не ѣлъ бы и не пилъ, чего

[1]) Сыновей у Гр. А. П—ки было пять: 1) Василій (р. 1765 † 1845), 2) Иванъ (р. 1767 † 1803), 3) Павелъ (р. 1768 † 1807), 4) Андрей (р. 1774 † 1809) и 5) Григорій (р. 1776 † 1793).

онъ не велитъ, ибо отъ сего твоего излѣченія зависитъ и предбудущее твое здоровье. Позабылъ я тебѣ, Васенька, сказать, чтобъ ты въ число другихъ вещей въ реестръ внесъ и футляръ математическихъ инструментовъ, прописавъ сколько воономъ штукъ находится, и такъ ты теперь сіе учини, и внеси оный въ реестръ съ другими вещьми или въ книжный, при концѣ онаго. Въ Смѣлянахъ оставилъ я свою пѣгую лошадь больную у порутчика Василія Ивановича Яснопольскаго съ тѣмъ, что ежели онъ ее вылѣчитъ, то чтобъ себѣ оную взялъ, а мнѣ бы заплатилъ за ее 10 рублей, и оныя денги, будучи въ Витепскѣ, отдалъ бы вамъ, что когда онъ учинитъ, то вы, взявъ денги, отдайте отцу префекту для вашихъ же расходовъ, впредь до щету. Ещежъ я позабылъ на образцѣ писемъ, которыя вы писать ко мнѣ должны, написать какъ вамъ на пакетахъ подписывать, то вы пишите на оныхъ такъ: его высокоблагородію, милостивому государю, нашему батюшкѣ Григорію Андрѣевичу Полетикѣ, малороссійскаго стародубовскаго полку въ селѣ Юдиновѣ, а подъ тѣмъ подписывайте такъ: для пересылки отдать въ Стародубѣ г. полковому асаулу Григорію Григорьевичу Гаевскому. Впрочемъ, предая васъ Божію благословенію, есмь вашъ, любезныхъ моихъ дѣтей, всёдоброжелателный отецъ Г. Полетика.

P. S. Естьли есть, Васенька, печатныя учрежденія ли, или какъ ихъ названо, о народномъ воспитаніи въ Польшѣ, то пожалуй, при какомъ либо случаѣ, а не чрезъ почту, пришли мнѣ ихъ чрезъ Могилевъ, чтобъ я могъ чрезъ оныя выразумѣть, чему вы тамъ можете выучится, а я напротивъ того пришлю къ вамъ, при такомъ же случаи, установленія и законы сперва рыцарской школы, а въ пришломъ году настоящаго университета въ Штутгардѣ, гдѣ, естьли живы будемъ, хочется мнѣ, чтобъ вы побывали. Жаль только, что большая ихъ часть на нѣмецкомъ языкѣ. Все вамъ во оныхъ понравитъся, кромѣ того, что ни Бубунца ни Богатыренца [1]) и никого другаго держать нельзя, а должно быть всѣмъ вмѣстѣ господами и слу-

[1]) Разумѣются, вѣроятно, слуги.

гами самымъ себѣ. Ещежъ, Васенька, прошу тебя, когда может ъ сыскаться въ тамошнихъ библіотекахъ—Starowolscii, Eques Polonus и сія книжка невелика, то на мой щетъ всю переписать, естьли жъ велика и переписка дорого станетъ, то пожалуй найми переписать хотя тѣ самыя мѣста, на которыхъ онъ говоритъ о началѣ и учрежденіи козаковъ и о всемъ, что до нихъ касается, замѣчая—на которой страницѣ или страницахъ то написано, да и титулъ и мѣсто печатанія книги прописать. Я уже давно его печатнаго сыскиваю и ожидаю, но видно, что недождаться.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Гайдамацкія движенія XVIII ст. и монахи кіевскихъ монастырей.

(Изъ исторіи отношеній православнаго южно-русскаго духовенства къ гайдамацкимъ движеніямъ).

Въ настоящее время уже твердо установлено, что гайдамацкія движенія выросли, главнымъ образомъ, если только не исключительно, на почвѣ религіозныхъ преслѣдованій православнаго украинскаго народа со стороны католиковъ и уніатовъ. Въ самомъ дѣлѣ, экономическія отношенія между новыми, недавними поселенцами въ Украйнѣ и магнатами—владѣльцами земель—не могли еще обостриться до того, чтобы вызвать недовольство и броженіе среди населенія, такъ какъ это послѣднее было обложено сравнительно легкими повинностями въ пользу владѣльцевъ земель. Не было еще въ недавно заселенной Украйнѣ и того закрѣпощенія крестьянъ, какое имѣло мѣсто въ другихъ областяхъ польскаго государства. Но мы не можемъ теперь представить себѣ, какъ тяжело жилось тогда православнымъ украинцамъ, благодаря нескончаемымъ религіознымъ преслѣдованіямъ со стороны фанатиковъ католиковъ и уніатовъ.

Положеніе православныхъ въ Польшѣ никогда не было завиднымъ, въ XVIII-же вѣкѣ, на который всецѣло падаютъ гайдамацкія движенія, оно стало просто невыносимымъ. Вскорѣ послѣ московскаго договора 1686 г. и вопреки его статьямъ, ограждавшимъ свободу православія въ польско-русскихъ областяхъ, въ Украйнѣ [1]) начались религіозныя преслѣдованія пра-

[1]) Разумѣется *правобережной*, о которой у насъ только и идетъ рѣчь.

вославныхъ, которыя особенно усилились во время войны Россіи со Швеціей. Въ 1716 г., правда повидимому только на время, была издана сеймомъ самая несправедливая и жестокая конституція, которой повелѣвалось всѣ, незадолго предъ тѣмъ выстроенныя, диссидентскія, слѣдовательно и православныя, церкви разрушить; богослужебныя диссидентскія собранія, проповѣди и проч.—прекратить; ослушниковъ подвергать—въ первый разъ—денежному штрафу, затѣмъ—тюремному заключенію и, наконецъ—изгнанію. Всѣмъ этимъ „поданъ гонителямъ благочестія (т. е. православія) способъ нападеніе свое онымъ артикуломъ защищать“ [1]). Если мы примемъ во вниманіе ту безпредѣльную религіозную нетерпимость, какою всегда отличались поляки, и въ особенности католическое и уніатское духовенство, то мы отчасти можемъ уже представить, какія бѣды обрушились теперь на Украйну. Съ этого момента и до 1768 г., года страшной коліивщины, религіозныя гоненія въ Украйнѣ идутъ, такъ сказать, усиленнымъ кресцендо. Католическое и уніатское духовенство и его ревностнѣйшій пособникъ—мелкая шляхта, во множествѣ разсыпанная по имѣніямъ магнатовъ, никогда не церемонились въ выборѣ средствъ пропаганды уніи, а теперь, когда изъ Украйны уведены были всѣ козацкіе полки и беззащитный народъ отданъ былъ въ жертву шляхтѣ, церемонились и того менѣе. Въ цѣляхъ пропаганды пускалось въ ходъ все—„гвалты (насилія), разбои, грабительства, мученія и самыя убійства“ [2]). Народъ терпѣлъ отъ уніатовъ и католиковъ „жесточайшія бѣды“ [3]). Но въ началѣ 60 годовъ XVIII ст. гоненіе на православныхъ усилилось на столько, что напоминаетъ собою времена Траяна и др. гонителей христіанства. На средства уніатскаго митрополита Филиппа Володкевича было нанято цѣлое войско въ нѣсколько тысячъ [4]), которое и вошло въ Украйну. Эта послѣдняя, охваченная желѣзнымъ кольцомъ, представляла собою какъ бы зачумленный край: отсюда не было

---

[1]) Бантышъ-Каменскій, Истор. Уніи, 1805. Стр. 164—5.

[2]) Арх. Юг.-Зап. Росс. Ч. I, т. 3, стр. 87.

[3]) Ibid. Ч. I, т. 2, стр. 120.

[4]) Ibid. стр. 558.

выхода никому, даже жиду [1]). Уніатскіе духовные чиновники разъѣзжаютъ теперь по Украйнѣ въ сопровожденіи отрядовъ войска, которые причиняютъ православнымъ „нападенія, бои, грабительства и разныя нестерпимыя бѣды" [2]); открыто исповѣдывавшимъ свое нежеланіе быть въ уніи выворачиваютъ руки и ноги, другимъ рвутъ рты [3]), третьихъ забиваютъ до смерти кіями [4]). Настали неслыханныя времена, когда гонители не позволяли православнымъ родившихся—крестить, умершихъ—погребать [5]), когда „людямъ всѣмъ смертный часъ мечтался и всѣ лишенія имущества и живота ожидали" [6]).

Нужно было имѣть безпредѣльное терпѣніе чтобы выносить всѣ эти преслѣдованія; многіе не находили его у себя. Съ кѣмъ это случалось, тотъ бросалъ все, собиралъ подходящую компанію и начиналъ партизанскую борьбу съ притѣснителями, т. е. становился гайдамакомъ. Такъ слагается и мало по малу, съ ростомъ религіознаго гнета, все больше и больше развивается и гайдамачество. Оно представляетъ, такимъ образомъ, народный протестъ противъ существующаго порядка вещей во имя православной вѣры и иного, правда не ясно сознаваемаго, строя жизни, основаннаго на народныхъ началахъ. Гайдамачество—не разбой, не бунтъ—подобно пугачевщинѣ,—нѣтъ, это партизанская борьба во имя вѣры, это—самозащита въ глазахъ неминучей смерти.

Но если гайдамачество есть религіозная партизанская борьба, то самъ собою возникаетъ вопросъ, въ какое отношеніе къ ней стало украинское православное духовенство; присоединилось-ли оно къ этого рода народному протесту, оказывало ли съ своей стороны какое-нибудь содѣйствіе, поддержку гайдамачеству или, напротивъ, отнеслось къ нему недоброжелательно,—однимъ словомъ, какую роль въ гайдамацкихъ движеніяхъ играло православное духовенство?

---

1) Ibid. стр. 216.
2) Ibid. стр. 241.
3) Ibid. стр. 329.
4) Ibid. стр. 317, 319 и др.
5) Ibid. стр. 329.
6) Ibid. стр. 216.

Въ разсматриваемый періодъ времени *мѣстное* украинское духовенство, и бѣлое и черное, находилось въ слишкомъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ для того, чтобы играть какую-бы то ни было роль въ гайдамацкихъ движеніяхъ. Въ это смутное и тяжелое время украинское духовенство терпѣло не меньше, если даже не больше своей паствы. Давя православіе и православный народъ, гонители никакъ не могли оставить въ покоѣ представителей ненавистнаго для нихъ исповѣданія. И дѣйствительно, они подвергаютъ „бѣдное священство такимъ злоключеніямъ, бѣдамъ и жестокимъ мучительствамъ“, что оно „принуждено было оставить приходы и собственные дома свои со всѣмъ имуществомъ, да бѣжать, иніи съ женами, а иніи сами (т. е. одни) въ лѣса, сюда въ Россію и въ другія мѣста и бѣдственнѣ скитатись“ [1]). Тоже терпѣло и украинское монашество [2]). Духовенству, и бѣлому и черному, отовсюду ежеминутно грозило такъ много и явныхъ и тайныхъ опасностей, что ему не было никакой возможности думать еще о чемъ-нибудь другомъ, кромѣ спасенія своей собственной жизни. Въ силу такихъ-то тяжелыхъ обстоятельствъ, мѣстное украинское духовенство до 60-хъ годовъ XVIII ст., когда въ его жизни произошли нѣкоторыя перемѣны [3]), рѣшительно ничѣмъ не заявляетъ о себѣ: въ современномъ строѣ и церковной, и общественной жизни

---

[1]) Арх. Ч. I, т. 3, стр. 371; т. 2, №№ XXXVII, LXXV; LXXXIII и др.

[2]) Ibid. Ч. I, т. 2, № XLIII, стр. 137.

[3]) Главная бѣда для украинскаго духовенства состояла въ томъ, что его законная епархіальная власть, которая въ трудныя минуты его жизни могла бы наставить, оказать соотвѣтствующую помощь, возвысить голосъ въ защиту своихъ подчиненныхъ,—что эта власть находилась въ это время за границей польскаго государства: Украйна въ церковномъ отношеніи была подчинена частію епископу переяславльскому, частію митрополиту кіевскому, каѳедры которыхъ въ данное время находились уже въ предѣлахъ Россіи. Причемъ враги православія постарались сдѣлать совершенно невозможными всякія сношенія украинской православной паствы съ ея пастырями. Украинская православная паства была, так. обр., предоставлена самой себѣ. Въ 60-хъ годахъ положеніе дѣла нѣсколько мѣняется: на сцену выступаетъ монахъ Мелхиседекъ Яворскій, который становится управителемъ украинскихъ церквей, организуетъ вездѣ твердое церковное управленіе. Съ этого момента православное духовенство почувствовало подъ собою твердую почву и могло возвысить за себя голосъ.

оно не находило ничего такого, на что бъ опершись, могло самостоятельно протестовать противъ гоненій и насилій, съ одной стороны, съ другой—условія собственной жизни духовенства были таковы, что не позволяли послѣднему принять какое-бы-то ни было участіе и въ той формѣ протеста, какая была выработана самимъ народомъ—въ гайдамачествѣ. Извѣстны только два-три случая, когда въ числѣ гайдамакъ попались „дьяки" [1]), и одинъ случай, когда крестьяне села по совѣту священника возстали, изгнали арендатора, а его имущество отдали на разграбленіе козакамъ [2]),—вотъ единственно, что можно сказать относительно участія *мѣстнаго* духовенства въ гайдамацкихъ движеніяхъ до 60-хъ годовъ XVIII ст.

Но кромѣ *мѣстнаго*, въ данное время въ Украйнѣ очень много было духовенства *пришлаго*—духовенства, которое являлось сюда, въ польскую Украйну, изъ-за границы только на время и которое безраздѣльно, такъ сказать, принадлежало загряницѣ—Россіи. Это были монахи кіевскихъ монастырей. Дѣло въ томъ, что въ это время въ предѣлахъ Польши, именно въ Украйнѣ, кіевскимъ монастырямъ принадлежало безчисленное множество угодій: монастырскіе села, хутора, пасѣки, лѣса занимали почти двѣ-трети всей территоріи Украйны [3]). Для надзора за своими заграничными угодьями братія отряжала когонибудь изъ себя. Такія лица назывались „городничими"; иногда къ городничему въ помощники присоединяли еще „шафара", т. е. казначея [4]). Вотъ это-то пришлое—очень многочисленное—монашество и принимаетъ самое живое и дѣятельное участіе въ гайдамацкихъ движеніяхъ.

Это пришлое монашество находилось въ условіяхъ самыхъ благопріятныхъ для такой дѣятельности.

Въ средѣ забитаго и запуганнаго мѣстнаго духовенства—эти пришлые монахи занимали завидное, привиллегированное, такъ сказать, положеніе. Въ качествѣ членовъ братствъ мона-

---

[1]) Арх. Юг.-З. Р. ч. III, т. 3. Стр. 68 и 758.

[2]) Ibid. стр. 66.

[3]) Арх. Юг.-Зап. Россіи Ч. III, т. 3,—предисловіе, стр. 34.

[4]) Ibid. стр. 655, и мн. др.

стырей заграничныхъ, они не были подчинены мѣстной польской власти; они были подсудны и давали отчетъ только своему, заграничному начальству и, въ качествѣ представителей заграничныхъ монастырей, пользовались личной неприкосновенностію. Къ нимъ не могъ явиться уніатскій оффиціалъ и не имѣлъ права „нещаднымъ боемъ“ принуждать къ принятію уніи. Неподсудность мѣстной власти и личная неприкосновенность открывали городничимъ полную возможность принимать дѣятельное участіе въ гайдамацкихъ движеніяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, уличенный въ какихъ нибудь связяхъ съ гайдамаками городничій подлежалъ суду братіи и монастырскаго начальства. Но онъ могъ быть совершенно спокоенъ; монастырское начальство смотрѣло на гайдамачество, какъ на священную борьбу за попранную отцовскую вѣру, и при удобномъ случаѣ само не прочь было оказать гайдамакамъ такую или иную поддержку [1]). Уличеннаго въ связяхъ съ гайдамаками городничаго, если что и ожидало, то во всякомъ случаѣ не наказаніе.

Но это одна только сторона дѣла; были и еще нѣкоторыя такія обстоятельства, которыя сами подсказывали городничимъ ту роль, которую послѣдніе могли, еслибы пожелали, играть въ гайдамацкихъ движеніяхъ. Монастырскіе усадебные дворы, въ большинствѣ случаевъ, представляютъ собою мѣста болѣе или менѣе уединенныя, болѣе или менѣе глухія. Всѣ эти пасѣки, хутора, винокурни, дворы лѣсничихъ заброшены куда нибудь въ глубину лѣса, притаились гдѣ нибудь на берегу маленькой рѣченки [2]). Это были укромныя поселенія, стоящія внѣ всякаго надзора со стороны польской власти и позволяющія потому своимъ обитателямъ заниматься и кое-чѣмъ такимъ, что не только не одобрялось, но и прямо преслѣдовалось этой послѣдней.—Затѣмъ, въ своихъ дворахъ городничій и казначей живутъ не одни: для исполненія хозяйственныхъ работъ при нихъ всегда находится большее или меньшее число послушниковъ и

---

[1]) Арх. Ю. З. Р. Ч. Ш, т. 3, № CCLII, стр. 523.

[2]) Ibid. стр. наприм. 724 и мн. др.

рабочихъ [1]). Но, что особенно нужно отмѣтить, контингентъ этихъ рабочихъ и послушниковъ слагался изъ людей самаго разнообразнаго, а зачастую и просто очень сомнительнаго прошлаго. Въ это тяжелое и смутное время по Украйнѣ и въ области войска запорожскаго шаталось не мало бездомнаго, гулящаго люда. Зачастую этотъ людъ, перебравъ всѣ способы къ существованію—идетъ, наконецъ, въ Кіевъ, поступаетъ въ число послушниковъ того или другого монастыря [2]) и или остается при самомъ монастырѣ, или отправляется въ украинскія монастырскія угодья для исполненія хозяйственныхъ работъ [3]). Многіе живутъ такъ мѣсяцъ, другой, зиму, а иные и цѣлый годъ [4]). Само собою разумѣется, что это стремленіе въ монастыри бездомнаго, гулящаго люда представляетъ собою явленіе вполнѣ понятное: здѣсь легче можно было пристроиться, пожить припѣваючи и безъ особенныхъ стѣсненій любое количество времени, и, разъ надоѣстъ, тотчасъ-же безпрепятственно уйти. Но такимъ положеніемъ дѣла, въ самыхъ монастыряхъ и его угодьяхъ, несомнѣнно создавалась самая благопріятная почва для составленія гайдамацкихъ ватагъ. Почва была настолько благопріятна, что мы можемъ наблюдать неоднократные случаи того, какъ иногда на монастырскихъ угодьяхъ сама собою, совершенно безъ вѣдома городничаго, слагается гайдамацкая ватага. Сталкивается гдѣ нибудь на работахъ въ монастырскихъ угодьяхъ подходящая компанія—отважный и рѣшительный запорожецъ, бѣжавшій отъ своего пана ограбленный и обиженный поселянинъ и проч.; идутъ разговоры и разспросы; бѣжавшій отъ пана разсказываетъ о тѣхъ несказанныхъ притѣсненіяхъ, которыя приходится терпѣть православнымъ; свѣжее чувство обиды дѣлаетъ его рѣчь увлекательною. Результатъ ясенъ: послушники-запорожцы всегда готовы идти на „вражихъ ляховъ", тотчасъ-же составляется гайдамацкій загонъ; потерпѣвшій прекрасно знаетъ свою мѣстность, становится ва-

[1]) Ibid. стр. 645, 655 и др.
[2]) Ibid. стр. 524—5.
[3]) Ibid. стр. 645, 655, 685 и др.
[4]) Ibid. стр. 542 и др.

тажкомъ, и загонъ идетъ въ Польшу мстить притѣснителямъ [1]). Можно отчасти подозрѣвать, что эта легкость составленія на монастырскихъ земляхъ гайдамацкихъ загоновъ была главной причиной, въ силу которой въ число послушниковъ охотно шли запорожцы—эти всегдашніе охотники до рискованныхъ предпріятій: около средины XVIII в. мы видимъ ихъ въ кіевскихъ монастыряхъ сразу по нѣсколько душъ [2]). Но съ другой стороны, запорожецъ среди послушниковъ рабочихъ, представлявшихъ собою людей самаго разнообразнаго прошлаго и зачастую готовыхъ на все [3]), это—среди горючаго матеріала сѣрная спичка, которая отъ каждаго легкаго удара можетъ воспламениться и зажечь все.

Такимъ-то образомъ, неподсудность мѣстной польской власти и независимость отъ нея, уединенное положеніе монастырскихъ дворовъ и, наконецъ, наличный составъ послушниковъ—рабочихъ, среди которыхъ всегда можно было найти желающихъ идти гайдамачить,—все это были такія условія, которыя открывали городничимъ широкую возможность принимать дѣятельное участіе въ гайдамацкихъ движеніяхъ. Но эта возможность не осталась только возможностію, а обратилась въ самую дѣйствительность. Въ 1759 г. дворянинъ Василій Богдановичъ жаловался въ пограничную коммиссію, что кіевскіе монастыри понаставили въ своихъ усадьбахъ управителей-монаховъ, которые поступаютъ „вопреки праву божескому, духовному и свѣтскому", „стоятъ съ гайдамаками за одно и руководятъ ими" [4]).

Участіе монаховъ въ гайдамацкихъ движеніяхъ выражалось прежде всего въ организаціи гайдамацкихъ ватагъ. Мы раньше сказали, что иногда среди рабочихъ монастырскихъ сама собою возникаетъ гайдамацкая ватага. Но зачастую въ этомъ дѣлѣ принимаетъ живое участіе и самъ городничій, и тогда гайдамацкая ватага, по количеству участвующихъ, принимаетъ

---

[1]) Арх. Ч. III, т. 3, стр. 644—5.

[2]) Ibid. стр. 657—8; 524, 542, 644 и мн. др.

[3]) См., наприм., Ibid. № CCCLIII, стр. 743.

[4]) Czerców, przewodnie; jedność z hajdamakami mających, z monasterów powypuszczali... Арх. Ю. З. Р., Ч. III, т. 3, стр. 692—3.

очень почтенные размѣры. Отецъ Гедеонъ, городничій уединеннаго, расположеннаго среди лѣса, хутора, собираетъ ватагу въ 30 душъ [1]). Составленіемъ гайдамацкихъ отрядовъ не прочь иногда заняться и само монастырское начальство. Мы встрѣчаемъ любопытный документъ, ясно показывающій, какъ относилось къ гайдамачеству высшее монастырское начальство. Въ 1750 г. въ кіевскій Софійскій монастырь явился нѣкто Иванъ Подоляка, человѣкъ очень сомнительнаго прошлаго. Былъ онъ сначала въ Сѣчи, затѣмъ „тулялся“ по разнымъ мѣстамъ, промышляя то ловлей рыбы, то кражей коней, пока, наконецъ, „змысливши собѣ намѣреніе бути чернцомъ [2])“, рѣшился идти въ Кіевъ. Поступивъ въ число послушниковъ Михайловскаго монастыря, онъ однако, не выдержалъ положеннаго тамъ для испытанія времени и „утѣклъ“ въ другой—Софійскій монастырь. Нужно предполагать, что онъ явился въ монастырь съ единственною цѣлью составить здѣсь гайдамацкій загонъ и ушелъ изъ перваго потому, что не нашелъ тамъ подходящей компаніи. На новомъ мѣстѣ Подолякѣ посчастливилось: въ Софійскомъ монастырѣ онъ встрѣтилъ нѣсколько бѣглецовъ изъ Польши и одного сѣчеваго козака. У нихъ тотчасъ же созрѣло намѣреніе идти въ Польшу гайдамачить. Но въ такихъ случаяхъ, для гайдамакъ было очень и очень важно, чтобы само монастырское начальство было освѣдомлено объ этомъ. Разумѣется, что не всякому начальнику сговорившіеся идти гайдамачить открывали о своихъ планахъ, но несомнѣнно въ то же время, что открывали они свои планы всякому начальнику, со стороны котораго они могли ждать не препятствій, а содѣйствія. Заручиться содѣйствіемъ со стороны монастырскаго начальства, которое могло оказать гайдамакамъ существенную помощь, было первымъ дѣломъ тѣхъ, кто собирался промѣнять покойную жизнь монастырскаго послушника на полную всякихъ опасностей кочевую жизнь гайдамака. Такъ и въ данномъ случаѣ — сговорившіеся рѣшились открыться „начальнику“ Софійскаго монастыря о. Демьяну, что

---

[1]) Ibid стр. 728.

[2]) Мы, по возможности, удерживаемъ правописаніе актовъ, но исправляемъ нѣкоторыя грамм. погрѣшности.

они „маютъ намѣреніе выпасти въ краи польскіе на розбой.“ О. Демьянъ отнесся къ этому въ высшей степени сочувственно: онъ благословилъ на подвигъ собравшихся идти гайдамачить и, узнавши, что ихъ немного, велѣлъ имъ собрать „большую купу“, а мѣстомъ сбора назначилъ свой монастырь. Но этого мало. Отъ о. Демьяна послѣдовала и болѣе существенная помощь. Для каждаго вновь формировавшагося отряда гайдамакъ самая первая и главная забота состояла въ томъ, чтобы запастись въ надлежащей мѣрѣ оружіемъ. Отрядамъ, которые чувствовали недостатокъ въ вооруженіи, приходилось тратить очень много времени и труда въ цѣляхъ устраненія этого недостатка и, такимъ образомъ, на-долго отвлекать свое вниманіе отъ главнаго и существеннаго. О. Демьянъ и свой отрядъ снабжаетъ оружіемъ, покупаетъ на свои деньги порохъ, олово для пуль, и даетъ съѣстное на дорогу [1]) Если такъ держало себя въ отношеніи къ гайдамацкимъ движеніямъ само монастырское начальство, то о городничихъ, имѣвшихъ передъ глазами такіе примѣры, какъ о. Демьянъ, и говорить уже нечего. На нихъ раздаются многочисленныя жалобы, что они организуютъ отряды гайдамакъ, снабжаютъ ихъ „добре“ оружіемъ, порохомъ, хлѣбомъ и „горѣлкой“ [2]).

Но участіе монаховъ кіевскихъ монастырей въ гайдамацкихъ движеніяхъ не ограничивается только составленіемъ „купъ“. Городничіе рады всякой гайдамацкой ватагѣ, зашедшей на ихъ дворъ и съ радостію удовлетворяютъ ея нужды. Если гайдамаки искали скрыться, городничій помогалъ имъ въ этомъ. Упомянутый раньше о. Гедеонъ въ теченіе цѣлыхъ трехъ дней укрывалъ у себя въ ледникѣ гайдамацкую ватагу въ 30 душъ [3]). Если гайдамаки были голодны, — имъ предлагали обильную пищу. Однажды къ городничему села Гвоздова ночью явились гайдамаки съ просьбой накормить ихъ; „и по тому ихъ гайдамацкому прошенію, онъ, городничій, поилъ ихъ горѣлкою и давалъ имъ хлѣбъ, масла, сала и меда;“ послѣ чего, „напившись

---

[1]) Арх. юг. зап. Россіи, ч. III, т. 3, стр. 523, № CCLII.

[2]) Ibid стр. 692, 724 и др.

[3]) Ibid стр. 726.

довольно горѣлки“, гайдамаки уходятъ въ сосѣдній монастырскій лѣсъ „безопасно.“ Чрезъ день они опять явились съ подобной-же просьбой и опять городничій поилъ ихъ горѣлкой и „довольстовалъ“ пищей [1]). Уединенные, заброшенные въ глушь и свободные отъ какого-бы то ни было надзора со стороны польскихъ властей монастырскіе дворы зачастую служатъ для гайдамакъ сборнымъ пунктомъ, мѣстомъ отдыха. Гайдамаки любили эти дворики: здѣсь ихъ встрѣчали сочувствующіе люди; здѣсь они чувствовали себя въ полной безопасности, и потому спокойно и беззаботно они здѣсь пьютъ, танцуютъ и веселятся [2])... Городничіе, знающіе данную мѣстность во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ пришедшая со стороны гайдамацкая ватага, зачастую даютъ гайдамакамъ совѣты и направляютъ ихъ движенія въ ту или въ другую сторону [3]), при чемъ, еслибъ вдругъ надъ ватагою стряслась какая бѣда, обѣщаютъ гайдамакамъ покрыть ихъ имѣющимися подъ руками средствами [4]). Это было особенно важно для гайдамакъ, и они, въ случаѣ крайней нужды, искали спасенія у городничаго ближайшаго монастырскаго двора. Однажды при переправѣ гайдамацкой ватаги чрезъ Днѣпръ, ее настигла пограничная стража; нѣкоторыхъ изъ гайдамакъ послѣдней удалось взять, другіе-же, увильнувши, спаслись отъ ареста только тѣмъ, что бросились къ городничему села Плеское и получили отъ него паспорты [5]).

Можно было надѣяться, что организованные монахами гайдамацкіе отряды во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ проявятъ высшую религіозную настроенность и явятся наиболѣе послѣдовательными и неуклонными выразителями тѣхъ началъ, которыя лежали въ основѣ всего гайдамацкаго движенія; можно было надѣяться, что мы увидимъ въ нихъ исключительныхъ ревностныхъ борцовъ за права попранной и гонимой православной вѣры. Дѣйствительно, дѣятельность этихъ гайдамацкихъ отрядовъ до извѣстной степени сохра-

---

[1]) Ibid стр. 655.
[2]) Ibid стр. 686.
[3]) Ibid стр. 692—3.
[4]) Ibid стр. 692.
[5]) Ibid стр. 375, см. еще 693 стр.

няетъ такой именно характеръ. Ихъ „посылаютъ разорять „дома" сперва и прежде всего „шляхетскіе", затѣмъ жидовскіе" и потомъ уже „людскіе" [1])—какъ жалуются современные этимъ движеніямъ поляки. Ясно, противъ кого преимущественно направляли дѣятельность своихъ отрядовъ монахи,—противъ шляхты и жидовъ,—противъ первыхъ, какъ религіозныхъ, противъ вторыхъ—какъ экономическихъ притѣснителей русской народности. Гайдамаки отряда, организованнаго упомянутымъ раньше о. Демьяномъ, свои дѣйствія направляютъ преимущественно противъ уніатскихъ священниковъ и въ томъ числѣ, съ большимъ рискомъ для себя, дѣлаютъ набѣгъ на домъ уніатскаго оффиціала Примовича, одного изъ энергичнѣйшихъ ревнителей уніи, часть своей добычи они удѣляютъ на сельскія церкви, и, наконецъ, „вельми, ледве не на смерть" наказываютъ „пилиповца", т. е. раскольника, за то, что этотъ осмѣлился рубать дрова въ лѣсу въ праздничный день [2]). Къ сожалѣнію, такой характеръ носитъ на себѣ дѣятельность не всѣхъ гайдамацкихъ ватагъ, организованныхъ монахами. Отрядъ о. Гедеона, организованный въ предѣлахъ Польскаго государства, какъ бы не находитъ здѣсь дѣятельности для себя, и потому, переправившись чрезъ Днѣпръ, начинаетъ производить грабежи въ городахъ Нѣжинѣ и Острѣ, при чемъ потерпѣвшіе городскіе мѣщане вѣроятнѣе всего были тѣже православные. Впрочемъ, еслибы даже и не такъ, то все же дѣйствія этого отряда не могутъ быть подведены подъ понятіе борьбы съ религіозными гонителями,—это просто грабежъ безъ всякой идейной подкладки [3]). Впрочемъ, насколько мы знаемъ, это только единственный случай.

Періодъ самой усиленной дѣятельности со стороны монаховъ кіевскихъ монастырей,—дѣятельности, направленной ими къ поддержанію гайдамацкихъ движеній, падетъ на 50-е и 60-е годы XVIII ст.; затѣмъ она все слабѣетъ и слабѣетъ, такъ что уже въ 1767 г. совершенно замолкаютъ жалобы католиковъ и уніатовъ на нарушеніе со стороны монаховъ кіевскихъ мона-

---

[1]) Ibid стр. 724.

[2]) Арх. Ю. З. Р., ч. III, т. 3, стр. 523, № CCLII.

[3]) Ibid стр. 727, № CCCXLVI.

стырей „права божественнаго, духовнаго и свѣтскаго", какъ выразился одинъ изъ жалобщиковъ [1]). Причина такого явленія лежитъ не въ томъ, что ослабѣли сами гайдамацкія движенія,—эти послѣднія продолжали развиваться; а въ томъ, что въ началѣ 60-хъ годовъ, наконецъ, выступаетъ на сцену исторической дѣятельности мѣстное украинское духовенство. Впрочемъ, это, разумѣется, не помѣшало-бы монахамъ кіевскихъ монастырей по прежнему всячески содѣйствовать гайдамачеству, еслибы на томъ знамени, которое подняло мѣстное украинское духовенство, не стоялъ девизъ, съ точки зрѣнія котораго указанная дѣятельность монаховъ являлась уже чѣмъ-то нежелательнымъ и даже вреднымъ для дѣла православія въ Украйнѣ. Не нужно было быть особенно проницательнымъ для того, чтобы видѣть, къ какимъ печальнымъ результатамъ можетъ привесть гайдамаччина. Все болѣе и болѣе развиваясь, это движеніе могло, наконецъ, обратиться во всеобщее возстаніе изстрадавшагося, озлобленнаго народа, вызвать дикую народную силу, которую могли подавить въ свою очередь—силою-же; а затѣмъ и народъ, и такъ горячо отстаиваемая имъ вѣра должны были-бы стать въ еще худшее положеніе. Не могли не видѣть и не понимать этого и тѣ умныя и образованныя лица, которыя въ это время стали во главѣ украинскаго духовенства, съумѣли вдохновить въ него новыя силы и энергію, поднять, собрать во едино,—мы разумѣемъ переяславльскаго епископа Гервасія и игумена мотренинскаго украинскаго монастыря—Мелхиседека Значко-Яворскаго. Эти два лица рѣшаются теперь дѣйствовать въ защиту православія другимъ путемъ: они рѣшаются начать законный, юридически правильный искъ противъ тѣхъ религіозныхъ притѣсненій, какимъ подвергались православные. „Наше дѣло", писалъ игуменъ Мелхиседекъ православнымъ жителямъ Украйны, „судомъ доходить, да терпѣніемъ" [3])— вотъ тотъ девизъ, который былъ написанъ на знамени, поднятомъ мѣстнымъ украинскимъ духовенствомъ. Но съ точки зрѣнія этого девиза гайдамацкія

---

[1]) Ibid стр. 692.

[2]) Арх. Юг. З. Р. Ч. I, т. 3, стр. 711 и 716.

движенія были явленіемъ скорѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ, могущимъ только повредить дѣлу православія въ Украйнѣ. Поэтому-то мѣстная епархіальная власть особенно усердно и рѣшительно начала настаивать на томъ, чтобы никто не принималъ участія въ гайдамацкихъ движеніяхъ. Епископъ Гервасій увѣщеваетъ народъ, чтобы онъ „по преждному своему обыкновенію своя церквы защищалъ бы, но въ бунты на своя власти и кровопролитіе никакъ бы не дерзалъ вступати, но великодушно обстояти“ [1]). „Ховайтесь, утѣкайте, ежели хто васъ гонитъ, или хощетъ взяти, а до гайдамаковъ помянутыхъ не приставайте“, писалъ игуменъ Мелхиседекъ жителямъ г. Черкасъ и м. Смѣлой, гдѣ въ 1768 г. начало замѣчаться народное движеніе, и монахамъ Мотренепскаго монастыря, „пусть весь свѣтъ знаетъ, что вы не гайдамаки, не злодѣе, не разбойники и чужой крови не проливаете“ [2]). Епархіальная власть строго слѣдила за неуклоннымъ исполненіемъ этого требованія. Въ 1767 г. въ Мотренинскій монастырь пришелъ запорожецъ Иванъ. Въ это время въ монастырѣ находились изгнанные уніатами изъ своихъ приходовъ трое православныхъ священниковъ. Запорожецъ, поживъ нѣкоторое время въ монастырѣ и присмотрѣвшись къ тогдашней жизни православныхъ, обратился къ упомянутымъ священникамъ съ такимъ предложеніемъ: „доки вы, отцы, будете тутъ сидѣти и нужду чрезъ тихъ проклятихъ унѣятовъ терпѣти? когда бъ вы минѣ написали листъ до Гарду, чтобъ голота тутъ прибула, то бъ я ихъ до Великодня (была средина великаго поста) повигонявъ, и вы бъ на Великдень паски святили“ [3]).. Одинъ изъ бывшихъ здѣсь священниковъ, посовѣтовавшись съ другими, рѣшился написать письмо въ Сѣчь, а другой священникъ началъ писать „картки“ (письма) по городамъ на „затягъ“ (на сборъ). Вѣсть о возстаніи легко и скоро облетѣла окружающія села, скоро явились и охотники вступить въ организовавшійся отрядъ. Запорожецъ отправился до о. намѣстника „дозволяться“, чтобы посреди монастыря на вербное воскресенье, когда въ монастырь

---

[1]) Арх. Ю. З. Р. ч. I, т. II. стр. 148.

[2]) Ibid ч. I, т. 3, №№ CXXII, CXXIII, CXXIV.

[3]) Ibid стр. 793, № CXVI.

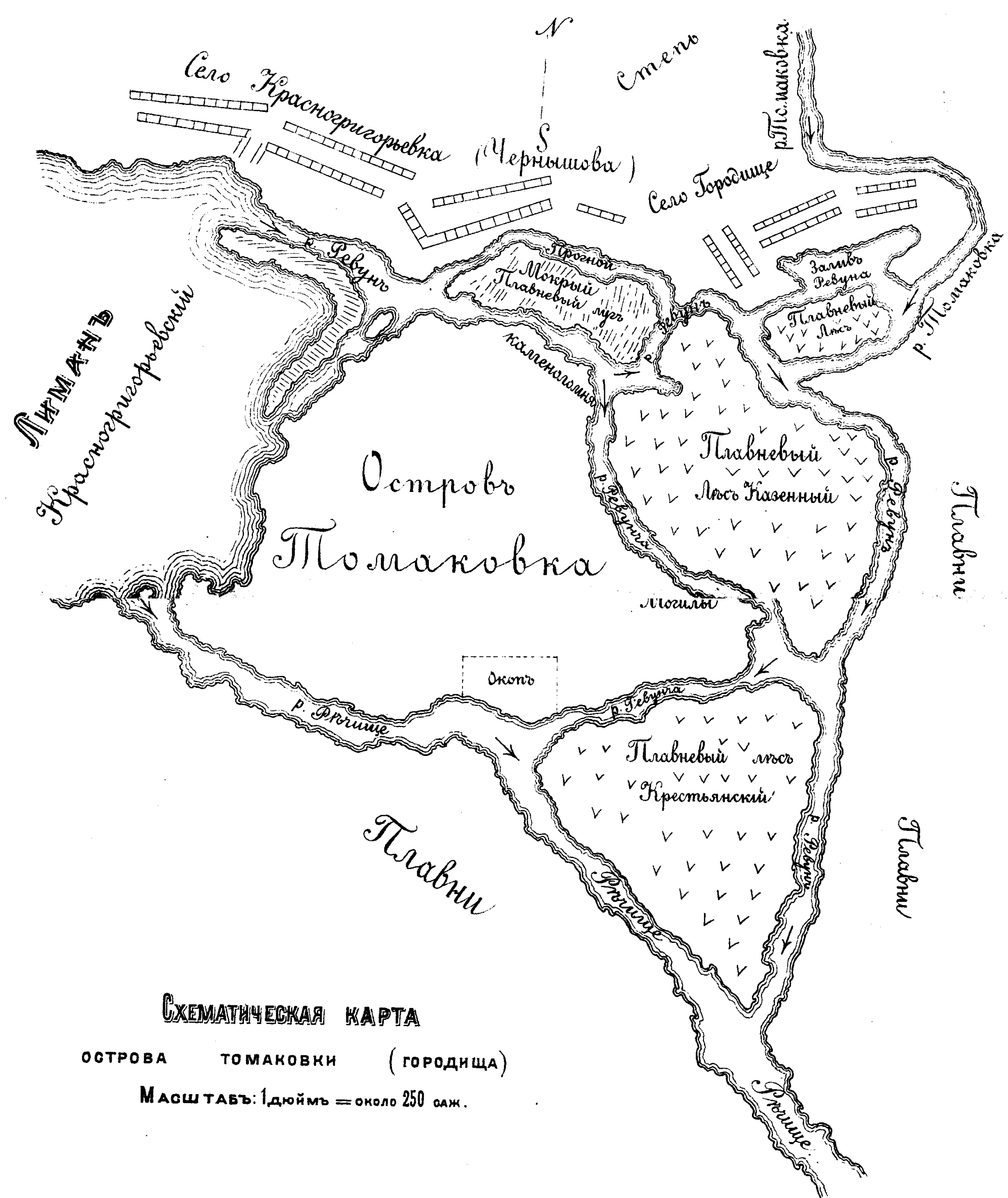
являлось множество народу, объявить о возстаніи. Но о. намѣстникъ „якъ почувъ сіе, заразъ казалъ его изъ монастыря выгнати"[1]) Тѣмъ не менѣе епархіальная власть узнала обо всемъ и тотчасъ же потребовала упомянутыхъ священниковъ къ суду.

Ясно, что при такомъ положеніи дѣла, монахи кіевскихъ монастырей volens-nolens должны были мало-по-малу отказаться отъ всякаго участія въ гайдамацкихъ движеніяхъ или, по крайней мѣрѣ, свести его до незамѣтнаго минимума.

Гр. Мов.

---

[1]) Арх. Юг. Зап. Р. Ч. I, т. III, стр. 795.



Схематическая карта

острова Томаковки (Городища)

Масштабъ: 1 дюймъ = около 250 саж.

Была-ли на островѣ Томаковкѣ запорожская Сѣчь?

Вопросъ о мѣстахъ Запорожскихъ сѣчей одинъ изъ тѣхъ запутанныхъ вопросовъ южнорусской исторіи, которые требуютъ пересмотра относящихся къ нимъ историческихъ свидѣтельствъ и критическаго разбора существующихъ мнѣній. Причина недостаточной обоснованности взглядовъ, высказанныхъ по данному вопросу, заключается въ неполнотѣ первоисточниковъ, представляющихъ значительные недочеты для историческаго изученія нашего края. Такіе недочеты, какъ извѣстно, прежде всего находимъ въ лѣтописныхъ хроникахъ за казацкій періодъ южнорусской исторіи, областныхъ по своему характеру и скудныхъ точными обозначеніями фактовъ, выходящихъ за предѣлы того или другого уголка Южной Руси.— Неровностями въ изложеніи фактовъ южнорусской исторіи отличаются также польскія хроники, подробно трактующія лишь о событіяхъ и фактахъ, съ которыми непосредственно соприкасался польскій элементъ, но далеко не компетентныя въ вопросахъ, связанныхъ съ географіею Южной Руси, степная часть которой для значительнаго большинства польскихъ лѣтописцевъ была совершенно невѣдомымъ краемъ. Весь край между Днѣпромъ и Бугомъ, къ югу за чертой пограничныхъ укрѣпленій, (Брацлавъ, Бѣлая Церковь, Черкасы, позже Чигиринъ и нѣсколько старыхъ мѣстечекъ въ нынѣшнихъ Кіевской и Подольской губ.),—этотъ обширный край въ польскихъ хроникахъ до конца 16 вѣка обычно называется „Низомъ", на которомъ „мешкаютъ" своевольные козаки. Точныя обозначенія различныхъ мѣстностей встрѣчаются, какъ исключенія.

Кромѣ отмѣченныхъ причинъ сбивчивости относящихся къ южнорусской исторіи географическихъ данныхъ, прежде всего интересующихъ насъ въ данномъ случаѣ, вопросъ о мѣстахъ Запорожскихъ сѣчей затемненъ въ значительной степени смѣшеніемъ близкихъ по своему содержанію понятій „сѣчъ" и „кошъ". Только такимъ смѣшеніемъ можно объяснить то обстоятельство, что въ „Исторіи Запорожскихъ козаковъ" князя Мыщецкаго мѣстами Запорожскихъ сѣчей названы Переволочна на Днѣпрѣ, нѣсколько ниже Кременчуга, городъ Каневъ и даже Сѣдневъ въ 30 верстахъ отъ Чернигова [1]). Изслѣдователи южнорусской исторіи отвергли эти сѣчи Мышецкаго уже потому, что названныя мѣста лежатъ значительно выше Днѣпровскихъ пороговъ и, значитъ, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть названы „Запорожскими". Самый фактъ существованія подобной неточности представляется интереснымъ. Князь Мышецкій, военный инженеръ, получившій порученія по своей спеціальности передъ отправленіемъ на Запорожье, какъ видно изъ предисловія къ его труду, писалъ свою „Исторію Запорожскихъ козаковъ", между прочимъ, безъ надлежащей подготовки, пользуясь преимущественно преданіями запорожцевъ безъ критическаго отношенія къ этому источнику. Лежащія выше Днѣпровскихъ пороговъ мѣста козацкихъ собраній получили у Мышецкаго названіе запорожскихъ сѣчей, правдоподобно потому, что такими слыли эти мѣста среди дававшихъ Мышецкому историческія справки запорожскихъ дѣдовъ. Эти послѣдніе, дѣйствительно, могли указывать на памятныя по устному преданію мѣста продолжительныхъ козацкихъ стоянокъ, т. е. козацкихъ кошей, которые могли здѣсь существовать (а въ Черкасахъ несомнѣнно существовали) еще за время единства Днѣпровскаго козачества, не давшаго еще окончательнаго развѣтвленія на козачество городовое и козачество низовое.

Пересмотръ [illegible], которые выяснили бы вопросъ о мѣстахъ всѣхъ запорожскихъ сѣчей, потребовалъ бы большей работы, чѣмъ какая теперь можетъ быть нами предпринята.

---

[1]) Исторія о козакахъ запорожскихъ, стр. 9.

Поэтому, не разсматривая вопроса о мѣстахъ запорожскихъ сѣчей въ полномъ его объемѣ, мы изложимъ здѣсь данныя, относящіяся къ частному вопросу, была ли запорожская сѣчь на островѣ Томаковкѣ, называемомъ также Томаковскимъ городищемъ.

Имѣющіяся въ исторической литературѣ и добытыя нами въ 1888 году на мѣстѣ данныя касательно топографіи острова Томаковки представляютъ ниже слѣдующія особенности этого послѣдняго. Лежитъ о—въ Томаковка верстъ на 16 выше города Никополя, стариннаго Никитина Рога, возвышаясь, какъ огромная шапка въ плавнѣ, врѣзавшейся угломъ въ правый берегъ Днѣпра, на мѣстѣ сліянія четырехъ рѣчекъ: Рѣчища, Ревуна, Ревунчи и степной рѣчки Томаковки. Подробнѣе охарактеризуемъ о—въ словами покойнаго отца Карелина, любителя запорожскихъ древностей, помѣстившаго въ „Запискахъ Одесскаго Общества исторіи и древностей“ два очень цѣнныхъ очерка объ островахъ Хортицѣ и Томаковкѣ. Заслуживающіе вниманія труды Карелина по исторіи Запорожья, къ сожалѣнію, почти недоступны для публики, такъ какъ напечатаны только въ компактныхъ и малораспространенныхъ Запискахъ Одесскаго общества исторіи и древностей.

„Возвышенное и красивое положеніе о—ва, окаймленнаго деревьями и окруженнаго водою,—пишетъ о. Карелинъ въ IX-т. названныхъ записокъ—даетъ понять, что запорожцы могли свободно держаться на немъ при вторженіи враговъ. Съ восточной стороны течетъ рѣка Ревунъ, которая, принявъ въ себя Томаковку на сѣверо-восточномъ углу о—ва, омываетъ также и сѣверо-западную его сторону; южную сторону о—ва омываетъ довольно глубокая и быстрая рѣка Рѣчище, впадающая, какъ и Ревунъ, въ лиманъ, примыкающій къ острову съ западной стороны [1]). Съ южной стороны надъ Рѣчищемъ островъ довольно высокъ (до 70 саж.?), съ остальныхъ сторонъ покатъ. О—въ занимаетъ до 300 десятинъ земли. Подпочва каменистая;

[1]) Въ настоящее время западная часть о—ва омывается рѣчкой Ревунчей, раздѣляющей о—въ Томаковку и безъимянный низменный о—въ, заросшій лѣсомъ. Рѣчка Ревунъ омываетъ восточный берегъ этого послѣдняго острова.

на склонахъ значительны обнаженія известняка. На южной сторонѣ о—ва находится достаточно замѣтный окопъ, съ пропусками для входа съ сѣверной стороны; валъ параллельный берегу (сѣверная линія) тянется на 120 саж., а валы съ восточной и западной сторонъ тянутся первый—на 50, второй на 30 саженей".

Къ сказанному о. Карелинымъ объ островѣ Томаковкѣ необходимо прибавить, что на южномъ берегу о—ва въ чертѣ отмѣченнаго выше окопа обращаютъ на себя вниманіе провалы крутаго берега, происходящіе, по всей вѣроятности, отъ существовавшихъ когда-то погребовъ въ этомъ мѣстѣ. Почти на самой вершинѣ о—ва находится группа кургановъ (больше десятка). Курганъ, занимающій господствующее положеніе, испорченъ небрежной раскопкой, вѣроятно, какого-нибудь кладоискателя: на вершинѣ кургана вырыта яма глубиною аршина 2, и вывороченная каменная плита поставлена бокомъ въ ямѣ кургана. Восточнѣе группы кургановъ находятся едва замѣтные слѣды стариннаго запорожскаго кладбища, на которомъ въ 1872 году о. Карелинъ видѣлъ обломки крестовъ изъ мѣстнаго известняка. (Прилагается въ концѣ статьи схематическая карта о—ва Томаковки съ прилегающими мѣстностями).

Преданія, записаннаго о. Карелинымъ относительно стоянки морскихъ судовъ, приходившихъ будто-бы къ острову за время Запорожья изъ Турціи, намъ не пришлось слышать; да такое преданіе и невѣроятно, такъ какъ суда изъ Турціи и Крыма приходили на Запорожье только за время существованія Новой Покровской сѣчи. Въ этомъ случаѣ вполнѣ возможно смѣшеніе мѣстностей въ памяти старожиловъ, слышавшихъ о прибытіи на Запорожье турецкихъ и татарскихъ сандаловъ съ восточными товарами. Такое же смѣшеніе мѣстностей произошло и въ преданіи о нападеніи крымскаго хана на запорожцевъ въ Томаковскомъ городищѣ. Засвидѣтельствовано историческими документами нападеніе крымскаго хана лишь на Старую (Сиркову) Сѣчь.

Не имѣетъ историческаго значенія также и преданіе, передаваемое старожилами сосѣдняго Томаковскому о—ву села Горо-

дища, относительно леха, закрытаго, будто бы, провалами на южной сторонѣ о—ва. Подробности преданія, приписывающія леху цѣлый рядъ входныхъ дверей, потайные ходы изъ-подъ какой то скалы и т. д., представляютъ собою бродячее преданіе о лехахъ, относимое ко многимъ извѣстнымъ въ исторіи мѣстностямъ.

Но въ ряду мѣстныхъ преданій, пріурочиваемыхъ къ Томаковскому о—ву, есть преданіе, представляющее интересъ по своему совпаденію, какъ увидимъ ниже, съ документальными историческими свидѣтельствами: это преданіе о томъ, что запорожцы на Томаковскомъ о—вѣ вырѣзали польскій отрядъ.

Если выяснять поставленный для разрѣшенія вопросъ, была ли на островѣ Томаковкѣ Запорожская Сѣчь, по даннымъ топографіи о—ва и даннымъ относящихся къ нему преданій, то прежде всего подлежитъ разсмотрѣнію окопъ въ южной части о—ва надъ Рѣчищемъ. Окопъ этотъ, по приведеннымъ выше даннымъ о его размѣрахъ, занимаетъ площадь около 2 десятинъ, представляетъ собою земляное укрѣпленіе самаго простаго устройства. Возможно ли искать слѣдовъ Запорожской Сѣчи въ этомъ окопѣ? Безспорныя мѣста запорожскихъ сѣчей, каковыя Старая Сѣчь на Чортомлыкѣ и Новая на Подпольной, представляютъ собою довольно сложныя укрѣпленія на пространствѣ свыше квадратной версты. Очевидно, что окопъ на островѣ Томаковкѣ ни по размѣрамъ, ни по своему типу не напоминаетъ укрѣпленія для помѣщенія всего низоваго запорожскаго войска. При выясненіи занимающаго насъ вопроса имѣетъ значеніе еще и то обстоятельство, что поверхность Томаковскаго о—ва представляетъ нетронутую плугомъ „одвѣчную“ цѣлину, почему нѣтъ никакого основанія предполагать исчезновенія слѣдовъ прежнихъ не только укрѣпленій, но даже какихъ бы-то ни было земляныхъ сооруженій [1]). Остатки замѣченнаго Каре-

---

[1]) Только въ самое послѣднее время общество крестьянъ села Городища, владѣющее островомъ, начинаетъ подъ вліяніемъ стѣсненія на земли раздумывать о томъ, чтобы завести на островѣ пахатные участки. До этого времени, сколько запомнятъ старожилы, Томаковскій островъ служилъ лишь пастбищемъ для скота, перегоняемаго сюда въ бродъ. Въ болѣе раннее время не можетъ быть, разумѣется, и рѣчи о распахиваніи острова.

линымъ запорожскаго кладбища на Томаковкѣ свидѣтельствуютъ о мѣстопребываніи на островѣ запорожскихъ зимовниковъ, обитатели которыхъ обыкновенно и погребались близъ мѣстъ своего мѣстожительства. Въ топографическихъ особенностяхъ о—ва нѣтъ, такимъ образомъ, указанія на существованіе здѣсь Запорожской Сѣчи.

Переходимъ къ разсмотрѣнію преданій, относимыхъ къ Томаковскому острову и представляющихъ, какъ извѣстно, значительную цѣнность при выясненіи историческихъ вопросовъ. Само собою разумѣется, что народныя преданія лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ могутъ служить источникомъ для исторіи. Томаковскія преданія представляютъ собою характерные типы преданій о старинѣ. Разбираясь въ приведенныхъ выше преданіяхъ, пріурочиваемыхъ къ Томаковскому острову, необходимо замѣтить, что записи о. Карелина о приходѣ къ Томаковскому о-ву турецкихъ и татарскихъ судовъ и о нападеніи на этотъ о-въ крымскаго хана имѣютъ значеніе случайныхъ записей изъ устъ какого нибудь старожила, разсказывавшаго о дѣйствительномъ событіи, но спутавшаго мѣсто и время событія, можетъ быть, въ стремленіи сдѣлать свой разсказъ болѣе интереснымъ. Допускаемъ это потому, что такихъ преданій не знаютъ старожилы, непосредственно соприкасающіеся съ Томаковскимъ островомъ, какъ убѣдились мы изъ двухдневнаго общенія съ мѣстнымъ населеніемъ. А между тѣмъ, относительно упомянутыхъ выше событій, если бы они относились къ Томаковскому о-ву, существовало бы именно мѣстное преданіе, какъ существуетъ, напримѣръ, передаваемое томаковскими старожилами преданіе о кровавой расправѣ на о-вѣ запорожцевъ съ поляками. Подобное преданіе не пріурочивается ни къ одной изъ сосѣднихъ мѣстностей, игравшихъ такую или иную роль въ періодъ борьбы запорожцевъ съ поляками. Перенесеніе событія съ какого либо другого мѣста не возможно въ данномъ случаѣ. Но такого основанія еще недостаточно для того, чтобы признать данное преданіе соотвѣтствующимъ дѣйствительности. Необходимо еще сдѣлать справку, могла ли данная мѣстность хранить преданіе, не извращая его. Такая справка для даннаго случая оказывается бла-

гопріятною. Томаковскій островъ и его окрестности принадлежатъ къ числу мѣстностей, не остававшихся пустыми за время Запорожья. Объ этомъ свидѣтельствуетъ такой достовѣрный источникъ для исторической географіи, какъ названія урочищъ, а именно: „балка Отченашкова", урочище „Гаркушивщина", урочище „Сиркивка" и т. д. Всѣ эти урочища получили свое названіе отъ козаковъ Отченашка, Гаркуши, Сирка, сидѣвшихъ здѣсь зимовниками. Не безъинтересно, что урочище „Сиркивка" связано съ именемъ знаменитаго запорожскаго кошевого Ивана Дмитровича Сѣрка, устроителя старой, или Сѣрковой Сѣчи, доживавшаго въ своемъ зимовникѣ, въ 7 верстахъ отъ Томаковскаго острова, свои послѣдніе дни, здѣсь же и умершаго, какъ свидѣтельствуетъ лѣтописецъ Самуилъ Величко [1]).

Для характеристики урочищъ на старожитныхъ запорожскихъ займищахъ, а также для характеристики отношенія мѣстнаго населенія къ преданіямъ объ этихъ урочищахъ, приводимъ здѣсь добытыя нами данныя объ урочищѣ „Сиркивкѣ". Это урочище тянется надъ протокомъ Днѣпра, широкою и глубокою рѣчкою Бугаемъ, при впаденіи въ этотъ послѣдній степной рѣчки Грушевки. „Сиркивка" занимаетъ довольно возвышенный „ригъ" (мысъ), выдавшійся въ Бугай, и сосѣднюю небольшую плавню. Мало чѣмъ отличающееся сосѣднее урочище по другую сторону рѣчки Грушевки называется „Гаркушивщиною".

— „Тутъ Сирко, а тамъ Гаркуша якийсь, Богъ его знае— сыдивъ зимовныкомъ. Черезъ те люде и звуть це мисто Сиркивкою, а те Гаркушивщиною", говорилъ сопровождавшій меня на „Сиркивку" Андрій Печерыця, старикъ „зъ запорожского колина". На Сѣрковомъ мысѣ находится одинокая значительныхъ размѣровъ могила, хорошо сохранившаяся; но мѣстные жители не знаютъ, чья это могила.—„Сирко, кажуть люде, въ Капуливци на Сичи похованый, а тутъ лежить хтось инший", объяснилъ нашъ спутникъ. По склону къ рѣчкѣ Грушевкѣ замѣтны слѣды жилья; быть можетъ, здѣсь и стояла оселя славнаго козака.—Нѣсколько въ сторонѣ отъ Сѣркового мыса по

---

[1]) Лѣтопись Самоила Величко, т. 2-й, стр. 497.

дорогѣ изъ Грушевки къ парому черезъ Бугай привлекаетъ вниманіе 4-хъ-угольный окопъ съ выходомъ на сѣверъ въ сторону степи; площадь окопа, по сравненію съ Томаковскимъ, огромна,— занимаетъ, повидимому, нѣсколько десятковъ десятинъ. Никакихъ преданій не знаетъ мѣстное населеніе объ этомъ окопѣ. Отмѣтимъ попутно типъ по видимому преданія, а въ сущности грубой догадки. „Кажуть стари люде, Сирко муштрувавъ тутъ запорожцивъ; одни було палять, а други ховаються". Но, кажется, такая невозможная догадка сложилась сравнительно недавно, можетъ быть, не безъ вліянія какого нибудь отставнаго солдата, внесшаго въ догадку элементъ солдатской муштры. Вблизи окопа замѣтны бурты, какіе насыпались обычно для выдѣлки селитры. Въ окопѣ, по отзывамъ, не находили никакихъ остатковъ старины. Поражаетъ путешественника полное отсутствіе у мѣстнаго населенія хоть какого нибудь преданія о славнѣйшемъ изъ запорожскихъ кошевыхъ, жившемъ здѣсь зимовникомъ, здѣсь и умершемъ въ 1681 году.

„Хочъ и зъ запорожскаго я колина, а не тутъ рожденый, то ничого й не знаю про Сирка. Наше село паньске и нема въ насъ никого, щобъ живъ тутъ зъ прадидивъ. За панщины нихто було и згадать не насміе ни про Сирка, ни про Запорожья, бо за таки згадки водыли на конюшню".

Въ этомъ ужасномъ по своей простотѣ разсказѣ Андрія Печерыци по занимающему насъ вопросу объ отношеніи населенія къ преданіямъ, найболѣе характерно то различіе, на какое онъ указалъ въ отношеніяхъ къ преданіямъ старины коренныхъ жителей края, почти исключительно находящихся въ обществахъ государственныхъ крестьянъ, и людей пришлыхъ, чужихъ для края и еще болѣе отчужденныхъ порядками крѣпостничества.

Продолжаемъ прерванную нить выясненія Томаковскихъ преданій. Непосредственно послѣ запорожцевъ на смѣну имъ въ мѣстность о—ва Томаковки явились крѣпостные крестьяне графа Чернышева, переселенные изъ слободской Украины въ началѣ настоящаго столѣтія. Близкіе по крови, по обычаямъ и по языку харьковскіе слобожане, смѣшавшись здѣсь съ абори-

генами Запорожья, явились достойными преемниками запорожскихъ преданій. При такихъ условіяхъ преемственности въ населеніи мѣстности, примыкающей къ острову Томаковкѣ, невозможно исчезновеніе преданій, какъ это случилось съ горстью пришлыхъ, не смѣшавшихся съ кореннымъ населеніемъ жителей Грушевки, вынесшихъ къ тому же крайне неблагопріятныя вліянія крѣпостного права. До какой степени сосѣднее о—ву Томаковкѣ населеніе стоитъ близко къ преданіямъ о быломъ Запорожьи, образчикомъ могутъ служить разсказы о запорожцахъ и строѣ ихъ жизни необыкновенно памятливаго старика, уже покойнаго, Ивана Недоступа, жителя примыкающаго къ Томаковскому о — ву села Красногригорьевки (Чернышевой). Многіе разсказы Недоступа извѣстны уже въ передачѣ г. Эварницкаго, въ трудѣ послѣдняго „Запорожье въ памятникахъ старины и преданіяхъ народа". Не менѣе интересенъ и тотъ разсказъ Недоступа, какой намъ пришлось отъ него слышать. На нѣсколько вопросовъ въ перемежку о порядкахъ жизни на Запорожьи Недоступъ разсказалъ намъ:

„Передъ „руйнованямъ" Сичи народъ такъ валомъ и валывъ на Запорожья. Утече було з-пидъ пана та й прыбижить на зимовныкъ до козака: „прыймить батьку!"—Тай жывы! спасыби тоби, що прыйшовъ".—А той жыве молодыкомъ на зимовныку у запорожця, а якъ якый, то й жинку вывезе и зимовныкъ свій поставе, а дали й другий хто оселыться коло его. Отакъ соби було й сяде слобидочка. Въ Сичъ мало хто тогди изъ утикачивъ прыстававъ".

— „Голота не держалася по зимовныкахъ,—сиромахамъ найкраще жылося въ Сичи. Ото „голота", що все пье та гуляе, пропье все и трохи не голымъ ходыть. Статечни козаки по слободкахъ не шанували голоты, иноди и духопелылы добре, якъ сирома зробыть яку шкоду. А въ Сичи густо було голоты, тамъ вона й право свое мала".

— „Въ Сичи козаки жыли й годувалысь у купи; тильки одежа своя була въ кожного. Купыть, було, сорочку, надине тай носыть, поки подере, иноди и пузомъ свитыть,—звисно голота. Якъ не було „ни жинки, ни дитей, ни худобы, то то й голота".

— „Слобожане по паланкахъ дилылыся на тяглыхъ и пишихъ. Тягли—то хозяины зъ худобою и иншимъ достаткомъ. У пишихъ не було ничого, окримъ осели, а то и осели не було у де-якихъ. Селытысь въ слободахъ никому не було заборону. Займай соби леваду, копай землянку а то и хату ставь: хочешь—хозяинуй, не хочешь—якъ хочешь."

— „Выступаючи въ походъ зъ паланокъ и зимовныковъ, коженъ самъ соби всячину постачавъ: вояцьку справу и всякий прыпасъ; тильки харчамы складалысь. Якъ не було харчей, складалысь гришмы. Грошей на харчъ треба було тогда небогато; грывна тоди була велыки гроши."

„Степы за Запорожжя булы вильни, а народу жыло мало. У одній бальци сыдыть, було, зимовныкомъ одынъ козакъ, а въ другій—другый, верстовъ за 3, або и 5. Такъ и теперъ балки звуться: Отченашкова балка—сыдивъ зимовныкомъ Отченашко, Байдакова балка—сыдивъ Байдакъ. По слободахъ тежъ було просторно: оры, сій и скотыну пасы, де хочь, абы тильки на займыщи своеи слободы. „Лисныки" и „травьянки" вже писля Запорожжя понаставали [1]).

Разсказывалъ Недоступъ и о другихъ сторонахъ козацкаго быта какъ въ Запорожской сѣчи, такъ и въ паланкахъ. Но разсказанное Недоступомъ уже извѣстно изъ „Записокъ Запорожца Коржа". Отъ Недоступа, какъ и отъ другихъ мѣстныхъ старожиловъ, я услышалъ, что населеніе Красногригорьевки и Городища большею частью, пришлое. Старые обитатели этихъ мѣстностей, по разсказу Недоступа, послѣ раздачи Запорожскихъ земель въ частное владѣніе отодвинулись дальше въ степь, верстъ на 25 по рѣчкѣ Томаковкѣ, гдѣ возникло затѣмъ громадное село Томаковка.

На вопросъ о томъ, что узналъ въ свои молодые годы памятливый и интересующійся Запорожьемъ—Недоступъ объ о-вѣ Томаковкѣ, я услышалъ то же, что было уже извѣстно изъ разсказовъ другихъ старожиловъ: на поляковъ, укрѣпившихся на о-вѣ, напали запорожцы и вырѣзали всѣхъ до одного. Къ мнѣ-

---

[1]) „Лисникъ"—лѣсничій, „травьянка"—полевой сторожъ.

нію о существованіи Сѣчи на Томаковскомъ о-вѣ Недоступъ относился отрицательно, хотя и прибавилъ: „не чувъ, а про те Богъ его зна". Отчетливо указывалъ Недоступъ на сѣчи только надъ Чертамлыкомъ и надъ Подпольною.

Такимъ образомъ, очищенное отъ случайныхъ измѣненій народное преданіе въ окрестностяхъ о-ва Томаковки ничего не говоритъ о существованіи сѣчи на этомъ о-вѣ.

Существенное значеніе при выясненіи занимающаго насъ вопроса, была ли запорожская сѣчь на Томаковскомъ ос-вѣ, имѣетъ также справка касательно вещественныхъ остатковъ старины, какъ на ос-вѣ, такъ и въ его окрестностяхъ. Извѣстно, что на мѣстахъ хотя бы и непродолжительнаго пребыванія значительной массы людей обычно остаются предметы ихъ быта, какъ то: предметы и остатки ихъ вооруженія, утвари, убранства и т. д. Мѣста, напримѣръ, безспорныхъ запорожскихъ сѣчей Старой и Покровской изобилуютъ такими остатками, какъ въ материкѣ сѣчевой территоріи, такъ и въ сосѣднихъ рѣкахъ, куда остатки старины попадаютъ путемъ размыванія береговъ въ половодье. При Старой и Покровской сѣчахъ всякое значительное волненіе рѣки выноситъ на берегъ татарскія, польскія и московскія монеты, наконечники копій, сломанныя рукоятки кинжаловъ, разнаго рода стрѣлы, металлическія пряжки и пуговицы (кгузи), щербатыя курительныя трубки (люльки), черепки битой посуды и т. д. Ничего подобнаго не наблюдается ни на Томаковскомъ ос-вѣ, ни въ его окрестностяхъ.

Обратимся теперь къ пересмотру историческихъ свидѣтельствъ о Томаковскомъ ос-вѣ. Польскій хроникеръ *Бѣльскій*, писавшій о запорожцахъ въ третьей четверти XVI в., говоритъ, что на о-вѣ Томаковкѣ проживаетъ низовыхъ козаковъ больше, чѣмъ на другихъ обширныхъ и неприступныхъ Днѣпровскихъ островахъ, прибавляя затѣмъ, что этотъ о-въ наравнѣ съ о-вами Хортицей и Коханямъ (вѣроятно Таволжанымъ) самъ по себѣ служилъ для низовыхъ козаковъ наилучшимъ укрѣпленіемъ [1]).

---

[1]) Kronika Bielskiego, стр 718—719.

Эрихъ Лассота, плывшій мимо Томаковскаго ос—ва въ концѣ XVI столѣтія, упоминая объ этомъ ос—вѣ [1]), умалчиваетъ о существованіи здѣсь какого-бы то ни было запорожскаго укрѣпленія. Это обстоятельство прямо указываетъ, что до конца XII вѣка на ос—вѣ Томаковкѣ мы не можемъ искать мѣста Запорожской Сѣчи. Эту Сѣчь Лассота необходимо отмѣтилъ-бы, еслибы она существовала, такъ какъ въ своемъ дневникѣ этотъ обстоятельный путешественникъ отмѣчаетъ всѣ достопримѣчательности обоихъ береговъ Днѣпра, не исключая самыхъ древнихъ валовъ и окоповъ, слѣды которыхъ сохранились до его времени. Укрывательства своего гнѣзда со стороны сопровождавшихъ Лассоту козаковъ въ данномъ случаѣ быть не могло, такъ какъ этотъ посланникъ къ Запорожцамъ, судя по его запискамъ, умѣло обставилъ себя въ путешествіи и имѣлъ возможность узнать все, что ему было нужно.

Бопланъ, дѣйствовавшій на Украинѣ въ четвертомъ десятилѣтіи XVII столѣтія даетъ достаточно точное топографическое описаніе Томаковскаго ос—ва, но ничего не знаетъ о существованіи Томаковской Сѣчи. Между тѣмъ Боплану Запорожская Сѣчь неизбѣжно была бы извѣстна, такъ какъ онъ спеціально былъ занятъ сооруженіемъ укрѣпленій противъ Татаръ и Запорожцевъ на украинскомъ Поднѣпровьи. Авторъ, часто соприкасавшійся съ Запорожцами, какъ видно изъ его описанія Украины, не могъ бы не упомянуть о существованіи Запорожской Сѣчи въ какомъ бы укромномъ уголкѣ она ни существовала. Молчаніе Боплана о Сѣчи на Томаковскомъ ос—вѣ равносильно свидѣтельству о несуществованіи ея до этого времени. Во второй четверти XVII вѣка, послѣ походовъ противъ Татаръ нѣсколькихъ козацкихъ предводителей изъ польскихъ пановъ, неоднократно проникавшихъ въ глубину татарскихъ владѣній, запорожскій низъ не могъ быть настолько безвѣстнымъ для польскихъ писателей, чтобы они не знали мѣста Запорожской Сѣчи. До Боплана предприняты были походы Константина Острожскаго, Дмитрія Вишневецкаго (Байды), Богдана Рожинскаго, Самуила

[1]) Путевыя записки Эриха Лассоты, Переводъ Бруна, стр. 52.

Зборовскаго и многихъ другихъ предводителей, гетмановавшихъ надъ Днѣпровскими козаками. Очевидно, что при такомъ положеніи дѣла не могла оставаться неизвѣстною въ Рѣчи Посполитой Запорожской Сѣчь. Ни въ какомъ случаѣ не могъ оставаться таинственной загадкой центръ запорожья—Сѣчь, послѣ казацкихъ возстаній до 30 годовъ 17 столѣтія, и притомъ возстаній, обращавшихъ на себя серьезное вниманіе правительства Рѣчи Посполитой и поддерживаемыхъ преимуществено козаками, примыкавшими къ возстаніямъ на Украинѣ изъ запорожскаго „Низа".

Къ 1648 году историческія свидѣтельства пріурочиваютъ кратковременное пребываніе на Томаковскомъ островѣ Богдана Хмельницкаго, посѣтившаго этотъ островъ по прямой дорогѣ изъ Бужинской тюрьмы. Но по тѣмъ же свидѣтельствамъ будущій гетманъ всѣхъ частей Днѣпровскаго казачества, нашелъ здѣсь не запорожскую сѣчь, а козацкій отрядъ съ атаманомъ Федоромъ Линчаемъ во главѣ, тѣмъ самымъ Линчаемъ, котораго онъ въ роли реестроваго сотника незадолго передъ этимъ усмирилъ вмѣстѣ съ другими реестровыми козаками, дѣйствовавшими за одно съ Чигиринскимъ полковникомъ Барабашемъ. Такъ какъ Богданъ Хмельницкій способствовалъ неудачѣ и послѣдовавшему затѣмъ бѣгству Линчая съ единомышленниками на Запорожье, то на Томаковскомъ о—вѣ недружелюбно встрѣтились прежніе противники, раздѣлявшіе теперь общую участь. Богданъ вмѣстѣ съ Тимошемъ—сыномъ долженъ былъ удалиться съ Томаковскаго ос—ва на Микитинъ Рогъ [1]).

Другое свидѣтельство, пріурочиваемое къ тому же Томаковскому ос—ву и тоже къ 1648 году, говоритъ о встрѣчѣ Богдана Хмельницкаго съ посломъ короннаго гетмана Иваномъ Хмелецкимъ. Свидѣтельство это, нисколько не противорѣчащее приведеному выше, существенно дополняетъ его, выясняя какъ значеніе Томаковскаго ос—ва для запорожскихъ козаковъ, такъ и взаимное отношеніе между низовыми козаками и правительствомъ Рѣчи Посполитой. Посолъ короннаго гетмана, встрѣтившись на Томаковскомъ ос—вѣ съ Богданомъ Хмельницкимъ, убѣждаетъ

---

[1]) Буцинскій о Б. Хмельницкомъ стр. 38.

его возвратиться изъ Запорожья на Украину [1]). До появленія Хмельницкаго на Томаковскомъ ос—вѣ засѣлъ неудачно возмущавшійся въ Чигиринскомъ полку Линчай съ единомышленниками. Достаточно правдоподобнымъ, поэтому, является предположеніе, что коронный гетманъ еще до бѣгства Хмельницкаго на Запорожье былъ озабоченъ удаленіемъ тѣмъ или инымъ путемъ съ „Низу“ Линчая, который вторженіемъ въ турецкіе предѣлы могъ, какъ и прежніе предводители низовыхъ козаковъ, нарушить дорого стоившій Рѣчи Посполитой миръ съ турками и татарами. По такому дѣлу коронному гетману было необходимо отправлять посла на Запорожье не иначе, какъ съ соотвѣтствующимъ важности дѣла военнымъ отрядомъ.—Попытка убѣдить Богдана Хмельницкаго возвратиться назадъ, со стороны посла короннаго гетмана, могла произойти, такимъ образомъ, случайно и оказалась недѣйствительною, что видно изъ того, что Чигиринскій сотникъ удаляется не на Украину, а на Никитинъ Рогъ къ другой группѣ низовыхъ козаковъ.

За прибытіемъ Богдана Хмельницкаго на Никитинъ Рогъ послѣдовалъ, какъ извѣстно, торжественный пріемъ его тамъ, а затѣмъ истребленіе польскаго отряда, стоявшаго лагеремъ неподалеку отъ Никитина Рога. Этотъ отрядъ правительствомъ Рѣчи Посполитой поставленъ былъ на „Низу“ для того, чтобы разгонять здѣсь „своевольныхъ“ запорожцевъ, согласно конституціи польскихъ сеймовъ и вынужденнымъ договорамъ правительства съ безпокойными запорожскими казаками, неоднократно уже угрожавшими прочности основъ въ государствѣ. Мѣстопребываніемъ польскаго отряда, слѣдившаго на „Низу“ за дѣйствіями козаковъ, весьма возможно, и былъ отмѣченный выше окопъ на Томаковскомъ ос—вѣ [2]).

---

[1]) Моногр. Б. Хмельницкій т. I., стр. 257.

[2]) Допускать эту возможность даютъ основаніе слѣдующія соображенія: историческіе документы, напечатанные въ памятникахъ, изданныхъ кіевскою коммиссіею, опредѣленно указываютъ, что Богданъ Хмельницкій зимою 1648 года, до отъѣзда въ Крымъ, находился на островѣ Буцкомъ: „Хмельницкій сидитъ на островѣ Буцкомъ“ пишутъ изъ Черкасъ 2 апр. 1648 года;“ (Пам. стр. 18) Хмельницкій сильно укрѣпляется палисадомъ и рвами на неприступномъ о—вѣ Буцкомъ (Пам. стр. 21) пишетъ тоже 2 апр. изъ Бара судья Подольскій; островъ же Буцкій Костомаровъ

Пересмотръ имѣющихся по занимающему насъ вопросу историческихъ свидѣтельствъ приводитъ къ заключенію, что на ос—вѣ Томаковкѣ не было Запорожской Сѣчи.

На какомъ же основаніи въ исторической литературѣ установилось мнѣніе о существованіи Запорожской Сѣчи на Томаковскомъ островѣ? Попытаемся отвѣтить на этотъ вопросъ.

Выше, въ началѣ настоящаго очерка, отмѣчены главнѣйшія неблагопріятныя условія для историческаго изученія южной Руси, именно—неполнота и недостаточная точность источниковъ относительно фактовъ вообще и географическихъ обозначеній въ частности. Къ сказанному необходимо прибавить, что въ основныхъ трудахъ по южно-русской исторіи, каковы изслѣдованія и монографіи извѣстныхъ нашихъ историковъ М. А. Максимовича, Н. И. Костомарова и В. Б. Антоновича, не отводится особаго мѣста для выясненія вопроса о мѣстахъ нахожденія Запорожскихъ Сѣчей. Отдѣльно этотъ частный вопросъ не былъ поставленъ вслѣдствіе необходимости сосредоточить работу на выясненіи болѣе важныхъ общихъ вопросовъ южнорусской исторіи при той скудости точно обслѣдованныхъ фактовъ и той массѣ самыхъ невозможныхъ вымысловъ, какіе находили мѣсто въ исторической литературѣ до работы названныхъ основателей историческаго изученія Южной Руси. Только съ этого времени началась научная разработка южнорусской исторіи, до того же даже слово „козакъ“ оставалось темнымъ и о происхожденіи козачества вмѣсто историческихъ данныхъ приводились самыя нелѣпыя сказки. Какія же данныя послужили основаніемъ для признанія острова Томаковки мѣстомъ Запорожской Сѣчи? Намъ кажется, что такимъ основаніемъ послужило отмѣченное выше сбивчивое сообщеніе Мышецкаго о мѣстахъ Запорожскихъ

называетъ Томаковскимъ. (Богданъ Хмельницкій т. I стр. 257). Нельзя не отмѣтить, что намъ не внушаетъ довѣрія сообщеніе судьи Подольскаго изъ сравнительно отдаленнаго пункта Бара, будтобы Хмельницкій строилъ на островѣ Буцкомъ „*сильное укрѣпленіе*“. Болѣе компетентнымъ кажется намъ сообщеніе неизвѣстнаго лица изъ Черкасъ, пункта связаннаго съ Днѣпровскимъ низомъ, что Хмельницкій „*сидѣлъ*“ на о—вѣ Буцкомъ. Послѣ отъѣзда Хмельницкаго въ Крымъ, хорошо защищенный природою о—въ Буцкій (Томаковку) естественно было занять польскому отряду.

сѣчей, въ спеціальномъ очеркѣ „Исторія о запорожскихъ козахъ“, которая, на первый взглядъ, могла казаться правдивою. Въ серьезныхъ историческихъ трудахъ, для которыхъ названный трудъ Мышецкаго служилъ источникомъ, вопросъ о мѣстахъ запорожскихъ сѣчей, какъ сказано предъ этимъ, остался въ тѣни, какъ не стоявшій на очереди. Въ позднѣйшихъ же трудахъ по исторіи Запорожья сообщеніе Мышецкаго о мѣстопребываніи Сѣчи на Томаковскомъ островѣ осталось непрокритикованнымъ и принято на вѣру.

Держаться такого взгляда по данному вопросу побуждаетъ насъ то обстоятельство, что ни въ одномъ изъ извѣстныхъ намъ источниковъ и ни въ одномъ трудѣ по южно-русской исторіи нѣтъ хронологической даты о Томаковской сѣчи. Да и трудно надѣяться, чтобы такая дата нашлась въ какомъ либо источникѣ первой руки. Запорожская Сѣчь могла существовать на Томаковскомъ островѣ лишь въ 20, 30 и началѣ 40-хъ годовъ 17 в., т. е. между временемъ гетмана Петра Конашевича Сагайдачнаго, стоявшаго въ окопахъ близъ Хортицы на мѣстѣ, которое и въ настоящее время называется „Сагайдашне“,—и 1648 г., когда запорожское козачество подвинулось по правому берегу Днѣпра до Никитина Рога (нынѣ Никополь Екатериносл. губ.), явившагося въ этомъ году первой точкой опоры для Богдана Хмельницкаго. Только въ этотъ промежутокъ времени и могла бы существовать Томаковская сѣчь, такъ какъ Запорожское ко-козачество, постепенно углубляясь въ степи, должно было обезпечить обладаніе Томаковскимъ островомъ раньше, чѣмъ оно утвердилось на болѣе южномъ пунктѣ—Никитиномъ Рогѣ. А между тѣмъ въ названный періодъ времени отъ Конашевича-Сагайдачнаго до Хмельницкаго низовое козачество частью сосредоточивалось въ сѣверной части Запорожья, близъ границъ съ Украйной, поддерживая тамъ козацкія возстанія, частію же, по свидѣтельству Боплана, въ области Великаго луга Днѣпровскаго, въ мѣстности, гдѣ находится и до-нынѣ сохранившее свое названіе озеро „Скарбне“; въ послѣднее десятилѣтіе передъ Хмельнищиною ослабленное репрессивными мѣрами польскаго прави-

тельства низовое козачество[1]), какъ свидѣтельствуютъ современники преслѣдуемое польскими отрядами, скиталось кочевыми таборами по Запорожью. Въ этотъ періодъ, очевидно, не могла существовать на островѣ Томаковкѣ какая-то безвѣстная Запорожская Сѣчь.

Остается, въ заключеніе, по мѣрѣ возможности, выяснить вопросъ, почему Томаковскій островъ называется Городищемъ; такое названіе едва-ли могло явиться въ связи съ находящимся на о—вѣ окопомъ, хотя бы и называемомъ мѣстными жителями „городкомъ". Названіе „городище" на Нижнемъ Днѣпрѣ точно такъ-же, какъ и въ другихъ южнорусскихъ мѣстностяхъ, заключаетъ въ себѣ совершенно опредѣленное понятіе о мѣстѣ, гдѣ существовало въ старину поселеніе. Такихъ городищъ насчитывается свыше десятка на Нижнемъ Днѣпрѣ. Относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ есть указанія въ историческихъ матеріалахъ, какъ напримѣръ, въ путевыхъ запискахъ Лассоты, Освѣцима и другихъ, причемъ изъ такихъ указаній видно, что древность нѣкоторыхъ изъ нихъ опредѣляется чуть не тысячелѣтіями. Относительно же большаго числа городищъ свидѣтелемъ является лишь народное преданіе, которое не указываетъ ни времени существованія изчезнувшихъ поселеній, ни народа, основавшаго ихъ, но опредѣленно и безошибочно, какъ показали археологическія раскопки, отмѣчаетъ мѣста, гдѣ нѣкогда существовали поселенія.

Такимъ образомъ, окопъ на Томаковскомъ островѣ, называемый городкомъ, быть можетъ, сооруженъ и не запорожцами, стоявшими здѣсь кошами, и не польскимъ отрядомъ, явившимся сюда для поддержанія соотвѣтствовавшаго взглядамъ польскаго правительства порядка на Запорожьи, а, весьма возможно, уцѣлѣлъ отъ болѣе ранняго времени и только приспособленъ былъ позднѣйшими обитателями для ихъ надобностей. Козаки, въ періодъ своихъ возстаній, какъ извѣстно, подъ часъ отаборивались на мѣстахъ старыхъ городищъ („Старица" при впаденіи Сулы въ Днѣпръ при Остранинѣ).

---

[1]) Антоновичъ, Исторія Мал. Козачества. Литограф. зап. стр. 64.

Къ какому же времени можетъ быть пріурочено существованіе огражденнаго поселенія на Томаковскомъ островѣ? Вопросъ—не разрѣшимый безъ археологическихъ раскопокъ. Тѣмъ не менѣе мы позволимъ себѣ изложить здѣсь нѣкоторыя соображенія по данному вопросу.

Не случайно, какъ намъ кажется, то обстоятельство, что ни на Томаковскомъ островѣ, ни въ его окрестностяхъ мѣстные жители не находили и не находятъ никакихъ остатковъ старины, нерѣдкихъ на мѣстахъ другихъ городищъ Нижняго Днѣпра, притоки котораго время отъ времени выносятъ тамъ на берегъ неопровержимыя доказательства обитаемости тѣхъ мѣстъ въ сѣдую старину.

Другое названіе Томаковскаго острова — „Городище“ не позволяетъ сомнѣваться въ томъ, что здѣсь было нѣкогда поселеніе. Но когда и что это было за поселеніе, не оставившее послѣ себя, если не считать окопа, никакихъ слѣдовъ? Одно обстоятельство дозволяетъ намъ высказать догадку по этому вопросу. Въ сосѣднемъ съ Томаковскимъ о—вомъ селѣ Городищѣ, названномъ такъ, послѣ постройки церкви въ отдѣлившейся части села Красногригорьевки, по имени о—ва Городище,—въ этомъ селѣ Городищѣ, какъ имѣли мы случай видѣть на мѣстѣ, залегаютъ марганцевыя руды. Если допустить, что древніе обработывали марганцевую руду, какъ обработывали они желѣзную изъ недалекихъ, по разстоянію, криворожскихъ рудниковъ, то существованіе поселенія особаго типа можно представить на Томаковскомъ островѣ. Здѣсь не могло быть поселенія рыболововъ или виноградарей, какъ на мѣстѣ Бѣлозерскаго городища, лежащаго нѣсколько ниже по Днѣпру надъ Бѣлымъ озеромъ; не могло быть здѣсь при 10—12-верстномъ разстояніи отъ русла Днѣпра и торговаго пункта, какимъ, напримѣръ, судя по остаткамъ древности, былъ невѣдомый намъ огромный городъ на мѣстѣ упоминаемаго у Лассоты и нынѣ хорошо извѣстнаго жителямъ села Каменки городища при Каменномъ Затонѣ на Нижнемъ же Днѣпрѣ, гдѣ и теперь еще находится много слѣдовъ обитаемости этого мѣста въ старину [1]).

---

[1]) Кіевская Старина за 1891 г., № 12, стр. 387.

Но, быть можетъ, въ періодъ греческой культуры на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря на о—вѣ Томаковкѣ было сравнительно небольшее поселеніе на подобіе факторіи и фортовъ европейскихъ колоній въ странахъ, занятыхъ бродячимъ населеніемъ, т. е. временное поселеніе для добыванія руды въ сосѣднихъ марганцевыхъ рудникахъ, можетъ быть, даже подъ защитой вооруженнаго отряда.

Но отъ догадки до историческаго факта—далеко. Вопросъ, какое поселеніе было въ древности на Томаковскомъ о—вѣ, можетъ быть разрѣшенъ спеціалистомъ изслѣдователемъ, котораго ожидаетъ не только островъ Томаковка, но и много другихъ отмѣченныхъ многовѣковою исторіею края мѣстъ на нижнемъ Днѣпрѣ. Таковы мѣста на правой сторонѣ Днѣпра: 1) старое городище при рѣчкѣ Тарасовкѣ вблизи Днѣпра, нѣсколько выше впаденія въ Днѣпръ рѣки Бугая, 2) городище на мѣстѣ высохшей рѣчки Дурной с. Гавриловки херсонскаго уѣзда, 3) нѣсколько ниже городище Омеловое (Мѣловое) при поселеніи этого же имени, 4) городище близь Бирокова монастыря при оврагѣ пропастномъ, 5) городище на урочищѣ Козмакъ (Космаха), 6) остатки турецкой крѣпости Кизикерменъ, на мѣстѣ нынѣшняго Берислава, 7—8) два городища ниже Берислава въ 8 и 14 верстахъ, 9) замѣчательное городище при впаденіи въ Днѣпръ рѣчки Тягинки, гдѣ стоялъ великій городъ и при немъ окруженный водою трехъугольный замокъ съ круглыми башнями, 10) городище при впаденіи въ Днѣпръ рѣки Ингульца; на лѣвой сторонѣ Днѣпра находятся на мѣстѣ соединенія рѣки Конки съ Днѣпромъ, нѣсколько ниже острова Хортицы: 11) слѣды города Самыса, въ которомъ по преданію было 700 мечетей, 12) неизвѣстное городище при впаденіи въ Днѣпръ Янчикрака 13) такое же городище при устьи притока Днѣпра Карачикрака, 14) городище при устьи рѣчки Маячки, 15) какое-то городище Польчикъ, верстъ на 20 выше Каменнаго Затона, 16) городище при Каменномъ Затонѣ, 17) городище при Бѣломъ Озерѣ въ чертѣ селенія Большой Знаменки, 18) городище при Мамай-Суркѣ, мѣстности возвышающейся трезубцемъ надъ Днѣпромъ противъ старой Запорожской Сѣчи (по преданію столица

татарскаго хана Мамая), 19) городище при впаденіи въ Днѣпръ Мечетной Капри, городище какого-то большого города на мѣстѣ соединенія Конки съ Днѣпромъ, выше мѣстечка Каховки, 20) городище верстъ на 5 ниже, и 21—23) мѣста турецкихъ городовъ, Шингирея, Ослана и Тавани, въ окрестностяхъ Берислава; послѣднія два городища на днѣпровскихъ островахъ [1]).

Здѣсь перечислены городища лишь по двумъ источникамъ: по описанію Днѣпра въ „Исторіи Мышецкаго о козакахъ запорожскихъ“ и по „Дневнику“ Эриха Лассоты [2]). Возможно, что изслѣдователь спеціалистъ еще не одно городище укажетъ на дивномъ по остаткамъ древности нижнемъ Днѣпрѣ.

Л. Падалка.

[1]) Длинный рядъ городищъ на Нижнемъ Днѣпрѣ заключаетъ въ себѣ 24. городища на возвышенномъ мысѣ между Днѣпромъ и Бѣлымъ озеромъ, ниже Херсона. Городище это, обстоятельно изслѣдованное Г. Л. Скадовскимъ, составило предметъ и до настоящаго времени не появившагося, къ сожалѣнію, въ печати сообщенія послѣднему археологическому съѣзду въ Москвѣ.

[2]) Мышецкій, насколько намъ удалось ознакомиться съ топографіей Нижняго Днѣпра, въ этой части своего труда такъ же точенъ, какъ и примѣрный по точности Лассота.

КЪ ВОСПОМИНАНІЯМЪ ОБЪ АФ. ВАС. МАРКОВИЧѢ.

Посвященныя воспоминаніямъ объ Афанасіѣ Васильевичѣ Марковичѣ двѣ статьи, появившіяся въ Кіевской Старинѣ 1892 г. № 9 и 1893 г. № 4, побуждаютъ меня сказать нѣсколько словъ въ дополненіе къ этимъ воспоминаніямъ.

Упоминая о занятіяхъ А. В. Марковича музыкою малорусскихъ пѣсенъ, авторъ статьи: „Памяти А. В. Марковича", напечатанной въ Кіевской Старинѣ прошлаго года, г. А. Л., говоритъ, что ничего изъ этихъ занятій не вышло и что хотя имъ были поставлены въ Черниговѣ на сцену „Наталка-Полтавка" и „Чары", причемъ знатоки говорили, что исполненіе музыкальной части въ этихъ опереткахъ представлялось верхомъ совершенства, но музыка поставленныхъ А. В. Марковичемъ опереткъ не сохранилась: партитура писалась наскоро, на листочкахъ, которые потомъ безслѣдно растерялись. По поводу этого надо замѣтить, что листочки, которыхъ не сберегло черниговское общество, не растерялись въ Новгородсѣверскѣ: полная партитура „Наталки-Полтавки" въ томъ видѣ, какъ ставилъ эту оперетку А. В. Марковичъ въ Новгородсѣверскѣ, сохранилась у бывшаго учителя Новгородсѣверской гимназіи А. И. А—га, который послѣ самъ ставилъ по ней „Наталку-Полтавку" и который, какъ намъ передавали, бережетъ эту партитуру какъ драгоцѣнность, очень желалъ-бы, чтобъ она сдѣлалась общественнымъ достояніемъ, и потому былъ-бы радъ еслибъ нашелся издатель для нея.

Вышло-ли что нибудь изъ другихъ занятій А. В. Марковича малорусскими пѣснями—представляется не вполнѣ яснымъ

но мнѣ кажется, что къ этому вопросу имѣетъ нѣкоторое отношеніе одно обстоятельство, о которомъ упомяну ниже.

Авторъ другой статьи объ А. В. Марковичѣ, помѣщенной въ апрѣльской книгѣ Кіевской Старины за этотъ годъ, Д. В. Марковичъ, разсказывая о томъ, что въ Новгородсѣверскѣ дядя его во время прогулокъ своихъ всегда былъ окруженъ гимназистами старшихъ классовъ, прибавляетъ, что пусть сами гимназисты, имена которыхъ появляются теперь подъ статьями, помѣщаемыми въ Кіевской Старинѣ, скажутъ о томъ, что имъ говорилъ тогда Афанасій Васильевичъ. Повидимому, почтенный авторъ считалъ меня однимъ изъ тѣхъ, которые тогда гуляли съ А. В. Марковичемъ по Новгородсѣверску, а теперь сотрудничаютъ въ Кіевской Старинѣ, и если это дѣйствительно такъ, то онъ ошибся. Я окончилъ Новгородсѣверскую гимназію и поступилъ въ Московскій университетъ (лѣтомъ 1861 года) передъ тѣмъ, какъ А. В. Марковичъ сталъ пріѣзжать въ Новгородсѣверскъ и затѣмъ на нѣкоторое время поселился въ немъ. Познакомиться съ Афанасіемъ Васильевичемъ мнѣ пришлось гораздо позже, уже передъ смертью его.

Но если я не былъ въ числѣ тѣхъ гимназистовъ, которые окружали А. В. Марковича во время прогулокъ его въ Новгородсѣверскѣ, за то я много слышалъ о немъ отъ тѣхъ, которые тогда ходили съ нимъ. Это были мои пріятели, которые, годомъ позже меня окончивъ гимназію и пріѣхавъ въ Москву, привезли мнѣ восторженные разсказы объ Афанасіи Васильевичѣ. Въ особенности много и часто говорилъ мнѣ о немъ жившій вмѣстѣ со мною на квартирѣ, даровитѣйшій изъ товарищей моей молодости Василій Николаевичъ Гуковъ, который впослѣдствіи очень непродолжительное время былъ учителемъ словесности въ Полтавской гимназіи и который, начавъ страдать чахоткою еще въ университетѣ, умеръ черезъ два года по окончаніи университетскаго курса. Съ завѣтною мечтою—посвятить всего себя изученію Малороссіи, онъ вслѣдствіе подкосившей его болѣзни ничего не успѣлъ сдѣлать, кромѣ того только, что доставилъ нѣсколько собранныхъ имъ малорусскихъ пѣсенъ въ богатое собраніе О. М. Бодянскаго, неизвѣстно гдѣ

въ настоящее время находящееся. Часто вспоминая вдали отъ родины о Новгородсѣверскѣ, онъ въ воспоминаніяхъ этихъ больше всего дорожилъ двумя людьми, передъ которыми преклонялся, которыхъ чтилъ выше всѣхъ; это были—Ѳ. Л. Метлинскій, о которомъ мы говорили въ статьѣ: „Къ столѣтію Новгородсѣверской гимназіи [1]), и А. В. Марковичъ.

Изъ разсказовъ Гукова и другихъ товарищей я составилъ себѣ представленіе объ А. В. Марковичѣ, какъ о горячемъ энтузіастѣ, страшномъ любителѣ, знатокѣ и собирателѣ малорусскихъ пѣсенъ, вполнѣ сохранившемъ юношескій жаръ сердца, всецѣло преданномъ интересамъ народа и обладавшемъ необыкновенною способностью увлекать другихъ тѣмъ, чѣмъ самъ онъ былъ увлеченъ; это былъ, какъ можно было судить по разсказамъ, человѣкъ, по натурѣ своей какъ бы созданный для пропаганды того, во что онъ вѣровалъ, что любилъ. Тоже самое впослѣдствіи, посѣщая Новгородсѣверскъ, я слышалъ тамъ отъ другихъ лицъ, которые помнили и вспоминали А. В. Марковича.

Я не скажу, чтобы до пріѣзда А. В. Марковича въ Новгородсѣверскъ тамъ не было никакихъ проявленій любви къ родинѣ, чтобы только съ его пріѣздомъ вошло въ употребленіе исполненіе малорусскихъ пѣсенъ. Еще не слышавши имени Афанасія Васильевича, мы любили свои пѣсни, знали наизусть многія стихотворенія Шевченка и плакали, когда до насъ дошла вѣсть о смерти его, съ нетерпѣніемъ ожидали выхода „Основы“ и стали зачитываться ею, когда она начала выходить. Раньше чѣмъ А. В Марковичъ сталъ бывать въ Новговодсѣверскѣ, тамъ на сценѣ, устроенной въ гимназической залѣ, былъ съигранъ почти весь малороссійскій репертуаръ того времени. Тотъ самый Кулжинскій, который, по словамъ Д. М. Марковича, запрещалъ гимназистамъ бывать у Афанасія Васильевича и который сталъ поступать еще круче, сдѣлавшись директоромъ Полтавской гимназіи, въ первые годы своего директорства въ Новгородсѣверскѣ, подъ вліяніемъ вѣяній того времени вообще и подчиняясь авторитету Ѳ. Л. Метлинскаго въ част-

[1]) Кіевская Старина за 1888 г., № 9.

ности, былъ однимъ изъ либеральнѣйшихъ директоровъ и не только терпѣлъ, а самъ поощрялъ такія вещи, которыя послѣ сдѣлались уже немыслимыми. Въ то время гимназисты высшихъ классовъ по вечерамъ въ извѣстные дни сходились въ гимназіи на литературныя бесѣды и чтенія, причемъ иногда читались малорусскія произведенія. Еще болѣе занимали гимназистовъ спектакли, которые ежегодно въ теченіе масляной недѣли устраивались въ гимназической залѣ и которые собирали не только все новгородсѣверское общество, а и много пріѣзжей публики. Въ этихъ спектакляхъ участвовали не только ученики, но и учителя гимназіи и уѣзднаго училища, между которыми было нѣсколько очень даровитыхъ актеровъ, какъ Ѳ. Л. Метлинскій (въ малорусскихъ роляхъ), Н. Л. Монуйловичъ, Котляровъ. Многія пьесы были съиграны исключительно учениками, исполнявшими какъ мужскія, такъ и женскія роли, причемъ и пишущему эти строки пришлось впервые выступить на сцену въ женской роли. Теперь одна прежняя „Наталка-Полтавка“ служитъ гдѣ-то на Кавказѣ, а другая отростила себѣ солидную бороду и дѣйствуетъ въ качествѣ присяжнаго повѣреннаго. Гимназисты, подъ руководствомъ учителя рисованія, расписывали декораціи и занавѣсы; изъ гимназистовъ же состоялъ оркестръ, въ которомъ было нѣсколько талантливыхъ музыкантовъ. Исполненіе музыкальной части въ пьесахъ, какъ разсказывали намъ люди, имѣвшіе возможность сравнивать, во многомъ уступало тому исполненію, которое послѣ было при А. В. Марковичѣ, но лучшаго исполненія Новгородсѣверскъ до тѣхъ поръ не видѣлъ. Особенный интересъ, какъ въ публикѣ, такъ и среди учащейся молодежи, возбуждали малорусскія піесы, которыя были поставлены Ѳ. Л. Метлинскимъ. Никогда не изгладится въ моей памяти воспоминаніе о первомъ представленіи „Наталки Полтавки“, бывшемъ, кажется, въ 1858 г. Родные звуки и мотивы, впервые услышанные со сцены въ той самой залѣ, въ которой передъ тѣмъ мы привыкли слышать сердитый голосъ инспектора О. А. Самчевскаго и въ которой учились маршировать подъ командой капрала Никиты, произвели на всѣхъ насъ необычайно сильное впечатлѣніе; отъ во-

сторга хотѣлось плакать, слушая эти мотивы. За „Наталкою-Полтавкою“ послѣдовали „Сватанье на Гончаривци“, „Шельменко волостный писарь“, „Шельменко деньщикъ“, „Москаль-чаривникъ“ и проч. Пѣсни, которыя исполнялись во всѣхъ этихъ піесахъ, вслѣдъ за тѣмъ дѣлались общимъ достояніемъ: ихъ распѣвала вся гимназія.

Но хотя не А. В. Марковичу принадлежала первая иниціатива пробужденія среди воспитанниковъ въ Новгородсѣверской гимназіи любви къ родинѣ, тѣмъ не менѣе, какъ можно судить по разсказамъ извѣстныхъ мнѣ лицъ, онъ очень много сдѣлалъ, оживившии своимъ появленіемъ новгородсѣверское общество и въ высшей степени усиливъ тѣ симпатіи и стремленія, которыя раньше были пробуждены Ѳ. Л. Метлинскимъ, а во многихъ—ихъ впервые заронивши. Любившій Малороссію такъ же горячо, какъ и А. В. Марковичъ, но всегда серьезный, вдумчивый и сдержанный, притомъ не обладавшій такими музыкальными способностями, какими одаренъ былъ А. В. Марковичъ, Ѳ. Л. Метлинскій вращался почти исключительно среди учителей и гимназистовъ, рѣдко посѣщалъ кого нибудь и былъ вполнѣ откровененъ только съ очень немногими, а на дамское общество почти не обращалъ вниманія. Я зналъ многихъ, которые любили его горячо и беззавѣтно, но для того, чтобъ полюбить его такимъ образомъ, нужно было хорошо присмотрѣться къ нему, нужно было узнать его. Марковичъ-же производилъ на людей обаяніе сразу, съ первой встрѣчи; у него всегда душа была на распашку, съ нимъ каждый могъ чувствовать себя такъ же свободно, какъ съ товарищемъ; его скоро узналъ весь городъ, имъ восторгались барыни, онъ такъ любилъ говорить, такъ легко воодушевлялся; онъ именно обладалъ той способностью, которая можетъ едва тлѣющую искру раздуть въ пожаръ, растопить ледъ, расшевелить и взволновать тѣхъ, которые казались неспособными ни къ какому движенію, ни къ какому чувству. Понятно, что вліяніе такого человѣка на воспріимчивыхъ людей, и въ особенности на молодежь, могло быть громадно.

И до сихъ поръ объ А. В. Марковичѣ, точно также какъ и о Ѳ. Л. Метлинскомъ, въ Новгородсѣверскѣ сохраняется жи-

вая память, и теперь, благодаря въ значительной степени А. В. Марковичу, тамъ знаютъ очень много малорусскихъ пѣсенъ, любятъ ихъ и хорошо исполняютъ.

О пѣсняхъ я хотѣлъ сказать еще одно слово. Въ первыхъ мѣсяцахъ 1866 года, когда я еще не покидалъ Москвы, жившій тамъ-же Михаилъ Матвѣевичъ Лазаревскій, получивъ изъ Парижа отъ проживавшей тамъ жены А. В. Марковича, извѣстной подъ псевдонимомъ Марка-Вочка, сборникъ малорусскихъ пѣсенъ съ нотами для исходатайствованія разрѣшенія цензуры и собираясь въ то время куда-то уѣзжать изъ Москвы, поручилъ мнѣ этотъ сборникъ для представленія въ цензуру. Исполняя это порученіе, я представилъ сборникъ въ московскій цензурный комитетъ, получилъ разрѣшеніе цензуры, съ которымъ и возвратилъ его Михаилу Матвѣевичу, когда онъ вернулся вѣ Москву. Сборникъ этотъ предполагалось выпустить въ восьми выпускахъ, изъ которыхъ вышелъ только одинъ, заключающій въ себѣ 25 пѣсенъ съ нотами для пѣнія и аккомпанимента на фортепіано и носящій слѣдующее заглавіе: „Двисти украинськихъ писень. Спивы и слова зибравъ Марко Вовчокъ, у ноты завивъ Эдуардъ Мертке. Властность и выданне Ритеръ-Бидерманна, Лейпцигъ и Винтертуръ". Я не встрѣчалъ въ печати отзывовъ объ этомъ сборникѣ, но отъ знатоковъ музыки слышалъ, что Мертке, которому, какъ иностранцу, совсѣмъ незнакомому съ нашими пѣснями, были совершенно чужды украинскія мелодіи, своею аранжировкою совершенно испортилъ музыку пѣсенъ.

Въ слѣдующемъ 1867 году мнѣ пришлось въ первый и послѣдній разъ увидѣться съ А. В. Марковичемъ, когда я лѣтомъ на одинъ день пріѣзжалъ въ Черниговъ, гдѣ нашелъ А. В—ча въ городской больницѣ, но не въ больничныхъ палатахъ, а въ боковомъ флигелькѣ, предназначенномъ, кажется, для квартиръ служащихъ въ больницѣ. Къ сожалѣнію, я не могу теперь вспомнить, говорили ли мы съ нимъ что нибудь о томъ сборникѣ пѣсенъ, который я представлялъ въ цензуру. Я былъ тогда слишкомъ пораженъ болѣзнью А. В. Марковича: ѣдучи въ Черниговъ, я вовсе не зналъ объ этой болѣзни, думалъ увидѣть его здоровымъ и бодрымъ, а вмѣсто того засталъ его близкимъ

къ смерти. И онъ самъ заговорилъ о скорой смерти, когда, познакомивши меня съ навѣстившей его М. А. Загорской, завелъ рѣчь о томъ, что, можетъ быть, когда его не будетъ, судьба приведетъ меня гдѣ нибудь встрѣтиться съ нею и быть полезнымъ ей въ чемъ-нибудь. Помню, что, не смотря на болѣзнь и слабость, онъ очень много говорилъ и по временамъ такъ оживлялся, что, слушая его, можно было забыть о его болѣзни. Помню, что когда я нѣсколько разъ собирался уходить отъ него, онъ все не хотѣлъ отпускать меня отъ себя, причемъ опять напоминалъ, что вѣдь больше мы уже не будемъ видѣться... Пришедши къ нему днемъ, я съ крайне тяжелымъ чувствомъ ушелъ отъ него поздно вечеромъ и въ ту-же ночь уѣхалъ изъ Чернигова, а чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того услышалъ, что А. В. Марковича уже не стало.

Зная изъ разсказовъ многихъ лицъ о томъ, что А. В. Марковичъ занимался собираніемъ пѣсенъ и мотивовъ, я, услышавши отъ Мих. М. Лазаревскаго о сборникѣ пѣсенъ, полученномъ имъ отъ М. А. Марковичъ, былъ увѣренъ, что сборникъ этотъ заключаетъ въ себѣ пѣсни, собранныя Афанасіемъ Васильевичемъ. Помнится мнѣ, я и слышалъ отъ упомянутаго выше В. Н. Гукова, что А. В. Марковичъ передалъ своей супругѣ собранныя имъ пѣсни съ мотивами, подобно тому, какъ свое собраніе пословицъ онъ передалъ М. Т. Симонову, писавшему подъ псевдонимомъ Номиса, причемъ эта передача объяснялась тѣмъ, что самъ Афанасій Васильевичъ жилъ въ уѣздномъ городкѣ, далекомъ отъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ можно какъ издавать книги и ноты, такъ и отыскивать для нихъ издателей; и кромѣ того, заграницею, гдѣ въ то время находилась М. А. Марковичъ, печатаніе нотъ обходилось дешевле, чѣмъ въ Россіи; но я не могу сказать съ увѣренностью, высказывалъ ли Гуковъ только свои предположенія, или говорилъ объ этомъ, какъ о фактѣ, извѣстномъ ему изъ какихъ нибудь источниковъ. Въ виду сказаннаго, я не безъ удивленія въ полученномъ отъ Мих. М. Лазаревскаго сборникѣ увидѣлъ, что пѣсни и мотивы значились собранными Маркомъ Вовчкомъ и, что имени А. В. Марковича, какъ собирателя, вовсе не упоминалось. Вспомни-

лось по этому поводу и то, что еще въ сборникѣ южнорусскихъ пѣсенъ, изданномъ Амвросіемъ Лук. Метлинскимъ, было помѣщено много пѣсенъ, которыя значились собранными „М. А. Маркевичевою". Сборникъ этотъ вышелъ въ 1854 году, когда Афанасій Васильевичъ жилъ въ ссылкѣ въ Орлѣ, а Марья Александровна, только что вышедши за него замужъ, какъ говорятъ, еще не бывала въ Малороссіи; это было тогда, когда съ именъ лицъ, участвовавшихъ въ Кирилло-Мефодіевскомъ обществѣ, еще не была снята опала, что и заставляло ихъ, появляясь въ литературѣ, скрывать свои дѣйствительныя имена подъ именами вымышленными или чужими.

Гдѣ и когда М. А. Марковичъ успѣвала собирать упомянутые пѣсни и мотивы—представляется въ такой же степени загадочнымъ, какъ и то, какимъ образомъ она, будучи великороссіянкою и не живши прежде въ Малороссіи, послѣ выхода замужъ за Афанасія Васильевича, вдругъ сдѣлалась украинскою писательницею, съ первыхъ своихъ произведеній обратившею на себя вниманіе критики, какъ вѣрнымъ изображеніемъ малорусскаго народнаго быта, такъ и прекраснымъ украинскимъ языкомъ, о которомъ редакція „Основы" писала, что „нашъ Марко Вовчокъ, якъ бжола Божа, выпывъ найкращу росу изъ квитокъ нашои мовы" [1]),—о которомъ П. А. Кулишъ говорилъ: „заслуга Марка Вовчка въ тому, що винъ перенявъ одъ народу его щиру мову, якъ переймають писню, и заговорывъ до насъ такъ, якъ самъ народъ говорыть промижъ себе: не мале и се дило, и не богато есть на свити людей, котори зможуть вымовытысь такъ пысьмомъ, якъ мижъ простымъ народомъ говорыть найрозумнійша людына, найнижнише серце, найчистша душа; такіи оповидання, якъ Вовчкови, станутця съ часомъ основою словесности нашои народнеи" [2]),—и который, наконецъ, разумѣлъ Т. Г. Шевченко, когда, по словамъ И. С. Тургенева, на вопросъ его, какого автора ему слѣдуетъ читать,

---

[1]) Основа 1861 г., № 4, „Отъ редакціи", стр. 33.

[2]) „Народни оповидання Марка Вовчка", изданіе Кулиша 1858 г., „Слово одъ издателя", стр. IX.

чтобъ поскорѣе выучиться малороссійскому языку, съ живостью отвѣтилъ: „Марка Вовчка! онъ одинъ владѣетъ нашей рѣчью“ [1]).

Покойный А. В. Марковичъ никому не выдалъ тайны такихъ необычайно блестящихъ успѣховъ своей супруги въ изученіи незнакомой ей раньше украинской народной жизни и въ усвоеніи себѣ того языка, которымъ въ ея мялорусскихъ сочиненіяхъ восхищались Кулишъ и Шевченко; и какъ бы для усиленія эффекта этой тайны, со времени смерти А. В. Марковича, послѣдовавшей болѣе двадцати пяти лѣтъ тому назадъ, до настоящихъ дней, къ тому, что при жизни его было выпущено въ свѣтъ на малорусскомъ языкѣ съ подписью Марка Вовчка, больше уже не прибавилось ни одной строчки.... Тайну эту могла бы повѣдать та, которая по всѣмъ видимостямъ своею литературною славою, какъ украинской писательницы, въ значительной степени обязана А. В. Марковичу. Хотѣлось бы думать, что она отзовется на эти вопросы и сомнѣнія и, въ дополненіе къ появившимся въ печати воспоминаніямъ о дорогомъ ей, человѣкѣ прибавитъ свое слово, которое могла бы ей подсказать благодарная память.

Н. Ш—въ.

[1]) „Кобзарь зъ додаткомъ споминокъ про Шевченка пысателивъ Тургенева и Полонского“, стр. VI.

МАЛОРУССКАЯ НАРОДНАЯ ОДЕЖДА.

Нѣжинскій уѣздъ.

Въ наше время, съ расширеніемъ изъ года въ годъ желѣзнодорожной сѣти и съ развитіемъ большихъ административныхъ центровъ, почти исчезли глухіе деревенскіе уголки, населеніе которыхъ росло, старилось и умирало, передавая изъ поколѣнія въ поколѣніе всѣ особенности своего быта. Легкость передвиженія съ мѣста на мѣсто и значительный спросъ на чернорабочую силу въ городахъ, главнымъ образомъ, обусловливаютъ исчезновеніе этихъ особенностей потому, что съ возвращеніемъ домой ходившихъ въ отхожіе промыслы, въ самые уединенные поселки проникаютъ заимствованныя на чужой сторонѣ бытовыя особенности. Съ каждымъ годомъ сельскій бытъ различныхъ мѣстностей Малороссіи пріобрѣтаетъ все болѣе единообразный характеръ, вслѣдствіе обмѣннаго позаимствованія. Эта нивеллировка касается какъ внутренней, такъ и внѣшней стороны жизни нашего села. Современному этнографу зачастую бываетъ нелегко отскоблить изъ-подъ амальгамы чуждыхъ вліяній характерныя національныя особенности населенія данной мѣстности, остатки типичной старины. Народное творчество, обычаи, обряды, домашній бытъ, одежда—все подверглось воздѣйствію неумолимаго рока, ломающаго, сглаживающаго и создающаго все новыя и новыя формы. Много этнографическаго матеріала спасено отъ гибели и сдѣлалось достояніемъ науки, благодаря усиліямъ трудолюбивыхъ собирателей, но нѣкоторыя старинныя особенности сельскаго быта остаются неизучен-

ными во всѣхъ подробностяхъ по недостатку собраннаго матеріала, а между тѣмъ время идетъ, и онѣ все болѣе исчезаютъ. Къ менѣе обслѣдованнымъ сторонамъ сельскаго быта принадлежитъ и народная одежда, а между тѣмъ ея наиболѣе касается рука времени, вслѣдствіе сильнаго роста обрабатывающей промышленности и наводненія самыхъ глухихъ рынковъ ея продуктами. Было время, когда обыватели уединенныхъ малороссійскихъ хуторовъ ни за какія деньги не могли бы достать продуктовъ фабричнаго производства и поневолѣ довольствовались собственными издѣліями; теперь же нѣтъ ни одного самаго маленькаго мѣстечка, не говоря уже объ уѣздныхъ городахъ, гдѣ бы не было временныхъ „крамовъ", во время ярмарокъ и базаровъ, а то и постоянныхъ, въ которыхъ можно достать дешевый, хотя и непрочный, матеріалъ для одежды, а то и „готовое платье". Это и обусловливаетъ главное отличіе современной сельской одежды отъ старинной: прежде весь необходимый для нея матеріалъ изготовлялся дома, и хотя обходился, быть можетъ, дороже, если принять во вниманіе трудъ отдѣльнаго лица и отсутствіе раздѣленія труда, но за то былъ изумительно проченъ; теперь же все необходимое крестьянину предлагаютъ ему въ изобиліи и съ большимъ разнообразіемъ фабрики, дающія матеріалъ, бьющій въ глаза, но непрочный.

Украинская народная одежда сравнительно подробно описана Головацкимъ и Чубинскимъ въ ихъ трудахъ—„о народной одеждѣ и убранствѣ Русиновъ или Русскихъ въ Галичинѣ и сѣверо-восточной Венгріи" (Спб. 1877, и въ предисловіи къ I-му тому „народныхъ пѣсенъ Галицкой и Угорской Руси" Москва, 1878) и въ VII т. ч. 2 „Трудовъ И. Г. О". (Малоруссы Юго-западнаго края, стр. 412—433. Спб. 1873). Матеріалы для послѣдняго труда были собраны въ предѣлахъ Юго-западнаго края, отчасти на западной окраинѣ полтавской губерніи, и только четыре раза упоминается мелькомъ черниговская губернія (стр. 413, 422, 425, 428). Но, конечно, эти общія описанія одежды не дѣлаютъ излишними болѣе подробныхъ наблюденій во всѣхъ уголкахъ, гдѣ разселены Малоруссы, такъ какъ даже на сравнительно недалекихъ разстоя-

ніяхъ могутъ быть различныя особенности и неотмѣченныя подробности народной одежды.

Не задаваясь широкими задачами обработки всего собраннаго уже по интересующему насъ вопросу матеріала и собранія новыхъ данныхъ по всей обширной территоріи разселенія малорусскаго племеми, мы хотимъ внесть маленькую лепту въ общую сокровищницу изученія внѣшняго быта нашего села, ограничиваясь пока описаніемъ народной одежды на территоріи небольшой административной единицы нѣжинскаго уѣзда черниговской губерніи. Мы опишемъ современную одежду сельскаго населенія въ различныхъ мѣстностяхъ этого уѣзда и укажемъ затѣмъ на сохранившіяся по-нынѣ принадлежности старинной мѣстной одежды. Быть можетъ, наша попытка дастъ охоту и другимъ заняться тѣмъ-же.

Такъ какъ особенности народной одежды находятся въ зависимости отъ условій климатическихъ и почвенныхъ, а отсюда и отъ занятій жителей, то прежде всего мы приведемъ нѣкоторыя данныя объ этомъ, сдѣлавши извлеченія изъ „статистико-экономическаго описанія“ нѣжинскаго уѣзда, составленнаго въ 1880 году А. А. Русовымъ.

Нѣжинскій уѣздъ лежитъ между 50°,37½′ и 51°,24′ сѣверной широты и 49°2′ и 49°55′ восточной долготы. Уѣздъ, обмежеванный пограничными линіями, имѣетъ форму паралелограмма, болѣе длинныя стороны котораго тянутся съ СЗС. на ЮВЮ. Наибольшая длина уѣзда по діагонали этого паралелограмма, идущей отъ с. Хибаловки у р. Десны, чрезъ м. Веркіевку, г. Нѣжинъ и м. Макіевку—80 верстъ; ширина въ разныхъ мѣстахъ доходитъ до 40, 50 и даже 55 верстъ. Находится онъ въ южной части черниговской губерніи и окруженъ—козелецкимъ, черниговскимъ, сосницкимъ и борзенскимъ уѣздами этой губерніи, на югѣ же граничитъ съ полтавскою губернію (прилуцкимъ уѣздомъ).

Общій видъ мѣстности нѣжинскаго уѣзда разнообразится не столько повышеніями и пониженіями почвы, сколько большею или меньшею скученностью лѣсной растительности и людскихъ построекъ. Если провести кривую линію съ востока на

западъ, начавъ ее отъ с. Заудайки, черезъ с. Андреевку, с. Дорогинку, с. Талалаевку и далѣе черезъ сѣверный край м. Носовки, то мы можемъ раздѣлить весь уѣздъ на двѣ неравныя части, изъ которыхъ большую, сѣверную, можно назвать *лѣсистою*, а южную—*степною*.—Сѣверная часть уѣзда представляетъ нѣсколько большее разнообразіе въ топографическомъ отношеніи и ее можно раздѣлить на нѣсколько мѣстностей, отличающихся другъ отъ друга въ этомъ отношеніи. Это будетъ два—три болѣе возвышенныя пространства земель, обращенныхъ въ распаханныя поля, и три—четыре площади низовъ, по большей части болотистыхъ и заросшихъ лѣсомъ. Въ южной части уѣзда, если исключить Заудайскіе лѣса, покрывающіе все пространство, принадлежащее нѣжинскому уѣзду за р. Удаемъ, ландшафтъ имѣетъ совершенно иной видъ: унылой степи, среди которой, проѣзжая цѣлые десятки верстъ, вы не встрѣтите ни лѣса, ни холмистой поверхности, ни рѣчки. Пейзажъ разнообразится только купами вербъ, обозначающими положеніе того или другаго поселенія, да *журавлями* у колодцевъ, которыхъ на всемъ пространствѣ уѣзда на югъ отъ м. Носовки, с. Володьковой Дѣвицы и с. Безугловки, можно насчитать болѣе ста. Самый видъ поселеній въ южной части нѣсколько иной: заборовъ и плетней, отдѣляющихъ усадьбы, а иногда и *гноянки* селъ сѣверной части уѣзда, здѣсь уже почти не видно. *Коворотовъ*, т. е. воротъ, которыми запираются выходныя улицы изъ села для охраненія полей отъ свиней и другихъ домашнихъ животныхъ, нѣтъ и помину. Границею одного двора отъ другаго въ такихъ удаленныхъ отъ лѣсовъ мѣстностяхъ, какъ с. Лосиновка, с. Шатура и д. Калиновка, служатъ канавки съ насыпями около нихъ, на которыхъ часто нѣтъ даже и посаженныхъ вербъ; насыпи эти въ Лосиновкѣ, напримѣръ, обкладываются нѣсколькими слоями навоза и истлѣвшей соломы, которые замѣняютъ огорожу. Самыя постройки значительно хуже, такъ какъ онѣ дѣлаются тутъ, за недостаткомъ хорошаго строеваго лѣса, и изъ вербъ, и изъ очерету.

Что касается состава почвы уѣзда, то по составу и свойствамъ своимъ она представляетъ гораздо болѣе разнообразія,

чѣмъ по формѣ поверхности. На пространствѣ уѣзда можно встрѣтить всевозможныя почвы, отъ летучаго песку до твердаго глинистаго чернозему. Черноземъ не имѣетъ повсюду однихъ и тѣхъ-же свойствъ, и его можно подраздѣлить на два сорта: 1) глинистый вязкій или *тучный черноземъ*, по цвѣту темный, съ небольшою примѣсью кремнистыхъ частицъ и 2) болѣе песчаный, рыхлый, *обыкновенный черноземъ*, по цвѣту нѣсколько болѣе свѣтлый или сѣрый; что же касается сѣрой земли, то она можетъ быть подраздѣлена на 1) *сѣропесчаную* или супесчаную землю, въ основѣ песчанаго происхожденія, но съ большимъ запасомъ чернозема, 2) *чистопесчаную* съ незначительнымъ количествомъ перегноя и, наконецъ, 3) черноземно-*суглинистую* почву, встрѣчающуюся въ сѣверной части уѣзда.

Различное качество позволяетъ воздѣлывать различныя сельско-хозяйственныя растенія. На унавоженныхъ поляхъ на всемъ пространствѣ уѣзда сѣютъ коноплю, ячмень, просо, рыжей, рапсъ, табакъ, картофель, фасоль, лукъ, ленъ, иногда пшеницу, и безъ навоза, преимущественно въ южной части уѣзда, рожь.

Естественныя условія мѣстности, занимаемой Нѣжинскимъ уѣздомъ, обусловливаютъ занятія ея обитателей. Главнымъ средствомъ для существованія жителей уѣзда служитъ земледѣльческая промышленность въ разныхъ ея видахъ. Охотничьи рыболовные, лѣсные, и болѣе оспеціализированные, такъ называемые, „кустарные“, промыслы составляютъ исключеніе. Изъ занятій, которыя въ силу мѣстныхъ условій захватываютъ сравнительно большія массы населенія, можно назвать еще пожалуй рыболовство, распилку лѣсныхъ матеріаловъ, плотническое ремесло, колесничество, плетеніе изъ лозы и соломы, собираніе *муравьиныхъ подушекъ*, гуртоправство и извозъ. Кромѣ названныхъ занятій, есть, конечно, и представители многихъ другихъ формъ перерабатывающей промышленности въ видѣ *одиночекъ ремесленниковъ*. Если классифицировать сельскія ремесла по большей или меньшей необходимости того или другаго ремесла для домашняго быта, то, конечно, на первомъ мѣстѣ будутъ стоять плотники и кровельщики, ткачи и портные, кушниры и

шаповалы, чимбары и сапожники, линники и горшечники, бондари, колесники и кузнецы; затѣмъ уже пойдутъ печники и колодезники, столяры, рѣзчики разнаго рода, какъ напримѣръ: ложечники, образники и бердники, лимари, слесари и мѣдники, наконецъ, набойщики и красильщики, булочники и мясники, шорники и живописцы.

Кромѣ того, несмотря на значительное плодородіе почвы уѣзда и на довольно значительное развитіе земледѣльческой и перерабатывающей промышленности, все таки извѣстная часть населенія уѣзда ищетъ себѣ заработковъ на сторонѣ въ *отхожихъ промыслахъ*. На далекіе заработки „въ Таврію", т. е. въ южныя губерніи, и „на Донъ", отчасти на сахарные заводы кіевской и подольской губерній, идутъ больше всего изъ сѣверной части уѣзда. Изъ поселеній степной части вообще уходятъ мало, хотя изъ м. Макіевки, с. Ровчака, д. Степановки, д. Татаровки и др. почему-то любятъ отправляться въ Кіевъ, гдѣ пріискиваютъ себѣ мѣста дворниковъ, водовозовъ, кучеровъ и поваровъ.

Разспросы во всѣхъ большихъ поселеніяхъ нѣжинскаго уѣзда, съ попыткою опредѣлить цифрою число тѣхъ или другихъ ремесленниковъ, показали, что въ сельскомъ населеніи больше всего рукъ мѣстныхъ жителей занимаютъ ремесла плотницкое, кравецкое (портняжное) и швецкое (сапожное). Чимбарей и кушнировъ, несмотря на сильно развитое овцеводство, составляющее для жителей с. Липова Рога и с. Березанки предметъ особаго барышничества, въ уѣздѣ почти нѣтъ. Чинятъ овечьи шкурки вездѣ почти нахожіе изъ калужской и тульской (въ м. Міринѣ) губерній ремесленники, поселяющіеся на зиму въ извѣстныхъ населенію пунктахъ. Нѣтъ также и горшечниковъ, за отсутствіемъ глины, годной для подѣлокъ. Сукна валить жители нѣжинскаго уѣзда отдаютъ по „цуркамъ" на валюшни переяславскаго уѣзда, расположенныя по Днѣпру, кожи—„по биркамъ" въ Нѣжинъ и другія мѣста. Южная часть уѣзда всѣ деревянныя подѣлки покупаетъ или въ городѣ, или на ярмаркахъ, на которыя лопаты, бочки, берда, гребни, решета, иконы и т. п. привозятъ изъ сосницкаго и черниговс-

скаго уѣздовъ. Въ послѣдніе годы, съ усиленіемъ привоза фабричныхъ произведеній,—ситцы, пояса, картузы, ремни, гребни, керосинъ и др. предметы домашняго обихода стали входить въ большее употребленіе у населенія. Покупая ихъ въ Нѣжинѣ и на ярмаркахъ, оно еще болѣе оспеціализировалось на главномъ своемъ занятіи—земледѣліи и скотоводствѣ. Въ виду этого бытъ населенія нѣжинскаго уѣзда можно назвать по преимуществу земледѣльческимъ. Примѣнительно къ особенностямъ этого быта, одежда сельскаго населенія нѣжинскаго уѣзда, широкая—грубая, сшитая частью изъ продуктовъ мѣстнаго сельско-хозяйственнаго производства, частью изъ покупнаго.

Мы сдѣлаемъ попытку описать во всѣхъ подробностяхъ эту одежду по личнымъ наблюденіямъ въ различныхъ мѣстностяхъ уѣзда, а также по доставленнымъ намъ нѣкоторыми представителями мѣстной интеллигенціи описаніямъ мѣстной одежды въ с. Смолянкѣ, с. Дроздовкѣ, с. Дремайловкѣ (сѣверъ), м. Веркіевкѣ, м. Мринѣ, с. Талалаевкѣ (средина), с. Лосиновкѣ и м. Монастырищѣ (югъ). Сначала мы опишемъ части одежды, сперва мужской, потомъ женской, общія различнымъ мѣстностямъ уѣзда, какъ по покрою, такъ и по матеріалу, изъ котораго онѣ сдѣланы, отмѣтивши нѣкоторыя особенности одежды сѣверной и южной части уѣзда, и затѣмъ укажемъ сохранившіяся принадлежности старинной одежды, а также случаи вліянія городскаго костюма на сельскій.

Во всемъ уѣздѣ мужчины носятъ короткія сорочки изъ грубаго пеньковаго или льнянаго холста собственнаго издѣлія, съ отложнымъ воротникомъ, пришитымъ къ сборкамъ, который обыкновенно подвязываютъ пестрымъ ситцевымъ платкомъ или же гаруснымъ шарфомъ. Иногда украшаютъ обшлага рукавовъ и наплечья *мережками*, а *комняръ* (воротникъ) вышиваютъ *заполочью* по узорамъ, называемымъ *сухарики*, *заступцы*, *сливки*, *гапличекъ*, *гусяче око*, *макивки*, *карточки* и т. п. Сорочка обыкновенно запускается въ широчайшіе шаровары съ *матней* въ ходу ниже колѣнъ и *крисломъ* (прорѣхой) сзади изъ набивваннаго въ клѣточки или въ полоски домашняго полотна, *выбойки*, *крашенины*—для будней, и изъ фабричныхъ матерій—для празд-

никовъ, стянутые на поясницѣ или поясомъ, или въ сборки на *очкуръ*, продѣтый въ зарубленный верхній край шароваръ; впрочемъ въ послѣднее время стали носить и по буднямъ *набираные* (изъ покупной матеріи) шаровары—черные, сѣрые, коричневые, въ особенности молодежь. Поверхъ сорочки надѣваютъ обыкновенно жилетъ изъ покупной матеріи или сукна, преимущественно синяго, со стоячимъ воротникомъ и съ металлическими пуговицами до самой шеи. Зимой жилетъ часто замѣняютъ *куфайкой*, т. е. жилетомъ съ рукавами изъ *шведской матеріи*, *бумазеи*, *чертовой кожи*, съ металлическими пуговицами, или безрукавкой, сшитой въ талію, со сборками при таліи.

Верхней одеждой служатъ свитка, чимерка, кожухъ и кирея.

Свитка и чимерка имѣютъ одинаковый покрой въ талію съ густо-собранными сборками при поясницѣ, со стоячими воротниками и застежками до верху; только свитка дѣлается изъ домашняго сукна, чернаго, коричневаго и сѣраго, а чимерка изъ черкасину. Кожухи шьются изъ бѣлыхъ недубленыхъ овчинъ домашней чиньбы съ небольшими стоячими барашковыми воротниками и съ обшитыми барашкомъ рукавами и карманами, *до усовъ* и *до толбы*. Кожухъ *до усовъ* шьется съ двумя складками сзади, съ боковъ у поясницы, *до толбы*—съ едва замѣтнымъ перехватомъ, въ талію, но безъ складокъ. Болѣе состоятельные имѣютъ кожухи для праздниковъ, покрытые или черкасиномъ, или синимъ сукномъ. Кирея, *кобинякъ*, или широкій армякъ не въ талію, охабень, съ широкимъ отложнымъ воротникомъ или съ *кобкой*, *богородицей*, шьется изъ толстаго домашняго сукна и надѣвается поверхъ кожуха или свитки.

Верхняя одежда опоясывается обыкновенно полушерстянымъ поясомъ. Поясъ покупной, цвѣта преимущественно краснаго или зеленаго.

Обувью служатъ *чоботы* изъ *юхты* и *шкапыны*, широкіе, съ *пидборами* (каблуки), густо подбитыми большими желѣзными гвоздями. Покупается только *товаръ*, а шьютъ дома мѣстные

шевци. Въ сѣверной части уѣзда, кромѣ того, лѣтомъ носятъ *постолы*, или лапти, плетеные изъ липоваго лыка.

Большую часть года мужчины носятъ теплыя цилиндрическія невысокія шапки изъ шкурокъ ягнятъ, подбитыя иногда козьимъ мѣхомъ или просто ватой на стеганой подкладкѣ, но сами не шьютъ, а покупаютъ готовыя въ лавкахъ, лѣтомъ носятъ преимущественно войлочные и соломенные *брыли* (круглыя шляпы съ широкими полями и закругленными тульями) собственнаго издѣлія, а въ сѣверной части уѣзда, кромѣ того, *яломки*, имѣющіе форму усѣченнаго конуса, изъ толстаго коричневаго домашняго войлока, съ двойными бѣлыми войлочными же покупными тульями. Изрѣдка попадается и картузъ, въ особенности среди молодежи.

Въ болѣе глухихъ мѣстностяхъ сѣверной части уѣзда (с. Смолянка, с. Орловка, с. Стодолы) сохранилась старинная верхняя одежда *жупанъ*, изъ болѣе тонкаго чернаго сукна, имѣющій форму сюртука, но только съ нѣсколькими складками сзади у поясницы. Въ м. Веркіевкѣ замѣчается нѣкоторое возвращеніе къ старинѣ—вмѣсто сорочекъ съ отложными воротниками, пришитыми къ сборкамъ, начинаютъ опять носить сорочки съ маленькими стоячими воротниками, пришитыми къ гладкой спинѣ, вышитыми у *парубковъ* собственноручно заполочью и чернымъ шелкомъ. Въ южной части уѣзда (м. Монастырище, с. Галица) до семидесятыхъ годовъ мужчины носили лѣтомъ, во время полевыхъ работъ, длинныя до пятокъ сорочки, а мальчики до 15 лѣтъ все лѣто ходили въ однихъ длинныхъ сорочкахъ безъ шароваръ; кромѣ того, кобинякъ былъ обязательной принадлежностью повседневной одежды круглый годъ; парубокъ не смѣлъ являться на улицу безъ кобиняка. Въ с. Лосиновкѣ сохранилось отъ старины оригинальное завязываніе шеи *хусткой* изъ бѣлаго, тонкаго льнянаго самодѣльнаго холста съ протканными продольными полосками изъ красной бумаги, которой повязываютъ шею поверхъ свитки или кожуха всѣ мужчины, начиная съ подростковъ.

Что касается вліянія городскаго костюма на сельскій, то оно особенно замѣчается въ поселеніяхъ, расположенныхъ на

почтовомъ трактѣ между г. Черниговомъ и г. Нѣжиномъ: появился „спинжакъ“, который шьется изъ бумажной, сѣрой или черной матеріи и носится преимущественно лѣтомъ, какъ болѣе легкая одежда при полевыхъ работахъ; пойти же въ пиджакѣ въ церковь или въ общественное собраніе, или явиться къ кому нибудь изъ начальства считается неприличнымъ.

Женская одежда значительно разнообразнѣе мужеской. Она также изготовляется частью изъ домашнихъ издѣлій, но, главнымъ образомъ, изъ покупнаго матеріала. Держась прежняго порядка, мы опишемъ современную женскую одежду, съ указаніемъ на нѣкоторыя различія въ сѣверной и южной части уѣзда, а затѣмъ отмѣтимъ сохранившіяся части старинной одежды, а также случаи вліянія города на село.

Женщины носятъ длинныя ниже колѣнъ сорочки изъ домашняго полотна, покрой которыхъ очень простъ: два длинные отрѣзка полотна сшиваются по бокамъ, сверху по краямъ пришиваются *полики* (наплечья) изъ прямоугольныхъ кусковъ и потомъ вшиваются сборчатые рукава, въ праздничныхъ сорочкахъ изъ покупнаго полотна; образовавшійся широкій прямоугольный вырѣзъдля ворота собирается по краямъ въ сборки и обшивается узкой вышитой полоской полотна или простой лавочной тесьмой. Рукава и полики всегда расшиты, а въ болѣе нарядныхъ сорочкахъ и *помережаны*. Вышивка дѣлается безъ канвы, прямо по полотну, преимущественно бѣлыми нитками гладью, иногда и красными. Работа вышивокъ очень тонкая и красивая. Узоры своеобразные малорусскіе, состоящіе, главнымъ образомъ, изъ прямыхъ линій. Рукавъ возлѣ плеча обыкновенно вышивается поперекъ какимъ-нибудь широкимъ узоромъ, а отъ него идутъ вышитыя полосы вдоль рукава, иногда же этихъ послѣднихъ нѣтъ, а вмѣсто нихъ вышиваются отдѣльные небольшіе разбросанные по рукаву рисунки, преимущественно цвѣтовъ, ягодъ и т. п. Узоры *мережки* очень разнообразны—*метеликъ*, *прутикъ*, *двоиголъная*, *троиголъная* и т. д.; но въ нихъ такъ-же, какъ и въ вышивкахъ, преобладаютъ прямыя линіи. Подолъ (*подолки*) сорочки бываютъ всегда помережаны.

Поверхъ сорочки въ будни подвязывается *запаска*, состоящая изъ двухъ прямоугольныхъ кусковъ шерстяной матеріи собственнаго издѣлія, сзади чернаго цвѣта, спереди синяго. Задній кусокъ имѣетъ около одного аршина длины и около трехъ-четвертей аршина ширины, передній нѣсколько короче и уже. Куски эти плотно облегаютъ тѣло и стягиваются на поясницѣ краснымъ гаруснымъ самодѣльнымъ поясомъ. Въ праздники подвязывается *плахта*, состоящая или изъ узкой полосы толстой шерстяной ткани шириною въ $^1/_2$ аршина, длиною около 5 аршинъ, перегнутой вдвое и сшитой съ одного краю отъ сгиба до половины, причемъ несшитые концы поднимаютъ и подтыкаютъ подъ поясъ, или изъ одного куска шириною около одного-аршина, длиною около 4 аршинъ, разрѣзаннаго съ одного конца до половины и тоже перегнутаго вдвое, такъ что книзу опускается три конца—по верхъ-сорочки болѣе широкій, а сверху его два узкіе. Такъ какъ плахта не обхватываетъ всего тѣла, то спереди подвязывается узкій и короткій передникъ, *попередница*, изъ синей или бѣлой шерстяной ткани, вышитый внизу заполочью. Клѣтчатую ткань для плахтъ приготовляютъ особыя мастерицы изъ домашнихъ, окрашенныхъ въ разныя цвѣта, шерстяныхъ нитокъ и вышиваютъ иногда клѣтки разноцвѣтнымъ гарусомъ. Замужнія женщины могутъ носить плахты повседневно, для дѣвушекъ же это считается неприличнымъ, и онѣ носятъ ихъ только по праздникамъ, идя *до церквы* и *на улыцю*. Въ нѣкоторыхъ селахъ средней части уѣзда (с. Дремайловка, с. Заньки) дѣвушки носятъ по праздникамъ цвѣтныя запаски изъ покупнаго фабричнаго краснаго, зеленаго, синяго и голубаго, полусукна.

Поверхъ сорочки лѣтомъ надѣвается *корсетка* (безрукавка), сзади въ талію, съ тремя, пятью, семью и болѣе складками у поясницы отъ вставныхъ клиньевъ, *усы, хвосты*, у дѣвушекъ преимущественно изъ красного съ цвѣтами или *горошковою* (съ крапинками) кумача, у женщинъ—изъ простаго или кубоваго ситца темныхъ цвѣтовъ. Въ холодную погоду поверхъ корсетки надѣвается *юпка*. По своему покрою и по матеріалу она похожа на корсетку, но гораздо длиннѣе послѣдней, шьется съ рукавами

и часто на ватѣ. Зимой верхнюю одежду составляютъ *свитки* и *кожушанки*. Свитка тоже, что и юпка, но шьется изъ бѣлаго домашняго толстаго сукна. Кожушанка похожа покроемъ на свитку, шьется изъ бараньяго мѣху и покрывается какою-либо темной матеріей.

Обувью служатъ зимою юфтовые *чоботы*, лѣтомъ такіе-же *черевики*.

Что касается женскаго головного убора, то дѣвушки завязываютъ платокъ на головѣ такъ, что темя остается открытымъ; въ волосы, заплетенные въ одну косу, вплетаютъ разноцвѣтные длинные *косники* (ленты); сверхъ платка, въ праздники надѣваютъ вѣнокъ изъ разноцвѣтныхъ бумажныхъ цвѣтовъ, „*матерьянка*", или изъ живыхъ цвѣтовъ. Замужнія женщины скручиваютъ волосы въ одну прядь, не заплетая, и укладываютъ ихъ подъ *очипокъ* (чепецъ) изъ парчи, кумачу и цвѣтного ситца-пике, „*серветяного ситцу*", на холщевой подкладкѣ—у молодыхъ, и просто изъ двойнаго холста—у пожилыхъ. Поверхъ очипка повязывается платокъ такъ, что очипка не видно. Пойти куда-либо въ одномъ очипкѣ безъ платка считается неприличнымъ. Платки покупаются обыкновенно *прохоровскіе*, *бордусовы*, т. е. черные съ цвѣтными полями, *каемками* и *карасировы*, т. е. красные шерстяные. На шею и замужнія женщины и дѣвушки надѣваютъ *намисто*.

Различіе въ женской одеждѣ сѣверной и южной части уѣзда то, что на сѣверѣ носятъ плахты изъ двухъ узкихъ полосъ, а также покупныя, на югѣ исключительно только изъ одного широкаго куска.

Въ женской одеждѣ сохранилось болѣе остатковъ старинной мѣстной одежды, чѣмъ въ мужеской. Хотя рѣдко, но можно еще видѣть юпку съ пелеринкой изъ зеленой байки, съ нашивными хвостиками изъ краснаго гаруса. Кое-гдѣ богатыя старухи облекаются зимой въ праздникъ въ длинные до пятокъ *шушуны*, въ родѣ халата, безъ перехвата въ талію, но съ двумя усами на заднихъ боковыхъ швахъ, суконные—лѣтомъ и изъ бараньяго мѣха, обязательно покрытые синимъ сукномъ—зимой, съ пелеринками, покрытыми парчей или желтымъ сукномъ (лѣтомъ),

или мелкимъ чернымъ барашкомъ (зимой), а голову обвязываютъ бѣлой *намиткой* собственнаго издѣлія. Намитка похожа на длинное узкое полотенце изъ тонкой льняной ткани, на подобіе марли; ею обвязываютъ голову такъ, какъ и платкомъ, а длинные концы опускаютъ ниже поясницы, такъ что ихъ развѣваетъ вѣтеръ. Иногда намитка прикалывается къ платку, въ видѣ фаты. Встрѣчаются еще случаи ношенія *сапъянцивъ*, красныхъ сапогъ на высокихъ каблукахъ. Дѣвушки привѣшиваютъ иногда къ намисту *дукачи* (родъ медаліоновъ).

Въ поселеніяхъ, расположенныхъ по почтовому тракту, идущему изъ Чернигова въ Прилуки, въ послѣднее время замѣчается значительное вліяніе городского костюма на сельскій. Запаску и плахту начинаетъ вытѣснять ситцевая *сподница*. На праздничныхъ сподницахъ нашиваютъ для украшенія снизу понѣсколько широкихъ полосъ темной шерстяной матеріи или чернаго бархату. Вышивки на сорочкахъ тоже измѣнились. Вышиваютъ уже не прямо по полотну, а по канвѣ, красной и черной бумагой. Узоры уже не своего изобрѣтенія, какъ прежде, а заимствованные изъ печатныхъ сборниковъ—крупные цвѣты, бытовыя картинки и т. п., въ общемъ выходитъ гораздо грубѣе, чѣмъ прежде.

Настоящее описаніе народной одежды въ нѣжинскомъ уѣздѣ черниговской губерніи составлено на основаніи матеріаловъ, собранныхъ въ теченіе 1890 года.

Н. Степовой.

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ ПОЛЕТИКА.

Иванъ Андреевичъ Полетика былъ сыномъ бунчуковаго товарища лубенскаго полка и младшимъ братомъ Григорія Андр., котораго біографія напечатана въ „Кіевской Старинѣ“ 1891 г. [1]). Онъ родился въ г. Ромнахъ въ 1726 г. и былъ годомъ моложе брата; первоначальное образованіе получилъ въ кіевской академіи, но, желая изучать медицину, поѣхалъ по окончаніи курса, на средства своего отца, заграницу и поступилъ въ медицинскую академію г. Киля въ Голштиніи. Тамъ онъ пробылъ 4 года; въ 1750 году пріѣхалъ въ Петербургъ и просилъ принять его въ с.-петербургскій генеральный сухопутный госпиталь (нынѣшняя клиника при медицинской академіи). 31 декабря 1750 г. онъ былъ принятъ туда подлѣкаремъ и въ госпитальной школѣ слушалъ лекціи профессоровъ Шрейбера, фонъ-Меллена и Унгебауера. Не прошло года, какъ онъ снова поѣхалъ заграницу и продолжалъ учиться сначала въ Кильской академіи, а потомъ въ Лейденскомъ университетѣ, гдѣ медицинскій факультетъ пользовался высокой репутаціей, потому что въ немъ читалъ лекціи знаменитый, но въ то время уже умершій, докторъ Бургаавъ (Boerhaav).—Здѣсь въ 1754 г., 27 іюня, онъ получилъ докторскій дипломъ, напечатавъ и защитивъ диссертацію о наслѣдственныхъ болѣзняхъ (De morbis haereditariis).

Замѣтимъ здѣсь, что въ одно время съ нимъ, но по другому факультету, слушалъ лекціи въ Лейденскомъ университетѣ его двоюродный братъ Григ. Иван. Полетика, бывшій впослѣдствіи долгое время совѣтникомъ русскаго посольства въ Вѣнѣ

[1]) № 4, стр. 97—116.

въ царствованіе императора Іосифа II. Въ этомъ видѣнъ характеръ временъ Петра Великаго, заставлявшій любознательныхъ и достаточныхъ людей искать высшаго образованія заграницей. Для способныхъ малороссіянъ это было не очень трудно, потому что въ Кіевской академіи хорошо преподавались классическіе языки, особенно необходимые въ то время для изученія наукъ.—Прибавимъ еще, что духовные лица и медики пользовались въ малороссійскомъ обществѣ такимъ же уваженіемъ, какъ и казацкія старшины.

Получивъ дипломъ, И. А. Полетика отправился опять въ Киль, и въ томъ же 1754 году тамошняя медицинская академія избрала его въ свои профессоры; избраніе это было утверждено герцогомъ шлезвигъ-голштейнскимъ и наслѣдникомъ русскаго престола Петромъ Феодоровичемъ (впослѣдствіи императоромъ Петромъ III). И такъ, Полетикѣ досталась честь первому изъ русскихъ быть профессоромъ въ нѣмецкой академіи.

Два года занималъ онъ профессорскую каѳедру, но, соскучившись по родинѣ, исходатайствовалъ себѣ увольненіе, возвратился въ 1756 г. въ Петербургъ и просилъ медицинскую канцелярію о разрѣшеніи ему частной практики и объ опредѣленіи опять въ главный сухопутный госпиталь. Для дозволенія практики закономъ требовался особый экзаменъ въ Россіи, но такъ какъ Полетика имѣлъ уже докторскій дипломъ и званіе профессора, то бывшій тогда архіатеромъ (т. е. директоромъ медицинской канцеляріи) Павелъ Захаровичъ Кондоиди придумалъ устроить въ медицинской канцеляріи ученый разговоръ съ нимъ о медицинѣ и ея частяхъ, который должны были вести профессоръ Шрейберъ и докторъ морскаго флота Синопеусъ въ присутствіи самого Кондоиди.

Разговоръ происходилъ 11 сентября 1756 г., послѣ чего тотчасъ же подписанъ былъ одобрительный аттестатъ съ разрѣшеніемъ практики въ имперіи и съ назначеніемъ младшимъ докторомъ въ тотъ же сухопутный госпиталь. На этомъ мѣстѣ онъ не оставался и трехъ недѣль. Тогда началось участіе Россіи въ семилѣтней войнѣ, и старшій докторъ госпиталя Унгебауеръ назначенъ былъ 30 сентября генералъ-штабъ-докторомъ

въ армію генералъ-фельдмаршала графа Апраксина, а на вакантное мѣсто старшимъ докторомъ опредѣленъ Полетика. Такимъ образомъ онъ опять первымъ изъ русскихъ получилъ въ управленіе большой госпиталь. Онъ тогда только что достигъ 30-лѣтняго возраста.

На этомъ мѣстѣ Иванъ Андр. оставался съ небольшимъ три года. По словамъ проф. Чистовича[1]), въ клиникѣ до настоящаго времени (1883 г.) существуютъ два памятника заботливости его о госпиталѣ, а именно: по его старанію построены были 7 деревянныхъ барачныхъ корпусовъ во 2 отдѣленіи госпиталя, занятые больными въ концѣ 1759 г., и разведенъ въ 1758 г. ботаническій садъ съ большимъ прудомъ и теплицами, который остается и нынѣ между медико-хирургической академіей, клиникой и больницею Вилье. Онъ управлялъ госпиталемъ согласно съ правилами Высочайше утвержденнаго въ 1735 г. регламента, т. е. совмѣщалъ въ себѣ все управленіе. Это соотвѣтствовало его личному характеру, но вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживало и питало его недостатки. Онъ былъ крайне самолюбивъ, вспыльчивъ и упрямъ, и на первыхъ же порахъ поссорился съ военнымъ инспекторомъ госпиталя, генералъ-лейтенантомъ барономъ фонъ-Вертерномъ; это вызвало непріятную переписку между военной коллегіей и медицинской канцеляріей, свидѣтельствующую, что генералъ былъ неправъ, но что и Полетика не имѣлъ способности мирнымъ образомъ улаживать встрѣчающіяся затрудненія и препятствія,—поэтому, онъ трудно уживался и съ ближайшими своими сослуживцами. Помощникомъ ему въ управленіи былъ главный лекарь Степанъ Венечанскій, такой же упрямый и непокорный въ правотѣ своей малороссъ; ссоры между ними были чуть не ежедневныя и явно нарушали ходъ дѣлъ въ госпиталѣ. Онѣ доходили до архіатера, и Кондоиди не разъ мирилъ ихъ, но наконецъ убѣдился, что эти два человѣка не могутъ уживаться на одномъ мѣстѣ. Кондоиди жалѣлъ Полетику, какъ ученаго, и способнаго профессора въ госпитальной школѣ, однакожъ вынужденъ былъ дать ему

---

[1]) См. Исторію медицинскихъ школъ въ Россіи, приложеніе, стр. CCLIX.

другое назначеніе. Постановленіемъ медицинской канцеляріи отъ 31 дек. 1759 г. онъ былъ переведенъ докторомъ въ с. петербургскую дивизію генералъ-аншефа Ал. Ив. Шувалова.

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ И. А. Полетика женился на воспитанницѣ П. З. Кондоиди, турчанкѣ, попавшей въ плѣнъ ребенкомъ при взятіи фельдмаршаломъ Минихомъ Очакова въ 1739 г. Она была разрознена съ своимъ семействомъ, и потому взята на воспитаніе Кондоиди, занимавшимъ въ то время должность генералъ-штабъ-доктора при арміи Миниха. Лѣтомъ 1761 г. Полетика въ первый разъ могъ получить отпускъ на четыре мѣсяца и поѣхалъ съ женою въ Ромны, гдѣ былъ его отецъ. При этомъ медицинская канцелярія поручила ему набрать изъ кіевской академіи и малороссійскихъ коллегій до 50, а если можно то и до 100 студентовъ для госпитальныхъ школъ, обѣщая студентамъ по 10 руб. для проѣзда до Москвы и Петербурга. Полетика исполнилъ это порученіе, набравши 55 учениковъ, а въ благодарность за это съ него не вычли жалованья за все время отпуска.

Вѣроятно вслѣдствіе этой поѣздки онъуспѣлъ хорошо познакомиться съ положеніемъ карантиновъ, устроенныхъ въ то время въ Малороссіи, и съ условіями медицинской службы на нихъ. Послѣ войны фельдмаршаловъ Миниха и Ласси съ турками, въ южной Россіи стала появляться чума, потребовавшая большаго распространенія карантинныхъ заставъ на турецкой и польской границахъ. Въ Малороссіи было шесть карантиновъ, изъ которыхъ главный былъ въ г. Васильковѣ, гдѣ жилъ карантинный докторъ. Польская граница проходила тогда у самаго этого города, который поэтому и назывался форпостомъ. Содержаніе карантина назначалось изъ кіевской губернской канцеляріи, а карантинный домъ, существовавшій съ 1740 г., отдавался на откупъ частнымъ лицамъ. За постой въ карантинѣ бралось съ каждаго человѣка по копѣйкѣ въ сутки, а съ вола или лошади по одной деньгѣ. При заставѣ находилась военная и таможенная стража.

Кондоиди умеръ въ 1760 г., и медицинскою канцеляріею началъ управлять бывшій его помощникъ докторъ Лерхе, не

любившій всѣхъ русскихъ и въ особенности Полетику, какъ ученаго и правдиваго человѣка. Къ концу 1763 г. очистилась ваканція карантиннаго доктора въ Васильковѣ, и Полетика сталъ проситься на это мѣсто, что и было охотно исполнено докторомъ Лерхе, желавшимъ удалить его изъ Петербурга. Въ тоже время произошла реформа въ русскомъ медицинскомъ управленіи. Указомъ императрицы Екатерины II отъ 12 ноября 1763 г. учреждена медицинская коллегія, по образцу коллегій, существовавшихъ по другимъ частямъ администраціи; прежняя канцелярія пресоединена къ коллегіи въ видѣ 2-го хозяйственнаго ея департамента. Президентомъ коллегіи назначенъ баронъ Ал. Ив. Черкасовъ, выбранный императрицею по его отличному образованію и по знакомству съ медицинскими науками.

Въ ноябрѣ 1763 г. Полетика выѣхалъ изъ Петербурга и только въ мартѣ слѣдующаго года принялъ на себя управленіе карантиномъ. Немедленно послѣ того у него начался споръ съ откупщикомъ о способахъ очищенія товаровъ. Докторъ говорилъ, что на основаніи карантинной инструкціи, утвержденной сенатомъ 22 февраля 1755 г., товары должно провѣтривать и для того, въ случаѣ надобности, распаковывать и развѣшивать на воздухѣ; откупщикъ и чиновники настаивали на томъ, что нужно довольствоваться прикладываніемъ печатей къ каждому мѣсту, не распаковывая его, чтобы не терялся таможенный сборъ. Такъ какъ прикладываніе печатей не содѣйствовало очищенію товаровъ, то докторъ настоялъ на точномъ исполненіи инструкціи, что возбудило противъ него чрезвычайную злобу. Плодами этой злобы были жалобы генералъ-губернатору Глѣбову, а также то, что въ октябрѣ 1764 г. барону Черкасову предъявлено было неизвѣстно кѣмъ частное письмо изъ Кіева, въ которомъ Полетика обвинялся во взяткахъ съ проѣзжающихъ черезъ заставу возовъ. Черкасовъ просилъ подробныхъ свѣдѣній объ этомъ отъ генералъ-губернатора; по сообщенію генерала Глѣбова, дѣло о взяткахъ состояло въ слѣдующемъ:

24 іюня 1764 г. черезъ таможню проѣхало нѣсколько крестьянъ изъ польскаго села Харлѣевки съ 37 воловыми подво-

дами съ солью, и съ нихъ взято карантинщикомъ Зефиромъ Афанасьевымъ денегъ три руб. и соли по 20 ступокъ съ каждаго воза; караульными солдатами взято съ каждаго воза по три ступки соли, и докторскимъ писаремъ Михайломъ Усковымъ на имя доктора съ каждаго воза по 15 ступокъ соли и по 12 коп. деньгами. Полетики не было дома, когда была взята взятка; узнавъ о ней, онъ, по совѣту Глѣбова, приказалъ Ускову возвратить мужикамъ соль и деньги; однакожъ мужики отказались взять то и другое, такъ какъ поборъ уже вошелъ въ обычай. Тогда соль (на 1 руб. 14 коп. по тогдашнимъ цѣнамъ) была оставлена Ускову, а на деньги 4 руб. 44 коп. куплены бумага, сургучъ и перья. Послѣ производства изслѣдованія, сознавшіеся во взяткахъ люди подвержены были строгимъ наказаніямъ, а изъ объясненій Полетики оказывалось, что по заведенному предмѣстниками его правилу собираемо было съ каждаго проѣзжающаго воза на канцелярскіе расходы по 3 коп. и что онъ прекратилъ этотъ сборъ въ исполненіе указа объ этомъ Кіевской губернской канцеляріи отъ 17 мая 1764 г., „только писаря, какъ видно, вдругъ отучить было невозможно“.—

Опасаясь за исходъ этого дѣла и зная, что въ медицинскомъ управленіи у него болѣе враговъ, нежели друзей, Полетика самъ пріѣхалъ въ январѣ 1766 г. въ Петербургъ и далъ въ медицинской коллегіи подробныя письменныя объясненія о сборахъ и злоупотребленіяхъ въ Васильковскомъ карантинѣ.— Коллегія постановила, что она совершенно оправдываетъ его, но подозрѣнія барона Черкасова не разсѣялись, и онъ на это постановленіе не согласился, а предполагалъ Полетику, въ видѣ штрафа, назначить докторомъ въ Сибирскій корпусъ. Въ этомъ смыслѣ было составлено постановленіе, но члены коллегіи его не подписали.

Споръ этотъ грозилъ затянуться на долгое время, между тѣмъ Ив. Андр. проживался въ Петербургѣ, не получая жалованья. Чтобы выйти изъ этого тягостнаго положенія, онъ рѣшился на отчаянную мѣру и подалъ прошеніе въ кабинетъ императрицы черезъ члена кабинета д. с. с. Ивана Перфильевича Елагина. Затѣмъ онъ подалъ въ медицинскую коллегію

протестъ, обвиняя барона Черкасова въ пристрастіи и прося устранить его отъ разсмотрѣнія его дѣла. Коллегія, съ согласія президента, рѣшила представить императрицѣ экстрактъ изъ дѣла со своимъ мнѣніемъ. Тоже сдѣлалъ съ своей стороны и баронъ Черкасовъ. На донесеніи коллегіи императрица написала собственноручно: „когда дѣло идетъ о чести человѣка обвиняемаго, то ничего пропускать не надобно къ изысканію правды, и для того быть по мнѣнію коллежскому. Екатерина.“

Вслѣдствіе этого медицинская коллегія постановила 25 января 1767 г., чтобы Полетика возвратился на свое мѣсто къ карантину; но ему этого было мало; ему нужно было выхлопотать невыданное жалованье за все время производства о немъ дѣла въ медицинской коллегіи. Для этого необходимо было ѣхать въ Москву, гдѣ былъ дворъ, и ожидать рѣшенія императрицы по его прошенію. 23 апрѣля 1767 г. послѣдовалъ Высочайшій указъ медицинской коллегіи, которымъ повелѣно доктора Полетику, „яко оказавшагося по учиненному надъ нимъ слѣдствію во взяткахъ невиннымъ, по прежнему докторомъ карантиннымъ въ Васильковскомъ форпостѣ опредѣлить и удержанное у него за тринадцать мѣсяцевъ жалованье выдать сполна изъ суммы коллегіи медицинской“.

Остальное время своей жизни И. А. Полетика провелъ въ Васильковѣ. Въ 1773 г. умеръ его отецъ, оставивъ на его долю помѣстья въ роменскомъ повѣтѣ, и преимущественно въ селѣ Коровинцахъ, съ 212 душами мужескаго и 192 душами женскаго пола. Женитьба безъ приданаго и спеціально ученая карьера не дали ему возможности увеличить свое имущество, и онъ умеръ въ Васильковѣ 22 апрѣля 1783 г. въ чинѣ надворнаго совѣтника, оставивъ жену съ многочисленнымъ и недостаточно обезпеченнымъ семействомъ. Сыновья его воспитывались въ недавно передъ тѣмъ основанныхъ въ Петербургѣ корпусахъ: артиллерійскомъ, кадетскомъ и пажескомъ; двое изъ нихъ, Михаилъ и Петръ, достигли впослѣдствіи высокаго положенія на государственной службѣ; а одна изъ дочерей, Екатерина, окончивъ воспитаніе въ Смольномъ институтѣ, назначена была флейлиной къ императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ и провела весь долгій вѣкъ въ зимнемъ и Таврическомъ дворцахъ.

Отрывки изъ записокъ Автонома Акимовича Солтановскаго.[1]

1864 г. 29 февраля Директоръ ровенской гимназіи Теодоровичъ приглашенъ директоромъ Каменецъ-Подольской гимназіи, а учитель словесности Солтановскій—инспекторомъ. Витте пригласилъ обоихъ для исправленія этой гимназіи.

9-го марта. Въ Дубно сегодня вѣшаютъ Б. У него нашли много денегъ въ золотой монетѣ, важныхъ бумагъ и фотографическія карточки жандармовъ-вѣшателей. По этимъ даннымъ арестовали уже 18 человѣкъ, въ томъ числѣ К—ля, сына городоваго врача въ Дубно, и брата жены Л—га, ровенскаго городоваго врача. Арестованы также бывшіе ровенскіе воспитанники два брата В—чи. 7-го черезъ Ровно проѣхалъ изъ Житомира въ Дубно жандармскій полковникъ, чтобы присутствовать при экзекуціи надъ Б—мъ.

Каменецъ-Подольскъ.

20 марта. Привезли помѣщика съ австрійской границы въ Каменецъ. Прибывъ изъ Европы на границу, онъ былъ тщательно обысканъ и пропущенъ. Садясь въ экипажъ, онъ открылъ porte-tabac и вынулъ папиросу. Стоявшій около экипажа жандармъ предложилъ ему огня закурить и попросилъ у него другую бывшую въ porte-tabac'ѣ папиросу. Жандармъ сталъ закуривать и замѣтилъ, что въ ней бумага, а не табакъ. Онъ потушилъ папиросу, разорвалъ её и вынулъ изъ середины дипломъ отъ

[1]) См. „Кіевск. Стар.“, 1893 г., № 4.

ржонда на званіе главнокомандующаго въ Подольской губерніи.

27. Въ Казенной палатѣ произвели обыскъ и нашли какіе-то революціонные документы и 18 ф. пороху.

Автономъ Григорьевичъ Теодоровичъ занялъ мѣсто Герасименка, который перешелъ въ Ровно. Герасименко человѣкъ добрый, но слабый, весь преданный своимъ страстямъ. Гимназія его мало занимала.

Конечно, не ему было управиться въ Каменецъ-Подольской гимназіи, которая въ теченіе 10 лѣтъ постепенно развинчивалась, а въ 1863 г. окончательно сдѣлалась гнѣздомъ польскихъ патріотическихъ интригъ и нигилизма. Въ теченіе десяти лѣтъ въ ней директорствовалъ англичанинъ Б—ръ, весьма плохо владѣвшій русскимъ языкомъ. Въ теченіе десяти лѣтъ онъ всего раза четыре былъ въ гимназіи: при вступленіи въ должность, два раза во время попечительской ревизіи и разъ вмѣстѣ съ другомъ своимъ Рудольфомъ Ивановичемъ Б., губернаторомъ, на торжественномъ актѣ. Гимназіей управляли инспектора, а канцеляріей письмоводитель. Два сына Б—ра воспитывались въ Оксфордскомъ университетѣ. Онъ былъ вдовъ, и при немъ жила какая-то пожилая дѣвица, племянница, высокая и сухая, съ огромнѣйшими зубами. Она славилась, какъ отличная хозяйка и мастерица готовить всевозможныя кушанья англійской кухни. Б—ръ любилъ кейфъ и былъ необыкновенный лакомка. Утромъ за кофе онъ пробѣгалъ газету „Теймсъ". Послѣ отправлялся самъ на рынокъ съ корзинкою подъ мышкой и закупалъ дневную провизію. Часто его встрѣчали съ корзинкой въ одной рукѣ и индюкомъ, гусемъ или зайцемъ въ другой. Если удавалось ему купить на рынкѣ упитаннаго поросенка, или индюка, или каплуна, онъ сейчасъ посылалъ пригласительную на обѣдъ записку другу своему, губернатору Б., а самъ располагался соснуть часокъ. Потомъ занимался до обѣда чтеніемъ Шекспира или другаго англійскаго классика, подписывалъ составленныя ему письмоводителемъ бумаги и переодѣвался къ обѣду. Послѣ плот-

наго, съ крѣпкой выпивкою, обѣда, выкуривши по дорогой сигарѣ, друзья расходились. Б—ръ отдыхалъ до чаю, затѣмъ отправлялся на преферансъ къ Б. И такъ однообразно и мирно текли дни этого администратора. Учителей почти никого онъ не зналъ въ лицо, а ученики его совсѣмъ не знали. Когда при встрѣчѣ на улицѣ учитель кланялся ему, Б — ръ брался за козырекъ шапки, но на лицѣ его изображался вопросъ:—„Это что за знакомецъ"!!... „Кажется, гдѣ-то видѣлъ". Ученики не только не раскланивались съ нимъ, но даже часто толкали его на узкихъ тротуарахъ, когда онъ, обремененный покупками и всякой живностью, пробирался съ базара домой. Когда наступило безпокойное время, и инспекторъ потребовалъ его вмѣшательства въ управленіе гимназіей, Б — ръ, уже выслужившій пенсію, посовѣтовавшись съ Б. подалъ въ отставку. Онъ все время своей службы состоялъ въ перепискѣ съ высокопоставленными въ Петербургѣ лицами, и потому окружное начальство не смѣло его ничѣмъ безпокоить. Ф—нъ, инспекторъ при Бякстерѣ, служа учителемъ въ Малороссіи, успѣлъ жениться на дочери помѣщика и взялъ за нею 10000 руб. сер. Онъ сейчасъ купилъ себѣ мѣсто инспектора въ Каменецъ-Подольской гимназіи, которою и управлялъ самостоятельно. Но такъ какъ онъ любилъ общество, любилъ принимать у себя, любилъ бывать ежедневно въ гостяхъ и велъ большую игру, то удѣлять гимназіи не могъ много времени и долженъ былъ большую часть своихъ обязанностей возложить на надзирателя А — ча, весьма ловкаго малаго, вкравшагося въ его довѣренность. И отпуски, и переводы, и всякія льготы ученикамъ—все исходило отъ А—ча, который при этомъ былъ страшно грубый и заносчивый человѣкъ, наносилъ неосновательно и ученикамъ и даже учителямъ оскорбленія и бралъ безъ всякой мѣры взятки. Ученикамъ позволялось ношеніе всевозможныхъ костюмовъ, куреніе папиросъ и сигаръ во время классовъ въ классныхъ комнатахъ, допускались безпрерывныя отлучки къ родителямъ, родственникамъ и знакомымъ. Нѣкоторые ученики и четверти года не жили въ Каменцѣ, вовсе не учились, а между тѣмъ переходили изъ

класса въ классъ, получали аттестаты, чинъ XIV класса и даже награждались медалями. На повѣрочныхъ испытаніяхъ не принимали въ университетъ награжденныхъ медалями вслѣдствіе совершеннаго незнакомства ихъ съ предметами гимназическаго курса. Ф—нъ до побитія его учениками и перевода въ Житомиръ успѣлъ въ Каменцѣ проиграть не только всѣ тѣ взятки, которыя приходилось ему получать черезъ руки А—ча, но и все приданое жены.

Я пріѣхалъ въ Каменецъ часовъ въ 10 утра и, переодѣвшись въ инспекторской квартирѣ, находившейся во второмъ этажѣ въ зданіи, стоявшемъ на гимназическомъ дворѣ, отправился представиться директору. Въ это время въ гимназіи шли уроки, и я полюбопытствовалъ осмотрѣть гимназію внутри. Поднявшись по парадной лѣстницѣ во 2-й этажъ, я очутился передъ дверьми 2 класса. Я подошелъ къ нимъ и заглянулъ въ стекло. Сначала я ничего не могъ разобрать. Классная комната была полна дыма или какого-то тумана. Мало-по-малу я различилъ сидящаго на кафедрѣ учителя, а затѣмъ и учениковъ на скамейкахъ. Большинство учениковъ самаго юнаго возраста дымили папиросами, другіе при помощи машинокъ готовили папиросы, вездѣ на скамьяхъ лежали кучки табаку и папиросная бумага. Иные ученики читали книги. Повидимому, никто не слушалъ объясненій учителя. На корридорѣ постоянно появлялись изъ классовъ ученики. Нѣкоторые надѣвали шинели и уходили, другіе шеренгами гуляли по корридору, а въ концѣ корридора собралась порядочная толпа, о чемъ-то горячо спорила и курила папиросы. На вѣшалкахъ виднѣлись всевозможные верхніе костюмы: пледы, чемерки, ксендзовскіе плащи, горальскія галиційскія бурки, свитки и проч., и ни одной ученической шинели. Гулявшіе по корридору ученики, даже мальчуганы лѣтъ десяти, одѣты были или въ ботфорты, или въ походные штыфли, съ металлическими подковками. Я выразилъ директору Теодоровичу удивленіе по поводу такихъ порядковъ. Директоръ отвѣчалъ, что теперь еще ничего, было еще хуже, что онъ поджидалъ меня, чтобы совмѣстно постепенными и благоразумными мѣрами водворить порядокъ. Самое главное—нужно

выдержать характеръ, дѣйствовать твердо, но спокойно, ничуть не горячиться и не отчаяваться. Учителя еще почище своихъ учениковъ; и тѣ, и другіе находятъ поддержку въ обществѣ и даже въ губернаторѣ Б., а слѣдовательно, и въ полиціи. Жена Б. полька и фанатическая католичка; у нея вѣчно толкутся ксендзы, и она бѣгаетъ въ кафедру даже по вечерамъ. Полиція помогла бѣжать за границу ученикамъ, побившимъ Ф—на и А—ча. Когда Витте въ отсутствіи Б. исключилъ изъ гимназіи 60 коноводовъ и разослалъ ихъ къ родителямъ каждаго въ сопровожденіи конвойнаго солдата, любезно предложеннаго начальникомъ дивизіи и военнымъ начальникомъ графомъ納родомъ, то возвратившійся Б. громко высказался, что онъ никогда не допустилъ бы такого безобразія, что онъ самого Витте отправилъ-бы въ Кіевъ въ Кирилловское заведеніе съ конвойнымъ жандармомъ. „Не унывайте, Автономъ Акимовичъ, дастъ Богъ все обойдется!" заключилъ директоръ. На слѣдующій день я сдѣлалъ визиты учителямъ. Меня вездѣ приняли холодно, чуть не враждебно. Одинъ только учитель французскаго языка Петре, мой товарищъ по университету, и его хорошенькая жена старались быть любезными. Харитона Ѳеодоровича Малинашевскаго, моего бывшаго товарища по философскому факультету, изъ семинаристовъ, я засталъ въ состояніи помѣшательства. Онъ встрѣтилъ меня въ какомъ-то испачканномъ, изорваномъ халатѣ, безъ подштанниковъ, въ туфляхъ на босую ногу. Желтое исхудалое лицо, обросшее свѣтлыми рѣдкими волосами, нечесанная на головѣ шевелюра, уставленные въ одинъ пунктъ, оловяные, безжизненные глубоко впавшіе глаза, грязныя, давно немытыя руки съ грязными длинными ногтями, все это не оставляло сомнѣнія въ его умственномъ поврежденіи. Онъ уже два мѣсяца не посѣщалъ уроковъ. Кругомъ весьма элегантная обстановка. „Что угодно?"—встрѣтилъ онъ меня. Я назвалъ себя. Онъ забѣгалъ по комнатѣ, заговорилъ о безсмысленныхъ, несправедливыхъ порядкахъ, о соціализмѣ, Шопенгауэрѣ, Штраусѣ. Я сѣлъ безъ приглашенія, и онъ сѣлъ. Я прямо спросилъ его, чѣмъ онъ страдаетъ, и можно-ли познакомиться съ его супругой.

„Все болитъ! супруги нѣтъ дома!“ и опять Луи-Бланъ, Фурье и такъ далѣе. Малинашевскій читалъ всеобщую исторію и, пользуясь покровительствомъ нѣсколькихъ важныхъ духовныхъ лицъ, ему приходившихся съ родни, надѣялся скоро получить въ Каменцѣ мѣсто инспектора, но это ему не удалось, откуда пошли и всѣ прочія бѣды.

Дошло до того, что бѣдный Малинашевскій постоянно уходилъ изъ дому къ семинарскимъ учителямъ и тамъ за попойкой разсуждалъ о преобразованіи судебъ всего міра и Россіи, обзавелся соціалистическими и атеистическими сочиненіями и на урокахъ исторіи сталъ посвящать своихъ учениковъ въ теоріи, разрушительныя и зловредныя, благо въ гимназіи не существовало никакого контроля надъ преподаваніемъ. Ученики стали обожать его, стали вѣрить, какъ въ непреложное, въ каждое его изреченіе. Онъ сталъ во главѣ нигилистическаго въ гимназіи направленія. Слухи о его дѣятельности не скрылись отъ жандармовъ, и для него повышеніе по службѣ, не смотря на покровителей и даже подкупъ, сдѣлалось невозможнымъ. Неудача въ семейной жизни, неудача по службѣ довели его нервы до крайней напряженности, и онъ рехнулся. Тогдашніе нигилисты вполнѣ сочувствовали революціонному движенію поляковъ. Поляки же, будучи себѣ на умѣ, вслѣдствіе своей католической ортодоксальности и строгой дисциплинировки, съ презрѣніемъ отзывались о бредняхъ нигилистовъ, но въ глаза ихъ поощряли и во всѣхъ буйствахъ и манифестаціяхъ старались выдвинуть ихъ впередъ, называя ихъ: dobrze mysliece bracia rusini. Этимъ объясняется, что въ числѣ 60 человѣкъ, исключенныхъ попечипелемъ Витте изъ Каменецъ-Подольской гимназіи, оказалось 46 православныхъ, дѣтей зажиточнаго подольскаго православнаго духовенства и бессарабскихъ помѣщиковъ. Естественныя науки преподавалъ учитель Вощининъ, сынъ бывшаго нѣкогда директора Каменецъ-Подольской гимназіи, отставнаго военнаго, а теперь назначеннаго правительствомъ исполнять должность предводителя дворянства каменецкаго уѣзда. Поляки-предводители, послѣ составленія и подписанія дерзкаго адреса на имя Государя о дурномъ управленіи польской губерніи Россіею и о не-

обходимости присоединить ее къ Царству Польскому, всѣ были удалены по Высочайшему повелѣнію, и мѣста предводителей дворянства заняли по назначенію военные и гражданскіе чиновники. Учитель русской счовесности Стефановичъ, географіи Воробьевъ и математики Сербуловъ недавно прибыли и не успѣли еще проявить себя. Еще были русскіе учителя: Михаилъ Васильевичъ Мартыновскій—преподаватель математики въ высшихъ классахъ, и Малавскій—преподаватель латинскаго языка. Мартыновскій былъ брюнетъ, высокаго роста, атлетическаго сложенія; имѣлъ лицо широкое и круглое, одѣвался необыкновенно опрятно, носилъ всегда золотые очки. Преподавалъ хорошо. Онъ жилъ въ третьемъ этажѣ гимназическаго зданія, никого у себя не принималъ и не бывалъ ни у кого изъ товарищей. Его всѣ безъ исключенія недолюбливали и считали даже тайнымъ доносчикомъ. Малавскій лучше игралъ на скрипкѣ, чѣмъ преподавалъ. Онъ былъ малоспособный добрякъ, передъ русскими онъ былъ стойкій русскій, съ нигилистами — нигилистъ, съ поляками — полякъ. Ярыхъ поляковъ учителей уже перевели или отставили отъ должности, остались болѣе осторожные, за исключеніемъ ксендза, гимназическаго доктора и учителя польской словесности; послѣдній, впрочемъ, переходитъ въ одесскій округъ. Учитель математики Куликовскій и учитель законовѣдѣнія Каминскій держатъ себя осторожно. Къ вакаціонному времени мало-по-малу ученики пріучены были къ порядку, и куреніе выведено не только изъ классныхъ комнатъ, но даже изъ ученическихъ квартиръ. Къ окончательному испытанію прибылъ профессоръ университета Деленъ. Ученики 7 класса оказались ничего не знающими по всѣмъ безъ исключенія предметамъ; по географіи—они не умѣли отличить частей свѣта и воды отъ суши. На экзаменъ приглашены были епископъ Леонтій, нынѣ архіепископъ варшавскій и холмскій [1]), и бискупъ Фіалковскій. Послѣдній явился тогда только, когда Леонтій уѣхалъ домой; онъ боялся встрѣчи съ русскимъ епископомъ. Фіалковскій послѣ былъ митрополитомъ католической

---

[1]) Писано въ 1887 г.

церкви въ Россіи, а по смерти его на эту должность назначенъ плоцкій бискупъ Гинтовичъ.

13 апрѣля въ подольской губерніи арестованно 19 ксендзовъ. Губернаторъ уѣхалъ въ Кіевъ. Вчера во время архіерейскаго служенія вызвали изъ церкви военнаго начальника, дивизіоннаго генерала графа Нирода. Послѣ оказалось, что Ниродъ произвелъ обыскъ въ квартирѣ губернатора. Дѣло происходило такъ: въ военно-судной коммиссій при какомъ то повстанцѣ найдены письма любимой камеристки губернаторши. Предсѣдатель коммиссіи, какой-то маіоръ, явился къ ея превосходительству Б. съ просьбою дозволить ему произвести обыскъвъ комнатѣ ея камеристки. Губернаторша разъярилась, стала кричать, что если позволителенъ обыскъ у камеристки, такъ пусть вездѣ ищутъ въ квартирѣ губернатора, и въ ея спальнѣ, и въ кабинетѣ мужа. Искать, такъ вездѣ искать, иначе она не согласна на обыскъ. Маіоръ далъ знать графу Нироду, и послѣдній въ своемъ присутствіи приказалъ вездѣ обыскать, согласно желанію madame Б. Когда возвратился Б. послѣ Пасхи, у нихъ съ женою произошла настоящая буря: зачѣмъ, она не дозволяла обыскать камеристку и зачѣмъ вызвала, къ униженію губернаторскаго сана, общій обыскъ.

Еще до обыска отношенія между Б. и графомъ Ниродомъ обострились до крайности. Какой-то протеже m — me Б. служилъ становымъ приставомъ; это былъ полякъ, окончившій университетъ. Въ ожиданіи пріѣзда Анненкова (генералъ-губернатора) на смотръ дивизіи и для ревизіи, Б. и Ниродъ выѣхали на встрѣчу на ближайшую почтовую станцію. Дивизія ожидала въ строю Анненкова. Ниродъ не позаботился, чтобы для него заготовить на станціи лошадей. Представившись Анненкову, онъ долженъ поспѣшить впередъ и встрѣтить его передъ дивизіей. Между тѣмъ, становой приставъ распорядился запряжкой лошадей для Анненкова, Б., для исправника и для себя. Для Нирода не осталось ни одной лешади. Такъ какъ поляки не терпѣли Нирода, то очень можетъ быть, что приставъ распорядился такъ съ умысломъ. Ниродъ вспылилъ, обругалъ пристава непечатной бранью и забралъ его

лошадей. Однакожъ для пристава лошади все-таки отыскались. Онъ поскакалъ вслѣдъ за Нирономъ и пожаловался Б. Анненковъ остановился у послѣдняго и еще до обѣда М—me Б. успѣла передать дѣло пристава Анненкову и вообще жаловалась на дерзкіе пріемы Нирода и обхожденіе съ польскими дворянами. Анненковъ сдѣлалъ Нироду замѣчаніе, и съ этого началась ссора. Въ Гайсинѣ арестована вся полиція, состоявшая изъ поляковъ.

Въ Любарѣ въ фамильномъ склепѣ владѣльца въ свинцовыхъ пустыхъ гробахъ найдены важные документы и револьверы.

14 апрѣля. Ученикъ IV класса Іосифъ Целинскій обругалъ на улицѣ діакона Петропавловской церкви и метнулъ вслѣдъ за нимъ въ церковную ограду палку, которая чуть-чуть не попала въ раскрытыя церковныя двери. Полиціймейстеръ Энько-Даревскій представилъ мнѣ Целинскаго. Я заставилъ Целинскаго испросить у діакона прощеніе и посадилъ на 3 дня въ карцеръ на хлѣбъ и воду. Ксендзъ Островскій сваливалъ всю вину на мать Целинскаго, у которой собираются и бранятъ русскую религію и русскихъ поповъ. Наслушавшись этихъ разсужденій, Целинскій и сдѣлалъ глупость, думая этимъ угодить Богу.

15 апрѣля. Сегодня жену учителя нѣмецкаго языка Берха ксендзъ кармелитскаго монастыря прогналъ отъ исповѣди за то, что мужъ у нея лютеранинъ, а дѣти православныя. Онъ ругалъ ее на весь костелъ и обзывалъ позорными кличками въ присутствіи болѣе чѣмъ сотни молящихся. М—me Берхъ уже пожилая дама и имѣетъ дочь лѣтъ 25-ти.

Лучицкій писалъ къ знакомымъ изъ Кіева, что съ Новаго года прибавятъ къ жалованію 25% изъ суммъ, взыскиваемыхъ съ польскихъ помѣщиковъ.

18-го апрѣля, въ Страстную субботу, поздно вечеромъ часовъ въ 8-мь началась въ католической каѳедрѣ Rezurexia. Она совершалась съ свойственнымъ католицизму въ этомъ краѣ великолѣпіемъ и торжествомъ. Масса духовенства во главѣ съ бискупомъ, блестящее освѣщеніе, блестящія ризы, блестящія

декораціи; весь католическій и православный Каменецъ отъ стариковъ до малолѣтнихъ, множество пріѣзжихъ помѣщиковъ и ихъ официалистовъ—словомъ, многотысячная толпа, тѣснилась въ костелѣ, въ костельной оградѣ, и кругомъ подлѣ квартиры директора, губернскаго правленія и на площади. Весь костелъ горѣлъ огнями, и вершина очень высокаго минарета, стоящаго подлѣ костела, горѣла вѣнкомъ разноцвѣтныхъ огней. Въ другихъ костелахъ Rezurexia происходила тоже торжественно, но кончилась гораздо ранѣе каѳедральной. Костелы—это рыцарскіе замки полонизма въ юго-западномъ краѣ. Они доминируютъ надъ краемъ; они незамѣтно для самыхъ интеллигентыхъ людей изъ русскихъ по происхожденію производятъ на нихъ глубокое впечатлѣніе, особенно прибывшихъ изъ глубины Россіи, и внушаютъ имъ симпатію къ католицизму и уваженіе къ ксендзамъ. Здѣшній русскій интеллигентъ о попѣ всегда отзывается съ пренебреженіемъ, но къ ксендзу относится весьма почтительно, церковь посѣщаетъ вслѣдствіе необходимости, изрѣдка, а костелъ посѣщаетъ съ удовольствіемъ и охотно жертвуетъ на костелъ рубли, когда на церковь жалѣетъ копѣекъ. Прихожане католики здѣшняго края всѣ исконные русскіе; дома и на улицѣ говорятъ по русски, какъ говорили споконъ вѣка отцы ихъ, но богослуженіе слушаютъ на языкѣ польскомъ, молятся по польскимъ молитвенникамъ, и ихъ успѣли убѣдить ксендзы, что они не русскіе, а люди польской вѣры. Одни помѣщики и ихъ официалисты—настоящіе поляки, если не по происхожденію, то по воспитанію и по той идеѣ полонизма, которая не даетъ имъ покоя, постоянно подталкивая ихъ на рискованныя предпріятія. Еслибы правительству пришло на мысль дать здѣшнимъ католикамъ молитвенники и богослуженіе на русскомъ языкѣ, они перестали-бы считать себя людьми польской вѣры, а не русскими, и тогда вліяніе польской идеи на русскихъ католиковъ юго-западнаго края совсѣмъ прекратилось-бы. Эта идея проявилась въ сѣверо-западномъ краѣ; но въ юго-западномъ краѣ она никогда не могла возникнуть. Бибиковъ не могъ понимать положенія дѣлъ, не могъ принимать мѣръ для прочнаго и окончательнаго обрусѣнія края; онъ все

спасеніе находилъ въ карахъ. Его трепетали паны и ксендзы, а втихомолку вели ту организацію, которая разразилась бунтомъ 1863 года и предъявила права Польши на русскій юго-западный край.

Въ то-же время нѣкоторые изъ мѣстныхъ администраторовъ старались увѣрить правительство, что настоящая опасность угрожаетъ Россіи отъ кореннаго русскаго населенія юго-западнаго края, проникнутаго будто-бы духомъ сепаратизма, то есть—отъ мужиковъ, такъ какъ вся интеллигенція этого края заключалась въ состоящихъ на службѣ немногихъ чиновникахъ, которые не въ состояніи были имѣть въ себѣ, а тѣмъ болѣе проявлять сепаративный духъ. Имъ вѣрили—и вотъ пошло гоненіе на собирателей народныхъ пѣсенъ и сказокъ, запрещено печатаніе на малороссійскомъ языкѣ книгъ, запрещены представленія „Наталки-Полтавки", „Москаля-Чаровныка" и другихъ невинныхъ драматическихъ піесъ на малороссійскомъ языкѣ.

Ксендзы строго запрещаютъ католичкамъ полькамъ выходить замужъ за иновѣрцевъ и въ особенности за русскихъ схизматиковъ. Ксендзы не признаютъ законнымъ бракъ съ иновѣрцами и считаютъ его простымъ сожительствомъ. На исповѣди вышедшимъ за православнаго католичкамъ толкуютъ, что онѣ ниже обыкновенныхъ проститутокъ, потому что проститутка можетъ во всякое время покаяться и сдѣлаться святою, какъ Магдалена, но онѣ уже на всю жизнь останутся проститутками—все равно будутъ-ли онѣ только въ сожительствѣ съ своими незаконными мужьями, или же съ сотнею другихъ мужей. Кажется, что такое толкованіе ксендзовъ не только не способствуетъ уменьшенію браковъ съ православнымм, но еще ихъ умножаетъ. Страстныя кокетки польки, боясь осужденія за невѣрность мужьямъ католикамъ, предпочитаютъ подхватывать православныхъ въ мужья, такъ какъ и Kościol разрѣшаетъ невѣрность такимъ мужьямъ, и общественное мнѣніе польское не осуждаетъ ихъ за невѣрность. Сверхъ того, имъ хочется имѣть мужей, съ которыми бы онѣ ни мало не церемонились во всѣхъ отношеніяхъ, презирая ихъ, какъ схизматиковъ и хлоповъ рус-

скихъ. Особенно падки на русскихъ тѣ-дѣвицы-католички шляхетскаго происхожденія, которыя мужу ничего не приносятъ въ приданое, кромѣ двухъ, трехъ паръ носильнаго своего платья. Онѣ такъ накидываются на молодыхъ, малоопытныхъ, и военныхъ и статскихъ, людей русскихъ, такъ съ ними свободно заигрываютъ, такіе дѣлаютъ имъ страстные глаза, такъ страстно жмутъ руки, такъ наглядно высказываютъ свое увлеченіе, свою страстную къ нимъ любовь,—а въ случаѣ малѣйшей размолвки приходятъ въ такое натуральное отчаяніе, такъ нѣжно оправдываются, обѣщаютъ на всю жизнь быть преданными и покорними и страстно и вѣрно любить до гроба,—что бѣдная неопытная молодежь теряетъ голову и сочетывается законнымъ бракомъ. Смотришь—на третій день послѣ брака у ней оказывается любовникъ, и всѣмъ ея пріятельницамъ уже извѣстно, что мужъ ея грубый хлопъ-москаль, деспотъ, и что она постарается его отшлифовать на всѣ стороны. Она всю жизнь пилитъ его отъ утра до вечера, особенно если заведутся дѣти, которыхъ мужъ по простотѣ и добродушію считаетъ своими собственными и привязывается къ нимъ съ горя. О, тогда жена становится лютымъ звѣремъ: слезы, спазмы, истерики, угрозы отравиться, повѣситься, все бросить, бѣжать куда глаза глядятъ отъ деспота, тирана, мужика! А пріятельницы трубятъ во всѣ стороны о несчастьяхъ жены, о дурномъ характерѣ мужа. Всѣ вѣрятъ имъ на слово, и несчастный, обманутый мужъ, съ чужими дѣтьми на шеѣ, о которыхъ онъ долженъ заботиться, становится одинокимъ, чужимъ и въ семьѣ, и въ обществѣ. Жена въ обществѣ очаровательна—ангелъ не жена, и всѣ её жалѣютъ,—дома съ мужемъ—сатана. Мужъ женѣ помѣха въ гостяхъ, и жена дѣлаетъ ему сцены, собираясь съ нимъ въ гости; дѣлаетъ сцены на дорогѣ, и мужъ мало-по-малу пріучается сидѣть дома съ дѣтьми и прислугой, жена-же гуляетъ по цѣлымъ ночамъ, домой является за тѣмъ, чтобы переночевать и наругаться надъ мужемъ и прислугой. Мужъ выѣзжаетъ изъ дому по службѣ, а въ его домѣ настоящія оргіи. Ея пріятели и пріятельницы—ея кружокъ—угощаются на славу: нужно же и усебя угощать, если угощаешься у другихъ!—думаетъ жена.

Дѣти растутъ на рукахъ прислуги. Мать къ нимъ равнодушна—они схизматической вѣры. Если въ высокоторжественный день по необходимости нужно повести дѣтей въ церковь или пріобщить ихъ,—тогда надолго мужу нѣтъ покоя:—ему выставляется на видъ жертва, принесенная женою. Съ мужемъ дѣти не идутъ въ церковь: жена успѣла внушить имъ, одѣляя всевозможными игрушками, что отецъ ихъ терпѣть не можетъ, что онъ тиранъ, мучитель, извергъ, что она, несчастная забитая женщина, одна ихъ любитъ и балуетъ. Чтобы вполнѣ увѣрить ихъ въ своей добротѣ и возстановить противъ мужа, дѣлающаго выговоры дѣтямъ и побуждающаго ихъ къ труду и ученію, жена покрываетъ всѣ ихъ шалости, оправдываетъ ихъ лѣнь. Если въ семьѣ случайно явится дитя съ свѣтлымъ умомъ и склонностью къ труду и выростая пойметъ всю фальшь матери и правоту отца,—тогда горе ему. Мать заѣстъ такое дитя живьемъ и отправитъ на лоно Авраама, а послѣ, для успокоенія совѣсти, будетъ служить паннихиды. Сыновья выростаютъ, не кончая гимназіи, не сознавая себя ни католиками, ни православными; избалованные, лѣнивые, съ развратными наклонностями матери, они не въ состояніи заработать себѣ кусокъ хлѣба и въ тягость и для мнимаго отца и для себя самихъ, и для общества.

Если мужъ совсѣмъ слабъ, тогда полька жена вмѣшивается въ его служебныя дѣла и старается, по степени положенія мужа на служебномъ поприщѣ, оказать солидное покровительство своимъ компатріотамъ и услуги польской справѣ. Я зналъ одну семью, почти нищую. Дочь опутала русскаго, почти еще мальчика. Онъ былъ въ нее до безумія влюбленъ. Мать, благословляя дочь, сказала „помни, что будущій твой мужъ врагъ Польши, врагъ твоей религіи; онъ твой врагъ. Грѣхъ быть къ нему снисходительной!“ Дочь успокоила жениха, указывая на выходку матери, какъ на послѣдствіе воспитанія, какъ на причуду въ ея характерѣ, но, между тѣмъ свято исполнила завѣтъ матери: жена смяла совсѣмъ влюбленнаго въ нее мужа, смяла семью и всю жизнь оставалась злѣйшимъ его врагомъ.

19 апрѣля. Пасха. Всенощная началась въ 12-ть въ теплой архіерейской церкви; крестный ходъ въ холодную церковь, и здѣсь отслужена заутреня и обѣдня; все кончилось въ 3½ часа утра. У архіерея Леонтія разговлялись высшіе чины.

Губернаторша принимала гостей по царски: вся въ кружевахъ сидѣла въ креслахъ, поставленныхъ на какомъ то возвышеніи; вокругъ нея полукругомъ стояли представлявшіеся чины и кушали стоя изъ чашекъ бульонъ. Всякое новое лицо отвѣшивало поклонъ губернаторшѣ и примыкало къ полукругу, губернаторша въ отвѣтъ только поводила бровями. Въ залѣ, кромѣ кресла губернаторши, стоялъ длинный столъ съ пасхальными яствами, другихъ же креселъ и стульевъ не было, такъ что не на чемъ было присѣсть.

Въ настоящее время въ Каменцѣ есть два врача-богача: Б — ій, инспекторъ врачебной управы, и гимназическій докторъ К., братъ польскаго писателя, живущаго въ Краковѣ. Послѣдній нажилъ деньги практикой, связанной съ званіемъ гимназическаго врача. Гимназія доставляла ему въ годъ не болѣе 150 р. сер., такъ какъ онъ освобождалъ отъ рублевой платы всѣхъ бѣдныхъ учениковъ. Онъ дѣйствительно очень хорошій врачъ: хорошо и заботливо лечилъ больныхъ. Если заболѣвалъ сынъ богатаго помѣщика, К. посѣщалъ его по нѣсколько разъ днемъ и ночью, посылалъ ему съ своей кухни кушанья, сиропы, варенья, вина. Въ случаѣ опасной болѣзни, онъ просиживалъ около больнаго ночи, извѣщалъ объ опасности родителей. Все это цѣнили родители и щедро награждали его. Сверхъ того его требовали безпрерывно въ окрестности. Онъ былъ лѣтъ 30 гимназическимъ врачемъ и нажилъ капиталъ, построилъ дома тысячъ въ 300 и купилъ имѣніе. Онъ замѣшанъ былъ, хотя косвенно, въ возстаніи, и ему въ 1864 году предложили подать въ отставку. Старикъ, узнавъ объ этомъ, плакалъ, какъ ребенокъ: онъ за столько лѣтъ сжился съ гимназіей, какъ съ семьею. Б — ій тоже былъ замѣшанъ въ возстаніи, но успѣлъ удержаться на мѣстѣ. Онъ былъ холостъ, жилъ эпикурейцемъ, страстно любилъ музыку и самъ поря-

дочно игралъ на віолончели. У него часто по вечерамъ собирались любители музыки и разыгрывали на разныхъ инструментахъ его музыкальныя творенія. Въ числѣ любителей былъ молодой человѣкъ, (имени не вспомню), игравшій на скрипкѣ. Это былъ человѣкъ съ большими музыкальными способностями. Его собственныя сатирическія пьесы удивительно вѣрно изображали дѣйствительность. Особенно славилась его мша (месса) бискупа Фіалковскаго. Тутъ слышался и старческій голосъ бискупа, воспроизведенный съ стереотипной вѣрностью, и его напѣвъ, и голоса его сослужащихъ, и звонъ колокольчика, и проповѣдь. Словомъ, видѣвшему служеніе Фіалковскаго, оно, при игрѣ на скрипкѣ этимъ молодымъ человѣкомъ, возникало съ удивительной вѣрностью. Фіалковскій за это запретилъ творца и исполнителя пьесы пріобщать Св. Таинъ.

12 мая. Торжественный церковный ходъ съ архіереемъ къ Смотричу, къ мѣсту закладки моста. Молебствіе. Въ палаткѣ завтракъ, устроенный подрядчикомъ евреемъ для Анненкова, архіерея, губернатора, графа Нирода, генерала Іордана, вице-губернатора Жемчужникова, прокурора, предсѣдателей палатъ и полковыхъ командировъ. Шампанское лилось рѣкою, слѣдовали тосты за Государя, Царскую Семью, генералъ-губернатора, губернатора и другіе. Каждый тостъ сопровождался залпомъ артиллеріи, расположенной надъ обрывомъ Смотрича у Гунской Криницы. Въ толпѣ во время тостовъ слышались свистки. Но все обошлось благополучно, такъ какъ кругомъ расположена была пѣхота и казаки. Вечеромъ Анненковъ былъ въ театрѣ и крѣпко спалъ. Театръ былъ почти пустъ. Поляки не посѣщали театра, а евреи боялись поляковъ. Полицiймейстеръ напрасно бился по городу до вечера, зазывая жидовъ и поляковъ въ театръ.

1 іюля. Губернаторъ Б. назначенъ въ Варшаву членомъ учредительнаго комитета. Онъ даетъ завтра прощальную аудіенцію и затѣмъ уѣзжаетъ въ Варшаву.

2 іюля. Въ первомъ часу губернаторъ въ мундирѣ принималъ чиновниковъ, одѣтыхъ въ мундиры, и очень чувствительно съ ними прощался. Жена его съ ребенкомъ находилась

тутъ же. Высшіе чины говорили ей любезности. Чиновники просили Б. принять отъ нихъ прощальный обѣдъ. Онъ поблагодарилъ, но отказался. Онъ просилъ собранныя на обѣдъ деньги пожертвовать на публичную библіотеку. Денегъ никогда не собрали, и библіотека такъ и осталась только въ проектѣ. Выходя, высшіе чины просили позволенія проводить Б. до станціи Нѣгинъ. Онъ согласился.

4 іюля. Съѣхалось много помѣщиковъ поляковъ, вся пріемная полна была ими и богатыми евреями. Передъ домомъ стояла толпа евреевъ и среди ней вся полиція. Полиціймейстеръ поминутно выскакивалъ и давалъ какія-то приказанія. Выскочилъ жандармъ и приказалъ давать экипажъ. Выѣхали впередъ на лошадяхъ два жандарма въ полной формѣ. Экипажъ подкатилъ. Выскочилъ полиціймейстеръ и сдѣлалъ знакъ рукою полиціи и толпѣ евреевъ: грянуло неумолкаемое „ура", встрѣтившее выходящаго губернатора съ супругой и нянюшку съ ребенкомъ на рукахъ. За ними потянулся длинный хвостъ польскихъ помѣщиковъ и богатыхъ евреевъ. Полиціймейстеръ изъ за плечей Б. опять подалъ сигналъ толпѣ евреевъ, и она моментально окружила его съ супругой и внесла ихъ на рукахъ въ экипажъ, лобызая ихъ руки, ноги, одежду. Выскочило еще нѣсколько пожарныхъ на пожарныхъ лошадяхъ и помчались впередъ, а за ними—вскочившій въ крытыя дрожки полиціймейстеръ. Ура не умолкало. Тронулись конные жандармы, и за ними экипажъ Б. Тронулось вслѣдъ до Нѣгина и множество каретъ и фаэтоновъ польскихъ пановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Документы, извѣстія и замѣтки.

25-лѣтіе московской этнографіи и первый этнографическій концертъ. Этнографическая наука, какъ извѣстно, давно нашла себѣ въ Москвѣ надежный пріютъ въ этнографическомъ отдѣлѣ Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при московскомъ университетѣ. Въ февралѣ мѣсяцѣ этого года этнографическій отдѣлъ этого общества скромно справлялъ 25-ю годовщину своего существованія, и мы не можемъ обойти молчаніемъ этотъ случай и не помянуть добрымъ словомъ дѣятельность этого учрежденія на страницахъ нашего изданія, имѣющаго весьма близкое отношеніе къ русской этнографіи, а слѣдовательно и къ одному изъ важнѣйшихъ очаговъ этой науки—этнографическому отдѣлу московскаго общества. Мы чувствуемъ себя обязанными это сдѣлать тѣмъ болѣе, что московскіе этнографы, празднуя свое 25-лѣтіе, привѣтствовали «Кіевскую Старину», какъ дѣятельнаго соратника на полѣ этнографическихъ завоеваній. Дѣйствительно, дѣятельность московскаго кружка этнографовъ по своимъ задачамъ близко соприкасается съ нашею дѣятельностью въ томъ отношеніи, что бытъ народа составляетъ и для насъ, какъ и для этнографовъ—спеціалистовъ, одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ изученія. Мы не станемъ исчислять здѣсь заслуги московскаго этнографическаго отдѣла для науки и плодотворные результаты его 25-лѣтней дѣятельности, укажемъ только на то, что эта дѣятельность, особенно въ послѣдніе годы, распространяется и на ту область, изученію которой посвящено и наше изданіе, т. е. на южную Россію. Такимъ образомъ связь наша съ московской этнографіей дѣлается еще нагляднѣе. Благодаря тому, что въ послѣдніе годы въ число членовъ московскаго общества вступили многіе изъ малорусскихъ этнографовъ, каковы: проф. Сумцовъ, П. В. Ивановъ,

И. И. Манжура, М. К. Васильевъ, В. В. Каллашъ и др., вопросы малорусской этнографіи стали близко интересовать московское ученое общество, и мы видимъ на страницахъ его изданій, особенно въ «Этнографическомъ Обозрѣніи», цѣлый рядъ статей и замѣтокъ, посвященныхъ малорусской этнографіи. Кромѣ того, намъ извѣстно, что московское общество, по мысли секретаря Н. А. Янчука, давно желаетъ издать цѣлый томъ своихъ «Трудовъ», посвященный Малороссіи, куда должны войти цѣнные матеріалы гг. Иванова, Манжуры и др. Этотъ томъ давно готовъ къ печати; къ сожалѣнію, не достаетъ только средствъ на его изданіе.

Вопросъ о средствахъ, насколько мы знаемъ, часто служитъ для московскихъ этнографовъ камнемъ преткновенія въ ихъ благихъ замыслахъ и начинаніяхъ. Казенная субсидія, получаемая этнографическимъ отдѣломъ отъ общества любителей естествознанія, какъ оказывается, настолько ничтожна (какихъ нибудь 150 руб. въ годъ или въ два года), что о ней и говорить нечего. Отдѣлъ существуетъ только частными пожертвованіями и своими добровольными взносами. При такихъ условіяхъ, дѣйствительно, можно удивляться той неустанной энергіи, какую проявляетъ отдѣлъ въ своихъ ученыхъ предпріятіяхъ, каковы научныя экспедиціи, изданіе журнала, изданіе большихъ томовъ «Трудовъ», составленіе и изданіе программъ и т. д.

Однимъ изъ подобныхъ предпріятій, которымъ этногр. отдѣлъ началъ новое 25-лѣтіе, былъ, между прочимъ, «этнографическій концертъ», устроенный отдѣломъ въ залѣ благороднаго собранія 11-го марта и собравшій довольно многочисленную публику. Идея концерта, устроеннаго по мысли секретаря отдѣла и при содѣйствіи капельмейстера-композитора Н. С. Кленовскаго, весьма симпатична. Это первый опытъ представить на судъ публики цѣлый рядъ характерныхъ мотивовъ народной музыки не только славянской, но и инородческой. Подобный концертъ долженъ былъ съ одной стороны показать богатство музыкальныхъ мелодій у разныхъ народовъ Россіи, а съ другой—обратить вниманіе на изученіе этой стороны духовной жизни народа, до сихъ поръ почти не затронутой спеціалистами изслѣдователями. Понятно, что задача эта настолько грандіозна, что и при самомъ лучшемъ ея выполненіи всегда могутъ оказаться существенные недочеты. Поэтому мы не должны быть слишкомъ требовательны къ первому опыту въ этомъ дѣлѣ, а напротивъ пожелать, чтобы оно развилось и дало желаемые результаты. Первый концертъ показалъ, по крайней мѣрѣ, что этимъ вопросомъ всѣ за-

интересовались: о немъ не мало говорилось и въ обществѣ, и въ печати; къ сожалѣнію, неожиданное событіе, взволновавшее всю Москву (убійство городского головы), помѣшало большему успѣху, на какой могло разсчитывать это оригинальное предпріятіе. Въ программу этнографическаго концерта на первый разъ вошли славянскіе народы: великоруссы, бѣлоруссы, малоруссы, поляки и болгары, а затѣмъ инородцы: литовцы, армяне, грузины, греки, киргизы, сарты, чуваши. Пѣсни этихъ народностей исполнялись на ихъ языкѣ подъ оркестръ и рояль и вызывали шумныя одобренія со стороны публики. Для большаго удобства тексты исполняемыхъ пѣсенъ въ подлинникахъ съ переводомъ были изданы отдѣльной брошюрой, по которой публика слѣдила за исполненіемъ. Какъ тексты, такъ и мотивы взяты не только изъ печатныхъ сборниковъ, но также изъ неизданныхъ записей, просмотрѣнныхъ спеціалистами, каковы: Ю. Н. Мельгуновъ, С. И. Танѣевъ, Н. С. Кленовскій и др. Главный трудъ выбора пѣсенъ изъ массы матеріала выпалъ на долю Н. А. Янчука и Н. С. Кленовскаго, который изготовилъ и все оркестровое сопровожденіе, а также хоровое переложеніе. Не перечисляя всѣхъ пѣсенъ, вошедшихъ въ программу концерта, мы остановимся только на малорусскомъ отдѣлѣ. Сюда вошло пять пѣсенъ (изъ 32-хъ №№ всей программы), три изъ собранія Н. В. Лысенка и двѣ изъ записей Н. А. Янчука; къ сожалѣнію, одна, по болѣзни исполнительницы, была пропущена. Исполнена была прежде всего изъ сборника г. Лысенка шутливая пѣсенка (соло съ репликами) «Да куды йидешъ, Явтуше?» Эта игривая пѣсня дала наглядное понятіе о малороссійскомъ легкомъ жанрѣ съ примѣсью національнаго юмора. Затѣмъ слѣдовала «поважная» пѣсня хоровая—«про голоту» (тоже изъ сб. Лысенка), полная драматизма, съ яркимъ отпечаткомъ соціально-бытовой жизни Украины. Дополненіемъ къ ней служила красивая пѣсня для баритона «Ой у степу крыныченька» (изъ Лысенка), затрогивающая другую существенную сторону прежней жизни Украины—чумачество. Наконецъ, отдѣлъ закончился характерной веснянкой «А вже весна» (по записи г. Янчука), которая должна исполняться въ видѣ перекликанія двухъ «лавъ»—дивочей и парубочей, и заканчиваться соединеннымъ хоромъ. Въ исполненіи этой типичной пѣсни, къ сожалѣнію, эффектъ значительно утратился вслѣдствіе того, что женскаго хора не было, и дивчатъ замѣняли мальчики.

Такой характеръ носилъ весь этотъ оригинальный—концертъ. Строго «этнографическимъ» онъ, пожалуй, назваться не можетъ, по-

тому что оркестраторомъ, въ угоду публикѣ, были допущены нѣкоторыя прикрасы, но важно начало, а продолженіе всегда поправимо. Въ отношеніи публики къ исполняемымъ №№ иногда замѣчалось и нѣкоторое недовольство. Это происходило въ значительной степени отъ того, что, по намѣченному плану, въ программу не были внесены общеизвѣстныя пѣсни, такъ что, напр., по отношенію къ малорусскимъ пѣснямъ, иные были разочарованы, что услышали не традиціоннаго «Грыця» или «Віють витры», а все новыя пѣсни, которыя даже на малороссійскихъ спектакляхъ не исполнялись. Но всѣмъ трудно угодить...

Этнографическій отдѣлъ, какъ кажется, имѣетъ намѣреніе повторять эти концерты, и нельзя не пожелать возможно большаго успѣха этому дѣлу.

Новые историко-статистическіе матеріалы по Полтавщинѣ.

Профессоромъ И. В. Лучицкимъ открыты и собраны въ нѣкоторыхъ волостныхъ правленіяхъ золотоношскаго уѣзда подворныя описи государственныхъ крестьянъ за время 1840--1860-хъ гг.; затѣмъ, при изслѣдованіи кустарныхъ промысловъ по губерніи, я нашелъ въ волостныхъ архивахъ, въ разныхъ мѣстахъ, подобныя описи [1]) и ре-

[1]) По распоряженію Управляющаго Полтавскою Палатою Государственныхъ Имуществъ, изложенному въ предписаніи на имя зѣньковскаго окружнаго начальника отъ 31 августа 1864 г. № 17977, подворныя описи заведены въ сельскихъ обществахъ Изъ предписанія Груньскаго волостнаго правленія на имя Груньскаго сельскаго старшины (находится при подворной описи козаковъ м. Груни за 1841—46 г.) видно, между прочимъ, что „по всѣмъ сельскимъ обществамъ должна быть сдѣлана подворная опись съ означеніемъ земли какъ въ собственномъ владѣніи каждаго состоящей, такъ и отъ казны надѣленной или паевой (каковая находится у казенныхъ крестьянъ, воинскихъ поселянъ и однодворцевъ), также съ означеніемъ скота, какъ рабочаго, такъ и гулеваго, и земледѣльческихъ орудій, т. е. плуговъ и сохъ“. Распоряженіе по этому предмету велѣно было прочесть въ каждомъ сельскомъ обществѣ на мірскихъ сходахъ, „дабы, въ предупрежденіе всякаго неправильнаго толкованія поставить крестьянъ въ извѣстность, что сіе дѣлается лишь для ближайшаго наблюденія со стороны начальства, чтобы ни одинъ хозяинъ не былъ отягощенъ повинностями свыше своего состоянія“. Для подворныхъ описей была издана форма и предписано завести книги на шесть лѣтъ, и отмѣчать могущія происходить перемѣны въ личномъ составѣ и имуществѣ хозяевъ. Одинъ экземпляръ описи долженъ былъ храниться въ сельскомъ, а другой въ окружномъ управленіи. Ежегодныя отмѣтки объ измѣненіяхъ должны были передаваться изъ сельскихъ въ окружное управленіе въ апрѣлѣ мѣсяцѣ.

визію 1835 г. о козакахъ. По возбужденному мною ходатайству, полтавская губернская земская управа, принявъ на себя храненіе подворныхъ описей и ревизіи, входила въ сношеніе съ губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ, со стороны котораго въ 1885 г. послѣдовало циркулярное распоряженіе о передачѣ волостными правленіями въ губернскую земскую управу для храненія подворныхъ описей ревизіи 1835 г. государственныхъ крестьянъ.

Вслѣдствіе этого, нѣкоторыми волостными правленіями доставлены въ губернскую земскую управу книги подворныхъ описей и ревизіи, въ теченіе 1885 и 1886 г., но затѣмъ доставка описей прекратилась. Въ настоящее время собранныя книги хранятся въ архивѣ земскаго статистическаго бюро. Мною составленъ помѣщаемый ниже списокъ всѣхъ матеріаловъ, хранящихся въ статистическомъ бюро. Изъ этого списка можно видѣть, что по нѣкоторымъ уѣздамъ совсѣмъ не доставлены подворныя описи, а по другимъ уѣздамъ получено книгъ весьма незначительное количество; относительно же собранной профессоромъ И. В. Лучицкимъ коллекціи подворныхъ описей неимѣется свѣдѣній. По всей вѣроятности, масса описей предана уничтоженію вмѣстѣ со старыми дѣлами волостныхъ архивовъ, но можно сказать навѣрное, что часть уцѣлѣвшихъ книгъ подворныхъ описей найдется еще въ волостныхъ архивахъ между старымъ хламомъ—иногда на чердакахъ или въ темныхъ чуланчикахъ—какъ мнѣ не-

Мнѣ разсказывали старые волостные писаря прежняго времени, что, въ особенности во времена Арандаренка (въ половинѣ 1840—50 г.), подворныя описи велись исправно и провѣрка производилась дѣйствительно тщательная, да это замѣчается и при обозрѣніи книгъ, хотя можно допустить, что въ позднѣйшее время предъ передачею государственныхъ крестьянъ въ вѣдѣніе общихъ учрежденій, подворныя описи велись менѣе тщательно, и что въ отмѣткахъ проглядываетъ канцеляризмъ. Многое зависѣло отъ личности и отношенія къ дѣлу бывшихъ Окружныхъ Начальниковъ. Впрочемъ могу сказать по личнымъ воспоминаніямъ, что волостное и сельское начальство прежняго управленія прошло школу строгой дисциплины и отличалось исполнительностію приказаній начальства. Во всякомъ случаѣ уцѣлѣвшія подворныя описи представляются весьма цѣннымъ матеріаломъ.

Въ ревизіи 1835 г., кромѣ обычныхъ показаній возраста каждаго члена семейства, имѣются отмѣтки о способности къ труду, о занятіи ремеслами, и данныя о количествѣ земельныхъ угодій съ опредѣленіемъ въ десятинахъ, но большею частію пахотная земля опредѣлена по числу дней оранки, а сѣнокосы по числу копенъ сѣна, а заросли возами лозы и хвороста. Имѣются также данныя о количествѣ рабочаго скота и краткія отмѣтки повѣрявшихъ ревизію чиновниковъ о степени состоятельности каждаго хозяина: „ничего неимѣющій, состоянія бѣднаго, посредственнаго, достаточнаго, хорошаго“.

посредственно приходилось видѣть. Было-бы весьма желательно, чтобы распоряженіе губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія было исполнено, и чтобы всѣ уцѣлѣвшія подворныя описи 1840—1860-хъ г. и ревизія 1835 г. были сосредоточены въ губернской земской управѣ.

Могу сказать, что поименованныя въ спискѣ книги хранятся въ цѣлости въ архивѣ статистическаго бюро и представляются чрезвычайно цѣннымъ матеріаломъ для сравнительной статистики. О значеніи подобнаго матеріала можно судить по тому, что наприм. по с. Чернечей-слободѣ, ромен. у., подворныя описи обнимаютъ непрерывный періодъ времени съ 1841—68г., т. е. отъ первоначальнаго составленія описей до передачи государственныхъ крестьянъ въ вѣдѣніе общихъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій. Весьма характерно, что съ этой передачей прекращено дальнѣйшее веденіе подворныхъ описей, и что ни со стороны крестьянскихъ учрежденій, ни со стороны земства не предпринималось никакихъ мѣръ для систематическаго изученія экономическаго положенія сельскаго населенія до начала 1880-хъ г., когда была предпринята на средства губернскаго земства обширная подворно-статистическая перепись, разработка которой еще до настоящаго времени не закончена.

Нужно замѣтить, что подворными описями и ревизіею 1835 г. далеко не исчерпывается историко-статистическій матеріалъ. Не говоря о массѣ матеріаловъ по Румянцевской описи, хранящейся въ кіевскомъ и харьковскомъ университетахъ и въ Академіи Наукъ, мнѣ подробно неизвѣстныхъ,—въ архивѣ харьково-полтавскаго управленія государственныхъ имуществъ долженъ храниться весьма цѣнный матеріалъ объ экономическомъ положеніи государственныхъ крестьянъ разныхъ наименованій со времени учрежденія попечительныхъ конторъ. Кромѣ того, въ архивѣ казенной палаты въ Полтавѣ, найдена мною подворная опись 1785 г. посполитыхъ Гадячскаго полка, списана на подворныя карточки, и затѣмъ совершенно разработанъ уже нѣсколько лѣтъ назадъ статистическій матеріалъ по такъ наз. комбинаціоннымъ таблицамъ. Считаю не безполезнымъ приложить списокъ поселеній съ показаніемъ по каждому числа посполитыхъ хозяевъ въ 1785 г. Что касается подворныхъ описей 1840—60 г., то, въ видѣ опыта, мною разработанъ матеріалъ за 1847—52 г. по м. Груни и Великой-Павловкѣ, зѣньков. у., по подворнымъ карточкамъ, и составлены комбинаціонныя таблицы, исчерпывающія весь

наличный матеріалъ[1]). Данныя по ревизіи 1835 г. по м. Опошнѣ, включены мною въ статистико-экономическій очеркъ Опошни (отдѣльная брошюра); остальной же матеріалъ, уже разработанный, остался пока безъ движенія за неимѣніемъ средствъ для напечатанія объемистыхъ таблицъ. Впрочемъ, затраченный трудъ послужилъ опытомъ для практическаго разрѣшенія техническихъ и методологическихъ вопросовъ относительно системы разработки цифровыхъ данныхъ и установленія формъ подворныхъ карточекъ и синтетическихъ или комбинаціонныхъ таблицъ для сравненія съ современною переписью.

И такъ, существуетъ, можно сказать, громадный и драгоцѣнный историко-статистическій матеріалъ для сравнительнаго изученія многихъ поселеній въ различные моменты, раздѣленные значительнымъ періодомъ времени, наприм.—въ золоношскомъ уѣздѣ: по румянцевской описи, по подворнымъ описямъ 1840—60 г. и по современной статист. переписи. Не менѣе интересно по гадяч. уѣз. сравненіе данныхъ, наприм., по сс. Сарамъ и Крутькамъ: по описи 1785 г., по ревизіи 1835 г., по подворнымъ описямъ непрерывно 1841—52 и 1841—46, 1854—63 г., съ современною переписью. Конечно, въ виду громадности нетронутаго матеріала, возможно ограничиться разработкою матеріала сперва хотя по такимъ селеніямъ, какія поименованы выше, какъ болѣе интереснымъ для сравнительнаго изученія. Само собою разумѣется, предъ грандіозностію предлежащаго кропотливаго труда единоличныя усилія могутъ значить не болѣе капли въ морѣ; но вѣдь не менѣе несомнѣнно, что постоянно падающія капли долбятъ камень. Затративъ уже не мало времени и труда на производство предварительныхъ опытовъ и за тѣмъ на регистрацію и на разработку статистическихъ данныхъ, я буду и далѣе прилагать посильный трудъ, въ особенности теперь, когда при составленіи списка, я неожиданно нашелъ по многимъ селеніямъ непрерывныя описи за продолжительный періодъ времени. Тѣмъ интереснѣе становится работа, тѣмъ скорѣе хотѣлось бы воспользоваться нетронутымъ матеріаломъ, имѣющимъ чрезвычайно важное значеніе для изученія современнаго экономическаго положенія сельскаго населенія и выясненія многихъ насущныхъ вопросовъ.

---

[1]) Въ подворныхъ описяхъ имѣется: число дворовъ; ревизскихъ душъ; земли всей и по угодьямъ; лошадей, скота рабочаго, гулеваго, мелкаго; число плуговъ и сохъ, и отмѣтки о занятіи ремесломъ или промысломъ. Каждый хозяинъ показанъ отдѣльно и за каждый годъ имѣются отмѣтки о всѣхъ измѣненіяхъ.

Весьма прискорбно, что уцѣлѣвшіе остатки Румянцевской описи въ весьма значительной части остаются еще мертвымъ капиталомъ. Та-же участь предстоитъ и поименованнымъ выше матеріаламъ, если къ нимъ не приложатъ труда просвѣщенные дѣятели, проникнутые желаніемъ послужить интересамъ нашей родины. Между тѣмъ, въ періодъ 1880—1890 г. произведены обширныя статистико-экономическія изслѣдованія въ 26 земскихъ губерніяхъ—въ томъ числѣ въ черниговской, полтавской и херсонской. Многія сотни дѣятелей по истинѣ съ самоотверженіемъ работали по земской статистикѣ и обогатили литературу массою цѣнныхъ трудовъ, которые отчасти сведены въ «Итогахъ экономическаго изслѣдованія Россіи» — капитальномъ трудѣ, препринятомъ московскими учеными и спеціалистами. Съ каждымъ годомъ вопросы экономическіе все болѣе расширяются и привлекаютъ силы ученыхъ и спеціалистовъ къ работамъ по статистикѣ и публицистикѣ. Вотъ почему, печатая списки извѣстныхъ мнѣ матеріаловъ, я обращаю вниманіе просвѣщенныхъ дѣятелей на новые запасы цѣнныхъ историко-статистическихъ данныхъ. При этомъ позволяю себѣ высказать пожеланіе, чтобы были также напечатаны списки съ поименованіемъ тѣхъ поселеній, по которымъ имѣются Румянцевскія описи въ кіевскомъ и харьковскомъ университетахъ и въ академіи наукъ, а также, чтобы была описана коллекція подворныхъ описей 1840—60 г., хранящихся у профессора И. В. Лучицкаго. Въ такомъ случаѣ, конечно, будетъ приведенъ въ извѣстность весь наличный матеріалъ по отдѣльнымъ поселеніямъ, и тогда видно будетъ, по какимъ именно поселеніямъ имѣется болѣе цѣнный, для сравнительнаго изученія, матеріалъ, имѣя въ виду богатую современную статистико-экономическую перепись по Полтавщинѣ. Слѣдуетъ добавить еще, что многимъ извѣстно и о существованіи рукописнаго обширнаго историко-географическаго матеріала для губерніи.

Такимъ образомъ, имѣются всѣ данныя для научнаго историко-географическаго и историко-статистическаго описанія губерніи, не говоря о монографическомъ описаніи отдѣльныхъ поселеній. Но для этого потребуются соединеные труды многихъ дѣятелей и значительныя денежныя затраты для разработки и изданія матеріаловъ. А пока нужно дѣлать возможное: нужно дать хоть нѣсколько болѣе интересныхъ описаній отдѣльныхъ поселеній. Мнѣ будетъ особенно пріятно, если найдутся желающіе принять участіе въ разработкѣ матеріаловъ, хранящихся въ архивѣ полтавскаго земскаго статисти-

ческаго бюро[1]). Просилъ бы также гг. харьковскихъ дѣятелей ознакомиться съ архивомъ харьково-полтавскаго управленія государственныхъ имуществъ и обратить вниманіе на ежегодныя таблицы по сельскимъ обществамъ, въ которыхъ выражены итоги данныхъ подворной переписи. Наличность этихъ таблицъ чрезвычайно облегчитъ и ускоритъ сводку данныхъ по уѣздамъ. Если кто либо сдѣлаетъ мнѣ честь войти въ письменныя сношенія по занимающимъ меня вопросамъ, то прошу адресовать: въ *Полтаву*, Виктору Ивановичу Василенко. Во всякомъ случаѣ смѣю надѣяться, что написанное выше вызоветъ обмѣнъ мыслей и приведеніе въ извѣстность наличныхъ матеріаловъ по экономической статистикѣ.

В. Василенко.

Списокъ поселеній, по которымъ подворныя описи хранятся въ полтавскомъ земскомъ статистическомъ бюро.

Роменскаго уѣзда.

С. Засулье, госуд. крест. Книги за 1841—46. 1847—52. 1853—58. 1859—64.
„ Чернечья-Слобода, тоже — 1841—46. 1847—52. 1853—58. 1859—68.
„ Протасовка, козаки. — 1847—52. 1853—59.
„ госуд. крест. — 1847—52.
„ Томашовка, коз. — 1847—52.
М. Смѣлое, коз. — 1841—46. 1847—52. 1853—59.
„ госуд. крест. — 1841—46. 1847—52. 1853—59.
С. Пустовойтовка, коз. — 1847—52. 1853—58. 1859—62.
„ каз. крест. — 1841—46.
Г. Ромны, коз. — 1847. 1853—58. 1859—62.
М. Хмѣловъ, госуд. крест. — 1841—46. 1853—58. 1859—64.
С. Рогинцы, тоже. — 1841—46. 1847—52. 1853—58.
„ Гриневка, коз. — 1853—58.
Николаевскаго общ. госуд. крест. — 1841—46. 1847—52. 1857—58.
Хрищатицкой нѣмец. колоніи. — 1846—50. 1851—54. 1855—59. 1860—62.

Гадячскаго уѣзда.

С. Крутьки, госуд. крест. Книги за 1841—46. 1847—52.
„ Вельбовка. „ — 1854—62.
„ Кнышовка „ — 1841—46. 1847—52. 1854—58.
М. Лютенька. „ — 1854—61.
С. Сары „ — 1841—46. 1854—63.
„ Плѣшивецъ. „ — 1847—53. 1854—58.

---

[1]) Я лично воспользовался самымъ любезнымъ содѣйствіемъ завѣдывающаго статистическимъ бюро, Н. Г. Кулябко-Корецкаго, и другихъ служащихъ, которымъ и приношу глубокую признательность.

Лубенскаго уѣзда.

М. Яблуневъ, госуд. крест. Книги за 1847—52.
С. Денисовка, коз. — 1847—52. 1853—58.
" каз. крест. — 1847—52.
" Овсюки. " — 1847—52. 1853—58.
" Оржица. коз. 1841—46. 1858—61
" каз. крест. — 1841—46. 1847—52.
" Зарожскіе, коз. — 1847—52. 1853—58. 1858—61.
" каз. крест. — 1847—52. 1853—58.

Хорольскаго уѣзда.

д. Нарожье, коз. Книги за 1853—57. 1859—60.
с. Кривая-руда, каз. крест. — 1841—46. 1847—50. 1859—60.
" Зубани, коз. — 1854—59.
" Заиченцы, коз. — 1859—60.

Полтавскаго уѣзда.

Россошинскаго общества гос. крест. Книги за 1847—52. 1853—60.
Остромогиловскаго общ. — 1847.
Ивонченскаго " — 1841—46. 1847—52.
Байракскаго " 1858.
Долинскаго " 1858.

Зѣньковскаго уѣзда.

С. Великая-Павловка, коз. Книги за 1841—46. 1847—52.
" Пирки, тоже, — 1847—51. 1852—55. 1859—60.
" Тарасовка, тоже, — 1847—52. 1853—54. 1855. 1857—58. 1860.
М. Груни; тоже, — 1841—46. 1847—52. 1852—56. 1857—59.
" каз. крест. 1847—51.
С. Комыши, коз. — 1841—46. 1847—51. 1852—55. 1959—60.

Кобелякскаго уѣзда.

Х. Бреусовскіе, коз. Книги за 1841—46. 1852—58.
М. Маячка. тоже, — 1857—61.
" Орликъ, гос. крест. — 1859—61.
Х. Велико-Кобелячковскіе, коз. — 1847—52.
М. Царичанка, коз. — 1858—61.

Кременчугскаго уѣзда.

Погребянскаго общ. госуд. крест. Книги за 1841—46. 1847—55.
Потокскаго тоже. — 1841—46. 1855—56.
С. Максимовка, коз. — 1841—46. 1847—52. 1853—56. 1857—58.
М. Чигринъ-Дуброва — 1847—55. 1856—58.
Д. Пещаная — 1847—52. 1853—56. 1860.
Градижскаго общ. госуд. крн. — 1847—48. 1847—55. 1856—58. 1859—61. 1860—61.

Пос. Крюковъ. — 1841.
Д. Тимченкова, коз. — 1847—51. 1856—58. 1859—64.
„ Кохновка — 1847—48. 1860.

Списокъ поселеній, по которымъ имѣются книги переписи 1835 года козаковъ.

Гадяч. у. с. Крутьковъ и Саръ.
Полтав. у. м. Старыхъ-Сенжаръ.
Хорол. у. „ Балаклеи.
Зѣньцов. у. „ Опошни.
Кременч. у. г. Градижска.
Лубен. у. м. Лукомья, сс. Овсюковъ, Перервинецъ, Круподеринецъ, Плехова, Иржавца, Остаповки, Денисовки, Великой-Селецкой, Малой-Селецкой, Онушекъ, Золотухъ, Савинецъ, мм. Яблонева, Оржицы, хх. Зарожскаго, Загребелья.

Сверхъ того.

Описи государственныхъ крестьянъ по гадячскому округу.
„ „ „ „ супруновской вол. полтав. у.

Заключаютъ въ себѣ общіе итоги по подворнымъ описямъ 1845—1854 г. и нѣкоторыя другія данныя о причисленіи и исключеніи душъ и т. п.

Списокъ поселеній по описи 1785 года посполитыхъ Гадячскаго полка.

Гадячскаго уѣзда.

	Число хозяевъ.		Число хозяевъ.
Г. Гадячъ, посполитыхъ.	254,	с. Лисовка,	20.
„ подсосѣд.	17,	„ Млины,	49.
Хут. Гадячскіе поспол.	48,	„ Красная-Лука,	45.
С. Сары,	38,	„ Вельбовка,	103.
„ Цѣпки,	31,	„ Свинарное,	92.
„ Крутьки,	15,	м. Лѣтенька,	177.
„ Будища съ хх.	258,	с. Плѣшивецъ,	140.
„ Подставки,	33,	„ Подолки,	239.
„ Пирки,	3.		

Зѣньковскаго уѣзда.

	Число хозявъ.		Число хозяевъ.
М. Опошня,	49,	с. Млины-Линскіе,	3.
„ Буды,	1,	„ Власовка,	2.
„ Дейкаловка,	3,	м. Куземинъ,	9.
„ Грунь,	34,	с. Лютенскія Будища,	53.

Итого 2011.

Письмо Алексѣя Петровича Стороженка къ Андрею Александровичу Краевскому. (Извлечено В. П. Горленкомъ изъ рукоп. Импер. Публичной Библіот.). Милостивый Государь Андрей Александровичъ! Ваше горе одинаково и наше горе, подписчиковъ «Голоса». Фразильное «Новое Время» не удовлетворяетъ насъ, но мы не ропщемъ и отъ всего сердца готовы принять участіе въ Вашихъ страданіяхъ за дѣло правое. Впрочемъ мы не теряемъ надежды, что гнѣвъ прейдетъ на милость и срокъ закрытія газеты сократятъ. Классицизмъ весьма знаменательно отразился въ Сѣверо-Западномъ краѣ: 4-классн. гимназіи опустѣли и вся молодежь удрала въ военную службу отъ латинскаго и греческаго языковъ. Вѣроятно, тоже явленіе послѣдуетъ и въ великороссійскихъ губерніяхъ.

Поручаю Вашему покровительству мое дѣтище, которое отлежало себѣ бока и просится въ свѣтъ. Сюжетъ романа изъ польской революціи 1863 года, подъ названіемъ «Былое не минувшее», записки русскаго землевладѣльца. Прослуживши въ краѣ съ самаго начала мятежа и до окончанія, я былъ посвященъ во всѣ таинства польской интриги и имѣлъ возможность собрать всѣ факты, относящіеся къ мятежу. Кромѣ того, 40 лѣтъ изучая шляхту, я, признаюсь, вызубрилъ польскую натуру въ совершенствѣ. Описывая продѣлки патріотовъ, я не подводилъ ихъ по обыкновенію къ одному знаменателю и отмѣчалъ и другія личности, которыя были исключеніемъ изъ общей массы юродивыхъ. Впрочемъ, не мнѣ судить о своемъ дѣтищѣ, мрочтите и сами опредѣлите его достоинства и недостатки, и если признаете годнымъ, то прошу напечатать по возможности скорѣе въ вашемъ журналѣ. Ужъ больно старъ сталъ, пожалуй и не доживу до того времени, когда появится на страницахъ Отечественныхъ Записокъ мое послѣднее сказаніе.

Увѣренъ, что вы, по доброму вашему расположенію, не замедлите отвѣтомъ, который буду ожидать съ нетерпѣніемъ. На случай же, если *наше не въ ладъ*, то будьте снисходительны, пришлите *назадъ*. Пріймите увѣреніе и пр. Алексѣй Стороженко, 25 февраля 1872 г. Брестъ.

P. S. По случаю годовщины (100) перваго раздѣла, шляхта сильно хорохорится. Время для напечатанія романа весьма удобное.

«Былое не минувшее» не было напечатано въ Отечественныхъ Запискахъ. Алексѣй Петровичъ умеръ 6 ноября 1874 г.

Библіографическая справка. А. И. Чепа, неутомимый собиратель матеріаловъ для изученія родной старины, не ограничивался пріобрѣтеніемъ рукописнаго матеріала, а при случаѣ дѣлалъ выписки и изъ печатныхъ источниковъ, если не могъ пріобрѣсть интересовавшихъ его книгъ въ собственность. Въ Яготинскомъ архивѣ князя Н. В. Репнина сохранилась сдѣланная имъ выписка всего относящагося къ Малороссіи изъ книги «Картина Россіи», напечатанной въ Москвѣ 1807 года, часть I, отъ стр. 218 по 247.

По справкѣ въ Публичной Библіотекѣ, сдѣланной В. П. Горленкомъ, подробное заглавіе этой книги слѣдующее: «Картина Россіи, изображающая исторію и географію, хронологію, генеалогически и статистически, со включеніемъ обозрѣнія по духовной, военной и гражданской ея частямъ, какъ въ первобытномъ состояніи, такъ и въ царствованіе Государя Императора Александра I. Въ вольной типографіи Ѳедора Любія. Москва, 1807 г. Иждивеніемъ Ѳедора Любія». Стр. 364 in 16⁰. Чепа списалъ изъ книжки все относящееся къ Малороссіи, кромѣ нѣсколькихъ строкъ описанія границъ Малороссіи на стр. 8-й.

Въ составленномъ А. М. Лазаревскимъ «Указателѣ источниковъ для изученія малороссійскаго края. Вып. I, СПБ. 1858 г.» названная книжка не упомянута.

Особый способъ напоминать о себѣ начальству. Les enfants gâtés pleurent. Губернское правленіе представило меня къ чину за прошедшія два трехлѣтія. По ходу сего рода дѣлъ ожидаютъ иногда нѣсколько лѣтъ производства. Располагая же выйти въ отставку, обстоятельствомъ симъ затрудняюсь, не желая потерять уже выслуженное. Но отъ благодѣтельнаго ко мнѣ расположенія Вашего Сіятельства совершенно зависитъ рѣшить сіе стѣсненіе, поставя избалованнаго Вами Лукашевича въ тотъ списокъ, въ коемъ мѣститься будутъ удостоенные къ чему либо за отличіе, таковымъ способомъ получу и я свое безъ замедленія и буду единственно Вамъ обязанъ за сію особенную милость, которая послужитъ вмѣстѣ и финаломъ всѣмъ прежде оказаннымъ.

Письмо это писано было Платономъ Яковлевичемъ Лукашевичемъ, богатымъ полтавскимъ помѣщикомъ, извѣстнымъ собирателемъ старопечатныхъ книгъ и рукописей, къ князю Николаю Григорье-

вичу Репнину. Въ мартовской книжкѣ «Кіевской Старины» было помѣщено его письмо къ генералъ-губернатору Бибикову. Въ его богатую коллекцію были пріобрѣтены, какъ извѣстно, и бумаги историка Н. А. Маркевича, теперь хранящіеся въ Румянцевскомъ музеѣ.

Сообщ. **Н. В. Стороженко.**

Письмо Θ. Булгарина о Гоголѣ. Съ появленія Гоголя въ литературѣ и во все время его писательской дѣятельности ярыми противниками его были всегда, какъ извѣстно, «Сѣверная пчела», съ Булгаринымъ и Гречемъ, и Сенковскій. Ненависть къ создателю художественнаго реализма эти доблестные дѣятели сохранили до конца своихъ дней, и даже надъ свѣжей могилой Гоголя раздавались ихъ близорукіе и пристрастные приговоры. Въ 1872 году въ «Русской Старинѣ» (№ 3) напечатано было письмо Булгарина къ Хавскому по поводу смерти Гоголя, гдѣ онъ говоритъ, между прочимъ: «Никто не нанесъ погубнѣйшаго удара чистотѣ, правильности русскаго языка и изъящному вкусу, какъ Гоголь. Лавровые листы, которые вы прислали мнѣ съ его гроба, не расцвѣтутъ въ потомствѣ, всегда справедливомъ». Еще болѣе яркое свидѣтельство тупого и близорукаго отношенія къ великому писателю представляетъ печатаемое ниже письмо. Оно сохранилось въ копіи, засвидѣльствованной собирателемъ, въ бумагахъ А. А. Краевскаго, поступившихъ теперь въ Императ. Публичную Библіотеку. Безсильная злоба, которой оно проникнуто, возбуждаетъ теперь только презрѣніе, а извѣстіе о покровительствѣ В. П. Кочубея, не подтверждаемое никакими фактами біографіи Гоголя, довольно ужъ разработанной, слишкомъ отзывается инсинуаціей. Адрессовано письмо неизвѣстному лицу, приславшему въ газету Булгарина посмертную замѣтку о Гоголѣ. «Милостивый Государь Василій Васильевичъ! Весьма сожалѣю, что ваша умная и хорошо написанная статья «нѣсколько словъ о Гоголѣ» не можетъ быть помѣщена въ «Сѣверной Пчелѣ», которая не можетъ компроментироваться до такой степени, чтобы вдругъ, изъ одного угожденія, отречься отъ всѣхъ своихъ убѣжденій. «Сѣверная Пчела», отъ выступленія Гоголя на литературное поприще говорила одно и тоже и даже за день до смерти его высказала свое мнѣніе противное тому, которое вами обнаружено. Гоголь въ первое свое пребываніе въ Петербургѣ обратился ко *мнѣ,* чрезъ меня получилъ казенное мѣсто съ жалованьемъ и *въ честь мою* писалъ стихи, которые мнѣ стыдно даже объявлять!

Издавъ «Вечера на Диканкѣ» (sic), онъ былъ принятъ подъ покровительство княземъ В. П. Кочубеемъ, а, вслѣдъ за этимъ, партія литературная взяла Гоголя какъ *знамя*, для униженія другихъ писателей.

При концѣ своей жизни Гоголь разыгрывалъ роль Тартюфа въ домѣ набожной русской барыни. Слѣдовательно, этими и другими дѣлами Гоголя я *убѣжденъ*, что онъ *не добродушный*, какъ вы говорите. Не могу я принять вашихъ убѣжденій, что Гоголь составилъ *новый періодъ* въ русской литературѣ, что онъ «создалъ чисто національные элементы въ литературѣ», что «заслуги его равны заслугамъ Ломоносова и Карамзина» и проч. По моему мнѣнію, Гоголь, одинъ изъ тѣхъ тонкихъ хитрецовъ, которые умѣютъ прикрываться мантіей простодушія и которыхъ производятъ только Италія и Малороссія, списывалъ малороссійскую мелкую шляхту, представляя ихъ въ образѣ русскихъ дворянъ всѣхъ званій, *не зная русскаго языка*, писалъ малороссійскими фразами, не постигалъ никакихъ литературныхъ приличій и условій изящнаго, а потому не можетъ называться *художникомъ*, а былъ просто малороссійскій *жартовникъ*, какихъ бездна въ ярмарочной малороссійской литературѣ, и вся важность въ протекціи князя Виктора Павловича Кочубея и въ упрямствѣ литературной партіи. Человѣкъ, который дерзнулъ описать лакея, вошедшаго въ комнату барина съ вонью, будочника, бьющаго насѣкомыхъ на воротникѣ—жалкая фигура! писалъ онъ *малороссійскіе* нравы, выдавалъ ихъ за *русскіе*, потому что не зналъ ни одного иностраннаго языка и ничего не читалъ. Какую *идею* оставилъ послѣ себя Гоголь? какую *мысль* развилъ? Какое чувство разбудилъ въ читателяхъ? Выставилъ-ли хоть одинъ характеръ порядочной женщины? Проспeръ Мериме истинно и справедливо описалъ Гоголя, а Мериме человѣкъ намъ чуждый и безпристрастный. Гоголь,—минутное заблужденіе русской литературы,—есть только *примѣръ раздора партій*, возвышающій достойнаго и примѣръ покровительства русскаго вельможи, который можетъ заставить кланяться и своему кучеру! Меня однакожъ не заставилъ поклониться шуту. Съ истиннымъ почтеніемъ и проч. Спб. 21 марта 1852 года. Ѳ. Булгаринъ.

Жалованная грамота кн. Станиславу Понятовскому на староство богуславское (1777 г. августа 18). Приводимая ниже грамота кн. Станиславу Понятовскому (племянникъ короля Стани-

слава Августа) на староство богуславское имѣетъ такое же значеніе для исторіи мѣстнаго крупнаго землевладѣнія, какъ и грамота Ф. К. Браницкому на староство бѣлоцерковское[1]), тѣмъ болѣе, что кн. Понятовскій послѣ присоединенія края къ Россіи продалъ это свое владѣніе тому же Ф. К. Браницкому. Грамота печатается по современному русскому оффиціальному переводу.

Станиславъ Августъ Б. М. Король Польскій, великій князь Литовскій, Русскій, Прусскій, Мазовецкій, Самоштскій, Кіевскій, Волынскій, Подольскій, Подлясскій, Ливонскій, Смоленскій, Сѣверскій и Черниговскій—объявляемъ всѣмъ и каждому въ особенности, кому о семъ знать надобно, что какъ услуги племянника Нашего кн. Станислава Понятовскаго по арміи царства Нашего генералъ-лейтенанта, и пол(ь)наго войскъ Нашихъ командира Намъ и республикѣ съ самаго юношества въ разныхъ случаяхъ и сраженіяхъ оказываемыя, возбудили Насъ къ тому, что Мы ему и наслѣдникамъ его недвижимое имѣніе Богуславъ съ принадлежностями онаго въ Кіевскомъ и Брацлавскомъ воеводствахъ числящеесь и состоящее, Намъ и наслѣдникамъ Нашимъ по силѣ конституцій на генеральномъ Сеймѣ 1773 г. при главной конфедераціи начавшемся, а 1775 г. оконченномъ состоявшейся по наслѣдственному праву (которое и на прочее недвижимое имѣніе дворянъ и помѣщиковъ Царства сего распространяется), совмѣстно съ прочими тремя староствами республикою предложенное, Нами же съ объявленіемъ сохранить права дѣйствительныхъ зависимыхъ владѣльцевъ до времени жизни ихъ, принятое—тѣмъ же земскимъ наслѣдственнымъ правомъ, совмѣстно съ правомъ нынѣшняго дожизненнаго владѣльца, дали и подарили, а именно настоящею Дарственною Грамотою Нашею оное недвижимое наслѣдственное имѣніе Наше, то есть: мѣстечка Богуславъ и Медвинъ съ принадлежностями ихъ и селенія Красногородку, Баранье Поле, Дмитренки, Киданoвку, Біѣвецъ, Дешки, Хахутву, Яцюки, Исайки, Роскопанцы, Дыбынцы, Бородане, Чайки, Мисайловку, Люторы, Карапиши, Пустовойты, Липовецъ, Зеліонки, Россаву, Мироновку, Тупики, Баше, Шупики, Карандынцы, Вахутынцы, Гуле, Мылистяны, Яхны, Семигоры, Ольховецъ, Яновку, Москаленки, Тептіевку, Гуту, Митаевку и прочія къ тому же Богуславу относящіясь, со всѣмъ того имѣнія правомъ, владѣльчествомъ, собственностью, смежностью, правомъ наслѣдства, прибыльми, плодами, доходами, угодіями, замками, укрѣп-

[1]) См, „Кіевская Старина" 1893 г. № 4.

леніями, строеніями, зданіями, пахатными полями, лугами, степями, лѣсами, рощами, озерами, рыбными прудами, фабриками, фабрикантами, мѣщанами, крестьянами, простолюдинами, садовниками, жильцами въ вышесказанномъ недвижимомъ имѣніи находящимись и гдѣ-либо находиться могущими, скотами, со всею того имѣнія домашнею рухлядью, данями, податьми, сборами, рабочими днями, сторожами и со всякимъ повиновеніемъ крестьянъ, обыкновенно ими выполняемомъ, а также съ правомъ одобрять вступающихъ всякихъ священниковъ обоего исповѣданія, и со всѣми наконецъ принадлежностями, подъ какимъ бы то ни было именемъ и названіемъ числящимись, къ Богуславскому имѣнію относящимись, ничего ни для насъ самихъ, ни для наслѣдниковъ нашихъ не исключая, но въ такой ширинѣ, долготѣ и окружности, какъ нынѣ въ своихъ межахъ и границахъ состоитъ и находиться должно, оному знаменитому кн. С. Понятовскому и его наслѣдникамъ земскимъ наслѣдственнымъ, никогда не отзывнымъ правомъ по точной силѣ статута, даемъ, даримъ и на вѣчныя времена уступаемъ. По силѣ каковой Дарственной Нашей онъ знаменитый кн. С. Понятовскій и его наслѣдники помянутое Богуславское имѣніе со всѣми онаго принадлежностями и отношеніями посредствомъ урядоваго ввода приметъ и владѣть будетъ, доходами-же изъ онаго не прежде, какъ по смерти нынѣшняго дожизненнаго владѣльца распоряжать и получать будетъ, съ полною силою и наслѣдственною властью помянутое недвижимое имѣніе дать, даровать, продать, замѣнять, отдѣлить и въ наилучшую свою пользу по волѣ и желанію своему обратить. Обѣщаемъ же при томъ, какъ со стороны Насъ, такъ и со стороны наслѣдниковъ рода Нашего, что частореченному знаменитому кн. С. Понятовскому и его наслѣдникамъ въ спокойномъ наслѣдственномъ помянутаго имѣнія владѣніи и непосредственномъ полученіи доходовъ препятствовать не будемъ, ниже кого либо препятствовать не допустимъ, равно наслѣдники рода Нашего препятствовать не будутъ, ниже препятствія чинить не дозволятъ, но сверхъ того еще какъ Его самого, такъ и наслѣдниковъ Его въ наслѣдственномъ владѣніи и правѣ соблюдать, поддерживать и защищать будемъ, равно наслѣдники Наши соблюдать, поддерживать и защищать будутъ. Наконецъ, соизволяя Мы, дабы все вышеписанное всѣмъ, кому слѣдуетъ, а особливо тѣмъ урядамъ и судебнымъ мѣстамъ, вѣдомству коихъ сказанное имѣніе подлежитъ, извѣстно было, повелѣваемъ вышеозначенное имѣніе знаменитому кн. С. Понятовскому въ законное владѣніе урядово отдать и настоящую

жалованную Грамоту Нашу во всемъ привесть въ исполненіе, и оную какъ сами почитать должны, такъ и другихъ почитать и соблюдать заставить обязаны, по признательности Нашей и по долгу своему. Во увѣреніе чего сію Грамоту Нашу, собственноручно Нами подписанную, печатью Нашею утвердить повелѣли. Въ Варшавѣ 18 Августа 1777 года, а царствованія Нашего 23 года. У сей Грамоты подписи съ приложеніемъ печати слѣдующія: Станиславъ Августъ, король польскій. Коронный Секретарь кабинетной канцеляріи Е. К. В. Реситъ (?) Яцекъ Огродскій (М. П.). Явка Варшавскихъ Актъ въ слѣдующемъ содержаніи: Вѣчно-жалованная грамота на имѣніе Богуславъ съ принадлежностями, въ Кіевскомъ и Брацлавскомъ воеводствахъ состоящее, знаменитому князю Станиславу Понятовскому дается. Сія грамота въ метрическіе королевской канцеляріи Акты 19 Августа 1777 г. принята и внесена, въ чемъ свидѣтельствую той-же коронной канцеляріи префектъ и секретарь Антонъ Рогальскій.

БИБЛІОГРАФІЯ.

І. А. Хойновскій. Раскопки великокняжескаго двора древняго града Кіева, произведенныя въ 1892 г. Археологически (Sic)-историческое изслѣдованіе. Кіевъ, 1893 г. 4° 78 стр. и XXIX таблицъ. Цѣна 4 р.

Изданіе, заглавіе котораго мы только что выписали, принадлежитъ къ числу тѣхъ, довольно многочисленныхъ, къ сожалѣнію, произведеній, которыя, будучи предприняты при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ и ведены съ замѣчательною энергіею, являются тѣмъ не менѣе совершенно безполезными, не смотря на искреннее желаніе автора принести свою долю пользы, и обогащаютъ собою лишь каталоги библіографическихъ курьезовъ. Выдающійся интересъ раскопокъ, описанію которыхъ посвященъ трудъ г. Хойновскаго, рѣдкая самоотверженность автора, пренебрегавшаго всевозможными обрушивавшимся на него непріятностями и интригами и безропотно выносившаго всѣ невзгоды ранней кіевской весны, рѣшимость его не щадить ни здоровья, ни денегъ ради спасенія найденныхъ древностей—могли бы, повидимому, обезпечить его книгѣ выдающійся научный интересъ, тѣмъ болѣе, что онъ не пожалѣлъ ни трудовъ, ни денегъ, чтобы придать ему роскошный по внѣшности видъ, и, очевидно, не преслѣдовалъ никакихъ коммерческихъ разсчетовъ, назначая за него весьма скромную цѣну, если принять во вниманіе дороговизну изданій подобнаго рода.

Приходится искренно пожалѣть о томъ, что въ результатѣ всего этого получилось нѣчто, очень изящное по внѣшности, но весьма странное, лучше сказать—небывалое по своему врутреннему содержанію. А еще грустнѣе то, что виною такого прискорбнаго явленія приходится признать самого автора, въ конецъ испортившаго свое возлюбленное дѣтище. Если-бы г. Хойновскій задался цѣлью издать

только обстоятельное и добросовѣстное описаніе сдѣланныхъ имъ въ усадьбѣ г. Кривцова находокъ и пріобрѣтеній и снабдилъ его точными рисунками, то не подлежитъ сомнѣнію, что трудъ его заслужилъ бы искреннюю признательность со стороны лицъ, интересующихся великокняжескою стариною. Но, къ несчастью, будучи новичкомъ въ дѣлѣ археологическихъ и историческихъ изысканій (по крайней мѣрѣ, на сколько намъ извѣстно, разбираемая книга является первымъ его опытомъ), онъ увлекся заманчивою мечтою, на основаніи сдѣланныхъ имъ пріобрѣтеній, нарисовать полную картину быта великокняжеской эпохи, пополнить и исправить лѣтописныя сказанія и—тѣмъ испортилъ все. Самыя искреннія пожеланія и самыя добрыя намѣренія, столкнувшись съ полною неподготовленностью и неопытностью въ области археологіи и исторіи, должны были разбиться и, конечно, разбились въ дребезги. Руководимый понятнымъ въ неофитѣ желаніемъ превзойти своихъ предшественниковъ на этомъ поприщѣ, додуматься до того, до чего они не додумались, и досказать то, чего они не досказали, г. Хойновскій пытается не только точнѣйшимъ образомъ опредѣлить научное значеніе всякой найденной имъ бездѣлушки, всякаго обломка, но и возсоздать по дошедшимъ до него фрагментамъ вещи въ первоначальномъ ихъ видѣ, уяснить подробнѣйшимъ образомъ способъ ихъ фабрикаціи и, мало того, отыскать среди знакомыхъ ему историческихъ личностей ту, которой эти вещи принадлежали. Не встрѣчая на этомъ скользкомъ пути, всего чаще, никакого другого путеводителя, кромѣ своей пылкой фантазіи, г. Хойновскій надѣлалъ, какъ мы увидимъ ниже, не мало «открытій» самаго удивительнаго свойства.

Не имѣя возможности въ предѣлахъ журнальной замѣтки исчерпать, хотя бы отчасти, богатый запасъ курьезовъ, щедрой рукой разсыпанныхъ чуть не на каждой страницѣ, постараемся дать объ «археологически-историческомъ» изслѣдованіи г. Хойновскаго хотя приблизительное понятіе, выбирая для этого наиболѣе выдающіяся мѣста.

Въ «Предисловіи» г. Хойновскій знакомитъ читателя съ археологическимъ значеніемъ мѣстности, бывшей поприщемъ его изысканій, и говоритъ, что на усадьбу кн. Трубецкого, часть которой перешла къ г. Кривцову, однимъ «знатокомъ» Кіевскихъ древностей обращено было вниманіе членовъ 3-го археологическаго съѣзда, потому что на ней и на смежныхъ усадьбахъ «древняго града, въ началѣ Руси былъ Княжъ-Дворъ, что здѣсь на этой горѣ жилъ какъ лѣтописный Кій, такъ и основатели Русскаго государства, первые

князья кіевскіе». Такимъ образомъ г. «Знатокъ» безжалостно отнялъ у Рюрика честь основанія Русскаго государства, приписываемую ему всѣми школьными учебниками исторіи, потому только, что онъ не жилъ, какъ извѣстно, на усадьбѣ кн. Трубецкого. Не смотря, однако-же, на тотъ высокій интересъ, который могло представлять для археологовъ изслѣдованіе жилища «лѣтописнаго Кія», они не поспѣшили пріобрѣсти историческую усадьбу и, пріобрѣтя ее, «каждую былинку (?) разсмотрѣть и просѣять» и «Провидѣнію угодно было», чтобы трудъ этотъ выпалъ на долю г. Хойновскаго.

Когда началась съемка земли въ усадьбѣ г. Кривцова, мѣстные археологи поглощены были житейской прозой. «Увеселенія масляницы, званые блины, балы, концерты и дѣловое время контрактовъ поглотили все вниманіе кіевлянъ, а въ томъ числѣ и археологовъ; профессора-же были заняты лекціями въ университетѣ, да кромѣ того, слякоть въ перемежку съ двѣнадцати-градуснымъ морозомъ и снѣжною мятелью такъ устрашили любознательныхъ, что никто не рѣшался сидѣть по цѣлымъ днямъ при работахъ», кромѣ г. Хойновскаго. Этотъ многотрудный подвигъ, по его словамъ, засталъ его во всеоружіи научной подготовки потому, что, «дѣлая въ прежнее время разныя изысканія на площади Кіева», онъ имѣлъ уже случай «много изучать какъ лѣтописи, такъ и описанія прошлаго времени Кіева» и «зналъ хорошо важное историческое значеніе и блестящее прошлое участка», на которомъ происходили раскопки.

Желая обезпечить себѣ содѣйствіе рабочихъ при изысканіяхъ, г. Хойновскій рѣшился «развить между рабочими корыстолюбіе и соревнованіе», рискуя самъ сдѣлаться жертвою этого соревнованія въ томъ смыслѣ, что увлеченные корыстолюбіемъ землекопы будутъ сбывать ему, подъ видомъ находокъ, всевозможный хламъ, что кажется, и было на самомъ дѣлѣ. «Вооружаясь каждое утро кошелькомъ съ мелкимъ серебромъ и «кредитками», г. Хойновскій имѣлъ счастіе изспасти отъ забвенія «много предметовъ довольно интересныхъ (излишняя скромность—какъ увидимъ ниже) въ историческомъ значеніи», и «сдѣлалъ все, что при данныхъ условіяхъ могъ сдѣлать, и добылъ такіе результаты, какіе энергія и деньги (а также, прибавимъ отъ себя, и пламенное воображеніе) могли добыть» (стр. 1—3).

Излагая на стр. 3—13 относящіяся къ заинтересовавшей его мѣстности лѣтописныя сказанія (и обращаясь притомъ съ лѣтописнымъ подлинникомъ довольно безцеремонно: напримѣръ, переводя слова «идѣже есть дворъ Воротиславль и Чюдинъ» словами «имѣли

свои усадьбы Воротиславль и Чюдинъ» и т. д., все въ томъ-же родѣ) и описывая прежде бывшія на ней раскопки, г. Хойновскій, увлеченный историческими воспоминаніями, впадаетъ въ неподдѣльный лиризмъ. Заявивъ, что «о прошломъ времени града» онъ почерпнулъ свѣдѣнія изъ лѣтописей, «т. е. сухаго хронологическаго перечисленія разныхъ событій, совершавшихся на этомъ мѣстѣ», онъ говоритъ, что «радость и горе» жившихъ тамъ людей ему удалось узнать «только теперь, слѣдя, какъ въ панорамѣ, въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ за постоянно новыми картинами бытовой обстановки», которую открывали ему нѣдра земли. Передъ его очами «раскрывались постепенно страницы исторіи жившихъ тамъ людей и языческаго времени, съ ихъ жертвоприношеніями», привелось ему увидать и «обстановку перваго поселенца на горѣ (Кія?!), въ его землянкѣ и очагѣ (любопытно—какая была въ очагѣ обстановка, да еще у перваго поселенца), и роскошную обстановку Великокняжескаго двора, и всѣ ужасы поруба или княжей тюрьмы, и поголовную рѣзню монголовъ (кто-же это рѣзалъ монголовъ-то, да еще и поголовно?), ихъ дикое кощунство (надъ чѣмъ?) и всеобъемлющее истребленіе (чего?), а послѣ того погрома всѣ великія страницы былаго померкли, исчезли и канули въ вѣчность забвенія» (стр. 13). Хорошо еще, что эти «великія страницы былого» не совсѣмъ померкли, потому что г. Хойновскому удалось спасти ихъ и прочесть въ назиданіе грядущимъ поколѣніямъ.

«Постепенно раскрывавшіяся нѣдра земли» были для него, «знавшаго прошлое и опытнаго въ выводахъ изъ находокъ соображеній»,—живой исторической книгой. Г. Хойновскаго удивляетъ «охота нѣкоторыхъ лицъ браться за описаніе этой раскопки на томъ только основаніи, что увидѣли найденныя тамъ вещи и посѣтили на нѣсколько минутъ раскопанное мѣсто». Лица эти, по его мнѣнію, похожи на «человѣка, прочитавшаго эпилогъ повѣсти и судящаго о содержаніи всей повѣсти». «Желаю имъ успѣха, но не желаю руководствоваться ихъ описаніемъ»!—гордо восклицаетъ г. Хойновскій и приглашаетъ изслѣдователей великокняжеской эпохи выйти изъ рамокъ лѣтописи на просторъ» и «захватить сколько можно больше данныхъ изъ археологическихъ изслѣдованій». Послѣдуемъ за нимъ и посмотримъ, что удалось ему захватить изъ своихъ раскопокъ.

Не смотря на свою опытность «въ выходахъ изъ находокъ соображеній», а можетъ быть именно благодаря этой опытности, г. Хойновскій находитъ самыя достопримѣчательныя вещи чуть не на

каждомъ шагу. То попадается ему среди множества скелетовъ (вѣроятно результатъ «рѣзни монголовъ») горшокъ, наполненный «какъ-бы пшенной кашей». (Что содержимое горшка именно «пшенная», а не иная какая нибудь каша—по мнѣнію г. Хойновскаго—не подлежитъ сомнѣнію. Хотя «комья истлѣвшей каши обратились «въ сѣрую пыль», но за то «середина зеренъ пшена, покрытая сѣрою пылью, сохранила черное ядро, величиною въ маковое зерно» (стр. 16). То находитъ онъ кусокъ «подмуровки» отъ «древнѣйшаго жилья», которое, ничтоже сумняся, относитъ ко временамъ Св. Ольги (стр. 21); то попадается ему, «невдалекѣ» отъ связки старыхъ кожаныхъ ноженъ (отъ «мечей» (?) временъ Петра I—по опредѣленію г. Хойновскаго) старый желѣзный топоръ, и г. Хойновскій тотчасъ-же видитъ въ немъ представителя вооруженія кіевскихъ дружинъ «во времена Олега и Ярополка I» (стр. 22).

Найдя нѣсколько обломковъ шиферныхъ досокъ и желѣзное кольцо, «въ отверстіе котораго могъ пройти davчокъ оглобли», которое, впрочемъ, кто-то у него «утащилъ», г. Хойновскому «имѣя въ наличности столько данныхъ» (стр. 38), съ поразительной легкостью удается возстановить гробницу великокняжеской эпохи, которую онъ и воспроизводитъ на таб. XV, съ мельчайшими подробностями. Не смущаясь отсутствіемъ на этихъ «данныхъ» никакихъ слѣдовъ надписей или другихъ признаковъ, могущихъ указать ихъ истинное назначеніе, г. Хойновскій считаетъ себя обязаннымъ «пояснить», что гробница эта была въ 1240 г. разбита монголами, а находившійся въ ней трупъ—ограбленъ. Не довольствуясь и этими «соображеніями изъ находокъ», авторъ пытается, пока еще робко, поставить найденные имъ куски шифера и *видѣнное* имъ кольцо въ связь съ именемъ Ярополка II, вычитанномъ имъ въ лѣтописи. За этою первою попыткою послѣдовали, какъ увидимъ ниже, другія, болѣе смѣлыя. Страсть г. Хойновскаго къ «соображеніямъ» заводитъ его нерѣдко въ области, очевидно мало ему знакомыя. Найдя мѣдную византійскую монету будто-бы «Максима Дуки» (мы что-то не слыхивали о такомъ византійскомъ императорѣ), онъ тотчасъ-же перескакиваетъ на монеты первыхъ князей кіевскихъ и авторитетнымъ тономъ замѣчаетъ, что монеты эти потому не попались ему въ раскопкахъ, «что до Владиміра Мономаха кіевскіе князья и не имѣли своей мелкой монеты, за исключеніемъ гривенъ (будто-бы гривна тоже мелкая монета) да звѣриныхъ шкурокъ и, какъ видно изъ раскопокъ, довольствовались мелкой византійской и польской монетой

(стр. 27)». Позволимъ себѣ замѣтить г. Хойновскому, что мелкая монета существовала на Руси и до Владиміра Мономаха; есть такъ называемое «Ярославле сребро», принадлежность котораго Ярославу I Владиміровичу считается безусловно доказанною; теорія обращенія «звѣриныхъ шкурокъ» въ качествѣ мелкой монеты нѣсколько устарѣла и въ настоящее время всѣми оставлена; а обращеніе въ Кіевѣ въ X—XII. вв. польской монеты довольно сомнительно, по крайней мѣрѣ ни г. Хойновскому и никому другому, сколько намъ извѣстно, не удалось найти на кіевской территоріи монетъ Пястовской династіи.

Находка «гробницы», будто-бы Ярополка II, очевидно разохотила г. Хойновскаго къ дальнѣйшимъ «открытіямъ». Найдя около тѣхъ обломковъ шифера, о которыхъ мы говорили выше, плохой желѣзный клинокъ, согнутый въ дугу и проржавѣвшій до потери своей первоначальной формы (см. таб. XX, гдѣ дреколіе это нарисовано въ дѣйствительномъ и въ идеализированномъ видѣ), г. Хойновскій торжественно заявляетъ, что это «драгоцѣнный мечъ, безъ сомнѣнія великокняжескій, въ золотыхъ ножнахъ, (которыхъ, впрочемъ, г. Хойновскій не видѣлъ, потому что ихъ украли рабочіе) и инкрустованный золотомъ» (стр. 38). То ничтожное обстоятельство, что «драгоцѣнный»» мечъ, будучи согнутъ настолько, что концы его почти сходятся, по всей вѣроятности или переломился-бы или выпрямился, нисколько не смущаетъ автора, и онъ продолжаетъ: «въ нѣсколькихъ мѣстахъ мнѣ удалось отмучить (?) достаточно пластинку (т. е. мечъ), чтобы видѣть рисунокъ, но около рукоятки, гдѣ можно ожидать болѣе крупнаго орнамента, а можетъ быть и надписи, невозможно удалить толстой накипи изъ опасенія, что мечъ распадется и искрошится, а на такую рискованную операцію съ мечемъ сына Мономаха, который онъ, можетъ быть, вмѣстѣ съ кіевскимъ престоломъ унаслѣдовалъ отъ своего славнаго отца Владиміра Мономаха, я не рѣшился» (стр. 39). Воля Ваша, г. Хойновскій, мы готовы вѣрить Вашей опытности въ выводахъ изъ находокъ соображеній, но никакъ не можемъ согласиться, чтобы Владиміръ Мономахъ рѣшился самъ носить, да еще оставить въ наслѣдіе сыну такой дрянной клинокъ, который гнется какъ свинецъ. Но на этомъ исторія меча еще не оканчивается. По увѣренію г. Хойновскаго, у меча этого «эфесъ рукоятки» былъ изъ массивнаго золота, но не дошелъ до насъ потому, что «снятъ былъ цѣликомъ монголами» (почему непремѣнно «массивнаго» и почему именно «цѣликомъ» —неизвѣстно). Мечъ этотъ хотѣли сломать на могилѣ

Ярополка, потому что во времена великокняжескія былъ будто-бы такой обычай или, какъ выражается г. Хойновскій—«застыла рука владѣвшаго этимъ мечемъ и сыновья ломали отцовское оружіе и клали его вмѣстѣ съ прахомъ отца, оказывая (?) въ своей горести по родителю, что они не могутъ такъ доблестно владѣть отцовскимъ мечемъ, какъ онъ имъ владѣлъ». Краснорѣчиво—но не убѣдительно!

Какъ г. Хойновскій по мечу Мономаха узналъ гробницу Ярополка II, а по гробницѣ Ярополка II узналъ мечъ Мономаха, такъ по найденному въ одной изъ раскопанныхъ могилъ бронзовому энколпіону, который онъ тоже «отмучивалъ», чтобы имѣть возможность подробнѣйшимъ образомъ (но, увы, весьма бездоказательно) разсказать читателямъ способъ его фабрикаціи,—онъ съ тою-же авторитетностью опредѣлилъ, что въ открытой имъ могилѣ «вѣроятно былъ похороненъ игуменъ Янкина монастыря «Григорій», упоминаемый въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 1127 г. (стр. 34). Однимъ словомъ, стоитъ г. Хойновскому, найдя ту или другую вещь, припомнить первую попавшуюся историческую личность—и связь между ними является сама собою.

Хороша въ своемъ родѣ исторія Мономахова меча, но еще лучше слѣдующій пассажъ: найдя, между прочимъ, костяную и глиняную штучки, похожія на современныя игральныя шашки, г. Хойновскій рѣшаетъ, что это тѣ самыя шашки, которыми «юный Святославъ забавлялся съ своими дядьками», и поясняетъ удивленному читателю, что «игра въ шашки, *можетъ быть*, принесена была Св. Ольгой изъ Византіи, гдѣ ею забавлялись при дворѣ, *а потому* 956 г. можно считать началомъ введенія этой игры въ Кіевѣ и съ этого времени игра въ шашки начала замѣнять существовавшую у насъ со временъ Сарматовъ игру въ кости» (стр. 75). Эти «можетъ быть» и «а потому» настолько неподражаемы, что, выражаясь высокимъ слогомъ, мысль цѣпенѣетъ и перо выпадаетъ изъ рукъ.

Думаемъ, что приведенныхъ цитатъ вполнѣ достаточно, чтобы дать понятіе о научномъ достоинствѣ труда г. Хойновскаго. Выйдя, по его собственному выраженію, изъ узкихъ рамокъ лѣтописи и захвативъ, сколько могъ, данныхъ изъ своихъ раскопокъ, онъ на стр. 65—78 рисуетъ картину быта великокняжеской эпохи на основаніи сдѣланныхъ имъ «открытій». Не останавливаясь на ней подробно, скажемъ одно: каковы «открытія»—такова и картина. Для образчика приведемъ только одну деталь—объясненіе, почему урочище «Уздыхальница» получило свое названіе. Поставивъ на видъ

князьямъ-язычникамъ, что они «не знали теплыхъ чувствъ семейной жизни и до христіанства имѣли много женъ и наложницъ», г. Хойновскій продолжаетъ: «въ теремномъ дворѣ (находившемся на Уздыхальницѣ) содержались взаперти за оградой жены и дѣвушки князей, тоскуя въ ожиданіи ласки князя, и, въ однообразіи замкнутой жизни, тяжелый вздохъ часто вырывался изъ ихъ груди, какъ плачъ Ярославны въ ожиданіи возврата Игоря изъ похода на Половцевъ, и оттого древніе кіевляне назвали эту гору Уздыхальницей или Вздыхальницей» (стр. 73).

Да простятъ намъ читатели «Кіевской Старины» и г. Хойновскій за то, что мы, можетъ быть, злоупотребляли выписками и, начавъ говорить серьезно, перешли чуть не на фельетонный тонъ. Но, право, приведенныя нами цитаты даютъ, на нашъ взглядъ, такое живое представленіе о книгѣ, языкѣ, которымъ она написана, и научныхъ пріемахъ автора, что не нуждаются ни въ какихъ комментаріяхъ, а фельетонный тонъ намъ показался наиболѣе умѣстнымъ въ рецензіи о такомъ «археологически-историческомъ изслѣдованіи», авторъ котораго позволяетъ себѣ совершенно серьезно говоритъ о драгоцѣнномъ мечѣ» «славнаго Владиміра Мономаха» и о шашкахъ, которыми «юный Святославъ забавлялся съ своими дядьками».

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о рисункахъ. Не смотря на всѣ промахи текста, объясняемые неподготовленностью и излишнимъ увлеченіемъ автора, точные снимки съ нѣкоторыхъ изъ найденныхъ имъ предметовъ могли-бы имѣть цѣну въ научномъ отношеніи, если бы и тутъ г. Хойновскій, «освободившись отъ узкихъ рамокъ» общепринятыхъ нынѣ способовъ воспроизведенія, не «вышелъ на просторъ» собственной изобрѣтательности. Не довольствуясь фототипіей съ фотографій, которая передаетъ предметы въ томъ видѣ, каковы они на самомъ дѣлѣ, г. Хойновскій предпочелъ сначала сдѣлать съ пріобрѣтенныхъ имъ древностей рисунки отъ руки (иногда крайне небрежные—см. напр. таб. IV №№ 13—15, таб. XV № 134, таб. XIX № 80 и др.), а потомъ уже воспроизвести ихъ фототипически. Вслѣдствіе этого на таблицахъ иногда можно видѣть не то, что есть, а то, что желаетъ видѣть г. Хойновскій.

Еще разъ отъ души сожалѣемъ, что г. Хойновскій затратилъ столько труда и денегъ на изданіе, столь изящное по внѣшности, столь симпатичное по замыслу и столь неудачное по выполненію. Желаемъ ему бо́льшаго успѣха въ будущемъ!

Е.

Статистика въ области діалектологіи (А. А. Дикаревъ. Воронежскій этнографическій сборникъ. Воронежъ 1891 г.).

Названный здѣсь сборникъ представляетъ довольно много интереснаго какъ для этнографа, такъ и для филолога. Этнографическій отдѣлъ его заключаетъ въ себѣ довольно обширное собраніе произведеній народной словесности на двухъ смежныхъ говорахъ воронежской губ.: на такъ назыв. «воронежскомъ мѣщанскомъ» говорѣ, принадлежащемъ къ группѣ говоровъ южно-великорусскаго поднарѣчія, и на мѣстномъ говорѣ малорусскаго или, по терминологіи г. Дикарева, «украйно-русскаго» нарѣчія. Въ филологическій отдѣлъ вошли статьи г. Дикарева, представляющія: «очеркъ воронежскаго мѣщанскаго говора, сравнительно съ украйно-русскимъ нарѣчіемъ»; двѣ статистическія таблицы звуковыхъ отношеній прилуцкаго говора полтавской губ. и воронежскаго мѣщанскаго говора, и, наконецъ, «Нѣсколько словъ къ очерку».

Словесный матеріалъ перваго отдѣла, записанный, такъ наз., «фонетическимъ» правописаніемъ, любопытенъ также и въ діалектологическомъ отношеніи, представляя образцы живой великорусской и малорусской рѣчи въ говорахъ, подвергавшихся долгое время взаимному вліянію другъ на друга, вслѣдствіе непосредственнаго и довольно давняго сосѣдства.

Но особенный интересъ «Сборника» заключается не столько въ сказанномъ словесномъ матеріалѣ его, сколько въ филологическихъ работахъ г. Дикарева. Послѣднія же тѣмъ, главнымъ образомъ, обращаютъ на себя вниманіе, что въ нихъ, сколько знаемъ, впервые дѣлается попытка научнаго обоснованія и систематическаго примѣненія статистическаго метода къ изслѣдованію звуковаго состава и строя русскихъ нарѣчій (точнѣе—говоровъ) съ другими славянскими нарѣчіями (литературными), и къ построенію на добытыхъ этимъ путемъ данныхъ параллельныхъ характеристикъ этихъ нарѣчій.

Благодаря сравнительной новизнѣ дѣла и возбуждаемымъ имъ вопросамъ, имѣющимъ принципіальное значеніе для лингвистики и для методическихъ ея пріемовъ, трудъ г. Дикарева былъ замѣченъ въ печати и вызвалъ нѣсколько критическихъ о себѣ отзывовъ, изъ которыхъ намъ извѣстны отзывы о немъ: въ библіографической замѣткѣ литературнаго обозрѣвателя «Вѣстника Европы» [1]), и въ рецензіяхъ двухъ филологовъ спеціалистовъ: г. А. С—скаго (если не оши-

[1]) Іюль, 1892 г., стр. 433—4.

баемся, проф. А. И. Соболевскаго) въ рецензіи, помѣщенной въ «Живой Старинѣ» [1]) и г. Евгенія Будде—въ «Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ» [2]). Впрочемъ, изъ нихъ только рецензія г. Будде трактуетъ трудъ автора нѣсколько подробнѣе; первыя же двѣ ограничиваются лишь краткими замѣчаніями, болѣе или менѣе общаго характера, о нѣкоторыхъ его достоинствахъ и недостаткахъ.

Но во всѣхъ этихъ рецензіяхъ вниманіе критиковъ обращено не столько на цѣлесообразность примѣняемаго авторомъ статистическаго метода въ діалектологическихъ изслѣдованіяхъ, сколько на то, какъ отнесся авторъ къ предмету своихъ изслѣдованій съ точки зрѣнія употребляемыхъ въ этихъ случаяхъ обычныхъ филологическихъ пріемовъ. Такъ, рецензентъ «Вѣст. Европы» ограничиваетъ свою оцѣнку труда г. Дикарева слѣдующимъ замѣчаніемъ: «просмотрѣвъ тотъ фонетически записанный матеріалъ,—говоритъ онъ,—на основаніи котораго г. Дикаревъ опредѣлилъ говоръ воронежскихъ мѣщанъ, какъ типическій южновеликорусскій, не трудно видѣть, что многія черты его принадлежатъ не только южному, но, напр., и центральному вел.-русскому говору. Такимъ образомъ, опредѣленіе южновеликорусскаго типа по упомянутому матеріалу окажется не вполнѣ точнымъ, и сравненіе съ прилуцкимъ можетъ показаться произвольнымъ». Что же касается статистическаго пріема изслѣдованія этого говора, то рецензентъ, довольствуясь указаніемъ на то, что этотъ пріемъ «у насъ былъ еще весьма мало или почти совсѣмъ неупотребляемъ», предоставляетъ оцѣнку его спеціалистамъ филологіи. При чемъ однако отъ себя дѣлаетъ еще слѣдующее замѣчаніе: «намъ казалось бы,—говоритъ онъ,—что, прежде чѣмъ предпринимать это спеціальное сличеніе говора воронежскаго и прилуцкаго, было бы желательно выяснить болѣе крупныя видоизмѣненія вел.-русской рѣчи, только тогда выдѣлились бы и частныя особенности болѣе тѣснаго мѣстнаго говора». Въ заключеніе рецензентъ признаетъ трудъ г. Дикарева во всякомъ случаѣ интереснымъ, въ виду того, что онъ затрогиваетъ «вопросъ, который до сихъ поръ представляетъ еще много неяснаго.»

Г. А. С — скій находитъ также, что «Очеркъ» г. Дикарева «былъ бы любопытенъ, если бы авторъ постарался подробнѣе описать и охарактеризировать говоръ воронежскаго мѣщанства и его

---

[1]) Вып. II, 1892 г., стр. 125—6.

[2]) № 2, 1892 г., стр. 314—322.

отношенія къ языку образованнаго общества, съ одной стороны, и къ ближайшимъ народнымъ говорамъ — съ другой...., а не пускался бы въ длинныя статистическія исчисленія звуковъ сомнительной цѣнности». При чемъ онъ указываетъ на то обстоятельство, что у автора не отмѣчено, напр., какъ произносятся нѣкоторые звуки въ воронеж. говорѣ, каковы въ немъ особенности формъ склоненія и спряженія, а что взамѣнъ этого въ «статистикѣ вокализма» опредѣляется, «сколь часто употребляются тотъ или другой звуки въ разныхъ говорахъ и языкахъ», что́, очевидно, по мнѣнію рецензента, не имѣетъ вообще особенной цѣнности.

Съ подобнаго же рода взглядами встрѣчаемся и въ болѣе обширной критической статьѣ г. Будде; но въ ней уже болѣе, чѣмъ въ предыдущихъ рецензіяхъ, обращено вниманіе на статистическій методъ и на способы примѣненія его у г. Дикарева. Однако и взглядъ г. Будде на пригодность сказаннаго метода для филологическихъ цѣлей не выраженъ съ достаточной твердостію и опредѣленностію. Съ одной стороны, въ надеждахъ, возлагаемыхъ г. Дикаревымъ на статистическій методъ въ лингвистикѣ, какъ на единственный методъ, долженствующій обратить ее въ точную науку и очистить отъ всякихъ случайностей и произвола, — критикъ усматриваетъ только чрезмѣрное увлеченіе автора этимъ методомъ и его значеніемъ для лингвистики, — преувеличеннымъ при томъ, главнымъ образомъ, какъ бы по винѣ послѣдней, такъ какъ, по его замѣчанію, «превратить неточное въ точное или совсѣмъ невозможно или возможно всемогущему» (стр. 315). Не отрицая однако точности самого статистическаго метода, и заявляя даже, «что было бы желательно имъ пользоваться для цѣлей филологіи», критикъ замѣчаетъ только, что хотя этотъ методъ вообще «самъ по себѣ останется хорошимъ, но не для настоящей филологіи при ея современномъ состояніи» (стр. 317), въ частности же, — что его тоже «пока еще нельзя примѣнять... для изслѣдованія звуковыхъ явленій живыхъ нарѣчій русскаго языка» (стр. 319). — Съ другой стороны, въ виду имѣвшихся уже примѣровъ примѣненія статистики въ области филологіи и ссылокъ на нихъ г. Дикарева, критикъ заявляетъ: «надо правду сказать, что почтенные труды ученыхъ спеціалистовъ, которыхъ цитируетъ авторъ въ своемъ трудѣ, именно гг. Гаттала, Бодуэнъ-де-Куртенэ и Житецкій, касались отдѣльныхъ случаевъ, пользуясь статистическимъ методомъ, т. е. выводя процентное отношеніе случаевъ употребленія того или другаго звука въ языкѣ по строго опредѣленному матеріалу, какого бы объема онъ

ни былъ (стр. 315). Затѣмъ, оставляя безъ объясненія причины, почему названные спеціалисты находили цѣлесообразнымъ примѣнять въ данныхъ случаяхъ этотъ методъ, вопреки утверждаемой критикомъ несвоевременности такого примѣненія, и какія стороны языка— даже при констатируемомъ имъ состояніи современной филологіи— могутъ все таки подлежать статистическому изслѣдованію, г. Будде ограничивается однимъ указаніемъ разницъ въ достоинствѣ нѣкоторыхъ частныхъ пріемовъ примѣненія этого метода у означенныхъ спеціалистовъ и у г. Дикарева. При чемъ, не входя также въ разсмотрѣніе мотивовъ, представленныхъ послѣднимъ въ оправданіе предпринятаго имъ «систематическаго», «массоваго» изслѣдованія этимъ методомъ звуковыхъ явленій въ языкѣ,—предпочтительно передъ отрывочными изслѣдованіями ихъ у означенныхъ спеціалистовъ, касавшихся въ своихъ изслѣдованіяхъ только отдѣльныхъ явленій,— критикъ произноситъ рѣзкій приговоръ труду г. Дикарева, основывая свое сужденіе о немъ главнымъ образомъ на погрѣшностяхъ автора въ его діалектологическихъ обобщеніяхъ, а также въ выборѣ и квалифицированіи словеснаго матеріала для своихъ изслѣдованій. «Прилуцкая дума, говоритъ г. Будде, служитъ въ трудѣ автора выразителемъ *всего* [1]) малорусскаго («укр.-рус.») нарѣчія, а воронежскія мѣщанскія пословицы и поговорки служатъ выразителемъ *всего* в.-русскаго нарѣчія». «Что касается въ частности звуковыхъ явленій языка, то такія обобщенія возможны только для того..., кто и не подозрѣваетъ всего разнообразія говоровъ и поднарѣчій нашего в.-русскаго и м.-русскаго языка». (Стр. 316). Конечно, такія обобщенія въ научной работѣ не должны быть допускаемы, хотя они, повидимому, и не имѣютъ у автора столь категорическаго характера и значенія, какія приписываются имъ критикомъ; но и выводимыя изъ нихъ заключенія подобнаго рода, рѣшающія за одно вопросъ и о діалектологическихъ познаніяхъ автора, едвали тоже вызываются необходимостію и находятъ въ существѣ дѣла достаточное для себя оправданіе.—Далѣе, не смотря на высказанныя критикомъ сомнѣнія въ правильности и пользѣ практикуемаго авторомъ массоваго изслѣдованія звуковъ статистическимъ методомъ, онъ, повидимому, не прочь допустить нѣкоторыя уступки и для такого способа, обусловливая ихъ лишь болѣе правильнымъ и цѣлесообразнымъ подборомъ изслѣдуемаго матеріала.—«Статистика, говоритъ онъ, годилась бы здѣсь,

---

[1]) Всѣ курсивы въ цититахъ здѣсь и далѣе принадлежатъ самому критику.

именно въ томъ случаѣ, если бы изслѣдователь поставилъ себѣ задачей опредѣлить, напр. звучность русскаго литературнаго языка (московскаго) или языка исключительно книжнаго безъ отношенія къ способу произношенія звуковъ въ живой рѣчи и т. п. (?). Но разъ изслѣдователь желаетъ воспользоваться точнымъ методомъ статистики для выводовъ изъ всего в.-русскаго языка, онъ предварительно долженъ имѣть статистическія таблицы звучности всѣхъ говоровъ и поднарѣчій влр. языка, и таблицы, выведенныя съ самой строгой точностію». (стр. 317). Такая однако работа, по мнѣнію критика, совсѣмъ почти не выполнима. Затѣмъ г. Будде указываетъ еще на нѣкоторыя частныя противорѣчія въ трудѣ г. Дикарева между статистическими выводами автора и общими положеніями его о звукахъ, долженствующихъ преобладать въ рѣчи. Между прочимъ, онъ указываетъ на тотъ, напр., фактъ, что хотя по статистическимъ выводамъ г. Дикарева въ «воронежскомъ мѣщанскомъ» вокализмѣ и является преобладаніе зв. *а*,—соотвѣтствующее, повидимому, одному изъ общихъ положеній автора и объясняемое у него легкостію артикуляціи этого звука,—но что за то въ сербскомъ вокализмѣ преобладающее мѣсто занимаетъ уже зв. *і*, гораздо болѣе труднѣйшій по своей артикуляціи, причину чего очевидно авторъ не можетъ уже объяснить своимъ положеніемъ, предоставляя это,—по выраженію критика, не совсѣмъ правильно перефразирующаго слова автора,—«разгадать будущей (sic) наукѣ—«антропофоникѣ».—Съ своей же стороны, главную причину подобнаго рода противорѣчій критикъ усматриваетъ преимущественно въ неподходящемъ выборѣ матеріала, употребленнаго г. Дикаревымъ для параллельнаго учета звуковъ въ разныхъ нарѣчіяхъ, и повидимому также въ отожествленіи звуковъ съ буквами въ текстахъ славянскихъ нарѣчій.

Въ заключеніе г. Будде дѣлаетъ слѣдующее общее замѣчаніе по поводу статистическихъ пріемовъ автора: «для того, чтобы учетъ звуковъ на основаніи этого (взятаго авторомъ) матеріала имѣлъ научную цѣну и чтобы этимъ учетомъ можно было пользоваться при сравненіи звучности великорусскаго («воронежскаго») языка или малорусскаго («прилуцкаго») съ звучностію славянскихъ нарѣчій вообще, необходимо, чтобы сравниваемый матеріалъ былъ *однороденъ*, а не набранъ *кое-какъ*» (стр. 319). Съ этимъ, конечно, нельзя не согласиться. Но, во 1-хъ, если авторъ и ошибался въ выборѣ своего матеріала, то все-таки онъ не набиралъ его «кое-какъ», а напротивъ того, старался мотивировать свой выборъ извѣстными аргумен-

тами, вытекающими у него, между прочимъ, и изъ критическаго разсмотрѣнія основаній и результатовъ иного подбора матеріала у его предшественниковъ; во 2-хъ, если эта аргументація автора оказалась въ данномъ случаѣ несостоятельной, то можно-ли, совсѣмъ игнорируя ее, утверждать столь категорически, какъ это дѣлаетъ г. Будде, что именно «изъ-за этого-то обстоятельства, т. е. вслѣдствіе набраннаго *зря* (?) матеріала, и выходитъ, что авторъ очень рѣдко сходится въ своихъ результатахъ, добытыхъ статистическимъ путемъ, безъ знанія фонетики слав. нарѣчій и русскаго языка (?), съ результатами, добытыми наукой въ лицѣ ея представителей» (стр. 319)? Нельзя не видѣть, что этимъ сказано, съ одной стороны, слишкомъ много, но съ другой—слишкомъ мало. Сущность же дѣла отъ такихъ критическихъ оцѣнокъ его нисколько не выигрываетъ въ своей ясности, и постановка вопроса о роли статистики въ діалектологическихъ изслѣдованіяхъ, отодвинутая въ сторону, становится лишь отъ этого еще болѣе загадочной.

Въ самомъ дѣлѣ, если съ точки зрѣнія критика наука поступаетъ вполнѣ цѣлесообразно, когда она, напр., въ лицѣ проф. Гатталы, для уясненія извѣстныхъ вопросовъ, касающихся сравнительной фонетики слав. нарѣчій, прибѣгаетъ къ статистическому учету звуковъ въ этихъ нарѣчіяхъ и избираетъ для этого звуковой матеріалъ, заключающійся въ такомъ образцѣ рѣчи, какъ текстъ молитвы господней «Отче нашъ», причемъ и полученные ею отсюда выводы должны считаться правильными,—то почему, спрашивается, является непозволительнымъ и не выдерживающимъ никакой критики такого же рода статистическій экспериментъ у г. Дикарева, хотя бы напр. съ «думой» прилуцкаго говора или съ «пословицами» воронежскаго, а выводимыя имъ отсюда данныя,—должны признаваться непригодными для уясненія вопросовъ, хотя бы касающихся только спеціальныхъ фонетическихъ особенностей этихъ говоровъ, независимо отъ всякихъ отношеній ихъ другъ къ другу? Вѣдь образецъ рѣчи у проф. Гатталы ни по качеству, ни по объему отнюдь не лучше образцовъ рѣчи у г. Дикарева; транскрипція звуковаго матеріала послѣднихъ тоже ничѣмъ не хуже перваго; а пріемы учета у обоихъ экспериментаторовъ одинаковы, и заподозривать неточность ихъ у г. Дикарева нѣтъ никакихъ видимыхъ основаній. Слѣдовательно, вся разница въ достоинствѣ данныхъ того и другаго изслѣдователя сводится лишь къ тому, что пригодность данныхъ проф.

Гатталы для сравнительной характеристики изслѣдуемыхъ имъ нарѣчій, какъ почерпнутыхъ изъ однороднаго матеріала, менѣе можетъ подлежать спору, чѣмъ пригодность данныхъ для подобной цѣли у г. Дикарева. Съ другой стороны, если не только допускаются, но и должны признаваться, по мнѣнію критика, правильными такія положенія въ наукѣ, какъ напр. утвердившееся въ ней положеніе о *преобладаніи* въ малорусскомъ яз. звука *і*, а въ великорусскомъ зв. *а*, и, пожалуй, даже выводимая отсюда теорія, усматривающая въ этомъ явленіи характерный признакъ психологическихъ особенностей всего малорусскаго и всего великорусскаго племенъ (какъ напр. у проф. Огоновскаго), то почему статистическая повѣрка этого положенія, предпринятая г. Дикаревымъ, и оспариваніе имъ, напр., преобладанія зв. *і* въ млр. нарѣчіи, на основаніи данныхъ его повѣрки, должны считаться непремѣнно ни съ чѣмъ несообразными и не заслуживающими никакого вниманія? Наконецъ, если въ глазахъ науки трудъ г. Дикарева дискредитируютъ указанныя въ немъ критикомъ неправильности діалектологическихъ обобщеній, имѣющихъ скорѣе всего видъ неточныхъ выраженій, случайно отожествляющихъ разныя вещи, то во 1-хъ, послѣднія нисколько не устраняютъ вопроса о достоинствѣ статистическихъ выводовъ автора, касающихся звукового характера спеціально изслѣдуемыхъ имъ русскихъ говоровъ, безъ отношенія ихъ другъ къ другу (тѣмъ болѣе, что въ незнаніи фонетики этихъ говоровъ нѣтъ, повидимому, никакихъ серьезныхъ поводовъ упрекать автора); а во 2-хъ, можно ли поручиться за то, что сама лингвистическая наука въ лицѣ своихъ представителей вполнѣ свободна отъ подобныхъ неточностей или неправильностей? Вѣдь, говоря правду, неправильности подобнаго рода далеко не особенная рѣдкость также и у послѣднихъ, благодаря, главнымъ образомъ, отсутствію въ діалектологіи достаточно твердыхъ опредѣленій и разграниченій ея понятій и пріурочиваемыхъ къ нимъ терминовъ. Отсюда и случаи нерѣдкаго смѣшиванія терминовъ, а за ними и выражаемыхъ ими понятій: о цѣломъ діалектологическомъ явленіи и о его частяхъ; о явленіяхъ вполнѣ конкретныхъ и о обобщенныхъ категоріяхъ ихъ, составляющихъ въ сущности лишь продуктъ логическаго отвлеченія. Вообще, въ данномъ случаѣ нельзя быть слишкомъ взыскательнымъ, такъ какъ надо сознаться, что въ лингвистической систематикѣ (классификаціи) и терминологіи господствуетъ пока такой произволъ, непослѣдовательность и спутанность понятій и терминовъ, что въ этомъ лабиринтѣ не мудрено запутаться иногда и записному спеціалисту

Такъ какъ къ вопросу о правильной лингвистической (и діалектологической) систематикѣ или классификаціи рѣчи сводятся и другіе вопросы лингвистики (и діалектологіи), и такъ какъ этотъ вопросъ служитъ камнемъ преткновенія для всякаго рода изслѣдованій въ разныхъ областяхъ этой науки, то невозможно обойти молчаніемъ того, въ чемъ, по нашему мнѣнію, заключается сказанная путаница и какъ мы понимаемъ вообще естественное дѣленіе организованной рѣчи. Извѣстно, напр., что термины «языкъ», «нарѣчіе», одинаково пріурочиваются и къ отдѣльнымъ «литературнымъ», т. е. *культивированнымъ* единицамъ рѣчи, и къ единицамъ *естественной* ея классификаціи, каковы, такъ называемые, «говоры», «поднарѣчія», «нарѣчія», «подъязыки» и, наконецъ, разнаго объема и значенія «языки», на разныхъ ступеняхъ ихъ генерификацій. Отсюда не рѣдко случается, что, съ одной стороны, представленіе о такой конкретной лингвистической особи, какъ «литературный языкъ» или «нарѣчіе», переносится на такіе сложные и въ отвлеченіи только понимаемые организмы, какъ «языки» и «нарѣчія» естественной классификаціи рѣчи; а съ другой стороны, какой нибудь конкретный естественный «говоръ» даннаго нарѣчія принимается за это цѣлое нарѣчіе, или наоборотъ, и т. д. Между тѣмъ каждый «литературный языкъ» (или все равно — «литературное нарѣчіе»), какъ бы онъ ни былъ типиченъ для всего діалектическаго состава своего цѣлаго, представляемаго общимъ «нарѣчіемъ», какъ единицей естественной классификаціи рѣчи, является только особой (культурно развитой) частью его, и, слѣдовательно, величиной совсѣмъ несоизмѣримой съ послѣднимъ. Естественнымъ же эквивалентомъ (субститутомъ) его можетъ быть только такая же, какъ и онъ *конкретная* и недѣлимая единица лингвистической классификаціи рѣчи, а таковою представляется лишь тотъ или иной отдѣльный «говоръ» даннаго нарѣчія; почему именно и видимъ тотъ всеобщій фактъ, что всѣ существующіе *литературные языки* на самомъ дѣлѣ основывались каждый на какомъ нибудь одномъ *естественномъ говорѣ* живой рѣчи. Затѣмъ, изъ всѣхъ остальныхъ *единицъ* естественной классификаціи рѣчи,—всегда уже болѣе или менѣе *сложнаго состава*,—простѣйшую и наиболѣе цѣльную по своей организаціи единицу, соотвѣтствующую понятію естественнаго *вида* составляетъ «нарѣчіе», состоящее изъ совокупности вполнѣ однородныхъ «поднарѣчій» и обнимаемыхъ ими «говоровъ». На высшихъ же ступеняхъ генерификаціи діалектическихъ единицъ, въ восходящемъ порядкѣ, наиболѣе характерными чертами органич-

ности и сравнительной индивидуальности отличаются еще *двѣ* единицы: такая, какъ цѣлый «языкъ», соотвѣтствующій понятію естественнаго *рода*, и состоящій изъ полной совокупности однородныхъ «подъязыковъ» и образующихъ ихъ «нарѣчій», (таковы напр. *языки* славянскій, германскій, романскій, и проч.), и наконецъ такая, какъ совершенно уже самостоятельный «идіомъ» [1]), соотвѣтствующій понятію естественнаго *класса*, и включающій со своими «подъидіомами» всю систему родовыхъ и видовыхъ развѣтвленій рѣчи даннаго типа (таковы, напр. *идіомы*: аріоевропейскій, семитскій, урало-алтайскій, и проч.)

Теперь, переходя къ вопросу о достоинствѣ того или другаго лингвистическаго или діалектологическаго изслѣдованія, мы полагаемъ, будетъ ясно, если скажемъ, что та или иная правильность и успѣшность изслѣдованій подобнаго рода, какимъ бы они ни велись методомъ, прежде всего зависятъ отъ правильнаго пониманія и точнаго опредѣленія отношеній объекта такихъ изслѣдованій къ той или иной категоріи лингвистическаго дѣленія рѣчи, къ той или иной группѣ явленій, образующихъ собою эти категоріи и ихъ внутреннія подраздѣленія.—Но для этого, а равно для полученія надлежащихъ результатовъ изслѣдованія даннаго лингвистическаго или діалектическаго объекта, тѣмъ или инымъ методомъ, необходимо знать еще, къ чему собственно должны клониться подобныя изслѣдованія, чтобы отвѣтить общимъ и основнымъ задачамъ лингвистическихъ изслѣдованій. Общія же задачи послѣднихъ состоятъ, какъ извѣстно, въ разысканія и опредѣленіи какъ общихъ свойствъ организаціи человѣческой рѣчи, такъ и отличій въ этихъ свойствахъ, обусловливающихъ собою образованіе самостоятельныхъ типовъ ея организаціи и происхожденіе родовыхъ и видовыхъ модификацій каждаго изъ этихъ типовъ, образующихъ въ свою очередь разныя категоріи и группы діалектическихъ явленій. Слѣдовательно, по существу и характеру своихъ задачъ—какъ и по своему предмету, лингвистика примыкаетъ, конечно, къ разряду естественныхъ наукъ, и въ качествѣ таковой должна пользоваться для своихъ спеціальныхъ цѣлей общими съ ними методами изслѣдованія своего предмета, въ составъ коихъ входитъ, между прочимъ, и математическій методъ, съ его частнымъ ста-

---

[1]) Позволяемъ себѣ употребить этотъ терменъ въ его наиболѣе широкомъ и полномъ смыслѣ, за неимѣніемъ въ лингвистической номенклатурѣ болѣе подходящаго слова для обозначенія описываемаго явленія.—

тистическимъ пріемомъ. Отсюда вполнѣ естественна мысль о цѣлесообразности примѣненія статистики къ той или иной сторонѣ лингвистическихъ изслѣдованій. Но весь вопросъ въ томъ, какая именно группа явленій въ области рѣчи можетъ подлежать статистическимъ изслѣдованіямъ, для уясненія въ нихъ тѣхъ именно свойствъ и особенностей, которыя такъ или иначе входятъ въ предметъ лингвистическихъ разысканій и изученій. Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, нельзя упускать изъ виду всей сложности и разнородности глоттологическихъ явленій, въ которыхъ должна разобраться лингвистика для того, чтобы извлечь изъ нихъ наиболѣе существенныя черты, полагаемыя ею въ основаніе своей классификаціи рѣчи.—Поэтому и постановка частнаго вопроса о роли статистики въ лингвистическихъ изслѣдованіяхъ находится въ прямой зависимости отъ точнаго пониманія коренныхъ основаній этой классификаціи. Мы не можемъ, конечно, вдаваться здѣсь въ подробное объясненіе тѣхъ основаній, на которыхъ зиждется приведенная нами выше общая схема естественнаго дѣленія рѣчи на ея главныя лингвистическія категоріи, опредѣляемыя тремя главными моментами ея образованія и развитія, и ограничимся только замѣчаніемъ, что признаками такого дѣленія ея могутъ быть только внутреннія особенности коренныхъ элементовъ организаціи рѣчи и генетическія измѣненія этихъ особенностей, обусловливаемыя ея естественнымъ развитіемъ [1]). Такимъ образомъ, особенности подобнаго рода, относящіяся къ наиболѣе существеннымъ элементамъ ея организаціи, будутъ вмѣстѣ съ тѣмъ и признаками наиболѣе общаго и основнаго ея дѣленія. Таковыми для «идіомовъ» будутъ *особыя* «системы корней», или точнѣе—«корневыхъ (и сводящихся къ нимъ—«функціональныхъ») морфемъ», искони заложенныхъ, въ качествѣ *простѣйшихъ органическихъ соединеній формальнаго и матеріальнаго началъ* рѣчи, въ основу всего лексикальнаго,

---

[1]) Все равно, какими бы обстоятельствами развитія рѣчи ни обусловливалось появленіе тѣхъ или иныхъ измѣненій коренныхъ ея особенностей въ языкахъ: вытекаютъ-ли онѣ во всѣхъ языкахъ и нарѣчіяхъ исключительно прямымъ путемъ послѣдовательнаго внутренняго дифференцированія коренныхъ элементовъ рѣчи образующаго правильныя діалектическія развѣтвленія ея, по теоріи *генеалогическаго древа* рѣчи; или же появляются спорадически тѣмъ же путемъ въ извѣстныхъ языкахъ и, по условіямъ ихъ географическаго распространенія и перегринацій, прививаются и другимъ языкамъ и ассимилируются ими, нарушая этимъ идеальную схему развѣтвленія рѣчи,—какъ это вытекаетъ изъ теоріи *волнообразныхъ переходовъ діалектическихъ особенностей* въ языкахъ.

морфологическаго и фонетическаго состава ея, и отличающихся отъ таковыхъ въ другихъ идіомахъ по своей конструкціи и звуковому составу (*первичнымъ* «фонемамъ»), съ одной стороны, и по смысловому значенію (т. е. по выражаемымъ ими «семемамъ»)—съ другой. Признаками менѣе общаго, вторичнаго дѣленія рѣчи, непосредственно слѣдующаго за первымъ, т. е. признаками распаденія идіомовъ на «языки», будутъ особенности, касающіяся по преимуществу полнаго развитія *формальной* стороны рѣчи въ данный моментъ. Таковыми въ языкахъ будутъ особыя системы «словаря, грамматики и фонетики», развившіяся изъ «общей системы морфемъ» всего идіома.

Наконецъ, признаками третичнаго наименѣе общаго дѣленія рѣчи, идущаго вслѣдъ за вторымъ, и заканчивающаго собой циклъ генетически-органическаго распаденія рѣчи на ея діалектическія единицы, т. е. признаками обособленія въ средѣ языковъ «нарѣчій», будутъ особенности, относящіяся преимущественно къ полному развитію въ данный моментъ *матеріальной* стороны рѣчи. Таковыми для нарѣчій будутъ, по преимуществу, ихъ особыя «системы этимологическихъ фонемъ»—*третичной* формаціи, развившихся изъ системы *вторичныхъ* фонемъ всего языка и лежащихъ въ основѣ всего звуковаго строя нарѣчій.—Лексикальныя и грамматическія особенности составляютъ лишь дополнительныя черты индивидуальныхъ отличій родственныхъ нарѣчій другъ отъ друга.

Что же касается затѣмъ «говоровъ» того или другого нарѣчія, то они, раздѣляя общія особенности организаціи своего цѣлаго—въ лексикальномъ, грамматическомъ и этимологическо-фонетическомъ отношеніяхъ, отличаются другъ отъ друга преимущественно *системами конкретныхъ звуковъ* (и особенностями ихъ физіологическихъ измѣненій въ рѣчи), являющихся индивидуальными выразителями общихъ *звуковыхъ типовъ*, входящихъ въ составъ этимологическихъ фонемъ всего нарѣчія.

Изъ этого обзора основныхъ признаковъ лингвистической (идіалектологической) классификаціи рѣчи можно видѣть, что если вопросъ сводится на опредѣленіе однихъ лишь фонетическихъ особенностей тѣхъ или иныхъ лингвистическихъ особей, то опредѣленіе таковыхъ, въ качествѣ органическихъ признаковъ, квалифицирующихъ ихъ индивидуальность и принадлежность къ данной категоріи дѣленія рѣчи, можетъ имѣть сравнительно наиболѣе существенное значеніе лишь для такихъ особей, какъ «нарѣчія» и «говоры»; но затѣмъ и для нихъ останется еще вопросъ о морфологическихъ и

лексикальныхъ особенностяхъ, имѣющихъ также важное значеніе для ихъ индивидуальности.

Слѣдовательно, съ одной фонетической точки зрѣнія нельзя судить объ органическомъ характерѣ и генетическихъ отношеніяхъ даже такихъ лингвистическихъ особей, какъ нарѣчія и говоры.

Съ другой стороны, какой бы методъ ни оказался наиболѣе цѣлесообразнымъ въ примѣненіи къ изслѣдованію собственно фонетической стороны рѣчи, изъ этого никоимъ образомъ нельзя заключать о таковой же пригодности его и для изслѣдованія остальныхъ сторонъ ея, равно какъ и считать данный методъ обязательнымъ для всей лингвистической науки, какъ это, очевидно по недоразумѣнію, старается доказать г. Дикаревъ относительно статистическаго метода. (См. стр. 5—7). Но этимъ дѣло не ограничивается. И фонетическія явленія представляютъ также двѣ существенно различныя стороны, обусловливаемыя разнымъ характеромъ и значеніемъ ихъ въ рѣчи. Къ одной изъ этихъ сторонъ относятся звуковыя явленія *органическаго* свойства,—имѣющія значеніе для внутренняго строя рѣчи,—его характера и происхожденія, и составляющія предметъ «этимологической фонетики»; къ другой—принадлежатъ явленія *неорганическаго* характера, опредѣляющія лишь внѣшнія,—физіологическо-акустическія особенности звуковаго строя рѣчи въ каждый данный моментъ,—изученіемъ чего занимается «антропофоника», вполнѣ основательно выдѣлившаяся даже въ особую науку [1]). Звуковыя явленія, разсматриваемыя съ той и другой стороны, представляютъ величины несоизмѣримыя и имѣющія совсѣмъ иныя значенія для опредѣленія индивидуальнаго строя въ звуковомъ отношеніи тѣхъ или иныхъ единицъ лингвистическаго дѣленія рѣчи. Индивидуальный строй «нарѣчія», какъ единицы этого дѣленія, можетъ быть опредѣляемъ по существу, какъ сказано уже, только фонетико-этимологическими его особенностями. Наоборотъ, индивидуальный строй «говора», какъ составной единицы даннаго нарѣчія, оттѣняется, главнымъ образомъ, его особенностями антропофоническими.

Звуковые элементы органическаго строя цѣлаго «нарѣчія», входящіе въ общую систему его спеціальныхъ фонемъ,—это величины

---

[1]) Въ русской литературѣ особенной извѣстностію пользуются: по *общей антропофоникѣ*—трудъ проф. Крушевскаго (печатается посмертнымъ изданіемъ въ „Рус. Фил. Вѣстн.", см. № 4, 1892 г.), и по *частной антропофоникѣ славянскихъ нарѣчій*—труды проф. Бодуэна-де-Куртенэ.

только этимологическія. Онѣ устанавливаются путемъ этимологическихъ обобщеній звуковыхъ явленій даннаго нарѣчія, на основаніи общаго закона «звуковыхъ соотвѣтствій» и спеціальныхъ законовъ и фактовъ его исторической фонетики, и могутъ состоять изъ органическихъ соединеній въ одно цѣлое нѣсколькихъ, различно чередующихся въ рѣчи, *звуковыхъ типовъ*, *звукосочетаній*, или даже *общихъ показателей* тѣхъ и другихъ,—подвергающихся самымъ разнообразнымъ варіяціямъ по говорамъ, не нарушающимъ однако ихъ внутренняго принципіальнаго единства. Такова, напр., простѣйшая по своему составу (сливающаяся даже въ одинъ основной, съ двумя главными видоизмѣненіями—звуковой типъ), но весьма сложная по происхожденію,—общесѣвернорусская и общевеликорусская фонема, выражаемая формулой: $\frac{\text{е (ѣ)}}{\text{ё}}$ [1], въ словахъ: дѐнь, (=ц. сл. дьнь), легко (=ц. сл. льгъко); течь (=ц. сл. тешти), *сѣ*дло́ (=ц. слав. седло), гд*ѣ*, зд*ѣ*сь (=ц. сл. къде, сьде); *ме́*ль (=ц. сл. м*ѣ*ль), ведро́ (=ц. сл. в*ѣ*дро), зв*ѣ*зда́ (=ц. сл. звѣзда),—лёгкій, сѣдла, вёдра, звѣзды, и проч. Такова, напр., сложная по составу, но простѣйшая по происхожденію общемалорусская фонема, выражаемая формулой $\frac{\text{е-ё}}{\text{ѣ-ьô}}$, и соотвѣтствующая (съ неорганическими исключеніями) одному ц. слав. *е*, въ словахъ: течи (тёкти),—патёки,—т*ѣ*чь,—ть*о̂*к (изъ болѣе древн. т*ѣ*к) и проч. Изъ нихъ, напр., въ формулѣ млр. фонемы начертаніе *ьо̂* есть общимъ показателемъ видоизмѣняющихся въ разныхъ говорахъ, по общему фонетическому закону нарѣчія, нѣсколькихъ звуковыхъ сочетаній и звуковыхъ типовъ: *юо*, *юе*, *юі*, *їе*, *ї*, которые, въ свою очередь, имѣютъ еще по нѣскольку различныхъ произношеній каждый.

Звуковые же элементы «говора» бываютъ двоякаго рода: *этимологическіе* и *антропофоническіе* (въ тѣсномъ смыслѣ). *Первые* являются въ говорѣ частнымъ выраженіемъ общихъ діалектическихъ фонемъ, и, какъ и послѣднія, состоятъ лишь изъ *«звуковыхъ типовъ»*; таковымъ, напр. элементомъ будетъ этимологическая фонема прилуцкаго говора $\frac{\text{е-ё}}{\text{ї}}$, выражающая собой общемалорусскую $\frac{\text{е-ё}}{\text{ѣ-ьô}}$, тексти,

---

[1]) Соотвѣтствующая: *ц. сл.* ь (=общеаріоевр. *ĭ*, санскр., греч., латинс., и литовс. *i*); *ц. слав. е* (=общеаріоевр. открытому *ĕ*, скр. *a*, греч., лат. у литов. *e*); *ц. слав.* ѣ (=общеаріоевр. *ē*, скр. *ā*, греч. η, лат., лит. *ē*, и общеаріоевроп. *ăi* и *āi* (съ *a* чистымъ или закрыт.)—скр. *ē* (*ai*), *āi*; греч. αι, οι, α; лат. *ae*, *ē*, *oe*, *ū*; литов. *ai*, *ё*).

патёки, тїч, тїк, и проч. *Вторые*—представляютъ тотъ или иной специальный *конкретный нюансъ* «звуковаго типа» фонемъ; таковы, напр. въ прилуцкомъ говорѣ нюансы его звуковаго типа *е*, въ словахъ: кйне и въ немá, изъ коихъ въ послѣднемъ—*е* произносится почти какъ *и*, и проч. И такъ, одни только «говоры» (или эквиваленты ихъ «литерат. языки»), въ качествѣ конкретныхъ лингвистическихъ особей, имѣютъ соотвѣтственный-конкретный звуковой матеріалъ, поддающійся вполнѣ антропофоническимъ опредѣленіямъ. Слѣдовательно, только эти особи могутъ быть характеризованы какъ таковыя и съ этой специальной стороны.—Но затѣмъ является вопросъ, въ чемъ именно должна состоять такая ихъ характеристика? Само собою разумѣется, что она должна прежде всего заключаться въ *качественномъ* опредѣленіи всей системы антропофоническихъ элементовъ говора и въ констатированіи всѣхъ чередованій ихъ съ другими такими же элементами. Какъ на образецъ характеристикъ подобнаго рода, можно указать, напр., на «характеристики звуковъ въ слав. нарѣчіяхъ» (литературныхъ), представленныя проф. Будуэномъ-де-Куртенэ, въ его трудѣ по сравнительной грамматикѣ слав. яз. [1]). Онѣ дѣйствительно даютъ по нѣскольку любопытныхъ антропофонич. чертъ общаго свойства, характеризующихъ звуковыя системы отдѣльныхъ нарѣчій, но однако же далеко не всегда свойственныхъ имъ однимъ. Что же касается общаго антропофоническаго характера всей совокупности этихъ нарѣчій, устанавливаемаго почтен. проф. на основаніи индивидуальныхъ чертъ, одинаково свойственныхъ каждому изъ нихъ въ отдѣльности, то она, какъ и слѣдовало ожидать, вышла крайне блѣдной и довольно неопредѣленной, и не заключаетъ въ себѣ ни одной черты, которая бы не повторилась или совсѣмъ отсутствовала въ антропофонич. характерѣ другихъ языковъ. Вообще, слѣдуетъ замѣтить, что не только антропофонич. обобщенія подобнаго рода, всегда болѣе или менѣе трудныя,—по самому свойству неуловимыхъ иногда и разнородныхъ причинъ происхожденія отдѣльныхъ звуковыхъ явленій въ данномъ языкѣ,—неизбѣжно должны быть блѣдными и непредставляющими какихъ либо оригинальныхъ чертъ, исключительно характеризующихъ звуковую индивидуальность этого языка; но даже наиболѣе оригинальные изъ обобщаемыхъ антропофонич. элементовъ, въ родѣ какихъ нибудь особенныхъ звуковыхъ типовъ, свойственныхъ даннымъ нарѣчіямъ и языкамъ, не

---

[1]) См. „Рус. Фил. Вѣстникъ“ 1881 г. № 2, стр. 283—300.

могутъ рѣшить вопроса о ихъ индивидуальности и отношеніяхъ къ другимъ нарѣчіямъ и языкамъ въ общей системѣ классификаціи рѣчи. Напр., въ области слав. языка, характерный звуковой типъ *h*, свойственный впрочемъ не ему одному,—спорадически вытѣснившій и замѣнившій собою типъ *g*, соединяетъ собою слав. діалектическія особи, стоящія другъ къ другу въ самыхъ различныхъ степеняхъ родства (именно: чешско-словацкую группу, нарѣчія млрус. и б. рус., нарѣчіе верхне-лужицкое и нѣкоторые говоры в. рус. и словинскіе); и въ то же время разъединяетъ близкородственныя другъ къ другу особи, какъ нижне-лужицкое отъ верхне-лужицкаго, бѣлорусское нарѣчіе отъ в. русскаго и меньшинство говоровъ послѣдняго отъ большинства ихъ. Или, напр., полная замѣна мягкихъ *д' т'* свистящими,—свойственна одинаково такимъ разнороднымъ діалектическимъ особямъ, какъ ляшская группа (польское и лужицкія нарѣчія) и большинство бѣлорусскихъ говоровъ,—и оказывается совершенно чуждой и ближайшимъ къ нимъ и всѣмъ остальнымъ слав. говорамъ. Или же, наконецъ, появленіе въ области слав. рѣчи такого, совершенно уже оригинальнаго звуковаго типа, какъ *шепелеватое* ř (=r, rz, š) вм. мягкаго ŕ,—представляя характерный антропофонич. случай полной замѣны собою послѣдняго въ чешско-моравскомъ нарѣчіи, оказывается совершенно чуждымъ ближайшему къ нему словацкому, а также, пріобрѣтши безраздѣльное съ ŕ господство въ польско-кашубскомъ нарѣчіи, представляетъ многіе случаи чередованія съ послѣднимъ въ ближайшихъ къ нему лужицкихъ нарѣчіяхъ. Очевидно, явленія подобнаго рода,—затрудняющія и значительно обезцѣнивающія антропофоническія характеристики отдѣльныхъ нарѣчій, построенныя на обобщеніяхъ одной лишь *качественной* стороны звуковаго состава послѣднихъ,—подаютъ поводъ искать болѣе выразительныхъ и характерныхъ чертъ для нихъ—*въ количественныхъ* соотношеніяхъ ихъ звуковъ въ живой рѣчи, устанавливаемыхъ при помощи статистическаго учета послѣднихъ. Такъ, проф. Бодуэнъ-де-Куртенэ, въ названномъ выше трудѣ своемъ, заявляетъ, что «можетъ быть, нѣсколько другіе выводы получились бы черезъ сравнительное статистическое изслѣдованіе взаимныхъ отношеній звуковъ въ общемъ составѣ даннаго языка» (стр. 298). Такимъ образомъ, въ числѣ разныхъ сторонъ организаціи лингвистическихъ особей, оказывается одна сторона—фонетическая, или точнѣе—ея антропофоническая часть, въ которой имѣется, повидимому, цѣлая сфера звуковыхъ явленій, подлежащая исключительному

изслѣдованію этимъ спеціальнымъ методомъ[1]). О роли его, собственно въ примѣненіи къ изслѣдованіямъ вокализма слав. нарѣчій, проф. Б.-де-Куртенэ, говоритъ тамъ-же слѣдующее: «съ помощію статистическихъ вычисленій можно бы опредѣлить относительно болѣе или менѣе частое появленіе тѣхъ или другихъ гласныхъ или категорій гласныхъ въ отдѣльныхъ яз. славянскихъ, что могло бы послужить однимъ изъ основаній для характеристики этихъ языковъ съ антропофонической точки зрѣнія» (стр. 299). Но въ данномъ случаѣ возникаетъ вопросъ, занимавшій также г. Дикарева, хотя поставленный имъ нѣсколько иначе, чѣмъ представляется намъ его постановка. Когда рѣчь идетъ объ антропофоническомъ характерѣ даннаго *говора* (будемъ говорить только объ этой лингвистич. особи, какъ найболѣе поддающейся антропофоническимъ опредѣленіямъ), съ точки зрѣнія количественныхъ соотношеній въ немъ звуковъ, то прежде всего необходимо знать, въ какомъ именно изъ двухъ моментовъ говора имѣется въ виду проявленіе сказанныхъ звуковыхъ соотношеній въ немъ,—въ моментѣ ли *общей организаціи* (статикѣ) говора, какъ таковаго, или въ моментѣ *функціонированія* (динамикѣ) его въ живой рѣчи; такъ какъ очевидно оба эти момементы существенно отличаются другъ отъ друга. Матеріаломъ для изслѣдованія количественныхъ соотношеній звуковъ въ первомъ моментѣ могутъ, конечно, служить только общія данныя фонетики, грамматики и словаря даннаго говора; а во второмъ моментѣ—спеціальныя данныя процесса употребленія этого говора въ тѣхъ или иныхъ частныхъ случаяхъ въ живой рѣчи, слѣдовательно—данныя любаго фрагмента рѣчи на этомъ говорѣ.—Какой же изъ этихъ двухъ моментовъ предпочтительнѣе для антропофоническихъ изслѣдованій въ данномъ направленіи для того, чтобы полученные ими результаты оказались болѣе пригодными для антропофонической характеристики даннаго говора вообще, какъ самостоятельной лингвистической особи? Рѣшать этого вопроса мы не беремся здѣсь. Но не можемъ не замѣтить слѣдующаго. Филологи про-

---

[1]) Мы полагаемъ, что примѣненіе этого метода возможно и полезно было-бы также къ изслѣдованіямъ и другихъ сторонъ рѣчи. Напр., вполнѣ возможенъ и весьма интересенъ былъ-бы параллельный учетъ *словъ*, тожественныхъ по происхожденію и смыслу и одинаковыхъ по своему образованію, хотя бы въ ближайшихъ другъ къ другу слав. нарѣчіяхъ. На основаніи такого учета можно было-бы опредѣлить количественныя разницы въ употребляемыхъ этими нарѣчіями отдѣльныхъ словахъ и цѣлыхъ категоріяхъ словъ, что имѣло бы важное значеніе для опредѣленія сравнительной близости ихъ другъ къ другу въ лексикальномъ отношеніи.

бовали подвергать для этой цѣли отдѣльнымъ учетамъ звуковыя данныя и перваго момента (напр. г. П. И. Житецкій) и послѣдняго (напр. проф. Гаттала). Затѣмъ, не знаемъ изъ учета данныхъ какого именно момента слав. нарѣчій почерпнуты выводы проф. Бодуэна-де-Куртенэ въ упомянутомъ его трудѣ; но онъ говоритъ, что напр. малорусскій яз. характеризуется преобладаніемъ въ немъ гласн. *i*,—точно также и чешскій; сербско-хорватскій же—преобладаніемъ гласн. *a*, польскій—*e*, и т. д. (стр. 299). Между тѣмъ, по вычисленіямъ г. Дикарева, основаннымъ на учетѣ данныхъ отдѣльныхъ фрагментовъ или текстовъ рѣчи, факты преобладанія звуковъ въ этихъ языкахъ оказываются иные: въ прилуцкомъ говорѣ (типическомъ представителѣ малорус. или собственно-галицко-украинской рѣчи) наиболѣе преобладающимъ оказывается зв. *o*, въ сербскомъ нарѣчіи (литер.)—*i*, а въ чешскомъ и польскомъ—*e* (стр. 9, 10). Откуда же такая разница? Отъ учета ли звуковыхъ данныхъ *разныхъ моментовъ* «этихъ языковъ», или отъ учетовъ данныхъ, взятыхъ только изъ *разныхъ текстовъ рѣчи*? Тотъ или иной отвѣтъ на этотъ вопросъ для насъ въ данномъ случаѣ безразличенъ, но, судя по этимъ противорѣчивымъ показаніямъ о количественныхъ преобладаніяхъ звуковъ въ однихъ и тѣхъ же говорахъ, трудно думать вообще, чтобы на этотъ счетъ достигнуто было какое либо соглашеніе между изслѣдователями ихъ, благодаря той зыбкой и неопредѣленной почвѣ, на которой производятся эти изслѣдованія. Можно бы только сказать одно, что правильно проведенный паралельный учетъ звуковъ тожественнаго словеснаго матеріала (какого нибудь текста рѣчи) двухъ или болѣе родственныхъ говоровъ, могъ бы представить любопытныя данныя для сравнительнаго анализа акустическаго эффекта, производимаго каждымъ изъ этихъ говоровъ; что въ свою очередь могло бы, пожалуй, послужить также и къ освѣщенію того или иного загадочнаго пункта въ качественной сторонѣ звуковаго строя этихъ говоровъ. Но, чтобы учеты, предпринятые даже для этой скромной цѣли, могли имѣть серьезное значеніе, необходима предварительно всесторонняя и строгая классификація и опредѣленіе всѣхъ звуковыхъ элементовъ, заключающихся во взятомъ для учетовъ образцѣ рѣчи.—А для этого существенно важно не только то, каково общее качество даннаго звука, напр. зв. *i* въ прилуцкомъ говорѣ, а также, какія онъ представляетъ фізіологическо-акустическія разновидности въ рѣчи, какое процентное содержаніе въ рѣчи каждой изъ этихъ разновидностей и, наконецъ, съ какими звуками этотъ *i* чередуется извѣстное число разъ или замѣняетъ ихъ

собою въ произношеніи (напр. сколько разъ въ данномъ текстѣ прилуцкой рѣчи зв. *і* замѣняетъ собою зв. *е*); но далеко не безразлично и то, чѣмъ именно обусловливаются и какое фонетическое и морфологическое значеніе имѣютъ сказанныя чередованія и измѣненія (зв. *е* въ *і*), такъ какъ послѣднія въ разныхъ говорахъ бываютъ различны по существу. Возьмемъ для примѣра одно только чередованіе *і* съ *е* въ прилуцкомъ говорѣ. Въ этомъ случаѣ *ї* представляетъ разновидность, имѣющую свойство смягчать предыдущ. согласный (физіологически оно тожественно съ *ї* изъ общемалорусскаго и древн. общерус. *ѣ*, которое однако разнится отъ перваго тѣмъ, что не чередуется съ другими гласными) и отличается отъ другой разновидности *і* въ томъ же говорѣ,—не смягчающей предыдущаго согласнаго и чередующейся съ другими звуками (напр. въ словахъ н*і*с, повн*і*—изъ н*ô*съ, повн*ие*). Кромѣ чередованій съ *е*, первое *ї* чередуется также съ *и* (напр. въ *сі*-дати при *си*-діти) и является рефлексомъ (стяженіемъ) общерусскаго *іе* (въ син*і* изъ син*іе*). Собственно же чередованіе перваго *і* (которое, въ отличіе отъ втораго, обозначимъ буквой *ї*)—съ *е*, представляетъ слѣдующіе случаи:

а) Случаи статико-антропофоническаго (чисто физіологическаго) свойства, обусловливаемый только неударяемостію *е* и мягкостію предыдущ. согласнаго: въ бігай*ї*ш,—й*ї*мо и пр. (изъ бігай*е*ш,—й*е*мо, при бігае. Такое измѣненіе *е* въ *ї* крайне рѣдко въ прилуцкомъ говорѣ (и вообще ю.-рус. нарѣчіи), въ противоположность широкому развитію такого измѣненія *е* въ сѣвернорусскихъ нарѣчіяхъ (в. рус. и б. рус).

б) Случаи динамико-фонетическаго характера, обусловленные происхожденіемъ ю.-рус. *е* и позиціей его въ словѣ: въ п*ї*ч—печ*ї* (=общ. м.-рус. п*ѣ*ч—печ*ѣ*) и въ п*ї*к—пекл*á* (=др. общ.-млрус. п*ѣ*к и позднѣшему сѣв. малорус. пь*ô*к). Другой варіантъ *ї* изъ *е*, развившійся *по аналогіи* съ первымъ въ т*ї*к—течу (изъ первоначальнаго обще-млрус. т*ѣ*к, и позднѣйшаго ть*ô*к). Такое чередованіе *ї* съ *е*,—особенно въ послѣднемъ случаѣ, свойственно только одному ю.-рус. нарѣчію.

в) Случай фонетическо-морфологическаго (семазіологич.) характера, независящій отъ физіологическихъ факторовъ, дѣйствующихъ въ ю.-рус. нарѣчіи. Напр. въ л*ї*тати при *лет**ї*ти, прот*ї*кати при текти (=общ. ю.-рус. *л**ѣ*тати, прот*ѣ*кати). Такое чередованіе *е* съ *ї* (ѣ) общеславянскаго происхождерія и восходитъ къ обще-аріо-европейскому чередованію. Въ качествѣ морфологическо-семазіологическаго явленія, оно распространилось въ млр. яз. по аналогіи съ древними

случаями и на такіе, какъ: вичїсувати при чесати, даже на такіе, какъ голїсенький (совершенно голый) при голесенький (голенькій), и проч. Въ сѣв. русскихъ нарѣчіяхъ это чередованіе изчезло вслѣдствіе смѣшенія *ѣ* съ *е*, отсюда: летать и летѣть, протекать и течь и проч.

Полагаемъ, что и этихъ примѣровъ достаточно, чтобы видѣть, какое требуется обстоятельное разграниченіе случаевъ повидимому тожественныхъ звуковыхъ явленій для того даже, чтобы произвесть точный сравнительный анализъ одного лишь акустическаго эффекта, производимаго звуковыми повтореніями въ двухъ параллельно учитываемыхъ фрагментахъ рѣчи, напр. въ фрагментахъ рѣчи прилуцко-малорусскаго и воронежско-в.-русскаго говоровъ, и не смѣшать въ этомъ анализѣ явленій совершенно въ сущности разнородныхъ и несоизмѣримыхъ. Что же касается пользы отъ анализовъ подобнаго рода для лингвистической науки вообще и для опредѣленія, хотябы звуковой индивидуальности и діалекталогическихъ соотношеній изслѣдуемыхъ съ этой специальной стороны говоровъ, то этотъ вопросъ слѣдуетъ считать открытымъ.

Вотъ все, что мы считали найболѣе необходимымъ сказать, въ видахъ посильнаго уясненія вопросовъ, затронутыхъ трудомъ г. Дикарева. Спеціально историческій характеръ журнала, въ которомъ помѣщается эта статья и обязательныя для нея рамки, и такъ уже очевидно нарушенныя нами, не позволяютъ намъ развить наши соображенія и мысли по этому предмету въ должной полнотѣ и ясности, требуемой самой сущностью дѣла. Но если намъ удалось хоть сколько нибудь пополнить пробѣлы въ разъясненіи сказанныхъ вопросовъ, допущенные рецензентами на трудъ г. Дикарева, то мы будемъ считать свою цѣль вполнѣ достигнутой. Въ заключеніе, намъ остается еще одно только сказать, что обнаруженная авторомъ этого труда степень начитанности въ литературѣ своего предмета и умѣніе его критически относиться къ утвердившимся въ наукѣ положеніямъ, касающимся этого предмета, а равно и любопытныя наблюденія, сдѣланныя г. Дикаревымъ надъ нѣкоторыми характерными особенностями малорусскихъ и в.-русскихъ говоровъ, не даютъ права, вслѣдствіе одной лишь неудачности его статистическихъ экспериментовъ, произносить такіе приговоры о филологическихъ познаніяхъ и наблюденіяхъ автора, съ какими мы встрѣчались въ критическихъ отзывахъ о его трудѣ. Тѣмъ болѣе, что самъ авторъ неоднократно заявляетъ, съ преувеличенной иногда даже скромностію, о своей неопытности, говоря, что его трудъ «есть посильная только лепта скромнаго наблюдателя,

желавшаго сознательно отнестись къ явленіямъ, которыя, какъ говорятъ, сами напрашиваются на вниманіе изслѣдователя, (стр. 54). Наблюдательность и сознательное отношеніе автора къ заинтересовавшимъ его авленіямъ дѣйствительно вездѣ замѣтны въ его трудѣ, и слѣдуетъ только пожалѣть, что излишнее увлеченіе автора статистическимъ методомъ помѣшало ему дать гораздо болѣе цѣнное изслѣдованіе этихъ явленій, котораго по многимъ даннымъ вполнѣ можно было ожидать отъ него.

К. Михальчукъ.

Памятная книжка Воронежской губ. на 1893 г. Составилъ членъ-секрет. Статист. Комит. Ст. Звѣревъ. Воронежъ 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

Съ внѣшней стороны книга производитъ довольно непріятное впечатлѣніе, вслѣдствіе крайне плохаго качества бумаги, напоминающей пропускную и потому затрудняющей чтеніе и утомляющей глаза. Недостатокъ этотъ—довольно существенный, по нашему мнѣнію, и трудно объяснимъ въ виду такой цѣны, какъ 1 р. 25 к. за книгу. Со стороны содержанія, напротивъ, впечатлѣніе получается благопріятное: книга даетъ довольно обстоятельныя и подробныя свѣдѣнія и представляетъ въ общемъ полную картину народной жизни, какъ города Воронежа, такъ и всего воронежскаго края. Состоитъ она изъ четырехъ отдѣловъ: справочнаго, статистическаго, научно-литературнаго и адрессъ-календаря служащихъ лицъ съ азбучнымъ указателемъ къ нему. Изъ справочнаго отдѣла узнаемъ, что въ воронежской губ. дѣйствуютъ два общества сельскаго хозяйства на правахъ отдѣловъ Московскаго сельскохозяйственнаго общества: въ г. Воронежѣ съ 15 марта 1873 г. и въ городѣ Острогожскѣ съ 16 ноября 1884 г. съ женскимъ отдѣленіемъ; въ первомъ числится въ настоящее время 211 членовъ, а во второмъ—91; кромѣ того, имѣется три низшихъ профессіональныхъ училища, изъ которыхъ одно—Хрѣновское—лѣсное, а другое—рукодѣльное для дѣвочекъ въ г. Острогожскѣ. Статистическая часть состоитъ изъ 13 статей, почти всесторонне обрисовывающихъ состояніе воронежской губ. преимущественно въ торговопромышленномъ отношеніи; приложенъ и азбучный списокъ всѣхъ населенныхъ мѣстъ, имѣющихъ церкви, съ указаніемъ, когда и изъ чего построены эти послѣднія, а также количества прихожанъ и церковной земли; всѣхъ церквей въ губерніи оказывается 1019—изъ нихъ въ Воронежѣ 26, да въ Острогожскѣ—8; жаль, что не приве-

денъ итогъ, изъ коего можно было бы видѣть, сколько церквей—каменныхъ, а сколько деревянныхъ, что, до извѣстной степени, можетъ служить показателемъ той или другой степени зажиточности обывателей.

Изъ таблицъ статистическаго отдѣла любопытны, между прочимъ, тѣ, которыя составлены Лѣсоохранительнымъ управленіемъ; изъ нихъ, наприм., мы узнаемъ, что подвергнуто взысканіямъ за нарушеніе лѣснаго устава въ 1891 г. всего 1490 лицъ сельскаго состоянія и 46—другихъ сословій. Училищъ разныхъ наименованій состояло въ губерніи 924 съ 62951 учащимся, изъ коихъ мальчиковъ было около 85%, дѣвочекъ же 15% съ лишнимъ. Въ теченіе года прибыло 59 училищъ и 5777 учащихся обоего пола; можно пожалѣть, что не указано отношеніе числа учащихся дѣтей ко всему ихъ числу, т. е. числу всѣхъ дѣтей школьнаго возраста, и не показано, сколько было бы еще необходимо открыть училищъ, чтобы сполна удовлетворить всю потребность въ грамотности, т. е. чтобы въ нихъ нашли возможность учиться всѣ дѣти школьнаго возраста.

Отдѣлъ научно-литературный состоитъ изъ девяти статей; изъ нихъ болѣе замѣчательны работы г. Маркова Е. Л. (Кольцовъ, какъ народный поэтъ, Старая Донская пустынь и Донецкій козачій городокъ), Воскресенскаго Н. В. (Историческій обзоръ дѣятельности Воронежскаго статистическаго комитета), Федяевскаго К. К. (Валуйская старина), Звѣрева С. Е. (Воронежскія древности; заключаетъ въ себѣ статистич. данныя о находкахъ древнихъ каменныхъ и бронзовыхъ издѣлій въ воронежской губ. съ 1863 по 1893 г.). Къ послѣдней статьѣ приложенъ и листъ съ шестью фототипическими изображеніями древнихъ каменныхъ и бронзовыхъ издѣлій, найденныхъ въ воронежскомъ краѣ. Всѣ названныя работы вообще довольно любопытны и свидѣтельствуютъ о значительномъ подъемѣ научной любознательности среди воронежцевъ, чего, разумѣется, нельзя не привѣтствовать отъ всего сердца. Статья г. Маркова о Старой Донской пустыни и Донецкомъ казачьемъ городкѣ (125--157 стр.) особенно пріятно дѣйствуетъ на читателя тою живостью и своеобразностію описанія, которая такъ присуща этому писателю и обычно встрѣчается во всѣхъ его путевыхъ очеркахъ; эта живость не особенно страдаетъ даже отъ обильныхъ лѣтописныхъ и другихъ выписокъ, которыми уснащена статья.

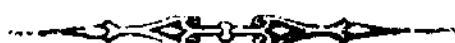
Любопытная работа г. Воскресенскаго развертываетъ передъ нами картину, правда, медленнаго, но оказавшагося въ концѣ концовъ

довольно прочнымъ, развитія дѣятельности Воронежскаго статистическаго комитета, теперь столь привившагося въ мѣстной жизни и живучаго... Комитетъ, въ качествѣ административно-ученаго учрежденія, открылъ свои дѣйствія, повидимому, не ранѣе 1836 года (точныхъ данныхъ о началѣ его открытія не имѣется), хотя дѣло объ открытіи его началось еще въ 1835 г. Первымъ дѣломъ комитета было—составить описанія городовъ: губ. Воронежа (исполнено въ 1837 г. учителемъ словесности въ гимназіи Н. М, Савостьяновымъ) и уѣздныхъ: Острогожска, Новохоперска и Павловска (поручено учителямъ уѣздныхъ училищъ); для образца описаній были присланы въ комитетъ статистическія обозрѣнія городовъ—Владиміра Залѣсскаго и Мурома. Послѣ того ученая дѣятельность комитета, повидимому, замерла до 1853 года, и комитетъ, кажется, пересталъ даже и собираться, и вести какіе бы то ни было дневники своихъ занятій. Съ 1853 г. начинается новая жизнь комитета, пробужденнаго отъ долгой спячки и пополнившагося нѣсколькими новыми дѣятельными членами изъ мѣстныхъ учителей и другихъ учено-литературныхъ силъ, а также было приглашено въ члены—корресподенты нѣсколько лицъ, которыя могли быть полезны своими пожертвованіями: купцовъ, помѣщиковъ и т. п. Были пріобрѣтены необходимыя для статистическихъ занятій книги, русскія и иностранныя, карты и пр. Пожертвованій и взносовъ въ разное время поступило болѣе 1000 р. Скоро стали появляться въ значительномъ количествѣ и ученые труды разныхъ лицъ, касающіеся Воронежскаго края въ разныхъ отношеніяхъ. Одинъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ Н. И. Второвъ затѣялъ даже крайне тяжелые въ то время, особенно по новизнѣ дѣла, хлопоты о разрѣшеніи начать ежегодное изданіе «Памятной книжки» Воронежскаго края; хлопоты увѣнчались успѣхомъ, подъ условіемъ представленія наборныхъ листовъ книги въ Московскій цензурный комитетомъ (а статистическій комитетъ просилъ, во избѣжаніе замедленія разрѣшенія самому цензуровать свое изданіе! Для ясности не забудемъ, что предсѣдателемъ комитета состоитъ, какъ извѣстно, начальникъ губерніи, да и члены его—въ большинствѣ, лица правительственной службы, въ родѣ директора училищъ, врачебнаго инспектора, предсѣдателя казенной палаты и. т. п.). Въ 1856 г., наконецъ, вышла первая Воронежская «Памятная книжка», послужившая образцомъ для дальнѣйшихъ такихъ же книжекъ и доставившая не мало успѣха просвѣщеннымъ мѣстнымъ участникамъ ея. Книжка имѣла вообще успѣхъ и была принята мѣстнымъ обществомъ съ особеннымъ вниманіемъ; удачное же ея исполненіе засвидѣтельство-

вано обширнымъ отзывомъ по существу, присланнымъ изъ Главнаго статистическаго комитета. Къ сожалѣнію, за выѣздомъ Второва изъ Воронежа, памятныя книжки появлялись уже съ значительными перерывами и какъ бы случайно: въ 1861 г , 1863—4 г., 1865—6 г., 1871 г., 1875, 1878—9 г. и т. д. Въ восьмидесятыхъ годахъ была осуществлена г. Л. Вейнбергомъ и давнишняя мысль Второва объ устройствѣ въ Воронежѣ музея, для котораго теперь предоставлено городскою думою и сносное помѣщеніе. Въ 1886 г., по поводу исполнившагося трехсотлѣтія города Воронежа, былъ изданъ Статистическимъ комитетомъ огромный—въ 1500 стр.—Сборникъ (Воронежскій юбилейный) со многими дѣльными и обстоятельными статьями, обрисовавшими Воронежскій край въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ.

Теперь дѣло Воронежскаго Статистическаго комитета вполнѣ упрочено; онъ пользуется сочувствіемъ мѣстнаго населенія, обезпеченъ научно-литературными силами, что и замѣчается на издаваемыхъ имъ «Памятныхъ книжкахъ», напр. за 1887 г. и особенно 1891 г. Исполнившееся въ 1885 г. пятидесятилѣтіе существованія Комитета ничѣмъ не было ознаменовано, о чемъ нельзя не пожалѣть.

А. Степовичъ.



окулистовъ, и командировать ихъ въ разныя мѣстности Россіи, для подачи нужной помощи страдающимъ глазными болѣзнями; но, не имѣя на это свободныхъ средствъ, Попечительство обращается къ частнымъ благотворителямъ съ просьбою оказать ему свое доброе содѣйствіе къ спасенію людей отъ слѣпоты. Приношенія принимаются въ С.-Петербургѣ, въ Канцеляріи Попечительства Императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ (Большая Конюшенная, № 1, кв. 24), у Предсѣдателя Совѣта Статсъ-Секретаря Грота, въ томъ же домѣ, и у члена Совѣта Николая Павловича Забугина (Департаментъ Таможенныхъ Сборовъ).

волно купавшись повернулисмося въ лагеръ, а ездили до мостовъ, на рѣчцѣ Ажъбудамъ построенних, и видѣли оную отъ вчорайшихъ дожчовъ отъ горъ прибавившуюся, которая знову начала умалятись. Вѣдомо учинилося отъ офѣцера зъ Дербенту повернувшогося, что фонъ Лукей сегодня заранння прийшолъ туда и сего жъ дня мѣли оттуду болніе всѣ висланни бути. Получилемъ листъ отъ Алексѣя, зъ Сулаку писанній, въ якомъ ознаймуетъ, что Демянъ 12-го юня пріехалъ въ Сулакъ зъ рѣчами, якіе ему купить казано, и что въ квартирѣ все добре поводится. Зъ полковникомъ Еропкиномъ и другими игралемъ въ карти безъ проиграшу.

Середа 22. П. Михайло и протчіе пріехали зъ Дербенѣ въ лагеръ, такъ же и коменда съ болними, тамъ остававшимися. Рушилисмо назадъ къ Сулаку тимже путемъ и, увойшовши верстъ зъ 17, перейшли рѣчку, которую передъ тимъ переходили 3-го юня и тутъ стали лагеромъ.

Четверъ. 23. Сегодня рушилисмо, зъ вчорайшого ночлѣга, рано и въ обѣдной годинѣ прійшли къ мѣстцу тому, где прошлого 2-го юня стоялисмо, и тутъ постановилисмося лагеромъ. По обѣдѣ, знову оттуду рушилисмо и перейшовши черезъ гору, спустились внизъ и стали лагеромъ тамъ, где стояли мая 31-го. Зъ Сулаку зъ писмами татаре пріехали и тутъ первая вѣсть о Гилянѣ.

Пятокъ. 24. Сегодня, зъ вчорайшого ночлѣга, рушилисмо и перейшовши черезъ мостъ каменний, неподалеку отъ Буднакъ, въ ровѣ будучій, прийшли къ рѣчцѣ Карантацкой и оную въ бродъ перейшовши, стали заразъ лагеромъ. Виездилъ противъ насъ владѣлецъ буднацкій навстрѣчъ и, опровадивши насъ до становиска, отехалъ.

Субота. 25. Сегодня рушившися зъ вчорайшого ночлѣга, ишли до 11-го часа и прийшовши къ Таркамъ, сталисмо лагеромъ. Зъ Сулаку вѣдомо учинилося, что полученъ тамъ ордеръ отъ генерала Матюшкина повторній, о присилкѣ въ Астрахань п. Михайла.

Неделя. 26. Сегодня рано рушилисмося отъ Тарковъ и, увойшовши верстъ зъ 15, сталисмо лагеромъ на другой сторонѣ Кумтаркалской рѣчки, перейшовши черезъ оную брудма, которая была

глубиною по черево коневи. Получилемъ пакетъ зъ дому 25-го марта, а зъ Рибного 4-го мая отправленний, а въ ономъ писма: 1) отъ родителя, что Веляминовъ нинѣ генералъ маіоръ; прокуроромъ въ коллегіи малор. капитанъ гвардіи Макшѣевъ; 2) отъ родителки зъ матернимъ поздравленіемъ; 3) отъ брата Семена зъ поздравленіемъ; 4) отъ жени, что воли везде пали зимою, въ Сварковѣ хата молодецкая и пекарня здѣланни и станя (конюшня) покривается и что минуціи ко мнѣ посилаются, также и казанне отъ архіепископа новгородского Прокоповича присланное, и что братъ ея, Андрѣй (Полуботокъ) по дѣлу зъ ними не учинилъ и въ селѣ отказалъ, якое уступалъ прежде.

Понеделникъ. 27. Сегодня рано барзо генералъ Шереметевъ и мы, оба зъ п. Михайломъ при немъ, поехали до Сулаку и пріехали въ крѣпость передъ обѣдомъ, когда зъ пушокъ 3-хъ стрелено, честь отдаючи генералови. П. Михайло получилъ листъ, отъ Матюшкина къ нему писанний, о пріездѣ его въ Астрахань. Григорій Гудимъ, служившій мнѣ, померъ, которого пріехавши я засталемъ, что на марѣ несенъ мѣлъ бути. Засталемъ пріехавшихъ зъ дому Кулика и Бардаченка, которіе мнѣ подавали писма, такъже и Демяна засталемъ, зъ Астраханѣ пріехавшого, а о писмахъ черезъ нихъ привезеннихъ юля 1-го упомянуто. Особливе засталисмо зде пріехавшого зъ С. П. Бурху генерала маіора Дебринея и полковника Дебринея зъ Гиляни повернувшогося, и двохъ бунчуковихъ товарищей, зъ Астраханѣ самохотно пріехавшихъ, Василя Томару и Федора Ширая.

Вовторникъ. 28. Сегодня рано былемъ у генераловъ обоихъ и листи отъ родителя поотдавалемъ. Указъ принесенъ—яитскихъ козаковъ отпустить всѣхъ въ доми ихъ, на Яикъ, безъ смѣни, ради Каракалпаковъ, повставшихъ на нихъ и чорнихъ калмикъ. Полковъ 5, маршировавшихъ зъ верху сюда, удержано: 3 въ Лказанѣ (?), а 2 въ Астраханѣ имѣютъ остоятися, сказивалъ Неклюдовъ. Былъ я у Еропкина, который сказивалъ, что принесенъ указъ зъ военной коллегіи: лошадѣ, доставшіеся въ партіи Еропкина, собрать отъ всѣхъ на государя и чтобъ подъ пѣшихъ козаковъ купить здѣсь лошадѣ для походу. У полудень былъ у нашей квартирѣ п. обозний при-

луцкій зъ своими старшинами и Панченкомъ, который показивалъ писмо, что въ Малой Россіи колегія зъ бунчуковихъ, которіе сами въ походъ низовій не пойшли, доправила со всякого по 100 р., между которими и Захарій прилуцкій, бывшій комисаромъ, заплатилъ въ колегію. Былемъ у лазнѣ и милемся у Мерзлюкина. Получилемъ листъ отъ п. Федора (Марковича) и Якубовича, что они получили вѣдомость зъ Украини, будто, по репорту Еропкина, въ которомъ они неявившимися чили збѣгшими написани, доправляютъ на домахъ ихъ по 100 р. зъ коллегіи и онихъ тамъ искано везде, на что Еропкинъ иное говоритъ, же онъ никогда п. Федора не виключалъ отъ явившихся и присилалъ ко мнѣ компутъ всей команди бунчуковихъ явившихся, где и п. Федоръ написанъ.

Ст. ап. Петра и Павла. Середа. 29. Сегодня, по службѣ Божой, кушалисмо у себе зъ Худолѣемъ, а по обѣдѣ сидѣли у Дебринея, где и до полночи прогуляли. Подалемъ доношеніе на имя Шереметева генерала, писанное Еропкину, о болѣзни моей, чтобъ мнѣ отпущену быть въ Астрахань ради излеченія.

Четверъ. 30. Сегодня обѣдали генерали оба и штапъ офѣцери у генерала маіора Дебринея Петра Петровича, где и я обѣдалъ же, а то для того, что онаго вчера именини были. Былъ я у полковника Еропкина, где видѣлъ указъ зъ тайного верховного совѣту, мая отправленній до генерала поручика Матюшкина, въ которомъ тое означено, что получена вѣдомость у двору зъ Константинополя, 1-го апр. отпущеная, что генералъ маіоръ Румянцовъ для розграничованія въ Ширванскую провинцію мѣлъ отправленъ быти 29 апр., Чорнимъ Моремъ до Трапезонта, а оттуду землею въ Ширванію, чего ради генералу князю Долгорукову велено поспѣшать въ Гилянъ и чтобъ для нерекгулярнихъ малороссійскихъ и слободскихъ козаковъ, которіе пѣшіе стали, лошадѣ въ партіи Еропкиномъ взятіе 564, а розданіе, отобрани были знову, а отдани пѣшимъ козакамъ, а въ дополненіе купить бы зде у аулнихъ татаръ, или где возможно, поблизу зъ низовыхъ приходовъ, для дракгунъ же въ низовыхъ гварнѣзонахъ будучихъ, отправлени лошадѣ зъ Казанѣ покупки полковника Тараканова, зъ подполковникомъ Антоновимъ и

другими числомъ 6900 зъ лишкомъ; нерекгулярнимъ же войскамъ и полковнику фонъ Лукею и маіору Гарбару и бунчуковимъ, когда писать будетъ генералъ Румянцовъ, слѣдовать къ нему со всякимъ поспѣшеніемъ. Лекари Масъ, Гакъ и другіе приходили ко мнѣ осмотривать болезни моей, чтобъ имъ атестатъ дать о моей болезни. Кандиба и другіе были у насъ и обявили, что вчора дали доношеніе генералу Шереметеву о посилцѣ въ С. П. Бурхъ двоихъ товарищей бунчуковихъ зъ прошеніемъ объ отпуску, и Томара былъ шуменъ и.... (?). Демянъ купилъ комору на табакъ за 20 р.

Юль мѣсяць. Пятокъ. 1. Сегодня принялемъ elektuarium laxativum и sedes доволно имѣлемъ. Доводившіеся денги Заборовскому отъ мене 100 р. отдалемъ сегодня, вилѣчивши за судно и коня 12 р., итого отдалемъ 88 р. Особливе Худолѣеви его доводячіеся денги 44 зол. отдалемъ Вѣжевскому, на росходъ общій и партикулярній далемъ по 4 р. П. Михайло позиченнихъ у мене 3 червонихъ отдалъ мнѣ. Григорію шаргородскому подарилъ я 23 р., доводячихся отъ его мнѣ въ доплатку за куфу гор., взятую за 85 р. Прошлого юня 27-го числа положено въ нумерѣ 4-мъ, что зъ Астраханѣ Демянъ, а зъ дому Остапъ Куличенко, да Бардаченко пріехали, а зъ чимъ означается зде, писма: 1) отъ архиерея Горки, отвѣтное на листъ мой, что посланъ листъ намъ до архиепископа Новгородскаго зъ его *интерцессіею;* 2) отъ Полянского, зъ увѣдомленіемъ о его отездѣ сюда; 3) а привюзъ онъ, Демянъ, зъ собою тютюну 13 бочокъ и барилъ 2, да кулей 48, вина красного церковного ğаліонковъ 27 и пол., а ğаліонокъ по полкопи, отцу вѣдеръ 2 за 80 алтинъ. А черезъ Кулика привезени писма: 1-mo, отъ ясневелможной, зъ виражениемъ того, что многократно писала о насъ до Петра Андрѣевича и что присилаетъ при сей окказѣи водки бутилокъ 3, вѣтереи, персиковой и крипителной, и вина барило волоского, а другое полинкового; 2-do, отъ родителя, о присилаючомся сюда запасу столовомъ, которого и реестръ особливий приложенъ, и что дочъ менщая самая моя Маруся преставилася, и чтобъ гостинчикъ дать Кропотову, Шереметеву и Дебринею; 3-tio, отъ жени о томъ, что 1) позичила церковнихъ 100 р. на спора-

женне виправи, 2) посилаетъ сюда кошуль паръ 2, спалень 2, хустокъ 2 пари и юпочку, и пявокъ пляшку, и о протчемъ реестръ приложенъ; 3) винниця въ своемъ порадку обрѣтается; 4-to, отъ Столповского 3 писмѣ зъ поздоровленнемъ и что онъ при судовихъ дѣлехъ обрѣтается; 5-to, отъ Кондзеровского зъ поздоровленнемъ же; 6-to, отъ п. судіиной оиер. въ такой же силѣ; 7-mo, отъ Василя Жуковского зъ поздравленіемъ и что посилаетъ ко мнѣ барило вишніовки переваруваной; 8-vo, отъ Несторовича зъ поздравленіемъ страннимъ; 9-no, отъ п. Семена брата въ такой же силѣ и что братъ п. Андрѣй боленъ; 10-mo, отъ родителки зъ поздравленіемъ матернимъ и что пару хустокъ посилается; 11-mo, отъ Орановского въ такой же силѣ, зъ поздравленіемъ; 12-do, отъ Нелидова, что посилаетъ сюда брату своему Рязанского полку вахмистру Семену Хомунскому водку и сало,—13-tio, отъ брата п. Андрѣя зъ поздоровленнемъ; 14-to, отъ Греченка, старости бурумского, что сина его Заборовская пеняетъ за 100 р., синомъ его сюда къ сину ея Заборовскому посланніе; 15-to, отъ родителя, что посилается сюда горѣлка род. для продажи, а если нужда будетъ мнѣ въ денгахъ, то взять бы мнѣ у Залюбовского и Кулика 30 червонихъ и 300 зол.—Григорію Гамалѣи позиченнихъ грошей 3 р. отдалемъ.

Субота. 2. Сегодня рано былъ я у генераловъ Кропотова, Шереметева и Дебринея, и у полковника Дебринея и у Еропкина, а обѣдалисмо у себе зъ Григорашомъ и Худолѣемъ. Были мы у вечеру у генерала Кропотова и пожекгнали его, а онъ намъ подавалъ патентъ, подорожную и писмо къ генералу въ Астрахапь. Тако жъ были у Шереметева, Лѣцкина, Еропкина, Фонстрала и зъ ними пожекгнались.

Неделя. 3. Сегодня рано были мы оба у генераловъ Кропотова, Шереметева и Дебринея, тако жъ у полковниковъ Дебринея, Лѣцкина, Еропкина, и Фонстрала, и со всѣми попростились. Обѣдали у Миклашевскихъ, а по обѣдѣ шлюпкою генерала Кропотова, зъ 12 гребцами поехалисмо, оба купно зъ лекаромъ Московского полку Якимомъ Масомъ, и, пріехавши въ лагеръ, почовалисмо у куренѣ Борзенъ (Бороздиъ). Поправилемъ писма отъ нашихъ писан-

ніе до Матюшкина. Инструкцѣи 2 далемъ слугамъ своимъ Демяну и Алексѣю, всякому зъ особна, Демяну въ помощъ и послушаніе отдани Андрушко и кучеръ, а Алексѣеви Іванъ машталѣръ, да овчаръ, а Федоръ стрелець, да Юско машталѣръ, зъ коими до Астраханѣ мѣютъ отправитись.

Понеделокъ. 4. Сегодня рано писалемъ до Худолѣя писмо, чтобъ онъ имѣлъ надзираніе надъ слугами моими и которій би скосировалъ (?), смирилъ би того. Попростившись зо всѣми, рушилисмо въ путь свой до ретранжаменту и пріехавши до нижней станицѣ, тутъ обѣдалисьмо, а пообѣдавши поехали оттуду и пріехали по заходѣ слонца въ ретранжаментъ, где зъ Масомъ былъ я у Глазатова маіора, а ночовалисмо на отведенной намъ за крепостю квартерѣ.

Вовторникъ 5. Сегодня пробивалисмо тутъ въ ретранжаментѣ того ради, что вчорайшого дня прийшовший сюда шерботъ, передъ нашимъ пріездомъ, отойшолъ въ Астрахань, а ластовое судно, прійшовшое вчора жъ зъ багажемъ гадяцкого полку бунчуковихъ и полковниковъ, настоящого и наказного, невигрузовалось. Бекичевъ, прапорщикъ, рано, а порутчикъ Витъ у вечеру, пріехали сюда, слѣдучіи въ Астрахань.

Середа. 6. Сегодня обѣдали у нашей квартерѣ маіоръ Глазатовъ и провіянтъмейстеръ Кмитъ и другіе, а по обѣдѣ въ ластовое, сегожъ дня вигруженное, угрузившись, пойшли въ путь свой, понеже вѣтеръ отчасти служилъ намъ боковій; и такъ всю ночъ ишли.

Четверъ. 7. Сегодня тако жъ погодою ишлисмо, аже зъ сторони вѣтеръ вѣялъ, того ради жестоко насъ на суднѣ хитало. Пріехали къ туленіому острову, где мало остоялисмося, поколь бацманъ и Масъ, зъ матросами ездившіе къ острову ради покупки у ловцовъ риби, повернулись назадъ, для того знову до ночи ишлисмо, а въ ночѣ, перемѣнившомуся вѣтру, стали на якорь.

Пятокъ. 8. Сегодня рано показался намъ въ помощъ вѣтеръ и мы, поднявши всѣ 4 паруси, по прежнему рушили, а передъ полднемъ увидѣли 4 бугра и чернѣ по лѣвой сторонѣ.

Субота. 9. Показалась намъ отчасти въ помощь погода и мы, рушивши, минули 4 бугра, у право намъ бывшіе, а узкимъ мѣстомъ

поузъ оніе прийшовши, прийшли у вечеру къ Яркамъ и при самомъ устю Волги стали на якорѣ, а мы два зъ Масомъ лодкою передомъ пріехали въ Ярки и, бывши у капитана Ренгеля, знову пріехали на судно и тутъ ночовали. Наняли двое суденъ по 60 а. передомъ для себе, маркитанскихъ.

Неделя. 10. Рано повидавшись зъ провіянтмейстеромъ Бруховимъ, рушилисмо въ путь свой оба зъ п. Михайломъ и зъ третимъ Масомъ, а едучи, заездили до Урусламъ учуги (?) государевого, где у попа просидѣли довольно, а оттуду поехавши паркомъ, уехали верстъ зъ 10, а отъ яркова верстъ зъ 30, и стали на ночъ на лугу, при березѣ, где безчисленное множество комарей сѣроватихъ видѣли, отъ которихъ, за множество ихъ, звукъ, подобній жабамъ, слишанъ былъ.

Понеделокъ. 11. Сегодня рушивши зъ ночлѣга своего, пріехали якби верстъ за 10. къ Іванчугу, Троецкого Сергіевского монастира такъ називаючойся, постоявши тамъ мало, уехали верстъ зъ 5 и пріехавши до бичевой, тутъ поспѣшнѣ ишли, а потомъ, показавшомуся въ помощъ вѣтру, рушивши пріехали въ Астрахань, при заходѣ слонца, и на прежней сталисмо квартерѣ. Гаврило слуга п. Михайла, отправленній отъ насъ зъ Сулаку марта 10-го, пріехалъ сюда и явился намъ и подалъ писма: 1) отъ родителя, марта 3-го отправленное, о его битности въ Лубняхъ и чинячомся межованню между Андрѣевкою; 2) отъ родителки, зъ поздравленіемъ; 3) отъ родителя о томъ, что зехалъ онъ зъ Андрѣевки отъ жалю единого, видя неправдивое межованне [1]); 4) отъ жени, о стадѣ конскомъ въ Перервинцяхъ зхудавшомъ и объ отправѣ слуги Тараса, и что Василь господарь безопасенъ есть отъ помѣщика, отзивавшогося за нимъ; 5) отъ Несторовича зъ поздравленіемъ. Да явилися жъ мнѣ Залюбовскій и Федоръ Юрченко, который подалъ писма: 1) отъ отца Островского зъ привѣтомъ, 2) отъ Якова Дуброви, что онъ виправу спорадилъ, 3) отъ Василя, господаря, о строеніи Сварковскомъ.

---

[1]) Андреяшевка въ эго время принадлежала генералу Вейзбаху.

Вовтор. 12. Сегодня увѣдомился я, что князь Долгорукій, Василій Володимерович, генерал полній, пріехал сюда в Астрахань послѣдних чисел юня. Был я у Полянского и обѣдалисмо у себе зъ Якубовичом, Масом и дворецким губернатора Фоминдина. Получил я лист от ясневелможной зъ приложенним другим листом о нас, писанним до генерала Шереметева, зъ подякованном за его к нам благосклоненіе показованное.

Середа. 13. Сегодня рано были мы у генерала Матюшкина, а оттуду у князя Долгорукова, где и обѣдалисмо. По обѣдѣ заходил я до Івановского, а оттуду у архиерея, где и долго просидѣлем.

Четвер. 14. Сегодня был у нас Миклашевскій Стефан, зъ которим и обѣдалисмо, а по обѣдѣ, надвечер были у Івана Івановича Волфа, атютанта генерала Матюшкина, а оттуду у самого генерала, где и до ночи просидѣли.

Пяток. 15. Сегодня рано были у нас п. Федор дядко, Ракович и Іван Новѣцкій, и обѣдали у нас. Был же и Каневскій. У Архипа отобралем денег 178 р., межи которими горѣлчаних 111 р., тютюнних 61 р., а якорних 6 р., на что ему и квитанцію далем. У Залюбовского отобралем 30 червонних.

Субота. 16. Сегодня рано был я у губернатора здешнего Івана Алексѣевича Фомендина, где, не доходя его палат, зъ полковником Бринеем, пріехавшим сегодня зъ крѣпости ст. Креста, видѣлся; оттуду заездилем до Стефана Миклашевского, а оттоль до своей квартири новоотведенной; у Миклашевского жъ и обѣдал, а на квартеру сегодня стали мои перевозитись.

Неделя. 17. Сегодня рано был я у генерала Матюшкина, где, по службѣ Божой, и кушал; по обѣдѣ заходил до штап лѣкара, а оттуду в свою прійшол квартиру.

Понеделок. 18. Сегодня обѣдалисмо вкупѣ зъ Масом и другим лѣкарем, и зъ Якубовичем, а по обѣдѣ ездил я до новой квартери своей. Смотр был чинен офѣцерам, а по смотру, отставка многим, а явитись бы отставним у Пѣтербургѣ.

Вовторник. 19. Сегодня обѣдали у нас п. Федор Ракович, Дорошенко, Панкевич; потом ездил я до Дебринея пол-

ковника, у которого увѣдомился о его отездѣ въ Сулакъ, при князю. Оттуду былъ я у архиерея, а оттоль у Полянского. Другій день гучили отъ половини третего, якъ стало у мене горло болить. Грузинъ за караулъ взятъ, а за другимъ поехалъ Іванъ Полянскій въ Ярки; сказивалъ Любимъ Полянскій.

Середа. 20. Сегодня никуда зъ дому, за горловою болѣзнію, я не виходилъ. Зъ Сулаку пріехали зъ чолобитною Андрей Миклашевскій, да Федоръ Чуйкевичъ, да пріехали жъ Панченко, Яковъ Карпѣка.

Четверъ. 21. Сегодня были у насъ Миклашевскіе оба, п. Федоръ дядко, Раковичъ, Голенковскій, Якубовичъ, а нѣкоторіе отойшли, а нѣкоторіе и обѣдали, а я прошеніе до князя переправилъ. Вѣжевскому на росходъ далемъ 10 р., а за калянъ срѣбній Димитрію далемъ 23 р. Пива зъ двохъ четвертей овса зварить казалемъ Гаврилови. Полковникъ Еропкинъ зъ Сулаку пріехалъ въ Астрахань.

Пятокъ. 22. Сегодня никуда я не ходилъ, а кушали у себе зъ Якубовичемъ. Дебриней полковникъ былъ у насъ и, посидѣвши доволно, отойшолъ. Онъ же сказивалъ, что Александръ Івановичъ (Румянцевъ) писалъ зъ дороги своей въ Персѣю отъ Константинополя, до Михайла Афанасіевича о себѣ.

Субота. 23. Сегодня передъ обѣдомъ билъ я у аттютанта Матюшкинового Вулва, оттуду въ квартеру свою прійшолъ, обѣдалъ зъ Дорошенкомъ и Якубовичемъ. Вѣжевскому 4 р. на росходъ далемъ. У вечеру былъ у насъ Вулвъ зъ словомъ Михайла Афанасіевича до п. Михайла, о его отездѣ отсюду.

Неделя. 24. Сегодня рано Масъ лѣкаръ попростился зъ нами, а завтрейшего дня мѣетъ ехать въ крѣпость ст. Креста, при князю Долгорукову, зъ штапъ лѣкаремъ Брилемъ. Ему жъ Масу за лѣченіе далемъ 5 р. Штапъ лѣкаръ билъ у квартирѣ нашей, до п. Михайла мѣючи дѣло, отъ князя полѣценное, взглядомъ его отезду. Былъ я у полковника Еропкина, которій показовалъ мнѣ писмо отъ брата его Александра, писанное зъ Карсу 22-го юня, въ якомъ виражаетъ тое, что онъ зъ С. П. Бурху виехалъ послѣднихъ числъ

априля, а пріехавъ въ Константинополь, не засталъ господина Румянцова, але его доехалъ на дорозѣ и надѣются быть на Куру въ три недѣлѣ, отъ того числа; туда жъ зъ турецкой сторони мѣетъ быть на межѣ селескеръ паша и съ нимъ 30000 турковъ.

Поноделокъ. 25. Сегодня обѣдалисмо у себе, зъ Кулябкою Іваномъ и Якубовичемъ. Яицкіе козаки, зъ Сулаку отправленніе 10-го юля, прибыли сюда, въ Астрахань, и зъ ними мои люде Федоръ и Юско, и на томъ боцѣ Волги стали.

Вовторникъ. 26. Сегодня обѣдалисмо у себе зъ п. Федоромъ и Раковичемъ. Переехалемъ на новую квартеру въ сади, до Николая Григоріева, а п. Михайло на прежней квартерѣ остался для лѣкара.

Середа. 27. Сегодня обѣдалъ я въ новой квартерѣ зъ штапъ квартермистромъ Нивиковимъ и копитаномъ отставнимъ Лопатинимъ и Якубовичемъ. Князь Василій Володимеровичъ Долгоруковъ виехалъ зъ Астраханѣ въ путь свой до Ярковъ, а оттуду до Сулаку. По обѣдѣ ездилемъ до Еропкина и зъ нимъ въ ради (лавки) ходилъ, а потомъ билъ у Вулфа и на квартерѣ прежней, откуду и п. Михайла уговорилемъ на новую переехать квартеру, и переехалъ. Комменду зде надъ рекгулярними и нерекгулярними отдалъ князь губернатору здешнему и генералу маіору Івану Алексѣевичу Фомендину.

Четвер. 28. Сегодня рано былъ 'я у Вулфа, а оттуду у генерала Матюшкина, где генералшѣ Софіи Дмитровнѣ листъ отъ родителки отдалемъ и пуздро, и обѣдалемъ тамъ-же, а оттуду былемъ у Еропкина и Дебринея и заехалемъ до Миклашовскихъ, ночовалъ зъ нами Якубовичъ.

Пятокъ. 29. Сегодня нпкуда не ходилъ за слабостію, а purg. puto Ʒiii бралъ и имѣлъ около 10 sedes. У вечеру ездилъ я до Еропкина; у Еропкина бувши я увѣдомился, что онъ будетъ завтра смотрѣть бунчуковихъ.

Субота. 30. Сегодня рано былъ я у Еропкина, где осматривали бунчуковихъ товарищей болнихъ штабъ лѣкаръ губернскій, да Іванъ Михайловичъ Елснеръ и всѣхъ за болнихъ узнали числомъ 23. Оттуду зъ меншимъ Миклашевскимъ до ихъ квартери заехалъ, а потомъ у себе кушалъ зъ п. Михайломъ.

Неделя. 31. Сегодня рано былъ я у Миклашевскихъ, где поблизу службы Божой слушалъ, а по службѣ заходили до кирхи лютерской, оттуду зъ Федоромъ Чуйкевичомъ до нашей квартери прійшлисмо и кушали у себе. Полковникъ Еропкинъ пріездилъ до Андрея Миклашевского зъ Елснеромъ и, за болного его узнавши, аттестовалъ Елснеръ, чего ради зде и остается. У вечеру ездилъ я въ городъ до архиерея, где забавивши повернулся. Подполковникъ Шумеринъ отъ князя Долгорукова зъ Ярковъ повернулъся и обявилъ, что князь на море въ пятокъ виехалъ. Царь грузинскій Вахтангъ пріехалъ въ Астрахань, на которого пріездъ зъ пушекъ стреляно.

Мѣсяцъ августъ. Понеделокъ. 1. Сегодня обѣдали мы сами у себе, а по обѣдѣ ездилъ я до Миклашевскихъ, а оттуду до Еропкина и Дебринея. Племянники князя Василія Володимеровича Долгорукова, зъ которыхъ еденъ атютантомъ княжимъ, а другій капитаномъ при коммендированнихъ полкахъ, пріехали въ Астрахань, такъ же и докторъ Телсъ. Зъ Сулаку пріехали бунчуковіе товарищи Іванъ Тарновіотъ, Михайло, Хвостовскій полковникъ, и Кованка старшій и 600 козаковъ.

Вовторникъ 2. Сегодня ездилъ я въ городъ и повидѣвшись зъ лѣкаремъ Елснеромъ, слухалемъ службы Божой у ст. Тройци и обѣдали сами у себе. Бунчуковіе здешніе совѣтовали объ учиненню обсилки Телсу. Алексѣй, синъ генер. Кропотова, отехалъ въ Сулакъ

Середа 3. Генералъ порутчикъ Штафъ пріехалъ въ Астрахань зъ полками, на которого пріездъ изъ пушокъ стреляно. Былемъ у штапъ лѣкара губернскаго, оттуду у архиерея и въ церквѣ великой на службѣ Божой. Щислялисмо оба зъ п. Михайломъ расходъ нашъ совокупній, теди показалось оного, отъ октовр. послѣднихъ числъ прошлого 725-го году, по августъ 2, 1726 год., въ росходѣ денегъ 185 р. зъ чимсь.

Четвер. 4. Сегодня рано ездилъ я въ городъ до Еропкина простился съ нимъ и незаставши его у квартирѣ, ездилемъ зъ Кремля у ворота николскіе, и со мною полковникъ харковскій Квѣтка и, недождавшись его, отехалемъ домой, а полковникъ Ероп-

кинъ потомъ пріехалъ и поехалъ шлюпкою до Ярковъ и въ Сулакъ. По обѣдѣ былемъ у штапъ лѣкара Мѣллера, оттуду у доктора Телса, которого и не видалъ, бо былъ, якъ сказивано, барзо боленъ.

Пятокъ 5. Сегодня былемъ въ церквѣ у Тройци ст., а отъ квартерѣ Миклашевскихъ ездилемъ зъ Федоромъ Чуйкевичомъ и Іваномъ Кулябкою смотрѣти квартери себѣ иной, потомъ въ свою пріехалемъ. П. Михайло въ первое убравшись зъ сеей квартери, поехалъ въ городъ до Михайла Афанасіевича.

Субота 6. Преображеніе. Сегодня рано ездилъ я въ монастиръ Іванковскій, где и коммунѣковался, а по коммунѣи зайшолъ зъ п. полковникомъ харковскимъ до сумского Марченка, и тамъ кушали, а потомъ зъ Федоромъ Чуйкевичомъ пріехали до Миклашевскихъ, где доволно посидѣвши, пріехали въ свою квартеру, а тутъ я засталъ Якубовича. Играли у Миклашевскихъ въ карти, при непроиграшу моемъ.

Неделя 7. Сегодня рано былъ я у штапъ-лѣкара Миллера, оттуду зъ Панченкомъ и Миклашевскимъ у губернатора, а оттоль у генералши Матюшкиновой зъ полковникомъ харковскимъ, а потомъ у службѣ Божой архиерейской и архиерея, а на обѣдъ къ себѣ пріехалемъ зъ Панченкомъ, по обѣдѣ пріехалъ п. Михайло, зъ Миклашевскими игралисмо въ карти. Царь Вахтангъ на судно зъ своей виехалъ квартери.

Понеделокъ 8. Сегодня былъ я у лѣкара Фета и зъ Демеліомъ видѣлъся, оттуду былъ у Вулфа атютанта, а обѣдали у себе, и по обѣдѣ подпіяхомъ. Царь грузинскій Вахтангъ водою рушилъ въ Ярки, а оттуду за море.

Вовторникъ 9. Сегодня рано былъ я у лѣкара Демеля, а оттуду въ рядахъ, где видѣлся зъ капитанами Бакѣевимъ, Неплюевымъ и третимъ старой крѣпости, при Сойманову бывшомъ, зъ Сулаку приехавшими, а потомъ заходилемъ до доктора Телса, а оттуду въ квартеру свою и тутъ зъ п. Михайломъ и п. Федоромъ, п. Раковичемъ и Якубовичомъ и Голенковскимъ обѣдалисмо.

Середа 10. Сегодня рано попрощался я зъ п. Михайломъ, котрий, получивши пашпортъ князя Долгорукова, коммендующего

генерала черезъ генерала Матюшкина, объ отпуске его въ домъ, ради болезни его, отехалъ домой. Обѣдалемъ у архиерея, того ради, что онъ тезоименитъ сегоднешний Лаврентій, где были жъ на обѣдѣ губернаторъ Фамендинъ племѣники князя Долгорукова, Кобилинъ, Змеіовъ, Веселовскій, атютантъ, и Остафѣевъ секретаръ княжіе. Тогда жъ, по доношенію нѣякогось Смирнова, взятъ за караулъ писаръ архиерейскій. Писма, до дому писанніе черезъ п. Михайла, отослалемъ къ нему на судно Бардакомъ, а именно до род., жени, брата п. Семена, п. Петра Апостола.

Четверъ 11. Сегодня обѣдалъ я у Миклашевскихъ, а по обѣдѣ игралъ въ карти и виигралъ за 2-ма рази 15 а.

Пятокъ 12. Сегодня рано Демеля обослалемъ водкою и онъ картою благодарилъ. Былъ у мене Дорошенко и доволно посидя отехалъ, а у вечеру былъ Якубовичъ. Архимандритъ Спасскій здешній и попъ Афанасій взяти за караулъ. Архиерей прислалъ ко мнѣ двоихъ татарокъ, хотячихъ креститись и желаючихъ, чтобъ я былъ онимъ воспріемникомъ.

Субота 13. Сегодня рано былъ я у архиерея, оттуду у штапъ лѣкара Милълера и Демеля, а у Миклашевскихъ обѣдалемъ; по обѣдѣ играли въ карти и виигралъ я 1 р. Оттуду былемъ у Федора Василіевича Сухова, Кобилина полковника и у Берштеръ, криксъ-комисара, потомъ до своей квартери прійшолъ. У оного Кобилина увѣдомился я, что фелтъмаршалъ князь Никита Івановичъ Репнинъ умре.

Неделя 14. Сегодня былъ я рано у Кремлѣ и на службѣ Божой, где губернаторъ просилъ къ себѣ на кушанне зъ церкви; были на водки у архиерея, а оттуду пошли и кушали у губернатора, заехалемъ оттуду до Івановского, а оттоль до князя Урусова, оттоль до Миклашевскихъ, и тамъ у Троици всенощной и утрени вислухавши, пріехалемъ зъ Якубовичемъ на свою квартеру. Князь Урусовъ, подъ часъ оной моей въ него бытности, росказовалъ, что онъ въ 1718 году посиланъ былъ за море Каспѣйское смотрить Даріи рѣки, текучой въ Хивѣ, до которой будто отъ мора сего протокъ былъ, да засипанъ, а пріехавши на красніе води, тамъ хотя и зискалъ протокъ, однакъ онимъ въ степъ къ

Хивѣ пойшовши верстъ зъ 10, прийшолъ на висхлое мѣсто, а потомъ хочай еще верстъ 15 ишолъ степомъ же, однакъ уже жадной рѣки незискалъ, ни протоку, и такъ воротилъся назадъ зъ 20-ма ротами; а Хива далече такъ отъ мора лежитъ, же напрамикъ надобно до оной нѣсколько недель верблюдами ехать. Степъ тамъ безвозднiй, трави жадной нетъ, а пѣсокъ самий толко.

Успенiе П-ст. Б-ци. Понеделокъ 15. Сегодня слухалъ я службы Божой у ст. Тройци, а кушалъ у себе зъ Миклашевскими, Панченкомъ, Чуйкевичомъ и Якубовичемъ, а кушали у хазяина Николая Григорiевича съ нимъ и женою его, по обѣдѣ играли въ карти, зъ вигрошомъ малимъ моимъ. Ночовалъ зде у мене Федоръ Чуйкевичъ.

Вовтор. 16. Сегодня былъ я рано у архиерея, оттуду на службѣ у собору, а кушалъ у Миклашевскихъ. По обѣдѣ играли въ карти и виигралъ я 1 р. 22 а. зъ баришомъ. Крашенинниковъ и протчiе донци и... (?), которыхъ 10-го август. упомянуто, висилалися въ Астрахань, въ С. П. Бурхъ. Получилемъ з дому черезъ ахтирского полковника пересилку календаръ и казанне новгородского архиепископа, отъ его жъ зъ надписанiемъ его собственнимъ. Коня сивого темно купилемъ себѣ у колмикъ за 4 р. паша против 7. (?)

Середа 17. Былъ я въ Кремлѣ городѣ и по службѣ Божой ехалъ до своей квартири и обѣдали со мною Федоръ Чуйкевичъ и Яковъ Якубовичъ. По обѣдѣ приездили Миклашевскiи и, побувавши у харковского полковника, заездили знову ко мнѣ и отехали въ свою квартиру. Сегодня я по обѣдѣ захоровалъ на фебру, которая сперва алтерацiею своею здѣлала во мнѣ тяжкiе вомѣти и поносъ, одъ чого видно было, также и по узнаттю лѣкара Якима Ветта, что не простая фебра але febris ardens. Ночовалъ сомною Якубовичъ [1]).

Четвер. 18. Зегодня рано випилъ я въ водце alexir priettis Paraçelsi полъ румки спорой и обѣдалъ самъ собою, а по обѣдѣ

[1]) Начиная съ 17 по 30-е августа дневникъ писанъ другимъ лицемъ, вѣроятно по случаю болѣзни Марковича.

пришолъ Якубовичъ. Передъ вечеромъ вомѣти настали мнѣ и тривали надругій день до вечера и черезъ ночь. Ночовалъ Якубовичъ же.

Пятокъ 19. Сей день увесь тяжолъ былъ; передъ обидомъ посѣщали мене Федоръ Марковичъ, Янъ Тарнавіотъ и обѣдали у мене зъ Якубовичомъ. Ку вечеру прийшолъ Федоръ Чуйкевичъ и ночовалъ зъ Якубовичомъ. Зъ Сулаку князь Долгорукій зъ цѣлимъ корпусомъ, между которими и бунчуковихъ 29, поишли въ Дербенъ, а оттуду на Куру, до генерала маіора Румянцова.

Субота 20. Противъ сего дня, ночъ мнѣ была барзо трудна, млость (обморокъ) два рази приходила въ день и въ ночи, и кровъ зъ медіани пускалъ мнѣ лѣкаръ Веттъ, тожъ передъ вечеромъ. а пилъ я воду ячмѣнную и противъ прежныхъ ночей легче было передъ свѣтомъ. Ночовалъ Федоръ Чуйкевичъ.

Неделя 21. Прежныхъ ночей легше. Сегодня по службѣ Божой обѣдалъ у мене Федоръ Чуйкевичъ, а у вечеру прийшолъ Якубовичъ и ночовалъ здесь же со мною. Принесенъ къ архіерею указъ о приездѣ его въ Санктпітербурхъ. Ночъ мнѣ противъ понеделка легшая была, противъ всѣхъ ночей бывшихъ и болезни моей; однако жъ полегка она началась зъ полночи и до полдня тривала.

Понеделокъ 22. Рано приехалъ Федоръ Чуйкевичъ и засталъ у мене лѣкара Вета. Потомъ посѣщали мене Раковичъ, Турнавіотъ и Федоръ Марковичъ. Докторъ Телсъ бунчуковое товариство болное, атестованное штапъ лѣкаремъ Брилемъ, смотрѣлъ весма страннимъ образомъ, поневажъ казалъ всякому обнажатися и самъ руками везде мацалъ. День и ночь тяжкіе хочай были мнѣ, однакъ противъ прежнихъ легшіе. Ночовалъ со мною Чуйкевичъ.

Вовторокъ 23. Пришолъ рано ко мнѣ Якубовичъ, а потомъ Василь Дейнека и обѣдали, а въ день пріездилъ посѣщать мене Івановскій. Принималъ я pulv. antefebr и противъ прежнихъ пароксизмовъ познѣй и якъ бы легшій имѣлемъ. Обослалемъ канцеляристу Богданова виномъ зъ вѣдрами, почому Гаврило и промеморію о крещеніи татарокъ въ духовний приказъ виходилъ. Докторъ по прежнему другихъ бунчуковихъ, которіе не были въ атестатѣ Брилевомъ, смотрѣлъ.

Середа 24. Сегодня рано передъ обѣдомъ переехалъ я зъ своей квартери прежной на другую квартеру Степана Василіевича Лапшанского, куда приездили ко мнѣ для посѣщенія дядко п. Федоръ да Рощаковскій. Жаръ во мнѣ противъ прежнего былъ чрезъ всю ночъ. Ночовали со мною Чуйкевичъ и Якубовичъ.

Четверъ 25. Сегодня слабость въ себѣ наибарзѣй ощутилемъ, хочай жаръ и сталъ уступати. Адютантъ князя Долгорукова Воронинъ пріездилъ посѣщать мене, которого потомъ и обослалемъ водкою. Ночовалъ Федоръ Чуйкевичъ. Федоръ Сулима, бунчуковий товаришъ, синъ покойного хоружого енер. померъ въ Сулаку и погребенъ въ новой крѣпости, при церквѣ, близъ стѣни олтарной, а въ дому синъ старшій, впавши въ дѣжку борщу повную, утонулъ, зъ чего мать его, а жена Федорова[1]), захворавши умерла.

Пятокъ 26. Написалемъ листъ до доктора Телса о болѣзнехъ моихъ, нинѣшной и давной, прося его аттестата, и одослалемъ оный черезъ Гаврила слугу къ нему. Якубовичъ и Голенковскій пришли ко мнѣ и обѣдали тутъже. Жаръ во мнѣ сталъ умалятись, а слабость умножатись.

Субота 27. Сеей противъ суботи ночи началемъ засипать. Ездилемъ одноконкою до доктора Телса, который поговоря со мною и моихъ болѣзнехъ, написалъ въ аттестатѣ о мнѣ тое, что мнѣ многое время надлежитъ къ лѣченію. Обѣдалъ я самъ зъ Платономъ, а Якубовичъ и Чуйкевичъ пришли по обѣдѣ, и медъ пили. Іванъ Якимовичъ Синявинъ шавдбенахтъ флоту морского преставился.

Неделя 28. Ночь прошлая и день нинѣшній мнѣ (слава Богу) легшій показался. Отъ слуги Тарнавскаго, зъ Украини пріехавшего, извѣстно вчинилось, что у Федора Сулими синъ померъ, случаемъ упавши въ дѣжку борщу повную, отъ чего мати, заскорбѣвши зъ печали, померла. Полковникъ Дебриней съ крѣпости святаго Креста пріехалъ. А зъ Сулаку, 12 августа въ походъ пошла вся армѣя и бунчуковихъ 29, надъ которими командрѣромъ мѣсто Кандибы пошолъ Якимъ Горленко, а осталося въ Сулаку болнихъ,

---

[1]) Дочь генер. судьи Василія Кочубея.

№ 6 и 7, 8, 9, 269—334, 589—626, 55—89).

797. **Шевченко** Т. Г. Слѣпая (съ небольшимъ предисловіемъ) (1886, № 6, 307—338).

798. **Шевченко** Т. Г. Художникъ (автобіографическ. повѣсть) (1887, № 1, 2, 3, 1—35, 193—236, 385—411).

799. **Шуточные** стихи начала прошлаго вѣка. Собщ. В. Науменко. (1885, № 9, 175—178).

б) *статьи.*

800. **А.** Г. Маленькое поясненіе къ «Кобзарю» Т. Г. Шевченка. (1887, № 3, 583—585).

801. **Г.** В. Юношеское письмо и портретъ Гоголя. (1890, № 11, 331—332).

802. **Г.** Я. Къ исторіи Галицко-Русской письменности (нѣсколько замѣчаній на письмо И. Вагилевича къ М. П. Погодину). (1883, № 8, 645—663).

803. **Галаганъ** Гр. П. Малорусскій вертепъ. (Съ предисловіемъ П. И. Житецкаго). (При статьѣ приложены нотная часть вертепной драмы и рисунокъ вертепнаго ящика). (1882, № 10, 1—38).

804. **Галицко-русскій** «savoir vivre». (1891, № 2, 281—299).

805. **«Gaudeamus igitur»** Кіевской Академіи. (1882, № 2, 431—434).

806. **Голубовскій** П. Нѣсколько соображеній къ вопросу о князѣ Турѣ. (1891, № 10, 58—81).

807. **Ефименко** П. Образцы обличительной литературы въ Малороссіи. (1882, № 3, 538—559).

808. **Житецкій** П. И. Старинныя воззрѣнія русскихъ людей на русскій языкъ. (Рѣчь, читанная на актѣ въ коллегіи П. Галагана 1-го октября 1882 г.). (1882, № 11, 277—291).

809. **Житецкій** П. И. Очеркъ литературной исторіи Малорусскаго нарѣчія въ XVII в. (1888, №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 8, 9, 12, 162—179, 1—21, 169—183, 389—408, 246—288, 567—596, 401—416).

810. **Житецкій** И. П. Литературная дѣятельность Іоанна Вишенскаго. (1890, № 6, 494—532).

811. **Каллашъ** В. Южно-русскій списокъ «Александрія» конца XVIII ст. (1887, № 10, 377—379).

812. **Ковалько** П. Очерки національныхъ типовъ въ Украинской Народной Словесности. (Черты типа Еврейскаго). (1883, № 3, 667—672).

813. **Кириллъ** и Меѳодій—просвѣтители славянскіе. (1885, № 4, I—VI).

814. **Кузьмичевскій** П. Старѣйшія русскія драматическія сцены. (1885, № 11, 371—407).

815. **Л.** А. Рукописное евангеліе будто бы гетмана Сагайдачнаго. (1891, № 4, 165—167).

816. **Л.** О. Къ вопросу о южнорусскихъ апокрифахъ. (1887, № 12, 775—779).

817. **Маркевичъ** А. Образчикъ малорусскихъ эпитафій XVIII вѣка. (1883, № 6, 393—396).

818. **Марковъ** Н. Г. Ѳ. Квитка-Основьяненко. Историко-литературный очеркъ. (1883, № 6, 193—211).

819. **Миронъ**. Іоаннъ Вишенскій. (Новыя данныя для оцѣнки его литературной и общественной дѣятельности). (1889, № 4, 141—151).

820. **Миронъ**. Къ исторіи апокрифическихъ сказаній. (1891, № 11, 267—275).

821. **Миронъ**. Червонорусскія вирши XVIII в. (1891, № 9, 479—484).

822. **Михайлогорскій**. Нелишнее слово о виршахъ. (1888. № 4, 100—106—108).

823. **Н. Н. Д.** НаСыръ-Дарьѣ у ротнаго командира. (Изъ путевой книжки). (1889, № 3, 561—581).

824. **Науменко** В. Происхожденіе малорусской думы о Самуилѣ Кошкѣ. (1883, № 6, 212—232).

825. **Науменко В.** Къ литературѣ рождественскихъ и пасхальныхъ виршъ. (1888, № 1, 2, 3, 271—275—282).

826. **Науменко** В. Новелла Боккачьо въ южно - русскомъ стихотворномъ пересказѣ XVII—XVIII стол. (1885, № 6, 273—289—306).

827. **П.** С. Кіевская поэзія 50 лѣтъ назадъ. (1891, № 12, 478—479).

828. **П.** С. Отвѣтъ на вопросъ о малорусскихъ одахъ изъ времени Наполеоновскихъ войнъ. (1886, № 4, 809—814).

829. **Петровъ** Н. Старинный Южно-Русскій театръ и въ частности вертепъ. (1882, № 12, 438—480).

830. **С—ко** А. В. Леонардъ Совинскій. (Опытъ посмертной характеристики). 1888, № 6. 284—313).

831. **С--ко** Н. В. Очеркъ литературной дѣятельности А. Я. Стороженка. (1886, № 5, 8, 10, 11, 1—25, 639—692, 299--329, 445—471).

832. **Селивановъ** А. Вертепъ въ купянскомъ уѣздѣ харьковской г. (1884, № 3, 512—515).

833. **Сумцовъ** Н. Ѳ. Іоанникій Галятовскій. (Къ исторіи южнорусской литературы XVII в.). (1884, № 1, 2, 3, 4, 1—20, 183—204, 371—390, 565—588).

834. **Сумцовъ** Н. Ѳ. Слободскоукраинское дворянство въ произведеніяхъ Г. Ѳ. Квитки. (1884, № 6, 201—209).

835. **Сумцовъ** Н. Ѳ. Иннокентій Гизель. (Къ исторіи южно-русской литературы XVII вѣка). 1884, № 10, 183—226).

836. **Сумцовъ** Н. Ѳ. Характеристика южно-русской литературы XVII вѣка. (1885, № 1, 1—18).

837. **Сумцовъ** Н. Ѳ. Іоаннъ Вишенскій. (Южно-русскій полемистъ начала XVII ст.). (1885, № 4, 649—677).

838. **Сумцовъ** Н. Ѳ. Очерки исторіи южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ. (1887, № 6—7, 9, 11, 215—268, 1—54, 401—455).

839. **Тарновскій** Александръ. Вертепъ въ Духовщинѣ (уѣздномъ городѣ смоленской губерніи). (1883, № 3, 659—667).

840. **Твердохлѣбовъ** А. Къ литературной исторіи разсказа «Вусы». (1890, № 10, 148—151).

841. **Успенскій** Ѳ. М. На память тысячелѣтія годовщины славянскихъ просвѣтителей. (Рѣчь). (1885, № 5, 107—126).

842. **Читатель**. Разгадка «малорусской исторической шарады». (1885, № 6, 329—337). (См. № 728).

843. **Я.** В. Къ 300 - лѣтнему юбилею Ивана Ѳедорова, перваго московскаго типографа. (1883, № 12, 693—696).

844. **Янчукъ** Н. Замѣтка о старыхъ рукописныхъ пѣсенникахъ. (1888, № 10, 1—20).

IV. Этнографія.

845. **Авенаріусъ** Н. Замѣтка къ статьѣ «О шелудивомъ Бунякѣ». (1887, № 11, 584).

846. **Андріевскій** А. Письмо къ тремъ діаволамъ. (1884, № 6, 340—342).

847. **Б.** Н. Медико-топографическая и этнографическая работы д-ра Де-ла-Флиза. (1889, № 7, 256—268).

848. **Ба—скій** Г. Пѣсня черноморскихъ козаковъ на взятіе Измаила. (1882, № 6, 555—556).

849. **Ба—скій** Г. Пѣсня Запорожцевъ о выселеніи въ Турцію по уничтоженіи Сѣчи. (1882, № 6, 554—555).

850. **Б—скій** И. Ф. Преданія о крестахъ подлѣ с. Брикова(острожскаго уѣзда).(1891. № 8, 316—317).

851. **Бакай** Н. Городничій и св. пятница. (Къ исторіи народныхъ суевѣрій). (1885, № 12, 744—747).

852. **Барсовъ** Н. И. Три малорусскія пѣсни изъ періода Крымской кампаніи. (1885, № 4, 795—798).

853. **Боржковскій** Валеріанъ. Лирники. (1889, № 9, 653—708).

854. **Боржковскій** Валеріанъ. «Парубоцтво», какъ особая группа въ малорусскомъ сельскомъ обществѣ. (1887, № 8, 765—776).

855. **Брайловскій** С. Малорусска похоронная причеть и миѳическое ея значеніе. (1885, № 9, 73—84).

856. **Бытовая** малорусская обстановка въ документахъ XVII—XVIII ст. (1887, № 10, 336—356).

857. **Бѣньковскій** И. Изъ народныхъ разсказовъ, характеризующихъ національные типы. (1890, № 8, 324—326).

858. **Бѣньковскій** И. Рождественскія святки на Волыни. 1889, № 1, 236—242).

859. **В.** М. Двѣ народныя пѣсни о панщинѣ и повстаньѣ. (1886, № 7, 570—573)

860. **Варіантъ** пѣсни о Кармелюкѣ. (1889, № 8, 533).

861. **Василенко** В. Празднованіе понедѣльника въ Малороссіи. (1887, № 1, 180—182).

862. **Васильевъ** М. Великій грѣшникъ. (Сказка). (1884, № 9, 172—175).

863. **Васильевъ** М. Народная пѣсня о Шевченкѣ. (1885, № 9, 187—188).

864. **Васильевъ** М. Двѣ сахарозаводскія пѣсни. (1886, № 10, 407—408).

865. **Васильевъ** М. Къ повѣрьямъ о цѣлебномъ значеніи змѣя. (1889, № 5—6, 634).

866. **Васильевъ** М. Къ малорускимъ похороннымъ обрядамъ. (1889, № 5—6, 635—637).

867. **Васильевъ** М. Рекрутчина въ малорусской пѣснѣ. (Этнографическій очеркъ). (1889, № 8, 9, 354—376, 615—630).

868. **Васильевъ** М. Малорусскіе похоронные обряды и повѣрья. (1890, № 8, 317—322).

869. **Венгрженовскій** С. Еще кое-что о Кармелюкѣ. (1886, № 7, 553—559).

870. **Владимирскій-Будановъ** М. Привязываніе убійцы къ трупу убитаго. (Изъ старой судебно-уголовной практики). (1888. № 1, 2, 3, 20—21).

871. **Г.** Двѣ Галицкія пѣсни. (1885, № 7, 517—518—523).

872. **Г—ко** В. Визитъ Кармелюка. (Изъ письма въ редакцію). (1883, № 2, 466—471).

873. **Г—ко** В. Сто семь лѣтъ

южно-русской этнографіи. (1884, № 3, 505—507).

874. **Горленко** В. Бандуристъ Иванъ Крюковскій. (Текстъ 9 думъ съ біографической замѣткой). (1882, № 12, 481—518).

875. **Горленко** В. Варіантъ пѣсни о правдѣ. (1883, № 8, 769—770).

876. **Горленко** В. Кобзари и лирники. (1884, № 1, 12, 21—50, 639—656.

877. **Грабина** А. Изъ народныхъ устъ. (1883, № 12, 701—703).

878. **Грабина** А. Саврадимка. (Пѣсня). (1884, № 11, 552—554).

879. **Два** сообщенія по части народныхъ вѣрованій. 1) Криниця-богиня плодородія у Сѣверянъ П. Литвинова. 2) Полъ неодушевленныхъ предметовъ М. Г—овъ. (1884, № 4, 695—698.

880. **Двѣ** лирницкія пѣсни. (1889, № 12, 637—642).

881. **Десятынъ** Г. Украинскій Геліосъ. (Народныя преданія о Солнцѣ). (1882, № 10, 177—180).

882. **Добротворскій** Н. Малорусскія пѣсни у великорусскихъ крестьянъ. (1886, № 11, 585—588).

883. **Дума** о Хмельницкомъ и Барабашѣ, съ мотивомъ. (1888, № 7, 15—23+6).

884. **Е.** П. Запрещеніе купальскихъ огней. (1885, № 11, 556—558).

885. **Е.** П. Къ статьѣ «Судъ надъ вѣдьмами». (1883, № 12, 697—700).

886. **Е.** П. Къ исторіи семейныхъ раздѣловъ у крестьянъ. (1886, № 3, 593—598).

887. **Е—ко** П. Старинные способы возвратить языкъ нѣмому и разсѣять ложные слухи. (1884, № 6, 353—354).

888. **Еф.** П. Попытка околдовать волостной судъ. (1884. № 3, 508—509).

889. **Еф.** П. Затерявшаяся пѣсня о событіяхъ 1696 года. (1886, № 5, 173—175).

890. **Ефименко** П. Откуда взялись Запорожцы. (Народное преданіе). (1882, № 12, 582—593).

891. **Ефименко** П. Судъ надъ вѣдьмами. (1883, № 11, 374—401).

892. **Ефименко** П. Упыри. (Изъ исторіи народныхъ вѣрованій). (1883, № 6, 371—379).

893. **Житецкій** И. Смѣна народностей въ южной Россіи. (1883, № 5, 6, 8, 9, 11, 1—29, 399—452, 561—579, 1—26, 371—418).

894. **Журинъ** Г. Изъ разсказовъ о запорожцахъ и гайдамакахъ. (1886, № 8, 758—760).

895. **Залѣсскій** А. Варіантъ пѣсни о Нечаѣ. (1887, № 8, 787—788).

896. **Залѣсскій** А. Изъ быта крѣпостнаго времени. (1888, № 6, 78—79)

897. **Запорожская** пѣсня. (1883, № 11, 523).

898, **Зуйченко** П. И. Пѣсня на исходъ запорожцевъ за Дунай. (1885, № 6, 363—364).

899. **И—въ** П. Кое-что о «вовкулакахъ» и по поводу ихъ. (1886, № 6, 356—364).

900. **И.** Н. Заговоры на просо и пшеницу. (1884, № 12, 747—748).

901. **И.** О. Волынская бывальщина. (1887, № 10, 384—387).

902. **Ивановъ** И. Знахарство, шептанье и заговоры. (Въ старобѣльскомъ и купянскомъ уѣздахъ харьковской губерніи). (1885, № 12, 730—744).

903. **Изъ** народныхъ разсказовъ о Новороссіи. (1885, № 10, 353—360).

904. **Изъ** народныхъ разсказовъ о велетняхъ и пятницѣ. (1885, № 9, 186—187).

905. **Изъ** области народныхъ

преданій, повѣрій и разсказовъ. (1888, № 12, 142—143).

906. **Изъ области народныхъ суевѣрій**: Илія Човпила, бѣсамъ въ службу записавшійся. (1882, № 2, 429—431).

907. **Исаевичъ** С. Н. Еще разсказецъ о вовкулакахъ и чаровникахъ. (1883, № 12, 700).

908. **Исаевичъ** С. Н. Малорусскія народныя игры окрестностей Переяслава (съ предисловіемъ В. Горленко). (1887, № 6—7, 450—454—486).

909. **К.** В. Малорусскіе похоронные обряды и повѣрья. (1890. № 8, 322—323).

910. **К.** П. Фатальная вдова. (Уголовно-психологическая тема въ украинской народной пѣснѣ). (1888, № 12, 459—477).

911. **К—й** О. Р. Изъ народныхъ разсказовъ о кладѣ. 1884, № 11, 545—550).

912. **К—скій** А. О музыкѣ думъ и пѣсенъ Остапа Вересая. (1882, № 8, 283—287).

913. **К—шъ** В. Варіантъ пѣсни о Томпленкахъ. (1887, № 6—7, 585—586).

914, **Каминскій** Ѳ. Къ матеріаламъ, сообщеннымъ г. Савичемъ о «семилѣтнихъ богатыряхъ». (1889, № 5—6, 632—633).

915. **Кармелюкъ.** Переводъ съ польскаго). (1886, № 3, 495—560).

916. **Катрухинъ** А. Изъ народныхъ разсказовъ о слободско-украинскихъ помѣщикахъ. (1885, № 1, 198—200).

917. **Катрухинъ** А. Разсказъ о происхожденіи табаку. (1890, № 8, 326—329).

918. **Кисилевъ** Лука (протоіерей) Вымирающіе типы украинской деревни. (1884, № 3, 515—522).

919. **Кистяковскій** А. Ѳ. Къ исторіи вѣрованія о продажѣ души черту. (1882, № 7, 180—186).

920. **Коліивщина** въ пѣсняхъ. (1882, № 9, 582—589).

921. **Коляды и щедривки.** (1887, № 1, 182—188).

922. **Колядка** и вирши. (1883, № 12, 713).

923. **Костомаровъ** Н. Относится ли пѣсня о взятіи Азова къ событіямъ XI вѣка? (1882, № 8, 362—368).

924. **Кошовикъ** К. Живой упырь въ борьбѣ съ умершими упырями. (1884, № 1, 169—171).

925. **Кравченко.** Изъ народныхъ разсказовъ о проклятыхъ дѣтяхъ. (1889, № 9, 772—774).

926. **Крашановскій** М. Пѣсенный отголосокъ давно минувшей уніи. (1884, № 1, 181—182).

927. **Кузьмичевскій** П. Турецкіе анекдоты въ украинской народной словесности. (1886, № 2, 3, 210—236, 444—466).

928. **Кузьмичевскій** П. Малорусскія пѣсни объ освобожденіи крестьянъ. (1887, № 3, 4, 412—438, 626—648).

929. **Кузьмичевскій** П. Шолудивый Буняка въ украинскихъ народныхъ сказаніяхъ. (1887, № 8, 10, 676—713, 233—271).

930. **L.** О. По поводу «турецкихъ анекдотовъ въ украинской народной словесности. (1886, № 10, 383—391).

931. **Лебединецъ** Г. С. Еще пѣсня о попадьѣ, не взлюбившей бороды. (1884, № 6, 356—358).

932. **Левитскій** Н. Къ статьямъ проф. Н. Ѳ. Сумцова «Культурныя переживанія». Къ вопросу о церковныхъ и монастырскихъ пасѣкахъ. (1890, № 1, 126—127).

933. **Левицкій** И. Украинскіе юмористы и шутники. (Этнографическій очеркъ. (1890, № 9, 10, 11, 12, 373—389, 74—93, 233—250, 448—470,

934. **Легенда** о Паліѣ. (1888, № 5, 47—49).

935. **Литвинова** П. Какъ сажали въ старину люцей старыхъ на лубокъ. (1885, № 6, 354—356).

936. **Литвинова** П. Какъ землянцы потеряли свою «вольницу». (1886, № 6, 381—384).

937. **М. А.** Какъ началось знакомство Великоруссовъ съ пѣснями малороссійскими. (1886, № 8, 761—763).

938. **М. В.** Свадебныя пѣсни въ лубенскомъ уѣздѣ, полтавской губ. (1890, № 7, 8 и 9 (Приложеніе), 129—192).

939. **М—ра** И. Къ «повѣрьямъ о томъ, что ужъ любитъ молоко и сосетъ коровъ». (1890, № 4, 161—162).

940. **М—ра** И. Къ статьямъ проф. Н. Ѳ. Сумцова «Культурныя переживанія». Къ вопросу о кумовствѣ. (1890, № 1, 124—126).

941. **М—ра** И. Къ повѣрьямъ о «богатыряхъ». (1891, № 8, 325—326).

942. **Маковскій** Е. Изъ разсказовъ о Кармелюкѣ. (1884, № 4, 698—701).

943. **Маковскій** Е. Загадочное преданіе, (1884, № 5, 170—172).

944. **Малорусскіе** домашніе лѣчебники XVIII ст. (1890, № 1, 2, 3, 1—32, 33—48, 49—59).

945. **Манжура** И. Запорожское расхищеніе. (Двѣ пѣсни о томъ, кому достались запорожскія земли). (1882, № 2, 435—436).

946. **Манжура** И. Легенда и 3 пѣсни о Семенѣ Паліѣ. (1882, № 3, 611—615).

947. **Манжура** И. Панщина въ пѣсняхъ и молитвѣ. (1882, № 5, 357—363).

948. **Манжура** И. Украинская гетера. № 1, 217—218

949. **Манжура** И. Талавиря. (Пастушеская пѣсня). (1883, № 4, 907—908).

950. **Манжура** И. «Приказка о нюхаряхъ. (1888. № 5, 53—55).

951. **Манжура** И. О богатыряхъ. (1888, № 8, 50—53).

952. **Манжура** И. Рождественская «вечеря». (1889, № 1, 236).

953. **Манжура** И. Легенда «о Петровомъ батогѣ». (1889, № 9, 763—765).

954. **Манжура** И. Полозъ (Къ статьѣ Н. Ѳ. Сумцова «культурныя переживанія». К. С. 1890, № 5). (1890, № 10, 151—152).

955. **Манжура** И. Крещенскія скачки въ екатеринославской губ. (1891, № 9, 486—489).

956. **Маркевичъ** А. Историческое средство противъ конокрадства. (1884, № 7, 546—547)

957. **Маркевичъ** А. Загадочная пѣсня, (1884, №. 7, 554).

958. **Маркевичъ** А. Мѣры противъ вечерницъ и кулачныхъ боевъ въ Малороссіи. (1884, № 9, 177—180).

959. **Марковичъ** В. Знахарки новаго типа. (1891, № 12, 413—429).

960. **Мартыновичъ** Порфирій. Изъ народныхъ преданій о гетманщинѣ, запорожьѣ и черноморьѣ. (1885, № 11, 535—543).

961. **Мацѣевичъ** Л. Поляки и Русины. (Къ исторіи ихъ бытовыхъ отношеній). (1882, № 2, 301—312).

962. **Миронъ**. «Воянцка писня». (1888, № 12, 143—146—148).

963. **Миронъ**. Замѣчательныя колядки. (1889, № 1, 231—233).

964. **Миронъ**. Пѣснь о свѣтѣ. (1889, № 3, 741—742—744).

965. **Миронъ**. Сожженіе упырей въ с. Нагуевичахъ въ 1831 г. (1890, № 4, 101—120).

966. **Миронъ**. Мистерія страстей Христовыхъ. (1891. № 4, 131—136—154).

967. **Миронъ**. Къ объясненію одной колядки. (1891, № 12, 476).

968. **Морозъ** Д. Какъ справляли черноморцы свое новоселье на Тамани и какія были по сему случаю рѣчи и пѣсни. (Современная рукопись). (1883, № 1, 203—207).

969. **N**. Украинская деревня второй четверти нынѣшняго столѣтія по воспоминаніямъ дѣтства. (1882, № 9, 10, 457—485, 39—65).

970. **N**. Подляская злополучница. (1883, № 4, 905—907).

971. **Н.** Р. Л. Къ разсказамъ о Шелудивомъ Бунякѣ. (1891, № 8, 299—304).

972. **Народный** разсказъ «про щастье». 1889, № 4, 196—199).

973. **Народное** преданіе о взятіи Бендеръ. (1887, № 11, 584—585).

974. **Нейманъ** Ц. Еще объ украинской злополучницѣ. (1883, № 5, 187—189).

975. **Нейманъ** Ц. Куплетныя формы народной южно-русской пѣсни. (1883, № 8, 599—644).

976. **Нейманъ** Ц. Малорусскій пѣсенникъ XVIII вѣка. (Изъ собранія рукописей Т. В. Кибальчича). (1884, № 5, 153—158.

977. **Николайчикъ** Ѳ. Новыя свадебныя малорусскія пѣсни въ общемъ ходѣ свадебнаго дѣйствія. (1883, № 2, 366—400).

978. **Николайчикъ** Ѳ. Отголосокъ лирницкаго языка (къ статьѣ Валеріана Боржковскаго: «Лирники». Кіев. Ст., 1889 года, сентябрь). (1890, № 4, 121—130).

979. **Новицкій** И. Еще по поводу народной пѣсни: о взятіи Торческа, или же Азова? (1882, № 9, 412—435).

980. **Новицкій** И. Малорусская пѣсня по Латыни. (1885, № 7, 516—517).

981. **Новицкій** И. Украинскій варіантъ пѣсни «про ягничку». (1885, № 8, 743—745).

982. **Новицкій** И. 2 слова о панѣ Каневскомъ. (По поводу статьи «2 старыя украинскія пѣсни». К. Старина» 1885 г. октябрь). (1885, № 11, 554—556).

983. **Новицкій** Я. Изъ народныхъ преданій о запорожцахъ. (1885, № 10, 350—353).

984. **Notus**. Пѣсня о панщинѣ. (1883, № 11, 520—522).

985. **Носъ** (фонъ) С. «Покрытка». (1882, № 427—429).

986. **О**. Одна изъ народныхъ примѣтъ погоды. (1885, № 5, 172—173).

987 **О**. В. Изъ области народныхъ повѣрій. (1883, № 8, 774).

988. **Одинъ** изъ предметовъ стариннаго малороссійскаго щегольства. (1891, № 9, 484—486).

989. **Ом—скій** Александръ. Изъ народныхъ повѣрій о чортѣ. (1883, № 11, 513—515).

990. **Ом—скій** Александръ. «Гнѣдко», варіантъ Кармелюка. (1883, № 6, 393).

991. **Олтаржевскій** Юрій. Воспоминанія старожила о Кармелюкѣ. (1886, № 6, 371—378).

992. **Олтаржевскій** Юрій. Изъ народныхъ вѣрованій. (Разсказъ, записанный въ Кіевѣ). (1887, № 5, 195—197).

993. **Орловъ** И. Нѣкоторыя мелочи изъ народныхъ преданій. (1884, № 6, 355—356).

994. **П.** Л. Актъ «побратимства» въ церковной метрикѣ. (1887, № 10, 383—384).

995. **П.** Л. Нѣсколько чертъ быта днѣпровскихъ лоцмановъ. (1889, № 8, 515—523).

996. **П.** О. Замѣчательный праздникъ въ г. Холмѣ. (1886, № 11, 561—567).

997. **П—скій** Борисъ. Воронежскіе хохлы. (Изъ случайныхъ замѣтокъ, воспоминаній и наблюденій). 1885, № 4, 613—648).

998. **Пч.** О. Отживающая или

начальная форма «Вертепной драмы»? (1883, № 4, 903—905).

999. **Петровскій Д.** Къ малорусскимъ пѣснямъ объ освобожденіи крестьянъ. (1888, № 4, 18—19).

1000. **Познанскій** Борисъ. 2 старыя украинскія пѣсни и по поводу ихъ. (1885, № 10, 220—242).

1001. **Пономаревъ** Иванъ. Запорожская пѣсня. (1887, № 6—7, 587—588).

1002. **Пономаревъ** И. Рекрутская пѣсня. (1887, № 12, 803—804).

1003. **Потебня** А. Малорусскіе домашніе лечебники XVIII в. (1890, № 1, 91—94).

1004. **Прибыльскій**. Черти въ продажѣ. (1885, № 6, 350—352).

1005. **Пѣсня** о Кармелюкѣ. (1887, № 11, 588—589).

1006. **Пѣсня** про Филиппа Орлика. (1882, № 11, 395—398.

1007. **Пѣсня** сахарно-заводская. (1889, № 8, 533-534).

1008. **Р—въ** А. Изъ народной характеристики цыганъ. (1886, № 1, 198--200).

1009. **Р.** С. Село Ивановка. (Опытъ этнографической характеристики малорусскаго поселенія въ Новороссіи). (1888, № 11, 51—68).

1010. **Рыльскій Ѳадей**. Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія. (1888, № 11, 266—306, № 9, 10, 11, 341—372, 1—26, 125—232).

1011. **С.** Н. Къ исторіи пословицъ. (1887, № 8, 779—780).

1012 **С.** Н. Пѣсня на князя Доминика Заславскаго. (1885, № 9, 185).

1013. **С.** Н. Изображеніе галернаго раба XVI вѣка. (1891, № 3, 511—513).

1014. **Савичъ** А. Народные разсказы объ Осипѣ Михайловичѣ Гладкомъ. (1889, № 2, 485—487).

1015. **Савичъ** А. Замѣтка о малорусскихъ «семилѣтнихъ богатыряхъ или близнецахъ». (1889, № 3, 733—739).

1016. **Сказаніе** о Бондаренкѣ по народнымъ преданіямъ. (1882, № 3, 530—537).

1017. **Смоктій** А. Взгладъ народа на Шевченка. (1882, № 8, 371—373).

1018. **Смоктій** А. Кармелюкъ. (1882, № 10, 183—189).

1019. **Смоктій**. А. Украинская Злополучница. (1883, № 1, 215—217).

1020. **Сорокинъ** Гавріилъ. Свадьбы и свадебныя пѣсни у малороссовъ и великороссовъ м. Дмитровки александрійск. у. херсон. губ. (1890, № 9, 193—200).

1021. **Степовичъ** А. Замѣтка къ статьѣ «Малорусскіе лѣчебники 18 в.» (1890 г. кн. I). (1890, № 4, 155—159).

1022. **Стояновъ** А. Южно-Русская пѣсня о событіи XI вѣка (П. И. Ревякину на память). (1882, № 7, 81—96).

1023. **Сумцовъ** Н. Ѳ. Къ исторіи Южно-Русскихъ свадебныхъ обычаевъ. (1883 г. 510—514).

1024. **Сумцовъ** Н. Ѳ. Новый варіантъ думы «Алексѣй Поповичъ». (1885, № 1, 182—186—191).

1025. **Сумцовъ** Н. Ѳ. Малорусскія фамильныя прозванія. (1885, № 2, 215—228.

1026. **Сумцовъ** Н. Ѳ. Религіозно-миѳическое значеніе малорусской свадьбы. (1885, № 3, 417—436).

1027. **Сумцовъ** Н. Ѳ. Опытъ объясненія малорусской пѣсни о Журилѣ. (1885, № 7, 417—430).

1028. **Сумцовъ** Н. Ѳ. Къ вопросу о вліяніи греческаго и римскаго свадебнаго ритуала на малорусскую свадьбу. (1886, № 1, 17—40).

1029. **Сумцовъ** Н. Ѳ. Научное

изученіе колядокъ и щедривокъ. (1886, № 2, 237—266).

1030. **Сумцовъ** Н. Ѳ. Досвѣтки и посидѣлки. (1886, № 3, 421—444).

1031, **Сумцовъ** Н. Ѳ. Коломыйки. (1886, № 4, 635—658).

1032. **Сумцовъ** Н. Ѳ. Малорусскія пьяницкія пѣсни. (1886, № 6, 267—292).

1033. **Сумцовъ** Н. Ѳ. Мѣстныя названія въ Украинской народной словесности. (1886, № 10, 265—298).

1034. **Сумцовъ** Н. Къ исторіи малорусскихъ ремесленныхъ издѣлій. (1886, № 12, 746—747).

1035. **Сумцовъ** Н. Ѳ. Туръ въ народной словесности. (1887, № 1, 65—90).

1036. **Сумцовъ** Н. Ѳ. Культурныя переживанія. (1889, № 1—12, 403—423, 665—684, 124—140, 485—506, 28—46, 402—427, 631—652, 18—51, 281—327, 582—603; 1890, № 1, 2, 4, 5, 6, 7, 10, 60—90, 320—333, 84—100, 327—341, 478—493, 59—87, 49—73.

1037. **Сумцовъ** Н. Ѳ. Писанки. (1891, № 5, 6, 181—209, 363—383).

1038. **Сумцовъ** Н. Ѳ. Мертвая рука (къ § 116 «культурныхъ переживаній»). (1891, № 6, 482—483 .

1039. **Сумцовъ** Н. Ѳ. Къ объясненію малорусскихъ гаданій. (1891, № 8, 314—316).

1040. **Сѣлецкій** Арсеній. Колдовство въ юго-западной Руси въ XVIII ст. (1886, № 6, 193—236).

1041. **Т.** Д. Изъ народныхъ устъ (одна пѣсня и два разсказа). (1884, № 5, 172—176).

1042. **Т--овъ.** М. Матеріалы и замѣтки объ Украинской народной словесности. Къ читателю—1. Пѣсня о взятіи Азова 2. Степанъ Разинъ—козакъ Герасимъ. (1882, № 11, стр. 229—249).

1043. **Т—овъ** М. Матеріалы и замѣтки объ Украинской народной словесности. 1883, № 12, 546—559).

1044. **Тарновскій** Александръ. Ребъ Лейбъ-Суресъ. (Изъ еврейскихъ легендъ). (1883, № 7, 473—491).

1045. **Тиховскій** Ювеналій. Двѣ мнимо-народныя пѣсни о панщинѣ и повстаньѣ. (1889, № 5—6, 626—628—631).

1046. **Трутовскій** К. А. Изъ воспоминаній о поѣздкахъ по Малороссіи. (1889, № 9, 585—596).

1047. **У.** О. К. Ф. Кобзарь Остапъ Вересай и его думы и пѣсни. (1882, № 8, 259). (При статьѣ рисунокъ бандуры).

1048. **У Гуцуловъ.** (1889, № 9, 765—770).

1049. **Употребленіе** табаку по народнымъ повѣрьямъ. 1888, № 4, 20—22).

1050. **Ц.** К. Панская блажь, хлопская напасть, а чиновничья пожива. (1884, № 8, 742—747).

1051. **Ц.** Х. Задунайскія народныя преданія. I. Про Палія та Мазепу. II. Про Антона Головатого, Онопрія Шпака и царицю Катерину. (1882, № 9, 579—582).

1052. **Цыбульскій** К. Всенародное купанье вѣдьмъ въ озерѣ и судебная отъ того волокита. (1885, № 11, 566—570).

1053. **Чернышевъ** Н. Опытъ истолкованія обычая «Понедилкуванья». 1887, № 4, 763, 771).

1054. **Чернышевъ** Н. Къ вопросу о «парубоцтвѣ», какъ особой общественной группѣ. (1887, № 11, 491—505).

1055. **Ш.** Я. Убійство упыря въ кіевщинѣ во время чумы 1770 года. 1890, № 2, 338—340).

1056. **Шафарукъ** И. А. Волын-

ская бывальщина. (1885, № 2, 385—391).

1057. **Шейнъ** П. В. Приглашеніе къ содѣйствію въ собираніи памятниковъ народнаго творчества (1888 № 4, 32—36).

1058. **Шиманскій** Ц. Поправка къ розсказу о Бондаренкѣ. 1882, № 11, 393—395).

1059. **Щербина** Ф. Наговоры отъ болѣзней у черноморцевъ. (1883, № 7, 586—588).

1060, **Я**. В. Народное преданіе о Саввѣ Чаломъ. (1887 № 9, 194).

1061. **Ястребовъ** В. Пѣсня о сербѣ. (1884, № 12, 757—758).

1062. **Ястребовъ** В. Гайдамацкая пѣсня. (1885, № 12, 766).

1063. **Ястребовъ** В. Гайдамацкій, бандуристъ. 1886, № 10, 379—388).

1064. **Ящуржинскій**. Малорусскія причитанія надъ умершими. (1888, № 1—3, 11—16).

1065. **Ящуржинскій**, Х. Гаданія наканунѣ Андрея Первозваннаго (30-го ноября). (1888, № 11, 77—81).

1066. **Ящуржинскій** Х. Бѣлорусскія колядки. (1889, № 2, 477—485).

1067. **Ящуржинскій** Х. Приношенія въ церковь и дары служителямъ церкви. (1889, № 4, 184—186).

1068. **Ящуржинскій** Х. Весенніе хороводы, игры и пѣсни. (1889, № 5 и 6, 621—626).

1069. **Ящуржинскій** Х. Народный праздникъ св. мучениковъ Маккавеевъ. 1889, № 8, 524—527).

1070. **Ящуржинскій** Х. Остатки языческихъ обрядовъ, сохранившіеся въ малорусскомъ погребеніи. (1890, № 1, 130—132).

1071. **Ящуржинскій** Х. Замѣтка о купальскомъ празднествѣ въ уманскомъ уѣздѣ. (1890, № 11, 326—331).

1072. **Ящуржинскій** Х. Колядки. (1890 № 12, 517—521).

1073. **Ящуржинскій** Х. О превращеніяхъ въ малорусскихъ сказкахъ. (1891, № 3—4, 445—462, 28—96).

V. Біографическіе матеріалы.

(*Біографіи, характеристики, некрологи, воспоминанія о лицахъ, письма*).

1074. **Аксаковъ** С. Т. Письма къ Максимовичу С. Пономарева. (1883, № 4, 829—852).

1075. **Анатолій** архіепископъ могилевскій и мстиславскій. Воспоминаніе о немъ д-ра мед. Н. Пирожкова. (1883, № 7, 573—578).

1076. **Аскоченскій** В. И. Современный отзывъ кіевлянъ о немъ. (1883, № 6, 396—398).

1077. **Александръ Андреевичъ Беклешовъ** (**1743 — 1808**), малороссійскій военный генералъ-губернаторъ, кіевскій военный губернаторъ, генералъ прокуроръ. Проф. В. С. Иконникова. (1890, № 2, 255—304).

1078. **Бибиковъ** Д. Г. Къ характеристикѣ его (б. генералъ губернаторъ юго-западнаго края 1838—1852). (1882, № 7, 61—80).

1079. **Богдановичъ** И. Ѳ. Па-

мятникъ его въ Курскѣ. (1890, № 7, 129—132).

1080. **Богдановичъ** П. И. (типографщикъ и переводчикъ). Дѣло о немъ. Ник. Сторожевскаго.(1891, № 11, 308—312)).

1081. **Боровиковскій** Владиміръ Лукичъ. Краткія свѣдѣнія къ біографіи его. Ив. Боровиковскаго. (1884, № 9, 155—162).

1082. **Боровиковскій** В. Л. Художникъ 1758 (?)—1825 г. (1884, № 4, 701—708).

1083. **Боровиковскій** В. Л. Къ біографіи его И. Н. Божерянова. (1884, № 6, 327—332).

1084. Еще о **Боровиковскомъ** В. Горленка. (1884, № 7, 538—541).

1085. **Вагилевичъ** Иванъ Николаевичъ. (Судьба одного Галицко-Русскаго ученаго) Я. Г. (1883, № 7, 453—472).

1086. **Вакуленко** Семенъ, сотникъ Пирятинскій (1696—1720 г.). Н. В. Стороженка. (1891, № 1, 119—153).

1087. **Васильчиковъ** Александръ Алексѣевичъ. Г. (1890, № 7, 134—135).

1088. **Вересай** Остапъ. Некрологъ его. (1890, № 7, 132—134).

1089. **Гавриловъ** Александръ Ипполитовичъ. П. М. (1889, № 1, 246—247).

1090. **Галаганъ** Г. П. 15 авг. 1819 г.—25 сент. 1888 г. (Некрологъ съ портретомъ). Ѳ. Мищенка. (1888, № 12, 1—22).

1091. **Гаркуша** Симеонъ (1772—1784 г.). К. Кошовика. (1883, № 3, 528—554).

1092. **Гатцукъ** Алексѣй Алексѣевичъ (Некрологъ). В. Н—ка. (1891, № 12, 468—469).

1093. **Глоба**, послѣдній писарь войска запорожскаго. П. Ефименка. (1882, № 8, 368—371).

1094. **Гловачевскій** Кириллъ Ивановичъ, художникъ. (Біографическій очеркъ). И. Божерянова. (1885, № 2, 308—317).

1095. **Гоголь**. Письма его къ В. В. Тарновскому (1833—1834). С. Пономаревъ. (1883, № 3, 623—629).

1096. **Гоголь** Н. В. Нѣжинскій журналъ его. С. Пономарева. (1884, № 5, 143—146).

1097. **Гоголь** Н. В. Воспоминанія г-жи Смирновой о немъ. В. Г—ко. (1886, № 2, 381—387).

1098. **Головатый** Иванъ, бывшій судья запорожскій. Свѣдѣніе о немъ. А. С. Лашкевича. (1887, № 6—7, 586—587).

1099. **Гриценко**, французскій поэтъ. В. Г. (1891, № 6, 486—488).

1100. **Гулакъ-Артемовскій** П. П. Изъ воспоминаній о немъ. А. Ш. (1889, № 2, 499—503).

1101. **Данилевскій** Г. П. (Некрологъ). (1891, № 1, 184).

1102. **Денъ**, бывшій курскій губернаторъ. П. В. Дворжецкій-Богдановичъ. (1889, № 7, 275—280).

1103. **Димитрій** Высокопреосвященнѣйшій, (Муретовъ, архіепископъ Херсонскій). Ѳ. Л—ва. (1883, № 12, 704—713).

1104. **Димитрій Ростовскій.** Свят. Мнимо-найденный дневникъ его (по поводу газетныхъ извѣстій). С. І. К—ча. (1882, № 9, 571—575).

1105. **Добрашевичъ** Софроній, архимандритъ новой Сербіи. Архимандрита Арсенія. (1884, № 10, 276—304).

1106. **Думитрашко** Константинъ Даниловичъ. (Некрологъ) Ѳ. Лободы. (1886, № 5, 188—191).

1107. **Желеховскій** Евгеній (Некрологъ). (1885, № 3, 594—596).

1108. **Желѣзнякъ**. Нѣсколько данныхъ о судьбѣ его послѣ ареста

въ **Умани**. В. А. (1882, № 12, 264—568).

1109. **Желѣзнякъ**. (Псевдо). А. Л. (1889, № 1, 221—222).

1110. **Забѣла** Иванъ Петровичъ, знатный войск. товарищъ (1665—1703). (Отрывки изъ семейнаго архива). Ал. Лазаревскій. (1883, № 7, 506—538).

1111. **Забѣла** В. Н. Къ біографіи его. М. Комарова. (1886, № 9, 171—176).

1112. **Иванишевъ** Н. Д. Изъ воспоминаній о немъ. Ѳ. Лободы. (1887, № 12, 788—794).

1113. **Искра** (Полковникъ, казненный Мазепой). Судьба наслѣдства его. А. Лазаревскій. (1883, № 11, 519—520).

1114. **Каминскій Ѳ.** И. (Некрологъ). (1891, № 5, 313—314).

1115. **Карповъ** Г. Ѳ. (Некрологъ). (1890, № 6, 552—553).

1116. **Качала** Стефанъ. (Некрологъ). К. Х. (1889, № 2, 503—506).

1117. **Квитка** Г. **Ѳ.** Три письма его къ М. А. Максимовичу. (1883, № 6, 346—352).

1118. **Квитка** Илья Ивановичъ, неизвѣстный писатель конца прошлаго и начала текущаго столѣтія. Н. Шугурова. (1890, № 3, 444—453).

1119. **Киркоръ** А.—Г. К., ученый изслѣдователь Литвы и Бѣлоруссіи. (Некрологъ). Н. Янчука. (1887, № 6—7, 539—555).

1120. **Кисель** Адамъ, воевода кіевскій. 1580(?)—1653 г. (Историко-біографичес. очеркъ). (1885, №№ 9, 10, 11, 12, 51—72, 204—219, 408—430, 612—638).

1121. **Кисель** Адамъ. Дополненіе къ біографіи его. (1886, № 4, 826—831).

1122. **Кистяковскій** А. Ѳ. (Некрологъ). И. Лучицкаго, (1885, № 2, 406—415).

1123. **Кистяковскій** А. Ѳ. Очеркъ научной дѣятельности его., Л. Бѣлогрицъ-Котляревскаго. (1885, № 6, 238—254).

1124. **Коперницкій** Исидоръ Станиславовичъ. (Некрологъ). В. А. (1891, № 12, 462—465).

1125. **Корсунъ** Александръ Алексѣевичъ (Некрологъ). В. П. Науменка. (1891, № 12, 450—461).

1126. **Костомаровъ** Н. И. Краткій біографическій очеркъ. (1885, № 5, I—IX).

1127. **Костомаровъ** Н. И., какъ историкъ. В. Б. Антоновича. (1885, № 5, XXVII—XXXIV).

1128. **Костомаровъ** Н. И., какъ этнографъ. В. П. Науменка. (1885, № 5, XXXV—XLIV).

1129. **Костомаровъ** Н. И. Воспоминаніе о послѣднихъ годахъ жизни его. В. Беренштама. (1885, № 6, 219—237).

1130. **Костомаровъ** Н. И. Нѣсколько встрѣчъ съ нимъ. А. Кулиша. (1885, № 6, 255—262).

1131. **Костомаровъ** Н. И. Случай изъ жизни его N. (1885, № 6, 352—353).

1132. **Костомаровъ** Н. И. Двѣ поѣздки съ нимъ. В. Горленка. (1886, № 1, 111—123).

1133. **Костомаровъ** Н. И. Воспоминаніе о немъ. Екатерины Юнге. (1890, № 1, 22—34).

1134. **Костомаровъ** Н. И. О затерянной рукописи его. (См. отвѣтъ на эту замѣтку Кіев. Стар. 1891, № 3, 543—544). (1891, № 2, 316—317).

1135. **Костомаровъ** Н. И. Воспоминанія о немъ. (Письмо въ редакцію). Д. К. М. (1891, № 7, 75—84).

1136. **Костомаровъ** Н. И. Письмо его. А. Лазаревскаго. (1891, № 9, 478—479).

1137. **Котляревскій** А. А. Воспоминанія о немъ. Алексѣя Веселовскаго. (1888, № 9, 395—414).

1138. **Котляревскій** И. П. Изъ бумагъ его. (Письма къ нему). В. Горленка. (1883, № 5, 146—154).

1139. **Котляревскій** П. И. Нѣсколько словъ о домикѣ его въ Полтавѣ. В. Е. Бучневичъ. (1884, № 10, 352—353).

1140. **Котляревскій** И. П. Къ пятидесятилѣтію со дня смерти его. В. П. Науменка. (1888, № 11, 374—394).

1141. **Котляревскій** И. П. Остатки домика его въ Полтавѣ. Р. (1891, № 6, 485—486).

1142. **Крашевскій** Іосифъ—Игнатій. W. (1887, № 4, 799—802).

1143. **Крюковскій**. Кобзарь (некрологъ). В. Г. (1885, № 8, 740—743).

1144. **Кулишъ** П. А. и его послѣдняя литературная дѣятельность. Н. И Костомарова. (1883, № 2, 221—234).

1145. **Куцкевичъ** Иванъ. (козацкій гетманъ). Къ свѣдѣніямъ о немъ А. С—ка. (1883, № 6, 379—381).

1146. **Лашкевичъ** Александръ Степановичъ. (Некрологъ). (Съ портретомъ). (1889, № 12, 485—494).

1147 **Лебединцевъ** Ѳ. Г. Къ литературной его дѣятельности. (1888, № 4, 28—31).

1148. **Лебединцевъ** Ѳ. Г. Къ редакторской его дѣятельности. (Изъ письма въ редакцію) В. Г. (1888, № 5, 65—66).

1149. **Лебединцевъ** Ѳ. Г. Памяти его. Н. Ѳ. Сумцова. (1889, № 3, I—VI).

1150. **Левицкій** Николай Ѳеодосіевичъ. Некрологъ. (Памяти одного педагога) И. Каманина. (1885, № 6, 357—363).

1151. **Леонидъ** Архимандритъ. (Некрологъ). Н. Сумцова. (1891, № 12, 466—467).

1152. **Лукашевичъ** Платонъ Акимовичъ. W. (1889, № 1, 245—246).

1153 **Мазепа**. Молдавскія свѣдѣнія о мѣстѣ погребенія и могилѣ его. В. А. (1885, № 7, 501—505).

1154. **Мазепа** Къ родословной его. (1886, № 12, 757—759).

1155. **Мазепа**. На комъ былъ женатъ онъ. А. Л. (1888, № 5, 43—45).

1156. **Мазепа**—князь и его шляхетскій и княжескій гербы. (Съ рисункомъ). Князя А. В. Дабижи. (1885, № 12, 715—718).

1157. **Максимовичъ** М. А. Альбомъ его. С. Пономарева. (1882, № 1, 152—173).

1158. **Максимовичъ**. Изъ писемъ его къ Шевченку. Сообщ. С. Пономаревъ. (1884, № 4, 644—648.

1159. **Маркевичъ** Болеславъ Михайловичъ въ роли сельскаго педагога. Б. Д—ра. (1884, № 12, 751—757).

1160. **Марченко** Анастасія Яковлевна. (Т. Ч. или А. Тембризовъ). (1830—1880). Очеркъ. Е. Некрасовой. (1889, № 11, 392—422).

1161. **Мизко** Н. Д. (Некрологъ). П. Ефименка. (1882, № 12, 593—598).

1162. **Михневичъ** Іосифъ Григорьевичъ. (Некрологъ). (1885, № 12, 757—765).

1163. **Могила** Петръ, Кіевскій митропол (біографическій очеркъ). Ф. Терновскаго. (1882, № 4, 1—24).

1164. **Новицкій** Иванъ Петровичъ. (Некрологъ). (1890, № 8, 329).

1165. **Новицкій** Иванъ Петровичъ. Памяти его. И. Каманина. (1890, № 9, 486—491).

1166. **Новицкій** Илья Ѳедоровичъ. Охочекомонный полковникъ. Н. Стороженка. (1885, № 7, 431—457).

1167. **Новицкій** Орестъ Марковичъ. (Некрологъ). (1884, № 7, 547—554).

1168. **Орѣховскій** Станиславъ. Н. Ѳ. Сумцова. (1888, № 11, 215—234).

1169. **Острожскій** Василій—Константинъ Константиновичъ, князь. О днѣ смерти его. В. Балабушевича. (1882, № 10, 175—177).

1170. **Палій** Семенъ. Мѣсторожденіе его. Ст. фонъ-Носъ. (1882, № 3, 609—611).

1171. **Перовскій** Алексѣй Алексѣевичъ. (Съ портретомъ). В. Горленка. 1888, № 4, 109—124). (См. также замѣтку въ 1890, № 11, 336).

1172. **Перовскій** А. Три лекціи его. В. Г. (1888, № 9, 76—77).

1173. **Поповичъ** Иванъ. Паволоцкій полковникъ. В. Ляскоронскаго. (1889, № 5 и 6, 570—577).

1174. **Потебня** А. А. По поводу тридцатилѣтія служебной дѣятельности. Н. С. (1887, № 6 и 7, 567—572).

1175. **Потемкинъ** князь и малорусскія пѣсни. А. Л. (1891, № 12, 482—484).

1176. **Прокоповичъ** Ѳеофанъ. Интимная переписка его съ Яковомъ Маркевичемъ. Н. Петрова. (1882, № 6, 498—508).

1177. **Сендульскій** отецъ Аполлоній, священникъ села Сивокъ острожскаго уѣзда. (Некрологъ). А. Тарновскаго. (1882, № 10, 166—170).

1178. **Сенютовичъ** Т. М. Учитель графа П. А. Румянцева-Задунайскаго. А. Л. (1889, № 1, 223—224).

1179. **Серапіонъ** митрополитъ кіевскій. Ѳ. А. Терновскаго. (1883, № 9 и 10, 88—134).

1180. **Симашко** Іосифъ (митрополитъ). Изъ письма, писаннаго вскорѣ послѣ его смерти. Протоіерея Александра Мацкевича. (1884, № 6, 332—340).

1181. **Сковорода,** житіе его, описанное другомъ его, М. И. Ковалѣнскимъ. (Съ предисловіемъ Н. Сумцова). (1886, № 9, 103—150).

1182. **Ставровскій** Алексѣй Ивановичъ. (Некрологъ). (1882, № 12, 626).

1183. **Стороженко** Алексѣй Петровичъ. 2 эпизода изъ слѣдовательской дѣятельности его. Н. Стороженка. (1884, № 12, 723—730).

1184. **Стороженко** Алексѣй Петровичъ. На могилѣ его. (Корреспонденція «Кіевской Старины»). С—ка. (1885, № 8, 729—732).

1185. **Стороженко** А. П. Нѣсколько мелочей изъ жизни его. Н. В. (1886, № 5, 178—181).

1186. **Тепловъ** Г. Н. Къ біографіи его. Александра Барсукова. (1887, № 1, 169—172).

1187. **Тепловъ** Г. Н. Справка о немъ. В. Г. (1887, № 2, 372—377).

1188. **Тепловъ.** Г. Н. Къ біографіи его. И. Каманина. 1888, № 11, 84—96).

1189. **Терновскій** Филиппъ Алексѣевичъ (Некрологъ). 1884, № 6, 48).

1190. **Тетеря** Павелъ. Замѣтка о немъ П. Шафранова. (1890. № 7, 128—129).

1191. **Тимковскій** Илья Ѳедоровичъ, педагогъ прошлаго времени. Н. В. Шугурова. (1891, № 8—10, 212—236, 375—406, 82—97).

1192. **Тимковскій** И. Ѳ., М. А. Максимовичъ и П. А. Антоновичъ. Памяти ихъ. В. П. Науменка. (1891, № 10, 133—136).

1193. **Трутовскій** К. А. и его картины и рисунки изъ малорусскаго быта. Н. Шугурова. (1889, № 5 и 6, 609—618).

1194. **Туптало** Савва. Докумен-

тальныя свѣдѣнія о немъ и его роднѣ. А. Лазаревскаго. (1882, № 8, 382—384).

1195. **Ухачъ-Охоровичъ** Константинъ Францовичъ. (Изъ письма въ редакцію). М. Комарова, 1886, № 5, 186—187).

1196. **Фальковскій** Ириней, коадъюторъ кіевскій. Г. Булашева. (1883, № 1, 5, 8, 89—120, 66—96, 664—718).

1197. **Фальковскій** Ириней. Во что обошлась опись, библіотеки его послѣ его смерти. А. Титова. (1883, № 8, 767—769).

1198. **Фальковскій** Ириней, Еще нѣсколько словъ объ имуществѣ его. А. Титова. (1884, № 12, 740—743).

1199. **Филаретъ**. Памяти его. (Архіепископъ черниговскій). И. Каргопольцевъ. (1886, № 4, 831—836).

1200. **Хмельницкій** Б. Пасѣка его. О. Левицкаго. (1882, № 7, 174—177).

1201. **Хмельницкій** Б. Позднѣйшая память о немъ въ с. Суботовѣ. А. Л. (1891, № 4, 164—165).

1202. **Чернышевъ** Н. Н. (Некрологъ). Ѳ. М. (1888, № 5, 60—65).

1203. **Чернякъ** Иванъ. Полтавскій полковникъ. А. Востокова. (1889, № 10, 1—17).

1204. **Чубинскій** Павелъ Платоновичъ (род. 15 янв. 1839 г., ум. 14 янв. 1884 г.). А. Ѳ. Кистяковскаго. (1884, № 2, 343—349).

1205. **Цыцура** Тимофей. Къ біографіи его. Сообщ. Н. О. (1889, № 9, 770—772).

1206. **Шевченко** Т. Г. Исключеніе его за самовольную отлучку. Сообщ. И. Н. (1882, № 3, 608—609).

1207. **Шевченко** Т. Г. (Нѣкоторыя дополненія и поправки къ его біографіи). П. Л—ва. (1882, № 9, 560—567).

1208. **Шевченко** Т. Г. по воспоминаніямъ разныхъ лицъ. (1831—1861 г.). Н. Бѣлозерскаго. (1882, № 10, 66—77).

1209. **Шевченко**. Т. Г. Эпизодъ о памятникѣ ему и о его могилѣ въ полтавскомъ земскомъ собраніи. В. Г—ка. (1883, № 1, 218—220).

1210. **Шевченко** Т. Г. Письма его къ Бр. Залескому. (1853—1857). Сообщ. М. Т—овъ. (1883, № 1, 3, 4, 161—176, 611—622, 853—866).

1211. **Шевченко** Т. Г. Восемь писемъ его. Сообщ. С. Пономаревъ. (1883, № 2, 401—408).

1212. **Шевченко** Т. Г. Воспоминаніе о немъ. А. Смоктія. (1883, № 9, и 10, 320—322).

1213. **Шевченко** Т. Г. Эпизодъ изъ авторско-издательской его дѣятельности. (1884, № 12, 743,—744).

1214. **Шевченко** Т. Г. Воспоминаніе о немъ его случайнаго ученика. Б. Суханова-Подколзина. (1885, № 2, 229—240).

1215. **Шевченко** Т. Г. Къ біографіи его. (1885, № 2, 333—338).

1216. **Шевченко** Т. Г. Эпизодъ изъ жизни его. С—ка. (1885, № 12, 718—720).

1217. **Шевченко** Т. Г. Альбомы и рисунки его въ собраніи В. В. Тарновскаго. В. Горленка (1886, № 2. 402—409).

1218. **Шевченко** Т. Г. Тревога надъ свѣжей могилой его И. Билыка. (1886, № 4, 708—728).

1219. **Шевченко**. Т. Г. Коротенькое воспоминаніе о немъ. Н. М. Кибальчичъ. 1887, № 3, 585—586).

1220. **Шевченко**. Т. Г. Знакомство мое съ нимъ и мои объ немъ воспоминанія. Ѳ. Лободы. (1887, № 11, 563—577).

1221. **Шевченко** Т. Г. Первые 4 года ссылки. Н. И. Стороженка. (1888, № 10, 1—21).

1222. **Шевченко**. Т. Г. Воспоминанія Н. И. Усковой о немъ. Съ приложеніями М. К. Чалаго. Н. Зарянко. (1889, № 2, 297,—313).

1223. **Шевченко** Т. Г. Посѣщеніе имъ сахарнаго завода Яхненка и Симиренка. М. Чалаго. 1889, № 2, 459—464).

1224. **Шевченко** Т. Г. Къ біографіи его. Н. Д. Н. (1889, № 3, 730—733). (См. также замѣтку. А. С. Л. 1889 г. № 4, 190—193).

1225. **Шевченко** Т. Г. По поводу одного стихотворенія, приписываемаго его перу. М. Комарова. (1889, № 5 и 6, 618—621).

1226. **Шевченко** Т. Г. (Поѣздка въ Кириловку). Замѣтка къ біографіи его. Ю. Д. Талько-Грынцевичъ. 1889, № 9, 758—763).

1227. **Шевченко**. Т. Г. Къ біографіи его. И—й. (1890, № 2, 334—335—337).

1228. **Шевченко** Т. Г. Воспоминанія о немъ. (Изъ разсказовъ моей матери). Над. М. Кибальчичъ. (1890, № 2, 175—184).

1229. **Шевченко** Т. Г. Новое свѣдѣніе о пребываніи его въ раимскомъ укрѣпленіи. (1891, № 2‘ 334—335).

1230. **Шевченко** Т. Г. Метрическая выпись о рожденіи и крещеніи его. Сообщ. Левъ Мацѣевичъ. (1891, № 2, 315—316).

1231. **Шевченко** Т. Г. Два письма его. (1840—1847 г.) (1891, № 2, 209—214).

1232. **Шевченко** Т. Г. Автобіографія его. писанная для «Народнаго чтенія». (Съ краткимъ предисл. П.Кулиша). (1885, № 11, 431—435).

1233. **Шереметева** П. И. Приданое ея. А. Востокова. (1888, № 8, 39—45—46).

1234. **Шумлянскій** Іосифъ, послѣдній православный епископъ Львовскій и его «метрика». Мирона. (1891, № 6, 7, 337—362, 1—21).

1235. **Щепкинъ** Михаилъ Семеновичъ, какъ артистъ и человѣкъ. (Съ портретомъ). Владиміра Ермилова. (1889, № 5, 6, 548—569).

1236. **Юзефовичъ** М. В. Некрологъ. (1889, № 7, 291).

VI. Портреты, рисунки и статьи о нихъ.

1237. **Анна Ярославна** (портретъ и статья). (1884, № 7, 555—560).

1238. **Безбородко Андрей**. Генеральный писарь. р. 1711+1780 (портр. и статья). А. Л. (1890, № 1, 135—140.

1239. **Боровиковскій**. Еще объ одномъ портретѣ кисти его. В. Чеважевскаго (статья). (1884, № 11, 544—545).

1240. **Бороховичъ** Михайло, Гадяцкій полковникъ, 1687—1704 (портретъ и статья)- А. Л. (1890, № 3, 547—551).

1241. **Бортнянскій** Д. С. (портретъ и статья. И. Божерянова (1885, № 7, 524—530).

1242. **Васильковкій** С. И. По поводу картины его. Д. Эварницкаго (статья). (1886, № 1, 184—187).

1243. **Вишневецкая** княгиня. Раина Могилянка, (портретъ и статья). (1887, № 11, I—X).

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLI.

1893 г.

ІЮНЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1893.

СОДЕРЖАНІЕ.

Дозволено цензур. Кіевъ, 29-го мая 1893 г.

АВАНТЮРА XVI ВѢКА.

(Эпизодъ изъ исторіи молдавскаго княжества).

Молдавія, ближайшая сосѣдка юго-западной Россіи, слишкомъ много имѣла точекъ соприкосновенія съ послѣдней, чтобы ихъ взаимныя отношенія не оставили слѣдовъ въ исторіи этихъ обоихъ государствъ.

Литва и Польша, владѣльцы юго-западной Россіи, не перестають претендовать на власть въ Молдавіи въ XVI и XVII вѣкахъ въ разсчетѣ, главнымъ образомъ, отодвинуть границы своихъ южно-русскихъ провинцій съ цѣлью создать изъ сосѣдняго молдавскаго княжества стѣну для защиты своихъ владѣній отъ Татаръ и Турокъ.

Вновь организованное украинское козачество не отстаетъ отъ Литвы и Польши и, хотя не претендуетъ на исключительное господство въ Молдавіи, однако же стремится направить политику княжества сообразно своимъ цѣлямъ, стараясь, главнымъ образомъ, увеличить свои боевыя средства на его счетъ въ борьбѣ сначала съ тѣми же Турками и Татарами, а впослѣдствіи съ самой Польшей. Съ этими то цѣлями и предпринимается цѣлый рядъ походовъ въ Молдавію. Три такихъ похода, какъ болѣе характерные, мы выбрали сюжетомъ для своихъ очерковъ.

I.

Много бѣдъ вначалѣ перенесло молодое молдавское княжество, возникшее въ половинѣ XIV вѣка: на прикарпатскихъ долинахъ оно встрѣтило сильныя полчища Половцевъ, или Кумановъ, съ

которыми ему пришлось еше долго воевать, пока удалось расширить свою территорію на счетъ дикихъ сосѣдей. „У Молдавіи, пишетъ Когольничано, небольшія владѣнія Румынъ день ото дня все больше и больше стѣснялись набѣгами Татаръ, особенно Ногайцевъ, такъ что равнина совершенно опустѣла. Верхняя Молдавія и Бессарабія были населены Куманами, отчего Молдавія нѣкоторое время называлась Черной Куманіей, а нынѣшній Буджакъ былъ занятъ Татарами-Нагайцами. Такое положеніе дѣлъ тянулось до 1354 года". Но съ этого времени сѣверная часть верхней—нынѣшней Молдавіи и Бессарабіи уже вся принадлежала Молдавскому княжеству, а за южную часть еще долго пришлось воевать съ Половцами. Къ этой борьбѣ съ кочевниками часто приплетались еще недоразумѣнія съ другими сосѣдями. Венгрія и Польша не переставали претендовать на власть надъ Молдавіей, и только соперничество сосѣдокъ спасало молодое княжество отъ иноземнаго порабощенія. Дѣло дошло до того, что соперницы готовы были даже помириться, лишь бы прирѣзать куски территоріи Молдавіи къ своимъ владѣніямъ. Въ 1412 году венгерскій король Сигизмундъ и польскій Ягелло заключили между собою договоръ, по которому рѣшили раздѣлить между собой южную Бессарабію такимъ образомъ, чтобъ городъ Аккерманъ съ окрестностями отошелъ къ Польшѣ, а все остальное къ Венгріи, но эта затѣя имъ не удалась.

Впрочемъ и молдавскіе князья, пользуясь удобными обстоятельствами, любили вмѣшиваться въ дѣла сосѣдей. Для иллюстраціи вотъ два примѣра: въ 1392 году Романъ, сынъ Петра, посаженный Польшей на престолъ отца, впутался въ ссору Ѳедора Коріатовича съ Витовтомъ, но былъ побитъ послѣднимъ и посаженъ въ тюрьму. Въ 1431 году Александръ Добрый, желая извлечь выгоду для себя изъ распри между Ягелломъ и Свидригайломъ, вмѣшивается въ ихъ споръ и нападаетъ на Подоль съ цѣлью завладѣть ею, но терпитъ страшное пораженіе отъ Ягелла и т. д.

Усиленіе Турціи въ придунайскихъ областяхъ и враждебные замыслы сосѣдокъ Венгріи и Польши заставили молдав-

скихъ князей измѣнить политику: они частью по необходимости, а частью изъ политическихъ выгодъ стали все больше и больше подчиняться власти Турціи. Молдавскій князь Богданъ IV, сынъ Стефана Великаго, послѣ неудачныхъ войнъ съ Венгріей и Польшей, въ 1511 году рѣшилъ добровольно подчиниться Турціи. По трактату его съ султаномъ Селимомъ Турція обязалась защищать Молдавію отъ ея сосѣдей-враговъ, сохранить неприкосновенными законы и доходы страны и утверждать князей, избранныхъ изъ среды бояръ. Молдавія въ свою очередь обязывалась не сноситься съ врагами Порты, доставлять двухтысячный отрядъ войска на помощь Турціи и платить ей подать ежегодно по 4 тысячи червонцевъ, 40 лошадей и 24 сокола.

Когда же прекратилась прямая линія Драгошей, и на молдавскій престолъ вступилъ побочный сынъ Стефана Великаго Петръ Рашеръ, или, какъ его поляки называютъ, Петричайло Баресъ, человѣкъ, выросшій среди простого народа, и потому большой ненавистникъ аристократіи и олигархической Польши, то сталъ страшно преслѣдовать бояръ, а къ полякамъ простеръ свою ненависть до того, что Солиману Великолѣпному пришлось защищать Польшу своимъ войскомъ отъ разорительныхъ набѣговъ неугомоннаго князя. Султанъ наказалъ неуживчиваго вассала лишеніемъ престола, а его наслѣдниковъ обязалъ платить дань вмѣсто 4-хъ тысячъ—10 тысячъ червонцевъ и являться черезъ каждые три года въ Стамбулъ цѣловать порогъ Высокой Порты; за военные же убытки и безпокойство султанъ присоединилъ къ Турціи Аккерманъ и Килію, объявивъ ихъ своими крѣпостями, а жителей ихъ округовъ обратилъ въ „райю“.

Слѣдующіе за Петромъ Рашеромъ три князя: его братъ Стефанъ VII Саранча и сыновья послѣдняго, Илья II и Стефанъ VIII, до того уже отуречились, что всѣ три приняли исламъ и завели въ своемъ княжествѣ турецкіе порядки, отъ которыхъ особенно солоно пришлось боярамъ, толпами спасавшимся въ Польшу отъ преслѣдованій маленькихъ падишаховъ. Въ этомъ отношеніи особенно отличился Стефанъ VIII: по-

долгу живя въ Константинополѣ, онъ до того сталъ туркофиломъ, что обѣщалъ Дивану обратить молдавское княжество въ пашалыкъ, если его пошлютъ туда княжить. Турція охотно исполнила его желаніе и даже дала ему турецко-татарскій вспомогательный отрядъ. Завладѣвъ престоломъ, Стефанъ VIII принялъ политику дѣда, отъ которой бояры въ страхѣ убѣжали въ Польшу, составляя заговоры противъ князя. Стефанъ, зная о проискахъ своихъ бояръ и слыша о намѣреніи короля отправить посольство въ Турцію черезъ Молдавію, рѣшилъ задержать польскихъ пословъ, чтобы обмѣнять ихъ впослѣдствіи на бояръ-эмигрантовъ и расправиться съ ними по-турецки.

Провѣдавъ о намѣреніи своего князя, бояре рѣшились дѣйствовать смѣлѣе: они прибыли цѣлой толпой въ польскій лагерь, расположенный подъ Ярмолинцами (м. подол. г., проск. у.), и стали умолять польскаго гетмана Николая Сѣнявскаго помочь имъ низложить князя и возвести на престолъ Петра Лопушняна, тоже бѣглеца боярина-пугарника, теперь предводительствовавшаго волошской хоругвью, состоящей на службѣ Рѣчи-Посполитой. Короля въ то время не было дома,—онъ выѣхалъ въ Пруссію, и Сѣнявскій былъ въ большомъ затрудненіи, не зная, какъ ему поступить: впутываясь безъ вѣдома короля въ столь важное дѣло, приходилось взять на себя слишкомъ большую отвѣтственность, а отступиться—значило пренебречь интересами отечества, потерять столь давно ожидаемый случай подчинить Молдавію Рѣчи-Посполитой. Сѣнявскій попробовалъ тянуть дѣло до пріѣзда короля, но Молдаване торопили: разнесся слухъ, что Стефанъ хочетъ собрать на пиръ 8 сентября всѣхъ бояръ съ цѣлью перерѣзать ихъ. Гетманъ, видя, что проволочками ничего не подѣлать, собралъ своихъ ротмистровъ въ „коло“ и сталъ совѣтоваться съ ними, что дѣлать. На импровизированномъ сеймикѣ рѣшили дѣйствовать: на основаніи этого рѣшенія боярамъ обѣщали помощь, а затѣмъ войско, снявшись лагеремъ, передвинулось ближе къ мѣсту дѣйствія, въ Бакоту надъ Днѣстромъ (подол. г., ушиц. у.). Обнадеженные бояре мигомъ состряпали заговоръ. Въ одинъ прекрасный осенній день злополучный князь-потурнакъ, ничего

не подозрѣвая, отправился на прогулку въ лодкахъ по рѣкѣ Пруту со всѣмъ своимъ гаремомъ, имѣя при себѣ только 17 тѣлохранителей, а на берегу рѣки его уже ожидала засада изъ крамольныхъ бояръ. Когда князь послѣ прогулки высадился на берегъ и расположился на ночлегъ въ палаткѣ, тогда 30 всадниковъ, дождавшись третьихъ пѣтуховъ, пока въ станѣ князя все успокоилось, окружили палатку и стали метать въ нее дротиками. Разбуженный князь поднялъ тревогу и, не имѣя другого орудія, кромѣ лука, сталъ отстрѣливаться отъ нападающихъ, не подпуская ихъ къ себѣ; заговорщики, видя, что такъ съ нимъ не сладятъ, спѣшиваются, подступаютъ ближе къ палаткѣ и, подрѣзавъ веревки, которыми, она была прикрѣплена къ землѣ, накрываютъ князя полотномъ ея, какъ перепелку сѣтью. Князь молитъ о пощадѣ, но заговорщики обезглавливаютъ его, а на другой день, пришивъ отсѣченную голову князя къ туловищу, торжественно хоронятъ останки убитаго въ княжеской усыпальницѣ. Покончивъ такимъ образомъ съ княземъ, триста знатнѣйшихъ бояръ отправились въ лагерь къ Сѣнявскому, прося его отъ имени всей страны принять Молдавію подъ покровительство Рѣчи-Посполитой и дать имъ въ господари Петра Лопушняна. Сѣнявскій, зная Лопушняна за человѣка справедливаго и богобоязливаго, а главное, считая его приверженцемъ Польши, охотно согласился на предложеніе бояръ.

Вслѣдъ затѣмъ прибѣжалъ гонецъ съ извѣстіемъ, что въ польскій лагерь ѣдутъ логафетъ Стурдза и гетманъ Могила; Сѣнявскій, желая встрѣтить важнѣйшихъ сановниковъ княжества съ подобающею честью, послалъ на встрѣчу имъ Сецигневскаго съ волошской хоругвью подъ командой Іоницы Мацока; Сецигневскій, выѣхавъ на встрѣчу знатнымъ гостямъ, былъ очень удивленъ, не встрѣтивъ ихъ; изъ вѣстей, собранныхъ по дорогѣ, онъ узналъ о причинѣ ихъ замедленія. Ходила молва, что мать убитаго князя, собравши бояръ въ деревнѣ Шипосахъ, умоляетъ ихъ выбрать княземъ Молдавіи Жолдю, жениха единственной ея дочери Роксанды; а собравшіеся тамъ бояре съ логафетомъ и гетманомъ во главѣ

совѣтуются о предложеніи княгини. Сецигневскій, услышавъ такія вѣсти, не теряя времени, поспѣшилъ къ временной резиденціи старой княгини и послалъ двухъ молдаванъ изъ своей хоругви сказать боярамъ, что они своимъ двусмысленнымъ поведеніемъ рискуютъ прогнѣвить Рѣчь-Посполитую и ея короля, если будутъ слушаться совѣтовъ глупой бабы. Старая княгиня, оскорбленная дерзкими словами пословъ, объявила ихъ шпіонами и приказала посадить въ тюрьму. Сецигневскій, не дождавшись пословъ и догадываясь о постигшей ихъ участи, ударилъ съ своей хоругвью на сильно укрѣпленный дворецъ, не желая дать времени врагамъ избрать Жолдю княземъ Молдавіи, но ему дали сильный отпоръ, и первый приступъ Сецигневскому не удался. Тогда онъ, слѣдя за направленіемъ вѣтра, приказалъ зажечь ближайшія гумна въ той сторонѣ, откуда вѣтеръ легко могъ занести пламя на осажденный дворецъ. Разсчетъ оказался вѣренъ, и пламя быстро охватило дворецъ; осажденные, спасая жизнь, должны были выйти и сдаться Сецигневскому. Побѣдитель исполнилъ порученіе гетмана: онъ привелъ въ польскій лагерь первыхъ молдавскихъ сановниковъ, но не какъ гостей съ почетнымъ карауломъ, а какъ плѣнниковъ въ оковахъ.

Между тѣмъ въ польскомъ лагерѣ не на шутку безпокоились продолжительнымъ отсутствіемъ Сецигневскаго; догадкамъ и предположеніямъ не было конца, но всѣ они сводились къ тому, что дѣла въ Молдавіи приняли неблагопріятный оборотъ для Лопушняна. Поэтому Сѣнявскій, не дожидаясь возвращенія Сецигневскаго, по совѣту каменецкаго епископа Леонарда Менделевскаго, привелъ къ присягѣ на вѣрность Рѣчи-Посполитой Лопушняна и бояръ, бывшихъ въ польскомъ лагерѣ. Послѣ присяги Петръ Лопушнянъ, принявъ любезное молдаванамъ имя Александра, просилъ Сѣнявскаго громко предъ всѣмъ войскомъ отправить его, какъ вассала Рѣчи-Посполитой въ Молдавію съ польскимъ войскомъ. Сѣнявскій, склоняясь на его просьбу, далъ ему самыя отборныя хоругви подъ командой Станислава Тарла, Станислава Замойскаго, Бернарда Третвича, своего сына Николая и испанца Мора, командира пѣхоты. 5

сентября 1552 года вступилъ въ Сочаву, столицу Молдавіи, Александръ Лопушнянъ, начавшій свое княженіе актомъ милосердія: онъ сейчасъ же отпустилъ съ миромъ плѣнниковъ Сецигневскаго.

Король только въ пути изъ Кенигсберга въ Вильно узналъ о происшедшихъ перемѣнахъ въ княжествѣ и объ участіи въ нихъ Сѣнявскаго; извѣстіе это и огорчило, и разсердило короля: онъ боялся, чтобъ это вмѣшательство въ дѣла Молдавіи не вызвало столкновенія съ Турціей, и потому послалъ универсалъ своимъ войскамъ въ Молдавію, предписывая имъ немедленно оставить страну.

Лопушнянъ выхлопоталъ себѣ въ Портѣ утвержденіе на господарское званіе и сталъ управлять страной мирно и кротко; а женитьба на Роксандѣ, сестрѣ Стефана VIII, примирила его съ партіей приверженцевъ старой династіи.

Александръ IV Лопушнянъ начинаетъ собою рядъ князей-авантюристовъ, которые, быстро возвышаясь, большею частью изъ самыхъ низменныхъ слоевъ, и такъ-же быстро промелькнувъ на исторической сценѣ, заканчиваютъ свое земное поприще, большею частью, трагически, либо отъ руки крамольныхъ бояръ, либо въ Стамбулѣ на шелковомъ снуркѣ, а то иногда даже на львовскомъ рынкѣ отъ руки палача. Они, по большей части, любимцы народа, потому что защищаютъ его отъ притѣсненій и произвола бояръ, и въ свою очередь опираются на народъ во время боярскихъ конспирацій. Съ турецкимъ Диваномъ они были не всегда въ ладахъ, такъ—какъ, не желая отягощать народъ тяжелыми поборами на уплату дани Турціи, подарка султану и его сановникамъ, не разъ съ оружіемъ въ рукахъ отбиваются отъ турецкихъ экзекуцій. Польша также смотритъ подозрительно на ихъ сношенія съ запорожской голотой и на гостепріимство, съ какимъ они принимали украинскаго мужика, мандрующаго въ Молдавію на слободы.

Въ Бессарабіи донынѣ сохранилось преданіе о „царанскомъ“ (крестьянскомъ) происхожденіи Лопушняна; разсказываютъ, что родился онъ близъ Кишинева въ Лопушнѣ, главномъ городѣ Лопушнянскаго „цынути“ (уѣзда); на мѣстѣ ко-

тораго теперь стоитъ село того же имени; тамъ даже показываютъ мѣсто, гдѣ была хата родителей князя. Черезъ Лопушну часто проѣзжали въ Сочаву турецкіе чауши, а разъ даже какой-то паша; всѣ они останавливались у родителей будущаго господаря, принимавшихъ ихъ съ большимъ гостепріимствомъ. Вотъ эти-то гости, особенно паша, помня гостепріимство стараго Лопушняна, протежировали его сыну и на господарскомъ дворѣ, и въ Диванѣ, и онъ изъ простого царанина выскочилъ въ боярина и пугарника, а потомъ, какъ мы видѣли, въ господаря земли молдавской.

Лопушнянъ по природѣ былъ умный и добрый человѣкъ и благочестивый христіанинъ; началъ онъ свое управленіе милостью и кротостью, но отвѣдавъ отравляющую сладость власти, онъ ревниво оберегалъ ее отъ притязаній своихъ бывшихъ товарищей-бояръ, отъ которыхъ сначала оборонялся для самозащиты, а потомъ, войдя во вкусъ, сталъ обыкновеннымъ тираномъ того времени. Г. Накко приводитъ о немъ такое свидѣтельство Граціани: „Александръ Лопушнянъ изуродовалъ много тысячъ молдаванъ, обрѣзывая однимъ уши, другимъ носы, третьимъ руки; большею же частью ослѣпляя и калѣча самыхъ первоклассныхъ бояръ, имѣнія которыхъ конфисковалъ въ свою пользу“. И посреди всѣхъ этихъ ужасовъ князь постоянно занятъ благочестивыми размышленіями и заботами: онъ принимаетъ самое горячее участіе въ постройкѣ Успенскаго храма во Львовѣ и радуется, что братство сохранило свою вѣру среди иновѣрцевъ: „и тому есмо радосни, ижъ ви мешкаючи межи иновѣрци, а закону своего опустити не хочете.“ Въ 1558 году онъ строитъ монастырь Слатинъ, откуда часто пишетъ львовскимъ братчикамъ.

И не смотря на свои жестокости, Лопушнянъ держится на престолѣ, благодаря только поддержкѣ массы народа, раздѣлявшей антипатіи своего господаря къ боярамъ. Какъ благочестивый православный христіанинъ, Лопушнянъ не могъ относиться съ симпатіей къ зависимости отъ бусурманъ, и если не обнаруживалъ враждебныхъ замысловъ противъ Турціи, то и не заискивалъ передъ ней по примѣру своихъ предшественни-

ковъ. Этимъ только безразличнымъ отношеніемъ Лопушняна къ Турціи, привыкшей къ заискиванію господарей, можно объяснить такое безучастное отношеніе Порты къ своему вассалу въ годину его несчастій. Не любилъ Лопушнянъ и свою сосѣдку Польшу за пропаганду католичества въ единовѣрной ему Руси и Украйнѣ и за гостепріимство, какое тамъ встрѣчали его враги—бояры, но молчалъ и терпѣлъ, можетъ быть изъ чувства благодарности. Всѣ его симпатіи, какъ кажется, склонялись больше всего къ Москвѣ, единовѣрной и единодержавной, гдѣ князь имѣлъ столько сходства съ нимъ самимъ и по религіозности, и по характеру правленія. Чуть ли не онъ первый изъ молдавскихъ воеводъ пожелалъ войти въ непосредственныя сношенія съ Москвой подъ видомъ торговли пушнымъ товаромъ. Изъ всего сказаннаго можно видѣть, какую благопріятную почву нашелъ бы въ Молдавіи предпріимчивый смѣльчакъ для мятежей и волненій съ цѣлью пробить себѣ дорогу къ ступенямъ молдавскаго трона. И такой смѣльчакъ не замедлилъ явиться. Знакомству съ нимъ посвящена слѣдующая глава.

II.

Турція при Солиманѣ Великолѣпномъ достигла наибольшаго могущества и блеска,—она была грозной для всей Европы; ея войска считались непобѣдимыми на сушѣ. Венгрія подчинялась падишаху, даже сама Вѣна трепетала передъ побѣдителемъ Венгровъ. Но на морѣ турки чувствовали себя слабыми: это была чуждая имъ стихія; даже маленькія итальянскія купеческія республики были имъ не по силамъ; испанскій же флотъ былъ просто страшенъ, а полная почти независимость острововъ греческаго архипелага прямо была оскорбительна. Маленькая горсточка тампліеровъ на ничтожномъ островѣ Родосѣ сопротивлялась громаднымъ полчищамъ падишаха. Но Солиманъ Великолѣпный былъ очень умный и ловкій правитель: онъ, сознавая неспособность своего народа къ морскому искусству, воспользовался пиратами Средиземнаго моря и создалъ изъ нихъ для себя могущественный флотъ.

Въ тридцатыхъ годахъ XVI в. вся южная Европа трепетала передъ братьями Горукомъ и Гарьядиномъ, сыновьями Лесбосскаго грека горшечника, извѣстными въ исторіи больше подъ именемъ Барбарусъ. Пренебрегая ремесломъ отца, эти отважные авантюристы, собравъ вокругъ себя удалую дружину и завладѣвъ Алжиромъ, подстерегали купеческіе корабли на Средиземномъ морѣ и грабили ихъ, а когда не было работы на морѣ, они дѣлали набѣги на своихъ легкихъ бригантинахъ на европейскія прибрежныя области Средиземнаго моря и уводили толпами ихъ жителей въ плѣнъ для продажи на Азіятскихъ и Африканскихъ рынкахъ. Понятно, что торговля на берегахъ Средиземнаго моря страдала отъ нихъ ужасно; черный флагъ корсаровъ наводилъ паническій ужасъ на купцовъ—мореходцевъ. Вѣроятно, морскіе разбойники въ конецъ уничтожили бы торговлю богатыхъ городовъ южной Европы, еслибъ могущественный Карлъ V не внялъ мольбамъ своихъ подданныхъ и всего христіанскаго мира и не унялъ молодцевъ. Онъ совершилъ походъ на Африканскій берегъ и разгромилъ разбойниковъ въ самомъ ихъ логовищѣ. Въ отчаянной схваткѣ съ Испанцами погибъ старшій братъ Горукъ Барбаруса. Младшій братъ, Гарьядинъ, не смотря на то, что съ сильнымъ сосѣдомъ шутить было опасно, принявъ страшное имя своего брата Барбарусы и титулъ Алжирскаго короля, продолжалъ начатое ими дѣло. Онъ такъ прославился своими удалыми подвигами, что его стали считать непобѣдимымъ на морѣ. Солиманъ Великолѣпный воспользовался могуществомъ знаменитаго корсара и пригласилъ его къ себѣ на службу. Онъ предложилъ младшему Барбарусѣ званіе адмирала своего флота: „ты, молъ, громи на морѣ, а я буду побѣждать на сушѣ." Сдѣлка показалась выгодной корсару тѣмъ болѣе, что подданные новаго адмирала были мусульмане и охотно согласились служить падишаху, а главное—новое званіе санкціонировало его разбойничье ремесло. Адмиралъ падишаха, желая заслужить еще большее довѣріе новаго господина и имѣя въ виду и собственную выгоду, предложилъ султану завладѣть Тунисомъ. Предложеніе принято, затѣя удалась, и на адмирала съ званіемъ вице-короля Туниса посыпались новыя милости. Если эти два человѣка порознь ужасали Европу, то

что-жъ теперь, когда ихъ силы соединились? Ужасъ Европы удвоился, но болѣе всѣхъ испугались деспоты маленькихъ острововъ Греческаго Архипелага, которые въ послѣдніе годы существованія Византійской Имперіи изъ императорскихъ намѣстниковъ обратились въ наслѣдственныхъ деспотовъ, и титулъ этотъ удержали и послѣ паденія Византіи. Съ усиленіемъ турецкой власти на материкѣ Европы они почти всѣ признали власть султана, платя ему опредѣленную дань, но за то сохраняя почти полную автономію, языкъ, вѣру и обычаи страны. Но имъ улыбнулась вдругъ надежда на полное освобожденіе отъ турецкой зависимости, когда Карлъ V, видя усиленіе враговъ христіанскаго мира, опять снарядилъ громадный флотъ подъ начальствомъ знаменитаго генуэзскаго моряка Андрія Дорія; тогда они почти всѣ приняли участіе въ этой войнѣ, но самымъ горячимъ союзникомъ Карла V былъ Іоаннъ Гераклидъ, присвоившій себѣ такую фамилію, потому что велъ свое происхожденіе отъ Геркулеса, деспотъ острововъ Самоса и Пароса, носившій громкій титулъ Самосскаго князя и Паросскаго маркграфа. Увлеченный первыми успѣхами Испанцевъ, Іоаннъ Гераклидъ принялъ участіе въ походѣ, но ужасная буря разметала флотъ испанцевъ, и только часть флота и арміи въ 1534 г. вернулась въ отечество. Послѣ пораженія христіанъ бѣдному Самосскому и Паросскому деспоту, ожидавшему грозы отъ своего сюзерена, не оставалось ничего больше, какъ, собравши свои сокровища и документы о происхожденіи, уйти къ своему союзнику и покровителю Карлу V-му; за деспотомъ послѣдовалъ и его немногочисленный дворъ, хотѣвшій раздѣлить судьбу скитальца. Для переѣзда въ Испанію бѣглецъ нанялъ корабль у кандійца Василика, который дорогой внезапно умеръ, оставивъ сиротой маленькаго сына Якова, бывшаго съ нимъ на кораблѣ. Старый князь, не имѣя ни роду, ни племени, охотно взялъ сиротку на свое попеченіе, тѣмъ болѣе, что мальчикъ оказался бойкимъ. При дворѣ Карла V подъ руководствомъ опытныхъ учителей молодой Яковъ многому научился, и при частыхъ путешествіяхъ императора, которому всегда сопутствовалъ старый князь Гераклидъ съ своимъ воспитанникомъ, послѣдній успѣлъ увидѣть и

узнать много любопытнаго. Такъ, напримѣръ, въ Римѣ, куда императоръ ѣздилъ для примиренія съ папой Климентомъ VII, Якову Василику поручили переписывать ватиканскія рукописи; при этой работѣ онъ не только основательно изучилъ латинскій языкъ, но и познакомился съ произведеніями лучшихъ ораторовъ, историковъ, юристовъ, философовъ и поэтовъ. Кромѣ того, при дворѣ императора, въ имперіи котораго солнце никогда не заходило, всегда толпились царедворцы разныхъ національностей; поэтому, молодому греку не трудно было въ ихъ обществѣ научиться языкамъ, италіянскому, испанскому, французскому и нѣмецкому. Въ частныхъ походахъ Карла V онъ пріобрѣлъ военную опытность, а подъ Ферроной даже умѣлъ доказать свою храбрость.

Такъ какъ старый деспотъ очень любилъ своего воспитанника, то при дворѣ многіе считали его сыномъ или, по крайней мѣрѣ, близкимъ родственникомъ князя. Спустя много лѣтъ Іоаннъ Гераклидъ внезапно умираетъ, не оставивъ духовнаго завѣщанія. Вся свита греческаго князя растерялась отъ такой неожиданности, не потерялся только Яковъ Василикъ: онъ созвалъ всѣхъ свидѣтелей своего происхожденія и истинныхъ отношеній къ опекуну и держалъ къ нимъ приблизительно такую рѣчь: вы знаете, что покойный князь нашъ, умирая, не оставилъ распоряженія ни о своемъ имуществѣ, ни о нашей судьбѣ, поэтому, если у покойнаго не найдется наслѣдниковъ, то все его имущество должно перейти къ императору, а мы останемся нищими. Чтобы помочь бѣдѣ, я предлагаю вамъ слѣдующее: распускайте слухъ, что я сынъ покойнаго, и если онъ скрывалъ это передъ посторонними, то имѣлъ на то важныя причины: онъ боялся, чтобы турки не мстили сыну за измѣну отца. Опасаться вамъ нечего, потому что здѣсь, зная мои отношенія къ покойному, легко повѣрятъ вашему разсказу, а я вамъ обѣщаю: если меня признаютъ наслѣдникомъ имени и могущества покойнаго князя, то, при моей молодости и образованіи, мнѣ достаточно только званія князя, а вамъ отдамъ все имущество, которое и будетъ вамъ уплатой за долговременную службу покойному и обезпеченіемъ вашей старости. Выбирайте,

друзья мои, между нищетой и довольствомъ! Само собою разумѣется, что придворные стараго деспота охотно приняли предложеніе своего молодого товарища. Карлъ V, на основаніи свидѣтельствъ свиты покойнаго Гераклида, въ 1556 г. выдалъ Якову Василику, какъ сыну и наслѣднику Самосскаго и Паросскаго деспота Іоанна Гераклида, дипломъ на званіе князя Самоса и Маркграфа Пароса. Такого документа было достаточно, чтобы вся Европа признала Якова Василика сыномъ и наслѣдникомъ Іоанна Гераклида; поэтому и мы дальше будемъ называть его этимъ именемъ. Прибавимъ только здѣсь, что императоръ вмѣстѣ съ дипломомъ на званіе выдалъ молодому Гераклиду документъ на титулъ фалькграфа, а такіе фалькграфы имѣли право увѣнчивать поэтовъ и раздавать званія протонотаріусовъ и докторовъ правъ. Въ началѣ второй половины XVI вѣка религіозное движеніе въ Европѣ достигло найбольшаго напряженія, сношенія между протестантами были постоянны, а молодой Яковъ Гераклидъ былъ самымъ усерднымъ и дѣятельнымъ послѣдователемъ новаго ученія, и потому былъ въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ главарями реформаціи. Вотъ какое положеніе занялъ Гераклидъ, когда Карлъ V, наскучивъ властью, отказался отъ престола въ пользу сына и заперся въ Эскуріалѣ. Новый монархъ Филиппъ II, мрачный и подозрительный, правовѣрный католикъ, не внушалъ довѣрія Гераклиду, особенно если принять во вниманіе противоположность ихъ религіозныхъ воззрѣній; по этому Гераклидъ заблагоразсудилъ своевременно оставить страну, такъ гостепріимно пріютившую его, и пуститься въ свѣтъ широкій искать счастья среди своихъ единовѣрцевъ. Оставивъ Брюссель, онъ переѣхалъ въ Ростокъ, гдѣ занялъ кафедру математики; вѣроятно, туда его вызвалъ Меланхтонъ, съ которымъ онъ былъ уже давно въ самой дружеской перепискѣ. Ростокъ былъ первымъ этапомъ молодого странника. Добросовѣстно разсчитавшись съ товарищами, онъ очутился безъ средствъ къ жизни и долженъ былъ для начала принять мѣсто профессора математики, пока не запасся друзьями и покровителями. Очевидно, скромная карьера ученаго не была его цѣлью:—иначе зачѣмъ ему было мѣнять насиженное мѣсто и безбѣдное существованіе на рис-

кованное странствіе безъ опредѣленной цѣли, повидимому, и безъ копѣйки въ карманѣ. Вѣроятно, у него былъ какой-нибудь опредѣленный планъ, побуждавшій его толкаться по бѣлу свѣту. Хотѣлось-ли ему играть выдающуюся роль среди своихъ единовѣрцевъ, или онъ искалъ, связей и протекціи для какихъ-либо другихъ цѣлей? Наше недоумѣніе отчасти рѣшаетъ реляція папскаго нунція того времени въ Польшѣ. Нунцій со словъ Великаго Канцлера польскаго Яна Оцескаго передаетъ своему двору: „читалъ (канцлеръ) мнѣ письмо, полученное изъ дворца, изъ котораго видно, что король черезвычайно разсерженъ съѣздомъ еретиковъ, недавно состоявшимся. Собраніе еретиковъ въ числѣ пятисотъ человѣкъ было по такой причинѣ: какой то Волошинъ, который долго вымаливалъ себѣ помощи у чужихъ монарховъ для возвращенія, какъ онъ утверждаетъ, незаконно отнятаго у него права на корону Молдавіи, но ему нигдѣ не повѣрили,—прибывъ въ Польшу, обратился къ еретикамъ, обѣщая имъ, что онъ введетъ въ Молдавіи лютеранскую вѣру, увѣряя притомъ, что народъ, лишь только увидитъ его, сейчасъ возведетъ на господарство, лишивъ прежняго господаря престола“.

Спустя нѣкоторое время Гераклидъ переѣхалъ отсюда очевидно съ тѣми же цѣлями въ Виртембергъ, гдѣ издалъ свое историческое сочиненіе и, пользуязь данной ему властью, увѣнчалъ двухъ поэтовъ. Очевидно, не сидѣлось ему въ Германіи, потому что, спустя немного времени, онъ опять ѣдетъ черезъ Любекъ въ Данію. Датскій король Фридрихъ принимаетъ его очень любезно и осыпаетъ подарками, но, вѣроятно, Гераклиду и здѣсь не удалось занять положенія, соотвѣтственно его высокому званію, и онъ переѣзжаетъ въ Норвегію, гдѣ ожидаетъ его такой же любезный пріемъ.

Изъ Норвегіи Гераклидъ отправился черезъ Данцигъ въ Кенигсбергъ къ Прусскому князю Альбрехту и здѣсь вошелъ въ тѣсныя сношенія съ богословами, окружавшими князя. Объѣхавши главные пункты протестанства, Гераклидъ не минулъ и Литвы, гдѣ тогда сильно стало распространяться новое ученіе, а потому онъ, запасшись въ Пруссіи рекомендательнымъ письмомъ къ тамошнему главарю протестантовъ Николаю Радзи-

виллу Чорному, въ 1557 г. поѣхалъ въ Вильно. Время пріѣзда выбрано было удачно, потому что совпало съ пребываніемъ въ Вильнѣ Сигизмунда Августа, съ которымъ Радзивиллъ не замедлилъ познакомить новопріѣзжаго гостя.

Въ то время Польша готовилась къ такъ называемому Посвольскому походу противъ крестоносцевъ. Не былъ это въ строгомъ смыслѣ военный походъ, а скорѣе военная прогулка или даже пикникъ, если можно такъ выразиться, потому что крестоносцы, ослабленные предыдущими войнами, не хотѣли и не могли воевать,—требовалось только показать видъ, что они уступили необходимости, такъ какъ ихъ магистръ Вильгельмъ Фюрстембергъ раньше еще похода согласился подчиниться Сигизмунду Августу. Стотысячную польскую армію наполняли польскіе и литовскіе паны съ своими блестящими свитами и молдавскіе бояре, бѣжавшіе въ Польшу отъ жестокостей своего господаря. Гераклидъ, любезно приглашенный въ походъ, встрѣтилъ пріятное общество и въ свою очередь обворожилъ всѣхъ своими изысканными манерами и ученостію; его высокое происхожденіе пріобрѣло ему симпатіи польскаго общества, всегда цѣнившаго знакомства съ высокопоставленными лицами; его званіе испанскаго рыцаря еще больше придало ему вѣсу въ глазахъ пановъ: оно такъ высоко цѣнилось въ Польшѣ, что родители нарочно посылали своихъ сыновей въ Испанію, такъ какъ только тамъ можно было пріобрѣсти необходимыя качества настоящаго рыцаря; и, наконецъ, его религіозныя воззрѣнія имѣли не малое вліяніе на тотъ успѣхъ, какой онъ пріобрѣлъ въ литовско-польскомъ обществѣ при посредствѣ своихъ единовѣрцевъ. Даже Сигизмундъ Августъ раздѣлялъ общее мнѣніе о Гераклидѣ,—такъ, по крайней мѣрѣ, свидѣтельствуетъ коронная метрика, въ которой вписанъ дипломъ на шляхетное званіе нѣкоему Капріану Василику. Исторія этого диплома была такая: при дворѣ Сигизмунда Августа былъ одинъ молодой очень способный и образованный человѣкъ мѣщанскаго происхожденія Капріанъ изъ Сѣрадзя; онъ былъ отличный каллиграфъ и переводчикъ и даже немножко поэтъ. Молодого человѣка кто-то рекомендовалъ Гераклиду въ секретари для мно-

гочисленной переписки послѣдняго чуть ли не со всѣми дворами и учеными Европы. Здѣсь-то, въ лагерѣ, Гераклидъ, желая наградить своего секретаря, увѣнчалъ его, какъ молодого поэта по праву, данному ему императоромъ, и кромѣ того, съ разрѣшенія короля, выдалъ ему дипломъ на дворянское достоинство, позволивъ ему носить свою фамилію Василика и гербъ, представлявшій собою щитъ, на которомъ были изображены—древняя греческая корона и шлемъ съ приподнятымъ забраломъ, а вокругъ щита былъ выписанъ девизъ греческими буквами: Σάμος ορνιθῶν γαλα φέρει (Самосъ производитъ птичье молоко). Жизнь въ лагерѣ текла весело и пріятно: дѣла не было, велись только переговоры съ мнимымъ непріятелемъ; время проходило въ угощеніяхъ и разговорахъ о политикѣ, къ которой поляки были такіе охотники. Присутствіе молдавскихъ бояръ дало поводъ свести разговоръ на дѣла ихъ отечества; говорили о тяжеломъ турецкомъ игѣ, о жестокостяхъ господаря и его вѣроломствѣ по отношенію къ Польшѣ, которой онъ обѣщалъ когда-то подчиненіе за возведеніе его на престолъ, а теперь отвернулся отъ нея, заискивая у Турціи и заигрывая съ единовѣрной Москвой. Естественно молдаване-эмигранты охотно здѣсь строили планы о низложеніи постылаго князя-тирана и мечтали о выборѣ новаго.

Вѣроятно, изъ этихъ бесѣдъ Гераклидъ вывелъ заключеніе, что при настоящемъ положеніи дѣлъ въ Молдавіи ему не трудно будетъ завладѣть тамъ властью, и сталъ обдумывать средства, при помощи которыхъ ему возможно было бы осуществить свой планъ. Онъ первый, быть можетъ, изъ иностранцевъ обратилъ вниманіе и оцѣнилъ силу и значеніе днѣпровскихъ козаковъ; мы заключаемъ это изъ того, что онъ вошелъ съ ними въ сношенія. Вышло ли что-нибудь изъ этихъ сношеній,—мы не знаемъ, но, очевидно, у него были какія-то надежды на успѣхъ, потому что онъ поѣхалъ въ Молдавію подъ видомъ посѣщенія своей родственницы, жены господаря, а на самомъ дѣлѣ для того, чтобы лично ощутить почву подъ ногами.

Гераклидъ, явившись въ Молдавію, произвелъ очень пріятное впечатлѣніе на господаря, тѣмъ болѣе, что онъ, ознако-

мившись еще при дворѣ Карла V-го со всѣми отраслями государственнаго управленія и здѣсь быстро усвоивъ языкъ и обычаи страны, съумѣлъ сдѣлаться необходимымъ князю. Но въ то же время онъ осторожно сталъ вербовать себѣ сторонниковъ и друзей, осуждая жестокое управленіе князя и его опасную политику, мимоходомъ всегда давая понять, что Лопушнянъ и права то не имѣетъ на молдавскій престолъ, кромѣ сомнительнаго происхожденія его жены отъ старой династіи княжества между тѣмъ, какъ самъ онъ наслѣдникъ прямой славнаго рода Гераклидовъ, ближайшій родственникъ законной линіи Драгошей. Какъ ловко ни велъ Гераклидъ заговоръ противъ князя, но Лопушнянъ все таки узналъ о его проискахъ и окружилъ милаго родственника шпіонами, разсчитывая расправиться съ нимъ сію же минуту, если слухи оправдаются.

Но и Гераклидъ не оставался безъ извѣстій о намѣреніяхъ князя и, не дожидаясь рѣшительнаго момента, бѣжалъ въ Бухарестъ къ тамошнему князю Мирчи. Здѣсь онъ издалъ книгу о своемъ происхожденіи, въ которой доказывалъ, что предки его были правителями древней Дакіи, а потому онъ считаетъ себя прямымъ наслѣдникомъ молдавскаго престола. Такая смѣлая претензія заставила Александра послать къ сосѣду съ требованіемъ, либо самому расправиться съ претендентомъ, либо выдать его посланному. Гераклидъ, провѣдавъ объ этомъ и не считая себя достаточно безопаснымъ въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ своимъ противникомъ, въ 1559 г. бѣжалъ въ Трансильванскій Бѣлградъ (Alba Iulia). Вѣроятно, онъ и здѣсь разсчитывалъ найти такое же сочувствіе среди магнатовъ-единовѣрцевъ, какое нѣкогда нашелъ въ Литвѣ и Польшѣ, а при помощи могущественной аристократіи обоихъ государствъ такъ легко можно было осуществить взлелѣянный планъ?

Надежда не обманула Гераклида: его, дѣйствительно, приняли гостепріимно, даже съ сочувствіемъ. Правительница Трансильваніи, королева Изабелла, сестра Сигизмунда Августа и опекунша своего сына Іоанна Сигизмунда Заполи, женщина мечтательная и пылкая, приняла большое участіе въ планахъ Гера-

клида и готова была помочь ему, еслибъ не встрѣтила сопротивленія со стороны своего сына, достигшаго тогда уже совершеннолѣтія. Іоаннъ Сигизмундъ крѣпко держался за союзъ съ Турціей и потому не былъ расположенъ ссориться съ ней изъ-за Гераклида, помогая ему отнять престолъ у ея вассала, и вообще молодой трансильванскій князь крайне подозрительно относился къ Гераклиду, котораго въ его глазахъ дурно рекомендовало и то обстоятельство, что онъ воспитывался при дворѣ Карла V-го Габсбурга, а Габсбурги столько зла причинили его отцу Заполи.

Въ то время, какъ шла глухая борьба между матерью и сыномъ изъ-за Гераклида, въ Бѣлградъ пріѣхалъ посѣтить Изабеллу Альбрехтъ Ласкій, который при дворѣ познакомился съ Іоанномъ Гераклидомъ. Новые знакомые вскорѣ сошлись и даже подружились. Изабелла и Гераклидъ посвятили гостя въ тайны своего плана и пріобрѣли въ немъ новаго союзника. Такъ какъ Ласкій имѣетъ рѣшающее вліяніе на судьбу Гераклида, то мы считаемъ своевременнымъ познакомить съ нимъ читателя.

III.

Когда подъ конецъ XVI в. вошло въ обычай у знатныхъ людей Польши измышлять родословныя, ведя ихъ отъ римскихъ сенаторовъ, тогда и одинъ изъ Ласкихъ, вѣроятно, герой нашего разсказа, Альбрехтъ, нашелъ услужливое перо, создавшее ему длиннѣйшій рядъ предковъ, во главѣ которыхъ стоитъ какой-то норманскій рыцарь, соратникъ Вильгельма-Завоевателя, господинъ Альбрехтъ де Ляски, изгнанный изъ Англіи и поступившій будто бы на службу при дворѣ Болеслава Кривоустаго. Такъ, по крайней мѣрѣ, разсказываетъ о родословной Ласкихъ писатель XVII вѣка, но онъ, вѣроятно, просмотрѣлъ то обстоятельство, что сами Ласкіе XV и XVI вв. разсказывали объ этомъ иначе. Тѣ назывались Карабитами de Lasko. Съ конца

уже XIV вѣка извѣстенъ родъ Ласкихъ: Альбрехтъ Ласкій, каштелянъ Ленскій и Янъ Радлица, епископъ Краковскій; но съ теченіемъ времени родъ захудалъ по причинѣ одного изъ Ласкихъ, Яна Сѣрадзкаго, хорунжаго, который паломничалъ въ св. землю и, хотя возвратился домой Іерусалимскимъ рыцаремъ, но дорогой ослѣпъ и скоро умеръ.

Семейство Яна очутилось въ самомъ бѣдственномъ положеніи, потому что даже приданое невѣстокъ пошло на походъ въ Іерусалимъ. Сынъ его Андрей былъ до такой степени бѣденъ, что не могъ даже дать надлежащаго воспитанія своимъ дѣтямъ, о чемъ самъ сознается впослѣдствіи знаменитый сынъ его Іоаннъ Ласкій, издатель извѣстнаго Вислицкаго статута, великій канцлеръ, и затѣмъ примасъ королевства. Пронырливый и хитрый, послѣдній накопилъ громадныя богатства, которыхъ хватило на цѣлое столѣтіе, чтобы поддерживать блескъ и славу Ласкихъ. Ближайшими родственниками и наслѣдниками примаса были три сына его брата Ярослава: Іеронимъ, Станиславъ и Янъ, другъ и пріятель Эразма Роттердамскаго. Старшій Іеронимъ, женатый на Аннѣ изъ Рытвянъ, былъ отцомъ героя нашего разсказа Альбрехта Ласкаго, Vivam animi et corporis ejus (patris) imaginem, по выраженію современника.

У подножія Татровъ, надъ быстрой рѣкой Попрадомъ, въ долинѣ земли Спиской, лежитъ городокъ Кесмаркъ, окруженный со всѣхъ сторонъ взгорьями, опирающимися на хребетъ Карпатскихъ скалъ. Уже издали видѣнъ надъ городкомъ гордо поднявшій свои башни замокъ, остатокъ тѣхъ временъ, когда еще предки королевскаго рода Арпадовъ выковали въ скалѣ крѣпость для защиты земли Спиской отъ нападеній поляковъ-сосѣдей на самой границѣ Венгріи. Какъ будто въ насмѣшку надъ людскими предначертаніями, судьба отдала Кесмаркскій замокъ въ руки самаго могущественнаго и буйнаго польскаго рода Ласкихъ въ заслугу за содѣйствіе Яну Заполи занять престолъ Арпадовъ. Здѣсь-то въ 1533 г. узрѣлъ свѣтъ Божій Альбрехтъ Ласкій. Отецъ его Іеронимъ, воевода сѣрадскій и палатинъ земли венгерской, около этого времени въ вихрѣ политическихъ страстей и интригъ попалъ въ немилость у Яна

Заполи и, заподозрѣнный въ убійствѣ Верадынскаго епископа Цибаки, былъ посаженъ въ крѣпость въ городѣ Будѣ. Съ большимъ трудомъ, и то при помощи своихъ вліятельныхъ родныхъ, едва черезъ три года онъ освободился изъ заключенія и, пылая негодованіемъ и местью противъ неблагодарнаго Яна Заполи, перешелъ на сторону Фердинанда Габсбурга, по порученію котораго ѣздилъ въ Стамбулъ къ Солиману хлопотать о венгерской коронѣ своему новому принципалу; но Солиманъ принялъ его холодно, и миссія не удалась. Возвратившись на родину, онъ былъ отравленъ сторонниками Заполи въ 1542 г.

Печально прошло дѣтство молодаго Альбрехта подъ опекой друга дома Лобоцкаго. Здѣсь онъ упражнялся съ сверстниками въ военныхъ экзерциціяхъ и изучалъ языки и исторію. Кромѣ языковъ классическихъ, онъ зналъ много новыхъ, которые усваивалъ съ чрезвычайной легкостію. Не мѣсто здѣсь характеризовать намъ Ласкаго; его типичная особа очень подробно очерчена польскими историками, но замѣтимъ, что душа его была всегда ареной побоища Ормузда и Аримана, хотя, къ слову сказать, современники были отъ него въ восторгѣ. „Тѣ, говоритъ одинъ изъ нихъ, которые не знали его или были предубѣждены, слушая его пламенную рѣчь, невольно поддавались ей и подчинялись его мнѣніямъ. Въ веселой компаніи онъ былъ остроуменъ и боекъ въ отвѣтахъ; въ важныхъ же случаяхъ разсудителенъ, остороженъ, внимателенъ, всегда умѣвшій подать хорошій совѣтъ. Это Сократъ въ совѣтѣ, Ахилъ въ бою, Улисъ по богатству удивительныхъ приключеній“. А современный поэтъ восклицаетъ: „нѣтъ только у насъ Гомера, чтобы воспѣть этого славянскаго Одиссея“.

Достигши совершеннолѣтія, Ласкій, наслѣдникъ громадныхъ помѣстій въ Польшѣ и Венгріи, какъ вѣрноподданный двухъ королей, счелъ своею обязанностію посѣтить дворы Сигизмунда Августа и Фердинанда I Венгерскаго, побывавъ впослѣдствіи во всѣхъ знатнѣйшихъ дворахъ Европы, гдѣ познакомился съ славнѣйшими воинами своего времени. Вернувшись въ свой родовой замокъ Кесмаркъ, онъ окружилъ себя отборнѣйшими наемными воинами, мечтая при ихъ помощи покрыть

себя неувядаемой славой. Его дружина постоянно занималась военными упражненіями въ замкахъ Кесмаркскомъ и Рытвянскомъ подъ руководствомъ опытныхъ начальниковъ: Яна Ржыны, Ивана Пясецкаго, нашего подолянина, герба Забава, Якова Штрижковскаго, Сигизмунда Рожна и Николая Бронёвскаго, извѣстнаго подъ именемъ Кнехта, ожидая только подходящаго случая, чтобы покрыть славою своего вождя. Такой случай и нашелся при дворѣ Изабеллы возстановить попранныя права знатнаго рода Гераклидовъ. Мы не можемъ предугадать, какое направленіе приняли бы событія, еслибъ внезапная смерть (15 сент. 1559 г.) Изабеллы не спутала всего хода ихъ: Іоаннъ Сигизмундъ, ставъ независимымъ, не только отказалъ претенденту въ помощи, но готовъ былъ отослать его султану, чего у него уже домогался Лопушнянъ.

Но Ласкій, предупреждая намѣренія враговъ своего новаго друга Гераклида, увезъ его въ одинъ изъ своихъ замковъ и сталъ дѣятельно готовиться къ походу для низложенія Александра и утвержденія Гераклида на молдавскомъ престолѣ.

Ласкій въ началѣ 1560 г., укрывъ своего друга въ одномъ изъ своихъ замковъ, отправился въ Краковъ, чтобъ обсудить съ шляхтой диссидентами планъ и средства будущаго похода въ Молдавію. Для польскихъ диссидентовъ походъ въ Молдавію былъ дѣломъ очень желательнымъ, такъ какъ они при помощи Гераклида разсчитывали широко повести пропаганду своей вѣры въ Молдавіи и съ корнемъ вырвать исламъ, широко разросшійся тамъ при предшественникахъ Александра Лопушняна. Съѣздъ состоялся въ 1560 г. подъ предсѣдательствомъ Ласкаго, и на немъ былъ рѣшенъ немедленный походъ въ Молдавію подъ предводительствомъ Ласкаго. Король, услыхавъ объ этомъ походѣ пришелъ въ страшное негодованіе и немедленно разослалъ универсалы къ шляхтѣ, запрещая походъ подъ страхомъ инфаміи. Любопытныя подробности объ этомъ находимъ въ письмѣ нунція, о которомъ мы упоминали выше.

Зима и лѣто пошли на приготовленія къ походу; у Ласкаго было готово уже 1600 воиновъ, надъ которыми онъ назначилъ двухъ начальниковъ: надъ кавалеріей Сигизмунда Рожна,

а надъ пѣхотой Гванини, будущаго лѣтописца; самъ же принялъ званіе молдавскаго гетмана.

Въ тоже время и Гераклидъ получилъ извѣстіе, что въ столицѣ тирана загорѣлся мятежъ. Оба друга поторопились въ походъ, чтобы не потерять удобнаго момента; и весной 1561 г. двинулись въ Молдавію черезъ Карпаты, проходя частью по территоріи Рѣчи Посполитой. Уже отрядъ Ласкаго подходилъ къ Поморянамъ въ 10 миляхъ отъ Львова, какъ вдругъ польскія войска заступили имъ дорогу и разбили на голову. Ласкій понесъ незначительную потерю въ людяхъ, но десять пушекъ, всѣ военные возы достались непріятелю, а безъ нихъ невозможно было продолжать похода. Необходимость заставила вернуться домой.

Неудача не ослабила энергіи Ласкаго: онъ сталъ опять дѣятельно готовиться къ новому походу; а Гераклидъ въ то время отправился въ Кошицы къ правителю Верхней Венгріи Франциску Заю, вассалу Фердинанда I. Очаровавъ Зая съ свойственнымъ ему умѣніемъ и посвятивъ его во всѣ тайные планы и намѣренія, связывающіе его съ большею частію бояръ Молдавіи, Гераклидъ представилъ ему легкость, съ какой возможно завладѣть престоломъ Молдавіи, будь у него достаточно средствъ для этого, а потому убѣдительнѣйше просилъ хлопотать у императора о помощи войскомъ и деньгами; онъ же съ своей стороны клялся и обѣщалъ, въ случаѣ успѣха, подчинить Молдавію Фердинанду. Зай, очарованный Гераклидомъ и убѣжденный его краснорѣчіемъ, самъ проникся его планами, и въ такомъ духѣ послалъ представленіе императору. Тайный совѣтъ, разсматривавшій это представленіе, былъ въ большомъ затрудненіи: помочь ему хотѣлось, потому что были очевидныя выгоды и для государства, и для церкви, особенно для церкви, такъ какъ въ тайномъ совѣтѣ участвовали епископы: Юрій Драсковичъ, Загребскій, францискъ Форгачъ Верадынскій и Николай Олай, Остригонскій архіепископъ; но помочь было опасно, потому что Лопушнянъ, вассалъ грознаго султана, узнавъ о пребываніи Гераклида въ Венгріи, просилъ имперское правительство черезъ своего родственника графа Николая Зрина не

позволять жить въ своей странѣ такому опасному человѣку. Фердинандъ отвѣтилъ Лопушняну очень политично: онъ де въ силу установившагося обычая не можетъ выдать родственника воеводы, но сдѣлаетъ все возможное, чтобы не дать ему интриговать противъ своего князя; и въ тайномъ совѣтѣ тоже все дѣло чуть не сорвалось: никто не смѣлъ поднять голоса въ пользу просьбы Гераклида въ виду недавно заключеннаго мира съ турками и сомнительнаго успѣха новаго предпріятія; одинъ только Францискъ Форгачъ подалъ особое мнѣніе: не раздражая султана, говорилъ онъ, мы можемъ помочь Гераклиду деньгами и позволить тайно вербовать ратниковъ. На этомъ мнѣніи остановились и выдали Гераклиду 8 т. червонцевъ, позволивъ набирать войско. Зай, получивъ разрѣшеніе организовать помощь Гераклиду, горячо принялся хлопотать и даже уговорилъ храбраго начальника кавалеріи Антонія Шекели принять участіе въ походѣ.

Въ то время, когда Ласкій готовился ко второму походу въ Молдавію, Гераклидъ хлопоталъ о помощи за границей въ Сочавѣ. Въ княжескомъ дворцѣ заговоръ бояръ назрѣвалъ; самъ Александръ, казалось, помогалъ заговорщикамъ: бояре, маскируя передъ княземъ свои намѣренія, предложили ему войти въ сношенія съ Гераклидомъ, будто помимо вѣдома князя съ цѣлью заманить его въ руки Александра. Князь согласился, и бояре писали все, что говорилъ имъ князь, но устно черезъ нарочныхъ остерегали и объясняли Гераклиду все въ настоящемъ свѣтѣ. Гераклидъ, чтобы успокоить соперника и усыпить его бдительность, помогъ боярамъ разыграть комедію до конца: онъ, притворившись больнымъ, заперся въ своей комнатѣ въ Кесмаркскомъ замкѣ, не выходя никуда. Между тѣмъ стали ходить тревожные слухи, что ему хуже и хуже, пока не раздался печальный звонъ колоколовъ, извѣщавшій о смерти претендента на престолъ Молдавіи. На другой день назначены были торжественные похороны. Во время печальной церемоніи знатнѣйшіе рыцари изъ свиты Ласкаго на рукахъ несли гробъ, который положили въ склепѣ большой церкви св. Креста. Шпіонъ Лопушняна, всегда прибывавшій въ Кесмаркскомъ замкѣ съ

тѣхъ поръ, какъ тамъ поселился Гераклидъ, побѣжалъ къ своему князю съ извѣстіемъ о случившемся. Комедія съ пустымъ гробомъ удалась какъ нельзя лучше, потому что она усыпила бдительность Лопушняна и поляковъ, оберегавшихъ проходъ Ласкаго въ Молдавію.

Между тѣмъ отряды наемниковъ мало по малу стали стягиваться. Антонъ Шекели привелъ сто вершниковъ: Жанъ Виллье, французъ, состарившійся въ венгерской службѣ, тоже сто венгерскихъ вершниковъ; Жанъ Пьеръ Руссель и его братъ Клавдій Бургундцы—пятьдесятъ стрѣлковъ; Петръ Рукунскій, силезецъ, 150 человѣкъ тяжело вооруженной конницы; Филиппъ Гартингъ, Петръ Сѣдлицкій, Александръ Гванини, Пясецкій, Янъ Яржына, Янъ Ласоцкій, Іеронимъ Филипповскій и Сигизмундъ Роженъ прибыли на границу только въ концѣ октября. Маленькая армія двинулась черезъ Венгрію, имѣя на лѣвой рукѣ Середню, а на правой Муккачъ. Ласкій, наученный опытомъ, рѣшилъ быстрымъ движеніемъ предупредить поляковъ и не дать имъ времени собраться и заступить ему дорогу.

Придвинувшись къ польской границѣ, Ласкій отбросилъ польскій отрядъ, охранявшій границу, очистилъ дорогу отъ засѣкъ, которыми была завалена долина для затрудненія перехода войскъ, и въ первыхъ числахъ ноября сталъ въ Снятинѣ. Въ это время дали Лопушняну знать о грозившей ему опасности. Испуганный господарь сталъ собирать свои войска, мало подготовленныя къ бою, расположивъ ихъ до 25 т. на Сочавской долинѣ, а для переправы черезъ рѣку навелъ мостъ, защитивъ его пушками. Между тѣмъ отряды Ласкаго уже приближались къ столицѣ, не встрѣчая вѣстниковъ отъ единомышленныхъ бояръ. Гераклидъ былъ крайне смущенъ и сталъ уже подумывать о прінсканіи себѣ убѣжища въ Польшѣ, чтобы избѣжать случайностей войны, но Ласкій и Антонъ Шекели пристыдили его за трусость и онъ остался. Подойдя къ мосту, Ласкій сообразилъ, что не овладѣетъ имъ безъ большихъ потерь, поэтому послалъ Шекели внизъ по теченію рѣки съ небольшимъ отрядомъ искать брода. Когда Шекели остановился на удобномъ мѣстѣ для переправы и обнаруживалъ намѣреніе пе-

рейти рѣку, то молдаване, желая помѣшать ему, передвинули пушки съ моста къ мѣсту переправы Шекели, очистивъ, такимъ образомъ, дорогу Ласкому. Лишь только убрали пушки, Ласкій, какъ молнія, бросился на мостъ, вслѣдъ за нимъ кинулись Руссель съ Бургундцами, Виллье и Стефанъ Баторій съ артиллеріей, за которой слѣдовала пѣхота. Когда всѣ войска перешли рѣку, Ласкій построилъ ихъ въ боевомъ порядкѣ и сказалъ рѣчь, которую мы приводимъ, такъ какъ она характеризуетъ оратора. „Не жажда власти и добычи, говорилъ онъ, привели меня сюда. Вы знаете, что я никогда не гонялся за чужимъ добромъ, а скорѣе дѣлился своимъ собственнымъ съ мужественными и доблестными воинами, если надо было добыть себѣ славу и обезсмертить свое имя, которое сохранилось бы въ памяти потомства. По примѣру героевъ древности, я помогаю только тѣмъ, которыхъ преслѣдуетъ людская неправда. И теперь передъ вами благородный потомокъ древнихъ и славныхъ вождей этой страны, проситъ насъ, чтобы мы остріемъ нашихъ мечей возвратили ему престолъ отцовъ и дѣдовъ его“. Послѣ рѣчи Ласкій хотѣлъ уже подать знакъ къ наступленію, какъ изъ непріятельскаго лагеря раздался звукъ трубы, приглашающій къ переговорамъ. Вслѣдъ затѣмъ показался знакомый воинъ Михаилъ Рачъ, присланный Іоанномъ Сигизмундомъ Заполей въ помощь молдавскому господарю. Ласкій съ своей стороны выслалъ своего намѣстника Сигизмунда Рожна, герба Свобода, испытаннаго въ бояхъ воина, узнать, съ какою цѣлью пріѣхалъ посланный. Приближаясь на встрѣчу Рачу, Роженъ замѣтилъ, что оруженосецъ Рача несетъ за нимъ копье и, не обращая на это вниманія, пошелъ имъ на встрѣчу, не зовя никого изъ своихъ на помощь. Рачъ при приближеніи Рожна выхватилъ изъ рукъ своего оруженосца копье съ очевиднымъ намѣреніемъ бросить его въ намѣстника Ласкаго, но послѣдній, разсчитывая на живость своего коня и держа свое ружье въ готовности, не трогался съ мѣста до тѣхъ поръ, пока Рачъ не бросилъ въ него копьемъ, тогда онъ отскочилъ въ сторону и выстрѣлилъ въ противника изъ ружья. Пуля, отскочивъ отъ закаленныхъ латъ Рача, зажгла на немъ перевязь. Рачъ, не будучи въ си-

лахъ потушить огонь, бросился къ своимъ, вслѣдъ за нимъ исчезъ и Роженъ въ рядахъ молдаванъ. Въ арміи Ласкаго считали его уже погибшимъ, но черезъ четверть часа онъ вернулся къ своимъ цѣлъ и невредимъ.

Негодующее войско Ласкаго стремительно кинулось на молдаванъ, и ихъ передніе ряды дрогнули, а задніе побѣжали, побѣжалъ и ихъ князъ чуть ли не первымъ съ поля битвы. Отрядъ въ тысячу человѣкъ, охранявшій Александра, разбѣжался; Французы и Бургундцы бросились за ними съ ружьями и нанесли имъ особенно большой уронъ, когда подоспѣлъ Петръ Долива съ артиллеріей и далъ залпъ изъ орудій. Испуганныя лошади валаховъ раскидали своихъ всадниковъ по полю; но главныя силы молдаванъ еще продолжали сражаться, пока Ласкій не врѣзался въ самую середину ихъ и не взялъ господарскую хоругвь; только тогда они сдались съ своимъ предводителемъ Богданомъ. На полѣ битвы легло три тысячи молдаванъ, плѣнниковъ никто и не считалъ, потому что Гераклидъ, желая лаской и милостью задобрить своихъ новоподданныхъ, приказалъ распустить ихъ по домамъ. Новый господарь, вступая въ столицу, былъ торжественно встрѣченъ духовенствомъ и боярами.

Александръ Лопушнянъ, какъ только получилъ вѣсть изъ Польши о движеніи Гераклида и Ласкаго, отправилъ свое семейство съ сокровищами на Дунай, а теперь самъ послѣ проиграннаго сраженія остановился надъ Прутомъ въ ожиданіи, не пришлютъ ли ему придунайскіе паши или Валашскій господарь просимой помощи, смутно при этомъ надѣясь, что, можетъ быть, и его армія, разбитая и разсѣянная, соберется къ нему на подмогу. Въ тоже время и Гераклидъ не дремалъ: онъ сейчасъ же хотѣлъ выступить противъ своего врага, чтобы не дать ему времени оправиться и совсѣмъ уничтожить его, но военный совѣтъ рѣшилъ ожидать молдавскихъ войскъ, которыя окружили бы своего законнаго князя и вмѣстѣ съ нимъ выступили бы противъ Лопушняна.

Въ короткое время собралось до 25 т. охотниковъ молдаванъ; откуда-то добыли 32 пушки, снабженныя всѣмъ необхо-

димымъ, и вновь сформированная армія подъ начальствомъ молдавскаго гетмана Ласкаго, выступила въ походъ. Лишь только узнали въ лагерѣ Лопушняна о приближеніи непріятеля, то сейчасъ же сняли мостъ на р. Прутѣ близъ села Густъ. Антонъ Шекели, дѣлая рекогносцировку, наткнулся на небольшую деревню изъ нѣсколькихъ хатъ на самомъ берегу Прута, противъ лагеря непріятеля, и нашелъ ее мѣстомъ, удобнымъ для засады. Съ этой цѣлью онъ разставилъ пушки между хатами деревни, а стрѣлковъ выстроилъ въ боевомъ порядкѣ на берегу рѣки, противъ непріятеля, запретивъ тѣмъ и другимъ стрѣлять, пока онъ не подастъ знака, а чтобы скрыть отъ непріятеля артиллерію и стрѣлковъ, онъ впереди послѣднихъ выстроилъ конницу. Моцокъ, видя только кавалерію и думая, что все можно будетъ кончить миромъ, просилъ вступить въ переговоры. Шекели далъ согласіе, и Моцокъ подъ охраной небольшого отряда приблизился, а молдаване, не подозрѣвая засады, тоже сбѣжались поглазѣть на красивую конницу непріятеля. Тогда по знаку Шекели конница разступилась, и стрѣлки, выступивъ изъ засады, стали поражать любопытныхъ молдаванъ, а убійственный артиллерійскій огонь довершилъ дѣло стрѣлковъ. Шекели, не желая дать врагу убѣжать или дождаться турецкой помощи, собралъ заранѣе приготовленныя бочки, связалъ ихъ хворостинами дубняка и березняка, устроилъ изъ нихъ понтонный мостъ, устлавъ его хворостомъ и соломой и защитивъ пушками. Когда все было готово, онъ сталъ переводить войска, но Александръ, услыхавъ о его зятѣяхъ, не сталъ его дожидаться и бѣжалъ въ Силистрію. Тамъ, забравши свое скрывающееся семейство, уѣхалъ съ нимъ на жительство въ Константинополь.

(Окончаніе слѣдуетъ).

„Замчисько.“

РАЗСКАЗЪ.

I.

Неоглядная степная равнина далеко тянется во всѣ стороны отъ с. Бечменъ. Единственная возвышенность этой равнины—старое замчисько, расположенное на исскуственной насыпи. Широкіе муры кольцеобразно облегли высокій, круглый холмъ и „панують на все мисто“. „Изъ муривъ“ далеко видать во всѣ стороны... На пространствѣ, какое можетъ только охватить взглядъ, виднѣется много деревень и селъ. Вы будете считать ихъ и, должно быть, не сочтете...

Старыя стѣны еще крѣпки. Трещинъ въ нихъ немного. Круглыя, оконныя отверстія, симметрично расположенныя въ верхнемъ ярусѣ стѣнъ, придаютъ мурамъ издали видъ легкой рѣшетки, поставленной на массивномъ, безпросвѣтномъ основаніи. На выступахъ, покрытыхъ мохомъ и травой, растетъ „грабына“ и маленькія березки. Одинъ Богъ знаетъ, какъ онѣ сюда попали...

Внутри замчиська—круглая площадь. Тутъ лежатъ груды комней. Въ одномъ мѣстѣ—провалъ и ходъ въ „лёхъ“, въ другомъ—остатки жженой смолы и дегтя. Тутъ же, неизвѣстно съ какою цѣлью, врытъ на половину въ землю небольшой каменный крестъ. Быть можетъ—чья нибудь могила...

Тропинки и тераски холма, вьющіяся въ разныхъ направленіяхъ, усѣяны каменьями, падающими со стѣнъ, и издали

холмъ кажется унизаннымъ какъ бы каменными ожерельями. Украшеніе замка было оригинально, какъ и онъ самъ.

Съ трехъ сторонъ замчисько окружаютъ бечменскія поля. Съ одной только—протекаетъ небольшой ручеекъ, высыхающій лѣтомъ, но за то „буйно“ шумящій въ весеннее половодье. Берега ручейка покрыты невысокимъ, но густымъ лознякомъ. Мимо холма проходитъ большая трактовая дорога.

Странное впечатлѣніе производитъ старый замокъ своимъ видомъ.

Днёмъ этотъ холмъ, среди хлѣбородныхъ полей, не имѣющихъ ничего общаго съ мертвыми мурами, кажется неумѣстнымъ, некстати. Онъ нарушаетъ симметрію, цѣльность картины. Своей круглой, правильной формой съ усѣченнымъ верхомъ и расплывшимся основаніемъ онъ напоминаетъ громадный пень, который забыли срыть послѣ того, какъ срубили громадное дерево-гигантъ. „Отъ якъ бачите, говорятъ бечменцы, всюды ривно, якъ на долони, а тутъ Богъ гору давъ.“

Старый замокъ не любилъ дневнаго свѣта. Онъ ждалъ ночи. И не даромъ... Сумерками, когда тѣнь покрывала бечменскія поля, когда темное небо зажигалось множествомъ звѣздъ, замчисько было величественно. Оно какъ бы вытягивалось въ высоту и становилось еще выше. Сквозь его круглыя окна свѣтили группы далекихъ звѣздъ. Какой-то таинственной задумчивостью вѣяло отъ этихъ темныхъ стѣнъ. Это была уже не рѣшетка, а какая то грандіозная, фантастическая корзина съ красивымъ узорчатымъ верхомъ. Это былъ уже не пень, а скорѣе какой нибудь вѣнецъ, корона, усѣянная мерцавшими брилліантами. И чудилось, что давно, давно, въ сказочныя времена какой нибудь князь или король-великанъ, пораженный въ страшной битвѣ гигантовъ, спасался бѣгствомъ въ этой мѣстности и потерялъ свою корону... Съ тѣхъ поръ такъ и лежитъ она тутъ на бечменскомъ „шляху“ и гніетъ...

Кто насыпалъ этотъ холмъ? Кому понадобилась эта высота на этой неоглядной равнинѣ?

„Кажуть люде, що тутъ колысь спотычка съ татарвою була... Якійсь князь колысь живъ... Съ кимъ-сь воевавъ“...

„Може й такъ... Хто ёго знае"...

Во всякомъ случаѣ въ міросозерцаніи бечменцевъ старое замчисько занимало важное мѣсто. Съ замчиськомъ связано много такого, что заставляло бечменца порой качать въ недоумѣніи головой и задумчиво говорить: „тее то... якъ-то его.. Богъ его святый знае"...

Извѣстно, всякое мѣсто страшно, если въ немъ завелась,— „просты Господи",—нечисть. Но особенно страшно такое мѣсто, въ которомъ для этой нечисти слишкомъ много простора. А такими и были старые муры. Здѣсь на просторѣ свободно гулялъ вѣтеръ и могъ раскачивать сколько угодно „грабыну", могъ сносить со стѣнъ, сколько ему было угодно, нетвердо лежавшіе камни. Давно тутъ никто не жилъ. Лишь коршуны вили здѣсь свои гнѣзда, да совы вылетали отсюда и кружились въ темнотѣ надъ селами, оглашая равнину своими неопредѣленными звуками.

Ни одно мѣсто не внушало бечменцамъ столько загадочности, таинственности и страха, какъ замчисько, разсказы о которомъ были извѣстны по всей окрестности.

„И, Господы ты Боже мій, чого тыльки люде не розсказують про ты муры... Слухать не переслухать"...

Говорятъ, въ глубокомъ леху сидитъ монахъ съ святой книгой и спитъ. Другіе говорятъ, что не монахъ, а князь спитъ. Третьи—, что самъ „муровый живе въ замчиську и хапае часомъ людей". По временамъ онъ наводитъ на нихъ всякую хоробу: „и трасцю, и чорну болизть, и холеру", и что подвалы замчиська наполнены людскими костями.

Порою въ сильную бурю, при свистѣ вѣтра межъ щелями замчиська, слышенъ тутъ звонъ и плачъ. Бечменскій панъ-дьякъ слышалъ однажды въ замчиську колокольный звонъ и пѣніе; а кузнецъ Мусій удостовѣрялъ самымъ убѣдительнымъ образомъ, что онъ слышалъ удары молота и звонъ цѣпей. „Всяке, всяке" разсказываютъ про старое замчисько.

Въ Малороссіи много мѣстъ съ загадочнымъ настоящимъ, неяснымъ прошлымъ и печальнымъ будущимъ. Въ будущемъ замчисько ожидало разрушеніе.

II.

Въ одну весеннюю ночь недалеко отъ замка, на лужайкѣ, у костра расположились ночлежники. Ночь была тихая, свѣжая, одна изъ самыхъ лучшихъ весеннихъ ночей, когда лѣто не вошло въ свою силу, а весна не хочетъ отказаться отъ своихъ правъ. Въ воздухѣ было прохладно и сыро, но вѣтра не было, и пламя костра держалось прямо, „якъ на припечку“. У огня стоялъ горшокъ съ крупникомъ, а въ золѣ пеклась „бульба“.

Ночлежники—хлопцы изъ с. Бечменъ—сидѣли у огня, поджавъ подъ себя ноги, и разговаривали. Ихъ было трое. Степанъ и Иванъ имѣли каждый лѣтъ подъ двадцать; это были здоровые, рослые парни, о которыхъ говорили, „що имъ не мыноваты москаливъ“, въ случаѣ набора. Обое любили „побалакать, пожартовать“. На вечерницахъ не было лучшихъ говоруновъ, какъ они. Нѣкоторую противоположность своимъ товарищамъ представлялъ третій ночлежникъ — маленькій Петрусь. Ему былодвѣнадцать лѣтъ, но на видъ онъ казался моложе.

Низкорослый, сутуловатый, съ длиннымъ, блѣднымъ лицомъ и преждевременно впалою грудью, онъ представлялся болѣзненнымъ, хилымъ. Говорить много онъ не любилъ, но въ разговоры иногда вмѣшивался; по временамъ—кашлялъ..... Степанъ и Иванъ во всѣхъ отношеніяхъ брали верхъ надъ слабымъ Петрусемъ и командовали имъ. У матери онъ былъ „едынакъ“.

— Отъ и пишовъ винъ до рички, разсказывалъ Степанъ, напыться воды. Иде... А за нымъ все хтось нибы говорыть: „ой вернысь, бо глечика забувъ... вернысь бо глечика забувъ... не буде чимъ напыться, вернысь-бо“. Винъ ставъ и сказавъ: „зовсимъ не забувъ, бо ось глечикъ въ руци“. А въ его бувъ таки глечикъ. Отъ и пишовъ, и якъ ставъ зачерпаты воду, то такъ щось и потягло туды...

Разскащикъ сдѣлалъ руками жестъ отъ себя къ огню, какъ бы показывая, какъ его потянуло.

— Втопывся? переспросили въ одинъ голосъ товарищи.

— Ни, не втопывся. Крычаты ставъ. Чоловики почулы, выратовалы. Алежъ съ теи поры занедужавъ неборака, а потымъ вмеръ. Кажуть, съ того нибы...

— Эге, эге, и я чувъ также, перебилъ Иванъ, що нибы муровый колысь то давно бравъ соби въ муры або самого крипака хлопця, або саму наикращу дивку зъ села, и ризавъ ихъ на кавалки и ивъ. Чулы люде, якъ нибы воны крычалы въ мурахъ.

— То такъ було. На святу Паску, въ Велыкдень, оно тыльки сталы дякы клыкаты Христа [1]) на цвинтари, то винъ и выхопывъ хлопця. Писля розвыднило... Вси е, а хлопця нема...

— Нема?

— Нема.

— Такъ и пропавъ?

— Пропавъ. Кажуть, винъ писля кожного рапту закрывае по едному викну. Нибы такъ: вхопыть едного року хлопця и забье едне викно; визьме на другій рикъ—друге викно забье. Оттого-то въ замчиську де яки окна забыты. И еще кажуть, що якъ винъ хоче хапаты, то выглядае зъ-за своихъ муривъ. Стане, зопрется обыма руками на мурысько и озырае то туды, то сюды, на вси села... на Клодню, на Хавчики, на Жмурище...

— И на Бечмены?

— И на Бечмены, и на Загорье, на вси села, геть, геть, що выдны зъ муривъ. И вызырае, поки не выбере. Водыть очима то туды, то сюды,—страховыще таке.

Степанъ сдѣлалъ большіе глаза, закатилъ зрачки и повелъ ими направо, потомъ налѣво. Петрусь и Иванъ судорожно засмѣялись. Петрусь перемѣнилъ положеніе. Онъ легъ ближе къ огню.

— То певне брешуть, замѣтилъ онъ, подкладывая свои маленькія рученки подъ щеки и смотря на огонь.

— Брешуть, презрительно отозвался Степанъ. Самъ ты брешешь. Нащось-бы-то брехаты? Самъ чувъ—стари люде росказують.

---

[1]) „Клычуть Христа“, т. е поютъ поперемѣнно то священникъ, то дьячекъ „Христосъ воскресе“ передъ наружными дверьми, въ пасхальную заутреню.

— Я не кажу... Може тее и було... Нибы тее давно, колысь-то перше...—несамоувѣреннымъ голосомъ, робко возражалъ маленькій скептикъ: але теперь того нема, винъ не бере.

— Не бере. Почимъ ты знаешь? Може де и бере? Розумный ты дуже, отъ що... Розумнійшій наветь видъ старыхъ людей. Отъ поправь лучше горшокъ, да перекинь бульбу, щобъ не припеклася.

Петрусь поставилъ горшокъ ближе къ нагорѣвшему углю, взялъ „патычокъ“ и сталъ имъ бороздить золу, въ которой пеклась бульба. Степанъ досталъ изъ пазухи мошну съ тютюномъ и сталъ крутить папиросу. Иванъ развязывалъ лапти на ногахъ.

— И про викна, що ты казавъ, также певне тее... продолжалъ Петрусь, видимо довольный своей оппозиціей.

— Що?

— Брехня, здается...

— У тебе все брехня. А еднаково ты не пишовъ-бы еденъ въ замчисько?

Вопросъ былъ предложенъ серьезный. Петрусь подумалъ и отрицательно покачалъ головой.

— Ни, то друге дило...

Минуту шло молчаніе.

— Ще не вси викна забывъ, тыльки зъ едної стороны де яки забыты, сказалъ какъ бы про себя Иванъ, придвигая свои разутыя, грязныя ноги къ огню и вороша отъ удовольствія пальцами то одной, то другой ноги.

Петрусь украдкой поглядѣлъ въ сторону. Въ темнотѣ сразу ничего не было видно; но вглядѣвшись пристальнѣе, можно было замѣтить на темно-голубомъ фонѣ звѣзднаго неба рѣзко выдѣлявшійся чорный силуэтъ мрачнаго замка и даже различить оконныя отверстія, свѣтившіяся длиннымъ рядомъ....

— Може по твоему и те брехня, що въ замчиську холеру смолою облывалы? спросилъ Степанъ.

— Та таки брехня.

— А якъ-же по твоему смола взялася въ замчиську?

— Якъ взялася?! Люде смолу гналы, тай тее.... осталася.

Тѣ засмѣялись.

— Хтось-то стане въ замчиськy смолу гнаты, хиба выгона нема, чи що?

— А я чувъ такъ, сказалъ Иванъ, що люде споткалы холеру въ замчиську и сказалы ій: „мы тебе не боимося, бо въ насъ е дёготь и часныкъ". А вона засміялася и сказала:

Дёготь вашъ—до чобитъ,
А часныкъ—до ковбасъ,
А я таки иду до васъ.

— А що? Га? подхватилъ торжествующимъ голосомъ Степанъ, обращаясь къ Петрусю. Що ты протывъ сёго скажешь? Може по твоему и се брехня? Га?

Петрусь молчалъ. Очевидно, аргументъ былъ для него одинъ изъ самыхъ важныхъ. Потомъ, сообразивши, онъ началъ было возражать, что нечего смолою обливать холеру, если она „не боится нибы дёгтю, тее..." Но его осмѣяли и онъ спутался.

— Ну, колы вы кажете, то и я спытаю васъ, началъ храбро и замѣтно оживляясь Петрусь.

Ну, спытай, отвѣтилъ Степанъ, приготовляясь держать отвѣтъ на всякое возраженіе Петруся.

— Скажить вы мени, нащо хрестъ стоить на замчиську, колы тамъ тее... нечиста сыла?

— Звистно—такъ пришлося.... Люде поставылы. Тай хрестъ вже наполовыну сховався въ землю. Муровый хутко зовсимъ вжене его въ землю.

— А чому-жъ винъ теперъ не бере людей?

— Пожды може тебе якъ разъ вхопыть, отвѣтилъ спокойно Степанъ, тоди згадаешь, чи я правду кажу.

Иванъ широко раскрылъ ротъ, засмѣялся и еще быстрѣе сталъ ворошить пальцами ногъ. Это ему нравилось.

— Ни, не вхопыть, отвѣчалъ серьезно Петрусь.

— Зобачишь.

Молчаніе. Петрусь задумчиво глядѣлъ въ огонь.

— Дывысь, выкипае. Степанъ кивнулъ Петрусю на горшокъ. Тотъ вытянулъ горшокъ изъ углей. Ужинъ былъ готовъ. Ночлежники принялись за вечéру. Но не успѣли они „войты

въ смакъ", какъ въ мурахъ раздался неопредѣленный, протяжный звукъ. Иванъ несъ ко рту бульбу, да такъ и замеръ въ этомъ положеніи. Степанъ смотрѣлъ поверхъ огня, широко раскрывъ глаза и поднялъ предъ собой указательный палецъ. Петрусь сидѣлъ съ открытымъ ртомъ, держа ложку въ горшкѣ. Всѣ внимательно прислушивались. Звукъ повторился.

— А бачь! сказалъ Степанъ Петрусю, когда въ звукѣ не оставалось сомнѣнія. Не казавъ я?!

— Що, то ничого... то певне сова шипыть, або може тее... кицька, або що.

— Кицька!? Въ поли десь, дурнысько, кицька визьмется?!.. Также сказавъ ще...

Негодованіе товарищей противъ Петруся возросло. Въ эту минуту они были настроены видѣть въ каждомъ звукѣ и шорохѣ что нибудь необыкновенное. Конечно, случись этотъ звукъ днемъ, на него не обратилъ бы никто никакого вниманія, но здѣсь, при такой обстановкѣ, онъ говорилъ разгоряченному воображенію многое. Скептицизмъ Петруся былъ очень неумѣстенъ. На него въ одинъ голосъ напали и Степанъ, и Иванъ, которымъ не хотѣлось, чтобы всё это было такъ просто. Имъ, напротивъ, очень хотѣлось завтра разсказывать на селѣ, какъ они ночевали у замчиська, какъ сначала всё было тихо и какъ потомъ, когда они заговорили про муроваго, что то стало шипѣть и пищать. Суевѣрное чувство въ минуту возбужденія подсказываетъ неразвитому разсудку многое, чего не могло бы явиться при правильномъ теченіи мыслей.

Да и самъ Петрусь собственно не былъ хорошо увѣренъ, сова ли это, или кицька, или что нибудь другое. Онъ возражалъ, потому что ему такъ казалось. Конечно, вѣрнѣе всего, что сова... Это возможно. Но вѣдь, можетъ быть, и не она. Можетъ быть, какой нибудь звѣрь, забѣжавшій съ полей... Можетъ быть, кто нибудь подкрался къ нимъ и нарочно пугаетъ... а можетъ и винъ—муровый...

Да и чего не можетъ быть въ головѣ мальчугана, возбужденной грёзами о привидѣніяхъ и страхахъ. Отъ послѣдняго предположенія Петрусь вздрогнулъ. Онъ больше не возражалъ,

лежалъ ничкомъ и думалъ. Настроеніе товарищей незамѣтно передалось и ему. Молча стали приготовляться къ ночлегу.

Петрусь подложилъ подъ голову торбу и накрылся свиткой.

— Де то моя булана, щось не чуты дзвонка? Треба пойты подывыться, сказалъ, вставая и оглядываясь во всѣ стороны, Степанъ.

— Може зашла де далеко, дополнилъ его мысль Иванъ.

— Пиды но, Петро, найды, та нажены, обратился Степанъ въ шутливомъ тонѣ къ Петрусю.

— Иды самъ. Твоя кобыла, ты и иды.

— А я хочу, щобъ ты пишовъ.

— Не пиду.

— А я-жъ тебе прошу. Троячку дамъ. Калача у Гиси купышь.

— Самъ ижъ.

— Злякався.

Товарищи засмѣялись.

— Зовсимъ ни. Не хочется.

— Не хочется, передразнилъ его Степанъ, бо боишься, щобъ не вхопыло.

— Може ты боишься.

— Я?! Чого?! А ты боишься. По тоби выдно, що боишься. Храбрый же ты, Петро, якъ я бачу, дуже храбрый... На языци въ тебе ничого нема, ніякого страха, а якъ до дила приходытся, то и страхъ звиткильсь берется.

— Та що ему теперъ, продолжалъ Иванъ. Глянь, якъ накрывся. Для его теперъ нема ніякихъ страхивъ.

— Для його и замчиська певне нема. Петро, а Петро, скажи-но, чи то правду люде кажуть, що замчисько нибы на гори стоить, чи може брешуть?

Петро молчалъ; товарищи продолжали подтрунивать.

— Я знаю, чого винъ такій безбоязный. Бо його маты якъ вродыла, то въ ночовкахъ, або въ корыти плаваты заставляла, та весла не давала, сказалъ Иванъ и „на всю губу“ засмѣялся своей остротѣ.

— А я чувъ, що за пазухою до пятого року держала.

— Тай теперь держить.

— Петро, а Петро, скажи-но, чи тепло у матери за пазухою седиты?

— Ни, винъ теперь за пазухою не седыть. То колысь було. Винъ въ закутокъ теперь лазыть, тамъ и спыть.

— Бо винъ теперь,—треба таки сказаты правду,—велыкій ставъ.

— Эге, я чувъ, маты ёго хутко оженыть. Тыльки дивки ніякъ не подбере...

— Щобъ по закутку пришлась.

— Петро, а добре спаты у закутку?

— Певне лучше таки якъ на ночляхъ. Зигнувся въ штыри погибели.

Шутки истощились. Степанъ зѣвнулъ.

— Ну, а все-жъ таки треба иты нагнаты свою булану.

Онъ накинулъ уже на плечи свитку и собрался идти. Но Иванъ, которому еще не хотѣлось спать, молча подмигнулъ ему на лежавшаго Петра.

— Петро, ну то скажи, не пидешь за буланою?

Молчаніе.

— Ну, то ходы зо мною, якъ самъ не хочешь.

— Та де тамъ... не пиде. Отъ якъ-бы ще мама просыла, то винъ може и пишовъ бы зъ нею, уципывшись за спидныцю.

Петрусь быстро скинулъ съ себя свитку и поднялся.

— Въ яку сторону пишла твоя булана? спросилъ онъ. На его рѣсницахъ дрожали слёзы, но онъ храбрился.

— Въ лозы, геть, отвѣчалъ Степанъ, указывая въ промежутокъ между замчиськомъ и ручейкомъ. Та подвяжи постола на правій нози, повидъ розвязався. Петрусь небрежно замоталъ поводъ кругомъ ноги.

— Ай, да Петро, отъ такъ Петро! Иды, иды дальби дамъ троячку на калачи.

— Пишовъ...

— Пишовъ, розсердывся.

— Нехай, бо дуже мудрый ставъ.

III.

Но Петрусь не слышалъ ихъ. Въ сильномъ волненіи онъ даже не замѣтилъ, какъ отошелъ на порядочное разстояніе отъ костра и вошелъ въ лозы. Въ сторонѣ, по правую руку, стояло замчисько, но онъ старался не глядѣть на него. Досада, вызванная насмѣшками товарищей, изгладила въ немъ первоначальное настроеніе робости, и онъ шелъ твердо, обычною поступью. Но по мѣрѣ того, какъ лозы становились гуще, досада забывалась. Забывались и шутки товарищей. Страхъ постепенно сталъ овладѣвать его робкой душой. Онъ остановился. Сердце въ немъ сильно билось....

„Ну, щожъ, вернусь... Скажу не найшовъ... Велыка бида"...

Онъ уже повернулъ назадъ, но услышалъ знакомый звукъ колокольчика буланой.

„А щобъ тебе холера зъила! болячки на тебе нема!"—сказалъ онъ въ сердцахъ и повернулъ въ сторону колокольчика. Вернуться къ костру съ буланой—было бы лучшимъ тріумфомъ въ его положеніи.

Мысль о замчиськѣ и его таинственномъ обитателѣ ни на минуту теперь не оставляла впечатлительнаго Петруся. Обходя какой то „корчъ", онъ глянулъ въ сторону. Поверхъ лозъ какъ-бы висѣла въ воздухѣ мрачная громада замчиська. Его очертанія были теперь особенно рельефны. Онъ обошелъ кустъ. Ему хотѣлось взглянуть еще разъ. На этотъ разъ оконныя отверстія въ мурахъ показались ему какъ бы свѣтлѣе. Петрусь быстро отвернулъ голову и прислушался. Звонка не было слышно,—звенѣло только въ ушахъ.

„Це мени певне прикметылося, що дзвонокъ... Ничого нема... тее... треба назадъ..."

Онъ повернулся назадъ и, не разбирая дороги, бросился къ выходу изъ лозъ. Замчисько непонятной силой манило его взоръ къ себѣ. Онъ остановился перевести духъ.

„Ну щожъ! ну и подывлюсь... Ну, и ничого... Щожъ зъ того?! Я ёму ничого тее... не зробывъ.... Я тее тильки, такъ

соби..." старался Петрусь успокоить самого себя, но напрасно. Воображеніе работало сильнѣе и сильнѣе.

Ему почудилось, что за стѣнами замчиська копошится что-то такое, что тамъ вздувается какая-то темная масса, на подобіе кваши въ громадной квашнѣ... Онъ глянулъ еще, и еще... Масса то опускалась, то подымалась.

Вдругъ, за стѣнами замчиська моментально показался громадный старикъ съ сѣдой бородой, раскинутой во всѣ стороны. Перегибаясь чрезъ свою оконную рѣшетку, онъ то и дѣло заглядывалъ въ сторону костра и медленно поводилъ головой изъ стороны въ сторону. Глаза его были опущены. Лицо—морщинистое, задумчивое. На головѣ—ни волоска. Онъ опирался руками о концы стѣнъ и какъ-бы кого то искалъ....

Ноги подкосились у бѣднаго Петруся. Онъ весь задрожалъ. Въ горлѣ перехватило дыханіе. Глаза стали на выкатѣ. Онъ глядѣлъ предъ собой и бѣжалъ. Вдали былъ уже видѣнъ костеръ. Вотъ, вотъ близко.... Онъ добѣжитъ. На пути пришлось обѣжать кустъ. Замчисько снова бросилось въ глаза.

Привидѣніе росло. Вотъ онъ всё вытягивается и вытягивается. Выше и выше подымается у него голова. Глаза сверкнули разъ, другой. Онъ увидѣлъ Петра и протягиваетъ къ нему свои необъятныя руки. Его глаза засвѣтились радостью.

Петрусь инстинктивно пригнулся. Но въ это время сильная рука схватила его за спину.

— Ай! Ай! взвизгнулъ не своимъ голосомъ Петрусь и повалился на землю. Онъ лишился чувствъ.

IV.

— Це Петро крычить... сказалъ зѣвая Иванъ, улегшійся уже спать.

— Эге, здается винъ, подтвердилъ Степанъ, приподымаясь и облокачиваясь на руку.

— Прошло нѣкоторое время. Буланой не было, не было и Петра.

— Що винъ такъ довго?

— Нехай шукае, успокоительно замѣтилъ Степанъ и улегся опять спать.

— Но въ это время донесся неясный стонъ Петруся. Степанъ и Иванъ молча въ одинъ прыжокъ вскочили съ своихъ мѣстъ и побѣжали по направленію голоса. На опушкѣ лозняка они натолкнулись на лежавшаго Петра и бормотавшаго что-то такое совершенно безсвязное. Глаза его были странно выпячены... Размотавшійся поводъ лаптя крѣпко зацѣпился за лежавшую „ломаку" и держалъ одну ногу вытянутою.

— Господи, що се зъ Петромъ?!

— Бери, бери за ноги...

— Отъ несчастье.

— А не казавъ я...

Они принесли Петра къ костру, уложили его близъ огня и накрыли своими свитками. Степанъ и Иванъ больше не шутили. Въ тревожномъ настроеніи они просидѣли до разсвѣта, слушали неясный бредъ Петруся и, когда разсвѣло, отвели его страшно блѣднаго и измученнаго въ село.

V.

До пріѣзда доктора больной лежалъ накрытый ночовками, на которыхъ „мяломъ" разбили нѣсколько горшковъ и мисокъ. Потомъ привезли доктора „зъ миста". У Петруся оказалась сильная горячка отъ перепуга. Чрезъ нѣсколько дней онъ умеръ.

Разспросы доктора о причинѣ болѣзни не привели ни къ чему. Крестьяне давали самыя сбивчивыя показанія. Большинство говорило: „хто може знаты? Богъ знае".

Когда докторъ уѣхалъ, а маленькій Петрусь лежалъ на могилкахъ, бечменцы высказывались опредѣленнѣе: „винъ вхопывъ... То его дило... Давно не бравъ... Винъ хоробу наславъ".

Въ весну Петрусевой смерти огороды, расположенные вблизи замчиська, опустѣли. Суевѣрныя хозяйки боялись въ нихъ что либо садить. Камни, увезенные нѣкоторыми изъ крестьянъ на постройку домовыхъ печей, были привезены обратно. Изъ замчиська никто ничего не рѣшался брать. Изъ хлопцивъ, любив-

шихъ на Пасху бѣгать по замчиську и играть тутъ въ рѣшетку, очень немногіе посѣтили замчисько въ свѣтлые праздники. Тропинка къ ямѣ, въ которой копали „червоный песокъ“, заросла травой. И только самые смѣлые изъ ночлежниковъ рѣшались ночевать въ лозняку близъ старого замчиська.

„Чи не знаете-но вы часомъ Олены Тимчучки? Га? Отъ тіеи бабы, що завше швендается по мисти зъ мотузками, та шматья збирае... Эге, эге... беззуба така, горбата, еи дразнять ще „козлячкою“... Тожъ-то маты Петруся. Якъ не вирите, що муровый насылае хоробу на людей, то еи спытайте. Вона все розскаже, якъ дило було. Вона мени росказувала.

Отъ и кажить писля сего, що людей не хапае... Боже бороны! Нехай тому на языци симъ болячокъ сяде, хто се говорить. Присяйби!...

Ѳ. Кудринскій.

Отрывокъ изъ дневника полтавскаго помѣщика.

(1834—35 гг.).

Изучая нашу письменную старину, мы обыкновенно заканчиваемъ это изученіе XVIII-мъ вѣкомъ и далѣе не идемъ, находя, что настоящій вѣкъ представляетъ еще „новину", а не старину. Между тѣмъ, приблизившись, незамѣтно, къ концу этого XIX-го вѣка, мы настолько отдалились отъ первой его половины, что событія послѣдней отошли уже и для насъ въ исторію, особенно послѣ великой реформы 1861 г.—Разнаго рода письменные памятники первой половины XIX в., которые мы до сихъ поръ отодвигали въ сторону, какъ памятники для изученія которыхъ не настало еще время, не только могутъ, но и должны уже подлежать нашему разсмотрѣнію для изученія исторіи этой первой половины XIX в. Пересматривая недавно разную письменную старину изъ собранія К. Н. Скаржинской (хранящуюся въ х. Кругликѣ, около г. Лубенъ), мы встрѣтили здѣсь немало интересныхъ бумагъ, относящихся къ перв. полов. XIX в., особенно среди частной переписки мѣстныхъ помѣщиковъ. Тутъ же встрѣтили мы и дневникъ лохвицкаго помѣщика Н. В. Райзера, веденный имъ въ тридцатыхъ годахъ.—Фамилія Райзеровъ звучитъ непривычно среди лохвицкихъ помѣщиковъ нач. XIX в., когда уѣздъ этотъ состоялъ лишь изъ Гамалѣевъ, Ходолѣевъ, Корсуновъ, Слюзовъ, Суковъ... Райзеры попали въ кругъ помѣщиковъ полтавской губерніи случайно. Прадѣдъ автора дневника—Викентій Райзеръ прибылъ въ Россію на службу едва-ли еще не при Петрѣ Великомъ; служилъ онъ вице-

президентомъ бергъ-коллегіи, имѣлъ чинъ дѣйст. ст. совѣтника и оставался на службѣ 50 лѣтъ; такъ писали его дочери въ одномъ своемъ прошеніи 1780 г. Сынъ этого Викентія Райзера, Викентій же, служилъ въ военной службѣ, участвовалъ въ покореніи Крыма, былъ произведенъ за эту службу въ чинъ генералъ-поручика и вслѣдъ затѣмъ (кажется въ 1780 г.) умеръ. Служба В. В. Райзера была настолько замѣтна, что императоръ Павелъ вспомнилъ о ней при своемъ воцареніи и нашелъ нужнымъ наградить семью умершаго генерала—пожалованіемъ значительнаго имѣнія. Трощинскій писалъ (10 дек., 1796 г.) вдовѣ Райзера, что государь „удостоилъ милостивымъ воспоминаніемъ заслугъ покойнаго супруга, въ воздаяніе которыхъ намѣреніе имѣетъ пожаловать вамъ деревню, предоставляя выборъ оной или въ Малой Россіи изъ свободныхъ казенныхъ селеній или, въ великороссійкихъ губерніяхъ“ [1]). Вдова Райзера пожелала получить пожалованіе въ Малой Россіи и, по указу 2 мая, 1797 г., ей было дано крестьянъ 532 д. м. п.; изъ нихъ въ с. Поставмукахъ (лохвицк. у.)--277 д., въ д. Пятигорцахъ (лубенск. у.)—13 д., въ с. Селищѣ (переясл. у.)—161 д. и въ д. Нестеровкѣ (остерск. у.)—121 д. У Вик. Вик. Райзера осталось два сына, Вилимъ (род. ок. 1766 г.) и Степанъ, и дочь Катерина, бывшая потомъ замужемъ за кн. Дм. Мих. Циціановымъ. О Степанѣ мы ничего не знаемъ, а Вилимъ или Вильгельмъ Р—ръ служилъ, какъ и отецъ, въ военной службѣ. Изъ одного его письма, писаннаго, въ ноябрѣ 1800 г., изъ „Лиля во Фландріи“

---

[1]) Служба В. В. Райзера отличена была уже и раньше, тоже, какъ видно, при участіи цесаревича Павла Петровича, судя по слѣдующему письму къ Райзеру Потемкина: „Мил. Госуд. Векентій Векентіевичъ. Съ найпріятнѣйшимъ удовольствіемъ моимъ имѣю случай препроводить къ вашему превосходительству новый опытъ высочайшей ея императорскаго величества за достохвальную службу вашу, милости, которой благоугодно было почтить васъ при высокомъ отъ его императорскаго высочества письмѣ орденомъ св. Анны, съ полученіемъ котораго искренне привѣтствуя, поставляю себѣ непреоборимымъ правиломъ ходатайствовать къ пользѣ и удовольствію вашему при всякомъ преподаваемомъ вами мнѣ случае и быть всегда съ совѣршеннымъ почтѣніемъ и преданностью вашего пр—ва, милост. государя моего, покорный слуга графъ Потемкинъ. Іюля 19 дня, 1775 г. Его Превос. Райзеру“. Какъ извѣстно, право жалованія голштинскимъ орденомъ св. Анны Екатерина II предоставила цесаревичу Павлу Петровичу.

видно, что онъ болѣе года находился „во Франціи военноплѣннымъ" [1]). Затѣмъ, при образованіи въ 1812 г. полтавскаго земскаго ополченія, начальникомъ котораго былъ кн. Фил. Сем. Жеваховъ, Вил. Райзеръ былъ назначенъ „губернскимъ есауломъ" этого ополченія. Послѣ изгнанія французовъ, полтавское ополченіе было направлено въ Польшу, причемъ Райзеръ имѣлъ званіе уже „губернскаго обознаго" [2]). Дальше Польши полтавское ополченіе, кажется, не двигалось. Райзеръ съ своимъ отрядомъ стоялъ въ Люблинѣ и, кромѣ своего ополченскаго обозничества, несъ еще и другую должность—люблинскаго коменданта. Въ Польшѣ полтавское ополченіе оставалось и въ 1814 г. и, какъ видно, сильно скучало бездѣйствіемъ [3]).—Гдѣ жилъ и когда умеръ, по возвращеніи изъ Польши, В. В. Р—ръ—не знаемъ. Онъ оставилъ сына Николая и двухъ дочерей. Сынъ учился сначала въ харьковскомъ частномъ пансіонѣ Герасима Коваленкова (въ 1820 г.), а затѣмъ поступилъ въ военную службу и въ 1830 г. былъ уже офицеромъ генеральнаго штаба, находясь въ губ. г. Могилевѣ, при главной квартирѣ арміи.

Здѣсь онъ началъ вести свой дневникъ, въ которомъ записывалъ свое времяпрепровожденіе, состоявшее то въ исполненіи служебныхъ обязанностей, то въ посѣщеніяхъ знакомыхъ. Однообразіе дневника, веденнаго въ продолженіи шести лѣтъ, нарушено эпизодомъ о поѣздкѣ Н. В. Р—ра въ отпускъ домой, въ Малороссію, зимою 1834—35 г. Пробылъ онъ въ этомъ отпуску три мѣсяца (декабрь, январь и февраль) и записалъ за это время всѣ свои встрѣчи съ родными и знакомыми и впечатлѣнія. Пріѣхавъ въ Малороссію послѣ шестилѣтняго отсутствія, молодой Н. В. Р—ръ (ему было ок. 30-ти лѣтъ), внимательно всматривался въ домашнюю и общественную жизнь своихъ родныхъ и знакомыхъ и наблюденія эти довольно подробно запи-

---

[1]) „Находясь 14—ть мѣсяцевъ во Франціи военнопленнымъ, притерпѣваю я совершенно во всемъ недостатокъ, не имѣя здѣсь никого изъ ведущихъ съ Петербургомъ кореспонденцію знакомыхъ"... Попалъ въ плѣнъ Р—ръ, вѣроятно, изъ экспедиціоннаго отряда генерала Германа, отправленнаго въ Голландію.

[2]) См. письмо В. В. Капниста (автора „Ябеды") къ Р—ру—*въ приложеніи А.*

[3]) См. письмо Томары къ Р—ру, *въ приложеніи Б.*

салъ въ свой дневникъ. Этотъ эпизодъ—о поѣздкѣ Р—ра въ отпускъ въ Малороссію,—мы и печатаемъ здѣсь, какъ заключающій въ себѣ небезъинтересныя бытовыя подробности о частной жизни малорусскихъ помѣщиковъ тритцатыхъ годовъ.

Ал. Л.

Пирятинъ, 3 декабря 1834 г. Около полудня пріѣхалъ въ Пирятинъ.—Хотѣлъ ѣхать въ Поставмуки, какъ входитъ жидъ и говоритъ, что Катинька и Дмитрій Васильевичъ [1]) живутъ въ Давыдовкѣ, восемнадцать верстъ отсюда, и приказали просить къ себѣ, и прибавилъ, что онъ на меня давно выглядывалъ.—Дорога ужасная,—къ вечеру едва дотащился я въ Давыдовку. Сестра обомлѣла у меня на шеѣ.—Какой огромный и толстый у меня зять! Я шесть лѣтъ не былъ, слѣдовательно, можно понять мое удовольствіе! Къ полнотѣ моего удовольствія не доставало чего то,—это доброй моей Настиньки [2]).

6. Мои имянины провели мы дома; никого не было, да у нихъ никого и не бываетъ; странно!—Д. В—а братъ—въ нѣсколькихъ шагахъ и онъ у него не бываетъ.—Странно, что Катинька не любитъ ни дядю, ни даже кого либо изъ нихъ; Д. В. тоже, и очень дурно относились объ Анютѣ и Алексѣѣ.—Но не смотря на то, я желаю ихъ видѣть и мнѣ кажется, что я все еще не дома;—да, признаюсь, мнѣ что то не нравится житье зятя. Домъ двухъ-этажный, въ серединѣ пустой, голый. Да, намеки нашей Насти и принужденное замужество Дашки и слезы, что нечего ѣсть и много кой чего другого, все заставляло меня желать ѣхать въ Поставмуки. Но на мое предложеніе всегда находились отговорки: то лошади въ хуторѣ, то дурная дорога, то—и проч... Любезный старикъ В. Пав. провелъ у насъ почти цѣлый день.

---

[1]) Г—ленко, который женился на К. В. Райзеръ въ 1834 г., будучи вдовцомъ и имѣя отъ первой жены восемь дѣтей, какъ говоритъ его вторая жена въ одномъ своемъ письмѣ.

[2]) Настасья В—на была другая сестра Н. В. Райзера, вышедшая замужъ въ томъ же 1834 г., за Вас. Ал. Коренова.

7. Сегодня пришла Нат. Вас.;—что за смѣшная, однимъ словомъ сорокалѣтняя дѣвушка, толстая, высокая, безобразная,—съ большими притензіями на невинность. Передъ вечеромъ я съ нею пошелъ къ Пав. Вас.—совершенный хохолъ! Жена его уморительно говоритъ по-русски, но они живутъ лучше моего зятя.

9. Мы все-таки ни ѣдемъ! а мнѣ здѣсь дѣлается какъ-то невесело. Не нравится мнѣ что-то зять мой, хотя онъ чрезвычайно ухаживаетъ около меня; но онъ большой эгоистъ, скупъ, упрямъ; всѣ его разговоры о хозяйствѣ, деньгахъ, пріобрѣтеніяхъ, о томъ, что онъ надулъ кого нибудь... Другого же разговора, къ моему сожалѣнью, я замѣтилъ, что не можетъ весть. Нѣтъ, выборъ сестры—незавидный; что заставило ее выдти? Они безпрестанно уговариваютъ меня, чтобы я имѣніе продалъ и Д. В. обѣщаетъ дать больше тысячи рублей противъ другихъ.—Чтобы это значило?

11. Мы еще здѣсь. Но я какъ-то объявилъ, что найму лошадей и уѣду, чтобы видѣться со своими родными, это кажется подѣйствовало и рѣшено завтра ѣхать. Какой безпорядокъ! ни экипажа, ни кучеровъ!—Лошади стояли на бардѣ и здѣсь для нихъ сѣна нѣтъ. Сегодня привелъ Николка мою пару изъ Поставмукъ въ самомъ несчастномъ видѣ. Послѣ обѣда пріѣхала Прися, славная, свѣжая дѣвка...

12. Я никогда не могъ представить, чтобы меня посадили въ такіе сани!—отпускной свитскій офицеръ ѣдетъ съ помѣщикомъ зятемъ и въ такомъ видѣ? Я всю дорогу кипѣлъ, и наконецъ, не вытерпѣлъ—сказалъ, въ Пирятинѣ, сестрѣ: „ей Богу мнѣ совѣстно на людей смотрѣть и я долженъ отворачиваться, когда проѣзжаю мимо кого". Наконецъ, поздно вечеромъ, мы въѣхали на большой нашъ дворъ, люди встрѣтили насъ. Какое удовольствіе, послѣ шести лѣтъ, вступить въ собственный родной домъ!

13. Въ одинадцать утра поѣхали къ дядѣ. Тамъ еще не знали, что я въ Поставмукахъ. Какъ были рады, довольны всѣ. Часа черезъ два пріѣхалъ Алексѣй и Мари. Я его девять лѣтъ не видѣлъ: молодецъ, хорошъ собой, Мари—мила. Они всѣ такъ рады, увидѣвши меня! за что же я ихъ не буду любить? Да притомъ я не вѣрю тому, что о нихъ мнѣ разсказывали.

Надя и Маша невѣсты и милыя дѣвушки, особливо Надя,—Анюта же почти не постарѣла;—дядинька крѣпко опустился и похудалъ.—На завтра Алексѣй пригласилъ къ себѣ.

14. Кат. и Д. В. сначала не хотѣли ѣхать, но я ихъ уговорилъ. Уль. Ми. также добра и мила, какъ и прежде. Алексѣй живетъ изрядно; въ домѣ порядокъ и онъ смотритъ настоящимъ помѣщикомъ; я его люблю душевно, братски.

15. Обѣдали у дяди Алексѣя, и Мари тоже была. Павинька преуморительный. Надя изрядно бы пѣла, если-бы прибавляла больше смѣлости; у Мари голосъ сдѣлался слабѣе; Маша препорядочно играетъ.

16. День провели тоже у дяди. Пріѣхалъ Трофимъ Степановичъ. Мои его тоже не любятъ, но я не нахожу за что. Досадно видѣть, что Кат. и Д. В—чъ стараются удаляться и какъ бы чуждаются родныхъ. На завтра мы пригласили къ себѣ на обѣдъ.

17. Сестрамъ понравилась моя комната. Играли на Настинькиныхъ фортопіанахъ, которыхъ тонъ очень хорошъ; какъ я чувствую недостатокъ, что нѣтъ моей милой сестры!—Катинька какъ то холодна со мной и замѣтно принужденіе, но Настинька, я увѣренъ, чтобъ иначе была.

18. До сихъ поръ, ожидая Настиньки, мы ни къ чему не приступали и я еще ничего не знаю, ни во что не мѣшался, но чувствуя, что надо же хотя немного войти въ хозяйство и узнать, что составляетъ мое богатство; сегодня пошелъ ходить.—Прокопъ пришелъ ко мнѣ. Я узналъ, что на нашемъ корму стоятъ Д. В—ча волы, между тѣмъ какъ для нашихъ его мало, и при этихъ годахъ это небездѣлица; что перевезено изъ Пятигорецъ болѣе шести сотъ пудовъ хлѣба, что взято Катинькой въ Давыдовку тысячи полторы денегъ; что безпрестанно употребляли людей и измучили крестьянскихъ воловъ на работы имъ-же, что... но много, много кой чего такого, что мнѣ ясно показало, съ кѣмъ я имѣю дѣло. Какъ я былъ чувствительно огорченъ, увидя, что обманулся въ безкорыстной сестринской любви, увидѣлъ ясно, что для пользы своей, она забыла брата и сестру. Припомнилъ нѣсколько обстоятельствъ и ея разговоры,

началъ догадываться, что она меня не любитъ и что дурно платитъ за мою всегдашнюю къ ней любовь и полную довѣренность. Люди же ихъ командуютъ и приказываютъ и, не имѣя ни одежды, ни обуви, приказываютъ сами шить и то и другое. Боже мой, вѣдь это при моихъ глазахъ, что-же въ другое время. Я приказалъ Прокопу никакихъ приказаній Д. В—ча не слушать, а говорить мнѣ; приказанія же сестры исполнять, но увѣдомляя меня. Возвратясь, я засталъ своихъ за чайнымъ столомъ. Приписывая всѣ невыгодныя для насъ распоряженія Д. В—чу, я рѣшилъ говорить ему сколько могъ шутя, вѣжливо просилъ его, что нельзя ли воловъ перегнать въ Енковцы къ винокурнѣ, объясняя ему причины на то, но онъ ужасно сконфузился и свернулъ на сестру и потомъ прибавилъ: „ну, если воловъ нашихъ прогоняютъ, то что жъ намъ тутъ дѣлать, поѣдемъ"! Гмъ! Какъ будто они для воловъ тутъ жили? Тутъ Катинька начала говорить двусмысленности: что какъ она старалась, какъ... однимъ словомъ они жестоко разсердились за воловъ и, на всѣ мои резоны, рѣшились ѣхать и—послѣ обѣда уѣхали. Я былъ чрезвычайно недоволенъ, разсерженъ, огорченъ и вотъ какъ послѣ шести лѣтъ мнѣ рады! Нѣтъ моей милой, доброй Настиньки. Вечеръ былъ я у дядиньки.

19. Поѣхалъ я съ сестрами въ Сухоносовку,—всѣ удивлялись отъѣзду сестры. Мари пѣла.

22. Получилъ отъ Настиньки письмо; еще не знаетъ, будетъ ли или нѣтъ. Какое ее милое письмо, какъ она любитъ меня! Какая пустота въ домѣ и комнатахъ! Удивляюсь, почему не курили въ винокурнѣ; теперь такъ выгодно,—приноситъ до двадцати руб. въ день, но это расчетъ Д. В. (я не говорю сестры). Авдотья каждое утро со мною чай пьетъ. Я ее ни о чемъ не распрашивалъ, но она разсказала такія новости, а особливо каково было жить Настиньки съ Катинькой, что я право ужаснулся и долженъ душевно согласиться, что Катинька дурная женщина.

23. Часовъ въ двѣнадцать ночи, когда еще я не спалъ, а только лежалъ,—вижу свѣтъ въ окнахъ, встаю и вижу винокурня горитъ. Разбудилъ всю дворню и пошелъ къ винокурнѣ. Огня

въ печахъ нѣтъ, трубы чисты и еще не совсѣмъ закоптѣлись,— загорѣлась же крыша; никакъ не могъ понять, какъ это случилось; я бы думалъ, что подожгли—такъ кому-же? На дняхъ пошла бы уже водка. До пяти часовъ я былъ тамъ и жестоко озябъ и охрипнулъ.

24. Послѣ праздниковъ велѣлъ приступить къ постройкѣ винокурни. Сегодня прикащикъ Д. В—ча присылалъ къ Прокопу просить новой водки. Ѣлъ кутью у дяди.

25. Рождество. Пошелъ къ обѣднѣ и засталъ тамъ Надю, Машу и Дуню. При выходѣ изъ церкви, всѣ крестьянки стояли на улицѣ и между ними нѣкоторыя были довольно нарядочныя; я не замедлилъ имъ раскланяться. Потомъ поѣхали къ дядѣ. Къ обѣду пріѣхалъ братъ и Мари. Весь день провели чрезвычайно пріятно, какъ обыкновенно въ кругу добрыхъ и милыхъ родныхъ. Вечеромъ подъ окномъ раздалось пѣніе—коледовали въ честь мою и другихъ. Играли въ вистъ и былъ маленькій маскарадъ. Въ Лубнахъ устроилось собраніе; Алексѣй членъ его и къ новому году собирается туда. Если была-бы Настинька, то я бы ничего не желалъ, вспоминая же Катиньку, мнѣ дѣлается всегда грустно. Она пишетъ ко мнѣ, но письма ее не есть сестры къ брату, а дышутъ гордостью, какимъ то повелѣніемъ и преимуществомъ; это всего забавнѣе, она можетъ считаетъ меня ребенкомъ.

26. Поутру Алексѣй и Мари рано выѣхали домой, куда къ обѣду и я съ сестрами пріѣхалъ. Видиша не было,—поѣхалъ къ Сукову. Я увѣренъ, что братъ здѣсь лучше многихъ живетъ и у него обѣдъ былъ хоть куда. Онъ разсказывалъ мнѣ кой что о Катинькѣ, которое дурно рекомендовало ея характеръ, и жизнь Настиньки была очень незавидна. Вечеромъ всѣ поѣхали въ въ Поставмуки. Тамъ застали Т. и Афанасьеву. Братъ со своими будетъ у меня ночевать и я просилъ Присю поѣхать впередъ, чтобы приготовить, куда и мы къ 11-ти часамъ не замедлимъ пріѣхать. Долго еще сидѣли, вспоминали, говорили и наконецъ У. М. пошла въ диванную, супруги въ Настинькину, Прися въ гостинную, а я въ Катинькину комнату, столовая же назначена, какъ обыкновенно, сборной. Я почти цѣлую ночь не спалъ.

27. Поутру собрались въ столовую и Мари хозяйничала. Я всегда шучу съ нею и она иногда сердится, но люблю ее душевно за ея добрый, милый характеръ. Скоро послѣ чаю дамы наши уѣхали на тотъ дворъ, а мы еще остались. Къ двѣнадцати пошли и мы. Застали старика Горленку, который смѣясь, спрашивалъ зачѣмъ я прогналъ своихъ. Потомъ пріѣхалъ Видишъ и Афанасьевъ съ сыномъ, нѣжинскимъ студентомъ. Но наконецъ, послѣ всѣхъ, является изъ Чернухъ капитанъ съ прапорщикомъ, первый преуморительный:—сухой, маленькій, рябой и приглупенькій; другой же высокій, здоровый, неуклюжій. Анюта была большая хозяйка; обѣдъ былъ прекрасный, наливка—чудо и за столомъ порядочно потягивали за здоровье именинника. Послѣ играли въ вистъ, на фортепіанахъ, пѣли, танцовали, въ промежуткахъ выскакивалъ изъ за картъ капитанъ и въ потѣ лица пилилъ на скрипкѣ. Всѣ помирали со смѣху. Вечеромъ танцовали, капитанъ опять морилъ и студентъ, его копируя, усиливалъ смѣхъ. Изъ дамъ была Пантелемонова (жена стар. ад. на Кавказѣ) подъ пару капитану. Для героя бала—капитана, танцевали экосезъ, гдѣ онъ старался выказать свое искусство. Поздно ночью разъѣхались; у меня въ такомъ же порядкѣ ночевали.

28. День провели у дяди. Вечеромъ Алексѣй уѣхалъ домой, Афанасьевъ съ сыномъ въ Лубны.

29. Были всѣ въ Сухоносовкѣ, ожидали старика Горленку, но онъ не пріѣхалъ. Рѣшено въ понедѣльникъ, то есть 31-го, ѣхать въ Лубны въ моей будѣ, въ которой побиты стекла и дверь безъ петель, я же поѣду завтра вечеромъ.

30. Пообѣдавъ у дяди, часа въ четыре выѣхалъ я въ Лубны и ужъ поздно вечеромъ пріѣхалъ туда. Лубны почти тѣ же. Съ трудомъ отыскалъ квартиру противъ Деля, у нѣкоего Радька,—разговорчивый, смѣшной старикъ.

31. Поутру я торопился окончить свой туалетъ, чтобы ѣхать съ визитами къ знакомымъ, былъ уже готовъ, какъ входитъ хозяинъ: „Отсе, якъ вы убралысь, нехай уже не показываются наши охвицеры; та якъ поголылысь, то й помолодилы, десять литъ съ костій долой“.—„А что, хозяинъ, много пріѣзжаетъ

изъ деревень въ здѣшнее собраніе?“ „Та богато, есть и гарныя, а то що съ нашихъ панночекъ лубенскихъ—уже стары тряпья!“ Пріѣзжаю къ городничему—засталъ въ приготовленіи къ собранію. Были очень рады, а особливо А. Феодоровна, сейчасъ же послали за П. Феодоровичемъ, который въ отпуску. Дождавшись его, я спѣшилъ далѣе, но они взяли слово, чтобъ я пріѣхалъ на обѣдъ.

Гильдебранта засталъ въ желтомъ халатѣ, съ бѣлой уже головой, со всѣми прежними манерами и привычками, только отъ скупости меньше трубки куритъ. Науменко такой-же. Полторацкихъ не засталъ дома, Головачевыхъ тоже. Старшая ея дочь уже замужемъ за Юзефовичемъ. Наконецъ во второмъ часу былъ уже я у Пинкорнеллевыхъ. Здѣсь до четырехъ провелъ я препріятно время, много шутилъ съ кумушкой, смѣялся, что она старушка и прочее. Лиза чрезвычайно неотесана и мужиковата. Но Николка пришелъ съ извѣстіемъ, что наши пріѣхали и я поспѣшилъ ихъ оставить. Начались разспросы: какъ, что и когда я долженъ былъ объяснять все, что зналъ и не зналъ. Вечеромъ пріѣхали Афанасьевы. Въ пять дамы начали одѣваться и едва, едва въ половинѣ девятаго были готовы. У воротъ дома Полторацкаго горѣли фонари, подъѣздъ освѣщенъ и на второмъ этажѣ гремѣла музыка и танцевали вальсъ. Въ передней встрѣтили директоры и между ими М. И. Скаржинскій [1]) предводитель, и В. В. Растенбергъ — исправникъ [2]). Залъ полна. Съ любопытствомъ бросилъ я взглядъ на дамъ и увидѣлъ Полторацкихъ, Головачевыхъ, Пинкорнеллевыхъ,—всѣ постарѣли и подурнѣли и много незнакомыхъ. М. Я. Кулябка сидѣлъ скромно въ углу и я подошелъ къ нему, потомъ къ Полторацкому; я его уже лѣтъ девять не видалъ, сдѣлался старикъ, сѣдой, но все такой же говорунъ, острякъ, насмѣшникъ. Рудановскій П. И. тоже тутъ вертѣлся и вмѣстѣ съ Павломъ Полтарацкимъ

---

[1]) О Скаржинскихъ см. въ приложеніяхъ В.

[2]) Василій Васильевичъ Растенбергъ, женатый на сестрѣ, по матери, Мих. Ив. Скаржинскаго, Настасьѣ Антоновнѣ Пашкевичъ, жилъ въ с. Рудкѣ, луб. уѣзда. Припомнимъ, что до 1862. должность исправниковъ была выборною.

составляли лучшихъ кавалеровъ. Собраніе было во всемъ блескѣ и при нашемъ входѣ, окончивъ вальсъ, готовились къ французскому кадрилю. Я сидѣлъ въ гостинной и говорилъ съ А. Ф. „Вы танцуете кадриль?"—„Нѣтъ, я только что пріѣхалъ, хочу осмотрѣться". „Не хотите ли со мной?" Загремѣла музыка и мы стали. Наша визави была Родзянкова, бывшая Устимовичъ, пріятной, милой наружности и недурно одѣтая; съ лѣвой же стороны Варвара Полторацкая съ удивительной фигурой, высокая, стройная, но нехороша собой. Послѣ кадриля пошелъ въ залъ и сѣлъ около Кулябки, въ углу; скоро потомъ его жена отозвала и я остался одинъ.

Мари ходитъ по залѣ и Рудановскій куртизанитъ. Жаль, что Надя, а особливо Маша, такъ застѣнчивы, онѣ были бы изъ лучшихъ. Вотъ шибко пробѣжала, окинувъ меня глазами, маленькая, полная, съ живымъ, пріятнымъ личикомъ дѣвушка,—это Александра Павловна Леонтовичъ, какая проворная!—Но скоро опять возвращается и уже не одна, съ правой ее стороны небольшаго роста, плотная дама, съ хорошенькимъ лицомъ, но не очень ловкаго обращенія,—это ея сестра Домна, за Родзянкой, недавно за мужемъ и очень аппетитно смотритъ;—другихъ же не знаю да и не хочется спрашивать; онѣ тихо прошли мимо меня и каждая по очереди подарила меня взглядомъ. За ними ходитъ Лиза Пол.; Я. Ан., Андрей Санковскій; какъ жалко, что послѣдняя такъ блѣдна, а имѣетъ очень не дурныя черты лица, но ея блѣдная бѣлизна ослѣпительна и придаетъ ей видъ страждущей. Мари меня подзываетъ и я вмѣшался въ ходящую толпу; но офицеры засуетились и стали на мѣстахъ, музыка грянула и дамы слетѣлись. Я стоялъ близъ полковницы Леманъ; какъ она перемѣнилась. Я зналъ ее дѣвушкой, въ Могилевѣ, во всемъ блескѣ красоты. Ка. Па. (Катерину Пахомовну) Чернову справедливо называли царицей баловъ, но теперь и слѣдовъ нѣтъ. Съ другой стороны гнѣздилась впереди меня, какая то маленькая, черная, съ жидовскими глазами и въ бѣломъ шелкѣ дѣвушка; она безпрестанно оглядывалась и смотрѣла такъ пристально, что я принужденъ былъ отворачиваться. Послѣ кадрили подходитъ ко мнѣ Сан-

ковскій, рекомендуется и припоминаетъ, что былъ хорошій пріятель съ моимъ отцемъ; я тоже узналъ его,—очень любезный человѣкъ и мнѣ пріятно было съ нимъ познакомиться. Потомъ подошелъ къ Лизѣ Пол. и просилъ на кадриль, но она ангажирована и предложила на слѣдующій. Я возвратился на свое мѣсто и музыка уже проиграла первое колѣно, всѣ на своихъ мѣстахъ, какъ вдругъ подбѣгаетъ ко мнѣ отпускной Ко. Ар. Силичъ и проситъ стать съ ними визави; окинувъ глазами сидящихъ дамъ, замѣтилъ А. Леонтовичъ, направился къ ней; еще не успѣлъ подойти и докончить предложенія, какъ она вскочила, подбѣжала ко мнѣ и съ улыбкой заняла свое мѣсто. Я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на ее хорошенькое, красивое личико и не прошло двухъ минутъ, какъ она предупредила меня и засыпала вопросами, при чемъ не забыла упомянуть, что будетъ и завтра и на масляну въ собраніи, и спросить—буду ли я тоже; и все то говорено было скоро съ прибавленіемъ малороссійскихъ словъ (однакожъ, вообще замѣтилъ я, что теперь ужъ лучше говорятъ по русски). Послѣ кадриля она побѣжала къ сестрѣ и долго съ нею говорила, посматривая на меня. Танцуя съ Лизой, много болтали. Потомъ взялъ я Домну Родзянкову; чрезвычайно была внимательна и старалась быть любезною; правда не дурна собой, но простовата, впрочемъ... Какая уморительная эта Кулябкова, какая манера, какой видъ? и это бѣлое атласное платье, какъ сшито и какъ на ней сидитъ? Варвара Юзефовичъ кажется любитъ кокетничать и позволяетъ говорить съ собой свободно и любитъ также погулять на чужой счетъ; ее сестра скромна и была-бы довольно пріятна, если бы имѣла не такъ серьезную мину. Домбровскія же съ своими разнокалиберными носами стрѣляютъ съ большимъ стараніемъ своими умильными глазками и кажется просятъ: поволочись за мною и даже влюбись; особливо же одна изъ нихъ, проходя мимо чрезвычайно жеманится: вертитъ головой, подпускаетъ подъ лобъ глаза и улыбается, и все это чрезвычайно ловко. Еще есть забавная фигура—это дѣвица Родзянкова, она имѣетъ видъ высокаго толстаго мужчины и пресмѣшно танцуетъ. Какая пропасть этихъ Родзянковыхъ; эта дама съ транспарантомъ

на головѣ, тожъ Родзянкова, и хоть нехороша собой, но ловка и держитъ себя хорошо, и должно быть, пріятна въ обществѣ, урожденная, кажется, Шамшовыхъ. Паша не отстаетъ отъ Санковской и съ ней танцуетъ, но чтобъ это не замѣтили, то танцуетъ попеременно то въ залѣ, то въ гостинной. Кавалеровъ очень бѣдно и, кромѣ Силича, почти ни одного офицера порядочнаго. Инженеръ Леонтовичъ, братъ дѣвушки, съ своей задратой головой тоже не завиденъ. Послѣ мазурки, которую танцовалъ я съ Домной и не дождавшись котильона, мы уѣхали домой. За ужиномъ, какъ обыкновенно, много было разговору, шутокъ, разсказовъ. Спрашивали у меня, понравилось ли мнѣ; но я право самъ не зналъ; только юнкеромъ былъ я въ собраніяхъ малороссійскихъ; съ тѣхъ поръ ни разу, все для меня было ново и даже странно, во многихъ случаяхъ я не зналъ какъ быть и потому новость ли или удовольствіе быть въ родномъ обществѣ дѣлали то, что мнѣ было не скучно; но полагаю, что если бы это продолжалось, то потомъ не ручаюсь, что напала бы скука. Впрочемъ, это вездѣ можетъ быть,—надо влюбиться! На этомъ вечерѣ Мари и Леманъ были лучше всѣхъ одѣты. Пресмѣшное обыкновеніе здѣшнихъ кавалеровъ: сейчасъ послѣ одного кадриля становяться опять на мѣста и дожидаться слѣдующаго; если же кому надо уйти, то ставятъ вмѣсто себя стулъ съ своими перчатками или съ чѣмъ другимъ. Признаюсь, интересно не дать себѣ и минуты покоя. Уже въ четвертомъ часу мы разошлись; я расположился на диванѣ, а Алексѣй на стульяхъ [1]).

1835 г., 1 января. Мы встали очень поздно и визиты Пинкорнелли, Паши и Гильдебранта принимали я и братъ, а сестры были еще не одѣты. Въ двѣнадцатомъ часу поѣхалъ я съ братомъ толкаться по домамъ. Полковника не застали, а

[1]) Приводимъ здѣсь замѣтку о томъ же самомъ лубенскомъ „собраніи" другаго полтавскаго помѣщика Ст. Гр. Кирьякова (изъ с. Гонцовъ, луб. у.), найденнаго въ тѣхъ же бумагахъ К. Н. Скаржинской.—„31 дек. 1834 г. Выѣхавъ въ Лубны, вечеромъ въ 8 часовъ поѣхали въ собраніе, которое было въ домѣ Полторацкаго. Собраніе было самое блистательное, 90 особъ украшали оное. Музыка Тобольскаго пѣхотнаго полка прелестная. Директоромъ былъ полковникъ онаго полка Ник. Мих. Леманъ. Разошлись по домамъ въ 4 часа пополуночи".

принимала насъ m-me Леманъ; Гильдебранта тоже не застали, у Пинкорнеллевыхъ пробыли съ полчаса, у Науменки закусывали. Пріѣхавши домой, узнали, что Леманъ съ своими офицерами былъ у насъ. Потомъ рѣшили ѣхать къ Рудановскимъ. Тамъ застали провизора съ казенной аптеки. Они занимаютъ у Болотникова двѣ комнаты и обѣ холодныя, не знаю какъ Клеопатра или, такъ называемая, куропатка, можетъ тамъ дѣлать свой туалетъ. Она была очень разговорчива. Наконецъ во второмъ часу Алексѣй поѣхалъ къ маршалу [1]), въ Кругликъ, я же не могъ туда отправиться, ибо вчера далъ слово Полторацкому обѣдать у него. Лиза была не совсѣмъ здорова, блѣдная, опустившись. Жалѣла, что не знала, что я вчера утромъ пріѣзжалъ и не смотря на то, что лежала въ кровати, а приняла бы меня. Обѣдъ былъ простой, семейный; изъ постороннихъ только я былъ. Послѣ обѣда Лиза, чувствуя себя нездоровою, пошла къ себѣ, а я Варинькѣ предложилъ, чтобы немного прокатилась къ братомъ для набранія новыхъ силъ къ собранію. Черезъ полчаса сани ихъ были готовы и мы поѣхали каждый на своихъ: я прямо домой, а они кататься. Скоро потомъ пріѣхалъ и братъ, разсказывалъ, что тамъ было ученое общество,— почти всѣ здѣшніе учителя, и что Силичъ силился выказать свои познанія. Потомъ начались у сестеръ толки: какъ и въ чемъ быть одѣту, какъ причесану, какъ зашпилену, какъ, какъ... и много прочаго. Однако-жъ сегодня рѣшили поторопиться, чтобы раньше пріѣхать въ собраніе. Но торопились, торопились, а все раньше восьми съ половиною часовъ не выторопились. Какая досада, что Д. Родзянкова навалила себѣ на голову такую огромную штуку,—не увеличивая, ее токъ, съ перьями составитъ добрый аршинъ высоты. Леманъ и Мари были почти въ одинхъ платьяхъ и очень хорошо одѣты, съ беретами на головахъ. Вообще сегодня дамы одѣты, хоть не совсѣмъ съ лучшимъ вкусомъ, въ хорошихъ платьяхъ, только жалко, что многія въ кожанныхъ башмакахъ. Между мною и m-me Леманъ произошло маленькое недоразумѣніе, которое могъ я только-

[1]) Т. е. къ предводителю дворянства М. И. Скаржинскому.

вать и въ хорошую, и въ дурную для себя сторону, но какъ въ семъ случаѣ самолюбіе можетъ насъ обманывать, то я рѣшился обидѣться. Слѣдующую, послѣ просимаго кадриля, мазурку я съ нею не танцовалъ и она сидѣла, хотя замѣтно, что хотѣла бы попрыгать. Мазурку я, не танцовавши, танцовалъ, и молодой Науменко замѣтилъ, что меня хотятъ замучить. Изъ одиннадцати или двѣнадцати кадрилей—я танцовалъ толькъ пять, въ томъ числѣ одну съ Домной; какъ она свѣжа; я думаю мужъ ее доволенъ; жаль, что нѣтъ другой Родзянковой (Устимовичъ), она тоже очень недурна и съ удовольствіемъ можно было приволокнуться. Котильенъ я не намѣренъ былъ танцовать и сидѣлъ въ диванной, куда потомъ пришла и полковница. „Вы не танцуете Катерина Пахомовна?“ спросилъ Полторацкій. „Нѣтъ, меня никто не проситъ“. Съ этими словами она взглянула на меня, я всталъ и подошелъ къ двери зальной, чтобы видѣть кто съ кѣмъ собирается танцевать и какъ каждый старается отыскать себѣ выгодное мѣсто. Потомъ подошла къ той-же двери и полковница и еще разъ взглянула на меня; по всему видно, что она желала, чтобы я ее попросилъ, но я продолжалъ смотрѣть въ залъ. Потомъ, обращаясь къ Полторацкому и смотря на меня, съ улыбкою спросила „Что-жъ не танцуете?“. Вопросъ этотъ сдѣланъ былъ съ такою манерою, что я совершенно готовъ былъ что-то такое отвѣчать, какъ Полторацкій подхватилъ „Я?—да со старикомъ кто захочетъ“.—„Та, которую молодые не хотятъ просить“.—„Ахъ! въ самомъ дѣлѣ, если бы я просилъ васъ, чтобъ со мною танцовать?“—„Извольте“. „Не шутя?“—„Ну да“, и съ этимъ словомъ они вмѣшались въ начавшійся котильенъ и стали въ первой парѣ. Мнѣ кажется, они долго не довѣряли другъ другу. Полторацкій—что полковница не шутитъ, она—что старикъ рѣшился вертѣться. Но какъ бы то ни было они открыли котильенъ и Леманъ сейчасъ-же меня выбрала. Между тѣмъ я успѣлъ осмотрѣть сидѣвшихъ по угламъ дамъ и, не видя ничего интереснаго, рѣшился быть только зрителемъ. Между тѣмъ оглядываюсь—вижу Д. Родзянкова. Начавши съ ней говорить, узналъ, что она не танцуетъ, ну, какже было не попросить,—разумѣется учтивость того требовала. Я увѣренъ, что

она полагаетъ, что мнѣ жестоко нравится, ибо кромѣ того, что соскользало съ языка, она должна же замѣтить, что кромѣ ее, я ни съ одной не танцевалъ два раза вальсъ. Впрочемъ, она въ такомъ предположеніи не ошибается; правда она мнѣ нравится, но совсѣмъ не такъ и не въ томъ вкусѣ, какъ она можетъ быть полагаетъ. Послѣ котильена начали разъѣзжаться.

Право лубенскія собранія хоть куда: однѣхъ дамъ было пятьдесятъ шесть и, между нами, довольно изрядныхъ. Дома, потолковавши обыкновенно о собраніи и поужинавши, легли спать.

2 Января. Мнѣ нужно было съѣздить къ маршалу, въ Кругликъ, поговорить на счетъ моего отпуска и, между тѣмъ какъ Алексѣй занялся своимъ дѣломъ, въ первомъ часу поѣхалъ я, условившись возвратиться къ обѣду, чтобы потомъ ѣхать въ деревню. Здѣсь я засталъ довольно много гостей: Леманъ, Растенбергъ, морякъ Скаржинскій и не знаю кто четвертый, играли въ вистъ съ плѣномъ, А. А. Санковскаго, Кирьякова, который мнѣ самъ отрекомендовался, какъ сослуживецъ, ибо еще въ 1812 году служилъ онъ въ свитѣ и знаетъ многихъ нашихъ генераловъ, также и Рихтера, молодой Дель, аптекарь, съ которымъ, будучи еще дѣтьми, мы были знакомы, нѣсколько офицеровъ и другіе. Кирьякова жена, бывшая Нѣжинцова, которая такъ интересовала насъ во время оно, на спасовскихъ ярмаркахъ, но теперь баба—бабой. Сестры хозяина и одна дѣвушка, что живетъ у нихъ; всѣхъ ихъ видилъ я въ собраніи. Хозяинъ былъ очень занятъ и я не могъ его просить о своемъ дѣлѣ. Обѣдъ былъ незавидный. Уже три часа меня вѣрно въ городѣ ожидаютъ, но гости занимаютъ предводителя. Скоро послѣ обѣда пріѣзжаетъ А. И. Литвиновъ. Кирьяковъ отрекомендовалъ меня; онъ очень хорошо былъ знакомъ съ отцомъ и очень вѣжливъ. Наконецъ съ помощью Растенберга удалось затянуть въ кабинетъ Мих. Ив. (Скаржинскаго) и потомъ скоро я уѣхалъ. На дорогѣ въ городъ встрѣтилъ своихъ, ѣдущихъ домой, я пересѣлъ къ нимъ и къ темнымъ сумеркамъ были въ Поставмукахъ.

3. Когда всталъ я утромъ, то человѣкъ сказалъ мнѣ, что какой то офицеръ пріѣхалъ ко мнѣ передъ свѣтомъ и ночуетъ

въ гостинной. Кто бы такой и зачѣмъ? Наконецъ къ чаю онъ приходитъ въ столовую, извиняется и говоритъ, что, отыскивая нашу деревню, цѣлую ночь проѣздилъ. Леманъ не заставши уже насъ вчера въ Лубнахъ, послалъ его вслѣдъ за нами съ письмомъ къ Алексѣю, прося пожаловать сегодняшній вечеръ на балъ и ужинъ. Часовъ въ десять поѣхалъ я съ нимъ къ предядѣ. Офицеръ этотъ старый знакомый и хорошій малый, презабавный. Старикъ Горленко, который всё еще здѣсь, много съ нимъ шутилъ. Долго у насъ было совѣщаніе—ѣхать ли? Такое вниманіе со стороны полковника требовало, чтобы уважить его прозьбу, но съ другой стороны, только вчера пріѣхавши, сегодня опять ѣхать, и прямо на балъ, не годилось и правду сказать не стоило того. Я не хотѣлъ ѣхать, но не говорилъ этого прямо, отсовѣтовалъ сначала и имъ, и просилъ, чтобы они ѣхали, а я послѣ пріѣду. Но Алексѣй угадалъ мою хитрость и сказалъ, „что ежели ты не ѣдешь, то и мы не ѣдемъ". „Ну, когда такъ, то я ѣду". И часа въ три мы опять потащились. У почтеннаго Радька не было мѣста и мы остановились на той же улицѣ, но у другаго. Въ восемь часовъ Леманъ, узнавъ, что мы пріѣхали, присылалъ за нами свою карету, но ее сейчасъ же отправили назадъ. На этомъ балѣ были однѣ только лубенскія съ прибавленіемъ какихъ то Фитингофовыхъ, говорятъ богатыхъ, но чрезвычайно неуклюжихъ. Былъ также дивиз. генералъ Чегадаевъ и Капнистъ, предводитель, кажется, кременчугскій [1]). Было невесело—ни одного хорошенькаго лица. Въ первый разъ танцовалъ съ Санковской; ее сестра, дѣвочка лѣтъ четырнадцати, чрезвычайно бѣла и вѣроятно будетъ такая же блѣдная. Ужинъ былъ изрядный, шампанскаго довольно. Во время ужина Лиза вышла изъ за стола и танцевала вальсъ, кажется не совсѣмъ кстати. M-me Леманъ была, что то очень странна. Во второмъ часу были уже мы дома.

4. Часовъ въ десять утра, между тѣмъ какъ запрягали и укладывались, я и Алексѣй зашли на почту и ходили по ба-

---

[1]) Семенъ Васильевичъ Капнистъ былъ кременчугскимъ уѣзднымъ предводителемъ, а старшій братъ его Иванъ Васильевичъ—полтавскимъ губернскимъ.

зару, потомъ пріѣхали и наши, встрѣтили и говорили съ Санковскимъ. Подъѣзжая къ Поставмукамъ, встрѣтили Горленка, но онъ воротился съ нами опять назадъ. Послѣ обѣда Алексѣй поѣхалъ домой, а я часовъ въ третемъ вечера (sic).

17. Все это время, кромѣ къ дядѣ и брату, никуда не выѣзжалъ, занимался, сколько могъ, хозяйствомъ, курилъ горилку и приготовлялъ нужное для дѣленія (т. е. дѣлежа) имѣнія. Сегодня поутру былъ у меня Ал. Кудашевъ, юнкеръ драгунскій. Привезъ письмо отъ Настиньки и Василія Александровича,—не могутъ пріѣхать, не даютъ отпускъ. Милая Настенька, какъ она жалѣетъ. Меня это очень огорчило, я столько радовался мыслью видѣться съ нею въ Поставмукахъ; Боже мой! почему не случилось такъ, чтобы она жила у меня въ сосѣдствѣ! Настинька прислала довѣренность Алексѣю для раздѣла. Раздѣлъ! его еще не было, а ужъ онъ причинилъ мнѣ столько неудовольствій; какъ жестоко я обманулся въ Катинькѣ. Всякій день, живши дома, видѣлъ доказательство, что она не любитъ ни меня, ни Настиньку, а предалась всѣми чувствами къ корысти и собственной выгодѣ; какая пустота въ домѣ, нѣкогда столь полномъ; кладовыя, коморы, все хоть настежъ отвори. Не жалѣю всего этого; оно мнѣ совсѣмъ не нужно, но жаль, что она обвиняетъ во всемъ Настиньку, которой характеръ я хорошо знаю; сколько злоупотребленій. Къ обѣду поѣхалъ я съ Кудашевымъ къ дядѣ, къ вечеру къ Алексѣю. Князь поѣхалъ домой, но я не захотѣлъ рисковать,—на его лошадяхъ пускаться по горамъ, остался ночевать.

18. Послѣ обѣда по жестокой гололедицѣ я, Алексѣй и Мари поѣхали въ Поставмуки.

19. Поутру получили записку отъ Катиньки; они нѣсколько дней уже въ Еньковцахъ. Скоро потомъ поѣхалъ къ нимъ и тамъ обѣдалъ. Какой Д. В. странный человѣкъ?—заставляетъ беременную жену жить въ простой избѣ, безъ пола, со сквознымъ вѣтромъ зимой, холодной, ненатопленной, лишенной всѣхъ совершенно выгодъ. Но Катиньку это не тяготитъ; мнѣ кажется, она для экономіи легко это переноситъ, между тѣмъ какъ, живши въ Поставмукахъ, не могла терпѣть и малѣйшей невы-

годы. Обѣщали завтра или послѣ пріѣхать, чтобы съ Алексѣемъ приступить къ дѣлу.

21. Поутру, часовъ въ девять, братъ былъ уже у меня; въ 11-ть пріѣхали и изъ Енковецъ. Сдѣлали приступъ къ дѣлу съ небольшими спорами.

22—25. Занимались дѣленіемъ. Сколько вздорныхъ притязаній, неосновательныхъ требованій и брани вытерпѣлъ я и частью Алексѣй. Къ стыду моему я долженъ признаться, что вмѣсто удовольствія видѣться съ сестрой, я чувствовалъ чрезвычайное огорченіе и непріятность. Огорченіе было такъ сильно, что я началъ чувствовать себя нездоровымъ. Хотѣли даже черезъ судъ требовать отчетъ въ благодіяніяхъ отъ графа (?) и жаловаться ему на меня. Я даже далъ ему почтовой бумаги на жалобу, вышелъ, ибо чувствовалъ себя чистымъ и былъ на счетъ этого спокоенъ.

Мари пріѣхала къ концу этой сцены и удивилась моей блѣдности и больному виду; да если бы она заглянула въ мою внутренность, то не удивилась бы. Завтра ѣдетъ Алексѣй въ Кременчугъ. Положено, что только можно, то дѣлать безъ него, а для совершеннаго окончанія ждать его возвращенія. Онъ уѣхалъ обѣдать къ отцу. Мои же, пообѣдавъ у меня, отправились въ Енковцы, а я къ дядѣ. Засталъ ихъ еще за обѣдомъ. Братъ ѣдетъ въ моей кибиткѣ, одинъ, съ тѣмъ, чтобы изъ Кременчуга прямо къ третьему февралю въ Мечеть, къ Марковичамъ, гдѣ старуха имянинница. Просилъ, чтобы я пріѣхалъ туда вмѣстѣ съ Мари и Ульяной Михайловной, и наконецъ, въ третьемъ часу выѣхалъ въ Пятигорцы.

26. Утромъ пріѣхали изъ Енковецъ. „Нельзя продолжать дѣлежа, сказала Катинька, покуда не узнаемъ о завѣщаніи отца“. „Какое завѣщаніе“? „Да, подхватилъ Д. В., отецъ вашъ сдѣлалъ завѣщаніе, я это знаю“.—„Если такъ, то узнавайте“. „Надобно, чтобъ вы сами поѣхали“. Но какъ я ничего не зналъ о томъ, то отговорился. Они послѣ обѣда уѣхали, говоря, что будутъ ожидать меня, чтобъ ѣхать въ Лубны.

29. Мои опять пріѣхали. Но какъ я всегда смотрѣлъ на нихъ наблюдательнымъ взглядомъ, то сейчасъ замѣтилъ между

ними что-то такое. Наконецъ Катинька даетъ мнѣ бумагу, а Д. В. прибавляетъ: „это завѣщаніе вашего отца“. Они смотрѣли на меня быстро, чтобы видѣть какое впечатлѣніе на меня сдѣлаетъ бумага; но я прочелъ ее весьма равнодушно и, право, безъ всякаго притворнаго хладнокровія, отвѣчалъ: „Если она дѣйствительна, то я исполню ее съ удовольствіемъ“. Они были чрезвычайно ласковы и хотѣли уже начать дѣленіе по бумагѣ; я имъ сказалъ, чтобы они дѣлали, что хотѣли, но что я долженъ впередъ самъ справиться объ этомъ дѣлѣ. Передъ вечеромъ они уѣхали. Надо ѣхать въ Лубны, слѣдоват. не могу быть въ Мечетѣ.

30. Отправивши лошадь въ Сухоносовку, увѣдомилъ о причинѣ почему не могу ѣхать съ ними. Они жалѣли, но я рѣшился, дѣло довольно важное, чтобъ отложить его, притомъ недолго ужъ мнѣ и жить въ отпуску. Послѣ обѣда поѣхали въ Лубны.

31. Обѣдалъ у Науменки. Было много гостей, не могъ поговорить съ нимъ. Послѣ обѣда, когда разъѣхались, я объявилъ зачѣмъ пріѣхалъ, но онъ отвѣчалъ ни такъ, ни сякъ. Я полагалъ, что ему некогда, и, сказавъ, что буду вечеромъ, уѣхалъ. Вечеромъ былъ два раза и посылалъ столько, но его не было дома. Часовъ въ 8-мъ отвели у Радька же, гдѣ и я стоялъ, проѣзжей полковницѣ квартиру. Услышавъ, что она жалуется на невыгоду, я вышелъ къ ней въ сѣни и предложилъ, что если только найду гдѣ другое мѣсто у хозяина, то съ удовольствіемъ уступлю ей свою комнату. Но мѣста не нашлось и мы только помѣнялись комнатами. У ней прехорошенькая дочь. Я далъ ей читать журналъ и вообще съ удовольствіемъ провелъ съ ними время. Ее мужъ перешелъ изъ улановъ въ коммиссіонеры и назначенъ въ Кременчугъ, куда и онѣ ѣдутъ.

1 февраля. Былъ въ судѣ, читалъ бумагу; она ничтожная и при томъ-же совершена до моего рожденія. Зайдя къ моимъ сосѣдкамъ и пожелавъ имъ счастливой дороги, поѣхалъ домой. Дорогой встрѣтилъ прикащика Д. В—ча, который тоже за чѣмъ то былъ въ Лубнахъ. Дома узналъ, что они нѣсколько разъ присылали узнать пріѣхалъ ли я и что велѣли сейчасъ же дать знать объ этомъ. Вечеромъ былъ у дяди. Дядя выгоняетъ

меня въ Мечеть и даетъ лошадей. Сначала я не хотѣлъ, но подумавъ, что безъ Алексѣя нечего дома дѣлать, рѣшился.

2. По утру рано пріѣзжаютъ. Не вытерпѣли, спросили первыя. Я имъ сказалъ откровенно всё, что слышалъ въ судѣ. Д. В. съ принужденіемъ повалился со смѣху, давая видъ, что я лгу. За обѣдомъ онъ рѣшительно вывелъ меня изъ терпѣнія и я не совсѣмъ учтиво напомнилъ, чтобы онъ уважалъ память моего отца и наконецъ просилъ избавить меня отъ его наставленій. Послѣ обѣда они поѣхали въ Енковцы, а я, заѣхавъ прежде къ дядѣ, въ Мечеть. Ночевалъ въ д. Лозоркахъ, у прикащика Боярскаго. Его братъ сватался за Настинькой въ то время какъ она была обручена и обѣщалъ записать ей сто тысячъ.

3. Я не знакомъ у Марковичевыхъ и потому, пріѣхавъ въ Мечеть, велѣлъ вызвать Алексѣя и вмѣстѣ съ нимъ вошелъ [1]). Гостей было много. Хозяйка сказала, что она видѣла меня еще маленькимъ и что она бы меня узнала, но я ее не помню. Потомъ братъ познакомилъ меня съ его кузинами, изъ коихъ три замужемъ, а три невѣсты. Одна изъ замужнихъ Настасья Андреевна за Иваненковымъ, съ которымъ я былъ въ пансіонѣ у Коваленка. Хозяинъ богатый помѣщикъ; домъ большой, просторный и изрядно меблированъ, вообще изъ лучшихъ въ окрестности. Кузины милыя дѣвушки, а особливо меньшая Софи, очень не дурная, жаль, что необходительна, мало видѣла свѣту. Черезъ часъ по пріѣздѣ моемъ вышла Мари и обрадовалась, увидѣвъ меня, она не ожидала, чтобъ я пріѣхалъ. Послѣ обѣда начались танцы, музыка, . . . (?) [2]) дурныя остатки отъ прежней. Братъ Анд. Санковскаго—Александръ, любезный старикъ, познакомился со мной, сослуживецъ отца. Кромѣ того были: старикъ Ограновичъ, за дочерью котораго сватался прежде братъ Паскевича, трое Ильяшенковыхъ переяславскаго уѣзда и много другихъ цивильныхъ; пѣхотный маіоръ и прапорщикъ,

---

[1]) Д. Мечеть въ это время принадлежала Андрею Михайловичу Марковичу. См. брошюру А. И. Марковича—„Марковичи“. Кіевъ. 1890. (Прилож. къ Кіевск. Старинѣ).

[2]) Неразборчиво написанное слово, которое можно читать—свѣчки, свѣзки.

послѣднiй изъ юнкерской школы, но я его не помню, также отставной полковникъ Павловъ, исполнявшiй до Федоренки должность начальника артиллерiи во второмъ корпусѣ. Время прошло очень прiятно, танцовали долго; за Марковичами много волокитъ.

4. Сегодня поутру прiѣхалъ, давно ожидаемый, Пригара съ братомъ, зять Анд. Михайловича, недавно еще женился и Кат. А. дѣвственная дама. Молодой человѣкъ, прiятной наружности, но глухой, безъ трубы мало слышитъ. За обѣдомъ пили ихъ здоровiе, а кузины мое. Послѣ обѣда порывались было танцовать, но многихъ не доставало, разъѣхались и меня засадили въ вистъ. Сегодня также прiѣхали Щербаки: старшiй—зять хозяина, младшiй холостой, проказникъ. Софи пѣла, но безъ манеры и голосъ не совсѣмъ обработанъ. Вечеромъ Ул. Мих. и Софи кормили меня вареньемъ, какъ послѣдняя увѣряла, ея стряпанья. Завтра поутру ѣдемъ въ Пятигорцы. Кузины обѣщали на масляну въ Сухоносовку, чтобы потомъ въ лубенскiя собранья.

5. Послѣ завтрака мы выѣхали и вечеромъ прiѣхали въ Пятигорцы. Сколько воспоминанiй возродилъ у меня этотъ домъ, гдѣ я не помню былъ ли въ мундирѣ. Покойникъ Александръ, приготовляясь жениться на Лизѣ Пол. порядочно его отдѣлалъ, а Алексѣй оканчиваетъ недоконченное братомъ. Мари хозяйничала и сама приказывала ужинъ. Въ Пятигорцахъ теперь живетъ Гриша Ивахненко въ отставкѣ и уже женатъ.

6. Поутру выѣхавъ изъ Пятигорецъ, часу въ четвертомъ были уже въ Поставмукахъ. Пробывъ у себя нѣсколько минутъ, поѣхалъ на тотъ дворъ.

7. Изъ Енковецъ прiѣхали. Опять старое; требованiямъ и упрекамъ нѣтъ конца. Говорили, что имѣютъ въ виду знающаго человѣка, пошлютъ за нимъ, полагаясь на его мнѣнiе.

10. Ночевалъ у Алексѣя въ Сухоносовкѣ. Сегодня поутру два раза присылали изъ Енковецъ за мной, увѣдомить, что прiѣхалъ г. Мирецъ и что я могу услышать его мнѣнiе. Къ чему это?—Это имъ нужно, а не мнѣ, неужели они полагаютъ, что повѣрю какому то Мирецу? Хитрость не очень тонка.

Однако ѣду, чтобъ сдѣлать имъ удовольствіе. Мирецъ старикъ, съ несовсѣмъ прямымъ взглядомъ, но изрядной наружности. Поклонясь ему учтиво, я началъ посторонній разговоръ, но не тутъ-то было: Мирецъ и Д. В—чъ начали разговоръ, котораго слѣдствія для меня ужасныя, я долженъ непремѣнно дѣлать, какъ они хотятъ, а не то, право, буду повѣшенъ. Я все время молчалъ. Наконецъ онъ уѣзжаетъ, ручаясь своимъ имѣніемъ. „Ну что видите!“ „Да, вижу, что онъ старый плутъ“. Это кажется ихъ удивило. Возвращаясь домой, встрѣтилъ своего мужика съ запиской, который меня не узналъ; смотрю—отъ Тимошевскаго, онъ ушелъ и проситъ поскорѣе пріѣхать. Отправивши записку къ Катиньки, поспѣшилъ домой. Никогда пріѣздъ его не былъ бы такъ для меня пріятенъ, какъ теперь, въ моемъ теперешнемъ положеніи увидѣть человѣка, въ привязанности коего не сомнѣваешься—есть кладъ. Онъ пріѣхалъ въ отпускъ изъ Вилейки (минской губерніи), чтобъ видѣться съ нами. Вечеромъ былъ у дяди.

11. Были у дяди.

12. Ѣздили въ Сухоносовку. Видишъ тоже былъ съ нами; онъ всегда останавливается у меня и теперь—тоже. Кузинъ нѣтъ, но завтра мы ѣдемъ въ Лубны, И. И. съ нами.

13. Передъ вечеромъ пріѣхали мы на свою квартиру въ Лубны въ домѣ Болотникова. Домъ большой, съ пятью для насъ комнатами. Сегодня собраніе, надо быть. Я, братъ и Ти. поѣхали нѣсколько впередъ, скоро потомъ и наши дамы пріѣхали. Однако теперь нѣтъ всѣхъ тѣхъ, что были накачунѣ новаго года. Проведя довольно пріятно время, часу въ третьемъ возвратились мы домой.

14. Я съ сестрами были уже готовы дѣлать визиты, какъ приходитъ человѣкъ отъ Кати и проситъ, чтобъ я пришелъ къ нимъ. Почему же они не заѣхали къ намъ? Побывавши у Головачевыхъ, поѣхали мы къ Д. В—чу. Они остановились въ маленькой дурной комнатѣ. Какъ больно видѣть, что они изъ экономіи лишаютъ себя приличнаго. Потомъ были у Пинкорнеллевыхъ. Теперь здѣсь ярмарка, но дурная—не то, что спасовская и троицкая. А. Ф. и Лиза пріѣзжали къ намъ. Катинька

и Д. В—чъ обѣщали заѣхать передъ своимъ выѣздомъ, но не заѣхали. Вечеръ дома; былъ знакомый Алексѣю офицеръ—уморительный.

15. Сегодня будетъ маскарадъ. Поутру ѣздилъ къ Полторацкому. Лиза и Варя не выходили—готовятся. Я видѣлъ—пронесла коридоромъ дѣвка бѣлое платье, обшитое галунами. Въ лавкахъ видѣлъ Л. П. и Вар. Юзефовичъ, покупающихъ еще галуны, но онѣ скоро меня прогнали изъ лавокъ. Много было купчихъ, но ни одной хорошенькой. Я и Тимошевскій купили себѣ по хрустальной чайницѣ и стакану. Маскарадъ былъ преизрядный. Изъ лучшихъ масокъ былъ Дель и его провизоръ. M-me Леманъ тоже недурно была одѣта. Полторацкія, Головачевы, Пинкорнелли и Фитинговъ были замаскированы. Ва. Пол. по фигурѣ сейчасъ же можно было узнать. Алек., Лео. и До. Р. не были маскированы, Домбровскія въ натуральныхъ. М. П. Милорадовичъ наконецъ появилась; подурнѣла, погрубѣла и говоритъ басомъ. Да! Казначей Низовскаго полка, Домбровскій, въ отпуску и былъ съ женой и съ сестрой жены. Его жена изъ М. Пилица, Краков. Воев., дочь почмейстера. Польки, только что понимаютъ по русски. Многіе, говоря со мною, шутили на ихъ счетъ. Я хвалилъ до чрезвычайности и на мазурку просилъ панну. Въ первый разъ въ это время заговорилъ по польски. Большая часть дамъ смотрѣла на меня съ любопытствомъ, а знакомыя трунили надо мной, говоря: „Ну ужъ полька! и зачѣмъ ее взяли?“ Котильонъ не танцовалъ (просилъ А. М., но она была ангажирована), а сидѣлъ съ Алексѣемъ, часто выбирали въ томъ числѣ, въ первый разъ танцовавшая съ Пашей, Санковская. Лиза П. очень любезничала съ полковымъ адъютантомъ, который однако-же по наружности весьма неинтересенъ. Стыдилъ ее, зачѣмъ она его надуваетъ.

16. Не прощаясь ни съ кѣмъ, выѣхалъ я изъ Лубенъ, прощаясь съ ними на долго и можетъ быть и очень. Дорога прескверная, голая земля, а мы на саняхъ. Черезъ Удай дѣлали чувствительную переправу. Мы мужчины заѣхали ко мнѣ, а дамы на тотъ дворъ. Закусивъ, пошли и мы туда.

17. Обѣдали у Алексѣя, потомъ всѣ заговлялись у дяди.

18. Сегодня поутру И. В. дѣлалъ смотръ молодымъ бабамъ, чтобы выбрать кормилицу для Катиньки, и очередь пала на молодую, свѣжую жену сына Корнѣева. Бѣдная плакала, никакъ не хотѣла ѣхать: „тамъ панъ такій страшный“. Сегодня же выѣхала и Авдотья въ Давыдовку.

19. Поутру получили отъ Д. В—ча записку, что Катинька чувствуетъ себя нездоровою и проситъ скорѣе прислать кормилицу; но она давно ужъ готова, да не на чемъ отправить, лошадей своихъ они жалѣютъ—хотятъ откормить для продажи! и такъ на волахъ? Потомъ я и И. В. въ моей кабріолеткѣ поѣхали въ Сухоносовку. Грязно, бѣдныя лошади едва встянули на гору. У. Михайловна говѣетъ, (сестры въ Поставмукахъ тоже). Къ вечеру возвратились домой. Въ девять часовъ является другой посланный изъ Давыдовки съ извѣстіемъ, что Богъ далъ мнѣ племянника. Просятъ, чтобы И. В. и я сегодня-же пріѣхали къ нимъ, ибо Катинька слаба. Что за человѣкъ этотъ Д. В—чъ: жена первыми родами слегла, нездорова, нужна скорая помощь доктора и онъ посылаетъ за 60 верстъ за докторомъ пѣшкомъ. Ну когда сегодня ѣхать, лошадей нѣтъ. Я приказалъ Ермишкѣ сегодня же идти въ Енковцы и завтра чуть свѣтъ, чтобъ были лошади.

20. Уже 12-й часъ, а лошадей нѣтъ. Наконецъ приводятъ, запрягаютъ въ бричку И. В., но они ее и не сдвинутъ, стоятъ на соломѣ съ бардой; есть еще пара, изрядныхъ, но ихъ пожалѣли для такого маловажнаго случая. Надо продать. Наконецъ я рѣшился велѣть припречь свою пару, и такъ пятеркой отправились. Выѣхалъ на гору, встрѣтилъ Алексѣя и Мари, они ѣхали въ Поставмуки, но потомъ возвратились. Не доѣзжая Пирятина, въ корчмѣ кормили лошадей, разумѣется за мои, а не за зятя деньги. Поздно ночью въ часу третьемъ пріѣхали мы въ Давыдовку. Чтобы не обезпокоить, прошли заднимъ крыльцомъ. Дѣвки спятъ глубокимъ сномъ; темно. Надо будить, но не знаемъ съ кого начать. Но мало по малу задняя половина пришла въ движеніе. Настя чрезвычайно обрадовалась: „колыбъ вы зналы що винъ тутъ выроблявъ!“ Я велѣлъ постлать себѣ и И. В. на полу въ залѣ, ибо нѣсколько здѣсь теплѣе. Едва

мы легли, какъ приходитъ Авдотья. Во-первыхъ перекрестилась, что мы пріѣхали, потомъ, ставъ колѣнками на нашу постель, разсказывала чудеса: „Ахъ! кормилецъ мой, батюшка, да вѣдь онъ меня чуть не убилъ! да чѣмъ же я виновата. Ну какъ таки нѣтъ акушерки! можетъ ли дойти до такой степени скупость, чтобы для какихъ 20 р. рисковать жизнью жены. Послѣ этого онъ не стоитъ ни малѣйшаго уваженія.

21-ое. Когда сидѣлъ я въ спальнѣ Катиньки, приходятъ сказать, что Николка ко мнѣ пришелъ. „Что ты"? „Да нечѣмъ, сударь, лошадей кормить, ихніи солому ѣдятъ, а наши стоятъ". „Почему же не спросишь?" „Да говорятъ, что нѣтъ ничего". Нѣтъ ничего, даже для меня и въ тоже время, какъ для нихъ же измучилъ я своихъ лошадей и кормилъ дорогою ихнихъ, у зятя помѣщика, имѣющаго свою степь и деньги въ московскомъ банкѣ! Нечего дѣлать далъ я рубль серебромъ и велѣлъ, чтобъ купилъ сѣна и овса.

Послѣ обѣда говорили о дѣлѣ нашемъ, но они все хитрятъ и хотятъ надуть, завтра, поутру рано, ѣдемъ, надо спѣшить, срокъ отпуска приближается, а еще надо видѣть милую Настиньку.

20. Начали говорить опять о нашихъ дѣлахъ. Боже мой, что они со мной дѣлаютъ! какую сцену они приготовили! И я стыжусь теперь, что допустилъ до себя такую слабость; и къ чему такъ огорчаться! Хотя мы остались, но я ничего не могъ ѣсть и наконецъ, простившись уже совсѣмъ, часа въ два выѣхали и только часу въ первомъ ночи доѣхали къ Чернухамъ, чтобы по условію ночевать у Видиша.

23. Илья Владиміровичъ купилъ себѣ мальчика. Въ двѣнадцатомъ вмѣстѣ съ Т. С., поѣхали домой, заѣхали въ Сухоносовку и потомъ прямо домой.

28. Почти все это время провели вмѣстѣ. Видишъ жилъ съ нами. Итакъ завтра ѣду! лошадей нанялъ, вещи приведены въ порядокъ, нѣсколько изъ нихъ оставляю дома. Управленіе имѣніемъ препоручу Алексѣю. Добрый братъ взялся за это охотно. Давыдовскіе будутъ чрезвычайно недовольны, что не имъ препоручено, но я не такъ простъ. Мужики безпрестанно при-

ходили просить, чтобъ, при раздѣлѣ, оставить ихъ у меня, не желая и боясь быть у Дм. В—ча, такъ въ короткое время они узнали его. Если-бы я года три назадъ былъ дома, какая была бы разница, сколькихъ долговъ меньше было бы и я теперь получалъ бы что нибудь съ имѣнія, а теперь?..

1 Марта. Цѣлый день провели всѣ у дяди. Хотѣлъ было выѣхать послѣ обѣда, но меня не пустили; отправляюсь ночью; послѣ ужина И. В. и Т. С. меня провожаютъ до Лохвицы. Передъ вечеромъ я и И. В. пошли домой. Сдѣлавъ распоряженія, я уже хотѣлъ идти къ своимъ, какъ пріѣзжаетъ прямо изъ Сухоносовки У. М. съ вареньемъ, кренделями и пирожными. Послѣ ужина, часу въ двѣнадцатомъ, послѣ прощальнаго сидѣнія я наконецъ распрощался съ моими милыми, добрыми родными и вмѣстѣ съ И. В., Т. С., (Алек. же лихорадка задержала), пошелъ домой. Вещи мои поѣхали прежде. Дворовые стоятъ въ передней и кажется жалѣютъ, что я ѣду. Наконецъ въ часъ оставилъ я родной домъ.

2. Марта. Поутру рано пріѣхали мы въ Лохвицу. Наконецъ часу въ двѣнадцатомъ, засвидѣтельствовавъ въ судѣ свою довѣренность и простившись съ добрыми товарищами, поѣхалъ къ Глухову...

Приложенія.

А) М. Г. мой Вилимъ Викентьевичъ. Чувствительнѣйше благодарю васъ за лестную вашу ко мнѣ довѣренность. Прошу быть удостовѣреннымъ, что я цѣню оную въ полной ея мѣрѣ,— и за великое собственно себѣ пріобрѣтеніе почелъ бы, ежели-бъ могъ быть въ чемъ нибудь полезнымъ столь достойному какъ вы человѣку.

Его высокопревосходительство (кн. Лобановъ-Ростовскій?) по званію вашему губернскаго обознаго, опредѣлилъ вамъ жалованья 1200 р. и 100 р. на канцелярскіе расходы. За двѣ трети препровождаются вамъ теперь. Желаю, чтобы сіе назначеніе было соотвѣтственно желанію вашему. Могу васъ искренно

увѣрить, что его в. пр—во не ограничился бы имъ, еслибъ непредвидимыя и весьма значительныя издержки не истощили суммъ, которыми располагать онъ можетъ. Экстраординарной почти уже ничего не остается: рублевой на жалованье положительное гг. чиновникамъ и козакамъ не достанетъ; а теперь на уплату онаго состоялось высочайшее соизволеніе. Требованія по квитанціямъ довершаютъ все; и дѣло идетъ весьма близко около банкерутства. Въ такомъ положеніи, судите сами, можно ли здѣлать все то, что бы желалось? и не должна ли весьма непріятна быть необходимость ограничивать себя въ крайне тѣсныхъ предѣлахъ, наипаче человѣку душевно къ добру и къ одолженіямъ расположенному?

Я вамъ представилъ истину и надѣюсь, что вы убѣдитесь ею. Въ протчемъ прошу васъ не сумнѣваться, что мнѣ несказанно пріятно будетъ воспользоваться случаемъ доказать вамъ на дѣлѣ искренность пріязненнаго къ вамъ расположенія и готовность мою отвѣтствовать вашей довѣренности и здѣлать вамъ угодное.

Имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію, м. г., вашимъ покорнѣйшимъ слугою Василій Капнистъ.

1813 года, марта 3-го дня. Кибинцы.

Б) М. Г. Вилимъ Викентьевичъ. Ничого вже брехать, бо брехня наробить болше бидъ, и давно бъ було треба отослаты вамъ ножи. Ну що вже по правдѣ таки сказать, нѣгде дѣтця, виноватъ. Самому минѣ було нѣколы, бо вразъ, вразъ (?) проходить вередлыве виско. Павелъ Ивановичъ бувши у мене въ Яновѣ [1]), отнявъ у васъ одну дюжину ножей и принадлежащій къ оной великій нижъ съ веделкою; другую жъ дюжину посылаю вамъ, за которую еще и по сіе время не заплачено грошей, такъ якъ вы писали до мене, щобъ минѣ не платить. Ось ище щось скажу вамъ, що въ думцѣ у мене: хочу втекты, бо далебѣ вже остыло и (о)бридло отакъ служить; кажуть, що мы хороши, а що съ того. Здѣлайте милость, увѣдомте

---

1) Въ Польшѣ.

мене чи нема чутки до дому? Остаюсь навсегда, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою Томара.

2 августа, 1814 года. (Изъ Янова?).

Прошу покорнѣйше засвидѣтельствовать мое глубочайшее почтеніе батьковѣ нашему князю Филипу Семеновичу (Жевахову) та ище и Варварѣ Ивановнѣ и всѣмъ моимъ землякамъ [1]).

В. Свѣдѣніе о лубенскихъ Скаржинскихъ. Какъ матеріалъ для знакомства съ составомъ малорусскаго общества XVIII вѣка, сообщаемъ здѣсь свѣдѣнія о лубенскихъ Скаржинскихъ. „Литовскій шляхтичъ" Александръ Скаржинскій по окончаніи наукъ въ „Оршинской академіи", служилъ переводчикомъ латинскаго и польскаго языковъ при „генералитетѣ", находившемся въ Польшѣ при русской арміи. Въ это же время онъ принялъ православіе и, по окончаніи польской войны, просилъ награжденія у тогдашняго правителя Малороссіи кн. Барятинскаго. Въ отвѣтъ на эту просьбу Скаржинскій въ 1737 г. былъ назначенъ лубенскимъ полковымъ сотникомъ, „по предварительномъ представленіи отъ кіевскаго архіепископа Рафаила Заборовскаго удостовѣренія, что Ск—ій въ православной кафолической греческаго исповѣданія вѣрѣ утвержденъ". Вмѣстѣ съ принятіемъ православія Ск—ій сталъ называться Михаиломъ. Оставался онъ сотникомъ до 1750 г. У Михаила Ск—аго было три сына: Петръ, Михаилъ и Иванъ. Петръ служилъ въ военной службѣ, имѣлъ чинъ генералъ-майора, Георгія за взятіе Очакова и въ 1793 г. былъ „кавказскимъ намѣстникомъ". По выходѣ въ отставку П. Ск—ій жилъ въ Ольвіопольскомъ уѣздѣ, въ слоб. Трикратахъ, полученной имъ, кажется, въ приданное (женатъ онъ былъ на Ульянѣ Булацель). Михаилъ М—чъ Ск—ій въ 1765 г. былъ выбранъ и назначенъ сотникомъ во вторую лубенскую сотню; оставивъ сотничество въ 1773 году,

---

[1]) Считаемъ не лишнимъ замѣтить, что среди значительнаго количества писемъ, писанныхъ къ В. В. Райзеру уроженцами полтавской губ., другихъ писемъ писанныхъ по малорусски мы не встрѣтили.

онъ получилъ чинъ сначала бунчук. товарища, а затѣмъ майора; потомъ былъ Лубенскимъ повѣтовымъ маршаломъ и умеръ въ 1804 г. неженатымъ.—Иванъ М—чъ Ск—ій началъ службу, 16-ти лѣтъ отъ роду, въ малороссійской коллегіи; въ 1773 г. былъ назначенъ Румянцевымъ въ Лубенскій полкъ полковымъ хорунжимъ и оставался на этомъ мѣстѣ до 1780 г., когда былъ произведенъ въ чинъ бунч. товарища, а въ 1787 при отставкѣ получилъ чинъ премьеръ-майора. Затѣмъ Ив. М—чъ служилъ золотоношскимъ повѣтовымъ маршаломъ. Женатъ онъ былъ на Еленѣ Григорьевнѣ Закревской. Теперешніе лубенскіе Ск—іе происходятъ отъ Ив. М—ча, а потомство Петра М—ча живетъ въ херсонской губерніи. Однимъ изъ сыновей Петра М—ча былъ Викторъ (р. 1788 г.) знаменитый лѣсоводъ, облѣсившій сотни десятинъ херсонскихъ степей [1]).

[1]) Свѣдѣнія о его лѣсонасажденіяхъ см. въ Запискахъ Сельск. Хоз. Южн. Россіи, изд. въ Одессѣ.

Бердичевская ярмарка.

(Изъ воспоминаній шляхтича, относящихся къ 1823 году) [1].

Приближалась осенняя, Козьмо-Демяновская ярмарка въ Бердичевѣ, отличавшаяся отъ лѣтней, Онуфріевской, лишь тѣмъ, что была короче послѣдней, и пріѣзжіе не глотали столько пыли, какъ въ іюнѣ, во время сильнѣйшихъ лѣтнихъ жаровъ; но съѣздъ былъ такъ же многолюденъ и столько же привозилось товаровъ, какъ и на св. Онуфрія, особливо если осень была благопріятна. Въ томъ году въ концѣ октября стояла прекрасная погода, дни были солнечные, почти лѣтніе. До того времени мнѣ не приходилось еще бывать въ Бердичевѣ, и я всю дорогу тѣшился мыслью, что увижу эту знаменитую и богатую столицу польскихъ евреевъ.

Пріѣхали мы въ городъ около 3-хъ часовъ по полудни, остановились на квартирѣ и, мучимые голодомъ, тотчасъ отправились въ ближайшій трактиръ, чтобы пообѣдать; но намъ сказали, что обѣдъ уже отошелъ; то же самое услышали мы въ другомъ и въ третьемъ трактирѣ. Оставался еще одинъ трактиръ, такъ называемый Познанскій, въ которомъ можно было

[1]) Настоящій очеркъ представляетъ вольный переводъ, или точнѣе, извлеченіе изъ довольно интересныхъ, но давно позабытыхъ мемуаровъ Подольскаго шляхтича Франциска Ковальскаго, воспитанника Винницкой гимназіи и затѣмъ Кременецкаго лицея. Они были изданы въ 1859 году въ Кіевѣ Леономъ Идзиковскимъ, подъ заглавіемъ: *Wspomnienia, pamiętnik Franciszka Kowalskiego.* Мы разсчитываемъ познакомить читателя и съ другими отрывками этихъ мемуаровъ, ближе касающимися прошедшей жизни нашего края.

имѣть обѣдъ во всякое время; но лишь только мы направились къ нему, къ намъ подбѣжалъ еврей-факторъ и съ тревогой въ лицѣ сталъ отговаривать, чтобы мы не ходили туда.

— Почему? спросили мы.

— Потому что страшно туда ходить.

— Какіе же тамъ страхи?

— А, вай! тамъ великіе страхи! Туда всѣ паны боятся ходить, потому что въ томъ трактирѣ сидятъ одни гусары, что стоятъ въ Бердичевѣ; а то такіе галабурды—ай вай! Каждаго зацѣпятъ, осмѣютъ, одурачатъ, обыграютъ на бильярдѣ, поколотятъ, вытолкаютъ. Я вамъ, ясные панове, не совѣтую ходить туда.

— Что же намъ дѣлать? Гдѣ же мы пообѣдаемъ?—обратился я къ своему спутнику пану Доливѣ.

— Пустое!—отвѣчалъ онъ.—Идемъ къ Познанскому. Гусары насъ не тронутъ; мы расположимся гдѣ-нибудь въ сторонкѣ, тихонько пообѣдаемъ и уйдемъ,—они насъ и не замѣтятъ.

Подходимъ къ прекрасному каменному зданію, близъ ратуши, и уже всходя по лѣстницѣ на верхъ, гдѣ былъ трактиръ, слышимъ крикъ, шумъ, смѣхъ и пѣніе. Отворяемъ дверь въ столовую и видимъ однихъ гусаровъ, которые, сидя за длиннымъ столомъ, ѣдятъ, пьютъ и шумятъ; было ихъ около двадцати человѣкъ. Незамѣченные ими, мы поскорѣе прячемся въ сосѣднюю комнату, гдѣ стоялъ бильярдъ, и скромно усаживаемся за маленькимъ столикомъ. Прислуживавшій намъ „хлопецъ" оставилъ непритворенной дверь въ сосѣднюю залу, и мы могли наблюдать за тѣмъ, что тамъ происходило. Гусары оканчивали свое столованіе и должны были перейти затѣмъ въ нашу комнату, чтобы заняться уже до самой ночи бильярдной игрой; сообразивъ это, мы спѣшили поскорѣе утолить голодъ, чтобы заблаговременно убраться по-добру, по-здорову.

Въ то время, какъ мы расплачивались, шумъ и смѣхъ въ сосѣдней залѣ внезапно прекратился. Заглянувъ туда, мы увидѣли, что къ столу, за которымъ сидѣли гусары, подошелъ съ учтивымъ и покорнымъ видомъ какой-то шляхтичъ и обратился къ нимъ съ необыкновенно-почтительною рѣчью:

— „Прошу прощенія у вельможныхъ пановъ, что я дерзнулъ вступить въ ихъ благородное общество; но я только что пріѣхалъ, очень проголодался и смѣю надѣяться, что вельможные паны соблаговолятъ дать мнѣ мѣсто за столомъ, чтобы я могъ пообѣдать.

— Ха, ха, ха!—раздался взрывъ смѣха.

— Вельможный мосци-добродзѣю!—отозвался одинъ, видимо передразнивая его: просимъ, очень просимъ; вотъ мѣсто!

И они усадили между собою пріѣзжаго и, принявъ во вниманіе его смиренный и какъ-бы запуганный видъ, тотчасъ же подняли его на смѣхъ. Тотъ продолжалъ ѣсть съ большимъ аппетитомъ, не обращая на ихъ насмѣшки никакого вниманія. Это равнодушіе лишь больше подзадоривало веселую компанію.

— Видно, вельможный мостци-добродзѣй три дня не ѣлъ!

И откуда вельможный мосци-добродзѣй выписалъ себѣ такіе зубы? Ха, ха, ха! А какіе глаза у вельможнаго мосци добродзѣя! Ха, ха, ха! А какія уши! А усы! Ха, ха, ха! И откуда вельможный мосци-добродзѣй добылъ такой перстень? Вѣрно, отъ коханки! Ха, ха, ха!

Такъ потѣшались надъ бѣднымъ „ярмарковичемъ“ удалые гусары, вырывали у него изъ рукъ стаканъ съ водой или рюмку съ виномъ; а онъ—ни слова, будто былъ нѣмой, и только спѣшилъ поскорѣе пообѣдать, чтобы уйти отъ насмѣшниковъ.

— Кто это такой?—спросилъ я своего спутника.

— Тсс!—остановилъ меня п. Долива: не говори такъ громко, чтобы не примѣтили насъ гг. гусары, а то и намъ отъ нихъ достанется. Я этого пана ярмаковича хорошо знаю.

— Любопытно, кто жъ это?

— Это Миколай Чайковскій изъ Каменца. Вотъ увидишь, какую онъ выкинетъ имъ штуку?

— Какую же штуку?

— Будь терпѣливъ—увидишь, какъ они съ лихвою заплатятъ ему за свои „жарты“. Останемся еще здѣсь, посмотримъ, что будетъ.

Насмѣшки продолжали сыпаться градомъ на бѣдного ярмарковича, но онъ все молчалъ и только по окончаніи обѣда спросилъ хлопца: сколько съ него слѣдуетъ получить.

— Рубль серебромъ отвѣчалъ слуга.

— Но, мой коханый, я истратилъ въ дорогѣ всю мелочь и имѣю лишь ассигнаціи.—Говоря это, онъ вынулъ изъ кармана бумажникъ, развязалъ большую пачку сторублевыхъ ассигнацій и, подавая одну изъ нихъ слугѣ, спросилъ, можетъ-ли онъ дать сдачу.

— Со ста рублей?—изумился хлопецъ.—Нѣтъ, нельзя!

— Въ такомъ случаѣ, можетъ быть, ты сдашь мнѣ съ дуката?

— Съ дуката можно, отвѣчалъ слуга.

Тогда Чайковскій снялъ съ себя грубый кожаный *чересъ* (поясъ), которымъ былъ опоясанъ, развязалъ одинъ конецъ и высыпалъ оттуда большую кучу золота. Вручивъ слугѣ одинъ дукатъ, онъ снова всыпалъ монеты въ чересъ и опоясался имъ подъ своей чамарой. Все это онъ сдѣлалъ съ тѣмъ пугливымъ видомъ, съ какимъ обыкновенно хуторяне развязываютъ свои кошели при чужихъ людяхъ.

У гусаръ глаза загорѣлись при видѣ такого богатства, и они сразу же аттаковали бѣднаго „ярмаковича": окружили со всѣхъ сторонъ, схватили подъ руки и съ шумомъ потащили въ бильярдную комнату.

— Вельможные.... вельможные паны добродзѣи! Паны добродзѣи!—упрашивалъ ихъ испуганный Чайковскій: куда вы меня тащите?

— Сюда, сюда, вельможный мосци-добродзѣю, въ сосѣднюю комнату, къ бильярду!—кричали гусары.

— Къ бильярду? А на что мнѣ тотъ бильярдъ? Я уже вполнѣ сытъ и больше ѣсть не хочу.

— Ха, ха, ха!—раздался дружный взрывъ.—Вельможный мосци-добродзѣй воображаетъ, что бильярдъ—это что-то съѣдобное! Ха, ха, ха!

— А, вѣрно, что-нибудь въ родѣ компота или конфитуръ (варенья); а я компотовъ и конфитуръ не ѣмъ, какъ и небожчикъ мой вуяшекъ (дядя).

— Ха, ха, ха! Нѣтъ, бильярдъ—это не компотъ и не конфитуры: это—игра!

— Игра?—удивленно переспросилъ Чайковскій.—Въ самомъ дѣлѣ? Какая же это игра?

— А вотъ увидишь, мосци-добродзѣю! Это—хорошая игра. Ты легко ей научишься и будешь играть съ нами.

— Я буду играть съ вельможными панами добродзѣями?! И еще буду ей учиться?.. На что она мнѣ! Увольте меня, вельможные паны, у меня нѣтъ времени: я пріѣхалъ на ярмарку купить себѣ воловъ, коней и всего, что нужно въ хозяйствѣ, потому что я—бѣдный гречкосѣй. Мнѣ нужно поскорѣе справиться на ярмаркѣ, чтобы во время вернуться домой, гдѣ меня ожидаетъ жена; иначе она меня поколотитъ, ей-богу! и очень больно поколотитъ: то такая сварливая баба, настоящій Иродъ, гайдамака! ей-богу!

— Ха, ха, ха! громко заливались гусары; отпуская разныя прибаутки по адресу жены Чайковскаго, которой у него никогда не бывало.

— Прощайте, прощайте, вельможные паны! Я долженъ итти!...—и съ этими словами Чайковскій порвался къ двери.

— Куда? куда?—закричали гусары и заступили дорогу.— Ты не уйдешь отъ насъ такъ: ты долженъ играть съ нами.

— Смилуйтесь, ясновельможные паны! Пустите душу на покаяніе!—чуть не плачетъ несчастный шляхтичъ. Но ему уже всунули въ руку кій, разложили шары на бильярдѣ, и одинъ изъ присутствующихъ поставилъ ставку.

— По чемъ же играть будемъ? спросили Чайковскаго.— Вѣдь это игра на деньги.

— Какъ на деньги?! вскричалъ бѣдняга, вытаращивъ отъ изумленія глаза.—Я, бѣдный гречкосѣй, никогда не играю на деньги, а только играю дома въ марьяжъ съ моимъ сосѣдомъ паномъ Бартломеемъ, когда онъ въ праздникъ заѣдетъ иногда ко мнѣ на своей дрындулькѣ, а въ другую игру не умѣю играть...

— Ха, ха, ха! То—марьяжъ, а то—бильярдъ! Въ бильярдную игру всегда нужно играть на деньги. Ну, по чемъ же станемъ играть, мосци-добродзѣю? Мы обыкновенно играемъ по сту рублей ассигнаціями.

— Матко Найсвѣнтша! По сту рублей ассигнаціями? Я полагалъ, что по три гроша!..

— По три гроша?.. Что же ты мосци-добродзѣю, смѣешься надъ нами?

— Сохрани Боже, чтобы я дерзнулъ смѣяться надъ ясновельможными панами; но я никогда въ жизни не игралъ даже и по три гроша!..

Ну, а мы иначе не играемъ, какъ по сту рублей,—закричали всѣ.—Довольно, игра начинается!

Гусаринъ далъ выставку, и Чайковскій съ комической неловкостью ударилъ кіемъ! и далъ киксъ. Всѣ дружно разсмѣялись.

— Вельможные и коханые паны добродзѣи! Я не умѣю что дѣлать съ этимъ кіемъ—взмолился опять Чайковскій. Не хочу играть! Я пойду на ярмарку...

— Э, нѣтъ, вельможный мосци-добродзѣю, ты долженъ теперь играть, потому что партія начата.

Нечего было дѣлать; Чайковскій покорился своей печальной участи, и игра началась. Невозможно описать, сколько было шума, галаса и смѣха между присутствовавшими, пока продолжалась эта партія. Чайковскій съ такой забавной миной и съ такой неповоротливостью прицѣливался кіемъ, что морилъ со смѣху всѣхъ; нечего и говорить, что онъ дѣлалъ безпрестанные киксы, проигралъ партію и остался „на кіѣ“.

— На кіѣ, на кіѣ! ха-ха-ха!—кричали, всѣ награждая его аплодисментами.—Браво, вельможный мосци-добродзѣю! Полѣзай же подъ бильярдъ и плати двойную ставку.

— Что? какъ?— недоумѣвалъ Чайковскій. Что значитъ „на кіѣ“?

— Ха-ха-ха! Онъ ничего не понимаетъ! А это означаетъ вотъ что: кто въ партіи не сдѣлаетъ ни одного удара, тотъ остается „на кіѣ“ и обязанъ пролѣзть подъ бильярдомъ и заплатить двойную ставку; таково правило игры.

— Какъ то, вельможные паны? я обязанъ, какъ собака, лѣзть подъ бильярдъ и платить двойную ставку? Такое правило?

— Да, такое правило. Полѣзай же живо, вельможный мосци-добродзѣю, и положи въ лузу двѣсти рублей.

— Признаюсь, это—очень скверное правило!— печально промолвилъ Чайковскій и съ самымъ комическимъ видомъ по-

лѣзъ подъ бильярдъ, а вылѣзши оттуда, отряхнулся, сплюнулъ и проговорилъ:

— Чортъ бы побралъ такія конфитуры (варенье)!—А позвольте спросить, вельможные паны,—добродушно обратился онъ къ гусарамъ: вы сказали, что кто останется на кіѣ, тотъ долженъ лѣзть подъ бильярдъ. Такъ ли я понялъ?

— Конечно, такъ.

— Честное слово?

— Честное слово. Таково правило игры.

— А еслибъ, примѣрно, кто-либо изъ вельможныхъ пановъ, храни Боже, остался на кіѣ,—и онъ также полѣзетъ подъ бильярдъ?

— Разумѣется!

— Честное слово?

— Честное слово.

— Это забавно! Я никогда не слыхалъ о такомъ правилѣ. А теперь, вельможные паны, смилуйтесь и отпустите меня. Пусть ужъ я пойду на ярмарку, а то жена пребольно меня поколотитъ; и лошади мои стоятъ на улицѣ и ждутъ. Вѣдь я заплатилъ уже 200 рублей за эти проклятыя *конфитуры* и долженъ буду передъ своей вѣдьмой дать отчетъ: что я скажу ей? Будьте здоровы, вельможные паны! Я долженъ непремѣнно уйти. Благодарю за науку.—И онъ направился къ дверямъ.

— А еще со мной! еще со мной! Поставь разомъ двѣсти рублей, авось свои отыграешь!—кричатъ ему со всѣхъ сторонъ и хватаютъ за руки.

— Святый Боже! Двѣсти рублей? Не хочу, не хочу! Я иду!

И „Святый Боже“ не поможетъ—ты долженъ играть: вотъ я уже далъ выставку.

И Чайковскому снова всучили кій и потащили его къ бильярду. Онъ отпрашивается, едва не плачетъ. Ничто не помогаетъ! Снова начали партію. Чайковскій съ тою же комическою неловкостью стучитъ кіемъ, но на этотъ разъ ему удалось сдѣлать два правильныхъ удара.

— Слава Богу!—радостно восклицаетъ онъ: по крайней мѣрѣ теперь не полѣзу подъ бильярдъ! Однако, смилуйтесь,

вельможные паны! Не могу больше! И такъ ужъ я заплатилъ 400 рублей, а тамъ ярмарка ждетъ и лошади на улицѣ.

— Что тамъ ярмарка? Ярмарка не уйдетъ! А вотъ вельможный мосци-добродзѣй со мной еще не игралъ. Ну-ка начнемъ маленькую партійку въ 400 рублей.

— Это Божье наказаніе! Пустите, панове, я не имѣю времени!—Но гусары заступили ему дорогу и потащили къ бильярду съ криками: Ты долженъ играть третью партію!

— По крайней мѣрѣ, научите меня, вельможные паны, какъ слѣдуетъ играть, потому что я чистый оселъ.

— Изволь, мосци-добродзѣю! Это очень не трудно: вотъ такъ держи кій, вотъ такъ бей.—И стали его учить. Онъ какъ послушнѣйшій неукъ, внимаетъ и пробуетъ.

За третей партіей онъ сдѣлалъ уже 18 ударовъ, хотя и проигралъ 400 рублей; за четвертой—30, за пятой—50, а шестую онъ уже выигралъ,—и разомъ вернулъ всѣ свои проигрыши, такъ какъ всѣ партіи шли quitte va double.

— А, слава Богу! вздохнулъ радостно Чайковскій: эта партія мнѣ какъ-то удалась. Теперь ужъ я вельможнымъ добродзѣямъ ничего не долженъ, ни они мнѣ; позвольте же теперь уйти.

— Нѣтъ, нѣтъ! вельможный мосци-добродзѣю!—закричали всѣ хоромъ: ты долженъ играть еще съ каждымъ, съ каждымъ!

— А то Божеское наказаніе!—жалобно завопилъ бѣднякъ, почесывая затылокъ.—Вельможные паны-добродзѣи, не принуждайте меня играть! Вотъ я при этихъ свидѣтеляхъ (а къ тому времени на шумъ забавнаго приключенія вся зала наполнилась любопытными зрителями) покорно прошу васъ: отпустите меня! Такъ я проиграюсь до рубашки, не съ чѣмъ будетъ идти и на ярмарку, а то пожалуй еще разъ заставите меня лѣзть подъ бильярдъ!

— Конечно; если останешься на кію, обязательно полѣзешь.

— А если, сохрани Боже, кто либо изъ вельможныхъ пановъ останется? Онъ тоже полѣзетъ подъ бильярдъ?

— Натурально, полѣзетъ.

— Честное слово, вельможные паны?

— Честное слово, мосци-добродзѣю. Ну, играемъ. Вотъ я даю выставку.

Партія началась. Мой спутникъ толкаетъ меня и шепчетъ на ухо: „Теперь смотри: начинаются штуки".

Осмѣянный, обыгранный, неповоротливый Чайковскій въ самомъ дѣлѣ началъ показывать настоящія „штуки": въ одинъ пріемъ окончилъ партію и посадилъ противника на кій.

— Ахъ я оселъ! Что я сдѣлалъ!—съ испуганнымъ видомъ вскричалъ Чайковскій.—Сердечно прошу вельможнаго коханаго пана простить меня: это не болѣе, какъ несчастная случайность. Мнѣ очень прискорбно, что вельможному пану прійдется, по правиламъ игры, лѣзть подъ бильярдъ, какъ то было и со мною.

Гусары раскрыли рты отъ изумленія. Но дѣлать нечего: честное слово дано—путешествіе подъ бильярдомъ исполнено безъ прекословія, поставлена двойная ставка, и игра снова началась. Не прошло пяти минутъ, какъ другой бравый гусаринъ полѣзъ подъ бильярдъ. Всѣ приходятъ въ азартъ и наперебой другъ передъ другомъ удваиваютъ ставки. Чайковскій съ тѣми же забавно-неуклюжими пріемами съ каждымъ разомъ играетъ все лучше: дѣлаетъ дублеты, триплеты и клапштоссы, или же, оставаясь неподвижно на одномъ мѣстѣ, онъ какъ волшебникъ, заставляетъ свои шары возвращаться на тѣ пункты какіе ему желательны. Каждаго изъ противниковъ онъ, оставляетъ „на кіѣ", всякій разъ униженно предъ нимъ извиняется и тономъ самаго почтительнаго участія приглашаетъ его подчиниться неумолимымъ правиламъ игры и совершить прогулку подъ бильярдомъ. Кончилось тѣмъ, что онъ обыгралъ всѣхъ до чиста и положилъ въ карманъ около двадцати тысячъ рублей.

Опорожнивъ всѣмъ карманы, онъ учтиво поблагодарилъ за науку.

— Какъ же я сердечно благодаренъ вельможнымъ, коханымъ и ласковымъ панамъ, что они соизволили меня, бѣднаго ярмарковича, научить игрѣ на этомъ бильярдѣ! Въ самомъ дѣлѣ, какая это прекрасная и легкая игра! А я, простакъ, полагалъ прежде, что бильярдъ—это какія-то конфитуры!...

Если вельможные паны позволять, я прійду завтра еще поучиться у вельможныхъ пановъ и засвидѣтельствовать имъ мою глубочайшую сердечную благодарность за науку.

— Нечего насъ благодарить: ты самъ далъ намъ добрую науку—обыгралъ всѣхъ до чиста.

— Ахъ, я убѣдительнѣйше умоляю вельможныхъ и коханыхъ пановъ извинить меня: это—не болѣе, какъ слѣпая случайность.

Онъ простился самымъ учтивымъ образомъ и вышелъ съ низкими поклонами. Мы едва удерживались отъ смѣха и поспѣшили за нимъ. Мой спутникъ представилъ меня Чайковскому, и это было первое мое знакомство на ярмаркѣ, тѣмъ болѣе пріятное, что подобнаго бильярдиста мнѣ никогда еще не приходилось видѣть, да едва ли и есть другой, ему подобный.

— Ну, панъ, ты хорошо проучилъ ихъ!—замѣтилъ со смѣхомъ мой спутникъ.

— А что-жъ! скромно отвѣтилъ Чайковскій: они сами меня научили, а я, какъ понятливый ребенокъ, такъ быстро научился, что имъ же оказалъ маленькую услугу: облегчилъ имъ карманы. Теперь имъ легче будетъ гонять по городу и чинить „галабурды“.

— А мы съ такимъ захватывающимъ интересомъ смотрѣли на игру, какъ будто предъ нами шло представленіе лучшей пьесы Шекспира или Шиллера.

— Что же Шекспиръ и Шиллеръ! Они артисты въ своемъ родѣ, а я въ своемъ. Шекспиръ и Шиллеръ назвали бы меня осломъ по сравненію съ собой; а я несомнѣнно посадилъ бы ихъ на кій, какъ тѣхъ вельможныхъ и коханыхъ пановъ добродзѣевъ, которые теперь навѣрное находятся не въ авантажѣ.

Мы посмѣялись еще и простились съ паномъ Чайковскимъ.

Вернувшись на постоялый дворъ, мы встрѣтились съ расфранченной хозяйкой-еврейкой, вышедшей встрѣтить насъ.

— Какъ поживаете пани Сура?—спросилъ мой спутникъ. Гдѣ же твой мужъ, почтенный панъ Гершко?

— Его нема въ хатѣ.

— А гдѣ же онъ?

— Вунъ сидитъ въ леху.

— Чтожъ онъ тамъ дѣлаетъ?

— Атъ! вунъ робитъ тамъ вельки интереса.

— Какіе же то „интереса?“

— И атъ! вунъ робитъ вино шампанское для пана Чаецкаго; то барзо добрый панъ.

Мы съ изумленіемъ узнали, что въ Бердичевѣ, въ домѣ почтеннаго Гершка существуетъ фабрика шампанскаго вина.

Переодѣвшись, мы вышли побродить по городу. Въ первый разъ я увидѣлъ здѣсь эту разноплеменную, разноязычную, крикливую толпу людей въ разнообразнѣйшихъ одеждахъ, безконечнымъ потокомъ затоплявшую улицы пѣшо, конно, въ бричкахъ, возахъ, коляскахъ, каретахъ. Смѣшанный гулъ голосовъ сливался въ глухіе звуки, напоминавшіе клокотаніе кипящей воды; лѣтомъ, на св. Онуфрія, среди этого гаму, звонко выдѣляются еврейскія выкрикиванія: холодная вода со льдомъ! холодная вода со льдомъ!

Городъ большой, со множествомъ красивыхъ каменныхъ домовъ, но ужасно, чисто по еврейски, тѣсный; базарная площадь, однако, довольно обширна. Возлѣ ратуши находится огромное зданіе съ высокой башней, въ верхнемъ этажѣ котораго въ то время помѣщались владѣльцы Бердичева, а также богатые купцы и банкиры, а въ нижнемъ—лучшіе магазины, въ томъ числѣ—славнаго тогда Шифнагля. Толпы покупателей и праздныхъ зрителей переходили изъ одного въ другой; мужчины и женщины, старые и молодые, дамы въ изысканныхъ нарядахъ, сопровождаемые элегантной молодежью, паны и простые шляхтичи осаждали магазины или сами служили для нихъ сильнымъ гарнизономъ. По улицамъ, среди невообра зимой толкотни, безпрестанно раздавались крики кучеровъ: Направо! держи направо! Молодежь по большей части красовалась на своихъ аргамакахъ. Всѣ продавали, покупали, а иные и плутовали безъ конца.

Вотъ ѣдутъ верхами какіе-то средневѣковые рыцари и возглашаютъ, что сегодня будетъ происходить акробатическое представленіе; вслѣдъ за ними дождемъ сыпятся въ толпу разнаго рода афиши. Евреи, какъ ошпаренные, мечутся всюду: то факторы, то просто карманщики, то съ пачками подъ пахой, то безо всего; каждаго проходящаго, особенно молодыхъ, они останавливаютъ, предлагаютъ свои товары—и непремѣнно задешево, якобы себѣ въ убытокъ, въ особенности, если нападутъ на неопытнаго панича. Вотъ идетъ, охорашиваясь, молодой щеголь, пріѣхавшій съ отцомъ на ярмарку и вышедшій поглазѣть на публику. Съ нимъ встрѣчается еврейчикъ, съ какимъ то узелкомъ подъ полой.

— Паничу! паничу! ясный пане!—шепчетъ онъ ему съ таинственнымъ видомъ.

— Что тебѣ?

— Я хочу показать паничу сличный раритетъ.

— Что же у тебя? Покажи.

— Я имѣю для панича самый рѣдкій раритетъ, антикъ: футерко одного американскаго звѣрька.

— Покажи, покажи.

— Але то, паничу, *пэкэлэ*, подъ секретомъ; я его никому не могу показать, только одному паничу, ей-богу!

— *Пэкэлэ?* что же это такое *пэкэлэ?*

— То есть заграничный товаръ, контрабанда.

— Покажи скорѣй, не тяни,—выходитъ изъ терпѣнія паничъ.

— Але нехай паничъ отойдетъ трошечки на бокъ, абы якый полицай не зобачилъ, бо то—пэкэле, самая больщущая рѣдкость!—и онъ показываетъ маленькую шкурку съ мелкимъ серебристымъ волосомъ, гладкимъ какъ шелкъ.

— Ахъ какая прекрасная шкурка!—восклицаетъ изумленный паничъ, хватая ее.

— А правда, что сличва? Я же говорилъ паничу, что это антикъ, заграничная рѣдкость, изъ самой Америки, пэкэлэ.

— Что жъ за него? Какъ этотъ звѣрекъ называется?

— Это звѣрятко называется *азокъ*.

— Азокъ? Я не слыхивалъ никогда о такомъ звѣрѣ.

— Бо оно не здѣшнее, а заграничное, изъ Америки. Купите, паничъ, только скорѣе, тутъ нужна осторожность, бо якъ якый полицай зобачытъ, ай вай! то меня посадитъ въ полицію.

— Ну, что же ты хочешь за этого азока?

— Я возьму съ панича, что мнѣ самому стоитъ: десять карбованцевъ.

— Десять карбованцевъ? Это ужасъ.

— А хиба то много? Ну, что паничъ дастъ?

— Я дамъ три рубля.

— Три? Ай вай! Можетъ быть, паничъ жартуетъ со мною? Мнѣ самому стоитъ девять съ половиною карбованцевъ, а мнѣ надо же заработать хоть полъ-рубля, бо я съ того живу.

— Ну, даю четыре.

— Ай вай! Дайте, паничу девять съ половиною, какъ мнѣ самому стоитъ; я такъ только одному паничу продаю, а больше никому.

— Такъ и быть, дамъ пять рублей, а больше ни гроша.

— Ай вей, паничу, полицай подходитъ: скорѣй, паничу! пусть будетъ девять карбованцевъ.

— Бери шесть, а не то убирайся!—и паничъ хочетъ отойти.

— Ну, ну, продаю, продаю! и то только паничу, а больше никому, хотя и въ убытокъ себѣ.

Паничъ вынимаетъ шесть рублей и расплачивается, а еврей исчезаетъ.

Возвратившись на квартиру, необыкновенно радостный, сынъ хвалится отцу удачной покупкой.

— Что же тамъ у тебя, Юзю?—спрашиваетъ отецъ.

— Купилъ превосходный американскій мѣхъ удивительнаго качества: ты будешь имѣть, папа, отличнѣйшую, элегантную шапочку для утренняго костюма, даже для верховой ѣзды.

— Покажи, что тамъ такое.

Отецъ молча посмотрѣлъ покупку и потомъ спрашиваетъ:

— Что же это за мѣхъ?

— Ага! папа никакъ не угадаетъ, ха—ха! Это—американскій звѣрь, *азокъ*.

— Азокъ? что за азокъ?

— Да, папа, азокъ; это такой американскій звѣрекъ, неизвѣстный въ Европѣ.

— А много ты за него далъ?

— Вообрази, папа! Очень дешево: всего шесть рублей. Правда, недорого?

— Шесть рублей? Ха—ха—ха! Какой же ты глупый, мой сынокъ!

— Глупый? Почему?

— Потому что эта шкурка стоитъ не дороже десяти, въ крайнемъ случаѣ пятнадцати грошей.

— Пятнадцати грошей? Но пойми, папа, что вѣдь это очень рѣдкая вещь. Онъ говорилъ, что взялъ съ меня сколько самому стоитъ, и только мнѣ одному такъ дешево продалъ, себѣ въ убытокъ.

— Ха-ха-ха! Какой же ты оселъ, мой Юзю!

— Но, папа, все же это рѣдкій, американскій звѣрекъ.

— У каждаго жида въ Бердичевѣ, въ каждомъ мѣстечкѣ и селѣ въ Европѣ водится этотъ глупый американскій звѣрь и лазитъ по кровлямъ и заборамъ.

— Что ты разсказываешь, папа? Что же это за звѣрь?

— Это, мой Юзю, по-просту—коза.

— Коза? Не можетъ быть! Гдѣ же это видано, чтобы козья шкурка имѣла такой шелковый, серебристый волосъ!

— Да, это не настоящая коза, а козленокъ, выпоротый изъ утробы матери,—такъ называемый *выпортокъ*; вотъ почему волосъ на немъ такой мелкій и блестящій. Видишь, Юзю, какъ тебя жидъ одурачилъ?

— Ахъ онъ шельма, воръ, разбойникъ! А еще увѣрялъ, что это *пэкэлэ*, контрабанда, американскій антикъ, азокъ! Ужъ его непремѣнно разыщу на ярмаркѣ и оборву ему пейсы!

— О, ты его поймаешь теперь—какъ разъ! Не таковскій онъ! ха—ха!

Но случайно вышло такъ, что спустя часъ паничъ сталкивается съ тѣмъ самымъ евреемъ здѣсь же, у воротъ своей квартиры.

— А, это ты, шельма? ты, плутъ, разбойникъ? Поди сюда поди!—и тащитъ его за пейсы въ домъ, гдѣ находился отецъ

и нѣсколько ярмарковичей.—Вотъ, папа, тотъ мошенникъ, что продалъ мнѣ шкурку!

— Ай вай! гевултъ! Чего паничъ отъ меня хочетъ?

— Это ты, шельма, продалъ мнѣ шкурку?

— Ну, и что жъ изъ того? Я продалъ—и очень дешево, только для панича.

— Дешево? Взялъ шесть рублей за такую дрянь, которая не стоитъ пятнадцати грошей!

— Герште! Какъ не стоитъ! Я понесъ большой убытокъ.

— Убытокъ? Ахъ ты разбойникъ! Ты увѣрялъ, что продаешь шкурку американскаго звѣрька *азока*, а это—просто коза!

— Ну, что азокъ, что коза—то все одно: по нашему читая, отъ правой руки къ лѣвой, выйдетъ *азокъ*, а по вашему, слѣва на право—выходитъ *коза*. Чи идетъ, чи ходитъ—все на одно выходитъ. Ну, и чего же паничъ отъ меня хочетъ?..

Отецъ и присутствовавшіе гости невольно разсмѣялись этому остроумному объясненію; паничъ сконфуженно почесалъ затылокъ, а еврей шмыгнулъ—и былъ таковъ!

Меня, какъ новичка, первый разъ посѣтившаго Бердичевскую ярмарку, очень занимало и даже поражало это шумное, разноплеменное стеченіе народа. Я долго не могъ освоиться съ ярмарочной суматохой; даже по ночамъ въ моихъ ушахъ отзывался неумолкаемый говоръ, шумъ, а передъ глазами проходилъ безконечный калейдоскопъ самыхъ разнообразныхъ лицъ, фигуръ, костюмовъ, сценъ, нерѣдко фантастическихъ. Въ ту эпоху Бердичевская ярмарка славилась по всей Польшѣ и Россіи и играла ту же роль, что Лейпцигская въ Германіи. Сюда пріѣзжали торговцы изъ глубокой Россіи, Австріи, Германіи, Болгаріи, Турціи, Аравіи и Богъ знаетъ откуда; а сколько съѣзжалось покупателей, гостей, прибывшихъ изъ любопытства, для развлеченія, а часто и для игры въ *фараонъ*! Почти въ каждомъ домѣ, днемъ и ночью, шелъ картежъ, слышались возбужденные голоса, крики радости или страшныя проклятья, хлопанье бутылокъ и т. под.

Крѣпко держался я своего ментора и путеводителя, пана Доливы-Старжинскаго, съ которымъ мы пріѣхали въ Бердичевъ

и который возилъ меня по знакомымъ. Часто и онъ садился за зеленый столъ, игралъ и нерѣдко выигрывалъ, а я лишь смотрѣлъ, не испытывая ни малѣйшей охоты принять участіе въ игрѣ,—смотрѣлъ не въ карты, а на лица игроковъ. По правдѣ говоря, для наблюдателя нѣтъ болѣе увлекательнаго занятія, какъ слѣдить за измѣненіемъ выраженій на лицахъ игроковъ, когда они забавляются своей „малеваной литературой", за этой безпрестанной смѣной радости, надежды, разочарованія и полнаго отчаянія. Вотъ одинъ страшно сморщился и съ ожесточеніемъ рветъ въ куски проклятую пятерку, что его погубила; другой радостно улыбается: вѣрно, фортуна ласково погладила его по головкѣ; третій угрюмо рычитъ и рветъ на себѣ волосы: очевидно, проигрался до нитки. Иной съ счастливымъ видомъ собираетъ со столика кучи золота и ассигнацій; тотъ порывисто встаетъ съ мѣста и, чтобы утѣшиться или придать себѣ больше куража, жадно прикладывается къ стоящимъ въ углу бутылкамъ и поглощаетъ безъ разбору, что попадетъ подъ руку: водку, вино, портеръ, ликеръ. Вокругъ нихъ господствуетъ немолчный, хаотическій шумъ, гвалтъ, на фонѣ котораго, какъ громовые удары, раздаются зловѣщія слова: пароль! бью! ва-банкъ! Не возможно изобразить подобныя сцены, свидѣтелемъ которыхъ я бывалъ неоднократно.

Чаще всего подобныя сцены повторяются тамъ, гдѣ предводительствуютъ игрой и мечутъ банкъ спеціальные артисты, попросту—шулера. Мнѣ случалось знавать ихъ; обыкновенно это такой народецъ, что, имѣя деньги, я побоялся бы переночевать съ ними въ одной комнатѣ. По большимъ городамъ, или же во время многолюдныхъ съѣздовъ, ярмарокъ, контрактовъ они набираютъ подручныхъ агентовъ, которые разыскиваютъ молодыхъ, неопытныхъ богатыхъ людей, коварно увлекаютъ ихъ въ игру, а въ концѣ концовъ грабятъ и обираютъ ихъ не хуже разбойниковъ на большихъ дорогахъ.

На ярмаркѣ въ Бердичевѣ мы были свидѣтелями одной забавной сцены съ шулерами. Дознались они, что прибылъ на ярмарку молодой помѣщикъ, недавно унаслѣдовавшій послѣ скопидома-дяди милліонное состояніе. Было извѣстно, что до того вре-

мени онъ былъ совершеннымъ бѣднякомъ, и теперь, имѣя въ карманѣ болѣе ста тысячъ злотыхъ, пріѣхалъ сдѣлать нѣкоторыя закупки и вмѣстѣ съ тѣмъ поразвлечься. Не успѣлъ онъ осмотрѣться, какъ его окружилъ цѣлый сонмъ найсердечнѣйшихъ пріятелей, которыхъ онъ никогда не знавалъ и въ глаза не видывалъ; то были агенты извѣстнаго всему свѣту X., который содержалъ въ разныхъ городахъ Европы и въ Бердичевѣ во время ярмарки открытые игорные дома и исправно очищалъ карманы безчисленному множеству молодыхъ, неопытныхъ паничей. Сердечные друзья не давали отдыха нашему новичку, показывали ему разныя забавы и развлеченія, водили въ театръ, въ кондитерскія, винныя лавки, а онъ благодушно за все расплачивался, будто на радостяхъ, что обрѣлъ вдругъ столько добрыхъ пріятелей. Однажды, возвращаясь изъ погребка, они, будто мимоходомъ, завели его въ игорный домъ, гдѣ, обложившись кучами лежавшихъ на столѣ дукатовъ и ассигнацій, банкиръ хладнокровно металъ банкъ, а толпа возбужденныхъ понтеровъ, съ недвижно устремленными въ карты глазами, въ зловѣщемъ молчаніи ожидала выхода карты, которая должна была принести жизнь или смерть каждому изъ нихъ.

При входѣ окруженнаго сонмомъ добрыхъ пріятелей богатаго гостя, банкиръ, заранѣе предупрежденный, поднялъ глаза и, привѣтливо поклонившись ему, крикнулъ: *place! place, messieurs!* Всѣ разступились и дали гостю мѣсто у стола. Послѣ обмѣна взаимныхъ учтивыхъ фразъ, ему предложили принять участіе въ игрѣ.

— Что же я поставлю на карту?—спросилъ гость нерѣшительнымъ тономъ.

— Что?—подхватилъ одинъ изъ пріятелей.—А много панъ имѣетѣ при себѣ?

— Восемьдесятъ тысячъ въ золотѣ и бумагахъ,—добродушно сознался молодой помѣщикъ.

— То поставь, панъ, все.

— Все? какъ же все?

— А такъ, все: либо генералъ, либо капуцинъ.

— Вотъ прекрасно—все! А что жъ у меня останется, если проиграю? Что я буду дѣлать безъ гроша, и какъ доберусь домой?

— Ха-ха-ха! И чѣмъ же особеннымъ панъ рискуетъ?

— Какъ чѣмъ? Рѣшительно всѣмъ.

— Смѣшно и слушать! Если проиграешь, то будешь голъ, какимъ былъ раньше, и это не можетъ особенно огорчать пана, потому что ты достаточно освоился съ нищетой, за то узнаешь ярмарку и людей; а если выиграешь, то сразу будешь имѣть 160 тысячъ—капиталъ, съ которымъ можно скупить чуть не всѣхъ воловъ и лошадей на ярмаркѣ. Наконецъ, въ случаѣ проигрыша, пану все же останется земля.

— Это правда; однако, я все-таки побаиваюсь, друзья мои! твердитъ немного охмелѣвшій хуторянинъ, только что вернувшійся изъ погребка.

— Фи! стыдись, панъ, говорить это: всѣ станутъ смѣяться.

— Станутъ смѣяться? Развѣ всѣ ставятъ такъ много?

— Конечно, всѣ. Вотъ хотя бы эти господа, что сейчасъ играютъ: не одинъ изъ нихъ поставилъ сто тысячъ, а получитъ двѣсти. Такъ и ты, панъ, поставишь восемьдесятъ, а выиграешь сто шестьдесятъ тысячъ.

— Панъ серьезно говоритъ это.

— Конечно, не шучу. Панъ знаетъ, какъ сердечно я къ нему расположенъ.

— Честное слово, я выиграю?—и протягиваетъ совѣтнику руку.

— Честное слово!—увѣряетъ тотъ; и они ударили по рукамъ.

— А! если, панъ, даешь мнѣ честное слово, что выиграю, а панъ долженъ лучше знать про это, потому что лучше моего знаетъ это дѣло, въ такомъ случаѣ....—и онъ вынимаетъ бумажникъ съ ассигнаціями и два кошелька съ золотомъ.—Вотъ мои восемьдесятъ тысячъ: прошу дать мнѣ карту.

Поспѣшно подали ему колоду картъ, и онъ выбралъ двойку и на эту двойку поставилъ весь свой капиталъ.

Наступила минута общаго молчанія. Всѣ съ любопытствомъ или съ насмѣшливымъ изумленіемъ посматривали на отважнаго понтера и на банкомета, который, покраснѣвъ отъ радости, съ бьющимся сердцемъ, съ загорѣвшимися при видѣ вѣрной

добычи глазами, дрожащими руками металъ банкъ: влѣво, вправо, влѣво... и вдругъ—о несчастье! черезчуръ взволнованный банкиръ какъ то ошибся, подмѣнилъ не ту карту—и двойка пала на сторону равнодушнаго понтера!. Внезапный ударъ грома не поразитъ такъ заблудившагося въ дремучемъ лѣсу путника, какъ эта ужасная двойка сразила въ самое сердце почтеннаго банкомета: блѣдный, съ широко раскрытымъ ртомъ и глазами, онъ хотѣлъ что-то сказать, но голосъ его не слушался. Черезъ минуту онъ, однако, совсѣмъ оправился; его, видимо, оживила надежда, что молодой человѣкъ, опьяненный неожиданнымъ счастьемъ, захочетъ продолжать игру; но тотъ съ хладнокровнѣйшимъ видомъ, среди общаго молчанія, сгребъ со стола свои и выигранныя деньги, сосчиталъ, наполнилъ ими всѣ свои карманы и, обращаясь къ тому изъ пріятелей, которой уговорилъ его играть, промолвилъ съ изысканной, хотя и иронической, учтивостью:

— Мнѣ очень пріятно выразить уважаемому пану благодарность за то, что онъ изъ дружеской расположенности склонилъ меня отважиться на такой отчаянный рискъ. Панъ можетъ судить, какъ я глубоко его уважаю, если, довѣряя лишь его честному слову, безъ колебанія поставилъ на карту такую крупную сумму: такъ крѣпко я былъ увѣренъ въ выигрышѣ. Вижу, что панъ не на вѣтеръ бросаетъ свое честное слово. Теперь мнѣ остается лишь поблагодарить почтенныхъ пановъ за лестное знакомство и распроститься съ ними навсегда.—И поклонившись учтиво, онъ хотѣлъ выйти.

— Но позвольте, позвольте!—вскричалъ пораженный банкометъ: такъ не годиться уйти, забравши деньги: вы должны дать намъ реваншъ.

— Въ этой милой забавѣ—отвѣчалъ молодой человѣкъ—можно уйти, оставивъ деньги; почему же нельзя уйти, забравши ихъ?

— Но, пане!—отозвалось нѣсколько голосовъ:—такъ не годится; вы должны еще играть.

— Почему же не годится? Я тому почтенному пану слѣпо повѣрилъ, когда онъ при васъ поручился честнымъ словомъ въ

моемъ выигрышѣ; теперь я требую, чтобы паны взаимно повѣрили моему честному слову, которое торжественно даю въ настоящую минуту: я никогда въ жизни не игралъ въ карты и никогда впредь играть не буду.

— Какъ? панъ не будетъ играть?—закричали всѣ съ тревогой.

— Никогда! Даю въ томъ честное слово, котораго также я не бросаю на вѣтеръ, и клянусь предъ Богомъ, что отнынѣ никогда въ жизни не возьму и въ руки картъ, какъ не бралъ ихъ до сегодняшняго дня.

Сдѣлавъ общій поклонъ, онъ ушелъ.

— Sacrébleu!—вскричалъ ломая руки банкометъ: какову штуку сыгралъ съ нами этотъ хуторянинъ, мужикъ: забралъ почти всю наличность банка и ушелъ!—Тутъ посыпались проклятія на голову злополучнаго хуторянина, и игра скоро прекратилась, потому что въ банкѣ осталось немного денегъ.

— Однако, его непремѣнно надо поймать!

Скоро всѣ члены благороднаго товарищества разбѣжались по городу искать разорившаго ихъ счастливца; но его и слѣдъ простылъ: вѣроятно, онъ немедленно выѣхалъ изъ города. Эта исторія быстро разошлась по всему Бердичеву, и осмѣянные шулера должны были закрыть свой притонъ.

Однажды встрѣтился съ нами на улицѣ знакомый молодой человѣкъ, пустой хвастунишка и отчаянный франтъ.

— А, какъ поживаете?

— А ты какъ поживаешь?

Послѣ обычныхъ привѣтствій и разспросовъ, онъ настойчиво приглашаетъ насъ зайти къ нему на минуту, выпить по стакану вина, а между тѣмъ по дорогѣ заводитъ насъ въ оптическій магазинъ.

— Тутъ пріѣхалъ изъ-за границы одинъ еврей-оптикъ,— объясняетъ онъ намъ,—и привезъ новѣйшихъ фасоновъ очки; хочу купить. Будьте добры, панове, зайдемте на одну минутку. Я только выберу и тотчасъ уйдемъ.

Заходимъ въ магазинъ; за прилавкомъ сидитъ старый, почтеннаго вида, прилично одѣтый еврей. Нашъ пріятель начинаетъ

выбирать очки, но хулитъ всѣ: тѣ не по глазамъ, тѣ стараго фасона. Торговецъ предлагаетъ ему испробовать разные номера; онъ поочередно вскидываетъ очки на носъ, взглядываетъ на еврея и объявляетъ, что очки никуда не годны.

— Но почему же всѣ не годны?—спрашиваетъ продавецъ.

— Потому что показываютъ мнѣ однихъ дураковъ—и при этомъ паничъ смотритъ сквозь очки на еврея.

— Странно! Не можетъ быть, я въ первый разъ слышу это. А позвольте мнѣ, паничу, взглянуть!—и съ этими словами еврей беретъ очки, внимательно смотритъ сквозь нихъ на панича и тономъ изумленія говоритъ:

— Въ самомъ дѣлѣ! вы сказали правду! Какъ это странно! Молодой человѣкъ покраснѣлъ, раскашлялся, тотчасъ заговорилъ о другомъ, купилъ первыя попавшіяся очки—и мы поспѣшно вышли.

Почти всякій вечеръ мы были въ театрѣ; не помню, чья труппа играла въ то время, Зміевскаго или Зелинскаго. Актеры играли хорошо. Однажды сыграли моего Doktora z musu [1]) и тѣмъ болѣе доставили мнѣ неожиданное удовольствіе, что я совсѣмъ не зналъ ихъ и не хлопоталъ о постановкѣ моей комедіи. Театръ былъ полонъ; ложи, кресла и партеръ биткомъ набиты. По окончаніи піесы громко вызывали актеровъ, а нѣкоторые изъ моихъ Кременецкихъ пріятелей, замѣтивъ меня въ ложѣ, кричали: *виватъ авторъ! виватъ переводчикъ!* Выходя изъ театра, мой пріятель Старжинскій встрѣтился съ одной знакомой графиней изъ Волыни и представилъ ей меня, какъ своего пріятеля и переводчика только что игранной пьесы. Графиня сказала мнѣ нѣсколько любезныхъ словъ и пригласила насъ обоихъ къ себѣ на вечеръ на завштрашній день.

На другой день съ утра мы вышли на обычную прогулку по ярмаркѣ. Медленно подвигаясь среди ужасной тѣсноты, мы съ трудомъ добрались до звѣринца, гдѣ видѣли нѣсколько азіатскихъ и африканскихъ звѣрей; оттуда зашли въ циркъ, смот-

---

[1]) Авторъ, еще въ бытность студентомъ Кременецкаго Лицея, перевелъ нѣсколько комедій Мольера и въ томъ числѣ—„Le medecin malgré lui“.

рѣли и другія зрѣлища, какихъ было много въ Бердичевѣ, и наконецъ вышли на конскую ярмарку. Здѣсь стоило остановиться подольше. Предъ нами было множество табуновъ въ огражденныхъ загонахъ, со всѣхъ сторонъ окруженныхъ зрителями. Тутъ находилось много *татарскихъ* лошадей, степныхъ, невыѣзженныхъ, такихъ дикихъ и упрямыхъ, что лишь съ большимъ трудомъ можно было пріучить ихъ къ упряжи. Среди нихъ всюду суетились татары, которые ловили ихъ арканами, быстро взнуздывали и мчались, какъ вѣтеръ, по широкой ровной площади, также огороженной заборомъ. Далѣе, на самой окраинѣ города, происходили конскіе бѣга, въ которыхъ участвовали по временамъ лошади самыхъ извѣстныхъ заводовъ: князей Чарторыйскихъ, Сангушковъ, Браницкихъ. Иные изъ помѣщиковъ пріѣзжаютъ на ярмарку исключительно въ надеждѣ посредствомъ выигранныхъ призовъ поправить свои разстроенныя дѣла.

На конной площади и на бѣгахъ, среди любопытствующей публики, легче всего встрѣтить знакомыхъ. Еще издали замѣтили мы какого то смѣльчака, который, съ короткой трубочкой въ зубахъ, бился съ дикимъ жеребцомъ, никакъ не позволявшимъ сѣсть на себя. Видя, что его нельзя иначе укротить, отважный ярмарковичъ неожиданно подскочилъ вверхъ, схватилъ упрямое животное за уши—и вдругъ жеребецъ со всѣхъ четырехъ ногъ повалился на землю, Раздался вокругъ крикъ изумленія, а ярмарковичъ во мгновеніе ока вскочилъ верхомъ на коня, подобралъ поводья, свиснулъ, гаркнулъ—и взбѣшенный аргамакъ стрѣлой умчалъ его въ поле. Спустя нѣкоторое время укрощенный конь на обратномъ пути бѣжалъ уже вольнымъ алюромъ и, покрытый пѣной, сталъ на прежнемъ мѣстѣ, какъ вкопанный. Мы подходимъ ближе, и въ отважномъ сѣдокѣ я узнаю своего школьнаго товарища Спиридона Осташевскаго, носившаго прозвище Шпыря и извѣстнаго по цѣлой Украинѣ, благодаря его необыкновенной силѣ и сатанинской отвагѣ. Былъ онъ въ то время молодымъ еще человѣкомъ, умѣреннаго роста, атлетическаго сложенія, косая сажень въ плечахъ, лицо бѣлое, румяное, взглядъ всегда ласковый, голосъ такой могучій, что его можно было слышать и среди тысячной толпы. Помню, его

пѣніе служило предметомъ насмѣшекъ: говорили, что когда ему приходила фантазія затянуть какую-либо пѣсню, то всѣ волки въ лѣсахъ издали ему вторили. То былъ прекрасной души человѣкъ, такой незлобивый, что его никто не видѣлъ въ гнѣвѣ. Была у него и поэтическая жилка, и нерѣдко онъ пописывалъ порядочные стихи; еще недавно [1]) выпустилъ онъ въ свѣтъ довольно забавныя сказки сложенныя украинскимъ нарѣчіемъ, какимъ пишетъ Томко Падура, котораго казацкія пѣсни всюду распространены. Впрочемъ, Шпырь—разносторонній писатель: кромѣ упомянутыхъ „*Казокъ рускихъ*", онъ еще издалъ брошюру „O *wychowaniu koni*" и другую—„O *wychowaniu panien*".

— Это ты, дорогой Шпырь?—вскричалъ я, обнимая его.

— А ты какъ поживаешь, Ковалю? Что подѣлываешь? Можетъ, пріѣхалъ покупать *пегаса?* Какъ ты попалъ сюда?

— Я пріѣхалъ съ Станиславомъ Старжинскимъ, у котораго проживаю теперь въ Замѣховѣ.

— А, это тотъ поэтъ? А хорошо пишетъ! Онъ здѣсь? Познакомь меня съ нимъ.

Я тотчасъ исполнилъ просьбу стараго товарища.

— Поздравляю пана!—сказалъ ему Старжинскій послѣ обычныхъ учтивостей при взаимномъ представленіи: вы мастерски укротили жеребца; мы всѣ удивлялись.

— А, то такая упрямая шельма!—гукалъ Шпырь.—Никакъ не давался сѣсть на него. Ну, да и я упрямъ: таки поставилъ на своемъ!

— Панъ, должно быть, пріѣхалъ купить или продать лошадей?—спросилъ Старжинскій.

— Да, хочу купить пару—другую.

— Но, говорятъ, лошадиные торговцы не совѣстятся обманывать покупателей?

— О, чорта съ два кто проведетъ меня въ этомъ дѣлѣ! никто лучше меня не знаетъ толку въ лошадяхъ. Къ тому же, я и ветеринаръ. Можетъ, панъ тоже пріѣхалъ покупать лошадей?

---

[1]) Писано въ концѣ 1850-хъ годовъ.

— Да, я хотѣлъ бы купить, да опасаюсь: по правдѣ сказать, я мало смыслю въ этомъ дѣлѣ.

— О, я пану радъ услужить и хотя сейчасъ выберу самыхъ лучшихъ лошадей. Какихъ угодно: верховыхъ или экипажныхъ?

— Экипажныхъ.

— Отлично! сію минуту. Здѣсь по близости я видѣлъ прекрасный четверикъ.

И Шпырь повелъ насъ къ ближайшему загону, гдѣ тотчасъ выбралъ и сторговалъ для Старжинскаго отличной четверикъ, который и былъ отведенъ на постоялый дворъ, гдѣ мы остановились.

Такъ какъ было время завтрака, то мы втроемъ отправились въ знакомый уже намъ трактиръ Познанскаго. Тамъ опять мы застали гусаръ, но, къ великому нашему изумленію, они спокойно сидѣли за столами, безъ криковъ и прежняго задора. Всѣмъ уже была извѣстна ихъ исторія съ Миколаемъ Чайковскимъ, который и самъ черезъ минуту присоединился къ нашему обществу; но гусары уже не приглашали его играть на билліардѣ. Между гостями ловко сновали „хлопцы" и „дивчата" съ приборами, порціями, бутылками, а въ углу залы игралъ порядочный оркестръ изъ чеховъ. Его покрывалъ громкій говоръ публики, среди котораго рѣзко выдавался трубный голосъ Шпыря. Потомъ стали появляться въ залѣ разносчики афишъ, приглашавшіе то въ театръ, то въ циркъ, то на представленія фокусниковъ, то на музыкальный концертъ, то на гимнастическія упражненія. На афишахъ всѣ фокусники титуловали себя непремѣнно учениками Пинетти, а музыканты—Паганини, о которомъ въ то время лишь немногіе кое-что слышали. Нашего артиста Липинскаго не было, о чемъ всѣ сожалѣли, потому что его смычекъ уже и тогда славился въ Европѣ; но онъ пріѣзжалъ лишь въ Кіевъ на контракты. Всѣ эти зрѣлища были переполнены публикой.

Послѣ завтрака мы условились осмотрѣть знаменитый костелъ и кляшторъ кармелитскій, такъ какъ пора уже было думать объ отъѣздѣ. По пути, съ трудомъ протискиваясь межъ

толпой, мы бѣгло осматривали блестящіе магазины—французскіе, нѣмецкіе, италіанскіе, русскіе, греческіе, болгарскіе, и широкой улицей, обстроенной каменными домами, въ которыхъ помѣщались еврейскія лавки съ сукнами и шелковыми матеріями, подошли къ костелу—величественной базиликѣ, имѣющей лишь тотъ недостатокъ, что ее совсѣмъ заслоняютъ сосѣднія высокія зданія и при ней очень маленькій погостъ. За то ея куполъ возвышается надъ всѣмъ городомъ и далеко выденъ издали. Этотъ огромный костелъ съ кляшторомъ расположенъ при самомъ въѣздѣ въ Бердичевъ со сторонъ Райгородка, на высокой горѣ, и имѣетъ видъ сильной крѣпости съ бастіонами и бойницами, потому что и въ самомъ дѣлѣ это была крѣпость, въ которой, еще въ исходѣ XVIII ст., сидѣли барскіе конфедераты. Я не знаю ничего величественнѣе внутренняго вида костела: блестящія богатства олтарей ослѣпляютъ глаза, а обширность храма едва уступаетъ Почаевскому. Среди братіи—кармелитовъ я узналъ колегу по Кременцу, ксендза Соколовскаго, отличнаго проповѣдника; вмѣстѣ съ другими клириками изъ разныхъ кляшторовъ—изъ Луцка, Житомира, Константинова, онъ посѣщалъ въ лицеѣ лекціи исторіи и литературы польской и латинской. Ксендзъ Прокопъ, нашъ лицейскій проповѣдникъ, служилъ для нихъ образцемъ въ церковномъ краснорѣчіи.

На обратномъ пути зашли въ книжную лавку Глюксберга, извѣстнаго варшавскаго книгопродавца и издателя. Сынъ его Неофилъ держалъ большой книжный магазинъ въ Кременцѣ, при лицеѣ, но въ лѣтнее время развозилъ книги для продажи по Волыни, Подолью и Украйнѣ и посѣщалъ болѣе значительныя ярмарки. По моему совѣту, п. Старжинскій купилъ у него только что вышедшіе въ свѣтъ два томика сочиненій Мицкевича, о которыхъ еще никто и не слыхалъ здѣсь въ то время.

Вечеромъ мы отправились къ графинѣ. То была не очень богатая, но гордая аристократка. Пріѣхала она въ Бердичевъ съ тремя дочерьми неизвѣстно зачѣмъ, потому что ничего не покупала, развѣ лишь кое-что изъ дамскихъ нарядовъ у Шафнагля, и принимала у себя весь beau-monde, какой съѣзжался на ярмарку. Говорили, что она не пропускала ни одной Бер-

дичевской ярмарки, чтобы не лишать дочерей случаевъ блистать своими прелестями. Я познакомился съ ними, бесѣдовалъ, и сказать правду—онѣ произвели на меня пріятное впечатлѣніе.

Мы застали у графини довольно многолюдное общество, разбившееся на нѣсколько группъ, въ средѣ которыхъ шли оживленные разговоры—натурально, о третьей особѣ, т. е. объ отсутствующихъ знакомыхъ: сама графиня съ почтенными матронами трактовала о пани судьиной, ея дочери съ молодыми пріятельницами и мужчинами—о паннахъ судьянкахъ,— и все это на смѣшанномъ французско-польскомъ языкѣ, отъ котораго и до сихъ поръ еще не могутъ отстать наши образованные классы.

— Я люблю иногда посѣщать Бердичевъ,—повѣствовала пани маршалкова,—потому что здѣсь въ это время всегда можно найти une haute societé.

— Figurez-vous, ma chère,—продолжала графиня—что эта несчастная пани судьина тоже пріѣхала сюда съ своими дочками, croyant faire quelque chose, хи-хи! Rien ne me parait si ridicule que cette pauvre petite madame судьина!

— C'est vrai, ma chère. Забавна эта шляхтянка, qui cependant parle français.

— Oh! que non, madame! хи-хи! comme une vache espagnole! Не знаю, право, гдѣ только она научилась, потому что сама же говоритъ, что не была ни въ какомъ пансіонѣ, да и дочекъ своихъ никуда не отдавала, а держитъ для нихъ у себя какую-то якобы гувернантку.

— Навѣрное une française, une anglaise ou une suisse au moins?

— Гдѣ тамъ? une polonaise, un être si pitoyable, хи-хи! Любопытно, чему эта полька могла ихъ научить, и развѣ жъ можно у нея научиться чистому французскому произношенію?

— А что же, должно быть, научила ихъ шить, штопать и вязать чулки.

— Возиться въ кухнѣ, въ кладовой—хи-хи! science qu'il faut laisser entièrement à nos femmes de ménage, aux soub-

rettes! Au moins, ce n'est pas du tout poétique, et ce n'est que de la vilaine prose!

Подали чай. Не успѣли обнести по первому стакану (а въ то время принято было пить по два, ни болѣе, ни менѣе), какъ въ гостинной появился новый гость, сразу же привлекшій къ себѣ всеобщее вниманіе. То былъ пожилой человѣкъ, лѣтъ шестидесяти, небольшаго роста, довольно толстый, широколицый, съ живыми, бѣгающими глазками и постояннымъ смѣхомъ на устахъ; всѣ его движенія были живы и комичны. Фамилія его—Плазовскій, занятіе—служеніе музамъ. Онъ безъ запинки декламировалъ наизусть Горація, Виргилія и всѣхъ латинскихъ классиковъ, переводилъ ихъ и самъ писалъ стихи, за что его величали „подольскимъ *трубадуромъ*". Онъ пользовался всеобщей извѣстностью, такъ какъ проводилъ жизнь въ томъ, что вѣчно перекочевывалъ на своей пароконной дрындулькѣ отъ одного помѣщика къ другому, забавляя ихъ декламаціей своихъ и чужихъ виршей и перенося новости.

— А, здравствуй, Плазосю, поэтъ надъ поэтами! первый привѣтствовалъ его панъ Старжинскій.—Откуда прибылъ: изъ Парнаса или Геликона? Какъ поживаютъ музы и почтенный Аполлонъ? Должно быть, пріѣхалъ купить себѣ новаго *пегаса*, а то твой что-то прихрамываетъ!

Всѣ разомъ обступили его, засыпали вопросами и привѣтствіями, а онъ кланялся и не зналъ, кому прежде отвѣчать.

— Не прикажетъ ли панъ подать ему второй стаканъ чаю? шутя предложила хозяйка.

— О нѣтъ, пани добродзѣйко, я попрошу покамѣстъ дать мнѣ первый, а о второмъ послѣ поговоримъ.

— Ну что же, нашъ трубадуръ, что новенькаго подарила намъ ваша муза?—приставали къ нему гости.

— Не много новаго; вотъ только недавно окончилъ переводъ Овидіевой Ars amandi.

— Ars amandi?—воскликнулъ Старжинскій.—Поэтъ Плазовскій учитъ насъ любить! Слышите, господа молодые кавалеры, берите у него уроки любовнаго искусства.

— Что жъ это такое ars amandi?—спросила графиня.

— Искусство любить, пани добродзѣйко!—отвѣтилъ поэтъ съ заискивающей улыбкой.

— Это то, что пофранцузски называется l'art d'aimer? Очевидно, панъ Плазовскій долженъ быть опытнымъ въ этомъ искусствѣ, если берется учить ему молодыхъ. C'est drole!

— Какъ же надо любить, чтобы быть взаимно любимымъ? спросилъ его кто-то изъ молодыхъ кавалеровъ.

— О, пане-добродзѣю, надо умѣть сказать что нибудь пріятное своей дамѣ, поднести ей какіе нибудь хорошенькіе стишки.

— Пусть же самъ панъ прочтетъ намъ хорошенькіе стишки!—просила поэта одна изъ дѣвицъ.

— Пани добродзѣйко, не могу сразу припомнить: я столько ихъ написалъ!

— А помнишь—прервалъ его Старжинскій—ты недавно читалъ у меня прекрасные стихи—посланіе къ Фелидѣ съ приложеніемъ банки помады и бутылки съ водкой....

— Бутылки съ водкой!—раздались изумленія среди дамъ.

— Спѣшу оговориться,—пояснилъ Старжинскій: рѣчь идетъ не о простой горѣлкѣ, а о флаконѣ съ одеколономъ; а это лишь для риѳмы такъ сказано—„бутылки съ водкой". Прекрасные стишки! Они такъ мнѣ понравились, что я ихъ выучилъ наизусть. Необыкновенная поэзія!

— Прочтите, прочтите! Мы слушаемъ! потребовали панны И Старжинскій съ паѳосомъ сталъ декламировать:

Felido moja kochana!
Do toalety co rana.
Posyłam ci prezent krótki:
Słój pomady, flaszkę wódki...

— Бутылку водки. Ха-ха—вскрикнули разомъ дамы и дѣвицы.—Фелида любитъ водочку! Ха-ха!

— Но я уже объяснилъ почтенному собранію,—защищалъ поэта Старжинскій,—что это не простая водка, а кельнская. И самъ авторъ въ этомъ мѣстѣ сдѣлалъ пояснительное примѣчаніе подъ строкой: *kolońskiey,* и прекрасно сдѣлалъ.

— Однако, цѣлую бутылку!—приставали дамы.—Это слишкомъ много!

— Чѣмъ больше, тѣмъ лучше.

— Да и помады цѣлую банку! Запасъ на нѣсколько лѣтъ! смѣялась хозяйка.

— Извольте видѣть: поэтъ такъ любитъ свою коханку, что ничего для нея не жалѣетъ!—толковалъ чтецъ.

И что же, конецъ стихамъ?—спросила одна панна.

— О нѣтъ, слѣдуетъ еще одна прелестная строфа.

... Abys się pomadowała.
I téj wódki uzywała.
I kochała mnie jednego,
Swego sługę najnizszego.

— Браво! браво! Прекрасно!—смѣялись всѣ.

— Навѣрное, панъ Плазовскій покорилъ этими прекрасными стихами сердце Фелиды!—замѣтила одна панна.—По крайней мѣрѣ, еслибы мнѣ написалъ кто-либо такіе чудные стихи, я непремѣнно полюбила бы его! хи-хи!

— Да и есть за что полюбить! Плазовскій несомнѣнно обладаетъ секретомъ вызывать любовь. У него много подобныхъ прелестныхъ вещицъ, и, кажется, что онъ скоро ихъ напечатаетъ—не унимался Старжинскій.

— Хочу издать кое-что,—отвѣчалъ поэтъ,—а полное собраніе появится лишь послѣ моей смерти, потому что я не хочу при жизни быть предметомъ всеобщаго вниманія. А пока что, я намѣренъ обратить вниманіе панства вотъ на эти двѣ книжечки.—При этомъ Плазовскій вынулъ ихъ изъ боковыхъ кармановъ.

— Что же это за книжки?—спросила графиня.—Это, вѣрно, поэзіи пана.

— О, пани добродзѣйко! еслибъ это были мои, я первымъ дѣломъ поднесъ бы ихъ вамъ. Но это—поэзіи, совсѣмъ не поэтическія и мало интересныя, какого-то нового виршеплета, Адама Мицкевича, лишь недавно изданныя въ Вильнѣ. Сегодня я купилъ ихъ у Глюксберга, онъ такъ расхваливалъ! а теперь вижу что даромъ бросилъ деньги.

— Адама Мицкевича? что это за Мицкевичъ?—съ изумленіемъ всѣ спросили.

— Я читалъ Мицкевича еще въ Кременцѣ—отозвался я,—и онъ привелъ меня въ восторгъ небывалой въ нашей литературѣ, геніальчой оригинальностью.

— Не понимаю, что привело пана въ восторгъ!—замѣтилъ Плазовскій съ ироніей.—Я прочелъ первый томикъ и признаюсь—не рѣшился приняться за другой: все какія-то неслыханныя чуда да дива—какіе-то духи, чары, мары, ха—ха! о которыхъ и не снилось Горацію или Овидію.

— Позволь, пане Плазовскій,—прервалъ Старжинскій, взявъ у него одну изъ книжекъ.—Я прочту что-нибудь. Можно?

— Просимъ, очень просимъ!—заговорили дамы.

Старжинскій раскрылъ книгу и прочелъ первый попавшійся на глаза отрывокъ:

Na głowie ma kraśny wianek,
W ręku zielony badylek...

— Ахъ какая прелесть! Чудесно! вскричали всѣ дамы.

— Что же тутъ прекраснаго и чудеснаго?—недоумѣвалъ Плазовскій.—Богъ знаетъ что: badylek! motylek! Гдѣ же здѣсь поэзія? Развѣ есть что-нибудь подобное у Горація!

— Это правда: здѣсь нѣтъ ни банки съ помадой, ни бутылки съ водкой,—отрѣзалъ Старжинскій.

Всѣ разсмѣялись и потомъ снова попросили прочесть еще что-нибудь. Каждая новая пьеса вызывала все большіе восторги слушателей. Плазовскій продолжалъ критиковать новаго поэта съ точки зрѣнія теоріи „высокаго стиля“; но ему всякій разъ напоминали „банку помады и бутылку водки“, и онъ лишь пожималъ плечами, удивляясь вкусамъ молодежи.

Чтеніе снова продолжалось. Слушатели пришли въ неистовый восторгъ. Даже гордая графиня должна была сознаться: Vraiment c'est tres joli. Я не думала, чтобы могло быть на польскомъ языкѣ что-нибудь подобное.

— Мама, прикажи сейчасъ же послать за этими книгами къ Глюксбергу!—стали просить дочери графини.—Еще не поздно; можетъ быть, магазинъ еще не закрытъ.

Но любезные кавалеры предупредили желаніе дѣвицъ: всѣ они бросились къ Глюксбергу, раскупили для себя и для дамъ

послѣдніе экземпляры Мицкевича,—и званный вечеръ неожиданно превратился въ *литературный*. Такъ новоявленный литовскій поэтъ сразу же вскружилъ всѣмъ головы. Гости разошлись лишь послѣ полуночи. Мы съ Старжинскимъ, вернувшись домой, просидѣли надъ произведеніями чародѣя-поэта до самаго разсвѣта.

Такое на всѣхъ впечатлѣніе произвели поэзіи Мицкевича, впервые появившіяся въ нашемъ краѣ на ярмаркѣ въ Бердичевѣ, въ 1823 году.

Пора было уѣзжать. Мы простились съ многочисленными пріятелями, съ которыми успѣли познакомиться въ теченіе двухнедѣльнаго пребыванія на ярмаркѣ. Передъ выѣздомъ заходили къ нѣсколькимъ банкирамъ и богатымъ купцамъ, и такимъ образомъ я имѣлъ случай видѣть еврейскую аристократію. Бердичевскіе евреи почитаются какими-то прирожденными аристократами: самый бѣднѣйшій изъ нихъ смотритъ свысока на еврея—обывателя другихъ мѣстъ, хотя бы и богача, и пренебрегаетъ всякимъ, кто не изъ Бердичева; и наоборотъ—евреи изъ другихъ мѣстъ смотрятъ съ великимъ почтеніемъ на бердичевскаго еврея, хотя бы то былъ бѣдный балагула. Ничего нѣтъ забавнѣе еврея—аристократа и фанфарона, особливо если онъ еще къ тому изъ Бердичева: чѣмъ больше у него денегъ, тѣмъ больше въ немъ спеси и презрѣнія къ тѣмъ, кто бѣднѣе его. Въ этомъ отношеніи у евреевъ есть много сходства съ нѣкоторыми изъ нашихъ аристократовъ, именно съ тѣми, у которыхъ единственное достоинство—капиталъ. Если еврей-магнатъ обанкротится, онъ завтра же будетъ ползать у ногъ тѣхъ, кого вчера еще презиралъ. Не такъ ли поступаютъ и наши денежные аристрократы, въ случаѣ потери ихъ единственнаго преимущества—капитала? Подолье и Украина больше другихъ странъ изобилуютъ подобными представителями денежной аристократіи; наоборотъ, Волынь преимущественно славится аристократіей рода, и если нужно дѣлать выборъ между ними, то я во всякомъ случаѣ отдалъ бы предпочтеніе послѣдней.

О. Л.

ПОРЧА УКРАИНСКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ.

Народныя украинскія пѣсни заслужили себѣ прекрасную репутацію среди критиковъ, какъ музыкальныхъ, такъ и литетурныхъ, не только въ славянскомъ мірѣ, но и внѣ его. Въ виду этого вопросъ о современномъ вымираніи ихъ или порчѣ долженъ бы былъ обратить на себя серьезное вниманіе. Такая вещь, какъ поэзія, простонародная, какъ и писанная, не живетъ сама по себѣ, безъ почвы психологической. Если поэзія вымираетъ или портится, то значитъ есть что то,—въ душѣ народа или общества, что умираетъ или портится,—и если при этомъ потеря ничѣмъ не замѣняется, то на лицо имѣется явная общественная опасность, *péril social,* какъ говорятъ французы, и безусловно необходимо, чтобъ она была обсуждена самымъ серьезнымъ образомъ. Между тѣмъ нельзя сказать, чтобъ фактъ искаженія пѣсеннаго творчества на Украинѣ былъ достаточно обсуженъ, съ тѣхъ поръ какъ онъ сталъ замѣчаться. Въ послѣднее время мы помнимъ только одну статью, посвященную этому предмету,—или лучше одну главу въ статьѣ г. Мордовцева „Подъ небомъ Украины“ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ за 1884 г., кн. XII.

Мы рѣшаемся посвятить этому же предмету настоящую статью, которой положенія беремся еще развить и дополнить новыми данными, если бъ это было необходимо.

Г. Мордовцевъ заявилъ фактъ, замѣченный многими,—а именно, что украинская пѣсня, отраженіе всего прошлаго Украины, ея быта и природы, начинаетъ подаваться передъ напоромъ пѣсни великорусской, преимущественно солдатской, такъ что есть вѣроятность, что національная украинская пѣсня со-

всѣмъ исчезнетъ. Мы начнемъ съ того, что предложимъ нѣсколько уменьшить размѣры послѣдняго опасенія. О близкомъ исчезновеніи украинской пѣсни и даже языка говорили еще въ 1817—1819 гг. Павловскій и кн. Цертелевъ, издатели первой грамматики украинскаго языка и перваго сборника украинскихъ народныхъ пѣсенъ,—а между тѣмъ съ тѣхъ поръ этотъ языкъ не исчезъ, а пѣсенъ собраны цѣлые томы. Въ самое недавнее время экспедиція въ югозападный край Чубинскаго собрала, при бѣгломъ объѣздѣ правобережной Украйны, нѣсколько тысячъ пѣсенъ,—а въ то же время одинъ человѣкъ г. Ив. Манжура въ теченіе двухъ только лѣтъ записалъ по крайней мѣрѣ 800—1000 пѣсенъ, преимущественно въ одной екатеринославской губерніи, и пѣсенъ, по большей части, превосходнаго качества по содержанію и языку [1]). Г. Андр. Шевченко представилъ въ югозап. отд. географич. общества въ 1875 г. 200 пѣсенъ, какъ первую часть собранія, сдѣланнаго имъ въ одномъ селѣ, Кереливкѣ, звенигородск. у., кіевской губ. Отсюда—до исчезновенія украинскихъ пѣсенъ еще не очень близко!

Мало того. Украинское простонародье не перестало творить новыя наслойки на старыхъ пѣсняхъ и даже новыя пѣсни, часто и политическаго содержанія. Нѣкоторыя изъ нихъ успѣли уже появиться въ печати,—напр. въ „Кіевской Старинѣ“ и „Кіевлянинѣ“. Изъ нихъ особенно интересны пѣсни о польскомъ возстаніи 1863 г. и объ освобожденіи крестьянъ, интересны тѣмъ болѣе, что въ другихъ мѣстахъ Россіи до сихъ поръ не усмотрѣно пѣсенъ о такомъ событіи, какъ прекращеніе крѣпостнаго права [2]). Наконецъ, простонародная украинская

---

[1]) Сборникъ г. Манжуры былъ предоставленъ югозападному отдѣлу географ. общества и частью вошелъ въ изданіе его членовъ: гг. Антоновича и Драгоманова (Историч. пѣсни) и Драгоманова (Преданія и разсказы),—но большая часть его осталась между небомъ и землею, послѣ закрытія отдѣла. Это *самый большій трудъ по части собиранія этнограф. матерьяловъ, какой только былъ сдѣланъ въ Россіи однимъ человѣкомъ.*

[2]) Г. Михневичъ, въ статьѣ „Извращеніе нар. пѣсеннаго творчества“, о которой мы будемъ говорить далѣе, сообщилъ стихи кр. Яковлева, сѣтующія, что

Какъ крестьяне волю получили,
Такъ себя больше къ пьянству пріучили и т. п.,

но неизвѣстно, на сколько эти стихи стали популярны.

пѣсня всасываетъ въ себя и сочиненія письменнаго творчества на одномъ съ ней языкѣ, иногда измѣняя ихъ, приспособляя ихъ ближе къ своему характеру. Во многихъ мѣстахъ Украйны собиратели записали отъ безграмотныхъ крестьянъ пѣсни сочиненія Котляревскаго, Т. Падуры, В. Забѣла, Шевченка и др.

Даже усвоеніе украинскою молодежью пѣсенъ солдатскихъ объясняется отчасти тѣмъ, что въ этихъ пѣсняхъ украинцы находятъ для себя наиболѣе родственное изъ всѣхъ другихъ великорусскихъ, которыя заносятся на Украйну. Это наше заявленіе, можетъ быть, покажется многимъ неожиданнымъ, но мы настаиваемъ на его вѣрности. Извѣстная часть великорусскихъ, солдатскихъ пѣсенъ,—преимущественно жалостная, пошла отъ пѣсенъ козацкихъ, донскихъ и волжскихъ,—а низовое козачество, даже великорусское, въ старину было проникнуто украинскимъ элементомъ и вліяніемъ. Затѣмъ въ XVIII в. украинское вліяніе на первые полковые хоры и пѣсенники было довольно сильно, особенно въ эпоху Разумовскихъ и Потемкина. Такимъ образомъ украинское простонародье слышитъ очень часто въ солдатскихъ пѣсняхъ нѣчто себѣ родственное, если не по содержанію, то по музыкѣ, которая при этомъ вноситъ въ украинское село и нѣчто новое: болѣе стройный хоръ, хотя часто и уступающій чисто-украинской пѣснѣ по красотѣ мелодій: извѣстно же, что національно-украинская пѣсня болѣе соловая, нежели хоровая.

Но, не смотря на всѣ эти ограниченія, нельзя, вопервыхъ, отрицать въ украинскомъ простонародьи наклонности мѣнять свою пѣсню на великорусскую, преимущественно солдатскую, а во вторыхъ, нельзя не признать этого явленія глубоко печальнымъ, т. к. сущность его заключается не только въ одной денаціонализаціи украинцевъ, но и въ ихъ деморализаціи,—и въ широкомъ и въ узкомъ значеніи этого слова. Вопросъ о томъ, чѣмъ теперь замѣняется національная пѣсня на Украинѣ, тѣсно связанъ съ вопросомъ о томъ, что теперь начинаетъ пѣть простонародье и въ Великой Россіи. Если бы въ этой послѣдней пѣлись пѣсни лучшія, чѣмъ украинскія,—то можно бы было, пожалуй, даже порадоваться упомянутой выше замѣнѣ. Но въ томъ то и бѣда, чтъ нѣтъ. Въ „Историческомъ Вѣстникѣ“

(1880 г. кн. XII) была напечатана чрезвычайно поучительная статья по этому вопросу: „Извращеніе народнаго пѣснотворчества“ (Перепечатана въ книгѣ „Историч. этюды изъ русской жизни.“ Спб. 1882 г. т. II). Въ этой статьѣ обстоятельно показано, какой безсмысленный вздоръ и какая отвратительная грязь замѣняетъ въ Великой Россіи старыя народныя пѣсни. Въ этомъ отношеніи Украйна, если хотите, даже счастливѣе Великороссіи, не только потому, что въ ней національно-бытовая пѣсня,—эстетическая и осмысленная,—отстаиваетъ свое существованіе новыми плодами и усвоеніями, но и потому, что она, если уже изнемогаетъ, то скорѣе просто умираетъ, чѣмъ „извращается“, т. е. развращается, а также и потому, что на Украйнѣ уже одна разница языка представляетъ нѣкоторую преграду для распространенія въ народѣ тѣхъ новѣйшихъ издѣлій пѣсенной музы, которыя засоряютъ уста великорусскаго простонародья.

Изслѣдованіе причинъ этого засоренія, которое идетъ вслѣдъ за „опустошеніемъ народной души“, говоря словами г. Гл. Успенскаго, взятыми г. Михневичемъ за эпиграфъ его статьи, очень интересно,—и къ нему съ разныхъ сторонъ въ послѣднее время подходили разные русскіе писатели, отъ „народниковъ,“ въ родѣ г. Успенскаго, до старыхъ „западниковъ“, въ родѣ г. Кавелина. Одни винили тутъ „цивилизацію“, на которую сѣтуетъ и г. Михневичъ, и „городъ“, другіе видѣли въ этой пустотѣ чуть не племенную черту, неспособность справиться съ культурою. Мы позволяемъ себѣ думать, что и цивилизація, и городъ тутъ ни причемъ, и что племя великорусское не меньше другихъ способно къ культурѣ городской, какъ и сельской.

Мы думаемъ, что и въ этомъ вопросѣ, какъ и во всѣхъ другихъ подобныхъ, есть больше надежды добраться до положительнаго объясненія, если вопросъ перенесенъ изъ тѣсныхъ рамокъ русской жизни на поле всемірнаго историческаго наблюденія. Если бы,—какъ думаютъ русскіе народники,—мысли о томъ, что русскій человѣкъ селянинъ, находящійся подъ „властію земли“ (терминъ г. Успенскаго), посуществу своему выше горожанина, можно было принять за историческій законъ,—тогда бы всемірная цивилизація была постепеннымъ ходомъ къ упадку че-

ловѣчества, а не къ прогрессу. А между тѣмъ всеобщая исторія учитъ насъ, что развитію человѣчества служили и служатъ въ особенности города, какъ большіе аггломераты людей: Аѳины, Александрія, Римъ, Флоренція, вольные города Германіи и Голландіи, Лондонъ, Парижъ и т. п. Если бы было доказано, что на Руси современный городъ не исполняетъ своей прогрессивной функціи, а напротивъ только портитъ селянина, то причину этого явленія надо было-бы искать не въ самой сущности села и города, а въ особыхъ условіяхъ жизни въ данную эпоху, подъ вліяніемъ преходящихъ причинъ, и обратить вниманіе на измѣненіе этихъ условій и причинъ, а не задаваться неисполнимой задачей удержать русскаго человѣка въ селѣ, подъ властію земли.

Исторія показываетъ намъ, что и въ Великой Руси были свои города съ своей культурой, какъ напр. Новгородъ, и если не ходить дальше народной словесности, то вѣдь даже и теперь еще не вымерли пѣсни и былины Новгородскаго цикла, которыя, конечно, не чета продуктамъ, описаннымъ въ статьѣ г. Михневича; и до сихъ поръ въ народѣ ходятъ легенды, съ альтруистическою моралью, которыя привязываются къ той письменности, какая накоплялась въ монастыряхъ Новгородскаго края, и къ тѣмъ сектантскимъ движеніямъ, которымъ города Псковъ и Новгородъ служили центрами. Вся бѣда въ томъ, что съ нѣкотораго времени настоящаго города, т. е. организованнаго городскаго общежитія, нѣтъ на Руси, а есть только „городскія поселенія“. И если человѣкъ—животное общественное, и притомъ по стольку культурное, по скольку общественное,— то сельскій человѣкъ на Руси имѣетъ преимущества предъ городскимъ, такъ какъ село на Руси еще существуетъ, какъ общество. Городской же человѣкъ, особенно изъ простонародья, есть изолированный атомъ, при чемъ для него городская культура у насъ почти не существуетъ: вѣдь для простолюдина въ городѣ культура ничего не даетъ, кромѣ кабака, публичнаго дома и т. п. И вотъ эти то „образовательныя учрежденія“ являются и источниками новѣйшаго пѣсеннаго творчества въ русскихъ областяхъ. Что же удивительнаго, если это творчество безсмысленно

и грязно?[1]) Заполонивъ уже значительную часть населенія Великой Руси, это новѣйшее пѣсенное творчество наступаетъ теперь на Украйну. Здѣсь оно, конечно, встрѣчаетъ себѣ извѣстное сопротивленіе, какъ въ языкѣ населенія, такъ и въ традиціяхъ его культуры,—такъ какъ старая Украйна (XVII—XVIII в.) съ ея козацкими порядками, съ ея городами, мѣщанскими корпораціями и братствами, со школами и „шпиталями" почти во всякомъ селѣ, съ странствующими бурсаками, съ ихъ виршами, пѣснями и театромъ, съ выборнымъ духовенствомъ, имѣла свою культуру. И эта культура, а вовсе не одно только непосредственное народное чувство, находящееся подъ властію земли, создало тѣ украинскія народныя пѣсни, которыя такъ восхищаютъ и до сихъ поръ своихъ и чужихъ.

Но сопротивленіе, какое оказываетъ старая украинская культура съ ея пѣснею новой великорусской пѣсенности, по многимъ причинамъ теперь гораздо болѣе пассивное, нежели активное, и какъ таковое, оказывается слишкомъ слабымъ.

Все патологическое значеніе этого явленія было бы выяснено, еслибъ кто нибудь издалъ собраніе великорусскихъ пѣсенъ, распѣваемыхъ теперь на Украйнѣ.

Покамѣстъ это будетъ кѣмъ либо сдѣлано, мы приведемъ здѣсь лишь нѣсколько примѣровъ какъ перерожденія старыхъ украинскихъ пѣсенъ подъ новымъ солдатско-великорусскимъ вліяніемъ, такъ и великорусскихъ пѣсенъ, распространяющихся на Украйнѣ.

Есть одна очень распространенная козацкая украинская пѣсня, сложенная, по всей вѣроятности, въ XVIII в.,которая разсказываетъ

---

[1]) Въ статьѣ г. Михневича приведена такая пѣсенная характеристика Петербурга, какъ культурнаго центра для народа:

Петербургъ городъ привольный:—
Все трактиры, кабаки.

А вотъ какъ опредѣляетъ культурное значеніе питерской жизни дѣвка въ пѣснѣ въ архангельской губерніи:

Я сама дѣвка не дурна,
Петербургская натура!
Я во Питерѣ была,
Три науки поняла.
Ужъ и первая наука—
Я купила соловья (?!)
А вторая то наука—
Полюбила молодца,
А и третья то наука—
Раззорила до конца и т. п.

(Матерьялы по этн гр. арх. губ., собр. П. С. Ефименкомъ. М 1878, II, 74).

о томъ, какъ козакъ, заѣхавъ на ночлегъ въ домъ дѣвушки, отсталъ отъ своихъ товарищей, ушедшихъ въ походъ съ его конемъ.

Въ варьянтѣ г. Костомарова (зап. на Волыни), напечатанномъ въ Малор. Сборникѣ Д. Мордовцева (243), между дѣвушкой и козакомъ нѣтъ даже никакихъ интимныхъ отношенiй: козакъ даже помѣщается не въ домѣ,—а „дивчына умна, розумна, спровадыла козака до гумна". Въ другихъ варьянтахъ, все еще очень старыхъ, прибавлена уже любовь дѣвушки къ козаку. Вотъ очень характерный и изящный варьянтъ, напечатанный у Чубинскаго (т. V, 950—951).

Ходывъ, блудывъ козакъ по диброви,
Тай прыблудывъ до хаты новои,
До хаты новои, дивкы молодои,
—„Дивчынонько, пусты у господу!"
—Козаченьку, боюсь поговору.—
—Дивчынонько, не бiйся ничого,
Бо я роду, роду не такого,
Не звивъ зъ ума ни зъ роду никого [1]).
Дивчынонько, збудыжъ мене рано,
Ой такъ рано, шобъ ще не свитало,
Щобъ барабаны тай не выбывалы,
Скрыпки [2]), дудкы тай не выгравалы
Дивчына козака вирненько любыла,
Вирненько любыла, рано не збудыла;
Погнала коровы въ зелены дибровы,
А телята въ гай зелененькiй.
Кынувся мыленькiй,—а вже свитъ биленькiй,
Уже барабаны тай повыбивалы,
Скрыпки, дудкы тай повыгравалы.
(См. тамже, 150—151, 1198).

Въ другихъ варьянтахъ проснувшiйся козакъ укоряетъ дѣвушку:

Ты дивчына, израдныця моя,
Израдыла мене молодого;
Утратывъ я коня вороного,
Сиделечко съ пидъ злота самого,
Стременечка зъ билого зализа,
Поводочкы съ червоного шовку,—
А я козакъ Охтырского полку!

(Запис. Ив. Манжура въ 1875 г. въ с. Муражѣ, богодуховск. уѣзда, харьк. губ. См. Чубинскаго и Костомар. l. cit).

Параллельно этой пѣснѣ существуетъ другая, гдѣ дѣйствiе происходитъ между мужемъ-уланомъ и женою и оканчивается почти такъ-же. (См. у Чубинскаго, op. cit. 353; у насъ варьянтъ г. Манжуры полнѣе и лучше).

---

[1]) Въ одной изъ пѣсенъ XVIII в., Потемкинской эпохи,—мать, провожая сына въ походъ, наказываетъ ему:

Ой, не бый, сыну, коня въ головоньку,—кинь не буде спотыкатысь,

Ой, не зрадь, сыну чужойi дытыны,—не буде тя Богъ караты. (Запис. Ал. Руданской, въ м. Колѣсикѣ подольск. губ., въ 1869 г.) Удивительно высокое и трогательное наставленiе!

[2]) Въ другихъ вар. *сурмы*.

Вотъ эти то двѣ пѣсни, которыя во второй своей половинѣ почти повторяютъ одна другую, были занесены рекрутами—украинцами въ русскую армію, вѣроятно, еще въ концѣ XVIII в. Въ собраніи г. Шеина (Русскія народныя пѣсни, Ч. I, М. 1870, 215—216) помѣщена великорусская редакція пѣсни, слившейся изъ двухъ вышеупомянутыхъ, въ такомъ видѣ:

Я люблю уланика,
Люблю молодова;
Дарю я уланика,
Дарю молодова,
Коморочку нову,
Весь дворъ на подмостѣ.
Пріѣхалъ уланикъ,
Къ Марусейкѣ въ гости [1]),
Лишь только пріѣхалъ,
Назадъ уѣзжаетъ,
Его раскрасавица,
Плачетъ да рыдаетъ,
Ночевать унимаетъ:
—„Ты ночуй, уланъ,
Хоть ночку со мной!"
—Радъ бы я, разлюбезная,
Хоть двѣ ночевать,
Не будутъ меня, уланика,
Товарищи ждать.
Если я ночую,
Сбуди меня рано,
Чтобъ не разсвѣтало.
Проснулся уланикъ;
На дворѣ бѣленько,
Его разлюбезная,
Плачетъ, обробѣла.
—Что ты, разнегодная,
Раньше не сбудила?
Ты меня, уланика,
Вѣчно погубила;
Былъ я уланикъ,
Перваго полку,
Второво эскадрона,
Четвертаго взвода,
Во первой шеренгѣ,
Съ правой сторонки,
Я уланикъ бравый,
Пѣсельникъ удалый.

(Запис. въ тверск. губ.).

Очевидно, это не единственная великорусская редакція занимающей насъ украинской пѣсни, такъ какъ даже на Украйнѣ записано нѣсколько ея разновидностей уже въ солдатскихъ, овеликорушенныхъ редакціяхъ. Пять изъ нихъ напечатано въ собраніи Чубинскаго (V, 971—973) и столько же мы имѣемъ въ рукописяхъ.

---

[1]) Изъ другой украинской пѣсни съ трагическимъ концомъ:

Ой прыйіхавъ мылый
До мылойи въ гости,
А въ мылойи весь двиръ на помости.

(Костомар. въ Малор. Сборникѣ Мордовцева, 211. Чуб. V, §30—31).

Шевченко, руководствуясь, вѣроятно, другимъ варьянтомъ, сдѣлалъ изъ этихъ стиховъ начало своей превосходной передѣлки другой трагической пѣсни (Костом. 225, Чуб. V. 112, Голов. Томъ. I, 112, II, 594, III, 43).

У тыеи Катерыны,
Хата на помости;
Изъ славного запорожья,
Найихалы гости и т. д.

Въ этихъ солдатскихъ редакціяхъ жена одной пѣсни спутана съ дѣвушкой другой, при чемъ эту жену приказываетъ брать солдату начальство. Особа эта—или солдатская дочь, или солдатская вдова („холодна вода",—какъ характеризуетъ ее одинъ варьянтъ), или „майорская дочь"; она "съ бариномъ жила", или съ „разумомъ жила", „на ночь пускала"!

Словомъ, пѣсня получила циническій характеръ. Наконецъ, она явилась въ слѣдующемъ видѣ:

Вербо, вербо, тонка, кудрава,
Тай ще кучерава,
Не стой надъ рѣкой,
Надъ быстрой водой.
Быстрая рѣка не исполнится...
Солдатъ рядовой
Просится домой,
Просится домой,
Къ матушкѣ родной.
—„Матушка родна,
Ожени меня,
Не журись за меня,
Лишь жени меня.
Самъ же я женюсь,
Самъ и зажурюсь:
Возьму я въ жену,
Солдатску дочку."—
Солдатска дочка,
Зъ майоромъ жила,
Зъ майоромъ жила,
Вирне его любила—
—Вставай, майоръ,
Пиши перомъ:
Чи ты живъ, чи здоровъ?—
—„И живъ, и здоровъ,
Лишь болитъ голова.
Потерялъ коня,
Потерялъ коня,
И сиделечко,
Черезъ дивчину,
Черезъ сердечко,
Потерялъ коня,
Ше й подушечку.
Черезъ дивчину.
Черезъ Ганушечку.

(Запис. въ 1872 г. въ с. Великой Киріевкѣ ольгопольск. у., подол. губернія).

Другой варьянтъ, записанный г. Андр. Шевченкомъ въ Кереливкѣ, больше удержалъ стройность разказа старой козацкой пѣсни, не напутавъ въ нее нѣсколькихъ женщинъ, но все таки припутавъ майора, и превратилъ дѣвушку первоначальнаго оригинала въ „вдову молоду", которая

Зъ разуму жила,
Парня любила,
На ночь пустыла,

а нѣжный упрекъ козака дѣвушкѣ—въ брань, еще болѣе площадную, чѣмъ въ варьянтѣ Шеина:

Потерявъ коня,
Щей стременечко,
Черезъ тебе, б—ь,
Ты кошеннчко!

Другая украинская пѣсня прошла сначала черезъ солдатскую, а потомъ прикащицкую редакціи и отъ этого еще болѣе набралась цинизма. Это пѣсня о томъ, какъ дочь, или жена, смѣло признается отцу, или мужу, въ томъ, что у нея были гости, между которыми одного она любитъ. Пѣсня эта тоже довольно распространена была на Украйнѣ еще во времена Запорожья. Напечатано ея два варьянта: лубенскій у Чубинскаго, (V, 671—672) и галицкій у Головацкаго (IV, 179—181), да мы имѣемъ три рукописныхъ варьянта: изъ Гадяча, полт. губ., изъ Херсона, и изъ с. Биличина, под. губ. Сводя существенныя черты всѣхъ ихъ и общія всѣмъ имъ, получаемъ такую пѣсню:

Марусенько, серденько,
Скажы мени правдоньку:
Яки въ тебе гости булы,
Вчора безъ мене.
—Бувъ Шевченко изъ Варшавы,
А Кравченко изъ Полтавы,
А казакъ Павло Придыбайло,
Мому сердцу сподобайло [1]),
Изъ славного Запорожья.—
—„Марусенько, серденько,
Скажи мени правдоньку,
Чимъ же ты ихъ привитала,
Вчора безъ мене?—
—Йивъ Шевченко курятину,
А Кравченко гусятину,
А козакъ Павло Придыбайло,
Зъ однiи мыскы зо мною [3]).

—Марусенько, серденько,
Скажы мени правдоньку:
Чымъ ты гостей частовала,
Вчора безъ мене?
—Пывъ Шевченко горилочку,
А Кравченко вышнивочку,
А козакъ Павло Придыбайло,
Меды та выно [2]).
—„Марусенько, серденько,
Скажы мени правдоньку:
Де ты гостей спаты клала,
Вчора безъ мене?—
—Спавъ Шевченко у стодоли,
А Кравченко у комори,
А козакъ Павло Придыбайло,
Оттутечкы зо мною [4]).

---

[1]) Этотъ стихъ находится только въ двухъ варьянтахъ: подольскомъ и галицкомъ, онъ повторяется, конечно, въ каждомъ куплетѣ.

[2]) Такъ въ Лубенскомъ в.,—въ другихъ и Придыбайлу отведена птица: курочки, или лебеди.

[3]) Украинская пѣсня вообще не любить нагромождать матеріальныя подробности, а потому большая часть варьянтовъ довольствуется однимъ куплетомъ или о пищѣ, или о питьѣ. То и другое вмѣстѣ находимъ только въ одномъ, херсонскомъ варьянтѣ.

[4]) Въ одномъ варьянтѣ, херсонскомъ вм. спавъ—*сивъ*: первый—*на лавци*, вторый—*въ комнатци*, третій—на *кроватци*.

Подольскій варьянъ послѣ этого прибавляетъ изъ любовно-весенней пѣсни:

И нацилувався, и намылувався,
Якъ у саду соловейко (та) нащебетався.

Херсонскій прибавляетъ еще одинъ вопросъ и отвѣтъ:

Ой, якъ же ты та безъ мене
Гостей провожала?
—Иванько йшовъ,—вклонывся,
А Кравченко шапку снявъ,
А козакъ Павло Придыбайло
Обнявъ,—поцилувавъ!

Галицкій варьянтъ отвѣчаетъ на подобный вопросъ:

Ишовъ музыка граючы,
Мацько качуръ скачучы,
А Михайло Придыбайло.
Мому серцю сподобайло
Ишовъ зо мною плачучы.

Вотъ какъ передѣлалась эта пѣсня среди великороссовъ, конечно, прежде всего среди солдатъ:

—„Ты скажи, Марусенька,
Не утай, моя душенька:
А и кто безъ меня
Были гости у тебя?
—Были генералъ смоленскій,
Да майоръ преображенскій.
Да поручикъ—голубчикъ былъ семеновскій уланъ.
—„Ты скажи, Марусенько,
Не утай, моя душенька,
А что безъ меня
Пили гости у тебя.
—Генералъ пилъ водочку,
А майоръ вышневочку,
А поручикъ—голубчикъ пилъ наливочку со мной.
—Ты, скажи, Марусенька, и пр.
А что безъ меня ѣли гости у тебя?
—Генералъ ѣлъ курочку,
А майоръ ѣлъ уточку,
А поручикъ—голубчикъ кушалъ рябчика со мной.
—„Ты скажи, Марусенька, и пр.
А кого безъ меня
Гости любятъ у тебя?“
—Генералъ любитъ горнишну,
А майоръ любитъ нявюшку,
А поручикъ—голубчикъ меня, молоду

(В. Варенцовъ, Сборн. пѣсенъ Самарскаго края, 1862, 215—16). Но на этомъ не стало. А. Синегубъ записалъ въ 1875 г. купеческую передѣлку этой пѣсни, уже отъ плотника изъ Екатеринослава, т. е., значитъ, уже возвратившуюся на Украйну, хотя, кажется, пока только больше въ захожую, великорусскую среду. Въ этой передѣлкѣ счастливецъ не пору-

чикъ, а „купчикъ Токмацкой", который уже пьетъ съ Галечкой шампанское. Финалъ пѣсни уже является въ такомъ видѣ:

—„Ой, скажи, моя Галечка,
Не жартуй, моя душечка:
Ну съ кѣмъ у тебя
Спали гости безъ меня?"
—Генералъ спалъ съ няничкой,
А майоръ спалъ съ мамочкой,
Ну, а купчикъ—голубчикъ спалъ со
мной молодой.

—„Ой скажи, моя Галечка, и пр.,
Ну, чѣмъ же тебя
Подарили гости безъ меня?
—Генералъ далъ тальмочку,
А майоръ далъ шляпочку,
Ну, а купчикъ—голубчикъ далъ мнѣ
тысячу рублей!

Интересно будетъ посмотрѣть, во что дальше разовьется эта пѣсня? Считаемъ нужнымъ оговориться, что мы совсѣмъ обходимъ уже совершенно непечатныя пѣсни, которыя поются солдатами, часто въ присутствіи офицеровъ, и даже по ихъ наказу, хорами.

Рядомъ съ цинизмомъ и продажностью ласкъ идетъ грубость. И дѣйствительно, великорусскія пѣсни, записываемыя теперь на Украйнѣ, отличаются грубостію картинъ обращенія съ женщинами, составляющею такой контрастъ съ нѣжностію отношеній половъ, особенно парней съ дѣвушками, въ старыхъ украинскихъ пѣсняхъ, подтверждать которую нѣтъ надобности для всякаго, кто хоть держалъ въ рукахъ какой нибудь сборникъ пѣсенъ украинскихъ, напр. Метлинскаго. Чтобъ не удлинять слишкомъ статью нашу, мы приведемъ здѣсь только одну изъ довольно значительнаго количества имѣющихся у насъ великорусскихъ пѣсенъ, записанныхъ на Украйнѣ. Это пѣсня, записанная кр. Ковалевымъ въ с. Биличинѣ, подольск. губ. въ 1869 г.

Ой, у полю деревенька,
Ни велика, ни маленька.
Есть въ тіи деревеньци
Шинкарочка молоденька.
А у тои шинкарочки
Есть у неи три дочки:
Йидна Маша, друга Саша,
Третья Катя, моя душа.

А до Кати Ваня ходить
Безъ расчету деньги носить,
А взявъ Катю за станочокъ,
Вдарывъ йийі у пысочокъ [1]),
Повалилася на грушу
— Люблю Катю такъ, якъ душу!
Стій, Катя, не валися,
Якъ любилась, такъ любися.

А вотъ конецъ варьянта этой пѣсни, записаннаго въ Ростовѣ на Дону въ 1874 г.

---

[1]) *Пысокъ* по укр. лицо, въ грубомъ смыслѣ.

А до Кати Ваня ходе,
Безъ зачоту деньги носе,
Хочъ не рубъ, два, то полтину;
Набравъ ситцу на спидницю,
А китайки на обкладки,
Поясочокъ на станочокъ,
На головочку цветочокъ,
Завивъ Катю у садочокъ,
Ударывъ Катю у выдочокъ;
— „Ой, стой, Катю, не хилися!
Коли любишь, то любися,
А не любишь, откажися“.
—Я любила, любить буду,
Отказуваться не буду[1])! —

Чтобъ окончательно освѣтить ту степень паденія извѣстной части украинскаго населенія, какую знаменуетъ распространеніе въ немъ выше приведенной пѣсни (изъ Ростова на Дону до Подоліи), надо замѣтить, что на сложеніе этой пѣсни пошло нѣсколько стиховъ и украинской пѣсни. Основа пѣсни, конечно, великорусская; она записана, напр., въ архангельской губерніи (Ефименко op. cit., 74), но конецъ, который встрѣчается и въ другихъ великорусскихъ пѣсняхъ (см. у Михневича, 399) по своему отразилъ разговоръ парня съ дѣвушкой въ одной украинской пѣснѣ. (Метлинск., 91—92). Въ послѣдней козакъ пріѣзжаетъ (безъ подарковъ и денегъ) до дивчыны на обычное, староукраинское, цѣломудренное, хотя и ночное, женыханье; дивчына рано его отправляетъ отъ себя, и козакъ ей говоритъ, конечно, безъ побоевъ:

Дивчынонько молодая!
Чы ты мене вирно любышъ,
Що ты мене рано будышъ?
Колы любышъ, люби дуже,
А не любышь, не жартуй-же!
Колы любышъ, любы гараздъ,
А не любышъ, кажы заразъ!
Колы любышъ, такъ любысь,
А не любышъ, не горнысь!
Колы любышъ, любы двичи,
А не любышъ, кажы въ вичи!

---

[1]) Картины битья дѣвушекъ довольно обычная вещь въ великорусскихъ пѣсняхъ. Ср. напр. въ статьѣ г. Михневича, въ пѣснѣ фабричной:

Наливай вина осьмуху,
Наберемся его духу,
Мы ударимъ Сашу въ ухо
Цѣловальника прибьемъ и т. д. (Ср. у Шеина 201—202)

Въ одной пѣснѣ (Шеинъ, 166—167) у парня „Шубочка ала, душегрѣечка красна, молодцу седце зажгла“,—и онъ „Какъ ударилъ парень дѣвку, по бѣлому, по лицу, Онъ по бѣлому лицу, По румяной по щекѣ, По желѣзной по серьгѣ“.

У Якушкина „Парень дѣвку унимаетъ, слезы утираетъ. Не плачь, дѣвка, не плачь красна, Не плачь, расканалья! Буду дѣвку, буду больно бити при міру,—народѣ. (Русск. нар. пѣсни, 181; стр. 117, 139) и т. п. Замѣчательно, что такихъ грубостей больше есть въ новыхъ великорусскихъ пѣсняхъ, чѣмъ въ старыхъ.

Какая огромная разница между этой пѣснію и вышеприведенной великорусской!

Мы уже замѣтили выше, что бѣдствіе распространенія въ народѣ новыхъ пошлыхъ пѣсенъ въ извѣстномъ отношеніи обще Украинѣ съ Великороссіей, и въ послѣдней это бѣдствіе, быть можетъ, пока даже больше, по тому что, по крайней мѣрѣ, такихъ безобразій, какъ новѣйшія великорусскія фабричныя пѣсни, на Украйнѣ пока еще не замѣчено. А потому общимъ можетъ быть и лекарство противъ него. Конечно, „опустошеніе народной души“ находится въ связи съ сложными условіями современнаго положенія общества, а потому можетъ быть и излечено только сложными мѣрами. Народная пѣсня только показатель этого опустошенія. Но поскольку пѣсня играетъ роль въ жизни человѣка, она можетъ стать и проводникомъ въ его душу извѣстнаго содержанія. Вотъ почему забота объ улучшеніи народныхъ пѣсенъ можетъ имѣть, кромѣ своей непосредственной цѣли, еще и значеніе одного изъ общихъ средствъ воспитанія народной души. Образованные люди не должны бездѣйствовать въ данномъ случаѣ. Пѣсенно-музыкальная часть извѣстнаго выбора должна составить существенную принадлежность народныхъ чтеній, спектаклей; образованные люди должны взять на себя иниціативу народныхъ пѣвческихъ обществъ [1]), но кромѣ того, въ народныхъ школахъ и военныхъ казармахъ должны быть предприняты систематическія мѣры къ поднятію эстетическаго и нравственнаго уровня распространяющихся въ массахъ народа пѣсенъ. Между прочимъ, для этого должны быть изданы образцовые пѣсенники, которые бы имѣли цѣлью съ одной стороны—сохранить изъ теперешней устной народной словесности симпатичный, человѣчный ея элементъ, а съ другой—поднять и расширить этотъ элементъ внесеніемъ въ него дѣйствительно культурнаго матеріала, выработаннаго болѣе образованными классами. Что касается до украинскихъ пѣсенъ, то было бы странно, въ виду общаго согласія знатоковъ дѣла о высокихъ ихъ музыкальныхъ и поэтическихъ достоинствахъ, исклю-

---

[1]) Это уже дѣлается въ извѣстной мѣрѣ въ украинской части Галиціи.

чить ихъ изъ подобнаго рода пѣсенниковъ. Мы думаемъ, что украинскія пѣсни могли бы найти себѣ мѣсто въ извѣстномъ количествѣ даже въ пѣсенникахъ, назначенныхъ для областей великорусскихъ, гдѣ эти пѣсни всегда были очень любимы, какъ это доказывается свѣдѣніями о пѣніи ихъ въ хорахъ Нарышкиныхъ и Потемкина въ XVIII в. (см. объ этомъ Безсоновъ, Нашъ вѣкъ въ русскихъ историческихъ пѣсняхъ. 232—33, 28 и проч.).

Р. Л. Н.

P. S. Статья наша была совсѣмъ окончена, когда мы узнали изъ рецензіи „Вѣстника Европы“ (1892, октябрь) о книжкѣ И. Я. Львова. „*Новое время, новыя пѣсни* (*о поворотѣ въ народной поэзіи*)“, вышедшей въ далекомъ Устюгѣ. Авторъ, наблюдавшій порчу народной пѣсни на другомъ концѣ Россіи, пришелъ къ выводамъ и совѣтамъ, подобнымъ съ нашими. Интересно, что онъ совѣтуетъ для противодѣйствія новымъ великороссійскимъ народнымъ пѣснямъ и въ Великороссіи, распространять, черезъ школы „и другими средствами, между прочимъ и переводныя маллороссійскія пѣсни“.

Отрывки изъ записокъ Автонома Акимовича Солтановскаго.[1])

5-го іюля. Вся кафедра полна была сегодня дамъ въ траурѣ по неудавшейся справѣ и по случаю выѣзда губернатора. Пойманъ поджигатель съ паклей. Каменецъ въ 1863 г. страшно пострадалъ отъ поджоговъ съ политической цѣлью. Хотѣли было сжечь архіерейскую церковь съ его подворьемъ. Подожгли густо застроенные дома, стоявшіе противъ церкви по другую сторону улицы. Вѣтеръ былъ сначала къ церкви, но послѣ повернулъ по направленію къ зданію губернскаго правленія и казначейства, католической кафедры и гимназическихъ зданій. Вся улица каменныхъ двухъэтажныхъ домовъ въ ночное время запылала. Запылало зданіе и губернскаго правленія и кафедра. Явился губернаторъ и приказалъ губернскому казначею, поляку, служившему болѣе 30 лѣтъ казначеемъ, выносить изъ подвала деньги. Казначей, зная по слухамъ, что поляки предполагаютъ въ ночной суматохѣ ограбить казначейство, ослушался приказа, перетащилъ книги и бумаги изъ казначейства въ денежный подвалъ; самъ заперся въ немъ съ ефрейторомъ и двумя караульными, заперъ желѣзную двойную дверь, заперъ желѣзныя ставни и просидѣлъ въ подвалѣ до тѣхъ поръ, пока не былъ потушенъ пожаръ. Отъ жара и дыма онъ чуть не задохнулся вмѣстѣ съ карауломъ. Вмѣсто бѣлой ленты, обѣщанной ему губернаторомъ за ослушаніе, онъ получилъ за спасеніе книгъ и денегъ орденъ.

---

[1]) См. „Кіевск. Стар.“, 1893 г.. № 4.

Попечитель Кіевскаго округа Ѳ. Ѳ. Витте назначенъ въ Варшаву главнымъ директоромъ коммиссіи народнаго просвѣщенія (т. е. министромъ).

31-го іюля. Въ Могилевскомъ уѣздѣ раскрывается повстанская организація; доносчикомъ явился какой-то живописецъ, принадлежавшій къ организаціи.

31-го августа. Новый губернаторъ генералъ-маіоръ С—нъ извѣстилъ, что прибудетъ въ высокоторжественный день прямо въ церковь. Въ соборѣ оканчивалась обѣдня, какъ вдругъ полицій-мейстеръ сталъ расчищать въ церкви дорогу. Передъ церковью остановилась тройка и изъ перекладной выскочилъ генералъ С—нъ и прошелъ на первое мѣсто. Послѣ молебствія онъ помѣстился подлѣ крыльца губернаторскаго дома и приказалъ войскамъ парадировать. Народъ помѣстился въ сторонѣ. Казаки пущены были неожиданно въ карьеръ съ пиками на перевѣсъ; чуть не раздавили нѣсколько зазѣвавшихся учениковъ низшихъ классовъ и разныхъ дѣтей. Послѣ парада губернатору представлялись всѣ чины. Управленіе его можно характеризовать стихами:

„Всѣ мы ждали генерала—
И правителя страны—
Тройка быстрая примчала
Только красные штаны“.

6-го сентября. Губернаторъ былъ съ визитомъ у директора гимназіи Теодоровича. Спрашивалъ: есть-ли учителя поляки и благонадежны-ли они? Директоръ отвѣчалъ: „благонадежны, пока стоятъ штыки“.—

— „Вы здѣсь давно?“—„Съ марта мѣсяца“.—А прежде, гдѣ служили?“—„Директоромъ Ровенской гимназіи.“—„Что, ученики тамъ бунтовали?“—„Нѣтъ. Былъ слѣдующій только случай: въ первый весенній день нѣсколько учениковъ за городомъ по шоссе сломали на мосту съ десятокъ гнилыхъ тумбъ, и одинъ при этомъ сказалъ спичъ, смыслъ котораго былъ тотъ, что ломаютъ не тумбы, а москалей.“ —„И что-жъ?“—спросилъ губернаторъ.—„Этихъ учениковъ удалили изъ гимназіи“.— „И только?! Жаль, что меня тамъ не было, я-бы не пощадилъ! У меня одиннадцать дѣтей, но пошали они—я бы ихъ всѣхъ

упряталъ!“ При этомъ присутствовалъ инспекторъ гимназіи, который вмѣшивался въ разговоръ, но С—нъ избѣгалъ и смотрѣть и отвѣчать ему, боясь уронить свое губернаторское достоинство.

На разсвѣтѣ съ 18 на 19 въ гимназическомъ дворѣ на мостовой найденъ выбросившійся изъ своей квартиры изъ окна 3 этажа учитель физики, полякъ Владиславъ Куликовскій. Послѣ осмотра тѣла на стройномъ бѣломъ тѣлѣ покойнаго на задней части оказалась свѣже-зажившая рана, произведенная, вѣроятно, картечью. Самъ онъ стрѣлять въ такое мѣсто не могъ. Послѣ анатомированія оказалось, что у него внутри все сгорѣло отъ сѣрной кислоты. Поводовъ къ смерти никакихъ: онъ не имѣлъ по службѣ никакихъ непріятностей, преподавалъ хорошо, держалъ себя прилично, имѣлъ зажиточныхъ родителей, во время вакацій посѣщалъ ихъ. Влюбленъ неудачно не былъ; принималъ живое участіе въ танцовальныхъ вечерахъ учительскихъ. Только на канунѣ смерти вечеромъ онъ долго гулялъ по католическому кладбищу. За нѣсколько дней до смерти онъ заказалъ новый гардеробъ. Все это не повело къ разгадкѣ смерти. Были предположенія, что въ его комнату ночью пробрались кинжальщики и насильно отравили его и выбросили на дворъ, но никто не слышалъ ночью ни малѣйшаго шума. Полагали также, что онъ не исполнилъ какого-нибудь распоряженія ржонда, что въ него стрѣляли картечью и наконецъ приказали ему умереть. Послѣднее предположеніе нѣсколько подтвердилось на его похоронахъ. Епископъ Фіалковскій сначала запретилъ хоронить его по христіанскому обряду, но когда переговорилъ съ знатнѣйшими поляками въ городѣ, разрѣшилъ самыя торжественныя похороны. Въ похоронахъ участвовало безмездно все католическое каменецкое духовенство съ кармелитами и клириками. Была музыка, масса польскаго люда. Его хоронили, какъ принца.

31-го октября. На дняхъ евреи привезли въ Каменецъ на 40000 фальшивыхъ бумажекъ изъ заграницы. Генералъ-губернаторъ извѣстилъ о провозѣ губернатора; тотъ поручилъ это дѣло полиціймейстеру. Посланъ былъ агентъ въ Гусятинъ наблюдать и по примѣтамъ арестовать провозителя. Почему-то агентъ рѣшилъ арестовать еврея-провозителя въ Каменцѣ. Тро-

нулся на почтовыхъ еврей, тронулся за нимъ полицейскій агентъ. Ѣхали всю дорогу одинъ за другимъ. При въѣздѣ въ Каменецъ ямщикъ, везшій еврея, пришпорилъ лошадей, т. ч. агентъ отсталъ, а еврей въ переулкѣ соскочилъ, и пропалъ его слѣдъ. Агента уволили, но уже черезъ годъ дано ему мѣсто исправника.

1-го ноября. На дняхъ я бесѣдовалъ съ инспекторомъ духовной православной семинаріи. Печально, по его словамъ, теперь состояніе духовныхъ училищъ. Если въ западномъ краѣ въ гимназіяхъ нашелъ пріютъ католицизмъ и польско-жидовскій патріотизмъ, то между семинаристами большинство питомцы Чернышевскаго и Молодой Россіи—истые нигилисты. Обряды осмѣиваютъ, Бога и загробную жизнь отвергаютъ, смѣются надъ таинствами, вѣнчаютъ на квартирахъ собакъ, пріобщаютъ котовъ и свиней. Весь созданный порядокъ вѣками обветшалъ—и долой его! Греческій и латинскій языкъ въ упадкѣ, богословскія науки тоже, а другихъ предметовъ вовсе не знаютъ. Дисциплина исчезла: хотятъ—идутъ на уроки, не хотятъ—не идутъ; на ректора архимандрита посвистываютъ; инспектора знать не хотятъ; учителямъ лѣзутъ съ кулаками въ зубы. А смирить ихъ строгими мѣрами не позволено, сказано держаться прогресса и не отставать отъ современности. Дѣйствительно, печальная картина, если все это справедливо. Хорошее выростетъ поколѣніе и много горя принесетъ оно Россіи.

10-го ноября. Попечитель округа Ширинскій-Шихматовъ прибылъ съ инспекторомъ казенныхъ училищъ Иваномъ Яковлевичемъ Ростовцевымъ въ Ровно, извѣстивъ о своемъ прибытіи въ Каменецъ, но побоялся грязной дороги и по шоссе обратно поѣхалъ въ Кіевъ.

19-го ноября. Преобразуется братство православное. Предсѣдателемъ избранъ архимандритъ, а помощниками его вице-губернаторъ Андреевъ, бывшій предсѣдатель уголовной палаты, и кафедральный протоіерей Новицкій. Затѣваютъ многое,—дай Богъ успѣха. Братство имѣетъ покамѣстъ долгу 1100 р., а наличнаго капитала 168—обыкновенное веденіе у насъ общественныхъ дѣлъ и расходованіе общественныхъ денегъ.

20-го ноября. Директоръ Житомирскаго раввинскаго училища К., собравъ вѣрныя свѣдѣнія о попечителѣ округа, о князѣ Ширинскомъ-Шихматовѣ, и провѣдавъ о томъ, что открылась вакансія директора въ Каменецкой гимназіи, испросилъ у Ширинскаго отпускъ въ Кіевъ для совѣщанія съ врачами по случаю застарѣлой болѣзни. Князь Ширинскій-Шихматовъ мужчина высокаго роста и плотный. Онъ еще не старъ. Въ молодости велъ разсѣянную жизнь, а, женившись, любилъ жить роскошно и широко. Въ бытность попечителемъ въ Вильно, онъ поѣхалъ обозрѣвать округъ. Въ его отсутствіе отъ свирѣпствовавшей въ Вильно эпидемической скарлатины умерли всѣ четверо его дѣтей. Это произвело на него потрясающее дѣйствіе и коренной переворотъ въ его образѣ жизни и мысляхъ. Онъ принялъ смерть дѣтей, какъ Божью кару за прежнюю свою жизнь, сталъ каяться, молиться, поститься; сталъ вести уединенную жизнь. Передъ иконами явились неугасаемыя лампады. Вся новѣйшая наука, философскія ученія, новѣйшая литература явились въ его воображеніи произведеніями сатаны, дьявольскими искушеніями. Чтеніе священныхъ книгъ, бесѣды съ духовенствомъ, житія святыхъ заняли все его время. Онъ сократилъ въ гимназіяхъ преподованіе новой русской литературы, ограничивъ ее перечисленіемъ именъ выдающихся писателей: Жуковскаго, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева и т. д. Въ комнатахъ у него запахло ладаномъ. Окружающіе его и подчиненные приняли постную наружность и заговорили библейскими изреченіями: сатана, искушеніе, суета суетъ не сходили у нихъ съ языка. Это мирило съ ними князя.

К., прибывъ въ Кіевъ, нанялъ себѣ помѣщеніе въ подвальномъ этажѣ черезъ два дома отъ помѣщенія попечителя, накупилъ дешевыхъ образовъ, и въ рамахъ и безъ рамъ, увѣшалъ и уставилъ весь уголъ комнаты, противоположный окну, выходившему на тротуаръ. Устроилъ налой, покрылъ его парчею, развѣсилъ и зажегъ лампады и восковыя свѣчи, и ждалъ, подкарауливая изъ за двери, князя. Князь послѣ обѣда имѣлъ обыкновеніе ежедневно, не смотря на погоду, съ тростью въ рукѣ, совершать прогулку по тротуару. Замѣтивъ князя, К.

бросался въ образную свою, отворялъ на тротуаръ форточку, разводилъ наскоро огонь въ жаровнѣ, насыпалъ на угли пригоршню ладану, а самъ бросался на колѣни передъ аналоемъ и усердно крестился и клалъ земные поклоны. На аналоѣ лежала въ старомъ кожаномъ переплетѣ библія печерской печати, взятая на время у печерскаго монаха. Проходя мимо открытой форточки, князь обонялъ не безъ удовольствія излюбленный имъ запахъ живца-ладана. Сначала князь рѣшилъ, что по близости имѣется покойникъ. Но повторяясь и на слѣдующій и на третій день, это заинтересовало князя. Онъ распросилъ прислугу,— оказалось, что по близости нѣтъ покойника. Князь сталъ наблюдать, откуда несется запахъ ладана, и, наконецъ, замѣтилъ у своихъ ногъ открытую форточку. Онъ не вытерпѣлъ, присѣлъ и увидѣлъ картину спасающагося, кающагося человѣка. Князь замѣтилъ его физіономію. Пошли справки, ничего не объяснившія князю. Въ университетской церкви князь опять встрѣтилъ эту личность, простоявшую въ уголку на колѣняхъ все служеніе и усердно клавшую земные поклоны. Въ воскресенье на обѣднѣ повторилось то-же. Никто не могъ объяснить князю, что это за личность. Княземъ овладѣло такое нетерпѣніе, что онъ самъ рѣшился на слѣдующій день сдѣлать визитъ этому святому, богомольному человѣку и побесѣдовать съ нимъ по душѣ. Но вотъ на слѣдующій день въ 10 часовъ лакей докладываетъ князю, что ему желаетъ представиться директоръ раввинскаго Житомирскаго училища. Приказано принять. И вотъ К. вошелъ въ кабинетъ князя и сталъ представляться. Князь прямо заключилъ его въ свои объятія, воскликнувъ: „я васъ знаю! я васъ понимаю, я сочувствую вамъ!“ Усадивши его и переговоривши съ нимъ по душѣ, Ширинскій представилъ его своей супругѣ. К. разсказалъ, какъ онъ страдаетъ среди евреевъ въ раввинскомъ училищѣ, и просилъ перевести его въ Каменецъ. Ширинскій обѣщалъ, разрѣшилъ ему отпускъ на родину на 2 мѣсяца и просилъ бывать у него до выѣзда изъ Кіева запросто. Въ среду К. явился къ Ширинскому попрощаться. Затянулась бесѣда на разныя темы. Лакей вошелъ доложить, что обѣдъ готовъ. Ширинскій пригласилъ К. отобѣдать у него. Тотъ сталъ из-

виняться, что онъ не можетъ. „Почему?“—„Я сегодня пощусь!“ Ширинскій схватилъ К. въ объятія и, многократно его облобызавъ, увлекъ въ столовую. „Да вѣдь и мы по средамъ и пятницамъ тоже соблюдаемъ посты!“—весело заключилъ князь. Такимъ образомъ К. навсегда обворожилъ Ширинскаго. Въ концѣ ноября пришло въ Каменецъ назначеніе К. директоромъ училищъ подольской губерніи, а нѣсколько дней спустя Солтановскій [1]) телеграммой получилъ приглашеніе отъ Витте изъ Варшавы занять мѣсто начальника Сувалкской учебной дирекціи. Спустя нѣкоторое время, я получилъ полуоффиціальное письмо отъ князя Ширинскаго—Шихматова, въ которомъ онъ проситъ меня управлять дирекціею до прибытія К. и инспектора Сосновскаго. Въ половинѣ февраля вечеромъ прибылъ К. въ Каменецъ. Онъ долго замѣшкался въ Кіевѣ, проводя время въ духовной бесѣдѣ съ княземъ Ширинскимъ; но послѣдній какъ-то забылъ сообщить ему о моемъ вызовѣ и назначеніи въ Каменецъ инспекторомъ Сосновскаго. К., оставшись недовольнымъ, что я не прислалъ ему часть своей мебели и самъ медлю къ нему явиться, послалъ ко мнѣ сторожа съ приказаніемъ представиться ему по службѣ. Я сторожа направилъ къ учителю Малавскому, исполнявшему должность инспектора. Малавскій объяснилъ ему въ чемъ дѣло. Не прошло получаса, какъ К., выбритый, въ вицъ-мундирѣ явился ко мнѣ съ извиненіями и поздравленіями.

Квартира у меня въ Каменцѣ была казенная въ бывшемъ іезуитскомъ строеніи, зимою теплая, благодаря необыкновенной толщинѣ стѣнъ, а лѣтомъ по той-же причинѣ прохладная. Четыре комнаты имѣли своды, другія четыре были безъ сводовъ, но очень обширныя; сверхъ того, я имѣлъ гостинную и громаднѣйшій залъ, прежній іезуитскій костелъ, и на первомъ этажѣ обширную кухню, прачешную и кладовую. Вслѣдствіе обширности помѣщенія у меня разъ въ недѣлю происходилъ танцо-

---

[1]) Т. е. авторъ этихъ записокъ, который въ качествѣ инспектора Каменецъ-Подольской гимназіи разсчитывалъ быть назначеннымъ на мѣсто, предоставленное К., чѣмъ, можетъ быть, и слѣдуетъ объяснить нѣсколько субъективный тонъ всего разсказа.—Ред.

вальный вечеръ съ музыкой. Вечера эти были складочные, и на нихъ была запрещена игра въ карты. Кромѣ учителей, въ складкѣ никто изъ постороннихъ не участвовалъ. Жизнь въ Каменцѣ отличалась сравнительной дешевизной. Хорошій обѣдъ въ большомъ семействѣ, состоявшій изъ 4 блюдъ, обходился не дороже 75 копѣекъ. Говядина великолѣпная изъ степныхъ воловъ, масса птицы, фруктовъ, всякой зелени. На базарѣ вся провизія продавалась ежедневно въ какихъ угодно порціяхъ, доступныхъ для самыхъ бѣдныхъ людей. Можно было купить на $^1/_4$ коп. свѣжаго масла, тоже сыра, соли, сала и говядины, а также и зелени. Осенью существовалъ обычай въ праздники привозить въ городъ для продажи и живыхъ, и битыхъ свиней, чтобы жители могли запастись саломъ и окороками на всю зиму. Въ этотъ день свиньи продавались по баснословно дешевымъ цѣнамъ: можно было купить совсѣмъ приготовленную свинную тушу за 3 или $3^1/_2$ рубля, аршинныя колбасы продавались по $7^1/_2$ и даже по 5 коп. за штуку. Начиненныя кашей кишки стоили 3 коп. штука. Вареной, жирной свинины миска стоила 2 к.; сильный здоровенный мужикъ этой миской могъ наѣсться на весь день до отвалу. Отличные фрукты привозились изъ Бессарабіи, виноградъ изъ Крыма; изъ Одессы—лимоны, апельсины, гранаты, финики, изюмъ, миндаль, всякаго рода орѣхи. Рыбы и сельдей привозилось тоже вдоволь, и на все стояли низкія цѣны.

Каменецъ выстроенъ на скалѣ, омываемой рѣкою Смотричемъ со всѣхъ сторонъ. Онъ мощенъ камнемъ, но улицы необыкновенно узкія: едва могутъ разъѣхаться двѣ повозки. Тротуары до такой степени узки, что едва расходятся на нихъ, не толкая другъ друга, два прохожіе. Дома большею частью каменные, двухъ и одно-этажные. Но всѣ они невзрачной архитектуры и принадлежатъ нечистоплотнымъ евреямъ; дворы наполнены нечистотами, которыя никогда не вывозятся за городъ. Въ лѣтніе жары на дворахъ невыносимая вонь, которая разносится и по городу. Особенно грязна часть Каменца, называемая Карвасары. Она ютится подъ скалою отъ турецкаго моста, ведущаго въ крѣпость, до сада Витте. Тамъ вѣчная грязь и

вонь. Рынокъ также невзраченъ и грязенъ и застроенъ почернѣвшими и пошатнувшимися на бокъ деревянными еврейскими лавчонками. Маленькій бульваръ, состоящій изъ двухъ или трехъ дорожекъ, ютится надъ Смотричемъ на отвѣсной скалѣ. Вообще центръ города, имѣющій нѣсколько церквей, нѣсколько костеловъ, кажется, три монастыря, семинарію католическую, семинарію православную, гимназію мужскую, таксаторскіе классы, женскій пансіонъ, кишитъ жидами и представляетъ настоящій жидовскій городъ. Большинство домовъ составляютъ собственность евреевъ. Кромѣ зданія гимназіи, неоконченнаго дома порядочныхъ размѣровъ дворянскаго собранія, домовъ Кремера, Бржезинскаго и Фармгольца, все это дома заурядные. Гостинницъ ни одной. Остановиться можно въ обыкновенныхъ заѣзжихъ домахъ еврейскихъ, какіе существуютъ во всѣхъ уѣздныхъ городахъ и мѣстечкахъ Подольской губерніи. Воды для питья и купанья въ Каменцѣ не существуетъ, такъ какъ нѣтъ ни одного колодца. Воду доставляютъ водовозы изъ далеко лежащей за городомъ Гунской Крыницы. Предмѣстья города составляютъ: польскіе фольварки, русскіе фольварки, и еще постройки, потянувшіяся за Турецкой крѣпостью. Да уже возникло нѣсколько домиковъ на такъ называемомъ новомъ планѣ.

Знать чиновничья нанимаетъ квартиры въ центрѣ города, а мелюзга живетъ на фольваркахъ. Въ Каменецъ два въѣзда: черезъ крѣпость и турецкій мостъ, и другой—главный—черезъ мостъ со стороны польскихъ фольварковъ. Этотъ въѣздъ запирается на скатѣ горы съ моста узкими каменными крѣпостными воротами, называемыми польской брамой. Около этого узкаго проѣзда караулитъ инвалидный солдатъ, и день и ночь, для предупрежденія столкновенія между ѣдущими съ противоположныхъ сторонъ, такъ какъ въ воротахъ, идущихъ въ видѣ узкаго коридора со сводами, двѣ повозки не въ состояніи разъѣхаться, и опасность увеличивается еще тѣмъ, что ворота стоятъ на скатѣ. Есть еще пѣшеходное сообщеніе Каменца съ польскими фольварками, посредствомъ лѣстницы, высѣченной въ скалѣ и снабженной перилами. На польскихъ фольваркахъ дома деревянные, одно-этажные, частью съ садами. По дорогѣ въ Проску-

ровъ въ концѣ польскихъ фольварковъ находятся кладбища — католическое и православное. Первое, какъ обыкновенно, содержится въ большомъ порядкѣ. Много красивыхъ цѣнныхъ памятниковъ, между прочимъ изъ мѣстнаго камня, похожаго по отшлифовкѣ на темный мраморъ. Все кладбище засажено фруктовыми и дикими деревьями, дающими прекрасную тѣнь. Много тѣнистыхъ аллей. На польскихъ фольваркахъ одна небольшая церковь. Съ русскими фольварками сообщеніе черезъ Турецкій мостъ и крѣпость. Новая довольно большая каменная церковь стоитъ на скалѣ, недалеко отъ обрыва, и къ ней изъ Каменца въ отвѣсной скалѣ высѣчена узенькая лѣстница безъ перилъ; по ней могутъ подниматься только тѣ, кто не страдаетъ головокруженіемъ. Въ томъ предмѣстьи (Подзамче), которое за турецкою крѣпостью, въ обширномъ саду поднимается каменный двухъ-этажный дворецъ, не оконченный, не доведенный даже подъ крышу и обставленный еще лѣсами. Онъ принадлежитъ какой-то княгинѣ, которая, изъ расположенія къ архіерею, переведенному въ другое мѣсто, послѣдовала за нимъ, а дворецъ бросила неоконченнымъ. Она собственно его стала строить, чтобы быть поближе къ архіерею. Отвѣсные каменные берега Смотрича причиною того, что отъ головокруженія или поскользнувшись, особенно въ гололедицу, зимою и послѣ дождя, падаютъ люди съ высоты нѣсколькихъ сажень и разбиваются на смерть. При мнѣ было нѣсколько случаевъ, но особенно памятна мнѣ смерть красиваго молодаго семинариста. По окончаніи занятій, онъ пошелъ за городъ поджидать изъ дому лошадей. Отъ скуки онъ началъ собирать цвѣты на отвѣсныхъ скалахъ Смотрича. Замѣтивъ на отвѣсной скалѣ выросшій изъ щели кустарникъ шиповника въ цвѣту, онъ захотѣлъ украсить ской букекъ розами. нагнулся, схватилъ рукою цвѣтокъ, потерялъ равновѣсіе,—и полетѣлъ внизъ. Изъ чувства самосохраненія, падая, онъ обѣими руками схватилъ колючій шиповникъ; но кустъ слабо вросъ въ щель, и бѣдный юноша, держа кустъ въ рукахъ, упалъ на камни и ушибся на смерть.

Мѣстоположеніе Каменца таково, что, не смотря на свою неопрятность и ординарныя постройки въ жидовскомъ стилѣ,

онъ издали, со стороны Гунской Крыницы, кажется въ высшей степени живописнымъ городкомъ. Онъ много выигрываетъ отъ высокаго минарета и старой турецкой крѣпости. Въ окрестностяхъ Каменца я не былъ, но много слышалъ о красотѣ ихъ, особенно о живописномъ положеніи одного богатаго имѣнія. Въ 20 верстахъ отъ Каменца протекаетъ Днѣстръ. Аристократія чиновничья ѣздитъ туда купаться.

Въ 1864 году всѣ предводители дворянства въ Подольской губерніи были назначены правительствомъ. Дворянскія собранія и выборы предводителей дворянства уничтожены. Губернскимъ предводителемъ дворянства былъ назначенъ помѣщикъ графъ Марковъ. Я его всего одинъ разъ видѣлъ въ Каменцѣ во время прибытія губернатора Сухотина. Марковъ присутствовалъ въ церкви во время торжественнаго богослуженія въ высокоторжественный день и затѣмъ представлялся Сухотину. Въ прежнія времена губернскіе предводители по выборамъ, богатые польскіе помѣщики, по часту жили въ Каменцѣ, давали вечера, балы и распоряжались губернаторскими и разными высшими чиновниками по своему произволу. Особенно извѣстенъ былъ графъ Пржездзѣцкій, владѣтель Черноострова. Онъ долго былъ предводителемъ. Старикъ лѣтъ 70-ти, вдовый, любилъ страстно самъ танцовать мазурку и угощать. Онъ никуда самъ не ѣздилъ: его всегда сопровождала его капелла, оркестръ духовой и бальный, составленный изъ его крѣпостныхъ подъ руководствомъ и управленіемъ капельмейстера итальянца. Онъ имѣлъ небольшой, но прекрасный въ Черноостровѣ палацъ, стоявшій на горѣ надъ Бугомъ. Отъ дворца къ Бугу шли террасы, и прямо изъ дверей дворца изъ залы ступени опускались до самаго моста, который въ видѣ прямой линіи пересѣкалъ лежащій на Бугѣ островъ и тянулся далѣе до роскошнаго сада и парка, расположеннаго по другую сторону Буга. Мостъ былъ деревянный для пѣшеходовъ. На островѣ, среди деревъ построенъ былъ лѣтній домикъ, красивой архитектуры. Другой островъ вправо отъ моста, подлѣ парка, соединялся съ нимъ паромомъ. На этомъ островѣ разводились кролики. За садомъ была оранжерея, теплицы и помѣщенія огородниковъ. Бугъ противъ палаца имѣлъ въ ши-

рину болѣе версты. Бугъ недалеко отъ Черноострова въ лѣсахъ беретъ свое начало и течетъ около Черноострова и Проскурова въ видѣ озеръ и прудовъ и имѣетъ плотины. У Пржездзѣцкаго имѣлись двѣ большія крашеныя лодки, на которыхъ старикъ въ лунныя ночи иногда катался по Бугу, окруженный своимъ штатомъ и въ сопровожденіи музыки, которая на рѣкѣ исполняла разныя пьесы. У графа Пржездзѣцкаго былъ свой придворный живописецъ итальянецъ Цуккини, особенно хорошо писавшій портреты, свой придворный врачъ, свой аптекарь, адвокатъ, управляющій, начальникъ охоты и проч. Говорили, что графъ порядочно промотался, и что дѣтямъ его, воспитывавшимся гдѣ-то заграницей, достанется не многое.

1-го февраля 1865 года, сдавъ гимназію и казенныя гимназическія суммы директору К., послѣ обѣда я отправился на новое мѣсто въ Сувалки въ Царство Польское. Собрался весь гимназическій штатъ съ женами проводить меня. Я по случаю наступившихъ жестокихъ морозовъ, доходившихъ до 31° холода, долженъ былъ оставить въ Каменцѣ жену и трехъ малолѣтнихъ дѣтей и письмомъ просилъ князя Ширинскаго-Шихматова, чтобы до весны она могла жить въ казенномъ помѣщеніи и пользоваться отопленіемъ. Путь мой лежалъ на Проскуровъ, Староконстантиновъ, Заславъ, Острогъ, Ровно, Луцкъ, Владиміръ-Волынскій, Холмъ, Люблинъ въ Варшаву. Одинокій, безъ прислуги и лишнихъ средствъ, ничего почти не оставивъ семейству, отправляясь въ страну, враждебную всему русскому и православному, я чувствовалъ себя не совсѣмъ хорошо. Случись со мной бѣда—семейство мое осталось-бы на произволъ судьбы, безъ всякихъ средствъ, такъ какъ я не выслужилъ и половины пенсіи.

1865 г. Въ дорогѣ.

Люблинскій начальникъ дирекціи Теодоровичъ просилъ меня привезти ему изъ Каменца пудъ табаку турецкаго. Въ Царствѣ Польскомъ монополія на табакъ принадлежала еврею Кроненбергу, который приготовлялъ отвратительный табакъ и собралъ однако милліоны. Его дворецъ въ Варшавѣ подлѣ Саксонскаго

сада построенъ по плану Тюильери. За провозъ изъ Россіи табаку полагался огромный денежный штрафъ. Агенты и стража Кронеберга вездѣ зорко слѣдила за контрабандой и вязалась къ русскимъ, пріѣзжавшимъ на службу въ царство. Я прибылъ ночью во Владиміръ. У меня былъ кисетъ съ табакомъ; во время перепряжки лошадей я закурилъ на почтовой станціи трубку. Молодой станціонный смотритель спросилъ меня, не везу ли я табакъ? Я спросилъ; а что? Онъ объявилъ, что сейчасъ за городомъ нужно переѣхать западный Бугъ, границу Россіи съ царствомъ, и на той сторонѣ табачная стража непремѣнно произведетъ осмотръ. Разъяснилъ, какъ велики штрафы съ фунта, и разсказалъ множество случаевъ, въ которыхъ пострадали многіе русскіе, и даже военные, ничего не знавшіе о монополіи Кронеберга. Было рискованно везти пудъ табаку, и я оставилъ его ловкому смотрителю. А между тѣмъ до самой Варшавы меня никто не спрашивалъ о табакѣ, и только на рогаткѣ въ Варшавѣ присталъ какой-то инвалидъ, которому я, по совѣту ямщика, далъ 15 к., и онъ пропустилъ меня черезъ рогатку. Такимъ образомъ мнѣ не удалось исполнить просьбу Теодоровича. Изъ Холма я выѣхалъ почти въ сумерки и поздно пріѣхалъ на почтовую станцію, стоявшую одиноко въ лѣсу. Противъ станціи по другую сторону шоссе стояла еврейская корчма. Я порядочно прозябъ и сверхъ того, опаясь ночью ѣхать лѣсомъ, чтобы не набрести на волковъ или одиночныхъ повстанскихъ мародеровъ, я рѣшился переночевать на почтовой станціи. Но едва я раздѣлся, какъ уже вбѣжалъ содержатель станціи со словами: „лошади готовы, прошу Васъ сейчасъ ѣхать, а то лошадямъ плохо стоять на морозѣ!“ Я объявилъ, что не могу ѣхать, что я озябъ, желаю отдохнуть, словомъ—желаю подночевать. Содержатель настаивалъ, чтобы я ѣхалъ, что ночевать на станціи негдѣ, что въ пассажирской комнатѣ нельзя раздѣваться, такъ какъ ночью могутъ пріѣхать дамы и войти въ эту комнату, что если я непремѣнно желаю ночевать, то долженъ перейти въ еврейскую корчму, гдѣ имѣются для проѣзжихъ опрятныя комнаты. Я рѣшительно объявилъ, что останусь въ пассажирской ночевать, но раздѣваться не буду, и попросилъ приготовить для

меня самоваръ. Самоваръ моментально былъ поданъ, я пригласилъ почтосодержателя откушать со мною чай. Я сѣлъ подлѣ окна, выходящаго къ шоссе и корчмѣ. Онъ просилъ меня пересѣсть въ уголъ, на томъ основаніи, что у него дуетъ изъ оконъ, и я могу еще заболѣть въ дорогѣ у него на станціи, самъ же занялъ мое мѣсто у окна и часто къ чему то прислушивался, и постоянно посматривалъ съ безпокойствомъ въ окно на шоссе и корчму. Вдругъ онъ сталъ торопить меня оканчивать чай, на томъ основаніи, что они рано ложатся спать, такъ какъ ночью сверхъ проѣзжихъ будетъ проходить денежная почта, и чотому имъ каждую ночь приходится вставать по нѣсколько разъ. Едва я кончилъ свой чай, какъ онъ позвалъ дѣвку и приказалъ сейчасъ убрать самоваръ и стаканы и, взявъ въ руки свѣчу, сталъ со мною прощаться. Онъ объявилъ при этомъ, что свѣчи мнѣ не оставитъ, такъ какъ у него такой обычай, что онъ самъ, боясь огня, до тѣхъ поръ не ложится, пока не потушатъ всѣ огни въ домѣ. Я обѣщалъ ему сей-же часъ потушить свѣчу, но онъ возразилъ, что я могу ночью зажечь свѣчу, задремать, и произойдетъ пожаръ. Наконецъ онъ будетъ тогда только спокоенъ, когда будетъ увѣренъ, что у меня нѣтъ свѣчи. Затѣмъ онъ вышелъ, оставивъ меня въ темнотѣ. Въ первой комнатѣ онъ долго шептался съ какимъ-то человѣкомъ и, пріотворивъ дверь, объявилъ мнѣ, что въ первой комнатѣ, гдѣ пріемъ писемъ, будетъ ночевать сторожъ, въ случаѣ чего, я могу къ нему обратиться. Сегодня по сосѣдству ярмарка, много будетъ возвращаться народу, шумѣть и шляться около корчмы и станціи, не обращайте на это вниманія и дайте слово, что не будете подходить къ окну. Я обѣщалъ исполнить его желаніе. Еще разъ пожелавъ мнѣ спокойнаго сна, онъ скрылся за дверями. Уединенность станціи въ лѣсу, безпокойное время, а главное—какая-то таинственность меня безпокоила; я рѣшился всю ночь просидѣть на диванѣ, стоявшемъ подъ стѣной, противоположной окнамъ, выходившимъ на шоссе и корчму. Со мною было два карманныхъ англійскихъ пистолета. Закуривъ сигару и взвевъ курки у пистолетовъ, я расположился на диванѣ. Спустя четверть часа въ домѣ все стихло. На дворѣ было довольно свѣтло, хотя

не свѣтила луна и небо покрыто было тучами. Послѣ 11 часовъ я слышалъ завываніе волковъ въ лѣсу, которое то приближалось къ станціи, то удалялось въ глубь лѣса, и наконецъ затихло. Около 12 часовъ зазвѣнели бубенчики и розвальней штукъ пять подкатило къ корчмѣ. Въ каждыхъ розвальняхъ сидѣло человѣкъ по 5 или по 6-ть. Въ корчмѣ вдругъ въ окнахъ замелькали огоньки. Послышалась ругня и пѣсни. Отъ корчмы отдѣлился вдругъ какой-то человѣкъ и прямо пошелъ къ станціи. Попробовалъ входную дверь, затѣмъ сталъ обход ить домъ, заглядывая въ окна. Припалъ къ окну и моей комнаты. Я схватилъ въ руку пистолетъ и ждалъ съ замираніемъ духа. „Проѣзжихъ никого нѣтъ! Спятъ бестіи, какъ сурки!"—сказалъ этотъ господинъ и пошелъ во дворъ станціи. Спустя минуту онъ направился къ корчмѣ. Въ свѣтящіяся окна корчмы видно было, что тамъ идетъ попойка. Она продолжалась минутъ 40 Послѣ съ шумомъ вся компанія вывалила изъ корчмы, размѣстилась въ развальни и съ пѣснями пронеслась мимо корчмы проселочной дорогой въ глубь лѣса. Я говорилъ съ почтосодержателемъ по польски. Не знаю, угадалъ-ли онъ, что я русскій, или нѣтъ; скорѣе, что нѣтъ. Всю ночь никто болѣе не проѣзжалъ по шоссе, и денежная почта не проходила, значитъ—почтосодержатель придумалъ ее, чтобы меня сбыть со станціи, а послѣ, чтобы я немедленно отправился спать безъ огня. Чуть стало разсвѣтать, а ужъ мнѣ былъ поданъ самоваръ, вещи мои упакованы, и лошади стояли у крыльца. Всѣмъ этимъ распорядился молоденькій экспедиторъ, котораго я вчера не видѣлъ. Самъ-же содержатель еще почивалъ. Въ дорогѣ ямщикъ то трубилъ въ трубу, то кого-то бранилъ и проклиналъ. Я полюбопытствовалъ узнать, кого это. Ямщикъ отвѣчалъ: а этого негодяя ксендза Бржозку. Онъ до сихъ поръ шляется съ шайкой бродягъ и бѣглыхъ солдатъ и козаковъ. Нападаетъ на почтовыя станціи, на фольварки, даже на мѣстечки. Грабитъ и убиваетъ. Какъ Вы пожелали ночевать, мой панъ страшно испугался: намъ извѣстно было, что онъ шатается въ окрестностяхъ. Если-бы напалъ на станцію, да пана убилъ и ограбилъ, то моего пана безвинно засудили-бы военнымъ судомъ. Бржозко баловался

ночью въ корчмѣ и жиду обрѣзалъ пейсы и бороду, а жену его, красивую женщину, а также сестру ея лѣтъ 17-ти изнасиловали. Онъ самъ шлялся и около станціи, но увидѣвъ, что всѣ спятъ, что незамѣтно проѣзжающихъ, оставилъ насъ въ покоѣ, а пошелъ баловаться съ жидовками. Дай Богъ, чтобы москали поскорѣе его сцапали и повѣсили, было-бы легче жить на свѣтѣ". Выѣхали мы на открытую мѣстность. Вдали, кругомъ, синѣли большіе лѣса; впереди шоссе поднималось въ гору; на горѣ раскинутъ лѣсъ, а подъ лѣсомъ внизу большое селеніе Гарволинъ. „Вотъ тутъ въ этомъ лѣсу"—заговорилъ ямщикъ,—„мы крѣпко потрепали москалей; отняли у нихъ пушку и денежный ящикъ". Въѣхали мы въ лѣсъ. Онъ оказался не очень большимъ, такъ версты двѣ по шоссе, да столько же по сторонамъ, по скату холма.—Намъ дали знать изъ крѣпости Замостье, что оттуда выступилъ москаль съ большою казною. Нашъ довудца сейчасъ занялъ этотъ лѣсокъ пѣшими стрѣлками, которые всѣ прилегли на землѣ за кустами и деревьями. Часть онъ послалъ впередъ по холмскому шоссе на встрѣчу другому отряду москалей, который шелъ для соединенія съ первымъ—замостьскимъ, и приказалъ во что бы то ни было задержать этотъ отрядъ. Остальная часть и конные заняли Гарволинъ. Наши лежали около самого шоссе по обѣ стороны. Поляки офицеры дали знать, что москали пойдутъ спустя рукава. Такъ и вышло: видимъ—проѣхало по шоссе впередъ нѣсколько козаковъ. Ѣдутъ безпечно, по сторонамъ не смотрятъ. Вотъ вытянулась за ними пѣшая колонна, въ серединѣ денежный ящикъ, за нимъ арестанты подъ конвоемъ, а тамъ дальше пушка. Солдаты идутъ не въ порядкѣ, растянулись. Какъ только казна и пушка поднялись на самую вершину холма на середину лѣса, мы вдругъ, хорошо прицѣлясь, выстрѣлили и бросились съ обѣихъ сторонъ на казну и пушку. Насъ было тысячи три, а москалей батальонъ. Ошеломленные москали одни бросились впередъ, а другіе по дорогѣ къ Замостью. Мы разорвали ихъ колонну на двое. Овладѣли казной и пушкой и стали ихъ бить почастямъ. Они крѣпко защищались, но насъ было много; мы ихъ стѣснили и почти всѣхъ перебили. Очень немногимъ удалось спа-

стись, и то уже раненымъ. Мы не преслѣдовали ихъ, а стали отступать къ большимъ лѣсамъ, разбили денежный ящикъ, вынули деньги и бумаги, а ящикъ и пушку затопили въ болотахъ. Боясь скораго преслѣдованія изъ крѣпости, довудца часть людей до времени распустилъ по домамъ. А другую часть разбилъ на мелкія банды и направилъ ихъ въ разныя части лѣса. А вотъ и московская могила". Тутъ онъ указалъ на огромную могилу съ деревяннымъ крестомъ, обнесенную плетнемъ. „Такъ ты тоже былъ въ битвѣ? И много убилъ москалей? Онъ оглянулся, подозрительно посмотрѣлъ на меня, и сказалъ, что самъ онъ не былъ, но былъ въ битвѣ одинъ сго пріятель, который и пересказалъ ему все какъ было, со всею подробностью.

Въ Люблинѣ я сутки отдыхалъ у начальника дирекціи Теодоровича. Онъ нанималъ квартиру для себя въ епископскомъ дворцѣ. Епископъ былъ въ ссылкѣ. Епархіею управлялъ какой то прелатъ. Онъ былъ столь любезенъ, что показалъ намъ люблинскіе костелы. Въ великолѣпномъ большомъ кафедральномъ костелѣ много въ ризницѣ драгоцѣнной старинной утвари. На стѣнахъ историческія картины изъ разныхъ моментовъ городской жизни Люблина. Помню картину какого то большого пожара. Много портретовъ епископовъ и польскихъ вельможъ. Помню портретъ Фирлея. Тутъ-же ихъ гробницы. Люблинъ весь раскинутъ на вершинѣ высокаго холма и состоитъ изъ двухъ частей: стараго города и новой части. Въ старомъ высокіе дома старинной архитектуры. Улицы такъ узки, что стоящіе на балконахъ верхнихъ этажей могутъ черезъ улицу пожимать другъ другу руки. Помню какія-то каменныя ворота въ городѣ въ родѣ крѣпостныхъ. Новый городъ имѣетъ бульвары, сады, широкія улицы, хорошо мощеныя; дома въ немъ построены въ новомъ стилѣ. Въ Люблинѣ, какъ и во всѣхъ городахъ Царства, югозападнаго и сѣверозападнаго края, преобладающее населеніе— жидки. Они кишатъ, какъ муравьи, повсюду и окружаютъ себя присущей имъ грязью.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Частная переписка Григорія Андреевича Полетики.[1]

(1750—1784 г.).

34) Къ сыну Василію, безъ обозначенія мѣста и времени, но кажется, того же 1780 г.

Любезный мой сынъ Василій! Когда, дастъ Богъ, здоровы приѣдете изъ Витепска, то отдохнувши послѣ дороги, пожалуй возми на себя трудъ 1), чтобъ братья твои нетолько все выученное въ школахъ повторяли и твердили, но и далѣ бы поступали подъ твоимъ смотреніемъ и наставленіемъ, чтобъ было съ чемъ послѣ вакацій въ школы явиться. Сіе будетъ для тебя и для ихъ полезно: docendo enim bis docemur, а мнѣ очень пріятно, а я имъ приказываю тебя во всемъ слушатся. Время же для сего ученія противъ школьнаго хотя и сократи; довольно, кажется, будетъ взять 2 или $1^1/_2$ часа поутру, и столько же послѣ обѣда. 2) Пожалуй опредѣли сестрамъ твоимъ [2]) для ученія пофранцузски читать и грамматическимъ правиламъ хотя по одному часу въ день, а сверхъ того обучай ихъ и первымъ основаніямъ аривметики, распредѣливъ, чтобъ онѣ 4 дни въ недѣлѣ учились пофранцузски, а два аривметикѣ, а пишутъ пускай у себя и тебѣ показываютъ, а ты, пожалуй, указывай, естьли гдѣ онѣ въ почеркахъ ошибутся. 3) Мальчика Гаврилу Богатыря возми въ единственное твое смотреніе и услуженіе, вели ему быть всегда при васъ и продолжать свое писаніе, а сверхъ того въ свободное время показывай, пожалуй, ему хотя понемногу аривметику, въ чемъ можетъ тебѣ, когда будетъ время, помогать и Ситниковъ.

---

[1]) См. „Кіевск. Старина“ 1893 г. № 5.

[2]) Дочерей у Гр. А. П—ки было двѣ: Анна, р. 1770 и Настасья, р. 1771.

35) Къ сыновьямъ Василію, Ивану и Павлу, изъ Юдинова, 1781 г., 30 іюня.

Любезные мои дѣти Василій, Иванъ и Павелъ! Для свозу васъ сюда посылаю къ вамъ съ Савкою лошадей и три кибитки, которые когда приѣдутъ въ Витепскъ, то, давши день или два отдохнуть лошадямъ, заразъ убирайтесь и отъѣзжайте, взявши съ собою, по вашему усмотренію, нужныя вещи, а прочія, которыхъ возить ненужно и неможно, тамъ оставивши. Прилагаю при семъ сто рублей денегъ въ ассигнаціяхъ на слѣдующіе расходы: 1) на заплату за лѣченіе Ванюши лѣкарю, которому, посовѣтовавшись съ отцомъ префектомъ Ленкевичемъ, заплатите за труды 25 или 30 рублей, да сверхъ того, что доведетъся за лѣкарства, которыхъ вы, если онъ за нужно признаетъ, можете взять и въ запасъ на все то время, которое вы здѣсь пробудете и ему за оныя заплатить, только между тѣмъ выспросите его какъ оныя употреблять, естьли облегченіе будетъ. Сказать же ему, что я и впредь одолженія его незабуду. 2) Изъ сихъ же денегъ подарите отца префекта Ленкевича 10 рублями, а прочимъ вашимъ учителямъ, какъ то риторическому и прочимъ, дайте по 5 рублей или риторическому 6, а прочимъ по 4 рубли, какъ за лучше сами усмотрите, а хотя и посовѣтуйся, Васенька, съ отцемъ префектомъ. Наградите также и людей піарскихъ, служившихъ вамъ неизлишно, но такъ чтобъ они довольны были. 3) Изъ остальныхъ денегъ, естьли что для васъ необходимо будетъ, то купите, а ненужнаго не покупайте, а особливо мать ваша приказала къ вамъ отписать, чтобъ вы запасны были обувью, ибо здѣсь оной нетакъ легко достать или сшить, какъ тамъ. 4) Сверхъ посылаемыхъ ста рублей, далъ Савкѣ мѣлкихъ 5 рублей, изъ которыхъ, сколько онъ въ дорогѣ издержитъ, долженъ тебѣ, Васенька, сказать, а ты, записавъ оныя въ расходъ, достальныя у него отбери и всѣмъ, какъ въ Витепскѣ на вышеписанные расходы, такъ и въ дорогѣ употребленнымъ, веди записку. Въ дорогѣ что надобно для себя для людей и лошадей покупайте, только все чтобъ было безъ излишества, ибо мы не для того посылаемъ

сіи денги, чтобъ вы всѣ ихъ издержали, но чтобъ ни въ чемъ не имѣли нужды, а остальныя годятъся для васъ же впередъ. Отца Ленкевича проси, Васенька, всеприлѣжно моимъ и своимъ именемъ, чтобъ онъ еще хотя на два года, а по крайнѣй мѣрѣ на годъ, остались въ Витепскѣ. Симъ онъ сдѣлаетъ или лучше сказать удержитъ честь своего училища, привлечетъ другихъ нашихъ земляковъ къ оному, а сверхъ того заставивъ меня больше стараться, чтобъ училище ихъ, для лучшаго впредь своего благосостоянія и содержанія, награждено было деревнями и денгами. Емужъ, естьли недостаетъ на его содержаніе, то чтобъ сказалъ тебѣ съ приличною честному человѣку откровенностію, чемъ я ему служить могу, то я, чемъ онъ скажетъ, снабдѣвать его не откажусь, хотя бы сіе его содержаніе простиралось отъ 50 и до 100 рублей. Естьлижъ онъ вовсе на сіе не преклоненъ будетъ, то по крайнѣй мѣрѣ, пускай бы меня увѣрилъ чрезъ писмо, кто на его мѣсто будетъ присланъ и какого ученія и достоинствъ человѣкъ, особливо будетъ ли тотъ знать, какъ онъ, математику и пофранцузски, и то писмо, адресуя въ Стародубъ на имя Гаевскаго, переслалъ бы въ будущемъ мѣсяцѣ или въ августѣ, ибо сіе нужно мнѣ знать до окончанія ваканцій, чтобъ я зналъ, что съ вами впредь дѣлать. Я тебѣ, Васенька, скажу, а ты ему хотя скажи сіе, а хотя и не сказуй, что я просилъ преосвященнаго могилевскаго и вицегубернатора Енгелгарта, чтобъ они просили католицкаго архіерея, чтобъ онъ его всѣми образами удержалъ еще на два года или на годъ при школахъ. Посылаемую присемъ записку о должности управителя, просите вицеректора чтобъ переслалъ къ отцу ректору и къ Соллогубовому секретарю Штейну, съ прошеніемъ отъ меня, чтобъ они дали мнѣ знать, естьли сыщеться въ сію должность добрый человѣкъ. Впрочемъ, препосылая вамъ мое и матери вашей благословеніе, желаю васъ здоровыхъ видѣть и есмь вашъ вседоброжелательный отецъ Г. Полетика.

36) Къ сыну Василію, изъ Николаевки, 1781 г., 4 сентября.

Любезный мой сынъ Василій! Мнѣ нужны здѣсь межевыя инструкціи, изъ которыхъ первая напечатана въ листъ и пе-

реплетена въ сѣрую бумагу, а другая въ 8 долю листа, церковною печатью, и переплетена въ золотую бумагу, а на корешкѣ красная кожа. Отищи пожалуй оныя книжки въ библіотекѣ и, завернувъ въ бумагу, пришли съ сими подводами. Впрочемъ съ матерью вашею благословляя тебя и прочихъ твоихъ братьей и сестеръ, есмь тебѣ вседоброжелателный отецъ Г. Полетика.

P. S. Хотя написано выше сего, что мнѣ надобны одни только инструкціи, но не менше того нужда требуетъ имѣть мнѣ здѣсь и указныя книги, и для того пожалуй, Васенька, пришли мнѣ и указныя книги 1714, 1725, да и привезенныя мною вновь двѣ жъ указныя 1762, 1763 и прочихъ годовъ книги, уклавъ ихъ порядочно, приказавъ бережно везть, чтобъ не потерлись.

37) Къ сыновьямъ Василію, Ивану и Павлу, изъ Николаевки, 1781 г., 16 сентября.

Любезные мои дѣти Василій, Иванъ и Павелъ! Къ немалому моему прискорбію, я, можетъ быть, васъ предъ отъѣздомъ не увижу, и немогу дать на словахъ наставленія, какъ вамъ поступать, пріѣхавши въ Витепскъ, и для того, сколько мнѣ на память пришло, пишу чрезъ сіе. 1) Пріѣхавши туда, начинайте свои ученія по классамъ, въ которыя каждому изъ васъ поступить слѣдуетъ. Особливо тебѣ, Васенька, кажется еще годъ риторики послушать надобно и въ сочиненіи рѣчей и писемъ поупражнятся. Естьли жъ бы можно время твое раздѣлить такъ, чтобъ половину онаго употребить на упражненіе въ риторикѣ, а другую въ философіи, то сіе, можетъ быть, послужило бы къ лучшей твоей пользѣ; однако то остается въ твоей волѣ. Математику-жъ пожалуй продолжай попорядку, то есть отъ геометріи поступай въ тригонометрію, тамъ въ механику и прочія оныя части, а отцу Ленкевичу, когда онъ есть въ Витепскѣ, моимъ именемъ скажи, что онъ за обученіе тебя довольно награжденъ будетъ. Естьли жъ отецъ Ленкевичъ уѣхалъ, а на его мѣсто пріѣдетъ другій ему подобный, знающій человѣкъ, то ты проси его, чтобъ продолжалъ съ тобою начатое

ученіе, и сдѣлай ему такое-жъ обнадеживаніе. 2) Ванюшѣ, кажется, слѣдуетъ поступить въ синтаксиму, а Павлушѣ въ грамматику. Естьли можно, чтобъ Ванюша послѣ новаго года вошелъ въ піитику, а Павлуша въ синтаксиму, то весма бы хорошо, естьли жъ нѣтъ, то не можно ли, чтобъ хотя одинъ Павлуша поступилъ въ синтаксиму. Да приказываю имъ, сверхъ упражненія ва латинскомъ языкѣ, чтобъ были прилѣжны въ тѣхъ наукахъ, которыя въ ихъ классахъ преподаватся будутъ, то есть въ ариѳметикѣ, въ исторіи и географіи, а ты, Васенька, пожалуй имъ помагай, чтобъ во всемъ успѣвали, чемъ ты меня и ихъ много одолжишь, а имъ подтверждаю во всемъ тебя слушатся, и времени своего напрасно не терять. 3) Просите г. штабъ лекаря Миндерера, чтобъ врачеваніе свое надъ Ванюшею до тѣхъ поръ продолжалъ, пока совершенно его вылѣчитъ, обнадеживъ его моимъ за труда благодареніемъ. 4) Мать ваша дастъ вамъ, кромѣ дорожнаго содержанія, 200 рублей денегъ, изъ которыхъ скоро по пріѣздѣ, дайте 120 рублей отцамъ піарамъ за ваше содержаніе, а изъ остальныхъ 80 рублей сдѣлайте себѣ новыя недорогія сертучки, а прочія употребляйте на другія необходимыя ваши расходы, такимъ-же какъ прошлаго года образомъ, то есть чрезъ руки и съ вѣдома префекта. Изъ сихъ-же денегъ назначается вамъ на карманныя расходы по мѣсячно, Васенкѣ по 1 рублю, Ванюшѣ и Павлушѣ по 75 коп. Но какъ сихъ денегъ уповательно не надолго станетъ, то зимою въ прибавокъ сколько потребно пришлется. 5) Обо всемъ, что съ вами какъ въ дорогѣ, такъ и въ Витепскѣ происходить будетъ, напишите ко мнѣ обстоятельно, да и впредь почаще чрезъ почту пишите о своемъ здоровьѣ и о успѣхахъ въ ученіи, адресуя писма ваши въ Стародубъ на имя г. Гаевскаго. Вамъ вседоброжелательный отецъ Г. Полетика.

38) Къ женѣ, изъ Юдинова [1]), 1782 г., 18 мая.

Матушка, душа моя, Елена Ивановна! Вчерашняго дня пріѣхалъ я сюда на ночь изъ Ромна, а сего дня получилъ ваше

[1]) Кажется, письмо подписано Юдиновымъ—ошибочно, повидимому, писано изъ Коровинецъ или изъ Николаевки.

писмо, на которое симъ отвѣтствую. Бытность моя здѣсь не долго продолжится; но какъ скоро отъ васъ получу бланкеты и распоряжу какъ здѣсь поступать съ межевщиками, когда наѣдутъ, исправлю всѣхъ нашихъ селеній ревизію, и прикажу, что дѣлать Степану каретнику и Ивану маляру въ домѣ, такъ и убираться стану въ Юдиновъ, гдѣ желая васъ и дѣтей, которыхъ благословляю, здоровыхъ видѣть, пребываю вамъ вѣрный другъ и мужъ Григорій Полетика.

P. S. Естьли писмо мое прикащика не застанетъ въ домѣ, то распечатайте оное и велите по тому исполнять. Велите пожалуйте оттуду отправить сюда пудовъ съ пять сала для косовицы и прочаго расходу. Сейчасъ пріѣхалъ отъ васъ и Стефанъ каретникъ, который съ собою не привезъ отъ васъ никакихъ писемъ, потому что его, скоро по выѣздѣ его изъ Глухова, на пескахъ, напали разбойники, били и ограбили. Въ томъ числѣ пропали и писма, почему я и не знаю, что къ вамъ отписывать.

39) Къ сыновьямъ Василію, Ивану и Павлу, изъ Юдинова, 1783 г., 1 мая.

Любезные наши дѣти Василій, Иванъ и Павелъ! Писма ваши отъ 8 апрѣля получилъ я, и радуюсь, что вы находитесь въ добромъ здоровьѣ. На оныя ваши писма, что потребно каждому изъ васъ, и всѣмъ вамъ обще, отвѣтствую. И въ первыхъ, къ тебѣ, Василій, обращаю мое слово. О квартирѣ нѣмцовой хотя мнѣ говорилъ Федоръ Максимовичъ, что она худа и невыгодна для васъ, но говорилъ и то, что онъ хотѣлъ ее перемѣнить на лучшую, а того еще неможно тебѣ знать, какъ бы онъ васъ кормилъ, худо ли или хорошо. Я же писалъ къ вамъ, что лучше бы было у него нанять, считая великую вашу пользу въ изъученіи нѣмецкаго языка, въ разсужденіи нѣмецкой земли, куда вы должны будете ѣхать, и той службы, въ которую вы приняты быть имѣете, а безъ сего языка вы тамъ претерпите великія невыгоды. И такъ у нѣмца ли квартировать или у поляка, то остается на вашей волѣ, а за нѣмецкій языкъ приниматься надлежитъ, осмотрѣвшись съ другими науками и по

крайнѣй мѣрѣ спустя годъ послѣ вашего въ Вильно приѣзда. За учителя базиліанина, я тебя непенялъ, что ты его сыскалъ, но что сыскалъ небывши у университетскихъ членовъ, и непоговоря напередъ съ ними; когда жъ по твоему увѣренію, и они сей твой выборъ аппробуютъ, то и я тѣмъ доволенъ; только при томъ совѣтую тебѣ, чтобъ ты и академическихъ лекцій непрезиралъ, тако жъ диспутовъ и другихъ публичныхъ ексерцицій въ риторикѣ и философіи, что, повѣрь мнѣ, ко многимъ дѣламъ, тебя способнымъ сдѣлаетъ, а особливо естьли ты сочтешь невыгодною для есбя воинскую службу. По окончаніи курса математики или какъ способнѣе тебѣ будетъ, я бы совѣтовалъ тебѣ приняться за курсъ философіи, а особливо естьли бы кто сыскалъся прочитать тебѣ оный по Ернесту или Баумейстеру; когда же несыщется, то я уповаю, что и публично читаютъ философію по хорошимъ авторамъ. Со всѣмъ тѣмъ ненадобно бросать и математики, но упражняться въ нужнѣйшихъ оныя частяхъ по пространнѣйшимъ курсамъ, а особливо въ алгебрѣ, механикѣ, артиллеріи и фортификаціи. Непишешь ты, Васенька, по договору ли или безъ договору, учитъ тебя базиліанинъ, но сякъ ли или такъ, однако стыдно будетъ и грѣшно оставить его безъ хорошаго награжденія, естьли онъ съ тобою пройдетъ курсъ математики, а еще и большаго благодаренія стоять онъ будетъ, естьли по пространнѣйшему курсу туже математику читать тебѣ захочетъ. Твоими, Ванюша, упражненіями, въ писмѣ изображенными, я также доволенъ, только кажется мнѣ геометріи должно тебѣ выучиться приватно у инспектора и у брата, чтобъ на будущій годъ вновь тебѣ ее неначинать. Чтожъ ты пишешь, что инспекторъ у васъ дорогъ, и что вы другаго просите, то я удивляюсь, что старшій твой братъ о семъ ко мнѣ не пишетъ. Мнѣ кажется, что онъ еще не очень дорогъ, когда, кромѣ латинскаго языка, учитъ тебя и Павлушу ариѳметикѣ и географіи, а естьли бъ онъ или другій, котораго вы выпрашиваете, могъ васъ наставлять а по крайнѣй мѣрѣ повторять геометрію, гисторію и, сверхъ латинскаго, французкій языкъ, то по моему мнѣнію и гораздо бы недорогъ былъ, однако о семъ какого бъ лучшаго и исправнѣйшаго учителя для братьевъ

твоихъ имѣть старайся и промышляй ты, Васенька, а за денги я нестою. Тебя, бѣдный Павелъ, отчасти сожалѣю, а отчасти хвалю; сожалѣю о томъ, что тебя бѣдняка заставили учиться по алварю [1]), и скажи мнѣ, пожалуй, Васенька, почему сіе дѣлается, развѣ такъ положено въ учрежденіяхъ ихъ о народномъ воспитаніи, и естьли положено, то пускай скажутъ, почему отставили оний піарскую грамматику, развѣ для того, чтобъ лучше затмѣвалъся отъ алваря, а особливо отъ такого, по которому я училъся, молодыхъ дѣтей разумъ; хвалю за то, что ты неначиналъ учится фехтовать, ибо еще тебѣ и не пора, а пора хорошенко толмачить грамматику латинскую и французкую, ариѳметику, послѣ ея геометрію, гисторію, географію, и танцуй себѣ также на здоровье. Теперь хочу съ вами говорить о денгахъ на ваше содержаніе. По писму твоему, Васенька, выходитъ ихъ 234 червонныхъ, кромѣ вашихъ мѣлкихъ расходовъ, сіи червонцы составляютъ на рубли, считая каждый червонецъ по 2 рубли 82½ копѣекъ, 661 рубль 5½ копѣекъ; но какъ вы уже отъ меня и отъ Федора Максимовича получили 642 рубли 37½ копѣекъ, то немного мнѣ и добавлять вамъ слѣдовало бы. Но не можно знать, сколько составятъ мѣлкія ваши расходы, и для того, не можете ли вы по своимъ расходамъ сдѣлать такой економіи, чтобъ стало данныхъ вамъ денегъ на годъ, а особливо, убавивъ слугамъ вашимъ харчевой расходъ и другія по вашему усмотренію. Не съ тѣмъ же я, дѣти мои, пишу къ вамъ, чтобъ я вамъ нехотѣлъ прибавить денегъ, напротивъ того— по необходимымъ надобностямъ прибавлять вамъ всегда неотkажусь; но вы должны разсуждать то, что у васъ еще есть двѣ сестры и два брата, которыхъ также воспитать и выучить должно. Сестры ваши немало намъ стоятъ, а и меншихъ вашихъ братьевъ, по совѣту съ матерью вашею, хочу везть съ собою въ С.-Петербургъ и отдать въ пенсіонъ. Еще жъ, можетъ быть, вамъ небезъизвѣстно, что нѣсколько тысячей и долгу на насъ есть. Со всѣмъ тѣмъ, повторяю вамъ, неоткажусь платить за ваши необходимости. Вы только старайтесь, чтобъ расколь-

[1]) *Альваромъ* сокращенно называлась латинская грамматика іезуита Альвара.

ники Аксоновъ и Губаревъ, или повѣренные ихъ, согласились давать вамъ денги тамъ, а здѣсь отъ меня получать, о чемъ и я здѣсь стараться буду. Будьте надежны въ моей помощи, пока я живъ; вы только учитесь прилѣжно, ведите себя честно и заслуживайте доброе имя. Непишете вы ко мнѣ, были ли вы у князя Моссальскаго, и какъ онъ васъ принялъ, тако жъ познакомились ли вы съ кѣмъ нибудь изъ тамошнихъ знатныхъ людей. Тебѣ, наконецъ, Васенька, особливо приказываю, справляйся пожалуй у всѣхъ у кого можешь, нѣтъ ли гдѣ въ Литвѣ нашей фамиліи или въ гербовникахъ, естьли есть какія особливыя на Литву, только справляйся твердо и достовѣрно. Сіе мнѣ нужно для важныхъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ и для будущей вашей пользы. Также неможете ли вы тамъ для дому нашего сыскать, хорошихъ и недорогихъ, кучера и садовника, тоесть цѣною отъ 20 до 30 рублей въ годъ, и естьли сыщите, то напишите ко мнѣ и какъ бы ихъ оттуду сюда доставить. Впрочемъ вмѣстѣ съ матерью вашею, благословляя и цѣлуя духомъ всѣхъ васъ, есмь вашъ вседоброжелательный отецъ Г. Полетика.

P. S. Что невмѣстилось въ писмѣ, то здѣсь прибавляю. 1) Въ контрактѣ вашемъ, заключенномъ о квартерѣ, увидѣлъ я, что вы оный заключили на годъ, и для того я незнаю, можете ли вы ту квартиру до году оставить, развѣ о томъ постараютъся благодѣтели ваши. Не лучше ли было и сію нанимать помѣсячно или потретно, пока сыщется лучшая и выгоднѣйшая. Я-жъ слышу, что она и далеко отъ школъ; естьлижъ ее нельзя перемѣнить будетъ противъ того, какъ я писалъ въ писмѣ, то по прошествіи 16 недѣль, по крайнѣй мѣрѣ, перемѣните хотя одно о людяхъ съ трактирщикомъ положеніе. 2) Отъ Федора Максимовича услышалъ я, что Богатыренокъ вашъ имѣетъ худую болѣзнь, отъ которой и вы заразится можете, и для того повелѣваю вамъ отдать его непремѣнно въ тотъ домъ, гдѣ отъ оной, какъ мнѣ управитель сказывалъ, лѣчатъ. Пускай вылѣчатъ тамъ его и тѣло и душу, а впрочемъ вы сами причиною быть можете своей пагубѣ. 3) Хотя я въ данномъ тебѣ, Василій, реестрѣ и записалъ Твардовскаго войну домовую, но я уже

оную получилъ отъ преосвященнаго могилевскаго [1]), и для того ты ее не покупай, а вмѣсто того не сыщется ли. Vespas Kochovii, Annales Poloniae Climacteres Tom. III. Cracoviae 1683 и другія какія попадутъся служащія къ россійской, а особливо къ малороссійской исторіи, о которыхъ ты знаешь, что у меня ихъ нѣтъ; а все что на покупку книгъ для меня издержишь, пиши ко мнѣ, чтобъ я тѣ денги, по прошествіи года, могъ вамъ возвращать. 4) Въ какихъ благородныхъ екзерциціяхъ вы упражняетесь ко мнѣ пишите, и что за которую платите. 5) Писма мои, чтобъ вы или всѣ вмѣстѣ или еще лучше каждый порознь, читали, и что который противъ онаго каждый для себя нужнымъ быть усмотритъ, ко мнѣ пускай самъ отъ себя пишетъ, ибо я слышу, что Иванъ и Павелъ и въ Витебскѣ почти не читали моихъ писемъ и твоихъ, Василій, отвѣтныхъ, а только на готовыхъ подписывались, и сіе, какъ я понимаю, происходило или отъ ихъ лѣности, что нехотѣли читать моихъ писемъ, или ты имъ читать ихъ недавалъ, а для чего причины тому незнаю; а я напротивъ того хочу и требую отъ васъ того, чтобъ вы всѣ обще и каждый порознь знали мои всѣ мысли и намѣренія, и естьли я что не такъ думаю или чего вамъ недостаетъ, ко мнѣ писали и представляли согласно. 6) Напишите ко мнѣ, небудетъ ли посредствомъ Григорія Ивановича такихъ объ васъ рекомендацій отъ князя Чарторыжскаго, такожъ видѣлись ли вы съ Ленкевичемъ или нѣтъ, у котораго вы также можете спрашивать и совѣтоваться о лучшихъ способахъ вашего тамошняго прожитія и ученія, а между тѣмъ, можетъ быть, онъ васъ познакомитъ и съ своимъ паномъ. 7) Еще жъ не попадется ли вамъ—Alb. W. Koiałowicz, Historiae Lituanae, pars prior, Dantisci 1650. Posterior. Antverpinae, 1669, то купите.

40) Къ Якову Александровичу Гамальи [2]), изъ Юдинова, 1783 г., 14 іюля.

Милостивый государь мой Яковъ Александровичъ. Благопріятнѣйшее письмо ваше отъ 5 мая ко мнѣ писанное, полу-

[1]) Георгія Конисскаго.

[2]) Як. Ал. Гамалѣя, (.) Мих. Гамалѣя—былъ внукъ генер. есаула 1708 г. бывшаго въ свою очередь роднымъ дядею Ивану Андреевичу Г—лѣи,—отцу жены Полетики. Въ 1783 г. Як. Ал. Г—лѣя служилъ пирятинскимъ городничимъ.

чилъ я съ чувствительнѣйшимъ удовольствіемъ, какъ потому, что въ ономъ изволите изъявлять свою признательность къ труду моему въ сочиненіи происхожденія рода вашего, которымъ я долженствовалъ исполнить долгъ моего къ свойству усердія и привязанности, такъ и потому, что въ ономъ нахожу чѣмъ поправить недостатки моего сочиненія. Но скажу вамъ, м. г. мой, то что я въ ономъ прибавить намѣренъ, чтобъ и вы, если вамъ угодно будетъ, согласно свое родословіе расположили. Якова Высоцкаго, брата прапрадѣда вашего, въ родословіи вмѣстѣ съ Михайломъ упомянуть должно; напротивъ того, разсуждаю я, что происшествія и разговоровъ, случившихся при царскомъ дворѣ съ Григоріемъ Гамалѣею, упоминать не для чего; намъ только нужно доказать, почему Высоцкіе Гамалѣями наименовались, что мы и доказали, а постороннихъ прибаутокъ, кажется мнѣ, въ родословіе вмѣщать не нужно, первое, потому, чтобъ не подумалъ кто—что Гамалѣи свою фамилію отъ гамана производятъ, второе, чтобъ не сказалъ кто, что они уже стали называться Гамалѣями тогда, когда Малая Россія подъ Россійскою державою стала, а они уже, какъ въ родословіи нашемъ доказывается, были и до того Гамалѣи; третее, что, какъ по малороссійской исторіи мнѣ извѣстно, Григорій Гамалѣя отъ Хмельницкаго и другихъ гетьмановъ къ царямъ никогда посыльникомъ не былъ, а бывшіе всѣ въ посланничествѣ мнѣ также извѣстны; а былъ только онъ въ Москвѣ съ гетьманомъ Брюховецкимъ, для подписанія договорныхъ пунктовъ; тогда онъ и дворяниномъ пожалованъ, и тогда то, можетъ быть, и случился царскій съ нимъ о гаманѣ разговоръ. Я также прибаутку сію слышалъ прежде сего, но не нужною почиталъ и почитаю ее для родословія [1]). Что касается до вмѣщенія васъ, милостиваго государя, братьевъ и другихъ родственниковъ въ родословную холопецкихъ Гамалѣй [2]), то они всѣ охотно на то соглашаются; только мнѣ кажется, если писать живыхъ, то должно писать и мертвыхъ, а особливо у которыхъ дѣти остались, напр. роднаго

[1]) Въ „родословіе“ Гамалѣевъ однакожъ было внесено семейное преданіе о происхожденіи слова *Гамалья.* См. Русск. арх. 1875 г., I, 440.

[2]) См. выше, письмо № 14.

вашего брата, а моего друга Семена Александровича, умершаго въ С.-Петербургѣ, Ивана Ивановича и брата его, котораго имени не знаю. Можетъ же быть еще и другіе таковые есть, о которыхъ весьма бъ не худо, естьли-бъ вы пожаловали сообщить мнѣ описаніе. Касательно грамотъ служащихъ фамиліи вашей для доказательства, что я подлинныхъ у себя кромѣ на одинъ Юдиновъ, никакихъ не имѣю, съ которой вамъ и посылаю копію не справочную для того что она не всему вашему роду служитъ, но одному изъ побочныхъ вашихъ родственниковъ; прямо же служащая всѣмъ вамъ грамота есть та, которая дана прадѣду вашему Андрею Михайловичу на Серединую Буду и прочія имѣнія; я копію оной также къ вамъ посылаю, а справочную съ подлинной изволите доставать отъ Михайла Гамалѣи, моего шурина, которой, по своему благоразумію, насилу далъ Холопецкимъ Гамалѣямъ списать оную и то безъ справки. Онъ, я слышу, хочетъ родъ свой выводить отъ Григорія, а не отъ Андрея Гамалѣи, для того чтобъ вывесть себя русскимъ дворяниномъ, а не польскимъ шляхтичемъ. Если такъ сдѣлаетъ, то осрамитъ онъ весь родъ вашъ, ибо гералдія, примѣтивъ таковую въ родословныхъ разницу, не пропуститъ безъ изслѣдованія и всѣ ваши сказки почтетъ неосновательными и вѣроятія не достойными. Сколько его одинъ изъ холопецкихъ Гамалѣй не уговоривалъ, чтобъ онъ отъ сихъ нелѣпыхъ мнѣній отсталъ и родословную бы свою подалъ согласно съ ними и въ малороссійскомъ, тоесть новгородскомъ, намѣстничествѣ, однако онъ свою чуху поретъ и хочетъ де записываться въ курскомъ намѣстничествѣ, думая, какъ мнѣ кажется, закрыть свои ложныя повѣсти симъ способомъ, а того не знаетъ, что все напослѣдокъ придетъ въ свое мѣсто, тоесть въ герольдію, и тамъ разберутъ всю правду и ложь. Правда, что поношеніе послѣ откроется неправды, останется на немъ одномъ [1]); однако я и сего бы не желалъ не для его, но для всѣхъ васъ и вашего рода, изъ

---

[1]) Здѣсь мы видимъ несомнѣнное доказательство того, что „родословія“ нерѣдко *сочинялись*, безъ всякой помощи документовъ, при чемъ хотя герольдія и „разбирала“ эти *сочиненія*, но во многихъ случаяхъ,—очень снисходительно..

усердія моего къ которому совѣтовалъ бы я вамъ, мил—у государю моему, когда будете писать къ нему, прося съ грамоты справочной копіи, хотя посторонним образомъ написать къ нему, что вы освѣдомились, что нѣкоторые ваши однофамильцы вздумали было выводить свой родъ не такъ какъ въ самомъ дѣлѣ есть, тоесть отъ бездѣтнаго Григорія, а не отъ Андрея, почему вы за долгъ почли остеречь ихъ и вывесть изъ невѣжества, чтобъ они всему роду нашему не нанесли посрамленія, когда въ герольдіи изслѣдованы будутъ сказки и явятся несходны у однихъ съ другими Гамалѣй; если жъ и сего вашего внушенія не послушаетъ, то да будетъ при немъ слово: неразумѣвой да не разумѣетъ. Еще съ грамоты жъ, если вы отъ него не получите справочной копіи, то смѣло адрессуйтесь въ малороссійскую коллегію: она вамъ прикажетъ дать оную изъ книгъ генеральнаго слѣдствія нѣжинскаго или стародубскаго полковъ, имѣющихся въ архивѣ. Я тоже совѣтовалъ учинить и братьямъ Холопецкимъ, но о семъ всемъ могли бы, м. г. мой, лучше и обстоятельнѣе поговорить и согласиться, если бы могли вы побывать въ Ромнѣ, въ Ильинскую ярмарку, гдѣ и я буду, хотя не на долгое время, тоесть считая отъ 20 іюля, дня три или четыре, и если будете, то пожалуйте меня черезъ сего жъ увѣдомьте. Къ дѣтямъ вашимъ, если вы намѣренны переводить деньги, то извольте ихъ ко мнѣ прислать, я ихъ могу вѣрно имъ доставить.

Препоручая впрочемъ себя непремѣнной вашей любви и благосклонности, есмь съ нелицемѣрнимъ усердіемъ и почтеніемъ вашъ, мил. государя моего, покорнѣйшій слуга Григорій Полетика [1]). (*Съ копіи, полученной отъ Н. Н. Гамалѣи, изъ Лисогора*).

41) Къ женѣ, изъ Петербурга, 1784 г., 2 мая.

Матушка, душа моя, Елена Ивановна! Три писма я уже къ вамъ отпустилъ: одно изъ Москвы чрезъ почту, а два отсюду,

---

[1]) См. ниже отвѣтъ Я. А. Гамалѣи, — въ письмахъ, писанныхъ къ Гр. А. Полетикѣ, 24 іюля 1783 г.

чрезъ своихъ и Афанасія Кириловича [1]) людей; однако отъ васъ до сихъ поръ никакого отвѣта на оныя не имѣю, что мнѣ весьма жалко, скучно и досадно, ибо естьли такъ мы съ собою переписыватся будемъ, то мнѣ здѣсь, при моихъ болѣзняхъ и печаляхъ, рѣдко когда или и никогда не доведется знать въ какомъ состояніи вы, дѣти и домъ нашъ. Я однако, хотя и не имѣю отъ васъ никакихъ увѣдомленій, не пропущаю увѣдомить васъ, что я, по пріѣздѣ моемъ сюда, употребляя по совѣту нѣкоторыхъ здѣшнихъ врачей легкія лекарства, довелъ простуженную мою щеку до того, что на оной на вербной недѣлѣ началъ проявляться вередъ, который гораздо великъ выросъ, и они, опасаясь, чтобъ собравшаяся во ономъ матерія не пошла въ тайныя проходы, по за щекою, и не сдѣлала костоѣдицы, тотъ вередъ мнѣ на страстной недѣли, въ четвертокъ, прорѣзали, и съ того времени не перестаетъ по сей день ити кровь и гной, хотя то уже теперь гораздо чище нежели прежде матерія идетъ. По сей причинѣ я еще нигдѣ ни былъ, ни вонъ ногою изъ квартиры не бывалъ. Между тѣмъ приуготовляютъ меня разными лекарствами ко истребленію полипуса, приписуя ему, причину всѣхъ моихъ болѣзней, и говоря, что и щека моя не заживетъ, пока онъ вытянутъ не будетъ. Какъ скоро сіе будетъ-не знаю, да и сами они не назначаютъ мнѣ точнаго времени. Вотъ я къ вамъ хотя больной да пишу, а о васъ не знаю, что и думать. Есть-ли бы вы были больны, то велѣли-бы хотя другому кому вашимъ именемъ написать, естьлижъ вы не пишете для того, что Мишка, можетъ быть, гдѣ нибудь въ посылкѣ, то развѣ безъ его не могъ бы, какъ бы то ни было, отецъ Алексѣй написать [2]), естьли вы и писали да письма ваши послали не тою дорогою, то есть можетъ быть чрезъ Аѳанасія Кириловича, а онъ чрезъ графскій домъ [3]), что и долго продолжится, когда не случится ѣздокъ, то и тутъ вы ошиблись, ибо я васъ просилъ, чтобъ вы чрезъ Афанасія Кириловича прислали ко мнѣ статутъ,

[1]) Лобысевича.

[2]) Отсюда видно, что жена Гр. А. G—ки была неграмотна или по крайней мѣрѣ писать не умѣла.

[3]) Разумовскихъ.

а писма вамъ всегда лучше отправлять чрезъ почту, подписывая на имя Николая Павловича Кондоиди. Но какъ бы то ни было, впередъ прошу и ожидаю отъ васъ частѣйшихъ писемъ и увѣдомленій, а теперь прошу васъ учинить слѣдующее. Перво, къ Андрею Степановичу Милорадовичу, естьли есть у васъ въ готовности деньги, то заразъ по полученіи сего писма, естьли жъ нѣтъ, то постаратся въ скорости собравъ, отослать двѣсти семьдесетъ два рубли одну копѣйку; ибо толикое число денегъ его осталось у меня отъ его покупокъ, а я отправивши слишкомъ на семьсотъ рублей покупокъ домой и переведши 1200 руб. къ брату Григорію Ивановичу [1]), самъ съ небольшими отъ дорожнихъ расходовъ оставшимися деньгами, остался, почему и принужденъ былъ сіи его денги оставить у себя а къ нему отписалъ, что вы ему пришлете, что вы пожалуйте и сдѣлайте, написавъ отъ себя къ нему писмо и приказавъ посланному взять въ полученіи росписку. У брата Григорія Ивановича будетъ, уповаю, отъ извѣстнаго вамъ дѣла хорошій остатокъ денегъ, и для того заразъ для Аннушки закажу сребро дѣлать. Второе, посовѣтуйтесь, пожалуйте, съ управителемъ, какъ бы лучше нашу горѣлку съ рукъ сбыть, и естли никто ее у васъ обтомъ не купилъ и не покупаетъ, то не лучше ли опять отправить въ Городище на байдакѣ, хотя къ ярмонкѣ Успенской, а для сего бы надобно завременно въ Брянскѣ или въ Камскѣ купить байдакъ, а потомъ изладивши его, заразъ послѣ Петрова дни отпустить, чтобъ къ Успенію поспѣлъ. На ономъ-же байдакѣ отправьте изъ Юдиновскихъ мужиковъ того-жъ Сверыденка или Полтарацкаго, а изъ Коровинецъ Лазаренка, съ хорошимъ наставленіемъ отъ управителя, ибо Левицкаго уже теперь посылать нельзя потому, что онъ долженъ перемѣнить Подъельскаго. Естьли-жъ есть надежда дома горѣлку продать или уже и продана, то лучше въ сіи хлопоты и не заходить. Третіе, винокуренную посуду, а особливо чопы велите, матушка, завременно перечинить, чтобъ иногда за ними не сдѣлалась остановка въ будущемъ винокуреніи. Четвертое, еще жъ прошу васъ, также

---

[1]) Повидимому, для покупки дворянства. См. ниже письма Гр. Ив. О—ки.

по совѣту съ управителемъ, приказать изъ Николаевскихъ и изъ Коровинскихъ мужичьихъ дѣтей, сиротъ и великосемейныхъ, набрать и отдать въ ученіе нашимъ мастеровымъ, ибо мнѣ хочется, чтобъ въ каждомъ селѣ были тѣже мастеровые, что и въ Юдиновѣ, почему и слѣдуетъ изъ каждаго села взять столько хлопцевъ, сколько мастеровъ. О мѣдникѣ пожалуйте увѣдомьте меня, гдѣ онъ. Виленскіе наши дѣти два раза уже ко мнѣ сюда писали, и въ послѣднемъ писмѣ объявляютъ, что Васенка злою горячкою былъ боленъ. Впрочемъ, желая вамъ и дѣтямъ добраго здоровья, и чаще о семъ получать писма, есмь вашъ вѣрный другъ и мужъ Григорій Полетика.

(Продолженіе слѣдуетъ).

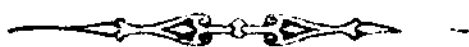
В. М. ЮЗЕФОВИЧЪ.

(НЕКРОЛОГЪ).

25 апрѣля текущаго года скончался въ Веве, въ Швейцаріи, членъ главнаго управленія по дѣламъ печати тайн. сов. Владиміръ Михайловичъ Юзефовичъ. Сынъ бывшаго помощника попечителя Кіев. учеб. округа и предсѣдателя Кіев. Археогр. Коммиссіи, В. М. родился 2 апрѣля 1841 г. Высшее образованіе покойный получилъ на историко-филологическомъ фокультетѣ университета Св. Владиміра, гдѣ и окончилъ курсъ со степенью кандидата въ 1861 г. Служебную дѣятельность В. М. началъ въ должности чиновника при Кіевскомъ генералъ-губернаторѣ. Въ ту пору въ Юго-Западномъ Краѣ шла оживленная работа по введенію положенія о крестьянахъ, и служба по крестьянскимъ учрежденіямъ привлекала лучшія молодыя силы. Въ теченіе четырехъ лѣтъ (1864—68) В. М. занималъ должность мироваго посредника въ Волынской губ. Затѣмъ нѣсколько лѣтъ были проведены имъ на службѣ по Министерству Государственныхъ имуществъ. Война 1877—78 г.г. дала дѣятельности Вл. М—ча новое направленіе: въ качествѣ уполномоченнаго Краснаго Креста, онъ не мало потрудился надъ облегченіемъ участи больныхъ и раненыхъ воиновъ. Опытность, пріобрѣтенная имъ въ 1877—78 г.г., нашла себѣ примѣненіе и въ слѣдующемъ 1879 г., когда онъ былъ посланъ Управленіемъ Краснаго Креста въ Ветлянку для борьбы съ чумной эпидеміей. Во время пребыванія въ Ветлянкѣ, В. М. познакомился и близко сошелся съ графомъ М. Т. Лорисъ-Меликовымъ, и когда пос-

лѣдній былъ назначенъ Харьковскимъ генералъ-губернаторомъ, то пригласилъ Вл. М—ча занять должность старшаго чиновника особыхъ порученій. Въ той же должности состоялъ В. М. при гр. Лорисъ-Меликовѣ и по назначеніи его начальникомъ Верховной распорядительной коммиссіи. Въ бытность гр. Лорисъ-Меликова министромъ внутреннихъ дѣлъ В. М. былъ вице-директоромъ департамента Государственной полиціи (1880—81 г.) Въ 1881 г. В. М. былъ назначенъ членомъ совѣта Главнаго управленія по дѣламъ печати. Занимая эту должность, покойный въ 1885, во время сербско-турецкой войны, былъ командированъ отъ Краснаго Креста въ Болгарію, а въ 1891 г. былъ посланъ отъ Особаго Комитета Наслѣдника Цесаревича въ пострадавшую отъ неурожая Самарскую губернію для оказанія помощи бѣдствовавшему населенію [1]). Послѣдняя поѣздка и труды, сопряженные съ нею, оказали неблагопріятное вліяніе на разстроенное еще ранѣе здоровье Вл. М—ча, и онъ уже не могъ оправиться отъ тяжелой хронической болѣзни легкихъ, которая и свела его преждевременно въ могилу.

Вл. М. живо истересовался русской исторіей и исторіей русской литературы. Служебныя занятія мѣшали ему заняться серьезной обработкой собранныхъ имъ любопытныхъ мктеріаловъ, и только отъ времени до времени покойный печаталъ эти матеріалы въ нашихъ журналахъ, въ томъ числѣ и въ „Кіевской Старинѣ,“ въ судьбѣ которой онъ принималъ горячее участіе, особенно съ тѣхъ поръ, какъ она перешла въ руки его товарища по университету, теперь также уже покойнаго, А. С. Лашкевича.



---

[1]) Отчетъ В. М—ча объ этой послѣдней командировкѣ напечатанъ въ „Правительствующемъ Вѣстникѣ“.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Страничка изъ моихъ воспоминаній. Печатаемыя на страницахъ «Кіев. Стар.» записки покойнаго Автонома Акимовича Солтановскаго (см. Кіевская Старина, 1892 г. апрѣль и далѣе), внушая уваженіе къ памяти его, побуждаютъ меня подѣлиться съ читателями тѣмъ маленькимъ запасомъ моихъ воспоминаній, которыя связываются съ временемъ, описаннымъ авторомъ въ началѣ своихъ мемуаровъ, т. е. съ годами моей университетской жизни.

Поступилъ я въ 1848 году изъ полтавской гимназіи въ кіевскій университетъ, въ качествѣ новобранца подъ именемъ «фукса», такъ какъ старшіе студенты именовались «буршами» и были чѣмъ-то въ родѣ товарищескаго начальства, которому не всегда было удобно отказывать въ послушаніи, напримѣръ, при товарищескихъ кутежахъ. Однажды мнѣ, юному фуксу, пришлось испытывать во время одной пирушки, подъ праздникъ Пасхи немалую бѣду. Въ университетѣ тогда шумѣли буйные ратоборцы, забіяки, подвиги которыхъ далеко разносились въ сказаніяхъ по хуторамъ и весямъ, за предѣлами нашего русскаго Царь-Града, Кіева, и забавно живописались въ бесѣдахъ хуторныхъ «панянокъ» и вообще «паньського» общества. Къ представителямъ бурныхъ подвиговъ принадлежалъ выходецъ Дерптскаго университета, нѣкто Шлегель, составившій свою дружину изъ этой удалой братіи и стоявшій во главѣ ея. Не менѣе громкая слава въ бурщескихъ подвигахъ разносилась и объ Ильяшевичѣ, (кажется—не ошибаюсь), нашемъ самородкѣ переяславскаго уѣзда. Была и піитическая братія, которая воспѣвала въ стихахъ какіе либо особенные подвиги по части Амура и Олимпа; выдающимся представителемъ изъ этого отдѣла былъ черниговскій уроженецъ, Рудольфъ, написавшій изъ похожденій амурныхъ цѣлую поэму, подъ названіемъ «Павлиніада», она разносилась не только по стогнамъ

кіевскихъ горъ, какъ нѣкій перлъ поэзіи, но выходила далеко за предѣлы Кіева, будучи написана бойко и легкимъ стихомъ. Создатель сей поэмы врачъ, весьма любимый всѣми; память о немъ, самая задушевная сохранилась по остерскому уѣзду. Однимъ изъ самыхъ теплыхъ, задушевныхъ средствъ его, при врачеваніи больного, было становиться на колѣни предъ иконами и молиться вмѣстѣ съ матушками объ исцѣленіи чадъ, а потомъ уже, конечно, примѣнялось и аптечное лѣкарство. Третій кружокъ имѣлъ въ себѣ замѣчательно выдающагося представителя, напоминавшаго собою что-то въ родѣ нашего знаменитаго Сковороды. Кончивъ духовную семинарію, онъ былъ чуть-ли не на трехъ факультетахъ. Фамилія его Стовбчевскій. Это былъ коренастый, крѣпкаго сложенія человѣкъ, всегда окруженный товарищескимъ кружкомъ. Его страстью было все объяснять законами естественными. И теперь помню, какъ по поводу одного молебствія о дождѣ дѣйствительно выпавшемъ сей-часъ же, онъ приводилъ цѣлый рядъ объясненій въ родѣ слѣдующихъ: когда толпа народа собралась, то послѣдовали отъ нея разныя влажныя испаренія, которыя, поднявшись вверхъ, сгустили верхнія испаренія, почему и учинили осадокъ, подъ названіемъ дождя. Конечно, дружество, окружавшее Михаила (кажется, Михеича) Стовбчевскаго, разражалось смѣхомъ и оставалось довольнымъ его умствованіями. Четвертый кружокъ, къ которому и я принадлежалъ, имѣлъ во главѣ Автонома Акимовича Солтановскаго; высокая любовь этого кружка къ своей отчизнѣ, Руси-Украинѣ, состояла въ изученіи родной страны, посредствомъ собиранія памятниковъ народнаго творчества, чтобы чрезъ собираніе и изученіе этихъ памятниковъ изучить душу и міровоззрѣніе народа и не быть иноязычникомъ своей земли, при занятіи служебныхъ должностей, помня хорошо посланіе апостола Павла (къ Коринѳ. гл. XIV, ст. 9). *«Аще не благоразумно слово дадите языкамъ, како уразумѣется глаголемое?»*... Собранное каникулами, начиная отъ пѣсенъ, разсказовъ историческихъ, изреченій народной практической философіи, установляющихъ каждый шагъ народной дѣятельности, бытовыхъ особенностей страны, и кончая тѣмъ, что ѣстъ, что пьетъ, чѣмъ живетъ, чѣмъ дышетъ своя страна,—все это доставлялось Солтановскому, какъ старшему, а онъ все это приберегалъ. При моемъ поступленіи онъ уже оканчивалъ университетъ, а потому скоро и выбылъ учителемъ въ г. Ровно и увезъ съ собою больше тысячи однихъ пѣсенъ. Потерявъ его изъ виду, по выбытіи изъ университета, я по сіе время не вѣдалъ о дальнѣйшей судьбѣ своего

товарища, ратая и подвижника любви къ родной странѣ, и всегда вспоминалъ: да гдѣ-же тотъ народный скарбъ, надъ которымъ мы такъ задушевно—тепло трудились?! [1]).

О дальнѣйшей судьбѣ трехъ сказанныхъ кружковъ я не буду говорить,—они были не долговѣчны, особенно съ назначеніемъ Дмитрія Гавриловича Бибикова попечителемъ округа. Строгая дисциплина имѣла вліяніе на сокращеніе разгула Рудольфа и философіи натуральной Стовбчевскаго; но кружокъ изученія духовной и умственной стороны родной строны былъ долговѣчнѣе,—за нимъ стояли и высшіе представители учебнаго вѣдомства; о немъ я и распространюсь болѣе. Будучи дѣятелемъ этого кружка, я былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и именитый пѣвецъ народныхъ напѣвовъ, получившій уже извѣстность не только въ своей средѣ, но и въ подольской части города Кіева между студентами и профессорами духовной академіи, такъ что съ Подола приходили иногда на развѣдки въ общія студенческія квартиры (бывшій именитый штрафгаузъ), что, молъ, тамъ за новый кіевскій баянъ проявился? Имѣя голосъ, какъ фамильное родовое наслѣдіе, я получилъ широкую извѣстность не только за высоту и силу голоса, но и за умѣніе выражать содержаніе пѣсни. Слава моя, какъ пѣвца, была очень извѣстна, что располагало въ мою пользу и поляковъ, которые, въ лицѣ Оскерковъ и другихъ богатыхъ представителей Западной Руси, выражали свою любезнесть и пріятельство ко мнѣ. Изъ представителей учебнаго міра, благоволившихъ изученію родной страны, укажу профессора Амвросія Лукьяновича Метлинскаго, глубоко любившаго родину, дышавшаго ею, какъ цѣлебнымъ нектаромъ души и сердца, я, какъ маленькій кіевскій баянъ, понятно, сдѣлался извѣстнымъ профессору Метлинскому, сталъ бывать у него, и онъ поощрялъ меня въ собираніи памятниковъ народныхъ. Плоды моихъ собраній, какъ тогда, такъ и послѣ, выразились въ цѣнномъ народномъ скарбѣ, который я передалъ въ кіевское отдѣленіе императорскаго русск. географическаго общества, а именно; пѣсенъ, по всѣмъ отдѣламъ народной жизни 1173, сказокъ 81 загадокъ 158 и пр.

Кромѣ врачебныхъ занятій на курсахъ, я продолжалъ посѣщать профессора Метлинскаго; и вотъ однажды получилъ приглашеніе отъ него прійти къ помощнику попечителя Мих. Влад. Юзефовичу, по

---

[1]) Часть этого собранія пѣсенъ мы видали у одного изъ сыновей покойнаго, при чемъ слышали, что, кромѣ видѣнной нами тетради, имѣется еще нѣсколько, содержащихъ въ себѣ болѣе 1,000 номеровъ пѣсенъ разнообразнаго характера.—Ред.

случаю пріѣзда въ Кіевъ Ив. Сер. Аксакова, который изучалъ тогда украинскія ярмарки и естественно желалъ ознакомиться съ ними и въ главномъ центрѣ Руси-Украины, въ Кіевѣ. Тутъ, у М. В. Юзефовича, въ присутствіи И. С. Аксакова, исполнялъ я разныя малорусскія пѣсни, чтобы ознакомить именитаго гостя съ напѣвами ихъ. Мое пѣніе и въ этотъ разъ произвело впечатлѣніе на присутствующихъ, среди которыхъ находился и извѣстный богатый мѣстный землевладѣлецъ, Н. А. Ригельманъ, такъ что А. Метлинскій вмѣстѣ съ послѣднимъ возымѣли желаніе издать съ нотами наши напѣвы, для чего пригласили чеха Голи чтобы онъ записалъ на ноты мои напѣвы, которые и переданы имъ на бумагу, кажется, всѣхъ около 200. Жгучее свойство, красота внѣшняя и внутренняя, содержательность нашихъ напѣвовъ настолько сильны, что и флегматичную натуру Ригельмана вдохновляли и приводили въ восхищеніе. Помню, пѣлъ я пѣсню:

Ой хмелю мій, хмелю,
Де ты зиму зимовавъ;

въ дальнѣйшихъ строкахъ, когда я пѣлъ:

Що у вдовы сердце,
Якъ зимнее сонце,
Ой хоть воно яснесенько гріе
Такъ холодный витеръ віе;
А въ дивчины сердце
Якъ литнее сонце
Ой хоть воно хмарнесенько гріе
Дакъ тепленькій витеръ віе!—

Ригельманъ вскочилъ съ кресла и произнесъ:—Экая прелесть и красота, сколько душевной правды въ этихъ цвѣткахъ.!

Затѣмъ я выбылъ изъ университета, отправившись военнымъ врачемъ въ Таганрогъ, чѣмъ и закончились мои связи съ кормилицей духовной, гдѣ жилось не безъ приключеній въ нашихъ студенческихъ обителяхъ, хотя тогдашніе педеля, ближайшіе наблюдатели студентовъ, благоволили ко мнѣ за мое пѣніе и въ спискахъ своихъ не всегда отмѣчали какіе то таинственные значки.... конечно—о неблагонадежности...

Однажды Д. Г. Бибиковъ настигъ меня по Васильковской улицѣ, только что пріѣхавшаго съ каникулъ, и не успѣвшаго снять съ головы роскошныхъ черныхъ кудрей, выхоленныхъ беззаботной жизнью въ деревнѣ въ теченіе лѣта. Осмотрѣвъ меня и увидѣвъ, что всѣ пуговицы на застежкѣ, что билитъ при мнѣ (правила для студентовъ)

который и взялъ съ собою и, что только волосы не въ порядкѣ, онъ посмотрѣлъ на меня внушительнымъ взглядомъ и улетѣлъ въ ботаническій садъ, гдѣ, настигши субъинспектора, отдалъ ему билетъ мой, и сказалъ: «Носъ пошелъ отъ меня съ носомъ! Скажи ему, чтобы онъ свои волнистыя кудри остригъ!» Тѣмъ дѣло и кончилось; но до разрѣшенія сего казуса, зная что Димитрій Гавриловичъ не любитъ шутить, я отправился въ общія студенческія квартиры и для утоленія скорби далъ такую струю голоса въ пѣсни:

Ой котылося да яснее сонце
Да по надъ могилками,
Ой да вже жъ мини не чумакувати
По мижъ сими чумаками,—

что самому инспектору, Тальбергу, жившему въ нижнемъ этажѣ пришлось послать ко мнѣ приказаніе замолчать, не то, сказалъ онъ — въ карцерѣ будетъ повольготнѣе!.—Тальбергъ вообще былъ спокойный старикъ, съ большимъ терпѣніемъ, но танцевъ надъ головой въ формѣ «голубця» или «гайдука» не выносилъ, и налагалъ не одинъ разъ и на меня карцерное сидѣніе въ холодномъ чуланѣ...

Степанъ Носъ.

Духовное завѣщаніе гр. А. В. Браницкой. Графиня Александра Васильевна Браницкая урожденная Энгельгардтъ, племянница князя Потемкина-Таврическаго, была одною изъ богатѣйшихъ землевладѣлицъ въ Россіи. Ей принадлежали пожизненно всѣ недвижимыя имѣнія, оставшіяся отъ мужа ея гр. Франциска Ксаверія Браницкаго въ кіевской губерніи въ уѣздахъ васильковскомъ, таращанскомъ, звенигородскомъ, богуславскомъ и радомысльскомъ, а также въ губерніи волынской, и на правахъ полной собственности Высочайше пожалованныя ей имѣнія въ Бѣлоруссіи (въ гродненской губерніи) и благопріобрѣтенныя и доставшіяся по наслѣдству отъ брата и сестеръ имѣнія въ губерніяхъ кіевской и херсонской. Предлагаемый документъ, заимствованный изъ хранящагося въ кіевскомъ Центральномъ Архивѣ черноваго дѣла объ утвержденіи духовнаго завѣщанія гр. Браницкой, представляетъ интересъ во 1-хъ, какъ матеріалъ для исторіи мѣстнаго крупнаго землевладѣнія, во 2-хъ, какъ образецъ крупной благотворительности. Упомянутое въ пунктѣ 4 пожертвованіе на поддержаніе благосостоянія крестьянъ (1 милліонъ рублей ассигнаціями или около 300,000 р. серебромъ) въ 1875 г.

послужило источникомъ для основанія въ м. Бѣлой Церкви «сельскаго банка гр. Браницкой». Накопившіеся къ 1875 г. проценты (около 600,000 рублей) переданы этому банку при его учрежденіи въ видѣ основного капитала, а изъ наростающихъ вновь ежегодно процентовъ половина предназначена для учрежденія въ этихъ селеніяхъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ. Нѣкоторыя подробности объ операціяхъ этого банка можно найти въ «Энциклопедическомъ словарѣ» Брокгауза и Ефрона въ статьѣ «Браницкая» (гр. Александра Васильевна), помѣщенной въ 8 полутомѣ. Заимствуемъ изъ этой статьи слѣдующее указаніе: «уставъ этого важнаго и своеобразнаго банка въ «Собраніи узаконеній» 1875 г. № 688»[1]).

Копія духовнаго завѣщанія графини Александры Васильевны Браницкой. Подлинное завѣщаніе писано на простой бумагѣ Двора Его Императорскаго Величества Оберъ-Гофмейстериною, Кавалерственною Ордена св. Екатерины I класса Штатсъ-Дамою, графинею Александрою Васильевною Браницкою. 1838 г. августа 6.

1. Недвижимыя имѣнія, доставшіяся ей въ 1830 году по дѣлежному акту между родовыми наслѣдниками покойнаго брата ея—дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Василія Васильевича Энгельгардта—звенигородскаго уѣзда м. Ольшану, содержащую по ревизіи 1816 г. 1138 душъ и с. Гнилецъ по той же ревизіи 270 душъ; также доставшіеся ей по купчимъ крѣпостямъ: а) въ 1830 г. отъ покойной сестры ея дѣйствительной тайной совѣтницы Надежды Васильевны Шепелевой въ уѣздѣ звенигородскомъ села Вороновку 567 душъ, Вербовку 432 души и въ черкасскомъ—села Кумейку 252 души, Шепелиху 275 душъ, Березняки 158 душъ, Плеваки 124 души, Михайловку 176 душъ, деревни Станиславку 20 душъ, Гуту 15 душъ, Петрики 184 души; в) Въ 1831 отъ наслѣдницъ покойной сестры ея графини Екатерины Васильевны Литта, княгини Екатерины Павловны Багратіонъ и графини Юліи Павловны Самойловой—звенигородскаго уѣзда с. Тарасовку по ревизіи 1816 г. 811 душъ да въ Херсонской губ. д. Христофоровку, с. Пяски и слободу Константиновку 547 душъ и с) въ 1833 г. отъ дочери ея жены генерала отъ инфентеріи Ели-

---

[1]) Въ указанной статьѣ „Энц. Сл.“ упоминается пожертвованіе „200000 р. на выкупъ должниковъ изъ тюремъ“. Указаніе это не подтверждается печатаемымъ ниже завѣщаніемъ; но въ завѣщаніи есть другое пожертвованіе, оставшееся неизвѣстнымъ автору статьи—это 250000 р. с. на устройство близъ Бѣлой Церкви „Богоугоднаго заведенія“ (п. 5). День смерти гр. А. В. Браницкой указанъ въ статьѣ не совсѣмъ точно: 15-го, а не 16-го августа 1836 года.

саветы Ксаверіевны Воронцовой въ звенигородскомъ уѣздѣ въ м. Ольшанѣ 50 душъ, въ с. Вербовкѣ 5 душъ и въ с. Тарасовкѣ 43 души—всего вообще по ревизіи 1816 г. 5526 душъ муж. пола, съ записанными по послѣдней ревизіи и послѣ оной вновь родившимися, съ землями и угодьми по кончинѣ ея въ вѣчное и потомственное владѣніе роднымъ внукамъ ея графамъ Владиславу и Константину Владиславовичамъ Браницкимъ, которые отъ нѣжныхъ лѣтъ юности своей находились при ней и въ домѣ ея получили начальное воспитаніе; но какъ сіи внуки ея находятся еще въ молодыхъ лѣтахъ, а по правиламъ святой вѣры, по внушеніямъ совѣсти и по законамъ гражданскимъ собственное благо обязываетъ дѣтей находиться во всегдашнемъ повиневеніи и зависимости отъ пекущихся о нихъ родителей, то желая утвердить сіи спасительныя чувствованія, постановляетъ, чтобы упомянутыми имѣніями даруемыми отъ нея означеннымъ внукамъ ея гр. Владиславу и Константину Владиславовичамъ Браницкимъ, по смерть свою владѣлъ и распоряжался сынъ ея и ихъ отецъ гр. Владиславъ Ксаверіевичъ Браницкій; по смерти же своей предоставилъ-бы оныя означеннымъ внукамъ въ полное какъ собственностію распоряженіе, каждому по равной части, не смѣшивая и не вводя ни въ какую уравнительность и разсчетъ съ прочими довлѣемыми имъ по закону наслѣдственными или благопріобрѣтенными имѣніями.

2. Поелику изъ означенныхъ въ предыдущемъ пунктѣ имѣній звенигородскаго уѣзда въ м. Ольшанѣ 1138 душъ и селѣ Гнильцѣ 270 душъ достались ей по дѣлежному акту послѣ покойнаго брата ея В. В. Энгельгардта, то она вмѣсто раздѣла оныхъ по равнымъ частямъ, т. е. по 352 души сыну ея Владиславу, внукѣ ея гр. Александрѣ Потоцкой и дочерямъ ея завѣщательницы гр. Софіи Потоцкой и Елисаветѣ Воронцовой, отдаетъ ихъ, какъ выше сказанно, внукамъ ея гр. Владиславу и Константину Браницкимъ, а сыну ея гр. Владиславу Ксаверіевичу Браницкому поручатъ взамѣнъ таковаго дѣлежа уплатить изъ капитала ея, находящагося въ одесскомъ коммерческомъ банкѣ внучкѣ ея гр. Алаксандрѣ Потоцкой, дочерямъ ея завѣщательницы гр. Софіи Потоцкой и Елисаветѣ Воронцовой по 140800 руб. асс. каждой, т. е. по 400 руб. за каждую душу.

3. Начатые уже или предположенные къ постройкѣ въ имѣніяхъ ея храмы Божіи, если Всевышній Господь не благословитъ ей окончить за жизнь свою, то проситъ сына ея гр. Владислава Ксаверіевича довершить согласно ея предположеніямъ, употребляя для сего

потребную сумму изъ капиталовъ ея, находящихся въ одесскомъ коммерческомъ банкѣ.

4. Имѣя всегдашнимъ правиломъ отечески пособлять ея крестьянамъ въ правильныхъ и не зависящихъ отъ нерадѣнія ихъ нуждахъ, она хочетъ, чтобы и ея наслѣдники никогда не лишали добрыхъ и рачительныхъ крестьянъ необходимаго и единственнаго для нихъ покровительства; на сей конецъ изъ капиталовъ ея, находящихся въ одесскомъ коммерческомъ банкѣ, предназначаетъ 1000000 руб. асс., оставляя оный неприкосновеннымъ, съ тѣмъ, чтобы получаемые съ него проценты по 40000 рублей всякій годъ были употребляемы собственно къ поддержкѣ благосостоянія крестьянъ, доставшихся ея сыну и внукамъ гр. Браницкимъ.

5. Движима будучи чувствованіями сердца ея, желающаго и при самомъ напоминаніи смертнаго часа быть полезныхъ страждущимъ болѣзнями и недугами, и тѣмъ почтить прахъ мужа ея, покойнаго генерала отъ инфантеріи Ксаверія Петровича, она поручаетъ сыну ея гр. Владиславу Ксаверіевичу устроить близъ м. Бѣлой Церкви на указанномъ ею мѣстѣ богоугодное заведеніе на 40 кроватей на правилахъ сестеръ милосердія подъ названіемъ Ксаверіевской больницы, собственно для сего оставляетъ ему 250000 р. с. и проситъ его съ подробнымъ изложеніемъ правилъ сего завѣщанія испросить узаконеннымъ порядкомъ разрѣшенія на учрежденіе онаго. За воспослѣдованіемъ таковаго разрѣшенія изъ предназначеннаго ею на сей предметъ капитала, по смерти ея получая ежегодно по 10000 р. с., употреблять оные на устройство упомянутаго заведенія, а когда оное будетъ совершенно устроено и всѣмъ по приличію снабжено, тогда слѣдуемые въ каждый годъ проценты по 10000 р. с. выдавать сестрамъ милосердія на содержаніе заведенія; оставляемый же ею капиталъ—250000 р. имѣть неприкосновеннымъ. Но если-бы заведеніе, сіе по какимъ либо непредвидѣннымъ обстоятельствамъ (чего Боже сохрани) рушилось, въ такомъ случаѣ какъ опредѣленный для онаго капиталъ 250000, такъ и самыя зданія должны обратиться въ пользу ея наслѣдниковъ гр. Браницкихъ.

6. Затѣмъ всѣ прочія недвижимыя и движимыя имѣнія ея, находящіяся въ разныхъ уѣздахъ и городахъ, равно какъ всѣ денежные капиталы, какіе только окажутся ей принадлежащими, въ наличныхъ деньгахъ, въ банковыхъ или ломбардныхъ билетахъ, въ акціяхъ или другихъ актахъ, равно какъ могущіе дойти ей по приговорамъ судебныхъ мѣстъ или по другимъ какимъ актамъ въ силу правъ статута

и другихъ государственныхъ узаконеній—оставляетъ оное въ вѣчное и потомственное владѣніе и въ полное распоряженіе сыну ея дѣйствительному тайному совѣтнику гр. Владиславу Ксаверьевичу Браницкому, ибо дочери ея, а его сестры, по мнѣнію ея и по собственному убѣжденію благородныхъ ихъ чувствованій, довлѣемо вознаграждены отъ нея, какъ при замужествѣ ихъ, такъ и послѣ.

7. Не забывая усердія, оказаннаго ей разными лицами при исполеніи возлагаемыхъ отъ нея разныхъ порученій, обязанностей и личныхъ службъ, въ награду за ихъ усердную службу ей и исполненіе ея приказаній, она предоставляетъ себѣ учинить каждому по усмотрѣнію ея вознагражденіе. Но ежели кому либо изъ нихъ при жизни своей сдѣлать по чувствамъ ея предположенной награды не успѣваетъ, то поручаетъ сыну ея гр. Владиславу Ксаверьевичу по кончинѣ ея выдать каждому то, что будетъ назначено ею въ особомъ регистрѣ.

Завѣщаніе сіе подписано собственною рукою Ея Сіятельства и свидѣтелей: духовнаго отца священника Антонія Павловскаго, высокопреосвященнаго Филарета, митрополита кіевскаго и галицкаго, генералъ-лейтенанта, сенатора и кавалера Дмитрія Гавриловича Бабикова, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Федора Лукича Переверзева, кіевскаго вице-губернатора каммергера князя Сергѣя Даниловича Кудашева.

А изъ свидѣтельства кіевской духовной консисторіи 1838 года октября 6 за № 4665 выданнаго значится, что графиня Александра Браницкая того года августа 16 умре.

Сообщилъ **В. Щербина.**

Имя автора „Героичнихъ стиховъ о славнихъ военнихъ дѣйствіяхъ войскъ запорожскихъ“. Настоящая замѣтка вызвана помѣщенной въ «Кіевской Старинѣ» (1891 г., № 1, т. 32, стр. 154—61) статьей Н. В. «Памятникъ украинской литературы конца XVIII вѣка».

«Кто былъ авторомъ этихъ Героичныхъ стиховъ, мы не могли (писалъ г. Н. В.) догадаться. Свое имя онъ скрылъ подъ такой загадкой:

„Кто сочинителя хочетъ имя знати,
Сто осмдесятъ одно изволь въ немъ счисляти:
Имя благодатно во священствѣ носитъ,
За благодѣтелей и всѣхъ Бога проситъ“.

Имя автора—Іоаннъ; взято съ еврейскаго и значитъ: «благодать Божія».

і = 10
о = 70
а = 1
н = 50
н = 50 («ъ» числовымъ знакомъ не служитъ)

=іоанн(ъ)=181.

Такимъ образомъ къ словамъ самого автора (?): «Писанни же года ҂аѱпд (1784), мѣсяца августа дня 21 въ ключу уманскомъ» должно прибавить— «Іоанномъ (—іеромонахомъ?)».

6 марта 1893 г.

Ю. Тиховскій.

Преданіе о „борцахъ“. Ще якъ моему батькови було годъ трыдцять (теперъ вже имъ годъ 85 буде) такъ розсказують—ходылы по слободахъ *борьци.* Отце—прыйиде у слободу, розсидла коня, пусте у хлибъ пастысь, а самъ выйде на площадь. Заразъ вынесуть ему люде стилъ, нанесуть закускы, поставлять горилкы, а винъ кладе рублнвъ 25, а то и 100 та й вызыва проты себе борця зъ тіи слободы. Отто, якъ его поборе—такъ пропада его застава—отти гроши, що винъ заставля, ще й за горилку заплате, а якъ винъ поборе—такъ слобожане ему платять таки жъ саме гроши—якъ и его застава. Якъ же не заплатять одразу—такъ винъ полизе на дзвиныцю, зниме самого велыкого дзвона та й гуля у слободи—покы дзвона не выкуплять, а за все те платять ти люде.

Отъ разъ, розсказують, и найихавъ такый борець на нашу слободу. Усю слободу вже перекыдавъ... Тутъ люде и кынулысь до мого батька, а воны десь у поли булы. Отто якъ прывезлы, якъ счепылысь воны зъ тымъ борцемъ за рукы (а тоди боролысь такъ: брали другъ друга выше локтей), та якъ гепнулы того борця объ землю, такъ ему и ногы зъ колинъ повыскакувалы

Зап. въ Екатеринославѣ отъ парня, уроженца села Лыхомской волости Переяславскаго уѣзда.

Ив. М—ра.

Когда и какъ кіевскій магистратъ установилъ номера для извощиковъ и денежный сборъ съ нихъ. Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1776 г. полицмейстерская контора донесла оберъ-коменданту Я. В. Ельчанинову, что кіевскій магистратъ раздаетъ городскимъ извощикамъ «клеймы подъ названіемъ номера», собирая съ нихъ за это прежде по 20, а затѣмъ по 8 коп. Такъ какъ въ это время магистратъ обязанъ былъ представлять свои приходо-расходныя книги генералъ-губернатору, мало по малу пріобрѣтшему право «смотрѣнія» и за магистратскою «экономіей,» то Ельчаниновъ потребовалъ объясненія,—«въ силу какого повелѣнія таковой новой сборъ собирается и колико въ годъ таковой суммы собираемо бываетъ, и на какіе расходы, и чего ради таковые сборные деньги по книгамъ магистратскимъ за прошедшій 1775-й годъ въ приходѣ не показаны».

На запросъ этотъ магистратъ въ своемъ репортѣ отвѣчалъ, что де онъ, «наблюдая свято возложенное на него по высоч. Е. И. В. жалов. грамотамъ бдѣніе о сохраненіи во всемъ городѣ Подолѣ добраго порядка, усмотря между протчаго, что число извощиковъ противу прежняго гораздо умножилось, кои, занявъ по большой проѣзжой дорогѣ близъ ковальскаго цеху по обоимъ сторонамъ мѣста, по множественному ихъ числу такъ повозками стѣсняются, что и проѣзду свободнаго народу едва имѣть возможно; къ тому жъ, шатаясь они тутъ по дорогѣ, проѣзжимъ и прохожимъ людямъ, а часто и женщинамъ причиняютъ разныя обиды, грубости и ругательства и, убѣгая отъ должнаго за то имъ наказанія, того жъ времени уѣзжаютъ прочь съ площатки, а сыскать ихъ для доставленія обидимымъ справедливого удовольствія невозможно потому наче, что кто тѣ звощики таковы и имѣютъ ли гдѣ свои жилища, знать совсѣмъ не по чему, къ томужъ что между такимъ множественнымъ числомъ звощиковъ могутъ иногда скрываться сумнительные и бѣглые люди,—прошедшаго 1776 году апрѣля 14-го магистеръ кіевскій, будучи въ полномъ собраніи, согласно опредѣлили: всѣхъ извозчествомъ здѣсь промышляющихъ сыскавъ въ словесной судъ, взять отъ нихъ показаніе, кто они таковы и откуда родомъ, какъ давно сюда зашли, гдѣ жительствомъ и въ какомъ званіи состоитъ... по числу же звощиковъ сдѣлать, по примѣру московскихъ звощиковъ, номера, коихъ и вписывать въ особливо на таковой случай сдѣланную тетрадь, и тѣ номера носить имъ поверхъ всего одѣянія на плечахъ, дабы всякъ могъ видѣть, кто его везетъ. „Номера были сдѣланы изъ холста и по условію съ маляромъ обо-

шлись по восемь коп., и такъ какъ деньги эти „не входятъ въ магистратъ, но отдаются въ заплату молярамъ, то посему и въ приходъ ихъ вписывать и по приходной и расходной книгамъ показывать вовсе не слѣдуетъ".

А. А.

Замѣтка о П. П. Гулакѣ-Артемовскомъ. Въ почтенномъ трудѣ по изслѣдованію южнорусской литературы текущаго столѣтія (Очерки исторіи малорусской литературы XIX вѣка), профессора Петрова, о покойномъ Петрѣ Петровичѣ Гулакъ-Артемовскомъ сказано, что „онъ въ Кіевской академіи не окончилъ курса, по случаю закрытія ея въ 1817 году, для преобразованія въ 1819 году, и въ 1817 году перевелся въ Харьковскій университетъ". Изъ указа же „Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссійскаго изъ Св. Прав. Синода синодальному члену преосвященному Серапіону митрополиту Кіевскому и Галицкому, кіево печерскія Лавры архимандриту и кавалеру, послѣдовавшаго 23 ноября 1814 года за № 3378, явствуетъ, что „по представленію коммисіи духовныхъ училищъ о увольненіи, вслѣдствіе представленія Вашего, Кіевской академіи студента, *кончившаго курсъ богословскаго ученія Петра Артемовскаго изъ духовнаго званія въ свѣтское*, для избранія рода жизни [1],—онъ Артемовскій окончилъ полный курсъ академическаго образованія, и судя по указу Синодальному 26 августа 1819 года, которымъ предлагается митроп. Серапіону открыть ученіе въ преобразованной академіи, это заведеніе было закрыто *для преобразованія* 4 августа 1817 года, спустя около 4 лѣтъ по окончаніи курса П. П. Гулакъ Артемовскимъ.

Кромѣ того, въ изложеніи обстоятельствъ жизни Артемовскаго въ упомянутомъ трудѣ проф. Петрова, сказано, что „по случаю пожара въ 1811 году, истребившаго чуть не половину Кіева, студентъ Артемовскій дошелъ до того, что принужденъ былъ питаться арбузными корками, которыя собиралъ на базарной площади. Невозможно допустить, что бы это было въ дѣйствительности, такъ какъ этотъ годъ, по словамъ современниковъ, знаменитъ былъ своими кометами, жарами и *безпримѣрнымъ урожаемъ*, а при томъ же Артемовскій вмѣстѣ съ 2-мя братьями и сестрой имѣли при мѣстечкѣ Городищахъ въ хуторѣ Гулаковщинѣ 36 десятинъ земли, которыя могли доста-

---

[1]) Изъ рукописнаго собранія указовъ,—указы за 1813 и 1814 годы.

вить ему возможность, при казенномъ содержаніи, не питаться арбузными корками. Если покойный Артемовскій и говорилъ кому либо объ этомъ, то онъ дѣлалъ это въ силу присущаго ему юмора и національной черты—наклонности къ самоюморизированію, если можно такъ выразиться.

Гулакъ-Артемовскій.

Народное преданіе о болотѣ „Замглай [1])“ Проѣзжающему по шоссе, что соединяетъ два губер. города, Черниговъ и Могилевъ верстахъ въ 40 отъ перваго, съ обрыва открывается безконечная даль. Предъ вами цѣлое море зелени, самой разнообразной и по характеру, и по колориту, кое-гдѣ перебитой, словно серебряными блестками—узкими свѣтящимися полосками воды; а тамъ... далеко на горизонтѣ синева сосновыхъ лѣсовъ, мягкая, бархатистая, пріятно ласкающая глазъ, и нѣтъ кажется конца ей!... Предъ вами болото—«Замглай!»

Было когда-то время—на этомъ широкомъ, теперь цвѣтистомъ, коврѣ несла свои воды широкая и глубокая рѣка. Кипѣла по берегамъ ея жизнь—торговля, судоходство..., но это-же самое время затерло слѣды этой жизни, оставивъ лишь жалкіе остатки догадокъ о быломъ.

Много-ли могутъ сказать намъ теперь находимые по берегамъ Замглая остатки: якоря, сгнившія бревна съ большими двойными гвоздями—такъ наз. сшивами, и другія мелкія принадлежности рѣчныхъ судовъ?!.

Вѣка прошли... Дѣды отошли въ область забвенія, но внуки ихъ и дѣти твердо помнятъ, держатъ въ завѣтѣ ихъ слово живое—это «казки батькивъ»; и вотъ въ этой народной сокровищницѣ сохранилось преданіе о рѣкѣ Замглай—объ ея ширинѣ и глубинѣ.

Записывая это преданіе отъ старика-крестьянина, я не имѣлъ совсѣмъ въ виду впослѣдствіи излагать его въ стихотворной формѣ. Сами собой вылились эти стихи и именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ чувствовалась какая-то гармонія въ самомъ разсказѣ старика, самъ собой сложился и размѣръ; я старался лишь сохранить цѣлыя выраженія и слова. Старикъ разсказчикъ—крестьянинъ, дворовый человѣкъ, побывавшій съ своимъ бариномъ въ качествѣ деньщика въ Варшавѣ, отчего и слышны слова, занесенныя съ польскаго языка.

Вотъ что гласитъ эта легенда.

---

[1]) Болото Замглай находится въ Черниговской губ. Городнянскаго уѣзда.

Було колысь!..
Текла отъ-тутъ
Шырока быстрая вода;
У море генъ, а мо въ Днипро,
Зносыла фыли...
Ій здаля!
Бувалы тутъ и байдаки,
Байдары, судна....
. . . .
А теперъ —
Усе повіялось кудысь!
Замглай широкій пересохъ;
Зарисъ ракитою, лозою
И лисомъ—боромъ въ берегахъ.
Багно та нетры,—де въ ночи
Блука голодный вовкъ, гуде,
Шука пожывы; а у день—
Щебечуть пташки у кущахъ,
Куе зозуля на верби;
Та часомъ чайка надъ багномъ
Заквылыть жалибно отъ-такъ....
И понесе той сумъ луна [1]).
Далеко въ нетры, та и тамъ
Загубыть десь....
Въ гори орелъ
Лита вкруги, мовъ зорыть винъ
Шырокій, дужый та ясный,
Весной заквитчаный Замглай,—
Зелене море; и по нимъ
Де-де маячать виковы
Столитни сосны, мовъ свидки
Колышней славы, та життя..
Було колысь!..
Де бувъ Замглай
Теперъ тамъ нетры та багно.
. . . .
Таке зробыла удова
За смерть своій ридній дочки.
Давно-давно було кулысь!
Жыла въ сели соби вона,
Того не знаю: де и якъ;
По-надъ Замглаемъ тилько тутъ
Зъ дочкою гарною такой,
Що слава та росла що-день
И розойшлась, якъ мовъ весной
Самъ дужый той Замглай не плывъ,
Вдова уродою дочки
Пышалась дуже, берегла
Іи якъ око!..
Хто-жъ те зна—
Де горе ходыть?—а бува
Его не ждалы, а воно
От-тутъ, якъ тутъ!...
У ричци вразъ
Дивчата тамъ купалысь вси,
Утопла вдовына идна...
. . . .
—
Ой не чайка ранымъ-рано
Стогне-нудыть надъ Замглаемъ;
Плаче бидна удивонька,
Свою доню выглядае...
День вже третій, а щей доси,—
Якъ утопла, не зринае;
Бидна маты, зъ горя того—
Що робыты, вже не знае...
И не плаче, бо и слезы
Дрибны зъ горя вже не льются;
И не стогне—бо и серце
Вже у грудяхъ мовъ не бьется..

И сидитъ бѣдная мать, дожидая, что выдастъ рѣка тѣло ея дочери. Отъ изнеможенія она почти застыла; восходящее солнце будитъ ее, съ жалобою обращается она къ рѣкѣ:

„Ой ричко шырока зъ далекого краю,
„Ой ты и глубока, тебе-жъ я не знаю!
„Ой я тоби, ричко, *даныну* носыла,
„Ой за що-жъ ты доню мою утопыла?..
„Де-жъ ты мою доню, де ты заховала,
„Чомъ разомъ изъ нею мене ты не взяла?
„Ой ридный Замглаю,—широкій та дужый
„Не вынесешъ дони, возьмы мою душу!..

[1]) Эхо.

Напрасны мольбы бѣдной матери,—отвѣта нѣтъ! Гуляетъ лишь вѣтеръ сердитый, навѣвая ей черныя мысли, да—

Ходыть фыля по Замглаю,
У просторомъ знай гуляе;
Одна другу генъ у море
Ажъ у сыне зазываe...
Може доси дивчиноньку
Въ саме море вжей заслала,
Або може уродливу
Въ очеретахъ заховала?!.
Або може русалоньки
На гуляночкахъ за косы
За шовковы дивчиноньку

У корчаги затаскалы....
А тамъ рыба, тамъ ій пьявки,
Тамъ и раки доси впылысь...
. . . .
Бидна маты! твоій дони
Вся краса вже помарнила.
Посынило биле лычко;
Ой закрылысь ясны очи!
Вжей не зглянуть, не зазорять
Тай никому середъ ночи...
. . . .

Другой варіантъ исчезновенія тѣла гораздо интереснѣе:

. . . .
Ой не плачъ ты, удово,
Не диждешся бидна!
Десь краса твоій дони
Замглаю прыхильна...
Незабаромъ межъ нымы,
Найкращу винъ зъочивъ;
Бачъ—гуляе вжей старый
Тры дни и тры ночи.

Разгулявся шыровый,
Радіють ій фыли!
Не йидну вжей байдару
Розбылы, втопылы
. . . .
А твою, мабудь, доню
Сховавъ десь глыбоко;
Ой не зглянуть, удово,
Тоби карооку!..

Этой картины сердце матери не въ состояніи вынести; оно отъ боли нестерпимой залилось желчью. Въ ней пробуждается жажда мести. Но чѣмъ-же мстить рѣкѣ—неодушевленному, недоступному никакимъ страданіямъ предмету? И вотъ—тутъ-то мать своею внутреннею силою души («сама по соби») обращается въ «чаривныцю», чтобъ своею властью быть въ состояніи сдѣлать зло. Она заклинаетъ рѣку, т. е. съ проклятіями соединяетъ дѣйствія.

Она бросаетъ въ рѣку слѣдующіе предметы:—*миску* или вообще какую-нибудь плоскую посуду [1]), повторяя при этомъ слова проклятія: «ой будь-же проклята ты ричко шырокая, глыбокая! будь проклята ты до вику, до страшного суду!»; *лозовую палку*—отчего рѣка поростаетъ лозой и, наконецъ, *чесальный гребень* (какимъ ленъ чешутъ),—отчего рѣка заростаетъ густымъ непроходимымъ лѣсомъ; каждый разъ повторяя слова проклятія.

Проклятіе матери—«чаривныци» сбылось; такъ гласитъ народное преданіе... И дѣйствительно, еще и теперь стоятъ по Замглаю лѣса—дремучіе боры.

[1]) Отчего рѣка мелѣетъ.

Изъ другихъ остатковъ старины сохранились по берегамъ Замглая, такъ наз., «Городки,» —это возвышенныя пространства, окруженныя рвомъ и валомъ съ однимъ или двумя выходами. Еще за памяти дѣдовъ, передававшихъ мнѣ разсказъ крестьянъ, городки эти были заняты шайками разбойниковъ подъ предводительствомъ атамановъ, прозванныхъ почему-то очень своеобразно *телепнями*; разбои свои они совершали оригинальнымъ образомъ: шайка располагалась «куренемъ» возлѣ «шляха», и, какъ знакъ своего господства, телепень выставлялъ на дорогу булаву или копье; всякій прохожій или проѣзжій обязанъ былъ зайти въ курень атамана «поклоныться» —т. е. заплатить дань. Кто не исполнялъ этого и проходилъ мимо, тотъ подвергался совершенному ограбленію, въ назиданіе другимъ.

Телепень, по народному повѣрію, считался знахаремъ и былъ заговоренъ отъ пули и отъ другихъ «напастей».

Разскащики—крестьяне старики хвалились, что ихъ предки—дѣды считаются освободителями окрестныхъ селъ отъ шаекъ разбойниковъ. Дѣло было во время ледохода. Повстрѣчались на мосту главный Телепень и крестьянинъ и, поздоровались; послѣдній, улучивъ минуту, ударилъ сзади Телепня довбней, отчего тотъ свалился въ рѣку и льдомъ затерло его. По смерти главнаго Телепня шайки разбѣжались.

«Було колысь!» —закончилъ такъ старикъ свой разсказъ. Теплый весенній вечеръ догоралъ; тихо ложились сумерки на землю. Гдѣ-то простоналъ сычъ уныло, да робко изрѣдка щелкалъ соловей, какъ-бы пробовалъ еще, предвкушая всю силу будущей пѣсни своей... Рѣяли образы былой старины, вырисовывались изъ налегающаго мрака классическія фигуры лихихъ «гайдамаковъ», «лыцарей за правду и вѣру»...

Тишь, ни звука!...

И вдругъ разыгравшееся воображеніе пробуждено къ дѣйствительности гульливой, перековерканной солдатскимъ мотивомъ пѣсней—

„по комъ *дѣвка* плаче
„дробны слезы *льетъ*,—

такъ заливался гдѣ-то за селомъ соединенный хоръ молодыхъ голосовъ.

Поневолѣ скажешь за дѣдомъ— «було колысь!.. не вернется!» — И съ каждымъ годомъ эта народная сокровищница осложняется нарастающимъ хламомъ, такъ что трудно ужъ и разобраться въ ней.

Іосифъ Ж—ій.

Вирша объ освобожденіи крестьянъ. Въ XV томѣ «Кіевской Старины» (1886 г. іюль, стр. 570—573) напечатаны двѣ пѣсни о панщинѣ и повстаньѣ, совершенно правильно признанныя волынскими. Въ статьѣ своей «О малороссійскихъ пѣсняхъ объ освобожденіи крестьянъ» г. Кузьмичевскій, разсматривая одну изъ нихъ, справедливо замѣчаетъ, что она отзывается семинарско-дьяковской книжностью и что, по всей вѣроятности, она сочинена грамотѣемъ клерикальнаго воспитанія, хотя потомъ и получила нѣкоторое распространеніе (Кіев. Стар. XVII т., стр. 632). Въ наши руки случайно попала значительно потертая рукопись, заключающая болѣе полный варіантъ стихотворенія о панщинѣ и о повстаньѣ; въ составъ этого стихотворенія входятъ и обѣ напечатанныя ранѣе пѣсни, связанныя здѣсь въ одно цѣлое. Наше стихотвореніе раздѣлено на строфы; расположеніемъ стиховъ во многихъ мѣстахъ оно разнится отъ напечатанныхъ варіантовъ; главное его преимущество передъ ними заключается въ его полнотѣ; въ немъ мы находимъ довольно большое число стиховъ, которыхъ нѣтъ тамъ. Наконецъ, что придаетъ ему особенный интересъ, это—предпосланное ему стихотворное обращеніе автора, назвавшагося, очевидно, вымышленнымъ именемъ Палій Масты-Голова, къ «Милостивому Пану Редактору» съ просьбой пустить въ обращеніе его думы, «бо у хати заважаютъ.» Можно было бы подумать, что въ предлагаемомъ стихотвореніи мы имѣемъ дѣло съ авторскимъ автографомъ—оригиналомъ для дальнѣйшихъ варіантовъ, если, бы не предательскія ошибки противъ смысла, попадающіяся въ немъ, напр., «Пидъ горбату посядалы» вмѣсто «Пить гарбату посидалы» (вар. напечат. въ «Кіевской Стар.»); однако, мы считаемъ возможнымъ, что предлагаемое стихотвореніе есть одинъ изъ списковъ, въ которыхъ оригиналъ, не попавшій въ печать (хотя и предназначавшійся для нея), былъ распространенъ въ обществѣ.

В. Я.

Милостывый пане Редакторе!

Выбачайте що морочу,
Щось просыты, я Васъ хочу,
Пустить думы нехъ гуляютъ,
Бо у хати заважаютъ.

Свитъ велыкій, есть де дитысь,
Знайты мисце прыхылытысь,
Прошу тилько Васъ звважайте,
Якъ що кепьско то лышайте.

Вашъ покорный слуга
Палій Масти—Голова.

—

Немстытеся вы паны,
Поскидайте жупаны,
Повдягайте сиракы,
Бо не ваши мужыкы.

Александръ теперь панъ,
Винъ то дило розибравъ,
Що Иванъ и Степанъ
Съ тонжъ глыны що и панъ.

Винъ то дило розибравъ,
Тай свободу людамъ давъ,
Нехай каждый теперь знае,
Що винъ батька Царя мае.

Нехай каждый тее знае,
И нехайже вспомынае,
Чы то дома, чы на поли,
Чы то въ праци, чы на воли.

Нема теперь тои доли,
Що бувало борщъ безъ соли,
Хапай исты тай ще швыдко,
Покы сонця ще не выдко.

Бо якъ сонце зійде зраня,
То вже чуты атамана,
Уже тоби не до ижи,
Бо нагайка тило зриже.

Зійшло сонце вже пидбылось,
Щося діе то не снылось,
Подывится тай забачте,
Якъ есть сліозы то заплачте.

Панъ отаманъ съ отрубутомъ,
Съ тонкимъ вдвое гнутымъ кнутомъ,
Поре въ матирь зъ всіого серця,
И катуе ажъ кровь ллеця.

Сикутъ сына мліе маты,
Лебонь треба поховаты,
Крыкъ, плачь, ляментъ, сліозы льюця,
Вси бояця вси трасуця.

Одверните люды очи,
Колы вамъ не стало мочы,
На се лыхо подывытысь,
Що-бы после непечалытысь.

Прійдешъ зъ лану ничъ лунная,
Лежатъ диты видхлыпая,
Бидну матирь выглядалы,
Тай голодни полягалы.

А не важся що забраты,
Перевезты соби до хаты,
Бо задасть панъ таку бійку,
Що полежишъ и зъ недильку.

Не такій же зо всимъ часъ,
Теперь Богъ давъ и для насъ,
Заплаты тай не бійся,
Гриха тильки стережыся.

Ще не тее було зъ намы,
Якъ мы булы пидъ панами,
Чыя жинка була брава,
Мужъ до неи немавъ права.

Все у пана платья мые,
Альбо пидъ часъ муку сіе,
Хлибъ пече то мые хату,
Правда добру бере плату.

Прійде жинка въ димъ одъ пана,
Ходыть уже якъ бы пьяна,
Мужъ сварытись не посміе,
Бо все знае що ся діе.

Не такій же зовсимъ часъ,
Теперь Богъ давъ и для насъ,
Жинку мылу приголубышъ,
Тай всіо горе позабудешъ.

Розгулялысь вражи ляшки,
Взялы гунькы на опашки,
Всіо збыраютця въ костели,
То жалобни, то высели.

Поютъ писни, край дорогы
Хрысты ставлятъ все небогы,
Скажить-же вы добри люде,
Що то, що то съ того буде.

Ащо буде обизвалысь,
Бачъ забулы розгулялысь.
Тай скрыгочутъ мовъ сорокы,
Бачъ забулы тіи рокы.

Що гонылы ихъ якъ бисивъ,
Не иденъ зъ ныхъ то и высивъ,
Хотятъ знову воюваты,
Щобъ Волыня соби взяты.

О недождутъ вражи диты,
Теперь Волынь одолиты,
Треба добре тее знаты,
Волынь ридня наша маты.

Волынь то насъ породыла,
Волынь людьмы поробыла,
Чыжъ та маты намъ не мыла,
Що на свитъ насъ породыла.

Скажы тилько Цару слово,
Тоби все въ него готово,
И мы сами, наши диты,
Будемъ Волынь бороныты.
Несчастныи часы прошлы,
Якъ въ неволи хлопы булы,
Паны былы забывалы,
До сорочки обдыралы.
Що хотилы, зъ хлопивъ бралы,
А хто не давъ, шкуру дралы,
Хоть бы мужыкъ зовсимъ згынувъ,
Мусивъ даты десятыну.
Мало того десятыну,
Давай жинку и дытыну,
Бо то воля ляха пана,
Душу выняты зъ Ивана.
Хоць мужыкъ впавъ пану въ ногы,
Ляшокъ крычитъ дай batogi
И тутъ уже инше дило,
Мужикъ крычитъ, рижутъ тило.
Хоць бы мужыкъ въ рукахъ згынувъ,
Канчука ляхъ непокынувъ,
Теперь того дочикався,
Що мужыкъ зъ пана посміявся.
Ляхъ не хоче робыть въ поли
Мужикъ остався на воли,
Збыралысь воны въ костели,
То жалобни, то веселы.
И тутъ почалы шептаты
Иденъ другого пидмовляты,
Будемъ теперь воюваты,
Що бы польску видыбраты.
Чорни ходятъ мовъ ти галки,
Паны, пани и пидпанки,
Та зъ велыкимъ ляцкимъ жаромъ,
Піютъ писню дымъ зъ пожаромъ.
Въ черныхъ сукняхъ воны ходятъ,
По костеламъ Бога молятъ,
Верны вольнисть намъ, отчизну,
Верны хлопивъ и панщизну.
Котра въ лиси заблукалась,
Заблукавшись, тамъ скончалась,
Идутъ ляхи въ лисъ шукаты,
Мертву Польщу воскресаты.

Йиденъ спросывъ (co iuż gotowe:),
Ходзьмо дальше моцъ-панове,
Бо тутъ для насъ буде тисно,
И накормлятъ дуже писно.
Попереду панъ Ружыцкій,
Грае війскомъ мовъ дурнычки,
Стае за нымъ кругомъ поля,
Веде війско до Мирополя.
О тамъ була черна хваля,
Ляхъ пидкнувся на москаля,
Пидъслучаемъ тамъ на мости,
Потрущылы ляхамъ кости.
Стрелывъ козакъ зъ пистолета,
Крычавъ ляшокъ: „нѣхъ панъ [1]).
Стрелывъ москаль съ карабина,
Nima Ojca, nima Syna.
Тамъ блыскало и гримило,
Ясне сонце потемнило,
Якъ змишалась кровь зъ водою,
Тутъ спиткався ляхъ зъ бидою.
Ляцьки кони сполошылысь,
Надъ ляхамы изгнушылысь,
Де зобачышь що конь бижытъ,
Коло сидла ляшокъ висытъ.
Тамъ гнушалысь надъ панамы,
Штыкъ, нагайка, да ще и хамы,
Всякъ знавъ добре свою роботу,
Зигнавъ надъ ляхомъ охоту.
Дочекався мужыкъ того,
Зловывъ зачубъ пана свого,
Звязавъ ему назадъ руки,
Отдавъ его на поруки.
Посля уже для забавы,
То былы ихъ то вязалы,
Котри зъ ляхивъ булы счастлыви,
Утиклы въ лисъ хоть стыдлыви.
Грымытъ писня Boże Polski,
Появывся панъ Цихоньскій,
Зибравъ війска винъ доволи,
А непосыпавъ ше имъ соли:
Винъ въ ночи ставъ прохожатысь,
Щобъ до граныци добратысь,
А въ день ляхы отдыхалы,
Йилы, пылы тай гулялы.

---

[1]) Вырвано въ рукописи

Пидъ Цвитохой межъ лисамы,
Мыжъ тункамы болотамы,
Паны стійку закладалы,
Пидъ горбату [1]) посядалы.

Йилы, пылы, тай гулялы,
Зъ кылишкамы воювалы,
Сіймо гречку тра збыраты,
Атутъ пикетъ дае знаты.

Въ руки бронь хапай хутенько,
Бо москали вже блызенько,
Карабины набываютъ,
Штыкы свои оглядаютъ.

Сполошылысь ляхы дуже,
Тай не знаютъ що робыты,
Чы гербаты допываты,
Чи фузіи набываты.

Бьютъ московски барабаны,
Бардзо зимно крычатъ паны,
Москаль писню запивае,
Зъ штыкомъ впередъ выступае.

Безъ прикладу начинаютъ,
Зъ карабиновъ посылаютъ
Кули ляхамъ на свидання,
Нейдитъ паны до повстаня.

Ксіондзъ инфулу натягае,
Въ гору руки пидіймае,
Благословытъ ляхивъ, панивъ,
Щобъ побылы всихъ москаливъ.

Москаль начне, зъ ружа двыгнувъ,
Ксіондзъ на землю пани рыгнувъ,
Нема ксіондза и казаня,
Нейды ксіонже до повстаня.

И такъ паны заробылы,
Ще и ломакы погубылы,
Йиденъ другому крычавъ,
Щобъ до лису утикавъ.

Панъ Цихоньскій утікаіе,
Іого куля доганяе
На голову іому сила,
Тай на землю повалыла.

Въ кінци лиса межъ травою,
Зъ розбытою головою,
Спытъ панъ Цихоньскій,
Главный воевода польскій.

Отакъ паны собралыся,
Межъ собою обрадылыся,
Програлы мы тутъ справу,
Идимъ въ Сибирь на забаву.

Помоліця паны Богу,
Та рушайте въ дорогу,
Щастлывои вамъ подружи,
А за вамы мы байдужы.

Покидайте тутъ палацы,
Бо вже кінецъ вашій праци,
Сибирь двери отчыняе,
Панивъ на баль запрошае.

Тамъ холоды зъ снигомъ довше,
А для панивъ то здоровше,
Каждый ляшокъ тамъ танцюе,
Ему тачка компануе.

Отчетъ о пожертованіяхъ на премію имени А. А. Потебни.

Состоящее при Харьковскомъ университетѣ историко-филологическое общество, по полученіи Всемилостивѣйшаго разрѣшенія Государя Императора на открытіе подписки въ ученыхъ и учебныхъ учрежденіяхъ имперіи на составленіе капитала въ 2500 р. для ежегодной выдачи съ% преміи имени покойнаго профессора Харьковскаго университета А. А. Потебни за лучшія сочиненія по исторіи русскаго языка и словесности, разослало въ октябрѣ 1892 г. 370 подписныхъ листовъ. За три мѣсяца (къ 1 февраля 1893 г.) было возвращено

---

[1]) Пить гэрбату.

118 листовъ съ пожертвованіями, составившими въ совокупности *1366 р. 60 коп.* Въ счетъ этихъ денегъ куплено два билета Государственнаго дворянскаго земельнаго банка и уплачено за нихъ по курсу 1131 р. и постановлено обращать и остальныя деньги, по мѣрѣ накопленія, въ государственныя процентныя бумаги.

Подписка продолжается. Историко-филологическое общество надѣется, что при дальнѣйшемъ содѣйствіи ученыхъ и учебныхъ учрежденій и нѣкоторой отзывчивости историко-филологическихъ и археологическихъ обществъ, окажется возможнымъ собрать въ непродолжительное время остальную сумму (около 1200 руб.), для ежегоднаго достойнаго чествованія памяти А. А. Потебни, труды котораго, по общему признанію, составляютъ гордость русской науки.

Общество выражаетъ при этомъ глубокую благодарность всѣмъ поименованнымъ ниже учрежденіямъ и лицамъ за высланныя ими денежныя пожертвованія.

Списокъ жертвователей: университеты: харьковскій 169 руб., варшавскій 114, московскій 65 и дерптскій 26; *канцелярія* г. попечителя кавказскаго учебнаго округа 22 р. 30 к., *нѣжинскій институтъ* 15 р. 35 к., *Демидовскій лицей* 15 р.; *главная инспекція* туркестанскихъ училищъ 20 р.; *отъ* г. неизвѣстнаго (изъ Полтав. губ.) 50 р., моск. *архива* минист. юст. 1 р., проф. А. С. Архангельскаго 10 р., проф. А. И. Александрова 5 р., *гимназій:* харьковской первой 11 руб. 50 к., харьковской третьей 12 р. 50 к., елисаветградской 5, виленской первой 8 р. 50 к., глуховской 10, московской четвертой 5 руб. 50 к., симбирской 3 руб. 71 к., рязанской 5 р., нижегородской 10 р. 37 к., воронежской 14 р. 50 к., кишиневской первой 15 р, новочеркасской 3 руб. 90 к., ставропольскихъ женскихъ 14 р. 50 к., ставропольской мужской 13, тифлисской первой 5, вологодской 4, казанской первой 2 р. 70 к., елатомской 19 р, 33 к., калужской 8 р. 88 к., тифлисской женской первой 6 р, ананьевскихъ муж. и женской 19 р. 20 к., ростовской (на-Дону) 12, златопольской 7 р. 20 к., лубенской 15, виленской второй 4, люблинской 11 р. 37 к., кутаиской 6 р. 50 к., ковенской 13 р. 82 к., московской третьей 11 р. 50 к., елисаветпольской 14 руб. 85 к., эриванской 15 р. 50 к., тифлисской второй женской 11, тифлисской второй муж. 21, кіево-печерской 17, виленской Маріинской женской 11, кур..ой 5, керченской 1 р., бакинской Маріинской женской 12, таган..гской 8, екатеринодарской 14, каменецъ-подольской 8 руб. 38 к., ..етербургской введенской 13, варшавской пятой 15, тамбовск.. 8 р. 16 к.,

и московской первой 4 руб. 90 к.; отъ *реальныхъ училищъ*: харьковукаго 25 руб., пензенскаго 6, виленскаго 7, динабургскаго 2, новочеркасскаго 6, мелитопольскаго 12 руб. 86, к.. херсонскаго 5, пинскаго 7 р. 64 к., кременчугскаго 5, роменскаго 3 руб. 73 к, шушинскаго 14, тульскаго 10, тифлисскаго 17, одесскаго 2, бакинскаго 22, костромскаго 1, минскаго 1, вологодскаго 1, ейскаго 8, и владикавказскаго 8; отъ нижегород. *дворянскаго института* 6; тифлисскаго *училища св. Нины* 9 р. 30 к; отъ *учительскихъ институтовъ*: глуховскаго 8, тифлисскаго 8 и казанскаго 2; *учительскихъ семинарій*: волчанской 18, полоцкой 3, новобугской 2 р. 41 к., вольской 5, новочеркасской 1 р. 15 к., кутаиской 13, острожской 5, благовѣщенской 1 р., эриванской 7 р. 40 к. и закавказской (въ Гори) 5 р. 50 к.; *прогимназій*: кутаиской 6, бахмутской 6, ялтинской 3 р. 31 к., ахтырской 8 р. 13 к., черкасской 9 р. 35 к., рославской 9, краснослободской 8, пятигорской 12 р., ейской женской 5, сергіево-посадской 9, и лебедянской 11 р.; отъ *дирецкій* народныхъ училищъ; кѣлецкой 3 руб., екатеринославской 6 р. 20 к., донской 6 р.; *городскихъ училищъ*: могилевскаго 2, мстиславскаго 2, павлоградскаго 4 и оршанскаго 1 р. 25 к.; *уѣздныхъ училищъ*: сѣннинскаго 2 р. 50 к.; чаусскаго 1 р. и быховскаго 40 к.; отъ московскаго *лютеранскаго училища*: 2 р. и некрологовъ продано на 17 руб.

Проф. *Н. Ѳ. Сумцовъ*.

Отъ Редакціи. Въ дополненіе къ этому отчету редакція «Кіевской Старины» считаетъ долгомъ сообщить, что ею получены пожертвованія для той-же цѣли отъ слѣдующихъ лицъ: свящ. І. Шиповича—1 р.. А. Андріевскаго—1 р., Н. Василенка—1 р., Е. Кивлицкаго—1 р., О. Левицкаго—1 р., И. Лучицкаго—1 р, В. Науменменка—1 р., Е. Трегубова—1 р., Я. Шульгина—1 р., Н. Шугурова—1 р.,—всего 10 р., которые и препровождены въ настоящее время въ Харьковское Историко-Филологическое Общество.

Библіографія.

1) Каталогъ предметовъ малорусской старины и рѣдкостей коллекціи В. В. Тарновскаго. Выпускъ 1. Шевченко. Кіевъ. 1893. 8⁰, 34 стр.

2) Шевченко—живописецъ и граверъ. В. П. Горленка. «Трудъ» (приложеніе ко Всемірной Иллюстраціи) 1893 г. № 4, стр. 76—84.

Нельзя не порадоваться тому, что замѣчательное, извѣстное многимъ собраніе предметовъ малорусской старины и рѣдкостей, принадлежащее Василію Васильевичу Тарновскому, начинаетъ, наконецъ, описываться и что первый выпускъ этого описанія подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ уже отпечатанъ, причемъ самое указаніе заглавнаго листа на то, что изданіе это составляетъ «выпускъ 1-й», даетъ возможность надѣяться, что за вышедшимъ выпускомъ появятся послѣдующіе и что такимъ образомъ будетъ описана вся драгоцѣнная коллекція, которую съ такою любовью къ родной старинѣ и съ такою энергіею въ теченіе многихъ лѣтъ составлялъ уважаемый собиратель.

Этотъ вышедшій выпускъ названнаго описанія представляетъ изящно изданную книжечку съ красивымъ заглавнымъ листомъ, на которомъ помѣщены фототипическіе снимки портрета Шевченка, писаннаго Рѣпинымъ, маски, снятой съ Шевченка послѣ его смерти, и нѣкоторыхъ принадлежавшихъ ему вещей. Какъ указываетъ самое заглавіе книги, этотъ первый выпускъ каталога заключаетъ въ себѣ описаніе предметовъ, посвященныхъ исключительно памяти Т. Г. Шевченка; для этой коллекціи собиралось все, что имѣетъ какое нибудь отношеніе къ нашему народному поэту, что такъ или иначе можетъ напоминать о немъ.

Первый отдѣлъ описаннаго въ каталогѣ собранія составляетъ, такъ сказать, Шевченковскую библіотеку: здѣсь имѣются всѣ изданія

его сочиненій, переводы его сочиненій на другіе языки, далѣе—сочиненія на разныхъ языкахъ, относящіяся къ Шевченку, затѣмъ—сочиненія, посвященныя его имени,— музыкальныя произведенія, посвященныя ему же, и наконецъ—музыкальныя произведенія къ словамъ изъ стихотвореній Шевченка.

Во второй и третьей главахъ каталога описывается обширное собраніе автографовъ Шевченка, въ томъ числѣ: его собственноручный дневникъ, веденный съ 12 іюня 1857 г. по 13 іюля 1858 года, письма его къ разнымъ лицамъ (братьямъ Никитѣ и Варѳоломею Шевченкамъ, Г. С., В. В., Н. В. и Я. В. Тарновскимъ, В. М. Лазаревскому и Г. Н. Честоховскому) и много стихотвореній, собственноручно написанныхъ Шевченкомъ.

Главы IV, V и VI каталога описываютъ художественныя произведенія Шевченка, имѣющіяся въ собраніи В. В. Тарновскаго, именно: два альбома рисунковъ Шевченка карандашемъ и акварелью (въ одномъ 20 и въ другомъ—28 листовъ), нѣсколько отдѣльныхъ его рисунковъ, его гравюры (числомъ 44) и двѣ мѣдныя доски, гравированныя Шевченкомъ для его офортовъ, а въ XVI главѣ перечислены гравированные, литогравированные и фотографическіе снимки съ картинъ и рисунковъ Шевченка. Ниже мы укажемъ нѣкоторые пропуски, которые замѣчены нами въ этихъ отдѣлахъ каталога.

Въ VII, VIII и IX главахъ каталога перечисляются бумаги, книги и разныя другія вещи, принадлежавшія Шевченку. Между первыми обращаютъ на себя вниманіе три плана и три фасада, по которымъ Шевченко хотѣлъ выстроить себѣ хату близъ Канева на Чернечьей горѣ, билетъ, который былъ выданъ Шевченку изъ академіи художествъ на поѣздку въ Малороссію въ 1845 году, письма къ нему Бодянскаго и какого то неизвѣстнаго лица. Изъ принадлежавшихъ Шевченку вещей здѣсь находятся: его мольбертъ, муштабель, палитра, художническіе ящики и другія принадлежности рисованія и писанія, его табуретъ, малороссійская сорочка, баклага и проч.

Слѣдующая глава перечисляетъ бюсты, барельефы, маски Шевченка и клише портретовъ его, а въ XI и XII главахъ указаны самые портреты, въ томъ числѣ три портрета, писанныхъ масляными красками разными художниками, и 45 портретовъ гравированныхъ, литографированныхъ и фотографическихъ.

Въ XIII и XIV главахъ указаны бумаги и разныя вещи, имѣющія отношеніе къ Шевченку. Здѣсь имѣются: составленныя послѣ смерти Шевченка въ 1861 году описи книгамъ, картинамъ, рисун-

камъ и разнымъ другимъ вещамъ, принадлежавшимъ Шевченку,—прошеніе, которое было подано министру внутреннихъ дѣлъ о перевозѣ тѣла Шевченка изъ Петербурга въ Кіевъ,—китайка, которою былъ покрытъ его гробъ при перевозѣ изъ Петербурга на мѣсто погребенія,—модель медали, которую почитатели поэта предполагали вычеканить въ его память, и проч.

Главы XV—XVII перечисляютъ картины и рисунки разныхъ художниковъ на сюжеты, взятые изъ сочиненій Шевченка, и, наконецъ, въ XVIII главѣ указаны рисунки и фотографіи съ сюжетами, относящимися къ Шевченку (какъ, напримѣръ, виды могилы его, рытье этой могилы, привозъ тѣла его въ Кіевъ).

Мы сочли нужнымъ подробно указать содержаніе каталога—въ виду того, что изданіе это не предназначено для продажи. Много нужно было имѣть любви къ предмету, много труда и энергіи употребить для того, чтобъ составить это описанное въ каталогѣ собраніе, которое настолько многочисленно, что само по себѣ представляетъ нѣкоторымъ образомъ цѣлый Шевченковскій музей.

Обозрѣвая не одинъ разъ это собраніе, мы находили, что въ немъ недостаетъ одной картины. Въ семидесятыхъ годахъ недавно скончавшемуся художнику К. А. Трутовскому, о которомъ мы говорили въ апрѣльской книгѣ Кіевской Старины, пришла счастливая мысль написать картину—«Шевченко на берегу Днѣпра». Она была написана въ большихъ размѣрахъ и, къ сожалѣнію, была продана, какъ продавались многія картины Трутовскаго, не побывавши ни на одной выставкѣ, причемъ художникъ даже не успѣлъ сдѣлать снимковъ съ нея, чтобъ помѣстить ихъ въ какихъ нибудь иллюстрированныхъ изданіяхъ. Поэтому, картина эта, попавши въ собраніе, недоступное для обозрѣнія, осталась вовсе неизвѣстною публикѣ. А между тѣмъ Шевченко надъ Днѣпромъ, который онъ такъ любилъ и такъ часто воспѣвалъ въ чудныхъ стихахъ, къ которому рвался душою изъ далекой чужбины, надъ которымъ онъ мечталъ поселиться и потомъ надъ нимъ же желалъ быть похороненнымъ—это такая много говорящая, такая благодарная (хотя не легкая) тема, что сама просится въ картину, для которой самое подходящее мѣсто было бы въ собраніи В. В. Тарновскаго.

Мы упомянули выше, что замѣтили въ разсмотрѣнномъ каталогѣ нѣкоторые пропуски. Одинъ изъ нихъ не важный: въ XVI главѣ каталога, въ которой перечислены извлеченные изъ разныхъ журналовъ и книгъ, различнымъ образомъ воспроизведенные снимки съ

картинъ и рисунковъ Шевченка, не указаны тѣ имѣющіеся у В. В. Тарновскаго снимки съ рисунковъ Шевченка, которые, благодаря ему же, были помѣщены въ Кіевской Старинѣ и которые хорошо извѣстны нашимъ читателямъ. Другой гораздо болѣе существенный пропускъ, происшедшій очевидно отъ недосмотра, заключается въ томъ, что между художественными произведеніями Шевченка, описанными въ IV, V и VI главахъ каталога, не указаны самыя крупныя вещи, именно—картины Шевченка, писанныя масляными красками.

На эти картины указываетъ, между прочимъ, въ своей статьѣ, заглавіе которой мы выписали выше, В. П. Горленко, и такимъ образомъ въ этомъ отношеніи названная статья до нѣкоторой степени дополняетъ указанія каталога, представляя вмѣстѣ съ тѣмъ обозрѣніе художественной дѣятельности Шевченка и свѣдѣнія о всѣхъ извѣстныхъ автору художественныхъ произведеніяхъ его. Но пополняетъ эта статья означенныя указанія только до нѣкоторой степени, такъ какъ и въ ней указаны не всѣ находящіяся въ собраніи В. В. Тарновскаго картины Шевченка: именно, ихъ указано три, а у В. В. Тарновскаго имѣется четыре картины Шевченка, писанныя масляными красками.

Одна изъ этихъ картинъ представляетъ портретъ П. А. Кулиша въ молодыхъ лѣтахъ, другая изображаетъ «Катерину», оставленную своимъ милымъ. Третья картина, называющаяся «Пожилой малороссъ», какъ намъ разсказывалъ собиратель, была написана Шевченкомъ по заказу П. А. Кочубея, который, получивъ отъ В. В. Тарновскаго портретъ своего родственника и желая чѣмъ нибудь отдарить его, заказалъ Шевченку написать портретъ генеральнаго судьи Василія Кочубея, но, приступивъ къ исполненію заказа, Шевченко уклонился отъ задачи и вмѣсто портрета написалъ картину, изображающую типъ красиваго пожилаго малоросса, одѣтаго въ старинный костюмъ и не имѣющаго сходства съ Кочубеемъ. Наконецъ четвертая, не указанная въ статьѣ В. П. Горленка, картина представляетъ этюдъ сраженія козаковъ съ поляками.

Кромѣ картинъ, находящихся въ собраніи В. В. Тарновскаго, уважаемый авторъ статьи «Шевченко-живописецъ и граверъ» указываетъ двѣ картины Шевченка, писанныхъ масляными красками, именно: собственный портретъ художника, находившійся у В. М. Лазаревскаго, и картину «Пасѣчникъ Рудый Панько», находящуюся у А. М. Лазаревскаго. Къ этому мы можемъ добавить, что видѣнный

В. П. Горленкомъ у В. М. Лазаревскаго собственный портретъ Шевченка есть повтореніе того портрета, который выставлялся на одной изъ академическихъ выставокъ (кажется 1860 г.) и былъ пріобрѣтенъ великою княгинею Еленою Павловною, и что, кромѣ означеннаго повторенія этого портрета, В. М. Лазаревскому принадлежалъ еще одинъ портретъ, писанный Шевченкомъ масляннными красками, именно г-жи Л. И. Зотовой, который въ настоящее время принадлежитъ младшему сыну В. М. Лазаревскаго.

Кромѣ того, намъ случалось видѣть еще одну картину Шевченка, писанную масляннными красками: она изображаетъ малоросса, сидящаго у хаты на присьбѣ. Прежде картина эта принадлежала С. С. Гулаку-Артемовскому, отъ котораго перешла къ М. М. Лазаревскому, а теперь она находится у его племянницы г-жи О. Ф. Лазаревской (въ дер. Побиванкѣ, гадяцкаго уѣзда). Изъ всѣхъ видѣнныхъ нами картинъ Шевченка, писанныхъ масляннными красками, эта картина понравилась намъ больше другихъ; но, видѣвши ее давно, въ шестидесятыхъ годахъ, мы затрудняемся сравнивать ее съ тѣми картинами, которыя пришлось увидѣть чрезъ промежутокъ времени болѣе, чѣмъ въ 25 лѣтъ.

Отъ художника В. Д. Орловскаго мы слышали, что 1860 году онъ видѣлъ у Шевченка, кромѣ вышеупомянутаго собственнаго портрета его, еще другіе портреты, писанные имъ масляннными красками, изъ которыхъ помнитъ портретъ бывшей невѣсты его и не вполнѣ оконченный портретъ Жемчужникова (вѣроятно, Льва М.); гдѣ именно эти портреты находятся въ настоящее время—не знаемъ. Изображеніе упомянутой невѣсты было помѣщено въ «Пчелѣ» (1878 г. № 2), но этотъ снимокъ сдѣланъ съ рисунка Шевченка, а не съ картины, писанной масляннными красками.

Снимки съ офортовъ Шевченка, находящихся въ коллекціи В. В. Тарновскаго, были изданы имъ же въ видѣ особаго альбома, о которомъ въ Кіевской Старинѣ (1891 г. № 6) была помѣщена замѣтка г. В. Г.; снимки съ рисунковъ Шевченка помѣщались въ Пчелѣ и Кіевской Старинѣ; съ картинъ же Шевченка, писанныхъ масляннными красками, за исключеніемъ его собственнаго портрета, на сколько намъ извѣстно, не было издано никакихъ снимковъ, о чемъ конечно нельзя не пожалѣть.

Между работами Шевченка, какъ иллюстратора, перечисленными въ статьѣ В. П. Горленка (рисунки къ книгамъ Н. Полеваго: «Исторія князя Италійскаго графа Суворова—Рымникскаго» и «Русскіе

полководцы» и одинъ рисунокъ къ повѣсти Квитки «Знахарь» въ альманахѣ «Наши, списанные съ натуры русскими», не указанъ рисунокъ къ повѣсти Г. П. Данилевскаго «Хуторянскіе друзья» въ Русскомъ иллюстрированномъ альманахѣ (Спб. 1858 г. 4°), названный: «Чумакъ Омелько Брусъ»; но, кажется, что это—тотъ самый рисунокъ, который украшалъ повѣсть Квитки; не имѣя въ настоящее время подъ рукою обоихъ изданій, не можемъ сравнить ихъ. Кромѣ этого рисунка, напечатаннаго съ подписью Шевченка, повѣсть Данилевскаго сопровождаютъ еще шесть рисунковъ, изъ которыхъ два имѣютъ подпись: «Р. Жуковскій», а четыре остальныхъ («Степь», «Бакша») «Арба съ двумя волами» и «Этютъ малороссійскаго пейзажа») напечатаны безъ всякой подписи; кому принадлежатъ они—не извѣстно, но, во всякомъ случаѣ, Шевченку не можетъ принадлежать послѣдній рисунокъ, представляющій «малороссійскій пейзажъ» въ такомъ видѣ, что его можно принять скорѣе за альпійскій или кавказскій пейзажъ, чѣмъ малороссійскій.

Изложенными замѣтками мы хотѣли дополнить заключающіяся въ каталогѣ В. В. Тарновскаго и въ статьѣ В. П. Горленка указанія на художественныя произведенія Шевченка. Пожелаемъ, чтобъ изданіе, начатое первымъ выпускомъ, уважаемый собиратель продолжилъ описаніемъ прочихъ отдѣловъ своего собранія и довелъ это предпріятіе до конца, и чтобъ другіе обладатели картинъ и рисунковъ Шевченка, подобно В. В. Тарновскому, опубликовали подробныя описи своихъ коллекцій,—чтобъ такимъ образомъ со временемъ можно было привесть въ полную извѣстность всѣ художественныя произведенія Шевченка, разбросанность и неизвѣстность которыхъ затрудняютъ возможность съ увѣренностью высказать окончательное заключеніе о значеніи Шевченка, какъ художника.

Н. Ш—въ.

Проф. И. А. Сикорскій. Психопатическая эпидемія 1892 года въ Кіевской губерніи. Кіевскія универ. извѣстія 1893 г. апрѣль и отдѣльно стр. 46.

Въ декабрѣ 1891 г., но, главнымъ образомъ, въ январѣ 1892 г. въ васильковскомъ уѣздѣ кіевской губерніи появилось своеобразное религіозное движеніе, названное *Малеванщиной,* по имени таращанскаго мѣщанина Кондратія Малеванаго. Въ виду того, что движеніе это стало быстро распространяться, противъ него были приняты

административныя мѣры и назначена особая коммиссія для изслѣдованія, въ составъ которой вошелъ и проф. Сикорскій.

По словамъ его, движеніе внѣшнимъ образомъ проявляется въ томъ, что малеванцы оставили свой обычный образъ жизни, продали имущество, отказываются отъ работы и живутъ въ веселомъ настроеніи духа, ожидая со дня на день наступленья страшнаго суда. Потребность ихъ—собираться массами и предаваться порывамъ психическаго возбужденія, которое сопровождается галлюцинаціями и судорогами. Все это даетъ возможность проф. И. А. Сикорскому считать движеніе болѣзненнымъ и видѣть въ немъ *психопатическую эпидемію* на подобіе тѣхъ, которыя извѣстны уже медицинской наукѣ въ видѣ пляски св. Вита, св. Іоанна, тарантизма, квіэтизма и т. д.

Изслѣдуя болѣзненныя явленія малеванцевъ, авторъ дѣлитъ ихъ на три вида: квіэтистовъ, истерическихъ субъектовъ и параноиковъ, и въ доказательство своей мысли приводитъ нѣсколько примѣровъ—исторій болѣзней лицъ, находившихся у него на излѣченіи. Сложность психологическаго броженія, говоритъ проф. Сикорскій, предполагаетъ и сложность вызвавшихъ ее причинъ. Такими причинами, по мнѣнію его, были: появленіе штундизма, одностороннее направленіе грамотности, отсутствіе вліянія на народъ культурныхъ классовъ, присутствіе въ его средѣ параноиковъ, крымская война и сильное развитіе алкоголизма.

Въ заключеніе авторъ называетъ намъ административныя мѣры, принятыя противъ малеванщины, признавая ихъ вполнѣ соотвѣтствующими требованіямъ медицинскаго способа лѣченія подобныхъ эпидемій, предложеннаго Эскоролемъ, и заканчиваетъ свою статью словами: «малеванщина есть вопль заболѣвшаго населенія и мольба объ освобожденіи отъ вина, объ улучшеніи образованія и санитарныхъ условій»—словами, какъ то мало вяжущимися со всѣмъ остальнымъ одностороннимъ изученіемъ малеванщины, какъ исключительно психопатическаго явленія, почти лишеннаго всякой идеи.

Вообще, нужно сознаться, статья г. Сикорскаго производитъ странное впечатлѣніе и вызываетъ массу недоумѣній. Авторъ напримѣръ, нигдѣ ни однимъ словомъ не обмолвился ни объ условіяхъ, въ которыхъ онъ производилъ свои наблюденія, ни о мѣстахъ этихъ наблюденій. У читателя, поэтому, возникаетъ вопросъ, какія собранія наблюдалъ г. Сикорскій, когда собранія ихъ были запрещены раньше, чѣмъ коммиссія производила свои изслѣдованія; могли ли при такихъ обстоятельствахъ малеванцы относиться съ довѣріемъ

къ г. Сикорскому и можно ли вполнѣ, поэтому, довѣрять матеріалу, полученому имъ изъ разспросовъ малеванцевъ?

Во вторыхъ, при изслѣдованіи массовыхъ явленій г. Сикорскій совершенно избѣгалъ точнаго статистическаго метода; вслѣдствіе этого невозможно составить себѣ представленія ни о количествѣ малеванцевъ, ни о числѣ ихъ, подверженномъ тѣмъ или инымъ формамъ заболѣванія.

Въ третьихъ, изслѣдованіе малеванщины произведено крайне односторонне. Хотя г. Сикорскій и говоритъ, что это «вопль народа», но идейную сторону движенія онъ почти совсѣмъ игнорируетъ, а потому намъ совсѣмъ не ясны и причины, указываемыя авторомъ. Особенность автора—указывать причины, не приводя ихъ ни въ какую связь съ слѣдствіями.

Какія, напримѣръ, у г. Сикорскаго основанія считать, что штундизмъ имѣлъ первенствующее значеніе на появленіе и развитіе малеванщины? Въ чемъ проявилась въ малеванщинѣ односторонность народной грамотности, отсутствіе вліянія культурныхъ классовъ на народъ, присутствіе параноиковъ и т. д.? Почему крымская война является причиной малеванщины, а не венгерская 1849 года, а не тотъ строй, въ которомъ жилъ народъ до 1861 г.?

Почему алкоголизмъ считается причиной малеванщины? Доказано-ли профессоромъ Сикорскимъ, что разстройство организма у нихъ произошло отъ большого потребленія спиртныхъ напитковъ самими малеванцами или ихъ родителями?

Вообще мнѣнія г. Сикорскаго относительно малеванщины отличаются въ большинствѣ случаевъ парадоксальностью и требуютъ подтвержденія реальными фактами, которыхъ, къ сожалѣнію, авторъ даетъ намъ очень мало, отдѣлываясь въ большинствѣ случаевъ простыми разсужденіями. Характернымъ образчикомъ сказаннаго можетъ служить слѣдующее, напр., мѣсто изъ статьи г. Сикорскаго: «во время повальныхъ судорогъ, говоритъ онъ, эти судороги, равно какъ и другія истерическія проявленія носятъ у одних лицъ *несомнѣнный (?) характеръ самостоятельности*, а другихъ они являются *путемъ внушенія и подражанія*, какъ въ гипнозѣ, и, наконецъ, у нѣкоторыхъ они *просто симулированы* въ цѣляхъ полученія ореола избранника, на котораго сошелъ св. Духъ» (стр. 15). Гдѣ же доказательства всему этому, гдѣ реальные факты?

Все это заставляетъ насъ поставить большой вопросительный знакъ по поводу результатовъ изслѣдованія г. Сикорскаго.

Н. В.

по аттестату штапъ лѣкара Бриля, болше 30. Передъ обѣдомъ дядко панъ Федоръ былъ, а обѣдали со мною панъ Чуйкевичъ и Якубовичъ, а по обѣдѣ былъ Тарнавіотъ. Писалемъ писмо до доктора обширне, описуючи болѣзнь свою давную и послалемъ оное чрезъ Гаврила слугу.

Понедел. 28. Гаврилу далемъ денегъ въ росходъ 10 р. Обѣдалемъ самъ зъ Якубовичемъ. День мнѣ сей противъ прежнихъ свободнѣйший бувъ и ночъ мимошедша. Преставшійся шавтбенахтъ похованъ въ церквѣ Рождест. Прест. Б-ци архиереемъ здешнимъ при великой публѣцѣ и тройномъ зъ дробного оружа стреляню, а чрезъ весь той часъ, якъ началася и окончилася погребу церемонѣя, стреляно порознь зъ шести пушекъ, на яхтѣ будучихъ.

Вовтор. 30. Сегодня рано посѣщалъ мене полковникъ Дебриней, пріехавшій зъ Сулаку, которій сказивалъ: 1) что князь Долгорукій самъ пошелъ зъ корпусомъ до Дербенту, 2) а корпуса всего будетъ на 7000; 3) комендиромъ главнимъ надъ корпусомъ пошолъ полковникъ Еропкинъ, 4) генералъ Кропотовъ въ Астрахань будетъ, 5) синъ его старшій Никита пожалованъ прапорщикомъ. Телса обосл. вишневки бариломъ, другимъ ренского, 10 бутилокъ вина домашнего и фаскою масла. Якубовичъ захоровалъ на февру, передомъ его знобившую, а потомъ у жаръ вкинувшую. Докторъ Телсъ воспріялъ путь себѣ зъ Астраханѣ въ Ярки, а оттуду въ Дербентъ. Ночь противъ сегодня тяжела была, а день свободній мнѣ.

Середа. 31. Ночь противъ сегодня была мнѣ зъ жаремъ, обѣдалъ со мною Якубовичъ, а въ день прийшолъ къ мнѣ Тарнавіотъ, которіе и ночовали со мною, а въ день полковникъ Дебриней посѣтивши мене, отехалъ. Алексѣй слуга, Мартинъ кучеръ и Іванъ маштальѣръ пріехали зъ Сулаку и привезъ съ собою взятихъ: Алексѣй грошей 68 р. 20 а., а отъ Демяна 100 р. Пилъ я полинное вино зъ порохомъ и лексовало мене зъ 6 разъ и уриною гнало жестоко до полночи.

Сентевр. мѣсяцъ. Четвер. 1. Сегодня рано крещена одна моя татарка Марія, въ церквѣ ст. Николая, ключаремъ архиерейскимъ,

воспріемникомъ я былъ, а воспріемницею жена губернского секретара Толмачова, она жъ мнѣ дала мѣшечокъ и платокъ, а ей далъ 3 червонних. Оттуду заездилемъ до Миклашевскихъ, а оттуду у свою квартеру, где и обѣдалемъ зъ Якубовичемъ и Платономъ. Кровь зъ медіяни пускалемъ, а зъ головной хочай дважди рубано, не пойшла.

Пятокъ. 2. Сегодня рано крещена другая татарка моя Матрона, въ той же церквѣ, тимъ же попомъ, воспріемникомъ я былъ, а воспріемницею жена Івановского Марфа, она мнѣ дала тожъ мѣшечокъ и платокъ, а я далъ ей 3 червонних. Обѣдалемъ у себе зъ Якубовичомъ, а по обѣдѣ ездилемъ до Миклашевскихъ и тамъ играмемъ у карти зъ виграшомъ 15 а. Вѣжевскій заболѣлъ. Гаврилу на расходъ далемъ 7 р., а у Вѣжовского взялъ 2 р.

Субота. 3. Сегодня обѣдалъ я самъ, а панъ Якубовичъ по полднѣ релацію принюсъ взятого Гиспогану Мирвейсовимъ синомъ Магмутомъ Авганомъ, о чомъ потомъ будетъ если здоровъ буду и Господь восхощетъ. Гаврилу розними часи видалемъ денегъ на...(?) 130 р., на що онъ и, картою сегодня мнѣ данною, росписалъся. Залюбовскій род. денги за гор. взятіе, принюсъ ко мнѣ 540 р. Князя Долгорукова племѣнники сегодня виехали ко князю въ Дербенъ, которихъ опроважали Матюшкинъ и губернаторъ Фонменгдинъ.

Неделя. 4. Сегодня по ночной алтерацій, особливую ощутилемъ слабость. У Тройци былемъ на службѣ Божой, а по службѣ ездилемъ за Кутумову до п. Федора дядка, зъ Якубовичемъ, и тамъ обѣдалемъ; повернувшись оттуду, засталемъ Федора Чуйкевича въ своей квартирѣ, которій сказовалъ, что Савичи, зъ Сулаку вмѣсто болнихъ отпущенніе, пріехали сюда въ Астрахань и что и другіе по нихъ будутъ же отпущенни, и что Федоръ Сулима померъ августа 25 въ Сулаку, въ якомъ числѣ и описанъ. Михайло Афанасіевичъ Матюшкинъ, генералъ лейтнантъ, по указу къ себѣ присланномъ, виехалъ зъ Астраханѣ въ П.-бурхъ, на которого отездъ изъ пушокъ стреляно. Такъ же, туда жъ, поехалъ, позванъ указомъ синодскимъ, и епископъ Горка. Въ день до вечера 9 sedes имѣлемъ незнать зъ якой причини, а завчасу алтерація по полднѣ прийшла мнѣ.

Понеделокъ. 5. Сюю ночъ легшую противъ прежнихъ имѣлъ, а обѣдалъ зъ Якубовичомъ. Гуслѣету, при Матюшкину генералу бывшого, а оставшого при паспорту, принялемъ до себе.

Вовторникъ 6. Сюю ночъ зъ алтераціею имѣлъ я, обѣдалъ я зъ Якубовичемъ и Тарновіотомъ, а межи обѣдомъ приходили Чуйкевичъ, Жоравко и Дорошенко и, позабавившись, отъехали. Мартинъ слуга мой, хоровавшій на диссентерію болше трохъ мѣсяцей, преставилъся, которого въ церковъ Ілія святого перенесли на ночъ слуги.

Середа. 7. Сегодня Мартинъ погребенъ нашимъ попомъ отцемъ Павломъ, при пѣніи нашомъ. Обѣдали у мене отецъ Павелъ, Тарновіотъ и Якубовичъ, да опознились затимъ, что солдати отъ пороху государева приходили залили огонь, людей били и ихъ въ шіи вибили, и потомъ сатисфакцѣя учинена. Ундеръ офѣцеръ зъ Сулаку пріехалъ и былъ у мене, а сказивалъ, что Кропотовъ генералъ отпущенъ зъ Сулаку въ Москву и будетъ скоро въ Астрахань, а Шереметеву тамъ быть и что болніе бунчуковіе вскорѣ сюда будутъ.

Рождест. Прст. Б-ци. Четверъ. 8. Сегодня никуда я не виходилъ, а въ ночѣ по прежнему имѣлъ алтерацѣю. Кочубей пріехалъ зъ Сулаку. Вимѣрали куѳи, въ якихъ горѣлка будетъ въ 1) 43 ведра безъ осмухи, а въ 2) 40 вѣдеръ ровно. Пріехавшій вновь зъ болними сотникъ наказн. Глинскій зъ Дербенту, бувъ у мене и сказивалъ, что болше полъ 3 неделѣ ехалъ моремъ и что Фонлукей поехалъ до Румянцова.

Пятокъ. 9. Сеей ночи такой же, толко легкій, имѣлъ пароксисмъ. Архипъ за гор. проданную принюсъ грошей 122 р. съ полтиною, срѣбнихъ 70 р. съ полтиною, а мѣднихъ 52 р. Коня рослового купилемъ у колмикъ за 5 р. и 20 а. Гаврилови на росходъ далемъ 10 р. На вомѣти по 5 gran. принималемъ tr. emet., а вамѣтовалъ 4 раза. Дебриней посѣщалъ мене и посидя доволно отехалъ.

Субота. 10. Залюбовскій приносилъ реестръ росходу род. гор. 22 куфъ, за которую у него 656 р. и 4 гривни. Обѣдалъ я зъ Тарновіотомъ и Якубовичемъ, ночъ мнѣ, за стомахъ постній, тя-

жела была. Сегодня у вечеру надѣлъ я собе паука въ орѣшинѣ.

Неделя. 11. Сегодня обѣдалъ я зъ Тарновіотомъ и Якубовичемъ, а по обѣдѣ однаково прийшла мнѣ по прежнему алтерацѣя. Стефанъ Бутовичъ пріехалъ зъ Сулаку и сказовалъ, что будто князь Долгорукій зъ корпусомъ за 5 день сталъ у Дербенту зъ Сулаку, и что оставшіеся всѣ бунчуковіе въ Сулаку сюда едутъ. Ночовалъ я самъ, а Якубовичъ и Тарновіотъ особливе на своей квартирѣ. Генерала порутчика Штамфа команда маршъ воспріяла отсюду до Ярковъ, а оттоль на Куру.

Понеделокъ. 12. Сегодня обѣдали у мене Тарновіотъ и Якубовичъ. По прежнему ночъ имѣлемъ зъ легкою алтерацѣею. Алексѣй зъ Гавриломъ сторговали у Процка гор. куфу по 44 р. Залюбовскій принюсъ реестръ насипаннимъ зде 8 куфамъ горѣлкою моею простою, зъ которихъ 1-я имѣетъ вѣдеръ государевихъ 40, 2-я, 43 безъ осмухи, 3-я—вѣд. 40, 4-я—вѣд. 40 зъ четвертю, 5-я—вѣд. 41, 6-я—вѣд. 42, 7-я—вѣд. 41 и пол., 8-я—43 и пол., итого всѣхъ 333 и осмуха. Якубовичъ захоровалъ и сповѣдался. Самъ генералъ Штафъ рушилъ въ путь свой до Кури.

Вовтор. 13. Сегодня ходилъ я до Якубовича рано посѣщать, которому лутше стало, а мнѣ ночь зъ малимъ сномъ была и зъ алтерацѣею. Сегодня дважди порошокъ бѣлій принималъ, а кухара улѣчилъ отчасти puto contra casu. Гаврилу на гверсъ (?) далемъ еще 70 р., и того всѣхъ—200 р., въ чомъ и росписался.

Середа. 14. Сяя противъ середи ночъ легшая была, але передъ свѣтомъ голова тяжко болѣла, а въ день алтерацѣя тяжкая была до ночи, а обѣдалисмо зъ Тарновіотомъ и отцемъ Павломъ. Пашпортъ получилъ Залюбовскій ехать ему домой зъ татарками. Архипъ бувъ тутъ и говорилъ, чтобъ на пріидучую весну виелать зъ подданихъ Дуплоногового сина Івана, и Федора Ларченка, а Ігнату Володченку назадъ повернутись. Залюбовскій принюсъ гор. оковитой 5 куфъ, зъ которихъ въ 1-й, вѣдр. 40, во 2-й, вѣдр. 40 и полъ 3, въ 3-й, вѣд. 40 и полъ 4, въ 4-й, вѣд. 41, въ 5-й вѣд. 40, итого въ 5-ти, вѣдеръ 207.

Четвер. 15. Противъ сего дня ночъ не совсѣмъ тяжела была, такожде и день, толко печунка вновъ начала подпирати мнѣ правий бокъ. Обѣдалемъ у ночѣ по інформацѣи лѣкара. Архипъ и Юрченко были передъ мною, Юрченко сказалъ, что еще не доправилъ 30 р. на людяхъ въ Сулаку за табакъ и гор., задолжившихся.

Пятокъ. 16. Сяя ночъ тяжела была мнѣ, а день постомъ пройшолъ при легкой алтерацѣи. У Архипа пересмотрѣлъ реестровъ, зъ которихъ всѣхъ у его есть 51, а зъ межи нихъ облѣковъ 11, въ которихъ суми всей 456 р. и 27 а. коп. 1 и 20 четвер. жита глуховскихъ безъ пол. четвер., да оставилъ же онъ у мене облѣкгъ на полчанъ лубенскихъ, задолжившихся на 618 зол. и 7 ш. Бремера лѣкара употребилемъ. Были у мене Чуйкевичъ, Жидковъ, Дубувскій пяпій. Позвозили зъ монастира провіянтъ мой.

Субота. 17. Сегодня легше было мнѣ противъ другихъ и конфектъ отъ Бремера заживалъ, потѣлъ и узваръ зъ сенесомъ кушалъ, которій злегка ляксовалъ. Бывшому моему лѣкару Фету отослалемъ 5 таляр. битихъ. Залюбовскому денги род. за гор. проданную отдалемъ, якихъ всѣхъ и зъ тими, що у его, будетъ на 600 р. безъ чогось малого. Архипу далемъ 20 р. до дому женѣ моей. Холодовичъ, сотникъ воронѣжскій, зъ Дербенту пріехавшій, былъ у мене.

Неделя. 18. Сяя ночъ и день противъ прежнихъ были мнѣ легшіе. Обѣдалъ я, а со мною Холодовичъ, сотникъ воронѣжскій, Тарновіотъ и Якубовичъ, а по обѣдѣ пріѣхалъ Миклашевскій Андрѣй и Панченко, и играли въ карти зъ проиграшомъ моимъ. Архипъ пересипалъ, куѳу оковитой, же стала текти, въ другую болшую куѳу, въ якую надъ тую горѣлку присипали 4 вѣдерки, итого теперъ гор. оковитой вѣд. 211.

Понедел. 19. Сегодня обѣдалъ я и со мною сожителѣ. Архипу далемъ на дорогу 18 р. У Гаврила взялемъ два облѣкга отъ смѣлянского и лукомского сотн. наказ., данніе за холстъ, а суми въ нихъ 10 р. и 11 а., 2 копѣйки.

Вовтор. 20. Сегодня обѣдали со мною сожителѣ и п. Федоръ дядко, и Павелъ Раковичъ. Облѣкги оніе, отъ Гаврила взятіе вчо-

райшого дня, отдалемъ Архипови, а такъ въ всѣхъ облѣкгахъ Архипового завѣдования всѣхъ грошей 467 р. и 6 а. Отправилемъ на Украйну, въ домъ Залюбовского, Архипа, Дмитренка и двохъ дѣвокъ татарокъ и двохъ мужиковъ, зъ Залюбовскимъ пріехавшихъ; Архипу далемъ писмо до жени о денгахъ зъ нимъ посилаючихся и облѣкгахъ, где и реестръ, що сюда присилать, о чомъ зде есть реестрикъ, и другій листъ до господаря Новѣцкого. А Залюбовскому далемъ до род., родителки и жени о висилцѣ виправи etc., до ясневел. о писанню о мнѣ черезъ п. Михайла въ С.-П-бурхъ, до брата Семена, до п. Михайла, до полков. ахтир., где включенъ листъ и до князя Михайла Михайловича (Голицына) зъ прошеніемъ о себѣ. Але оніе сегодня не поехали, а удержались до завтрейшого дня. Трохима слугу родителского удержалемъ при себѣ. Полковникъ Дебриней посѣщалъ мене. Гаврилови далемъ на гвер. (?) 85 р. въ чомъ и росписался. Отъ Холодовича, сотника воронѣжского, извѣстилемся, что: 1-mo, Румянцовъ пріехалъ въ Шамаху боленъ, куда позванъ отъ его и полковникъ фонъ Лукей, для полѣцення ему комисѣи, але знову прійшолъ къ себѣ; 2-do, турецкого войска зъ 15000 въ Шамасѣ при комисареви турецкомъ, але много оного уже померло; 3-tio, корпусъ нашъ пошолъ зъ Еропкинымъ до Баки и зъ нимъ бунчуковіе всѣ, війшовшіи зъ нимъ зъ Сулаку, толко въ Дербентѣ остался Григор. Шаргородскій боленъ; 4-to, царь Грузинскій былъ въ Дербентѣ, которого въ церквѣ князь Долгорукій опасалъ кавалеріею ст. Апостола Андрея и отпустилъ въ Гилянъ, а и самъ князь якобы мѣлъ ѣхать туда жъ вскорѣ. Дѣвкамъ отездного далемъ по рублю.

Середа. 21. Сегодня Залюбовскій съ товарищи своими путь воспріяли въ Царицинъ etc. Пашпортъ въ Сулакъ Алексѣеви виданъ отъ губернатора. Ночъ мнѣ тяжела была затимъ, что имѣлъ sedes 8 и въ день слабъ былъ. Полянскій Любимъ Сав. посѣщалъ мене и въ вечеру пяній Элснеръ. Чаю фунтъ Миклашевскій Стефанъ купилъ мнѣ за 2 р.

Четвер. 22. Сегодня обѣдали со мною сожителѣ, Чуйкевичъ и Холодовичъ, сотникъ. Пароксисмъ имѣлемъ тяжшій отъ другихъ

дней. Алексѣй доносилъ, что куфу оковитой водки переточили въ другую мало меншую, въ якую не влѣзло 4-хъ вѣдеръ, якіе сюда на квартеру онъ прислалъ, а такъ гор. оковитой домашней не 211, але 207 вѣдеръ.

Пятокъ. 23. За гор. Процку 6 куфъ заплатилемъ по 44 р. итого 264 р.

Субота. 24. Извѣстно учинилось, что п. Михайло зъ Царицина 3-го сент. отехалъ. Ездилемъ судна смотрѣть, оттоль до Миклашевскихъ, где пароксисмъ началъ быть, зъ которимъ и въ домъ пріехалемъ, и тяжко оній отправился черезъ потъ. Посѣщали мене князь Урусовъ и секретарь морскихъ дѣлъ.

Неделя. 25. Ночь мнѣ легшая была; обѣдали со мною сожителѣ. По обѣдѣ былъ Іванъ Себестіяновичъ, новопріѣхавшій зъ Сулаку, зъ которимъ и другихъ бунчуковыхъ 9 чловѣка и чернь пріехали. Алексѣеви далемъ задатку за бусу, за гор. 19 куфъ, половину денегъ 12 р., а особливе 1 р. Пилъ я передъ порошкомъ вино полинное зъ порохомъ, однако жъ безъ ползи. Читали указъ и книгу о правдѣ воли монаршей въ наслѣдіи. Кулику на расходъ далемъ 5 р.

Понеделокъ. 26. Сей день легшій былъ мнѣ, поневажъ лихоратки не слихалемъ. Алексѣеви далемъ на дорогу два р. и кучеру 2 р. Покотило Василь[1]) былъ у мене на квартерѣ, пріехавшій зъ Сулаку ново. Сегодня Алексѣй зъ кучеромъ на суднѣ отпустился, въ путь свой, а при нихъ всеей водки 19 куѳъ, 8 простой, а въ нихъ вѣдеръ 333 и осмуха, оковитой домашней 5 куѳъ, а въ нихъ вѣдеръ 207, купленной 6 куѳъ, въ которихъ надѣятись вѣдеръ 250, а такъ оковитой, 457, всеей 790 вѣдеръ. Черезъ Алексѣя жъ писалемъ до Демяна о пріемѣ оной горѣлки, и чтобъ дешевше простой отъ полтора рубля не продавалъ, а оковитую висше двохъ рублей, или мѣшать якъ заб...(?) усмотритъ; да еще жъ писалемъ, чтобъ готовіе денги Алексѣеви отдалъ, якіе суть, и чтобъ

[1]) Вас. Покотило по происхожденію былъ турченокъ, взятый Мазепою въ плѣнъ съ матерью и братомъ; онъ былъ потомъ (1728–743)—Бахмацкимъ сотникомъ.

люде при ему будучіе одѣжни были и чтобъ писалъ часто, а писма свои вручалъ п. обозному прилуцкому, о чомъ и до его писалемъ, просячи о всякомъ имъ помоществованіи, буде востребуютъ люде мои. А Алексѣеви приказъ данъ въ 6 пунктахъ ко исправленію.

Вовтор. 27. Сей день таковъ же былъ и лихоратки неслихалъ. Атаманови смѣловскому позичилемъ грошей 8 р. Мозуровъ 4-хъ чловѣка, сидѣвшихъ у вязенню за бусу мою, принялемъ знову на службу подъ тимъ уговоромъ, чтобъ имъ годъ служить, а кормить ихъ отъ апр. м-ця, а до апр. черезъ зиму самимъ кормить. Обѣдали у мене сожителѣ, да Трощинскій, ново зъ Сулаку пріехавшій, и Дорошенко. Сюю ночь въ избѣ ночовалемъ.

Середа. 28. Сей день также легокъ мнѣ былъ, а посѣщали мене п. Федоръ дядко и Раковичъ. Купили мнѣ имбрикъ глиняній на примѣръ фарфорового. Кулику Остапу на росходъ далемъ грошей 10 р. на задатки Мозурамъ 26 р.

Четвер. 29. Сегодня болѣзновалемъ тяжко на горло, а обѣдали со мною Бремеръ и отецъ Павелъ. Купили мнѣ коберець (коврикъ), на столикъ, маленькій обрусъ и ручникъ китайскіе. Ездилемъ до губернатора, потому что онъ по мене присилалъ, того ради, же вчорайшого дня пріехалъ знакомий мнѣ отъ генерала Румянцова, Федоръ Ушаковъ, зъ которимъ повидѣвшись, увѣдомилемся, же Румянцевъ въ Дербентѣ, а корпусъ нашъ въ низовой и комменду имѣетъ Саймановъ, а Еропкинъ въ Дербентѣ жъ. Черезъ оного Ушакова писалемъ въ С. П.-бурхъ до Івана Петровича Толстого и до преосвященного Прокоповича о себѣ. У вечеру тяжкая на жолудокъ болѣзнь припала мнѣ.

Пятокъ. 30. Сегодня посѣщали мене дядко п. Федоръ и Рощаковскій. Кандиба и многіе бунчуковіе товарищи, отъ болезни оставленъніе въ Сулацѣ, пріехали сегодня сюда въ Астрахань. 10 р. далемъ на росходъ Кулику, якіе мѣетъ отъ Якубовича отобрать, записавши у себе, на що онъ зъ тихъ грошей употребылъ.

Мѣсяць октоврій. Субота. 1 Сегодня обѣдалисмо сами, а по обѣдѣ посѣщалъ мене Василь Савичъ. Бремеръ у вечеру былъ у

мене и принюсъ зъ собою конфектъ ляксуючихъ и пѣлули по рецепту Быдлова въ здешней аптецѣ здѣланніе.

Неоеля. 2. Сегодня обѣдалисмо сами, а по обѣдѣ посѣщали мене Богдановъ канцеляристъ и Жидковъ. Отъ Демяна получилемъ листъ, 2-го сент. писанний, что разорили курѣнь нашъ зъ протчіими, что ради толко онъ 4 кулѣ тютюну продалъ за 21 р.

Понеделокъ. 3. Сегодня у ночи алтерацѣю великую имѣлемъ съ горячкою. Писалемъ через Уласа на Башмаковку до Алексѣя отвѣтъ, писанний къ Демяну на писмо его, где и то приложилемъ, чтобъ надзирателевому брату Хомунскому сало и горѣлки вѣдро видалъ.

Вовтор. 4. Сей день мнѣ былъ тяжкій, цоневажъ черезъ увесь день была алтерація.

Середа. 5. Сей день легшій былъ мнѣ, поневажъ уступила алтерація. У лазнѣ милея. Холодовичъ, сотникъ воронѣжскій, приходилъ ко мнѣ жекгнатися (прощатися). Степанъ Назаревичъ смѣлянскій наказний, принюсъ карту на 8 р., позиченнихъ 27-го септевр. ему отъ мене. Купилемъ сукно себѣ на гусарку арш. 4 по 8 зол., итого 6 р. и 4 грив.

Четвер. 6. Сегодня коней 3-хъ отдалемъ козакамъ полку лубенского за 25 р., зъ якихъ после одного отобралемъ (зри 8 число пч. 1). Посѣщалъ мене Андрей Миклашевскій и Завадовскій, которій сказовалъ, что въ Сулаку терковскимъ козакамъ опредѣлено жить въ старой крѣпости и где базаръ бувъ и тутъ терчане строятся. Процко п. Михайла принюсъ денегъ 300 р., а я червонних 14 обминялъ своихъ.

Пятокъ. 7. Сегодня рано былъ у мене Холодовичъ, сотникъ воронѣжскій, которому я въ притомности п. Тарновіота отдалемъ п. Михайловихъ грошей отъ Процка вчора взятихъ 300 р. до отдачи ему; да ему жъ Холодовичу и листи далемъ до ясневел., брегадира, п. судіиной енер. и п. Михайла Скоропад.; особливе жъ ему далемъ писмо до него жъ писанное о моемъ інтерессѣ, взглядомъ роздачи грошевой на пашню Стар. (?) отъ Гл. (?). Іванъ машталѣръ мой преставился и погребенъ близъ Мартина.

Субота. 8. Сегодня рано принесли мнѣ козаки коровинскіе Лукянъ Лавринченко и отъ товарища своего Івана Гущи облѣкгъ на 18 р., якіе они должни мнѣ за 2 коней, за полового Лукянъ—11 р., а за сивого Гуща 7 р. Кулику на росходи далемъ 10 р. Посѣщалъ мене у вечеру Николай Григорьевъ и Топянъ. Алексѣй слуга сегодня былъ у мене еще не отездилъ, которому вигрузитись приказалемъ.

Неделя. 9. Сегодня обѣдалъ я зъ Тарновіотомъ, Якубовичемъ и Голенковскимъ. Ночь мнѣ тяжела была и вомѣти имѣлемъ отъ нестравности. Смѣловскій наказный дербенской команди были у мене и пожекгнались, отездячи до дому. Штапъ лѣкарь Бриль пріехалъ зъ Дербенѣ.

Понеделокъ. 10. Обѣдалемъ сегодня зъ Тарновіотомъ сожителемъ. Зрана почалъ дожчикъ ити, а у вечерѣ и въ ночѣ и великій ишолъ.

Вовтор. 11. Сегодня зъ Тарновіотомъ обѣдалемъ и Платономъ Ирнелинскимъ. По обѣдѣ ездилемъ до харковскаго полковника и Кочубея, у которого побувавши, повернулемся назадъ до своей квартири. Посилалемъ на Башмаковку Уласа, которій повернувшись сказалъ, что на куен наши кулѣ покладени и Алексѣй отдалъ хазяину за судно половину денегъ.

Середа. 12. Сегодня обѣдалисмо сами и зъ нами Якубовичъ, по обѣдѣ тяжко вомѣтовалемъ. Гаврилу еще далемъ на твер. (?) 50 р. Холодовичъ, сотникъ воронѣжскій, зъ комендою своею въ Дербентѣ на службѣ бывшою, восперіялъ свой путь ку домамъ на судахъ Волгою.

Четвер. 13. Сегодня сами кушалисмо у себе. По обѣдѣ посѣщалъ Кочубей.

Пятокъ. 14. Сегодня посѣщалъ я п. Федора, дядка, котирий на слабость и твердость жолудка ускаржается. Листъ Федора Раковича, до отца его писанний 21-го сент. зъ Низовой, читали, въ якомъ пишетъ, что туда 1-го сент. прійшли, на другій день ездили зъ Ероцкиномъ на встрѣчъ противъ Румянцова, и того жъ дня спопкавши его близъ Старой Шамахи, повернулись въ лагеръ на

другій день; и что Федоръ Думитрашко, бунчуковий товаришъ, помер. септ. 28-го.

Субота. 15. Сегодня обѣдалисмо сами и зъ нами Юско Василченко. Ездилемъ до Дебринея полковника, котрий при разговорѣ показовалъ авизіи французскіе разніе, а между тими и такіе, что прошлого 725 году септ. мѣсяця, состоялся мирній трактатъ на 15 лѣтъ, между королями французскимъ, аглинскимъ и прускимъ, а въ якихъ пунктахъ неизвѣстно, толко бы имъ надсматривать, дабы въ имперіи римской и во всей Европѣ жадного не было помѣшательства и что Лящинскому, тестеви своему, король французскій опредѣлилъ домъ королевскій, кавалеркгардію и полкъ. У лазнѣ милемся. Королю нинѣшному французскому 17, а ей 24 лѣтъ.

Неделя. 16. Сегодня служби Божой у ст. Тройци слухалъ, а по службѣ посѣщалъ Стефана Миклашевского болного на февру, оттуду зайшолъ зъ протчіими до Андрея Миклашевского, где и обѣдалъ, а по обѣдѣ игралъ въ карти и виигралъ 1 р.

Понеделокъ. 17. Сегодня обѣдали у мене полковникъ харковскій, Кочубей, Андрей Миклашевскій, Панченко, Яковъ Новѣцкій, Трощинскій Андрей, Завадовскій, Якубовичъ и Тарнавіотъ, ради именинъ род.

Вовтор, 18. Сегодня обѣдалисмо сами и зъ нами Якубовичъ и Петракій. Гаврилу далемъ 24 р., а Кулику 10 р. на росходъ.

Середа. 19. Сегодня обѣдалисмо сами, а по обѣдѣ ездилемъ до Полянского, зъ которого синомъ видѣлъся и оний говорилъ мнѣ, что 1, князь Голѣцинъ, фелтмаршалъ, стоитъ въ Харковѣ квартирою, а Вейзбахъ въ Полтавѣ, 2, на перемѣну пѣшимъ зъ Украини висилано сюда козаковъ.

Четвер. 20. Сегодня передъ обѣдомъ зъ Тарновіотомъ билисмо у судна, и обийшовши доволний кругъ, повернулись на обѣдъ до дому и обѣдалисмо, а по обѣдѣ ходили пѣши до обоихъ Миклашевскихъ и побувавши въ нихъ, повернулись пѣшо жъ до квартири своей.

Пятокъ. 21. Сегодня посѣщалъ насъ капитанъ Hagель. Писма до дому писалемъ о которихъ будетъ нижей.

Субота. 22. Сегодня обѣдалисмо сами. Гаврилу на судно далемъ денегъ 50 р. Вѣжевскій росходніе денги знову сталъ держати. Ночовалъ съ нами Чуйкевичъ Федоръ и въ лазнѣ мились.

Неделя. 23. Сегодня обѣдалисмо у себе и зъ нами отецъ Павелъ, Зеленскій и Якубовичъ, а по обѣдѣ были Бремеръ, Новиковъ и Чуйкевичъ. Отправилемъ Кулика, Остапа и Семена Бардака въ домъ, а черезъ нихъ писалемъ: 1) до род., о прошенія листа у князя Михайла Михайл., о посилаючомся барилѣ кавьяру и Кулиничова купчая; 2) до родителки привѣтъ, 3) до жени о посланнихъ денгахъ и листу черезъ Архипа о виправѣ, зсилаючись въ томъ на первіе писма черезъ Залюбовского, прилогъ еще що прислать, а именно: кагве окъ 2, ожинъ (ежевики), сливяной, ветшини и сушенихъ курей и индиковъ, ягодъ смаженихъ, сукна для слугъ каруну и тузѣнку, о присилцѣ стелмаха, о неприсилцѣ бандури, о посилцѣ воловъ въ Гданскъ; да приложени жъ облѣкги: 1) отъ Федора Палашенка и Івана Ходака смѣловскихъ на 40 зол.; 2) отъ Лукяна Лавринченка и Івана Гущи, коровинскихъ, на 18 р., за конѣ, 3) отъ Степана Назаріева на 40 зол., еще жъ приложени карти до господаря и старости сухоновского и другихъ, о ихъ въ господарствѣ управленіи; 4) до Нелидова о посланной водцѣ и салу, въ Сулакъ, къ брату его вахмистру; 5) до п. Михайла, черезъ Процка, о посланнихъ къ нему денгахъ черезъ Холодовича. Голенковскій отъ п. Федора привозилъ ко мнѣ писмо, къ нему и протчіимъ писанное отъ Бурковского, зъ С. П.-бурху август. 9, что будто объ отпуску больнихъ указъ посланъ сюда бунчуковихъ.

Понеделокъ. 24. Сегодня рано поѣхали Куликъ и Бардакъ во свой путь. Обѣдалисмо сами и зъ нами Бремеръ лѣкаръ. Вѣжовскому далемъ на росходъ 10 р. Федоръ Юрченко отпущенъ по салваціи отъ Бремера въ квартиру сюда.

Вовтор. 25. Сегодня обѣдали у насъ п. Федоръ дядко и Павелъ Раковичъ, и Данило Галенковскій. П. Раковичъ показовалъ листъ, къ себѣ писанний, отъ Каневского, зъ С. П.-бурху 22 септевр.,

что онъ видѣлъ у Борковского копію указу объ отпуску въ доми болнихъ бунчуковихъ.

Середа. 26. Бремеру за улѣченне свое далемъ 10 р., через Гаврила. Сегодня ездилемъ въ городъ, где былемъ у Дебринея и на квартерѣ Забѣли и Скоропадского, а обѣдалемъ у кума Івановского; оттуду былъ у Полянского и до своей приехалемъ квартири. Въ посѣдѣнню зо мною арменинъ еденъ сказивалъ: 1, что они въ постніе днѣ ни мяса, ни риби не идять, кромѣ огороднини; 2-do, что патріярховъ имѣютъ у себе арменскихъ 3-хъ, але надъ тими еденъ старшій, а живетъ онъ въ городѣ арменскомъ—Ареванѣ, на мѣстѣ ст. Григорія арменскаго, а другіе два живутъ на престолахъ синовъ помянутого ст. Григорія, еденъ въ городѣ Арестанетъ, а другій въ городѣ Вартанъ прозиваемихъ.

Четвер. 27. Сегодня обѣдалисмо у дядка п. Федора.

Пятокъ. 28. Сегодня позичилъ Вѣжевскій зъ росхожихъ грошей 2 р. хоминскимъ козакамъ двомъ, сотнѣ глинской, Харку Шепеленку и Петру Колотенку, отъ которихъ и карту взялъ. Составилемъ парадній реестръ вещей, привезонних через Юрченка. Дебриней полковникъ въ Сулакъ отехалъ. Черезъ его писалъ я до обозного прилуцкого и до Демяна о посланной зъ Алексѣемъ горѣлцѣ и его описиваннюся ко мнѣ, и о звозѣ оней горѣлки зъ ретранжаменту въ Сулакъ.

Субота. 29. Сегодня обѣдалисмо сами и съ нами Петракій. Руднѣцкій принюсъ денегъ 30 р. доводячихся, якіе ему я позичилъ былъ.

Неделя. 30. Сегодня по службѣ Божой заходилемъ до обоихъ Миклашевскихъ и въ старшого обѣдалемъ, вкупѣ зъ п. Федоромъ дядкомъ, Раковичомъ и Панченкомъ. Заходилемъ до Никити Гавриловича, сина генерала Кропотова, пріехавшого сюда теперъ, а посиланного зъ подъ Кумтаркаловъ въ С. П.-бурхъ, о шафкалу зъ вѣдомостю. Отъ Демяна получилемъ писмо зъ Сулаку октовр. 9 отпущенное, въ которомъ обявляетъ, что куренъ нашъ сцѣлѣлъ на прошеніе Вилима Вилимовича, капитана, и что продалъ табаку папушъ 6000 и взялъ за онихъ денегъ 250 р. зъ которихъ 51 р.

въ росходѣ съ полтиною и что войско оставшееся пойшло въ крѣпость ст. Креста на Куру 7 октовр., а горѣлка нѣпочому.

Понеделокъ. 31. Сегодня обѣдалисмо сами, а Бремеръ, помаранчи принесшій передъ обѣдомъ, отишолъ. Гаврилу 120 р. далемъ на судно, въ чомъ и росписался. Бремеру за лѣкарство, въ аптецѣ купленное, отослалемъ 1 р. Воронинъ, атютантъ князя Долгорукова, вчорайшого дня пріехавшій сюда зъ Дербенту, посѣщалъ мене, которій въ розговорѣ сказовалъ, что 11 день его отезду зъ Дербенту, якого дня и князь отехалъ въ Гилянъ, и что бунчуковіе отпущени въ Сулакъ отъ Низовой, и зъ Сулаку въ Астрахань, до указу и что межа еще не окончилась.

Мѣсяцъ ноеврій. Вовтор. 1. Сегодня обѣдалисмо сами, а съ нами Якубовичъ, передъ вечоромъ ездилемъ до Воронина Василія Онуфріевича и посидѣвши отехалемъ. П. Федоръ дядко былъ у мене и показовалъ писмо отъ капитана Вулва писанное до п. Стефана Миклашевского о томъ, что состоялся указъ отпустить въ доми болнихъ бунчуковихъ и копія указу о насъ приложена.

Середа. 2. Сегодня рано ездилемъ до Воронина и оному отдалемъ писма мои до Петра Андрѣевича и своихъ синовъ и Артемія Петровича, о моей нуждѣ здешной писанніе, и потомъ къ нему, Воронину писалемъ, чтобъ незабилъ отдать оних и продложить; онъ же Воронинъ сегодня и отехалъ въ С. П.-Бурхъ. Заходилемъ до Миклашевского Андрѣя, где составленъ листъ отъ всѣхъ насъ до генерала Матюшкина просителній, чтобъ онъ ходатайствовалъ объ насъ. Онъ же Воронинъ сказивалъ, что Еропкинъ въ Сулаку зазимуетъ, а генералъ маіоръ Румянцевъ въ Дербентѣ, а князь въ Гилянѣ. Его жъ я обослалъ водки барилцемъ, а и еи сливами, а онъ картузного табаку фунтомъ мене.

Четвер. 3. Сегодня обѣдалисмо и зъ нами Якубовичъ въ квартирѣ, а по обѣдѣ ходили до п. полковника харковского и Кочубея, и оттоль домой, а Якубовичъ съ нами прійшовши и ночовалъ у насъ. Сегодня лѣкарство осѣнное принимать началемъ, у вечеру, пѣлули. Кинджалъ купилемъ за двѣ гривни.

Пятокъ. 4. Сегодня кушалисмо сами у себе. Вѣжовскому на росходъ, въ другое, далемъ 4 р. и на реестрѣ подписалемъ. Вѣдомость читалемъ, якая въ Гилянѣ 1723-го году, при Рящѣ досталася черезъ Іосифа Обесаланияна грузинца, прійшовшого въ Рящъ зъ казбинскимъ караваномъ отъ Испагана, въ которой тая сила: что въ 1722 году, при бытности оного грузинца въ Гиспаганѣ, въ февр. м-цѣ, 18-го числа, получена вѣдомость, что Мирвейсовъ синъ Магмутъ Авганъ, въ 12 тисячахъ, пришелъ въ мѣсто Варсанъ и идетъ къ Гиспаганѣ; тогда шахъ, зъ Гиспаганѣ и изъ деревенъ, и Грузинцовъ, собравъ тисячъ зъ 30, подъ комендою Ахтима Девлета да грузинского цара Вахтанга, брата послалъ противъ Магмута, при которихъ было 24 пушки, и недошедши Гиспаганѣ, оной Магмутъ зъ шаховимъ войскомъ имѣлъ баталѣю, февр. 26-го, и сначала шахова сторона имѣла щасте, а когда зъ Магмутовой сторони съ верблюдовъ началась стрелба зъ яничарокъ, тогда шахово войско побѣжало; и по баталѣи на томъ мѣстѣ стоялъ Магмутъ 3 дни, а по трехъ днях, пошелъ къ Гиспаганѣ, и вступилъ въ армянскую слободу, въ Жулфу, марта 19-го числа, и сталъ въ шаховомъ саду, въ Фарабатѣ, и многажди приступалъ къ Гиспаганѣ и оной не взялъ, толко дороги всѣ отнялъ. Тогда жъ амаданской и заденъгенскій хани, въ 5000 войска своего, ишли къ Гиспаганѣ, которихъ Магмутови посланники, въ 4000-хъ, недопустя за 3 дни до Гиспагани, напавши на стану ноччю, съ полтори тисячи побыли, а оставшіеся оставили все и разбѣжались.— Того жъ году, въ юлѣ мѣсяцѣ, бахтіарское войско 8000 шло къ Гиспаганѣ и недошедшимъ имъ за день, напали на нихъ Авганцы Магмутови и побыли на 4000, а осталніе разбѣглися, а послѣ днiй съ три отъ шаховой сторони Ахтима Девлетъ съ однимъ ближнимъ съ Магмутомъ Агою, въ 8000, пошли противъ Магмута и учинившойся баталѣи, Авганци побыли у нихъ 1000 чловѣкъ, а досталніе ушли въ Гиспаганъ; а зъ сторони авганской во всѣхъ баталѣяхъ на 3000 человѣкъ побыто, и когда Магмутомъ обступлена была Гиспагань, тогда великій учинился голодъ: пшеницѣ батманъ тоесть 14 фунтовъ, по 80 р; пшона батманъ же по 100

р., масла коровіого по 120 р.; ишачого мяса по 20 р. по абасе(?) и протчее все надъ мѣру было дорого, а люде убогіи дѣтей своихъ и собачія и кошечія мяса, и падалище и подошви и всякіе шкурки варили и или: и тогда шахъ, совѣтуя зъ министрами своими, намѣрилъ дать Магмуту патсотъ или шестсотъ тисячъ и до миліона рублей и городъ Мешівъ зъ протчіими местечками и дочъ свою въ жену, чтобъ оной Магмутъ отступилъ отъ Іспагани, на что Магмутъ отвѣтствовалъ до шаха, что, мовитъ, Іспаганъ и дѣти твои и всѣ будетъ въ рукахъ моихъ, и прислалъ Магмутъ къ шаху, что ежели Іспаганъ и корону свою отдастъ ему, то будетъ живъ, а буде не отдастъ, то и Іспаганъ разорится и шахъ убитъ будетъ. Тогда шахъ, усмотря свою невозможность и великій голодъ, того жъ году октовр. 12-го дня надѣлъ на себе свою корону и поехалъ къ Магмуту, и пріехавши къ нему, привѣтствовалъ его и сѣлъ на нижнемъ мѣстѣ, а Магмутъ шаха не толко съ почтеніемъ не принялъ, но и не смотрѣлъ на него. Тогда шахъ, снявши зъ себе корону, отдалъ Магмутову первому минѣстру и велѣлъ отдать Магмуту, а Магмутъ корони не принялъ и приказалъ самому шаху наложить на себе, того для шахъ вставши зъ своего мѣста, прійшолъ къ Магмуту и корону наложилъ на оного и сіе сказалъ: „тебѣ Богъ велѣлъ короною моею владѣть". По отдачи корони, шахъ былъ у Магмута двое сутки и отпущенъ въ домъ свой; въ первій же день пріезда шахова къ вечеру, Магмутъ послалъ своего первого минѣстра зъ 2000 чловѣкъ къ Гиспаганѣ и приказалъ дворъ шаховъ приняти и караулъ поставить, и въ то время въ дому шаховомъ великій вопль и плачъ учинился; и октовр. 14-го Магмутъ зъ шахомъ поехали въ Гиспагань и ехали до мосту ширанского, шахъ же поехалъ садами, а Магмутъ болшою улицею, по которой розніе послани были парчи до самого двора шахова, а передъ Магмутомъ ехали 12 чловѣкъ и проклинали вѣру шахову. По прибытіи своемъ Магмутъ въ дому шаховомъ казни осмотрѣлъ на 40000 р., да камѣнния и протчіихъ вещей и матерій золотихъ многое число. Когда же въ Гиспаганѣ голодъ былъ, въ то время всякого народа малихъ и великихъ померло со сто тисячъ душъ, а когда зъ Гиспаганѣ

1244. **Выставка** картинъ кіевскихъ художниковъ. **W.** (статья). (1889, № 4, 203—205).

1245. **Гонта.** Портретъ его. Н. Добротворскаго (статья). (1885, № 8, 736—740).

1246. **Гонта.** Жена его (портретъ и статья). (1883, № 9—10, 326—328).

1247. **Греческія музы** въ Малорусскомъ изображеніи. (Рисунокъ и статья). (1884, № 4, 709—714).

1248. **Де-ля-Флизъ.** Новые альбомы его. Н. Б. (статья) (1891, № 3, 508—511).

1249. **Загадочные** портреты Д. Сапожникова (статьи). (1884, № 8, 732—742).

1250. **Запорожскій храмъ** въ Новомосковскѣ. П. Г. (рисунокъ и статья). (1888, № 1, 2. 3, 41—48).

1251. **Зарѣцкій И. А.** Замѣтка о его альбомѣ украинскихъ древностей Д. Багалѣя (статья). (1888, № 12, 148—149).

1252. **Иляшенко** Максимъ, полковникъ лубенскій (1677—1687), (Портретъ и статья). А. Л. (1891, № 1, 186—189).

1253. **Картины** малорусскаго содержанія на первой передвижной выставкѣ академіи художествъ. С. (статья). (1887, № 6—7, 555—559).

1254. **«Кіевская** Академія и ея студенты (1697—1702), (рисунокъ со статьей). (1882, № 2, 437—440).

1255. **Кисель** Адамъ. (Портретъ и статья). (1885, № 8, 745—750).

1256. **Лубочныя** картинки на малорусскія темы. Ир. Ж. (статья). (1890, № 12, 503—507).

1257. **Мазепа** (портретъ и статья). (1887, № 1, 188—191).

1258. **Мазепа.** О портретахъ его (статья). (1883, № 7, 594—596).

1259. **Мазепа.** Еще о портретѣ его. Андрея Цимбалистова (статья). (1887, № 2, 370—372).

1260. **Маковскій** В. Е. Картина его «Мать и дочь». Н. С. (статья). (1887. № 1, 165—169).

1261. **Малороссія** на передвижныхъ художественныхъ выставкахъ картинъ Н. С. (статья). (1885, № 8597—606).

1262. **Могила** Петръ (портретъ и статья). (1882, № 4, 175—176).

1263. **Новицкій** Илья Θедоровичъ (портретъ и статья). (1886, № 9, 194— 98).

1264. **Описаніе атласа** XVIII ст., подареннаго черниговской гимназіи кн. Н. Н. Голицынымъ (статья). (1890, № 4, 131—147).

1265. **Острожскій** Константинъ. (портретъ и статья). (1883, № 11, 523—528).

1266. **Острожская** Софія княгиня (портретъ и статья). (1883, № 12, 714—716).

1267. **Полуботокъ** Павелъ, полковникъ черниговскій (1705—1724). Я. Ш. (Портретъ и статья). (1890, № 12, 522—538).

1268. **Польскіе** рисунки на украинскія темы. В. Г. (статья). (1890, № 11, 323—325).

1269. **Потѣй** Ипатій, кіевскій уніатскій митрополитъ (портретъ и статья). (1884, № 9, 180—182).

1270. **Рисунки** изъ путешествія Имп. Екатерины II въ южную Россію. Г. (статья). (1891, № 10, 126—127).

1271. **Старинные** малороссійскіе портреты. В. Горленка (статья). (1882, № 12, 602-606).

1272. **Старинные** малороссійскіе портреты. А. Лазаревскаго. (1882, № 5 и 11, 337—342 и 173—175).

1273. **Старинные** малороссійскіе портреты. А. С—ка (статья). (1882, № 9. 577—579).

1274. **Старинная** южно-русская

гравюра. Г. (статья). (1890, № 1, 47—59).

1275. **Стороженки.** (Полковникъ Иванъ и бунчуковый товарищъ Григорій). (портреты и статья) Н. Стороженка. (1890, № 4, 167—173).

1276. **Терлецкій** Кириллъ (портретъ и статья). (1884, № 10, 366—369).

1277. **Трутовскій** К. А. Два слова о рисункахъ его. Н. С. (статья). (1888, № 6, 85—89).

1278. **Туптало** Савва Григорьевичъ (портретъ и статья). (1882, № 7, 194—198).

1279. **Хмельницкій** Богданъ (портретъ и статья). (1882, № 1, 226—231).

1280. **Хмельницкій** Богданъ. Памятникъ его. (Рисунокъ со статьей «историческій очеркъ его сооруженія»). (1888, № 7, 145—156).

1281. **Ширай** С. Я. (портретъ и статья). (1887, № 10, 398—400).

1282. **Шевченко**. Село Андруши. В. Науменка (рисунокъ и статья). (1890, № 6, 554—557).

1283. **Шевченко**. Густынскій монастырь (3 рисунка), Чигиринъ съ Суботовскаго шляху. (рисунки и статья). (1890, № 2, 356—358).

1284. **Шевченко.** «Комора въ Потокахъ» (рисунокъ и статья). (1891, № 12, 507—508).

1285. **Шевченко**. Михайловская и Покровская церкви въ г. Переяславѣ полтав. губ. (2 рисунка и статья) А. Стороженка. (1891, № 2, 337—351).

1286. **Шевченко.** Суботовская церковь Н. Б. (рисунокъ статья). (1890. № 9, 506—508).

1287. **Шевченко.** Загадочный портретъ его. А. Бабича (статья). (1887, № 6—7, 577).

1288. **Шевченко.** Иллюстраціи его. В. Г—ка (статья). (1888, № 1—3, 8—11).

1289. **Шевченко.** Картины, рисунки и офорты его. В. Г. (статья). (1888, № 6, 80—85).

1290. **Шевченко**. Рисунки его (статья). (1889, № 10, 184—185)

VII. Библіографія.

1291. **А. А.** Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Вып. 1 ый Изд. редакторъ неоф. части «Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». Кіевъ 1882 г. (1882, № 1, 203—204).

1292. **А. А.** Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Вып. 2 ой. Изд. редакторъ неоф. части «Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», Кіевъ 1882 г. **А.** (1882, №7, 171—173).

1293. **А. А.** Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Выпускъ 3-й. Издалъ редакторъ неоф. части «Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». Кіевъ 1882 г. И. Новицкаго. (1882, № 11, 354—360).

1294. **Abel Karl. d-r**. Gross und klein-russich. Aus Ilchester-Vorlesungen über vergleichende Lexikografie gehalten an der Universität Oxford. Im Auftrage des Verfassers aus den englischen übers. von Rudolf Dielitz. Leipzig und Berlin. 1885 г. Н. Дашкевича. (1885, № 11, 524—532).

1295. **Абрамовъ** Я.В. Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая

библіотека Ф. Павленкова. В. Н. Каразинъ. Его жизнь и общественная дѣятельность. Біографическій очеркъ. Спб. 1891 г. Д. И. Багалѣя. (1891, № 6, 499—503).

1296. **Адресъ-Календарь** кіевской губерніи на 1888 годъ, съ адресами квартиръ и алфавитнымъ указателемъ фамилій. Изд. кіев. губ. Статист. комитета. Кіевъ 1888 г. (1888, № 1—3, 48).

1297. **Акинфіевъ** Ив. Як. Растительность Екатеринослава въ концѣ перваго столѣтія его существованія. Екатеринославъ 1889 г. Г. З. (1889, № 4, 220—225 .

1298. **Аксаковъ** С. Т. Исторія моего знакомства съ Гоголемъ со включеніемъ всей переписки съ 1832 по 1852 г. М. 1890 г. А. Степовича. (1891, № 1, 190—193).

1299. **Акты**, издаваемые виленскою археографическою коммиссіей. Т. XII. Акты главнаго литовскаго трибунала В. 1883 г. XX + 651 + 67. ц. 2 р. В. И. (1883, № 7, 563—566).

1300. **Акты**, издаваемые виленской археографическою коммиссіей т. XIII. Акты главнаго литовскаго трибунала. Вильна 1886 г. И. Каманина (1886, № 11, 558—560).

1301. **Акты**, издаваемые виленскою археографическою коммиссіей. Томъ XV-й. Декреты главнаго литовскаго трибунала. Вильна 1888 г. И. Каманина. (1889, № 5—6, 645—648).

1302. **Акты**, издаваемые виленскою археографическою коммиссіей. Т. XVI-й. Документы, относящіеся къ исторіи церковной уніи въ Россіи. Вильна 1889 г. Акты, издаваемые виленскою археографич. коммиссіей. Т. XVII. Акты гродненскаго земскаго суда. Вильна 1890 г. И. Каманина. (1891, № 9, 495—500).

1303. **Акты** московскаго государства, изданные Импер. академіей наукъ подъ редакц Н. А. Попова Т. I. Разрядный приказъ. Московскій столъ 1571—1634. 1890 г. Д. И. Багалѣя. (1891, № 4, 171—173).

1304. **Акты**, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи, собранные и изданные археографической коммиссіей. Т. XII. Спб. 1882 г. В. А. (1882, № 9, 555—556).

1305. **Акты**, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи, собранные и изданные археографическою коммиссіей. Т. 14. (Дополненіе къ III тому) Спб. 1889 г. Ив. Н. (1889. № 9, 781, 788).

1306. **Александровичъ** М. Н. Остерскій уѣздъ Вып. I. Историческое описаніе. Ч. 1-я. До окончанія смутъ въ восточной украинѣ 1669 г. Кіевъ 1881 г. (1882, № 1, 204—206).

1307. **Александровъ** В. Складка. Альманахъ. Року Божого 1887 г. № 1. Харьковъ. З. (1887, № 5, 172—176).

1308. **Андріевскій** А. Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Сост. редакт. неоф. части «Кіев. Губ. Вѣд.» Кіевъ 1882 г. В. А. (1883, № 3, 651—653).

1309. **Андріевскій** А. Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Вып. V. Кіевъ 1883 г. В. А. (1883, № 11, 493—495).

1310. **Андріевскій** А Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Вып. 6-ой. Кіевъ 1884 г. Ц. Н. (1884, № 7, 523—524).

1311. **Андріевскій** А. Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Вып. 7-ой Кіевъ 1884 г. К. Цыбульскаго. (1884, № 12, 719—722).

1312. **Андріевскій** А. Историческіе матеріалы изъ архива кіев-

скаго губ. правленія. Вып. 8-ой. Кіевъ 1885 г. И. Каманина. (1885, № 5, 137—140).

1313. **Андріевскій** А. Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Вып. 9-й. Кіевъ 1885 г. К. Л. (1885, № 10, 329—332).

1314. **Андріевскій** А. Историческіе матеріалы. Изъ архива кіев. губ правленія. Вып. 10. Кіевъ 1886. К. Цыбульскаго. (1886, № 4, 789—794).

1315. **Андріевскій** А. Матеріалы для исторіи южно-русскаго края въ XVIII столѣтія (1715—1774 г.), извлеченные изъ старыхъ дѣлъ кіевскаго губернскаго архива и изданныя Имп. одесскимъ обществомъ исторіи и древностей. Одесса 1886 г. И. Каманина. (1886, № 10, 155—157).

1316. **Андріевскій** А. Историческая записка о златопольской гимназіи, составленная ко дню 50-лѣтняго юбилея ея въ августѣ мѣсяцѣ 1887 г. В П. Кіевъ 1887 г. (1887, № 11, 557—559).

1317. **Андріевскій** М. А. Козацкая дума о трехъ азовскихъ братьяхъ въ пересказѣ, съ объясненіями, разборомъ и картою. Одесса 1884 г. Ц. Неймана. (1884, № 5, 130—138).

1318. **Андріяшевъ**. Очеркъ исторіи волынской земли до конца XIV столѣтія. Кіевъ 1887 г. П. Голубовскій. (1888, № 7, 12—17).

1319. **Андріяшевъ** А. Кіевскій народный календарь на 1889 г. Годъ 25-й. Амартола. (1889, № 1, 276—281).

Dr. Antoni I. см. подъ № 1471 и слѣд.

1320. **Антоновичъ** В. Б. и В. А. Бецъ. Историческіе дѣятели юго-западной Руси въ біографіяхъ и портретахъ. В. I. Составили по коллекціи В. В. Тарноскаго. Кіевъ, ц. 6 р. (1883, № 4, 878—882).

1321. **Антоновичъ** В. Б. Монографіи по исторіи западной и юго-западной Россіи. Т. I. Кіевъ 1885 г. И. Каманина. (1885, № 6, 318—328).

1322 **Антоновичъ** В. Б. О скальныхъ пещерахъ на берегу Днѣстра въ подольской губерніи. Одесса 1886 г. П. Голубовскаго. (1887, 369—370).

1323 **Археографическій** сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи сѣверо-западной Руси, издаваемый при управленіи Виленскаго учебнаго округа. Т. XI. Вильна 1890 г. И. Каманина. (1891, № 10, 495—500).

1324. **Архивъ** князя Воронцова, книга двадцать пятая М. 1882 г. Д. Багалѣя. (1882, № 7, 160—164).

1325. **Архивъ** мотыжинскій. Акты переяславскаго полка XVII—XVIII вв. Изд. Андрея и Александра Савицкихъ. Кіевъ 1890 г. А. М. (1890, № 9, 519—521).

1326. **Архивъ** юго-западной Россіи, издаваемый временной коммиссіей для разбора древнихъ актовъ Ч. I. Томъ VI. Акты о церковно-религіозныхъ отношеніяхъ въ югозападной Руси 1322—1648). Кіевъ 1883 г. И. Каманина. (1884, № 12, 708—716).

1327. **Архивъ** юго-западной Россіи, издаваемый коммиссіей для разбора древнихъ актовъ, состоящей при кіевск., подольскомъ и волынскомъ генералъ-губернаторѣ ч. VII, т. 1. Акты о заселеніи юго-западной Россіи. Кіевъ 1886 г. И. Каманина. 1887 № 8, 752—757).

1328. **Архивъ** юго-западной Россія. Ч. первая т. VII. Памятники литературной полемики православныхъ южно-руссцевъ (sic.) съ латиноуніатами. Кіевъ 1887 г. И. Новицкаго. (1888, № 4, 1—9).

1329. **Архивъ** юго-западной Рос-

сіи, издаваемый коммиссіей для разбора древнихъ актовъ и проч. Кіевъ 1888 г. И. Новицкаго. (1890, № 5, 382—388).

1330. **Аѳонскій** П. Что такое унія, какъ она началась и какъ окончилась? (Историч. разсказъ для народнаго чтенія). Минскъ 1889 г. Его-же: православныя святыни города Минска. И. Каманина. (1889, № 9, 792—793).

1331. **Багалѣй** Д. Исторія Сѣверской земли до половины XIV ст. Кіевъ 1882 г. Н. Голубовскаго. (1882, № 6, 519—523).

1332. **Багалѣй** Д. Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта степной окраины московскаго государства въ XVI—XVIII стол. Изд. Историко-филологич. общества при Имп. харьковскомъ университетѣ. Харьковъ 1886 г. В. А. (1886 № 3, 582—588).

1333. Багалѣй Д. Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной украины московскаго государства т. I. Исторія колонизаціи. Москва. 1887 г. И. Каманина. (1889, № 1, 250—259).

1334. **Багалѣй** Д. Заселеніе харьковскаго края и общій ходъ его культурнаго развитія до открытія университета. Рѣчь, сказанная на актѣ въ Имп. харьк. университетѣ 17 янв. 1889 г. Харьковъ 1889 г. И. Каманинъ. (1889, № 7, 309—310).

1335. **Барбашевъ** А. Витовтъ и его политика до грюнвальденской битвы (1410 г.) Спб. 1885 г. И. Каманина. (1885, № 9, 148—151).

1336. **Барвѣнскій** О. Исторія Руси. Часть IV. Львовъ 1882 г. Коштомъ и заходомъ товарнства «Просвѣта». Цѣна 16 крейц. (12 к.) В. А. (1883 г. № 2, 649—651).

1337. **Барвѣнскій** Александръ. Исторія Руси часть V. Львовъ 1884. В. А (1884, № 8, 708—710).

1338. **Baranovicz** Lazarz. Księga smierci albo krzyż Chrystusow, Новгородъ-Сѣверскій 1676 г. М. М. (1891, № 1, 202—206).

1339. **Барсовъ** Е. В. Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ кіевской дружинной Руси. Москва 1887 г. т. 1—2. В. Науменка. (1888, № 7, 1—12).

1340 **Барсуковъ** А. Разсказы изъ русской исторіи XVIII в. по архивнымъ документамъ. Сбп. 1885 г. К. Цыбульскаго. (1885, № 10, 326—329).

1341. **Барсуковъ** А. Родъ Шереметевыхъ. Кн. I—IV. Спб. 1881—84 г. И. Каманина. (1885, № 10, 319—323).

1342. **Барсуковъ** А. Родъ Шереметевыхъ, книга пятая. Спб. 1888 г. И. Каманина. (1888, № 6, 59—62).

1343. **Батюшковъ** П. Н. Бѣлоруссія и Литва. Историческія судьбы сѣверо-западнаго края. Съ высочайшаго соизволенія издано при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Спб. 1890 г. И. Новицкаго. (1890, № 6, 558—565).

1344. **Батюшковъ** П. Н. Волынь. Историческія судьбы юго-западнаго края. Съ высочайшаго соизволенія издано при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Спб. 1888 г. И. Каманина. (1888 № 11, 49—53).

1345. **Батюшковъ** П. Н. Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ, издаваемые съ Высочайшаго соизволенія. Вып. 7 ой: Холмская Русь (люблинская и сѣдлецкая губ.) Спб. 1885 г. (Съ приложеніемъ художественнаго отдѣла). Изд. министерства внутреннихъ дѣлъ. И. Беркута. (1885, № 6, 307—314).

1346. **Батюшковъ** П. Н. Памятники русской старины въ западныхъ, губерніяхъ, издаваемые съ Высочайшаго соизволенія. Вып. VIII: Холмская Русь (люблинская

и сѣдлецкая губерніи варшавскаго генералъ-губернаторства). Спб. 1885 г. ц. 15 р. Ѳ. Лободы (1886, № 4, 796—804).

1347. **Батюшковъ** П. Н. Русь. Историческія судьбы русскаго забужья. Спб. 1887 г. К. Цыбульскаго. (1887, № 11, 549—557).

1348. **Бахталовскій** Георгій. Посадъ Вилковъ. Историко-статистическій и бытовой очеркъ. Кишиневъ 1881 г. Гр. Д—на. (1882, № 8, 358—361).

1349. **Беретти** А. О строющемся соборѣ во имя св. Владиміра въ Кіевѣ. Кіевъ 1884 г. А. К. (1884, № 6, 323—326).

1350. **Берхинъ**. О статьѣ его «О посольствахъ Владиміра св. для испытанія вѣръ». П. Голубовскаго. (1885, № 3 ,569—573).

1351. **Бестужевъ-Рюминъ** К. Русская исторія т. II, вып. I, Спб. 1886 г. И. Каманина. (1886, № 1, 167—168).

1352. **Бершадскій** С. А. Литовскіе евреи. Исторія ихъ юридическаго и общественнаго положенія въ Литвѣ отъ Витовта до люблинской уніи (1388—1569) Спб. 1883. В. А. (1883, № 12, 665—671).

1353. **Бершадскій** С. А. Шауль-Юдичъ Валь изъ Бреста—Литовскаго, преемникъ Стефана Баторія. Историч. леген. да. Спб. 1889. И. Каманина (1890, № 6, 565—569).

1354. **Биберштейнъ** Гр. Народныя преданія въ Подоліи. Графъ Мотыка. Каменецъ-Подольскъ 1881 г. Н. П. (1882, № 5, 321—323).

1355. **Библіографическая** замѣтка. Божерянова. (1886, № 2, 419—420).

1356. **Бобринскій** Гр. Алекс. Курганы и случайныя археологическія находки близъ мѣстечка Смѣлы. Дневники пятилѣтнихъ раскопокъ. Спб. 1887 г. В. Ястребова. (1887, № 10, 361—365).

1357. **Бобринскій** Александръ гр. Дворянскіе роды, внесенные въ общій гербовникъ Всероссійской имперіи. 2 ч. Спб. 1890. М. (1890, № 4, 189—190).

1358. **Бобровскій** П. О. Русская греко-уніатская церковь въ царствованіе Императора Александра I. Историч. изслѣдованіе по архивнымъ документамъ Спб. 1890. Арк. Л—нка. (1890, № 4, 180—182).

1359. **Bołsunowski**. Solidy Bolesława z napisem slawianskim. Studium numizmatyczne Кіевъ 1887 г. И. Каманина. (1888, № 7, 26—29).

1360. **Bonnel** Ernst. Beiträge zur Alterthumskunde Russlands von den ältesten Zeiten bis um das Jahr 400 nach Chr., hauptsächlich aus der Berichten der griechischen und lateinischen Schrifstellers. Erster Band. Спб. 1882. (Эрнестъ. Боннель. Дополненія къ археологіи Россіи, съ древнѣйшихъ временъ до 400 года по Р. Х. составленныя преимущественно по извѣстіямъ греческихъ и римскихъ писателей. Т. I. Спб. 1882 г.). В. А. (1882, № 7, 167—171).

1361. **Boniecki** Adam. Poczet rodów w wielkém księstwie litewskiém w XV i XVI wieku. Warszawa 1887. О. Л. (1887, № 6—7, 523—526).

1362. **Бразоль** Григорій. Объ учрежденіи волостныхъ и сельскихъ судовъ. Замѣна ихъ мировыми судебными учрежденіями. Харьковъ 1886. И. Каманина. (1886, № 6, 342—345).

1363. **Бубликъ** В. Д. Путеводитель по Кіеву и его окрестностямъ. И. Ж. (1888, № 8, 49—50).

1364. **Будиловичъ** А. Меѳодіевскій юбилейный сборникъ,

изданный Имп. Варшавскимъ Университетомъ къ 6-ому апрѣля 1885 г. Варшава 1885 г. И Каманина. (1885, № 7, 491—493).

1265. **Будиловичъ** А. Русская православная старина въ Замостьѣ. Изд. Холмскаго св. Богородицкаго братства. Варшава 1886. П. Голубовскаго. 1886, № 9, 151—155).

1366. **Буковинскій** Альманахъ. Черновцы 1885 г. Л—тъ. (1886. № 8, 735—738).

1367. **Булгаковскій** Д. Г. Пинчуки, этнографическій сборникъ. Спб. 1890. (1891, № 2, 361—363).

1368. **Булгаковъ** Ѳ. И. Альбомъ русской живописи Картины В Д. Орловскаго. Спб. (годъ неизв.). Н. Шугурова. (1889, № 5—6 658—660).

1369. **Булгаковъ** Ѳ. И. графія. Иллюстрированная исторія книгопечатанія и типографскаго искусства, т. I, съ изобрѣтенія книгопечатанія по XVIII вѣкъ включительно. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1890. И. Ж. (1890, № 7, 155—158).

1370. **Буцинскій** И. П. О Богданѣ Хмельницкомъ. Харьковъ, въ тип. Зильберга 1882 г. (1883, № 1, 183—184).

1371. **Буцинскій** И. П. О Богданѣ Хмельницкомъ. Харьковъ 1882. В. Антоновича. (1883, № 2, 417—428).

1372. **Бучневичъ** В. Е. Записки о Полтавѣ и ея памятникахъ. Полтава. 1882. Ив. Матченка. 1883, № 5, 161—164).

1373. **Бѣлозерскій** Н. Добавки и поправки постояннаго читателя «Кіевской Старины». (1884, № 5, 146—151).

1374. **Бѣляшевскій** Николай. Монетные клады кіевской губерніи. Кіевъ 1889. П. Голубовскаго. (1889, № 10, 205—207).

1375. **Василенко** В. И. Мѣстечко Опошня, зѣнковскаго уѣзда, полтавской губерніи. Статистико-экономическій очеркъ. Изд. Полтавскаго Губернскаго Статистическаго комитета. Полтава 1889, Н. В. (1891, № 6, 503—504).

1376. **Васильчиковъ** А. А. Семейство Разумовскихъ, т. IV. Спб. 1887 г. **W.** (1887, № 4, 760—762).

1377. **Венгеровъ** С. А. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Спб. 1886—8. Вып. 1—13. Г. (1888, № 12, 72—74).

1378. **Вержбицкій** Т. І. Краткое описаніе г. Житоміра. Изд. 2. Житоміръ 1889. (1889, № 10, 218—219).

1379. **Виленскій** календарь на 1885 г. Волынь 1884. И. Каманина. (1885, № 4, 760—765).

1380. **Виленскій** календарь на 1886 г. Вильна 1885 г. И. Малышевскаго. (1886, № 2, 375—377).

1381. **Виленскій** календарь на 1887 г. Четвертый годъ изданія. Вильна 1886 г. И. Малышевскаго. (1887, № 2, 349—352).

1382. **Виленскій** календарь на 1889 г. (6-й годъ изданія) съ 3 рисунками. Вильна 1888 г. цѣна 30 к. Н. Т. (1889, № 2, 533—534).

1383. **Виноградовъ** В. К. Ѳеодосія. Историческій очеркъ. Ѳеодосія 1884 г. И. Каманина. (1885, № 5, 145—149).

1384. **Wisła** 1887—1888 г. Н. Ѳ. Сумцова. (1889, № 10, 214—217).

1385. **Владиміровъ** М. М. Первое столѣтіе города Екатеринослава. 1787—9 мая 1887 г. Матеріалы для историческаго очерка. Екатеринославъ 1887 г. В—о. (1887, № 12, 761—766).

1386. **Владиміровъ** П. В. Док-

торъ Францискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ. Спб. 1888 г. А. Степовича. (1889, № 2, 513—521).

1387. **Владимірскій** сборникъ въ память 900-лѣтія крещенія Россіи. Кіевъ 1888 г. Н. Голубовскаго. (1889, № 12, 646—654).

1388. **Владимірскій - Будановъ** М. Ф. Исторія университета св. Владиміра. Т. І. Университетъ св. Владиміра въ царствованіе Императора Николая І. Кіевъ 1884 г. К. Цыбульскаго. (1884, № 11, 512—517).

1389. **Владимірскій - Будановъ М. Ф.** Обзоръ исторіи русскаго права. Изд. 2 съ дополненіями. Кіевъ 1888 г. И. М. (1888, № 4, 9—12).

1390. **В—новъ А.** и свящ. В. Антоновъ. Памятная книжка Кіевской Епархіи (кіевскій епархіальный календарь), Кіевъ 1882. Н. П. (1882, № 8, 340—349).

1391. **де-Волланомъ** собранныя угро-русскія народныя пѣсни, (Записки Имп. Географич. Общества по отдѣленію этнографіи т. XIII, вып. І). Спб. 1885 г. В. Горленка. (1886, № 1, 168—172).

1392. **Wolff Jósef**, Rod Gedimina. Dodatki i poprawki do dzieł hr. K. Stadnickiego: «Synowie Gedimina», «Olgerd i Kiestut» i «Bracia Władisława Jagielly», Krakow 1886 г. И. Каманина. (1886, № 11, 553—555).

1393. **Волынскій** народный календарь на 1890 г. Годъ 2-й. Изд. Ѳ. И. Досинчука. Житоміръ 1889 г. Арк. Л—нко. (1890, № 2, 368—370).

1394. **Воронежскій** юбилейный сборникъ въ память трехсотлѣтія г. Воронежа. Изд. Воронежскаго Статистическаго Комитета. Воронежъ 1886 г. т. І—ІІ. Н. С. (1887, № 3, 550—555).

1395. **Воскресенскій** Н. В. Пятидесятилѣтіе Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей (1838—1888). Историч. очеркъ т. І. Воронежъ. 1888—1890 г. Н. В. (1891, № 7. 132—154).

1396. **Высокопреосвященнѣйшій** Макарій, митрополитъ московскій и коломенскій. М. 1882 г. Л. Т. (1882, № 12, 576—582).

1397. **Г.** Библіографическое извѣщеніе. (1885, № 2, 415—416).

1398. **Hammard**. Reise durch Obeschlesien zur russich-kaiserlichen Armee nach der Ukraine und zum Feldmarchall Rumanzow Sadunaiskoy. Erster Band. Gotta 1787. С. Е. (1891, № 7, 160—169).

1399. **Гамченко** Сергѣй. Житомірскій могильникъ. Археологическое изслѣдованіе житомірской группы кургановъ. Житоміръ 1888. Н. Б (1889, № 5 и 6, 656—658).

1400. **Hauser** Leopold. Monografja miasta Przemysla. Przemysl 1883 г. В. А. (1883, № 2, 647—649).

1401. **Ге.** Г. Н. Историческій очеркъ существованія города Николаева при устьѣ Ингула (1790—1890). Сост. по порученію Николаевской Городской думы къ празднованію юбилея николаевскимъ городскимъ секретаремъ. Николаевъ 1890 г. С. Е. (1891, № 7, 155—157)

1402. **Гиляревскій** А. свящ. Русскій путешественникъ по св. мѣстамъ Василій Григоровичъ Барскій. М. 1889 г. (оттискъ изъ «Чтеній въ Общ. Люб. Дух. Просвѣщенія») 1884. ц. 50 к. Ив. Новицкаго. (1890, № 2, 359—363).

1403. **Гинцбургъ** А. Б. Русская правда, текстъ, изданный по 3 спискамъ, съ предисловіемъ и краткимъ объяснительнымъ сло-

варемъ, составленнымъ кандидатомъ правъ. Спб. 1888. П. Голубовскаго. (1889, № 3, 760—762).

1404. **Гоголь,** Сочиненія, изд. подъ ред. Тихонравова V т. Москва 1889—90. Г. .(1891, № 3, 528—534).

1405. **Головацкій** Яковъ. Географическій словарь западно-славянскихъ и юго-славянскихъ земель и прилежащихъ странъ. Съ прилож. геогр. карты. Вильна 1884 г. Ѳ. Ни—ка. (1884, № 4, 649—652).

1406. **Голубевъ** С. Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники (опытъ историческаго изслѣдованія). Т. I. Кіевъ 1883 г. 1225 стр. И. Л. (1883, № 8, 741—742).

1407. **Голубевъ** С. Исторія Духовной Академіи. Выпускъ первый. Періодъ до - Могилянскій. Кіевъ 1886 г. И. Каманина. (1887, № 5, 176—179).

1408. **Голубовскій** П. Исторія сѣверской земли до половины XIV в. Кіевъ 1881 г. Д. Багалѣя (1882, № 2, 405—407).

1409. **Голубовскій.** П. Печенѣги, торки и половцы до нашествія Татаръ. Исторія южно-русскихъ степей IX—XIII в. Кіевъ. 1884 г. В. А. (1884, № 7, 505—508).

1410. **Голубовскій** П. Половцы въ Венгріи. Историч. очеркъ. Кіевъ 1890 г. Н. М. (1890, № 3, 571—572).

1411. **Горчаковъ** Е, Кн. Кіевъ, съ приложеніемъ плана г. Кіева. Москва 1885 г. **W.** (1886, № 5, 150—153).

1412. **Гошкевичъ** В. Замокъ князя Симеона Олельковича и лѣтописный Городецъ подъ Кіевомъ. К. 1890 г. Н. Б. (1890, № 4, 182—184).

1413. **Граховъ** Я. Краткій историко-статистич. обзоръ екатеринославской гимназіи и подчиненныхъ ей учебныхъ заведеній. Одесса 1856 года. Г. З. (1888, № 1, 2, 3, 39—45).

1414. **Гротъ** К. Я. Моравія и мадьяры съ половины IX до начала X вѣка. Спб. 1881 г. В. И. (1882, № 2, 408—412).

1415. **Гротъ** К. Я. Изъ исторіи Угріи и славянства въ XII вѣкѣ. (1141—1173). Варшава 1889 г. П. Г. (1890, № 10, 158—165).

1416. **Грушевскій** М. Южнорусскіе господарскіе замки. П. Г. (1890, № 8, 333—334)

1417. **de-Gubernatis** A. Dictionnaire international des écrivains du jour. Livraisons XI ef XII. (Florence, Paris, Leiptzig, 1889—90). Н. М. (1890, № 4, 185—189).

1418. **de-Gubernatis** A. Dictionnaire international des écrivains du jour. Livraisons I—X. (Florence, Paris, Leiptzig, 1888—1889. Edit. L. Nikolai, Florence). Н. Молчановскаго. (1889, № 12, 655—661).

1419. **Губернскія** вѣдомости, какъ пособіе при изученіи русской исторіи и этнографіи. Н. Сумцова. (1885, № 2, 391—399).

1420. **Гульдманъ** В. К. Справочная книжка подольской губерніи. Каменецъ-Подольскій 1888 г. Н. Молчановскаго (1888, № 1, 2, 3, 1—5).

1421. **Гульдманъ** В. К. Подольская губернія. Опытъ географическо - статистическаго описанія. Изд. подольск. губ. статист. комитета. Каменецъ-Подольскъ 1889 г. Ц. Неймана. (1890, № 1, 156—163).

1422. **Hunvalfy Paul.** Die Ungern oder Magyaren. Vien und Teschen 1881 г. П. Голубовскаго (1882, № 8, 335—358).

1423. **Гуровъ** В. В. Сборникъ судебныхъ рѣшеній, состязательныхъ бумагъ, грамотъ, указовъ и

другихъ документовъ, относящихся къ вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи въ мѣстности бывшей Слободской Украйны. При участіи Е. К. Бродскаго. Харьковъ. 1884 г. Д. Багалѣя. (1884, № 8, 702—708).

1424. **Гуровъ и Бродскій**. Замѣтки о матеріалѣ по вопросу о старозаимочномъ крестьянскомъ землевладѣніи харьковской губерніи. (Отвѣтъ на записку харьковской казенной палаты по тому же вопросу и извлеченіе изъ такъ называемыхъ старозаимочн. процессовъ, производившихся въ судебныхъ учрежденіяхъ Харьковскаго Округа. Харьковъ 1883 г. Дм. Багалѣя. (1884, № 2, 305—316).

1425. **Górski** Konstanty. Wojna Rzeczy Pospolitej Polskiej z Turcyą w latach 1672—1673. Warszawa 1890 г. Н. М. (1890, № 10, 166—168).

1426. **Дашкевичъ** Н. Замѣтки по исторіи Литовско-русскаго государства. Кіевъ 1886 г. И. Каманина. (1886, № 1, 164—167).

1427. **Двадцатипятилѣтіе** херсонскихъ епархіальныхъ вѣдомостей. В. Ястребова. (1885, № 10, 342—350).

1428. **Двадцатипятилѣтіе** изданія Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей (1862—1886 г.). Каменецъ-Подольскъ 1887 г. 20+15. (Отд. оттискъ изъ Под. Епарх. Вѣд. 1887 г. № 1). А. Л. (1889, № 1, 264—266).

1429. **Дверницкій** Е. Н. Памятники древняго православія въ г. Владимірѣ Волынскомъ. Въ пользу Свято-Владимірскаго братства Кіевъ 1889 г. И. Каманина. (1889, № 11, 465—467).

1430. **Дебольскій** Г. С. протоіерей. Житіе св. равноапостольнаго князя Владиміра. Спб. 1888 г. П. Голубовскаго. (1888, № 7, 29—33).

1431, **Де-Ватте** Е. Равноапостольный князь Владиміръ святой Ковно 1888 г. П. Голубовскаго. (1888, № 7, 29—33).

1432. **Девятисотлѣтіе** русской іерархіи: епархіи и архіереи—988—1888 г. Сост. по оффиціальнымъ и историческимъ даннымъ. Н. Д. Москва 1888 г. П. Л. (1889, № 1, 272—275).

1433. **Демидовъ - Санъ - Донато**. Еврейскій вопросъ въ Россіи. Спб. 1883 г. (1884, № 1, 155—158).

1434. **Denkschriften** des kaiserlichen Akademie des Wissenschaften in Wien 1884. XXXIV—XXXV Н. Сумцова. (1885. № 4, 755—760).

1435. **Diebold** Wladimir. Ein Beitrag zur Antropologie der Kleinrussen, Dorpat 1886. В. А. (1888, № 6, 52—55).

1436. **Диковъ** П. Списокъ землевладѣнія въ гродненской губерніи. Изд. Гродненскаго Губ. Статистич. комитет. Гродно 1890 г. М. Довнаръ-Запольскаго. (1891, № 10, 164—165).

1437. **Дмитріевскій** А. Греческіе нѣжинскіе храмы и ихъ капитальный вкладъ въ церковно-археологическій музей при Кіевской Дух. Академіи. «Прав. Обозр.» 1885 г. и отд. оттиски. Н. В. (1885, № 6, 314—318).

1438. **Добротворскій** Н. А. Кустарные промыслы курской губерніи. Курскъ 1886 г. Н. С. (1887, № 1, 157—161).

1439. **Добрянскій** Ф. Описаніе рукописей Виленской Публичной библіотеки, церковно-славянскихъ и русскихъ. Вильна 1882 г. Н. П. (1882, № 3, 564—572)

1440. **Докучаевъ** В. В. Методы изслѣдованія вопроса: были ли лѣса въ южной степной Россіи

(Докладъ въ торж. собр. И. В. Э. О. 31 окт. 1888 г.). Спб. 1889 г. (1890, № 1, 163—164).

1441. **Долопчевъ** В. Опытъ словаря неправильностей въ русской разговорной рѣчи. (Преимущественно въ Южной-Россіи). Одесса 1886 г. А. С—ча. (1888, № 9, 63—64).

1442. **Досинчукъ** Ѳ. И. Волынскій календарь на 1889 г. Годъ 1-й. Арматола. (1889, № 1, 276—281).

1443. **Древности** сѣверо-западнаго края. Вып. 1. Изд. Имп. археолог. Коммиссіи. Спб. 1890 г. В. Я, (1890, № 11, 355—356).

1444. **Древности**. Труды. Имп. Московскаго Общества. Томъ XI, Выпускъ III. Москва 1887 г. В. Я. (1888, № 5, 42—44).

1445. **Дренякинъ**. Бѣлгородъ съ уѣздами. Историко - статистич. очеркъ. Харьковъ 1882 г. В. А. (1883, № 1, 179—180).

1446. **Дружининъ** В. Г. Расколъ на Дону въ концѣ XVII вѣка, Спб. 1889 г. А. М. (1889, № 4, 225—230).

1447. **Dunin-Karwicki** Jozef. Szkice obyczajowe i historyczne. Warszawa 1882 г. (Іосифъ Дунинъ-Карвицкій, Очерки нравовъ и исторіи). (1882, № 4, 148—149).

1448. **Егоровъ** Александръ. Екатеринославское блуканіе (1777—1791 г.). Екатеринославъ 1887 г. Г. З. (1887, № 4, 753—756).

1449. **Едлинскій** М. Анатолій Мартыновскій, архіепископъ могилевскій, и его литературные труды. Съ портретомъ высокопреосвященнаго и художественными приложеніями. Кіевъ 1889 г. Н. М. (1890, № 1, 164—166).

1450. **Елпатьевскій** К. Учебникъ русской исторіи. Съ приложеніемъ родословной и хронологической таблицъ и указателя личныхъ именъ. 2-ое изд. исправл. и дополненное. Спб. 1891 г. П. Г. (1891, № 8, 332—338).

1451. **«Епархіальныя Вѣдомости»** южно-русскихъ губерній въ 1890 г. (волынскія, воронежскія, донскія, кишиневскія, курскія, минскія, подольскія, полтавскія, таврическія, херсонскія и черниговскія). Иродіона Житецкаго. (1891, № 9, 508—516).

1452. **Еще** объ украинскихъ народныхъ разсказахъ на французскомъ языкѣ. П. К--аго. (1888, № 12, 74—77).

1453. **Живая** старина. Изд. при Императ. русск. географическомъ обществѣ подъ редакціей председателя этнографич. отдѣла. В. И. Ламанскаго. Спб. 1890 г. Вып. I. В. Я. (1891, № 5, 322—327).

1454. **Жуковскій** В. П. Юмористическіе разсказы и сцены изъ малорусскаго народнаго быта. Кіевъ 1884, В. Г—ка. (1884, № 1, 154—155).

1455. **Завитневичъ.** Великій князь кіевскій Святославъ Игорьевичъ и историческое значеніе его богатырскихъ подвиговъ. Кіевъ 1888 г. П. Голубовскаго. (1888, № 7, 17—20).

1456. **Завитневичъ.** О мѣстѣ и времени крещенія св. Владиміра и о годѣ крещенія кіевлянъ. Кіевъ 1888 г. П. Голубовскій. (1888, № 1—3, 16—23).

1457. **Загоскинъ** Н. П. Наука исторіи русскаго права.—Ея вспомогательныя знанія и литература. Казань 1891 г. W. (1891, № 12, 485—492).

1458. **Заклинскій** Корнило. Сношенія Императора Рудольфа II съ козаками и ихъ участіе въ войнѣ угро-турецкой 1594—1596 г. Львовъ 1882 г. В. А. (1883, 181—183).

1459. **Замѣтка** о старопечатныхъ книгахъ харьковской духов-

ной семинаріи. Н. Сумцова. (1888, № 6, 89—90).

1460. **Записки** Имп. одесскаго общества исторіи и древностей т. XIII. Съ VI литограф. листами. Одесса 1883 г. И. Л. (1884, № 6, 320—322).

1461. **Записки** Имп. одесскаго общества исторіи и древностей т. XIV. Съ 6-ю литографированными листами. Одесса 1886 г. И. Каманина. (1886, № 11, 555—558).

1462. **Запольскій** М. Сѣверо-западный календарь на 1888 г. Изд. газеты «Минскій Листокъ». Минскъ 1888 г. (1888, № 10, 17—22).

1463. **Запольскій** М. Календарь сѣверо-западнаго края на 1889 г. изд. подъ ред. Москва. 1889 г. Н. Т. (1889, № 1, 275—276).

1464. **Захарченко** М. М. Исторія кіевскаго института благородныхъ дѣвицъ 1838—1888 г. Кіевъ 1883 г. Н. М. (1889 № 11, 467—475).

1465. **Захарченко** М. М. 1) Кіевъ теперь и прежде. Сост. инспекторъ кіевскаго Института благородныхъ дѣвицъ. Изд. С. В. Кульженко. Рисунки и клише собственность издателя. Кіевъ 1888 г. Цѣна 10 р. стр. 276. 2) Кіевъ теперь и прежде. Кіевъ 1888 г. (стр. 290 + XI) ц. 12 руб. въ переплетѣ. 3) Кіевъ теперь и прежде. Кіевъ 1888 г. (стр. 290 + XVI) ц. 6 р. въ переплетѣ. Н. М. (1890, № 1, 141—156).

1466. **Zbiòr** wiadomości do antropologji. Tem. XI. Krakow 1887 r. В. А. (1888, № 1—3, 23—27).

1467. **Zbiòr** wiadomości do antropologji krajowej Tom. XII. Kraków 1888 г. В. А. (1889 № 4, 217—220).

1468. **Zbiòr** wiadomości do antropologji krajowej. Изд. краковской академіи наукъ; т. XIII в XIV. Краковъ. 1889—1890 г. В. А. (1891, № 11, 313—319).

1469. **Zwygrodzki** (von) Michael. Die Mutter bei den Völkern des arischen Stammes München 1886 года Н. Н. Чернышева. (1887, № 9, 159—174).

1470. **Sichler** Léon. Histoire de la littérature russe dépuis les origines jusqu'a nos jours Paris 1886, В. К—ша. (1887, № 6—7, 530—532)

1471. **I.** Antoni D-r. Opowiadania historyczne serija trzecia. T. 1—2. Warzawa 1882 г. В. А. (1882, № 12, 569—572).

1472. **I.** Antoni D-r. Z przeszłości Polesia kiewskiego. Warszawa 1882 года. В. А. (1882, № 10, 149—154).

1473. **I** Antoni D-r. Niewiasty kresowe. Warszawa 1883 г. В. А. (1883, № 4, 873—876).

1474. **I.** Antoni D-r. Opowiadania historyczne, serya siódma. Lwów 1891. М. Г. (1891, № 7, 157—158).

1475. **Ивановъ** П. Игры крестьянскихъ дѣтей въ купянскомъ уѣздѣ (съ предисловіемъ проф. Н. Ѳ. Сумцова; 3-й вып. II-го т. Сборника харьк. историко-филологическ общества). Харьковъ 1890 г. И. Каманина. (1890, № 6, 569—570).

1476. **Ивановъ** Д. Л. Вліяніе русской колонизаціи на природу ставропольскаго края. (Извѣстія Имп. рус. геогр. общества 1886 г. Т. III, 225—255). Н. С. (1886, № 12, 735—736)

1477. **Iwanowicz** I. Ueber die historische Bedeutung des Basilianerordens in Galizien und seine gegenwärtigen Verhältnisse. Leipzig 1885 г. Ѳ. Н. (1885, № 21, 705—710).

1478. **Ielinek** E. Ukrajinske dumy. V Praze 1888 г. А. Степовичъ. (1888, № 9, 61—63).

1479. **Извѣковъ** Н. свящ. Высокопреосвященный Іосифъ (Сѣмашко), митрополитъ литовскій и виленскій. Вильна 1889 г. И Каманина. (1889, № 4, 232—233).

1480. **Извѣстія** Кирилло-Меѳодіевскаго братства за 1880—1884 годы, съ приложеніями. Спб. 1885 г. И. Каманина. (1886, № 5, 156—162).

1481. **Извѣстія** таврической ученой архивной коммиссіи, подъ ред. правителя дѣлъ Ѳ. Лашкова, вып. 5—6, Симферополь 1888 г.; вып. 7—8, 1889 г.; вып. 9—10, 1890 г. Арк. Л—нка. (1890 № 12, 538—544).

1482. **Извѣстія** таврической ученой архивной коммиссіи № 11, годъ 5. Симферополь 1891 г. И. Каманина. (1891 № 5, 332—335).

1483. **Изданія** статистическихъ комитетовъ Южной Россіи въ 1891 году, кіевскаго, волынскаго, черниговскаго, полтавскаго, воронежскаго, кубанскаго, «кубанскій сборникъ» и «календарь черниговской губ.» Р. (1891 № 11, 319—324).

1484. **Изслѣдованіе** о кладахъ волынской губерніи. Житоміръ 1885 г. Н. Голубовскаго. (1885, № 11, 532—534).

1485. **Ilgowski**. Ostatnia stprościna Zwinogrodzka Kraków 1888 г. В. А. (1889, № 2, 528—530).

1486. **Илляшевичъ** Л. Шебелинбунтъ. С. (1887, № 6—7, 532—528).

1487, **Илляшевичъ** Л. Краткій очеркъ исторіи харьковскаго дворянства. И. Каманина. (1885, № 11, 520—524).

1488. **Иловайскій** Д. Розысканіе о началѣ Руси, исправленное и дополненное, съ присоединеніемъ вопроса о гуннахъ. Москва 1882 г. Н. П. (1882, № 9, 556—558).

1489. **Иловайскій** Д. Дополнительная полемика по вопросамъ варяго-русскому и гунско-болгарскому. П. Голубовскаго. (1886 г. № 6, 345—347).

1490. **Ильницкій** Л. В. Опись книги кіевскаго центральнаго архива № 13, (оффиціальное изданіе архива). Кіевъ. 1882 г. В. А. (1882, № 12. 572—574).

1491. **Іогансонъ**. Кіевскій календарь па 1889 г., годъ 3 ій. Амартола (1889, № 1, 276—281).

1492. **Іосифъ** митрополитъ литовскій. Записки, изданныя Имп. академіей наукъ, по завѣщанію автора. т. I—III. Спб. 1883 г. А. К. (1884, № 7, 511—523).

1493. **Каманинъ** И. Перепись еврейскаго населенія въ юго-западномъ краѣ въ 1765—1791 гг. (Архивъ юго-западной Россіи, часть V, томъ II. Два выпуска. Кіевъ 1890 г.). Н. М. (1891, № 3, 514—524).

1494. **Каргопольцевъ** И. Путеводитель по Днѣпру и его порогамъ. Екатеринославъ 1888 г. И. Ж. (1888, № 11, 15—16).

1495. **Карый** И. Три пьесы. Херсонъ 1886 г. Г. (1887, № 2, 342—345).

1496. **Карпенко-Карый**. «Збірныкъ творивъ» и «Наймычка». Иг. Ж. 1888, № 9, 65—68).

1497. **Каталогъ** военно-ученаго архива главнаго штаба. Дополненіе къ матеріаламъ о войнахъ, въ которыхъ участвовали русскія войска, и матеріалы по исторіи Россіи. Вып. III. Спб. 1890 г. А. Л. (1891, № 8, 342—343).

1498. **Квитка** (Основьяненко) Малороссійскія повѣсти. С. (1887, № 10, 366—367).

1499. **Квитка** Г. Ѳ. Сочиненія. Т. 3. Повѣсти и разсказы. Харьковъ 1888 г. В. Г. (1889, № 10, 207—210).

1500. **Киркоръ**. Живописная

Россія. Т. III. Спб. 1883 г. Литва и Бѣлоруссія. (1884, № 8, 681—701).

1501. **Козловскій Мартинъ** Литургическій календарь луцко-житомірской епархіи и костеловъ подольской губ. на 1888 г. Житоміръ 1887. Михаленко-Юрковскій. (1888, № 6, 62—46).

1502. **Kolberg** Oskar. Pokucie. Obraz etnograficzny. Z rycinami podlug rysunków T. Rybkowskiego Krakow I 1882 г. II 1883 г. Ц. Неймана. (1884, № 3, 482—487).

1503. **Комаровъ** В. Покажчикъ нової української літературы (1798—1883 р.) В. Науменка. (1883, № 4, 867—873).

1504. **Комаровъ** М. Дополненія къ «Покажчику нової української літератури». М. Гаврилова. (1883, № 8, 748—750).

1505. **Комаровъ** М. Нова збирка народнихъ малоруськихъ прыказокъ, помовокъ и пр. Одесса 1890 г. А. Степовича. (1890, № 11, 347—349).

1506. **Константиновичъ** Н. Обозрѣніе Румянцевской описи Малороссіи, вып. IV (дополненіе). Черниговъ 1885 г. Дмитрія Багалѣя. (1885, № 5, 149—152).

1507. **Коперницкій**. Русскіе горцы въ Галиціи. Краковъ 1889 г. Ц. Неймана. (1889, № 5—6, 661—663).

1508. **Корвинъ-Піотровскій** К. В. Календарь черниговской губ. на 1887 годъ. Ѳ. Н. (1887, № 4, 756—759).

1509. **Корвинъ-Піотровскій** К. В. Календарь черпигов. губ. на 1888 г. П. Голубовскаго. (1888, № 1—3, 6—10).

1510. **Корольковъ** Конст. Столѣтній юбилей Екатеринослава (9 мая 1787—1887 г.). Екатеринославъ 1887 г' В. О. (1887, № 12, 761—766).

1511. **Костомаровъ**. Н. И. Богданъ Хмельницкій. Историч. монографія. Изд. 4-е, исправленное и дополненное. Спб. 1884 г. т. 1—3. В. А. (1884, № 6, 315—320).

1512. **Костомаровъ** Н. И. Эллины Тавриды. Историч. драмма въ 5-ти дѣйств. Спб. 1884 г. В. Г—го. (1884, № 9, 137—141).

1513. **Костомаровъ** Н. И. Литературное наслѣдіе. (Автобіографія Стихотворенія. Сцены. Историческіе отрывки. Малорусская народная поэзія. Послѣдняя работа. Съ портретомъ. факсимиле, 3 рисунками и библіографич. указателемъ. Спб. 1890 г. Я. Ш. (1891, № 5, 315—321).

1514. **Kraszewski** J. Cet czy licho? (Powiesć historyczna z końca XVII wieku) Warszawa 1884 г. т. 1, 2. S. (1884, № 3, 487—489).

1515, **Кулишъ** П. А. «Хуторна поэзія» и «Крашанка». Львовъ 1882 г. Н. П. (1882, № 6, 509—519).

1516. **Кулишъ** П. А. «Байда, князь Вишневецкій», драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. Спб. 1885 г. А. Степовича. (1885, № 9, 151—158).

1517. **Кулябка** С. Н. Тарасъ Григорьевичъ Шевченко. (По книгѣ Чалаго и по «Кобзарю»). 1884 г. В. Г—ка. (1883, № 12, 675—676).

1518. **Куриловъ** И. А. Историко-статистическое описаніе Роменскаго Свято-Духовнаго собора. Ромны 1887 г. Ѳ. Н. (1888, № 4, 12—15).

1519. **Курисово Покровское** мѣстечко (Балай тожъ). Статистическое описаніе поселенія, составленное статистич. отдѣленіемъ при херсонской губернской земской управѣ. Одесса 1883 г. В. А. (1883, № 11, 495—496).

1520. **Къ новоселью** городской

публичной библіотеки въ Одессѣ (1829—1883). Одесса 1883 г. (1884, № 3, 491—492).

1521. **Л. П. Г.** Описаніе Кіево-Софійскаго Каѳедральнаго собора. Кіевъ 1882 г. Н. П. (1882, № 5, 319—321).

1522. **Л. П.** Кіево-Михайловскій Златоверховный монастырь въ его прошломъ и настоящемъ. Кіевъ 1885 г. И Каманина. (1885, № 4, 765—766).

1523. **Лазаревскій А.** Историческіе очерки селъ Конотопскаго уѣзда. Юго восточная часть уѣзда. Черниговъ 1886 г. Э—ъ. (1887, № 10, 368—369).

1524. **Лаппо-Данилевскій А.** Скиѳскія древности. В. Ястребова. (1888, № 7, 22—26).

1525. **Латышевъ В. В.** Греческія надписи, найденныя въ 1881—88 г. на берегахъ Киммерійскаго Босфора и Херсонеса Таврическаго. Спб. 1890. Ѳ. Г. Мищенка. (1890, № 7, 136—141).

1526. **Латышевъ В. В.** Дополненія и поправки къ собранію древнихъ греческихъ и латинскихъ надписей сѣвернаго побережья Чернаго моря. (Отдѣльн. оттискъ изъ «Записокъ Импер. Археолог. Общ.» Т. IV стр. 120—153). Ѳ. Г. Мищенка. (1880, №7, 136—141).

1527. **Лашковъ Ѳ.** Сельская Община въ Крымскомъ Ханствѣ. Симферополь 1887 г. П. Голубовскаго. (1888, № 1—3, 11—16).

1528. **Лебедевъ А. С.** Историческія розысканія въ южно-русскихъ архивахъ. Москва 1885 г. И. Каманина. (1886, № 12, 732—735).

1529. **Лебедевъ А. С.** Историческія розысканія въ южно-русскихъ архивахъ. В. I. Москва 1886 г. Н. С. (1887, № 6, 7, 528—530).

1530. **Лебедевъ А.** Духоборцы въ Слободской Украйнѣ. Харьковъ 1890 г. Н. В. (1891, № 10, 165—166).

1531. **Лебедевъ А.** О брачныхъ разводахъ по архивнымъ документамъ Харьковской и Курской духовныхъ консисторій. М. 1887 г. Д. И. Багалѣя. (1888, № 4, 19—21).

1532. **Lebinski Dr. W.** Materyały do slownika historycznego języka i starozytnosce Polskich. I. Militaria. Odbitka z Roczników Towarzystwa Przyjaciól Nauk Poznańskiego. Poznań 1889 г. А. Стороженка. (1890, № 11, 344—347).

1533. **Левицкій И. С.** (Нечуй) Кайдашева симья. Кіевъ 1887 г. И. Ж. 1888, № 1—3, 45—48)

1534. **Левицкій И. Г.** Галицко-русская библіографія XIX столѣтія съ увзгляднееіемъ изданій, появившихся въ Угорщинѣ и Буковинѣ (1801—1886 г.). Львовъ Вып. I—II 1887, III 1888 г. (1888, № 5, 25—32).

1535. **Левицкій.** Галицко-русская библіографія за 1887 г. Львовъ 1888 г. Мирона. (1888, № 5, 32—33).

1536. **Ленорманъ Ф.** По поводу библіографической замѣтки С. А—ва о соч. его «Руководство къ древней исторіи Востока». И. Каманина. (1890, № 5, 380—381).

1537. **Леонидъ** архимандритъ Библіографическія замѣтки. (1889, № 11, 440—444).

1538. **Леонтьевъ А. П.** Опытъ указателя книгъ и статей, относящихся къ херсонской губ. Херсонъ 1890 г. В. Я. (См. «отвѣтъ моему ртцензенту» А. Леонтьева. К. С. 1881 г. августъ (стр. 352—356). (1891, № 1, 194—196).

1539. **Леопардовъ Н.** и **Н. Черневъ.** Сборникъ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ Кіевѣ, въ частныхъ рукахъ. Вып. I. Кіевъ 1890 г. Н. Б. (1890, № 12, 544—546).

1540. **Леопардовъ** Н. и Н. Черневъ. Сборникъ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ Кіевѣ, въ частныхъ рукахъ. Вып. 2. Кіевъ 1891 г. Н. Б. (1891, № 3, 538—540).

1541. **Леопардовъ** Н. и Н Черневъ. Сборникъ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ г. Кіевѣ въ частныхъ рукахъ. Вып. III и IV. (въ одномъ томѣ) Кіевъ 1891 г. Н. Б. (1891, № 12, 496—502).

1542. **Линниченко**. Современное состояніе вопроса объ обстоятельствахъ крещенія Руси (оттискъ изъ «Трудовъ Кіев. Дух. Акад.» декабрь 1886 г.) П. Голубовскаго. (1888, № 1—3, 16—23).

1543. **Лисовскій** А. Опытъ изученія малорусскихъ думъ. Полтава 1890 г. А. Степовича. (1891, № 9, 505—506).

1544. **Литературный** сборникъ, издаваемый Галицко-Русскою матицею подъ редакц. Б. Дѣдицкаго В, I. Львовъ 1886 г. W. (1886, № 12, 728—732).

1545. **Lozinski** Wlad. Przekupien Lwowski w XVII wieku (Kwart. Histor. Zeszyt. III. 1888 г.). И. Л. (1888, № 10, 25—28).

1546. **Лонгиновъ** А. Памятникъ древняго православія въ г. Люблинѣ,—православный храмъ и существовавшее въ немъ братство. Варшава 1883 г. (1883, № 9—10, 290—294).

1547. **Лонгиновъ** А. Червенскіе города. Историч. очеркъ въ связи съ этнографіей и топографіей Червоной Руси. Варшава 1885 г. П. Голубовскаго. (1886, № 5, 146—149).

1548. **Лопатинъ** и Прокунинъ Сборникъ русскихъ народныхъ лирическихъ пѣсенъ 2 части, часть 1 и 1-й вып. 2-й части. Москва 1889 г. А. Степовичъ. (1889, № 11, 461—465).

1549. **Лучицкій** И. Слѣды общиннаго землевладѣнія въ лѣвобережной Украинѣ въ XVIII в. (Отечеств. Зап. 1882 г. ноябрь). Д. Багалѣя. (1883, № 2, 409—415).

1550. **Лучицкій** И. Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общественныхъ земель въ лѣвобережной Украйнѣ XVIII в. (Полтавск. губ.) К. 1884 г. Дм. Багалѣя. (1884, № 9. 141—148).

1551, **Лучицкій** И Сябры и сябринное замлевладѣніе въ Малороссіи. Спб. 1889 г. И. Новицкаго. (1889, № 7. 293—306).

1552. **Лѣтопись** историко-филологическаго Общества при Новороссійскомъ Университетѣ I. (Посвящается 25-лѣтію Имп. Новороссійскаго У — та). Одесса 1890 г. А. М. (1891, № 1, 200—201).

1553. **Любовичъ** Н. Исторія реформаціи въ Польшѣ. Кальвинисты и антитринитаріи. (по неизданнымъ источникамъ). Варшава 1883 г. (1884, № 3, 477—482).

1554. **Любовичъ** Н. Н. Къ исторіи іезуитовъ въ литовско-русскихъ земляхъ въ XVI в. Варшава 1888 г. И. Каманина. (1889, № 7, 310—311).

1555. **Любопытная** книжка конца XVIII ст. Ц. Г. Неймана. (1884, № 7, 525—529).

1556. **Мазановъ**. Петръ. Указатель статей, помѣщенныхъ въ неоффиціальной части Полтав. Епарх Вѣдомостей за 25 лѣтъ изданія ихъ съ 1863—1888. Полтава 1888 г. А. Л. (1889, № 1, 264—266).

1557. **Макарій**, митрополитъ московскій и коломенскій). Исторія русской церкви. Т. X. Спб. 1881 г. М. (1881, № 3, 576—580).

1558. **Макарій**, митрополитъ московскій). Исторія Русской

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XLI, 1893 г. Апрѣль, Май и Іюнь.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLII.

1893 г.

ІЮЛЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1893.

СОДЕРЖАНІЕ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLII.

1893 г.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

Дозволено цензур. Кіевъ, 30-го іюня 1893 г.

АВАНТЮРА XVI ВѢКА.[1)]

(Эпизодъ изъ исторіи молдавскаго княжества).

IV.

Освободившись такимъ образомъ отъ своего соперника, Іоаннъ Яковъ Гераклидъ могъ теперь спокойно заняться умиротвореніемъ своего княжества. Первымъ дѣломъ его было возстановить хоть сколько-нибудь сносныя отношенія съ сосѣдями. На первомъ планѣ стояла Турція, потому что отъ ея рѣшенія зависѣло быть или не быть Гераклиду господаремъ. Поэтому онъ прежде всего послалъ высшихъ сановниковъ княжества съ просьбой къ султану объ утвержденіи его въ званіи господаря и о присылкѣ ему хоругви и булавы, знаковъ этого достоинства. Солиману Великолѣпному, ведшему борьбу съ собственными сыновьями, поддерживаемыми Персидскимъ Шахомъ, было не до авантюристовъ-господарей, и онъ по совѣту своихъ подкупленныхъ сановниковъ тѣмъ охотнѣе утвердилъ Гераклида, что послѣдній обѣщалъ платить султану 40 т. червонцевъ вмѣсто 30. Теперь другіе сосѣди были не такъ страшны. Правда, Іоаннъ Сигизмундъ Заполя, князь Трансильваніи, косился на Гераклида, но онъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы быть опаснымъ, принимая во вниманіе, что болѣе сильный его соперникъ—императоръ Германіи и король Венгріи Фердинандъ I помогалъ новому молдавскому господарю при вступленіи на престолъ, а теперь прислалъ поздравленіе съ новымъ званіемъ. Оставалось

1) См. „Кіевск. Старина“ 1893 г. № 6.

поладить съ Польшей и Валахіей. Господарь последней сразу не показалъ себя добрымъ сосѣдомъ, потому что вышелъ на помощь Александру Лопушняну, когда тотъ стоялъ надъ Прутомъ, но его помощь опоздала, и онъ вернулся домой. Теперь, когда Гераклидъ послалъ къ нему своихъ пословъ для заключенія добрыхъ отношеній, то обѣ стороны осыпали другъ друга любезностями и, вида не показывая, что между ними произошло что-либо непріятное, стали добрыми друзьями. Гораздо труднѣе было сладить съ Польшей: ея самолюбіе никакъ не могло помириться съ дерзостію какого-то пройдохи, который смѣлъ и рѣшился ссадить съ престола ея ставленника и вассала. Но главная вина Гераклида передъ Польшей была въ томъ, что онъ, хотя и невольно, могъ поссорить ее съ Турціей, такъ какъ она не только не воспрепятствовала поляку Ласкому участвовать въ этомъ походѣ, но даже пропустила войска черезъ свою територію. Но единовѣрные и доброжелательные Гераклиду польскіе и литовскіе паны упросили Сигизмунда Августа перемѣнить гнѣвъ на милость, и король 18-го іюля 1562 г. писалъ молдавскому господарю: „Дорогой другъ и сосѣдъ! Ваша Вѣрность насъ просишь прощенія за переходъ границъ нашихъ владѣній. Мы охотно прощаемъ Вашу Вѣрность и извѣщаемъ объ этомъ, но желаемъ, чтобы Ваша Вѣрность берегся впредь такихъ поступковъ и удерживалъ своихъ подданныхъ". Гераклидъ, получивъ такое милостивое письмо и желая воспользоваться добродушіемъ короля, пишетъ ему во второй разъ письмо, въ которомъ благодаритъ за прощеніе и выражаетъ свою готовность помочь ему въ войнѣ съ Москвой, а въ концѣ письма проситъ возвращенія ему тѣхъ пушекъ, которыя Сѣнявскій отнялъ у Ласкаго. Сигизмундъ. Августъ, отвѣчая на письмо Гераклида, пишетъ ему 7-го августа: „предложеніемъ Вашей Вѣрности мы охотно воспользовались бы, еслибъ лѣто не оканчивалось, а такое позднее время для походовъ неудобно, но, впрочемъ, мы принимаемъ готовность Вашей Вѣрности и воспользуемся ею въ будущемъ. Что же касается возвращенія пушекъ, отнятыхъ у Ласкаго, то это дѣло очень трудное, такъ какъ пограничныя войска, ссылаясь на военныя права и обычаи,

считаютъ эти пушки военной добычей“. Польша, очевидно, примирилась съ совершившимся фактомъ и признала Гераклида господаремъ Молдавіи, тѣмъ болѣе, что самъ султанъ извѣщалъ короля объ утвержденіи Гераклида въ этомъ званіи. Даже Ласкаго король милостиво простилъ и выдалъ ему желѣзный листъ на проѣздъ къ будущему сейму, на которомъ, „отдавъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, Ласкій былъ милостиво принятъ королемъ,“ говоритъ Бѣльскій.

Гераклидъ, уладивши внѣшнія дѣла, принялся за внутреннюю реорганизацію своего княжества, въ чемъ помогали ему вновь назначенные сановники: гетманъ Берновскій, ворникъ Моцокъ, логофетъ Строичъ (Строица), Юрій Ревелль, уроженецъ Вѣны, служившій еще при Лопушнянѣ секретаремъ по дѣламъ внѣшней политики. Но прежде чѣмъ приступить къ внутреннимъ дѣламъ, надо было исполнить желаніе султана, который требовалъ удаленія изъ страны иностраннаго войска, посадившаго на престолъ Гераклида. Но это требованіе султана не такъ легко было исполнить князю; онъ и самъ понималъ, что, разъ онъ усѣлся прочно на престолѣ, ему теперь эта орава нахлѣбниковъ была лишняя, однако-же гдѣ взять денегъ, чтобы разсчитаться съ ней? Гераклидъ, какъ мы знаемъ, былъ бѣднякъ, страна разорена, казна пуста, слѣдовательно надо было разыскивать еще средства на уплату наемникамъ. И Гераклидъ, не раздумывая долго, установилъ подать по одному червонцу съ семейства; эта мѣра была крайне непопулярна въ странѣ и очень много повредила Гераклиду впослѣдствіи, не принеся существенной пользы и теперь, потому что князь собранными деньгами изъ этой подати уплатилъ лишь венгерцамъ, а Ласкому за его военные издержки ужъ нечѣмъ было платить, и Гераклидъ въ обезпеченіе долга долженъ былъ Ласкому отдать хотинскій округъ съ городомъ и крѣпостью, чѣмъ послѣдній не преминулъ воспользоваться, такъ какъ сейчасъ занялъ хотинскую крѣпость своимъ гарнизономъ подъ начальствомъ Ивана Пясецкаго. Не лишнимъ здѣсь будетъ замѣтить, что при этой сдѣлкѣ между старыми друзьями возникли большія недоразумѣнія, потому что когда у нихъ дѣло дошло до разсчетовъ, то Ласкій представилъ счетъ своихъ воен-

ныхъ издержекъ въ 80000 т. червонцевъ, а Гераклидъ признавалъ только 20 т. Такъ этотъ споръ ничѣмъ и не кончился, и Ласкій съ враждой и въ гнѣвѣ на своего друга выѣхалъ 22-го ноября 1562 г. на сеймъ въ Петроковъ. Приступая къ внутреннему устройству княжества, Гераклидъ встрѣтилъ очень много затрудненій: кругомъ грубость, невѣжество и распущенность нравовъ; высшія сословія притѣсняли низшія; въ судахъ, въ администраціи, даже въ церкви—несправедливость и взяточничество, и среди этого мрака ни одной поддержки, на которую можно было бы опереться. Право, надо удивляться энергіи и добрымъ намѣреніямъ пришельца, который хотѣлъ пролить лучъ свѣта въ это темное царство! Желая разсѣять мракъ невѣжества въ своемъ княжествѣ, Гераклидъ сталъ заводить школы, библіотеки и типографіи, увеличилъ число городовъ, населивъ ихъ нѣмцами, ремесленниками и пр. Не находя среди своихъ подданныхъ подготовленныхъ людей, которые могли бы стать во главѣ этихъ новыхъ учрежденій, онъ пригласилъ иностранныхъ ученыхъ: саксонца Іоанна Сомера, которому поручилъ организовать школу и библіотеку въ Сочавѣ, Каспера Пенцера изъ Виртемберга, зятя Меланхтона, знаменитаго богослова Юста Іонаса, богослова и юриста, которому хотѣлъ поручить преобразованіе церкви въ Молдавіи, Іоанна Ретикуса, математика изъ Кракова, и наконецъ протестантскаго священника Іоанна Лущинскаго, которому Гераклидъ поручилъ наблюденіе за точностью и правильностію исполненія каноническихъ правилъ и рѣшеніе бракоразводныхъ дѣлъ, накопившихся въ княжествѣ при отсутствіи порядка и благоустройства въ церкви. А порядка и благоустройства въ Молдавской церкви дѣйствительно не было; семейныя же отношенія были совсѣмъ расшатаны. Предшественники Александра Лопушняна—потурнаки ввели въ Молдавію турецкіе нравы и обычаи, и многоженство, особенно въ высшемъ сословіи, стало зауряднымъ явленіемъ, даже церковь стала снисходительно смотрѣть на полигамію. Распущенность нравовъ дошла до того, что женщинѣ, недовольной мужемъ, стоило только, кому слѣдуетъ, заплатить треть червонца, и она получала разводъ. Духовенство поощряло разводы, потому что въ этомъ

находило для себя выгоду. Эти-то, вѣроятно, причины и заставили Гераклида недовѣрять мѣстному духовенству, если онъ рѣшился поручить надзоръ за порядками въ церкви и бракоразводныя дѣла иностранцу и иновѣрцу.

Нѣкоторые писатели, особенно польскіе, слишкомъ преувеличили то вліяніе, какое Гераклидъ съ своими учеными друзьями имѣлъ на преобразованіе православной церкви въ Молдавіи. По ихъ мнѣнію, это вліяніе было такъ сильно, что отразилось не только на Юго-Западной Россіи, но распространилось даже на отдаленную Москву.

Православные богословы, говорятъ они, учились у протестантовъ, рабски копируя ихъ, поэтому неудивительно, что вызванные Гераклидомъ протестантскіе богословы, занявшись преобразованіемъ молдавской церкви, влили въ нее свой протестантскій духъ. По крайней мѣрѣ съ того момента начинается умственное движеніе въ восточной церкви сначала въ Молдавіи, а потомъ въ Россіи, такъ какъ первая по культурѣ стояла выше второй. Съ этого времени русскіе цари начинаютъ приглашать изъ Молдавіи священниковъ, архитекторовъ, лѣкарей, чиновниковъ и калиграфовъ. Въ XVII-мъ вѣкѣ молдаване уже наводняютъ Москву: въ 1654 г. Алексѣй Михайловичъ вызываетъ двухъ молодыхъ ученыхъ философовъ: Николая Керменя и Михалеско съ толпой ихъ соотчичей, поручаетъ имъ воспитаніе своего сына, будущаго преобразователя Россіи, изъ нихъ же организуетъ миссію въ Китай и т. д. И въ тоже время въ юго-западной Россіи Петръ Могила, потомокъ молдавскихъ господарей, воспитанникъ Запада, вливаетъ новую жизнь въ общество и преобразуетъ церковь страны. При Петрѣ Великомъ вліяніе молдаванъ не прекращается. Димитрій Кантеміръ, знавшій хорошо слабыя стороны Турціи, указалъ на нихъ Петру Великому и повернулъ его политику на ту дорогу, которая привела Россію къ такъ называемому восточному вопросу. Тотъ же Кантеміръпо порученію Петра Великаго трудился надъ вопросомъ объ основаніи Академіи наукъ по плану Лейбница, а его сынъ Антіохъ былъ творцемъ русской поэзіи. Кутенскій, авторъ русско-славянскаго словаря, по происхожденію молдаванинъ, создалъ русскую лек-

сикографію. Наконецъ Петръ Великій, предпринявъ изданіе законовъ для своей страны, ищетъ образцовъ и указаній не въ другомъ какомъ нибудь мѣстѣ, а въ Молдавіи, потому что приказываетъ для этой цѣли перевести на русскій языкъ кодексъ и обычное право Молдавіи.

Трудно допустить, чтобы такое кратковременное господарство Гераклида принесло столь обильные плоды, но мы вышеприведенными мнѣніями хотѣли показать, какъ очаровывалъ величавый образъ Гераклида не только современныхъ ему писателей, но даже и позднѣйшихъ историковъ, писавшихъ подъ впечатлѣніемъ современныхъ извѣстій о Гераклидѣ. Мы же думаемъ противное, такъ какъ полагаемъ, что вмѣшательство господаря-еретика въ дѣла церкви Молдавіи, его индиферентизмъ къ православію, слишкомъ строгое преслѣдованіе разводовъ и полигаміи, а главное—святотатство были ближайшими причинами непопулярности Гераклида среди своихъ подданныхъ. „Онъ насъ казнитъ по шести, семи человѣкъ въ день, говорили молдаване, за нарушеніе церковныхъ правилъ, а между тѣмъ самъ окруживъ себя еретиками чужеземцами, въ церковь не ходитъ, обрядовъ нашихъ церковныхъ не исполняетъ". Особенно ставили ему въ вину святотатство: когда у него не было денегъ на приведеніе въ исполненіе реформъ и политическихъ затѣй, онъ забралъ изъ церквей священные сосуды, большой серебряный крестъ, пожертвованный Лопушняномъ въ Сочавскій соборъ, и одно такое же большое паникадило изъ одного монастыря и приказалъ всѣ эти предметы перелить въ талеры. Этотъ поступокъ Гераклида поразилъ даже иностранцевъ: Ѳома Плаза послалъ одинъ такой, вычеканенный изъ священныхъ предметовъ талеръ Кромеру, какъ нѣчто особенное.

Глухой ропотъ народа, конспирація бояръ, крамольничавшихъ всегда и вездѣ, и угрозы Ласкаго, недовольнаго разсчетомъ за военныя издержки, вставали грозными призраками передъ увлекшимся реформами княземъ. И онъ, бѣдный, утопающій, хватался за соломинку, желая удержать власть, ускользавшую изъ его рукъ, ища помощи извнѣ. Лучшимъ средствомъ для

этого была женитьба. Родство съ богатымъ и вліятельнымъ домомъ въ Польшѣ давало ему много шансовъ на успѣхъ. Сильная партія тестя—„можновладца“ защитила бы его не только противъ Ласкаго, но и подавила бы мятежный духъ подданныхъ. Съ этою цѣлью онъ послалъ сватовъ сначала къ князю Константину Острожскому, а потомъ, когда ему здѣсь отказали, къ Мартину Зборовскому. Старикъ Зборовскій былъ очень радъ такому зятю, потому что Гераклидъ былъ, во первыхъ, его единовѣрецъ, а во вторыхъ владѣтельный князь. Правда, старика нѣсколько смущали доходившіе до него слухи о непрочности власти его будущаго зятя въ Молдавіи, но онъ ободрялъ себя тѣмъ, что сумѣетъ поддержать его на тронѣ при помощи своей могущественной партіи въ Польшѣ. О согласіи невѣсты, Христины Зборовской, ужъ и говорить нечего, потому что элегантный, образованный и титулованный женихъ и безъ короны могъ плѣнить ея сердце. Припомните, какое онъ впечатлѣніе производилъ на всѣхъ еще во время пребыванія своего въ Польшѣ. Обѣ стороны остались довольны своимъ выборомъ. Одни только подданные смотрѣли подозрительно на этотъ бракъ: наведетъ, говорили они, своихъ единовѣрцевъ изъ Польши, раздастъ имъ должности и, усилившись при ихъ помощи, станетъ силою вводить свои порядки и еретическую вѣру. А пока планъ женитьбы осуществится и приведетъ къ желанному результату усиленія власти, Гераклидъ хотѣлъ занять взволнованные умы своихъ подданныхъ какимъ-либо блестящимъ военнымъ предпріятіемъ.

Весною разнесся слухъ, что Іоаннъ Сигизмундъ Заполя опасно заболѣлъ, и Гераклидъ, разсчитывая, что Турція охотно утвердитъ его княземъ Трансильваніи, если онъ пообѣщаетъ увеличить дань, собралъ войско и двинулся въ Трансильванію, чтобы завладѣть страной, когда умретъ ея князь; но подъ городомъ Тотрассо Гераклидъ узналъ, что здоровье Заполи поправляется, и онъ съ досадой и разочарованіемъ вернулся въ Молдавію. Той же весной молдавскій господарь, объѣзжая пограничныя крѣпости, посѣтилъ Хотинъ и подъ предлогомъ обозрѣнія этой крѣпости ввелъ туда свои войска, а Ивану Пясец-

кому приказалъ выдти съ своимъ гарнизономъ, увѣривъ его, что онъ покончилъ свои счеты съ Ласкимъ, который возвратилъ ему хотинскую область и крѣпость. Между тѣмъ Ласкій и не думалъ возвращать крѣпости, а наоборотъ—готовился къ вторженію въ Молдавію для наказанія вѣроломнаго и неблагодарнаго ея князя.

Подъ Хотиномъ Гераклидъ простоялъ цѣлый мѣсяцъ; сюда стекались толпы народа: одни, чтобы посмотрѣть на своего князя, другіе, чтобы принести жалобу на ужасныя притѣсненія Моцока, Берновскаго, Строича и двухъ владыкъ, вѣроятно усердно исполнявшихъ распоряженія князя, и, наконецъ, третьи—просить сложить обременительную подать по одному червонцу съ семейства. Гераклидъ обѣщалъ самъ разслѣдовать дѣло о злоупотребленіяхъ бояръ и наказать ихъ, если они окажутся виновными; подать тоже обѣщалъ сложить. Берновскій, Моцокъ и Строичъ, зная, что Гераклидъ не пощадитъ ихъ, лишь бы угодить народу, стали собирать вокругъ себя недовольныхъ княземъ, обдумывая средства, какъ бы избавиться отъ новаго господаря. Въ тоже время Іоаннъ Сигизмундъ Заполя, узнавъ о покушеніи Гераклида завладѣть Трансильваніей, вошелъ въ сношенія съ Лопушняномъ, предлагая ему союзъ и помощь противъ ихъ общаго врага, съ условіемъ, чтобы Александръ не щадилъ ни трудовъ, ни издержекъ и хлопоталъ бы въ диванѣ о низложеніи Гераклида. Александръ Лопушнянъ, безвыѣздно живя въ Константинополѣ, все время употреблялъ на хлопоты о возвращеніи себѣ княжества, пользуясь всякимъ удобнымъ случаемъ повредить своему сопернику. И теперь, имѣя въ рукахъ родословную Гераклида, изданную имъ въ Бухарестѣ, онъ при помощи ученыхъ грековъ обличилъ всѣ измышленія его. Наконецъ Ласкій, выведенный изъ терпѣнія вѣроломствомъ Гераклида, отнявшаго у него хитростію Хотинъ, предложилъ молдавскую корону Димитрію Вишневецкому, обѣщая ему свою помощь. Страшная гроза собиралась надъ головой бѣднаго пришельца; надо было имѣть много характера и энергіи, чтобы противустоять всѣмъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, надвинувшимся, подобно чернымъ тучамъ.

VI.

Новый претендентъ на молдавскій престолъ, князь Димитрій Ивановичъ Вишневецкій, въ нашихъ пѣсняхъ извѣстный подъ именемъ Байды, слишкомъ извѣстное лицо нашимъ читателямъ, чтобы о немъ много распространяться. Старые польскіе историки ведутъ его родъ отъ Корибута, сына Ольгердова; Карамзинъ же считаетъ его потомкомъ Рюрика. Недавнія изслѣдованія Вольфа подтверждаютъ мнѣніе послѣдняго. Вольфъ ведетъ роды князей Збаражскихъ, Вишневецкихъ, Воронецкихъ и Порецкихъ отъ рода князей Несвидскихъ, потомковъ Рюрика, гнѣздо которыхъ было изстари Несвидъ близъ Луцка. Князь Юрій Несвидскій, который первый извѣстенъ по письменнымъ памятникамъ, въ 1224 году погибъ на Калкѣ. Въ 1387—1403 годахъ выступаетъ князь Иванъ Несвидскій, за нимъ слѣдуетъ грозный Ѳедька Несвидскій (можетъ быть—сынъ Ивана?), котораго Длугошъ смѣшиваетъ съ Ѳедоромъ Острожскимъ, сторонниковъ Свидригайла. Онъ, переходя па сторону короля въ 1434 году, въ записи на вѣчныя времена закрѣпилъ подтвержденіе короля на владѣніе „дѣдиною", т. е. Збаражскою волостью. Но, очевидно, король не призналъ потомъ этихъ правъ на владѣніе Збаражемъ въ вѣчное потомственное владѣніе, и потому послѣ смерти Ѳедьки въ 1447 году Збаражъ перешелъ къ Денискѣ Маковію (отчего Збаражскихъ родъ производятъ нѣкоторые отъ послѣдняго рода). И только впослѣдствіи Збаражская волость перешла къ потомкамъ Ѳедьки. Уже сынъ его Василій несомнѣнно владѣлъ Збаражемъ. Сынъ Василія Семенъ еще въ 1463 году носитъ фамилію Несвидскаго. Три сына Василія въ 1463 году дѣлятъ между собою имѣнія, при этомъ раздѣлѣ Василій получаетъ Збаражъ, Семенъ Колодынъ, а Солтанъ—Городокъ и другія волости, между которыми числятся и два Вишневца. Съ тѣхъ поръ о князьяхъ Несвидскихъ на Волыни не слыхать. На ихъ мѣсто выступаетъ громкій родъ князей Збаражскихъ, отъ которыхъ пошли вѣтви Вишневецкихъ, Порецкихъ и Воронецкихъ. Впрочемъ, историкъ упоминаетъ о какомъ-то Василіи Несвидскомъ, который ушелъ изъ Литвы въ Москву, гдѣ поселился и

сталъ родоначальникомъ московскаго княжескаго рода Невидскихъ, которые до сихъ поръ существуютъ.

Димитрій Вишневецкій, хотя и имѣетъ общія сходныя черты съ героями предыдущаго нашего разсказа, но и отличается отъ нихъ своими особенностями; онъ, какъ и Ласкій, ищетъ приключеній и геройскихъ подвиговъ, но онъ разборчивѣе въ средствахъ для достиженія цѣли, да и цѣль у него всегда опредѣленная и одна и таже: громить исконныхъ враговъ и разорителей отечества—бусурманъ. Онъ, какъ и Гераклидъ, искалъ Молдавской короны, но у перваго было побужденіемъ удовлетвореніе личнаго тщеславія и властолюбія; у втораго—средство стать сильнымъ и страшнымъ для бусурманъ [1]). Въ немъ соединились черты варяга-дружинника съ чертами Литовскаго князя временъ Ольгерда и Витовта. Величавый образъ князя претендента на княжество Молдавское представляется моему воображенію не иначе, какъ типомъ русскаго богатыря черты котораго намъ оставилъ Папроцкій въ своемъ извѣстномъ, стихотвореніи къ полякамъ. „Не одинъ разъ въ году эти достойные русскіе люди преслѣдуютъ татаръ и подвергаются опасностямъ войны. Какъ мужественные львы, охраняютъ они все христіанство: почти каждый изъ нихъ можетъ назваться Гекторомъ. Кто въ наше время въ чемъ бы то ни было превзошелъ русака? Пошлете вы его въ посольство—онъ исполнитъ посольство лучше, нежели вы ему прикажете. Между русаками ищи полководца и хорошаго воина. Они съ неудовольствіемъ смотрятъ на ваши совѣщанія о мирѣ. И лучшаго коня, и лучшаго всадника добудешь на Руси. У подолянъ не различишь, кто панъ, а кто слуга, нѣтъ у нихъ ни на грошъ гордости. Не

---

[1]) У насъ въ Подоліи сохранилась поэтическая легенда, особенно среди духовенства (лично я ее слышалъ отъ старика священника Фигурскаго), о томъ, какъ турецкая султанша, жена Солимана Великолѣпнаго, знаменитая Роксолана, по преданію поповна изъ мѣстечка Чемеровецъ Подольской губерніи, Настя Лисовская, сватала свою дочь за Вишневецкаго, обѣщая ему въ приданое Молдавію и Украйну, съ условіемъ только принять магометанство, отчего, какъ извѣстно, изъ пѣсни онъ съ презрѣніемъ отказался. Вѣроятно, эта легенда историческаго значенія не имѣетъ; очевидно, старые книжники хотѣли пріурочить пѣсню о Байдѣ къ легендѣ о красавицѣ султаншѣ, подольской поповнѣ.

носятъ они пестрыхъ одеждъ; они покрыты славою, которая дороже вашихъ нарядовъ. Слава этого народа распространена всюду, и останется за ними во вѣки вѣчные, хотя бы Польша и погибла. Что дѣлалъ Геркулесъ, который побивалъ гидръ и не щадилъ земныхъ боговъ, то на Руси съумѣетъ сдѣлать каждый. Сампсонъ разодралъ челюсти льву; подобные подвиги въ наше время русаку за обычай. Могущественный турокъ разинулъ на насъ пасть, и храбрые русаки не разъ совали въ нее руку. Устремился бы онъ съ многочисленнымъ войскомъ въ Польшу, но останавливаетъ его русская сила".

Сигизмундъ Августъ, оцѣнивая храбрость и врожденную ненависть Вишневецкаго къ татарамъ, въ 1550 г. далъ ему староства Каневское и Черкасское. Ничего, кажется, лучше король и придумать не могъ, потому что эти староства лежали на рубежѣ, гдѣ шла безпрестанная борьба между своевольными казаками и татарской ордой. Поэтому нуженъ былъ староста энергичный, который могъ бы, съ одной стороны, дисциплинировать своевольныхъ козаковъ, направляя ихъ силу на пользу Рѣчи-Посполитой, и въ тоже время, съ другой стороны—удерживать татарскія полчища отъ набѣговъ на Украину. Прослуживъ больше двухъ лѣтъ старостой, Димитрій Вишневецкій, будучи раздосадованъ королемъ за отказъ въ какой-то просьбѣ, грозилъ перейти на службу къ Московскому князю или турецкому султану, а спустя немного времени привелъ свою угрозу въ исполненіе, потому что по этому поводу король писалъ къ Радзивиллу Чорному: „а уѣхалъ онъ со всей своей ротой, т. е. съ тѣми казаками и мужиками, которые окружали его". Король, боясь потерять полезнаго ему человѣка, послалъ вслѣдъ за нимъ гонца съ просьбой возвратиться въ отечество; и Вишневецкій, удовлетворенный первымъ шагомъ короля къ примиренію, повиновался и вернулся изъ степей въ Черкасы. Послѣ пріѣзда онъ построилъ ниже пороговъ крѣпость на островѣ Хортицѣ, и оттуда дѣлалъ частые набѣги на татарскіе улусы иногда съ своими только казаками, а иногда приглашая на помощь донцевъ, путивльцевъ и другихъ московскихъ козаковъ.

Наскучилъ ли Вишневецкій мирной политикой короля, избѣгавшаго столкновенія съ Турціей или, быть можетъ, самъ король выразилъ ему свое неудовольствіе за частыя столкновенія его съ ханомъ,—мы утвердительно сказать не можемъ, но, очевидно, ему не сидѣлось въ Польшѣ, и онъ въ сентябрѣ 1556 г. послалъ къ Московскому царю Атамана Ясковича съ предложеніемъ своихъ услугъ, не требуя ни войска, ни денегъ, а только позволенія запереть хана въ Крыму, какъ въ клѣткѣ.

Царь охотно принялъ Вишневецкаго на службу и далъ ему вотчину—городъ Бѣлевъ съ волостями. О его службѣ московскому царю мы говорить не станемъ, такъ какъ это слишкомъ общеизвѣстно. Прибавимъ только, что его проектъ запереть татаръ въ Крыму, какъ въ клѣткѣ, не осуществился.

Послѣ похода на Кавказъ, куда его царь послалъ въ помощь Черкасамъ противъ татаръ, Димитрій Вишневецкій не возвратился больше въ Москву, а ушелъ съ казаками на свой любимый Днѣпръ и здѣсь остановился между урочищемъ Монастырищемъ и островомъ Хортицею. Отсюда онъ послалъ просить у короля для свободнаго проѣзда въ Польшу глейтъ, съ которымъ и явился въ Краковъ, а оттуда, какъ мы знаемъ, на сеймъ, гдѣ познакомился съ Ласкимъ и получилъ отъ него предложеніе.

Предложеніе Ласкаго не могло не понравиться Вишневецкому, который, постоянно воюя съ бусурманами, всегда долженъ былъ опираться на силу одного изъ сосѣднихъ государствъ и либо подчиняться его политикѣ, либо оставлять его, если эта политика не соотвѣтствовала его собственной. Поэтому, онъ такъ часто становился въ непріязненныя отношенія къ государямъ этихъ странъ, считавшихъ его или авантюристомъ, или политическимъ преступникомъ. „Пришелъ онъ, говоритъ Іоаннъ Грозный черезъ своего гонца Клобукова, къ государю нашему, какъ собака, и пошелъ отъ государя нашего, какъ собака, и государю нашему, и землѣ русской убытка никакого не учинилъ". А возвращаясь въ Польшу, онъ долженъ былъ выпрашивать себѣ охранную грамоту, какъ банитъ. Ставъ же независимымъ княземъ, еслибъ ему удалось завладѣть Молдавіей, и пользуясь

громадной популярностію на берегахъ Дона и Днѣпра, онъ могъ бы создать такую силу, которая на долго защитила бы Польшу и Украйну отъ мусульманъ и, кто знаетъ, можетъ быть и совсѣмъ сломала бы ихъ силу въ Европѣ.

Войдя въ соглашеніе съ Вишневецкимъ, Ласкій отправился съ нимъ въ Каменецъ и сталъ вербовать охотниковъ къ походу въ Молдавію, но, услышавъ о вѣроломномъ захватѣ Гераклидомъ Хотинской крѣпости, онъ перешелъ Днѣстръ и отнялъ крѣпость.

Гераклидъ, слыша о приготовленіяхъ Вишневецкаго и Ласкаго къ нападенію на него и о взятіи Хотинской крѣпости, въ апрѣлѣ 1563 г. писалъ королю, прося принять его съ княжествомъ подъ свое покровительство и защитить его отъ нѣкоторыхъ пановъ, которые угрожаютъ нападеніемъ на его государство. Король, отвѣчая на письмо, успокаиваетъ сосѣда, увѣряя его, что никто изъ подданныхъ Рѣчи-Посполитой и Литвы и не думаетъ нарушать его спокойствія, а въ концѣ ирибавляетъ: „Мы понимаемъ, что доказательства нашей расположенности и дружбы будутъ приняты съ благодарностію, и что Ваша Вѣрность будешь памятовать о тѣхъ обѣщаніяхъ услугъ и уваженія, которыя такъ часто выражалъ намъ въ письмахъ и черезъ гонцовъ. Впрочемъ, скоро вышлемъ къ Вашей Вѣрности посла, изъ устъ котораго узнаешь нашу волю“.

Король искренно желалъ помочь Гераклиду и 3-го мая извѣщаетъ его, что посылаетъ къ нему Юрія Язловецкаго, каменецкаго каштеляна, но Язловецкій почему-то опоздалъ, и король 22-го сентября опять пишетъ своему сосѣду письмо, въ которомъ оправдываетъ своихъ пословъ, Язловецкаго и королевскаго секретаря Матвѣя Горецкаго въ медлительности, объясняя отсрочку ихъ выѣзда мятежами въ Молдавіи, а на жалобу Гераклида о томъ, что Вишневецкій мутитъ спокойствіе страны, король отвѣтилъ, что все это сдѣлалось помимо его воли, но онъ строго предпишетъ Вишневецкому не вмѣшиваться въ дѣла Молдавіи, хотя въ этомъ обѣщаніи короля слышится неувѣренность. „Если, говоритъ, онъ не послушаетъ нашихъ приказаній, то Ваша Вѣрность послѣ зрѣлаго размышленія не

будешь удивляться, что на границѣ государства, гдѣ собирается своевольный народъ, трудно удержать порядокъ, но мы будемъ предупреждать всякую несправедливость и своеволіе наказывать". Гераклидъ уже не получилъ послѣдняго письма короля, не дошло также и строгое предписаніе Вишневецкому, такъ какъ именно въ это время пламя мятежа охватило всю страну. Гераклидъ былъ въ ужасномъ положеніи: дома пожаръ, на границѣ Вишневецкій и Ласкій собираютъ войска для вторженія, а въ Стамбулѣ Іоаннъ Сигизмундъ Заполя и Лопушнянъ хлопочутъ о его низложеніи. Единственная надежда и защита осталась у Гераклида—это тысяча венгерцевъ и трансильванцевъ, которыхъ онъ оставилъ у себя на жалованьи для личной охраны еще при своемъ восшествіи на престолъ.

Теперь главною заботою заговорщиковъ было устранить отъ Гераклида трансильванцевъ и венгерцевъ; они пытались было ихъ подкупить, но это не удалось, и потому стали придумывать другой способъ. Въ Буджакѣ между Днѣстромъ и Прутомъ кочевали Ногайцы или Буджакская орда, которая, поднимаясь на сѣверъ для нападенія на Молдавію или Подоль, спугивала дикихъ звѣрей и птицъ, устремлявшихся вверхъ и своимъ появленіемъ предупреждавшихъ жителей Молдавіи и Подоліи о движеніи татаръ. Гетманъ Берновскій, на обязанности котораго было охраненіе границъ княжества, донесъ господарю, что въ степи уже показались именно эти признаки приближенія татаръ, а потому онъ совѣтовалъ сейчасъ же собрать войско и встрѣтить ихъ, пока они не раздѣлились на небольшіе „чамбулы" и не наводнили страны. Но бѣда въ томъ, продолжалъ хитрый гетманъ, что опасно выйти въ степь противъ Ногайцевъ съ трусливыми и мало опытными въ военномъ дѣлѣ молдаванами, и потому просилъ господаря отпустить съ нимъ часть венгерцевъ и трансильванцевъ. Гераклидъ имѣлъ неосторожность послушать гетмана и, не смотря на предостереженія саксонца Вольфа, начальника монетнаго двора, не только согласился отпустить своихъ тѣлохранителей въ походъ противъ татаръ, но даже назначилъ начальниками надъ войскомъ заговорщиковъ: Илью Тормани, Ивана Квицени и Стефана Томшу.

Заговорщики поспѣшили увести въ степь тѣлохранителей Гераклида, потому что со дня на день ожидали пріѣзда Зборовскаго съ княжеской невѣстой. Пріѣздъ Зборовскаго могъ очень много помѣшать заговорщикамъ: во первыхъ, такой большой панъ, вѣроятно, привелъ бы съ собою большой военный отрядъ, который усилилъ бы защиту Гераклида, а во вторыхъ, Зборовскій, какъ единовѣрецъ и пріятель Ласкаго, могъ послѣдняго помирить съ княземъ, и такимъ образомъ соединенныя силы Зборовскаго и Ласкаго могли обратиться противъ мятежниковъ же.

Между тѣмъ отправленныя войска противъ татаръ, подошедши къ Днѣстру, были очень удивлены, найдя вездѣ тишину и спокойствіе. Венгерцы и трансильванцы, не видя передъ собою непріятеля, даже подумывали о возвращеніи въ Сочаву, но гетману удалось увѣрить ихъ, что это хитрость татаръ, которые, спрятавшись въ балкахъ, ожидаютъ только удобнаго момента, чтобы врасплохъ напасть на нихъ. Гетманъ расположилъ свои войска въ селахъ по берегамъ Днѣстра, а въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нихъ назначилъ мѣсто для лагеря иноземцевъ. Между молдаванами шли дѣятельныя совѣщанія о томъ, чтобы перебить всѣхъ венгерцевъ и трансильванцевъ, и для этой цѣли заговорщики условились зажечь одиноко стоящую въ степи хижину, чтобъ этимъ условнымъ знакомъ собрать своихъ единомышленниковъ для истребленія княжеской дружины. Лишь только загорѣлась хижина, отряды молдаванъ бросились на лагерь иноземцевъ; толпы окрестныхъ крестьянъ тоже приняли участіе въ предпріятіи, увеличивая собою число нападающихъ. Венгерцы защищались, какъ львы, не смотря на свою малочисленность; часть ихъ успѣла пробраться въ сосѣдній садъ, окруженный каменнымъ заборомъ и продолжала отбиваться оттуда, а другая—оторванная отъ своихъ, бросилась въ Днѣстръ, въ волнахъ котораго большинство изъ нихъ нашло свою смерть, лишь очень немногіе спаслись бѣгствомъ. Не лучшая судьба ожидала осажденныхъ въ саду; Тормани и Томша приказали подвести пушки, изъ которыхъ заставляли стрѣлять плѣнныхъ иноземцевъ, такъ какъ молдаване не умѣли обра-

щаться съ пушками. Мужественные плѣнники однакожъ предпочли смерть братоубійству, и только одинъ изъ нихъ, Христофоръ, изъ страха смерти повиновался и открылъ убійственный артиллерійскій огонь, доканавшій его земляковъ.

8-го Августа 1563 г. весь отрядъ иноземцевъ былъ перебитъ, и Илья Тормани съ главными силами прямо двинулся въ Сочаву, а Стефанъ Томша съ сильнымъ отрядомъ пошелъ овладѣть крѣпостями, занятыми иноземцами. Прежде всего онъ подступилъ къ городу Нямца, гдѣ былъ комендантомъ вѣрный другъ и товарищъ Гераклида, Іахимъ изъ Грогова, на бѣду бывшій тогда въ отсутствіи. Гарнизонъ, не подозрѣвая измѣны, пустилъ Томшу въ крѣпость и жестоко поплатился за довѣріе, потому что Томша всѣхъ истребилъ. Іахимъ изъ Грогова, услышавъ объ участи, постигшей его товарищей, и предвидя бѣду для самого господаря, въ отчаяніи бросился въ Сочаву. Хотя столица была окружена уже мятежниками, ему, однакожъ, удалось пробраться къ князю и разсказать обо всемъ случившемся. Съ прибытіемъ Томши началась осада Сочавы, которая имѣла еще 656 защитниковъ, состоявшихъ изъ венгерцевъ, итальянцевъ, грековъ и поляковъ подъ командой Мартина Форкача и Петра Девой, у которыхъ были помощниками сотники, Ѳома Славянинъ, Стефанъ Хорватъ и Григорій Геральдъ. Съ такими незначительными силами Гераклидъ рѣшилъ защищаться, не смотря на численное превосходство непріятеля. Онъ вѣроятно, надѣялся на искуство и мужество своихъ воиновъ. И дѣйствительно, молдаване вели осаду вяло, а гарнизонъ крѣпости храбро отражалъ ихъ нападеніе. Молдаване приписывали свои неудачи тому обстоятельству, что у нихъ было слишкомъ много вождей, между которыми не было единомыслія, и потому рѣшили избрать новаго князя. Главные коноводы мятежа, Берновскій, Моцокъ и Стричъ, благоразумно отказались отъ кандидатуры, и княземъ былъ избранъ Томша подъименемъ Стефана IX-го. Новоизбранный князь, принявъ власть, рѣшилъ взять столицу приступомъ, и для этой цѣли приказалъ привезти четыре большихъ пушки, которыя у поляковъ назывались смоками, (сорокафунтоваго калибра), но на его бѣду въ войскѣ не

нашлось ни одного человѣка, который умѣлъ бы изъ нихъ стрѣлять. Осажденные частыми и мужественными вылазками страшно безпокоили молдаванъ; такъ напримѣръ, однажды Петръ Девай, выбѣжавъ изъ Сочавы съ 400-ми воинами, овладѣлъ тремя пушками и уже волокъ ихъ въ крѣпость, какъ вдругъ Илья Тормани съ сильнымъ отрядомъ бросился на него. Завязалась отчаянная схватка, въ которой 200 молдаванъ и самъ Тормани легли убитыми и тяжело раненными. Новый отрядъ молдаванъ оттѣснилъ Девая, который, бросивъ пушки, вернулся въ крѣпость безъ потерь. Томшу очень безпокоила стойкая защита столицы, но не меньше безпокоилъ его и Димитрій Вишневецкій, который могъ зайти ему въ тылъ и, такимъ образомъ, поставить между двухъ огней. По этому, онъ счелъ болѣе благоразумнымъ снять осаду и, перешедши Серетъ, расположиться лагеремъ въ глубинѣ страны, чтобы тамъ переждать неблагопріятное время. Въ тоже время онъ послалъ къ Іоанну Сигизмунду Запали извѣстіе о своемъ избраніи и просьбу о помощи.

Освободившись отъ осады, Гераклидъ разослалъ гонцовъ во всѣ стороны съ просьбами о помощи: одинъ поскакалъ къ Ласкому съ умоляющимъ письмомъ, въ которомъ князь раскаивался въ своемъ прошломъ поведеніи и просилъ о помощи, но гонецъ не засталъ Ласкаго въ Подоліи: онъ, оставивъ Вишневецкаго съ войсками, поѣхалъ въ Польшу вербовать новыхъ охотниковъ; другой гонецъ—венгерецъ Валентинъ Препастуари отправился къ императору Фердинанду I и чешскому королю Максимиліану, но засталъ всѣхъ занятыми коронаціей императора, на которую были употреблены всѣ деньги, и потому добиться помощи сейчасъ нечего было и думать, хотя императоръ черезъ своего посланца Лупу Петца обѣщалъ помощь и совѣтовалъ Гераклиду не сдаваться, но Петцъ, проѣзжая въ Молдавію черезъ Трансильванію, попался въ руки Іоанна Сигизмунда, который послалъ его съ письмомъ императора къ султану, компрометируя, такимъ образомъ, молдавскаго князя и лишая его довѣрія Дивана. Наконецъ, третій гонецъ поѣхалъ къ Мартину Зборовскому, котораго встрѣтилъ на самой границѣ, но послѣдній, узнавши о положеніи дѣлъ въ Молдавіи, не смотря ни

на значительный отрядъ, бывшій съ нимъ, ни на слезы дочери, просившей помочь обожаемому жениху, повернулъ домой, предоставивъ Герклида собственной участи.

Далѣе слѣдуетъ что-то непонятное и мало вѣроятное: князь Димитрій Вишневецкій, не дожидаясь своего союзника Ласкаго, подступаетъ къ Сочавѣ и объявляетъ себя союзникомъ Гераклида, предлагая вывести его изъ затруднительнаго положенія, если ему заплатятъ 25 тысячъ червонцевъ единовременно за помощь и будутъ продолжать платить впредь по 12 тыс. черв. ежегодно до тѣхъ поръ, пока не возстановится спокойствіе въ странѣ. Впрочемъ, нѣкоторые историки утверждаютъ, что между Ласкимъ и княземъ Димитріемъ вышли недоразумѣнія, и потому, быть можетъ, потерявъ всякую надежду на полученіе молдавской короны, такъ какъ до него дошла вѣсть объ избраніи Томши, Вишневецкій счелъ болѣе выгоднымъ, а можетъ быть и справедливымъ, стать на сторону Гераклида. Гераклидъ, понятно, остался очень доволенъ предложеніемъ и щедро наградилъ посланнаго Вишневецкимъ Ивана Пясецкаго. Еще Пясецкій не вернулся отъ Гераклида, какъ мятежные бояре, узнавъ, какой оборотъ приняли дѣла, и боясь мести Гераклида, послали депутацію къ Вишневецкому съ такими рѣчами: твой приходъ мы считаемъ милостью неба, ты одинъ достоинъ княжить надъ нами; твой высокій родъ, связывающій тебя съ могущественнымъ королемъ сосѣдней страны, прославленная твоя храбрость въ войнахъ съ бусурманами, государственная опытность, основательное знакомство съ обычаями, законами, потребностями и жизнію народа, а главное твоя набожность и уваженіе къ общей нашей матери церкви—даютъ намъ ручательство, что ты своимъ правленіемъ осчастливишь страну. Пусть не смущаетъ тебя то обстоятельство, что Томша уже избранъ княземъ: его избраніе временно и условно, поэтому онъ готовъ изъ любви къ отечеству и ради его пользы отказаться отъ своего званія и явиться первымъ, чтобы выразить свои вѣрноподданническія чувства. Прельщенный рѣчами Волоховъ, Димитрій Вишневецкій вдругъ измѣняетъ свои рыцарскія намѣренія и, даже не дожидаясь Пясецкаго изъ Сочавы, посы-

лаетъ новаго гонца съ извѣщеніемъ о происшедшей перемѣнѣ. Венгры, основываясь на только что заключенномъ договорѣ съ Пясецкимъ, вышли изъ Сочавы для закупки провіанту, но къ своему удивленію были встрѣчены враждебно войсками Вишневецкаго и должны были убѣжать назадъ въ крѣпость съ большимъ урономъ, подтверждая извѣстіе о происшедшихъ перемѣнахъ въ лагерѣ Вишневецкаго.

Въ то время молдавская депутація, желая придать своимъ словамъ больше правдивости и доброжелательства къ Вишневецкому, проситъ у него 500 воиновъ себѣ въ помощь на тотъ случай, еслибъ образовалась какая нибудь враждебная къ Вишневецкому партія, которую надо было бы смирить силою оружія. Вишневецкій охотно исполнилъ желаніе молдаванъ, но лишь только отрядъ козаковъ перешелъ мостъ на рѣкѣ Серетѣ и сталъ приближаться къ лагерю Томши, какъ молдаване, бывшіе въ засадѣ, бросились на нихъ и окружили со всѣхъ сторонъ. Козаки, видя измѣну, рѣшились продать жизнь дорогой цѣной и, показавъ чудеса храбрости и военнаго искусства, всѣ легли въ неравной битвѣ подъ ударами вѣроломныхъ молдаванъ. Между тѣмъ бояре, боясь, чтобы извѣстіе о ихъ гнусномъ поступкѣ не дошло къ Вишневецкому, быстро перешли со всѣми своими силами черезъ Серетъ и напали на козацкій лагерь, представлявшій въ это время мирную картину: лошади были разсѣдланы, вооруженіе козаковъ сброшено въ сторонѣ, въ кучу, самъ вождь, больной ногами, мирно почивалъ на возу. И вдругъ эта мирная бивуачная картина моментально превращается въ адъ: налетѣвшіе молдаване, пользуясь замѣшательствомъ своихъ безоружныхъ враговъ, сѣяли вокругъ себя смерть. Димитрій Вишневецкій быстро оріентировался и, не теряя головы, дѣлалъ распоряженія. Въ козацкомъ лагерѣ работа закипѣла. Прежде всего стянули возы и, по козацкому обычаю, образовали изъ нихъ сомкнутый кругъ, мгновенно создавъ такимъ образомъ укрѣпленный лагерь. Пясецкій принялъ начальство надъ козацкими войсками, а Вишневецкій, будучи не въ силахъ сѣсть на коня, ограничилъ свою роль тѣмъ, что приказалъ носить себя

на носилкахъ въ тѣ пункты, гдѣ была наибольшая опасность, и въ одномъ мѣстѣ ободрялъ, въ другомъ подавалъ совѣтъ.

Несмотря на численное провосходство врага и нечаянность нападенія, козаки не только удержали напоръ молдаванъ, не разорвавъ своихъ рядовъ, но даже стали оттѣснять ихъ, такъ что задніе ряды непріятелей, тѣснимые передними, побѣжали, распространивъ вѣсть о полномъ своемъ пораженіи. Но бояре, собравъ вновь подходившія толпы молдаванъ, опять бросились на козаковъ, которые уже не могли вынести новаго натиска, дрогнули и смѣшались. Пясецкій, отражая въ одномъ мѣстѣ непріятеля, чтобы удержать за собою путь къ отступленію, попалъ въ плѣнъ. Тогда Вишневецкій увидѣлъ, что для него все потеряно, сѣлъ на возъ и приказалъ везти себя въ степь, минуя большія дороги, боясь погони. Встрѣтивъ въ степи скирду сѣна, князь Димитрій зарылся въ сѣно, разсчитывая здѣсь переждать первое время тревоги и поисковъ, но на другой день къ скирдѣ подъѣхалъ мужичекъ набрать сѣна и открылъ убѣжище князя.

Вишневецкій упросилъ мужичка за большое вознагражденіе спрятать его на своемъ возу подъ сѣномъ и перевезти въ Подоль. Мужичекъ охотно согласился, а Вишневецкій, вполнѣ довѣряясь ему и не слѣдя, по какому направленію его везутъ, попалъ въ лагерь Томши. Тамъ при въѣздѣ поразили его потрясающія, ужасныя сцены: небольшая кучка его товарищей, связанная по рукамъ и ногамъ, стояла въ сторонѣ, и надъ ней оперировалъ палачъ, отрѣзывая уши и носы, шельмовалъ, какъ тогда говорили, и въ такомъ обезображенномъ видѣ отпускали ихъ домой. Семейныя преданія сохранили намъ память о нѣкоторыхъ страдальцахъ. Такъ напримѣръ, въ родословныхъ стараго дворянскаго рода Джиридовъ упоминается нѣкто Стефанъ Стефановичъ Джиридъ, бывшій въ это время ротмистромъ у Вишневецкаго и вернувшійся въ отечество въ такомъ страшномъ видѣ.

Вишневецкаго и Пясецкаго новый господарь отправилъ въ Стамбулъ къ султану.

VII.

Селимъ II, сынъ знаменитой Роксоланы и Солимана Великолѣпнаго, очень обрадовался присылкѣ плѣнниковъ: давно весь бусурманскій міръ жаждалъ крови богатыря, да не легко давался онъ въ руки. Долго султанъ придумывалъ пожесточе казнь своему заклятому врагу. Современники оставили намъ разсказы объ этой казни въ нѣсколькихъ версіяхъ, сходныхъ въ общемъ и розьящихся въ подробностяхъ. Мы выбрали разсказъ герольдика Папроцкаго, нетолько современника, но даже ровесника Вишневецкаго, человѣка, который съ сочувствіемъ и большимъ вниманіемъ слѣдилъ за судьбой героевъ Украины. „Волохи, разсказываетъ онъ, взяли Пясецкаго (Ивана) измѣной вмѣстѣ съ Вишневецкимъ и отправили въ Турцію; тамъ замучили ихъ ужасной смертію. Въ Цареградѣ надъ морскимъ заливомъ, идущимъ къ Галатѣ, были поставлены двѣ висѣлицы одна надъ другой; на нижней были укрѣплены двѣ пары вилообразныхъ крюковъ, а на верхней только гайка (не блокъ ли?), къ которой была прикрѣплена веревка. При помощи этой веревки подняли Пясецкаго и быстро спустили съ высшей висѣлицы на низшую; онъ, падая, зацѣпился ребромъ за крюкъ, залился кровью и скоро умеръ, потому что повисъ головой внизъ. Послѣ тоже самое продѣлали и надъ Вишневецкимъ, но тотъ, зацѣпившись ребромъ за крюкъ, повисъ ногами внизъ, и потому прожилъ еще три дня, пока не пронзилъ его стрѣлой изъ лука невѣрный, выведенный изъ терпѣнія его проклятіями и хулой противъ Магомета и его вѣры“. Точь въ точь тоже самое поетъ народъ въ пѣснѣ о Байдѣ.

Ой пье Байда медъ, горілочку,
Та не день, не два,
А ни одну ночку.
Прыйшовъ до его,
Царь Турецькій
Ой здоровъ бувъ, Байдо,
Байдо молодецькій!
Годи тоби, Байдо,
Байдыкуваты,
Беры мою дочку,
Та йды царюваты!
Твоя вира проклятая,
Та твоя жъ дочка поганая.
Ой якъ крыкне царь турецкій,
Та не свои слуги,
Слуги молодецки.
Ой вы слуги,
Слуги вирныи!
Та звяжить же Байди,
Рученьки билыи.

Позволь, царю,
Лучка взяты,
Тоби на вечерю,
Голубочка зняты.
Ой якъ стрельне
Байда зъ лука,
Та попавъ винъ царю
Поміжъ сами вуха,
А царыцю
Въ потылыцю,
А цареву дочку
Въ саму головочку.
Отъ то жъ тоби, царю,
За Байдыну кару!
Було тоби знаты,
Якъ Байду караты:
Було Байди голову изтяты,
Его тило поховаты,
Воронымъ конемъ издыты,
Хлопця соби зголубыты [1]).

Пока Томша управлялся съ Вишневецкимъ, а это продолжалось дня четыре, Гераклидъ легко могъ воспользоваться этимъ временемъ для побѣга въ Хотинъ къ Ласкому, который тогда прибылъ туда съ значительнымъ отрядомъ, набраннымъ въ Польшѣ, и заперся въ хотинской крѣпости, выжидая исхода событій. Многіе совѣтовали Гераклиду оставить столицу, но онъ согласился съ мнѣніемъ своего врага, Діонисія Авали, совѣтовавшаго лучше дождаться помощи за крѣпкими стѣнами, нежели разсчитывать на сомнительное великодушіе Ласкаго. И дождался Гераклидъ помощи, но не себѣ, а своему врагу Том-

[1]) Старовольскій въ своей книгѣ „Bellatores Sarmatiae“ подъ заглавіемъ „Demetrius Visnovecius“ тоже помянулъ въ общихъ и нѣсколько трескучихъ фразахъ нашего народнаго героя: Demetrius Michaelis filius, in bellis exercitatissimus, et cujus nomen frequentes victoriae apud Scythas, non solum celebre, verum etiam formidabile redderant; regnante Sigismundo Augusto, a Valachis ad principatum vocatus fuerat. Dignus profecto ea fortuna Princeps ut pote virtutibus et animi magnitudine, itemque liberalitate, cum optimis quibusque omnium facculorum principibus comparandus. Caeterum tantae virtuti, immitis fortuna obstitit, et non diu potitum in praeceps subito deiccit. Si quidem Solimanus Turcarum immisso grandi exercitu, principatum eum post aliquot praelia et velitationes, deturbavit, Circum ventus itaque infidiis Barbarorum in potestate hostium devenit: qui eum durissimo pernigilio diu torsunt. Tyranusque ipse abdicata omni, vel rediae clementiae, vel juste humanitatis laude, que singularis ferro ejus ingenio proponebatur, crudelissime in eum statuit, uneoque ferreo in porta quandam, urbis Constantinopolitanae suspendi jussit. Cui inter dolores Constantissimo, et vel sola patientia Christiana coelum promerito, hoc breve epitaphium cenotaphio erigendo scribanus.—Demetrius Visnoveciae Dux, Virtute bellica, et rebus armata manu gestis, nulli veterum Heroum Secundus: et in quo omnia ad aeternitatem famae conspirant: quum dacorum votis in Principem expetitus, haud diu dignitate suum, ottomanica potentia fractus, tueretur. intrepidi sane non solum valde memoris et cauti Deus, decus meruit. Barbarique jussu inaudito supplicio peremptus, in martyrum requiem, post, exantlatas, L circiter annis, vitae aerumnas, evolavit. Anno.

шѣ, которому Іоаннъ Сигизмундъ, наконецъ, прислалъ двухтысячный отрядъ подъ командой Владислава Родака.

Обрадованный помощью, Томша вновь приступилъ къ осадѣ Сочавы, но осажденные, очевидно, не падали духомъ, потому что продолжали дѣлать молодецкія вылазки; 18 октября, въ день св. евангелиста Луки, Григорій Гиральтъ съ отрядомъ пѣхоты, а Мартинъ Фаркачъ съ отрядомъ конницы выбѣжали изъ крѣпости и мужественно сразились съ соединенными силами молдаванъ и трансильванцевъ. Обѣ стороны понесли значительныя потери: со стороны молдаванъ палъ въ бою виновникъ мятежа гетманъ Берновскій, пронзенный мечемъ; съ другой стороны— убитъ Григорій Винча, любимецъ всего сочавскаго гарнизона за свой веселый нравъ. Послѣ этой вылазки трансильванцы, болѣе искусные, чѣмъ ихъ союзники молдаване, въ военномъ ремеслѣ, занялись энергичнѣе осадой Сочавы: вокругъ крѣпости высыпали они окопы выше и шире и поставили на нихъ пушки. Но самымъ пагубнымъ для Гераклида было то, что часть осажденныхъ и осаждающихъ были одной вѣры и говорили однимъ языкомъ: обѣ стороны вскорѣ вошли въ переговоры, и осаждающіе стали смущать своихъ земляковъ обѣщаніями отъ имени своего князя прощенія и награды, если они сдадутъ крѣпость и выдадутъ Гераклида. Лишенія во время продолжительной осады, потеря надежды на ожидаемую помощь деморализировали гарнизонъ, подтачивая вѣрность его къ господарю, и мало по малу воины стали склоняться на доводы своихъ земляковъ.

Однажды Гераклидъ, обходя патрули, замѣтилъ, что одинъ изъ его воиновъ переговаривается изъ-за стѣны крѣпости съ своимъ землякомъ, и сталъ допрашивать его о предметѣ разговора. Но когда тотъ не умѣлъ или не хотѣлъ объяснить содержанія бесѣды, то князь приказалъ виновному слѣдовать за собой и дома казнилъ его. Петръ Девай вечеромъ, не досчитываясь одного воина, сталъ требовать у князя его возвращенія, но князь, объяснивъ подозрительное поведеніе воина, сказалъ, что казнилъ его. Тогда венгерцы заволновались, упрекая Гераклида въ нарушеніи ихъ привилегій, въ силу которыхъ они одни имѣли право суда надъ своимъ товарищемъ. Девай, хотя остался

вѣренъ князю, но, понуждаемый однополчанами, сталъ требовать разсчета, а платить было нечѣмъ: пришлось въ счетъ платы отдать столовое серебро. Безденежье князя еще больше уронило его кредитъ въ глазахъ защитника столицы. Въ тоже время Владиславъ Радачъ не переставалъ работать во вредъ Гераклиду и даже завелъ своихъ шпіоновъ въ самой столицѣ, при помощи которыхъ ему наконецъ удалось склонить Петра Девая сдать Сочаву. Послѣдній сталъ искать соучастниковъ, но одинъ изъ нихъ выдалъ его князю. Гераклидъ, призвавъ обвиненнаго Девая къ себѣ въ комнаты, приказалъ казнить его своимъ цыганамъ. Пѣхота, негодуя на князя за казнь своего начальника, рѣшила сдать крѣпость, хотя Форкачъ старался удержать ее отъ такого дурнаго поступка. Болѣе доброжелательные совѣтовали Гераклиду сдаться Радачу, обѣщая выговорить ему безопасность жизни, свободу и неприкосновенность имущества, но князь или недовѣрялъ Радачу, или еще надѣялся на помощь Ласкаго и Зборовскаго, не слушалъ совѣта и умолялъ Фаркача съ его вѣрной конницей повременить съ сдачей крѣпости хоть денька четыре.

Г. Накко объясняетъ эту медленность Гераклида ожиданіемъ помощи: „осада длилась уже три мѣсяца, и деспотъ успѣлъ дать знать о своемъ положеніи въ Константинополь. Солиманъ выслалъ ему на помощь турецкій отрядъ, но Томша перехитрилъ и турокъ. Онъ просилъ ихъ остановиться въ виду Сочавы и послалъ объявить Гераклиду, что онъ можетъ безопасно сдаться туркамъ въ качествѣ военноплѣннаго. Гераклидъ повѣрилъ ложной клятвѣ.“ Было ли такъ или иначе, но у Гераклида выбора не было, и онъ рѣшилъ сдаться. Онъ надѣлъ на себя лучшее платье, препоясался мечемъ и, прощаясь съ своими придворными, разломалъ свою корону, которой куски роздалъ своимъ слугамъ, какъ послѣдній даръ; потомъ ему подвели горячаго скакуна; сѣвъ на коня и приказавъ отворить городскія ворота, онъ поскакалъ въ вражескій лагерь. Лишь только дали знать Томшѣ о пріѣздѣ Гераклида, какъ узурпаторъ приказалъ снять своего соперника съ сѣдла, обезоружить и привести къ себѣ. Приведенный Гераклидъ отвернулся отъ Томши: „Почему не кла-

няешься волошскому господарю съ подобающей ему честью?“— крикнулъ Томша. „Потому, отвѣтилъ Гераклидъ,“ что не признаю тебя господаремъ Молдавіи, а считаю измѣнникомъ и узурпаторомъ. Томша въ бѣшеной ярости бросился и ударилъ его въ голову своей булавой; стража подскочила и доконала несчастнаго князя. Отсѣченную голову Гераклида воткнули на копье и обнесли по всему лагерю. Іохимъ изъ Грогова, вѣрный другъ и товарищъ казненнаго князя, сопутствовавшій ему вездѣ, за свою преданность былъ казненъ въ другомъ концѣ лагеря. Головы обоихъ казненныхъ были отправлены въ Константинополь. Таковъ былъ конецъ Іоанна Якова Гераклида Василика, едва достигшаго сорокалѣтняго возраста и прокняжившаго безъ малаго два года. „Такимъ образомъ, восклицаетъ г. Накко, палъ жертвою своего великодушія человѣкъ, задумавшій облагодѣтельствовать Молдавію привитіемъ къ ней европейской образованности.“

Ласкій, не заставъ Вишневецкаго на условленномъ мѣстѣ и не зная, что дѣлается въ Сочавѣ, выступилъ въ походъ 11-го ноября и расположился лагеремъ надъ рѣкой Серетомъ, гдѣ встрѣтилъ изъ сочавскаго гарнизона ошельмованнаго нѣмца, отъ котораго узналъ судьбу обоихъ своихъ товарищей. При этомъ несчастный нѣмецъ разсказалъ ему, что Томша, отправляя его, приказалъ разыскать Ласкаго и передать ему слѣдующее: если онъ не хочетъ раздѣлить участь своихъ товарищей, то пусть немедленно оставитъ страну. Услышавъ такія печальныя вѣсти и не имѣя больше основанія оставаться въ странѣ, Ласкій снялъ свой лагерь и отправился черезъ Буковину въ Хотинъ. Ближайшей дорогою онъ не рѣшился идти, потому что она была уже занята молдаванами. Не особенно былъ удобенъ проходъ и по выбранной дорогѣ, потому что часто буковинскіе крестьяне дѣлали засѣки въ громадныхъ буковыхъ лѣсахъ, а на рѣкахъ снимали мосты. Сверхъ того Томша, узнавъ, по какой дорогѣ пошелъ Ласкій, послалъ въ погоню 12 т. молдаванъ, которые гнались за нимъ до самаго Снятина. Послѣ труднаго, но благополучнаго похода Ласкій, не потерявъ ни одного человѣка изъ своей дружины, прибылъ въ Хотинъ и занялся его укрѣпленіемъ,

рѣшивъ удержать его во что бы то ни стало въ вознагражденіе за понесенные труды и издержки.

Но уже въ то время повисъ Дамокловъ мечъ и надъ головой Томши. Случилось это такимъ образомъ. Новый господарь обѣщалъ трансильванцамъ, присланнымъ ему на помощь Заполею, отдать все имущество Гераклида послѣ взятія Сочавы, чѣмъ они и воспользовались въ свое время. Но когда трансильванцы отправились домой, то Томша раскаялся въ своей легкомысленной щедрости и приказалъ отряду, вернувшемуся изъ погони за Ласкимъ, нагнать своихъ бывшихъ союзниковъ и ограбить ихъ.

Іоаннъ Сигизмундъ Заполя, возмущенный такимъ гнуснымъ поступкомъ Томши, пожаловался султану и просилъ удовлетворенія. Въ тоже время и Лопушнянъ, услышавъ о смерти Гераклида, сталъ настойчивѣе хлопотать о возвращеніи ему власти въ Молдавіи. Султанъ, склоняясь на обѣ просьбы, вторично утвердилъ Лопушняна въ Молдавіи господаремъ, давъ ему турецкій вспомогательный отрядъ, при помощи котораго онъ могъ бы утвердиться на престолѣ и наказать Томшу за сдѣланную имъ обиду трансильванцамъ. Томша, услыхавъ о приближеніи грозы, бѣжалъ въ Венгрію, но на польской территоріи онъ былъ схваченъ Юріемъ Язловецкимъ, охранявшимъ тогда границы Рѣчи Посполитой. Язловецкій заключилъ своего плѣнника въ тюрьму при своемъ замкѣ Бучачѣ, донося королю о случившемся. Плѣнникъ всю зиму томился въ бучацкомъ замкѣ, не зная, какая готовится ему участь. Наконецъ *22-го мая 1564 г.* варшавскій сеймъ рѣшилъ перевести Томшу изъ Бучача въ одинъ изъ королевскихъ замковъ. Администрація для этой цѣли нашла самымъ удобнымъ Львовскій замокъ, куда Язловецкій и отправилъ плѣнника, но злая судьба преслѣдовала его и въ несчастіи: дорогой напали на него русскіе крестьяне и ограбили. Въ Львовѣ его отдали подъ старажу городскому старостѣ Петру Барзѣ. Султанъ и Лопушнянъ, узнавъ о мѣстопребываніи Томши, стали требовать выдачи его или смертной казни. Король выбралъ послѣднее, какъ болѣе сообразное съ своимъ достоинствомъ и приговорилъ Томшу къ смертной казни, пославъ декретъ въ

Львовъ черезъ дворянина Красицкаго. Въ четвергъ 5-го мая 1564 г. въ 7 час. вечера на львовскомъ рынкѣ сложилъ свою голову Стефанъ Томша, господарь земли молдавской, а тѣло его похоронили въ монастырѣ св. Онуфрія.

Въ рукахъ Ласкаго еще оставался Хотинъ, возвращенія котораго домогался султанъ. Королю, однако, удалось уговорить Ласкаго добровольно уступить крѣпость Турціи и тѣмъ умилостивить султана, стоявшаго съ сорокатысячной арміей надъ Дунаемъ и готоваго двинуться къ Хотину, еслибъ его не возвратили добровольно.

Теперь остается сказать нѣсколько словъ о вторичномъ господарствѣ въ Молдавіи Александра Лопушняна. Столица княжества Сочава такъ много напоминала ему о прежнихъ его бѣдствіяхъ, что онъ бросилъ ее и перенесъ свою резиденцію въ Яссы. Понятно, что всѣ предпринятыя Гераклидомъ реформы были заброшены и даже малѣйшіе ихъ слѣды затирались, чтобы не напоминать собою самого реформатора. Оставалось Лопушняну задушить гидру крамолы въ самомъ ея гнѣздѣ, но онъ выжидалъ, такъ какъ главная затаенная его мысль о мести боярамъ-измѣнникамъ не могла сейчасъ быть приведена въ исполненіе; ему хотѣлось прежде успокоить бояръ своимъ ласковымъ обращеніемъ такъ, чтобъ даже тѣ, которые эмигрировали въ Польшу и Венгрію, безбоязненно вернулись въ отечество. И когда тѣ вернулись, онъ жестоко расправился съ ними. Въ одно воскресенье послѣ божественной литургіи воевода пригласилъ всѣхъ знатнѣйшихъ своихъ бояръ на пирушку. Бояре, или ничего не подозрѣвая, или боясь ослушаться, собрались во дворецъ въ полномъ комплектѣ. Самъ князь, обыкновенно мрачный и задумчивый, сталъ веселѣе и разговорчивѣе; видя это, участники пира сами повеселѣли и стали смѣлѣе. Тосты слѣдовали за тостами, и одинъ смѣльчакъ, юный бояринъ Виверица, какъ бы желая выразить, что жестокость перваго княженія его больше не повторится, провозгласилъ: „за твое милосердіе, князь!“ Но у князя чело поморщилось, брови насупились, и одинъ изъ его тѣлохранителей, должно быть, по предварительному приказанію, пронзилъ кинжаломъ Виверицу. На крикъ князя:

„ко мнѣ мои стражи!“ прибѣжали подкупленные убійцы, и началась настоящая бойня подъ звуки музыки и гулъ салютующихъ пушекъ въ честь пиршества. Сорокъ семь боярскихъ головъ были сложены въ большую пирамиду на томъ самомъ столѣ, за которымъ они такъ недавно весело пировали. Народъ, узнавъ о жестокостяхъ, произведенныхъ во дворцѣ, громадной толпой окружилъ его и требовалъ выдачи Моцока, интригамъ котораго приписывалъ всѣ жестокости князя. Лопушнянъ, слыша народное требованіе, обратился къ фавориту съ вопросомъ: „что дѣлать?“ И Моцокъ отвѣтилъ: „стрѣлять!“—Не слишкомъ ли много за одну твою голову?—отвѣтилъ насмѣшливо князь и приказалъ бросить его въ толпу, которая его мгновенно растерзала. Вотъ какъ расправлялся Лопушнянъ съ боярами измѣнниками. А чтобъ они не укрывались отъ его справедливаго или иногда несправедливаго гнѣва въ укрѣпленныхъ городахъ, онъ разорилъ всѣ крѣпости, кромѣ Хотина и Нямцу.

Конецъ Лопушняна такъ описываетъ Накко: „въ 1566 г. Лопушнянъ опасно заболѣлъ, во время похода своего въ Покутье, и лежалъ при смерти въ Хотинѣ. Видя приближеніе своего конца, онъ созвалъ бояръ, просилъ у нихъ прощенія за вольныя и невольныя жестокости и далъ торжественный обѣтъ, въ случаѣ выздоровленія, постричься въ монахи и удалиться въ построенный имъ монастырь Слатинъ вымаливать грѣхи. Обратившись затѣмъ къ предстоявшимъ святителямъ, онъ просилъ ихъ, при приближеніи смерти, обрѣзать ему волосы и надѣть на него клобукъ и власяницу. Сказавъ это, онъ впалъ въ безчувственное состояніе. Думая, что онъ уже кончается, митрополитъ исполнилъ его желаніе и постригъ его въ монахи подъ именемъ Пахомія. Черезъ нѣсколько времени Лопушнянъ, однако, очнулся и, увидѣвъ себя въ странномъ одѣяніи, сталъ гнѣвно упрекать митрополита, напоминавшаго ему о торжественной минутѣ смерти, причемъ угрожалъ присутствующимъ, говоря: „дайте мнѣ только подняться и тогда въ свою очередь и я постригу нѣкоторыхъ изъ васъ“!—Услышавъ эти угрозы, окружавшіе его пришли въ неописанный ужасъ и не знали, на что рѣшиться. Но ихъ выручили изъ затрудненія Строица и Спанчокъ, возвратив-

шіеся изъ Польши и стоявшіе теперь у одра умирающаго. Они поднесли Роксандѣ ядъ, требуя, чтобы она подала своему мужу. Роксанда долго не рѣшалась совершить это преступленіе и обратилась за совѣтомъ къ митрополиту Ѳеофану. „Богъ да проститъ тебя", сказалъ Ѳеофанъ, и Роксанда поднесла мужу роковой напитокъ. Однако Лопушнянъ, опасаясь измѣны, не хотѣлъ принимать напитка изъ рукъ своей жены, но былъ все таки принужденъ выпить его, такъ какъ Спанчокъ разжалъ ему зубы кинжаломъ и влилъ въ него весь ядъ, отъ котораго черезъ нѣсколько минутъ Лопушняна уже не стало. „E se non piangi di che pianger suoli?!" [1])—закончу я словами Данта.

Сергѣй Венгрженовскій.

Источники.

1) Iakob Heraklidès i Olbrecht Laski: Ustęp z dziejow polskich XVI wieka, przez Mikolaja Malinowskiego. Teka № III.

2) Историческія пѣсни малорусскаго народа съ объясненіями Вл. Антоновича и Драгоманова. Томъ первый. Кіевъ 1874.

3) Исторія Бессарабіи Алексѣя Накко. Часть вторая 1876 г.

4) Польская колонизація Юго Западной Россіи. Вѣстникъ Европы м. мартъ 1874 г. П. Кулиша.

5) Herby Rycerstwa Polskiego spisane przez Bartosza Paprockiego. Krakow 1858 г.

6) О мѣстоположеніи древняго города Пересѣчена, принадлежавшаго народу Угличамъ. Н. Надеждина. Записки Одесскаго общества исторіи и древностей. Томъ первый. Одесса 1844. г.

7) Геродотова Скиѳія, объясненная чрезъ сличеніе съ мѣстностями. Тамъ же и того же автора.

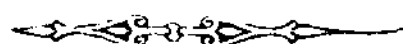
8) Скиѳія и Скиѳы Геродота, и его толкователи, съ описаніемъ состоянія тѣхъ странъ Д. Фридриха Людвига Линднера. Тамъ же и того же автора.

9) Początki Moldawii Aleksandra Czolowskiego Lwòw 1890 г.

10) Olbracht Laski wojewoda sieradzki Aleksandra Kraushara. Warszawa 1882 г.

11) Ateneum, журналъ 1882 г. за май статья „Rodzina Laskich w XVII wieku".

12) Bellatores Sarmatiae Шимана Старовольскаго стр. 188.



---

[1]) И если ты не плачешь, услышавъ объ этихъ ужасахъ, то чѣмъ можно вызвать у тебя слезы?.

А. А. Потебня, какъ языковѣдъ-мыслитель.

Покойный профессоръ Харьковскаго Университета, Александръ Аѳанасьевичъ Потебня († 29 ноября 1891 г.) принадлежалъ къ числу первоклассныхъ ученыхъ нашего вѣка. Его капитальные труды (по діалектологіи, этимологіи, синтаксису русскаго языка и родственныхъ, а также по миѳологіи и народной поэзіи) давно уже оцѣнены по достоинству учеными спеціалистами и заняли выдающееся мѣсто въ наукѣ. Тѣмъ не менѣе однакоже истинное и непреходящее значеніе важнѣйшихъ трудовъ Потебни, ихъ глубокая философская основа, ихъ скрытый (подъ чрезмѣрно-сжатымъ изложеніемъ) смыслъ, указующій новые пути и открывающій далекія и грандіозныя перспективы мысли,—все это, къ сожалѣнію, еще недостаточно выяснено и не стало достояніемъ мыслящей части общества. Эта сторона хорошо извѣстна лишь немногимъ ученымъ спеціалистамъ,—въ особенности же непосредственнымъ ученикамъ покойнаго профессора, которые были, такъ сказать, свидѣтелями самаго процесса его ученаго творчества, такъ какъ многія изслѣдованія Потебни, прежде чѣмъ выйти въ свѣтъ, были прочитаны имъ въ рядѣ университетскихъ курсовъ, обставленныхъ всею роскошью живаго изложенія, нерѣдко достигавшаго высотъ настоящей художественности. И эти ученики покойнаго въ одинъ голосъ скажутъ намъ, что напр. извѣстная книга, на заглавномъ листѣ которой напечатано: „Изъ записокъ по русской грамматикѣ. I Введеніе. II. Составные члены предложенія и ихъ замѣны. Составилъ А. Потебня“,—есть глубокій философскій трудъ.

Задавшись цѣлью положить въ общедоступной формѣ философскую сторону изслѣдованій Потебни, пишущій эти строки далекъ отъ мысли исчерпать тему и будетъ считать свою задачу достигнутою, ежели ему удастся выяснить хотя-бы въ общихъ чертахъ сущность философско-психологическихъ воззрѣній на языкъ и значеніе сюда относящихся открытій покойнаго ученаго[1]).

I.

Въ тридцатилѣтней ученой дѣятельности Потебни можно различать два періода. Первый, образующій начало его карьеры, былъ наполненъ изученіемъ языка въ связи съ миѳомъ и разработкою философско-психологической теоріи языка, основанной на идеяхъ В. Гумбольдта и комментаріяхъ къ нимъ Штейнталя, а также на психологическихъ трудахъ Гербардта и Лотце. Въ этомъ періодѣ (1860—1865) Потебня является по преимуществу психологомъ и философомъ и обнаруживаетъ необыкновенный даръ анализа и обобщенія. Какъ лингвистъ, миѳологъ, психологъ, онъ уже тогда, не взирая на молодость, стоялъ на высотѣ современнаго знанія. Посвящая себя спеціально изученію языковъ славянскихъ, онъ въ то же время пріобрѣлъ солидныя познанія въ санскритѣ, литовско-латышскомъ, германскихъ нарѣчіяхъ. Сравнительная Грамматика того времени (Боппъ, Поттъ, Бенфей, Кунъ, Шлейхеръ и др.), равно какъ и историческая школа Гримма, были основаніемъ его лингвистической эрудиціи. Соединеніе этихъ двухъ направленій (сравнительнаго и историческаго), какъ извѣстно, составило силу науки сравнит. языковѣдѣнія, создало для нея незыблемо—прочный фундаментъ. Вотъ именно это соединеніе двухъ теченій и легло въ основу долгой и плодотворной дѣятельности Потебни во второмъ ея періодѣ (1865—1891). Въ эту эпоху онъ сперва работалъ преимущественно въ области діалектологіи и фонетики

---

1) Обозрѣніе всей дѣятельности А. Потебни, его характеристику, какъ ученаго, профессора и человѣка, оцѣнку его работъ и пр. читатель найдетъ въ статьяхъ гг. Ламанскаго, Будиловича, Халанскаго, Ляпунова, Нетушила и др., собранныхъ частью цѣликомъ, частью въ извлеченіяхъ въ 4 томѣ „Сборника Харьковскаго Историко-филолог. Общества“. (1892 г.).

русскаго языка и другихъ славянскихъ, широко пользуясь также данными и другихъ индоевропейскихъ языковъ. Изслѣдованія, сюда относящіяся, по богатству эрудиціи, совершенству метода, глубинѣ и вѣрности взгляда, являются капитальными произведеніями научной мысли и справедливо доставили ихъ автору одно изъ наиболѣе уважаемыхъ и авторитетныхъ именъ. Въ 1874 г. онъ выступаетъ съ классическимъ трудомъ по синтаксису („Изъ записокъ по русской грамматикѣ“, 2-е изд—1889 г.), вслѣдъ за которымъ послѣдовали новыя работы по этимологіи и фонетикѣ, по народной поэзіи, опять по синтаксису—вплоть до начала 90-хъ годовъ. Вся эта обширная дѣятельность не сходила съ философской почвы и представляетъ собою строго-логическое проведеніе цѣльнаго философскаго взгляда на языкъ въ его отношеніяхъ къ мысли. Тѣмъ не менѣе эта философская подкладка оставалась какъ-бы въ тѣни и не была оцѣнена по достоинству. О ней знали только непосредственные ученики Потебни. Въ изслѣдованіяхъ этимологическихъ, фонетическихъ и т. д. она могла проявляться лишь изрѣдка и давала себя чувствовать весьма отдаленнымъ и косвеннымъ образомъ, гдѣ-нибудь въ замѣчаніи, брошенномъ мимоходомъ, въ той или иной постановкѣ спеціальнаго вопроса, при чемъ читателю приходилось самому извлекать философское основаніе этой постановки. Крайне скупой на слова, разъясненія, отступленія, Потебня писалъ въ родѣ того, какъ пишутъ математики. Оттуда между прочимъ и репутація Потебни, какъ ученаго „узкаго“, „крайняго спеціалиста“, чуть не „буквоѣда“, и незначительное распространеніе его идей даже въ той части публики, которая должна была бы знать его труды (филологи разныхъ спеціальностей, учителя русскаго языка, литераторы). Публика и не подозрѣвала, что авторъ „Къ исторіи звуковъ русскаго языка“ и другихъ спеціальныхъ и неудобочитаемыхъ книгъ и статей того же рода въ сущности и прежде всего—философъ съ очень широкимъ основаніемъ идей, воспитавшій свой умъ, щедро одаренный отъ природы, глубокимъ изученіемъ Канта, Гербардта, В. Гумбольдта и др. и стоящій на высотѣ современной философской мысли вообще. Этой неизвѣстности Потебни, какъ мыс-

лителя, способствовало также и то, что спеціальные труды второго періода своею научною цѣнностью и авторитетностью заслонили его раннія работы (перваго періода), въ особенности замѣчательный этюдъ „Мысль и языкъ“, напечатанный въ журналѣ Мин. Нар. Просв. въ 1862 г. (нынѣ переизданъ семьею покойнаго [1]). Этотъ этюдъ имѣлъ странную судьбу; онъ оставался почти неизвѣстнымъ въ теченіе 30 лѣтъ даже ученымъ, слѣдившимъ за трудами Потебни; а между тѣмъ знакомство съ нимъ оказывается необходимымъ для полнаго пониманія важнѣйшихъ трудовъ Потебни—по синтаксису и народной поэзіи, а кромѣ того, оно могло бы оказать весьма благотворное вліяніе на правильную постановку нѣкоторыхъ вопросовъ философскаго характера, представляющихъ извѣстный интересъ для всякаго образованнаго человѣка. Идеи, въ немъ выраженныя, точки зрѣнія, въ немъ установленныя, легли въ основу всѣхъ послѣдующихъ трудовъ Потебни, въ особенности же—синтаксическихъ и по теоріи словесности (не изданныхъ, также какъ и продолженіе синтаксиса, оставшееся въ рукописи). Эти капитальныя произведенія представляютъ собою осуществленіе на дѣлѣ того, что въ книжкѣ „Мысль и языкъ“ высказано—какъ общій взглядъ, какъ теоретическая постановка вопросовъ. Наша задада и будетъ состоять въ томъ, чтобы связать „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“ съ этюдомъ „Мысль и языкъ“ и, показавъ, по мѣрѣ силъ и умѣнія, что̀ собственно доказалъ и открылъ Потебня, облегчить читателю-неспеціалисту изученіе хотя-бы только важнѣйшихъ трудовъ покойнаго мыслителя.

II.

Въ основаніе лингвистическихъ изслѣдованій Потебни положена идея, сжатую формулу которой мы находимъ въ слѣдующихъ его словахъ, сказанныхъ 30 лѣтъ тому назадъ: „Показать на дѣлѣ участіе слова въ образованіи послѣдовательнаго ряда системъ, обнимающихъ отношенія личности къ природѣ, есть

---

[1]) „Мысль и языкъ“ А. Потебни. 2-е изд. съ портретомъ автора „Харьковъ 1892 г. (272 стр.) Всѣ цитаты изъ этого сочиненія сдѣланы по этому 2-му изданію.

основная задача исторіи языка; въ общихъ чертахъ мы вѣрно поймемъ значеніе этого участія, если приняли основное положеніе, что языкъ есть средство не выражать уже готовую мысль, а создавать ее, что онъ не отраженіе сложившагося міросозерцанія, а слагающая его дѣятельность". („Мысль и языкъ", стр. 173). Основное положеніе, о которомъ говорится въ послѣднихъ строкахъ этого мѣста, принадлежитъ В. Гумбольдту, который училъ, что „die Sprache ist das bildende Organ des Denkens".— Мы постараемся дать читателю общее понятіе о томъ, какъ развивалъ Потебня это положеніе въ своемъ раннемъ трудѣ „Мысль и языкъ", исходя изъ идей Гумбольдта и отчасти пользуясь первыми работами Штейнталя.

Прежде всего нужно разъяснить, что такое *слово*. Мы это сдѣлаемъ, если отдадимъ себѣ отчетъ, изъ какихъ элементовъ оно состоитъ. Въ ряду послѣднихъ на первомъ планѣ стоятъ слѣдующіе два: *звуковая форма* и *значеніе*. Безъ нихъ слово немыслимо. Отнимите отъ словъ *домъ*, *рыба*, *огонь*, *лошадь* и т. д. сочетаніе звуковъ, ихъ составляющихъ, и оставьте ихъ значенія,—и они перестанутъ быть словами, превратятся въ чистыя понятія или представленія. И наоборотъ: лишенное своего значенія, слово перестаетъ быть словомъ и превращается, по выраженію Потебни, въ „искусственный фонетическій препаратъ" (Изъ записокъ по русской грамм., стр. 1). Если будемъ имѣть въ виду только эти два элемента, то мы опредѣлимъ слово, какъ „единство членораздѣльнаго звука и значенія". Это опредѣленіе дѣйствительно пригодно для множества словъ въ родѣ вышеприведенныхъ *огонь*, *домъ*, *рыба* и т. д., хотя и не исчерпываетъ, какъ увидимъ въ свое время, всѣхъ ихъ свойствъ. Но во всѣхъ языкахъ, кромѣ подобныхъ словъ, существуетъ много словъ иного рода, въ которыхъ, кромѣ *звука* и *значенія*, усматривается еще третій элементъ. Таковы напр. у насъ—*молокососъ*, *подснѣжникъ*, *незабудка*, *удавъ* и другія *живописныя* слова, въ которыхъ, кромѣ значенія и звуковъ, мы ясно различаемъ извѣстный, сознаваемый говорящимъ *способъ изображенія* даннаго значенія. Мы не знаемъ или не отдаемъ себѣ отчета, почему домъ называется „домъ", и какъ этотъ предметъ изображенъ въ этомъ

словѣ; напротивъ, называя извѣстный цвѣтокъ *подснѣжникомъ*, или *незабудкою,* легкомысленнаго молодаго человѣка „*молокососомъ*" (т. е. уподобляя его грудному ребенку), извѣстную змѣю *удавомъ* и т. д., мы сознаемъ, что выдвигаемъ впередъ одинъ изъ дѣйствительныхъ или предполагаемыхъ *признаковъ* данныхъ понятій и на немъ строимъ весь образъ предмета, обозначеннаго словомъ. Итакъ, кромѣ *звука* и *значенія*, здѣсь есть еще третій элементъ—*представленіе.* Оно сохраняется въ этихъ словахъ потому, что ближайшее этимологическое происхожденіе ихъ ясно для сознанія всякаго говорящаго на данномъ языкѣ. Даже неграмотному очевидна связь слова *подснѣжникъ* съ *подъ* и *снѣгъ,* слова *удавъ* съ глаголомъ *давить* и т. д., и эта очевидность производитъ то, что предметъ черезъ посредство такого слова не просто „обозначается", а рисуется въ умѣ со стороны одного изъ своихъ признаковъ. Формула подобныхъ словъ будетъ уже другая: „единство звука, значенія и представленія". Отношеніе представленія къ значенію мы будемъ называть *внутреннею формою* слова въ противоположность внѣшней—звуковой. Отсюда слѣдуетъ, что слова, лишенныя представленія, какъ *домъ, огонь* и пр., въ то же время не имѣютъ и внутренней формы. Наличность послѣдней придаетъ слову нѣкоторый поэтическій или художественный характеръ; ея исчезновеніе дѣлаетъ слово прозаическимъ, превращая его внѣшнюю форму, его звуки, какъ-бы въ простой знакъ, „алгебраически" указывающій на извѣстное понятіе. Путемъ сравнительно-историческаго изслѣдованія, наука весьма часто открываетъ въ такихъ „прозаическихъ" словахъ слѣды ихъ прежняго поэтическаго характера, слѣды представленія, нѣкогда въ нихъ находившагося, потомъ забытаго. Такъ напр., у насъ слово *мышь*; а равно и отвѣчающія ему по значенію и корню—нѣмецкое Maus, латинское mus и древнегреческое μῦς—представляются давнымъ-давно лишенными внутренней формы. Но *представленіе*, нѣкогда жившее въ этихъ словахъ, сохранилось въ соотвѣтственныхъ санскритскихъ mûsh, mûshaka, ибо ясна ихъ связь съ глаголомъ mush — красть, и въ нихъ мышь явственно изображена какъ *воръ.* Потеря внутренней формы есть процессъ высокой важности; какъ

увидимъ ниже, это своего рода *творческая сила* въ исторіи языка и мысли. Но ея дѣйствіе перекрещивается работою другой, также творческой силы, но противоположнаго характера—созданіемъ *новыхъ* словъ съ внутреннею формою. Приведенныя выше слова—*удавъ, подснѣжникъ, незабудка* и др. суть слова относительно новыя. Но помимо созданія *такихъ* новыхъ словъ, языкъ сплошь и рядомъ создаетъ новыя слова нѣсколько иного типа, примѣняя старыя, съ забытой внутренней формою, для обозначенія новыхъ понятій. Традиціонное значеніе такого слова (напр. домъ—зданіе, жилище) становится знакомъ или представленіемъ другого значенія (домъ—семья). Сюда относятся всѣ метафоры, которыхъ такъ много во всѣхъ языкахъ.

На этомъ пунктѣ мы пока пріостановимъ анализъ элементовъ слова; представимъ себѣ, что въ словѣ ничего нѣтъ кромѣ звука, значенія и представленія,—и постараемся прослѣдить его дѣятельность въ смыслѣ пружины, *создающей* нашу мысль.

Въ основаніи умственныхъ процессовъ лежатъ *чувственныя воспріятія*. Это тѣ впечатлѣнія, которыя мы получаемъ черезъ посредство органовъ чувствъ отъ окружающей насъ среды и отъ нашего собственнаго тѣла. Первоначально, напр. у ребенка въ раннемъ возрастѣ, эти воспріятія совершенно хаотичны: подчиняясь общему закону *ассоціаціи,* они сочетаются между собою какъ-попало, не группируясь въ опредѣленные и постоянные образы, такъ что воспринятый предметъ, напр. дерево, еще не отдѣляется отъ окружающей обстановки или отъ фона, напр. отъ собаки, лежащей подъ нимъ, отъ неба, на синевѣ котораго оно вырисовывается. Какъ извѣстно, полученныя воспріятія могутъ сохраняться въ безсознательномъ состояніи, вытѣсненныя изъ поля сознанія другими, и потомъ вновь выплывать наружу, пробуждаться въ сознаніи. Это то, что называется *памятью.* Вновь получаемыя воспріятія, въ силу все того же закона ассоціаціи, вступаютъ въ сочетаніе съ полученными раньше и сохраненными памятью, и на этой почвѣ возникаетъ и развивается, все усложняясь, умственная дѣятельность, сначала пассивная, потомъ пріобрѣтающая все

большую активность. Самымъ пассивнымъ процессомъ должна быть признана та хаотическая ассоціація воспріятій, о которой мы только-что говорили. Это по преимуществу—ассоціація воспріятій, случайно связанныхъ въ пространствѣ (дерево на фонѣ неба, дерево и собака подъ нимъ), или полученныхъ одновременно (дерево и шумъ вѣтра). Уже менѣе пассивно то сочетаніе новыхъ воспріятій съ прежними, которое осуществляется въ силу ихъ сходства и внутренняго сродства, когда напр. новое воспріятіе дерева оживляетъ въ сознаніи прежнее воспріятіе такого же дерева, но при измѣненіи обстановки. По мѣрѣ того какъ измѣняются обстановка и фонъ (прежде была собака подъ деревомъ, теперь ея нѣтъ тамъ, прежде небо было безоблачно, теперь оно покрыто тучами и т. д.), а между тѣмъ дерево остается то же, вызывая въ сознаніи воспріятія, полученныя отъ него раньше,—въ душѣ развивается дѣятельность уже отличная отъ простой, такъ сказать, механической ассоціаціи: въ этой новой дѣятельности мы различаемъ *сліяніе* сходныхъ и неизмѣнныхъ воспріятій (дерева) воедино и *устраненіе* величинъ перемѣнныхъ (неба, собаки), чѣмъ и полагается первое основаніе *единству образа* (дерева). Здѣсь же усматриваются первые проблески умственнаго процесса высокой важности,—такъ называемой *апперцепціи*, т. е. такого сочетанія представленій, при которомъ вновь полученное нѣкоторымъ образомъ *объясняется* прежними. Такъ, въ нашемъ примѣрѣ новое воспріятіе дерева при другой обстановкѣ и на иномъ фонѣ, сочетаясь съ прежнимъ воспріятіемъ дерева, находитъ въ этомъ сочетаніи свою истинную классификацію, свое истолкованіе. Но это пока только проблески, только возможность или подготовка апперцепціи. Настоящая апперцепція есть процессъ уже активный, а не пассивный; она должна быть одухотворена извѣстной долею сознательности. Вотъ именно этотъ переходъ отъ пассивности умственныхъ процессовъ къ ихъ активности, къ ихъ сознательности осуществляется не иначе, какъ при участіи *слова*.

Первоисточникъ слова есть *рефлективный звукъ*, частью подражательный, частью „междометнаго“ характера. „Языкъ“

дѣтей первоначально состоитъ изъ такихъ непроизвольныхъ звуковъ, сопровождающихъ воспріятія и механически съ ними сочетающихся. Когда это сочетаніе установится, и ребенокъ привыкнетъ связывать извѣстные звуки съ извѣстными образами („му" съ коровой, „жижа" съ огнемъ и т. д.), тогда рефлективный звукъ перестаетъ быть рефлективнымъ и становится сознательнымъ *орудіемъ апперцепціи.* Благодаря ему, осуществляется настоящая апперцепція. Предположимъ, ребенокъ при видѣ дерева привыкъ произносить какой-нибудь слогъ. Всякое новое воспріятіе дерева будетъ сопровождаться у него тѣмъ же слогомъ, который съ каждымъ разомъ все тѣснѣе будетъ сростаться съ образомъ дерева, все болѣе очищающимся отъ постороннихъ примѣсей (обстановки и фона). Такое сростаніе даннаго слога съ даннымъ образомъ способствуетъ скорѣйшему его очищенію и объединенію. И когда въ хаосѣ вновь полученныхъ воспріятій ребенокъ вдругъ откроетъ присутствіе дерева и произнесетъ привычный слогъ, то въ этомъ актѣ рѣчи осуществится первая сознательная апперцепція дерева. Данный слогъ уже не будетъ рефлективнымъ звукомъ, онъ явится въ качествѣ настоящаго *слова* съ опредѣленнымъ *значеніемъ,* и его произнесеніе будетъ актомъ сознанія, что предметъ (дерево) узнанъ, схваченъ мыслью въ его отдѣльности, что онъ *апперцепированъ.* Возьмемъ еще примѣръ. Если ребенокъ, еще не апперцепировавшій солнца, уже апперцепировалъ при помощи слова „жижа" огонь (лампы, камина), то онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи готовое орудіе и для апперцепціи солнца: онъ назоветъ и солнце „жижою". Въ этомъ дѣтскомъ словѣ будетъ заключено цѣлое *сужденіе,* которое можно развернуть такъ: то, что я теперь вижу (солнце), есть нѣчто такое или то самое, что раньше я называлъ „жижа" (огонь). Иначе: образъ огня, уже ассоціированный со словомъ *жижа* и составившій его *значеніе,* сталъ теперь *знакомъ* или *представленіемъ* другого значенія, другого образа (солнца). Создается слово съ *внутреннею формою,* и актъ его созданія есть въ то же время актъ *апперцепціи новаго образа.*

Такія примитивныя сужденія образутъ основаніе всего нашего умственнаго развитія. Это уже активная и творческая работа мысли: апперцепція и сравненіе. Ими, этими словами-сужденіями, ребенокъ впервые сравниваетъ, осмысливаетъ, классифицируетъ и обобщаетъ матеріалъ воспріятій, постоянно притекающій извнѣ. Вся эта работа мысли имѣетъ своимъ результатомъ образованіе тѣхъ обобщенныхъ схемъ, которыя называются *понятіями*. Итакъ, примитивныя слова-сужденія предшествуютъ образованію понятій, и послѣднія безъ первыхъ были бы невозможны. Безъ участія слова возможны только тѣ несовершенныя и эмбріональныя понятія, какія наблюдаются у высшихъ животныхъ и очевидно достигаются у нихъ силами болѣе пассивныхъ и несознательныхъ процессовъ ассоціаціи по сходству, неосмысленныхъ дѣятельностью языка. [1]).

Въ дѣлѣ образованія понятій участвуютъ различныя свойства слова; но могущественнѣе другихъ дѣйствуетъ здѣсь то, которое выше мы назвали *забвеніемъ внутренней формы*. Отрѣшимся на мигъ отъ нашей развитой мысли, орудующей *понятіями*, представимъ себѣ умственные процессы до образованія этихъ послѣднихъ и постараемся вникнуть въ творческую работу тѣхъ *словъ-сужденій*, о которыхъ была рѣчь выше, со *значеніемъ* въ роли подлежащаго и *представленіемъ* въ роли сказуемаго. Пока внутренняя форма такого слова-сужденія еще жива и осязательна, пока его представленіе не забыто, оно является весьма несовершеннымъ орудіемъ образованія понятія. Возьмемъ примѣръ. Слово *трава* происходитъ отъ корня, который значилъ *ѣсть*, и первоначально имѣло значеніе *пищи*, *снѣди*. Это значеніе, перенесенное на траву, стало представленіемъ новаго значенія, и слово-сужденіе „трава“ имѣло такой смыслъ: то, что́ я вижу и что́ имѣетъ такіе-то признаки (зелено, ростетъ, вянетъ и пр.), есть пища. Пока сохранялась въ

---

[1]) Глухонѣмые не составляютъ исключенія: у нихъ есть свой языкъ, только не звуковой, а „графическій“ (жесты, а при извѣстной выучкѣ движеніе губъ и начертанія буквъ). Относительная слабость умственныхъ процессовъ у глухонѣмыхъ состоитъ въ очевидной связи съ несовершенствомъ ихъ языка сравнительно съ языкомъ звуковымъ.

сознаніи внутренняя форма этого слова, въ его значеніе могли входить только такіе признаки, которые не противорѣчили представленію. Потому всякая трава, негодная для употребленія въ пищу, исключалась изъ сферы сужденій, допускаемыхъ внутренней формою даннаго слова. Съ тѣмъ вмѣстѣ многія опредѣленія, относящіяся къ травѣ, какъ таковой (въ нашемъ смыслѣ), а не какъ къ предмету пищи, представлялись случайными и не характерными для „травы". „Трава зелена"—это не важно, а важно то, что́ ее можно употребить въ пищу. Чтобы различные признаки травы выступили наружу и сгруппировались въ *понятіи* травы, необходимо было сперва забыть, что́ собственно значитъ слово „трава", устранить представленіе „пищи", въ немъ заключенное, т. е. его внутреннюю форму. Забвеніе послѣдней осуществляется постепенно, по мѣрѣ того какъ возникаютъ различныя сужденія, которыхъ сказуемыя выведены не изъ внутренней формы, а изъ значенія, напр. „трава ростетъ", „трава зелена", „трава пахнетъ" и т. д. Въ такихъ сужденіяхъ сказуемыя указываютъ на признаки, входящіе въ составъ *значенія* слова (трава) и независимые отъ его *представленія* (пищи). Нетрудно понять, что при частомъ повтореніи этихъ сужденій съ теченіемъ времени затеривается или стушевыватся тотъ признакъ, который былъ связанъ съ внутреннею формою слова, и мысль все чаще и настойчивѣе обращается къ другимъ признакамъ, характернымъ для самой вещи и рисующимъ ее независимо отъ ея свойства служить пищею. „Чѣмъ больше различныхъ сказуемыхъ", говоритъ Потебня, „перебывало при словѣ *трава,* тѣмъ на большее количество сужденій разлагается до того нераздѣльный образъ травы. Субстанція травы, очищаясь отъ всего посторонняго, вмѣстѣ съ тѣмъ обогащается аттрибутами" („Мысль и Языкъ", стр. 160).

Это „обогащеніе субстанціи аттрибутами" есть образованіе *понятія.*

Субстанція въ свою очередь есть *понятіе* и—очень абстрактное; но въ этомъ видѣ она является, конечно, не въ началѣ образованія понятій, а въ концѣ, какъ своего рода философскій экстрактъ изъ нихъ. Въ данномъ случаѣ Потебня

имѣлъ въ виду не эту позднюю и высшую степень отвлеченія, а то зерно, тотъ эмбріонъ „субстанціи“, который усматривается въ самомъ началѣ процесса развитія различныхъ понятій. Вотъ именно этотъ эмбріонъ „субстанціи“, необходимый для образованія всякаго понятія (травы, дома, огня и т. д.), есть *даръ языка.* Возьмемъ опять въ примѣръ ребенка, который называетъ огонь „жижа“. По мѣрѣ того, какъ онъ послѣдовательно переноситъ это слово-сужденіе отъ лампы къ камину, къ зажженной спичкѣ, къ солнцу и т. д., въ его душѣ постепенно отлагается и крѣпнетъ впечатлѣніе противоположности между всѣми этими перемѣнными величинами и неизмѣнностью слова и связаннаго съ нимъ представленія, одинаково прилагаемыхъ ко всѣмъ имъ. Ощущеніе этой противоположности и есть первый шагъ къ „созданію категоріи субстанціи, вещи самой въ себѣ“ („Мысль и Языкъ“, 152). Этотъ процессъ Потебня называетъ также процессомъ созданія *общности образа.* Обозначая различныя проявленія огня (въ каминѣ, лампѣ, солнцѣ) однимъ и тѣмъ же словомъ „жижа“, всякій разъ мысля представленіе, связанное съ нимъ, ребенокъ обобщаетъ образъ, и этимъ обобщеніемъ вызывается въ душѣ предрасположеніе противополагать различнымъ формамъ вещи ея неизмѣнную субстанцію.

Подводя итогъ всему вышесказанному о роли слова въ процессѣ образованія нашей мысли, мы получимъ слѣдующія положенія

1) Слову предшествуютъ рефлективные членораздѣльные звуки, связанные съ чувственными воспріятіями.

2) Ассоціируясь съ группами воспріятій, эти звуки становятся ихъ знаками и превращаются въ слова.

3) Слово является орудіемъ *объединенія образа* (отдѣленія его отъ фона и другихъ постороннихъ примѣсей).

4) Оно служитъ средствомъ созданія *общности образа* и кладетъ основаніе категоріи *субстанціи.*

5) Оно, въ формѣ сужденій, является средствомъ *разложенія образа на его признаки,* что̀ ведетъ, вмѣстѣ съ сознаніемъ его общности, къ образованію *понятій.*

Къ этимъ пяти положеніямъ прибавимъ еще одно, прямо изъ нихъ вытекающее:

6) Слово есть по преимуществу орудіе *познанія* и *самосознанія.*

Знаніе есть *апперцепція понятіями*, болѣе или менѣе правильными и широкими, явленій *объективнаго* міра. Понятія созидаются, какъ мы видѣли, силою слова, и сами по себѣ, въ своемъ, такъ сказать, необработанномъ, природномъ видѣ, образуютъ основы познанія вещей. Переработанныя, культивированныя критическою мыслью, они превращаются въ знаніе научное и философское. „Путь наукѣ", говоритъ Потебня, „уготовляется словомъ" („Мысль и Языкъ", 164).

Самосознаніе есть *апперцепція понятіями*, болѣе или менѣе широкими и правильными, явленій міра *субъективнаго.* Оно развивается какъ прямое послѣдствіе *знанія вообще*, ибо послѣднее, обогащая мысль субъекта, увеличиваетъ ея энергію, ея тяжесть, силу ея давленія, и человѣкъ невольно привыкаетъ обращать взоръ внутрь себя, подслушивать и оцѣнивать свои собственныя мысли и чувства, сознавать себя.

До сихъ поръ мы разсматривали дѣятельность языка, направленую на созданіе мысли, въ періодъ, когда онъ самъ еще находился въ процессѣ развитія, напр. у ребенка или въ первобытномъ человѣчествѣ. Но и по истеченіи этого періода, какъ въ жизни ребенка, такъ и въ исторіи человѣчества, творчество языка не прекращается. Языкъ никогда не стоитъ на одномъ мѣстѣ,—онъ движется, развивается, создаетъ все новыя и совершеннѣйшія формы мысли. Съ тѣмъ вмѣстѣ измѣняется и самая мысль. Органическая теорія языка, такъ долго господствовавшая въ наукѣ, не могла проникнуть въ эту связь развивающейся мысли съ развивающимся языкомъ. Оттого-то она превратно понимала историческую эволюцію самого языка. Шлейхеръ училъ, что творческій періодъ въ языкѣ закончился задолго до начала исторической жизни человѣчества, и послѣднее вступило въ зрѣлый возрастъ—уже обладая готовымъ языкомъ, развитымъ *организмомъ* рѣчи, которому уже некуда было итти дальше и оставалось одно—разлагаться. Так. образомъ вся послѣдующая исторія языка представлялась его постепенною смертью, процессомъ разложенія, шедшимъ въ ногу

съ прогрессивнымъ развитіемъ мысли. Этотъ разлагающійся трупъ оказывался однакоже по своему *живымъ*: говорили о жизни языка, о его органическомъ ростѣ; о его живой дѣятельности, какъ средства передачи мысли. Органическая теорія запуталась въ своихъ внутреннихъ противорѣчіяхъ, изъ коихъ нѣтъ выхода.

Если мы, вслѣдъ за Гумбольдтомъ, вникнемъ глубже въ роль языка, какъ средства передачи мысли, и вмѣстѣ въ исторію новыхъ языковъ, то увидимъ, что тутъ опять-таки скрывается нѣкоторое творчество, чтó и здѣсь языкъ продолжаетъ быть орудіемъ созданія или дальнѣйшаго развитія мысли. Изученіе живыхъ языковъ (германскихъ, славянскихъ, романскихъ и др.) открыло признаки прогрессивнаго движенія въ ихъ эволюціи и все настойчивѣе заставляетъ насъ думать, что есть какая-то связь между этой эволюціей новыхъ языковъ и развитіемъ мыслительной энергіи передовыхъ народовъ земнаго шара. Громадная заслуга Потебни состоитъ въ томъ, что *онъ доказалъ* существованіе этой связи и сдѣлалъ очевиднымъ, что творческая работа языка по отношенію къ мысли не прекратилась, а только вступила въ другой фазисъ.

В. Гумбольдтъ поставилъ вопросъ: чтó значитъ говорить и *понимать*? Отвѣтъ, данный имъ-же, заключенъ въ двухъ знаменитыхъ формулахъ 1): *говорить* значитъ связывать свое индивидуальное мышленіе съ общимъ мышленіемъ народа и 2) всякое пониманіе есть вмѣстѣ съ тѣмъ непониманіе.

Вторую формулу Потебня разъясняетъ слѣдующимъ образомъ: „... субъективное содержаніе мысли говорящаго и мысли понимающаго всегда различно, хотя это различіе обыкновенно замѣчается только при явныхъ недоразумѣніяхъ,... но можетъ быть сознано и при такъ называемомъ полномъ пониманіи. Мысли говорящаго и понимающаго сходятся между собою только въ словѣ... Говоря словами Гумбольдта, никто не думаетъ при извѣстномъ словѣ именно того, чтó другой, и это будетъ понятно, если сообразимъ, что даже тогда, когда непониманіе повидимому невозможно, когда напр. оба собесѣдника видятъ передъ собою предметъ, о которомъ рѣчь, что даже тогда каждый въ буквальномъ смыслѣ смотритъ на предметъ съ своей точки зрѣ-

нія и видитъ его своими глазами. Полученное этимъ путемъ различіе въ чувственныхъ образахъ предмета, зависящее отъ внѣшнихъ условій (различія точекъ зрѣнія и устройства организма), увеличивается въ сильнѣйшей степени отъ того, что новый образъ въ каждой душѣ застаетъ другое сочетаніе прежнихъ воспріятій, другія чувства, и въ каждой душѣ образуетъ другія комбинаціи. Поэтому всякое пониманіе есть вмѣстѣ непониманіе, всякое согласіе въ мысляхъ--вмѣстѣ несогласіе." („Мысль и Языкъ", 133—134).

Изъ такой постановки вопроса само собою вытекаетъ слѣдующее. Мысль говорящаго никоимъ образомъ не можетъ перейти въ сознаніе слушающаго цѣликомъ, со всѣмъ аппаратомъ сопутствующихъ ей представленій и съ тѣмъ именно способомъ ихъ сочетанія, какой имѣлъ мѣсто въ сознаніи говорящаго. Слова, сказанныя однимъ, только зажигаютъ мысль другаго. Послѣдняя, черезъ посредство услышанныхъ словъ, только настраивается на извѣстный ладъ и начинаетъ сама работать въ данномъ направленіи. Въ результатѣ получаются два процесса мысли, движимой языкомъ, изъ коихъ второй есть воспроизведеніе перваго, но не пассивное, а активное, не снимокъ съ него, не простое его отраженіе, какъ въ зеркалѣ, а его переработка сообразно силамъ и средствамъ, какія имѣются въ распоряженіи слушающаго. Здѣсь мы имѣемъ одно изъ основаній того положенія, которое Потебня въ своихъ лекціяхъ (и отчасти въ сочиненіяхъ) широко развивалъ, распространяя его, со свойственною ему силою обобщенія, на различныя сферы психической жизни, между прочимъ примѣняя его къ вопросу о *заимствованіяхъ* въ языкѣ, въ народной поэзіи, въ искусствѣ, литературѣ, наукѣ. Онъ училъ, что заимствованіе напр. иностраннаго слова, литературной формы, научныхъ пріемовъ и т. д. есть *особый родъ творчества*.

Теперь отъ процесса *пониманія* перейдемъ къ процессу *рѣчи*.

Говоритъ-ли человѣкъ, пишетъ-ли, или молча думаетъ,—во всякомъ случаѣ онъ орудуетъ *словами*; ими онъ схватываетъ и апперцепируетъ всякое вновь возникающее въ его умѣ представленіе или понятіе. Это представленіе или понятіе какъ бы

воплощается, объективируется въ словѣ и оттого получаетъ для самого говорящаго (или думающаго) бо́льшую наглядность, осязательность, осмысленность. Процессъ мышленія сводится къ различнаго рода группировкѣ понятій и представленій. Слова суть тѣ же понятія и представленія, но только связанныя съ членораздѣльными звуками или—при молчаливомъ мышленіи—съ ихъ *представленіями*, обыкновенно сопровождаемыми беззвучной артикуляціей. Орудуя словами, человѣкъ облегчаетъ себѣ процессъ мышленія, уже въ силу того, что соблюденіе пріобрѣтенныхъ привычекъ всегда помогаетъ мыслить, какова бы ни была эта привычка—куреніе-ли, игра-ли пальцами, жесты, или мускульныя движенія въ лицѣ; самой закоренѣлой привычкой является, конечно, артикуляція языка, все равно звучная, или беззвучная. Но этого мало: языкъ создаетъ ту національную и личную атмосферу или стихію мышленія, въ которой индивидуальному уму особливо удобно и привольно вращаться. Человѣкъ всегда мыслитъ силами и средствами опредѣленнаго языка: французъ—французскаго, нѣмецъ—нѣмецкаго и т. д. Взглянемъ ближе на отношеніе чечеловѣка къ этой стихіи рѣчи—мысли.

Слова, которыя вы употребляете, чтобы говорить и мыслить, не вами созданы; не вы вложили въ нихъ извѣстныя значенія, сочетали ихъ съ извѣстными понятіями. Все это представляется даннымъ вамъ, какъ готовое, и вы, повидимому, только пользуетесь этимъ матеріаломъ для своихъ цѣлей. Но такъ какъ у васъ, въ силу особенностей вашей индивидуальности и личной исторіи, съ этими словами соединены такіе оттѣнки и видоизмѣненія представленій и понятій, какихъ нѣтъ у другаго, то всякое ваше слово будетъ въ нѣкоторомъ смыслѣ новымъ созданіемъ. Настоящая, подлинная „жизнь" языка осуществляется въ его утилизаціи индивидуумомъ и слагается изъ совокупности всѣхъ отдѣльныхъ актовъ рѣчи. Поэтому настоящее, живое слово это то, которое вы только-что сказали, подумали, написали. Употребленное другимъ, это слово будетъ уже другое; оно-же, употребленное вами въ другое время, при другихъ обстоятельствахъ, будетъ опять инымъ. Такимъ образомъ, существуетъ столько словъ *домъ*, *огонь*, *небо* и т. д., сколько разъ

они были употреблены въ рѣчи. Ибо слово не есть *вещь*, которою пользуется одинъ, потомъ другой, и которая остается все тою-же вещью. Рѣчь есть процессъ психіи, и слово—это отдѣльный *актъ мысли*. Поэтому тѣ слова, которыя проставлены въ словаряхъ, не суть настоящія слова, а только ихъ обобщенія, отвлеченныя схемы отдѣльныхъ актовъ мысли. И то, что я выше говорилъ о *готовыхъ* словахъ, которыя *даны* говорящему и которыя онъ употребляетъ по своему, нужно понимать такъ: были милльоны актовъ мысли (милльоны словъ „домъ", словъ „огонь" и т. д.), къ этимъ милльонамъ я прибавляю еще одинъ лишній актъ (говоря „домъ", употребляя слово „огонь"); были милльярды оттѣнковъ, къ которымъ я присоединяю еще одинъ. Эти оттѣнки такъ нечувствительны, что ихъ результаты могутъ быть замѣчены только по истеченіи большого періода времени. Для сознанія говорящаго эти измѣненія незамѣтны. Онъ и не подозрѣваетъ, что въ процессѣ своей рѣчи создаетъ по каплямъ новыя представленія, новыя значенія. Онъ не подозрѣваетъ, что, говоря, *присоединяетъ свою индивидуальную работу мысли къ муравьиной работѣ милльоновъ*, строитъ дальше зданіе, воздвигавшееся многими поколѣніями, ростущее вѣками. Но то, что скрыто отъ сознанія самихъ муравьевъ, открывается постороннему наблюдателю. Геніальнымъ взмахомъ мысли В. Гумбольдтъ предугадалъ истину, опредѣливъ процессъ рѣчи вышеприведенной формулою: „говорить значитъ связывать свое индивидуальное мышленіе съ общимъ мышленіемъ народа и человѣчества". Теперь, послѣ изслѣдованій Потебни, мы можемъ эту формулу видоизмѣнить такъ: говорить значитъ актомъ своего индивидуальнаго мышленія прибавлять микроскопическія измѣненія къ тѣмъ, которыя уже накопились милльардами предшествовавшихъ актовъ мысли.

Сравнительная исторія языка и есть та наука, которая призвана изслѣдовать этими вѣками обнаруживающіяся метаморфозы языка, оцѣнивать ихъ результаты и такимъ образомъ изучать *эволюцію* мысли человѣческой. Эту грандіозную задачу и преслѣдовалъ Потебня въ своихъ синтаксическихъ изысканіяхъ къ которымъ мы теперь и обратимся. **Д. Овсянико-Куликовскій.**

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Воспоминаніе роменскаго старожила объ Ильинской ярмаркѣ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Городъ Роменъ въ календаряхъ, словаряхъ и учебникахъ слыветъ и по нынѣ, какъ мѣсто, знаменитое своими ярмарками. На самомъ дѣлѣ это не совсѣмъ вѣрно. Лучшая роменская ярмарка, Маслянская, далеко уступаетъ напр. харьковскимъ ярмаркамъ, другія же—Вознесенская, Александровская, Михайловская—ничѣмъ не выдѣляются изъ ряда мѣстныхъ маленькихъ ярмарокъ нашихъ уѣздныхъ городовъ. Ярмарочная слава Ромна—это постепенно замирающее эхо знаменитой Ильинской, переведенной изъ него въ Полтаву ровно сорокъ лѣтъ тому назадъ.

Періодъ процвѣтанія въ Ромнѣ Ильинской ярмарки, занимающій приблизительно послѣднюю четверть прошлаго вѣка и первую половину настоящаго, есть лучшее время въ экономической исторіи города. Роменцамъ жилось сыто и весело. Житейское довольство отражалось и на нравственномъ складѣ обывателей. Они стояли въ уровень не только всероссійской торговли, но и всевозможныхъ модъ, дворянскихъ развлеченій, даже политическихъ новостей. Въ повѣстяхъ Квитки напр. ярмарочный Роменъ фигурируетъ какъ столица, о посѣщеніи которой открыто мечтаютъ деревенскія барышни и ихъ маменьки и про себя—почтенные отцы семействъ.

Естественно, что роменскіе старожилы любятъ вспоминать времена Ильинской. Если бы побольше такихъ воспоминаній попадало въ печать, они имѣли бы значеніе не только для исторіи города, но и для исторіи общества цѣлаго края. Къ со-

жалѣнію, свидѣтели роменской Ильинской все больше уменьшаются числомъ, а воспоминаній о бытовой обстановкѣ этой знаменитой въ свое время ярмарки нигдѣ не появляется. Вотъ почему мы охотно даемъ мѣсто въ нашемъ журналѣ слѣдующимъ ниже воспоминаніямъ, выражая надежду, что они могутъ вызвать на свѣтъ и другія замѣтки, болѣе яркія и болѣе обстоятельныя.

Литературныя свѣдѣнія объ Ильинской роменской ярмаркѣ не бѣдны, но они большею частію или сухо оффиціальны, или беллетристичны. Къ перваго рода свѣдѣніямъ можно отнести: описаніе Ромна и его ярмарки, сдѣланное Шафонскимъ въ концѣ прошлаго вѣка („Черн. нам. топ. опис.", 365—377), описаніе сороковыхъ годовъ Арандаренка („Зап. о полтав. губ.", III, 341—350) и прекрасный трудъ покойнаго И. С. Аксакова „Изслѣдованіе о торговлѣ на укр. ярмаркахъ (стр. 97—102 et passim). Ко вторымъ—повѣсть Перовскаго „Монастырку", гдѣ дѣйствіе происходитъ между прочимъ и на роменской Ильинской. Кромѣ того, переводъ Ильинской ярмарки изъ Ромна въ Полтаву вызвалъ оживленную полемику въ мѣстныхъ и столичныхъ газетахъ, которая продолжалась, постепенно замолкая, лѣтъ около десяти. Всей этой литературѣ недостаетъ именно мемуаровъ, касающихся болѣе бытовой стороны....

Въ заключеніе отмѣтимъ, что авторъ приводимыхъ ниже „воспоминаній" вездѣ пишетъ *Роменъ*, а не *Ромны*. Надо сказать, что такая форма имени города отнюдь не есть исключительно мѣстная, или неправильная. Она и литературна, и исторически правильнѣе второй формы. Въ пероначальной русской и т. н. кіевской лѣтописяхъ городъ называется „Роменъ" (въ Поучен. Мономаха и подъ 1185 годомъ). Послѣ монгольскаго нашествія онъ исчезаетъ изъ виду и появляется въ началѣ XVII вѣка; въ *русскомъ* актовомъ языкѣ того и послѣдующаго времени онъ иначе не называется, какъ „Роменъ" (А. З. Р., V, 160, 163—164, 222; А. Ю. и З. Р., III, 14—15, 101—103, 113, 158, 211, 338—339, 496—498; и т. д.). Въ такой формѣ имя города проходитъ и почти весь XVIII вѣкъ. Въ началѣ XIX в. (въ словарѣ Щекатова 1807 г.) онъ уже „Роменъ или

Ромны", а въ половинѣ XIX в. (въ словарѣ Семенова) „Ромны или Роменъ". Аксаковъ въ названномъ выше трудѣ говоритъ: „Роменъ, уѣздный городъ полтавской губерніи, неправильно называемый русскими *Ромны*, былъ издревле знаменитъ своими ярмарками (стр. 97), и самъ всегда называетъ городъ „Ромномъ", а не „Ромнами". До сихъ поръ въ дѣлопроизводствѣ роменской городской думы, полиціи и проч. городъ чаще называется Ромномъ, чѣмъ Ромнами. Нечего и говорить, что простой русскій народъ всѣхъ сосѣднихъ съ полтавской губерній до сихъ поръ говоритъ не иначе, какъ „Роменъ". Форма „Ромны", намъ кажется, пошла изъ двухъ источниковъ: 1) изъ польскаго произношенія *Rumno* (такъ поляки называютъ городъ со времени Іереміи Вишневецкаго) и 2) изъ смѣшенія съ формой имени другого полтавскаго города—*Лубны* (въ послѣднее время стали даже говорить: „Прилуки"). Какъ видитъ читатель, ни тотъ, ни другой источникъ не могутъ дать правильной формы для русскаго литературнаго языка.—Ред.

Начало торговли въ г. Ромнѣ и установленіе базаровъ и ярмарокъ восходитъ къ самой отдаленной старинѣ. Въ первой половинѣ XVII вѣка, будучи порубежнымъ городомъ между московскими и польскими владѣніями, Роменъ былъ главнымъ торговымъ пунктомъ на всю тогдашнюю польскую Украину и велъ значительную торговлю съ московскими, польскими и татарскими купцами. По всей вѣроятности тогда же установились условленные сроки взаимнаго обмѣна товаровъ между этими купцами, и такимъ образомъ положено было начало такимъ значительнымъ ярмаркамъ камъ Маслянская [1]), Вознесенская и Ильинская, которая въ началѣ пятидесятыхъ годовъ,

---

[1]) Маслянская ярмарка въ Ромнѣ сдѣлалась оптовой только съ 1844 года, когда по ходатайству жителей, срокъ ея былъ вмѣсто 3 дней продленъ до недѣли. Условія торговли въ краѣ тогда были таковы, что это обстоятельство сразу убило двѣ значительныхъ сосѣднихъ ярмарки: Всеѣдную въ Нѣжинѣ и Сборную въ Сумахъ, и онѣ въ 1848 году совсѣмъ прекратились. (Аксаковъ, стр. 13—14, 97—98).

т. е. наканунѣ перевода ея въ Полтаву, считалась по оборотамъ третьей въ Россіи—послѣ Нижегородской и Ирбитской [1]).

За неимѣніемъ историческихъ данныхъ, нельзя сказать ничего достовѣрнаго о томъ, какъ и когда возникли въ Ромнѣ ярмарки; но что въ концѣ XVII вѣка торговля здѣсь была уже значительныхъ размѣровъ и жители города и подгороднаго села Засулья имѣли уже торговыя „коморы“, это видно изъ одного „дѣла“, архива городской думы, отъ 1802 года (объ устройствѣ гостиннаго двора), въ которомъ сохранились документы, свидѣтельствующіе, что лавочныя мѣста въ Ромнѣ продавались и покупались въ концѣ шестисотыхъ и началѣ семисотыхъ годовъ.

Но минуя болѣе отдаленное время, достаточно сказать, что въ началѣ прошлаго столѣтія Ильинская и Вознесенская ярмарки въ Ромнѣ приняли такіе размѣры, что имъ тѣсно было уже помѣщаться на небольшой площади между городскимъ соборомъ и Никольскою церковью,—гдѣ онѣ помѣщались въ старое время, и торговцы въ 1742 году возбудили ходатайство объ отводѣ для ярмарокъ болѣе просторнаго мѣста. Особенно вскорѣ послѣ Шведской войны, значительно развилась въ Ромнѣ торговля лошадьми и табакомъ мѣстнаго произрастенія. Въ 1763 году, по Высочайшему повелѣнію отъ 23 февраля, здѣсь была учреждена даже табачная контора, подъ дирекціей д. с. с. Теплова, для раздачи малороссійскимъ обывателямъ безденежно, чрезъ каждые два года, американскихъ сѣмянъ для разведенія здѣсь американскаго табаку.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, главный начальникъ нашего края, бывшій тогда малороссійскій генералъ-губернаторъ князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, обратилъ заботливое вниманіе на роменскую ярморочную торговлю, и далъ ей значительный просторъ и удобства, способствовавшія, какъ развитію ярмарокъ, такъ и благоустройству города и обогащенію его обывателей. По его представленію, послѣдовало въ 1802 году Высочайшее соизволеніе о переводѣ ярмарокъ съ соборной площади на большой выгонъ, находившійся тогда за городомъ,

---

[1]) Аксаковъ, стр. 116.

но въ скоромъ времени уже составившій лучшую, самую красивую часть его. Для гостиннаго двора была отведена ровная площадь, мѣрою въ 35 десятинъ, на которой начали устраиваться прямымъ четыреугольникомъ, въ восьми корпусахъ, лавки для иногороднаго купечества, а позади ихъ, съ пропускомъ 40 саженной ширины улицъ, начали также быстро устраиваться, на пустынномъ полѣ, обширные дворы съ домами и разными службами, наиболѣе пригодными для пріѣзжающихъ на ярмарки торговцевъ и покупателей. Всякій обыватель города, имѣвшій до 1802 года около собора какую нибудь лавочку, получалъ изъ городской думы „Данную" на вѣчное владѣніе лавочнымъ мѣстомъ во вновь созидаемомъ гостинномъ дворѣ. Такимъ образомъ составилось частныхъ владѣльческихъ мѣстъ двѣсти восемьдесятъ четыре, въ числѣ частныхъ владѣльцевъ была и соборная церковь, получившая 14 мѣстъ въ лучшихъ оптовыхъ рядахъ—Московскомъ и Суздальскомъ. Городу на всѣхъ углахъ восьми корпусовъ оставлены были такъ называемыя „башенныя" мѣста, числомъ 16. Въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ на новомъ мѣстѣ устроилось 300 номеровъ деревянныхъ лавокъ. Кромѣ того, каждый обыватель, имѣвшій какое-нибудь мѣстечко внутри города, по желанію, получалъ здѣсь въ замѣнъ вдесятеро больше мѣста, и вокругъ площади гостиннаго двора скоро настроилось много обширныхъ и удобныхъ частныхъ дворовъ. Для конныхъ ярмарокъ, предшествовавшихъ всегда краснымъ, была отведена особая площадь, мѣрою въ 36 десятинъ, вдали отъ гостиннаго двора, за Московскимъ шлагбаумомъ, гдѣ также начали устраиваться большіе дворы—съ очень длинными сараями, пригодными для лошадей.

Шлагбаумы тогда были устроены на двухъ главныхъ въѣздахъ въ городъ: въ концѣ Московской улицы и при р. Сулѣ, около Засульскаго моста. Эти шлагбаумы, или заставы строились по Высочайше утвержденному для всѣхъ городовъ чертежу и стояли до 60-хъ годовъ, когда признаны были ненужными и проданы городскою думою на сносъ.

Вскорѣ по переводѣ ярмарокъ на площадь гостиннаго двора, богомольное русское купечество, не начинавшее безъ мо-

литвы никакого дѣла, сейчасъ устроило на свой счетъ въ углахъ гостиннаго двора, около Суздальскаго и Москательнаго рядовъ, двѣ часовни: одну во имя Вознесенія Господня, другую во имя св. пророка Иліи; здѣсь предъ началомъ и концомъ каждой ярмарки служились молебствія соборнымъ и вознесенскимъ причтами. А одинъ купецъ, Токаревъ, устроилъ въ 1803 году, въ соборѣ на хорахъ придѣлъ во имя пр. Иліи, въ память бывшей долгое время около собора Ильинской ярмарки.

Въ 1807 году городская дума построила среди площади гостиннаго двора большой деревянный домъ, названный впослѣдствіи „контрактовымъ“ и „раутнымъ“, вѣроятно оттого, что въ немъ во время ярмарокъ происходили всѣ большія торговыя сдѣлки и устраивались вечера собравшимся дворянствомъ. Домъ этотъ въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ сдавался думою въ аренду подъ помѣщеніе гостинницы. Тутъ-же около этого дома строились на время Ильинской ярмарки: пожарная часть, канцелярія городового пристава, или временная полиція, и словесный судъ, въ которомъ разбирались всѣ ярмарочныя дѣла.

Такъ какъ штатъ полицейскихъ и пожарныхъ служителей въ Ромнѣ былъ очень скуденъ, то на время Ильинской ярмарки командировались всегда губернаторомъ квартальные надзиратели, полицейскіе и пожарные служители съ пожарными инструментами изъ другихъ городовъ: Полтавы, Кременчуга; они состояли въ распоряженіи роменскаго полицеймейстера. Впрочемъ, на каждую ярмарку пріѣзжалъ самъ губернаторъ, а иногда даже и генералъ-губернаторъ.

Настоящей, такъ называемой „красной“ оптовой ярмаркѣ всегда предшествовала „черная“ или конная ярмарка, помѣщавшаяся на выгонѣ за городомъ. Конная ярмарка, напримѣръ, Вознесенская начиналась отъ дня Преполовенія и продолжалась до Вознесенія; а затѣмъ въ день Вознесенія открывалась уже въ гостинномъ дворѣ „красная“ ярмарка и продолжалась до дня св. Троицы. А конная Ильинская начиналась въ послѣднихъ числахъ іюня и продолжалась до 20 іюля; въ этотъ же день открывалась внутри города, „красная“ ярмарка и продолжалась до 1-го, а иногда и до 10-го августа. Что это была

за „конная" ярмарка Ильинская, трудно и описать: не говоря о безчисленныхъ табунахъ татарскихъ лошадей, которые почти и не помѣщались на площади, а все время ярмарки занимали побережье р. Ромна, гдѣ были удобныя пастбища и гдѣ они подбирались ремонтерами и угонялись опять табунами,—на самой конной площади были цѣлые лошадиные кварталы, правильно обозначенные вѣхами. Тутъ же для самой разнообразной торговли устраивалось на время Ильинской ярмарки болѣе трехъ тысячъ балагановъ, ташовокъ и разныхъ временныхъ помѣщеній, въ которыхъ производилась мелочная торговля всѣми возможными товарами. Селяне не только роменскаго, но и смежныхъ уѣздовъ: прилуцкаго, конотопскаго, лебединскаго, гадяцкаго, лохвицкаго и другихъ ежедневно тысячами возовъ вывозили сюда произведенія сельскаго хозяйства: сѣно, овесъ, хлѣбъ, птицу, пригоняли домашній скотъ въ безчисленномъ множествѣ; все это распродавалось тутъ же немедленно, и на вырученныя деньги поселянинъ пріобрѣталъ всѣ необходимыя для него и его хозяйства принадлежности. А сколько было ежедневно чумацкихъ возовъ, привозившихъ соль и рыбу изъ Крыма, съ Дона и Волги; сколько было подводъ, воловыхъ и конныхъ, занимавшихся исключительно перевозкой купеческихъ товаровъ изъ Москвы и другихъ великороссійскихъ городовъ! Въ „Запискахъ о Полтавской губерніи" Арандаренка въ одномъ мѣстѣ разсказывается, что когда автору въ 1846 году встрѣтилась надобность по службѣ—нанять подводы для отправки хлѣба въ псковскую губернію и онъ обратился въ роменскую полицію съ вопросомъ: сколько онъ можетъ разсчитывать нанять здѣсь подводъ, то оказалось, что въ тотъ день было въ городѣ чумацкихъ и извозчичьихъ подводъ, хозяева которыхъ предъявили въ полиціи паспорты, 22000! [1]). А сколько же при этомъ было еще люда, не имѣвшаго надобности предъявлять паспортъ? Такое громадное стеченіе народа на Ильинской ярмаркѣ приносило большія выгоды не только обывателямъ, владѣвшимъ лавками и дворами вблизи

---

[1]) Арандаренка „Зап. о полт. губ." III, 345.

ярмарочныхъ площадей, но зарабатывали отъ него и всѣ бѣдные жители предмѣстій города и ближайшихъ селеній и хуторовъ. Одни изъ нихъ пекли хлѣбъ и варили разныя простыя кушанья, которыя выносили по нѣсколько разъ въ день на конную площадь и продавали; другіе, болѣе способные къ торговлѣ, строили на площади ташовки, дѣлали квасъ, сбитень, солили огурцы и продавали разныя огородныя овощи. Городскіе ремесленники, портные и сапожники, строили также на время ярмарки балаганы, гдѣ занимались починкою и шитьемъ новыхъ сапогъ и платья, отчего имѣли также хорошій заработокъ.

Особенно сильно развились обороты Ильинской ярмарки съ двадцатыхъ годовъ. Еще вскорѣ послѣ перевода ярмарки на новое мѣсто, выстроенные въ пользу владѣльцевъ триста номеровъ лавокъ оказались недостаточны для пріѣзжавшихъ торговцевъ; съ разрѣшенія генералъ-губернатора было устроено внутри площади, позади Суздальскаго и Еврейскаго рядовъ, 112 номеровъ постоянныхъ лавокъ, съ которыхъ Дума получала каждую ярмарку посаженныя деньги, по количеству занятой ими городской земли; но затѣмъ въ 1821 году оказалась потребность пристроить еще лавки для „азіатовъ", т. е. для турокъ, армянъ, грековъ и грузинъ, пріѣзжавшихъ сюда ежегодно съ разными своими товарами. А сколько устраивалось, кромѣ того, временныхъ лавокъ и балагановъ на время Ильинской ярмарки, такъ и счета имъ не было. Вся площадь внутри гостиннаго двора и все пространство, гдѣ теперь городской садъ и 1-я пожарная часть, было застроено лавками и балаганами; звѣринцы же, театры и гостинницы помѣщались въ обывательскихъ дворахъ.

Сколько въ старые годы собиралось во время Ильинской ярмарки за мѣста на ярмарочныхъ площадяхъ денегъ въ городской доходъ, и счета имъ, кажется, никто не знаетъ. Это по-истинѣ было золотое время и роменскимъ жителямъ, и думѣ; золото и серебро такъ таки и текли рѣкой. въ полномъ смыслѣ этого слова: бумажныхъ денегъ вѣдь тогда было очень мало. Такъ какъ въ тѣ времена не было никакого правильнаго контроля надъ членами думы и назначаемыми отъ нея на

каждую ярмарку сборщиками поземельныхъ денегъ съ площадей, то всѣ служившіе отводчиками мѣстъ и сборщиками ярмарочныхъ денегъ наживали себѣ порядочное состояніе. Нечего вспоминать про очень старые годы, когда члены думы, магистрата, бывшаго при немъ словеснаго суда, всѣ чины полиціи и всякаго рода сборщики понаживали себѣ очень доходные дворы, лавки и порядочные капитальцы. Я начну только съ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, отъ которыхъ есть еще живые свидѣтели. Есть еще нѣкоторые старики, которые сами были сборщиками денегъ на ярмарочныхъ площадяхъ, и передаютъ, какъ они по нѣсколько разъ въ день носили въ думу мѣшками золото и серебро и ссыпали его, какъ полову, безъ всякаго счета; послѣ уже голова и члены считали и записывали въ приходныя книги, сколько имъ Богъ положитъ на душу. Надо передать о существовавшихъ тогда обычаяхъ, начиная отъ самаго въѣзда торговцевъ въ городъ. Предъ началомъ ярмарки городская полиція командировала квартальныхъ надзирателей, или просто писцовъ на заставы—отбирать и записывать въ книгу паспорты отъ всѣхъ идущихъ и ѣдущихъ въ городъ иногородныхъ торговцевъ и покупателей. Отъ этой только записки паспортовъ командированный писецъ или квартальный, за какіе нибудь 8—10 дней наживалъ въ-четверо больше своего годоваго жалованья, не считая того, чтò онъ обязанъ былъ удѣлить высшимъ чинамъ полиціи, отъ которыхъ зависѣла его командировка. И нельзя сказать, чтобъ этотъ сборъ сопровождался насиліями и вымогательствами; это просто былъ твердо установившійся обычай. Были даже такіе щедрые купцы, что за записку паспорта кидали писцу по червонцу. Я помню одного служившаго въ полиціи въ пятидесятыхъ годахъ (уже по переводѣ Ильинской ярмарки изъ Ромна въ Полтаву), который, будучи писцомъ самаго низшаго разбора, получалъ по своему ограниченному познанію въ дѣлахъ всего два руб. въ мѣсяцъ жалованья; онъ находился въ крайней нищетѣ, такъ что не имѣлъ приличной одежонки, но былъ уже коллежскимъ регистраторомъ. Какъ-то разъ онъ упросилъ городничаго командировать его на шлагбаумъ на время Вознесенской ярмарки; для

представительности онъ занялъ у квартальнаго надзирателя мундиръ съ краснымъ воротникомъ. И что-жъ? За время своей командировки онъ не только одѣлъ себя прилично, удѣливъ по обыкновенію часть прибылей столоначальнику и письмоводителю, но еще, какъ самъ передавалъ, оставилъ про черный день болѣе чѣмъ двухлѣтній окладъ своего жалованья и кромѣ того, съ помощью своего заработка, успѣлъ въ скорости получить должность квартальнаго надзирателя. Если столь благодѣтельно было для квартальныхъ записываніе паспортовъ на шлагбаумѣ въ Вознесенскую ярмарку, то во времена Ильинской оно было еще благодѣтельнѣе; неудивительно поэтому, что квартальные надзиратели, какъ я еще помню въ пятидесятыхъ годахъ, получая жалованья 120 руб. ассигн. въ годъ, не ходили пѣшкомъ, какъ теперь помощники пристава, а. ѣздили на парѣ собственныхъ рысаковъ и строили въ городѣ дома, а за городомъ имѣли хутора съ крестьянами. Затѣмъ, по пріѣздѣ въ городъ, каждый торговецъ считалъ непремѣнною обязанностью явиться на домъ къ городскому головѣ и городничему, который у насъ до пятидесятыхъ годовъ назывался полицеймейстеромъ; являлись, не имѣя къ нимъ никакой просьбы и надобности, а такъ, съ поклономъ и, по русскому обычаю, съ хлѣбомъ солью; кромѣ хлѣба-соли, каждый приносилъ начатки своего труда: лучшій кусокъ сукна, холста, матеріи, однимъ словомъ—всѣхъ возможныхъ товаровъ, а кто преподносилъ и денежные подарки. И это дѣлали самые солидные и степенные московскіе богачи, фабриканты и торговцы, которые торговали съ чистою совѣстію и никакихъ тысячъ не взяли бы за оскверненіе своей чести. Они просто изстари привыкли дѣлать подарки начальствующимъ въ каждомъ городѣ, въ которомъ производили торговые обороты. По окончаніи ярмарки получали обыкновенно подарки и хозяева, у которыхъ купцы квартировали и нанимали лавки; дарили также горничныхъ, поваровъ, дворниковъ.

О размѣрахъ заработковъ тѣхъ роменцевъ, которые имѣли дворы вблизи ярмарочной площади, можно судить по слѣдующему: нѣкоторые домовладѣльцы помѣщали у себя отъ 50 до 80 душъ купеческихъ приказчиковъ и рабочихъ, за содержаніе

которыхъ хозяинъ ихъ платилъ по рублю въ день съ человѣка; это собственно за харчи, а квартира оплачивалась отдѣльно; Ильинская же ярмарка продолжалась мѣсяцъ и больше. Нечего и говорить о тѣхъ случаяхъ, когда подвыпившій приказчикъ или самъ купецъ накуралеситъ; тогда гости таровато заглаживали свои грѣхи.

Какъ служившіе въ роменской думѣ составляли себѣ состояніе, вотъ тому примѣры. Въ 1821 году былъ избранъ въ городскіе головы нѣкто Киріакъ Нестеренко, служившій предъ тѣмъ лѣтъ 15 гласнымъ въ думѣ и успѣвшій зарекомендовать себя обществу съ хорошей стороны. Прежде онъ былъ простой малограмотный мужичекъ, жилъ въ небольшой хаткѣ по Коржевской улицѣ, на углу Полтавской, и торговалъ тамъ-же изъ коморки веревками и „рептухами“, такъ что между сосѣдями его звали просто „веревникомъ“, не зная настоящей его фамиліи; когда же онъ, послуживъ 15 лѣтъ гласнымъ въ думѣ, сдѣлался 3 гильдіи купцомъ и затѣмъ городскимъ головою, его начали величать „панотцемъ“ „добродіемъ“ и Киріакомъ Тимофѣевичемъ! Въ то время, всѣ выборные отъ общества—голова, члены думы, магистрата и проч.—неполучали никакого жалованья, стыдились даже и думать объ этомъ; а между тѣмъ многіе съ немалыми затратами „на могорычи“ стремились къ общественнымъ должностямъ.

Не мало потратилъ труда и „кошту“ и Киріакъ Тимофеевичъ, чтобъ только удостоиться чести безплатно послужить головою. Служилъ онъ головою болѣе 20 лѣтъ и ни разу не былъ подъ судомъ; это обстоятельство должно служить доказательствомъ безукоризненности его служенія на пользу общества; а между тѣмъ въ теченіе этихъ 20 лѣтъ, Киріакъ Тимофеевичъ изъ бѣднаго торговца веревочками сдѣлался богатымъ купцомъ: завелъ обширную торговлю желѣзными и шорными товарами, купилъ порядочный дворъ на Полтавской улицѣ, выстроилъ довольно просторный домъ съ балкономъ и колоннами на улицу, устрашавшій впослѣдствіи всѣхъ прохожихъ своею древнею архитектурою; вывелъ старшаго сына своего Серапіона, черезъ занятія писарствомъ въ городской полиціи, въ губернскіе се-

кретари; и, когда въ 1856 году, будучи уже въ глубокой старости, отошелъ одновременно со своею старухою въ вѣчность, то говорятъ, что сыновья его (этотъ Серапіонъ и младшій Θеодосій, бывшій въ то время 50-лѣтнимъ „паничемъ") дѣлили между собою отцовскіе червонцы счетомъ, а карбованцы—мѣркою! Между прочимъ, относительно звонкой монеты, столь рѣдкой теперь, разсказывали тогда случаи, какъ она иногда разстраивала даже торговыя сдѣлки. Богатый помѣщикъ Кисель, жившій вблизи Ромна, въ одну Ильинскую ярмарку въ концѣ сороковыхъ годовъ, продалъ московскимъ купцамъ большую партію табаку и получилъ задатокъ. Пришелъ срокъ забора табаку. Купцы пріѣхали для разсчета и привезли нѣсколько тысячъ рублей золотомъ. Какъ увидѣлъ это Кисель,—сраскричался на купцовъ, что осмѣливаются къ нему являться безъ „билетовъ", бросилъ задатокъ и выгналъ купцовъ вонъ. Такъ сдѣлка и разстроилась.

Тогда, говорятъ, извозчики, возившіе товары изъ Москвы до Ромна и Харькова, часто отдавали по три, по четыре тысячи карбованцевъ купцамъ на храненіе—„абы зъ нымы не возытьця, бо важко".

Въ бытность роменскимъ головою Киріака Нестеренка, учрежденъ былъ у насъ ярмарочный комитетъ, установлена правильная повѣрка денежныхъ капиталовъ, и вошелъ въ силу особый способъ пріема въ Ромнѣ и чествованія генералъ-губернаторовъ, о чемъ будетъ сказано ниже; теперь же необходимо разсказать о другомъ разбогатѣвшемъ головѣ, при которомъ Роменцы лишились на всегда Ильинской ярмарки. Это былъ Иванъ Степановичъ Терновецъ, сынъ небогатаго Роменскаго мѣщанина, а послѣ купца 3 гильдіи, Степ. Ив. Терновца [1]). Онъ въ молодости служилъ по торговлѣ въ Крыму у какого то армянина; потомъ въ качествѣ приказчика служилъ въ лавкѣ и погребѣ своего будущаго тестя—купца роменскаго Павла Тромонина; въ то время не имѣлъ ничего, кромѣ части

[1]) Въ настоящее время есть въ городѣ Ромнѣ и Роменскомъ уѣздѣ почтенная фамилія Терновцовъ.

въ наслѣдственномъ отцовскомъ дворѣ (недалеко отъ стараго базара), оставшемся на пять братьевъ. Съ 1823 года, въ компаніи съ купцомъ Степаномъ Беромъ (бывшимъ роменскимъ головою), съ мѣщаниномъ Лесковскимъ и другими, Ив. Ст. Терновецъ началъ заниматься, съ разрѣшенія городской думы, подрядомъ устройства балагановъ для азіатскихъ торговцевъ на время Ильинской ярмарки. Будучи отъ природы человѣкомъ очень умнымъ, энергичнымъ и по своему времени довольно грамотнымъ, онъ скоро началъ наживать деньги. Затѣмъ въ 1828 году Ив. Ст. былъ избранъ маклеромъ; эта должность при тогдашнихъ огромныхъ ярмарочныхъ оборотахъ, была на столько прибыльна, что чрезъ два—три года Иванъ Степановичъ началъ уже самолично вступать въ болѣе значительные подряды; около этого времени онъ пріобрѣлъ большой дворъ противъ Московскаго ряда, гдѣ производили огромную оптовую торговлю Московскіе фабриканты мануфактуристы; здѣсь онъ выстроилъ нѣсколько домовъ, началъ принимать на время ярмарокъ квартирантовъ—торговцевъ, разбогатѣлъ, началъ давать въ ссуду деньги, накупилъ и забралъ за долги много лавокъ и дворовъ въ городѣ. Въ короткое время изъ бѣднаго мѣщанина Ив. Степ. сдѣлался милліонеромъ. Потомъ онъ ужъ покупалъ лавки не только при существованіи Ильинской ярмарки, но и послѣ перевода ея въ Полтаву, когда многіе лавковладѣльцы спѣшили въ отчаяніи сбывать ихъ за безцѣнокъ; Ив. Ст., пользуясь такою ихъ слабостью, покупалъ лавки по чемъ попало, такъ что къ 1860 году у него составилось 120 номеровъ лавокъ, т. е. чуть ли не половина всего гостиннаго двора. И это громадное, почти милліонное состояніе все-таки нажито не обманомъ, не какими-нибудь темными путями, а единственно благодаря природному уму и дальновидности Ивана Степановича. Въ 1848 году Терновецъ былъ выбранъ городскимъ головою и ненамѣренно послужилъ причиною, по общему убѣжденію, перевода изъ Ромна Ильинской ярмарки.

Прежде чѣмъ описать, какъ нашъ городъ потерялъ Ильинскую ярмарку, надо хоть коротко упомянуть о томъ, сколько она давала городу выгодъ. Хотя про доходы за старые годы

ничего въ точности неизвѣстно, но о размѣрахъ ихъ можетъ дать понятіе одна изъ доходныхъ статей. Когда на вновь отведенной для ярмарки гостинной площади устроилось 300 №№ частныхъ владѣльческихъ лавокъ, то по распоряженію малороссійскаго генералъ-губернатора назначено было каждому торговцу, кромѣ платы въ пользу хозяина лавки, взносить за каждую ярмарку въ городскую кассу по 1 руб. съ кв. сажени; на эти деньги предполагалось современемъ построить приличный каменный гостинный рядъ. Такого сбора, съ 1804 по 1852 годъ, т. е. ко времени перевода Ильинской ярмарки въ Полтаву, составилось съ процентами 340 тысячъ рублей. Кромѣ того, за лишніе 112 номеровъ, устроенные на городской площади, позади Суздальскаго и Еврейскаго рядовъ, собралось съ 1820 года болѣе 70 тысячъ; эти деньги считались спорными между городомъ и лавковладѣльцами до введенія новаго городового положенія, а затѣмъ употреблены на устройство мостовыхъ. Сверхъ всего этого собственно городского капитала собралось въ Ромнѣ до 1855 года болѣе 120,000 руб.; слѣдовательно, Роменъ имѣлъ въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, болѣе полумилліона, собственныхъ денегъ. А сколько ихъ пропало въ старые годы, когда не было никакихъ банковъ и никакого правильнаго контроля надъ городскимъ управленіемъ, объ этомъ никто ничего не знаетъ. Въ 1828 году было позаимствовано изъ роменскихъ городскихъ суммъ на устройство кузницъ въ Полтавѣ 30,000 руб. ассиг., которые и остались тамъ безъ возврата, да въ сороковыхъ годахъ пропало что-то много нашихъ денегъ въ полтавскомъ Приказѣ Общественнаго Призрѣнія, которые (хотя, можетъ быть и не всѣ), взыскивались до 80 годовъ съ наслѣдниковъ бывшаго губернатора Могилевскаго и членовъ Приказа. Вотъ какіе доходы давала Ильинская ярмарка! По этому можно судить, сколько отъ нея понаживали и жители г. Ромна.

Но въ 1851 году послѣдній генералъ-губернаторъ Малороссіи—Кокошкинъ, нежданно и негаданно наказалъ Роменъ навсегда. Онъ захотѣлъ обогатить на счетъ Ильинской ярмярки Полтаву, которая считалась губернскимъ городомъ, но

устройствомъ была хуже многихъ уѣздныхъ городовъ. Какъ и за что стряслась надъ Ромномъ такая бѣда, достовѣрно неизвѣстно; но всѣ современники, бывшіе дѣятелями во время Ильинской армарки по разнымъ общественнымъ должностямъ и по нынѣ находящіеся въ живыхъ, передаютъ, что это печальное событіе есть результатъ оплошности бывшаго тогда головою Ив. Степанов. Терновца, вызвавшей личный гнѣвъ и месть Кокошкина. Разсказываютъ такъ: въ старые годы, во время бытности городскимъ головою Киріака Нестеренка и почти до конца 40-хъ годовъ, когда пріѣзжали въ Роменъ на время Ильинской ярмарки губернаторъ и генералъ-губернаторъ, то пріемъ со стороны городскаго управленія, особенно для послѣдняго, установился такой: помимо пышной, низкопоклонной встрѣчи генералъ-губернатора при въѣздѣ въ городъ, къ нему являлись на квартиру гласный думы и человѣка три-четыре изъ лучшихъ мѣщанъ и оставались тамъ на все время для разныхъ услугъ; они обмывали карету, заботились о лучшемъ убранствѣ квартиры и предупреждали всѣ малѣйшія его желанія. Какъ только услышатъ, что генералъ-губернаторъ приказалъ что-нибудь камердинеру (приготовить чай, закуску или обѣдъ), то гласный старался доставать все какъ можно скорѣе и лучше, на счетъ особой суммы, выдаваемой ему на этотъ расходъ изъ городскихъ доходовъ. Можетъ быть, генералъ-губернаторы и не знали объ этомъ, а всѣмъ пользовались ихъ лакеи; только такой порядокъ пріема неизмѣнно продолжался при генералъ-губернаторахъ: Репнинѣ, кн. Долгорукомъ, Строгоновѣ и на первыхъ порахъ—при Кокошкинѣ; но когда въ 1848 году сталъ городскимъ головою Ив. Степ. Терновецъ, то во второй или третій пріѣздъ Кокошкина въ Роменъ на ярмарку отмѣнилъ этотъ гостепріимный порядокъ, сказавъ: „воны получають жалованье и на разъѣзды, нехай „самы себе содержуть тутъ, якъ знають!“ Кокошкинъ разумѣется, не могъ ничего сказать на это; даже не подалъ виду, что онъ остался чѣмъ-нибудь недоволенъ. На другой годъ случилось то же. Кокошкинъ опять промолчалъ. Но затѣмъ въ 1850 и 1851 годахъ онъ усиленно сталъ убѣждать всѣхъ

крупныхъ торговцовъ-фабрикантовъ, что въ Ромнѣ имъ неудобно, даже опасно торговать, что здѣсь лавки сдѣланы изъ досокъ, крыты дранью, рогожами и соломою,—въ случаѣ малѣйшей неосторожности съ огнемъ, они рискуютъ потерять все свое состояніе; а вотъ въ Полтавѣ будетъ для нихъ гораздо удобнѣе и безопаснѣе: тамъ уже есть каменныя лавки, кромѣ того онъ обѣщаетъ въ недалекомъ будущемъ устроить для всѣхъ такія же. Въ такомъ смыслѣ Кокошкинъ составилъ отъ имени торговцовъ прошеніе и, вмѣстѣ съ своимъ убѣдительнымъ представленіемъ о поддержаніи Ильинской ярмаркой губернскаго города, обратился къ Государю Императору. И вотъ въ 1852 году Ильинская ярмарка была переведена въ Полтаву.

Нѣкоторые же говорили еще такъ. Въ 1850 или 51 году Кокошкинъ, будучи у насъ на Ильинской ярмаркѣ, хотѣлъ купить для своей дочери, выходившей замужъ, серебряный сервизъ и нѣкоторыя золотыя вещи. Заѣхавъ въ магазинъ золотыхъ и серебряныхъ вещей, онъ отобралъ, что ему понравилось, и, спросивъ о цѣнѣ, уѣхалъ. Потомъ онъ призываетъ Терновца и говоритъ: „Иванъ Степановичъ! тамъ въ одномъ магазинѣ я нашелъ для дочери сервизъ, но торговецъ съ меня проситъ очень дорого; нельзя ли вамъ поторгаваться съ нимъ? вамъ онъ навѣрно что-нибудь уступитъ". И вотъ Иванъ Степановичъ, хотя и догадался, въ чемъ дѣло, но по скупости не рѣшился пожертвовать крупной суммой (сервизъ стоилъ что-то 8 или 10 тысячъ рублей), не заручившись предварительно согласіемъ гражданъ. Пока Иванъ Степановичъ успѣлъ освѣдомиться объ этомъ согласіи, Кокошкинъ разсердился и уѣхалъ изъ Ромна, сказавъ будто-бы кому-то при прощаньѣ: „будутъ же они меня помнить долго!" Послѣ того всѣ, богатые и бѣдные, жители города ругали Терновца и упрекали до самой его смерти, что онъ главный виновникъ перевода Ильинской ярмарки [1]).

[1]) Что разсказанный авторомъ случай въ томъ или иномъ видѣ имѣлъ мѣсто, или по крайней мѣрѣ въ него свято вѣрили роменцы,—доказываютъ выдержки, которыя мы сейчасъ приведемъ. Онѣ взяты изъ статьи „Объ Ильинской ярмаркѣ" нѣкоего Т. Балюры роменца родомъ, помѣщенной въ „Московскихъ вѣдомостяхъ"

Кокошкинъ, успѣвъ перевести Ильинскую ярмарку въ Полтаву, вздумалъ было отобрать отъ Ромна и всѣ капиталы, собранные за время существованія этой ярмарки, какъ предназначенныя на устройство каменнаго гостиннаго двора, который, по его мнѣнію, оказывался ненужнымъ въ Ромнѣ, послѣ уничтоженія здѣсь Ильинской ярмарки. Но его ходатайство по этому предмету не имѣло, однако, желаемаго успѣха. Правительствующій Сенатъ нашелъ, что капиталъ, собранный въ Ильинскую ярмарку на устройство лавокъ, есть частная собственность города, а не ярмарки, и долженъ быть употребленъ непремѣнно согласно первоначальному своему назначенію, т. е. на устройство гостиннаго двора въ г. Ромнѣ. Съ того времени

1862—1863 года (передъ нами лежитъ оттискъ этой статьи, въ которомъ къ сожалѣнію не указано точно, съ котораго именно нумера онъ сдѣланъ). Статья эта, служащая продолженіемъ прежнихъ статей того же автора и вызванная выраженіемъ какого-то анонимнаго сотрудника газеты „Акціонеръ", доказываетъ, что полемика, о которой упоминаетъ И. С. Аксаковъ въ своемъ изслѣдованіи въ 50-хъ гг., не улеглась еще и черезъ десять лѣтъ послѣ перевода ярмарки. „Поводомъ къ переводу изъ Ромна Ильинской ярмарки, говоритъ г. Балюра, послужили вовсе не тѣ глубокія соображенія, которымъ считаетъ нужнымъ удивляться украинскій торговецъ (одинъ изъ оппонентовъ автора), а просто-на-просто—неудовольствіе покойнаго Кокошкина на жителей Ромна. Это фактъ, извѣстный всѣмъ торговцамъ". Въ другомъ мѣстѣ говорится еще болѣе опредѣленно: „Такимъ то образомъ съ 1852 года Ильинская ярмарка перешла въ Полтаву. Усиленныя старанія Кокошкина увѣнчались успѣхомъ. Неумѣнье представителя роменцовъ обойтись съ начальникомъ какъ должно, наказано выше вины: притомъ своею тяжестію пало оно не на самого виновника, обладающаго большимъ состояніемъ, а на непричастныхъ его отношеніямъ къ генералъ-губернатору жителей города, да и на всѣхъ иногородныхъ торговцевъ".

Говоря о положеніи ярмарки въ Полтавѣ въ первые годы, авторъ мимоходомъ упоминаетъ о какомъ-то несчастьѣ, постигшемъ и харьковскаго городскаго голову отъ того-же Кокошкина. Вотъ его слова: „Мы не станемъ разсказывать подробно, какія употреблены были средства при составленіи благодарственнаго адреса за переводъ Ильинской ярмарки въ Полтаву. Скажемъ однимъ словомъ, что сопротивленіе волѣ сильнаго начальника было тогда немыслимо. Недавно разразившійся гнѣвъ его надъ харьковскимъ градскимъ головою, человѣкомъ, котораго уважало все русское купечество, былъ въ то время свѣжимъ воспоминаньемъ. Харьковцы еще и теперь помнятъ картину выѣзда Рудакова изъ Харькова. За экипажами и народомъ нельзя было пройти улицы. Съ поникшими головами и со слезами на глазахъ сопровождали несчастливца за заставу города и купечество, которое теряло въ немъ достойнаго представителя, и бѣдный народъ, терявшій благодѣтеля"...

роменцы начали хлопотать объ устройствѣ каменныхъ лавокъ, которыя по Высочайше утвержденному плану и фасаду начались строиться въ 1863 году. И не смотря на то, что Ильинская ярмарка уже не существовала въ Ромнѣ болѣе 10 лѣтъ, торговля, насиженная здѣсь вѣками, все таки не упадала. Такъ, по переводѣ Ильинской ярмарки, усилилась Вознесенская и затѣмъ Маслянская, бывшая до того времени семидневною, незначительною ярмаркою. Еще въ 1867 году, когда былъ оконченъ существующій понынѣ новый каменный гостинный дворъ въ 300 номеровъ, гораздо просторнѣе прежняго деревяннаго, всѣ эти лавки были занимаемы торговцами во время ярмарокъ; много даже пристраивалось временныхъ балагановъ на площади. Въ первые годы по переводѣ этой ярмарки большая часть жителей г. Ромна, купцы и мѣщане, а евреи чуть ли не всѣ поголовно, отправлялись въ Полтаву въ концѣ іюня мѣсяца и проживали тамъ до августа, занимаясь торговлею и разными промыслами. Женщины и дѣвушки роменскія ѣздили и нанимались по дворамъ, въ которыхъ квартировали купцы и ихъ приказчики, за горничныхъ и кухарокъ и учили полтавскихъ хозяекъ печь хлѣбъ и варить кушанья ярмарочнымъ людямъ, а нѣкоторыя изъ нихъ самостоятельно на конной площади занимались печеніемъ хлѣба и приготовленіемъ обѣдовъ для простонародья; этимъ онѣ зарабатывали каждую ярмарку порядочныя деньжонки.

Такъ тянулись дѣла почти до начала семидесятыхъ годовъ. Ильинская ярмарка, хотя и не увеличивалась въ своихъ размѣрахъ, но по крайней мѣрѣ держалась въ прежнемъ, бывшемъ въ Ромнѣ, величіи и давала порядочные заработки, какъ жителямъ Полтавы, такъ и роменскимъ и другимъ промышленнымъ людямъ, особенно чумакамъ и извозчикамъ, содержавшимъ конныя и воловыя подводы для перевозки тяжестей. И хотя Полтава не обогатилась отъ нея, но по крайней мѣрѣ, устройствомъ лавокъ и домовъ украсилась до подобія любаго губернскаго города.

Но съ начала семидесятыхъ годовъ, съ устройствомъ Харьково-Николаевской желѣзной дороги, прошедшей мимо Пол-

тавы, Ильинская ярмарка начала быстро уменьшаться въ своихъ оборотахъ; потомъ она дошла до того, что всѣ крупные торговцы, московскіе и харьковскіе, просили было перевести ее въ Харьковъ; получивъ отъ министерства отказъ, послѣдовавшій по ходатайству полтавскаго земства и жителей, они все-таки рѣшили не ѣздить больше въ Полтаву, а учредили въ Харьковѣ пятую ярмарку, Казанскую. И теперь всѣ устроенныя для Ильинской ярмарки лавки въ Полтавѣ остаются никѣмъ не заняты, а ярмарка, хотя и не закрыта оффиціально, но не представляетъ и тѣни прежней Ильинской; теперь собирается только черная ярмарка на конной площади.

Нашъ-же городъ много потерялъ только въ первые годы послѣ перевода Ильинской ярмарки. Впослѣдствіи, хотя и остальныя наши ярмарки стали падать, но это было неизбѣжное явленіе, вызванное улучшеніемъ путей сообщенія. Зато выгодное для торговли положеніе Ромна стало сказываться постепенно другимъ образомъ. Теперь у насъ заводится все большее и большее количество постоянныхъ оптовыхъ складовъ различныхъ иногородныхъ товаровъ.

Ив. Куриловъ.

Волынское церковно-археологическое древлехранилище.

Волынь принадлежитъ къ числу мѣстностей, особенно богатыхъ памятниками старины. Мало есть у насъ областей, которыя могли бы поспорить съ нею въ этомъ отношеніи и, въ качествѣ побѣдителей, получить пальму первенства въ столь благородномъ соревнованіи. Здѣсь—что ни шагъ, то историческая достопримѣчательность; куда ни повернись, вездѣ наткнешься на какую нибудь интересную въ археологическомъ отношеніи древность. Причина этого легко выяснится, если мы вспомнимъ, что Волынь раньше другихъ областей выступила на историческое поприще. Здѣсь именно разыгралась легендарная исторія Ольгиной мести древлянамъ; на ея территоріи, далѣе, происходило столько княжескихъ усобицъ въ удѣльный періодъ, и вихремъ пронеслась буря татарскаго разгрома. Отсюда вышли многіе замѣчательные церковные дѣятели, какъ напр., московскій митрополитъ Петръ; здѣсь съ такимъ блескомъ развернулась просвѣтительная дѣятельность русскихъ магнатовъ, основывавшихъ школы, типографіи и монастыри, издававшихъ книги. Волынь видѣла и такого почтеннаго мужа, какъ Андрей Курбскій. Не тутъ ли опять, въ безвѣстной тиши, созрѣвали планы и идеи оставшагося навсегда загадкой для исторіи царевича Димитрія? Много страдало населеніе Волыни отъ набѣговъ крымской орды, но и козацкія возстанія не миновали ея; именно здѣсь съ особенною силою свирѣпствовалъ загонъ Максима Кривоноса. Въ это самое время прокатилась по Волыни и та широкая народная волна, которая

такъ неудержимо стремилась за своимъ великимъ предводителемъ, Богданомъ Хмельницкимъ; онъ шествовалъ тогда, какъ грозный мститель, и былъ наверху славы и могущества. Рядомъ съ этимъ нельзя умолчать, что наша земля была также свидѣтельницей того позора, какой нанесло козацкой славѣ пораженіе подъ Берестечкомъ. Безъ особенной гордости приходится вспомнить и отомъ, что здѣсь жили и дѣйствовали такія личности, какъ Кириллъ Терлецкій, Ипатій Потѣй, или столь прославившійся своею двусмысленною дипломатическою ролью Адамъ Кисель. Переживала Волынь и тяжелыя времена—гоненія, притѣсненія за вѣру; но вмѣстѣ съ тѣмъ тогда особенно развивалась дѣятельность братствъ, ратовавшихъ за права народа. Самъ народъ также заявлялъ о себѣ и въ эпоху коліивщины и снова подымалъ свою голову, но Стенпковскій долго и безпощадно рубилъ ее въ Коднѣ, пока наконецъ не достигъ своей цѣли... Вспоминать ли еще? Кажется, что и безъ того ясно видно, какъ много любопытнаго представляетъ прошлое Волыни. Не удивительно, что оно оставило по себѣ такой неизгладимый слѣдъ въ неисчерпаемомъ множествѣ памятниковъ.

Къ сожалѣнію, памятники эти разбросаны по разнымъ мѣстамъ и предоставлены всѣмъ капризамъ и полному произволу судьбы. Ихъ варварски истребляютъ, надъ ними безжалостно издѣваются, а они, нѣмые, молчатъ. Читатели не забыли напечатанной въ Кіевской Старинѣ, въ январьской книгѣ настоящаго года, корреспонденціи: „Какъ уважаютъ у насъ памятники прошедшаго“; здѣсь разсказывается, что типичная по архитектурѣ и достойная неприкосновенности по своимъ историческимъ воспоминаніямъ церковь, находящаяся въ с. Ржавцѣ прилуцкаго уѣзда полтавской губ., передѣлана по всѣмъ прихотямъ новомоднаго вкуса и, надо добавить, совершенно обезображена. И это дѣлается теперь, на нашихъ глазахъ, наперекоръ требованіямъ логики и здраваго смысла, а также вопреки прямымъ и категорическимъ распоряженіямъ правительства! Чтоже дѣлалось въ прежнее не столь давнее, время? По крайней мѣрѣ у насъ, на Волыни, подобныя исторіи случались сплошь и рядомъ. Еслибы нашелся изслѣдователь, кото-

рый пожелалъ бы разработать этотъ вопросъ, то къ его услугамъ явилась бы масса матеріала, онъ то и дѣло наталкивался бы на подобные случаи. Съ другой стороны, въ Кіевской же Старинѣ, еще за 1891 годъ, тоже въ январьской книгѣ, напечана замѣтка подъ заглавіемъ: „Расхищеніе церковныхъ древностей на Волыни". Замѣтка эта заимствована изъ „Кіевлян.", который получилъ свѣдѣнія, что многими археологами безвозвратно забраны изъ волынскихъ церквей цѣлыя массы весьма важныхъ въ археологическомъ отношеніи вещей и что консисторія предписала духовенству доставить свѣдѣнія по этому предмету. Авторъ замѣтки добавляетъ, что слухи объ этихъ расхищеніяхъ ходятъ уже давно и что даже „почаевская лавра потерпѣла значительные ущербы".. Хорошо еще, что въ настоящемъ случаѣ цѣнныя въ археологическомъ отношеніи вещи попали въ руки археологовъ, но и безъ археологовъ ихъ достаточно расхищали. Мы бы могли, опять въ той же Кіевской Старинѣ, найти указанія на ту беззастѣнчивую спекуляцію, предметомъ которой сдѣлались археологическія рѣдкости вишневецкаго имѣнія; но не станемъ утомлять вниманіе читателя,—общая картина и такъ довольно рельефно вырисовывается для насъ. Скажемъ только, что собраніе и охраненіе всѣхъ уцѣлѣвшихъ памятниковъ древности представляется одною изъ настоятельнѣйшихъ нуждъ времени.

Въ этомъ отношеніи сдѣлано немного. Существуетъ, правда, въ г. Владимірволынскѣ археологическій музей и общество при немъ, но они находятся, хотя въ древнемъ и нѣкогда славномъ, однако теперь слишкомъ захолустномъ уѣздномъ городѣ, а потому о существованіи ихъ мало кому извѣстно. Въ виду этого нельзя искреннѣйше не привѣтствовать учрежденія въ г. Житомирѣ церковно-археологическаго древлехранилища и такого-же общества при немъ, которыя возникаютъ исключительно по мысли и инициативѣ высокопреосвящ. архіепископа Модеста. Будучи самъ уроженцемъ юго-западнаго края (родина его въ с. Зиновинцахъ подольской губерніи), архіеп. Модестъ является и глубокимъ знатокомъ нашей мѣстной исторіи, мѣстной старины и ея памятниковъ. Объ этомъ лучше всего сви-

дѣтельствуютъ изданныя имъ по этой отрасли сочиненія. Естественно, что онъ не могъ равнодушно видѣть того вандализма, съ какимъ относятся у насъ къ остаткамъ древности, и давно уже рѣшилъ положить этому предѣлъ учрежденіемъ музея.

Еще два года тому назадъ начали циркулировать подобнаго рода слухи, но разныя хлопоты мѣшали приступить къ осуществленію давно задуманнаго предпріятія, и только въ апрѣлѣ настоящаго года въ мѣстной газетѣ было напечатано оффиціальное заявленіе, что открытіе церковно-археологическаго древлехранилища съ такимъ-же обществомъ при немъ имѣетъ состояться предстоящимъ лѣтомъ. Однако оно послѣдовало раньше, чѣмъ можно было ожидать. Въ срединѣ первой половины мая стало извѣстно, что открытіе древлехранилища назначено на 15-е число того-же мѣсяца и что къ этому дню имѣетъ прибыть изъ Кіева генералъ-губернаторъ. И дѣйствительно, 15-го мая, около 3-хъ часовъ дня, въ присутствіи многочисленной публики, послѣ обычнаго молебна, совершеннаго архіеп. Модестомъ, состоялось, наконецъ, это открытіе.

Древлехранилище помѣщается въ бывшей домовой архіерейской церкви. Здѣсь, на престолѣ, лежитъ большой деревянный, въ мѣдной оправѣ, осьмиконечный крестъ XIII вѣка; весь онъ испещренъ по обѣимъ сторонамъ множествомъ рѣзныхъ миніатюрныхъ изображеній чрезвычайно тонкой и замѣчательно художественной работы; они представляютъ собою воспроизведеніе земной жизни І. Христа и особенно подробно воспроизводятъ его страданія; этимъ крестомъ [1]) высокопреосвященный архипастырь благословлялъ предстоящихъ послѣ молебна. Царскія врата взяты изъ какой-то старой сельской церкви и также очень интересны по своему стилю. На нихъ внизу, въ полулежачемъ положеніи изображенъ Іесей; изъ лѣваго бока его выростаетъ стволъ дерева, вѣтви котораго причудливо изгибаются по обѣимъ половинамъ царскихъ вратъ; на концахъ

---

[1]) Въ „Кіевл." было напечатано, будто онъ мѣдный, но это невѣрно. Очевидно, корреспондентъ видѣлъ только мѣдную его оправу и тѣмъ былъ введенъ въ заблужденіе.

вѣтвей расположены многочисленныя изображенія ветхозавѣтныхъ праведниковъ, сонмъ которыхъ достойнымъ образомъ увѣнчивается находящеюся на самомъ верху иконою Богоматери съ младенцемъ. Надъ царскими вратами помѣщаются три иконы, взятыя изъ Дубенской пустыни; по срединѣ виситъ изображеніе Воздвиженія Честнаго Креста, а по сторонамъ—иконы Спасителя и Божіей Матери; по преданію, онѣ находились въ Дубенской пустыни уже въ то время, когда тамъ настоятельствовалъ преп. Іовъ почаевскій. На обычномъ мѣстѣ виситъ старинное деревянное паникадило, доставленное г. Уваровымъ изъ с. Емильчина новоградволынскаго уѣзда; въ паникадилѣ красуются столь обыкновенныя въ нашихъ сельскихъ церквахъ, и лишь въ самую недавнюю пору, въ силу экономическихъ соображеній, вытѣсненныя изъ употребленія, самодѣльныя свѣчи изъ желтаго воска. Такимъ образомъ общепринятая церковная обстановка выдержана вполнѣ, но ей приданъ историко-археологическій характеръ.

На мѣстахъ клиросовъ стоятъ два стула, пожертвованные частнымъ лицемъ, которое утверждаетъ за несомнѣнное, что они принадлежали князьямъ Острожскимъ. На правой стѣнѣ развѣшено множество старинныхъ изображеній религіознаго характера, и среди нихъ скромно пріютился небольшой, всего до плечъ, прекрасный портретъ Ѳаддея Чацкаго, извѣстнаго визитатора школъ кіевскаго округа и основателя кременецкаго лицея; намъ кажется, что этотъ знаменитый дѣятель просвѣщенія заслуживалъ бы того, чтобы его портретъ помѣстить на болѣе видномъ мѣстѣ. У лѣвой стѣны поставлено два шкафа, изъ которыхъ въ одномъ хранятся остатки архива несуществующаго теперь Жидичинскаго монастыря,—одного изъ замѣчательнѣйшихъ монастырей Волыни, долго бывшаго епископской резиденціей; въ другомъ — между прочими предметами, обращаетъ на себя вниманіе мѣдная вызолоченная гетманская булава и такой-же перначъ; булава украшена разноцвѣтными камнями, изъ которыхъ особенно цѣннымъ, по свидѣтельству знатоковъ, признанъ одинъ, находящійся на самомъ верху ея; оба эти предмета доставлены изъ вишневецкаго

замка, при посредствѣ о. Соботовича. Здѣсь же находится старинная деревянная чаша. У задней стѣны, какъ разъ противъ алтаря, поставлено два ящика со стеклянными крышками. Одинъ изъ нихъ всецѣло заполненъ рукописными книгами, каковы: евангеліе 1628 года, ирмолой, писанный во Львовѣ, и др., здѣсь-же находится „Субботникъ или Помянникъ усопшихъ Православныхъ Христіанъ Благородныхъ Ктиторовъ Святыя Обители сея по Титуломъ Святаго Архистратига Христова Михаила також де прочіихъ ихъ Милостей Пановъ нача писатися Р. Б. аѱпи — — при тойже обители Гойской“. На первомъ мѣстѣ поставлено поминаніе „Панеи Ирины з Гойскихъ Соломѣрецкой“; далѣе „Архіепископовъ, Епископовъ, Митрополитовъ и Архимандритовъ“; „Пана Адама з Брусилова Киселя воеводы Кіевского“; „Епископа Аѳанасія Шумлянского“; „Пана Леонида Ленкіевича старосты Кременчуцкого“ и множества другихъ малоизвѣстныхъ и совсѣмъ неизвѣстныхъ пановъ и іереевъ. Въ другомъ изъ ящиковъ болѣе заслуживаютъ вниманія слѣдующіе предметы: кусокъ камня изъ гробницы князей Острожскихъ, нижняя челюсть съ значительнымъ количествомъ уцѣлѣвшихъ зубовъ—оттуда-же, гербъ князей Вишневецкихъ, энколпіонъ XIII—XIV вѣка, описаннный проф. Петровымъ въ Кіевской Старинѣ за 1888 годъ, деревянная чаша съ крышкой, серебряная привѣска съ изображеніемъ вола и слѣдующею оригинальною надписью на ней: „Року 1711. Бидло барзо здихало. Пріими офѣру чистая дѣво Мати вола срибного. Ратуй остатокъ бидла у людей и у мене бидного“, а также ручныя кандалы, въ которыя, по преданію, былъ закованъ одинъ почаевскій монахъ, попавшій въ турецкую неволю, но по молитвѣ, чудеснымъ образомъ восхищенный и перенесенный въ тѣхъ-же кандалахъ изъ неволи въ Почаевскую обитель[1]).

---

[1]) Что это подлинно тѣ самые кандалы, о которыхъ повѣствуетъ благочестивое преданіе,—авторъ никакимъ вѣскимъ аргументомъ не подтверждаетъ и невольно у всякаго раждается сомнѣніе, не служили-ли они просто тѣмъ орудіемъ, при помощи котораго въ старину настоятели усмиряли строптивыхъ монаховъ. Въ былое время это считалось вполнѣ дозволительнымъ и являлось однимъ изъ довольно обыкновен-

Цѣннѣйшимъ, выдающимся пріобрѣтеніемъ древлехранилища и истиннымъ его украшеніемъ должно признать два большіе портрета князей Вишневецкихъ, доставленные, при посредствѣ Д. С. Ѳеодорова, изъ вишневецкаго замка. Надпись на одномъ изъ нихъ гласитъ: Michael I—mus Ex Ducibus Wisniowieckie Rex Poloniae, Electus A-o 1660 Regnavit Annis 4 Mensibus 6. Obiit Leopoli, Conditus Cracoviae in Sepulchro Regum. Король изображенъ въ рыцарскомъ вооруженіи въ панцырѣ и латахъ, на головѣ—парикъ, въ правой рукѣ держитъ жезлъ, лѣвой опирается на саблю. Другой портретъ втрое больше перваго и также снабженъ надписью, въ которой читаемъ: Ianusz Korybut Xże Wisniowiecki Kasztelan Krakowski Starosta Krzemieniecki Syn Konstantego Woiewody Bełskiego umarł we Lwowie w roku 1742. Изображенный здѣсь князь Вишневецкій написанъ во весь ростъ, поверхъ длиннаго зеленаго кунтуша на немъ надѣтъ панцырь; изъ-подъ кунтуша выглядываютъ красные сафьяновые сапоги; на плечи накинута порфира; лѣвой рукой держится за саблю, правой опирается объ столъ, на которомъ лежитъ корона; открытая голова, по старопольскому обычаю, слегка подбрита и обрамлена короткими волосами.

Заканчивая обзоръ болѣе замѣчательныхъ памятниковъ старины, помѣщенныхъ въ волынскомъ древлехранилищѣ, нельзя не упомянуть о временно выставленной, въ особой витринѣ, коллекціи древностей изъ ивницкаго собранія барона де-Шодуара. Здѣсь, на ряду съ рѣдкостями изъ страны пирамидъ, каковы, напр., колосъ пшеницы, статуэтка муміи и т. п., находятся подлинникомъ посланія и воззванія львовскаго братства, автографы Богдана Хмельницкаго, Мазепы, Василія Кочубея и интересная рукопись XVII вѣка, подъ заглавіемъ: „Толочанова посольство въ Имеретію въ 1650 къ царю Александру“.

Въ заключеніе остается пожелать древлехранилищу и имѣющему открыться обществу полнѣйшаго успѣха и процвѣ-

---

ныхъ средствъ, любопытныя указанія чего можно найти въ „Русск. Ст“., ст. проф. Лебедева „Примѣненіе тѣлесн. нак“., 1892, февраль. Такъ или иначе, но указанный предметъ имѣетъ полное право быть помѣщеннымъ въ древлехранилищѣ.—Ред.

танія. Какъ мы узнали, открытіе общества замедлилось вслѣдствіе того, что пока еще не утвержденъ его уставъ, но слѣдуетъ надѣяться, что какъ только оно приступитъ къ своимъ дѣйствіямъ, то, во первыхъ, постарается собрать, описать и изучить различныя археологическія древности Волыни, а во-вторыхъ, позаботится объ охраненіи тѣхъ памятниковъ старины, какіе по необходимости должны оставаться на своихъ мѣстахъ.

В. Храневичъ.

ПОВѢРЬЯ И ОБРЯДНОСТИ РОДИНЪ И КРЕСТИНЪ.

Появленіе новаго человѣка въ міръ среди малороссовъ считается событіемъ важнымъ, исполненнымъ глубокаго, таинственнаго смысла, обставленнымъ предзнаменованіями, обрядами и извѣстнымъ религіознымъ торжествомъ.

О появленіи ребенка говорятъ, что *Богъ пославъ хлопчика* или *дивчину*, или же: дытына знайшлася... *Жинка привела дитя,—злягла, була въ пологахъ*; дѣтямъ, для избѣжанія тривіальности выраженія, объясняютъ, что *баба въ пелени принесла братика* (сестричку), или нашла его подъ капустнымъ листомъ, *на дуби пиняла, на верби*.

Безплодіе считается большимъ несчастьемъ; въ случаѣ нерожденія дѣтей, ходятъ по монастырямъ, бабамъ, монахамъ; служатъ акаѳисты Спасителю, Божіей Матери, — молебны Симеону Богопріимцу и Севастьяну, которые рисуются съ младенцемъ на рукахъ. Очень распространенъ также обычай ходить на богомолье въ Кіево-Печерскую лавру и *держать младенчика*, т. е. заказываютъ въ пещерахъ обѣдню за 3 рубля, и обыкновенно мужъ и жена въ продолженіе всей обѣдни держатъ на рукакъ гробикъ съ мощами младенца (одного изъ 14-ти тысячъ избіенныхъ Иродомъ). Иногда заказываютъ только молебенъ за 1 рубль и во время служенія держатъ на рукахъ мощи младенца.—Пьютъ изъ пупчика кровь, когда баба-повитуха отрѣзываетъ его, и это, говорятъ, приноситъ плодородіе.

Бываетъ, къ несчастію, и такъ, что желаютъ вытравить плодъ, въ особенности дивчата—плодъ незаконной любви; же-

лаютъ *потерять, стратить дитя* (имѣть выкидышъ); тогда *ходятъ по бабамъ и просятъ зилля*, обращаются къ знахарямъ, къ фельдшерамъ; чаще пьютъ настой цвѣта барвинка, *чупрунъ-зилля*; варятъ полову изъ гречихи и пьютъ настой; пьютъ смѣсь изъ пороха (который употребляется для ружья); двигаютъ тяжести, *перехиляюця въ кадубъ*, чтобы задавить зародышъ.

Существуютъ нѣкоторыя предосторожности для беременныхъ женщинъ: такая женщина въ нѣкоторые дни, какъ напримѣръ въ пятницу и праздники, не должна прясть и шить, иначе она имѣющему родиться ребенку зашьетъ глаза, и тотъ родится слѣпой (кіевск., волынск. и подольск. губ.).

Беременная женщина не должна смотрѣть на пожаръ, иначе ребенокъ родится весь красный, какъ вареный ракъ, и если беременная женщина во время пожара въ испугѣ хватится за какую-либо часть своего тѣла, напримѣръ, закроетъ руками лицо, то на томъ мѣстѣ лицо родившагося ребенка будетъ красное, какъ печеное.

Беременная женщина не должна закрывать руками носъ и сплевывать, когда проходитъ мимо падали и слышитъ вонь, иначе у дитяти будетъ дурно пахнуть изо рта. Не должна отворачиваться и выказывать брезгливость къ калѣкамъ, а то и дитя родится калѣкою.

Въ пограничныхъ селахъ подольской губерніи есть обычай, особенно усилившійся въ послѣднее время, что беременныя женщины носятъ при себѣ такъ называемые „*Божи лысты*" („Лыстъ небесный"). По словамъ видѣвшихъ ихъ, *лысты* эти заграничнаго австрійскаго происхожденія, написаны на южнорусскомъ, галиційскомъ нарѣчіи. Вотъ что сказано въ этихъ *лыстахъ*: „Аще какая беременная жона сей листъ будетъ при себѣ носити, или часто слухати его, то безболезненно породитъ дитя". (Сообщ. И. Бѣньковскій).

Бабу-повитуху крестьянки рѣдко зовутъ дня за два до родовъ, обыкновенно бѣгутъ за бабой въ моментъ болѣзни, такъ что часто баба приходитъ, когда дитя благополучно родилось. Бываетъ, что дитя почти безъ болѣзней рождается въ полѣ, во время *жнивъ*, и *родиля* его сама въ *пелени* относитъ домой.

Въ бабы-повитухи идутъ женщины лѣтъ подъ 50. Для этого берутъ благословеніе *у батюшки*, иногда говѣютъ, ходятъ по монастырямъ; учатся шептать; собираютъ *разны зилля*: пидойму, *вовчу стопу*, золотникъ и др.

Въ головахъ роженицы и въ головахъ новорожденнаго въ люльку ложатъ *свяченые* травы и цвѣты. Въ люльку къ ребенку ложатъ также ножъ (Волынь и Подол.).

Если трудные бываютъ роды, то обращаются къ священнику и просятъ растворить въ церкви Царскія врата; грамотный мужъ читаетъ дома акаѳистъ Божьей Матери; расплетаютъ косы, развязываютъ мѣшки и смотрятъ, чтобы дома ничего не было завязано. Водятъ больную три раза вокругъ стола и три раза заставляютъ бить порогъ пятами; водятъ черезъ токъ, гдѣ молотятъ жито, поятъ рожками изъ жита и цвѣтомъ жита;—*баба престриты змовляе и до матки примовляе.*

Роженицу сейчасъ же послѣ родовъ заставляютъ пить водку.

Если ребенокъ родится и сейчасъ кричитъ, то это служитъ признакомъ, что будетъ долго жить, а если молчитъ, то умретъ. Если родится въ *чепчику* сорочкѣ, то будетъ счастливый.

Новорожденнаго мальчика сейчасъ ложатъ *на покути, щобъ бувъ началникомъ.*—Пупъ мальчика рѣжутъ на сѣкирѣ или книгѣ (предзнаменованіе, что будетъ плотникомъ или *письменнымъ)*, а дѣвочки на иголкѣ.—Перевязываютъ пупъ у новорожденныхъ *прядивомъ* изъ *матирки*, а не *плоскони*, чтобы человѣкъ не потерялъ потомъ способности плодиться, оплодотворенія (подольск. губ.).

Для новорожденнаго мальчика воду для купанья грѣютъ въ кувшинахъ, для дѣвочки въ горшкахъ (подольск. губ.). Въ кіевск. губ., наоборотъ, для дѣвочки воду грѣютъ въ высокихъ стройныхъ кувшинахъ (*гладущикахъ*), *щобъ станъ тоненькій бувъ.* При нагрѣваніи ку́пеля (воды для купанья младенца), нельзя допускать, чтобы вода кипѣла, а то ребенокъ, купаемый въ такой водѣ, выросши, будетъ сердитымъ, злымъ и вспыльчивымъ.

Точно такъ-же будетъ, если ребенка по неосторожности положить въ довольно горячую воду (волынск. и подольск. губ.).

Когда новорожденнаго ребенка купаютъ, то трижды плюютъ въ купель, чтобы не было *плиснявки* (молочницы) или сглазу; затѣмъ, когда вынимаютъ изъ *купеля*, то на Волыни купающая ребенка повитуха или мать трижды лижетъ ребенку лицо и трижды сплевываетъ въ купель—*отъ престриту*. Въ первый *ку́пель* принято бросать деньги, чаще всего, серебряныя.

По захожденіи солнца, ку́пеля, т. е. воды, въ которой купали ребенка, на дворъ нельзя выливать (волынск. и подольськ. губ.).

Въ день рожденія ребенка или на другой день справляются родины: созываются родные и близкіе, которые приносятъ *родилѣ* подарки, большею частью: борошно (муку), горохъ, *сушню*, яйца. Гостямъ предлагается закуска, и *частуютъ* водкой. Какихъ-либо символическихъ обрядовъ и кушаньевъ здѣсь теперь не замѣчается. Въ старину, въ 1723 году, читаемъ въ „Дневникѣ" Я. Марковича, былъ обычай посылать отъ новорожденнаго *узваръ* [1]).

Если дитя родилось больное, то сейчасъ же избираютъ въ кумовья ближайшихъ сосѣдей или первыхъ встрѣчныхъ и посылаютъ къ священнику крестить. Если дитя здоровое, то обыкновенно на другой или третій день приглашаются кумовья. Въ кумовья стараются избирать людей зажиточныхъ, чтобы могли богатое *крыжмо* (покрывало) дать. Отказываться здѣсь не принято: отъ креста, говорятъ, грѣхъ отказываться. Дозволяется отказываться беременной женщинѣ.—Если дѣти умираютъ, то берутъ въ кумовья—мужъ своего родного брата, а жена свою сестру или наоборотъ.

Въ уманскомъ уѣздѣ (кіевск. губ.), кумовья, прежде чѣмъ нести крестить дитя, разстилаютъ кожухъ, ложатъ на него штаны отцовскіе, а если дѣвочка, то рубаху матери, кладутъ на это дитя и качаютъ нѣсколько, потомъ бросаютъ на кожухъ деньги и несутъ крестить. Кожухъ и деньги—предзнаменованіе счастья.

---

[1]) „Кіевск. Ст." 1891 г. № 5, Приложеніе. стр. 17.

Въ волынской и подольской губ., когда несутъ ребенка въ церковь крестить, то на порогѣ дома кладутъ топоръ и нѣсколько горячихъ угольевъ, и кумовья, выходя съ ребенкомъ изъ хаты, должны, переходя черезъ порогъ, ступать ногами какъ на уголья, такъ и на топоръ.—Повиваютъ дитя ко кресту непремѣнно въ отцовскую сорочку.—Кума, идя крестить, беретъ за пазуху *цѣлушку* (горбушку) хлѣба и иголку.

Крестьяне весьма охотно, наперебой идутъ воспріемниками къ незаконнорожденному ребенку по существующему повѣрью, что если кто будетъ крестнымъ отцемъ незаконнорожденнаго, то у того отлично будетъ вестись *худоба* (скотъ) и вообще хозяйство (подольск. и кіевск. губ.).

Идя крестить такого ребенка, кумъ опоясывается обротью, чтобъ водился скотъ, а кума беретъ за пазуху перья, чтобъ дрибъ всякій (домашняя птица) водился. Иногда опоясываются веревкой, и веревку эту послѣ крестьбинъ прячутъ и берегутъ, какъ святыню, и употребляютъ въ разныхъ случаяхъ крестьянской жизни для лѣченія болѣзней, накуриваясь ею и нося при себѣ.

Если при крещеніи ребенокъ умочится—хорошій для него признакъ: будетъ жить и проживетъ счастливо (подольск. губ.); въ кіевск. губ. вѣрятъ наоборотъ: если ребенокъ во время крещенія умочится, или замарается, то знакъ, что *життя буде спаскудяне.*

Въ одной семьѣ, въ с. Молодецкомъ, уманск. уѣзда, умирали все дѣти, тогда, неся ко кресту, вынули двери и обнесли дитя подлѣ *бѣгуна,* а послѣ крещенія подали дитя въ хату, вынувъ стекло въ окнѣ, чтобы смерть не могла, такъ сказать, войти обычными путями за дитятей.

Баба даетъ кумовьямъ ребенка, говоря: „нате вамъ молитвованого, напр. Танаса, принесить намъ крещеного“. Возвращаясь послѣ крещенія, кумовья передаютъ бабѣ младенца со словами: „мы взяли у васъ молитвованого, теперь приносимъ крещеного Танаса“.

Крестины празднуются сейчасъ же послѣ крещенія ребенка или же черезъ недѣлю, а иногда и чрезъ полгода. Угощеніе

родныхъ и гостей и подарки отъ послѣднихъ роженицѣ бываютъ тѣ же, что и на родинахъ.—На крестинахъ существуетъ обычай „*вытаня*“, состоящій въ слѣдующемъ: повивальная бабка, надѣлавъ *квитокъ* (букетиковъ) изъ калины и васильковъ зимою (на Волыни зимою дѣлаются искусственные бумажные цвѣты), а весною и лѣтомъ изъ разныхъ цвѣтовъ, даетъ каждому изъ присутствующихъ на крестинахъ гостей такую *квитку* со словами: „просыть родиля на калачъ и на горилочку, а похрестныкъ на квиточку“. Гость, получившій квитку, даетъ по мѣрѣ средствъ и желанія деньгами бабкѣ на горилочку, а новорожденному на „*повывачъ*“.

По окончаніи крестиннаго угощенія, кумовья садятъ родителя *на покути*, подносятъ ему житяну *квитку* и водку и желаютъ, чтобы новорожденнный *великій рисъ та здоровый бувъ*. Жито въ обрядахъ является, какъ символъ життя добраго.

На другой день послѣ крещенія баба купаетъ дитя въ *квиткахъ*, которыя остались отъ раздачи гостямъ, и отецъ обязательно долженъ жертвовать бабѣ. Дальнѣйшее купанье производится или въ чистой водѣ, а чаще въ зилляхъ: *мандрѣ*, *любистку*, мятѣ, василькахъ.

Дитя первый разъ кормитъ грудью не мать, а обыкновенно другая женщина, которая беретъ *подъ паху* хлѣбъ и соль, а на другую руку ребенка. Точно также, когда мать отлучаетъ ребенка отъ груди, она даетъ ему цѣлушку хлѣба и соль, говоря: „*иди на свій хлибъ*!“—Когда мать отлучитъ ребенка, т. е. прекратитъ кормить его грудью, то низачто потомъ не возобновитъ вторично кормленія по тому повѣрью народному, что отъ этого ребенокъ будетъ слабопамятный и тупоумный (волынск. и подольск. губ.); „*буде поганый на переходъ, очи поганы будутъ для престриту и уроку*“, говорятъ въ кіевской губ. Отлучаютъ обыкновенно черезъ годъ послѣ рожденія, и чтобы дитя не бралось за грудь, мажутъ ее сажей, говоря: „бе, кака!“; но если дитя и послѣ этого все-таки тянется къ груди, то намазываютъ её дегтемъ, перцемъ—и тогда дитя попробуетъ, что противное, и отстаетъ *отъ цыцьки*.

Качаютъ ребенка въ люлькѣ довольно первобытной, сплетенной изъ толстой лозы въ видѣ челнока, или сдѣланной изъ ряднины, которой перетянутъ продолговатый четыреугольникъ изъ палокъ. Такого рода люльки, или колыски привязываются четырьмя веревочками къ потолку. Иногда закачиваютъ ребенка просто въ ночвахъ на землѣ. Когда качаютъ ребенка въ люлькѣ, то нельзя брать и сжимать вмѣстѣ всѣ четыре, даже три или двѣ *поворозки*, *вервички* вмѣстѣ, потому что у ребенка (по повѣрью) будутъ отъ этого „*стыски*" (сжатіе, удушье въ горлѣ и груди).

Если дитя не спитъ, то накуриваютъ *маковинямъ*, паутиной, смолой, кладутъ подъ головы гребешокъ, кладутъ *митокъ изъ матирного прядива* (а не плоскони), берутъ отъ молодыхъ поросятъ берлогу и кладутъ въ люльку дитяти, или купаютъ въ берлогѣ, кладутъ подлѣ дитяти кота, поятъ *большой маковкой*, отваренной въ молокѣ.

Въ дѣтскихъ болѣзняхъ приглашается обыкновенно баба-знахарка, которая или нашептываетъ, или производитъ различныя дѣйствія. Обычныя дѣтскія болѣзни, по народному названію, слѣдующія: *стыски*, *бабыци*, *соняшныци*, *плаксивыци*, *переляк*ъ, *престритъ*, *мимохидъ* (конвульсіи), *плисня*в*ка* (молочница), *тимыныця*, *кошуля* (струпья на головѣ), *грызь* (отъ этой болѣзни загрызаютъ пупъ), *жовтяныци*; противъ послѣдней болѣзни купаютъ въ *петровыхъ батогахъ*, *пагнисткахъ*, *повнякахъ*, *шлюбныхъ перстеняхъ* и дорогомъ (красномъ-коралловомъ) монистѣ. Повняки берутся въ этой болѣзни, чтобы сообщить дитяти полноту, а красное монисто, чтобы придать ему красный, здоровый видъ. Отъ *сухотъ* купаютъ три раза въ салѣ, потомъ мажутъ тѣло ребенка саломъ съ мясомъ и отдаютъ его съѣсть собакѣ-кобелю, если это мальчикъ, и сучкѣ, если дѣвочка.

Первую рубашку ребенка мать старается передать отъ перваго своего дитяти и ко всѣмъ своимъ дѣтямъ, чтобы были единодушны, стояли одно за другое.—Рубахи новой до года не шьютъ и не надѣваютъ, а дѣлаютъ ее изъ чего-либо стараго; при чемъ передъ надѣваніемъ рубахи исполняютъ такую обрядность: берутъ дѣтскую рубаху воротникомъ вверхъ (какъ обы-

кновенно она надѣвается), одной рукой ее придерживаютъ, а другой бросаютъ черезъ воротникъ ножъ такъ, чтобы онъ остріемъ воткнулся въ столъ или полъ (подольск. губ.). Первые штаны мальчику стараются пошить, сидя на одномъ мѣстѣ, не вставая, *щобъ гарбузивъ* не волочивъ.

Ребенка не стригутъ до года, а если случается, что у дитяти длинные волосы и мѣшаютъ ему, то матери обкусываютъ и подгрызаютъ ихъ зубами (Подольск. губ.).

Привожу болѣе интересныя и рѣже встрѣчающіяся колыбельныя пѣсни.

Колыбельныя пѣсни.

1 А.

Ходыть дримота коло плота,
А сонъ коло виконъ.
Пытаеця сонъ дримоты:
А де будешъ ночуваты?
—А я буду ночуваты
Въ Иванови хатыни,
Де йе малая дытына.

Б.

(Варіантъ сходенъ до словъ: „Де будешъ ночуваты?“)

—Де хатына тепленька,
Де дытына маленька,
Туды пидемъ ночуваты
И дытыны колысаты.
(Волынск. и подольск. губ.).

В.

(Начало сходно до словъ: „Де дытына маленька...“)

Ты ляжешъ у нижкахъ,
А я ляжу въ головахъ;
Ты будешъ дриматы,
А я буду присыпляты,
Щобъ спало—не плакало,
Щобъ росло-не болило,
На головоньку, на все тило.

II.

Ээ—ээ! коты два,
Сири-били обыдва,
Та по лужку ходылы,
Та пташечки ловылы,
А пташечку на юшечку,
А пирьячко въ подушечку.
(с. Молодецк. уманск. уѣзд.).

III.

Аа, аа! коточокъ,
Заховався въ куточокъ,
Піймавъ соби мышку,
Тай ззивъ у затышку.
Котыку сиренькій,
Котыку биленькій,
Котыку волохатый!
Не ходы по хати,

Не буды дытыны!
Аа—аа! котыно,
Засны, мала дытыно!
Ой на кота вуркота,
На дытыну дримота,
Котокъ буде вуркотаты,
А дытына буде спаты.
(подольск. губ.).

IV.

У кота—вуркота
Була мачиха лыха,
Была его, была,
Была, приговарювала:
—Не ходы по чужимъ хатамъ,
Не качай чужихъ дитокъ!
—Ой ты, котку-коточку,
Сиренькій лобочку!
Прійди Любочку качать.
Я тоби коту,
Заплачу за роботу,
Дамъ кувшинъ молока,
Ще й кусокъ пирога.
(с. Молчаны, Староконстант. узда, волынск. губ.).

V.

А впавъ китъ изъ воритъ,
Забывъ плечи и живитъ.
Ото тоби котку,
Не лизь на колодку,
Бо забьешъ головку,
Та буде болиты,
Ничимъ загоиты,
Купить маты шовку,
Та загоить головку.
(с. Молодецкое, уманск. у. Вар. Чуб. IV, стр. 23, № 25 А.).

VI.

Пишла киця по водицю,
Та впала въ кирныцю.
Прійшовъ котокъ ратуваты,
Стала киця плакаты.—
—Не плачъ, кицю, будь весела,
Та поидемо на село,
Та купимо баранчика.
А въ баранчика крути роги,
А въ дытыны чорны брови.
(с. Молодецкое, Вар. Чуб. IV, № 26 А.)

VII.

Ээ-ээ! коточокъ,
Та вкравъ въ бабы клубочокъ,
Та понисъ по-за лисъ.
Та до Гали прынисъ.
Стала Галя быты:
Не вчысь, котку, красты,
Та вчыся робыты —
Черевычки шыты,
А не дорогіи—
По пять золотыи.
А не попъ куповавъ,
А не дякъ торгувавъ,
Тилько той комисаръ,
Що дытыну колысавъ.
(с. Молодецкое. Вар. Чуб. IV, № 17. В.).

VIII.

Люлечки, шовковіи веревочки,
Малевани быльця,—
Колысала мама сына
Свого чорнобрывця.
(с. Молодецкое).

IX.

Ой, рида-рида-рида!
Колысала баба дида
Отъ вечира до обида.
Ой, спы, диду бо покину (2 раза)
Пиду въ лисъ по калыну (2 раза);
Калыноньки наломаю,
Та й тебе зкупаю.

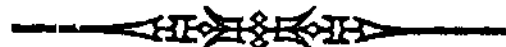
(с. Нимировка, каменецк. у. подольск. г.).

X.

Сыны мои, соколы мои,
А дочки—голубочки!
Якъ я буду вмераты,
Зійдиться до купочки.
Сыны ходятъ—
Радоньку радятъ,
Якъ маты поховаты;
А невистки ходятъ,
Радоньку радятъ,
Щобъ скоро зъ хаты взяты;
Невистки плачутъ—
Невистки плачутъ,
Ажъ имъ очи сміются,
А дочки не плачуть—
А дочки не плачуть,
А сами слезы льюця.

(с. Молодецкое).

Хр. Ящуржинскій.



Нѣкоторыя черты сходства „Слова о Полку Игоревѣ“ съ южно-славянскими старинными пѣснями.

Ни одинъ памятникъ старинной русской литературы не вызвалъ столько изслѣдованій, комментаріевъ, переводовъ и изданій, какъ Слово о Полку Игоревѣ. Научную литературу памятника, безъ преувеличенія, можно назвать громадной, и такова уже привлекательность этого прекраснаго поэтическаго и патріотическяго произведенія, что не проходитъ года безъ новыхъ его обслѣдованій, безъ новыхъ попытокъ поставить его въ цѣломъ и въ частностяхъ въ связь съ современными запасами знаній о древнерусскомъ бытѣ и литературѣ. Объясняли Слово съ разныхъ сторонъ—миѳологической, историко-политической и бытовой, литературно-эстетической, филологической; сравнивали его съ письменными и устными произведеніями древне-греческими, византійскими, скандинавскими, древне-русскими, съ пѣснями великорусскими и малорусскими, и почти отъ всѣхъ сравненій оставалось что-нибудь пригодное для объясненія деталей, а нѣкоторыя сравненія, въ особенности произведенное Потебней въ широкихъ размѣрахъ объясненіе текста Слова данными малорусской народной поэзіи, дали блестящіе результаты и пролили большой свѣтъ на памятникъ. Въ этомъ обширномъ полѣ сравненій не все исчерпано, и я приведу здѣсь нѣсколько мелкихъ дополненій изъ области старинныхъ сербохорватскихъ пѣсенъ, какъ десятисложныхъ, такъ и длинносложныхъ (15—16) или такъ называемыхъ бугарштицъ. Въ русской научной литературѣ есть одна статья о бугарштицахъ— *М. Е. Халанскаго* въ Рус. Филол. Вѣстникѣ 1884 г., по дан-

нымъ, заключающимся въ цѣнномъ сборникѣ Богишича 1878 г., статья весьма интересная, но безъ отношенія къ русской литературѣ; въ этой статьѣ говорится исключительно о бугарштицахъ, какъ особомъ родѣ сербо-хорватскаго эпическаго творчества.

Наиболѣе старыя записи бугарштицъ находятся у сербо-хорватскихъ писателей XVI—XVIII в.—Хекторовича (1487+1572), Бараковича (1546+1628), Матеи (+1728), Бетондича (+1764) и нѣкот. др. *Богишичъ* собралъ длиннносложныя сербо-хорватскія старинныя пѣсни и издалъ ихъ въ 1878 г. въ приложеніи къ X кн. Гласника подъ заглавіемъ „Народне пјесне из старијих највише приморских записа“, съ довольно обширнымъ введеніемъ, въ которомъ говоритъ о размѣрѣ бугарштицъ и связи ихъ съ старинными книжными памятниками. Наряду съ книжными довольно слабыми элементами въ бугарштицахъ сохранились мѣстами весьма древнія черты славянской народной поэзіи, и двѣ-три такихъ черты послужатъ намъ для подтвержденія мнѣнія о глубокой народности Слова о Полку Игоревѣ. А. А. Потебня сравнивалъ Слово съ малорусскими пѣснями. Несомнѣнно, что въ малорусскихъ пѣсняхъ удержалось много старинныхъ чертъ, но многое въ нихъ ново, тѣмъ болѣе, что весь малорусскій пѣсенный матеріалъ, за весьма немногими исключеніями, записанъ лишь въ текущемъ столѣтіи. Древняя южнорусская поэзія—доказацкая—могла имѣть и несомнѣнно имѣла своеобразный складъ, своеобразныя черты; въ отрывкахъ она сохранилась въ Словѣ о Полку Игоревѣ, въ передѣлкахъ и сокращеніяхъ въ нѣкоторыхъ преданіяхъ первоначальной лѣтописи. Довольно интересными по сравненію съ сербо-хорватскими пѣснями представляются слѣдующія мѣста Слова о Полку Игоревѣ:

Въ Словѣ буй-туръ Всеволодъ говоритъ Игорю: „Сѣдлай, брате, свои бръзыи ко̆мони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напереди. А мои ти Куряне свѣдоми къмети; подъ трубами повити, подъ шеломы възлѣлѣяни“...

Въ сербской пѣснѣ:

Устан гори господару!
Дружина те у лов зову,
Кони су ти оседлани,
Хрти ти су у ликтарим,

А соколи под прапорцим,
Пушти хрта за лисицом,
А сокола за грлицом (343).

Здѣсь одно только темное слово „ликтарим", и Богишичъ затрудняется въ объясненіи его. Въ видѣ предположенія онъ производитъ это слово отъ ligare и все мѣсто переводитъ: „собаки уже связаны въ сворѣ" (372). По тону и даже по нѣкоторымъ выраженіямъ сербская охотничья пѣсня отвѣчаетъ древней южнорусской военной похвальбѣ.

Народно-поэтическая основа Плача Ярославны удачно объясняется данными современной малорусской поэзіи. Такъ, обращеніе къ вѣтру встрѣчается и въ настоящее время въ малорусскихъ народныхъ пѣсняхъ. Въ одной пѣснѣ про дѣтоубійство мать (мѣстное пріуроченіе—Ковалева дочка Катерина), бросивъ ребенка въ колодезь,

За ворота выходыла
Зъ витромъ буйнымъ говорыла,
Да не вій, витре, да тыхенькій,
Да повій, витре, да буйненькій!
Да нажены хмару чорнесеньку,
Да спусты дождыкъ дрибнесенькій,
Да залый стежки и дорожки,
Щобъ туды люды не ходылы (Чуб. V 363

По вопросу о степени распространенія поэтическаго мотива обращенія къ вѣтру въ древней славянской поэзіи не лишена интереса сербо-хорватская пѣсня „Тужба Вилслава Сѣнянина, кадар боравльаше у турској земльи на далеко од своје Льубовце". Въ этой пѣснѣ роль жены Ярославны играетъ мужъ Вилславъ, который подобно Ярославнѣ „зегзицею незнаемь рано кичеть.

Ево Вилслав у турској крајини
И ронећи грозне сузе своје,
Овако је вјетром говорно.
Што ђе рећи, мили вјетри моји,
Што ће рећи да толико дана...
Ви, о витри, к мени долазите,
И на мјесто вјерне кньиге моје,
Однесите къ Сеньу бијелому,
Однесите грозне сузе моје,
Које мени текућ напотоке
Низ жалосно лице упадају;
И кад, витри, къ Сеньу долазите,
Ако ли нигдје не нађете стана,
Къ мојој милој вили отиђите
И овако младој говорите:
„Ми смо витри, вило приморкиньо,
Ми смо витри ки роснимъ облаком
Супроћ силномъ бури војујемо
И носимо по морској пучини
Къ Сеньу граду броде и поморце;
А сад смо се трудна подигнули
Из далека сунца на истоку
И ове ти ми носимо гласе:
Није нођи, ни бијела данка,
У комъ Вилславъ сузе не пролјева,
Да не види своју домовину

Да не чује гласа ни једнога,
Ки б њега мого утјешити
И његове сузе уставити.

Далѣе слѣдуетъ рядъ укоровъ, что Вилславъ въ турецкой неволѣ, а его милая въ Санѣ; онъ въ тюрьмѣ, она на свободѣ; онъ одинокъ въ печали, она живетъ съ отцомъ и матерью; ему кукушка кукуетъ, а ей поютъ веселыя птицы, и нѣтъ ему никакого утѣшенія (343).

Приведенная подлинными словами часть пѣсни составляетъ очень близкую параллель къ обращенію Ярославны къ вѣтру: „О вѣтре, вѣтрило, чему г-не насильно вѣеши?... Мало ли ти бяшеть горѣ подъ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему господине, мое веселіе по ковылію развѣя“?

Обращенія къ солнцу и рѣкамъ—мотивы обычные въ народной поэзіи, встрѣчаются, напр., въ болгарскихъ пѣсняхъ, что указано уже *В. Ѳ. Миллеромъ* въ изслѣд. о Словѣ о П. И. 240.

При общеславянскомъ характерѣ этихъ мотивовъ, въ частности при существованіи въ сербо-хорватскомъ эпосѣ такихъ пѣсенъ, какъ „Тужба Вилслава“, нѣтъ надобности въ предположеніи *А. А. Потебни*, что авторъ Слова находился подъ вліяніемъ свадебныхъ пѣсенъ (137).

Въ Словѣ въ четырехъ мѣстахъ слава (слухъ) представляется звономъ. Объ этомъ мотивѣ, по сравненію его съ великорусскими и малорусскими народными пѣснями, см. *Потебню* 52—53, 129. Въ частности извѣстное мѣсто о Всеславѣ переводится у Потебни такъ: Ему (въ честь его) позвонили въ Полоцкѣ, и этотъ звонъ услышался въ Кіевѣ, т. е. слава его изъ Полоцка дошла до Кіева. Въ такомъ же значеніи встрѣчается звонъ и въ бугарштицахъ, въ видѣ заключительнаго припѣва, что говоритъ въ пользу большой древности и распространенности этого мотива. Въ бугарштицѣ, какъ воевода Янко принесъ въ Будимъ руку короля Владислава, убитаго въ бою, которую узналъ по золотому кольцу, мать и жена оплакиваютъ Владислава, „кога краља звоњаше по всемъ свјету вјечна слава“ (80).

Окончаніе Слова—величаніе князей: „Пѣвши пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ пѣти: слава (придерживаюсь въ этомъ мѣстѣ чтенія В. Θ. Миллера, 248) Игорю Святославичу, буйтуру Всеволоду, Владиміру Игоревичу. Здрави князи и дружина“... П. А. Кулишъ и П. И. Житецкій уже сравнивали это величаніе съ заключительными словами малорусскихъ думъ, и Потебня призналъ (стр. 150) такое сравненіе вполнѣ основательнымъ. По вопросу о томъ, какъ широко было распространено такое величаніе, не лишено интереса то обстоятельство, что это величаніе встрѣчается и въ южнославянскихъ пѣсняхъ, между прочимъ, въ самой старой по записи бугарштицѣ о Маркѣ Кралевичѣ и братѣ его Андріяшѣ, вошедшей въ „Рибанье и рибарско приговаранье“ Хекторовича (р. 1487+1572). Первое изданіе этой книги въ 1556 г. (второе—1638 г., послѣдующія вышли въ текущемъ вѣкѣ). Бугариштица про убійство Андріяша братомъ Маркомъ Кралевичемъ оканчивается краткимъ величаньемъ:

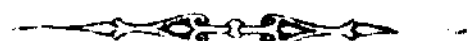
Веселъ буди, господару, и весела ти дружина,
Нашъ госнодару!
Ова писанъ да буде твоj милости на поштенье.

Въ этомъ краткомъ величаньѣ сохранены основные элементы болѣе обширнаго величанья старымъ и молодымъ князьямъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ.

Число сопоставленій можно было бы увеличить съ привлеченіемъ сборника Караджича и др. многочисленныхъ сборниковъ сербо-хорватскихъ пѣсенъ (обширная библіографія г. Цишевскаго въ „Вислѣ“ 1892 г.), но и приведенныхъ достаточно, чтобы прійти къ заключенію о близкомъ племенномъ родствѣ Слова о Полку Игоревѣ съ южно-славянскимъ эпосомъ. Авторъ Слова обѣими руками черпалъ изъ народной поэзіи, а поэзія эта была богата и почти одинакова во всемъ тогдашнемъ славянскомъ мірѣ по основнымъ поэтическимъ образамъ и пріемамъ творчества. Авторъ слова сокращалъ извѣстныя ему пѣсни, выбиралъ изъ богатыхъ запасовъ своей памяти соотвѣтствующіе

отрывки для выраженія чувства горести по случаю пораженія русскихъ половцами. Нѣкоторыя темныя мѣста Слова по всей вѣроятности, произошли уже при самомъ его возникновеніи оттого, что авторъ слова перепуталъ, переставилъ или исказилъ непрочно осѣвшія въ его памяти народныя пѣсни.

Н. Ѳ. Сумцовъ.



ИЗЪ СЕМЕЙНЫХЪ АРХИВОВЪ.

(Выдержки изъ писемъ малороссійскихъ генер.-губернаторовъ кн. Лобанова-Ростовскаго и кн. Репнина. 1811—1819 г.).

Благодаря любезному содѣйствію В. Н. Бутовича, мы имѣли случай ознакомиться съ частной перепиской Алексѣя Петровича Бутовича, занимавшаго постъ вице-губернатора, затѣмъ гражданскаго губернатора въ Черниговѣ въ началѣ текущаго столѣтія и въ 1818 году переведеннаго на ту же должность въ Витебскъ. Въ четырехъ разсмотрѣнныхъ нами тетрадяхъ аккуратно подшиты въ хронологическомъ порядкѣ собственноручныя письма къ Бутовичу малороссійскихъ генералъ-губернаторовъ кн. Якова Ивановича Лобанова-Ростовскаго, обнимающія періодъ 1811—1819 г. и кн. Николая Григорьевича Репнина (1816—1818 г.), письма гр. Ильи Безбородко (1813 г.), гр. Ильи Вас. Завадовскаго (1814 г.), гр. Алексѣя Кирилловича Разумовскаго (1805 г.), министра полиціи А. Балашева (1813 г.), гр. Як. Румянцева (1813 г.), С. Беклемишева (1815 и 1816 г.), кн. Петра Лопухина (1811 и 1813 г.), О. Козодавлева (1816 г.), Г. Державина (1816 г.), кн. Барклая де Толли (1816 г.), герцога Александра Виртембергскаго (1818 г.), гр. Витгенштейна (1818 г.), маркиза Паулуччи (1819 г.), гр. Аракчеева (1819—1821 г.), гр. Дибича (1820 г.), гр. Кочубея (1822 г.), сенатора Д. Баранова (1822 г.), гр. Гурьева (1823 г.), гр. Л. Лебцельтурна (1823 г.), епископа полтавскаго Сильвестра, черниговскаго—Михаила (1803—1818 г.) и нѣкоторыхъ другихъ. Предметъ переписки—большею частью домашнія дѣла

названныхъ лицъ, не имѣющія особаго интереса для историческаго изданія: просьбы о содѣйствіи въ судебныхъ процессахъ, о заготовкѣ лошадей на почтовыхъ станціяхъ, рекомендаціи, денежные разсчеты, наемъ рабочихъ (для гр. Аракчеева въ с. Грузино) и т. п. Болѣе содержательны письма кн. Лобанова-Ростовскаго, съ которымъ Бутовичъ находился повидимому въ наилучшихъ отношеніяхъ, и кн. Н. Репнина.

Приводимъ болѣе интересныя выдержки изъ этихъ писемъ.

Въ виду приближенія непріятеля, возникъ вопросъ объ усиленной охранѣ арестантовъ въ г. Новозыбковѣ. Кн. Лобановъ-Ростовскій, письмомъ къ Бутовичу изъ Полтавы отъ 16 Іюля 1812 г., извѣщаетъ, что посылать въ Новозыбковъ 20 чел. изъ Чериговскаго баталіона нѣтъ нужды, ибо тамошнихъ колодниковъ можно перевести въ тотъ городъ, гдѣ есть устроенный острогъ. „Тому же, что командуетъ баталіономъ, разтолкуйте, что я требую, чтобъ онъ вѣдалъ Государеву волю, дабы той команды люди употреблялись по гражданской части вездѣ, гдѣ губернскія роты употреблаемы были, а въ противномъ случае обойдусь какъ съ ослушникомъ, ибо и не въ ноничный часъ мѣстный начальникъ моего званія неможетъ никому послаблять, какъ и никто отбывать его предписанія. Уважить разкомандировку у него людей въ состояніи буду я, когда губернской городъ будетъ отъ земской полиціи имѣть то пособіе, кое нынѣ предписываю вамъ учредить, то есть, вытребовать съ четырехъ повѣтовъ по двадцати пяти конныхъ козаковъ и употреблять ихъ на пристаняхъ и разъездахъ въ городѣ, гдѣ потребно...... Пріежающій изъ Гродны или Минска, не имѣющій вида, долженъ представить по себѣ поручителя изъ тѣхъ, кто отъ толь съ видами пребываніе тутъ имѣютъ, дѣло полиціи всей имѣть скромное за ними наблюденіе, что дѣлаютъ, гдѣ бываютъ и что трезвой или піяной говоритъ. Въ продчемъ по прибытіи моемъ собственное всего обозреніе подастъ мнѣ лудчій способъ руководствовать васъ въ сію строгую минуту. Задержала меня нонѣ формировка полковъ, потребно оружіе, кое здѣсь добывать трудно“.

Отъ 13 Іюля того же года кн. Лобановъ-Ростовскій сообщаетъ Бутовичу изъ Полтавы: „..... уповать можно, что Богъ заставитъ непріятеля переменить театръ войны и укротитъ его. Тогда разпоряженія и возьмемъ иныя, но штафета изъ Могилева и тамошнія приуготовленія на щотъ отсылки суммъ и дѣлъ, сколь ни есть важныи, не позволяютъ отчаеватся, ибо одна минута наипачѣ въ войнѣ перемѣнить можетъ всіо; между тѣмъ наше дѣло не ослабѣвать духомъ и думать, какъ бы быть по всѣй мѣрѣ возможности нашей полезнымъ Царю и царству. Потрудитесъ внушить смыслъ вызова моего козакамъ, толкуя, что естли отъ сотни человѣкъ пять дадутъ, а когда потребно будетъ и большѣ, то обращены будутъ конечно въ прежнее состояніе, ибо ни рекрутъ, ни оклада требовать не станутъ, я въ томъ ходатай и порука.... Касательно милиціоннаго оружія нужно вамъ доставить мнѣ списокъ безъ замедленія, тогда по сей матеріи и займемса. Вы между тѣмъ нежелейтѣ екстраординарной суммы и извѣщайтѣ меня всякой разъ, естли что официяльное или письменно достоверное получитѣ. Колодники изъ повѣтовъ за Черниговымъ лежащихъ, гдѣ нетъ остроговъ, перевесть въ устроенныя можно. Нельзя полагать, чтобъ продолжалъ непріятель успѣвать, а естлибъ по нещастію и былъ онъ съ выгодой, тогда такжѣ полагать неможно, чтобъ стремленіе его было не на другой нежели Черниговъ путь; но вы однако по мѣрѣ основательности свѣдѣній можетѣ прежде тѣхъ повѣтовъ суммы забирать въ губернской городъ, дабы въ случае нужды можно было ихъ въ мѣстѣ съ губернской суммой отправить по назначенію, кое будетъ отъ меня“....

Годъ спустя (1 Іюля 1813 г., изъ Полтавы) кн. Лобановъ-Ростовскій пишетъ: „Вручите пожалайтѣ вложенныи двѣ французскія записки тѣмъ тремъ офицерамъ пленнымъ, что виделъ я въ Черниговѣ; онѣ просятъ моего согласія на временное ихъ въ Полтаву прибытіе, я объявляю имъ оное, а ваше пр-ство прошу снабдить ихъ подорожной до мѣста пребыванія моего или какимъ онѣ пожелаютъ видомъ; предложитѣ имъ провожатаго ундеръ офицера, прикажитѣ ему обходитса съ ними вѣжливо и путевыя потребности исполнять. Въ продчемъ мо-

гутъ естли пожелаютъ ехать и безъ него, тогда должно однако будетъ кому либо ехать въ назирку за ними, ибо нужно мнѣ не оскорбляя ихъ дѣлать свое дѣло"... 4 Іюля князь проситъ Бутовича выслать въ Полтаву механика „что изъ польскихъ пленныхъ въ Черниговѣ находитса". Съ этимъ механикомъ губернаторъ отправилъ князю книги, ружье и кучу кіевъ, „коими Агафья Васильевна (жена Бутовича) наградила и очень къ стати", за что князь и благодаритъ корреспондента. Извѣщая вмѣстѣ съ тѣмъ о прибытіи изъ Чернигова въ Полтаву плѣннаго генерала Заенчика („подержу его здесь, пока не увижу надобности потревожить его дальнѣйшимъ переселеніемъ"), князь добавляетъ: „о партіяхъ пленныхъ, что поступаютъ къ вамъ оборванными, не оставляйтѣ всѣгда сказывать о томъ въ то мѣсто, отъ куда онѣ къ вамъ поступаютъ; въ продчемъ лѣтнея еще время позволитъ и въ дальній ихъ путь слѣдовать безъ большихъ на одежду издержекъ, одѣвать же сказано по сезону".

26 сентября 1813 г. генералъ-губернаторъ проситъ Бутовича купить 60.000 аршинъ сѣраго сермяжнаго сукна, въ аршинъ или три четверти ширины, цѣною не менѣе 1 р. 10 коп. аршинъ, для обмундировальной рекрутской швальни въ Полтавѣ, и такое-же количество подкладочнаго холста: „больше всѣго сукна у васъ сказываютъ въ Воронцѣ что глуховского повѣта, но вамъ то лудчѣ извѣстно, а въ Козельцѣ нитокъ суровыхъ". Въ ноябрѣ того-же года новая просьба—закупить до 20.000 тулуповъ, цѣною 25 рублей за шубу, но чтобы изъ этой цѣны „можно было показать правительству трудъ и збереженіе; кажется, что для сего удобно бы подъ какимъ либо предлогомъ отобрать отъ полиціи цены или человекамъ двумъ добрымъ сказать, чтобъ искупили изъ пяти или шести тысечъ барыша на всемъ наличествѣ, что выйдетъ четверть рубли отъ каждой или хотя и большѣ... Холстъ не надобенъ. Не одобряю и представленія вашего о суммѣ (въ) Министерство для поправки дома, что для васъ потребенъ, ибо употребленіе городской суммы по самой только необходимости не заграждало мнѣ разпорядитса, отвѣтъ можетъ быть не удовлетворительной, тогда какъ

безъ сего спроса оставалась вѣщъ на моей, а не на вашей ответственности. Такъ заключая, не могу скрыть, ибо действовать и обходитса безъ всякихъ увертковъ свойственно и карактеру моему и искренному уваженію, съ коимъ есть и буду вашъ вернѣйшій слуга"... Пять дней спустя новое письмо изъ Полтавы (24 ноября 1813 г.): „Сейчасъ извѣщаютъ изъ Петербурга, что о тулупахъ тамъ решено разпорядитса самимъ помощію подряда, и потому оставайтесъ на щотъ сего безъ действія; но по матеріи отчетовъ Приказа изворотитесъ немедля ни минуты, дабы имѣлъ я способъ, поставя въ виду преждняго начальства оплошность, уклонить васъ отъ всякой непріятности; а колико оскорбляюсь я, что таковыми напаметованіями адресуютса ко мнѣ, сіе все судить и вѣрить можно по брежности моей не позволять никому надъ собой величатса, такжѣ и не послаблять закону" [1]).

По поводу сдачи съ торговъ почтовыхъ станцій въ 1814 г., князь ожидаетъ для казны большой пользы, если дѣло будетъ

[1]) Казенные подряды и поставки въ Черниговщинѣ вообще пользовались дурной славой въ Петербургѣ, какъ можно судить по рескрипту имп. Александра I мѣстному губернатору отъ 24 января 1802 года: „Господинъ д. с. с., Малороссійскій—Черниговскій гражданскій губернаторъ баронъ Френздорфъ. Съ крайнимъ неудовольствіемъ извѣстился я, что злоупотребленіи нѣкоторыми изъ провіантскихъ коммисіонеровъ и полковыхъ шефовъ въ закупкѣ потребностей высокими и обременительными казнѣ цѣнами, столь давно оглашенныя и толико очевидныя, пріемлютъ начало свое единственно въ ложномъ показаніи справочныхъ цѣнъ по послабленію, а можетъ быть и соучастію и вредной стачкѣ со стороны гражданскихъ начальствъ. и что земскіе исправники и суды нерѣдко дозволяли себѣ изъ сей казенной обязанности дѣлать постыдный торгъ и полагать условіи и цѣну въ нарушеніе ихъ должности и присяги. Признавая всѣхъ таковыхъ за истинныхъ казны похитителей тѣмъ горшихъ, чемъ болѣе правительство въ предмѣтѣ семъ полагается на добрую ихъ вѣру, я считаю нужнымъ предварить васъ симъ, что при малѣйшемъ открытіи таковыхъ злоупотребленій со стороны гражданскихъ начальствъ на будущее время, всѣ виновные въ ономъ не только преданы будутъ всеобщему поношенью, но какъ сами подпадутъ суду по всей строгости законовъ, такъ и начальниковъ губерній оному подвергнутъ, естьли по слабости ихъ смотрѣнія, а паче по снаровкѣ и участію (чего по важности ихъ званія и существу довѣрія моего ко нимъ и предположить въ нихъ безъ крайняго отвращенія я не могу) зло сіе допущено, терпимо или сокрываемо ими будетъ. Подтвердивъ о строгомъ за симъ наблюденіи всѣмъ гражданскимъ губернаторамъ, и вамъ о томъ же самомъ предписываю, пребывая въ прочемъ вамъ благосклонный. *Александръ*". (Подл. въ томъ же собраніи).

содержимо въ секретѣ, чтобы назначить на всѣхъ 30 пунктахъ торги одновременно, для устраненія стачки между рядчиками: „приложитѣ о всемъ томъ наилудчи трудъ, польза общаго дѣла, честь ваша и моя выиграютъ, а потерпятъ только промышленники не за свое хватающіяся, ибо не дворянское дѣло кнутомъ деньги заработывать. Судъ сей не всякъ похвалитъ, но дѣло не мое, а какъ бы лудче только выполнить обязанность свою" (письмо изъ Полтавы, 20 февр. 1814 г.). Неизвѣстно, какъ прошли торги, но уже 15 мая того же года князь предложилъ Бутовичу отдать подъ судъ черниговскаго комисара за безпорядки на почтовомъ трактѣ между Черниговомъ и Нѣжиномъ, особенно въ Горбовѣ и Дремайловкѣ, и завести нѣчто въ родѣ книги жалобъ для проѣзжающихъ по подорожнымъ: „та мѣра лишъ огласитса, то скоро избавитесъ ужѣ и употреблять ея".

29 Декабря 1814 г. князь извѣщаетъ Бутовича о своемъ отъѣздѣ въ Петербургъ, но не черезъ Черниговъ, а на Харьковъ, такъ какъ въ Черниговѣ скоро будутъ выборы, „въ коихъ не хочу чтобъ мыслили о каковомъ либо участіи моемъ", и переписка обрывается до конца слѣдующаго года. Въ октябрѣ князь, получивши представленіе черниговскаго губернскаго маршала „нащетъ облегченія числа доводящегося съ 500 душъ рекрутъ, побежалъ къ регенту, взято на уваженіе, но по сей часъ ничего не сообщаютъ; между тѣмъ министры полиціи и военный даютъ вамъ свои отвѣты. Я, заглянувъ, нахожу одно канцелярское исполненіе и потому пускаюсъ паки хлопотать... Государя ожидаютъ 12 ноября, жаль, что не преждѣ, ибо преждѣ бы и настоящая помочъ къ вамъ поспела. Будьте благополучный и мужайтесъ, терьпеніе преодолеваетъ всіо"... Отъ 26 ноября 1815 г.: Бумаги ваши отъ 12 сего месеца получилъ, что по нихъ могу, о томъ печисъ буду при пріѣздѣ государя, коего завтра или тотъ часъ послѣ ожидаютъ. Дряни не дивитесъ: продолжатса она должна, пока дрянныя люди въ силѣ будутъ, но кажетса долго того ни царь, ни Богъ не потерпятъ.

Радъ бы я, чтобъ самому отъ всѣго освободитса, но и тогда не оставлю, чтобъ тѣ, коихъ люблю, осталисъ бы безъ воздаянія. Вотъ всіо, что на сей часъ сказать могу, находясъ между

вѣжливостей, ласки и езуитства, коего остерегатса долженъ какъ чумы, но поелику и ту до границъ своихъ не допустилъ, надеюсъ, что и оная со всѣмъ порожденіемъ погаснетъ"... Отъ 8 марта 1816 года: „Будьтѣ здоровъ и благополучный, вѣрьтѣ, что я вездѣ вашъ. Государь, уволя меня отъ губерніевъ, посадилъ меня въ Совѣтъ и департаментъ онаго, вопреки всѣхъ прозебъ моихъ о свободѣ. Хоша на канунѣ того дня после стола пригласилъ меня въ кабинетъ на преблагосклоннѣйшею аудіенцію и я, принявъ ея, устоялъ отъ пріему какого-либо дѣла, но назавтра онъ зделалъ посвоему, приказавъ лудчѣ полагатса на него; я инаго и не дѣлывалъ, а прочъ всіо таки хочитса. Обещалъ позволить мнѣ отлучитса, но что еще лудчѣ, позволилъ мнѣ подать записку о некоторыхъ сотрудникахъ моихъ,—не вы въ ней забыты будитѣ"...

Въ дальнѣйшей перепискѣ звучитъ новая нота: просьба о протекціи съ одной стороны, туманныя обѣщанія—съ другой. Отъ 23 сентября 1818 г. князь сообщаетъ Бутовичу: „Я живу въ чести, но въ крайней скукѣ по разнообразности безъ прерывныхъ занятій, и потому пачѣ всѣго желалъ-бы дышать по свободнея; радѣть о томъ или успѣть бывъ две вещи розныя, не возбраняютъ однако уповать о достиженіи когда либо цѣли"... Наконецъ, послѣднее письмо князя, отъ 1819 года, вызвано просьбою камергера графа Хребтовича о содѣйствіи Витебскаго губернатора къ тому, чтобы мѣстные дворяне не вздумали при выборахъ „удостоить его каковаго—либо званія", о содѣйствіи, „коимъ-бы отклонитса могло всякое расположеніе дворянъ къ избранію его, ибо онъ, по званію своему принадлежа Высочайшему двору, находится и не безъ упованія употреблену быть внѣ губерніи, гдѣ щитаетъ себя времяннымъ только жителемъ"...

Преемникомъ кн. Лобанова—Ростовскаго былъ зять гр. Алексѣя Разумовскаго, кн. Н. Репнинъ. Первое его письмо къ губернатору Бутовичу, отъ 16 октября 1816 г., послано еще изъ Москвы. Тесть жаловался ему на разныя притѣсненія черниговскихъ чиновниковъ, дѣлаемыя почепской экономіи его и крестьянамъ. „Сколько я ни желалъ-бы, писалъ кн. Репнинъ, сдѣлать угодное тестю моему по искренней моей къ нему при-

верженности, но поставивъ себѣ непремѣннымъ правиломъ не входить ни въ какое особое дѣйствіе по дѣламъ моихъ родныхъ, я поручаю какъ сіе, такъ и впредь могущія случиться законному покровительству вашего пр-ства... Впрочемъ, поставляя себѣ изъ первѣйшихъ моихъ обязанностей пещись о уменьшеніи тяжбъ и споровъ, легко возникающихъ въ малороссійскихъ губерніяхъ", князь проситъ Бутовича откровенно сообщать ему о кляузахъ, возбуждаемыхъ экономіею тестя, чтобы прекратить ихъ путемъ сношенія съ графомъ. Отъ 3 октября, благодаря Бутовича за приготовленіе квартиры въ Черниговѣ ко дню пріѣзда изъ Москвы, кн. Репнинъ выражаетъ увѣренность, что домъ кн. Прозоровской занятъ не по отводу, но по найму на его счетъ. 28 октября, князь пишетъ изъ Нѣжина, что прибудетъ въ Черниговъ только ночью, почему проситъ распорядиться, чтобы никто изъ чиновниковъ его не дожидался и никакихъ встрѣчъ не было: „естли же случится мнѣ пріехать очень рано, тогда я поставлю себѣ пріятнѣйшимъ долгомъ видѣться съ вами и побесѣдовать о дѣлахъ до насъ относящихся"... О характерѣ этихъ дѣлъ даетъ понятіе нижеслѣдующее собственноручное письмо князя изъ Москвы отъ 2 того-же октября, съ надписью „секретное", за № 2: „Милостивый государь мой, Алексѣй Петровичъ! Прежде еще всемилостивѣйшаго назначенія меня Малороссійскимъ военнымъ губернаторомъ, слышалъ я, что въ сихъ губерніяхъ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, избираются иногда чиновники въ большую часть повѣтовыхъ должностей или изъ однофамильцевъ, или изъ людей, состоящихъ между собою въ ближнемъ родствѣ.—Списки о повѣтовыхъ чиновникахъ, доставленные мнѣ вашимъ пр-ствомъ, и новыя по сему собранныя свѣдѣнія увѣрили меня, что дѣйствительно сіе зло существуетъ въ Малороссійскихъ губерніяхъ, почему я и нахожу нужнымъ обратить на сіе особенное вниманіе ваше.—Великая Екатерина, даровавъ Россійскому дворянству право избирать изъ среды себя какъ судей своихъ, такъ и всѣхъ чиновниковъ земской полиціи, на коихъ основывается общее благосостояніе и тишина цѣлаго Государства, оказала довѣренность, которую оправдывать должно быть безпрестаннымъ стараніемъ каждаго изъ

насъ.—Но исполняетъ ли дворянство сію священную обязанность, отдавая такъ сказать на откупъ повѣтъ одной фамиліи?—Можемъ-ли мы, Милостивый Государь мой, какъ вышнія начальники, быть увѣрены, что каждый изъ чиновниковъ по повѣтамъ поспѣшитъ извѣстить насъ о безпорядкахъ и притѣсненіяхъ, когда они должны другъ другу потворствовать по родственническимъ своимъ связямъ?—Будетъ-ли повѣтовый Маршалъ защищать дворянскія имѣнія отъ притѣсненія земской полиціи, когда комисаръ—сынъ его? Станетъ-ли повѣтовый судья открывать незаконныя поступки брата своего, а въ судѣ самомъ когда сидятъ два или три родственника, то не разрушается-ли чрезъ то законная ограда подсудимому, происходящая отъ разныхъ мнѣній судей его?—Легко можно-бы разпространить описаніе еще многихъ другихъ вредныхъ послѣдствій, существующихъ доселѣ въ Малороссіи отъ подобнаго избранія повѣтовыхъ чиновниковъ, но сего уже довольно, чтобы убѣдить Васъ, М. Г. мой, о необходимости, въ которой я нахожусь искать совокупно съ вашимъ пр-ствомъ способовъ искоренить сіе зло на будущее время, а теперь по крайней мѣрѣ стараться сколько силъ нашихъ будетъ и порядокъ дѣлъ и законъ то позволитъ положить препоны онымъ зловреднымъ послѣдствіямъ.—Ожидая въ свое время сообщенія въ откровенности мыслей вашихъ по сему предмету, я прошу покорнѣйше ваше пр-ство приступить предварительно къ двумъ мѣрамъ: 1-е) Составить списокъ чиновниковъ, служащихъ по выборамъ, съ отмѣткою родства между ими состоящаго. 2-е) Собрать въ тайнѣ свѣдѣнія о живущихъ въ повѣтахъ дворянахъ, дабы могли мы предназначить кого желательно-бы было, чтобы при будущихъ выборахъ избрали въ повѣтовыя мѣста.—Образъ, коимъ я пишу къ в. п. сіе мое отношеніе, доказываетъ, что какъ оно, такъ и послѣдствія должны остаться единственно между нами и не поступать къ дѣламъ вашей канцеляріи"... Полгода спустя, 29 мая 1817 г., кн. Репнинъ пишетъ Бутовичу изъ Почепа: „При теперешнемъ объѣздѣ моемъ Черниговской губерніи съ горестью замѣтилъ я, что не только ни въ которомъ повѣтѣ ходъ дѣлъ не поправился, но даже въ иныхъ сдѣлался и хуже, недоимки

нигдѣ не уменьшились, но напротивъ мѣстами и увѣличились, однимъ словомъ, всѣ старанія в. п. и мои тщетны, предписаній нашихъ не слушаются, а указовъ Губернскаго Правленія и того болѣе, и я, поистинѣ теряя всю надежду къ исправленію столь закоренѣлаго зла, не знаю, какъ мнѣ послѣ сего объѣзда доносить Государю. Обязанность моя не сокрыть предъ нимъ правды, но сказавъ ее, строгое и справедливое правосудіе обратится на виновныхъ. Единственный способъ облегчить участь сихъ послѣднихъ есть удалить еще прежде донесенія моего тѣхъ людей отъ занимаемыхъ ими ко вреду общему должностей, дабы я могъ увѣрить Государя Императора, что подобные люди уже болѣе въ Черниговской губерніи и что мы съ в. пр-ствомъ совокупно приняли мѣры наидѣятельнѣйшія, видя, что угрозы наши ничтожны".

Сообщилъ **Н. М.**

Отрывки изъ записокъ Автонома Акимовича Солтановскаго.[1)]

1865. Варшава.

Когда я прибылъ часа въ четыре вечера въ Варшаву на почтовой повозкѣ, въ самой Варшавѣ ѣздили еще на саняхъ, хотя снѣгъ на улицахъ былъ грязенъ и представлялъ какую-то смѣсь снѣга и песка. Я пораженъ былъ движеніемъ на улицахъ: вездѣ, взадъ и впередъ, сновали сани съ сѣдоками, перевозили вещи, товаръ; омнибусы на колесахъ развозили пассажировъ по гостинницамъ; на тротуарахъ мало народа. Множество дамъ, и молодыхъ, и старыхъ, стройныхъ, легко и элегантно одѣтыхъ, виднѣлось всюду. На тротуарахъ въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга дежурили полиціанты. Такое оживленіе, послѣ недавнихъ безпорядковъ, ужасовъ ржонда, и при строгости настоящаго военнаго положенія, доказывали, что поляки очень живой народъ. Они страстно любятъ уличную жизнь; женщины любятъ показать себя, мужчины посмотрѣть хорошенькихъ. Мужчины большую часть дня проводятъ въ кондитерскихъ, пивныхъ, трактирахъ. Въ трактирахъ обѣдаютъ цѣлыя семейства. Варшава довольно опрятный городъ и небольшихъ размѣровъ, лежитъ на р. Вислѣ. Костеловъ и монастырей множество. Виднѣе другихъ Каѳедральный костелъ, недалеко отъ замка, на старомъ мѣстѣ, и костелъ св. Креста на Краковскомъ предмѣстьи. Въ нижнемъ этажѣ этого костела отпѣваютъ покойниковъ, и тамъ во всякое время дня и ночи виднѣется на катафалкахъ нѣсколько гробовъ, обставленныхъ

свѣчами и разноцвѣтными лампадками, а иногда и зеленью. Въ замкѣ живетъ намѣстникъ графъ Бергъ, а недалеко отъ замка высокая колонна и на верху король польскій Сигизмундъ, который въ одной рукѣ держитъ мечъ, а въ другой крестъ. На противоположномъ концѣ Краковскаго предмѣстья, противъ зданія русской гимназіи, поднимается памятникъ Копернику, а сейчасъ, недалено отъ костела св. Креста громадные дома графа Замойскаго, съ верхняго балкона которыхъ была брошена орсиніева бомба въ экипажъ графа Берга. Дома Замойскаго конфискованы въ военное вѣдомство. Въ нихъ квартируютъ военные чины, помѣщается русскій клубъ, а внизу русскій книжный магазинъ. На Краковскомъ предмѣстьи, кажется въ 1868 г., открытъ еще памятникъ фельдмаршалу свѣтлѣйшему князю Варшавскому Паскевичу Эриванскому, который окончилъ усмиреніе польскаго бунта 1831 года взятіемъ штурмомъ Варшавы. На Саксонской площади, примыкающей съ одной стороны къ Краковскому предмѣстью, а съ другой къ Саксонскому публичному саду стоитъ обнесенный желѣзною рѣшеткою памятникъ въ честь польскихъ генераловъ, павшихъ въ началѣ бунта, оставаясь вѣрными присягѣ Императору. Среди именъ, высѣченныхъ золотыми буквами, встрѣчаются имена Потоцкаго и другихъ. Саксонскій садъ—любимое гулянье варшавянъ, и лѣтомъ, и зимою. Онъ отлично содержится, имѣетъ два фонтана, кондитерскую, колодезь съ лучшею въ Варшавѣ водою, навѣсъ съ продажею сельтерской воды и лѣтній деревянный театръ. На Краковскомъ предмѣстьи находится лучшая въ Варшавѣ Европейская гостинница, бывшая тоже нѣкоторое время въ вѣдѣніи военнаго вѣдомства за то, что въ ней зарѣзанъ былъ кинжальщиками какой-то докторъ. Теперь она принадлежитъ бывшему повару графа Берга Васильеву, купившему ее у владѣльца за полмилліона. Въ ней помѣщается знаменитая кондитерская Люрса. Безспорно, Краковское предмѣстье одна изъ самыхъ лучшихъ улицъ Варшавы. Сенаторская, Медовая—улицы элегантныхъ магазиновъ, принадлежащихъ большею частью полякамъ. За *желѣзной брамой*, отдѣляющей Саксонскій садъ отъ города, идутъ исключительно еврейскія лавки и магазины, въ

которыхъ можно найти всевозможные товары отъ самыхъ цѣнныхъ до самыхъ копѣечныхъ, и сходнѣе можно ихъ пріобрѣсти, чѣмъ въ польскихъ магазинахъ. На площади, куда сходятся улицы Сенаторская и Медовая, помѣщается зданіе варшавскихъ театровъ. Зданіе внушительныхъ размѣровъ, но не блещетъ внутри роскошной отдѣлкой, и столько въ немъ дерева и узкихъ корридоровъ, что въ случаѣ пожара оно грозитъ публикѣ большою опасностью. Въ одномъ этомъ зданіи помѣщаются и большой театръ (оперы, драмы) и малый театръ (комедіи и водевили). На послѣднемъ заслуженною извѣстностью пользуется актеръ Жулковскій. Въ 1862, 1863 и даже въ 1864 году поляки, не смотря на любовь къ театру и развлеченіямъ, не смѣли посѣщать представленій, боясь запрещеній и угрозъ народоваго ржонда. Теперь одни аристократы избѣгаютъ посѣщать театръ, жалуясь на свое разореніе; но масса наполняетъ театръ въ каждое его представленіе. Противъ театра по другую сторону площади расположены громадныя магистратскія зданія съ помѣщеніемъ для пожарной команды. По серединѣ этой площади—небольшой скверъ. Въ Варшавѣ имѣется православный Каѳедральный соборъ и православная церковь на предмѣстьи Воля. Живетъ въ Варшавѣ архіепископъ Варшавскій и Холмскій (Іоанникій). Есть русскій клубъ, русская мужская и женская гимназіи и русское городское училище. Лютеране имѣютъ прекрасную церковь вблизи Саксонскаго сада въ сторонѣ гостинницы Викторія. Есть въ Варшавѣ много старыхъ улицъ и переулковъ, необыкновенно узкихъ, грязныхъ и темныхъ. Обветшалые дома старинныхъ аристократовъ теперь наполнены всевозможнымъ трудящимся людомъ; этажи въ нихъ соединяются узкими, ветхими деревянными лѣстницами; а дворы и внутренность пахнутъ тухлостью и даже просто воняютъ. Теперь аристократическіе палацы высятся на Краковскомъ предмѣстьи и тянутся по направленію къ женскому институту, Бельведерскому и Лазенковскому загороднымъ дворцамъ. Евреи, кромѣ главной, имѣютъ въ Варшавѣ нѣсколько синагогъ; въ рукахъ евреевъ и нѣмцевъ главная торговля края, и банкиры всѣ—евреи. Варшава имѣетъ множество городскихъ училищъ, три гимназіи, прогим-

назіи, казенныя и частныя, и университетъ. Училище глухонѣмыхъ ведется прекрасно директоромъ Поплонскимъ. Великолѣпныя зданія принадлежатъ не одной польской аристократіи, но также богатымъ евреямъ: табачному монополисту Кронебергу, Бліоху, владѣльцу парохода, курсирующаго между Варшавой и Плоцкомъ, и другимъ. Много богатыхъ имѣній въ Царствѣ Польскомъ перешли въ руки евреевъ. Бельведеръ имѣетъ видъ снаружи не царскаго дворца, а огромнаго казеннаго зданія; Лазенки-же, не далеко отъ Бельведера книзу, среди какого-то парка и около пруда,—прелестная дворецъ-игрушка и снаружи, и внутри.

Ямщикъ подвезъ меня къ Римской гостинницѣ на углу Сенаторской улицы противъ почтамта. Въ гостинницѣ всѣ номера были заняты. Мнѣ отвели во дворѣ въ какомъ-то флигелькѣ двѣ неотопленныя комнаты по 1 р. 50 к. въ сутки. Свѣча, дрова, постель, прислуга и самоваръ за отдѣльную плату. Я былъ очень голоденъ. Мнѣ указали въ гостинницѣ ресторанъ. Подали мнѣ супъ изъ курицы съ миніатюрнымъ крылышкомъ курицы, съ двумя ломтиками хлѣба, однимъ—чернаго и другимъ бѣлаго. Затѣмъ слѣдовала изъ курицы миніатюрная котлетка и къ ней компотъ, т. е. расщепленный на нѣсколько частей сырой апельсинъ и въ заключеніе чашка кофе. Я остался совершенно голоднымъ послѣ такого обѣда, за который по счету пришлось уплатить 1 р. 20 к. сер. Въ счетѣ апельсинъ стоилъ $37^1/_2$ к. Переодѣвшись послѣ обѣда я пошелъ посмотрѣть Варшаву. У воротъ гостинницы сидѣла еврейка съ корзиною апельсинъ, приглашая купить. Апельсины были такъ велики и такъ зрѣлы, что, судя по ресторанному счету, я цѣнилъ ихъ не менѣе, какъ по 50 к. штуку, и потому уклонился отъ покупки. Но еврейка продолжала заманивать, говоря: „апельсины очень дешевы“! Наконецъ я, сдѣлавши уже впередъ нѣсколько десятковъ шаговъ, оглянувшись, спросилъ: по чемъ же штука?—По 4 коп. серебромъ, отвѣчала еврейка. Я завелъ ее въ свой номеръ и купилъ 2 десятка апельсинъ за 80 коп. сер. Значитъ, въ Римскомъ ресторанѣ за то только, что ловко разрѣзали апельсинъ гораздо худшаго качества, чѣмъ тѣ, которыя

я купилъ у еврейки, взяли съ меня за свой трудъ $33^{1}/_{3}$ коп. сер. На другой день я узналъ, что Римская и Англійская гостинницы самыя дорогія въ городѣ и въ нихъ закусываетъ одна знать для шику и платитъ сумасбродныя деньги. Я больше не пользовался въ этой гостинницѣ столомъ. Я въ другихъ мѣстахъ платилъ за обѣдъ, сытный и изъ свѣжей провизіи, состоявшій изъ 4-хъ блюдъ и чашки кофе, 50 к. сер. Я прошелся по Сенаторской, подлѣ театра, по Краковскому предмѣстью. Вотъ стали зажигать фонари; прохожіе тоже стали показываться съ фонарями въ рукахъ, и на тротуарахъ публика стала быстро рѣдѣть. Швейцаръ въ гостинницѣ объяснилъ мнѣ, что съ сумерокъ до выхода изъ театровъ никто не смѣетъ показываться на улицѣ безъ фонаря въ рукахъ. А послѣ 11 часовъ вечера имѣютъ право появляться на улицахъ только лица, снабженныя пропускными билетами за подписью генералъ-полиціймейстера царства польскаго генералъ-адъютанта Трепова. Запасшись фонарикомъ, вечеромъ я отправился въ большой театръ. Всѣ билеты въ кресла были разобраны, оставалось только два свободныхъ мѣста въ партерѣ. Не зная варшавскихъ театральныхъ порядковъ, я вошелъ въ партеръ въ шубѣ, боясь ее оставить въ корридорѣ. Въ партерѣ я нашелъ только дамъ и дѣвицъ. Духота была невѣроятная; я сбросилъ шубу подъ себя, но все-таки задыхался отъ жары. Нѣсколькимъ дамамъ сдѣлалось дурно; ихъ вывели; но скоро онѣ опять возвратились на свои мѣста. Я не могъ высидѣть до конца представленія и вышелъ въ подъѣздную переднюю. Охолонувши, я закутался въ шубу и хотѣлъ на дорогу закурить сигару. Но со мной не было спичекъ. Замѣтивъ это, одинъ изъ слѣдившихъ здѣсь полиціантовъ придвинулъ стулъ къ стѣнѣ, досталъ изъ кармана кусокъ бумаги, зажегъ ее надъ стѣнной лампой и пошелъ ко мнѣ съ предложеніемъ закурить сигару. Меня поразила такая вѣжливость варшавской полиціи. Вдругъ раскрываются входныя двери, быстро влетаетъ какой-то рыжеватый генералъ. Вскочившіе полиціанты приняли отъ него шинель. Генералъ пристально взглянулъ на меня и прошелъ въ корридоръ ложъ. Закурившій мнѣ сигару полиціантъ продолжалъ свое дѣло, держа при по-

явленіи генерала руку подъ козырекъ. Я спросилъ, указывая на уходящаго генерала: „кто это?“ Полиціантъ отвѣчалъ: генералъ-полиціймейстеръ. О значеніи должности генералъ-полиціймейстера долго я не имѣлъ надлежащаго понятія. Я полагалъ, что власть его простирается на городъ Варшаву и что онъ подчиненъ варшавскому губернатору.

На слѣдующій день въ 10 часовъ утра я явился къ главному директору коммиссіи Народнаго Просвѣщенія Ѳ. Ѳ. Витте. Онъ принялъ меня весьма милостиво; но тутъ я узналъ, что за два мѣсяца, которые я провелъ въ Каменцѣ, управляя по предложенію князя Ширинскаго дирекціею училищъ, я не получу жалованья, такъ какъ по законамъ царства есть двѣ степени опредѣленія на службу: nominalia и instolatia. Только со дня инстоляціи чиновникамъ считается жалованье. Тутъ же Витте распорядился объ инстолированіи меня въ тотъ же день. Затѣмъ я представился Осипу Григорьевичу Михневичу, директору коммиссіи народнаго просвѣщенія, и отправился въ помѣщеніе коммиссіи (мин. нар. просвѣщенія въ царствѣ). Прибывшіе Витте и Михневичъ ввели меня въ должность, т. е. торжественно прочтенъ былъ протоколъ моего введенія въ должность, подписанъ Витте и Михневичемъ, скрѣпленъ, подписанъ также мною, и одинъ экземпляръ этого протокола врученъ мнѣ подъ росписку. Протоколъ составленъ былъ на польскомъ языкѣ. Такимъ образомъ два мѣсяца моей службы въ Каменцѣ, послѣ моей номинаціи Начальникомъ Сувалкской учебной дирекціи, остались не оплаченными ни Кіевскимъ учебнымъ округомъ, ни Варшавскою коммиссіею. Подъемныя деньги мнѣ были отпущены тутъ въ коммиссіи, и я получилъ приглашеніе въ 7 часовъ вечера пожаловать въ засѣданіе коммиссіи по званію ея члена. Изъ рѣшенія дѣлъ въ коммиссіи я не могъ ознакомиться съ кругомъ моихъ обязанностей. Этого я не достигъ, бывая ежедневно въ коммиссіи и раза три въ ея засѣданіяхъ и у Витте. Мнѣ только вручили Высочайше утвержденный указъ о народномъ образованіи въ Царствѣ Польскомъ и вручили списокъ учебныхъ заведеній моего сувалкскаго округа. Витте, Михневичъ, коммиссія, университетъ, кабинеты университетскіе—все

это имѣло помѣщеніе въ такъ называемомъ Казиміровскомъ палацѣ, состоявшемъ изъ трехъ главныхъ корпусовъ и двухъ поменьше, и разныхъ служебныхъ зданій. По срединѣ двора разбитъ былъ круглый цвѣтникъ, а за помѣщеніемъ Витте находился садъ, спускавшійся по склону горъ къ Вислѣ. Витте все удерживалъ меня въ Варшавѣ, говоря, что тутъ я лучше ознакомлюсь съ своими обязанностями; но какъ я сказалъ, этого достигнуть не было возможности. Однажды мнѣ сообщили списокъ самыхъ высокопоставленныхъ въ Варшавѣ чиновъ съ указаніемъ времени, когда они принимаютъ, и предложили представиться имъ. Въ концѣ списка было приписано рукою Витте, что на слѣдующій день въ 8 часовъ утра онъ заѣдетъ за мной и повезетъ меня въ замокъ представлять графу Намѣстнику. Первымъ въ спискѣ значился Генералъ-Полиціймейстеръ, принимаетъ въ 5 часовъ утра. Не помню, котораго это было числа,—знаю, что въ февралѣ,—въ 5 часовъ утра я подъѣхалъ къ квартирѣ Трепова. Позвонилъ. Мнѣ отперъ жандармъ. Я объявилъ ему, кто я, и просилъ доложить. Черезъ минуту жандармъ пригласилъ меня въ кабинетъ Трепова. Кабинетъ помѣщался въ продолговатомъ залѣ. Во всю длину зала тянулся длиннѣйшій столъ, крытый краснымъ сукномъ и заставленный бумагами. На столѣ горѣло полъ—дюжины свѣчей, и въ креслѣ, крытомъ кожею, сидѣлъ за столомъ въ формѣ и эполетахъ генералъ. Онъ поднялся, привѣтливо встрѣтивъ меня. Просилъ садиться. Спросилъ, скоро ли я уѣзжаю въ Сувалки? Я сейчасъ же поднялся, видя сложность его занятій, и простился. Онъ провелъ меня до дверей. Треповъ рыжеватый широкоплечій мужчина, средняго роста, съ живыми проницательными глазами и живыми движеніями. Въ обхожденіи очень простъ. Послѣ этого визита я сталъ въ гостинницѣ поджидать главнаго директора Витте. Вотъ мнѣ подалъ номерной его карточку и пригласилъ ѣхать. Въ замкѣ вездѣ въ корридорахъ мы нашли караулы, и въ одномъ корридорѣ сидѣла цѣлая толпа черкесовъ. Въ комнатѣ передъ кабинетомъ графа Берга сидѣлъ за столомъ полковникъ Анучинъ, впослѣдствіи радомскій губернаторъ, и что-то писалъ; въ сторонѣ стоялъ адъютантъ графа, еще молодой офицеръ фонъ-Валь.

Витте поздравствовался съ ними. Они просили обождать, пока кончится докладъ генералъ-полицiймейстера Трепова. Минутъ черезъ пять изъ кабинета вышелъ Треповъ, поздоровался съ Витте и любезно подалъ мнѣ руку, какъ старому знакомому. Витте сейчасъ же былъ приглашенъ въ кабинетъ, а спустя минутъ пять пригласили и меня. Намѣстникъ спросилъ, владѣю ли я польскимъ языкомъ? На утвердительный отвѣтъ сказалъ: „вотъ и прекрасно; поѣзжайте, желаю успѣха Вамъ въ Вашей дѣятельности!“ и раскланялся со мною. Витте остался на минуту и затѣмъ отвезъ меня въ каретѣ въ гостинницу. Часовъ около 10 я былъ у главнаго директора коммиссiи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ князя Владимiра Черкасскаго. При входѣ въ кабинетъ стоялъ часовой съ ружьемъ. Князь принималъ какую-то даму, которая объяснялась съ нимъ то по польски, то по французски. Князь отвѣчалъ ей по русски, а молодой переводчикъ чиновникъ переводилъ слова князя по польски. По уходѣ дамы князь взялъ меня подъ руку, и мы стали ходить по кабинету. Князь разспросилъ меня о моей службѣ и просилъ серьезно приняться за водворенiе русскаго языка въ учебныхъ заведенiяхъ моего округа. Мы русскiе призваны сюда не за тѣмъ, чтобы вилять хвостами направо и налѣво, какъ нѣмцы (намекъ на графа Берга, Витте, Трепова и другихъ), и держа поляковъ въ заблужденiи, способствовать имъ подготовить новую революцiю. Мы должны дѣйствовать такъ, чтобы поляки сразу поняли, что это ихъ послѣднее заблужденiе, что они навсегда должны составлять одно цѣлое съ Россiею и имѣть съ нею одну общую цѣль, общiе интересы. Ихъ обижать не слѣдуетъ; но преступно мирволить ихъ сепаратизму. Это не моя мысль, не мое желанiе, это—воля Государя и всей Россiи. Съ ксендзами, которые вѣчные мутители польскаго духа, вѣчные враги и поляковъ, и русскихъ,—не стѣсняйтесь. Пишите мнѣ о всякомъ случаѣ частное письмо. Я ихъ не пощажу! Они меня хорошо поняли!“ Я порывался нѣсколько разъ откланяться, но князь все удерживалъ меня. Вотъ гдѣ я наконецъ узналъ, въ чемъ заключается задача моей службы и дѣятельности въ Царствѣ Польскомъ! Вотъ посредствомъ кого я узналъ волю Государя Императора!

Членъ учредительнаго комитета и помощникъ Намѣстника по гражданскимъ дѣламъ полякъ Арцымовичъ принялъ меня весьма любезно и дружелюбно. Я забылъ описать наружность князя. Онъ мужчина средняго роста, широкоплечій, брюнетъ съ черными глазами и черными усами. Манеры повелительныя, гордыя. Характеръ, какъ я узналъ послѣ, твердый, настойчивый, неспособный къ компромиссамъ и уступкамъ. Статсъ-секретаря поляка Заборовскаго я не засталъ. Но на слѣдующій день у себя въ номерѣ я нашелъ его карточку. Членовъ учредительнаго комитета Брауншвейга, Соловьева и генерала Заболоцкаго я не видѣлъ. Они еще спали, когда я заѣзжалъ къ нимъ, хотя уже было 11½ часовъ.

Я забылъ еще одинъ случай. Послѣ пріѣзда моего въ Варшаву на слѣдующій день я былъ въ засѣданіи коммиссіи, которое продолжалось часовъ до 3 ночи. Кога мы расходились, Витте спросилъ меня, присланъ ли мнѣ билетъ за подписью генералъ-полиціймейстера на свободное хожденіе ночью по улицамъ. Правитель канцеляріи отвѣчалъ, что еще билетъ не полученъ, что завтра онъ повторитъ требованіе. Но однако безъ билета Вамъ итти нельзя. Васъ еще схватятъ въ участкѣ сумасшедшаго маіора, и вамъ прійдется ночевать съ арестантами и выслушать его дерзости. Правитель канцеляріи далъ мнѣ свой билетъ. Представлялся я Архіепископу Іоанникію и вручилъ ему письмо отъ епископа Подольскаго и Брацлавскаго Леонтія. Старикъ благословилъ меня, но не высказалъ, на что именно онъ меня благословляетъ. Онъ доволенъ своимъ бытомъ и почетомъ и входитъ во всякіе компромиссы съ нѣмцами, преклоняясь передъ ихъ силою и властью. Былъ у главнаго директора финансовъ и казначействъ, и не засталъ его дома. Членъ учредительнаго комитета, богачъ Фундуклей, принялъ меня весьма ласково. Я засталъ его сильно занятымъ приготовленіемъ своего великолѣпнаго помѣщенія для бала, который онъ намѣренъ былъ дать на дняхъ. Въ передней и въ одной изъ гостинныхъ были цѣлыя рощи большихъ оранжерейныхъ деревьевъ, обставленныя рододендронами, камеліями, азаліями, цинеродіями, лиціями, гіацинтами, тюльпанами, нарцизами и

другими кустарниками и луковицами въ полномъ цвѣту и вмѣстѣ съ рощицей розъ распространяли по всѣмъ апартаментамъ Фундуклея весеннее благоуханіе. Поляки весьма любили Фундуклея за его щедрость бѣднымъ, за воспитаніе въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ сиротъ на его счетъ, особенно сиротъ женскаго пола. Почтдиректоръ нѣмецъ Шмидтъ объяснялся сб мною на польскомъ языкѣ, такъ какъ ни слова не понималъ по русски.

Послѣ окончанія представленій въ театрѣ улицы Варшавскія совсѣмъ пустѣли. Я нѣсколько разъ возвращался изъ коммиссіи, изъ Казимировскаго дворца въ Римскую гостинницу поздней ночью, и на Краковскомъ предмѣстьи не встрѣчалъ ни души. Только то здѣсь, то тамъ выступаетъ изъ подъѣзда изъ тѣни на свѣтъ фонаря фигура полиціанта и опять скроется. Разъ только часа въ три я встрѣтилъ Черкасскаго, Соловьева и Брауншвейга, возвращавшихся пѣшкомъ изъ замка изъ засѣданія учредительнаго комитета. Снѣгъ начиналъ таять, дорога портилась, а Витте, не сообщая мнѣ никакихъ инструкцій, все-таки держалъ меня въ Варшавѣ, гдѣ мнѣ приходилось скучать и напрасно издерживаться. Боясь, что распутица помѣшаетъ мнѣ попасть въ свою дирекцію, о которой говорили, чтб она вся состоитъ изъ лѣсовъ, горъ, озеръ и болотъ, и не зная, что Сувалки соединены съ Варшавой перворазряднымъ государственнымъ шоссе, я сталъ просить Витте отпустить меня. Онъ, тоже вѣроятно не зная о существованіи шоссе, изъявилъ свое согласіе. Итакъ я наконецъ оставилъ Варшаву послѣ десятидневнаго въ ней пребыванія.

Варшавяне чрезвычайно хвастаютъ своимъ кладбищемъ на powązkach. Я на немъ не былъ, но говорятъ, что оно дѣйствительно содержится въ образцовомъ порядкѣ и имѣетъ катакомбы. Варшавяне лѣтомъ любятъ гулять по праздникамъ въ Швейцарской долинѣ, гдѣ обыкновенно играетъ оркестръ музыки подъ управленіемъ извѣстнаго какого-нибудь капельмейстера. Существуетъ въ Варшавѣ общество поощренія изящныхъ искусствъ съ постоянною выставкою картинъ, статуй и пр. польскихъ художниковъ, и консерваторія подъ управленіемъ извѣстнаго артиста.

Сувалки.

Перваго марта я прибылъ въ Сувалки. Сувалкская губернія сѣвернѣе всѣхъ другихъ губерній Царства Польскаго, и потому я засталъ въ ней настоящую еще зиму. Въ свѣтлые дни пригрѣвало весеннее солнце; но по ночамъ поднимался морозъ до 6, 8 и даже 10 градусовъ. На поляхъ, горахъ и въ лѣсахъ лежало еще столько снѣгу, что не было возможности свернуть съ наѣзженной дороги въ сторону. Лошади проваливались выше брюха, и сани совсѣмъ уходили въ снѣгъ. Изъ Маріамполя въ Сувалки было расчищено отъ снѣгу шоссе и представляло безконечный корридоръ со стѣнами по обѣ его стороны, поднимавшимися до высоты телеграфной проволоки. Жена писала мнѣ изъ Каменца, что тамъ уже цвѣтутъ абрикосы на воздухѣ, а здѣсь царила еще вполнѣ зима. Въ спискѣ, сообщенномъ мнѣ изъ коммиссіи, въ Сувалкскомъ округѣ считалась одна мужская гимназія изъ 7 классовъ въ Сувалкахъ; одна пятиклассная прогимназія въ уѣздномъ городѣ Маріамполѣ, 34 разнаго рода училищъ, и сверхъ того мнѣ поручено было визитировать духовную семинарію въ уѣздномъ городѣ Сейнахъ. Я не имѣлъ права дѣлать въ ней какія-либо распоряженія или перемѣны, но о всемъ, несогласномъ съ видами правительства, долженъ былъ доносить коммиссіи народнаго просвѣщенія. Семинарія управлялась регентомъ, прелатомъ и настоятелемъ богатаго Ломжинскаго прихода Андрушкевичемъ, очень пожилымъ ксендзомъ, и состояла въ главномъ вѣдѣніи епископа, графа Лубенскаго, имѣвшаго въ Сейнахъ свой епископскій дворецъ. Пообѣдавъ, по пріѣздѣ въ Сувалки въ кондитерской Райскаго, я приказалъ приготовить въ гостинницѣ, гдѣ я остановился, самоваръ. Комнаты не были отоплены; но, боясь угара, я не велѣлъ топить до утра. Стемнѣло; подали свѣчи и самоваръ. Покуривши и выпивши нѣсколько стакановъ чаю, я сталъ раздѣваться, желая отдохнуть послѣ утомительнаго пути. Вдругъ какая-то бѣготня и шумъ въ гостинницѣ и крики на улицѣ. Я подбѣжалъ къ окну, выходившему на улицу и въ публичный садъ, и увидѣлъ сперва, что весь садъ освѣ-

щенъ заревомъ, а затѣмъ разсмотрѣлъ, что масса искръ сыпалась на улицу съ гостинницы. Я моментально одѣлся, схватилъ меньшій чемоданъ, въ которомъ хранилась моя мундирная, сюртучная и фрачная пары, а также подъемныя деньги, и потащилъ его въ корридоръ. Здѣсь царствовала совершенная тьма и ни души прислуги. Не зная хорошо расположенія корридора, я метался во всѣ стороны и какъ-то случайно отыскалъ лѣстницу, которая вела внизъ. Я звалъ корридорнаго, но онъ не являлся. Вдругъ внизу что-то громоздкое вытащили изъ номера. Я спросилъ, можно ли здѣсь выбраться на улицу. Мнѣ отвѣчали: можно, сходите внизъ. Оказалось, что какой-то проѣзжій господинъ тащилъ на улицу свой чемоданъ. Весь вспотѣвши, въ шубѣ, я едва-едва перетянулъ черезъ улицу чемоданъ въ публичный садъ. Нужно было на улицѣ пробиваться сквозь толпу сбѣжавшагося на пожаръ народа. Въ большемъ чемоданѣ, оставшемся въ гостинницѣ, было все мое бѣлье, постель, шуба большая, книги. Что тутъ дѣлать? Я потянулъ свой чемоданъ въ глубь сада, желая его запрятать въ снѣгъ межъ кустами и идти спасать большой чемоданъ. Вдругъ мимо меня проходитъ взрослый ученикъ гимназіи. Я его останавливаю, объявляю кто я, и прошу покараулить мой чемоданъ, пока я схожу за другимъ. Онъ охотно согласился. Между тѣмъ пожаръ сталъ притихать. Оказалось, что во дворѣ гостинницы горѣлъ небольшой деревянный флигелекъ, въ которомъ помѣщался складъ бумаги купца Марксона, торговавшаго письменными принадлежностями и содержавшаго частную типографію. Скоро огонь былъ совсѣмъ залитъ. Оказалось ненужнымъ выносить другой чемоданъ. Я поспѣшилъ въ садъ и поблагодарилъ караульщика. Явившійся корридорный удивился, что я выносилъ чемоданъ. Мы пожара не боимся! У насъ дома каменные. Вотъ изъ магазиновъ никто и не думалъ спасать товаръ! Такіе пожары пустякъ! Я легъ спать не раздѣваясь, и не столько спалъ, сколько тревожно дремалъ, просыпаясь каждую минуту и посматривая въ окно, не горитъ ли опять. При деревянной лѣстницѣ и неосвѣщенныхъ корридорахъ въ случаѣ пожара въ зданіи легко можно было сгорѣть. На слѣду-

ющій день я потребовалъ къ себѣ инспектора гимназіи, старика Лышковскаго. Онъ извѣстенъ въ польской литературѣ, какъ составитель очень порядочной въ 3-хъ частяхъ хрестоматіи.

До учрежденія коммиссіи народнаго просвѣщенія съ директоромъ и главнымъ директоромъ во главѣ, а также училищныхъ округовъ или учебныхъ дирекцій, гимназіи и прогимназіи подчинялись попечителю Варшавскаго учебнаго округа. Гимназіи управлялись директорами и ихъ помощниками префектами; послѣднюю должность исполняли исключительно гимназическіе капелланы. Прогимназіи управлялись инспекторами и то же префектами. Начальныя училища въ учебномъ отношеніи подчинялись директорамъ гимназій и инспекторамъ прогимназій и сверхъ того еще ревизовались особыми визитаторами изъ Варшавы; въ матеріальномъ отношеніи подчинены были губернскому правленію, гдѣ существовала для нихъ особая секція (отдѣленіе). Съ учрежденіемъ коммиссіи всѣ учебныя заведенія подчинены были непосредственно во всѣхъ отношеніяхъ начальникамъ учебныхъ дирекцій въ ихъ округахъ, а инспектора и директора устранены отъ заботъ и ревизій по низшимъ училищамъ. Притомъ директора гимназій переименованы въ инспекторовъ гимназіи, хотя продолжали управлять ими на прежнихъ основаніяхъ, а префекты названы помощниками инспекторовъ. Осмотрѣвъ всѣ классы и все помѣщеніе Сувалкской гимназіи и два начальныя училища въ городѣ, я отправился съ визитами къ губернскимъ властямъ. Въ учебныхъ заведеніяхъ всѣ служащіе и ученики на вопросы мои на русскомъ языкѣ отвѣчали по польски, не смотря на то, что нѣкоторые чиновники, окончивъ университеты въ Россіи, хорошо владѣли русскимъ языкомъ. Изъ бесѣды съ Лышковскимъ я узналъ, что высшая власть въ губерніи принадлежитъ начальнику военнаго отдѣла генералъ-лейтенанту начальнику 3-й гренадерской дивизіи Николаю Степановичу Ганецкому; затѣмъ слѣдуютъ: губернаторъ Петръ Карловичъ Жерве; жандармскій штабъ-офицеръ полковникъ Василій Никитичъ Бѣлановскій; предсѣдатель коммиссіи по крестьянскимъ дѣламъ князь Петръ Александровичъ Урусовъ; комендантъ Сувалокъ генералъ-маіоръ Андрей

Николаевичъ Кобра; помощникъ начальника дивизіи генералъ-маіоръ Померанцевъ, начальникъ штаба дивизіи полковникъ Ѳедоръ Васильевичъ Тарасенко; начальникъ артиллеріи 3-й гренадерской дивизіи генералъ-маіоръ Михаилъ Степановичъ Максимовичъ. Всѣ они возвратили мнѣ визиты, исключая Ганецкаго, который гордился своимъ высокимъ положеніемъ, всѣхъ прибывающихъ русскихъ считалъ себѣ подчиненными и недовѣрчиво смотрѣлъ на нихъ. Впрочемъ, это былъ прекрасный, умный и гуманный истинно-русскій человѣкъ; съ нимъ я скоро отлично сошелся, и онъ все время оказывалъ мнѣ всевозможныя содѣйствія въ моихъ служебныхъ дѣйствіяхъ, а семейства наши вошли въ дружескія отношенія. Губернаторъ Жерве принялъ меня съ высоты своего величія. Назначенъ онъ былъ губернаторомъ въ Сувалки какъ разъ въ то время, когда сувалкская губернія, въ которой въ лѣсистой мѣстности скрывались банды, постоянно безпокоившія раіонъ Муравьева, временно присоединена была къ Зѣверо-Западному краю. Мѣстность въ ней была чрезвычайно удобная для укрывательства бандъ и усиленія ихъ изъ Познани. Сувалкская губернія врѣзывалась клиномъ въ Сѣверо-Западный край и съ одной стороны прилегала къ прусской Польшѣ. Муравьевъ, сейчасъ по присоединеніи сувалкской губерніи къ его раіону, удалилъ поляка губернатора и на его мѣсто назначилъ Жерве. Положеніе его современемъ упрочилось, и онъ сталъ держать себя особенно самоувѣренно. Обласканный намѣстникомъ Жерве сдѣлался страшно самоувѣреннымъ, сталъ держать себя холодно и гордо съ русскими чиновниками, управлявшими отдѣльными частями, считать ихъ какими-то красными, и обыкновенно при прибытіи новаго лица говорилъ окружавшимъ его совѣтникамъ губернскаго правленія: „Вотъ будемъ имѣть дѣло еще съ однимъ спасителемъ отечества“. Это все болѣе и болѣе разверзало пропасть между русскими и губернаторомъ. Въ виду борьбы съ русскими Жерве частыми поѣздками въ Варшаву старался сыскать тамъ надежныхъ защитниковъ въ

лагерѣ графа Берга, боровшагося весьма умно и искусно съ русскою партіею, во главѣ которой стояли главный директоръ коммиссіи Внутреннихъ и Духовныхъ Дѣлъ князь Владиміръ Черкасскій, членъ учредительнаго комитета Соловьевъ и статсъ-секретарь по дѣламъ Царства, братъ военнаго министра, Милютинъ. Жерве покровительствовали: Ѳедоръ Ѳедоровичъ Витте, который, будучи инспекторомъ школы правовѣдѣнія, помнилъ Жерве, какъ воспитанника этой школы и нѣкоторые нѣмцы генералы. Особенно поддерживалъ Жерве баронъ Фридериксъ, начальникъ жандармовъ. Во время пріѣзда Государя въ Варшаву всѣ эти защитники успѣли выхлопотать Жерве маіоратъ. Жерве былъ приписанъ весь успѣхъ учебнаго дѣла и водвореніе русскаго языка въ Сувалкскомъ округѣ. Впослѣдствіи онъ былъ назначенъ попечителемъ сначала Дерптскаго, а потомъ Харьковскаго учебнаго округа и наконецъ—сенаторомъ. Князь Петръ Александровичъ Урусовъбылъ вполнѣ аристократъ, по привычкамъ, но не по состоянію. Занимая должность предсѣдателя коммиссіи по крестьянскимъ дѣламъ въ Сувалкской губерніи, онъ содержалъ себя на одно свое жалованье, потому что болѣе ничего не имѣлъ. Жалованье въ было солидное, но аристократическія привычки требовали годъ десятковъ тысячъ, почему князь былъ въ долгу, какъ въ пуху. Онъ не могъ напр. обойтись безъ ананаса во всякое время года. Онъ употреблялъ ихъ ежедневно и иногда за штуку платилъ отъ 6 до 15 руб. сер. и даже 25 р. Прійдетъ князь Урусовъ въ лавку и купитъ вещь, стоющую коп. 50. Лавочникъ запроситъ за нее 1 руб. сер. Князь Петръ сильно заволнуется—обидится: „дуракъ ты, кругомъ дуракъ! запросилъ рубль! Развѣ ты меня не знаешь? Не знаешь, что тебѣ дѣлаетъ честь, покупая у тебя осла, князь Петръ Урусовъ! Мнѣ деньги плевое дѣло! Возьми 3 рубля! Другой разъ будь умнѣе: знатнаго всегда надо уважить надбавкою цѣны!“ Въ коммиссіи князь иногда засыпалъ. При своемъ аристократическомъ высокомѣріи, онъ былъ человѣкъ все-таки добрый и умышленно не въ состояніи

былъ никому вредить. Въ коммиссіи онъ игралъ роль манекена. Онъ подписывалъ все, что ему ни предлагали, князь Петръ Урусовъ былъ женатъ на сестрѣ нашего знаменитаго канцлера свѣтл. князя Горчакова. Семейство его, состоящее изъ двухъ сыновей—старшему было уже лѣтъ 18,—четырехъ дочерей, изъ которыхъ двѣ были красавицы невѣсты, и пожилой, но еще бодрой, красивой и важной жены,—проживало постоянно въ Дрезденѣ. Въ Дрезденѣ тогда была дешева жизнь, и недорого стоило воспитаніе дѣтей. Разъ семейство князя жило мѣсяца два въ Сувалкахъ, и оттуда мать возила двухъ дочерей невѣстъ въ Петербургъ на придворные балы. У княгини осталось весьма небольшое имѣніе изъ ея приданнаго. Доходами съ этого имѣнія и помощью брата мать содержала все свое семейство въ Дрезденѣ. Старшій сынъ прекрасно говорилъ по-французски и по-нѣмецки; но по-русски плохо объяснялся, плохо читалъ и еще плоше писалъ. Въ Сувалкахъ онъ упражнялся въ русскомъ языкѣ, готовясь куда-то опредѣлиться въ Петербургѣ. Молодой князь былъ стройный, высокаго роста, юноша красавецъ; и ростомъ, и чертами лица напоминалъ отца. Старикъ князь, имѣя лѣтъ за 60, отличался чрезвычайно благородной, красивой и симпатичной наружностью. Разсказывали мнѣ исторію прежней жизни князя. Лѣтъ тридцати онъ былъ гвардейскій полковникъ, всѣхъ поражалъ своею молодцеватостью, граціею, мужественною красотою и болѣе всего громадными имѣніями и милліонами наличнаго капитала, доставшимися ему въ наслѣдство. Въ турецкую войну князь состоялъ въ штабѣ главнокомандующаго Дибича Забалканскаго. Онъ присланъ былъ въ Петербургъ съ золотыми ключами крѣпости Варны и множествомъ турецкихъ знаменъ. Императоръ Николай такъ былъ радъ успѣхамъ русскаго оружія, что обнялъ, расцѣловалъ князя Урусова, поздравивъ его своимъ флигель-адъютантомъ и пригласивъ его въ тотъ же день къ себѣ на вечеръ въ свой тѣсный кружокъ. Такія милости Николая заставили придворныхъ видѣть въ Урусовѣ новую восходящую

звѣзду. При выходѣ изъ кабинета Государя Урусовъ былъ аттакованъ цѣлою толпою самыхъ знатныхъ и высокопоставленныхъ лицъ: всѣ желали съ нимъ познакомиться и поздравляли его съ царскою милостью. На вечеръ къ Государю Урусовъ запоздалъ. Но это не разсердило Николая. Запозданіе извинялось утомленіемъ боевою жизнью и тяжелымъ путемъ на фельдъегерскихъ. Но вотъ въ дверяхъ показался Урусовъ. Николай поднялся къ нему на встрѣчу; всѣ моментально встали, пораженные такимъ милостивымъ къ Урусову вниманіемъ Царя. Николай подалъ Урусову руку. Князь, крѣпко пожимая царскую руку, съ важной фамильярностью спросилъ Николая: „какъ здоровье В. Величества?...“ Послѣ этого пассажа карьера князя Петра Урусова погибла навсегда. На слѣдующій день онъ подалъ въ отставку и, выхлопотавъ заграничный паспортъ, уѣхалъ въ Парижъ. Кажется, за границей онъ сошелся съ княжной Горчаковой и тамъ съ нею обвѣнчался. Супруги жили во всѣхъ замѣчательныхъ мѣстахъ Европы и во всѣхъ ея столицахъ въ самомъ высшемъ кругу, разсыпая кругомъ себя деньги безъ счета. Но это ихъ не могло разорить: они были очень богаты. Дороже всего имъ стоило держаться въ интимномъ придворномъ кругу Наполеона и его супруги. Но вотъ Николай скончался. На престолъ вступилъ новый Государь Александръ II. Урусовы поспѣшили возвратиться въ Петербургъ. Зажили широко, завязали множество связей, сошлись съ сильною роднею, и князь Петръ Александровичъ пожалованъ былъ въ камергеры. Настала коронація. На балу у французскаго посла князь Петръ сталъ бранить Наполеона за его нищенскую скупость, которая роняла такую богатую страну, какъ Франція, роняла самого Наполеона. „Конечно, Наполеонъ такимъ нищенскимъ баломъ хотѣлъ намѣренно выказать Великому Государю недостаточное уваженіе! Но князь Урусовъ дастъ балъ богаче французскаго въ честь коронаціи! князь Урусовъ пристыдитъ и Наполеона, и Францію!“ Дѣйствительно, князь Петръ Александровичъ далъ чудовищно роскошный балъ и пристыдилъ Наполеона и Фран-

цію; но мѣсяцъ спустя послѣ бала князь оказался нищимъ. Между тѣмъ балъ, данный Франціею, признавался всѣми однимъ изъ блестящихъ. Перещеголять этотъ балъ могъ только такой человѣкъ, какъ князь Петръ Александровичъ Урусовъ. Пришлось на женины средства жить то въ Россіи, то за границей. Но и эти средства стали истощаться. Пришлось искать мѣста и довольствоваться скромнымъ жалованьемъ. Ему дали мѣсто предсѣдателя палаты государств. имуществъ въ Кіевѣ. И вотъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ открылся какой-то недочетъ. Князя уволили; уволили и совѣтниковъ палаты; но это не помѣшало князю получить мѣсто предсѣдателя коммиссіи по крестьянскимъ дѣламъ. Изъ Сувалокъ князь перешелъ въ Вильно. Онъ говорилъ мнѣ, что ему настойчиво предлагаютъ мѣсто попечителя Виленскаго Учебнаго округа; но ему не нравится служба по ученой части; онъ колеблется. Но если онъ приметъ эту должность, то непремѣнно пригласитъ меня въ свои помощники.

Жандармскій штабъ-офицеръ полковникъ Василій Никитичъ Бѣлановскій, старикъ высокаго роста лѣтъ 70-ти. Онъ все свое время служилъ въ Царствѣ Польскомъ. По происхожденію малороссъ, онъ хорошо владѣлъ польскимъ языкомъ и женатъ былъ на полькѣ. Онъ ее строго держалъ, а она его не могла терпѣть и упорно продолжала говорить по-польски. Она ни съ кѣмъ изъ русскихъ дамъ не знакомилась, отговариваясь болѣзнью, и во время вечеровъ и обѣдовъ, которые иногда дѣлалъ Бѣлановскій своимъ подчиненнымъ и оффиціально знакомымъ, Бѣлановская не присутствовала. Бѣлановскій былъ страшно крутъ съ подчиненными, но справедливъ, не позволялъ дѣлать неосновательные доносы и тщательно провѣрялъ доносы своихъ подчиненныхъ. Подчиненные его боялись, но любили. Бѣлановскій зорко слѣдилъ за всѣми вѣдомствами, что имъ крайне не нравилось, а на поляковъ наводилъ трепетъ. Впрочемъ, прежде чѣмъ доносить, онъ предупреждалъ то или другое вѣдомство, что если оно не измѣнитъ своего неправиль-

наго дѣйствія, то онъ вынужденъ будетъ донести. По этой причинѣ всѣ кричали, что Бѣлановскій смѣетъ вмѣшиваться не въ свои дѣла. Замѣтивъ, что я энергически и правильно сталъ осуществлять предначертанія правительства, онъ почувствовалъ ко мнѣ особое расположеніе и довѣріе и все время своего служенія въ Сувалкахъ всѣми зависящими мѣрами содѣйствовалъ мнѣ. Упраздненіе власти начальника военнаго отдѣла и сосредоточеніе всей административно-политической власти въ лицѣ губернатора Жерве,—отозвалось сейчасъ же скандаломъ съ политической подкладкой въ сувалкской гимназіи. Зданіе магистрата помѣщалось вблизи зданія сувалкской гимназіи. Президентъ Ильцевичъ жилъ въ зданіи магистрата. У него квартировалъ сынъ помѣщика маріампольскаго уѣзда ученикъ VI класса Г—ръ. Къ нему собирались товарищи, которые ухаживали за m-lle Ильцевичъ, отчаянной патріоткой. Во время возстанія было въ обычаѣ посредствомъ учащейся молодежи оплевывать русскихъ и дѣлать скандалы полякамъ и особенно полькамъ, водившимъ знакомство съ русскими. Дѣвушка, которой на улицѣ поклонился русскій, навѣрное могла ожидать скандала. Если ей поклонился офицеръ, то ей не давали уже ученики нигдѣ проходу; даже она не смѣла показаться въ костелѣ, и тамъ ее ругали и портили платье. Moskiewska skura! раздавалось со всѣхъ сторонъ. Съ усмиреніемъ мятежа учащіеся были прибраны въ руки и поставлены въ надлежащіе предѣлы. Но теперь совѣтники губернскаго правленія, надѣясь на слабохарактерность Жерве рѣшили пустить опять въ ходъ учащуюся молодежь. M-lle Ильцевичъ ихъ возбуждала и ручалась имъ за безнаказанность. Стали носиться слухи будто оплевываютъ на улицахъ ученики гимназіи русскихъ и даже офицеровъ, а въ публичномъ саду ученики женщинамъ не даютъ проходу. Я строго подтвердилъ инспектору, чтобы этого не было. Онъ оправдывалъ учениковъ,говоря, что это на нихъ по старой памяти выдумываютъ. Если бы были случаи, то кто-нибудь пожаловался бы; а то всѣ болтаютъ

объ оскорбленіяхъ, а никто не жалуется. Воротившись ночью изъ дирекціи, я раннимъ утромъ занимался въ своемъ кабинетѣ. Вдругъ колокольчикъ. Я самъ нажалъ пружину, чтобы отперлась входная дверь. Слышу на лѣстницѣ торопливые шаги, открывается дверь, и въ кабинетъ вбѣгаетъ очень красивая молоденькая дѣвушка, небольшого роста, лѣтъ 18-ти, прилично одѣтая, но растрепанная. „Я такая-то"—отрекомендовалась она съ слезами—„я пью воды и ходила по предписанію врача въ публичномъ саду. Меня окружили такіе-то три ученика VI класса, стали на мнѣ рвать платье, оплевывать и называть московской шкурой, московской проституткой!" Я предложилъ ей обратиться къ инспектору гимназіи Лышковскому. Она съ истерическими рыданіями отвѣчала, что Лышковскій ее еще самъ оскорбитъ, и упала на землю безъ чувствъ. На мой зовъ явился курьеръ и чиновники моей канцеляріи. Ее привели въ чувство. Я ее успокоилъ, отправилъ домой и потребовалъ къ себѣ Лышковскаго. Явившійся Лышковскій заговорилъ, что это еврейка; что ее подозрѣваютъ въ интимныхъ связяхъ и пр. и пр. Но я его сейчасъ оборвалъ, сказавши, что я не допущу съ его стороны больше виляній; что на него, его помощника и весь гимназическій штатъ возлагаю подъ ихъ личною отвѣтственностью поведеніе гимназистовъ, что особенно взыщу съ гимназическаго капелана, который имѣетъ на учениковъ неоспоримое вліяніе, какъ ихъ духовникъ и какъ преподаватель религіи и нравственности христіанской. Я заключилъ свое внушеніе тѣмъ, что Лышковскій виновныхъ трехъ учениковъ долженъ немедленно удалить изъ класса и объявить имъ, что если они не испросятъ прощенія у этой дѣвушки, то дѣло ихъ въ тотъ же день будетъ рѣшено педагогическимъ совѣтомъ. Удаленные изъ класса ученики не пожелали просить прощенія, а подняли въ городѣ, и особенно въ губернскомъ правленіи, тревогу. Поляки, мужчины и женщины, а также чиновники губернскаго правленія зашныряли около гимназіи. Сейчасъ же обо всемъ доложено было губернатору Жерве и внушено ему, что я

своими дѣйствіями взбунтую всю гимназію, и опять начнется потѣха. Губернаторъ письмомъ пригласилъ меня къ себѣ и требовалъ съ меня слова, что я никого не исключу изъ гимназіи. Я объяснилъ ему, что дѣло будетъ рѣшено педагогическимъ совѣтомъ, и хотя мнѣ по Высочайше утвержденному указу принадлежитъ право утверждать или не утверждать постановленія педагогическаго совѣта, но въ виду важности дѣла и вмѣшательства въ это дѣло г. губернатора, я рѣшеніе совѣта съ желаніемъ г. губернатора представлю на благоусмотрѣніе господина главнаго директора коммиссіи народнаго просвѣщенія. „По моему—сказалъ Жерве—не стоитъ безпокоить высшую власть. Все это дѣло ребяческое. Сдѣлать виновнымъ выговоръ—и довольно“. Между тѣмъ ученики отпущены на завтракъ во время большой перемѣны между уроками. Пани и паненки стали убѣждать дѣтей сдѣлать общій протестъ противъ моего своеволія и самодурства. Учителя испугались послѣдствій такой манифестаціи. Требовалось ни болѣе, ни менѣе, чтобы всѣ классы перестали посѣщать гимназію и не посѣщали ее до тѣхъ поръ, пока я публично не извинюсь передъ удаленными изъ класса тремя учениками и не возвращу ихъ безъ всякаго взысканія обратно въ классы. Учителямъ удалось уговорить всѣ классы явиться въ гимназію. Но въ видѣ уступки общественному мнѣнію VI классъ, изъ котораго были удалены 3 ученика, долженъ былъ по праву протестовать неявкою своею въ гимназію. Но и тутъ произошелъ расколъ: болѣе робкіе и болѣе благоразумные все-таки пришли послѣ перемѣны. Ученикъ, квартировавшій у Ильцевича, тоже явился, но съ тѣмъ, чтобы разгонять являющихся. Все это дѣлалось на глазахъ Лышковскаго. Устроивши манифестацію, Лышковскій явился ко мнѣ съ рапортомъ и вопросомъ, что дѣлать? Я, по возвращеніи отъ губернатора, засталъ его у себя. Пробравъ его безъ церемоніи, я тутъ же вручилъ ему предписаніе: 1) объявить ученикамъ VI класса каждому отдѣльно повѣсткой, чтобы немедленно яви-

лись въ гимназію на уроки, и если кто изъ нихъ не явится, тотъ долженъ считать себя навсегда исключеннымъ изъ гимназіи. 2) По истеченіи двухъ часовъ представить мнѣ опредѣленіе педагогическаго совѣта на счетъ виновныхъ трехъ учениковъ въ оскорбленіи дѣвушки и 3) Лышковскому совмѣстно съ педагогическимъ совѣтомъ разыскать безотлагательно зачинщиковъ между учениками устроенной VI классомъ манифестаціи, о ихъ проступкѣ составить опредѣленіе и тоже черезъ два часа его мнѣ представить. Совѣтъ опредѣлилъ исключить изъ гимназіи оскорбителей дѣвушки и ученика, квартировавшаго у Ильцевича, какъ зачинщика манифестаціи. Главный директоръ утвердилъ опредѣленіе совѣта и безотлагательно приказалъ означенныхъ учениковъ съ нарочными отправить къ ихъ родителямъ и сдать подъ росписки съ обязательствомъ не пускать ихъ въ Сувалки. Мнѣ указано было въ подобныхъ важныхъ случаяхъ дѣйствовать самостоятельно и энергично, такъ какъ отвѣтственность по моей должности лежитъ на мнѣ. О распоряженіи Витте относительно исключенныхъ учениковъ былъ извѣщенъ и губернаторъ, и уѣздные начальники. Но еще до извѣщенія, когда вдругъ исключенные съ нарочными были высланы изъ города, губернское правленіе подняло вопль, что начальникъ дирекціи ссылаетъ учениковъ въ Сибирь. Жерве пригласилъ меня для объясненій, говорилъ, что Витте никогда не распорядился бы такъ необдуманно, что онъ это сдѣлалъ по моему представленію, но тѣмъ хуже для учебнаго вѣдомства. Спустя мѣсяцъ квартиранту Ильцевича разрѣшено было возвратиться въ Сувалки. Встревоженный Лышковскій прибѣжалъ ко мнѣ, говоря, что означенный ученикъ расположился въ публичномъ саду противъ гимназіи и волнуетъ учениковъ; что послѣдніе, не смотря на призывъ колокольчика, не идутъ въ классъ. Я самъ отправился въ публичный садъ и на дорогѣ встрѣтилъ Бѣлановскаго. Узнавъ, въ чемъ дѣло, Бѣлановскій потребовалъ двухъ жандармовъ и вмѣстѣ со мною отправился въ садъ. При нашемъ приближеніи ученики поспѣ-

шили въ гимназію, а исключенный, дымя папироской, развалясь на скамьѣ, высокомѣрно съ улыбкой окидывалъ насъ глазами. Когда мы приблизились, онъ не поднялся и не раскланялся. „Ты кто-такой?!—гаркнулъ Бѣлановскій.—Мальчишка! шапку долой! Какъ ты смѣлъ сюда явиться и бунтовать учениковъ?“ Исключенный моментально выпрямился, снялъ шапку и дрожа, прошепталъ, что онъ здѣсь съ разрѣшенія губернатора. „Жандармы! ведите его на почту, потребуйте перекладную и отвезите Маріампольскому уѣздному жандармскому начальнику и сдайте подъ росписку. Подъѣдете къ управленію и получите бумагу“. Обращаясь къ исключенному, онъ прибавилъ: „теперь тебя, голубчикъ, ни на шагъ не отпустятъ изъ имѣнія твоего отца! маршъ!“ голубчика повели. Все это происшестіе повело къ нѣкоторымъ объясненіямъ между Жерве и Бѣлановскимъ. Вскорѣ послѣ этого пріѣхалъ баронъ Фридериксъ. На жалобы Жерве онъ объяснилъ, что Бѣлановскій правъ и что произойди безпорядки въ гимназіи, Жерве рисковалъ имѣть противъ себя и графа Берга, и Витте. Тогда дѣло было бы весьма плохо. Бѣлановскій самый опытный и честный изъ жандармскихъ штабъ-офицеровъ. Фридериксъ согласенъ, что Бѣлановскій грубъ и дерзокъ, но распоряженія его правильны. Впрочемъ Фридериксъ представитъ Бѣлановскаго штабъ-офицеромъ въ новообразуемую Ломжинскую губернію, гдѣ требуется, особенно на первыхъ порахъ, опытный и энергическій человѣкъ. Дѣйствительно, съ образованіемъ Ломжинской губерніи, Бѣлановскій былъ переведенъ штабъ-офицеромъ въ Ломжу, а на его мѣсто въ Сувалки опредѣленъ полковникъ Ваккеръ.

Еще въ 1865 году Жерве, объѣзжая губернію, посѣтилъ Сейны, обѣдалъ у епископа графа Лубенскаго, который жаловался, что отъ монаховъ въ селеніи Смоляны начальникъ дирекціи отнялъ домъ со всѣмъ училищнымъ приспособленіемъ.

Въ этомъ домѣ прежде монахи обучали дѣтей. Училище процвѣтало, было много учащихся. Теперь же и дѣтей нѣтъ, и учатъ дурно. Жерве покатилъ въ Смоляны лично осмотрѣть училище. Было вакаціонное время—іюль мѣсяцъ, и школа стояла пустою. Учитель оказался на мѣстѣ, показалъ школу губернатору. Явился настоятель и просилъ посѣтить монастырь и его келью. Въ кельѣ за закуской настоятель сообщилъ, что народъ ропщетъ и не будетъ посылать въ школу дѣтей, что домъ и все обзаведеніе сдѣланы на монастырскія средства; что монахи съ любовью занимались обученіемъ мальчиковъ и дѣвушекъ. Школа была многолюдная, шла успѣшно, пользовалась довѣріемъ народа, и вдругъ ее забрали, разстроили. Въ ней нѣтъ ни порядка, ни ученія. Въ отчетѣ Жерве написалъ, что съ переходомъ школы отъ католическихъ монаховъ во власть начальника дирекціи, школа эта, находившаяся дотолѣ въ цвѣтущемъ состояніи, пришла въ совершенный упадокъ, въ чемъ Жерве лично удостовѣрился, ревизуя губернію. Князь Черкасскій сообщилъ объ этомъ Витте, а послѣдній потребовалъ отъ меня объясненій. Жерве, не наводя никакихъ справокъ, вѣрилъ на слово полякамъ и графу Лубенскому, будто школа присоединена къ дирекціи по произволу ея начальника, который не счелъ даже нужнымъ войти въ соглашеніе по этому дѣлу съ губернаторомъ. Поэтому то онъ такъ смѣло обвинилъ въ своемъ отчетѣ начальника дирекціи. Я отвѣтилъ, что школа на основаніи Высочайшаго повелѣнія принята отъ монаховъ лично мною въ концѣ марта мѣсяца, что монахи дѣлаютъ все возможное, чтобы помѣшать посылкѣ въ школу дѣтей; что въ виду этого я долженъ былъ допустить на первыхъ порахъ въ школу не совсѣмъ компетентнаго учителя, но за то пользующагося довѣріемъ гмины, бывшаго органиста, который знаетъ нѣсколько русскій языкъ и далъ подписку, въ своемъ интересѣ, дер-

жать школу внѣ вліянія монаховъ и разсѣять въ народѣ предубѣжденіе противъ школы, такъ какъ народъ монахи страшно смущаютъ, увѣряя, что, кто будетъ посѣщать школу, того окрестятъ въ православіе и отдадутъ въ солдаты. Я полагалъ, что это, безъ сомнѣнія, не безъизвѣстно губернатору, и что желательно было бы, чтобы администрація понаблюдала за дѣйствіемъ смолянскихъ монаховъ. При такихъ обстоятельствахъ и въ короткій промежутокъ, съ 1-го апрѣля по 1-е мая, школа дѣйствительно не успѣла устроиться надлежащимъ образомъ. Съ мая въ сельскихъ школахъ и до 1-го сентября дѣти не учатся, такъ какъ родители забираютъ ихъ къ сельскимъ работамъ и пасти скотъ. И потому меня крайне удивляетъ, какъ г. губернаторъ, посѣтивъ школу въ іюлѣ и не нашедши въ ней ни одного ученика, могъ о ходѣ ученія въ ней составить такое положительное заключеніе. Щадя Жерве, Витте не сообщилъ князю Черкасскому моего объясненія, но отъ себя сдѣлалъ губернатору замѣчаніе. Впослѣдствіи, безъ помощи Жерве, я успѣлъ отвадить отъ школы монаховъ, и школа пошла недурно. Но учитель старикъ вдругъ заболѣлъ и умеръ. Я назначилъ въ Смоляны отличнаго учителя, воспитанника II курса Кіевскаго университета. Школа начала процвѣтать, и народъ относился къ ней съ полнымъ довѣріемъ. Но монахи не дремали. Низенькій заборъ отдѣлялъ школу отъ монастыря и кладбища. Монахи въ саванахъ, съ кинжалами въ рукахъ, поднимаясь съ могилъ, окружали ночью училище. Одинокій молодой человѣкъ, видя въ окнахъ каждую ночь мертвецовъ съ кинжалами, слыша ихъ проклятія и угрозы,—не выдержалъ и сошелъ съ ума. Напрасно я обращался къ Жерве за помощью: онъ не только самъ и пальцемъ не кивнулъ, но еще и начальнику уѣзда капитану Полянскому посовѣтовалъ повести дѣло

такъ, что монахи остались въ сторонѣ, а съумасшествіе приписано наслѣдственному къ этой болѣзни расположенію субъекта.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Документы, извѣстія и замѣтки.

Загадочное происшествіе на печерскомъ форштатѣ (1776 г.) [1]. Въ 1776 году 14 октября позднимъ вечеромъ проходилъ присутствующій въ кіевской губернской Канцеляріи коллежскій совѣтникъ Василій Федоровичъ Флееровъ мимо двора доктора Полетики. Дворъ этотъ, находившійся въ Печерскомъ форштатѣ, стоялъ въ это время пустымъ, въ домѣ никто не жилъ. Вдругъ изъ этого двора выскочили четыре человѣка и, напавъ на Флеерова, учинили надъ нимъ «смертный бой, увѣчье и грабительство». Это были слуги поручика Кузьмина и провизора Веделя—«великороссійской породы Филиппъ Гуковъ и нѣмцы Антонъ Пилгеръ и Крестянъ Лошонцовъ». Избитый и ограбленный Флееровъ поднялъ тревогу, и къ мѣсту происшествія прибыли съ командою: исправлявшій должность полиціймейстера поручикъ Якушинъ, прапорщикъ Изотовъ и бывшій въ ночномъ разъѣздѣ съ козачею командою поручикъ Леухинъ. Оказалось, что въ домѣ находится довольно многолюдное общество. На тревованіе Якушина, стоявшаго съ другими передъ запертыми воротами, выйти, сначала никто не отозвался, «а потомъ внутрѣ покоевъ и на дворѣ съ бранью стали кричать, чтобъ всѣ команды прочь шли, грозя ихъ бить и стрѣлять, для чего изъ двора въ калитку толпою и выбѣгали, имѣя въ рукахъ обнаженныя шпаги, гдѣ предводительствовалъ шпагой Кіев. Губ. Канц. секретарь Яковъ Жиловичъ, крича жъ, чтобъ отступили всѣ прочь, и грозя колоть». Когда Якушинъ приказалъ командѣ приблизиться ко двору и «поступить съ ними, какъ съ противниками», вся толпа ушла во дворъ и заперлась.

[1]) Матеріаломъ для настоящей замѣтки послужили три протокола Кіев. Губ. Канц. и одно доношеніе кіев. магистрата, найденные въ разрозненныхъ дѣлахъ Центр. архива, а также одинъ документъ, напечатанный въ 1-мъ вып. моихъ „Ист. мат. изъ архива Кіев. Губ. Пр.“.

Было ли мало команды у осаждавшихъ властей или по чему либо другому, но рѣшительныхъ дѣйствій они не проявили и послали за плацъ-маіоромъ Траскинымъ. Послѣдній узнавъ о происшествіи, счелъ нужнымъ доложить прежде о немъ оберъ-коменданту Я. В. Ельчанинову и, пришедши во дворъ, именемъ оберъ-коменданта потребовалъ выдачи названныхъ выше лицъ, нападавшихъ на Флеерова. Не впуская и Траскина въ самый домъ, поручикъ Кузьминъ и провизоръ Ведель увѣряли его, что не только здѣсь, но и у нихъ во дворѣ такихъ служителей нѣтъ, и что за своихъ слугъ они сами будутъ отвѣчать. Присутствіе въ собравшейся кампаніи секретаря Жиловича тоже отрицали. Тогда Траскинъ пригрозилъ имъ принять «иныя мѣры», и они выдали Гукова, Пилгера и Лошонцова. Траскинъ потребовалъ затѣмъ, чтобы всѣ находившіяся въ домѣ лица вышли, и выходившихъ по одному записалъ. Оказалось въ собраніи 12 человѣкъ, если только дѣйствительно всѣ собравшіеся были переписаны. Это были: поручикъ Кузьминъ, провизоръ Ведель, кіево-подольскій портной Михайло Захтъ, коммисаріатскій цолмейстеръ Герасимъ Бѣляевъ, секретарь Жиловичъ, артилерійскаго 2-го фузилернаго полка аудиторъ Шляхинъ, отставной капитанъ Гернигъ, кіевскій земскій комисаръ бунчуковый товарищъ Михайло Гудимъ, нѣжинскій житель бывшій васильковскій трактирщикъ Данило Голіонка, 6-го баталіона лѣкарь Прохоръ Никитниковъ и его превосходительства музыкантъ Леонтій (фамилія не показана).

Дѣло объ этомъ «злодѣйскомъ ночномъ нападеніи» на Флеерова производилось особо назначенною военно-судною коммиссіей, рѣшеніе которой въ декабрѣ отправлено было на конфирмацію графу П. А. Румянцеву.

Флееровъ, какъ видно, былъ недоволенъ производствомъ этого дѣла въ коммиссіи, въ которую, хотя и былъ назначенъ депутатъ отъ Губ. Канц. пограничный коммиссаръ Анучинъ, но самого Флеерова ни разу не приглашали, а о ходѣ слѣдствія Анучинъ не сообщалъ. Графъ Румянцевъ, возвративъ дѣло, предписалъ произвести его гражданскомъ судомъ. Никакихъ слѣдовъ этого производства не удалось мнѣ найти, а изъ одного заявленія Флеерова видно, что онъ усматривалъ въ дѣйствіяхъ мѣстной власти, главнымъ образомъ Ельчанинова, желаніе, что называется, «замять дѣло».

Только лишь 9 генваря 1777 года, почти три мѣсяца спустя послѣ «злодѣйскаго на него нападенія», явился Флееровъ въ при-

сутствіе и заявилъ, что онъ былъ «донынѣ боленъ, о чемъ лѣкарь Бланкъ, который его пользовалъ, знаетъ, какіе съ нимъ опасные до жизни припадки отъ такого злодѣйскаго приключенія происходили, отчего и донынѣ головою и внутренностію и всѣмъ корпусомъ страждетъ, однако елико послѣднихъ его силъ есть ко исправленію определенной его должности сего числа выѣхалъ и продолжать оную будетъ». А въ протоколѣ Губ. Канц. 16 генваря занесено заявленіе Флеерова, что онъ не желаетъ имѣть у себя въ подчиненіи секретаря Жиловича, какъ «паче на него злобствующаго», объ «огорчительныхъ же по должности къ нему поступкахъ» этого секретаря онъ сообщитъ «въ точности въ потребное время». «Изъясненіе» Флеерова препровождено было къ Ельчанинову, который, возвращая «ту піесу», какъ никакой формы не имѣющую, сдѣлалъ замѣчаніе Губ. Канц. за самое принятіе отъ Флеерова такого «изъясненія». Хотя это изъясненіе «клонилось единственно ко отрѣшенію отъ должности секретаря Жиловича», но въ немъ Флееровъ помѣстилъ «ненадлежаще многія дѣла, къ разбору Кіев. Губ. Канц. отнюдь не принадлежащія, какъ то изъясняя нѣкоторые, по мнѣнію его, непорядки учрежденнаго здѣсь военнаго суда, понося оной непристойно и наполня разнаго рода случившимися яко бы ему, г. Флеерову, приключеніями и огорченіями». При этомъ предписано было потребовать отъ Флеерова «формальнаго доношенія, какіе именно и когда отъ Жиловича обманы по должности происходили и о томъ, было ль въ свое время доносимо и для чего такіе непорядки были терпимы».

Изъ весьма нескладнаго и туманнаго заявленія Флеерова, занесеннаго въ протоколъ Губ. Канц. 1 февраля очевидно, что «главная команда», т. е. оберъ-комендантъ Ельчаниновъ, не благоволила къ нему и не раздѣляла его взгляда на «злодѣйское покушеніе», жертвою котораго онъ былъ въ злополучную ночь съ 14-го на 15-ое октября. По заявленію Флеерова, презусъ военнаго суда, послѣ того какъ сентенція суда не была утверждена и дѣло передано въ судъ гражданскій т. е. самого Ельчанинова, по призыву къ главной командѣ принужденъ уже отходить со слезами, и въ чемъ состоялъ злодѣямъ переспросъ и какое приказаніе было презусу и о чемъ онъ плакалъ, того въ точности не открылъ, да и онъ, к. с. Флеерова, о семъ отъ него не домогался». Все производство дѣла «въ обоихъ мѣстахъ, въ судѣ и у главной здѣшней команды, отъ него скрытое», Флееровъ подвергалъ «крайнему сумнѣнію», а потому «не только огорченный *по неблагосклонности*, но злодѣями и изувѣчен-

ный», видя «всякіе подъиски, почти къ обвиненію его *по здѣшнимъ наклонностямъ*, а не защищеніе и помощь», онъ принужденъ былъ «о избавленіи отъ такого *здѣшняго утѣсненія* горестное прошеніе высшему начальству принесть».

Неизвѣстно, чѣмъ дѣло кончилось въ гражданскомъ судѣ. Въ явочной же челобитной, занесенной въ Губ. Канц. 26-го мая [1]), Флееровъ писалъ, что де «по неизвѣстнымъ мнѣ обстоятельствамъ донынѣ не только удовольствія какого, но и начала не вижу; *а компанія нощная неоднократно и затѣмъ свои потаенныя сборища въ томъ же пустомъ дворѣ производитъ*, какъ въ одно время для утѣшенія ихъ или какова содѣйстія и несомы въ тотъ дворъ, по сборѣ ихъ, надутыхъ коровыхъ пузырей немалое количество взявъ къ нимъ было внесено, гдѣ тутъ же и секретарь Жиловичъ той же компаніи соучаствующій бываетъ, къ соблазну не малому о такомъ сборищѣ всему здѣшнему въ согражданствѣ благосовѣстному и честному обществу; котораго сборища членъ есть и комисаръ Гудимъ».

Челобитная эта и подана была собственно по поводу обиды, нанесенной Флеерову Гудимомъ 20-го мая на Подолѣ: Гудимъ «при многихъ людяхъ азартнымъ образомъ крича называлъ разбойниками» Флеерова и полицмейстера Якушина. По этому поводу Флееровъ вновь упоминаетъ о бывшемъ на него нападеніи «злодѣевъ, коими разбитъ, обезображенъ, умученъ и ограбленъ», и между прочимъ сообщаетъ, что де эти злодѣи при дознаніи «открыли, *какое то сборище титло или званіе имѣетъ*». Въ послѣднемъ пунктѣ своей челобитной Флееровъ писалъ такъ: «Итакъ будучи сему потаенному сборищному обществу онъ прилѣпленъ, *а уйму въ томъ наблюденія не видя*, въ дерзость явно входитъ и непристойно ругаетъ и порицаетъ честно и въ благопристойности себя содержащихъ людей; въ таковомъ его неистовствѣ формальной просьбы здѣсь съ точнымъ объясненіемъ происшествія, въ ночь отъ него Гудима причиненнаго, какъ законами установлено, *произвесть мнѣ нынѣ, по обстоятельствамъ извѣстнымъ, сего дѣла некому* до воспослѣдованія впредь высшаго отъ Его Высокографскаго повелѣнія».

А между тѣмъ Высокографское повелѣніе состоялось уже 22-го мая и, надо думать, было оно не особенно пріятно Флеерову, такъ какъ этимъ повелѣніемъ ему предоставлялось, «если онъ искать хочетъ окончанія своей претенсіи, то онъ жалобы свои можетъ *взнесть*

[1]) См. Ист. мат. изъ архива Кіев. Губ. Пр.“ вып. 1-й, стр. 151.

въ кіевскомъ магистратѣ, и если окажутся виновными подлежащіе воинскому суду и начальству, то таковые тогда могутъ быть къ оному и отосланы».

Такое направленіе дѣла указываетъ, думается мнѣ, на то, что графъ Румянцевъ, вѣроятно, по представленію Ельчанинова, желалъ отдѣлить личную обиду, нанесенную Флеерову тремя служителями, отъ дѣла о «потаенномъ сборищѣ», о которомъ доносилъ Флееровъ. Тѣмъ не менѣе въ магистратъ было препровождено все дѣло, производившееся въ военномъ судѣ, и содержавшіеся все время подъ арестомъ три служителя Кузьмина и Веделя. Изъ имѣвшагося у меня доношенія кіев. магистрата въ Малороссійскую Коллегію отъ 27-го іюля видно, что на 21-ое августа вызывался въ магистратъ по этому дѣлу Михайло Гудимъ: «какъ оной по званію своему единственно подъ командою оной Малороссійской Коллегіи состоитъ», то магистратъ и проситъ Коллегію указомъ подтвердить Гудиму, чтобы онъ явился къ назначенному сроку непремѣнно. «О другихъ же, въ помянутой кампаніи бывшихъ чинахъ, куда о комъ надлежало, отъ магистрата сообщено». Такимъ образомъ магистрату предоставлялось разслѣдовать дѣло о лицахъ служилаго, привиллегированнаго класса, притомъ дѣло такого щекотливаго свойства, какъ «потаенное сборище» этихъ лицъ,—прямо относящееся къ вѣдомству полиціи, тѣмъ болѣе, что и происходило оно, какъ и причиненное Флеерову «злодѣйство» на Печерскомъ форштадтѣ, который ни въ какомъ отношеніи вѣдѣнію магистрата не подлежалъ.

Къ сожалѣнію, кромѣ упомянутаго доношенія магистрата въ Мал. Коллегію, никакого документа по этому дѣлу мнѣ больше не встрѣчалось.

Оставляя въ сторонѣ приключенное Флеерову «злодѣйство», совершенное слугами поручика Кузьмина и провизора Веделя едва ли безъ вѣдома своихъ господъ, а вѣроятнѣе всего по приказанію ихъ, остается загадочнымъ самый фактъ существованія «потаенныхъ сборищъ», личный составъ которыхъ болѣе или менѣе опредѣляется вышеприведеннымъ спискомъ лицъ, выходившихъ изъ калитки дома Полетики въ ночь 14-го октября. Едва ли Флееровъ фантазировалъ, когда утверждалъ въ своемъ заявленіи, поданномъ спустя 7 мѣсяцевъ послѣ совершеннаго надъ нимъ насилія, что «кампанія нощная неоднократно и затѣмъ свои потаенныя сборища въ томъ же пустомъ дворѣ производитъ». Не могъ онъ выдумать и написать безъ вся-

каго основанія, что побившіе его слуги открыли на судѣ, «какое то сборище титло или названіе имѣетъ».

Что же это было за общество? Для какого «утѣшенія» себя оно собиралось? Не послало ли оно прислугу побить Флеерова просто за подсматриваніе?

А Флееровъ былъ человѣкъ безпокойный и по полицейской части ретивый, какъ видно, не одобрявшій «здѣшняго» слабаго смотрѣнія.

Изъ попадавшихся мнѣ въ разное время архивныхъ документовъ, касающихся личнаго состава Кіев. Губ. Канц., видно, что Василій Федоровичъ Флееровъ, которому въ описываемое время было 54 года, происходилъ изъ приказныхъ, службу свою началъ копіистомъ въ Пр. Сенатѣ, гдѣ и продолжалъ ее до назначенія своего, въ чинѣ коллежскаго совѣтника, въ Кіевъ губернаторскимъ товарищемъ въ генварѣ 1767 года. Имѣлъ въ Петербургской губерніи 11 душъ крестьянъ. Женатъ и имѣлъ сына, о которомъ въ документѣ 1773 года сказано: «россійской грамотѣ и писать обученъ, а за неимѣніемъ въ Кіевѣ другихъ училищъ и способныхъ учителей учится одного латинскаго языка».

Когда Губ. Канцелярія доживала уже послѣдніе дни свои, графъ Румянцевъ уволилъ Флеерова отъ должности по представленію Ельчанинова, который нѣсколько разъ жаловался на то, что Флееровъ «по нѣкоторымъ только дѣламъ присутствуетъ, по инымъ безъ всякихъ правильныхъ резоновъ отъ присутствія отказывается, а по многимъ, за послѣдовавшими на него подозрѣніями, вступать въ разсмотрѣніе, не долженъ». Это было въ 1777 году въ декабрѣ мѣсяцѣ, когда графъ Румянцевъ нашелъ его «далѣе не надобнымъ», предписавъ ему явиться въ Пр. Сенатъ. А. А.

Къ исторіи бывшей волынской гимназіи въ г. Кременцѣ.— Помѣщаемъ не безъинтересную въ бытовомъ отношеніи записку, касающуюся внѣшняго быта учениковъ бывшей волынской гимназіи— лицея, которая сохранилась у насъ, къ сожалѣнію, въ неполномъ отрывкѣ. Записка касается роеписанія блюдъ столовой кременецкой гимназіи, денежныхъ взносовъ и нѣкоторыхъ мелкихъ статей ученическаго хозяйства. По всей вѣроятности это *отрывочный списокъ части устава кременецкой гимназіи,* сдѣланный кѣмъ либо для памяти. Прилагаемъ этотъ списокъ въ такомъ порядкѣ, въ какомъ онъ данъ въ отрывкѣ.

Wygody są następuiącé:

Na śniadaniè: chlèb z masłem, powidłami, sèrèm, albo kluski.

Na obiad mięsny: Barscz, legumina, pięczènia lub rósòł, sztuka mięsa, iarzyna.

Podwieczorek: jak śniadaniè z odmianą.

Na wieczerzą: krupnik z mięsem, lazanki, lub zrazy, kasza, i iarzyna.

Na obid postny: barscz z rybą, lub kapustniak, albo téź rosòl z ryby; świèźà ryba lub więdła, łazanki i iarzyna.

Na wieczerzą: krupnik, kluski lub kesza; albo iarzyna z leguminą odmięnną.

Odezwa każdègo obywatela o przyięcie ucznia od 1 czerwca do 1 września tylko przyięta bydź może: wczesnie bowièm przed zaczęciem roku szkolnédo urządzèniè gospodarskie powinną bydź uczynione.

Wszystkich nauk w Wołyńskiém gimnazium dawanych, będą się ciż uczniowie w porządku i stopńiu przepisańym uczyc, s talèntów rysować i śpiewać (którzy zechcą) darmo maią wolność; potrzeby tylko szkolnè, iako to: kreda, ołówki, papiér, nóty do śpiéwania i t. p. opatrywać powinnî. Za lekcyie zaś tańcòw, fechtowańia, konnégo ieżdżénia, iest tà samá mierná opłata iaka od innych uczniów została oznaczonà.

Każdy s takowych uczniów konîecznie przed 15 września przyiechać powinién; reiestr rzeczy, iakie przywiezie, ma bydź pokazanym Prefektowi Gimnaziialnému.

W drukowańem 20 maia 1810 roku obwiesczeniu wyrazilem, iz u Prefecta znayduie się specyfikacyja rzeczy, dla takiego ucznia, koniecnie potrzebnych. Aby zaš do każdego wiadomości doszło, umiesczam ten reiestr portrzeb z wyrażéniém cény; zostawuiąc wolnosć złożénia u Prefekta pieniędzy ńa raz iedeń przy oddawaniu ucznia i ieżeliby wymienionych rzeczy oddadź nie miał chęci.

Następuiącé rzeczy powinień mieć uczéń przy weysciu do konwiktu.

Papieru liber 10, po zł. 1 gr. 6	złł	12		
Atramentu butelek kwartowych 2, po zł 2, gr 15	złł	5		
Scyzoryk 1.	—	2		
Ołuwków tuzin $1^1/_2$	—	3	gr.	18
Pior gęsich kop 4	—	2	—	—
Papieru na rysunki liber 4.	—	20	—	—
Rávsfeder do rysunkow 1.	—	5	—	—
Raysbrat 1.	—	4	—	—

Kredy na rysunki, lotow 20, a fl. 1	—	4	—	—
Lubryki lotów 12, gr. 10.	—	4	—	—
Rayszkulow kop 3..	—	6	—	—
Gumy elestyczney lotow 2, 1 gr. 20	—	3	gr.	10
Kałamarz i piaseczniczka	—	—	—	20
Liniia 1	—	—	—	20
Teka 1	—	2	—	—
Mydła ok 3	—	7	—	24
Sczotek do butow 2	—	—	—	20
Sczotka do sukiéń 1	—	—	—	20
Grzebień gęsty i rzadki 2.	—	2	—	20
Szuwaxu kwart 4	—	12	—	—
Igiel rózney wielkości 4	—	—	—	6
Nici białych i farby uniformu.	—	2	—	—
Serwet ma bydż danych z domu	—	6	—	—
Obrus ma bydż dańy z domu	—	1	—	—
Talérzow 4	złł	2	gr.	20
Sztućcow para 1	—	1	—	20
Lużka cynowa 1.	—	1	—	20
Lichtarz ze sczypcemi 1	—	4	—	—
Szklańek 2	—	—	—	20
Karafinka 1	—	1	—	—
	Zbior złłch	127	gr.	18

Точное, педантическое (съ обозначеніемъ цѣнъ до грошей) росписаніе мелкихъ ученическихъ принадлежностей, разсчитанное на возможный для ученика комфортъ, показываетъ, до какой степени было предусмотрительно кременецкое начальство въ отношеніи къ внѣшнему быту своихъ питомцевъ. Неизвѣстно только, въ какой степени исполнялись такія «obwiesczenija».

Ѳ. Куринскій.

Спорные вопросы въ исторіи г. Золотоноши. Въ «Географическо-Статистическомъ Словарѣ Россійской Имперіи» П. Семенова (II, 286) говорится, что Золотоноша «упоминается въ первый разъ въ исторіи Руссовъ Конисскаго въ 1647 г.» Затѣмъ объяснено, что нѣкоторые производятъ названіе отъ существовавшаго во времена кн. Іеремiи Вишневецкаго укрѣпленнаго замка, служившаго сборнымъ мѣстомъ взимаемыхъ съ Украины податей золотою монетою; другіе

же производятъ названіе отъ рѣки, размывающей сланецъ, имѣющій золотистый блескъ (отъ примѣси слюды или колчедана). Составитель словаря не пользовался Архивомъ Юго-Зап. Рос., а между тѣмъ именно здѣсь и встрѣчаются данныя, относящіяся къ Золотоношѣ, которыя не были извѣстны и знаменитому М. А. Максимовичу, помѣстившему свое «Воспоминаніе о Золотоношѣ» (вошедшее въ собраніе сочиненій, т. II. 365). Дѣло въ томъ, что уже около 1570 г. *Золотьная* иначе *Глинщина*, послѣ бездѣтной смерти князя Богдана Путивльскаго досталась его родственникамъ изъ рода князей Жижемскихъ (Арх. Ю. З. Рос. I. I 108.) Въ 1616 г. Золотоноша была мѣстечкомъ, недавно основаннымъ на земляхъ м. Домонтова и принадлежала кн. Полоніи Тышанкѣ Домонтовой (ibid. VII. I 315). Въ 1631 г. была «містомъ». Принадлежала Богуфалу Олексичу и Андрею Халаиму. Было дымовъ 10, огородниковъ 5, млынъ. (ibid. VII, I. 366, 377). Въ 1640 г. Золотоноша значится Королевскимъ имѣніемъ и находилась въ державѣ Самуила Лаща, но милиція кн. Іереміи Вишневецкаго ограбила Золотоношу и перебила слугъ и подданныхъ Лаща. (ibid. VI. I, 521). Между тѣмъ найденная мною въ Золотоношѣ книга мѣстнаго цехового братства, заключающая между прочимъ копію фундаціи, выданной въ 1627 г. тогдашнимъ владѣльцемъ кн. Іереміею Вишневецкимъ ремесленникамъ шевскаго, кравецкаго и кушнирскаго цеховъ, представляетъ не мало данныхъ въ пользу того, что уже въ 1627 г. Золотоноша была довольно значительнымъ населеннымъ мѣстомъ. [1]) Въ самомъ дѣлѣ въ фундаціи говорится, что братчикамъ «вольно будетъ въ каждый рокъ два кануны меду» .... «з которыхъ то кануновъ... свѣчи ставить въ храмѣхъ Божественныхъ въ мѣстѣ Золотоноши, въ церкви Успенія Пр. Богородицы и въ церкви св. отца Николая». Безъ сомнѣнія, братство существовало ранѣе 1627 г., и наличность двухъ церквей свидѣтельствуетъ о многолюдствѣ, и ужь никакъ не вяжется съ тѣмъ, чтобы въ 1631 г. могло быть только 10 дымовъ, огородниковъ 5 и млынъ, принадлежавшіе Богуфалу Олексичу и Андрею Халаиму. Послѣдніе могли быть мѣлкопомѣстными владѣльцами окрестныхъ хуторовъ, тяготѣвшихъ къ Золотоношѣ, гдѣ владычествовалъ

---

[1]) Эта интересная рукопись съ записями цеховыхъ братчиковъ начиная съ 1700 по 1852 г. включительно доставлена мною высоко уважаемому В. Б. Антоновичу. По рукописи могутъ быть исправлены редакціонныя измѣненія, сдѣланныя покойнымъ Ѳ. Г. Лебединцевымъ при напечатаніи моей замѣтки „Остатки братства и цеховъ въ Полтавщинѣ“ (Кіев. Стар. 1885. Сент. 159 и дал.).

могущественный Іеремія Вишневецкій, съ которымъ нѣсколько позднѣе—въ 1640 г. не могъ справиться Самуилъ Лащъ, такъ какъ въ слѣдующемъ 1641 г. Золотоноша, въ числѣ многихъ другихъ, включена въ инвентарь Вишневеччины и заключала 273 господарей, которые за освобожденіе отъ панщины, должны были платить въ княжескую казну каждый ежегодно по 5 талярей [1]). А коль скоро это такъ, то княжеская милиція дѣйствительно могла перебить слугъ и подданныхъ Лаща, но едва-ли стала бы грабить помѣстье своего же повелителя. Предоставляемъ компетентнымъ историкамъ выяснить вопросъ о принадлежности Золотоноши въ 1640 г. къ числу Королевскихъ имѣній. Что касается наименованія поселенія, то основаніемъ служатъ мѣстныя преданія, которыми пользовались и М. А Максимовичъ, и извѣстный авторъ записокъ о Полтав. губ. Н. Арандаренко. По словамъ перваго, названіе Золотоноша приписывается преданіемъ тому, что «подать сюда *приносима* была всегда *золотою* монетою». Въ другомъ мѣстѣ авторъ говоритъ, что замковое укрѣпленіе въ Золотоношѣ расположено было на островѣ, вокругъ котораго былъ высокій земляной валъ, памятный еще мѣстнымъ старожиламъ (въ 1859 г.). И вотъ авторъ «даетъ правдоподобіе этому преданію, что украинское золото стекалось сперва на замковый островъ, и отсюда уже, р. Золотоношкою плыло въ заднѣпровскій городъ, который въ книгѣ Большаго Чертежа называется «Мошною Вишневецкаго». А золота въ эту мошну, восклицаетъ авторъ, входило тогда не мало». [2]). По словамъ же Арандаренко рѣка Золотоношка названа, по преданію, «отъ бывшаго на ея берегахъ мѣднаго шифера, коего блескъ уподобляется блеску золота. Такой шиферъ въ этомъ уѣздѣ попадается нынѣ по р. Крапивнѣ у м. Крапивны» [3]).

Итакъ преданіе, укрѣпленный замокъ и книга Большаго Чертежа служили М. А. Максимовичу источниками для опредѣленія названія Золотоноши. Въ особенности, по видимому, книга имѣла значеніе, ибо, по выраженію автора, объ Золотоношѣ «не говорятъ наши древнія лѣтописи; не встрѣчается она даже въ книгѣ Большаго Чертежа, гдѣ находите еще *городами* нѣкоторыя мѣстечки, нынѣ подчиненныя Золотоношѣ». Но вотъ теперь извѣстенъ источникъ, указывающій на время около 1570 г. съ названіемъ «Золотьная». Въ связи

---

[1]) Максимовичъ, Собр. сочин. II, 366, 369.

[2]) Ibid 366, 370.

[3]) Запис. о Полтав. губ. ч. III. 324.

со вторымъ преданіемъ не слѣдуетъ ли иначе отнестись къ книгѣ Большаго Чертежа, тѣмъ болѣе, что начертаніе Заднѣпровскаго города не вполнѣ тождественно съ народнымъ произношеніемъ—а съ перестановкой ударенія измѣняется представленіе. Такъ Максимовичъ объясняетъ, что подать была отправляема водою... въ прибережный городъ *Мошну*. Мнѣ неоднократно приходилось слышать изъ устъ простонародья и интеллигенціи, что названіе заднѣпровскаго нынѣшняго мѣстечка произносится въ именительномъ падежѣ не иначе какъ «*Мо́шны*», а не «Мошна́». Предоставляя гг. филологамъ объяснить происхожденіе и значеніе слова «Мошны», позволимъ себѣ замѣтить, что великороссійская мошна (хранилище для денегъ) имѣетъ украинскія синонимы: «капшу́къ», «калы́тка». Во всякомъ же случаѣ намъ становится очевиднымъ, что Золотоноша обязана своимъ названіемъ не тѣмъ сокровищамъ, которыя переходили чрезъ укрѣпленный замокъ въ казну могущественнаго въ свое время ренегата, а блистающимъ золотистымъ блескомъ размывамъ скромной рѣченки, теперь маловодной, которые ранѣе возведенія замковыхъ укрѣпленій были замѣчены и послужили для поселенія названіемъ, впослѣдствіи измѣненнымъ въ окончаніи.

В. Василенко.

Открытіе въ Кіевѣ главнаго народнаго училища въ 1789 году. 1788 и 1789 г.г. имѣютъ очень важное значеніе въ исторіи народнаго просвѣщенія въ Юго-Западномъ краѣ, какъ годы, которыми начинается новая эра въ этой исторіи.

До указаннаго времени дѣло народнаго просвѣщенія въ Юго-Западномъ краѣ, и именно просвѣщенія въ духѣ православной церкви, находилось довольно въ плачевномъ положеніи. Гнетъ поляковъ, давившій на всѣ стороны жизни православнаго южно-русскаго народа, происки іезуитовъ, матеріальная недостаточность—все это въ большей или меньшей степени мѣшало развитію и распространенію народнаго просвѣщенія въ краѣ. Чисто русскихъ школъ, которыя могли бы служить дѣлу народнаго образованія, на Юго-Западѣ было весьма мало, да и существовавшія далеко не всѣ удовлетворяли своему назначенію; а между тѣмъ возможно большее открытіе такихъ школъ являлось существенною необходимостью, съ одной стороны, какъ противовѣсъ размножавшимся іезуитскимъ школамъ, съ ихъ антирус-

скимъ и антиправославнымъ направленіемъ, а съ другой—въ силу непригляднаго состоянія просвѣщенія среди народной массы.

Вполнѣ, поэтому, естественно, что имп. Екатерина II, въ своихъ заботахъ о подъемѣ образованія въ Россіи, обратила особенное вниманіе на эту сторону жизни Юго-Западнаднаго края и издала повелѣніе относительно открытія народныхъ училищъ въ болѣе значительныхъ городахъ и мѣстечкахъ Бѣлоруссіи и южно-русскихъ губерній. По этому поводу учреждена была, «Коммиссія объ установленіи народныхъ училищъ», подъ предсѣдательствомъ гр. П. В. Завадовскаго, которая дѣятельно и энергично занялась разработкой вопроса относительно открытія народныхъ школъ. Въ самомъ непродолжительномъ времени выработаны были уставъ народныхъ училищъ и программа обученія въ нихъ, выбраны учебники и пособія и даже предназначены нѣкоторыя лица въ качествѣ директоровъ и учителей для училищъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Коммиссія разослала начальникамъ бѣлорусскихъ и южныхъ губерній повелѣніе императрицы касательно открытія народныхъ училищъ, съ предписаніемъ: «пріуготовить открытіе и изыскать средства къ содержанію училищъ безъ отягощенія казны и безъ оскудѣнія другихъ полезныхъ заведеній».

Благодаря такой энергичной дѣятельности Коммиссіи, при не менѣе энергичномъ содѣйствіи со стороны начальниковъ губерній, во всѣхъ почти значительныхъ городахъ и многихъ мѣстечкахъ Юго-Западнаго края въ сравнительно небольшой промежутокъ времени возникли народныя училища. Было между прочимъ «установлено» главное народное училище и въ Кіевѣ въ 1789 году, при С. Е. Ширковѣ.

Изъ донесенія послѣдняго гр. П. В. Завадовскому видно, что открытіе этого училища состоялось 1-го мая 1789 года.

Къ торжественному дню открытія стеклось болѣе трехъ тысячъ человѣкъ, такъ что училищное зданіе не могло вмѣстить всѣхъ желавшихъ присутствовать на торжествѣ и во всѣхъ комнатахъ училища размѣстились только «отцы и матери учащихся и тѣ, которые были поименитѣе». Торжество открытія училища началось молебствіемъ, которое совершалъ Кіевскій митрополитъ Самуилъ Миславскій съ протоіереемъ Кіево-софійскаго собора Іоанномъ Левандой и другимъ духовенствомъ Кіева. Послѣ молебствія говорены были рѣчи [1]) прото-

[1]) Этихъ рѣчей мы здѣсь не помѣщаемъ, потому что опи скоро будутъ цѣликомъ напечатаны въ издаваемыхъ Минист. Н. Просв. „Матеріалахъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи“.

іеремъ Левандой, учителемъ Карбановскимъ и одинъ изъ учениковъ «*осмилѣтній* сынъ надворнаго совѣтника Калиновскаго», произнесшій свою рѣчь, по словамъ Ширкова, «порядочно и съ пристойнымъ видомъ».

Н. Р.

Ко дню открытія въ ново-учреждаемомъ училищѣ насчитывалось уже 58 учениковъ и 18 ученицъ. Всѣ они, по приказанію Ширкова, еще за двѣ недѣли до оффиціальнаго открытія собирались въ училище и здѣсь имъ преподавалось «знаніе о буквахъ», чтобы они въ день открытія могли уже показать это свое знаніе въ присутствіи отцовъ и матерей и именитыхъ посѣтителей. Этимъ Ширковъ, очевидно, хотѣлъ возвысить авторитетъ училища предъ родителями учащихся и вообще предъ кіевскими гражданами и привлечь большее количество учениковъ. Цѣль была достигнута: когда, по окончаніи молебна и рѣчей, учитель началъ дѣлать поступившимъ въ училище вопросы «о сихъ буквахъ», то они, говоритъ Ширковъ въ своемъ донесеніи, «ко удовольствію зрителей весьма порядочно на нихъ отвѣчали, и этимъ подвигнули отцовъ и матерей къ пролитію слезъ съ восклицаніями о Высочайшемъ здравіи Ея Императорскаго Величества и многихъ зрителей пріохотили отдавать своихъ дѣтей, коихъ черезъ одинъ день до десяти человѣкъ уже явилось, и надежду имѣю, что и еще умножаться будутъ».

На донесеніе С. Е. Ширкова объ открытіи въ Кіевѣ главнаго народнаго училища П. В. Завадовскій отвѣтилъ письмомъ, гдѣ высказывалъ Ширкову благодарность за его энергичную и успѣшную дѣятельность въ данномъ случаѣ, и прислалъ уставъ училища, программу «наукъ» для преподаванія въ немъ, списокъ учебниковъ и учителей, предназначенныхъ Коммиссіей для новооткрытаго училища, кромѣ названнаго Карбановскаго.

Какъ видно изъ устава, курсъ училища былъ четырехъ-годичный, причемъ первый классъ вмѣстѣ съ тѣмъ являлся и приготовительнымъ. Въ программу преподаванія, кромѣ первоначальнаго обученія письму и чтенію, входили еще слѣдующіе предметы: законъ Божій, грамматика, ариѳметика, геометрія, физика, механика, архитектура гражданская, всеобщая географія, исторія политическая и естественная, языки латинскій и польскій и рисованіе.

Н. Рыжковъ.

Стихотвореніе—пѣсня про рекрутчину. Приводимое ниже стихотвореніе—пѣсня писано на двухъ четверткахъ бумаги, при чемъ лицевая сторона первой четвертки занята--перечеркнутымъ и писаннымъ вдоль страницы--началомъ прошенія. Прошеніе—отъ имени одного священника заславскаго у. волынской г... Имѣть мѣсто могло оно въ 1861—6 годахъ, а слѣдовательно около этого времени написано (или списано) и стихотвореніе.—Послѣднее должно представлять интересъ въ украинской обличительной литературѣ. Всемогущій Писарь, ему же дань и «карбованцямы» и «корчыкамы»; повидимому, наперсница его—Тодося, задабриваемая горшкомъ масла; скромный Старшина, которому все-таки надо дать «тее сее въ кишени»...—лица все живыя и типичныя.

Якъ въ рекруты въ сели брали,
Батько й маты зарыдалы:
Ей, гой, гой, гой, гопъ—
Данылови буде лобъ.
Ой не плачте, не рыдайте:
Карбованцивъ не ховайте,—
Ей гой, гой, гой, гопъ.—
То не буде ему лобъ. („Ей... лобъ“ и далѣе).

Карбованцивъ не ховайте,
Три корчиковъ вивса дайте,—
Ей, гой...
Три корчики вивса дайте,
Горшокъ масла наскладайте,—
Ей, гой...

У Волости на таблыци
Приклеяны три гостынци...
Ей, гой...
Писарови рублыки,
Конькови корчики,—
Ей, гой...
А Тодоси горшокъ масла,—
Щобъ Писаря добре пасла,—
Ей, гой...
Волостному Старшини
Тее сее въ кишени,—
Ей, гой, гой, гой, гопъ—
То не буде ему лобъ.

Сообщ. **Ю. Тиховскій.**

Переписка атамана Петра Кальнышевскаго съ кіевскимъ митрополитомъ Арсеніемъ Могилянскимъ. «Ясне въ Богу преосвященнѣйшій киръ Арсеній Могилянскій, архіепископъ, митрополитъ кіевскій, галицкій и Малыя Россіи:

Милостивый архипастырь и отецъ!

Что ваше преосвященство въ 1763 году изволили мнѣ архипастырски преподать въ знакъ вашего архипастырскаго благословенія икону, на коей изображеніе Успенія Пресвятой Богоматери и въ оной упрятаны были вашимъ святительствомъ мощи святые; то прошедшаго декабря въ 26 день между произшедшимъ здѣсь сумазброднымъ и богопротивнымъ бунтомъ сія икона съ прочими, имѣвшимися въ моемъ покоѣ иконами, была предана неисчетному руганію и сума-

збродцы скверными ихъ ногами такъ потоптали иконы, что, по усмиреніи сихъ сумазбродцевъ, съ тѣхъ святыхъ мощей ни единой частицы сыскать не могли. Я, при теперишнемъ моемъ разореніи, полагаясь, что ваше преосвященство святое, будучи ко мнѣ архипастырски благосклонны, не пропустите случая сего, чтобъ паки прислать мнѣ икону таковую-жъ со святыми мощами, за что обовязуясь кромѣ должнаго моего вашему преосвященству отблагодаренія сыновняго во всемъ, что надлежатиметъ, служить. А нынѣ препоручивъ себе навсегда вашего преосвященства архипастырскимъ молитвамъ и милости при нижайшемъ моемъ уклонѣ есмь вашего преосвященства милостиваго архипастыря и отца всепокорнѣйшій слуга Петръ Кальнышевскій.

Какіе мощи будутъ мнѣ предложены, то зъ написаніемъ именъ святыхъ тѣхъ прошу удостоить мене письмомъ вашего преосвященства».

Сѣчь Запорожская.
1769 года
генваря 22 дня.

Высокородный господинъ войска низоваго запорожскаго атаманъ кошовый, нашъ зичливый пріятель!

Съ писанія вашего высокородія, отпущеннаго генваря 22 дня сего 1769 года, съ сожалѣніемъ увѣдомились мы, что при послѣдовавшихъ вашему высокородію отъ азартниковъ неистовствахъ по безумствованію ихъ же причинено и поруганіе святымъ иконамъ. Усердно желая, чтобъ Господь Богъ вашему высокородію даровалъ впредъ благополучнѣйшую и спокойнѣйшую жизнь, мы въ знакъ всегдашней нашей къ вашему высокородію благосклонности для многолѣтняго охраненія жизни вашей посылаемъ при семъ икону Успенія Пресвятыя Богородицы такову, какова и прежде отъ насъ была дана въ серебрянной шатѣ и съ вложенными въ нее святыми мощами, о коихъ и реестръ при семъ включается. Какъ же нынѣ Катедральнаго нашего монастыря іеросхимонахъ Онисимъ и монахъ Іонаѳанъ на мѣсто находящагося въ Сѣчи Запорожской іеромонаха Макарія отправлены туда для испрошенія отъ доброхотныхъ дателей на возобновленіе Катедральной нашей обители первопрестольной каменной церкви, которая вспомоществованіемъ доброхотныхъ дателей, а особливо милостинными войска Низоваго Запорожскаго подаяніями нѣсколько уже и возобновлена, только для приведенія къ окончанію того начатаго церковнаго дѣла и для устроенія подобающаго благо-

лѣпія оная обитель наша не имѣетъ достатка. Для того, полагаясь на обыкновенную вашего высокородія и всего войска запорожскаго въ таковыхъ случаяхъ благотворительность и на оказанное уже самимъ дѣломъ катедрѣ нашей доброхотство и усердіе вашего высокородія, просимъ васъ и нынѣ тоя нашея обители монашествующимъ іеросхимонаху Онисиму и монаху Іонаѳану, отправленнымъ для испрошенія означеннаго отъ доброхотныхъ дателей милостиннаго подаянія и вспомоществованія, въ ономъ начатомъ церковномъ дѣлѣ милостивое свое благопризрительство оказывать и свое благодѣтельское пособіе къ пользѣ оныя обители нашея являть. Богъ же богатъ сый въ милости да воздастъ за то вашему высокородію и всему войску запорожскому сторицею и въ будущемъ вѣкѣ нетлѣнными благами, о чемъ оная наша обитель и мы не преминемъ всегда возсылать наши неусыпныя молитвы. вашего высокородія зичливаго нашего пріятеля вседоброжелательный богомолецъ смиренный митрополитъ кіевскій Арсеній.

1769 года
іюля 3-го дня
№ 287.

Реестръ частицъ мощей, вложенныхъ въ икону
Успенія Пресвятой Богородицы:
Мученика Харлампія,
Святаго великомученика Пантелеимона
и святаго Іоанна Златоустаго.

Ясне въ Богу высокопреосвященнѣйшій владыко милостивый отецъ и архипастырю мой!

При многомощномъ архипастырскомъ вашего высокопреосвященства письмѣ, которое я въ походѣ еще августа 31 дня получилъ, присланную Успенія Пресвятыя Богородицы икону, а въ оной и положенныя частицы мощей святаго мученика Харлампія, святаго великомученика Пантелеимона и святаго Іоанна Златоустаго, по прибытіи моемъ съ походу, имѣлъ я щастіе и честь благоговѣйнѣйше держать и разсматривать; чего непосредственно удостоеніемъ будучи всячески доволенъ, всенижайшую мою вашему высокопреосвященству благодарность приношу.

При чемъ вашему высокопреосвященству имѣю донесть: извѣстился я, что бывшій лейбъ-гвардіи при Семеновскомъ полку протоіерей Петръ Якубовскій, пріѣхавшій съ Санктпетербурга, находясь

теперь въ Кіевѣ съ фамиліею, много очень бѣдствуетъ. И что онъ мнѣ весьма знакомъ и человѣкъ честенъ, потому ваше высокопреосщенство покорно прошу, посредствовавъ въ томъ для меня, сдѣлать отеческое надъ нимъ милосердіе повелѣть ему дать такое мѣсто, чтобъ онъ съ фамиліею могъ имѣть себѣ пропитаніе, и подъ особымъ вашего высокопреосвященства знаніемъ и респектомъ содержать и отъ дальныхъ бѣдствъ и утѣсненій избавить не оставить,— какову доброучинность я, аки самому мнѣ оказанную, сочтивъ и предавъ себе богоугоднымъ вашего высокопреосвященства молитвамъ и многомощному архипастырскому благословенію, имѣю долгъ пребыть благопочтительнѣйше вашего ясне въ Богу высокопреосвященства милостивѣйшаго отца и архипастыря моего нижайшій слуга атаманъ кошовый Петръ Кальнышевскій.

1769 года
декабря 7 дня.
Запорожская Сѣчь.

Письма эти хранятся въ архивѣ Кіевской Духовной Консисторіи по описи подъ № 59 за 1770 годъ.

Сообщ. протоіерей **Петръ Орловскій**.

Указъ кіевской митрополіи о чинѣ поминанія въ богослуженіяхъ гетмана Кирилла Разумовскаго. «Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы всероссійской изъ Канцеляріи Митрополіи Кіевской преподобнѣйшимъ архимандритамъ Пустыннно-Николаевскому Назарію, Златоверхомихайловскому Модесту, Братскоучилищному Сильвестру, честнымъ игуменамъ Петропавловскому Антонію, Греческому Евгенію, Кіево-Выдубецкаго монастыря правителю іеросхимонаху Василію, всечестнымъ протопопамъ нижняго града Кіева Роману, вышняго града Кіева Гавріилу, Трипольскому Іоанну, честнымъ намѣстнику крестовому кіево-подольскому Павлу, да кіевскихъ дѣвичьихъ монастырей игуменіямъ—вознесенскаго Еленѣ, іорданскаго Серафимѣ, богословскаго Ксанѳіи. Прошлаго 1750 г., августа 8 дня по указу Ея Императорскаго Величества и по опредѣленію его преосвященства Киръ Тимофея Щербацкаго архіепископа, митрополита кіевскаго, галицкаго и Малыя Россіи архипастыря нашего отпущенному съ катедральной митрополіи кіевскія канцеляріи, между прочимъ велѣно вамъ, ясне вельможнаго Господина Малыя Россіи обѣихъ сторонъ

Днѣпра и войскъ запорожскихъ Гетмана, Ея Императорскаго Величества дѣйствительнаго Камергера, Императорской Санктпетербургской академіи наукъ президента, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка подполковника, и орденовъ св. Александра Невскаго, такожъ польского Бѣлаго Орла и Голстинского Св. Анны кавалера, россійской имперіи графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго, въ церковныхъ священнослуженіяхъ на обыкновенныхъ мѣстахъ воспоминать тако: «*благороднаго Кирилла Гетмана*», а понеже таковое воспоминаніе показалось не во удовольствіе, того ради во удовольствіе за отличность особливѣйшихъ его ясновельможности показанныхъ предъ всѣми прежними Гетманами предикатовъ съ полученія сего Ея Императорскаго Величество указа вамъ и всѣмъ вѣдомству вашему подсудственнымъ приказать воспоминать тако: «*высоко и благоурожденнаго сіятельнаго графа Кирилла Григорьевича Гетмана малыя россіи*»,—о семъ вамъ вѣдать и читать по сему Ея Императорксаго Величества указу, полученіе же сего, во мѣсто репорта подъ симъ самимъ вамъ подписавъ, съ послѣдняго мѣста прислать обратно въ Катедральную Канцелярію. 1751 г., августа 27 дня.

Катедральный писарь іеромонахъ Досиѳей. Митрополіи Кіевской архидіаконъ Манассія. Катедральной канцеляріи регентъ іеродіаконъ Лука. Канцеляристъ Моисей Клювѣнскій.

Указъ сей хранится въ Арх. Кіев. Конс. по описи № 130 за 1751 годъ.

Протоіерей **П.Орловскій.**

Приказъ 1788 г. объ обязательномъ ношеніи длинныхъ волосъ дѣтьми священно-и церковнослужительскими. «Духовной Кіевской Дикастеріи. Весьма часто являются у меня священно и церковнослужительскія дѣти, найпаче изъ уѣзду Голтвянскаго, Хорольскаго и Лубенскаго, съ обстрыженными волосами и обритыми головами: а какъ уже неоднократно указами, по моимъ резолюціямъ, предписано, дабы оные священно и церковнослужительскіе дѣти всѣ имѣли на головахъ своихъ отращенные волосы, свойственные людямъ духовнаго чина и соотвѣтствующіе церковнымъ узаконеніямъ; того ради подтвердить въ послѣдній разъ всѣмъ духовнымъ правленіямъ, а гдѣ оныхъ нѣтъ, благочиннымъ, чтобъ по посланнымъ указамъ, о отращеніи волосовъ на головахъ вездѣ и всегда непремѣнное исполненіе чинено было съ тѣмъ, что естли кто изъ священно и церковнослу-

жительскихъ дѣтей и за симъ явится у меня, или въ дому окажется въ такомъ странномъ видѣ, таковый, по исключеніи изъ духовнаго причта, отосланъ быть имѣетъ въ свѣцкую команду, а присутствующіе въ духовныхъ правленіяхъ, равномѣрно благочинные и десятоначальники, за нерадѣніе о исполненіи по посланнымъ указамъ не только отъ своихъ должностей отрѣшены, но и подъ началъ въ монастыри посланы быть имѣютъ. Самуилъ митрополитъ Кіевскій".

По полученіи сего приказа Кіевская духовная дикастерія объ исполненіи его разослала указы во всѣ духовныя правленія. (Архивъ Кіевской Духовной Консисторіи дѣло подъ № 23 за 1788 годъ.).

БИБЛІОГРАФІЯ.

Живая старина пер. изданіе отдѣленія Этнографіи Имп. Русскаго Географич. Общества, подъ ред. В. И. Ламанскаго. Спб. 1892 г. Вып. I, II, III и IV.

Изданіе это, уже неразъ подвергавшееся разсмотрѣнію въ нашемъ журналѣ, продолжаетъ держаться тѣхъ же особенностей, какія были указаны въ этихъ разсмотрѣніяхъ раньше: въ немъ замѣчается предпочтеніе «народописанія» въ собственномъ смыслѣ «народовѣдѣнію», или «фольклору» и обиліе разныхъ статей по славяновѣдѣнію. Отсюда проистекаетъ съ одной стороны неудобочитаемость множества страницъ изданія, наполненныхъ совершенно не обработаннымъ, сырымъ матеріаломъ иногда даже безъ всякихъ объясненій и примѣчаній—таковы, наприм., болгарскія народныя сказки и пѣсни изъ Прилѣпа, приведенныя безъ перевода, даже безъ объясненія отдѣльныхъ словъ, обликовъ и выраженій, а также малорусскіе разсказы и повѣрья екатеринославской губ. записанные г. Манжурою (въ 3 разсказѣ отмѣтимъ кстати крупный недосмотръ: въ 6 строкѣ снизу на 79 стр. напечатано, вм. *подавъ,—подивъ*, что совершенно измѣняетъ смыслъ),—а съ другой—нѣкоторая, такъ сказать, заслоненность русскаго матеріала инославянскимъ или, по крайней мѣрѣ, извѣстное излишество этого послѣдняго въ *русскомъ народоописательномъ изданіи.* Мы лично, правда, не посѣтуемъ за это на почтенную редакцію, но такъ ли отнесутся и всѣ другіе читатели, позволительно усомниться...

Изъ статей, на которыхъ слѣдуетъ остановить вниманіе нашихъ читателей, отмѣтимъ вопервыхъ чрезвычайно любопытныя «Путевыя письма И. И. Срезневскаго къ матери его Е. И. Срезневской» (1839—1842 г.). Въ 1839 г. молодой Измаилъ Ивановичъ Срезневскій (27 лѣтъ), впослѣдствіи знаменитый славяновѣдъ, отправился изъ Харь-

кова, въ которомъ до того времени сосредоточивалась его общественная и научная дѣятельность, за границу, именно въ славянскія земли для подготовки къ занятію одной изъ только что открытыхъ тогда въ русскихъ университетахъ каѳедръ славяновѣдѣнія. Еще живя въ Харьковѣ, онъ полюбилъ украинскій народъ, съ любовью изучалъ его жизнь, записывалъ его безыскусственныя творенія и т. д.; эту же живую и сознательную любовь къ народности онъ перенесъ и въ свои славянскія изученія, и съ этой стороны его письма представляютъ громадный, выдающійся интересъ и не только для славяновѣдовъ, но и просто для тѣхъ образованныхъ русскихъ людей, кто отдаетъ должную дань и цѣну народоописательнымъ изученіямъ. Посмотрите, съ какою жадностію ловитъ онъ всякій случай сойтись съ какимъ нибудь непосредственнымъ представителемъ той или другой славянской народности, въ особенности изъ наиболѣе забитыхъ и мало извѣстныхъ, проникнуть въ тайники народной души, прослѣдить біеніе народной жизни. Письма написаны бойко, живо и непринужденно съ тѣми обычными стилистическими и другими неправильностями, которыя такъ свойственны этого рода литературѣ, создаваемой часто при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ: карандашомъ, на постояломъ дворѣ или на почтовой станціи, въ промежуткѣ времени между откладываніемъ и закладываніемъ лошадей, въ грязной комнаткѣ жалкой провинціальной гостинницы или заѣзжаго дома, нерѣдко на клочкахъ бумаги и т. д. При бойкости и остроуміи, дѣлающихъ эти письма чрезвычайно удобочитаемыми даже для широкой публики, читатель встрѣчаетъ сплошь да рядомъ, среди иногда мелкихъ и, казалось бы, пустенькихъ картинокъ, случаевъ и т. д., описываемыхъ авторомъ, обстоятельства и факты глубокаго историческаго значенія или такіе, отъ которыхъ невольно и съ негодованіемъ отвращается душа чуткаго и впечатлительнаго читателя. Вотъ, наприм. маленькая картинка, на первый взглядъ меленькая и сѣренькая, а между тѣмъ глубоко задѣвающая читателя и справедливо возмущающая его до глубины души (изъ XXXIV письма, Ополье въ Слезіи, 10 авг.): Путешественникъ взялъ себѣ до Стрѣлена проводника и спрашиваетъ его: Ты Слезакъ?—А то-жъ! былъ отвѣтъ. Ночевали у зятя этого проводника; зять оказался человѣкомъ очень незажиточнымъ, но за молоко и хлѣбъ съ солью, отпущенные имъ путешественнику на ужинъ, не захотѣлъ взять денегъ, а напротивъ «былъ очень радъ (продолжаемъ далѣе словами Срезневскаго), что принимаетъ дорогаго гостя—«Чеха» (я игралъ ролю Чеха) и, видно, уче-

наго.—Пишите, пишите, пѡне (=господинъ), да не забудьте написать, что молиться велятъ, а читать не учатъ. Дали намъ какого то «затраценего нѣмца» учителемъ: мы его не разумѣемъ, а онъ насъ. Вотъ мой сынишка и твердитъ «Фатеръ унзеръ» вмѣсто «Ойче нашъ». Ну что это за моленье? Этакъ больше согрѣшишь. Ну что это «Фатеръ унзеръ»? До одиннадцати мы проболтали. Юзефа, жена зятя, легла спать, оставивши намъ огарокъ плошки, и подъ слабый свѣтъ ея я записалъ прекрасную думку о семилѣтней войнѣ и многое другое. Потомъ—въ сосѣди къ коровѣ... (путникъ спалъ на дворѣ подлѣ коровы). Фактъ, разсказанный Срезневскимъ—а такихъ въ его письмахъ вы встрѣтите немало,—чрезвычайно важенъ: въ немъ вы видите безхитростное, но глубоко справедливое осужденiе славянскимъ народомъ той политики онѣмеченiя, которая уже тогда предпринималась Австрiей и Пруссiей. Великолѣпны по своему простосердечiю и вмѣстѣ по глубинѣ осужденiя эти слова простаго, безграмотнаго слезскаго селянина: «Ну что это Фатеръ унзеръ»? Повторяю, въ письмахъ Срезневскаго читатель, даже современный, найдетъ массу любопытнѣйшихъ подробностей, характеризующихъ состоянiе тогдашнихъ общественныхъ и политическихъ отношенiй той или другой славянской народности, и мы горячо рекомендуемъ ихъ нашимъ читателямъ.

Изъ другихъ статей, которыя могутъ быть любопытны для читателей «Кiевской Старины», укажемъ еще слѣдующiя: горячiй и прочувствованный некрологъ А. А. Потебни, написанный самимъ редакторомъ В. И. Ламанскимъ (Вып. I, 126—136 стр.) и двѣ статьи, посвященныя воспоминанiямъ о Потебнѣ: Б. Ляпунова: «Памяти А. А. Потебни» (Вып. I, 136—149 стр.—статья довольно дѣльная и обстоятельная, недурно характеризующая научные труды покойнаго исполина науки) и маленькая замѣтка г. М. Халанскаго подъ такимъ же заглавiемъ; затѣмъ: трудолюбиво составленный «Очеркъ Русской дiалектологiи» г. А. Соболевскаго (Малорусское нарѣчiе разсмотрѣно въ IV вып, «Живой Старины»), и («Бытовыя черты русинки Холмскаго края», очеркъ г. К. Яроцкаго—довольно живая бытовая картинка.

А. Степовичъ.

Матеріалы для исторіи минской епархіи. I. Письма къ разнымъ лицамъ преосвященнаго Виктора Садковскаго, перваго минскаго архіепископа (1—CL). Собраны и объяснены С. Г. Рункевичемъ, Минскъ 1892. Стр. 201+XVI.

13 апрѣля 1893 года исполнилось сто лѣтъ со времени учрежденія минской епархіи. Этимъ и объясняется появленіе въ печати писемъ перваго минскаго архіепископа.

Викторъ Садковкій былъ воспитанникомъ Кіевской академіи, гдѣ его узналъ Георгій Конисскій, бывшій въ то время профессоромъ философіи и богословія, а затѣмъ архіепископомъ бѣлорусскимъ. Вызванный по окончаніи курса въ академіи въ Польшу, Садковскій, въ разныхъ должностяхъ, ревностно старался по части водворенія православія въ Польшѣ и былъ первымъ минскимъ епископомъ, по открытіи этой кафедры. Умеръ онъ въ 1803 году архіепископомъ Черниговскимъ.

Изданныя г. Рункевичемъ письма извлечены изъ архивовъ: Святѣйшаго Синода, минской, могилевской и черниговской консисторій и касаются почти исключительно офиціальной переписки Виктора Садковскаго и, при всей своей краткости, не лишены значенія для характеристики внутренняго строя церкви и положенія православнаго духовенства въ Польшѣ наканунѣ ея паденія. Въ числѣ писемъ мы находили, напримѣръ, ходатайства Садковскаго о посвященіи тѣхъ или другихъ лицъ въ духовныя должности, о наказаніи лицъ духовнаго вѣдомства, о поведеніи ихъ, о хозяйственныхъ дѣлахъ монастырей и епархіи и т. д.

Всѣ письма снабжены довольно обстоятельными примѣчаніями г. Рункевича, значительно облегчающими ихъ чтеніе и пониманіе. Изданы они сравнительно хорошо для провинціальнаго изданія.

Все изданіе должно состоять изъ трехъ выпусковъ. Второй—составитъ *переводъ* писемъ Садковскаго на польскомъ языкѣ, а третій—*возстановленіе* подлиннаго русскаго текста не сохранившихся до насъ писемъ преосвященнаго на основаніи польскаго перевода ихъ (стр. 6). Признаемся, для насъ какъ-то странно звучатъ слова *переводъ* и *возстановленіе* въ устахъ серьезнаго издателя, какимъ бы мы хотѣли считать С. Г. Рункевича. Отчего бы не напечатать польскихъ писемъ Садковскаго на польскомъ языкѣ? Отъ этого только бы выиграла та цѣль, для которой г. Рункевичъ предпринялъ свое изданіе—научная. Отъ того, что письма Садковскаго будутъ напеча-

таны по-русски, число ихъ читателей врядъ-ли прибавится, а между тѣмъ, при переводѣ, характеръ подлинника писемъ навѣрно утратится. Въ крайнемъ случаѣ, ужъ лучше было бы напечатать письма на польскомъ языкѣ съ русскимъ переводомъ. Еще болѣе страннымъ намѣреніемъ кажется намъ *реставрація* писемъ Садковскаго. Зачѣмъ она нужна и кому она нужна? Реставрація эта будетъ только безполезной фальсификаціей языка перваго минскаго архіепископа. Гораздо лучше, конечно, напечатать польскіе переводы: меньше ошибокъ будетъ. Хотѣлось бы вѣрить, что почтенный издатель измѣнитъ нѣсколько свое намѣреніе. **Н. В.**

Г. Барацъ. Очеркъ происхожденія и постепеннаго затѣмъ упраздненія въ Россіи совѣстныхъ судовъ и суда по совѣсти.—Историко-юридическій этюдъ. Спб. 1893 г., 40 стр.

Въ министерствѣ юстиціи, какъ передавала печать, возникла въ послѣднее время мысль о возстановленіи существовавшихъ у насъ раньше совѣстныхъ судовъ, имѣвшихъ цѣлью разрѣшеніе такихъ споровъ, а также преслѣдованіе такихъ уголовныхъ нарушеній, которыя прямо не предусмотрѣны въ дѣйствующихъ законахъ. По этому то поводу г. Барацъ и выпустилъ свой интересный, хотя и черезчуръ краткій, историко-юридическій этюдъ, съ цѣлью, съ одной стороны, опредѣлить источники, откуда первоначально были почерпнуты дѣйствовавшія у насъ въ прежнее время постановленія о совѣстныхъ судахъ и о введенной впослѣдствіи, взамѣнъ этихъ учрежденій, судебными уставами 1864 г. особой формы суда по совѣсти; съ другой—съ цѣлью лишній разъ показать, что русскіе гражданскіе законы, въ большинствѣ случаевъ, не являются отраженіемъ народной жизни, духовнаго склада и міросозерцанія, но «представляютъ лишь конгломератъ разнаго рода опредѣленій, набранныхъ часто изъ различныхъ, по своему духу и направленію, иностранныхъ кодексовъ и юридическихъ трактатовъ».

Совѣстные суды установлены въ Россіи 26-ю главою «Учрежденія о губерніяхъ», которая, по мнѣнію г. Бараца, «по своему составу и содержанію, представляетъ странную смѣсь узаконеній *малороссійскихъ* и *англійскихъ*, приправленную нѣкоторыми афоризмами *латинскаго* и *итальянскаго* происхожденія» (стр. 3). Свою мысль авторъ доказываетъ сопоставленіемъ отдѣльныхъ пунктовъ 26-й

главы «учрежденія» съ ея источниками и приходитъ къ заключенію, что она основана, главнымъ образомъ, на «Правахъ, по которымъ судится малороссійскій народъ», гдѣ говорится о третейскихъ судахъ и на практикѣ англійскихъ courts of equity. Общій выводъ автора таковъ: «бросая общій взглядъ на содержащіяся въ ней (26 главѣ) постановленія, нельзя не замѣтить, говоритъ онъ, сразу крайней невыдержанности и противорѣчивости началъ, на коихъ основанъ былъ у насъ совѣстный судъ. Такъ, суду этому, подобно малороссійскому третейскому суду, предписано было вершать дѣла по законамъ, «какъ и прочіе суды», но въ тоже время, будучи отчасти снимкомъ съ англійскихъ courts of equity, онъ долженъ былъ рѣшать дѣла не по строгости формальнаго права, а по требованіямъ совѣсти или справедливости, по началамъ aequitatis, aequi et boni. Далѣе юрисдикція и малороссійскаго третейскаго суда справедливости обнимаетъ исключительно гражданскія дѣла, а между тѣмъ кругъ дѣйствій нашего совѣстнаго суда, хотя послѣдній и созданъ былъ по образу и подобію обоихъ названныхъ судовъ, относился, какъ замѣчено было уже въ шестидесятыхъ годахъ «гражданскимъ отдѣленіемъ коммиссіи для составленія проэкта судебныхъ уставовъ», болѣе къ дѣламъ уголовнымъ, нежели къ гражданскимъ (стр. 18—19).

Несмотря на это, совѣстный судъ былъ встрѣченъ съ большею признательностью со стороны русскаго общества и только впослѣдствіи къ нему окончательно охладѣли, а графъ Канкринъ видѣлъ въ немъ даже «перевѣсъ демократическаго элемента». Проектъ Сперанскаго о преобразованіи совѣстныхъ судовъ не удостоился вниманія и совѣстные суды къ 1861 году были постепенно закрыты.

Во время составленія судебныхъ уставовъ судъ по совѣсти думали предоставить мировому суду, но это не осуществилось. Въ мировомъ уставѣ есть, дѣйствительно, двѣ статьи, говорящія о судѣ по *убѣжденію совѣсти*, но онѣ, благодаря толкованіямъ сената свелись къ нулю и никогда никакого значенія не имѣли.

Г. Барацъ прямо не высказываетъ своего отношенія къ новому предположенію министерства юстиціи о возстановленіи совѣстныхъ судовъ и приводитъ только два рѣшенія по одинаковымъ дѣламъ, состоявшіяся въ промежуткѣ ста лѣтъ: одно совѣстнаго суда, другое суда формальнаго. Во второмъ рѣшеніи по буквѣ закона, правда принесена въ жертву формѣ. Это можетъ служить опроверженіемъ утвержденія г. А. Боровиковскаго въ его «Отчетѣ судьи», что и общіе суды могутъ всегда рѣшать дѣла «по убѣжденію совѣсти» (стр. 34—35).

И. В.

Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1889 годъ. Спб. 1893 г. (1—241 стр.+Прилож. 1—14; 1—145 стр.).

Въ прошломъ году (1892 г. № 5-й), давая отзывъ объ «Отчетѣ за 1888-й годъ», мы имѣли случай указать на то, какую большую услугу оказываетъ публикѣ администрація Императорской Публичной Библіотеки, выпуская въ свѣтъ обширные отчеты за годъ, знакомящіе насъ не только съ цѣлымъ рядомъ статистическихъ данныхъ, но и съ новыми пріобрѣтеніями библіотеки, особенно рукописными, причемъ иные рукописные матеріалы тутъ-же, въ приложеніяхъ, печатаются, а остальные довольно подробно описываются.

Въ послѣднемъ отчетѣ за 1889 годъ, вышедшемъ только въ этомъ году, мы находимъ опять подробный перечень всѣхъ пріобрѣтеній библіотеки въ видѣ рукописныхъ матеріаловъ и старопечатныхъ книгъ, съ краткимъ описаніемъ каждой рукописи; но на этотъ разъ встрѣчается очень мало такихъ, которыя представляли-бы интересъ для «Кіевской Старины», какъ журнала, посвященнаго спеціально разработкѣ южно-русской исторіи и литературы.

На первомъ планѣ въ «Отчетѣ» поставлена коллекція рукописей и книгъ, принадлежавшихъ графу А. Г. Строганову и пожертвованныхъ имъ Томскому университету, а теперь, согласно желанію графа, переданныхъ попечителемъ Западно-Сибирскаго Округа въ Императорскую Публичную Библіотеку, такъ-какъ—сказано въ отчетѣ— «эти рукописи и библіографическія рѣдкости для университета не могли имѣть такого важнаго значенія, какъ для Императорской Публичной Библіотеки» (стр. 8), Въ данномъ случаѣ вполнѣ можно согласиться съ этимъ заключеніемъ «Отчета», такъ-какъ всѣ рукописи носятъ общій, а не спеціально-мѣстный характеръ, а слѣдовательно желающихъ работать по нимъ скорѣе можно ждать въ Петербургѣ, нежели въ Томскѣ (всѣ рукописи на латинскомъ, французскомъ, чешскомъ, арабскомъ, персидскомъ и турецкомъ языкахъ). Среди-же печатныхъ книгъ только и есть одна на русскомъ языкѣ, которой подобаетъ по всей справедливости сохраняться въ Публичной Библіотекѣ,—это «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» 1790 г. Радищева, тотъ самый экземпляръ, который былъ въ Тайной канцеляріи и затѣмъ какъ-то купленъ былъ А. С. Пушкинымъ за двѣсти рублей, что и значится въ собственноручной надписи поэта на книгѣ.

Самымъ интереснымъ пріобрѣтеніемъ является переданное послѣ смерти А. А. Краевскаго зятемъ его В. А. Бильбасовымъ со-

браніе писемъ разныхъ лицъ къ А. А. Краевскому и историко-литературныхъ матеріаловъ, находившихся между его бумагами. Въ этомъ собраніи находятся: 1) 3123 письма отъ 759 лицъ къ А. А. Краевскому, а таже нѣсколько писемъ, адресованныхъ не къ нему; все это переплетено въ 8 томовъ; и 2) 14 папокъ еще съ нѣсколькими письмами къ А. А. Краевскому и съ автографами нѣторыхъ писателей а также съ прочими разнородными матеріалами. Изъ этого собранія «Кіевская Старина» воспользовалась уже, благодаря любезному содѣйствію В. П. Горленка, двумя письмами, напечатанными въ № 5 текущаго года; изъ нихъ одно - письмо къ А. Краевскому Алексѣя Петровича Стороженка, а другое—копія съ письма Ѳ. Булгарина о Гоголѣ, писанное къ неизвѣстному лицу. Изъ разсматриваемаго нами теперь «Отчета» мы извлечемъ еще нѣсколько мелочныхъ замѣтокъ, представляющихъ интересъ для нашего юга. Прежде всего отмѣтимъ то любопытное объявленіе Гоголя о желаніи имѣть попутчика заграницу, которое перепечатано уже было многими газетами: «Нѣкто, не имѣющій собственнаго экипажа, желаетъ прокатиться до Вѣны съ кѣмъ-нибудь, имѣющимъ собственный экипажъ, на половинныхъ издержкахъ. Оный нѣкто человѣкъ смирной и незаносчивой: не будетъ дѣлать во всю дорогу никакихъ запросовъ своему попутчику и будетъ спать вплоть отъ Москвы до Вѣны. Спросить на Дѣвичьемъ Полѣ въ домѣ Погодина Николая Васильев. Гоголя» (стр. 36). Это объявленіе яко-бы было прислано для помѣщенія въ Московскихъ Вѣдомостяхъ. Укажемъ далѣе на то письмо Н. А. Маркевича къ А. А. Краевскому, которое сопровождалось стихотвореніемъ его же «Ругателю Украины» (февраль 1843 года). Къ сожалѣнію, ни письмо, ни самое стихотвореніе въ «Отчетѣ» не напечатаны, такъ-что, кромѣ этого маленькаго извѣстія о самомъ фактѣ, мы болѣе ничего не знаемъ о существѣ его (стр. 41). Въ приложеніяхъ къ «Отчету» помѣщенъ алфавитный перечень лицъ, письма которыхъ находятся въ указанныхъ 8 томахъ собранія бумагъ А. А. Краевскаго, съ указаніемъ количества писемъ каждаго лица, а также перечень писемъ, адресованныхъ не къ нему, равно какъ и другихъ бумагъ, содержащихся въ этихъ-же 8 томахъ. Кромѣ того, тутъ-же въ приложеніяхъ напечатаны цѣликомъ прелюбопытныя въ историко-литературномъ отношеніи письма къ А. А. Краевскому В. Г. Бѣлинскаго и В. П. Боткина. Изъ этихъ писемъ мы воспользуемся только прямо относящеюся къ интересамъ нашего журнала слѣдующею выдержкою.

Въ письмѣ изъ Москвы отъ 19 августа 1839 г. В. Бѣлинскій мимоходомъ высказываетъ свой взглядъ на извѣстное произведеніе Г. Квитки «Панъ Халявскій». «Панъ Халявскій для перваго чтенія потѣшенъ и забавенъ, но при второмъ чтеніи съ него немного тошнитъ. Это не творчество, а штучная работа, сборъ анекдотовъ, словомъ, возведеніе малороссійской жизни до идеала, если подъ идеаломъ должно разумѣть, вмѣстѣ съ французами, собраніе воедино всѣхъ чертъ, разсѣянныхъ въ природѣ и относящихся къ одному предмету. Впрочемъ, для журнала «Халявскій» — кладъ: онъ найдетъ себѣ больше читателей и хвалителей, чѣмъ *творческія* произведенія Гоголя» (стр. 13). Мы знаемъ, какіе разнородные отзывы въ журна листикѣ даны были въ свое время объ этой піесѣ Г. Квитки; знаемъ также, какихъ воззрѣній держался В. Г. Бѣлинскій на малорусское писательство вообще и на писанія Квитки въ частности, — такъ-что приведенная выдержка изъ письма его новаго ничего не даетъ, а только еще съ одной стороны подходитъ къ этому вопросу, а именно — показываетъ намъ, чего требовалъ отъ журнала тогдашній средній читатель, т. е. публика.

Изъ другихъ пріобрѣтеній отмѣтимъ только записки Управлявшаго Морскимъ Министерствомъ адмирала И. А. Шестакова о жизни своей и о современныхъ ему событіяхъ, записки, доведенныя до 1881 года, а также собственноручныя его замѣтки въ видѣ дневника въ 8 книгахъ, за 1882—1888 годы, т. е. почти по день смерти. Въ завѣщаніи сказано: «записки мои, посвященныя памяти первой жены моей, передать въ Императорскую Публичную Библіотеку съ тѣмъ, чтобы ихъ издали по смерти моей вполнѣ или въ извлеченіяхъ. Своевременность, выполненіе требованій приличія относительно упоминаемыхъ въ запискахъ лицъ и самый способъ изданія зависятъ совершенно отъ Управляющаго Библіотекою. Вырученныя деньги прошу употребить на стипендіи для приходящихъ въ московскія женскія гимназіи». Жена покойнаго заявила, что супругъ ея неоднократно высказывалъ желаніе, чтобы рукописи эти не были печатаемы ранѣе 50 лѣтъ, вслѣдствіе чего Государю Императору угодно было Высочайше повелѣть записки эти, храня въ Библіотекѣ, не оглашать ранѣе 50 лѣтъ со дня кончины адмирала Шестакова, послѣдовавшей 21 ноября 1888 года.

Въ числѣ отдѣльныхъ рукописей, поступившихъ въ библіотеку въ 1889 году, укажемъ слѣдующія: 1) Сборникъ конца XVII и начала XVIII вѣка, гдѣ среди разныхъ мелочей находится на л. 92

«Арацѣя—образецъ небольшаго привѣтствія въ виршахъ на Рождество Христово» (стр. 131); это, по всей вѣроятности, одна изъ тѣхъ рождественскихъ виршъ, которыя извѣстны намъ уже въ нѣсколькихъ редакціяхъ и которыя ждутъ еще полнаго изслѣдованія своего. Въ этомъ-же сборникѣ на л. 382 помѣщенъ отрывокъ изъ извѣстнаго сочиненія Іоанникія Голятовскаго, переложенный съ малорусскаго на русскій языкъ: «выписано ис книги Месиї, обѣтованнаго Христа споръ христіанина з жидовиномъ о Его Божествѣ» (стр. 136).

2) Сборникъ скорописью послѣднихъ лѣтъ 18 го вѣка, въ которомъ между прочимъ находится Пѣснь полку Игореву. Это переложеніе на современный русскій языкъ, сдѣланное по всему вѣроятію А. Ѳ. Малиновскимъ раньше перваго печатного изданія. Въ началѣ этого переложенія слѣдующая любопытная замѣтка: «Сія поема писана въ исходѣ XII вѣка на славено-русскомъ языкѣ; но столько встрѣчается въ ней малороссійскихъ названій, что не знающему польскаго языка трудно и понимать. Въ переводѣ-жъ семъ не сохранено ни оригинальности древняго, ни ясности нынѣшняго діалекта; то въ разсужденіи сего и хотѣлось мнѣ очистить его отъ всѣхъ пустяковъ, здѣлать пріятнымъ для чтенія и въ примѣчаніяхъ объяснить обстоятельствы историческія; но оригиналъ затерялся у Николая Михайловича (Карамзина), а у меня такъ-же былъ списокъ перевода нѣсколько уже выправленной; не помню, кому-то я далъ его прочесть и назадъ не получилъ. Прошу не прогнѣваться на нѣкоторыя непонятности, которыя при чтеніи окажутся» (стр. 144). Понятно, что для уясненія такого памятника какъ Слово о Полку Игоревѣ всякая дополнительная мелочь можетъ представлять интересъ, а тѣмъ болѣе эта рукопись, дающая въ приведенной только что замѣткѣ какіе-то неясные намеки. Что значитъ, напримѣръ: «оригиналъ затерялся у Николая Михайловича»? Что это за переводъ?

Какъ видно изъ всего сказаннаго, Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки и за 1889 годъ составленъ съ такой научной полнотой, что книга эта не только будетъ играть роль справочной, подобно другимъ отчетамъ, но всецѣло войдетъ въ списокъ научныхъ матеріаловъ, особенно что касается прелюбопытныхъ писемъ къ А. А. Краевскому такихъ крупныхъ литературныхъ именъ какъ В. Г. Бѣлинскій и В. П. Боткинъ.

В. Науменко.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Отъ Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.

Въ торжественномъ собраніи гг. членовъ С.- Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, состоявшемся 11 мая 1893 года, по случаю исполнившагося 25-лѣтія существованія Общества, учрежденъ конкурсъ, съ двумя преміями, одной въ 3000 руб. и другой въ 1000 руб., имени **А. Ѳ. Гильфердинга**, за лучшія сочиненія на слѣдующія темы:

1) „Представить сжатый, но обстоятельный, основанный на возможно-полномъ изученіи доступныхъ источниковъ, при знакомствѣ съ литературою предмета, очеркъ исторіи южныхъ и западныхъ славянъ, начиная съ такъ называемой исторической эпохи ихъ существованія въ Европѣ до 1879 года включительно,—въ связи съ исторіей сопредѣльныхъ народовъ и государствъ. Въ предлагаемомъ очеркѣ должно быть обращено вниманіе не на внѣшнія только политическія судьбы славянскихъ народовъ, но и на внутреннюю ихъ жизнь—церковь, литературу, право и т. п. причемъ съ большею полнотою должны быть изложены тѣ періоды и отдѣльныя событія въ исторической жизни славянъ, которые оставили болѣе глубокій слѣдъ въ судьбахъ той или другой славянской народности, въ общеславянской и общеевропейской исторіи. Очерку долженъ быть предпосланъ обзоръ главнѣйшихъ источниковъ для исторіи южныхъ и западныхъ славянъ и указатель по крайней мѣрѣ важнѣйшихъ пособій для болѣе подробнаго ознакомленія съ тѣмъ или другимъ отдѣломъ славянской исторіи“ (премія въ 3000 р.).

2) „Представить обстоятельный, основанный на точномъ знаніи источниковъ, очеркъ исторіи и современнаго положенія заграничной Руси (Галицкой, Буковинской и Угорской) въ отношеніяхъ—политическомъ, религіозномъ, экономическомъ (за

послѣднее время) и пр., причемъ, конечно, больше вниманія должно быть обращено на тѣ стороны и періоды въ историческихъ судьбахъ заграничной Руси, въ которыхъ наиболѣе ярко выразились съ одной стороны упадокъ національной ея жизни, а съ другой—и подъемъ народнаго русскаго духа. Предлагаемому очерку слѣдуетъ предпослать указатель источниковъ и пособій. Къ сочиненію, въ случаѣ его печатанія, должна быть приложена карта заграничной Руси" (премія въ 1000 р.).

Сочиненія на вышеизложенныя темы должны быть представлены въ Совѣтъ С.-Петербургскаго Славянскаго Общества (С.-Петебургъ, площадь Александринскаго театра № 9) обязательно на русскомъ языкѣ, не позже 11 мая 1896 года, безъ обозначенія имени автора, только съ номеромъ или девизомъ.

Обозначеніе имени автора должно быть приложено въ особомъ, наглухо запечатанномъ конвертѣ, на которомъ должны быть прописаны номеръ или девизъ рукописи.

По присужденіи, по докладу Совѣта общему собранію, за лучшія сочиненія премій таковыя будутъ выданы соискателямъ, по вскрытіи конвертовъ съ ихъ именами, въ собраніи гг. членовъ Славянскаго Общества 14 февраля 1897 года.

Премированныя сочиненія печатаются (въ количествѣ 1200 экз.) на счетъ Славянскаго Общества, которое изъ всего количества печатаемыхъ экземпляровъ получаетъ въ свое распоряженіе 600, а другіе 600 уступаетъ автору *].

---

*) По соглашенію съ совѣтомъ Общества авторъ можетъ печатать свое сочиненіе и въ большемъ количествѣ экземпляровъ, но уже на свой счетъ—свыше 1200 экз.

побѣжали были люде въ розніе мѣста, тогда порублено отъ Авганцовъ съ 5000 душъ. Потомъ шахъ подъ караулъ взятъ и обретается на шаховомъ дворѣ, приставленъ къ нему капитанъ зъ нѣкоторимъ числомъ людей и никуда оного не пускаетъ, толки временемъ самъ Магмутъ къ нему ходитъ, а мѣнѣстръ Магмутовъ рѣдко биваетъ; шахови же дѣти и братъ шаховъ, зъ 35 члов̑ѣкъ, въ особливихъ полатахъ содержится на томъ же дворѣ, подъ карауломъ, и онимъ зъ шахомъ видѣтись недопускаютъ, однако жъ доволное имѣютъ препитаніе, а жени шахови всѣ взяти къ Магмуту, толко по прозбѣ шаховой отдано ему три жени, а сѣмъ дочерей шаховихъ приказалъ Магмутъ замужъ роздать за своихъ честнихъ людей. Потомъ, апр. 26-го сего году, отправленъ былъ шахъ въ Кандагаръ и отехавши отъ Гиспаганѣ верстъ за 20, заболѣлъ и по прошенію его возвращенъ назадъ въ Гиспаганъ; минѣстровъ при немъ мало и первой его минѣстръ Магметъ Кулиханъ склоненъ къ Магмуту, а прочіе подъ карауломъ содержатся. Про магмуцкой обыходъ и про войско, которое при немъ, слишно, что приуготовлено провіянту на 4 года, а збиранъ до взяття Гиспагану изъ деревенъ и потомъ привозили для продажи много, и продаютъ ценою пшено по 5 абасъ, мяса батманъ по 4 абасъ, которого привезено много зъ Кумиси старого приуготовленія, пшеницѣ батманъ по 3 абаси и полъ, ячмень по 2 абаси и пол., курица по 8 гривенъ, а купци съ товарами и съ каравани за опасностію не приходятъ, а жителемъ гиспаганскимъ нинѣ въ домахъ ихъ въ купечествѣ обидъ небываетъ.—Магмутъ Авганъ за Гиспаганомъ многими провинціями не владѣетъ, а владѣетъ толко Гиспаганомъ и уездомъ гиспаганскимъ, да авганскою и кандагарскою провинціями и по сю сторони Гиспаганѣ до Кашини и то за страхъ его единий, авганская же и кандагарская провинціи доброжелателни ему. Того-жъ году, въ декавр. м-цѣ, изъ Вавилона, отъ Касанъ паши въ Іспаганъ къ Магмуту присланъ былъ посланникъ зъ писмомъ, именемъ Іменъ-aga, для привѣту, ради взятого Іспагану, и данъ ему въ Гиспаганѣ дворъ и кормъ; людей при немъ было со 120 човѣкъ; честь ему была малая и признавали его за шпіона, однако жъ по

9 днях дана ему авдіенція, и Магмутъ наединѣ съ нимъ, посланникомъ, сидѣлъ и отпущенъ на квартиру, и по нѣсколку дняхъ признали посланника за шпіона и велено было его держать подъ карауломъ, но минѣстри магмутови отсовѣтовали, а по 20 дняхъ призванъ былъ посланникъ къ Магмуту и дано ему писмо къ Касанъ пашѣ, и отправленъ за 3 дни, и когда онъ прибылъ въ gамадамъ, шаgида велѣлъ его одержать 45 дней, а после освобожен. Вавилонскій паша услишавши о задержаніи посланника своего, собралъ войска и хотѣлъ посилать въ Гамаданъ и получивши вѣдомость, что посланникъ едетъ, войска роспустилъ; и какъ посланникъ прибылъ въ Вавилонъ, то на другій день и отправленъ къ солтану въ Константинополь. Тотъ посланникъ старался вѣдомости имѣть про гавани Бендерабаскую и Боримскую, между якими съ первой збыривано по 170000 р., кромѣ иноземцовъ, которіи толко гостинци даютъ, а Боримскую гавань арапи мескецкіе разорили, и никого нѣтъ; тамъ перла родятся. Магмутъ желаетъ себе утвердить совершеннимъ шахомъ и посилаетъ въ свои провинціи, кандагарскую и авганскую, зъ Гиспаганѣ доволніе денги ко удоволствованію своего войска, чтобъ оное привести въ Іспагань для своего утвержденія и для завладѣнія другихъ провинцій, а при немъ войска собственного 6000, въ якомъ числѣ природнихъ авганцовъ 4000, да испаганскихъ 2000, да старихъ персіянъ, которіе називаются габре 1000, да и съ Кандагаръ ожидаютъ 14000, да Сисанской провинціи, которая близъ Кандагаръ, 1200 семей въ Іспагань присланы и ту поселени и еще надѣются. Жалованне всѣмъ военнимъ платитъ Магмутъ доволне, а авганцамъ недаетъ, толко доволствуются въ партіяхъ; и авганци, какъ слишно, и другіе военніе люде, въ Іспаганѣ зъ долгого життя, скучаютъ и намѣреніе имѣютъ многіи во свой край, и нѣсколко сотъ за прошеніемъ—отпущенни со срокомъ до осени. Военніе люде персидскіе склонность имѣютъ къ Магмуту, а купецкіе и Гиспаганскіе жители и весь народъ желаютъ быть старому шаху, а за устрашеніемъ Махмута, явно говорить несмѣютъ о шаховомъ синѣ, которій въ Тевризе неизвѣстно, а Магмутъ гиспаганскимъ купцамъ даетъ денегъ въ торгъ по 10 р. и

20 р. чоловѣку и болшъ, а беретъ съ нихъ росту на мѣсяцъ съ рубля по 2 копѣйки персидскихъ. Первой минѣстръ Махмутовъ Аманулъ ханъ зовется. И таковую вѣдомость помянутий грузинецъ подписалъ латинскими лѣтерами тако: ego Iosephus Obesalamiani georgianus omnia propria manus subscriptione confirmo. Протчее не такъ нужное до знанія, въ особливой его изображено сказцѣ, толко тое прилагается, же персіяне отъ россіянъ имѣютъ страхъ за рекгулярное воинство и огненную стрелбу, о которой отъ грузинцовъ слишатъ.

Субота. 5. Сегодня обѣдалисмо у себе и зъ нами Іванъ Забѣла и Тимофѣй Скоропадскій, и Данило Галенковскій, и Василченко. У вечеру заболѣлемъ на жолудокъ, что мусѣлъ вомѣтовать.

Неделя. 6. Сегодня обѣдалисмо сами и съ нами Петракей. Губернаторъ Кандибѣ надъ нерекгулярними всѣми вручилъ. П. Федоръ дядко и Рощаковскій были у мене и позно отехали.

Понеделокъ. 7. Сегодня обѣдалисмо сами и съ нами Федоръ Чуйкевичъ. По обѣдѣ пріездилъ Іванъ Забѣла и просилъ къ себѣ, такъ же и отъ харковского полковника просили, але отмовилемся своимъ лѣченнемся.

Вовтор. 8. Сегодня рано заходилъ ко мнѣ полковникъ харковскій, просячи къ себѣ на обѣдъ, а обѣдалемъ зъ Тарновіотомъ, Шишкевичомъ и Петракіемъ. Вѣтеръ отъ мора третій день, якъ началъ вѣяти жестокій и води нагнало такъ много, что Кривуша ровомъ пойшла въ Волгу, якій бувъ сухъ всегда кромѣ весни.

Середа. 9. Сегодня вѣтеръ тотъ же не переставалъ и еще болше води нагналъ. Вѣжевскому на росходъ далемъ 10 р. Бремеръ лѣкаръ былъ у мене и объявлялъ о себѣ, что по ордеру князя Урусова, едетъ въ Ярки и Гилянь. Окончилемъ лѣкарство свое.

Четвер. 10. Сегодня обѣдалисмо сами у себе. По обѣдѣ лазня загорѣлася была. Козакъ Краснокутской сотнѣ, ахтирского полку, варилъ пиво у насъ, четверть ячменю, а тое раздѣлилъ на двое и всипалъ въ солодъ окропу вѣдеръ зъ 16 московскихъ, когда жъ постоялъ окропъ год. зъ 4 на солоду, то оную кашу знову въ казанѣ варилъ, а потомъ широтваси сипалъ, отколь и пиво спус-

калъ, якое знову зъ хмеломъ варилъ долго часовъ зъ 2, а хмелю на четверть, то есть на бочку пива всипалъ 4 фунта, когда жъ прохолонуло пиво, въ тотчасъ задалъ дружчами.

Пятокъ. 11. Сегодня волний пургансъ принималемъ въ калфектѣ, и обѣдалисмо у себе зъ Якубовичомъ. Ездилемъ у вечеру до п. Стефана Миклашевского и тамъ у лазнѣ милемъся.

Субота. 12. Сегодня рано ездилемъ зъ Андрѣемъ Миклашевскимъ до генерала маіора губернатора здешнего и именинами его поздоровилисмо, а службы Божой въ соборной церквѣ вислухавши, обѣдалемъ у Івана Забѣли и Тимофѣя Скоропадского. Купилемъ чубукъ за полтину у лавцѣ.

Неделя. 13. Сегодня слухалемъ службы Божэй въ соборной церквѣ, а обѣдалемъ у губернатора, и со мною полковникъ харковскій, Андрей Миклашевскій, Дорошенко и Демянъ Бутовичъ. Пароксисмъ припалъ мнѣ фебри, чего ради и отъ губернатора передомъ отехалемъ. Генералъ маіоръ Дебриней, інженѣръ, пріехалъ зъ Низу въ Астрахань.

Понеделокъ. 14. Сегодня Вѣжевскому далемъ на росходъ 10 р. Обѣдалисмо сами и съ нами Данило Галенковскій. По обѣдѣ присилалъ ко мнѣ князь Василій Алексѣевичъ Урусовъ зъ обявленіемъ, что ему синъ родился, до которого ездилемъ и родившой далемъ дуката у 2 червонниxъ.

Вовтор. 15. Еропкинъ, полковникъ, пріехалъ сюда въ Астрахань, которій сказивалъ: 1-mo, что онъ всю команду привелъ въ Сулакъ и отдалъ оную генералу маіору Кропотову; 2-do, надъ перекгулярними князь Долгорукій вручилъ коменду полковнику ростовского пѣхотного полку Чирикову. 3-tio, Комѣсѣя межовая неокончилась за отездомъ зъ оной селескеръ паши. 4-to, Даутбекъ многіе противности противъ нашей показивалъ сторони. 5-to, бунчуковіе всѣ бывшіе на низовой, передомъ его отехали, морemъ, сюда въ Астрахань, которихъ и по сюю пору нѣтъ; 6-to, за Дербентомъ, около низовой и далѣй корми конскіе суть израдніе. Рано ездилемъ до генерала маіора Дебринея Петра Петровича, да до его жъ и по обѣдѣ знову ездилемъ зъ Еропкинимъ, отъ брегадира

Андрея Петровича Остафѣева, и оттуду знову до брегадира, а оттоль на квартеру Еропкина, где и ночовалемъ зъ нимъ. Онъ же Еропкинъ и тое сказалъ, что Даутбекъ по вѣдомости шпіона писалъ до Сурхая Максюти, Усмея и въ владѣніе шафкалское, чтобъ они согласясь собрались съ своимъ войскомъ на нашъ корпусъ, але Максюта отписалъ до Даутбека, я, мовитъ, добрий человѣкъ самъ себе буду защищать, а ти, если добрій человѣкъ, самъ себе защищай.

Середа. 16. Сегодня обѣдали мы у себе и съ нами п. Федоръ дядко, Раковичъ, Дорошенко и Юско Василченко. Получилемъ пакетъ отъ п. Михайла зъ писмами до многихъ бунчуковихъ, между якими и отъ его, п. Михайла, писмо до мене зъ Барабашевого байраку писанное 23-го септ., въ якомъ виражаетъ: 1-mo, что полковникъ гадяцкій померъ; 2-do, полковникъ Миргородскій, такъ же Семенъ Лизогубъ и Андрей Горленко зъ С. П. Бурху въ доми пріехали; 3-tio, Глуховъ вигорѣлъ увесь, такъ же и Гадячъ.—Полковникъ Еропкинъ отехалъ вверхъ до князь Михайла Михайловича Голицина, а мнѣ оставилъ писмо до губернатора здешнего писанное обо мнѣ, якое у вечеру бувши у полковника харковского отобралемъ у него.

Четвер. 17. Сегодня рано ездилемъ въ городъ и по службѣ Божой былъ у брегадира Остафѣева, которому и писма отдалемъ до пересилки въ Царицинъ, якіе онъ и отослалъ на почту; а писма: 1) до Еропкина полковника зъ прошеніемъ прощенія, что при отездѣ его я не былъ и чтобъ князя въ Харковъ пріехавши просилъ объ листъ сюда обо мнѣ, и листи мои, въ домъ належніе, отослалъ бы въ Ахтирку; 2) листъ до полковника ахтирского зъ обявленіемъ о моемъ состояніи; 3) до род. о моемъ же поведеніи и висилцѣ виправи; 4) до жени о томъ же, да тамъ же и п. Федора дядка до жени его включенъ листъ. Обѣдалемъ въ себѣ зъ сожителемъ. Дорошенко прислалъ мнѣ своего табаку 20 папушъ. Отъ Кандиби увѣдомилемся, что Барановскій, бунчуковий товарищъ, въ походѣ нинѣшномъ противъ Кумтаркаловъ померъ.

Пятокъ. 18. Сегодня посѣщалъ мене секретарь губернскій Толмачовъ. Іванъ Кулябка принюсъ ко мнѣ абрисъ двора губернаторского.

Субота. 19. Сегодня обѣдали у насъ Миклашевскій Андрей и Панкевичъ. Еропкинъ полковникъ пріехалъ, чили повернулся назадъ для того, что крига великая начала ити.

Неделя. 20. Сегодня рано былъ я уполковника Еропкина, которій сказивалъ про комѣсѣю межовую, что оная не состоялася, зъ тихъ по конектурахъ причинъ, что прамой линѣи, веденной отъ села, близъ Шамахи будучого, названного Набутъ, до горъ, противъ рѣки Самура именуемой, отъ мора прамою жъ линѣею 18 часовъ езди въ гору, досталися въ государство Россійское Шатъ гора и городъ новопоселенній Даутбека Тенге и что въ Арменѣи Сикгнацкой армени на 40000 турковъ вибили. Обѣдалъ я у себе, а по обѣдъ ездилъ до секретара Толмачова и куми жени его и до атютантши Вороновой, и просилъ ихъ на завтрее къ себѣ на обѣдъ. Получилемъ листъ отъ Залюбовского, зъ Астраханѣ, что они 1-го октовр. пріехали въ Царицинъ, а 8-го октовр. накупивши коней и вози пооправлявши, отехали домой.

Понеделокъ. 21. Сегодня обѣдали у насъ Івановскій зъ женою, зятемъ и дочерю, секретарь Толмачовъ зъ женою жъ, Воронова и секретарша Остафѣева.

Вовтор. 22. Сегодня рано пріехали сюда въ Астрахань остални̂е бунчуковіе товарищи, бывшіе на низовой, Іванъ Миклашевскій, Григор. Гамалѣя, Василь Томара, Федоръ Заборовскій, Ломиковскій, Кованка, Ширай, Солонини два, Карпѣка, бѣдствовавшіе на морѣ цѣлий мѣсяць, да еще едва не згорѣли, поневажъ гекботъ загорѣлся былъ и заледво утушили, а Дмитро Домонтовичъ на морѣ померъ и вкиненъ въ море. Обѣдалемъ у себе и зъ нами Федоръ Заборовскій, Дефаршъ, Тризничъ и Тарнавіотъ; по обѣдѣ былемъ у Николая Григоріева, а потомъ ездилемъ до Еропкина и оттоль до Миклашевскихъ, где изъ пріеждж имп видѣлемся. Вѣжевскому далемъ на росходъ 10 р.

Середа. 23. Сегодня обѣдалисмо у себе. По обѣдѣ ездилемъ до Еропкина, где съ нимъ, губернаторомъ и Змеіовимъ играли въ карти, при виграшу моемъ 11 р.

Четвер. 24. Сегодня далемъ Гаврилови 100 р., въ чомъ и росписался (не сегодня але вчора). Купилемъ мѣди пудовъ 3, фунтъ по 9 шаговъ. Обѣдали у губернатора, на тезоименитство ея величества, и до ночи гуляли. Вѣжовскому 15 р. далемъ на росходъ же.

Пятокъ. 25. Сегодня рано былъ у мене штапъ лѣкаръ губернскій Миллеръ, а по обѣдѣ ездилемъ до Еропкина, где съ нимъ, губернаторомъ и Змеіовимъ игралемъ въ карти, при маломъ проиграшѣ моемъ.

Субота. 26. Сегодня ездилемъ до Еропкина, где и обѣдалемъ, оттуду ездилемъ до Миклашевскихъ и тамъ посидѣвши, пріехалемъ на свою квартеру.

Неделя. 27. Сегодня ездилемъ до князя Урусова и обѣдалемъ тамъ со многими, понеже у его рождшійся синъ крещенъ былъ и тамъ подпіяхомъ; оттуду зъ Змеіовимъ заездили до брегадира Остафѣева и тамъ посидѣвши, пріехалемъ позно до своей квартири. Волга стала.

Понеделокъ. 28. Сегодня обѣдалисмо сами у себе, а съ нами Василченко. Ездилемъ до судна осматривать. Вѣжевскому далемъ 10 р. на росходъ.

Вовтор. 25. Сегодня обѣдалъ я у князя Михайла Дмитріева Уракина, где губернаторъ и протчіе были и игралисмо въ карти при проиграшу 15 р. Александръ Еропкинъ пріехалъ отъ Румянцова, посланний до С. П. Бурху, въ Астрахань. Лошадѣ Еропкина и дракгуны, тако жъ козаковъ 200 прійшло зъ Сулаку донскихъ, ходившихъ зъ Краснощочонкомъ.

Середа. 30. Сегодня далъ я Гаврилови 100 р., въ чомъ онъ и росписался. Вѣжевскому на росходъ далемъ 10 р. Обѣдалисмо сами у себе, а по обѣдѣ ездилемъ до Еропкина и оттуду заездилемъ до Миклашевскихъ.

Мѣсяць Декавр. Четвер. 1. Сегодня рано ездилемъ до Еропкина, а обѣдалъ у губернатора. Попростился я зъ полковникомъ Еропкиним и братомъ его Александромъ, которіи сегодня отехали въ Царицинъ нагорною стороною; да ему жъ я и листи тіе отдалъ, якіе писани ноевр. 17-го.

Пятокъ. 2. Сегодня рано посѣщалъ мене Василь Томара и Панченко.

Субота. 3. Сегодня обѣдалъ я дома, а съ нами Якубовичъ. По обѣдѣ ездилемъ до дядка п. Федора и Кандиби. Пріехалъ Худолѣй и обявилъ, что Алексѣй пріехалъ въ Сулакъ зъ горѣлкою; онъ же привезлъ мнѣ отъ Демяна грошей 250 р., а 40 р. винялъ Демянъ для тамошней потребы ради перевозу горѣлки зъ ретранжаменту въ Сулакъ.

Неделя. 4. Сегодня службы Божой слухалисмо въ арменской церкви и присмотрувались тамошнимъ церемонѣямъ, где: 1-mo, священникъ въ митрѣ службу Божую служилъ; 2-do, діаконовъ съ нимъ два служили, чили другий паламаръ вмѣсто діакона, въ стихарахъ. 3-tio, священникъ когда передъ службою благословилъ читать часи, то по перемѣнамъ на обоихъ крилосахъ всѣ разомъ говорятъ часи; 4-to, а якъ священникъ виходилъ кадить въ церковь, то передъ нимъ ишолъ паламаръ зъ свѣчою, а за нимъ діяконъ, а потомъ священникъ; 5-to, попи арменскіе въ церкдѣ въ плащахъ темного сукна стоятъ; 6-to, люде въ церквѣ стоятъ, а инніе вмѣсто колѣнопреклоненія на колѣнахъ сидятъ, а иншіе жъ въ шапкахъ стоятъ, когда не такъ важная отправляется церемонѣя; 7-mo, діяконъ Евангеліе и чтецъ апостолъ обернувшись до людей читаютъ. Обѣдалемъ у Миклашевского Андрѣя, а по обѣдѣ ездилисмо до подполковника Неилова кидать лотъ за лошадь, где и я одинъ лотъ за рубля металъ, потомъ зъ губернаторомъ Змеіовимъ и Андрѣемъ Миклашевскимъ игралъ въ карти, при проиграшѣ 12 р.

Понеделокъ. 5. Сегодня обѣдалисмо сами у себе и нѣкуда не ездилемъ. Въ лазнѣ милемся.

Во вторникъ. 6. Сегодня на службѣ Божой были у Николая святого, а обѣдали у себе и зъ нами Якимъ Горленко. Реестра отъ Демяна присланніе раховалемъ, въ которихъ показалось, что продалъ онъ тютюну папушъ 10800, а взялъ грошей 456 р. и 2 грив., прислалъ 350 р., а оставилъ у себе 40 р., а въ росходѣ 63 р. и 4 грив., а въ росходѣ папушъ 270.

Середа. 7. Сегодня ездилемъ рано на базаръ татарскій, где толко купилемъ казанъ у 6 албо 7 фунтовъ. Обѣдалисмо у себе сами, а у вечеру посѣщалъ мене атютантъ губернаторскій князь Ураковъ.

Четвер. 8. Сегодня обѣдалемъ у генерала Дебринея, где и много было гостей и до ночи забавилемся. Гаврило купилъ мнѣ татарчука малого за 15 р., Чамбулатъ. Гаврилу далемъ на колмичатъ и на судно 70 р., въ чомъ онъ и росписался.

Пятокъ. 9. Сегодня на службѣ Божой былисмо въ святого Николая, але здесь зачатія Пресвятой Б—ци непразднуютъ. Гаврило купилъ мнѣ другого малого за 13 р., але поболшого мало, именемъ „ “, каракалпачина.

Субота. 10. Сегодня купалисмо сами у себе. Подпоручикъ гвардіи Федоръ Івановичъ Ушаковъ пріехалъ зъ С. П. Бурха, зъ которимъ видѣлся я и увѣдомился, что: 1-mo, указъ объ отпуску насъ состоялся въ С. П. Бурху; 2-do, въ послѣднихъ числахъ октовр. мѣсяця великое наводненіе было въ С. П. Бурсѣ, зъ немалимъ многихъ убиткомъ; 3-tio, черезъ его посилается кавалерія Дацкого короля къ князю Долгорукову; 4-to, въ Сулакъ на перемѣну Кропотову определенъ генералъ маіоръ Артемей Загразкій; 5-to, въ Глуховѣ при колегіи вицъ президентомъ Арсеніевъ, а другіе члени безперемѣнни. У лазнѣ милемся.

Неделя. 11. Сегодня былъ я у губернатора рано, а по службѣ Божой на водцѣ у подполковника Неилова, а обѣдалъ у себе и съ нами п. Федоръ дядко и Раковичъ. Отослалемъ до Ушакова листъ и 2 бутилки водки г. Румянцову, до отдачи въ Дербентѣ. У вечеру ездилемъ въ городъ и былъ у арменина Скандара Мартиновича, где губернаторъ и протчіе били и сидѣли до позна. Вѣжевскій зъ росходнихъ грошей позичилъ 4 р. козакамъ городисской сотнѣ полку лубенского Олексѣ Левченку и Остапу Донцю. Вѣжевскому на росходъ далемъ 9 р.

Понеделокъ. 12. Сегодня обѣдалисмо сами у себе. Далемъ Гаврилови на судно 20 р. Отехалъ въ Сулакъ сухимъ путемъ Федоръ Ушаковъ, черезъ которого писалемъ до Демяна о покупкѣ татарчука и дѣвчонки, тако жъ лисицъ чорнихъ и бѣлихъ и котовъ

дикихъ; а тое писмо включено въ листѣ до обозного писанномъ, о нашемъ отпуску состоявшомся въ С. П. Бурсѣ и ихъ. Ездилемъ до Змеіова и тамъ просидѣлемъ.

Вовтор. 13. Сегодня обѣдалисмо сами и съ нами Томара и Панкевичъ. По обѣдѣ, ездилисмо на базаръ, где купилемъ пушку [1]) за 2 р. черепашную.

Середа. 14. Сегодня зъ Тарновіотомъ былисмо у Томари, где и обѣдали, а по обѣдѣ ездилемъ до Змеіова, оттуду ходилъ зъ капитаномъ Лѣнце до Дефарша и оттоль до штапъ лѣкара и тамъ посидѣвши, пріехалемъ на свою квартеру.

Четвер. 15. Сегодня обѣдалисмо сами, а по обѣдѣ ездили въ ради індійскіе, где иншого нѣчого невидѣли кромѣ что индійци сѣмя коноплянее зъ водою ростерши, тое зъ опіумъ пьють. Да тамъ же торговали шовкъ добрій, которому красную цену за полъ 7 зол. фунтъ обявлено. Назадъ едучи, заездили до обоихъ Миклашевскихъ.

Пятокъ. 16. Сегодня въ квартерѣ своей сидѣли. Водку рожевую дѣлать такъ: на платъ широкій накласти рожи и положити оній на верхъ казанка чистого, да зверху другимъ наложить казанкомъ, и обмазать, чтобъ держались и въ землю вкопать до половини верхного казанка, а на верхъ оного класти поволній жаръ, рожа въ серединѣ будучая отъ духу сокъ пуститъ и черезъ платъ потечетъ до дна.

Субота. 17. Сегодня обѣдалисмо сами у себе. По обѣдѣ ездилемъ до Змеіова, оттуду у брегадира Остафѣева былъ, а оттоль заехалемъ до Комарскаго и въ свою пріехалемъ квартеру. Воейковъ, капитанъ отъ артиллеріи, сказивалъ, что кгранятъ алмазъ трипеліомъ да козловимъ молокомъ, да еще краснимъ каменемъ, которимъ слюсари полиръ дѣлаютъ на желѣзѣ, да кгранятъ на кругу оловяномъ.

Неделя. 18. Сегодня обѣдалисмо у Якубовича, а оттуду пріехавши на квартеру потомъ ездилемъ до Тихона Демидова на ве-

---

[1]) Табакерку.

черинку, где игралъ зъ губернаторомъ, зъ брегадиромъ Остафѣевимъ и зъ Змеіовимъ, въ карти и виигралъ 7 р. Получилемъ писмо отъ артир. полковника 10-го ноевр. отпущенное, въ якомъ ознаймуетъ, что князь Михайло Михайловичъ будто о мнѣ писалъ до Матюшкина и знову до князя Долгорукова объ отпуску моемъ писать обѣщалъ.

Понеделокъ. 19. Сегодня обѣдалисмо сами у себе и никуда зъ квартири не ездилъ. Стефанъ Миклашевскій поехалъ зъ протчіими въ домъ на реверсъ, черезъ которого писалемъ: 1) до родителя и родителки о своемъ поваженню зъ прошеніемъ о тютюнниxъ денгахъ, 2) до жени—о висилцѣ зимнимъ путемъ виправи; 3) до ясневел. о своемъ же поваженню 4) до Веляминова такожъ, 5) и до п. Михайла, 6) до ахтирского полковника зъ отвѣтствіемъ на его писмо вчора полученное.

Вовтор. 20. Сегодня никуда, кромѣ церкви, неездилемъ.

Середа. 21. Сегодня обѣдалисмо сами у себе, а по обѣдѣ посѣщалъ мене капитанъ порутчикъ отъ артиллеріи Лѣвце, которому и 10 папушъ тютюну далось.

Четвер. 22. Сегодня кромѣ церкви нѣгде не были. У лазнѣ мились.

Пятокъ. 23. Сегодня рано отецъ Павелъ былъ у насъ зъ молитвою. Онъ же татарчуковъ моихъ обоихъ огласилъ и имена далъ, Батакою болшому имя Урвана апостола, а меншому Чамбулату имя Амплія апостола, которихъ память октовр. 31-го. Вѣжевскому далемъ 10 р. на росходъ.

Субота. Сегодня были мы у церквѣ ст. Іоанна Златоуст. и тамъ коммунѣковались, а по службѣ заходили до Андрѣя Марковича, сумского наказ. полковника, и оттуду домой пріехали. До Змеіови посилалемъ барилце водки и дулевой фляшу.

Неделя. Рождество Х-во. 25. Сегодня были мы зъ поздравленіемъ губернатора и службы Божой въ соборѣ слухали, где губернаторъ зъ другими архиерейскими пѣвчими спѣвалъ службу Божую зъ партесной ноти. По обѣдѣ ездилисмо до п. Федора дядка и Стефана Гамалѣи, оттуду были у генерала маіора Дебринея,—Зъ С. П. Бурху пріехалъ сюда кондукторъ, посиланний туда отъ пол-

ковника Дебринея, который сказывалъ, что Воронова на семъ боцѣ Москви стрѣтилъ.

Понеделокъ. 26. Сегодня обѣдалисмо сами у себе, а по обѣдѣ визиту учинили Вороновой атютантшѣ новой. Писалемъ листъ до Демяна о покупцѣ футеръ лисѣхъ и другихъ и чтобъ Алексѣй сюда ехалъ сухимъ путемъ, при певной и надежной окказѣи, и оній листъ Худолѣй отнюсъ до Савичовъ, а они своего человѣка мѣли посилать до Сулаку.

Вовтор. 27. Сегодня ездилисмо въ городъ на службу Божую, а по службѣ былъ я у генерала маіора Дебринея, обѣдалисмо сами и Якубовичъ въ квартирѣ своей; по обѣдѣ ходили до Кулябки и до Якима Горленка, и оттуду назадъ повернулись.

Середа. 28. Сегодня въ городъ же ездили на службу, а обѣдали у себе и съ нами Федоръ Чуйкевичъ, по обѣдѣ пріездили Степанъ Бутовичъ, Іванъ Забѣла и Федоръ Заборовскій.

Четвер. 29. Сегодня обѣдалимо сами и съ нами Костенецкій. По обѣдѣ ездилисмо до дворця Государевого, оттуду до Костенецкого зъ Андреемъ Миклашевскимъ заездили, и въ нашу пріехали квартиру.

Пятокъ. 30. Сегодня обѣдалисмо сами, а съ нами хазяйнъ Степанъ Васил. По обѣдѣ ездилемъ до князя Уракова, оттуду былъ у губернатора, а оттоль въ квартеру, отколь зъ Тарновіотомъ и Якубовичемъ ездилемъ до Трощинскихъ. Платонъ за груши собою взятіе наказанъ публѣчно. Зъ розговору бывшого зъ хазаиномъ своимъ увѣдомилемся, что 1-mo, колмики чорніе великую часть Азіи собою занимаютъ и ихъ на нѣсколько сотъ тисячъ собирается, а ихъ владѣтель Аюка Контайша; да въ нихъ же манѣфектури розніе дѣлаются и китайки, якіе у насъ китайскими сливутъ; подъ того жъ Контайши владѣніемъ былъ и ханъ колмицкій зъ сими колмиками, которій, утекши отъ оного, поддался подъ руку россійскихъ монарховъ. 2-do, оніе жъ колмики чорніе не въ давномъ времени каракалпаковъ побѣдивши и городъ ихъ столечній тутъ Костанъ засѣли, отъ чего они теперъ за Яикомъ около Енбы рѣки кучуютъ. 3-tio, за каракалпаки тожъ кучуючіе народи називаются особливимъ

именемъ козаки. 4-to, въ провинціи царству персидскому принажной, называючойся Курасанъ, отъ Бухарской сторони, надъ Каспѣйскимъ моремъ лежачой, есть городъ где мечеть золотий зовется, для того, что стѣни въ немъ бляхами золотими, товщиною у копѣйку мѣдяную, оббитіе суть, а то для того, что будто тамъ якійся персидскій святець лежитъ, а туда со всей Персѣй знатніе запроважуются умершіе, ради погребенія тамъ. 5-to, Въ індійской Мугола монархѣи есть пограничний отъ Бухаръ городъ, называючійся Мадаскань, въ якомъ войска его винайшлося было на 700000.

Субота. 31. Сегодня рано заездилъ ко мнѣ на квартиру Василь Томара, и обѣдалисмо сами и зъ Якубовичемъ; по обѣдѣ ездилемъ зъ Худолѣемъ до Дорошенка на квартиру его, а оттуду до своеи пріехалисмо.

КОНЕЦЪ.

1727 ГОДЪ.

Януарій мѣсяць. Неделя 1. Сегодня рано былъ я зъ поздравленіемъ нового году у генерала маіора Дебринея, у князя Урусова и у губернатора. По службѣ заходилемъ до секретара Толмачова и тамъ водки випивши, пріехалемъ на квартеру свою, а обѣдалемъ у генерала Дебринея, где братъ цара грузинского Вахтанга, губернаторъ и протчіе были, и у вечеру пріехалемъ въ свою квартеру.

Понеделокъ. 2. Сегодня обѣдалисмо сами и съ нами Якубовичъ. По обѣдѣ ездилисмо до адмиралтейской пристани, где гекботи дѣлаются; оттуду до Борзенъ и Миклашевскихъ, оттоль до своеи квартири. Роднѣцкій, слуга брата п. Андрѣя, отехалъ зъ Астраханѣ домой, черезъ которого писалемъ до родителя о своемъ поваженню и зъ поздравленіемъ нового году, также и до родителки, до жени о томъ же и о висилцѣ виправи завременно, и до п. Андрѣя брата зъ поздоровленнемъ.

Вовтор. 3. Сегодня обѣдалисмо сами у квартерѣ своей, а передъ обѣдомъ ездилисмо на базаръ татарскій, где нѣчого незискалисмо купить, толко теленка за 8 копѣекъ, а по обѣдѣ ездилъ я до Багданова секретара, где позабавившись мало, зайшолъ до Микла-

шевскихъ и тутъ зъ дядкомъ п. Федоромъ и протчіими забавился. Комендантъ здешній астраханскій брегадиръ Остафѣевъ, призвавши къ себѣ Кандибу, обявилъ ордеръ на писмѣ губернаторскій, чтобъ малороссійскіе и слободскіе казаки, такъ же бы и товариство бунчуковое, виездили отсюду немедленно въ Красний яръ, того ради, что зде утѣсненіе дѣлается въ квартирахъ, яковий ордеръ и намъ былъ отъ Кандибы каммунѣкованъ.

Середа. 4. Сегодня рано заездилисмося въ Спасскій монастиръ, на квартиру Якова Жураковского, где составивши доношеніе до губернатора, чтобъ намъ не зездить въ Красний Яръ, пойшлы зъ онимъ до его Кандиба, Якимъ Гречаний, Павелъ Раковичъ и Рощаковскій и упросили его, чтобъ быть по прежнему на квартирахъ, такой ради барзѣй причини, что получилъ онъ указъ сенатскій и ордеръ князь Василія Володимеровича Долгорукого болнихъ товарищей бунчуковихъ отпустить въ доми ихъ, а о преселеніи нашемъ приговоръ знать по недоброхотству Остафѣева состоялся, которий и кричалъ на нашихъ, хваляся зъ квартеръ збыть. Былъ я рано у Губернатора, оттоль пріехалемъ домой, где кушалисмо сами, а по обѣдѣ ездилисмо до почтмейстра Давида Кузмѣча, где п. Федора дядка и другихъ сожителей его засталемъ, оттуду былемъ у Змеіова, у штапъ лѣкара, аптекара и въ квартеру свою позно пріехалемъ. У лазнѣ милемся, за что пяній хазяинъ фуріи строилъ.

Четвер. 5. Сегодня рано былъ я у штапъ лѣкара и Змеіова, а по набоженствѣ кушалисмо у себе у вечеру. Генералъ маіоръ Дебриней отехалъ зъ Астраханѣ въ С. П. Бурхъ, которого пожекгналемъ.

Пятокъ. Богоявленіе. 6. Сегодня службы Божой слухалисмо у Николая ст., а по службѣ заходили до Миклашевскихъ, оттоль на воду ездили, где посвященіе было, оттуду пріехалемъ зъ Григоріемъ Гамалѣею до квартири, где и обѣдалисмо. По обѣдѣ посѣщалъ мене Давидъ Кузмичъ Воронинъ, почтмейстеръ, зъ которимъ ездилемъ до Івана Кулябки и Томари и, тамъ посидѣвши, повернулемся зъ своими до квартири позно.

Субота. 7. Сегодня обѣдалисмо сами, а съ нами Василь Зелененкій, по обѣдѣ ездилемъ до штапъ лѣкара, оттуду до дядка п. Федора, где зъ штапъ лѣкаромъ посидѣвши, були у Рощаковского, и въ свою пріехалемъ квартеру. Вѣжевскій зъ росходнихъ грошей позичилъ 4 р. козакамъ сотнѣ глуховской, Березовскимъ Демку, Сердюку да Евдокиму Кучеравенку, въ чомъ и писмо отъ нихъ взялъ. Томара былъ у вечеру въ мене, когда составлено доношеніе до губернатора объ учиненню смотру болнихъ и протчіихъ и отпуску.

Неделя. 8. Сегодня рано ездилемъ до Змеіова, а оттоль знову до своей квартири, откуду у вечеру ходилъ до Якима Горленка и Ширая. Хазяинови сегодня призвавши передъ себе виговорувалемъ о его предерзости прошлого дня пянственной показавшойся. Губернаторъ обѣдалъ у харковского полковника Квѣтки, у которого быть отмовилемся болемъ голови.

Понеделокъ. 9. Сегодня рано ездилъ я до Якова Жураховского, где многіе наши собирались и уговорили: 1-mo, реестръ о болнихъ составить; 2-do, зраховать зборщиковъ нашихъ Семену и Федору Чуйкевичамъ, Якиму Горленку, Рощаковскому и Зелененкому; 3-tio, чтобъ на чолобитную Голѣнковского писменно отвѣтствовали Григор. Гамалѣя зъ товарищи и бывшіе его. Обѣдалисмо сами, а по обѣдѣ посѣщалъ мене штапъ лѣкаръ Елснеръ.

Вовтор. 10. Сегодня обѣдалисмо въ себе и никуда не ездилъ. Вѣжевскому на росходъ далемъ 10 р. Купилемъ двоихъ малчиковъ болшого каракалпаченина и другого колмика за 26 р. У вечеру написалемъ пѣснь о оправданіи нашемъ предъ Богомъ, которая нижей сего положенна.

Середа. 11. Сегодня обѣдалисмо сами у себе и Юско Даниловичъ Василченко. Ему жъ Юску Василченку далемъ въ позику 5 р., а онъ запасъ на тое далъ. У вечеру ездилъ я до штапъ лѣкара и п. Федора дядка.

Четвер. 12. Сегодня ездилемъ рано до Змеіова и оттоль заездилемъ до Томари, а обѣдалисмо сами. Андрею Трощинскому позичилемъ 20 р. а онъ карту далъ на тое. По обѣдѣ ездилемъ до п. Федора дядка и оттоль въ квартеру самъ пріехалемъ.

Пятокъ. 13. Сегодня рано ездилъ я въ городъ до штапъ лѣкара, у которого зъ дядкомъ п. Федоромъ и протчіими былъ, а оттоль у князя Уракова и Змеіова Андрея Івановича. Болнимъ компанѣи нашей чиненъ былъ въ Кремлѣ смотръ кгубернаторомъ и болѣзни всѣхъ прописани. У вечеру былъ у насъ п. Федоръ дядко и доволно зъ шумнимъ Худолѣемъ подишкуровали, а онъ упрамилъся. Індійци мертвого своего індійца за городомъ палили таковимъ порадкомъ: огней три разложено, зъ которихъ при одномъ музиканти ихъ сидѣли зъ телембасомъ и пѣвчіи, и спѣвали пѣсни, а при другомъ огнѣ свойственний мертвого сидѣлъ, мертвій лежалъ покритій дуклею; къ свойственному прійшовши абизъ ихъ уговорувалъ его по своему обыкновенію, и когда собрались всѣ індійци, въ тотъ часъ на тѣло мертвого (знявши зъ его поняву) понакладали дрова гурою, а всѣ потомъ взявши по берестинѣ повкладали около мертвого, а за тѣло мертвого на примѣръ масла грудами позакладали и якъ тое все устроили, въ тотъ часъ абизъ води взявши въ суденцѣ обливалъ, округъ тѣла мертвого трижди обходячи, такъже и свойственний мертвого, обойшовши тѣло трижди, розбилъ збанъ зъ водою у головахъ мертвого и когда все тое учинилось, засмаженніе дрова надъ тѣломъ прійшовши індійци зъ запаленними берестинами отъ огня запалили, а такъ згорѣли дрова и тѣло, а висшепомянутая музика отправлялася черезъ увесь тотъ часъ, протчіеже індійци запаливши дрова, побрали всякъ по тресцѣ и, обернувшись отъ огня, черезъ себе тіе трѣски перекидали, и тое вчинивши, неоглядаючись заразъ розехались восвояси.

Субота 14. Сегодня въ своей квартирѣ и кушалисмо зъ Якубовичомъ и Юскомъ и дновалисмо. У лазнѣ мился.

Неделя. 15. Гаврилу далемъ на судно 50 р., въ чомъ онъ и росписался. Штапъ лѣкаръ зъ трома лѣкарами пріездилъ ко мнѣ и атестовалъ мене по дефекту моемъ и Турнавіота. Семенъ Чуйкевичъ бувъ у насъ и пожекгналъся съ нами, что мѣетъ вскорѣ ехать до своего дому. Федоръ Юрченко залѣцалъ зъ сварковскихъ людей Якова Василенка, да середулшого Гавриленка.

церкви т. XI, Спб. 1882 г. патріаршество въ Россіи книга II. М. (1882, № 4, 149—152).

1559. **Макарій,** (митрополитъ московскій и коломенскій). Исторія русской церкви т. XII. Спб. 1883 г. (съ портретомъ покойнаго автора). Т—скаго. (1883, № 5, 155—160).

1560. **Малорусскія** литературныя новинки 1885 г. W. (1885, № 12, 699—702).

1561. **Малышевскій** И. Житіе св. равноапостольнаго князя Владиміра. Спб. 1888 г. П. Голубовскаго. (1888, № 7, 29—33).

1562. **Малышевскій** И. Варяги въ начальной исторіи христіанства въ Кіевѣ. Кіевъ 1887 г. П. Голубовскаго. (1888, № 12, 61—65).

1563. **Мамышевъ** В. Жизнеописанія русскихъ военныхъ дѣятелей. Т. I, вып. 4-й. Спб. 1887 г. Генералъ отъ инфантеріи Михаилъ Андреевичъ графъ Милорадовичъ. М. (1888, № 9, 68—69).

1564. **Манджура** Иванъ. Степови думы та спивы. Спб. 1889 г. В. Г. (1889, № 9, 788—790).

1565. **Маркевичъ** А. О лѣтописяхъ. Изъ лекцій по русской исторіографіи. В. 1-й. Одесса 1883 г. П. Голубовскаго. (1883, № 8, 744—748).

1566. **Маркевичъ** А. Двадцатипятилѣтіе новороссійскаго университета. Историческая записка и академич. списки. Одесса. 1890 г. А. С—ча. (1891, № 9, 506—507).

1567. **Марковъ.** О достопамятностяхъ Чернигова. Черниговъ 1882 г. П. Голубовскаго. (1883, № 8, 742—744).

1568. **Матвѣевъ** А. Къ вопросу объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Южной Россіи. Одесса. 1884 г. И. Каманина. (1885, № 10, 324—325).

1569. **Матеріалы** для исторіи подольской губерніи. Изд. редакц. Подольск. Губерн. Вѣдомостей. 1885 г. А. М—ча. (1885, № 8, 693—696).

1570. **Матеріалы** для историко-статистическаго описанія екатеринославской епархіи. Церкви и приходы XVIII ст. Вып. I. Екатеринославъ 1880 г. 8⁰ 573 стр. (1882, № 3, 560—564).

1571. **Матеріалы** для исторіи воронежской и сосѣднихъ губерній. Воронежскіе акты; изд. воронежскаго статистическаго комитета т. I. Воронежъ 1887 г. Т. Шнейдеръ. (1887, № 11, 559—562).

1572. **Матеріалы** для оцѣнки земель херсонской губерніи т. II. Елисаветградскій уѣздъ. В. Я. (1887, № 2, 339—342).

1573. **Матеріалы** для оцѣнки земельныхъ угодій, собранные черниговск. статист. отдѣленіемъ при губернск. земск. управѣ, т. XV. (Кролевецкій уѣздъ). А. Русова. (1888, № 1—3, 28—39).

1574. **Матченко** И. П. Св. равноапостольный князь Владиміръ просвѣтитель Руси. 900-лѣтіе крещенія Руси. Спб. 1889 г. П. Голубовскій. (1889, № 12, 646—654).

1575. **Маценко** В. А. Прилукщина. Историческое и статистическое описаніе территоріи прилуцкаго уѣзда полтавской губ. Въ 2-хъ частяхъ, съ картой уѣзда и съ планомъ города. Ромны 1888 г. Ѳ. Н. (1888 г. № 12, 67—71).

1576. **Межигорская** старина. Кіевъ 1885 г. К. Цыбульскаго. (1885, № 7, 497—500).

1577. **Межовъ** В. И. Русская историческая библіографія за 1865 — 1876 г. включительно. Т. 1—2. Спб. 1882 г. Н. П. (1882, № 9, 559).

1578. **Милорадовичи:** 1) Объ этомъ родѣ дворянъ и графовъ. Кіевъ 1871 г. 2) Сказаніе объ

этомъ родѣ дворянъ и графовъ. Кіевъ 1884 г. А. Лазаревскаго. (1884, № 10, 331—332).

1579. **Милорадовичъ** Андрей Степановичъ, покоритель Мачина въ 1771 г., губернаторъ черниговскаго намѣстничества († 1791 г.) съ приложеніемъ 57 писемъ къ нему. Изд. 2. Черниговъ 1887 г. А. Л. (1887, № 5, 171—172).

1580. **Мирный** П. Повія, романъ Ч. 1-а («Рада», украинскій альманахъ. Кіевъ, 1883 г.) В. Горленка. (1883, № 6, 366—370).

1581. **Мирный** П. Збираниця зъ ридного поля. Приповистки, оповидання и драматычни твори. Кіевъ 1886 г. Бориса Познанскаго. (1886, № 7, 542—547).

1582. **Михайловскій** (кіевскій златоверхо) монастырь. Историч. очеркъ отъ основанія его до настоящаго времени. Изд. означеннаго монастыря. Кіевъ 1889 г. П. Голубовскаго. (1889, № 8, 556—559).

1583. **Михайловъ** В. Въ память празднованія 900-лѣтія крещенія русскаго народа. Москва 1888 г. П. Голубовскаго. (1888, № 9, 55—61).

1584. **Михалевичъ** И. Каменецъ-подольская гимназія. Историч. записка о 50-лѣтнемъ существованіи ея (1833—83). К. Подольскъ 1883 г. В. И. (1884, № 6, 323).

1585. **Михалевичъ** И. Подольская гимназія въ Винницѣ. Каменецъ-Подольскъ 1890 г. И. Каманина. (1890, № 10, 171—172).

1586. **Michow** H. Dr. Die altesten Karten von Russland, ein Beitrag zur historischen Geografie (Mit drei Karten und einer Skizzer) Hamburg 1884—91. N. S. (1885, № 2, 367—369).

1587. **Мицкевичъ** въ малорусскихъ передѣлкахъ и переводахъ. И. Новицкаго. (1885, № 12, 747—749).

1588. **Можетъ-ли** не подлежать сомнѣнію, что открытое въ Владимірскомъ Успенскомъ соборѣ изображеніе князя есть древнѣйшее изображеніе св. князя Владиміра. П. Л. (1889, № 4, 233—236).

1589. **М. Л.** Поминки по пр. Филаретѣ, епископѣ рижскомъ, въ кишиневской дух. семинаріи, съ портретомъ его. Кишиневъ 1882 г. Л. Т. (1882, № 12, 576—582).

1590. **Мордовець** Д. Л. Оповидання. Спб. 1885 г. Г. (1885, № 8, 698—700).

1591. **Мордовцевъ** Д. Сагайдачный, историческая повѣсть. Спб. 1882 г. В. А. (1882, № 10, 134—142).

1592. **Moszyńska** Iósefa. Kupajło, tudzież zabawy doroczne i inne, z dodatkiem niektórych obrzędów i piesni weselnych ludu ukraińskiego z okolic Białej Cerkwi. W Krakowie. 1881 г. in 8°, стр. 78. Ив. Новицкаго. (1882, № 6, 527—529).

1593. **Музыкантовъ** П. Богданъ Хмельницкій въ войнахъ съ поляками. Састав. по «Исторіи козаковъ» Чарновскаго. Кіевъ 1889 г. И. Каманина. (1889, № 8, 564—566).

1594. **Мукаловъ** Н. Географія кіевской губерніи (учебное пособіе по родиновѣдѣнію). Кіевъ 1883 г. (1883, № 5, 164—166).

1595. **М—чъ** В. Т. Явленіе чудотворной иконы Богоматери въ Лѣснѣ, въ связи съ другими современными событіями на Руси. Варшава 1883 г. Фратеркулюса. (1883, № 9—10, 294—297).

1596. **Мякотинъ** В. Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху ея раздѣловъ. Спб. 1889 Н. Любовича. (1891, № 3, 524—528).

1597. **Науменко** В. Обзоръ фонетическихъ особенностей малорус-

ской рѣчи. Кіевъ 1889 г. А. Степовичъ. (1889, № 10, 210—214).

1598. **Neyman** C. Dumy ukraińskie. Rzecz o eposie kozackim rusinów. Odbitka z «Ateneum» z 1885 г. А. С—ка (1886, № 5, 153—156).

1599. **Николайчикъ** Ѳ. Д. Городъ Кременчукъ. Историческій очеркъ. Спб. 1891 г. Н. В. (1891, № 11, 333—334).

1600. **Новицкій** Григорій. Краткое описаніе о народѣ Остяцкомъ, сочиненное въ 1715 г. Спб. 1884 г. Н. Ѳ. Сумцова. (1885, № 3, 551—552).

1601. **Новицкій** Орестъ. Духоборцы, ихъ исторія и вѣроученіе. Изд. 2-е, передѣланное и дополненное. Кіевъ. 1882 г. Н. П. (1882, № 4, 140—147).

1602. **Новороссійскій** календарь на 1891 г. Одесса 1890 г. (1891, № 2, 365—367).

1603. **Новыя** статистико-географическія данныя объ одесскомъ уѣздѣ. И. Каманина. (1888, № 10, 1—).

1604. **Нѣсколько** словъ польскому рецензенту малорусскихъ книжекъ. Б. Познанскаго. (1886, № 12, 737—741).

1605. **Обозрѣніе** Губернскихъ и Епархіальныхъ Вѣдомостей. (1890, № 6, 579—583).

1606. **Обозрѣніе** журналовъ и газетъ. (1888 г., №№ 1—6, 8—12; 1889 г., №№ 1—11; 1890 г. №№ 1—2, 4, 6—12; 1891 г., №№ 1—7, 9—12).

1607. **Оглоблинъ** Н. Н. Обозрѣніе историко-географическихъ матеріаловъ XVII и нач. XVIII в., заключающихся въ книгахъ разряднаго приказа. Москва 1884 г. А. М—ча. (1885, № 8, 696—698).

1608. **Оглоблинъ** Н. Н. Провинціальные архивы въ XVII в. (Очеркъ изъ исторіи архивнаго дѣла въ Россіи). Спб. 1886 г. И. Каманина (1888, № 5, 33—37).

1609. **Огоновскій** Омельянъ. Коротка історія литературы рускои. Н. С. (1887, № 2, 345—349).

1610. **Одинцовъ** И. Ѳ. Уніатское богослуженіе въ XVII и XVIII вѣкахъ по рукописямъ виленской публичной библіотеки. Вильна 1886 г. К. Цыбульскаго. (1886, № 12, 723—728).

1611. **Основьяненко** Грицько. Повѣсти и разсказы т. IV. Харьковъ 1890 г. (1891, № 3, 534—538).

1612. **Островерховъ** Н. Л. (каменецъ-подольск. уѣздный воин. нач., полковн.) Каменецъ-Подольскъ. Ив. Н. (1882, № 11, 363—365).

1613. **Острогорскій**. Учебникъ русской исторіи, элементарный курсъ. Съ рисунками, картами, таблицами и вопросами для повторенія. Для III класса гимназій и реальныхъ училищъ. Спб. 1891 г. П. Г. (1891, № 8, 338—342).

1614. **Отчетъ** замостьскаго свято-Никольскаго церковнаго братства за время съ 9-го мая 1882 г. по 9-мая 1883 г. Замостье. Посторонняго. (1883, № 7, 566—572).

1615 **Отчетъ** Имп. одесскаго общества исторіи и древностей съ 14 ноября 1884 г. по 19 ноября 1885 года. Одесса 1886 г. И. Каманина. (1886, № 5, 347—483).

1616. **Отчетъ** Имп. Одесскаго Общества исторіи и древностей съ 14-го ноября 1886 года по 14 ноября 1887 г. Одесса 1888 г. (1888, № 5, 39—42).

1617. **Отчетъ** холмскаго православнаго Свято-Богородицкаго братства за 1884—5 (шестой) г. К. Цыбульскаго. (1889, № 7, 547—552).

1618. **О фрескахъ** лѣстницы Кіево-Софійскаго собора. Спб. 1888.

Н. С. (1888, № 7, 20—22).

1619. **Очеркъ** о результатахъ дѣятельности кременчугскаго городскаго общественнаго управленія за шестнадцать лѣтъ, съ 1872 по 1888 годъ. Кременчугъ 1888 г. Ѳ. Н. (1889, № 7, 312—315).

1620. **П.** Л. Городъ Чернобыль (кіевской губ.), описанный отставнымъ военнымъ. Кіевъ 1884 т. В. Г—ка. (1884, № 1, 149—151).

1621. **Павловскій** И. Ф. Историческій очеркъ петровскаго полтавскаго кадетскаго корпуса (1840—1890). По оффиціальнымъ даннымъ. Полтава 1890 г. Н. В. (1891, № 2, 367—370).

1622. **Палимпсестовъ** И. Степи юга Россіи были ли искони степями и возможно ли облѣсить ихъ. (Зап. Имп. Общ. сел. хоз. Ю. Р, 1889 г.). (1890, № 5, 395).

1623. **Памятная** книжка Волынской губерніи на 1888 годъ. Изд. Волынскаго Губерн. статист. комитета. Сост. подъ редакц. И. Ф. Мацкевича. Житоміръ 1887 г. А. С—ча. (1888, № 11. 57—60).

1624. **Памятная** книжка волынской губ. на 1889 г. Изд. Волынскаго губернскаго статистическаго комитета. Сост. надъ редакц. члена-секретаря комитета И. Ф. Мацкевича. Житоміръ 1888 г. Арк. Лященка. (1889, № 10, 219—220)

1625. **Памятная** книжка волынской губерніи на 1890 г. Изд. волынск. статист. комитета. Сост. подъ ред. члена секретаря И. Ф Мацкевича. Житоміръ 1889 г. Ар. Л—нко. (1890, № 2, 370—371).

1626. **Памятная** книжка волынской губерніи, изд. волынск. губернск. статист. комитета. Сост. подъ ред. члена секретаря комитета И. Ф. Мацкевича. Житоміръ 1890 г. Арк. Л—нка. (1891, № 4, 173—174).

✓1627. **Памятная** книжка конотопскаго земства 1865—1890 гг. Кіевъ 1890 г. Н. В. (1891, № 2, 363—365).

1628. **Памятная** книжка гродненской губерніи на 1890 годъ. Изд. гродн. статист. ком. Гродно. 1889 года. М. Довнаръ-Запольскій. (1891, № 10, 164—165).

1629. **Партыцкій** О. Темни́ мѣстця въ «Словѣ о плъку Игоревѣ». У Львовѣ 1883 г. П. Голубовскаго (1884, № 8, 710—714).

1630. **Пелипець** «Вивчарь» И. Ж. (1888, № 4, 23—24).

1631. **Pölmann** H. Beitragzur ältesten Geschichte des Kosaken tums. München 1888. И. Л—ко. (1889, № 5—6, 663—666).

1632. **Perwolf** Josef. Polácі à Rusini. (Поляки и Русины. Очеркъ проф. Первольфа). Е. Н. К—ой. (1882, № 10,142—149).

1633. **Петровъ** Н. Пчела Почаевская, изборникъ назидательныхъ поученій и статей составленныхъ и списанныхъ преподобнымъ Іовомъ, игуменомъ Лавры Почаевской (1581--1651), изданный въ переводѣ съ славянскаго на русскій языкъ по собственной рукописи преподобнаго. Почаевъ 1884 г. С. Голубева. (1885, № 1, 157—167).

1634. **Петровъ** Н. И. Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія. Кіевъ 1884 г. Г. (1884, № 4, 664—672).

1635. **Петроковъ** (командиръ 1 батал. 32 артил. бриг., полк.). Бердичевъ. И. Н. (1882, № 11, 363—365).

1636. **Петрусь** З. «Русалочка» (И. Ж. 1888, № 4, 23—24).

1637, **Петрушевичъ** А. С. Иванъ Ѳедоровъ, русскій первопечатникъ, Историко-библіографическое разсужденіе. Львовъ 1883 г. (1883, № 12, 671—675).

√1638. **Петрушевичъ** А. С. Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1700 до конца августа 1772 г. ч. I. Львовъ 1887 г. К. Шнейдеръ. (1887, № 12, 773—774).

1639. **Петрушевичъ** А. С. Сводная галичско-русская лѣтопись 1700 до конца августа 1772 г. ч. I. Львовъ 1887 г. В. А. (1888, № 6, 45—52),

1640. **Píč** J. L. Dr. Dějinč národa ruského. Dil I. Do konce XVIII stoleti V Praze 1889 г. Н. М. (1890, № 8, 334—336).

√1641. **Полевой** П. Русская исторія для мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, съ картами въ текстѣ. Курсъ систематическій Спб. 1890 г. П. Г. (1890, № 9, 515—519).

1642. **Поликарповъ** 1-й. Краткое описаніе изслѣдованія рѣки Днѣпра отъ Смоленска до лимана, произведеннаго Днѣпровскою описной партіею въ 1875—1883 г. Спб. 1887 г. А. Л. (1889, № 2, 532—533).

√1643. **Полницкій** А. Историческая записка объ открытіи Елисаветградскихъ духовныхъ училищъ. Одесса 1890 г. А. Степовича. (1891, № 2, 360—361).

1644. **Полное** собраніе руссскихъ лѣтописей, изданное по Высочайшему повелѣнію археографическою коммиссіею. Томъ шестнадцатый Лѣтописный сборникъ, именуемый лѣтописью Авраамки. Спб. 1889 г. П. Г. (1890, № 5, 391—394).

1645. **Полтавскій** адресъ-календарь на 1887 г., составленный подъ редакціей секретаря полтавск. губернскаго статистич. комитета Д. А. Трощинскаго. Н. Н. Бакая. (1887, № 3, 545—550).

1646. **Поплавскій** В. и А. Лященко. Повторительный курсъ Русской исторіи (отъ Владиміра св. до Іоанна IV). Житоміръ. П. Голубовскаго. (1888, № 12, 65—67).

1647. **Попко** Иванъ. Терскіе козаки съ стародревнихъ временъ историческій очеркъ, вып. I. Гребенское войско. Спб. 1880 г. В. А. (1882, № 2, 401—404).

1648. **По поводу** 25-лѣтія «филологическихъ записокъ». Н. С. (1887, № 3, 586—588).

1649. **Поповъ** А. Н. Вторая учебная экскурсія симферопольской мужской гимназіи въ Бахчисарай и его окрестности. Симферополь 1888 г. Н. Б. (1889, № 3, 762—764).

1650. **Поповъ** Н. Извѣстіе о похожденіи Симеона Степановича Пишчевича 1731—1785 г. Изд. Имп. общества исторіи и древностей Рос. при московскомъ университетѣ. Москва 1884 г. В. Я. (1884, № 10 331—328).

1651. **Поповъ** Н. Жизнь А. С. Пищевича имъ самимъ описанная 1764—1805 г. Въ трехъ частяхъ Съ предисловіемъ и примѣчаніемъ. Москва 1885 г, В. Ястребова (1886, № 8, 727—731).

1652. **Потебня** А. А. Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ. Варшава 1883 г. Ц. Неймана. (1884, № 4, 657—663).

1653. **Потто** В. А. Кавказская война въ отдѣльныхъ очеркахъ, эпизодахъ, легендахъ и біографіяхъ. Сиб. 1887 г. т. I вып. 1—4. изд. 2-е. О. 1887, № 6—7, 526—528).

1654. **Похилевичъ** Лаврентій. Уѣзды кіевскій и радомысльскій. Статистическія и историческія замѣтки о всѣхъ населенныхъ мѣстностяхъ въ этихъ уѣздахъ и съ подробными картами ихъ. Кіевъ 1887 г. И. К. (1888, № 10, 16—17).

1655. **Похилевичъ** Лаврентій. Уѣзды кіевскій и радомысльскій Статистическія и историческія замѣтки о всѣхъ населенныхъ

мѣстностяхъ. въ этихъ уѣздахъ и съ подробными картами ихъ. Кіевъ 1887 г. Н. В. (1891, № 6, 504—507).

1656. **Программа** для собиранія этнографическихъ свѣдѣній, составленная при этнографическомъ отдѣлѣ Имп. Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. Москва 1887 г. О. (1887, № 12, 766—767).

√ 1657. **Протопоповъ**. Св. Владиміръ равноапостольный великій князь кіевскій и всея Руси. Москва 1888 г. П. Голубовскій. (1888, № 8, 53—54).

√ 1658. **Прохоровъ** В. Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ и обстановки жизни народной, издаваемые по Высоч. соизволенію. Спб. 1881 г. ц. 15 р. В. И. (1882, № 2, 412).

1659. **Przegląd** archeologiczny, organ c. k. konserwatoryum pomników, oraz Towarzystwa archeol. krajow. we Lwowie. Zesz. 1—3. Lwów 1882—1883 г. Н. Д. (1885, № 1, 167—173).

1660. **Ptaszyński** A. (major). Księga pamiętnicza. 1769—1793, przepisał dr. Antoni J. Kr. 1881. in 8⁰ стр. 53. Ив. Н. (1882, № 5, 325—326).

1661. **Pulaski** Kazimierz. Szkice i poszukiwania historyczne. Krakow 1889, В. А. (1889, № 1, 267—272).

1662. **Пѣтуховъ**. Серапіонъ Владимірскій, русскій проповѣдникъ XIII вѣка. Изслѣдованіе съ прибавленіемъ «поученій» Серапіона по древнѣйшимъ спискамъ I—XI—235. Спб. 1888 г. П. Голубовскаго. (1888, № 11, 29—36).

√ 1663. **Р.** С. Кіевъ и его прошлое. Херсонъ 1888 г. И. Ж. (1888, № 8, 50—51).

1664. **Рада**, украинскій альманахъ на 1884 г. Кіевъ 1884 г. Г. (1885, № 1, 174—176).

1665. **Разсказъ** о св. равноапостольномъ князѣ Владимірѣ и о крещеніи русскаго народа. М. 1888 г. П. Голубовскаго. (1888, № 7, 33—34).

1666. **Regester** zloczyńców Grodu Sanockiego 1554 — 1638. Wydal Oswald Balzer (Materyaly historyczne, wyd. Towarzystwa historycznego we Lwowie, tom I). Lwów 1891. Н. М. (1891, № 12, 492—496).

1667. **Рогова** О. И. Богданъ Хмельницкій. Историческая повѣсть для юношества. Изд. А. Ф. Девріена. Спб. 1888 г. О. Л. (1889, № 2, 521—526).

1668. **Родникъ**, журналъ для дѣтей. Іюль 1888 года. Въ память 900-лѣтія крещенія Руси П. Голубовскаго. (1888, № 9, 53—61).

1669. **Рождественскій** А. свящ. Южно-русскій штундизмъ. Изслѣдованіе. Спб. 1889 г. Съ указателемъ именъ. Н. М. (1890, № 3, 559—567).

1670. **Романовъ** Е. Р. Бѣлорусскій сборникъ. Сказки. Витебскъ 1887 г. Хр. Ящуржинскаго. (1888, № 12, 77—82).

1671. **de-Rubruquis** Guillaume. Deux voyages en Asie au XIII-e siècle envoyé de Saint Louis et Marco Polo marchand venitien (Voyages dans tous les mondes. Nouvelle bibliothéque historique et litteraire, publiée sous la direction de M. Eugène Muller, conservateur à la biblioteque de l'Arsenal) Paris Delagrave 1888. П. Голубовскаго. (1889, № 2, 530—531).

1672. **Ruch**, Kalendarz encyklopedyczny na 1889 rok. Wydawnictwo Przekłądy Tygodniowego. Варшава 1889 г. И. Новицкаго. (1889, № 8, 566—574).

1673. **Румянцева** Е. М. граф. (Письма графин. Е. М. Румянцевой къ ея мужу граф. П. А. Румянцеву-

Задунайскому 1762—1779 г.) Изд. графъ Д. А. Толстой. И. Житецкаго (1888, № 10, 183—192).

1674. **Русская** военная сила Очеркъ развитія выдающихся военныхъ событій отъ начала Руси до нашихъ дней. Сост. обществомъ офицеровъ Генеральнаго Штаба въ Москвѣ I—II. 141. Вып. I. До-Монгольскій періодъ. М. 1888 г. П. Голубовскаго. (1888, № 10, 22—25).

1675. **Русская** историческая библіотека, издаваемая археографической коммиссіей Т. VII. Памятники полемической литературы въ Западной Руси. Кн. 2. Спб. 1882 г. И. Новицкаго. (1883, № 11, 481—484).

1676. **Русская** историческая библіотека, издаваемая археографич. коммиссіей, томъ 8-й. Спб. 1884 г. О. Л. (1884, № 10, 328—330).

1677. **Rutowski** Tadeusz dr. Klęski elementarne Galicyi (Lwów 1890). Н. М. 1890, № 10, 168—170).

1678. **Sadok Barącz** Ks. Wiadomość o malarzach bazylijańskich (Przegląd bibliograficzno-archeloogiczny, 1882. № 3, 4). И. Н. (1882, № 5, 323—324).

1679. **Салтыкъ-Романскій** Юл. Вѣнецъ славянскихъ поэтовъ. Сборникъ памятниковъ поэзіи славянскаго міра. Т. I. Слово о полку Игоря древнеславянская (?!) поэма XII в. съ переводами: на русскій (новорусскій?), чешскій, польскій. Львовъ (30+140 стр.) А. Степовича. (1889, № 2, 527—528).

1680. **Самоквасовъ** Д. Я. Исторія русскаго права. В. 2-ой. Происхожденіе русскихъ славянъ. Варшава 1884 г. М. (1884, № 11, 507—512).

1681. **Сапуновъ** А. Витебская старина. Витебскъ 1883 г. XXII+668. ц. 3 р., съ портретами ц. 6 р. В. И. (1883, № 9—10, 287—290).

1682. **Сапуновъ** А. Витебская Старина, т. IV, съ приложеніемъ и рисунками въ текстѣ. Витебскъ 1885 г. И. Каманина. (1886, № 4, 786—789).

1683. **Сапуновъ** А. Витебская Старина, т. V. Матеріалы для исторіи полоцкой епархіи, ч. 1 съ 47 отдѣльными приложеніями. Витебскъ 1888 г. Н. Петрова. (1889, № 5—6, 654—656).

1684. **Сборникъ** историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ древнихъ актовыхъ книгъ кіевскаго центральнаго архива при у—тѣ св. Владиміра И. Каманинымъ и М. Истоминымъ. К. 1890 г. Я. Ш. (1890, № 11, 349—354).

1685. **Сборникъ** историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива собственной Е. И. В. канцеляріи. Вып. 2. Изд. подъ редакціей Н. Дубровина. Спб. 1889 г. Д. И. Багалѣя. (1891, № 4, 169—171).

1686. **Сборникъ** Имп. Русскаго Географическаго общества, т. 40. Спб. 1884, П. Голубовскаго. (1884, № 9, 148—151).

1687. **Сборникъ** Императорскаго Русскаго историческаго общества, т. 43. Спб. 1885 г. И, Каманина. (1885, № 8, 701—706).

1688. **Сборникъ** Имп. Русскаго историч. общества, т. 47. Спб. 1885 г. И. Каманина. (1885, № 9, 145—148).

1689. **Сборникъ** Императорскаго Русскаго Историческаго общества, т. 54-й. Спб. 1886 г. В. Н. (1887, № 8, 745—750).

1690. **Сборникъ** Имп. Русскаго Историческаго Общества томъ 68. Спб. 1889 г, Д. И. Багалѣя. (1891, № 6, 490—499).

1691. **Сборникъ** лѣтописей, относящихся къ исторіи южной и западной Россіи, изд. коммиссіею для разбора древнихъ актовъ, состоящей при кіевскомъ, подоль-

скомъ, волынскомъ генералъ-губернаторѣ. Кіевъ 1888 г. И. Новицкаго. (1890, № 3, 568—571).

1692. **Сборникъ** матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изд. управленія кавказскаго учебнаго округа. Вып. 6, 1888 г. Вып. 7, 1889 г. Тифлисъ А. Степовича. (1889, № 7. 307—309).

1693. **Сборники** малорусской орнаментики (украинскій орнаментъ О. Косачь, южно-русская орнаментика Волкова, южно-русскій народный орнаментъ П. Литвиновой; сборники «украинскаго орнамента А. Лисенко, Махно, Квитко и др. (1882, № 11, 365—367).

1694. **Сборникъ** отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи наукъ, томъ 47. Сочин. А. А. Котляревскаго, т. I. Спб. 1889 г. А. Степовича. (1889, № 8, 553—556).

1695. **Сборникъ** полеографическихъ снимковъ съ древнихъ грамотъ и актовъ, хранящихся въ виленскомъ центральномъ архивѣ и виленской публичной библіотекѣ. Изд. виленской археографич. коммиссіи. В. I (1332 — 1548). Вильна 1884 г. И. Каманина. (1885, № 2, 357—361).

1696. **Сборникъ** свѣдѣній по хозяйственной статистикѣ полтавской губерніи, т. I, Зѣньковскій уѣздъ. Ч. 1—2. Полтава 1882—83 г. В. Г—ка. (1883, № 12, 677—680).

1697. **Сборникъ** статистическихъ свѣдѣній по екатеринославской губерніи, т. II. Бахмутскій уѣздъ. Екатеринославль 1886 г. Н. С. (1887, № 1, 155—157).

1698. **Сборникъ** топографическихъ свѣдѣній о курганахъ и городищахъ, въ Россіи: волынская губернія. Спб. 1888 г. Изд. Имп. археологической коммиссіи. В. Я. (1891, № 9, 504—505).

1699. **Сборникъ** харьковскаго историко-филологич. общества, т 2. Харьковъ 1890 г. И. Каманина. (1890, № 9, 512—515).

1700. **Сборникъ** харьковскаго историко-филологическаго общества, т. 3-й. Харьковъ 1891 г. И. Каманина. (1891, № 8, 327—332).

1701. **Сементовскій** А. М. Бѣлорусскія древности, изд. дѣйствит. членомъ Имп. москов. археолог. общества. Вып. I. съ 106 рус. и литографич. приложеніемъ. Спб. 1890 г. Арк. Лященко. (1890, № 3, 573—576).

1702. **Сениговъ** I. О первоначальной лѣтописи Вилпкаго Новгорода. Спб. 1884 г. П. Голубовскаго. (1885, № 3, 558—563).

1703. **Сиповскій** В. Д. Св. равноапостольный князь Владиміръ и крещеніе Руси. Спб. 1888 г. П. Голубовскаго. (1888, № 9, 55—61).

1704. **Скабичевскій** А. М. Исторія новѣйшей русской литературы (1848—1890). Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1891 г. В. Щербины. (1891, № 9, 500—504).

1705. **Скальковскій** А. Исторія новой сѣчи или послѣдняго коша запорожскаго, на основаніи подлинныхъ документовъ запорожскаго сѣчеваго архива, удостоенная почетнаго отзыва Имп. академіи наукъ. Изд. 3, ч. 1. Одесса 1885 г. И. Каманина. (1886, № 4, 794—796).

1706. **Скальковскій** А. Исторія новой сѣчи или послѣдняго коша запорожскаго. Изд. 3, часть II. Одесса 1885 г. И Каманина. (1886, № 8, 732—735).

1707. **Скальковскій** А. Исторія новой сѣчи или послѣдняго коша запорожскаго. Изд. 3, часть III. Одесса 1886 г. И. Каманина (1886, № 10, 372—374).

1708. **Скиданъ** В. В. Путеводи-

тель по Одессѣ и ея окрестностямъ (справочная книга для одесситовъ и пріѣзжающ.) Адресъ-Календарь съ приложеніемъ плановъ г. Одессы, ея окрестностей, городскаго и русскаго театровъ. Одесса 1889 г. Н. Т. (1889, № 2, 533).

1709. **Славянскій** Ежегодникъ. Изданіе кіевскаго славянскаго общества. Вып. 6-й. Составленъ подъ редакц. Т. Д. Флоринскаго, доцента Имп. университета св. Владиміра. К. 1884 г. Т. Ф. (1884, № 5, 123—126).

1710. **Славянскія** извѣстія 1890 г. о «Заграничной Руси». Ир. Ж—аго. (1891, № 8, 343—351).

1711. **С—ловъ** Н. Ченстоховская чудотворная икона Богородицы и церковь во имя св. Кирилла и Меѳодія въ г. Ченстоховѣ. Вильна 1881 г. Н. П. (1882, № 3, 572—576).

1712. **Слѣды** мегалитическихъ построекъ въ Украйнѣ. Львовъ 1886 г. П. Голубовскаго (1887, № 10, 369—370).

1713. **Smolka** Stanisław. Kiejstut i Jagełłó. Osobne odbicie z VII tomu Pamiętnika Wydziałów filologiczno - filozoficznego Akademie Umiejętnosci. W Krakowie 1888. П. Г. (1890, № 7, 141—147).

1714. **Сокальскій** П. Русская народная музыка, великорусская и малорусская, въ ея строеніи мелодическомъ и ритмическомъ и отличія ея отъ основъ современной гармонической музыки. Харьковъ 1888 г. А. Степовича. (1889, № 3, 752—756).

1715. **Сокальскій** П. Къ исторіи русской музыки. Харьковск. Губернск. Вѣдомости 1887 г. №№ 62—63, (1887, 100. № 6—7, 532—538).

1716. **Соколовъ** Н. Островоротная или остробрамская икона Богородицы въ г. Вильнѣ. Историч. изслѣдованіе съ 8 рисун. Вильна 1883 г. К. Ц. (1884, № 2, 321—324).

1717. **Сорокинъ** Г. И. свящ. Мѣстечко Дмитровка. Опытъ историко-статистическаго и этнографическаго описанія. Издан. Херсонской Губ. Земской Управы. Н. В. (1891, № 2, 356—360).

1718. **Списокъ** населенныхъ мѣстъ полтавской губерніи, изд. полтавскимъ губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ въ 1887 г. (1889, № 12, 654—655).

1719. **Списокъ** церквей и духовенства холмско-варшавской епархіи. Варшава 1886 г. К. Цыбульскаго. (1886, № 10, 374—378).

1720. **Списки** черниговскихъ дворянъ 1783 года. Матеріалы для исторіи мѣстнаго дворянства Черниговъ 1890 г. Н. В. (1891, № 1, 197—200).

1721. **Споминки** про жите и дѣяльность Володиміра Барвѣньского. Львовъ 1884 г. В. Г—ка. (1884, № 3, 489—491).

1722. **Спрогисъ** И. Я. Географическій словарь древней Жомойтской (Жмудской) земли XVI столѣтія. Вильна 1888 г. И. Каманина. (1888, № 11, 56—57).

1723. **Срезневскій** И. И. Историческое обозрѣніе гражданскаго устроенія Слободской Украйны со времени ея заселенія до преобразованія въ харьковскую губернію. Харьковъ 1883 г. В. А. (1883, № 5, 167—168).

1724. **Старицкій** М. Не судилось. Драма. Н. Костомарова. (1883, № 9—10, 297—300).

1725. **Степъ**. Херсонскій беллетристычный сбирникъ 1886 г. В. Я. (1887, № 1, 162—164).

1726. **Sternal** Tadeusz. Oblężenie Kamieńca w powieści i historyi. Studyum historyczno - literackie. Lwów 1890. Н. М. (1890, № 5,

394—395).

1727. **Stecki** Tadeusz Jerzy. Z boru i stepu. Obrazy i pamiątki (Kraków 1888). Н. М. (1890 № 9, 509—512).

1728. **Стороженко** Н. В. Западно-русскіе провинціальные сеймики во второй половинѣ XVII вѣка. (Изслѣдованіе по архивному матеріалу) И. Новицкаго. (1890, № 5, 382—388).

1729. **Строевъ** И. М. Библіографическій словарь и черновые къ нему матеріалы. Приведены въ порядокъ и изданы подъ редакціей академика А. Θ. Бычкова. Спб. 1882 г. Н. П. (1882, № 7, 164—167).

1730. **Сулимовскій** Архивъ — фамильныя бумаги Сулимъ, Скорупъ и Войцеховичей. Кіевъ 1884 г. Издатель А. Лазаревскій. В. А. (1884, № 10, 332—336).

1731. **Сумцовъ** Н. Θ. Къ исторіи Южно-Русской литературы XVII столѣтія, в. I. Лазарь Барановичъ. Харьковъ 1884 г. Θ. Н. (1884, № 11, 526—528).

1732. **Сумцовъ** Н. Θ. Хлѣбъ въ обрядахъ и пѣсняхъ. Харьковъ 1885 г. И. Каманина. (1885, № 5, 140—144).

1733. **Селецкій** А. К. Острожская типографія и ея изданія. Историческая монографія, въ 2-хъ частяхъ. Почаевъ 1886 г. И. Каманина. (1886, № 1, 161—164).

1734. **Сѣцинскій** Е. Бакота, древняя столица Понизья. (Каменецъ-Подольскъ 1889 г.). Древнѣйшія православныя церкви въ Подоліи. Церковь-Замокъ въ с. Сутковцахъ летичевскаго уѣзда (Каменецъ-Подольскъ 1889 г.). Н. М. (1890, № 6, 573—575).

1735. **Tadeusz** d-r Wiadomości statystyczne o stosunkach krajowych Wydane przez krajowe biuro statystyczne. Rocznik szósty. Zeszyt drugi. Lwow 1881. И. Житецкаго. (1882, № 12, 574—576).

1736. **Тарновскій.** Топографическо-статистическіе матеріалы съ приложеніемъ 4 картъ Юго-западнаго края. К. 1882 in 8° стр. 324+2 таблицы+3 большихъ и 1 малая карта. И. Н. (1882, № 10. 154—158).

1737. **Татарскій** I. По поводу сочиненія его о Симеонѣ Полоцкомъ. Кіевъ 1887 г. П, (1888, № 4, 21—22).

1738. **Тиховскій** Ювеналій. Указатель неоффиціальной части Волынск. Епарх. Вѣдомостей за 20 лѣтъ ихъ существованія (1867—1887). Почаевъ 1888 г. А. Л. (1889, № 1, 264—266).

1739. **Токмаковъ** И. Историко-статистическое описаніе города Мглина черниговской губерніи, въ связи съ церковно-археологическимъ обзоромъ священныхъ достопамятностей этого края (?) со времени первоначальнаго его заселенія. Съ приложеніемъ историческаго мѣстечка Почепа. Съ гербомъ и 2 чертежами г. Мглина XVII—XVIII столѣтій. Кіевъ 1888 г. А. Л. (1888, № 10, 13—14).

1740. **Толстой** И. И. Древнѣйшія русскія монеты Великаго княжества кіевскаго. Нумизматическій опытъ. (Съ 19-ю таблицами рисунковъ). Спб. 1882 г. Н П. (1882, № 4, 132—140).

1741. **Толстой** И. и Н. Кондаковъ. Русскія древности въ памятникахъ искусства. Вып. I. Классическія древности южной Россіи съ 145 рис. Спб. 1889 г. Θ. Мищенка. (1889, № 5—6, 640—644).

1742. **Толстой** И. и Н. Кондаковъ. Русскія древности въ памятникахъ искусства. Вып. 2. Древности скиѳо-сарматскія съ 147 рус. Спб. 1889 г. Θ. Мищенка. (1890, № 3, 552—559).

1743. **Topolnicki** J. Mapa do dziejów Polski. 2-е изд. (съ помощью Краковской Акад. Наукъ), исправленное и дополненное по новѣйшимъ изслѣдован. Львовъ 1888 г. Ц. Неймана. (1889, № 9, 790—792).

1744. **Tretiak** Józef. Hitsorya wojny Chocimskiej 1621 r. Lwów 1889. Н. М. (1890, № 5, 388—391).

1745. **Труды** 4-го археологическаго съѣзда въ Россіи, бывшаго въ Казани съ 31 іюля по 18 августа 1877 г. т. 2. Казань 1891. И. Каманина. (1891, № 11, 334—338).

1746. **Труды** VI археологическаго съѣзда въ Одессѣ (1884 г.) т. I. Одесса 1886 г. В. Ястребова. (1887, № 4, 747—753).

1747. **Труды** VI археологическаго съѣзда въ Одессѣ (1884 г.) т. II. Одесса 1888 г. В. Ястребова. (1888, № 8, 35—39).

1748. **Труды Комитета** для историко-статистическаго описанія подольской епархіи. Вып. III. (Приложеніе къ Подольск. Епархіальнымъ Вѣдомостямъ). 1886 г. Каменецъ-Подольскъ 1887 г. И. Каманина. (1887, № 8, 757—760).

1749. **Труды Комитета** для историко-статистическаго описанія Подольской епархіи. Выпускъ 4. Каменецъ-Подолскъ 1889 г. И. Каманина. (1890, № 8, 337—338).

1750. **«Труды** этнографическо-статистической экспедиціи» Чубинскаго въ сравненіи съ другими подобными. В. Г. (1884, 349—351).

1751. **Указатель** къ изданіямъ Имп. русскаго географич. общества и его отдѣловъ съ 1846 по 1875 г. Спб. 1886 г. W. (1886, № 7, 537—542).

1752. **Украинскія** легенды въ французскомъ журналѣ. В. Горленка. (1888, № 5, 37—39).

1753. **Украинскіе** народные разсказы на французскомъ языкѣ. II. К—аго. (1888, № 8, 39—44—49).

1754. **Успенскій** Ѳ. И. Воспоминанія о В. И. Григоровичѣ. Одесса 1890 г. В. Я. (1890. № 7, 158—159).

1755. **Успенскій** Ѳ. Русь и Византія въ X. вѣкѣ. Рѣчь, произнесенная 11-го мая 1888 года въ торжественномъ собраніи одесскаго славянскаго благотворительнаго общества въ память 900-лѣтія крещенія Руси. Одесса 1888 г. П. Голубовскаго. (1888, № 12, 61—65).

1756. **Устиновъ** И. А. Литература о харьковской губерніи (библіографическій указатель). Изд. Харьк. Статист. Комитета. Харьковъ 1887 г. (1888, № 4, 15—19).

1757. **Фабриціусъ** В. Кіевскій календарь на 1889 г. Годъ 6-й. Амартола (1889, № 1, 276—281).

1758. **Фаминцынъ** А. С. Гусли, русскій народный инструментъ съ многочисленными рисунками и нотными примѣрами. Историч. очеркъ. Спб. 1890 г. А. Степовича. (1891, № 9, 516—518).

1759. **Федоровъ** М. П. Хлѣбная торговля въ главнѣйшихъ русскихъ портахъ и въ Кенигсбергѣ. Москва 1888 г. А. Р. (1889, № 4, 230—231).

1760. **Фелицынъ** Е. Д. Памятная книжка кубанской области, изданная 1881 г. Составилъ дѣйствительный членъ кубанскаго областнаго статистическаго комитета. Екатеринодаръ 1881 г. Изданіе статистическаго комитета. (1882, № 1, 206—209).

1761. **Фелицинъ** Е. Д. Кубанскій сборникъ. Труды кубанскаго областнаго статистическаго коми-

тета. Т. I. Съ картой кубанской области. Екатеринодаръ 1883 г. (1884, № 4, 652—657).

1762. **Фелицинъ** Е. Д. Кубанское казачье войско. 1696—1888 года. Сборникъ краткихъ свѣдѣній о войскѣ. Изд. подъ ред. дѣйств. члена куб. областн. стат. комитета, при участіи Ф. А. Щербины почетнаго члена того же комитета. (Воронежъ 1888 г. Съ художественными приложеніями и планомъ г. Екатеринодара). Н. М. (1890, № 2, 363—365).

1763. **Филаретъ**, еп. черниговскій. Историко - статистическое описаніе черниговской епархіи. 7 ч. Черниговъ 1873 г. (1883, № 3, 657—658).

1764. **Finkel** L. d-r. Okopy Swiętej Trôjcy, dwa epizodyz dziejów Polski. We Lwówie 1889. М. Г. (1891, № 7, 156—160).

1765. **Франко**. И. Захаръ Беркутъ. Образъ громадскаго житя карпатской Руси въ XIII вѣкѣ. Львовъ 1884 г. Г. (1885, № 2, 369—376).

1766. **Французскій** этюдъ о Мазепѣ. В. Горленка. (1884, № 12, 703—707).

1767. **Фридманъ** Б. А. Юридическія воззрѣнія и обычаи крестьянъ сѣверо - западнаго края, преимущественно ковенской губерніи. Сос. частный повѣренный при поневѣжскомъ судебно-мировомъ съѣздѣ. Вильна 1890 г. М. Довнаръ - Запольскаго. (1891, № 11, 338—340).

1768. **Халанскій**. Великорусскія былины кіевскаго цикла. Варшава 1885 г, (отдѣльный оттискъ изъ «Русск. Филологич. Вѣстника»). П. Голубовскаго. (1886, № 6, 339—342).

1769. **Харьковскій** календарь на 1884 г. Изданіе харьковскаго губернскаго статистическаго комитета, подъ редакціей дѣйствительнаго члена, секретаря комитета П. С. Ефименка. Харьковъ 1883 г. Б. Г. (1884, № 2, 317—321).

1770. **Харьковскій** календарь и памятная книжка па 1885 годъ. Изданіе харьковскаго губернскаго статистическаго комитета, подъ редакціей дѣйствит. члена-секретаря П. С. Ефименка. Харьковъ. Д. Багалѣя. (1885, № 3, 552—558).

1771. **Харьковскій** календарь на 1886 годъ. Годъ XIV. Съ видомъ г. Харькова въ началѣ XIX стол. Ц. 1 р. Изд. губ. стат. комитета, подъ редакц. П. С. Ефименка. Ѳ. Н. (1886, № 2, 377—380).

1772. **Харьковскій** календарь на 1887 г. и харьковскій сборникъ (литературно-научное приложеніе къ календарю). Изд. Харьк. губ. стат. ком. подъ редакц. П. С. Ефименка. Ц. 1 р. 20 к. Д. Чеп—ый. (1887, № 3, 558—561).

1773. **Харьковскій** сборникъ, литературно-научное приложеніе къ «Харьковскому календарю» на 1888 годъ. Вып. 2. Изд. харьк. статист. комитета подъ редакц. члена-секретаря В. И. Касперова. Харьковъ 1888 г. И. Каманина. (1889, № 1, 259—263).

1774. **Харьковскій** сборникъ. Литературное прилож. къ «Харьковскому календарю» на 1889 г. Вып. 3. Изд. харьк. губ. статист. комитета, подъ редакц. члена-секретаря комитета В. И. Касперова. Харьковъ 1889 г. П. Г. (1890, № 2, 371—373).

1775. **Харьковскій** сборникъ, литературно-научное приложеніе къ «Харьков. Календарю» на 1890 г. Вып. 4. Изд. харьк. статистич. комит. подъ ред. члена секретаря В. И. Касперова. Харьк. 1890 г. Н. В. (1890, № 12, 546—549)

1776. **Харьковскій** сборникъ, литературно-научное приложеніе къ «Харьковскому календарю» на

1891 г., вып. V, подъ ред. В. И. Касперова. Н. Ѳ. Сумцова. (1891, № 10, 161—164).

1777. **Хвальчевскій** Станиславъ. Писцовая книга пинскаго и клецкаго княжества, составленная въ 1552—1555 г. Изд. Виленской археологической комиссіи. Вильня 1884 г. И. Каманина. (1885, № 3, 564—568).

1778. **Хойнацкій** А. Ѳ. Православіе на западѣ Россіи въ своихъ ближайшихъ (?) представителяхъ или Патерикъ Волыно-Почаевскій, въ двухъ частахъ, съ изображеніями св. угодниковъ волынскихъ, чудотворной иконы Божіей Матери Почаевской, видомъ лавры Почаевской и протоіерея А. Ѳ. Хойнацкаго. Москва. 1888 г. И. Л. (1888, № 8, 51—53).

1779. **Холмскій Братчикъ**. Городъ Холмъ и его древняя святыня—чудотворная икона Божіей Матери. Изд. Холмско-Богородицкаго православнаго братства. Варшава 1882 г. (1883, № 3, 653—657).

1780. **Холмскій** народный календарь на 1885 г. Кіевъ 1884 г. Изд. Холмскаго Свято-Богородицкаго братства. И. Каманина. (1885 № 4, 760—765).

1781. **Холмскій** народный календарь на 1886 г. Изд. Холмскаго Свято - Богородицкаго братстьа. Кіевъ 1885 г. И. Каманина. (1885, № 12, 710—714).

1782. **Холмскій** народный календарь на 1888 годъ. Годъ IV. Изд. Холмскаго правосл. Св. Богородицкаго братства. Кіевъ 1887 г. Холмскаго Старожила. (1887, № 12, 768—773).

1783. **Ц.** Г. Сѣверный Вѣстникъ 1886 г. № 3, стр. 51—72.—Басня Богдана Хмельницкаго. А. С—ка. (1886. № 9, 158—162).

1784. **Чайковскаго**. «Мазепа». В. Г. (1886, № 12, 759—762).

1785. **Чайченко** Восыль «Зъ народнёго поля». И. Ж. (1888, № 4, 23—24).

1786. **Чайченко** Васыль. «Зъ згадокъ про дитячи лита». Кіевъ 1888 г. И. Ж. (1888, № 9, 69—70).

1787. **Чалый** М. К. Жизнь и произведенія Тараса Шевченка. (Сводъ матеріаловъ для его біографіи, съ портретомъ). Кіевъ 1882 г. Н. П. (1882, № 8, 349—355).

1788. **Časopis** Musea Kralovstvi českého 1888 г. Выпускъ III—IV Прага. А. Степовича. (1889, № 9, 794—796).

1789. **Часопись** Правнича. Мѣсячникъ для теорiѣ и практики Выдаютъ: д-ръ К. Левицкій, д-ръ А. Горбачевскій, д-ръ Е. Олесницкій Рочникъ I, числа 1—4 Львовъ 1889 г. Н. Шугурова. (1889, № 11, 475—479).

1790. **Черневъ** Н. Замѣтки о древнѣйшихъ русскихъ монетахъ. Спб. 1888 г. Н. Б. (1888, № 11, 53—55).

1791 **Черниговскія** Губернскія Вѣдомости на нынѣшній годъ и новые въ нихъ историко-этнографическіе матеріалы. L. (1886, № 8, 746—754).

1792. **«Česky Lid»**. (Чешскій народъ. Прага 1891 г.) 1891 г. (годъ I), книга 1. А. Степовича. (1891, № 12, 502—504).

1783. **Чижевскій** Николай. Старозаимочныя земли. Рѣшенія харьковскаго окружнаго суда, по искамъ крестьянскихъ обществъ въ харьковской казенной палатѣ о старозаимочныхъ земляхъ, съ приложеніемъ жалованныхъ слободскимъ полкамъ грамотъ и другихъ документовъ. Изд. 1883 г. III. 123. Д. Багалѣя. (1884, № 2, 305—316).

1794. **Чистовичъ** И. Очеркъ исторіи Западно-Русской церкви. Ч. I. Спб. 1882 г. И. М. (1882, № 9, 552—555).

1795. **Чистовичъ** И. Очеркъ исторіи Западно-Русской церкви. Ч. 2, Спб. 1884 г. И. Малышевскаго. (1884, № 11, 518—526).

1796. **Чтенія** въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ. 1884 г. книга 2-я. Ѳ. Н. (1885, № 2, 362—366).

1797. **Чтенія** въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ 1888 г. кн. 1. Изд. подъ завѣдываніемъ д. чл. Н. А. Попова. Москва 1888 г. И. Каманина. (1889, № 3, 756—760).

1798. **Чтенія** въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца (въ періодъ 1878—1887 г.) книга 2. Издана подъ ред. д. чл. Н. П. Дашкевича и А. И. Соболевскаго Кіевъ 1888 г. И. Каманина. (1889, № 5—6, 648—654).

1799. **Чтенія** въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца кн. 3. Изд. подъ редакц. Н. П. Дашкевича. Кіевъ 1889 г. И. Каманина. (1889, № 11, 456—461).

1800. **Чтенія** въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца. кн. 4. Изд. подъ редакц. Н. П. Дашкевича. Кіевъ 1890 г. И. Каманина. (1890, № 7, 147—155).

1801. **Чтенія** въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца кн. пятая. Изд. подъ ред. М. Ф. Владимірскаго-Буданова. Кіевъ 1891. Н. В. (1891, № 10, 138—161).

1802. **Чудиновъ** А. Н. Русская классная библіотека, Вып. I. Слово о полку Игоревѣ. ц. 30 к., Вып. 2. Домострой Сильвестровскаго извода ц. 45 к. изд. Глазунова· Спб. 1891 г. А. Степовича. (1891, № 12, 504—505).

1803. **Czyński** Edward. Etnograficzno-statystyczny zarys liczenbności i rozsiedlenia ludności polskiej. Warszawa 1887 г Ц. Неймана. (1888, № 6, 55—59).

1804. **Chantre** E. Recherches paleoe thnologiques dans la Russie meridionale et spècialement au Caucase et en Crimćȩ. Lyon 1881. (Э. Шантръ. Палеоэтнологическія изслѣдованія въ южной Руси, особенно же на Кавказѣ и въ Крыму). В. А. (1882, № 11, 360—362).

1805. **Шараневичъ** И. Гальшка княгиня Острожска, оповѣдане историчне. У Львовѣ 1880 г. А. (1882, № 1, 209—211).

1806. **Szaraniewicz** Juliani i Zacharjewicz Jzydor. Wycieczka do Załukwi, Halicza i na Kryłos. Lwów 1882. В. А. (1883, № 4, 876—878).

1807. **Szaraniewicz** Izydor. O latopisiach i kronikach ruskich· XV u XVI wieku o zwłasza «wielikoho kniaztwa litowskaho í zomojskaho». Osobne odbicie z rosspraw wydziału filozoficznego akademij umiejętnojci. T. XV. Krakow 1882. В. А. (1883, № 1, 176—179).

1808. **Szarlowski** A. Stanislawow i powiat Stanislawowski podwzględem historicznym i geograficzno-statystycznym. Stanislawow 1887. Ск планомъ города и картой повѣта. Н. М. (1890, № 4, 174—179).

1809. **Schweiger-Lerchénfeld** A. v. Zwischen Donau und Kaukasis. A. Hartlebeńs Verlag. Wien, Pest, Leipsig 1886. В. Я. (1887, № 3, 555—558).

1810. **Шевченко** Т. Гайдамаки. Изданіе, иллюстрированное художникомъ А. Г. Сластеномъ. Спб. 1886 г. В. Г—ка. (1886, № 2, 370—375).

1811. **Шевченко** Т. Г. (1886, №

3, 572—582).

1812. **Шевченко** Т. Г. Дополненіе къ библіографическому указателю матеріаловъ для изученія жизни и произведеній. А. Комарова. (1887, № 5, 180—184).

1813. **Шевченко**. Альбомъ офортовъ. В. Г. (1891, № 6, 483—484).

1814. **Шейнъ** П. В. Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-Западнаго края. Т. I. Часть 1. Бытовая и семейная жизнь бѣлоруса въ обрядахъ и пѣсняхъ. Спб. 1887 г. III—XXVI+585+4. В. К—ша. (1887, № 8, 750—752).

1815. **Шенрокъ** В. Ученическіе годы Гоголя. Москва 1887 г, В. Г. (1887, № 3, 561—564).

1816. **Schlumberger** Gustave, Un Empereur bižantin au dixieme siècle, Nicéphore Phocas. Paris, chez Firmin-Didot 1890. В. (1891, № 5, 328—332).

1817. **Шляпкинъ** И. Къ исторіи полемики между московскими и малорусскими учеными въ концѣ XVIІ ст. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1885 г. № 10, стр. 210—252). Н. С. (1885, № 12, 702—704).

1818. **Шляпкинъ** И. А. Св. Димитрій Ростовскій и его время (1651—1709 г.) Спб. 1891 г. А. Маркевича. (1891, № 11, 324—333).

1819. **Шмидтъ**, рыльскаго полка штабъ-капитанъ. Шпола. 1882. И. Н. (1882, № 11, 363—365).

1820. **Szujski**. Die Polen und, Ruthenen in Galizien. Wien, und Teschen. 1882 г. В. А. (1882, № 6, 523—526).

1821. **Шухардтъ**. Крачунъ-Корочунъ, (Archiv für Slarische Philologie). Н. С. 1887, № 1, 161.

1822. **Щегловъ** В. Историческая справка о полѣ Полтавскомъ и его настоящихъ памятникахъ. Полтава 1890 г .Н. В. (1891, № 3, 540—542).

1823. **Шелковъ** К. П. Историческая хронологія харьковской губерніи. Харьковъ 1882 г. 1883, № 2, 416—417).

1824. **Шелковъ** К. П. Харьковъ историко-статистическій опытъ. Харьковъ 1881 г. (1882, № 5, 317—319).

1825. **Щербина** Ф. Земельная община кубанскихъ козаковъ (Воронежъ 1889 г) Н. М. (1890, № 8, 330—333).

1826. **Щербицкій** О. В. Виленскій Свято-Троицкій монастырь Вильна 1886 г. И. Каманина. (1886, № 3, 588—592).

1827. **Щеголевъ** Я. Ворскло, лірна поэзія. 1883, В. Г—ка. (1884, № 1, 151—154).

1828. **Эварницкій** Д. И. Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа, съ 55 рис. и 7 планами 2 части. И. Житецкаго. (1888, № 11, 36—48).

1829. **Эварницкій** Д. И. Сборникъ матеріаловъ для исторіи запорожскихъ козаковъ. Спб. 1888 И. Ж. (1888, № 12, 71—72).

1830. **Эварницкій** Д. И. Очерки изъ исторіи запорожскихъ козаковъ и новороссійскаго края. Спб. 1889 г. И. Ж. (1890, № 2, 366—368).

1831. **Эварницкій** Д. И. Публичныя лекціи по археологіи Россіи. Ар. Л—нко. (1890, № 4, 184—185).

1832. **Эварницкій** Д. И. Вольности запорожскихъ козаковъ. Историко-топографическій очеркъ. Спб. 1890 г. В. Ястребова. (1891, № 2, 352—356).

1833. **Эварницкій** Д. И. По поводу рецензіи «Вольности запорожскихъ козаковъ». (1891, № 4, 174—177).

1834 **Этнографическое** обозрѣніе Періодическое изданіе этногр. отдѣла Имп. общ. любителей есте-

ствознанія, антропологіи и этнографіи при моск. у—тѣ, кн. 1. подъ ред. Н. Я. Янчука. Москва 1889 г. Ц. Г. Неймана. (1889, № 10, 198—204).

1835. **Этнографическое** обозрѣніе. Изданіе этнографическаго отдѣла Имп. общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, состоящаго при Московскомъ университетѣ подъ ред. секретаря отдѣла Н. А. Янчука. Москва 1889—1890 г. кн. I—VII. В. Я. (1891, № 5, 322—327).

1836. **Юбилейное** изданіе на память 300-лѣтняго основанія Львовскаго Ставропигіальн. братства. Я. Г. (1887, № 5, 198—200).

1837. **Юницкій** Н. Фундуши и стипенд. виленскаго округа. Справочное пособіе. Ч. 1. Выпускъ первый. Вильна 1884 г. (1884, № 9, 152—154).

1838. **Юргевичъ** В. Историческій очеркъ пятидесятилѣтія Имп. Одесскаго Общества исторіи и древностей. 1830—1889 г. Къ юбилею общества 14 ноября 1889 г. Одесса 1889, П. Г. (1889, № 6, 571—572).

1839. **Янчукъ** Н. Малорусская свадьба въ Корницкомъ приходѣ, константиновскаго уѣзда, сѣдлецкой губерніи. Составилъ по собраннымъ лично матеріаламъ. Москва 1886 г. В. Г. (1886, № 10, 369—372).

1840. **Ясинскій** Михаилъ. Уставныя земскія грамоты литовско-русскаго государства. Кіевъ 1889. И. Каманина. (1889, № 8, 559—564).

1841. **Ястребовъ** В. Н. Отвѣтъ Д. И. Эварницкому (см. № 1833). (1891, № 4, 177—180).

1842, **Ѳедотовъ-Чеховскій** А. А. Акты Греческаго Нѣжинскаго братства. Кіевъ 1884 г. В. А. (1884, № 12, 716—718).

1843. **Ѳоменко** Климентъ, свящ. Неразъясненный вопросъ въ древнихъ сказаніяхъ о преніяхъ славянскихъ первоучителей съ казарскими евреями. Кіевъ 1885 г. **Его-же**. Пещерные храмы въ Крыму. Кіевъ 1884 г. И. Каманина. (1885, 493—497).

VIII. Смѣсь, дополненія и поправки.

1844. **А**. В. **Дейневи**. (1889, № 1, 222—223).

1855. **А** В. Процессы по дѣламъ объ азартной игрѣ. (1888, №№ 1, 2, 3, 1—5—8).

1846. **А—скій** А. Сербы въ Кіевѣ. (1885, № 7, 505—511).

1847. **Азбучный Указатель** личныхъ именъ и замѣчательныхъ мѣстъ и предметовъ, упоминаемыхъ въ «Кіевской Старинѣ», 1882 г. (1882, № 3, 6, 9, 12, 1883 г., № 4, 8, 12; 1884 г., № 4, 8, 12; 1885 г., № 12; 1886 г., № 12.

1848. **Антоновичъ** В. Б. Отчетъ о рефератѣ его, читанный въ засѣданіи историческаго общества Нѣстора Лѣтописца 3 апрѣля 1888 г. (1888 № 5, 56—60.

1849. **Б**. В. Странное слово. (1889, № 8, 543—544).

1850. **Бар—вскій** Н. Я. Изъ школьныхъ воспоминаній о Кіевѣ. (1884, № 3, 498—505).

1851. **Багалѣй** Д. И. Коллекція рукописей покойнаго проф. А. Ѳ. Кистяковскаго. (1891, № 3, 494—503).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровозрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLII.

1893 г.

АВГУСТЪ.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1893.

СОДЕРЖАНІЕ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLII.

1893 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4

Дозволено цензурою. Кіевъ, 10 августа 1893 года.

ПАМЯТИ

Григорія Өедоровича Квитки

(Грицька Основьяненка).

…Въ продолженіе моей жизни я шесть разъ сватался и на силу уже въ седьмой, случайно, мимо вдругъ женился……….

Григорій Квитка-Основяненко
1816 года

8-го августа 1893 исполнилось 50 лѣтъ со дня кончины *Григорія Ѳедоровича Квитки* (*Грицька Основьяненка*), извѣстнаго въ русской и малоруссійской литературѣ своими повѣстями и комедіями. Та видная роль, которую игралъ Г. Ѳ. Квитка въ качествѣ малорусскаго писателя съ одной стороны, и то важное общественное значеніе, которое выпало на его долю, какъ культурнаго представителя слободско-украинской жизни—съ другой, обязываютъ нашъ журналъ, занимающійся всесторонней разработкой вопросовъ, связанныхъ съ исторіей Малороссіскаго края, не только удѣлить мѣсто на своихъ страницахъ этому почтенному имени, но даже весь этотъ номеръ посвятить его памяти, главнымъ образомъ наполнивъ книгу статьями и матеріалами, касающимися Г. Ѳ. Квитки. Очень сожалѣемъ, что не могли успѣть въ этомъже номерѣ помѣстить имѣющуюся въ нашемъ распоряженіи рукописную комедію Г. Ѳ. Квитки „Бой-жинка“, никогда и нигдѣ ненапечатанную, которою мы надѣемся подѣлиться съ читателями въ слѣдующей книжкѣ нашего журнала.

Григорій Өедоровичъ Квитка-Основьяненко.

(Біографическій очеркъ [1]).

„Слѣпой и болѣзненный въ дѣтствѣ, безпрестанно мѣнявшій въ молодости военный мундиръ на канцелярское перо и канцелярское перо на военный мундиръ; четыре года монахъ-затворникъ въ самые лучшіе, свѣжіе годы жизни; дѣятельный членъ Благотворительнаго Общества и директоръ странствующей труппы актеровъ; основатель института для дѣвицъ и издатель перваго украинскаго журнала; директоръ танцовальнаго клуба и авторъ юмористическихъ остроумныхъ писемъ, подъ забраломъ нѣсколькихъ псевдонимовъ—и въ тоже время авторъ строгихъ отчетовъ о любимомъ институтѣ, авторъ сладенькихъ и плохихъ стихотвореній, гдѣ воспѣвались Маши, Лизы, Нади и Кати, наконецъ—музыкантъ и предводитель дворянства,—сколько разнообразія и сколько пережитыхъ противоположностей!" Такъ въ итогѣ характеризуется личность Гр. Ө. Квитки словами Г. Данилевскаго; или—какъ еще короче сказано въ эпиграммѣ современника Квитки, В. Н. Каразина:

„Былъ монахомъ, былъ актеромъ,
Былъ поэтомъ, былъ танцоромъ".

Факты изъ біографіи Г. Ө. Квитки, къ которымъ мы вслѣдъ за этимъ и обращаемся, должны въ подробностяхъ разъяснить намъ смыслъ только-что приведенныхъ характеристикъ.

---

[1]) Данный біографическій очеркъ, не претендуя на полноту и имѣя въ виду только оживленіе въ памяти читателя общаго облика Г. Ө. Квитки, составленъ главнымъ образомъ на основаніи сочиненія Гр. Данилевскаго „Основьяненко". Спб. 1856 г.

Г. Ѳ. Квитка родился 18 ноября 1778 года [1]) въ селѣ Основѣ, находившемся подлѣ самого Харькова и населенномъ впервые полковникомъ Донецъ-Захаржевскимъ, а въ 1713 г. проданномъ полковнику Григорію Семеновичу Квиткѣ, прадѣду писателя [2]), и съ тѣхъ поръ до настоящаго времени находящемся во владѣніи этой фамиліи. Интересно вспомнить тутъ, что самъ Г. Ѳ. Квитка въ своей статьѣ „Основаніе Харькова, старинное преданіе" [3]) разсказываетъ легенду объ основаніи Харькова, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Основы, и приписываетъ основаніе послѣдней роду Квитокъ; тутъ-же указывается и происхожденіе этого рода. Остановимся немного на этомъ преданіи.

Въ 1604 году въ одинъ изъ лѣтнихъ дней явились въ Кіевъ къ одному польскому пану, Ясенковскому, больной старикъ съ прекраснымъ мальчикомъ, отъ котораго только и могли добиться, что у него были отецъ, мать, братъ; но какъ и по какому случаю имъ пришлось разстаться, почему онъ очутился въ Кіевѣ,—это покрыто было какой-то таинственностью. Старикъ вскорѣ умеръ, а мальчикъ остался у этого пана. Вотъ этотъ-то мальчикъ и былъ родоначальникомъ рода Квитокъ, т. к. его стали именовать Андреемъ Квиткою за его красоту: „гарный якъ квитка". Въ домѣ этого пана Андрей Квитка сошелся близко съ дочерью его Маріею, съ которою они впослѣдствіи убѣжали и обвѣнчались тайно отъ родителей. Послѣ долгихъ скитаній они остановились на степномъ мѣстѣ, гдѣ стекалось три рѣки, и тутъ порѣшили остаться навсегда, такъ-какъ тутъ-же родился у нихъ и сынъ Аѳанасій, о которомъ имѣются уже и болѣе точныя свѣдѣнія, а именно: въ „Запискахъ о слободскихъ полкахъ съ начала ихъ поселенія до 1766 г." (Харьковъ 1812 г.) читаемъ:

---

[1]) Этотъ годъ указывается всѣми біографами, и только И. Срезневскій, писавшій некрологи о Квиткѣ въ „Москвитянинѣ" (1843 г., г. IV-я) и въ Прибавл. къ Харьк. Губ. Вѣдом. (1843 г. № 33), почему-то говоритъ, что онъ „родился въ 1779 году и скончался на 64 году жизни". Впрочемъ, 1778-й годъ въ послѣднее время былъ безусловно принятъ, какъ годъ рожденія писателя, такъ-что 18 ноября 1878 года былъ отпразднованъ столѣтній юбилей его, съ полной торжественностью— въ Харьковѣ, а болѣе скромно—въ другихъ городахъ.

[2]) Историко—статист. описаніе Харьков. Епархіи. Отд. 2-е, стр. 129.

[3]) Молодикъ на 1843 г.

„Аѳанасій Квитка, изъ шляхетства польскаго вышедъ, въ царствованіе Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, изъ Польскаго Королевства, вступилъ въ подданство Его Величества, служилъ въ гадяцкомъ полку полковникомъ" (стр. 77).

Въ такомъ видѣ передано это преданіе Г. Ѳ. Квиткою въ вышеупомянутой статьѣ его, на которой мы остановились не потому, что она имѣетъ цѣну историческаго документа, а потому, что въ ней разсказъ ведется съ искусствомъ, свойственнымъ талантливому перу Квитки—живо, поэтично. По поводу этой статьи высказанъ былъ В. Г. Бѣлинскимъ хотя краткій, но весьма лестный отзывъ [1]): „Г. Основьяненко, какъ извѣстно, владѣетъ необыкновеннымъ талантомъ разсказывать разныя старинныя преданія языкомъ легкимъ и понятнымъ даже простолюдину. Обѣщаемъ бездну удовольствія тому, кто прочтетъ до конца „старинное преданіе" Основьяненка. Нельзя не пожалѣть что въ „Молодикѣ" только и есть, что одна эта украинская статья [2]), а всѣ прочія или московскія, или нѣмецкія".

Но изъ области преданій перейдемъ теперь къ болѣе фактическимъ даннымъ.

Въ лѣтописяхъ слободскихъ полковъ имя Квитокъ впервые встрѣчается въ 1666 году; затѣмъ упоминаются имена прадѣда нашего писателя, Григорія Семеновича Квитки, полковника харьковскаго полка (см. выше), и дѣда—полковника изюмскаго полка. О первомъ извѣстно, что онъ ревностно заботился объ укрѣпленіи и украшеніи Харькова и привлекалъ массу переселенцевъ, стремившихся подъ защиту слободскихъ полковъ отъ набѣговъ татарскихъ [3]).

О родителяхъ Григорія Ѳедоровича извѣстій немного. Мы знаемъ только, что отецъ его, Ѳедоръ Ивановичъ, былъ радушный, гостепріимный хозяинъ, который своей простотой и умѣньемъ со всякимъ быть другомъ, по всей вѣроятности, далъ и сыну своему ту способность, которая сдѣлала его впослѣдствіи милымъ, добродушнымъ и обходительнымъ со всѣми. О матери

---

[1]) Сочиненія. Т. 7-й, стр. 280.

[2]) Писана по-русски.

[3]) Г. Данилевскій „Основьяненко" Спб. 1856 г., стр. 2

извѣстно еще меньше, при чемъ это немногое рисуетъ ее невполнѣ привлекательно, т. к. она была хотя очень образованная женщина, но самолюбивая, гордая и суровая [1]).

Первые годы дѣтства были обставлены весьма неблагопріятно для послѣдующаго развитія ребенка, и надо только удивляться той счастливой случайности, которая помогла Григорію Өедоровичу выбиться, хотя нѣсколько поздно, на настоящую дорогу. Какъ на явленіе, отрадно вліявшее на него, можно указать только на ту обстановку, среди которой жили вообще въ то время паны Слободской Украйны. Это была старосвѣтская жизнь, не уходившая далеко отъ простыхъ обычаевъ, чуждыхъ всякой насыщенности; хотя и обставленная нѣкоторой роскошью, но въ обыденной жизни не уклонявшаяся ни отъ простонароднаго языка, ни отъ простонародныхъ привычекъ. Вообще, старая украинская традиція держалась тогда еще въ культурныхъ семьяхъ харьковщины, подобно тому какъ держалась она и въ полтавщинѣ. „Харьковъ—по словамъ Г. Данилевскаго [2])—обстроенный при Императр. Екатеринѣ 2-й, представлялъ общество совершенно патріархальное, въ духѣ старосвѣтскихъ украинскихъ преданій. Университетъ еще не былъ открытъ. О литературѣ не было и помину. Помѣщики сосѣднихъ и дальнихъ деревень пріѣзжали въ губернскій городъ на торги и на ярмарки запасаться привозными съ сѣвера и юга товарами; другіе ѣздили по дѣламъ службы или по тяжебнымъ дѣламъ, которыхъ было въ то время безъ числа“. Эта-то простая обстановка жизни вокругъ и твердо державшаяся украинская традиція—дали возможность Квиткѣ впослѣдствіи выступить со своими украинскими произведеніями во всемъ блескѣ и народныхъ типовъ, и народной рѣчи. Зато эта благопріятная сторона жизни теряла свою цѣну для него, благодаря во 1-хъ, крайней болѣзненности мальчика и, во 2-хъ—отсутствію правильнаго воспитанія. Съ самаго рожденія обнаружились у ребенка проявленія золотухи,

---

[1]) Данилевскій.., стр. 3.

[2]) Тамъ-же..., стр. 5.

которая была причиною того, что мальчикъ въ теченіе первыхъ лѣтъ своей жизни оставался незрячимъ, и даже ему грозила опасность остаться такимъ и на всю жизнь. Къ счастію, на 8 году жизни онъ сталъ видѣть, при чемъ самое исцѣленіе совершилось неожиданно. Возстановимъ разсказъ объ этомъ моментѣ жизни нашего автора со словъ А. Корсуна, который, будучи самъ харьковскимъ общественнымъ дѣятелемъ и младшимъ братомъ Квитки по литературнымъ стремленіямъ, въ своихъ воспоминаніяхъ о немъ приводитъ слѣдующія подробности, очевидно долго жившія въ семьѣ Квитокъ, какъ родовыя преданія. „Когда Григорій Ѳедоровичъ былъ на рукахъ кормилицы— говоритъ онъ [1])—сдѣлался у него на глазу ячмень; кормилица сорвала прыщикъ, золотуха бросилась въ оба глаза и совершенно ослѣпила бѣдное дитя. Пособія медиковъ, знахарей и знахарокъ принесли одну пользу: оставили цѣлыми глаза, не излѣчивши слѣпоты; и когда все наличное искусство человѣческое было истощено, родители Григ. Ѳедоров. повезли восьмилѣтняго больного въ Озерянскую пустынь (въ 30 верстахъ отъ Харькова) къ чудотворной иконѣ Богоматери (которая находится теперь въ Куряжскомъ монастырѣ, въ 8 верстахъ отъ Харькова). Во время теплаго моленія передъ святымъ образомъ, малютка вдругъ спросилъ: „Какой это образъ, маменька?"—„Развѣ ты видишь?"—„Мнѣ свѣтло".

И ранѣе этого случая замѣтна была въ мальчикѣ черезмѣрная религіозность, а прозрѣніе при такихъ обстоятельствахъ еще болѣе, конечно, повліяло на развитіе этого чуства. Въ приведенныхъ только-что воспоминаніяхъ А. Корсуна находимъ такое указаніе: „Съ самаго младенчества добрые примѣры родителей и родныхъ дали сердцу Квитки то религіозное чувство, которымъ оно билось во все продолженіе жизни покойнаго. Дитятею еще пробуждался онъ при утреннемъ звонѣ и со слезами бывало просился въ церковь; няня понесетъ его туда, и онъ выстоитъ всю службу, не смотря на продолжительность ея, и

[1]) Воспоминанія о Григоріи Ѳедоров. Квиткѣ. А. Корсуна (Литерат. газета 1843 г., № 37).

плачетъ, бывало, если не застанетъ начала". И въ самомъ дѣлѣ—фамильныя преданія въ направленіи религіозности были довольно сильны въ семьѣ Квитокъ: они считали въ своемъ роду извѣстнаго Іоасафа Горленка, бѣлгородскаго епископа, сестра котораго была замужемъ за дѣдомъ Григор. Θедоров. Квитки; а г. Сементовскій въ статьѣ своей „Харьковъ" [1]) приводитъ извѣстіе, что нашего автора въ дѣтствѣ обучалъ монахъ изъ Куряжскаго монастыря, настоятелемъ котораго былъ родной дядя Григ. Θедор., Наркизъ Квитка, который и личнымъ примѣромъ, и наставленіями старался развить въ ребенкѣ не только религіозность, но и желаніе поступить въ монастырь. Помимо всего этого, на развитіе религіозности у мальчика могло вліять, и несомнѣнно вліяло, и все тогдашнее харьковское общество, настроенное на религіозныя темы украинскимъ философомъ Сковородою, этимъ дѣятелемъ въ пользу просвѣщенія Слободско-украинскаго общества второй половины прошлаго столѣтія. Сковорода, какъ извѣстно, бывалъ въ домѣ Квитокъ, и мальчикъ, и безъ того съ религіознымъ настроеніемъ, наслушавшись разсказовъ, приправленныхъ мистицизмомъ, еще болѣе сталъ увлекаться аскетическими подвигами и серьезно подумывать о монашеской жизни. Эта же религіозность, по свидѣтельству А. Корсуна, въ связи съ музыкальной природой его родины, была причиной ранняго проявленія у него музыкальныхъ способностей. „Частое посѣщеніе храма Божьяго, духовное пѣніе, къ которому онъ жадно прислушивался, и, наконецъ, музыкальность родины сдѣлали его музыкантомъ: Григорій Θедоровичъ прекрасно игралъ на флейтѣ и въ молодости положилъ на ноты очень много рамансовъ, имъ сочиненныхъ. Вотъ гдѣ первое появленіе его глубоко-художественнаго духа!" [2]).

Что-же касается до другихъ, противоположныхъ, вліяній, то ихъ не могло быть, благодаря отсутствію серьезнаго, толковаго ученія. Въ одномъ письмѣ своемъ къ П. А. Плетневу Квитка впослѣдствіи писалъ о своемъ ученіи слѣдующее: „Я и

---

[1]) Иллюстрація 1846 г., ч. III-я, № 46.

[2]) А. Корсунъ. Воспоминанія.

родился въ то время, когда образованіе не шло далеко, да и мѣсто не доставляло для того удобствъ; притомъ-же болѣзни съ дѣтства, желаніе не быть въ свѣтѣ, а, быть можетъ, и безпечность и лѣность, свойственныя тогдашнему возрасту—все это было причиной, что я не радѣлъ о будущемъ и уклонялся даже отъ того, что было подъ рукою и чему могъ-бы научиться. Выучась ставить каракульки, я положилъ, что, умѣя и такъ писать, для меня довольно; въ дальнѣйшія премудрости не пускался и о именительныхъ, родительныхъ и прочихъ, какъ то: о глаголахъ, междометіяхъ не могъ слушать терпѣливо. Съ таковыми познаніями писатели не бываютъ! Молодость, страсти, обстоятельства, служба заставляли писать; но какъ? я въ это не входилъ. *Еже писахъ, писахъ.* [1]).

Въ зависимости отъ всѣхъ изложенныхъ причинъ, какъ было уже сказано, двѣнадцатилѣтній мальчикъ задумалъ поступить въ монастырь, чему, какъ и слѣдовало ожидать, воспротивились родители и даже настояли на томъ, чтобы онъ поступилъ въ военную службу, какъ только исполнилось ему 15 лѣтъ. 11 декабря 1793 г. онъ былъ опредѣленъ лейбъ-гвардіи въ конный полкъ вахмистромъ, а черезъ 20 дней, какъ говоритъ А. Корсунъ, или черезъ годъ, какъ свидѣтельствуетъ Г. Данилевскій, онъ перечислился въ гражданскую службу, гдѣ и состоялъ два года *не у дѣлъ* при департаментѣ герольдіи. Въ воспоминаніе этого періода сохранился одинъ изъ псевдонимовъ въ статьяхъ его, писанныхъ впослѣдствіи, о чемъ мы скажемъ ниже. Въ октябрѣ 1796 года онъ опять вступилъ въ военную службу въ Сѣверскій Карабинерный полкъ ротмистромъ, а въ слѣдующемъ году перечисленъ былъ въ Харьковскій Керасирскій полкъ, послѣ чего вскорѣ вышелъ опять въ отставку и поселился дома. Прежнія впечатлѣнія дѣтства среди домашней обстановки опять берутъ перевѣсъ, и мы видимъ Григорія Ѳедоровича Квитку, будущаго веселаго писателя, на 24-мъ году [2]) по-

---

[1]) Данилевскій. Основьяненко, стр. 8.

[2]) По словамъ Г. Данилевскаго—на 23-мъ году.

слушникомъ, или, какъ говоритъ А. Корсунъ, онъ „въ самомъ разгарѣ юности и страстей стянулъ грудь свою послушническимъ ремнемъ, отпустилъ бороду, отростилъ волосы и удалился въ Куряжскую обитель, гдѣ со всею строгостью исполнялъ монастырскій уставъ.“ Долго, какъ видимъ мы, боролся юноша со своимъ влеченіемъ, но наконецъ оно превозмогло его усилія. По словамъ того-же А. Корсуна, рѣшительною минутою для него было свиданіе съ однимъ изъ его друзей. Случилось это такъ. „Григорій Ѳедоровичъ въ Таганрогѣ познакомился и подружился съ артиллерійскимъ поручикомъ Петромъ Ивановичемъ Бѣлёвцовымъ. Покойный (т. е. Квитка) часто разсказывалъ о живомъ характерѣ его. Представьте-же теперь себѣ впечатлѣніе, которое произвело на юную религіозно-настроенную душу явленіе этого поручика въ монашеской одеждѣ, съ бородою и именемъ Палладія (впослѣдствіи извѣстный архимандритъ и настоятель Невскаго монастыря). Бесѣда, воспоминанія, будущность, вѣчная жизнь....—и Григорій Ѳедоровичъ даетъ слово иноку-другу постричься, во что-бы то ни стало“ [1]).

О пребываніи его въ монастырѣ въ теченіе 4-хъ лѣтъ сохранились больше анекдотическіе разсказы, въ родѣ того: какъ нашъ будущій писатель въ черной рясѣ ѣздилъ на запяткахъ кареты настоятеля монастыря; какъ онъ смирялъ свою плоть, взявши на себя самыя тяжелыя работы монастырскія; какъ онъ однажды, отправившись въ Харьковъ продавать бочки монастырскаго издѣлія, застрялъ съ повозкой въ грязи харьковскихъ улицъ, какъ онъ тутъ сталъ предметомъ разговоровъ, будучи узнанъ мальчишками „якъ паничъ Квитка“, и какъ онъ, сконфуженный, бросилъ все на улицѣ и отправился въ село Основу къ роднымъ съ тѣмъ, чтобы никогда больше не возвращаться въ монастырь. Конечно, не этотъ случай побудилъ Квитку отказаться отъ аскетической жизни, а равнымъ образомъ—и не та была единственная причина, которую указываетъ А. Корсунъ, а именно: „Прошло два года—говоритъ онъ—а между

[1]) А Корсунъ. Воспоминанія... К. Сементовскій (Москвитянинъ 1843 г. ч. 5-я) говоритъ, что этотъ Бѣлёвцовъ былъ другомъ отца Г. Ѳ. Квитки.

тѣмъ отецъ Квитки началъ примѣтно ослабѣвать, видимо близиться ко гробу. Это обстоятельство безпрерывно стало нашептывать нѣжно-любящему и нѣжно-любимому сыну отцовскія слова: „Нѣтъ моего благословенія на то, чтобы ты былъ монахомъ“... „Пока будешь монахомъ, запрещаю ходить на мою могилу“... Конечно, повторяю, это была не единственная причина, хотя и довольно сильная для такой нѣжной натуры, какая была у Квитки. Несомнѣнно, что и удаленіе его въ монастырь было слѣдствіемъ нѣкоторой неудовлетворенности, которую онъ, можетъ быть, безсознательно, чувствовалъ въ кругу своихъ, въ кругу общества, не дававшаго пищи его натурѣ, не утолявшаго его духовной жажды. Теперь-же, сознавши, что и монастырская жизнь не удовлетворяетъ его души, онъ, побуждаемый родными и друзьями, очень легко разстается съ монастыремъ (въ 1804 г.) и даже впослѣдствіи самъ подсмѣивается надъ своимъ аскетизмомъ. Г. Данилевскій приводитъ пѣсню, сочиненную будто-бы Г. Ѳ. Квиткою, которая указываетъ на довольно насмѣшливое отношеніе автора къ своему прошедшему.

Вотъ эта пѣсня:

Прыйшовъ Грыць, зажурывсь,
Тай въ ченци пострыгсь.
Грыцю, Грыцю до роботы!
Въ Грыця порваны чоботы.

Грыцю, Грыцю, до телятъ!
Въ Грыця ниженьки болять.
Грыцю, Грыцю, робы хлибъ!
Акхи, акхи—щось охрыпъ.

Впрочемъ, А. Метлинскій помѣстилъ эту пѣсню во 2-мъ изданіи (Народныя южно-русск. пѣсни Кіевъ 1854 г., стр. 467), какъ народную, но безъ первыхъ двухъ стиховъ, въ которыхъ собственно и есть намекъ на монашескую жизнь. Хотя Г. Данилевскій говоритъ, что эта пѣсня впослѣдствіи стада народною, но намъ кажется, что въ данномъ случаѣ Г. Ѳ. Квитка воспользовался существующею народной пѣсней и только присочинилъ къ ней начало, примѣнивъ ее такимъ образомъ къ себѣ. Во всякомъ случаѣ, одинъ тотъ фактъ, что пѣсня распѣвалась пѣвчими брата Григ. Ѳеодоров. и не возбуждала его неудовольствія, показываетъ, что онъ самъ не прочь былъ пошутить надъ своимъ прошлымъ.

Нельзя однако думать, что, кромѣ шуточнаго отношенія къ своимъ прежнимъ религіознымъ влеченіямъ, у него не осталось ничего въ результатѣ; напротивъ, религіозность сохранилась у него до послѣднихъ дней жизни, а впечатлѣнія монастырской жизни дали отголосокъ въ лучшихъ его повѣстяхъ, представляющихъ типы, такіе нѣжные, исполненные религіозности, съ любвеобильнымъ сердемъ, какъ Маруся, Оксана, Ганнуся и др. Это не значитъ, впрочемъ, что авторъ отъ себя надѣлилъ эти типы такими чертами, не придерживаясь даже правдоподобія,—но онъ, благодаря своему личному душевному настроенію, могъ лучше понимать и чувствовать ту простонародную жизнь, которая такъ полна чистыхъ христіанскихъ идеаловъ, такъ способна на дѣлѣ показать примѣръ христіанскаго терпѣнія въ своемъ многострадальномъ быту.

Монастырская жизнь и вообще религіозныя влеченія, по словамъ Г. Данилевскаго, были также поводомъ къ написанію впослѣдстіи нѣкоторыхъ сочиненій церковно-историческаго содержанія, какъ напр. „Краткое описаніе жизни Преосвящ. Іосафа Горленка, Епископа Бѣлгородскаго", издан. въ Кіевѣ въ 1836 г., „О св. мученицѣ Александрѣ-царицѣ", помѣщен. въ „Звѣздочкѣ" 1843 г. и „Краткая Священная исторія", написанная на малорусскомъ языкѣ, но оставшаяся въ рукописи (1839) [1]. Что касается первой книги; то она намъ кажется представляющей сомнѣнія. Г. Данилевскій говоритъ, что видѣлъ подлинникъ этой статьи, писанный рукою Основьяненка, съ помаркамм (стр. 122), и на этомъ основаніи считаетъ ее составленною Г. Ѳ. Квиткою (напечатана безъ имени автора); такого-же мнѣнія держится и г. Лазаревскій (Указатель источниковъ для изученія малор. края", № 169). Но не вѣрнѣе-ли въ этомъ случаѣ указаніе г. Межова (Библіогр. Указат. Истор. Рус. и Всеобщ. Слов., № 9939), считающаго, что жизнеописаніе составлено Наркизомъ Квиткою; тѣмъ болѣе, что эта книга почему-то издана въ Кіевѣ, когда Г. Ѳ. Квитка могъ издать ее въ Харковѣ.

---

[1]) Объ этой послѣдней говоритъ К. Сементовскій въ стат. „Г. Ѳ. Квитка („Москвитянинъ" 1843 г., ч. 5-ая, стр. 418), а М. Максимовичъ (см. дальше)

Про первые годы послѣ оставленія монастыря мы знаемъ немного; знаемъ только, что въ это время онъ понемногу привыкалъ къ свѣту, приглядывался къ окружающему, запасался той жизненной опытностью, которая такъ пригодна была ему потомъ для его литературныхъ и общественныхъ заботъ. Хотя онъ сначала и дичился общества, хотя и проводилъ время въ молитвѣ и въ исполненіи разнообразныхъ церковныхъ обязанностей, какъ-то благовѣстилъ къ обѣднѣ, ходилъ по селу съ церковными ключами и пр.,—однако мало-по-малу начала въ немъ проявляться жажда къ общественныхъ развлеченіямъ: онъ сталъ веселъ, развязенъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ проявилъ въ себѣ тотъ національно-украинскій юморъ, который нѣсколько позже обнаружился и въ литературныхъ произведеніяхъ. Эта перемѣна въ его характерѣ можетъ быть отчасти объяснена тѣмъ, что здоровье его значительно улучшилось, и хотя онъ потерялъ лѣвый глазъ отъ взрыва пороха во время приготовленія фейерверка [1]), но общее состояніе его физическихъ силъ было очень сносно, такъ-что когда въ 1806 году раздалась вѣсть о народномъ ополченіи, онъ еще разъ, и уже въ послѣдній, поступилъ въ военную службу, въ должность *провіантскаго коммисара провинціи,* которую и покинулъ послѣ полугодовой службы.

Нельзя пройти молчаніемъ еще одной наново явившейся черты въ жизни Г. Ѳ. Квитки послѣ оставленія имъ монастыря: это—увлеченіе его сценой. Тогда еще въ Харьковѣ не было общественнаго театра, и потому Квитка выступалъ у себя на домашнемъ театрѣ, при чемъ—по словамъ А. Корсуна—„выбиралъ себѣ роли самыя трудныя, живыя и тонкія“... „Правда, les extremes se touchent, но все-таки и здѣсь видна эстетическая сторона его души“,—говоритъ А. Корсунъ, очевидно имѣя

указываетъ, какъ слухъ, что эта работа навѣяна была Преосвящ. Иннокентіемъ.

[1]) Исполняя волю самого Г. Ѳ. Квитки, не можемъ пропустить одной мелочной справки: это присутствіе въ немъ какой-то особенной страсти къ огню, о чемъ писалъ А. Корсунъ Н. Данилевскому: „Еще слово. Квитка любилъ зажигать самъ свѣчи. Зажжетъ, бывало, спичку да и пойдетъ съ нею по свѣчамъ. Онъ говорилъ: пусть мой біографъ не забудетъ этой странности“ (Данилевскій, стр. 12).

въ виду то противорѣчіе, которое обнаружилось въ рѣзкомъ переходѣ отъ роли аскета къ роли актера.

Съ 1807 по 1812-й годъ Г. Ѳ. Квитка не занималъ никакого оффиціальнаго положенія; но это были тѣ годы въ его жизни, въ которые началась его сознательная общественная дѣятельность, направленная въ разныя стороны. Способствовала этому и сама харьковская жизнь, значительно измѣнившаяся къ лучшему, благодаря открытію университета въ 1805 году. Мы не будемъ останавливаться на характеристикѣ этого момента въ жизни харьковскаго общества, такъ какъ желающіе ознакомиться съ нею могутъ прочесть нѣсколько любопытныхъ страницъ уже въ напечатанныхъ матеріалахъ, хотя-бы и въ сочиненіи Г. Данилевскаго „Украинская Старина", а скажемъ только, что прежняя нравственная спячка харьковянъ замѣняется пробужденіемъ литературы и общественной жизни: открывается университетъ, устраивается благотворительное общество, начинается журнальная дѣятельность, которая по своему достоинству навсегда останется въ памяти, по крайней мѣрѣ въ Малороссіи.

Отзывчивая натура Г. Ѳ. Квитки сказалась въ томъ живомъ участіи въ общественныхъ дѣлахъ, которое обнаруживалось потомъ и во всю послѣдующую его жизнь. Ни одно дѣло, сколько нибудь съ оттѣнкомъ общественности, не оставалось безъ его участія. Такъ, мы видимъ его и директоромъ танцовальнаго клуба, гдѣ вначалѣ онъ бывалъ только въ качествѣ гостя, и директоромъ театра, и ревностнымъ работникомъ въ благотворительномъ обществѣ, и главнымъ устроителемъ института благородныхъ дѣвицъ, и, наконецъ, мы видимъ его, какъ литературную силу, участникомъ во всевозможныхъ журналахъ и альманахахъ какъ харьковскихъ, такъ и столичныхъ. Разсмотримъ теперь нѣкоторыя частности изъ разныхъ сферъ этой его дѣятельности.

Въ 1812 году начались въ Харьковѣ правильныя сценическія представленія, т. к. возникъ постоянный городской театръ. Г. Ѳ. Квитка принялъ въ этомъ дѣлѣ горячее участіе, сначала какъ постороннее лицо, а позже—въ качествѣ директора театра. Это первое увлеченіе театромъ осталось въ немъ навсегда и сказалось въ его драматическихъ произведеніяхъ, которыя по

своей сценичности, особенно украинскія комедіи, и до сихъ поръ могутъ считаться хорошими. Въ этотъ періодъ увлеченія сценическимъ искусствомъ Г. Ѳ. Квитка увлекся было одной актрисой и собирался уже жениться на ней, но просьбы родныхъ, особенно увѣщанія матери заставили его отказаться отъ этой мысли. Но не только увлекался онъ театромъ современнымъ и, такъ сказать, текущими событіями сцены,—онъ изучилъ также прошлую исторію харьковскаго театра, слѣдствіемъ чего и была впослѣдствіи напечатанная имъ статья „Исторія театра въ Харьковѣ" (начиная съ 1780 года) [1]). Здѣсь читатель можетъ найти нѣсколько любопытныхъ страницъ, между прочимъ и объ извѣстномъ актерѣ М. С. Щепкинѣ. Директорство свое въ харьковскомъ театрѣ Г. Ѳ. Квитка покинулъ въ 1816 году, отвлекаемый другаго рода дѣятельностью, къ чему мы сейчасъ и обратимся.

„Въ душѣ его зародилось много филантропическихъ мыслей, которыя онъ желалъ привесть въ исполненіе"—такъ говоритъ о дѣятельности Г. Ѳ. Квитки въ тотъ періодъ А. Корсунъ въ указанныхъ уже нами его воспоминаніяхъ. Однимъ изъ такихъ филантропическихъ учрежденій было „Благотворительное Общество", основанное въ Харьковѣ въ 1812 году „ревностнымъ его содѣйствіемъ", какъ свидѣтельствуетъ А. Корсунъ. Не знаемъ, дѣйствительно-ли мысль объ основаніи этого общества принадлежитъ Г. Ѳ. Квиткѣ, но что онъ принималъ въ учрежденіи его самое близкое участіе, видимъ изъ письма его изъ Харькова (отъ 10 декаб. 1811 г.) въ „Вѣстникъ Европы" съ приложеніемъ объявленія о предполагаемомъ въ слободско-украинской губерніи обществѣ благотворенія (Вѣстн. Евр. 1812 г., № 1, стр. 62). Н. П. Дашкевичъ въ своемъ почтенномъ трудѣ „Отзывъ о сочиненіи г. Петрова „Очеркъ исторіи украинской литературы XIX столѣтія" [2]) дѣлаетъ поправку къ прежнимъ біографическимъ и библіографическимъ даннымъ о Квиткѣ, считая, что этимъ письмомъ начинается литературная дѣятельность Г. Ѳ.

[1]) Харьков. губерн. Вѣдомости 1841 г., № 2, 33 и 34, а также перепечатка ея въ Литературѣ Газетѣ 1841 г., № 114—115.

[2]) Отчетъ о 29-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова, стр. 299.

Квитки, связанная такимъ образомъ съ благотворительнымъ обществомъ; но вѣроятно Н. П. Дашкевичъ только руководствовался въ этой справкѣ „Указателемъ къ Вѣстнику Европы", составлен. г. Полуденскимъ, а лично самъ не заглянулъ въ это письмо, которое, состоя всего изъ нѣсколькихъ строчекъ, никакъ не можетъ быть названо литературнымъ произведеніемъ.

Будучи избранъ правителемъ дѣлъ въ этомъ Обществѣ благотворенія, Г. Ѳ. Квитка началъ со всѣмъ рвеніемъ стремиться къ выполненію главной задачи общества—доставить дѣтямъ бѣдныхъ малороссійскихъ дворянъ всѣ средства къ образованію. Для достиженія этой цѣли общество на свои средства содержало нѣсколькихъ мальчиковъ изъ дворянъ въ пансіонѣ, находившемся при Харьковской гимназіи; но для дочерей дворянскихъ никакихъ пансіоновъ тогда еще не было во всей Малороссіи, и потому Г. Ѳ. Квитка, какъ свидѣтельствуютъ всѣ біографы его, первый поднялъ голосъ въ пользу учрежденія въ Харьковѣ института для благородныхъ дѣвицъ.

Позаимствуемъ нѣсколько данныхъ объ этой крупной страницѣ въ дѣятельности Г. Ѳ. Квитки изъ рѣчи Д. Георгіевскаго, сказанной 1-го іюня этого года на актѣ въ Харьковскомъ институтѣ и составленной по архивнымъ институтскимъ матеріаламъ [1]). Въ задачи „Общества благотворенія" входило: „по мѣрѣ пріобрѣтаемыхъ способовъ дѣйствовать во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ представится или обществомъ откроется человѣкъ, какого-бы званія, пола и возраста онъ ни былъ, требующій призрѣнія, помощи, утѣшенія или руководства".

Такъ какъ въ понятіе о призрѣніи входило тогда дѣло воспитанія и обученія, въ особенности лицъ женскаго пола, то въ первомъ-же своемъ засѣданіи, благодаря вниманію одного изъ самыхъ дѣятельныхъ его членовъ, извѣстнаго малороссійскаго писателя Г. Ѳ. Квитки-Основьяненка, общество объявило, что „сверхъ другихъ распоряженій къ облегченію участи неимущихъ, оно обратило вниманіе и на дѣвицъ благородныхъ фамилій, по бѣдности лишенныхъ способовъ къ полученію образо-

---

[1]) Отрывокъ изъ рѣчи напечатанъ въ „Харьковск. Вѣдомостяхъ" № 140.

ванія, приличнаго званію ихъ. Посему и рѣшило устроить заведеніе для воспитанія на первый случай 20 дѣвицъ дворянскихъ фамилій изъ бѣднаго состоянія". Тогда же была между дворянами подпискою собрана сумма въ 7,000 руб. и съ этими деньгами Г. Ѳ. Квитка разсчитывалъ покрыть первоначальные расходы по институту. Испрошено было Высочайшее соизволеніе на учрежденіе этого учебно-воспитательнаго заведенія и на назначеніе совѣта для управленія имъ. Самый актъ открытія института былъ подписанъ 27 іюля 1812 г. а торжественное открытіе его послѣдовало 16 августа того-же года.

Хотя первоначально на устройство института было собрано всего 7000 р., а между тѣмъ все содержаніе института было опредѣлено на первый же годъ въ 14,104 р., тѣмъ не менѣе это обстоятельство не послужило препятствіемъ къ открытію института въ такомъ видѣ и съ тѣми цѣлями, о которыхъ было сказано раньше.

Первые 5 лѣтъ институтъ содержался, благодаря только тому, что профессора университета, профессора духовнаго коллегіума, учителя гимназіи и духовнаго училища преподавали даромъ. Суммы-же для покрытія неотложныхъ издержекъ Г. Ѳ. Квитка, которому съ самаго начала было ввѣрено главное управленіе институтомъ, давалъ изъ своихъ средствъ, истративъ на это почти все свое состояніе.

Съ 1812 по 1816 г., когда послѣдовалъ первый выпускъ, въ институтѣ, кромѣ 20 штатныхъ воспитанницъ, было 40 пансіонерокъ, изъ которыхъ 28 на полномъ содержаніи, 6 полупансіонерокъ и 6 приходящихъ.

Послѣ перваго выпуска многіе родители желали помѣстить своихъ дочерей, но помѣщеніе было такъ тѣсно, что могло быть принято только 15. Г. Ѳ. Квитка сталъ собирать деньги на пріобрѣтеніе для института собственнаго дома. Въ концѣ года совѣтъ купилъ землю и съ будущей весны рѣшилъ приступить къ постройкѣ каменнаго зданія. Несмотря на всѣ старанія совѣта, пожертвованій на домъ поступало мало. Въ изысканіи средствъ совѣтъ главную надежду возлагалъ на то, что чело-

вѣколюбивый Монархъ при первомъ дошедшемъ до него свѣдѣніи дастъ институту способъ умножить число воспитанницъ.

Совѣтъ общества рѣшилъ ходатайствовать предъ Императрицею о принятіи института подъ Свое покровительство и начальство. Такъ какъ институтъ отдѣлялся отъ общества благотворенія, то въ чрезвычайномъ его засѣданіи былъ избранъ первый совѣтъ института: предсѣдателемъ его былъ избранъ харьковскій губернскій предводитель дворянства подполковникъ А. Ѳ. Квитка, членами: харьковскій уѣздный предводитель дворянства капитанъ Г. Ѳ. Квитка, совѣстный судья поручикъ Лосевъ, для завѣдыванія же учебной частью—титулярный совѣтникъ Зарудный, бывшій студентъ Харьковскаго университета.

22 апрѣля 1818 г. Императоръ утвердилъ совѣтъ, а 10 мая 1818 г. послѣдовало торжественное открытіе Харьковскаго института благородныхъ дѣвицъ".

Какъ видно изъ всего этого, участіе Г. Ѳ. Квитки не было только внѣшнимъ; онъ вложилъ въ институтъ всю свою энергію первыхъ лѣтъ общественной дѣятельности, все свое состояніе, и даже свою литературную дѣятельность началъ онъ статьями объ институтѣ въ 1816 г. [1]). Статьи эти были напечатаны съ полной подписью автора и заключаютъ въ себѣ отчеты объ институтѣ и благотворительномъ обществѣ, но не сухо написанные, а съ очень частыми восторженными обращеніями къ институткамъ. Судьба устроила такъ, что и послѣднее сочиненіе Квитки было тоже съ посвященіемъ институту, именно статья его подъ заглавіемъ „О святой мученицѣ Александрѣ—царицѣ".

Привязанность его къ институту была такъ велика, что даже избраніе его въ 1817 году въ должность уѣзднаго предводителя дворянства не отвлекло его отъ занятій по институту, гдѣ онъ оставался до 1821 года.

Съ институтомъ тѣсно связана для Г. Ѳ. Квитки и его женитьба. Женился онъ въ 1821 году на классной дамѣ институтской, Аннѣ Григорьевнѣ Вульфъ, которая была лучшимъ его другомъ, совѣтникомъ и даже критикомъ до самой его кончины.

---

[1]) Украинскій Вѣстн. 1816 г. № 1, 4 и 5.

Для доказательства можно привести выдержки изъ письма племянника его, Валеріана Андреевича Квитки, къ Г. Данилевскому.

„Дядя мой женился уже не въ молодыхъ лѣтахъ на одной изъ классныхъ дамъ... Онъ былъ тогда дѣятельнымъ членомъ Совѣта Института и сблизился съ будущею своею женою... Здѣсь нашелъ онъ совершенно однородный съ нимъ характеръ и легко остановилъ свой выборъ... Болѣе симпатической подруги онъ не могъ найти. Жена его была умная, образованная, но некрасивая женщина, воспитанная въ правилахъ строгой нравственности, совершенная пуританка, характера твердаго и малосообщительнаго...“ И далѣе: „Послѣ обѣда онъ обыкновенно отправлялся въ свой кабинетъ, и тогда наставали лучшіе часы въ его жизни. Онъ писалъ, не тревожимый никѣмъ, и только подъ вечеръ приходилъ прочитывать женѣ или свои свѣжія произведенія, или статьи изъ столичныхъ журналовъ. Съ женою онъ совѣтовался, слѣпо довѣрялъ ея мнѣніямъ, а когда дѣло шло въ его сочиненіяхъ о высшемъ свѣтѣ, французскомъ языкѣ и образованности, то онъ рѣшительно подчинялся ея приговорамъ.“

Самъ Квитка въ письмѣ къ П. А. Плетневу пишетъ: „Мой собственный цензоръ и критикъ мой безпристрастный, Анна Григорьевна, находитъ, что „Щирая любовь“ интереснѣе „Маруси...“ Я ей вѣрю; что было бы безъ ея руководства? Если занесусь, она меня притянетъ; если опускаюсь низко, она велитъ вылазить, или оставить и приподняться; она то въ пору меня останавливаетъ въ разговорахъ, въ описаніи дѣйствій“. Или, въ другомъ письмѣ: „Никогда я не думалъ писать что либо! Читаемое не нравилось; а если встрѣчалось что-либо, сходствовавшее съ моимъ разумѣніемъ, я находилъ, что не съ той точки писавшій смотрѣлъ, не то замѣтилъ. Отдаленность отъ дѣйствователей и пребываніе въ здѣшней пустынѣ не лелѣяли дальнѣйшихъ разсужденій и никакъ не возбуждали во мнѣ охоты писать. Притомъ-же занятія пріятныя для души и сердца моего, обладали тогда мною въ высшей степени. Я устраивалъ [illegible]ти-тутъ, боролся съ мнѣніями, предразсудками и понятіями велъ дѣло къ концу,—и въ награду увидѣлъ зависть, дѣйств

противъ меня со всѣмъ ожесточеніемъ. Бросилъ всѣ мои труды, и тутъ-то, посланною мнѣ Богомъ Анною Григорьевною побужденъ приняться писать!" (Данил. стр. 255).

И дѣйствительно, мы видимъ даже въ Аннѣ Григорьевнѣ литературнаго защитника своего мужа. Плетневъ назвалъ „Галочку" [1]) существомъ неземнымъ. Анна Григор. по этому поводу пишетъ ему слѣдующее: „Почему Вы находите, что Галочка существо неземное? Право, мнѣ жаль, что Вы такъ думаете, что бы въ простомъ быту не было благородства души и возвышенныхъ чувствъ. Я васъ могу, увѣрить, что Галочка существовала, и что теперь есть въ томъ мѣстѣ, гдѣ она жила, люди, которые разсказываютъ о ея умѣ и о красотѣ ея столько похвалъ, что онѣ даже въ пѣсняхъ сохранились... Извините, что я такъ горячо вступилась за Галочку—мое милое дитя, которое тѣмъ для меня болѣе интересно, что это истинное происшествіе, о которомъ давно просила мужа описать его". Много можно было-бы указать мѣстъ изъ писемъ, показывающихъ какъ взаимныя отношенія супруговъ Квитокъ, такъ и то вліяніе, которое имѣла Анна Григорьевна на своего мужа. Достаточно будетъ указать еще на то, что лучшія повѣсти Квитки („Маруся", „Сердешна Оксана"), посвящены Аннѣ Григорьевнѣ.

Изъ другихъ общественныхъ дѣлъ Григорія Федор. нельзя не упомянуть его участія въ открытіи кадетскаго корпуса, который предположено было основать въ Харьковѣ, и который потомъ былъ переведенъ въ Полтаву, а также участія въ устройствѣ Публичной Библіотеки. Но главная заслуга Григ. Ѳедор.—его литературная дѣятельность, въ особенности какъ украинскаго писателя,—поэтому перейдемъ теперь къ обозрѣнію его трудовъ, помѣщавшихся въ разное время въ разныхъ журналахъ.

Какъ уже было сказано раньше, первою литературною работою Григ. Федор. были его статьи объ институтѣ, помѣщенныя въ вновь открывшемся въ Харьковѣ первомъ журналѣ

---

[1]) Героиня драмы „Щира любовь", переведенной на русскій языкъ самимъ авторомъ. Совр. 1839 г. № XVI.

„Украинскій Вѣстникъ.“ Журналъ этотъ началъ издаваться въ 1816 г. и продолжался въ теченіе трехъ лѣтъ Квитка во все это время появляется съ своими статьями, то съ подписью своей настоящей фамиліи, то съ псевдонимомъ Өалалея Повинухина въ юмористическихъ статьяхъ, которыя производили въ свое время фуроръ среди харьковской публики. Не только въ качествѣ сотрудника явился здѣсь Квитка, но въ 1817 г. и въ качествѣ издателя, хотя скоро онъ отказался отъ участія въ издательствѣ, отговариваясь избраніемъ въ новую должность предводителя дворянства.

Почти одновременно съ началомъ изданія „Украинскаго Вѣстн.“, журнала болѣе серьезнаго, появился въ Харьковѣ и другой журналъ, юмористическій, — „Харьковскій Демокритъ“, который впрочемъ просуществовалъ недолго и въ томъ-же году прекратился; но Григор. Өедор. и тутъ явился въ качествѣ сотрудника, помѣстивши нѣсколько довольно плохенькихъ стихотвореній, за которыя конечно винить его нельзя, такъ-какъ онъ совершенно былъ не способенъ къ стихотворству, а между тѣмъ, по обычаю тѣхъ временъ, считалъ себя обязаннымъ писать стихи. Вспомнимъ, что не такъ давно минуло время, когда мало-мальски грамотный человѣкъ считалъ своей обязанностью подарить публику хоть нѣсколькими стихотвореніями. Къ этому-же времени относятся и нѣкоторыя изъ ненапечатанныхъ его произведеній, впервые опубликованныхъ Г. Данилевскимъ. Цѣна ихъ такова-же, какъ и вышеупомянутыхъ. Стоитъ развѣ упомянуть о „Маршѣ“, сочин. въ 1817 г. съ музыкой и объяснительнымъ текстомъ. По *свидѣтельству знатоковъ, музыка* довольно сносна.

И такъ, мы видимъ, что первые литературные опыты Г. Ө. Квитки совпали съ появленіемъ въ Харьковѣ своей мѣстной журналистики, хотя въ нихъ и намека еще не было на то національно-украинское теченіе, которымъ такъ прославился онъ впослѣдствіи. Это была дань съ его стороны обще-литературному настроенію, рѣзко отмѣчаемому въ харьковской жизни въ началѣ текущаго столѣтія: тутъ устраиваются и литературные вечера въ частныхъ домахъ; тутъ возникаетъ, какъ мы видѣли,

первый мѣстный журналъ „Украинскій Вѣстникъ“; тутъ-же вскорѣ возникаетъ и второй журналъ „Харьковскій Демокритъ“,— и вездѣ принимаетъ участіе Г. Ѳ. Квитка, хотя и отказавшійся отъ соредакторства своего въ „Украинскомъ Вѣстникѣ“ въ 1817 году по случаю избранія своего уѣзднымъ предводителемъ дворянства, но выступавшій все-же со своими статьями объ институтѣ, со своими сатирическими письмами и даже со своими весьма слабыми стихотвореніями.

Когда прекратилось изданіе Украинскаго Вѣстника, Г. Ѳ. Квитка перенесъ свою дѣятельность въ „Вѣстникъ Европы“, издававшійся тогда М. Каченовскимъ. Писанія его здѣсь, начавшіяся въ 1820 г. и окончившіяся въ 1822 г., ограничились рядомъ статей подъ заглавіемъ „Письма къ Лужницкому старцу“ и нѣсколькими малороссійскими анекдотами, которые Г. Данилевскій приписываетъ перу Квитки, т. к. тема ихъ взята изъ слободско-украинской жизни, а также и на томъ основаніи, что въ одномъ письмѣ Снегирева къ Квиткѣ говорится: „анекдоты Ваши изъ малороссійскихъ пословицъ я читалъ“ [1]). Что-же касается писемъ къ Лужницкому старцу, то надо замѣтить здѣсь, что появились они, будучи случайно вызваны рядомъ статей, помѣщенныхъ раньше въ томъ-же журналѣ за подписью „Лужники“ и носившихъ заглавія: „Къ господамъ издателямъ Украинскаго Вѣстника“ (1818 г., № 13) и „Записки Лужницкаго Старца“ (1818 г., № 20 и 22). Это обращеніе къ издателямъ Украинскаго Вѣстника и дало поводъ Г. Ѳ. Квиткѣ впослѣдствіи, перенося свое сотрудничество въ „Вѣстникъ Европы“, вспомнить этотъ псевдонимъ Лужницкаго Старца и въ № 5 1820 года помѣстить первую свою статью подъ указаннымъ уже заглавіемъ и за подписью „Аверьянъ любопытный, состоящій не у дѣлъ коллежскій протоколистъ, имѣющій хожденіе по тяжебнымъ дѣламъ и по денежнымъ взысканіямъ“, что, какъ было сказано раньше—имѣетъ отношеніе къ ранней службѣ его въ департаментѣ герольдіи. Письма эти къ Лужницкому Старцу, по тону своему очень напоминая письма Ѳалалея Повинухина

[1]) Данилевскій..., стр. 53.

(въ Украинск. Вѣстн.), тянулись въ „Вѣстникѣ Европы нѣсколько лѣтъ и имѣли разныя подписи: *Шестериковъ, Юноша Бѣлаго города, №№ и др*,, а въ 1822 г.—опять подпись *Ѳалалей Повинухинъ*.

Затѣмъ наступаетъ довольно большой перерывъ въ его литературной дѣятельности, такъ какъ до 1828 г. ничего нигдѣ не было имъ напечатано, да и въ 1828 году только были помѣщены одни стихи „Каламбуръ" въ альманахѣ „Опытъ русской анѳологіи Мих. Яковлева. Такое молчаніе его, по словамъ Г. Сементовскаго [1]), объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что до 1829 г. онъ постоянно былъ выбираемъ предводителемъ дворянства харьковскаго уѣзда, а потому за служебными дѣлами не могъ предаваться литературѣ. Но и дальнѣйшая жизнь его, начиная съ 1832 г. до самой смерти, проходила въ занятіяхъ служебными дѣлами, сначала въ должности совѣстнаго судьи г. Харькова (до 1840 г.), а затѣмъ въ должности предсѣдателя харьковской палаты уголовнаго суда. Скорѣе можно думать, что перерывъ этотъ произошелъ вслѣдствіе личнаго сознанія, что не тотъ родъ литературы, который онъ преслѣдовалъ до сихъ поръ, былъ ему по плечу; можетъ быть, въ это время онъ какъ-разъ подыскивалъ ту колею, по которой такъ удачно прошелъ остальной свой жизненный путь; можетъ быть, въ это время заготовлялся имъ матеріалъ для его работъ, которыя и не замедлили появиться въ огромномъ количествѣ. Нельзя также не обратить вниманія и на то вліяніе, которому подпалъ онъ женившись въ 1821 году, т. к. самъ онъ, какъ мы видѣли, признавалъ, что Анна Григорьевна первая возбудила въ немъ охоту стать вполнѣ литературною личностью.

Послѣ этого длиннаго перерыва мы встрѣчаемся раньше всего съ піесами драматическими Г. Ѳ. Квитки, изъ которыхъ однѣ по достоинству могутъ быть названы хорошими, а другія даже слабыми. Вообще имя его, какъ писателя, создалось не драматическими произведеніями. Остановимся прежде всего

[1]) Москвит. 1843 г. ч. V-я, стр. 417.

на одномъ его драмматич. произведеніи, хотя напечатанномъ только въ 1840 г:, но на заглавномъ листкѣ котораго находится надпись: писано въ 1827 году. Комедія эта—„Пріѣзжій изъ столицы, или суматоха въ уѣздномъ городѣ“, она была поводомъ многихъ толковъ, такъ-какъ по сюжету своему очень напоминаетъ „Ревизоръ“ Гоголя, хотя и появившагося въ свѣтъ раньше этой комедіи, но написаннаго позже. Толки, ходившіе среди литераторовъ, были двухъ родовъ: одни предполагали въ Квиткѣ соперничество съ Гоголемъ, другіе—заимствованіе Гоголемъ сюжета у Квитки. Г. Данилевскій приводитъ слѣдующій любопытный фактъ. Когда появилась комедія „Ревизоръ“, Квитка собралъ знакомыхъ своихъ, прочелъ сперва по тетрадкѣ свою комедію, а потомъ напечатаннаго Ревизора. Гости изумлены были сходствомъ послѣдняго съ комедіей Квитки и порѣшили, что „Ревизоръ“ есть заимствованіе. Съ другой стороны, ходили толки, будто Квитка напечаталъ свою комедію ради соперничества съ Гоголемъ; но предполагать этого нельзя, такъ какъ Квитка долженъ былъ сознавать, что, не смотря на однообразный сюжетъ, его „Пріѣзжій изъ столицы“ по художественности и обработкѣ значительно уступаетъ „Ревизору“. Въ доказательство такого сознанія приведемъ отрывки изъ писемъ его къ П. Плетневу. „Вы, я думаю, видѣли въ „Пантеонѣ“ мою комедію. Она точно написана давно, была у меня брошена, попала вовсе безъ цѣли въ Петербургъ и, не спрося моего желанія, помѣщена въ „Пантеонъ“. Я недоволенъ ею, а нѣкоторыя, хотя и ничтожныя выходки противъ нѣкоторыхъ, мнѣ не нравятся. Не люблю ихъ затрогивать“!—Или въ другомъ письмѣ: „Прискорбно мнѣ было читать въ журналахъ, что будто у меня есть черезъ комедію какое-то соперничество съ Гоголемъ. Вотъ уже никогда не думалъ, и если-бъ это предвидѣлъ, вѣрно никогда бы не выслалъ къ нимъ своей комедіи. Соперничать съ кѣмъ нибудь никогда не помышлялъ, и если-бъ узналъ, что кѣмъ написанное—въ родѣ подобномъ моему, то скорѣе всего пріостановился-бы и бросилъ свое“ [1]).

---

[1]) Данилевскій..., стр. 108—109.

Такъ писалъ онъ въ 1840 г., когда уже можно было относиться спокойно къ этому вопросу. Но не такъ, должно быть, относился авторъ „Пріѣзжаго изъ столицы“ въ 1836 г., когда онъ послалъ свою комедію къ Загоскину, директору москов. театра, прося его, поставить ее на сцену, для того чтобы показать публикѣ сходство его комедіи съ „Ревизоромъ“ Гоголя. Вотъ что пишетъ въ отвѣтъ М. Н. Загоскинъ отъ 10 ноября 1836 г. „Я прочелъ съ удовольствіемъ комедію „Пріѣзжій изъ столицы“, которую вамъ угодно было при вашемъ письмѣ доставить ко мнѣ; въ ней есть сцены истинно-комическія, и если-бъ я получилъ ее прежде, чѣмъ Ревизоръ былъ данъ на здѣшней сценѣ, то она была бы непремѣнно принята; но такъ-какъ главная идея этой пьесы совершенно одна и та-же, какъ и въ Ревизорѣ Гоголя, то я почти увѣренъ впередъ, что эта пьеса не можетъ имѣть успѣха. Публика всегда черезвычайно строга къ подражаніямъ, а увѣрить ее едвали будетъ можно, что эта комедія написана прежде комедіи Гоголя“ [1]).

Г. Данилевскій удачно распутываетъ этотъ вопросъ, во 1-хъ, указавъ на рукопись этой комедіи, процензурованную предсѣдателемъ Москов. цензур. комит. Сергѣемъ Аксаковымъ въ 1827 году, а во 2-хъ, напечатавъ письмо Сергѣя Аксакова, которое свидѣтельствуетъ о томъ, что Гоголь слышалъ о комедіи „Пріѣзжій изъ столицы“, но самъ не читалъ ее. Откуда-же подобное сходство? „Изъ всего этого, говоритъ Г. Данилевскій можно заключить одно, именно: что Основьяненко и Гоголь задумали планъ комедіи по сюжету, который былъ передъ тѣмъ вызванъ не однимъ подобнымъ событіемъ въ Россіи“ [2]).

Вскорѣ послѣ комедіи „Пріѣзжій изъ столицы“, въ теченіе 3-хъ лѣтъ, начиная съ 1829 года, являются въ печати отдѣльными книжечками 3 комедіи Г. Ѳ. Квитки: „Дворянскіе выборы“, комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ; „Дворянскіе выборы. Часть вторая, или: Выборъ исправника“, комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, и „Шельменко, волостной писарь“. Комедія въ 3-хъ

---

[1]) Данилевскій..., стр. 113.

[2]) Тамъ-же, стр. 57.

дѣйствіяхъ. Но не эти комедіи составляютъ славу нашего писателя: хотя его драматическія произведенія, особенно украинскія, хороши, но конечно значительно уступаютъ его украинскимъ повѣстямъ. Въ предисловіи къ его драмматич. сочиненіямъ читаемъ такой отзывъ о нихъ г. Кулиша: „О достоинствѣ драматическихъ сочиненій Квитки нѣтъ надобности распространяться. Довольно сказать, что онъ изображалъ нравы и обычаи, очень хорошо ему извѣстные, не вдаваясь въ идеализацію, свойственную писателямъ его времени. Исторія провинціальной жизни найдетъ въ его пьесахъ обильные матеріалы для возсозданія общихъ понятій, убѣжденій и привычекъ. Драматич. сочиненія Квитки гораздо слабѣе его украинскихъ повѣстей, но провинціальные театры наши долго были заняты ими почти исключительно. Своими насмѣшками надъ кривосудіемъ, надъ барскою спесью, надъ пошлостью помѣщичьей жизни Квитка опередилъ Гоголя, хотя остался далеко позади его по художественности выполненія своихъ концепцій [1]).

Въ періодъ времени съ 1832 г. по 1837 г. было напечатано нѣсколько произведеній Квитки, изъ которыхъ повѣсть „Харьковская Ганнуся“, была напечатана Погодинымъ въ русскомъ переводѣ съ пропусками, при чемъ не упомянуто даже имени автора [2]). Въ примѣчаніи къ повѣсти сказано: „Я получилъ отъ почтеннаго русскаго писателя, живущаго въ Малороссіи, двѣ повѣсти съ лестнымъ для меня правомъ пересказать ихъ по своему. Я долженъ былъ сократить ихъ слишкомъ втрое. Слѣдовательно, автора должно благодарить за изобрѣтеніе и расположеніе, а за разсказъ отвѣтственность падаетъ на меня“ [3]). Эта повѣсть въ 1839 году была издана въ Харьковѣ отдѣльной книжкой въ полномъ видѣ, и оказалось, что сокращенія М. Погодина только были въ ущербъ достоинству, хотя современная критика признала и эту полную повѣсть гораздо слабѣе другихъ украинскихъ повѣстей, а именно: „*Ганнуся*“, соч. Основьяненка—не новость; она была уже напечатана въ

[1]) Драмат, соч. Квитки. 1862 г. т. 1, стр. 1. (Отъ издателя).

[2]) Телескопъ за 1832 г, ч. VII-я.

[3]) Укр. Стар. Данил., стр. 53.

журналѣ, а теперь только издана книжкою отдѣльно. Намъ кажется, что она не изъ лучшихъ произведеній умнаго и милаго малорос. разскащика" [1]). Вслѣдъ затѣмъ появились еще въ альманахѣ „Утренняя звѣзда" 1833 г. „Суплика до пана издателя", „Украинское утро" и „Солдатскій патретъ"; и отдѣльной книжкой „Сватанье на Гончаривци", малороссійская опера въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Харьковъ 1836 г. Эти повѣсти впервые появились съ именемъ „*Основьяненка*", и съ этого времени большая часть его сочиненій подписана этимъ именемъ. Въ литературной сферѣ его почти не знаютъ, какъ Квитку, чему доказательствомъ можетъ служить удивленіе Бѣлинскаго, высказанное имъ по поводу того, что на повѣсти „Сердешна Оксана" онъ прочелъ посвященіе „Любій моій жинци Анни Григорьевни Квитка"; „изъ этого видно", говоритъ Бѣлинскій, „что Основьяненко и Квитка— одно и тоже лицо" [2]). Въ статьѣ о своихъ сочиненіяхъ, напечат. послѣ смерти (въ Москвит. 1849 г. № 20, кн. 11-я), Квитка объясняетъ свой псевдонимъ такъ: „Написавъ нѣсколько повѣстей на малор. языкѣ, я, по обычаю добрыхъ земляковъ моихъ, кромѣ своего прозвища, принимать другое или по имени отца, или по мѣсту жительства,—взялъ себѣ прозвище по мѣсту жительства; живу въ Основѣ, и такъ, да буду Основьяненко,—и пошелъ такъ писаться".

Въ это время Основьяненко подготовлялъ сборникъ своихъ украинскихъ повѣстей, которыя вышли въ свѣтъ въ 1837 году въ двухъ частяхъ. Вотъ эти повѣсти: „Салдацькій патретъ", „Маруся", „Мертвецкій Велыкдень", „Добре робы, добре й буде", „Конотопська видьма", „Отъ тоби й скарбъ". Повѣсти эти доставили автору полнѣйшую извѣстность, такъ какъ въ нихъ открылся тотъ именно талантъ, которому суждено было такъ долго лежать подъ спудомъ. Припоминаются слова Кулиша, сказанныя имъ по поводу новаго изданія повѣстей Квитки [3]): не такъ поведенъ былъ онъ съизмала, не такими людьми былъ окруженъ,

---

[1]) Сынъ Отеч. 1839 г. т. XI, отд. IV стр. 47.

[2]) Бѣлинск. Т. 5, стр. 306.

[3]) Спб. 1858 г.

что-бы его природный поэтическій даръ расцвѣлъ въ свое время и съ каждымъ годомъ усиливался. Онъ самъ не зналъ, какія у него крылья, не распускалъ онъ ихъ на всю ширину, не смѣлъ подняться выше своего обыденнаго дѣла. Квитка родился эпическимъ поэтомъ;долго долженъ былъ онъ, самъ того не зная, совершенствовать свою мысль, пока она получила силу явиться въ словесномъ образѣ, ясномъ для всякаго. У него явилось святое желаніе сказать святое слово о тѣхъ людяхъ, которые не на книгахъ воспитались. Затронулъ онъ жизнь простого народа, взялъ сюжетомъ своихъ повѣстей неграмотнаго, темнаго хлѣбопашца, взялъ его живаго, какъ онъ есть,—родича своего по происхожденію, и заговорилъ о немъ на его-же языкѣ". Не останавливаясь на подробномъ обзорѣ критическихъ отзывовъ объ этой сторонѣ литературной дѣятельности Г. Ѳ. Квитки, мы приведемъ только болѣе характерные и компетентные изъ нихъ. Вотъ слова И. И. Срезневскаго изъ письма его къ редактору „Москвитянина", написаннаго по поводу смерти Григорія Ѳедоровича: „Худо-бы оцѣнилъ его литературныя заслуги тотъ, кто-бы видѣлъ въ немъ только остроумнаго разскащика—наблюдателя. Какъ ни глубоко зналъ онъ общество, какъ ни искусно его живописалъ, какъ ни сильно дѣйствовалъ на него; не въ этомъ однако его истинная слава. Заслуги его, какъ писателя народнаго, какъ народнаго учителя, несравненно важнѣе. Глубоко понималъ онъ, какъ необходимо говорить народу его живымъ языкомъ, искреннимъ и простодушнымъ, безъ всякихъ вычуръ требованія моды, что-бы пробудить въ немъ охоту читать и учиться, и любовію къ книгѣ—душевное сознаніе. Все, что написано Квиткою-Основьяненкомъ на нарѣчіи нашего края, свидѣтельствуетъ это благородное стремленіе его—наставлять тѣхъ, на которыхъ дѣйствовать можетъ языкъ человѣческій только въ той формѣ, къ какой привыкли они съ дѣтства въ своемъ простомъ сельскомъ быту. Мы читали эти сочиненія, какъ произведенія художеста, п. ч. художникъ писалъ ихъ; но увлекалъ онъ насъ, думая не о насъ, а о томъ множествѣ, для котораго у насъ еще такъ мало написано, и которому однако нужно истолкованіе истинъ, оправданныхъ вѣрой

и наукой, правилъ мысли и жизни. Квитка-Основьяненко былъ и надолго останется первымъ народнымъ писателемъ на Украйнѣ" [1]). Или вотъ какъ писалъ рецензентъ „Маяка" (1840 г., т. I, ч. 2-ая): „Дѣло рѣшенное: никто не пишетъ повѣсти такъ превосходно по русски, какъ Основьяненко пишетъ ихъ по малороссійски. Этотъ человѣкъ просто засѣлъ въ самую сердцевину человѣческаго сердца и за какую жилочку захочетъ, за ту васъ и потянетъ. Въ этой удивительной простотѣ столько силы и красотъ, что даже въ переводѣ ихъ еще много остается, не смотря на то, что Основьяненко, какъ и все истинно-оригинальное, не переводимъ. Малороссійскій языкъ имѣетъ свои колера, заимствующіе свою игру, живость, яркость и блескъ отъ мѣстнаго быта, природы и свойства самихъ людей; эти колера непремѣнно теряютъ свою свѣжесть и блескъ подъ русскимъ свѣтомъ и атмосферой, а все таки Основьяненко удивительно хорошъ и въ переводѣ". Большинство критиковъ, современныхъ Основьяненку, признавали это, признавали, что насколько онъ былъ великъ въ своихъ украинскихъ разсказахъ изъ народной жизни, настолько часто былъ слабоватъ въ своихъ русскихъ повѣстяхъ. Позволяемъ себѣ привести еще одну выдержку изъ критики помѣщенной въ „Современникѣ", что-бы съ этимъ вопросомъ покончить совершенно: „Между современными писателями повѣстей, авторъ, принявшій на себя имя Грицька Основьяненка, безъ сомнѣнія одинъ изъ первыхъ талантовъ, даже и не въ Росссіи только. Природа надѣлила его такою тонкою наблюдательностію характеровъ, странностей и всѣхъ сторонъ жизни, что прекрасное родится подъ его перомъ безъ малѣйшаго усилія. Въ то-же время великій критикъ въ собственномъ трудѣ своемъ... Изображая простонародный бытъ— этотъ камень преткновенія для самыхъ счастливыхъ писателей,— онъ черты не внесетъ лишней и ни однимъ словомъ не повредитъ обольщенію. Мало того: его сцены—веселыя, смѣшныя, даже каррикатурныя—нигдѣ не переходятъ въ излишество и никогда не теряютъ истиннаго интереса... Его Маруся въ сво-

---

[1]) Москвитян. 1843 г. ч. IV стр. 503.

емъ родѣ такое-же совершенство, какъ и всякое изъ безсмертныхъ созданій чудной древности [1]). И дѣйствительно, разсказываютъ много случаевъ, что читавшіе въ то время „Марусю" Основьяненка, не могли удержаться отъ слезъ. Самъ онъ гордился своимъ произведеніемъ: много можно-бы привести мѣстъ изъ его переписки, гдѣ онъ высказывается по поводу *Маруси*. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ мѣстъ: „По случаю былъ у меня споръ съ писателемъ на малороссійскомъ нарѣчіи. Я его просилъ написать что серьезное, трогательное. Онъ мнѣ доказывалъ, что языкъ неудобенъ и вовсе неспособенъ. Знавъ его удобство, я написалъ Марусю и доказалъ, что отъ малорос. яз. можно растрогаться". Или: „Живя въ Украйнѣ, пріучаяся къ нарѣчію жителей, я выучился понимать мысли ихъ и заставилъ ихъ *своими словами* пересказать ихъ публикѣ. Вотъ причина вниманію, коимъ удостоена Маруся и другія, п. ч. писаны съ натуры, безъ всякой прикрасы и оттушовки. И признаюся вамъ, описывая Марусю, Галочку (Щира любовъ) и пр., не могу, не умѣю заставить ихъ говорить общимъ языкомъ, влекущимъ за собою непремѣнно вычурность, подборъ словъ, подробности, гдѣ въ одномъ словѣ сказывается все" [2]). Сказанное до сихъ поръ можно бы продолжить и далѣе, перебирая остальныя повѣсти Григор. Ѳедоров., но, не имѣя намѣренія вдаваться въ полный критическій разборъ произведеній Г. Ѳ. Квитки, я не сдѣлаю этого, а укажу только на ту живучесть типовъ во всѣхъ повѣстяхъ его, которая очень рѣзко бросается въ глаза. Вообще, простонародная жизнь болѣе способна къ сохраненію своихъ природныхъ качествъ, нежели жизнь высшихъ слоевъ общества. Поэтому, очень часто талантливыя произведенія, затрогивающія жизнь образован. общества, скоро старѣются, по мѣрѣ измѣненія идеаловъ, по мѣрѣ вырожденія стараго типа; маломальски-же сносно составленная народная повѣсть остается долго живою, современною. Такими именно и являются всѣ повѣсти Основьяненка.—Нельзя однако пройти

---

[1]) Современ. 1838 г. т. 12-й стр. 64—66.

[2]) Данилевск. стр. 90—91.

молчаніемъ и тотъ фактъ, что были мнѣнія объ Основьяненкѣ совершенно противоположныя. Отмѣтимъ для примѣра мнѣніе нашего знаменитаго критика В. Г. Бѣлинскаго, который, какъ извѣстно, долго смотрѣлъ на народную словесность съ недоступной вышины своей эстетической критики и который по поводу оперетки Основьяненка „Сватанье на Гончаривци высказался такъ: „Мужицкая жизнь сама по себѣ мало интересна для образованнаго человѣка, слѣдственно—нужно много таланта, чтобы ее идеализировать". И далѣе.—„Содержаніе такихъ повѣстей всегда однообразно, всегда одно и то-же, а главный интересъ ихъ—мужицкая наивность и наивная прелесть мужицкаго разговора. Все это нѣсколько прискучило" [1]).

Я остановился на украинскихъ повѣстяхъ въ этомъ именно мѣстѣ, что-бы въ дальнѣйшемъ изложеніи не затрогивать болѣе значенія Квитки какъ украинскаго писателя, хотя въ послѣдующихъ сочиненіяхъ онъ является все съ болѣе и болѣе развивающимся талантомъ въ этомъ направленіи. Повторяю, цѣль моя—не критика его сочиненій, а только воспоминаніе о его личности и литературныхъ заслугахъ. Послѣ 1837 года журналы столичные и разнаго рода альманахи наперерывъ запрашивали его въ свои изданія, и мы видимъ его участникомъ до конца жизни въ „Современникѣ", въ „Отечественныхъ запискахъ", въ „Маякѣ", въ „Пантеонѣ" въ „Москвитянинѣ" въ „Литературной газетѣ", въ „Харьковскихъ губер. вѣдомостяхъ", а также во многихъ альманахахъ—„Ластовка", „Молодикъ", „Сказка за сказкой", „Кіевлянинъ"—и пр. Тутъ были и украинскія повѣсти и комедіи, и русскія повѣсти (особенно много переводовъ его украинскихъ повѣстей), и научныя изслѣдованія о родной его Украинѣ, преимущественно Слободской.

Изъ украинскихъ сочиненій этого времени болѣе другихъ выдавались: „Козирь-дивка", переведенная потомъ порусски, „Шельменко-деньщикъ", комедія въ 5 дѣйствіяхъ, передѣланная изъ его-же русской повѣсти „Украинскіе дипломаты", напечатанной раньше; „Пархимове снидання". „Сердешна Оксана",

---

[1]) Бѣлинск. Т. 5, стр. 305 и 306.

переведенная въ Парижѣ въ 1854 г. на французскій языкъ. Большая часть этихъ и преждеупомянутыхъ украинскихъ произведеній была переведена на русскій языкъ, то самимъ авторомъ, то другими лицами. Самъ Квитка доставилъ переводъ слѣдующихъ своихъ повѣстей: Маруся, Конотопская вѣдьма, Вотъ тебѣ и кладъ, Мертвецкій Великъ-день, Дѣлай добро, добро и тебѣ будетъ, Вотъ любовь. Но переводы эти, какъ уже было сказано, представляли слабую копію подлинниковъ, и потому неудивительно, что критика напустилась на нихъ. Вотъ какъ пишетъ объ этомъ самъ авторъ въ письмѣ своемъ къ Плетневу: „Извѣстность моихъ сказокъ разохотила здѣшнихъ переложить ихъ по-русски, и совершенно по-русски, точно, какъ вы желаете. Слушаемъ въ чтеніи, и что-же? Малороссы не узнаемъ своихъ земляковъ, а русскіе... зѣваютъ и находятъ маскерадомъ; выраженія, несвойственныя обычаямъ, изъясненія—національности, дѣйствія—характерамъ, мыслящимъ по своему. Я предложилъ свой переводъ, буквальный, не позволяя себѣ слова смѣстить, и найденъ сноснымъ, но не передающимъ вполнѣ красотъ малорусскихъ оборотовъ". И далѣе: „Также точно вы видите, что я не могу по нынѣшнему писать очищеннымъ слогомъ, подобранными выраженіями, и всегда буду сбиваться на свой тонъ малороссійскій" [1]). Вотъ разъясненіе неудачи русскихъ повѣстей. А критики нападали и въ крайнемъ случаѣ сожалѣли, что Основьяненко не пишетъ порусски [2]).

Этимъ же отчасти можно объяснить и не вполнѣ удачное изображеніе типовъ въ его оригинальныхъ русскихъ произведеніяхъ, которыхъ появлялось тоже довольно много, прибавивъ еще къ этому, что типы эти не были ему хорошо знакомы. И хотя Г. Ѳ. Квитка въ статьѣ о своихъ сочиненіяхъ и писалъ: „Заграничныхъ людей въ свои повѣсти не беру. Въ высшемъ кругу единообразіе, утонченность, благоприличіе... Нѣтъ пищи для замѣчаній, наблюденій; нечего-же выставлять всѣмъ видимое и извѣстное! Вотъ въ простомъ классѣ людей необразован-

[1]) Данилевскій стр. 92—93.

[2]) Бѣлин. т. 5 стр. 305—306 и Современ. 1838 г. т. 12-й стр. 65.

ныхъ, гдѣ люди дѣйствуютъ не по вложеннымъ въ нихъ понятіямъ, а по собственному чувству, уму, разсудку, если замѣчу что такое, пишу. Вотъ и выходятъ мои Маруси, Оксаны, Наумы" [1]....,—хотя, говорю, и писалъ это Квитка но не оставался вѣренъ себѣ, а принимался за описаніе и не только народныхъ типовъ. Поэтому его „Панъ Халявскій", „Похожденіе Столбикова" и многія другія не встрѣтили въ публикѣ большого сочувствія, а въ критикѣ—страшные нападки. Въ письмахъ Г. Ѳ. Квитки къ Плетневу не разъ встрѣчаемъ мы указанія на эти нападки; его это мучило, особенно мучило то, что критики иногда черезчуръ уже далеко заходили въ своихъ шуткахъ. Для образчика приведемъ нѣкотор. отзывы о его русск. повѣстяхъ. Напримѣръ, въ Библіотекѣ для чтенія" [2] по поводу романа „Похожденія Столбикова" читаемъ: „Такого языка нѣтъ и у Бальби, въ его Атласѣ всѣхъ возможныхъ языковъ. Онъ не похожъ даже и на малорусскій языкъ, самый непохожій на русскій изъ всѣхъ языковъ. Говорятъ, будто въ Малороссіи его называютъ нашимъ языкомъ русскимъ. Мы торжественно отъ него отрекаемся! Мы вовсе не принимаемъ этого гибридскаго языка!" И далѣе: „Эти похожденія не что иное, какъ тяжелое подражаніе тяжелымъ романамъ покойной школы Жилъ-Блаза. Есть даже мѣста, безъ церемоніи выписанныя изъ Лесажа, мѣста, въ которыхъ все заимствовано у этого писателя, исключая главнаго что составляетъ романъ, то-есть, исключая слога". Или въ другомъ мѣстѣ того-же журнала [3]: „Есть разнаго рода остроумія болѣе или менѣе несносныя; но самое несносное—это провинціальное остроуміе. Эти глубокомысленныя наблюденія надъ человѣческимъ сердцемъ, дѣлаемыя изъ-за плетня; эти черты нравовъ, подмѣченныя между маслобойнею и скотнымъ дворомъ; эти взгляды на жизнь, обнимающіе на земномъ шарѣ великое пространство, пять верстъ въ радіусѣ; этотъ свѣтъ, составленный изъ 6 сосѣдей и т. д. все это можетъ казаться очень за-

---

[1]) Москвит. 1849 г. т. 20, книга 11-я стр. 333-я.

[2]) 1841 г. т. 48 отд. VI-й, стр. 43—46.

[3]) 1841 г. № 1.

мысловатымъ какой-нибудь ярмаркѣ, какому-нибудь уѣзду, даже цѣлой губерніи; но и не должно переходить за границы этого горизонта подъ опасеніемъ быть принятымъ за пошлость и безвкусіе". И далѣе въ такомъ-же родѣ. Бѣлинскій, не отрицая дарованія и таланта Основьяненка, по поводу „Столбикова" писалъ: „Не понимаемъ, что за охота такому почтенному и талантливому писателю, какъ Основьяненко, тратить время и трудъ на изображеніе глупцовъ, подобныхъ Столбикову. Петръ Столбиковъ самъ, отъ своего лица, разсказываетъ исторію своей жизни, и въ этомъ разсказѣ не всегда бываетъ вѣренъ собственному характеру: изъ пошлаго глупца, идіота иногда вдругъ становится онъ умнымъ и чувствительнымъ человѣкомъ, а потомъ опять дѣлается глупцомъ". Или: „Столбиковъ Основьяненка не потому, видите, дуракъ, что родился дуракомъ, не потому не могъ добиться отличать въ картахъ масть отъ масти, что у него были грубые нервы и мало мозгу; даже не потому что мошенникъ-опекунъ съ умысломъ дурно воспитывалъ его; а потому, что оный Столбиковъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ пансіонѣ у француза Филу" [1]). Нѣсколько съ большимъ снисхожденіемъ отнеслись къ его роману „Панъ Халявскій", но и этотъ типъ собственно былъ не по немъ; да и задумалъ онъ его не по собственной иниціативѣ, а по порученію Жуковскаго что мы видимъ изъ письма Квитки къ Плетневу: „Въ Отеч. зап. явится скоро „Панъ Халянскій". Онъ начатъ по порученію Васил. Андреевича, чтобы описать старинный быть малороссіянъ, родъ жизни, воспитаніе, занятіе и все до послѣдняго" [2]). Изъ этого видно, что мысль не дурна и съ типомъ, можетъ быть, справился-бы Г. Ѳ. Квитка, но главный недостатокъ его—въ художественномъ изложеніи на русскомъ языкѣ. Впрочемъ, даже В. Г. Бѣлинскій въ письмѣ своемъ къ А. А. Краевскому (отъ 19 авг. 1839 г.), издававшему тогда „Отечественныя записки", гдѣ и печатался романъ "Панъ Халявскій", далъ слѣдующій, сравнительно снисходительный, отзывъ объ этомъ произведеніи

---

[1]) Бѣлин. т. 6-й, стр. 327—229.

[2]) Данилевскій.... стр. 100.

Г. Ѳ. Квитки: „Панъ Халявскій для перваго чтенія потѣшенъ и забавенъ, но при второмъ чтеніи съ него немного тошнитъ. Это не творчество, а штучная работа, сборъ анекдотовъ, словомъ—возведеніе малороссійской жизни до идеала, если подъ идеаломъ должно разумѣть, вмѣстѣ съ французами, собраніе воедино всѣхъ чертъ, разсѣянныхъ въ природѣ и относящихся къ одному предмету. Впрочемъ, *для журнала „Халявскій“—кладъ;* онъ найдетъ себѣ больше читателей и хвалителей, чѣмъ творческія произведенія Гоголя“ [1]).

Изъ приведенныхъ мною выдержекъ критическихъ отзывовъ о литературной дѣятельности Г. Ѳ. Квитки видно, что всѣ они могутъ быть разбиты на слѣдующія группы: 1) одни, признавая вполнѣ достоинство его украинскихъ разсказовъ, считали и его переводы, и оригинальныя русскія повѣсти слабыми и совѣтовали не затрогивать тѣхъ сторонъ жизни, обрисовка которыхъ была не по его таланту; 2) другіе, тоже признавая въ немъ талантъ, и главнымъ образомъ въ украинскихъ повѣстяхъ, наоборотъ, сожалѣли, что онъ не пишетъ по-русски; 3) наконецъ, третьи, не признавая за нимъ никакихъ талантовъ—и замѣтимъ, только потому, что онъ провинціальный писатель,—просто говоря, глумились надъ нимъ и позволяли себѣ выходки, по меньшей мѣрѣ неприличныя не только въ литературѣ, но даже и въ общежитіи.

Что касается научныхъ статей, то въ настоящемъ случаѣ я только то скажу о нихъ, что почти всѣ онѣ касались родины Г. Ѳ. Квитки, какъ-то: „О слободскихъ полкахъ“, „о Харьковѣ и уѣздныхъ городахъ харьковской губерніи“, „городъ Харьковъ“, „театръ въ Харьковѣ“ и др.,—а потому онѣ есть свидѣтели той любви автора къ своей родинѣ, которая заставила его и свою общественную дѣятельность, и свою литературную и научную способность отдать всецѣло на служеніе ей. Остается упомянуть еще о книжкѣ, изданной имъ въ 1839 году въ Харьковѣ и по своему содержанію не подходящей ни подъ беллетристику, ни подъ чисто научныя работы; это „Лысты до любезныхъ земля-

[1]) Отчетъ Император. Публичн. Библіот. за 1889 г.; приложенія, стр. 13.

кивъ“—книжечка популярная, предназначавшаяся для народнаго чтенія. Будучи написанной на малорусскомъ языкѣ, эта книжечка должна была, по идеѣ автора, разъяснить народу положеніе различныхъ слоевъ общества въ государственномъ строѣ. Критика отнеслась къ этому изданію съ большимъ сочувствіемъ. Такъ напримѣръ, въ Маякѣ (1840 г., Т. I, ч. 2-я) читаемъ такія строки: „Почтенный Основьяненко въ четырехъ бесѣдахъ постоянно объясняетъ своимъ разумнымъ землякамъ порядокъ и причину всего ихъ окружающаго, пріучаетъ ихъ давать себѣ прямой отчетъ во всемъ, смотрѣть на все свѣтлыми глазами. О поможи-жъ вамъ Боже, добрый земляче! Если вы такъ проговорите нѣсколько лѣтъ, много добра выростетъ на русскомъ и малороссійскомъ свѣтѣ! О разумный пипъ его крестывъ!“ Не ограничиваясь этой одной книжечкой, Г. Ѳ. Квитка затѣвалъ цѣлый рядъ подобныхъ изданій, изъ которыхъ извѣстна въ рукописи „Краткая Священная Исторія“ на малорусскомъ языкѣ, и въ проектѣ „Краткій сводъ уголовныхъ законовъ“.

Вотъ краткое обозрѣніе жизни и дѣятельности Григорія Ѳедоровича Квитки, 8 го августа 1843 года на 64-мъ году скончавшагося отъ воспаленія легкихъ. Умеръ онъ, почитаемый и уважаемый лицами разныхъ сословій, начиная отъ сослуживцевъ и кончая простымъ народомъ, какъ-бы чувствовавшимъ, что онъ теряетъ въ этомъ человѣкѣ и своего учителя, и своего бытописателя. Прекрасно подведенные итоги всей его дѣятельности находимъ мы въ надгробной рѣчи, произнесенной надъ его могилой 10-го августа 1843 года И. И. Срезневскимъ. Вотъ выдержка изъ нея. „Подумаемъ-ли о разсадникѣ воспитанія дѣвицъ въ нашемъ краѣ, роскошно цвѣтущемъ нынѣ подъ благодѣтельнымъ призоромъ Государыни нашей—и вспомнимъ, что онъ, глубоко сознавая необходимость женскаго воспитанія, первый задумалъ объ этомъ заведеніи, первый положилъ ему начало, первый осмѣлился обратиться къ милостямъ царицы. Подумаемъ-ли о народѣ, о томъ, какъ важно для блага общаго распространеніе въ немъ истинъ вѣры и науки, правилъ мысли

и жизни—и вспомнимъ, что онъ одинъ изъ первыхъ въ Украйнѣ, сталъ думать объ этомъ, старался всѣми силами содѣйствовать этому, участвовалъ и въ открытіи народныхъ училищъ, жертвовалъ и трудомъ и имуществомъ для заведенія народной библіотеки, самъ брался за перо и писалъ для народа живымъ народнымъ языкомъ, такъ что заставлялъ и глубоко чувствовать, и глубоко задумываться самаго простого селянина, дотолѣ не понимавшаго силы слова. Подумаемъ-ли о нашей современной словесности, о даровитѣйшихъ изъ ея дѣлателей—и вспомнимъ, что онъ былъ въ числѣ этихъ избранниковъ, умѣлъ быть русскимъ и по мысли, и по выраженію, и знаніемъ общества, и сознаніемъ его нуждъ и требованій, его достоинствъ и недостатковъ. Взойдемъ-ли въ одно изъ святилищъ закона и правосудія—и вспомнимъ, что онъ прежде предсѣдалъ тамъ, оживленный любовію къ отечеству, любовію къ людямъ, любовію къ правдѣ, ни разу не обвинилъ невиннаго, не разъ облегчилъ судьбу виновнаго или хоть пролилъ надъ нимъ слезу сожалѣнія,—судилъ, возносясь думою къ подателю святыхъ совѣтовъ... Не забудемъ ни о сиротахъ, имъ призрѣнныхъ, ни о бѣдныхъ, имъ облагодѣтельствованныхъ, ни о страдальцахъ, имъ утѣшенныхъ. Жизнь его вся была служеніемъ Богу и отечеству. Этого-ли мало, чтобы поминать покойнаго, чтобы чтить и благословлять его память, чтобы преклоняться предъ могилой его?“.

Этими послѣднмми словами и мы закончимъ нашу статью о Григоріѣ Ѳедоровичѣ Квиткѣ въ *день исполнившагося пятидесятилѣтія* со дня кончины его.

В. Науменко.

Г. Θ. КВИТКА, КАКЪ ЭТНОГРАФЪ.

(По поводу пятидесятилѣтія со дня кончины его).

Имя Г. Θ. Квитки—Основьяненка извѣстно, какъ имя писателя, преимущественно малорусскаго. Но историческое значеніе Г. Θ. Квитки не исчерпывается его литературными заслугами. Это былъ въ то же время усердный и добросовѣстный этнографъ, мѣстный историкъ и общественный дѣятель. Всякое общественное начинаніе находило въ немъ дѣятельную поддержку. И самъ Квитка часто выступалъ въ положеніи иниціатора. То является онъ директоромъ только что устроившагося перваго постояннаго харьковскаго театра, то редакторомъ и издателемъ перваго харьковскаго журнала („Украинскаго Вѣстника"), то издателемъ книгъ для народнаго чтенія (Листы до любезныхъ земляковъ"). Онъ составилъ на малорусскомъ языкѣ священную исторію, приступилъ къ составленію для народа изложенія уголовныхъ законовъ, хотѣлъ устроить въ Харьковѣ нѣчто въ родѣ народныхъ чтеній, учредилъ публичную библіотеку (*Харьков. Сборн.* 1884 г. стр. 421, 423). Его стараніями былъ открытъ въ Харьковѣ институтъ для дѣвицъ—первое и нѣкоторое время единственное въ краѣ образовательное женское заведеніе. Нужно при этомъ замѣтить, что Квитка, человѣкъ бездѣтный, затратилъ на это учрежденіе значительную часть своего состоянія. Въ наши цѣли не входитъ подробный обзоръ дѣятельности Квитки. Мы остановимся подробно лишь на той ея сторонѣ, которая до сихъ поръ не обращала на себя вниманія, о которой или совсѣмъ умалчивали или упоминали мимоходомъ и

даже съ оттѣнкомъ пренебреженія—на этнографическомъ элементѣ въ сочиненіяхъ Квитки.

Въ сочиненіяхъ Квитки мѣтко очерчены нравы, обычаи, повѣрья, многія сказанія и культурныя привычки дворянъ и крестьянъ харьковской губерніи первой четверти текущаго столѣтія. О томъ, какъ обрисовано въ повѣстяхъ Квитки харьковское дворянство стараго времени, я уже говорилъ въ „Кіевской Старинѣ" (1884, VI). Въ настоящее время обрисовка эта имѣетъ, разумѣется, почти исключительно историческое значеніе. Иначе обстоитъ дѣло съ крестьянами. По устойчивости крестьянскаго быта и міросозерцанія квиткинскіе типы крестьянъ, очерки ихъ быта и повѣрій большею частью сохраняютъ живое значеніе и, слѣдовательно, имѣютъ этнографическое и современно-бытовое значеніе. Къ составленію малорусскихъ повѣстей съ сюжетами изъ народной жизни Квитка приступилъ уже въ зрѣломъ возрастѣ, болѣе того, въ старости, съ громаднымъ запасомъ личныхъ наблюденій и житейской опытности. Первая малорусская повѣсть Квитки, и то въ переводѣ, появилась въ 1832 г., когда Квиткѣ было 54 года, а вслѣдъ за нею съ 1834 г. появляются его настоящія малорусскія повѣсти—Маруся, Солдатскій патретъ, Мертвецкій велыкдень, Отъ тоби и скарбъ и др.

Квиткѣ ставили въ укоръ сентиментализмъ, какъ результатъ подчиненія писателямъ сентиментальнаго направленія, какъ подражаніе Карамзину и Жуковскому. Но этотъ укоръ можно примѣнить лишь къ весьма немногимъ квиткинскимъ персонажамъ. Такъ, Галочка въ повѣсти „Щира любовь", несомнѣнно, изъ сентиментальныхъ литературныхъ типовъ, что въ свое время было уже замѣчено Плетневымъ. Квиткинскій сентиментализмъ, за весьма немногими литературными примѣсями, есть сентиментализмъ народный малорусскій, какой обнаруживается и въ украинской народной поэзіи, и, въ дѣйствительности, есть реализмъ, по вѣрной передачѣ основной черты народнаго характера. Въ настоящее время въ Харьковѣ, въ подгородномъ селѣ Основѣ трудно найти Марусь и Оксанъ, такъ какъ эти мягкіе и нѣжные женскіе характеры почти исчезли подъ вліяніями торгашескими,

фабричными и желѣзнодорожными. Въ повѣсти „*Пархимово Снидапье*"есть замѣчательный женскій типъ, который имѣетъ пророческое значеніе—типъ Насти. Эта Настя все множилась, поглощала Марусь и Оксанъ, и теперь черезъ 50 лѣтъ по смерти Квитки оказывается довольно обычнымъ и характернымъ типомъ для харьковскихъ окраинъ, для Основы и всѣхъ подгороднихъ селъ, ослабѣвая по мѣрѣ удаленія селъ отъ Харькова, почти исчезая изъ народной среды приблизительно на 20 или 30 верстъ разстоянія отъ города и въ сторону отъ крупныхъ желѣзнодорожныхъ станцій и фабрикъ. Въ повѣсти Квитки Настя обрисована дѣвкой здоровой, сильной, съ практическимъ умомъ. Она служила въ городѣ въ наймахъ у купцовъ и, по возвращеніи на село. женила на себѣ глуповатаго парня Пархима Шеревертня. Она принимала у себя гостей изъ города, выпроводивъ предварительно изъ хаты своего дурня. „А зубата була! Вже не заидайся зъ нею нихто. Тилько зачепы іи, такъ разомъ якъ залящыть, затрещыть, загомоныть, перекореныть батька и матиръ и увесъ ридъ, и такихъ прикладокъ поприкладае, що и не додумаешься, видкиля вона усего набралася. И вже іи ни за що не переговорышъ".

Проф. Дашкевичъ совершенно основательно оцѣниваетъ повѣсти Квитки, какъ „первыя произведенія русской беллетристики, изображавшія народный характеръ и бытъ сочувственно и въ тоже время талантливо, разносторонне и вѣрно... Да и въ своихъ произведеніяхъ на русскомъ языкѣ Квитка является однимъ изъ провозвѣстниковъ натуральной школы. Вліяніе обще-русской литературы на Квитку можно допустить лишь въ частностяхъ, и совершенно несправедливо называть Квитку сентименталистомъ въ обычномъ смыслѣ этого слова" (*Отчетъ* о 29 присужд. наградъ гр. Уварова 97).

Новая малорусская литература, начиная со Сковороды и Котляревскаго, развивалась въ самой тѣсной связи и въ прямой зависимости отъ этнографіи, преимущественно отъ близкаго и непосредственнаго ознакомленія писателей съ народной словесностью. Были писатели изъ крестьянъ, изъ дворянъ, изъ духовнаго сословія—и всѣ они въ большей или меньшей степени

питались народной поэзіей, черпали изъ нея сюжеты, образы, краски, выраженія и обороты. Квитка не былъ исключеніемъ. Онъ наблюдалъ, изучалъ, прислушивался къ живой рѣчи, велъ этнографическія записи. Наблюденія и изученія производились на Основѣ и въ Харьковѣ, а во времена Квитки Харьковъ представлялъ еще малорусскій городъ. Населеніе окраинъ состояло изъ земледѣльцевъ и садоводовъ. Въ городѣ еще держались старинные мѣстные кустарные промыслы: корскій, шаповальскій, скринницкій. За исключеніемъ небольшой городской интеллигенціи, все населеніе говорило чистымъ малорусскимъ языкомъ. Подгородніе крестьяне совсѣмъ еще не были тронуты городской цивилизаціей и не были нравственно испорчены частыми сношеніями съ городомъ. На базарахъ можно было ежедневно слышать чистую народную рѣчь, видѣть народные костюмы. По словамъ харьковскихъ старожиловъ, Квитку часто можно было встрѣтить на базарѣ въ воскресные и праздничные дни, гдѣ онъ прогуливался и подмѣчалъ тонкіе оттѣнки народныхъ нравовъ и выраженій. Кстати, можно сдѣлать указаніе на одно, не лишенное интереса и, сколько помнится, незамѣченное біографомъ Квитки Данилевскимъ, печатное свидѣтельство, что Квитка изучалъ этнографію Малороссіи. Въ XI т. „*Маяка*" 1843 г., въ отдѣлѣ матеріаловъ, помѣщена довольно большая статья Конст. Сементовскаго о малороссійскихъ народныхъ праздникахъ съ цѣнными дополненіями и замѣчаніями Срезневскаго, Костомарова и Метлинскаго. Перечисляя печатные, весьма немногочисленные, источники, Сементовскій замѣчаетъ, что недостатокъ матеріаловъ онъ пополнилъ замѣчаніями и наблюденіями собственными и сообщенными ему нѣкоторыми любителями малороссійской старины; „многоуважаемый писатель нашъ, Г. Ф. Основьяненко, замѣчаетъ Сементовскій, подарилъ насъ замѣтками о повѣрьяхъ и обычаяхъ поселянъ харьковской губерніи". Изъ этого сборничка, переданнаго Сементовскому въ началѣ сороковыхъ годовъ и лишь отчасти имъ напечатаннаго, вѣроятно, кое-что попало и въ малороссійскія повѣсти Квитки.

Глубокая народность Квитки обнаруживается въ его языкѣ, мелкихъ замѣчаніяхъ и характеристикахъ, въ литературныхъ персонажахъ, въ фабулѣ разсказовъ.

Въ статьѣ „*Украинцы*“ Квитка говоритъ, что языкъ украинскій (харьковской и отчасти воронежской губ.) гораздо очищеннѣе малороссійскаго (полт., кіев., волын. и др. зап. губ). „Сколько словъ коренныхъ малороссійскихъ здѣшними жителями вовсе не употребляются, и они даже не понимаютъ значенія ихъ“. Это замѣчаніе Квитки требуетъ подтвержденій, которыхъ наука еще не дала. Несомнѣнно, что языкъ самого Квитки отличается простотой и чистотой; въ немъ нѣтъ ничего вычурнаго, искусственнаго и самодѣлковаго.

Начнемъ съ мелкихъ замѣчаній Квитки, цѣнныхъ въ историко-культурномъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Въ цитованной статейкѣ „Украинцы“ Квитка говоритъ, что „поселянинъ прежде всякаго рукомесла старается обучить сыновей грамотѣ“, а въ небольшомъ примѣчаніи Квитка поясняетъ: „это разумѣть должно о жителяхъ городовъ и тѣхъ селеній, гдѣ есть способы къ ученію“. Въ повѣсти „Панна Сотниковна“ (на рус. яз.) Квитка рисуетъ такую картину: Тринадцатилѣтній Вася ходитъ въ школу; возвратясь домой, онъ бросаетъ на скамейку шапку, часословъ, тетрадь и линейку, крестится передъ образами и кланяется родителямъ. И эта картинка вполнѣ отвѣчаетъ лучшимъ идеальнымъ представленіямъ народа объ ученіи дѣтей, объ отношеніи ихъ къ родителямъ. Замѣчательное въ этомъ отношеніи совпаденіе представляетъ слѣдующая малорусская колядка, извѣстная по сборникамъ Метлинскаго и Чубинскаго:

У нашого пана хороша пани,
Богъ ёму давъ славну жену въ ёго дому!
По двору ходыть, якъ мисяць сходыть;
По синцяхъ ходыть, якъ зоря сходыть.
Садыла сынки въ чотыри рядки,
Садыла дочки въ три рядочки.
Сыночки зрослы—у школу пишлы.
А дочки зрослы—у швачки пишлы,
Сыночки идуть—кныжечки несуть,
А донечки идуть—хусточки несуть:
Кныжечки на стилъ, батеньку до пигъ
А донечки хусточки на пилъ, матюнци до пигъ.

(Чуб., т. III, стр. 404).

У Квитки и въ колядкѣ выражены одни и тѣ же идеальныя стремленія крестьянина къ возможно-лучшему устройству семейной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть лучше, полнѣе и нравственнѣе нарисованной въ колядкѣ картинки

крестьянской семейной жизни: домохозяйка—хорошая жена, хорошая мать; сыновья—грамотны; дочки—мастерицы шить; дѣти признательны, благодарны родителямъ и чествуютъ ихъ въ великій день праздника Рождества Христова. О самомъ домохозяинѣ въ колядкѣ не говорится; достаточно, что у него такая хорошая жена, такія благовоспитанныя дѣти. Похвалой семьи похваляется уже и самъ хозяинъ, по тому соображенію, что отличное въ нравственномъ отношеніи положеніе семьи необходимо предполагаетъ въ отцѣ семейства человѣка разумнаго и нравственнаго. Нельзя не замѣтить, что въ колядкѣ, между прочимъ, отразился народный взглядъ на ученіе, грамотность, книгу, какъ на благо, при томъ условіи, когда между родителями и дѣтьми сохраняется тѣсная нравственная связь.

Уваженіе народа къ грамотѣ отмѣчено въ разныхъ повѣстяхъ Квитки. Такъ, въ опереткѣ „*Сватанье на Гончаривци*“ дивчина Уляна говоритъ: Хиба паны и брешуть? Воны сего не вміють и надъ дивкамы не будуть гнущатись. Воны письменни. Въ повѣсти „*Маруся*“ старикъ Наумъ съ удовольствіемъ замѣтилъ, что Василь выучился грамотѣ, а Василь объяснилъ, что онъ день и ночь учился и Богъ помогъ ему одолѣть грамоту и дойти до чтенія Апостола. Въ повѣсти. „*Божи диты*“ Костя ученіемъ дошелъ до мысли о необходимости честной общественной службы.

Народъ малорусскій обладаетъ безобиднымъ юморомъ. Въ повѣсти „*Ярмарка*“ по улицамъ тянутся фуры съ шерстію. Одна изъ пріѣзжихъ помѣщицъ въ легкой утренней одеждѣ высовывается въ окно и спрашиваетъ: „А чья эта шерсть“? Погонщикъ, хоть и съ поникшею головою и пасмурнымъ лицомъ, не пропускаетъ случая сострить и, обдирая кожу съ соленой тарани, отвѣчаетъ, будто нехотя: „Овеча“. „Дуракъ“! кричитъ барыня. „Я спрашиваю какого пана“. Михаила Петровича“. „Да какого“? Нашего. Гей, цобе, сирый, цобе? и, хлеснувъ воликовъ батогомъ, идетъ далѣе своею дорогою.

Въ повѣсти „*Добре робы*“ отмѣчена мимоходомъ такая *черта народнаго характера*: „Вы паны“, говоритъ Тихонъ Брусъ правительственному комиссару, и все хочете попанськи робыты. Вы, якъ торгуетесь, то мовъ приказуете, щобъ уси зналы, що

вы суть панъ; а мы просымо та просымо, та молымо, и за тимъ рублемъ, або за копою, та мы день лышній жывемо, и лышню чарку пьемо, и все робымо, якъ бы пидлеститысь, та хоть щонебудь выторговаты, бо намъ своеи трудовои копійки жалко".

Вообще, въ сочиненіяхъ Квитки разбросано много такихъ мелочей, которыя въ совокупности прекрасно обрисовываютъ характеръ малоросса.

Въ изображеніи народной жизни Квитка стоитъ на твердой реальной почвѣ; у него нѣтъ искусственной идеализаціи и тенденціозной подкраски; онъ не скрываетъ народныхъ недостатковъ—взяточничества сельскихъ судей и писарей, наклонности къ обиранію ближнихъ въ годину бѣдствія; у Квитки въ народномъ быту среди честныхъ людей оказываются и обманщики, воры и даже убійцы (Перекотиполе, Козырь-Дивка, Конотопська видьма). Въ повѣсти „Божи диты" старики крестьяне обнаруживаютъ жесткое сердце. Это тѣни на общей свѣтлой картинѣ народной жизни.

Чтобы судитъ о бытовой вѣрности квиткинскихъ литературныхъ героевъ, мы выдѣлимъ нѣсколько лицъ, наиболѣе своеобразныхъ, внушающихъ нѣкоторое подозрѣніе въ подкраскѣ и преувеличеніи, и провѣримъ ихъ историко-бытовыми свидѣтельствами современниковъ Квитки.

Въ „*Ложныхъ понятіяхъ*" (на рус. яз.) находится подробное изображеніе быта мѣщанина. Казенный крестьянинъ Пантелеймонъ Стовбырь, имѣя значительное состояніе, презираетъ мужика и тянетъ къ мѣщанамъ. Онъ имѣлъ большое число десятинъ пахатной и сѣнокосной земли съ лѣсомъ, вѣтряную мельницу, нѣсколько паръ воловъ, пасѣку, обширный дворъ, весь застроенный, избу съ двумя трубами, съ большой комнатой, съ комнатой и черезъ сѣни противной комнатой; при домѣ колодезь, огородъ и небольшой садикъ съ грушевыми, вишневыми и яблоновыми деревьями. Все это онъ продалъ, переселился въ городъ и открылъ здѣсь мелочную торговлю. Вмѣсто свиты сѣраго уразовскаго сукна началъ носить синій жупанъ, а потомъ черкеску; жену нарядилъ въ богатые кунтуши, люстриновыя юпки, шелковыя запаски, парчевые очипки, глазетовые кораб-

лики (головн. уборъ), кораллы и дукаты; съ переселеніемъ въ городъ и послѣ знакомства съ мелкими торговцами онъ надѣлалъ ей круглыхъ платьевъ и накупилъ платковъ. Въ городѣ купилъ домъ въ лучшей части города о 5 комнатахъ. Не безъинтересно описаніе стариннаго мѣщанскаго дома, встрѣчающагося и въ настоящее время въ уѣздныхъ городахъ и слободахъ въ Малороссіи. Крыльцо въ нѣсколько ступенекъ съ навѣсомъ, поддерживаемымъ двумя столбиками съ вырѣзанными кружками, городками и т. п. и выкрашеннымъ зеленой краской. Въ сѣняхъ, вымощенныхъ кирпичемъ, три двери и лѣстница на чердакъ. Дверь прямо вела въ „залку". Въ залкѣ два окна съ частымъ переплетомъ и зелеными стеклами. Въ обоихъ переднихъ углахъ иконы въ окладахъ, кіотахъ и безъ нихъ, работы художниковъ Борисовской и Суздальской школы. Всѣ иконы убраны бумажными цвѣтами: зеленою розою, пунсовыми крупными гвоздиками, голубыми тюльпанами; лампады затепливаются подъ праздникъ; въ простѣнкѣ между окнами небольшое зеркало изъ краснаго дерева съ двуглавымъ орломъ на верху. Отъ орла до самаго конца зеркала на обѣ стороны спускалось полотенце, вышитое красными нитками произвольнымъ узоромъ. Объ это полотенце вытираютъ руки; его мѣняютъ по субботамъ. Залку украшаютъ картинки любовнаго и батальнаго содержанія. Стѣнные часы съ кукушкой и столъ для складки шубъ довершаютъ убранство залки. Изъ залки дверь направо вела въ „гостиненку", дверь налѣво—въ опочивальню. Послѣднюю наполняла двойная кровать, нагруженная перинами и подушками. Изъ спальни выходъ въ „кухоньку", а изъ послѣдней въ сѣни. Въ сѣняхъ дверь направо вела въ отдѣльную комнату, „упокой", предназначенную для гостя или постоя. При домѣ ни огорода, ни сада не было. Стовбырь, теперь уже Стовбыревскій, не хотѣлъ уже заниматься „мужицкимъ промысломъ", т. е. огородничествомъ и садоводствомъ. Квитка подмѣтилъ тонкую черту людей, отрѣшающихся отъ народа: отвращеніе къ природѣ. Замѣчательна одна черта въ „Ложныхъ понятіяхъ". Когда Стовбырь на угощеніе мелкихъ чиновниковъ и купцовъ истратилъ все свое состояніе и долженъ былъ, об-

лекшись снова въ сѣрую свиту, возвратиться въ родное село, друзья чиновники и мѣщане перестали его узнавать и при встрѣчѣ отворачивались отъ него, а крестьяне будто не видѣли его униженія и не обидѣли его словомъ. Они жалѣли, что „ему такъ не посчастливилось“.

А. В. Никитенко, говоря въ своихъ „Запискахъ“ о большомъ малорусскомъ селѣ Алексѣевкѣ острогожскаго уѣзда ворон. губ. въ первые годы текущаго вѣка (годы наблюденій Квитки), замѣчаетъ: Вся правительственная власть (въ селѣ А. графа Шереметьева) сосредоточивалась въ рукахъ графскаго уполномоченнаго или управителя, а сила, двигавшая общественными пружинами и ходомъ вещей—въ рукахъ богатыхъ обывателей, такъ называемыхъ мѣщанъ. Эти мѣщане занимались преимущественно торговлею, и многіе изъ нихъ обладали значительными капиталами, тысячъ до двухсотъ и болѣе рублей. Предметъ ихъ торговли составляли хлѣбъ, сало и кожи. Они не отличались добрыми нравами. То были малороссіяне, выродившіеся или, какъ ихъ называли въ насмѣшку, перевертни, успѣвшіе усвоить себѣ отъ русскихъ одни только пороки. Надутые своимъ богатствомъ, они презирали низшихъ, то есть болѣе бѣдныхъ, чѣмъ сами, сильно плутовали и плутовскимъ продѣлкамъ были обязаны своимъ благосостояніемъ. Жили они роскошно, стараясь подражать горожанамъ, одѣвались въ щегольскіе жупаны, смѣшивая покрой малороссійскій съ русскимъ, задавали частыя попойки, украшали дома свои богато, но безвкусно. Жены ихъ и дочери щеголяли тонкаго сукна кунтушами, шитыми золотомъ очипками, запасками, особенно намистами (ожерельями) изъ дорогихъ крупныхъ кораловъ, въ перемѣшку съ серебряными и золотыми крестами и дукатами. Настоящій малороссійскій типъ лица, нравовъ, обычаевъ и образа жизни сохранялся почти исключительно въ хуторахъ. Тамъ можно было найти истинно гомерическую простоту нравовъ: добродушіе, честность и то безкорыстное гостепріимство, которымъ по справедливости всегда славились малороссіяне. Эти добрые хуторяне, въ своей патріархальной простотѣ незнакомые съ цивилизованными пороками, умѣренные въ своихъ требованіяхъ, жили бы

совершенно счастливо, владѣя прекраснѣйшею въ мірѣ землею и платя небольшой оброкъ помѣщику, если бы ихъ не притѣсняли богатые мѣщане. Къ несчастію, богатство и здѣсь, какъ часто бываетъ, составляло могущество, служившее однимъ для угнетенія другихъ. Мѣщане разными способами обижали хуторянъ: они то старались подчинить ихъ своей власти, то захватывали у нихъ клочекъ выгодной земли или лѣса, то обращали на нихъ бремя общественныхъ тягостей, которыхъ сами не хотѣли нести. Все это дѣлалось безнаказанно. Представители графской власти думали только о томъ, какъ бы и имъ обогатиться, а выборные отъ народа, или громада, состояли изъ тѣхъ же мѣщанъ: эти послѣдніе располагали и выборами и голосами въ громадѣ (I, 46).

Нѣтъ надобности доказывать, что среди алексѣевскихъ мѣщанъ Никитенко предполагаетъ и оправдываетъ литературное существованіе Стовбыря Квитки.

Въ повѣсти „*Малороссійская быль*“ Квитка обрисовалъ другого перевертня—сына крестьянина Харька. Изъ школьнаго ученія онъ вынесъ лишь глупое высокомѣріе, презрѣніе къ отцу и всему родному. „Житы по-людьски“ стало у него означать по-пански. Видно, что въ 30 и 40-хъ годахъ перевертни начинали рѣзать глаза благомыслящихъ людей.

Еще болѣе своеобразными въ повѣстяхъ Квитки оказываются сельскіе писари, балагуры схоластики, часто плуты, хитрецы, иногда съ поэтическими наклонностями. Можно думать, что и въ этой области Квитка только воспроизводилъ современныя ему бытовыя явленія. *Т. П. Пассекъ* въ своихъ запискахъ „Изъ дальнихъ лѣтъ“ (II 262—264) говоритъ, что въ с. Спасскомъ Харьковской губерніи, гдѣ проживала Пассекъ въ 1836 г., въ экономіи писаремъ былъ Григорій Тузъ—романтикъ, лѣтъ 26, средняго роста, съ рѣдкими длинными свѣтлорусыми волосами, весь въ веснушкахъ и до того худой, что нанковый сюртукъ, когда-то гороховаго цвѣта, болтался на немъ, какъ на вѣшалкѣ. Романтичность Туза выражалась туманнымъ, задумчивымъ взоромъ и страстью къ пѣнію и музыкѣ. Онъ каждый вечеръ садился на крылечкѣ конторы съ гитарой въ рукахъ, бралъ томные аккорды и, когда впадалъ въ грустное настроеніе, то пѣлъ „Віють витры, віють буйны“ или „Стоитъ яворъ надъ водою“. Если слышалось

„Солнце низенько“, значитъ Тузъ настроенъ чувствительно. Въ индифферентномъ состояніи духа онъ небрежно садился на крыльцѣ, тихо брянчалъ на гитарѣ и развязно пѣлъ „Удовыцю я любывъ“.

Вообще, дѣйствующія лица квиткинскихъ повѣстей въ значительной степени срисованы съ дѣйствительной жизни и въ 30-хъ годахъ имѣли этнографическое значеніе, каковое отчасти сохранили до сихъ поръ; говорю отчасти въ виду того, что кое-что получило уже историко-бытовое значеніе. По полнотѣ обрисовки на первомъ мѣстѣ можно поставить Тихона Бруса въ повѣсти „Добре робы“. Тихонъ Брусъ—„старъ чоловикъ“, уважаемый въ селѣ за умъ и осторожность. Онъ „розумъ мавъ про себе и не дуже зъ нымъ выхвачувався“. Отличительная его черта—широкая вѣротерпимость. Человѣкъ честный и богобоязненный, онъ гуманно относится къ людямъ безъ различія національности. „Объ анахтемьскому барышеви“ онъ не помышляетъ. Брусъ—крупный общественный дѣятель. На сходкѣ его мнѣніе самое дѣльное и честное. Когда наступилъ голодный годъ, онъ отобралъ у жены и у дѣтей все излишнее, съѣздилъ въ Курскую губернію, накупилъ хлѣба и раздалъ его безплатно нуждающимся односельчанамъ. Онъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на проклятія и рыданія жены и дочерей, не обратилъ вниманія на козни и наговоры своихъ враговъ. Онъ свое дѣло дѣлалъ молча. Брусъ былъ такой человѣкъ“, що коли що надумавъ то, хоть спорь, хоть лайся, а вже винъ одъ свого не отступытця. И вже не буде багато говорыты та намагатысь, а мовчки зробыть якъ хотивъ“. Тихонъ Брусъ крѣпокъ вѣрой въ Бога и въ силу и благородство народа. Онъ не ошибся. За свое доброе дѣло онъ получилъ народную благодарность. Когда на слѣдующій годъ Богъ уродилъ хлѣба и послѣдній совершенно поспѣлъ, „заразъ одъ усякого двора выйшло по женцю и у одинъ день увесь ланъ Тыхонивъ зжалы, повязалы и въ копы поклалы. А якъ пеклы новый хлибъ, такъ жоденъ хозяинъ принисъ або прыславъ ему по новому хлибови.— Се було на самого Прокипья. Якъ тилько наставъ день Божій, такъ и повалывъ народъ до Тихона..... Чоловикъ увійде, помо-

лытця, хлибъ святый положе, та Тыхонови и прыпаде до нигъ и скризь слезы говорыть:“ Прыйми, дядьку, хлибець святый, що черезъ тебе Богъ пославъ мени съ семъею моею, що ты ихъ пропитавъ у таку несчастлыву годыну“. Тамъ дытына вбижыть, та тежъ хлибець несе..... Тамъ увiйде дивча, та все зъ хлибомъ, та зъ дякою..... Другой прекрасный „старъ человикъ“—Захарiй Скиба (въ повѣсти „Божи диты“). Во время повальной болѣзни онъ посѣщаетъ больныхъ. Самъ бѣднякъ, онъ взялъ двухъ малолѣтнихъ сиротъ и заботился о нихъ, какъ о родныхъ дѣтяхъ. Мальчика онъ отдалъ дьячку въ ученiе, а дѣвочкѣ—найдется у него лишнiй грошикъ—купитъ въ городѣ пряникъ или бубликъ. Когда дѣвочку добрый помѣщикъ взялъ къ себѣ въ домъ и началъ ее воспитывать наравнѣ съ своей дочерью, Скиба отъ полноты душевной благодарности расплакался, какъ маленькiй.

Есть у Квитки еще три замѣчательныхъ старика Наумъ Дротъ (въ повѣсти „Маруся“), тарановскiй сотникъ Миронъ Петровичъ (въ повѣсти „Панна Сотниковна“) и крестьянинъ Таранецъ (въ драмѣ „Щира любовь“). Всѣ они отличаются теплымъ религiознымъ чувствомъ и непоколебимой вѣрой въ Провидѣнiе, въ тяжелыя минуты жизни спасающей ихъ отъ отчаянiя. Всѣ они заботливые отцы и вѣрные мужья. Панъ Сотникъ щедро помогаетъ бѣднымъ. Онъ хорошо воспитываетъ своего сына и охотно отвѣчаетъ на его любознательные вопросы. Въ святъ-вечеръ сынъ спрашиваетъ у него, почему наканунѣ Рождества обѣдаютъ на сѣнѣ? отчего только въ этотъ день приготовляютъ узваръ и кутью? Сотникъ любовно объясняетъ, что обѣдаютъ на сѣнѣ въ воспоминанiе того, что Iисусъ Христосъ родился въ ясляхъ, на сѣнѣ; употребленiе узвара онъ объясняетъ малорусскимъ обыкновенiемъ при рожденiи ребенка извѣщать друзей и родныхъ о радости и посылать при этомъ имъ чего нибудь выпить за здоровье новорожденнаго. Таранецъ—человѣкъ мягкiй и добросердечный. Онъ горячо любитъ свою единственную дочь и ни въ чемъ не хочетъ насиловать ея воли. Онъ грамотенъ и любитъ читать духовныя книги.

Изъ пожилыхъ женщихъ повѣстей Квитки заслуживаетъ вниманiя честная и разумная Векла Ведмедиха (въ повѣсти

„Сердешна Оксана"). Голова не рѣдко къ ней обращался за совѣтомъ. Доброе сердце ея сказалось въ томъ, что, оставшись бездѣтною вдовою, она взяла къ себѣ сироту Оксану. Задумается Оксана, замечтается о своемъ возлюбленномъ капитанѣ, „стара вже ни объ чимъ и не думае, а боитця, щобъ дытына не занедужала, и стала іи на пичъ покладаты и кожухомъ укрываты и водою напoваты".

Петро, умный, сдержанный парубокъ, влюбился въ Оксану, первую деревенскую красавицу. Можетъ быть она и вышла бы за Петра, но, къ ея несчастью, подвернулся хитрый обольститель капитанъ и завоевалъ ея сердце. Путемъ низкаго обмана Оксана была увезена и изнасилована. Она сдѣлалась капитанской наложницей; черезъ годъ у ней родился сынъ. Тяжело было ей выносить капитанскія ласки. Полубольная, исхудалая, голодная, она бѣжала съ своимъ Митрикомъ въ родное село, къ Веклѣ Ведмедихѣ, которая изныла сердцемъ по своей Оксанѣ. Вблизи роднаго села, на дорогѣ, она совсѣмъ обезсилѣла. Здѣсь ее случайно нашелъ Петро. Онъ зналъ ее дѣвкой здоровой, полной, румяной, шутливой, веселой; теперь онъ увидѣлъ передъ собой что-то худое—прехудое, сухое, блѣдное. Петро пошелъ къ ней, разговорился, и подумавши, сказалъ: „Какъ тебѣ, Оксана, явиться въ наше село? Тебя засмѣютъ, закидаютъ грязью, проходу тебѣ не будетъ. Послушай меня. Садись на мой возъ, я тебя привезу къ моему двору такъ, что никто не увидитъ. Тамъ найду материнскую плахту, свиту и очинокъ, да и пройдемъ по за улицами къ священнику, пусть насъ обвѣнчаетъ. Ведмедиха, увидѣвъ, что ты уже замужемъ, не такъ будетъ горевать, въ селѣ никто не посмѣетъ надъ тобою смѣяться, потому что уже будешь мужняя жена"..... „Я тебя любилъ сильно и теперь еще люблю. Я знаю твою душу; ты немного споткнулась. Что ни разсказывай о капитанѣ, а и ты виновна.... „Ну, та дарма, усе забуваю и ни объ чимъ згадуваты не буду, мовъ дивкою тебе беру".

Въ повѣсти „Перекотиполе" находится другой замѣчательный образъ крестьянина тихаго, добраго, работящаго, честнаго, преслѣдуемаго бѣдностью и горемъ. „Чи тоби, Трохыме, талану

нема, чи хто тебе знае!"—такъ говорила вдова Венгериха своему сыну—„уси таки заробляють та, знай багатіють, а ты ось ныякъ не раздобудеся ни на що, щобъ почать господареваты якъ и люде. Що було де чого небагато писля батька, те потратыла женючи тебе, думала, описля заробымо, невистка поможе. Невистка жъ ничъ и день робыть, а я звалылась соби на лыхо. . . . тутъ пійшлы диты; хлопчыкови вже шостый годокъ; попавъ у ревизію; треба за его зносыты, и дивчатокъ двое, робыты ще не имъ, а исты просятъ, треба годуваты, та все жъ то дай, усе дай! А въ тебе, сыночку, одни руки, не надасы". Горемычный Трофимъ пошелъ въ городъ на заработки, гдѣ и раздобылъ немного денегъ. На обратномъ пути въ виду роднаго села его зарѣзалъ Денисъ Лоскотунъ, односелецъ, замѣшанный въ воровствѣ со взломомъ и убійствѣ.

Н. И. Костомаровъ въ „Обзорѣ сочиненій на малорусскомъ языкѣ", помѣщенномъ въ „Молодикѣ" 1844 г., высоко ставитъ Галочку, главное дѣйствующее лицо въ повѣсти „Вотъ Любовь" и въ драмѣ „Щира любовь". Содержаніе обоихъ произведеній незначительно. Въ Галочку, крестьянскую дѣвушку, влюбляется офицеръ Заринъ. Она страстно его полюбила, но не рѣшается выйти за него изъ опасеній, что надъ нимъ будутъ смѣяться за женитьбу на мужичкѣ. Что-бы окончательно отклонить просьбы Зарина, она въ его отсутствіи выходитъ замужъ за отцовскаго работника Миколу; но сердца своего переломить она не можетъ и потому чахнетъ и умираетъ. Костомаровъ придавалъ Галочкѣ слишкомъ большое значеніе, ставя ее выше Ивги и Маруси. Онъ говоритъ, что „Галочка всегда идеалъ, показывающій высокое нравственное совершенство, до какого можетъ довести глубокое чувство, при здравомъ состояніи другихъ способностей". Съ послѣднимъ нельзя согласиться. Въ Галочкѣ не всѣ способности развиты, чувство у ней развилось въ ущербъ ума и характера. Она неестественна. Анна Григорьевна, жена Квитки, уже нашла необходимымъ защищать ее въ письмѣ къ Плетневу, находившему Галочку существомъ неземнымъ. Галочка разсуждаетъ такъ, будто читала стихи Жуковскаго. Она утверждаетъ, что ея счастье въ сердцѣ, никто его не отниметъ. Какъ извѣстно,

это была излюбленная мысль Жуковскаго, проведенная имъ во множествѣ стихотвореній. Галочка представляетъ невольную дань Квитки литературнымъ вкусамъ своего времени. Карамзинъ утвердилъ въ Россіи господство сентиментализма. Мѣсто сентиментализма вскорѣ занялъ романтизмъ; но въ провинціи любовь къ сентиментализму не угасла и въ 30-хъ годахъ.

Если считать идеальнымъ человѣка, въ которомъ всѣ душевныя силы находятся въ гармоническомъ развитіи, то въ сочиненіяхъ Квитки нѣтъ выше Ивги, героини повѣсти „Козиръ—дивка". Парубокъ, котораго она любитъ, Левко, по ложному подозрѣнію въ кражѣ со взломомъ, посаженъ въ тюрьму. Ивга просила за него у сельскаго начальства, у исправника, у городскихъ судей. Послѣднимъ она дала взятку бубликами, которые господами „судящими" были охотно приняты. Ничего не помогало. Неутомимая Ивга дошла до губернатора, и только у него добилась суда и справедливости: Левко былъ освобожденъ. Ивга—живая, проворная, смѣлая, въ словахъ бойкая, безъ болтовни, учтивая, скромная, ее никто не одуритъ, никто не испугаетъ, не остановитъ, ни съ намѣренія не собьетъ; какъ уже что придумала—доведетъ до конца; много у ней чувства и воли.

Маруся—прелестное созданіе: красива, тиха, скромна, добра. Она красива по малороссійски: высокая, стройная, смугленькая, румяная, съ черными, какъ смола, косами, съ глазками, какъ терновыя ягоды, брови снуркомъ. Она избѣгаетъ шумнаго уличнаго веселья и не ходитъ на вечерницы. Лишь только заслышитъ колокольный звонъ, идетъ въ церковь и ставитъ свѣчу. На свадьбѣ своей подруги она увидѣла красиваго и бойкаго парубка Василя и полюбила его. Василь не былъ холоденъ къ такой красавицѣ; онъ просилъ отца Маруси выдать за него дочку. Старый заупрямился. Пошелъ Василь на заработки. Маруся, въ его отсутствіи, простудилась и умерла. Содержаніе повѣсти просто, несложно. Однако, повѣсть „Маруся" при своемъ появленіи произвела сильное впечатлѣніе: ею зачитывались, надъ нею плакали. Квитка раскрылъ передъ читателемъ душу чистой дѣвушки, ввелъ его въ таинственный міръ женскаго сердца, бьющаго неистощимымъ родникомъ обиль-

наго чувства. „Се не Маруся въ насъ передъ очима, говоритъ Кулишъ, се наша юность, се тіи дни святи, приснопамятни, якъ и въ насъ було красно, чисто и свято въ серци.... Красенъ Божій міръ, а ще краща душа чоловича, и тягне вона насъ до себе непобидимою сылою. Велики скарбы своеи благости розсыпавъ Богъ у своему красному мырови, а ще бильшими скарбамы збогатывъ чоловичу душу. И не того намъ хочетця жыты, щобъ тилько на Божій миръ дывытись: бильше намъ хочетця душею въ чужи души входыты и благодатни скарбы на скарбы миняты".

Оксана, Прасковья Мироновна, панна Сотниковна и Ганнуся имѣютъ сходныя черты. Первая, обезславленная капитаномъ, не упала духомъ, не унизилась до положенія безотвѣтной наложницы. Нѣсколько лѣтъ униженія не сдѣлали изъ нея безотвѣтную рабу, она собралась съ силами и бѣжала отъ негодяя. Панна Сотниковна, глубокорелигіозная, скромная, застѣнчивая, горячо привязанная къ отцу и матери, въ ту минуту, когда пьяный юнкеръ обезчестилъ ее, она забыла все, забыла Бога, родныхъ, несчастныхъ, которымъ помогала, и покончила жизнь самоубійствомъ. Ганнуся такъ же религіозна, какъ Парася и Маруся. Она также добросердечна и застѣнчива. Она трудолюбивѣе ихъ обѣихъ. „Се сокровище, а не дивка, говоритъ о ней старая Запорожчиха. Послушна, работяща, ни съ кимъ ни залается, ни засварится. А щобы, когда пишла на улицу, какъ прочія? ну таковская, ей и не говори! Тилько и прогулкы, что по воскресеньямъ и праздникамъ къ ранней въ соборъ или въ монастырь, на Спаса въ Куряжъ, на Вознесеніе въ Хорошевъ, на Ивана въ Основу".

Болѣе живучимъ оказался женскій типъ Насти, о которомъ была уже рѣчь въ началѣ статьи. Въ основаніи многихъ разсказовъ Квитки лежатъ народныя сказки. Содержаніе разсказа „*Перекотыполе*" хорошо извѣстно. Мужикъ Трохимъ шелъ домой изъ города, гдѣ былъ на заработкахъ. На дорогѣ его догналъ односелецъ Денисъ Лоскотунъ и убилъ, съ цѣлью грабежа. Умиравшій Трохымъ призвалъ въ свидѣтели принесенную къ нему степнымъ вѣтромъ траву перекотиполе.

Когда былъ осмотръ трупа, Денисъ смутился, увидя въ рукѣ Трохыма перекотиполе. Смущеніе его выдало. Квитка обработалъ народную сказку, при чемъ внесъ отъ себя подробности о жизни Трохыма и Дениса въ селѣ и въ городѣ до совершенія преступленія.

Въ уманскомъ уѣздѣ кіевской губ. записана весьма сходная сказка о перекотиполѣ. Два парубка ходили въ Бессарабію на заработки и заработали по 20 руб. На пути домой одинъ изъ нихъ завелъ другаго въ глубокій яръ и убилъ. Умиравшій парубокъ вслухъ сказалъ: „прощай перекотыполе; та гляды, будешъ мени свидокъ". Убійца воротился домой, женился. Когда онъ шелъ съ женой полемъ къ тестю, то увидѣлъ перекатиполе и усмѣхнулся. Жена начала допытываться, и убійца сознался въ своемъ преступленіи. У тестя мужъ подвыпилъ, сталъ бить жену, и она его выдала (*Рудченко*, Народ. южнор. сказки, I № 79).

Въ самарской губерніи записана великорусская сказка „Ковылъ-трава" слѣдующаго содержанія: Одинъ мужикъ убилъ торговца въ степи подъ ракитой. Никого свидѣтелей не было. Тотъ передъ смертью и говоритъ: Ковылъ-трава, засвидѣтельствуй хоть ты меня"! Вотъ прошло много лѣтъ: идетъ разъ мужикъ съ женой своей по степи, поравнялся съ ракитой да и засмѣялся. Жена стала допытываться, чего онъ засмѣялся. Мужъ признался, и потомъ жена за побои выдала его властямъ (*Садовниковъ*, Сказки и преданія Самарскаго края, 380).

Въ средневѣковой испанско-еврейской легендѣ роль перекатиполя играетъ финиковое дерево. Богатый мавръ Гашамъ, злобствуя на молодаго поэта Габріеля за его успѣхи въ поэзіи и любви, заманилъ его въ свой садъ, убилъ и закопалъ подъ финиковымъ деревомъ. Умирая Габріель сказалъ: „плодъ этого одинокаго дерева заговоритъ и обвинитъ убійцу". На другой годъ финиковая пальма дала такъ рано и такіе прекрасные плоды, что молва о томъ пошла далеко, и къ Гашаму пріѣхалъ самъ король. Гашамъ смутился, что выдало его, затѣмъ сознался и былъ повѣшенъ на этомъ деревѣ (*Владиміровъ*, защитит. рѣчи, 450).

Въ греческой легендѣ, поэтически обработанной Шиллеромъ, убійцъ поэта Ивика уличили журавли, вполнѣ соотвѣтствующіе перекотиполю и финиковой пальмѣ.

Во всѣхъ этихъ легендахъ выразилась глубокая вѣра въ Немезиду, та вѣра, которая хорошо выражена у Шекспира словами Макбета:

Есть судъ и здѣсь: рукою безпристрастной
Подноситъ намъ онъ чашу съ нашимъ ядомъ.

Маленькій разсказъ „*Пидбрехачъ*", напечатанный впервые въ „Молодыкѣ" 1843 г., представляетъ передѣлку, а можетъ быть простую передачу народной сказки. Не считая вступительнаго моральнаго разсужденія на тему, что „недобре дило брехаты", фабула разсказа состоитъ въ слѣдующемъ: „Просывъ Пархимъ Остапа, щобъ пійшовъ за нёго старостою до Хиври. Хивря була дивка годяща; була хозяйка, работяща; мала й худобинку; а Пархимъ тежъ парубокъ голинный хочъ куды. Остапъ—ничого робыты, каже: „Добре пійду, абы-бъ товарища зиськаты.

Зострився зъ Самійломъ.

„Здилай мылость, Петровичу Самійло", каже Остапъ: „ійды зо мною пидбрехачемъ за Пархима до Хиври.

— Та чы зъумію лышень? каже Самійло. Зъ роду не бувъ у симъ дили!

„Та воно нетрудно", каже Остапъ: я буду починаты брехаты, а ты пидбрихуй; звистно, якъ старосты брешуть про парубка, за кого сватають; а безъ брехни вже не можно! Я забрешу на палець, а ты пидбрехуй на цилый локоть; то й закинчаемъ дило, запьемо могорычи; а молоди описля нехай жывуть, якъ знають"!

— Добре, Остапе. Зъумію; пиду добуду палычку и зайду за тобою". Сказавъ Самійло и потягъ до дому.

Зибралыся старосты, якъ довгъ велыть, узялы хлибъ святий пидъ плече, палычки у руки, пишлы до Хиври.

Увишедши у хату помолылыся, хозяину поклонылыся и почалы казаты законныи речи про порошу, про князя, про куныцю,—и звели на красну дивыцю.

Добре усе. Стари Хиврины усе слухають; дали почалы розпытувати, що е у молодого?

„Та у нёго чымало е чого“, каже перший староста.

— Де-то чымало? каже пидбрехачъ. У нёго усёго е багацько.

„Е й волыки“.

— Та яки волыки? такы настоящи волы.

„Е й овечата“, почына перший староста.

— Та яки овечата? такы настоящи вивци! пидбрехуе Самійло.

„Е й хатына“.

— Та яка хатына? настояща хата, новисинька; просторна.

„И у господарстви недуже дае кому воли“.

— Та такы и никому. Самъ усимъ орудуе, и що хоче, те й робыть.

Хиврыны стари ажъ плямкають, що таке добро достанетця ихъ дочци; та й почалы пытаты, хто ыменно парубокъ.

„Отъ колы знаете, Пархимъ“, сказавъ Остапъ.

— Терешковичъ, Понура, договорывъ Самійло.

„Э! се-бъ-то той крывый на ногу?“ спытала маты Хиврина.

„Та винъ такъ трошкы хрома, на одну ногу“—сказавъ перший староста.

— Де то хрома? и не на одну, а винъ и обома нездужа ходыть! пидправывъ пидбрехачъ.

— Та винъ щось горилку часто вжыва? пытаетця батько.

„Такъ, выпье по-трошку, колы-та-колы“, каже Остапъ.

— Де-то-вже колы-та-колы? такы по-всякъ день; и такы не потрошку, а пъе, поки звалытця.

„Та троха чы не косый?“ пыта батько Хивринъ.

— Та такъ, косенькій на одно око, каже староста.

„Де-то-вже на одно? и не косенькый овси; винъ и обома ничого не бачыть!“

„Та, кажуть, щось-тамъ нашкодывъ, чы не буде ёму биды?“ допытуетця батько.

— Яка тамъ бида? Може провчать трошкы, сказавъ староста.

„Якъ-то можно трошкы? Его таки гарно катъ кнутомъ попобъе, та й на Сыбирь зошлють“, закинчавъ пидбрехачъ...

Писля такои розмовкы, що батькови и матери Хиврынымъ робыты? Выпроводылы нечестью старостивъ и троха чы й не позывалы й ще за бенкетъ, що за такого женыха прыходылы свататы ихъ дочку. А на парня пустылы славу, що й повикъ незбувъ!

Въ галицко-русской сказкѣ идутъ вмѣстѣ брехачъ и пидбрехачъ (по галицки побрыхачъ). У перваго спрашиваютъ, родился ли хлѣбъ у его пана. Брехачъ отвѣчаетъ, что у его пана такая капуста, что однимъ листомъ накрыли крышу въ домѣ, и получаетъ отъ пана пару центовъ. Панъ спрашиваетъ у пидбрехача о капустѣ, для провѣрки словъ перваго лжеца. Пидбрехачъ сказалъ, что видѣлъ, какъ повезли качанъ капусты въ млинъ на колоду. Далѣе брехачъ сказалъ о такой густой гречкѣ, что панъ въ ней заблудился, и получилъ снова пару центовъ, а подбрехачъ добавилъ, что цыгане корчуютъ пни той гречки (*Kolberg*, Pokucie, IV № 52).

Въ бѣлорусской сказкѣ „Лгала и Палагала" выступаютъ также 2 лжеца, брехачъ и пидбрехачъ. Здѣсь они лгутъ огородникамъ и плотникамъ. Лжецъ, увидя пень, называетъ его волкомъ, земляную кочку—ковригой хлѣба, подбрехачъ—двумя волками, двумя ковригами. Брехачъ говоритъ, что на его родинѣ такая капуста, что рота солдатъ помѣщается подъ однимъ листомъ, а подбрехачъ добавилъ, что карета зацѣпилась колесомъ за кочанъ этой капусты, и желѣзная ось сломилась. Лгуны и здѣсь получаютъ 200 рублей. Въ другой разъ брехачъ говоритъ огородникамъ, что огурцы въ его сторонѣ такіе, что въ полдень за огурцомъ солнца невидно, а подбрехачъ добавилъ, что такой огурецъ легъ черезъ дорогу и въ него провалилась коляска съ лошадьми. Награда въ триста рублей. Плотникамъ, строившимъ церковь, лжецъ сказалъ, что можетъ выстроить церковь до облаковъ, а его товарищъ добавилъ, что у нихъ дома пѣтухъ пономаря, сидя на церкви, склевалъ половину мѣсяца а мѣсяцъ въ это время былъ въ послѣдней четверти, и глупые плотники повѣрили. (*Добровольскій*, Смолен. сб. 665—669). Послѣдній мотивъ взятъ уже изъ другихъ сказокъ—о глупыхъ народахъ (пошехонцахъ, литвинахъ и др.).

Сходнаи польская сказка у *Кольберга* Lud XIV 348.

Содержаніе разсказа „*Мертвецькій Велыкдень*“ состоитъ въ томъ, что пьянчужка крестьянинъ Нечипоръ, наѣвшись дома вареников, ночью подъ первое воскресенье великаго поста забрелъ въ церковь, въ которой оказались мертвецы, справлявшіе въ эту ночь наступленіе для нихъ Свѣтлаго Воскресенія. Такъ какъ у Нечипора въ зубахъ оказалось полъ-вареника, то мертвецы потребовали, чтобы онъ раздѣлилъ его поровну на всю мертвецкую громаду. Тать-сякъ Нечипоръ дотянулъ переговоры съ ними до третьихъ пѣтуховъ, послѣ чего мертвецы моментально исчезли. И въ этомъ разсказѣ, какъ во многихъ другихъ, Квитка стоялъ на народной почвѣ, заимствовалъ у народа основной сюжетъ разсказа и отчасти нѣкоторые подробности. Нѣсколько лѣтъ назадъ въ „*Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ*“ былъ напечатанъ небольшой сборникъ малороссійскихъ повѣрій со словъ сельской бабки, и въ числѣ ихъ слѣдующій народный разсказъ: „На масляницѣ, по мѣстному выраженію въ „запусты“, послѣ ужина берутъ кусочекъ сыра подъ языкъ и ложатся съ нимъ спать. Если вѣдьма не подкрадется мышью къ спящему и не украдетъ сыръ, то утромъ завязываютъ его въ поясъ или рубаху и бережно хранятъ до начала заутрени св. Воскресенія. Втеченіе великаго поста вѣдьма употребляетъ всѣ способы, чтобы украсть, и почти всегда крадетъ опасный для нея сыръ. Въ ночь св. Воскресенія весь сонмъ вѣдьмъ и злыхъ духовъ поднимается на того, кто сохранилъ сыръ. При слѣдованіи его на заутреню, вдругъ рѣка откуда то берется; высокія ворота стоятъ на дорогѣ. Какіе то невиданные звѣри бросаются на него; какія-то страшныя птицы садятся ему на голову и плечи. Человѣку показывается, что онъ очутился на кладбищѣ. Мертвецы, желтые какъ воскъ, съ саванами въ рукахъ, ужасно смотрятъ на него и киваютъ ему пальцами. Онъ въ ужасѣ теряетъ сознаніе, и въ это время вѣдьма крадетъ у него сыръ. Но, говорятъ, былъ одинъ такой храбрый екатерининскій солдатъ, который, не смотря на всѣ ужасы этой ночи, вошелъ таки съ сыромъ въ церковь и увидѣлъ между женщинами всѣхъ сельскихъ вѣдьмъ: у каждой была на головѣ дойница“.

Разсказъ „*Конотопська видьма*“ построенъ всецѣло на преданіяхъ историко-бытоваго характера. „Якъ же намъ, пане Рыгоровичу, за ныхъ (т. е. вѣдьмъ) узятысь, щобъ воны вернулы дощи и щобъ намъ не наробылы описля якои капости?“—спросилъ панъ сотникъ конотопскій у своего писаря и получилъ отъ послѣдняго совѣтъ подвергнуть ихъ испытанію водой. „Аще кая суть видьма, сказалъ писарь, та непогрязнетъ на дно ричное, аще и камень жерновный на выи ея прычеплють“. Затѣмъ слѣдуетъ подробное описаніе приготовленій и самого производства пытки семи бабъ, подозрѣваемыхъ въ чародѣйствѣ, съ слѣдующими, характерными въ историко-бытовомъ отношеніи, деталями: „Посередъ ставу убыто чотыри пали товстенькихъ, а у гори позвъязано верёвками, та впьять, якось то хытро та мудро переплутовано; та у кажній пали у гори дирка продовбана и туды веревка просунута. А по ставку издять люде у човнахъ, а воны не рыбалки, бо въ ныхъ на човнахъ, не сети и не въятери, а те жъ верёвкы... Калавурны стереглы нызку видёмъ и прыдывлялысь пыльно, щобъ котра зъ ныхъ, перекынувшысь або сорокою, або свынею, та не дала бъ дёру“... Испытаніе происходитъ вь присутствіи обывателей и мѣстнаго начальства, вечеромъ передъ заходомъ солнца. Подозрѣваемую женщину тащутъ къ пруду, кладутъ на лодку, отвозятъ къ палямъ, подвязываютъ ее къ веревкамъ, поднимаютъ вверхъ и затѣмъ опускаютъ внизъ въ воду (*Квитка*, Малор. пов. I, 197—214).

Въ луцкомъ уѣздѣ разсказываютъ, что въ одномъ мѣстѣ долго не было дождя; мѣстный помѣщикъ велѣлъ собрать всѣхъ женщинъ и класть ихъ спиной въ воду, придерживая веревкой; которая изъ нихъ будетъ тонуть, ту вытаскивать, а которая будетъ плавать по поверхности—ту бить, потому что она вѣдьма. Одна изъ женщинъ оказалась такою; когда ее начали бить, то полился такой дождь, что люди едва живы дошли домой (*Чуб*. I, 26). Припомнимъ здѣсь, что и въ „Конотопской вѣдьмѣ“ Квитки Явдоху Зубыху, оказавшуюся вѣдьмой, „хлопци отчесалы терновыми“. Въ Угорской Руси во время засухи заставляютъ женщинъ купаться и въ случаѣ сопротивленія насильно броса-

ютъ ихъ въ воду, чтобы обнаружить колдунью, по милости которой продолжается бѣдствіе (*Де-Волланъ*, Угро-рус. пѣс. 25).

Въ украинскихъ судебныхъ актахъ XVIII в. находятся прямыя указанія на топленіе вѣдьмъ. Съ разсказомъ Квитки большое сходство имѣетъ слѣдующее дѣйствительное событіе 1709 г. Дворяне и крестьяне подвергли купанію дворянку Яворскую по подозрѣнію въ чародѣйствѣ. Ее раздѣли донага, связали особеннымъ образомъ, установленнымъ для подобнаго рода испытаній (большой палецъ правой руки привязывали къ большому пальцу лѣвой ноги, и тоже сдѣлали накрестъ), затѣмъ между связанными членами продѣли веревку и принялись опускать Яворскую на блокахъ въ рѣку и подымать ее вверхъ. Такъ какъ она при этомъ тонула, то признана была невинной (*Антоновичъ*, въ „Трудахъ" Чубинскаго I 347). Гуцулы топили вѣдьмъ еще въ 1827 г. (*Аѳанасьевъ* Поэт. воззр. III 511). Въ „*Культурныхъ переживаніяхъ*" подъ № 4 мы подробно останавливались на топленіи вѣдьмъ у разныхъ народовъ. Къ приведеннымъ здѣсь довольно многочисленнымъ фактамъ теперь можемъ добавить еще весьма любопытный сербскій „Божій судъ водой"—испытаніе вѣдьмъ посредствомъ топленія, описанное въ XVI кн. *Этнограф. Обозр.* 1893 г. I 139—140.

Маленькіе разсказы „*На пущаньня якъ завъязано*" и „*Пархимове снидацьня*" написаны очевидно съ народныхъ словъ въ объясненіе существующихъ въ народѣ поговорокъ, сообразно съ народными толкованіями.

Разсказъ „*Знахарь*" (на рус. яз.) также имѣетъ этнографическое значеніе. Здѣсь идетъ рѣчь о вліяніи знахарей въ селѣ, о лѣченіи больныхъ и т. п. Собраны общія черты знахарскаго вліянія и знахарской дѣятельности.

Въ повѣсти „Маруся" отмѣчено два главныхъ способа народнаго лѣченія болѣзней: Маруся заболѣла. Мать ея Настя— „побигла до знахарки, щобъ вмыла, або злызала; „бо се іи мабуть зъ очей; або нехай переполохъ вылыва, або трясцю видшептуе; нехай що зна те и робыть". Отецъ же Маруси Наумъ „заразъ доставъ іорданськои воды та и звеливъ Насти, щобъ нею натерла Маруси бикъ, де болыть, и давъ тыеи жъ воды

тропки напытысь, а самъ пидкурювавъ іи херувимськимъ великоднымъ ладаномъ"...

Квитку привлекалъ малорусскій свадебный ритуалъ, и въ сочиненіяхъ Квитки такъ много разсѣяно описаній свадьбы, что если собрать ихъ и разсортировать по ходу свадебнаго ритуала (сватовство, сговоръ, гильце и др.), то получится подробная и полная картина слободско-украинской свадьбы первой половины текущаго вѣка. Замѣчаній о свадьбѣ, высказанныхъ въ концѣ историко-бытоваго и этнографическаго очерка *„Украинцы"*, можно не брать въ счетъ по ихъ краткости и безцвѣтности. Много интересныхъ подробностей (обряды и пѣсни) о сватаньѣ находится въ повѣстяхъ *„Подбрехачъ"* (по изд. 1887 г. II 193) и *„Маруся"* (по изд. 1887 г. I стр. 83 и сл.), о печеніи каравая и свадебномъ переряживаніи въ *„Козырь—дивкѣ"* (II, 87—91) и въ *„Сватаньѣ на Гончаривци"*.

Описаніе вечерницъ находитси въ повѣсти *„Маруся"* (I 34) и въ *„Панѣ Халявскомъ"*.

Похороны дѣвушки изображены въ *„Марусѣ"* (I 106—110).

Рождественскія повѣрья, обряды и игры вошли въ разсказъ *„Панна Сотниковна"*.

Пасхальные обычаи и повѣрья находимъ въ повѣстяхъ *„Маруся"* (I 77, 80) и *„Отъ тоби и скарбъ"* (II 6, 15).

О народныхъ музыкальныхъ инструментахъ и музыкѣ въ повѣстяхъ *„Божія дѣти"* и *„Панна Сотниковна"*.

О ярмаркѣ въ *„Солдатскомъ патретѣ"*, *„Пархимовомъ сниданьѣ* и отчасти въ *„Ярмаркѣ"* (на рус. яз.).

Кромѣ того въ повѣстяхъ Квитки, русскихъ и малорусскихъ, разбросано много интересныхъ мелочей, напр., общіе отзывы о характерѣ малоруссовъ (въ „Украинцы" и др.), о народной одеждѣ (I 13, 20, 33—34, 35, II 17 и др.), о вѣдовствѣ и колдовствѣ (I 203, 217, 222 и др.), о кладахъ въ видѣ дѣда, кобылы (II 7, 8), о разныхъ играхъ и забавахъ (I 18, 34, 38, II 100). Много любопытныхъ обычаевъ и повѣрій отмѣчено мимоходомъ, въ двухъ—трехъ словахъ, напр., дѣвицы, желая выйти замужъ за красавца парубка, „не одна обѣщалася дванадцять пьятинокъ говиты, не исты и не пыты ничого;

не—одна тыхенько видъ матери по пьятинкамъ пряла на свичечку"... („Божи диты" II 215).

Въ заключеніе можно сказать, что Квитка былъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ этнографовъ малорусскихъ 30 и 40 годовъ, непосредственно и внимательно изучавшихъ народную жизнь. Онъ не издавалъ своихъ записей въ видѣ сыраго этнографическаго матеріала; научное значеніе такихъ записей въ то время не было сознано, и изданіе ихъ въ свѣтъ сопряжено было съ большими затрудненіями. Такія затрудненія Квитка обходилъ, придавая своимъ этнографическимъ матеріаламъ литературную обработку и выпуская ихъ въ рамкѣ романической фабулы. Мѣсто записей можно опредѣлить точно—Харьковъ и Харьковскій уѣздъ; время записей относится приблизительно къ 20 и 30-мъ годамъ. Этнографическія записи скомбинированы въ повѣстяхъ въ подчиненіи выдвинутымъ на первый планъ литературнымъ интересамъ, т. е. случайно и произвольно.

Кое-что изъ того, что въ 30 и 40-хъ годахъ было этнографично, теперь представляется устарѣлымъ, служитъ матеріаломъ для исторіи быта и культуры; но многое еще сохраняетъ бытовое значеніе и представляется характернымъ для малорусскаго народа и въ настоящемъ положеніи его умственнаго, нравственнаго и матеріальнаго развитія. Строгой разграничительной черты между забытымъ, устарѣвшимъ, устарѣвающимъ, живымъ и живучимъ провести невозможно, какъ нельзя этого сдѣлать въ приложеніи къ основнымъ и капитальнымъ пособіямъ—сборникамъ Чубинскаго и Головацкаго. Можно только замѣтить, что въ нравственной сферѣ многое измѣнилось, что Стовбыри, Харьки, Насти стали господствующими въ замѣнъ вымершихъ Тихоновъ Брусовъ, Ведмедихъ, Марусь и Ганнусь, но въ области обрядовъ, повѣрій и всякаго рода суевѣрій еще многое держится незыблемо; напримѣръ, выкупаніе изъ колодки (I, 119) повторяется и теперь, хотя женщины одѣваются помѣщански и говорятъ городской полулитературной рѣчью.

Н. Ө. Сумцовъ.

Историческія повѣсти и статьи Гр. Ѳед. Квитки.

(къ 50-тилѣтію со дня его кончины).

Къ 1892—1894 гг. относятся юбилейныя поминки трехъ найболѣе замѣчательныхъ дѣятелей Слободской Украйны,—Вас. Наз. Каразина, Гр. Ѳед. Квитки и знаменитаго украинскаго философа Гр. Сав. Сковороды. Харьковскій университетъ въ прошломъ году почтилъ память виновника своего существованія В. Н. Каразина. Въ 1878 г. городъ Харьковъ торжественно отпраздновалъ столѣтіе со дня рожденія Гр. Ѳед. Квитки. Однимъ изъ найболѣе важныхъ и осязательныхъ результатовъ этого празднованія было изданіе его сочиненій, предпринятое харьковскимъ уѣзднымъ земствомъ подъ редакціей проф. А. А. Потебни въ пользу народной школы имени писателя въ его родной Основѣ.

Теперь по случаю 50-тилѣтія со дня кончины Г. Ѳед. Квитки нельзя не вспомнить о его плодотворной общественной и литературной дѣятельности.

Я, впрочемъ, намѣренъ коснуться только литературныхъ трудовъ покойнаго писателя и при томъ не всѣхъ, а только тѣхъ, которыхъ я не могъ обойти въ своихъ историческихъ работахъ и на которыхъ, сколько мнѣ извѣстно, не останавливались прежніе изслѣдователи [1]),—именно его историческихъ статей и повѣстей.

Гр. Ѳед. Квитка представляетъ изъ себя самый яркій типъ областнаго общественнаго дѣятеля: онъ болѣе тѣсно связанъ съ

[1]) Библіографію статей о Гр. Ѳед. Квиткѣ см. въ „Очеркахъ Укр. Лит." Петрова, а также рецензію на эту книгу проф. Н. П. Дашкевича (въ отчетѣ о присужденіи Уваровскихъ премій).

Харьковомъ и Харьковщиной, чѣмъ даже В. Н. Каразинъ и Гр. Сав. Сковорода: первый не былъ малороссомъ по происхожденію, второй родился въ Лѣвобережной Малороссіи; родъ же Квитокъ—одинъ изъ самыхъ древнихъ въ Слободской Украйнѣ. Онъ игралъ видную роль въ историческихъ судьбахъ этого края, наравнѣ съ Кондратьевыми, Лесевицкими, Тевяшовыми, Шидловскими и др. и уступалъ въ этомъ отношеніи только однимъ Донцамъ-Захаржевскимъ, которые были найболѣе популярны въ Харьковскомъ и Изюмскомъ слободскихъ полкахъ. Впрочемъ и изъ фамиліи Квитокъ также выбирались полковники въ эти два полка. Фамильное преданіе выводитъ Квитокъ изъ Москвы. Гр. Ѳед. Квитка разработалъ это фамильное преданіе въ особомъ литературномъ произведеніи „Основаніе г. Харькова“ (о немъ будемъ говорить впослѣдствіи). Но едва ли можно сомнѣваться въ малорусскомъ происхожденіи Квитокъ--объ этомъ прямо свидѣтельствуетъ ихъ фамильное прозвище (квитка—по-малорусски цвѣтокъ); притомъ и въ фамильномъ преданіи Андрей Квитка выводится изъ Юго-Западной Руси, откуда вышло огромное большинство жителей Слободской Украйны; боярское же происхожденіе его ничѣмъ не доказывается, и мысль о немъ, очевидно, была вызвана желаніемъ доказать древность своего рода. [1]). Гр. Ѳед. Квитка ограничился въ этомъ случаѣ невинной литературной обработкой семейной легенды; другіе же съ этою же цѣлью ссылались на польскіе гербовники, особенно въ концѣ XVIII в., когда вопросъ о дворянскомъ званіи получилъ практическое значеніе. Какъ бы то ни было, Квитки своею личною дѣятельностью создали себѣ почетное положеніе въ мѣстномъ Харьковскомъ обществѣ во 2-й половинѣ XVII и XVIII вв. Изъ ихъ семьи вышло нѣсколько выдающихся дѣятелей на поприщѣ воен-

---

[1]) При томъ Илья Ив. Квитка, авторъ „Записокъ о Слободск. полкахъ“, изданныхъ Гр. Ѳед. Квиткою, производитъ Квитокъ изъ польскаго шляхетства и говоритъ, что ихъ родоначальникъ Афанасій вышелъ изъ польскаго королевства и, вступивъ въ подданство царя Алексѣя Михайловича, былъ полковникомъ Гадяцкаго Малороссійскаго полка; сынъ же его Семенъ, по смерти отца, перешелъ въ Харьковскій полкъ въ 1666 году и былъ избранъ тамъ полковымъ судьей. (См. Зап. о Слоб. полк., 2 изд., стр. 23).

наго и гражданскаго управленія краемъ. Таковъ былъ, напримѣръ, Харьковскій полковой судья Семенъ Аѳанасьевичъ Квитка, занимавшійся постройкой укрѣпленій противъ татаръ; онъ обновилъ городки—Тарановку, Гуляй-Поле и опустошенный валъ (въ 1713 г.); онъ въ числѣ прочихъ подписалъ просьбу о сохраненіи за старшиною прежнихъ правъ по части полковаго самоуправленія, которое старался нарушить полк. Прок. Куликовскій. Таковъ былъ сынъ его, прадѣдъ Гр. Ѳедоровича, Харьковскій полковникъ Григорій Семеновичъ Квитка, пожалованный въ полковники по докладу Апраксина Петромъ Вел. 2-го ноября 1703 г.; при немъ казаки Харьковскаго полка должны были обратить особенное вниманіе на сторожевую службу, потому что въ это время особенно усилились наѣзды запорожцевъ; онъ же предводительствовалъ казаками, отправленными въ отдаленный персидскій походъ, откуда вернулись немногіе. Таковъ былъ дѣдъ нашего писателя Иванъ Григорьевичъ Квитка, пожалованный въ 1743 г. грамотою Елисаветы Петровны въ полковники Изюмскаго полка. Будучи обознымъ Харьковскаго полка, онъ участвовалъ въ крымскомъ походѣ Ласси, о чемъ оставилъ собственноручныя любопытныя замѣтки; тогда сожгли Карасу-Базаръ, а онъ самъ едва избѣжалъ смерти. Онъ предводительствовалъ слободскими казаками, отправленными въ 1733—1734 г. въ польскій походъ. Только отецъ Григорія Ѳедоровича не занималъ уже видной должности, но, вѣроятно, потому, что въ это время прежній полковой режимъ былъ уничтоженъ и введено новое общерусское управленіе.

Квитки были связаны съ Харьковомъ и своею службою, и своимъ имѣніемъ—знаменитой *Основой*, давшей Григорію Ѳедоровичу его извѣстный псевдонимъ Основьяненка. Подгородное селеніе Основа было куплено Квитками у Донецъ-Захаржевскихъ. Квитки были соединены узами родства со многими харьковскими фамиліями. Такъ, мать Григорія Ѳедоровича происходила изъ рода Шидловскихъ, а Шидловскіе пользовались большею извѣстностью и вліяніемъ въ харьковскомъ краѣ; дѣдъ писателя Изюмскій полковникъ Ив. Гр. Квитка былъ женатъ на сестрѣ знаменитаго іерарха—епископа Бѣлгородскаго Іоасафа Горленка.

Это родство имѣло повидимому большое вліяніе на развитіе религіознаго чувства въ семьѣ Квитокъ. Впрочемъ, нужно замѣтить, что слободско-украинская казацкая старшина въ массѣ была вообще религіозна; теплое религіозное чувство она должна была вынесть (и дѣйствительно вынесла) еще изъ Заднѣпровья, гдѣ не было свободы совѣсти и гдѣ религіозныя преслѣдованія вызвали къ жизни и православныя церковныя братства, и полемическую литературу духовнаго содержанія, и школы, и типографіи, и шпитали. И всѣ эти учрежденія были перенесены выходцами изъ-за Днѣпра на ихъ новую родину—въ Слободскую Украйну. Во главѣ всѣхъ этихъ духовно-просвѣтительныхъ учрежденій стояло духовенство, не только не порвавшее связей съ народомъ, но наоборотъ крѣпко связанное съ нимъ нравственными узами и общими духовными интересами. И здѣсь, какъ въ Запорожьѣ, многіе славные воины находили себѣ „тихое пристанище" подъ конецъ жизни въ монастыряхъ; изъ выдающихся мѣстныхъ старшинскихъ фамилій выходили даже настоятели и настоятельницы такихъ монастырей; самыя обители основывались подъ часъ представителями тѣхъ же фамилій; они же были щедрыми вкладчиками въ существующіе монастыри и церкви. Школа была органически, а не искусственно, связана съ церковью: извѣстно, какъ много тогда было народныхъ школъ, въ которыхъ учителями были представители низшаго духовенства—дьячки; извѣстно, какую важную роль игралъ въ дѣлѣ распространенія просвѣщенія харьковскій коллегіумъ и его питомцы, какъ сильна была въ немъ струя свѣтскаго элемента, проявлявшаяся и въ предметахъ преподаванія, и въ составѣ учащихся (среди нихъ было не мало старшинскихъ, казацкихъ и мѣщанскихъ дѣтей). Однимъ словомъ, было свободное взаимодѣйствіе двухъ силъ, интересы которыхъ не расходились, а находились въ гармоническомъ сочетаніи: свѣтское общество подвергалось вліянію духовной среды, въ рукахъ которой находилось просвѣщеніе,—но оно въ свою очередь вліяло на духовенство: отъ него зависѣлъ выборъ приходскихъ священниковъ; оно содержало школы и братства. Вотъ на этой то почвѣ, очевидно, и развивалось у отдѣльныхъ представителей семейства

Квитокъ стремленіе къ монашеству. Родство съ Іоасафомъ Горленкомъ, само собою разумѣется, должно было еще болѣе укрѣпить въ нихъ религіозное чувство, такъ какъ епископъ Бѣлгородскій подолгу гостилъ въ Основѣ, любилъ своихъ родственниковъ и, отличаясь стремленіемъ къ благочестивой жизни, долженъ былъ оказывать вліяніе въ этомъ именно направленіи и на нихъ. И дѣйствительно, изъ фамиліи Квитокъ вышелъ цѣлый рядъ монаховъ и монахинь. Таковъ былъ Николай Ивановичъ Квитка, принявшій постриженіе въ Куряжскомъ монастырѣ въ 1752 г. Таковъ былъ дядя Григорія Ѳедоровича, Наркизъ, бывшій настоятелемъ въ томъ же монастырѣ; въ Основянской церкви доселѣ хранится его наперстный крестъ. Въ Хорошевскомъ монастырѣ двѣ настоятельницы были изъ семьи Квитокъ—Ѳеофанія и Марія; о первой въ лѣтописи Квитокъ записано: „1728 г. генваря 28 дня сестра моя Ѳеодосія приняла иноческій чинъ и наречено ей въ иночествѣ имя Ѳеофанія; постригалъ архіерей харьковскій Ефремъ Черкасскій"; о второй въ той же лѣтописи мы читаемъ слѣдующее: „Вас. Андр. Гамалѣя, умершій въ Гилянскомъ походѣ, имѣлъ въ супружествѣ дочь Харьк. полк. Гр. Сем. Квитки, Марѳу Григ., которая послѣ его смерти въ 1729 г., приняла монашество въ Хорошевскомъ монастырѣ и тамъ была нѣсколько лѣтъ игуменіей; фамилія Гамалѣевъ въ Стародубѣ; ихъ деревни в. богатыя". Наконецъ, и самъ Григорій Ѳедоровичъ Квитка, какъ извѣстно, былъ нѣсколько лѣтъ монахомъ. Религіозное усердіе мы замѣчаемъ даже у тѣхъ представителей рода Квитокъ, которые всецѣло были поглощены военными и гражданскими дѣлами; такъ, напримѣръ, полковникъ Григорій Семеновичъ Квитка создалъ первый храмъ въ своемъ селеніи Основѣ; Ѳедоръ Ивановичъ Квитка (отецъ нашего автора) построилъ вторую церковь. Говоря о людяхъ, близкихъ къ семьѣ Квитокъ и оказывавшихъ на нихъ духовное вліяніе, нельзя, конечно, умолчать о знаменитомъ украинскомъ философѣ—Григоріѣ Савичѣ Сковородѣ. Въ немъ было именно такое сочетаніе монашеско-аскетическаго и свѣтскаго элемента, какое всѣхъ удивляло въ Григоріѣ Ѳедоровичѣ Квиткѣ. Извѣстна эпиграмма на него В. Н. Каразина:

Былъ монахомъ, былъ актеромъ,
Былъ поэтомъ, былъ танцоромъ!

Григорій Савичъ Сковорода бывалъ въ домѣ Квитокъ, и его религіозно-нравственная проповѣдь должна была оказать сильное вліяніе на впечатлительную душу юноши поэта; онъ удалился въ монастырь, но не долго удержался тамъ: въ немъ проснулась любовь къ жизни, къ искусству и поэзіи. Это пробужденіе совпало и было вызвано даже, по всей вѣроятности, общимъ пробужденіемъ харьковскаго общества въ началѣ XIX ст. Такое крупное событіе, какъ основаніе университета (въ 1805 году), должно было само по себѣ уже оказать замѣтное вліяніе на всѣ стороны мѣстной жизни, въ особенности же на просвѣщеніе. Но Харьковскій университетъ былъ основанъ кромѣ того при исключительныхъ обстоятельствахъ, благодаря яркому проявленію сочувствія къ учрежденію высшаго учебнаго заведенія въ полуденной Россіи со стороны различныхъ слоевъ харьковскаго общества; сочувствіе это выразилось въ огромныхъ денежныхъ жертвахъ. Вотъ это то общественное движеніе, начатое В. Н. Каразинымъ, и захватило Г. Ѳ. Квитку; его имя мы находимъ въ числѣ немногихъ, проэктировавшихъ внести въ пользу новаго университета не 400,000 рублей, а цѣлый милліонъ. Потомъ Г. Ѳ. Квитка явился уже самостоятельнымъ руководителемъ общественной дѣятельности въ Харьковѣ въ сферѣ женскаго образованія, театра и литературы; тутъ этотъ скромный, робкій человѣкъ сдѣлалъ такъ много, какъ никто; здѣсь ярко выразились тѣ просвѣтительныя вѣянія, которыя постоянно проникали въ семью Квитокъ. Свидѣтельствомъ любви къ просвѣщенію у Квитокъ можетъ служить между прочимъ ихъ фамильная лѣтопись, которую вели различные члены этого семейства въ XVIII вѣкѣ. Изъ среды Квитокъ вышелъ также одинъ изслѣдователь южнорусской старины, стоявшій очень близко къ Григорію Ѳедоровичу Квиткѣ—Илья Ивановичъ Квитка (род. въ 1745 г.). Илья Ивановичъ былъ сынъ извѣстнаго намъ полковника Ивана Григорьевича Квитки, одного изъ авторовъ Семейной Хроники, и приходился роднымъ дядею Григорію Ѳедоровичу. Изъ статьи о немъ г. Шугурова видно, что онъ зани-

мался исторіей Малороссіи и Слободской Украйны, собиралъ для этого рукописные матеріалы и что ему принадлежитъ одинъ, а можетъ быть и два труда въ этой области—Записки о Слободскихъ полкахъ и Историческое описаніе о Малой Россіи. Интересуясь родной стариной, онъ вошелъ въ ученую переписку съ Гр. Н. Тепловымъ, Кочубеемъ и Тимковскимъ. Григорій Ѳедоровичъ Квитка стоялъ очень близко къ своему дядѣ Ильѣ Ивановичу и настолько интересовался его историческими работами, что одну изъ нихъ (Записки о Слободскихъ полкахъ) издалъ на свой счетъ. Можно предполагать, что на И. И. Квитку оказалъ вліяніе и Гр. Сав. Сковорода, и это вліяніе выразилось съ одной стороны въ занятіяхъ исторіей Малороссіи и Слободской Украйны, а съ другой—въ его религіозномъ настроеніи. „И. И. Квитка, не бывъ въ монастырѣ, жилъ въ мірѣ, какъ въ пустынѣ: ибо онъ имѣлъ у себя особенное уединенное жилище и не зналъ никуда другихъ дорогъ, кромѣ какъ къ бывшему преосвященному Павлу, у котораго онъ поучался христіанской жизни".

Таковы были общія условія, вызвавшія въ Григоріѣ Ѳедоровичѣ Квиткѣ любовь къ родной былевой и бытовой старинѣ—фамильные разсказы, преданія и записки, непосредственное знакомство въ юности съ разными историческими, дѣятелями (напримѣръ Головатымъ), вліяніе роднаго дяди; наконецъ, къ этому располагало и самое время. *Историческая эпоха* жизни была пережита краемъ; областная автономія его пала; сфера политической дѣятельности сильно съузилась; наступала пора историческихъ преданій, но преданій свѣжихъ и живыхъ; разсказы можно было слушать еще изъ устъ участниковъ и очевидцевъ прежней казацкой жизни—дѣятелей старой Гетманщины, Запорожья, Слободской Украйны. Таково, очевидно, происхожденіе историческихъ повѣстей Квитки („Головатый", „Гаркуша"); его „Татарскіе набѣги" основаны на разсказахъ старожиловъ, помнившихъ еще объ этомъ времени; „Основаніе Харькова" представляетъ литературную обработку фамильнаго преданія. „Исторія театра въ Харьковѣ" основана уже большей частью на личныхъ наблюденіяхъ. Наконецъ 3 послѣднія

статьи—о Слободскихъ полкахъ, Украинцы, городъ Харьковъ — могутъ быть названы вполнѣ историческими работами, потому что основываются главнымъ образомъ на древнихъ письменныхъ актахъ.

Мы остановимся прежде всего на тѣхъ разсказахъ Г. Ѳ. Квитки, въ основу которыхъ положены устныя преданія, разсказы и его личныя наблюденія. Большое значеніе въ составленіи ихъ имѣли острая память и живой, наблюдательный умъ Квитки. „Будучи уже шестидесятилѣтнимъ старикомъ, онъ, по словамъ Г. И. Данилевскаго, изумлялъ всѣхъ своею необыкновенною памятью, которая вызывала минувшіе годы его дѣтства и молодости, вызывала во всей свѣжести и яркости любопытнѣйшіе мемуары и историческіе разсказы. Многіе помнятъ его въ эту пору, въ темномъ стариковскомъ сюртукѣ, зеленомъ жилетѣ, галстухѣ, безъ воротничковъ, съ однимъ глазомъ, глядѣвшимъ впрочемъ на свѣтъ очень зорко, и съ большою прадѣдовскою золотою цѣпью черезъ грудь, цѣпью, съ которой связано было какое то таинственное событіе въ жизни его предковъ. Полное, круглое лицо, прибавляютъ, оживлялось среди разсказовъ, и особаго рода улыбка, свойственная только кореннымъ старосвѣтскимъ малороссамъ, дѣлала выразительныя черты его лица еще болѣе выразительными. Его устные разсказы, извѣстные до сихъ поръ въ городѣ подъ именемъ *квиткинскихъ*, занимали каждый уголъ, гдѣ только появлялся Основьяненко". Его, конечно, не могла не интересовать историческая судьба семьи, и онъ подвергнулъ литературной обработкѣ фамильное преданіе о своемъ родоначальникѣ въ особомъ произведеніи „Основаніе г. Харькова". Это семейное преданіе тѣсно связано съ тою самою прадѣдовскою золотою цѣпью, о которой мы только что упоминали со словъ Г. И. Данилевскаго. „Золотая цѣпь, говоритъ въ этой повѣсти Гр. Ѳед. Квитка, на которой, можетъ быть, отецъ Андрей носилъ гривну, потерянную Агафономъ, передавалась изъ рода въ родъ! при раздѣленіи домовъ дѣлилась на части и у одного изъ потомковъ хранится одна изъ нихъ". Григорій Ѳедоровичъ выводитъ свой родъ отъ какого то московскаго боярина Аѳанасія, который подвергся

опалѣ и отправилъ малолѣтняго сына своего Андрея въ Кіевъ съ вѣрнымъ слугою Агафономъ. Здѣсь ихъ пріютила семья нѣкоего Ясенковскаго, прозвавшая мальчика за его красоту Квиткой. Потомъ Андрей былъ принятъ въ домъ кіевскаго воеводы и, убѣжавъ съ его дочерью Масей въ московскія владѣнія, избралъ себѣ для поселенія мѣсто, названное „Основой", а подлѣ него, при помощи новыхъ переселенцевъ, устроилъ нынѣшній городъ Харьковъ. Въ историческомъ отношеніи разсказъ этотъ несостоятеленъ: Квиткѣ хотѣлось приписать основаніе города Харькова своему родоначальнику и вмѣстѣ съ тѣмъ разсказать исторію его прихода изъ Заднѣпровья; но объ этомъ отдаленномъ времени сохранилось только темное неясное преданіе, которое пришлось принять на вѣру и пополнить собственной фантазіей. Если бы даже мы изъ него и выбросили совершенно легендарныя подробности о происхожденіи и первоначальной судьбѣ Андрея Квитки то и тогда въ немъ не останется ничего достовѣрнаго. Какими данными можно доказать, что Основа древнѣе Харькова? Документальныя свидѣтельства стоятъ въ противорѣчіи съ утвержденіемъ Квитки, что основателемъ ея былъ Андрей Квитка: она принадлежала первоначально не Квиткамъ, а Донцамъ-Захаржевскимъ и пріобрѣтена была ими у него только въ 1713 году. Названіе ея мы не встрѣчаемъ въ разныхъ древнихъ актахъ XVII вѣка. Указаніе на 1646-й годъ, какъ на годъ постройки городскихъ укрѣпленій, противорѣчитъ документальнымъ даннымъ: въ дѣйствительности постройка ихъ относится уже къ 50-мъ годамъ XVII вѣка. Первый поселокъ города Харькова Григорій Ѳедоровичъ пріурочиваетъ къ мѣстности, гдѣ въ настоящее время находится „Бѣлгородская криница"; на самомъ же дѣлѣ его нужно поіурочить къ нынѣшней центральной части города, гдѣ тогда было *харьковское городище,* бывшее остаткомъ какого-то болѣе древняго укрѣпленія. Григорій Ѳедоровичъ называетъ харьковскимъ осадчимъ Андрея Квитку, а на самомъ дѣлѣ таковымъ является, какъ это видно изъ найденныхъ мною документовъ, Иванъ Каркачъ. Заслуживаютъ довѣрія въ этомъ разсказѣ только нѣкоторыя указанія общаго характера, напримѣръ, о колонизаціи

края, хотя и тутъ, какъ намъ кажется, Григорій Өедоровичъ придавалъ слишкомъ исключительное значеніе хуторамъ, какъ первоначальнымъ, по его мнѣнію, формамъ поселеній. Однимъ словомъ, данный разсказъ на нашъ взглядъ является самымъ слабымъ въ историческомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ художественномъ отношеніи; и причина заключается конечно въ томъ, что здѣсь затронутъ давній историческій моментъ, о которомъ преданіе не могло сохранить реальныхъ чертъ: первая половина XVII вѣка являлась уже слишкомъ сѣдой стариной для автора, писавшаго въ 40-хъ годахъ XIX вѣка. Инымъ характеромъ отличается другой разсказъ историко-бытоваго содержанія „Панна Сотниковна". Самъ Квитка называетъ его истиннымъ происшествіемъ. Въ основу его положено также преданіе, но только преданіе сравнительно недалекаго прошлаго. Здѣсь, какъ извѣстно, рѣчь идетъ о трагической судьбѣ дочери Тарановскаго сотника; ее хотѣлъ изнасиловать великороссіянинъ юнкеръ, но она предпочла смерть поруганію своей дѣвичьей чести и заколола себя кинжаломъ. Личность героини несомнѣнно идеализирована; идеализированы и отношенія ея родителей къ простому рядовому казачеству. Пани Сотникова, говоритъ авторъ, знала всѣ бѣдныя семейства въ Тарановкѣ и снабжала ихъ необходимымъ не только для жизни, но и въ уреченные праздники доставляла, что имъ было нужно, по ея выраженію, „для закона", не ведя ни въ чемъ счета, а только смотрѣла на крайность просившихъ. Панъ сотникъ же, хотя и ни во что домашнее не входилъ, но когда видѣлъ возвращающихся съ полученнымъ пособіемъ, то, пересмотрѣвъ данное, воротитъ казачку и скажетъ женѣ; „прикажите, душка, прибавить ей чего нибудь еще. Я знаю ихъ и видѣлъ всю ихъ нужду. Бѣдность такая, что способу нѣтъ". Бывали-ли въ дѣйствительности такіе сотники и сотнички, сказать трудно; во всякомъ случаѣ обычный распространенный типъ представляетъ полную противоположность начертанному Квиткой. При тогдашнихъ патріархальныхъ отношеніяхъ и при сходствѣ быта старшины и народа, жены сотниковъ могли дѣйствительно въ сочельникъ доставлять неимущимъ узваръ, но отъ этого до постоянной помощи бѣднымъ

было еще далеко. Впрочемъ, несмотря на эту идеализацію, и сущность разсказа, и подробности его представляются вполнѣ вѣроятными, получается впечатлѣніе, что здѣсь разсказано истинное происшествіе. Оно передавалось изъ устъ въ уста и, кромѣ того, закрѣплено было краткою записью въ фамильной лѣтописи Квитокъ. „Въ лѣтописи одной фамиліи, начальствовавшей въ слободскихъ полкахъ, пишетъ Квитка, подъ 1732 годомъ говорится: „того жъ году, декабря 28 дня, Тарановскаго сотника Мирона Петровича дочь, Прасковья Мироновна, когда хотѣли ее кондукторы згвалтовать, сколола себя ножемъ"... Въ 1732 году дѣйствительно происходила перепись Слободскихъ полковъ (лейбъ-гвардіи маіора Хрущова), о чемъ говорится и въ повѣсти (стр. 41); перепись производилась великорусскими офицерами и генералами или, какъ они иначе назывались, кондукторами. Два изъ нихъ и являются печальными героями разыгравшейся драмы. Будучи призваны къ столь важному дѣлу, какъ перепись мѣстнаго населенія, они, очевидно, свысока смотрѣли на туземцевъ, въ большинствѣ случаевъ плохо знавшихъ русскій языкъ и жившихъ по своимъ старосвѣтскимъ обычаямъ: происходило то, что впослѣдствіи повторилось въ генеральную опись Малороссіи Румянцева; при томъ они считали себя русскими дворянами, между тѣмъ какъ мѣстная казачья старшина дворянскими правами въ это время не пользовалась. Къ 1732 же году относится и армейская реформа слободскихъ полковъ кн. Шаховскаго; перепись Хрущова должна была послужить только началомъ ея. Во главѣ Слободской Украйны теперь была поставлена Канцелярія коммиссіи учрежденія слободскихъ полковъ. Подъ предсѣдательствомъ кн. Шаховскаго въ ней присутствовало два члена изъ великороссіянъ, и только въ затруднительныхъ случаяхъ призывались на совѣщаніе мѣстные полковники, которымъ прежде принадлежала высшая власть въ краѣ. Полковники получили премьеръ-майорскій чинъ. Послѣ всего этого дѣлается понятнымъ отношеніе одного изъ хрущовскихъ сотрудниковъ къ мѣстной казацкой старшинѣ. „Не я буду, говоритъ онъ своему товарищу, если не изловлю этой пташки (панны сотниковны). Будетъ помнить нашихъ. Завтра звалъ

насъ къ себѣ на имянинный пиръ какой то здѣшній *чупъ*; пойду и если *моя* будетъ тамъ, уже влюблю же въ себя, а потомъ брошу. Пусть мучится. Я не одну изъ ихъ братьи усмирялъ въ этомъ глупомъ, хохлацкомъ краю, гдѣ, правду сказать, *только и хорошаго, что вишневка до панночки*" (стр. 60). Очень вѣрно очерчены вообще подробности время препровожденія и старин-наго быта слобожанъ. Изъ фамильной лѣтописи взяты факты о постриженіи Квиткиныхъ въ монахини (стр. 38—39). И это подтверждается приведенными нами раньше документальными данными. Вѣрно описано школьное ученіе сына сотникова, со-стоявшее въ изученіи часослова, псалтыря и поздравительныхъ виршей; правдоподобенъ эпизодъ о неудачѣ новой „муштры" (стр. 50—51), при разсказѣ о поздравленіи сотника приведена вирша, скомпанованная по словамъ Квитки одимъ изъ учителей Харьковскаго Коллегіума; вирша эта написана по новому ли-тературному стилю „штатскимъ языкомъ", т. е. тѣмъ стран-нымъ литературнымъ нарѣчіемъ, которое представляетъ смѣсь русскаго съ славянскимъ и которое стало вытѣснять тогда ста-рыя вирши, написанныя по малороссійски.

На верхъ, я юный, горъ Парнаскихъ возлегаю,
Сый младъ, вселенный міръ въ мигъ я обозрѣваю,
Кипятъ и стынутъ, на что я нынѣ зрю, чувства,
Но се упалъ безъ всякаго мой духъ искусства.

Такую виршу говоритъ сотнику по словамъ Квитки питомецъ Харьковскаго Коллегіума, сынъ эсаула. И мы знаемъ, что по-добные вирши дѣйствительно сочинялись въ Коллегіумѣ, осо-бенно лицами, преподававшими въ немъ піитику. По поводу открытія Коллегіума читалась такая похвала его основателю епископу Епифанію Тихорскому, составленная нѣкіимъ Иліей Филипповичемъ:

Днесь паче Украина свѣтися малѣйша,
Иногда мала суща, нынѣ же честнѣйша.
Сицевый премудрости домъ въ себѣ имуща.
Прославляйся днесь всяко въ веселіи суща,
Восплещи нынѣ крили орле, двоеглавный,
Превозноси свой скипетръ, высокодержавній!

По складу, по общему характеру эти двѣ вирши, какъ видимъ, очень похожи другъ на друга, и можно съ большою вѣроятностью предполагать, что вирша, приведенная Квиткой, дѣйствительно была составлена въ Коллегіумѣ. Не забудемъ, что въ тогдашнемъ Коллегіумѣ обучалось много дѣтей казацкой старшины и онъ вообще не представлялъ изъ себя узкой спеціально духовной школы ни по праграммѣ преподаванія, ни по составу учащихся. Питомцы Коллегіума очень часто ѣздили „на кондиціи“ въ деревни къ казацкой старшинѣ и обучали ея дѣтей разнымъ наукамъ.

Въ текстѣ своей повѣсти Квитка приводитъ нѣсколько выдержекъ изъ лѣтописи—о выборѣ на гетманскій урядъ Даніила Апостола, о появленіи кометъ, о зимнемъ громѣ, о пожарахъ (стр. 55—57). И всѣ они теперь отыскиваются въ отрывкахъ изъ фамильныхъ записокъ Квитокъ, изданныхъ мною и П. С. Ефименкомъ [1]).

Еще болѣе историческаго элемента заключается въ повѣсти Квитки „*Татарскіе набѣги*“. Это прекрасный популярный разсказъ о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя испытывала Слободская Украйна отъ татаръ. Онъ основанъ почти исключительно на устныхъ преданіяхъ, но автору много помогло тутъ хорошее знакомство съ историческимъ прошлымъ своего края вообще и характеромъ татарскихъ нападеній въ частности. Вѣрно объяснена исторія заселенія этой мѣстности, вызванная по словамъ автора притѣсненіями православнаго южнорусскаго народа въ Заднѣпровьѣ; справедливо сказано, что и раньше когда-то этотъ край имѣлъ населеніе; прекрасно охарактеризовано богатство его естественныхъ произведеній; „земли самаго лучшаго качества, нетронутой, дѣвственной огромное пространство; лѣса лучшаго дерева непроходимые; дикіе сады, овощныхъ деревъ чрезвычайно много:

---

[1]) Тогоже (1730 г.), читаемъ мы, напримѣръ, тамъ противъ 5-го числа видны были двѣ кометы въ полунощи, одна пошла на востокъ, а другая на западъ, видомъ красны, якобъ отъ пожара; къ свѣту исчезли“; у Квитки: „въ позапрошедшемъ (1730 г.) февраля противъ 5-го числа видны были кометы отъ полунощи. Одна пошла на востокъ, а другая на западъ видомъ красныя якобы отъ пожару по снѣгу отдавалося червонымъ, отъ перваго часа ночи, а далѣе къ свѣту изчесли (стр. 55).

звѣрей даже дорогихъ, куницъ и т. п., птицъ въ изобиліи; рѣки, хотя и незначительныя, но могущія способствовать къ устроенію мельницъ, винокурень и снабжать рыбою“ (стр. 78—79). Едва ли только можно признать достовѣрной ту идилическую картину отношеній между панствомъ и подданными крестьянами, которую рисуетъ намъ Квитка. „Не одинъ простой народъ переселялся, говоритъ Квитка, но вмѣстѣ съ нимъ пришли и паны, также съ семействами, имуществомъ и крестьянами своими. А было еще и такъ, что какъ въ семействѣ старыхъ пановъ еще не было, повымирали, а оставались малолѣтнія дѣти, то крестьяне, имъ принадлежавшіе, собираясь на Слободу“, забирали съ собою и малолѣтнихъ владѣльцевъ“ своихъ, берегли, охраняли ихъ въ пути и, прибывъ на мѣсто, селясь сами, строили и для маленькихъ господъ своихъ приличные „будынки“, т. е. домъ, изъ промежду себя составляли имъ дворню, прислугу, принимали на долю помѣщиковъ своихъ землю, лѣса, гдѣ признавали за выгодное и удобнѣе, и начинали обрабатывать новое хозяйство еще безгласныхъ своихъ владѣльцевъ „(стр. 78.) Что вмѣстѣ съ простымъ народомъ переселились въ Слободскую Украйну и паны— это несомнѣнно, но чтобы крестьяне, уходившіе отъ панской неволи, добровольно закабаляли себя въ свободномъ краю, это, конечно, невѣроятно. Правда, и здѣсь очень скоро появились зависимыя отношенія (путемъ закликанія на слободы вольныхъ посполитыхъ), но они не напоминали собой той идилліи, какую намъ изображаетъ Квитка. Преувеличиваетъ роль пановъ Квитка и въ другихъ отношеніяхъ: быть можетъ, кто нибудь изъ нихъ и привезъ съ собою изъ за Днѣпра пушку (хотя едва ли съ фамильнымъ гербомъ), но не таково было, вообще говоря, происхожденіе слободско-украинскихъ „гарматъ“; полковую и сотенную старшину выбирали всѣ полчане, а не одни паны „изъ промежду себя“, какъ утверждаетъ Квитка (стр. 80).

Чрезвычайно ярко рисуетъ Квитка тревожное положеніе слобожанъ, ожидавшихъ ежедневно, ежечасно татарскихъ нападеній. Сдѣлали татары набѣгъ на село; однихъ перебили, другихъ взяли въ полонъ, немногіе спаслись... и вотъ выходитъ избѣжавшій грозы счастливецъ изъ своего убѣжища... „Все тихо,

татаръ нѣтъ, но и семейства своего не видитъ. Была жена, дѣтки малютки, престарѣлые родители; теперь, осматривая у себя повсюду, жены и слѣдовъ не отыскиваетъ, дѣточекъ также не находитъ, или если и найдетъ, такъ лучше бы и не видалъ, не зналъ бы о участи ихъ! Былъ хозяинъ достаточный, были свои лошади, нѣсколько паръ воловъ: все уведено, угнано, изъ амбаровъ, сундуковъ все вынуто, лучшее взято, ненужное, тяжелое перебито, переломано, перепорчено; окна выбиты, печь разбита, двери всѣ выломаны... Было все и всего много, жилъ въ семействѣ— черезъ два, три часа остался сирота на свѣтѣ, какъ палецъ, и голъ, и босъ, и голоденъ"... (стр. 80—81). Вѣрно указаны и тѣ оборонительныя средства, которыя употребляли поселенцы противъ татарскихъ набѣговъ. Обо всемъ этомъ ходили устные разсказы въ народѣ, и понятное дѣло, что, при извѣстной склонности малороссовъ къ юмору и насмѣшкѣ надъ самими собой, въ нихъ подъ часъ изображались и эпизоды трагикомическаго характера. Таковъ разсказъ Квитки о двухъ братьяхъ, захваченныхъ татарами, благодаря ихъ словоохотливости. Они успѣли спрятаться во время татарскаго погрома и гроза было уже миновала, но на бѣду татарину захотѣлось пить—онъ на минуту вернулся въ хату и сталъ пить изъ кадочки воду; хозяинъ, сидѣвшій на печи, не могъ будто бы воздержаться отъ обычной вѣжливости и крикнулъ: на здоровье!" Татаринъ схватилъ его арканомъ и потащилъ за собою; тогда другой братъ отозвался къ нему съ упрекомъ: „зачѣмъ было откликаться!", и его, конечно, также схватили и увели. Этотъ разсказъ на марорусскомъ языкѣ долго циркулировалъ среди населенія харьковской губ. и въ такомъ именно болѣе подробномъ изложеніи былъ напечатанъ однимъ харьковскимъ старожиломъ г. Очеретянымъ, отдѣльной книжечкой. Это, конечно, анекдотъ, напоминающій отчасти знаменитую „Очаковску биду", напечатанную П. А. Кулишомъ въ его „Зап. о Южной Руси". На стр. 85—86-й Квитка приводитъ уже совершенно невѣроятный и неостроумный анекдотъ о двухъ слобожанахъ, которые не посмѣли ослушаться приказа татарина и добровольно шли въ крымскій полонъ. Очень интересно и правдоподно изображена Квиткой судьба одной плѣн-

ницы, уведенной татарами въ крымскую неволю и освобожденной оттуда послѣ многихъ перипетій ея роднымъ братомъ. Гораздо болѣе слабыми или даже прямо ненужными являются дальнѣйшія подробности Квиткинской повѣсти, ея конецъ. Разсказъ о кладѣ представляется неудачнымъ анекдотомъ (стр. 109—116); тоже самое нужно сказать о пустой бочкѣ, напугавшей сотника, объ указѣ Бѣлгородской канцеляріи, о письмѣ умершаго казака, о харьковскомъ генералѣ „съ властью губернатора"; наконецъ, анекдотическіе разсказы о новыхъ обычаяхъ и порядкахъ, распространявшихся въ Украйнѣ, чисто механически присоединены къ повѣсти, безъ всякой нужды ее удлиняютъ и дѣлаютъ конецъ ея скучнымъ и тяжелымъ. Но первая половина разсказа написана очень интересно и заключаетъ въ себѣ много вѣрныхъ историческихъ подробностей. Онѣ находятъ себѣ оправданіе въ тѣхъ документальныхъ данныхъ, которыя изданы были гораздо позже (Преосв. Филаретомъ и мною). „Пахарь, идя за плугомъ, говоритъ Квитка, непремѣнно долженъ былъ имѣть за плечами ружье и при боку какую нибудь хоть видъ сабли" (стр. 82). А въ воеводскихъ отпискахъ мы постоянно читаемъ, чтобы всѣ, отправлявшіеся на пашню, сѣнокосъ и въ лѣсъ, имѣли съ собою пищали, луки, рогатины и бердыши, чтобы безъ оружія нигдѣ „никаковъ человѣкъ не былъ". Въ ожиданіи татарскихъ нападеній жители не жали своего хлѣба; въ 1688 году чугуевскій вѣстовщикъ доносилъ: „въ Балаклѣѣ жители ожидаютъ прихода непріятельскихъ людей; стало худое житье въ Балаклѣѣ и они пойдутъ въ разные города покиня свои дворы". Въ моемъ изслѣдованіи о колонизаціи Слободской Украины сгруппировано множество фактовъ о громадномъ вредѣ, который причиняли своими набѣгами слобожанамъ татары—и эти факты только подтверждаютъ картину, нарисованную намъ мастерскою рукою Квитки. Любопытно, что та юмористическая струйка, которую мы видимъ въ Квиткинскомъ разсказѣ, встрѣчается даже въ актахъ—такова уже природа малороссіянина, который не можетъ обойтись безъ шутки въ самомъ серьезномъ дѣлѣ. „Орда, читаемъ мы въ одномъ извѣстіи, впадала въ Изюмскій

полкъ и много шкоды зробыла, *щобъ ей поганой борщу у глаза не видати*".

Не касаемся тѣхъ повѣстей Квитки, въ которыхъ изображается современная ему харьковская жизнь, хотя и тутъ можно отмѣтить не мало чертъ историко-бытоваго характера. Замѣтимъ только, что и эти повѣсти въ настоящее время являются историческимъ матеріаломъ для характеристики всѣхъ слоевъ слободскоукраинскаго общества въ 1-й половинѣ XIX столѣтія. Такова, напримѣръ, его „Ярмарка", очень близко подходящая по своему характеру къ Семейной хроникѣ Аксакова [1]) таковы и другія его повѣсти; таковъ и „Панъ Халявскій", которому сильно вредитъ анекдотизмъ, карикатурность, но въ которомъ вѣрно схваченъ общій тонъ жизни.

„Исторія театра въ Харьковѣ" не заключаетъ уже въ себѣ ничего вымышленнаго; это—историческое сочиненіе или, правильнѣе, историческій мемуаръ, потому что онъ основанъ гл. образомъ на личныхъ воспоминаніяхъ и разсказахъ старожиловъ. Объ этомъ говоритъ самъ Квитка. „Видя съ свойственнымъ каждому жителю Харькова удовольствіемъ отстроивающійся у насъ обширный и красивый театръ, подумалъ я, что свѣдѣнія объ учрежденіи въ разныя времена здѣсь театра будутъ сколько нибудь занимательны, почему и рѣшился написать о немъ все, что знаю по наслышкѣ, что видѣлъ подростая и что узналъ по опыту, живши всегда въ Харьковѣ" (стр. 499). Не будемъ останавливаться на изложеніи содержанія этой статьи Квитки; замѣтимъ только, что она читается съ огромнымъ интересомъ и послужила источникомъ для многихъ затѣтокъ по исторіи Харьковскаго театра. Въ ней очерчена судьба его въ XVIII и самомъ началѣ XIX в. до появленія въ Харьковѣ труппы Млотковского [2]). Таковы *историкобытовые* очерки Г. Ѳ.

[1]) Разсмотрѣніе этихъ повѣстей не входитъ въ нашу задачу, и мы только замѣтимъ, что описаніе Троицкой шерстяной ярмарки Квитки (въ его разсказѣ „Ярмарка") вполнѣ подтверждается воспоминаніями В. Е. Пашкова, относящимися къ 40-мъ годамъ.

[2]) Въ настоящее время печатаются въ „Южн. Краѣ" интересные очерки по исторіи Харьковскаго театра г. Н. Ч.; на нихъ можно смотрѣть, какъ на продолженіе работы Г. Ѳ. Квитки.

Квитки; *исторически-былевымъ* характеромъ отличаются его повѣсти „Головатый“ и „Преданія о Гаркушѣ“. Разсказъ объ извѣстномъ запорожскомъ и черноморскомъ дѣятелѣ Антонѣ Головатомъ носитъ на себѣ всѣ признаки достовѣрности. Самъ Квитка сообщаетъ, что Головатый былъ друженъ съ его отцомъ, посѣщалъ его и подробно разсказывалъ ему о своихъ петербургскихъ приключеніяхъ; сына своего Головатый оставилъ въ Харьковѣ на попеченіе отца Квитки.—Дружеская переписка между ними продолжалась безостановочно.

Разсказы Квитки о подвигахъ Головатаго подтверждаются въ общемъ историческими данными; таковъ эпизодъ о взятіи Березани (во время очаковской осады); только на самомъ дѣлѣ запорожцы взяли этотъ неприступный островъ не посредствомъ хитрости, а благодаря своей отчаянной и рѣшительной храбрости. „Березань, говоритъ новѣйшій историкъ Черноморья, представляла по тому времени почти неприступный островъ, находившійся въ открытомъ морѣ, вблизи очаковскихъ береговъ. Высокій, обрывистый берегъ этого острова со стороны моря, прекрасная пропасть въ этой части острова и сильныя батареи съ юга, по отлогому берегу, доступному для нападенія со стороны суши, казалось, дѣлали невозможнымъ сколько нибудь удачный штурмъ Березани, и тѣмъ болѣе для козаковъ съ ихъ небольшими силами и гребными судами. Однако утромъ по приказанію Потемкина, казачья флотилія, подъ начальствомъ войсковаго судьи Антона Головатого, смѣло направилась на островъ со стороны суши, не смотря на сильный непріятельскій огонь съ Березани. Приближаясь, на сколько позволялъ этотъ огонь и глубина моря, къ отлогому берегу Березани, козаки сдѣлали залпъ изъ пушекъ и ружей, бросились за тѣмъ въ воду, всползли на укрѣпленный берегъ и остановили непріятельскія батареи. Рукопашная схватка заставила турокъ бросить батареи и отступить къ крѣпости, до стѣнъ которой преслѣдовали ихъ козаки.“ Вообще въ статьѣ Квитки далеко не исчерпаны военные подвиги Головатого, но за то вѣрно обрисована его роль въ возстановленіи на Тамани запорожскаго козачества, получившаго названіе „Войска вѣрныхъ Черноморскихъ козаковъ“.

Потемкинъ дѣйствительно получилъ тогда, какъ утверждаетъ Квитка, титулъ гетмана козачьихъ войскъ; при немъ дѣйствительно была конвойная команда Черноморскаго войска; онъ дѣйствительно подъ конецъ своей жизни превратился въ милостиваго батька Черноморцевъ и смерть его повергла ихъ въ большое уныніе. Черезвычайно интересный разсказъ о поѣздкѣ Головатаго съ депутаціей въ Петербургъ также вполнѣ подтверждается историческими данными: результатомъ поѣздки были двѣ грамоты (отъ 30 іюня и 1-го мая 1792 года), послужившія краеугольнымъ камнемъ автономіи Кубанскаго войска. „Надо отдать полную справедливость, говоритъ цитированный нами выше источникъ, той осторожности и тактичности, съ которою дѣйствовала козачья депутація и въ особенности ея глава—судья Антонъ Головатый. Пустивъ въ ходъ все: и знакомство съ людьми сильными, и малорусскую пѣсню, и чудачество козака малоросса, этотъ замѣчательно умный и по своему времени довольно образованный козакъ настолько успѣшно довелъ до конца порученное ему дѣло, что главнѣйшія желанія войска были занесены въ жалованныя грамоты въ подлинныхъ почти выраженіяхъ козачьей инструкціи и прошенія". Изъ Петербурга депутація привезла грамоты, новыя регаліи и подарки войску. Точно такъ обо всемъ этомъ разсказано и у Г. Ѳ. Квитки. Извѣстная пѣсня: „Ой Боже жъ нашъ, Боже мылостывый! Вродылысь мы въ свити несщастлыви!",—сочиненіе которой Квитка приписываетъ Головатому, несомнѣнно принадлежитъ этому послѣднему. Текстъ рѣчи Головатаго императрицѣ, приведенный Квиткой, подтверждается современнымъ спискомъ ея, бывшимъ у покойнаго проф. А. А. Потебни. Любопытны заключительныя слова этой рѣчи: послѣ серьезнаго, торжественнаго обращенія слѣдуетъ юмористическій конецъ: „тай годи". Это „тай годи"—совершенно въ духѣ древнихъ малорусскихъ обычаевъ: въ книгѣ судебныхъ рѣшеній полтавскаго магистрата (XVII в.) показанія свидѣтелей обыкновенно оканчиваются почти такимъ же выраженіемъ—„поты моей повисти".

„Преданія о Гаркушѣ" уже въ гораздо меньшей степени проникнуты историческимъ элементомъ: тутъ нѣтъ ни строгой

хронологіи, ни настоящихъ именъ и фамилій; это дѣйствительно преданія о громкихъ подвигахъ украинскаго разбойника Сем. Гаркуши, стяжавшаго себѣ огромную популярность въ массѣ народа; но преданія эти, отъ постоянныхъ передачъ, нѣсколько потеряли въ своей реальности и пріобрѣли характеръ литературныхъ легендъ; личность Гаркуши въ нихъ получила героическій характеръ, который на самомъ дѣлѣ былъ ей присущъ въ гораздо меньшей степени. Это обстоятельство заставило и самаго Квитку придать своему разсказу моральную тенденцію, чтобы, такъ сказать, развѣнчать народнаго героя—разбойника; съ этою цѣлью онъ вывелъ на сцену совершенно вымышленное лицо—*молодого человѣка,* въ уста котораго вложилъ обличительныя рѣчи въ опроверженіе теорій Гаркуши. Литературный элементъ произведенія проявляется и въ тѣхъ латинскихъ фразахъ, которыми уснащаетъ свою рѣчь Гаркуша.

Но въ основѣ своей, повторяю, и повѣсть о Гаркушѣ является исторической. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и самъ Квитка въ письмѣ къ Плетневу. „Прилагаю у сего статью о *Гаркушѣ.* Гаркуша именно былъ, существовалъ и съ такою цѣлью дѣйствовалъ. Вся Малороссія и теперь помнитъ его отъ нѣкоторнхъ лицъ, знавшихъ его, слышавшихъ сужденіе его, и отъ нѣкоторыхъ благодѣтельствованныхъ имъ лицъ; все это слышано и изложено въ точномъ духѣ его; городничиха, со всѣми дѣяніями своими и въ дѣйствіяхъ своихъ противъ Гаркуши, изложена по всей справедливости. По сосѣдству у насъ она купила имѣніе и хвалилась геройствомъ своимъ противъ *харцыза.* Все объясняю для того, чтобъ не подумалъ кто, что это идеальный характеръ. А что слылъ онъ во всеобщемъ мнѣніи *разбойникомъ,* то это не винитъ его. Кто могъ постигнуть цѣль его? Смотрѣли издали и судили о дѣйствіяхъ его, не входя въ намѣренія... Какова латынь въ статьѣ? Но и это все, т. е. страсть Гаркуши украшать рѣчь свою латынью, и это все истинно: молодой человѣкъ, въ концѣ, много и хорошо мыслилъ; но правильно ли я изложилъ свои мысли? Много бы обязали, если бъ все, сказанное имъ, привели бы перомъ своимъ въ стройность и дали бы силу рѣчамъ его, которыя бы дѣйстви-

тельно могли просвѣтить заблудившійся умъ самонадѣяннаго Гаркуши. Согласитесь, что въ сужденіи молодого человѣка—вся сентенція, и потому нужно бы, что бъ она была во всѣхъ частяхъ обдѣлана".

И это свидѣтельство Квитки о близости его Гаркуши къ дѣйствительному, реальному лицу подтверждается документальными данными, извлеченными изъ подлиннаго оффиціальнаго дѣла о разбойникѣ Сем. Гаркушѣ. Разбойничьи подвиги Гаркуши относятся къ 1772—1784 гг.; они засвидѣтельствованы судебнымъ слѣдствіемъ. Между прочимъ тутъ мы находимъ и эпизодъ съ городничихой, такъ подробно разсказанный Квиткой (стр. 157—163, 193—205). Мѣсто дѣйствія—г. Конотопъ (черниговской губ.). „Въ Конотопѣ въ то время славилась, говоритъ авторъ монографіи о Гаркушѣ, своими богатствами Степанида Парпуриха, бывшая теперь уже второй разъ въ замужествѣ за Конотопскимъ Городничимъ, Петромъ Базилевичемъ. Первый ея мужъ Осипъ Парпура когда то былъ первымъ купцомъ въ Конотопѣ; обозы его съ хлѣбомъ, крупой ходили въ Азовъ, на Запорожье; въ ту пору и Гаркуша не разъ заѣзжалъ къ Парпурѣ съ рыбой, солью и мѣнялся съ нимъ на хлѣбъ; тогда они были пріятелями, и Парпура часто удерживалъ Гаркушу по нѣскольку дней въ своемъ домѣ, угощая его, какъ своего друга. Это было 9 лѣтъ тому назадъ и многое измѣнилось съ того времени... Одна Степанида не измѣнилась; какъ прежде она управляла Парпурой, такъ теперь помыкала Конотопскимъ Городничимъ Петромъ Базилевичемъ". Такою изображаетъ свою Степаниду Городничиху и Квитка. Приходъ Гаркуши въ домъ городничаго у Квитки разсказанъ не такъ, какъ онъ происходилъ на самомъ дѣлѣ: у него Гаркуша явился туда переодѣтый генераломъ; на самомъ дѣлѣ онъ узналъ черезъ своихъ товарищей объ уходѣ ея слугъ на полевыя работы и, воспользовавшись этимъ, совершилъ внезапное нападеніе. Городничихѣ Гаркуша сдѣлалъ строгое внушеніе нагайкой за ея прегрѣшенія, забралъ массу серебряныхъ вещей, денегъ и благополучно ушелъ назадъ. Нѣсколько напоминаетъ дѣйствительный случай и, разсказанная Квиткой, расправа Гаркуши

съ скупымъ помѣщикомъ-хуторяниномъ, (стр. 225—230). Ей соотвѣтствуетъ эпизодъ о Холодовичѣ, у котораго Гаркуша, какъ видно изъ подлиннаго дѣла, захватилъ огромныя богатства. Въ остальныхъ разсказахъ Квитки мы не находимъ уже такого соотвѣтствія съ дѣйствительными подвигами Гаркуши, отмѣченными въ оффиціальномъ дѣлѣ. Но изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы эти разсказы были вымышленные. Во-первыхъ, на судебномъ слѣдствіи едва ли и возможно было возстановить всѣ разбойничьи наѣзды Гаркуши, а вовторыхъ, кромѣ того судебнаго дѣла о Гаркушѣ, которымъ пользовался въ библіотекѣ Кіевской Временной Коммиссіи цитированный нами авторъ, есть еще, и другое—оно хранится, сколько намъ помнится, въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ въ архивѣ Маркевича-Лукашевича. При томъ, сущность, конечно, заключается не въ полномъ соотвѣтствіи эпизодовъ съ дѣйствительностію, а въ правильномъ пониманіи характера дѣятельности Гаркуши—и въ этомъ отношеніи Квиткинскіе разсказы о его подвигахъ являются вполнѣ вѣроятными, правдоподобными. Всѣ они служатъ выраженіемъ одной самой главной черты Гаркуши, выдѣляющей его изъ многочисленной группы обыкновенныхъ разбойниковъ и позволяющей ему занять мѣсто героя въ повѣсти; это разбойникъ принципіальный, своего рода Шиллеровскій Карлъ Мооръ; ему присуща идея о народномъ благѣ и справедливости, но только онъ ее осуществляетъ незаконными средствами. Конечно, дѣйствительный Гаркуша не руководствовался въ своихъ разбояхъ исключительно принципомъ высшей справедливости (хотя и дурно понятымъ), какъ это выходитъ у Квитки; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что грабилъ онъ преимущественно такихъ богатыхъ людей, которые пользовались дурной репутаціей среди своихъ сосѣдей и крестьянъ. И это объясняется совершенно просто: самъ Гаркуша вышелъ изъ народной среды и свою юность провелъ на Запорожьѣ, гдѣ демократическія идеи пользовались широкимъ распространеніемъ; тамъ формировались въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ гайдамацкія купы, отправлявшіяся подъ начальствомъ запорожскихъ ватажковъ въ правобережную Малороссію для гра-

ѳежа *панскихъ* имѣній; незадолго передъ выступленіемъ Гаркуши на его поприще, это гайдамацкое движеніе разрѣшилось, какъ извѣстно, послѣднимъ страшнымъ взрывомъ — уманской рѣзней. Самъ Гаркуша потерялъ въ Польшѣ все свое богатство, благодаря все той же гайдамачинѣ: онъ долженъ былъ тайно пробраться черезъ кордонъ, такъ какъ послѣ уманской рѣзни въѣздъ запорожцамъ въ Польшу былъ запрещенъ, былъ настигнутъ стражею и принужденъ спасаться бѣгствомъ, оставивъ всѣ свои товары. Впослѣдствіи онъ, образовавши изъ запорожцевъ разбойничій отрядъ, пробрался въ Польшу и произвелъ два гайдамацкихъ набѣга на богатаго польскаго пана и еврея. Такимъ образомъ, Гаркуша дѣйствовалъ, очевидно, въ духѣ и согласно традиціямъ старыхъ гайдамаковъ; а въ образѣ дѣйствій этихъ послѣднихъ проявлялась не одна страсть къ грабежу, а и соціально экономическіе, и политическіе мотивы. Такіе соціально экономическіе мотивы мы находимъ и у Гаркуши; они то и сдѣлали личность его популярной въ народѣ; они то и привели къ идеализаціи ея въ народной фантазіи и поэзіи. Квитка, составившій свой разсказъ на основаніи преданій, циркулировавшихъ въ мѣстномъ обществѣ, столкнулся съ двумя взглядами—панскимъ и мужицкимъ; по первому Гаркуша былъ злодѣй, одно имя котораго приводило въ трепетъ мужчинъ и женщинъ; по другому—герой, носитель высшей правды и справедливости. И то, и другое было односторонне. И нужно отдать должное Квиткѣ, что онъ съумѣлъ разобраться тутъ и провести свой трезвый, примиряющій, вѣрный взглядъ на дѣятельность Гаркуши. Онъ не извращаетъ фактовъ; онъ рисуетъ вѣрныя сцены, близкія къ дѣйствительности; онъ и не замалчиваетъ идейной стороны поступковъ Гаркуши, но онъ подвергаетъ ее критикѣ и доказываетъ несоотвѣтствіе ея съ правомъ и нравственностью. Его Гаркуша въ концѣ концовъ самъ сознается въ своихъ заблужденіяхъ и говоритъ: „при всемъ ученіи моемъ, я ложно понялъ вещи, а предъ закономъ и въ томъ уже преступникъ, что принялся дѣйствовать самовластно“.

Изъ спеціально историческихъ статей въ собраніи его сочиненій напечатано три: 1) *О слободскихъ полкахъ,* 2) *Украинцы,*

3) *Городъ Харьковъ;* все это—этюды по исторіи Слободской Украйны. До недавняго времени Григорію Өедоровичу Квиткѣ приписывалась еще одна работа аналогичнаго содержанія, „*Записки о Слободскихъ полкахъ*", изданныя въ 1812 году въ Харьковѣ. На заглавномъ листѣ этого сочиненія не было указано имени автора, а приписывалось оно Григорію Өедоровичу со словъ проф. Рославскаго-Петровскаго, отмѣтившаго это сочиненіе въ своемъ указателѣ трудовъ, напечатанныхъ въ типографіи Имп. Харьк. университета. Проф. И. П. Сокальскій, перепечатавшій эту брошюру въ 1883 году, также считалъ ее принадлежащей перу Григорія Өедоровича; хотя отысканная имъ же архивная справка свидѣтельствуетъ, что Квитка-Основьяненко былъ только ея *издателемъ* (отдалъ рукопись въ типографію и уплатилъ деньги за напечатаніе ея). Г. Шугурову, удалось доказать (и на нашъ взглядъ совершенно убѣдительно), что авторомъ „Записокъ о Слободскихъ полкахъ" былъ не Григорій Өедоровичъ, а Илья Ивановичъ Квитка (его дядя). Но почему же Илья Ивановичъ не захотѣлъ выставить своего имени на обложкѣ сочиненія? Почему вообще онъ не хотѣлъ приписывать себѣ авторство въ этомъ трудѣ? „Всеприлежнѣйше прошу того одолженія, пишетъ онъ Тимковскому, чтобъ я удовольствіе имѣлъ видѣть труды мои изданные въ печати по слову вашему, но безъ надписанія сочинителя; и ежели вамъ угодно, то отъ вашего имени пусть будетъ сочтено оное". Намъ кажется, что тутъ могло имѣть значеніе то обстоятельство, что въ этомъ трудѣ было мало личнаго авторства И. И. Квитки. Чтобы убѣдиться въ этомъ, нужно обратить вниманіе на его содержаніе и характеръ. Это въ сущности перепечатка и сокращеніе различныхъ оффиціальныхъ документовъ по исторіи Слободской Украйны. Такихъ документовъ было нѣсколько; на первомъ планѣ нужно поставить знаменитый „Экстрактъ о Слободскихъ полкахъ"—нѣчто въ родѣ оффиціальнаго историко-статистическаго описанія харьковскаго края; затѣмъ слѣдуютъ: „Топографическое описаніе харьковскаго намѣстничества", Описаніе Слободско-Украинской губерніи 1802 г." и др. Недаромъ разсматриваемое нами сочиненіе названо „Записками о Слободскихъ полкахъ": это дѣй-

ствительно полуоффиціальная о нихъ записка. Только вступленіе отличается другимъ характеромъ: тутъ авторъ полемизируетъ съ неизвѣстнымъ составителемъ „Топографическаго описанія харьковскаго намѣстничества“, и пользуется для своихъ выводовъ свидѣтельствами Новгородской лѣтописи и Скиѳской исторіи Лызлова; въ главной же части никакихъ ссылокъ онъ уже не дѣлаетъ; въ основу изложенія здѣсь положены жалованныя грамоты слободскимъ полкамъ. Въ концѣ находится любопытная приписка: „на семъ оканчиваются записки о Слободскихъ полкахъ“; она указываетъ какъ бы на то, что вся эта главная часть была собрана кѣмъ нибудь другимъ, а не авторомъ рукописи. Этому же послѣднему принадлежитъ кромѣ предисловія еще послѣсловіе, оно состоитъ изъ трехъ отдѣловъ и отличается строго фактическимъ характеромъ; въ первомъ помѣщенъ рядъ отдѣльныхъ краткихъ замѣтокъ по исторіи слободскихъ полковъ; во второмъ—перечень всѣхъ полковниковъ; въ третьемъ—перечень всѣхъ главнѣйшихъ мѣстечекъ (сотенныхъ городовъ), находившихся на территоріи Слободской Украйны.

Таковы „Записки о Слободскихъ полкахъ“ въ ихъ полномъ составѣ. Рукопись этого сочиненія И. И. Квитка въ 1810 году передалъ для напечатанія проф. Тимковскому, но этотъ послѣдній въ 1811 г. покинулъ Харьковъ—и статья Ильи Ивановича осталась ненапечатанной; тогда то у дяди и племянника возникла мысль издать ее самимъ въ Харьковѣ въ университетской типографіи; и если мы вспомнимъ, что Илья Ивановичъ велъ совершенно монашескую жизнь, то поймемъ, почему хлопоты по изданію принялъ на себя Григорій Ѳедоровичъ. Немедленно по выходѣ въ свѣтъ своего сочиненія, Илья Ивановичъ посылаетъ его на память о себѣ Тимковскому. Такимъ образомъ, первое историческое сочиненіе о Слободской Украйнѣ, изданное въ самомъ началѣ XIX ст., по характеру своему, близко подходитъ къ „Топографическому описанію харьковскаго нам.“ и „Описанію слободско-украинской губерніи 1802“; это нѣчто среднее между лѣтописью и настоящей исторіей—та самая литературная форма, которая, какъ извѣстно, получила чрезвычайно широкое распространеніе и въ Малороссіи XVIII вѣка.

Григорій Θедоровичъ Квитка, близко стоявшій къ Ильѣ Ивановичу и издавшій его трудъ по исторіи Слободской Украйны, относился съ глубокимъ интересомъ къ прошлому своего края, но занялся спеціальными историческими розысканіями по мѣстной исторіи только подъ конецъ своей жизни. И это объясняется тѣмъ, что его, какъ писателя-художника, привлекало болѣе устное живое преданіе, чѣмъ мертвыя сухія хартіи; форма исторической (бытовой и былевой) повѣсти была для него пріятнѣе, чѣмъ строгія рамки ученой статьи.

Но вотъ въ 1838 г. возникли въ Харьковѣ „Губернскія Вѣдомости"—и Г. Θ. Квитка, постоянно интересовавшійся развитіемъ періодической прессы въ своемъ родномъ городѣ, бывшій однимъ изъ соредакторовъ „Украинскаго Вѣстника", даетъ новому органу большую ученую статью, заключающую исторію Харьковскаго края съ подробными историко-географическими свѣдѣніями о его городахъ. Статья эта не издана въ собраніи сочиненій Г. Θ. Квитки, а между тѣмъ заключаетъ въ себѣ такія свѣдѣнія, которыя не вошли въ три очерка его, помѣщенные въ „Современникѣ" и перепечатанные теперь въ 4-мъ томѣ его сочиненій. Намъ предстоитъ въ силу этого заняться сравненіемъ статьи Г. Θ. Квитки, помѣщенной въ „Х. Г. В.", съ его очерками, напечатанными въ „Современникѣ", и наконецъ опредѣлить взаимное отношеніе между его историческими работами и аналогичнымъ трудомъ Ильи Ивановича; ни того, ни другого не было сдѣлано еще въ литературѣ о Квиткѣ. Къ сожалѣнію мы принуждены пользоваться дефектнымъ экземпляромъ „Харьк. Губ. Вѣд." за 1838 годъ— въ немъ недостаетъ двухъ номеровъ, заключающихъ начало Квиткинской работы (1-го и 3-го). Во всякомъ случаѣ, судя по библіографическому указанію Г. П. Данилевскаго, можно полагать, что начало монографіи Г. Θ. Квитки, помѣщенное въ № 1-мъ подъ заглавіемъ „Краткое историческое свѣдѣніе о харьковской губерніи. *Основаніе Слободскихъ полковъ*", соотвѣтствуетъ его статьѣ „*О Слободскихъ полкахъ*", помѣщенной въ „Современникѣ"; но эта послѣдняя повидимому значительно расширена по сравненію съ его первымъ опытомъ. Второй

очеркъ „Украинцы“ заключаетъ въ себѣ еще болѣе новаго матеріала; можно даже сказать, что онъ является совершенно новымъ этюдомъ нашего автора: въ статью „Губ. Вѣд.“ онъ не вошелъ. Совсѣмъ иное заключеніе мы должны высказать относительно 3-го очерка *„Городъ Харьковъ“*: онъ представляетъ почти буквальную перепечатку того, что раньше было помѣщено въ „Х. Г. В.“ (въ №№ 3, 4, 5, 6, 7, 8, 11). Затѣмъ въ „Х. Г. В.“ слѣдуютъ историко-статистическія описанія уѣздныхъ городовъ харьковской губерніи, и эта часть труда впослѣдствіи не была переработана Квиткой ни для „Современника“, ни для иного какого либо изданія; ее бы поэтому слѣдовало перепечатать въ Собраніи Сочиненій Квитки (вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими замѣтками, не вошедшими въ 4 тома Квиткинскихъ трудовъ).

Теперь спрашивается, каково внутреннее достоинство указанныхъ нами выше историческихъ статей Г. Ѳ. Квитки? Насколько въ нихъ проявилось авторство его? Какіе источники положены были въ ихъ основаніе? На сколько достовѣрны сообщаемые Григоріемъ Ѳедоровичемъ факты и выводы?

Объ этихъ работахъ можно сказать почти то-же, что мы говорили о брошюрѣ Ильи Ивановича Квитки. Это—не изслѣдованіе, а компиляція изъ небольшого числа полуоффиціальныхъ бумагъ, очень близкая къ своимъ источникамъ по изложенію. Такъ на нихъ смотрѣлъ и самъ Квитка. Въ письмѣ къ Плетневу Квитка говоритъ: „О Слободскихъ полкахъ“ просила меня редакція „Отеч. Записокъ“. Препровождаю тетрадь къ вамъ. Такого рода статьи не есть чье либо сочиненіе, но сборъ изъ записокъ, какъ и сказано. Кажется, статья эта никуда больше и не пойдетъ, какъ къ нимъ. Изъ нея извлеченія были уже въ здѣшнихъ „Губ. Вѣд.“ Если понадобится имъ, отдайте, а цѣна на ваше произволеніе“. Гр. Ѳед. Квитка не напрасно сдѣлалъ свою оговорку относительно статьи „О Слободскихъ полкахъ“. Мы сравнили ее страница за страницей съ „Записками о Слободскихъ полкахъ“ Ильи Ивановича Квитки и пришли къ убѣжденію, что первая представляетъ компиляцію (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сокращенную) второй; при томъ компи-

ляція эта очень близко подходитъ по языку къ своему оригиналу, иногда буквально воспроизводитъ его стиль. Впрочемъ нужно замѣтить, что это относится только къ описательной части труда Г. Ѳ. Квитки; начало же и конецъ его оригинальны. Григорій Ѳедоровичъ Квитка даетъ свое собственное объясненіе исторіи заселенія Слободской Украйны, какого мы не находимъ въ трудѣ Ильи Ивановича Квитки. Послѣдній старается только опровергнуть мнѣніе тѣхъ, которые заявляли, что слобожане были старинными обитателями Кіевскаго Княжества, ушедшими въ Литву и Польшу, но ничего не говоритъ о тѣхъ причинахъ, которыя заставили ихъ удалиться подъ протекцію Московскихъ царей. Григорій же Ѳедеровичъ именно останавливается на этихъ причинахъ. „Угнетаемые жестокостью польскаго владычества въ свободномъ отправленіи вѣры и исполненіи ея обрядовъ, малороссіяне имѣли уже намѣреніе прибѣгнуть къ Русскому царю и просить объ исторгнутіи ихъ отъ чуждаго ига и принятіи въ прежнее подданство. Когда мысль сія въ націи еще зрѣла, нѣкоторые жители городовъ: Черкасъ, Зембора, Корсуня, Чигирина и другихъ разоренныхъ и болѣе угнетаемыхъ повѣтовъ въ 1646 году двинулися изъ за Днѣпра въ полуденныя земли Россійскаго государства. Они начали селиться на пустыхъ земляхъ по Бѣлогородской чертѣ. Черта сія устроена была царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, по возобновленіи Бѣлгорода, отъ р. Ворсклы до р. Дона, на 300 верстъ, по которой въ царствованіе Алексѣя Михайловича состояли или вновь построены города или лучше редуты: Болховецъ, Корновъ (очовидно, Карповъ), Хотмыжскъ, Вольный, Алешка“ и т. д. Тутъ вѣрно указана *одна* изъ причинъ переселеній и поставленъ на правильную почву вопросъ о характерѣ колонизаціи. Однимъ изъ основныхъ источниковъ послужило здѣсь Гр. Ѳед. Квиткѣ „Топографическое описаніе харьк. нам.“, если только и въ него эти свѣдѣнія не попали изъ болѣе древней рукописи—Экстракта о Слободскихъ полкахъ (въ той его пространной редакціи, которою пользовался И. И. Срезневскій въ „Историческомъ обозрѣніи гражданскаго устроенія Слободской Украины). Конецъ квиткинской статьи заключаетъ

въ себѣ краткія свѣдѣнія о дальнѣйшихъ перемѣнахъ въ устройствѣ Слободской Украйны до открытія въ 1780 году намѣстничества.

Мы сказали, что основная часть статьи Г. Ѳ. Квитки представляетъ компиляцію изъ брошюры Ильи Ивановича Квитки; но это обстоятельство отнюдь не бросаетъ тѣни на Григорія Ѳедоровича. Самъ Илья Ивановичъ Квитка, какъ намъ уже извѣстно, не претендовалъ на авторство, потому что вся его статья представляла (за исключеніемъ предисловія и приложеній) простое воспроизведеніе документовъ. Повидимому въ основу ея положенъ былъ „Экстрактъ о Слободскихъ полкахъ"— и этимъ памятникомъ могъ пользоваться и Григорій Ѳедоровичъ Квитка; его имѣлъ въ рукахъ И. И. Срезневскій, составившій свой очеркъ почти одновременно съ Гр. Ѳед. Квиткой (въ 1839 году); затѣмъ Григорій Ѳедоровичъ могъ кое что почерпнуть (и дѣйствительно почерпнулъ) и изъ своей фамильной лѣтописи (о дѣятельности своихъ предковъ).

Гораздо болѣе самостоятельными являются остальные два очерка Г. Ѳ. Квитки—„Украинцы" и „Городъ Харьковъ".

Небольшая статейка „Украинцы" заключаетъ въ себѣ краткую характеристику домашняго быта слобожанъ. Она написана съ очевиднымъ знаніемъ дѣла, по личнымъ наблюденіямъ и воспоминаніямъ, и напоминаетъ нѣсколько извѣстную работу Н. И. Костомарова „Двѣ русскія народности"; только здѣсь нѣтъ сравнительной характеристики: рѣчь идетъ объ особенностяхъ жизни и характера харьковскихъ малороссовъ. Любопытно указаніе Квитки на любовь ихъ къ грамотности и способность къ искусствамъ. Особенно обстоятельны свѣдѣнія его о старинной одеждѣ слобожанъ, и эти свѣдѣнія подтверждаются документальными данными, открытыми въ послѣднее время. Г. Ѳ. Квитка изъ числа принадлежностей древняго мужскаго казацкаго убранства называетъ—полукафтанье, черкеску съ откидными рукавами, шаровары и, наконецъ, полковничью мантію—и все это дѣйствительно было у Слободско-Украинской старшины, какъ видно изъ статьи „О старинной одеждѣ и принадлежностяхъ домашняго быта слобожанъ", основанной на

описи имущества Ахтырскаго полковника Перекрестова. Такое же соответствіе мы находимъ и относительно принадлежностей женскаго костюма (Ср. 462—463 стр. 4-го тома сочиненій Квитки и 173—174 стр. Харьк. Сборника на 1887 годъ).

Еще более интересна третья статья Квитки—о г. Харькове; она содержитъ въ себе обстоятельныя историко-статистическія сведенія объ этомъ центральномъ городе Слободской Украйны. Здесь авторъ пользовался и историческими матеріалами („Топографическаго описанія харьковскаго нам.“) и современными ему статистическими данными (1837 года), и личными наблюденіями. Очеркъ судьбы Харьковскаго коллегіума основанъ гл. образомъ на известіи „Топогр. опис.“; описаніе посещеній Харькова Высочайшими Особами—на неизвестномъ намъ источнике. Въ заключеніе своего очерка Г. Ѳ. Квитка высказываетъ справедливое предположеніе, что Харьковъ получилъ свое названіе не отъ мифическаго Харька̀, а отъ р. Харьковы. Заслуживаютъ полнаго вниманія и историко-статистическія описанія уездныхъ городовъ Харьковской Губ., помещенныя въ „Х. Г. В.“; но на нихъ мы уже останавливаться не будемъ, такъ какъ по характеру своему они напоминаютъ очеркъ г. Харькова. Не можемъ, къ сожаленію, ничего сказать и о заметкахъ Квитки, касающихся известнаго Мировича, потому что въ университетской библіотеке не оказалось той книжки Рус. Архива, где оне напечатаны.

Изъ всего изложеннаго видно, что историческія повести и статьи Квитки заключаютъ въ себе любопытный матеріалъ для исторіи южной Руси, и ихъ не долженъ игнорировать современный историкъ; для своего же времени оне представляли и интересное, и серьезное, и поучительное чтеніе. Не на нихъ, конечно, держится литературная слава Квитки, но и оне все таки поддерживаютъ ее. Оне сверхъ того пробуждали интересъ въ местномъ обществе къ его родной старине, къ его историческимъ деятелямъ, къ старинному быту—и темъ способствовали пробужденію народнаго самосознанія,—въ этомъ ихъ местное общественное значеніе. Оне же, наконецъ, знакомили съ стариннымъ южнорусскимъ бытомъ и широкую публику, читавшую „Современникъ“, „Отечественныя Записки“.

Д. И. Багалей.

Григорій Өедоровичъ Квитка, какъ малорусскій писатель, передъ судомъ критики.

Въ первой нашей статьѣ, главнымъ образомъ посвященной біографическому очерку, мы между прочимъ затронули вопросъ и объ отношеніи современной критики къ литературной дѣятельности Г. Ө. Квитки; при чемъ обращено было вниманіе на то, что большинство критическихъ отзывовъ, признавая несомнѣнный талантъ въ немъ, склонялось къ мысли о спеціальномъ призваніи его къ писательству малорусскому, и только сравнительно немногіе сожалѣли о томъ, что онъ пишетъ по-малорусски, а не на русскомъ литературномъ языкѣ. Въ настоящей статьѣ мы и намѣрены нѣсколько подробнѣе остановиться на этомъ вопросѣ о роли Г. Ө. Квитки, какъ писателя малорусскаго по преимуществу, и посмотрѣть, какъ цѣнило и цѣнитъ эту его дѣятельность потомство, долженствующее явиться судьей безпристрастнымъ.

Изъ біографическаго очерка мы видимъ, что Г. Ө. Квитка, какъ писатель малорусскій, сложился въ очень позднюю пору своей жизни, а именно—на 55-мъ году отъ роду, т. к. серьезное проявленіе его таланта въ этомъ стилѣ нужно считать съ 1833 года, когда появилась его повѣсть „Солдатскій патретъ" и нѣчто въ родѣ предисловія къ ней подъ заглавіемъ „Суплика до пана издателя" (въ альманахѣ „Утренняя Звѣзда"); Болѣе раннихъ попытокъ въ этомъ направленіи мы не считаемъ, особенно — пяти малороссійскихъ анекдотовъ, помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Европы" 1822 г. и написанныхъ смѣсью русскаго языка съ малорусскимъ. Что-же касается комедіи „Шельменко,

волостной писарь", изданной въ 1831 году тоже смѣсью русскаго языка съ малорусскимъ, а также малороссійскаго подлинника повѣсти „Ганнуся", написаной въ 1832 году, но вышедшей въ свѣтъ въ этомъ видѣ только въ 1839 г., то ихъ нужно признать подготовительными шагами къ болѣе устойчивому пути малорусскаго писательства, начавшагося очень скоро послѣ нихъ.

Доказательствомъ того, что съ 1833 года Г. Ѳ. Квитка не случайно какъ-то, а вполнѣ сознательно ступилъ на этотъ путь, является его посланіе къ издателю альманаха „Утрення Звѣзда", написанное въ тонѣ благодарности за предпринимаемое литературное дѣло вообще, а въ частности за то, что „хочешь ты тутъ же прытулыты де що и *по нашому* пысаного. За сюю выгадку ажъ трычи тоби дякую. Нехай-же знають и нашихъ! Бо е таки люде на свити, що зъ насъ кепкують и говорють, та й пышуть, буцимъ-то зъ нашихъ нихто не втне, щобъ було, якъ воны кажуть, и звычайне, и нижненьке, и розумне, и полезне; и що, стало быть, по нашому, опричъ лайки та глузування надъ дурнемъ, билшъ ничого не можно й написаты." Какъ не узнать въ этомъ журнальныхъ насмѣшекъ, которыя вчастую тогда попадались въ періодической прессѣ по вопросу о писательствѣ на малорусскомъ языкѣ! И вотъ Г. Ѳ. Квитка, давно уже подвизаясь на литературномъ полѣ, на 55-мъ году жизни, порѣшилъ не только явиться заступникомъ этого писательства, но и свой личный талантъ направилъ въ эту сторону. Какъ и почему это случилось, мы постараемся, по мѣрѣ нашего разумѣнія, разъяснить.

Хотя писательство на малорусскомъ языкѣ, повидимому, завоевало себѣ мѣсто, начиная съ появившейся въ 1798 году въ печати Энеиды И. П. Котляревскаго, пользовавшейся всякими сочувствіями; хотя вслѣдъ за этимъ мы видимъ понемногу проглядывающими въ печати мелочи малорусской письменности (въ родѣ малорус. оды Штабъ-лѣкаря Григорія Кошицъ-Квитницкаго, напечатан. въ 1807 г. въ № 9 „Вѣстн. Европы"); хотя заговорили о малорусскомъ нарѣчіи даже заграницей, а именно: въ Геттингенскихъ Вѣдомостяхъ, гдѣ была помѣщена рецензія объ Энеидѣ Котляревскаго,—однакоже, смѣло можно сказать,

что до конца 20-хъ годовъ и даже до начала 30-хъ еще не было у насъ прочно поставлено дѣло разумѣнія народной стихіи въ литературѣ. Мы не станемъ отрицать того, что были любители малорусскаго слова среди мѣстной интеллигенціи; не будемъ оспаривать и того, что среди столичной публики можно было встрѣтить лицъ, потѣшавшихся простодушнымъ украинскимъ юморомъ, мѣткими остротами, анекдодами и пр.,—но этого нельзя считать признакомъ того идейнаго признанія народной струи въ литературѣ, которое стало обнаруживаться въ русскомъ обществѣ только въ 30-е годы. Лучше всего, конечно, это можно провѣрить, прослѣдивъ за какимъ нибудь періодическимъ изданіемъ начала нынѣшняго вѣка.

Проф. Н. П. Дашкевичъ въ своемъ трудѣ „Отзывъ о сочиненіи г. Петрова: Очерки Исторіи Украинской Литературы XIX ст.“, желая доказать, что въ русской литературѣ не было исключительно враждебнаго отношенія къ малорусской письменности, но постоянно имѣло мѣсто и сочувствіе къ ней,—говоритъ, до 30-хъ годовъ однимъ изъ періодическихъ изданій, относившихся благосклонно къ украинской литературѣ, былъ журналъ московскаго профессора Каченовскаго „Вѣстникъ Европы.“ Мы имѣли случай разсмотрѣть весь этотъ журналъ отъ начала его изданія, и потому не можемъ безъ большихъ оговорокъ согласиться съ только-что приведенными словами уважаемаго изслѣдователя.

Начнемъ съ того, что въ „Вѣстникѣ Европы“ по общему вопросу о народной стихіи въ литературѣ мы находимъ однородныя мысли, и далеко не въ пользу этой стихіи, высказанныя въ разные годы изданія его. Разница въ томъ, что въ первый годъ изданія (1802 г. подъ редакц. Н. М. Карамзина) отрицался не только народный элементъ въ беллетристикѣ, но вообще провинціальный, какъ это видно изъ статьи В. В. „О русскихъ комедіяхъ“, гдѣ прямо сказано, что въ современныхъ комедіяхъ напрасно выводится жизнь провинціаловъ, а что слѣдуетъ сюжеты брать изъ столичной обстановки (Вѣстн. Евр. 1802 г., № 7, стр. 232—236). Въ 1820-мъ-же году (редакція М. Каченовского) находимъ замѣтку „Еще критика“, подписанную „Житель

Бутырской слободы", гдѣ идетъ рѣчь о старомъ поэтическомъ творчествѣ (прошлаго вѣка) въ сравненіи съ новымъ. Тутъ между прочимъ, говоря о сказкахъ и пѣсняхъ, авторъ выражается такъ: „Вамъ извѣстно, что мы отъ предковъ получили небольшое бѣдное наслѣдство литературы, т. е. сказки и пѣсни народныя. Что объ нихъ сказать? Если мы бережемъ старинныя монеты, даже самыя безобразныя, то не должны-ли тщательно хранить и остатки словесности нашихъ предковъ? Безъ всякаго сомнѣнія! Мы любимъ вспоминать все относящееся къ нашему младенчеству, къ тому счастливому времени дѣтства, когда какая-нибудь пѣсня или сказка служила намъ невинною забавой и составляла все богатство познаній, Видите сами, что я не прочь отъ собиранія и изысканія русскихъ сказокъ и пѣсенъ; но когда узналъ я, что наши словесники приняли старинныя пѣсни совсѣмъ съ другой стороны, громко закричали о величіи, плавности, силѣ, красотахъ, богатствѣ нашихъ старинныхъ пѣсенъ, начали переводить ихъ на нѣмецкій языкъ, и наконецъ такъ влюбились *въ сказки и пѣсни*, что въ стихотвореніяхъ XIX вѣка заблистали Еруспаны и Бовы на новый манеръ,—то я вамъ слуга покорный!"... Кажется, въ приведенныхъ словахъ мысль и тонъ совершенно опредѣленныя! Но продолжимъ нашу выписку. Переходя далѣе къ только-что появившимся въ „Сынѣ Отечества" отрывкамъ изъ „Руслана и Людмилы" *неизвѣстнаго пиіта*" и удивляясь пріему такого творчества, авторъ восклицаетъ: „Но увольте меня отъ подробнаго описанія и позвольте спросить: если-бы въ Московское благородное собраніе какъ-нибудь втерся (предполагаю невозможное возможнымъ) гость съ бородою, въ армякѣ, въ лаптяхъ и закричалъ-бы зычнымъ голосомъ „здорово ребята!"—Неужели-бы стали такимъ проказникомъ любоваться? Бога ради, позвольте мнѣ старику сказать публикѣ посредствомъ Вашего журнала, чтобы она каждый разъ жмурила глаза при появленіи подобныхъ странностей. Зачѣмъ допускать, чтобы плоскія шутки старины снова появлялись между нами?" (Вѣстн. Евр. 1820 г., № 11, стр. 217—220). Понятно, что разъ проводитъ журналъ идею, такъ-сказать, *фрачной* литературы, то какъ онъ можетъ относиться къ малорусской

письменности, видя въ ней во всякомъ случаѣ *мужицкій костюмъ* Согласно высказаннымъ положеніямъ, журналъ только и относится сочувственно къ этнографическимъ матеріаламъ (пѣснямъ-особенно), которые поэтому и находили себѣ мѣсто въ эти-же годы на его страницахъ, то въ формѣ изслѣдованій, замѣтокъ, мелочныхъ справокъ, то въ сыромъ видѣ, какъ напр: въ 1818 г. (№ 21) помѣщены „Двѣ народныя пѣсни Славянъ Чермной Руси" съ предисловіемъ, какъ отъ редакціи, такъ и со словъ Dziennik'a Wilensk'аго, очень сочувственнымъ къ собиранію пѣсенъ и вообще этнографическихъ матеріаловъ. Но когда пришлось „Вѣстнику Европы" въ 1807 году (редакторство тоже М. Каченовскаго) помѣстить „Оду, сочиненную на малороссійскомъ нарѣчіи по случаю временнаго ополченія" Кошецъ-Квитницкимъ (а какъ было не помѣстить ея въ виду патріотическаго тона?), то М. Каченовскій въ примѣчаніи извиняется за этотъ поступокъ, словно за какое-то прегрѣшеніе: „Просимъ извиненія у нѣкоторыхъ читателей, что пять страницъ отнимаемъ у нихъ, желая угодить малороссіянамъ. Издателю извѣстно, что многіе жители Малороссіи и Украйны охотно читаютъ „Вѣстникъ Европы" (1807 г., № 9, стр. 39).

До сихъ поръ мною были указаны только косвенныя улики не совсѣмъ дружелюбнаго отношенія „Вѣстникъ Европы" къ малорусскому писательству; а вотъ впереди неоспоримый фактъ, такъ-какъ онъ касается самаго существа дѣла.

Какъ было сказано выше, Энеида И. П. Котляревскаго вызвало рецензію въ Геттингенскихъ Вѣдомостяхъ, гдѣ рецензентъ не могъ надивиться тому, что къ концу Энеиды приложенъ былъ довольно пространный реестръ словъ малороссійскихъ, которыя очень несходны съ великорусскими; онъ не могъ себѣ представить, чтобы нарѣчіе до такой степени было отлично отъ своего языка. По этому поводу проф. Краковскаго университета Бандтке помѣстилъ въ Варшавскомъ журналѣ статью „Замѣчанія и языкахъ Богемскомъ, Польскомъ и нынѣшнемъ Россійскомъ", гдѣ, между прочимъ говоря о неправильномъ пониманіи иностранцами цѣлостности русскаго языка, онъ разъясняетъ, что „языкъ малороссійскій, какъ не уступающій въ старшинствѣ

великороссійскому, не можетъ быть нарѣчіемъ сего послѣдняго". Разсуждая далѣе на тему о правахъ языковъ, Бандтке заканчиваетъ такъ: „Изящность и совершенство одного языка не вредитъ таковымъ-же достоинствамъ другого. Богемскій, Польскій и нынѣшній Россійскій могутъ процвѣтать каждый особенно, могутъ даже сообщать одинъ другому не только минутный блескъ, но и постоянное сіяніе, и дай Боже, чтобы и малороссійскій языкъ сталъ въ ряду ученыхъ славянскихъ языковъ". „Вѣстникъ Европы" 1815 г. (редакція того же П. Каченовскаго), помѣстивъ въ переводѣ эту статью Бандтке, снабдилъ ее своими примѣчаніями, совершенно опредѣленнаго характера. Такъ, по поводу послѣднихъ словъ, есть въ журналѣ слѣдующая выноска редактора: „Г. Бандтке предполагаетъ въ малороссійскомъ языкѣ, повидимому, богатую литературу; между тѣмъ какъ онъ никогда не былъ подведенъ подъ грамматическія правила и при нынѣшнемъ своемъ состояніи способенъ только къ шуточнымъ сочиненіямъ, какова Энеида или двѣ-три извѣстныя оды. Великороссійскій языкъ, на которомъ написаны уже многія тысячи книгъ разнаго званія, еще далекъ отъ совершенства; когда-же догонитъ его малороссійскій почти съ одною своею Энеидою, и къ чему-бы послужило его возвышеніе на степень ученаго языка, сопряженное съ непреодолимыми трудностями"? (Вѣстн. Евр. 1815 г. № 22, стр. 123).

Вотъ каковы были воззрѣнія на малорусскую литературу въ первую четверть нашего вѣка одного изъ компетентнѣйшихъ въ то время журналовъ! И таковы-же можно смѣло сказать— были воззрѣнія большинства тогдашняго культурнаго русскаго общества. Однако время и труды постепенно подвигали впередъ дѣло народоизученія, а рядомъ съ этимъ—и любви и уваженія къ народу и народнымъ стихіямъ. Нѣтъ надобности указывать тѣхъ работъ по народоизученію, которыя появились къ началу 30-хъ годовъ какъ въ малорусской, такъ и великорусской этнографической наукѣ; скажемъ только что малорусскіе этнографы несомнѣнно опередили великорусскихъ, а въ зависимости отъ этого раньше выступила на широкую дорогу и этнографическая малорусская беллетристика. Уже въ 1827 году тотъ-же Вѣст-

никъ Европы подъ редакторствомъ того-же М. Каченовскаго печатаетъ малороссійскую балладу „Твардовскій" П. Гулака-Артемовскаго съ предисловіемъ отъ редакціи (№ 6, стр. 116—129), другую балладу его-же „Рыбакъ" съ очень сочувственнымъ предисловіемъ редактора, сказки его-же „Батько та сынъ", „Рыбочка", „Двѣ оды Гораціевы до Пархана" (№ 22, стр. 130—135). Интересно сопоставить съ выписками, сдѣланными раньше, слѣдующія строки изъ предисловія къ „Рыбаку": „Несговорчивыхъ мудрено переувѣрить; но для другихъ мы сошлемся на Аллеманскія стихотворенія покойнаго Гебеля, съ любопытствомъ и наслажденіемъ читаемыя во всѣхъ государствахъ Германіи, частію напечатанныя и у насъ, рядомъ съ нѣкоторыми изъ прекрасныхъ переводовъ В. А. Жуковскаго. Кажется, позволено просить снисхожденія къ нарѣчію многочисленныхъ однородцевъ, соотечественниковъ и согражданъ нашихъ, снисхожденія, подобнаго тому, какое оказываютъ нѣмцы къ остаткамъ языка, уцѣлѣвшимъ въ одномъ уголкѣ Швабіи".

И вотъ, съ конца 20-хъ годовъ начинаетъ все опредѣленнѣе заявлять себя въ литературѣ [1]) направленіе украинское, особенно въ Харьковѣ, гдѣ такъ удачно сплотились къ тому времени молодые таланты, какъ въ области науки, такъ и въ области литературы. Среди-то всей этой обстановки литературной вообще, среди этихъ молодыхъ силъ, очутился въ Харьковѣ уже почти старикомъ (свыше 50 лѣтъ отъ роду) Григорій Ѳедоровичъ Квитка, который своей прирожденной мягкой душой, своимъ несомнѣнно сильнымъ талантомъ и своей незаглохшей національной стрункой почувствовалъ новое—и очень симпатичное ему—теченіе и присталъ къ этому новому поколѣнію, да такъ присталъ, что сейчасъ-же явился какъ-бы вожакомъ его, такъ что И. И. Срезневскій въ некрологѣ Квитки называетъ его *„первымъ нашимъ народнымъ писателемъ"* (Приб. къ Хар. Губ. Вѣд. 1843 г., № 33). Недавній сотрудникъ Вѣстника Ев-

---

[1]) Мы не сомнѣваемся въ томъ, что время обнаружитъ еще не мало украинскихъ піесъ этого періода, пока пребывающихъ въ рукописяхъ. Такъ, у насъ имѣется рукопись—къ сожалѣнію безъ начала—какой-то стихотворной поэмы „Полтава", которою мы подѣлимся вскорѣ съ читателями.

ропы, Г. Ѳ. Квитка въ своей піескѣ „Суплика до пана издателя“, какъ мы видѣли уже изъ приведенной выше выдержки, оказывается какъ-бы непосредственно возражающимъ мыслямъ этого журнала („стало быть, по нашому, опричъ лайки та глузування надъ дурнемъ, бильшъ ничòго не можно й напысаты!“) и тутъ-же указывающимъ на писанія Гулака-Артемовскаго, на „Полтаву“ Гребенки (переводъ поэмы Пушкина, тогда еще не-выпущенный въ свѣтъ); „та е й дрỳги-прòчи, що на стыхахъ—на стыхахъ, а то таки й просто розмовою пышуть“—добавляетъ онъ.

Вотъ этимъ историческимъ ходомъ событій, по нашему мнѣнію, надо объяснить причину поздняго выступленія Г. Ѳ. Квитки на поле малороссійской словесности, а отсюда вытекаетъ и исходная точка для общественной критики его, къ чему мы теперь мы и обратимся.

Въ первой нашей статьѣ мы привели нѣсколько разнородныхъ отзывовъ о литературныхъ заслугахъ Г. Ѳ. Квитки, отзывовъ, принадлежавшихъ его современникамъ и касавшихся всей его литературной дѣятельности. Теперь въ дополненіе мы коснемся только тѣхъ критиковъ, которые говорили о немъ, какъ о писателѣ малорусскомъ, при чемъ не станемъ останавливаться на подробномъ изложеніи ихъ мыслей, а только отмѣтимъ болѣе выдающіяся мнѣнія, не касающіяся разбора тѣхъ или иныхъ его піесъ, а обращающія вниманіе на разумѣніе основной идеи въ его литературномъ творчествѣ.

На первую очередь считаю нужнымъ поставить мнѣнія тѣхъ двухъ младшихъ современниковъ Г. Ѳ. Квитки, имена которыхъ говорятъ сами за себя въ вопросѣ о компетентности сужденій, касающихся народной стихіи въ литературѣ... имена эти—И. И. Срезневскій и В. Даль (Луганскій).

И. И. Срезневскій, признавая въ немъ талантъ остроумнаго разскащика, наблюдательность, вообще все то, что дѣлаетъ человѣка выдающимся писателемъ,—въ некрологѣ по поводу смерти Квитки прямо заявляетъ свое основное мнѣніе о немъ, опираясь не на эти качества. „Худо бы оцѣнилъ его литера-

турныя заслуги тотъ, кто бы видѣлъ въ немъ остроумнаго разсказщика, наблюдателя. Какъ ни глубоко онъ зналъ общество, какъ ни живо его описывалъ, какъ ни сильно дѣйствовалъ на него; но заслуги его, какъ писателя народнаго, какъ народнаго учителя, несравненно дороже: онѣ-то истинная слава его. Отчетливо понималъ онъ, какъ необходимо говорить народу его живымъ языкомъ, искреннимъ и простодушнымъ, безъ всякихъ вычуръ требованій моды, чтобы пробудить въ немъ охоту читать и учиться и любовію къ книгѣ—сознаніе душевное. Все, что написано Квиткою-Основьяненкомъ на нарѣчіи нашего края, свидѣтельствуетъ его благородное стремленіе—наставлять тѣхъ, на которыхъ дѣйствовать можетъ языкъ человѣческій только въ той формѣ, къ какой они привыкли съ дѣтства въ своемъ простомъ сельскомъ быту" [1]).

Если-бы эти строки относились исключительно къ попыткамъ Г. Ѳ. Квитки писать брошюры для народа (Лысты до любезныхъ землякивъ, Краткая священная исторія), тогда мысль была-бы намъ вполнѣ понятна; но, какъ видимъ, И. Срезневскій хотѣлъ все написанное Квиткою по-малорусски подвести подъ эту идею народной литературы. Безспорно—это преувеличено: если и въ наши дни мы, положа руку на сердце, можемъ сказать, что въ средѣ народа мало знаютъ нашихъ писателей, несмотря на многочисленныя къ тому попытки, то какъ-же допустить мысль, что во времена Квитки народъ читалъ его повѣсти, при почти полномъ отсутствіи грамотности—разъ, и при дороговизнѣ тогдашнихъ изданій—два. Понятно, поэтому, что мы должны въ этомъ отзывѣ И. Срезневскаго сдѣлать большую поправку, въ смыслѣ признанія за Г. Ѳ. Квиткою заслугъ народнаго писателя, желавшаго беллетрической разработкою бытовыхъ темъ своего народа вліять на души мѣстной украинской интеллигенціи, пробуждая въ ней сознаніе величія народныхъ основъ жизни и ослабляя тотъ рабски-крѣпостническій духъ, который всюду царилъ тогда въ помѣщичьей средѣ.

---

[1]) Прибавл. къ Харьк. Губ. Вѣд. 1843 г., № 33.

Намъ кажется, что вѣрнѣе понялъ и лучше оцѣнилъ эту сторону дѣятельности Г. Ѳ. Квитки другой его младшій собратъ по перу, В. Даль-Луганскій. Основныя воззрѣнія В. Даля на начала народности въ жизни, въ наукѣ и въ литературѣ, конечно, извѣстны читателямъ, и потому мы, не будемъ останавливаться на нихъ, а въ видѣ справки укажемъ на огромный трудъ А. Н. Пыпина „Исторія Русской Этнографіи", гдѣ прекрасно охарактеризована эта личность. Мы же непосредственно обратимся къ тѣмъ мѣстамъ изъ критическихъ статей В. Даля о Квиткѣ-Основьяненкѣ, въ которыхъ онъ высказывается по этому общему вопросу. Разбирая очень подробно комедію Квитки „Сватанье"[1]), и указывая, что авторъ съ неподражаемой естественностью избражаетъ украинскаго простолюдина, В. Даль въ концѣ статьи затрогиваетъ вопросъ о различіи между *народною* и *простонародною* словесностью. „Первая—говоритъ онъ—можетъ относиться къ духу, обычаямъ, жизни всѣхъ званій и состояній одного и того-же народа; вторая—собственно къ житейскому быту, жизни духовной и тѣлесной простолюдина".... „Письменныя произведенія Основьяненка—продолжаетъ онъ далѣе—принадлежатъ безспорно къ самымъ вѣрнымъ, яркимъ и цвѣтистымъ картинамъ быта простолюдиновъ той части нашего огромнаго отечества, гдѣ живетъ и пишетъ сочинитель". И вотъ, опредѣливъ такъ достоинства произведеній Квитки, какъ образцы *простонародной* словесности, В. Даль не считаетъ, что эти произведенія написаны для народа, а говоритъ только: „кто понялъ душою, что такое народность, тому и *простонародное*, какъ коренная, основная и большая часть цѣлаго, будетъ и любо, и мило, и дорого". Однимъ-же изъ главныхъ достоинствъ простонародной словесности онъ считаетъ *языкъ*, и по этому поводу очень опредѣлено высказываетъ свое мнѣніе въ другой критической статьѣ о повѣстяхъ Квитки[2]): „Не прихоть Основьяненка заставила его бесѣдовать съ нами по своему, а необходимость; нельзя по-русски высказать все это съ сохраненіемъ

---

[1]) Литературн. Прибавл. къ Русск. Инвалиду 1837 г., № 39.
[2]) Литературн. Прибавл. къ Русск. Инвалиду 1837 г., № 52.

вполнѣ цвѣтовъ и красокъ нашего подлинника, непереводимаго ни на какой языкъ, какъ все самородное, первобытное, подлинное".

И такъ, мы видимъ, что и И. Срезневскій, и В. Даль сходятся оба въ признаніи важной заслуги Г. Ѳ. Квитки, какъ писателя спеціально малорускаго, и только разнятся другъ отъ друга нѣкоторыми частностями въ опредѣленіи роли и назначенія самого писательства, при чемъ, какъ кажется, роль эта точнѣе указывается толкованіями В. Даля, а у И. Срезневскаго болѣе проглядываетъ желаніе идеализировать ее.

Минуя цѣлый рядъ отзывовъ, принадлежащихъ другимъ, не менѣе компетентнымъ именамъ (Н. И. Костомаровъ и О. М. Бодянскій), мы переходимъ теперь непосредственно къ уясненію взглядовъ на Квитку П. А. Кулиша, имѣя на то особыя основанія, съ которыми, надѣемся, согласятся наши читатели.

Дѣло въ томъ, что мнѣнія П. А. Кулиша объ украинской словесности (не принимая, конечно, въ разсчетъ всѣхъ его писаній со времени появленія въ свѣтъ „Исторіи возсоединенія Руси") въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ были заявлены имъ, какъ извѣстно, конечно, читателямъ, нѣсколько въ своеобразной формѣ. Почему-то обрушившись съ укорами на первыхъ начинателей украинской словесности нынѣшняго вѣка, и особенно на И. П. Котляревскаго, П. А. Кулишъ признавалъ, что только Г. Ѳ. Квитка-Основьяненко ступилъ на надлежащій путь и, въ виду этого, превозносилъ до небесъ и заслуги этого автора и въ частности достоинства его піесъ. Желающихъ подробнѣе вспомнить это отсылаемъ къ книжечкѣ П. А. Кулиша „Слово на новый выхидъ Квитчиныхъ повистей" (Спб. 1858 г.), а особенно къ альманаху „Хатѣ", изданному имъ въ 1860 году, гдѣ въ „Переднемъ словѣ до громады" развитъ его „Поглядъ на украинську словеснисть", а сами обратимся пока къ другому матеріалу.

Напомнимъ читателямъ, что въ статьѣ нашей „Къ пятидесятилѣтію со дня смерти И. П. Котляревскаго" (Кіев. Стар. 1888 г., № 11) мы отчасти касались уже этихъ воззрѣній П. А. Кулиша и въ противоположность имъ напечатали выдержку изъ рукописной статьи М. А. Максимовича (неоконченной и

даже существующей только въ набросках), готовившейся имъ для полемики съ П. А. Кулишемъ. Очевидно, что изъ этихъ набросковъ впослѣдствіи составлена была имъ другая тоже полемическая статья „Оборона украинскихъ повѣстей Гоголя“. Изъ напечатанной нами выдержки видно, что М. А. Максимовичъ не согласенъ съ тѣмъ умаленіемъ литературной заслуги И. П. Котляревскаго, до какого доходилъ П. А. Кулишъ. Само собою разумѣется, что М. А. Максимовичъ, въ виду этого долженъ былъ, говоря о Г. Ө. Квиткѣ, нѣсколько какъ-бы сдерживать преувеличенія П. А. Кулиша, и потому высказалъ свой взглядъ на Г. Ө. Квитку, могущій съ перваго раза показаться недоброжелательнымъ; но если вдуматься въ написанное, то мысль эта отойдетъ далеко. Мы воспользуемся теперь случаемъ и напечатаемъ изъ этой неоконченной статьи М. А. Максимовича все относящееся къ его взглядамъ на Г. Ө. Квитку и этимъ, думается намъ, во 1-хъ, охарактеризуемъ мнѣнія о немъ двухъ видныхъ дѣятелей на нивѣ нашего просвѣщенія, во 2-хъ, мелькомъ познакомимъ читателей словами М. А. Максимовича съ мнѣніями Н. И. Костомарова и О. М. Бодянскаго, и въ 3-хъ, предоставимъ возможность прочесть еще нѣсколько страничекъ, вылившихся изъ подъ пера одного изъ корифеевъ нашей науки.

Въ этихъ рукописныхъ набросках сохранилась цѣльная глава, которая, какъ-бы приготовлялась въ видѣ продолженія „Обороны украинскихъ повѣстей Гоголя“, т. к. носитъ тоже заглавіе и затѣмъ частное „Трезвонъ о Квиткиной Марусѣ“. Вотъ эту главу мы и напечатаемъ прежде всего цѣликомъ.

Трезвонъ о Квиткиной Марусѣ.

Мы заглянули въ Квиткины повѣсти, по приглашенію г. Кулиша, и нашли въ нихъ ясную улику его этнографической критикѣ—въ столь-же чрезмѣрномъ и несправедливомъ пристрастіи къ Квиткѣ, какъ чрезмѣрно и несправедливо нынѣшнее предубѣжденіе его противъ Гоголя. Посмотримъ еще на величаніе Квиткиной повѣсти *Марусти*, превозносимой г. Кулишемъ выше всѣхъ повѣстей, являвшихся въ литературномъ мірѣ.

Въ „Переднемъ Словѣ до Громады", (въ *Хатѣ* 1860 года) сказано: „Охотнѣйше почали наши хлопята слухати бурлацьке юродство Котляревськаго, а нёжъ чепурхувату Карамзинщину. Якъ-же появивъ Квитка на свѣтъ свою *Марусю,* то вже хиба щири паненята—таки, що й няньки́ були въ нихъ Нѣмкени—одъ неи одверталися. Що вже тамъ ни друковано (*печатано*) по столицяхъ—ничѣмъ такъ нашому брату не догóжено. Те мы читали *смакуючи*, а Марусю *плачучи*; такъ тутъ уже хоть и не кажи, що намъ роднѣйше" (с. VIII).

Отъ чего же: *хоть и не кажи*? Развѣ Квиткина Маруся отъ того намъ *роднѣе,* что мы ее читали *плачучи?* Много слезъ было пролито и въ Малороссіи—отъ чувствительныхъ повѣстей Карамзина, отъ разныхъ трогательныхъ сценъ изъ Театра Коцебу; но черезъ эти наши слезы—ни Карамзинщина, ни Коцебятина, не сдѣлались намъ *роднѣе* нашей смѣхотворной Котляревщины, которую и теперь еще помнятъ наизусть старосвѣтскіе Украинцы и даже Украинки. Квиткина *Маруся* такъ прекрасна, что не съ чего было отвертаться отъ нея и самымъ благовоспитаннымъ Малороссіянкамъ: имъ-то собственно и читать ее, *смакуючи* и *плачучи.* Но я не знаю никого кромѣ г. Кулиша, кому бы эта Квиткина повѣсть казалась лучше всего, что напечатано въ *столицахъ!*

Въ томъ же „Переднемъ Словѣ" сказано: „Добрежъ, и ёи (т. е. *Марусю*) земляки привѣтали! Дяковавъ (т. е. *благодарилъ*) Квитцѣ не одинъ панъ по пріятельски, що вонъ скомпоновавъ книжку понятну для ихъ лакеевъ. Той чистый, сельскій кринъ, той высокій поэтичный образъ нашои юности яснои, любя́чои, здався имъ, якъ то кажуть, *тривьяльнымъ*; бо про Квитку задзвонено только въ сельски дозвоны; городамъ и журналамъ було про его байдуже" (с. XIX).

Во первыхъ: зачѣмъ же ставить передъ громадою на первомъ планѣ только тѣ *пріятельскія* остроты, которыми дразнили Квитку нѣкоторые харьковскіе сверстники его, по старой памяти о похожденіяхъ его коловратной молодости и о тѣхъ литературныхъ проказахъ, въ которыхъ онъ упражнялся съ *1816* года? Вѣдь были же другіе земляки, которые говорили

ему, что для него не нужно другой эпитафіи: „Онъ написалъ Марусю!“ Притомъ же *Маруся* вышла въ свѣтъ не въ одиночку: передъ нею *Салдацькій Партретъ*, за нею *Мертвецькій Великдень*; а въ этихъ двухъ смѣхотворныхъ разсказахъ *нѣкоторыя мѣста* весьма могли для многихъ читателей показаться *тривъяльными*, когда и самъ г. Кулишъ, въ Эпилогѣ своемъ, указываетъ на тѣ нѣкоторыя мѣста—какъ на „безобразныя каррикатуры дѣйствительности“; когда онъ въ своемъ изданіи этихъ повѣстей пробовалъ закрашивать своими *примѣчаніями* нѣкоторыя слишкомъ рѣзкія черты авторовой кисти. Но прекрасный образъ *Маруси*—кому же могъ показаться *тривъяльнымъ?* За что взводить эту напраслину на Квиткиныхъ одноземцевъ?...

Во-вторыхъ: на что было говорить передъ громадою, будто про Квитку зазвонено только въ сельскіе колокола, а городамъ и журналамъ не было до него и нужды? Вѣдь это сущая небылица! Извѣстно всякому, какъ нескоро и теперь распространяются новыя книги по малороссійскимъ селамъ; а за четверть вѣка это происходило еще медленнѣе. Самъ г. Кулишъ свидѣтельствуетъ о томъ въ своей критикѣ, говоря: „*Библіотека для Чтенія* явилась позже *Вечеровъ на Хуторѣ*, но въ Украинѣ, въ нашемъ малокнижномъ затишьѣ, въ одно время съ ними“. То есть не въ Украинѣ, а въ Новгорвдъ-Сѣверской сторонѣ, г. Кулишъ узналъ Вечера на Хуторѣ черезъ *три года* по выходѣ ихъ въ свѣтъ. Первый томъ Квиткиныхъ *Малороссійскихъ Повѣстей* вышелъ въ Москвѣ, изъ типографіи Лазаревыхъ, *осенью 1834 г.*,—и черезъ нѣсколько-же недѣль, въ журналѣ Московскаго Университета (въ *Ноябрской* книжкѣ *Ученыхъ Записокъ*) явился разборъ этихъ повѣстей, написанный землякомъ нашимъ *І. Мастакомъ* (псевдонимъ О. М. Бодянскаго). Отчетливо изложилъ онъ свое мнѣніе о достоинствахъ и недостаткахъ этихъ трехъ повѣстей, и воздалъ Квиткѣ достойную хвалу, какъ первому *прозаику* въ новой словесности Малороссійской. И такъ первый журнальный благовѣстъ о Квиткиныхъ повѣстяхъ былъ изъ *Москвы*; а вслѣдъ затѣмъ зазвенѣла слава объ нихъ въ Кіевѣ, въ Харьковѣ и по другимъ городамъ. Къ чему

же и эти жалобы г. Кулиша передъ громадою на журнальныя насмѣшки надъ Квиткою? Гораздо прежде тѣхъ насмѣшекъ журнальнаго смѣхотворца Брамбеуса было Квиткѣ великое вниманіе и отъ журналовъ петербургскихъ, начиная съ *Современника*, помѣстившаго въ 1837 году его *Солдатскій Портретъ* въ русскомъ переводѣ г. Даля.

Квитка былъ уже на верху своей литературной славы, когда въ *Малороссійской* Словесности явился достопамятный Шевченко, съ своимъ *Кобзаремъ* 1840 года. Передъ этимъ новымъ пѣвцомъ Украины, всѣ малороссійскіе стихотворцы, возникшіе вмѣстѣ съ Квиткою—Гребенка, Матерынка, Забѣла, Тополя, Могила, Галка и прочіе, остались назади, какъ poetae minores. Не говорю о нашей Заднѣстровской братіи того времени—Лѣвицкомъ, Вагилевичѣ, Устіановичѣ, Шашкевичѣ, Могильницкомъ... Запѣвы юной *Червонорусской* Музы [1]) были слабы въ сравненіи съ хоромъ вышепомянутыхъ пѣвцовъ Малороссійскихъ.

Очарованный Квиткиною *Марусею* г. Кулишъ обращаетъ въ ея пользу даже посланіе Шевченка до *Основьяненка,* продолжая свое „Передне Слово" такъ: „А про те, знайшлися люде, котори прôсту селючку Марусю, якъ рôдну сестру, до серця пригорнули; и самъ Шевченко, объявившись мірови *Кобзаремъ* своимъ, напечатавъ до Квитки величню, голосну оду [2]).

Чи такъ, батьку отамане,
Чи правду спѣваю?

пытався въ его нашъ кобзарь, и перве мѣсце оддавъ передъ себѣ автору Маруси, заохочуючи его до новыхъ творôвъ:

Утни, батьку, щобъ нехотя
На ввесь свѣтъ почули!

Въ его повѣстяхъ-поэмахъ знаходивъ нашъ кобзарь на чужой сторонѣ Украину зо всѣми ёи вѣчными дивами" (с. XIX).

---

[1]) См. мою статью „О стихотвореніяхъ Червонорусскихъ"—въ *Кіевлянинѣ*, кн. 2, 1841 г.

[2]) Зачѣмъ называть *одою* это посланіе, когда въ немъ нѣтъ того, что составляетъ отличіе *оды* отъ прочихъ лирическихъ стихотвореній.

Здѣсь для умноженія Квиткиной хвалы г. Кулишъ далъ несвойственный толкъ даже знаменитому посланію. Шевченко написалъ это посланіе къ Квиткѣ, будучи воодушевленъ совсѣмъ не Марусею и не другими его малороссійскими повѣстями. онъ воодушевился историческимъ очеркомъ Запорожца *Головатаго*, который написанъ былъ Квиткою по-русски и напечатанъ 1839 года въ *Отечественныхъ Запискахъ*.

Бьютъ порогы, мѣсяцъ сходить,
Якъ и перше сходивъ;
Нема Сѣчи; пропавъ и той,
Хто всѣмъ верховодивъ...

т. е. *Потемкинъ*. А далѣе сказано:

Нашъ завзятый *Головатый*,
Не вмре, не загине!

Для *новаго пѣвца* Украины былъ особливый смыслъ въ томъ Запорожцѣ и Черноморцѣ, какъ въ *послѣднемъ пѣвцѣ* Украины Старокозацкой,—и мнѣ жаль, что знаменательный для цѣлаго посланія стихъ о *Головатомъ* отмѣненъ въ третьемъ изданіи *Кобзаря*, и поставлено такъ:

Наша дума, наша пѣсня—
Не вмре, не загине.

Не въ Марусѣ и не въ другихъ Малороссійскихъ повѣстяхъ Квиткиныхъ находилъ Шевченко „Украину со всѣми ея вѣчными дивами", и не такихъ *новыхъ* повѣстей отъ Квитки желалъ Украинскій пѣвецъ, чтобы ему заплакать отъ нихъ на дальнемъ сѣверѣ и увидѣть въ нихъ свою Украину...

Спѣвай же имъ, мôй гôлубе,
Про Сѣчь, про могилы,
Коли яку насыпалы,
Кого положили;
Про старину, про те диво,
Що було, минуло...
Утни, батьку, щобъ нéхотя
На ввесь свитъ почули,
Що дѣялось въ Украинѣ,
За що погибала,
За що слава козацькая
На всемъ свѣтѣ стала...

Вотъ чего хотѣлъ Украинскій пѣвецъ,—того именно, чего не было въ Малороссійскихъ повѣстяхъ Квитки, къ чему не было и призванія у нашего стараго повѣствователя [1]). На этотъ

[1]) Былъ слухъ, что Квитка въ послѣднее время, по совѣту преосвященнаго *Иннокентія*, который и погребалъ его, написалъ краткую *Священную Исторію*

поэтическій зовъ молодого кобзаря-Шевченка, что онъ написалъ еще по-малороссійски? Двѣ или три стихотворныя *побрехéньки*... А за *посланіе* онъ не сказалъ и спасибо поэту, даже не вспомянулъ о немъ, въ своемъ письмѣ, написанномъ по полученіи *Кобзаря*. (см. это письмо въ 7 книжкѣ Основы).

А у г. Кулиша въ виду все Квиткина *Маруся!* Въ „Словѣ на новый выходъ Квиткиныхъ повѣтей" онъ говоритъ: „Обойшла насъ чарами Квитчина Маруся; зъ нею мы почали жити тимъ идеальнымъ счастемъ чистого сердця, которого нихто зъ насъ не дознавъ самимъ дѣломъ..., (с. XXII) Но и здѣсь — только личное впечатлѣніе г. Кулиша. Тысяча другихъ Малороссіянъ начинали жить идеальнымъ счастіемъ сердца, конечно, не отъ Квиткиной Маруси! Да и не всѣ-же Малороссіяне одинаковаго мнѣнія о ея безусловномъ превосходствѣ передъ прочими повѣстями Квитки. Ссылаюсь на вышепомянутый *разборъ* г. Бодянскаго, гдѣ и *Солдатскій Портретъ* и *Мертвецкіи Великдень* предпочтены *Марусѣ* за то, что „она чрезвычайно растянута и загромождена описаніями". Ссылаюсь и на *Обзоръ*, написанный *I. Галкою* (псевдонимъ Н. И. Костомарова) и напечатанный въ *Молодикѣ* 1843 года; тамъ сказано: „Въ отдѣлкѣ нѣтъ художественности; иное растянуто, другое недосказано; повѣсть *Козырь-Дѣвка* по отдѣлкѣ гораздо лучше *Маруси*".

Въ эпилогѣ къ Чермой Радѣ, г. Кулишъ говоритъ, что *Маруся*—„до сихъ поръ не оцѣнена по достоинству... упустили изъ виду, что еще ни въ одномъ литературномъ произведеніи *простолюдинъ-Малороссіянинъ* не является въ столь *величественной простотѣ* нравовъ, какъ въ этой повѣсти. (с. 242) Нѣтъ, не упустили изъ виду этой *величественной простоты* нравовъ, а только не вмѣнили ея изображенія въ особенное *достоинство* этой повѣсти. Въ помянутомъ „*Обзорѣ*" сочиненій, писанныхъ на Малороссійскомъ языкѣ, г. Костомаровъ, объяснивъ характеръ самой *Маруси*, и сказавъ, что она „ничуть не идеалъ", что она „обыкновенна въ бытѣ Малороссійскомъ";

на Малороссійскомъ языкѣ.. Но это не относится къ вопросу о посланіи Шевченковомъ.

вотъ что говоритъ о всей повѣсти: „При всѣхъ неотъемлемыхъ ея достоинствахъ, мы должны замѣтить, что она имѣетъ большіе недостатки. Характеръ *Василя* не ясенъ и даже не естественъ; въ немъ не видно такого простодушнаго чувства, какъ въ Марусѣ; онъ сентименталенъ, и самое удаленіе его въ монастырь не производитъ сильнаго эффекта. Характеры *Наума*, отца Маруси, и матери ея, тоже не отличаются рѣзкими чертами (см. 173). Справедливость этого замѣчанія—оправдалась на самомъ г. Кулишѣ, который въ своемъ представленіи Наума и Насти при похоронахъ ихъ дочери—перемѣшалъ ихъ роли [1]).

И вслѣдъ затѣмъ у него сказано: „Такъ создавъ Квитка свою повѣсть-поэму Марусю. Вложивъ вôнъ сюды ввесъ даръ свôй промовляти серцемъ до серця. Тутъ розумный вбачае всю его вѣру и всю исторію его власнаго серця“! Но въ томъ и дѣло, что Квитка, будучи по своему роду и жизни совсѣмъ не простолюдинъ, влагаетъ исторію *своего собственнаго сердца*—въ сердца простолюдиновъ Малороссійскихъ, которые потому и

[1]) На отдѣльномъ листочкѣ въ рукописной статьѣ есть объясненіе этого мѣста. А именно:

Въ Словѣ на выходъ онъ (Кулишъ) говоритъ: „Тутъ передъ намы немичъ и сыла души людськои, тутъ іи упадокъ и торжество; тутъ горе естества земного пиднялось до поезіи—и вже маты не тужить по дочци, а мовъ поэтъ, воспивае пышну іи красу, чисту іи душу, высоку іи долю небесную; уже батько не вбывается передъ домовыною, а, мовъ якый пророкъ, мовъ не своею сылою, прорицае людямъ Божи замогильны тайны“. Но въ Квиткиной повѣсти—говоритъ Максимовичъ—тутъ передъ нами совсѣмъ не то. Старуха Наста до того затужила объ умершей дочери, что сперва лежала безчувственная, а когда нарядили и положили на лавѣ покойницу, тогда она все сидѣла возлѣ нея „и вже не плакала, бо й слизъ не стало, а тилько тяжко здыхала и не пивслова не здужала голосячи приговорюваты“. Три коротенькихъ отвѣта, совсѣмъ непоэтическихъ, и то болѣе объ себѣ, чѣмъ о Марусѣ, проговорила она мужу, когда тотъ сталъ разгонять ея печаль своими многословными рѣчами, какія любой сельскій духовникъ скажетъ при подобномъ случаѣ. На другой уже день, когда вывели Настю совсѣмъ немощную, чтобы раздавать по обычаю подарки и свѣчи дѣвушкамъ, она проговорила къ нимъ небольшое слово о своемъ осиротѣніи на старости, а послѣ того, обнявши крѣпко и цѣлуя Василя, подоспѣвшаго на самыя похороны своей невѣсты, ему проговорила она съ плачемъ небольшое слово. Что касается до старика Наума, то онъ у Квитки именно *убивается* надъ умершею дочерью, съ тѣми поэтическими причитаніями, какія на самомъ дѣлѣ произносятся обыкновенно осиротѣлыми матерьми, которыя г. Кулишъ и перелагаетъ въ уста осиротѣлой Насти и тѣмъ невзначай подправляетъ Квиткину картину.

являются у него часто не въ подлинной *простотѣ* своихъ нравовъ и обычаевъ; а пристрастный къ нему г. Кулишъ, въ свою очередь, влагаетъ въ его повѣсти и видитъ въ нихъ собственныя представленія и мечты о Малороссійскомъ простолюдинѣ. Потому—то ему и кажется, что у Квитки—„*вездѣ* проходитъ, въ болѣе или менѣе выразительныхъ чертахъ, *величавый образъ* Малороссійскаго простолюдина—это глубоко-нравственное лицо, которое ведетъ свое происхожденіе отъ неизвѣстнаго намъ общества... Пораженный этимъ явленіемъ умъ читаетъ въ немъ дѣяніе *исторіи* гораздо серьезнѣйшей, нежели козачество, гайдамачество и все, чѣмъ наполнены наши историческія сочиненія" (*Эпилогъ* стр. 242). А въ „Словѣ на новый выходъ квиткиныхъ повѣстей" сказано: „Озвалась дитина своимъ словомъ, почала розумни речи глаголати; и отъ, теперъ то́лько начинается настоящая жизнь Южного Русскаго племя; одъ нашого то́лько часу пойде настоянца ёго *исторія* по-межъ народами, а то все була дѣтська казка" (см. IV). Удивительный взглядъ на историческую тысячелѣтнюю жизнь южноруськаго народа; у него *настоящая исторія*—или въ томъ, что было во времена *до-историческія*, или въ томъ что еще *будетъ!...* Но назвать *дѣтскою сказкою* можно не тысячелѣтнюю историческую жизнь нашего малороссійскаго народа, а развѣ ту краткую его исторію или повѣсть, которую сочинилъ г. Кулишъ для *звѣзды* г-жи Шимовой. У него, конечно, на этомъ понятіи объ исторіи основано и то понятіе, о словесности Малороссійской, какое высказано въ его „Переднемъ Словѣ" до Громады: „Украинска словесность—дѣло велике; се—нове слово межъ народами, которе на те и явилось, що-бъ яко-сь инше, не по-давнему, людьскій розумъ повернути". Откуда же видно такое ея предназначеніе? Если она успѣла повернуть какъ-то иначе, не по-прежнему, чей-нибудь личный разумъ, то это не можетъ еще служить показателемъ, что она должна произвести тоже дѣйствіе и на весь человѣческій разумъ, что она для того и явилась въ мірѣ. Если она не нашла еще какъ говоритъ г. Кулишъ полнаго сочувствія и разумѣнія въ образованномъ кругу своего народа; если она не успѣла еще проникнуть въ свой простой людъ и подѣйствовать на его ра-

зумъ: какъ же предназначать ее уже для поворота всесвѣтнаго разума между народами?... Не будетъ ли это также только *дѣтская сказка?*... Относительно Квиткиныхъ повѣстей, въ „Словѣ на новый ихъ выходъ" г. Кулишъ возглашаетъ такъ: „Тымъ-то й не хóчу я безъ потребы перегóртовати всего. Квитку по листочку, а глашу про его передъ громадою свое слово огуломъ, въ интересѣ всенароднему, выступивши напередъ своей лавы и чуючи за собою тысячи, котори мовчки слухають готового, а думають душею по-моему!" (с. XXXII).

Но эти безмолвныя *тысячи*—не болѣе, какъ самолюбивая мечта оратора. Эти тысячи ничего не думаютъ и даже не вѣдаютъ о повѣстяхъ Квиткиныхъ; ихъ читаютъ и знаютъ преимущественно тѣ Украинскіе горожане и паны, противъ которыхъ такъ горячо и напрасно—ратуетъ ораторъ передъ громадою!

М. Максимовичъ.

1861. Окт. 26.

Въ дополненіе къ этой отдѣльной главѣ мы напечатаемъ одинъ отрывочекъ, сохранившійся на отдѣльныхъ листочкахъ въ тѣхъ-же матеріалахъ М. А. Максимовичъ. Тѣмъ болѣе у мѣста будетъ эта прибавка, что, правду говоря, въ цѣлой приведенной главѣ о Г. Ѳ. Квиткѣ М. А. Максимовичъ, расплываясь въ монологахъ полемическаго увлеченія, меньше сказалъ по существу разумѣнія роли Квитки, какъ писателя, чѣмъ въ этой добавкѣ.

Дѣло идетъ о томъ, что П. А. Кулишъ считалъ писанія Гулака-Артемовскаго тоже глумленіемъ надъ писательствомъ и противопоставлялъ ему „Марусю" Квитки. Въ „Переднимъ слови до громады" П. А. Кулишъ говоритъ: „Тымъ часомъ якъ поглумывсь Гулакъ надъ своимъ даромъ словеснымъ, у его сусида Квитки вже ворушилась у серци Маруся. Навкруги цвенькае дрибноголове панство, кепкують зъ риднои мовы, зъ ридныхъ звычаивъ, ще соби на лыхо похваляютъ и ридне слово де якіи, що ниякимъ иншимъ такого смиху въ беседи не наробышъ; а тутъ у серци въ его каплють поэтычни слёзы надъ Марусыною гарною и смутною долею, и выходыть вона на Бо-

жій миръ красна, красна, якъ та весна, що вже не вернется".

М. А. Максимовичъ по этому поводу замѣчаетъ:

„Мнѣ кажется, не стоило горячиться передъ громадою изъ-за того, что во время оно въ харьковскомъ околоткѣ, гдѣ народонаселеніе мѣшаное, были такіе паны, которые трунили надъ малороссійскими обычаями и языкомъ. Надо вспомнить при этомъ, что самъ Квитка, прежде чѣмъ въ его сердцѣ зашевелилась Маруся и закапали поэтичныя слезы, напечаталъ въ „Вѣстникѣ Европы" (1822 г.) *малороссійскіе анекдоты*, которыми возбудилъ онъ большой смѣхъ нада малороссійскимъ простолюдьемъ. Помню живо, съ самаго студентства моего, то впечатлѣніе, которое произвела въ Москвѣ и въ Сѣверской Малороссіи эта литературная шутиха, пущенная въ народъ паномъ Квиткою. Что-же мудренаго, если нѣкоторые харьковскіе земляки его подшучивали послѣ и надъ нимъ самимъ. А между тѣмъ, какъ появлялись въ журналахъ стихотворенія Гулака-Артемовскаго, въ тѣ поры стали распростаняться между малороссіянами любовь и вкусъ ко всему, что составляетъ нашу малороссійскую народность, и особенно къ ея лучшему самовыраженію—къ народнымъ пѣснямъ. Это сознательное обращеніе къ *своенародности* въ литературѣ, прошедшее сочувственно во всемъ русскомъ и славянскомъ мірѣ, составляетъ знаменательный характеръ того времени, въ которое и 55-лѣтній Квитка сталъ писать по малороссійски подъ именемъ *Основьяненка*. Вотъ объ этомъ направленіи къ своенародности, распространявшемся тогда по всей Малороссіи, мнѣ кажется, лучше было-бы вспомянуть предъ громадою, чѣмъ остановиться на какихъ-то запоздалыхъ слобожанскихъ панахъ и въ горячемъ негодованіи на нихъ представить такъ невѣрно и неполно впечатлѣніе, произведенное „*Малороссійскими повѣстями Квитки*".

Послѣ всего того, что было сказано нами въ началѣ этой статьи, едва-ли нужно что-нибудь добавлять къ только-что приведеннымъ словамъ. Въ самомъ дѣлѣ, главная заслуга Г. Ѳ. Квитки не въ томъ, что онъ создалъ что-то новое, невиданное и неслыханное, а въ томъ, что онъ, будучи старикомъ, сумѣлъ

угадать это новое, созданное самой жизнью, и пойти по тому исполненному правды и жизни пути въ литературѣ, который въ концѣ концовъ и составилъ ему славное имя среди литераторовъ.

Обратимся теперь къ характеристикѣ Г. Ѳ. Квитки, какъ писателя малорусскаго, данной извѣстными тремя позднѣйшими изслѣдователями новой украинской письменности—А. Н. Пыпинымъ, Н. И. Петровымъ и Н. П. Дашкевичемъ.

Въ трудѣ А. Н. Пыпина „Исторія Славянскихъ литературъ“ Квиткѣ, равно какъ и прочимъ именамъ, удѣлено мѣста не очень много, но взглядъ на него высказанъ совершенно опредѣленный, неколеблющійся. Авторъ признаетъ въ Квиткѣ писателя, болѣе непосредственно отнесшагося къ народной жизни, чѣмъ его предшественники; „въ немъ—говоритъ А. Н. Пыпинъ—можно видѣть переходъ къ новому періоду малорусской литературы, когда ея писатели понимаютъ свою задачу болѣе сознательно и ищутъ въ народѣ не однихъ предметовъ для шутки и балагурства, но и общественныхъ и бытовыхъ идеаловъ“ [1]). Въ этихъ словахъ, конечно, мы и видимъ существо разумѣнія дѣятельности Г. Ѳ. Квитки, что нами неоднократно подчеркнуто раньше; все-же остальное, какъ напримѣръ—указаніе въ его повѣстяхъ слишкомъ чувствительнаго тона, желанія идеализировать, манерности и болтливости въ разсказахъ, все это есть дѣло—скажемъ такъ—эстетической техники писателя, но не опредѣляетъ его общественной роли.

Поясненіемъ этого, а также указаніемъ различія между Квиткою—писателемъ общерусскимъ, и Квиткою—писателемъ малорусскимъ служитъ у А. Н. Пыпина слѣдующее мѣсто: „Въ русской литературѣ, которая начинала тогда ставить себѣ вопросы о внутреннихъ общественно-политическихъ отношеніяхъ, Основьяненко не производилъ благопріятнаго впечатлѣнія своихъ общественнымъ пониманіемъ, когда брался за сатиру въ своихъ романахъ или за поученіе народа въ „Листахъ до любезныхъ земляковъ“,—но изображеніе малорусской жизни, и

[1]) Спб. 1879 г, т. I, стр. 360.

особенно малорусской женщины составляло особенную область, которую онъ могъ воспроизводить съ большей непосредственностью и поэтической правдой. Успѣхъ Основьяненка въ этой области имѣетъ несомнѣнное историческое значеніе, потому-что своимъ сочувственнымъ отношеніемъ къ народной жизни и свойствамъ онъ открывалъ возможность новаго литературнаго пути, который и принятъ былъ потомъ малорусскими писателями".

Къ этой послѣдней фразѣ мы считали-бы возможнымъ прибавить, что этотъ путь былъ принятъ не только малорусскими писателями, но вскорѣ *на него ступили и русскіе беллетристы-народники*, весьма вѣроятно, не въ силу подражанія первымъ, а будучи призваны къ тому самыми фактами развивавшейся общественной жизни и ея интересами. Говорю я, мы считали-бы возможнымъ прибавить это и тѣмъ закончить нашъ обзоръ мнѣній о Квиткѣ, какъ писателѣ малорусскомъ, но трудъ Н. И. Петрова „Очерки Исторіи Украинской Литературы XIX столѣтія" заставляетъ насъ остановиться еще немного для выясненія воззрѣній этого изслѣдователя и для указанія возраженій, представленныхъ ему въ извѣстномъ разборѣ „Очерковъ" проф. Н. П. Дашкевича.

Н. И. Петровъ, принявшій, какъ извѣстно читателямъ, систему раздѣленія украинской литературы 19 вѣка на своеобразные періоды, изъ которыхъ первый—псевдоклассическій, а второй—сантиментальный, считаетъ стоящимъ во главѣ перваго И. П. Котляревскаго, а второго—Г. Ѳ. Квитку. Не говоря уже о томъ, что это искусственное дѣленіе на подобные перiоды не выдерживаетъ строгой критики, что прекрасно разъяснено въ названномъ трудѣ Н. П. Дашкевича, мы обратимъ только вниманіе на его теорію вліянія русской литературы на Г. Ѳ. Квитку, которое обнаружилось въ подражаніи послѣдняго сантиментальнымъ повѣстямъ русскихъ писателей, особенно Карамзина.

Послѣ всего сказаннаго нами въ этой статьѣ, едва-ли есть надобность опять возвращаться къ прежнимъ темамъ и опровергать подобный взглядъ на Основьяненка, тѣмъ болѣе, что это со всей доказательностью разъяснено Н. П. Дашкевичемъ въ

упомянутомъ его разборѣ „Очерковъ“ г. Петрова. Поэтому, мы ограничимся только одной маленькой выпиской изъ этого труда Н. П. Дашкевича и тѣмъ закончимъ нашъ обзоръ критическихъ отзывовъ о Квиткѣ. Вотъ эта выписка. Говоря о томъ, что вообще малорусская повѣсть опередила общерусскую литературу въ дѣлѣ вѣрнаго и сочувственнаго изображенія народнаго быта, и указавъ, что только въ 40-хъ годахъ въ общерусской литературѣ появились „Записки Охотника“ Тургенева, „Деревня“ и „Антонъ Горемыка“ Григоровича,— Н. П. Дашкевичъ заканчиваетъ развитіе этого положенія такими словами: „мы позволимъ себѣ противопоставить этимъ произведеніямъ болѣе раннія украинскія повѣсти Квитки и не находимъ возможнымъ согласиться съ взглядомъ г. Петрова на Квитку и другихъ болѣе раннихъ изобразителей жизни украинскаго народа, какъ на послѣдователей сентиментализма, господствовавшаго въ общерусской литературѣ“ [1]).

Изъ всѣхъ отмѣченныхъ мною мнѣній о Г. Ѳ. Квиткѣ, какъ малорусскомъ писателѣ, я позволю себѣ, въ видѣ подведенія итоговъ, сдѣлать такой заключительный выводъ. Безспорно, Квитка съ своими малорусскими повѣстями и комедіями долженъ быть признанъ писателемъ *самобытнымъ*, стоящимъ во главѣ новаго, чисто народническаго, періода въ украинской литературѣ; но появленіе его въ этой роли не можетъ считаться, какъ думаетъ г. Кулишъ, чѣмъ-то вполнѣ новымъ, неожиданнымъ, а объясняется фактами общаго теченія въ развитіи національнаго вопроса, свидѣтельствуя, впрочемъ, о его талантливой натурѣ и чуткой душѣ, ранѣе и мѣтче другихъ угадавшей, гдѣ таятся живые источники новой поэзіи, и тѣмъ открывшей болѣе просторную дорогу для своихъ преемниковъ. Вспомню, что Гоголь—глава реальной школы въ русской литературѣ—имѣлъ, по основательному признанію многихъ, своимъ предшественникомъ *Григорія Ѳедоровича Квитку—Грыцька Основьяненка*.

В. Науменко.

---

[1]) Отчетъ о 29-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова, стр. 89.

А. А. Потебня, какъ языковѣдъ-мыслитель.[1]

III.

Предметомъ своихъ спеціальныхъ изслѣдованій въ области синтаксиса русскаго языка Потебня избралъ вопросъ о „составныхъ членахъ предложенія и ихъ замѣнахъ“. Этому замѣчательному труду, пролагающему новые пути наукѣ, онъ предпослалъ большое „Введеніе“, само по себѣ составляющее трудъ классическій. По своему содержанію, оно непосредственно примыкаетъ къ этюду „Мысль и Языкъ“, съ которымъ мы имѣли дѣло до сихъ поръ, и заключаетъ въ себѣ сжатое изложеніе основныхъ и общихъ вопросовъ Языкознанія. Здѣсь разъясняется, что́ такое слово, что́ такое грамматическая форма вообще и ея различныя категоріи въ частности, что́ такое предложеніе и его части.

Намъ необходимо теперь познакомиться съ важнѣйшими положеніями, здѣсь установленными, въ особенности съ тѣми, которыя относятся къ понятію *грамматической формы и члена предложенія.*

Опредѣленіе слова, данное выше („единство членораздѣльнаго звука, значенія и представленія“) годится только для языковъ простѣйшаго строенія, не имѣющихъ грамматическихъ формъ (каковъ напр. китайскій). Но для языковъ флексивныхъ, т. е. имѣющихъ грамматическій строй, оно недостаточно, потому что въ такомъ языкѣ всякое слово, кромѣ звука, значе-

[1]) См, „Кіевская Старина“ 1893 г. № 7.

нія и представленія, заключаетъ въ себѣ еще нѣчто, именно *формальное* или *грамматическое значеніе.* Говоря напр. „верста“, я совершаю *актъ мысли*, въ которомъ соединяю со звуками *верста* понятіе напр. о 500-саженномъ разстояніи и еще сознаніе того, что это есть *существительное женскаго рода единственнаго числа* въ *именит. падежѣ.* Такое сознаніе присуще не только человѣку, учившемуся грамматикѣ, но и всякому безграмотному, съ тою лишь разницею, что послѣдній, не зная терминовъ, не можетъ осмыслить и выразить это свое грамматическое сознаніе. Тѣмъ не менѣе и для него, какъ и для насъ, учившихся, вполнѣ ощутительна не только лексическая, но и грамматическая разница между *верста* и *верстовой*, *постройка* и *строить*, *говорю* и *разговоръ* и т. д.

Понятіе „500 саженъ“, а равно и другія, прежде соединявшіяся съ тѣмъ же звуковымъ комплексомъ *верста* (*возрастъ*: отъ млады версты, юнъ верстою, откуда *сверстникъ; пара, ровня*: божественная и свѣтозарная вьрста Борисе и Глѣбе,— „Изъ зап. по рус. грам. 21—3) составляютъ *лексическія* или *вещественныя* значенія слова *верста* или точнѣе различныхъ однозвучныхъ словъ „верста“. Свойство тѣхъ же словъ быть существ. жен. р. ед. ч. и т. д. образуетъ ихъ *грамматическое* или *формальное* значеніе. Послѣднее по отношенію къ первому есть своего рода *представленіе.* Въ своей грамматической категоріи *верста представлена* какъ существо жен. рода. Такія представленія были живы на раннихъ ступеняхъ мысли, когда вещи понимались какъ живыя существа, а равно и позже, когда такое пониманіе стало *фикціею*, но—фикціею, еще живо затрогивавшею мысль, такъ что представленія, вызывавшіяся грамматическою формою, напр. женскимъ родомъ, множеств. числомъ и пр., еще воспринимались сознаніемъ въ качествѣ извѣстнаго способа пониманія вещей, точки зрѣнія на нихъ. Съ теченіемъ времени и это значеніе (для мысли) грамматической формы блекнетъ, представленіе, въ ней нѣкогда заключавшееся, стирается, и она остается только какъ *форма.* Всѣ мы хорошо знаемъ, что *верста*—сущ. жен. рода, а *домъ*—сущ. муж. р., но въ насъ эти грамматическіе признаки не вызываютъ никакого

живаго представленія, которое бы подсказывало намъ извѣстный способъ пониманія этихъ вещей, устанавливало бы извѣстную точку зрѣнія на нихъ. Мы не знаемъ и не интересуемся знать, почему домъ—муж. рода, а верста—жен., а не наоборотъ. Разница между чисто-формальнымъ значеніемъ грамматической формы и ея былымъ значеніемъ живаго представленія можетъ быть ощутима, когда мы, съ поэтическими или риторическими цѣлями, оживляемъ умершее представленіе, нѣкогда жившее въ данной формѣ, или вкладываемъ въ нее новое, напр. „Природа, какъ любвеобильная мать, питаетъ тварей"; здѣсь уже самый женскій родъ слова „пророда" имѣетъ значеніе живаго представленія; напротивъ, въ выраженіи „изслѣдователь явленій природы" этотъ женскій родъ не имѣетъ уже ровно никакого значенія, и эффектъ фразы былъ-бы тотъ-же и при муж. или сред. родѣ.

Забвеніе живыхъ представленій, нѣкогда связывающихся съ грамматическими формами, играетъ ту же благодѣтельную роль въ развитіи мышленія, какую выше мы приписали забвенію внутренней формы словъ въ процессѣ образованія понятій. Исчезновеніе живаго признака въ грамматической категоріи есть превращеніе прежней вѣры или убѣжденія въ *фикцію*, которая въ свою очередь все болѣе блѣднѣетъ. Пока человѣкъ живо и наглядно представлялъ себѣ черты, подсказываемыя грамматическою формою слова, онъ тратилъ на одинъ актъ мысли гораздо больше умственной энергіи и времени, чѣмъ теперь, когда онъ ихъ не мыслитъ въ ихъ отдѣльности, а только пассивно воспринимаетъ ихъ знаки, какъ фикцію. Говоря *лошадь, истина, востокъ, заря*, я уже не обременяю своей мысли представленіемъ лошади непремѣнно въ жен. родѣ (я включаю въ среду значенія этого слова и жеребцовъ),—истины и зори—какъ существъ съ конкретными аттрибутами, востока—какъ живаго дѣятеля муж. пола. Вся эта, необходимая въ глубокой древности, нынѣ излишняя, затрата мыслительной энергіи устранена, примѣрно такъ какъ въ математикѣ иксы, игреки и другіе знаки избавляютъ ученаго отъ лишней затраты времени и мысли, неизбѣжной при употребленіи терминовъ болѣе „полно-

вѣсныхъ", которые своей словесной содержательностью (напр. „неизвѣстная величина" вмѣсто х) задерживали бы движеніе мысли.—Энергія мысли, освобожденная отъ необходимости затрачиваться на мышленіе самой грамматической формы, устремляется въ другія сферы, затрачивается болѣе производительно на выработку новыхъ точекъ зрѣнія или пріемовъ мышленія.

„Моменты вещественный и формальный"—говоритъ Потебня—„различны для насъ не тогда, когда говоримъ, а лишь тогда, когда дѣлаемъ слово преметомъ наблюденія. На мышленіе грамматической формы, какъ бы она ни была многосложна, затрачиваемъ такъ мало новой силы, кромѣ той, какая нужна для мышленія лексическаго содержанія, что содержаніе это и грамматическая форма составляютъ какъ бы одинъ актъ мысли, а не два или болѣе, и живутъ въ сознаніи говорящаго, какъ недѣлимая единица. Говорить на формальномъ языкѣ, каковы арійскіе [1]), значитъ систематизировать свою мысль, распредѣляя ее по извѣстнымъ отдѣламъ. Эта перворачальная классификація образовъ и понятій, служащая основаніемъ позднѣйшей умышленной и критической, не обходится намъ, при пользованіи формальнымъ языкомъ, почти ни во что. По этому свойству сберегать силу, арійскіе языки суть весьма совершенное орудіе умственнаго развитія: остатокъ силы, сбереженной словомъ, неизбѣжно находитъ себѣ другое примѣненіе, усиливая наше стремленіе возвыситься надъ ближайшимъ содержаніемъ слова. Нашъ ребенокъ, дошедшій до правильнаго употребленія грамматическихъ формъ, при всей скудости вещественнаго содержанія своей мысли, въ нѣкоторомъ отношеніи имѣетъ преимущество передъ философомъ, который пользуется однимъ изъ языковъ, менѣе удобныхъ для мысли". („Изъ записокъ по русской грамм." 2, стр. 27).

Изъ приведеннаго мѣста между прочимъ видно, что *грамматическія категоріи* вообще и такъ-назыв. *части рѣчи* въ особенности должны быть разсматриваемы какъ рубрики, по которымъ классифицируются наши представленія, или—точнѣе—

---

[1]) Т. е. „индоевропейскіе".

какъ раздѣльные акты мысли, производящіе такую классификацію. Сущность процесса состоитъ въ томъ, что, принимая наши *впечатлѣнія* (*воспріятія*) за *признаки* самихъ вещей, мы смотримъ на эти признаки съ различныхъ точекъ зрѣнія, сообразно тому, каковымъ представляется намъ отношеніе признака къ предмету. Во-первыхъ, мы можемъ смотрѣть на извѣстный признакъ, какъ на присущій предмету, пассивно ему принадлежащій, данный въ немъ: снѣгъ *бѣлъ*, *бѣлая* бумага, *свѣтлое* небо, *темная* ночь. Апперцепированный въ словѣ, такой признакъ даетъ *имя прилагательное*. Во-вторыхъ, мы можемъ разсматривать признакъ не какъ данный заранѣе въ предметѣ, не пассивно ему принадлежащій, а какъ производимый его дѣятельностью, продуктъ его энергіи: снѣгъ *бѣлѣетъ* (какъ-бы самъ производитъ свою бѣлизну), солнце *свѣтитъ*, ночь *темнѣетъ*. Апперцепція такого признака въ словѣ есть *глаголъ*. Далѣе, признакъ можетъ быть понятъ, какъ производимый дѣятельностью предмета, но, разъ онъ усмотрѣнъ и вниманіе на немъ сосредоточено, онъ можетъ быть отнесенъ къ предмету, какъ его свойство. Такая точка зрѣнія, выраженная въ словѣ, создаетъ часть рѣчи, въ которой глагольность соединена съ прилагательностью, при чемъ послѣняя беретъ верхъ надъ первою. Это—такъ-назыв. *причастіе*: *бѣлѣющій* снѣгъ, *свѣтящее* солнце, *темнѣющая* ночь.

Въ этихъ трехъ частяхъ рѣчи имѣетъ мѣсто выдѣленіе изъ массы признаковъ, составляющихъ предметъ одного, на который и обращается выниманіе, при чемъ въ словѣ апперцепируется не самъ по себѣ этотъ признакъ, а его отношеніе къ предмету: въ прилагательномъ выражена его принадлежность предмету, въ глаголѣ—его отношеніе къ предмету, какъ продукта къ производителю, въ причастіи—оба отношенія вмѣстѣ. Но возможна еще одна точка зрѣнія, въ силу которой извѣстный признакъ не выдѣляется изъ совокупности другихъ, т. е. изъ предмета, а схватывается словомъ именно для обозначенія этой совокупности. Медвѣдь имѣетъ много признаковъ, но языку незачѣмъ перечислять ихъ всѣхъ, а достаточно указать одинъ, который почему-либо представляется характернымъ,

напр. тотъ, что это животное ѣстъ медъ. Выраженный въ словѣ „медвѣдь", этотъ прязнакъ служитъ представителемъ всѣхъ прочихъ признаковъ медвѣдя и обозначаетъ весь предметъ цѣликомъ въ его единствѣ, въ его отдѣльности отъ другихъ предметовъ. Такое слово есть *имя существительное*. Какъ извѣстно, съ теченіемъ времени представленіе, схваченное въ словѣ, подлежитъ забвенію, но самое—то слово удерживаетъ свойство обозначать данный предметъ: домъ, огонь, солнце. Въ этомъ видѣ существительное указываетъ на совокупность признаковъ, составляющихъ предметъ, не выдвигая впередъ ни одного изъ нихъ. Какъ при наличности внутренней формы, такъ и безъ нея, существительное есть актъ мысли, которымъ мы апперцепируемъ *субстанціальность* вещей, при чемъ мы можемъ ее апперцепировать какъ тамъ, гдѣ она находитъ свое оправданіе въ дѣйствительности, такъ и тамъ, гдѣ она такого оправданія не находитъ. Въ послѣднемъ случаѣ существительныя выражаютъ субстанціи *фиктивныя*: отъ различныхъ предметовъ отвлекается признакъ, общій имъ всѣмъ, напр. признакъ бѣлизны отъ снѣга, камня, бумаги и т. д., и затѣмъ этому признаку приписывается субстанціальность, которой въ дѣйствительности онъ не имѣетъ. Съ этой точки зрѣнія воспроизведенный въ словѣ, онъ даетъ бытіе существительному *бѣлизна*.

Теперь обратимся къ *членамъ предложенія*. Мы уже знаемъ, что въ примитивномъ словѣ-сужденіи заключено цѣлое предложеніе, въ которомъ выраженъ лишь одинъ *предикатъ* (сказуемое). Изъ такого одночленнаго предложенія развиваются двучленныя (съ подлежащимъ и сказуемымъ) и многочленныя (съ подлежащимъ, сказуемымъ, дополненіемъ, опредѣленіемъ, обстоятельствомъ) черезъ разложеніе образа на его признаки и опредѣленіе въ словѣ различныхъ отношеній признаковъ къ предмету. Первый шагъ въ этомъ процессѣ состоитъ въ томъ, что сказуемое, которое одно только и выражено въ предложеніи одночленномъ („жижа" о солнцѣ, „медвѣдь" объ извѣстномъ животномъ), превращается въ подлежащее, а въ сказуемомъ схватывается посредствомъ другого слова какой-бы то ни-было признакъ этого подлежащаго, напр. тотъ, который уже указанъ

внутреннею формою слова (медвѣдь ѣсть медъ), или другой, извлеченный изъ значенія (медвѣдь—животное четвероногое). Мы наблюдаемъ здѣсь три акта мысли, составляющіе одно цѣлое, одинъ умственный процессъ: одинъ, которымъ апперцепируется подлежащее, другой, которымъ схватывается какой-либо изъ его признаковъ, и третій, при помощи котораго устанавливается въ сознаніи то особаго рода отношеніе этого признака къ подлежащему, которое называется *предикативнымъ*. Въ выраженіи „бѣлый снѣгъ" аттрибутъ „бѣлый" не предикативенъ (не сказуемое): онъ здѣсь *опредѣленіе*, и все выраженіе еще не есть сужденіе. Но если тотъ-же аттрибутъ выдѣленъ изъ подлежащаго и потомъ приписанъ ему такъ, какъ будто онъ не былъ въ немъ усмотрѣнъ раньше, какъ будто онъ только-что открытъ, то онъ становится *предикатомъ* (сказуемымъ): снѣгъ бѣлъ, снѣгъ бѣлѣетъ. Этотъ предикатъ—онъ-же грамматическое сказуемое—не долженъ быть смѣшиваемъ съ предикатомъ логическимъ. Послѣдній есть лишь отвлеченіе отъ психологическаго процесса, осуществляющагося силою языка,—именно вышеуказаннаго процесса разложенія образа на признаки и возведенія одного изъ нихъ на степень предиката. Разница между тѣмъ и другимъ станетъ ясною для насъ, если вспомнимъ, что логика не знаетъ ни дополненій, ни обстоятельствъ, и для нея предикатъ—это все, что отнесено къ субъекту, т. е. логическій предикатъ заключаетъ въ себѣ грамматическое сказуемое вмѣстѣ съ второстепенными частями, къ нему относящимися, такъ же какъ и логическій субъектъ совмѣщаетъ въ себѣ грамматическое подлежащее и его опредѣленія и дополненія. Такъ напр. сужденіе „эта французская книга доставила мнѣ большое удовольствіе" съ точки зрѣнія логики состоитъ только изъ двухъ частей, т. е. изъ двухъ актовъ мысли, субъекта (эта французская книга) и предиката (доставила мнѣ большое удовольствіе). Въ дѣйствительности, т. е. психологически, здѣсь не два, а цѣлыхъ 7 актовъ мысли, потому что психологически и грамматически подлежащее вовсе не сливается въ одинъ актъ мысли со своими опредѣленіями, а сказуемое со своими дополненіями въ другой. Пока я схватываю мыслью опредѣленіе „эта" я не могу заодно

схватить и другое („французская“) да еще въ добавокъ и подлещажее „книга“, и какъ бы скоро я ни переходилъ отъ одного къ другому, всетаки для каждаго изъ нихъ нуженъ особый моментъ, отдѣльный актъ мышленія. То же самое относится и къ сказуемому съ его дополненіями: я держу въ умѣ раздѣльно сказуемое „доставила“ и дополненія „мнѣ“, „удовольствіе“, отдѣляя мыслію отъ послѣдняго его аттрибутъ „большое“. Такимъ образомъ, сужденіе, какъ процессъ психолого-грамматическій, есть движеніе, мысли, дробящейся на отдѣльные моменты, которыхъ логика не различаетъ. Оттуда выводъ: опредѣленіе грамматическаго предложенія не можетъ быть выведено изъ понятія о сужденіи логическомъ.

Послѣднее есть неизмѣнная схема, равно обязательная для всѣхъ временъ и народовъ. Первое постоянно измѣняетъ свой строй и духъ по народностямъ (по языкамъ) и во времени. Потебнѣ принадлежитъ та заслуга, что онъ первый доказалъ это строго—научнымъ образомъ. A priori же оно можетъ быть выведено слѣдующимъ путемъ. Выше мы видѣли, что части рѣчи суть раздѣльные акты мысли, которыми мы апперцепируемъ отношеніе признака къ предмету. Далѣе, говоря о предложеніи и его частяхъ, мы нашли, что они суть также раздѣльные акты мысли, которыми устанавливаются извѣстныя отношенія сказуемаго къ подлежащему, опредѣленія къ опредѣляемому, дополненія къ дополняемому. Всматриваясь въ эти отношенія, мы замѣчаемъ, что въ сущности они суть тѣ-же которыя апперцепированы въ частяхъ рѣчи. Такъ напр. въ *существительномъ* мысль схватываетъ „предметъ“,—то же самое дѣлаетъ и *подлежащее* съ тою-лишь разницею, что ставитъ этотъ предметъ въ положеніе дѣйствующаго лица; въ прилагательномъ указанъ признакъ, данный въ предметѣ,—то же самое указано *опредѣленіемъ* „*бѣлый* снѣгъ“ и частью сказуемаго „снѣгъ (есть) *бѣлъ*“; глаголъ обозначаетъ признакъ, производимый энергіею предмета,—такъ же точно и сказуемое *бѣлѣетъ* выражаетъ результатъ энергіи подлежащаго *снѣгъ* и т. д. Однимъ словомъ, *части рѣчи* и *члены предложенія* это только различныя названія одного и того же явленія. Это двѣ точки зрѣнія (этимологическая и

синтаксическая) на одинъ и тотъ же психологическій процессъ. Оттуда, полное сліяніе этимологіи съ синтаксисомъ составляетъ идеальную цѣль лингвистики, и нигдѣ оно не было доведено до такой полноты, какъ именно въ трудахъ Потебни.

Но извѣстно, что части рѣчи не стоятъ неподвижно, что они измѣняются въ теченіе вѣковъ, и эти измѣненія формъ и составляли до сихъ поръ предметъ „исторіи языка“,—исторіи, которую можно назвать внѣшнею. Если же части рѣчи мѣняются, имѣютъ исторію, то неизбѣжно должно измѣняться и имѣть исторію и *предложеніе*. Оттуда выводъ Потебни, что нельзя дать общаго, неподвижнаго опредѣленія *предложенія*, какъ можно и должно сдѣлать это для *логическаго сужденія*, а слѣдуетъ доискиваться отдѣльныхъ, частныхъ опредѣленій *различныхъ типовъ предложеній*—для каждой эпохи особо. „Въ языкѣ нѣтъ“—говоритъ Потебня—„ни одной неподвижной грамматической категоріи. Но съ измѣненіемъ грамматическихъ категорій неизбѣжно измѣняется и то цѣлое, въ которомъ онѣ возникаютъ и измѣняются, именно *предложенія*, подобно тому какъ неизбѣжно форма устойчивой кучи зависитъ отъ формы вещей (напр. кирпичей, ядеръ), изъ коихъ она слагается, какъ неизбѣжно форма и опредѣленіе общества измѣняется вмѣстѣ съ развитіемъ особей“. (Изъ зап. по рус. грам. [2] 7 в—77).—„Интересъ исторіи именно въ томъ, что она не есть лишь безконечная тавтологія. Такъ и изъ основнаго взгляда на языкъ, какъ на измѣнчивый органъ мысли, слѣдуетъ, что исторія языка, взятаго на значительномъ протяженіи времени, должна давать рядъ опредѣленій предложенія“. (ibid. 77).

Своими глубокими изслѣдованіями Потебня положилъ основаніе *внутренней исторіи языка*,—онъ открылъ *законъ эволюціи предложенія*, т. е.—*мысли*, и это открытіе по праву должно быть названо великимъ.

Если возьмемъ предложеніе въ томъ видѣ, въ какомъ является оно въ настоящее время, въ развитыхъ языкахъ, то найдемъ, что оно по преимуществу *глагольно*, т. е. его центръ тяжести—въ *глагольномъ сказуемомъ*. Подлежащее нерѣдко отсутствуетъ, глаголъ—сказуемое—никогда: случаи, когда глаголъ

опускается, не означаютъ его отсутствія, ибо—невыраженный словомъ—онъ тѣмъ не менѣе существуетъ въ мысли, какъ напр. нашъ глаголъ *есть* [1]). Напротивъ того, въ современномъ предложеніи *подлежащее* часто *фактически* отсутствуетъ даже тогда, когда оно выражено особымъ словомъ. Потебня считаетъ предложеніями безъ подлежащаго не только такія, какъ „свѣтаетъ" „тошнитъ" и пр., но и такія, какъ „я сказалъ" съ удареніемъ на глаголѣ, потому что мѣстоименіе „я" здѣсь—только замѣна отсутствующаго окончанія въ глаголѣ (сказалъ) и вовсе не служитъ характеристикою дѣйствующаго лица. Другое дѣло „я сказалъ" съ удареніемъ на „я": мѣстоименіе является здѣсь не просто замѣстителемъ личнаго окончанія, но указываетъ на дѣйствующее лицо, заставляя мыслить его конкретные признаки; оно здѣсь—замѣна извѣстнаго *существительнаго.*

Глаголъ въ сказуемомъ играетъ двойную роль: 1) онъ можетъ наполнять собою все сказуемое цѣликомъ и 2) можетъ составлять только часть его. Возьмемъ два предложенія: „Петръ Великій царствовалъ самодержавно" и „Петръ Великій былъ самодержавный царь". Эти два предложенія покажутся равносильными только для поверхностнаго взгляда, невооруженнаго лингвистическою наблюдательностью. Если даже допустимъ (чего, строго говоря, нѣтъ), что ихъ содержаніе одно и то же, то способъ, какимъ оно схвачено въ томъ и другомъ, различенъ, различіе находится въ сказуемомъ. Въ первомъ сказуемое „царствовалъ" выражено однимъ глаголомъ и составляетъ *одинъ актъ мысли.* Во второмъ оно выражено двумя словами (глаголомъ *былъ* и существительнымъ *царь*) и при томъ такъ, что эти два слова образуютъ не одинъ, а именно *два акта мысли.* Сказуемое перваго предложенія есть *простое,* сказуемое втораго—*составное.* Составное сказуемое не нужно смѣшивать съ такъ называемыми сложными или описательными временами (изъ вспомогательнаго глагола и причастья или неопр. накл.), каковы франц. je *suis venu, j'ai pris,* нѣм. ich *habe genommen,* ich *bin*

---

[1]) Стоитъ только взять вмѣсто наст. врем. прошедшее или будущее, чтобы убѣдиться въ этомъ: „Петръ Великій (есть) геній", но „Петръ В. былъ геній".

gekommen, наши старинныя „есть взялъ", „есть умьрлъ", (откуда нынѣшнія *взялъ*, *умеръ*). Всѣ эти сложныя времена, хотя и состоятъ изъ двухъ словъ, но суть сказуемыя простыя, а не составныя, потому что заключаютъ въ себѣ только одинъ актъ мысли, а не два. Французъ не мыслитъ *suis*, какъ самостоятельный глаголъ, отдѣльно отъ *venu*: въ его сознаніи оба слова сливаются въ одинъ актъ мысли. Напротивъ, тотъ же глаголъ *suis* въ предложеніи „je suis pauvre" уже не сливается въ одинъ актъ съ прилагательнымъ *pauvre*, и сказуемое здѣсь—составное (изъ двухъ актовъ).

Всѣ описательныя времена (je suis venu, ich bin gekommen и т. д.) возникли изъ прежнихъ составныхъ сказуемыхъ, черезъ превращеніе двухъ актовъ мысли въ одинъ. Такое именно превращеніе повторяется вновь, когда мы отъ предложенія „Петръ В. *былъ царь* самодержавный" переходимъ къ предложенію „Петръ В. *царствовалъ* самодержавно". Сущность процесса состоитъ въ слѣдующемъ. Какъ составнымъ сказуемымъ „былъ царь", такъ и простымъ „царствовалъ" схваченъ одинъ и тотъ же признакъ подлежащаго „Петръ В.", но схваченъ различнымъ образомъ, съ двухъ разныхъ точекъ зрѣнія. Точка зрѣнія, представляемая составнымъ сказуемымъ, состоитъ въ томъ, что въ субстанціи „Петръ В." усматривается присутствіе другой субстанціи „царь" и отношеніе этой послѣдней къ подлежащему мыслится особымъ актомъ мысли, выражающимся въ глаголѣ „былъ". Такъ какъ этотъ глаголъ устанавливаетъ извѣстную связь между двумя субстанціями, то удобнѣе всего называть его *связкою*. Съ точки зрѣнія простаго сказуемаго „царствовалъ", въ подлежащемъ не усматривается никакой другой субстанціи, кромѣ той, которая непосредственно выражена имъ самимъ („Петръ В."), но за то въ немъ открывается *энергія*, *дѣятельность*, прямо производящая данный признакъ („царствовалъ"), въ силу чего уже нѣтъ надобности мыслить *связку*.

Если бы я задался цѣлью изложить въ популярной формѣ все „введеніе" въ изслѣдованіе о „составныхъ членахъ предло-

женія", то мнѣ пришлось бы написать цѣлый томъ. То немногое, но существенное, что изложено въ этой главѣ, представляется мнѣ достаточнымъ для пониманія нижеслѣдующаго, а равно и для того, чтобы облегчить читателю—неспеціалисту изученіе классическаго труда Потебни въ его подлинникѣ.

IV.

Въ языкѣ (какъ и во всемъ, чтó подлежитъ закону эволюціи) новыя явленія возникаютъ постепенно, и столь же постепенно отживаютъ старыя, такъ что каждый данный моментъ въ исторіи языка представляетъ причудливую смѣсь стараго съ новымъ. Если мы вырвемъ такой моментъ изъ его связи съ другими и будемъ разсматривать его отдѣльно, то пожалуй и не разберемъ, чтó въ немъ старое, отживающее, и чтó новое, нарождающееся. Но стоитъ только взять рядъ моментовъ, обозрѣть явленія языка на большомъ пространствѣ времени, и тогда само собою обнаружится, какія изъ нихъ идутъ на убыль, какія развиваются дальше или вновь возникаютъ.

Къ числу явленій, весьма обычныхъ встарину, характерныхъ для стараго языка и совсѣмъ исчезнувшихъ въ современномъ русскомъ, принадлежатъ между прочимъ *сочетанія причастій дѣйствительныхъ съ разными глаголами для выраженія составнаго сказуемаго*. Нужно оговориться, что въ данномъ случаѣ устраняются изъ разсмотрѣнія сочетанія причастій на—*лъ* (далъ, взялъ, былъ) съ разными формами глагола *есмь*, потому что эти сочетанія уже въ глубокой древности потеряли характеръ составнаго сказуемаго, превратившись въ описательныя времена. Мы будемъ имѣть въ виду пока только причастія дѣйствительныя наст. и прош. врем. на—*щій,-чій,—вшій,-шій*. Изъ большаго количества собранныхъ Потебнею фактовъ, сюда относящихся, мы выберемъ лишь нѣсколько церковнославянскихъ и древнерусскихъ, чтобы дать читателю наглядное представленіе о явленіи, представляющемъ большой психологическій интересъ.

Въ Евангеліи Луки (18, 11—12) фарисей говоритъ, что онъ не такой, какъ другіе, что онъ постится и даетъ десятину. Въ греческомъ текстѣ послѣднія два сказуемыя такъ и выражены — соотвѣтственными глаголами (νηστεύω — пощусь, ἀποδεκατῶ—плачу́ десятину); такъ-же переведено по церковно-славянски въ Маріинскомъ Еванг. (поштѫсѧ, даѭ), но не такъ въ остроміровомъ Ев., гдѣ простыя сказуемыя „пощусь", и „даю десятину" переведены не буквально", а скорѣе „вольно", сказыемыми составными (изъ причастій и подразумѣваемаго глагола *есмь*): (есмь) алъчѧ, (есмь) десѧтинѫ даѩ. Славянскій переводчикъ, замѣчаетъ Потебня, въ даномъ случаѣ сообразовался съ требованіями своего языка, и смыслъ славянскаго оборота приблизительно таковъ: я—постникъ, я—исправный плательщикъ десятины. („Изъ зап. по русс. Грамм.", 128).

Подобные обороты весьма характерны не только для церковно-славянскаго, но и для древнерусскаго языка, и мы въ изобиліи находимъ ихъ въ нашихъ старыхъ лѣтописяхъ:

Си же (иніи языци, иже дань даютъ Руси) *суть* свой языкъ *имуще*=имѣютъ свой языкъ.

И *есть* та церки *стоящи* въ Корсунѣ градѣ=церковь стоитъ.

Суть же кости его и доселѣ тамо *лежаче*=лежатъ.

Буди упъвая на Господа=букв. „будь уповающій"=уповай.

И *бѣ обладая* Олегъ Поляны=букв. „былъ обладающій"= обладалъ Полянами.

И бѣ заповѣдала Ольга не творити трызны надъ собою, *бѣ* бо *имущи* презвутеръ=ибо имѣла пресвитера.

Въ настоящее время подобные обороты невозможны: мы ихъ замѣняемъ либо простыми глагольными сказуемыми, либо составными, но не изъ причастій, а изъ *именъ существительныхъ*. Мы не скажемъ „церковь есть стоящая", „Ольга была имѣющая", „я—постящійся", а скажемъ: церковь *стоитъ*, Ольга *имѣла*, я *пощусь*, или я—*постникъ*.

Еще болѣе чуждо нашему теперешнему языку сочетаніе тѣхъ-же причастій съ другими глаголами, которые встарину служили „связками" наравнѣ съ глаголомъ *быть*. Напр. въ церковно-слав.

Мьняахѫ доухъ видѧще (Остром. Ев.)—букв. *„думали духъ видящіе“*, чтó нынѣ невозможно; мы скажемъ: думали, что видятъ.

Въ древнерусскомъ:

Данило.... *сожалиси отславъ* сына си Лва и воѣ (Ипат. Лѣт.). Въ *буквальномъ* переводѣ на современный языкъ выйдетъ „пожалѣлъ отославшій сына“, чтó невозможно. Если же вмѣсто причастія *отславъ* поставить наше дѣепричастіе, то получится другой смыслъ: лѣтописная фраза вовсе не значитъ „отославши сына и воиновъ, Данило пожалѣлъ“, но „пожалѣлъ, *что отослалъ*“.

И яко *сконча зижа* (окончивъ строить), украси ю (церковь) иконами.

Святославъ.... *сѣде княжа*.—Это не значитъ, что онъ „сѣлъ въ то время, какъ княжилъ“: это значитъ „сѣлъ (чтобы) княжить“.

Всѣ эти старые обороты знаменуютъ собою такое состояніе мысли, которое мало приспособлено для апперцепціи предиката въ формѣ чисто-глагольной. Человѣкъ, который говоритъ „я есмь любящій“ вмѣсто „я люблю“, схватываетъ въ сказуемомъ признакъ „любить“ не въ формѣ энергіи подлежащаго, а въ видѣ признака, въ немъ обнаруживающагося, выражая этотъ признакъ причастіемъ и связывая послѣднее съ подлежащимъ при помощи вспомогательнаго глагола. Въ роли глагола—связки выступаютъ не тольно такіе формальные глаголы, какъ быть, являтъся, казаться, именоваться, но и такіе, какъ думать, окончить, сѣсть, и т. д. Нѣкоторые изъ послѣднихъ и въ современномъ языкѣ могутъ играть роль связокъ, но только въ соединеніи не съ причастіемъ, а съ неопред. наклоненіемъ (сѣлъ княжить, окончилъ строить), о чемъ у насъ будетъ рѣчь ниже. Старый оборотъ съ причастіемъ въ сказуемомъ и глаголомъ—связкою имѣетъ какъ бы два равносильные центра: *имя* въ подлежащемъ и другое *имя*-же (причастіе) въ сказуемомъ. Такое предложеніе, сравнительно съ нынѣшнимъ, предствляется плохо скрѣпленнымъ и какъ-бы готовымъ распасться на части. Когда мы говоримъ „церковь стоитъ“, «Ольга имѣла вященника“,

то центръ тяжести мысли сосредоточивается у насъ въ глаголѣ-сказуемомъ (стоитъ, имѣла). Такого центра тяготѣнія нѣтъ въ старыхъ оборотахъ „церковь есть стоящая“, „Ольга была имѣющая“, гдѣ глаголъ-связка не обладаетъ полною предикативною силою, большая часть которой падаетъ на причастіе. Последнее, въ силу своей предикативности, легко вытѣсняетъ соотвѣтсвенные глаголы, которые такимъ образомъ существуютъ въ языкѣ, но остаются какъ бы не у дѣлъ. Мысль еще не привыкла орудовать глаголами и сосредоточиваться на представленіи энергіи подлежащаго. Даже употребляя глагольный оборотъ, она повидимому не вполнѣ сознаетъ всю силу сказуемаго-глагола и рядомъ съ нимъ ставитъ причастіе, какъ форму по своей предикативности равносильную глаголу. Оттуда между прочимъ обороты, которые для нашего сознанія орудующаго глаголами и не придающаго большой предикативной силы причастію, кажутся безобразными, напр. „заутра *въставъ и* рече“, „*въсплакавъ и* рече“, буквально „*вставшій и* сказалъ“, *заплакавшій и* сказалъ“ вмѣсто „*всталъ* и сказалъ“, „*заплакалъ* и сказалъ“. «Наша рѣчь (говоритъ по поводу этихъ оборотовъ Потебня, „Изъ зап.“, 187) вообще компактнѣе древней. Въ настоящемъ случаѣ („онъ вставши сказалъ“) она характеризуется тѣмъ, что въ ней дѣепричастіе весьма тѣсно связано со сказуемымъ и тяготѣетъ только къ нему, такъ что сказуемое съ дѣепричастіемъ рѣшительно перевѣшиваетъ подлежащее. Союзъ въ „вставши *и* сказалъ“ намъ претитъ потому, что противорѣча вышеупомянутому тяготѣнію дѣепричастія, вноситъ въ рѣчь распущенность; но безобра́зное въ нынѣшнемъ языкѣ могло не быть такимъ въ древнемъ, если было знаменіемъ его строя. Въ девнемъ языкѣ на мѣстѣ нашего дѣепричастія стояло причастіе, неимѣвшее непосредственнаго отношенія къ глагольному ному сказуемому. Поэтому можно думать, что въ древнемъ „вставъ и рече“ присутствіе союза дѣлаетъ лишь болѣе явственнымъ свойство оборота, существовавшее и безъ союза, именно то, что въ продолженіи—два почти равносильные центра“.

Тотъ-же предикативный характеръ старыхъ причастій, т. е. ихъ способность быть сказуемымъ даже безъ помощи гла-

гола-связки, обнаруживается въ другого рода оборотахъ, а именно когда оно играетъ роль самостоятельнаго сказуемаго въ придаточномъ предложеніи, соединенномъ съ главнымъ посредствомъ относительнаго слова (мѣстоименія или союза). Такъ фраза „они не вѣдаютъ, что̀ творятъ“ имѣла въ церковно-слав. такой видъ: не вѣдѧть бо сѧ, чьто творѧще—букв. не вѣдаютъ, что *творящіе*. Въ старо-русскомъ сюда относятся:

И не бысть, *кто помилуя* ихъ—букв. „не былъ, кто помилующій ихъ“, т. е. некому было сжалиться надъ ними.

По смерти же великаго князя Болеслава, не бысть *кто княжа* въ Лядской земли,—букв. „не былъ, кто княжащій“=некому было княжить.

И тако съступиша, еже рекше—букв. „отступили отъ того, что̀ сказавшіе“=не исполнили того, что̀ обѣщали.

Такіе обороты Потебня указываетъ въ старыхъ памятникахъ чешскихъ и польскихъ, а также въ современномъ литовско-латышскомъ, который, какъ извѣстно, сохранилъ много архаическаго.

Итакъ, причастія дѣйствительныя въ старинномъ языкѣ могли играть роль *сказуемаго* и притомъ—не только въ соединеніи съ глаголами—связками, но и безъ нихъ, сами по себѣ. Это значитъ, что они имѣли большу̀ю *предикативную* силу. Въ настоящее время они лишены этой силы, не употребляются въ качествѣ сказуемыхъ, и ихъ роль органичивается сферою *аттрибутивности*, т. е. они служатъ въ качествѣ „опредѣленій“. Но и здѣсь ихъ употребленіе нерѣдко замѣняется другими оборотами, въ особенности *дѣепричастіемъ*, т. е. нарѣчіемъ, происшедшимъ отъ стараго причастія. Въ великорусскомъ народномъ языкѣ эта новая форма совсѣмъ вытѣснила причастія дѣйствительныя, отъ которыхъ остались лишь нѣкоторые образцики, утратившіе причастный характеръ и превратившіеся въ обыкновенныя прилагательныя (горючій, сыпучій и т. п.) Общерусскій (литературный) языкъ, „вообще проникнутый“, по замѣчанію Потебни, „консервативными стремленіими“ и развившійся подъ непрерывнымъ вліяніемъ церковно-славянскаго, сохранилъ

старыя причастія дѣйствительныя [1]), на ряду съ дѣепричастіями но ограничиваетъ ихъ употребленіе другими оборотами:

1) вмѣсто прежняго „есть церки *стоящи*“—церковь *стоитъ*.

2) вмѣсто стараго „въставъ (прич.=вставшій) рече“—*вставши* (дѣеприч.) сказалъ.

3) вмѣсто „сѣде *княжа*“ (прич.)—сѣлъ *княжить* (неопр. накл.).

Весь процессъ носитъ явные признаки дифференціаціи: функція, выполнявшаяся прежде одной формою (причастіемъ), теперь исполняется тремя. Но самое-то предложеніе въ новомъ языкѣ оказывается болѣе цѣльнымъ, болѣе связнымъ, чѣмъ его старый прототипъ, потому что дѣепричастіе и неопред. накл. тѣснѣе примыкаютъ въ мысли къ глаголу, чѣмъ имена, въ томъ числѣ и причастіе. „Вставши сказалъ“ или „сѣлъ княжить“ образуютъ въ сознаніи два акта мысли, которые весьма тѣсно связаны между собою и составляютъ какъ-бы одно цѣлое, противупоставленное третьему акту мысли—подлежащему:

$$\underbrace{\text{(князь)}}_{1}+\underbrace{\text{(вставши+сказалъ)}}_{2}.$$

Неизмѣняемсоть (несогласуемость) дѣепричастія и неопред. накл. не позволяетъ этимъ формамъ тянуть къ подлежащему, и онѣ тѣснѣе примыкаютъ въ сознаніи къ сказуемому. Напротивъ причастіе, хотя и составляетъ часть сказуемаго, но согласуясь съ подлежащимъ, не выходитъ изъ сферы тяготѣнія къ этому послѣднему и какъ-бы удаляется отъ глагола связки; помѣщенное подъ воздѣйствіе этихъ двухъ силъ, влекущихъ его въ разныя стороны, оно, при глаголахъ очень формальныхъ (какъ *есмь*), подавляетъ ихъ своею содержательностью и, согласуясь съ подлежащимъ, является какъ-бы его отраженіемъ въ сказуемомъ:

$$\underbrace{\text{Церковь}}_{1}+\underbrace{\text{есть}}_{2}+\underbrace{\text{стоящая}}_{3}$$

---

[1]) Прич. дѣйств. наст. врем. сохранилось не въ русской формѣ на—чій, а въ церковно-славянской—на—щій. Русская же форма дала бытіе нѣкоторымъ прилагательнымъ, напр. *горящій*—прич., *горячій*—прилаг.

Предложеніе носитъ характеръ трехъ тактовъ, двухъ сильныхъ въ началѣ и въ концѣ, и одного слабаго по серединѣ, при чемъ грамматическія функціи двухъ предѣльныхъ актовъ мысли аналогичны: оба выражаются *именами* (существ. и прич.), оба вызываютъ въ сознаніи представленіе жен. рода и един. числа. Дѣятельность мысли развивается скачками, а не плавнымъ переходомъ отъ одного акта къ другому. При глаголахъ менѣе формальныхъ, какъ „сѣлъ" (княжить), причастіе въ сказуемомъ („княжащій") должно было имѣть огромную предикативную силу, чтобы подавить въ мысли сопротивленіе такихъ глаголовъ какъ „сѣсть", и не быть понятымъ въ смыслѣ *опредѣленія* подлежащаго. Въ буквальномъ переводѣ на современный языкъ фраза „N сѣде княжа" такъ и будетъ понята: N, княжащій сѣлъ... Это потому именно, что мы сосредоточиваемъ предикативность въ глаголѣ, а причастіе для насъ только опредѣленіе. Оно вовлекается въ сферу подлежащаго, и предложеніе принимаетъ форму двухъ темповъ:

(N, княжащій),+сѣлъ...
1 2 3

Между тѣмъ какъ въ старомъ оборотѣ оно опять-таки слагалось изъ двухъ сильныхъ ударовъ мысли, въ началѣ и въ концѣ, и слабой скрѣпы формальнымъ глаголомъ между ними:

N+сѣде+княжа.
1 2 3

Чѣмъ болѣе предикативной силы имѣетъ причастіе, тѣмъ формальнѣе глаголъ—связка, тѣмъ служебнѣе его значеніе. Съ потерей причастіями ихъ предикативной силы, увеличивается „удѣльный вѣсъ" глагола; онъ перестаетъ быть служебнымъ и формальнымъ и становится самостоятельнымъ сказуемымъ, выступая въ своемъ вещественномъ значеніи. Старый языкъ употреблялъ много такихъ глаголовъ въ чисто-формальномъ значеніи, которые въ настоящее время или совсѣмъ потеряли его или же сохраняютъ нѣкоторую его тѣнь въ соединеніи не съ именами, а съ неопред. наклоненіемъ. Таковъ напр. *сѣсть*. Формальное значеніе его въ предложеніи, N, княжащій, сѣлъ... утрачено, и онъ выступилъ здѣсь въ своемъ вещественномъ

(лексическомъ) значеніи, отчего фраза получила другой смыслъ. Но передавая старый оборотъ соотвѣтствующимъ ему новымъ, который требуетъ замѣны причастія неопр. наклоненіемъ, мы сохраняемъ за глаголомъ *сѣсть* значеніе связки и вмѣстѣ нѣкоторую формальность: N сѣлъ княжить, гдѣ „сѣлъ“ вовсе не имѣетъ „буквальнаго“ смысла, а равносильно такимъ формальнымъ глаголамъ, какъ *стать*, *начать* и т. п.

Мы говорили пока только о причастіяхъ дѣйствительныхъ наст. и прош. времени (на-щій,-чій,-вшій,-шій). Но, кромѣ ихъ, встарину существовало еще одно причастіе дѣйствительное—на *лъ* (былъ, далъ, взялъ) и до сихъ поръ существуютъ причастія страдательныя наст. и прош. врем. (на-мъ,-нъ,-тъ, несомъ, читаемъ, унесенъ, взятъ). Обозрѣвая всѣ эти причастія, можно расположить ихъ въ порядкѣ убывающей *предикативности*, т. е. соособности быть сказуемымъ и, сочетаясь съ глаголомъ, низводить его на степень вспомогательнаго. Съ этой точки зрѣнія, на первомъ планѣ Потебня ставитъ причастіе на—*лъ*, приписывая ему наибольшую предикативность. Уже въ незапамятныя времена оно, въ своей безчленной формѣ[1]), употреблялось для выраженія сказуемаго и, въ сочетаніи съ разными временами глагола *быть*, производило сложныя формы прошедшаго времени и сослагательнаго наклоненія (есмь далъ, бѣхъ взялъ, быхъ жилъ). Эти формы были сперва, безъ сомнѣнія, составными сказуемыми (двумя актами мысли), но очень рано, еще до начала славянской письменности, превратились въ „описательныя формы“ (въ одинъ актъ мысли). Предикативная сила причастій на-лъ была такъ велика, что обезличивала вспомогательный глаголъ въ гораздо большей степени, чѣмъ это дѣлали другія причастія. Такъ, въ сочетаніи „церки есть *стоящи*“ глаголъ „есть“, хотя и былъ обезличенъ и превращенъ въ чисто формальный, но не исчезалъ изъ сознанія, занималъ въ процессѣ

---

[1]) *Членными* формами прилагательныхъ и причастій называются формы на—ый, ая, ое, (бѣлый, ая, ое), ибо въ этомъ окончаніи скрывается старое мѣстоименіе, приставлявшееся къ прилагательному или причастію на концѣ въ качествѣ „члена“ (какъ фр. le, la, нѣм. der die, das); *безчленными* называются формы безъ этой приставки (бѣлъ, а, о).

мысли свое особое мѣсто. Но въ сочетаніи „церки есть *стояла*“ тотъ-же глаголъ уже совсѣмъ не мыслился отдѣльно отъ причастія, какъ не мыслится отдѣльно французское *suis* въ сочетаніи je suis venu. Въ русскомъ яз. съ теченіемъ времени этотъ вспомогательный глаголъ совсѣмъ исчезъ, и вся глагольная сила оборота сосредоточивается въ причастіи, которое тѣмъ самымъ и перестаетъ быть причастіемъ и превращается въ настоящій глаголъ, каковы наши теперешнія *былъ*, *далъ*, *взялъ* и пр. Результатъ получился тотъ самый, который мы указали выше: прогрессъ глагольности въ языкѣ. Въ оборотахъ съ причастіями на-щій и т. д. этотъ результатъ былъ достигнутъ *замѣною* причастій глаголами; въ оборотахъ съ причастіемъ на-*лъ* онъ получился черезъ *превращеніе* этого причастія въ глаголъ.

Еще ниже стояла предикативность причастій страдательныхъ, въ силу чего страдательныя формы глагола (есмь любимъ, бысть взятъ), не взирая на обезличенность вспомогательнаго глагола, воспринимались мыслію не какъ одна форма, а какъ сочетаніе двухъ. Страницы, посвященныя Потебнею изслѣдованію этихъ причастій, принадлежатъ къ числу изумительнѣйшихъ по силѣ наблюденія тончайшихъ оттѣнковъ мысли. Мы не можемъ передать здѣсь весь ходъ разсужденія (это вовлекло бы насъ въ область слишкомъ спеціальную) и ограничимся сообщеніемъ добытаго результата. Страдательныя причастія оказываются менѣе предикативными, чѣмъ дѣйствительныя; поэтому они менѣе послѣднихъ способны къ сліянію въ одну форму со вспомогательнымъ глаголомъ. Это отразилось на дальнѣйшей судьбѣ этихъ причастій: ихъ предикативность, относительно слабая, не претитъ духу новаго языка, не противорѣчитъ общему стремленію языка къ развитію глагольности предложенія. Поэтому не было надобности устранять ихъ изъ сферы сказуемаго и ограничивать ихъ роль сферою аттрибутивности. Съ другой стороны, та-же особенность не дала возможности этимъ причастіямъ совсѣмъ подавить глаголъ вспомогательный, какъ это сдѣлали причастія на-лъ и самимъ превратиться въ глаголы; они остались причастіями. И когда мы говоримъ „онъ любимъ“, то мы сознаемъ, какъ отдѣльный моментъ мысли,

отсутствующій глаголъ „есмь", и сказуемое „любимъ" состоитъ не изъ одного, а изъ двухъ актовъ мысли. Отсутствіе вспомогательнаго глагола здѣсь фиктивно: онъ отсутствуетъ, какъ артикулированная форма, но онъ—на лицо, какъ мыслимая грамматическая категорія, какъ грамматическій отпечатокъ этой формы въ сознаніи. И стоитъ только взять прошедшее или будущее время, чтобы она выступила наружу въ видѣ элелемента не только мыслимаго, но и артикулированнаго: онъ *былъ* любимъ, онъ *будетъ* любимъ. Не то—въ сочетаніи „онъ любилъ", гдѣ вспомогательный глаголъ (есть), нѣкогда входившій въ составъ оборота, теперь въ самомъ дѣлѣ отсутствуетъ, не только какъ звукъ, но и какъ моментъ мысли.

По степени предикативности, причастія страдательныя приближаются къ *именамъ существительнымъ* и *прилагательнымъ*. „Въ новомъ языкѣ", говоритъ Потебня, „выраженія *онъ любимъ, онъ осужденъ*, по степени грамматической слитности[1]), могутъ быть поставлены на одну доску не съ выраженіемъ *онъ любилъ*, заключающимъ въ себѣ наиболѣе предикативное изъ причастій, а скорѣе съ *онъ правъ*. „(Изъ зап., 149)".

Съ тѣмъ вмѣстѣ мы переходимъ къ вопросу объ *именахъ* (сущ. и прилаг.) въ составномъ сказуемомъ. Убѣдившись изъ разсмотрѣнія причастій, что въ языкѣ существуетъ стремленіе къ развитію глагольности предложеніи, мы естественно склонны искать признаковъ того-же процесса и въ другихъ сферахъ языка, между прочимъ—въ оборотахъ, гдѣ сказуемое выражено *именемъ* въ соединеніи со вспомогательнымъ глаголомъ.

Д. Овсянико-Куликовскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

[1]) Т. е. съ точки зрѣнія болѣе или менѣе тѣснаго сліянія причастія съ подразумѣваемымъ или наличнымъ вспомогательнымъ глаголомъ (есть, былъ и пр.).

Документы, извѣстія и замѣтки.

Памяти Г. Ѳ. Квитки. По времени своего появленія и по значенію своей дѣятельности Квитка принадлежитъ къ историческимъ явленіямъ крупнаго значенія. На малороссійскомъ языкѣ существовала тогда только поэма-пародія Котляревскаго, да двѣ бытовыя его пьесы еще не изданныя. Объ Украинѣ писалъ геніальный Гоголь, но писалъ по-русски и народной жизни касался издалека. Въ это время въ Слобожанщинѣ выступилъ немолодой уже человѣкъ, принадлежавшій къ выдающейся фамиліи вновь сложившагося дворянства, съ сочиненіями, въ которыхъ заговорилъ о селькомъ малороссійскомъ народѣ, его ежедневной, будничной жизни, ея радостяхъ и печаляхъ. Онъ явился живописцемъ этого народа и орудіемъ взялъ народный языкъ, созданный вѣками, окрашенный роднымъ солнцемъ, какъ красятся имъ цвѣты на степи, нивы, лѣса и луга родного края. Среди народа, переживавшаго почти еще героическій періодъ, онъ явился съ литературнымъ талантомъ, уже развитымъ просвѣщеніемъ. Не зная другихъ предшественниковъ, кромѣ народныхъ сказочниковъ и разсказчиковъ, онъ создалъ на малороссійскомъ языкѣ художественную *повѣсть*, захвативъ въ ея область всю ширь отъ простодушнаго анекдота и преданія до высочайшихъ мотивовъ человѣческаго бытія. Не могъ руководствоваться онъ и образцами европейскихъ литературъ: онъ писалъ задолго до появлянія сельскихъ произведеній Жоржъ-Занда, Фрица Рейтера и Ауэрбаха. На высоту орла, правда, онъ поднимался одинъ-два раза въ жизни; но кто поднимался хоть разъ на эту дивную высоту, тотъ имѣетъ право на имя великаго. Великъ онъ и своимъ починомъ, тою убѣжденною смѣлостію, съ какой поднялъ изъ праха нарѣчіе забытое и живописалъ имъ жизнь людей, отодвинутыхъ судьбой въ дальніе ряды человѣческаго шествія.

Великимъ художникомъ и поэтомъ Квитка является въ повѣсти «Маруся»; созданіе трудовой, сельской жизни, чистая какъ сама правда, героиня этой повѣсти предстаетъ передъ нами въ минуты высочайшаго подъема своихъ душевныхъ силъ. Повѣсть ея недолгой жизни будетъ говорить вѣчно понятнымъ языкомъ всякой живой душѣ, всякому не совсѣмъ падшему сердцу. Безвременно смятая смертью, ея любовь предстоитъ здѣсь передъ нами въ своемъ идеальномъ, духовномъ образѣ, какъ бы утрачивая подъ конецъ въ себѣ все земное и сливаясь съ небесной чистотой. Тутъ начало и конецъ всего человѣческаго: и высочайшее чувство, творящее жизнь, и предѣлъ человѣческихъ радостей, здѣсь—глубокая и вѣчная загадка жизни и смерти. Почувствовать и передать съ этою силой такія высокія движенья духа могла только высокая душа.

Это произведеніе, вылившееся какимъ то откровеніемъ, не имѣетъ себѣ равнаго во всемъ творчествѣ Квитки. Пусть всякій, прочитавъ эту поэму, гдѣ захвачены коренныя и вѣчныя основы жизни, спроситъ себя смѣло—не принадлежитъ ли она къ произведеніямъ великаго значенія? Если литературное произведеніе трогаетъ до глубины души, оставляетъ впечатлѣніе неизгладимое, сохраняетъ свой интересъ всегда и является какъ бы образомъ самой народности—то не есть ли это великое произведеніе? На нашъ взглядъ, лица Наума Дрота и его дочери могутъ примкнуть къ плеядѣ высочайшихъ созданій поэтовъ, на малороссійскомъ же языкѣ выше этой поэмы конечно ничего написано не было.

Другую сторону своего дарованія, свой комическій даръ съ наибольшею силой Квитка проявилъ въ лучшей своей повѣсти въ этомъ родѣ, «Конотопской Вѣдьмѣ». Шутливая по внѣшности, полная веселья и смѣха, эта повѣсть въ основѣ своей очень серьезна. Она изображаетъ духовный упадокъ цѣлаго народа, истомленнаго вѣчной борьбой, попавшаго въ руки изъ него же выдѣлившейся группѣ эгоистовъ,—«старшины»,—положившей всѣ силы свои на стяжаніе, въ концѣ концовъ народъ этотъ закрѣпостившей и дошедшей самой до полнаго моральнаго упадка. Какъ сохнетъ нива безъ дождя, такъ замираетъ этотъ народъ безъ просвѣщенія. На такой основѣ естественно могутъ происходить и высоко-комическія событія повѣсти «Конотопская Вѣдьма». Что этотъ историческій взглядъ Квиткѣ мы не навязываемъ и что онъ былъ у него вполнѣ сознательнымъ, доказываетъ превосходный эпизодъ пира въ первой части «Пана Халявскаго», гдѣ эта выродившаяся «старшина» и ея моральный образъ нарисованы не менѣе яркими и совсѣмъ ужъ не двусмысленными чертами.

Когда писатель дастъ два произведенья образцовыхъ, то къ остальному имъ написанному можно и не предъявлять все тѣхъ-же и тѣхъ-же строгихъ требованій. Въ другихъ малороссійскихъ произведеніяхъ Квитки много превосходныхъ картинъ, описаній блещущихъ роскошью красокъ, которыя скрашиваютъ вещи и незначительныя по фабулѣ и содержанію (Канунъ Пасхи въ деревнѣ въ «Отъ тоби й скарбъ», описанье ярмарки въ «Салдатскомъ Патретѣ» и проч.) Вездѣ у него—тотъ же удивительный по чистотѣ и выразительности языкъ, то же знаніе народной жизни и характеровъ. Въ его театрѣ двѣ піесы прекрасны. «Шельменко» хотя навѣянъ Фигаро, вполнѣ націоналенъ и въ лицѣ его малороссійское лукавство и «себѣ на умѣ» возведено въ типъ, а «Сватанне на Гончаривци», хоть въ центрѣ своемъ заключаетъ патологическую фигуру, дышетъ такимъ добродушнымъ комизмомъ, такъ стройно, свѣжо, сценично и живо, что въ своемъ родѣ должно быть признано вещью образцовой.

Въ послѣдніе годы своей десятилѣтней литературной дѣятельности и въ значительномъ большинствѣ своихъ произведеній Квитка является авторомъ русскихъ повѣстей и, по общему мнѣнію, «другимъ писателемъ». Дѣйствительно, попавъ на ложную дорогу, начавъ угождать вкусамъ неприхотливаго большинства тогдашней публики, увлекшись скороспѣлой работой для журналовъ, Квитка размѣнялъ чистое золото своего дарованья на легковѣсную мелочь, среди которой проскакиваютъ только время отъ времени крупицы драгоцѣннаго вещества. По всему своему духовному складу и типу, по міросозерцанью, по роскоши языка и представленій, Квитка былъ необыкновенно типичнымъ украинцемъ-селяниномъ. И свою музу, прекрасную въ сельскомъ уборѣ, блистающую свѣжей непосредственностью, онъ повелъ въ манерныя гостинныя и заставилъ ее говорить языкомъ и выраженіями, бывшими тамъ въ ходу... Тѣмъ не менѣе въ русскихъ его романахъ, повѣстяхъ, разсказахъ и статьяхъ историкъ общества найдетъ много чертъ замѣчательныхъ, схваченныхъ наблюдателемъ умнымъ и впечатлительнымъ по горячимъ слѣдамъ. Но это только отрывочные матерьялы для тѣхъ созданій, которыя могли бы выйдти изъ подъ его пера, если бы онъ остался всю жизнь на строгой и одинокой высотѣ первыхъ лѣтъ своего творчества.

Молодость его была полна горячихъ исканій: отъ монастырскаго послушничества онъ переходилъ къ управленью театромъ, былъ душею всего, что дѣлалось на пользу просвѣщенія въ родномъ Харьковѣ. Добровольно отказался онъ отъ богатства и то, что оставилъ себѣ,

истратилъ на общую пользу. Творчество было его призваніемъ и, хотя онъ писалъ много, никогда не носило и тѣни разсчета. Онъ былъ добръ и незлобивъ какъ всѣ истинно высокія души.

Въ его малороссійскихъ повѣстяхъ и піесахъ остался истинно историческій образъ сельскаго малороссійскаго народа, какимъ онъ былъ вскорѣ послѣ эпохи козаччины и въ началѣ этого вѣка. Историкъ-психологъ и этнографъ, и лингвистъ-ученый обратятся всегда къ Квиткѣ, какъ къ драгоцѣнному источнику, обратится къ нему и простой читатель, находя въ немъ непреходящія черты души и характеровъ людскихъ.

При жизни своей Квиткѣ не удалось даже издать собраніе своихъ сочиненій. Нѣтъ его еще и теперь. Его благородный прахъ, забытый почти всѣми, лежитъ далеко отъ стѣнъ Пантеона. При современномъ упадкѣ духовныхъ интересовъ, отсутствіи въ обществѣ историческаго сознанія, его помнятъ и читаютъ немногіе. Но прійдетъ время когда имя его въ свѣтломъ ореолѣ выйдетъ изъ мрака забвенія и освѣтится новымъ свѣтомъ его чистая и высокая память.

Глаголь.

Указатель первыхъ печатныхъ проблесковъ малорусской литературы, до появленія: „Малороссійскихъ повѣстей“ Гр. Квитки въ Россіи и „Русалки Днѣстровой“ изд. М. Шашкевичемъ въ Австріи. I. Въ Россіи—до Квитки († 8 авг. 1843 г.) 1792—1833. *1792.* Новыя ежемѣсячныя сочиненія, ч. 77. 1792 г. № 11 (ноябрь). Спб. 8°, с. 23—24: Пѣсня Черноморскаго войска, по полученіи на землю Высочайшихъ Грамотъ сочиненная (Антономъ Головатымъ). Безъ имени автора.

1798. Котляревскій И. Енеида на малороссійскій языкъ перелиціованная. 3 ч. Спб. 1798. 8°.

Изд. 2-е. 3 ч. Спб. 1808. 8°, с. (4)+148+26 (Словарь)+(2: объявленія).

Изд. 3-е. 4 ч.[1]) Спб. 1809. 8°.

1-е и 2 изд.: иждивеніемъ помѣщ. М. Партуры; безъ согласія автора. 3-е изданіе автора, на иждив. гр. Кочубея.

---

[1]) Въ 1824—5 годахъ Котляревскій написалъ 5 и 6-ю части „Енеиды“. Отрывки изъ нихъ печатались, говорятъ, „въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ“, наприм. въ „Соревнователѣ Просвѣщенія“. (См. „Отзывъ Н. Дашкевича о соч. Петрова, с. 298 и 43.)—Желательны болѣе точныя указанія.

1807. Вѣстникъ Европы, ч. 33. 1807 г. № 9 (Май). М. 8°, с. 39—44: Кошицъ-Квитницкій Гр. Ода; сочиненная на малороссійскомъ нарѣчіи по случаю временнаго ополченія. (Съ примѣч. «Изд.»).

1813. (Данилевскій Петръ). Ода малороссійскаго простолюдина на случай военныхъ дѣйствій при нашествіи французовъ въ предѣлы Россійской Имперіи въ 1812 году. Спб. 1813. 12°, с. 22. (на с, 13—22: «словарь»).

1815. Кн. Шаховскій Александръ. Казакъ стихотворецъ. Анекдотическая опера-водевиль въ 1 д. Спб. 1815.

Изд. 2-е. Спб. 1817. 12°.

Изд. 3-е. Спб. 1822.

1) Украин. Вѣстн. ч. 8-я. 1817 г. № 12 (Декабрь). Харьковъ, 12°, с. 366—9: (Отзывъ полтавцевъ).

2) Благонамѣренный. 1823 г. № 13: Отрывокъ изъ моего журнала.

3) Молва при Телескопѣ, ч. V. 1833 г., № 10, с. 40 и № 13, с. 49 и 52: (К.-Ст. въ Б. Т., въ бенефисъ Щепкина).

1818. Павловскій Алексѣй. Грамматика малороссійскаго нарѣчія. Спб, 1818. 16°.

С. 90—3: Отрывокъ изъ исторіи нѣкотораго малороссіянина.—Разсказъ.

С. 93—106: Вакула Чмиръ.—Стихотвор., съ рус. переводомъ. Въ началѣ: Вмѣсто предисловія; на с. 107—114: Послѣсловіе.

1818. Украин. Вѣст., ч. 12. 1818 г. № 12 (Декабрь), (*или позже 1819 г.*) Хрк. 12°: . . . ъ . . . й . . . ъ (=Петръ Артемовскій-Гулакъ): а) Панъ та собака (казка); б) Суплика до Грицька К . . . . и (=Квитки).

1819. Украин. Вѣстн. [1]) ч. 16. 1819 г. № 10 (Октябрь). Хрк. 12°, с. 80—94 и 235—9: Гулакъ-Артемовскій П.: а) Солопій та Хивря, б) Пысулька . . . . ; в) Тюхтій та Чванько, г) Де-що про того Гараська.

1825. Благонамѣренный, ч. 30. 1825 г., № 20 (Май?). Спб. 8°, с. 216—27: Кн. Цертелевъ. О народныхъ малороссійскихъ стихотвореніяхъ. Письмо къ издателю Благонамѣреннаго.

Въ статьѣ напечатана, безъ имени авторовъ: а) Котляревскаго—«Есть-же люди... На чужій сторонцѣ!» т. е. отрывокъ изъ «Віють

---

[1]) Издавался въ 1816—20 г.г. (12°: 16 ч.ч.+Январь 1820 г.)—Другихъ малорусск. стихотвор. Артемовъ-Гулака въ „Укр. В.", повидимому, не напечатано. Не мѣшало-бы, впрочемъ, провѣрить.

витры» (на с. 223). б) Писаревскаго Ст.— «За Ниманъ иду!» Подъ заглавіемъ: «Разлука съ милою»; съ рус. переводомъ (на с. 224—7).

1827. Вѣстн. Европы. 1827 г. № 6 (Мартъ). М. 8°, с. 116—29: Г. (=Гулакъ-Артемовскій). «Твардовскій». Малороссійская баллада. (Съ предисловіемъ, на с. 116—21, «Р—дра»).

Перепечатана:

а) Въ «Славянинѣ» 1827 г., № 27. б) Въ «Dziennik Warszawski», t. IX. 1827 г., №   , с. 204—12. в) Въ концѣ книги: *Малорусскія* пѣсни, издан. М. Максимовичемъ. М. 1827. 16°: на 1—9 с. послѣдняго счета.

1827. Вѣстникъ Европы. 1827 г., № 20 (Октябрь). М. 8°, с. 286—90: —й— '(=Артемовскій). Рыбакъ, Малороссійская баллада. (Изъ Гете). (Съ предисл., на с. 286—8, «Р—дра»).

1827. В. Евр. 1827 г., № 22 (Ноябрь). М. 8°, с. 130—5: № (=Артемовскій-Гулакъ): а) Батько та сынъ. (Казка). б) Рыбочка (Казка) в) Двѣ оды Гораціевы. До Пархома. 1. 2.

«Поправки» (=опечатки) въ № 23 и 24, на с. 320-й и въ № 1-мъ 1828 г., на с. 86-й.

1828. В. Евр. 1828 г., № 9 (Май). М. 8°, с. 53--55: №—й. Молодыця. (Преданіе). . . . . (Отрывокъ).

Льва Боровиковскаго? (И здѣсь, и въ «Марусѣ»: «Горе я горюю»... Въ данномъ №, на с. 45—49, напеч. его стихотвор. на рус. яз. «Пиръ Владиміра Великаго».

1829. В. Евр. 1829 г., № 6 (Мартъ). М. 8°, с. 116—27: В*** (=Боровиковскій Л.) Маруся. (Баллада). (Съ примѣч. «Изд.») Переводъ «Свѣтланы» Жуковскаго.

1831. Украинскій Альманахъ. Харьковъ 1831. 16°: а) с. 52--54: VIII. Шпигоцкій А. Г. Марія. (Переводъ отрывка изъ «Полтавы» Пушкина). б) с. 63: XV. Боровиковскій Л. Козакъ (подражаніе народной пѣсни). в) с. 64: XVI. Шпигоцкій А. Г. Малороссійская баллады. 1) Телескопъ 1831 г., № 17 (Сентябрь). М. 8°, с. 104—6.

1831. Московскій телеграфъ, ч. 41. 1831 г., № 17 (Сентябрь). М. 8°, с. 128—9: Гребенкинъ Е. Опытъ перевода Полтавы, поэмы А. С. Пушкина, на Малороссійскій языкъ. (Изъ пѣсни 1-й).

1832. Новый Живописецъ Общества и Литтературы. (Какъ-бы особый журнальчикъ-приложеніе при журн. «Москов. Телегр.»; ч. 42.) 1831 г., № 23 (Декабрь). М. (Д. Ц. 22 февраля 1832 г.) 8°, с. 379—91: Т. М. Бытъ Малороссіи въ первую половину XVIII столѣтія. (Съ примѣч. Ред.) Драматическій отрывокъ Р. Андріевича?

1833. Молва при Телескопѣ, ч. VI. 1833 г., № 99 (Авг. 19, Суб.) М. 4°, 393—4: Бода-Варвынецъ А. (=Ос. Бодянскій) Малороссійскія вирши. 4-е стихотвор.

1833. Молва, ч. VI. 1833 г., № 120 (Окт. 7, Суб.) М. 4°, с. 477—8: Основьяненко Грыцько. Шпыгачкы, або по Московському Эпиграммы. (6-ть) [1]).

II. Въ Австріи—до Шашкевича († 7 Іюня 1843 г.) 1830—6.

1830. Lutskay Mich. Grammatica Slavo-Ruthena. Budae 1830. 8°, на с. 173—4: (Довговичъ Василій). Заспѣвай ми зозꙋленько кꙋ.. (Ц. П.) Безъ имени автора.

1835. (Шашкевичъ Марціанъ). Голосъ Галича́нъ въ .... день рождества .... Фра́нца I Цѣсаря .... Львовъ 1835. 8°, с. (3). 250 экз. Ц. П.

1836. (Устіяновичъ Н.) Слеза на гробѣ.... Гарасевича Архипресвитера.... Львовъ 1836. 4°, с. (4) Ц. П.

1836. Rozmaitości. Львовъ 1836: Padura T. Do Niemna, sonet Mickiewicza. Tłumaczył na ruskie...

Ю. Т.

17 Іюля 1893 г.

---

[1]) На русскомъ языкѣ, но нѣкоторыя мѣста по малорусски:

1822. В. Евр. 1822 г., № 21 (Ноябрь). М. 8°, с. 61—8: (Квитки Гр.) Малороссійскіе анекдоты. (Съ примѣч. „Р-дра“). 5-ть. Безъ имени автора.

1822. В. Евр. 1822 г., № 22 (Ноябрь). М. 8°, с. 157—62: (Квитки Гр.) Еще Малороссійскіе анекдоты. (съ примѣч. „Р-дра“). Два. Безъ имени автора.

1829—30. (Квитки Гр.) Дворянскіе выборы. Комедія въ 3 д. М. 1829. 16°. Тоже, часть 2-я или Выборъ Исправника. Комед. въ 4 д. М. 1830. Безъ имени автора. По малорусски лишь нѣкоторыя явленія.

1) Денница на 1831 г., альманахъ изд. М. Максимовичемъ: въ „Обозрѣніи Рус. Словесности 1830 года“.

2) Телескопъ 1831 г., № 1 (Январь). М. 8°, с. 129—33.

1831. (Квитка Гр.) Шельменко, волостной писарь. Комедія въ 3 д. Харьковъ. 1831. 8°, с. 96. Безъ имени автора. Съ гравир. портретомъ Шельменка. По малорусски лишь роль Шельменка.

1) Телескопъ 1831 г., № 10 (Май). М. 8°, с. 242-я.

2) Москов. Телегр. 1831 г., № 19 (Октябрь). М. 8°, с. 388—90.

3) Бу—ковъ. Сѣверн. Пчела 1832 г., № 27.

1833. Молва. ч. V. 1833 г., № 65 (Іюня 1, Четвергъ). М. 4°, с. 259—60: (Квитки Гр.) Украинскіе анекдоты. (Сообщено). Безъ имени автора. Очень мало по малорусски.

О могилѣ Григорія Θедоровича Квитки-Основьяненка. Въ 178 № Харьк. Вѣд. 1893 г. Вл. П—ко, напоминая о томъ, что 8 Августа исполнится пятьдесятъ лѣтъ со дня смерти украинскаго писателя и общественнаго дѣятеля Григорія Θедоровича Квитки-Основяненка, обращаетъ вниманіе гражданъ г. Харькова на то печальное состояніе могилы покойнаго Григорія Θедоровича, въ которомъ она находится въ настоящее время.

Прахъ Григорія Θедоровича похороненъ на Харьковскомъ Холодногорскомъ кладбищѣ, невдалекѣ отъ кладбищенской церкви позади св. алтаря.

На дняхъ я посѣтилъ могилу покойнаго писателя, говоритъ г. П—ко и вотъ въ какомъ жалкомъ видѣ нашелъ ее. Скромный, небольшаго размѣра, едва замѣтный среди другихъ, намогильный памятникъ, сдѣланный изъ бѣлаго мрамора (онъ поставленъ на средства родственниковъ покойнаго) отъ времени обветшалъ, пожелтѣлъ и приходитъ въ полный упадокъ. Когда то находившійся на верху памятника крестъ исчезъ безслѣдно; самый же памятникъ во многихъ мѣстахъ имѣетъ поврежденія, въ видѣ обитыхъ угловъ и глубокихъ царапинъ. Чугунная ограда, которой обнесенъ памятникъ, также имѣетъ не лучшій видъ: дверцы съ нея, благодаря неприсмотру и добрымъ людямъ, исчезли давно; обветшалая ограда изогнута и повреждена во многихъ мѣстахъ, отъ краски время не оставило слѣда. Внутри ограды нѣтъ ни одного дерева, ни одного кустарника, только негодный бурьянъ, да широколиственный лопухъ возростаютъ безпрепятственно на просторѣ. Между памятникомъ и стѣнами ограды образовалась котловина, которая во время дождей наполняется водой и образуетъ собой лужу глубиной до полъ-аршина.

Въ общемъ, забытая всѣми могила—развалина, не носящая слѣдовъ попеченія и заботы, поражаетъ своимъ убожествомъ и запущенностью.

При видѣ ея настоящаго состоянія тяжелое чувство поднимается въ душѣ; оно вызывается холоднымъ равнодушіемъ потомства къ памяти одного изъ славнѣйшихъ и достойнѣйшихъ людей края.

Въ такомъ то жалкомъ видѣ находится могила извѣстнаго писателя и замѣчательнаго общественнаго дѣятеля, подвизавшагося на аренѣ разнообразной общественной дѣятельности въ теченіе большей половины своей трудовой жизни, направленной на пользу отечества, роднаго края и въ особенности на пользу горячо имъ любимаго г.

Харькова. Послѣдній ему, въ дѣлѣ своего процвѣтанія, обязанъ многимъ.

Услуги, оказанныя имъ родному краю и нашему городу, въ ранній періодъ жизни послѣдняго очень велики и весьма важны не только для прошедшаго но и для будущаго процвѣтанія г. Харькова.

Будущій историкъ г. Харькова несомнѣнно остановится на свѣтлой личности Г. Ѳ. Квитки и оцѣнитъ по заслугамъ его многолѣтнюю и многополезную дѣятельность.

Но неужели нами забыта и литературная и общественная дѣятельность его? Неужели забыты заслуги его передъ роднымъ краемъ и нашимъ городомъ? Или мы не умѣемъ цѣнить заслугъ своихъ дѣятелей, не умѣемъ быть признательными къ ихъ памяти?

Увы, какъ это ни печально, но это горькая правда! А что правда—объ этомъ явно свидѣтельствуетъ заброшенная могила и наше вполнѣ безпечное отношеніе къ ней!

Къ поддержанію этой могилы, очевидно, никто не хочетъ прійти. А между тѣмъ для приведенія, хотя-бы въ мало-мальски порядочный видъ намогильнаго памятника и ограды, требуется всего нѣсколько десятковъ рублей. Собрать эту небольшую сумму и привести въ надлежащій видъ могилу Г. Ѳ. Квитки составляетъ нравственную обязанность почитателей его таланта и общественныхъ заслугъ; такихъ почитателей въ Харьковѣ найдется не мало.

Г. П. высказываетъ надежду, что, временно лишь забытая, память о Г. Ѳ. Квиткѣ будетъ сохранена и что, пришедшая въ упадокъ, незабвенная могила не сравняется безслѣдно съ землею, а поддержится теперь же и на будущее время будетъ всегда содержаться въ полной исправности.

Шпыгачкы, або по Московському Эпиграммы.

(Забытыя стихотворенія Г. Ѳ. Квитки).

I.

Пысатьци.

Тарасъ нашъ хытра голова!
Винъ кныжку порядився (=подрядивсь?) пысаты,
А гроши за разъ (=заразъ) ставъ сбираты.
Злупывъ!.. А кныжка-жъ де?.. «Овва!»

II.

Жиноча натура.

Не спытця Хымци въ день и въ ничъ.
Бажа новой (=новои) крипко юпкы.
И щожъ?.. «*Недужа*!» —Тай на пичъ.
Охъ жалко жиночкы-голубкы!
Крычыть: «*Умру мерщій купуй!*»
Потапъ хочъ чухае чупрыну,
Купывъ прокляту винъ юпчыну—
И Хымка встала.—Не здывуй
Що хитри жиночкы селянськи.
Десь такъ не вміють жынки паньски?

III.

Отъ лыхо.

И не карай насъ, Боже! гиршымъ,
Якъ слухаты Стецьковы вирши!

IV.

Злодію.

Видкиль Охримъ розумный ставъ?
Такы про все въ кныжкахъ винъ пыше.
«Чужымъ умомъ Охримъ нашъ дыше;
Свого не напысавъ,
«Зъ чужыхъ повыкрадавъ».

V.

Щырая любовь.

Скажи мени ще разъ, Улясю-любко,
Що любы́шъ ты мене, моя голубко!—
«А якъ же?—Ще я не дурниша всихъ;
У тебе, душко, грошей михъ!»

VI.

Старовына.

«Не такъ у насъ було, якъ я дывлюся!»
Казавъ мыни учора мій дидуся:

Потягъ зъ казны вашъ пысарь тры алтына.
Въ Сибирь!.. та ще и видвичала спына.
«А нашъ Отаманѣ сто рубливъ укравъ —
И правъ;
А дали й головою ставъ».

Грыцько Основьяненко.

Напечатаны въ газетѣ „Молвѣ", изд. Надеждинымъ при Телескопѣ: ч. VI, 1833 г. № 120, (Окт. 7 Суб.), с. 477—8).

Сообщ. Ю. Т.

По поводу одного стихотворенія Т. Г. Шевченка.

Въ майской книгѣ «Историческаго Вѣстника» за этотъ годъ Г. П. Демьяновъ въ статьѣ своей: «Т. Г. Шевченко въ Нижнемъ Новгородѣ», разсказавъ о пребываніи Шевченка въ названномъ городѣ въ концѣ 1857 и началѣ 1858 г. и знакомствѣ его съ Конст. Ант. Шр—сомъ (очевидно — Шрейдерсомъ, о которомъ Шевченко упоминаетъ въ своемъ дневникѣ [1]), называя его своимъ «поставщикомъ чтенія» въ Нижнемъ Новгородѣ), говоритъ затѣмъ, что у этого Ш—са случайно сохранилось одно изъ стихотвореній Шевченка, которое, какъ увѣренъ Ш—съ, не появлялось въ печати. Далѣе, въ качествѣ стихотворенія, не появлявшагося въ печати, приводится одно изъ извѣстнѣйшихъ стихотвореній Шевченка, помѣщенное во всѣхъ безъ исключенія изданіяхъ «Кобзаря», и притомъ печатается съ пропускомъ восьми строчекъ и съ многочисленными ошибками, сдѣланными при перепискѣ или чтеніи стихотворенія лицами, которыя, не зная малорусскаго языка, не стѣснялись въ передачѣ словъ и оборотовъ также, какъ водевиль Котляревскаго «Москаль чаривныкъ» это сдѣлалъ солдатъ, распѣвавшій: «Ой былъ, да нѣту-ти, да поѣхалъ на мельницу». Вотъ это стихотвореніе въ томъ видѣ, какъ оно напечатано Историческимъ Вѣстникомъ:

„На що мини чорны брови,
На що кары очи,
На що лита молодіи,
Веселіе дивочи?
Лита-жъ мої молодія
Марно пропадають,
Очи вьянутъ, чорны брови
Отъ витри линяютъ.
Сірдце ване, нудитъ свитомъ
Мовъ пташка въ ныволи,
На що жъ мини краса моя,
Коли нима доли?
Тяжко мині, сиротыни,
На симъ свиті житы,
Свои люды, якъ чужіи,
Ни съ кимъ говориты...

[1]) Основа 1862 г. № 3.

Нима кому разпытати
Чиго плачуть очи;
Нима кому розсказати,
Чиго сірдце хоче.
Плачь же сірдце, плачьте очи,
Пока не заснулы,
Галостайте, жалобнійте,
Щобъ вітры подулы,
Щобъ понесли буйнесеньки
За синіе море
Черноглазу врочливому
На лютое горе".

Затѣмъ въ іюньской книгѣ «Историческаго Вѣстника», по поводу этого сихотворенія помѣстилъ замѣтку г. Дмитрій Вилинскій, сообщающій, что онъ могъ бы разсказать кое-что и о самомъ Т. Г. Шевченкѣ, потому что поэтъ находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ его покойнымъ зятемъ (т. е. мужемъ родной сестры) А. В. Марковичемъ, о которомъ мы недавно говорили въ Кіевской Старинѣ, изъ чего мы, такимъ образомъ, узнаемъ, что авторъ этой замѣтки есть родной братъ писательницы, извѣстной подъ псевдонимомъ Марка Вовчка. Далѣе въ своей замѣткѣ г. Вилинскій объясняетъ, что, хотя онъ великороссъ, но хорошо знаетъ малороссійскій языкъ и знаетъ наизустъ почти всѣ стихотворенія Шевченка, и что его опорчили искаженія, вкравшіяся въ напечатанное «Историческимъ Вѣстникомъ» стихотвореніе Шевченка, почему онъ и счелъ себя обязаннымъ возстановить его подлинность, такъ какъ это стихотвореніе отлично сохранилось въ его памяти, причемъ прибавляетъ, что, кажется, оно было напечатано «чуть-ли не въ одномъ изъ нумеровъ» журнала «Основа», который издавался «кажется на малороссійскомъ языкѣ», а въ какое именно время издавался—онъ указать не можетъ. Затѣмъ г. Вилинскій возстановляетъ по памяти подлинность этого стихотворенія, причемъ вслѣдъ за лицемъ, списывавшимъ стихотвореніе для Историческаго Вѣстника пропускаетъ тѣ восемь строчекъ, которыя были имъ пропущены, а исправляя ошибки, въ свою очередь дѣлаетъ разныя ошибки. Напримѣръ, вышеприведенную, написанную на невѣдомомъ языкѣ фразу: «Галостайте, жалобнійте» г. Вилинскій исправляетъ такимъ образомъ: «Голосуйте, жалобнійте». Эта поправка напомнила намъ разсказанный въ воспоминаніяхъ А. А. Солтановскаго [1]) анекдотъ объ одномъ нѣмцѣ-преподавателѣ, который, прочитавъ: «у рыбъ семь зубъ», поправилъ: «у рыбовъ семь зубовъ», а затѣмъ видя, что и эта поправка неудачна, еще разъ поправился: «у рыбей семь зубей». Поправка: «галостайте» на «голосуйте»—именно въ такомъ родѣ... Вообще, какъ изъ пропусковъ,

---

1) Кіевская Старина 1882 г. № 5.

такъ и изъ поправокъ Вилинскаго можно заключить, что стихотвореніе не сохранилось въ его памяти, и что онъ взялся исправлять напечатанный Историческимъ Вѣстникомъ невѣрный текстъ, положившись на свои знанія малорусскаго языка, которыя сослужили ему такую же службу, какъ упомянутому нѣмцу—познанія въ русскомъ языкѣ при исправленіи фразы: «у рыбей семь зубей».

Курьезно то, что это дѣлается по отношенію къ одному изъ извѣстнѣйшихъ стихотвореній Шевченка, которое, какъ названные авторы, такъ и почтенная редакція «Историческаго Вѣстника», могли бы найдти лишь развернувъ любое изъ изданій «Кобзаря».

Такъ какъ будучи введена въ заблужденіе этими авторами, редакція Историческаго Вѣстника въ свою очередь ввела въ заблужденіе своихъ читателей, дважды сообщивши имъ невѣрный текстъ стихотворенія, будто-бы не вошедшаго въ изданія «Кобзаря», то было бы желательно, чтобъ изъ уваженія къ памяти поэта редакція, въ дополненіе къ двумъ невѣрнымъ текстамъ, сообщила своимъ читателямъ дѣйствительный текстъ стихотворенія, выписавши его изъ какого нибудь изданія «Кобзаря»; а чтобъ не затруднять ее въ поискахъ, приводимъ здѣсь это стихотвореніе, придерживаясь правописанія въ изданіи 1883 года:

„На що мени чорни бровы,
На що кари очи,
На що лита молодыи,
Весели дивочи?
Лита мои молодыи
Марно пропадають,
Очи плачуть, чорни бровы
Одъ витру линяють.
Серце вьяне, нудыть свитомъ,
Якъ пташка безъ воли.
На що жъ мени краса моя,
Коли нема доли?
Тяжко мени сыротою
На симъ свити жыты:
Свои люде—якъ чужыи,
Ни съ кымъ говорыты;
Нема кому роспытаты,
Чого плачуть очи;
Нема кому росказаты,
Чого серце хоче,
Чого серце, якъ голубка,
День и ничъ воркуе;
Нихто ёго не пытае,
Не знае, не чуе.
Чужи люде не спытають,
Тай на що пытаты?
Нехай плаче сыротына,
Нехай лита тратыть!
Плачъ же, серце, плачте, очи,
Покы не заснулы
Голоснийше, жалибнийше,
Щобъ витры почулы,
Щобъ понесли буйнесеньки
За сынее море,
Чорнявому зрадливому
На лютее горе!"

Для провѣрки нашихъ заявленій, добавимъ, что въ изданіи «Кобзаря» 1844 года приведенное стихотвореніе помѣщено на 26 страницѣ, въ изданіи 1860 года на 40 страницѣ и въ изданіи 1883

года на 16 страницѣ; не имѣя въ настоящее время подъ рукою другихъ изданій «Кобзаря», полагаемъ, что сдѣланныхъ указаній будетъ достаточно.

Н. Ш.

Къ исторіи воеводскаго управленія въ Кіевѣ. Воеводское управленіе, существовавшее въ Кіевѣ и другихъ малороссійскихъ городахъ отъ временъ Хмельницкаго до учрежденія губерній, представляло своеобразное учрежденіе, не согласованное ни съ воеводскимъ управленіемъ областей великорусскихъ, ни съ общимъ административнымъ строемъ тогдашней Малороссіи. Но русское правительство придавало этому институту важное государственное значеніе и старалось постепенно его упрочить и расширить его компетенцію [1])

Первенствующую роль между воеводами малороссійскихъ городовъ естественно должны были занять воеводы Кіевскіе; но, въ виду неопредѣленности самаго института, первенство это было скорѣе фактическимъ, чѣмъ юридическимъ, и о немъ можно только догадываться на основаніи нѣкоторыхъ фактовъ. Такъ извѣстно, что первые воеводы назначены были именно въ Кіевъ еще въ 1654 г. «для оберeганія отъ польскихъ и литовскихъ людей» не только Кіева, но вообще «черкасскихъ городовъ». Въ гетманскихъ статьяхъ при перечисленіи воеводъ первое мѣсто дается всегда воеводѣ кіевскому; въ статьяхъ Мазепы первенство это выражено особенно торжественно: «указалъ Онъ, Великій Государь, Его Царское Пресвѣтлое Величество (Алексѣй Михайловичъ) быти воеводамъ въ прародительской своей вотчинѣ, въ Богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ, также и въ Черниговѣ, и въ Переяславѣ, и въ Нѣжинѣ, и въ Острѣ». Число войска находившагося въ распоряженіи кіевскаго воеводы было значительно больше, чѣмъ въ другихъ городахъ: по статьямъ Брюховецкаго въ Кіевѣ 5000, въ другихъ городахъ отъ 2000 до 300. Но самыя обязанности воеводъ формулированы въ статьяхъ совершенно одинаково, и трудно усмотрѣть какую-нибудь разницу между ними.

Предлагаемый документъ, найденный Н. Ѳ. Бѣляшевскимъ въ Архивѣ Министерствъ Юстиціи въ Москвѣ и любезно предоставлен-

---

[1]) Очеркъ воеводскаго управленія въ Малороссіи сдѣланъ нами въ статьѣ „Кіевскіе воеводы, губернаторы и генералъ-губернаторы отъ 1654 по 1775 г. (Уч. ист. общ. Нестора Лѣтоп., кн. VI).

ный имъ въ наше пользованіе, представляетъ новое подтвержденіе высказаннаго выше предположенія о первенствующемъ положеніи кіевскаго воеводы.

Докладъ.

Въ нынѣшнемъ 1700 году маия 18 день къ великому государю царю и великому князю Петру Алексѣевичу, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу писали изъ Кіева бояринъ и воевода князь Петръ Ивановичъ Хаванскій, что февраля въ 24 да въ 28 числѣ-жъ нынѣшняго же 1700 году писали къ нему боярину и воеводѣ въ Кіевъ изъ городовъ воеводы околничіе изъ Нѣжина—Никита Ивановичъ Акинѳовъ, изъ Чернигова—князь Иванъ Степановичъ Хотѣтовской о пріемѣ съ его великаго государя грамоты списковъ о клейменой бумагѣ съ кіевскими посылщики по настоящему обыкновенію, и тоѣ клейменую бумагу велѣли продавать по указной цѣнѣ. А исъ Переяславля околничей Михайло Васильевичъ Собакинъ въ отпискѣ своей написалъ безчестя ево боярина и воеводу, чего де онъ гдѣ и напередъ сего бывалъ на его великаго государя службахъ и тогда безчестья на себя не видалъ, а про клейменую де бумагу кіевскому подъячему Дмитрѣю Соловкову сказалъ, что будто у него и прежней такой бумаги много, а по ево де великаго государя указу и по наказу велено тѣхъ городовъ воеводамъ быть въ вѣдомости у него боярина и воеводы и о всякихъ его великаго государя дѣлехъ писать къ нему боярину и воеводѣ, а онъ де околничей Михайло Васильевичъ ево великаго государя указу чинпца не послушенъ, и ни о какихъ вѣдомостяхъ въ Кіевъ къ нему боярину и воеводѣ не пишетъ.

И великій государь пожаловавъ бы ево, велѣлъ отъ него околничего и воеводы Махайла Васильевича Собакина оборонить.

И ту ево околничего и воеводы Михайла Васильевича Собакина отписку прислалъ онъ бояринъ и воевода.

А въ отпискѣ написано: Господину князю [1]) Петру Ивановичу съ товарыщи Михайло Собакинъ челомъ бьетъ. Нынѣшняго 1700 году февраля въ 22 день по указу великаго государя и по грамотѣ исъ оружейные полаты за приписью дьяка Алексѣя Курбатова присланной съ Москвы клеймовой бумаги большого клейма 10 дестей, средняго 3 стопы, меншаго 10 стопъ, да списокъ великаго государя съ грамоты

---

[1]) Собакинъ пропустилъ слово „бояринъ“ и нанесъ этимъ „безчестье“ Хованскому Н. Б.

у кіевскаго подьячего Дмитрѣя Соловцова въ приказной избѣ принято, а кіевскіе приказные полаты вышеписанной подьячей и провожатые стрѣльцы исъ Переяславля къ тебѣ господине въ Кіевъ отпущены того-жъ числа.

А въ наказѣ каковъ данъ исъ приказу Малыя Росіи боярину и воеводамъ князю Петру Ивановичу Хаванскому съ товарыщи въ прошломъ въ 204 году написано: Будучи ему боярину и воеводѣ князю Петру Ивановичу съ товарыщи на ево великаго государя службѣ въ Кіевѣ одноличино о ево государевыхъ дѣлахъ радѣть и береженіе и опасеніе во всемъ держать неоплошно и о всемъ дѣлать по ево великаго государя указу и по указнымъ грамотамъ и по своему разсмотрѣнію, смотря по тамошнему дѣлу какъ пристойнѣе. Да по указу великаго государя велено изъ малороссійскихъ городовъ исъ Чернигова околничему и воеводѣ князю Ѳедору Львовичу Волконскому, исъ Переяславля околничему и воеводѣ Михайлу Васильевичу Собакину, изъ Нѣжина околничему и воеводѣ Никитѣ Ивановичу Акинѳову о войсковыхъ и о городовыхъ и о всякихъ иныхъ дѣлехъ о чемъ доведетца писать къ великому государю наскоро смотря по вѣстямъ и по дѣлу.

А для вѣдома и въ Кіевъ къ нему боярину и воеводамъ ко князю Петру Ивановичу писать-же.

Да въ наказѣ каковъ данъ околничему и воеводѣ Михайлу Васильевичу Собакину въ прошломъ въ 204 году написано: Буде про приходъ воинскихъ людей въ Переяславлѣ вѣсти учинятца, и ему о тѣхъ вѣстяхъ писать къ великому государю и въ Кіевъ ко бояромъ и воеводамъ и войска запорожского обоихъ сторонъ Днепра къ гетману, и въ городы къ воеводамъ и къ полковникомъ и къ приказнымъ людемъ съ нарочными вѣстовщики о томъ писать-же.

1700 года маия въ—день великій государь царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ всея великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержецъ указалъ по имянному своему великого государя указу послать своего великого государя грамоту въ Переяславль къ околничему и воеводѣ къ Михайлу Васильевичу Собакину, чтобъ онъ впредь въ Кіевъ къ боярину и воеводамъ ко князю Петру Ивановичу Хованскому исъ Переяславля о всякихъ ево великого государя дѣлехъ и о вѣдомостяхъ писалъ, и по присланнымъ его великого государя указомъ исъ Кіева отъ него боярина и воеводъ былъ послушенъ. А что онъ околничей и воевода въ Кіевъ къ нему боярину и воеводамъ ни о какихъ вѣдомостяхъ не пишетъ и чинитца присланымъ указомъ

ослушенъ, также и въ отписке своей къ нему боярину и воеводамъ съ подъячимъ зъ Дмитреемъ Соловковымъ о приеме клеймовой бумаги писалъ зъ безчестіемъ неподостоинству какъ о томъ обыкло имъ писать,—указалъ великій государь столнику и полковнику и воеводе нежинскому Ивану Юрьеву сыну Минстерману на немъ околничемъ и воеводе доправить пени пятьсотъ рублевъ и посадить ево въ тюрму на неделю и доправя те пенные денги прислать ему столнику и полковнику къ Москве въ приказъ Малыя Росіи и о томъ къ нему столнику и полковнику и воеводе также и въ Кіевъ къ боярину и воеводамъ для ведома послать его великого государя грамоты [1]).

Въ приведенномъ документе обращаютъ вниманіе во 1-хъ титулы воеводъ—въ Кіеве *бояринъ князь* Хованскій, въ другихъ городахъ *окольничьи*; во 2-хъ указаніе на воеводскіе наказы, по которымъ всемъ другимъ воеводамъ «велено быть въ ведомости у него боярина и воеводы»; въ 3-хъ, строгость наказанія Собакина за нанесенное имъ кн. Хованскому «безчестье». Все эти факты служатъ, по нашему мненію, несомненнымъ доказательствомъ того, что русское правительство стремилось создать въ Малороссіи целую систему воеводскаго управленія подъ непосредственнымъ наблюденіемъ кіевскаго воеводы.

В. Щербина.

Второй отчетъ о пожертвованіяхъ на премію имени А. А. Потебни [1]). Въ 38 № «Харьк. Вед.» 1893 г. былъ напечатанъ первый отчетъ о пожертвованіяхъ по *Всемилостивейше* разрешенной *Государемъ Императоромъ* подписке на премію имени А. А. Потебни за лучшія сочиненія по исторіи русскаго языка и литературы. За последніе три месяца (1 февр. по 1 мая) поступили еще следующія пожертвованія: отъ *университетовъ* Новороссійскаго 15 и Казанскаго 9 р. 88 к., *гимназій*: Старобельской 12, Сумской 17, Псковской 4 р. 50 к., Радомской 7, Рижско-Александровской 4, Прилукской 8, Ревельской Александровской 4 р. 50 к. и Троицкой 1 р.; *прогимназій*: Харьковской 12, Аккерманской 5 р., Рязанской 1 р.; *реальныхъ училищъ*: Сумскаго 4 р. 30 к., Белостокскаго 5, Либавскаго 8, Кременчугскаго 4 р. 50 к., Моршанскаго 14 р., Митавскаго 21; *учительскихъ*

---

[1]) Московскій Архивъ Министерства Юстиціи Дела Кіевского повытья, книга 34, л. л. 74 и 75.

институтовъ и семинарій: Карачевской 1 р., Московскаго 1 р. и Коростышевской 7 р.; *городскихъ училищъ*: Вольмарскаго 2, Либавскаго 3, Верроскаго 1, Виндавскаго 4, Валкскаго 10, Венденскаго 7, Якобштадскаго 3 р. 25 к., Лемзальскаго 3 р. 75 к., Ревельскаго 5 р. и отъ *частныхъ лицъ*: А. Ѳ. Бычкова 20 р., М. Ѳ. Комарова 28 и А. С. Вязигина 5 р. 50 к., *всего 259 руб. 18 коп.*, а съ полученными ранѣе всего собрано за полгода 1625 р. 78 к. Такъ какъ капиталъ для преміи обусловленъ суммой въ 2500 р., то остается добрать 874 руб. 22 коп.

Историко-Филологическое общество выражаетъ глубокую благодарность всѣмъ поименованнымъ въ этомъ отчетѣ лицамъ и учрежденіямъ за денежныя пожертвованія на учрежденную при обществѣ премію имени А. А. Потебни.

Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ.

Помѣщая этотъ второй отчетъ, редакція съ своей стороны въ добавленіе къ нему печатаетъ списокъ лицъ, внесшихъ пожертвованія для той-же цѣли черезъ нашъ журналъ.

В. С. Гнилосыровъ—5 р, В. Ф. Вержбицкій—2 р., В. Н. Розничовскій, Е. Н. Моргунъ, Л. С. Сергѣевъ, А. Ѳ. Вержбицкій, Н. Навротскій, Х. Шевченко, А. Авраменко, В. Мировичъ, Г. Чаплинскій, И. В. Войнаровскій, С. Д. Кучеровъ, Малѣевъ, И. Оболонскій, Н. Кутахъ, Н. Руткевичъ, А. Останцовъ, И. Мировичъ, А. Лащенковъ, А. Аврамовъ, А. Ступниковъ, свящ. М. Павелковъ—по 1 руб., К. Никифоровъ, А. Гродецкій, Н. Мищенко, Каніевскій—по 50 к., а всего—31 руб., которые и отправлены въ Харьковское Историко-Филологическое Общество.

Справка о сочиненіяхъ Квитки. Самый обстоятельный списокъ сочиненій Квитки сдѣланъ въ трудѣ о немъ Данилевскаго, въ его «Украинской Старинѣ» (1866 г.). Списокъ этотъ расположенъ по годамъ, съ 1816 г., когда появились первыя печатныя статьи Квитки, по 1863 г. Послѣ этого времени появились въ печати, кажется, только письмо его въ «Кіевской Старинѣ», да здѣсь же неизданный еще разсказъ его. Остается неизвѣстною судьба рукописей Квитки, о которыхъ упоминаетъ Данилевскій въ своемъ трудѣ, какъ

---

[1]) См. № 1893 г.

ему извѣстныхъ. Неужели рукописи эти пропали теперь? Гдѣ «Краткая малороссійская исторія на малороссійскомъ языкѣ для простолюдиновъ», повѣсть «Очки», «Губернскія сцены», Планъ комедіи на малороссійскомъ языкѣ? При усиліяхъ, рукописи эти, можетъ быть, еще и могли бы быть розысканы, и дѣло это всего сподручнѣе харьковскимъ землякамъ и почитателямъ писателя.

Изданіе сочиненій Квитки начатое харьковскимъ земствомъ подъ редакціей А. А. Потебни остановилось на четвертомъ томѣ. Сюда не вошло еще большое количество русскихъ повѣстей и разсказовъ Квитки и два романа: «Панъ Холявскій» и «Похожденія Столбикова», равно какъ и всѣ драматическія сочиненія. (Въ собраніи этихъ сочиненій, изданномъ Кулишемъ въ шестидесятыхъ годахъ, пропущена большая русская комедія «Вояжеры», напечатанная въ 1845 году въ «Библіотекѣ для чтенія»). Будетъ ли предпріятіе харьковскаго земства окончено, или дѣло изданія сочиненій Квитки теперь, когда право литературной собственности на нихъ истекло, предоставится частной иниціативѣ?

Изъ «Отчета Публичной Библіотеки» за 1889 (Спб. 1893 г.) видно, что въ числѣ поступившихъ въ собственность Библіотеки рукописей, находится четырнадцать подлинныхъ писемъ Квитки къ А. А. Краевскому. Въ издававшихся Краевскимъ журналахъ Квитка принималъ участіе въ послѣдніе годы своей жизни. Желательно чтобы эти письма его, имѣющія значеніе и біографическое и историко-литературное, были опубликованы.

Библіографія.

Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Черниговскаго полка (1729—30 года). Черниговъ 1892. Стр. 196 [1]).

Изданіе, заглавіе котораго мы только что выписали, и которое принадлежитъ неутомимому изслѣдователю въ области малорусской исторіи, А. М. Лазаревскому, способно навести на не особенно веселыя размышленія о судьбѣ малорусской исторіографіи или, по крайней мѣрѣ, одной ея части. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ для изданія матеріаловъ, относящихся къ историческимъ судьбамъ правобережной Малороссіи, существуетъ особое оффиціальное учрежденіе, обладающее своимъ органомъ («Архивъ Юго-Западной Россіи») и солидными денежными средствами, исторія Малороссіи лѣваго берега Днѣпра представляется какъ бы забытою, для нея не имѣется никакого спеціальнаго изданія, и самые важные памятники этой исторіи осуждены валяться въ архивахъ и частныха библіотекахъ, ожидая для своего появленія въ свѣтъ случайныхъ частныхъ средствъ, или—въ лучшемъ случаѣ—кое-какъ ютиться на страницахъ мало для нихъ подходящихъ органовъ. Правда, если мы не ошибаемся, нигдѣ не было заявлено, что Кіевская Археографическая Коммиссія существуетъ только для изданія памятниковъ по исторіи правобережной Малороссіи, но мы выводимъ свое заключеніе объ этомъ на основаніи какъ того факта, что вышедшія до сихъ поръ изданія Коммиссіи посвящены исторіи или всей Малороссіи, или правобережной ея части, такъ и заявленія издателя настоящаго памятника, заявленія, совершенно

---

[1]) Рукопись „Генеральнаго слѣдствія о маетностяхъ въ черниговскомъ полку" хранится въ библіотекѣ коллегіи Павла Галагана. Пользуюсь случаемъ принести здѣсь искреннюю благодарность Е. К. Трегубову, благодаря любезности котораго я могъ въ свое время воспользоваться этой рукописью. В. М.

непонятнаго безъ сдѣланнаго нами предположенія. «Нѣсколько лѣтъ назадъ, говоритъ онъ именно въ своемъ предисловіи, мы предлагали Кіевской Археографической Коммиссіи свой трудъ для изданія этого памятника, но предложеніе наше было отклонено»... Мы съ своей стороны не совсѣмъ понимаемъ причины такого порядка, но не можемъ не замѣтить, что онъ крайне невыгодно отражается на изданіяхъ матеріаловъ по исторіи лѣвобережной Малороссіи, настолько невыгодно, что если данный порядокъ не поддается уже измѣненію, то не мѣшало бы серьезно подумать о созданіи особаго органа для исторіи лѣваго берега Днѣпра. Дѣйствительно, хотя бы изданіе настоящаго памятника, по справедливому замѣчанію издателя, «представляющаго собою источникъ первостепеннаго значенія для исторіи землевладѣнія въ Малороссіи», за отказомъ Археографической Коммиссіи принять его, должно было производиться на страницахъ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей. Благодаря этому, издателю не пришлось снабдить его обычнымъ въ такихъ изданіяхъ указателемъ, который сильно облегчилъ бы пользованіе текстомъ, не удалось и напечатать самый памятникъ въ полномъ его видѣ: значительную часть его, именно всѣ приложенные къ слѣдствію документы на владѣніе, пришлось выбросить, сохранивъ только текстъ самаго «слѣдствія», и даже въ такомъ укороченномъ видѣ памятника печатаніе его на страницахъ Черн. Губ. Вѣдомостей продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ. Но этимъ еще далеко не исчерпываются неудобства такого способа изданія: печатать историческіе матеріалы, тѣмъ болѣе сколько-нибудь значительные по объему, въ провинціальныхъ газетахъ, особенно если самъ не имѣешь возможности слѣдить за печатаніемъ, значитъ подвергать ихъ ненамѣреннымъ, но тѣмъ не менѣе неизбѣжнымъ искаженіямъ. Не избѣгло послѣднихъ и настоящее изданіе, изобилующее массою опечатокъ. Мы не будемъ здѣсь останавливаться на тѣхъ изъ нихъ, которыя легко могутъ быть замѣчены и исправлены всякимъ, заключаясь въ простомъ искаженіи слова или общеизвѣстной фамиліи, какъ напр. «привергнулъ» вмѣсто «привернулъ» (с. 40), «владѣльчица» вм. «владѣлица» (с. 50), какъ превращеніе черниговскаго полковника Лизогуба въ Лизога (с. 120) или какъ особенно назойливо почти на протяженіи всей книги повторяющаяся опечатка: «за справою взяти копіи» вмѣсто: «за справкою»... Перечислять всѣ подобные случаи было бы совершенно безполезно, но нелишнимъ, думается намъ, будетъ указать на ошибки въ печатномъ слѣдствіи въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ измѣняется смыслъ даннаго мѣста,

и правильное чтеніе не можетъ быть возстановлено безъ сличенія съ рукописью. Нельзя сказать, чтобы и такихъ случаевъ было очень мало. Такъ на стр. 17 напечатано: «а слободку и Лювку поселилъ де архіерей Чернѣговскій Іоанъ Максимовычъ на грунтъ монастырскомъ, и Лговскомъ» и т. о. рѣчь идетъ какъ будто о двухъ разныхъ поселеніяхъ, слободкѣ и Лговкѣ, между тѣмъ какъ въ рукописи данное мѣсто читается такъ: «а слободку Илговку . . . на грунтѣ монастырскомъ Илговскомъ» (рукопись черниг. слѣдствія, f. 10). На стр. 30 названъ Павелъ Ярмонтовскій вмѣсто Ярмолтовскаго (ib f. 22). На стр. 53 читаемъ: «Евфимъ Лизогубъ... скупивши въ томъ селѣ (Шибириновкѣ) лѣсніе грунта, завладѣлъ и людмы, на нихъ живучимы»; это неясное мѣсто становится совершенно понятнымъ, если замѣтить, что въ подлинникѣ стоитъ не «лѣсніе», а «людскіе грунта» (ib., f. 45). На стр. 57 с. Посоховка переименовано въ Пасаховку, а фамилія Полоницкаго, владѣльца с. Козла, передѣлана въ прилагательное «полковницкого» (ibid., f. 48, 49); на стр. 71 седневскій сотникъ Иванъ Рымша названь «Рымщою» (ib., f. 62). На 77 стр. названа «слобода Зажоведь» вм. «слобода за Жоведю» т. е. лежащая за р. Жоведью и т. о. создано новое имя поселенія (f. 69). Въ другомъ случаѣ наоборотъ имя поселенія исчезаетъ въ печатномъ слѣдствіи, когда на стр. 95 говорится о д. Илмовкѣ, что ее «Грембецкій поселилъ слободою на земли переписной»; напрасно было бы здѣсь ломать себѣ голову надъ разрѣшеніемъ вопроса, что это за «переписная» земля, такъ какъ дѣло гораздо проще: въ рукописи именно стоитъ «на земли Перепиской» (ib., f. 87) т. е. землѣ с. Переписи. На 92 стр. имена двухъ владѣльцевъ сливаются въ одно (Ворошило Грибовичъ) благодаря отсутствію знака препинанія между ними. На 114 стр. фамилія «Школный» обращена въ прилагательное (ib. f. 107); на стр. 116 имѣется д. «Гарбелювка» вмѣсто «Габрелевка» отъ имени основателя козака Габріеля (ib. f. 109). Наконецъ на 129 стр. Обмочевскій гетманскій дворъ именуется Обмоческимъ (ib.. f. 123). Минуемъ еще нѣкоторыя ошибки, менѣе существенныя и легко поддающіяся исправленію. Указывая эти ошибки, мы далеки однако отъ мысли ставить ихъ на счетъ издателя. Для этого не было бы основанія даже въ томъ случаѣ, еслибы не ручался въ противоположномъ давно признанный за А. М. Лазаревскимъ авторитетъ знатока старинныхъ памятниковъ. Причина замѣченнаго явленія, очевидно, лежитъ въ иномъ, а именно—въ условіяхъ провинціальной прессы, вовсе не принаровленной къ дѣлу изданія историческихъ памятни-

ковъ. Тѣмъ болѣе приходится сожалѣть, что издатель былъ вынужденъ обратиться въ данномъ случаѣ къ ея содѣйствію. Само собою разумѣется, однако, мы не хотимъ сказать этимъ, что лучше было совсѣмъ не издавать пока «генеральнаго слѣдствія»; лучше имѣть не вполнѣ удовлетворительное изданіе важнаго памятника, чѣмъ не имѣть никакого.

Изданіе это становится особенно важнымъ, если принять во вниманіе все то значеніе, какое соединяется съ даннымъ источникомъ въ исторіи малорусскаго землевладѣнія. Книги «генеральнаго слѣдствія о маетностяхъ», составленнаго въ 1729—30 гг. по распоряженію верховнаго имперскаго правительства путемъ опроса мѣстныхъ старожиловъ о владѣльцахъ маетностей, настоящихъ и бывшихъ, и ихъ правахъ и повѣрки добытыхъ данныхъ документами, представлеными самими владѣльцами, составляютъ драгоцѣнный, никѣмъ еще въ массѣ своей не эксплоатированный матеріалъ для исторіи различныхъ формъ земельныхъ держаній въ Малоросеіи съ момента отторженія ея отъ Польши и до конца первой четверти 18-го вѣка [1]). Внѣшній видъ изданнаго теперь черниговскаго слѣдствія таковъ: все оно распадается на двѣ части, изъ которыхъ въ первой маетности перечисляются подрядъ по сотнямъ, а во второй («экстрактѣ», составленномъ генеральной старшиной и полковниками изъ слѣдствія) онѣ распредѣлены систематически на 6 статей или разрядовъ по родамъ владѣній. Первая часть, или собственно слѣдствіе, въ свою очередь состоитъ изъ двухъ графъ: въ первой помѣщены данныя, заимствованныя изъ ревизіи 1726 г., произведенной великорусскими офицерами, о числѣ дворовъ въ маетности, ея настоящемъ владѣльцѣ и его правахъ на нее, а иногда и о прежнихъ владѣльцахъ; во второй графѣ тѣ же данныя выводятся изъ сказокъ старожиловъ и предъявленныхъ владѣльцами документовъ, причемъ исторія маетностей представлена въ нихъ гораздо полнѣе и обстоятельнѣе. Слѣдя за взаимнымъ отношеніемъ этихъ графъ, приходится наблюдать фактъ, еще раньше отмѣченный проф. Лучицкимъ для стародубскаго слѣдствія, а именно—неточность и даже довольно часто прямую невѣрность со-

---

[1]) Данныя одного изъ слѣдствій, именно Стародубскаго полка, изложены А. М. Лазаревскимъ въ его книгѣ: „Описаніе старой Малороссіи, т. 1. Стародубскій полкъ“. Кіевъ 1889. Ср. рецензію на эту книгу проф. И. В. Лучицкаго въ Кіев. Унив. Извѣстіяхъ 1890. № 12, гдѣ, помимо частныхъ поправокъ и критики источника, находятся нѣкоторыя весьма важныя обобщенія по исторіи землевладѣнія въ Малороссіи, сдѣланныя на основаніи данныхъ слѣдствія.

общаемыхъ въ первой графѣ свѣдѣній. Самыя имена селъ и деревень нерѣдко подверглись въ ней значительнымъ искаженіямъ: такъ напр. мы находимъ въ ней с. Сосновку вм. Сахновки (стр. 75 неч. под.), с. Симіоновку вм. Семковки (с. 81), с. Кузличичи вм. Кузничей (с. 84—5), с. Бурковцы вм. Борковки (с. 103), с. Максимовку вм. Максаковъ (с. 106) и др. Въ иныхъ случаяхъ поселеніе оказывается совсѣмъ пропущеннымъ въ 1-й графѣ, какъ не занесенное въ экстрактъ изъ ревизіи 1726 г., какъ напр. г. Березная (с. 98), или заносится не въ ту сотню, какъ с. Хрипковка въ Седневскую сотню вмѣсто Городницкой (с. 70) или с. Носовы Млины, подъ измѣненнымъ къ тому же именемъ Новыхъ Млиновъ, въ Менскую сотню вмѣсто Седневской (с. 107). Точно также невѣрно бываетъ показано въ 1-й графѣ число дворовъ даннаго поселенія: напр. въ д. Скоренцѣ показано 3 двора подсусѣдковъ, тогда какъ ихъ на лицо только 2, въ д. Слободкѣ 4 двора на урядъ полковничій, а ихъ не оказалось ни одного, въ д. Лукашовкѣ 6 дворовъ вмѣсто 3, въ с. Яновкѣ 4 двора вмѣсто 11 (стр. 7—8); въ с. Горбовѣ за вдовою выбельскаго сотника Лобка показано 5 дворовъ, а ихъ имѣется только 3 (с. 13) и т. п. Если даже въ нѣкоторыхъ изъ этихъ случаевъ и допустить дѣйствительно измѣненіе численности владѣній, происшедшее въ промежутокъ времени между ревизіей 1726 г. и 1729 годомъ, когда составлялось слѣдствіе, то во множествѣ другихъ мы имѣемъ передъ собою явную ошибку ревизіи, исправляемую слѣдствіемъ. Такъ, въ 1-й графѣ записано во владѣніи любечскаго попа Гаврила Ерофѣева 10 дворовъ въ м. Любечѣ, а во 2-й графѣ читаемъ: «въ ономъ мѣстечкѣ Любечи 10 дворовъ такихъ церковнихъ во владѣніи попа Гаврила не сыскалось, а сыскались оніе дворы по сторонамъ въ разнихъ деревнихъ», и при томъ только 9. Въ иныхъ случаяхъ невѣрнымъ оказывается въ 1-й графѣ имя владѣльца маетности. Такъ, с. Выбли и нѣкот. другія въ ней показаны бывшими во владѣніи выбельскихъ сотниковъ, причемъ сказано, что теперь ими владѣетъ сынъ выбельскаго сотника Федора Шубы значковый товарищъ Стефанъ; между тѣмъ по сказкѣ старожиловъ, приведенной во 2-й графѣ и подтверждаемой справкой съ документами, оказывается, что этими селами владѣлъ сотникъ Стефанъ Шуба, затѣмъ его сынъ полковой товарищъ Семенъ Шуба, и въ моментъ составленія слѣдствія сынъ Семена Стефанъ; Федора же Шубы въ числѣ владѣльцевъ не имѣлось (с. 14). Въ д. Ройской показаны 6 дворовъ во владѣніи зн. тов. Ивана Мокріевича, тогда какъ ими владѣетъ бунч. т. Моисей Дмитровичъ (с. 34). Въ с. Бѣлоусѣ Старомъ

пропущено 7 дворовъ владѣнія черниговскаго бурмистра Есипа Тищенка (с. 40); точно также въ с. Хмелницѣ пропущено 7 дворовъ владѣнія полк. судьи Василія Каневскаго (с. 47). Или напр. дд. Кукари и Скугари показаны во владѣніи Выдубицкаго монастыря, тогда какъ на дѣлѣ ими владѣлъ Любецкой монастырь (с. 59—60). Наконецъ, не менѣе, если еще не болѣе, ошибокъ заключается и въ тѣхъ свѣдѣніяхъ 1-й графы, которыя касаются исторіи маетностей или опредѣленія рода владѣнія. Укажемъ для примѣра на с. Роищи, о которомъ въ первой графѣ сказано: «владѣли полковые асаулъ и обозній», тогда какъ во второй графѣ мы находимъ въ числѣ владѣльцевъ сперва воеводу черниговскаго замка въ гетманство Многогрѣшнаго, затѣмъ попа церкви Благовѣщенья въ Черниговѣ при Самойловичѣ и уже только послѣ нихъ полковыхъ асауловъ (с. 19—20), или на с. Звеничевъ, о которомъ въ 1-й графѣ говорится: «владѣлъ полковой писаръ», а во второй перечисленъ цѣлый рядъ разнообразныхъ владѣльцевъ и въ заключеніе говорится, что нынѣшній державца «владѣетъ по прежней дачи, а не по писарству» (с. 21—22). О д. Гусинкѣ въ первой графѣ говорится, что ею «владѣли чернѣговскіе полковники и полковіе писари», а по даннымъ 2-й графы въ ней довольно долго существовала традиція наслѣдственности отъ польской шляхты, лишь впослѣдствіи стертая новыми порядками (с. 22—23). Аналогичный примѣръ имѣемъ въ принадлежащихъ Мокріевичамъ с. Сибережи и д. Ямищахъ, которые въ первой графѣ означены какъ «принадлежащіе полку» и отданные Мокріевичамъ въ 1715 г. гетм. Скоропадскомъ, тогда какъ на дѣлѣ они перешли въ ихъ владѣніе «отъ шляхти польской... по наслѣдству» и были утверждены за ними еще жалованными грамотами 1667 и 1690 гг. (с. 31). Въ иномъ нѣсколько родѣ слѣдующій случай: о дворахъ, принадлежащихъ зн. т. Александру Моляввкѣ въ с. Шибириновкѣ и дд. Антоновичахъ, и Левонкахъ, въ 1-й графѣ сказано: «поселени на полковихъ грунтахъ», тогда какъ во второй графѣ читаемъ: «тѣ дворы отца его... купленіе, не полковіе» (с. 55). При такомъ различіи данныхъ двухъ графъ, которое мы старались иллюстрировать приведенными примѣрами, врядъ ли можетъ возникнуть и споръ объ ихъ сравнительномъ достоинствѣ. Не говоря уже о томъ, что подлинныя сказки старожиловъ сами по себѣ представляютъ гораздо болѣе гарантій вѣроятности, чѣмъ ревизія, произведенная великорусскими офицерами, мало знакомыми съ страной и порядкамм ея землевладѣнія, эти сказки во множествѣ случаевъ подтверждаются и показаніями документовъ, при-

томъ именно тамъ, гдѣ онѣ расходятся съ данными ревизіи. Такимъ образомъ вторая графа первой части слѣдствія, въ которой или прямо исправляются невѣрныя показанія первой графы или, по крайней мѣрѣ, имѣются данныя для такого исправленія, и является наиболѣе важною частью даннаго памятника; на ея основаніи составлена и вторая часть слѣдствія или «экстрактъ» изъ слѣдствія. Этимъ опредѣляется и характеръ возможныхъ сокращеній другихъ подобныхъ слѣдствій въ томъ случаѣ, еслибы такія сокращенія были признаны желательными въ интересахъ изданія. На нашъ взглядъ, именно, безъ всякаго ущерба для изданія можно было бы выбросить почти всю, за рѣдкими исключеніями, первую графу слѣдствія, сохранивъ изъ нея только цифры дворовъ въ маетностяхъ, такъ какъ въ томъ случаѣ когда эти цифры не было надобности исправлять, онѣ совсѣмъ отсутствуютъ во второй графѣ; все остальное имѣется въ этой послѣдней въ болѣе полномъ и точномъ видѣ.

«Сказки» старожиловъ, охватывавшія исторію отдѣльныхъ селъ, «якъ они упомнятъ» или «якъ память ихъ осягнетъ», извлеченія изъ документовъ, помѣщенныя въ слѣдствіи, и наконецъ самые документы, къ нему приложенные, но къ сожалѣнію не попавшіе въ настоящее изданіе, какъ мы уже говорили, представляютъ цѣнный матеріалъ для исторіи какъ различныхъ формъ земельныхъ держаній въ Малороссіи съ 1654 по 1729 г., такъ и взаимныхъ отношеній этихъ формъ. Группировка этихъ данныхъ по всѣмъ сохранившимся слѣдствіямъ (ихъ уцѣлѣло 7) дала бы возможность нарисовать почти полную картину малорусскаго землевладѣнія за указанный періодъ времени, картину, къ которой понадобилось бы добавить лишь нѣкоторые комментаріи изъ другихъ источниковъ въ видахъ большаго уясненія отдѣльныхъ ея частей. Само собою разумѣется, въ рамкахъ настоящей рецензіи не можетъ быть произведена подобная группировка и не могутъ быть даже перечислены тѣ выводы, къ какимъ приводитъ изученіе черниговскаго слѣдствія о маетностяхъ; то и другое—дѣло особаго изслѣдованія. Но въ интересахъ характеристики источника, о которомъ идетъ рѣчь, мы позволимъ себѣ, рискуя злоупотребить вниманіемъ читателей, остановиться нѣсколько на тѣхъ данныхъ вновь изданнаго памятника, которыя особенно ярко и рельефно выступаютъ въ немъ, бросая въ то же время довольно сильный свѣтъ на историческое прошлое Малороссіи. Однѣ изъ этихъ данныхъ относятся къ начальнымъ судьбамъ землевладѣнія гетманской Малороссіи, другія—ко времени гетманства Апостола.

Извѣстно ходячее, почти всѣми изслѣдователями, можно сказать, повторявшееся мнѣніе, по которому съ отторженіемъ Малороссіи отъ Польши рухнули въ первой и всѣ польскіе, шляхетскіе порядки землевладѣнія и всѣ старыя права на землю «скасованы были козацкой шаблей». Не входя здѣсь въ спеціальный разборъ этого мнѣнія, основаннаго, на нашъ взглядъ, на простомъ недоразумѣніи, мы должны однако замѣтить, что данныя «слѣдствія» Черниговскаго полка далеко не подтверждаютъ такого мнѣнія. Напротивъ въ слѣдствіи этомъ мы находимъ цѣлый, и довольно значительный, рядъ маетностей, сохраненныхъ за шляхтой, перешедшей въ ряды козацкаго войска, на основаніи «отчистаго права» и подтвержденныхъ гетманскими универсалами «королевскихъ привилієвъ», равно какъ встрѣчаемъ маетности, доставшіяся козакамъ «по наслѣдію отъ польской шляхты» въ силу родственныхъ связей съ нею или, наконецъ, переданныя этой шляхтой до или послѣ возстанія Хмельницкаго въ православные монастыри и церкви и оставленныя за послѣдними при гетманскомъ режимѣ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ старый принципъ землевладѣнія въ силу наслѣдственнаго права продолжаетъ дѣйствовать, и если въ иныхъ случаяхъ онъ и исчезаетъ позднѣе передъ напоромъ новыхъ порядковъ, уступая мѣсто гетманскимъ распоряженіямъ, то въ другихъ онъ доживаетъ вплоть до 1730 года и продолжаетъ жить и дальше. Такихъ маетностей, по отношенію къ которымъ сохранялись еще нѣкоторое время старыя права, въ предѣлахъ Черниговскаго полка можно насчитать до 25; если принять во вниманіе, что всѣхъ маетностей [1]) въ этомъ полку въ 1730 г. насчитывалось 358, то мы увидимъ, что маетностей, находившихся въ постоянномъ прочномъ пользованіи владѣльцевъ, уже въ первое время послѣ возстанія насчитывалось до 14-й части общаго ихъ числа. Эту долю придется еще значительно увеличить, такъ какъ большое число селъ, занесенныхъ въ слѣдствіе, было основано уже послѣ 1654 года, и т. о. мы будемъ не очень далеки отъ истины, когда скажемъ, что около 10-й—12-й части маетностей сохранили на себѣ старый порядокъ владѣнія и послѣ успѣха возстанія Хмельницкаго—цифра не особенно маленькая. Значеніе этого факта въ области соціально-

[1]) Во избѣжаніе возможныхъ недоразумѣній считаемъ нелишнимъ замѣтить, что терминъ „маетность“ въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребляетъ его „генеральное слѣдствіе“, а за нимъ въ данномъ случаѣ и мы, означаетъ держаніе одного владѣльца въ какомъ-либо поселеніи, далеко не всегда совпадающее съ границами самаго поселенія.

экономической исторіи страны не требуетъ подробныхъ комментаріевъ. Если отъ этого начальнаго момента въ исторіи частнаго землевладѣнія гетманской Малороссіи мы перейдемъ прямо къ 1730 году, передъ нами развернется картина совсѣмъ иного рода. Отъ старыхъ шляхетскихъ правъ сохранились къ этому времени лишь одни незначительные обломки, но за то выросла цѣлая группа частныхъ владѣній, построенныхъ первоначально на иномъ принципѣ, но въ концѣ концовъ, за уничтоженіемъ связывавшихъ ихъ ограниченій, сильно приблизившихся къ тому же типу полнаго частнаго владѣнія. Всѣхъ маетностей въ 1730 г. въ Черниговскомъ полку считалось, какъ мы уже упомянули выше, 358, съ 10.681 дворами посполитыхъ. Изъ этого числа владѣльческихъ маетностей, т. е. принадлежащихъ частнымъ лицамъ на правахъ потомственнаго владѣнія, было 244 съ 6.526 дворами посполитыхъ (изъ нихъ 1.170 дворовъ принадлежало одной фамиліи Лизогубовъ) и спорныхъ между разными владѣльцами 8 съ 716 дворовъ; монастырскихъ маетностей считалось 70 съ 2.025 дворами, ратушныхъ—6 съ 103 дворами, ранговыхъ—20 съ 561 дв. и свободныхъ—10 съ 750 дворами. Такимъ образомъ однихъ владѣній чистаго частнаго типа (владѣльческихъ и монастырскихъ) насчитывалось 322 съ 9.267 дворами, тогда какъ всѣ остальныя владѣнія едва составляли $^1/_9$ часть общаго числа маетностей. Если же взять всѣ маетности, подъ различными титулами владѣнія находившіяся въ рукахъ владѣльцевъ, то число ихъ достигнетъ 348, а число имѣвшихся въ нихъ дворовъ 9.931; рядомъ съ этими громадными цифрами жалкое впечатлѣніе производитъ ничтожное количество 10 свободныхъ маетностей. Такъ въ результатѣ исторіи трехъ двадцатипятилѣтій частное владѣніе почти поглотило всѣ остальныя формы земельныхъ держаній и во всякомъ случаѣ заняло между ними безусловно доминирующее положеніе. Какъ это произошло какія условія способствовали такому быстрому процессу, каковы были эти другія формы, не смогшія проявить равную жизнеспособность—отвѣтъ на всѣ эти вопросы въ значительной мѣрѣ заключается въ книгахъ «генеральнаго слѣдствія» и дать его значило бы написать исторію землевладѣнія въ гетманской Малороссіи. Такая исторія дѣйствительно еще не написана, она составляетъ еще дѣло будущаго и ждетъ своихъ изслѣдователей, но изданія, подобныя настоящему, прокладываютъ послѣднимъ дорогу, облегчая и укорачивая ихъ трудъ. По этому-то, принося глубокую благодарность А. М. Лазаревскому за изданіе черниговскаго слѣдствія, мы не можемъ не закончить своей

рецензіи пожеланіемъ, чтобы ему удалось довести до конца начатый трудъ, напечатавъ и слѣдствія остальныхъ полковъ, при томъ въ условіяхъ, по возможности, болѣе благопріятныхъ, чѣмъ какія достались на долю настоящаго изданія.

В. М.

Матеріалы по археологіи Россіи, издаваемые Импер. Археологической Коммиссіею. № 11. Древности юго-западнаго края. Раскопки въ странѣ Древлянъ В. Б. Антоновича. Съ 7 планами и 47 политипажами. Спб. 1893 г. 78 стр. 4°.

Содержаніемъ настоящаго выпуска служитъ изложеніе результатовъ курганныхъ раскопокъ въ сѣверной части кіевской и въ юго-восточной части волынской губ. съ предпочтительнымъ вниманіемъ къ курганамъ особаго, наиболѣе распространеннаго здѣсь, типа, признаваемаго почтеннымъ авторомъ настоящаго труда—древлянскимъ. Границы распространенія даннаго погребальнаго типа опредѣляются теченіемъ Ирпеня и Раставицы на югѣ, Припяти на сѣверѣ, Днѣпра на востокѣ и верхнихъ теченій Тетерева и Уши на западѣ. Въ указанной мѣстности насчитывается до 307 могильниковъ и въ нихъ около 7.400 кургановъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ изъ могильниковъ число отдѣльныхъ могильныхъ насыпей доходитъ до нѣсколькихъ сотъ, а у Ягнятина превышаетъ 1000. Изъ всего указаннаго количества кургановъ раскопано съ научною цѣлью понынѣ 313; изъ этого числа 303 кургана заключали въ себѣ погребенія древлянскаго типа. Авторъ настоящаго труда воспользовался и данными, добытыми г. Гамченкомъ при раскопкѣ житомірскаго могильника.

Настоящій трудъ распадается на двѣ части: общую (стр. 1—25) и спеціальную (25—78 стр.). Первая часть представляетъ собою обобщеніе результатовъ раскопокъ по слѣдующимъ категоріямъ явленій: наружный видъ кургановъ, насыпь кургановъ, устройство могилы, положеніе скелета, предметы, найденные въ могилахъ, другіе похоронные типы въ странѣ Древлянъ. Этой первой части предпосланъ «Общій очеркъ» (стр. 1—4), въ которомъ изложены топографическія свѣдѣнія и данныя о численности могильниковъ и кургановъ въ нихъ. Во второй части выпуска напечатаны дневники раскопокъ и «общія замѣчанія». Это—собственно тотъ матеріалъ, изъ котораго построена первая часть выпуска, матеріалъ подвергнутый внимательному анализу; дневники раскопокъ каждой группы курга-

новъ сопровождаются «общими замѣчаніями» по той же самой программѣ, какъ и первая часть труда. Здѣсь мы находимъ дневники раскопокъ у с. Буки, Ягнятина, Вчорайше и Грубскъ сквирскаго у. кіевск. г., у с. Блыставицы кіевскаго у., у д. Олешполя, у с. Вышевичъ, Стрыжавки, Коростышева, Городска, Минины, Городища и Головки радомысльскаго у., у м. Котельня житомір. у. волынск. г., у г. Житоміра и у м. Искорости овручск. у.

Общіе результаты настоящаго труда представляются въ слѣдующихъ чертахъ.

Курганы «древлянскихъ» могильниковъ сохранили конусообразную форму и отличаются куполообразными вершинами; высота ихъ довольно незначительна: средняя высота ихъ не достигаетъ одного метра, причемъ самый высокій имѣлъ только 2,85 метра. Многіе изъ нихъ окружены рвомъ, который прерывается въ одномъ или въ нѣсколькихъ мѣстахъ естественными мостиками. Насыпь кургановъ обыкновенно состоитъ изъ того матеріала, который находится въ верхнемъ слоѣ почвы данной мѣстности. Въ насыпи почти постоянно встрѣчались черепки разбитыхъ глиняныхъ сосудовъ и разрозненныя кости животныхъ: барана, лошади, быка и свиньи, и также часто отдѣльныя гнѣзда угля. Въ насыпи нѣкоторыхъ кургановъ встрѣтилась особая деревянная постройка, имѣвшая, повидимому, форму двускатной крыши. Могилы встрѣчались и выше горизонта, и на уровнѣ его, но чаще всего ниже его поверхности, въ неглубокихъ ямахъ, выкопанныхъ до поверхности подпочвы; такимъ образомъ глубина могильныхъ ямъ бывала различная, но средняя глубина равнялась 0,59 метра. Иногда скелеты оказывались окруженными углемъ или известью, въ землѣ непосредственно ихъ окружавшей замѣчалась также примѣсь золы; наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ вокругъ скелета наблюдался или песокъ, или глина яркаго цвѣта. Въ рѣдкихъ случаяхъ въ могилахъ открыты слѣды дерева; оно замѣчаемо было обыкновенно въ видѣ толстыхъ брусьевъ, лежавшихъ по сторонамъ скелета или покрывавшихъ его сверху и иногда скрѣленныхъ желѣзными гвоздями. Но и независимо отъ остатковъ дерева, даже въ могилахъ безъ всякихъ слѣдовъ его находились около скелетовъ въ значительномъ количествѣ желѣзные гвозди, почти всегда шляпками вверхъ; чаще всего они сосредоточивались у головы и у концовъ ногъ, но встрѣчались и по контурамъ скелетовъ вообще: съ внѣшней и внутренней стороны бедренныхъ костей и костей голени, у костей таза, у поясницы, съ внѣшней и внутренней стороны плече-

выхъ костей и пр. Очень часто подъ скелетомъ замѣчалась подстилка, которую составляли: или весьма тонкій слой дерева, или слой угля, глины, глея, песку, ила, мелкихъ разноцвѣтныхъ камешковъ и пр. Подъ каждымъ курганомъ обыковенно находилась только одна могила; въ коллективныхъ же гробницахъ, которыя представляли рѣдкое исключеніе, почти всегда замѣчалось совмѣстное погребеніе взрослыхъ и дѣтей. Всѣ скелеты лежали на спинѣ, головою къ западу, съ нѣкоторыми отклоненіями къ сз. или къ юз.; встрѣчались, правда, случаи обратнаго положенія скелетовъ, но такихъ было всего шесть; положеніе рукъ замѣчалось весьма различное, сравнительно чаще обѣ руки лежали по сторонамъ туловища; ноги всегда были вытянуты по направленію его. Средній ростъ скелетовъ, основанный на 130 произведенныхъ измѣреніяхъ, выражался цифрою 1,67 метровъ, такимъ образомъ можетъ быть призванъ выше средняго. Значительное большинство череповъ оказались принадлежащими къ типу короткоголовому. «Древлянскія» могилы оказались очень бѣдными по части бытовыхъ предметовъ. Оружіе въ нихъ попадалось весьма рѣдко. Найдены: желѣзныя копья, кинжалъ, ножъ и наконечникъ стрѣлы. Также рѣдко находима была глиняная посуда, въ формѣ широкогорлыхъ кувшиновъ безъ ушковъ, съ расширенными боками и отогнутымъ наружу вѣнчикомъ; чаще попадались у ногъ скелетовъ остатки деревянныхъ ведеръ, окованныхъ желѣзными обручами и снабженныхъ желѣзными же дужками. Весьма замѣчательное явленіе представляетъ собою чаша, найденная у Житоміра въ лѣвой рукѣ скелета, лежавшей на его груди; чаша эта была приготовлена изъ отпиленной верхней части человѣческаго черепа; два другіе такіе случая констатированы г. Гамченкомъ. Затѣмъ при скелетахъ находимы были огнива и кремни, которые носились въ кожанныхъ мѣшечкахъ, въ одномъ изъ такихъ мѣшочковъ кромѣ огнива хранились: брусокъ, куски сѣры и 3 бараньихъ астрагала, употребляемые еще и теперь дѣтьми для игры, называемой «паци». Весьма часто при скелетахъ находимы были желѣзные ножи, иногда съ остатками деревянныхъ и костяныхъ ручекъ. Были найдены въ двухъ могилахъ серпы и въ двухъ же могилахъ—пряслицы изъ краснаго шифера. Остатковъ одежды найдено мало и они большею частію не имѣли опредѣленнаго характера; въ одномъ только слѣчаѣ замѣчены слѣды ворота, который былъ обложенъ шелковой лентою, перетканною золотыми и серебряными нитками; въ двухъ курганахъ на скелетахъ замѣченъ толстый слой органическаго вещества, сосоявшаго изъ перепутанныхъ шерстяныхъ волоковъ; по пред-

положенію автора, это были остатки овчинныхъ тулуповъ и такихъ же шапокъ. Воротъ одежды застегивался на шеѣ особой застежкою. Находимы были изрѣдка пояса, сдѣланные изъ ткани и изъ ремня, застегивавшіеся бронзовыми и серебряными пряжками различной формы; у кожанныхъ поясовъ висѣли ремни, на концахъ которыхъ встрѣчались бронзовыя кольца, служившія по предположенію автора, для прикрѣпленія различныхъ предметовъ. Въ нѣкоторыхъ могилахъ уцѣлѣли остатки кожаныхъ полусапожекъ съ широкими отворотами, безъ особыхъ подошвъ, съ острыми носками. Волосы украшаемы были кольцами серебряными и бронзовыми и бусами. Въ одномъ изъ житомірскихъ кургановъ на головѣ скелета найденъ особаго рода вѣнчикъ, состоявшій изъ колецъ, нанизанныхъ на валекъ изъ березовой коры; въ другихъ могилахъ замѣчены слѣды головнаго убора, въ родѣ вышитой бусами шапочки. Находили серьги, рѣдко съ обѣихъ сторонъ, чаще—у которой нибудь одной; онѣ состояли изъ тонкихъ серебряныхъ или бронзовыхъ колечекъ, обыкновенно гладкихъ, лишенныхъ всякихъ украшеній. Рѣдко встрѣчались мониста изъ мелкихъ бусъ желтаго и зеленаго цвѣтовъ и стеклянныхъ—позолоченныхъ и посеребренныхъ. Чаще находимы были перстни и кольца, обыкновенно согнутые изъ тонкой проволоки или свитые изъ нѣсколькихъ проволокъ на подобіе жгута, рѣже—приготовленные изъ плоскихъ серебряныхъ пластинокъ.

Кромѣ кургановъ, признаваемыхъ авторомъ древлянскими, на разсматриваемой мѣстности онъ указываетъ 8 кургановъ и гробницъ каменнаго вѣка и двѣ могилы такъ называемаго скиѳскаго типа. Всѣ они особаго интереса, по нашему мнѣнію, не представляютъ.

Въ общемъ и въ частностяхъ новый трудъ профессора Антоновича отличается обычными другимъ его трудамъ достоинствами: дневники его раскопокъ чрезвычайно тщательны и подробны, анализъ данныхъ, полученныхъ путемъ раскопокъ, исполненъ съ величайшимъ вниманіемъ и разносторонностью, а обобщенія въ первой части труда—съ необыкновенной осмотрительностью.

Съ вѣшней стороны и этотъ выпускъ «Матеріаловъ» столь же хорошъ, какъ и предыдущіе. Политипажей въ немъ по нашему мнѣнію, даже больше, чѣмъ было надо, и исполнены они вообще хорошо. Слѣдуетъ, однако, пожалѣть, что узоры на рис. 16 и 17 не вышли, и пожалѣть тѣмъ болѣе, что вещей съ орнаментомъ найдено въ древлянскихъ могилахъ крайне ограниченное число.

В. Ястребовъ.

Отчетъ Импер. Археологической Коммиссіи за 1889 г. Съ 88 политипажами. Спб. 1892. Стр. 128 in 4°. Тоже за 1890 г. 152 стр. 4°. Съ 91 политипажемъ. Спб. 1893.

«Отчеты» Археологической Коммиссіи отличаются большею подробностью въ сравненіи съ отчетами археологичеческихъ обществъ, представляя собою обстоятельное изложеніе, если не буквальную передачу въ систематическомъ порядкѣ отчетовъ лицъ, производившихъ раскопки на средства Коммиссіи, а также описаніе случайныхъ пріобрѣтеній древностей. Въ «Отчетахъ» за 1889 и 1890 годы находятся свѣдѣнія о раскопкахъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ юга Россіи, а именно: въ таврической губ. (въ мелитопольскомъ и симфероп. у., въ Херсонесѣ и въ Керчи), въ губерніяхъ екатеринославской, херсонской, бессарабской, кіевской и волынской, въ области донскаго войска, точно также въ нѣкоторыхъ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, какъ то: въ минской, виленской и витебской губ. Изъ частныхъ приношеній и случайныхъ находокъ слѣдуетъ отмѣтить: драгоцѣнный кладъ древнерусскихъ золотыхъ и серебряныхъ вещей XII в., найденный въ Кіевѣ, по Троицкому переулку, въ усадьбѣ г-жи Гребеновской, въ составъ котораго между прочимъ входитъ единственная доселѣ княжеская діадема, составленная изъ золотыхъ съ привѣсками кіотцевъ съ изображеніями Деисуса; далѣе—золотыя украшенія съ чеканнымъ узоромъ и золотыя серги съ аметистами, открытыя бл. с. Ясинова ананьевск. у. херсонск. губ.; золотые браслеты, украшенные змѣиными головами, найденные въ юртѣ Голубинской станицы области донскаго войска; бронзовое зеркало съ изображеніемъ соколиной охоты, найденное бл. с. Табурище александрійск. у. херсонской г. Изъ пріобрѣтенныхъ Коммиссіею рукописныхъ документовъ и рисунковъ слѣдуетъ упомянуть о подробномъ планѣ гор. Кіева съ указаніемъ мѣстъ, въ которыхъ были найдены русско-византійскія древности; планъ этотъ составленъ Д. В. Айналовымъ при содѣйствіи В. Б. Антоновича. Полезнымъ нововведеніемъ въ разсматриваемыхъ отчетахъ являются таблицы, напечатанныя въ приложеніи, въ особенности та изъ нихъ, на которой означены мѣста случайныхъ нахожденій древностей. Въ началѣ отчета за 1889 годъ напечатано Высочайшее повелѣніе 11 марта 1889 г. о предоставленіи Археологической Коммиссіи исключительнаго права раскопокъ на земляхъ казенныхъ и общественныхъ и наблюденія за реставраціей монументальныхъ памятниковъ, а также—положенія, выработанныя ею на основаніи этого повелѣнія при содѣйствіи ученыхъ обществъ.

В. Ястребовъ.

Понеделокъ. 16. Сегодня обѣдалисмо сами, а по обѣдѣ приходилъ Василь Дейнека Засулскій и приводилъ человѣка, которого за шафара залѣцалъ. Свѣтлокаштановатаго коня купилемъ въ татарина за 8 р. зъ полтиною. Тимофѣю Скоропадскому позичилемъ 20 р., на що и записъ онъ далъ, а писалъ отъ его на тіе денги облѣgъ п. Іванъ Турнавіотъ.

Вовторникъ. 17. Сегодня обѣдалисмо сами и съ нами Якубовичъ. Змеіова обослалемъ пузлеркомъ водки и флѣнтою. За пару перелъ далемъ 10 р. Приходили ко мнѣ Цись и Василь Дейнека за Оробемъ. за которого ручался Цись. По обѣдѣ ездилемъ до п. Федора дядка.

Середа. 18. Сегодня обѣдалисмо въ дому и съ нами п. Федоръ дядко и Дейнека; при Дейнецѣ жъ уговорилемъ на годъ шафаремъ Оробя за 100 зол. У вечеру посѣщалъ мене подполковникъ Андрей Івановичъ Змеіовъ.

Четвер. 19. Принималемъ сегодня конфектъ пурgуючихъ и малое отъ оного имѣлемъ дѣйствіе. Обѣдалисмо сами, а съ нами Федоръ Заборовскій и Василь Дейнека. Татарчука Амплія, купленного за 15 р., уступилемъ дядку п. Федору за 10 р. У вечеру ходилисмо до Якима Горленка и Василя Томари.

Пятокъ. 20. Сегодня зъ квартири своей никуда не ездилъ. Купилемъ рижого коня за 6 р., карого за 7 р. зъ полтиною, гнѣдого за 9 р. м 30 а., и того трое коней за 27 р. и 8 гривенъ. Федоръ Чуйкевичъ былъ у насъ и презентовалъ реестръ 26 товаришевъ бунчуковихъ болнихъ нашей компанѣи, отъ штапъ-лѣкара Бриля и другихъ лѣкарей ку отпуску аттестованнихъ, которій слѣдуетъ: Василий Кочубей, Демянъ Туранскій, Александеръ Шишъкевичъ, Василь Покотило, Василь Харевичъ, Ѳома Городисскій, Степанъ Бутовичъ, Петракій грекъ, Яковъ Марковичъ, Михайло Хвастовскій, Іванъ Троцкій, Ілля Покотило, Герасимъ Кованка, Іванъ Борзна, Леонтій Метелскій, Степанъ Холодовичъ, Осипъ Тарасевичъ, Григорій Покотило, Парфенъ Пекалѣцкій, Дмитро Колачинскій, Федоръ Чуйкевичъ, Іванъ Турнавіотъ, Петръ Бутовичъ, Степанъ Лазаревичъ, Василь Томара, Андрей Раковичъ, всѣхъ 26,

Семенъ Карпѣка после приданъ. Да давнихъ болнихъ, которіе еще отъ Еропкина оставленни зде и якіе зъ Сулаку прислани болніе жъ, тихъ реестръ прилагается и оніе всѣ указомъ сенатскимъ получили свой ку домамъ отпускъ, а именно; Семенъ Чуйкевичъ, Якимъ Кулябка, Іванъ Шишкевичъ, Тимофѣй Журавка, Василь Лазаревичъ; въ Астраханѣ оставленніе: Аѳанасій Дорофѣевичъ, Яковъ Грабовскій, Федоръ Марковичъ, Іванъ Новѣцкій, Павелъ Раковичъ, Андрей Бурковскій, Демянъ Бутовичъ, Николай Борозна, Андрей Дзявулскій, Стефанъ Миклашевскій, Іванъ Забѣла обтовскій, Стефанъ Забѣла, Іванъ Тарнавскій, Захарій Рощаковскій, Василь Зелененкій, Іванъ Забѣла, борзенскій. Цена въ Астраханѣ теперъ маслу перетопленому полтора рубля пудъ, олѣи ведро по 2 р., лою перетопленого пудъ по 40 а., воску по 8 р., ганишу по 4 р., вовни пудъ полтора рубля. Зъ Украини конѣ въ Полщу водятъ продавать на Полѣссе до Хвойниковъ, где о Покровѣ ярмарокъ бываетъ, а Хвойники отъ Любеча 8 миль.

Субота. 21. Сегодня обѣдалисмо сами зъ Якубовичемъ. Купилемъ сивого коня у татарина за 8 руб. да придатку мало. По обѣдѣ посѣщалъ мене Андрей Миклашевскій, Завадовскій, отецъ Павелъ, а я у вечеру у Черняка былъ и Николая Григоріевича; былъ же у мене Іванъ Новѣцкій и пожекгнался со мною. Засвѣдителствовали писмомъ куплю калмиковъ и татарчатъ отъ мене ставшуюся Іванъ Турнавіотъ, Яковъ Якубовичъ и Мойсѣй Худолѣй и карту на тое дали, а именно: о Платону, Амплію, Аттогону, Урбану, Ковеню.

Неделя. 22. Сегодня службы Божой слухалисмо у ст. Николая и обѣдалисмо сами и съ нами Якубовичъ. Зъ С. П. Бурху пріехалъ куріеръ, которій сказивалъ, что объ отпуску нашомъ состоялся указъ. Зъ Украйни до Федора Ширая пріехалъ человѣкъ зъ вѣстю, что мати его, а сестра Миклашевскихъ умерла.

Понеделокъ. 23. Сегодня обѣдалисмо у себе, а по обѣдѣ ездилемъ до Змеіова и тамъ посидѣвши, пріехалемъ до квартири, а у вечеру ходилисмо до Томари.

Вовтор. 24. Сегодня рано былъ смотръ болной компанѣи губернаторомъ самимъ, где всѣхъ, кромѣ мене одного, приговорено отпустить, а о мнѣ списиватись до князя Долгорукова, того ради, что мене за первѣйшого въ компанѣи и знатнѣйшого почитаютъ, хочай же кручокъ и не зъ такой звязанъ причини. Федоръ Юрченко отдалъ 4 реестрика чили облѣкgи должнихъ мнѣ людей, а на 20 р. отдалъ онъ же Федоръ брату своему въ дому облѣкги. По обѣдѣ ездилемъ до штапъ лѣкара, где и Змеіовъ былъ, откуду они жъ съ дамами, полковницею Пѣлевою, штапъ лѣкаршею и лѣкаршею, пріехали ко мнѣ и позабавивши у мене довольно, отехали во свояси. За виномъ въ Волоскую землю посилать въ августѣ мѣсяцѣ, а на продажъ туда добре возить футра заячіе бѣліе, полотно товстое, мѣхи, вожки, обротѣ. У Кіеви суль найдешевшая въ августѣ м-цѣ, а набѣлъ у Филиповъ постъ и въ слѣдуючіе мясницѣ. Пѣснь, 10-го януар. составленная, слѣдуетъ:

Господи Боже мой, пою пѣснь ти нову.
Правди моей въ тебѣ благодать готову
Якъ оправдаешъ грѣшна человѣка,
Тайна твоя сія есть зѣло велика.
Небо натуралнимъ умомъ познаваю
Открилъ ти мнѣ сіе и я постиgаю,
Виненъ я въ Адамѣ и въ себѣ безъ мѣри.
Зачахся, родихся и живу грѣшенъ въ мирѣ.
Далъ ты мнѣ твой законъ оній совершити,
И за тое правду мою получити,
Но я преступникомъ сего показался,
Того ради оній долгомъ моимъ стался.
А я должникъ бѣдний, бѣди непремѣнни!
Гнѣву ти страшному и казни повинний,
Что жъ по смерти моей мене ожидало?—
Вѣчное нещасте тамъ мнѣ подобало.
Сожалѣлъ ты о сей бѣдности пребѣдной
Умилился въ моей пагубѣ зловидной,
И сей жаль исходилъ зъ твоей благодати

А правда искала долгъ тотъ ти воздати.
И нелзя безъ сего было обойтися
Нелзя должну нищу отъ казни спастися.
Тако подобало судъ правди твоея
Конечно взискивалъ и правди моея
Але я сталъ оной до конца лишенний,
Въ той нищетѣ моей синъ твой возлюбленний
Включилъ себе между мною и тобою,
Воздалъ долгъ тотъ тебѣ безъ мене собою.
Исполнилъ людъ законъ и долгъ отдалъ тако
И казнь мнѣ должную въ себѣ понеслъ всяко.
Кая нужда была воплотитись Богу
И во плоти своей понести скорбь многу,
Се служба Христова литронъ многоцѣнний,
За сіе у тебе сталъ я неповинний.
Доволно милости отъ бѣдъ свободити,
Должникъ помилованъ не лѣсть есть казнити.
И едино ли нинѣ получилъ я сіе
Что не буду казненъ. О вѣсти благіе!
Тма благодѣяній, тма есть благодатій,
Яже ты изволилъ дати не воздати.
Даровалъ же ты мнѣ и жизнь во вѣкъ вѣка.
Здѣлалъ синомъ своимъ мене человѣка,
И въ царствіи твоемъ вѣчно воцарюся
И подобенъ тебѣ истѣе явлюся
Се то животъ мѣти и лисше имѣти,
Сіе вѣси лише все то разумѣти,
Сію милостиню нищу мнѣ даеши,
Взять сія да простру руку глаголеши,
Чтожъ есть рука она? средствія спасенни.
Вѣра плодоносна, тайни освященни
Крещеніе во водѣ, омитіе въ Дусѣ
Евхаристія жъ причастіе въ вкусѣ,
Сею то рукою взять благоволиши

Зъ сею мнѣ вѣрою приступать велиши.
А благодарити кто не пожелаетъ,
Когда Богъ туне се намъ подаваетъ,
Стиждуся, Господи, за скудость велику,
Трепещу, взираю на худость толику.
Кто азъ? прахъ и пепелъ, суета смиренна,
А толь превисоко отъ тебе почтенна,
Діаволъ согрѣшилъ тварь она мисленна
И на него твоя правда разяренна,
Человѣкъ согрѣшилъ и инако стало,
Милосердіе ти сего возжелало.
Хвалю тя, отче мой, въ любвѣ неизмѣрний,
Благодарю тебе, Промисличе вѣрний!

Худолѣй Мойсѣй уступилъ мнѣ доброволне лѣсъ свой Михеевскій, близъ Перервинець, надъ сухою Оржицею стоячій, и карту на тое далъ мнѣ.

Середа. 25. Сегодня рано ездилемъ до Змеіова и штапъ лѣкара, отъ которихъ извѣстился, что губернаторъ, по ихъ вложенніюся, резолвовался отпустить мене домой; да тотъ же Змеіовъ пріездилъ зъ тимъ ко мнѣ, а обѣдалисмо сами. По обѣдѣ штапъ лѣкаръ, Ломиковскій и Голубъ посѣщали мене.

Четвер. 26. Сегодня обѣдалисмо сами и съ нами Федоръ Чуйкевичъ. Былъ я по обѣдѣ у Толмачова секретара, у которого и поясъ купилъ я персидскій зъ срѣбромъ за 20 р.

Пятокъ. 27. Сегодня обѣдалисмо сами и съ нами Федоръ Чуйкевичъ. Купилемъ себѣ коня дрикганта вороного за 5 р. По обѣдѣ ездилемъ до Змеіова, штапъ лѣкара Івановскаго и аттютантши. Івановскій картузъ табаку нѣмецкого подарилъ.

Субота. 28. Сегодня рано ездилъ я до Толмачова и Змеіова и оттуду повернувшись, кушалисмо въ своей квартерѣ, и съ нами п. Федоръ дядко и п.п. Раковичи. Вѣжевскому далемъ на росходъ, двома рази, 18 р. За половину куѳи гор. оковитой, данной губер., далемъ 21 р. 10 а. 1 д. Гаврилови далемъ на росходъ 60 р., Худолѣеви въ запасъ далемъ 10 р., когда нужда будетъ Гаврилу.

Губернаторъ прислалъ ко мнѣ пашпортъ, намъ въ домъ отѣздить бунчуковимъ товарищамъ, 28 человѣкамъ, черезъ Чирикова канцеляристу, которому червонца далемъ. Купилъ я дѣвчину колмичку за 10 р. съ полтиною. У вечеру былъ я у Івановского горбунца, которого жена, кума моя, штанґерку женѣ моей подарила.

Неделя. 29. Сегодня рано былъ я у Змеіова и штапъ лѣкара зъ 40 р. Гаврилу далемъ 6 р., а Юрченку 5 р., а Уласу 4 р. на ихъ потребы. Гаврилу и Федору далемъ наказъ въ 18 пунктахъ: 1) деньги за судно отдать Демяну, а въ небитности его, Худолѣевя, зъ роспискою, а часть себѣ оставить; 2) быть бы имъ согласнимъ; 3) сего лѣта отвернуть бы, а на зиму знову за море; 4) описоватись ко мнѣ; 5) провіантъ, якому реестръ приложенъ, збуть; 6) куповать туда рѣчи на продажъ, що лутше усмотрится; 7) купить за моремъ малчиковъ и майстеровъ тоже купить; 8) такожъ купить поясовъ сутихъ и подлѣйшихъ два, коляновъ срѣбнихъ два, а мѣднихъ два, коберціовъ рознихъ зъ 10, мѣди каменой болшъ десятка, шафрану пудъ, овчинокъ чорнихъ и сѣрихъ по 20, футеръ лисѣхъ чорнихъ и куниць, перлинъ великихъ, шовку по пуду, если по 40 р. пудъ, тютюну персидского батманъ 10; 9) столикъ зъ тамошнего дерева здѣлать; 10) о нефтѣ; 11) бадранокъ насолить; 12) диковинних рѣчій накупить; 13) въ Астраханѣ малчиковъ накупить; 14) сей приказъ въ цѣлости держать; 15) часть провіанту на убогихъ роздать; 16) Гаврилу доводячіеся денги на людяхъ доправить; 17) нанять Степана и Андрушка оставить, буде розохотится; 18) въ необходимой нуждѣ у Худолѣя 10 р. взять. Реестрикъ провіянта зде оставляемого и на харчъ Гаврилу и на збутте опредѣленного, зде приложенъ. Отъ Федора Юрченка реестръ приложенъ доправленнихъ денегъ на людяхъ, въ Сулаку задолжившихся. До Демяна и Алексѣя написалемъ писмо, чтобъ они денги за судно взяли у Гаврила и купили бы малчиковъ и коней добрихъ и Андрушку оставили бы, буде будетъ потребно. До Худолѣя писмо оставилемъ, чтобъ онъ помощъ людямъ моимъ показовалъ и вещи бы тіе, якимъ приложенъ реестрикъ, здалъ Демяну до запроваженния ко мнѣ. Гаврилу приказъ оставилемъ за табакомъ

чолобитствовать. 4 р. Василю Дейнецѣ позичилъ Вѣжевскій и облѣкъ взятъ. Реестръ приложенъ здѐ рѣчій тутъ оставляемихъ, якіе мѣють Демянъ и Алексѣй запровадить зъ собою, а другій реестръ пану Якову Якубовичу врученъ. Сегодня повиездили бунчуковіе наши и на ліодъ возки мои повиходили.

Понедел. 30. Сегодня рано были мы зъ Кандибою, Кочубей, Іванъ Борзна, Федоръ Чуйкевичъ и я у губернатора и попростились съ нимъ, и оттоль я пойшовши, былъ у Івановского Алексѣя Василіевича и съ нимъ, тако жъ и зъ женою его Марфою Ефремовною, простившись, заездилемъ до Змеіова Андрея Івановича, оттоль до Полянского и зъ ними пожекгнавшись, заехалемъ до Заборовского, где перекусивши, былъ въ аттютантши Вороновой и съ нею простившись, пріехалемъ до обозу своего ва Волзѣ стоячого. Тутъ попрощавшись со всѣми товарищи, якіе мене опровожали, рушилисмо въ путь свой и зехавши верстъ зъ 20, стали на ночлѣгъ.

Вовтор. 31. Сегодня вехавши отъ ночлѣга, уехали верстъ зъ 30 и стали на обѣдъ, оттоль поехавши, уехали верстъ зъ 40, и стали на ночлѣгъ; тутъ я зъ п. Федоромъ дядкомъ и протчіими совокупился.

Мѣсяць февруар. Середа. 1. Сегодня рушивши отъ становиска, увошли верстъ зъ 4 и стали на обѣдъ, а по обѣдѣ рушивши, увойшли верстъ болшъ 10 и стали на ночъ.

Четвер. 2. Сегодня рушивши рано, увойшли верстъ около 20 и стали на обѣдъ, а по обѣдѣ рушивши, увойшли верстъ столько жъ и стали на ночъ. Тутъ везде по берегахъ кочуютъ колмики кибѣтками.

Пятокъ. 3. Получилемъ листъ черезъ татара отъ куріера зъ Астраханѣ писанний отъ Якубовича, о ихъ тамъ помислномъ поволженню. Рушивши отъ становиска, увойшли верстъ болшъ 10 и стали на обѣдъ, знову оттуду пойшовши, увойшли до вечера верстъ зъ 15 и стали на ночъ.

Субота. 4. Сегодня увойшовши верстъ зъ 20, стали на обѣдъ и оттоль ртшивши увойшли верстъ болшъ 30 и пріехали къ Чорному Яру, где возя наши подъ городомъ стояли, а я зъ Томарою

ночовалемъ у городку, на квартерѣ; а всѣхъ верстъ отъ Астраханѣ до Чорного Яру 285 верстъ.

Неделя. 5. Сегодня въ Чорномъ Яру обѣдалисло и ночовалисмо. Здe увѣдомилемся, что надъ Колмиками устроенъ ханомъ синъ умершого Аюки Чариндундукъ.

Понеделокъ. 6. Сегодня рано рушилисмо въ путь свой и ради кривини Волgи текучой, тако жъ, что она въ многихъ мѣстахъ незамерзла, прамимъ путемъ ехалисмо степю и уехавши верстъ 25, стали на обѣдъ, оттоль поехавши, уехали верстъ 15 и пріехали къ станамъ при Волзѣ стоячимъ, где и заночовалисмо.

Вовторникъ. 7. Сегодня рушивши оттуду рано, уехали верстъ зъ 30 и стали на обѣдъ, знову по обѣдѣ уехали верстъ зъ 20, и стали на ночъ.

Середа. 8. Сегодня морозъ болшиий тривалъ, якого ради уехалисмо цо обѣда и по обѣдѣ до вечера верстъ болше 60, и стали по прежнему при Волзѣ, на березѣ, при лѣсахъ.

Четвер. 9. Поехавши рано оттуду, уехали верстъ около 20 и пріехали въ Царицинъ къ обѣдней годинѣ, а такъ всѣхъ верстъ по изчисленію и размѣренію, зимнимъ путемъ Волgою отъ Чорного Яру до Царицина 174 версти. Тутъ ставши на квартерѣ, обѣдалисмо у себе, когда пяніе люде приходили до насъ и випхнени зостали.

Пятокъ. 10. Сегодня рано былъ я у коменданта здешнего Петра Федоровича Колцова, маіора губернского полку, где и кушалъ зъ дядкомъ п. Федоромъ, Василемъ Томарою и Павломъ Раковичемъ. Купилемъ бѣлухъ двѣ, одну болшую зъ кавяромъ за рубля, а другую яловую то есть безъ икри, за 20 а. Вѣжевскому на росходъ далемъ 5 р. и въ его записалемъ реестрѣ. П. Василю Томарѣ позичилемъ 12 р. и оніе черезъ Трохима слугу до его, на квартеру его, отослалемъ.

Субота. 11. Купилемъ у маіора Колцова коня сивого за 9 р. зъ полтиною. Обѣдалисмо зарання въ своей квартерѣ, а по обѣдѣ поехали въ путь свой и пріехавши до Грачевской крѣпости, тутъ

заночовали, а верстъ будетъ 30 отъ Царицина на половинѣ дороги отъ Дону.

Сиропустная. Неделя. 12. Сегодня рано рушивши отъ ночлѣга, уехалисмо верстъ зъ 30, и пріехали до станицѣ Качалина, где и обѣдалисмо, а по обѣдѣ уехалисмо Дономъ верстъ зъ 7 и пріехали до Лавлѣ, где и ночлѣгъ имѣлисмо купно зъ обозомъ.

Постъ великій. Понеделокъ. 13. Поехалисмо рано оттуду и уехавши верстъ 20, Дономъ, пріехали до станицѣ прозиваемой Сиротѣнъ, где и обѣдали. По обѣдѣ рушилисмо и лугомъ ехали, а уехали верстъ 8 и пріехали до станицѣ Григоріевской, где и ночовали.

Вовторникъ. 14. Сегодня рушивши зъ вчорайшого ночлѣгу, уехалисмо горою верстъ зъ 25 и пріехали до станицѣ Перекопской, где и обѣдалисмо; тутъ дорога трудная и худая. По обѣдѣ уехалисмо Дономъ и горою верстъ 22 и стали на ночъ въ станицѣ, називаючойся Клецка.

Середа. 15. Сегодня рано рушивши отъ ночлѣга уехали Дономъ верстъ зъ 20 и пріехали до станицѣ Роспопиной, где и кушали, а по обѣдѣ уехалисмо тожъ Дономъ верстъ зъ 20 и пріехали до станицѣ Устмедведицѣ, где и были у генерала лейтнанта Роппа и вечерали у его; тутъ и своихъ товарищей застали. Тутъ я зачувъ отъ генерала, что Шумлянскій, епископъ Переяславскій, и Іванъ Андрѣевичъ Кондратіевъ, полковникъ сумскій, померли.

Четвер. 16. Сегодня зъ квартери вчорайшой переехали на другую, виголнѣйшую квартеру, а обѣдалисмо у генерала Роппа и до вечора тамъ просидѣвши, прійшли въ свою квартеру. Вѣжевскому на росходъ далемъ 6 р. Писма почтою отправленни отъ мене до род. и жени, о моемъ отпуску, до ахтирского полковника о томъ же и о пересилцѣ писемъ въ Роменъ; тутъ включенъ листъ п. Федора дядка до панеи его.

Пятокъ. 17. Сегодня тутъ же прожилисмо.

Субота. 18. Сегодня рано составилемъ писмо въ Астрахань до Змеіова, Івановского, Миклашевского, Якубовича и людей моихъ,

Гаврила и Федора, о ихъ управленію по наказу данномъ имъ, и о покупцѣ малчиковъ. Обѣдалисмо тутъ же и ночовали.

Неделя. 19. Сегодня рано поехалисмо и уехавши верстъ зъ 5 пріехали до монастира Устмедведицкого, где были у архимандрити и службы Божой вислухавши, обѣдали на дорозѣ при футорѣ у 20 верстъ, а пріехали оттуду до станицѣ Устъ Хопра, отстоящого отъ Устмедведицѣ въ 33-хъ верстахъ. Тутъ былисмо въ гостяхъ у маіора Архипа Никифоровича Белова и у подполковника вятского полку Лавра Даниловича Остафѣева.

Понедѣлокъ. 20. Сегодня передъ свѣтомъ поехалисмо зъ Устхопра и пріехали до станицѣ Еланской, отстоящой отстоящой отъ Устхопра за 35 верстъ, и тутъ подождавши черезъ нѣкоторое время, знову рушили и пріехали о полднѣ до станицѣ називаючойся Вешки, отстоящой отъ Еланъ за 22 версти, и тутъ обѣдалисмо, куда и порутчикъ названний Томара пріехалъ. По обѣдѣ рушивши, уехали лугомъ верстъ зъ 15 и стали па почлѣгъ на полѣ.

Вовтор. 21. Сегодня рапо рушивши, ехали степомъ горовато и уехавши верстъ 29, пріехали до станицѣ Донской, прозиваемой Казанка, отстоящой отъ Вешокъ за 44 версти; незастали тутъ Томари, передъ нашимъ прибытіемъ отехавшого отсюду почтою въ домъ, а мы сами обѣдалисмо тутъ. По обѣдѣ рушилисмо отсюду и уехавши верстъ 25, пріехали до монастира Донецкого прозиваючогося, черезъ Донъ, где у слободѣ монастирской, близъ монастира будучой, и ночовалисмо. Казанка послѣдная чили первая станиця Донская отъ вершини Дону, поневажъ у верхъ Дону виже оной нѣжадной немашъ иншой, а хочай и были иншіе станицѣ прежде, а именно Донская тутъ, где теперъ монастиръ, а другіе мало нижше оной, однакъ за змѣну Булавина и козаковъ Донскихъ тутъ збунтовавшихся, оніе козаки виказнени, а на то мѣстъ монастиръ архимандрій устроенъ и архимандритъ Іосифъ зъ Азова переведенъ; у верху Дону начались села, именно первое Бычокъ и другіе до полку Рибяпского належачіе.

Середа. 22. Сегодня рушилисмо рано оттуду и уехавши верстъ 25, прибыли до мѣстечка сотенного полку Рибянского, зовемого Богучари, где и заночовалисмо.

Четвер. 23. Сегодня рано рушилисмо зъ Богучаръ и уехавши верстъ зъ 15, стали на обѣдъ на степу при Криничнихъ озерахъ, а по обѣдѣ вставши, уехалисмо верстъ зъ 25, спустилися зъ гори въ лугъ и переехавши черезъ черезъ лугъ, пріехалисмо до слободи сотенной полку Рибянского, зовемой Калитва, отъ Богучаръ отстоящой въ 40, албо и мало болшъ верстахъ. Хоружому полковому Рибянскому Івану Івановичу лошадь бѣлую, родителскую, оставленную, подарилемъ. Сотникъ Калитвюнскій зовется Афанасій Васил́евичъ. Тутъ въ розговорѣ господарь нашъ сказивалъ, что они по соль ездятъ за Черкаскее, въ турецкую сторону до Маничъ, чили до Рождества, такъ озера соляного прозиваючогося (поневажъ Маничи оставлени зъ тоей причини. что оное кровю людскою, когда тамъ татаре на нашихъ напавши баталѣю чинили, посквернилося) а якбы зъ Ахтирки ехать, то таковий трактъ можетъ быть, зъ Ахтирки до Харкова, до Чугуева, до Радкувки, до Маловатки, до Бѣленкой, где треба увѣдомитись о перевозѣ Донскомъ, въ якой оний станицѣ отправляется, поневажъ оній по розних станицяхъ бываетъ, а найчастѣй въ сихъ: въ Цимлѣ, въ Бабіомъ, въ Роздорѣ, то туда зъ Бѣленкой и слѣдовать, и пріехавши въ станицю, облвитись атаманови и зъ протчіими людми перевюзшись черезъ Донъ и за перевозъ 5 алт. отъ воза заплативши, запуститись до помянутого Рождества, где тако жъ отъ воза соли въ турецкіе руки дается по 5 а., а отъ перевозу до соли дорога зъ поворотомъ, можетъ отправитись волами за 8, а по крайней мѣри за 9 день; назадъ знову до перевозу, а туда пріехавши, где суль, въ день погодній суль брать, то чистая будетъ. По станицахъ діогту бочка по 15 р. виходитъ, чили кухва.

Пятокъ. 24. Сегодня рано вставши рушилисмо зъ Калитви и уехавши верстъ зъ 15 пріехали до слободки, називаючойся Меженка, на обѣдъ, а по обѣдѣ такъ же уехалисмо верстъ зъ 10, и привернули къ футору Чаплѣя, у лѣвой ручѣ стоячого надъ Калитвою.

Субота. 25. Сегодня рано рушивши передъ свѣтомъ зъ футора, уехали верстъ зъ 20 и стали на дорозѣ, на степу, где и обѣдали, а пообѣдавши тожъ степомъ уехалисмо верстъ зъ 15 и пріехали до футора при дорозѣ стоячого, сотника ливенского Матвѣя Микитовича Турченина. Тутъ въ ночѣ дожчъ, а по дожчу снѣгъ зъ вѣтромъ великимъ и холодомъ и морозомъ напалъ. Андрѣй Раковичъ, хоровавшій на ногу хорую, сказивалъ что его лѣчилъ старикъ такимъ способомъ: зѣлле ранникъ и вовчугу оттоплювалъ у водѣ и тимъ напаровалъ ногу хорую, а потомъ ранника зѣлля насушивши, обсипалъ ногу, а обсипавши, прикладалъ плястеръ зъ воску, яецъ и олту здѣланнихъ, а на нозѣ была рана великая. Вовчугъ зѣлле широкее, круглее, мохнатее, а ранникъ—довговитее да мохнатое.

Неделя. 26. Сегодня рано, поневажъ дорога зимная зъ морозомъ стала, того ради жабку на колеса поставленную, тако жъ и для колеса зломившогося переставивши знову на санѣ, рушилисмо зъ оного футора сотничого а уехавши верстъ зъ 20 зъ залишкомъ, пріехали до другого футора, тожъ на степу будучого, прозиваемого Маликового, где и до ночи глубокой простоялисмо.

Понеделокъ. 27. Зъ футора Маликового вставши о полночи, рушилисмо и пріехали въ городокъ Ливенку, полку рибянского сотенний, отстоящій отъ оного футора въ 20 верстахъ, где и обѣдалисмо и ночовалисмо.

Вовтор. 28. Сеей ночи украдено зъ коня моего хомутъ лутшій и попонъ 4. Рушилисмо рано зъ Ливенки и перебувши 2 яра, пріехали до села Московского, прозиваемого Подкопаева, до городка руского Полатова, провинцѣи Бѣлагородской належачого, якое село отъ Ливенки въ 10 верстахъ отстоитъ, где ради снѣжной метелицѣ, мусѣли заночовать.

Мѣсяць Мартъ. Середа. 1. Сегодня при полночи рушилисмо зъ Подкопаева и уехавши верстъ зъ 15, пріехали до села зовемого Осколища, которое уездное до Волжекъ городка, провинцѣи Бѣлагородской, належитъ; тутъ рѣку Осколъ черезъ мостъ перебулисмо, а постоявши мало тамъ, поехали и уехавши верстъ зъ 20 пріехали къ рѣчцѣ Платвѣ, на которой гребля и млинокъ о двохъ колахъ

Лаврентія Шидловского, черезъ которую переехавши, тутъ обкущевалисмо.

Четвер. 2. Сегодня передъ свѣтомъ рушилисмо отъ млина и уехавши верстъ зъ 15, пріехали до городка Миколаевки, сидячого надъ рѣчкою прозиваемою Вовчою, на которой и млини Лаврентія Шидловского, полковника Узюмского, бо и село его сее. Тутъ мы и обѣдалисмо. На расходъ Вѣжевскому далемъ 10 р., що и записалемъ въ реестрѣ. Получилемъ писма 2, одно отъ полков. ахтир., а другое отъ брата Семена 17-го февр. зъ Ахтирки отпущенніе, черезъ сотника Високополского Докторовича посланного въ низовий походъ зъ денгами козакамъ тамъ будучимъ. Пообѣдавши, рушилисмо и проехавши верстъ зъ 5, стали на степу при байраку.

Пятокъ. 3. Сегодня рушилисмо зъ ночлѣга вчорайщого и пріехавши до слободи новоосаженной ея величества, називаючойся Таволжанка, при рѣчцѣ Донцю, где и заночовалисмо и на вози зъ саней перебралисмося, потому что зъ ранку снѣгъ ишолъ зъ холодомъ и вѣтромъ жестокимъ, а по полуднѣ дожчъ до вечора зъ вѣтромъ же. Таволжанка слобода належачая до Рубѣжной отстоитъ отъ Миколаевки въ 30 верстахъ албо и болшъ, тутъ Донець рѣка течетъ и млини на оной государинѣ.

Субота. 4. За тимъ, что на вози перекладалисмося и что снѣгъ великій барзо ишолъ, дновалисмо на семъ же мѣстцу. П. Федоръ дядко въ разговорѣ сказалъ, что суддѣная прилуцкая дворомъ шинковнимъ небожчика п. суддѣ въ ринку стоячомъ у Капленковъ купленнимъ, безъ тестаменту завладѣла и денегъ ей взять именно не означенно въ ономъ. Въ Багмутѣ за сутки, что хто будетъ себѣ соль варить на сковородѣ, заплатить долженъ въ казну 6 р., а дрова всякъ себѣ возитъ, и 4-го дня отъ Багмута знову назадъ зъ дровами повернется, а купить въ сутки дровъ можетъ за 3 р. Въ виготованню соли тоей тожъ потреба, жебы добре воду висмажить, а соль не была бы сира, то не будетъ танути; зъ сковороди бочокъ соли тамошнихъ багмуцкихъ виходитъ 11, албо 12, а бочки у 7 пудъ албо хочъ мало болше. Пошлини на дорозѣ въ таможню даютъ отъ воза по 5 копѣекъ. Кузубъ, человѣкъ Томаринъ, пози-

чилъ у Вѣжевского моихъ грошей 3 р. а такъ зъ тими денгами, которіе 10-го февр. самъ Томара позичилъ состоитъ должнихъ денегъ 15 р. П. Федоръ дядко позичилъ у Вѣжевского жъ 3 р. Зъ Миколаевки простѣйшій трактъ до Харкова на Рубѣжнее, нѣжъ на Таволжанку, а отъ Миколаевки до Рубѣжного щитаютъ верстъ зъ 40.

Неделя. 5. Сегодня випогодилося морозомъ и ради вчорайшого снѣгу дорога санная учинилась добрая, чего ради мы черезъ рѣку Донець ліодомъ переехавши, пріехали въ село руское, зовемое Напрасная оттоль поехавши лѣсомъ, пріехали до села руского жъ Мурава прозиваемаго, где и рѣчки Мурава течетъ, где и обѣдалисмо, а Мурава отъ Таволжанки отстоитъ въ 6 верстахъ. Оттоль поехавши, на степу заночевалисмо.

Понеделокъ. 6. Сегодня рано ставши, поехалисмо и пріехали до слободи государинѣ императрицѣ, Веселой, отстоящей отъ Мурави въ 30 верстахъ, где и обѣдалисмо. По обѣдѣ уехалисмо верстъ около 20 и пріехали въ село Батушнее, до Харкова належачее, Даниловка наживаючееся, где и заночевалисмо. Вѣжевскому на расходъ у Веселой далемъ 6 р.

Вовтор. 7. Сегодня поневажъ вѣтеръ зъ метелицею черезъ ночь и до полдня тривалъ жестокій, того ради до обѣда тутъ у медлилисмо, а по обѣдѣ повархолившись (sic) зъ атаманомъ тамошнимъ, поехалисмо и пріехавши въ Харковъ, отстоящій отъ Даниловки въ 10 верстахъ, стали на Господѣ близъ дому писара Харковскаго Романовича.

Середа. 8 Сегодня рано билисмо у фелтмаршала князя Голѣцина, которому въ гостинецъ и пѣщаль горскую зъ ладовницею далемъ, а оттуду у генерала маіора Ветеранина и до своей квартери прійшлисмо. Вѣжевскому на расходъ далемъ 5 р. Раковичу Вѣжевскій зъ тихъ же денегъ позичилъ 4 р. Обѣдалисмо у князя, по обѣдѣ заходилимод о Штофеля генерала, квартермистра лейтенанта Синъ мой Семенъ въ дому померъ. До Харкова отъ Царицина верстъ 764.

Четвергъ. 9. Рано простилисмося зъ генераломъ маіоромъ Ветеранинимъ, такъ-же зъ полковникомъ Гайденрейхомъ и подполков-

никомъ Дукаломъ и Баскаковимъ, а потомъ зайшли до Штофеля, где позабавивши, прийшли до своей квартери и откушавши виехалисмо, а мимо ездомъ зайшли до Николаевича, у котораго и шумни были, а потомъ поехали и уехавши ворстъ зъ 7, пріехали до монастира Харковского Преображенія господня, где и заночовалисмо.

Пятокъ. 10. Сегодня рано поехавши отъ монастира, пріехалисмо на обѣдъ въ городокъ сотенній Олшанее, отъ Харкова въ 26 верстахъ отстоящій, а потомъ поехалисмо и пріехали въ Богодуховъ, полку ахтирского, отстоящій отъ Олшаной въ 29 верстахъ, где и заночевалемъ въ дворѣ сотника Павловича, на сухоти хорунжого, где и п. полковникову ахтирскую, пріехавшую посѣщать его, засталемъ.

Субота. 11. Сегодня зъ п. полковниковою ахтирскою видѣлся я и обѣдалъ, а по обѣдѣ отехала оная въ свой домъ и мы заночовали тутъже. Вѣжевскому далемъ на расходъ 8 р. зъ тихъ денегъ Вѣжевскій далъ 3 р. Кузубови, а 2 р. п. Федору дядку.

Неделя. 12. Сегодня передъ свѣтомъ поехалисмо зъ Богодухова и пріехали до села зовемого Купіоваха, отъ Богодухова отстоящихъ въ 18 верстахъ, где службы Божой слухалисмо и абѣдалисмо, а по обѣдѣ поехалисмо до Каплуновки и пріехали, которая отъ Купіовахи въ 10 верстахъ отстоитъ. Простий трактъ до Ахтирки зъ Купіовахи, не заежджая до Каплуновки, а лѣчать отъ Купіовахи, просто, до Ахтирки, степомъ, 27 верстъ, а на Каплуновку кружно, але ми ради икони чудотворной Пресвятой Богородицы поехали.

Понеделокъ. 13. Сегодня рано былисмо въ церквѣ каплуновской, а потомъ поехалисмо до Ахтирки, где на дорозѣ стрѣтили насъ санки отъ п. полковниковой ахтирской, противъ насъ висланніе, которими обое мы зъ п. Федоромъ и пріехалисмо въ Ахтрику, отъ Каплуновки въ 20 верстахъ отстоящую, и стали квартерою въ дому полковничомъ, где у лазнѣ былисмо и заночовалисмо.

Вовтор. 14. Сегодня тамъ же обѣдалисмо, а передъ обѣдомъ пріехали зъ Ромна Яковъ Дуброва, Воротелякъ и протчіи и по-

дали листъ отъ родителя и брата п. Семена, зъ желатслнимъ нашего прибытія ожиданнемъ и спалня прійшла. По обѣдѣ поехалисмо въ путь свой и пріехали до Злодѣевки, села отстоящаго отъ Ахтирки около 4-хъ верстъ, и тутъ въ дворѣ полковничомъ заночовалисмо. Пріездилъ къ намъ заводу табачного государевого досмотрщикъ Степанъ Федоровъ синъ Павловъ, зъ которимъ ездилисмо до оного заводу, где по избахъ многіе работники, зъ которыхъ едни папуши разбираютъ по листу и зъ листовъ коренцѣ витягаютъ тіе въ довгіе трубки дѣлаютъ, крутячи оніе колами желѣзными третіи трубки тіе въ стовпчики скручуютъ, якіе рулями називаютъ а покроплюютъ оніе юшкою, въ якой варено чорносливи зъ придаткомъ соли, а четвертіи тіе стовпчики въ прасѣ желѣзномъ витискаютъ сокъ зъ онихъ горкій, послѣдніи таковіе стовпчики рушутъ нарочно здѣланними сѣчками сталними и въ картузи кладутъ Стовпчики нерѣзанніе, а цѣліе важатъ по 4 и по полъ 5 фунта, а въ картузахъ по фунту. А табачнимъ сѣменемъ засѣваютъ такъ великіе левади, же вомѣщается 50 десятинъ, а въ десятинѣ должини 60 саженъ, а ширини 40 саженъ. Работниковъ въ лѣтѣ биваетъ до 500 человѣка и болшъ; збираютъ табаку буде урожай добрій до 7000 пудовъ и менше; и такіе заводи въ Ахтирцѣ.

Середа. 15. Поехалисмо рано зъ Злодѣевки всѣ, але я поездомъ родителскимъ поскорилемъ, а пріехавши въ Комиши, отстоящіе отъ Злодѣевки около 30 верстъ, тутъ и обѣдалемъ, куда и дядко п. Федоръ зъ протчіими сопутниками наспѣли. Оттуда жъ я, оставивши ихъ, поехалемъ и пріехавши въ мѣстечко полку Гадяцкаго Веприкъ, отстоящій отъ Комишовъ, тако жъ на 30 верстъ тутъ мало позабавилемъ, а потомъ поехалемъ и пріехалемъ въ Гадячъ за 9 верстъ оттуду отстоящій, где и сталемъ на квартерѣ за мѣстомъ; а позабавивши тамъ до заходу солнца, поехалемъ и пріехалемъ въ село Липовее, полку гадяцкого жъ отъ Гадяча въ 26 верстахъ отстоящее, где и заночевалемъ.

Четвертъ. 16. Сегодня рано поехалемъ зъ Липоввго и пріехалемъ передъ обѣдомъ до Ромна, где родителку а (радитель оте-

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 11 сентября 1893 года.

СПОРЪ О ЧУДОТВОРНОЙ КАТОЛИЧЕСКОЙ ИКОНѢ.

I.

Близится столѣтіе со времени возсоединенія волынскихъ уніатовъ съ православіемъ, а и до сихъ поръ сохраняется довольно много остатковъ отъ уніи, то въ видѣ богослужебныхъ обрядовъ, то въ формѣ особенныхъ праздниковъ, то наконецъ, въ видѣ церковныхъ уніатскихъ книгъ и иконъ. Не смотря на неоднократныя распоряженія о пріобрѣтеніи новыхъ книгъ, многія бѣдныя церкви не могли откликнуться на этотъ призывъ; недостатокъ средствъ вынуждаетъ ихъ оставаться при старыхъ уніатскихъ книгахъ, по которымъ и теперь совершаются службы. Но особенною устойчивостью въ этомъ отношеніи отличаются иконы уніатскаго и даже католическаго письма. А между тѣмъ на эту статью не разъ было обращаемо самое серьезное вниманіе. Намъ извѣстны случаи изъ самаго послѣдняго времени, когда священникъ, за совершеніе молитвословій предъ католическою иконою, находящеюся въ его приходской церкви, долженъ былъ нести эпитимію По справедливости говоря, здѣсь даже трудно было винить священника, такъ какъ церковь обращена изъ костела, и вотъ—въ числѣ другихъ предметовъ осталась и эта икона. Хотя священникъ и понесъ строгое наказаніе, но икона не изъята и по прежнему пребываетъ въ церкви. Такимъ образомъ принципъ не выдержанъ до конца, да и невозможно соблюсти безусловную прямолинейность—иначе слѣдовало бы прежде всего уничтожить католическую архитектуру самаго храма,

а для этого сломать его и перестроить по православному типу. Къ удивленію, нельзя скрыть, что были и такіе проекты, но, за неимѣніемъ средствъ, не осуществлены и остались въ области мечтаній.

Во многихъ церквахъ, обращенныхъ изъ костеловъ, можно встрѣтить не мало иконъ католическихъ, какъ напр., икона „непорочнаго зачатія“, мадонны разныхъ типовъ и т. п. А распятія католическаго типа, попадаются въ самыхъ обыкновенныхъ приходскихъ церквахъ. Но замѣчательнѣе всего, что въ сельскихъ же церквахъ встрѣчаются совершенно католическія иконы, въ давнюю пору признанныя чудотворными и до сихъ поръ пользующіяся въ народѣ необыкновенною популярностью. Къ числу такихъ иконъ относитсяикона Антонія Падуанскаго, находящаяся въ с. Подлисцахъ, заславскаго уѣзда, волынской губ.

Какъ жаль, что намъ пришлось осматривать эту икону не днемъ, при яркомъ, эффектномъ солнечномъ освѣщеніи, а вечеромъ, при тускломъ свѣтѣ слабо мерцавшей восковой свѣчи. Но и тогда нельзя было не замѣтить, что она должна производить большое впечатлѣніе своей внушительной обстановкой. На горнемъ мѣстѣ стоитъ высокій массивный кіотъ старинной работы; въ верхнемъ ярусѣ сдѣлано четыреугольное углубленіе, какъ бы въ родѣ ниши, бока которой усажены изваянными вызолоченными звѣздочками, числомъ до 75. Въ этомъ-то углубленіи и находится икона; размѣръ ея довольно значительный: въ длину она имѣетъ $1^1/_2$ аршина и въ ширину около 1 аршина Антоній Падуанскій изображенъ здѣсь въ обыкновенной позѣ, съ спокойнымъ, сіяющимъ тихой радостью, выраженіемъ лица; правой рукой онъ придерживаетъ младенца Іисуса. Одежду его составляетъ обычный у католическихъ монаховъ габитъ, подпоясанный веревкой. О живописи нельзя сказать рѣшительнаго мнѣнія, потому что она почти совершенно закрыта золоченной ризой. Открыто только лицо, и лишь по нему мы можемъ заключать о характерѣ работы. И здѣсь краски отъ времени потеряли свою свѣжесть, выцвѣли и потускнѣли, но все таки видно, что эта икона—плодъ довольно изящной, художествен-

ной работы. По обѣимъ сторонамъ фигуры святого находится множество серебряныхъ дощечекъ, называемыхъ привѣсками; на нѣкоторыхъ изъ нихъ награвированы изображенія лошадей. Разныя привѣски у чудотворныхъ иконъ, имѣющія форму сердца, руки, ноги,—явленіе весьма обыкновенное; что же касается лошадей, то онѣ попали сюда потому, что народъ считаетъ Антонія великимъ врагомъ конокрадовъ и защитникомъ и покровителемъ всѣхъ, пострадавшихъ отъ этого зла. Вотъ почему и теперь прибывающіе въ Подлисцы на отпустъ крестьяне приносятъ съ собой въ церковь восковыя фигурки лошадей. Отпусты же бываютъ здѣсь три раза въ годъ: 24 іюня, 29 числа того же мѣсяца и 14 сентября [1]).

Странно видѣть католическую икону въ православномъ храмѣ, особенно на горнемъ мѣстѣ; но важнѣе всего то, что эта икона хранится здѣсь не какъ памятникъ старины, не какъ историческая древность, вызывающая воспоминанія о быломъ, а какъ благоговѣйно чтимая святыня, обладающая, по народному вѣрованію, силою чудотвореній. Отсюда возникаетъ цѣлый рядъ непримиримыхъ противорѣчій, которыя никакъ не поддаются разрѣшенію. Къ иконѣ толпами стекается православный народъ, а икона эта католическая. Къ святому, изображенному на ней, православный священникъ возсылаетъ моленія, а между тѣмъ православная церковь не знаетъ этого святаго: канонизація его произошла въ римской церкви и только для ея исповѣдниковъ имѣетъ силу. Является такимъ образомъ вопросъ: кому собственно молиться, чье имя призывать? По давно заведенному порядку, обыкновенно служатся акаѳисты и молебны Іисусу, находящемуся на рукахъ у Антонія. Но народъ, чуждый догматическихъ тонкостей, знаетъ одно, что икона чудотворная, что на ней изображенъ святой Антоній, который внимаетъ молящимся. Ему-то народъ и хочетъ молиться, его имя и желаетъ слышать во время священнослуженій. Что-же въ такомъ случаѣ дѣлать? Остается развѣ имѣть въ виду при молитвосло-

---

[1]) Краткія свѣдѣнія объ иконѣ можно читать въ „Ист.-статист." опис. Волынской еп.", напечатанномъ въ Вол. Еп. Вѣд. 1891 г. № 31.

віяхъ кого-нибудь изъ греко-русскихъ святыхъ, извѣстныхъ съ этимъ именемъ, хотя бы напр., Антонія кіево-печерскаго. Вообще всѣ эти обстоятельства,—какъ каждое порознь, такъ и въ своей совокупности,—представляютъ цѣлый рядъ противорѣчій, рядъ несообразностей. Правда, онѣ сознаны были очень рано, но устраненіе ихъ, по многимъ причинамъ, оказалось невозможнымъ. Мы разумѣемъ возникшее еще въ прошломъ вѣкѣ дѣло о передачѣ иконы Антонія изъ Подлисецкой церкви въ ближайшій католическій костелъ въ м. Бѣлогородкѣ. Дѣло это [1]) не лишено нѣкоторыхъ характерныхъ эпизодовъ, и потому мы намѣрены болѣе подробно остановиться на немъ.

II.

Не прошло и двухъ лѣтъ со времени возсоединенія волынскихъ уніатовъ, какъ бѣлогородецкій пробощъ ксендзъ Мѣшковскій донесъ летичевскому католическому бискупу графу Сѣраковскому, что въ православной подлисецкой церкви, принадлежавшей до возсоединенія къ его парафіи, находится католическая икона. Бискупъ Сѣраковскій придалъ значеніе этому донесенію и 12 апрѣля 1796 года обратился къ Іоанникію, епископу подольскому, съ ходатайствомъ о дозволеніи выдать эту икону изъ церкви и перенести ее въ бѣлогородецкій костелъ. Приводимый имъ въ подкрѣпленіе своего ходатайства резонъ—весьма основателенъ, именно тотъ, что „въ въ греческомъ календарѣ онаго святаго (т. е. Антонія Падуанскаго) не состоитъ, слѣдовательно и почитанъ быть не можетъ“. Но Іоанникій обратилъ вниманіе не столько на эти мотивы, сколько на другія, повидимому, побочныя обстоятельства. Онъ счелъ нужнымъ послать староконстантиновскому благочинному протоіерею Іоанну Бочковскому указъ, „чтобы онъ въ показанное село съѣхалъ и на мѣстѣ изслѣдовалъ, означенный образъ Антонія съ котораго времени и кѣмъ въ ту церковь поставленъ, чей онъ

---

[1]) Оно находится въ архивѣ волынской духовной консисторіи, 1796 годъ № 239.

именно, и имѣетъ ли отъ тамошнихъ прихожанъ или постороннихъ богомольцевъ какое уваженіе и почтеніе и можетъ ли быть просителю отданъ безъ огорченія или неудовольствія оныхъ и что по тому слѣдствію окажется, все оное при своемъ репортѣ прислать къ намъ немедленно для разсмотрѣнія". Эта резолюція сдана была въ такъ называемую походную контору, изъ которой 12 мая и послѣдовалъ указъ по этому предмету.

Бочковскій не особенно торопился съ слѣдствіемъ и только 22 іюня прислалъ требуемый „репортъ". Но надо отдать справедливость, что онъ вполнѣ добросовѣстно отнесся къ дѣлу. Онъ отправился въ Подлисцы и допросилъ самыхъ что ни на есть подлинныхъ старожиловъ. Этимъ путемъ удалось добыть достовѣрныя свѣдѣнія объ иконѣ, которыя до сихъ поръ остаются единственнымъ историческимъ документомъ по этому вопросу. Самый старѣйшій изъ допрошенныхъ крестьянъ, девяностолѣтній Лукіанъ Ткачъ сообщилъ, что подлисецкая параскевіевская церковь построена „общимъ коштомъ жителей" около 80 лѣтъ тому назадъ. Весьма живое участіе въ ея постройкѣ принималъ и кременецкій хорунжій, а потомъ староста, Андрей Прилуцкій, бывшій здѣсь въ продолженіи 30 лѣтъ посессоромъ. Кромѣ значительной денежной помощи крестьянамъ въ этомъ дѣлѣ, онъ, по окончаніи постройки, соорудилъ католическій образъ Антонія и поставилъ его въ новой церкви. Вотъ каково происхожденіе этой иконы, до сихъ поръ служащей большимъ камнемъ преткновенія во многихъ отношеніяхъ.

Въ дальнѣйшей судьбѣ ея не совсѣмъ понятно слѣдующее обстоятельство. Бывшій у Прилуцкаго подстаростій Яковъ Витвицкій почему-то вздумалъ было перенести икону въ сосѣднее село Кропивну, куда она дѣйствительно была перенесена и поставлена въ мѣстной рождество-богородичной церкви. Но недолго оставалась она здѣсь, всего около мѣсяца. Прилуцкій, который на это время, вѣроятно, отсутствовалъ, узнавши обо всемъ „якобы изъ сновидѣнія", тотчасъ прибылъ въ с. Кропивну, собралъ народъ и священниковъ, разсказалъ о своемъ сновидѣніи и обратно препроводилъ икону на мѣсто въ с. Подлисцы. Безспорно—событіе довольно странное, но съ этихъ поръ въ

мнѣніи народа стала устанавливаться особая святость иконы: ее начали почитать больше другихъ иконъ, хотя она и не была еще признана чудотворною. Это послѣднее произошло, какъ видно изъ приложеннаго къ дѣлу документа, лишь въ 1777 году. Документъ этотъ скрѣпленъ подписью писаря луцко-острожской уніатской консисторіи Любовича и представляетъ собою постановленіе по дѣлу о признаніи иконы Антонія чудотворною; оно сдѣлано wielmożnym nayprzewielebnieyszym Jm. Xiędezm Teodorem Ochrymowiczem, kanclerzem Kafedralnym Luckim, Audytorem y Generalnym Sędzią. Вопросъ о чудотворности иконы возбудилъ подлисецкій парохъ Григорій Таборовскій, но дѣйствовалъ онъ въ этомъ случаѣ не на свой страхъ и рискъ, а, какъ сказано въ постановленіи, imieniem IW. Xięcia IM. Josefa Sanguszka. Marszałka Wielkiego Xięstwa Littewskiego. По представленію Таборовскаго, назначены были два депутата: Петръ Пузыновскій, парохъ шепетовскій, и Янъ Подгужанскій, дзеканъ заславскій, которые и произвели надлежащее разслѣдованіе „o łaskach y cudach obrazu S-go Antoniego Padewskiego". Такъ какъ свидѣтельскими показаніями была установлена чудотворность иконы, то Охрымовичъ „przyrzeczony obraz za słynącу łaskami bydz declerował, y tenze ku czcie i uszanowaniu od wiernych chrystusowych wyz pomienioney cerkwi podlisieckiey wystawic dozwolił". Такимъ образомъ икона оффиціально признана была чудотворною. Съ этого времени, какъ показывалъ Ткачъ, „и протчіе люди почитаютъ ее чудотворною и признаютъ быть святою". Его показаніе подтвердили пятеро другихъ старожиловъ, именно: Григорій Ткачъ 70 л., Іосифъ Лебедь 85 л., Іосифъ Псотюкъ 80 л., Матвѣй Лобъ 70 л. и Трофимъ Романовъ 57 л. Кромѣ того восемь подлисецкихъ же крестьянъ представили прот. Бочковскому прошеніе объ оставленіи иконы въ ихъ храмѣ; въ прошеніи они указывали на воздаваемое ей особое почитаніе и неподлежащую никакому сомнѣнію чудотворность.

Всѣ данныя слѣдствія Бочковскій направлялъ къ тому, чтобы икона осталась неприкосновенною и претензіи католическаго духовнаго начальства не получили удовлетворенія. Въ видуэтого ему необходимо было обратить вниманіе еще на

одинъ пунктъ и опровергнуть заявленіе пробоща Мѣшковскаго, будто с. Подлисцы принадлежали къ его парафіи. Это онъ и сдѣлалъ, утвердившись на томъ положеніи, что „римляне уніятскихъ церквей никогда въ своихъ парохіяхъ не имѣли, кромѣ жительствующихъ господъ и мазурей, но въ Подлисцахъ таковыхъ не было и доселѣ не имѣется". На самомъ дѣлѣ это село какъ прежде принадлежало, пишетъ онъ, такъ и теперь принадлежитъ къ парохіи изяславской, а не бѣлогородецкой. Для большаго убѣжденія въ дѣйствительности этого онъ представилъ въ консисторію имѣвшуюся у свящ. Таборовскаго пробощскую грамоту ксендза Мѣшковскаго, изъ которой видно, что дѣйствительно, при перечисленіи подвѣдомственныхъ ему приходовъ, с. Подлисцы не упомянуто.

Собравъ всѣ эти данныя, Бочковскій представилъ ихъ при рапортѣ Іоанникію подольскому, который поручилъ консисторіи разсмотрѣть дѣло и рѣшить вопросъ: „слѣдуетъ ли возвращать требуемую римлянами икону, или оставить оную на томъ же мѣстѣ"? 25 іюля состоялось постановленіе консисторіи. Нужно сказать, что здѣсь довольно правильно взглянули на всѣ обстоятельства дѣла, но окончательный выводъ слишкомъ нерѣшителенъ. Въ своемъ опредѣленіи консисторія пишетъ, что хотя икона Антонія и католическая, но слыветъ въ народѣ чудотворною и пользуется большимъ увлженіемъ, а потому не слѣдуетъ причинять недавно возсоединившимся прихожанамъ огорченія и возбуждать въ нихъ неудовольствіе. Въ виду этого предписано оставить икону въ церкви, но не на виду, а въ ризницѣ, подобно тому какъ здѣсь же отъ временъ уніатскихъ хранится и много другихъ церковныхъ вещей, оказывающихся теперь лишними и ненужными при богослуженіи. Въ этомъ смыслѣ посланъ былъ указъ [1]) прот. Бочковскому и увѣдомленіе бискупу Сѣраковскому.

---

[1]) Онъ напечатанъ въ Вол. Еп. Вѣд. 1891 г. № 31, стр. 958—959, прим. 1.

III.

Дѣло этимъ однако не кончилось. Предписаніе консисторіи оставить икону въ подлисецкой церкви мало озабочивало ксендза Мѣшковскаго. Его попрежнему воодушевляла надежда овладѣть столь заманчивымъ предметомъ. Прямымъ и законнымъ путемъ достигнуть этого было трудно и онъ пошелъ окольной дорогой. Съ этой цѣлью онъ прибѣгнулъ къ протекціи такого вліятельнаго ходатая, какъ князь Сангушко. Какъ с. Подлисцы, такъ и м. Бѣлогородка входили въ составъ его имѣній и потому естественно, что кн. Сангушко горячо заинтересовался этимъ дѣломъ и принялъ въ немъ живѣйшее участіе. Можно догадываться, что онъ даже имѣлъ большой успѣхъ, потому что, вопреки очевидному смыслу консисторскаго постановленія, сталъ требовать у свящ. Таборовскаго икону Антонія. Ясно, что онъ имѣлъ для этого какое-ниб. основаніе; весьма возможно, что Іоанникій словесно или письменно обѣщалъ удовлетворить его ходатайство. Положительныхъ документовъ, подтверждающихъ эту догадку, мы не можемъ представить; по крайней мѣрѣ ихъ не имѣется при дѣлѣ, хранящемся въ консисторскомъ архивѣ, и вѣроятно, они находятся гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Но у насъ есть, вопервыхъ, вторичное прошеніе кс. Мѣшковскаго отъ 5 сентября 1797 года, въ которомъ онъ жалуется, что на требованіе кн. Сангушки свящ. Таборовскій не хочетъ отдать образа, „признавая его принадлежащимъ своей церквѣ"; вмѣстѣ съ тѣмъ Мѣшковскій проситъ побудить его исполнить это требованіе. Во вторыхъ, мы имѣемъ письмо кн. Сангушки, гдѣ онъ выражаетъ благодарность еп. Іоанникію за вниманіе къ его просьбѣ о выдачѣ иконы „Dziękuię Jwm. Pana. пишетъ Сангушко, że na żądanie moie przez Xa Kanonika Proboszcza moiego Białogrodskiego zaniesione, o wydanie z cerkwi wsi moiey dziedziczney Podlisiec obrazu sw. Antoniego Padewskiego uczyniłes JWm Pan zadosyć". Дѣйствительно, Іоанникій сдѣлалъ для Сангушки „zadosyc". Изъ дальнѣйшихъ строкъ письма видно, что онъ обѣщалъ вытребовать икону въ Шаргородъ, гдѣ была его резиденція, и тамъ вручить ее Сангушкѣ. Потому-то Сангушко и послалъ своего

пробоща Мѣшковскаго въ Шаргородъ за полученіемъ иконы, если она уже есть тамъ; если же иконы еще нѣтъ, то ему поручено было исходатайствовать предписаніе свящ. Таборовскому выдать икону на руки князю Сангушкѣ. Съ своей стороны Сангушко обѣщалъ возвратить подлисецкой церкви стоимость серебряной ризы на иконѣ, а для улучшенія матеріальнаго благосостоянія священника предлагалъ ему прибавить поля на три дня въ каждую смѣну, да сѣнокоса на три косаря тоже въ каждую смѣну, т. е. всего около 18 морговъ.

Ожиданія Мѣшковскаго, явившагося къ еп. Іоанникію съ этимъ письмомъ кн. Сангушки и разсчитывавшаго возвратиться домой уже съ иконой, не оправдались. Ея еще не было въ Шаргородѣ и ему пришлось уѣхать восвояси ни съ чѣмъ. Но зато тогда же, именно 7 сентября, дѣйствительно послѣдовалъ указъ консисторіи, хотя, правда, не совсѣмъ въ желательномъ для кн. Сангушки смыслѣ. Должно быть, тотъ же Мѣшковскій, или кто-ниб. другой донесъ, что прежній указъ о помѣщеніи иконы въ ризницѣ не исполняется со всею строгостью, и вотъ теперь консисторія предписываетъ—съѣхать одному изъ членовъ староконстантиновскаго духовнаго правленія въ с. Подлисцы и посмотрѣть, выполнено ли требованіе консисторіи, т. е. перенесена ли икона въ ризницу, и если нѣтъ, то „тамошняго священника оштрафовать яко ослушника своей командѣ поклонами по разсмотрѣнію“, а икону тотчасъ же непремѣнно перенести въ ризницу. Что же касается ходатайства ксендза Мѣшковскаго, то ему „благопристойно объявить, что возвратить тотъ образъ въ римскій костіолъ духовная власть не находитъ справедливой причины“. Хотя указъ этотъ тогда же во всей строгости былъ выполненъ, но еп. Іоанникій не удовольствовался этимъ и мѣсяцъ спустя распорядился издать совершенно другой указъ, гораздо болѣе радикальный. Онъ вспомнилъ о давнемъ синодальномъ опредѣленіи, требующемъ всѣ новоявленныя иконы забирать въ соборы и монастыри; опредѣленіе это послѣдовало еще въ первые годы по учрежденіи синода, т. е. въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія, и его-то Іоанникій и рѣшилъ примѣнить къ настоящему случаю. Въ силу этого брацлавская консисторія

5 октября 1797 г. предписала староконстантиновскому протоіерею Пашкевичу съѣхать на мѣсто, пригласить ктитора, старшаго братчика и приходскаго священника Таборовскаго, взять при нихъ икону, уложить въ нарочно для того приготовленный ящикъ, привезти совмѣстно съ ктиторомъ въ Шаргородъ и при рапортѣ представить въ консисторію для освидѣтельствованія. Была ли это простая уловка, направленная къ тому, чтобы какъ-нибудь освободить православный храмъ отъ католической иконы, или въ самомъ дѣлѣ, въ виду настояній Сангушки, предполагалось передать икону въ руки католиковъ—мы не знаемъ, но съ полною достовѣрностью можемъ утверждать, что каковы бы ни были намѣренія и предположенія епархіальнаго начальства, имъ не суждено было осуществиться.

Изложенныя раньше данныя вполнѣ оправдываютъ тотъ несомнѣнный выводъ, что мѣстный причтъ былъ крѣпко заинтересованъ въ оставленіи иконы. Она считалась чудотворною, къ ней стекался народъ, а вслѣдствіе этого есть основаніе предполагать, что доходы причта выражались довольно круглой цифрой. Недаромъ Сангушко обѣщалъ значительно увеличить земельные фундуши церкви. Онъ отлично понималъ, что въ лицѣ священника встрѣтитъ главнаго противника своимъ планамъ, и считалъ необходимымъ прежде всего устранить эту помѣху; вполнѣ правильно онъ намѣтилъ и средство для достиженія своей цѣли. Но вотъ теперь указомъ консисторіи требовалось взять икону изъ церкви безъ всякаго возмѣщенія предстоящей убыли въ доходахъ священника. Естественно, что прямой матеріальный разсчетъ побуждалъ его принять всѣ зависящія мѣры къ тому, чтобы это распоряженіе осталось втуне. Но отказаться прямо отъ исполненія не было никакой возможности, за то оставался другой, болѣе вѣрный способъ—это дѣйствовать при помощи громады, изъ-за ея спины, тѣмъ болѣе, что сама громада съ тревогою и замираніемъ сердца должна была слѣдить за ходомъ всего этого дѣла; вѣдь, съ отнятіемъ иконы и прекращеніемъ отпустовъ, церковная касса опустѣла бы, и тогда подлисецкой церкви неминуемо угрожала бы бѣдность. Все это надо имѣть въ виду для правильнаго пониманія дальнѣйшихъ

обстоятельствъ, потому что, какъ намъ кажется, только этимъ путемъ можно объяснить то крайнее озлобленіе, съ какимъ крестьяне отнеслись къ консисторскому указу и его исполнителю.

IV.

Еще до пріѣзда въ с. Подлисцы, прот. Пашкевичъ узналъ, что громада отобрала у священника церковные ключи и хранитъ ихъ у себя. Едва ли, впрочемъ, ей была надобность употреблять для этого особенныя усилія; вѣрнѣе всего, что священникъ самъ съ охотою согласился отдать ей на храненіе церковные ключи. Предосторожность оказалась не излишнею, такъ какъ 4 ноября прибылъ въ Подлисцы Пашкевичъ. Заѣхавъ въ домъ священника, онъ послалъ дьячка за ктиторомъ и братчиками. Вѣсть о пріѣздѣ протоіерея съ быстротою молніи облетѣла все село и въ скоромъ времени собрала громаду къ корчмѣ, расположенной вблизи церкви. Едва посланный успѣлъ передать волю своего начальства, какъ отъ корчмы къ дому священника потянулась большая толпа человѣкъ въ сорокъ, вооруженная всякимъ дреколіемъ. Тревожное настроеніе толпы, дреколіе въ рукахъ, вообще—не совсѣмъ обычная обстановка происшествія сильно смутили протоіерея. Но онъ ничѣмъ не обнаружилъ этого и, собравшись съ духомъ, привѣтствовалъ народъ, а затѣмъ началъ дѣловой разговоръ.

— Кто-бы былъ изъ васъ ктиторъ и старшій братчикъ? спросилъ онъ.

— Вся громада ктиторъ и братчики, зашумѣла толпа.

— У кого бы изъ васъ содержались церковные ключи?

— У громады.

— Чтобъ тому за причина?

— Все! былъ громкій и лаконическій отвѣтъ.

Вслѣдъ затѣмъ громада объяснила, что сдѣлано это въ предупрежденіе воровства, которое начинаетъ происходить въ церкви: во 1-хъ украдены червонцы, а во 2-хъ икона Антонія принята съ горняго мѣста и воровскимъ образомъ поставлена въ другомъ мѣстѣ.

— Отъ за тее не дамо никому церковныхъ ключей! закончили свою рѣчь крестьяне и съ угрожающимъ видомъ начали обступать протоіерея. Смущеніе его стало возрастать, а между тѣмъ онъ и не начиналъ еще рѣчи о главной цѣли своего пріѣзда. Уже заранѣе можно было предполагать, что разговоръ объ этомъ вызоветъ цѣлую бурю и усилитъ и безъ того затруднительное положеніе протоіер. Пашкевича. Надо было побороть свое уныніе и нѣсколько успокоить толпу. Онъ дѣйствительно старался по возможности мягко и ласково обращаться къ народу. Но какъ ни подслащай пилюлю, а она все таки горькая.

— Люди божіе, сказалъ онъ, прошу выслушать указъ.— Онъ началъ читать и благополучно достигъ того мѣста, гдѣ предписывается взять икону и въ особомъ ящикѣ доставить въ Шаргородъ. Здѣсь во всей силѣ сказалась горечь пилюли, и терпѣніе народа истощилось.

— Го, го! не буде тутъ безъ убитаго,—раздались громкіе крики въ толпѣ. Затѣмъ началась брань, подъ аккомпониментъ которой Пашкевичъ докончилъ чтеніе указа и вновь началъ свои увѣщанія.

— Разсуждайте получше. Чтобы для вашего покоя и моего по повелѣнію исполненія...

— Не боимось мы ни Житоміра а ни Каминця,—прервали его рѣчь въ толпѣ и затѣмъ всѣ гурьбой направились въ обратный путь, не желая слушать никакихъ дальнѣйшихъ увѣщаній.

Между тѣмъ шляхтичъ Андрей Барановскій вручилъ пр. Пашкевичу письмо отъ пана, какъ оказалось кн. Іеронима Сангушки. Изъ письма видно, что Пашкевичъ обратился къ князю за содѣйствіемъ по приведенію въ исполненіе консисторскаго указа. Можно полагать, что онъ предугадывалъ о неизбѣжныхъ препятствіяхъ въ этомъ дѣлѣ и не былъ настолько самонадѣяннымъ, чтобы разсчитывать исключительно на свои собственныя силы. Но Сангушко просимаго содѣйствія не оказалъ, а напротивъ предлагалъ повременить съ взятіемъ иконы до полученія отъ епископа подольскаго еще какого-то указа, за кото-

рымъ онъ тотчасъ имѣлъ послать нарочнаго въ Шаргородъ [1]). Крестьяне же, провѣдавъ о полученіи письма и ничего, конечно, не зная объ его содержаніи, увидѣли въ этомъ для себя что-то зловѣщее. Они вновь собрались во дворъ священника и своимъ мрачнымъ, грознымъ видомъ навели такой паническій ужасъ на протоіерея Пашкевича, что онъ вышелъ къ другимъ воротамъ, бросился въ свою повозку и предался постыдному бѣгству. Этимъ комическимъ финаломъ и закончилась его неудачная миссія.

Изложивъ всѣ обстоятельства дѣла въ рапортѣ [2]), онъ отослалъ его въ брацлавскую духовную консисторію 4 ноября

---

[1]) Князь Сангушко писалъ: „Przewielebny Mci Xięze Protoiereiu! Rekwizycyia Wm. Pana o pomoc do wzięcia obrazu s. Antoniego P· z cerkwi Podlisieckiey dla trudnosci zachodzących uczyniona y mnie tu zastała ;dla tego proszę Wm. Pana, abys sie z wzięciem tego obrazu zatrzymał poki od JW. Pana Biskupa nie odbiorę rezolucyi, po które natychmiast umyslnego posylam“.

[2]) Приводимъ этотъ не безъинтересный рапортъ почти весь подлинникомъ.— Когда былъ посланъ дьячокъ за ктиторомъ и братчиками, „то вдругъ, пишетъ Пашкевичъ, отъ стороны корчмы открылась толпа народу человѣкъ до 40, и большая оныхъ часть съ палками. Видя я ихъ, сурово идущихъ и бегущихъ и уже сближающихся ко мнѣ, въ дворе священническомъ, привиталъ ихъ христіанскимъ образомъ, испросивъ чтобы былъ изъ нихъ ктиторъ и старшій братчикъ, вдругъ вскричали, что вся громада ктиторъ и братчики, причемъ спросилъ я вторично вкогобы снихъ содержались церковныя ключи зашумѣли въ громады, на то сказываю, чтобъ тому за притчина, отвѣчають все, внасъ де вцеркве воровство. покрадены червонцы (а сколько и когда не объявили) и образъ антонедо снятъ снадпрестолнаго места, и надъ ругомъ позлодейски положенъ; отъ за тее не дамо никому церковныхъ ключей, и какъ начали меня обступать, я умягчая ихъ суровость и ужасаясь ихъ предпріятій, сказалъ, люди божие, прошу выслушать указъ, и при чтеніи коего какъ послышали оне взятье иконы и о сохранномъ положеніи въ ящикъ на то привезенной, громко закричали го̄, го̄, не буде тутъ безъ убитаго, сразною непристойною бранию, я смалчивалъ на сие, я дочитывая указъ, и паки просилъ; разсуждайте получше, чтобы для вашего покоя и моего по повеленію исполненія, то оне отворотясь закричали небоимось мы нижитомира, ани каменця и пошли поузцерковь къ школе, втожъ самое время шляхтичъ Андрей Барановскій представилъ мне писмо а откудова оное, сказалъ мне отъ пана а откотораго не объявилъ (:кое при семъ воорегинале представляя, догадываюсь что отъ владѣльца Геронима князя Сангушки:) также цретящее мне взять икону, и какъ впознали о семъ мужики, то и паки взойшли на дворъ свящ. Таборовскаго, коихъ я прежнюю похвалку, ј суровость ведая, убоялся, исторонними дверями ушолъ вгорницы, а влезши вкибитку мою инными воротами убежалъ“.

1797 года. Въ тоже время было получено письмо кн. Сангушки на епископа Іоанникія слѣдующаго содержанія: „Z konsystorza Konstantynowskiego Im. X. Paszkiewicz Protoierey chcący podług rozkazu JWm. Pana wziąc Obraz z Cerkwi Podlisieckiey S. Antoniego P. dla zawiezienia do Szarogrodu, ma w tym przeszkode od Gromady tameyszey y do moiey jurisdykcyi w takim przypadku udał się, Ja o tym dowiedziawszy się zgłaszam się do JWm. Pana, abys wydał swoy rozkaz wydania mi tego obrazu do Kascioła Łacinskiezo nie kaząc go do Szarogrodu odstawiac, sukiękę srebną jaka iest na tym obrazie zapłacę Gromadzie y do Cezkwi Podl. funduszû przyczynie". Письмо, какъ видимъ, не представляло ничего новаго; и здѣсь Сангушко твердитъ все одно и то же. Но мѣстное епархіальное начальство не рѣшилось дѣлать окончательнаго постановленія по столь недоумѣнному вопросу. Оно нашло его выходящимъ изъ сферы своей компентенціи и 14 ноября изготовило рапортъ въ святѣйшій синодъ, откуда просило „въ резолюцію указа, какимъ образомъ поступить въ семъ случаѣ приказано будетъ". Отвѣтъ не заставилъ себя долго ждать и былъ, какъ нельзя болѣе, раціональнымъ. 28 января 1798 года за № 308 послѣдовалъ этотъ весьма достопримѣчательный синодальный указъ, въ которомъ, послѣ краткаго изложенія дѣла, находимъ слѣдующее постановленіе: „Какъ вышеупомянутой Параскевіевской церкви прихожане утверждаютъ, что означенной образъ устроенъ ихъ коштомъ и они имѣя къ нему не малое уваженіе, желаютъ, чтобы оный по прежнему оставленъ былъ въ той же приходской церкви, а хотя изображенный на той иконѣ Антоній Падевскій въ числѣ признаваемыхъ православною нашею церковію святыхъ и не состоитъ; но поелику означенные с. Подлисецъ жители къ Греко-Россійской православной вѣрѣ присоединились недавно, и потому необходимо нужно оказывать имъ, яко неутвердившимся еще въ православіи всякое возможное при всѣхъ случаяхъ снисхожденіе, дабы тѣмъ не подать способа паки обратиться имъ въ прежнюю свою религію, для того вашему преосвященству предписать, чтобы означенный образъ оставленъ былъ по прежнему въ тойже Параскевіевской церкви въ при-

стойномъ мѣстѣ“. Консисторія непреминула, разумѣется, увѣдомить объ этомъ католическое духовное начальство, а также послала указъ староконстантиновскому духовному правленію [1]).

Можно себѣ представить, какъ успокоительно подѣйствовалъ этотъ указъ на мѣстное населеніе. Ничего иного и ожидать нельзя было. Если еще можно было опасаться, что икону прикажутъ взять изъ церкви, то никоимъ образомъ она не была бы передана въ костелъ. Вѣдь всякій легко сообразитъ, что тѣ самые православные люди, которые почитаютъ икону и обращаются къ ней съ молитвою, въ случаѣ передачи ея въ костелъ, станутъ ходить на отпустъ не въ церковь, а туда, гдѣ находится чтимая икона. Слѣдовательно, духовное начальство едва ли бы отнеслось такъ благосклонно къ этому вопросу, какъ того ожидали католики. Впрочемъ, они сами поняли теперь естественность этого соображенія и никакихъ дѣлъ объ иконѣ больше не возбуждали. Такимъ образомъ ничто теперь не нарушало наступившаго спокойствія въ средѣ мѣстнаго населенія. И это спокойствіе продолжалось не мало времени, болѣе полустолѣтія. Только, начиная съ 60-хъ годовъ, поднимается вновь вопросъ объ иконѣ. Но... должно предупредить, что намъ приходится оставить твердую почву достовѣрныхъ историческихъ документовъ и перейти въ весьма шаткую область сказаній, предположеній, догадокъ. При всемъ томъ нельзя отрицать, что онѣ имѣютъ извѣстную степень вѣроятія и хоть небольшую долю правды.

V.

Много самыхъ разнообразныхъ разсказовъ, анекдотовъ можно услышать изъ устъ волынскихъ стариковъ-священниковъ объ архіепископѣ Антоніи (Павлинскомъ), назначенномъ въ 1860 г. на Волынь. До него волынская епархія считалась приписанною къ варшавской, а потому архіереи жили въ Вар-

[1]) Онъ напечатанъ въ Вол. Еп. Вѣд. 1891 г. № 31. Къ сожалѣнію, здѣсь не изложены мотивы, какіе находятся въ синодальномъ указѣ.

шавѣ и лишь изрѣдка лѣтомъ наѣзжали сюда. Архіепископъ Антоній первый сталъ постоянно жить на Волыни и первый изъ архіереевъ объѣхалъ всю Волынь, не пропуская почти ни одного села. Быть можетъ, благодаря этому, онъ и создалъ себѣ такую популярность, что его вездѣ знаютъ, вездѣ помнятъ, всюду есть готовый анекдотъ объ немъ. Во всѣхъ этихъ анекдотахъ проглядываютъ тѣ преобладающія черты его характера, что онъ, въ минуты гнѣва, бывалъ очень грозенъ, не церемонился въ выраженіяхъ, громилъ направо и налѣво, а особенно ненавидѣлъ всякую уніатщину. Онъ внимательно осматривалъ каждую церковь, чтобы увидѣть, нѣтъ ли уніатскихъ иконъ, и если замѣчалъ, что есть, то не пропускалъ случая распорядиться о принятіи ихъ. Въ острожскомъ, напр., уѣздѣ во многихъ приходахъ были на жертвенникахъ иконы, извѣстныя подъ именемъ „живоноснаго источника";—это изображеніе Спасителя, у котораго изъ боку ростетъ виноградная лоза; по сторонамъ стоятъ ангелы съ чашами, куда выжимается изъ кистей виноградный сокъ. Всѣ такія иконы, которыя и до сихъ поръ еще можно видѣть въ притворахъ нѣкоторыхъ сельскихъ церквей, велѣно было убрать и на ихъ мѣсто поставить новыя съ изображеніемъ, напр., моленія о чашѣ, или другихъ соотвѣтствующихъ событій.

Само собою понятно, что, пріѣхавъ въ Подлисцы и увидѣвъ на горнемъ мѣстѣ не то что уніатскую, а совсѣмъ католическую икону, арх. Антоній сильно вознегодовалъ. По обыкновенію. онъ не удержался, чтобы прежде всего не высказать нѣсколько рѣзкихъ замѣчаній на этотъ счетъ и не сдѣлать строгаго выговора священнику и благочинному; вслѣдъ затѣмъ, обратившись къ народу, заявилъ, что икона Антонія, какъ католическая, не можетъ быть на дальнѣйшее время допущена въ православномъ храмѣ. Тутъ одинъ изъ крестьянъ выступилъ съ возраженіемъ: —„Може Антоній и не святый, сказалъ онъ, того мы не знаемъ, но у него на рукахъ Іисусъ Христосъ, а Іисусъ Христосъ—то не тилько святый, а еще и Богъ—тее мы добре знаемъ. То може и чуда творыть самъ Іисусъ Христосъ, сыдящій на рукахъ у Антонія. Нехай той образъ, ваше прео-

свящ., таки тамъ буде". Арх. Антоній, не найдя чѣмъ опровергнуть это возраженіе, высказался въ томъ смыслѣ, что икону слѣдуетъ все таки взять изъ алтаря и поставить въ средней части храма; тогда она будетъ по крайней мѣрѣ видна народу, который чтитъ ее, какъ чудотворную. Выходя изъ церкви, онъ еще разъ напомнилъ о своемъ распоряженіи священнику. Между тѣмъ на другой день, предъ отправленіемъ въ путь, тотъ самый арх. Антоній, который вчера такъ настойчиво требовалъ принятія иконы съ горняго мѣста, теперь, неожиданно для всѣхъ, заявилъ: „пусть Антоній остается на своемъ мѣстѣ; онъ мнѣ цѣлую ночь спать не далъ". Въ такомъ видѣ мы слышали этотъ разсказъ отъ мѣстнаго священника о. Ѳ. Жолткевича, который, впрочемъ, не былъ еще тогда на приходѣ въ с. Подлисцахъ, но въ подтвержденіе своихъ словъ ссылается на крестьянъ и сосѣднихъ священниковъ. Въ такомъ же видѣ и съ тою же ссылкою онъ напечатанъ въ „Историко-статистическомъ описаніи волынской епархіи" [1]). Какъ смотрѣть на этотъ разсказъ? Слышится какъ будто что-то анекдотическое въ общемъ тонѣ и частныхъ его подробностяхъ, а между тѣмъ нѣтъ никакой возможности подтвердить его какими либо письменными документами. Въ тоже время нѣтъ вѣскаго повода заподозрѣвать его достовѣрность, такъ какъ разсказъ этотъ очень подходитъ къ характеру арх. Антонія. Несомнѣнно, что нѣчто похожее было, ибо какъ бы иначе икона до сихъ поръ уцѣлѣла на своемъ мѣстѣ? Антоній слылъ за человѣка слишкомъ непреклоннаго, чтобы рискнули ослушаться его приказанія.

Разсказанный случай тѣмъ замѣчателенъ, что онъ остался не безъ вліянія на дальнѣйшую судьбу иконы—и это снова говоритъ въ пользу его достовѣрности. Авторъ „Историко-Статистическаго описанія", въ заключеніе своего разсказа, прибавляетъ: „Говорятъ, что, на основаніи указаннаго факта, всегда прекращалось дѣло относительно этой иконы, возбуждаемое впослѣдствіи и при другихъ архипастыряхъ волынскихъ". Изъ другихъ архипастырей иконою заинтересовался преемникъ Ан-

[1]) Вол. Еп. Вѣд. 1891. № 31.

тонія, арх. Агаѳангелъ (Соловьевъ), переведенный на Волынь въ 1866 г., и тоже требовалъ принять ее съ горняго мѣста. Ему доложили о случаѣ съ его предшественникомъ, и передаютъ, что онъ даже завелъ съ нимъ переписку по этому поводу. Чѣмъ она кончилась—неизвѣстно, извѣстно только, что въ его епископство сдѣлана была поверхъ иконы Антонія другая икона, именно Іисуса Христа въ святительскомъ облаченіи, а въ нижнемъ ярусѣ написано такъ называемое „коронованіе Богородицы". Такимъ образомъ икона Антонія теперь закрыта, но въ торжественные дни отпустовъ икона Спасителя выдвигается и молящіеся могутъ взирать на икону Антонія.

Не безъинтересенъ еще слѣдующій эпизодъ изъ самаго недавняго времени. Однажды преосвященный Александръ, бывшій викарій волынскій, а теперь епископъ архангельскій, во время ревизіи, заѣхалъ въ с. Подлисцы. Къ его пріѣзду икона Спасителя была, разумѣется, отодвинута, чтобы сразу можно было обратить вниманіе на главную достопримѣчательность храма, но, между прочимъ, объ этой достопримѣчательности его никто не предупредилъ. Войдя въ алтарь и взглянувъ на горнее мѣсто, онъ принялъ Антонія за Богоматерь съ младенцемъ Іисусомъ и выразилъ свое крайнее удивленіе, что, вопреки всѣмъ обычаямъ, такая икона находится на горнемъ мѣстѣ. Ему тотчасъ объяснили, въ чемъ дѣло. Преосвященный, впрочемъ, благосклонно отнесся къ иконѣ Антонія, основываясь на томъ убѣжденіи, что и въ западной церкви могли быть святые.

Въ настоящее время, какъ слышно, найдено все таки неумѣстнымъ держать католическую икону въ православномъ храмѣ, но какъ ее взять оттуда—пока еще окончательно не выяснено. Предполагается до времени оставить ее въ церкви, въ средней части храма. Несомнѣнно, что взятіе иконы сильно затрудняется ожидаемымъ неудовольствіемъ со стороны прихожанъ. Не мало будутъ огорчены тогда и тѣ массы католиковъ, которые составляютъ главный процентъ являющихся сюда на отпуста паломниковъ. Насколько вообще цѣнятъ католики эту икону—видно изъ того, что кн. Сангушко, какъ говорятъ, и

теперь готовъ предложить за нее 5000 руб. Мы не знаемъ, въ какой формѣ выразится окончательное рѣшеніе вопроса объ иконѣ Антонія, но по этому поводу невольно вспоминается величавая фигура покойнаго Платона, митрополита кіевскаго. Слишкомъ извѣстно надѣлавшее въ свое время столько шуму посѣщеніе имъ коростышевскаго костела, чтобы слѣдовало о немъ долго распространяться. Этотъ іерархъ, столько времени прожившій на разныхъ окраинахъ русскихъ и имѣвшій возможность достаточно ознакомиться со всѣми перипетіями происходящей здѣсь племенной и религіозной борьбы, теперь, на склонѣ лѣтъ, протягиваетъ руку примиренія... Не обращая вниманія на всѣ вѣковыя традиціи, онъ, православный архіерей, заходитъ въ католическій храмъ, молится здѣсь предъ алтаремъ, благословляетъ иновѣрцевъ, говоритъ имъ слова мира и любви... Онъ говоритъ, что обѣ церкви—восточная и западная—это двѣ родныя сестры, которыя должны бы идти впередъ, взявшись за руки, а не расходиться такъ, какъ онѣ давно уже разошлись. Кажется, что только такими словами и можно обезоружить всякій фанатизмъ, которому давно пора сдѣлаться достояніемъ исторіи.

В. Храневичъ.

А. А. Потебня, какъ языковѣдъ-мыслитель.[1]

(ОКОНЧАНІЕ).

V.

Въ этихъ оборотахъ стремленіе къ глагольности сказуемаго приводитъ къ замѣнѣ именительнаго падежа въ предикативномъ имени творительнымъ, т. е. къ превращенію сочетанія „N былъ *купецъ*“ въ сочетаніе „N былъ *купцомъ*“. Такой творительный составляетъ, какъ извѣстно, особенность языковъ славянскихъ и литовско-латышскаго. Его происхожденіе и значеніе раскрыты Потебнею въ обширной главѣ, которая есть настоящій шедёвръ грамматическаго изслѣдованія и сама по себѣ, помимо всего прочаго, могла бы обезсмертить имя Потебни въ исторіи знанія. Передадимъ въ немногихъ словахъ сущность этого изслѣдованія.

Синтаксическое различіе между „N былъ купецъ“ и „N былъ купцомъ“ состоитъ прежде всего въ томъ, что въ первомъ оборотѣ слово *купецъ*, образуя несомнѣнно часть составнаго сказуемаго, согласуется съ подлежащимъ и поэтому стоитъ въ именительномъ падежѣ, между тѣмъ какъ во второмъ оборотѣ это согласованіе, а стало быть и связь предикативнаго имени (купецъ) съ его подлежащимъ устранены, и творительный (купцомъ), ставшій на мѣсто именительнаго, уже не можетъ быть разсматриваемъ—какъ часть сказуемаго.

Перенеся вопросъ на почву исторіи языка, Потебня доказалъ, что этотъ творительный вовсе не былъ *исконной* принад-

---

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1893 г. № 8.

лежностью славяно-литовской группы (какъ думали нѣкоторые другіе авторитеты, напр. Миклошичъ), но возникъ въ этихъ языкахъ въ извѣстную эпоху. Первоначально, какъ и въ другихъ индоевропейскихъ языкахъ, предикативное имя ставилось только въ именительномъ падежѣ, сохранившемся здѣсь и доселѣ, но только получившемъ, въ силу присутствія новой формы, способность выражать нѣкоторые особые оттѣнки [1]). Прототипомъ разсматриваемаго творительнаго Потебня признаетъ *творительный образа дѣйствія* въ тѣхъ случаяхъ, когда субстанція объекта, выраженнаго творительнымъ, совпадала съ субстанціею подлежащаго. Въ предложеніяхъ „N пишетъ *перомъ*", „N идетъ *войною*" и т. д. эти субстанціи не совпадаютъ, а потому подобные творительные образа и не могутъ разсматриваться какъ прототипъ творительнаго въ „N былъ *купцомъ*". Другое дѣло— творительный образа въ выраженіяхъ, какъ „послаша Козму Твердиславича и Олександра Борисовича *посольствомъ*" (Новгор. I лѣтоп.), „игуменъ иде сълъмь (посломъ)" и т. д., „гдѣ замѣчается частное сліяніе субстанцій, такъ что *игуменъ* и былъ *посломъ*" (Изъ зап., 500). Сюда нужно отнести и такъ-называемый *творительный сравненія и превращенія:* „конь летитъ *стрѣлою*", „Игорь *соколомъ* полетѣ", „у дороги *бѣлымъ камнемъ* осталась Марья царевна".

„Въ этихъ случаяхъ"—говоритъ Потебня, ib., 500,— „можно видѣть уже первую ступень творительнаго предикативнаго [2]), въ которомъ вообще такое совпаденіе субстанцій есть постоянный признакъ".

Остается теперь раскрыть самый процессъ или условія возникновенія творительнаго „предикативнаго" изъ указанныхъ его прототиповъ. Переходя къ этому вопросу, По-

---

[1]) „Прежде созданное въ языкѣ двояко служитъ основаніемъ новому: частью оно перестраивается за-ново при другихъ условіяхъ и по другому началу, частью же измѣняетъ свой видъ и значеніе въ цѣломъ единственно отъ присутствія новаго". (Изъ зап., 125).

[2]) Названіе *предикативнаго* Потебня удерживаетъ для краткости, оговариваясь, что не признаетъ (вопреки другимъ ученымъ) этотъ падежъ предикатомъ (частью сказуемаго).

тебня прежде всего обращаетъ вниманіе на тѣ глаголы, при которыхъ наблюдается замѣна именительнаго творительнымъ; и находитъ, что эти глаголы нужно раздѣлить на два разряда: 1) глаголы *большей энергичности*, каковы *быть*, *являться*, *казаться*, *называться*, *становиться* и т. д. и 2) глаголы *меньшей энергичности*, какъ *жить*, *умереть*, *цвѣсти*, *итти* и пр. Первые представляются болѣе энергичными въ томъ смыслѣ, что признакъ, выраженный „предикативнымъ" именемъ (N былъ *купцомъ*, онъ казался *задумчивымъ*, Петръ I называется *великимъ*) явственно изображается какъ результатъ энергіи, указанной глаголомъ (быть, казаться, называться), представленъ въ зависимости отъ нея и усматривается въ подлежащемъ непосредственно вслѣдъ за обнаруженіемъ этой энергіи, а не одновременно съ нею. Глаголы второй категоріи представляются менѣе энергичными въ томъ смыслѣ, что признакъ, выраженный именемъ (шелъ *пѣшій*, умеръ *бѣднякомъ*, жила *вдовою*), вовсе не представленъ какъ результатъ энергіи, обозначенной глаголомъ (шелъ, умеръ, жила), не стоитъ въ зависимости отъ нея и не слѣдуетъ за нею во времени. Это просто признакъ, усмотрѣнный въ подлежащемъ и привлеченный къ глаголу только потому, что его обнаруженіе представляется одновременнымъ съ обнаруженіемъ признака, выраженнаго глаголомъ: „шелъ пѣшій" не значитъ былъ пѣпѣшій потому, что шелъ, а значитъ: былъ пѣшій въ то самое время, какъ шелъ.

Обращаясь теперь къ исторіи языка, мы находимъ, что творительный „предикативный" появился при глаголахъ 2-го типа (*меньшей энергіи*) *раньше*, чѣмъ при глаголахъ 1-го типа (*большей* энергіи). Онъ появился сперва въ предложеніяхъ въ родѣ „она *жила* (умерла, сидѣла) *вдовою*", а уже потомъ въ предложеніяхъ типа „она *стала* (сдѣлалась, казалась, явилась) вдовой. Въ древности въ обоихъ случаяхъ стоялъ *именительный*: кънягыни *сѣдѣ вьдова* лѣтъ 40, кънягыни *бысть вьдова*. Затѣмъ въ извѣстную эпоху, сказалось наконецъ различіе энергичности глаголовъ, и результатъ былъ тотъ, что именительный *вдова* при глаголахъ меньшей энергіи, *жила*,

умерла, сидѣла, уже сталъ казаться неудобнымъ: малая энергичность глагола при большой (съ прогрессомъ языка все возроставшей субстанціальности существительнаго уже недостаточно крѣпко связывала признакъ „вдова“ съ глаголомъ „жила“ тѣми узами одновременности, которыя требовались смысломъ фразы; согласованіе *вдова* съ подлежащимъ *княгиня*, тяготѣніе аттрибута къ подлежащему перевѣшивало связь съ глаголомъ, и фраза рисковала быть понятою такъ, какъ будто „вдова“ есть *приложеніе* къ подлежащему, а не составная часть сказуемаго: „княгиня-вдова жила 40 лѣтъ“. Чтобы устранить это тяготѣніе признака *вдова* къ подлежащему и удержать его *при сказуемомъ*, нужно было разорвать узы, связующіе слово *вдова* съ подлежащимъ, т. е. нарушить согласованіе и изъ именительнаго перевести его въ какой-нибудь другой падежъ. Наиболѣе подходящимъ былъ, конечно, творительный образа, который и сталъ здѣсь на мѣсто именительнаго: княгиня жила *вдовою* (по обращику: игуменъ отправился *посломъ*). При глаголахъ большей энергіи такое превращеніе сначала не было столь настоятельно: глаголъ, благодаря своей энергичности, достаточно крѣпко держитъ въ предѣлахъ своей сферы именительный предиката, чтобы его можно было вывести оттуда и отнести къ подлежащему въ качествѣ приложенія: „княгиня была *вдова*“,— оборотъ существующій до сихъ поръ (рядомъ съ творит.—вдовою), между тѣмъ какъ именительный въ „княгиня жила *вдова*“ уже невозможенъ.

Первые всходы оборота съ творительнымъ усматриваются уже въ нѣкоторыхъ церковнославянскихъ памятникахъ (но не въ Остроміровомъ Евангеліи, языку коего онъ совершенно чуждъ). Въ русскомъ языкѣ въ теченіе долгаго времени сохраняются равноправно оба оборота. Этой равноправности былъ положенъ предѣлъ только въ новомъ русскомъ, гдѣ, въ области глаголовъ большей энергичности, нужно различать двѣ группы: одну (называться, считаться, слыть, стать въ смыслѣ превратиться и др.), при которой творительный обязателенъ въ той же мѣрѣ, какъ и при глаголахъ малой энергіи (уже нельзя сказать: слыветъ *знатокъ*), и другую, куда входятъ глаголы *наибольшей*

энергичности (сдѣлаться, казаться, быть, стать въ смыслѣ нѣм. werden), при которыхъ старый именительный все еще держится частью рядомъ съ творительнымъ, частью—одинъ: „онъ былъ купецъ" и „онъ былъ купцомъ", но—„онъ (есть) купецъ" (а не купцомъ, какъ въ польскомъ, гдѣ развитіе творит. „предикативнаго" достигло крайнихъ предѣловъ).

Творительный падежъ, который мы разсматриваемъ, можетъ замѣнить собою не только именительный (въ именномъ сказуемомъ), но также винит. и родит. дополненія: я называю его (вин.) *братомъ*, я не называю его (род. 1) *братомъ*. Первоначально (въ памятникахъ наиболѣе архаическихъ по языку) здѣсь возможенъ только винит. и родит., т. е. необходимо согласованіе втораго падежа съ первымъ: называть *ее сестру*, не называть *ея сестры*. Такъ въ Остроміровомъ Еванг. и въ Савиной книгѣ. Но въ другихъ церковнослав. памятникахъ уже появляется въ этихъ случаяхъ творительный (напр. въ Супрасльской рукоп.). Въ русскихъ памятникахъ такой творительный употребляется сначала наравнѣ съ согласуемымъ падежомъ: „поставиша Ѳеоктиста *епископа* (вин.) Чернигову", но—„нарекъ ю (вин.=ее) *дщерью* себѣ (твор. вм. вин. *дщерь*).

Невдаваясь въ дальнѣйшія подробности, которыя были бы неудобны въ популярномъ изложеніи, укажемъ на общій смыслъ разсмотрѣннаго явленія, на его психологическое значеніе въ исторіи языка.

Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оба оборота существуютъ рядомъ („онъ былъ офицеръ" и „онъ былъ офицеромъ"), языкъ различаетъ ихъ не только формально, но и по значенію. Потебня доказалъ, что первоначально такого различенія не было, и творительному долго не присваивалась спеціальная функція выражать одни оттѣнки значенія, а именительному—другіе. Суть явленія состоитъ отнюдь не въ стремленіи разграничить эти оттѣнки, а въ общемъ стремленіи языка *дать перевѣсъ глагольному сказуемому надъ именнымъ*. Въ данномъ случаѣ это достигается тѣмъ, что согласованіе предикативнаго имени (офицеръ) съ подлежащимъ (онъ) разрушается, и это имя переводится въ область несогласуемыхъ падежей, т. е. устраняется изъ сферы

сказуемаго и превращается въ дополненіе. Въ силу этого, глаголъ „былъ", игравшій подчиненную роль *связи*, сразу возвышается на степень *самостоятельнаго сказуемаго*. Въ „онъ былъ офицеръ" сказуемое—составное „былъ офицеръ", и глаголъ „былъ"—связка. Вся фраза имѣетъ какъ-бы два темпа—подлежащее и сказуемое, изъ коихъ второй (сказуемое) состоитъ изъ двухъ актовъ мысли, такъ что все предложеніе можетъ быть представлено въ видѣ трехъ тактовъ, примѣрно такъ: подлежащему, равному $^1/_4$, противопоставляется одинъ сложный членъ (сказуемое) изъ $^1/_8+^3/_8$. „Мысль здѣсь не останавливается на связкѣ *былъ* ($^1/_8$) и пользуется ею лишь для перехода отъ подлежащаго къ мыслимому въ немъ аттрибуту" (Изъ зап., 521—2). Иной характеръ усматривается въ оборотѣ съ творительнымъ". Въ „онъ былъ офицеромъ" все грамматическое содержаніе мыслится въ три одинаковые пріема и можетъ быть сравнено съ тактомъ изъ трехъ четвертей: *былъ* есть не связка, а самостоятельное сказуемое; *офицеромъ* дополненіе къ нему, стало быть нѣчто мыслимое не въ подлежащемъ, а особо отъ него, несмотря на частное совпаденіе, и въ тоже время особо отъ сказуемаго". (Изъ зап., 5 21). Вотъ именно это превращеніе глагола—связки въ самостоятельное сказуемое и образуетъ сущность явленія. Засимъ разъ новый оборотъ появился и получилъ ва языкѣ извѣстное распространеніе, не вытѣснивъ вполнѣ стараго оборота, то послѣдній пріобрѣтаетъ новый смыслъ. Грамматическо-психологическое сознаніе (не научное, а „инстинктивное"), что *былъ* въ „онъ былъ офицеръ" есть связка, что предикативный аттрибутъ „офицеръ" составляетъ главную часть сказуемаго, невольно вызываетъ въ умѣ представленіе о томъ, что въ этомъ аттрибутѣ выраженъ какой-то не то существенный, не то постоянный, или же въ данную минуту особенно важный признакъ подлежащаго. Но такіе оттѣнки значенія этотъ старый оборотъ могъ получить только послѣ того, какъ рядомъ съ нимъ сталъ новый—съ творительнымъ: самостоятельность глагольнаго сказуемаго (былъ) въ этомъ послѣднемъ рѣзче оттѣняла собою подчиненную роль глагола въ старомъ оборотѣ. Разрывая связь предикативнаго аттрибута (офицеръ) съ подлежа-

щимъ (онъ), переводя его въ сферу дополненія и тѣмъ самымъ придавая большій вѣсъ глаголу (былъ), новый оборотъ какъ-бы наталкиваетъ мысль на предположеніе, что аттрибутъ, выраженный творительнымъ, не существенъ для подлежащаго, что если N *былъ* тамъ-то (офицеромъ), то онъ *могъ быть* или *раньше* былъ другимъ (не-офицеромъ). Такой смыслъ новый оборотъ получилъ не сразу. Онъ развился въ немъ съ теченіемъ времени, благопріятствуемый внутренними свойствами оборота (самостоятельность глагола—сказуемаго), которыя въ тоже время заставляли мысль оцѣнивать противоположныя свойства стараго оборота и утилизировать его для выраженія соотвѣтственныхъ оттѣнковъ значенія.

Здѣсь, какъ и во многомъ другомъ, Потебня, такъ сказать, подслушалъ сокровенное прозябаніе языка и обнаружилъ тѣ внутренніе процессы рѣчи, которые творятъ мысль.

VI.

Прилагательное гораздо больше существительнаго удерживается въ именительномъ падежѣ предикативнаго имени, въ особенности при глаголахъ меньшей энергичности: мы до сихъ поръ говоримъ „она жила *грустная*", между тѣмъ какъ „жила *вдова*" уже невозможно. Обязателенъ творительный прилагательныхъ при глаголахъ *средней* энергичности, каковы *слыть, считаться, называться*: „онъ слыветъ *умнымъ, счастливымъ*". При глаголахъ наибольшей энергіи (быть, казаться и др.) этотъ падежъ далеко не такъ обыченъ, и нерѣдко предпочтеніе отдается именительному: „онъ былъ *веселъ*", „онъ казался *уменъ*". Въ подобныхъ случаяхъ именит. падежъ прилагательнаго въ безчленной формѣ выражаетъ тѣ-же оттѣнки, которые передаются творительнымъ существительныхъ.

Итакъ, прилагательное то идетъ въ ногу съ существительнымъ, то отстаетъ отъ него.

Это различіе обусловлено самой природою прилагательнаго.

Мы знаемъ, что прилагательное есть тотъ актъ мысли, которымъ мы апперцепируемъ признакъ, данный въ субстанціи.

Ниже намъ прійдется еще разъ затронуть этотъ вопросъ; здѣсь же достаточно будетъ указать на то, что въ древности прилагательное, обозначая признакъ, данный въ субстанціи, могло намекать и на самую субстанцію, и съ этой стороны приближалось къ существительному. Съ теченіемъ времени все увеличивалось разстояніе между этими двумя частями рѣчи, и прилагательное теряло свойство указывать на субстанцію, между тѣмъ какъ субстанціальность существительнаго все болѣе развивалась. Вотъ почему при глаголахъ меньшей энергіи, гдѣ уже невозможенъ именительный существительнаго, прилагательное можетъ оставаться въ именит. пад., т. е. сохранять согласованіе съ подлежащимъ: субстанція, на которую намекаетъ прилагательное, такъ слаба, неопредѣленна, неиндивидуальна, что это согласованіе нисколько не мѣшаетъ намъ по прежнему мыслить данный аттрибутъ въ связи съ глаголомъ (жила грустная), не заставляетъ нашу мысль забывать о предикативномъ значеніи прилагательнаго и непремѣнно относить его къ подлежащему въ видѣ приложенія (она, грустная, жила...), что наступаетъ при существительномъ (въ имен. п.) въ силу его субстанціальности (она жила вдова=она, вдова, жила...).

Но прилагательное имѣетъ еще одно этимологическое свойство, которое въ существительномъ усматривается лишь въ слабой степени: огромное большинство прилагательныхъ всегда можетъ быть по мѣрѣ надобности превращено въ *нарѣчія*: грустный—грустно, веселый—весело. Поэтому при глаголахъ меньшей энергіи, гдѣ обязателенъ творительный существительнаго, для прилагательнаго открывается другой исходъ—превратиться въ нарѣчіе, если удержаніе именительнаго почему-либо нежелательно: „она жила грустно, весело, счастливо". Нарѣчіемъ легче и удобнѣе осуществляется здѣсь тотъ самый результатъ, который въ оборотахъ съ существительнымъ достигается замѣною именительнаго падежа творительнымъ: сказуемое изъ составнаго становится простымъ, глагольнымъ, на мѣстѣ согласуемаго именнаго предиката является несогласуемая часть рѣчи (нарѣчіе), и вся фраза выигрываетъ въ глагольности и единствѣ. Вотъ этимъ-то обстоятельствомъ и было заторможено

распространеніе оборотовъ съ творительнымъ прилагательнаго при глаголахъ меньшей энергіи. Оборотъ „она жила *грустною*“ представляется и ненужнымъ, и неудобнымъ, потому что, кромѣ стараго „она жила *грустная*“, возможенъ и удобенъ еще одинъ оборотъ „она жила *грустно*“. Иное дѣло—обороты съ глаголами большей энергіи. Здѣсь нарѣчія (въ положит. степ.) не годятся, ибо не могутъ—пока—выразить *результата* дѣйствія, а показываютъ только его *качество*, обозначаютъ признакъ ему сопутствующій, а не слѣдующій за нимъ. Поэтому нельзя сказать: „она стала (казалась, слыла, была) *весело*“, и остается въ извѣстныхъ случаяхъ сохранять именительный (она стала, казалась грустна), въ другихъ, по примѣру существительныхъ, замѣнять его обязательнымъ или необязательнымъ творительнымъ: „она слыла, называлась *веселою*“, „казалась грустною“ и т. д.

Появленіе нарѣчій въ указанныхъ случаяхъ на мѣсто прилагательнаго есть одно изъ многихъ проявленій все того же движенія въ сторону глагольности сказуемаго. Такой же смыслъ имѣетъ распространеніе категоріи нарѣчія на счетъ прилагательнаго еще въ двухъ сферахъ: 1) въ сравнительной степени и 2) въ причастіи.

Великорусскія и общерусскія сравнительныя степени прилагательныхъ суть уже нарѣчія, а не прилагательныя, и фразы „онъ *больше* меня“; „онъ былъ *лучше* ея“, по своему чину, по глагольности сказуемаго, стоятъ на одномъ уровнѣ съ „онъ жилъ весело“ (при чемъ сравнительная степень даетъ нарѣчію возможность употребляться и при глаголахъ большей энергіи), между тѣмъ какъ малорусское „винъ бильшій видъ мене“, гдѣ сохраняется прилагательное въ сравн. степ., болѣе архаично и подходитъ къ типу: „онъ жилъ *грустный*“.

Дѣепричастія суть причастія, переведенныя изъ категоріи прилагательнаго въ категорію нарѣчія. Ихъ возникновеніе есть несомнѣнный признакъ усиленія глагольности рѣчи. Выше мы видѣли, какимъ образомъ дѣепричастіе, становясь на мѣсто стараго причастія, превращаетъ глаголъ-связку въ самостоятельное сказуемое. При глаголахъ меньшей энергіи оно замѣ-

няетъ творительный, подобно обыкновенному нарѣчію: „она сидѣла грустя“.

Стремленія языка къ усиленію глагольности проявлялись постепенно, переходя исподоволь отъ одной сферы къ другой. Первые шаги въ этомъ направленіи были сдѣланы уже въ глубокой древности, и однимъ изъ наиболѣе раннихъ завоеваній глагола было созданіе *инфинитива* (неопредѣленнаго наклоненія), которому посвященъ въ „Запискахъ по русской грамм.“ обширный отдѣлъ (342—443). Не имѣя возможности передать здѣсь содержаніе этого превосходнаго изслѣдованія, ограничимся изложеніемъ общаго взгляда Потебни на неопредѣл. наклоненіе,—взгляда, расходящагося съ воззрѣніемъ нѣкоторыхъ авторитетовъ, какъ напр. Боппа и Як. Гримма.

Давно уже доказано, что неопредѣленное накл. возникло изъ имени существительнаго и представляетъ собою какъ-бы окаменѣвшую форму извѣстнаго (у насъ—дательнаго) падежа. Дальнѣйшее распространеніе этого совершенно вѣрнаго положенія привело однако къ ложному пониманію инфинитива—какъ *отглагольнаго имени существительнаго*. Ошибка состоитъ въ томъ, что современному инфинитиву приписываются признаки, которые онъ имѣлъ нѣкогда, въ глубокой древности, и которые онъ давнымъ давно утратилъ. Это все равно, что опредѣлять бабочку какъ куколку на томъ основаніи, что она изъ куколки развивается, или современныя письмена—какъ гіероглифы, предполагая, что они возникли нѣкогда изъ послѣднихъ. Въ дѣйствительности неопредѣленное накл. перестало быть именемъ уже въ глубокой доисторической древности, потерявъ отличительные признаки имени (склоненіе, число, родъ), и превратилось сперва въ особую часть рѣчи, занимающую середину между именемъ и глаголомъ (какъ причастіе), а затѣмъ все болѣе вовлекалось въ сферу глагольности, пока наконецъ не впитало въ себя характерныхъ глагольныхъ свойствъ—быть сказуемымъ, обозначать дѣятельность въ ея теченіи, намекать на лицо. Казалось бы, что *знать* то же самое, что́ *знаніе*. Но стоитъ только взять эти формы въ живой рѣчи, чтобы сейчасъ же уловить грамматическую разницу между ними. „Хочу знать“ есть со-

ставное сказуемое изъ *хочу*—родъ связки и *знать*,—формы которая, вопервыхъ, представляетъ цѣль хотѣнія не какъ *вещь* (субстанцію), постороннюю субъекту (я), но какъ *дѣятельность* или *энергію*, на которую направлено хотѣніе субъекта, а, вовторыхъ, явственно относитъ эту дѣятельность къ грамматическому *лицу* подлежащаго: въ „хочу знать" инфинитивъ *знать* указываетъ на 1-е лицо и можетъ быть разложенъ такъ: хочу, чтобы *я зналъ*, въ „хочешь знать" онъ указываетъ на 2-е лицо и т. д. Теперь замѣнимъ въ нашемъ примѣрѣ неопредѣл. наклоненіе существительнымъ: „хочу *знанія*". Весь строй фразы измѣнится. Здѣсь *хочу*—уже не связка, а самостоятельное сказуемое, *знанія*—не составная часть сказуемаго, а *дополненіе*, никакого отношенія къ лицу не имѣющее и указывающее не на дѣятельность подлежащаго, а на (фиктивную) субстанцію, постороннюю ему. *Знаніе* есть именно *существительное отглагольное*, *знать когда-то* было таковымъ, но давно уже перестало имъ быть. Если же желательно дать ему такое опредѣленіе, въ которомъ бы заключалось указаніе на происхожденіе этой формы, то можно бы назвать его существительнымъ *оглаголеннымъ* (а не отглагольнымъ).

Изъ вышесказаннаго видно, что *отношеніе къ лицу* образуетъ свойство неопредѣленнаго накл. и вмѣстѣ важнѣйшее основаніе его глагольности. Этому нисколько не противорѣчитъ то, что неопредѣленное наклоненіе не имѣетъ личныхъ окончаній и, взятое отдѣльно, не даетъ возможности отнести его къ опредѣленному лицу. Въ новыхъ языкахъ личныя окончанія нерѣдко стушевываются, но это не служитъ препятствіемъ признавать напр. французскія aime, aimes, aime (2-е только на письмѣ, для глазъ, отлично отъ 1-го и 3-го) за формы, имѣющія отношеніе къ лицу, т. е. за глаголы, хотя для опредѣленія того или другаго лица необходимо присоединить мѣстоименіе, которое и беретъ на себя функцію отсутствующаго окончанія: j'aime, tu aimes, il aime. Такъ и въ нашихъ прошедшихъ временахъ: я взялъ, ты взялъ, онъ взялъ. Вообще для глагола существенна не столько способность обозначать опредѣленное лицо, сколько способность относиться къ какому-бы то ни было, лицу, извѣстному

или неизвѣстному. Неопредѣленное наклоненіе, взятое отдѣльно, непремѣнно относится къ лицу, но только неизвѣстному, необозначенному. Чтобы оно выяснилось, нужно взять неопредѣленное накл. въ предложеніи. Въ „хочу знать“ оно есть то самое, къ которому относится связка *хочу*: оно есть лицо подлежащаго. Такое неопредѣленное наклоненіе Потебня, вслѣдъ за Гриммомъ, называетъ *субъективнымъ*, въ противоположность другому, *объективному*, котораго лицо указано не подлежащимъ и не связкою, а *дополненіемъ*: „прошу *васъ прійти*“. Здѣсь „прійти“ значитъ „чтобы *вы* пришли“.

Изъ исторіи русскаго инфинитива, столь обстоятельно и глубоко изслѣдованной Потебнею, мы остановимся здѣсь только на одной чертѣ, на которую впрочемъ мы уже указывали выше; но теперь, послѣ всего, что̀ было сказано о значеніи творительнаго, нарѣчій, дѣепричастій, эта черта получитъ надлежащее освѣщеніе. Да припомнитъ читатель вышеуказанные старинные обороты въ родѣ „сѣде княжа“, чему въ современномъ языкѣ отвѣчаетъ оборотъ „сѣлъ княжить“. Движеніе мысли, осуществившееся въ переходѣ отъ стараго оборота къ новому, совершенно аналогично тому, которое мы отмѣтили, указывая на различіе между старымъ „сѣде вдова“ и новымъ „сидѣла вдовою“. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, прежняя согласуемая часть предиката (причастіе *княжа*, существ. *вдова* въ им. п.) замѣняется формою несогласуемою (неопредѣл. *княжить*, твор. несогласующійся *вдовою*). Разница только въ томъ, что въ оборотѣ съ творительнымъ сказуемое перестало быть составнымъ, и глаголъ изъ связки сдѣланъ настоящимъ предикатомъ, между тѣмъ какъ въ „сѣлъ княжить“ сказуемое остается составнымъ. Но результатъ процесса оказывается въ обоихъ случаяхъ одинъ и тотъ-же—развитіе *глагольности сказуемаго*, потому что замѣна причастія, формы именной, неопредѣленнымъ наклоненіемъ, формою, не сохранившею въ себѣ ничего именного и совершенно оглаголенною, есть конечно цѣнный вкладъ въ дѣло оглаголенія сказуемаго.

Вообще всѣ разсмотрѣнные процессы, равно какъ и нѣкоторые другіе, которыхъ мы не коснулись здѣсь, можно клас-

сифицировать вмѣстѣ и опредѣлить ихъ психологическую сущность—какъ *стремленіе языка сосредоточить предикативную силу въ глаголѣ*. Изъ анализа явленій, сюда относящихся нетрудно уразумѣть, что, по мѣрѣ развитія этого стремленія и достиженія соотвѣтственныхъ результатовъ, уменьшается число *согласуемыхъ частей предложенія* и увеличивается на ихъ счетъ число *несогласуемыхъ*. Такъ, несогласующійся съ подлежащимъ творительный (вдовою) сталъ на мѣсто прежняго именительнаго (вдова), который согласовался съ подлежащимъ; на мѣсто прилагательнаго стало нарѣчіе; причастіе замѣнено неопредѣленнымъ наклоненіемъ или, въ другихъ случаяхъ,—дѣепричастіемъ согласуемость есть признакъ грамматической функціи, называемой *аттрибутивностью*, той, стало быть, которой представителемъ служитъ преимущественно *прилагательное*. Поскольку существительное сохраняетъ способность быть аттрибутомъ и поэтому согласоваться въ падежѣ съ опредѣляемымъ словомъ (напр. въ *приложеніи:* Петръ, царь великій...), постольку оно еще сохраняетъ слѣды своей былой близости къ прилагательному. И наоборотъ, поскольку прилагательное можетъ еще употребляться какъ подлежащее и дополненіе, т. е. обозначать субстанцію, постольку оно еще сохраняетъ тѣнь своей прежней близости къ существительному. Чѣмъ глубже будемъ мы опускаться въ древность, тѣмъ болѣе будетъ уменьшаться разстояніе между этими двумя частями рѣчи, какъ со стороны чисто формальной, такъ и со стороны ихъ грамматическихъ функцій въ предложеніи. По направленію къ намъ это разстояніе все увеличивается. И когда мы видимъ, что существительное, взятое какъ предикативный аттрибутъ (она-*вдова*), перестаетъ согласоваться съ подлежащимъ (она сидѣла *вдовою*), то мы заключаемъ, что его аттрибутивная гибкость пошла на убыль, что оно замѣтно теряетъ способность играть роль прилагательнаго, выражать признакъ, усматриваемый въ другомъ предметѣ. Оно все рѣшительнѣе пріурочивается къ *субстанціальности*; съ тѣмъ вмѣстѣ прилагательное пріурочивается къ *аттрибутивности*.

Эта эволюція существительнаго по направленію къ наибольшей субстанціальности и прилагательнаго—къ наибольшей

аттрибутивности есть, какъ показалъ Потебня, процессъ, идущій въ ногу съ развитіемъ глагольности предложенія.

VII.

Былая близость прилагательнаго къ существительному до сихъ поръ сказывается въ нѣкоторыхъ оборотахъ, напр.—когда прилагательное выступаетъ въ роли подлежащаго или дополненія. Изъ числа такихъ оборотовъ нужно исключить тѣ случаи, гдѣ прилагательное превратилось уже въ настоящее существительное (напр. *подушное*=подать), а равно и тѣ, гдѣ подразумѣвается существительное. Но Потебня во многихъ случаяхъ рѣшительно высказывается противъ такого подразумѣванія, какъ насилія надъ языкомъ, и приводитъ примѣры, гдѣ настоящее прилагательное само по себѣ выступаетъ въ роли подлежащаго и дополненія. Таковы выраженія: „*богатъ* шелъ въ пиръ, а *убогъ* брелъ въ миръ“ [1]), „и *глупъ* молвитъ слово въ ладъ“, „*глупъ* да *лѣнивъ* одно дважды дѣлаетъ“. По мнѣнію Потебни, при всѣхъ этихъ прилагательныхъ (богатъ, убогъ, глупъ) не слѣдуетъ подразумѣвать якобы опущеннаго „человѣкъ“, чтó ясно видно изъ выраженія „*битъ небитаго* на рукахъ носитъ“. „Кто это *битъ, небитъ?* Опять человѣкъ? Почему же непремѣнно такъ, когда знаемъ, что выраженіе взято изъ сказки о лисѣ и волкѣ, гдѣ волкъ битъ и везетъ, а лиса небита и ѣдетъ? И опять почему же *битъ* непремѣнно волкъ, когда знаемъ, что цѣнность такихъ выраженій именно и состоитъ въ ихъ способности обобщаться? Здѣсь соль рѣчи именно въ томъ, что субстанція, къ которой относится данный признакъ, предполагается существующею, но никакъ не опредѣляется (кромѣ грамматическаго рода): кто бы ни былъ битъ, но онъ небитаго везетъ“. (Изъ зап., 98). Вотъ именно прилагательное въ старину и обладало въ гораздо большей степени, чѣмъ нынѣ, этою способностью выражать неопредѣленную субстанцію. Его дальнѣйшая эволюція состоитъ въ относительной потерѣ этой способности.

---

[1]) Т. е. въ *міръ*. Потебня писалъ оба слова (миръ и міръ) одинаково черезъ *и*.

Изслѣдованіе исторіи прилагательнаго съ этой точки зрѣнія должно было войти въ третью часть „Записокъ по русской грамматикѣ", которая осталась въ рукописи, не вполнѣ готовой къ печати. Общее понятіе о содержаніи этого замѣчательнаго труда, къ сожалѣнію не получившаго окончательной отдѣлки, даетъ намъ статья г. Харціева „Посмертные матеріалы А. А. Потебни", помѣщенная въ 4-мъ томѣ „Сборника Харьковскаго Историко-филолог. Общества" (стр. 75 и сл.). „Отношеніе мысли къ слову", говоритъ г. Харціевъ, составляетъ фонъ всей работы, основной задачей которой служитъ вопросъ „откуда и куда мы идемъ" въ смыслѣ прогресса мысли".
Сопоставляя свѣдѣнія, сообщаемыя г. Харціевымъ, съ тѣми краткими указаніями, которыя мы находимъ въ автобіографической запискѣ Потебни, приложенной ко второму тому „Исторіи русской этнографіи" г. Пыпина, мы можемъ, не впадая въ грубую ошибку, въ слѣдующемъ видѣ возстановить одну изъ основныхъ и важнѣйшихъ идей покойнаго, развитіе и обоснованіе которой занимало его въ послѣдніе годы жизни.

Если существительное, удаляясь отъ прилагательнаго, выигрываетъ въ субстанціальности, то это не значитъ, что категорія субстанціи пріобрѣтаетъ съ развитіемъ языка все больше и больше значенія въ процессѣ нашего мышленія. Напротивъ: это значитъ, что умственный прогрессъ ведетъ нашу мысь въ обратномъ направленіи—отъ господства категоріи субстанціи къ ея устраненію. И въ самомъ дѣлѣ, эта форма мысли въ старину воплощалась не только въ существительномъ, но и въ прилагательномъ, между тѣмъ какъ аттрибутивность древнихъ существительныхъ вовсе не была отрицаніемъ ихъ субстанціальности. Въ чемъ собственно состоитъ аттрибутивность существительнаго? Чтó происходитъ въ сознаніи, когда признакъ, усмотрѣнный въ предметѣ, выражается посредствомъ имени существительнаго? Этотъ признакъ понимается какъ извѣстная субстанція, находящаяся въ другой субстанціи. Такой пріемъ мышленія и лежитъ въ основѣ такъ называемыхъ *приложеній*: Петръ, царь великій, Владиміръ—Солнышко, Дмитрій—Грозныя Очи. Въ субстанціи „Петръ" усматривается присутствіе извѣ-

стнаго признака, который въ свою очередь схватывается мыслью какъ особая субстанція (царь). Въ эпоху, когда прилагательныя имѣли бóльшую или меньшую субстанціальность (хотя бы такую какъ *битъ*, *небитъ*, *богатъ*, *убогъ* въ вышеприведенныхъ пословицахъ „битъ небитаго везетъ" и пр.), признакъ, имъ выраженный, понимался очень близко къ тому, какъ если бы онъ былъ выраженъ существительнымъ, такъ что напр. *бѣлый* камень" было почти равносильно выраженію „камень—*бѣлизна*", а это послѣднее было основано на томъ же пріемѣ мысли, на которомъ зиждятся приложенія и эпитеты въ родѣ „Владиміръ—Красное Солнышко". Когда наконецъ прилагательныя потеряли эту субстанціальность, тогда обозначился великій переворотъ, происшедшій въ мысли: слово *бѣлый* перестало выражать субстанцію, находящуюся въ „камнѣ" и превратилось въ особую форму мысли, способную обозначать признакъ, неимѣющій своей субстанціальности, несуществующій отдѣльно отъ предметовъ, въ которыхъ онъ усматривается. Итакъ, отдѣленіе и эволюція прилагательнаго, сосредоточеніе въ немъ чистой аттрибутивности есть, такой процессъ въ исторіи мысли, который приводитъ къ „*устраненію въ языкѣ и мысли субстанцій, ставшихъ мнимыми*".

Создавъ особую грамматическую категорію—*прилагательнаго*, языкъ ограничилъ болѣе тѣсными предѣлами—*существительнаго* сферу, занимаемую въ нашемъ сознаніи категоріей *субстанціи*. Въ исторіи развитія самихъ существительныхъ тотъ-же процессъ устраненія мнимой субстанціи обнаруживается въ превращеніи существительныхъ нѣкогда конкретныхъ въ отвлеченныя. Въ эпоху, когда могли сказать „камень-бѣлизна" вмѣсто „бѣлый камень", *бѣлизна* понималась какъ субстанція конкретная, подлинная, какъ вещь. Нынѣ она понимается, какъ фиктивная, а потому и не можетъ уже служить выраженіемъ аттрибута. Не трудно видѣть, что этотъ переходъ отъ конкретнаго пониманія *бѣлизны*, *доброты*, *долготы*, *ширины*, *истины* и т. д. къ отвлеченному есть своего рода *устраненіе мнимой субстанціи*.

Тотъ-же процессъ Потебня клалъ въ основу развитія „безличныхъ" (безсубъектныхъ) предложеній (свѣтаетъ, болитъ, тош-

нитъ), которыя онъ считалъ явленіемъ сравнительно новымъ (неархаическимъ).

Процессъ устраненія субстанціи, ставшей мнимой, знаменуетъ собою ту самую эволюцію языка и мысли, которая сказывается въ вышеразсмотрѣнномъ стремленіи къ развитію глагольности рѣчи. Мысль человѣческая, нѣкогда представлявшая всѣ вещи и процессы, какъ субстанціи, постепенно покидаетъ эту категорію и пріучается отливать полученныя впечатлѣнія въ форму *признака* и *энергіи*. Эта эволюція мысли, открытая Потебнею, есть сокровенная пружина той невидимой метаморфозы умовъ, которая явно, исторически-документально обнаруживается въ смѣнѣ міросозерцаній, въ переходѣ, напр., отъ пониманія болѣзни, гнѣва, любви, какъ вещей, существъ, находящихся въ человѣкѣ, къ ихъ пониманію какъ свойствъ и процессовъ—отъ теорій, въ силу коихъ напр. *огонь* или *число* представлялись *субстанціями* (Гераклидъ, Пиѳагоръ), къ новому взгляду на нихъ, какъ на *процессъ* (огонь) или *отношеніе между вещами* (число). Корни сознательнаго мышленія (миѳологическаго, метафизическаго, научнаго) глубоко лежатъ въ несознаваемыхъ процессахъ языка. Воззрѣнія, вѣрованія, теоріи суть какъ бы видимыя движенія волнъ на поверхности психіи, въ сознаніи,—управляемыя незримыми движеніями, происходящими въ глубинѣ ея, въ сферѣ обыденнаго мышленія, созидаемаго языкомъ и въ немъ воплощающагося. Такъ современное состояніе языка, характеризующееся субстанціальностью существительнаго—подлежащаго и сосредоточеніемъ предикативности въ глаголѣ, образуетъ психологическое основаніе нашего современнаго теоретическаго мышленія, отмѣченнаго въ одно и то же время характеромъ метафизичности и научности. Новая метафизика, стремясь прозрѣть сущность вещей, скрытую за *явленіями*, представляетъ собою какъ бы сосредоточеніе умственныхъ усилій въ области субстанціальности, подготовленной развитіемъ языка. Научныя направленія нашего времени, не противорѣча въ принципѣ субстанціальности вещей, образуютъ только другой полюсъ тѣхъ-же умственныхъ процессовъ, сосредоточиваясь въ сферѣ *признаковъ*, *процессовъ*, *энергіи* („*явленій*"). Метафизикъ мыслитъ

въ направленіи, исходная точка котораго есть въ языкѣ существительное—подлежащее, ученый—неметафизикъ мыслитъ въ направленіи, исходная точка котораго есть въ мышленіи грамматическомъ глаголъ—сказуемое. Въ самой положительной наукѣ эти двѣ грамматическія категоріи лежатъ въ основѣ понятій *причины* и *слѣдствія*, *матеріи* и *силы*. Развитіе понятія *силы* насчетъ понятія *матеріи*, наблюдаемое въ современномъ научномъ мышленіи, имѣетъ свои психологическіе устои въ эволюціи новыхъ языковъ въ направленіи все большей глагольности предложенія. На тѣхъ же устояхъ зиждется и поворотъ въ мышленіи явленій психическихъ, начиная съ *языка*,—переходъ отъ идеи ихъ субстанціальности къ воззрѣнію на нихъ, какъ на *процессы* или *силы*.

Таковы тѣ грандіозныя перспективы, которыя открывалъ Потебня въ своихъ изслѣдованіяхъ и лекціяхъ. Изданіе третьей части „Записокъ по русской грамматикѣ", несмотря на отсутствіе окончательной отдѣлки, безпорно, составитъ эпоху—не въ одной только „Исторіи русскаго языка". Трудъ этотъ будетъ важнымъ вкладомъ въ психологію мысли и дастъ много новаго для „теоріи познаванія", для пониманія эволюціи мышленія научнаго и философскаго.

VIII.

Синтаксическіе труды Потебни, сущность которыхъ мы изложили выше, поставили насъ лицомъ къ лицу съ вопросомъ о происхожденіи и эволюціи отвлеченнаго мышленія. Одновременно съ этими глубокими изслѣдованіями Потебня велъ и другія, столь же глубокія, направленныя на изученіе тѣхъ сторонъ языка, которыя лежатъ въ основаніи „мышленія образами", т. е. поэзіи. Исходная точка этихъ изученій была дана опять таки В. Гумбольдтомъ; ея основанія были разработаны до извѣстной степени другими учеными, но Потебня первый далъ строго-научную и разработанную въ подробностяхъ *эволюціонную* теорію поэзіи и со свойственнымъ ему даромъ широкаго обобщенія связалъ явленія языка въ его развитіи съ фактами исторіи по-

этическихъ формъ и съ психологическими тайнами художественнаго творчества. Къ сожалѣнію, этотъ огромный трудъ былъ обработанъ только *устно*—въ тѣхъ удивительныхъ лекціяхъ по „теоріи словесности“, которыя навсегда останутся въ памяти учениковъ покойнаго, какъ впечатлѣніе ослѣпительно-яркаго свѣта, какъ неизгладимое воспоминаніе о высокомъ умственномъ наслажденіи, объ откровеніи научнаго творчества, которое развертывалось тутъ-же, въ аудиторіи, и неудержимо увлекало слушателя въ свой потокъ. (См, въ 4-мъ томѣ Сборника Харьк. Историко-фил. Общ. воспоминанія г. Горнфельда объ этихъ лекціяхъ). Потебня не успѣлъ обработать этихъ лекцій для печати. Остались только, по словамъ г. Харціева, „замѣтки для себя“, черновые матеріалы. Современемъ, они будутъ, конечно, изданы и, безъ сомнѣнія, дадутъ ключъ для полнаго пониманія другаго обширнаго труда Потебни—„Объясненіе малорусскихъ и сродныхъ пѣсенъ“,—труда, который имѣетъ непосредственное отношеніе къ исторіи и теоріи поэзіи, но въ настоящее время, безъ необходимыхъ поясненій, на которыя Потебня былъ такъ щедръ въ своихъ лекціяхъ и такъ скупъ въ печати, не можетъ быть оцѣненъ и утилизированъ съ этой стороны надлежащимъ образомъ.

Познакомить публику съ воззрѣніями Потебни на происхожденіе и эволюцію поэзіи, на ея отношеніе съ одной стороны къ языку, а съ другой къ мышленію отвлеченному („прозаическому“) можно будетъ только послѣ того, какъ будутъ изданы черновые матеріалы „по теоріи словесности“. Пока мы можемъ только изложить въ немногихъ словахъ основы этихъ воззрѣній Потебни и указать направленіе, въ которомъ онъ велъ свои изысканія.

Основанія теоріи были намѣчены Потебнею 30 лѣтъ тому назадъ въ уже извѣстномъ намъ сочиненіи „Мысль и языкъ“.

Да припомнитъ читатель то, что выше было сказано о „внутренней формѣ“ слова. Пока она жива, пока „образъ“, заключенный въ словѣ, сознается и различается отъ содержанія (значенія), до тѣхъ поръ слово является какъ бы поэтическимъ произведеніемъ. Его созданіе есть прототипъ или элементарная,

зачаточная форма поэтическаго (и вообще художественнаго) творчества. Между такимъ словомъ (*удавъ*; *мышь*—при сознаніи, что это значитъ собственно „воръ"; *жалованье*, *верста*—о высокорословъ человѣкѣ и т. д.) и произведеніемъ искусства можно провести полную параллель. Въ томъ и другомъ ясно различаются три аналогичныхъ элемента:

1) *Внѣшняя форма.* Въ словѣ—это членораздѣльные звуки; въ статуѣ—мраморъ, извѣстнымъ образомъ обработанный; въ картинѣ—краски и т. д.

2) *Внутренняя форма* или *образъ.* Въ словѣ—это напр. „воръ"—для понятія *мыши*, „верста"—о высокомъ человѣкѣ и т. д. Въ статуѣ—напр. образъ женщины съ мечомъ и вѣсами.

3) *Содержаніе.* Въ словѣ—это его *значеніе*: извѣстное животное для слова „мышь", извѣстная змѣя — для слова „удавъ". Въ статуѣ—это ея *идея*, въ данномъ случаѣ—правосудіе.

Образъ (изваянный, нарисованный красками, описанный въ словесномъ произведеніи искусства, выраженный музыкальными звуками) самъ по себѣ еще не составляетъ содержанія художественнаго произведенія: содержаніемъ служитъ *идея; образъ* только указываетъ на содержаніе, наводитъ на него, служитъ способомъ его *представленія*. Такъ точно и въ словѣ: образъ, напр. *жалованье*, т. е. нѣчто пожалованное (въ знакъ любви, срав. жаловать—любить), подарокъ, не составляетъ значенія (содержанія) этого слова и только является однимъ изъ способовъ представлять это значеніе, которое—вовсе не „подарокъ", а „законное вознагражденіе". Но то же самое значеніе уже иначе *представлено*—посредствомъ другаго образа—въ латинскомъ *pensio*, т. е. какъ нѣчто такое, что отвѣшивается, еще иначе въ лат. *annuum* (то, что отпускается на годъ) и опять иначе во франц. *gage* (залогъ, ручательство). Значеніе всѣхъ этихъ словъ—одно; способы изображенія—различны, а потому каждое изъ нихъ „направляетъ мысль" иначе. („Мысль и Яз.", стр. 178). Всѣ они ведутъ къ одной и той же цѣли, но различными путями.

Уже въ сочиненіи „Мысль и Языкъ" (глава X) Потебня провелъ эту аналогію между словомъ (съ живою внутреннею формою)

и художественнымъ произведеніемъ и, исходя изъ идей Гумбольдта, намѣтилъ, такъ сказать, программу будущихъ изслѣдованій въ области исторіи и теоріи поэзіи. Эта программа и была выполнена въ лекціяхъ по „теоріи словесности“. Правильнѣе можно было бы озаглавить ихъ такъ: чтенія объ эволюціи поэтическихъ формъ изъ ихъ прототиповъ, заключенныхъ въ языкѣ. Переходными ступенями отъ слова съ живымъ образомъ къ пѣснѣ, сказкѣ, поэмѣ и т. д. служатъ „эпитеты“ и „реторическія фигуры“. Ихъ анализу и раскрытію ихъ значенія въ эволюціи поэтическаго творчества былъ посвященъ покойнымъ ученымъ обширный курсъ, въ которомъ „реторическіе“ тропы и фигуры являлись предметомъ не схоластическаго и догматическаго изложенія, а историческаго и психологическаго изслѣдованія.

Лекціи по „теоріи словесности“ были созданіемъ цѣлой науки — эволюціи и психологіи поэтическаго творчества въ языкѣ и въ искусствѣ. Здѣсь глубоко захватывались высшіе вопросы объ отношеніяхъ поэзіи къ миѳу и мышленію отвлеченному (научному и философскому); здѣсь закладывались прочныя основы научной эстетики, открывались широкіе горизонты мысли,—это былъ огромный трудъ великаго ума, къ сожалѣнію, почти потерянный для ученаго міра и публики, потому что состояніе сохранившихся матеріаловъ таково, что ихъ изданіе не дастъ возможности возстановить все богатство идей и всю силу творчества, вложенныхъ покойнымъ въ эти изученія.

Заключаю. Если мы будемъ имѣть въ виду только два сочиненія Потебни—„Мысль и языкъ“ и „Изъ записокъ по русс. грамм.“, то на вопросъ: „что собственно сдѣлалъ и открылъ Потебня въ сферѣ знанія психологическаго и философскаго?“— мы отвѣтимъ такъ:

Въ сочиненіи „Мысль и языкъ“ онъ далъ оцѣнку и критику воззрѣній В. Гумбольдта на языкъ и, отправляясь отъ основныхъ положеній этого мыслителя, развилъ психологическую теорію языка, какъ силы, творящей и преобразующей мысль, при чемъ онъ установилъ нѣкоторыя изъ тѣхъ положеній или

точекъ зрѣнія, которыя впослѣдствіи были вновь установлены въ Германіи, какъ нѣчто совершенно оригинальное. Стоитъ только сравнить „Мысль и языкъ“ напр. съ „Principien der Sprachengeschichte“ Hermann Paul, чтобы убѣдиться въ этомъ,—какъ равно и въ томъ, что эта превосходная книга въ нѣкоторыхъ частяхъ была бы глубже и разностороннѣе, если бы авторъ былъ знакомъ съ аналогичнымъ произведеніемъ Потебни.

2) Въ „Зап. по русс. Грам.“ Потебня проникъ въ психологію и эволюцію языка такъ глубоко, какъ никогда еще не проникалъ ни одинъ ученый, даже самъ Як. Гриммъ, и результатомъ этого проникновенія было открытіе *измѣняемости предложенія*, опредѣленіе того *пути*, по которому идетъ мысль человѣческая, и *направленія*, въ которомъ она движется, именно—*въ сторону все большаго развитія глагольност сказуемаго и ограниченія категоріи субстанціальности.*

Это открытіе такъ велико, что—если бы Потебня писалъ напр. по нѣмецки—его имя давно уже стояло бы рядомъ съ именами *великихъ* ученыхъ XIX вѣка, и возникла бы цѣлая литература комментаріевъ, популяризаціи, приложеній его открытій къ различнымъ смежнымъ сферамъ знанія и т. д.

Безспорно,—такая литература современемъ и возникнетъ заграницей, когда труды Потебни будутъ переведены. Вліяніе нашего ученаго на западно-европейскую науку будетъ, безъ всякаго сомнѣнія, очень значительно,—и его имя будетъ по праву передано грядущимъ вѣкамъ, какъ одно изъ славнѣйшихъ именъ науки.

Д. Овсянико-Куликовскій.

Такъ называемая „Краткая Кіевская Лѣтопись“.

Единственный извѣстный списокъ данной лѣтописи находится въ рукописи б-ки Москов. Главн. Архива М—ва Иностр. Дѣлъ № 21-й [1]): 4° maj., л. 74. Подарена рукопись Архиву въ 1781-мъ году А. Ѳ. Малиновскимъ; а въ 1836-мъ очень точно издана кн. М. А. Оболенскимъ, подъ заглавіемъ „Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Кіевскую сокращенныя лѣтописи“ [2]).

Оболенскій нашелъ въ рукописи двѣ части (кромѣ приписки) и далъ имъ названія: 1-й (л. л. 1—59 рукописи=с. с. 1+1—123 изданія Оболенскаго)—„Сокращенная Новгородская Лѣтопись, отъ начала земли славянской до взятія Москвы Тохтамышемъ въ 1382 году“; 2-й (л. л. 59—74=с. с. 1+127—154)—„Краткая Кіевская Лѣтопись, отъ начала земли русской до 1516 года“, съ припиской (1543 г.) въ концѣ (л. 74=с. 155).

2-я часть „Супрасльской рукописи“ (л. л. 59—74), т. е. т. наз. „Краткая Кіевская лѣтопись“ съ припиской 1543 г. и послужитъ предметомъ настоящей статьи. Задача послѣдней—анализъ даннаго списка, расчлененіе его на составныя части.

Т. наз. Краткой Кіевской лѣтописью пользовался, какъ отмѣчено Оболенскимъ (с. 158) подъ такимъ именно именемъ,

---

[1]) По старому каталогу № 26-й, а еще раньше—70-й.

[2]) Москва, въ Сунодальной типографіи, 1836. 4° maj. с. с. 2 (бѣлыя)+XXIV+2 (бѣлыя+1+1—123+1+127—172+32+2 (бѣлыя)+(2 часть снимковъ).

О Супрасльской рукописи и пріемахъ изданія на с. с. XXI—III; описаніе Супр. ркп. на с. 157—9.

еще Карамзинъ, называя ее то „Архив. Кіев. Лѣт. № 70-й“, то „Краткій Кіевскій современный лѣтописецъ“ (т. 17, прим. 124). Съ тѣхъ поръ это названіе утвердилось за ней, насколько мнѣ извѣстно, въ наукѣ.—Но названіе „Кіевская“ къ ней ни въ какомъ отношеніи неприложимо: ни по выбору или характеру извѣстій (т. е. кіевскихъ или съ кіевской точки зрѣнія), ни по мѣсту написанія или переписки: языку и правописанію рукописи.

Въ рукописи (Супрасльской) лѣтопись не имѣетъ названія или заглавія. Слова „начало Роускых князей Роускаго княженья“, написанныя въ началѣ киноварью, относятся къ извѣстію подъ 862-мъ годомъ: о призваніи князей. (Ср. ниже между извѣстіями 1052 и 1054 г.г. слова „начало Печерскому монастыроу отъ Антоніа“:).

По формѣ записи, т. е. по пріему записыванья годовъ, т. наз. Кр. Кіев. лѣт., (включая въ нее и запись 1543 г.), распадается на 4 части. 1-я заканчивается 1500 годомъ. Въ ней, и притомъ только въ ней, форма записи года вездѣ безъ исключенія: „В лѣто ҂ѕ҃.т҃.ѻ҃, напримѣръ; далѣе слѣдуетъ либо самое извѣстіе, либо индиктъ, либо мѣсяцъ и число. 2-я часть—добавочныя извѣстія 1449+1482+1491 гг., помѣщенныя послѣ извѣстій 1500 года. Форма записи года въ нихъ: „Въ лѣто ҂ѕ҃ нѻⷷ҇ или: „ⷷ҇“, или безъ) ц҃. н҃. ӡ҃ ⷷ҇, наприм. 3-я часть два извѣстія (краткое и пространное) 1515 года. Здѣсь форма записи годовъ: „Въ лѣто ҂ӡ҃.к҃.г҃. годоу“. 4-ю часть представляѣтъ извѣстіе 1543 г., съ формой записи года: „Въ лѣто *отъ начала міру* ҂ѕ҃.нв і, индиктиωна“.

Четырехчастность состава лѣтописи подтверждается и другими соображеніями. Извѣстіе 1543 года писано, по свидѣтельству Оболенскаго (на. с 158-й), „особеннымъ почеркомъ“. Какъ замѣчено уже П. В. Владимировымъ, „записи 1515 и 1543 г. отличаются по языку (въ количественномъ отношеніи: языкъ чище, народнѣе) и правописанію отъ всего предшествующаго въ рукописи. До 1515 г. въ рукописи встрѣчается ѧ. Краткое извѣстіе 1515 г. органически связано съ обширной записью 1515 года. Способъ выраженія въ обѣихъ записяхъ въ иныхъ случаяхъ

тождественъ: „славный великый градъ Смолнескъ“, „владыку Смоленського Варсонофіа звелъ (съ Смоленска [1]) на Москву“.— Прибавочныя извѣстія, 1449+1482+1491 годовъ являются повтореніемъ извѣстій, помѣщенныхъ раньше подъ 1453, 1482, 1492 г., но иной редакціи: разница (не противорѣчіе) въ подробностяхъ извѣстій и противорѣчіе въ 2-хъ случаяхъ въ годахъ. Заимствованы эти извѣстія, слѣдовательно, изъ другаго источника и надо думать письменнаго (точность: индиктъ, мѣсяцъ, число). Заимствованы притомъ скорѣе другимъ лицомъ, а не редакторомъ 1-й части. Редакторъ однообразилъ бы форму записи годовъ.

Только 1-я часть, обнимающая извѣстія 862—1500 годовъ, и притомъ въ нынѣшнемъ лишь ея видѣ, представляетъ одно цѣлое. Запись подъ 1015 годомъ, излагающая родословную московскихъ князей, даетъ, кажется, возможность опредѣлить время редакціи 1-й части въ данномъ видѣ. Родословная заканчивается:

„Васильевъ сынъ Иванъ *Великый, самодръжецъ всеѧ земли Руское, тесть князя великаго Александра Литовьскаго.*

Ивановъ сынъ Иванъ, за тымъ Волоскаго дочька Стефанова. Василей, Юрьи, Дмитрей, Семеонъ, Андрей.

Ивановъ сынъ Дмитрій.

Ни объ одномъ изъ помѣщенныхъ въ этой родословной московскихъ князей такихъ подробностей не сообщалось. Это заставляетъ предполагать, что родословная писана при жизни упоминаемыхъ въ ней: Ивана Васильевича Московскаго и Александра Литовскаго. Тестемъ Литовскаго князя Иванъ Васильевичъ сталъ съ 1494 года. Слѣдовательно, родословная въ нынѣшнемъ своемъ видѣ писана не раньше этого года и не позже 1505 года, въ которомъ умеръ Иванъ Васильевичъ [2]). А такъ какъ извѣстія въ 1-й части заканчиваются 1500 годомъ, то можно думать, что редактирована 1-я часть въ промежутокъ времени 1500—1505 годовъ.

---

[1]) Обзоръ южно-рус. и зп.-р. памятниковъ письменности отъ XI до XVII стол. Кіевъ 1890 г., с. 39.

[2]) Александръ+1506 и, Дмитрій Ивановичъ+1509 г; Иванъ Ивановичъ+ раньше въ 1489 г.

Но представляя одно цѣлое въ нынѣшнемъ ея видѣ, 1-я часть, какъ по внѣшнимъ, такъ и по внутреннимъ признакамъ, распадается на 2 половины. Внѣшней гранью между этими половинами служатъ 2—стоящія внѣ годоваго порядка—извѣстія 1453 и 1482 годовъ: о взятіи Царьграда Турками и Кіева Татарами. Раньше ихъ (по 1461-й г.) и позже (съ 1481 г.) всѣ извѣстія идутъ въ порядкѣ годовъ.

Внѣшнимъ признакомъ 1-й половины можно считать обыкновеніе непосредственно за указаніемъ года помѣщать самое извѣстіе. (Исключеніе всего одно—запись 1415 г.). Главный внутренній признакъ 1-й половины—*подборъ* извѣстій, относящихся къ Смоленску и Новгороду. Отмѣчаются вообще любопытныя вещи: знаменія, народныя бѣдствія, битвы, годы посаженія на столъ и смерти в. кн. Кіевскихъ, Московскихъ и Литовскихъ, и т. п.; но извѣстіямъ, касающимся Новгорода [1]) и *особенно* Смоленска [2]) удѣляется преимущественное вниманіе. Этотъ интересъ къ Смоленску особенно ярко выступаетъ въ извѣстіяхъ 1055, 1165 годовъ:

„Въ лѣто ҂ѕ҃.ѡ҃.ѯ҃г нача княжити въ Кіевѣ Изяславь Ярославичъ, и Вячеславь въ Смоленску“... (О князьяхъ по другимъ городамъ—ни слова).

„ Въ лѣто ҂ѕ҃.х҃.ѻ҃г преставися Ростиславъ Мстиславичъ. Сіи Ростиславъ Мстиславичъ *нареченъ въ святомъ крещеніи Михаилъ, внукъ Владимера Монамаха*, святую богородицу строилъ въ Смоленьсцѣ Марта к҃а, княживъ лѣтъ д҃ въ Кіевѣ“. (Замѣчательная подробность: христіанское имя, внукъ Мономаховъ. Объясняется тѣмъ, что князь этотъ „святую Богородицу строилъ въ Смоленьсцѣ“).

Цѣлый рядъ извѣстій о Новгородскихъ дѣлахъ идетъ начиная съ 1415 года, причемъ съ этого же времени—(точнѣе: послѣ 1405 г., къ которому относится предыдущее извѣстіе)—

---

[1]) Подъ годами: 1045+1052, 1155, 1177, 1240+1268, 1346+1348, 1386, 1390, 1415+1417+1428+1429, 1433+1434+1440+1441+1461. Но до 1429 г. всѣ они такого характера, что могли быть отмѣчены просто какъ любопытныя.

[2]) Подъ годами: 1055, 1100, 1145, 1155, 1165, 1177, 1230 (два), 1341 (два), 1386, 1395, 1401+1403+1404+1405+1415, 1435+1440.

записи о Смоленскѣ почти прекращаются. О немъ упоминается еще 3 раза, но слишкомъ кратко; причемъ въ 1-мъ случаѣ на ряду съ Москвой: („Того же лѣта Москва и Смоленескь погоре", въ 1415 г.), а въ 2-хъ—лишь какъ бы къ слову. По точности и подробности записи, указывающей на современное и Новгородское ея происхожденіе, выдѣляется послѣднее въ 1-й половинѣ извѣстіе (1461 г.): о смерти архіепископа Новгородскаго Евфимія. Это извѣстіе должно, можно думать, считать современной припиской къ тексту 1-й половины.

О дѣлахъ Литовскаго государства и въ частности Кіева въ 1-й половинѣ упоминаній мало, не больше, чѣмъ о дѣлахъ Московскихъ и Тверскихъ.—Литовское государство—для составителя чужое. Говоря о литовскихъ дѣлахъ, онъ употребляетъ выраженія, умѣстныя лишь въ этомъ послѣднемъ случаѣ; напримѣръ:

„Бысть мятежъ въ Литвѣ, въсташа сами на ся..." оженися Ягайло и поятъ за себе *нѣкоую* королицю" (подъ 1381 годомъ). („Нѣкоую"—даже не считаетъ нужнымъ отмѣтить имя и государство).

Къ личности Витовта составитель относится, повидимому, съ особеннымъ несочувствіемъ:

Витовьтъ бѣжа въ Нѣмци и много зла сътвóри Литовьской земли (подъ 1381 г.) а волостем (Смоленсцим) много зла сътвóри... Сеже бысть послѣднее *плененіе* Смоленскоу отъ Витовта... и Ляхомъ предасть градъ дръжати (подъ 1405 годомъ).

О пораженіи Витовта Темиръ-Котлуемъ разсказывается даже какъ бы съ насмѣшкой... „а Витовтъ бѣгу ся ять.., (подъ 1399 годомъ).

Значительное количество Новгородскихъ извѣстій и отношеніе къ дѣламъ Литовскимъ какъ къ чужимъ заставляетъ предполагать въ составителѣ если не уроженца, то жителя Новгорода [1]. Это-какъ бы краткая Новгородская редакція извѣстій

[1]) Лишь въ одномъ извѣстіи проскальзываетъ словно бы житель Литовскаго государства. Разсказъ о поставленіи въ Смоленскѣ архиепископа въ Новгородъ заканчивается словами: „при великомъ князи Литовскомъ Швитригайло" (подъ 1434 г.) Но ближайшее отношеніе этого извѣстія къ Новгороду заставляетъ видѣть въ этой

о Смоленскихъ дѣлахъ и вообще интересныхъ фактахъ, съ прибавленіемъ въ концѣ за лѣтъ 25-ть краткихъ же свѣдѣній о дѣлахъ преимущественно Новгородсцихъ,

Редакторована 1-я половина въ нынѣшнемъ ея видѣ: между 1441 и 1461 годами. Извѣстіе 1461 г., какъ сказано уже выше,—приписка (современная запись).

Но по нѣкоторымъ признакамъ это была уже 2-я и даже 3-я редакція 1-й части:

1) Съ 1415 г. и до конца идутъ извѣстія преимущественно о Новгородѣ. (3-жды упоминается Смоленскъ; по 1-нъ разъ на ряду съ Москвой, а 2 раза по связи съ Новгородскими дѣлами).

2) Подъ 1429 и 1434 г. отмѣчены поставленія Новгородскихъ Владыкъ: раньше это не отмѣчалось.

3) Подъ 1371 г. отмѣчено рожденіе Василія Дмитріевича: „Влѣто ҂ѕ҃ отъ Ноя родился князю Дмитрію Ивановичю сынъ князь Василей".

Ни раньше, ни позже рожденіе князей не отмѣчается. Это заставляетъ видѣть въ редакторѣ современника даннаго князя,—упомянувшаго объ его рожденіи не въ примѣръ другимъ, какъ о рожденіи князя великаго или наслѣдника престола. (Князь Василій сталъ великимъ княземъ въ 1389 г., а + 1425 г.)

4) Помѣщенная подъ 1015 г. родословная Московскихъ князей по построенію дѣлится на двѣ половины. Въ 1-й обозначаются вообще дѣти Московскихъ князей; во 2-й—(начиная съ сына Димитріева Василія, о которомъ чуть говорилось)—лишь Московскіе князья. (Исключеніе—конецъ: дѣти и внуки Ивана Васильевича). Это наводитъ на мысль о принадлежности 1-й и 2-й половины родословной 2-мъ авторамъ.

прибавкѣ простую подробность. (Ср. ниже подъ 1485 г. о покореніи Твери; „при владице Тферскомъ Васьяне").

(На ближайшее отношеніе 1-й половины къ Новгороду указываетъ и слѣдующее обстоятельство. Извѣстія о Смоленскихъ и Литовскихъ дѣлахъ общія ей и Сокращеной Новгородской (по 1381 г). либо продолженію Новгородской 1-й (съ 1386 г.),— и здѣсь и тамъ одной редакціи. Вся разница въ томъ, что подробности то въ той то въ другой изъ нихъ спущены).

Все это вмѣстѣ взятое ведетъ къ вѣроятному предположенію, что 1-я редакція 1-й части могла обнимать извѣстія по 1382-й, а 2-я по 1405 г.—Такимъ образомъ объемъ извѣстій 1-й редакціи могъ совпадать съ предѣлами Сокращенной Новгородской Лѣтописи, а вся 1-ая часть въ 3-ей редакціи совпадаетъ съ предѣлами Продолженія Новгородской 1-й Лѣтописи.

Но и послѣ 3-ей редакціи 1-я часть подвергалась измѣненіямъ. Родословная Московскихъ князей, помѣщенная подъ 1015 г., была дополняема и прошла чрезъ редакцію Литовскую,—чрезъ редакцію лица, объединившаго 1-ю и 2-ю половины 1-й части. Скорѣе всего членъ Литовскаго государства могъ отмѣтить, что Иванъ Васильевичъ—„тесть князя великаго Александра Литовьскаго“.

Вставленныя внѣ порядка годовъ извѣстія 1453 и 1482 г. по характеру изложенія принадлежатъ одному лицу. Оба они начинаются словами: „попущеніемъ Божіимъ, взятъ бысть“... Они явились, вѣроятно, какъ прибаленныя къ рукописи—(съ припиской уже 1461 г.)—выписка-замѣтка о 2-хъ любопытныхъ фактахъ. (Интересъ ихъ потверждается тѣмъ, что оба они по другой редакціи приведены ниже во 2-й части).

2-я половина 1-й части, обнимающая извѣстія 1481—1500 годовъ, и по внѣшнимъ и по внутреннимъ признакамъ отличается значительно инымъ характеромъ, чѣмъ половина 1-я.

Внѣшній признакъ—довольно частое обозначеніе послѣ года индикта или мѣсяца.

Извѣстій о Новгородѣ вовсе *нѣтъ*. Смоленскихъ извѣстій достаточно. Особенно много извѣстій Волынскихъ. Составитель излагаетъ главнымъ образомъ происшествія въ Литовскомъ княжествѣ. Точка зрѣнія на вещи—Литовская. О князьяхъ передавшихся Москвѣ говорится: Отстоупиша (подъ 1493 г.), „предасте..., измѣнивъ целованіе“ (подъ 1500 г.). Весь разсказъ дышетъ современностью. Много извѣстій о дѣлахъ церковныхъ. Разсказъ прерывается иногда (при описаніи набѣговъ татаръ) благочестивыми размышленіями—поученіями. Словѣ подъ 1496 г. о снемѣ в. кн. Литовскаго съ кор. Польскимъ („никтоже невѣсть, чего ради“ снимаших, *слыщахомъ бо сами* нѣ отъ которых

вельможъ их, яко и панове ихъ рада о семъ невѣдали") указываютъ на человѣка значительнаго по положенію.

Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что *редакція* извѣстій принадлежитъ значительному лицу изъ духовенства. (Приписать самый разсказъ одному лицу—очевидно не позволяетъ точность и подробность извѣстій о дѣлахъ мѣстностей далекихъ по разстоянію: коренной Литвы, Волыни. Отступленія съ указаніемъ на то, что случилось позже, ясно показываютъ, что предъ нами не простыя лѣтописныя замѣтки).

Языкъ разсказа, какъ и во всей т. наз. Кіевской сокращенной Лѣтописи, — съ бѣлорусскими особенностями; (особенная любовь къ буквѣ „в"). Редактированъ поэтому не въ Кіевѣ (извѣстій Кіевскихъ очень мало) и не на Волыни (ср. ниже:... „и Волынской... насъ же"),—вообще не на югѣ, какъ думалъ Оболенскій (см. 157). Замѣтка подъ 1495 г.: „Бѣ бо тогда мое оу *Литовской* земли и в Лядской и *Волынской* и по инымъ странамъ: *нас же Господь Богъ избави*, ради молитвъ пресвятой его матере"—даетъ основаніе думать, что редакторъ (впрочемъ, мб. лишь авторъ данной замѣтки) не былъ жителемъ и коренной Литвы. М. б. онъ былъ Смолятичъ: ср. „избави, ради молитвъ пречистое его матери" и раньше—„Сіи Ростиславь... святую Богодицю строилъ въ Смоленьсцѣ"...

Общая редакція всей первой части въ ея нынѣшнемъ видѣ тоже м. б. Смоленская. Этимъ можетъ объясняться интересъ къ жизни Великой Руси. Редакторъ *формально* объединилъ двѣ разнородныя по взглядамъ половины; точнѣе: присоединилъ вторую половину.

Литовскимъ же характеромъ по тону и бѣлорусскимъ по языку отличается 2-я, 3-я и 4-я части.

2-я часть—отрывки, выписки изъ Литовской Лѣтописи.

Большая запись 3-й части представляетъ отдѣльное литературное произведеніе: сказаніе о побѣдѣ подъ Оршей надъ Москвой (съ похвалой кн. Острожскому). Авторъ—д. б. лицо духовное. Составленіе сказанія вѣроятно современно самой побѣдѣ. Разсказъ—съ поэтическими замашками, напримѣръ:

„Тыхъ збитыхъ плоти |
звѣри й птицы ядять, |
по земли кости волочачи,
а стопленыхъ водами |
рыбы клюють".

Заключеніе:

„Великославномоу гсдрю |
королю Жикимонтоу Казимировичоу |
боуди чсть й слава | на вѣки;
побѣдившему недроуга своего |
великаго князя |
Василіа Московского,
а гетмну его вдатномоу |
кнзю Костантиноу Ивановичоу Острозскому |
дай, Бже, здоровье й щастье вперед | лѣпшее,
как ннѣ побил | силоу великоую Московскоую |
абы так побивал | силную рать Татарскоую,
проливаючи кровъ ихъ | бессоурменьскоую".

(Ср. конецъ Слова о Полку Игоревѣ и малорусскихъ думъ).

Часть 4-я—монастырская Супрасльская запись.

Изученіе почерковъ [1]) должно рѣшить вопросъ: переписаны ли 1-я, 2-я и 3-я часть въ данной рукописи одновременно и однимъ лицомъ.

Первоначально одно цѣлое составляли лишь извѣстія 862—1405 г. Лѣтопись заканчивалась такимъ образомъ извѣстіемъ объ окончательномъ покореніи („послѣднемъ плененіи") Смоленска Витовтомъ.—Между 1441 и 1461 г. въ рукопись занесены замѣтки или выписки о дѣлахъ 1415—41 г. преимущественно Новгородскихъ.—Въ 1461 г. въ концѣ рукописи сдѣлана была въ Новгородѣ приписка о смерти Владыки Евфимія. Еще позже: не раньше 1463 г. помѣщены послѣ приписки выписки о взятіи Царьграда турками и Кіева татарами. Между 1500 и 1505 годами къ рукописи присоединенъ разсказъ о дѣлахъ 1481—1500 годовъ. Вся рукопись объединена одной общей редакціей, (м. б. въ Смоленскѣ), составивъ по редакціи одно цѣлое. Такимъ образомъ сложилась 1-я часть. Позже приписаны извѣстія 2-й части, м. б. благодаря ихъ разногласію съ показаніями 1-й части. Сказаніе о побѣдѣ подъ Оршей надъ Москвой, равно краткая запись о томъ же внесены еще позже: въ 1515 г. или немного спустя, и едва ли не впервые въ дан-

---

[1]) Рукопись б—ки Архивъ М. И. Д. № 21-й вытребована изъ Архива въ Археографическую Коммиссію; и потому видѣть ея мнѣ не пришлось.

ной именно рукописи [1]). Запись 1543 г.—подлинникъ; написана въ Сутрасльскомъ монастырѣ.

1-я половина 1-й части—краткій сводъ извѣстій о Смоленскихъ дѣлахъ, съ добавкой въ концѣ и припиской о дѣлахъ Новгородскихъ. 2-я половина 1-й части примыкаетъ къ лѣтописямъ т. наз. Литовскимъ, но съ сильнымъ церковнымъ оттѣнкомъ. Выдержки изъ тѣхъ же лѣтописей представляютъ добавочныя извѣстія 2-й части. 3-я часть—отдѣльное сказаніе Литовскаго же характера. 4-я часть—монастырская современная запись.

1-я, 2-я и 3-я части т. наз. Кр. Кіев. Лѣтописи *переписаны* въ данной (Супрасльской) рукописи во всякомъ случаѣ раньше 1543 г., а 1-я и 2-я м. б. не позже 1515 (не раньше 1500 г.). На послѣднюю мысль наводитъ упомянутая уже приписка: „къ тымъ тетратем“...| находящаяся вверху страницы, съ которой начинается сказаніе о побѣдѣ надъ Москвой, подъ Оршей.

Догадка Оболенскаго (с. 158—9) о принадлежности данной рукописи Супрасльскому монастырю м. считаться вполнѣ вѣрной (доказательство—запись 1543 г.).—Догадка Владимирова (с. 38—9), что это именно рукопись, названная въ монастыр-

[1]) Изъ печатнаго изданія видно, что передъ большой записью (сказаніемъ) находится замѣтка: „къ тымъ тетратемъ четыремъ црствомъ мает приложити шесть тетратей какъ боудетъ вязати. (=переплетать) порожнихъ не писаныхъ скараксаныхъ. про запас. на лѣтописецъ. отъ доски. заднее. Въ рукописи приведенныя слова написаны, по описанію Оболенскаго (с. 149): „на листѣ 72, *въ началѣ... неровнымъ полууставомъ* и зачеркнуты крестообразно двумя чертами“. *Очевидно, не однимъ* почеркомъ съ предыдущими извѣстіями. Но такая замѣтка едва ли была написана на страницѣ уже занятой текстомъ (развѣ на 1-й с. послѣдней тетради), а скорѣе—на бывшей въ то время еще пустой,—вообще—*въ концѣ* рукописи, чтобы переплетчикъ могъ замѣтить наставленіе. Т. обр. можно думать, что сказаніе слѣдующее за этой хозяйственной замѣткой вписано въ рукопись позже.—Изъ печатнаго изданія не видно, почему большая запись 1515 года начата съ новой страницы, хотя конецъ страницы предыдущей не занятъ текстомъ. Вѣроятно потому, что такъ и въ рукописи: предыдущая страница не вся исписана, а сказаніе начато съ новой. Однимъ ли почеркомъ съ 1-й и 2-ю частями писано это послѣднее, равно краткая запись 1515 года?—Впрочемъ, это только предположеніе, могущее оказаться совершенно невѣрнымъ. Большая запись—сказаніе, равно запись краткая того же 1515 г. близко касаются Смоленска, и т. обр. 3-я часть Супр. рук. внутренно связана съ 1-й.

ской описи 1557 г. „Книга Царственникъ зъ лѣтописц(емъ)“ (Ср.: к тым... царством...)—м. б. признана тоже довольно вѣроятной. Въ б—кѣ Супрасльскаго монастыря находилась въ 1557 г., судя по описи, лишь одна указанная лѣтопись. При этомъ книги въ описи раздѣлены на двѣ группы: „А то книги старыя“: „А то книги новыя, што за мене, Сергія, прибвлены церкви святой“: (Археограф. Сборн. т. IX, с. 53—4). „Царственникъ“ названъ въ числѣ книгъ „старыхъ“. Слѣдовательно рукопись находилась въ монастырѣ не позже уже 1532 г., въ которомъ избранъ архимандритомъ Супрасльскаго монастыря Сергій Кимбаръ (Арх. Сб. т. IX, с. 38), составлявшій опись.

Ю. Тиховскій.

АВТОБІОГРАФІЯ СТЕПАНА ЛУКИЧА ГЕЕВСКАГО.

(1813—1862 г.).

Степанъ Лукичъ Геевскій, автобіографію котораго мы печатаемъ теперь на страницахъ „Кіевской Старины", представляетъ изъ себя мало замѣтнаго, но въ высшей степени симпатичнаго харьковскаго дѣятеля 30-хъ и 40-хъ годовъ текущаго столѣтія. Дарованія его были весьма скромны; литературныя занятія не только не доставили ему славы и извѣстности при жизни, но даже служили источникомъ частыхъ огорченій и разочарованій. Тѣмъ не менѣе личность его заслуживаетъ нѣкотораго вниманія и признательности съ нашей стороны. Это былъ полезный дѣятель на педагогическомъ поприщѣ, всею душею преданный литературнымъ занятіямъ. Съ этой стороны представляетъ интересъ и обстоятельная біографія его, составленная проф. Н. Ѳ. Сумцовымъ на основаніи его трудовъ (изданныхъ и неизданныхъ) и отрывковъ изъ печатающейся теперь автобіографіи (см. Харьковскій Сборникъ на 1890-й годъ).

Родился Степанъ Лукичъ въ 1813 г., умеръ въ 1862 г. Первоначальное образованіе онъ получилъ подъ руководствомъ отца, затѣмъ поступилъ въ Зеньковское Повѣтовое училище, перешелъ въ Полтавскую гимназію, окончилъ ее, а потомъ Харьковскій университетъ и послѣ всего этого былъ мелкимъ чиновникомъ губернаторской канцеляріи, домашнимъ наставникомъ и учителемъ въ Харьковскихъ гимназіяхъ. По выходѣ въ отставку съ пенсіономъ въ 130 руб. въ годъ, Степанъ Лукичъ поселился

въ своемъ крошечномъ хуторкѣ (въ 30 дес.), съ тѣмъ чтобы провести тамъ остатокъ своихъ дней; но желаніе дать образованіе своимъ дѣтямъ заставило его переѣхать въ 50-хъ годахъ въ Харьковъ: онъ помѣстилъ своихъ сыновей въ пансіонъ Сливицкаго, а вмѣсто платы за нихъ долженъ былъ занять здѣсь должность учителя.

Такова была исполненная лишеній жизнь этого труженника. Не смотря на болѣе чѣмъ ограниченныя средства „Степанъ Лукичъ постоянно пріобрѣталъ книги, значительная часть которыхъ пожертвована теперь его сыномъ Харьковскому историко-филологическому обществу. Степанъ Лукичъ интересовался исторіей Малороссіи и напечаталъ двѣ статьи—„Краткій очеркъ мѣстоположенія и исторической жизни Украйны“ и „Объ украинскихъ чумакахъ“; къ южнорусской исторіи и географіи относятся еще ненапечатанные его труды—1) Описаніе Зеньковскаго уѣзда Полт. губ., 2) Объ уѣздныхъ училищахъ и гимназіяхъ и 3) Воспоминаніе объ Украйнѣ. Степанъ Лукичъ любилъ свою Украйну, и эта любовь нашла себѣ выраженіе какъ въ автобіографіи, такъ и въ литературныхъ трудахъ. Вотъ, напримѣръ, его стихотвореніе „Мои желанія“, посвященное Малороссіи, какъ подражаніе извѣстному стихотворенію „Kennst du das Land?“.

Ты, знаешь ли ты тотъ край, гдѣ лѣсъ шумитъ
И отъ луговъ прохладой чудной вѣетъ,
Гдѣ небо въ заревѣ блистательно горитъ,
Какъ жаръ пройдетъ и лѣсъ стемнѣетъ,
И только по полямъ зашевелится колосъ,
И слышится вдали знакомыхъ пѣсенъ голосъ.
О, я въ мечтахъ, въ желаніяхъ моихъ
Такъ часто уношусь туда душею—
На пожитяхъ его богатыхъ, золотыхъ,
Подъ липою душистою, густою,
Желалъ бы я отрадно отдохнуть
И позабыть тяжелый жизни трудъ“.

Прозаическіе и стихотворные опыты С. Л. Геевскаго довольно многочисленны; ихъ подробно перечисляетъ Н. Ѳ. Сумцовъ; но большая часть ихъ осталась въ рукописяхъ. Тогдашняя

критика была вообще предубѣждена противъ провинціальной литературы и понятное дѣло, что выступать при такихъ условіяхъ молодымъ провинціальнымъ писателямъ было рискованно. Если корифей Украинской словесности (Т. Шевченко) былъ осужденъ за свой провинціализмъ Бѣлинскимъ, то что же говорить о другихъ менѣе видныхъ, начинающихъ писателяхъ! А вліяніе тогдашней критики въ обществѣ было огромное. Извѣстно, что и нынѣ здравствующій въ Харьковѣ талантливый малорусскій поэтъ Я. И. Щеголевъ вовсе было пересталъ писать стихи послѣ одной такой критической замѣтки. Одно изъ литературныхъ произведеній Ст. Лук. Геевскаго—комедія „Бурсакъ—Учитель"—также вызвало рѣзкій отзывъ критика Отеч. Зап. „Бѣда съ этими провинціальными литературами—кіевской, харьковской, астраханской, говоритъ онъ: ждешь отъ нихъ чего нибудь крупнаго, а получаешь мыльный пузырь". Рецензія эта произвела сильную сенсацію въ Харьковѣ: распространился даже слухъ, что Степанъ Лукичъ отъ огорченія сошелъ съ ума. Но Степанъ Лукичъ не оставлялъ все таки своихъ литературныхъ занятій, ибо находилъ въ нихъ нравственное удовлетвореніе. „Всѣ мои труды, говоритъ онъ, сколько они ни маловажны, принесли мнѣ ту пользу, что я въ нихъ находилъ отдыхъ отъ вседневныхъ занятій, да кромѣ того, подъ предлогомъ ихъ, я могъ иногда (хотя весьма рѣдко) уклоняться отъ омерзѣвшихъ мнѣ бесѣдъ, затворившись въ своемъ кабинетѣ наглухо. Боже мой! Да вѣдь еслибы мои литературные труды были и еще въ десять разъ ничтожнѣе, все таки я пріятнѣе за ними провожу время, нежели въ сообществѣ тѣхъ, съ которыми столкнула меня немилосердная судьба".

Эта послѣдняя черта—страсть къ литературѣ—является самой выдающейся у Степана Лукича. Но она вмѣстѣ съ тѣмъ придаетъ и личности его болѣе общее, такъ сказать, типическое значеніе. Съ этой стороны представляетъ интересъ и печатаемая теперь автобіографія. Она рисуетъ намъ студента Харьковскаго университета 30-хъ годовъ, на всю жизнь удержавшаго добрыя традиціи университетской жизни, пылъ юности и любовь къ природѣ и поэзіи. Харьковскій университетъ, основанный въ

началѣ царствованія Имп. Александра 1-го, сдѣлался объединяющимъ центромъ всѣхъ научно-литературныхъ интересовъ въ краѣ и скоро самъ воспиталъ не мало новыхъ дѣятелей на литературной нивѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить Нахимова, Масловича, издателей Украинскаго Вѣстника и т. п. Аракчеевская реакція не могла подавить литературнаго движенія, обязаннаго своимъ происхожденіемъ прежней „золотой" порѣ Александровскаго царствованія. Въ царствованіе Имп. Николая Павловича въ Харьковскомъ университетѣ выступило на сцену новое поколѣніе дѣятелей, это—украинскій кружокъ Костомарова, Срезневскаго, Корсуна, Квитки и др. Степанъ Лукичъ не принадлежалъ къ нему, стоялъ повидимому какъ бы на рубежѣ прежняго общелитературнаго и новаго украинскаго направленія, хотя и у него преобладающей чертой является тотъ самый романтизмъ народности, какой мы видимъ у Іереміи Галки и всего украинскаго кружка. Но любовь къ Малороссіи у него выросла не подъ книжными или кружковыми вліяніями, а непосредственно подъ вліяніемъ Украинской природы и живаго общенія съ мѣстной средой. Полтавскій хуторянинъ, конечно, долженъ былъ сродниться и съ народною рѣчью, и съ народною пѣснію, и первый ввелъ его въ область старины его отецъ; въ тогдашнемъ хуторскомъ обществѣ еще хранилось живое преданіе украинской старины и удержались даже самыя основы старой малороссійской жизни; ихъ то и воспринялъ С. Л. Геевскій.

Печатаемая теперь „Автобіографія" обнимаетъ дѣтство и юность Степана Лукича (съ 1813 по 1834-й годъ). Основнымъ содержаніемъ ея являются разсказы С. Л. объ ученіи въ Зеньковскомъ повѣтовомъ училищѣ, Полтавской гимназіи и Харьковскомъ университетѣ. Живое, простое, безъискусственное изображеніе педагогическихъ пріемовъ и педагогической среды заинтересовываетъ читателя и заставляетъ его простить автору нѣкоторую бѣдность содержанія мемуаровъ. С. Л. Геевскій последовательно шагъ за шагомъ, излагаетъ исторію своей сѣренькой жизни, а въ концѣ концовъ у читателя получается ясное, отчетливое представленіе и о жизни тысячи другихъ такихъ же

мелкопомѣстныхъ дворянъ. Изъ отдѣльныхъ эпизодовъ слѣдуетъ отмѣтить разсказъ Ст. Лук. о холерѣ 1830 года и пребываніи его въ Куземинскомъ карантинѣ.

На всемъ разсказѣ лежитъ печать если не литературнаго таланта, то по крайней мѣрѣ литературной опытности: языкъ вездѣ правильный, свободный отъ шероховатости; не смотря на то, что мемуары эти писались болѣе 40 лѣтъ тому назадъ. изложеніе ихъ и теперь не представляется устарѣлымъ. Оригиналъ автобіографіи Ст. Л. Геевскаго принадлежитъ Харьковскому историко-филологическому обществу и хранится въ его архивѣ.

Д. И. Багалѣй.

ГЛАВА I.

Отъ чего произошло, что я старшій въ семействѣ.

Осенью 1812 года была необыкновенная тревога у насъ въ Малороссіи... ожидали Бонапарта? Это магическое слово наводило ужасъ на всѣхъ, и хотя офиціальнымъ образомъ достовѣрно уже было извѣстно, что враги отечества нашего направятъ путь свой къ Москвѣ совсѣмъ другой дорогой, однакожъ, не смотря на это, а равно и по преданію о походѣ на Россію Карла XII, котораго слава сокрыта въ могилѣ на нашей родинѣ, со страхомъ и ужасомъ ожидали Французовъ... Волненіе въ народѣ, какъ я сказалъ, было необыкновенное. Ходили слухи объ антихристѣ и представленіи свѣта; помѣщики, немного поумнѣе, страшились чужеземнаго ига и опасались за свои имущества, свободу и жизнь... формировались полки на счетъ дворянъ; на алтарь отечества приносили кто что могъ; молодой народъ, разумѣется кромѣ маменькивыхъ сынковъ, горѣли нетерпѣніемъ сразиться съ врагомъ отечества, степенные помѣщики, обзяведшіеся уже женой, домикомъ, хозяйствомъ и деньженками, разсуждали немного похладнокровнѣе; но однакожъ по первому призыву правительства, въ самое короткое время, выставили лошадей, аммуницію, сухарей, крупъ и т. п. принадлежности похода...

Милиція отправилась къ назначеннымъ пунктамъ; со слезами на глазахъ было прощаніе родственниковъ съ молодыми защитниками отечества. Волненіе нѣсколько затихло; но не затихъ внутренній голосъ боязни и неизвѣстности... Въ это то время начали подумывать какъ бы сохранить хотя часть имущества въ случаѣ нашествія французовъ. Предположеній было много: одни совѣтовали продать лишнее и, обративши въ деньги, отдать ихъ въ приказъ; другіе разсуждали, что это невѣрно, ибо и приказъ можетъ быть разграбленъ непріятелями; а лучше отослать туда, гдѣ не будетъ Бонапарта. . Но гдѣ же не будетъ Бонапарта? спрашивали третіе—вѣдь онъ хочетъ завоевать Россію,—такъ слѣдовательно вездѣ найдетъ насъ... а гораздо вѣрнѣе зарыть въ землю деньги и другія драгоцѣнности, а прочее предоставить волѣ Божіей: лѣса и постройки хоть и сожжетъ, но вѣдь полей не укуситъ!—Это послѣднее мнѣніе взяло перевѣсъ, и вотъ, въ лѣсахъ, ярахъ, пещерахъ, погребахъ и другихъ сокровенныхъ мѣстахъ начали работать топоры, заступы, лопаты... Жены и дочери съ боязнью посматривали на эти приготовленія; но необходимость доказывала, что это было необходимо.

А что вы „Лука Ивановачъ“ не заботитесь о сохраненіи своего имущества?--спрашивалъ отца моего сосѣдъ Акимъ Милетьевичъ.—А какое тамъ у меня имущество!—возразилъ онъ; успѣю, не безпокойтесь, а можетъ случиться и то, что французы вовсе у насъ не будутъ. Вѣдь въ Московскихъ Вѣдомостяхъ пишутъ...—Да что ваши Московскія Вѣдомости! съ позволенія сказать, иногда надуваютъ...—Ну, да не въ такомъ же разѣ? Опасность велика: не позволятъ же печатать какихъ нибудь небылицъ...—И, помилуйте, Лука Ивановичъ, ужъ какія небылицы печатаются—и не доведи Господи! Вотъ напримѣръ въ 53 номерѣ...—Опять старая пѣсня! Далась вамъ знать эта баталія; конечно, оно несправедливо,—но вѣдь возможно-же... Дѣло шло о томъ, что въ одномъ сраженіи взятъ былъ въ плѣнъ полковникъ, который, какъ по справкѣ оказалось, вовсе не былъ полковникомъ, а, вѣрнѣе сказать—полковницей, т. е.

женщиной въ военной одеждѣ... „Эта женщина, сказано было въ газетахъ, сражалась храбро и имѣла на груди своей орденъ почетнаго легіона, что одно уже показываетъ ея мужество и неустрашимость!“ Тщетно отецъ мой увѣрялъ Акима Милетьевича; что это возможно, и доказывалъ историческими фактами объ Амазонкахъ и Орлеанской дѣвственницѣ Іоаннѣ д'Аркъ. (Отецъ мой хотя нигдѣ не учился, или, какъ онъ самъ говорилъ: учился на мѣдныя деньги, однако-же былъ человѣкъ умный отъ природы и образованный чтеніемъ).

— Я не читаю вашихъ исторій, да и онѣ отчасти лгутъ, и ни за что не повѣрю существованію этой храброй полковницы— все это выдумки, чтобъ было что печатать и брать съ насъ деньги.

— Да почему же вы не вѣрите?

— Почему? Пошлите на сраженіе свою Ольгу Ивановну— какой съ нея будетъ воинъ?—

— Женщина женщинѣ—рознь! Впрочемъ, васъ не переувѣришь! Лучше оставимъ этотъ разговоръ и займемся чѣмъ нибудь поинтереснѣе.

И Акимъ Милетьевичъ, опоражнивая маленькія чашечки съ пуншемъ, называемыя имъ въ насмѣшку наперстками, одну за другой, вновь принимался убѣждать отца моего въ необходимости сохраненія имущества... Отецъ мой и въ этомъ не согласился съ Акимомъ Милетьевичемъ.

Отцу моему было въ это время 45 лѣтъ. Женатымъ же онъ былъ всего только 10 мѣсяцевъ—немножко поздненько, да дѣлать нечего!

— Успѣемъ, думалъ онъ про себя, успѣемъ еще! Отецъ же мой прожилъ до 80 лѣтъ, авось и мнѣ Господь Богъ поможетъ—и дѣтокъ пристроимъ, и состояніе наживемъ для нихъ же... Мать моя была въ это время беременна и на послѣднихъ дняхъ. Она вдвойнѣ страдала. Приближеніе родовъ наводило на нее страхъ естественный; приближеніе къ границамъ Россіи Наполеона ввергало ее въ какое то судорожное состояніе; постоянно находилась она въ паническомъ страхѣ, такъ что почти

ничего не читая, она съ необыкновеннымъ, болѣзненнымъ любопытствомъ читала извѣстія о войнѣ, сообщаемыя въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, и во-снѣ, и на-яву представлялись ей французы. Этакое состояніе не давало ей покою ни на одну минуту.

Природа во всей красотѣ и прелести расцвѣтала, какъ бы для того, что бы своимъ очаровательнымъ видомъ закрыть печальную картину тоски и унынія душевнаго... Моя мать съ одной изъ своихъ служанокъ отправилась въ садъ прогуляться и насладиться чистымъ воздухомъ. Видъ изъ нашего сада, на окружающія его окрестности, очаровательный. Этотъ заброшенный уголокъ земли былъ истинно поэтическій: съ одной стороны лѣсъ на горѣ и близъ него мельница и нивы; далѣе ландшафтъ хуторовъ, разбросанныхъ по ту и другую сторону луговъ, окаймленныхъ рѣкою и вѣчно зеленыхъ, даже въ ненастную осень зеленыхъ и свѣжихъ, какъ весною; потомъ высокая гора съ уединенно стоящими на ней крестами надъ могилами покойниковъ; синѣющая даль лѣсовъ, хуторовъ, мѣстечекъ, теряющихся въ неопредѣленномъ горизонтѣ, сливающемся съ землею почти близъ Ахтырки... Ахтырка, Груны, Шигиреевка, Зѣньковъ, Гадячъ, Веприкъ, Павловка, Опошня—вотъ кайма нашего родового хутора. Къ очаровательной природѣ прибавьте и поэтическія преданія о старинѣ: здѣсь проходилъ Сагайдачный съ своими молодцами—панибратами; здѣсь на этихъ поляхъ онъ закуривалъ свою коротенькую люльку; здѣсь, можетъ быть, мечталъ онъ о своей польской панночкѣ—и пылкая душа его изливалась въ звукахъ заунывной пѣсни... Здѣсь орды татаръ, какъ несмѣтныя полчища саранчи, располагались своимъ таборомъ; здѣсь имѣлъ лагерь свой Карлъ XII съ своими сѣверными богатырями; здѣсь думалъ крѣпкую думу свою Петръ Великій; здѣсь и предки наши за 300, 200 и 150 лѣтъ зарывали въ землю сокровища, чтобы скрыть ихъ отъ татаръ, шведовъ; здѣсь и теперь видите уединенно-стоящіе сторожевые курганы, свидѣтели славныхъ подвиговъ старины, прекрасной старины, забываемой, къ сожалѣнію, неблагодарными, невѣже-

ственными потомками... О, здѣсь ли, среди этой очаровательной малороссійской природы, подъ наитіемъ чудныхъ воспоминаній—можно остаться безчувственнымъ, хотя бы рокъ и не сулилъ вамъ быть поэтомъ или живописцемъ?.. Но я увлекся...

Мать моя тихо и задумчиво гуляла въ саду, занятая всегдашнею своею мыслью о французахъ. На близъ лежащемъ лугу пасся табунъ лошадей, принадлежавшій моему отцу; лошадей было съ полсотни. Моя мать вовсе не обращала на нихъ никакого вниманія, можетъ быть, даже и не видѣла ихъ. Была пора обѣда, который въ деревнѣ, а особенно въ тѣ времена, бывалъ очень рано. Пастухи, смотрѣвшіе за табуномъ, предоставили ему свободу отправляться въ хуторъ: дикія лошади фыркнули и помчались стрѣлою... Въ это только время мать моя замѣтила несущихся лошадей—напуганное воображеніе ея тотчасъ дорисовало ей картину: ей представились французы, сабли, ружья, пики, цѣлый лѣсъ копій—и она упала въ обморокъ!

Испуганная этимъ происшествіемъ горничная пустилась бѣжать въ домъ, чтобы дать знать о случившемся. Разумѣется, тотчасъ же прибѣжали; безчувственную мать мою перенесли въ домъ, употребили всѣ средства, чтобы привести ее въ чувство.—Она очнулась... На третій день она разрѣшилась отъ бремени мертвымъ сыномъ преждевременно.

ГЛАВА II.

Мое рожденіе и первыя семь лѣтъ жизни.

Въ нынѣшнія горькія минуты жизни моей часто приходятъ мнѣ на мысль два стиха одного изъ моихъ товарищей, который писалъ ихъ вовсе не по вдохновенію поэтическому, а потому, что въ тѣ времена, когда мы учились въ гимназіи, учитель непремѣнно требовалъ стиховъ и притомъ такъ: когда учитъ о поэмѣ—и пиши поэму, учитъ объ идилліи—и сочиняй идиллію и т. д. Надобно было писать элегію, и товарищъ мой началъ ее такъ:

А я бъ ужъ лучше не родился,
Когда бы можно было сдѣлать такъ...

Помню, что тогда мы всѣ чуть не умерли со смѣху отъ этихъ стиховъ, и самъ учитель, желая сохранить педагогическую важность, выходилъ раза три въ корридоръ, потомъ возвращался въ классъ съ серіознымъ лицомъ, но потомъ опять начиналъ хохотать—и этому конца не было!... Намъ казались и глупыми, и смѣшными эти стихи. Но теперь часто въ глубинѣ души моей я повторяю ихъ... Да, право, лучше *не родиться*, лучше не жить въ этомъ вѣкѣ... Но сдѣлать такъ нельзя, къ сожалѣнію моему, и *поелику* (тогда еще употребляли слово поелику) я родился, то надобно жить, и...

Я не хочу, о други умирать—
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать!...

Я родился 28 ноября 1813 года, вечеромъ, въ день Стефана Новаго, почему и назвали меня этимъ именемъ; ибо мой отецъ разсуждалъ такъ: что во 1-хъ, не должно презирать именъ, которыя носили люди святые, а во 2-хъ, и дѣтямъ легче, ибо прійдется *справлять* разомъ рожденіе и именины—лишняя копѣйка въ карманѣ останется... И такъ я родился...

Нѣсколько дней отецъ мой находился въ восторгѣ невыразимомъ, какъ потому, что у него есть наслѣдникъ, такъ и потому, что именно сбылось по его желанью и предположенію (онъ желалъ сына).—Не смотря на всю свою разсчетливость, онъ рѣшилъ отпраздновать крестины мои самымъ торжественнымъ образомъ. Воспріемниками отъ св. купѣли были приглашены: недавно возвратившійся изъ милиціи противъ Бонапарта братъ матери моей маіоръ Левъ Ивановичъ Перекрестовъ, родной братъ отца моего поручикъ Иванъ Ивановичъ Геевскій, дѣвица Александра Гр. Зерцалова (нынѣ помѣщица Рощаковская) и еще кто-то, чего я уже никакъ не могъ доискаться, ибо въ метрикѣ не значится... Крестины мои были *бучные*—одного вина (разумѣется недорогого) выпито на 70 руб. асс. Мать моя была очень слаба и потому не могла кормить грудью сама. Нанята была кормилица. Кормилица моя, по сознанію и засвидѣтельствованію всѣхъ, была женщина честнѣйшихъ пра-

вилъ и неукоризненной нравственности. Я благодарю судьбу, что это такъ случилось, ибо вѣрую, что добрыя и дурныя свойства всасываются съ молокомъ въ самомъ младенчествѣ. Я видѣлъ ее только одинъ разъ въ жизни, когда мнѣ было лѣтъ тринадцать. Я былъ первый сынъ, а потому меня не только любили, но и баловали достаточно. Въ прислугу мнѣ назначены были, кромѣ кормилицы, еще двѣ женщины, которыя обязаны были качать меня въ люлькѣ не поочередно, а обѣ рядомъ за веревки (прошу вспомнить устройство простыхъ, деревенскихъ люлекъ, и теперь употребляемыхъ). Я былъ капризенъ и самоволенъ, и еще (одна особенная черта), будучи окруженъ женщинами, называлъ себя всегда въ женскомъ родѣ: я ходила, я говорила,—это продолжалось лѣтъ до пяти, и то насилу отучили меня. Меня кормили чѣмъ ни попало, не смотря на строжайшее запрещеніе отца.

Въ 6 лѣтъ я совершенно избавился изъ-подъ опеки женщинъ, а взамѣнъ того ко мнѣ приставлены были два деревенскихъ мальчика, изъ коихъ одинъ былъ мой ровесникъ, а другой гораздо постарше.—Этотъ-то и былъ собственно моимъ менторомъ, а другой въ родѣ компаніона. Съ этого времени собственно и начинается жизнь сознательная, поэтическая! Мы могли бѣгать втроемъ, куда намъ вздумается; ни горы, ни рвы, ни деревья, ни крыши, ни пруды насъ не останавливали. Не имѣя никакого понятія о маскахъ, мы выдумали своего рода маскарадъ: бродя по горамъ, мы случайно открыли какое-то растеніе, котораго корень заключалъ въ себѣ сильное красильное вещество. Скинувши съ себя все платье, даже рубахи, мы выкрашивали другъ друга, подобно дикарямъ, и часто пугали поселянъ, работавшихъ въ полѣ, а особенно дѣтей, и восхищались своими продѣлками. Нѣкоторыя удальства весьма дорого обходились. Два раза чуть я не лишился жизни: разъ упалъ въ прудъ и меня вытащили полумертваго, въ другой—спускавшись съ высочайшей горы на саночкахъ, я ударился о бревна, внизу лежавшія, и лишился чувствъ, но обо всемъ этомъ ни отецъ, ни мать не знали—и мы по прежнему шалили и дурачились какъ

намъ было угодно. Такъ протекала жизнь моя! Я былъ и здоровъ, и веселъ, и счастливъ... Моя мать вовсе не занималась мною. Отецъ мой тоже рѣдко занимался мною, ибо обязанъ былъ заниматься хозяйствомъ и притомъ любилъ читать книги, которыхъ у него было много; но вообще родительское вліяніе его на меня было такъ благодѣтельно, что я и теперь, черезъ 25 лѣтъ, не могу забыть ни его ласкъ, ни его наставленій. Всего важнѣе то, что я спалъ съ нимъ на одной кровати! Здѣсь—то была первая школа, въ которой переданы были первыя правила жизни и нравственности, и притомъ—языкомъ родительскимъ, отъ сердца благородно-мыслящаго, высоко-чувствующаго. Чего здѣсь не было? Здѣсь я выслушивалъ и презатѣйливыя сказки (иныя, кажется, собственнаго сочиненія моего отца); здѣсь рѣшались хозяйственныя практическія задачи; здѣсь я выучилъ, прямо изъ устъ отца, первоначальныя молитвы, всѣ заповѣди, символъ вѣры и т. п.; здѣсь-же сообщались и первыя географическія и историческія свѣдѣнія, до такой степени, что я на седьмомъ году возраста зналъ кое-что и объ Америкѣ, и о черныхъ людяхъ, и о Петрѣ Великомъ, и о Наполеонѣ, и о Ломоносовѣ... Все это живо занимало мое младенческое воображеніе, мой свѣжій дѣтскій умъ, и цѣликомъ врѣзывалось въ душу, какъ желѣзо въ мягкую почву земли... О незабвенное, прекрасное время! Тебя никогда не забуду я... Воспоминаніе о тебѣ наводитъ на меня какое-то грустное, но вмѣстѣ сладостное впечатлѣніе...

И вотъ мнѣ свершилось (или какъ гооворилъ покойный мой отецъ, *стукнуло*) семь лѣтъ. Надобно было подумать объ ученіи правильномъ, какъ всѣ думали тогда, а нѣкоторые и теперь въ томъ увѣрены; но по моему мнѣнію, педантическомъ и нелѣпомъ. Подумавши и посовѣтовавшись кое-съ кѣмъ, рѣшились отдать меня въ Зѣньковское Повѣтовое училище: это было 1822 году. Эпоха важная—происшествіе чрезвычайное! Сборамъ не было конца: шили бѣлье, выписали портного изъ города, который тутъ-же, въ моихъ глазахъ, кроилъ и шилъ для меня платье: нанковый сюртучокъ, такую-же куртку и 2 панталонъ, 2 жилета

изъ шалону, шубу изъ черныхъ барашковъ, шинель, не помню, тоже, кажется, нанковую, а можетъ быть и казимировую... Все это было сложено въ сундучокъ, замкнуто и ключъ врученъ мнѣ... Я забылъ сказать, что за недѣлю до отъѣзда моего въ Зѣньковъ, отецъ мой купилъ азбуку и подарилъ мнѣ цѣлый рубль одними пятаками старинными въ четверть фунта каждый —и это также было положено въ тотъ-же сундучокъ! И такъ я былъ уже лицо важное, самостоятельное—у меня была своя собственность, и ключъ отъ нея висѣлъ на собственной моей курточкѣ, завязанный въ петличку!—Я былъ и радъ, и не радъ! Какое-то неопредѣленное чувство тѣснилось въ душѣ моей... не могу дать теперь отчета въ этомъ, но знаю, что я сдѣлался задумчивѣе прежняго, папенька смотрѣлъ на меня нѣжнѣе, и однажды, когда мы легли спать (это было наканунѣ отъѣзда въ Зѣньковъ), сказалъ мнѣ: „я надѣюсь на тебя, Степанъ! Ты не ударишь въ грязь лицомъ"!

ГЛАВА III.

Пребываніе мое въ домѣ смотрителя и въ Зѣньковскомъ Повѣтовомъ училищѣ.

Старая бричка, въ которой обыкновенно ѣздилъ отецъ мой была запряжена парою смирныхъ лошадей и подъѣхала къ крыльцу. Съ часъ простояли лошади, пока все, по обычаю, было сдѣлано. Не смотря на то, что я отправлялся за три версты отъ дому—со мной прощались, какъ будто я уѣзжалъ, по крайней мѣрѣ, въ Москву или Петербургъ. Маменька принималась нѣсколько разъ плакать; папенька объяснилъ мнѣ, какъ хорошо учиться и представлялъ примѣры. . . . . Пока продолжались прощанья, обниманья и цѣлованья, въ бричку между тѣмъ укладывали сундучокъ мой, двѣ булки, завязанныя въ салфетку, голову сахару и еще кое что, забытое мною за давностью времени. Мы вышли наконецъ, сѣли и поѣхали.

Надобно вспомнить при этомъ, что отецъ мой, не смотря на недостаточное свое состояніе, рѣшился дать мнѣ хорошее воспитаніе. Въ это время смотритель зѣньковскаго повѣтоваго училища былъ Иванъ Ивановичъ Кричевскій, человѣкъ извѣстный своею образованностью. У него-то я долженъ былъ жить и учиться. Плата за меня была очень значительная: 300 руб. ассиг., голова сахару, 1 фунтъ чаю, 2 четверти пшеницы, 10 ведеръ водки [1]), а кромѣ того, обѣщано было безъ договору присылать домашней птицы и прочаго иного *малую толику*.

Не могу безъ удовольствія вспомнить, что отецъ мой не могъ ничего лучше сдѣлать, какъ помѣстить меня въ этотъ домъ, гдѣ я получилъ первыя начала воспитанія, за которыя вѣчно останусь благодаренъ. Мы пріѣхали прямо къ Ивану Ивановичу Кричевскому. Приняли насъ какъ нельзя лучше. У него была мать, старуха лѣтъ 60, и двѣ сестры, (Анна Ивановна и Прасковья Ивановна). Черезъ нѣсколько минутъ я былъ уже въ пансіонерской комнатѣ въ сообществѣ 5 другихъ учениковъ, которые приняли меня, хотя какъ новичка, но тѣмъ не менѣе довольно радушно. Черезъ нѣсколько часовъ папенька уѣхалъ. Я остался одинъ—мнѣ стало грустно, и я чуть не заплакалъ, но изъ этого непріятнаго состоянія вывелъ меня мой наставникъ, т. е. штатный смотритель.

„Пора тебѣ начинать учиться!"—сказалъ онъ. „Сегодня легкій день, воскресенье! Вотъ тебѣ и учитель.... А ты, Карпъ, смотри—учи панича хорошенько", сказалъ онъ, обратившись къ вошедшему лакею, мальчику лѣтъ 12, „ты уже дошелъ до молитвъ, такъ азбуку и склады можешь преподавать". Я досталъ букварь свой изъ сундучка, сѣлъ за столъ, Карпъ возлѣ меня—и студія началась.... А а, Б б, В в, Г г, Д д, Е е—это былъ первый мой урокъ.... урокъ, казалось-бы, и не великъ и не головоломенъ; но онъ показался мнѣ тогда труднѣе философіи, которую послѣ слушалъ я въ харьковскомъ университетѣ.

Такъ живо, такъ глубоко врѣзался мнѣ въ душу и этотъ первый урокъ, и этотъ первый учитель мой, что я готовъ тотчасъ нари-

---

[1]) У Л. И. Геевскаго была своя винокурня.

совать все это: и новенькую азбуку, и лицо Карпа, мальчика лѣтъ 12, и его пестрядевый сюртукъ, и даже комнату, въ которой посѣяны были въ душу мою первыя сѣмена премудрости. Первый урокъ мой продолжался весьма недолго, во-первыхъ потому, что я его скоро выучилъ, а во-вторыхъ, что принесли завтракъ, состоящій изъ горячаго гречаника съ коровьимъ масломъ: помню, что это кушанье, съ которымъ тогда я въ первый разъ и познакомился, мнѣ чрезвычайно понравилось и нѣкоторымъ образомъ заинтересовало меня къ дальнѣйшимъ блистательнымъ успѣхамъ на поприщѣ образованности. По окончаніи завтрака учитель мой и я отправились гулять въ садъ. Такимъ образомъ, послѣ всякаго урока мы уходили въ садъ съ Карпомъ; уроки наши шли своимъ чередомъ, прогулки своимъ; я не былъ ни въ чемъ стѣсненъ, и потому нисколько не тяготился, потому болѣе, что и самое-то ученіе мнѣ послѣ другаго—третьяго урока вовсе не казалось труднымъ. Карпъ былъ постояннымъ моимъ учителемъ; иногда только самъ смотритель приходилъ посмотрѣть, какъ мы учимся, и, проэкзаменовавши *зады*, сказалъ: „хорошо“, а обратившись къ Карпу, прибавилъ: „Вотъ Степаша скоро тебя перегонитъ и изъ ученика твоего сдѣлается твоимъ учителемъ“. О самолюбіе! Тогда же въ душѣ моей явилось тайное желаніе перегнать Карпа и, не въ шутку только, сдѣлаться его учителемъ. Прилежаніе мое утроилось, способности развернулись, и я черезъ мѣсяцъ или полтора уже читалъ молитвы, затрудняясь только тѣми словами, надъ которыми стояли титлы. „Баста“! сказалъ смотритель „полно быть Карпу учителемъ“! Въ дальнѣйшемъ ходѣ моего образованія, я поступилъ въ вѣдѣніе сестры смотрителя Анны Ивановны, которая уже преподавала высшій курсъ, т. е. начиная отъ молитвъ до конца букваря. Я старался учиться хорошо, тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ со мною учились еще двѣ барышни, почти однихъ лѣтъ со мною, Пащенкова и Рыжова. Такъ какъ я былъ довольно скроменъ и послушенъ, и часто съ успѣхомъ выполнялъ требованія и порученія Анны Ивановны, по предметамъ—разматыванія нитокъ и шелку, и нанизыванія бисеру,

то естественно она меня хвалила—и жизнь моя текла пріятно и безмятежно!

Окончивши мой урокъ и разматываніе нитокъ или нанизываніе бисеру, я могъ уходить къ прочимъ пансіонерамъ; но такъ-какъ они весьма гордо со мной обращались, какъ потому, что уже учились въ училищѣ, такъ и потому, что были гораздо богаче (нѣкоторые носили бѣлые воротнички—признакъ аристократизма; одинъ имѣлъ свою лошадь верховую),—то я предпочиталъ отправляться съ Карпомъ, куда намъ вздумается. Чаще всего мы гуляли въ саду: строили погреба, обивали яблоки, ѣли всякую зелень, растущую въ саду, если она хоть немного была сладка. Когда настала осень, а потомъ зима, то я и другіе пансіонеры, выучивши свои уроки, должны были приходить *къ бабушкѣ* (такъ мы называли мать смотрителя, старуху лѣтъ 60) и играть съ нею въ дурачки. Здѣсь собиралась компанія довольно значительная: бабушка, двѣ ея дочери, иногда самъ смотритель, два лакея, Карпъ и Михайло, я и еще два или три пансіонера. На этихъ карточныхъ вечерахъ бывало иногда очень весело: главное всеобщее удовольствіе состояло въ томъ, чтобы дурачить Карпа. Всѣ по взаимному соглашенію, однажды навсегда утвержденному, должны были собирать и приберегать тузовъ, которыми подъ конецъ и надѣляли Карпа—онъ, разумѣется, оставался *дурнемъ*, и всѣ смѣялись. Иногда случалось ему получать вмѣсто четырехъ восемь тузовъ—тогда всеобщая радость еще болѣе увеличивалась!

Но не всегда-жъ коту масляница—говоритъ пословица. Я подъ руководствомъ Анны Ивановны выучилъ букварь и умѣлъ довольно бойко разбирать другія книги и даже, кажется, уже началъ писать на деревянной доскѣ.

Иванъ Ивановичъ, увидѣвши мои успѣхи, сказалъ: „*теперь пора и въ училище*!“—Этотъ лаконизмъ мнѣ вовсе не понравился, какъ потому, что угрожалъ разными наказаніями, такъ и тѣмъ, что отрывалъ меня отъ жизни, довольно мнѣ понравившейся. Но дѣлать нечего. Дрожки довольно порядочныя, но впрочемъ не рессорныя, на которыхъ ѣздилъ только самъ Иванъ Ивановичъ, да иногда барышни, его сестры, были

запряжены—и мы поѣхали въ *Зѣньковское Повѣтовое училище.* Кто бывалъ въ Зѣньковѣ, тотъ, безъ сомнѣнія, замѣтилъ при самомъ въѣздѣ со стороны Полтавы, тотчасъ за греблею (плотиной), два низенькихъ домика, выходящихъ фасадомъ на улицу. Въ одномъ изъ нихъ, какъ и теперь [1]), находилось училище, въ другомъ жили учителя. Чтобы не уличили меня во лжи въ послѣднемъ обстоятельствѣ, т. е. что учителя жили въ казенномъ училищномъ домѣ, я намѣренъ присовокупить маленькое объясненіе, состоящее въ слѣдующемъ: кромѣ тогдашняго *духа времени*, (извините за философское выраженіе), этому способствовало еще и доброе сердце штатнаго смотрителя Кричевскаго́, который, видя горестное положеніе голодной ученой братіи и имѣя собственный домъ, *дозволилъ* ей жить въ казенномъ, гдѣ имъ было и тепло, и покойно, и близко.

Мы пріѣхали такъ рано, что классы еще не начинались; но при первомъ раздавшемся стукѣ экипажа смотрительскаго, всѣ учителя тотчасъ же явились въ училище—и я былъ представленъ имъ еще на крыльцѣ; потомъ мы пошли въ *нижнее отдѣленіе.* (Тогда такъ назывался первый классъ училища).

Обратясь къ Игнату Григорьевичу Луценку, смотритель сказалъ: „Смотрите, Игнатъ Григорьевичъ, не балуйте его! чтобъ онъ учился у васъ хорошо,—въ особенности обратите вниманіе, чтобы онъ писалъ правильно и хорошо, и уроки изъ св. исторіи пусть учитъ, а уже съ ариѳметикой повременимъ до того года". (Ибо это было среди акад. года). А ты, Степаша, слушайся учителя и веди себя хорошо; чего не знаешь—спроси, испортишь перо—отдай починить Игнату Григорьевичу. Сказавши эти слова, онъ отправился въ другой классъ, потомъ въ третій, а черезъ четверть часа дрожки опять застучали... Я остался въ нижнемъ отдѣленіи. Признаюсь, не безъ особеннаго чувства страха смотрѣлъ я на новаго для меня начальника въ лицѣ Игната Григорьевича, и только новость положенія моего нѣсколько отвлекала отъ этого чувства. Шумъ и крикъ нынѣшнихъ Ланкастерскихъ школъ—ничто въ сравненіи съ тѣмъ

---

[1]) Здѣсь помѣщается теперь Двухклассное городское Училище.

гамомъ, который оглушилъ меня на первомъ шагу публичнаго воспитанія. Представьте себѣ около 40 или 45 учениковъ разнообразнаго происхожденья, въ разнообразныхъ костюмахъ, начиная отъ аристократическаго воротничка, которымъ щеголяли сынъ городничаго и одинъ изъ пансіонеровъ Кричевскаго—Ситенскій, до пестрядеваго халата, подпоясаннаго кромкой изъ сукна, въ которомъ *просвѣщалась* почти половина класса; представьте, что вся эта масса жужжитъ на разные голоса: одинъ учитъ азбуку, другой твердитъ склады, третій дѣлаетъ задачи, четвертый учитъ символъ вѣры, пятый громогласно повѣствуетъ исторію прекраснаго Іосифа, шестой и седьмой потихоньку толкаются между собою, а потомъ немножко погромче дерутъся за чубы и т. д. Представьте Игната Григорьевича, расхаживающаго среди всей этой кутерьми по классу и безпрерывно покрикивающаго въ разныя стороны, „что ты тамъ шалишь, дуракъ!—Пять помноженное на шесть равняется тридцати, а не тридцати двумъ, оселъ! Гамалѣя! читай! Пентефрія, а не Пентерфія!—Стань на колѣни, Глоба! и проч. и проч.“ Представьте себѣ, говорю, все это—и вы будете имѣть понятіе и о нижнемъ отдѣленіи блаженной памяти 1822 года, и о моемъ страхѣ, когда я впервые вошелъ въ это святилище!

ГЛАВА IV.

Продолженіе о томъ-же.

Первый шагъ на поприщѣ публичнаго воспитанія мною сдѣланъ; первое впечатлѣніе страха прошло—я освоился съ учителемъ и учениками, и мнѣ стало какъ-то веселѣе и лучше. Признаюсь, что пребываніе мое въ училищѣ тогда уже казалось мнѣ довольно поэтическимъ, хотя о поэзіи я тогда имѣлъ менѣе понятія, нежели теперь о китайской литературѣ Будучи дитятею, я какъ-то легко привыкалъ ко всему, мнѣ все нравилось: я не могъ снесть только, когда меня оставляли безъ обѣда, что впрочемъ случалось очень рѣдко. Такъ точно теперь, когда 34 года пронеслось надо мною, когда много несчастій суждено было испытать мнѣ—я покоряюсь судьбѣ моей, въ самомъ несчастіи

нахожу источникъ наслажденій, потому что и терпѣть и страдать—есть также что-то поэтическое, особенно, когда терпѣть и страдать приходится невинно и притомъ отъ глупцовъ и мерзавцевъ. Мнѣ кажется, я не перенесъ бы только двухъ несчастій: физическаго страданія и недостатка въ необходимомъ для своего содержанія,—это уже дѣло природы, а не моего размышленія. У смотрителя было, кажется, шесть или семь пансіонеровъ, которые всѣ учились въ училищѣ. Такъ какъ домъ его, т. е. наша квартира, находился на одномъ концѣ, а училище на другомъ, и разстояніе между тѣмъ и другимъ было около—двухъ съ половиною верстъ, то, безъ сомнѣнія намъ нельзя было ходить пѣшкомъ, а потому насъ обыкновенно препровождали на особеннаго рода дрожкахъ, особеннаго рода лошадью,—а кучеромъ былъ прежній *мой наставникъ* Карпъ. Дрожки эти состояли изъ широкой доски, укрѣпленной на четырехъ колесахъ: мы садились обыкновенно по три съ одной и по три съ другой, разумѣется спинами другъ къ другу, Карпъ же лицомъ къ лошади, о которой также надобно сказать нѣсколько словъ. Она была бѣлой шерсти, довольно рослая, но такихъ *преклонныхъ лѣтъ*, что едва передвигала ноги подъ тяжестью семи особъ, которыхъ она обязана была препреводитъ два раза въ училище и обратно. Встрѣчавшіе насъ мальчишки, въ которыхъ нигдѣ нѣтъ недостатка, бѣжали за нами толпой, кричали, что уже *всзутъ горшки*, бросали иногда щепки и куски земли, но мы мало обращали на это вниманія—ѣхали себѣ торжественно и важно, и развѣ уже вполнѣ были увѣрены въ успѣхѣ—тогда мновенно всѣ схватывались съ дрожекъ, брали въ плѣнъ двухъ-трехъ негодяевъ и тутъ-то уже тѣшились: у иного отрывали чубъ, били по рукамъ линейками, которыя всегда были съ нами, обрывали уши и т. п. Подымался крикъ, гамъ, плачъ--выбѣгали матери плѣнниковъ, бранились, называли насъ чортовыми горшками, а мы вновь садились на безсмертныя дрожки и тѣмъ-же торжественнымъ важнымъ шагомъ *держали путь свой*. Но весна, лѣто были для насъ истиннымъ наслажденіемъ, потому что насъ отпускали иногда *въ классы* пѣшкомъ: въ такомъ случаѣ мы избирали кратчайшій путь чрезъ рѣчку, не смотря ни на

какую погоду; мы обыкновенно купались сначала, потомъ, сложивши на головахъ всю свою одежду, переходили въ бродъ на другой берегъ, одѣвались и шли дальше. Но какъ намъ этого дѣлать не позволялось, то мы всячески старались не смочить волосъ на головѣ, чтобы иногда учители не догадались, тѣмъ болѣе, что намъ иногда, не имѣя часовъ, случалось опаздывать... Карпъ же, получая отъ насъ куски бубликовъ, булокъ, пирожковъ и т. п. лакомыя вещи, благоразумно умалчивалъ о нашихъ рѣзвостяхъ (я не называю этого шалостями) и когда учитель даже спрашивалъ его, почему дѣти поздно пришли, онъ отвѣчалъ, что *нерано обидалы—булы гости у Ивана Ивановича*; тѣмъ все и кончалось. Въ приготовительномъ классѣ я научился бойко читать, мастерски писать, лазить по деревьямъ и сбивать яблоки и груши, что, какъ извѣстно, зналъ я еще весьма хорошо и дома. Послѣ экзамена, на которомъ я прегромко и преотчетливо разсказалъ о царяхъ Саулѣ, Давидѣ и Соломонѣ, рѣшилъ безошибочно какую-то задачу на правило дѣленія и показалъ свои прописи—меня перевели во второй классъ. Это исполнило меня радостью неописанною, тѣмъ болѣе, что на публичномъ экзаменѣ, я имѣлъ счастіе получить изъ рукъ городничаго въ награду *Книгу съ картинками* (Это была естественная исторія съ изображеніемъ звѣрей). Отецъ мой, который былъ тутъ-же на экзаменѣ, заѣхалъ со мною къ смотрителю, благодарилъ его и учителей за успѣхи мои—и мы поѣхали домой. Я провелъ весь день съ своей книгой, разсказывалъ всѣмъ ея содержаніе, объяснялъ картинки, читалъ даже босымъ дѣвкамъ и мальчишкамъ и, набѣгавшись по сѣнокосу, уже вечеромъ—я заснулъ крѣпкимъ сномъ съ книгою-же подъ подушкой. На другой день отправлено было Игнату Григорьевичу: двѣ индѣйки, мѣшокъ пшеничной муки и горшокъ масла. Лѣтній мѣсяцъ каникулъ я провелъ въ полномъ восторгѣ: самое большее наслажденіе было для меня отправляться на сѣнокосъ и быть тамъ цѣлый день. Меня чрезвычайно занималъ этотъ стройный рядъ косарей, ихъ разгульныя, молодецкія пѣсни, ихъ шутки и насмѣшки—и съ какимъ удовольствіемъ я бѣжалъ вмѣстѣ съ косарями къ *старому* дубу, гдѣ *старая* же баба

готовила вкусный борщъ по средамъ и пятницамъ съ соленой рыбой, таранью, а въ прочіе дни съ свининой. Я садился тутъ же обѣдать, поодаль отъ косарей—ѣлъ борщъ и кашу, былъ доволенъ этими блюдами, какъ нельзя больше, и когда косари ложились отдыхать, я находилъ для себя занятіе: бродилъ по лугу, рвалъ цвѣты, ловилъ бабочекъ и т. п. Когда случалось, что приходилъ мой отецъ и также тутъ обѣдалъ, то здѣсь уже была перемѣна декорацій: послѣ обѣда мы обыкновенно ложились отдыхать, разсуждали о наукахъ, рѣшали умственныя задачи и т. п. Когда скошенное и высушенное сѣно принимались сгребать и складывать, то это было для меня еще занимательнѣе: здѣсь работа производилась и женщинами. Пѣсни, шалости, крикъ, смѣхъ—все это очень интересовало меня.

Но каникулы прошли. Нужно было думать объ училищѣ. Я грустно смотрѣлъ на копны хлѣба, которыя только-что начинали являться на поляхъ, со слезами на глазахъ прощался съ садомъ, гдѣ уже покрывались стыдливымъ румянцемъ сливы и груши; нѣсколько разъ бѣгалъ къ подмѣченному въ густотѣ орѣшника гнѣздышку птички, гдѣ уже были птенцы, едва оперившіеся—все, все нужно было оставить: и садъ, и жатву, и птичекъ, и лѣса, и луга, и горы! Но грустное расположеніе духа продолжалось часъ-два не болѣе. Когда я садился въ повозку или на дрожки и выѣзжалъ на гору, на зѣньковскую дорогу, мечты мои переносились въ другой міръ: мнѣ представлялись уже новые наставники: Иванъ Ѳедоровичъ Романовскій и Василій Осиповичъ Бубліевъ—первый въ своемъ франтовскомъ сюртучкѣ или синемъ фракѣ съ золотыми пуговицами, второй съ вѣчно соннымъ и краснымъ лицомъ; передо мною мелькали мои новые товарищи въ разнообразныхъ одеждахъ и каждый съ запасомъ какихъ нибудь съѣстныхъ снадобій во всѣхъ карманахъ; авдиторство, новыя похожденія на безсмертныхъ дрожкахъ; чудесный садъ Кричевскаго, разматываніе нитокъ и нанизываніе бисеру, бублики, спеченные на постномъ маслѣ, подаваемые намъ обыкновенно къ чаю—превкусные, старый шкафъ съ какими-то иностранными книгами, въ которомъ я любилъ иногда порыться,—все это, вмѣстѣ взятое, изгоняло изъ памяти моей деревенскія

впечатлѣнія—я уже жилъ новою жизнью: былъ доволенъ и счастливъ. Я поступилъ во второй классъ—учился, разумѣется, хорошо, и августъ и сентябрь прошли для меня благополучно. Но въ октябрѣ вдругъ случилось происшествіе—маленькій переворотъ въ моей жизни. Это былъ *танцклассъ*. Такъ какъ у Кричевскаго было насъ довольно и при томъ двѣ барышни, которыя учились у сестеръ Кричевскаго, то, не знаю, кому изъ нихъ пришла въ голову мысль учить насъ танцовать. Назначено было два раза въ недѣлю—не помню въ какіе дни. Я уже предчувствовалъ, что этотъ танцклассъ мнѣ не понравится, хотя не зналъ почему. Въ назначенный день мы собрались вечеромъ въ залъ, каждый, разумѣется, въ тѣхъ же самыхъ сапогахъ, въ какихъ ходилъ обыкновенно, и въ той же самой одеждѣ. Музыки никакой не было, но старшая сестра Анна Ивановна держала въ рукахъ гитару. Насъ построили въ правильную шеренгу и заставили пройтись раза три по комнатѣ подъ однообразный тактъ: *разъ, два, три*. Это показалось мнѣ нѣсколько занимательнымъ или по крайней мѣрѣ не скучнымъ, не тягостнымъ. Но когда маршъ кончили и насъ начали учить выдѣлывать разныя *па*, то на меня напала такая тоска, что я не могъ рѣшительно дѣйствовать сознательно, безпрестанно ошибался, вслѣдствіе этого подвергнулся осмѣянію, какъ неспособный къ танцамъ: это очень сильно затронуло мое самолюбіе, и я тогда-же рѣшился во что бы ни стало болѣе не танцовать, т. е. или вовсе не являться на танцклассы, или показать совершенную неспособность къ этому искусству.—Въ слѣдующій же разъ, я сказалъ, что у меня болитъ голова, и потому остался въ своей комнатѣ. Каждый разъ я находилъ какое нибудь обстоятельство, чтобы только не танцовать: то болѣла голова, то уроковъ не выучилъ, то надобно сдѣлать задачу и т. п. Спустя однако-жъ два мѣсяца, по истеченіи всѣхъ отговорокъ, я явился на танцклассъ—въ это время танцовали экосезъ; но такъ какъ я не зналъ первоначальныхъ правилъ, то и остался только *хладнокровнымъ зрителемъ* этого танца. Всего замѣчательнѣе, что всѣ эти балеты совершались подъ звуки единственной гитары, на которой преплохо игралъ самъ смотритель и кое какъ бренчала Анна Ивановна. Папенька мой былъ увѣ-

домленъ, что я не имѣю способностей къ танцамъ—мнѣ былъ сдѣланъ *выговоръ за то, что я не имѣю способностей*, и въ дальнѣйшемъ ходѣ моего образованія я на счетъ танцевъ былъ оставленъ въ покоѣ. Что же касается пріобрѣтенія другихъ познаній, болѣе солидныхъ, то я былъ однимъ изъ первыхъ учениковъ училища, и когда былъ экзаменъ для перевода въ третій классъ, то я на доставшійся по жребію вопросъ изъ катехизиса о двѣнадцатомъ членѣ Символа Вѣры отвѣчалъ такъ громко, такъ безошибочно, такъ внятно, что смотритель и учитель не находили словъ выразить свое удовольствіе, представляли всѣмъ прочимъ ученикамъ въ примѣръ, какъ надобно *держать экзаменъ*, и въ вѣдомости отмѣтили мнѣ изъ катехизиса: excellentissime (тогда еще не знали шаровъ для отмѣтокъ успѣховъ). Изъ грамматики отвѣчалъ я также бойко, склонялъ и спрягалъ что ни давали мнѣ. Учители остались мною довольны и по этому предмету и въ вѣдомости отмѣчено мнѣ было: optime. Изъ другихъ предметовъ я также получилъ хорошія отмѣтки. Вслѣдствіе этого переведенъ былъ въ третій классъ съ наградою. Награда эта состояла въ книгѣ: *Способъ молиться*, твореніе госпожи Гюнонъ. Каникулы прошли для меня также поэтически, какъ и всѣ вообще прочіе. Въ третьемъ классѣ я учился довольно хорошо; преподаваемыя тамъ науки были почти тѣ же, какъ и теперь въ послѣднемъ классѣ училища, за исключеніемъ только особенной науки, о которой я впослѣдствіи ни въ какихъ уставахъ не начитывалъ и ни отъ кого не слыхалъ, чтобы она предподавалась въ какихъ либо другихъ училищахъ—это наука была: *Правила слога*. Въ чемъ состояла эта наука, для чего учили ее—ни я, и ни кто другой изъ товарищей моихъ не постигалъ. Книги не было—она состояла изъ рукописной тетрадки листа въ четыре обыкновеннаго письма. По заглавію видно, что дѣло шло о слогѣ, т. е. способѣ выражать мысли; но сколько помню, насъ *сочинять не учили*—такая сумасбродная мысль не могла родиться и въ головѣ уѣзднаго учителя (а теперь во второмъ классѣ гимназій десятилѣтнихъ мальчиковъ заставляютъ сочинять). Время не сохранило для меня этой драгоцѣнной тетрадки, память не удержала ни одной мысли, вѣроятно потому,

что эти мысли были выше тогдашняго моего ума, и о правилахъ слога я помню только по названію. Геометрію мы изучали и теоретически и практически: мѣряли сараи, рѣку, дороги, голубятню, столбъ, на которомъ висѣлъ училищный колокольчикъ, и церковь, сосѣднюю съ училищемъ. Географія какъ-то пришлась у насъ послѣ обѣда въ два часа, а потому учитель рѣдко бывалъ цѣлый классъ, а по большей части только въ началѣ, послѣ же ложился спать—мы оставались въ училищѣ сами, раскладывали и развѣшивали географическія карты, какъ намъ вздумается; одинъ обыкновенно говорилъ громогласно урокъ, разумѣется, какъ попало, а прочіе садились, а иногда и ложились на скамьяхъ, ѣли бублики, сухія груши, пряники; если проходилъ сластенникъ мимо окна, то мы покупали сластены и также ѣли. Но всего болѣе доставлялъ намъ удовольствія ученикъ Слѣсаренко (или по уличному—Кузьмичъ), сынъ зѣньковскаго купца; онъ обыкновенно каждый день приносилъ что нибудь лакомое: рожки, пряники, изюмъ, винныя ягоды, и мы всѣ пировали на славу. Къ концу класса приходилъ учитель и наскоро задавалъ урокъ на слѣдующій разъ. Я еще забылъ сказать объ одномъ довольно важномъ обстоятельствѣ. Такъ какъ Зѣньковъ разбросанъ довольно на большомъ пространствѣ, а училище находится на самомъ краю города, то нѣкоторые бѣдные ученики, живущіе далеко, приносили съ собою и обѣдать, очень часто даже и въ горшкахъ. Это дѣлалось съ вѣдома начальства; чтобы не было злоупотребленій, то оставленныхъ безъ обѣда запирали въ сарай. Впрочемъ иногда и туда проникало милосердіе.

Въ занятіяхъ подобнаго рода и такимъ образомъ, какъ описано мною, прошелъ весь академическій годъ. Приблизился окончательный экзаменъ, т. е. когда я долженъ былъ получить аттестатъ, оставить Зѣньковъ и переѣхать въ Полтаву—въ тамошнюю губернскую гимназію. Сколько подвиговъ, надеждъ, предположеній! Боже мой—съ перваго іюня, когда начались экзамены, до 28 или 29 іюля, когда я, мой отецъ и братъ мой Андрей, сѣли въ бричку и поѣхали въ Полтаву—все это пространство двухъ мѣсяцевъ времени такъ живо врѣзалось въ моей памяти, что я никогда не забуду: голова моя кружилась,

мнѣ непремѣнно хотѣлось получить со всѣхъ предметовъ *eminentissime* или *excelentissime*, хотѣлось щегольнуть своимъ аттестатомъ предъ дядей Ильею Ивановичемъ Геевскимъ, къ которому мы должны были заѣхать по дорогѣ въ Полтаву; мнѣ хотѣлось превзойти своихъ товарищей и въ особенности Хмару, которому отдавали преимущество предо мною, и пр. и пр. И представьте мою радость, мой восторгъ: почти всѣ мои надежды сбылись за исключеніемъ того, что я получилъ изъ ариѳметики и геометріи *optime*, вмѣсто ожидаемаго *eminenter*—да и *optime* то, какъ я теперь соображаю, записано мнѣ чуть-ли не вмѣсто sufficienter; вѣроятно, было сдѣлано маленькое снисхожденіе—я былъ плохой математикъ.

Въ Зѣньковѣ обыкновенно бываетъ ярмарка двадцать четвертаго іюня въ день Рождества Іоанна Предтечи и продолжается три дня 23, 24 и 25. Такъ какъ на эту ярмарку съѣзжаются многіе сосѣдніе помѣщики, то училищное начальство всегда распоряжалось такъ, чтобы публичный экзаменъ былъ 23, 24 или 25 іюня. Въ 1825 году, т. е. когда я кончилъ курсъ, онъ былъ двадцать-пятаго числа. Съ самаго утра все предвѣщало необыкновенное торжество или, по крайней мѣрѣ, такъ мнѣ казалось, что все торжествуетъ по случаю окончанія моего курса въ училищѣ. За четыре или пять дней училище было вымыто и вымазано бѣлой глиной внутри и снаружи; дворъ чисто выметенъ; парадный ходъ обсыпанъ травою; торжественная зала (она же и обыкновенная зала, гдѣ обѣдали учители и ихъ пансіонеры) убрана была блестящею мебелью, свезенной со всѣхъ концовъ уѣзда; разставлены глобусы, развѣшены ландкарты, столъ накрытъ сукномъ; на столѣ похвальныя книги и.... аттестаты! Часу въ шестомъ послѣ обѣда, т. е. послѣ разныхъ окончательныхъ продажъ и покупокъ, начали съѣзжаться *почтеннѣйшіе посѣтители*; сначала, разумѣется, не совсѣмъ почтенные, потомъ почтеннѣе, далѣе болѣе почтенные и, наконецъ, уже около половины седьмаго часа почтеннѣйшіе, т. е. аристократы края: Маршалъ дворянства [1]), Городничій, Судья и Под-

---

[1]) Такъ въ то время назывался Предводитель дворянства.

судки, стряпчій и нѣкоторые помѣщики *большой руки.* Такъ какъ музыки тогда не было, то *представленіе* началось пѣніемъ какой-то молитвы, аранжированной изъ лучшихъ голосовъ (безъ нотъ) законоучителемъ. Потомъ всѣ сѣли, кромѣ учениковъ, которые стояли въ нѣсколько рядовъ въ глубинѣ залы. Началось испытаніе въ законѣ Божіемъ, россійскомъ языкѣ, исторіи, географіи, ариѳметикѣ и во всѣхъ прочихъ предметахъ: говорили басни, разсказывали по картѣ, рѣшали задачи, вертѣли глобусы и многіе другіе фокусъ-покусы. Но болѣе всего понравилось публикѣ два фокуса: первый—два ученика пересказали разговорно басню Крылова *Любопытный*, и второй—я проговорилъ *съ приличными тѣлодвиженіями* отрывокъ: *Эдипъ и Антигона* (изъ трагедіи Озерова). Толстый городничій Гуровъ поцѣловалъ меня; что же до учениковъ, произнесшихъ *Любопытнаго*, то и описать не умѣю, какъ всѣ были довольны: по желанію Маршала дворянства *велѣно было повторить....* Когда переэкзаменовали всѣхъ, то учитель историческихъ наукъ И. Ф. Романовскій началъ говорить *благодарственную рѣчь*, а чтобы публикѣ не было скучно, лакеи разносили почтеннѣйшей публикѣ чай и пунши, а намъ конфекты, пряники и орѣхи (и въ тѣ времена, какъ и теперь, ораторство нуждалось во вспомогательныхъ средствахъ—иначе всѣ бы уснули). По окончаніи рѣчи, намъ роздали награды и аттестаты: самъ Маршалъ совершилъ этотъ подвигъ. Публика поднялась: смотрѣли еще нѣсколько минутъ прописи и рисунки. Наконецъ начали разъѣзжаться. Отецъ подошелъ ко мнѣ, горячо поцѣловалъ въ лобъ и сказалъ: „Благодарю тебя, Степаша! ты порадовалъ меня!“ Съ тѣмъ мы поѣхали. Выѣхавши за городъ, отецъ спросилъ у меня аттестатъ, прочиталъ его раза три, сложилъ, положилъ въ свой боковой карманъ и сказалъ: „съ этимъ добромъ не стыдно и въ Полтаву ѣхать!“

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Отрывки изъ записокъ Автонома Акимовича Солтановскаго.[1])

Я уже упоминалъ, что за исключеніемъ гимназій и прогимназій, всѣ училища состояли въ вѣдѣніи секціи губернскаго правленія. Они утверждали смѣты училищъ, представляемыя уѣздными начальниками, выписывали книги въ училищныя библіотеки, ассигновали деньги изъ разныхъ источниковъ на содержаніе училищъ и наконецъ назначали и увольняли попечителей, законоучителей и учителей училищъ. До образованія канцеляріи учебной дирекціи и перехода въ нее училищныхъ дѣлъ изъ губернскаго правленія, я въ качествѣ члена его долженъ былъ присутствовать въ засѣданіяхъ. Жерве съ своими совѣтниками распорядился такъ, что за столомъ засѣданія мнѣ отвели послѣднее мѣсто, и училищныя дѣла стали разсматривать въ концѣ засѣданія. Мнѣ вслѣдствіе этого приходилось сидѣть и скучать за столомъ по нѣсколько часовъ. Въ числѣ совѣтниковъ губернскаго правленія былъ одинъ русскій—Синепуповъ, его держали для того, чтобы въ случаѣ нужды, можно было указать, что не всѣ члены поляки. Синепуповъ служилъ въ царствѣ съ незапамятныхъ временъ, такъ что съ трудомъ даже могъ бесѣдовать по русски. Онъ, разумѣется, дѣлалъ все, что угодно было полякамъ. Онъ выгналъ изъ дому жену, которая не съумѣла сойтись съ польками, а сына мальчика отдалъ въ ремесло. Сынъ кочевалъ съ точильнымъ станкомъ по улицамъ городовъ

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1893 г. № 7.

сувалкской губерніи и занимался точеніемъ ножей. Во время же возстанія точилъ косы, кинжалы, палаши, пики и штыки. При выпискѣ книгъ совѣтники требовали, чтобы по примѣру прежнихъ лѣтъ во всѣ училища, въ числѣ ихъ въ нѣмецкіе канторы, непремѣнно былъ выписанъ періодическій журналъ „Kmiotek“, и чтобы учителямъ и канторамъ предписано было собирать въ праздничные дни въ школы учащихся и поселянъ и читать имъ „Kmiotek“. Это высоконравственный журналъ, говорили совѣтники; отличается популярнымъ изложеніемъ и доступенъ пониманію самаго необразованнаго человѣка. Даже тѣ канторы, въ которыхъ на учебныя пособія по смѣтѣ назначался въ годъ одинъ рубль серебромъ, должны были этотъ рубль употребить на пріобрѣтеніе „Kmiotka“. Жерве подтвердилъ, что это такой народный журналъ, безъ котораго не можетъ обойтись ни одна школа. Я просилъ повременить съ выпискою до тѣхъ поръ, пока я не ознакомлюсь съ этимъ журналомъ. Жерве обидѣлся и рѣзко замѣтилъ, что къ дѣйствіямъ правительственнаго органа, каково губернское правленіе, можно бы относиться съ большимъ довѣріемъ. Мы, кажется, всѣ русскіе подданные, и одинаково приносили присягу государству и государю! Я не подписалъ журнала, раскланялся и вышелъ изъ засѣданія. Жерве, не смотря на настоянія совѣтниковъ, тоже не рѣшился подписать журналъ, и выписка Kmiotka (мужичка) была пріостановлена. Помню, это засѣданіе происходило въ среду на страстной недѣлѣ. Пообѣдавъ у Райскаго въ кондитерской и возвратившись на квартиру въ домѣ Ковальскаго, я сейчасъ же потребовалъ, чтобы канторъ, помѣщавшійся съ канторатомъ въ нижнемъ этажѣ противоположнаго дома, доставилъ мнѣ Kmiotek за всѣ годы. Канторъ притащилъ мнѣ увѣсистыхъ шесть томовъ in 4° и доложилъ, что, согласно предписаніямъ губернскаго правленія, онъ аккуратно по праздничнымъ днямъ перечиталъ дѣтямъ всего Kmiotka. Перелистывая Kmiotek, я сейчасъ замѣтилъ въ немъ изложеніе польской исторіи для польскаго народа, украшенное рисунками крылатыхъ гусаръ и пр. Kmiotek вообще не скупился на иллюстраціи. Изданіе было весьма опрятное, шрифтъ крупный,

четкій. Меня прежде всего удивила дешевизна изданія: за рубль въ годъ еженедѣльное иллюстрированное чтеніе. Я принялся читать польскую исторію: прекрасный, простой языкъ, легкость и картинность изложенія, умѣніе группировать факты показывали, что авторъ недюжинный талантъ. Передо мною развертывалась великолѣпная картина—эпопея жизни польскаго народа. Мѣстами авторъ вдавался въ горячій лиризмъ и умѣло шевелилъ чувство. Я читалъ до вечера, читалъ всю ночь напролетъ, читалъ въ теченіе всего слѣдующаго дня до церковнаго колокола, призывавшаго на страсти. У меня отекли ноги, заболѣла голова, я едва держался на ногахъ, а оторваться отъ увлекательной картины не было возможности. Впечатлѣніе было таково, что, не знай я польской исторіи, по прочтеніи эпопеи я пожалѣлъ бы, что не родился полякомъ. Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе эта исторія-эпопея должна была произвести на умъ и чувство учащихся и неразвитой толпы и сколько тысячъ молодежи она наэлектризовала и послала въ лѣсъ, въ банды. Все темное въ польской исторіи и жизни было искусно обойдено; все благородное, возвышенное, рыцарское было ярко нарисовано и освѣщено. Всѣ окружающіе Польшу народы являлись чѣмъ-то ничтожнымъ, пошлымъ, темнымъ, неразвитымъ въ сравненіи съ этимъ рыцаремъ-народомъ, который, не щадя себя, стремился къ однимъ самымъ возвышеннымъ цѣлямъ и могъ облагодѣтельствовать весь міръ. Но судьба рѣшила иначе. Зло восторжествовало. Но зло не можетъ вѣчно торжествовать на землѣ. Къ Kmiotk'у (мужичку́) писались со всѣхъ сторонъ письма: изъ Силезіи, Познани, Помераніи, Галиціи, подольской, волынской, кіевской, херсонской, екатеринославской, черниговской, минской, полоцкой, витебской, смоленской, виленской, ковенской, гродненской губерній. Въ письмахъ всѣ эти мѣстности представлялись сплошь и рядомъ населенными добрыми поляками поселянами, добродѣтельными плебанами, друзьями и учителями этихъ поселянъ, равно заботящимися о спасеніи ихъ душъ и благоденствіи ихъ тѣлесъ. Плебаны, паничи и паненки вездѣ основываютъ для поселянъ школки, учатъ въ нихъ безплатно ребятишекъ всему доброму, наставляютъ въ прароди-

тельской религіи; танцуютъ паничи и паненки съ поселянами и поселянками то на панскомъ дворѣ, то около корчмы, а въ большіе праздники ведутъ приличныя игры по выслушаніи святой мши около костела. Паны бѣднымъ даромъ отпускаютъ лѣсъ и строятъ для нихъ хаты и сараи; при неурожаѣ раздаютъ имъ безвозвратно хлѣбъ и овощи, во всѣхъ затрудненіяхъ даютъ имъ добрые совѣты. Словомъ, начитавшійся этихъ писемъ представлялъ себѣ мѣстность, занимаемую поляками-католиками, страшно обширною. Въ предѣлахъ этой мѣстности царила идиллія; окраины были zabrany kraj, ждавшій своего освобожденія и слитія на вѣки съ koroną, съ конгрессувкой. Я представилъ свое мнѣніе о Kmiotk'ѣ въ Прав. Коммиссію и просилъ разрѣшенія не только не выписывать впредь этотъ журналъ, но изъять его изъ библіотекъ за прежніе годы. Коммиссія народнаго просвѣщенія запретила выписку Kmiotka и приказала его изъять изъ библіотекъ училищъ. Въ первомъ послѣ праздниковъ засѣданіи губернскаго правленія, когда я заявилъ о рѣшеніи коммиссіи, Жерве, обратившись ко мнѣ, преспокойно объявилъ: „я всегда былъ того мнѣнія, что это вредный журналъ, что его не слѣдуетъ выписывать. Помните я не подписалъ журнала!" Когда должность коменданта упразднили и управленіе его тоже, а назначены были уже воинскіе начальники, то бывшій комендантъ обратился ко мнѣ съ просьбою принять въ дѣлопроизводители поляка, который занимался въ его управленіи дѣлопроизводствомъ. Я предложилъ прислать его документы и аттестацію. По предписанному порядку объ этомъ господинѣ я запросилъ Бѣлановскаго и начальника военнаго отдѣла. Бѣлановскій сейчасъ отвѣтилъ, что дѣлопроизводитель комендантскаго управленія самый неблагонадежный господинъ: онъ участвовалъ во всѣхъ манифестаціяхъ, въ пѣніи запрещенныхъ гимновъ и, пользуясь расположеніемъ и слабостью коменданта, служилъ посредникомъ въ перепискѣ между политическими арестантами, содержавшимися при коменданскомъ управленіи въ тюрьмѣ, и ихъ родственниками, и даже способствовалъ побѣгу за границу нѣсколькихъ человѣкъ. Послѣ такого отзыва я возвратилъ документы и при-

нялъ въ свое управленіе дѣлопроизводителемъ другого. Однажды я зашелъ утромъ къ военному начальнику отдѣла Ганецкому. У него былъ съ докладомъ комендантъ. Я расположился подождать въ столовой. Вдругъ Ганецкій отворилъ въ столовую дверь, желая подозвать ординарца. Увидѣвъ меня, онъ пригласилъ къ себѣ въ кабинетъ, говоря, что я имъ не помѣшаю, что отъ меня не можетъ быть секретовъ. Когда окончился докладъ, комендантъ обратился ко мнѣ съ упрекомъ, что я не уважилъ его ходатайства. Что-жъ дѣлать! Пожалѣете! Вы потеряли настоящаго дѣльца! Я сказалъ ему, что получилъ о немъ нехорошій отзывъ. „Вѣрно отъ этого стараго ворчуна Бѣлановскаго". Не имѣя права объяснить, откуда отзывъ, и боясь произвести ссору и возбудить противъ себя Бѣлановскаго, я брякнулъ: отзывъ отъ генералъ-полиціймейстера Трепова. Упавшая среди комнаты бомба не произвела бы такого впечатлѣнія на Ганецкаго и коменданта, какое произвели мои слова. Оба поблѣднѣли и откинулись въ спинкахъ креселъ, а потомъ побагровѣли. Толстяку коменданту грозилъ рѣшительный ударъ. Настало молчаніе. Наконецъ заговорилъ Ганецкій. Онъ упрекалъ коменданта въ неслыханной халатности и въ шашняхъ съ поляками. „Вотъ такъ сюрпризъ! Дѣлопроизводитель комендантскаго управленія пособляетъ политическимъ преступникамъ бѣжать за границу; устраиваетъ противъ правительства манифестаціи и первый въ костелѣ затягиваетъ революціонную пѣсню! Вамъ угодно погубить себя; но зачѣмъ же вы подводите подъ отвѣтственность меня! Я поневолѣ долженъ былъ и на Васъ полагаться, какъ на русскаго, на стараго генерала, и вотъ вы какъ устроили дѣло; да еще и начальника дирекціи желательно было завлечь въ петлю. Исполать Вамъ, комендантъ!" Побагровѣвшій комендантъ поднялся, раскланялся и шатающимися шагами вышелъ изъ кабинета. Тутъ только я понялъ обширность власти и значеніе въ Царствѣ Польскомъ генералъ-полиціймейстера Трепова. По удаленіи коменданта я чистосердечно разсказалъ Ганецкому, въ чемъ дѣло, и извинился передъ нимъ за то, что, не зная еще значенія власти Трепова, причинилъ Ганецкому безпокойство. Ганецкій вдругъ повеселѣлъ и сталъ благодарить меня за то,

что я, хотя и случайно, но съумѣлъ надлежаще напугать это рыхлое чучело, которое во всемъ мѣшало Ганецкому. Ганецкій ради старости и семейства щадилъ его. И слава Богу, что его переводятъ изъ Сувалокъ: онъ давно ни къ чему уже не пригоденъ!

Къ чести Жерве я долженъ сказать, что, не смотря на то, что они вѣчно нуждались въ деньгахъ, онъ не позволялъ себѣ пользоваться денежными взятками. М-me Жерве часто ѣздила въ Петербургъ и каждое лѣто за границу. Она всегда занимала деньги на проценты посредствомъ работавшей у нея швеи. Жили Жерве весьма скромно. Гостей принимали чаемъ. Карточной игры у нихъ никогда не было; вечеровъ не давали. Только въ высокоторжественные дни иногда Жерве устраивалъ у себя оффиціальный обѣдъ. Конечно, имъ недешево обходились пріемы Заболоцкаго, Барона Фридерикса и Министра, графа Дмитрія Андреевича Толстого.

Сувалки прежде входили въ составъ Августовской губерніи вмѣстѣ съ городомъ Ломжей. Богатый магнатъ Пацъ, которому нѣкогда принадлежало пограничное имѣніе Довспуда и изящный, на подобіе игрушки, палацъ въ Довспудѣ, употребилъ все стараніе, чтобы резиденція губернатора и властей пребывала въ Сувалкахъ, расположенныхъ въ 12 верстахъ отъ Довспуды. Сувалки лежали на государственномъ шоссе изъ Петербурга въ Варшаву и за границу и обѣщали сдѣлаться богатымъ торговымъ городомъ. Пацъ успѣлъ; но Сувалки едва поднялись, какъ стали хирѣть. Желѣзная дорога пошла по правой сторонѣ Нѣмана и отъ Ковно пустила вѣтвь къ Эйдкунену, пограничному прусскому городу. Сувалки очутились въ треугольникѣ и въ сторонѣ отъ новыхъ торговыхъ путей. Неоконченныя зданія, напр. театръ, такъ и остались неоконченными. Двухъ-этажные каменные дома упали въ цѣнѣ до невѣроятности; ихъ можно было пріобрѣсти за три, четыре тысячи съ разсрочкой. Между тѣмъ Пацъ участвовалъ въ мятежѣ, бѣжалъ за границу, а имѣнія его были конфискованы. Палацъ и Довспуда достались, какъ маіоратъ, генералу Сулемѣ. Никто никогда изъ маіоратистовъ не жилъ въ Довспудѣ. Это имѣніе арендовали изъ года

въ годъ то поляки, то нѣмцы. Въ палацѣ никто не жилъ и не поддерживалъ его, и рука времени мало по малу стала его разрушать. Перержавѣла и стала проламываться крыша; рухнули потолки, лѣстницы, галлереи. Фрески вылиняли и потускнѣли, и теперь нельзя ни за что подняться во второй этажъ. Лучше всего сохранились подвалы. Они представляютъ рядъ большихъ комнатъ и залъ, украшенныхъ живописью и фресками, еще хорошо сохранившимися. Говорятъ, подвальный этажъ имѣлъ секретные ходы за границу. Этими ходами доставлялась военная контрабанда во время повстанія и происходили сношенія между политическими лицами. Въ этомъ подвальномъ этажѣ, по преданію, былъ съѣздъ помѣщиковъ изъ всѣхъ окрестностей и изъ Познани, и на немъ рѣшенъ планъ военныхъ дѣйствій на пространствѣ между Ломжей, Гродно, Ковно и Прусской границей. На сѣверѣ около Нѣмана назначенъ былъ въ предводители богачъ Гелгудъ, а на югѣ—Пацъ. Имѣнія Гелгуда—Гелгудышки со множествомъ фольварковъ принадлежатъ родному брату прусскаго государственнаго человѣка Барона Кейделя. Изъ Гелгудышекъ по другую сторону Нѣмана въ сосновомъ лѣсу высятся мрачныя башни огромнаго стариннаго замка Гелгудъ. Баронъ Кейдель въ Гелгудышкахъ устроилъ пріютъ для бѣдныхъ дѣтей.

Но на самомъ дѣлѣ это—пропагандная школа, гдѣ католиковъ поляковъ превращаютъ въ лютеранъ и нѣмцевъ. Учениковъ и ученицъ и одѣваютъ, и кормятъ на счетъ барона. Учатъ ихъ нѣмецкой исторіи и ариѳметикѣ, а также ремесламъ. По достиженіи возраста, ихъ конфирмуетъ пасторъ, и они, сдѣлавшись нѣмцами и лютеранами, поступаютъ въ услуженіе къ барону на его фольварки. Сверхъ такихъ рабочихъ, у барона Кейделя всѣ рабочіе и служащіе—пруссаки—нѣмцы, лютеране. Многіе изъ нихъ числятся въ прусской арміи. Въ случаѣ войны съ Россіей они окажутъ прусскимъ войскамъ большую услугу. Такъ, какъ баронъ Кейдель, поступаютъ всѣ нѣмецко-прусскіе землевладѣльцы въ губерніяхъ Царства Польскаго, пограничныхъ съ Пруссіей. Говорятъ, что въ Пруссіи существуетъ особый фондъ, отпускаемый правительствомъ помѣщикамъ и крестьянамъ прусскимъ на выгодныхъ условіяхъ

для покупки имѣній и земли въ полосѣ Царства Польскаго, пограничной съ Пруссіей. Западная граница сувалкской губерніи уже густо заселена пруссаками, имѣющими множество канторальныхъ училищъ, и явныхъ и скрытыхъ, семь пасторовъ, семь церквей и суперъ-интенданта, проживающаго въ городѣ уѣздн. Кальваріи. Но нѣмецко-прусская колонизація двигается постепенно далѣе до рѣки Нѣмана. Пасторы, никѣмъ не стѣсняемые, пропагандируютъ между католиками крестьянами сперва протестантизмъ, а затѣмъ и нѣмецкій языкъ. Пасторы по воскреснымъ днямъ въ киркахъ сперва проповѣдуютъ на нѣмецкомъ языкѣ для нѣмецкой паствы, и поются псалмы на нѣмецкомъ языкѣ; потомъ нѣмцы расходятся по домамъ, а собирается новообращенная польская паства. Псалмы поются на польскомъ языкѣ, и для этой паствы пасторъ говоритъ проповѣдь на польскомъ языкѣ. Но отъ дѣтей этой польской паствы требуется обязательное посѣщеніе нѣмецкихъ канторатовъ, и если они не усвоятъ вполнѣ нѣмецкаго языка, ихъ не допускаютъ къ конфирмаціи. Такимъ образомъ вся польская молодежь послѣ конфирмаціи причисляется къ нѣмецкой паствѣ, вмѣстѣ съ нею поетъ псалмы, слушаетъ нѣмецкую проповѣдь, употребляетъ въ обиходѣ нѣмецкій языкъ и даже усваиваетъ себѣ всѣ привычки заправскаго пруссака и его домашній костюмъ, такъ что нельзя отличить природнаго нѣмца отъ онѣмечившагося поляка. Они даже перестаютъ сознавать себя поляками и русскими подданными и императоромъ считаютъ Вильгельма. Нѣмецкіе бароны Остзейскаго края строго слѣдуютъ той же системѣ онѣмечиванія края въ своихъ владѣніяхъ, и всѣмъ своимъ вліяніемъ и авторитетомъ содѣйствуютъ Пруссіи прочно утвердиться на лѣвомъ берегу Нѣмана.

Во время страшнаго голода зимою въ 1868 году между голодающими семьями, толпами бродившими по большимъ дорогамъ, селеньямъ, мѣстечкамъ и городамъ за подаяніемъ, не было ни одного нѣмца. Нѣмцы получали пособіе изъ Пруссіи. Слѣдствіемъ голода былъ повсемѣстный голодный тифъ, унесшій множество жертвъ. Много умерло голодной смертью на дорогахъ, въ лѣсахъ и подъ заборами. Всѣ предвидѣли голодъ: хлѣбъ не уродилъ; картофель,

главное пропитаніе населенія, тоже не уродилъ. Объѣзжая дирекцію, все это я видѣлъ своими глазами, слышалъ сужденія объ этомъ крестьянъ. Во время проѣзда графа Толстого я просилъ Витте доложить объ этомъ министру и указать мнѣ, изъ какихъ источниковъ помочь бѣднымъ сельскимъ учителямъ, получавшимъ нищенское содержаніе. Жерве, въ присутствіи Витте и директора департамента Н. Пр. Фонъ-Брадке, иронически улыбаясь, обратился ко мнѣ: „я вѣрю, что вы все знаете, что дѣлается въ губерніи; но въ настоящемъ случаѣ, прямо относящемся только къ моему вѣдѣнію, позвольте васъ увѣрить, что не только не предвидится голода, но губернія снабжена продовольствіемъ съ излишкомъ на годъ. Мои свѣдѣнія основательнѣе вашихъ, и, пожалуйста, не безпокойте изъ пустяковъ министра и не поднимайте тревоги!“ Когда настало бѣдствіе, Жерве рѣшился скрыть его отъ правительства. Но толпа голодающихъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, разсѣявшихся за подаяніемъ далеко за предѣлы губерніи, достигла наконецъ Петербурга и явилась передъ Зимнимъ Дворцомъ. Это было уже весною 1869 г. Поднялась тревога. Ассигновано было пособіе. На Волгѣ закупили партію хлѣба. Открыли работы на шоссе во владиславскомъ уѣздѣ, чтобы не даромъ выдавать пособіе, и платили хлѣбомъ. Тутъ тоже явилась масса злоупотребленій, вызвавшихъ слѣдствіе изъ Петербурга. Помощь оказалась позднею. Не знаю ужъ, чѣмъ и какъ оправдывался Жерве.

Послѣ этого отступленія опять возвращаюсь къ палацу Паца въ Довспудѣ. Объ этомъ палацѣ сложили въ свое время пословицу: Palac wart Paca, a Pac palaca. Вблизи онъ—развалина, но изъ дали, которая скрываетъ разрушеніе, это—архитектурная игрушка; это—изящество. Мнѣ не случалось нигдѣ видѣть башенъ такой тонкой воздушной работы, такихъ изящныхъ, такъ художественно размѣщенныхъ. Сувалки очень небольшой городъ. Съ какой стороны ни въѣзжаешь въ него, по дорогѣ нигдѣ нѣтъ ни загородныхъ дачъ, ни ресторановъ, ничего, кромѣ хлѣбныхъ полей. Въ городѣ собственно одна порядочная улица, тянущаяся по петербургскому шоссе отъ Кальварійской аставы до Августовской на протяженіи 3-хъ верстъ. По дорогѣ въ

Сейны—торговая площадь. Между костеломъ и православной церковью старый публичный садъ, разведенный еще пруссаками. Между костеломъ и садомъ—небольшая площадь со статуей, поставленной въ началѣ революціи. По однимъ—это статуя Матери Божьей (Krolowej Polski), по другимъ—статуя, изображающая Польшу, движеніемъ руки впередъ направляющая сыновъ своихъ на Москалей. Кажется, послѣднее вѣрнѣе. По крайней мѣрѣ, долго послѣ усмиренія мятежа по ночамъ статуя эта продолжала украшаться свѣжими и искусственными вѣнками. Между церковью и мужескою гимназіею тоже небольшая площадь. Около статуи обыковненно помѣщались городскіе извощики, которыхъ въ Сувалкахъ очень много. Они зарабатываютъ, развозя жителей въ послѣобѣденное время на прогулки въ такъ называемую Швейцарію, гористую мѣстность, покрытую лѣсомъ, или въ Августовскій лѣсъ. Швейцарія въ 6 верстахъ отъ Сувалокъ по шоссе въ уѣздный городъ Кальварію, а Августовскій лѣсъ на 3-й верстѣ отъ города. За проѣздъ туда и обратно цѣна ничтожная. Въ экипажѣ коп. 50, въ одноконной дрожкѣ коп. 20. Если извощикъ долженъ ждать сѣдока въ лѣсу—платится 1 р. с.

Самое красивое въ городѣ зданіе—это мужская гимназія, имѣющая внутри чугунныя легкія лѣстницы. Она построена квадратомъ, внутри котораго небольшой цвѣтникъ. Въ нижнемъ этажѣ—классы; въ верхнемъ—квартира инспектора, его помощника, физическій кабинетъ и зала, гдѣ помѣщается библіотека. Торжественный залъ въ первомъ этажѣ. Этотъ залъ имѣетъ ходъ, и верхняя его часть отдѣлена каменною стѣною съ широкими дверьми-воротами. Въ этой части помѣщается гимназическая каплица, въ которой ежедневно передъ началомъ уроковъ капелланъ служилъ тихую мшу для учителей и учениковъ, помѣщавшихся въ залѣ. Ксендзъ каноникъ Двораковскій сразу возъимѣлъ намѣреніе внушить мнѣ, что онъ первое лицо въ заведеніи; что ему всѣ должны покоряться и оказывать ему особые знаки уваженія, что онъ покоряется только требованіямъ папы и Kościoła. Онъ старался внушить ученикамъ, что для него начальникъ дирекціи такъ мало значитъ, какъ и бывшій

директоръ, а теперь инспекторъ гимназіи. Въ инспекторской и на корридорахъ Двораковскій едва удостаивалъ меня легкимъ наклоненіемъ головы. Заложивъ руки за спину и гордо закинувъ назадъ голову, съ высокомѣрно-иронической улыбкой, шагалъ взадъ и впередъ, показывая всѣмъ, что ему нечего стѣсняться моимъ присутствіемъ, что я не его начальникъ. Я старался не замѣчать его выходокъ. Но когда я зашелъ къ нему въ классъ на урокъ З. Божія, и онъ позволилъ себѣ въ присутствіи класса оказать мнѣ неуваженіе, тогда терпѣнію моему положенъ былъ конецъ. При входѣ моемъ ученики встали; но каноникъ Двораковскій не только не поднялся съ мѣста; но даже не отвѣтилъ мнѣ на поклонъ и только посмотрѣлъ на меня такъ, какъ будто спрашивалъ: что этому господину здѣсь нужно? Я просидѣлъ на ученической скамьѣ цѣлый урокъ, пристально слѣдя за Двораковскимъ. Это его мало по малу начало стѣснять: голосъ у него дрогнулъ и движенія сдѣлались неровны. Особенно, когда я обращался съ вопросами къ ученикамъ и на него и его вмѣшательство въ отвѣты учениковъ не обращалъ вниманія. По окончаніи класса, я раскланялся съ учениками, но въ сторону каноника даже не посмотрѣлъ. Онъ выскочилъ изъ класса, взволнованный и красный, и видимо хотѣлъ со мною говорить; но я показалъ видъ, что этого не замѣчаю, и въ его присутствіи отдалъ приказъ инспектору: прислать ко мнѣ въ 2 часа въ Дирекцію каноника Двораковскаго. Встрѣтивъ Двораковскаго при входѣ въ кабинетъ, я не пригласилъ его сѣсть и прямо потребовалъ отъ него объясненія въ его образѣ дѣйствій противъ меня. Онъ понесъ всякую чепуху и, оставаясь со мною безъ свидѣтелей, сталъ мнѣ кланяться до колѣнъ и просить извиненія. Я прямо ему объявилъ, что не потерплю его въ заведеніи, если замѣчу хоть малѣйшую выходку въ этомъ родѣ. Онъ, духовникъ и законоучитель, долженъ всѣмъ въ гимназіи собою подавать примѣръ покорности и уваженія къ властямъ. На него, какъ на духовника и руководителя учениковъ, я возлагаю съ нынѣшняго дня отвѣтственность за нравственное и политическое поведеніе всѣхъ учащихся. Онъ страшно струсилъ и клялся, что употребитъ всѣ

усилія, чтобы я былъ имъ вполнѣ доволенъ. Тогда только я подалъ ему руку и пригласилъ сѣсть. И тогда спокойнымъ тономъ заявилъ ему, что съ будущей недѣли онъ прекратитъ утреннія тихія мши въ гимназическомъ залѣ, такъ какъ гимназія заведеніе свѣтское, а не духовное, и для учащихся достаточно посѣщенія костела въ воскресные и праздничные дни. Двораковскій возразилъ, что для этого ему нужно испросить разрѣшеніе епископа. Предупреждаю васъ, сказалъ я, что впредь я не позволю епископу вмѣшиваться въ дѣло подчиненнаго мнѣ заведенія, и требую отъ васъ точнаго исполненія однихъ моихъ приказаній. О прекращеніи такихъ ежедневныхъ мшей я отдалъ письменное приказаніе инспектору. Въ это время я успѣлъ уже собрать достаточно свѣдѣній, какую роль играли эти мши въ періодъ приготовленія къ возстанію и во время возстанія. Въ большомъ костелѣ не всегда было безопасно, въ присутствіи полиціи и жандармовъ, говорить зажигательныя проповѣди, публиковать прокламаціи, пѣть самые ярые политическіе гимны. Все это имѣло мѣсто въ гимназическомъ залѣ на тихой мшѣ, на разсвѣтѣ, куда не проникала полиція и жандармы и куда задолго до разсвѣта по одиночкѣ, заднимъ ходомъ, прошмыгивали пани и паненки со всего города и тѣмъ же порядкомъ, по одиночкѣ, по окончаніи мши исчезали. На тихой мшѣ, такимъ образомъ, присутствовали только ученики, учителя, пани и паненки. Вслѣдствіе этихъ мшей множество учащейся молодежи оказалось въ бандахъ. Зная, что послѣ отданнаго мной приказанія, всполошится вся женская интеллигенція города и что на слѣдующій день громы и молніи посыплются съ каѳедры изъ устъ Двораковскаго на меня и на правительство, я до разсвѣта былъ уже въ публичномъ саду и наблюдалъ, какъ пани и паненки слетались въ гимназію. Сообразивъ, что мша уже должна оканчиваться и начнется проповѣдь, я и себѣ шмыгнулъ заднимъ ходомъ въ гимназическій залъ и помѣстился въ уголку, при входѣ подъ хорами. Мша дѣйствительно уже окончилась, и Двораковскій взбирался на каѳедру. Пытливыми глазами онъ окинулъ всѣхъ присутствующихъ и остановился на мнѣ. Онъ, кажется, сразу не узналъ меня. Сталъ всматриваться и мгно-

венно побагровѣлъ. Затѣмъ, окинулъ еще разъ присутствующихъ глазами, перекрестилъ всѣхъ, и сошелъ съ каѳедры. Тутъ только обезпокоенная публика стала оглядываться, замѣтила мое присутствіе, и поняла причину смущенія каноника Двораковскаго, и почему онъ не сталъ говорить проповѣдь. Я сдѣлалъ сильный выговоръ съ угрозой инспектору за допущеніе въ гимназію женщинъ и прямо объявилъ ему, что теперь конецъ всякимъ манифестаціямъ въ учебномъ заведеніи; что здѣсь нужно учить, воспитывать и учиться, а не заниматься политикой; что на немъ и на каноникѣ первыхъ взыщется. И вотъ мши прекратились въ гимназіи. Совѣтники передали Жерве всю эту исторію, и онъ страшно на меня бѣсился, что я позволилъ себѣ рѣшить самъ, не посовѣтовавшись съ нимъ, дѣло столь важное, могущее опять возбудить безпорядки. Ганецкій и Бѣлановскій были въ восторгѣ отъ принятой мною мѣры.

Потребовавши отъ инспектора росписанія уроковъ и разсматривая его, я замѣтилъ, что въ немъ послѣднее мѣсто отведено русскому языку и русской словесности. Ничтожное значеніе русскаго языка болѣе всего подтверждалось тѣмъ, что по росписанію уровень успѣховъ 3-го класса равнялся уровню 7-го класса; 2-го класса—6-му классу; 1-го класса—V классу и 4-го класса V классу, такъ какъ 3-й классъ сводился съ 7-мъ, 2-й съ 6-мъ, 1-й и 4-й съ V-мъ на уроки Русскаго языка. Русскій языкъ и словесность читалъ старикъ полякъ Лопаревичъ, нѣкогда кончившій московскій университетъ, совсѣмъ забывшій уже говорить и объясняться по-русски. И что это было за чтеніе! Читались на русскомъ языкѣ одни примѣры и отрывки изъ писателей, а правила и объясненія происходили на языкѣ польскомъ. Ученики VII класса съ трудомъ читали русскую книгу, безъ пониманія текста. Русская исторія кратко излагалась въ связи съ обширно излагаемой польской исторіей, и, разумѣется, читалась на языкѣ польскомъ. Читалъ ее отчасти Лопаревичъ, а отчасти Гонсёровскій, молодой человѣкъ, кандидатъ кіевскаго университета, отлично владѣвшій русскимъ языкомъ и очень способный. Читалъ ее и третій еще учитель коллежскій совѣтникъ, старичекъ Войновичъ, когда то кончившій русскій университетъ,

но уже забывшій русскій языкъ. Онъ же читалъ и польскій языкъ. Польскій языкъ читалъ еще и помощникъ инспектора Мисёнчевичъ, лѣтъ сорока, воспитывавшійся въ Царствѣ Польскомъ. Мисёнчевичъ обремененъ былъ многочисленнымъ семействомъ и, не смотря на ярый патріотизмъ и религіозный фанатизмъ, сдерживалъ себя, сколько могъ. Мисёнчевичъ еще читалъ и латинскій языкъ. Докторъ философіи и филологіи, прусскій подданный, Робскій читалъ языки латинскій и греческій. Онъ по контракту приглашенъ былъ изъ Познани маркизомъ Велипольскимъ. Робскій ни слова не понималъ по-русски: математику читалъ старикъ Гурскій, Войновичъ и Мисёнчевичъ. Естественныя науки читалъ молодой человѣкъ, воспитанникъ Варшавской главной школы, лекарь Радкевичъ, человѣкъ способный, но не знавшій русскаго языка. Нѣмецкій языкъ читалъ старичекъ полякъ Герстъ. Рисованіе и чистописаніе преподавалъ Груницкій, совсѣмъ непонимавшій по-русски. Ученики преуспѣвали только въ трехъ предметахъ, которые были на первомъ планѣ: З. Божій, польскій языкъ и словесность и латинскій языкъ.

Впрочемъ, за политикой и повстаньемъ ни учителямъ, ни ученикамъ некогда было заниматься прямымъ своимъ дѣломъ, и потому успѣхи и въ этйхъ предметахъ были посредственны. Математика кое-какъ хромала. Прочіе предметы шли слабо. Русскій же языкъ почти не преподавался, и имѣлъ мѣсто въ программѣ и свои часы для отвода глазъ, для *decorum*. Географія объяснялась при исторіи. Географія Польши объяснялась въ предѣлахъ 1792 года. Въ высшихъ классахъ засѣдали ученики съ разсѣченными ладонями, такъ что собственно ладони не имѣлось, а только до самой голени ручной длиннѣйшіе пальцы, въ видѣ когтей. Эти ученики закрывали въ сраженіи голову руками, и козаки шашками разщемили имъ ладони. Такихъ учениковъ было три. Были на костыляхъ, съ перевязанными руками, съ разсѣченными лбами и съ повязкой на глазу. Ихъ наказали и возвратили въ учебныя заведенія для продолженія курса. Это были страшно озлобленные люди, готовые вспыхнуть, какъ порохъ, и занимали въ классѣ привиллегированное положеніе и въ глазахъ учителей, и въ глазахъ товарищей. Они

даже на урокахъ проводили время въ разсказахъ товарищамъ о своихъ лѣсныхъ подвигахъ. Гимназическое начальство нѣкоторымъ изъ нихъ поспѣшило ввѣрить репетиторства и надзоръ (dozorca) въ ученическихъ квартирахъ. Содержали ученическія квартиры вдовы и жены повстанцевъ, погибшихъ въ стычкахъ, бѣжавшихъ за границу или сосланныхъ въ Сибирь и каторжныя работы. При томъ тѣмъ содержательницамъ давалось преимущество, которыя во время манифестацій лично заявили свой патріотизмъ и которыя были на особенно хорошемъ счету у католическаго духовенства. Тѣми же правилами руководилось гимназическое начальство при выдачѣ свидѣтельствъ на право быть боннами и гувернантками. Лышковскій съ учителями въ высокоторжественные дни поздравляли начальника отдѣла Ганецкаго, кланялись, увѣряли въ своемъ вѣрноподданничествѣ и благонадежности заведенія, которое содержится на средства правительства. Ганецкому некогда было вникать въ состояніе гимназіи, и приходилось, хотя и съ сомнѣніемъ, полагаться на увѣренія директора. Но Жерве вѣрилъ всему, въ чемъ его увѣряли, и постоянно стремился быть патрономъ изображеннаго мною состоянія гимназіи. До моего пріѣзда онъ въ добавокъ ко всему разрѣшилъ учителямъ чтеніе публичныхъ лекцій изъ польской исторіи и литературы въ гимназическомъ залѣ.

Въ гимназіи было два или три человѣка православнаго исповѣданія. Имъ преподавалъ мѣстный протоіерей Илья Ржепецкій изъ уніатовъ, человѣкъ старый и вѣчно пьяный. Онъ съ православными на урокѣ объяснялся по польски. Этимъ языкомъ онъ лучше владѣлъ, чѣмъ русскимъ. Онъ терпѣть не могъ русскихъ. Поляки въ городѣ, учителя и ученики поляки считали его вполнѣ своимъ природнымъ полякомъ и единомышленникомъ. Ученикамъ евангелическаго исповѣданія преподавалъ мѣстный пасторъ, и въ силу состоявшагося при Велипольскомъ распоряженія преподавалъ на польскомъ языкѣ.

Въ Сувалкахъ существовалъ четырехъ-классный частный женскій пансіонъ Ж—ой. До посѣщенія его, я успѣлъ разузнать, что, въ началѣ революціи и въ теченіе ея, пансіонъ этотъ составлялъ душу всѣхъ публичныхъ манифестацій. Въ немъ пригo-

товляли корпію, знамена, конфедератки, бинты, и все это отправлялось въ лѣсъ, въ банды. Ж—ая писала и издавала книги дѣтскія и для народа. Въ послѣднихъ она старалась увѣрить польскихъ мужиковъ, что панъ и плебанъ (настоятель костела) ихъ единственные отцы и доброжелатели. Имъ однимъ мужикъ долженъ вѣрить и слѣдовать слѣпо ихъ совѣтамъ и указаніямъ. Паны и ксендзы пекутся не только о благосостояніи мужиковъ (kmiotków); но о благѣ и будущности всего отечества (Ojczyzny).

Ж—ая—дѣвица лѣтъ 35, брюнетка, съ черными усиками, низкаго роста. Пансіонерки оказались въ грязно-кроваваго цвѣта мундирахъ, имѣли пояса съ пряжками, на которыхъ изображены были якорь и сломанный крестъ. Въ ушахъ серьги изъ лавы тоже въ видѣ якорей и сломанныхъ крестовъ. У взрослыхъ дѣвицъ на пальцахъ по черному желѣзному кольцу. Происхожденіе сломаннаго креста относится къ варшавскимъ манифестаціямъ. Толпою женщинъ предводительствовалъ какой-то рослый дѣтина. Патрули не пропускали толпу, накинулись на крестоносца и будто вырвали у него изъ рукъ крестъ и сломали. Въ книгахъ и тетрадяхъ у дѣвицъ вмѣсто закладокъ употреблялись фотографическія карточки Костюшки, тонущаго генерала Понятовскаго, Пустовойтовой и множества другихъ польскихъ дѣятелей, стремившихся освободить Польшу. Были карточки и Канарскаго и девяти первыхъ убитыхъ поляковъ на улицахъ Варшавы, а также карточки, изображавшія ихъ въ гробу, торжественные ихъ похороны и т. д. На стѣнахъ пансіона висѣли карты Польши и Европы. На этихъ картахъ Польша раскидывала свои предѣлы отъ Пскова, Чернигова до Карпатовъ, и отъ Балтійскаго и Нѣмецкаго до Чернаго моря. Преподавали въ пансіонѣ Ж—ой: польскій языкъ, французскій языкъ, польскую исторію и географію, законъ Божій, немножко ариѳметики, польскую и французскую литературу; русскій языкъ не преподавался. Я предложилъ Ж—ой сдѣлать его главнымъ предметомъ преподаванія и представить мнѣ для разсмотрѣнія руководства или записки, по которымъ въ ея пансіонѣ происходило преподаваніе. Она извинилась, что этого

сдѣлать не въ состояніи, такъ какъ все преподаваніе производится изъ памяти, что некому у ней преподавать русскій языкъ; что родители этого не желаютъ, и что русскій языкъ дѣвицамъ вовсе не нуженъ. Въ заключеніе она просила позволить ей содержать пансіонъ только до Пасхи. Она возвратитъ родителямъ дѣвицъ; нѣкоторыя изъ нихъ издалека; затѣмъ закроетъ пансіонъ и уѣдетъ въ Варшаву. Ж--ая пользовалась большимъ уваженіемъ не только въ Сувалкахъ, но и у всѣхъ окрестныхъ помѣщиковъ и ксендзовъ. Епископъ графъ Лубенскій, пріѣзжая въ Сувалки, посѣщалъ Ж—ую и ея пансіонъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Открытіе въ Кіевѣ Управы благочинія и первыя проявленія ея дѣятельности (1786).

Управа благочинія учреждена была въ Кіевѣ только черезъ четыре года послѣ открытія въ немъ Намѣстничества. Открытіе присутственныхъ мѣстъ, установленныхъ „Учрежденіемъ о губерніяхъ", повсюду сопровождалось довольно торжественными церемоніями; не обошлось безъ нихъ и въ Кіевѣ, куда открытіе Намѣстничества привлекло массу новыхъ лицъ, главнымъ образомъ изъ лѣвобережныхъ малороссіянъ, пристроившихся къ государственной службѣ въ новыхъ присутственныхъ мѣстахъ частію по выборамъ, частію по назначенію.

Съ учрежденіемъ въ Кіевѣ Управы благочинія объединялась, такъ сказать, полицейская дѣятельность въ городѣ, до сихъ поръ представлявшемъ какъ бы три города съ особою полиціею въ каждомъ. Въ полицейскомъ отношеніи перестали существовать *мѣстечко* Печерское, Старо-Кіевская *крѣпость*, нижній *городъ* Подолъ: они стали *частями* одного города.

Извѣстно, что въ прошломъ столѣтіи разнаго рода *уставы* формулировали свои положенія довольно общими выраженіями и не безъ краснорѣчія. Полицейскій уставъ, которымъ должны были руководствоваться въ своей дѣятельности Управы благочинія, отличался тѣми же качествами.

Можно думать, что читавшіе въ свое время этотъ уставъ представляли себѣ въ Управѣ благочинія совсѣмъ не то, чѣмъ явилось это учрежденіе въ дѣйствительности. Немудрено, что и открытіе его обставлено было особенною торжественностію, какъ

свидѣтельствуетъ объ этомъ найденный мною нижеслѣдующій документъ:

„Обрядъ на открытіе Управы благочинія (данъ 16-го іюля 1786 г.)

1. Сего іюля 18 д. городничій кіевскій съ трубами и литаврами огласитъ во всѣхъ четырехъ частяхъ города Кіева объ открытіи Управы благочинія.

2. А 19-го числа въ 10 ч. по пол. всѣ гг. присутствующіе здѣшнихъ присутственныхъ мѣстъ, а поранѣе того г. предводитель уѣздный съ наличнымъ дворянствомъ и городской голова съ почетнѣйшимъ купечествомъ, мѣщанствомъ и цеховыми, тамъ же съ г. кіев. оберъ-комендантомъ городничій и прочіе чины, опредѣленные къ служенію Управы благочинія, должны собраться въ залъ, при городовомъ магистратѣ имѣющійся, куда и правитель намѣстничества ген. пор. и кав. прибыть имѣетъ. Но что касается до цеховыхъ, сіи, какъ и само по себѣ разумѣется, должны разставлены быть на площади въ такомъ порядкѣ, какъ они употребляются обыкновено къ бываемой на Подолѣ въ извѣстное въ году время церемоніи, т. е. чтобъ были при каждомъ цехѣ знаки, также и городскія пушки, а разставить оныхъ цеховыхъ отъ магистрата до соборной тамъ же на Подолѣ Успенской церкви, а оттоль до каморъ, гдѣ Управа засѣданіе имѣть будетъ, по обѣимъ сторонамъ улицы въ шеренгу, а если всѣ они помѣститься тамъ не могутъ, то разставить ихъ и далѣе отъ каморъ Управы по улицѣ, пушкамъ же быть на площади близъ оной церкви.

3. По прибытіи правителя въ означенное мѣсто и по объявленіи причины собранія шествуютъ въ оную соборную Успенскую церковь такимъ порядкомъ, какъ высоч. учрежденій въ 432 и Устава благочинія въ 75 статьяхъ сказано, какъ то: 1-е) намѣстническое правленіе, 2-е) казенная палата, 3) палата уголовнаго суда, 4) палата гражданскаго суда, 5) г. губернскій прокуроръ съ губернскими-жъ стряпчими, 6) совѣстный судъ. 7) уѣздный стряпчій 8) нижній земскій судъ, 9) верхняя расправа, 10) оной же расправы прокуроръ съ стряпчими, 11) городовый магистратъ, всѣ ратманы впереди, а за ними бургоми-

стры, 12) опредѣленные въ Управу къ разнымъ должностямъ чины и члены оной, т. е. впереди градскіе сержанты по два въ рядъ, за ними квартальные поручики, послѣ ихъ квартальные надзиратели, за сими частные приставы тоже по два врядъ, за послѣдними же члены Управы благочинія, какъ то впереди жъ два пристава уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ рядомъ, за ними городничій, а потомъ г. оберъ-комендантъ, 13) губернскій магистратъ, 14) оного магистрата прокуроръ съ стряпчими, 15) уѣздный казначей и землемѣръ, 16) уѣздный судъ, 17) верхній земскій судъ, 18) верх. зем. суда г. прокуроръ съ стряпчими, 19) уѣздный дворянства предводитель съ наличнымъ дворянствомъ, 20) градской голова съ купечествомъ и мѣщанствомъ.

4-е. По совершеніи Божественной литургіи будетъ чтено губернскимъ стряпчимъ объ открытіи управы благочинія всевысоч. Е. И. В. повелѣніе, потомъ принесено будетъ Подателю всѣхъ благъ за высочайшее здравіе молебствіе, а засимъ всѣ опредѣленные къ служенію управы чины приведутся къ присягѣ; по окончаніи же всего оного духовенство шествуетъ изъ церкви для освященія каморъ, гдѣ управа засѣданіе имѣть будетъ,

5-е. по прибытіи куда и по отправленіи обряда освященія, Правитель намѣстничества прикажетъ уѣздному стряпчему читать приличныя на сей случай статьи изъ Устава благочинія, а потомъ присутствующихъ Управы благочинія вводитъ въ засѣданіе и въ тожъ самое подпишутъ протоколъ объ открытіи оной Управы.

6-е. При возглашеніи многолѣтія и при совершеніи освященія при открытіи Управы изъ городскихъ пушекъ произвесть пальбу въ первой разъ, т. е. при церкви учинить тридцать одинъ, а при совершеніи въ каморахъ Управы освященія и другого обряда двадцать одинъ выстрѣлъ.

7-е. А дабы въ одно время и частные приставы вступили въ ихъ должности, то правитель намѣстничества, отрядивъ гг. совѣтниковъ по его разсмотрѣнію, повелитъ имъ сихъ приставовъ ввести въ ихъ час и, а квартальныхъ надзирателей въ кварталы, но въ сіе [illegible] одновремя откроются и словесные въ частяхъ суды.

8. При каморахъ Управы благочинія и въ частяхъ учредить караулы изъ опредѣленныхъ въ Управу воинскихъ служителей".

Открытая по приведенному обряду Управа ретиво принялась за свою дѣятельность: уже въ началѣ пятаго мѣсяца своего существованія она выпустила *болѣе трехъ тысячъ* исходящихъ бумагъ... Мнѣ встрѣтилась одна бумага отъ 2-го декабря за № 3073-мъ... Къ сожалѣнію, имѣвшіеся у меня журналы Управы благочинія относятся къ очень небольшому періоду времени, но и за это время въ дѣятельности ея можно было отмѣтить нѣсколько любопытныхъ курьезовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, какъ *широко* понимали свою задачу первые дѣятели этого учрежденія. Къ сожалѣнію, и полнаго личнаго состава его мнѣ не удалось узнать. Во главѣ его стоялъ городничій Дмитрій *Кругловъ*, затѣмъ членами были: приставъ гражданскихъ дѣлъ Степанъ *Лушаевъ*, приставъ уголовныхъ дѣлъ Прохоръ *Рудневъ* [1]), ратманы Михаилъ *Григоренко* и Павелъ *Лобко*. Должность столоначальника исполнялъ квартальный надзиратель артиллеріи подпоручикъ Василій *Андреевъ*, экспедитора—прапорщикъ Лукьянъ *Савицкій*. Приставомъ 3-й части состоялъ Степ. Петровичъ *Звѣревъ* [2]).

Встрѣчая въ практическомъ примѣненіи полицейскаго устава множества недоразумѣній, вопросовъ, Управа постоянно

---

[1]) Объ этомъ Рудневѣ встрѣтились мнѣ немногія свѣдѣнія изъ формулярнаго списка. Состоя въ военной службѣ, въ 1763 г. онъ былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры, въ 1780 г. въ чинѣ поручика опредѣленъ въ Васильковскую пограничную таможню екеромъ, въ 1784 г. смотрителемъ кіевскаго государева дворца и сада, а въ іюлѣ 1786 г.—гр. Румянцевымъ назначенъ въ Управу благочинія приставомъ уголовныхъ дѣлъ. Въ 1788 году онъ былъ назначенъ губернскимъ казначеемъ и въ этой должности въ 1792 г. произведенъ въ надворные совѣтники.

[2]) Звѣревъ началъ службу въ 1746 г. въ Петербургѣ въ качествѣ придворнаго истопника и продолжалъ эту придворную службу болѣе 20 лѣтъ, проходя должности лакея, камеръ-лакея, мунтшенка, пока, наконецъ, не былъ опредѣленъ смотрителемъ въ Торецкую таможенную заставу, откуда переходилъ въ заставы Переяславскую, Стойновскую, Германовскую, а въ 1786 г. въ чинѣ коллежскаго ассесора назначенъ былъ въ Кіевъ приставомъ 3-й части. Въ 1790 году онъ былъ назначенъ „больничнаго и оспеннаго домовъ главнымъ надзирателемъ, а затѣмъ въ томъ же году приставомъ гражданскихъ дѣлъ въ Управу благочинія.

обращалась за ихъ разрѣшеніемъ въ Намѣстническое Правленіе, а это послѣднее, будучи дѣйствительно обременено массою дѣлъ, съ неудовольствіемъ давало свои отвѣты, далеко не удовлетворявшіе ретивую Управу. Оказалось, что для исполненія прямыхъ своихъ обязанностей управа обладаетъ крайне ничтожными средствами, и всю свою энергію ей приходилось затрачивать на чисто канцелярскую работу.

Обязанная „прилагать неусыпное стараніе и попеченіе" объ исправномъ состояніи дорогъ, улицъ, мостовъ, Управа обращалась и въ Намѣстническое Правленіе и къ губернатору Ширкову съ вопросами: гдѣ же ей взять матеріаловъ и рабочихъ людей для необходимыхъ исправленій, но въ отвѣтъ получала лишъ предписаніе привести дороги въ порядокъ непремѣнно къ 1-му числу декабря". Начались пререканія Управы съ нижнимъ земскимъ судомъ [1]), который на требованіе отъ него матеріаловъ и рабочихъ отвѣчалъ, что онъ до исправленія городскихъ дорогъ не касается, да и безъ приказа казенной палаты, въ вѣдомство которой поступили люди, до сихъ поръ исправлявшіе дороги, ничего сдѣлать не можетъ. Только лишь ожидаемый пріѣздъ Государыни Императрицы сократилъ дальнѣйшія пререканія, и Намѣстническое Правленіе строжайше предписало земскому суду, чтобы онъ по сдѣланному совмѣстно съ уѣзднымъ предводителемъ дворянства росписанію высылалъ и лѣсной матеріалъ, и рабочихъ людей, какъ помѣщичьихъ, такъ и бывшихъ монастырскихъ для исправленія дорогъ, „по требованію Управы благочинія".

За какую бы сторону своей дѣятельности ни взялась Управа, вездѣ требовалось сношеніе съ другими учрежденіями, а сношенія эти въ большинствѣ случаевъ могли производиться только при посредствѣ и съ разрѣшенія Намѣстническаго Правленія, которому, такимъ образомъ, Управа доставляла массу хлопотъ, усложняя канцелярскую переписку. Какъ видно,

---

[1]) Пререканія между этими двумя учрежденіями представляли, надо думать, явленіе хроническое, такъ какъ дѣятельность ихъ была однородна. Любопытное столкновеніе ихъ представлено въ VIII л. 1-го выпуска моихъ „Ист. мат. изъ архива Кіев. Губ. Пр." о скотскомъ падежѣ въ Кіевѣ и его окрестностяхъ въ 1890 году.

само Намѣстническое Правленіе нерѣдко затруднялось разрѣшить по существу возбуждаемый Управою вопросъ, а потому давало отвѣты уклончивые, изъ которыхъ можно лишь видѣть недовольство самымъ возбужденіемъ вопросовъ. Такъ, въ Августѣ мѣсяцѣ Управа просила дать ей разъясненіе по весьма существенному вопросу о взысканіи пеней, денежныхъ штрафовъ за нарушеніе требованій полиціи; но Намѣстническое Правленіе ограничилось замѣчаніемъ, что де изъ доношенія Управы не видно, обращалась ли она по этому вопросу къ стряпчему, заключеніе котораго требуется „въ случаѣ сомнѣнія". А между тѣмъ дѣло шло не о какихъ либо отдѣльныхъ случаяхъ, требовалось установить руководящія начала, которыхъ въ уставѣ не находили ни члены Управы, ни стряпчій?

Поручила было Управа частнымъ приставамъ „измѣрить чрезъ квартальныхъ надзирателей квадратныя сажени каждаго строенія, дома, двора, сада и пустого мѣста для внесенія въ маклерскія книги"; но пристава донесли, что де квартальные надзиратели, „не знавъ геометрической науки, имѣютъ въ томъ затрудненіе". Управа проситъ, чтобы Намѣстническое Правленіе предписало уѣздному землемѣру „учинить по своей наукѣ обмѣръ". Предписывать было легко, но приводитъ въ исполненіе многія предписанія было невозможно за неимѣніемъ необходимыхъ къ тому средствъ.

Нельзя не удивляться тому разнообразію вопросовъ, какое встрѣчается въ перепискѣ Управы: очевидно, что она сама не знала предѣловъ своего вѣдомства, и потому первые шаги ея дѣятельности не могли обойтись безъ курьезовъ.

Слѣдя за строгимъ исполненіемъ „Высочайшаго о городахъ положенія", установившаго, между прочимъ, для каждаго „званія" людей и особую упряжку лошадей при ѣздѣ по городу, Управа особыми объявленіями подтвердила кіевлянамъ, чтобы „купцы и мѣщане по городу въ колыскахъ и парами не ѣздили". Между тѣмъ уѣздный стряпчій Бѣлякъ въ присутствіи Управы 26-го августа заявилъ, что де купцы 3-й гильдіи и мѣщане, не смотря на запрещеніе, ѣздятъ по городу парою.

Донося объ этомъ заявленіи стряпчаго, Управа писала, что де стряпчій „главную по сей матеріи цѣль ведетъ на находящихся изъ купцовъ и мѣщанъ засѣдателями въ Совѣстномъ Судѣ и Губернскомъ Магистратѣ, равно на городовыхъ бургомистровъ, ратмановъ и словесныхъ судей“, но всѣ эти лица, какъ считающіяся въ классныхъ должностяхъ, по мнѣнію Управы, „въ разсужденіи употребленія экипажей, покуль въ должности пребываютъ, должны пользоваться преимуществомъ, присвоеннымъ оберъ-офицерамъ“.

Намѣстническое Правленіе согласилось съ мнѣніемъ Управы, подтвердивъ ей о строгомъ наблюденіи за тѣмъ, чтобы всѣ другіе купцы и мѣщане, не состоящіе въ должностяхъ, наблюдали въ точности городовое положеніе „въ разсужденіи экипажей“.

Курьезнѣе всего въ первоначальныхъ дѣйствіяхъ Управы оказался слѣдующій фактъ, указывающій на то, какъ „распространительно“ она понимала свои обязанности и какъ искренно вѣрила въ возможность своими канцелярскими мѣропріятіями повсюду установлять благочиніе.

Руководствуясь ст. 59 и 196—198 полицейскаго устава, Управа учинила опредѣленіе, „дабы всякъ, будучи въ церкви Божіей, стоялъ съ благоговѣніемъ, не чиня противнаго предписаннымъ въ Уставѣ правиламъ“, и распубликовала это объявленіе во всѣхъ частяхъ города, а затѣмъ препроводила такое же объявленіе и митрополиту Самуилу съ требованіемъ, чтобы „оную копію въ церквахъ и монастыряхъ, въ городѣ и предмѣстіяхъ состоящихъ, въ воскресные и праздничные дни по нѣскольку разъ прочитать со внушеніемъ, дабы всякъ, вѣдая о семъ, стоялъ въ церкви Божіей со благоговѣніемъ“.

Духовная Дикастерія, увѣдомляя Намѣстническое правленіе о такомъ вторженіи Управы въ неподлежащую ей область, писала, что де „къ прочтенію присланнаго отъ оной Управы объявленія въ церквахъ приходскихъ и монастыряхъ безъ вѣдома и особливаго указа изъ Св. Синода приступить не можно, о чемъ Св. Синоду и представлено на благоразсмотрѣніе“.

При этомъ Дикастерія, находя, что Управа не имѣла права обращаться непосредственно къ высшему духовному начальству,

просила предписать ей, чтобы впредь она въ случаѣ надобности представляла бы о томъ Намѣстническому правленію.

Намѣстническое правленіе, „не инако какъ съ удивленіемъ" усмотрѣвъ въ поступкѣ Управы прямое нарушеніе 52-й статьи устава, указывающей порядокъ обнародованія всякаго рода объявленій, опредѣлило: „сверхъ прежнихъ о томъ сего правленія предписаній, и еще во оную Управу благочинія послать указъ, чтобы она изъ предѣловъ своей должности отнюдь не выходила и тѣмъ бы не наносила излишнихъ переписокъ и затрудненій, а исполняла бы оную по словамъ статей, въ уставѣ благочинія напечатанныхъ".

Но Управа не успокоилась на этомъ и, очевидно, не соглашаясь съ мнѣніемъ Намѣстническаго правленія, что обращеніе ея къ митрополиту было „учинено неподлежаще", писала въ репортѣ своемъ отъ 7-го октября такъ: „по долгу, на Управѣ благочинія лежащему, въ силу того жъ устава 57-й статьи, *которою препоручено ей охранять миръ и тишину православныя святыя церкви*, считая она за пристойность, такъ какъ о предметѣ, касательномъ до св. церкви, обнародовать то объявленіе и во всѣхъ церквахъ, рѣшилась просить его преосвященство письменно о прочитаніи въ приходскихъ и монастырскихъ церквахъ посланнаго къ нему по сему обстоятельству въ копіи объявленія для лучшаго внушенія народу, дабы всякъ въ церкви Божіей почтителенъ былъ,—не воображая, чтобъ его преосвященство могъ покорнѣйшимъ ея прошеніемъ оскорбиться и чтобъ изъ сего вышли слѣдствія противныя намѣренію". И все таки, находя желательнымъ исполненіе такого своего намѣренія, Управа проситъ: „не соизволитъ ли Намѣстническое правленіе о приведеніи того въ исполненіе Духовной Дикастеріи сообщить". Въ отвѣтъ на это былъ посланъ Управѣ новый указъ, въ которомъ сказано, что де, распубликовавши свое объявленіе узаконеннымъ порядкомъ, Управѣ „остается только смотрѣть чрезъ подчиненныхъ ея, чтобъ никто въ церквахъ не поступалъ въ противность запрещенію; а чтобъ публикаціи читать въ оныхъ, того правленіе не почитаетъ нужнымъ".

А. А.

Остатки древняго Лукомльскаго городища въ м. Лукомьѣ, Лубенскаго уѣзда, Полтавской губ.

Область рѣки Сулы или, лучше сказать, правый нагорный берегъ этой рѣки, въ древнее, отдаленное отъ насъ вѣками время игралъ роль стратегической боевой линіи, защищавшей съ востока плодородныя и населенныя мѣстности Переяславльскаго княжества. Не смотря на то, что у насъ есть прямыя, правда немногочисленныя, указанія, удержанныя лѣтописью, что русское населеніе Переяславльскаго княжества существовало спорадическими группами далеко на востокъ отъ р. Сулы,—по рр. Хоролу, Ворсклѣ и другимъ, но сплошное, постоянное, коренное русское населеніе могло прочно утвердиться только къ западу отъ р. Сулы, да и то не вездѣ густо, какъ въ другихъ мѣстахъ. Не всегда спокойно жило это населеніе, такъ какъ многочисленныя азіатскія кочевыя племена опустошительными потоками врывались въ предѣлы южно-русскихъ земель и не давали тамъ возможности русскому населенію прочно осѣсться и завести здѣсь правильное хозяйство. Жители Посулія были въ вѣчномъ ожиданіи набѣговъ какихъ либо кочевыхъ народовъ съ востока, въ вѣчномъ страхѣ подвергнуться опустошительному грабежу, пожарамъ, неволѣ. Надо было постоянно заботиться о томъ, чтобы какъ можно лучше, какъ можно сильнѣе укрѣпить посульскую боевую линію, которая своими болотами, своею рѣкою, наконецъ, своими лѣсами въ бассейнѣ р. Сулы, была и безъ того уже весьма значительной преградой стремительнымъ, быстрымъ набѣгамъ степняковъ. Но предпріимчивые, хищные кочевники, благодаря часто совершаемымъ набѣгамъ на землю

Переяславльскаго княжества, знакомились все болѣе и болѣе съ мѣстностью многострадальной юго-восточной окраины Руси и, узнавъ слабые пункты ея, врывались опустошительнымъ потокомъ въ Переяславльскія земли, предавая страшному грабежу и опустошенію все попадавшееся имъ на пути [1]). Въ 1185 г. половцы взяли всѣ города по р. Сулѣ: „Половци по Рси и по Сули грады подѣлиша“ [2]). Переданное лѣтописью событіе не было, конечно, единичнымъ фактомъ. Безъ сомнѣнія набѣги были весьма частымъ, заурряднымъ явленіемъ въ то время.

Не всегда являлась возможность удержать натискъ враговъ, которые часто прорывались черезъ защищаемую границу и шли дальше, въ глубь страны. Съ теченіемъ времени, для задержанія прорывавшихся черезъ боевую линію враговъ, необходимо было устроить другую оборонительную линію, и, дѣйствительно, мы видимъ, что въ предѣлахъ Переяславльскаго княжества, къ западу отъ р. Сулы, по теченію р. Супоя, является рядъ укрѣпленныхъ пунктовъ, способныхъ, хотя на время, задержать потокъ враговъ: это вторая боевая линія. Понятное дѣло, что второй рядъ укрѣпленій былъ значительно слабѣе перваго и не могъ служить такой прочной защитой, какъ посульская линія. Первая стратегическая линія, расположенная по правому берегу р. Сулы, дѣйствительно, по своему естественному положенію, была какъ нельзя лучше, годна для оборонительной цѣли: почти весь правый берегъ р. Сулы, начиная отъ верховья этой рѣки и кончая ея устьемъ, впадающимъ въ

---

[1]) „Томъ же лѣтѣ (1107) приде Бонякъ и Шарукань старый и ини князи мнози, и сташа около Лубьна. Святополкъ же, и Володимеръ, и Олегъ, Святославъ, Мстиславъ, Вячеславъ, Ярополкъ идоша на Половци къ Лубну и въ 6 часъ дне бродишася черезь Сулу и кликнуша на нихъ. Половци же ужасошася, отъ страха не възмогоша ни стяга поставити, но побѣгоша хватающи кони; а друзии пѣши побѣгоша, наши же почаша, женущи я, а другыѣ руками имати, и гнаша поли до Хорола. Убиша же Тааза, Бонякова брата, а Сугра яша и брата его, а Шаруканъ едва утече; отбѣгоша же товара своего, еже взяша Русскии вои, мѣсяца августа въ 12, и възвратишася всвояси съ побѣдою великою“. *Сводная Лѣтопись*, выпускъ I, стр 212. *Ипат. лѣт.*, стр. 114, 115, 118, 122, 143, 150, 157, 160, 161, 188, 408, 437. *Никонов. лѣт.*, стр. 74, 80, *Воскрес. лѣт.*, ч. I, стр. 99.

[2]) Аристовъ, стр. 1267.

Днѣпръ, поднимается на значительную высоту (отъ 30 до 40 саж.), сравнительно съ лѣвымъ берегомъ. Въ иныхъ мѣстахъ онъ круто обрывается къ берегу р. Сулы, образуя изъ себя естественные, весьма пригодные пункты для укрѣпленій. Кромѣ того, на этомъ возвышенномъ берегу и по склонамъ его еще и до настоящаго времени уцѣлѣли значительные лѣса, бывшіе въ сравнительно недавнее время густыми и обширными, что служило немаловажнымъ препятствіемъ для кочевниковъ, избѣгавшихъ лѣсовъ, боявшихся ихъ, т. к. изъ лѣсу можно удобно и неожиданно сдѣлать нападеніе. На этихъ то возвышенныхъ берегахъ р. Сулы и расположенъ рядъ укрѣпленій, извѣстныхъ уже намъ со временъ глубокой древности; таковы: Ромны, Снятинъ (Кснятинъ), Лубны (Лубьно), Лукомье (Лукомль), Горошинъ, Буромка (Буромль), Жовнинъ (Желни) и проч. Всѣ они встрѣчаются въ XI и XII стл. [1]), но нѣтъ никакого сомнѣнія, что время ихъ возникновенія относится къ болѣе раннему, періоду; можно думать, что они возникли, какъ постоянные укрѣпленные пункты, еще со временъ Владиміра св., который, какъ извѣстно, ставъ единодержавнымъ княземъ Руси, позаботился прежде всего о построеніи городовъ, то есть, укрѣпленій, по теченію рѣкъ, чтобы обезопасить свой край отъ набѣговъ враговъ [2]). Всѣ эти городки или укрѣпленные пункты, по характеру выбираемой для укрѣпленій мѣстности, замѣчательно схожи между собою. Обыкновенно они помѣщаются на возвышенныхъ пунк-

---

[1]) Такъ, въ 1179 году страшный Кончакъ опустошалъ окрестности г. Переяславля. Въ это время возлѣ Триполья стоялъ князь Святославъ Всеволодовичъ. Узнавъ о нападеніи половцевъ и о томъ, что послѣдніе грабятъ уже вокругъ Переяславля, Святославъ быстро двинулся за Сулу и расположился *напротивъ Лукомльскаго городища*. Узнавъ объ этомъ. Половцы поспѣшно бѣжали. *Ипат. Лѣт.*, стр. 379, 387, 414 и 415. Ясно отсюда, что близъ Лукомья находилась обычная дорога половцевъ при нападеніи на Русь и при отступленіи изъ ея предѣловъ.

[2]) „Въ 988 г. приходиша множество Печенѣгъ и много зла сотвориша христіанамъ; Володимеръ же со множествомъ вой изыде противу ихъ, и многихъ изби, и мало отъ нихъ избѣжаша. И рече Володимеръ: „се не добро, еже мало городовъ около Киева“ и нача ставити городы по Деснѣ, и по Востри и по Грубежеви, и по Сулѣ, и по Стугнѣ и нача нарубати мужѣ лучшиѣ отъ Словень, и отъ Кривичь, и отъ Чюди, и отъ Вятичъ отъ сихъ насели грады: бѣ бо рать отъ Печенѣгъ, и бѣ воюяся съ ними и одоляя ихъ (Своднъ. Лѣт., вып. I, стр. 89).

тахъ, часто на выступахъ, мысахъ, такъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, двѣ или три стороны крѣпости представляли собою крутые спуски, считавшіеся тѣмъ болѣе удобными, чѣмъ они были отвѣснѣе, круче и выше. Такой именно характеръ болѣе всего соотвѣтствовалъ системѣ древнихъ укрѣпленій: при незнакомствѣ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, взять такой укрѣпленный городокъ дѣйствительно было очень трудно, даже не смотря на малочисленность содержащагося въ крѣпости гарнизона. Единственный слабый пунктъ такого укрѣпленія—былъ входъ съ суши со стороны равнины; этотъ входъ обыкновенно защищался или двойнымъ рядомъ укрѣпленій, или же, охранялся болѣе обширной крѣпостью, только послѣ захвата которой можно было и думать о взятіи главнаго упрѣпленія, такъ сказать, кремля крѣпости. Соловьевъ въ 3 т. Исторіи Россіи о внѣшнемъ видѣ русскихъ городовъ говоритъ слѣдующее: что касается до внѣшняго вида Русскаго города, въ описываемое время, то онъ обыкновенно состоялъ изъ нѣсколькихъ частей: первую главную существенную часть составлялъ собственно городъ, огороженное стѣнами пространство; впослѣдствіи времени около города образуются новыя поселенія, которыя также обводятся стѣнами,—отсюда городъ получаетъ двойныя укрѣпленія: городъ внутренній (днѣшній) и городъ наружный (окольный, кромный); внутренній городъ носилъ также названіе дѣтинца, внѣшній—острога; поселенія, расположенныя около главнаго города, или дѣтинца, назывались предгородіемъ (Соловьевъ, т. 3 ст, 33). (Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, стр. 86; II, стр. 70). Таковъ характеръ почти всѣхъ извѣстныхъ изъ исторіи древнихъ укрѣпленій, расположенныхъ на правомъ возвышенномъ берегу р. Сулы; таковы остатки древнихъ укрѣпленій г. Роменъ, Лубенъ, Лукомья и проч.

Находясь лѣтомъ 1892 г. вблизи м. Лукомья, упоминаемаго, какъ извѣстно, лѣтописью въ XII ст., я рѣшилъ побывать въ немъ и осмотрѣть уцѣлѣвшія тамъ достопримѣчательности. Нечего и говорить о важности этого пункта въ стратегическомъ отношеніи; это удобство положенія бросается само собою въ глаза при бѣгломъ взглядѣ на карту. Лукомльское укрѣпленіе или городокъ расположено почти на одинако-

вомъ разстояніи отъ устьевъ двухъ рѣчекъ, впадающихъ въ р. Сулу,—Слѣпорода и Оржицы. Такое положеніе городка было чрезвычайно удобно, т. к. оно давало возможность населенію, въ случаѣ опасности, бѣжать подъ защиту городка и тамъ спасаться отъ враговъ, которые обыкновенно любили двигаться между двухъ населенныхъ линій, тянущихся по рѣкамъ, гдѣ можно было набрать вдоволь и людей, и всякой другой добычи. Лукомльское городище служило немалымъ тормазомъ для враговъ: изъ этого пункта, или опираясь на него, можно было высылать вглубь степей, наперерѣзъ врагамъ, вооруженные отряды, или же—посылать погоню, если степняки прорывались гдѣ либо черезъ Сулу и опустошали правую сторону этой рѣки. Чтобы унять враговъ или же помѣшать имъ дальше грабить край, русскіе высылаютъ далеко впередъ въ степи, свои войска, и варвары бѣгутъ, оставляя даже награбленную добычу [1]). Такое удобное положеніе и обиліе естественныхъ условій защиты городка сдѣлало то, что на это мѣсто обращено было особенное вниманіе какъ со стороны князей, позаботившихся обставить его, какъ нельзя лучше, такъ и со стороны враговъ, старавшихся „снести Сулу“, серьезно мѣшавшую степнякамъ въ ихъ набѣгахъ на южную Русь. Плоды усилій, какъ тѣхъ, такъ и другихъ, видны и понынѣ и даютъ возможность прослѣдить ихъ весьма ясно. Съ одной стороны, значительность укрѣпленій и ихъ замѣчательная прочность указываютъ на усилія защитниковъ Руси отстоять этотъ пунктъ за собою; обширность же ихъ и особенное устройство говорятъ о частыхъ нападеніяхъ враговъ и о характерѣ защиты отъ нихъ населенія. Съ запада Лукомльское укрѣпленіе примыкаетъ къ степи, открытой со всѣхъ сторонъ и изрѣдка перерѣзываемой степными балками. Одна изъ такихъ балокъ, довольно глубокихъ и значительныхъ по своему объему, пролегаетъ къ западу отъ Лукомля и, вѣроятно, въ древности служила немалой защитой отъ враговъ. Кромѣ того, подъѣзжая къ Лукомью, невольно приходится обратить вниманіе на рядъ кургановъ, довольно высокихъ и рас-

---

[1]) Ипат. Лѣтоп. стр. 379—415.

положенныхъ на недалекомъ разстояніи другъ возлѣ друга, и на значительный по длинѣ валъ и ровъ. Курганы эти, начинаясь отъ крутого берега р. Сулы, возлѣ самаго Лукомля, тянутся цѣпью въ степь, теряясь въ отдаленіи. На сколько можно было прослѣдить, они имѣютъ направленіе къ населеннымъ мѣстностямъ по р. Слѣпороду, и, вѣроятно, служили маяками, съ которыхъ давали знать окрестнымъ жителямъ о набѣгахъ непріятелей. По своей формѣ, курганы эти отличаются отъ обыкновенныхъ, встрѣчающихся въ степи кургановъ, тѣмъ, что внутри каждаго изъ нихъ находится выемка, котловина; они, однако, вовсе не походятъ на, такъ называемые, курганы-майданы, характерные своими крыльями, своимъ углубленіемъ, лежащимъ значительно ниже уровня окружающей поверхности и, наконецъ, своимъ объемомъ, далеко превосходящимъ выше названные курганы. Подобный по своему характеру рядъ укрѣпленій тянется и вдоль берега, идущаго на югъ отъ Лукомья, по направленію къ сс. Онушкамъ и Оржицѣ. Я поинтересовался разспросить старожиловъ объ этихъ курганахъ. Старый, сѣдовласый дѣдъ, на котораго указали мнѣ, какъ на знатока старины, разсказалъ намъ слѣдующее: „Про ти могылы, що у поли стоять, и одна з ныхъ Кайдашева звецця, батько и маты багато розсказувалы, а я самъ не знаю, не бачывъ. Казалы, що колысь на тихъ могилахъ, на кожній, козакъ ходывъ, биля бочки съ дегтемъ, и якъ тилько бачывъ, що ворогъ пидступа, то заразъ дававъ знать людямъ, запалювавъ бочку, а люде тикалы, хто якъ могъ; бросалы такъ у поли и печене, и варене, и ховалысь у городокъ".

Что касается вала и рва, находящагося за версту отъ Лукомья, то они тянутся отъ обрыва берега р. Сулы до самаго провалья, огибающаго Лукомль съ юго-восточной стороны. Довольно характерна постройка самаго вала: по мѣрѣ приближенія къ провалью, онъ становится все выше и выше, но поддерживается весьма плохо и потому во многихъ мѣстахъ валъ осыпался, осѣлъ [1]). Я поинтересовался узнать отъ крестьянъ, ка-

[1]) По своему виду и характеру валъ этотъ нѣсколько походитъ (хоть значительно ниже и уже) на валъ, находящійся возлѣ г. Переяславля, гдѣ онъ тя-

кое назначеніе имѣлъ этотъ валъ и давно-ли онъ насыпанъ? „Не знаю, правду сказать,—отвѣтилъ мнѣ дѣдъ,—колы винъ построенъ: кажуть люды, що дуже давно зробленъ: и наши батьки не знають, колы его насыпалы. Литъ съ пьятьдесятъ тому назадъ я помню, що заставлялы починять цей валъ и ривъ, и винъ, сдается, лучшымъ бувъ, нижъ теперь, а теперь уже обсыпается дуже, а все скотына не пійде черезъ те у поле: пастыметься на толоци“. Такимъ образомъ старый валъ, нѣсколько поновленный, служитъ теперь оградой лукомльской толокѣ. Вѣроятно, въ древности онъ имѣлъ оборонительное значеніе.

Когда мы миновали валъ, передъ нами открылась широкая площадь, на концѣ которой виднѣлись постройки мѣстечка и среди нихъ—деревенская церковь. Остатки вала, весьма значительнаго еще и теперь, оцѣпляютъ мѣстечко съ правой и лѣвой стороны отъ дороги, охватывая его, какъ бы крыльями. Изъ-за вала выглядываютъ сельскія постройки, вплотную придвинувшіяся къ валу. Юго-восточная часть вала, сохранившаяся еще довольно хорошо, проходитъ надъ самымъ провальемъ, которое полагаетъ собою какъ бы границу городка. Площадь передъ валомъ весьма интересна въ томъ отношеніи, что представляетъ собою особенности, какія трудно встрѣтить гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Дѣло въ томъ, что на значительномъ пространствѣ отъ вала вся площадь, по правую и по лѣвую сторону отъ дороги, ведущей въ Лукомье, усѣяна рядомъ невысокихъ холмиковъ, курганчиковъ, среди которыхъ только изрѣдка попадаются курганы, высотою сажня въ полтора или же два; большинство же ихъ значительно ниже. Многочисленный лабиринтъ этихъ курганчиковъ отдѣлялся отъ склона долины, ведущей къ провалью, валомъ и рвомъ, которые отъ давности времени сохранили только тѣнь своего прежняго величія: ровъ засыпался, а валъ осунулся, и теперь онъ высотою только нѣсколько аршинъ въ иныхъ мѣстахъ, въ другихъ же—едва замѣтенъ.

нется на нѣсколько верстъ, и болѣе—на валъ, протянувшійся къ югу отъ г. Лубенъ, отъ обрыва р. Сулы—до лѣсного провалья.

Случайно встрѣтившійся здѣсь крестьянинъ, на вопросъ, что такое представляютъ собою эти курганчики, объяснилъ намъ, что „старые люди разсказываютъ, будто тутъ когда-то была старая крѣпость: воевали когда-то—оттого и курганы остались". Страннымъ показалось мнѣ такое объясненіе, но оно было все таки интересно въ томъ отношеніи, что построеніе этихъ курганчиковъ относилось къ военному дѣлу.
Я долго думалъ надъ тѣмъ, какое назначеніе могли имѣть эти курганчики, спрашивалъ, не было ли здѣсь когда либо обширныхъ селитряныхъ заводовъ, но получалъ на это всегда отрицательные отвѣты. Селитряные майданы дѣйствительно были въ Лукомьѣ, и старожилы указали мнѣ и самыя насыпи (бурты) ихъ, изъ обзора которыхъ я убѣдился, что селитр. бурты имѣютъ совершенно отличный характеръ отъ вышеназванныхъ курганчиковъ. Мнѣ кажется, не знаю только, насколько это вѣрно, что лабиринтъ этихъ холмиковъ игралъ роль передовой защиты укрѣпленій: очутившись среди нихъ, врагъ не могъ дѣйствовать единодушно и плотной массой, да еще при томъ и конной, которой всегда отличались кочевники, а между тѣмъ защитники имѣли полную возможность, маскируя холмиками свои силы, внезапно нападать на осаждающихъ и незамѣтно скрыться подъ защитой этихъ возвышеній. Впрочемъ, я не настаиваю на безусловной вѣрности моей догадки: быть можетъ, кто либо болѣе свѣдущій въ этомъ дѣлѣ и болѣе знакомый съ мѣстной стариной дастъ болѣе удовлетворительное рѣшеніе этого вопроса. Что касается стариковъ, на которыхъ мнѣ указывали, какъ на знатоковъ прежней жизни, то всѣ они повторяли одно: что они не знаютъ, что такое тамъ было, какое назначеніе имѣли эти холмы; одно развѣ слыхали они, что тамъ „когда то была война",—и только.

Выходящій къ площади поля валъ сохранилъ также и слѣды рва, нѣкогда окружавшаго крѣпость. Юго-западная часть укрѣпленій тянется на краю провалья, куда уже сползла нѣкоторая часть стараго вала. Протянувшись около 100 саженъ въ юго-з. направленіи, валъ круто поворачиваетъ къ сѣверо-востоку и доходитъ до начала глубокой долины, постепенно

переходящей въ страшную пропасть, обрывъ, провалье, ограждавшее самую главную, старинную лукомльскую крѣпость съ ю.-востока. Лукомльскій кремль, самая главная или же самая крѣпкая часть городка, занимаетъ треугольный выступъ крутого, возвышеннаго берега р. Сулы.

Еще и до сихъ поръ сохранились весьма ясно слѣды этого укрѣпленія. Проѣхавъ по прямой дорогѣ, перерѣзывающей внѣшнюю, первую крѣпость пополамъ, передъ вами открывается довольно значительной высоты валъ, прорѣзанный посрединѣ дорогой, которая какъ бы пробивается черезъ валъ, какъ черезъ крѣпостныя ворота. По всей вѣроятности, здѣсь и были крѣпостныя ворота. Вправо и влѣво отъ воротъ идетъ валъ, замыкающій, какъ кольцомъ, находящееся между его стѣнками, пространство. Старая крѣпость не велика: она состоитъ какъ бы изъ двухъ круглыхъ окруженныхъ валомъ укрѣпленій, тѣсно примыкающихъ одно къ другому, съ едва замѣтнымъ углубленіемъ на границѣ соприкосновенія этихъ двухъ круговъ. Каждое изъ укрѣпленій имѣетъ въ діаметрѣ не болѣе 150—200 шаговъ. Оба укрѣпленія одной стороной, именно восточной, примыкаютъ къ крутому, почти отвѣсно идущему правому берегу рѣки Сулы. Страшная крутизна и высота этого мѣста производитъ сильное впечатлѣніе. Трудно выбрать болѣе удобное мѣсто для защиты отъ враговъ: съ этой стороны крѣпость положительно неприступна. Протянувшись въ юго-восточномъ направленіи, крѣпость съ юга защищена глубокой долиной, на склонѣ которой видны, однако, слѣды какъ бы вала и рва, опоясывающихъ главное укрѣпленіе посрединѣ горы. Этотъ нижній поясъ вала былъ весьма необходимъ, потому что треугольный шпиль, на которомъ расположена крѣпость, спускается къ юго-востоку пологой, постепенно понижающейся террассой, откуда можно было сравнительно болѣе удобно подойти къ крѣпости. Для защиты крѣпости съ этой стороны, полагаю, былъ и устроенъ вышеназванный ровъ и валъ. Съ сѣверной стороны старая крѣпость отдѣлялась отъ материка ущельемъ, по которому теперь пролегаетъ дорога, ведущая къ рѣкѣ Сулѣ. Въ серединѣ крѣпости, на краю об-

рыва стоитъ старая деревянная церковь, построенная въ старинномъ стилѣ малорусскихъ церквей. Вѣроятно, церковь эта стоитъ на томъ мѣстѣ, которое обыкновенно занималось крѣпостною церковью. Внутренность крѣпости составляетъ теперь участки частныхъ владѣльцевъ, которые вырыли по вѣнцу вала ровъ, служащій границей ихъ владѣній [1]).

На сколько можно судить изъ разлома вала и изъ выкопаннаго въ немъ рва, стѣны крѣпости были въ немъ насыпныя, состоящія изъ нѣсколькихъ слоевъ различной по своему составу земли, въ которой зачастую попадаются черепки битой посуды, камни, кости въ весьма значительномъ количествѣ уголь и, наконецъ, изрѣдка—обломки кафель съ особеннаго рода орнаментомъ. Сходный по своему рисунку орнаментъ кафель встрѣчается и на Лубенскомъ Валу (прежде старая крѣпость). Образцы такого рода кафель находятся въ Кругликскомъ музеѣ г. Скаржинской.

Особенно грозный видъ представляетъ Лукомльское городище, если смотрѣть на него со стороны р. Сулы. Не малыхъ усилій стоило кочевникамъ не только взять это укрѣпленіе, но даже—прорваться мимо него. Понятна отсюда та упорная, ожесточенная, настойчивая борьба, съ какою степные варвары стараются взять и „снести“, по выраженію лѣтописи, Сулу, т. е. посульныя укрѣпленныя позиціи. Осмотрѣвъ городокъ, мы въѣхали на площадь за валами, гдѣ стоятъ Лукомльскія мельницы. На ветхихъ ступенькахъ одной изъ нихъ сидѣлъ старый дѣдъ. „Не знаете ли, дѣдушка,—обратился я къ нему,—чего-нибудь вонъ про тѣ валы, что лежатъ предъ нами? Когда они насыпаны?“—„И давно, дуже давно,—отвѣтилъ дѣдъ: и батьки наши не помнятъ, колы воны насыпаны. Кажуть стари люды, що це колысь крипость була тамъ, де ото церква стоить: ото и валъ остався отъ тіеи крипости; за ци валы я не знаю, а сама главна крипость буля биля церкви. Тамъ колысь городокъ бувъ, и въ тимъ городци жывъ турецькій (sic) королекъ,

[1]) Внутри старой крѣпости уже выстроено нѣсколько домовъ и сельская школа; большая же часть пространства внутрен. крѣпости занята грунтами и огородами частныхъ владѣльцевъ.

по прозванію Ляхъ. Тамъ винъ на гори и жывъ, а нашы тамъ жылы (старикъ указалъ рукой на низъ, по направленію къ рѣкѣ). То, було якъ наши выидуть у поле, то изъ крипости выбигаютъ туркы (sic) и ловлять, хапаютъ нашихъ. А воду въ крипость бралы на гору фонталомъ (?!)...

Преданіе, извращенное и затемненное, прошедшее черезъ рядъ слоевъ народной жизни, видоизмѣнялось и затемнялось послѣдующими событіями, но самая основа преданія осталась одна и та же, хотя и въ нѣсколько извращенномъ видѣ. Польская эпоха жизни заслонила и затемнила собой болѣе раннюю легенду, или же сказаніе, когда кочевники дѣйствительно ловили и уводили въ плѣнъ, въ неволю массу русскаго народа. Но прошли тѣ времена, прошли безвозвратно; широкой волной разлился русскій народъ далеко въ степи, въ тѣ степи, которыми нѣкогда владѣли хищныя орды степняковъ, тѣ степи, откуда безпокойное море кочевыхъ народовъ, вѣчно волновавшееся и приливавшее, грознымъ ураганомъ проносилось по русской землѣ. Одни только сильныя укрѣпленія выдерживали на себѣ натискъ такой бури, но и они часто падали подъ ударами разъяренныхъ кочевниковъ. Я невольно съ благоговѣніемъ остановился передъ этими благородными развалинами, свидѣтелями многихъ вѣковъ южно-русской исторической жизни. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ и отъ древней крѣпости и слѣдовъ не останется, какъ не остается ихъ и отъ кургановъ, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе разрываемыхъ плугомъ. Понятно, всесокрушающая рука времени, съ одной стороны, а еще болѣе невѣжество и корысть, съ другой, не щадятъ этихъ драгоцѣнныхъ памятниковъ нашей сѣдой старины. Еще до недавняго времени можно было во многихъ мѣстахъ весьма отчетливо и ясно видѣть всю систему древнихъ укрѣпленій, хотя и пострадавшихъ отъ времени, но еще не тронутыхъ рукой человѣка. Теперь уже не то: древніе валы и городки заселяются, распланировываются на участки, идутъ подъ дворища, и съ теченіемъ времени совершенно почти уничтожаются, такъ что не далеко то время, когда будущій историкъ, пытаясь увидѣть этихъ нѣмыхъ свидѣтелей нашей сѣдой старины, не найдетъ даже и слѣда

ихъ. Грустно стало мнѣ, что такъ исчезаютъ безслѣдно послѣдніе остатки нашихъ историческихъ памятниковъ. Но они еще не исчезли вполнѣ; они еще могутъ дать намъ яркую, интересную картину далекаго прошлаго. Надо только позаботиться, чтобы по уцѣлѣвшимъ остаткамъ возстановить хотя бы тѣнь прошлаго, скрывающагося отъ насъ въ туманной дали прошедшихъ вѣковъ.

Василій Ляскоронскій.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ исторіи Кіевской Академіи: *Кононъ Зотовъ въ Кіевской Академіи.* Къ Гетману. Въ нынѣшнемъ 1700 году августа 17 дня билъ челомъ намъ великому Государю нашему царскому величеству думной нашъ дьякъ Никита Мойсѣевичъ Зотовъ, что мы великій государь наше царское величество пожаловали ево думного нашего дьяка Никиту Мойсѣевича, повелѣли для наукъ свободныхъ отпустить въ Кіевъ въ академію сына ево столника нашего Конона Зотова. И мы великій государь наше царское величество пожаловали думного нашего дьяка Никиту Мойсѣевича, сына ево столника нашего Конона Зотова для наукъ свободныхъ во академію въ Кіевъ отпустить повелѣли, и тебѣ нашего царского величества подданному войска запорожскаго обоихъ сторонъ Днѣпра Гетману и славного чина святаго апостола Андрѣя ковалѣру Ивану Степановичу о вышеписанномъ нашъ царского величества указъ вѣдать; и о пропускѣ ево Конона какъ съ Москвы ѣдучаго, такъ и изъ Кіева къ Москвѣ по восприятіи наукъ возвращающагося, и о дачѣ ему подводъ по московской подорожной учинить по нашему великого государя нашего царскаго величества указу и по своему разсмотрѣнію. Писанъ августа въ 18 день [1]).

Тутъ же помѣщены копіи съ подорожной и съ указа кіевскому воеводѣ Юрію Ѳамендину; послѣднему предписывается оказывать содѣйствіе Конону Зотову. Приводимъ и указъ этотъ въ полномъ объемѣ.

---

[1]) Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, Дѣло Кіевскаго повытья, книга 34, листъ 237.

Отъ великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, въ нашу отчину въ Кіевъ генералу нашему маеору Юрью Андрѣевичу Ѳамендину. По нашему великаго государя указу посланъ въ Кіевъ во академію для наукъ свободныхъ думного нашего дьяка Никиты Мойсѣевича Зотова сынъ ево столникъ нашъ Кононъ Никитинъ сынъ Зотовъ. И какъ къ тебѣ сія наша великого государя грамота придетъ и ты бъ о томъ нашъ великого государя указъ вѣдавъ, и о пропускѣ ево столника нашего какъ въ Кіевъ, такъ и изъ Кіева къ Москвѣ по воспріятіи наукъ возвращающагося, и о дачѣ ему подводъ по московской подорожной учинить по нашему великаго государя указу. Писанъ на Москвѣ лѣта 1700 августа во 18 день. Подписалъ дьякъ Борисъ Михайловъ.

II. Вызовъ кіевскихъ монаховъ и спеваковъ въ Соборъ.

Лѣта 1702-го августа въ 10 день по указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца боярину Ѳедору Алексѣевичу Головину съ товарищи. Въ нынѣшнемъ 1702 году августа въ 5 день писалъ къ великому государю изъ Сибири изъ Тобольска преосвященный Ѳилоѳей, митрополитъ сибирскій и тобольскій, и прислалъ съ отписки и для покупки церковныхъ требъ и граматическихъ книгъ и для взятя исъ Кіева черныхъ монаховъ и спеваковъ и студентовъ софѣйского дому дѣтей боярскихъ Еремѣя Иванова, Михаила Рагозинскова, Ивава Тлевлѣева; и великій государь царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ..... указалъ изъ Малороссійскаго приказу вышеписаннымъ дѣтямъ боярскимъ Еремѣю Иванову съ товарищи отъ Москвы для проѣзду русскими и малороссійскими городами до Кіева и назадъ до Москвы дать проѣзжую грамоту, и по указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича..... боярину Ѳедору Алексѣевичу Головину съ товарищи учинить по указу великаго государя. Дьякъ Иванъ Чепелевъ. Справилъ Яковъ Черновъ [1]).

Сообщ. Н. Бѣляшевскій.

---

[1]) Московскій Архивъ Мин. Юст. Дѣла Кіеск. Повытья, кн. 34, л. 238. Моск. Арх. Мин. Юст. Дѣло Кіевскаго повытья, кн. 37, л. 203.

Покупка греками на Украинѣ „дѣвокъ чухонокъ“. Великому государю царю и великому князю Петру Алексѣевичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу холопъ твой Михалъ Собакинъ челомъ бьетъ. Въ прошломъ государь 1701 году ноября въ 18 день, по твоему великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца указу и по грамотѣ съ приказа Малыя Россіи за приписью дьяка Бориса Михайлова, велено мнѣ, холопу твоему, будучи въ Переяславлѣ, смотрѣть, чтобъ взятыхъ при Лиѳлянской границы полонениковъ, которыхъ привели съ собою и продають черкасы грекомъ, и которые греки возятъ тѣхъ полонениковъ за рубежъ, отбирать и не пропускать и объ нихъ писать къ тебѣ великому государю къ Москвѣ. И въ нынѣшнемъ государь 1702 году, іюня въ 10 день, ѣхали черезъ Переяславль караванъ грековъ до Царя-Града съ товарами своими, въ которомъ караванѣ будучи везъ тайно заклавъ въ телѣги товарами своими грекъ Юрей Кириловъ дѣвку чухонку Евьгу; у котораго государь грека по извѣту солдата Обрама Микиѳорова и по посылкѣ моей холопа твоего у перевозу Терехтемировскаго изъ той телеги та дѣвка вынута и до твоего великаго государя указу задержана она въ Переяславлѣ, а тотъ государь грекъ поѣхалъ до Царя-Города, а по сваскѣ государь того грека вышепомянутая дѣвка куплена у него въ Миргородѣ у сотника за сорокъ тарелей (sic), а съ той ея покупки отъ сотника письма не взято. Да въ нынѣшнемъ же государь 1702 году, іюня въ 11 день, пріѣхалъ изъ за рубежа, изъ Корсуна, мѣщанинъ Василей Ждановъ для торговаго своего на ярманокъ промыску и подалъ мнѣ холопу твоему извѣтъ за своею рукою, что де государь греки везли за Днѣпромъ въ Царь-Городъ того жъ вышеписаннаго полону семь человѣкъ, а изъ тѣхъ полонениковъ, по скаскѣ ему тѣхъ же грековъ, четырехъ человѣкъ они греки купили, а трехъ подговорили съ собою на Украинѣ. Да того жъ государь числа извѣщали мнѣ холопу твоему греченикъ Николай Аркудахести да болгаренинъ Марко Ивановъ, что де государь провезъ за Днѣпръ ночнымъ временемъ волоской земли армянинъ дѣвку-жъ чухонку чрезъ Днѣпръ мимо перевоза липою по запровожденію переяславскаго замѣского сотника. Да въ нынѣшнемъ же государь 1702-мъ году, іюня въ 12 день, сысканъ по посылкѣ моей, холопа твоего малой русской породы, котораго государь привезъ съ собою изъ подо Пскова конпанѣйской сотникъ Иванъ Черноусъ, а тотъ государь малой въ распросѣ своемъ сказался крестьянскимъ сыномъ Псковского печер-

скаго монастыря и взятъ онъ отъ него сотника отъ матери ево изъ деревни Лысой Горы и привезенъ въ Переяславль, и тотъ государь малой, до твоего великого государь указу, отданъ изъ приказу тому вышепомянутому сотнику съ роспискою. Да и многіе государь нынѣ Греки и Армяне и Волохи и Жиды проѣжають караванами какъ изъ Царя-Города на Украину, такъ, государь, и въ Царь-Городъ на Переяславль, мимо Кіева, и тайно все провозятъ, а я холопъ твой, безъ твоего великаго государя указу, на Терехтемировскомъ и на другихъ ближнихъ перевозехъ для смотру такихъ ихъ тайныхъ провозовъ заставы ставить не смѣю, и о томъ, что ты, великій государь укажешь. А сю государь отписку послалъ я, холопъ твой, къ тебѣ великому государю царю и великому князю Петру Алексѣевичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу къ Москвѣ нынѣшняго 1702 году іюня въ 14 день чрезъ почту, и велѣлъ подать въ приказѣ Малыя Россіи боярину Ѳедору Алексѣевичу Головину съ товарищи.

На этой воеводской отпискѣ помѣта: Выписать тотъ Терехтемировской перевозъ съ вѣдомостью у переяславскихъ воеводъ или у гетманскихъ дозорцевъ [1]).

Н. Б.

Кобзарь Петро Гарасько и Лирникъ Максымъ Прыщенко.

Въ «Этнограф. Обозрѣніи» (1892 г. № 1) помѣщена наша замѣтка («Прокопъ Чубъ») о существующемъ теперь различіи между кобзарями и лирниками. Отличіе это касается, главнымъ образомъ, инструмента подъ аккомпаниментъ котораго поютъ они, и самой манеры пѣнія; репертуаръ же пѣсенъ у тѣхъ и другихъ теперь почти одинъ и тотъ же.

Послѣ встрѣчи съ Прокопомъ, намъ пришлось познакомиться еще съ нѣсколькими кобзарями и лирниками.

На этотъ разъ привожу коротенькую біографію и пѣсни, какія удалось записать отъ кобзаря Петра Гараська и лирника Максыма Прыщенка.

Петро Гарасько родился въ 1855 г. въ с. Козарахъ козелецкаго у.; ослѣпъ во время холеры; пробовалъ лѣчиться, но его отецъ, истратившись на лѣченіе и видя безполезность его, отправилъ сына

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст. Дѣла Кіевскаго повытья кн. 36, л. 63 и 64.

въ с. Мокіевку къ кобзарю Прокону Чубу учиться играть на кобзѣ. Учился Петро полтора года, деньгами своему учителю не платилъ ничего. Репертуаръ пѣсенъ, исполняемыхъ теперь имъ, очень ограниченный. Гарасько знаетъ разнаго рода прыказкы, про дворянку, Тещу, Чечотку; псальмы—про Петра и Павла (два варіанта, довольно сходные), про Васылія, Мыколая (по словамъ кобзаря, существуетъ 3 варіанта этого псальма, но ему извѣстенъ только одинъ и то меньшій), Пресвятая Дѣво..., про Лазаря и Сонъ Богородыци.

№ 1. Про Петра и Павла.

Праведне соньце у райи просвитыло,
Создавъ Богъ Адама, а древо прызвистыло;
Возрече самъ Сусъ Хрыстосъ
Святому Петру и Павлу:
Святый Петре и Павле,
А верховный апостолъ!
Возьмы златныйи ключи,
Одымкны рай прысвитлый,
Выпущай Одама на Сіянськую землю;
Нехай Одамъ ходыть.
Да душу свою кормыть“.
Росплачетця Одамъ, изъ раю йдучи:
— Уже мыни не выдить превосвитлого раю,
Уже мыни не слышыть Господнёго гласу!—
Очы нашы ясны, а руци нашы родныйи;
Шо-й очыма заздрышъ, а руцямы заробышъ.
Тѣло наше пуйде у сырую землю,
А душа пуйде у царство небесне.
На многыйи лита,
Всиму мыру на здоровъе!

№ 2. Лазарь.

Хочъ едыной человѣкъ богатой бувавъ,
Который же въ роскошахъ пывавъ и гулявъ,
У дорогому одіянію всегда прожывавъ,
Богу нидмало не дававъ,
Вонъ на святы церквы вонъ не’дкладавъ,
Чудовныхъ же образовъ вонъ не сокрашавъ,
Ныщыхъ й убогыхъ вонъ не надилявъ,
Свого брата й Лазара за брата не мавъ.—
Лежавъ Лазаръ во гнойи предъ богатыревымы ворытьмы.
Со скорости сыльной богачъ вышовъ самъ за ворота;
Отакъ до его убогый Лазаръ гласомъ спросывъ:
„Охъ, и брате муй, сыльной богачу!

Создай мыни во гной хлиба й соли и холодной воды:
Не я тоби сее, брате, сее заплачу,—
Господь сее тоби награждавъ".
Да й плюнувшы на Лазара той преч одыйшовъ;
Звеливъ богачъ за собою ворота замкнуть,
Щобъ убогого Лазара й гласа не чуть.
Заказавъ сыльной богачъ своему двору:
— Штобъ не було въ моему двори набожной души
Надъ убогымъ Лазаромъ возмыловаться,
Убогому Лазару хлиба-соли дать,
И могла-бъ та душа царствіе уготовàть.—
Було у богатыра два лютыйи псы,
Которы по пустылю завждé ходылы,
Дробнесеньки крошечкы созбыровалы
И убогому Лазару во гной носылы
И тымы его душу-тило воспытувалы,
Душы-тилу создавувалы
И раны ёго безсмертныйи залызувалы.
У вербну суботу проты недили
Ставъ убогой Лазаръ Богу молыця:
„Охъ, и Боже муй, Спасъ мылостывый,
Выслушай молытвы мойи:
Прымы мою душу до хвалы своейи;
А вжежъ моя душа въ тили намутылась
И голодомъ и холодомъ натерпилася,
Раны мойи безсмертныйи наболилыся;
А вжежъ мене й родный братъ одрекнувся"...
Якъ выслухавъ самъ Сусъ Хрыстосъ молытвы ёго,
Изсылае зъ небесъ святыхъ ангеловъ.
Возгленулы ангелы зъ неба на землю,
Прыступылы къ Лазару барзé зъ блызенька,
Воспилы херовымы возвеселеньки,
Взялы душу Лазара у свѣтлому райи,
У Господа небесного въ чести да хвали
И у святого Оврамія на правомъ лони.—
Въ другое времне, часъ погодывшы,
Скортило богатыра на прогуляне,
И вывювъ свою пышну челядь на разсмотряне.
Выйихавъ сылной богачъ у чыстое поле;
Перестрила богатыра сылна хвороба.
Да й кынула зъ коня додолу
Да й ударыла богатыра объ сыру-землю,
Объ сыру-землю, объ жовтой песокъ.
Лежавъ богатый ажъ трое сутокъ,
Не стямывъ сылной богачъ не жены, не дитей
Тўльки стямывся сылной богачъ Бога прохаты.

Якъ выскочать зъ пекла тры пекельныйи злы,
Да воны по богатыревую душу пошлы;
Злы пекельныйи до двора не дошлы,
Сребро-злато ёго прахомъ рознеслы,
Стежки-дорўжечки пречъ роскыдалы
И пышную челядь ёго розыгналы,
Зъ богатыра душу съ тила вытряслы
Ливымъ бокомъ зализнымъ крукомъ;
Якъ стронулы богатыра строго-высоко,
Да вкынулы богатыра въ пекло глыбоко:
— Плавай, плавай, богатыру, въ пекли шыроко;
А въ рай далёко, а вгбры высоко;
Тамъ завыдишъ у райи святого Оврамія,
Поблыже Оврамія—брата Лазара,
Не брата Лазара—Исуса Христа.—
А вскорости сылной богачъ лышъ окомъ заздривъ,
Отакъ винъ до Лазара гласомъ спросывъ:
— Не можна, братъ Лазаръ, добра учыныты—
Свый мызынной съ перста палець у море умочыты,
Языкъ мўй у роти хоть прохолодыты
И огонь пекельной загасыты,
И за мене за гришного Бога попросыты,
Нехай мене Господь простывъ
И на той свитъ пустывъ,
Нехай я свое злато на церквы роздавъ
И ныщыхъ-убогихъ надилявъ,
И тебе, братъ Лазаре, повѣкъ помынавъ,
Што-суботы, недили молебны наймавъ,
И таки бъ я своей души уготова́въ.—
Такъ ёму самъ Сусъ Христосъ отповидавъ:
„Почомъ же ты, сылной богачъ, такъ давно не дбавъ?
Не потреба зъ пекла, жывыхъ пророковъ
Мають воны, пророчества й пысьмо святое
Нехай у церквахъ чытають,
Учытелы хрыстыянъ разно наущають,
Которы будуть спрямовать,
Наслидують царство да й Лазарове;
А которы будуть злое сочынять,
До й наслидують пекло да й богатырове“.
Амынь, амынь, Господы,
Такъ намъ Богъ даровавъ!
Пройдеть вѣра хрыстіяньская во пресвѣтлый рай.

Пропѣвши какую-либо псальму или пѣсню, Гарасько обращается къ слушателямъ съ слѣдующей просьбой:

«Не прошу я, мамочка, не во сребномъ злати дорогыйи, и прошу мамочко, ныэькимы уклонáмы и покорнымы Божымы словами; не мирайся, моя мамочко, объ йидыной рубашци, не мирайся, моя мамочко, грѣшное тѣло перемиинты. Прыукрый, маты, нышоту, якъ Господь прыукрывае диточекъ вашихъ у раю пресвитлою рызою нетлѣнною. Не мирайся, моя мамочко, хустыночку темны очы протыраты, дрибны слёзы вытыраты»...

Если кобзари теперь уже забывают думки, то тѣмъ труднѣе встрѣтитъ лирника, которому бы онѣ были извѣстны. Намъ однако удалось въ прошломъ году записать въ Кіевѣ думку про осаду турками Почаевской Лавры отъ лирника Максима Прыщенка.

Максымъ Даныловычъ Прыщенко, старикъ лѣтъ за 50, родомъ изъ с. Бѣлогородки кіевскаго уѣзда. Съ лирой онъ ходитъ примѣрно лѣтъ двадцать.

Играть учился у майстра Герасыма Ныцкого. Кромѣ упомянутой думки (которую, впрочемъ, самъ Прыщенко называетъ «псальмой про Почаевську Божу Матыръ»), онъ поетъ псальмы про Мыколая, Спасытеля, пѣсни про Дворянку, Тещу, Биду.—Приводимъ нѣкоторыя пѣсни изъ репертуара этого лирника.

№ 1. Про Матыръ Божу Почаевську, якъ Туркы Почаевъ розбывалы [1]).

Йизыйшла зора вечорявая,
Надъ Почаевымъ стала.
Ой выйшло, выйшло войско турецьке,
Якъ та тёмная хмара.
Туркы зъ татармы въ городъ вступають
Почаевъ воюваты;
Матыръ Божа Почаевська
Будыть насъ ратоваты.
Ивовъ Желизовъ съ келіи вышовъ,
Слизами умливае:
„Ой ратуй, ратуй, Божая Матыръ,
Почаевъ загыбае!“
А Матыръ Божа ёму отвичае:
— „Ой не плачъ, не плачъ, Ивовъ Желизовъ,
Почаевъ не загыне:
Мусымо статы, чудо показаты,
Почаевъ ратоваты“.—

[1]) Поется заунывно; къ сожалѣнію, намъ не удалось записать мотивъ этой думки; но онъ отличается отъ мотива, записаннаго г. Лисенкомъ.

Ой вышла-вышла Божа Матиръ,
На бани [1]) ся зъявылась,
Перуномъ ясна,
Всимъ туркамъ страшна,
Насъ хрыстыянъ боронила;
Пули вертала, турковъ збывала,
Почаевъ ратувала.
Турокъ—невѣра изъ лука мѣрыть,
На манастыръ циляе;
А тыйи стрѣлы назадъ лытѣлы,
Самыхъ йихъ нобывалы.
Дозналы Турки, злы недовѣрки,
Што то́ есть Божа Матеръ;
Предпысалыся до Почаева
Що-года дань даваты;
Предпысалысь-ще й прысягалысь:
Большъ воюваты не будемъ,
До трейтёго дня зъ турецкой земли
Всѣхъ хрыстыянъ повернемъ.
А тіи турки, злы недовирки,
Неславы наробылы:
Въ славному мѣсти, мѣсти Вышневомъ [2])
Крови зъ пискомъ намисилы.
А въ Почаеви въ монастыри
Тамъ лежавъ каминь;
Присяглы турки вже на вѣки вѣковъ, а̀минь.
Прысяглы турки, злы недовѣрки,
Бильшъ воюваты не будемъ,
До трейтёго дня изъ турецкой земли
Всѣхъ хрыстыянъ повернемъ.

Разсказываемое въ этой думѣ событіе относится ко времени Польско-Турецкой войны, возникшей по слѣдующему поводу. Войсковой эсаулъ Петръ Дорошенко, представитель турецкой партіи, поднялъ турокъ противъ поляковъ обѣщаніемъ передать первымъ Малороссію. Турки, недовольные поляками за Андрусовскій миръ, охотно приняли предложеніе Дорошенка, и султанъ Магометъ IV въ 1672 г. двинулся черезъ Малороссію на Польшу. Король польскій Михаилъ Вишневецкій не могъ остановить силою этого движенія и заключилъ въ Буджановѣ миръ, по которому турки, кромѣ дани, получили еще юж-

---

[1]) Т. е. на церковномъ куполѣ.

[2]) Мѣстечко Вишневецъ лежитъ на юго-вост. отъ Поч. Лавры.

ную часть западной Малороссіи. Гетманъ Янъ Собѣсскій, избранный послѣ смерти Вишневецкаго (1675 г.) королемъ, съ бóльшимъ успѣхомъ боролся съ турками; тѣмъ не менѣе, и по условіямъ новаго мира (въ Журавинѣ, 1676 г.) Малороссія осталась за турками [1]).

Въ 1675 г. турки подступили къ Почаевскому монастырю. Трое сутокъ продолжалась осада; съ трехъ сторонъ дѣлались приступы, но безуспѣшно: «Преподобный Іовъ съ Божіею Матерью является молящимся на кровлѣ великія церкви Пресвятыя Троицы и его молитвами и благодатнымъ заступленіемъ Пресвятыя Богородицы безоружная обитель осталась неприкосновенною: турки отражены невидимою силою, обратились отъ страха въ бѣгство» [1]).

Въ память этого чуда выстроенъ въ 1875 г. придѣлъ теплой Свято-Троицкой церкви, а самое чудо изображено художникомъ Васильевымъ; образъ этотъ находится въ Успенской соборной церкви [3]).

Преп. Іовъ Желѣзо (въ думѣ—Ивовъ Желизовъ, въ мірѣ Іоаннъ) родился въ половинѣ XVI в. въ Галиціи; на 12 году онъ принялъ постриженіе въ Угорницкомъ монастырѣ; около 1581 г. былъ рукоположенъ во іеромонаха и вскорѣ принялъ схиму. По просьбѣ кн. Константина Острожскаго, Желѣзо былъ переведенъ въ Дубенскій монастырь; избранный игуменомъ, онъ 20 почти лѣтъ охранялъ здѣсь православіе отъ іезуитовъ и уніатовъ. Послѣ смерти К. Острожскаго, Іовъ удалился въ Почаевскій монастырь, гдѣ въ санѣ игумена подвизался до самой смерти, послѣдовавшей 20 окт. 1651 г. Мощи его были открыты въ 1659 г. кіевскимъ митрополитомъ Діонисіемъ Балабановымъ. Игуменомъ въ Почаевѣ во время осады 1675 г. былъ Ѳеодосій Левицкій [4]).

Эта пѣсня о явленіи Божіей Матери въ 1675 г., кромѣ сборника г. Лисенка, помѣщена еще въ книгѣ «Благодатная святыня горы Почаевской» (стр. 23) вмѣстѣ съ другой пѣсней—о появленіи цѣльбоносной стопы Богородицы.

№ 2. Дворянка.

Й-а дворянськая жена
Вона зъ розумомъ жыла,
Изъ розумомъ прожывала,
Медомъ-выномъ шынкувала,
Всю кумпанію напувала.
Щей мылого научала:

---

[1]) Кояловичъ: Лекціи по исторіи Зап. Россіи.

[2]) См. „Сказаніе о Почаевской Успенской Лаврѣ" арх. Амвросія.

[3]) „Путеводитель по горѣ Почаевской" 1875 г.

[4]) См. ст. А. Ѳ. Хойнацкаго: „Преп. Іовъ, игуменъ Почаевскій"...

„Охъ ты й мылый-мылесенькій,
Голубчычокъ сызесенькій!
Продай, мылый, сывы бычкы,
Купы мыни черевычкы:
Я дворянськаго роду,
Не ходыла боса зроду,
А ій-богу не ходыла,
Прысь-ій-богу не ходыла!
Продай, мылый, дви кышечки,
Купы мыни панчышечки;
Я дворянського роду,
Не ходыла такъ изроду,
А ій-богу не ходыла,
Прысь-ій-богу не ходыла!
Продай, мылый, два кабаны,
Купы мыни два жупаны;
Я дворянського роду,
Не ходыла гола зроду,
И ій-богу не ходыла,
Прысь-ій-богу не ходыла!
Продай волы чуманыйи,
Купы буты червоныйи
Щей сахвъяны зеленыйи;
Я дворянського роду,
Не ходыла боса зроду,
А ій-богу не ходыла,
Прысь-ій-богу не ходыла!
Продай, мылый, кобылу,
Купы мыни и билыло и красыло,
Щобъ одъ сонця не згорила,
Щобъ одъ витру не чорнила;
Бо я буду дома седиты,
Господарства глядиты,
Хозяйиномъ называты
Симёнъ Васылёвычъ по батюшку“.
А й ставъ мылый да й думае,
А й ставъ мылый да й гадае,
Якъ до пани прыстаты,
Якъ іи въ визъ запрягаты.
Вона ёму благода́рыть,—
Винъ за косы та й тахта̀рыть:
— Охъ ты, мыла, не паныся,
Въ оглобельки становыся,
Ты дворянського роду,
Не возыла дровъ изроду!—
Якъ изъ го́ры,—то й вставае,
Якъ на гору, той сидае,
Дубыною потягае.
Прыйижжае мылый до лиса,
Прывъязавъ мылу, якъ биса:
— Гей, тпру, моя мыла!
Щобъ ты дуба не зломыла,
Сама себе не прыбыла,
Мыни шкоды не зробыла.—
Мылый дровця избырае,
Да й на сонце поглядае;
— А вже сонце ньзенько,
Намъ додому неблызенько,
Шобъ у лиси не остаться,
Шобъ намъ вовка не злякаться.—
Якъ изъ горы, то й вставае,
Якъ на гору, то й сидае,
Дубыною потягае.
Прыйижжае мылый додому,
Дае мылій йисты солому,
А вона отвичае:
„Охъ не хочу, мылый, йисты,
Позволь мыни хотя систы,
Бо ты йихавъ, а я везла,
Трохы па̀ра не вылезла.
Охъ ты, мылый-мылесенькій,
Голубчычокъ сызесенькій!
Продай, мылый, черевычкы,
Купы мыни сыви бычки,
Шобъ я дровъ не возыла,
Шобъ я людей не смишыла.
Я дворянського роду,
Не возыла дровъ изроду,
И ій-богу, не возыла,
Прысь-ій-богу, не возыла!
Продай, мылый, дви спидныци,
Купы мыни дви телыци;
Продай, мылый, чорны бровы;
Купы мыни дви коровы;
Продай, мылый, два жупаны,
Купы мыни два кабаны,
Шобъ я сала не просыла,
Шобъ и людей не смишыла:
Я дворянського роду,
Не просыла сала зроду,
А ій-богу, не просыла,
Прысь-ій-богу, не просыла!

Продай, мылый, билыло и красыло,
Купы мыни кобылу,
Шобъ я дровъ не возыла;
Шобъ я людей не смишыла;
Я дворянского роду,
Не возыла дровъ изроду,
А ій-богу не возыла,
Прысь-ій-богу не возыла!
Бо и буду дома сыдиты
Господарства глядиты,
Хозяйномъ называты
Симёнъ Васылёвычъ".

№ 3. Бида.

По-надъ моремъ глыбокымъ
Стоявъ теренъ высокый;
А съ-пидъ того тёрна
Выйшла бида молодá,
Выйшла бида невелыка,
Вчепылась за чоловика.
Нема биди якъ симъ литъ,—
Славна бида на весь свитъ.
Одъ Крукова до Кракова—
Всюды бида йиднакова;
Одъ Крымъянця до Камъянця
Чортма биди ниде концця.
— Де ты, бида, родылась,
Шо за мене вчипылась?—
„Я въ Варшави родылась,
Я въ Полтави хрыстылась,
У Богославы изросла,
У Хмильныкъ замужъ пошла".
Сидай, бида, на козу,
Я дорогу покажу,
Къ чорту й тебе одвезу.
Въ Бердычеви на торзи
Йиздыть бида на кози
Йиздыть бида коляскою
До зъ киселемъ, до зъ квашею;
Кисиль-квашу розкупылы
Биди бокы одлупылы.
Була бида у Клевани;
За клюшницю у пани;
Пошла бида до лёху
Набираты гороху,
Погубыла ключи,
Къ чорту утикла у ночи,
Пошла бида до Боброва,
Зробылася нездорова;
Зайшла вона до Ружына,
Симъ паръ хлиба зморужыла;
Пошла бида лавками,—
Былы биду палкамы;
Былы биду по высках!
Не заглядай по мыскахъ!
Прывъязалы до стовба:
Не лизь, бида, до стола!
Пошла бида до Лукы,
Тамъ выпросыла мукы!
Пошла бида до Максыма,
А тамъ дали дижку сыра;
Пошла бида до Кырыла,
Да ще й своихъ наварыла [1]);
Пошла бида до Хведора,
Задралася да й пер...ла.
Десь узявся Тарасъ,
То той биду за лобъ трясъ;
Десь узявся Прокопъ,
Да й той биду въ высокъ хлопъ!
Десь узявся Веремый,
Крутывъ биду на раминь.
Тамъ бида умерла.
Покотылась изъ горы,—
Копыты задерла.
Десь узявся Яковъ,
Той по биди плакавъ;
Десь узялась Марына,
По биди „Оченашъ" зговорыла;
Катерына мымо йшла,
На смерть рубашку принесла;
Несе дидько Марту,
Марта—водки кварту.
Таму биду помъянулы;
Тамъ бида пропала.

---

[1]) Варениковъ, значитъ. (Прибавка пѣвца).

Іи дочка пидросла,
Кругомъ свита обійшла
Да й опъять до насъ прыйшла.

Чортъ биду перебуде:
Йидна здохне—десять буде!

А. Малинка.

Мѣры противъ умноженія нищихъ и бродягъ въ Кіевѣ въ 1764 г. Въ 8-мъ вып. «Историч. мат. изъ архива Кіев. Губ. Пр.» напечатанъ былъ мною одинъ протоколъ Кіев. Губ. Канц. 1769 г. о призрѣніи больныхъ и нищихъ, довольно ярко рисующій печальную картину того положенія, въ какомъ находилось тогда въ Кіевѣ дѣло общественнаго призрѣнія. Большое количество нищихъ въ Кіевѣ обращало на себя и раньше вниманіе Губ. Канцеляріи, какъ это видно изъ вновь найденнаго мною протокола ея 1764 года. Въ іюнѣ мѣсяцѣ этого года въ ней «имѣли разсужденіе» о мѣрахъ для уменьшенія числа нищихъ, такъ какъ «усмотрѣно, что какъ въ зимнее, такъ особливо въ лѣтнее время приходящихъ въ Кіевъ изъ разныхъ великороссійскихъ и малороссійскихъ, а паче изъ заграничныхъ польскихъ мѣстъ, подъ видомъ богомолія, нищихъ находится многое число». Опредѣлено было предписать оберъ-комендантской канцеляріи, магистрату и полицмейстерской конторѣ всѣхъ по міру бродящихъ людей арестовывать и послѣ разспросовъ высылать изъ Кіева въ мѣста, откуда прибыли. Находящимся на днѣпровскомъ мосту и перевозѣ командирамъ накрѣпко подтверждено, чтобы «какъ нищіе, такъ и никакіе бродяги въ Кіевъ впускаемы не были». Вмѣстѣ съ этимъ написано было и въ Дух. Консисторію и къ архимандриту К.-Печ. Лавры, чтобы «въ состоящіе при Кіевѣ монастыри и Лавру приходящіе изъ великорос. и малорос. мѣстъ нищіе и бродяги (кромѣ кои дѣйствительно нищіе и увѣчные и въ здѣшнія богадѣльни опредѣлены) ни подъ какимъ видомъ принимаемы и передерживаемы не были».

А. А.

Нѣсколько словъ къ воспоминаніямъ объ А. В. Марковичѣ. Въ Апрѣльской книжкѣ «Кіевской Старины» за текущій годъ, Г. Димитрій Марковичъ, племянникъ покойнаго А. В. Марковича, вступился, въ виду письма И. С. Тургенева изъ Парижа отъ 12 октября 1860 года (Вѣстникъ Европы за 1885 г. кн. 3, стр. 36, статья Анненкова «Переписка съ И. С. Тургеневымъ»), за доброе имя Афанасія

Васильевича и говоритъ, что онъ (Дмитрій Марковичъ) лично посылалъ нѣсколько разъ по порученію А. В. деньги Марьѣ Александровнѣ (женѣ послѣдняго, Марку Вовчку). Заключилъ это мѣсто своихъ Замѣтокъ (стр. 46) Димитрій Марковичъ словами: «Мы ждали опроверженія со стороны тѣхъ, кто получалъ отъ него (т. е. отъ А. В.) деньги и кому должна быть дорога память А. В., но тѣ молчали и молчатъ. И пусть на ихъ совѣсть падетъ гнетъ такого позорнаго обвиненія».

И я получалъ отъ А. В. деньги для его жены и отсылалъ по принадлежности. Подробностей рѣшительно теперь не припоминаю; но твердо помню, что это было во время моихъ сношеній съ А. В. по изданію его сборника «Приказокъ», т. е. не позже 1864 г. и не раньше 1863 г.; что деньги А. В. нѣсколько разъ присылалъ мнѣ изъ черниговской губерніи въ Петербургъ для отсылки Марьѣ Александровнѣ въ Парижъ, и не десятками рублей, а сотнями; что я обыкновенно покупалъ у петербургскихъ банкировъ процентные купоны правительственныхъ бумагъ и отсылалъ ихъ туда, а въ полученіи получалъ отъ Маріи Александровны коротенькія увѣдомленія. Отсылалъ ли я эти увѣдомленія А. В въ подлинникѣ, или ограничивался лишь собственнымъ увѣдомленіемъ объ исполненіи порученія—рѣшительно не помню.

Что же касается до *грабежа*, о которомъ упоминаетъ Тургеневъ въ своемъ письмѣ (кстати «Вѣстника Европы» за 1885 г. я вовсе нэ читалъ), то *грабежъ* этотъ какое-то неслыханное недоразумѣніе.

Обращу еще вниманіе на имѣющіяся въ «Замѣткахъ» неточности. 1) На стр. 59 говорится: «Пріѣздъ дядьки былъ въ то время, когда онъ, кажется, только что былъ освобожденъ изъ ссылки изъ г. Орла». Такъ какъ въ началѣ «Замѣтокъ» пріѣздъ этотъ авторомъ относится къ 1858 или 1859 гг., то выходитъ, что А. В. будто бы освобожденъ былъ изъ Орла *только что* въ этотъ періодъ времени. Когда именно былъ освобожденъ оттуда А. В., точно я теперь не знаю; но что онъ былъ уже свободенъ отъ Орла въ 1851 году и жилъ въ Черниговѣ—это вѣрно: проѣздомъ въ этомъ послѣднемъ году изъ Чернигова въ Орелъ съ женою въ гости къ ея роднымъ, онъ заѣзжалъ въ Нѣжинъ ко мнѣ и обое у меня останавливались; 2) На стр. 76 упомянуто имя И. Н. Дорошенко. Такъ какъ это имя упомянуто рядомъ съ Рашевскими, Волками и проч., то это не И. Н., а И. П. (Илья Петровичъ).

М. Симоновъ (М. Номисъ).

Поправка къ отчету о пожертвованіяхъ на премію А. А. Потебни. Въ № 8 въ числѣ лицъ, внесшихъ пожертвованіе на премію имени А. А. Потебни, по недосмотру пропущено пожертвованіе протоіерея К. Мировича 1 рубль, безъ котораго не выйдетъ общая цифра, показанная въ отчетѣ—31 рубль.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Къ Южнорусской Діалектологіи. Проф. А. И. Соболевскій. «Очеркъ русской діалектологіи. III. Малорусское нарѣчіе». (Живая Старина. Вып. IV. 1892 г. Стр. 3—61).

Въ изученіи природы и исторіи русскаго языка давно ощущалась настоятельная необходимость стать на діалектическую почву. Внѣ этой почвы, съ одной стороны, невозможно точное опредѣленіе общаго характера русскаго языка, какъ сложной лингвистической особи; съ другой—нельзя разобраться въ разнородныхъ историческихъ данныхъ о немъ, представляемыхъ памятниками древнерусской письменности, и уразумѣть дѣйствительное отношеніе ихъ къ сложной діалектической организаціи русскаго языка въ разныя эпохи его послѣдовательнаго развитія. Затрудненія послѣдняго рода значительно осложняются еще тѣмъ обстоятельствомъ, что на характерѣ сказанныхъ данныхъ отражалось не только непосредственное вліяніе мѣстныхъ говоровъ, но и традиціонное вліяніе раньше возникавшихъ въ разныхъ мѣстностяхъ образцовъ письменной рѣчи на послѣдующіе образцы ея, появлявшіеся какъ въ тѣхъ же, такъ и въ другихъ мѣстностяхъ. Отсутствіе путеводной нити въ оцѣнкѣ и группировкѣ данныхъ подобнаго рода, даваемой изученіемъ ихъ діалектической подкладки, невыгодно отразилось на трудахъ по исторіи русской рѣчи даже такихъ авторитетныхъ ученыхъ, какъ Срезневскій и Колосовъ, которые, повидимому, и сами это хорошо сознавали.

На этотъ существенный пробѣлъ въ наукѣ о русскомъ языкѣ впервые обратилъ вполнѣ серьезное вниманіе Потебня; но въ его грамматическихъ этюдахъ діалектическій принципъ примѣнялся лишь къ этимологическимъ изслѣдованіямъ отдѣльныхъ явленій въ области русской рѣчи. Полную же рѣшимость стать на историческо-діалектическую почву въ изученіи всей совокупности звуковыхъ и морфологическихъ явленій, представляемыхъ цѣлымъ діалектическимъ со-

ставомъ русской рѣчи, мы встрѣчаемъ только у проф. А. И. Соболевскаго въ его «Лекціяхъ по исторіи русскаго языка».

Опыту систематическаго проведенія даннаго метода въ его «Лекціяхъ» предшествовалъ рядъ этюдовъ, посвященныхъ спеціальному изученію діалектическихъ элементовъ, проявляющихся въ нѣкоторыхъ областныхъ памятникахъ древне-русской письменности. Такое изученіе этихъ памятниковъ привело названнаго ученаго къ раскрытію и уясненію многихъ интересныхъ фактовъ въ исторіи развитія русскихъ нарѣчій и говоровъ, имѣющихъ преемственную органическую связь съ современными въ нихъ явленіями и освѣщающихъ послѣднія со стороны ихъ происхожденія и генетическихъ отношеній къ другимъ однороднымъ явленіямъ. Все это внесло новый научный коррективъ въ историческую грамматику русскаго языка и послужило къ болѣе правильной формулировкѣ нѣкоторыхъ ея общихъ положеній и выводовъ, равно какъ и къ болѣе солидному обоснованію послѣднихъ.

Тѣмъ не менѣе, и въ самомъ трудѣ проф. Соболевскаго по исторіи русскаго языка легко замѣтить еще недостаточную иногда обоснованность и проблематичность нѣкоторыхъ его положеній, преимущественно касающихся общаго хода развитія, распредѣленія и характера взаимныхъ отношеній русскихъ говоровъ и нарѣчій. Все это зависѣло, повидимому, главнымъ образомъ, отъ того, что, при установленіи этихъ положеній, авторъ не могъ руководствоваться соотвѣтственными указаніями, почерпнутыми изъ систематически разработанной діалектологіи современной русской рѣчи. Діалектологическіе этюды, которыми могъ пользоваться авторъ, не представляли требуемой полноты данныхъ; при томъ, данныя эти въ большинствѣ случаевъ лишены были необходимой точности, правильной группировки и историческаго освѣщенія. Можетъ быть, обстоятельство это и побудило главнымъ образомъ нашего ученаго заняться возможнымъ въ настоящее время восполненіемъ сказаннаго пробѣла.

Но, какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ трудъ проф. Соболевскаго по русской діалектологіи, заглавіе коего мы выписали выше, является какъ нельзя болѣе кстати, въ значительной мѣрѣ удовлетворяя давно назрѣвшую въ немъ нужду.

Однако, въ виду чрезвычайной скудости и отрывочности свѣдѣній о существующихъ русскихъ говорахъ, а не рѣдко также—сомнительной точности и правильности данныхъ о нихъ въ источникахъ и матеріалахъ, которыми могъ располагать авторъ,—детальность и

полнота діалектологическихъ обобщеній въ области всей русской рѣчи представляются до крайности затруднительными. Поэтому-то, очевидно, у автора систематизація наличнаго діалектическаго матеріала русской рѣчи ограничивается лишь наиболѣе общими группировками сколько нибудь извѣстныхъ говоровъ въ главнѣйшія поднарѣчія и нарѣчія, при томъ такими лишь группировками, для которыхъ имѣлись достаточныя основанія въ общей суммѣ представляемыхъ данными говорами вполнѣ достовѣрныхъ признаковъ. По тѣмъ же, очевидно, причинамъ, и территорія каждой діалектической группы опредѣляется также лишь въ общихъ чертахъ. Затѣмъ, въ предѣлахъ каждой изъ установленныхъ такимъ образомъ общихъ группъ (нарѣчій, поднарѣчій), послѣдовательно разсматриваются и характеризуются, по губерніямъ и уѣздамъ, тѣ частныя подраздѣленія ихъ (подгруппы говоровъ и отдѣльные говоры), о которыхъ имѣются какія либо болѣе точныя свѣдѣнія. При чемъ тщательно отмѣчаются всѣ заслуживающія вниманія особенности ихъ, какъ общія—свойственныя всей данной группѣ, такъ и частныя видоизмѣненія этихъ особенностей, а также спорадическія отступленія въ тѣхъ или иныхъ говорахъ отъ общихъ особенностей данной группы,—представляющія сходство съ особенностями другихъ группъ, или чисто индивидуальныя черты извѣстныхъ говоровъ.

Такимъ образомъ діалектологическій очеркъ проф. Соболевскаго представляетъ скорѣе систематическій сводъ критически обработанныхъ имъ данныхъ о болѣе или менѣе извѣстныхъ уже русскихъ нарѣчіяхъ, поднарѣчіяхъ и говорахъ, чѣмъ полный научно-діалектологическій синтезъ послѣднихъ, для котораго не наступило еще время. Но, для дальнѣйшей разработки этого предмета, трудъ проф. Соболевскаго полагаетъ уже твердое и надежное основаніе. Общее достоинство этого труда состоитъ въ томъ, что въ подборѣ, оцѣнкѣ и группировкѣ признаковъ, характеризующихъ русскіе говоры, поднарѣчія и нарѣчія, какъ и въ классификаціи послѣднихъ, соблюдаются крайняя осторожность и свойственный автору научный тактъ, а изложеніе предмета отличается обычными у него сжатостью, простотой и ясностію.

Однако, указанные выше недостатки источниковъ и матеріаловъ по русской діалектологіи, какъ и упомянутая научная осторожность автора въ пользованіи ими, вліяли вѣроятно на то, что проф. Соболевскій избѣгалъ въ разсматриваемомъ трудѣ широкаго примѣненія историко-этимологическаго анализа данныхъ, представляемыхъ

имѣвшимися въ его распоряженіи матеріалами по народному языку, и построенія на этомъ анализѣ соотвѣтственныхъ выводовъ. Историческо-этимологическое начало примѣняется въ «Очеркѣ» автора лишь слегка, для поясненія отдѣльныхъ, преимущественно звуковыхъ явленій въ разныхъ нарѣчіяхъ и говорахъ, путемъ сопоставленія такихъ явленій съ древними (=орѳографическими) звуками. Такимъ образомъ фонетическія явленія, свойственныя разнымъ діалектическимъ единицамъ, характеризуются у автора почти исключительно со стороны ихъ современныхъ спеціально-физіологическихъ (антропофоническихъ) особенностей, безъ указанія генезиса и этимологическаго значенія послѣднихъ. Въ такомъ же родѣ констатируются и морфологическія особенности.

Нельзя однако не замѣтить, что такой пріемъ, хотя и оправдывается упомянутыми выше обстоятельствами, но, въ свою очередь, сопряженъ также съ значительными неудобствами при оцѣнкѣ степени органичности явленій и при распредѣленіи ихъ по подлежащимъ категоріямъ. При разсматриваніи діалектическихъ явленій со стороны лишь ихъ антропофоническихъ особенностей, возможны случаи какъ разъединенія явленій, органически связанныхъ другъ съ другомъ общимъ происхожденіемъ, такъ и наоборотъ—смѣшенія совсѣмъ разнородныхъ иногда явленій. Съ другой стороны, одними антропофоническими особенностями данныхъ явленій невозможно опредѣлить органическія черты индивидуальности такой преимущественно собирательной діалектической единицы, какой является, напр., естественное «нарѣчіе», и установить существенныя отличія его отъ другихъ родственныхъ съ нимъ нарѣчій. Только подведеніемъ отдѣльныхъ разрозненныхъ антропофоническихъ признаковъ одного происхожденія подъ общіе звуковые законы нарѣчія и сведеніемъ ихъ къ такимъ общимъ этимологическо-фонетическимъ единицамъ послѣдняго, какими представляются «этимологическо-діалектическія фонемы», а равно сведеніемъ однородныхъ морфологическихъ варіантовъ нарѣчія къ общимъ его «морфемамъ»,—возможно установить рядъ существенныхъ признаковъ, надлежащимъ образомъ характеризующихъ органическую индивидуальность нарѣчія, какъ таковаго. Только опредѣленный рядъ самостоятельныхъ *фонемъ* и *морфемъ* такого рода, образовавшихся на почвѣ даннаго нарѣчія [1]), обособляетъ его органически, какъ цѣльную діалектическую единицу, среди другихъ такихъ же единицъ одного съ

[1]) Лексикальнаго элемента, какъ не входящаго почти совсѣмъ въ діалектологическій очеркъ проф. Соболевскаго, мы не касаемся здѣсь.

нею происхожденія, хотя бы между ними существовалъ рядъ спорадическихъ сходствъ въ отдѣльныхъ звукахъ и формахъ, возможныхъ даже между нарѣчіями и цѣлыми языками, находящимися въ довольно отдаленныхъ степеняхъ родства. Съ другой стороны, только внутреннее единство системы означенныхъ фонемъ и морфемъ, лежащее въ основѣ всего внѣшняго разнообразія звуковъ и формъ данныхъ говоровъ, опредѣляетъ естественную, генетическую принадлежность ихъ къ одному общему организму даннаго нарѣчія.

Что касается употребленнаго авторомъ метода въ изложеніи своего предмета, то спеціальная особенность его состоитъ въ слѣдующемъ пріемѣ. Отправной точкой для классификаціи русской рѣчи и діалектологическихъ изслѣдованій ея послужилъ ему *московскій говоръ* южно-великорусскаго поднарѣчія и, главнымъ образомъ, основанный на немъ—*русскій литературный языкъ*. Эти конкретныя діалектическія единицы, съ ихъ индивидуальными фонетическими и морфологическими особенностями, являются у автора той спеціальной нормой, съ которой сравниваются всѣ прочія діалектическіе виды и разновидности русской рѣчи, и, по степенямъ ихъ сходства и отличія отъ первыхъ, опредѣляются какъ соотвѣтственныя отношенія къ нимъ этихъ видовъ и разновидностей, такъ и взаимныя отношенія ихъ другъ къ другу, а также—мѣсто занимаемое каждымъ въ ихъ естественной группировкѣ и общей классификаціи всей русской рѣчи.

Такимъ образомъ діалектическій очеркъ автора начинается съ характеристики «великорусскаго нарѣчія», въ которомъ различаются «южное» и «сѣверное» поднарѣчія; при чемъ на первый планъ выдвинуто первое изъ нихъ,—съ «умѣренно-акающимъ» или спеціально-московскимъ говоромъ и литературнымъ русскимъ языкомъ во главѣ.— Затѣмъ разсмотрѣно «нарѣчіе бѣлорусское», съ его подраздѣленіями тоже на два поднарѣчія: «цокающее» (сѣверное) и «не-цокающее» (южное); при чемъ, однако, все это нарѣчіе причисляется авторомъ собственно къ великорусской діалектической группѣ, «какъ третье, западное, или акающе-дзекающее поднарѣчіе великорусскаго нарѣчія, наиболѣе близкое по своимъ особенностямъ къ южно-великорусскимъ сильно акающимъ говорамъ» [1]). Наконецъ третье мѣсто въ діалек-

---

[1]) Извѣстно, что на счетъ мѣста, занимаемаго бѣлорусскимъ нарѣчіемъ въ общей семьѣ русскихъ нарѣчій, и отношеній его къ великорусскому и малорусскому нарѣчіямъ, мнѣнія филологовъ расходятся. Одни причисляютъ его къ первому, другіе—къ послѣднему. Намъ кажется, что въ данномъ случаѣ недоразумѣнія во взглядахъ на бѣлорусское нарѣчіе происходятъ главнымъ образомъ отъ несоблю-

тологической классификаціи русской рѣчи занимаетъ у автора «малорусское нарѣчіе», которое, по его словамъ, «сравнительно съ нарѣчіями великорусскимъ и бѣлорусскимъ имѣетъ рядъ особенностей» (стр. 3).—Малорусское нарѣчіе, какъ и два первыя, подраздѣляется авторомъ на два поднарѣчія: «сѣверно-малорусское» и «южно-малорусское».

денія въ нихъ надлежащей исторической перспективы... Несомнѣннымъ можно признать одно, что б.-русское нарѣчіе искони отличалось уже отъ южнорусскаго тѣми основными особенностями своего звуковаго характера и строя, какими отличается отъ послѣдняго *вообще вся группа сѣверныхъ русскихъ* нарѣчій; но что при этомъ б.русское нарѣчіе, болѣе остальныхъ—великорусскихъ поднарѣчій этой группы, (кромѣ загадочной близости нѣкоторыхъ отличительныхъ чертъ сѣверно-великорусскаго вокализма съ соотвѣтственными чертами южно-русскаго, каковы напр. различеніе до извѣстной степени рефлексовъ *е* и *ѣ*; наклонность послѣдняго къ переходамъ въ *і*; случаи перехода *е* въ *ё*—независимо отъ ударенія; отсутствіе случаевъ непосредственнаго измѣненія неударяемаго *е* въ *я*; устойчивость въ качествѣ неударяемыхъ *ё* и *о* и проч.),—сохранило у себя общихъ съ южнорусскимъ нарѣчіемъ архаизмовъ; а затѣмъ, оно пріобрѣло также не мало и такихъ общихъ съ послѣднимъ особенностей, которыя объясняются, во-первыхъ, исконнымъ непосредственнымъ сосѣдствомъ и многовѣковымъ воздѣйствіемъ ихъ другъ на друга, и, во вторыхъ, пережитыми ими сообща внѣшними вліяніями однихъ и тѣхъ же культурныхъ и политическихъ факторовъ. Къ сожалѣнію, вопросъ о бѣлорусскомъ нарѣчіи остается мало разъясненнымъ даже и послѣ весьма цѣнныхъ во многихъ отношеніяхъ изслѣдованій о немъ г. Карскаго. Причина въ томъ, что почтенный изслѣдователь черпаетъ данныя для спеціальной характеристики бѣлорусскаго нарѣчія, въ его прошедшемъ и настоящемъ, съ одной стороны—не только изъ говоровъ, составляющихъ ядро этого нарѣчія, но также и изъ говоровъ переходныхъ къ великорусскому и м.-русскому нарѣчіямъ,—особенно къ послѣднему, среди коихъ встрѣчается не мало говоровъ, изобилующихъ типическими малоруссизмами, принимаемыми повидимому иногда названнымъ изслѣдователемъ за характерныя особенности также и б.-русской рѣчи; съ другой—изъ общаго запаса памятниковъ, такъ называемаго „западнорусскаго“ письменнаго языка,—только по политической традиціи о немъ называемаго, также иногда и „бѣлорусскимъ“,—но, въ дѣйствительности, выработавшагося изъ древней славяно-русской письменной рѣчи южнаго извода на почвѣ двухъ разныхъ нарѣчій—южно-русскаго и бѣлорусскаго, преимущественно же на почвѣ переходныхъ между ними,—„дреговицкихъ“, или, такъ называемыхъ въ послѣдствіи, „черноруссихъ“ говоровъ, и, вслѣдствіе сего,—представляющаго въ своемъ составѣ кромѣ церковно-славянизмовъ (а потомъ также и полонизмовъ), смѣсь основныхъ южнорусско-бѣлорусскихъ стихій рѣчи съ разнородными специфическими особенностями этихъ обоихъ, одинаково вліявшихъ на него живыхъ нарѣчій. Это обстоятельство и повело къ постепенному вырожденію этого, лишеннаго надлежащей органичности языка, и распаденію его на двѣ болѣе цѣльныя и живыя отрасли, выразившіяся въ двухъ особыхъ серіяхъ письменныхъ изводовъ,—одна изъ коихъ и послужила переходнымъ звеномъ между нимъ и возникшей потомъ группой отдѣльныхъ образцовъ письменности, уже на болѣе или менѣе чисто народномъ южнорусскомъ нарѣчіи.

Мы не имѣемъ въ виду и не можемъ касаться здѣсь всѣхъ частей названнаго труда проф. Соболевскаго и должны ограничиться лишь замѣчаніями, относящимися главнымъ образомъ къ отдѣлу его, трактующему о малорусскомъ нарѣчіи.

Описаніе послѣдняго, какъ и двухъ предыдущихъ, начинается у автора съ указанія занимаемой имъ территоріи и опредѣленія сперва общихъ особенностей, характеризующихъ все нарѣчіе, а затѣмъ— частныхъ, свойственныхъ его главнѣйшимъ діалектическимъ подраздѣленіямъ и отдѣльнымъ говорамъ въ каждомъ такомъ подраздѣленіи.

Какъ сказано уже, авторъ дѣлитъ малорусское нарѣчіе на *два поднарѣчія*, и надо согласиться, что въ пользу такого дѣленія его имѣются достаточныя основанія какъ въ характерѣ существенныхъ отличій, обнаруживаемыхъ говорами того и другого поднарѣчія, такъ и въ исторіи образованія этихъ отличій [1]). Зародыши послѣднихъ, повидимому, очень древніе и обусловливались, очевидно, первоначальнымъ дѣленіемъ южнорусскаго племени, въ этнографическомъ отношеніи, на двѣ главныя отрасли: *сѣверо-восточную* и *юго-западную*. Первую, по всей вѣроятности, составляли *Поляне*, (кіевской и переяславской земель) съ *Древлянами*. *Сѣверяне* и *Дреговичи*, должно быть, принадлежали уже къ типу переходному между южноруссами и собственно-сѣверноруссами (т. е.: Радимичами, Вятичами, Кривичами и Словѣнами). Вторую отрасль составляли *Дулебы* (волынской земли) и *Хорваты* (—галицкой). *Уличи* и *Тиверцы* (Понизья,—позднѣйшаго

[1]) Предположенное нами 20 лѣтъ тому назадъ дѣленіе южнорусской рѣчи на 3 нарѣчія: *украинское, полѣшское и червонорусское* основывалось главнымъ образомъ на морфологическихъ отличіяхъ „украинскихъ" говоровъ отъ „червонорусскихъ", соединяемыхъ авторомъ въ одно — „южно-малорусское" поднарѣчіе. (См. нашу статью объ этомъ въ „Трудахъ" экспедиціи Чубинскаго, упомянутую авторомъ въ спискѣ изслѣдованій по м.-русскому нарѣчію, стр. 11). Мы ничего впрочемъ не имѣемъ теперь противъ такой поправки автора и, кромѣ того, должны сознаться, что этотъ нашъ трудъ страдаетъ вообще многими недостатками, неизбѣжно связанными съ первыми шагами въ каждомъ новомъ дѣлѣ; тѣмъ болѣе, что и матеріалы по языку, которыми мы пользовались при составленіи нашей статьи, оставляли желать многаго лучшаго. Пользуясь случаемъ, позволимъ себѣ еще замѣтить, что наша статья вышла искаженной въ печати. Глава, въ которой опредѣлялись *общія особенности* малорусской рѣчи, совсѣмъ почему-то пропущена издателями, вслѣдствіе чего становятся мало понятными и неосмысленными приводимыя нами въ слѣдующей главѣ факты видоизмѣненій этихъ особенностей по нарѣчіямъ и говорамъ, а описаніе послѣднихъ испещрено ошибками и неправильностями, преимущественно въ употребленіи нѣкоторыхъ буквъ для обозначенія звуковъ (такъ напр., ц.-славян. ѧ почему-то замѣненъ иногда буквой ѩ.

Подолья) являлись, вѣроятно, переходнымъ звеномъ между этими двумя главными отраслями древняго южно-русскаго племени.

Есть основанія думать, что современная собственно «украинская» разновидность «галицко-украинскаго» («южно-малорусскаго») поднарѣчія,—позднѣйшаго происхожденія. Она несомнѣнно образовалась на почвѣ древней полянско-древлянской рѣчи подъ продолжительнымъ вліяніемъ на нее (начиная вѣроятно съ XIII—XIV ст.) рѣчи Волынянъ и Подолянъ, а, можетъ быть, отчасти также и Галичанъ. Такимъ образомъ, современное «полѣшское» или «сѣверно-малорусское» поднарѣчіе является лишь незначительнымъ осколкомъ прежней обширной отрасли южноруской рѣчи *сѣверо-восточнаго* (полянско-древлянскаго) типа, успѣвшимъ уцѣлѣть отъ ассимиллирующаго напора на нее *юго-западной* отрасли, благодаря, можетъ быть, своему изолированному положенію въ глуши лѣсовъ и болотъ. Но въ древности южно-русская рѣчь этого типа, безъ сомнѣнія, охватывала собою всю область южнаго теченія Днѣпра (отъ Припети и Подесенья) и его притоковъ,—сплошь занятую уже нынѣ (къ югу отъ долинъ Тетерева и Остра) украинскою разновидностію галицко-украинскаго поднарѣчія, у которой, однако, и до сихъ поръ еще осталась подкладка прежняго морфологическаго строя, сближающая ее въ этомъ отношеніи съ современымъ сѣверно-малорусскимъ поднарѣчіемъ и отличающая отъ галицкой разновидности.

Тѣмъ не менѣе, въ главныхъ чертахъ своего звуковаго строя, украинская разновидность на столько уже примыкаетъ къ галицкой, что, съ этой стороны, она, дѣйствительно, составляетъ съ нею одно общее діалектическое цѣлое.

Что касается отношеній южнорусскаго нарѣчія къ сосѣднимъ съ нимъ, родственнымъ нарѣчіямъ, то здѣсь, по нашему мнѣнію, правильно наблюдено и отмѣчено авторомъ одно весьма характерное явленіе, а именно, что, съ одной стороны, «малорусское нарѣчіе постепенно сливается съ словацкими говорами», такъ что здѣсь «точное опредѣленіе границы едва ли возможно» (стр. 3); съ другой,—что сѣверно-малорусскіе говоры «обыкновенно или составляютъ переходную ступень отъ малорусскаго нарѣчія къ бѣлорусскому и отъ сѣверно-малорусскаго поднарѣчія къ южно-малорусскому, или заключаютъ въ себѣ, рядомъ съ бѣлорусскими чертами, примѣсь чертъ южно-малорусскихъ» (стр. 12). Явленіе это дѣйствительно бросается въ глаза въ особенности въ виду того, что нѣтъ такого же незамѣтнаго перехода, образуемаго цѣпью столь же органическихъ переходныхъ гово-

ровъ, на границахъ между малорусскимъ нарѣчіемъ и польскимъ—съ одной стороны, и великорусскимъ—съ другой. Сосѣдящіе съ послѣдними нарѣчіями малорусскіе говоры заключаютъ въ себѣ лишь простую механическую примѣсь къ своей коренной основѣ нѣкоторыхъ особенностей этихъ нарѣчій, совсѣмъ почти не ассимиллированныхъ ими, и имѣютъ видъ, такъ называемыхъ, неорганическихъ *жаргоновъ*,—испорченныхъ лишь внѣшнимъ вліяніемъ чужой рѣчи [1]).

При всемъ томъ, категорическое, повидимому, пріурочиваніе у автора вышеприведенной характеристики переходныхъ сѣверно-малорусскихъ говоровъ къ опредѣленію общаго характера всего *сѣверно-малорусскаго поднарѣчія*,—являющагося, по такому опредѣленію его, какъ бы простымъ конгломератомъ разнородныхъ говоровъ, несвязанныхъ единствомъ своихъ органическихъ особенностей,—невозможно признать соотвѣтствующимъ дѣйствительности [2]).—Нѣтъ спора, что окраины этого поднарѣчія подверглись болѣе или менѣе сильному вліянію сосѣднихъ говоровъ: съ юга—вліянію говоровъ южно-малорусскаго поднарѣчія, съ сѣвера—бѣлорусскаго нарѣчія. Но вліяніе сосѣднихъ бѣлорусскихъ говоровъ не могло быть особенно глубокимъ, во 1-хъ, уже потому, что сами эти говоры искони являлись переход-

[1]) Нѣкоторое, правда, исключеніе представляетъ *лемковскій* говоръ, прочно усвоившій себѣ польскую неподвижную акцентовку; но коренныя южно-русскія черты его звуковаго и морфологическаго строя остались все таки безъ особенно рѣзкихъ органическихъ измѣненій.

[2]) Впрочемъ, въ слѣдующихъ словахъ автора, гдѣ сказано, что „сѣверно-малорусскіе говоры, *за немногими исключеніями*, принадлежатъ къ числу переходныхъ, или смѣшанныхъ, или—вмѣстѣ—и переходныхъ и смѣшанныхъ“ (стр. 12), можно видѣть какъ бы оговорку, нѣсколько ослабляющую такое опредѣленіе характера всего сѣверно-малорусскаго поднарѣчія. Подчеркнутыя нами слова, очевидно, заключаютъ въ себѣ намекъ на существованіе, хотя бы только въ видѣ исключеній, также и непереходныхъ, т. е. вполнѣ самобытныхъ сѣверно-малорусскихъ говоровъ. Но въ такомъ случаѣ, какъ же признать послѣдніе говоры „исключеніемъ“ изъ общаго характера всей діалектической группы, когда они, составляя, очевидно, ядро этой группы, неизбѣжно должны сосредоточивать въ себѣ, въ наиболѣе полномъ и чистомъ видѣ, специфическія черты и всѣхъ остальныхъ ея говоровъ? Вообще, скудость, а, во многихъ случаяхъ, также сбивчивость, неточность и противорѣчивость показаній объ особенностяхъ сѣверно-малорусскихъ говоровъ,—какія легко замѣтить, просматривая обзоръ этихъ особенностей сгруппированныхъ въ трудѣ автора,—чрезвычайно вредятъ составленію правильнаго понятія о коренномъ характерѣ сѣверно малорусскаго поднарѣчія, такъ что для точной характеристики послѣдняго требовалась бы еще тщательная провѣрка имѣющихся о немъ данныхъ и непосредственное изученіе ихъ на мѣстѣ.

ными отъ южнорусской рѣчи къ сѣвернорусской, а, во 2-хъ, что они не переставали и потомъ подвергаться еще дальнѣйшему воздѣйствію на нихъ сѣверно-малорусскихъ говоровъ, которое выразилось, напр., въ бѣлорусскихъ говорахъ Гродненской, Минской, Черниговской, и отчасти даже Могилевской губерній, присутствіемъ въ нихъ специфическихъ малорусскихъ чертъ, чуждыхъ центральнымъ и сѣвернымъ бѣлорусскимъ говорамъ, (каковы, напр., болѣе или менѣе частые случаи растяженія *о, е, ѣ*; тематическія *ува, юва* вм. *ыва, ива*—въ глаголахъ; многія специально-малорусскія *слова* и особенности ихъ образованія, и т. п.); наконецъ извѣстно, что и въ народной словесности южныхъ бѣлоруссовъ значительная доля принадлежитъ произведеніямъ южнорусскаго происхожденія.

Что же касается вліянія южно-малорусскихъ говоровъ, то дѣйствительно, глубокое воздѣйствіе ихъ на всю сѣверно-малорусскую рѣчь, какъ уже замѣчено было выше,—даже и по настоящее время,—не подлежитъ сомнѣнію. И это вполнѣ объясняется, какъ ближайшимъ родствомъ обоихъ южнорусскихъ поднарѣчій, такъ и тѣми культурно-историческими преимуществами, какія пріобрѣло южно-малоруское поднарѣчіе надъ своимъ сѣвернымъ собратомъ, въ особенности въ эпоху козаччины и связанныхъ съ нею національно-культурныхъ движеній; но какъ бы глубоко ни было это воздѣйствіе, вызванныя имъ измѣненія не могли касаться, конечно, самаго существа природы сѣверно-малорусскихъ говоровъ,—искони общей у нихъ въ своей основѣ съ природой говоровъ южно-малорусскихъ, и ограничиваются лишь своеобразной окраской первыхъ специфическими особенностями послѣднихъ, (въ родѣ, напр., стяженія дифтонговъ, а иногда и слоговъ, развитія элемента *і* въ ущербъ другимъ небнымъ элементамъ общемалорусскихъ гласныхъ *ѣ, е*, и проч.),—что, при томъ, отражается преимущественно лишь на ближайшихъ къ южно-малорусскому поднарѣчію сѣверныхъ говорахъ.

Но, за всѣмъ тѣмъ, средняя полоса сѣверно-малорусскаго поднарѣчія осталась все таки, повидимому, нетронутой никакими посторонними вліяніями, не только съ чужаго сѣвера, но даже и изъ своего юга, и ея говоры (особенно центральный—овручско-житомирскій говоръ) и по сіе время могутъ считаться прямыми эпигонами и характерными представителями древней южнорусской рѣчи сѣверо-восточнаго типа—въ современномъ ея состояніи.

Затѣмъ, при опредѣленіи территоріи *южно малорусскаго* поднарѣчія, авторъ обратилъ вниманіе на то дѣйствительно рѣдкое

явленіе въ области діалектическихъ явленій вообще, и въ діалектологіи славянскихъ нарѣчій—въ частности, какое представляетъ *украинскій говоръ* этого поднарѣчія, составляющій, «не смотря на всю обширность своей территоріи, одно діалектическое цѣлое, которое болѣе или менѣе своеобразно окрашивается лишь на окраинахъ, въ сосѣдствѣ съ поднарѣчіемъ южно-великорусскимъ или съ говорами сѣверно-малорусскими и подольскимъ (стр. 39.)» Этотъ говоръ,—говоритъ далѣе авторъ,—сдѣлавшійся литературнымъ языкомъ живущихъ въ Россіи Малоруссовъ [1]) (благодаря Котляревскому, Квиткѣ, Шевченку и др.), изъ всѣхъ малорусскихъ говоровъ считается самымъ пріятнымъ для слуха по мягкости своихъ звуковъ (особенно въ устахъ уроженцевъ Полтавы, Чигирина и ближайшихъ къ нимъ мѣстъ)». (Стр. 40).

Къ сожалѣнію, мы не можемъ входить здѣсь въ подробное разсмотрѣніе всѣхъ отмѣченныхъ у автора особенностей, характеризующихъ какъ все малорусское нарѣчіе, такъ и его поднарѣчія и говоры.—Скажемъ только, что главнѣйшія изъ этихъ особенностей, на сколько мы можемъ судить объ этомъ, исчерпаны у него въ достаточной мѣрѣ, а также обстоятельно сгруппированы и правильно освѣщены въ своемъ значеніи.

Но, не касаясь вовсе частныхъ особенностей, отличающихъ другъ отъ друга поднарѣчія и говоры, мы не можемъ, однако, не остановиться, съ посильными замѣчаніями съ своей стороны, на тѣхъ общихъ особенностяхъ малорусскаго нарѣчія, опредѣленіе коихъ у автора обращаетъ на себя, въ томъ или иномъ отношеніи, особенное вниманіе

Въ перечнѣ главнѣйшихъ звуковыхъ особенностей, свойственныхъ всему малорусскому нарѣчію, первое мѣсто занимаютъ у него характерныя измѣненія *древнихъ* гласныхъ *о* и *е* [2]), въ извѣстныхъ

---

[1]) Слѣдуетъ добавить, что онъ возобладалъ теперь и въ галицкой литературѣ, вмѣстѣ съ которой пріобрѣлъ даже оффиціальное положеніе въ краѣ.

[2]) По принятому авторомъ правилу, онъ уравниваетъ ихъ съ *орѳографическими о* и *е*.—Но въ данномъ случаѣ тѣ и другіе не совпадаютъ, такъ какъ *орѳографическіе о* и *е* соотвѣтствуютъ также *древнимъ* ъ и ь; а въ послѣднемъ случаѣ, они, какъ извѣстно, по общему правилу, не только не подвергаются въ малорусскомъ нарѣчіи указаннымъ переходамъ, но сохраняются въ чутьѣ языка какъ особая категорія, такъ называемыхъ, *бѣглыхъ* гласныхъ,—иногда исчезающихъ, иногда вставляемыхъ въ словахъ, и не мѣшающихъ,—находясь въ суффиксахъ вслѣдъ за слогами съ *основными о* и *е*,—видоизмѣняться послѣднимъ, какъ и въ закрытыхъ слогахъ, напр. въ случаяхъ: ко̂лок—ко̂л-ка, ко̂нець—ко̂н—ця.

Замѣтимъ здѣсь кстати, что въ обозначеніи конкретныхъ звуковъ (или ихъ типовъ) мы будемъ придерживаться транскрипціи, принятой самимъ авторомъ (см.

случаяхъ, въ другіе звуки. Измѣненія эти, какъ извѣстно, развились изъ первоначальнаго растяженія или долготы этихъ звуковъ въ среднихъ (закрытыхъ) слогахъ, образовавшихся вслѣдствіе паденія глухихъ *ъ* и *ь* и переходовъ *и* въ *й*,—начавшихся на южнорусской почвѣ уже въ XI—XII ст.

Въ этой категоріи измѣненій данныхъ гласныхъ авторъ вполнѣ основательно различаетъ *два* вида измѣненій гласнаго *е*: а) измѣненія аналогичныя (почти тожественныя) съ измѣненіями *о*, и б) переходъ его въ звуки, совпадающіе съ отраженіями по говорамъ древняго основнаго *ѣ*.

Извѣстно, что такая двойственность въ характерѣ измѣненій *е*, явилась въ зависимости отъ условій, при которыхъ оно или переходило или не переходило въ *о* (=*ê*, *ьо*); достовѣрные же случаи послѣдняго перехода его, по южнорусскимъ памятникамъ, восходятъ лишь (послѣ шипящихъ согласныхъ) до XII ст. Поэтому случаи перехода *е* въ рефлексы *ѣ* несомнѣнно древнѣе втораго вида измѣненій его; что не разъ констатировано было также и авторомъ въ прежнихъ его трудахъ, равно какъ и то отчасти, что этотъ первый видъ переходовъ *е* совершался непосредственно и обнималъ собою первоначально всѣ случаи такого рода измѣненій этого звука [1]). Случаи же перехода *е*, чрезъ посредство *о* (=*е*, *ьо*), въ *ьô* (*іô*) и его современные рефлексы по говорамъ, представляютъ, конечно, уже вторичное явленіе.

Эти двоякія измѣненія *е*, сохранившіяся въ сѣверно-малорусскихъ говорахъ (а отчасти и въ закарпатскихъ), но слившіяся съ

объ этомъ въ выноскѣ у него на стр. 11). Для обозначенія же обще-малорусскихъ фонемъ, будемъ пользоваться иногда графикой галицкаго, такъ называемаго,—этимологическаго правописанія, въ которомъ *ѣ*, *ê*, *ьô*, *ô*=галицко-украинскому *і*, а въ сѣверномъ поднарѣчіи—чаще разнымъ другимъ звукамъ.

[1]) Надо замѣтить, что южно-русское *е* въ древности имѣло, безъ сомнѣнія такой же небный характеръ, какъ и нынѣшнее сѣверно-русское (бѣлорусско-великорусское) и ляшское (польско-лужицкое) *е* (=ц. слав. ѥ и ѧ), и отличалось отъ древняго южно-русскаго *ѣ*, по всей вѣроятности, болѣе всего своею сравнительною краткостію; вслѣдствіе чего, становясь при извѣстныхъ условіяхъ долгимъ, оно, естественно, переходило въ звукъ тожественный съ звукомъ *ѣ*, или очень близкій къ нему. Извѣстно, что изъ всѣхъ славянскихъ нарѣчій этотъ родъ качественныхъ измѣненій гласныхъ,—вызванныхъ аналогическими условіями,—свойственъ, одинаково съ малорусскимъ нарѣчіемъ, только однимъ нарѣчіямъ западнаго отдѣла; но изъ нихъ, только въ ляшской группѣ нарѣчій, такимъ измѣненіямъ подвергается какъ *о* такъ и *е*; что же касается чешско-словацкой группы, (не знающей перехода *е* въ *о*), то въ ней такимъ образомъ измѣняется лишь одно *о*.

теченіемъ времени въ центральныхъ (галицко-украинскихъ) говорахъ опять въ одно общее измѣненіе, (въ нихъ, какъ извѣстно, *е* измѣняется теперь лишь въ *і*,—какъ въ случаяхъ прежняго перехода его въ *ѣ*: *піч* изъ пѣч, такъ и—въ *ьô* или *іô* пік изъ піôк),—имѣли, по нашему мнѣнію, весьма важныя послѣдствія и въ иныхъ случаяхъ для звуковаго строя послѣднихъ. Въ этихъ говорахъ, мы думаемъ, сліяніе измѣненій *е*—въ *іô* (и его рефлексы) съ непосредственными измѣненіями его въ *ѣ* (и его рефлексы), втянуло въ кругъ послѣднихъ и первоначальныя измѣненія основнаго *о* въ *ô* (и его рефлексы), о чемъ скажемъ сейчасъ нѣсколько словъ ниже.

Такъ какъ въ связи съ сказаннымъ явленіемъ находятся и другія звуковыя явленія, отмѣченныя у автора въ другихъ мѣстахъ, то мы и разсмотримъ ихъ здѣсь же. Такъ, въ перечнѣ менѣе важныхъ, по опредѣленію автора, звуковыхъ особенностей малорусской рѣчи, имѣющихъ, по нашему мнѣнію, то или другое отношеніе къ вышеозначенному явленію, обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія.

Въ числѣ ихъ отмѣченъ, напр., случай, когда «на мѣстѣ *у* послѣ согласныхъ въ разныхъ говорахъ въ отдѣльныхъ очень немногихъ словахъ слышится *і*: укр. ог*і*рокъ, зам*і*жъ, д*і*брова; галицк. ф*і*рманъ, кл*і*чъ» (стр. 6). Можно добавить еще сюда: гл*і*б-окий, а также слышанное нами въ Переяславщинѣ: маб*і*ть (вм. обычнаго маб*у*ть). (Вездѣ *і*, а не *и*). Такихъ примѣровъ найдется вѣроятно и больше, но ихъ можно встрѣтить только въ галицко-украинскихъ говорахъ. Явленіе это, мы думаемъ, представляетъ не что иное, какъ любопытный слѣдъ—въ области смежныхъ звуковъ—совершившагося въ этихъ говорахъ перехода ихъ первоначальнаго *у* изъ *о*—въ *і*, захватившаго собой изрѣдка,—подъ вліяніемъ довольно сложной комбинаціи аналогій,—какъ *у* основное, такъ и *у* соотвѣтствующее ц.-славянскимъ ѫ и ꙑ [1]).—Затѣмъ, указанное авторомъ придыханіе *в* въ началѣ словъ передъ рефлексами *ô* (изъ *о*), тоже характерно преимущественно для галицко-украинскихъ говоровъ, въ томъ отношеніи, что здѣсь оно является также, очевидно, пережиткомъ, унаслѣдованнымъ этими говорами отъ того времени, когда въ нихъ современное *і* (изъ *ô*) звучало еще какъ *у* [2]). Другаго объясненія это явленіе, повидимому, не

---

[1]) Переходамъ послѣднихъ *у* въ *і* могло способствовать также въ нѣкоторыхъ случаяхъ вмѣшательство „ложнаго словопроизводства", напр. въ ог*і*рокъ—сближеніе его съ г*і*ркий, въ зам*і*жъ—съ м*і*жъ, *межи* (между), и т. п.

[2]) Или даже раньше того,—когда оно звучало еще какъ *о* долгое или *оо*, съ закрытымъ начальнымъ *о* (=*у*). Ср. въ Галицк. Ев. ок. 1266 г. *во*овьця; Поли-

допускаетъ, такъ какъ въ южнорусскомъ нарѣчіи вообще придыханіе *в* невозможно совсѣмъ передъ начальнымъ *і* или *и*—основными, или изъ другихъ древнихъ звуковъ (*е*, *ы*, *а* и пр.).—Постоянство же этого придыханія въ галицко-украинскихъ говорахъ передъ *і* изъ *ô*,—не-знающее, кажется, ни одного исключенія, (въ нѣкоторыхъ сѣверно-малорусскихъ говорахъ оно можетъ иногда отсутствовать, или даже замѣняться другимъ придыханіемъ: *у*вця, *уо*вця; *го*кно и *гуо*кно),—свидѣтельствуетъ, повидимому, еще и о томъ, что здѣсь изъ *ô*,—до перехода его въ *і*—могло быть первоначально не простое *у*, а дифтонгъ *уô*, перешедшій потомъ (какъ упомянуто выше,—подъ вліяніемъ аналогіи съ переходами *ьô* изъ *ê*),—въ *уі*, а затѣмъ уже въ *і*; причемъ передъ послѣднимъ придыханіе *в*, вѣроятно, обязано такой устойчивостію своею ассимилляціи его съ прежнимъ *у* сказаннаго дифтонга, съ которымъ оно слилось въ общее *ў* (=*в*); отсюда: *ві*кнó, *ві*вця́ изъ *вуі*кнó, *вуі*вця́, а это—изъ *вуі*кнó, *вуі*вця́; или, пожалуй, оно даже прямо могло образоваться изъ *у*,—безъ придыханія *в*,—изъ *уі*кнó, *уі*вця́=*ўі*кнó, *ўі*вця́=*ві*кнó, *ві*вця́. Косвеннымъ подтвержденіемъ сказаннаго предположенія о дифтонгѣ *уі*, предшествовавшемъ современному *і*, можетъ служить и то, что въ большинствѣ галицко-украинскихъ говоровъ, особенно въ сѣверо-западныхъ говорахъ, согласные, стоящіе передъ такимъ *і* въ серединѣ словъ, не смягчаются: *ні*с (носъ), *ті*к (токъ) звучатъ какъ *ньі*с, *тьі*к, явившись здѣсь, очевидно, изъ *нўі*с, *тўі*к, а эти изъ *нуі*с, *туі*к,—въ противоположность созвучнымъ имъ: *нї*с=*ньі*с (нёсъ), *тї*к=*тьі*к (тёкъ), которые, должно быть, возникли также изъ первоначальныхъ: *нюі*с, *тюі*к.

Вообще, переходы общемалорусскихъ *ô* (изъ *о*) и *ê* (изъ *е*) въ разные звуковые рефлексы по говорамъ, слившіеся затѣмъ въ галицко-украинскомъ поднарѣчіи въ одно *і*, представляютъ одно изъ интереснѣйшихъ явленій малорусской фонетики. Къ сожалѣнію, мы здѣсь не можемъ удѣлять много мѣста подробному изложенію нашихъ мыслей объ исторіи этихъ переходовъ. Но, для поясненія сдѣланныхъ нами замѣчаній объ обстоятельствѣ, вызвавшемъ конечный результатъ ихъ въ галицко-украинскомъ поднарѣчіи, мы должны хоть вкратцѣ формулировать нашъ общій взглядъ на послѣдовательный ходъ развитія этого фонетическаго процесса и на причины, обусловившія данное его направленіе.

карп. Ев. 1307 г. *во*отца, *во*лтарь; Луцк. Ев. XIV в. *вѣ*тъ. (См. объ этомъ „Лекціи“ Соб. стр. 114.

По общимъ законамъ южнорусской фонетики, путемъ физіологическимъ могли переходить: *ѣ*' и *e* неударяемые (а *ѣ* и ударяемое)—въ *ї*; *e* (а вѣроятно и вторичное *ѣ* изъ него) передъ твердыми согласными—въ *ё* (=*ьо*, *іо*); *ё* неударяемое въ *ю*; затѣмъ *е* (=*э*) неударяемое въ *и* (=*ы*),—и наоборотъ, и наконецъ *о* неударяемое въ *у*. Но этимъ путемъ ни прямо, ни косвенно (черезъ другіе звуки) не могли перейти,—при однихъ и тѣхъ же нормальныхъ условіяхъ,—*ё* и *ю* въ *е*, *ѣ* или *ї*, а *юо*—въ *юе* или *юї*; и, тѣмъ паче, *о* и *у*—въ *е* и *и*, а *уо* въ *уе* или *уи*, въ особенности—въ *уе*, *уі*, *ьі* и даже *ї* (=*ьі*). Послѣдняго рода непосредственныхъ переходовъ собственно *ô* и *ê* не знаютъ также и остальныя славянскія нарѣчія, раздѣляющія съ малорускимъ фонетическую категорію качественныхъ измѣненій *растяженныхъ гласныхъ* *о* и *е* [1]). Очевидно, что подобные переходы однихъ звуковъ въ другіе могли явиться въ малорусскомъ нарѣчіи какимъ нибудь инымъ путемъ, въ сущности нарушающимъ даже нормальные законы ихъ физіологическихъ измѣненій, а именно—путемъ аналогіи съ соотвѣтственными нормальными переходами другихъ звуковъ, связанныхъ съ первыми единствомъ происхожденія или физіологическимъ сходствомъ.—Поводъ къ такой аналогіи, какъ уже было замѣчено выше, поданъ былъ случаями физіологическаго измѣненія первоначальнаго *е* въ *ьо* (*ё*) и послѣдовавшимъ затѣмъ раздвоеніемъ переходовъ *ē* (=*ê*): въ *ѣ*' *и* въ *ьô* (=*іô*).

Благодаря этому раздвоенію, создались условія, благопріятствующія пріурочиванію, съ одной стороны, рефлексовъ *ьô* (*іô*) къ рефлексамъ однороднаго съ нимъ *ѣ* [2]; съ другой—рефлексовъ *ô* къ рефлексамъ созвучнаго съ нимъ *ьô* (*іô*). Пріурочиванія эти произвели по говорамъ ряды *смѣшанныхъ варіантовъ*—рефлексовъ ьô (іô) и ô съ рефлексами *ѣ*,—не представляющихъ правильной физіологической связи ни другъ съ другомъ, ни съ нормальными рефлексами этихъ фонемъ, и не дающихъ поэтому возможности установить—изъ всей совокупности существующихъ нынѣ по говорамъ варіантовъ измѣненій *ê* и ô,—формулы послѣдовательнаго и постепеннаго въ физіологическомъ смыслѣ перехода ихъ въ одно общее восточно-украинское *ї*, ибо такого перехода въ послѣднемъ смыслѣ и направленіи, какъ сказано выше, и не могло быть.—Но, тѣмъ не менѣе, существуетъ извѣстная правильная преемственность въ самомъ ходѣ возникновенія и

[1]) Исключенія не составляетъ и древнее полабское нарѣчіе, въ которомъ часгое *ŭ* изъ обыкновеннаго *о* (ср. напр. paivŭ=pivo), ошибочно принимается нѣкоторыми за *і* изъ спеціальнаго *ô*. Тоже слѣдуетъ сказать и о кашубскомъ *е* изъ *и* (*у*).

развитія этихъ варіантовъ, и, съ этой точки зрѣнія, процессъ послѣдовательнаго образованія разныхъ, существующихъ нынѣ по говорамъ отдѣльныхъ физіологическихъ группъ рефлексовъ *ê* и ô, и постепеннаго перехода, путемъ аналогій, отъ однихъ группъ къ другимъ,— отъ нормальныхъ къ смѣшаннымъ, а отъ послѣднихъ къ общему *і*,— можетъ быть болѣе или менѣе точно формулированъ и выраженъ вкратцѣ въ видѣ слѣдующей схемы переходовъ [1]):

Группы нормальныхъ и смѣшанныхъ рефлексовъ *ê* и *ô* по говорамъ въ порядкѣ послѣдовательнаго ихъ образованія:

---

[1]) *В*ъ приведенной схемѣ ударяемые звуки обозначены косой чертой-грависомъ (*′*); неударяемые-знакомъ краткости (˘); долгота безъ измѣненій качествъ звука—горизонтальной черточкой (—);—съ измѣненіями—кровелькой или циркумфлексомъ (ˇ); буквы ъ и ь передъ гласными обозначаютъ: первый—твердость предыдущаго согласнаго, послѣдній—мягкость его; *ю̈*—нѣмецкому *ӥ*; <обозначаетъ развѣтвленіе> ;—смѣшеніе рефлексовъ подъ вліяніемъ аналогіи; =знакъ нормальнаго развитія рефлексовъ въ физіологическомъ отношеніи;—и ⩯ знаки физіологическихъ чередованій звуковъ; ⇉ указатель результатовъ смѣшенія рефлексовъ подъ вліяніемъ аналогіи;... ряды существующихъ нынѣ, вмѣстѣ съ другими, по говорамъ рефлексовъ *ô* и *ê*.

	Древніе обще-мало-руск. и отчасти со-временные подляш-скіе.	Позднѣйшіе обще-малорус. и соврем. въ коренныхъ сѣв.-малор. говорахъ.	Прежніе галицко-украинскіе и современные—въ переходныхъ въ галицко-украинскимъ сѣверно-малорусскихъ говорахъ.			Современные галицко-украинскіе.
ê (изъ ē)=	ѣ (іє)=	іѐ=ѐ (—ĭ) / іе=і =ї	→юѐ—юі=ѐ—і / →ю̀е—ю̀і=ю̀—і =ї	⋙→	⋙→	→ї(=ы)
	ѣ (іә)=	іо̀=ьô (ёо̀)=юё / ю́ё =ю			→ уѐ—уі=ъѐ—ъі / → у̀е—у̀і=ъю̈—ъі =і	і(=ъі)...
ô (изъ ō)=	(о о)=	(оо̀—о̀о)=уо̀ / у̀о =у	⋙→	→ уе́—у̇й=е́—и / → у̀е—у̀и=ѐ—ы =и		

Поясиимъ данную схему примѣрами, взявъ для этого слова́ тек-ток-, въ разныхъ морфологическо-семазіологическихъ измѣненіяхъ ихъ. *Е* въ теч-теч (теч-а, тек-ти́: тē̄ч-тē̄к=тê̄ч-тê̄к) видоизмѣнилось слѣдующимъ образомъ: *ê* изъ *ē* давало первоначально *одинъ* физіологическій рефлексъ *ѣ*, съ *двумя* лишь оттѣнками его: *тѣ*ч=*тіе*ч; (теча) и тѣк=тіэк (тёкъ). Изъ *перваго* оттѣнка (*іє*) развились физіологическіе варіанты по говорамъ, оставшіеся въ нихъ доселѣ: тіе́ч—те́ч, тїеч—тїч. Изъ *втораго* оттѣнка (*іэ*), давшаго *іô-ьô-ьô* (послѣ переходовъ є въ *ьо—ё*), образовались физіологическіе варіанты по говорамъ, бывшіе нѣкогда общемалорусскими, но уцѣлѣвшіе теперь только въ коренныхъ сѣверномалорусскихъ говорахъ: т*іô*к,—т*ёô*к—т*юё*к—тю́ёк—т*ю*к; затѣмъ, подъ вліянемъ аналогіи съ варіантами перваго оттѣнка *ѣ*, возникла категорія рефлексовъ смѣшаннаго характера, со слѣдующими ихъ физіологическими варіантами, бывшими нѣкогда и въ галицко-украинскихъ говорахъ, но теперь оставшимися только въ *переходныхъ* къ нимъ—сѣверно-малорусскихъ говорахъ: т*юе́*к—*те́*к,—тю̀ек—тю̈к,—тю̈ік—т*юї*к—тїк; наконецъ въ галицко-украинскихъ говорахъ изъ этихъ варіантовъ остался лишь послѣдній,—общій для *ѣ* и *іô* (изъ *ѣ=іе* и *ѣ=іэ*): тїк (=тьік).

О въ ток (точ-ити, ток-ова-ти: тō̄к=тô̄к) звучало первоначально какъ *ôо—оо́*, слѣды чего остались въ нѣкоторыхъ подляшскихъ говорахъ сѣверно-малорусскаго поднарѣчія. Изъ *оо*, въ т*ô*к, развились потомъ слѣдующіе основные, обще-малорусскіе физіологическіе рефлексы, сохраняющіеся понынѣ только въ коренныхъ сѣверно-малорусскихъ говорахъ: т*уô*к—т*у́*ок—т*у*к,— т. е. рефлексы параллельные и созвучные съ первоначальными рефлексами *іô*, *ьô*. Но затѣмъ, подъ вліяніемъ развившихся изъ послѣднихъ смѣшанныхъ рефлексовъ: *юе* и проч., образовалась категорія аналогичныхъ съ ними рефлексовъ: *уе́* и проч; ср. т*уе́*к—тѐк, т*у́*ек—тэ̀к, т*уи́*к—ты́к; эти рефлексы остались до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ сѣверно-малорусскихъ говорахъ,—ближайшихъ къ галицко-украинскимъ. Вслѣдъ за симъ, въ тѣхъ говорахъ, въ коихъ болѣе или менѣе возобладали смѣшанные рефлексы изъ *ьô* и *ѣ=юе* и пр., еще болѣе усилилось вліяніе послѣднихъ на аналогичные съ ними рефлексы *ô=уе* и проч., и, видоизмѣнивъ ихъ въ соотвѣтственномъ направленіи, образовало вторичную категорію этихъ смѣшанныхъ рефлексовъ, давъ: т*уе́*к—т*ье́*к, т*у́*ек—тьюк,—т*у́*ік т*у̀*ік—тьік—тік.

Наконецъ, въ галицко-украинскихъ говорахъ *і*, сдѣлавшись общимъ какъ для *ѣ* и *іô* такъ и для *ô*, постепенно перешло въ вос-

точно-украинскихъ говорахъ въ одно мягкое ї: тїч (=тьіч), тїк (=тьік)— общее для первоначальныхъ тѣч, тьôк и тôк.

Этотъ процессъ послѣдовательныхъ историческо-діалектическихъ превращеній ê и ô, благодаря традиціонной ороографической дисциплинѣ и отсутствію готовыхъ графическихъ средствъ для обозначенія соотвѣтственныхъ звуковъ, лишь слегка отразился въ нѣкоторыхъ данныхъ южно-русскихъ письменныхъ памятниковъ [1]).

Ѣ, изъ *ê=іе*, встрѣчается уже въ половинѣ XII в. въ Добриловомъ Евангеліи: ш*ѣ*сть и проч., а *и* вм. этаго *ѣ*-въ XIV в. въ галицкикъ грамотахъ: ш*и*сть ш*и*стдесять, ш*и*стьцятого (Жит. Оч. Зв. 353,—4,—6). Въ томъ же Добр. Ев. XII в. находимъ также *ѣ* изъ *ê=іэ*: въ н*ѣ*мь, въ н*ѣ*й, въ вс*ѣ*мь, въ *всѣй*, въ тво*ѣ*мь, въ тво*ѣ*й. Затѣмъ *ю* (изъ *і ô*), вм. *ѣ=іэ*,— впервые появляется въ Типографс. Ев. XII—XIII в.: щ*ю*дръ. Потомъ оно становится чаще: въ галицк. грам. XIV ст. по н*ю*й... сво*ю*й; также Шюльжич*ю*въ,—рядомъ съ по *ї*ной, Васил*ї*овъ (Жит. Оч. Зв. 354,—5); въ гр. К. Кн. Сем. Ал. XV в: при вс*ю*й, при вс*ю*мъ; въ Пересопн. Ев. XVI в. (1561 г.): н*ю*сль, *юй*, по с*ю*й, злодѣ*ю*вь; въ XVII в. еще чаще: въ сво*ю*мъ, о н*ю*мъ, въ вс*ю*мъ, непріятел*ю*въ, старц*у*въ, и проч. (Жит. Оч. Лит.). Оно употребляется затѣтъ и въ XVIII в., вплоть до конца его (очевидно лишь по ороографической традиціи) даже въ тѣхъ областяхъ, въ которыхъ навѣрно давно уже въ живой рѣчи вм. его возобладало *і*. Что касается послѣдняго, то его вм. *ю* мы встрѣчаемъ впервые уже въ XIV в. въ Путенск. Ев.: о мо*и*мь, о... сво*и*мь, во... тво*и*мь; но здѣсь кажется *и* вслѣдствіе смѣшенія формъ мѣстн. пад. съ формами творительнаго; *и* вм. *ю* едва ли возможно было уже въ это время. Вполнѣ достовѣрные случаи *і* изъ *ь ô* являются лишь въ памятникахъ XVII в., то въ видѣ *ѣ*, которымъ обозначалось тогда уже лишь мягко *і*,

---

[1]) Приводимыя въ этой статьѣ данныя изъ древнихъ памятниковъ почерпнуты главнымъ образомъ изъ „Лекцій по исторіи рус. языка" проф. Соболевскаго, изд. 2-ое, и изъ трудовъ П. И Житецкаго: „Очеркъ звуковой исторіи" и „Очеркъ литературной иторіи" малорусскаго нарѣчія. Въ ссылкахъ на нихъ мы будемъ обозначать для краткости трудъ перваго: „Соб. Лек.", а труды послѣдняго: „Жит. Оч. Зв." и „Жит. Оч. Лит."—Что касается приводимыхъ здѣсь данныхъ изъ *грамоты кіевскаго князя Семена Александровича 1459 г.*, обозначаемой у насъ „Гр. К. Кн. Сем. Ал.", то онѣ взяты нами непосредственно изъ копіи этого памятника на сквозной бумагѣ, хранящейся въ архивѣ Кіевской Археографической Комиссіи, и доставленной ей покойнымъ Иванишевымъ. Въ палеографическомъ отношеніи копія эта недаетъ ни какихъ поводовъ сомнѣваться въ томъ, что она снята съ южнорусскаго подлинника того времени.

то въ видѣ *и*—обозначавшаго и *і*, и *и* твердое: зт*ѣ*къ, вив*ѣ*лъ, о ч*и*мъ, оущ*и*рбок. (Жит. Оч. Лит. 124, 158).

ОО изъ ō встрѣчается въ Гал. Ев. 1266 г.: в*оо*вьця, и проч., но въ тоже время, а можетъ быть даже и раньше, рядомъ съ нимъ могло быть также и *у*; ср. въ типогр. Ев. XII и XIII в. суб*у*тный, и пр. Это *у* изъ *ô*,—какъ и *ю* изъ *ьô*,—встрѣчается затѣмъ въ памятникахъ XIV и слѣдующихъ столѣтій—до конца XVIII; въ послѣднихъ двухъ столѣтіяхъ (XVII й XVIII) вѣроятно также по орѳографической привычкѣ къ нему. Ср. напр. въ грамотахъ XIV—XV ст.: добров*у*льно, пр*у*звищемъ (Жит. Оч. Зв. 354,—5); въ гр. К. кн. Сем. Ал. XV в. ȣнъ; въ Пересопн. Ев. XVI в.: тв*у*й, ст*у*й, и т. п., въ XVII ст. плȣтъ (Лекс. Берынды), и проч. Первый разъ вполнѣ достовѣрное свидѣтельство о начавшемся переходѣ *ô* въ *і* встрѣчаемъ въ Пересопн. Ев. 1561 г. въ словѣ в*і*дповѣдаю (—при томъ въ формѣ *ві*), хотя спорадически оно могло появиться и нѣсколько раньше [1]). *И*, или даже *і* изъ *ô* навѣрное достаточно уже установилось въ XVII в.; сh. раз*и*въ (Тестаментъ игумена Густынскаго монастыря), уб*и*ръ (словарь Берынды; но здѣсь *и* можетъ быть изъ *ьô*, по аналогіи съ польскими ubiór), и проч. Остаются вопросы: почему сѣверные малорусскіе говоры въ измѣненіяхъ *е* и *о* оказались консервативнѣе южныхъ, и что особенно благопріятствовало въ послѣднихъ вліянію измѣненій *е* на измѣненія *о* и образованію смѣшанныхъ рефлексовъ, а также сведенію ихъ къ одному *і*? Но эти вопросы мы оставляемъ пока открытыми и возвращаемся къ разсмотрѣнію другихъ особенностей малорус. нарѣчія.

Въ качествѣ второй главной особенности общемалорусскаго вокализма отмѣчена у автора группа звуковыхъ рефлексовъ древняго (=орѳографич.) *ѣ* (стр. 4). Система ихъ въ малорусскомъ нарѣчіи наиболѣе сходна съ системой рефлексовъ сербско-хорватскаго *ѣ* (=*je*—*ije*; *i*; *e*). Но встрѣчающіеся въ нѣкоторыхъ сѣверно-малорусскихъ говорахъ *е*—*и*, какъ изъ *ѣ* основнаго (б*и*дà—б*е*дà—б*е*дъ), тамъ и изъ *ѣ* вторичнаго (изъ *ê*: пӗч, пудъ пйччю и проч.) отвердѣли, повидимому, (особенно послѣ губныхъ и плавныхъ) подъ вліяніемъ твердыхъ *е* (изъ основн. *е* и *ь*) и *и*. Въ большинствѣ же говоровъ общемалорусское *ѣ* отличается въ физіологическомъ отношеніи отъ общемалорусскихъ *е* и *и* мягкостью и преобладаніяхъ въ его звуко-

1) Въ случаѣ: оу теребовльск*и*й волости, въ грам. Гнѣвоша 1393 г.,—*и* или по ошибкѣ, или это полонизмъ (вм. польск.—*skiej*). Сомнительно также *и* въ пок*и*ль вм. пок*у*ль, въ гр. кн. Кобринскаго 1479 г.

выхъ рефлексахъ небнаго элемента *ї* надъ *е*. Рефлексы основнаго общемалорусскаго *ѣ* могутъ имѣть только два физіологическія измѣненія, сводящіяся къ звукамъ типа *е* или *і*, или обоихъ вмѣстѣ—*іе*, не подвергаясь при томъ тѣмъ спеціальнымъ переходамъ въ другіе звуки, какіе свойственны общемалорусскому *е* и его рефлексамъ. Поэтому двѣ эти малорусскія фонемы не смѣшиваются въ чутьѣ языка какъ въ сѣверно-русскихъ нарѣчіяхъ (б.—русскомъ и в.—русскомъ), въ коихъ *ѣ* и *е*, совпадая въ основномъ своемъ качествѣ а, во многихъ случаяхъ, также и въ физіологическихъ видоизмѣненіяхъ,—почти отожествились. Древній общемалорусскій *ѣ* былъ несомнѣнно долгій звукъ, заключавшій въ себѣ элементы *і* и *е*, отчего онъ очень рано сталъ переходить то въ тотъ, то въ другой звукъ. Звукъ *і* вмѣсто *ѣ* въ южно-русскихъ памятникахъ встрѣчается уже въ XI ст., напр.: сo ст*и*ны (въ Словахъ Григорія Богослова), смотр*и*ти (тамъ же и въ Изб. Свят.) и проч. Въ виду случаевъ чередованія въ Изб. Свят. 1073 г. *ѣ* съ *и*, *е* и ѥ: исц*ѣ*ли, исц*и*ли, смотр*и*въши, въразум*и*ни*ѥ*, в*е*рую, съв*ѣ*д*е*тель; гнѣвъ, и проч., можетъ быть, встрѣчающееся въ этомъ памятникѣ оригинальное йотированное *ѣ*=ıѣ въ словахъ: ıѣсти, своеıѣ, ѥıѣ (род. ед.),—и не простая орѳографическая прихоть, а попытка писца выразить дифтонгъ *іе*, который могъ уже и тогда развиться изъ долгаго южнорусскаго *ѣ*. Если редакцію грамоты кіевскаго князя Семена Александровича 1459 года признать чисто мѣстной—кіевской (въ чемъ мы не сомнѣваемся), то оттѣнки *ѣ*, выразившіеся въ Изб. XI в., продолжали существовать въ Кіевщинѣ еще и въ XV ст. Ср. въ этой грамотѣ: л*ѣ*сомъ, р*ѣ*кою, хот*ѣ*въ и проч., рядомъ съ л*е*сами, р*е*кою, д*е*ти и съ посмотр*и*ти, д*и*дизнѣ, зав*и*шенъемъ. Теперь, какъ извѣстно, эти оттѣнки *ѣ*, вмѣстѣ съ дифтонгомъ изъ него *іе*, сохраняются только сѣвернѣе Кіева, въ области современныхъ полѣшскихъ говоровъ, а малорусскій говоръ Кіева и его окрестностей примкнулъ уже цѣликомъ въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ, къ говорамъ галицко-украинскаго поднарѣчія, имѣющаго на мѣстѣ древн. *ѣ* одно лишь мягкое *ї*.

Третьей существенной особенностію общемалорусскаго вакализма, обозначенной у автора, является одинаковое произношеніе древнихъ (=орѳографическихъ) *и* и *ы*. Относительно этого общаго для нихъ звука, обозначаемаго у автора, по принятому правилу, однимъ *и*,—совершенно вѣрно замѣчено имъ, что это *и* произносится по говорамъ различно, то мягче велико-русскаго *ы* и уверже *и*, то вполнѣ какъ *ы*, при чемъ мягкіе согласные предъ ними *отвердѣли и*, какъ

сказано у автора, напр. «древнее мягкое *л* звучитъ или близко къ западно-европейскому среднему *л*: *ли*хо [1]), или какъ великорусское твердое *л*: *лы*хо» [2]). (Стр. 4).

Кажется, смѣшеніе *ы* съ *и*—явленіе довольно старое на южнорусской почвѣ, хотя оно и моложе аналогичнаго южно-славянскаго явленія. Однако *и* вм. *ы*, изрѣдка встрѣчающееся уже въ Изб. Свят. 1073 г. (неправд*и*, закон*и*, р*и*ба)—можетъ быть, и не одни только болгаризмы. Въ послѣдствіи употребленіе буквы *и* вм. *ы* сдѣлалось довольно обычнымъ въ памятникахъ южнорусской письменности.— Но оно является раньше и становится обычнѣе въ памятникахъ восточныхъ областей Южной Руси [3]), чѣмъ западныхъ, въ орѳографіи которыхъ *ы*, за немногими исключеніями, долго еще сохраняется на своемъ мѣстѣ, поддерживаемое очевидно примѣромъ польской и бѣлорусской письменности и рѣчи. Изъ болѣе раннихъ памятниковъ средняго періода ю.-русской исторіи, принадлежащихъ къ первой категоріи, *и* вм. *ы* довольно часто встрѣчается въ грамотѣ кіевскаго кн. Семена Александровича (1459 г.): не мал*и*мъ, мал*и*ми, и он*и*ми (при оныхъ), отчизн*и* и дидизн*и* (род. ед.). Что же касается *ы* вмѣсто *и*, какъ вполнѣ уже достовѣрнаго признака спорадическаго отвердѣнія послѣдняго, то оно явилось очень рано,—преимущественно въ западныхъ памятникахъ. Оно встрѣчается въ нихъ уже въ XII ст., напр. въ Добриловомъ Ев. (1164 г.): погуб*ы*выи, прос*ы*ти, сотн*ы*къ. Затѣмъ ср. также въ «Раздѣльной» кн. Збаражскихъ, писанной въ Вишневцѣ (на Волыни) 1482 г.: л*ы*стъ, што сѧ достал*ы* (при достал*и*), В*ы*шнѣвецкими (при В*и*шнѣвець) [4]) Давно уже замѣчено, что данной чертой своего вокализма (смѣшеніемъ *и* съ *ы*),—какъ и отвердѣніемъ *е*,—южнорусское нарѣчіе отступаетъ отъ общихъ признаковъ, характеризующихъ весь ляшско-русскій отдѣлъ славянскихъ нарѣчій, и

---

[1]) *Ly*cho или *ły*cho. Надо замѣтить, что въ тѣхъ говорахъ (преимущественно восточно-украинскихъ), въ которыхъ передъ *и* имѣется изъ отвердѣвшаго „среднее" *л*, такъ же *средне* произносятся и другіе твердые согласные (особенно въ устахъ женщинъ), при томъ не только передъ *и*, но и передъ другими гласными: п*ле*че, хо*ди*ла, го*ло*вка, го*лу*бка. ни*ка*ти, *нести*, и т. п. произносятся *почти* какъ: п*лъ*ече, хо*дъ*і*лъя*, го*лъ*ёвка, го*лъ*юбка, *нъ*і*катъ*і, *нъ*ес*тъ*і.

[2]) *Ły*cho.

[3]) Вслѣдствіе чего Мелетій Смотрицкій, какъ строгій блюститель традиціоннаго правописанія, въ своей грамматикѣ (напечатанной въ 1619 г.), требуетъ между прочимъ, чтобы „не писать... *ы* вмѣсто *и*, и на оборотъ". (Жит. Оч. Лит. 23). Первое относилось, очевидно, болѣе къ западнымъ писцамъ, послѣднее—къ восточнымъ.

[4]) См. Archiwum Ks. Sanguszków. T. I. Львовъ 1887 г. стр. 80, 81.

сближается съ характеромъ вокализма чешско-балканскаго діалектическаго отдѣла. Однако въ даннномъ пунктѣ сходство съ послѣднимъ ограничивается лишь собственно самымъ процессомъ этимологическаго смѣшенія и отожествленія рефлексовъ основнаго *ы* и *и*; но при этомъ,—есть существенная разница въ направленіи и конечныхъ результатахъ этаго процесса тамъ и здѣсь. Въ нарѣчіяхъ чешско-балканскаго отдѣла рефлексы *ы* перешли въ *і*—хотя при этомъ иногда болѣе или менѣе сохранилась твердость предшествовавшихъ имъ согласныхъ; въ малорусскомъ же нарѣчіи, наоборотъ, рефлексы *і* отождествились съ *ы*, при чемъ находившіеся передъ ними мягкіе согласные окончательно отвердѣли: к*и*га, *ни*ва и проч. произносятся въ большинствѣ говоровъ какъ к*ны*га, *ны*ва,—въ меньшинствѣ, почти, какъ кньіга, *нъі*ва,—одинаково съ *ни*ряти=*ны*ряты и *нъі*рятъі, и т. п. (Ср. србс. књ*и*га, *њи*ва, при по*ни*рати и проч.).

Затѣмъ идетъ у автора характеристика обще-малорусскаго *е*, ограничивающаяся впрочемъ указаніемъ лишь на твердое произношеніе передъ этимъ гласнымъ древнихъ мягкихъ согласныхъ, такъ что напр. «*не* произносится ближе къ *нэ*, или даже какъ *нэ*», при чемъ др. мягкій *л* звучитъ или близко къ западно-европейскому среднему *л*[1]) или какъ в.-русское *л* (стр. 5). Но характеръ малорусскаго *е* заслуживаетъ нѣсколько бо́льшаго вниманія. Во 1-хъ, стоитъ замѣтить, что хотя малорусское *е* произносится, повидимому, въ той же степени твердо, какъ и *е* въ нарѣчіяхъ чешско-балканскаго отдѣла но отвердѣніе согласныхъ передъ нимъ въ малорусскомъ нарѣчіи проведено гораздо полнѣе и послѣдовательнѣе, чѣмъ въ послѣднихъ (особеоно—въ словацкомъ), такъ что даже специфически-мягкій малорусскій *ц* не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія, на что и авторъ обратилъ вниманіе—въ другомъ мѣстѣ, приведя въ примѣръ: лиц*е*,—при лиц*я*, лиц*ю* (стр. 7). Во 2-хъ, отвердѣніе согласныхъ въ малорусскомъ нарѣчіи передъ *е* является не только въ тѣхъ случаяхъ, когда оно=ц. славянс. *е* и *ь*,—какъ это главнымъ образомъ установилось въ вышеупомянутыхъ нарѣчіяхъ,—но и тогда, когда это *е*=ю (изъ j*о*): пол*е*, мор*е*, хвален*ий*, до *не*го. (Ср. словинск. po*lj*e, mo*rj*e, hva*lj*enie, *nj*gov; срб. поље, хваљени, његов.). Вообще м.-русское нарѣчіе избѣгаетъ небнаго *е* «смягчающаго предыдущіе согласные; такое *е*, или *є*, встрѣчается только послѣ *j* (єсть, бігає=jесть, бігаjе)

[1]) См. объ этомъ выше, въ выноскѣ, о согласныхъ передъ *и* и другими гласными. Вмѣсто приведеннаго здѣсь у автора польскаго написанія такого *л* въ *ł*eczu, можетъ быть, точнѣе было бы написаніе: *łi*eczu.

и послѣ другихъ согласныхъ,—когда оно происходитъ изъ древнихъ стянутыхъ: jъ+jь, *ьjо—ije*: укр. син*е*, лїтн*е*, трет*е*, зї*лле* или зї*ле*, и проч.

Не смотря однако на такую степень отвердѣнія,— м.-русское *е* отличается съ другой стороны отъ южно-славянскаго и чешско сло-вицкаго тѣмъ, что сохранило много фактовъ своей прежней измѣняемости въ извѣстныхъ случаяхъ въ *ё* (*ьо*),—какъ въ нарѣчіяхъ сѣверно-русскихъ и ляшскихъ. Но только это *ё* (*ьо*) изъ *е*, какъ правильно замѣтилъ авторъ, «въ малорусскомъ нарѣчіи слышится въ несравненно меньшемъ количествѣ словъ, чѣмъ въ нарѣчіяхъ великорусскоомъ, и не находится въ какой либо зависимости отъ ударенія» (стр. 5) [1]). Добавимъ, что здѣсь и остальныя условія появленія *ё* (*ьо*) изъ *е*, нѣсколько иныя, чѣмъ въ сѣверно-русскихъ нарѣчіяхъ [2]). У автора отмѣчено наиболѣе частое появленіе такого *о* (ё) послѣ *j* и шипящихъ согласныхъ, передъ твердыми согласными,—что совершенно вѣрно. Но и передъ твердыми согласными,—если они отвердѣли передъ *е* или *и*, или передъ исчезнувшимъ *ь*,—то *о* изъ *е* не бываетъ тоже и послѣ шипящихъ и *j*. На концѣ словъ также рѣдки случаи появленія *о* изъ *е*. Наконецъ послѣ губныхъ согласныхъ возможно только, какъ наслѣдіе старины,—*ê* (=*ѣ*, *іô*=укр. *ї*), но никогда *ё* (*ьо*); послѣднее весьма рѣдко также послѣ *р*: рѐбра (=с.-рус. рёбра).

Далѣе у автора отмѣчены также тѣ рѣдкіе случаи, когда на мѣстѣ не отвердѣвшаго *е*, въ значительной части малорусскихъ говоровъ слышится *а* (т. е. *я*): житт*я*, весіл*ля*, весіл*ля*мъ (тв. ед.), весіл*ля*чко. (Стр. 6). Такая же замѣна *е* (или *е* изъ *е*) чрезъ *я* (*а*), встрѣчается еще во многихъ украинскихъ говорахъ въ причастныхъ формахъ глаголовъ I и IV кл. (на-*ти*,-*ити*): мѐт*я*ний, тря́с*я*ний, стри́ж*а*ний, пѐч*а*ний, нѐс*я*ний, хвàл*я*ний, вàр*я*ний сòл*я*ний, рòбл*я*ний, тà*я*ний, дò*я*ний, ýч*а*ний, сàдж*а*ний, (отъ сад*и*ти), міш*а*ний (отъ міс*и*ти) и проч. (вм.—*е*ний съ *е* безъ ударенія) [3]) Въ обо-

---

[1]) Намъ кажется, однако, что положеніе это нуждается еще въ болѣе тщательной провѣркѣ. Если не теперь, то раньше, на переходы *е* въ *о*, удареніе имѣло, повидимому, извѣстную долю вліянія во всѣхъ нарѣчіяхъ ляшско-русскаго отдѣла.

[2]) Въ сѣверно-великорусскомъ поднарѣчіи находимъ сочетаніе нѣкоторыхъ условій перехода *е* въ *ё* (*ьо*) южнорусскихъ (*ёго́*=jовó) съ основными условіями обще-сѣвернорусскими (плеч*о́*); при чемъ ударяемое *é* передъ твердыми согласными всегда=*ё* (печ*о́*ный),—но не передъ мягкими (*é*житься,—но не *ё*житься, какъ въ южно-великорусскомъ).

[3]) Но въ тѣхъ же формахъ, съ характеромъ прилагательныхъ и ударяемымъ *е*,—послѣднее въ *я* не переходитъ: печѐний, хвалѐний, варѐний, учѐний, сол*é*ний (=ц. слав. солѥнъ, при болѣе частомъ сол*о́*ний=ц. слав. сланъ).

ихъ этихъ случаяхъ *я* (*a*) вм. *е* (е) явилось, несомнѣнно, подъ вліяніемъ аналогіи съ другими соотвѣтственными формами,—поддержанной избѣганіемъ весьма рѣдкаго вообще въ м.-русскомъ нарѣчіи зв. *е*. Въ первомъ случаѣ *я* (а) явилось подъ вліяніемъ, съ одной стороны, формъ сущ. ср. р. ед. ч. съ темой на *н*: укр. сім*йа*, тім*йа*,—*йа*мъ (тв. ед.),—*йа*чко, и проч., и вѣроятно также—уравненныхъ съ ними формъ, съ темой на *т*: ягн*я*, тел*я*, лош*а*,—*я*мъ (тв. ед.),—*я*тко, и проч.; съ другой—подъ вліяніемъ формъ «собирательныхъ» существительныхъ ср. р., примыкающихъ къ формамъ мн. ч: ли́ст*я*, камінн*я*, корінн*я*, пір*йа*,—*я*мъ (тв. п.),—*я*чко, и проч.,—камъ: лйц*я*, я́йц*я* (им. мн.) и проч. Ср. въ Пересопницк. Ев. XVI в.: писан*ѧ*, выображен*ѧ*, выречен*ѧ*, одѣн*ѧ* (вм. *е*—*іе*) (Жит. Оч. Зв. 360—362); у Галятовскаго (въ XVII в.): камѣнь*ѧ*, камѣнь*ѧ*мъ (Жит. Оч. Лит. 26). Во второмъ случаѣ—подъ вліяніемъ *я*—*а* въ причастныхъ формахъ глаголовъ III, V и VI кл. (на—*я*чи,—*а*ти,—ов*а*ти): са̀дж*а*ний (отъ саджа̀ти), міш*а*ний (отъ міш*а*ти), дѐрж*а*ний, леж*а*ний, мовч*а*ний, сто̀*я*ний, сі*я*ний, ві*я*ний, пис*а*ний, даро̀в*а*ний, и проч.—Такія формы съ—*я*ний вм. *е*ний тоже не рѣдкость въ памятникахъ, преимущественно XVII в.

Что касается отмѣченныхъ авторомъ весьма рѣдкихъ случаевъ перехода *о* въ *а* передъ *а* въ слѣдующемъ слогѣ: *ба*га̀тий, *га*ря́чий и пр. (стр. 5, 6), то здѣсь первое *а* явилось подъ вліяніемъ втораго, и это едва ли можетъ быть отнесено къ проявленіямъ физіологическихъ свойствъ м.-русскаго *о*. Гораздо характернѣе для послѣдняго указанные авторомъ другіе, болѣе частые случаи перехода его безъ ударенія въ *у* (стр. 5). Кромѣ приведеннаго имъ: *у*пять,—*у* (и *ю*) вм. *о* (и *ё*) слышится также въ п*у*жа̀р, м*у*ги́ла, ч*у*му́, *ю*му́ и т. п. Въ темахъ *ува*, *юва* вм. *ова*—*ёва* (куп*ува*ти, танц*юва*ти) *о*, *ё* рѣшительно измѣнилось въ *у*, *ю* подъ вліяніемъ, очевидно, темъ изъявит. и повелит. накл.: куп-*у*-ю,—*у*й; танц-*ю*-ю,—*ю*й, и проч.; но, въ сложныхъ формахъ, *о*, *ё* подъ удареніемъ, возстанавливается: скуп*ов*увати витанц*ёв*увати.

Что касается обще-малорусскаго консонантизма, то къ главнѣйшимъ особенностямъ его авторъ относитъ (стр. 5), во 1-хъ, сохраненіе въ большинствѣ говоровъ древнихъ (=орѳографическихъ) звонкихъ согласныхъ въ концѣ словъ и въ срединѣ словъ передъ глухими согласными (ло*б*ъ, бо*г*ъ, ді*д*ъ, ні*ж*ъ, ві*з*ъ, ні*ж*ка, а не ло*п*ъ, бо*х*ъ и т. п.); въ чемъ, замѣтимъ, изъ всѣхъ славянскихъ нарѣчій, съ малорусскимъ сходится, кажется, до извѣстной степени, одно лишь-

сербское; и, во 2-хъ, образованіе изъ древнихъ мягкихъ губныхъ согласныхъ *б*, *в*, *м*, *п*, передъ *а* (*я*) комплексовъ: *бј*, *вј*, *мј*, *пј*; при чемъ губные звучатъ твердо (*вј*ану=*въя*ну и пр. [1]). Приводится какъ исключеніе *свя*тий; но это слово произносится или какъ сь*въя*ти́й, или, чаще, какъ сь*ва*ти́й. Отмѣчены также случаи замѣны здѣсь *ј* чрезъ *л* (въ фф. 3 л. мн. ч.: лю*бл*ять и пр.; добавимъ также: здоров*ля*—въ западн. гов.) и *н* (послѣ *м*): *мня*со. Въ *мня*со, какъ и въ *мня*гкий, *мня*ти,—*н*, вѣроятно, подъ вліяніемъ *н* въ м*ну* и проч. (Въ Галичинѣ, см. словарь Желеховскаго, также п*ня*ти,—по аналогіи съ п*ну*, и проч.) Указанныя явленія находятся, повидимому, въ связи съ раннимъ отвердѣніемъ въ малорусскомъ нарѣчіи мягкихъ губныхъ согласныхъ; откуда, между прочимъ, появленіе такихъ звуковыхъ комбинацій, какъ: це́рк*ва*, мо́рк*ва*, бро*ва́* вм. церко*вь*, морко*вь*, бро*вь*), кора*бе́ль*, ру*бе́ль*, жура*ве́ль* (вм. кора*бль*, ру*бль*, жура*вль*); а также: голу*б*,—*ба*, сте*п*,—*пу*, и т. п. [2]),—какъ въ нарѣчіяхъ чешско-балканскаго отдѣла. Объ отвердѣніи губныхъ на концѣ словъ говорится и у автора, съ поясненіемъ этаго примѣрами: укр. сі*мъ* (=се*мь*), си*пъ* (=сы*пь*—повел. накл.) (стр. 7).

Затѣмъ въ перечнѣ менѣе важныхъ, по мнѣнію автора, звуковыхъ особенностей малорусской рѣчи, обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія.

Между прочимъ, одна изъ этихъ особенностей опредѣляется такъ: «древн. тверд. *л* въ серединѣ словъ передъ согласными и въ концѣ формъ прошедшаго времени... обыкновенно звучитъ какъ *ў*, образующее съ предыдущимъ гласнымъ одинъ звукъ—дифтонгъ: укр. во*ў*къ,» (стр. 6.). Съ такимъ общимъ опредѣленіемъ этаго явленія мы не находимъ возможнымъ согласиться.

Намъ кажется, что въ приведенныхъ случаяхъ надо различать два, совершенно самостоятельныя явленія. (оба они свойственны одинаково малорусской и бѣлорусской рѣчи). Первое—чисто фонетическаго характера и происхожденія; это—образованіе въ серединѣ словъ комплекса *оў* (*ов*) изъ древней обще-русской фонемы *ъл*, и *ьл* (=ц. слав. *лъ*) или, что вѣроятнѣе,—*ълъ*, *ьлъ* [3]), сохранившейся спо-

[1]) Тоже явленіе въ нѣкоторыхъ говорахъ бываетъ и съ *р*. У Подгорянъ и Верховинцевъ въ Галичинѣ мы имѣли случай наблюдать произношеніе *р* (*рь*) какъ *рј*: по*р-ја*док, по*р-је*док=по*ръ*-ядок, по*ръ*-едок. и проч.

[2]) Въ своихъ „Лекціяхъ" (стр. 123) проф. Соболевскій считаетъ послѣднее явленіе результатомъ отвердѣнія согласныхъ конечныхъ вообще и послѣдовавшаго затѣмъ вліянія им. пад. ед. (голубъ) на другія падежныя формы (голуб*а* и пр. .)

[3]) Ср. въ Остром. Ев. тълъцѣте, напълъ нѭна; въ Минеѣ 1095 г. стълъпъ, въ Тріоди XII в. дълъгу, жълъчи; въ Галицк. Ев. 1144 г. дълъжніка.

радически—съ проясненіемъ обоихъ глухихъ—на почвѣ сѣверно-великорусскаго поднарѣчія, въ видѣ такъ наз. *втораго полногласія*—*оло* (ст*оло*бъ, м*оло*нья) [1].—На почвѣ бѣлорусскаго и малорусскаго нарѣчій только передній, ударяемый глухой этой фонемы прояснился въ *о*, задній же—неударяемый слился съ *л* въ общій звукъ *ў* (*в*). Отсюда, думаемъ: в*оу*къ, ж*оу*тий, изъ древн. *вълъкъ*, *жьлътъ* или *вълукъ*, *жълутъ* [2]. Поэтому такое *ў* (*в*), вм. древн. *л*, въ срединѣ словъ передъ согласными бываетъ только послѣ *о* изъ др. *ъ*, и первоначальное *л*, взамѣнъ его, никогда уже не возстанавливается, даже передъ вставными гласными и съ перемѣщеніемъ на нихъ ударенія изъ *о*, какъ напр. въ случаяхъ: п*овен*ъ, ч*овен*ъ [3].—Въ выноскѣ авторъ замѣчаетъ, что есть не мало исключеній (подъ вліяніемъ аналогіи) изъ выставленнаго имъ общаго правила о переходѣ въ срединѣ словъ *л* въ *в* (*ў*); въ примѣръ чего приводитъ слово: горі*л*ка. Совсѣмъ наоборотъ. Именно устойчивость *л* въ словахъ, въ родѣ приведеннаго, послѣ разныхъ гласныхъ (кромѣ *о* изъ др. *ъ*) составляетъ общее правило, а появленіе въ этихъ случаяхъ вм. его *в* (гал. горі*в*ка, общ. малор. шо*в*къ и т. п.) возможно лишь какъ весьма рѣдкое исключеніе, вызванное аналогіей; ср. го*л*ка, ва*л*ка, кі*л*ки, мі*л*ко, жа*л*ко, па*л*кий и т. п. Южнорусско-бѣлорусскому *оў* вполнѣ аналогично сербское *у*, образовавшееся тоже изъ древняго южно-славянскаго *лъ*: в*у*к, ж*у*т. (Происхожденіе словинскаго рефлекса той же фонемы *ol*, звучащаго такъ же какъ и б.-русско-м.-русскій—*ov*,—для насъ не ясно).—Второе явленіе, представляющее замѣну конечнаго *л*(+*ъ*) чрезъ *ў* (*въ*), могло возникнуть только подъ вліяніемъ какой нибудь аналогіи. Исключительное употребленіе *в* (ў) вм. *л* только въ причастныхъ формахъ: да*ў*, ішо*ў* и проч., произошло, повидимому, вслѣдствіе простой замѣны (при благопріятномъ отчасти фонетическомъ условіи: ассимилляціи и сліяніи *л* съ *ъ*) формъ II-го дѣйствительнаго причастія прош. вр. м.

[1]) Ср. также въ грамотѣ писанной въ 1.400 г. въ Львовѣ: въ д*оло*жь (=совр. мѣр. вздоуж). (Жит. Оч. Зв. 356).

[2]) Ср. въ грам. 1452 г. Кгаст*ов*тъ Avch. Ks. Sang. T. I. стр. 47.), рядомъ съ польско-латынскимъ написаніемъ въ другомъ мѣстѣ Gaschtoltowycz (тамъ-же стр. 67.); невд*ов*зѣ (четья 1.489 г. см. Рус. Фил. Вѣстн. 1893 г. № 1 стр. 106), при д*олъ*женъ (четья 1489 г., тамъ же стр. 91). Въ XVI и XVII вв. *ов* уже чаще: выд*ов*бую (Лекс. Зиçанія 1596 г.), в*ов*на, м*ов*чу, Бст*ов*ченый (ерында), в*ов*на, *вов*няны (Галятовскій).

[3]) Здѣсь *е*, конечно, позднѣйшая вставка, а не рефлексъ втораго *ъ* въ древней фонемѣ *ълъ*, и хотя въ м. русскомъ нарѣчіи возможны также рѣдкіе случаи съ *е* на мѣстѣ др. *ъ*: посел, денце, но и въ такихъ случаяхъ *е*, очевидно, тоже не органическое.

рода на *лъ*-формами I-го древняго такого же причастія на *въ*,—при постоянной дальнѣйшей, вѣроятно, также поддержкѣ этаго формами въ родѣ: да*у*ши, (=др. давъши)—уравненной съ нею йшо*у*—ши, (=др. шьдъши) и т. п. Уже въ XV в., въ грамотѣ кіевс. кн. Семена Александровича встрѣчаемъ: хотѣ*в* вм. хотѣ*лъ*; въ памятникахъ же XVI и XVII ст. онѣ становятся чаще. Однако формы женс. и ср. рода съ *л* остались неприкосновенными: да *ла*,-*ло*, и проч. Аналогичное явленіе представляютъ, кажется, обще-русскія формы: несъ, уме*ръ* (I прич.) вм. нес*лъ*, умер*лъ* (II прич.).—при нес-*ла* умер*ла* и пр. II прич.). Во всѣхъ другихъ случаяхъ конечное *л* (=др. *л*+*ъ*), насколько знаемъ, въ малорусскомъ нарѣчіи всегда сохраняется: укр. сті*лъ*, бі*лъ* камінь, и проч. [1]).

Затѣмъ отмѣчены у автора случаи звуковыхъ сочетаніи *ри*, *ли* вм. *ро*, *ло*, *ле*(*о*, *е* изъ *ъ*, *ь*) (стр. 7). Добавимъ къ его примѣрамъ: д*ри*жати, к*ри*хта, к*ри*шки, г*ли*тати, есть и болѣе. Но сверхъ того, можно встрѣтить также и сочетанія (очень рѣдкія, впрочемъ) *ир*, *ил* вм. *ор*, *ол* (=*ър*, *ъл*): к*ир*па, к*ир*патий (=ц. сл. к*ръ*носъ.—корносый или курносый), при к*ор*пати (рыться); г*ир*ло (устье рѣки въ море), при г*ор*ло (горло); т*ир*са (древесные опилки и растеніе Stipa), при т*ор*сати (тормошить); т*ир*чати, ст*ир*чати (торчать), при ст*ор*ч (торчокъ, торчмя); ив*ил*га и ив*ил*а (=ц. сл. в*лъ*га, чешс. *ʌl*ha, польс. w*il*ga,—иволга); г*ил*котня (галдѣніе), г*ил*котати, г*ил*чати (галдѣть; ср. народн. в.-рус. *ол*чать, г*ол*чить; блг. г*лъ*ч, глъчка, чешск. h*lu*k, sh*lu*k; польск. zgi*eł*k,, в.-лужиц. k*lu*skot.). Замѣчательно, что въ этихъ случаяхъ въ м.-русскомъ нар. *л* не переходитъ въ *в*. (Не было ли оно, какъ и *р*, мягко въ этихъ случаяхъ?).

Изъ болѣе мелкихъ звуковыхъ особенностей отмѣчено, между прочимъ, сохраненіе мягкости шипящихъ передъ *і* и *е* (на мѣстѣ *ье*) (стр. 6). Передъ послѣднимъ—рѣдко; въ большинствѣ говоровъ они здѣсь отвердѣли: кло*че* и кло*че*) (полѣшск. и гал.) кло*ча* и кло*ча* (укр. и волынско-подольск.), и т. п. Собственно мягкость шипящихъ вполнѣ сохраняется лишь передъ рефлексами общемалорусскихъ *ѣ*[1] и *ѣ*[2] (изъ *е*), (кромѣ небольшаго числа говоровъ, гдѣ эти рефлексы отвердѣли): са*жѣ* (р.-д.-м. ед., им.-вин. мн.), о*чѣ* (им. дв.) клю*чѣ* (им. вин. мн.); *шѣ*сть, и пр. (id. ю.-млр. *ші*стка, но с.-млр. *шу*стка и призъ . шьо́стка).

[1]) Въ сербскомъ нарѣчіи въ данномъ случаѣ конечное *о* (вм. *л*) получилось очевидно, какъ и въ другихъ случаяхъ, фонетическимъ путемъ изъ др. *л*+*ъ* (=*л*+а?): да*о*—да*ла*, иша*о*,—ищ*ла*,—какъ и ст*о*—ст*ола*, бе*о*—бе*ла*, ми*о*—ми*ла*, мисао (мыслъ), и т. п.

Не отмѣчена здѣсь, (встрѣчающаяся въ трудѣ автора въ другихъ мѣстахъ), характерная южнорусско-бѣлорусская группа шипящихъ *жч—шч*, изъ общеславянской группы *ждж* (=основной *зг*),—сохранившейся въ ляшскихъ нарѣчіяхъ (преимущественно въ польскомъ). Ср. общемалорус. до*шч*, розмô*шч*ити (размозжить), (въ древн. памятникахъ также: до*жч*, розмо*жч*ити), дрô*жч*ѣ (и дрô*ждж*ѣ). Въ древн. сѣверно-великорусскомъ нар., какъ установлено авторомъ въ его «Лекціяхъ», (см. также его: «Др. Ц.-слав. яз. Фонетика» стр. 111.), изъ *ждж* возникло *жгь*=современному *ждь* (дъ*жгь*—дъ*жгя*=до*ждь*—до*ждя*),—сходно отчасти съ обычнымъ ю.-славянск. и чешско-словац. *жд.*, а въ литерат. русск. яз.—*жж*: дро*жж*и, размо*жж*ить (при размо*зж*ить), а также народн. ю.-в. рус. до*жж*а.

Изъ отмѣченныхъ авторомъ общемалорусскихъ *формъ*,—заслуживающихъ, по его мнѣнію, вниманія,—нѣкоторыя формы впервые обнаружены и обоснованы исторически самимъ авторомъ въ предыдущихъ его работахъ; другія—раньше уже извѣстныя,—получили у него болѣе яркое научное освѣщеніе. Укажемъ лишь на формы, прежде мало извѣстныя или игнорированныя и не получавшія до него надлежащаго объясненія, а также на тѣ, которыя почему либо вызываютъ особыя замѣчанія.

Таковы напр. формы родит. ед. и им.—вин. мн. числа именъ существит. ж. р., и формы им.—вин. им. сущ. муж. рода, такъ называемаго мягкаго склоненія, оканчивающіяся въ малорусскомъ нарѣчіи по говорамъ на разные рефлексы древняго общерусскаго *ѣ* (=—є,—їе,—ї): душ*ѣ*' (род. ед.), кòн*ѣ*, дýш*ѣ*, кòст*ѣ*, гòст*ѣ* (им.—вин. мн.) [1]) (Стр. 8). У автора приведено также: кост*и*, гост*и*. Но *кôсть*, и подобныя ему, имѣютъ теперь уже въ род. п. ед. ч. чаще кôст*ѣ*,—рѣже кост*и* (также: сол*ѣ* и сол*и*, и т. п.), а въ им.—вин. мн. ч. эти слова, какъ и *гôсть*, а также сходныя съ нимъ по образованію,—почти всегда на *ѣ*; по крайней мѣрѣ намъ не приходилось слышать въ нихъ окончанія на *и*. Подобное же окончаніе имѣютъ формы род. единств. женскаго рода прилагательныхъ и мѣстоимѣній, именно: *—оѣ, еѣ*: дòбро*ѣ*, мое*ѣ*, не*ѣ*, тое*ѣ* и то*ѣ* (стр. 8—9).

Безспорно, что въ такомъ видѣ эти формы были нѣкогда не только общерусскимъ, но и обще-западно-славянскимъ достояніемъ, и что ихъ не знали только южно-славянскія нарѣчія, которыя вмѣсто

---

[1]) Ср. въ Избр. Свят. 1076 г. вельмож*ѣ* (род. ед.), пиіатниц*ѣ* (им. мн.). лар*ѣ* (вин. мн.).

ѣ имѣли въ однихъ формахъ рефлексы сновнаго *і* или *іје*, въ другихъ—основнаго *ѧ*. Но во всей полнотѣ своей, эти древнія западнославянскія и русскія окончанія, сохранились только въ южнорусскомъ и лужицкомъ нарѣчіяхъ, и даже въ первомъ болѣе, чѣмъ въ послѣднемъ. Ср. лужицк. *род. ед.*: duše, *kosće*, dobre*je*, moje*je*; *им.—вин. мн.* dušе, kon*je*, kos*će*. Что же касается и прочихъ нарѣчій, то остатки рефлексовъ *ѣ* сохраняются еще отчасти въ нѣкоторыхъ формахъ существительныхъ именъ (преимущественно въ винительномъ множ. числа) въ нарѣчіяхъ словацкомъ и польскомъ, но и эти нарѣчія не имѣютъ ихъ уже въ формахъ прилагательнаго имени; въ нарѣчіяхъ же сѣверно-русскихъ (кромѣ нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ говоровъ) вм. *ѣ* вездѣ уже теперь *и*, *й*: душй, дўш*и*; кон*и*, кост*и*, гост*и*; добр*ой*, мо*ей*. Авторъ говоритъ, что фф. род. ед. ж. р. на *оѣ*, *еѣ* сохраняютъ конечный гласный лишь въ *большинствѣ* малорусскихъ говоровъ (стр. 9). Мы не знаемъ ни одного живаго говора не сохранившаго ихъ. Отступленія отъ этого правила попадаются иногда только у плохихъ записывателей образцовъ народной рѣчи, да еще у нѣкоторыхъ малорусскихъ писателей, произвольно искажающихъ языкъ. То же можно сказать и о случаяхъ мнимой утраты конечнаго *ю* въ твор. пад. ед. ч. ж. р. Здѣсь также можно встрѣтить написанія: добр*ой* (вм. добр*ою*) и т. п., чего не бываетъ вовсе въ живой малорусской рѣчи [1]).

У автова указаны главнѣйшія стяженія въ формахъ: добр*а* (вм. добр*ая*); —*у*, (вм.—*ую*); добр*е* (вм.—*ое*) (стр. 8). Добавимъ: син*е*, трет*е* (вм.—*ьое*). Мого, твого, мому, твому (вм. моего, моему, моёго, моёму, и проч.) (стр. 8). Добавимъ: меѣ, теѣ (вм. моеѣ, тоеѣ). Сюда не отнесены у автора такія же стяжанія въ им.—вин. мн. ч. прилагательныхъ: син*і* и син*е* (вм. син*іе*), *бїли*, или *бїлі*=*бїлы*і, и *бїели* (вм. бѣл*ие*). Формы въ родѣ: добее, тее, синее, теєі и тієі, бі*ліе* и и бієл*иїї*, син*іи* и синеі, и т. п., представляютъ явленіе новаго растяженія прежде стяженныхъ формъ.

Авторъ замѣчаетъ, что формы повелительнаго наклоненія «могутъ имѣть» не гортанныя, а шипящія согласныя: въ помо*жи*, и т. п. (стр. 9). Намъ не извѣстны вовсе случаи съ гортанными, но *вездѣ*: помо*жи*,—*жѣ*м(о),—*ж*ѣт(е), и проч.

---

[1]) Въ галицкихъ формахъ: доброу̂ и т. п. выброшена лишь ј между гласными, отчего *у* ъерешло въ у; но въ закарпатскихъ говорахъ и въ этихъ случаяхъ *у* чисто остается гласнымъ: добро*у*, какъ въ аналогичныхъ случаяхъ тамъ же: бігаy вм. *бїга*јy, бїга*ут* вм. бїга*јт*, и т. п.

Формы 1-го л. мн. ч. изъявит. и повелит. накл. *чаще* съ *мо*, чѣмъ съ—*мъ*; первое съ удареніемъ и безъ ударенія, послѣднее—рядомъ съ первымъ, когда на немъ нѣтъ ударенія. Замѣчательно однако, что малорусская рѣчь любитъ передвигать иногда на *мо* удареніе, сохраняющееся рядомъ и на другомъ слогѣ: ідѐмо и йдемо́, берѐмо и беремо́, и т. п. (Впрочемъ, такая передвижка ударенія бываетъ и въ другихъ формахъ: іде́те—йдете́ и проч.). Форма повелительнаго наклоненія *підьмо* крайне рѣдка; она всрѣчается спорадически только въ сѣверскихъ и лемковскихъ говорахъ, подъ вліяніемъ, кажется, сосѣднихъ съ первыми великорусскихъ, а съ послѣднимъ—словацкихъ говоровъ; обыкновенно же вмѣсто нея: *ходьмо*.

Кромѣ указанныхъ авторомъ формъ возвратнаго залога (стр. 9), болѣе обычны (особенно въ западныхъ говорахъ) въ неопр. накл. и въ 1—мъ и 2—мъ л. мн. ч. изъявит. и повелит. наклоненій полныя формы: люби́-*тися*; лю́б-*имося*,—*итеся*; люб-*ѣмося*,—*ѣтеся*.

Отмѣчено употребленіе въ нѣкоторыхъ формахъ j передъ начальнымъ *і* изъ *ѣ*,—но не изъ *и*; кромѣ впрочемъ мѣстоименныхъ формъ: jімъ, jіхъ, jіми (стр. 10). Любопытно, однако, что въ нѣкоторыхъ сѣверно-малорусскихъ (полѣшскихъ) говорахъ послѣднія формы произносятся: jіемъ, jіехъ, jіеми, и что даже въ срединѣ словъ здѣсь встрѣчается jіе вм. jі: моjіемъ,—jіехъ,—jіеми; а равно: краjіена, п-оjіети вм. краjіна, поjіти, и т. п. Срав. въ грамотѣ 1366 г., писанной въ Перемышльской землѣ: у ıехъ (у нихъ), своıемь (своимъ,—тв. п. ед.). (Жит. Оч. зв. 354).

Относительно указанныхъ авторомъ случаевъ съ предлогами—префиксами *съ* и *изъ* (стр. 10) замѣтимъ, что южнорусское *зъ* возникло, очевидно, изъ смѣшенія *съ* съ *изъ* и съ *въз*, вслѣдствіе, можетъ быть, частыхъ случаевъ отпаденія въ послѣднихъ *и* и *въ*; ср. зjі́здити—чаще чѣмъ *ізjі́*здити (изъѣздить), *зі*йти, здійняти и *з*(д)няти (=ц. слав. *въз*ити, *въз*дѣти). Хотя при этомъ, какъ и авторъ это замѣтилъ, бываетъ и наоборотъ, что къ *зъ* (изъ *съ* и *въз*) приставляется иногда *і*: *із*ійти рядомъ съ *зі*йти (что значитъ: и сойти, и взойти). *Зъ* вм. *съ* довольно часто удерживается также и передъ глухими согласными, особенно передъ *с*, *ш*, *ч*: *зъ* собою, *зъ* шапкою, *зъ* чимъ; (впрочемъ, въ послѣднихъ скучаяхъ *зъ* звучитъ иногда какъ *жъ*: *жъ* шапки, *жъ* чимъ). Но въ такихъ случаяхъ, какъ смерть, смутний, префиксъ с, дѣйствительно всегда сохраняется. *Зъ* вм. *съ*, какъ извѣстно, имѣютъ также нарѣчія ляшскія и отчасти—словинское.

Предлогъ-префиксъ *отъ*, *ото* считается въ мало-русской рѣчи нормальнымъ въ въ видѣ *ôдъ, ôдо—одô—ôдô*,—съ *д* вм. *т*,—какъ въ нарѣчіяхъ польскомъ, чешскомъ, сербскомъ и словинскомъ; здѣсь *д* звучитъ въ малорусской рѣчи какъ *т* иногда только передъ глухими согласными, но и то чрезвычайно рѣдко: о*т*кôль, вô*т*ки, но и о*д*кôль, вôдки, и пр. О*д*, *одо*, вѣроятно,—въ отличіе отъ *отъ*, *ото* (вотъ) [1]) и по аналогіи съ *д* въ *подъ*, *надъ*

Къ числу *формальныхъ* особенностей, заслуживающихъ вниманія, но не отмѣченныхъ у автора, мы бы считали не лишнимъ присоединить еще слѣдующія особенности въ образованіи глаголовъ, свойственныя, на сколько знаемъ, всему южнорусскому нарѣчію, – а именно:

1) Въ основахъ глаголовъ производныхъ (VI кл.) нѣтъ вовсе *ыва, ива* (свойственныхъ сѣверно-русскимъ нарѣчіямъ, а также польскому, и отчасти сербскому, словинскому и даже ц. славянскому) [2]), а только *ува* (*ова*)—*у*, и *юва* (*ёва*)—*ю*: запис—*ува*—ти,—*у*—ю; вирч—*ува*—ти,—*у*-*ю*, викол—*юва*—ти,—*ю*—ю; висьмї—*юва*—ти,—*ю*—ю; и проч. Есть также случаи удвоенія основы для усиленія значенія кратности: вислух—*овув*—ати,—*ову*—ю; висьпів—*овув*—ати,—*ову*—ю; витанц—*ёвув*—ати,—*ёву*—ю; и т. п. *Ова*, *ева* имѣютъ также нарѣчія ц.-слав., словинск., сербс., словацкое (также uva: povyskak—uv—at', и jova: obviňovat', zabraňovat'), чешское (здѣсь изъ ıева—кромѣ íva и jova: vyučovati, odkrajovati), болгарское (также *ува*: оплак*ува*м, опис*ува*м), лужицкіе, народные польскіе говоры и нѣкоторые бѣлорусскіе.

2) Характерны также въ морфологическо-семазіологическомъ и синтаксическомъ отношеніи излюбленныя малорусскимъ нарѣчіемъ «видовыя» формы глаголовъ со сложными префиксами: а) обозначающія какъ бы медлительное и экспансивное совершеніе дѣйствія во-множествѣ: пона-сід—áти, пови-ляг—áти, понави-тяг—àти, понас—хóд—итись, поз-вой—óвувати, понави—слух—óвувати, и т. п.—(великорусское нарѣчіе предпочитаетъ, для выраженія соотвѣтственныхъ понятій, болѣе

[1]) Въ малорусской рѣчи это *от* въ изобиліи въ сложныхъ выраженіяхъ въ родѣ: *от*—би. *от*—бо, *от*—же, *от*—тожъ, *от'*—ожъ, *от*—той, *от'*—ой, *от*—теперь, *от*—тоді, *от*—такъ, *от*—такий, *от*—тамъ и т. п.

[2]) Ср. *в.-рус.*: запис*ывать*, сма*зывать*, огляд*ывать*, окап*ывать*, оплак*ивать*, смач*ивать*, оканч*ивать*, заетра*ивать*, и пр.; *польск.* zapis*ywać*, okop*ywać*, oplaki*wać*, и пр., *сербск.* позавез*ивати*, закус*ивати*, запис*ивати*, леж*ивати*, расађ*ивати*, преор*ивати*, залепљ*ивати*, и пр., *словинск.* nevol*ivati*; *ц. слав.* омоч*ивати*.

краткія формы, оттѣняющія бо̀льшую быстроту и интенсивонсть дѣйствія, при меньшей сложности его: пона-сѣсть, повы-лечь, повы-тянуть, нас-ход-иться, с-воев-ать, повы-слуш-ать и навы-слуш-ивать, и проч.); а равно б) обозначающія продолжительность совершеннаго дѣйствія—такого же характера: попо-пи́ти, попо-ходи́ти, и т. п. [1]).

3) Стоитъ, наконецъ, замѣтить, что всѣ почти малорусскіе глаголы на—*ѣ-ти*, произведенные отъ качественныхъ прилагательныхъ, могутъ выражать, кромѣ положительной, еще и *сравнительную сте-*

---

[1]) Вообще слѣдуетъ замѣтить, что оригинальная категорія „видовъ" славянскаго глагола представляетъ не мало интересныхъ особенностей по разнымъ славянскимъ нарѣчіямъ, весьма характерныхъ какъ для такъ называемаго духа и стиля рѣчи отдѣльныхъ славянскихъ народностей, такъ и для психологіи послѣднихъ. Не смотря, однако, на то особенное вниманіе, какое всегда привлекала къ себѣ эта своеобразная категорія славянской грамматики, мы до сихъ поръ, къ сожалѣнію: не имѣемъ еще ни обстоятельнаго сравнительнаго изслѣдованія ея въ морфологически-синтаксическомъ и семазіологическомъ отношеніи по всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ, ни даже точнаго и полнаго опредѣленія *общей идеи*, выражаемой этой категоріей. Большинство изслѣдователей склонно видѣть въ ней лишь извѣстный способъ относительнаго выраженія „времени" дѣйствія, меньшинство—напротивъ, усматривая сокрытую въ ней идею „качества" дѣйствія, даетъ этой категоріи разныя метафизическія объясненія, въ туманѣ которыхъ мудрено разобраться. Между тѣмъ дѣло, повидимому, обстоитъ гораздо реальнѣе и проще. По нашему мнѣнію, „видовыя" формы славянскаго глагола,—дѣйствительно возникшія отчасти на почвѣ древнихъ формъ времени, отчасти на словообразовательныхъ основахъ глаголовъ, при помощи также и другихъ словообразовательныхъ элементовъ,—стремятся (въ своемъ настоящемъ самостоятельномъ цѣломъ) выразить вообще лишь *механическіе моменты* дѣйствія, независимо отъ того, *когда* именно (т. е. въ прошедшемъ, настоящемъ или будущемъ времени) и *какъ* собственно (въ какомъ направленіи и смыслѣ—конкретномъ или отвлеченномъ) оно совершается. Поэтому „виды" служатъ въ языкѣ органомъ для выраженія: во 1-хъ, *статическихъ моментовъ* дѣйствія, т. е. *фазисовъ* совершенія его въ разное время, а именно: а) видъ „несовершенный" или „длительный"—для обозначенія полнаго фазиса развитія дѣйствія, или общаго хода его, въ прош., наст. или будущ. времени: *шелъ, ходилъ, хаживалъ*; *иду, хожу, хаживаю*; *буду идти,—ходить,—хаживать*; млр: *йти-му, ходити-му* и пр., и б) видъ „совершенный" („начинательный", „окончательный", „начинательно-окончательный"),—для обозначенія начатаго или законченнаго дѣйствія въ прошедшемъ или въ настояще—будущемъ времени: *пошелъ, сходилъ, походилъ*; млр. *попойшовъ, попоходивъ*; *пойду, схожу*; млр. *попойду, попохожу*, и т. п.; во 2-хъ,—*динамическихъ моментовъ* дѣйствія, т. е. *количества*, или степеней сложности и энергіи дѣйствія, въ разныхъ фазисахъ его совершенія; сюда относятся такъ называемые виды „однократные", „многократные"; „простые", „повторительные", „учащательные", и т. п. Примѣры нѣкоторыхъ изъ нихъ см. выше. Наибольшій интересъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наибольшую трудность, представляютъ именно—правильная классификація и характеристика по всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ *динамическихъ видовъ* дѣйствія.

пень состоянія качества, въ несовершенномъ и въ совершенномъ видѣ, посредствомъ темы—*ѣйша*-ти (id. *ѣша*-ти и *ѣща*-ти): укр. біл-ї-ти, побіл-їти,—біл-*ійша*-ти, побіл-*ійша*-ти; добр-і-ти, подобр-*і*-ти,—добр-*ійша*-ти, подобр-*ійша*-ти, и т. п.

У автора ничего не сказано объ особенностяхъ малорусскаго ударенія, хотя ихъ, сравнительно съ сѣвернорусскимъ удареніемъ, не мало. Нѣкоторыя изъ этихъ особенностей преимущественно близки къ отличительнымъ чертамъ хорватскаго (чакавскаго) ударенія, какъ извѣстно, вообще, изъ всѣхъ южнославянскихъ удареній (сходныхъ съ русскимъ по своей разномѣстности и подвижности)—наиболѣе близкаго къ ударенію общерусскому. Не имѣя возможности распространяться здѣсь объ этомъ, мы отмѣтимъ лишь одну любопытную особенность въ употребленіи малорусскаго ударенія, свойственную всему нарѣчію, и напоминающую собой подобное явленіе въ сербскомъ нарѣчіи вообще, именно передвижку ударенія въ мѣстоимѣніяхъ, при сочетаніи ихъ съ предлогами: менѐ—до мѐне, себѐ—до сѐбе, собѣ—к-сòбѣ, и т. п. Тоже встрѣчается и въ нѣкоторыхъ глаголахъ: укр. лежáти,-полéжати, сидíти—посúдїти, стоя́ти—постòяти, и т. п. Интересна также передвижка ударенія съ предпослѣдняго слога на послѣдній въ именит. мн. ч. (а часто и въ другихъ падежахъ) именъ сущ. ж. р на *а*, *я*,—чего не бываетъ въ другихъ нарѣчіяхъ юго-восточнаго отдѣла: бáба—бабú,—ів,—àм,—áх; чáрка—чаркú (id.—áм,—áх), шáбля шаблí—èль,—я́м,—я́х, и т. п.

Наконецъ, относительно словарнаго матеріала южнорусской рѣчи авторъ ограничивается лишь замѣчаніемъ, что западные говоры вообще изобилуютъ полонизмами, а карпатскіе и угорскіе сверхъ того,—и словацизмами (стр. 10).

Такъ какъ сравнительная лексикологія славянскихъ нарѣчій вообще, и русскихъ-въ частности, до крайности мало еще разработана, то, понятно, что и объ особенностяхъ лексическаго состава малорусскаго нарѣчія пока довольно трудно сказать еще что нибудь болѣе вѣское и опредѣленное. Несомнѣнно лишь одно, что этихъ особенностей найдется не малое количество. Слѣдуетъ однако замѣтить, что обще-распространенное мнѣніе объ изобиліи полонизмовъ,—особенно въ западныхъ говорахъ,—въ значительной степени преувеличиваетъ размѣры этаго явленія въ малорусскомъ нарѣчіи, и основано большею частію на недоразумѣніи.

Польскій литературный языкъ, возникшій на почвѣ *малопольскаго* говора, сосѣдняго съ малорусскими говорами, съ самаго начала

принялъ въ себя не мало южно-руссизмовъ. Затѣмъ, въ разговорную и литературную рѣчь поляковъ и ополяченныхъ южноруссовъ юго-западнаго края и Галичины не переставали проникать въ теченіи цѣлаго ряда столѣтій мѣстныя слова, принимаемыя теперь иногда, въ нѣкоторой своей части, за польскія, потому лишь, что они не встрѣчаются въ другихъ русскихъ нарѣчіяхъ. Между тѣмъ многія изъ этихъ словъ, въ качествѣ мѣстныхъ провинціализмовъ, даже мало понятны кореннымъ полякамъ; вслѣдствіе чего были уже опыты со стороны послѣднихъ собирать и объяснять наименѣе понятныя имъ изъ этихъ словъ [1]).

Вообще, точно судить о степеняхъ существенныхъ отличій другъ отъ друга въ лексикальномъ отношеніи даже однихъ литературныхъ славянскихъ языковъ,—не говоря уже о цѣлыхъ народныхъ нарѣчіяхъ,—еще не наступило время. Для этаго пока, къ сожалѣнію, не имѣется еще почти никакихъ строго-научныхъ данныхъ. Не удивительно поэтому, что и нашъ почтенный авторъ, строго придерживающійся научной дисциплины, столь скупымъ оказался въ своемъ діалектологическомъ очеркѣ на заключенія, касающіяся этой стороны русскихъ нарѣчій.

На этомъ мы и покончимъ съ разсматриваемымъ трудомъ уважаемаго ученаго, выразивъ въ заключеніе наше искреннее желаніе, чтобы его «Очеркъ» поскорѣе былъ изданъ особой книгой и получилъ то широкое распространеніе въ кругахъ нашею образованнаго общества, интерессующихся роднымъ языкознаніемъ, какаго онъ, несомнѣнно, заслуживаетъ, какъ по своему предмету, такъ и по достоинствамъ изложенія его.

К. Михальчукъ.

[1]) Ср. напр. извлеченіе, сдѣланное нами изъ сборника подобнаго рода, изданнаго въ Краковѣ, и приложенное къ статьѣ, составленной нами вмѣстѣ съ Чубинскимъ: „Поляки Юго западнаго края", въ VII т. „Трудовъ" Экспедиціи Чубинскаго.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XLII, 1893 г. Іюль, Августъ и Сентябрь.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Не найдется ли любитель и цѣнитель Украино-Русскаго слова, который взялся бы за изданіе моихъ произведеній, написанныхъ съ юности и до сего дня, въ разныхъ видахъ письменности, отъ большихъ произведеній, какъ напр: *Данько Грабина*, *Канальскій походъ Шведського руинного часу*; *бытовой очеркъ жизни именитаго украинскаго пчеловода П. И. Прокоповича* (написанъ на оффиціальномъ языкѣ), до драматическихъ, лирическихъ, сатиричеккихъ, стихословныхъ, народоизслѣдовательныхъ (бытовая жизнь Руси-Укdаины, во что народъ вѣритъ и чего слушается, большое произведеніе, написанное на оффиціальномъ языкѣ), народныхъ очерковъ и другихъ накопившихся десятками въ продолженіе десятковъ лѣтъ, изъ которыхъ мы бы могли видѣть духовную, бытовую, смыслотворческую, пѣснетворческую и прочія стороны нашего народа, *которыми онъ живетъ и управляется въ своей внутренней жизни*, что особенно необходимо въ правительственномъ отношеніи для высшихъ, руководящихъ учрежденій и при настоящемъ пробужденіи въ русской самобытности.

Мои произведенія написаны цѣльнымъ, чистѣйшимъ русско-украинскимъ словомъ, безъ *малѣйшаго захвата иноземщины* въ словахъ, какъ въ изложеніи бытовомъ, такъ и въ высшихъ отвлеченныхъ и научныхъ понятіяхъ, такъ какъ изученіе мое народа во всѣхъ проявленіяхъ его жизни, духовной стороны—духа слова, дало способность и силу выражать всякое понятіе самороднымъ словомъ, *доступнымъ понятію всякой поселянки.* Произведенія эти читаны людьми свѣдущими въ письменности, въ знаніи слова украино-русскаго, которые отзывались одобрительно. Печатаніе сихъ произведеній тѣмъ болѣе желательно, такъ какъ сіи достоянія чаще всего подвергаются случайности *погибнуть и затеряться.* Не имѣя ни способности, ни времени, ни денегъ къ изданію, прошу въ семъ сотрудничества любителей нашего русскаго отечества.

Адресъ: Въ гор. Городню (Черниг. губ.) врачу Степану Даниловичу Носу.

Степанъ Носъ.

Старицкій М. П. Малороссійскій театръ. Томъ II. Содержаніе: 1) „Крути да не перекручивай". 2) „Не такъ склалося якъ жадалося". 3) „Ничъ подъ Ивана Купала".

Театральная библіотека *С. Ѳ. Разсохина* безпрерывно пополняется всѣми вновь выходящими новостями драматической литературы. Въ теченіе 18-ти лѣтней дѣятельности своей библіотекою издано до 800 драматическихъ произведеній; въ 1892 году библіотекою издано почти все, что исполнялось на столичныхъ сценахъ, какъ то: „Безъ предразсудковъ", „Въ родномъ углу", „Гастролерша", „Гибель отъ дома", „Докторъ Штокманъ", „Ева", „Жаворонокъ", „Жертва", „Наши зятья", „Поѣздка на востокъ", „Столичный воздухъ", „Сваха". „Семейная революція", „Славны бубны за горами" и проч. и проч.; въ 1893 году библіотекою изданы слѣдующія пьесы, частью уже исполняемыя на столичныхъ сценахъ, частью предполагаемыя къ исполненію: „Банкротство", др. въ 4 д. Бьернсона, „Веселый мѣсяцъ Май", сцены въ 3 д. Л. Иванова, „Въ Америку на выставку въ Чикаго или ловкій малый", ком. въ 3 д. Трефилова, "Въ XX вѣкѣ", фантазія будущаго въ 1 д. П. Соколова-Жамсонъ, „Въ послѣдній разъ", вод. въ 1 д. В. Преображенскаго, „Другъ женщинъ", ком. въ 3 д. Е. М. Бабецкаго, „Дѣтка" ком. въ 4 д. П. Волховскаго, „Женитьба Милашкина" ком. въ 4 д. С. Разсохина, „Jour-fix или у насъ въ кухнѣ гости". Ком. шут. въ 2 отд. Н. Павлова, „Игра въ любовь". Ком. въ 4 д. М. Балуцкаго, перев. М. Садовскаго, „Наконецъ!" Шут. въ 1 д. А. Крюковскаго, „Отчій домъ". Др. въ 4 д. Г. Зудермана, перев, А. Крюковскаго, „Паяцы". Муз. др. въ 2 д. Леонковалло, перев. Г. Арбенина, „Первый балъ". Ком. въ 1 д. Ѳ. Корша, „По ошибкѣ". Ком. въ 1 д., перев. съ итальянскаго Е. В. Кашперовой, „Приглашеніе на вальсъ". Ком. въ 1 д. А. Дюма (отца) перевед. А. Крюковскимъ, "Пятое число", Ком. въ 1 д. П. Невѣжина", „Сердцеѣдъ", Ком. въ 3 д. Е. Балуцкаго, пер. Е. Бабецкаго, „Тревожные дни". Ком. въ 4 д. соч. Н. Вильде и проч. и проч. При библіотекѣ имѣется также и музыкальный отдѣлъ: оркестровки русскихъ и иностранныхъ оперъ и опереттъ, клавираусцуги, отдѣльныя шансонетки, музыкальные сборники водевильныхъ куплетовъ, а также собраніе сценъ и разсказовъ для литературно-музыкальныхъ вечеровъ. Заказы исполняются почтою, наложеннымъ платежемъ. Каталогъ желающимъ высылается безплатно.

Разрѣшенное Правительствомъ, со взносомъ залога въ Государственное Казначейство,

ПЕРВОЕ ТЕАТРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО

для Россіи и заграницы

Е. Н. РАЗСОХИНОЙ.

Москва, Тверская ул., д. Сушкина.

Посредничество по ангажементамъ и заключенію контрактовъ между гг. антрепренерами и гг. артистами, какъ драматическими, такъ равно оперными и опе-

халъ въ Луку) жену, дочки обѣ, брата Семена зъ его женою, застанемъ при здоровю. Тутъ старшина приходили ко мнѣ поздравлять мене. Увѣдомилемся тутъ уже о преставлшомся синове моемъ Семену, а потому радость пополамъ зъ плачемъ растворенную имѣлемъ. Отъ Царицина до Ромна по ращету верстъ 993.

Пятокъ. 17. Сегодня тутъ въ Ромнѣ пробавилемъ.

Субота. 18. П. Федоръ дядко, зъ Павломъ Раковичомъ и Іваномъ Тарновіотомъ пріехали сюда въ Роменъ. Получилемъ писмо отъ родителя зъ Бѣлоцерковецъ писанное зъ объявленіемъ вдячности его зъ прибытія моего. До ясневел. и до Веляминова писалемъ въ Глуховъ черезъ значкового козака Паню и Бѣлугу послалемъ. У лазнѣ милемся.

Недѣля. 19. Сегодня по службѣ Божой пріехалъ мой родитель въ домъ.

Понеделокъ. 20. Сегодня метелиця жестокая сперва зъ снѣгомъ, а потомъ зъ дожчемъ ишла, а мы подпіяхомъ зъ прилучанами. Биковскій зъ Глухова пріехалъ у вечеру, отецъ Свѣтъ и отецъ Орановскій зъ своихъ домовъ (пріѣхали).

Вовторокъ. 21. Сегодня рано достался реестръ коней нашихъ иждажалихъ и оній зде приложенъ, по которомъ показалось: дрикгантовъ 8, а коней всѣхъ, иждажалихъ зъ прійшовшими теперъ отъ Астраханѣ со мною, 84. Листъ отъ паней Павловой кролевецкой [1]) о томъ, чтобъ за позыченную горѣлку 15 куеъ поплатить по 8 р. получивши, отписалемъ до оной, что мощно поплатить по 6 р. Заболѣлемъ на перси зъ лѣвой стороны тяжко. Хлопцямъ татарчукамъ болшимъ Василцю Козлу Юску машталѣру и Домянцю карлику суннѣ покраяни; нѣкоторимъ зъ нихъ деньги дани, а именно: Юску сукно киндякъ и полъ 2 р. Василцю сукно киндякъ и 1 р., такожъ Кухтику Петру сукно и 2 р. Родителю калянъ срѣбній подарилемъ. П. Федоръ дядко и Раковичъ отехали зъ Ромна въ Прилуку. Василь Глинскій приносилъ ко мнѣ узваръ зъ маткою

[1]) Жены Павла Огіевскаго, сотника Кролевецкого, родной тетки автора Дневника.

своею, что ему синъ родился Яковъ. Къ посилцѣ до Іохемса составилемъ листъ и рецептъ пѣgулокъ тихъ, що передъ пявками заживать, зъ нотою А, resin. jalapp. ℨj подъ нотою В., декоктъ посполитій подъ нотою С.

Середа. 22. Сегодня рано принималемъ пронос. и вомѣторіумъ, прошку проносного Эii, а t—ri emetic gran. iii и имѣлемъ вомѣтовъ 9, а столцовъ 11. Плетюнка, Сухоносовскій староста, пріехавшій сюда зъ Глухова, отпущенъ въ Сухоносовку, которому 10 р. далемъ на росходъ, а зъ нимъ поехалъ и Романъ зъ рецептомъ до Іохемса, на що далемъ ему 6 р. Получилемъ писма зъ Глухова, одно отъ ясневел., а другое отъ господара, въ якомъ ознаймуетъ, что онъ за бѣглихъ крестянъ уплатилъ полковнику Оболдаеву, особливо купилъ жонку, у его жъ, за 15 р. зъ крѣпостми. Бяловскій пріехалъ; о. Савѣцкій съ братомъ Савѣцкимъ були у мене, у вечеру и посидя, отойшли.

Четвер. 23. Сегодня заболѣлъ я на грудь и кашель; у вечеру былъ въ банѣ и кровъ пускалъ банками зашкурную. Повернулся Остапъ Куликъ зъ Бѣлагорода зъ возками провіянтовими ко мнѣ отправленними, а обявилъ, что у его забрано въ Бѣлагородѣ 97 каменей тютюну и писма мнѣ всѣ вручилъ до мене отсюду писаніе, кромѣ родителского. Да что до господарства моего касается, полученъ листъ отъ господара моего зъ Глухова писанний, въ якомъ обявляетъ, что: 1) въ Сварковѣ станя, ліодовня и мостъ черезъ Клевень здѣланъ, 2) порожніе мѣста дичками засаженни, а на другихъ дичкахъ прищепліовано, 3) тожъ здѣлано и въ саду Бѣлополовскомъ; 4) тютюнникъ зивиноватился на 70 р. и того для тютюну робить не хочетъ, а виробилъ за 3 года 528 каменей, 5) въ пасѣцѣ Уздицкой пчолъ убили 80, зъ якихъ набрали бочокъ 4 меду а въ зиму пустили 220; 6) въ тулиголовской винницѣ отъ 725-го года, януар. 20 дня, до 727 году февр. 15 дня, виробылось гор. носатокъ 1350, да на все тое набѣжки носатокъ 20, 7) въ 726-мъ году, жита знято зъ всѣхъ поль, тоесть калюжинского, тулиголовского 530 копъ кромѣ Ясманѣ; того жъ году посѣяно на полю ярини всякой: пшеницѣ четвертей 5, гороху четвертей 4, овса четвериковъ

22 и 2 четверти, проса четверть 1, гречки четвериковъ 3 и четвертей 6, сѣмя конопляного четверть 1. да мѣрокъ 7, ячменю четвер. 6.; того жъ году знято зъ поля ярини всякой везде: пшеницѣ 60 копъ, конопель 10 копъ и ліону такожъ; на 1727 годъ посѣяно везде: жита четвериковъ глуховс. 23 и четверт. 3, такожъ и пшеницѣ озимой четверикъ 1. и четверть 1., вимолочено всеей пашнѣ жита 71 четверикъ и четвертей 2, овса четвериковъ 17 и четвертей 32, гречки 14 четвериковъ и 7 чертвертей; сѣмя четвертей 6, гороху тожъ, проса четвериковъ 5 и четвертей 2, ячменю четвериковъ 3 и 2 четверти, пшеницѣ ярой и озимой 5 четвериковъ, 1 четверть и 2 мѣрки. Получилемъ зъ Глухова писма господаря и полковника Абулдаева, что оной господаръ купилъ у его полковника крѣпостную жонку Василису Василеву дочь зъ синами ея Осипомъ да Степаномъ и дочерю Парасковею за 15 р.,о чомъ и копія купчой прислана ко мнѣ, а въ листѣ полковникъ ко мнѣ выражаетъ, что крестяне его Оетапъ Василіевъ зъ женою, зъ дѣтми, бѣжавъ зъ Бранского уѣзду зъ деревнѣ Епишева, приняти имъ знову зостали., а пожилихъ денегъ онъ уступае, толко еще до взятихъ, пари лошадей проситъ. Аттогонъ малчикъ, калмикъ, мой крещенъ протопо-(по)ю здешнимъ, а воспріемниками были братъ Марко зъ сестрою Оленою.

Пятокъ. 24. Послалемъ писмо до Заборовской о сину ея, что его здороваго въ Астраханѣ отехалемъ, да въ Коровинцѣ, до капитана Матвея Семенова Патрекеева отвѣтное, зъ подякованнемъ. Родителъ подарилъ штуку каруну для слугъ нашихъ.

Благовѣщеніе. Субота. 25. Сегодня по службѣ обѣдали у насъ многіе и подпіяхомъ.

Неделя. 26. Сегодня по службѣ Божой также кушали многіе и Гамалѣйка старая, мачуха Івана и Стефана Гамалѣевъ, а мать Самойловичевъ. Зъ реестровъ и въ панеи одного оставленного и въ Кулака сискавшогося, вѣстно мнѣ учинилось про гор. и тютюнъ, посланніе въ Астрахань сего году февр. 22-го, именно: гор. простой 8 куфъ, а въ нихъ ваги пудовъ 234, да оковитой куфъ 5, а въ нихъ ваги пудовъ 97, а всеей гор. пудовъ 331, тютюну папушъ

19810, а бокуну 2600, якіе жъ заважило пуд. 42, всего зась тютюну и бокуну папушъ—22410, а ваги пудовъ 430, зъ якого жъ провозъ до Царицина дано отъ пуда по полъ 9 шага.

Понедѣлокъ 27. Сегодня рано родитель зехалъ отсюду на Засулле, ради уединенія своего. Вѣжевскому карунъ и тузѣнокъ и 2 р. и каѳанъ стар. отласовій, а Тарасу карунъ и 3 р. Зъ Сухоносовки отъ Плетюнки присилка малая была: масла и сира, когда наказовано, чтобъ онъ святами сюда зехалъ. Зъ облѣковъ людскихъ зо мною привезенних показалось 11, въ якихъ сумми денежной на 70 р. и зъ тихъ 4 виняти заразъ для доправки, а протчіе запечатани и отдани мною паней, до повороту зъ походу позичавшихъ. У Василя Савуска купилемъ штуку банкелю (?) за 8 р. съ полтиною. Вѣжевскому на расходъ далемъ 15 р.

Вовторокъ. 28. Сегодня родитель зъ Засулля пріездилъ въ городъ и вкупѣ обѣдалисмо, а по обѣдѣ знову отехалъ. Петро кухаръ повернулся зъ Прилуки, незискавши тамъ хлопця Кухтика. Зъ Глухова подводи Сварковскіе прійшли зъ житомъ, на 10 возахъ, 5 четвериковъ глух., а тутъ вимѣрили роменскихъ 26 четвериковъ и полъ 6 четверика. Составилемъ отъ род. писма до правителей въ Глуховѣ, о засилаючихся отъ нихъ указахъ, зъ прикростю и обидою. Увѣдомилемся, что возовъ воловихъ нашихъ на Засуллю есть 8, чрезъ Тараса.

Серода. 29. Сегодня Вѣжевскому на расходъ далемъ 10 р. сцѣлнихъ и 10 таляр. битихъ. Сварковскій подданний былъ у мене, который сказивалъ, что зъ виправою въ Астрахань пошолъ Игнатъ Дмитренко да Ѳедоръ, зять Плетюнчинъ. Повинную Дацѣя лукомского зискалемъ, которую родителеви далемъ у столовой болшой свѣтлицѣ, а въ оной виражено, что ежели онъ отновитъ справу о переклейканой овцѣ, то повиненъ безчестія заплатить 1000 зол. и каранъ жестоко быть. Трохимови далемъ карунъ рудій на кунтушъ и 3 таляръ битихъ. Романъ повернулся зъ Лубенъ и привезлъ лѣкарства зъ аптеки за 5 р., и 20 а, въ якомъ числѣ и empl. pectoral. за 1 р. и копѣйку одну. Онъ же сказалъ, что староста нашъ Сухоносовскій хорий.

Четвер. 30. Сегодня родитель и жена моя коммунѣковались ст. Тайнамъ. Получилемъ отъ Андрея Полуботка, швакгра, писмо зъ привѣтомъ о поворотѣ моемъ. Отцу протопопѣ далемъ чорній свой кунтушъ.

Пятокъ. 31. До Сухомозкого писалемъ, чтобъ онъ въ монастирѣ Мгарскомъ кухтика нашего, Кирилця, кріючогося, зискалъ. Отписалемъ до швакгра Полуботка листъ съ подякованнемъ за привѣтъ его. Писалемъ уже и до стар. Сухоносовского, чтобъ онъ пріездилъ сюда святами и подводи присилалъ по жито.

Мѣсяцъ Априль. Вел. Суббота. 1. Сегодня коммунѣковалемъся. Два татарчуки, чили каракалпаки мои, крещенни протопопою здешнимъ зостали; Ковеню, а въ крещеніи нареченному Амфіану, былъ воспріемникомъ братъ Семенъ зъ сестрою Оленою, а Урвану братъ Марка да дочь моя Анна. Сукнѣ мнѣ пошити кунтушъ попелятий отъ родителя, а каѳанъ красний отласу нашего.

Неделя. Воскресеніе. 2. Сегодня обѣдалисмо сами и всѣ лутшіе дворовіе служителѣ.

Понеделокъ. 3. Сегодня по службѣ Божой обѣдали здешніе жители всѣ лутшіе и подпіяхомъ. Отцу Василію, капеляну, далемъ свой чорний кунтушъ.

Вовтор. 4. Сегодня обѣдалисмо сами своимъ домовствомъ. Родителка гусарку подарила женѣ моей. Радка, кравця, принялемъ на службу до себе.

Середа. 5. Сегодня обѣдалисмо у Несторовича. Родителка захоровала на примѣръ фебри. Стар. Сухонос. пріехалъ и отправленъ, которому о тютюнѣ и протчемъ предложилось.

Четвер. 6. Сегодня рано отправленъ Тарасъ, молодикъ, въ Кривую Руду за конми, черезъ которого машталѣру Донцу далемъ киндякъ, габу и рубля, тако жъ машталѣру Грицку рубля, да черезъ его жъ писалемъ до стар. Сухонос. и о уступки Худолѣевой на яръ ліехеевскій и листъ до Худолѣихи послалемъ. Сухоносовскіе подводи 8 приехали сюда по жито. У вечеру поехала родителка и жена моя на Засулле лѣкарство брать пургуючое, якое далемъ зъ своей аптечки род.: pulv. purg. эii и gr. Viii, а женѣ эii и gr. V;

и жена имѣла вомѣтовъ 6, а столцовъ болшъ 10; родителка мало.

Пятокъ. 7. Сегодня обѣдалисмо сами зъ родителемъ и съ нами сотникъ Глинскій зъ синами и протч. Якову Дубровѣ 30 талярь битихъ далемъ за гор. якую (у) его взялемъ на свою потребу въ Астраханѣ въ 725 году. Братъ п. Андрѣй зъ братовою и дѣтми пріехали на Засулле.

Субота. 8. Сегодня обѣдалисмо сами у себе. Зъ ранку до обѣда болѣлъ жестоко животъ. У вечеру заледво мало утихшой бурѣ, а начавшомуся дожчу, которій и потомъ долго ишелъ, переехала черезъ Сулу зъ Засулля родителка, жена и братъ зъ братовою.

Неделя. 9. Обѣдали многіе у насъ и подпіяхомъ. Остапъ Куликъ и Василь Баженовичъ, слуга род., послани самъ чвартъ въ Астраханъ, черезъ которихъ писалемъ: 1) до Андрея Миклашевского о листѣ отъ нихъ данномъ черезъ мене князю Мих. Голѣцину; 2) до Якубовича, чтобъ помагалъ людемъ моимъ, 3) до Худолѣя то жъ; 4) до Гавр. и Федора о ихъ управленіи и чтобъ наставляли Антона зъ товарищи и взяли бъ кого зъ нихъ къ себѣ на судно; 5) до Демяна, чтобъ онъ наставилъ Антона и о колмичатахъ; также о покупцѣ баранковъ сѣрихъ и чорнихъ и шапокъ двѣ пошить, одну зъ сѣримъ баранкомъ и зеленимъ аксамитомъ, а другую зъ чорнимъ, а канаровимъ аксамитомъ; 6) до Антона инструкцѣя пунктами, чтобъ онъ послушенъ былъ Демяну и грошей у его на потребу взялъ, а барзѣй Гаврилу и Федору, чтобъ на веснѣ продавалъ запасъ, а въ лѣтѣ неквапилъся, чтобъ своего дѣла смотрѣлъ, хочай бы хто и похотѣлъ надъ нимъ переводить.

Понеделокъ. 10. Сегодня обѣдалисмо и съ нами пріехавшая вновъ старшина. У о. протопопа роменского купилемъ 2 куфи гор. простой за 15 таляр. бытихъ и денги ему отдалемъ. Особливе Вѣжевскій далъ 2 таляр. бытихъ братамъ въ Кіевъ; черезъ его жъ получилемъ писмо зъ Чернухъ отъ Черняховского, что Левко Подолянка, житель передъ симъ Чорнускій, а теперь лохвицкій, продаетъ млинъ свой на рѣчцѣ Многой подъ Чорнухами.

Вовторокъ. 11. Сегодня обѣдалисмо приватно, а по обѣдѣ

ездилисмо на монастирище, где и подпіяхомъ. Тамъ же на монастирищу тарадайку свою видѣлемъ, которую доробить казалемъ стелмахови тамошнему и ему щось денегъ далемъ.

Середа. 12. Сегодня писалемъ до дядѣ п. Федора о своемъ отездѣ въ Глуховъ, чтобъ онъ копію грамоти и вѣдомость о грунтахъ, отнятихъ Вейзбахомъ у покойного дядѣ, судіи прилуцкого, привюзъ зъ собою, туда жъ, въ Глуховъ. Тарасъ, молодикъ, пріехалъ, а конѣ невѣдомо, где дѣлись, на дорозѣ, зъ машталѣромъ отъ его посланніе зъ Кривой Руди, шляхомъ Ромодановского.

Четвер. 13. Сегодня рано поехалъ Тарасъ молодикъ шукать коней погубленнихъ, а после его отезду посалемъ Романа зъ казаками, а у вечеру писанъ указъ до атамана Токаровского, чтобъ и онъ зъ козаками поехалъ туда жъ шукать. П. Павлова, тіотка, зъ Лохвицѣ пріехала и обѣдалисмо сами. Войту здешнему роменскому за 10 куфъ по 9 р. съ полтиною попроданнихъ заплатилемъ 65 таляр. битихъ по рублю, а еще 30 р. доводится. Староста андрѣевскій пріехалъ, которій сказивалъ, что андріяшовцѣ попудъ самими хатами андрѣевскихъ людей стали орати и хочай зогналъ ихъ разъ, однако жъ знову начали. Писалемъ до Якова, чтобъ онъ ехалъ сюда, а отсюду въ Кривую Руду.

Пятокъ. 14. Сегодня рано составилемъ листъ отъ род. до Велчминова объ обидѣ, показуючойся отъ генерала Вейзбаха въ оранню поля Андрѣевского. Братъ Семенъ зъ Несторовичомъ поехали въ Лубнѣ, ради приняття генерала маіора графа Дукляса. Перекладалъ Вѣжевскій тютюнъ мой и переложилъ оного въ кипи порадно 5500 папушъ и еще осталось неперекладеного доволно. Родителцѣ давалемъ потное лѣкарство и потѣла по пріему оного.

Субота. 15. Сегодня отъ п. Павловой лохвицкой взялъ родитель картъ двѣ, одну—объ уступцѣ футора еи на Артополотѣ будучого, въ завѣдованню Вейзбаха обрѣтаючогося, другую-повѣренную о челобитю отъ родителя въ обидахъ еи показаннихъ, отъ онаго жъ генерала. Доклалъ Вѣжевскій зъ людми тютюну порадне кипами, якого всего лѣкомъ папушъ 14940. Лукяну Котлубаеви кромѣ давнихъ облѣковъ, у его найдуючихся, еще вновь далемъ зъ

реестромъ 8, которимъ приложенъ реестръ зъ подписаніемъ его жъ. Родитель четверню коней обѣщалъ.

Неделя. 16. Сегодня обѣдалисмо сами, а особливе тутъ же пріехавшій ігуменъ монастира Мгарского лубенского. Якову Дубровѣ далемъ приказъ въ 17 пунктахъ, зъ которимъ онъ мѣетъ ехать въ Кривую Руду, Сухоносовку и Перервинцѣ, для исполненія онихъ. Господареви родителскому такъже далемъ меморіалъ въ 5—7 пунктахъ ку исполненію, которихъ приказовъ копія зде приложена. Тарасъ молодикъ принюсъ реестръ куховъ 7, оставленнихъ на Засуллю, а осмого барила, якій зде приложенъ. Виехалисмо зъ Ромна сего вечора и перевюзшись човнами черезъ рѣчку Роменъ, въ Процювцѣ [1]) тутъ и ночовалисмо, а съ нами братъ п. Андрѣй зъ братовою, Несторовичка и Марко. Якову жъ далемъ два листи до старостъ Сухоносовского и Перервинского. О тяжести на Перервинцевъ и Сухоносовчанъ писалемъ до комисаровъ полковихъ, и листъ присланній отъ перервинского старости включелемъ и чтобъ облегченіе учинено и словесно онимъ же говорилемъ.

Понеделокъ. 17. Сегодня зъ села Процювки, пожекгнавшись зъ своими, поехалисмо и пріехали на обѣдъ въ Смѣлое, где и обѣдалисмо зъ сотникомъ и Назаренкомъ; по обѣдѣ пріездилъ ко мнѣ кіевского полку Загразкій отъ порутчика, которій сѣномъ и овсомъ обослалъ мене. Тутъ мы и ночовалисмо.

Вовторникъ. 18. Сегодня рано поехалисмо въ Смѣлой и переехавши Терни, сталисмо на обѣдъ. Туда споткался съ нами шинкаръ обложковскій зъ листомъ, до господара писаннимъ о присилцѣ грамоти и унѣверсала и купчихъ на Сварковъ и протчіе грунта. По обѣдѣ, поехавши, пріехали у вечеру до перевозу Мутинского, которимъ черезъ Сеймъ перевюзшись, ночовалисмо въ дворцѣ [2]). Жена сама заболѣла на жолудокъ велми.

Середа. 19. Сегодня рано поехавши зъ Мутина, пріехали на обѣдъ въ Тулиголови. Въ Тулиголовахъ, въ дворцѣ, въ імбарѣ го-

---

[1]) Село подъ г. Ромномъ.

[2]) Т. е., въ усадьбѣ.

рѣлки готовой куфъ 8 болшихъ, а малихъ 15; въ пасѣцѣ, тамъ же, пчоли 10. По обѣдѣ поехалисмо зъ Тулиголовъ, а на дорозѣ стрѣтилъ насъ о. Астровскій болно пянъ. Пріехали въ Глуховъ позно.

Четвер. 20. Сегодня рано былисмо у ясневелможной, а по службѣ у генерала маіора Веляминова, где и кушалисмо; потомъ у Стефана Миклашевского. Получилемъ листъ род. зъ Ромна о взятой будто со мною ревизеи полковими комисарами составленной, о чомъ, что оная тамъ отдана до рукъ Янки, отвѣтовалемъ.

Пятокъ. 21. Сегодня была екзекуція палѣю, паливпому городъ Глуховъ, батраку канцеляристи колежского, который тако-жъ спаленъ. У ясневел. обѣдалемъ, а по обѣдѣ былемъ у полковниковъ Балцера, Писарева и Кошелева. Протопопъ глуховскій былъ у мене зъ попомъ моимъ Сварковскимъ.

Субота. 22. Сегодня обѣдалисмо у ясневел., а по обѣдѣ ездилъ я до Бѣлополовского саду [1]).

Неделя. 23. Сегодня обѣдалисмо у ясневел., где тако жъ обѣдали члени вси колежскіи; по обѣдѣ ездили у борокъ (лѣсокъ) и тамъ доволно прогуляли. Послалемъ черезъ сторожа лубенского писма до род. и родителки и особливе до господара о тютюнѣ и ключъ отъ комори, въ которой оній лежитъ въ листе жъ включилемъ.

Понеделокъ. 24. Сегодня рано сталъ у мене лѣвий бокъ болѣти. Обѣдалисмо въ себе и у насъ Левенецъ, Стефанъ Миклашевскій зъ панею своею, Бурковскій, Валкевичъ, Астровскій и Леонтій.

Вовтор. 25. Сегодня обѣдалисмо сами у себе, а бокъ лѣвій по прежнему болѣлъ. По обѣдѣ ездилемъ до брегадира Афанасія Петровича Арсеніева и Семена Осиповича Волкова,

Середа. 26. Сегодня рано ездилемъ до генерала маіора Веляминова и оттоль до ясневел., где и кушалемъ. Листъ отъ жены данъ о. Астровскому до Флоровской ігуменіи о зернахъ (?). Былъ я у Кошелева, а у мене о. протопопъ и Федоръ Чуйкевичъ. Волинского принялемъ до себе на службу до разсмотренія.

Четверъ. 27. Сегодня рано передъ обѣдомъ поехалемъ зъ Глухова и пріехавши до футора Калюжновского, тутъ увѣдомилемся,

[1]) Бѣлополовка—предмѣстье г. Глухова.

что рабочихъ воловъ 24, а коней 5, возовъ воловихъ направленнихъ 8, а коннихъ 12, оттуду поехавши пріехалемъ до Сваркова, где обѣдалемъ и ночовалемъ. Тутъ началемъ лѣкарство весняное принимать, пѣлули зъ вечора.

Пятокъ. 28. Лѣкарство, вчорайшого дня принятое, нѣчого не дѣйствовало. Имбаръ зъ коморою заложили здесь, имбаръ 5 саженъ, а комора 4. Получилемъ писма зъ Астраханѣ присланніе ко мнѣ: 1) зъ Сулаку, отъ обозного прилуцкого, о его отпуску весною и Демяну, шафуючомъ надъ мѣру повѣреннимъ ему моимъ добримъ; 2) отъ Демяна, о продажѣ горѣлки оковитой 9, а простой 2-хъ куховъ, за которую взялъ денегъ 807 р. съ полтиною, а въ зборѣ готовихъ 350 р., а протчіе на долгу и что на 20 лисиць маркитантамъ, поехавшимъ въ Гребенѣ, далъ задатку грошми, а листъ писанъ генвар. 10-го; 3) отъ Гаврила, февр. 20-го, зъ Астраханѣ о покупцѣ смушковъ сѣрихъ и чорнихъ, у каравана Бухарского и что судно готовое; 4) отъ Худолѣя, что онъ готовъ помоществованіе людямъ чинить моимъ; 5) отъ Якубовича о томъ же и что лоцмана до флоту взятого виходилъ 2 червоннихъ давши секретару морскихъ дѣлъ; 6) отъ Змоіова о присилцѣ туда пѣвчого, умѣючого ноту. Получилемъ писмо отъ Валкевича зъ екстрактомъ указу монаршого о бѣглихъ, принятихъ прежде 1718 году, якихъ видавать безденежно.

Субота. 29. Сегодня по службѣ Божой пріехалъ къ намъ слуга тещи нашой зъ писмомъ отъ неи просителнимъ насъ на веселле, мѣючее отправоватись синови еи Матвѣю Жураковскому [1]), до которой отписалемъ. Архипъ по облѣкахъ доправилъ денегъ на козакахъ и отдалъ Вѣжевскому зъ роспискою 54 р. съ полтиною. У вечеру Леонтій пріехалъ Седенокъ Марко, мужикъ старий, когдась житель Сварковскій, призванъ зъ Глухова затимъ, что грунтъ свой, завладѣнний Сопленками, прозиваемий Ремонтовскій, поле пахатное, продаетъ намъ, а тое уже давностю зайшло.

---

[1]) Вторая жена Павла Полуботка, Анна Романовна Лазаревичъ, въ первомъ бракѣ была за-мужемъ за Жураковскимъ.

Неделя. 30. Сегодня получилъ я писма зъ Ромна, отъ родителки о ея здравственномъ состояніи, отездѣ родит. въ Лубнѣ, для генерала Дукляса, отъ господара, о нанимаючихся фурманахъ по 7 шаг. отъ пуда до Царицина, отъ Романа, о шинку и протчемъ. Обѣдалисмо сами и зъ нами Леонтій, попъ о. Никита, Волинскій. По обѣдѣ цеберъ горѣлки простой випили мужики прійшовшіе зъ поклономъ ко мнѣ, которимъ половину осенщини даровалемъ. Архипу далемъ облѣкги, одинъ, на полкъ кіевскій, другій на полтавскій, третій на малое число денегъ, доводячихся отъ двоихъ человѣковъ, нѣжинского и прилуцкого. Престалемъ лѣкарство брать, которое мало и дѣйствовало, безъ декокту надлежащого.

Мѣсяць Май. Понеделокъ. 1. Сегодня пявки приставилемъ къ мѣсту гемороидальному.

Вовторникъ. 2. Сегодня, приказовъ два составивши, вручилемъ войту сварковскому одинъ, а другій Андрѣеви Теслѣ, да ему жъ и сукна гранатового на кунтушъ далемъ и 20 а. на пошитте. По обѣдѣ, виехалисмо зъ Сваркова и пріехали въ Глуховъ на ночъ; тутъ увѣдомилемся, что Бурковскому въ колегіи малор. приговорено привернуть Орловку и Казиловку [1]) потому, что онъ имѣетъ переднѣйшую на оніе грамоту, нежели Полуботки. Данила Забѣлу да войта Бакланского повезено въ Москву. Арестовани Петръ Андрѣевичъ Толстой, Іванъ Іванов. Бутурлинъ и протч.

Середа. 3. Рано были у насъ Левенецъ, Яснополскій, господарь и Чуйкевичъ. Получилемъ зъ Ромна писма отъ род. 2 зъ приложеннимъ листомъ отъ князя Голѣцина, отъ брата п. Семена, и Петрановского зъ ревизіею комисарскою. Поехалисмо зъ Глухова и пріехали на обѣдъ въ Гамалѣевку, где засталисмо ясневел. и подпіяхомъ. Отправилемъ еще зъ Глухова смѣлянского сторожа въ Роменъ зъ листами до родителей о своемъ поваженню, о Станкевичу и переносѣ дѣла зъ канцеляр. въ коллегію розискного взглядомъ Андрѣевки, до Якова о винайденню воловъ въ дорогу; до господара род.

[1]) Два села сосницкаго уѣзда, которые были отняты у генер. обознаго Василія Борковскаго Мазепою и затѣмъ отданы—Полуботку.

о споряженню прежде полѣценнихъ ему рѣчій, на що и денегъ послалемъ 50 р., черезъ сего жъ сторожа до Романа о винайденню доброго шинкара въ шинкъ роменскій, о продажѣ вишень горѣлчанихъ, вѣдра по гривнѣ, о продажѣ тютюну и вовни, о покупцѣ кагве и мастиксу.

Четвер. 4. Сегодня тутъ же обѣдалисмо и ночовали. Отъ генерала маіора Веляминова пріехалъ слуга зъ вѣдомостю, тоею, что родилась сегодня ему онука и дочерѣ его Василисѣ дочъ Марія. У лазнѣ милемся съ Александромъ.

Пятокъ. 5. Сегодня по обѣдѣ поехала ясневел. зъ монастира въ Глуховъ и мы при ней, и мимоездомъ заехали до генерала, где до ночи позно просидѣли.

Субота. 6. Сегодня обѣдалисмо у генерала маіора и подпивахомъ. А въ насъ обѣдали п. Федора писаревича [1]) панѣ и Кондзеровская. Потомъ посѣщалисмо сотника глуховского болѣзнуючого. Отъ п. Михайла (Скоропадскаго) зъ Нѣжина получено писмо о его тамъ пребываніи etc. Ея імператорское величество государиня імператрица и самодержица всероссійская Екатерина Алексѣевна преставися 9-го часа по полудни, въ С.П.Бургѣ, а наслѣдникъ объявленъ престола россійскаго по тестаменту ея вел. внукъ ея жъ величества Петръ Вторий, імператоръ и самодержецъ всероссійскій, а синъ блаженной памяти преставлшогося царевича Алексія Петровича. Сегодня обѣдалисмо тамъ же въ генерала маіора, понеже день коронацѣи ея величества. Получилемъ писма зъ Ромна черезъ господара род. о повиданнюся род. зъ генер. Дуклясомъ, объ отездѣ въ Ахтирку его, о Биковскомъ. Ясневел. захоровала на лихорадку.

Пенеделокъ. 8. Сегодня обѣдалисмо у п. Федоровой Савичевой, оттуду былъ я у прокурора Артемія Власовича Матвѣева, оттоль у Івана Ігнатіевича Рудаковского, у Григор. Іванов. Волкова, у Андрея Івановича Количова. Подалъ Марко Василенко, Колобийновъ унукъ, писмо уступное завладѣнного грунту его дѣ-

[1]) Г. е. Федора Семеновича Савича, сына генер. писаря.

дизною Шовкуномъ и наслѣдникомъ его. Синъ брату Семену родился Іванъ, около полудня въ Ромнѣ.

Вовтор. 9. Сегодня по службѣ Божой были члени колежскіе у ясновел., зъ церкви зайшовши отъ с. Николая, которого праздновали тогда. Подъ часъ обѣда ясневелможная знову заболѣла на фебру. Жена моя на ухо правое заболѣла.

Середа. 10. Сегодня рано былъ я у генерала, зъ которимъ и въ колегію пріехалемъ. По обѣдѣ былемъ у секретара Артѣлного. Сказивалъ войтъ свар., что Сивакъ зайшелъ еще за ратуши [1]), почомъ въ третій годинѣ село пожаловано.

Вознесеніе. Четверъ. 11. Сегодня рано былъ я у генерала маіора Велямиянова, а оттоль въ церквѣ ст. Анастасіи и въ дому кушалемъ. По обѣдѣ игралъ въ карти зъ Левенцемъ Валкевичемъ и Покорскимъ, при виграшу. Писалемъ до родителя о слабости жени моей и ясневел. и что Петръ Петровичъ зъ Нѣжина на крестини генералской унуки не будетъ, и о Іосифу Тарасевичу взглядомъ Бѣлоусовки, на якую онъ кажетъ себе имѣти гетманскій унѣверсалъ. Такъ-же до Ромна о продажѣ тютюну, покупцѣ колѣсъ и подрадѣ людей пѣшихъ до возовъ воловихъ до Царицина 20 человѣкъ.

Пятокъ. 12. Сегодня рано далемъ Вѣжевскому на росходъ 10 р., а 27 р. передомъ данни ему и записанни тамъ же въ реестрѣ передъ сими. Ездилемъ у футоръ Колюжновскій и Сварковъ, где видѣлемъ приказъ мой еще въ 1723 году мѣсяцѣ декавр. туда жъ присланній о непріемѣ бѣглихъ всякихъ людей великороссійской породи, въ якомъ приказѣ и тое виражено что передъ присилкою того приказу, первей за годъ, о томъ же, таковий же былъ приказъ и сей указъ въ церквѣ на стѣнѣ приклеенъ. Кровъ зъ головной жили пускалемъ, тако жъ и жена моя. Пожалованъ князь свѣтлѣйшій Меншиковъ въ чинъ генералиссимуса. Того жъ дня въ С. П. Бурсѣ жъ составлена грамота до правителей нашихъ и къ полковникамъ милостивая объ отставкѣ новоуставленнихъ зборовъ и

---

[1]) Т. е., когда Сварковъ принадлежалъ еще Глуховской ратушѣ.

учрежденіи гетмана и старшини въ Малую Россію вскорѣ. Особливий указъ въ тайномъ верховномъ совѣтѣ состоялся о томъ, чтобъ не покупали нихто зъ великороссійскихъ людей земель и грунтовъ въ Малой Россіи.

Субота. 13. Сегодня рано былъ я у ясновел., а обѣдалисмо у себе зъ глинскимъ и лукомскимъ сотниками. Посланъ сварковскій человѣкъ Федоръ Сохачченко и съ нимъ 12 возовъ воловихъ въ Тулиголови для взяття оттуду 12 куфъ гор. и запроваженню въ Роменъ, о чомъ и о колосахъ, лубю и людяхъ наемнихъ писалемъ до Романа и стар. Засулского, а въ Тулиголови для виправи онихъ людей посланъ Волинскій.

Неделя 14. Сегодня у генерала маіора Веляминова были крестини унучцѣ его Маріи, которой воспріемникомъ былъ самъ онъ, а воспріемница ясневолможная, и, по крестинахъ, кушалисмо многіе и подпіяхомъ. Волинскій пріехалъ зъ Тулиголовъ и привезлъ реестръ гор., посланной въ Роменъ на 12 возахъ воловихъ, а именно: простой 12 куфъ, въ которихъ носатокъ всѣхъ 156 и квартъ 544.

Понеделокъ. 15. Листъ, вчорайшого дня полученній отъ Петра Михайлова, подканцеляристи, читалемъ, въ якомъ виражаетъ тое, что онъ, буде отлученъ будетъ въ Смоленскѣ, всемерно старатся будетъ купить бѣглого крестьянина Сивака и мнѣ отпустить на своихъ денгахъ, до которого отписалемъ за такую его любовъ дякуючи и прилагаючи къ тому сумнѣніе, чтобъ невзискано на мнѣ, ежели тотъ человѣкъ не купленъ будетъ отъ него за какою притчиною, а будетъ жить до повороту его въ селѣ моемъ, и онъ на то отписалъ, обнадежуючи мене въ томъ, что сомнѣнія мнѣ неимѣть и турбацѣи мнѣ не будетъ, зъ якимъ другимъ своимъ листомъ онъ, Петръ Михайловъ, и самъ былъ у мене. Получилемъ зъ Ромна отъ род. листъ зъ требованіемъ присилки наметника [1]) и о Станкевичу, объ першомъ листѣ до мене писанномъ; а отъ стар. Сухоносов. о бѣлоусовскомъ человѣку, продаючомъ футоръ и лѣсъ и поле за 60 р., и о казанахъ, такъже борошно для косарей. Ездилемъ до

[1]) Наметъ—походная палатка.

ясневел. и тамъ отобѣдавши, обое мы, до вечернѣ просидѣли, потомъ ездилисмо на Бѣлополовку и въ лазнѣ зъ Кондзеровскимъ милемъся. Сватба въ С. П. Бурсѣ учинилась, его імператорское величество сегодня обручилъ себе дочь свѣтлѣйшого князя Меншикова Марію Александровну.

Вовтор. 16. Сегодня обѣдалисмо у себе, а по обѣдѣ ездилемъ до генерала маіора, где и ясневел застлалемъ, зъ которою, доволно тамъ забавившоюся, и отехалемъ. Подалемъ чолобитте въ канцелярію на Дацѣя за тое, что онъ, не устоя при своей повинной данной мнѣ, отновилъ справу, чтобъ по той повинной наказаніе ему учинено на тѣлѣ и 200 р.

Середа. 17. Сегодня рано ясновелможная виехала зъ Глухова въ Мутинъ; тогда жъ и мы зъ п. судіиною енер. и другими пріехали. Зъ Мутина писалемъ до род. о Станкевичу, что господаръ безъ фундаменту роздѣлался, такъ же о своемъ Сиваку, о ясневел. отездившой зъ Глухова, до стар. Сухонос. о куплѣ футора Бѣлоусовского человѣка и чтобъ самъ старался косарамъ доволствіе чинить, не пускаясь на насъ; до Якова Дуброви, чтобъ онъ зехалъ въ Роменъ, а нанялъ 12 фурмановъ подъ гор. до Царицина и протчіе Роману приказанніе рѣчи исправилъ. Отъ п. Михайла Скор. получилемъ листъ зъ требованіемъ присилки ему извѣстія, почому отдани Орловка и Казиловка Борковскому, и отписалемъ къ нему, что по первейшой грамотѣ отцу его данной.

Четвер. 18. Сегодня ясневел. отехала на перевозъ, слѣдуя въ Нѣжинъ, а мы оную опровадивши, поехали въ Ворголъ, купно зъ п. судіиною енер., Кондзеровскою и Даровскою, где застали Стефанову Миклашевскую болную, у которой и заночовалисмо. Синъ у брата моего родился Іванъ (Семена), отъ которого зварнимъ хлѣбомъ обослалъ мене, а родился прошлого 8-го числа, о чомъ тамъ же зри.

Пятокъ. 19. Сегодня рано, поехавши зъ Воргла, мы заехали до пасѣки своей уздицкой, где показалось пчоли на точкахъ [1]) 170,

---

[1]) Точками называются очищенные отъ травы кружки, на которые ставятъ ульи съ пчелами, въ пасѣкѣ.

между которими зъ 40 подлой, а то середняя, а болше найлутшой: змерлихъ пчолъ 16, зъ якихъ 6 оставили для накладу роевъ, а 10 випорожнили медъ въ дѣжечку. Поехавши оттуду, пріехали въ Калюжновскій футоръ, а оттуду въ Сварковъ, где теслѣ казалемъ імбаръ крить дерномъ, зъ лѣсою переплѣтуючи лати, если гладко будетъ, а если нѣтъ, то лѣсу кладутъ, оттоль пріехавъ въ Глуховъ позно.

Субота. 20. Сегодня обѣдалисмо сами у себе и съ нами сожившіе. Оконченъ заводъ Дацѣя зъ мною, сотникомъ и другими людми лукомскими, такъ, что во всемъ отказано Дацѣю, да ему-жъ взятіе денги у людей лукомскихъ вернуть. Получилемъ писма зъ Астраханѣ и зъ Сулаку 1) отъ Якубовича зъ цедулою о поворотѣ Воронова и отправѣ въ Дербентъ до князя Долгорукова двохъ бунчуковихъ товарищей, Ширая и Кулябки; 2) отъ Худолѣя о пріездѣ Алексѣйця въ Астрахань изъ Сулаку и туда знову повороту, затимъ чтобъ и Демянъ ехалъ учинившогося и что судно совсѣмъ на воду зійшло, толко грузить, и что своихъ денегъ на судно далъ зъ 30 р. и что генералъ маіоръ Кропотовъ пріехалъ въ Астрахань, и тамъ удержанъ указомъ князя Долгорукого, и о томъ, что караванъ зъ Бухаръ не прійшолъ, а слишно будто оній отъ каракалпакъ разбитий есть; 3) отъ Гаврила и Федора ап. 12-го, что зъ 16-го апр. мѣютъ судно нагрузивать и о перемѣнѣ ихъ, 4) зъ Сулаку отъ Демяна, марта 18-го, что Алексѣй зъ кучеромъ отправленъ зъ крепости въ Астрахань 17-го марта и что ведро гор. того марта простой по 40 а, и безъ гривни тамъ продается, а за 17 куфъ принялъ онъ 1171 а, 120 д.: и что въ стар. полкъ позичилъ 300 р., а еще 2 куфи остались. По обѣдѣ ездилъ я до генерала маіора, где увѣдомился, что князя Трубецкого дочъ за нѣкоторого старосту полского мѣетъ отдана бить и веселле отправится въ Кіевѣ. Былъ я у секретара Шеригина и, доволно посидѣвши, заехалъ до Петра Михайлова, а ночовалъ въ дворѣ ясневелм.

Ст. Тройца. Неделя. 21. Сегодня службы Божой слухалъ я у Михайла, а обѣдали у насъ п. судіиная, Кондзеровская и Даровская, Левенецъ, Волковичъ, Лисаневичъ и проч. Игралъ я въ

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

1893 г.

ОКТЯБРЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1893.

СОДЕРЖАНІЕ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLIII.

1893 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4

Дозволено цензурою. Кіевъ, 6 октября 1893 года.

ВОСПОМИНАНІЯ ІОСИФА САМЧЕВСКАГО.

1800—1886 гг.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Съ настоящей книги начинается печатаніе записокъ бывшаго инспектора новгородсѣверской гимназіи Іосифа Акимовича Самчевскаго. Эти записки обнимаютъ періодъ времени болѣе полустолѣтія и представляютъ громадный интересъ. І. А. родился въ 1799 г. въ селѣ Лисконогахъ, новгородсѣверскаго уѣзда, окончилъ магистромъ с.-петербургскую духовную академію, былъ профессоромъ черниговской семинаріи, учителемъ исторіи, а затѣмъ инспекторомъ въ новгородсѣверской гимназіи до 1858 года. Умеръ І. А. въ 1887 г., не доживъ двухъ лѣтъ до празднованія столѣтняго юбилея гимназіи, которой посвятилъ болѣе четверти вѣка своей далеко не безполезной педагогической дѣятельности, оставивъ по себѣ память умнаго, добраго и справедливаго педагога. На старости лѣтъ І. А. лишился всей своей семьи: сперва умерла его жена, а затѣмъ сыновья: Михаилъ, учитель кіевской 2-й гимназіи, и Иванъ, инспекторъ той-же гимназіи. Имущество его заключалось въ домѣ съ усадьбой въ г. Новгородсѣверскѣ; послѣ смерти сыновей и этотъ домъ сгорѣлъ. Оставшись совершенно одинокимъ старикомъ, Іосифъ Акимовичъ не имѣлъ гдѣ преклонить свою много потрудившуюся на пользу юношества, голову и только, благодаря совершенно ему постороннему семейству В. Д. Кисилевича, онъ могъ спокойно дожить свой вѣкъ. Въ послѣдніе годы жизни, новое, величайшее изъ несчастій обрушилось на голову много-

страдальнаго Іосифа Акимовича: онъ совершенно потерялъ зрѣніе и свои интересныя воспоминанія самъ писать не могъ, а диктовалъ ученикамъ гимназіи, жившимъ у Кисилевича. Записки І. А. начинаются съ дѣтства автора и доходятъ до его смерти. Нѣтъ сомнѣнія, что онѣ были бы несравненно богаче матеріаломъ, художественнѣе и занимательнѣе въ своемъ изложеніи, если бы І. А. не диктовалъ ихъ, а писалъ самъ до начала своей послѣдней болѣзни; но и при такомъ неблагопріятномъ условіи первая половина записокъ отличается надлежащей полнотой и обиліемъ интересныхъ свѣдѣній; къ сожалѣнію, нельзя того сказать о послѣднемъ десятилѣтіи службы І. А. инспекторомъ, во время директорства П. О. Науменка. Очевидно, къ старости память стала измѣнять ему, и этотъ періодъ представляется далеко не полнымъ. Желая нѣсколько исправить этотъ недостатокъ, редакція Кіевской Старины передала записки Самчевскаго, для составленія примѣчаній къ нимъ, лицу, близко знавшему автора записокъ и всѣхъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ гимназіи въ теченіе 1852—1858 г. Въ этихъ примѣчаніяхъ изложена дополнительная характеристика всѣхъ извѣстныхъ педагоговъ указаннаго періода, и кромѣ того имѣются свѣдѣнія о жизни учениковъ того времени, объ ихъ отношеніяхъ къ учителямъ и наоборотъ, и изложена ревизія гимназіи попечителемъ кіевскаго округа Ребиндеромъ.

Мысль о жизнеописаніи.

Что такое жизнь наша въ этомъ мірѣ? Сцѣпленіе случайностей, выпадающихъ на долю того или другого, скажетъ тотъ, кто смотритъ на одни факты, не обращая вниманія на взаимное ихъ отношеніе и связь, не отличая тѣхъ, которые были причиною, отъ тѣхъ, которые сдѣлались ихъ послѣдствіями. Но судить такъ о явленіяхъ жизни человѣческой значило бы не признавать въ человѣкѣ свободы ума и воли, значило бы не допускать въ міроуправленіи разумнаго порядка, не вѣрить въ Промыслъ Божій. Стоитъ только каждому изъ насъ со вниманіемъ и съ чистою совѣстью прослѣдить событія

прошедшей жизни своей, чтобы убѣдиться какъ въ томъ, что мы проявляемъ наши помыслы, пожеланія и дѣйствія, такъ и въ томъ, что есть въ мірѣ Промыслъ Божій, который, не нарушая нашей свободы, разными путями ведетъ насъ къ истинному благу нашему здѣсь и въ вѣчности. Онъ благотворитъ намъ не только тогда, когда мы получаемъ отъ него щедрые дары Его благости, но и тогда, когда подвергаемся бѣдствіямъ и злоключеніямъ, которыя посылаются людямъ добродѣтельнымъ для большаго ихъ нравственнаго совершенствованія, а порочнымъ—въ наказаніе за отступленіе отъ путей правды, дабы страданіями они вразумились и исправились. Какъ мы пользуемся дарами счастія и уроками несчастія, это показываетъ ходъ жизни нашей, и потому-то исторія ея не можетъ не быть для насъ поучительною, если только разсматривать дѣла свои по совѣсти.

Начало премудрости, по откровенному ученію, есть страхъ Божій. Древніе философы искали этого начала въ самопознаніи. Открывая въ событіяхъ жизни нашей пути Провидѣнія, дѣйствія Его благости и правосудія, мы можемъ поучаться тому спасительному страху, который дѣлаетъ насъ лучшими. Разсматривая себя въ разныхъ періодахъ жизни нашей, въ разныхъ положеніяхъ, отношеніяхъ и обстоятельствахъ, мы приходимъ къ самопознанію, узнаемъ, чѣмъ были мы и чѣмъ быть должны. Исторія жизни нашей есть практическая нравоучительная книга, которая находится у всякаго предъ глазами, всякому доступна, всякому легка для чтенія, всякому понятна: она исписана фактами, извѣстными каждому, кто только захочетъ воспоминаніемъ обратиться къ своему прошедшему. Всякій легко припомнитъ, что съ нимъ было въ прожитое имъ время, какія у него были силы и способности, избытки и недостатки, какіе помыслы, желанія и страсти волновали его душу, къ чему онъ стремился и чего надѣялся, чего достигалъ и въ чемъ обманулся, въ чемъ находилъ покой душѣ, или разочарованіе, чѣмъ его сердце радовалось или сокрушалось, когда и отчего онъ наслаждался счастіемъ, или страдалъ въ жизни. Ему представится цѣлая картина случившихся съ нимъ превратностей житейскихъ, и изъ

обзора своего прошедшаго онъ можетъ извлечь для себя самые вѣрные выводы для своего настоящаго и будущаго. Отчего мы любимъ заниматься болѣе настоящимъ и будущимъ, чѣмъ нашимъ прошедшимъ? Не оттого ли только, что настоящее еще есть, будущее еще будетъ, а прошедшее уже прошло и не возвратится? Но настоящее непостоянно, измѣнчиво и невѣрно; будущее еще неизвѣстно, и, думая о немъ, мы только мечтаемъ; одно прошедшее никогда не измѣняется, оно есть самое вѣрное неотъемлемое достояніе наше.

Нельзя однакожъ сказать, чтобы прошедшее къ намъ не возвращалось: оно возвращается къ намъ въ своихъ послѣдствіяхъ, которыя всегда соотвѣтствуютъ своему предыдущему. Когда мы не думаемъ о нашихъ недостаткахъ и заблужденіяхъ, то и не исправляемся, а не исправляясь, повторяемъ тѣ же заблужденія, иногда въ бо́льшихъ размѣрахъ. И не оттого ли мы бываемъ несчастны въ настоящемъ, что не хотѣли вразумляться прошедшимъ? Не самыя ли тяжкія душевныя страданія наши бываютъ тѣ, которыя отъ насъ самихъ происходятъ, какъ плоды порочныхъ нашихъ привычекъ, стремленій, когда мы не можемъ находить утѣшенія въ нашей совѣсти? Проводя жизнь въ разсѣянности и легкомысліи, мы хотимъ только жить, не повѣряя хода нашей жизни, хотимъ быть счастливы, не пользуясь уроками прошедшаго. Если исторію человѣчества мы должны изучать для познанія жизни гражданской, то исторію собственной жизни каждый человѣкъ долженъ знать для частной своей цѣли нравственной, для практическихъ уроковъ Богопознанія и самопознанія.

Не могу сказать, чтобы съ этою цѣлью я часто обращался къ воспоминанію моего прошедшаго: къ этому воспоминанію меня располагали большею частью обстоятельства, сокрушавшія мое сердце, когда страдало мое неудовлетворенное самолюбіе. Въ жизни моей я не былъ избалованъ удачами и дарами счастія, все мнѣ давалось трудомъ и съ трудомъ, но я не терпѣлъ крайней нищеты, не испытывалъ и такихъ бѣдствій, какимъ подвергаются многіе, достойные, повидимому, лучшей участи. Когда пораженный скорбью я разсматривалъ себя въ прежнихъ

обстоятельствахъ моей жизни, всегда убѣждался въ томъ, что Богъ послалъ мнѣ долю по моимъ силамъ и способностямъ, что въ другомъ высшемъ состояніи я могъ бы забыться, могъ бы оказаться несостоятельнымъ къ исполненію своихъ обязанностей, или не вынесъ бы борьбы съ препятствіями; что трудовая жизнь моя избавляла меня отъ праздности и ея гибельныхъ послѣдствій, сосредоточивала мои мысли, обращала мою дѣятельность на полезное, удаляла меня отъ соблазновъ, удерживала порывы характера, обуздывала волю; что въ критическихъ обстоятельствахъ, когда недоумѣніе и уныніе начинали овладѣвать моимъ духомъ, я, по милости Божіей, неожиданно получалъ откуда-нибудь или утѣшеніе, или защиту, или пособіе. При такихъ воспоминаніяхъ и соображеніяхъ самолюбіе мое смирялось, зависть во мнѣ утихала, и я успокаивался среди моей скорби. Мнѣ часто приходила мысль собрать и изложить для себя воспоминанія изъ моей прошедшей жизни, но разныя развлеченія и забвенія доселѣ отвлекали меня отъ этого занятія. Теперь, когда конецъ жизни моей приближается, когда съ утратою душевныхъ и тѣлесныхъ силъ я потерялъ моихъ родныхъ и присныхъ, когда ни страсти, ни заботы по прежнему уже не возмущаютъ моей души, когда настоящее меня уже не радуетъ, я ищу удовольствія въ воспоминаніи моего прошедшаго, которое часто мирило меня съ самимъ собою. Пишу эти воспоминанія собственно для себя, чтобы бесѣдою съ самимъ собою о быломъ развлекать скуку моего одиночества. Если оставшіеся у меня присные мнѣ когда-нибудь полюбопытствуютъ прочесть эти строки, они найдутъ въ нихъ кое-что такое, чего они обо мнѣ еще не знали. Если же воспоминанія эти случайно попадутъ въ руки человѣка посторонняго, предваряю его, что онъ не найдетъ въ нихъ ничего для себя занимательнаго, такъ какъ самая жизнь моя не представляетъ никакихъ особенностей для любопытнаго. Совѣтую однако-жъ всякому собрать воспоминанія изъ прошедшей своей жизни и увѣряю, что это принесетъ ему не только удовольствіе, но и пользу, когда онъ въ прошедшемъ захочетъ лучше узнать самого себя и дѣйствія благотворящаго ему Промысла Божія.

Мои воспоминанія.

... Помянухъ дни древнія, поучихся во всѣхъ дѣлѣхъ Твоихъ. *Псал. 142, ст. 5.*

... Милость Твоя предварить мя вся дни живота моего.

Боговдохновенный царь и пророкъ Давидъ, потерпѣвшій въ жизни своей много превратностей и злоключеній, любилъ вспоминать о прежнихъ временахъ житія своего, поучался изъ нихъ путямъ Божія о немъ Промысла и находилъ, что, при всѣхъ испытанныхъ имъ несчастіяхъ, милость Божія сопровождала и не оставляла его во все прожитое имъ время. И каждый вѣрующій въ Провидѣніе Божіе въ воспоминаніяхъ своихъ о прожитомъ имъ времени можетъ находить для себя много поучительнаго, въ особенности касательно Божескаго о немъ попеченія.

Богъ всегда благъ и ко всѣмъ милостивъ.

Находясь въ преклонныхъ лѣтахъ, лишенный при томъ зрѣнія, я большую часть времени провожу самъ съ собою, въ моихъ размышленіяхъ; часто вспоминаю мое прошлое и въ этихъ воспоминаніяхъ нахожу, что Милосердный Богъ во всѣ времена и во всѣхъ обстоятельствахъ моей жизни посылалъ мнѣ часто неожиданную свою помощь въ лицахъ моихъ начальниковъ, наставниковъ, сотоварищей, сослужителей и добрыхъ пріятелей, мнѣ благотворившихъ своими внушеніями, совѣтами, предостереженіями и теплымъ участіемъ. Въ чувствѣ сердечной моей признательности къ этимъ моимъ благотворителямъ, я хочу сохранить въ моей памяти незабвенныя для меня имена ихъ и для того излагаю мои воспоминанія на бумагѣ посредствомъ чужой руки по моей диктовкѣ. Воспоминанія эти конечно не будутъ имѣть читателей, для которыхъ въ нихъ нѣтъ ничего интереснаго; я желаю сохранить ихъ для себя самого и, можетъ быть, для немногихъ ближайшихъ ко мнѣ лицъ.

I.

Мои родители. — Мое рожденіе и домашнее воспитаніе — Болѣзнь отца. — Поѣздка наша въ Петербургъ для опредѣленія меня въ Армейскую Семинарію.

Отецъ мой Іоакимъ Ѳеодоровичъ Самчевскій былъ уроженецъ черниговской губерніи конотопскаго уѣзда; обучался въ

бывшей Новгородъ-Сѣверской семинаріи, отлично зналъ латинскій языкъ, на которомъ свободно говорилъ и хорошо писалъ стихи; по окончаніи курса философіи онъ поступилъ на службу въ духовную Новгородъ-Сѣверскую дикастерію, гдѣ получилъ два первые чина, но, женившись на дочери священника села Лисконогъ (моей матери) Екатеринѣ Игнатьевнѣ Калиновской, впослѣдствіи поступилъ на мѣсто своего тестя. Первымъ сыномъ моихъ родителей былъ Степанъ, умершій въ отрочествѣ. Мое рожденіе случилось незадолго до смерти моего дѣда Калиновскаго, наканунѣ Рождества Христова, въ 1799 году. Я былъ рожденъ весьма слабымъ ребенкомъ, и своимъ безпрестаннымъ плачемъ сокрушалъ моихъ родителей.

Въ день похоронъ моего дѣда, мать моя, въ хлопотахъ по кухнѣ, оставила меня одного въ комнатѣ на кровати; вернувшись изъ кухни въ домъ и не слыша моего крика, она пришла въ мою комнату и что-же увидѣла! На кровати, гдѣ я лежалъ, наброшены были шубы пріѣхавшими на похороны священниками. Когда шубы были сняты, мать увидѣла меня посинѣвшимъ и едва могла привести въ чувство. Итакъ, вскорѣ послѣ явленія моего на свѣтъ Божій, мнѣ угрожала смерть, но Богу угодно было спасти меня отъ нея и при слабомъ моемъ сложеніи продлить вѣкъ мой до глубокой старости. Вотъ первое явленіе ко мнѣ милости Божіей, которая не оставляла меня во всю мою жизнь.

Когда я сталъ подростать, отецъ мой самъ началъ учить меня грамотѣ по-русски, по-латыни и пѣнію, къ которому видѣлъ во мнѣ способность, такъ какъ я имѣлъ хорошій голосъ дисканта. Учился я успѣшно, хотя иногда полѣнивался и пошаливалъ. Отецъ мой былъ ко мнѣ строгъ и взыскателенъ. Однажды, не выучивши заданнаго мнѣ урока и боясь наказанія, я скрылся въ коноплятникъ, бывшій на огородѣ близъ дома. Посидѣвъ тамъ немалое время, я сталъ бродить въ конопляхъ и заблудился, такъ что не могъ уже выйти изъ нихъ. Родители обезпокоились; мать, долго искавшая меня на селѣ, пришла наконецъ въ огородъ, громко стала звать меня по имени, я отозвался, и мать вывела меня изъ моей засады. Это было уже вечеромъ. На

этотъ разъ я остался ненаказаннымъ. Въ другой разъ, какъ отецъ мой пошелъ со мной въ ближайшее село Роговку, гдѣ былъ наблюдающимъ въ приходѣ, я тамъ опять не выучилъ заданнаго мнѣ урока, и отецъ, занятый требами по приходу, не могши самъ наказать меня и не желая оставить безъ взысканія, поручилъ тамошнему дьячку дать мнѣ нѣсколько розогъ. Дьячекъ очень слабо наказалъ меня и, чтобы я не плакалъ, далъ мнѣ грушу.

Изъ шалостей моихъ помню двѣ слѣдующія: отецъ мой, очень любившій заниматься садомъ, обрадовался, когда на одной изъ посаженныхъ имъ яблонь показались первые плоды; я оборвалъ ихъ и роздалъ сельскимъ мальчишкамъ; за такую проказу отецъ высѣкъ меня подъ той самой яблонею, давъ мнѣ нѣсколько ударовъ по числу оборванныхъ плодовъ. Другая шалость была поважнѣе. Въ домѣ у него находилась, какъ обыкновенно бываетъ у священника, крестильница, на верху которой были образки святыхъ. Я отломалъ ихъ и также роздалъ мальчишкамъ. Наказанія тогда не послѣдовало, и я думалъ уже, что эта продѣлка моя сойдетъ для меня благополучно, но не тутъ-то было. Отецъ мой, имѣя надобность отправиться въ село Роговку по случаю требъ, взялъ и меня съ собой. Долго мы шли молча; когда дошли до одного лѣска, отецъ, отломивъ отъ березы прутъ, больно меня высѣкъ, приговаривая: „не шали, не ломай крестильницы“.

Въ чтеніи и пѣніи успѣхи мои были довольно быстры. Отецъ заставлялъ меня читать и пѣть на клиросѣ съ дьячкомъ и, когда гулялъ со мною по селу или въ полѣ, всегда пѣлъ со мною богослужебныя пѣсни. Лисконоговскій приходъ моего отца былъ очень скуденъ по доходамъ; между тѣмъ я пришелъ въ тотъ возрастъ, когда нужно было отдавать меня въ школу; семейство наше умножилось еще двумя моими братьями, Николаемъ и Львомъ, умершимъ въ младенчествѣ. Все это заставило моего отца подумать о перемѣнѣ мѣста своего служенія и онъ рѣшился проситься въ армейское духовенство. Просьба его имѣла успѣхъ, и онъ былъ назначенъ священникомъ въ 23-й егерскій полкъ, находившійся тогда въ Петербургѣ, на походѣ

въ Финляндію. Собираясь въ Петербургъ, отецъ рѣшилъ взять и меня съ собою, чтобы опредѣлить въ семинарію, въ которой воспитывались дѣти полковыхъ священниковъ.

Заведеніе это учреждено подъ названіемъ армейской семинаріи Императоромъ Павломъ Петровичемъ. Домъ для этой семинаріи сперва находился на Васильевскомъ островѣ въ 13-й линіи противъ морскаго кадетскаго корпуса. Императоръ Павелъ при учрежденіи ея повелѣлъ выдать въ церковь ея отъ двора богатую мальтійскую ризницу изъ серебряной бѣлой парчи съ малиновыми по ней крестами; онъ же прислалъ въ семинарію и свой прекрасный тканый портретъ въ богатой рамѣ. Первымъ главнымъ начальникомъ армейской семинаріи былъ любимецъ Императора Павла протопресвитеръ Павелъ Яковлевичъ Озерецковскій. Говорили, что Императоръ Павелъ, думавшій учредить въ Россіи бѣлыхъ архіереевъ, тайно пожаловалъ Озерецковскому архіерейскую мантію, которою по смерти Озерецковскаго обитъ былъ его гробъ. Отецъ мой, получивъ казенные прогоны на проѣздъ въ Петербургъ, хотѣлъ немедленно выѣхать туда, но вдругъ опасно заболѣлъ. Я постоянно находился при немъ. На яву и даже въ бреду онъ выражалъ скорбь свою о томъ, что по смерти его семейство останется въ самомъ несчастномъ положеніи, и въ особенности о томъ, что я, любимый сынъ его, лишусь дальнѣйшаго образованія. Мать моя была въ отчаяніи и вмѣстѣ со мной рыдала надъ больнымъ отцомъ. Но Премилосердный Отецъ Небесный сохранилъ намъ отца земного; родитель мой сталъ поправляться и тѣмъ утѣшилъ скорбѣвшую семью нашу. По выздоровленіи, онъ поспѣшилъ отъѣздомъ нашимъ въ Петербургъ. Въ виду предстоящаго отцу похода въ Финляндію мать моя съ двумя меньшими братьями моими должна была оставаться вь Лисконогахъ. Помню я наше плачевное разставаніе: когда мы съ отцомъ сѣли въ повозку, рыдающая мать стояла передъ нами, держа на рукахъ меньшого моего брата Льва, а подлѣ нея стоялъ средній четырехлѣтній Николай. Я не плакалъ, находясь въ какомъ-то безчувствіи, и думалъ только о поѣздкѣ; но когда мы отъѣхали нѣсколько верстъ отъ Лисконогъ, грусть разлуки съ матерью и

братьями одолѣла меня, и я долго плакалъ. Въ дорогѣ отецъ былъ со мною очень нѣженъ, утѣшалъ меня въ моей скорби и старался объяснить, что онъ везетъ меня въ Петербургъ для того, чтобы я получилъ тамъ образованіе и не былъ такъ бѣденъ, какъ онъ; при видѣ хорошихъ строеній на пути нашемъ онъ говорилъ мнѣ: „учись, мой сынъ, учись, и ты будешь имѣть такой домъ“. Изъ случайностей на пути нашемъ помню одну непріятность. На одной станціи отецъ передалъ мнѣ подорожную, которую одинъ изъ ямщиковъ, незамѣтно для меня, взялъ и спряталъ. Отецъ былъ въ хлопотахъ по этому случаю; ямщикъ, взявшій подорожную, черезъ нѣсколько времени представилъ ее отцу, какъ будто гдѣ-то нашелъ, и требовалъ за то награды, которую отецъ и далъ ему. Путешествіе наше на почтовыхъ лошадяхъ было продолжительно по причинѣ остановокъ на станціяхъ за недостаткомъ лошадей; наконецъ, дней черезъ десять, мы добрались до Петербурга вечеромъ въ маѣ мѣсяцѣ 1809 года и остановились на квартирѣ на Ямской, у какого-то, кажется, мѣщанина.

II.

Принятіе меня въ Армейскую семинарію.—Разлука съ отцомъ.—Знакомство съ Пыльневымъ.—Насмѣшки товарищей.—Учитель Поляковъ.—Соученики мои Трачевскій и Полковъ.—Поступленіе мое въ хоръ пѣвчихъ.—Мерцаловъ.—Желаніе поступить въ придворный хоръ.—Трудности пребыванія въ семинарскомъ хорѣ.—Митрополитъ Амвросій.—Злобинъ.—Комнатный старшій.—Наказаніе розгами и проказы учениковъ.

На другой день по прибытіи нашемъ въ Петербургъ отецъ пошелъ со мною къ оберъ-священнику арміи и флота. Эту должность занималъ тогда протопресвитеръ Иванъ Семеновичъ Державинъ, членъ Святѣйшаго Синода и коммисіи духовныхъ училищъ, имѣвшій митру и орденъ Анны 1-й степени. При самомъ нашемъ появленіи онъ объявилъ отцу моему, что 23-й егерскій полкъ уже ушелъ въ Финляндію и что отецъ мой долженъ спѣшить догнать его; на просьбы о принятіи меня въ семинарію онъ положилъ резолюцію: „принять“, и мы отъ него отправились въ домъ Семинаріи, гдѣ ректоръ ея протоіерей Гро

мовъ немедленно распорядился о зачисленіи меня въ 1-й классъ, конечно, на казенное содержаніе, которымъ пользовались всѣ воспитанники этой семинаріи. На другой день рано утромъ отецъ мой выѣхалъ изъ Петербурга. Я съ хозяиномъ нашей квартиры провожалъ его за Неву, на Выборгскую сторону. При прощаніи съ плакавшимъ отцомъ я рыдалъ безутѣшно, и, когда онъ скрылся изъ виду, хозяинъ нашей квартиры повелъ меня, плачущаго, въ свой домъ, а на другой день поутру отвелъ въ Семинарію. По окончаніи Финляндскаго похода отецъ мой былъ въ Петербургѣ, и это было уже послѣднее мое свиданіе съ нимъ. Въ Петербургѣ онъ заказывалъ иконостасъ для своей церкви живописцу Пыльневу, съ семействомъ котораго познакомилъ и меня, и я, въ продолженіе всего моего пребыванія въ Петербургѣ, находилъ себѣ отрадный пріютъ въ квартирѣ Пыльневыхъ, которыхъ мать старушка особенно меня ласкала.

По приходѣ моемъ въ Семинарію, товарищи по классу окружили меня, но я дичился ихъ, уходилъ въ какое-нибудь уединенное мѣсто и тамъ обливался слезами, какъ бы находя въ нихъ утѣшеніе. Къ увеличенію подавлявшаго меня горя новые товарищи мои преслѣдовали меня насмѣшками надъ моею плаксивостью и надъ моимъ малороссійскимъ нарѣчіемъ. На испытаніи въ первомъ классѣ, я оказался настолько подготовленнымъ, что опередилъ въ предметахъ моихъ соучениковъ; я бойко читалъ и писалъ по-русски и по-латыни, и потому учитель нашъ Поляковъ обратилъ на меня особое вниманіе и сдѣлалъ меня авдиторомъ, что заставило моихъ товарищей прекратить свои насмѣшки. Въ числѣ товарищей былъ еще одинъ, незадолго до меня поступившій малороссіянинъ, Трачевскій, съ которымъ на первыхъ порахъ мнѣ пришлось подраться. Оба мы явились къ комнатному нашему старшему съ жалобами и обоихъ насъ поставили на колѣни. Ученики высшихъ классовъ водили меня по своимъ комнатамъ и, къ моей досадѣ, заставляли повторять исторію моей драки, потѣшаясь моимъ разсказомъ. „Трачевскій,—говорилъ я,—назвавъ мене Самчá, а я его Трачá; винъ мене вдарывъ по пыци, а я его въ морду“ и т. д. Впрочемъ,

насмѣшки надъ моимъ малороссійскимъ говоромъ заставили меня въ непродолжительномъ времени выучиться говорить по-русски.

И такъ, въ первомъ классѣ я обучался безъ всякихъ затрудненій. Но въ тоже время поступилъ въ нашъ классъ привезенный изъ Тобольска сынъ полковаго священника Полковъ, затмившій всѣхъ насъ своими необыкновенными способностями и успѣхами. Товарищи мои вздумали было первое время поглумиться надъ новичкомъ, еще не подозрѣвая того, что онъ былъ и достаточно силенъ. Отколотивъ одного, другого, Полковъ заставилъ всѣхъ его бояться и даже уважать.—Съ удовольствіемъ продолжая ученіе мое въ первомъ классѣ, я сокрушался зачисленіемъ меня въ хоръ семинарскихъ пѣвчихъ, въ который меня взяли при самомъ поступленіи моемъ въ семинарію, сокрушался потому, что видѣлъ суровое обращеніе регента съ другими малыми пѣвчими. Насъ учили методически, заставляя самихъ разбирать ноты и тоны; регентъ назначалъ уроки и неисправныхъ бивалъ, а иногда и сѣкъ. Хотя я и не подвергался самъ подобнымъ взысканіямъ, тѣмъ не менѣе, видя такое обращеніе съ пѣвчими, я старался испортить свой голосъ, пилъ конопляное масло, чтобы охрипнуть, но ничто не помогало,—голосъ очищался и отъ времени усиливался. Не зналъ я тогда, что пѣніе послужитъ мнѣ въ пользу, что успѣхи мои въ немъ обратятъ на меня вниманіе самого оберъ-священника, что пѣніе сдѣлается впослѣдствіи моею страстью и послужитъ мнѣ лучшимъ утѣшеніемъ въ жизни; и теперь, въ глубокой старости моей, при моей слѣпотѣ, я очень часто, оставаясь самъ съ собою, молча, а иногда и голосомъ, повторяю мотивы изъ многихъ памятныхъ мнѣ церковныхъ пѣснопѣній. Когда я началъ хорошо понимать церковную музыку, регентъ былъ мною очень доволенъ и заставлялъ меня дирижировать хоромъ даже въ церкви. Я уже начиналъ пѣть соло, какъ поступилъ въ нашу семинарію изъ славившагося тогда тульскаго хора отличный солистъ Мерцаловъ. Первый опытъ его пѣнія въ нашей церкви обратилъ на него всеобщее вниманіе, всѣ превозносили его похвалами. Изъ зависти къ Мерцалову я плакалъ, но онъ, будучи гораздо старше меня лѣтами, скоро спалъ съ го-

лоса, и я занялъ его мѣсто. Мнѣ представлялся тогда удобный случай поступить въ придворный хоръ. Придворный протодіаконъ Мещерскій и придворный же теноръ Яновскій пришли къ намъ отыскивать для себя одну старинную херувимскую и просили при нихъ ее исполнить, послѣ чего придворный пѣвчій спросилъ меня, хочу ли я поступить въ придворный хоръ. Я изъявилъ свое на то желаніе, прельщаясь отличнымъ содержаніемъ мальчиковъ въ придворномъ хорѣ, особенно параднымъ ихъ костюмомъ изъ краснаго сукна съ золотыми кистями и позументами. Не знаю, было ли затѣмъ требованіе меня въ придворный хоръ, знаю только, что ректоръ нашъ Гротовъ воспротивился моему неразумному желанію, исполненіе котораго лишило бы меня дальнѣйшаго образованія, и было бы противно завѣтному желанію покойнаго моего отца. Участіе мое въ хорѣ меня радовало, но въ тоже время заставляло переносить такіе тяжелые труды, которые даже и теперь мнѣ кажутся невыносимыми по тогдашнему моему возрасту и силамъ. Оберъ-священникъ часто приглашался на выносы (такъ въ Петербургѣ называли похороны), а съ нимъ долженъ былъ находиться и хоръ его. Въ лѣтнее время эти выносы не только не затрудняли насъ, но даже доставляли пріятное развлеченіе, прогулку послѣ учебныхъ занятій; въ зимнее же время иногда, при большихъ морозахъ и сильномъ вѣтрѣ мы должны были совершать очень далекія путешествія, провожая покойниковъ на Смоленское или Волковское кладбище. Надо замѣтить, что такіе проводы мы совершали въ однихъ сюртукахъ, въ холодной обуви, безъ перчатокъ, съ открытыми при томъ головами и съ нотными книгами въ рукахъ, которыя обыкновенно носили дисканты и альты. Помню, какъ однажды въ такой процессіи, при приближеніи къ Невѣ во время ея ледохода, сильный холодный вѣтеръ помчалъ меня къ рѣкѣ, и какъ регентъ, взявши меня за руку, остановилъ мое стремленіе. Съ большимъ трудомъ мы переправлялись тогда въ катерахъ съ гробомъ покойника. Послѣ долгой и трудной переправы, предстоялъ намъ еще далекій путь до кладбища, въ церкви котораго мы пѣли обѣдню и отпѣваніе. На обратномъ пути насъ, обыкновенно, везли уже въ

каретахъ въ домъ покойника, гдѣ послѣ сытнаго угощенія мы забывали и морозъ, и вѣтеръ, и труды наши. Мнѣ теперь самому не вѣрится, чтобы я могъ переносить такіе походы, но память моя говоритъ мнѣ, что я ихъ переносилъ. Замѣчательно, что во время пребыванія моего въ Петербургѣ, я никогда ничего себѣ не отморозилъ. Звали нашъ хоръ нерѣдко и на свадьбы, но онѣ доставляли уже намъ баловство, а не труды. Въ рождественскіе и пасхальные праздники мы Христа славили. Когда, по приказанію оберъ-священника, мы поздравляли петербургскаго митрополита Амвросія концертомъ, онъ, преподавая намъ благословеніе, замѣтилъ, что мы, какъ семинаристы, должны были бы поздравить его рѣчами, или одами, какъ тогда водилось. Въ праздникъ Пасхи нашъ хоръ сошелся однажды съ митрополичьимъ хоромъ въ домѣ уважаемаго Державинымъ именитаго откупщика-богача Злобина. Сперва огромный митрополичій хоръ въ обширной залѣ превосходно исполнилъ трудный концертъ „Да воскреснетъ Богъ" подъ управленіемъ самого Турчанинова. Злобинъ, съ тремя золотыми медалями на шеѣ, стоялъ и восхищался этимъ превосходнымъ пѣніемъ; съ удовольствіемъ онъ слушалъ потомъ и нашъ небольшой хоръ, отчетливо пропѣвшій концертъ „Сей нареченный". Самъ Турчаниновъ и нѣкоторые изъ пѣвчихъ его спрашивали у нашего регента о дискантѣ, исполнявшемъ соло. Угощеніе обоихъ хоровъ у Злобина было обильное. Онъ наградилъ митрополичій хоръ 100 рублями, давъ Турчанинову что-то особо, а насъ 25 рублями,—сумма по тогдашнему времени значительная.

Вообще участіе мое въ хорѣ доставляло мнѣ одно только удовольствіе; меня ни разу не наказывали ни за пѣніе, ни за уроки въ классахъ, а за шалости во время нахожденія моего въ первомъ классѣ я иногда подвергался наказанію отъ комнатнаго старшаго, человѣка вспыльчиваго и раздражительнаго. Мы такъ его боялись, что въ присутствіи его говорили между собою не иначе, какъ шепотомъ; за то, когда онъ уходилъ изъ нашей комнаты, въ ней поднимались шумъ, гамъ, бѣготня и даже драка, при чемъ пыль наполняла всю комнату. Когда старшій заставалъ такой безпорядокъ, начиналась расправа розгою, вотъ тутъ-то

иногда испытывалъ ее и я, или за участіе въ шалости, или за то, что на вопросъ: „кто шумѣлъ?“ отвѣчалъ, что шумѣли всѣ, что въ дѣйствительности и было справедливо.

Заговоривъ о розгѣ, я долженъ при томъ сказать, что во время первыхъ трехъ лѣтъ обученія моего въ армейской семинаріи розга еще сильно въ ней господствовала. Сѣкли въ низшихъ классахъ учителя и комнатные старшіе; сѣкли и въ высшихъ классахъ, иногда даже учениковъ богословія, по распоряженію и въ присутствіи самого ректора. И гдѣ же ихъ сѣкли? въ столовой, во время обѣда, въ присутствіи всѣхъ учениковъ семинаріи! Это варварство приводило насъ малолѣтнихъ въ ужасъ и трепетъ. Надобно сказать правду, что и ученики съ своей стороны въ тогдашнее время дѣлали проказы, достойныя строгаго наказанія (конечно только не въ столовой же, гдѣ умѣстно было бы только посадить виновнаго за голодный столъ). Такъ, напримѣръ, ученикъ 3-го класса Чернышевъ, лѣнтяй, участникъ въ кулачныхъ бояхъ, дерзкій и на все отважный, вышедши однажды съ товарищами своими послѣ ужина на дворъ и увидѣвъ въ квартирѣ ректора жену его, сидѣвшую у окна, сказалъ товарищамъ: „хотите, братцы, я пущу въ нее камнемъ?“ и когда они сказали, что онъ этого не сдѣлаетъ, онъ, дѣйствительно, бросилъ въ окно камень, который, можетъ быть, попалъ въ сидѣвшую. На другой день его жестоко высѣкли въ столовой. Другой случай былъ поважнѣе. Я былъ боленъ и находился въ больницѣ. Когда ученики уже поужинали, послышался продолжительный звонъ класснаго колокольчика; этотъ необыкновенный по времени звонъ заставилъ больничнаго смотрителя выбѣжать на дворъ, и онъ, возвратившись, сказалъ, что ученики старшихъ классовъ бьютъ ректора, вышедшаго съ ними изъ столовой, а другіе въ это время звонятъ. Ректоръ Гротовъ на другой день донесъ о происшедшемъ оберъ-священнику, и послѣдній, пріѣхавъ въ семинарію, велѣлъ собрать всѣхъ старшихъ учениковъ и, послѣ разспросовъ, приказалъ сѣчь виновныхъ. Лучшій ученикъ богословія Аѳиминскій наказанъ былъ такъ больно, что его на рукахъ принесли въ больницу. Онъ, по окончаніи курса, сдѣлавшись полковымъ священникомъ,

чѣмъ-то отличился во время сраженій въ отечественную войну и возвратился послѣ нея съ орденомъ второй степени св. Анны, явился къ оберъ-священнику Державину и благодарилъ его за сдѣланное ему въ семинаріи примѣрное нравоученіе. Послѣ трехъ лѣтъ моего нахожденія въ семинаріи подобные поступки учащихся и учащихъ прекратились и болѣе не возобновлялись; посмирнѣли ли ученики послѣ наказаній, пришли ли начальники и учителя къ сознанію непригодности подобныхъ наказаній, произошла ли такая перемѣна къ лучшему отъ перемѣщенія армейской семинаріи съ Васильевскаго острова въ 3-ю роту Измайловскаго полка, въ болѣе обширный домъ, въ которомъ отведена была квартира и оберъ-священнику,—неизвѣстно. Можетъ быть причиной тому и самое время, котораго обстоятельства укротили учащихъ и учащихся въ семинаріи. Насталъ 1812 годъ.

III.

Двѣнадцатый годъ.—Комета.—Смятеніе въ городѣ.—Сперанскій.—Смерть Кутузова и его погребеніе.—Проводы войскъ.—Воодушевленіе семинаристовъ.—Вѣсть о взятіи Парижа.—Возвращеніе гвардіи.—Императоръ Александръ I.; моя съ нимъ встрѣча.—Торжества послѣ войны.—Слоны и Персидское посольство.—Снаряженіе миссіи къ дворамъ.

Кто не помнитъ достопамятнаго и незабвеннаго 1812 года? Живо помню его и я по тѣмъ впечатлѣніямъ, какія произвели на меня происшествія этого года, все то, что я собственными глазами видѣлъ или слышалъ. Помню я ту страшную комету, которая своимъ огромнымъ ядромъ и длиннымъ раздвоеннымъ хвостомъ пугала насъ дѣтей, появляясь въ сумерки въ теченіе долгаго времени; помню, какъ приходившіе тогда въ нашу семинарію военные и гражданскіе чиновники поражали нашъ слухъ, называя неповиннаго Сперанскаго измѣнникомъ и предателемъ; помню то смятеніе всѣхъ петербургскихъ жителей, когда они услышали о занятіи Москвы французами; помню и видѣлъ то потрясающее зрѣлище, когда бѣжавшіе изъ Москвы жители въ экипажахъ и на повозкахъ мимо нашей семинаріи въѣзжали въ Петербургъ при плачѣ женщинъ и дѣ-

тей; помню, какъ во многихъ пунктахъ города происходили наборы рекрутъ и ополченцевъ, при прощальномъ рыданіи оставляемыхъ ими семействъ; помню, какъ устрашенные обитатели Петербурга выносили изъ домовъ своихъ шкафы, комоды, сундуки и прочее имущество, препровождая ихъ на баркахъ въ Кронштадтъ, Або и другіе города Имперіи; помню, какъ пустѣлъ нашъ Петербургъ, какъ рѣдко показывались на улицахъ кареты и какъ, по отбытіи Государя къ арміи, остававшіяся въ городѣ императрицы Марія Ѳеодоровна и Елизавета Алексѣевна пріѣзжали молиться въ Казанскій соборъ и со слезами на глазахъ кланялись толпившемуся около нихъ народу, который и самъ плакалъ. Это собраніе называли тогда парадомъ; гвардейцевъ въ столицѣ уже не оставалось, дворецъ охраняли гарнизонные солдаты въ своихъ сѣрыхъ мундирахъ. Уныніе было всеобщее. Радостная вѣсть о Тарутинской побѣдѣ и о выходѣ французовъ изъ Москвы ободрила петербуржцевъ; дальнѣйшіе успѣхи нашего оружія и бѣгство французской арміи еще болѣе ихъ обрадовали. Помню, наконецъ, и то, какъ зимою вели мимо нашей семинаріи плѣнныхъ непріятелей, худо одѣтыхъ и коченѣвшихъ отъ мороза, который бывалъ тогда такъ силенъ, что изъ Лѣтняго сада возами вывозили замерзшихъ воронъ; жители съ сожалѣніемъ смотрѣли на плѣнныхъ, дарили ихъ одеждами и деньгами. Ужасная вѣсть о смерти князя Кутузова снова поразила Петербургъ уныніемъ. Плакали объ этомъ спасителѣ отечества всѣ, плакали о немъ и мы, дѣти, думая, что безъ него уже некому будетъ поражать нашихъ враговъ, и что Наполеонъ снова вернется въ Россію и овладѣетъ Петербургомъ. Но новыя побѣды нашихъ войскъ и занятіе Парижа совершенно успокоили жителей столицы.

По полученіи извѣстія о смерти Кутузова во всѣхъ церквахъ Петербурга начали читать Псалтырь, а въ Казанскомъ Соборѣ, подъ куполомъ, устроилась огромная арка, на поверхности которой живописью были изображены его побѣды. Я самъ видѣлъ погребеніе Кутузова и самъ былъ участникомъ въ погребальной церемоніи. Когда тѣло его было привезено въ Сер-

гіевскую пустынь, оберъ-священникъ Державинъ съ хоромъ своимъ долженъ былъ сопровождать тѣло покойнаго героя отъ пустыни въ Петербургъ. Наканунѣ того дня, въ маѣ мѣсяцѣ, нашъ хоръ пѣшкомъ отправился по Петергофскому тракту и достигъ пустыни уже ночью. Въ Сергіевской церкви мы увидѣли на черномъ катафалкѣ большой гробъ, обитый малиновымъ бархатомъ, съ золотыми позументами, и надъ нимъ такой же балдахинъ съ золотыми кистями. Его окружали армейскіе солдаты съ ружьями. Выносъ начался поутру, часовъ въ 8, послѣ литіи. Гробъ съ балдахиномъ поставленъ былъ на высокую колесницу, запряженную 8 лошадьми въ черныхъ покрывалахъ; въ такихъ же траурныхъ плащахъ шли слуги съ факелами, позади вели лошадей покойнаго, а по сторонамъ гроба военные несли на бархатныхъ подушкахъ всѣ ордена его. Впереди шло духовенство съ архіереемъ во главѣ и хоръ пѣвчихъ, которые на пути слѣдованія поперемѣнно шли и садились для отдыха въ кареты; такимъ же образомъ перемѣнялись между собой въ шествіи архіерей и оберъ-священникъ. Погребальный кортежъ, сопровождаемый множествомъ стекшагося народа, такъ былъ длиненъ, что когда, бывало, выскочишь изъ рядовъ хора, чтобы взглянуть на него, то на весьма далекомъ разстояніи видишь только одинъ верхъ балдахина съ княжескою на немъ короною и съ зыблющимися по четыремъ угламъ его страусовыми перьями. Путь, по которому тянулось шествіе до Петербурга, былъ усыпанъ ельникомъ на протяженіи 16 верстъ. Когда кортежъ приблизился къ тріумфальнымъ воротамъ, митрополитъ Амвросій со всѣмъ столичнымъ духовенствомъ, въ присутствіи великихъ князей Николая и Михаила Павловичей, при множествѣ собравшагося народа, встрѣтилъ его. По данному знаку мгновенно отпряжены были лошади отъ погребальной колесницы, и жители Петербурга на себѣ повезли ее, наперерывъ смѣняя другъ друга. Во время шествія улицы Петербурга были буквально запружены народомъ, въ окнахъ и на крыльцахъ всѣхъ домовъ видны были зрители. Когда погребальную колесницу подвезли къ Казанскому собору, военные чины сняли съ нея гробъ, внесли внутрь храма и поставили

подъ арку, устроенную подъ куполомъ. Въ церковь пускали немногихъ. Посредствомъ какого-то механизма, скрытаго въ бокахъ арки, гробъ, какъ будто самъ собою, сталъ подниматься, и, когда прошелъ въ верхнее отверстіе арки, доски тѣмъ же механизмомъ задвинули отверстіе, и на нихъ гробъ сталъ; надъ нимъ преклонились знамена и спустился съ купола восковой Архангелъ Михаилъ съ лавровымъ вѣнцомъ въ рукѣ. По совершеніи краткой литіи, четыре кавалергарда, съ касками на головахъ и съ обнаженными саблями, взошли на платформу арки и стали по четыремъ угламъ гроба. Псаломщикъ сталъ читать псалтирь, всѣ присутствующіе стали расходиться, съ ними ушелъ и нашъ хоръ. На третій день совершено было въ Казанскомъ соборѣ и самое погребеніе, при которомъ нашего хора уже не было.

Въ началѣ отечественной войны ученіе въ Армейской Семинаріи шло слабо и съ перерывами. Пѣвчіе въ особенности отвлекались отъ учебныхъ занятій. Они часто должны были ходить за оберъ-священникомъ на Семеновскій плацъ, гдѣ совершались напутственныя молебствія передъ отправленіемъ полковъ гвардіи въ походъ. Полки всегда выходили изъ города по Обуховскому проспекту мимо нашей семинаріи, и всѣ семинаристы выбѣгали за ворота смотрѣть на процессіи. Оберъ-священникъ благословлялъ полки иконами. Трогательно было это зрѣлище: генералы и полковые командиры со слезами принимали эти иконы и говорили: „батюшка, молитесь за насъ, идемъ умереть за отечество“. Настроеніе семинаристовъ было воинственное. Человѣкъ 15 изъ нихъ поступило тогда въ регулярные полки и въ ополченіе. Нѣкоторые изъ нихъ воротились офицерами, а ополченецъ Дудулкевичъ побывалъ даже въ самомъ Парижѣ и принесъ съ собою немалую деньгу. Мы, дѣти, большую часть времени проводили въ забавахъ, изучая воинскій артикулъ, маршировали съ палками въ рукахъ, подъ командою солдата, сторожа нашего Агаѳона. Намъ тогда было уже не до науки: всѣ съ чрезвычайнымъ любопытствомъ занимались вѣстями изъ арміи, читали продаваемыя на улицахъ реляціи, встрѣчали фельдъегерей, отъ которыхъ, конечно, ничего не узнавали; одинъ только

изъ нихъ, какъ я помню, скакавшій во весь опоръ, съ казакомъ позади его, мимо нашей семинаріи, громко прокричалъ: „мы побѣдили французовъ, выгнали изъ Москвы!“ Когда пришла въ Петербургъ радостная вѣсть о взятіи Парижа, восторгъ жителей былъ неописанный. Три ночи сряду продолжалась великолѣпнѣйшая, небывалая иллюминація. Насъ освободили тогда отъ ученія, и мы бродили въ тѣ ночи по иллюминованнымъ улицамъ, смотря на многочисленные картины и транспаранты, выставленные противъ домовъ, слушая игравшую повсюду музыку и радостный говоръ толпившагося народа, среди котораго проѣзжали Императрицы при восклицаніяхъ: „ура!“ Само собою разумѣется, что послѣ такихъ празднествъ уроки намъ не шли уже въ голову. Когда по окончаніи войны гвардія возвращалась въ Петербургъ, государь Александръ Павловичъ, прежде того ночью прибывшій въ Петербургъ и отказавшійся отъ предложенной ему торжественной встрѣчи, встрѣтилъ гвардію за новыми тріумфальными воротами, выстроенными для этого именно случая. Шествіе открылъ самъ государь верхомъ на бѣломъ конѣ, съ генералитетомъ позади его; затѣмъ ѣхали въ торжественной открытой колесницѣ великолѣпно одѣтыя Императрицы съ Великой Княжной Анной Павловной. Полки гвардіи приближались къ столицѣ торжественнымъ, тихимъ маршемъ, съ распущенными знаменами, музыкою и барабаннымъ боемъ, а затѣмъ уже бѣжали, говоря: „такъ мы вступали въ Парижъ!“ Жены солдатъ врывались въ ряды ихъ и обнимали своихъ мужей. Я стоялъ у самой веревки, протянутой для удержанія толпившагося народа въ порядкѣ, и видѣлъ всю церемонію. Говорили, что, когда Государь подъѣзжалъ къ старымъ каменнымъ тріумфальнымъ воротамъ, мальчишки толпою вырвались за веревку и окружили Государя, который, запретивъ отгонять ихъ, самъ громкимъ голосомъ закричалъ: „ура!“ Мальчишки повторили это восклицаніе, и затѣмъ оно понеслось въ народѣ и въ войскѣ. Я, находясь вдали, не могъ этого видѣть и слышать. Можно считать этотъ разсказъ невѣроятнымъ, но надобно знать, какъ покойный Императоръ Александръ Павловичъ былъ благодушенъ, когда являлся передъ народомъ. Когда, бывало, зимою онъ про-

хаживался по набережнымъ, мальчишки, катавшіеся на конькахъ по рѣкѣ, увидѣвши его, громко кричали: „братцы, вонъ идетъ Государь!“ и толпою бѣжали къ нему. Квартальные не смѣли отгонять ихъ, но, по удаленіи Государя, задавали смѣльчакамъ таску.

Однажды и мнѣ случилось встрѣтиться съ покойнымъ Императоромъ Александромъ Павловичемъ. На масляной недѣлѣ, когда ученики освобождаются отъ классовъ, я не могъ выходить изъ семинаріи, за ветхостью сапогъ. Выпросивъ сапоги у товарища, я пошелъ къ сапожнику, жившему на Васильевскомъ Островѣ. Получивъ у него новые сапоги, я возвращался ближайшею дорогой мимо голландской биржи по узкому безлюдному переулку; вдали я завидѣлъ сани, запряженныя въ одну сѣрую лошадь, и на козлахъ сидѣвшаго царскаго кучера Ильюшку, котораго всѣ въ Петербургѣ знали. Я догадался, что ѣдетъ самъ Государь. Когда сани подъѣхали близко, я сталъ въ сторону, снялъ шапку и низко поклонился, держа на лѣвой рукѣ связанные ремешкомъ сапоги. Государь, обратясь ко мнѣ, приложилъ руку свою къ шляпѣ и, смѣясь, что-то говорилъ своему кучеру,

За окончаніемъ войны въ Петербургѣ послѣдовалъ цѣлый рядъ торжествъ. Помню, какъ мимо нашей семинаріи совершился торжественный въѣздъ невѣсты Великаго князя Николая Павловича Александры Θеодоровны, дочери прусскаго короля.— Прекрасная свѣтловолосая принцесса сидѣла въ золотой каретѣ съ Императрицами и привѣтливо кланялась на обѣ стороны народу и войску, шпалерами стоявшему на всемъ пути до дворца. Впереди ѣхалъ Государь съ генералитетомъ; подлѣ кареты слѣдовалъ верхомъ Августѣйшій женихъ. Шествіе это продолжалось при пушечныхъ выстрѣлахъ и восклицаніяхъ народа и войска.—Затѣмъ, чрезъ нѣсколько времени, мимо нашей семинаріи прослѣдовала торжественная процессія по случаю въѣзда самого Прусскаго Короля. По этому же пути въ октябрѣ мѣсяцѣ вели двухъ огромнѣйшихъ слоновъ, присланныхъ Персидскимъ Шахомъ въ подарокъ Государю. Это было новое для насъ зрѣлище. Народъ толпился около слоновъ. По какому-то

знаку персіянина-провожатаго, самецъ слонъ, захвативъ хоботомъ изъ лужи воды, обдалъ ею публику, и всѣ смѣялись. Зимою, при торжественномъ въѣздѣ персидскаго посла, вели за нимъ этихъ слоновъ въ богатыхъ шелковыхъ попонахъ и медвѣжьихъ туфляхъ. На хребтахъ ихъ устроены были богатыя будки, въ которыхъ сидѣли члены посольства съ дарами Шаха, а сзади слоновъ персіяне вели прекраснѣйшихъ персидскихъ лошадей для двора. Говорили, что во время пребыванія персидскаго посольства въ Петербургѣ одинъ изъ членовъ его пронзилъ кинжаломъ одного русскаго. Когда оберъ-полиціймейстеръ донесъ объ этомъ посланнику, послѣдній просилъ перваго нѣсколько обождать, и чрезъ нѣсколько минутъ принесли на блюдѣ и показали оберъ-полиціймейстеру отрубленную голову убійцы.

Императоръ Александръ, вскорѣ по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, повелѣлъ директору пѣвческой капеллы Бортнянскому набрать лучшихъ псаломщиковъ для церкви при гробѣ любимѣйшей и несчастнѣйшей сестры Его Александры Павловны и представить ихъ Ему самому на испытаніе. Въ число набранныхъ псаломщиковъ попалъ басъ нашего хора Ульянскій, который разсказывалъ намъ слѣдующее. Въ четвергъ пасхальной недѣли князь А. Н. Голицынъ и Бортнянскій привели ихъ во дворецъ къ самому кабинету Государя въ десять часовъ утра. Вскорѣ Государь вышелъ къ нимъ въ военномъ сюртукѣ, безъ галстуха, въ ботфортахъ, на одной изъ которыхъ видна была заплата. Держа въ рукѣ книгу, онъ спросилъ: „Кто изъ васъ басъ?" Ульянскій обозвался; Государь, подавъ ему развернутую книгу пасхальной службы, велѣлъ начинать пѣть. Ульянскій отъ робости не могъ начать; Государь самъ запѣлъ басомъ „аминь" и затѣмъ пропѣлъ съ нами всю пасхальную всенощную, потомъ они пѣли съ нимъ и партесныя пьесы. Я,—говорилъ Ульянскій,—исполнялъ ихъ по своимъ нотамъ, а государь пѣлъ по своему и спросилъ Бортнянскаго: „Кто изъ насъ правъ?" Бортнянскій отвѣчалъ: „можно пѣть такъ и такъ". По окончаніи пѣнія Государь обратился къ намъ съ такими словами: „Я по-

сылаю васъ въ такое мѣсто, которое близко моему сердцу; служите тамъ вѣрно и усердно, я васъ буду имѣть въ виду".

IV.

Смерть отца.—Орловъ и Мансветовъ.—Священникъ Петровъ.—Прогулка въ Петергофъ.—Учитель Мансветовъ.—Архіепископъ Михаилъ.—Ревизоръ архимандритъ Иннокентій.—Студентъ Суворовъ.—Обученіе дѣтей Державина.—Закрытіе Семинаріи.

Въ 1815 году я поступилъ въ риторическій классъ. Въ началѣ этого курса меня поразило такое горе, какого я никогда не испытывалъ и никогда уже не испытаю. Замѣчательно, что на меня вдругъ и безъ всякой видимой причины напала неизъяснимая тоска, отъ которой я не зналъ, куда дѣваться; я удалялся отъ товарищей въ пустые классы и тамъ плакалъ. Мнѣ почему-то казалось, что товарищи враждебно смотрятъ на меня, а начальство и учителя за что-то на меня сердятся. Чрезъ нѣсколько дней, когда товарищи окружили меня плачущаго, пришелъ письмоводитель канцеляріи оберъ-священника, и тяжкое предчувстіе мое объяснилось. Письмоводитель, видя мои слезы, спросилъ: „кто же сказалъ ему, что отецъ его умеръ?" Слова эти какъ громомъ поразили меня, я едва устоялъ на ногахъ и залился горькими слезами. Въ канцеляріи я узналъ послѣ, что отецъ мой въ 1813 году, въ одномъ изъ сраженій въ Германіи, былъ раненъ осколкомъ ядра въ бокъ, и скоро умеръ. Уже по смерти его ему вышла награда—золотой крестъ. Матери моей назначена пенсія въ 100 рублей.—Время и класныя занятія облегчили скорбь мою, а милость Божія послала мнѣ тогда благотворителей, которые своимъ отеческимъ ко мнѣ благорасположеніемъ облегчили мое сиротство и самый ходъ моего ученія. Благотворители эти были: инспекторъ семинаріи Яковъ Васильевичъ Орловъ и учитель словесности—священникъ Мансветовъ. Риторическіе уроки меня не затрудняли. Даровитый Полковъ и въ этомъ классѣ превосходилъ всѣхъ насъ своими успѣхами. Еще въ 3-мъ классѣ, не зная правилъ риторики, онъ писалъ сочиненія въ прозѣ и стихахъ. Мы часто обращались

къ нему за объясненіями по предметамъ нашихъ уроковъ, и онъ охотно помогалъ намъ. Но Орловъ и Мансветовъ, не знаю почему, особенно благоволили ко мнѣ.

Орловъ, занимая въ семинаріи нашей должность инспектора и преподавателя исторіи, въ то же время читалъ лекціи исторіи и въ петербургской академіи для воспитанниковъ перваго ея выпуска. Будучи слишкомъ занятъ своими сочиненіями и отлучками въ академію, онъ часто призывалъ меня къ себѣ и давалъ свои академическія лекціи для того, чтобы я, по его наставленію, сокращалъ ихъ и въ сокращенномъ уже видѣ передавалъ соученикамъ моимъ. Поэтому я много читалъ и полюбилъ исторію, что было мнѣ полезно и въ академіи.—По рекомендаціи Орлова я приглашенъ былъ на вакаціонное время конногвардейскимъ священникомъ Петровымъ приготовлять сына его къ поступленію въ семинарію. Петровъ давалъ мнѣ читать бывшія тогда въ печати сочиненія Карамзина, которыя я читалъ съ увлеченіемъ. Такимъ образомъ я проводилъ время у Петрова съ пользою для себя и съ удовольствіемъ. Но тогда же я испыталъ и неожиданную для меня непріятность, которую и теперь не забываю.

22-го іюля, когда въ Петергофѣ праздновалось тезоименитство императрицы Маріи Өеодоровны, на которое обыкновенно собиралась масса публики изъ Петербурга, пришелъ къ Петрову одинъ чиновникъ и между прочимъ сообщилъ, что онъ съ компаніей отправляется въ Петергофъ. Петровъ, желая доставить мнѣ удовольствіе, просилъ этого чиновника взять и меня съ собою, на что тотъ и согласился. Мы отправились по Финскому заливу на катерѣ и благополучно прибыли въ Петергофъ къ тому самому времени, когда, по окончаніи обѣдни, передъ дворцомъ происходилъ парадъ кавалергардскаго полка подъ командою Великаго Князя Константина Павловича. Тамъ собралась уже большая толпа народа, къ этой толпѣ присоединились и мы. Зазѣвавшись на парадъ, я какъ-то отсталъ отъ моихъ знакомыхъ и, отыскивая ихъ, сталъ бѣгать въ разныя стороны: не находя ихъ въ верхнемъ саду, я бѣгалъ въ нижній, возвращался нѣсколько разъ назадъ и опять въ нижній садъ,

но все безуспѣшно. Между тѣмъ толпа народа росла все больше, время приблизилось къ ночи, и стали зажигать иллюминацію. Бѣгая взадъ и впередъ по проспектамъ, я плакалъ. Какой-то человѣкъ подозрительнаго вида взялъ меня за руку и повелъ по аллеямъ, какъ вдругъ, къ моему утѣшенію, встрѣтили меня два моихъ товарища и взяли съ собой. Долго бродили мы по Петергофскимъ аллеямъ, любуясь блестящею иллюминаціей, фонтанами и проѣзжавшими среди народа придворными линейками, на которыхъ сидѣли члены царской фамиліи и нѣкоторые изъ ея свиты. Утомившись отъ ходьбы и проголодавшись, мы сѣли подлѣ одного балагана, въ которомъ товарищи мои купили булокъ и покормили ими и меня, не имѣвшаго ни копейки. Поспавши немного, мы рано отправились пѣшкомъ въ обратный путь по петергофскому шоссе. Утомленные походомъ нашимъ, мы смотрѣли па многочисленные возвращавшіеся въ Петербургъ экипажи; видя пустыя запятки у одной коляски, мы съ товарищемъ сѣли на нихъ. Но не долго мы такъ ѣхали: неожиданно изъ коляски послѣдовалъ ударъ плетью прямо по моему лицу; мы тотчасъ же соскочили и посрамленные кое-какъ пѣшкомъ доплелись до Петербурга. Вскорѣ пришелъ къ Петрову упомянутый выше чиновникъ и, обрадовавшись моему возвращенію, говорилъ, что я потерялся въ Петергофѣ къ моему счастью, потому что на обратномъ пути на Финскомъ заливѣ была страшная буря, угрожавшая пасссажирамъ гибелью, и что будто бы одинъ изъ катеровъ перевернулся. Вотъ каково было мое путешествіе въ Петергофъ, отъ котораго я ожидалъ себѣ удовольствія. Тогда же кончилась наша ваканція, и я возвратился въ семинарію.

Другой мой доброжелатель Мансветовъ, съ отличнымъ успѣхомъ обучавшійся въ петербургской академіи, еще до ея преобразованія, бывшій потомъ превосходнымъ учителемъ словесности въ ярославской семинаріи и выбывшій изъ нея вслѣдствіе непріятностей съ архіереемъ, поступилъ священникомъ въ Ширванскій пѣхотный полкъ, въ которомъ прославился своими прекрасными напечатанными поученіями воинамъ. Оберъ-священникъ вызвалъ его въ армейскую семинарію на каѳедру русской словесности и греческаго языка. Разумное его препо-

даваніе пріобрѣло ему общее уваженіе учащихся. Всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слушали его лекціи, особенно когда онъ въ собраніи трехъ высшихъ классовъ читалъ и разбиралъ рѣчи Цицерона, сочиненія Державина и проповѣди Филарета, входившаго тогда въ славу. Мы, ученики-риторики, не могли еще усвоить себѣ этихъ лекцій, но я хорошо помню, какъ онъ, превознося Филарета, говорилъ, что никто еще изъ духовныхъ писателей, до него бывшихъ, не пользовался такъ хорошо герменевтикою и никто не объяснялъ св. писанія такъ вразумительно. Въ нашемъ риторическомъ классѣ онъ занимался съ нами болѣе практически: читалъ намъ образцовыя по словесности сочиненія, объясняя ихъ, часто заставлялъ насъ и самихъ сочинять, исправлялъ эти сочиненія, заставляя по нѣсколько разъ передѣлывать ихъ. Онъ преподавалъ намъ также поэзію и училъ писать стихи. Когда преподаны были намъ правила всѣхъ родовъ сочиненій, Мансветовъ посовѣтовалъ мнѣ написать оду на Рождество Христово для поднесенія черниговскому архіепископу Михаилу, присутствовавшему тогда въ Св. Синодѣ и знавшему моего отца по епархіи. Я ее написалъ, а Мансветовъ поправилъ. Въ первый день праздника я предсталъ предъ владыкой съ моимъ произведеніемъ и получилъ отъ него въ награду 25 рублей ассигнаціями. Въ день Пасхи я поднесъ преосвященному сочиненную и поправленную Мансветовымъ рѣчь мою, за которую онъ тогда не далъ мнѣ денегъ, но будучи уже въ санѣ петербургскаго митрополита, оказалъ мнѣ болѣе существенное благодѣяніе.

При окончаніи риторическаго курса нашего назначенъ былъ отъ комиссіи духовныхъ училищъ ревизоромъ нашей семинаріи славившійся тогда своею ученостію архимандритъ Иннокентій, ректоръ петербургской семинаріи, докторъ богословія. Мы ревностно и съ нѣкоторымъ страхомъ готовились къ экзамену. Иннокентій вмѣстѣ съ оберъ-священникомъ Державинымъ пришелъ въ нашу залу, гдѣ собраны были ученики высшихъ трехъ классовъ семинаріи, которыхъ число, считая въ немъ и учениковъ уѣзднаго училища, называвшихся тогда семинаристами, было не болѣе 70-ти. Иннокентій началъ испытанія съ

богословскаго класса, въ которомъ тогда, за выбытіемъ нѣсколькихъ человѣкъ въ военную службу, было только два, а ученикамъ философіи и риторики назначилъ писать сочиненія; намъ далъ тему: „De praestantia litterarum". Преподаватель богословія магистръ Маловъ отличался своею бойкостью, спрашивая учениковъ и отвѣчая иногда за нихъ предъ ревизоромъ. Когда очередь дошла до насъ, Мансветовъ представилъ Иннокентію написанныя на заданныя темы наши сочиненія и много другихъ классныхъ нашихъ упражненій. Иннокентій, окончивъ ревизію, просилъ оберъ - священника представить Мансветова къ наградѣ. Послѣ экзамена я, въ числѣ прочихъ соучениковъ моихъ, былъ переведенъ въ классъ философіи, а нѣкоторые изъ нихъ, уже великовозрастные, остались въ томъ же классѣ. Философію намъ преподавалъ Суворовъ, студентъ, обучавшійся въ академіи съ первымъ выпускомъ, но не получившій академической степени. Вѣроятно, въ то время не было еще достаточнаго числа магистровъ и кандидатовъ для всѣхъ семинарій. О достоинствѣ преподаванія Суворова мы еще судить не могли.

Вскорѣ послѣ перехода моего въ классъ философіи, по рекомендаціи инспектора Орлова, меня назначили учить маленькихъ дѣтей оберъ-священника, который съ этого времени сталъ еще болѣе благоволить ко мнѣ. Жизнь моя въ это время была весьма счастлива. Я думалъ, что въ армейской семинаріи благополучно кончу полный курсъ, но надеждѣ моей не суждено было исполниться. Стали носиться слухи, что семинарію нашу закроютъ, и этотъ слухъ насъ всѣхъ сильно встревожилъ. Мы сердечно любили наше заведеніе, пользуясь въ немъ хорошимъ содержаніемъ: комнаты наши были чистыя, свѣтлыя, даже расписанныя; одежду намъ давали приличную; кормили насъ удовлетворительно; начальствующіе обходились съ нами въ послѣднее время гуманнѣе прежняго. Къ концу года нахожденія моего въ классѣ философіи тревожные слухи исполнились. Синодъ положилъ: армейскую семинарію, по малочисленности ея, закрыть, а воспитанниковъ ея разослать по тѣмъ епархіямъ, въ которыхъ находились ихъ родные; отпускаемую на семинарію

сумму предоставлено оберъ-священнику ежегодно разсылать епархіальнымъ архіереямъ для содержанія армейскихъ воспитанниковъ въ мѣстныхъ семинаріяхъ. Грустно намъ было видѣть, какъ стали выѣзжать наши однокашники. Наконецъ дѣло дошло и до остававшихся еще въ домѣ учениковъ, состоявшихъ въ петербургской губерніи. Куда меня дѣнутъ, я еще не зналъ. Оберъ-священникъ объявилъ мнѣ, что я поступлю въ петербургскую Александро-Невскую семинарію. Слова эти, съ одной стороны, утѣшили меня тѣмъ, что я не удалюсь отъ любимаго семейства Державиныхъ, съ другой же стороны—огорчали меня тѣмъ, что я долженъ поступить въ нелюбимую нами Невскую семинарію, съ которою наша находилась въ какомъ-то антагонизмѣ. Невскіе семинаристы называли насъ солдатами, а мы ихъ *пучками,* потому что они незадолго до окончанія курса отращивали у себя и заплетали косы.

Настало время нашего выхода изъ дома. Когда мы (въ числѣ 16 душъ) собрались на дворѣ, оберъ-священникъ, съ грустнымъ видомъ, изъ окна благословилъ насъ,—и повели насъ плачущихъ за обозомъ нашимъ въ плѣненіе вавилонское, какъ мы тогда называли несчастное перемѣщеніе наше подъ начальство монаховъ, которыхъ мы не любили и боялись. Я скорбѣлъ еще и потому, что въ числѣ переселенцевъ былъ одинъ только я изъ философскаго класса.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Прозою или стихами написано „Слово о полку Игоревѣ“?

Вопросъ о формѣ „Слова о полку Игоревѣ“—не маловаженъ въ ряду другихъ вопросовъ о „Словѣ“. Далеко не безразлично: читать ли извѣстное художественно-литературное произведеніе какъ стихи, или какъ прозу. При прозаическомъ чтеніи стиховъ совершенно теряется весьма значительная доля художественнаго обаянія произведенія. Съ этимъ согласится каждый, кому доводилось слышать неумѣлое чтеніе стихотворныхъ произведеній.

Ставя своей задачей попытаться рѣшить вопросъ о формѣ „Слова“ и именно доказать стихотворный ея характеръ,—считаю полезнымъ дать критическій обзоръ сдѣланнаго по данному вопросу.

Въ спискѣ, которымъ пользовались первые издатели (въ Пушкинскомъ Сборникѣ), слово о полку Игоревѣ писано было въ сплошную строку и даже безъ красныхъ строкъ: безъ дѣленія на какіе бы то ни было отдѣлы—части [1]). Такимъ образомъ, формой своего написанія въ Пушкинскомъ спискѣ „Слово“ какъ бы указывало на прозаическій свой характеръ (точнѣе: *не* указывало на стихотворный).—Но вмѣстѣ съ тѣмъ, уже при первомъ знакомствѣ съ „Словомъ“, не могла не бросаться въ глаза и художественная образность его языка. Видно было, что по содержанію и языку—это не проза, а поэзія.

---

[1]) Доказательства: а) письмо М.—Пушкина къ Калайдовичу отъ 31 декабря 1813 г. (напеч. въ Зап. и Тр. Общ. Ист. и Др. Рос., ч. II, 1824 г. стр. 36. Ср. Барсова II, 36 и Смирнова I, 5). б) Екатерининская копія „Слова“ (писана вовсе безъ красныхъ строкъ) и 1-е изданіе его—1800 г. (всего 7-мь красныхъ строкъ).

Такою же двойственностью отличались, казалось, и тѣ немногія выраженія, въ которыхъ авторъ самъ, какъ будто, характеризовалъ свое произведеніе. Оно называлось здѣсь то „Словомъ", то „пѣснью", то „повѣстью" или „трудными повѣстьми". Говорилъ авторъ о какихъ то „старыхъ словесахъ", обѣщалъ пѣсню „по былинамъ сего времени", а не по замышленію Бояню". Какъ все это понять и какъ примирить?—являлся вопросъ.

И изслѣдователи обращали вниманіе: то на форму написанія „Слова" въ Пушкинской рукописи, то на образность его языка, то на то или другое выраженіе въ самомъ „Словѣ", толкуя послѣднія нерѣдко различно; и приходили къ выводамъ, естественно тоже различнымъ до противоположности.

Въ первомъ печатномъ извѣстіи объ открытіи „Слова" оно названо было „отрывкомъ поэмы"—"пѣснью" Игоревыхъ воиновъ („Fragment d'un poëme"—„le Chant des guerriers d' Jgor") [1]). „Поэмой" (с. VI)—„отрывкомъ" (с. VIII) въ предисловіи, а „Ироической пѣснью" въ заглавіи называли „Слово" и первые его издатели. О внѣшней формѣ произведенія (проза или стихи) было такимъ образомъ умолчано. Но уже въ слѣдующемъ году Шлецеръ сказалъ, что „Слово" написано „піитическою прозою". Съ тѣхъ поръ и до-нынѣ это—господствующее мнѣніе о формѣ „Слова".— Но такой взглядъ не мѣшалъ инымъ изъ лицъ, считавшихъ его прозаическимъ произведеніемъ, называть „Слово" „историческою поэмою" или просто „пѣснью"; а подчасъ даже называть автора „Слова" „стихотворцемъ" (Грамматинъ). Прозу „Слова" нерѣдко называли „гармоническою", „размѣренною", „благозвучною", „мѣрной прозою, въ родѣ арабской". Грамматинъ, считавшій „Слово" поэмой въ прозѣ, говорилъ между прочимъ о складѣ „Слова": „періоды его кратки и заключаютъ въ себѣ не только сами, но и части ихъ, отдѣльный смыслъ; отъ *етаго* происходитъ гармонія, *похожая на нѣкоторый размѣръ*". Въ „прозѣ" „Слова" „слышны, по мнѣнію Грамматина, разные роды звучныхъ кадансовъ, или размѣровъ" [2]).

---

[1]) Въ октябрьской кн. гамбургскаго журнала „Spectateur du Nord, p. 55, См. Барс.: I, 31; Смирн.: I, 4; Петрушевичъ: 32.

[2]) „Сл. о П. Игор.", М. 1823 г., с. 31—32; (сперва въ „Вѣстн. Евр." 1822 г., ч. V, № 18, с. 138—9. Ср. Смирн: I, 40).

Но если Грамматинъ, убѣжденный въ прозаическомъ характерѣ „Слова", тѣмъ не менѣе замѣчалъ въ немъ „гармонію, похожую на нѣкоторый размѣръ",—то на другихъ лицъ языкъ „Слова"—художественный, образный, мѣрный—производилъ впечатлѣніе гораздо болѣе сильное. Не стихи ли это, невольно напрашивался вопросъ. И *непосредственное впечатлѣніе* отъ чтенія „Слова" нерѣдко подсказывало утвердительный отвѣтъ: да, стихи,—стихи отъ начала до конца.—Эту мысль допускалъ уже Востоковъ, положительно утверждалъ Н. Полевой, считалъ вѣроятной Максимовичъ; ею увлеклись Павскій и Жуковскій. Къ ней склонялись позже: въ 50-хъ годахъ Бѣляевъ [1]) и Гербель, въ 70-хъ—Малашевъ, въ 80-хъ—Барсовъ и Петрушевичъ.

„Есть ли какой размѣръ въ словѣ о плъку Игоревѣ", уже въ 1812—17 г. ставилъ вопросъ А. Востоковъ [2]); „въ стихахъ или прозѣ" написано оно? Допуская и то, и другое рѣшеніе, авторъ склоненъ былъ считать вопросъ едва ли разрѣшимымъ. Если бы размѣръ XII-го вѣка, разсуждалъ онъ, и сохранился „чрезъ столько вѣковъ" „въ настоящемъ своемъ видѣ", мы все таки „не только судить объ немъ, но даже примѣтить его теперь не могли бы за его древностью, ибо чрезъ 600 лѣтъ, вѣрно, сколько нибудь перемѣнилась и прозодія языка Русскаго?" Текстъ „Слова" Востоковъ пробовалъ все таки раздѣлить „на стихи подобные библейскимъ". „Признаюсь, говорилъ онъ, что я испытывалъ сію операцію надъ всей поэмой: она у меня раздѣлилась, безъ всякой принужденной разтяжки и безъ всякой перестановки словъ, на... довольно равные и мѣрные періоды или стихи". Приведенный Востоковымъ образчикъ его дѣленія „Слова", (11-ть стиховъ: 1. Нелѣпо ли ны бяшетъ братіе... 11. Шизымъ орломъ подъ облакы"), обнаруживая въ авторѣ глубокую чуткость къ размѣру „Слова", заставляетъ пожалѣть, что онъ не обнародовалъ тогда же результатовъ своей операціи" надъ „Сло-

[1]) Отрывокъ (начало) изъ опыта Бѣляева разложить „Слово" на стихи изданъ А. Бычковымъ въ 1887 г. (у Барсова, т. II, „дополненія", с. 3—4], по черновымъ бумагамъ автора, сохранившимся въ отрывкахъ.

[2]) Въ „Опытѣ о рус. стихосложеніи": 1-е изд. въ „Спб. Вѣстн." за 1812 г., 2-е. Спб. 1817 г., с. 159—61. Ср. Смирн.: I, 24—25; Барс.: I, 168—9.

вомъ". Но и тѣ 3 печатныхъ странички, которыя удѣлилъ вопросу о размѣрѣ „Слова" Востоковъ, оставили замѣтный слѣдъ въ литературѣ „Слова". Свѣтлая мысль о стихотворной (*можетъ быть*) формѣ „Слова", пущенная впервые имъ, была замѣчена и, хотя медленно и нетвердо, все же стала пробивать себѣ дорогу.

Первые шаги по пути Востокова (20-хъ годовъ) были неудачны. Бѣда была въ томъ, что хотѣли найти въ „Словѣ" одинъ *опредѣленный*, притомъ *литературный*, стихотворный размѣръ. Пасторъ Зедергольмъ, при своемъ нѣмецкомъ переводѣ „Слова", сдѣлалъ открытіе, что „Слово" писано хореями и амфибрахіями [1]). Спустя три года Дубенскому почудилось, что оно сложено шестистопнымъ дактилохореическимъ стихомъ или гекзаметромъ [2]). Къ счастью попытки въ этомъ направленіи были немногочисленны. Лишь въ 80-хъ годахъ Ом. Партыцкій издалъ цѣлое изслѣдованіе, въ которомъ доказывалъ, что „Слово" писано ямбами и трохеями [3]).

Къ какому искаженію „Слова" вели эти попытки, можно видѣть изъ слѣдующаго образчика дѣленія его на стихи Дубенскимъ:

Святъславъ грозный Великый Кіевскый... Бяшетъ грозою
Притрепеталъ плъки своими сильными и харалужными
Мечи; наступи на Половецкую землю;
. . . .
Русскаго злата насыпаша. Ту князь высѣдѣ Игорь
Изъ сѣдла злата, а въ сѣдло Кощіево, уныша
Бо градомъ забралы, а веселье пониче.

Довольно. Слова переставлены, мысли разбиты на клочки. Желая облечь „Слово" въ гекзаметрическую форму, авторъ достигъ неожиданныхъ результатовъ: глубоко поэтическое мѣсто превратилъ въ прозу.

---

[1]) М. 1825 г. См. Сахаровъ, пѣсни ч. V (1839 г.), с. 28.

[2]) Въ „опытѣ о народн. Рус. стихосложеніи". М. 1828 г. и См. Барс. т. I, с. 170 и 7; Сахаровъ, Пѣсни, ч. I. Ср. Д. Дубенскій. „Сл. о П. Иг." въ „Рус. Достопам.", изд. О. И. и др. Р., ч. III. М. 1844 г., с. с. II—III.

[3]) „Сл. о П. Иг." Въ Львовѣ, 1884. (сперва въ журналѣ „Зоря" 1884 г. №№ 9—16, 18—21). См. Огоновскій, Истор. литерат. рускої, ч. I, (Л. 1887 г.), с. 74 и 76.

Прямыми продолжателями Востокова въ дѣлѣ изученія размѣра „Слова“ были Н. Полевой [1]) и М. Максимовичъ [2]). Востоковъ готовъ былъ смотрѣть на этотъ размѣръ, какъ на древне-русскій. Такъ же склонны были смотрѣть на него и Полевой и Максимовичъ. Полевой, какъ великороссъ, высказывалъ предположеніе, (считая его принадлежащимъ Востокову), что „Слово“ писано метромъ, изъ коего образовались метръ былинъ и метръ пѣсенъ (великорусскихъ). Максимовичъ, какъ малороссъ, предполагалъ въ немъ зачаточную (недоразвившуюся) форму нынѣ извѣстныхъ размѣровъ украинской и великорусской поэзіи, а особенно—малорусской Думы. Точнѣе указать этотъ размѣръ Максимовичъ рѣшался лишь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ выдавала его рифма; зато Полевой шелъ по болѣе вѣрному пути. „Въ Словѣ о полку Игоревомъ, говорилъ онъ, *размѣръ явенъ*, и стоитъ только вспомнить, что тутъ считать надобно не стопами, (и) вы тотчасъ поймете его разнообразную, пѣвучую музыкальность:

А встона (бо), братіе, Кіевъ тугою, а Черниговъ напастьми;
Тоска разліяся по Русской землѣ [и]
Печаль жирна тече средь земли русскія;
(А) князи сами на себя (е) крамолу коваху,
А поганіи, сами (побѣдами) нарыщуще на Русскую землю,
Емляху дань по бѣлѣ отъ двора...

Вотъ еще другой мелодическій переходъ его:

О Днѣпре словутицю!
Ты пробилъ еси каменныя горы, сквозѣ землю Половецкую;
Ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли насады до полку Кобякова!
Взлелѣй, господине, мою ладу ко мнѣ,
А быхъ не слала къ нему слезъ на море рано!...

Къ 30-мъ же, можно думать, годамъ (а, можетъ быть, и ко времени болѣе раннему [3]), относятся попытки Жуковскаго и

---

[1]) Рец. на изд. „Слова“ Вельтманомъ Москов. Телегр. 1833 г., ч. V, кн. II, № 7, с. 419—42. Перепеч. въ „Очеркахъ рус. литерат.“ (1839 г.). т. 2, с. 132—50 (собств. на с. 143—4-й) Ср. Смирн. I, 47, 46; Сахаровъ, Пѣсни, ч. I, с. CLVII—IX; Барс. I, 169.

[2]) Въ Ж. М. Н. Пр. 1836—7 гг. и отд. оттискахъ: Спб. 1837 г., с. 81—84. Перепеч. въ Собр. Сочин., т. III, с. 560—3.

[3]) Ив. Бычковъ относитъ переводъ Жуковскаго къ гг. 1817—19; Н. Барсовъ и Е. Барсовъ—переводъ Павскаго къ 20 годамъ.

Павскаго перевести „Слово“ *размѣромъ подлинника*, (угадавъ этотъ размѣръ). Къ сожалѣнію оба перевода долго оставались въ рукописи и выглянули на свѣтъ Божій лишь въ 80-тыхъ годахъ [1]).

Востоковъ, Жуковскій разбили на стихи подлинникъ „Слова“; Жуковскій и Павскій перевели его размѣромъ подлинника,—но ни одинъ изъ нихъ своихъ трудовъ не обнародовалъ. Лишь спустя еще лѣтъ 20 Гербель первый рѣшился не только попытаться угадать размѣръ „Слова“ и подѣлить его на стихи, *но и издать* текстъ „Слова“ въ такомъ реставрированномъ видѣ [2]). Исходной точкой попытки Гербеля послужило мнѣніе Максимовича, и Гербель разбилъ „Слово“ и на стихи, подобные „стариннымъ украинскимъ“. Оригинальная попытка не могла не обратить вниманія критики. Большинство хвалило, иные порицали. Критики-малороссы находили попытку удачной, хотя и не вполнѣ. „Г. Гербель первый изъ переводчиковъ разбилъ текстъ на стихи, писалъ Афанасьевъ [3]), и, какъ мнѣ кажется исполнилъ это дѣло удачно“. „Стихи, на которые онъ раздѣлилъ Пѣснь Игорю, замѣчалъ Максимовичъ [4]), *иногда слишкомъ уже дробны*; но во всякомъ случаѣ эта работа г. Гербеля составляетъ памятную услугу его въ отношеніи къ подлиннику Пѣсни“.

Замѣчаніе Максимовича объ излишней дробности дѣленія Гербеля было вполнѣ справедливо. Стихи предшественниковъ

---

[1]) Переводъ Жуковскаго изданъ И. Бычковымъ въ „Отчетѣ И. П. Б—ки“ за 1884 г. Спб. 1887. Прилож. I. Бумаги В. А. Жуковскаго. с. 182—99. О немъ тамъ же с. 80 и 199-я. (Раньше отрывки у Барс. II, с. 1—3 „дополненій“). По списку Рум. муз. тотъ же переводъ, какъ переводъ Пушкина, былъ изданъ Е. Барсовымъ въ „Чтеніяхъ О. И. и Др.“. 1882 г., кн. 2, отд. III и отдѣльнымъ оттискомъ.— Въ бумагахъ Жуковскаго сохранился и опытъ его разбить на стихи *подлинникъ* „Слова“.

Переводъ Павскаго изданъ Н. Барсовымъ въ „Рус. Стар.“ 1880 г. № 7, т. XXVIII, с. 485—500; а выдержки изъ него и раньше: въ № 5, на с. 106—12). Начало перевода утеряно).

[2]) „Игорь князь Сѣверскій“. Текстъ и переводъ. Спб. 1-е изд. 1854 г.; въ 1881 г.—6 е.

[3]) Въ Пантеонѣ Литературы 1854 г. См. изд. Гербеля 1881 г., с. 135-ю.

[4]) См. Собр. Сочин., т. III, с. 566—7.

нерѣдко разбиты у него на 2 и даже на 3 стиха. Эта дробность имѣла, правда, и свою выгодную сторону: она оттѣняла логическія ударенія; но зато размѣръ совершенно скрадывался.

Извѣстные уже намъ, наприм., стихи въ дѣленіи Полеваго, Гербель дѣлилъ слѣдующимъ образомъ:

О, Днепре словутицю!
Ты пробилъ еси каменныя горы
Сквозѣ землю Половецкую.
Ты лелѣялъ еси на себѣ
Святославли носады
До плъку Кобякова:
Возлелѣй, господине,
Мою ладу ко мнѣ
А быхъ не слала къ нему
Слезъ на море рано.

Къ сожалѣнію лица, пытавшіяся угадать размѣръ „Слова", на замѣчаніе Максимовича совсѣмъ не обратили вниманія. У Малашева [1]), въ переводѣ Барсова [2]), у Петрушевича [3])—стихи еще болѣе дробны. У Гербеля стиховъ 719-ть, у Малашева ихъ 780, въ переводѣ Барсова около 742-хъ, у Петрушевича 745.—Но изученіе и опредѣленіе размѣра „Слова" тѣмъ не менѣе шло впередъ. Сравненіе дѣленія Петрушевича съ дѣленіемъ Гербеля доказываетъ существованіе прогресса въ разработкѣ и этой стороны „Слова".

Для всѣхъ лицъ, считавшихъ форму „Слова" стихотворной, рѣшающее значеніе имѣло то *непосредственное впечатлѣніе*, какое производило „Слово" при чтеніи. Тѣ или другія выраженія въ „Словѣ", намѣренное исканіе размѣра, играли совершенно второстепенную роль. Въ этомъ была и сила, и вмѣстѣ слабость даннаго мнѣнія".

Нельзя было, конечно, отрицать важнаго значенія въ данномъ вопросѣ „непосредственнаго впечатлѣнія". Вѣдь любые стихи или пѣсни мы принимаемъ за стихи, а не за прозу, какъ не въ силу теоретическихъ познаній законовъ стихосложенія, такъ и не потому, что надъ ними надписано: „стихотвореніе", „пѣсня". Мы читаемъ ихъ, какъ стихи въ силу необходимости.

---

1) М. 1871. См. Смирн.: I, 168. Перепечатанъ текстъ при малорусскомъ переводѣ Кендзерскаго (1875 г.). Ср. Барс. I, 186.

2) Т. II, (1887 г.), с. 1—81. Барсовъ, хотя и „не принималъ на себя задачи опредѣлить поэтическій размѣръ „Слова", старался перевести его однако размѣромъ подлинника.

3) Сл. о П. Иг. Львовъ. 1887. (Литерат. Сборн. Матицы на г. 1887-й).

читать иначе, не рискуя исказить ихъ, мы не можемъ. Но съ другой стороны „непосредственное впечатлѣніе“, какъ явленіе чисто субъективное, было почвой не совсѣмъ устойчивой. Скептикъ былъ вполнѣ вправѣ сказать: если ты чувствуешь въ „Словѣ о П. Иг.“ стихотворный складъ, то я совершенно его не чувствую. Для меня—это проза. Не основаны ли твои выводы на простой иллюзіи?

Недовѣріемъ и отрицаніемъ и были дѣйствительно встрѣчены попытки опредѣлить размѣръ „Слова“. Вылилось это отрицаніе въ двѣ формы: умѣренную и крайнюю. Умѣренные допускали существованіе стиха лишь въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстахъ „Слова“, а именно въ тѣхъ, гдѣ стихотворный складъ былъ тождественъ съ извѣстными имъ стихотворными складами. Разбились они естественно на двѣ группы: великорусскую и малорусскую. Великороссы считали стихотворными лишь мѣста съ опредѣленнымъ количествомъ (1, 2, 3-мя) логическихъ удареній въ нѣсколькихъ стихахъ подъ рядъ, (при приблизительно одинаковомъ числѣ слоговъ); малороссы—лишь тѣ, гдѣ слышались риѳмы. Они искали такимъ образомъ въ размѣрѣ „Слова“ непремѣнно того, что казалось имъ существеннымъ въ родной народной поэзіи. Направленіе это зародилось и усиливалось подъ вліяніемъ начавшагося изученія „Слова“ въ связи съ народной поэзіей. Къ нему примыкаетъ и сербъ Хаджичь, считавшій въ „Словѣ“ стихотворными 2 мѣста въ стилѣ Бояна.—Но чѣмъ же объяснить пѣсенныя мѣста въ „Словѣ“? Если это „повѣсть“, то откуда же въ ней мѣста стихотворныя? Пришлось прибѣгнуть къ гипотезамъ. Смотрѣли на „Слово“ то какъ на передѣлку народныхъ пѣсенъ монахомъ XII в. (Хаджичь), то какъ на искаженіе малорусской дружинной Думы какимъ-нибудь Владимірцемъ, добивавшимся отъ поэмы лѣтописнаго интереса (Кулишъ), то какъ на передѣлку самимъ авторомъ Думы въ лѣтописную замѣтку (П. Житецкій). Объясняли, наконецъ, вліяніемъ пѣсенъ Бояна, вообще—предшествовавшей литературной школы (Смирновъ, Барсовъ въ 1876 г., Вс. Миллеръ).

Нельзя сказать, чтобы объясненія эти были удачны. Значительная часть ихъ, видѣвшая въ „Словѣ" передѣлку, способна была скорѣе подорвать довѣріе и къ самой теоріи „пѣсенныхъ мѣстъ" въ „Словѣ". Притомъ, отъ признанія *нѣсколькихъ* пѣсенныхъ мѣстъ было не далеко до полнаго ихъ отрицанія. Легко было заподозрить ихъ существованіе: считать ихъ „пѣсенность" простою случайностью; видѣть въ нихъ лишь „размѣренныя предложенія" (Вс. Миллеръ).

Но въ этихъ попыткахъ были и здравыя стороны. Сближеніе размѣровъ „Слова" и народной поэзіи, при всѣхъ ошибкахъ на этомъ пути, привело въ концѣ концовъ, какъ увидимъ ниже, къ возможности не только „чувствовать" стихотворный складъ въ „Словѣ", но и *доказывать* его. Въ народной *малорусской* поэзіи нашелся однородный размѣръ,—размѣръ Думъ. Да и „стихотворныя мѣста" въ „Словѣ" указывались различными лицами не однѣ и тѣ же. Въ совокупности ихъ набралось все-таки довольно много, что должно было поддерживать мысль о стихотворномъ складѣ всего „Слова".

Перейдемъ теперь къ обзору сдѣланнаго по сравненію—со стороны ихъ размѣра"—„Слова" и народныхъ пѣсенъ. Воспользуемся при этомъ замѣчаніями какъ лицъ, признававшихъ въ „Словѣ" лишь отдѣльныя стихотворныя мѣста (Вяземскій, Смирновъ, Кулишъ, Житецкій), такъ и считавшихъ стихотворнымъ произведеніемъ все „Слово" (Востоковъ, Барсовъ, Максимовичъ, Антоновичъ и Драгомановъ).

Уже Востоковъ искалъ въ „Словѣ" великорусскаго эпическаго или „сказочнаго" размѣра, но пришелъ къ выводу отрицательному. „Въ Словѣ о плъку Игоревѣ, говорилъ онъ, не слыхать никакого подобнаго размѣра". Отрицательный отвѣтъ Востокова не остался, вѣроятно, безъ вліянія на то, что попытки въ томъ же направленіи возобновились лишь въ 70-хъ—80-хъ годахъ.—Вяземскій отмѣтилъ въ „Словѣ" аллитерацію т. е. преобладаніе въ сосѣднихъ стихахъ однихъ и тѣхъ же или однородныхъ звуковъ [1]). Смирновъ [2]) указалъ „строки" съ

[1]) "Сл. о П. Иг." Изслѣдованіе о варіантахъ. Спб. 1877 г., с. 29—30. См. Смирн. II, 233, Барс. I, 172.

[2]) Т. II, с. 232—7.

2-мя основными удареніями, Барсовъ [1]) кромѣ того—„стихи" съ 1-мъ, 3-мя и нѣсколькими. Оба изслѣдователя соглашались съ замѣчаніемъ Вяземскаго объ аллитераціи и сверхъ того указывали: Барсовъ на „созвучія въ глагольныхъ окончаніяхъ„ (риөму), Смирновъ—на постановку глаголовъ въ нѣсколькихъ предложеніяхъ сряду въ концѣ или въ началѣ и на „начатіе предложенія тѣмъ же словомъ, какимъ оканчивается предыдущее".

Большинство этихъ замѣчаній относилось, какъ видимъ, къ вопросу не столько о размѣрѣ, сколько о стилистикѣ „Слова". Признаніе обоими изслѣдователями болѣе или менѣе однообразнаго воспроизведенія опредѣленное число разъ повышеній и пониженій голоса необходимымъ условіемъ „правильнаво" „стихотворнаго размѣра" не выдерживало критики. Выходя изъ такого взгляда, стихотворный размѣръ въ малорусскихъ Думахъ придется отрицать. Также не выдерживало критики и желаніе (Смирнова и Барсова) видѣть въ сосѣднихъ стихахъ „одинаковость стопъ" или „опредѣленное количество слоговъ". Правда, Барсовъ ограничивалъ нѣсколько это послѣднее требованіе, находя, что отрицаніе „не", начинающее стихъ, можетъ не приниматься въ расчетъ, и даже „нѣсколько слоговъ, ускоряемыхъ при пѣніи", въ силу требованій музыкальности, могутъ „какъ бы сливаться"; но ограничивалъ онъ это требованіе слишкомъ мало, сильно суживая предѣлы „слитія" и допуская его, повидимому, лишь въ отношеніи къ одному—двумъ—тремъ лишнимъ слогамъ. Замѣчаніе о слитіи слоговъ было вполнѣ справедливо, но д. б. допускаемо въ „Словѣ", какъ и въ Думахъ, въ широкихъ размѣрахъ. Полнаго вниманія заслуживало лишь требованіе Барсова при разложеніи „Слова" на стихи непремѣнно наблюдать логическія ударенія: не насиловать смысла.

Болѣе удачны были попытки малорусской группы изслѣдователей изучать размѣръ „Слова" параллельно съ размѣромъ малорусскихъ думъ. Но и ими допущена была одна крупная ошибка: однимъ изъ существенныхъ условій размѣра Думы, (если даже

---

[1]) Т. I, с. 168—73, 182.

не главнымъ), едва ли не всѣ они считали *риѳму*. Полное почти отсутствіе въ „Словѣ" риѳмъ вело ихъ либо къ признанію формы „Слова" недоразвившеюся—зачаточною (Максимовичъ), либо къ мысли, что форма „Слова" совершенно искажена (Кулишъ, Житецкій).

Первый началъ сближать размѣръ „Слова" и Думъ Максимовичъ. Вполнѣ развитыми, „настоящими стихами" онъ считалъ въ „Словѣ" лишь стихи риѳмованные и отмѣтилъ въ немъ 10-ть такихъ мѣстъ. (Послѣдующіе изслѣдователи, говоря о риѳмѣ въ „Словѣ", почти исключительно ссылались на примѣры, приведенные Максимовичемъ). Болѣе важнымъ было замѣчаніе Максимовича, что любая изъ Думъ „сложена изъ стиховъ разной величины и разнообразнаго размѣра", что число стопъ въ стихахъ сосѣднихъ часто совершенно различно.—Кулиша [1]) отсутствіе риѳмъ въ „Словѣ" привело къ признанію его искаженнымъ; но за то авторъ весьма удачно объяснялъ утрату народною памятью дружиннаго эпоса аналогичнымъ фактомъ—вымираніемъ козацкихъ Думъ на нашихъ глазахъ,—вымираніемъ, обусловленнымъ тѣмъ, что „новыя стихіи гражданской жизни заступаютъ мѣсто старыхъ".

Но всестороннему разсмотрѣнію подвергъ вопросъ лишь П. Житецкій [2]). Его статья представляетъ прекрасное и оригинальное изслѣдованіе о глубокомъ, внутреннемъ и внѣшнемъ родствѣ „Слова" съ малорусскими Думами,—родствѣ по содержанію, тону и формѣ. Особенно цѣнна данная имъ характеристика Думы.

Предметомъ „Слова", какъ и малорусскихъ Думъ, служатъ, по взгляду Житецкаго, „трудныя повѣсти" о борьбѣ со степью, „съ старинными врагами Руси—разбойническими степными ордами"; (въ Думахъ—также и съ другими врагами малорусскаго народа).

---

[1]) Записки о Южной Руси, I, с. 194—8.

[2]) Критическая статья на изданіе „Слова" Ом. Огоновскимъ (Львовъ 1876): Archiv fur Slavische Philologie, т. II, вып. 3, Berlin 1877, с. 642—60 Ср. его же прекрасныя „Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ". Кіевъ 1893, особенно с. 1—7-ю).

Отличительный внутренній признакъ Думы—„лирическій-страстный тонъ, сообщающій музыкальному исполненію Думы особенную прелесть". Это не просто разсказъ, а разсказъ выстраданный, продуманный" (отсюда и „Дума"). „Страстныя размышленія" проходятъ и чрезъ все „Слово"—въ разнообразныхъ замѣткахъ, оборотахъ, воспоминаніяхъ поэта. Въ творцѣ „Слова" „подлѣ истиннаго поэта, а также знатока исторіи мы находимъ самосознательнаго человѣка, въ устахъ котораго слова объ отечествѣ, раздираемомъ домашними княжескими распрями и опустошаемомъ иноземными набѣгами, не были пустымъ звукомъ".

Центръ тяжести въ Думѣ—возбужденная *мысль*, стремящаяся возможно ясно и полно выразить себя. Мысль въ Думѣ вполнѣ подчиняетъ себѣ и мелодію, и размѣръ. Они для нея простыя орудія. Отсюда въ музыкальномъ исполненіи Думы—чрезвычайная подвижность и измѣнчивость мелодіи. Такою же подвижностью и измѣнчивостью отличается и размѣръ Думы. Конецъ стиха обусловливается лишь перерывомъ мысли „каждый стихъ по возможности долженъ заканчивать мысль, или по крайней мѣрѣ прерываться на естественномъ расчленени мысли". Результатъ—неравенство стиховъ: одна мысль стоитъ въ сознаніи пѣвца отчетливо, со всѣми подробностями, другая—нѣтъ; самыя мысли не могутъ быть равны по своему объему. И такъ: количество слоговъ, число стопъ не играетъ въ думѣ рѣшающей роли. Въ ней замѣтны быстрые переходы отъ стиховъ длинныхъ къ совершенно короткимъ. Длинные стихи—нерѣдки, такъ какъ мысль стремится выразить себя полно; но для избѣжанія чрезмѣрной длинноты, подробности относятся къ концу и присоединяются въ видѣ отдѣльныхъ, краткихъ стиховъ.

Однообразную ритмическую опредѣленность придаетъ Думѣ лишь то, что „каждый стихъ ея, каковъ бы ни былъ онъ по своему объему, заключаетъ въ себѣ *одно риторическое удареніе*". („Мысли о думахъ", с. 6.). Получается какъ бы *ритмическая проза*.

Риѳмы въ Думѣ—большею частью глагольныя.

Тѣ же черты находимъ, по взгляду Житецкаго, и въ „Словѣ". Риѳма въ немъ б. ч. глагольная. Краткій стихъ смѣняется дол-

гимъ. Замѣчается нарость словъ то внутри, то въ концѣ стиха и даже въ формѣ стиха короткаго—добавочнаго. Каждый стихъ оттѣняется лишь однимъ риторическимъ удареніемъ.

Свои взгляды авторъ подтверждалъ примѣрами изъ „Слова" и „Думъ" паралельно.

Размѣръ думъ Житецкій находилъ однако не во всемъ „Словѣ", а лишь въ нѣкоторыхъ его мѣстахъ, и считалъ „Слово" намѣренною передѣлкою „Думы", самимъ же авторомъ ея, въ историческую замѣтку. Главнымъ препятствіемъ признать стихотворный размѣръ во всемъ „Словѣ" служила для автора, (какъ кажется), бѣдность „Слова" риѳмами, хотя онъ и не стѣснялся послѣднимъ обстоятельствомъ въ той степени, какъ Максимовичъ и Кулишъ. Но вполнѣ справедливымъ и точнымъ можно считать взглядъ на „Слово", высказанный за 3 года до появленія статьи Житецкаго, въ предисловіи къ I-му тому „Историческихъ пѣсенъ Малорусскаго народа" [1]). Хотя „Слово" произведеніе литературное, но его можно назвать, по мнѣнію авторовъ предисловія, *„южнорусскою думою XII в., не имѣющей только риѳмы новѣйшей украинской думы"*. Взглядъ этотъ, какъ необоснованный, не могъ однако возбуждать особеннаго довѣрія. Къ обоснованію его теперь и приступимъ.

Нѣкоторые издатели дѣлятъ Думы на очень дробные стихи, другіе—на стихи крупные, напримѣръ Н. Лысенко [2]). Дѣло въ томъ, что одинъ принимаетъ за стихъ то, что другой за два и даже за три. Вообще, предѣлы отдѣльныхъ стиховъ въ любой изъ Думъ, не установлены и повидимому—часто указываются неправильно. Какъ кажется, рѣшающее значеніе должно имѣть въ данномъ вопросѣ музыкальное исполненіе думы: конецъ стиха долженъ совпадать съ концемъ мелодіи (и вмѣстѣ—мысли). Съ

---

[1]) „Съ объясненіями Вл. Антоновича и М. Драгоманова" (Кіевъ, 1874), с. Сч. и XV.

[2]) Ср., напр., думу про Хмельницкаго и Барабаша въ раздѣленіи на стихи у Лысенка (Кіев. Стар. 1888 г., т. XXII, № 9, приложеніе, с. 18—23) и въ изданіи Антоновича и Драгоманова (т. II, в. 1, с. 3—15).

этой точки зрѣнія раздѣленіе Лысенка можно считать болѣе правильнымъ [1]).

Причина дѣленія на стихи очень дробные лежитъ, можно думать, въ увлеченіи риѳмой. Каждую „часть", оканчивавшуюся риѳмой, считали „стихомъ". Но играетъ ли риѳма въ Думахъ рѣшающую роль? Это болѣе чѣмъ сомнительно. Хотя и не часто, но попадаются въ Думахъ и стихи безъ риѳмъ; риѳма же довольно часто не заканчиваетъ стихъ, а лишь дѣлитъ его на части. „Риѳма, замѣтилъ еще А. Метлинскій [2]), не всегда служитъ указателемъ окончанія стиховъ; она попадается и среди стиха".

Т. обр., риѳма въ Думѣ не имѣетъ рѣшающаго значенія. Это не существенный признакъ, обусловливающій размѣръ, а лишь простое украшеніе. А потому и неудивительно, что въ „Словѣ о П. Иг." риѳмы почти отсутствуютъ. Въ этой чертѣ и заключается *единственное отличіе* размѣра „Слова" отъ размѣра „Думъ". Вмѣсто „размѣ*ра*" для точности слѣдовало бы сказать" размѣ*ровъ:* „Слово", какъ и Думы, написано не однимъ какимъ либо размѣромъ, а самыми разнообразными. Различными размѣрами написаны въ немъ нерѣдко даже стихи сосѣдніе, принадлежащіе къ одному и тому же предложенію, къ одной и той же мысли. Умѣнію автора „Слова" подбирать размѣръ, подходящій къ данному настроенію, можно позавидовать.

Великій князь старикъ—Святославъ передаетъ боярамъ свой вѣщій—мутный сонъ. Тяжелыя мысли гнетутъ душу князя, и стихъ становится длиннымъ, тяжелымъ:

А Святъславъ | мутенъ сонъ видѣ: ⟨въ Кіевѣ на горахъ⟩
Си ночь съ вечера | одѣвахъте [=одѣвахуть?] мя, рече, | чръною
наполомою | на кровати тисовѣ.
Чръпахуть ми | синее вино | съ трудомъ смѣшено...

Плѣнный Игорь рѣшилъ бѣжать. Онъ ждетъ не дождется ночи. Настанетъ ночь, и онъ—свободенъ. Нетерпѣніемъ горитъ

---

[1]) Приводимыя ниже мѣста изъ „Слова" и „Думъ," раздѣлены *на длинные* стихи, причемъ предѣлы короткихъ стиховъ—(а вмѣстѣ и перерывы голоса при произношеніи)—отмѣчены вертикальною чертою.—Настоящее замѣчаніе, во избѣжаніе недоразумѣній, *необходимо* постоянно *имѣть въ виду.*

[2]) Народн. южнорус. пѣсни Кіевъ 1854, с. XIII.

его сердце, и стихъ „Слова“ становится краткимъ, отрывистымъ, сжатымъ:

Игорь спитъ, | Игорь бдитъ,
Игорь мыслію | поля мѣритъ
Отъ великаго Дону | до малаго Донца...

Новая картина. Въ Путивлѣ—на забралѣ плачетъ-причитываетъ Ярославна, и этотъ плачъ слышится не только въ словахъ, но и въ самомъ размѣрѣ. Размѣръ плавенъ, протяженъ, мелодиченъ, какъ и самая причеть:

Ярославна рано плачетъ | въ Путивлѣ на забралѣ, | а̂ркучи:
о вѣтрѣ, вѣтрило! | чему Господиве | насильно вѣеши.
Чему мычеши | Хиновскія стрѣлы | на своего не трудною
крилцю, | на моея лады вои?
Мало ли ти бяшетъ | горъ подъ облаки вѣяти, | лелѣючи
корабли | на синѣ море?
Чему Господине | мое веселіе | по ковылію развѣя?

Предъ нами поле бытвы. Яръ-Туръ Всеволодъ бьется, не чуя ранъ. Стиль размашистый и могучій:

Камо Туръ поскочяше, | своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая,
тамо лежатъ | поганыя головы Половецкыя;
поскепаны саблями калеными | шеломы оварьскыя |
отъ тебѣ Яръ Туре Всеволоде.

Въ „Словѣ“ какъ и въ Думахъ, мы встрѣчаемъ стихи: о трехъ и даже четырехъ удареніяхъ, чередующіеся со стихами о двухъ; то о двухъ удареніяхъ, чередующіеся со стихами о трехъ и даже объ одномъ. Но количествомъ удареній размѣръ не обусловливается. Оно можетъ оставаться неизмѣннымъ, а характеръ размѣра совершенно измѣниться.

Вотъ образцы размѣровъ „Слова“ въ сравненіи съ размѣрами Думъ [1]),—образцы, расположенные болѣе или менѣе систематически:

1. въ „Словѣ“:

Великій Княже Всеволоде! | не мыслію ти прелетѣти издалеча. |
отня злата | стола поблюсти?

Въ Думѣ:

Чи не лучче намъ із Ляхами, | мостивими панами, | з упокоэм
хліб-сіль | по вік вічный | уживати? (II, 4)

[1]) При примѣрахъ изъ „Думъ“ сдѣланы ссылки на изданіе Антоновича и Драгоманова: „Историч. пѣсни малорус. народа“, т. I и т. II. в. 1. Кіевъ 1874—5 г.

Въ словѣ:

Ты бо можеши Волгу | веслы раскропити, | а Донъ шеломы выльяти.
Аже бы ты былъ, | то была бы Чага по ногатѣ, | а Кощей по резанѣ.

Въ Думѣ:

Правда, на козакові | шаты дорогиі — | три семирязі лихіи:
Одна не добра, | друга негожа, | а третя й на хлів незгожа. (II, 168).

2. Въ Словѣ:

Не мало ти величія, | лелѣявшу Князя на влънахъ,
Стлавшу ему зелѣну траву | на своихъ сребреныхъ брезѣхъ...

Въ Думѣ:

У святу неділю | не сизі орли заклекотали...
Як то бідни невольники | у тяжкій неволі заплакали. (I, 88).

Ср. въ Словѣ:

Уже бо, братіе, | не веселая година въстала,
Уже пустыни | силу прикрыла.

3. Въ Словѣ:

Тогда врани не граахуть, | галици помлъкоша,
сорокы не троскоташа, | полозію ползоша...

Ср.: Длъго. | Ночь мркнетъ, | заря свѣтъ запала,
мъгла поля покрыла, | щекотъ славій успе...

Въ Думѣ:

На святому небі | усі звізди потьмарило,
Половина місяця | у тьму уступило, —
На чорному морі | не гараздъ починаэ —
Изо дна моря | сильно хвиля встае. (I, 194)

4. Въ Словѣ:

Другаго дни | велми рано
кровавыя зори | свѣтъ повѣдаютъ...

Ср: Что ми шумить, | что ми звенить
давеча рано | предъ зорями?

Въ Думѣ:

Що ти зо мною | будеш гадати —
Чи будеш биться, | чи будеш мириться;
Чи на примирьэ | будеш приймати? (II, 103)

5. Въ Словѣ:

Полечю, рече, | зегзицею | по Дунаеви;
омочю | бебрянъ рукавъ | въ Каялѣ рѣцѣ,
утру Князю | кровавыя его раны | на жестоцѣмъ его тѣлѣ [1]).

---

[1]) Послѣдній стихъ можетъ служить прекраснымъ образцомъ того, какъ слоги въ стихѣ какъ бы сливаются, и стихъ длинный уравнивается такимъ образомъ съ короткимъ.

Въ Думѣ:

Полинь ти, соколе ясний, | брате мій рідний, | у города християнсьвиі... (I, 95)

Ср: Ти земле турецька, | віро бусурманська, | ти розлуко християнська! (I, 95)

6. Конецъ Слова:

Пѣти слава [„слава"] | Игорю Святъславлича.
Буй Туру Всеволодѣ, | Владиміру Игоревичу.
Здрави Князи ⁝ и дружина,
побарая ⁝ за христьяны
на поганыя плъки...

Въ Думѣ:

Визволь, Господи! | всіх бідних невольників
З тяжкоі неволи турецькоі, | з каторги бусурманскоі
На тихі води, | на ясні горі,
У край веселый, | у мір хрещеный,
В города християнські (I, 90).

Но характерную черту размѣра „Слова", какъ и Думъ, составляетъ, какъ сказано выше, *чередованіе размѣровъ*, отсутствіе одного опредѣленнаго размѣра даже въ смежныхъ стихахъ:

7. Въ Словѣ:

О моя сыновчя | Игорю и Всеволоде!
Рано еста начала | Половецкую землю | мечи цвѣлити, | а себѣ славы искати.
Нъ нечестно одолѣсте:
нечестно бо | кровь поганую пролiясте.
Ваю храбрая сердца | въ жестоцемъ харалузѣ скована, | а въ буести закалена.
Се ли створисте | моей сребреней сѣдинѣ.

Въ думѣ:

Ей не з горя-біди—моему пану Барбашу |
схотілося на славній Украіні | з кумомъ эвоім Хмельницкимъ | великі бенкети всчинати!
На що б ім кролевські листи | у двох читати?
Не лучче б ім із Ляхами | мостивими панами |
з упокоем хліб-сіль | вічниі часи уживати? (II, 5).

Подъ приведенные образцы размѣровъ подходитъ *все* „Слово". Т. обр. мы видимъ, что любому мѣсту изъ „Слова" можно найти аналогичное по размѣру въ малорусскихъ Думахъ. А слѣдовательно: *нѣтъ препятствій думать, что все „Слово" отъ начала до конца писано стихами и притомъ размѣромъ „Думъ".*

Здѣсь мѣсто остановиться на возраженіяхъ противъ стихотворной формы „Слова“ Вс. Миллера [1]). Авторъ допускалъ существованіе „quasi стиха“, или вѣрнѣе размѣренныхъ предложеній“, лишь въ „двухъ-трехъ“ мѣстахъ. Съ своей стороны защитники стихотворной формы въ „Словѣ“ могутъ быть только искренно благодарны автору, что онъ подробно и ясно изложилъ свой взглядъ на форму „Слова“ *и его основанія*. Миллеръ совершенно несправедливо связалъ вопросъ о формѣ „Слова“ (проза или стихи) съ вопросомъ о его происхожденіи (простонародности или книжности). „Слово“—произведеніе книжное, т. е. литературное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и стихотворное. Послѣднее, какъ нельзя лучше, доказываютъ и тѣ строки изъ „Слова“, которыя Миллеръ привелъ какъ образецъ невозможнаго стиха. „Главный мотивъ разбираемой гипотезы, писалъ авторъ,—желаніе объяснить существованіе пѣсенныхъ мѣстъ, въ которыхъ *подозрѣваютъ* метрическій складъ. И вотъ, на основаніи двухъ-трехъ подобныхъ мѣстъ, нѣкоторые издатели (Гербель, Малашевъ) дѣлятъ *произвольно* все „Слово„ на строфы и *получаютъ стихи въ родѣ*:

Боянъ же, братіе,
Не десять соколовъ
На стадо лебедѣй пущаше,
Къ своя вѣщіа пръсты
На живая струны въскладаше:
Они же сами
Княземъ славу рокотаху“.

Но въ предложенномъ Гербелемъ дѣленіи даннаго мѣста нѣтъ никакой натяжки и ничего неблагозвучнаго, хотя и лучше дѣлить его на стихи нѣсколько иначе: [2]).

Боянъ же, братіе, | не десять соколовъ | на стадо лебедѣй | пущаше.
нъ своя вѣщіа | пръсты | на живая струны | въскладаше;
они же сами | княземъ славу рокотаху.

Такъ,—въ „Словѣ“. А вотъ *однородные по размѣру* [3]) стихи изъ малорусской Думы о „Побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова“:

---

[1]) „Взглядъ на Слово о П. Игор.“ М. 1887, с. 4—8, 11.

[2]) Дѣленіе это не ново. Предложено еще Максимовичемъ. (См. „Украин. народн. пѣсни“, ч. I. М. 1834. с. I-я) и принято Житецкимъ (упомянутая статья, с. 655-я).

[3]) Вся разница въ томъ, что послѣдній стихъ въ Думѣ нѣсколько длиннѣе, чѣмъ въ „Словѣ“. Чтобы были эти стихи тождественны и по количеству слоговъ—(что излишне)—можно въ Думѣ сократить такимъ образомъ:.

Своему брату | на признаку | покидати.

Братіку рідненькій, | голубоньку сивенькій!—і ну думати—гадати,
Звід червоного | каптана | чорни китиці видирати,—
Своему брату найменьшому | пішій пішаниці,— | на признаку покидати...
(I, 108).

И такъ, повторяю, любому мѣсту изъ „Слова" можно найти аналогичное по размѣру въ малорусскихъ Думахъ. Можно сказать: Если малорусскія Думы сложены стихами, а не прозой—(а въ этомъ никто не сомнѣвается)—, то написано стихами и „Слово". Отрицаніе стихотворнаго размѣра въ „Словѣ" будетъ равносильно косвенному отрицанію его и въ малорусскихъ Думахъ. Нужно не забывать вѣрнаго замѣчанія о размѣрѣ Думъ Житецкаго: „Давно уже называютъ этотъ размѣръ *мѣрною прозою*, и дѣйствительно, отсутствіе въ немъ мелкихъ единицъ обыкновеннаго стихотворнаго размѣра и полная свобода въ построеніи приближаютъ его къ одушевленной рѣчи оратора, который незамѣтно для самого себя почувствовалъ въ своемъ произношеніи мѣрное теченіе рѣчи"[1]). Какъ видимъ, „стихи Думъ, такъ же какъ и „прозу" „Слова", характеризуютъ одними и тѣми же словами „мѣрная проза". Но въ Думахъ стихотворный характеръ этой—повидимому—„мѣрной прозы" *дѣлаетъ очевиднымъ риѳма*. Въ „Словѣ" риѳмъ почти нѣтъ, отсюда и размѣръ его не очевиденъ. И можно утверждать, что если бы и въ Думахъ риѳма отсутствовала и не было свидѣтельствъ о пѣсенномъ ихъ исполненіи,—то многіе стали бы отрицать ихъ стихотворный характеръ, а то и не догадывались бы о существованіи въ нихъ размѣра.

Что было бы такъ, легко доказать примѣрами. Очевиденъ ли, напримѣръ, размѣръ въ слѣдующихъ мѣстахъ:

1. „Ой із города із Трапезонта виступала галера, трема цвітами процвітана, малевена. Ой первым цвітом процвітана—златосиніми киндяками побивана; а другимъ цвітом процвітана—гарматами арештована; третім цвітом процвітана—турецькою білою габою покровена". (I, с. 208).

2. „Поклоняеться бідний невольник із земли Турецькоі, із віри бусурманськоі у города Християнськиі,—до отця, до ма-

1) „Мысли о Малорусскихъ Думахъ", с. 6.

тусі. Що не может він їм поклонитися,—тілько поклоняється голубоньком сивеньким: „Ой ти голубонько сивеньки! Ти далеко летаєш, ти далеко буваєш; полени ти в города Християнськиі до отця моего до матусі“.... (I, с. 93—4).

Въ только что приведенныхъ мѣстахъ—очевиденъ ли размѣръ? Большинство отвѣтитъ отрицательно. А между тѣмъ—это мѣсто изъ общеизвѣстныхъ малороссійскихъ Думъ: про Кішку Самійла и изъ такъ называемаго „Плача невольницького“. Въ чемъ же причина этой неочевидности въ данныхъ мѣстахъ размѣра? Прежде всего въ нашемъ неумѣломъ—прозаическомъ чтеніи ихъ, а затѣмъ—въ отсутствіи риѳмы. Читаемъ мы данныя—несомнѣнно стихотворныя—мѣста такъ, какъ читаютъ почти всѣ „Слово о полку Игоревѣ“,—и въ результатѣ: вмѣсто того, чтобы сознаться въ неумѣлости своего чтенія и начать читать, какъ слѣдуетъ, начинаемъ отрицать ихъ стихотворный складъ.

„Три столѣтія, говорилъ Житецкій въ 1877 г. въ концѣ своего изслѣдованія (с. 651), отдѣляютъ „Сл. о П. Игор.“ отъ Думъ, насколько можно съ нѣкоторою вѣроятностью судить о времени появленія послѣднихъ,—и однакожъ поэтическій стиль, разъ выработанный подъ вліяніемъ опредѣленныхъ жизненныхъ условій, не исчезъ у послѣдующихъ поколѣній; ибо и позже не прекращается борьба съ старинными врагами Руси—разбойническими степными ордами. Хотя и нельзя сказать, чтобы въ жизни южно-русскаго народа не произошло между тѣмъ никакихъ перемѣнъ....; но сущность борьбы осталась та же: тѣмъ же путемъ шли козаки противъ своихъ враговъ, что и древне-русскія княжескія дружины. И въ XV—XVII вѣкахъ встрѣчали они ихъ на тѣхъ же степяхъ, что и въ вѣкѣ XII-мъ. И тѣ же „трудныя повѣсти“ о великой борьбѣ на Украйнѣ звучали по прежнему въ Южной Руси. И слагались они въ томъ же духѣ и тонѣ *и тѣмъ же размѣромъ*, что и въ XII-мъ вѣкѣ“. „Природа южно-русскихъ степей, говорилъ Житецкій выше (с. 654), неизмѣримыми равнинами разстилавшаяся предъ глазами поэта, оставалась неизмѣнною. И она должна была настроить автора „Слова“ столь же меланхолически, какъ и творцовъ Думъ.

Степной холмъ, степная птица, хищное животное—вызывали тѣ же образы, возбуждали тѣ же чувства".

Житецкій прекрасно объясняетъ *возможность* и естественность сохраненія стиля и размѣра въ теченіе ряда столѣтій. Къ его замѣчаніямъ не мѣшаетъ присоединить ссылку на устойчивость размѣра народныхъ пѣсенъ вообще, а особенно—на тѣ немногія лѣтописныя данныя, изъ которыхъ видно, что дружинный эпосъ дѣйствительно продолжалъ развиваться, и притомъ въ томъ же направленіи.

„Слово о полку Игоревѣ" создано около 1185 г. Въ Волынской лѣтописи сохранились слѣды другаго подобнаго произведенія, созданнаго лѣтъ 15 спустя. Подъ 1201 годомъ внесены въ лѣтопись обрывки „Слова" о Романѣ Волынскомъ—(*а м. б., ихъ пересказъ*), стоящіе въ тѣсной связи съ Сл. о П. Иг.", между проч. и по размѣру.

„По смерти же великаго князя Романа, (говорится здѣсь [1]) приснопамятнаго самодержьца всея Руси, одолѣвша всимъ поганьскымъ языкомъ, ума мудростью ходяща по заповѣдемь Божиимъ..... Велику мятежю во(з)ставшю в землѣ Руской, оставившима же ся двѣима сынома его, единъ 4 лѣтъ, а другій дву лѣтъ".—Въ эту лѣтописную замѣтку, въ мѣстѣ, обозначенномъ точками, вставленъ поэтическій отрывокъ:

„Устремилбося бяше на поганыя | яко и левъ,
Сердитъ же бысть | яко и рысь,
И губяше | яко и коркодилъ,
И прехожаше землю ихъ | яко и орелъ,
Храборъ бо бѣ | яко и туръ.
Ревноваше бо дѣду своему Мономаху | погубившему поганыя Измаилтяны | рекомия Половци,
Изгнавшю Отрока во Обезы | за Желѣзныя врата,
Сърчанови же оставшю у Дону | рыбою оживъшю;
*) тогда Володимеръ Мономахъ | пилъ золотомъ шоломомъ Донъ,
и приемшю землю ихъ всю, | и загнавшю оканьныя Агаряны.
По смерти же Володимерѣ | оставъшю у Сырьчана единому | гудьцю же Ореви,
посла и во Обезы, | река:

---

[1]) „Лѣтопись по Ипатскому списку". Спб. 1871 г., с. 479—80.

*) Слова „тогда... Агаряны" добавлены, вѣроятно, лѣтописцемъ.

„Володимеръ умерлъ есть, | а воротися, брате, | пойди вземлю свою“;
Молви же ему моя словеса, | пой же ему пѣсни Половѣцкия;
оже ти не восхочетъ, | дай ему поухати зелья, | именемъ евшанъ
(емшанъ)
Овому же не восхотѣвшю | обратитися, ни послушати, | и дасть ему
зелье;
оному же обухавшю | и восплакавшю, | рче:
„да луче есть въ своей землѣ | костью лечи,
и нели на чюже | славну быти“.
И приде | въ свою землю.
Отъ него родившюся Кончаку, | иже снесе Сулу,
Пѣшь ходя, | котелъ нося, | на плечеву;
*) Роману же князю | ревновавшю за то,
и тщашеся погубити | иноплеменьники.

Отрывокъ писанъ тѣмъ же размѣромъ: „Слова“ и „Думъ“. Въ немъ тѣ же, что и въ „Словѣ“ и образы. Романъ „храборъ бѣ яко и туръ“; въ „Сл. о П. Иг.“: „Яръ туре Всеволодѣ!“ Въ „Сл. о П. Иг.“ Игорь страстно желаетъ „испити шеломомъ Дону“; въ отрывкѣ: „Володимеръ Мономахъ пилъ золотомъ шоломомъ Донъ“... Связаны, они другъ съ другомъ и по характеру замысла. Пѣвецъ въ обоихъ случаяхъ не ограничивается даннымъ временемъ, а разсматриваетъ его въ связи съ предшествующей эпохой. Въ данномъ отрывкѣ мы находимъ кромѣ того отвѣтъ на вопросъ—чѣмъ дорогъ былъ для творца „Сл. о П. Игор.“ Владиміръ Мономахъ. Замѣтки пѣвца:

„О! стонати Руской земли, | помянувше пръвую годину, | и пръвыхъ князей.
Того стараго Владиміра | не льзѣ бѣ пригвоздити | къ горамъ Кіевскимъ“,—

замѣтка эта—не мотивирована и потому не совсѣмъ понятна и и даже какъ будто странна. Чего жалѣть за временемъ Владиміра Мономаха, когда по изображенію самого пѣвца, оно полно было усобицъ, а самъ Владиміръ

„по вся утра | уши закладаше въ Черниговѣ“?

Но мысль и горесть пѣвца становятся вполнѣ понятны, когда знаемъ, что этотъ князь „погубилъ“ „поганыя Измаилтяны рекомыя Половци“ и „приялъ“ „землю ихъ всю“.

Въ этомъ поэтическомъ отрывкѣ есть еще одна черта оригинальная и симпатичная. Въ „Сл. о П. Игор.“ мы напрасно

*) Послѣдніе два стиха принадлежатъ м. б. лѣтописцу.

стали бы искать сочувствія къ «поганымъ» кочевникамъ. А здѣсь Половчинъ обрисованъ не только какъ «поганый», но и какъ человѣкъ, горячо любящій «землю свою». Изгнанный изъ родной земли Владиміромъ Мономахомъ, половецкій князь потерялъ вѣру въ свои силы. Не только вѣсть о смерти Владиміра, но и родныя половецкія пѣсни не въ силахъ побудить его попытаться воротиться. Но лишь почуялъ онъ запахъ степной травы, родная—широкая степь, какъ живая, стала передъ нимъ; страстная любовь къ родинѣ проснулась съ неудержимой силой и разрѣшилась слезами. Заплакалъ князь и сказалъ: «Лучше же въ родной землѣ костьми лечь, чѣмъ быть славнымъ на чужбинѣ». И пошелъ «въ землю свою».

Отъ XIII-го вѣка не уцѣлѣло болѣе отрывковъ поэтическихъ произведеній, но сохранилось еще указаніе на существованіе дружиннаго эпоса. Подъ 1251 г. въ той же Волынской лѣтописи [1]) записано:

«В та же лѣта седе Самовитъ въ Мазовши. Посла къ нему Данило и Василко, рекша ему, яко «добро видѣлъ еси отъ наю, и из(ъ)иди с нами на Ятвезѣ»; и у Болеслава помочь пояста, Суда воеводу и Сигнѣва, и сняшася въ Дорогычинѣ и поидоша; и преидоша болота и наидоша на страну ихъ... и многи крестьяны отъ пленения избавлета, *и пѣснь славну пояху има,* Богу помогшу има, и придоста со славою на землю свою, наследивши путь отца своего великаго (князя) Романа, *иже бѣ изоострился на поганыя яко левъ, им же Половци дѣти страшаху*».

Отъ самой «пѣсни» не уцѣлѣло ни строчки, но и блѣдная лѣтописная замѣтка позволяетъ видѣть тѣсную связь между этою «пѣснью», «Словомъ о П. Иг.» и поэтическимъ отрывкомъ о Романѣ Волынскомъ. Стоитъ лишь сравнить выраженіе: «пѣснь славну пояху има» съ словами: «Пѣти «слава» Игорю Святославличю»; да обратить вниманіе на то, что самъ авторъ лѣтописной замѣтки пользуется выраженіями поэтическаго отрывка о Романѣ Волынскомъ:

о Ром. Волын.: „Ревноваше бо дѣду своему Мономаху“.]
лѣтоп. зам. 1251 г.: „наслѣдивши путь отца своего... Романа“.

---

[1]) „Лѣтопись по Ипат. списку“, Спб. 1871, с. 537—8, 540.

о Ром. Волын.: „устремилбося бяше на поганыя яко и левъ".
лѣтоп. зам. 1251 г.: „иже бѣ изострился на поганыя яко левъ".

Лѣтописная замѣтка подъ 1251 г. даетъ объясненіе и популярности имени Романа на Руси: «им, говоритъ онъ, Половци дѣти страшаху».

Подъ конецъ XIII-го вѣка южно-русскія лѣтописи замираютъ и возрождаются лишь въ XIV-мъ въ видѣ лѣтописей т. наз. Литовскихъ». Нѣтъ ничего удивительнаго, что до насъ не дошло указаній на дружинный эпосъ въ эту эпоху. Но любопытно, что слѣды этого эпоса, или по крайней мѣрѣ вліяніе его, видны и въ «Литовскихъ лѣтописяхъ. Въ т. наз. «Кіев. сокращен. лѣтописи», принадлежащей къ ихъ числу, подъ 1515 г. помѣщено сказаніе о побѣдѣ подъ Оршей надъ Москвой съ похвалой кн. Острожскому [1]). Разсказъ въ немъ—съ поэтическими замашками, напримѣръ:

„тых збитых плоти | звѣри и птици ядять, | по земли кости волочачи
а стопленых водами | рыбы клюють". (с. 152-я).

Но особенно интересно заключеніе, однородное по мысли съ заключеніемъ «Слова о П. Иг.»; написанное притомъ стихами однороднаго размѣра,—размѣромъ «Слова» и «Думъ»:

„Великославному господарю | королю Жикгимонту Козимировичу | буди
честь и слава на вѣки:
побѣдившему недруга своего | великого князя | Василія Московского.
а гетману его вдатному | князю Костянтину Ивановичу Острозкому
| дай, Боже, здоровье и щастье вперед лѣпшее,
как нынѣ побил силу великую Московскую | абы так побивал силную
рать Татарскую,
проливаючи кровъ ихъ бессурменьскую". (с. 154-я).

Ср. конецъ Сл. о П. Игор.":

„Пѣти слава („славы") | Игорю Святславлича.
Буй туру Всеволодѣ, | Владиміру Игоревичу.
Здрави Князи и дружина,
Побарая за христьяны
На поганыя плъки.
Княземъ слава | а дружинѣ".

Такимъ образ. еще въ 1515 г. слышатся отголоски дружинной художественно-литературной школы XI-го—XII-го вѣковъ, а

[1]) „Супрасльская рукопись" издан. кн. М. Оболенскимъ. М. 1836, с. 149—54.

между тѣмъ еще 9-ю годами раньше польскій историкъ Сарницкій отмѣтилъ въ своихъ «лѣтописяхъ» (Annales) существованіе малорусскихъ Думъ [1]),—народныхъ лирико-эпическихъ произведеній, созданныхъ новой дружиной—казачествомъ, но стоящихъ въ тѣсной связи съ старымъ дружиннымъ эпосомъ по содержанію, тону и формѣ, (да и по самому, можно думать, происхожденію.

Въ ту пору, когда продолжалось еще пѣніе «славы» князьямъ—господарю, козачество уже начало пѣть другую «славу»—казацкую:

„А слава не вмре, не поляже | одныни до вика!
А вам на многая лѣта!
(I, с. 120: дума о бѣгствѣ 3-хъ братьевъ изъ Азова)
или: „Славе не вмре, | не поляже!
Буде слава славна | помиж козаками,
Помижъ друззями, | помижъ рицарями, | помижъ добрыми молодцями.
Утверди, Боже, | люду царського—| народу християнського,
Війська Запорозьского, | Донськ ого
З сиею черныю | Днипровою, Низовою
На многая лита | до конця вика!

(I, с. 219—20: дума про Самійла Кішку, заключеніе нѣсколько подновлено, напримѣръ, «царського»).

Для полученія стихотворнаго размѣра въ «Словѣ» и для опредѣленія предѣловъ стиха въ немъ, можно предложить такое правило: читайте возможно естественнѣе, дѣлайте логическія ударенія и остановки тамъ, гдѣ требуетъ того смыслъ,—и получите стихи. Возможность и законность такого правила обусловливается—тѣмъ, что въ «Словѣ», какъ и въ «Думахъ», не стихъ стѣсняетъ—связываетъ мысль, а мысль вполнѣ подчиняетъ себѣ стихъ, управляетъ размѣромъ.—Отсюда понятно, что чѣмъ больше будетъ уясняться текстъ «Слова»—теченіе въ немъ мыслей,—тѣмъ точнѣе будетъ опредѣляться и размѣръ его. И будетъ

---

[1]) Подъ 1506 г.: о думахъ въ честь братьевъ Струцовъ (Strussii), убитыхъ Волохами. См. у Антонов. и Драгоман., т. II, с. IX—X, въ примѣчаніи. Ср. „Мысли о малорус. думахъ“, Житецкаго, с. 128, 163, 174—5.

можно думать, время, когда не только существованіе размѣра въ «Словѣ» будетъ для всѣхъ очевиднымъ, но и предѣлы отдѣльныхъ стиховъ въ немъ будутъ болѣе или менѣе точно установлены. «Болѣе или менѣе» точно, такъ какъ установить стихъ „Слова", (какъ и стихъ Думъ), вполнѣ точно—невозможно. Стоитъ лишь читающему оттѣнить не то выраженіе, не ту черту мысли,—и стихъ передвинется.

Предлагаемъ опытъ разложенія всего „Слова" на стихи [1]).

Ю. Тиховскій.

10—13 апрѣля 1893 г.

[1]) См. въ приложеніяхъ.

Археологическій съѣздъ въ Вильнѣ.

25 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ по почину Московскаго археологическаго общества, при ближайшемъ участіи графа А. С. Уварова, былъ организованъ первый археологическій съѣздъ. Современное широкое развитіе археологіи, живая дѣятельность въ этомъ направленіи провинціи, наконецъ, интересъ публики къ археологіи, обязаны въ большей или меньшей степени археологическимъ съѣздамъ. Все болѣе и болѣе увеличивающійся успѣхъ съѣздовъ, носившихъ преимущественно областной характеръ, показалъ, что наше общество, не смотря на наружную пассивность, не лишено элементовъ, способныхъ къ общественной дѣятельности, и даже такой сухой, по общепринятому мнѣнію, предметъ, какъ археологія, привлекъ вниманіе общества, нашелъ въ немъ работниковъ. Успѣхъ археологическихъ съѣздовъ объясняется также почти полнымъ отсутствіемъ въ Россіи спеціальныхъ съѣздовъ по другимъ областямъ науки; вотъ почему въ археологическихъ съѣздахъ нашли себѣ мѣсто и принимали въ нихъ дѣятельное участіе также исторія, филологія, этнографія и др. такъ или иначе соприкасающіяся науки. Это послѣднее обстоятельство для цѣлей областной разработки нашего прошлаго имѣетъ громадное значеніе, такъ какъ и пріѣзжимъ ученымъ разныхъ спеціальностей дается возможность ознакомиться на мѣстѣ съ существующимъ матеріаломъ, и мѣстныя силы получаютъ толчекъ и направляются къ болѣе разнообразной дѣятельности. Правда, съ другой стороны, вслѣдствіе такого разнообразія содержанія съѣздовъ, не всегда научный характеръ ихъ строго выдержанъ, чему также способствуетъ участіе въ съѣздахъ любителей и вообще неспеціалистовъ,

такъ что въ этомъ отношеніи русскіе арх. съѣзды разнятся, напримѣръ, отъ германскихъ періодическихъ съѣздовъ ученыхъ, преслѣдующихъ чисто научныя цѣли. Но это нисколько не умаляетъ значенія арх. съѣздовъ; при сравнительной новизнѣ науки въ Россіи, задача русскихъ арх. съѣздовъ и заключалась главнымъ образомъ въ популяризаціи науки, въ уничтоженіи предразсудковъ къ ней, въ возбужденіи интереса со стороны большой публики. И теперь, по прошествіи 25 лѣтъ, можно съ увѣренностію сказать, что цѣль достигнута, археологическіе съѣзды стали на твердую почву, являются общимъ дѣломъ. Кромѣ того, помимо цѣлей популяризаціи, на съѣздахъ было поднято и рѣшено много чисто научныхъ вопросовъ, собрана на мѣстѣ масса научнаго матеріала, сохранено, путемъ привлеченія вниманія общества, огромное число памятниковъ старины.

Археологическіе съѣзды устраивались подъ руководствомъ Московскаго Археологическаго Общества; покойный предсѣдатель общества графъ А. С. Уваровъ былъ иниціаторомъ и главнымъ работникомъ этого дѣла; теперешній предсѣдатель общества, графиня П. С. Уварова, съ неутомимой энергіей продолжаетъ начатое дѣло, и можно по справедливости сказать, что упрочившееся положеніе археологическихъ съѣздовъ, ихъ возрастающій успѣхъ, въ большой степени обязаны дѣятельности графа и графини Уваровыхъ.

Состоявшійся въ Вильнѣ съ 1 по 14 августа археологическій съѣздъ, девятый по числу, начался при неблагопріятныхъ условіяхъ: недостатокъ вначалѣ матеріальныхъ средствъ, затѣмъ—чисто формальныя препятствія, обусловленныя выборомъ мѣста, внушали опасенія, что съѣздъ пройдетъ вяло;—случилось наоборотъ, съѣздъ вышелъ очень оживленнымъ, возбудилъ интересъ мѣстнаго общества и въ научномъ отношеніи далъ много цѣннаго, такъ какъ, помимо многочисленныхъ рефератовъ, касающихся мѣстной исторіи и мѣстныхъ древностей, на съѣздѣ было сдѣлано нѣсколько докладовъ, носившихъ или обобщающій характеръ, или интересныхъ въ смыслѣ техники научной работы, т. е. именно такихъ докладовъ, какіе и должны

въ будущемъ занять первое мѣсто въ ученыхъ съѣздахъ. Нужно также замѣтить, что благодаря усиліямъ предсѣдателя съѣзда, гр. П. С. Уваровой, тенденціи какого бы то ни было рода на съѣздѣ отсутствовали,—онъ былъ вполнѣ научнымъ.

Во все время съѣзда подъ предсѣдательствомъ Ѳ. И. Успенскаго засѣдалъ ученый комитетъ, распредѣлявшій рефераты по отдѣламъ и опредѣлявшій порядокъ засѣданій.

Всѣхъ записавшихся на съѣздъ членовъ было до 400, изъ нихъ пріѣхало болѣе 160, въ томъ числѣ много депутатовъ отъ различныхъ ученыхъ учрежденій и обществъ; засѣданій по разнымъ отдѣламъ состоялось 25; на нихъ было прочитано около 80 рефератовъ [1]); почти каждый изъ рефератовъ возбуждалъ пренія, и нужно сознаться, не всегда дебаты носили научный характеръ и имѣли прямое отношеніе къ поднятымъ вопросамъ; времени, между тѣмъ, отнимали много; намъ кажется, на будущихъ съѣздахъ, на эту сторону дѣла слѣдуетъ обратить вниманіе.

Съ внѣшней стороны членамъ съѣзда были предоставлены разнаго рода удобства; время между научными засѣданіями проходило въ ознакомленіи съ городомъ и мѣстными древностями; кромѣ того, членами съѣзда было совершенно нѣсколько экскурсій: въ Верки—имѣніе кн. Гогенлое, въ Троки для осмотра трокскаго замка, и въ г. Ковно, откуда была предпринята поѣздка по Нѣману, во время которой осмотрѣны Пожайскій монастырь и древній костелъ въ с. Сапѣжишкахъ.

Переходя къ изложенію содержанія рефератовъ, читанныхъ на съѣздѣ, мы ограничимся только тѣми, какіе имѣютъ отношеніе къ Южной Руси; затѣмъ, имѣя въ виду тѣсную связь исторіи южной Руси съ исторіей Литвы, упомянемъ о болѣе выдающихся сообщеніяхъ, касавшихся прошлаго послѣдней. Благодаря присутствію многихъ ученыхъ изъ южной Россіи, и число рефератовъ, посвященныхъ ей, было значительно. Засѣданія съ-

[1]) На обсужденіе съѣзда предполагалось представить еще много другихъ, иногда очень интересныхъ, вопросовъ, но за неприбытіемъ лицъ, ихъ предложившихъ, они остались безъ разрѣшенія.

ѣзда происходили по секціямъ или отдѣламъ, и здѣсь мы будемъ держаться такого же порядка. Но прежде чѣмъ перейти къ спеціальнымъ отдѣламъ, скажемъ нѣсколько словъ о рефератахъ, носившихъ общій характеръ; такихъ рефератовъ было доложено съѣзду, къ сожалѣнію, немного. *Проф. Бѣляевъ* сдѣлалъ докладъ „*объ устройствѣ археологическо-этнографическихъ музеевъ*"; основная мысль реферата—параллельное распредѣленіе въ музеяхъ археологическихъ и этнографическихъ матеріаловъ, хотя самъ референтъ замѣтилъ, что его проектъ носитъ лишь теоретическій характеръ и практическаго примѣненія онъ не имѣлъ въ виду; затѣмъ, на съѣздѣ былъ поднятъ вопросъ о прекращеніи разграбленія извѣстнаго Ольвійскаго городища, и, наконецъ, Н. Ф. Бѣляшевскій обратился къ членамъ съѣзда отъ имени Московскаго Нумизматическаго Общества съ просьбой доставлять въ означенное общество свѣдѣнія о находимыхъ монетныхъ кладахъ; въ виду важности такого рода свѣдѣній, Нумизматическое Общ. задалось цѣлью сгруппировать ихъ въ одномъ мѣстѣ и сдѣлать, такимъ образомъ, удобнымъ для пользованія уже накопившійся, но еще не приведенный въ систему, громадный матеріалъ; членамъ съѣзда были при этомъ розданы карточки для занесенія подобнаго рода свѣдѣній.

По отдѣлу *первобытныхъ древностей* доложены слѣдующіе рефераты, касающіеся прошлаго южной Россіи. *Е. Н. Мельникъ* „*О мастерскихъ каменнаго вѣка въ бассейнѣ Днѣпра*"; здѣсь сообщены свѣдѣнія о 40 мастерскихъ, которыя распредѣляются на 3 большія географическія группы; первая группа западно-волынская, характерной представительницей ея является мастерская у с. Мощаницы (Дубенскаго у.), приготовлялись въ мастерской отбивныя кремневыя и полированныя орудія; вторую группу составляютъ мастерскія преимущественно кремневыхъ орудій по берегамъ р. Уши и Норини; типичная мастерская этой группы расположена между селами Збранки и Папирня. Изъ орудій производства здѣсь обращаютъ на себя вниманіе отбойники, достигающіе иногда большихъ размѣровъ; къ этой же группѣ географически примыкаетъ нѣсколько мастерскихъ съ производствомъ шиферныхъ пряслицъ; третья группа распо-

ложена, главнымъ образомъ, близъ Екатеринослава и днѣпровскихъ пороговъ. Переходъ отъ волынскихъ мастерскихъ къ этой группѣ составляютъ мастерскія Кіевской губ., изъ которыхъ болѣе выдающаяся обнаружена на городищѣ Княжей Горы; въ послѣдней группѣ, какъ наиболѣе типичная, охарактеризована мастерская у с. Волошскаго; тутъ сосредоточивались четыре производства: отбивныхъ кремневыхъ орудій, каменныхъ полированныхъ, костяныхъ и гончарныхъ издѣлій. Рефератъ Е. Н. Мельникъ сопровождался демонстрированіемъ типичныхъ предметовъ. *С. В. Люба-Радзиминскій*: „*Памятники каменнаго вѣка въ западной Волыни*“. Референтомъ раскопано около 20 кургановъ, расположенныхъ при имѣніи Радзиминъ-Сивки, острожск. у. Результаты раскопокъ слѣдующіе: 1) изслѣдованные курганы принадлежатъ каменному вѣку, 2) данная область въ старину была мѣстомъ приготовленія кремневыхъ и каменныхъ орудій, каковы: топоры—молоты, пилы, ножи, между которыми особенно интересны закривленные ножи скандинавскаго типа, 3) курганное племя принадлежитъ къ типу долихоцефаловъ, 4) покойники погребались на поверхности земли и придавливались сверху 6-ью „валиками“ изъ бѣлой глины, которые клались поперекъ покойника параллельно одинъ другому; 5) кромѣ каменныхъ, у головы ставились сосуды (2—3) изъ разноцвѣтной глины. Каменныя орудія такого-же типа встрѣчаются въ городищѣ с. Матвіевицы, кременецкаго у., и у с. Б. Мощаница дубенск. у.; отступленіе отъ описаннаго типа составляютъ курганы съ трупосожженіемъ, обнаруженные близъ селъ Корытное и Плужное, острожск. у. Въ заключеніе референтъ познакомилъ собраніе съ каменной могилой („плитовой гробъ“), открытой въ 1878 г. въ Радзиминѣ. Большимъ оживленіемъ сопровождался рефератъ *проф. В. Б. Антоновича* „*О бронзовомъ вѣкѣ въ бассейнѣ Днѣпра*“, интересный какъ по выбору темы, такъ и по тѣмъ общимъ выводамъ, къ которымъ пришелъ референтъ. Пр. Антоновичъ прежде всего указалъ на то, что классификація доисторическаго времени, выработанная скандинавскими учеными съ подраздѣленіемъ на три періода—каменный, бронзовый и желѣзный, не всегда пригодна въ цѣломъ видѣ, такъ какъ есть страны, въ

которыхъ какого нибудь изъ періодовъ не достаетъ. При обозрѣніи доисторическихъ памятниковъ Россіи оказывается, что на значительномъ пространствѣ ея отсутствуетъ бронзовый вѣкъ, и что желѣзная культура прямо наслоилась на каменную. Для того, чтобы обосновать это положеніе, нужно установить тѣ признаки, по которымъ констатируется присутствіе въ данной странѣ бронзоваго вѣка. Такими признаками, по мнѣнію референта, являются слѣдующіе три: во первыхъ, нахожденіе такихъ бронзовыхъ предметовъ, какіе быстро исчезли при появленіи желѣза, это—оружіе (за исключеніемъ стрѣлъ и булавъ) и нѣкоторыя орудія (топоры, ножи, серпы, бритвы), но признакъ этотъ не вполнѣ прочный,—если указанные предметы находятся единично и разсѣяны спорадически, то происхожденіе ихъ можетъ быть отнесено или къ торговымъ сношеніямъ людей каменнаго вѣка, или къ случайнымъ иммиграціямъ людей бронзовой культуры уже въ желѣзномъ вѣкѣ; другой, болѣе прочный признакъ, составляетъ присутствіе мастерскихъ бронзоваго вѣка, характеризуемыхъ формами для отливки бронзовыхъ предметовъ, шлаками, запасами металла; третій признакъ, очень прочный—это присутствіе въ странѣ гробницъ бронзоваго вѣка. Что касается Европ. Россіи, то бронзовая культура, отвѣчающая всѣмъ тремъ признакамъ, надвигалась на ея территорію съ двухъ сторонъ: съ востока—культура центрально-азіатская, ходъ которой можно прослѣдить по чудскимъ копямъ и гробницамъ отъ Алтая до Урала; перешедши Уралъ, она охватила бассейнъ Камы, здѣсь достигла въ древней Біарміи высшаго своего развитія, но дальше не пошла. Другая бронзовая культура—передне-азіатская, распространенная по всему бассейну Средиземнаго моря финикіянами, проникла, видоизмѣняясь и совершенствуясь, на материкъ Европы, и съ запада двигалась къ восточной равнинѣ; предѣлами ея можно пока считать Днѣстръ, его притокъ Смотричъ и Западный Бугъ. На всемъ же промежуткѣ между этими границами и бассейномъ Камы, какъ кажется, бронзовой культуры не было. Въ Финляндіи, Остзейскомъ краѣ, Литвѣ, Бѣлоруссіи, центральной Россіи и бассейнѣ средняго Днѣпра находятъ лишь немночисленные спорадически разсѣянные бронзо-

вые предметы; такъ напр., въ 5 губерніяхъ бассейна средняго Днѣпра можно констатировать только 30 типичныхъ бронзовыхъ предметовъ, мастерскія же и гробницы бронзоваго вѣка совершенно отсутствуютъ. Исключеніе составляетъ Новороссійскій край, гдѣ присутствіе бронзовой культуры можно доказать, хотя невозможно опредѣлить ея происхожденіе за отсутствіемъ предметовъ, которые могли бы быть рѣшительно отнесены къ западной или восточной культурѣ. Трудность этого опредѣленія зависитъ также и отъ того, что область Дона, въ которой могли бы быть найдены переходныя формы, остается пока совсѣмъ неизслѣдованною въ археологическомъ отношеніи. По поводу этого реферата оппонентомъ выступилъ проф. Анучинъ. Замѣтивъ, что въ настоящее время нѣкоторые германскіе ученые вообще отрицаютъ существованіе бронзоваго вѣка, какъ самостоятельнаго періода, проф. Анучинъ сдѣлалъ нѣсколько дополненій къ реферату; между прочимъ, опонентъ не соглашается съ названіемъ западной бронзовой культуры финикійской, такъ какъ въ распространеніи культуры въ Европѣ гораздо большую роль играли греки и этруски, затѣмъ, кромѣ двухъ указанныхъ центровъ, былъ еще третій,—это Кавказъ съ его оригинальными бронзами; что же касается распространенія бронзы съ востока, то оно шло дальше указанныхъ референтомъ границъ, обнимало среднюю Россію и даже заходило въ южную. На это проф. Антоновичъ возразилъ, что слово „финикійская культура“ онъ употребляетъ лишь для обобщенія западной культуры; говорить же о вліяніи Кавказа онъ воздержался, такъ какъ слѣдовъ такого вліянія очень мало. Проф. Кочубинскій обратилъ вниманіе на важность данныхъ языка въ такого рода вопросахъ, а они, повидимому, говорятъ въ пользу мнѣнія, высказаннаго референтомъ. Другой рефератъ *проф. Антоновича „Замѣтка о крашеныхъ скелетахъ“*, касается также одного изъ нерѣшенныхъ вопросовъ доисторической археологіи; курганы съ окрашенными костяками встрѣчены уже въ значительномъ количествѣ на весьма обширномъ пространствѣ, именно—въ Бессарабіи, Новороссіи, Кубанской области, Кіевской и Полтавской губерніяхъ. Курганы такого рода бѣдны находками, въ нихъ встрѣчаются лишь гли-

няные горшки, каменныя орудія и слѣды бронзы; скелеты лежатъ на спинѣ, и часто также на боку, съ нѣсколько поджатыми ногами; окрашенъ бываетъ не весь костякъ, а лишь черепъ, первые шейные позвонки и частью ключицы, а также кости рукъ и ногъ. Мнѣніе, что кости окрашивались уже послѣ того, какъ отъ трупа оставался одинъ скелетъ, проф. Антоновичъ считаетъ несостоятельнымъ и высказываетъ предположеніе что при погребеніи трупъ покрывался толстымъ слоемъ охры, которой и окрашивались кости послѣ того какъ сгнивали всѣ другія части тѣла. Проф. Анучинъ, съ своей стороны, для окончательнаго рѣшенія вопроса предложилъ сдѣлать опытъ на какомъ нибудь животномъ. *Проф. Анучинъ* сдѣлалъ сообщеніе „*О слѣдахъ трепанаціи черепа въ доисторическую эпоху въ Россіи*“; трепанація состоитъ въ продѣлываніи въ черепѣ болѣе или менѣе значительнаго отверстія; операція эта практиковалась въ доисторическое время какъ надъ живыми, такъ и надъ мертвыми; въ первомъ случаѣ, какъ это можно полагать по аналогіи съ нѣкоторыми племенами, практикующими такой обычай и теперь, трепанація производилась для излѣченія отъ падучей болѣзни и другихъ формъ истеріи, объясняемыхъ присутствіемъ особаго духа, для выхода котораго и продѣлывалось отверстіе въ черепѣ; надъ мертвыми же трепанація совершалась для полученія кусковъ черепа, которые употреблялись затѣмъ какъ амулеты, и имъ придавалась особая предохранительная сила. Въ западной Европѣ, особенно во Франціи, находки трепанированныхъ череповъ, относящихся къ доисторическому времени, не рѣдки, въ Россіи же, до послѣдняго времени, слѣдовъ трепанаціи констатировано не было. Референтъ сообщилъ о двухъ такого рода находкахъ; одна изъ нихъ заключается въ привѣскѣ съ сквознымъ отверстіемъ, сдѣланной изъ части теменной и лобной кости, найденной на городищѣ неолитическаго вѣка на р. Ветлугѣ костромской губ., а другая—въ черепѣ, добытомъ при раскопкахъ на „Княжей горѣ“ (близъ Канева на Днѣпрѣ) Н. Ф. Бѣляшевскимъ; на черепѣ этомъ имѣется неправильно округлое отверстіе на верхней боковой части лобной кости, сдѣланное, очевидно, искусственно на мертвомъ черепѣ,

и притомъ, не посредствомъ удара, а помощью вырѣзыванія ножемъ или подобнымъ ему инструментомъ. Съ опредѣленіемъ этого отверстія, какъ произведеннаго грубымъ пріемомъ трепанаціи, согласились видѣвшіе этотъ черепъ проф. Штида и докторъ Юндзиллъ. Рефератъ проф. Анучина вызвалъ замѣчаніе со стороны Н. Ф. Бѣляшевскаго, замѣтившаго, что демонстрированный черепъ, по нѣкоторымъ условіямъ его нахожденія, относится къ великокняжеской эпохѣ, и со стороны барона де-Бая, который также выразилъ мнѣніе, что черепъ этотъ, по всей вѣроятности, относится къ болѣе поздней эпохѣ, чѣмъ неолитическій періодъ каменнаго вѣка. Въ доложенномъ съѣзду рефератѣ *С. С. Слуцкаго:* „*Къ вопросу о каменныхъ бабахъ*“, намѣчены четыре типа ихъ: 1) типъ, преобладающій на югѣ Россіи, но извѣстный и въ другихъ мѣстахъ; онъ характеризуется такъ: отдѣлка со всѣхъ сторонъ, помочи на мужскихъ бабахъ, полныя статуи держатъ обѣими руками подъ животомъ сосудъ вродѣ стакана; у мужчинъ три косы, есть усы, но бороды нѣтъ, на головѣ шапка полушаромъ; у женщинъ остроконечная широкополая шляпа, на спинѣ платокъ, встрѣчаются богатые кафтаны, щиколотки весьма тонкія, а бедра очень толстыя; это типъ половецкій; 2) типъ по преимуществу сибирскій (Алтай и Киргизская степь) и весьма рѣдкій въ европейской Россіи; его характерныя черты: полурельефъ (изображеніе только спереди, а сзади и съ боковъ плоскій камень); одна рука у груди держитъ рогъ, другая лежитъ ниже, часто придерживая у пояса кинжалъ; 3) полурельефныя плиты съ рельефнымъ изображеніемъ человѣка, который окруженъ бываетъ другими изображеніями; 4) осетинскій истуканъ. Кромѣ этихъ основныхъ типовъ, г. Слуцкій указываетъ еще разновидности, требующія внимательнаго изученія. Э. Г. Штернъ добавилъ, что районъ распространенія каменныхъ бабъ въ направленіи къ западу значительно расширяется и доходитъ до Бамберга.

Много рефератовъ было посвящено доисторическому прошлому славянъ. Укажемъ на рефераты: *проф. Антоновича*— „*Похоронный типъ въ землѣ Радимичей*“, гдѣ изложены результаты раскопокъ, произведенныхъ проф. Антоновичемъ лѣ-

томъ 1893 г. по берегу р. Сожи, возлѣ Гомеля и Чечерска, въ мѣстности, еще почти совсѣмъ не изслѣдованной, гдѣ, по указаніямъ лѣтописи, хотя довольно глухимъ, жили радимичи; *М. В. Фурсова*—*„Раскопки въ могилевской губерніи“*; раскопки происходили въ 5 уѣздахъ по берегамъ рѣкъ Днѣпра, Сожи, Друти, Прони, Остра и Бесѣды; *проф. Завитневича*—*„Формы погребальнаго обряда въ курганахъ мозырскаго, рѣчицкаго и бобруйскаго уѣздовъ минской губ.“*. Референтомъ было раскопано 627 кургановъ, принадлежавшихъ 70 болѣе или менѣе отдѣльнымъ могильникамъ; *Г. Х. Татура*—*„О курганахъ минской губерніи“*; *Л. К. Житинскаго*—*„Языческое кладбище въ селѣ Б. Рискань, дубенскаго уѣзда“*; покойники здѣсь были погребены въ неглубокихъ ямахъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ ямы обставлялись деревянными бревнами, въ каждой могилѣ найдено по одному костяку, костяки лежали головою на западъ; въ мужскихъ могилахъ ничего не найдено; въ женскихъ, найдены разнаго рода украшенія; найдены, между прочимъ, еще слѣдующіе предметы: кусокъ золотаго позумента, медальонъ съ изображеніемъ Божіей Матери и стекляный внутри пустой шарикъ; референтъ полагалъ, что это кладбище образовалось въ теченіе ряда столѣтій; *проф. Линниченко*—*„О городѣ Глинскѣ и его древностяхъ“*. Референтъ далъ характеристику кургановъ, расположенныхъ около Глинска; эти курганы по типу ближе всего подходятъ къ группѣ суджанскихъ кургановъ, раскопанныхъ проф. Самоквасовымъ; по предметамъ, найденнымъ при раскопкѣ, пр. Линниченко считаетъ возможнымъ сдѣлать предположеніе, что они принадлежатъ не славянамъ, а какому-то кочевому племени, быть можетъ, половцамъ. Возражая на такое заключеніе А. А. Спицынъ утверждалъ, что предметы, указанные докладчикомъ, какъ присущіе только курганамъ этой мѣстности, именно—мѣдныя спирали и головные обручи, встрѣчены какъ въ курганахъ несомнѣнно славянскихъ, такъ и въ кладахъ съ славянскими вещами. Обобщающій характеръ имѣлъ рефератъ *А. А. Спицына*—*„Общій обзоръ восточно-славянскихъ курганныхъ древностей“*, въ которомъ, на основаніи новыхъ данныхъ и матеріала, уже извѣстнаго въ литературѣ, референтъ сдѣ-

лалъ характеристику погребальнаго обряда и находимыхъ предметовъ въ каменныхъ могилахъ западнаго края и въ курганахъ древлянъ, дреговичей, кривичей, полочанъ, новгородскихъ славянъ, вятичей, радимичей и сѣверянъ.

По отдѣлу *древностей историко-географическихъ и этнографическихъ* были доложены рефераты. *проф. Павинскимъ*:— „*О подляшскомъ воеводствѣ въ XVI в. въ географическомъ и статическомъ отношеніяхъ*". Вначалѣ референтъ разъяснилъ значеніе географическаго элемента въ воспроизведеніи прошлаго и современное состояніе этого вопроса въ наукѣ, пробѣлы и недостатки географической программы. Далѣе, говоря о способахъ исчисленія площади геометрической фигуры территоріи по географической картѣ, референтъ подробно объяснилъ и демонстрировалъ употребленіе планиметра Амслера, которымъ онъ пользовался при своихъ работахъ. Для нанесенія политическихъ границъ Подляшскаго воеводства въ XVI стол. ему служили главнымъ источникомъ подымные списки. Въ заключеніе географической части реферата сообщены были главные выводы относительно территоріи Подляшскаго воеводства. Разъяснивъ значеніе статистическаго метода и оцѣнивъ труды другихъ ученыхъ, референтъ сообщилъ о народонаселеніи Подляшья и поземельной собственности въ этой землѣ, приведши числовыя данныя. Среднее число народонаселенія Подляшья въ XVI в. простиралось до 164,000 душъ. Въ заключеніе референтъ сдѣлалъ общій выводъ, что, примѣняя между прочимъ методъ географическій и статистическій, историческая наука съумѣетъ отстоять за собой значеніе науки точной. Рефератъ пр. Павинскаго вызвалъ оживленный обмѣнъ мнѣній о способахъ измѣренія площади. *Проф. Филевичъ* доложилъ рефератъ—‹*Угорская Русь и научные вопросы, съ нею связанные*›; рефератъ этотъ вызвалъ существенныя возраженія со стороны проф. Соболевскаго. *Проф. Соболевскій* сообщилъ замѣтку— „*О названіяхъ населенныхъ мѣстъ и ихъ значеніи для исторической этнографіи*". Главное положеніе референта заключается въ томъ, что наука, пользуясь названіями населенныхъ мѣстъ для выводовъ историко-этнографическихъ, не всегда обращаетъ

должное вниманіе на различіе названій по ихъ этимологическому строенію. Очень важны, конечно, названія поселеній, тожественныя съ названіями племенъ, въ родѣ: меря, поляки, нѣмцы; очень вѣроятно, что подъ такими названіями разумѣется населеніе, отличное отъ коренного русскаго. Важны въ томъ же смыслѣ названія съ окончаніями на *ское, ская*: чудское, мещерское и т. п. Но не имѣютъ значенія этнографическія названія на *ово, овка, ино*, напр. Мериново, Литвиново и проч Такія названія произошли просто отъ именъ владѣльцевъ того или другого поселка въ позднѣйшее время. Древней топографіи г. Вильны касались два реферата: *Ю. Ѳ. Крачковскаго*—„*Къ исторіи старой Вильны*" *и акад. Васильевскаго*—„*Гдѣ находился виленскій Кривой замокъ?*" Въ докладѣ *Е. Ф. Орловскаго*—„*О началѣ города Гродны*" референтъ дѣлаетъ слѣдующіе выводы извѣстія кіевской лѣтописи XII-го в. о Городнѣ относятся къ нынѣшнему губернскому городу этого имени, а не къ Гроднѣ, что теперь въ пинскомъ уѣздѣ минской губ. Основаніе Гродны на Нѣманѣ было вызвано стратегическими и религіозными соображеніями; основаніе ея должно быть отнесено или къ 983 г. во время похода св. Владиміра на ятвяговъ, или же къ 1038 г., къ походу на тѣхъ же ятвяговъ Ярослава. Старый вопросъ затронулъ *Г. А. Виссендорфъ* въ рефератѣ „*О мѣстоположеніи варяжской Руси*"; на основаніи извѣстій Адама Бременскаго, Дитмарта Мерзебургскаго и Анналовъ Кведлинбургскихъ, докладчикъ полагаетъ, что первоначальное мѣстожительство варяжской Руси было на берегахъ рѣки Руси, притокѣ Нѣмана. Возражая референту, проф. Успенскій замѣтилъ, что при рѣшеніи даннаго вопроса надо обращаться къ источникамъ болѣе древнимъ, а такими являются источники византійскіе. *Проф. Маркевичъ* въ докладѣ „*Къ вопросу о народахъ, жившихъ въ древнее время въ Черноморьи*", основываясь на изображеніяхъ людей, помѣщенныхъ на трехъ памятникахъ изъ восточнаго Черноморья, пытался путемъ различныхъ соображеній пріурочить эти изображенія племени, жившему въ Черноморьи въ эпоху подчиненія его римлянамъ; племя это, по мнѣнію референта,—Ѳракійское. Проф. Кочубинскій не

согласился съ этимъ мнѣніемъ и замѣтилъ, что національность ѳракійцевъ въ наукѣ точно не опредѣлена.

Что касается этнографіи, то на съѣздѣ она была представлена мало; изъ рефератовъ отмѣтимъ—„*Паденіе народной пѣсни*“ *П. И. Тиховскаго;* референтъ высказалъ мнѣніе, что пѣсня падаетъ качественно, но не умираетъ, причемъ здѣсь является разница въ зависимости отъ характера пѣсни, именно: пѣсня историческая падаетъ ничѣмъ не замѣняясь, такъ какъ народъ отсталъ отъ политической жизни; пѣсня бытовая стоитъ тверже, хотя вытѣсняется новыми—солдатскими, городскими, фабричными. Пѣсня этого рода падаетъ качественно, старая искажается, такъ какъ разрушается патріархальный бытъ деревни; лучше всего сохраняются пѣсни субъективно-лирическія. Помочь въ этомъ случаѣ могутъ школа и общество, напр. изданіемъ пѣсенниковъ, составленныхъ этнографами. Изъ возраженій укажемъ на замѣчаніе проф. Соболевскаго, полагающаго, что наоборотъ—народная пѣсня не падаетъ, основная старая пѣсня продолжаетъ жить, пошлыя же пѣсни представляютъ временное наслоеніе.

Х. Н. Ящуржинскій сдѣлалъ докладъ «*О превращеніяхъ въ бѣлорусскихъ сказкахъ*». Докладчикъ поставилъ два тезиса: 1) что къ превращеніямъ способны миѳическія существа и 2) что этой же силой обладаютъ существа, имѣющія съ ними сношенія, какъ-то: колдуны и вѣдьмы. Въ подтвержденіе своихъ тезисовъ докладчикъ изложилъ нѣсколько бѣлорусскихъ сказокъи обратилъ вниманіе на ихъ близость къ природѣ и на свѣжесть чувства въ нихъ.

По отдѣлу—*Памятники искусствъ и художествъ, проф. Петровъ* доложилъ съѣзду «*О монетахъ великаго кіевскаго князя Изяслава Ярославича*». Монеты эти долго приписывались Ярославу I. Это мнѣніе поддержалъ графъ И. И. Толстой въ своей книгѣ «Древнѣйшія русскія монеты великаго княжества Кіевскаго», Спб., 1882 г. Графъ Толстой читалъ надписи на этихъ монетахъ въ смыслѣ имени Георгія, а Георгіемъ назывался въ крещеніи Ярославъ I; Н. П. Черневъ въ 1888 году на одной изъ этихъ монетъ прочелъ имя не Георгій, а Петръ. Референтъ въ 1890 году на той же монетѣ и на нѣсколькихъ другихъ 1-го и 2-го типа прочелъ имя Димитрій, вырѣзанное на штемпелѣ

неумѣло, отчего надпись вышла наоборотъ. Но графъ Толстой въ брошюрѣ, вышедшей въ настоящемъ году, настаиваетъ на своемъ чтеніи, приписывая ихъ по прежнему Ярославу I, такъ какъ другихъ-де именъ въ русской исторіи этого времени, кромѣ имени Георгія, или Юрія—Ярослава, нельзя и пріурочить къ разсматриваемымъ монетамъ. Отвѣчая графу Толстому, референтъ указывалъ на ближайшаго преемника Ярослава I великаго князя Кіевскаго Изяслава Ярославича, въ крещеніи Димитрія, и на сына его Ярополка, въ крещеніи Петра, коимъ могутъ быть приписаны монеты съ именами Димитрія и Петра. *Н. П. Авенаріусъ* сообщилъ *«О дрогичинскихъ пломбахъ»*; изложивъ исторію ихъ открытія, референтъ не соглашается съ мнѣніями, высказанными по поводу этихъ загадочныхъ знаковъ, въ частности не соглашается съ мнѣніемъ проф. Лучицкаго, считающаго ихъ торговыми пломбами ганзейскаго союза; имѣя въ виду помѣщенныя на пломбахъ славянскія буквы, референтъ признаетъ за ними мѣстное происхожденіе и считаетъ ихъ вислыми печатями, подвѣшивавшимися къ документамъ коммерческаго характера.

По отдѣлу—*Бытъ домашній, общественный, юридическій и военный* большой заслуженный интересъ вызвалъ рефератъ *А. Я. Ефименко „О копныхъ судахъ“*, въ которомъ почтенная изслѣдовательница нашего обычнаго права возстанавливаетъ картину древняго судебнаго процесса юго-западной Руси и проводитъ новый взглядъ на отношеніе народнаго суда къ княжескому. Сущность реферата г-жи Ефименко заключается въ слѣдующемъ. Въ предисловіи къ 18-му тому Актовъ Виленской Археографической Коммиссіи разработанъ матеріалъ о копныхъ судахъ, заключающійся въ этомъ томѣ; но не обращено вниманія на судебный процессъ. А между тѣмъ матеріалъ о копныхъ судахъ даетъ возможность воспроизвесть архаическій судебный процессъ въ его характерныхъ особенностяхъ. Судебный процессъ по копному праву представляетъ собою три момента, которымъ соотвѣтствуютъ три особыхъ копы: предварительное дознаніе—копа горячая, судебное слѣдствіе—копа великая, вольная, судебное рѣшеніе съ приведеніемъ его во исполненіе—копа завитая. Самая любопытная особенность горячей копы—ея

обязанность „гнать слѣдъ". Если горячая копа ничего не достигала, то ея цѣль переносилась на великую копу, которая сама дѣлала необходимое дознаніе. На великой копѣ сосредоточивался центръ тяжести копнаго процесса, и она обставлялась особой торжественностью; только по отношенію къ этой копѣ существовало обязательство выхода на нее всѣхъ членовъ копнаго округа, мужей—копниковъ. Судебное слѣдствіе состояло изъ „вольнаго правнаго мовенья" (состязательства) сторонъ и представленія судебныхъ доказательствъ. Въ числѣ судебныхъ доказательствъ „лице" (поличное) не играетъ почти никакой роли въ соотвѣтствіи съ духомъ архаическаго суднаго процесса; большее относительно значеніе имѣютъ „свѣтки" (свидѣтели). Но съ совсѣмъ особымъ и самостоятельнымъ значеніемъ является присяга — обвинительная и очистительная въ связи съ такъ наз. соприсяжничествомъ: присяга здѣсь является несомнѣнно видоизмѣненіемъ Божьяго Суда. Отъ великой копы зависѣло дать тотъ или иной оборотъ дѣлу: взглянуть ли на правонарушеніе, какъ на шкоду, допускающую простое матеріальное ея возмѣщеніе, или какъ на злодѣйство, т. е. преступленіе въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Квалифицированіе шкоды въ злодѣйствѣ зависѣло, повидимому, главнымъ образомъ отъ личности преступника: былъ ли это добрый мужъ, ни въ чемъ не заподозрѣнный членъ копнаго округа, или человѣкъ подозрительный, пришелецъ изъ чужой стороны—„летный". Если правонарушеніе опредѣлялось какъ злодѣйство, дѣло переходило на завитую копу. Так. обр. завитая копа собиралась только для преступника, и дѣло почти всегда кончалось висѣлицей. Завитая копа представляетъ особый интересъ въ томъ отношеніи, что она объясняетъ намъ генезисъ преступленія въ его общественномъ значеніи. По особенностямъ архаическихъ воззрѣній, всякій правонарушитель находится въ частно-правовомъ отношеніи къ обиженному. Такое отношеніе сохраняется въ копномъ правѣ не только по отношенію къ шкоднику, но и къ злодію. Обиженный имѣетъ извѣстныя права на злодія; но навстрѣчу его притязаніямъ выростаютъ притязанія всѣхъ членовъ копнаго округа. Они всѣ имѣютъ право „пытать" преступника „о свои шкоды",

т. е., если они страдали отъ какого-нибудь правонарушенія и не нашли въ свое время виновника, то теперь имѣютъ право пытать преступника, добиваясь отъ него сознанія. Копные суды даютъ намъ совершенно исключительную по полнотѣ деталей картину архаическаго суднаго процесса. Правда, есть на архаическихъ чертахъ уже и новѣйшія наслоенія, но опытной рукой ученаго историка права не трудно реставрировать эту картину. Отмѣтивъ то обстоятельство, что исторія права не всегда предоставляетъ народному суду настоящее мѣсто, отодвигая его роль куда-то за предѣлы исторіи, г-жа Ефименко полагаетъ, что многія историческія свидѣтельства о великокняжескомъ судѣ могутъ быть толкуемы лишь въ смыслѣ взысканія въ пользу князя судебныхъ пошлинъ при допущеніи народнаго суда. Не отвергая впрочемъ велико-княжескаго суда, г-жа Ефименко полагаетъ, что онъ имѣлъ до извѣстной эпохи характеръ суда полюбовнаго, къ которому обращались по соглашенію, что видно еще и въ уставныхъ грамотахъ Литовской Руси, гдѣ постоянно говорится о „выдачѣ". Общій выводъ таковъ, что было два основныхъ типа суда (народный и полюбовный) въ связи съ двоякимъ, параллельно идущимъ, развитіемъ идеи о правѣ (правда внутри родовой группы и правда для между-групповыхъ отношеній).

Другой рефератъ *г-жи Ефименко*—„*Къ вопросу о феодализмѣ въ Западной Руси и Литвѣ*"; вотъ вкратцѣ содержаніе его. Въ основаніи того комплекса явленій, которыйноситъ названіе феодализма, лежитъ феодализація земельной собственности. Сущность этого процесса въ слѣдующемъ. Земледѣльческіе народы Европы, особенно германскіе и славянскіе, осѣли на свою территорію земледѣльческими клѣточками, извѣстными на средневѣковомъ латинскомъ языкѣ подъ именемъ mansus, германское названіе huoba, западно-славянское łan, восточнославянское село, деревня, дворище. Эта клѣточка заключала въ себѣ союзъ свободныхъ людей, связанныхъ родствомъ, и имѣла опредѣленный размѣръ воздѣланной земли съ неопредѣленнымъ, тянущимъ къ нему, количествомъ дикой земли, угодьевъ. Опредѣленность размѣра этой клѣточки констатируется точными

свидѣтельствами и находится въ зависимости отъ естественныхъ условій роста этой клѣточки, отъ неудобствъ и невыгодъ, заключающихся въ чрезмѣрномъ расширеніи ея периферіи. Союзы, обнимаемые этими клѣточками, и есть до относительно позднихъ историческихъ временъ единственные безусловные или аллодіальные земельные собственники. Всякая иная земельная собственность есть собственность условная, имѣющая источникъ въ jus publicum, а не въ jus privatum, состоящая въ правѣ пользованія продуктомъ труда этихъ аллодіальныхъ собственниковъ. Она вытекаетъ изъ потребностей складывающагося государства, которому необходимъ большой классъ лицъ, могущихъ служить органамъ государства, главн. обр. по отношенію къ организаціи военной защиты. Эта условная собственность постепенно всасываетъ въ себя всѣ атрибуты собственности безусловной и становится на ея мѣсто. Есть и другой путь образованія условной собственности—это передача первоначальными собственниками своей земли безземельнымъ. Весь этотъ процессъ феодализаціи земельной собственности можно наблюдать и въ Литовской Руси; процессъ шелъ вполнѣ самостоятельно. Но наряду съ нимъ можно замѣтить нѣкоторые слѣды прямого заимствованія изъ Европы формъ феодальнаго строя. Слѣды эти сильнѣе на территоріи русско-польскихъ областей и слабѣе на территоріи собственно Литовской Руси.

Проф. Линниченко сдѣлалъ сообщеніе: „*Общины на Валашскомъ правѣ въ Юго-Западной Руси*“. По актамъ, поселенія на валашскомъ правѣ возникаютъ въ Галицкой Руси въ XIV в., но можно съ большою вѣроятностью предполагать, что онѣ возникли еще въ XIII ст. Референтъ готовъ считать загадочныхъ Болоховскихъ князей за князей валашскихъ поселеній. Внутренній строй валашскихъ поселеній отличается общиннымъ характеромъ. Нѣсколько поселеній въ одной и той-же мѣстности составляли *крайну*, во главѣ крайны стоялъ *крайникъ*; всѣ села одной и той же крайны собирались два раза въ годъ на вѣче, гдѣ происходилъ судъ; община отвѣчаетъ круговой порукой за своихъ сочленовъ, имѣетъ общественныя земли, распоряжается ими, несетъ сообща повинности и отбываетъ извѣстныя работы.

Значеніе крайника мало выясняется актами; онъ присутствуетъ въ судѣ съ оффиціальными лицами, онъ присутствуетъ при исполненіи судебныхъ приговоровъ. Во главѣ каждаго села стоялъ князь (часто называемый *солтысъ*, такъ какъ роли ихъ почти одинаковы). Сначала князьями бывали и крестьяне, и священники, и шляхтичи; позднѣе княазства скупались большею частью дворянствомъ. Князь получалъ земельный надѣлъ, но самую существенную часть дотаціи князя составляли его доходы съ крестьянъ: ему шла третья часть крестьянскихъ чиншевъ, третья часть судебныхъ пошлинъ и т. д. Повинности князя состояли прежде всего въ военной службѣ, затѣмъ въ платежахъ въ пользу владѣльца. Княазства обыкновенно уступались владѣльцами за услуги или продавались въ наслѣдственную собственность; князь въ княазствѣ являлся только какъ usufructor, но сами князья смотрѣли на себя какъ на собственниковъ. Крестьяне въ валашскихъ общинахъ сидѣли на отмѣренныхъ земельныхъ участкахъ—дворищахъ; форма владѣнія дворищами—семейно-общинная, которая въ XVI вѣкѣ начинаетъ уже разлагаться; характерною особенностью валашскихъ поселеній слѣдуетъ считать уплату повинностей скотомъ, его продуктами и дичью. Особенность эта вытекала изъ спеціальнаго занятія Валаховъ скотоводовъ. Первыя поселенія на валашскомъ правѣ состояли изъ переселенцевъ—Валаховъ, но съ теченіемъ времени и многія русскія селенія переходили на это право, болѣе выгодное для населенія, чѣмъ право нѣмецкое, столь распространенное въ Западной Руси послѣ подчиненія ея литовско-польскому государству.

Проф. Платоновъ, въ рефератѣ *„объ огнищанахъ“*, сообщивъ всѣ лѣтописныя извѣстія, касающіяся даннаго вопроса, и различныя толкованія слова огнищанинъ,—какъ домовладыка, землевладѣлецъ, рабовладѣлецъ,—съ своей стороны высказываетъ мнѣніе, что подъ „тіуномъ огнищнымъ“ и „огнищаниномъ“ Русской Правды всего основательнѣе разумѣть то лицо княжеской администраціи, которое вѣдало княжескій дворъ и дворню, челядь, и которое позднѣе получило названіе дворскаго, дворецкаго. Новгородское употребленіе слова „огнищане“ охватывало этимъ словомъ

большій кругъ лицъ, именно—всѣхъ людей, принадлежавшихъ ко княжескому двору, и, такимъ образомъ, отождествляло это слово со словомъ дворяне.

По отдѣлу *церковныхъ древностей проф. Петровъ* сообщилъ „*О Купятицкой иконѣ Богородицы въ связи съ древними энколпіонами*; референтъ сначала изложилъ сказаніе о явленіи иконы въ с. Купятичахъ, минской губ., затѣмъ перешелъ ко разсмотрѣнію ея съ точки церковно-археологической; икона эта, находящаяся теперь въ Кіево-Софійскомъ соборѣ, представляетъ не что иное, какъ часть древняго креста-складня (энколпіона); такого рода кресты, относящіеся по большей части къ эпохѣ до-татарской встрѣчаются въ большомъ числѣ въ предѣлахъ Кіевской земли.

Фрески кіевскихъ церквей также были предметомъ докладовъ на съѣздѣ. *Пр. Н. И. Петровъ* въ рефератѣ „*О новыхъ археологическихъ открытіяхъ въ Кіевѣ и особенно о новооткрытыхъ фрескахъ Кіево-Софійскаго собора*" представилъ описаніе фресокъ, обнаруженныхъ въ этомъ году на арочныхъ столбахъ алтаря; фрески эти древнія, мѣсто ихъ указываетъ на то, что въ древности иконостасъ былъ гораздо ниже теперешняго; другія фрески, сравнительно болѣе позднія, открыты въ аркахъ притвора, облекавшаго соборъ съ трехъ сторонъ, и въ т. н. крещальнѣ, находящейся направо отъ главнаго западнаго входа въ соборъ.

Въ этомъ же рефератѣ пр. Петровъ коснулся остатковъ древней кладки изъ квадратныхъ тонкихъ кирпичей, случайно открытой на Большой Владимірской улицѣ при выемкѣ земли для канализаціи. Со поставляя мѣсто находки съ планомъ Кіева XVII вѣка, на которомъ здѣсь обозначены ворота крѣпостнаго вала, пр. Петровъ высказалъ предположеніе, что эти остатки кирпичной кладки принадлежатъ древнему городу св. Владиміра.

Докладъ *М. П. Истомина*—„*Къ исторіи живописи въ Кіево-Печерской лаврѣ въ прошломъ столѣтіи*" касается росписанія великой лаврской церкви въ 1772—76 г.г. Основываясь на документахъ, хранящихся въ Кіевскомъ центральномъ архивѣ и въ архивѣ Кіево-печерской лавры, г. Истоминъ полагаетъ, что росписаніемъ

церкви завѣдывалъ итальянскій художникъ Веніаминъ Фридеричe. Опредѣляя затѣмъ значеніе Кіево-печерской лавры, какъ разсадника на всю западную Россію иконописнаго искусства, референтъ замѣчаетъ, что не всегда искусство это въ лаврѣ стояло на должной высотѣ, и такъ какъ потребность въ немъ сказывалась довольно сильно, то необходимо было устроить школу церковной живописи; такая школа и была открыта при лаврѣ въ 1763 г., до того же времени обученіе происходило приватно, по келіямъ монаховъ-иконописцевъ. Результаты устройства школы обнаружились скоро—въ работахъ по росписке церкви въ 1772—76 г.г. принимали участіе исключительно ученики недавно открытой школы. Въ заключеніе референтъ выразилъ пожеланіе параллельнаго изученія живописи въ православныхъ церквахъ Западной Руси и костелахъ для уясненія вопроса о заимствованіяхъ.

По отдѣлу—*Памятники языка и письма* отмѣтимъ рефератъ *проф. Богородицкаго*—„*Къ вопросу о смѣшанныхъ языкахъ*", рефератъ, открывающій новые пути для лингвистическихъ изслѣдованій. Въ виду этнографическаго разнообразія состава населенія Россіи, являются самыя благопріятныя условія для изученія смѣшанныхъ нарѣчій. Основныя положенія референта слѣдующія. При соприкосновеніи языковъ получаются два явленія: заимствованныя слова и смѣшанныя нарѣчія; послѣднія подраздѣляются на три класса: 1) смѣшанныя нарѣчія, возникающія при соприкосновеніи двухъ разныхъ языковъ, родственныхъ между собою (русскій и нѣмецкій), или же не родственныхъ (русскій и чувашскій), 2) смѣшанныя нарѣчія изъ соприкосновенія двухъ близко родственныхъ языковъ (русскій и польскій), и 3) смѣшанныя нарѣчія, возникающія въ томъ случаѣ, когда соприкасаются нарѣчія одного и того же языка (таковы переходы напр. отъ малорусскаго къ бѣлорусскому или къ великорусскому). Что касается характера смѣшанности, то нужно различать два главныхъ случая: 1) одно соприкасающееся нарѣчіе имѣетъ тенденцію ассимилироваться съ другимъ, уступать мѣсто другому; 2) ни одно изъ нарѣчій не проявляетъ особенной наклонности къ ассимиляціи. Процессъ образованія смѣшанныхъ нарѣчій наблюдается въ случаяхъ изученія чужого языка, при

этомъ представляется два наиболѣе характерные типа ошибочныхъ выраженій: 1) ошибочныя образованія по аналогіи съ тѣмъ, что имѣется въ языкѣ своемъ, природномъ, и 2) ошибочныя образованія по аналогіи съ тѣмъ, что имѣется въ языкѣ изучаемомъ. Смѣшанныя нарѣчія требуютъ всесторонняго изученія, т. е. въ отношеніяхъ фонетическомъ, морфологическомъ и синтаксическомъ. Матеріалъ для изученія долженъ почерпаться изъ непосредственныхъ наблюденій.

Е. Ѳ. Карскій прочелъ рефератъ—„*Что такое древнее западнорусское нарѣчіе?*" Сущность реферата заключается въ слѣдующемъ. Старое западно-русское нарѣчіе имѣетъ особыя, характерныя черты, выдѣляющія его, какъ самостоятельный органъ; черты эти не случайны, а совпадаютъ съ особенностями бѣлорусскаго нарѣчія, легшаго въ основу западнорусскаго языка; особенности бѣлорусскаго нарѣчія по своей древности почти не уступаютъ другимъ нарѣчіямъ; въ общемъ же онѣ не моложе XV в.; вслѣдствіе указанныхъ обстоятельствъ, изученіе стараго западнорусскаго нарѣчія такъ-же интересно для исторіи русскаго языка, какъ и восточно-русскаго литературнаго языка того времени.

Проф. Созоновичъ въ докладѣ—„*Къ вопросу о происхожденіи великорусскихъ былинъ*" является противникомъ получившей въ послѣднее время оживленіе теоріи восточнаго происхожденія русскихъ былинъ. Для примѣра референтомъ былъ разобранъ эпизодъ изъ былины про Добрыню Никитича, о томъ, какъ другъ Добрыни Алеша Поповичъ въ отсутствіе Добрыни принуждалъ жену его Настасью Микуличну выйти за него замужъ; основу этого сюжета референтъ находитъ не на востокѣ, но въ классическомъ разсказѣ, прошедшемъ чрезъ западно-европейскую средне-вѣковую литературу.

Проф. Соболевскій въ рефератѣ—„*Особенности русскихъ переводовъ до-монгольскаго періода*" указалъ на извѣстіе лѣтописи, что Ярославъ собралъ переводчиковъ, дающее возможность предполагать, что нѣкоторыя сочиненія были переведены на церковно-славянскій языкъ въ Россіи до-монгольскаго періода, устанавливаетъ нѣкоторыя лексическія особенности, по которымъ можно отличить переводы, сдѣланные на Руси отъ сдѣланныхъ

на славянскомъ югѣ. Наиболѣе важны три группы словъ, не встрѣчающихся въ церковно-славянскихъ текстахъ южно-славянскаго происхожденія, это—1) слова славянскія по происхожденію со спеціальными значеніями—названія должностныхъ лицъ, монетъ, мѣръ вѣса, одеждъ и т. п. (посадникъ, гривна, кожухъ), 2) слова, заимствованныя русскимъ языкомъ изъ другихъ языковъ (тіунъ, шелкъ, обезьяна); 3) названія городовъ и народовъ, хорошо извѣстныхъ древней Руси, но неизвѣстныхъ или малоизвѣстныхъ южнымъ славянамъ, отличныя отъ названій греческихъ (Сурожъ, Мурманинъ). На основаніи лексическихъ данныхъ, можно считать переведенными въ древней Руси житія свв. Андрея Юродиваго, Θеодора Студита, Стефана Сурожскаго, Сказаніе о перенесеніи мощей св. Николая Чудотворца въ Баръ, Монастырскій Студійскій уставъ, Пандекты Никона Черногорца, Исторію іудейской войны Флавія, Александрію, Топографію Козмы Индикоплона, нѣсколько апокрифовъ и др. Сверхъ того, рядъ сочиненій, переведенныхъ на славянскомъ югѣ, былъ исправленъ въ древней Руси по греческимъ оригиналамъ, между прочимъ: Чудеса св. Николая чудотворца, Пчела, Хронографъ Георгія Амартола.

Проф. Владиміровъ въ рефератѣ *„Новыя данныя къ изученію литературной дѣятельности кн. Курбскаго“* указалъ на неизвѣстные доселѣ переводы кн. Курбскаго, заключающіеся въ одномъ изъ сборниковъ XVI в. Моск. Синод. библ. По поводу этого реферата проф. Соболевскій замѣтилъ, что въ южной Руси существовала цѣлая группа великороссіянъ, занимавшихся переводами, и что переводы, приписываемые Курбскому, могли быть сдѣланы не имъ, а другими лицами, и лишь редакція могла принадлежать Курбскому.

По отдѣлу *древностей литовскихъ, славянскихъ и восточныхъ* (предсѣдатель проф. Флоринскій) большими научными достоинствами отличался рефератъ *проф. Мѣржинскаго*—*„О Криве“*. Путемъ строгой критики источниковъ референтъ пришелъ къ выводамъ, идущимъ въ разрѣзъ съ доселѣ принятыми: проф. Мѣржинскій отрицаетъ обширное распространеніе власти Криве, затѣмъ названіе „Криве“ признаетъ собственнымъ именемъ по-

слѣдняго жреца огня въ надровскомъ Ромове, а не названіемъ должности. *Проф. Кочубинскій* въ рефератѣ—„*Литовскій языкъ и наша старина*“ указалъ на важность изученія этого языка, остановился главнымъ обр. на выясненіи происхожденія слова „druska“—соль по литовски; референтъ склоняется къ производству его отъ города Truso (вблизи нынѣшняго Эльбинга).

По отдѣлу *археологическому Д. Я. Самоквасовъ* въ докладѣ—„*Объ организаціи и дѣятельности центральныхъ архивовъ древнихъ актовъ въ западныхъ губерніяхъ*“ изложилъ тѣ заключенія, къ которымъ пришла Высочайше утвержденная при министерствѣ народнаго просвѣщенія коммиссія 1892 г. по преобразованію центральныхъ архивовъ въ западныхъ губерніяхъ. Не смотря на то, что означенные архивы, заключая въ себѣ огромное количество историко-юридическихъ документовъ, имѣютъ важное и научное, и практическое значеніе, содержаніе архивовъ до сихъ поръ не приведено въ должный порядокъ; для улучшенія архивнаго дѣла и предложенъ рядъ мѣръ; именно,—увеличеніе числа служащихъ, привлеченіе, на службу лицъ съ высшимъ образованіемъ, увеличеніе окладовъ получаемаго жалованья, предоставленіе нѣкоторыхъ льготъ по службѣ, а для охраны и удобства пользованія документами—составленіе инвентарныхъ описей. Въ возникшихъ по поводу доклада Д. Н. Самоквасова дебатахъ, между прочимъ, г. Истоминъ высказался противъ составленія инвентарныхъ описаній, такъ какъ онѣ мало пригодны для научныхъ цѣлей и требуютъ для составленія такъ-же много времени, какъ и подробные систематическіе указатели; въ частности, для архивовъ Кіевскаго и Виленскаго, какъ имѣющихъ мѣстное значеніе, г. Истоминъ предложилъ составленіе фактическихъ указателей актамъ, въ которыхъ извѣстные факты распредѣлялись бы по группамъ. *А. Н. Львовъ* въ рефератѣ—„*Архивъ греко-уніатскихъ митрополитовъ*“ далъ общую характеристику содержанія этого архива, уже приведеннаго въ порядокъ и заключающаго въ себѣ интересные документы, восходящіе къ XV в. *В. М. Площанскій* сдѣлалъ докладъ о древнѣйшихъ актовыхъ книгахъ Виленскаго Центральнаго архива, именно—о градскихъ книгахъ города Холма, съ XV до половины XVII в.

В. Н. Сторожевъ, на основаніи архивнаго матеріала, въ рефератѣ—„*Московское управленіе въ Вильнѣ XVII вѣка*“ съ разныхъ сторонъ очертилъ дѣятельность кн. Шаховскаго, бывшаго воеводой въ Вильнѣ во время непродолжительнаго пребыванія ея въ рукахъ Московскаго государства.

По отдѣлу *древностей классическихъ и византійскихъ* проф. *Успенскій* сдѣлалъ сообщеніе—„*Вопросъ о Готахъ*“, въ которомъ отмѣтилъ, прежде всего, замѣчающійся въ послѣднее время интересъ къ этому важному для прошлаго южной Руси вопросу; указавъ затѣмъ въ краткихъ чертахъ на историческое значеніе Готовъ, референтъ остановился на роли Готовъ въ учрежденіяхъ Византійской имперіи, особенно въ военномъ дѣлѣ, и далъ характеристику готской дружины; въ заключеніе референтъ привелъ рядъ пунктовъ, которые показываютъ, что разработка готскаго вопроса можетъ оказать вліяніе и на русскую исторію. *Проф. Штернъ* прочелъ докладъ „*Замѣтки по исторіи Ольвіи*“; указавъ на печальное положеніе, въ которомъ находится древнее ольвійское городище, и на эксплоатацію темными промышленниками древностей, референтъ сообщилъ о трехъ вновь найденныхъ надписяхъ, относящихся къ разнымъ періодамъ исторіи города и дающихъ возможность возстановить нѣкоторые интересные факты изъ жизни ольвіополитовъ. *Проф. Кулаковскій* въ сообщеніи—„*О керченскихъ катакомбахъ съ фресками*“, далъ опредѣленіе того типа погребальныхъ сооруженій, который извѣстенъ подъ именемъ „катакомбъ“; упомянувъ о катакомбахъ съ фресками, найденныхъ въ прежнее время, референтъ остановился на двухъ сооруженіяхъ такого рода, открытыхъ въ 1890 и 1891 гг. сопровождая свой докладъ демонстраціей рисунковъ.

При съѣздѣ была устроена *археологическая выставка*; вслѣдствіе того, что многіе изъ мѣстныхъ собирателей старины не выставили своихъ коллекцій, выставка не давала полнаго представленія о мѣстныхъ древностяхъ, которыми такъ богатъ этотъ край, хотя все-таки количество выставленныхъ отдѣльныхъ собраній (23) и заключающихся въ нихъ предметовъ было довольно значительно.

Какъ на одно изъ важныхъ послѣдствій съѣзда, укажемъ на предполагающееся изданіе подробныхъ описаній мѣстныхъ древностей, причемъ будутъ изданы и рисунки послѣднихъ.

Изъ изданій, вызванныхъ съѣздомъ, большой томъ составляютъ „*Труды Виленскаго отдѣленія Московскаго предварительнаго комитета по устройству въ Вильнѣ IX археологическаго съѣзда*". „Труды" распадаются на три отдѣла; въ первомъ помѣщены протоколы виленскаго отдѣленія предварительнаго комитета; изъ нихъ мы узнаемъ, какую массу подготовительной работы потребовалъ съѣздъ отъ комитета, бывшаго сначала подъ предсѣдательствомъ генер.-лейтен. А. П. Тыртова, а послѣ его смерти—подъ предсѣдательствомъ Ю. Ѳ. Крачковскаго; во второмъ отдѣлѣ помѣщены изслѣдованія, между которыми цѣнный трудъ составляетъ археологическая карта виленской губерніи Ѳ. В. Покровскаго; третій отдѣлъ занятъ матеріалами для библіографическаго указателя сочиненій, относящихся къ западной Россіи.

Съѣзду посвященъ также прекрасно изданный *каталогъ коллегіи Поля*, находящейся въ Екатеринославѣ, составленный Е. Н. Мельникъ.

Слѣдующій ареологическій съѣздъ соберется въ Ригѣ, въ 1896 году.

Н. Б.

Памяти И. И. Манжуры.

Въ маѣ текущаго (1893) года въ екатеринославской земской больницѣ скончался извѣстный этнографъ и поэтъ И. И. Манжура. Въ статьѣ о современной малор. этнографіи (гл. 3) я сообщилъ краткія о немъ біографическія свѣдѣнія и сдѣлалъ общую оцѣнку его этнографическихъ сборниковъ. Теперь добавимъ лишь нѣсколько не лишенныхъ интереса свѣдѣній объ этомъ весьма даровитомъ, но глубоко несчастномъ человѣкѣ. И. И. Манжура страдалъ наслѣдственнымъ алкоголизмомъ, и въ тотъ единственный разъ, когда я его видѣлъ—во время его пріѣзда въ Харьковъ въ 1885 г., когда онъ заходилъ къ А. А. Потебнѣ и ко мнѣ—это былъ уже совершенно больной и потерянный человѣкъ; при всемъ томъ онъ до конца жизни сохранилъ чуткое сердце, ясный умъ и крупное поэтичное дарованіе.

Жизнь Манжуры съ малыхъ лѣтъ исполнена была различными превратностями. Какую печальную школу прошелъ онъ въ дѣтствѣ, можно видѣть изъ слѣдующаго письма его ко мнѣ отъ 6 іюля 1892 года. Узнавъ, что я лѣто провожу въ своемъ хуторѣ, Иванъ Ивановичъ писалъ мнѣ между прочимъ: „Ваша Боромля мнѣ довольно памятна; разскажу какъ и почему; это будетъ нѣчто въ родѣ отрывка изъ моей автобіографіи. Можетъ быть вы слыхали, отецъ мой подверженъ былъ запою, вслѣдствіе чего и не давалъ мнѣ въ дѣтствѣ нигдѣ пустить корни. У бабушки-москвички онъ меня пятилѣтнимъ выкралъ и привелъ (пѣшкомъ!) въ Харьковъ, гдѣ я, благодаря невниманію ко мнѣ моей крестной матери Деревицкой, скоро попалъ въ часть,

въ тогдашнюю яму въ общество всякого отребья. Былъ я въ это время и не помнящимъ родства, ѣлъ изъ арестантскаго котла, былъ и пріемнымъ сыномъ у какого-то пожарнаго или сторожа, пока не заболѣлъ и не попалъ на Сабурову дачу, гдѣ и встрѣтился съ отцемъ. Отъ этой поры я до 9 лѣтъ прошелъ съ отцемъ 12 однихъ губернскихъ городовъ и сдѣлалъ (помню, какъ этимъ выхвалялся отецъ) 6000 верстъ. Наконецъ, я попалъ въ Бѣлгородъ къ княгинѣ Волконской, гдѣ меня одѣли сперва, какъ пажа, въ шелкъ и башмачки, а затѣмъ отдали бѣлгородскому попу въ науку. Это были первые мои шаги по систематическому образованію. Отсюда-то пьяный патеръ мой извлекъ меня и повелъ черезъ Харьковъ на Боромлю, вблизи которой хотѣлъ отдать на воспитаніе какому-то богачу Алферову. Какъ я ни плакалъ, какъ ни просился отпустить обратно—отецъ велъ меня дальше. Въ Боромлѣ я задумалъ отъ него бѣжать обратно въ Бѣлгородъ. Хотя оттуда въ Бѣлгородъ можно пробраться и ближе, но мой маршрутъ лежалъ черезъ Харьковъ, другого я не зналъ. Буду разсказывать по порядку. Въ Боромлѣ отецъ запилъ; обыкновенно онъ напивался, ложился на лавкѣ и постоянно, боясь, чтобъ я не ушелъ, держалъ меня при себѣ и никуда не отпускалъ. Такъ въ шинкѣ мы прожили дня два или три. Въ одну изъ счастливыхъ минутъ я выпросилъ у отца денегъ на «гостинцы». Онъ далъ мнѣ рубль, но не отпустилъ на базаръ одного, а въ сопровожденіи какой то боромленки. Отправляясь въ лавку—я сталъ у проводницы проситься отпустить меня и разсказалъ всѣ свои злоключенія. Послѣ долгихъ упрашиваній—она согласилась, даже показала и разсказала какъ пройти глухими улицами. За это разрѣшеніе я ей отдалъ всѣ деньги; впрочемъ, она мнѣ оставила 15 или 20 коп. и конфекты. Вырвавшись на волю, я въ буквальномъ смыслѣ побѣжалъ; бѣжалъ я долго, вплоть до вечера, ничего не ѣвши, хотя бросилъ Боромлю, помню, часовъ въ 10 утра. Направился я по ахтырской дорогѣ, а на ней гдѣ то подходитъ какъ разъ къ дорогѣ какая то рѣка [1]). Я нагналъ остановившуюся на ночлегъ чумацкую валку. Чу-

[1]) Ворскла, верстахъ въ 30 отъ Боромли, протекаетъ въ бору.

маки меня приняли, и благодаря моей бойкости, даже поручили мнѣ точить изъ бочекъ водку (они везли водку). Дѣлалось это такъ: легонько сбивался обручъ на сторону, подъ нимъ прокалывалась шиломъ дыра, изъ которой и шла тонкой струей водка въ цебро. Затѣмъ дыра замазывалась хлѣбомъ, обручъ снова набивался и все было шито и крыто. Чумаки накормили меня и, распросивъ, обѣщали доставить въ Харьковъ, куда сами ѣхали. Но на утро видно раздумали и указали мнѣ путь черезъ какой то боръ. За этимъ боромъ, будто бы, была прямая дорога на Бѣлгородъ короче. Отправился я черезъ этотъ боръ, перешелъ его, (нужно сказать, почему то я былъ босой: для легкости бѣга, должно полагать, сбросилъ дорогой обувь), вышелъ на какіе-то уже выколосившіеся хлѣба и догналъ, или онъ меня, мужика, который меня и подвезъ. На повозкѣ, распросивъ меня, что я за птица (не помню, что я ему плелъ), онъ принялъ меня за бѣжавшаго отъ мастера ученика и погрозилъ отправить въ волость, но я отъ этого откупился послѣднимъ двугривеннымъ и былъ имъ вывезенъ на столбовую дорогу, по которой и направился къ Бѣлгороду. Дорогой я сошелся съ партіей какихъ-то, очевидно профессіональныхъ, богомолокъ, которыя велѣли мнѣ называться сыномъ одной изъ нихъ и обѣщали, поводивъ по святынямъ, доставить въ Бѣлгородъ. И такъ я пошелъ съ ними, не знаю за чьего то сына; богомолки меня кормили, утѣшали, вообще относились очень и очень симпатично. Но мнѣ съ ними, скоро пришлось разстаться и, вы не повѣрите, по какому счастливому случаю. Идемъ мы, на встрѣчу намъ ѣдетъ кибитка, вдругъ я слышу оттуда голосъ: „Ваня, Ваня", или что-то въ родѣ этого. Оказалось—что это ѣхалъ на богомолье мой Бѣлгородскій учитель, священникъ о. Григорій Курдюмовъ (хорошо помню). Разспросившись—что и какъ, онъ далъ мнѣ и богомолкамъ денегъ и велѣлъ имъ доставить меня въ заштатный городъ Хотмыжскъ, гдѣ жила его мать вдова. Тамъ я долженъ былъ подождать его и возвратиться съ нимъ въ Бѣлгородъ. Все было сдѣлано, какъ сказано, и я снова попалъ на старое мѣсто, но не въ тѣ уже условія.

Не правда ли,—что просто диккенсовскія приключенія? Кто меня и моего patera не знаетъ въ дѣтствѣ—не повѣритъ.

Въ 1889 г. вышли въ свѣтъ оригинальныя стихотворенія Манжуры, „Степовы спивы та думы". Въ Кіевской Старинѣ и въ Зорѣ были неблагосклонные отзывы, съ которыми я не могу согласиться. Въ настоящее время малорусской литературы почти не существуетъ и потому неудивительно, что совсѣмъ нѣтъ и литературной критики. Манжурѣ ставили въ укоръ, особенно въ „Зорѣ", незнаніе малорусскаго языка, человѣку, прожившему весь свой вѣкъ среди народа, въ живомъ общеніи съ нимъ, исходившему пѣшкомъ Харьковскую и Екатеринославскую губерніи, записавшему изъ народныхъ устъ тысячи пѣсенъ и сотни сказокъ и пословицъ. Кому же послѣ этого и знать малорусскій языкъ, если Манжура не зналъ его? Любопытно, что въ то время, какъ въ „Зорѣ" упрекали Манжуру въ незнаніи малорусскаго языка, глубокій лингвистъ и общепризнанный знатокъ малорусскаго языка А. А. Потебня высоко цѣнилъ этнографическія записи Манжуры именно за ихъ точность и доброкачественность, и настолько высоко цѣнилъ его оригинальныя стихотворенія, что издалъ ихъ на свой счетъ. Кромѣ чистоты языка, въ стихотвореніяхъ Манжуры Потебню привлекала ихъ оригинальность, отсутствіе подражательности, искренность одушевленія, разнообразіе образовъ и, главное, ихъ мужественный стиль, столь рѣдкій и исключительный въ мягкой, женственно-сентиментальной малорусской литературѣ.

Сборникъ стихотвореній Манжуры заключаетъ въ себѣ 35 стихотвореній лирическихъ и 7 басенъ и анекдотовъ. Лирическія стихотворенія можно распредѣлить по тремъ разрядамъ: 1) автобіографическія (16 №№), 2) крестьянски—бытовыя или соціально-экономическія (12 №№) и 3) разнороднаго содержанія, неподходящія подъ первыя двѣ рубрики (8 №№).

Автобіографическими стихотвореніями я считаю „Маты", въ которомъ мѣтко очерчено важное значеніе материнской ласки для дѣтей, „Весна", „Споминъ", „По весни", NN (Самъ не знаю), „Мынуле", „Переспивъ" (Мени цвила...), въ которыхъ выразились воспоминанія автора о счастливыхъ дняхъ молодости,

первое вступительное стихотвореніе „Не треба мини", въ которомъ авторъ объясняетъ происхожденіе своихъ стиховъ и опредѣляетъ общій характеръ своей поэзіи („любовь къ людыни"), и въ особенности „До товарыща", „Писня" (въ лычкахъ вьязовыхъ), „Босяцька писня", „Старый музыка", „Бурлака", „Бурлакова могыла" и „Незвычайный". Съ наибольшей яркостью горемычная доля И. И. Манжуры выразилась въ стихотвореніяхъ „Незвычайный" и „До товарыща".

Нема сылы, нема воли,
Нема и небуде,
Бо ще змалку повпилы
Все чужіи люде.
Не такъ люде въ чужихъ хатахъ,
Якъ ридный той батько;
Нехай ему Богъ прощае,
Мени жъ—а ни гадки.
Тилько николы въ куточку
Пожурытьcя стыха,
Та гирькою (не слёзою...)
Зальешъ свое лыхо.
Якъ зальешъ—мовъ позабудешъ,
Пишовъ шкандыбати;
Заразъ люде и пидзорять
Та й ну дорикаты.
„Хвылозопію" пидпустять,
„Нравственность" якусь то...
А бодай имъ божевильнымъ
Симъ разъ на день пусто!
Воны певно, бачъ, обашни!
Имъ про те байдуже,
Що тутъ серце въ грудяхъ плаче
Знивечене дуже.

Манжура въ концѣ жизни сломилъ ногу и дѣйствительно „шкандыбалъ".

Не хрещатымъ барвиночкомъ,
Не запашнымъ василечкомъ
Життя наше процвило;
Лыхе горе та бидонька
Мовъ гирька та лобидонька
Его змалку проросло.
. . . .
. . . .
И теперь ось даремнее
Життя наше никчемнее
Соби марно доеклива—
Мовъ огоныкъ въ дороженьци
На попасномъ обложенци
Де забутый дотлива.

Все это глубоко искреннее и правдивое стихотвореніе проткано поэтическими узорами, частью вполнѣ народными, частью лично-субъективными, вполнѣ оригинальными. Что можетъ быть, напр., лучше и проще заключительнаго сравненія жизни горемыки съ угасающимъ брошеннымъ на дорогѣ огнемъ. Чтобы понять всю трогательную прелесть этого образа, нужно представить себѣ въ воображеніи „попасный облогъ", т. е. поросшія спорынемъ обочины широкихъ дорогъ въ новороссійскихъ степяхъ, и на этомъ просторѣ степей „забутый огоныкъ". Такія сравненія вынашиваются долгимъ процессомъ художественнаго созерцанія природы.

Соціально-экономическія стихотворенія посвящены тому, что составляетъ въ Малороссіи „власть земли"—земледѣлію и отчасти пчеловодству. Въ „хлиборобскихъ" стихотвореніяхъ на первый планъ выступаютъ заботы объ урожаѣ, картины засухи, опасеній, недостачъ, вызванныхъ недородомъ хлѣба, картинами живительнаго лѣтняго дождя и губительнаго града. Таковы: „Дума", „На степу и у хати", „Зъ заробитковъ", На добрій ныви", „Грядъ". „Сонъ", „Роскишъ-доля". Здѣсь выступаютъ все „темни сиріи люде", для которыхъ хлѣбъ—„святый", которые при хорошемъ урожаѣ говорятъ „гарнее житце, помножъ его Боже". Авторъ глубоко сочувствуетъ трудящемуся сельскому люду, съ нимъ онъ „радіе", когда дождь оросить истомленную засухой ниву; съ нимъ „турбуется", когда нива лежитъ „стомлена, спечена, пыломъ прибыта; этимъ доброжелательствомъ внушены два молитвенныхъ стихотворенія „Зъ охрестамы" и „Страсты". Пчеловодству посвящены два прекрасныхъ стихотворенія На пасици" и „Бжолы". Авторъ говоритъ о пасѣкѣ, пасѣчникѣ и пчелахъ по основательному личному знакомству со всей обстановкой малороссійскаго пчеловодства.

Къ третьему разряду стихотвореній разнороднаго характера относится единственно большое и неудачное стихотвореніе баллада „Ренегатъ", затѣмъ „Нечесна", „Веснянка", „Нехай", „Переспивъ", (Зиронька ясна), „Въ раньци"—прекрасная картина лѣтняго утра (такое изящное описаніе тумана я нахожу только въ одномъ стихотвореніи г. Сафонова въ Рус. Вѣстникѣ 1893 г.) и „Лыліи". А. А. Потебня очень высоко цѣнилъ послѣднее стихотвореніе, и мы приведемъ здѣсь его цѣликомъ для общей характеристики малоизвѣстной поэзіи И. И. Манжуры:

У пышныхъ палатахъ якогось магната
Роскошны лыліи цвилы;
Ихъ люде здалека, дѐ выхоръ та спека,
На втыху соби завезлы.
Любують ихъ очи весели дивочи,
А часомъ и хмурый магнатъ,
На нихъ якъ поглянe, нудьга уразъ тане,
И пругъ на чоли вже не знать.
Оттакъ воны пышни, усякому втишни
Мыръ въ сердце людське подаютъ,

А люде не знають и гадкы не мають,
Якъ слезы въ ночи воны льють.
Чого жъ то имъ шкода? Аджежъ и урода,
И роскишъ, и шана имъ е...
Нелюба имъ шана у гордого пана,
Имъ краще убоге свое.
Имъ кращи у бiднiй краини ихъ ридный
За панську ту ласку здались
И спека пекуча, и вихорь летючый,
Що ихъ опалялы колысь....

Далѣе слѣдуетъ прекрасное по гуманности и нѣжности примѣненіе поэтическаго образа къ дѣвушкѣ, заѣхавшей изъ далекаго края.

Такъ ты, моя крале, зъ далекого краю,
Инача лыліи мои:
Сдаеться й на воли, у шани и холи,
Та все бо не въ ридвимъ краи.
Твій поглядъ ясненькый, твій смихъ веселенькый
Та щирая ласка твоя
Усихъ насъ еднають, усихъ насъ вытають,
Якъ тыхая зъ неба зоря.
Поглянешъ избоку (нехай бо ни въ року!)
Та й скажешъ: „життя тоби рай";
А вся жъ твоя втиха—поплакаты стыха,
Згадавши веселый свій край.

Стихотвореніе приведено цѣликомъ, и нѣтъ надобности доказывать, что въ „Лиліяхъ" Манжура достигъ большой поэтической высоты. Здѣсь все превосходно—и образъ, и его примѣненіе. Съ какой бы стороны ни шла къ намъ музыка душевной силы и красоты, съ общепризнанныхъ литературныхъ вершинъ, или изъ невѣдомыхъ закоулковъ—она всегда несетъ съ собой волну жизни, радость и наслажденіе.

О „байкахъ" не приходится много говорить. Это краткіе стихотворные анекдоты, большею частью подслушанные у народа. Вещицы мелкія, но написаны бойко, сжатымъ и сильнымъ языкомъ.

Мои личныя сношенія съ Манжурой были случайныя. Мнѣ пришлось переписываться съ И. И. съ 1886 года по вопросу о редактированіи приготовляемаго къ печати его сборника народныхъ пѣсенъ. Такъ какъ сборникъ написанъ „кулишевкой", то, по моему предложенію, И. И. его переписалъ узаконеннымъ правописаніемъ и отчасти сократилъ. Въ письмахъ ко мнѣ онъ сообщалъ о ходѣ своихъ этнографическихъ работъ, иногда прилагалъ свои стихотворенія, частенько обращался съ разными просьбами, къ чему его побуждала постоянная и безысходная нужда. Въ 1890 г. И. И. мнѣ писалъ: „всѣ свои" позорящія качества" я отринулъ и исправился; но это „исправленіе" было непродолжительное, и въ февралѣ 1892 г. И. И. мнѣ откровенно писалъ: „Хорошо было бы получить порядочный кушъ вродѣ четвертной (рѣчь идетъ о гонорарѣ за переписку въ 50 руб.)—можно было бы пріодѣться и устроиться, а то я—

яко благъ, яко нагъ, перебиваюсь по пригороднимъ мужикамъ и чувствую, что скоро-скоро подамъ жизненную отставку".

Насущный кусокъ хлѣба И. И. хотѣлъ обезпечить себѣ литературнымъ трудомъ. Въ 1885 г. онъ началъ было составлять книжки для народнаго чтенія, что, понятно, не дало ему никакой матеріальной опоры, затѣмъ задумалъ заняться книгоношествомъ, но это предположеніе не осуществилось. Въ 1885 г. И. И. подъ псевдонимомъ Ивана Калички издалъ передѣлку народной сказки „Якъ чортъ шматочокъ хлиба отслужувавъ", а въ 1886 г. передѣлку другой сказки „Лыха годына". Прислав мнѣ эти двѣ сказки, И. И. такимъ образомъ оправдывалъ ихъ фантастическо-юмористическое содержаніе: „Наблюдая за чтеніемъ народомъ различныхъ метелыкивъ, я замѣтилъ, что симпатичные разскáзы, напр., Мордовцева „Дзвонарь" и „Салдатка", а также оповидання Марка Вовчка и другіе подобные—наводятъ на настоящій народъ при чтеніи чуть ли не сонъ. А между тѣмъ разсказы Стороженка и Квитки одушевляютъ слушателей, заставляютъ смѣяться и увлекаться. Поэтому, какъ бы ни была хороша и гуманна тема, но скоро лишь она взята изъ прозы жизни—она не представляетъ для мужика никакого интереса и не оправдываетъ своего назначенія, такъ какъ онъ пропускаетъ ее рѣшительно мимо ушей".

Литературный трудъ (писательство въ газетахъ и корреспонденціи) не пошелъ въ руку, и въ 1891 г. И. И. писалъ мнѣ: „Не везетъ мнѣ этотъ литературный, такъ называемый, заработокъ. Отданное мнѣ изданіе моихъ стихотвореній взято за долгъ; газеты за корреспонденціи не платятъ, малорусскіе творы не пропускаются, а за писаніе мужикамъ прошеній земскій начальникъ призываетъ къ отвѣту.

Въ послѣдніе годы И. И. помѣстилъ въ Этногр. Обозр. и Кіев. Стар. нѣсколько мелкихъ этнографическихъ замѣтокъ и продолжалъ свои записи изъ народныхъ устъ.

Въ 1891 г. И. И. писалъ мнѣ: Пишете Вы, чтобы я не бросалъ своихъ этнографич. записей; я ихъ и не бросаю. Не знаю писалъ ли я Вамъ, что послалъ небольшой сборникъ,

московскому обществу любителей антропологіи и этнографіи [1]), №№ болѣе полусотни, да и теперь кое-что имѣю.

Кромѣ того, у меня имѣется немалый сборникъ народной порнографіи, совершенно къ печати неудобной, но крайне остроумной, въ которой главную соль составляетъ не похабщина, а остроумныя положенія и игра словъ.

При разборѣ моего сборника сказокъ—обратили ли Вы вниманіе на крылатыхъ коней и на трехъ или двухъ бабъ (не помню въ какой именно сказкѣ, у меня не осталось ихъ и для себя), берегущихъ живущую воду и смотрящихъ „у въ одно око". Вѣдь это, сколько помнится, приключеніе Персея, отправляющагося за головой Горгоны и отнимающаго у Паркъ, также смотрящихъ „у въ одно око",—сандаліи, или, кажется, Геркулеса во время его похода за Гесперидскими яблоками.

Добытую порнографію я приведу въ порядокъ и перешлю для Общества; можетъ, что и пригодится, такъ какъ въ ней могутъ, кажется, найтись темы изъ „Декамерона" и западныхъ подобнаго содержанія анекдотовъ".—Сборникъ этотъ не былъ доставленъ.

По сравненіи своего сборника съ трудами Чубинскаго, И. И. писалъ: „Что мнѣ показалось у Чубинскаго страннымъ—это обиліе простыхъ, такъ называемыхъ *улешныхъ* пѣсенъ въ его веснянкахъ. Полагаю, что это какая то ошибка или недосмотръ. Веснянки по своимъ темамъ стоятъ особенно и темъ общепѣсенныхъ имѣютъ крайне мало, да и то въ своеобразной передѣлкѣ, и не такъ какъ здѣсь—отдаютъ чѣмъ то уже пожившимъ, натерпѣвшимся и серьезнымъ".

При письмахъ И. И. иногда прилагалъ свои стихотворенія. Сообщаю ихъ здѣсь въ виду нѣкотораго автобіографическаго ихъ значенія. Всѣ прилагаемыя стихотворенія написаны въ 1891 г. Изъ этихъ стихотвореній по задушевности выдается „Велыкдень".

---

[1]) Манжура состоялъ членомъ этого общества.

На зразокъ зъ Я. Полонського.

Я свитло погасывъ, дримаю въ самотыни,
Ажъ чую въ хату ось поналиталы
Сумни, таемни—жъ мара—нишнneци тини
И въ головахъ у мене поставалы.
И чуты жъ воны таемно ш потилы:
—Хай засне винъ, душею хай скротытся...
—А чи давно его мы счастеви радилы?..
—Нехай же добрый сонъ ему прыснытся.
—Бидаха вже заснувъ, глядить якъ винъ кохае...
— То мыла любо думку его буде....
—А завтра винъ цего ничого не згадае,
—А то й зъ проклёномъ згадуваты буде.
—Погляньте якъ пры насъ ви сни винъ молодіе,
Якъ може винъ ще виpыты й любыты,
—А завтра бидный гиршь винъ знову постаріе
—И пиде якъ допрежъ цего терпиты.
—А мы?... Мы ранкомъ подамось укрыти снамы
—Та мріямы людськими всего свиту,
—И счастя мрія те жъ полыне зъ намы,—
—Завьялый квитъ колышнего розцвиту.

На Купала.

На Купала—дивча мало
Виночка зьязаты,
Та не знало одыноке -
Кому его даты.
Глядь—ажъ йиде козакъ степомъ
Жупанъ голубенькій,
Лычко биле—якъ у пана,
И самъ молоденькій.

Сполохнулось серденятко
Дивоче, якъ пташка;
—Ось для кого мій виночокъ,
—Колы ёго ласка.
Та пройихавъ козакъ поузъ
И окомъ не глянувъ...
А дивча винокъ порвало—
Щобъ марно й не вьянувъ.

Велыкдень.

Хрыстосъ воскресъ, Хрыстосъ воскресъ!
Лунае въ селахъ и зъ небесъ.
Любують янгольскіи очи
На те, якъ рады ціи ночи,
Изъ пиднебесной имлы
На землю зори мовъ зійшлы...
Бо де не церква—тамъ видъ брамы
Іи святои—якъ зирками
По селахъ вкрылысь вулычкы...
Тожъ не зиркы, а свичечкы,
Що люде добри посвятылы

По-надъ паскамы й освятылы
Той божій даръ, та це весели
Несуть до ридной осели,
Де жде мала ихъ дитрора...
Весела, радистна пора!
Та сердце щось мое бо, друже,
Радіе ій теперъ не дуже...
Не разъ зъ очей слезу змахнешь -
Якъ крадькома хочь позирнешь
На радисть цю людську та втиху...
Оттакъ прыспало его лыхо.

Бурлака.

Та вже весна, та вже красна,
Изъ стрихъ вода капле,
Молодому козакови
Мандривочка пахне.

—

Та теперь вже молоденькій
Коня не сидлае,
А цапычи постолы винъ
На ногы взувае,

—

Замисть спыса бере косу,
За шаблю—мантачку;
За кырею жъ одягае
Свытыну бурлацьку.

—

Не пытае у дивчины
Теперъ винъ дорогы—
Куды у Крымъ, куды на Динъ,
Куды за порогы,

—

А пытае въ молодои
Нимецькои хаты,
Дебъ то статы—заробыты
Соби хочь на латы.

И. И. Манжура при тяжкой наслѣдственной болѣзни подвизался добрымъ подвигомъ народоизученія; умирая онъ могъ сказать словами Мармеладова въ „Преступленіи и Наказаніи“ Достоевскаго: „пожалѣетъ насъ Тотъ, Кто всѣхъ пожалѣлъ, Кто всѣхъ и вся понималъ, Онъ Единый, Онъ и Судія. Пріидетъ въ тотъ день... и всѣхъ разсудитъ и проститъ“.

Н. Θ. Сумцовъ.

АВТОБІОГРАФІЯ СТЕПАНА ЛУКИЧА ГЕЕВСКАГО.[1]

(1813—1862 г.).

ГЛАВА V.

Сборы въ Полтаву. Ночлегъ у дяди. Опошня. Диканька. Шведская могила. Полтава. Первая ночь въ Полтавѣ.

Весь іюль мѣсяцъ прошелъ въ мечтахъ о Полтавѣ. Отецъ мой въ продолженіе этого времени успѣлъ настроить воображеніе мое—и Полтава казалась для меня тогда какимъ-то баснословнымъ городомъ, гдѣ дома въ три и два этажа, высокія церкви, и мало-ли еще какихъ тамъ нѣтъ чудесъ, вовсе непонятныхъ дѣтскому уму? Гимназія часто не давала мнѣ спать; экзаменъ, который я долженъ былъ выдержать, нельзя сказать, чтобы страшилъ, но какъ-то странно волновалъ меня: и во снѣ, и на яву грезились мнѣ важныя и серьезныя лица учителей и директора, котораго я чуть не Тамерланомъ представлялъ себѣ. Я не совсѣмъ былъ твердъ въ ариѳметикѣ, а потому ежедневно выдѣлывалъ на грифельной доскѣ разныя мудреныя задачи, которыя и могли только *влѣзть* въ педантическія головы составителей *практическихъ* задачъ, но въ практической жизни никогда не повторяются. Жалкій педантизмъ! Это хуже и латинскаго языка, и алгебры, которыми такъ безжалостно мучали и мучатъ юношество, препятствуя ему переходить въ высшіе классы и оканчивать воспитаніе въ училищахъ и гимназіяхъ. Время близилось уже къ концу іюля. *Въ одно прекрасное утро*

---

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1893 г. № 9.

отецъ сказалъ мнѣ, что завтра надобно ѣхать. Меня обнялъ паническій страхъ. Съ этой минуты я уже не выходилъ изъ комнаты—то складывалъ свои вещи и книги въ сундучокъ, то, забравшись въ темный уголокъ, спрягалъ *amo* и *doceo*, то вдругъ задавалъ себѣ вопросъ: гдѣ находится Рона или Сена, или Дублинъ, или Онтаріо? То требовалъ отъ себя отчета въ Пуническихъ войнахъ или объ Александрѣ Македонскомъ и т. п. Трудно меня было заставить съѣсть что-нибудь. Настало завтра. Все было уложено, лошади запряжены; началось прощаніе; маменька плакала; со всего хутора сбѣжались ребятишки смотрѣть, какъ повезутъ *панича*. Для меня самого было какъ-то странно; въ особенности занимало то, что какъ это я не буду ѣздить по субботамъ домой, какъ бывало изъ Зѣнькова. Но заведенная машина должна же идти—и мы поѣхали. Поѣхали мы не по зѣньковской дорогѣ, а по какой-то другой—вторая для меня странность; какъ это можно куда-нибудь ѣхать не по зѣньковской дорогѣ! Мы ѣхали по куземинской дорогѣ на село Лазьки, въ которомъ жилъ родной братъ моего отца Илья Ивановичъ. На этой дорогѣ есть одна достопримѣчательность: это насыпи на краю дороги въ видѣ треугольниковъ. Отецъ объяснилъ мнѣ, что по этой самой дорогѣ совершала свое путешествіе Екатерина вторая, что въ то время на каждомъ изъ этихъ треугольниковъ стояла будка и въ ней часовой—не знаю, справедливо ли это, но тогда въ дѣтскомъ воображеніи моемъ рисовался этотъ безпрерывный рядъ будокъ съ стоящими при нихъ часовыми и торжественное шествіе монархини въ странахъ малолюдныхъ, почти пустынныхъ, но тѣмъ не менѣе безпредѣльныхъ, необозримыхъ. Часу въ девятомъ вечера мы спускались съ высокой горы и черезъ пять минутъ были уже въ Лазькахъ. Это ничтожное селенійце, состоящее едва изъ двухъ сотъ душъ, тѣмъ только и примѣчательно, что тамъ жилъ мой дядя, единственный *панъ*, все же прочее народонаселеніе состояло изъ козаковъ. Самое мѣстоположеніе Лазьковъ нисколько не замѣчательно: есть горы и луга, и лѣса, но все это не дѣлаетъ никакого ландшафта, не производитъ никакого эффекта. Дядя встрѣтилъ насъ еще на дворѣ, поцѣло-

вался, и мы вошли въ домъ, гдѣ нашли и тетку, почтенную старушку въ черномъ платьѣ и повязанную чернымъ платкомъ. Послѣ обычнаго угощенія чаемъ, по случаю поздняго времени ночи вслѣдъ подали и ужинъ—ужинъ въ полномъ смыслѣ малороссійскій: яйца всмятку, борщъ со сметаной, соусъ изъ картофелей, жареные цыплята и вареники—запивали все это разными наливками: вишневками, сливянками, терновками. За ужиномъ отецъ и дядя бесѣдовали о хозяйствѣ; изъ этой бѣсѣды въ памяти моей удержались слѣдующія обстоятельства: отецъ увѣрялъ дядю, что онъ изъ своего маленькаго хуторка можетъ получить двѣ тысячи годоваго дохода, кромѣ того, что самъ жилъ; дядя не соглашался съ этимъ и приписывалъ нѣкоторой хвастливости—теперь я понимаю, что отецъ мой былъ правъ и получалъ едва ли не болѣе двухъ тысячъ. Умнѣе его хозяина и представить трудно: онъ вставалъ всегда вмѣстѣ съ солнцемъ, смотрѣлъ за всѣмъ самъ, имѣлъ винокурню, лошадиный заводъ, пасѣку, а хлѣба и сѣна бывало такъ много, что хуторъ нашъ называли тогда новымъ Египтомъ. Рѣшено было ѣхать въ Полтаву на другой день; дядя также ѣхалъ и везъ двухъ своихъ сыновей-близнецовъ Николая и Савву, которые учились дома у священника и теперь, окончивши курсъ воспитанія, должны были опредѣлиться на службу въ казенную палату. Такимъ образомъ интересы отца и дяди соединились, и мы съ помощію Божіею въ двухъ бричкахъ выѣхали часу въ одиннадцатомъ утра. Первое селеніе, попавшееся намъ на дорогѣ, было Опошня—это родъ города, имѣетъ семь или восемь церквей. Кучеру велѣно было ѣхать въ особенную улицу въ сторонѣ; здѣсь возлѣ небольшаго домика мы остановились, и отецъ объяснилъ мнѣ, что здѣсь онъ родился, что это домъ уже не тотъ и не на томъ мѣстѣ и т. п.

Я съ какимъ-то благоговѣніемъ выслушалъ повѣсть давно минувшихъ дней и сохранилъ ее въ памяти своей такъ живо, что и теперь могу представить себѣ и этотъ экипажъ, остановившійся близъ незнакомаго дома, и отца съ воодушевленіемъ разсказывающаго, и кучера, сидящаго на козлахъ, и лошадей,

отъ усталости понурившихъ головы, и будто теперь слышу голосъ дяди: „Лука Ивановичъ! Пора ѣхать—опоздаемъ!“

Изъ Опошни мы выѣхали на большую дорогу и черезъ часъ не болѣе были уже въ другомъ мѣстечкѣ—Будищахъ, отстоящемъ отъ перваго верстъ на шесть. Будища такъ непримѣчательны, что и говорить объ нихъ нечего. Но зато, проѣхавши верстъ шесть, я былъ пріятно изумленъ новымъ для меня видомъ тріумфальныхъ воротъ, поставленныхъ возлѣ лѣса. Ворота эти ведутъ чрезъ лѣсную дорогу къ церкви съ чудотворною иконою угодника Николая и потомъ въ большое селеніе Диканьку князя Кочубея. Здѣсь отецъ мой разсказалъ мнѣ трогательную исторію страдальца Кочубея—предка нынѣ знаменитыхъ князей Кочубеевъ: въ краткомъ, простомъ, но живомъ повѣствованіи отца моего, я познакомился тогда съ исторіей своего края и ему, быть можетъ, обязанъ тою любовію и ревностію, съ которыми я впослѣдствіи занимался всѣмъ тѣмъ, что только относится къ родной и прекрасной Украйнѣ нашей. Проѣхавъ еще нѣсколько верстъ, мы видѣли побоище Русскихъ со Шведами, которое и донынѣ называется Побиванкой на тамошнемъ народномъ языкѣ. Здѣсь также пересказана мнѣ была новая историческая драма, разыгранная Русскими и Шведами въ виду небольшого, но съ тѣхъ поръ сдѣлавшагося знаменитымъ, города Полтавы.

— А вотъ скоро доѣдемъ и до шведской могилы, сказалъ мнѣ отецъ.

— И посмотримъ на нее, неправда-ли, папенька?

— Да, посмотримъ, непремѣнно.

Между нами водворилось молчаніе. Вся душа моя была наполнена ожиданіемъ зрѣлища Шведской Могилы. Наконецъ, отецъ указалъ мнѣ рисующійся вдали холмъ—это была знаменитая могила! Тамъ погребены знаменитые воины, павшіе со славою на полѣ битвы. Могила эта находилась отъ столбовой дороги не болѣе въ сторону, какъ на версту, и мы, не смотря на позднее время, рѣшились посмотрѣть ее вблизи. Я, видѣвшій до того времени только обыкновенныя могилы на кладби-

щахъ, изумился, увидя передъ собою огромный холмъ, и изъявилъ свое объ этомъ изумленіе.

— Что-жъ мудреннаго, сказалъ мнѣ отецъ, вѣдь тамъ погребено нѣсколько тысячъ.

— Нѣсколько тысячъ? воскликнулъ я.

— Да, нѣсколько тысячъ.

Я задумался. До того времени я никакъ не могъ представить себѣ, чтобы можно было убить нѣсколько тысячъ: война представилась мнѣ по этому случаю въ самомъ отвратительномъ видѣ. Хотя я во время пребыванія моего въ зѣньковскомъ повѣтовомъ училищѣ и училъ о разныхъ войнахъ и Пуническихъ, и Пелопонезскихъ, и объ Александрѣ Македонскомъ, но признаюсь откровенно, что мнѣ тогда ни разу не приходило въ голову, чтобы на войнахъ этихъ убивали людей—въ первый разъ я узналъ объ этомъ на Шведской могилѣ! Полтава была у насъ, какъ на ладони, не смотря на то, что осталось еще проѣхать верстъ семь.

Чудный, лѣтній вечеръ, со всею прелестью тишины, прохлады и благоуханія—вечеръ, который и можно найти только въ нашей благословенной Украйнѣ, обнялъ насъ, очаровалъ такъ, что, не смотря на темноту, мы ѣхали шагомъ, какъ будто намъ некуда и незачѣмъ было спѣшить,—даже я, при всемъ своемъ безпокойствѣ о предстоящемъ экзаменѣ, забылся на нѣсколько минутъ,—и въ то время, когда въ дѣтскомъ воображеніи моемъ проносились недавно напечатлѣнные образы давно минувшихъ событій: и окровавленная голова страдальца Кочубея, и грозный таинственный ликъ Мазепы, и Карлъ XII на носилкахъ, и гигантъ Петръ Великій съ прострѣленной шляпой, и страшное покрытое тѣлами полтавское поле,—въ это же самое время предъ глазами моими развертывалась картина совсѣмъ другого рода: безпредѣльная даль направо, обозы чумаковъ, идущіе изъ Ромна въ Харьковъ, почтальонъ, скачущій во весь духъ со своимъ многозначительнымъ чемоданчикомъ, пыль столбомъ, богатыя жатвою нивы, копны хлѣба въ стройныхъ рядахъ, волнующееся море цвѣтущей и благоухающей гречихи; а налѣво другая картина: Полтава, погруженная во мракѣ пыли, мону-

ментъ съ своимъ двуглавымъ орломъ, монастырская колокольня, сады и рощи! Чудная, прекрасная природа! Я никогда не забуду тебя!.... Если я, увлеченный суетой и треволненіями міра, и живу вдали отъ тебя, и не вдыхаю твоего благовоннаго, здороваго воздуха, и не любуюсь твоими очаровательными пейзажами,—то прости меня! Прости меня! И если я, испытавши всѣ страданія жизни, возвращусь когда-либо въ твои родныя объятія,—прійми меня съ радостію, какъ ветхозавѣтный отецъ принялъ блуднаго сына, и прикажи уготовать тельца; ибо, вѣрю, я приду къ тебѣ голодный и въ рубищѣ . . . . . Жестокій свѣтъ, для котораго я служилъ всѣми силами души своей, отказалъ мнѣ въ своихъ благахъ, которыя я такъ поздно научился *и цѣнить, и презирать* въ одно время!

И вотъ мы, наконецъ, въ Полтавѣ! Вотъ дивная, круглая площадь, застроенная казенными зданіями, площадь, которая могла бы сдѣлать честь и любой столицѣ. Посмотрите: вотъ дворецъ князя Репнина, вотъ гимназія, уѣздное училище, присутственныя мѣста, домъ дворянскаго собранія, домъ губернатора, (а нынѣшнее время и кадетскій корпусъ)—въ серединѣ этого чуднаго круга монументъ Петра Великаго—и все это, наконецъ, тонетъ въ свѣжей зелени садовъ и цвѣтовъ . . . Далѣе этого, впрочемъ, Полтава мало примѣчательна. Если важность городовъ мѣрять величиной и красотой домовъ, и, если вы не хотите разочароваться въ этомъ отношеніи, то возвратитесь назадъ, отдохнувши на пьедесталѣ монумента! Но кто любитъ не одни высокіе и красивые дома, тотъ можетъ посмотрѣть въ Полтавѣ слѣдующее: церковь Спаса, мѣсто домика Петра перваго, гдѣ стоитъ теперь небольшой памятникъ, городской садъ, бульвары и, наконецъ, пусть взойдетъ на возвышенность близъ собора, станетъ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ домикъ Ив. П. Котляревскаго, и посмотритъ вдаль—картина очаровательная для любителей природы! Мы не принадлежали тогда ни къ той, ни къ другой категоріи путешественниковъ, пріѣхали въ Полтаву по дѣламъ, смотрѣли на все мимоѣздомъ, взошли на монументъ; папенька раскланялся съ какимъ-то чиновникомъ—и потомъ по разнымъ проулкамъ отправились мы отыскивать домъ губернскаго архитек-

тора Антона Ивановича Кардашевскаго, дальняго нашего родственника, у котораго намѣрены были ночевать. Было уже очень поздно—часовъ 10 вечера. Антонъ Ивановичъ, который велъ жизнь весьма регулярную, т. е. занимался, ѣлъ, спалъ и гулялъ по часамъ, собирался уже почивать, какъ вдругъ мы нахлынули къ нему цѣлымъ обозомъ. Надобно замѣтить, что Ант. Ивановичъ находился по своей должности въ Полтавѣ, жилъ одинокимъ,—жена же его и дѣти находились въ деревнѣ; вся прислуга его состояла изъ одной только старой кухарки, которая вмѣстѣ съ тѣмъ была и камердинеромъ.—Можете представить себѣ, какую мы ему задали задачу своимъ неожиданнымъ пріѣздомъ—надобно было ставить самоваръ, варить ужинъ, стлать постели и т. п. Вся эта церемонія продолжалась часу до второго ночи. Я, съ непривычки проѣхавши верстъ пятьдесятъ, усталъ чрезвычайно и потому, напившись чаю, преспокойно удалился въ другую комнату и тамъ заснулъ *сномъ невинности*, между тѣмъ какъ три старика, невидавшіеся, можетъ быть, нѣсколько лѣтъ, разговаривали въ ожиданіи *скоропостижнаго ужина*, какъ называлъ его шутя дядя мой Илья Ивановичъ. Надобно замѣтить, что я заснулъ прямо на стулѣ, сидя.—Когда поспѣлъ ужинъ, меня хотѣли разбудить, но это не такъ-то легко было сдѣлать, и потому меня оставили въ покоѣ.

На другой день я проснулся довольно рано, и такъ какъ въ чужомъ домѣ не рѣшался встать съ постели, не слыша никакого движенія и не зная ни входовъ, ни выходовъ, то отъ нечего дѣлать принялся повторять въ умѣ разные предполагаемые вопросы къ будущему экзамену. Между тѣмъ въ домѣ начали пробуждаться—чрезъ нѣсколько минутъ явился къ намъ папенька. „Пора вставать—сказалъ онъ—одѣвайтесь поскорѣе, пойдемъ къ директору, уже девятый часъ“.—Я былъ ни живъ, ни мертвъ, однако-жъ повиновался какъ-то машинально—и какъ меня застали врасплохъ на неконченномъ вопросѣ, то я смѣшался и рѣшительно забылъ, что относится къ Тарквинію Древнему, а что къ Тарквинію Гордому и кто изъ нихъ царствовалъ прежде.

ГЛАВА VI.

Представленіе директору. Гимназія. Экзаменъ. Молодой учитель. Я принятъ. Начало Гимназическаго курса. Новая метода ученія.

Въ то время еще въ Полтавѣ не было биржевыхъ лошадей, а потому велѣно было нашему кучеру запрягать и черезъ полчаса времени тройка деревенскихъ лошадей легонько покатила бричку нашу, похожую на ту, въ которой ѣздила Мадамъ Коробочка (въ Мертвыхъ Душахъ—Гоголя) подъ крыльцо директорскаго дома.—Надобно замѣтить, что возница нашъ вовсе не имѣлъ кучерской шляпы, а надѣвалъ ту-же самую баранью шапку, въ которой въ другое время отправлялся на деревенскія работы. Мы вошли въ переднюю. Лакей тотчасъ отправился доложить, что пріѣхалъ помѣщикъ съ дѣтьми: насъ попросили въ гостинную—черезъ нѣсколько минутъ вышелъ Г.—директоръ Иванъ Дмитріевичъ Огневъ, который въ это время былъ коллежскимъ совѣтникомъ. Важная осанка человѣка, орденъ, висѣвшій въ петлицѣ, привѣтливость, съ которой онъ обратился къ моему отцу, а потомъ и къ намъ—тотчасъ расположили меня къ нему. Онъ принялъ прошеніе и аттестатъ мой, прочиталъ то и другое, замѣтилъ, что аттестатъ у меня превосходный, намекнулъ, что Зѣньковское Повѣтовое Училище *имѣется на отличномъ счету*, чѣмъ обязано оно въ особенности г. смотрителю, очень хорошо ему извѣстному, благодарилъ отца, что онъ старается доставить сыну своему (т. е. мнѣ) приличное дворянину воспитаніе, и, наконецъ, просилъ пожаловать въ гимназію часовъ въ 11-ть, гдѣ будетъ производиться экзаменъ. „Что же касается другаго сына вашего“, сказалъ онъ, то обратитесь къ здѣшнему штатному смотрителю Зозулину—это вы можете сдѣлать и завтра“. Такимъ образомъ и я, и отецъ мой разсталисъ съ нимъ въ восторгѣ. Страхъ мой совершенно исчезъ, и я даже съ нетерпѣніемъ ожидалъ назначеннаго времени—одиннадцати часовъ, чтобы выказать познанія свои передъ лицемъ гимназическаго ареопага: я

по какому-то дѣтскому инстинкту предчувствовалъ, что гдѣ такой благородный начальникъ, какъ Иванъ Дмитріевичъ Огневъ, тамъ и подчиненные должны быть столько же благородны. Я и не ошибся въ этомъ. Когда въ концѣ одиннадцатаго часа мы пріѣхали въ гимназію, то нашли уже тамъ директора и всѣхъ учителей; два--три родителя также съ дѣтьми ожидали начала испытанія.

Въ сосѣдней затворенной комнатѣ зазвенѣлъ колокольчикъ. Солдатъ тотчасъ же отправился на зовъ и черезъ минуту явился къ намъ съ словомъ: „пожалуйте"! Мы вошли. „Вотъ вашъ сынъ, кажется, изъ зѣньковскаго повѣтоваго училища и, сверхъ того, имѣетъ отличный аттестатъ—мы его за это прежде всѣхъ и проэкзаменуемъ"—сказалъ директоръ, обратившись къ моему отцу, и я былъ подозванъ къ столу. Не стану во всей подробности описывать моего испытанія, скажу только, что я попеременно переходилъ изъ рукъ въ руки: вопросы изъ катихизиса, исторіи, географіи, латинскаго и нѣмецкаго языковъ сыпались на меня,--я отдѣлывался, должно быть, порядочно, потому что меня хвалили. По окончаніи этого устнаго испытанія, меня подозвали къ доскѣ и задали задачу на правило смѣшенія. Я приступилъ къ рѣшенію, и сколько ни бился, никакъ не могъ кончить: замѣтивши мое несчастіе, Директоръ обратился къ учителю и сказалъ ему: „Филипъ Ивановичъ, (Ефремовъ) дайте ему что нибудь другое: это правило смѣшенія такъ немудрено, что онъ смѣшался". Мнѣ задали сокращеніе дробей, въ которомъ и числитель и знаменатель были чуть ли не милліоны—я принялся за дѣло, ошибался въ сократительныхъ знакахъ, стиралъ безпрестанно и, наконецъ, добился: задача была рѣшена окончательно, и я былъ аттестованъ. Мнѣ оставался одинъ только русскій языкъ—этого то предмета я не боялся, потому что и граматику зналъ напролетъ, и писалъ довольно правильно, а читалъ очень бойко и, что всего удивительнѣе, съ едва малороссійскимъ произношеніемъ: этому я былъ обязанъ трехлѣтнему пребыванію въ домѣ Кричевскаго, гдѣ говорили довольно порядочно по--русски.

Меня подозвалъ учитель, котораго я до того времени не замѣтилъ въ числѣ прочихъ, да если-бы и замѣтилъ, то рѣши-

тельно не счелъ его за наставника—такъ онъ былъ молодъ и хорошъ собою! Это былъ Иванъ Гр. Бутковъ, отличавшійся необыкновеннымъ искусствомъ читать и сверхъ того извѣстный, какъ отличный актеръ, разыгрывавшій женскія роли на домашнемъ театрѣ Харьковского Университета во время своего тамъ пребыванія. Съ первыхъ вопросовъ этого вопрошателя, я тотчасъ понялъ всю бездну разстоянія между тѣми познаніями, которыя я имѣлъ и тѣми, какихъ отъ меня требовали. Но когда онъ заставилъ меня что-то прочитать, и я началъ такъ, какъ меня учили, то онъ, прослушавши меня минутъ пять, взялъ отъ меня книгу и, сказавши мнѣ, что я читаю очень плохо, началъ читать самъ: здѣсь то я уже совершенно потерялся; мнѣ стало стыдно самого себя и я чуть не заплакалъ—мнѣ даже представилось, что меня не примутъ въ гимназію, потому что я не умѣю читать. „Впрочемъ, онъ знаетъ грамматику, дѣлаетъ разборъ порядочно, пишетъ сносно“, сказалъ учитель директору—„что-же касается чтенія, то это можно исправить въ одинъ годъ; надобно только читать тебѣ побольше и притомъ въ слухъ—это чрезвычайно образуетъ произношеніе и развиваетъ языкъ; у насъ книгъ много—есть что читать—была бы охота“. Съ этими словами онъ взялъ меня за руку и повелъ въ другую комнату, гдѣ я увидѣлъ около десятка шкафовъ сверху до низу набитыхъ книгами. Я остолбенѣлъ при этомъ невиданномъ до того времени мною зрѣлищѣ, какъ остолбенѣлъ Ломоносовъ въ Москвѣ, когда случайно попалъ въ книжную лавку. Замѣтивши мое изумленіе, учитель сказалъ: „я самъ буду назначать книги, которыя ты долженъ читать; когда ты попросишь меня—я не откажу“. Я былъ въ восторгѣ и, какъ только могъ, выразилъ ему свою благодарность. Мы опять вошли въ экзаменаціонную комнату. Директоръ, обратившись къ моему отцу, сказалъ, что *я принятъ*. Папенька благодарилъ его и всѣхъ учителей за вниманіе, и мы отправились домой. Боже мой! чѣмъ наполнена была тогда душа моя! это былъ счастливѣйшій день моей жизни! я гимназистъ! черезъ четыре года буду студентомъ! Въ это время я не боялся учителей, не страшился трудности предметовъ, даже самая математика не пугала меня. Учитель

словесности не выходилъ изъ памяти моей,—мнѣ непремѣнно хотѣлось научиться читать такъ, какъ онъ читаетъ, и я съ нетерпѣніемъ ожидалъ начала ученія. Папенька мой не менѣе былъ радъ.

Послѣ обѣда мы отправились отыскивать квартиру; нашли свободныя комнаты въ домѣ какого-то отставнаго воина Говорухина, наняли двѣ комнаты за 120 рублей ассигнаціями на годъ. При насъ остались кухарка отъ дяди Ильи Ивановича и нашъ мальчикъ. Мы должны были имѣть свой столъ, а для доставленія намъ чаю нанятъ былъ сбитеньщикъ. На другой день былъ опредѣленъ въ Пов. Полтавское Училище и меньшой братъ мой Андрей, а двоюродные братья мои, Николай и Савва Ильичи, поступили на службу въ Полтавскую Казенную Палату. Отцы наши уѣхали. Папенька, отъѣжая, далъ мнѣ рубля три на собственные безотчетные расходы и 15 рублей на книги. Мы остались одни въ домѣ Говорухина. Нѣсколько дней еще не начиналось ученіе, а потому это время посвящено было для того, чтобы ознакомиться съ новымъ для насъ городомъ. Двоюродные братья наши Николай и Савва Ильичи, какъ люди уже болѣе насъ взрослые и опытные, были въ этомъ случаѣ для насъ менторами. Въ три или четыре дня мы осмотрѣли все, что могло показаться для насъ занимательнымъ, и растратили всю свою казну, ибо дѣтскому характеру моему Полтава представила бездну разнаго рода соблазновъ: превосходные арбузы и дыни, горы яблокъ и грушъ, бакалейныя лавки, нѣсколько разъ заманившія насъ *въ прохладную сѣнь́ свою*; евреи со своими заманчивыми вещами и, наконецъ, къ довершенію разоренія кармана моего—трупа вольтижоровъ и слонъ, отправлявшіеся въ Харьковъ на Успенскую ярмарку и на нѣсколько дней остановившіеся въ Полтавѣ...... Мнѣ чрезвычайно хотѣлось насладиться всѣми этими приманчивыми наслажденіями и потому, вовсе не разсчитывая средствъ, рѣшилъ въ умѣ своемъ покушать всего и посмотрѣть все. Казна моя истощилась до того, что когда надобно было идти посмотрѣть на слона, то я къ ужасу моему замѣтилъ въ карманѣ моемъ только всего 50 коп., а нужно было за себя и за брата заплатить семьдесятъ коп,

Кредита въ Полтавѣ я еще не имѣлъ, а желаніе видѣть чудное животное, которое, какъ гласила афиша, будетъ раскупоривать бутылки, подымать съ земли мелкія монеты и тому подобныя дива—было непреоборимо: надобно было непремѣнно достать двадцать копѣекъ мѣдью. Въ этомъ страшномъ бореніи, я рѣшился наложить святотатственную руку на деньги, оставленныя для книгъ—и въ тишинѣ, тайкомъ вынулъ изъ пятнадцати рублей книжныхъ денегъ двадцать копѣекъ на слона.

Положеніе мое было ужасно: мнѣ все казалось, что я не буду уже имѣть ни одной книги, и Богъ знаетъ, чтобы со мною было, если бы двоюродные братья, которымъ я сознался въ своемъ проступкѣ, не утѣшили меня и не вывели изъ затруднительнаго положенія. Они мнѣ сказали, что вѣдь это пятнадцать рублей даны намъ на новыя книги, которыя продаются въ гимназіи, а купить на рукахъ у учениковъ можно гораздо дешевле, такъ что еще и останется. Я былъ въ неописанномъ восторгѣ отъ этого открытія; тотчасъ-же занялся пріисканіемъ книгъ по реестру и къ полному удовольствію моему имѣлъ уже у себя все, что было нужно: курсъ математики Фусса, всеобщую исторію Есикорскаго, Россійскую исторію (не знаю чьего сочиненія, но твердо знаю, что она начиналась словами: часть Сарматіи и большая часть Скитіи), какой-то катихизисъ и десть бумаги въ придачу. Всѣ эти книги вовсе не были такъ стары, чтобы не годились къ употребленію—и я кромѣ того, выигралъ два рубля сорокъ копѣекъ, кромѣ истраченныхъ на слона двадцати копѣекъ.

Какъ видите, я отдѣлался благополучно изъ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ и притомъ имѣлъ свой собственный благопріобрѣтенный значительный капиталъ. Между тѣмъ въ гимназіи въ восемь часовъ пробилъ торжественно колокольчикъ. При этихъ новыхъ для меня звукахъ (въ Зѣньковскомъ училищѣ не было колокольчика) душа замерла, сердце стиснулось, я схватилъ въ охапку всѣ книги и опрометью бросился въ гимназію. Тамъ уже было довольно учениковъ и я тотчасъ къ нимъ присоединился. Черезъ нѣсколько минутъ явился директоръ, прочиталъ намъ наставленіе, какъ вести себя и какъ

учиться, и съ тѣмъ вышелъ. Черезъ нѣсколько минутъ пришелъ учитель латинскаго языка Сорочинскій и началъ знакомиться съ новыми учениками. Насъ было человѣкъ сорокъ. Мы читали, склоняли, спрягали, писали и т. п. Нѣкоторые ровно ничего не знали, другіе трусили, я въ числѣ нѣкоторыхъ бойко склонялъ и спрягалъ и, когда учитель, переспросивши меня многое, приказалъ мнѣ *проговорить* исключенія третьяго склоненія, и я *безъ запинки* разрѣшилъ этотъ трудный вопросъ, то онъ похвалилъ меня и тутъ же началъ назначать *авдиторовъ*.... Я былъ изъ первыхъ. Слово авдиторъ было для меня новое; въ Повѣтовмъ училищѣ называютъ ихъ просто слушателями. Въ послѣдствіи я понялъ все безпредѣльное разстояніе между авдиторомъ и слушателемъ. Это небо и земля, алмазъ и стекло, или всего лучше, между авдиторомъ и слушателемъ такое различіе, какъ между дежурнымъ и дневальнымъ въ Губернскомъ Правленіи—хотя, какъ видите вся разница въ языкѣ: то по-латыни и по-французски, а это по русски. Съ какихъ поръ это уже ведется.... Когда окончилась латинская лекція, къ намъ черезъ полчаса вышелъ нѣмецъ. Одинъ видъ этого человѣка, высокаго, сѣдаго, съ огромною камышевою тростью, въ синемъ съ форменными пуговицами сюртукѣ, почти вовсе не понимавшаго по русски, привелъ меня въ ужасъ. Мнѣ послѣ говорили, что я былъ блѣденъ, какъ полотно. Онъ началъ заставлять читать по нѣмецки и т. п. Дошла очередь и до меня. Разумѣется, что я былъ не большой нѣмецъ, да притомъ еще и струсилъ, и потому читалъ такъ, что онъ ударилъ тростью учительскою о столъ; гулъ и трескъ раздался по всему классу, а на крикъ вышелъ какой-то другой учитель изъ класса, подозвалъ нѣмца къ дверямъ, что-то сказалъ ему.... Это, вѣроятно, былъ мой ангелъ хранитель, потому что крикъ, брань, удары тростью прекратились и только развѣ по временамъ слышались слова· болванъ, свина, говядинъ, мюзикъ, мой тебя будетъ пить и т. п. Когда всѣ были переспрошены и ни одинъ изъ сорока не удовлетворилъ ужаснаго нѣмца, онъ началъ диктовать урокъ..... Представте себѣ урокъ на нѣмецкомъ языкѣ для дѣтей, которыя, какъ онъ самъ видѣлъ, даже читать не умѣютъ по-нѣ-

мецки. Къ счастію нашему, онъ заставилъ писать одного на доскѣ, а потому мы кое-какъ съ грѣхомъ пополамъ могли копировать. На слѣдующій классъ нужно было это *вызубрить*, не понимая ни одного слова!—Боже мой! какая египетская работа!.... Но это было еще въ 1825-мъ году—не то же ли самое происходитъ и теперь въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ чрезъ двадцать два года?—Бѣдныя дѣти! Жалкое воспитаніе! зато учатъ природные нѣмцы и французы.—Русскій не можетъ!....

ГЛАВА VII.

Продолженіе гимназическаго курса. Подвиги наши на квартирѣ. Характеристика нѣкоторыхъ учителей.

Трудолюбіе и прилежаніе, которыми я отличался тогда въ гимназіи, тотчасъ обратили на меня вниманіе учителей, не смотря, впрочемъ, на то, что способъ преподаванія, за исключеніемъ русскаго языка, вовсе не былъ таковъ, чтобы можно было самому дѣловому ученику пріобрѣсть что нибудъ на свою пользу. Учитель русскаго языка преподавалъ въ то время логику.

Не смотря на всѣ усилія его передать намъ эту скучную науку, не смотря на всю ретивость мою пощеголять передъ прочими товарищами своими знаніями, я всё-таки ровно ничего не зналъ и все дѣло ограничивалось только однимъ исправнымъ вызубриваніемъ, которое, какъ извѣстно, ни къ чему не ведетъ. Я былъ назначенъ авдиторомъ по всѣмъ предметамъ, за исключеніемъ математики и нѣмецкаго языка; даже учитель французскаго языка замѣтилъ меня, и хотя я читалъ весьма плохо, но за то спрягалъ бойко всякіе глаголы..... Учитель французскаго языка, не знаю уже для чего и съ какими цѣлями, приказывалъ намъ приходитъ къ нему на домъ и тамъ мы переводили съ нимъ Телемака, а очень часто вовсе ничего не дѣлали, гуляли въ саду и болтали вздоръ на языкѣ, который былъ смѣсью русскаго, французскаго и малороссійскаго языковъ.

Между тѣмъ какъ первые два года моего гимназическаго курса незамѣтно уходили, мы перемѣнили квартиру и уже на-

ходились въ домѣ какого-то столяра Семена, который имѣлъ человѣкъ пять рабочихъ. Среди этихъ работниковъ намъ особенно понравился одинъ молодой парень лѣтъ семнадцати, Григорій, и мы съ нимъ свели дружбу—для совмѣстныхъ шалостей и дурачествъ, какъ для препровожденія времени, такъ равно и для того, чтобы распекать нашего хозяина, который почти каждый день бывалъ пьянъ и допекалъ намъ немилосердно. Согласившись между собою всѣ, т. е. двоюродные братья мои, я, братъ Андрей и Григорій, мы рѣшились напугать нашего Семена чертями и устроили это такъ: когда всѣ легли спать, и свѣчи были затушены, мы растворили окно, вылѣзли въ него потихоньку и возлѣ дверей сложили все, что попалось подъ руки: мебель, ящики со стеклами и т. п. Между тѣмъ начали въ комнатѣ потихоньку стучать......

Услышавши стукъ въ такое необыкновенное время, хозяйка разбудила мужа, зажгли свѣчу и рѣшили отправиться на чердакъ—тамъ разумѣется не нашли ничего; тогда Григорій застучалъ со всею силою въ двери съ наружной стороны—рѣшили отворить двери и что-же? Весь громоздъ нашъ обрушился, и перепуганные хозяева наши готовы были божиться, что подобную штуку могли состроить только черти, ибо ворота были накрѣпко заперты, а мы всѣ притворились спящими, какъ будто ни въ чемъ не бывало. Это дѣлали мы нѣсколько разъ.

Это было осенью, грязь была невылазная, а потому, по обычаю того времени, насъ распустили пока замерзнетъ и можно будетъ, не теряя сапогъ, ходить въ гимназію. Часто случалось, что подобные экстраординарные каникулы продолжались по пяти и по шести недѣль. Намъ было раздолье! Все это время нельзя же было безпрестанно пугать хозяина чертями; надобно было придумать и другое развлеченіе. Я былъ страстный охотникъ читать, но доставать книги было очень затруднительно. Бывши еще во второмъ классѣ, я перечиталъ все, что учитель нашелъ приличнымъ дать мнѣ. Это были: образцовыя сочиненія, (родъ хрестоматіи въ 12 частяхъ съ портретами нѣкоторыхъ авторовъ) исторію Карамзина, разныя путешествія, даже

„Россіяду" и „Владиміра" Хераскова, и трагедіи Озерова. Романовъ учитель не позволялъ мнѣ читать, но я презиралъ это, даже смѣялся надъ нимъ, что онъ считаетъ меня такимъ дитятею, что будто бы ужъ я не могу понимать Радклифъ, Жанлисъ и т. п. и, если только представлялся случай, я съ жадностью перечитывалъ по два и по три раза романы несравненной Радклифъ: Полный колоколъ, Развалины стараго замка и т. п. прелести. Часто случалось, что я по цѣлому роману прочитывалъ въ одинъ присѣстъ. Гдѣ же можно было набрать столько книгъ, чтобы занять все праздное время во время грязи? А потому мы придумали другое занятіе—карты. Къ счастію у насъ рѣдко случались деньги и то въ незначительномъ количествѣ,—вѣроятно я съ младенчества, можно сказать, сдѣлался бы картежникомъ.—При такихъ-то обстоятельствахъ мы играли по-шести и семи часовъ въ своего козыря, въ короля, мельника и иногда въ джгута. Эта послѣдняя игра мнѣ не очень нравилась, ибо больно было, когда бьютъ джгутомъ проигравшаго. Къ чести моей надобно замѣтить, что если случалась книга, то я уже отказывался отъ игры, читалъ, а если это были стихи, то выписывалъ изъ нея, что мнѣ нравилось: надъ этимъ иногда и подсмѣивались.

Но всего замѣчательнѣе была наша хозяйственная часть. Насъ было четыре, при насъ лакей и кухарка, а потому столъ былъ свой: для этого стола провизія доставлялась изъ дому—отъ отца и дяди. Само собою разумѣется, что всего изъ деревни за 75-ть или 50-тъ верстъ въ Полтаву доставить было невозможно (хотя, впрочемъ, и случалось изрѣдка, что отъ дяди привозили намъ свѣжее молоко въ особенной баклагѣ), а потому нужно намъ было имѣть сношеніе съ базаромъ. Кухарка наша была такого рода женщина, которая, безъ преувеличенія говоря, не умѣла отличить Павловскаго гроша отъ тогдашнихъ новыхъ пятаковъ, лакей у насъ былъ мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, также ничего не понимающій по финансовой части, а потому мы находились въ страшной необходимости сами ходить на базаръ и въ рѣзницы для покупки необходимаго для обѣда. Для этого у насъ назначено было дежурство, и каждому изъ насъ приходилось

исправлять должность метръ-д'отеля черезъ четыре дня: это нѣкоторымъ образомъ облегчало насъ. Дежурство наше было такъ строго, что мы не должны были бояться никакой грязи, никакого холоду и никакія занятія не могли помѣшать идти на базаръ—иначе надо было оставаться безъ обѣда и ужина. Въ особенности было занимательно путешестіе брата Андрея по базарамъ: ему въ это время было лѣтъ восемь. Можно судить, что ему доставалось во время грязи и морозовъ! Изъ купленныхъ матеріаловъ наша кухмистерша приготовляла обѣдъ, состоящій по большей части изъ двухъ блюдъ—борща или супу и жаркого, рѣдко съ прибавленіемъ каши: по праздникамъ появлялись на нашемъ столѣ пироги или вареники. Часто случалось, что мы, проголодавшись на порядкахъ, поѣдали за обѣдомъ все, а потому ужинать надобно было вновь готовить: разумѣется, въ такомъ случаѣ и думать было невозможно о борщѣ или супѣ, а тѣмъ болѣе о жаркомъ, а потому мы безъ дальнихъ церемоній готовили себѣ кулиши или галушки съ саломъ.—Часто случалось, что этотъ незатѣйливый ужинъ готовился въ нашей комнатѣ—въ это время мы уже нарочно откладывали топить печку къ вечеру. Чаю все-таки мы не имѣли, а вмѣсто этого напитка бородатый сбитеньщикъ приносилъ намъ сбитень: по утрамъ мы имѣли право выпивать восьмикопѣечные стаканы, по вечерамъ только двугрошевые. Жизнь наша протекала такимъ образомъ мирно и тихо безъ малѣйшаго притязанія на что либо лучшее: мы были здоровы, довольны, веселы, можно сказать счастливы. Все шло своимъ порядкомъ. Когда нужно было ходить въ гимназію я ходилъ и всегда съ удовольствіемъ, зналъ уроки всегда найлучшимъ образомъ и при переходѣ изъ перваго класса во второй получилъ въ награду книгу—это очень обрадовало моего отца. Во второмъ классѣ я учился такъ хорошо, что когда отецъ, по какимъ-то дѣламъ пріѣхалъ однажды въ Полтаву и былъ въ Губернскомъ Правленіи, то одинъ изъ чиновниковъ, котораго сынъ былъ въ одномъ классѣ со мною, спросилъ у моего отца: не сынъ ли это вашъ, который превосходно учится во второмъ классѣ гимназіи? Обрадованный отецъ мой отвѣчалъ утверди-

тельно и, возвратившись въ квартиру нашу, былъ вътакомъ восторгѣ, что тотчасъ позволилъ намъ идти смотрѣть вольтижеровъ, которые въ это время были въ Полтавѣ.

Пріѣздъ моего отца былъ всегда для всѣхъ насъ истиннымъ праздникомъ: онъ былъ человѣкъ деликатный и любилъ насъ такъ нѣжно, что слезы и теперь, когда я пишу эти строки, заволокли глаза мои: это была олицетворенная добродѣтель и умъ. Я отъ природы вовсе не охотникъ плакать, но когда онъ выѣзжалъ изъ Полтавы, одинъ только стыдъ показаться плаксою удерживалъ меня отъ слезъ—за то я въ ту-же минуту, когда исчезалъ изъ глазъ моихъ экипажъ его, убѣгалъ въ какой нибудь отдаленный уголъ и плакалъ горько и долго! Онъ, вѣроятно, зналъ или предугадывалъ это, потому что каждый разъ, оставляя намъ деньги для обыкновенныхъ столовыхъ расходовъ, онъ вручалъ мнѣ особо завернутыя въ бумажку деньги: „это для тебя и Андрюши"—говорилъ онъ—„только конфектъ и пряниковъ пожалуйста не кушайте, въ особенности на тощій желудокъ—это вредно!" Я разворачивалъ эту бумажку тогда уже, когда онъ уѣзжалъ, и всегда почти находилъ не менѣе пяти рублей разною мелочью. Конфектъ и пряниковъ мы не покупали, но деньги въ два-три дня растрачивали до копѣйки.

Какъ я ни былъ малъ и неопытенъ, но мнѣ все казалось, что ученіе мое идетъ все какъ-то не ладно. Привыкши въ домѣ перваго моего воспитателя Кричевскаго къ правильному образу жизни и нѣкоторой свѣтскости, а въ Зѣньковскомъ Повѣтовомъ Училищѣ къ строгому и отчетливому ученію, я смотрѣлъ на Полтавскую Гимназію, въ которую забросила меня судьба, какъ на какую-то пустыню, гдѣ учители являются только изрѣдка, какъ любопытные путешественники—не болѣе. Я уже говорилъ, что насъ распускали иногда на пять и шесть недѣль во время грязи. Этого мало: и во время обыкновенное, когда ни грязи, ни стужи и никакихъ ни физическихъ, ни нравственныхъ причинъ, повидимому, не было, учители наши приходили въ гимна-

зію очень рѣдко, а въ классы и того рѣже. Это было для меня необъяснимой загадкой—я начиналъ увѣрять, что такъ и должно быть. Но въ самой сущности дѣла это было вотъ какъ: Директоръ И. Д. Огневъ былъ человѣкъ прекраснѣйшій и притомъ ученъ, какъ профессоръ, зналъ превосходно языки; но этимъ все и ограничивалось. Квартира его была на другомъ концѣ города, верстъ двѣ съ половиною отъ гимназіи, дѣтей у него было много, знакомыхъ еще больше; онъ жилъ открыто, и потому посѣщеніе имъ гимназіи составляло эпоху и случалось не болѣе десяти разъ въ годъ, разумѣется, кромѣ экзаменовъ, на которыхъ онъ всегда присутствовалъ.

Немудрено, что многіе изъ учителей привыкли служить по этому случаю *спустя рукава*. Въ особенности замѣчательны въ этомъ отношеніи: *Ефремовъ* и *Сорочинскій*. *Ефремовъ*, учитель математики, старикъ лѣтъ семидесяти, нажилъ себѣ прекрасное состояніе, содержа пансіонеровъ и притомъ будучи холостъ, онъ всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ занимался самъ, ежедневно ѣздилъ на базаръ, отвозилъ купленное домой и потомъ уже возращался въ гимназію: часто случалось, что онъ пріѣзжалъ часовъ въ одинадцать, когда не только первый урокъ оканчивался, но и второй проходилъ до половины [1]). Кромѣ того, онъ имѣлъ въ пяти верстахъ отъ, города хуторъ, куда почти каждый день ѣздилъ и пропускалъ по этому случаю послѣобѣденныя лекціи. Да и самыя лекціи не могли приносить намъ никакой пользы. Онъ обыкновенно приходилъ въ классъ на $^3/_4$ часа, а много на часъ; въ это время отправлялся къ доскѣ и выдѣлывалъ разныя задачи, вовсе не заботясь не только о томъ—понимаютъ ли его, но даже слушаютъ ли... Послѣ этого просматривалъ списки авдиторовъ, оставлялъ безъ обѣда получившихъ нули, потомъ преспокойно надѣвалъ въ классѣ свою теплую шапку съ ушами (если это было зимою) и отправлялся домой. Само собою разумѣется, что мы ровно ничего не знали, и когда приходилъ экзаменъ, то мы становились втупикъ, а отвѣчали кое-какъ его пансіонеры, съ которыми онъ самъ занимался дома. Директоръ не могъ не видѣть этого, но

[1]) Тогда ученіе начиналось въ 8 часовъ утра, и каждый урокъ продолжался два часа.

вѣроятно, изъ уваженія къ старости нашего наставника, молчалъ, а *мы продолжали ничего не знать.—Сорочинскій*, учитель латинскаго языка, былъ хотя и не старъ и, какъ можно было видѣть, зналъ свой предметъ отлично, но онъ имѣлъ слабость—*пить*.... пить не чай, не кофе, даже не вино, а просто сивуху и пунши. Онъ пилъ запоемъ мѣсяцъ, недѣли двѣ или три. Въ это время съ утра до ночи не угасалъ его самоваръ и число выпиваемыхъ имъ пуншей доходило до количеста баснословнаго. Что всего страннѣе, онъ пилъ одинъ въ сообществѣ только своей кухарки Александры. Эта Александра есть лицо историческое для Полтавской Гимназіи. Когда запой Сорочинскаго продолжался слишкомъ долго, такъ что директоръ уже могъ узнать, то обыкновенно составлялась депутація...... Эта депутація ровно ничего не могла сдѣлать безъ Александры. Не только дверь дома, но и ворота во дворѣ были заперты. Если случалось проникнуть за эти крѣпкіе затворы какимъ нибудь удачнымъ маневромъ, то на депутатовъ сыпался градъ ругательствъ сначала, потомъ стихи Горація, въ которыхъ такъ много говорится о винѣ, наконецъ, и чашки летѣли съ пуншами. Въ такомъ случаѣ обращались къ Александрѣ и просили ее протрезвить барина, въ противномъ случаѣ грозили сказать директору. Александра принималась за дѣло. Какъ происходилъ этотъ процессъ протрезвленія—я не знаю, знаю только, что Сорочинскій являлся къ намъ въ классъ выбритый и умытый, и мы начинали переводить Корнелія Непота—Themistocles Neocli fulius, Atheniensis; часто одна такая фраза служила прицѣпкой проговорить ему цѣлый классъ и вызвать изъ гробницы и катакомбъ всѣхъ Виргиліевъ, Гораціевъ, Ювеналовъ, Тибулловъ—а мы все-таки не только ничего не понимали, но и не знали склоненій и спряженій. Такъ какъ директоръ, хотя рѣдко, но все-таки посѣщалъ гимназію, то учители по крайней мѣрѣ должны были собираться въ гимназію. Въ классахъ они бывали по получасу—не болѣе, остальное время проводили въ канцеляріи, мы же между тѣмъ, или диктовали, или читали въ слухъ, или, что всего чаще случалось, дурачились: выхо-

дили драться классъ на классъ, играли въ *шварлая*, въ жмурки и т. п. А между тѣмъ годы проходили, насъ экзаменовали и переводили въ высшіе классы. Такъ и я, по милости Божіей, перешелъ теперь въ третій классъ—новое, блистательное поприще для меня открылось!...

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Частная переписка Григорія Андреевича Полетики.[1])

(1750—1784 г.).

42) Къ женѣ изъ Петербурга, 1784 г., 25 іюня.

Матушка душа моя, Елена Івановна! Писмо ваше отъ 2 числа сего мѣсяца получилъ я вчерашняго дня, а сего числа на оное вамъ отвѣтствую. Весма сожалѣю, что вы послѣ вашей горячки не можете оправиться, также и о Аннушкѣ, что она лихорадкою страждетъ, и другаго моего нѣтъ вамъ совѣта, какъ только, чтобъ вы скоро по полученіи сего моего писма, отправились со всѣми дѣтьми въ украинскія деревни, и тамъ побывавши въ Ромнѣ на ярмонкѣ и накупивши, что надобно для себя, для дѣтей и для дому, пожили въ Николаевкѣ или въ Коровинцахъ нѣкоторое время и полѣчились у брата Тимофѣя Івановича, какъ сами, такъ и Аннушка порядочнымъ образомъ; ибо домашнимъ лѣченьемъ вы ничего не успѣете, а хуже сдѣлаете. Дѣтей же всѣхъ съ собой совѣтую взять потому, что меншіе, оставшись въ домѣ безъ присмотра, будутъ шалить, вмѣсто того, что въ деревняхъ могутъ тѣже дьячки учить, что и въ Юдиновѣ, когда уже лучшаго никого нѣтъ. Я думаю, что братъ въ разсужденіи какъ родства, такъ и для того что я выходилъ ему штапъ-лѣкарскій чинъ, васъ порядочнымъ образомъ полѣчить не откажеться, а вы только меня послушайте. Весма бы хорошо, матушка, естьли бы, до новаго винокуренія, горѣлка наша изошла; ибо съ 60 или 70 бочками байдака отправлять

---

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1893 г; № 6.

кажется нѣдлячего. Всего бъ лучше, естьли бы вы просили Тимкова и другихъ кого можно, чтобъ они совѣтовали почепцамъ и погарцамъ у насъ бочками брать вино, да нехудобъ, естьли бы и въ Трубчевскѣ попытались навѣдаться, не надобно ли вино повѣреннымъ. Мнѣ кажется, что когда другіе берутъ за пѣнное по 80 копѣекъ и больше, намъ можно взять и по 75 копѣекъ, а за полугарное по 60 копѣекъ, а хотя и дешевлѣ, только надобно выговаривать, чтобъ обратно бочки отдаваны были. Другими вашими увѣдомленіями я весма доволенъ, какъ то о Подъельсковъ, о мѣдникѣ, о томъ, что не посылали ни сахару, ни другихъ вещей къ Мотонису; хлѣба же какъ въ Юдиновкѣ, такъ и въ Чеховцѣ намолото весьма мало, а въ Волотынѣ много ли его и молотъ ли, о томъ ничего и не пишете. Я бы хотѣлъ знать сколько его къ будущему винокуренію вездѣ молотаго и немолотаго находиться, и сколько надѣетесь получить его изъ украинскихъ деревень. О мальчикахъ для мастеровыхъ устройте какъ лучше. Пеньки, кажется, купили вы мало. Перемѣны цѣнъ нѣчего бояться, она всегда своей цѣны дождется. Однако сколько купили и своей собрали, естьли цѣна сходна будетъ, велите продавать. Николай Николаевичъ вѣрно или самъ повезетъ или пошлетъ дѣтей, и такъ вы вѣрно по сей оказіи книги мнѣ прислать можете. Аѳанасій Кирилловичъ или лѣнивъ или въ самомъ дѣлѣ не могъ исправить моей коммиссіи, да и лучше, что черезъ тотъ домъ я ничего получать не буду. Онъ, говорятъ, теперь въ Новгородкѣ при разборѣ дворянства [1]), гдѣ де меня многіе такъ, какъ въ Чернѣговѣ поминаютъ, и что меня тамъ нѣтъ—сожалѣютъ. Для васъ и для дѣтей что надобно будетъ искуплю и исправлю, только бы деньги были. У меня ихъ теперь неболѣ, какъ 400 рублей. Худое мое здоровье и непомѣрная здѣшняя дороговизна на все много ихъ истребляютъ. Для такой нужды, такожъ и для вышеписанныхъ покупокъ и для себя и для дому, какъ теперъ на нѣкоторыя вещи дешевшая цѣна, прошу васъ, матушка, прислать мнѣ изъ

---

[1]) Т. е. при составленіи тѣхъ „дворянскихъ" родословныхъ, о которыхъ говоритъ Гр. А. Полетика въ своемъ письмѣ къ Як. Ал. Гамалѣѣ. См. выше, № 40.

Ромна или чрезъ Погаръ, на почтѣ, триста рублей. Дѣло наше, уповаю, скоро рѣшится, то и по дѣлу денги мнѣ надобны. Вы ихъ чрезъ почту или объявивъ почмейстеру и заплативъ что надобно, или и не объявляя, переслать можете. Только пожалуйте прикажите проклятому шатуну Ситникову, чтобъ онъ такъ не шатилъ и не дурилъ. Всегда онъ моихъ приказовъ или не пойметъ или переиначитъ. Я еще дома будучи, приказывалъ ему, какимъ образомъ онъ писма ваши ко мнѣ отправлять и надписывать долженъ. Я ему въ другій разъ протолковалъ, но онъ и тутъ не такъ поступилъ. Онъ писмо ваше вложилъ въ ковертъ Николая Павловича ко мнѣ не надписанное, почему онъ его и распечаталъ, и не знаю читалъ ли оное или нѣтъ, а только прислалъ распечатанное и велѣлъ сказать, чтобъ впредь такъ не присылали. Онъ же его написалъ на текстѣ превосходительство, вмѣсто того, что надобно было написать высокородіемъ, а сколькожъ то въ писмѣ его ошибокъ и недописокъ. Видно, что онъ въ Юдиновѣ больше всѣхъ занятъ великими и важными дѣлами, что и самъ не тямитъ, что дѣлаетъ. Для дочерей нашихъ обѣщаютъ пріятели сыскать француженку, которую можетъ быть еще сего лѣта отправлю, только извольте знать на передъ, что ни молодой, ни дорогой не прійму. Вы, между тѣмъ, пожалуйте, велите убрать дѣтскія покои. Ильюшку, а больше того маляра—вы весма поздо отправили. Онъ, попачкавши тамъ недѣлю другую, заразъ станетъ просится домой для покоса, а послѣ онаго выживете вы его опять не скоро, а тамъ станетъ пачкаться и разныя затѣи выдумывать до зимы, вмѣсто того, что я хотѣлъ было, чтобъ онъ до Петровадни совсѣмъ отдѣлался. Весма мнѣ печально было увѣдомленіе ваше о сгорѣніи Чеховки, но сіе есть Божіе посѣщеніе за грѣхи наши. Вы весма хорошо сдѣлали, что дали имъ лѣса на избы изъ повали [1]) и уволили отъ пригону. Человѣколюбіе требуетъ въ такихъ случаяхъ съ потерею своего людямъ помогать. Не пишете вы, когда сіе сдѣлалось—днемъ или ночью, и уцѣлѣлъ ли ихъ хотя скотъ. Теперь хочу васъ просить, чтобъ вы въ двухъ пунктахъ поступили по нижеписаному:

---

[1]) Валежникъ, буреломъ.

1) Чтобъ заставили всѣхъ, и сгорѣвшихъ, и несгорѣвшихъ, мужиковъ вывозить для сгорѣвшихъ избъ толокою, но безъ потчиванія горѣлки, а такъ, какъ бы за пригонъ; 2) велѣть имъ дворы непремѣнно строить не попрежнему, но отступая другъ отъ друга гораздо далѣ и не менѣе какъ 15, а по крайней мѣрѣ 30 саженъ. Избы чтобы были всѣ на улицу выстроены, другое строеніе внутри, а овины позади огородовъ, въ самомъ концѣ. Найлучшій по таковому строенію образецъ и чертежъ есть въ указной Петра Великаго книгѣ, который можетъ сыскать Ситниковъ и потому велите имъ строиться, и отнюдь, пожалуйте, не дайте имъ своей воли, чтобъ по своему обычаю и тѣсно строились. Дерева кромѣ на избы и на овины, пожалуйте, никому не давайте, и то изъ повали, а прочее все пускай дѣлаютъ и городятъ лозою, и то, естьли бы можно, украинскимъ манѣромъ. Съ Соболевымъ мнѣ нечего раздѣлываться. Вы писали ко мнѣ, что вы 19 рублей на немъ и на мужикахъ доправили, которыя они потеряли, и такъ теперь осталось считать 46 рублей въ расходѣ, и по сему расходу расчитаться съ Петромъ Аѳанасьевичемъ за его человѣка и за лошадей, чемъ все и кончится. Вы уже въ другій разъ ко мнѣ пишете о Карабановѣ, а ни разу не написали, что онъ въ Юдиновѣ умеръ, а пишетъ ко мнѣ о семъ Петръ Аѳанасьевичъ. Я не знаю, чего онъ такъ долго послѣ меня у насъ замѣшкался, развѣ онъ долго пробылъ у Борозды, и тамъ испивъ смертную чашу, пріѣхавши къ намъ умеръ. Что съ Пѣсоцкимъ роздѣлалися весма хорошо сдѣлали, а съ нашего покоса можно будущею зимою планъ сдѣлать. Не пишете вы ничего, побилъ ли Пѣсоцкій сваи, а когда не побилъ, то велите наблюдать, чтобъ тычки цѣлы были. За строеніе дворовое и на гумнѣ вамъ благодарствую, велите оное оканчивать и увѣдомьте меня поправлена ли около двора огорожа? Решотки не худо бы сдѣлать, хотя по одной станицѣ отъ воротъ, по указанію архітектора, котораго вы, уповаю, призовете, когда ворота, закладывать будете, и такъ онъ можетъ то и другое заразомъ указать; надобно только, чтобъ она не выше забора была, а въ прочемъ хотя и меня съ нею дожидайтесь, съ строеніемъ же другаго погарскаго двора мож-

но обождать и до будущаго года, только бы въ первомъ все отстроено было и онъ бы былъ обмазанъ и вымощены избы; когда такъ не можно, какъ я приказывалъ, чтобы вымазать бутомъ или кирпичными кусками съ глиною, то хотя и цѣлымъ кирпичемъ съ глиною жъ, но кладучи оный не на рубъ, а въ ширину плотно, и велите, чтобъ въ избахъ всегда окошки отперты держали. Церьковь естьли взведутъ до потолоку, то на потолокъ велите брать или купленныя въ Каменѣ тесницы, или нарѣзать нарочно, по мѣрѣ, изъ Чеховскаго лѣсу досокъ такихъ, какъ рѣжутъся столь (?). Компанѣйця, пожалуйте, какъ можно постарайтесь отправить въ Орелъ, сказавъ ему, что естьли онъ окончитъ дѣло, то сверхъ жалованья своего отъ насъ награжденъ будетъ, естьли жъ никакъ ему нельзя за болѣзнію ѣхать, и Ситникова нельзя изъ дому отлучить, то не можно ли въ Погарѣ, чрезъ Тимкова, кого изъ писцовъ сыскать или въ Трубчевскѣ чрезъ Губкина, и нанять, договорясь съ нимъ, что ему давать на мѣсяцъ на харчи и что за труды, по окончаніи дѣла. Теперь остается мнѣ, матушка, объявить вамъ о себѣ. Я уже писалъ къ вамъ, что по разрѣзаніи явившагося на моей щекѣ желвака, шла съ него сперва худая, а потомъ отъ часу лучшая матерія, и я великое чувствовалъ облегченіе такъ, что врачующіе меня въ скорости хотѣли произвесть надъ полипусомъ операцію; но оставшаяся отъ того желвака часть верхняя, недалеко отъ глаза, о которой думали, что она уже такъ и останется, вдругъ разгниваться начала, а потомъ разгнилась жестоко, произвела столь скверную и ѣдкую матерію, что объѣла мнѣ щеку всю и произвела великую на оной рану и опасную такъ, что лѣкари, отложа уже на другое время операцію, стараются только всѣми мѣрами о излеченіи оной, очищаютъ оную всякій день по три раза сприцованьемъ и переменяя лѣкарства, а часто съ ланцетами и щипцами туда навѣдываютъся. Богъ знаетъ, сколько я отъ сего претерпѣваю мученія болѣзни и безсоницы; но на одно его милосердіе уповаю, и лѣкари меня увѣряютъ, что рана излечится можетъ, но не скоро. Со всѣмъ тѣмъ прошу васъ не тужить и не сомнѣваться. Естьли Вышній Творецъ захочетъ, чтобъ я перешелъ на тотъ

свѣтъ, то ни вы, ни дѣти наши не будутъ обижены, естьли будете слѣдовать моему завѣщанію, которое отъ меня въ надежныхъ рукахъ оставлено и къ вамъ доставлено будетъ. Но естьли Богъ дастъ, что я въ живыхъ останусь, то скажу вамъ еще, что я думаю о маленькихъ нашихъ дѣтяхъ. Я ихъ намѣренъ отдать въ пенсіонъ и записать здѣсь въ который нибудь изъ гвардейскихъ полковъ. И для того я бы просилъ васъ, чтобы вы ихъ завременно экипировали въ бѣльѣ и въ постеляхъ, и въ прочемъ нужномъ, кромѣ платья, которое здѣсь подѣлать можно, а для верхнихъ рубашекъ можете купить голландскаго полотна въ Ромнѣ, и пошить имъ, на первый случай, хотя по шести, дѣлая всѣ оныя также и другое на выростъ, а послѣ можно еще имъ по полудюжинѣ рубашекъ сдѣлать. Привезти ихъ сюда буду просить васъ или самыхъ, или когда вамъ нельзя будетъ, прислать съ надежнымъ человѣкомъ; но сіе, уповаю по моимъ обстоятельствамъ, не прежде воспослѣдовать можетъ, какъ по первой зимней дорогѣ. Осталось мнѣ увѣдомить васъ о дѣлѣ нашемъ. Оное будучи совсѣмъ готово, уповаю, заразъ послѣ каникулъ, тоесть въ іюлѣ мѣсяцѣ, слушано будетъ. Великое мое нещастіе, что я самъ никуда выѣхать и никого просить не могу; однако я при болѣзни моей не перестаю о семъ думать, изготовляю писма и записки къ гг. сенаторамъ и къ прочимъ, и предъ самымъ слушаніемъ оныя разошлю, а притомъ прошу и пріятелей моихъ, чтобъ за мене вступились. На милость Божію и на справедливость дѣла больше всего надѣясь. За противную же нашу сторону берется стараться Судденко[1]) и прочіе ему подобные; но Богъ больше ихъ. Я бы, можетъ быть, послѣ окончанія своего дѣла и по моемъ излѣченіи и самъ къ вамъ поѣхалъ, но хочется попытаться о Корсаковомъ и Кочубеевомъ дѣлахъ, не удастся ли ихъ при своей жизни кончить, а при томъ хочется и дѣтей здѣсь при себѣ устроить. Денги, матушка, какъ можно собирайте и берегите, употребляя только на необходимонужные расходы. Желая напослѣдокъ вамъ и дѣтямъ нашимъ, при моемъ благословеніи,

[1]) Осипъ Степановичъ Судіенко, завѣдывавшій частными дѣлами кн. Безбородко. См. о немъ Опис. Ст. Малор., I, 208.

добраго и лучшаго отъ моего здоровья, я есть вашъ вѣрный другъ и мужъ Г. Полетика.

P. S. Естьли Аграфена Григорьевна до пріѣзду моего замужъ выйдетъ, то пожалуйте, душенька, и въ разсужденіи родства и въ разсужденіи того, что она, мнѣ и вамъ въ угодность, дѣлала вамъ компанію, живучи въ домѣ нашемъ, снабдите ее, сколько можно лучше къ свадьбѣ, а во время свадьбы, чемъ заблагоразсудите и подарите или отпишите ко мнѣ, что ей купить въ подарокъ. Естьли жъ еще не скоро свадьба будетъ, такъ просите, чтобъ съ вами до свадьбы пожила. Пишетъ ко мнѣ Бартошъ, что Никита столяръ взятъ въ Юдиновъ; я думаю, что вы его взяли для скорѣйшей управы съ юдиновскимъ домомъ; но понеже и въ Николаевкѣ есть довольно нужныхъ подѣлокъ, а особливо для покоевъ и начатая имъ колокольня, то пожалуйте, естьли можно, туда его увольте, а особливо, естьли прійдутъ романовскіе столари.

43) Къ неизвѣстнымъ лицамъ, въ Петербургѣ, 1784 г.,—1 іюля.

Милостивый государь Стефанъ Івановичъ (Алексѣй Івановичъ). Пятый уже мѣсяцъ проходитъ, какъ я пріѣхавъ въ С. Петербургъ, нахожусь въ тяжкой болѣзни, и по сей причинѣ не могъ и не могу засвидѣтельствовать должнѣйшаго моего вашему превосходительству почтенія. Не одна, милостивый государь мой, удручаетъ меня болѣзнь, но сокрушаетъ больше и то, что я имѣя въ правительствующемъ сенатѣ дѣло, относящееся до половины моего имѣнія, не могу по оному самолично никого просить, ни внушенія сдѣлать. Дѣло сіе завелъ шуринъ мой коллежскій ассесоръ Михайло Гамалѣя не прямо со мною, но со второю отца своего и жены моей—женою, а ихъ мачихою, по смерти же ея продолжаетъ съ братомъ ея и наслѣдникомъ ея имѣній генеральнымъ бунчучнымъ Іваномъ Бороздною, за записанныя ей отъ отца его недвижимыя имѣнія, и опровергая отца своего запись, по той одной причинѣ, что она по смерти мужа своего тѣ имѣнія продала мнѣ и женѣ моей, а ему, какъ онъ тѣмъ льстилъ себя, не

подарила, и такъ производя дѣло, не прямо со мною, меня и и жену мою хочетъ прямо лишить справедливаго нашего пріобрѣтенія. Въ нижнихъ судахъ не получилъ онъ въ искѣ своемъ успѣха, ибо въ томъ ему, по неосновательности его доказательствъ, отказано; но онъ подалъ въ правительствующій сенатъ аппелляцію. Покорнѣйше, ваше превосходительство, прошу сдѣлать мнѣ милостивое заступленіе и по благоразсужденію вашему, попросить гг. сенаторовъ, а особливо г. оберъ-прокурора и новаго малороссійскихъ дѣлъ г. оберъ-секретаря Ананьевскаго, чтобъ по сему дѣлу, о которомъ отъ повѣреннаго моего поданы будутъ имъ записки, показано было правосудіе. Въ чемъ на милость вашего превосходительства будучи благонадеженъ, пребываю съ должнѣйшимъ высокопочитаніемъ и преданностію, милостивый государь, вашего превосходительства....

II Письма къ Григорію Андреевичу Полетикѣ.

44). Брата Степана Андреевича [1]*), изъ Глухова, 1754 г. 13 мая.*

Милостивый государь мой, братецъ Григорій Андреевичъ. Писмо ваше чрезъ дядю Матвѣя Павловича я получилъ і на оное симъ отвѣтствую: 1) дѣла коровинскаго я еще не починалъ, не імѣя отъ васъ въ присилки доношенія на ихъ искового; мнѣ же здесь составлять оное затѣмъ (что объ ономъ въ какой силѣ оное должно быть чтобъ і вамъ знать можно прежде подачи за разстояніемъ) не можно, якое вы составившы, въ самой скорости присилайте; сверхъ сего еще мой совѣтъ, ежелибъ ви подали тамо ясневелможному прошеніе, чтобъ ордеромъ его ясневелможности велено прежде росправить по даннимъ отъ нихъ, Ласкевичевъ, роспискамъ, ибо здесь того не здѣлаютъ, какъ извѣстился я, и какая состоится резолюція ко мнѣ оную для дѣйствія по оной прислалибъ немедленно. 2). Пожжено сѣно та-

---

[1]) Степанъ Андр-чъ Полетика, р. 1728+1777, сначала Константиновскій сотникъ, а потомъ бунчук. товарищъ; женатъ былъ на Татьянѣ Свѣтъ; оставилъ трехъ дочерей Ульяну (м. Стаховичъ), Марью (м. Новицкій) и Анастасію (м. Левандовскій).

кимъ образомъ, что подданній Ласкевичевъ, пустивши на степѣ пожаръ, спалилъ оное; еднакъ, что оное згорѣло намъ нехуду для того, что лучшимъ чемъ а не гнилимъ, незбутнимъ сѣномъ станемъ претенсию свою отбѣрать. 3) Радченкова еще и до сихъ поръ не сойшлась, а за пріѣздомъ моимъ зъ Глухова о томъ всемѣрно старатся стану и что послѣдуетъ, вамъ впредь будетъ вѣстимо. 4) Батюшка документовъ уже отъ мене требовалъ, еднакъ я съ нимъ поступилъ такимъ образомъ: когда ко мнѣ пріѣхалъ онъ и сказалъ объявить оніе, то я велелъ толко скопѣевать росписку Ласкевичеву та уступку отъ сестеръ поповихъ а дѣла всего за множествомъ не копѣевалъ, яко оное въ себѣ великой важности не содержитъ, и приложа ему тѣ копіи, показалъ, а о подлѣнныхъ какъ росписки, такъ и копіи уступки отъ сестеръ поповихъ объявилъ, что оніе вами взяти; въ тѣ поры онъ объявилъ мнѣ—пущай де и сие здесь въ тебе и ти дѣло починай, какъ хочешъ, я уже впредь мѣшать не стану и на томъ стою, что написалъ. И такъ я его намѣреніе пресѣкши, оное дѣло зачинать стану, въ тѣ поры когда отъ васъ исковая прислана будетъ. 5) Я досталніе денги вамъ вмѣстѣ здѣланими двома тулубами, (которіе уже совсѣмъ готови) прислать имѣю чрезъ почту, за пріѣздомъ моимъ зъ Глухова въ домъ, ибо ви хочай и пишите, чтобъ я чрезъ Михайла Андреевича прислалъ, точию Михайло Андреевичъ, какъ видно, чуть чи будетъ впредъ въ Пѣтербурги и исполнитъ ли свое намѣреніе, ибо его Хумутецъ очень пристрастилъ, что его отстать не можетъ. Писма какъ ваши, такъ и отъ г. Корновича когда мною получени и ему такъ отдани, какъ было писмо, то онъ, чтобы по тѣмъ дѣйствовать весма сталъ лѣнивъ, а между прочимъ написалъ, мене искушая, чтобъ я поѣхалъ къ сотнику Крижановскому и взялъ на себе тисечу рублей и ему отдалъ, хотячи мене разсужденіемъ себѣ подобного зделать. Я ему, какъ тѣхъ требуемыхъ нимъ невозможностей не зделалъ, такъ и ему на запросъ его нѣчого не отвѣтствовалъ и въ какомъ нинѣча разсужденіи и намѣреніи онъ находится, знать не могу, ибо весма за свиданнямъ моимъ печалился, что ви того ему не зделали, чего онъ желалъ, а о чомъ знать не могу, прошу мене

о томъ увѣдомить обстоятелно. О обращенняхъ малороссійскихъ прошу мене заподлѣнно увѣдомить, даби знать какъ поступать при нинешнихъ обращеніяхъ. Я на вишъ писанное желаю скорого отъ васъ увѣдомленія и напослѣдокъ предавъ себе вашей приязни, пребиваю васъ, милостивого государя моего, братца, всего добра желателний братъ и покорній слуга Стефанъ Полѣтика.

45) Брата Степана Андреевича, изъ Коровинецъ, 1758 г.,—мая.

Милостивый государь мой, братецъ, Григорій Андреевичъ. Я при засвидѣтельствованіи вамъ, милостивому государю моему, братцу, нижайшаго почтенія, чрезъ сіе, какъ на полученное отъ васъ мною въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, послѣднихъ чиселъ, писмо, такъ и о другихъ обращеніяхъ здешнихъ въ отвѣтъ доношу; 1) за покупку желѣзной кроватѣ покорно благодару, толко я еи еще не получилъ. 2) О дѣлѣ коровинскомъ я старатись бы радъ всемѣрно, чтобъ столь долговременніе хлопоты збуть зъ голови, но за перемѣнамы батюшкиными въ его обѣщаніяхъ, того доказать не могу; вы братецъ помните, что онъ на вашу прозьбу и мою обѣщалъ своихъ людей дать для перемолоту хлѣба, хочай за коробку, но по отездѣ вашемъ отъ того отказался, хочай я донѣсколко десять разъ о томъ его просилъ, но въ отвѣтъ, кромѣ бранѣ, нѣчего не получилъ; и такъ чрезъ свои продолженія до того дождался, что по согласію плутовъ Ласкевичевъ начала Полуботчиха искать за хлѣбъ, чтобъ ей отданъ, которой якобы еи скотомъ паханъ былъ; почему безпутная наша глуховская резиденція била и учинила, чтобъ безъ всякаго разсмотренія и отдать, но еденъ панъ Ханенко заспорилъ и ісказалъ свое мнѣніе, чтобъ перемолотивъ, содержать до опредѣленія вцѣлости, почему я спродажею хлѣба, какъ первіе за недачею молотниковъ, а нынѣ за арештомъ онаго, остался; чтожъ я своими людьми и ворами [1]) содержачимись перемолотилъ хлѣба и въ свое вѣдомство отъ нарочнаго, полковою, гадяцкою канце-

[1]) Вѣроятно, разумѣются содержавшіеся при константиновскомъ сотенномъ правленіи арестанты, которыми Степанъ П-ка распоряжался, какъ тамошній сотникъ.

ляріею по доношенію моему опредѣленнаго взялъ, оному вѣдомость при семъ посылаю. 3) О удовольствіи сестеръ еще прежде полученія вашего писма старался, но батюшка ихъ своими манѣрами збуваеть, нанося притомъ себѣ нынѣ а намъ слѣдующіе хлопота, еднакъ что то покажетъ вознесенскій роменскій ярмонокъ ожидать буду, и доказивать всемѣрно того стану, чтобъ съ ними крайній разводъ учинить, ибо и Параскевія къ тому времени бить имѣла, и что послѣдуетъ васъ імѣю увѣдомить. 4) За церковнимъ щетомъ батюшка сихъ чиселъ поедетъ и уже другимъ ктиторамъ зъ себе содержаніе здалъ за роспискою. 5) Екстрактъ съ крѣпостей пришлю, ежелы толко батюшка зделать допуститъ, ибо онъ разсуждаетъ, что можетъ сіе дѣлатся для якого умислу и обиди другихъ браттей, а сіе навело ему думать писмо братца Івана Андреевича, которой весма напрасно на мене суспѣкуетъ и укораетъ писмомъ за послѣдовавшое отъ батюшки опредѣленіе, которое мною будто дѣйствовано. Вы, братецъ, можете ему сочиненіе онаго внушить, что оное не въ Ромнѣ, но въ Глуховѣ писано и не мною дѣйствовано, которимъ не токмо онъ, но и я обижденъ, вопредѣленіи мнѣ единого толко коровинскаго кола противъ протчіихъ семи или пяти. За присилку рекомендаціи архіерейской покорно благодару, съ которой я получивъ копию, и вамъ сообщаю, еднакъ бѣшеной головѣ и удвое присовокупить, то нѣчего не поможетъ; теперича новіе началъ соплѣтать на мене сѣти, за неудачу его проектовъ, которими хотѣлъ наполнить тѣ мѣста пустие въ ризници невской [2]), которіе онъ прочистилъ; еднакъ я будучи надежденъ, какъ на васъ, братецъ, такъ особливо на моихъ милостивцовъ, Антона Стефановича и Сергія Сидоровича [3]), что вы меня отъ его сѣтей избавите, которихъ попросить обо мнѣ прилѣжно прошу, о чемъ я къ имъ особливо пишу. Въ протчемъ поручаю себе вашей любви и приязни. Вашъ всего добра желателній братъ і покорнѣйшій слуга Стефанъ Полѣтика.

---

[1]) Разумѣется письмо петербургскаго архіепископа Сильвестра Кулябки, писанное къ брату его Ивану, тогдашнему лубенскому полковнику. Послѣдній въ письмѣ здѣсь и называется—„бѣшенною головою".

[2]) Намекъ, повидимому, на ризницу Александроневской лавры, изъ которой Иванъ Кулябка могъ что-нибудь взять при посредствѣ брата.

[3]) Первый — Крыжановскій, а второй—Дергунъ

Хвалюсіа вамъ, братецъ, что Богъ милостивый свободилъ моего Івана съ погребу и вмѣсто Івана даровалъ дочь Анастасію въ знакъ коей рожденія за далекимъ разстояніемъ здѣшнимъ, узваромъ бить челомъ вамъ, братцамъ и милостивцамъ моимъ, не могучи, чрезъ сіе васъ покорнѣйше прошу нащетъ моихъ тридъцяти рублей, которіе я імѣю прислать къ вамъ при переводѣ объ вознесенскомъ роменскомъ ярмонки денегъ на сервизъ, здѣлать всѣмъ тамо пріятелямъ и милостивцамъ моимъ, Антону Стефановичу и Сергію Сидоровичу, хочай маленкій пріомецъ, что я за особливую вашу ко мнѣ любовь почитать стану, а особливо упоить Матвѣя Мартиновича (?) съ бандуркою, чтобъ онъ билъ столко веселъ, сколко я рожденію своей дочери.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БОЙ-ЖИНКА.

НЕИЗДАННОЕ ДРАМАТИЧЕСКОЕ СОЧИНЕНІЕ Г. Ѳ. КВИТКИ [1]).

Въ предисловіи къ собранію драматическихъ сочиненій Г. Ѳ. Квитки, изданному въ 1862 году [2]), было сказано, что собрать все то, чтó было писано Квиткою для театра, едва ли возможно, ибо ненапечатанное при жизни автора исчезло безъ слѣда, и сохранилось только преданіе о томъ, что существовали въ рукописяхъ нѣкоторыя не вошедшія въ означенное изданіе піесы и въ томъ числѣ *„Бой-жинка“*. О постановкѣ этой последней піесы на сцену въ Харьковѣ упоминали въ своихъ статьяхъ Н. И. Костомаровъ [3]), Г. П. Данилевскій [4]) и А. Корсунъ [5]).

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ было выпущено въ свѣтъ собраніе драматическихъ сочиненій Г. Ѳ. Квитки, въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ, мы получили рукопись считавшейся, какъ полагалъ издатель упомянутаго собранія, безслѣдно

---

[1]) По независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ, печатаніе этой піесы, предполагавшееся въ августовской книжкѣ, пришлось отложить на октябрьскую. А между тѣмъ, на дняхъ въ газетѣ „Южный Край“ (№№ 4370—4371) піеса эта появилась въ печати, что однако не мѣшаетъ намъ исполнить наше, во время неосуществившееся, намѣреніе, тѣмъ болѣе, что въ нашей рукописи замѣчаются нѣкоторые варіанты.—Ред.

[2]) „Драматическія сочиненія Григорія Квитки (Основьяненка)“, въ двухъ томахъ, изданіе книгопродавца А. С. Великанова, типографія П. А. Кулиша.

[3]) Въ статьѣ „Малорусская литература“, въ книгѣ Н. В. Гербеля „Поэзія славянъ, стр. 159.

[4]) Въ статьѣ „Григорій Ѳедоровичъ Квитка-Основьяненко“, въ книгѣ „Украинская старина, стр. 283.

[5]) Воспомин. о Г. Ѳ. Квиткѣ въ Литерат. газ. 1843 г., № 37.

утраченною піесы „Бой-жинка“ отъ Семена Степановича Гулака-Артемовскаго, воспоминанія о которомъ г. Зосима Недоборовскаго недавно были помѣщены въ Кіевской Старинѣ [1]).

Будучи опернымъ пѣвцемъ сначала въ Петербургѣ, а потомъ, подъ конецъ своей сценической дѣятельности—въ Москвѣ, С. С. Гулакъ-Артемовскій (по сценѣ извѣстный только подъ послѣднею своею фамиліей) иногда ставилъ на сценахъ императорскихъ театровъ малорусскія піесы и былъ такимъ превосходнымъ исполнителемъ малорусскихъ ролей, подобныхъ которому мы очень немного видѣли. Такъ, въ Москвѣ имъ были поставлены „Москаль-чаривныкъ“ Котляревскаго и собственная опера „Запорожецъ за Дунаемъ“. Объ его игрѣ въ „Москалѣ-чаривныкѣ“ восторженный отзывъ П. А. Кулиша былъ помѣщенъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ пятидесятыхъ годовъ.

Повидимому, и піесу „Бой-жинка“ Семенъ Степановичъ досталъ съ мыслью поставить на сцену въ Петербургѣ, а получить ее онъ могъ изъ Харькова, гдѣ въ то время еще жилъ его родной дядя, извѣстный писатель Петръ Петровичъ Гулакъ-Артемовскій, находившійся когда-то въ близкихъ отношеніяхъ съ Г. Ѳ. Квиткою. Изъ карандашныхъ отмѣтокъ, сдѣланныхъ противъ списка дѣйствующихъ лицъ, видно, что по полученіи рукописи Сем. Ст—чъ уже проектировалъ, кому раздать роли; такъ, судя по этимъ отмѣткамъ, роль Насти должна была исполнять г-жа Самойлова, роль Сумасвода г-нъ Самойловъ, противъ имени Оришки написано: „кто нибудь“ (значитъ, представлялось не важнымъ, кто именно будетъ исполнять эту роль, какъ незначительную), а противъ имени Потапа Левурды не имѣется никакой отмѣтки, изъ чего можно заключить, что эту роль С. С. Гулакъ-Артемовскій оставлялъ для себя. Но, насколько намъ извѣстно, „Бой-жинка“ не была играна въ Петербургѣ [2]).

Драматическія сочиненія Квитки во многомъ уступаютъ его малороссійскимъ повѣстямъ, а въ частности „Бой-жинка“ не

---

[1]) 1893 г. № 2, въ статьѣ: „Мои воспоминанія“.

[2]) Была поставлена въ Александринскомъ театрѣ въ 1887 г. (см.. Хроника Петербургскихъ театровъ Вольфа).—Ред.

отличается достоинствами, сравнительно съ другими драматическими сочиненіями его. Какъ имѣется указаніе въ самомъ заглавіи піесы („взятая изъ простонароднаго разсказа“) и какъ видно изъ содержанія ея, піеса эта основана на имѣющихъ юмористическій характеръ народныхъ разсказахъ о тѣхъ бойкихъ и ловкихъ женахъ, которыя обманываютъ своихъ мужей-простаковъ, заставляя ихъ вѣрить всякимъ небылицамъ [1]). Совершенно умѣстныя въ такихъ разсказахъ каррикатурныя преувеличенія получаютъ иной характеръ и могутъ поражать своими несообразностями, когда подробности юмористическаго анекдота растягиваются на цѣлое драматическое сочиненіе, и когда авторъ не умѣетъ быть веселымъ, не умѣетъ смѣшить зрителей комизмомъ создаваемыхъ имъ положеній, а талантъ водевилиста, какъ можно судить по настоящей піесѣ, не былъ свойственъ Квиткѣ.

Однако не все въ содержаніи „Бой-жинки“ заимствовано изъ народныхъ разсказовъ: роль улана Сумасвода, который, вмѣстѣ съ Настею, дурачитъ ея мужа, а потомъ улаживаетъ семейныя отношенія супруговъ,—цѣликомъ сочиненная, и притомъ немного напоминаетъ роль солдата въ піесѣ Котляревскаго „Москаль-чаривникъ“, вслѣдствіе чего участіе этого улана въ развитіи дѣйствія въ піесѣ можно считать навѣяннымъ „Москалемъ-чаривникомъ“, точно также какъ въ піесѣ „Сватання на Гончаривци“ нѣкоторыя вещи были навѣяны „Наталкою полтавкою“.

Но каковы бы ни были литературные достоинства и недостатки „Бой-жинки“, эта попытка Квитки создать малорусскій водевиль представляетъ несомнѣнный интересъ для исторіи развитія его таланта, и потому не должна была оставаться въ неизвѣстности, а въ особенности теперь, когда исполнилось полвѣка со дня кончины его, въ виду чего, зная о желаніи редакціи Кіевской Старины посвятить памяти Квитки августовскую

---

[1]) Ср. напримѣръ записанный Залюбовскимъ разсказъ о томъ, какъ жена увѣрила своего мужа въ томъ, что онъ умеръ. (Матеріалы и изслѣдованія, собранныя П. П. Чубинскимъ, т. II, стр. 540).

книгу журнала, мы не могли не подѣлиться съ уважаемой редакціей тѣмъ, что́ имѣли.

Добавимъ, что мы получили отъ С. С. Гулака-Артемовскаго ту самую рукопись, которая была получена имъ изъ Харькова и которая представляетъ собою переплетенную въ четвертку листа тетрадь, писанную неизвѣстнымъ намъ почеркомъ. Изъ сдѣланныхъ карандашемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сокращеній, а также изъ разныхъ карандашныхъ отмѣтокъ на поляхъ видно, что по этой самой тетради піеса ставилась на сцену. На это же указываетъ и написанная въ одномъ мѣстѣ на вклеенномъ листкѣ бумаги вставка, сдѣланная очевидно для того, чтобъ дать возможность исполнителю роли Потапа спѣть лишнюю пѣсню („Ой пидъ вишнею пидъ черешнею"). Кромѣ того, въ тетради замѣчаются разныя поправки, сдѣланныя чернилами, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ даютъ возможность предполагать, что эта тетрадь—есть авторскій экземпляръ. Такъ напримѣръ, въ рединѣ третьяго явленія, послѣ фразы Потапа: „Отже зовсимъ такъ здалося, що я его вбывъ и прынисъ тоби" и написанныхъ въ скобкахъ словъ: „Во время этой сцены Сумасводъ показывается въ огородѣ и", первоначально были написаны слѣдующія выраженія: „Закапываетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рыбу, которую имѣлъ въ мѣшкѣ, а потомъ, перемигнувшись съ Настею, скрывается, унося съ собою мѣшокъ"; затѣмъ эти фразы были вычеркнуты и, вмѣсто нихъ написано: „проходитъ чрезъ сцену въ хату". Зачеркнутыя выраженія показываютъ, что, кромѣ всѣхъ тѣхъ обмановъ, которые въ піесѣ Сумасводъ и Настя употребляютъ по отношенію къ Потапу, авторъ хотѣлъ (согласно съ содержаніемъ народнаго разсказа) представить картинку еще одного обмана, именно мнимой ловли рыбы на огородѣ; но въ дальнѣйшемъ изложеніи піесы объ этой рыбѣ вовсе не упоминается: значитъ, мысль объ означенной подробности, какъ излишней, была отброшена. Такимъ образомъ, задуманное авторомъ содержаніе пьесы измѣнилось уже послѣ того, какъ въ этой самой тетради были написаны вышеприведенныя фразы, вслѣдствіе чего онѣ и были вычеркнуты и замѣнены другою фразою. Вѣрно-ли высказанное

предположеніе—утверждать не можемъ, и предоставляемъ въ распоряженіе редакціи въ подлинникѣ ту самую рукопись, которую мы получили.

Н. Шугуровъ.

8 Августа 1893 г.

БОЙ-ЖИНКА.

Малорусск. опера-водевиль въ 1-мъ дѣйствіи, взятая изъ простонароднаго разсказа. Соч. Г Основьяненка.

Дѣйствующія лица:

Въ г. Харьковѣ.

Потапъ Левурда, малорусскій крестьянинъ г. Домбровскій.
Настя, жена его . . . . г-жа Млотковская.
Сумасводъ, уланъ [1]) . . . . г. Карабановъ.
Орышка, мать Насти . . . . г-жа Эмельянова.

Дѣйствіе въ г. Харьковѣ на Ивановкѣ.

(*Внутренность крестьянскаго двора. На задней стѣнѣ хата съ дверью на сцену. На лѣвой сторонѣ сцены заплетень, огородъ, въ который можно черезъ плетень перелазить. Въ огородѣ на=переди большое вербовое дерево и за нимъ разныя другія*).

Явленіе І-е.

Настя (*Сидя на скамейкѣ шьетъ*).

№ 1-й.

Чы я въ поли не травыця була?
Чы я въ поли не зелена була?
Взялы жъ мене покосылы,
И въ покосы положылы,
Така доля моя!

—

[1]) Сумасводъ Уланъ не долженъ правильно говорить по малороссійски, а нужно мѣшать болѣе русскихъ словъ, въ то время игравшій эту роль болѣе выиграетъ.

Чы я въ батька не дытына була?
Чы я въ него не кохана була?
Взялы жъ мене и звиньчалы
И свитъ мени завязалы,
Така доля моя!

—

Що то вже, не дурно сказано—доля, тай терпы. Якъ по моій натури, усебъ спивала, та скакала; такъ щожъ будешь робыты?... А тамъ и не зтямышся якъ молодыи лита мынуются.... Охъ, доленька—доля моя! (*Шьетъ*).

Явленіе 2-е.

Настя и Сумасводъ (*входитъ не примѣчая Насти*).

Сумасводъ. Матушка сказала, что я ее найду здѣсь, а между тѣмъ... Те-те-те вотъ и она. (*Подходя къ ней*) Здравствуй, красная молодыця.

Настя (*испугавшись*) Охъ мыни лыхо, чы не постой у насъ буде? Бувайте и вы здоровы... А кого вамъ тутъ треба?

Сумасводъ. Эхъ Настя! Настя! Боишься-ль ты Бога? Родного брата и не узнаешь? Ну-ка взгляни на меня хорошенько...

Настя (*смотря на него, узнаетъ и вскрикиваетъ*)

Охъ, такъ и е!... (*кидается къ нему на шею*) Братику мій!... Соколыку!... Лебедыку!... (*цѣлуетъ его нѣсколько разъ приговаривая*) Мій орлыку! Мій горобчыку! Мій снигирику!

Сумасводъ. Здравствуй, здравствуй, моя сестрица... Ну, какъ поживаешь?... вѣдь я тебя замужнею и не видѣлъ. Да какая ты красавица...

Настя (*перебивая*). Потрывай! Чы се ты вже у въодставку прыйшовъ?

Сумасводъ. Отъ-такъ!... Черезъ три года да и въодставку... Нѣтъ, я отпросился въ отпускъ... Недалече квартируемо, въ Чугуевѣ... Ротмистръ, добрая душа, отпустилъ на цѣлую недѣлю. А давно ты выйшла замужъ?

Настя. Та ще торикъ.

Сумасводъ. Гдѣ же твой мужъ? Хорошо ли ты съ нимъ поживаешь?

Настя. Де то вже не добре! Богатый, миры нема, усёго е... я сама соби господыня, усимъ гораздъ... одно тильки мыни... не дуже розумный, знаешь на цвиту прыбытый. Якъ же се водытся и я знаю, що за дурнемъ лучче и спокійнише жити, чымъ зъ розумнымъ, такъ я за нёго съ радистью пишла. Воно бъ то и ничого, такъ ревнывый соби на лыхо. Тамъ такый, що и не дывысь никуды, и не ходы никуды, и не знайся ни зъ кимъ. Просышся, просышся, на превелыку сылу выпросышся або до кумы, або до свахы, гляды, вже и бижыть и заганя и лае за що вздрыть. Вже ажъ голову мыни проивъ.

Сумасводъ. Ну, я съ нимъ поговорю... а пока, нѣтъ ли чего закусить.

Настя. Де то вже нема; ще мудрый борщъ зъ заячыною. Тутъ смихъ: учора у поли оравъ, та якъ-то зайця чы вбывъ соннаго, чы ціймавъ, такъ и звеливъ борщу зварыты, самъ, каже, усе зъимъ; та отсе десь забарывся, нейде.

Сумасводъ. А ты возьми да этотъ борщъ отдай мнѣ скушать... Э! постой, знаешь что, сестра... проучимъ-ка твоего мужа по-нашеньски, по-солдатски?

Настя Щобъ-то якъ?

Сумасводъ. Я-то знаю какъ. Пойдемъ въ хату, пообѣдаемъ и посовѣтуемся, какъ его навести на умъ. (*Уходятъ*).

Явленіе 3-е.

Потапъ. (*Входитъ скоро*).

№ 2-й.

1-й куплетъ.

Казавъ мыни батько
Щобъ я оженывся,
До дивчатокъ не ходывъ
Тай не волочывся.
А я добрый хлопчикъ
Тай не волочывся,
Де дивчатокъ чувавъ,
То тамъ ночувавъ;
А де молодычки,
То тамъ и дви нички.

2-й куплетъ.

Якъ я коня наповавъ,
Настя воду брала,
Якъ я Насти заспивавъ,
Настя заплакала.
А що кому до того,
Що я Настю люблю
И я своій Насти люби
Черевычки куплю.

3-й куплетъ.

Черевычки невелычки,
Панчишечки зъбабака,
Що бы моя Настя люба
Выбывала тропака,
Выбывала тропака,
Отъ такъ, якъ и я.

—

Чы то мыни такъ здалося, чы що? Такъ щось мотнулося у хату, мовъ жинка, та нехай Богъ мылуе, мовъ зъ москалемъ... Вжежъ на вдаку, якъ тутъ мене пылно жде обидаты, такъ щобъ приняла кого другого. Отъ такъ-пакъ! Потурай жинкамъ. Сказано, мужыка обнимае, а на халахура моргае... Колыбъ я змигъ, ябъ усихъ оттыхъ халахуривъ, що е и межъ солдатами и межъ школярами, та таки и межъ панами, усихъ бы перетопывъ, щобъ не заглядалысь на дивчатъ, та не пидморгувалы молодыцямъ. Лыхо зъ ными, тай годи. Отъ же бачъ и не выходыть жинка, а тутъ исты, ажъ шкура болыть.—Гей ты? Насте, Насте! (*хочетъ отворить дверь*) Бачъ, защепнулась. Видчины, Насте! (*Настя и Сумасводъ въ хатѣ хохочутъ*). Охъ, мыни лыхо! Тамъ соби регочутся, та у двохъ... (*Стучитъ крѣпко въ дверь*). Видчины швыдче, гаспыдська лычыно! Видчиняй покы ще....

Настя. (*выглядывая изъ хаты въ окно*). Хто тамъ товчется? Чы то ты, Потапе? Трывай лышень, заразъ видчыню.

Потапъ (*дразня ее*). Чы то ты, Потапе? То мабуть, ще кого ждала? (*Настя вышла*). А у хати хто?

Настя. А хтожъ буде у хати, колы я выйшла.

Потапъ. Ни, ты мыни кажы, зъ кымъ ты реготалась?

Настя. Тютю, реготалась! То я спала, а якъ ты ставъ стукаты, такъ я позихала.

Потапъ. Позихала! Колы на уси заставки зъ москалемъ ге, ге, ге, ге, ге! Позихала?

Настя. Зъ якымъ бы то москалемъ? Де винъ тутъ у гаспыда озьмется?

Потапъ. Де озьмется, колы я самъ забачывъ, що шморгнувъ за тобою у хату.

Настя. Забачывъ! Колыбъ бачывъ именно, такъ бы и такъ. Се такъ, якъ на тымъ тыжни—прытьмомъ хтось у хати е; колыжъ оглядився, такъ цуцыня.

Потапъ. Цуцыня! Кажуть тоби не цуцыня, а москаль, уланъ.

Настя. Дебъ то у насъ москали узялысь? Хибажъ тутъ постой, чы що?

Потапъ. Ты якъ захочешь, то знайдешъ; ты на те жинка. А пошукаю я у хати?

Настя. Пошукай соби хочь на хати, колы тоби николы.

Потапъ. (*идетъ въ хату, а Сумасводъ выскакиваетъ изъ хаты съ тенетами въ окно и бѣжитъ черезъ плетень на огородъ и тамъ скрывается. Черезъ нѣсколько времени Потапъ выходитъ, неся уланскую саблю*).

Потапъ. (Съ большимъ сердцемъ). А се що таке? Га?— Що се таке? Гадюко!

Настя. (*Равнодушно*). Де?

Потапъ. Отсе, отсе що? Не бачышъ?

Настя. Се мое мотовыло.

Потапъ. (*прилежно разсматриваетъ*). Яке мотовыло? Що се ты кажешъ? Мотовыло!

Настя. Мотовыло зъ моткомъ. Не жартуй бо, Потапе, пасма поспускаешъ.

Потапъ. Яке се мотовыло?.. Се щось уланське, тилки що его не знайшовъ. Кажы, де винъ! Не скажешъ, застрелю. (*Прицѣливается саблею*).

Настя. Та ну, годи жартоваты, кажу пасма поспускаешъ, тогди мыни наробышъ дила. Ке сюды, кажу (*Отняла у него саблю и мотаетъ съ нея будто нитки*).

Потапъ. (*Съ удивленіемъ смотритъ*) Бачъ и мота. А дежъ у тебе нытка? Де вона?

Настя (*показываетъ ему бутдо нитку, съ ласкою*) Ось бачъ, та тоненька-тоненька. Вже нихто такъ не напряде, якъ твоя жинка.

Потапъ. (*протирая себѣ глаза*) Мотовыло! Заховай же от-се мотовыло, якъ прыйде маты, покажы ій, чы сежъ мотовыло? А поки давай обидаты. Борщъ е?

Настя. Якый тамъ борщъ?

Потапъ. Якый? Зъ заячыною!

Настя. Чы не треба ще у гарбузъ перцю? Дебъ-то ты тіеи заячыны узявъ!

Потапъ. Де узявъ? Я учора піймавъ зайця.

Настя. Що се ты говорышъ? Хыбажъ ты собака, щобъ тоби зайцивъ ловыты? Охъ лыхо мыни зъ тобою!

Потапъ. Яке тутъ лыхо? Я оравъ, дывлюсь, заецъ лежыть, я пидкрався, та якъ урижу его кійкомъ по голови, винъ якъ перевернется, а я и узявъ и прынисъ тоби и сказавъ, щобъ мыни борщу зварыла зъ заячыною.

Настя. Охъ, горечко тяжке! Уже ты и зайцивъ ловышъ, вже и мого мотовыла не пизнаешъ... Що мыни бидній робыты? (*Притворяется, что будто плачетъ*).

Потапъ. Чи вжежъ то я не прыносывъ зайця?

Настя. Та далеби що ни!

Потапъ. Отже зовсимъ такъ здалося, що я его вбывъ и прынисъ тоби.

(*Во время этой сцены Сумасводъ показывается въ огородѣ и проходитъ чрезъ сиену въ хату*).

Настя. То то и лыхо, що здалося. Почынено тоби, мій соколыку! (*Ласкаетъ его*) Почынено, колы вже и мотовыла не пизнаешъ. Охъ лыхо мыни!

Потапъ. Такъ се мотовыло?

Настя. Та далеби що мотовыло.

Потапъ. Заховай, заховай, що маты скаже. Дай же обидаты, що тамъ е?

Настя. А що е? Увесь ранокъ копала на вогороди, та и у печи не топыла. Тильки и е, що учорашня каша.

Потапъ. Ну дай же, душко, хочъ шматокъ каши, бо дуже исты хочу.

Настя. Заразъ вынесу. Не втикай никуды. (*Уходитъ въ хату съ саблею*).

Потапъ (*одинъ*). Хто іи зна, чыя правда. А щось не дурно въ мене въ очахъ зеленіе. Жинка жъ божится, що не прыносивъ зайця; божится, що мотовыло...

Настя (*приноситъ на тарелкѣ кашу и мотовило*). Нажъ, мій Потапочку, поижъ хочъ сухои кашкы, покы до вечора, зарижу курку, та мудрого борщу зварю. (*Садится близъ него и обнимаетъ его*).

Потапъ. Замисць заячыны, (*смѣется*) Ге, ге, ге, ге!

Настя. Та нубо не згадуй, ще хто пидслуха, та сміятыметься. Ижъ, мій Потапочку.

Потапъ. (*Увидя мотовыло*) А то въ тебе що?

Настя. (*Мотая нитки на мотовило*) Та сежъ мотовило, що ты звеливъ матери показати.

Потапъ (*взявъ мотовило, стучитъ имъ объ полъ*) Теперъ и не брязчыть.

Настя. Та годи-бо вже, мовчы та ижъ. А я ось заспиваю тоби писеньки.

№ 3-й.

Ой бувъ колысь Охримъ,
Та на лыхо дурный зовсимъ,
Въ него жинка та Кулына,
И весела, жартовлыва,
Та скакала часто въ гречку.

Потапъ. (*Съ полнымъ ртомъ каши*) Бачъ яка?—Щожъ винъ?

Настя.

Зъ мужыка вона сміялась
Тилько знай все женыхалась,
Мужыкъ плохый и байдуже,
Доглядается не дуже.
Дума такъ здается.

Потапъ. От-то дурный!—На-на тютю! (*хохочетъ*).

Настя.

Вона зъ солдатомъ верховодыть,
Мужикъ ни се, ни те городыть,
Звела зъ ума его зовсимъ,

Сміется бидненькій Охримъ!
Пошила его въ дурни.

Потапъ. Не знаю, якъ-бы такъ на мене, чы не провчывъ бы я и халахура и тебе? Щей ничого, ще мыни тильки помаячыло москалемъ, ще мотовила твого не пизнавъ, та я съ сердця трохы тебе не зъивъ. О! я злый; ты мене тильки не серды. Отъ-же, спасыби тоби, нагодовала мене добре; хочъ и безъ обиду, та гарно наився, и самои каши. Отъ за те тебе обниму и поцилую. (Между тѣмъ Настя тихо встала и ушла въ хату, а на ея мѣсто подсѣлъ Сумасводъ, который вышелъ изъ хаты съ саблею, при боку припоясанною).

Явленіе 4-е.

Потапъ и Сумасводъ.

Потапъ, (*утершись медленно оборачивается, обнимаетъ и цѣлуетъ Сумасвода, но увидѣвъ его, вскочилъ и кричитъ*).

Що се таке за проява?

Сумасводъ, (*не вставая съ мѣста*). Здоровъ, земляче!

Потапъ. Скажи ты мыни, що ты таке е? Видкиля ты прыйшовъ и чого тоби треба? Чы ты може....

Сумасводъ. Я себѣ уланъ простой, Сумасводъ.

Потапъ. (*осматривая его и указывая на саблю*).

На щожъ ты отсе почепывъ моей жинки мотовыло?

Сумасводъ. Гдѣ таки тутъ у чорта мотовыло? Видишь—сабля. (*Вынимаетъ саблю изъ ноженъ*).

Потапъ. (*струсивъ бѣжитъ отъ него*). Ой лышечко! Цуръ тоби, не рубай и мене, а жинку вже може на шматки порубавъ. Де моя жинка? Кажы, де вона? Вона тутечкы сыдила.

Сумасводъ. (*все подходитъ къ нему, а Потапъ подалѣе отходитъ*). А на чорта мнѣ твоя жена? Ябъ тебѣ и свою отдалъ, тамъ така сердита.

Потапъ. (*дѣлается смѣлѣе и подходитъ къ нему*). Охъ, братику, лыхо намъ видъ жинокъ! Послухай мене, якъ зъ ными зправлятысь: сердься усе на неи та товчи развивъ по пять у день; отъ якъ я свою; такъ духа мого трепещетъ.

Сумасводъ. Чортъ съ нею и съ тобою! Я не затѣмъ къ тебѣ прышолъ. У тебя есть лошадь такая, что у насъ во всемъ полку такой нѣтъ.

Потапъ. (*насмѣшливо*). Коростява, та крыва на заднюю ногу.

Сумасводъ. Говори! Мы то знаемъ, что это за сокровище такое. Командиръ послалъ меня къ тебѣ, говоритъ: купи ту лошадь; што хотятъ, то и дай, а только купи. Хочешь? Вотъ тебѣ съ перваго слова пятьдесятъ рублей.

Потапъ. Охъ мыни лыхо... Се пару воливъ можно купыть! Колыбъ не роздумавъ.

Сумасводъ. Что, мало? Ну, такъ и быть. Даю сто рублей. Бей по рукамъ.

Потапъ. (*бьетъ по рукамъ*). Пожалуй, колы тоби... (*отъ радости не можетъ говорить*).

Явленіе 5-е.

Тѣже и Настя.

Настя. А що вы тутъ, торгуетесь?—Ты вже, Потапе, щось и продавъ, що по рукамъ бьешъ?

Потапъ. Жинко... Насте... Продавъ нашу патыку... беры въ него сто рубливъ.

Настя. Чы не дурный-же ты? Винъ бильше дасть... Зачимъ ты продешевывъ?

Потапъ. А я продешевывъ? Дасть двисти?—А ну, ну, скажи ёму, чы дасть двисти?

Настя. Охъ не хочу, не сылуй мене, я уланивъ боюсь. Якъ у день побачу якого, то ажъ трушусь цилу ничъ.

Сумасводъ. Что вы тамъ толкуете. Ну, говори, отдаешь за сто рублей, вотъ и деньги.

Потапъ. Та ни... не можно, такъ дешево буде.. колыбъ двисти....

Сумасводъ. Пожалуй, мнѣ деньги не счотъ, только нужно прежде осмотрѣть. Ну-ка, хозяюшка, веди меня въ хлѣвъ къ лошади, мы тамъ вмѣстѣ съ тобою её осмотримъ.

Настя (*съ радостью собираясь идти*). Ось заразъ, служивый...

Потапъ (*удерживая ее*). Э ни, ни, ни! Трывай лышень. Такъ негодытся розглядаты. Я самъ свого коня приведу... Э! та якъже я у двохъ ихъ зоставлю?... а лыхо тай годи!...—Пидить, господа служба, сами, отъ тамъ кинь у хливи стоить; оглядить соби.

Сумасводъ. А чтобъ ты не дождалъ, что-бы я по чужимъ закаулкамъ самъ расхаживалъ. Не хочешъ, чортъ съ тобою и твоею лошадью.—Пойду и скажу командиру, что не продаешъ.

Потапъ. (*въ сторону*). Се бачу такъ соби... думавъ що мене дома нема, та до жинки бъ-то?... Не на таковського напавъ. (*Ему*) Іидить-же швыденько, іидить видсиля. Сказано не продаю. Іидить же, іидить. (*Провожаетъ Сумасвода и все оборачиваетъ его назадъ, когда тотъ уходя смотритъ на Настю. Потомъ видитъ, что и Настя смотритъ на Сумасвода,—бросается къ ней и отворачиваетъ ее. И то и дѣло бросается отъ улана къ женѣ, а отъ жены къ улану, повторяя слова*): Та іидить, іидить (*Женѣ*). Та не дывысь на нёго!... Чого ты дывышся? (*Когда уже уланъ ушолъ, онъ возвращается къ женѣ*) Чого такы такъ пыльно приглядатысь? Якъ тутъ, такъ и не страшный. Ой ты добра! (*Въ это время Сумасводъ выходитъ и разставляетъ тенеты*).

Настя. Ну тебе у болото зъ нымъ! То я зъ переляку дывылась, щобъ винъ тебе, мого соколыка, не застреливъ отъ тымъ, що у нёго при боци высыть...

Потапъ. Будто бъ-то я и дався ёму!...—А такъ и є, твоя правда. То не мотовыло, я самъ разглядувавъ...

Настя. Та ну вже годи, не згадуй. Ще хто почуе, то сміятеметця. А лучше знаешъ що, мій Потапочку, якъ ты теперь гарненько пообидавъ...

Потапъ (*хохочетъ глупо*). Борщу зъ заячыною?...

Настя. Та не згадуй, кажу тоби: вже чого бъ то тамъ ни було, та пообидавъ-же, такъ теперь ты иди у хату, та спочынь трошки, а я пиду до матерії на часынку попрохаты, щобъ до насъ прыйшла. Прощай, мій голубчыку Потапчыку, прощай. (*Уходитъ*).

Потапъ. Іиды здорова [1]). А справди пиду въ хату, та ляжу спать. (*Позихаетъ, спѣшитъ итти въ хату, попадаетъ въ тенеты, которые Сумасводъ разставилъ, кувыркается, запутывается и кричитъ*) Ой лышечко, попавъ у тенеты, мовъ заець!... А говъ, жинко! Жинко! вернысь-ке лышень сюды, вернысь, та выратуй мене. (*Барахтается и больше запутывается и все кричитъ*) Ой! ой! ой!

№ 4-й.

Ой ратуйте люды
Дуже я злякався,
Мовъ той звиряка,
Въ тенеты попався,
Бачь жинка зъ уланомъ,
Гуляе и скаче,
Що мужыкъ стражда
Вона и не плаче.
Ой Потапе сердега,
Тутъ ты пропадай
Убьють замисць вовка,
Гай, лышечко, гай, гай!

---

[1]) Послѣ этихъ словъ, какъ было упомянуто выше, въ рукописи имѣется вставка, написанная на вклеенномъ въ тетради листкѣ бумаги и сдѣланная очевидно для того, чтобъ дать возможность исполнителю роли Потапа спѣть лишнюю пѣсню; почему эту вставку, какъ сдѣланную неизвѣстно кѣмъ въ угоду исполнителю означенной роли, приводимъ въ выноскѣ.

Сказавши: „Іиды здорова", Потапъ продолжаетъ.

Потапъ. Ну щожъ оце теперь я буду робыты, чы вже то иты спаты, якъ жинка сказала.—Ни, люба Настю, такъ не гараздъ. А лучше отъ що: щобъ мыни веселійше стало на сердци, я заспиваю соби ту писню, що у насъ Макогоненко спива.

№

Ой пидъ вышнею, пидъ черешнею
Стоявъ старый зъ молодою, якъ изъ ягодою 2.
И просылася и молылася:
— Пусты мене, старый диду, на улыцю погулять 2.
Ой и самъ не пиду, и тебе не пущу:
Хочешь мене старенького та покинуты!
Ой не кидай мене, моя голубонько!
Куплю тоби хатку, и ще сина жатку,

А говъ! Жинко! Жинко!—Вона впьять скаже, що то мыни такъ здавалось... Ну ну, такъ що здается... Хтожъ це тутечка мои тенеты розставывъ... Ой лышечко, чы не москаль за одно зъ Настею... Такъ, такъ и е... вона мабуть до него то и побигла... У-у-у-у! щобъ-то зробывъ я, колыбъ вырвався... Эге, не можно, хочъ якъ, та не можно выплутатысь... Ну, я ій дамъ... хиба не вырвусь...

Явленіе 6-е.

Настя (*Переодѣтая уланомъ*) и **Потапъ** (*Въ тенетахъ*).

Настя.

№ 5-й.

Иде уланъ по селу
Шабелькою брязь-брязь,
На дивчину усомъ моргъ,
Та у шпоры лясь-лясь.
    Пострывай лышъ улане
    Не моргай усами,
    Не озовуся я до тебе
    Чорными бровами.
Уланъ крутыть черный усъ
Шабелькою брязь-брязь
До дивчины усмихнувсь,
Та у шпоры лясь-лясь.
    Горда ты?—Я въ шынокъ,
    Та выпью тамъ чарку,
    Приголублю я до себе
    Вродлыву шынкарку.
Пишовъ уланъ танцюючи,
Шабелькою—брязь-брязь,

И ставокъ, и млынокъ, и вишневый садокъ.
Ой не хочу я хатки, и ни сина жатки,
Ни ставка, ни млынка, ни вышневого садка.
Ой ты старый дидуга, изогнувся, якъ дуга,
А я молоденька гуляты раденька 2.
От теперъ часъ идты отдохнуты—пиду, ляжу.

Шапку сыню на бакиръ
Та у шпоры лясь-лясь.

—

Де жъ се моя Настя? Казала, звистку подамъ, якъ мужыкъ куды повіетця; подала, я й прыйшовъ, а іи нема.

Потапъ. Охъ мыни лыхо! Опять уланъ! И троха се вже чы не другый... Такъ и е! Якъ мухы до меду, такъ уланы до мене посыпалысь... Охъ! Охъ! Охъ!

Настя. Хто тамъ стогне? Чы не моя душка Настя? Де ты? Озовыся.

Потапъ, Ось-осьдечки я!... Ажъ у тенетахъ.

Настя. (*подойдя къ нему*). Чого ты сюды забравсь? Або хто тебе запроторывъ сюды?

Потапъ. Та такы нихто. Знаешъ, пообидавъ мудро, захотилося спаты, такъ я у тенеты, знаешь на прохолоди, щобъ мухы не кусалы, тай заплутався трохы. Ось выплутай мене, Господа служивый!

Настя. Изволь, землякъ!... (*будто хочетъ его выплутать. Вдругъ останавливается*) А хто жъ ты такый? Ты може...

Потапъ. Та ни, се не я! Ей же то Богу, що се не я. Выплутай тилки.

Настя. Такъ ты може самъ и е Потапъ?...

Потапъ. Та де мыни до Потапа! Я тилки батракъ его. А щожъ якъ бы я Потапъ?

Настя. А бачъ що: его Настя, та любытъ мене вже мисяцивъ зо два, и якъ Потапа нема дома, то я й до неи, та соби и гуляемо.

Потапъ. Бачъ яка ласа до уланивъ! Одынъ жде, а вона зъ другымъ у хати гуляе.

Настя. Іо гуляе? А поведы мене, пидкрадемось, та подывымось що воны роблють?

Потапъ. Такъ выплутай же мене попереду.

Настя. Може ты самъ Потапъ? Кажы-бо: Чы ты именно Потапъ?

Потапъ. А на щожъ тоби?

Настя. Колы ты справди Потапъ, то я тутъ тоби голову зрубаю, щобъ безъ тебе намъ любытыся воля була.

Потапъ. Такъ ни жъ! Я ще теперъ и билшъ не Потапъ. Не бійся, ослобоны тилки мене, я тоби у великій прыгоди стану.

Настя. Щобъ то якъ?

Потапъ. Такъ, що якъ пиду куды... чы то пакъ: якъ Потапъ куды пійде, такъ я за тобою и прыбижу.

Настя. То ты кажешъ, що вона и другого любыть?

Потапъ. Любыть, братику! Тутъ мыни такый розоръ зъ нею, що ну!

Настя. А тоби жъ що? Адже ты не Потапъ? Хиба и ты любышь іи?...

Потапъ. Та, ни, ни, я овси не Потапъ... Я кажу, що Потапови бида!.. Ось тилки выпусты мене, то я и поведу тебе до Насти и застукаемо ихъ зъ другымъ. Его проженемо, а ты зостанешся. (*Въ сторону*) Лыха матери дождешся! Абыбъ тилки ослобонывъ.

Настя. Не знаю... якъ то воно буде?

Потапъ. Та буде такъ, якъ я кажу. А ще зверхъ того, цилый годъ буду дядькомъ зваты.

Настя. (*Освобождаетъ его*) Ну, добре.—Давай руку... та сюды-бо... бачъ якъ заплутався, мовъ справди звиряка.

Потапъ. (*встаетъ и оправляется. Въ сторону*) От-такъ ты дурныка дуры! И племинныкомъ не буду зваты, не тилки дядькомъ и не до Насти тебе доведу, а геть съ двора протурю.

Настя. Ну, ведыжъ швыдше до Насти!

Потапъ. Бачъ якъ кортыть тебе до Насти, а ще й молодый, катъ ма и усивъ. Чого ты такый молодый пишовъ у уланы?

Настя. О, земляче! Колы правду тоби сказаты, такъ крипко люблю уланивъ. Де ихъ забачу, такъ ажъ жыжки трусются.

Потапъ. А ты десь соби знай за дивчатами та за молодыцями?

Настя. И вже—то ни! Воны мыни уси дарма. Тилки и люблю, Настю твою... Чы то пакъ... Потапову жинку...

Потапъ (*въ сторону съ досадою*). Бодай тебе любыла! (*Ей*) скажы мыни, голубчику, по самій истынній правди: чи Настя жъ тебе любыть?

Настя. Ов-ва!

№ 6-й.

Мене поправди люблятъ вси,
И военни, и купци,
И паны не забуваютъ,
Вси на мене поглядаютъ.
Бо бачъ що лычыко румяне,
На що ни подывысь, все гарне,
Якъ очыци поведу,
За живитъ берутся;
Бривонькамы моргону
На стину дерутся.
Або якъ озьмуся въ боки
Та пиду у пляскы, скоки
Гопъ, Гопъ, Гоцо—цо,
Не всыдыть тогди нихто!
Писенекъ якъ заспиваю...
Те и чую, похваляютъ.
Таке й мыни выйшло счастьтѣ,
Якъ бы й самій твоій Насти.

Потапъ (*присматриваясь на нее*). Якъ такы такого жывчыка и не любыты? Щобъ-то було, якъ бы по полкамъ, та половына солдативъ було такыхъ, якъ ты?

Настя. Э! Лыхо було бъ! Николы було бъ и воеватысь и муштроватысь, а всебъ малы женыхатысь.

Потапъ (*все болѣе присматривается*). Тай наробылыбъ усякого дыва! О що ты, голубчыку, здаешся на мою Настю!.. Я й не думавъ, що й межъ уланами така е.

Настя. Отъже бачъ, ты пробрехався. Ты кажешъ, що твоя Настя? Такъ ты есы Потапъ.

Потапъ. Та цуръ ему видъ мене!.. Я кажу... моя... хозяйка (*Въ сторону*) Адже и не брешу.

Настя. Веды жъ мене до твоеи хозяйки.

Потапъ. Та добре... тилки іи нема дома, а я знаю де вона... я тебе туды направлю.

Настя. А ну, ну, де вона?.. Чы знаешъ?..

Потапъ. Вона?.. Ось тамъ, якъ выйдешъ изъ воритъ, то ійды вулыцею, а тамъ у провулокъ, а тамъ впьять пиды вулыцею, та тыць!.. Буде колодязь, а биля его хата безъ синей, тамъ живе глуха Стеха, такъ у неи допытайся де теперь Настя (*Въ сторону смѣется*). А іи и у тыждень не докрычышся (*Настѣ*) Чего жъ задумався? Чы второпавъ?

Настя. Якъ-то не второпаты?.. Якъ разъ усе знаю. Прощай же... (*Настя идетъ къ хатѣ*).

Потапъ. (*Заливается отъ смѣха*). Ійды здоровъ.—Направывъ добре; и черезъ руській мисяцъ не знайде Насти.

(*Увидя, что Настя идѣтъ къ хатѣ*) А куды жъ ты, куды?.. Та не туды, ійды у ворота. (*Бѣжитъ за нею, но Настя вбѣгаетъ въ хату и запираетъ за собою дверь*). А бодай тебе! Такы й шморгнувъ! Се зовсимъ бида видъ уланивъ! (*Сумасводъ и Настя хохочутъ въ хатѣ*) Бачъ! На взаводы регочутся!.. Пропавъ бидный Потапъ! Тамъ ихъ бачу и десятка два. Бачъ якый регитъ! Напасть зовсимъ!—Пиду до отамана або що: уланы, скажу, зовсимъ одолилы.

Явленіе 7-е.

Потапъ и Сумасводъ (*Переодѣтый женщиною*).

Потапъ. (*Увидѣвъ его*) Дывысь, дывысь, що се таке е?..

Сумасводъ. Добрыдень тоби, дядьку!

Потапъ. Здорова була, титка!.. Скажы ты мыни, що ты таке е?..

Сумасводъ. Адже бачъ, молодыця; колысь була дивкою и усе ждала, щобъ ты мене узявъ. Такъ бачъ-бо поквапывся на другу. Дарма! Мы й такъ будемо любытыся, мій голубе сызый, (*Хочетъ обнять его*).

Потапъ. Цуръ тоби и зъ тобою.—Колыжъ ты е молодыця, то чому у тебе такы усы, якъ у нашого кота?..

Сумасводъ. Эге!.. Я-бо, безъ сорома кажучи, я соби видьма. У видемъ завсегда усы е.

Потапъ. И не пыката ни трохы.

Сумасводъ. Абыбъ ты мене полюбывъ, то мыни й дарма.

Потапъ. Не хочу, не хочу. Въ мене жинка сердыта, ревныва дуже. Якъ вздрыть тебе, то и попобье, та ще й мыни достанется. (*Въ сторону*) Тилки що на жинку звернуты, абыбъ якъ видчепытысь.

Сумасводъ. Потурай жинци! Ій теперъ николы: въ неи уланивъ до пропасти. Бачъ якъ регочутся. От-тамечка зъ десятокъ ихъ зибралося.

Потапъ. Не бійсь, воеватысь нейдутъ, а усе то до молодычокъ. Ой си мыни уланы, ажъ у печинкахъ сыдятъ! Паньматко, видьмочко, знахурко, голубочко! Зробы такъ, щобъ воны видсиля зчезлы, а щобъ жинка мене самого любыла.

Сумасводъ. О! якъ разъ зроблю, тилки поцилуй мене трычи, въ смакъ...

Потапъ. Та далеби що не хочу!.. Бачъ, яка ты погана?.. И тварь на тоби не чоловича!..

Сумасводъ. Дарма, дарма вже, тилки поцилуй хочъ разочокъ. (*Пристаетъ къ нему и кусаетъ его за щеку*).

Потапъ. (*Кричитъ*). Ой! Ой! Мовъ укусыла!.. Буду тямыты, якъ зъ видьмамы циловатысь! Теперъ же що?..

Сумасводъ. (*ласкаясь къ нему*). Теперъ мы, душко, зъ тобою....

Потапъ. Не хочу, не хочу ничого!... Прыверны до мене жинку, билшъ мыни ничого и не треба.

Сумасводъ. Попередъ усёго, треба тебе перевернуты у коня....

Потапъ. И сего не хочу! Якъ стану конемъ, то на мыни уланы поидуть, а тутъ дома лыхо буде....

Сумасводъ. Правда твоя. Ну такъ собакою переверну тебе?..

Потапъ. И того не хочу. Захочу що сказаты тай брехатыму, якъ та собака.

Сумасводъ. И то правда. Ну такъ сядь же квочкою.

Потапъ. Щобъ-то якъ?

Сумасводъ. Отъ сядь тутъ у куточку, тай квокчы, покы я зильячка зварю та напою тебе. Чы вміешъ-же кудкудакаты?..

Потапъ. Не хытра штука. Уміемо. Швыдко жъ ты вернешся?

Сумасводъ. Та отъ заразъ же и прыбижу. Сидай-же, сидай, та колы хто и прыйде до тебе, и буде говорыты, то не кажы ничого, тилки квокчы, та куткудакай. (*Усаживаетъ его*). Ногыжъ пидберы пидъ себе, щобъ не выдно було, що ты е чоловикъ. Квокчыжъ!

Потапъ. (*Усѣвшись*). Квокъ... квокъ... кудкуда... кудкуда...

Сумасводъ. От—такъ, гараздъ. Такы точнисинька квочка!. Сыдыжъ такъ, я побижу зильячко варыты. Тилки знай, колы тебе хто зведе, то усе пропало, я вже ничого не зроблю и не прыйду до тебе. (*Уходитъ*).

Потапъ (*одинъ*). Куд — куд — куд — куда!.... Кудкуда!... Квокъ... квокъ... квокъ!...

Явленіе 8-е.

Потапъ *(сидитъ)* **и Орышка.**

Орышка, (*входя*). Прысылала Настя наймычку, що вже, каже, Потапъ зовсимъ одуривъ. Лыха годына, тай годи!... Де то винъ, мій сердешный.

Потапъ. Квокъ... квокъ... квокъ!

Орышка. Бачъ де?... Чого ты тамъ сыдышъ?

Потапъ. Кудкуда... куд... куд... куд... кудкуда!...

Орышка. Що се зъ тобою сталося?... Чого ты тамъ...

Потапъ. Кудкуда... кудкуда... квокъ... квокъ... квокъ!...

Орышка. Та що се ты зъ собою робышъ?... Чого ты квокчешъ, мовъ тая квочка?... (*Потапъ продолжаетъ квоктать*). Се лыхо зъ нымъ, тай годи? Устань, кажу тоби, та ійды додому. (*Потапъ опять продолжаетъ квоктать*). Що мыни зъ нымъ на свити робыты?... Пропавъ чоловикъ!... Вже що буде, то буде, а зведу ёго. (*Идетъ къ нему и хочетъ взять его*).

Потапъ (*машетъ руками и кричитъ*). Кудкуда.. кудкуда... кудкуда...

Орышка (*насильно сводитъ его*). Та скильки хочъ крычи, а я таки зведу тебе, (*одолѣваетъ его, схватываетъ за руки и поднимаетъ*).

Потапъ, (*сопротивляясь все кудахталъ, потомъ, когда всталъ, говоритъ съ сердцемъ*). А щобъ васъ, мамо! На що вы мене звелы? Теперъ усе пропало!

Орышка. Якъ-такы не звесты, колы зовсимъ дуріешъ?... И що тамъ таке пропало?

Потапъ. Отъ же пропало, що вже видьма ничого нехоче робыты...

Орышка. Яка видьма?...

Потапъ. От—та погана, пыката, та зъ прездоровенными усами, мовъ нашъ Мурло!... Що мене полюбыла, та отъ мене поциловала, що ажъ и доси болыть!

Орышка, (*всплеснувъ руками*). Охъ моя годыночко лыхая!.. Що се винъ розсказуе?... Та се тоби сыну такъ здается.

Потапъ. Ни, мамо. Се вже не здается; бо я самъ е́ именно я. Бо якъ впавъ въ тенеты, такъ именно я забывся крипко дуже, а нихто другый. Сего вже не скажу, що не я.

Орышка. У яки тенеты?... Де воны тоби узялыся?...

Потапъ. А катъ ихъ зна! Тилки я знаю, що впавъ я́ и забывся я́, а не хто. Спасыби уланъ мене выратовавъ, та вже, мамо, не той, вже другый.

Орышка. Та видкиля узялыся тыи уланы!... То, колы хочешъ знаты....

Потапъ, (*перебивая*). Та тутъ ихъ, мамо, до пропасти. Видьма каже, що ихъ ажъ зъ десятокъ. Онъ у хати сыдять, та чуешь якъ регочутся зъ Настею.

Орышка. Куды вже ій реготатысь!... Слухай сынку, мій Потапочку!... Чы ты мене второпаешъ, якъ що казатыму?...

Потапъ. А якъ же, мамо, я усе знаю, бо се я теперычкы, отъ хочъ вщыпны.

Орышка. Винъ усе свое. Слухай сюды: Я пиду на часынку до ликара, а ты сыды тутъ.

Потапъ. Та що?... Хочъ и сыдтыму и квоктатыму та ничого не буде, видьма казала.

Орышка. Винъ такы знай свое товче!... Та яка видьма? Се я, я, маты твоя; такъ отъ я пиду на часынку, а тебе прошу и прыказую, якъ маты, сыды тутечка, видыходь видъ жинкы и

видъ усякого, не кажы ничого никому, а пуще усего рукамъ воли не давай. Чы понятно жъ?...

Потапъ. Эге!

Орышка. Чы зробышъ же?...

Потапъ. А тожъ!...

Орышка. Прощай же, сынку. (*Уходитъ*).

Потапъ. Ійдитъ здоровы. (*Подумавъ*). Хмъ! Такъ от—се треба матери слухаты? И жинци волю даты? А самому мовчки видыходыть видъ неи?... Хмъ!... Не знаю, мамо, чы гараздъ такъ буде? Эй Потапе, Потапе! Сказано: Людей послухай, а свій розумъ май.

№ 7-й.

Щобъ я мавъ мовчаты?
Волю жинци даты?
Щожъ, якъ тее—то?...
Быты вже не що!
Ой не вирь жинкамъ;
Лыхо зъ ными намъ!
Шморгъ! вона вже й права:
Всяка зъ ныхъ лукава!

Явленіе 9-е.

Потапъ и Настя, (*одѣтая цыганкой*). **Настя** (*поетъ и пляшетъ*).

№ 8-й.

Ой хто хоче грошей,
А хто жиночки хорошей;
Всимъ я ворожыты маю,
Бо все видаю, все знаю,
Кому счастья, диточокъ?
Дай лишь тилки пьятачокъ.
Гей парлости,
Ліодзни, джости,
На всякую голову дже!

Потапъ, (*удивляясь*). Що се за проява така?

Настя. Чы не треба тоби, чоловиче добрый, объ чимъ поворожыты?...

Потапъ. Цуръ тоби видъ мене, Мара свитова!

Настя, (*приступая къ нему, говоритъ скоро*). Чи не поворожыты объ тоби, объ жиночци, объ диточкахъ?... Чы поихавъ, чы пишовъ хто куды? Або де твій таланъ, де счастья, у чомъ кохатысь, де грошей узяты, де заробыты, де знайты, на чимъ

якъ придбаты?... Або трясцю зыгнаты, лихоманку видшептаты, бешыху, уроки, остуду зняты, соняшныць заварыты, язычокъ пидняты, або чы не хочъ зо мною поскакаты?...

Гей парлости,
Лёдзни, джости,
На твою голову дже!

Потапъ (*отступая отъ нея, машетъ руками*), Кышъ, кышъ, геть видъ мене, геть; чипъ, кажу тоби, чипъ! Аля! колы чести не знаешъ... Противъ ночи у вичи лизе, ажъ страшно!

Настя. (*Такъ же*) Усе—усе зроблю, усего наворожу, усе видверну, усего прыверну...

№ (*тотъ-же*)

Въ мене думка ось така:
Ось дай мыни пятака,
Тогди то вже я зъ тобою
Здружусь мовъ рыбочка зъ водою
Гей парлости,
Ледзни, джости
На твою голову дже!

Потапъ.

Въ мене думка ось яка:
На тоби пьятака,
Но не хочу я зъ тобою,
Жыты рыба якъ зъ водою
(Дразнитъ ее) Джости—хвости,
Нидъ парлости,
Нехай тоби дже!

Видчепысь видъ мене, Гаспыдське зилья, коноводка! (*Присматриваясь на нее, въ сторону*) Бачу и межъ цыганками е така, якъ моя жинка. Така, точнисинько така, тилки поганиша.

Настя. Ой счастливый, уродлывый, у во всимъ тоби таланъ: и у счастьи, у здоровьи, у ходоби... тильки у жинци нема талану.

Потапъ. Щобъ-то якечкы? Ану видгадай, видгадай!

Настя. (*смотря ему на руку*). Ты іи любышъ, миры нема; а вона ще билшъ любыть...

Потапъ. Іо?..

Настя. Любыть, та не тебе, а отъ того, що у куцимъ каптани, та зъ чорными усами...

Потапъ. Себъ-то, себъ-то...

Настя. Румяного, молодого...

Потапъ. Себъ—то улана?

Настя. Эге! Не що. Іого любыть, а тебе обманюе. Ты на верби груши исы, а вона съ нымъ перекидается, обнимается, женыхается.

Потапъ. Бачъ усе зна! Такъ зразу и видгадала. Скажыжъ ты мыни, чы то я бачывъ, чы хто другый?..

Настя. Та тыжъ самъ, самъ бачывъ те усе.

Потапъ. А ну вщепны мене. (*Она его щиплетъ*) Ой! Такы точнисинько якъ жынка щыпа. Такъ сежъ бачу вже я, певно я.

Настя. Та ты и тогди бувъ ты, тилки вона тебе обманювала.

Потапъ. Здилай милость, цыганочко, голубочко, паньматочко! Видворожы щобъ вона не любыла того мерзеного улана.

Настя. Такъ гарный—бо, якъ его не любыты...

Потапъ. Та нехай буде не гарный, нехай его не любыть и никого не любыть, тилки мене самого.

Настя. Ворожыты теперь не можно, нехай на молодыку. А ты отъ що зробы: вона каже, що тоби усе здается, такъ ты ничью озьмы, тай острыжы їй голову, якъ долоню. Вона буде на тебе жалковаты, а ты и скажешъ, що тоби такъ здавалось. От—такъ и усе тоби здавалось.

Потапъ. А добрежъ, добре. Зроблюжъ, зроблю. Щобъ пропавъ, колы не обчикрыжу їй уси патлы. От—се такъ. Ой спасыби жъ тоби, цыганочко, моя голубочко!

Настя (*поетъ*).

№ *тотъ-же*).

Ой хто хоче грошей и *проч*. (Съ пляской уходитъ).

Потапъ (*одинъ*). Будь я пескый сынъ, колы не обстрыжу!.. А що, скажу, Насте! Се мыни усе здавалося? И уланъ, и заець, и женыхання, и мотовыло здавалося?.. Га?..—О злая гадюко!

Бачъ якъ обманювала!.. Де то мои ножыци. (*Идетъ въ сарай и выноситъ большія ножницы и большой брусъ*) Погострыты бъто ихъ, щобъ лучче брали.

№ 9 (*остря ножницы*)

А що скажешъ ты, патлата?
Зо мной не знайсь за панибрата,
Я буцимъ—то и сплю... лежу...
А пидкрадусь и обстрыжу.
Тилки чыркъ—чыркъ—чыркъ
Вона сюды зыркъ—зыркъ—
Встала въ ранци писля бани
Обстрыжена мовъ та пани. (*Хохочетъ*)
Вси на неи зыркъ—зыркъ!
Уси зъ неи кыхъ—кыхъ! (*Сильнѣе хохочетъ*)
Колыбъ мене не взявъ смихъ,
Якъ я іи чыркъ—чыркъ!!
(*Острить ножницы*).

Явленіе 10-е.

Потапъ и Настя, потомъ **Орышка и Сумасводъ**.

Настя (*въ своемъ видѣ*). Здоровъ, Потапе! Що спочывъ ты хоть трошкы... я ходыла до матери...

Потапъ. Ага! Попалась въ мои руки... Ось я тоби теперь дамъ...

Настя (*бѣгаетъ по сценѣ съ крикомъ, а тотъ за нею гоняется*). Ой лышечко! Ой ратуйте, хто въ Бога вируе...

Орышка и Сумасводъ (*выбѣгаютъ обое*).

вмѣстѣ {
Орышка. Що се таке, що се? За вищо ты іи бьешь?
Сумасводъ. Что здѣсь за шумъ?
}

Настя. Охъ Мамочко! Лыха годына прыйшла. Потапъ зовсимъ здуривъ и хоче мыни голову зирваты.

Потапъ. Та я мамо, зовсимъ не зирву, а тилько обстрыжу волосья, та добре побью, щобъ не обманювала мене, та не циловалась зъ уланами...

Орышка. Съ якими уланами? О, дурный та божевильный! Що ты будешь зъ нымъ робыты. Зовсимъ, обезумивъ. Ой Потапе, Потапе! якъ же ій братика не циловаты?

Потапъ. Якого братика?

Орышка. Ридного свого братика, Ивана, що у уланахъ служыть.

Потапъ. А га—га—га—знаю. Такъ се винъ? здоровъ будь пане брате,. господа служба. Скажыть же мыни, що се вы отъ це цилый день зо мною робылы?

Сумасводъ. Это мы тебя обманывали за то, что бы ты не обижалъ моей сестры и не ревновалъ ее ко всякому. Колдунья былъ я, а другой уланъ и цыганка—была Настя.

Потапъ. А! Э!.. Чы справди такъ?

Настя. Такъ, Потапе! И слухай, що я тоби при матери и при братови скажу: колы ты хоть разъ ще задумаешъ мене ревноваты, то я тебе такъ обдурю, що и чортъ не пизна. Тебе не довго у дурни пошыты.

Потапъ. А що жъ,, що правда, то правда.

Сумасводъ. А если я услышу, что ты мою сестру обижаешь, такъ я тебя по—солдатски проучу

Потапъ Братичку, голубчику! И ты жинко моя, любко моя, отъ передъ вами божуся и запрысягаюся: колы я сее, або тее, або онее, або або—що, або не то що, то нехай мыни Богъ зна що, отъ що!—Що не буду іи ревноваты до суду до вику. И якъ тямлю, що я перетерпивъ сегодня, такъ и дитямъ и унучатамъ и усему роду закажу, щобъ не ревновалы.

№

Эй ты, Насте, не дрочыся! 2
Пожалій (хочъ на бѣду)
Твого мужа Левурду.
Схаменуся!

Настя.

Не плачь, мужу, не журыся! 2

Потапъ.

Не забудьте Ланця,
Потапа поганця,
Покорюся!

Настя.

Будь же, мужу, мни послушнымъ.

Потапъ.

Тоби покоряюсь,
На все соглашаюсь,
Прямодушно.

Всѣ.

Де згода въ семійстви, де миръ и тишина,
Счастлыви тамъ люды, блаженна сторона,
Ихъ Богъ благословляетъ,
Добро имъ посылаетъ
Изъ ными викъ живетъ!

Документы, извѣстія и замѣтки.

Предписанія князя Репнина по поводу холеры въ 1830 г. Только что пережитая Кіевомъ холерная эпидемія (по крайней мѣрѣ будемъ надѣяться, что она уже миновала) вызываетъ въ памяти воспоминанія о томъ, какъ въ прошлое время переживали такія эпидеміи и какъ къ нимъ относились, въ виду чего, мы полагаемъ, можетъ представить интересъ и сообщаемое ниже предписаніе Малороссійскаго военнаго губернатора князя Репнина по Полтавской губерніи, относящееся къ холерной эпидеміи 1830 года; причемъ добавимъ, что дополнительныя свѣдѣнія о развитіи этой эпидеміи читатели могутъ найти въ недавно изданномъ трудѣ г-жи Л. Павловской: «Холерныя годы въ Россіи».

Н. Шугуровъ.

Его Императорскаго Величества Генералъ Адъютанта, Малороссійскаго военнаго Губернатора Генерала отъ Кавалеріи Князя Репнина.

Открытое предписаніе по Полтавской губерніи.

Дошло до меня свѣденіе, что по случаю появившейся въ смежныхъ Губерніяхъ болѣзни, называемой Холера Морбусъ, многіе жители приходятъ въ уныніе и боятся послѣдствій оной, по слухамъ якобы болѣзнь сія есть прилипчивая и неизлѣчимая; сіе побуждаетъ меня обратиться лично ко всѣмъ жителямъ Полтавской Губерніи, особенно къ простолюдію: козакамъ, мѣщанамъ и крестьянамъ, какъ казеннымъ, такъ и помѣщичьимъ, и увѣрить ихъ, что описаніе сіе совершенно неосновательно, ибо: 1-е, болѣзнь, вблизи насъ находящаяся, не прилипчива, какъ чума, отъ прикосновенія, слѣдственно и неопасна, кахъ моровая язва; 2-е, болѣзнь, вблизи насъ находящаяся, излѣчивается, коль скоро давать помощь сначала оной.

Удостовѣряя о семъ всѣхъ жителей Полтавской Губерніи, изложу я однакожъ совѣты для предохраненія себя отъ оной, и потому приглашаю всѣхъ и каждаго:

1-е. Твердо уповать на милосердіе Божіе и ходатайство за насъ Спасителя нашего, отвращающаго отъ прибѣгающихъ къ нему всякія нещастія.

2-е: Вѣрить равномѣрно отеческому попеченію Всемилостивѣйшаго Государя нашего, обратившаго уже особенное свое вниманіе на прекращеніе сей болѣзни, также и потому, что я, исполняя высочайшую волю Его Императорскаго Величества, употреблю всѣ мѣры къ недопущенію вторженія оной болѣзни въ Полтавскую Губернію.

3-е. Послѣ сего быть спокойну и заниматься своими обязанностями, дѣлами и работами по прежнему.

4-е. Одѣваться какъ можно теплѣе, особенно же выходя на воздухъ въ сырую погоду; рубахи и портки почаще мыть.

5-е. Хаты содержать въ чистотѣ, опрятности и теплотѣ, вынося изъ оныхъ соръ, и вывозя изъ двора навозъ и всякую нечистоту.

6-е. Не ѣсть сырой и гнилой пищи, особенно арбузовъ, дынь, яблокъ, сливъ, грибовъ и всего, что можетъ производить броженіе и ворчаніе въ желудкѣ.

7-е. Не спать на открытомъ воздухѣ.

8-е. Въ хатахъ излишнему народу не сбиваться и многимъ въ хатѣ не ночевать, особенно если онѣ сыры.

9-е. Не употреблять въ излишествѣ пьяныхъ напитковъ, но чарка настойки изъ полыня или звѣробоя весьма полезна, невзрослымъ давать, смѣшавъ одну чарку настойки съ тремя чарками теплой воды, и давать по одной чаркѣ въ день, а малолѣтнимъ совсѣмъ не нужно.

10-е. Не выходить на воздухъ съ тощимъ желудкомъ, но съѣсть прежде кусокъ хлѣба съ солью, лукомъ или чеснокомъ.

11-е. Пить дегтярную воду, которая укрѣпляетъ силы и поправляетъ желчь; а составить ее: положить на ведро кипячей воды полкварты дегтю и мѣшая покуда остынетъ; напитокъ сей къ настоящему случаю весьма полезенъ и здоровъ, сырой воды мало пить, а плодовые квасы и сыровецъ вредны, и ихъ совсѣмъ не пить, но если, не смотря на всѣ сіи предосторожности, болѣзнь холера морбусъ, чего Боже сохрани, покажется гдѣ либо, то должны урядники подъ описаніемъ строгаго по законамъ взысканія, тотчасъ донести о семъ

съ нарочнымъ Нижнему земскому суду, а буде въ городѣ—доложить полицмейстеру или городничему, которымъ предписаны отъ меня надлежащія мѣры.

Болѣзнь сія узнается слѣдующими признаками.

1-е. Ломота, какъ бы въ лихорадкѣ.

2-е. Часовъ чрезъ шесть судорга въ ногахъ и круженіе въ головѣ.

3-е. Потомъ судорга въ желудкѣ, рвота съ пѣной и поносъ.

Въ случаѣ появленія сей болѣзни должны быть непремѣнно отведены двѣ удобныя просторныя и теплыя хаты, одна для женскаго, а другая для мужскаго пола.

Заболѣвшихъ тотчасъ помѣщать въ сіи хаты, на подмосткахъ и на чистой соломѣ до пріѣзда лѣкаря, первымъ же заболѣвшимъ, буде онъ запоздаетъ, пустить изъ руки бутылку крови.

Въ случаѣ появленія сей болѣзни, я самъ буду объѣзжать селенія, въ коихъ она откроется, и навѣщать лично больныхъ. Слѣдственно ничего не будетъ упущено къ огражденію здоровыхъ, а страждущимъ оказана будетъ вся возможная помощь. Я оканчивая сіе предписаніе мое, вторично убѣждаю всѣхъ вообще жителей и каждаго не вѣрить нелѣпымъ слухамъ и быть, какъ я выше сказалъ, покойными.

Пятнадцатый годъ я уже вашимъ начальникомъ, и вы всѣ знаете, что я боюсь Бога, вѣренъ Государю, и васъ не обижаю, слѣдовательно я васъ и нынѣ не обманываю, и вы всѣ должны, для собственной пользы вашей исполнить мною вамъ нынѣ предписанное. Городъ Яготинъ, сентября 14-го дня 1830 года.—

Подлинное подписали:

Малороссійскій военный губернаторъ князь *Репнинъ.*

Вѣрно: земскій коммисаръ *Коробчевскій.*

Холмскій музей церковныхъ древностей. Лѣтъ десять тому назадъ, въ бытность нынѣшняго волынскаго и житомирскаго архіепископа Модеста епископомъ люблинскимъ, викаріемъ холмско варшавской епархіи, основанъ былъ при холмскомъ благородномъ братствѣ музей церковныхъ древностей. Но что находится въ этомъ музеѣ,—мало кому извѣстно. Музей не имѣетъ ни хронологической, ни систематической описей своихъ коллекцій. Поэтому о музеѣ распространяются иногда самые фантастическіе слухи, какъ напр. въ родѣ

слуха о томъ, что между древними рукописями музея есть будто бы пергаментная рукопись, никѣмъ не прочитанная и заключающая чуть ли не древній экземпляръ извѣстнаго «Слова о полку Игоревѣ». Подобные слухи побудили, между прочимъ, и пишущаго эти строки заѣхать нынѣшнимъ лѣтомъ въ г. Холмъ по пути на IX археологическій съѣздъ въ Вильнѣ и осмотрѣть холмскій музей церковныхъ древностей. Фантастическіе слухи дѣйствительно и оказались фантастическими, но тѣмъ не менѣе музей все таки представляетъ нѣкоторый интересъ, особенно для такого незначительнаго города, каковъ Холмъ.

Музей расположенъ въ трехъ свѣтлыхъ комнатахъ братскаго дома и, по своему содержанію можетъ быть раздѣленъ на слѣдующіе отдѣлы: 1) церковныхъ и вообще священныхъ древностей; 2) портретовъ духовныхъ лицъ; 3) медалей и монетъ; 4) рукописей; 5) церковно славянскихъ печатныхъ книгъ; 6) книгъ на разныхъ языкахъ и 7) архивныхъ документовъ.

Въ первомъ отдѣлѣ заслуживаютъ преимущественнаго вниманія слѣдующіе предметы: рѣзной деревянный крестъ патріаршей ставропигіи Замостьскаго Николаевскаго братства (1615—1616 г.); икона св. Троицы въ видѣ трехъ святителей, съ изображеніями солнца и луны на персяхъ Бога—Сына и Бога—Духа Святаго, XVII—XVIII в., изъ Сагринской церкви; икона на холстѣ пресв. Богородицы, разверзающей ложесна, XVIII в.; складной рѣзной кипарисный медальонъ XVII—XVIII в. и два бронзовыхъ энколпіона дотатарской эпохи съ изваяніемъ на оборотѣ одного изъ нихъ Богородицы Одигитріи, прикрѣпленнымъ къ кресту шпеньками, и нѣсколько антиминсъ, изъ коихъ одинъ православный относится къ XVII вѣку, а остальные уніатсскіе къ XVIII и XIX вѣку. Второй отдѣлъ заключаетъ до 20 портретовъ уніатскихъ митрополитовъ и епископовъ холмскихъ, находившихся до образованія музея въ холмскомъ архіерейскомъ домѣ; изъ нихъ древнѣйшій есть портретъ уніатскаго митрополита Ипатія Поцѣя († 1613 г.). Нѣкоторые изъ этихъ портретовъ воспроизведены въ изданіяхъ П. Н. Батюшкова. Третій отдѣлъ нумизматическій не заключаетъ ничего сколько-нибудь интереснаго. Въ четвертомъ отдѣлѣ находится до 20 рукописныхъ богослужебныхъ книгъ и до 5-ти сборниковъ. Изъ богослужебныхъ рукописей три могутъ быть отнесены, по характеру письма, къ XV вѣку, а остальныя—къ XVI—XVIII вѣкамъ. Между сборниками интресны: сборникъ отреченныхъ произведеній древне-русской письменности, каковы, на-

примѣръ, Аристотелевы Врата, Шестокрылъ и проч., XVI в., и четыре сборника южно русскихъ проповѣдей, изъ коихъ одинъ писанъ въ 1599 году, а другой въ 1678 году въ г. Острогѣ. Печатныя церковно-славянскія книги—большею частію уніатскія, взятыя изъ мѣстныхъ церквей края; но между ними есть и православныя, какъ напримѣръ, Апостолъ львовской печати московскаго печатника Ивана Ѳедорова и Острожская Библія 1581 г. Книги на иностранныхъ языкахъ—исключительно польско-католическія, не имѣющія почти никакого значенія. Онѣ недавно поступили въ музей и еще не разобраны и не описаны. Наконецъ, одинъ изъ важнѣйшихъ отдѣловъ музея составляютъ архивныя дѣла, хранящіяся въ особомъ шкафѣ, въ которыхъ есть документы и на пергаментѣ. Эти дѣла касаются исторіи мѣстныхъ монастырей и церквей и вообще епархіи. Во главѣ ихъ положены документы Холмскаго, Замостьскаго и другихъ монастырей, доставившіе главный матеріалъ для статьи «Забытыя иноческія обители, которая напечатана была въ «Кіевской Старинѣ» за іюль и августъ 1892 г.

Существенный пробѣлъ въ музеѣ составляетъ отсутствіе въ немъ пособій и руководствъ къ опредѣленію его коллекцій, вслѣдствіе чего замедляется и самое описаніе музея, а музей не пользуется надлежащею популярностію въ краѣ и туго пополняется. Между тѣмъ въ холмской епархіи, по слухамъ, есть еще, по разнымъ монастырямъ и церквамъ, весьма много предметовъ русской старины, которые заслуживаютъ сохраненія и помѣщенія въ музеѣ.

Н. П.

Козацкое донесеніе объ угрожающемъ татарскомъ нападеніи на предѣлы Польши. Мнѣ уже не разъ приходилось печатно указывать на тотъ огромный интересъ, который представляютъ нѣкоторыя римскія библіотеки для занимающихся нашею исторіею и, главнымъ образомъ, южно-русскою и западно-русскою. Особенно были богаты матеріалами по южно-русской исторіи библіотека, принадлежавшая князьямъ Боргезе, изъ рода которыхъ происходилъ папа Павелъ V, занимавшій римскій престолъ отъ 1605 года по 1621. Понятно, что вслѣдствіе указаннаго обстоятельства особенно много документовъ находится среди рукописей библіотеки Боргезе изъ этой эпохи, эпохи столь важной и интересной въ русской исторіи. Года два тому назадъ, при распродажѣ всего имущества князя Боргезе, его библіо-

тека вмѣстѣ съ собраніемъ рукописей была пріобрѣтена папою Львомъ XIII, и занимающіеся въ ватиканскомъ архивѣ могутъ теперь тамъ ими пользоваться. Образчикомъ того, какіе документы можно совершенно неожиданно найти въ рукописяхъ бывшей библіотеки Боргезе, можетъ послужить приводимый ниже: Exemplar literarum a Cosacis Zaporiensibus (!) Это письмо запорожскихъ козаковъ было мною найдено въ рукописи Ser. III, 11 c. d., № 134 (привожу шифръ библіотеки Боргезе, такъ какъ я занимался въ ней еще до перехода ея въ вѣдѣніе Ватиканскаго архива). Оно было приложено съ приведеннымъ выше латинскимъ заголовкомъ къ донесеніямъ въ Римъ папскаго нунція въ Прагѣ.

Magnificis Generosis Dominis Dominis Capitaneis, Vicecapitaneis Serenissimae Regiae Majestatis in confinibus constitutis eorumque locatenentibus obsequia nostra commendamus. Notum sit dominationibus vestris Czarum Precopiensium Tartarorum cum universis copiis suis die decima quarta Iunii hora prandii ad transitum inter Porohy et Tuvolza pervenisse et creditur, quod Boristhenem iam traiecerint. Animus ipsis est ditiones Ser-mae Majestatis Regiae omnino invadere et, nisi tam insperate transiissent, reddidissemus singulos de iis Dominos Capitaneos certiores. Sciant iam Dominationes Vestrae et sint cautae aliisque tam Ser-mae Regiae M-tis Domini nostri clementissimi quam ducum et nobilium singulis civitatibus id scire faciant, ne inimicum hunc Sanctae Crucis, qui regnum hoc devastare intendit, floccipendant. Dat. ex Zaporze (!) 15 iunii 1597.

Nullas his de rebus praeterea a nobis expectent DD. V-rae litteras, sufficiant istae.

N. Wasselowicz cum universo Zaporierz exercitu suo [1]).

Сообщилъ **Н. Любовичъ.**

---

[1]) Помѣщаемъ переводъ письма:

Выражаемъ наше почтеніе наияснѣйшимъ и благороднѣйшимъ гг. Капитанамъ Вицекапитанамъ Его свѣтлости королевскаго Величества, состоящимъ въ погранич ныхъ владѣніяхъ, а также ихъ замѣстителямъ.

Доводимъ до свѣдѣнія вашихъ властей, что повелитель Перекопской татарской орды со всѣми своими войсками явился 14-го іюня въ часъ завтрака къ переходу чрезъ пороги и Туволчу, и вполнѣ вѣроятно, что они уже перешли чрезъ Днѣпръ. У нихъ является смѣлое намѣреніе вообще сдѣлать набѣгъ на владѣнія Его Свѣтлости Королевскаго Величества, и, еслибы они столь неожиданно не переправились, мы бы успѣли увѣ-

Къ исторіи просвѣщенія въ Галиціи. Среди галицкой интеллигенціи, особенно же шляхетской, очень въ ходу слѣдующій силлогизмъ: мужикъ грубъ и необразованъ, ему слишкомъ рано дали конституцію, слишкомъ рано взяли его изъ опеки «сполечной ерархіи», и вотъ почему онъ пропадаетъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ эта самая шляхетская интеллигенція дѣлаетъ все возможное, чтобы мужикъ всегда былъ грубъ и необразованъ: она враждебно или недружелюбно относится къ крестьянскимъ школамъ, къ читальнямъ, къ мужикамъ, выписывающимъ книги и газеты. Въ шляхетскихъ органахъ, какъ «Czas» и «Przegląd» то и дѣло попадаются корреспонденціи «Z Galicyi wschodniej», полныя самыхъ безцеремонныхъ доносовъ на сельскихъ учителей, священниковъ, на читальни и читателей изъ крестьянъ и даже на книги, прошедшія правительственную цензуру. Галицкія власти очень часто по поводу этихъ корреспонденцій затѣваютъ массовые обыски въ читальняхъ и у отдѣльныхъ крестьянъ, конфискуютъ цѣлые вороха самыхъ легальныхъ книгъ и брошюръ (главнымъ образомъ потому, что книги печатаны русскимъ шрифтомъ, а ревизующіе чиновники обыкновенно не умѣютъ читать по русски, а о русской популярной или какой бы то ни было литературѣ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія) и даже арестуютъ мужиковъ или въ лучшемъ случаѣ таскаютъ ихъ за нѣсколько миль въ городъ на протоколы.

Это презрительное или даже враждебное отношеніе польской интеллигенціи къ просвѣщенію народа началось очень давно и есть одно изъ «культурныхъ переживаній шляхетско-панщизнянаго строя старой Польши. Не удивительно, что тамъ, гдѣ мужикъ былъ не болѣе какъ рабочій скотъ, самая мысль о его просвѣщеніи должна была казаться дикой и ни съ чѣмъ несообразной. Болѣе удивительнымъ должно казаться то, что почти такою же оставалась мысль эта и тогда, когда сама шляхта считала нужнымъ выдавать себя за друзей просвѣщенія, когда понятіе о мужикѣ, какъ о быдлѣ, ушло

домить о нихъ отдѣльныхъ господъ капитановъ. Пусть знаютъ объ этомъ власти, пусть будутъ осторожны и пусть сообщатъ отдѣльнымъ областямъ, принадлежащимъ какъ Его Свѣтлости Королевскому Величеству нашему Всемилостивѣйшему Государю, такъ и городамъ князей и вельможъ, чтобы они не пренебрегли этимъ врагомъ христіанства, стремящимся опустошить это царство. Писано изъ Запорожья 15 іюня 1597 года.

Пусть они не ожидаютъ отъ насъ сверхъ этого другаго письма, пусть удовлетворить ихъ и это.

Н. Васселовичъ со всѣмъ своимъ Запорожскимъ войскомъ.

безвозвратно въ область исторіи и когда, главнымъ образомъ, самъ этотъ мужикъ, хотя еще стонущій въ ярмѣ панщины, началъ чувствовать себя человѣкомъ, началъ рваться къ просвѣщенію, добиваться школъ. Это было обыкновеннымъ явленіемъ въ началѣ 40-хъ годовъ нашего столѣтія. Положеніе, въ какомъ очутились тогда и мужики и паны-рабовладѣльцы, было по истинѣ трагическое. Мужикамъ правительство приказывало строить школы, духовенство содѣйствовало этому по мѣрѣ возможности, да и сами мужики чувствовали необходимость школы. А между тѣмъ на практикѣ школа была для нихъ почти всегда источникомъ бѣдствій, разорявшихъ иногда всю ихъ жизнь. Съ другой стороны, помѣщики должны были тоже заявлять открыто свои симпатіи дѣлу просвѣщенія, хотя и чувствовали, что просвѣщеніе мужика угрожаетъ имъ руиной, потому что просвѣщенный мужикъ не станетъ покорно и безотвѣтно гнуть шею въ ярмо. Нужно помнить также, что ихъ «патримоніальная» власть давала имъ въ руки множество средствъ, чтобы подавлять въ народѣ рвеніе къ просвѣщенію, разрушать *начатки* этого просвѣщенія, не переступая повидимому рамокъ легальности.

Въ подтвержденіе этой характеристики мы приведемъ слѣдующіе два документа. Въ 1842 г. графъ Казимиръ Красицкій предложилъ галицкому шляхетскому (т. назыв. становому или постулятовому) сейму меморіалъ по дѣламъ крестьянскимъ [1]), въ которомъ слегка и въ общихъ чертахъ выражена мысль о нѣкоторыхъ, по мнѣнію автора, нужныхъ реформахъ по крестьянскому дѣлу, но, конечно, не упомянуто ничего объ упраздненіи панщины. Между прочимъ авторъ касается дѣла народнаго образованія и пишетъ вотъ что (переводимъ съ польскаго): «Чтобы однако всѣ эти желанныя перемѣны могли принесть хорошіе плоды, нужно обратить вниманіе на *моральное* образованіе нашего народа. Не много, даже очень мало сдѣлано въ этомъ отношеніи. Умственное воспитаніе нашего мужичка («chłopka» —это характеристическое уменьшительное до сихъ поръ не вышло изъ употребленія въ устахъ нашей шляхты) предоставлено его темнымъ родителямъ; благо, ежели они научатъ его молитвѣ и необходимымъ религіознымъ формамъ. *Основываемыя школы не оказываютъ хорошаго вліянія на массу.* Пусть бы *особенно*

---

[1]) Memoryał w sprawie stosunków podańczych, przeznaczony dla seymu stanowego w r. 1842 odbytego, przedłożony przez Kazimierza Krasickego d. 2 Kwietnia 1841. Рукопись Оссолинскихъ 2843.

талантливые пользовались ими и приспособлялись къ высшимъ занятіямъ; *для массы довольно будетъ приходскихъ школъ религіозныхъ*, гдѣ святой обязанностью духовныхъ будетъ съ-измала прививать народу понятіе *религіи*, *морали*, *обязанностей* всякаго человѣка съ точки зрѣнія общества, *повинностей*, *какіе налагаетъ на него его сословіе*, *любовь къ труду* и порядочности. Такимъ образомъ *при меньшихъ издержкахъ* будетъ болѣе сдѣлано для народа въ странѣ, чѣмъ теперь, когда сельскія дѣти, услышавъ въ школѣ *немножко* (coś niewiele) *науки*, наполняются только ненавистью къ своему сословію, считая себя способными къ чему то высшему, но не имѣя достаточно разсудка, чтобы испытать свои силы, бросаются на разныя занятія, въ которыхъ, всякій разъ наталкиваясь на новыя препятствія, ищутъ причины своихъ неудачъ въ существующихъ общественныхъ отношеніяхъ. Отсюда идетъ неудовольствіе, новыя вздорныя теоріи, тайныя и гласныя общества, волненія и т. п. Счастливъ тотъ, кто въ пору опомнится, отброситъ самолюбіе и возвратится къ прежнему своему состоянію».

Чтобы вполнѣ понять весь трагизмъ этой тирады, нужно припомнить, что по тогдашнимъ законамъ австрійскимъ сельская школа, какія бъ ничтожныя крохи знаній она ни давала мужику, все же была для него единственнымъ легальнымъ исходомъ изъ его жалкаго подчиненнаго положенія. Она открывала ему доступъ къ ремесламъ, къ высшимъ, т. назыв. нормальнымъ, школамъ, а послѣ въ гимназію; то и другое дѣлало мужика свободнымъ [1]), давало ему возможность быть священникомъ, учителемъ, лѣкаремъ и проч. Вотъ почему, по мнѣнію гр. Красицкаго, существующія школы не оказывали хорошаго вліянія на массы народа, поселяли въ ученикахъ ненависть и отвращеніе къ своему сословію, т. е. къ панщинѣ, порождали «новыя вздорныя те-

[1]) По цесарскому патенту 10 сент. 1787 г. принимать въ ремесленную науку можно было не иначе, какъ только послѣ окончанія двухгодичнаго курса нормальной школы. Lexikon der politischen Gesetze für Galizien und die Bucowina. Wien. 1842, т, I стр. 409), ремесло же дѣлало свободнымъ бэзъ отпускной (I. *L. Klunker*, Die Gezetzliche Untershannerfassung in Gaeizien, Lemberg 1845, т. I, стр. 4). Что высшее образованіе имѣло то же послѣдствіе, объ этомъ нечего и говорить *Klunker*, ibidem). Конечно, правительство съ своей стороны (не говоря уже о помѣщикахъ) само заботилось о томъ, чтобъ не слишкомъ много мужиковъ пользовалось этимъ благодѣяніемъ. Посѣщеніе приходскихъ (тривіальныхъ) школъ въ Галиціи не было обязательнымъ *Klunker*, III, 553); кромѣ того изъ учениковъ этихъ школъ только самые способные, да и то ежели они не были единственными сыновьями своихъ отцовъ, могли быть отпускаемы въ нормальныя училища и потомъ въ гимназіи.

орін», состоявшія въ желаніи свободнаго, человѣческаго существованія. Вѣрнымъ чутьемъ угадывала шляхта, что главнымъ виновникомъ здѣсь было «немножко науки», получаемой молодежью въ школѣ. Это понималъ еще въ 1770 году графъ Пергенъ, одинъ изъ первыхъ организаторовъ школьнаго дѣла въ Австріи, который въ своемъ рефератѣ отъ 26 августа 1770 г. писалъ между прочимъ: «Для самыхъ низкихъ сословій и классовъ жительства, которое предопредѣлено для самой непріятной, а частью грубой работы, не требующей никакой дальнѣйшей умственной способности, нужно ограничить обученіе самыми необходимыми элементами христіанской религіи и гражданскихъ обязанностей, такъ какъ по политическимъ соображеніямъ этотъ, въ государствѣ впрочемъ очень нужный, классъ людей не долженъ видѣть много болѣе, чѣмъ того требуютъ его занятія, потому что иначе они будутъ предаваться тѣмъ же занятіямъ, только съ большимъ раздраженіемъ и почти съ отчаяніемъ и состояніе ихъ такимъ способомъ только ухудшится» И вотъ идеаломъ галицкой шляхты и сдѣлалась школа, которая собственно не учила бы никакимъ знаніямъ, но была бы заведеніемъ для дисциплинированія строптивыхъ крестьянскихъ умовъ и чувствъ, внушала бы «мужичкамъ» любовь къ «канчуку» и прочимъ благодѣяніямъ панщины, и приучивала бъ ихъ къ отреченію отъ всякаго самолюбія, конечно, только затѣмъ, чтобы «освященный вѣками» панщизняный порядокъ никоимъ образомъ не былъ нарушенъ. Всего интереснѣе то, что цитированный мемуаръ гр. Красицкаго новѣйшіе польскіе писатели и публицисты считаютъ началомъ и исходнымъ пунктомъ тѣхъ либеральныхъ усилій, которыя будто бы предпринимала галицкая шляхта съ цѣлью освобожденія мужиковъ отъ панщины, въ чемъ будто бы помѣшало ей только правительство.

Лучшей характеристикой тѣхъ «либеральныхъ усилій» служитъ слѣдующій документъ, любезно сообщенный мнѣ о. Гаморакомъ изъ Стецевы, пов. снятынскаго (на Покутьѣ). Документъ этотъ—жалоба крестьянъ села Залучья надъ Черемошемъ къ декану городенскому, какъ правительственному надзирателю школьному, противъ притѣсненій, какія допускалъ мѣстный помѣщикъ изъ-за школы. Вотъ копія этого замѣчательнаго документа:

Пречестни уряду намѣстниче греко: като: городенски и наззерателю шкълний!

Громада наша сама поклала школу и обѣцялася платити оучителеви, и платитъ, аби нашѣ дѣти оучивъ читати, спѣвати, й писати

и 15 лѣтъ ми сами школу будинокъ оутримуємо, й дѣти посилалисми і низнати щося значитъ, же нашѣ теперешнѣ дѣдичѣ нилюбятъ на нашу школу.

1. Заразъ якъ прийшли В. В. П. Айвасъ, Григора Воєвудку, котрий в Княжу (село—прим. авт). дякувавъ й дѣти зачавъ оучити, казали зловити з рекрутами хоцъ вѣнъ горбати; кричали на него, же безъ оповѣди панскои оучитъ дѣти; а же вѣнъ казавъ, же тое для того робитъ, же му Духовни каже, бив го й кайдани вконавъ.

2. Сего року нашего оучителя Даннила Воєвудку, котрій 4-ри роки нашѣ дѣти оучитъ, пѣславъ Двѣрскихъ слугъ з Вѣтомъ в ночи до школи, запровадивъ в двѣръ, а рано взявъ до арешту, и меже рекрутами окувавъ; а належитъ, аби сесъ зоставився в громадѣ и оучивъ дѣти, бо вже трохъ братѣвъ в жовнѣрахъ; до сего разу таке нивѣрабяли пани нашому оучителеви, ажъ теперешни панъ, видимо, же ради би, аби школи нибуло.

3. Хлопцѣвъ, котрѣ оумѣютъ читати, берутъ до плуга, й насмѣваютъся, мовятъ: забудешъ азбуку. Вѣдъ плуга ниможутъ ходити до церкви, и черезъ тото видятъ сами пани, же мусятъ призабувати, и для того такъ говорятъ.

4. Видимо, же ми бѣднѣ простаки, нивмѣлисмо добре отченашу, а̀ хоцъ котрий оумѣвъ, то забувъ, такъ теперъ оучинилисмо школу, (а пани) хочутъ, аби котрий оумѣютъ читати, й тото забували.

5. Насъ бѣдныхъ простакѣвъ вѣдавъ нѣколи ни допустятъ, аби мо хоцъ тѣлко вмѣли читати, абисмо бога и царя чтити знали.

6. Чуемо, же нѣмихъ и глухихъ оучатъ читати, а́ ми нѣ глухѣ нѣ нѣмѣ, й сами платимо за школу. Ни знаемо, щося значитъ, же такъ ни любятъ нашу школу; каждому, котрий до сего разу навчився, допѣкаютъ, а́ ми бѣднѣ простаки нѣкому нѣчого никажемо, що хто вмѣе.

7. Нимаемо пасовиска, до каждои ходобини дѣтиниволимо, аби посли, черезъ тото оуриваеться на лѣто вѣдъ школы, й багато забуваютъ; ни знаемо, що ся значитъ, же нашъ Духовни й нашъ намѣсникъ (деканъ—прим. автора) Снятинскій на тое мовчутъ. Ми видимо, же Духовни видятъ й знаютъ, хто перескажае, а́би школи въ простакѣвъ нибуло. Для того нѣчого ни кажутъ, ми того ни знаемо; намъ ся здае, же нашъ Духовнѣ за нами повиннисе оупѣмнути.

Просимо покѣрне, будте ласкаве причинѣтся за нами до Високои зъ Верхности Духовнои, аби насъ поратували, й аби наша наука вшколѣ нашихъ дѣтей на завше була.

Залуче надъ Черемшовъ дня 29 Окт. 1840 г.

Idor Romaniuk
Mytro Kulzenko } Plenipotentes.
Iwan Kulzenko

Далѣе идутъ подписи простыхъ селянъ.

На оборотѣ этого документа въ листъ, вм. адреса читаемъ: До пречестного оуриду Намѣстничого грек: кат: городенского й надзрателя школного. Покорна прозба—вѣдъ на низу пѣдписанихъ—Будте ласкави причинѣся за нами бѣдними й поратуйте, аби наша наука вшколѣ нашихъ дѣтей була — — — якъ въ серединѣ».

Какъ краснорѣчивъ и трогателенъ этотъ безграмотный, неуклюжими кириловскими буквами написанный документъ! На сколько яснѣе и недвусмысленнѣе говоритъ онъ, чѣмъ «либеральный» меморандумъ вельможнаго графа Красицкаго. Чтобы выяснить вполнѣ его содержаніе и форму, я замѣчу еще слѣдующее. Жалоба крестьянъ залучскихъ направлена къ декану городенскому (въ городкѣ Городенка), а не къ снятинскому, вѣдѣнію котораго подлежало село Залуче, именно потому, что крестьяне не довѣряли своему декану, равно какъ и священнику своего села. Правда, относясь съ своей жалобой къ декану городенскому, они должны были обречь ее на безплодность, такъ какъ сосѣдній деканъ ничего не могъ помочь имъ, даже еже-либы желалъ. Очевидно, жалоба эта была не первая и много ея предшественницъ брошено было надлежащими властями подъ сукно, пока «бѣднѣ простаки» рѣшились обратиться къ декану городенскому, просто для того, чтобы разсказать постороннему человѣку про свое горе, а, можетъ быть, и въ надеждѣ на какое-нибудь частное личное его вмѣшательство.

Не знающимъ ближе галицкихъ панщизняныхъ отношеній интересно будетъ узнать, кто это такіе «Plenipotentes», подписанные на документѣ въ началѣ прочихъ подписей «зъ громади», да еще латинскими буквами. Институція крестьянскихъ пленипотентовъ или уполномоченныхъ ходаковъ установлена была цѣсаремъ Іосифомъ II патентомъ отъ 1 сентября 1781 г. Въ патентѣ томъ ска-

зано, что на случай споровъ громады съ помѣщикомъ должна громада первымъ дѣломъ искать справедливости у тогоже помѣщика; когда же тамъ ее не найдетъ, должна выбрать двухъ уполномоченныхъ, снабдить ихъ надлежащимъ документомъ и отправить ихъ съ жалобой въ «крейсамтъ» (§§ 38, 39, 40) [1]). Слѣдуя допотопному канцелярскому судопроизводству австрійскому, эти ходаки дѣлались очень часто «громадскими слугами» на всю жизнь, то и дѣло шлялись то въ округу, то въ губернію, то даже въ Вѣну. Бывали между ними такіе, которые на своемъ вѣку по 20 и 30 разъ проходили пѣшкомъ этотъ многотрудный, болѣе чѣмъ во сто миль, путь, и, конечно, большей частью напрасно, бросая при томъ на произволъ судьбы свое хозяйство, женъ и дѣтей. Какъ представители громадъ, выбранные свободными голосами своихъ собратьевъ, они имѣли заклятыхъ враговъ въ помѣщикахъ, которые очень часто побоями и всяческими угнетеніями вымещали на нихъ свои непріятности и убытки, понесенные изъ за возбужденныхъ ходаками дѣлъ. Зато громада платила имъ симпатіей и довѣріемъ. Ихъ слово значило болѣе, чѣмъ чье бы то ни было. Напротивъ, «війтъ и присяжни», которые составляли легальную репрезентацію громады, были избираемы или помѣщикомъ, или подъ его вліяніемъ и считались не болѣе какъ панскими прислужниками. Вотъ почему на вышеприведенной жалобѣ мы видимъ подписи пленипотентовъ въ самомъ началѣ, но не видимъ подписей «війта» ни «присяжныхъ», а напротивъ, изъ текста жалобы узнаемъ, что «війтъ» этотъ, конечно, не по своей доброй волѣ, а по панскому принужденію, игралъ роль гонителя излюбленной мужиками школы.

Вотъ среди какихъ плачевныхъ обстоятельствъ зарождалась и росла русская народная школа въ Галиціи!

Миронъ.

Строгая генеральша. Въ «Кіевской Старинѣ» 1886 года № 4 (стр. 817—818) помѣщенъ былъ маленькій фактъ, относящійся къ жизни одной богатой помѣщицы прилуцкаго уѣзда, генеральши Сильвановичъ, славившейся въ началѣ текущаго столѣтія на всю округу

---

[1]) *Moritz Drdacki Ritter von Ostrow*, Lexikon der politischen Gezetze, т. I, стр. 311, 312; и егоже: Die Frohnpatente Galiziens. Ein Beitrag zur Kunde des Unthertanswesens. Wien, 1838 стр. 242—243.

своими жестокими расправами съ крѣпостными людьми. Вотъ еще одинъ изъ такихъ анекдотическихъ случаевъ, сообщенныхъ намъ недавно, не столько характерныхъ по свирѣпости расправы, т. к. *сто розокъ*—что за свирѣпость въ тѣ времена?—сколько по выдающемуся хладнокровію генеральши, даже въ моментъ опасности больше думавшей не о томъ, какъ бы самой уцѣлѣть, а о томъ, какъ бы должное возмездіе не пропало.

Однажды ѣхала она со свадьбы. Узкая, скользкая дорога вилась по горѣ. Направо отвѣсная гора, налѣво—глубокая пропасть. Кучеръ, очевидно, въ послѣсвадебномъ состояніи, забылъ затормозить карету, и лошади начали горячиться на самойкрутизнѣ. — «Если спустишь благополучно, сказала генеральша кучеру, то получишь сто розогъ!» А что-жъ бы было при неудачномъ спускѣ? Почти вѣрная смерть обоимъ.

Кучеръ спустилъ благополучно и получилъ обѣщанное.

Поправки къ надписямъ въ черниговскомъ соборѣ. Какъ извѣстно читателямъ, въ очень недавнее время реставрированъ черниговскій Мстиславовъ соборъ, благодаря участію въ этомъ дѣлѣ бывшаго черниговскаго губернатора А. К. Анастасьева, состоявшаго церковнымъ старостой этого собора. При реставраціи, какъ и подобало, обнаружены были заботы устроителей объ оповѣщеніи во всеобщее свѣдѣніе тѣхъ воспоминаній о выдающихся историческихъ лицахъ, память о которыхъ связана съ этой святыней. Обычный пріемъ въ такихъ случаяхъ—сооруженіе досокъ съ надписями, обозначающими, какія личности и связанныя съ ними событія должны быть воспоминаемы. Такъ и въ данномъ случаѣ поступила администрація собора въ Черниговѣ во главѣ съ своимъ старостой, соорудивъ три доски съ соотвѣтствующими надписями, указывающими, какіе князья и духовные іерархи, а также *гдѣ* и *когда* погребены. Очень жаль, что на одной изъ досокъ допущены крупные промахи, изъ которыхъ одинъ, менѣе важный, опредѣляетъ время смерти великаго князя Святослава Ольговича въ 1165 году, тогда какъ въ дѣйствительности онъ скончался 15 февраля 1164 года; другой же представляетъ и крупную ошибку, указывая, что великій князь Игорь Ольговичъ умеръ въ 1117 г., тогда какъ онъ скончался въ 1146 г., и странный недосмотръ, т. к. сказано, что этотъ самый Игорь Ольговичъ *убитъ татарами (въ 1117-мъ то году?!)*.

Извѣщеніе о праздновании пятидесятилѣтія существованія кіевской коммиссіи для разбора древнихъ актовъ. «19 ноября сего года исполнится 50 лѣтъ со времени учрежденія Кіевской коммиссіи для разбора древнихъ актовъ. Испросивъ надлежащее разрѣшеніе, коммиссія предположила собраться 19-го ноября въ торжественное засѣданіе въ залѣ Кіевской 1-ой гимназіи, о чемъ считаетъ долгомъ довести до свѣдѣнія лицъ и учрежденій, сочувствующихъ ея дѣятельности.

Поправка. Въ сентябрьской книжкѣ, въ отдѣлѣ извѣстій и замѣтокъ; пропущена нами крупная опечатка, которую мы просимъ покорно исправить, а именно: на стр.: 139-й въ заглавіи замѣтки слѣдуетъ читать: «Вызовъ кіевскихъ монаховъ и спеваковъ *въ Сибирь*», а не въ *Соборъ*.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Записки Іоасафа Горленка, епископа Бѣлгородскаго старинныя замѣтки о родѣ Горленковъ. «Брань честныхъ седми добродѣтелей з седми грѣхами смертными... описанная 1737 года априля 9 дня». Іоасафомъ Горленкомъ. Кіевъ. 1892 года. Стр. 24, 31.

Преосвященный Іоасафъ Горленко принадлежитъ къ числу выдающихся іерарховъ русской церкви половины прошлаго вѣка (род. 8 сент. 1705 г., ум. 10 дек. 1754 г). Потомокъ славной древней малороссійской фамиліи, дитя благочестивыхъ родителей, питомецъ старой Кіевской академіи, аскетъ съ юныхъ лѣтъ,—онъ былъ назначенъ 2 іюня 1748 года епископомъ Бѣлградско-обоянскимъ. Служеніе Іоасафа въ санѣ Бѣлградскаго епископа проходило посреди исключительныхъ обстоятельствъ, которыя дѣлаютъ значеніе его въ исторіи русской церкви и русскаго государства еще болѣе замѣчательнымъ. Учрежденная въ 1667 году, на большомъ Московскомъ соборѣ, Бѣлградская епархія обнимала весьма обширный край, въ составъ котораго входили двѣ теперешнія губерніи: Курская и Харьковская. Религіозное, нравственное и умственное состояніе жителей этого края было въ высшей степени печальное. Прежде всего, населеніе Бѣлгородской провинціи, какъ смѣшанное, почти на половину состоявшее изъ польскихъ переселенцевъ и удаленное отъ центра русскаго государства, было сравнительно мало еще привязано къ русскому государству и въ особенности къ русской православной церкви. Подъ вліяніемъ священниковъ и мірянъ, переселявшихся въ слободскую Украйну изъ польскаго заднѣпровья, въ богослужебной практикѣ нѣкоторыхъ церквей Бѣлгородской епархіи начали появляться книги и обряды, заимствованные у католиковъ и чаще всего уніатовъ. Съ другой стороны, обитатели Бѣлгородской окраинной провинціи, населяя мѣстность лѣсистую, отчасти даже пустынную, отличались крайне суро-

выми, грубыми и даже жестокими нравами. Всѣмъ извѣстны курскіе придорожники, въ свое время славившіяся своими разбоями далеко за предѣлами роднаго края. Наконецъ, умственное сознаніе Бѣлгородской паствы находилось всецѣло подъ гнетомъ различныхъ суевѣрій и обрядовъ, бывшихъ наслѣдіемъ древняго язычества, или же обусловленныхъ крайнимъ невѣжествомъ.

Такимъ образомъ, преосв. Іоасафу, 6 авг. 1748 года вступившему въ управленіе Бѣлгородскою епархіей, предстояла великая, сложная и трудная задача. Продолжая дѣло своихъ предшественниковъ, изъ которыхъ особенную славу и право на благодарную память потомства стяжали себѣ м. Мисаилъ (1672—1684 г.), великій ревнитель христіанскаго благочестія и правовѣрія, а также еп. Епифаній 1722—1731) и архіеп. Петръ (1736—1742 г.), славные своими просвѣтительными дѣяніями и созданіемъ цѣлаго ряда прекрасныхъ школъ въ краѣ, онъ долженъ былъ во 1) содѣйствовать утвержденію Бѣлгородскаго смѣшаннаго, почти на половину пришлаго населенія въ догматахъ и правилахъ православной христовой церкви, и во 2) заботиться о смягченіи нравовъ, искорененіи суевѣрій и дурныхъ обычаевъ, бывшихъ или остаткомъ древняго язычества, или слѣдствіемъ невѣжества.

И должно правду сказать, что преосв. Іоасафъ обладалъ всѣмъ необходимымъ для того, чтобы стоять на высотѣ такого отвѣтственнаго служенія. Съ глубокимъ, искреннимъ благочестіемъ, весьма близкимъ къ аскетизму, онъ соединялъ превосходное образованіе и пастырскую ревность. Обладая такими качествами, онъ за время своего непродолжительнаго архіерейскаго служенія успѣлъ сдѣлать весьма много полезнаго для своей епархіи, равно какъ и для всей вообще русской церкви и русскаго государства. Въ лицѣ его Бѣлгородское духовенство имѣло просвѣщеннѣйшаго, дѣятельнаго, гуманнаго, кроткаго, ласковаго, добраго и вмѣстѣ съ тѣмъ строгаго тамъ, гдѣ дѣло касалось чистоты церковныхъ правилъ и благочинія, начальника, а вся вообще Бѣлгородская паства—неутомимаго и ревностнаго стража ея духовно-нравственной жизни. Неизвѣстный авторъ «Старинныхъ замѣтокъ о родѣ Горленковъ», сообщенныхъ В. П. Горленко, такъ характеризуетъ преосв. Іоасафа: «О христіанской его жизни, о благоговѣніи къ Богу истинное свидѣтельство—лежащее его и по сіе время нетлѣнное тѣло, также гробъ и одѣянія архіерейскія, не перемѣнившія вида, ни пришедшія въ обветшалость. Жизнь его была основана прямо на правилахъ евангельской добродѣтели; рачителенъ былъ

въ исполненіи званія его и употреблялъ строгость тамъ, гдѣ слѣдовало обуздать подчиненность, приходившую въ неистовые поступки; однимъ словомъ, любилъ правду, негодовалъ на ложь, прямо добродѣтельнымъ любезенъ, противомудрствующимъ страшенъ, къ нищимъ милостивъ, обиду терпѣвшимъ защитникъ, ревнитель былъ о благочестіи, удалялъ отъ взора своего всѣхъ суевѣрныхъ, наконецъ, истинно любящій Бога и послѣдователь святому его закону». Преосв. Іоасафъ былъ всегда внимателенъ и весьма чутко прислушивался къ біенію пульса общественной современной жизни, отвѣчая на всякую вновь назрѣвшую потребность сочувственнымъ словомъ или ободренія, или увѣщанія, или, наконецъ, грознаго обличенія. Не ограничиваясь частыми личными посѣщеніями многочисленныхъ (болѣе 1000) церквей своей обширной епархіи, онъ нерѣдко разсылалъ по епархіи свои пастырскія посланія, которыя приказывалъ читать въ слухъ народу при богослуженіи. Въ этихъ посланіяхъ онъ то призывалъ своихъ пасомыхъ къ покаянію въ виду грозныхъ знаменій неба и народныхъ бѣдствій, то бичевалъ различныя произвольныя нововведенія въ богослужебной практикѣ, то обличалъ невѣжество и суевѣріе. Бѣлгородская паства была всегда внимательна къ голосу своего святителя, любила его и эту любовь завѣщала своимъ потомкамъ. Вѣрная этому завѣщанію, нынѣшняя курская епархія доселѣ чтитъ память благочестиваго святителя и съ вѣрою притекаетъ къ его нетлѣннымъ мощамъ, открыто почивающимъ въ Бѣлгородскомъ троицкомъ монастырѣ.

Памяти же этого святителя посвящается и та книжка, заглавіе которой мы выписали въ началѣ и которая издана однимъ изъ потомковъ преосв. Іоасафа—В. П. Горленко [1]). Выходъ въ свѣтъ этой книжки, безъ сомнѣнія, будутъ привѣтствовать всѣ почитатели имени приснопамятнаго святителя, къ числу коихъ принадлежитъ вся многочисленная паства курской и харьковской епархій. При своемъ краткомъ содержаніи, она заключаетъ въ себѣ весьма цѣнный матеріалъ для будущаго полнаго жизнеописанія преосв. Іоасафа. Послѣ краткаго введенія, въ которомъ издатель говоритъ о происхожденіи сообщаемыхъ имъ документовъ и дѣлаетъ болѣе или менѣе вѣроятное предположеніе объ авторѣ ихъ (стр. 1—4), помѣщены «Старинныя замѣтки о родѣ Горленковъ» (стр. 5—16); въ «замѣткахъ» сообщаются краткія біографическія свѣдѣнія о слѣдующихъ предкахъ преосв. Іоасафа:

---

[1]) Изданіе печаталось сначала на страницахъ „Чтеній въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца". (См. вып. VI, отд. III, стр. 83—137).

прадѣдѣ его, полковникѣ прилукскаго полка Лазарѣ Горленко, заживо сожженномъ 2 авг. 1687 года взбунтовавшимися козаками, о дѣдѣ его Димитріѣ Горленко и объ отцѣ его Андреѣ Горленко, бывшихъ полковниками прилукскаго полка и много потерпѣвшихъ, благодаря невольному участію въ дѣлѣ Мазепы, и о братьяхъ и сестрахъ преосв. Іоасафа. «Старинныя замѣтки о родѣ Горленковъ“ [1]) оканчиваются краткою характеристикою преосв. Іоасафа, и вслѣдъ за ними издателемъ весьма удачно помѣщена автобіографія преосвященнаго подъ заглавіемъ: «Путешествіе въ свѣтѣ семъ грѣшника Іоасафа, игумена Мгарскаго»; въ ней сообщаются краткія и довольно отрывочныя свѣдѣнія о преосв. Іоасафѣ, начиная съ дѣтскихъ лѣтъ его и оканчивая вступленіемъ его въ должность намѣстника Свято-Троицкія Лавры (въ 1746 г.). Къ автобіографіи, въ видѣ заключенія, прибавлено краткое «увѣдомленіе» автора «Старинныхъ замѣтокъ о родѣ Горленковъ», обозрѣвающее жизнь преосв. Іоасафа въ санѣ епископа Бѣлоградскаго до его смерти. Здѣсь же, въ видѣ примѣчанія, помѣщены издателемъ разсматриваемыхъ нами матеріаловъ В. П. Горленко три письма преосвящ. Іоасафа: 1) къ матери отъ 4 янв. 1748 г.; 2) къ брату полковнику Андрею Андреевичу отъ 25 мая 1753 года и 3) *къ неизвѣстному лицу отъ 16 іюня 1753 года.* Слѣдующая за автобіографіей «бранъ честныхъ седми добродѣтелей з седми грѣхами смертними, в человѣцѣ путнику так всегда, яко наипаче въ дни с—тия четиредесятницы резидуючая, по чину седмицъ ея имагинацѣею пѵітическою и риѳмомъ описанная 1737 года априля 9 дня» представляетъ собою пасхальное привѣтствіе іером. Іоасафа кіевскому митрополиту Рафаилу Заборовскому отъ лица Кіевской академіи, въ которой Іоасафъ тогда былъ экзаменаторомъ. Мотивъ этого произведенія, безъ сомнѣнія, древній; содержаніе его въ высшей степени интересное.

Вообще говоря, изданіе В. П. Горленко заключаетъ въ себѣ много весьма цѣннаго матеріала для будущаго жизнеописанія преосв. Іоасафа. Считаемъ только необходимымъ сдѣлать одну поправку въ изданіи В. П. Горленко. Выше было сказано, что, въ видѣ дополненія къ автобіографіи Іоасафа издатель помѣстилъ три письма преосвященнаго. Послѣднее изъ нихъ въ изданіи В. П. Горленко датировано такъ: *«Бѣлградъ. 1753 года, іуня 16 дня»*. Но эта дата несогласна съ подлинной. Въ подлинномъ письмѣ, хранящемся въ церковно-

[1]) Авторомъ ихъ В. П. Горленко признаетъ И. И. Квитку, племянника преосвящ. Іоасафа.

археологическомъ музеѣ при Кіевской духовной академіи, выставлена такая дата: *«Бѣлградъ. 1763 года, іуня 16 дня»*. Чѣмъ объяснить такое разногласіе? Можетъ быть, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ опечаткою? Но не говоря уже о томъ, что въ самомъ изданіи нѣтъ никакого упоминанія объ этой опечаткѣ, дата: «1753 года» не можетъ быть признана за опечатку уже по одному тому, что если бы авторъ выставилъ не эту, а другую (дѣйствительную) дату: «1763 года», то онъ, конечно, никогда бы не приписалъ даннаго письма преосвящ. Іоасафу (Горленко), который умеръ 10 дек. 1754 года. Остается, такимъ образомъ, допустить, что издатель намѣренно замѣнилъ цифру «6» цифрою: «5» и поступилъ, какъ увидимъ сейчасъ, совершенно неосновательно. Письмо еп. Бѣлгородскаго Іоасафа къ неизвѣстному лицу, помѣщенное въ изданіи В. П. Горленко, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть приписываемо преосв. Іоасафу Горленко. Во 1-хъ, въ этомъ письмѣ, при всей его краткости, весьма характерномъ, авторъ жалуется своему вельможному другу на презрительное отношеніе Правительства къ архіереямъ изъ малороссовъ («бѣда да горе! всы теперь Малороссіяне вездѣ въ крайнемъ презрѣніи. Самые честные люде остаются съ нашыхъ, а въ Тферь (въ изданіи г. Горленко по ошибкѣ напечатано: «впередъ»), и въ Владимеръ промованы, которіи еще и недавно монахами, съ русскихъ, однакъ добріе люде и достойные») Такая жалоба въ устахъ Іоасафа Горленко немыслима, ибо его служеніе совпало съ самымъ благосклоннымъ отношеніемъ Правительства Императрицы Елизаветы Петровны къ архіереямъ изъ малороссовъ; въ частности, самъ Іоасафъ Горленко пользовался особеннымъ благоволеніемъ Государыни. Съ другой стороны, въ письмѣ сообщается новость о помилованіи ростовскаго архіерея, подъ которымъ самъ же В. П. Горленко вполнѣ справедливо подразумѣваетъ Арсенія Мацѣевича. Но Арсеній Мацѣевичъ подалъ свой протестъ противъ отобранія церковныхъ имуществъ 6 марта 1763 года; послѣ этого началось его дѣло.

И такъ, письмо еп. Бѣлгородскаго Іоасафа, приписанное издателемъ Іоасафу Горленко, не можетъ принадлежать ему. Оно принадлежитъ еп. Іоасафу 2-му (Миткевичу), занимавшему Бѣлгородскую архіерейскую каѳедру съ 26 апр. 1758 г. до 30 іюня 1763 года.

Ѳеодоръ Титовъ.

Кіевъ. 31 августа 1893 года.

Bibliografia Historyi Polskiej. Wspólnie z Dr. Henrykiem Sawszyńskim i członkami kółka historycznego uczniów Uniwersytetu lwow. zebrał i ułożył Dr. Ludwik Finkel. Część I. We Lwowie, 1891.

Въ польской литературѣ имѣется нѣсколько большихъ библіографическихъ трудовъ. Не говоря уже о громадной и обстоятельной библіографіи г. Карла Эстрейхера, которая обнимаетъ всю польскую печатную литературу, еще ранѣе, въ сороковыхъ годахъ, появился трехтомный трудъ г. Іохера: Obraz bibliograficzno-historyczny literatury i nauk w Polsce, od wprowadzenia do niej druku po rok 1830 włącznie. Къ этому труду былъ составленъ г. Эстрейхеромъ обстоятельный указатель. Въ послѣднее время профессоръ варшавскаго университета Ѳ. Ф. Вержбовскій принялся за изданіе библіографіи XV и XVI вв. подъ заглавіемъ: Bibliographia polonica XV ac XVI ss. Этотъ прилежно и старательно составляемый трудъ, два тома котораго уже появились, производитъ, впрочемъ, нѣсколько странное впечатлѣніе. Каждый томъ (а будетъ ихъ, кажется, не менѣе пяти) является не продолженіемъ предыдущаго въ хронологическомъ порядкѣ, а лишь какъ бы дополненіемъ ко всѣмъ прочимъ. Новая библіографія, заглавіе которой мы привели въ заголовкѣ нашей замѣтки, задалась иными цѣлями, чѣмъ вышеупомянутыя, и притомъ цѣлями, выполненіе коихъ задумано очень широко. Поставивъ себѣ задачу, какъ указываетъ самое заглавіе труда г. Финкеля, дать библіографію исторіи Польши, составитель ея хочетъ не только помочь занимающимся польскою исторіею оріентироваться въ ея источникахъ и указать, гдѣ находятся еще новые, неизданные; но онъ старается, кромѣ того, подобрать возможно полнымъ образомъ для отдѣльныхъ эпохъ и даже отдѣльныхъ лѣтъ въ самомъ строгомъ хронологическомъ порядкѣ историческіе матеріалы.

Вышедшій пока первый томъ труда г. Финкеля обнимаетъ источники по исторіи Польши, а второй, какъ обѣщаетъ предисловіе, будетъ посвященъ библіографіи исторической литературы. Подъ именемъ Польши г. Финкель трактуетъ обо всѣхъ земляхъ, входившихъ когда бы то ни было въ составъ этого государства, и предѣльнымъ пунктомъ для своей работы избираетъ 1815 годъ. Располагаетъ онъ свой матеріалъ самымъ незатѣйливымъ образомъ. Сначала онъ сообщаетъ перечень сочиненій и статей, посвященныхъ описанію архивовъ и библіотекъ, находившихся въ предѣлахъ бывшаго польскаго королевства, а затѣмъ указываетъ на описанія всѣхъ прочихъ евро-

пейскихъ библіотекъ, въ которыхъ находятся матеріалы по исторіи Польши. Удивительно, почему г. Финкель не упомянулъ при этомъ объ изданіи катологовъ вѣнской и другихъ большихъ библіотекъ. Указывая на русскіе труды по описанію иностранныхъ архивовъ, въ которыхъ находятся матеріалы по польской исторіи, онъ упустилъ изъ виду очень интересны «Отчеты кандидата степендіата Императорскаго варшавскаго университета о научныхъ занятіяхъ за границею», которые были напечатаные Ѳ. Ф. Вержбовскимъ въ варшавск. университетскихъ извѣстіяхъ въ 80-хъ годахъ и вышли отдѣльными оттисками. Упоминая о моихъ статьяхъ, касающихся этого предмета, г. Финкель, не знакомъ, повидимому, съ нѣкоторыми изъ нихъ, въ которыхъ сообщаются свѣдѣнія о библіотекахъ и архивахъ очень мало извѣстныхъ его соотечественникамъ, а именно: съ моими отчетами въ «Кіевскихъ университетскихъ извѣстіяхъ» (1879 годъ, ноябрь), въ «Варшавскихъ университетскихъ извѣстіяхъ» (1882 годъ, № 6) и также съ брошюрою «Зимлеровское собраніе рукописей».

Отъ архивовъ и библіотекъ г. Финкель переходитъ къ библіографіи отдѣльныхъ историческихъ вспомогательныхъ наукъ: хронологіи дипломатики, сфрагистики, геральдики и генеалогіи, нумизматики и эпиграфики. Подраздѣленія, сдѣланныя авторомъ въ каждомъ изъ только что приведенныхъ отдѣловъ, свидѣтельствуютъ о неясномъ представленіи у него о характерѣ и задачахъ этихъ наукъ. Трудно понять, какъ попали въ эти отдѣлы многія приведенныя въ нихъ сочиненія и статьи. Одно несомнѣнно, что польская литература по указаннымъ наукамъ чрезвычайно бѣдна.

Собственно историческіе источники г. Финкель подраздѣляетъ на два отдѣла: первый—документы, акты, рѣчи, донесенія, письма и и т. п., и второй—хроники, лѣтописи, жизнеописанія, мемуары и политическія сочиненія. Первоначально, говоритъ авторъ въ предисловіи, имѣлось въ виду составить еще третій отдѣлъ, который долженъ былъ заключать въ себѣ собранные отдѣльно манифесты, брошюры, поэмы, панегирики, посвященія, однимъ словомъ, по его выраженію, проявленія общественнаго мнѣнія. Но недостатокъ средствъ на изданіе въ такихъ размѣрахъ этой библіографіи заставилъ отказаться отъ первоначально намѣченнаго плана, и главнѣйшія произведенія, которыя должны были войти въ составъ третьяго отдѣла были распредѣлены, смотря по содержанію, между первымъ и вторымъ.

Въ свою очередь первый главный отдѣлъ распадается на слѣдующіе четыре: 1) собраніе документовъ 2) собраніе законовъ и судебныхъ па-

мятниковъ 3) собраніе актовъ (собраніе актовъ, писемъ, дневниковъ рѣчей) и 4) документы, акты, письма и рѣчи, расположенные въ хронологическомъ порядкѣ. Что касается этого отдѣла, то въ общемъ и тутъ не замѣтно строго выдержанной и продуманной системы въ распредѣленіи библіографическаго матеріала. Относительно же иностранныхъ сочиненій, приводимыхъ въ этомъ отдѣлѣ, нужно замѣтить, что они подобраны какъ бы случайно. Многихъ сочиненій составитель библіографіи, повидимому, не имѣлъ въ рукахъ. Иначе, какъ помѣстилъ бы онъ въ отдѣлѣ документовъ (№ 999) сочиненіе г. Молчановскаго: Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ. Впрочемъ, хотя авторъ и предполагаетъ посвятить второй томъ своего труда исторической литературѣ, тѣмъ не менѣе онъ даже при перечисленіи отдѣльныхъ документовъ и актовъ сплошь да рядомъ безъ всякой видимой нужды указываетъ на тѣ или другія историческія изслѣдованія. Въ отдѣлѣ собранія правъ и судебныхъ памятниковъ у него помѣщены изданія списковъ бывшихъ студентовъ краковскаго университета. Но разъ г. Финкель привелъ ихъ хотя бы даже въ этомъ отдѣлѣ, ему слѣдовало бы уже, сообразно съ его системою, указать при этомъ и на изданія такихъ же списковъ различныхъ заграничныхъ университетовъ (итальянскихъ, нѣмецкихъ, швейцарскихъ, голландскихъ), въ которыхъ учились поляки; но онъ этого почему то не сдѣлалъ. Между тѣмъ вышеупомянутые списки немало помогаютъ выясненію многихъ сторонъ умственной жизни польскаго народа прошлыхъ вѣковъ. Впрочемъ такихъ пропусковъ въ этой библіографіи довольно много, и особенно сильно бросаются они въ глаза въ хронологическомъ спискѣ документовъ. Укажемъ на нѣкоторые лишь изъ нихъ. Въ спискѣ документовъ XVI вѣка не упомянуто, напр., собраніе сочиненій Іоанна Ласкаго, изданныхъ вмѣстѣ съ его корреспонденціей Кюйперомъ (Kuyper); не видно слѣдовъ пользованія перепискою Кальвина и Меланхтона, изданныхъ въ Corpus Reformatorum, забыты «Акты и письма къ исторіи Балтійскаго вопроса» Форстена и многія другія новыя изданія писемъ западно-европейскихъ гуманистовъ и реформаторовъ, въ которыхъ находятся и письма поляковъ. Изъ старыхъ изданій не мало интересныхъ документовъ по польской исторіи г. Финкель нашелъ бы въ «Scrinium Antiquarium sive Miscellanea Groningana. Nova ad historiam reformationis ecclesiasticam praecipue inseruntur». Groningae et Bremae. 1761, въ «Opera Theologica D. Hieronymi Lanchi»; въ Senion Abbes Gabbema. «Illustrium et clarorum virorum Epistolae» и другихъ собраніяхъ писемъ, сочиненій ученыхъ и теологовъ про-

шлыхъ вѣковъ. Упустилъ авторъ изъ виду и документы, приложенные мною къ сочиненію: «Начало католической реакціи и упадокъ реформаціи въ Польшѣ», а также письма іезуитовъ, опубликованныя въ приложеніи къ брошюрѣ: «Къ исторіи іезуитовъ въ литовско-русскихъ земляхъ въ XVI в.»

Второй главный отдѣлъ, или отдѣлъ хроникъ, г. Финкель начинаетъ съ перечисленія общихъ сборниковъ (zbiory powszechne); но подъ этой рубрикой онъ приводитъ, главнымъ образомъ, собранія житій святыхъ, сборники путешествій и даже труды по исторіографіи вообще. Затѣмъ онъ перечисляетъ польскіе сборники средневѣковыхъ хроникъ, равно какъ и изслѣдованія по поводу ихъ; а далѣе указываетъ на такія же собранія средневѣковыхъ лѣтописей у другихъ народовъ, если въ нихъ встрѣчаются матеріалы по исторіи Польши. Хроники, начиная съ XVI вѣка, выдѣлены въ особое подраздѣленіе и перечисляются вмѣстѣ съ біографическими трудами, путешествіями, различными брошюрами и т. п. Затѣмъ весь матеріалъ, составляющій предметъ втораго отдѣла, г. Финкель старается расположить въ хронологическомъ порядкѣ, подобно тому, какъ онъ это сдѣлалъ съ отдѣломъ документовъ. Начинаетъ онъ съ эпохи дохристіанской, а именно—съ Геродота, и кончаетъ мемуарами, касающимися первой половины текущаго столѣтія. При всѣхъ приводимыхъ въ библіографіи сочиненіяхъ и статьяхъ г. Финкель обыкновенно указываетъ на рецензіи по поводу ихъ. Нечего и говорить, что много ихъ ускользнуло отъ его вниманія.

Не смотря на указанные нами недостатки библіографіи г. Финкеля, не смотря на крайне неудобное и непрактичное расположеніе матеріала, къ ней придется однако прибѣгать всѣмъ, которые будутъ заниматься вопросами, находящимися въ связи съ польскою исторіею. Громадное неудобство этого труда составляетъ еще и отсутствіе указателя авторовъ. Хотя г. Финкель обѣщаетъ дать его при второмъ томѣ своей библіографіи, но этого не слѣдовало откладывать на столь неопредѣленное время.

Н. Любовичъ.

Археологическія извѣстія и замѣтки, №№ 1—6, *Москва 1893 г.*

Съ этого года московскимъ археологическимъ обществомъ началъ издаваться ежемѣсячный журналъ, заглавіе котораго приведено выше. Изъ вступительной статьи, помѣщенной въ 1-мъ номерѣ, мы узнаемъ о причинѣ, вызвавшей это изданіе и о цѣляхъ его, именно: „Въ засѣданіи Московск. Арх. Об., 6 октября 1892 г., товарищъ предсѣдателя, Д. Н. Анучинъ, заявилъ, что въ средѣ нашихъ изслѣдователей и любителей древностей давно уже сознавалась потребность въ періодическомъ органѣ по русской археологіи, который, по возможности, частымъ своимъ появленіемъ поддерживалъ бы въ русскомъ обществѣ интересъ къ древностямъ и давалъ бы нѣкоторую возможность слѣдить за успѣхами археологіи. Попытка удовлетворить этой потребности была сдѣлана въ 1867 г. Моск. Арх. Общ., начавшимъ издавать, кромѣ безсрочно выходящихъ «Древностей», «Археологическій Вѣстникъ„, но это изданіе просуществовало только годъ и ограничилось лишь шестью выпусками; такою же непрочною и недолговѣчною оказалась попытка Петерб. Арх. Общ. издавать періодическій журналъ въ 60-хъ годахъ. Въ послѣдніе годы мысль объ изданіи подобнаго бюллетеня, или журнала, возникала неоднократно въ средѣ членовъ Моск. Арх. Общ., но всякій разъ была оставляема, главнымъ образомъ, за отсутствіемъ лица, которое бы могло взять на себя редакцію такого органа и было бы расположено посвятить этому дѣлу не малое количество трудовъ и времени».

Лицомъ такимъ явился дѣйствительный членъ Общ. А. В. Орѣшниковъ, подъ редакціей котораго и выходитъ журналъ.

О содержаніи журнала въ той же вступительной статьѣ находимъ слѣдующее: «Содержаніе журнала имѣютъ составлять: самостоятельныя археологическія статьи, извѣстія о раскопкахъ и болѣе важныхъ находкахъ въ Россіи и о пріобрѣтеніяхъ археологическихъ предметовъ музеями; библіографическія замѣтки о новыхъ русскихъ и иностранныхъ трудахъ и изслѣдованіяхъ, свѣдѣнія о дѣятельности московскаго и, по мѣрѣ возможности, другихъ русскихъ археологическихъ обществъ; разныя замѣтки, имѣющія прямое или косвенное отношеніе къ археологіи. Русскія древности должны занимать первое мѣсто въ журналѣ, но и важнѣйшія новости по иностранной археологіи не должны быть исключаемы». Далѣе: «Основывая «Арх. Изв.

и Зам.», *Общество не ставитъ себѣ задачею, давать отчетъ о движеніи и дѣятельности русской археологіи во всѣхъ отрасляхъ ея, а тѣмъ болѣе о всѣхъ важнѣйшихъ явленіяхъ археологической науки вообще*[1]), но, какъ показываетъ самое заглавіе журнала, имѣетъ въ виду только содѣйствовать, по мѣрѣ силъ и возможности, распространенію между любителями древностей свѣдѣній о важнѣйшихъ новыхъ фактахъ, касающихся, главнымъ образомъ, нашей бытовой старины и отчасти письменности, и способствовать взаимному общенію русскихъ дѣятелей по различнымъ отдѣламъ археологической науки».

Сообразно съ означенной программой и составлены вышедшіе 6 номеровъ; въ каждомъ изъ нихъ мы находимъ какъ самостоятельную статью, такъ и другіе отдѣлы, и нужно отдать должную справедливость редактору, такъ добросовѣстно ведущему дѣло, не смотря на малое число сотрудниковъ: большая часть работы, какъ видно, падаетъ на самого редактора. Замѣтимъ также, что и съ внѣшней стороны журналъ не представляетъ желать ничего лучшаго; каждый номеръ снабженъ нѣсколькими, иногда прекрасно сдѣланными, рисунками.

Выскажемъ нѣсколько соображеній по поводу программы журнала. Обратимъ, прежде всего, вниманіе на тѣ слова вступительной статьи, которыя нами подчеркнуты. Съ ними нельзя согласиться: намъ кажется, что наоборотъ, въ виду того, что настоящее изданіе какъ можно судить, предназначается для довольно широкаго круга читателей, общіе очерки состоянія науки и были бы самымъ подходящимъ средствомъ возбужденія въ публикѣ интереса къ ней[2]). Мы, конечно, знаемъ, что дѣло популяризаціи—дѣло трудное, но кому же, какъ ни московскому археологическому обществу, имѣющему среди своихъ членовъ спеціалистовъ по разнымъ отдѣламъ археологіи, и приличествуетъ взяться за это дѣло. Но, оставляя въ сторонѣ спеціально популярныя статьи, намъ кажется, что и при существующей программѣ можно сдѣлать многое въ данномъ направленіи, немного

---

[1]) Курсивъ нашъ.

[2]) Какъ на образецъ такихъ очерковъ, укажемъ на рядъ статей И. С. (проф. Смирнова)—„Изъ прошлаго и настоящаго доисторической археологіи въ Европѣ“, помѣщенной въ „Извѣстіяхъ Общества Археологіи, исторіи и этнографіи при Импер. Казанскомъ Унив“.

лишь измѣнивъ распредѣленіе и отчасти составъ содержанія журнала. Во первыхъ, самостоятельныя статьи,—если темы ихъ будутъ касаться предметовъ болѣе или менѣе типичныхъ, и при этомъ, будетъ сдѣлано нѣсколько общихъ замѣчаній, то этимъ самимъ, помимо научной, будетъ достигнута и цѣль популяризаціи,—въ вышедшихъ номерахъ мы уже находимъ нѣсколько такихъ статей [1]). Далѣе, изъ отдѣла извѣстій о раскопкахъ и находкахъ и разныхъ замѣтокъ, представляющаго теперь нѣчто въ родѣ обширной «смѣси», путемъ болѣе систематическаго расположенія матеріала можно сдѣлать тотъ отдѣлъ, который и будетъ «давать отчетъ о движеніи и дѣятельности русской археологіи»; такъ напримѣръ: можно помѣщать подъ отдѣльными рубриками извѣстія, касающіяся систематическихъ раскопокъ, и извѣстія о случайныхъ находкахъ, можно затѣмъ также выдѣлить подъ самостоятельной рубрикой «музеографію». Не лишнимъ былъ бы отдѣлъ, въ которомъ помѣщались бы программы для производства археологическихъ изслѣдованій, распоряженія правительства, сообщались бы новые пріемы сохраненія древностей, ихъ реставраціи и т. п. Вмѣстѣ съ существующими отдѣлами библіографіи и бюллетеней засѣданій археологическихъ обществъ все это, вмѣстѣ взятое, вполнѣ служило бы цѣлямъ ознакомленія общества съ состояніемъ и движеніемъ науки о нашемъ прошломъ. Намъ кажется также, что для журнала съ спеціальнымъ содержаніемъ, какимъ являются «Археологическія Извѣстія и Замѣтки» мѣсячный срокъ выхода номеровъ черезчуръ коротокъ.

Во всякомъ случаѣ, въ виду тѣхъ полезныхъ задачъ, какія преслѣдуетъ настоящее изданіе, можно лишь пожелать ему возможно широкаго распространенія [2]).

Изъ помѣщенныхъ въ вышедшихъ номерахъ многочисленныхъ замѣтокъ, касающихся древностей южной Россій, отмѣтимъ двѣ. Въ № 1 находимъ изображенія золотой привѣски (въ журналѣ она на-

---

[1]) Статьи: *И. Е. Забѣлина*—„Построеніе первой на Руси церкви въ честь Пречистой Богородицы Неопалимой Купины“; *Д. Айналова*—„Пластинка диптиха изъ слоновой кости изъ собранія графа Строганова въ Римѣ“; *А. В. Орѣшникова*—„Три памятника времени царя Ивана Васильевича Грознаго“; отчасти статья *М. Сперанскаго*—„О змѣевикѣ съ семью отроками“.

[2]) Годовая цѣна журналу—3 рубля; адресъ редакціи: Москва, Историческій музей на Красной площади, Алексѣю Васильевичу Орѣшникову.

звана пряжкой) кругло-выпуклой формы, украшенной орнаментами въ видѣ трехугольниковъ изъ мелкой зерни съ львиными головками посрединѣ, и серебрянаго браслета съ золотыми львиными головками на концахъ; предметы эти составляютъ часть коллекціи древностей, пріобрѣтенной историческимъ музеемъ въ Москвѣ, вырыты они, по словамъ продавца, крестьянами въ курганахъ с. Емчехи, въ 2-хъ варстахъ отъ м. Козина, каневскаго уѣзда, при рѣкѣ Россавѣ. Въ № 5 помѣщено изображеніе свинцовой вислой печати, найденной на Княжей горѣ; печать эту, судя по надписи и обстоятельствамъ находки, можно считать принадлежавшей митрополиту Кириллу II Греку (1225—1233 гг.).

Б.

Библіографическія замѣтки. I. („Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія" за 1893 г. №№ 1—9).

Въ «Журналѣ М. Н. П.» за первые девять мѣсяцевъ настоящаго года отмѣтимъ слѣдующія статьи, имѣющія отношеніе къ исторіи Юга. Въ 3-мъ № статья г. С. Р—скаго о докторской диссертаціи г. Собѣстіанскаго: ученія о національныхъ особенностяхъ *характера* и юридическаго быта древнихъ славянъ. Работа г. Собѣстіанскаго вызвала горячіе споры въ исторической литературѣ; нѣкоторые рецензенты придавали ей громадное значеніе, другіе отрицали. Въ «Кіев. Старинѣ» былъ помѣщенъ рядъ статей проф. Багалѣя, рѣзко осуждающихъ сочиненіе г. Собѣстіанскаго. Г. С. Р—скій указываетъ въ своей общей оцѣнкѣ труда на существенные промахи харьковскаго профессора. Любопытныя, дѣйствительно, могутъ появляться докторскія, якобы строго научныя, сочиненія въ наше время, когда такъ много предстaвляется серьезныхъ требованій отъ историка съ точки зрѣнія и точности опредѣленій, и выводовъ, и научнаго метода, и критики источниковъ!.. Подъ словами заглавія «національныя особенности характера древнихъ славянъ» (ужъ не сказать ли еще *духа* древнихъ славянъ?)—едва ли можно подразумѣвать что нибудь реально существовавшее и опредѣленное; а между тѣмъ половина указаннаго труда посвящена опроверженію мнѣній о прекрасныхъ чертахъ

этого характера. Если на самомъ дѣлѣ книга г. С. можетъ опредѣляющимъ образомъ воздѣйствовать на будущихъ славистовъ (слова проф. Дринова, см. Истор. Обозр. кн V стр. 184),—то это очень печально. «Трезвые» взгляды г. С., какъ онъ самъ ихъ называетъ, лишены научной отчетливости и серьезной доказательности, особенно, напримѣръ, въ такихъ главахъ, какъ пятая первой части, гдѣ г. С. поноситъ выводы и доказательства Шафарика, изложенныя въ «Славянскихъ древностяхъ».

Славяновѣдѣнію посвящена и вступительная лекція покойнаго Срезневскаго (№ 5), сказанная имъ въ харьковскомъ же университетѣ 16-го октября 1842 года, тотчасъ по возвращеніи изъ заграничной командировки. Вътомъ же пятомъ № укажемъ замѣтки Л. Н. Майкова «Къ вопросу объ исторіи Руссовъ» по поводу брошюры г. Горленка «Изъ сторіи южно-русскаго общества начала XIX вѣка». Г. Майковъ склоняется къ мнѣнію А. М. Лазаревскаго (Кіевская Старина 1891 года. № 4): скорѣе всего авторами «Исторіи Руссовъ» нужно признать Григ. Андр. и Васил. Григ. Полетикъ (стр. 221).

Интересна статья С. Н. Браиловскаго (№ 6-й). Г. Браиловскій опредѣляетъ неизвѣстную доселѣ причину смерти Θеофана Прокоповича. До появленія указанной замѣтки извѣстно было только то, что сильное напряженіе душевныхъ силъ изнурили здоровье Θ. П.; умеръ же онъ 8 сентября 1736 г. Заимствуя свѣдѣнія изъ 2-хъ приводимыхъ г. Браиловскимъ писемъ учениковъ Карповской школы Θеофана, мы можемъ опредѣлить, что у Прокоповича «болѣзнь была каменная», которая „въ смертельной Антоновъ огонь превратилася“ (стр. 500).

Обратимъ вниманіе читателей „Кіевской Старины“ на продолжающееся печататься въ журналѣ изслѣдованіе Θ. М. Леонтовича „Очерки исторіи Литовско-русскаго права“ и съ особеннымъ вниманіемъ остановимся на статьѣ г. Таллоци „Исторія сѣверо-восточной европы и новѣйшая мадьярская исторіографія (№ 7). Въ Будапештѣ существуетъ Мадьярское Историческое Общество; товарищемъ предсѣдателя общества состоитъ директоръ университетской библіотеки г. Силадьи (Skila'gyi). Общество издаетъ „мадьярскіе исторіографическія біографіи“. Любопытны для южно-русской исторіи монографіи и архивные матеріалы, проредактированные г. Силадьи. И монографіи, и матеріалы касаются, главнымъ образомъ,

отношеній Седмиградіи къ Польшѣ и Малороссіи въ XVII в.,—особенно при Георгіи I и Георгіи II Ракоціяхъ. Г. Таллоци въ указанной статьѣ знакомитъ русскихъ читателей съ изслѣдованіями г. Силадьи. Въ XVII в. „только то государство (Россія, Польша, Турція) могло разсчитывать на окончательную побѣду, которому бы удалось связать съ собою козаковъ. По этому необходимо должна была возникнуть борьба сосѣднихъ государствъ изъ-за обладанія Малороссіей, борьба, въ которой дѣятельное участіе приняла и Седмиградія" (стр. 190). Козаки въ началѣ XVII в. принимаютъ дѣятельное участіе въ исторіи Австріи и ея войнахъ, особенно въ періодъ усиленія польскаго гнета. Въ началѣ тридцатилѣтней войны (1620 г.) козаки дѣлаютъ набѣгъ въ Моравію и распространяютъ тамъ страхъ и трепетъ. Георгій I Ракоцій послѣ смерти короля Польскаго Владислава IV стремится занять польскій престолъ при помощи Б. Хмельницкаго. Гетманъ очень сочувствовалъ планамъ Георгія и обѣщалъ помощь, вспоминая милостивое отношеніе къ козакамъ Стефана Баторія. Произошелъ обмѣнъ посольствъ, но послы казацкіе застали Георгія I мертвымъ. Послѣ зборовскаго договора Б. Хмельницкій „понимая, что съ Польшей полное примиреніе не возможно, возымѣлъ мысль объ основаніи особаго казацкаго малорусскаго королевства. Сначала его взоры остановились на Сигизмундѣ Ракочіѣ, младшемъ братѣ Георгія II", который долженъ былъ жениться на дочери Молдавскаго господаря Лупула—Иринѣ. Такимъ образомъ произошло бы единеніе Седмиградіи, Молдавіи и Малороссіи. Ирина не понравилась Сигизмунду, бракъ разстроился, и Тимофей Хмельницкій женился на Иринѣ. Въ 1651 году Богданъ Хмельницкій колеблется, предлагая корону надъ козаками то Радзивиллу, зятю молдавскаго господаря, то Георгію II. Георгій медлитъ; въ это время происходитъ битва подъ Берестечкомъ, Бѣлоцерковскій договоръ и вмѣшательство Москвы въ малороссійскія дѣла. Смерть Тимофея Хмѣльницкаго въ борьбѣ съ Ракоціемъ въ качествѣ союзника Лупула охлаждаетъ Богдана къ Ракоцію. 8 февраля 1654 г. совершилось присоединеніе Малороссіи къ московскому государству. Но „Хмельницкій, смотрѣвшій на подданство Москвѣ, какъ на палліативную мѣру и желавшій сохранить за Малороссіей наибольшую самостоятельность, а также опасавшійся Татаръ, отложилъ свое негодованіе на Ракоція. Когда началась русско-польская война, Хмельницкій вступилъ съ Ракоціемъ въ частыя сношенія" (стр. 197). Ракоцій стремился къ польскому престолу и заключилъ съ Хмельницкимъ союзъ. Гетманъ призналъ Ракоція поль-

скимъ королемъ при гарантіи казацкихъ вольностей. При посредствѣ Ракоція заключенъ также союзъ между шведами и казаками. Ракоцій потерпѣлъ неудачу, его оставили и шведы, и казаки; со своимъ разстроеннымъ войскомъ онъ удалился въ іюлѣ 1657 года изъ Польши и княжилъ въ Седьмиградіи до своей смерти, послѣдовавшей въ 1660 году.

Въ № 8 Ж. М. Н. П. помѣщена статья г. Каринскаго о двухъ памятникахъ стараго западно-русскаго нарѣчія,—лютеранскомъ катехизисѣ 1562 г. и католическомъ катехизисѣ 1585 г. Экземпляры указанныхъ книгъ находятся въ Петербургской публичной библіотекѣ. Г. Каринскимъ сдѣланъ фонетическій и морфологическій разборъ памятниковъ и приложенъ списокъ болѣе рѣдкихъ словъ.

Статья кн. Имеретинскаго „Дворянство Волынской губерніи" (№ 8) указываетъ на то, какъ польская шляхта избѣгала вносить свои имена въ списки россійскихъ дворянъ далеко позже жалованной грамоты 1785 г. и присоединенія значительныхъ частей бывшаго польско-литовскаго государства къ государству русскому. Указы 1800 и др. год. много способствуютъ такой регистраціи польской шляхты на Волыни. Г. Имеретинскій отмѣчаетъ, однако, уклончивость и неподатливость въ этомъ дѣлѣ волынскихъ дворянъ, но, говоритъ авторъ статьи, „неотразимая и безпощадная сила историческаго хода событій стала тверже подчинять своему вліянію польское дворанство, никогда добровольно не подчинявшееся ни требованіемъ разума, ни даже указаніямъ Промысла" (349 стр.). Къ 1829 г. имена уже 7518 шляхетскихъ волынскихъ родовъ, приблизительно 30,000 человѣкъ, благодаря настойчивости правительства, были занесены въ списки россійскихъ дворянъ. Послѣ такого болѣе или менѣе успѣшнаго веденія дѣла, намъ кажутся очень странными слѣдующія слова г. Имеретинскаго, полныя негодованія: въ итогѣ (въ 1829 г.) получится 30,072 лица, признанныхъ русскими дворянами, въ дѣйствительности же нисколько не переставшихъ враждебно относиться къ Россіи и всему русскому" и т. д. (стр. 367). Но, вѣдь, само русское правительство и добивалось возможно полнаго, возможно скораго и правильнаго занесенія всѣхъ шляхетскихъ родовъ въ списки русскихъ дворянскихъ родовъ. Увеличеніе такого списка именно согласно „съ требованіями разума, даже указаніями Промысла", наконецъ желаніями самаго г. Имеретинскаго, судя по тону его статьи... А тонъ, правду сказать, не научный и не объективный. Укажемъ въ видѣ образца на о бъясненіе, почему въ 1826 г. многіе поляки подписывали свои фамиліи при дѣ-

лопроизводствахъ о дворянствѣ то по-польски, то по-русски, едва ли, конечно, сколько нибудь освоившись съ русскимъ языкомъ. Г. Иметинскій, говоритъ, что они это дѣлали „какъ будто подъ вліяніемъ ребяческаго каприза“. Едва ли тутъ было мѣсто ребяческому капризу...

И.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

1) Сообщеніе справокъ о резолюціяхъ Кассаціонныхъ Департаментовъ и Общаго Собранія Правительств. Сената производится въ „Юридической Газетѣ“ въ отдѣлѣ „Почтоваго ящика“ и при томъ не болѣе 4-хъ разъ въ теченіе года. Лица или учрежденія, желающія получать по дѣламъ Кассаціонныхъ Департаментовъ Сената справки по почтѣ, прилагаютъ два рубля за каждую справку по каждому отдѣльному дѣлу, а желающія получить ее по телеграфу, прилагаютъ еще и стоимость телеграммы.

2) Всякія иныя справки и порученія должны быть оплачиваемы по взаимному соглашенію съ редакціей.

3) Разрѣшеніе юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимся имущественныхъ и личныхъ интересовъ, сообщеніе совѣтовъ и т. п. производится письменно по почтѣ, на условіяхъ особаго соглашенія съ редакціею.

4) Лица и учрежденія, обращающіяся къ намъ за справками, обязаны сообщить: а) бандероль, за которою получаютъ „Юридическую Газету“; б) когда и кѣмъ поданы прошеніе или жалоба; в) на рѣшеніе какого присутственнаго мѣста или должностнаго лица, и г) когда и какимъ присутственнымъ мѣстомъ или должностнымъ лицомъ прошеніе или жалоба отправлены въ сенатъ или другое правительственное учрежденіе.

5) Редакція „Юридической Газеты“ также принимаетъ на себя и указаніе повѣренныхъ для веденія дѣлъ.

Подписка на «Юридическую Газету» съ приложеніемъ въ 1893 году продолжается.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО Казанскаго Университета

НА 1894 ГОДЪ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлы критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при Университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ періодически шесть разъ въ годъ книжками въ размѣрѣ не менѣе 15 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать въ редакціи по 1 руб. 50 коп. Подписка принимается въ Правленіи Университета.

Редакторъ **Ѳ. Мищенко.**

Печатается по опредѣленію Совѣта Императорскаго Казанскаго Университета.

карти и виграль 1 р. зъ чимсь. Получилъ я писмо зъ Ромна отъ род., что онъ 22-го мая виедетъ въ Харковъ зъ Ромна. Вѣдомость подалъ ключникъ, что въ пріемѣ его риби вялой было сули 8500, чабака 11300, короповъ 600, сомовъ 300, въ продажѣ сули 5200, чабакъ 10100, короповъ 600, сомовъ 280; принято грошей имъ же ключникомъ, за тую рибу 73 р. и 10 ал., а на людяхъ неотданнихъ грошей 94 р. и 13 а. съ копѣйкою; въ росходѣ на работниковъ сули 2500, чабака 650, сомовъ 20, въ остатку 2000, подлой самой.

Понеделокъ. 22. Пашпортъ зъ канцеляріи енер. получилемъ ехать себѣ въ Харковъ, на 4 подводи почтовихъ. Петръ Михайловъ, подканцеляристъ колежскій, былъ у мене и просилъ о коня верхового, гнѣдого, которого оставилемъ въ Глуховѣ для отдачи ему толко въ той силѣ, чтобъ мене взглядомъ Сивака обнадежилъ, же ему всякіе трудности отбувать, о чомъ къ господару Василеви Новѣцкому листомъ предложилемъ. У ключника взялемъ 26 р., въ чомъ и роспиcка на реестрѣ учинилась; зъ тихъ же грошей 10 р. далемъ Вѣжевскому на росходъ. Генералъ на водцѣ былъ зъ нѣкоторими членами у насъ. Въ інтерессѣ род. писалемъ до Шаригина, чтобъ забвенію не былъ преданъ. У Кошелева полковника былъ я, а пожекгнавшись съ нимъ и Левенцемъ, заехалемъ до сотника глух. и оттуду поехалемъ въ путь свой зъ попомъ Астровскимъ, и пріехали въ Тулиг. на ночъ.

Вовтор 23. Тутъ въ дворцѣ, по осмотрѣ, показалось гор. простой 4 куфи, а меншихъ 6. Василець за воровство наказанъ. Господареви пунктовъ 6 далемъ и листъ до Писарева объ очистцѣ склепу; а поехавши зъ Тулиг., пріехали въ Мутинъ, где перевюзшись через Сеймъ, стали на ночлѣгъ заразъ.

Середа. 24. Сегодня рано писмо отдалемъ перевозникамъ до о. ігумена Петропавловского монастира зъ прошеніемъ, чтобъ на перевозѣ людей моихъ безденежно пропущано. А мы поехавши, уехали миль зъ 4 и стали на обѣдъ при урочищи, називаемомъ Кринички, куда пріехалъ къ намъ Несторовичъ зъ женою своею, и оттуду поехавши, прибыли въ Смѣлое, где и ночовали.

Четвер. 25. Сегодня рано вставши, рушили и пріехали передъ обѣдомъ въ Роменъ, где родителку, братовую н. Андрѣевую, брата

Семена и пріехавшую ахтирскую полковницу застали и тутъ подпіяхомъ. Карпъ Огіевичъ поехалъ въ Миргородъ сватать себѣ дочери у Зарудного, которому отъ род. своихъ далемъ два дуката по 2 червоннихъ. Указъ состоялся монаршій въ тайномъ верховномъ совѣтѣ: Петра Толстого, полковника нѣжинского лишить полку и вислать зъ Малой Россіи въ московскіе деревни, его или отцови, зъ женою и дѣтми на житло, о чомъ зри юля 2-го числа, 1-го нумера.

Пятокъ. 26. Сегодня рано послалемъ двѣ писмѣ въ Глуховъ. одно до господара, о присилцѣ гор. 12 куфъ, такъ же и о томъ, чтобъ никому въ дворѣ становитись и харчоватись не велѣлъ, развѣ указъ родителскій албо нашъ привезетъ. Другое до Леонтія о присланню обстоятелной вѣдомости о случаи нинѣшномъ. Такъ же писалемъ до швакгра, Якова Полуботка, о прибитіи его сюда. Обѣдалисмо всѣ зъ гостми ахтирскими и капитаномъ Ситинимъ.

Субота. 27. Сегодня ездилемъ зъ Несторовичемъ на Засулле, где зъ полковницею ахтирскою кушалисмо. На Засуллѣ видѣлемъ куфи гор. зъ Глухова привезенніе 12, а давнихъ 3 куфи гор. простой, одна на корхъ не повна, а другая корховъ на 2 и палцовъ на два, третая повна; оковитой гор. въ куфѣ болшой корховъ на 2 и палцовъ на два. Куфа бузовой не повна на корхъ, куфа сливовой повна, куфа вишневой не повна корховъ на 2 и палцовъ на 3.

Неделя. 28. Сегодня обѣдалисмо въ купѣ зъ гостми и п. Яковъ Полуботокъ, а у вечеру ездилисмо на Засулле, куда и родитель отъ князя повернулся, где и ночовали.

Понеделокъ. 29. Сегодня рано ходилъ я въ лазню, где вийшовши вомѣтовалемъ 3 раза, а по обѣдѣ гостѣ ахтирскіе и п. Яковъ Полуботокъ отехали во свояси, которого опроважалисмо обое и братовая п. Андрѣева до его квартери. Тамъже ему и табакерку далемъ.

Вовтор. 30. Сегодня рано уговоръ зъ Засулцами здѣланъ, которіе мѣютъ гор. куфами отвозить въ Царицинъ, за каждую куфу брать имъ по 40 каменей вагою, а камень по 7 шаг., которимъ и деньги отъ мене дани, за 10 куфъ половинніе 140 зол. Двѣ куфи гор. простой пересипани въ великую куѳу, где еще было и

оковитой гор. на 2 корхы. Братовая п. Андрѣева поехала въ домъ свой въ Суми. У ваннѣ парилъся муравями, по чомъ посипало мене барзо.

Середа. 31. Сегодня рано службы Божой на Засуллѣ вислухавши, переехалисмо въ Роменъ, а родитель тамъ откушавши, поехалъ по футорахъ. Обискалось писмо, данное мнѣ отъ Горошинцовъ на футоръ Криворудскій.

Мѣсяць юнь. Четвер. 1. Сегодня явился чернець Глинскій, когдась у насъ інспекторовавшій, а потомъ школи латинскіе у Бѣлагородѣ учившій. Обѣдалисмо сами и съ нами Несторовичъ зъ женою. Юско Сердюченко, мужикъ сухоносовскій, явился тутъ, которому отпустивши его до середи въ домъ дать казалемъ 1 р., а въ середу сюда явитись. Родитель пріехалъ зъ футоровъ, до которого и я ездилъ на Засулле, где отвечеравши повернулемся въ городъ на ночъ. Савку Савеліева, бывшого писарчика при варницѣ, принялемъ за слугу.

Пятокъ. 2. Вѣжевскому въ реестрѣ пріемномъ написано 24 р., въ числѣ мая 26-мъ, якіе далемъ ему. Писалемъ до стар. Сухонос., чтобъ Сердюченко не на середу, але на понеделникъ пріездилъ сюда. До Глухова 2 четвер. сули почтаремъ послано, черезъ которого писалемъ до господара о висилцѣ гор. и о присилцѣ желѣза 3 пуд. До Александровского старости тожъ писалъ о присилцѣ желѣза отъ станка каретки, теперъ привезенной, оставшогося. Отъ стар. сухонос. получилемъ писмо, что вибралъ въ дорогу подводи воловъ робочихъ 70, а именно: зъ между купленнихъ 53, а зъ домашнихъ 17, и что человѣку Бѣлоусовскому далъ за грунтъ задатку 10 зол.

Субота. 3. Сегодня рано пріехалемъ на Засулле, где и купалисмо всѣ, по обѣдѣ родителка поехала по футорахъ, а родитель и я поехали въ Вовковцѣ до генерала-лейтнанта фонъ деръ Роппа, где до ночи просидѣли, а позно въ ночь пріехали на Засулле; тутъ и ночовалисмо.

Неделя. 4. Сегодня обѣдалисмо у себе, а по обѣдѣ пріехали зъ Глухова Галицкій и город. сотникъ. Публѣкацѣя была о смерти

Государинѣ, а на вѣрность его імператорскому величеству присягано въ Глуховѣ.

Понеделокъ. 5. Сегодня полученъ листъ зъ Глухова отъ Янковского, въ якомъ ознаймуетъ, что принесени 2 указа монаршіе 17 мая зъ С. П. Бурху, зъ которихъ въ едномъ написано, что будетъ гетманъ и старшина енер. въ насъ по прежнему, и збори отставлени будутъ, кромѣ тихъ, якіе за Хмелницкого гетмана и другихъ збырались, а другій обявляючи о преставленіи ея величества государинѣ імператрици и чтобъ на вѣрность его імператорскому величеству присягу виконали наши знатнѣйшіе въ Глуховѣ, а въ полки о томъ же при манѣфестахъ нарочніе присланни будутъ зъ коллегіи малор.—Несторовичъ, сотн. роменскій, повернулъся зъ Вовковецъ, опровадивши генерала-порутчика Роппа, который, мовитъ, сказывалъ о томъ же. Ездилемъ осмотривать воловъ моихъ припроваженнихъ зъ Сухонос., которихъ всѣхъ числомъ 70, а между тими своихъ доморослихъ 17, да потомъ ездилемъ на монастирище, где казалемъ тарадайку додѣлать и каретку новую переправить.

Вовтор. 6. Сегодня въ городѣ Ромнѣ службы Божой слухалисмо, а обѣдали на Засуллѣ. Писалемъ писма до Янковского объ увѣдомленіи о тамошнемъ, а до господара о присилцѣ гор. сюда немедленно. Зъ Сухоносовки Юско Сердюченко пріехалъ и писмо отъ стар. далъ, въ якомъ требуетъ присилки грошей 300 зол. на заплаченне новокупленного грунту у Бѣлоусовского человѣка, до которого отписалемъ, отдачу денегъ откладаючи до моего пріезду туда.

Середа. 7. Сегодня обѣдалисмо тутъ и съ нами Несторовичъ, братъ Семенъ и протч. Родитель поехалъ въ Андреевку для зближенняся, къ полковой старшинѣ, чинячой розграниченне токаровцямъ зъ пѣсковцями и футоромъ Галецкого. Милемся въ лазнѣ и кровъ зашкурную пускалъ.

Четвергъ. 8. Сегодня на службу Божую и на обѣдъ пріехалисмо въ городъ. Передъ вечоромъ поехалемъ былъ въ Глуховъ, але на предмѣстю, стрѣвшись зъ капитаномъ гварнизону глух. Михайломъ Чарторійскимъ, посланнимъ въ полкъ лубенскій зъ указами, повернулемся назадъ.

Пятокъ. 9. Родитель повернулся зъ Андреевки и Луки въ Роменъ. Прежде помянутій капитанъ, бувши въ дому род., отдалъ родителю указъ зъ колегіи малор., зъ якихъ въ едномъ о преставленіи государинѣ и о наслѣдіи нинѣшнего монарха, въ другомъ объ отставцѣ зборовъ определеніемъ колегіи малор. по доношенію генерала-маіора Веляминова собиравшихся, а збирать тѣ, которіе надлежать по пунктамъ гетмана Богдана Хмелницкого и якіе за бытности другихъ гетмановъ собирались, и что гетманъ и старшина въ Малую Россію вскоре мѣютъ быть определени, какъ въ договорахъ было Богдана Хмелницкого, о чомъ и особливий указъ зъ Сената, къ полковнику и старшинѣ полковой написанний, родителю жъ вручилъ; въ третемъ, что 12-го мая свѣтлѣйшій князь пожалованъ новимъ чиномъ генералиссимуса. Якіе всѣ укази оголосивши передомъ въ народъ, котлами войсковими и болшимъ звономъ, читано передъ церквою, а по прочтеніи ввойшли въ церковъ, где родитель, потомъ я и протчіе всѣ присягу на вѣрность его імпер. величеству виконали, по семъ служба Божая совершалась, по службѣ было благодарственное молебствіе зъ трикратною стрелбою пушечною. При концу сеей церемонѣи пріехалъ зъ Глухова Покорскій, старшій канцеляристъ, зъ енер. канцеляріи зъ указомъ, то жъ самое оглашаючимъ. Потомъ доволно персонъ кушали у род. при музицѣ войсковой. Поехалемъ зъ Ромна въ Глуховъ и ночовалемъ у Сухого Ромна. Зъ Сухонос. пригнано 6 воловъ при листѣ старости, зъ якихъ трохъ велѣлемъ удержать и присовокупить до 70, а трохъ отправить назадъ, яко незгоднихъ въ дорогу, а листъ далемъ до стар. о томъ писанний и о борошнѣ и казанахъ на косарѣ потребний отвѣтуючій.

Субота. 10. Сегодня, зъ становиска вчорайшого рушивши, пріехали до кринички, где и обѣдъ кушалемъ, а по обѣдѣ пріехалемъ до перевозу мутинского, где засталемъ капитана Новотроецкого полку Ладина зъ ротами того жъ полку переправуючагося, где я переправившись, пріехалемъ на ночъ до пустинки мутинской.

Неделя. 11. Тутъ же въ пустинцѣ службы слухалемъ и обѣдалемъ. Отцу Пахомію 3 р. далемъ и 2 гривни. По обѣдѣ поеха-

лемъ и пріехалемъ зарання до Тулиг., тутъ и ночовалъ. Увѣдомился, что въ пятокъ пойшли воловики зъ гор. въ Роменъ, а именно: 5 куфъ простой болшихъ, а шестая у 6 носатокъ, да 2 болшихъ оковитой, а въ Тулиголовахъ тилко въ одной куфѣ гср. 6 носатокъ, Стар. говорилъ, что Шрамко въ Сварковѣ купилъ ставокъ близъ своего двора и на другомъ боцѣ огородъ у мужиковъ, Омелченка и Шевця.

Понеделокъ. 12. Сегодня рано поехалемъ зъ Тулиголовъ и пріехалемъ до Сваркова на обѣдъ, оттуду на ночъ въ Глуховъ.

Вовторокъ. 13 Сегодня службы Божой слухалемъ у ст. Анастасіи, а по службѣ былъ у Кондзеровского и въ дому кушалъ, по обѣдѣ были у мене протопопъ Глуховскій о. Свѣтайло и Григор. Занковскій, потомъ ездилемъ до генерала маіора Веляминова и Кошелева, где и зъ п. судіиною видѣлемся. Передъ смертію блаженной памяти ея величества, за тиждень, Петръ Андр. Толстой и синъ его старшій Іванъ и протчіе сослани зъ С. П. Бурху въ силку. У господара отобралемъ купчіе, а едну Ясманскую непорадне составленную для поправки назадъ ему отдалемъ.

Середа. 14. Сегодня обѣдалемъ у себе и со мною Левенецъ. Господарь и ключникъ дали вѣдомость, что Федоръ, бывшій шинкаръ, ясманскій остался виноватъ за напитокъ недоплаченнихъ 47 р. 27 а. Приказъ господару и ключнику далемъ меду мѣрницю давать отъ 1-го юля въ шинки по 4 р., а не по 9 коп. Получилемъ писмо отъ жени, что въ пасѣцѣ роменской на Плавинищахъ пчоли роевъ показалось 5, а старой 23, а такъ всѣхъ 28. Кровъ зъ головной жили пускалемъ.

Четвер. 15. Сегодня рано господареви приказъ далемъ въ 13 пунктахъ и отехалемъ зъ Глухова, и пріехалемъ въ Мутинъ на обѣдъ. Зъ Мутина писалемъ до отца протопопи глуховского о отцу Никитѣ, вѣкарію сварковскому, дабы ему владѣть полемъ церковнимъ всѣмъ, а не половиною и отцу Гурію, чтобъ не допустить его до того и тотъ листъ зъ конемъ строкатимъ булано, приставшимъ, далемъ Валѣцкому, старостѣ мутинскому, отослать въ Глуховъ. Переехалемъ черезъ Сеймъ и уехавши миль зъ двѣ, у Кросенъ ночовалемъ

Пятокъ. 16. Отъ ночлѣга вчорайшого сегодня поехавши на дорозѣ стрѣтилемся зъ Галецкимъ, сотникомъ полк. стар., и отъ обѣда становиско имѣлъ на Ромнѣ, а передъ вечоромъ пріехалемъ въ Роменъ. Писмо отъ Федора Юрченка марта 12-го, еще зъ Астраханѣ отправленное, получилемъ, въ якомъ пишетъ, что лоцманъ поворовалъ болтовъ 2, крукъ до руля у полъ 3 пуда, дерева половину купленного на бракшпиль за 4 р., блоковъ 5, полотна 110 аршинъ, да Гаврило далъ ему 65 р. а потомъ 15 р. денегъ моихъ.

Суббота. 17. Сегодня обѣдалемъ тутъже и со мною Несторовичъ и Столповскій. Составляли експедицію виправляючимся до Астраханѣ. Юско Зубко явился и подалъ челобитную, просячись на службу.

Неделя 18 Сегодня переехалемъ на Засулле и тутъ службы Божой слухалемъ зъ судею новимъ луб., Несторовичемъ, Столповскимъ и отцемъ Евстафѣемъ. Писалемъ до Михаила Петрова, чтобъ онъ въ С. П. Бурсѣ купилъ мнѣ млинокъ на кагве и табаку ревелского. Семенъ Бардакъ. Михайло Гавриленко зъ послушними себѣ Федоромъ Ясманскимъ и Романомъ Лисимъ, тако же и Юско Сердюченко, отправлени въ дорогу, первіе въ Астрахань зъ запасомъ, при которихъ возокъ конний, а коней рижихъ 2, а 1 чалій, возовъ воловихъ 15 зъ привоями ременними, воловъ 62, на которихъ послано въ продажу гор. оковитой куѳъ 2, а въ нихъ носат. 24, гор. простой куѳъ 20, а въ нихъ носатокъ 262 и квартъ 32, особливе барилъ 2 гор. простои жъ, носат. 84, масла перетопленного кухва неповна, вагою камень 18 безъ 10 фунт. зъ деревомъ, а дерево самое важитъ 4 пуда, тютюну кулей 25, а папушъ въ нихъ десять тисячъ, горѣлки вишневой переваруваной барилъ 2 великихъ, а непереваруваной барилъ 2, болшое и менщое, дулевой барило великое, сливяной барилъ 2, великое и малое. Семену далемъ для експенсовъ денегъ 30 червоннихъ и 10 р., а не въ зачотъ на дорогу далемъ Михаилу Гавриленку 3 р. Федору и Роману по 1 р. Юско Сердюченко посланъ съ ними жъ въ Царицинъ, откуду повернувшись мѣетъ въ манычѣ за соллю ехать, на що ему далемъ 10 червонних да 20 р. а ему невзачотъ полъ 2 р., харчи

зъ ними дано: сухарей житнихъ кулей 9, муки гречаной мѣховъ 6, пшона мѣховъ 2, салъ 2, до возовъ дано сокѣръ 4, долотъ 3, свердловъ 4, струговъ 2, шворней желѣзныхъ 12, списовъ 3, боклаговъ 7, мазницъ 7, стояновъ 3, и всякому зъ нихъ троихъ особливий приказъ данъ, которихъ екстрактъ на особливомъ паперѣ зде приложенъ. Далемъ Вѣжевскому на росходъ 6 р., що и въ реестрѣ записалемъ.

Понеделокъ. 19. Сегодня обѣдалемъ на Засуллѣ зъ попомъ Евстафѣемъ, Несторовичомъ и Столпов. По обѣдѣ поехалемъ и пріехалемъ на ночь въ Луку.

Вовтор. 20. Сегодня рано отправилъ я 2 писмѣ въ Роменъ, 1) до Волинского, о его пріѣздѣ въ Сухоносовку и Перервинцѣ, а другое, до Семена Бардака о пѣвчомъ для Змѣіова невинайденномъ, хочай винайти и было старанне, дабы и онъ такъ ему въ Астраханѣ сказалъ и чтобъ винайшолъ купить малчика колмичонка. Поехавши оттуду пріехалемъ о полднѣ до Бѣлоцерковецъ села, куда будетъ миль зъ 5, откуду до Пѣратина у 2 милѣ отстоящого, отголь до Короваювъ, у 2 милѣ отстоящого села, где не засталемъ родителя, толко самую родителку и жену.

Середа. 21. Сегодня рано пожегнавши род., поехалисмо обое и пріехали въ село Перервинцѣ, отъ Короваевъ у 2 милѣ добрихъ отстоящее, где и заночовалисмо, лежачее межи сухою Оржицею и Чумгакомъ. Тутъ воловъ нашихъ рабочихъ 21, назимковъ 2, свиней старихъ 12, малихъ 17, корова дойная зъ телямъ.

Четвер. 22. Сегодня рано ездилемъ до Сухой Оржицѣ, при которой и ставокъ, занятий покойнимъ суддею-дядкомъ, да тамъ же стѣнка [1]) козака Ворони Перервинского: оттуду заездилемъ до яру Мехеевского, Худолѣемъ уступленного мнѣ, въ милю оттуду, въ верхъ сухой Оржицѣ и отъ села тако жъ, где молодий хащникъ [2]) пустилъся; оттуду пріехалемъ до села, где и обѣдалисмо. Мужикъ мой перервинскій Семенъ Каркушка явился, которому увойти

[1]) Небольшой лѣсокъ.

[2]) Кустарникъ.

въ село строкъ положенъ до Петра святого. Мати Остапа Кучера явилась, которой далемъ полтину грошей. 3 р. старостѣ перервинскому казалемъ Вѣжевскому дать на расходи

Пятокъ. 23. Сегодня рано службы Божой вислухавши, поехалисмо зъ Перервинець и уехавши милю, пріехали въ село Бѣлоусовку, где переехавши черезъ Чумгакъ, на греблю сотника пѣратинского, пріехали до Денисовки, въ 2-хъ миляхъ отстоящей, и тутъ черезъ ставокъ переехавши Івановой лубенской, стали на обѣдъ, а по обѣдѣ поехалисмо и миль зъ 4 добрыхъ уехавши, пріехали въ Бурумку, где родителку застали; тутъ и ночовалисмо.

Субота. 24. Тутъ праздникъ рождества св. Іоанна Предтечи отправилисмо, куда и братъ Семенъ пріехалъ зъ Кривой Руди, а передъ вечеромъ виехалисмо зъ Кривой Руди, родителка жъ и жена моя поехали на перевозъ Оржицкій, до футорей Криворудскихъ, а я, зъ братомъ Семеномъ, поехалисмо до Оржицѣ, въ 2-хъ миляхъ отстоящой, где и заночовалисмо въ городка, у человѣка козака Артема тестя Сухомузкого.

Неделя. 25. Сегодня рано перевюзшись черезъ рѣчку Оржицю, братъ Семенъ поехалъ въ Лубнѣ, а я до Лукомля, въ 2-хъ же миляхъ отстоящого, ради виданняся зъ родителемъ, куда пріехалемъ передъ службою Божою, подчасъ чинившойся публѣкацѣи; по службѣ, у сотника обѣдалисмо, Мартина Кодинця. Ради великого дожчу, удержалемся черезъ сей день тутъ. Козака Ворону перервинского отправилемъ въ домъ зъ листомъ до стар. о томъ, чтобъ увѣдомилъ мене, що по листу до сотен. пѣр. комиссаровъ писанномъ объ облегченіи людямъ моимъ учинилось, чтобъ увѣдомилъ же мене, сколко въ футорахъ сотника Кохна и проч., где и людей жилля суть, опредѣлено рацѣй, а Семену Каркущѣ, чтобъ онъ въ семъ м-цѣ перейшолъ въ село.

Понеделокъ. 26. Сегодня рано пожегнавши родителя, поехалемъ въ Лукомле и, переехавши черезъ Сулу, поехалемъ степомъ и прибылъ у футоръ род., зовемий Фастѣрскій, где и обѣдалисмо зъ родителкою, женою и братовою; тамъже по обѣдѣ пожегнав-

шись зъ род., розехалисмося, она изволила поехать къ Лубнямъ, а ми у футоръ свой криворудскій, где и заночовалисмо.

Вовтор. 27. Сегодня тутъ же прожилисмо, а на обѣдъ пріѣхалъ Хоружій къ намъ пол. Жуковскій Василь и атаманъ горашинскій. У футорѣ показалось зъ стадними коней дрикгантовъ 9, кобилъ всѣхъ 78, а всего того зъ протчимъ поголовемъ 210, а браку винято надъ сее число 18, товару рогатого бугаевъ 6, коровъ всѣхъ 86, воловъ робочихъ 4, а зъ другимъ поголовемъ будетъ всего 216, а браку 13, овецъ всѣхъ 1057, козъ всѣхъ 121, коней иждҗалихъ 81 и браку 8, о чомъ зде особливий приложенъ реестръ.

Середа. 28. Сегодня послалемъ Юска машталѣра въ Лубнѣ до родителя, зъ листомъ до доктора въ Гданскъ, о спораженню домовой аптечки писаннимъ; до Желязя—о продажѣ 11 воловъ моихъ и о покупцѣ рѣчий, якимъ особливе приложенъ реестрикъ, а 2 въ аптеку о лѣкарствахъ, которихъ всѣхъ копія зде приложена, а до Іосифа Шимка приложенъ въ листѣ облѣкъ купца гданского задолжившогося за воли проданніе Яковомъ Дубровою наши на 440 зол. тамошней монети, чтобъ онъ тіе денги по облѣку доправилъ; до тихъ же воловъ на кормъ далемъ Шимкови 4 таляр. битихъ и 2 р., о полученіи облѣка отвѣтствовалъ Шимко ко мнѣ. Передъ вечеромъ поехалисмо обое до Горошина, где и заночовалисмо у атамана тамошнего, для вислуханния набоженства завтришнего дня праздничного.

Четвер. 29. Сегодня по службѣ Божой заездилемъ до греблѣ Горошинской, на которой клѣтка прадажная Галаgана пол. прилуцкого, где толко одно коло держится, а другого и третого ступного немашъ, кромѣ ставидлъ. Юска Щербака молодика послалемъ до Перервинецъ и оттоль до Василя Тамари зъ листомъ, упоминаючись объ обѣщанную дичину живую и зъ картою объ отобранню должнихъ 18 р. Пріехалисмо знову у футоръ Криворудскій, где обѣдалисмо и ночовалисмо.

Пятокъ. 30. Сегодня были у мене горошинскіе жители Іллященко, Опанасъ ктиторъ, козакъ. Гарасимъ и проч., упоминаючись

объ учиненне межи твердой, которимъ казалемъ, что въ осени учинится заоръ по половинѣ, между новимъ нинѣшнимъ заоромъ и могилками до могили Столповахи. Поехалисмо зъ футора изъ дороги писалемъ до Волинского и стар. Сухонос., чтобъ они о томъ по висшепомянутому учинили межованне, а мы пріехалисмо въ Лубнѣ, изъ Лубенъ въ Александровку, где засталисмо родителя, туда жъ и родителка пріехала.

Мѣсяць Юль. Субота. 1. Сегодня обѣдалисмо вкупѣ, а по обѣдѣ родитель поехалъ въ Сенчу за монаршимъ інтерессомъ, ради окончѣнія присяги, а ми тутъ и ночовалисмо.

Неделя. 2. Сегодня рано получилемъ вѣдомость о состоявшихся указахъ его імпер. в—ва, одномъ 16-го мая, а другомъ 25-го, которіе въ такой силѣ суть: первий указъ 1727-го году, мая 12-го, его імператорское величество указали великороссійскимъ всякихъ чиновъ людямъ въ Малой Россіи земель и грунтовъ не покупать, а малороссіанамъ продавать запретить, а которія зъ великороссійскаго народа до сего указа такія землѣ и грунта купили, у тѣхъ взять къ тѣмъ же полкамъ, заплатя имъ по купчимъ денги, чтобъ оттого Малороссійскому народу обидъ небыло, а кто впредъ сего указу изъ великороссійскихъ людей станутъ въ Малой Россіи земли покупать, у тѣхъ брать безденежно и о томъ въ Малороссійскую колегію и къ генералной старшинѣ послать укази изъ сената. Данъ въ нашомъ верховномъ тайномъ совѣтѣ мая 9-го 1727 году. Другій указъ зъ верхового совѣта въ сенатъ. Сего мая 25-го числа 1727 году, указали мы Петру Толстому въ Нѣжинскомъ полку полковникомъ не быть и жить ему зъ женою и зъ дѣтми въ великороссійскихъ своихъ или отцовихъ деревняхъ, до нашого указу, и для того ево зъ женою и зъ дѣтми изъ Малой Россіи вислать немедленно и о томъ въ малороссійскую колегію нашъ указъ посланъ и нашему сенату о виспеписсанномъ вѣдать. Данъ въ нашомъ верховномъ тайномъ совѣтѣ, мая 24, 1727 року.—Ездилемъ зъ братомъ п. Семеномъ и Василемъ Глинскимъ до монастира, где по службѣ кушалисмо и потомъ отехалемъ и пріехалемъ на ночь въ Сухоносовку, а ехалемъ кружно зъ монастира до Тимокъ на Воронки.

Понеделокъ. 3. Сегодня въ Сухоносовцѣ осмотрѣлемъ пчоли своей, якой старой было 70, а роевъ теперъ показалось 60 и того 130 пчоли всей, да тутъ же корова 1. Орановскому попу 15 рунъ вовни дать казалемъ. Юско молодикъ повернулся зъ Кавраю отъ Тамари и привезлъ пару гусей гилянскихъ, чили рачей Китайскихъ и пару курей карловъ персидскихъ. Обѣдалемъ зъ сотникомъ и атаманомъ Чорнусскими и проч., а по обѣдѣ отехалемъ, а пріехалемъ къ Лохвицѣ, до гаю, где зъ п. Павловою увидѣвшись, а совокупившись зъ родителкою и женою, пріехалемъ позно въ Луку; тутъ засталисмо родителя и братовъ Луку и Івана, зъ училищъ кіевскихъ пріехавшихъ.

Вовтор. 4. Где я увѣдомился о бывшой екзекуцѣи въ маи мѣсяцѣ, которую нѣкоторіе персони въ С. П. Бурсѣ понесли, а именно: Антонъ Девіеръ битъ кнутомъ и сосланъ въ силку въ Сѣбѣръ, Петръ Толстой зъ синомъ Іваномъ сосланъ въ Соловецкій монастиръ, Іванъ Бутурлинъ лишенъ всѣхъ чиновъ и посланъ въ дальніе его деревнѣ на житло, а деревень въ его не отнимать, Григорій Скорняковъ Писаревъ лишенъ всего чина и чести и даннихъ деревень, битъ кнутомъ и посланъ въ силку. Князь Іванъ Долгоруковъ отлученъ отъ двора и написанъ, понизя чиновъ, въ полки поліовіе, Александеръ Наришкинъ лишенъ чина, а жить ему въ деревнѣ безъ виезду. Андрей Ушаковъ опредѣленъ къ другой командѣ, куда належитъ, за тое, что они имѣли нѣкоторій умислъ противъ високой персони его величества и хотѣли способъ къ полученію наслѣдствія пресѣкти и препятствуя сватовству на принцессѣ Меншиковой Обѣдалисмо многіе здѣ, а по обѣдѣ поехали мы обое зъ Луки и пріехали на ночъ въ Глинскъ, где и вечералисмо у сотниковой.

Середа. 5. Сегодня рано родитель пріехалъ въ Глинскъ и присяга отправлена, а ми пожегнавши его и другихъ поехали и пріехали на обѣдъ къ Ромну, и обѣдали на Засуллѣ, зъ Несторовичомъ, а по обѣдѣ пріехалемъ въ городъ. Принесенъ указъ зъ колегіи малор. юня 28-го написанний, въ якомъ означено, что состоялся въ С.П.-Бурсѣ въ тайномъ верховомъ совѣтѣ указъ монаршій мая 26-го у ясневелможной и дѣтей ея отобрать маетности тіе

которими прежніе владѣли гетмани и якіе вновъ пожаловани покойному гетману, а оставить толко собственніе давніе и купленіе.

Четвер. 6. Черезъ Леска сторожа послалемъ до Шимка два дзикгарики, біонцій и другій простій; тогда жъ и карта покупокъ приложена: протупею и прот., сѣменъ разнихъ и прошку. Зъ Кривой Руди пригнано овець 60, да товару рогатого поголовя 13, и зъ Сухоносовки конь бѣлоногій, якій данъ былъ для поездки старостѣ. Денисъ машталѣръ далъ карту на себе на респектъ зсилаючись. Адамъ повернулъся зъ Астраханѣ мая 28 го и привезлъ рибы иголнѣ 4000 и листъ отъ Кулика и Ангона о 50 р, позиченнихъ ими у Жидкова. Реестръ данъ коней продажнихъ Тарасу тако жъ и товару. Комисару пол. Данилу Савоску говорилъ объ облегченіе Перервинець. Писалемъ до родителя о томъ, чтобъ написалъ до Шимка, жебы Желязъ послушенъ былъ. Виехалемъ зъ Ромна передъ вечеромъ, а ночевалемъ у Сухого Ромна.

Пятокъ. 7. Рано поехалемъ отъ ночлѣга и въ обѣда становиско имѣлъ у криничокъ, оттоль пріехалемъ въ Мутинъ, а ночовалемъ недоеждая Морозовки.

Субота. 8. Поехавши оттуду, пріехалемъ въ Ворголъ, где и обѣдалемъ у Стефана Миклашевского. Ширай бунчуковий товаришъ Федоръ пріехалъ зъ Астраханѣ. По обѣдѣ поехавши, заехалемъ до пасѣки, где засталемъ старой пчоли 162 уллѣ, а молодой 30 роевъ. Оттуду ехалемъ черезъ футоръ Калюжновскій до Сваркова и оттоль на ночъ въ Глуховъ, а ночовалемъ у ясновелможной зъ п. Михайломъ (Скоропадскимъ).

Неделя. 9. Обѣдалемъ у ясневелможной, по обѣдѣ былъ у мене п. Михайло, потомъ ездилемъ до генерала, где позабавившись мало, повернулемся назадъ въ домъ свой. Полковникъ нѣжинскій бывшій Толстой пріехалъ въ Глуховъ. Писалемъ до родителя, обявляючи о себѣ.

Понеделокъ. 10. Гамалѣя сотникъ былъ у мене рано. У ясневелможной съ протчіими обѣдалемъ. По жито въ хуторъ послалемъ по картѣ Василя Книша.

Вовтор. 11. Обѣдалъ у ясневел, и съ нами Василій Михайловичъ Иртишевъ. По обѣдѣ ездилемъ на Бѣлополовку и оттоль въ домъ пріехалемъ, где о. Островскій и Чуйкевичъ были и вечерали. Вѣжевского въ Сварковъ до господара посилалемъ взглядомъ жита. Ясневел. подарила зъ Кучеровки жита 43, пополамъ зъ п. Михайломъ.

Середа. 12. Попъ Астровскій поехалъ въ Чернѣговъ, черезъ которого писалемъ до швакгровъ обоихъ зъ цедулою о нашемъ інтерессѣ упоминаючись. Попа Сухоносовского отца Якима синови Евстафѣю далемъ писмо до архиерея въ Кіевъ о его посвященіи на тотъ же престолъ, где и отецъ его обрѣтается; черезъ его до род. писалемъ и жени. Полку нѣжинского значковіе арестуючіе двора ясневелмож. пріехали въ Глуховъ, а зъ Глухова поехалъ затимъ же Дубневичъ, а Костенецкій остался въ Глуховѣ.

Четвер. 13. Сегодня жидови Юдку далемъ шовку 5 лотовъ и 2 р., чтобъ ему на пріидучомъ тижню здѣлать два шнурки зъ тясомками до двоихъ кунтушовъ и до лѣски [1]) тясму зъ китицею и кутасомъ, за что все то есть за сребро и трудъ 5 зъ полтиною. Родитель пріехалъ зъ Ромна въ Глуховъ, былъ у ясневел. и чевералисмо тамъже.

Пятокъ. 14. Антипа Соколовскаго сотника бакланского бито кнутомъ 63 раза за безчестіе, отъ его яко бы свѣтлѣйшому князю нанесенное. Жита тутъ отобрали 48 четвериковъ, а такъ всего 90 четв. и 1 четверть. Получилемъ писмо отъ Юска Шимка о полученномъ имъ писмѣ моемъ и реестру покупокъ и принятихъ 2-хъ дзикгаркахъ черезъ Леска сторожа Семен. 6 юл. Писмо получилемъ отъ отца протопопи глуховского о отцу Гурію, чтобъ сѣно, покошенное имъ, и житній засѣвъ собравъ въ безпечномъ мѣстѣ закрить, а ему взять недопустить. Писалемъ въ Роменъ до господара и до Дуброви о посилцѣ 100 зол. къ старостѣ Сухонос. на сѣно, а 30 зол. удержцѣ у себе и о наймѣ 10 воловиковъ. Зъ С.П. Бурху пріехалъ куріеръ денщикъ свѣтлѣйшого князя Челищевъ въ коллегію осмимъ днемъ, чтобъ отписани были на его свѣтлость Шептаки и

[1]) Палка, трость.

Коропъ Тотъ же сказивалъ, что сенатъ разрушенъ, а остался толко тайний верховний совѣтъ зъ прибавленіемъ членовъ; тотъ жа сказивалъ, что гетманомъ определенъ миргородскій.

Субота. 15. Сегодня у ясневел. обѣдалисмо, по обѣдѣ ясневел. поехала зъ дочерю Уляною въ Гамалѣевку и п. Михайло Скоропадскій въ Сорочинцѣ, а я въ свою квартеру повернулъся. Писалемъ въ Роменъ до Якова Дуброви о продажѣ вовни, тютюну и проч. и о покупцѣ юхтъ, тясомъ тютюну, родзѣнковъ, киндяковъ 10.

Неделя. Сегодня рано родитель поехалъ въ Гамалѣевскій монастырь, а мы тутъ по службѣ Божой обѣдали. Генералъ маіоръ Веляминовъ внехалъ зъ Глухова въ С.П.-Бурхъ, а ко мнѣ тако жъ и другимъ заездилъ прощатся.

Понеделокъ. 17. Сегодня рано пріехалъ род. зъ Гамалѣевки и обѣдалисмо въ себе. Яковъ пишетъ через Волинского, что продалъ 6 товару рогатого за 18 р. Писалемъ до Якова на листъ его отвѣтуючи, дабы онъ осталний товаръ и конѣ отъ продажи присилалъ сюда зъ Романомъ, а продалъ бы вовну по 2 а., а бранку и тютюнъ якъ возможна, а купилъ бы тамъ юхтъ 3, цукру и рыжу. Волинскій пріехалъ и донеслъ, что зъ горошинцями не учинили помѣркованния, потому что они отложили тое до осени. Стар. Тулиголовскій сказивалъ, что у его роевъ 15, а всей пчоли 25, ему жъ позволилемъ давать носатку гор. шинкареви тулиг. по 8 зол., а девятій золотий покуховного.

Вовтор. 18. Сегодня обѣдалисмо у ясневел. Писалемъ до Якова о присилцѣ станка до одноколки, якая спалнею здѣланьна. Получилемъ писмо отъ Василя Жуковского о его нуждѣ въ кошенню сѣна и на оное отписалемъ, черезъ сторожа глинского, что повелено, да чтобъ его жъ послалъ онъ въ Нѣжинъ, зъ писмомъ моимъ до Грановского за садовникомъ писаннимъ, да приложилъ и то, что онъ определенъ въ товарищахъ Бѣляку до ревизѣи сотенъ лукомской и лохвицкой и о футоровѣ моемъ Криворудскомъ. Пригнано зъ Ромна непроданнихъ моихъ 3 воли, а четвертую корову. Указъ присланъ въ колегію малор. Коропъ и Шептаковскую волость отдать свѣтлѣйшому князю.

Середа. 19. Сегодня господаръ доносилъ, что въ Уздицѣ всѣхъ роевъ зъ 50 есть. Количову корову зъ телямъ отъ родителя отосдалемъ, а другая осталась. Вѣдомо учинилось по указахъ зъ колегіи малор. въ полки посланнихъ, что опредѣленіе здѣлалось въ оной збирать збори по силѣ указу зъ тайного верховного совѣту присланного, тѣ которіе належатъ по пунктамъ Богдана Хмелницкого гетмана и якіе збырани при бытности бывшихъ гетмановъ, о которихъ зборщики именно показали въ 722 году, о чомъ и інструкцѣи вновъ до зборщиковъ, же мѣютъ прислатись, въ томъ же належачомъ указѣ означенно. Родитель отехалъ въ Роменъ, а мы у вечернѣ были у церкви судейской, где и ясневелможная была и Уляна Івановна сестра. Маетности въ полку кіевскомъ обрѣтаючіеся якими владѣла Мултянская княгиня зъ синами [1]), пожаловани генералу атютанту его імпер. в-ва Лопухину.

Четвер. 20. Сегодня обѣдалисмо у ясневел., а по обѣдѣ былъ я у Гречаного и Рудановского. У Рудановского при розговорѣ слихалъ, что въ колегію зборовъ денежнихъ збирается погодно по 90000 р.. по 100, по 110 и по 120 тисячъ р., а зъ хлѣбнимъ зборомъ и другими до 150 тисячъ.

П. Павловой кролевецкой [2]) далемъ 2 червоннихъ, а 4 прежде Карпу далемъ, всѣхъ 6, оной же ключникъ далъ 5 р., итого 17 р., Указы отправлени въ полки зъ колегіи, чтобъ арештъ зъ маетности монастира Гамалѣевского знято.

Пятокъ. 21. Получилемъ писмо отъ род., въ якомъ обявляетъ, что имѣлъ разговоръ зъ Степаномъ Миклашевскимъ о свойствѣ зъ Андрѣемъ Лизогубомъ. Черезъ сторожа роменского послалемъ до род. указъ о зняттю арешту зъ маетностей Гамалѣевскихъ и писма отъ ясневел. до род. и до князь Михайла Михайловича Голѣцина, и мои писма 2 до родителей и листъ до Якова Дуброви, о покупцѣ чайника мѣдного болшого и листъ до стар. сухонос. объ отданню грошей на церковъ Сухон. за млинъ. Ездилемъ у вечеру въ футоръ Калюжнов. и въ Сварковъ, где и заночовалемъ.

---

[1]) Княгиня Кантакузенъ

[2]) Женѣ Кролевецкаго сотника Павла Огіевскаго.

СЛОВО О ПЛЪКУ ИГОРЕВѢ.

(Приложеніе къ ст. Ю. Тиховскаго).

СЛОВО О ПЛЪКУ ИГОРЕВѢ.

(*Приложеніе къ ст. Ю. Тиховскаго*).

Не лѣполи (=лѣно ли] ны бяшетъ, | братіе, начяти
старыми словесы | трудныхъ повѣстій
о пълку Игоревѣ, | Игоря Святъславлича! [=?]
начати же ся | тъй пѣсни
по былинамъ | сего времени,
а не по замышленію | Бояню.
Боянъ бо вѣщій, | аще кому хотяше | пѣснь творити,
то растѣкашется | мыслію по древу,
сѣрымъ вълкомъ по земли, | шизымъ орломъ подъ облакы.
Помняшеть бо речь първыхъ временъ | усобіцѣ;
тогда пущашеть | ꙇ҃ соколовъ | на стадо лебедѣй,
который [=рьм.?] дотечаше, | та преди пѣсь пояше, [:]
старому Ярославу, | храброму Мстиславу,
иже зарѣза Редедю | предъ пълкы Касожьскыми,
красному Романови | Святъславличю.
Боянъ же братіе, | не ꙇ҃ соколовъ | на стадо лебедѣй | пущаше,
нъ своя вѣщіа | пръсты | на живая струны | въскладаше;
они же сами | Князем̃ славу | рокотаху:
Почнемъ же, братіе, | повѣсть сію
отъ стараго Владиміра | до нынѣшняго Игоря;
иже истягну умь | крѣпостію своею,
и поостри | сердца своего мужествомъ,
неплънився | ратнаго духа,
наведе | своя храбрыя плъкы
на землю половѣцькую | за землю Руськую.

Тогда Игорь възрѣ | на свѣтлое солнце
и виде отъ него тьмою | вся своя воя прикрыты,
и рече Игорь къ дружинѣ своей:
братіе и дружино! | луцежъ бы потяту быти, неже полонену быти:
а всядемъ, братіе, | на свои бръзыя комони | да позримъ синего Дону·
Спала Князю умь | похоти, [=похопи,?]
и жалость ему | знаменіе заступи,
искусити | Дону великаго.
Хощу бо, рече, | копіе приломити
конець поля Половецкаго | съ вами Русици,
хощу главу свою приложити,
а любо испити | шеломомь Дону.
О Бояне, | соловію стáраго времени!
абы ты | сіа плъкы ущекоталъ,
скача [славію] | по мыслену древу,
летая умомъ | подъ облакы,
свивая славы [=славъю?] | оба полы сего времени,
рища въ тропу Трояню | чресъ поля на горы
Пѣти было | пѣсь Игореви, | того (Олга) внуку. [:]
Не буря соколы занесе | чрезъ поля широкая;
галици стады бѣжать | къ Дону великому;
чили въспѣти было | вѣщей Бояне, | Велесовь внуче! [:]
Комони ржуть за Сулою; | звенить слáва въ Кыевѣ;
трубы трубятъ въ Новѣградѣ; | стоятъ стязи въ Путивлѣ;
Игорь ждетъ | мила брата | Всеволода.
И рече ему | Буй Туръ Всеволодъ:
одинъ братъ, одинъ свѣтъ | свѣтлый ты Игорю,
оба есвѣ | Святъславлича;
сѣдлай, брате, свой | бръзыи комони,
а мои ти готови, осѣдлани | у Курьска на переди;
а мои ти Куряни | свѣдоми къ мети, [=къмети]
подъ трубами повити, | подъ шеломы възлелѣяны, конець копія въскръмлени,
пути имъ вѣдоми, | яругы имъ знаемы,
луци у нихъ напряжени, | тули отворени, | сабли изъострени,
сами скачють | акы сѣрыи влъци въ полѣ,
ищучи себѣ чти, | а Князю славѣ.
Тогда въступи | Игорь князь | въ злáтъ стремень,
и поѣха | пó чистому | полю.

Солнце ему тъмою | путь заступаше;
нощь стонущи ему грозою | птичь убуди; [,]
свистъ звѣринъ въ стазби; [=въста зби.]
дивъ кличетъ | връху древа,
велитъ послушати | земли незнаемѣ,
влъзѣ ⁝ и по морію, ⁝ и по Сулію, [=и Поморію, и Посулію,]
и Сурожу, ⁝ и Корсуню,
и тебѣ ⁝ [,] Тьмутороканьскый блъванъ;
А Половци неготовами дорогами | побѣгоша къ Дону Великому;
крычатъ тѣлѣгы полунощы, | рци лебеди роспущени.
Игорь къ Дону | вои ведетъ: [.]
уже бо бѣды его | пасетъ птицъ; подобію [=подубію??]
влъци грозу | въсрожатъ, по яругамъ;
орли клектомъ | на кости звѣри зовутъ,
лисици брешутъ | на чръленыя щиты.
О руская земле! | уже за Шеломянемъ еси.
Дльго. Ночь мркнетъ, заря свѣтъ запала,
мъгла поля покрыла, | щекотъ славій успе,
говоръ галичъ ⁝ убуди [=убуди. ?]
Русичи великая поля | чрьлеными щиты прегородиша,
ищучи себѣ чти, | а Князю славы.
Съ заранія въ пятъкъ потопташа | поганыя плъкы Половецкыя;
и рассушясь стрѣлами по полю, помчаша | красныя дѣвкы Половецкыя,
а съ ними злато, и паволокы, | и драгыя оксамиты;
орьтъмами и япончицами, и кожухы | начашя мосты мостити
по болотомъ ⁝ и грязивымъ мѣстомъ, |
и всякыми узорчьи ⁝ Половѣцкыми.
Чрьленъ стягъ, ⁝ бѣла хорюговь,
чрьлена чолка, ⁝ сребрено стружіе
храброму ⁝ святьславличю.
Дремлетъ въ полѣ | Ольгово храброе гнѣздо | далече залетѣло!
небылонъ [=не бы(о) онъ(о)?] ⁝ обидѣ порождено, | ни соколу, ни кречету,
ни тебѣ чръный воронъ, | поганый Половчине.
Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влъкомъ;
Кончакъ ему слѣдъ правитъ
къ Дону великому.
Другаго дни ⁝ велми рано | кровавыя зори ⁝ свѣтъ повѣдаютъ;
чръныя тучя ⁝ съ моря идуть, | хотятъ прикрыти ⁝ д солнца:

а въ нихъ трепещуть | синіи млъніи,
быти грому великому, | итти дождю стрѣлами | съ Дону великаго:
ту ся копіемъ 'приламати, | ту ся саблямъ потручяти | о шеломы
Половецкыя,
на рѣцѣ на Каялѣ, | у Дону Великаго.
О Руская землѣ! | уже не Шеломянемъ еси.
Се вѣтри, Стрибожи внуци, | вѣютъ съ моря стрѣлами | на
храбрыя плъкы Игоревы!
земля тутнетъ, | рѣкы мутно текуть; | пороси поля прикрываютъ;
стязи глаголютъ, | Половци идуть | отъ Дона, и отъ моря, | и отъ
всѣхъ странъ,
Рускыя плъкы | отступиша.
Дѣти бѣсови кликомъ | поля прегородиша,
а храбріи Русици преградиша | чрълеными щиты.
Яръ туре Всеволодѣ! | стоиши на борони,
прыщеши на вои стрѣлами, | гремлеши о шеломы | мечи харалуж-
ными.
Камо Туръ поскочяше, | своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая,
тамо лежатъ | поганыя головы Половецкыя;
поскепаны саблями калеными | шеломы Оварьскыя | отъ тебé Яръ
Туре Всеволоде.
Кая раны [=ра҃нд—рана?] дорога, братіе, | забывъ чти и живота,
и града Чрънйгова, | отня зла́та стола,
и своя милыя хоти | красныя Глѣбовны | свычая и обычая?
Были вѣчи Трояни, | минули лѣта Ярославля;
были плъци Олговы, | Ольга Святьславличя.
Тъй бо Олегъ | мечемъ крамолу коваше, | и стрѣлы по земли сѣяше,
Ступаетъ въ златъ стремень | въ градѣ Тьмутороканѣ.
Тоже [=Т8 же??] звонъ слыша | давный великый | Ярославъ сынъ
Всеволожь: [=Всевол҃о; ?]
а Владиміръ | по вся утра | уши закладаше въ Черниговѣ;
Бориса же Вячеславича | слава на судъ приведе,
и на канину | зелену паполому постла,
за обиду Олгову, | храбра и млада князя.
Съ тояже Каялы Святоплъкъ | повелѣя отца своего
Междю Угорьскыми иноходьцы | ко святѣй Софіи къ Кіеву.
Тогда при Олзѣ Гориславличи | сѣяшется и растяшетъ усобицами;
погибащетъ жизнь | Даждь Божа внука,

въ княжихъ крамолахъ | вѣци человѣкомъ скратишась.
Тогда по Руской земли | рѣтко ратаевѣ кикахуть,
нъ часто врани граяхуть | трупіа себѣ дѣляче;
а галици свою рѣчь говоряхуть, | хотятъ полетѣти на уедіе.
То было въ ты рати, | и въ ты плъкы; |
а сице и [=сицей] рати | не слышано:
съ заранія до вечера, | съ вечера до свѣта | летятъ стрѣлы каленыя;
гримлютъ сабли о шеломы; | трещятъ копіа харалужныя,
въ полѣ незнаемѣ | среди земли Половецкыи.
Чрьна земля подъ копыты, | костьми была посѣяна, | а кровію польяна
тугою взыдоша | по Руской земли.
Что ми шумить, | что ми звенитъ
давечя рано | предъ зорями?
Игорь плъкы | заворочаетъ;
жаль бо ему мила | брата Всеволода.
Бишася день, | бишася другый:
третьяго дни | къ полуднію падоша | стязи Игоревы.
Ту ся брата разлучиста | на брезѣ быстрой Каялы.
Ту кроваваго вина | недоста;
ту пиръ докончаша | храбріи Русичи:
сваты попоиша, | а сами полегоша | за землю Рускую.
Ничить трава жалощами, | а древо стугою [=с тугою] къ земли преклонилось.
Уже бо, братіе, не веселая година въстала,
уже пустыни | силу прикрыла.
Въстала обида | въ силахъ Дажь-Божа внука.
Вступилъ дѣвою | на землю Трояню | всплескала лебедиными крылы
на синѣмъ море | у Дону плещучи. | убуди жирня времена.
Усобица Княземъ | на поганыя погыбе,
рекоста бо братъ брату: | се мое, а то моеже;
и начяша Князи про малое, | се великое млъвити,
а сами на себѣ крамолу ковати:
а поганіи съ всѣхъ странъ | прихождаху съ побѣдами | на землю Рускую.
О! далече зайде соколъ, птицъ бья | къ морю:
а Игорева храбраго плъку | не крѣсити.
За нимъ кликну Карна | и Жля, по скочи | [=карна и жля поскочи ?] | по Руской земли,

смагу мычючи | въ пламянѣ розѣ.
Жены Рускія | въсплакашась ⋮ аркучи: [=а ркучи:]
уже намъ своихъ милыхъ ладъ |
ни мыслію смыслити, | ни думою сдумати, | ни очима съглядати,
а злата и сребра | ни мало того потрепати.
А встона бо, братіе, | Кіевъ тугою, | а Черниговъ напастьми;
тоска разліяся | по Руской земли;
печаль жирна тече | средь земли рускый;
а князи сами на себе | крамолу коваху;
а поганіи сами ⋮ побѣдами нарищуще | на Рускую землю,
емляху дань ⋮ по бѣлѣ отъ двора.
Тіи бо два храбрая Святъславлича, | Игорь и Всеволодъ | уже лжу убуди,
которую то бяше успилъ | отецъ ихъ Святъславъ | грозный Великый Кіевскый.
Грозою бяшетъ; | (притрепеталъ)
своими сильными плъкы | и харалужными мечи; | наступи на землю Половецкую;
притопта хлъми и яругы; | взмути рѣки и озеры; | иссуши потоки и болота,
и поганаго Кобяка | изъ луку моря
отъ желѣзныхъ великихъ плъковъ Половецкихъ, | яко вихръ выторже
и падеся Кобякъ ⋮ въ градѣ Кіевѣ, |
въ гридницѣ ⋮ Святъславли.
Ту Нѣмци и Венедици, | ту Греци и Марава | поють славу Святъславлю,
кають князя Игоря,
иже погрузи жиръ | во днѣ Каялы рѣкы Половецкія,
Рускаго злата насыпаша.
Ту Игорь Князь высѣдѣ | изъ сѣдла злата, | а въ сѣдло Кощіево;
уныша бо градомъ забралы, | а веселіе пониче.
А Святъславъ | мутенъ сонъ видѣ: | (въ Кіевѣ на горахъ)
си ночь съ вечера | одѣвахъте [=одѣвахуть?] мя, рече, | чръною паполомою | на кроваты тисовѣ.
Чръпахуть ми | синее вино | съ трудомъ смѣшено;
сыпахуть ми | тъщими тулы | поганыхъ тльковинъ | великый женчюгъ на лоно,
и нѣгуютъ мя; | [:] уже дьскы безъ кнѣса | вмоемъ теремѣ златовръсѣмъ.
Всю нощь съ вечера | босуви [=бȣсови??] врани възграяху, | у Плѣсньска на болони

бѣша дебрь Кисаню,
и не сошлю къ синему морю.
И ркоша бояре Князю: | уже Княже | туга умь полонила;
се бо два сокола слѣтѣста | съ отня стола злата, | поискати града | Тьмутороканя,
а любо испити | шеломомъ Дону.
Уже соколома | крильца припѣшали | поганыхъ саблями,
а самаю опустоша [=опуташа?] | въ путины желѣзны.
небо бѣ | въ Тамоґ день | два солнца помѣркоста,
оба багряная стлъпа | погасоста,
и съ нимъ молодая мѣсяца, | Олегъ и Святъславъ | тъмою ся поволокоста.
На рѣцѣ на Каялѣ | тьма свѣтъ покрыла:
по Руской земли | прострошася Половци, аки пардуже гнѣздо | и въ морѣ погрузиста,
и великое буйство | подасть Хинови.
Уже снесеся | хула на хвалу;
уже тресну | нужда на волю;
уже връжеса | дивь на землю.
Се бо Готскія | красныя дѣвы | въспѣша на брезѣ | синему морю.
Звоня Рускымъ златомъ, | поютъ время Бусово, | млѣютъ месть | Шароканю.
А мы уже дружина | жадни веселія.
Тогда Великій Святславъ | изрони злато слово | слезами смѣшено, | и рече:
о моя сыновчя | Игорю и Всеволоде!
рано еста начали | Половецкую землю | мечи цвѣлити, | а себѣ славы искати.
Нъ нечестно одолѣсте:
нечестно бо | кровь поганую проліясте.
Ваю храбрая сердца | въ жестоцемъ харалузѣ скована, | а въ буести закалена.
Се ли створисте | моей сребреней сѣдинѣ!
А уже не вижду власти | сильнаго, и богатаго и много вои | брата моего Ярослава
съ черниговскими былями,
и съ Могуты и съ Татраны и съ Шельбиры,
и съ Топчакы, и съ Ревугы, и съ Ольберы.
Тіи бо бес щитовь | съ засапожникы | кликомъ плъкы побѣждаютъ,

звоначи ⁝ въ прадѣднюю славу.
Нъ рекосте | му жа имѣся [=мужаимъся] сами,
преднюю славу ⁝ сами похитимъ, | а заднюю [=задњею?] ся ⁝ сами подѣлимъ.
А чи диво ся братіе | стару помолодити?
Коли соколъ ⁝ въ мытехъ бываетъ, | высоко птицъ възбиваетъ;
не дастъ гнѣзда своего ⁝ въ обиду.
Нъ се зло ⁝ Княже ми не пособіе; [=непособіе]
на ниче ся | годины обратиша.
Се Уримъ [=у Римъ] кричатъ | подъ саблями Половецкыми, | а Володимиръ подъ ранами.
Туга и тоска | сыну Глѣбову.
Великый Княже Всеволоде! | не мыслію ти прелетѣти издалеча, | отня злата ⁝ стола поблюсти? [.]
Ты бо можеши Волгу | веслы раскропити, | а Донъ ⁝ шеломы выльяти.
Аже бы ты былъ, | то была бы Чага по ногатѣ, | а кощей по резанѣ.
Ты бо можеши посуху | живыми шереширы стрѣляти | удалыми сыны Глѣбовы.
Ты буй Рюриче и Давыде, | не ваю ли злачеными шеломы | по крови плаваша?
Не ваю ли храбряя дружина | рыкаютъ акы тури, |
ранены саблями калеными | на полѣ незнаемѣ?
Вступита Господина | въ злата стремень | за обиду сего времени,
за землю Русскую, | за раны Игоревы, | буего Святславлича!
Галичкы Осмомыслѣ Ярославе | высоко сѣдиши | на своемъ златокованнѣмъ столѣ.
Подперъ горы Угорьскыи | своими желѣзными плъки,
заступивъ Королеви путь, | затвори въ [=затворивъ] Дунаю ворота,
меча времены ⁝ чрезъ облаки, | суды рядя ⁝ до Дуная.
Грозы твоя ⁝ по землямъ текутъ; | оттворяеши ⁝ Кіеву врата;
стрѣляеши, | съ отня злата стола | Салтани за землями.
Стрѣляй господине Кончака, | поганого Кощея
за землю Рускую, | за раны Игоревы | буего Святславлича.
А ты буй Романе и Мстиславе! | храбрая мысль | носитъ васъ умъ на дѣло.
Высоко плаваеши | на дѣло въ буести,
Яко соколъ | на вѣтрехъ ширяяся,
хотя птицю | въ буйствѣ одолѣти.
Суть бо у ваю | желѣзныи папорзи | подъ шеломы латинскими,

Тѣми тресну земля, | и́ многи страны хинова.
Литва, Ятвязи | Деремела, и Половци
сулици своя поврьгоша. [=повергоша,] | а главы своя поклониша | подъ тыи мечи харалужныи.
Нъ уже Княже : Игорю, | утрпѣ солнцю свѣтъ,
а древо не бологомъ | листвіе срони:
по Рсіи, | [по Рѕи и] по Сули | гради подѣлиша;
а Игорева храбраго плъку | не крѣсити.
Донъ ти Княже кличетъ, | и зоветъ князи : на побѣду.
Олговичи храбрыи Князи | доспѣли на брань. [=на бранѣ.?]
Инъгварь и Всеволодъ, | и вси три Мстиславличи, | не худа гнѣзда шестокрилци,
непобѣдными жребіи | собѣ власти расхытисте? [.]
Кое ваши златыи шеломы | и сулицы Ляцкіи : и щиты!
Загородите полю ворота | своими острыми стрѣлами
за землю Русскую, | за раны Игоревы, буего Святъславлича.
Уже бо Сула не течетъ | сребреными струями | къ граду Переяславлю,
и Двина болотомъ течетъ | онымъ грознымъ Полочаномъ | подъ кликомъ поганыхъ.
Единъ же Изяславъ сынъ Васильковъ | позвони своими острыми мечи | о шеломы Литовскія;
притрепа славу | дѣду своему Всеславу,
а самъ подъ чрълеными щиты | на кровавѣ травѣ | притрепанъ Литовскыми мечи.
Исхоти ю на кровать, и рекъ:
дружину твою, Княже, | птицъ крилы пріодѣ, | а звѣри кровь полизаша.
Не бысь ту брата Брячяслава, | ни другаго Всеволода;
единъ же изрони | жемчюжну душу : изъ храбра тѣла, | чресъ злато ожереліе.
Унылы голоси, | пониче веселіе.
Трубы трубять | городеньскіи.
Ярославе : и вси внуце Всеславли
уже понизить : стязи свои,
вонзить : свои мечи вережени;
уже бо выскочисте | изъ дѣдней славѣ.
Вы бо своими крамолами | начясте наводити поганыя | на землю Рускую, | на жизнь Всеславлю.

Которое бо бѣше насиліе | отъ земли Половецкыи!

На седьмомъ вѣцѣ Трояни | връже Всеславъ жребій | о дѣвицю
себѣ любу.

Тъй клюками подпръся о кони, | и скочи къ граду Кыеву,
и дотчеся стружіемъ | злата стола Кіевскаго.
Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ | въ плъночи, изъ Бѣла-гра-
да, | обѣсися синѣ мьглѣ,
утръ же воззни стрикусы [=въ ҅ζнѧ҇ трикусы??] | оттвори врата Нову-
граду, разшибе славу Ярославу,

скочи влъкомъ | до Немиги съ Дудутокъ.
На Немигѣ снопы | стелють го́ловами,
молотятъ чепи | харалужными,
на тоцѣ животъ кладутъ, | вѣютъ душу отъ тѣла.
Немизѣ кровави брезѣ | не бологомъ бяхуть посѣяни,
посѣяни костьми | Рускихъ сыновъ.
Всеславъ Князь людемъ судяше, | Княземъ грады рядаше,
а самъ въ ночь | влъкомъ рыскаше;
изъ Кыева дорискаше | до Куръ Тмуторокани;
великому хръсови | влъкомъ путь прерыскаше.
Тому вь Полотскѣ позвониша | заутренюю рано | у Святыя Софеи
въ колоколы:

а онъ въ Кыевѣ | звонъ слыша.
Аще и вѣща душа | въ друзѣ тѣлѣ, | нъ часто бѣды страдаше.
Тому вѣщей Боянъ | и пръвое припѣвку | смысленый рече:
ни хытру, ни горазду, | ни птицю горазду, | суда Божіа не минути·
О! стонати Руской земли, | помянувше пръвую годину, | и пръвыхъ
Князей.

Того стараго Владиміра | не льзѣ бѣ пригвоздити | къ горамъ Кіевскимъ:
сего бо нынѣ | сташа стяги Рюриковы, | а друзіи Давидовы;
нъ рози нося имъ | хоботы пашуть, | копіа поють | на Дунаи.

Ярославнынъ | гласъ слышить: [=Ярославны мъ(=ми) гла҇ с(я)
слышитъ?]

зегзицею незнаемь [=незнаемъю?], | рано кычеть:
полечю, рече, | зегзицею | по Дунаеви;
омочю | бебрянъ рукавъ | въ Каялѣ рѣцѣ,
утру Князю | кровавыя его раны | на жестоцѣмъ его тѣлѣ.
Ярославна рано плачеть | въ Путивлѣ на забралѣ, | а̀ркучи:
о вѣтрѣ! вѣтрило! | чему Господине | насильно вѣеши?

Чему мычеши | Хиновьскыя стрѣлкы | на своею не трудною крилцю, | на моея лады вои?

Мало ли ти бяшетъ | горъ подъ облакы вѣяти, | лелѣючи корабли | на синѣ морѣ?

Чему Господине | мое веселіе | по ковылію развѣя?
Ярославна рано плачеть | Путивлю городу на забороле, | а̂ркучи:
о Днепре словутицю! | ты пробилъ еси | каменныя горы | сквозѣ землю Половецкую.

Ты лелѣялъ еси на себѣ | Святославли носады | до плъку Кобякова:
възлелѣй господине | мою ладу ко мнѣ, | а быхъ неслала къ нему | слезъ на море рано.

Ярославна рано плачетъ | къ [=въ?] Путивлѣ на забралѣ, | а̂ркучи:
свѣтлое и тресвѣтлое слънце! | всѣмъ тепло | и красно еси:
чему господине простре | горячюю свою лучю | на ладѣ вои?
въ полѣ безводѣ | жаждею имъ лучи съпряже, | тугою имъ тули затче.

Прысну море полунощи; | идутъ сморци мьглами;
Игореви Князю | Богъ путь кажетъ
изъ земли Половецкой | на землю Рускую, | къ отню злату столу.

Погасоша | вечеру зари:
Игорь спитъ, | Игорь бдитъ,
Игорь мыслію | поля мѣритъ
отъ великаго Дону | до малого Донца. | |
Комонь | въ полуночи.
Овлуръ свисну | за рѣкою;
велить Князю | разумѣти.
Князю Игорю | не быть:
кликну стукну земля; | въшумѣ трава.
Вежися Половецкіи | подвизашася; [=подвизошася]
а Игорь Князь поскочи | горностаемъ къ тростію, | и бѣлымъ гоголемъ на воду;
въвръжеся на бръзъ комонь, | и скочи съ него босымъ влъкомъ, | и потече къ лугу Донца,
и полетѣ соколомъ подъ мьглами | избивая гуси и лебеди, | завтраку, и обѣду и ужинѣ.
Коли Игорь соколомъ полетѣ, | тогда Влуръ влъкомъ потече, | труся собою студеную росу;
претръгоста бо своя | бръзая комоня.

Донець рече: | Княже Игорю!

не мало ти величія, | а Кончаку нелюбія, | а Руской земли веселія.
Игорь рече, | о Донче!
не мало ти величія, | лелѣявшу Князя на влънахъ,
стлавшу ему зелѣну траву | на своихъ сребреныхъ брезѣхъ,
одѣвавшу его теплыми мъглами | подъ сѣнію зелену древу;
стрежаше е гоголемъ на водѣ, | чайцами на струяхъ, | Чрънядьми на ветрѣхъ.

Не тако ли, рече, | рѣка Стугна
худу струю имѣя, | пожръши чужи ручьи, и стругы | растре на кусту? [=рострѣ(на) на кусту, ?]
Уношу Князю Ростиславу | затвори Днѣпръ
темнѣ березѣ. | Плачется мати Ростиславя | по уноши Князи Ростиславѣ.
Уныша цвѣты жалобою, | и древо стугою [=с тугою] | къ земли преклонило, [.]
а [А] не сороки втрескоташа. | На слѣду Игоревѣ | ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ.

Тогда врани не граахуть, | галици помлъкоша,
сороки не троскоташа, || полозію ползоша
только, дятлове тектомъ | путь къ рѣцѣ кажутъ,
соловіи веселыми пѣсьми | свѣтъ повѣдаютъ.
Млъвитъ Гзакъ Кончакови:
аже соколъ къ гнѣзду летитъ, | соколича рострѣляевѣ | своими злачеными стрѣлами.

Рече Кончакъ ко Гзѣ:
аже соколъ къ гнѣзду летитъ, | а вѣ соколца опутаевѣ | красною дивицею.

И рече Гзакъ къ Кончакови:
аще его опутаевѣ | красною дѣвицею,
ни нама будетъ сокольца, | ни нама красны дѣвице,
то почнуть наю птици | бити въ полѣ Половецкомъ.

Рекъ Боянъ и ходы на [=годынѣ??] Святъславля
пѣстворца [=пѣтвор а?] стараго времени | Ярославля Ольгова | Коганя хоти:

тяжко ти головы, | крожѣ плечю;
Зло ти тѣлу, | кромѣ головы:
Руской земли | безъ Игоря.
Солнце свѣтится на небесѣ, | Игорь Князь въ Руской земли. [,] | Дѣвици поютъ на Дунаи.

Вьются голоси | чрезъ море до Кіева.
Игорь ѣдетъ по Боричеву | къ святѣй Богородици Пирогощей.
Страни рады, | гради весели,
пѣвше пѣснь старымъ Княземъ, | а потомъ молодымъ.
Пѣти слава | Игорю Святъславлича.
Буй туру Всеволодѣ, | Владиміру Игоревичу.
Здрави Князи | и дружина,
поборая | за христьяны
на поганыя плъки.
Княземъ слава, | а дружинѣ [.]
Аминь.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

1893 г.

НОЯБРЬ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1893.

СОДЕРЖАНІЕ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

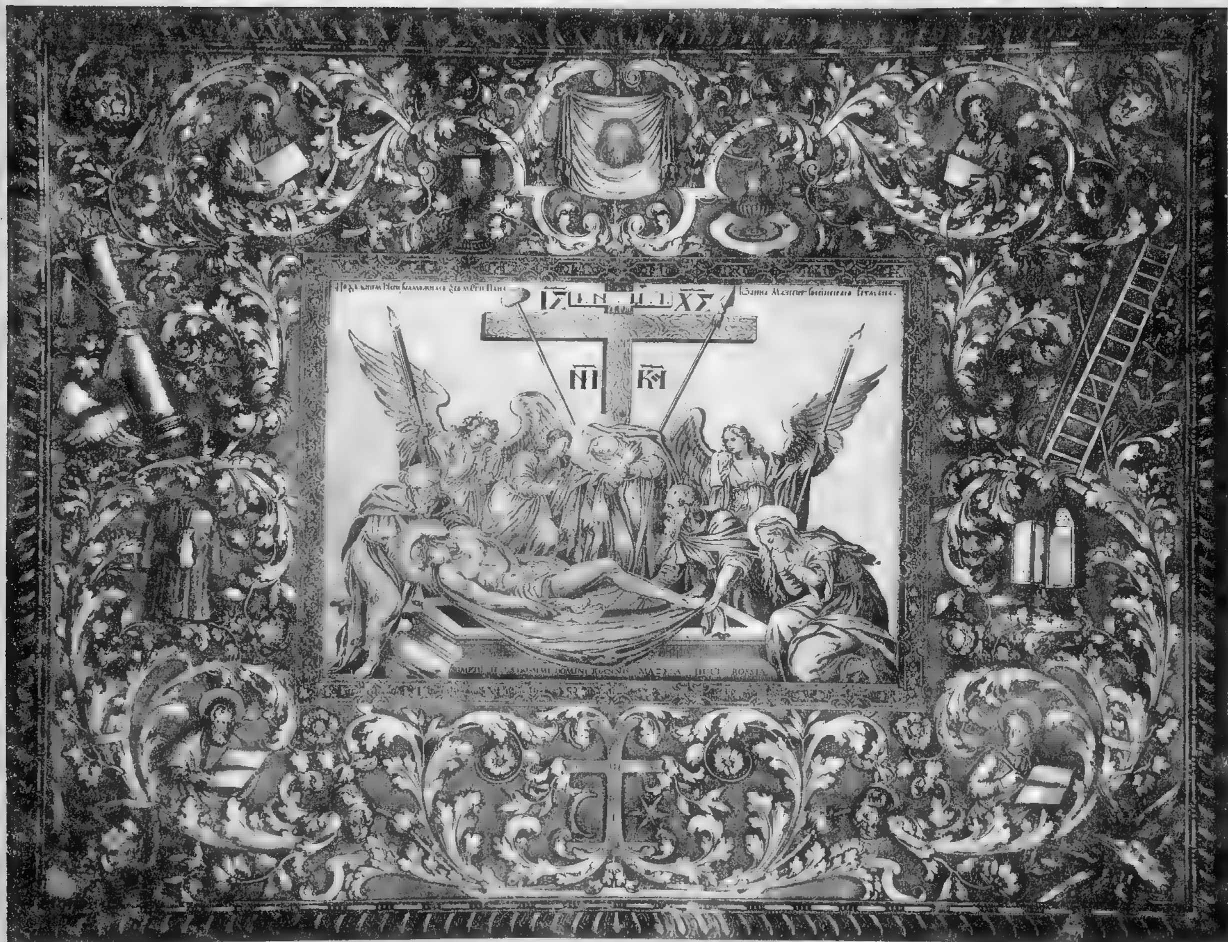
1893 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4

Дозволено цензурою. Кіевъ, 1 ноября 1893 года.

Даръ Гетмана Мазепы Гробу Господню.



50-ЛѢТНІЙ ЮБИЛЕЙ КІЕВСКОЙ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОММИССІИ.

19 ноября исполняется 50 лѣтъ со времени открытія въ Кіевѣ Археографической Коммиссіи. Для нашего южно-русскаго края юбилей этотъ имѣетъ особое значеніе—это юбилей начала серьезной, научной разработки южно-русской исторіи. Только съ основаніемъ коммиссіи сдѣлались доступными многіе памятники, были приведены въ большую или меньшую извѣстность южно-русскіе архивы, главнымъ образомъ, архивъ правобережной Украины, основанъ въ Кіевѣ центральный архивъ, привлечены были люди, которые впослѣдствіи такъ много и такъ плодотворно потрудились надъ изученіемъ судебъ края: съ именемъ, вѣдь, Кіевской Археографической Коммиссіи связаны и такія имена, какъ Н. И. Костомарова, П. А. Кулиша, Т. Г. Шевченка, не говоря уже о многихъ другихъ. Поэтому мы съ особымъ чувствомъ глубокой признательности привѣтствуемъ своего старшаго собрата съ наступающимъ полустолѣтнимъ юбилеемъ его, помня хорошо, что и изданіе „Кіевской Старины" явилось необходимостью благодаря, главнымъ образомъ, предшествующей дѣятельности Кіевской Археографической Коммиссіи въ связи съ Санктпетербургской.

Кіевская Археографическая Коммиссія открыта, благодаря стараніямъ генералъ-губернатора Д. Г. Бибикова, который горячо принималъ къ сердцу интересъ изученія южнорусской исторіи и вообще южно-русской жизни и ея особенностей. Какъ только она была утверждена, былъ предпринятъ цѣлый рядъ экскурсій, заведена переписка съ присутственными мѣстами съ цѣлью ознакомиться,

какъ съ состояніемъ, такъ и съ содержаніемъ разныхъ архивовъ, казенныхъ и частныхъ; при чемъ не былъ забытъ и лѣвый берегъ Днѣпра: и здѣсь справлялись объ архивахъ, интересуясь, главнымъ образомъ, архивомъ Румянцева, какъ правителя Малороссіи.

Результатомъ дѣятельности коммиссіи было и сосредоточеніе въ Кіевѣ документовъ по исторіи юго-западнаго края въ основанномъ ею же Кіевскомъ центральномъ архивѣ. Она хорошо понимала, что серьезная научная разработка исторіи возможна тамъ, гдѣ соединено много разнообразнаго матеріала, дающаго возможность къ широкой постановкѣ и къ широкому освѣщенію извѣстнаго вопроса, и она, конечно, не ошиблась: послѣдующіе труды, изданные коммиссіей и основанные на документахъ Кіев. Центр. Архива, служатъ лучшимъ этому доказательствомъ.

Основанная Д. Г. Бибиковымъ коммиссія продолжала свое дѣло и послѣ его ухода. Проходили годы, смѣнялись люди, а коммиссія продолжала свою трудную работу, и по поводу ея пятидесятилѣтія нельзя не вспомнить добрымъ словомъ какъ ея основателя, такъ и всѣхъ дѣятелей, работавшихъ въ ней или ей помогавшихъ.

Главными дѣятелями коммиссіи за все время были: М. А. Максимовичъ, много сдѣлавшій и потрудившійся для коммиссіи, какъ членъ учредитель; Н. Д. Иванишевъ, бывшій главнымъ дѣятелемъ въ коммиссіи со дня ея основанія по 1865 годъ. Онъ принималъ участіе въ археологическихъ экскурсіяхъ, дѣлалъ археологическія раскопки, принималъ участіе въ разработкѣ и изданіи матеріаловъ Кіевскаго центральнаго архива, считался главнымъ редакторомъ изданій коммиссіи. Благодаря его старанію, изданія эти съ 1859 года принимаютъ систематическій характеръ въ видѣ Архива юго-западной Россіи, который продолжается и до сихъ поръ. Съ 1863 года начинается дѣятельность въ коммиссіи В. Б. Ан-

тоновича, и время его участія тамъ, сначала въ качествѣ сотрудника, затѣмъ въ качествѣ главнаго редактора, было самымъ оживленнымъ и самымъ плодотворнымъ временемъ въ дѣятельности Кіевской археографической коммиссіи. Въ 80-хъ годахъ В. Б. Антоновичъ сложилъ съ себя званіе редактора, хотя и до сихъ поръ продолжаетъ принимать участіе въ качествѣ члена коммиссіи и сотрудника ея, подготовляя къ изданію новую серію актовъ. Послѣ В. Б. Антоновича редакторомъ изданій сдѣлался проф. М. Ф. Владимирскій-Будановъ, и подъ его руководствомъ коммиссія продолжаетъ свою плодотворную работу, подготовляя къ изданію нѣсколько серій новыхъ актовъ и привлекая къ сотрудничеству новыхъ работниковъ.

Предсѣдателями Кіевской Археографической коммиссіи въ теченіи 50-ти лѣтъ были: Н. Э. Писаревъ (1843—1848), при которомъ предпринимались многочисленныя экскурсіи по краю для собиранія историческихъ матеріаловъ и археологическія розысканія; М. О. Судіенко (1848—1857), во время предсѣдательствованія котораго былъ выработанъ проэктъ учрежденія въ Кіевѣ центральнаго архива и происходили энергическіе поиски въ архивѣ черниговскаго губ. правленія; затѣмъ слѣдовало долголѣтнее предсѣдательство М. В. Юзефовича (1857—1889) ознаменованное расширеніемъ и оживленіемъ дѣятельности Коммиссіи, выработкою новаго, болѣе раціональнаго плана ея изданій, подъ общимъ названіемъ „Архива Юго-Западной Россіи", коимъ она руководствуется, и понынѣ увеличеніемъ, по ходатайству М. В. Юзефовича матеріальныхъ средствъ и привлеченіемъ къ участію въ ея трудахъ новыхъ полѣзныхъ дѣятелей. Наконецъ съ 1889 г. предсѣдателемъ состоитъ попечитель Кіевскаго Учебнаго Округа, почетный членъ Академіи В. В. Вельяминовъ-Зерновъ, подъ руководствомъ котораго Коммиссія съ успѣхомъ продолжаетъ свою плодотворную дѣятельность.

Благодаря трудамъ коммиссіи появился цѣлый рядъ изданій ея, а именно:

Памятники коммиссіи—4 тома (изд. 1845, 46, 52 и 59 гг).

„Древности“, археологич. изд. 1846 г.

Лѣтопись С. Величка, въ 4-хъ томахъ (1848, 1851, 1855, 1864 г.)

Лѣтопись Гр. Грабянки (1853 г.)

Лѣтопись Самовидца (1878 г.)

Сборникъ Лѣтописей, относящихся къ исторіи Южной и Зап. Россіи (1888 г. ред. Антоновича).

Сборникъ матеріаловъ для историч. топографіи Кіева (1874 г.)

Жизнь кн. А. М. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни (1849 г.) 2 тома

Архивъ юго-зап. Россіи—до сихъ напечатано *31 томъ*.

Указатели къ изданіямъ ком.: т. I (личныя им.), т. II (географ.).

И этого голаго перечня достаточно, чтобы составить себѣ представленіе о дѣятельности археографической коммиссіи за 50 лѣтъ ея существованія. Особенно много историческаго матеріала даетъ Архивъ юго-западной Россіи, каждый томъ котораго сопровождается обширнымъ введеніемъ, являющимся обыкновенно солиднымъ изслѣдованіемъ того или другого вопроса въ области южнорусской исторіи. Благодаря Архиву, мы познакомились съ судьбами православія въ Западной Руси, съ устройствомъ западно-русской церкви; внесенъ свѣтъ въ вопросъ о козачествѣ, сдѣлалось яснымъ явленіе гайдамачества; значительно раскрыта исторія городовъ, юридическаго и экономическаго положенія крестьянства; затронута исторія шляхетства, вопросъ о заселеніи юго-западной Россіи—словомъ, затронутъ и, по возможности, освѣщенъ цѣлый рядъ важнѣйшихъ вопросовъ изъ исторіи югозападнаго края. Здѣсь, въ Кіевской коммиссіи, повторяемъ, сильно движется впередъ южно-русская исто-

рія, и на почвѣ, подготовленной ею, создалась и „Кіевская Старина“, поставившая себѣ однородныя съ коммиссіей цѣли: по возможности, содѣйствовать раскрытію протекшей исторіи малорусскаго народа,изученію его особенностей, его міросозерцанія и пр. Оглядываясь на прошлое Кіевской Археографической Коммиссіи, „Кіевская Старина“ желаетъ ей и въ будущемъ серьезной, спокойной, безпристрастной и плодотворн. дѣятельности на пользу науки...

Вмѣстѣ съ тѣмъ „Кіевская Старина“ позволяетъ себѣ высказать и нѣкоторыя свои желанія, которыя стоятъ въ тѣсной связи съ дѣятельностью археографической коммиссіи.

1) Мы думаемъ, что коммиссіи необходимо расширить районъ своихъ изслѣдованій, распространивъ ихъ на весь кіевскій учебный округъ, т. е. включить и лѣвобережную Украину (черниговскую и полтавскую губерніи). Исторія ея, вѣдь, органически связана съ исторіей правобережной Украины: здѣсь находятся ея корни. Населена лѣвобережная Украина выходцами изъ праваго берега, оттуда она заимствовала свои учрежденія, юридическіе обычаи; подъ вліяніемъ правобережныхъ обычаевъ создавался земельный и экономическій строй послѣ Богдана Хмельницкаго. При изслѣдованіи лѣвобережной Украины, многое, можетъ быть, было бы иначе понято и въ исторіи Украины правобережной. Препятствій къ такому расширенію, конечно, встрѣтиться не можетъ.

2) Археографической коммиссіи, думается намъ, слѣдуетъ возобновить опять собираніе свѣдѣній о южно-русскихъ архивахъ и, по возможности, принимать мѣры къ ихъ сохраненію и, если можно, къ сосредоточиванію ихъ въ Кіевѣ въ центральномъ архивѣ. Назрѣло время расширить этотъ архивъ, обезпечить болѣе прочно его существованіе, устроить самостоятельный кіевскій центральный архивъ, въ родѣ московскаго архива министерства юстиціи, и сосредоточить въ немъ все главнѣйшее, что можетъ имѣть отношеніе къ исторіи Малороссіи и юго-

западнаго края. 50-лѣтній юбилей коммиссіи мы считаемъ самымъ удобнымъ временемъ, чтобы поднять этотъ вопросъ, и коммиссія, какъ кажется, сама близко подходитъ къ нему: благодаря ея просвѣщенному предсѣдателю, возбужденъ, напримѣръ, вопросъ о передачѣ въ кіевскій центральный архивъ архивовъ черниговской и полтавской казенныхъ палатъ. Если бы удалось расширить кіевскій центральный архивъ, необходимо было бы употребить все возможныя усилія, чтобы возвратить въ Кіевъ черниговскій отдѣлъ Румянцевской описи, большую часть документовъ, взятыхъ изъ Малороссіи въ московскій архивъ министерства юстиціи, и, главнымъ образомъ, архивъ генеральной канцеляріи, дѣла которой имѣютъ органическую связь со всѣмъ тѣмъ громаднымъ матеріаломъ, который хранится въ Кіевѣ. Въ Харьковъ архивъ генеральной канцеляріи попалъ случайно, не имѣетъ съ нимъ органической связи и затѣмъ, будучи разрозненъ съ другими архивами, представляетъ большія затрудненія въ разработкѣ вопросовъ исторіи лѣвобережной Малороссіи.

3) Еще одно желаніе, косвенно, правда, касающееся археографической коммиссіи, но все же стоящее въ связи съ ея дѣятельностью. Это давно трактуемый въ Кіевѣ вопросъ объ устройствѣ музея на подобіе московскаго Румянцевскаго. Объ этомъ давно уже созрѣла мысль, назрѣла и потребность, изъявляется и готовность отдѣльными лицами пожертвовать свои коллекціи, собранія, библіотеки— все дѣло заключается въ средствахъ, въ устройствѣ помѣщенія. Желательно, чтобы по поводу 50-лѣтняго юбилея археографической коммиссіи опять былъ выведенъ изъ забвенія этотъ вопросъ. Кто знаетъ, можетъ быть и найдутся меценаты, которые достойнымъ образомъ увѣковѣчатъ полустолѣтній юбилей плодотворной дѣятельности кіевской археографической коммиссіи и подарятъ музей Кіеву...

ВОСПОМИНАНІЕ ІОСИФА САМЧЕВСКАГО.[1]

(1800—1886 г.).

V.

Невская семинарія.—Ярофаловъ и Смирновъ.—Мои сочиненія.—Мысль объ увольненіи изъ семинаріи.—Зосима.—Я комнатный старшій.

Когда мы появились на дворѣ Невской семинаріи, насъ стали распредѣлять по комнатамъ. Меня привели въ комнату, въ которой помѣщались ученики философіи. Она мнѣ показалась какимъ-то темнымъ, нечистымъ сараемъ съ множествомъ учениковъ. Кровать мою поставили у самаго порога, близъ бочки съ водою. „Боже мой! куда я попалъ?“ думалъ я. Но въ тотъ же день явился мнѣ утѣшитель въ лицѣ соученика Ярофалова, знакомаго съ семействомъ Державина, но не знавшаго еще меня; онъ, подговоривъ товарища Смирнова, самъ съ нимъ перенесъ мою кровать въ другую ближайшую комнату, которая была поменьше и посвѣтлѣе, и въ которой помѣщался нашъ комнатный старшій. Въ тотъ же день я былъ въ столовой, еще болѣе обширной и загрязненной палатѣ, гдѣ сидѣло до 300 душъ обѣдавшихъ учениковъ. О пищѣ и говорить нечего,—она была гораздо хуже и скуднѣе нашей. Недаромъ прежде знакомые намъ пучки по праздникамъ приходили къ намъ въ армейскую нашу столовую лакомиться нашими пирогами, которыхъ у нихъ вовсе не бывало.

---

[1]) См. Кіевск. Стар. 1893 г., № 10.

На другой день я пришелъ въ философскій классъ, темный и тѣсноватый по числу помѣщавшихся въ немъ учениковъ числомъ до 80. Я стоялъ у порога, пока пришелъ инспекторъ, профессоръ архимандритъ Поликарпъ. Онъ, по какому-то соображенію, велѣлъ мнѣ сѣсть первымъ во второмъ ряду партій. Я съ напряженнымъ вниманіемъ слушалъ его лекцію по исторіи философскихъ системъ, съ весьма понятнымъ объясненіемъ, и тогда же узналъ, что Суворовъ преподавалъ намъ философію совсѣмъ не такъ хорошо. Послѣ непріятныхъ впечатлѣній, какія произвела на меня Невская семинарія въ ея спальняхъ, классѣ и столовой, мнѣ вскорѣ пришлось увидѣть и одежду, построенную казеннокоштнымъ ученикамъ, а съ ними и намъ армейцамъ. Это были куртка и панталоны, пошитыя изъ такого толстаго и грубаго сукна, которое было хуже всякаго солдатскаго. Я этого платья совсѣмъ не надѣвалъ и продалъ его за безцѣнокъ, благо оставалась у меня цѣлою одежда армейской семинаріи.

Горюя о нашемъ переводѣ, мы, армейцы, собирались въ укромное мѣсто и тамъ плакали, какъ евреи на рѣкахъ вавилонскихъ. Занятія мои по предмету философіи въ Невской семинаріи были для меня трудноваты, потому болѣе, что исполняя текущіе уроки по этому предмету, который читался здѣсь гораздо обширнѣе, я долженъ былъ списывать для себя и заучивать прежде пройденное здѣсь въ продолженіе года. Первое мое сочиненіе, поданное Поликарпу, заслужило его одобреніе, вслѣдствіе чего мои соученики стали смотрѣть на солдата повѣжливѣе. Не смотря на это, я продолжалъ скучать въ семинаріи и думалъ, было, подобно моему товарищу Андріанову, поступить въ медицинскую академію, для чего уже выучилъ лобную кость, но, почувствовавъ отвращеніе къ вскрытію труповъ, рѣшился вовсе уволиться изъ семинаріи и поступить писцомъ въ какое-нибудь присутственное учрежденіе. Когда я сказалъ объ этомъ моемъ намѣреніи Державину, онъ отвѣчалъ: потерпи, учись—и ты будешь въ духовной академіи. Нечего было дѣлать, я продолжалъ учиться и находилъ себѣ отраду въ дружбѣ Ярофалова и Смирнова. Между тѣмъ мѣсяца черезъ 3

произошла перемѣна въ начальствѣ семинаріи, послужившая къ улучшенію моего положенія. Ректоръ Иннокентій былъ возведенъ въ санъ епископа пензенскаго; на мѣсто его ректоромъ поступилъ инспекторъ Поликарпъ, а инспекторомъ сдѣланъ изъ баккалавровъ академіи магистръ Зосима. Послѣдній, не зная различія между певцами и армейцами, относился ко всѣмъ одинаково. Послѣ поданнаго ему мною сочиненія онъ обратилъ на меня вниманіе, тѣмъ болѣе, что при осмотрѣ ученическихъ комнатъ всегда заставалъ меня или за писаньемъ, или за уроками. Можетъ быть, и комнатный старшій хорошо отозвался ему о моемъ поведеніи. Когда бывшій комнатнымъ старшимъ въ малолѣтнемъ отдѣленіи ученикъ богословія былъ убитъ въ городѣ, Зосима рекомендовалъ меня на его мѣсто, и я сдѣланъ старшимъ. Въ новомъ моемъ помѣщеніи я безпрепятственно могъ заниматься моимъ дѣломъ,—дѣти при мнѣ вели себя тихо. Инспекторъ, часто посѣщая учениковъ, заставалъ меня при моихъ занятіяхъ, входилъ въ мое положеніе и давалъ совѣты, какъ я могу лучше приготовиться къ предстоявшему экзамену.

Филаретъ, тогда уже тверской архіепископъ, ревизовалъ въ невской семинаріи окончившихъ курсъ и учениковъ философіи. По окончаніи ревизіи онъ самъ назначилъ къ поступленію въ академію трехъ учениковъ изъ богословія и двухъ изъ философіи; если бъ я не заслуживалъ такого же назначенія, онъ не могъ бы избрать меня, такъ какъ я подлежалъ армейскому вѣдомству. Вакацію я провелъ у Державина, а затѣмъ опять долженъ былъ отправиться въ Невскую семинарію. При прощаніи Державинъ сказалъ мнѣ; „ты уже принятъ въ академію". Это ему легко было сдѣлать, стоило только сказать митрополиту Михаилу, и тотъ принялъ меня въ число академистовъ. Самъ секретарь академіи—профессоръ Райковскій пришелъ за мною въ семинарію и провелъ меня въ академію.

VI.

Иннокентій и Филаретъ.—Сказанія о нихъ современниковъ.

Я хочу здѣсь сказать нѣсколько словъ о бывшемъ ректорѣ, знаменитомъ Иннокентіи. Это тотъ самый Иннокентій,

который былъ ревизоромъ въ армейской семинаріи. Онъ, какъ и Филаретъ, получилъ образованіе въ московской Троицкой семинаріи, а, можетъ быть, былъ и соученикомъ его; какъ Филаретъ, онъ былъ любимцемъ митрополита Платона, который вслѣдъ за Филаретомъ вытребовалъ его въ Петербургъ для занятія должности баккалавра въ 1-мъ курсѣ петербургской академіи. Скоро Иннокентій, въ званіи доктора богословія, сдѣланъ былъ ректоромъ Невской семинаріи, которой управлялъ съ большимъ достоинствомъ и съ пользою для заведенія. Богословіе онъ преподавалъ, какъ говорили въ то время, съ великою ученостью и имѣлъ громадное вліяніе на учащихся. Я не имѣлъ счастія слушать его, но два армейскіе ученика, бывшіе тогда въ богословіи, говорили мнѣ, что ученики съ благоговѣніемъ слушаютъ его лекціи и наставленія о пастырскомъ поведеніи, и что ученики въ классѣ иногда плакали, слушая его благочестивыя и пламенныя рѣчи. Трогательно намъ было слушать его, когда онъ въ церкви совершалъ божественную литургію; обладая симпатичнымъ теноровымъ голосомъ, онъ какъ то особенно выразительно и торжественно произносилъ слова: „право правящихъ слово твоея истины". Въ то время въ Петербургѣ сильно распространилось массонство; директоры массонскихъ ложъ, особенно Лабзинъ, своими мистическими ученіями наносили раны церкви. Статскій совѣтникъ Станевичъ написалъ прекрасную книгу противъ массонства: „Плачъ матери на гробѣ младенца". Ректоръ Иннокентій, будучи вмѣстѣ и цензоромъ духовныхъ книгъ, съ горячимъ сочувствіемъ читалъ ее и одобрилъ къ печатанію, не обративъ вниманія на одну въ ней выноску, въ которой говорилось, что какая-то массонская книга напечатана съ соизволенія правительства. Массоны ухватились за эту выноску и черезъ придворныхъ довели до слуха государя, будто бы сочиненіе Станевича написано въ укоризну Его Величества. Государь повелѣлъ книгу Станевича запретить, цензора Иннокентія въ наказаніе поставить епископомъ въ уфимской епархіи, что равносильно было ссылкѣ, но, по ходатайству оберъ-прокурора св. синода—князя Мещерскаго и предстательству императрицы Маріи Өеодоровны, вмѣсто Уфы

Иннокентію назначена была Пенза. Когда Иннокентій выѣзжалъ изъ Петербурга, ученики семинаріи и множество посторонних лицъ толпились на лаврскомъ дворѣ. Иннокентій, обходя церкви для прощальнаго поклоненія святынямъ, благословлялъ семинаристовъ, слѣдовавшихъ за нимъ въ самыя кельи его, раздавалъ имъ свои печатныя проповѣди и книги, благословлялъ ихъ и со слезами говорилъ: „учитесь, дѣти! вотъ и я былъ такой же, какъ и вы, а теперь архіерей". Зимній возокъ уже былъ поданъ, Иннокентій вышелъ въ нагольномъ тулупѣ, который князь Мещерскій снялъ и надѣлъ на него свою енотовую шубу. Извѣстный архимандритъ Фотій, прощаясь съ Иннокентіемъ, рыдалъ и называлъ его столпомъ православія. Иннокентій поспѣшилъ сѣсть въ экипажъ и уѣхалъ.

Запишу теперь и то, что я слышалъ отъ лицъ, бывшихъ студентами 1-го выпуска академіи, какъ о самой академіи, такъ и о преподавателяхъ ея, Филаретѣ и Иннокентіи. Духовная петербургская академія учреждена была въ 1809 году. Первыми ея основателями были: Сперанскій, А. Н. Голицынъ и митрополитъ Амвросій. Государь Александръ Павловичъ изъявлялъ особенное свое благоволеніе къ этому новому учрежденію. Собраны были со всей Россіи лучшіе ученики семинарій числомъ до 100 для составленія перваго курса. Но въ первомъ году студенты этого курса произвели нѣкоторое волненіе, именно: будучи недовольны пищею, они въ столовой забросали эконома кусками хлѣба. Когда объ этомъ доложено было государю, онъ повелѣлъ немедленно исключить виновныхъ изъ академіи и однихъ изъ нихъ отдать въ причетники, а другихъ, кто пожелаетъ, въ солдаты; одинъ изъ послѣднихъ, Страховъ, бывшій ученикъ армейской семинаріи, отличный математикъ, дослужился впослѣдствіи до генеральскаго чина.

Филаретъ и Иннокентій,—оба ректора и друзья между собою,—были любимцами петербургскаго митрополита Амвросія, который ими любовался при ихъ богословскихъ спорахъ. Когда бывали экзамены въ академіи, онъ имѣлъ подлѣ себя ассистентомъ Иннокентія, а въ семинаріи на экзаменахъ ассистентомъ бывалъ Филаретъ. Однажды на экзаменахъ шла рѣчь

о недостаточности естественной религіи. Амвросій возразилъ, что она совершенно достаточна, и велѣлъ Иннокентію поддерживать это возраженіе; послѣдній, искусный въ діалектикѣ, сталъ оправдывать мнѣніе митрополита; Филаретъ сперва съ нѣкоторою небрежностью отвѣчалъ Иннокентію, но когда этотъ съ горячностью продолжалъ свои аргументы, Филаретъ отвѣчалъ серьезнѣе, приводя уже вѣскія доказательства. Тогда Иннокентій, видя свое пораженіе, спросилъ: „да что жъ такое естественная религія?“ Филаретъ, всегда сдержанный, съ улыбкой отвѣчалъ: „вотъ прекрасно! мы такъ долго споримъ, не зная о чемъ; вы, какъ оппонентъ, съ самаго начала диспута должны были знать опредѣленіе предмета, о которомъ спорите“. Митрополитъ захохоталъ, и тѣмъ диспутъ кончился.—Бывшій инспекторъ черниговской семинаріи Филадельфъ, воспитанникъ 1-го выпуска петербургской академіи, говорилъ мнѣ, что когда Филаретъ былъ сдѣланъ бакалавромъ и въ первый разъ взошелъ на каѳедру преподавателя, то студенты оскорбились, что такой молодой человѣкъ будетъ учить ихъ, тогда какъ между ними многіе были годами старше его, а нѣкоторые поступили въ академію изъ учителей семинаріи. Но когда Филаретъ, прочитавши лекцію, ушелъ, студенты остались въ изумленіи, подъ впечатлѣніемъ превосходной, неслыханной ими дотолѣ лекціи. Тотъ же Филадельфъ говорилъ мнѣ, что Филаретъ одно время, за болѣзнью глазами, не могъ самъ писать лекцій по церковной исторіи, вслѣдствіе сего призывалъ къ себѣ студентовъ, и тѣ писали подъ его диктовку. Впослѣдствіи лекціи эти были напечатаны безъ всякихъ поправокъ. Филадельфъ еще говорилъ, что Филаретъ проводилъ почти весь день за своимъ письменнымъ столомъ, а ночью выходилъ на лаврскій дворъ и для моціона лопатою разгребалъ снѣгъ. Отъ студентовъ 2-го курса я слышалъ, что двое изъ первыхъ товарищей ихъ, сдѣланные баккалаврами академіи,—Филаретовъ и Рябчиковъ, въ самомъ началѣ своей службы стали вести нетрезвую жизнь, часто пропускали уроки и не подавали надежды къ исправленію. Филаретъ, бывшій уже тогда ректоромъ академіи, прійдя однажды на квартиру одного изъ нихъ, засталъ обоихъ бакка-

лавровъ за столомъ, на которомъ стоялъ штофъ водки. „Гдѣ здѣсь живутъ бакалавры?“ спросилъ ректоръ. Застигнутые врасплохъ, гуляки молчали. „Ихъ здѣсь нѣтъ, такъ и не будетъ“, сказалъ Филаретъ и ушелъ. На другой день ихъ исключили изъ академіи. Филаретовъ уѣхалъ на свою родину, въ тверскую губернію, чрезъ нѣсколько времени совсѣмъ оставилъ свою дурную привычку и подалъ прошеніе на священническое мѣсто. Филаретъ, тогда уже тверской архіепископъ, положилъ на прошеніи его такую резолюцію: „произвести просителю въ консисторіи надлежащее испытаніе“. Когда Филаретовъ явился, члены консисторіи сказали ему: „что же мы будемъ васъ спрашивать?“—Что знаете,—отвѣчалъ онъ, и тѣмъ испытаніе кончилось. Филаретовъ получилъ приходъ, впослѣдствіи возведенъ былъ въ санъ протоіерея, а Рябчиковъ въ наше время бродилъ еще по городу въ самомъ безобразномъ видѣ.

По сказанію тѣхъ же студентовъ 2-го курса, ректоръ Филаретъ часто посѣщалъ академическія аудиторіи и слушалъ преподаваніе профессоровъ, сидя на скамьѣ со студентами. Въ одно изъ такихъ его посѣщеній ординарный профессоръ Вѣтринскій читалъ лекцію о неоплатоникахъ и о самомъ Платонѣ; Филаретъ, прослушавши нѣкоторую часть лекціи, спросилъ студента Колоколова (бывшаго послѣ бакалавромъ кіевской духовной академіи): „г. Колоколовъ, какъ вы поняли преподанное профессоромъ?“—Колоколовъ отвѣчалъ:—Я ничего не понялъ.—Филаретъ просилъ Вѣтринскаго лучше объяснить; когда же и послѣ того Колоколовъ на вопросъ Филарета отвѣчалъ:—„не понимаю“,—Филаретъ сказалъ: „я учился философіи по Баумейстеру; не знаю, будетъ ли понятно мое объясненіе“, и, въ самыхъ понятныхъ словахъ объяснивъ читанное, спросилъ Колоколова: „а теперь понимаете-ли?“—Понимаю,—отвѣчалъ онъ. Вѣтринскій всталъ и поклонился Филарету.

Объ Иннокентіи студенты 1-го курса говорили вотъ что. Когда Филаретъ окончилъ съ ними священно-библейскую исторію, Иннокентію поручено было преподавать имъ церковную исторію, по которой тогда не было еще никакого руководства; Иннокентій самъ долженъ былъ сочинять его, оты-

скивая и подбирая источники, составляя по нимъ для лекціи, спѣша при этомъ пройти всю эту часть исторіи въ непродолжительное, назначенное для того время, и, дѣйствительно, въ это время онъ написалъ и издалъ два большіе тома церковной исторіи. Говорили, что онъ тогда проводилъ дни и цѣлыя ночи за письменнымъ столомъ или надъ аналоемъ, надъ которымъ отъ изнеможенія къ утру засыпалъ.

VII.

Пребываніе мое въ петербургской духовной академіи.—Содержаніе въ ней.—Товарищи.—Бакалавръ Оржевскій.—Мое первое сочиненіе.—Профессоръ Кочетовъ.—Назоровъ-лунатикъ и мой испугъ.—Напрасное на меня нареканіе.—Товарищъ Козловскій.—Поздній приходъ мой изъ города.—Соловскій.—Старшій Бодянскій.—Марковъ.—Мой легкомысленный поступокъ.—Смерть товарищей.—Лебедевъ.

Теперь приступаю къ воспоминаніямъ о моемъ пребываніи въ петербургской духовной академіи. Вступалъ я въ этомъ храмъ высшаго образованія съ робостью и смущеніемъ, сознавая, что къ этому образованію я недостаточно приготовленъ. Величественное, только что отстроенное, на подобіе дворца, зданіе академіи было ограждено чугунною рѣшеткою и украшено колоннами съ фронтономъ и двумя надъ нимъ изваянными ангелами; одинъ изъ нихъ держалъ большой позлащенный крестъ, указывая на него другому, колѣнопреклоненному ангелу.

Меня помѣстили на 4-мъ этажѣ академіи, въ № 27, состоящемъ изъ двухъ комнатъ; въ первой изъ нихъ уже поставлена была для меня желѣзная кровать со всѣми новыми постельными принадлежностями; это были: мягкій волосяной тюфякъ, бумажное теплое одѣяло, три простыни, двѣ подушки и четыре наволоки. Все это, кромѣ кровати, отдавалось студентамъ въ неотъемлемую собственность. Мнѣ указали ящикъ въ комодѣ и табуретъ за письменнымъ столомъ съ 4-мя откосными досками.

Носильнаго бѣлья изъ довольно тонкаго холста студентамъ давалось по три пары на годъ, изъ платья—суконный сюртукъ, жилетъ и панталоны темно-сѣраго цвѣта давались на два года, а лѣтній мухояровый сюртукъ, три пары сапогъ, круглая пу-

ховая черная шляпа и лосиныя перчатки на годъ. Шинели намъ не полагалось, да я и прежде ее не имѣлъ. Пища наша была довольно питательная и вкусная, состояла въ будни изъ двухъ, а въ праздники изъ трехъ блюдъ. Чаю намъ не давали, да къ нему я и не привыкъ. На завтракъ давали хорошій хлѣбъ съ квасомъ, который всегда подавался въ столовой и выставлялся въ бутыляхъ на корридорахъ. Всѣ помѣщенія студентовъ были просторны, теплы, свѣтлы и чисты. Всѣ части академіи были расположены въ слѣдующемъ порядкѣ: церковь, библіотека, классы, спальни, въ которыхъ мы приготовляли и свои уроки, столовая, квартиры начальниковъ и служителей, кухни и ретирады, такъ что студентъ могъ вовсе не выходить изъ зданія академіи, развѣ только въ баню, находившуюся въ академической оградѣ въ саду. Академическая усадьба имѣла чистый, хорошій воздухъ; она стояла въ концѣ Петербурга за Лаврою, фасадомъ на протекающую передъ нею Неву, и позади себя имѣла садъ. Такимъ образомъ академія предоставляла всѣ необходимыя условія для удобной жизни и для занятій студентовъ.

Академическій курсъ продолжался 4 года два года въ низшемъ отдѣленіи и два года въ высшемъ. Въ нашъ курсъ, по числу пятый, поступило 55 человѣкъ. Всѣ поступившіе, кромѣ меня и товарищей моихъ Аминицкаго и Каменскаго, кончили полный семинарскій курсъ, всѣ были лучшіе изъ своихъ сотоварищей и присланы по выбору семинарскихъ правленій подъ отвѣтственностью сихъ послѣднихъ, изъ опасенія получить отъ академическаго правленія строгое замѣчаніе и уплатить обратныя прогоны, если бы на пріемномъ экзаменѣ въ академіи они оказались недостаточно подготовленными.

Когда я въ первый разъ побылъ на лекціяхъ и послушалъ отвѣты и разсужденія новыхъ моихъ товарищей, то уразумѣлъ что мнѣ придется употребить много трудовъ и усилій, чтобы не отстать отъ нихъ. По философіи я могъ довольно легко готовить свои уроки, потому что въ академіи только обширнѣе преподавалось то же, что вкратцѣ изучаемо было мною въ семинаріи, но не легко было для меня готовить уроки по чтенію св. писанія, для чего нужно было знать еврейскій языкъ,

которому я въ семинаріи не учился и теперь долженъ былъ начинать съ азбуки. Нужно было мнѣ изучить и англійскій языкъ, съ котораго въ скоромъ времени началъ переводить, хотя читать правильно по англійски совсѣмъ не научился отъ нашего бакалавра, такъ какъ тотъ и самъ не умѣлъ правильно читать. Легче всѣхъ предметовъ мнѣ давалась исторія: древнюю и среднюю я, благодаря Орлову, хорошо изучилъ еще въ армейской семинаріи. Всеобщую намъ преподавалъ молодой, только что кончившій курсъ академіи бакалавръ Оржевскій, человѣкъ энергическій, хорошо знавшій предметъ и излагавшій его въ прекрасной формѣ. Прошедши съ нами исторію Греціи, онъ велѣлъ намъ написать сочиненіе на тему: какова была система Ликургова законодательства? Я написалъ, какъ умѣлъ, и подалъ. Оржевскій читалъ наши сочиненія въ классѣ, не объявляя имени автора, разбиралъ ихъ по правиламъ академической критики и требовалъ отъ студентовъ ихъ мнѣній о достоинствахъ и недостаткахъ читаннаго имъ сочиненія. Если нетерпѣливый авторъ самъ вызывался защищать свое произведеніе, то получалъ отъ бакалавра и отъ товарищей должныя замѣчанія и вразумленія. Когда стали читать и разбирать мое сочиненіе, я сидѣлъ молча, ожидая суда и приговора. Къ моей радости бакалавръ и товарищи нашли его удовлетворительнымъ. Поощренный такимъ одобреніемъ, я сталъ еще ревностнѣе заниматься исторіей. Оржевскій давалъ намъ на бумагѣ только краткій конспектъ своихъ лекцій. Я записывалъ ихъ во время самаго чтенія и при пособіи этихъ бѣглыхъ записокъ, вмѣстѣ съ приходившими ко мнѣ товарищами, занимался репетиціей. Оржевскій часто меня спрашивалъ въ классѣ, одобрялъ мои отвѣты и рекомендовалъ ординарному профессору исторіи А. С. Кочетову, который, приходя къ намъ на репетицію, также спрашивалъ меня и, когда послѣ самъ преподавулъ намъ русскую исторію, то обращалъ на меня вниманіе, которымъ я пользовался отъ него и въ высшемъ отдѣленіи, гдѣ онъ читалъ намъ церковную исторію. При усиленныхъ моихъ занятіяхъ много времени отнимало у меня переписываніе лекцій, которыя тогда почти всѣ читались по запискамъ,

для чего я долженъ былъ сидѣть по ночамъ; но эти ночныя работы мнѣ пришлось прекратить по случаю одного со мною приключенія, о которомъ и теперь вспоминаю съ неудовольствіемъ.

Помѣщеніе наше подъ № 27 состояло изъ двухъ комнатъ, въ которыхъ жило 8 студентовъ, по 4 человѣка въ каждой. Въ передней комнатѣ, въ которой и я находился были: костромичъ Назаровъ и два ярославца: Вязнинъ и Головщиковъ; а въ другой—комнатный старшій Бодянскій, студентъ высшаго отдѣленія, москвичъ Озеровъ, тулякъ В. Б. Бажановъ и псковичъ Соловскій. Назаровъ, одаренный счастливой памятью, въ досужіе часы сообщалъ намъ любопытные разсказы изъ прочитанныхъ имъ книгъ, а Вязнинъ потѣшалъ насъ своими странными сужденіями, съ которыми иногда не кстати выхватывался и въ классѣ во время лекцій. Однажды во время нашего собесѣдованія Назаровъ, всегда разговорчивый, задумчиво молчалъ и потомъ съ какимъ-то смущеніемъ сказалъ намъ: „братцы, я долженъ открыть вамъ, что я лунатикъ; не бойтесь меня, когда я въ моемъ припадкѣ буду ночью вставать и ходить; вы только назовите меня по имени, и я буду опять засыпать". Можетъ быть, онъ и прежде вставалъ и ходилъ, но я не обращалъ на то никакого вниманія, не знавши о его болѣзни; но когда услыхалъ о ней отъ него самого, сталъ наблюдать за нимъ, и всякій разъ, когда онъ вставалъ, я называлъ его по имени, и онъ, почесавши голову, дѣйствительно ложился на кровать. Но мы еще не знали, что припадки болѣзни у него были гораздо сильнѣе, когда онъ засыпалъ въ возбужденномъ состояніи духа. Надобно сказать, что Назаровъ, при непріятной своей физіономіи, высматривалъ сердито, былъ чрезвычайно раздражителенъ и злопамятенъ, а Вязнинъ любилъ во всемъ спорить и былъ неуступчивъ. Послѣ ужина, когда мы всѣ сидѣли еще за нашимъ столомъ, приготовляя уроки по философіи, Вязнинъ вслухъ началъ по своему толковать нѣкоторыя положенія великаго Платона; Назаровъ назвалъ его сужденіе глупымъ, Вязнинъ разсердился, дѣло дошло между ними до личностей и брани; Вязнинъ перебранилъ Назарова, который замолчалъ и

въ злобномъ настроеніи легъ спать. Во второмъ часу ночи, когда всѣ уже въ комнатѣ нашей спали, а я занимался еще писаньемъ, Назаровъ съ необыкновеннымъ порывомъ вскочилъ и сѣлъ на кровати. Я сталъ громко называть его по имени, но онъ вмѣсто пробужденія устремилъ на меня какой-то необыкновенно страшный взглядъ, и когда я еще громче назвалъ его, онъ поднялся съ кровати, притянулъ одѣяло къ своему лицу и съ шипѣніемъ бросился на меня; я въ испугѣ съ крикомъ побѣжалъ въ другую комнату, гдѣ студентъ В. Б. Бажановъ, тоже испугавшись, перебѣжалъ къ другому товарищу: мнѣ показалось, что Назаровъ гонится за мной, и я въ страхѣ кинулся къ студенту Озерову, читавшему книгу, который, думая, что я сошелъ съ ума, отбросилъ меня отъ себя, и я очутился подъ его кроватью. Крикъ мой и бѣготня такъ были сильны, что не только всѣ сожители мои проснулись, но и жившіе подъ нами въ низшемъ этажѣ прибѣжали къ намъ, думая, что случился пожаръ; пришелъ и Назаровъ съ Вязнинымъ, къ которому онъ прилегъ, вѣроятно, проснувшись отъ столкновенія со мною, и спрашивалъ у него что такое случилось. Озеровъ разсказалъ о томъ, какъ я прибѣжалъ; меня вытянули изъ-подъ кровати, но на вопросы мнѣ предложенные, я, какъ бы онѣмѣвшій, ничего не отвѣчалъ. Меня посадили на табуретъ, напоили водою, и тогда только нѣсколько придя въ чуство, но заикаясь, я коекакъ могъ разсказать о моемъ испугѣ. Поутру объ этомъ происшествіи доложено было инспектору и ректору. Я просилъ начальство перемѣстить меня въ другой номеръ, а Назаровъ хотѣлъ совсѣмъ увольниться изъ академіи, но насъ обоихъ оставили по прежнему на своихъ мѣстахъ. Послѣ описаннаго испуга моего я долго еще заикался и съ того времени при какомъ-нибудь внезапномъ стукѣ, чувствовалъ, что у меня отъ ступней ногъ подымается кровь, вкусъ которой ячу вствовалъ на языкѣ. Этотъ припадокъ много лѣтъ потомъ случался со мной при сильномъ возбужденіи духа. Со времени моего испуга я пересталъ заниматься по ночамъ и ложился въ одно время съ Назаровымъ, но изъ предосторожности, чтобъ онъ не испугалъ меня на моей кровати, стоявшей близъ его кровати, я перенесъ свою къ противоположной стѣнѣ за

нашъ письменный столъ. Вязнинъ смѣялся надо мною, говоря: „Эко, братецъ, ты испугался, какъ мальчишка.“ Я по годамъ былъ моложе всѣхъ моихъ товарищей. Я молчалъ, а землякъ его Головщиковъ при этомъ сказалъ ему: „смотри Балда, (такъ мы звали его по причинѣ его привычки повторять это слово) чтобы съ тобою не сталось то же“,—что дѣйствительно вскорѣ и случилось. Вязнинъ опять вечеромъ раздразнилъ Назарова, и этотъ разсерженный легъ спать. Всѣ мы трое были въ постели одинъ только Вязнинъ сидѣлъ у стола спиною къ нему. Въ часъ ночи Назаровъ съ азартомъ вскочилъ съ постели; Вязнинъ отъ страху упалъ съ табурета на полъ, отчего тотъ пробудился. „А что, Балда, вотъ и ты испугался,“ сказалъ ему Головщиковъ. „Да что-жъ, братецъ ты мой, съ нимъ подѣлаешь, это не человѣкъ, а звѣрь.“

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ моего испуга мнѣ суждено было еще претерпѣть тяжкое и нисколько не заслуженное мною нареканіе. Въ одну субботу вечеромъ, когда мои товарищи ушли въ церковь ко всенощной, комнатный старшій Бодянскій подошелъ ко мнѣ и вручилъ мнѣ написанную имъ записку слѣдующаго содержанія: „вы, господинъ Самчевскій, должны быть благодарны начальству Академіи за то, что оно приняло васъ въ нее изъ посторонняго вѣдомства не кончившимъ курса семинаріи; вмѣсто благодарности, вы въ одномъ домѣ хулили начальство Академіи и профессоровъ ея.“ Пораженный такимъ обвиненіемъ, я возвратилъ ему его записку, сказавъ, что она принадлежитъ не мнѣ, что я нигдѣ, никогда, никому, ничего дурного не говорилъ объ Академіи. „Да вы-же бываете у придворнаго протоіерея?“ спросилъ онъ.—„Бываю“,—отвѣчалъ я. „Ну, такъ этого и довольно,“ сказалъ Бодянскій. Я ничего не могъ говорить, не спросилъ даже, откуда пошло такое нареканіе на меня, и по какому поводу Бодянскій обратился съ нимъ ко мнѣ. Въ мучительномъ томленіи духа я пошелъ въ церковь, гдѣ вмѣсто молитвы думалъ и передумывалъ о постигшемъ меня наговорѣ, всю ночь почти не спалъ, пересталъ заниматься своимъ дѣломъ, ходилъ, какъ присужденный къ казни преступникъ, думая, что меня скоро исключатъ изъ Академіи, доходилъ до

отчаянія и не знаю, что было бы со мной, если бы добрый другъ мой, товарищъ изъ другого номера Петръ Козловскій теплымъ участіемъ своимъ не вывелъ меня изъ этого томительнаго положенія. „Если ты,“ говорилъ онъ, „по совѣсти твоей не чувствуешь за собой виновности въ приписываемомъ тебѣ поступкѣ, то нечего унывать и безпокоиться: не могутъ же тебя напрасно исключить.“ Я хотѣлъ, было, идти къ инспектору и ректору объясниться, но Козловскій удержалъ меня отъ того, сказавъ, что объясненіемъ своимъ я могу возбудить только подозрѣніе. Я началъ успокаиваться, тѣмъ болѣе, что никто мнѣ не повторялъ нареканія, и что изъ Академіи меня не исключали. Въ послѣдствіи времени открылась моя невинность; Бодянскій, прощаясь со мною, при отъѣздѣ изъ Петербурга, по окончаніи своего курса, извинялся предо мною и говорилъ, что хулилъ начальство и профессоровъ студентъ Архангельскій въ домѣ придворнаго протоіерея Веселовскаго, съ которымъ я совсѣмъ не былъ знакомъ.

Въ праздничные дни послѣ обѣдни и въ будни послѣ классовъ мы могли свободно уходить въ городъ, но непремѣнно должны были возвратиться въ Академію къ ужину. Я вообще, находясь въ Академіи, рѣдко ходилъ въ городъ, но однажды, пошедши къ оберъ-священнику Державину, домъ котораго находился въ весьма далекомъ разстояніи отъ Академіи, какъ-то запоздалъ и воротился уже тогда, когда ужинъ кончился. Нашъ комнатный старшій послалъ меня къ инспектору, отъ котораго я получилъ внушительное замѣчаніе. Нисколько не оправдываясь, я просилъ прощенія, говоря, что впередъ я никогда не буду такъ опаздывать. „Когда такъ, сказалъ инспекторъ, то хорошо, ступайте и будьте спокойны.“ Не то случилось съ жившимъ въ одномъ номерѣ товарищемъ моимъ Соловскимъ. Соловскій въ воскресный день зимою пошелъ въ Медицинскую Академію къ землякамъ своимъ и оттуда не возвращался двое сутокъ; на третьи ректоръ приказалъ, чтобы всѣ живущіе въ № 27 студенты разошлись въ разныя стороны Петербурга и справлялись на съѣзжихъ дворахъ, не содержится ли гдѣ Соловскій. Всѣ наши поиски были напрасны. На чет-

вертый уже день Соловскій былъ приведенъ въ Академію изъ Ордонансъ-Гауза (мѣсто заключенія важнѣйшихъ нарушителей порядка въ городѣ), въ сопровожденіи двухъ полицейскихъ служителей съ обнаженными саблями и чиновника съ книгою и отношеніемъ, въ которомъ было написано, что студентъ Соловскій ночью пьяный ударилъ часового и потому препровождается въ Академію для поступленія съ нимъ по закону. Соловскій былъ принятъ инспекторомъ и по приказанію ректора былъ посаженъ въ отдаленную отъ студентовъ комнату (карцера у насъ не было). Отъ него потребовали объясненія на бумагѣ. Онъ показалъ, что на возвратномъ пути изъ Медицинской Академіи онъ заходилъ къ переплетчику за своими книгами и, взявши ихъ, въ 7 часовъ вечера шелъ по Невскому Проспекту; на одномъ изъ перекрестковъ какой-то человѣкъ выхватилъ у него сзади изъ-подъ мышки узелъ съ книгами; Соловскій, оборотившись назадъ, увидѣлъ человѣка въ простой черной шубѣ, и, считая его за того самаго, который выхватилъ у него книги, ударилъ его по лицу; на крикъ этого человѣка прибѣжали съ гауптвахты солдаты, схватили его, Соловскаго, и отвели въ Ордонансъ-Гаузъ. Начальство не довѣряло показанію Соловскаго и нѣсколько разъ его переспрашивало. Одинъ изъ студентовъ высшаго отдѣленія, проникнувъ къ Соловскому, говорилъ ему, что, если онъ въ гостяхъ выпилъ хоть одну рюмку и признается, то погибнетъ. Соловскій оставался при первомъ своемъ показаніи. У него потребовали списокъ книгъ, которыя онъ несъ съ собою. Ректоръ съ этимъ спискомъ и собственноручнымъ показаніемъ Соловскаго на предложенные ему при слѣдствіи вопросы и съ вымѣтками объ его успѣхахъ и поведеніи отправился къ министру духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія, князю А. Н. Голицыну, который сдѣлалъ докладъ Государю. Его Величество благоволилъ повелѣть оберъ-полицеймейстеру сдѣлать разысканіе на рынкахъ, не будутъ ли гдѣ продаваться отнятыя у Соловскаго книги. Книгъ не отыскали, и Соловскій тогда остался безъ взысканія. Осталось неизвѣстнымъ, былъ ли Соловскій виновенъ въ этомъ дѣлѣ или нѣтъ,—однако жъ ему эта исторія не обошлась даромъ. Во время нахожденія его

въ Академіи его не понижали въ спискахъ ни по успѣхамъ, ни по поведенію, но когда, по окончаніи нашего курса, назначали намъ мѣста службы въ семинаріяхъ, его поставили въ спискахъ послѣднимъ и отправили на его родину, безъ назначенія учебной должности, въ епархіальное вѣдомство.

Приключилось неблагополучіе и нашему комнатному старшему Бодянскому при самомъ окончаніи его курса. Онъ состоялъ по списку въ числѣ лучшихъ студентовъ, и можно было думать, что онъ будетъ оставленъ бакалавромъ при академіи, но вышло иначе. Въ первый день окончательнаго испытанія студенты обоихъ курсовъ собраны были въ торжественную залу, куда въ 8 часовъ утра прибылъ ревизоръ, московскій архіепископъ Филаретъ. Назначивъ намъ тему для сочиненія, онъ сталъ экзаменовать изъ богословія. Онъ вызвалъ къ столу трехъ студентовъ. Первымъ изъ вызванныхъ долженъ былъ отвѣчать тотъ, кто первый взялъ билетъ, а прочіе два должны были обдумывать свои вопросы. Пока ректоръ записывалъ взятые билеты, Филаретъ сказалъ, что такъ какъ Бодянскому выпалъ вопросъ, близкій къ началу предмета, то онъ пусть отвѣчаетъ первымъ. Бодянскій сталъ отвѣчать сбивчиво, часто останавливаясь. Вопросы, предлагаемые Филаретомъ, рѣшалъ не впопадъ; взявши другой билетъ, онъ также отвѣчалъ неудачно, и когда Филаретъ спросилъ его, почему освященіе мνра совершается только архіереями, а не священниками, Бодянскій молчалъ; тогда Филаретъ сказалъ: „да это знаютъ порядочные причетники!“ затѣмъ долго что-то говорилъ съ ректоромъ. Неизвѣстно, каковы были сочиненія Бодянскаго, писанныя имъ на экзаменѣ, но при назначеніи степени онъ едва былъ поставленъ въ спискѣ послѣднимъ магистромъ, и то по настоянію ректора Григорія; тогда какъ студентъ Марковъ, не выдававшійся прежде изъ числа своихъ товарищей, выпущенъ былъ первымъ магистромъ за отличныя его сочиненія, изъ которыхъ одна его проповѣдь была напечатана въ книгѣ опытовъ, обыкновенно раздававшейся на публичномъ экзаменѣ посѣтителямъ, и сверхъ того былъ оставленъ бакалавромъ при Академіи.

Приводя себѣ на память разныя замѣчательныя для меня обстоятельства, изъ времени нахожденія моего въ низшемъ отдѣленіи, я запишу и то, какъ по легкомыслію моему я принималъ участіе въ несогласіи моихъ сотоварищей исполнить просьбу бакалавра Оржевскаго. Въ первый годъ службы своей при академіи онъ проходилъ съ нами всеобщую исторію весьма тщательно и неупустительно, но, принявши на себя обязанность воспитанія сына князя Кочубея, сталъ пропускать лекціи, а лѣтомъ, живя въ Царскомъ селѣ, рѣдко пріѣзжалъ оттуда въ академію и такимъ образомъ не прошелъ съ нами всей Новой Исторіи. Желая показять въ конспектѣ всѣ отдѣлы исторіи преподанными, онъ въ классѣ просилъ насъ, чтобы мы сами приготовили непройденное имъ по новой исторіи къ экзамену, но мы на то не согласились. Оржевскій обѣщалъ предъ экзаменомъ изъять вопросы по Новой Исторіи, но мы не были увѣрены въ возможности такого изъятія и опять-таки не согласились. Большая часть товарищей моихъ при этомъ преніи молчали въ надеждѣ, что говоруны отстоятъ желаемое всѣми. Въ числѣ оппонентовъ всталъ и я съ моимъ отрицательнымъ голосомъ. Побужденіемъ къ отрицанію была моя боязнь обрѣзаться на экзаменѣ, если бы мнѣ попался вопросъ изъ Новой Исторіи, которой я никогда не изучалъ; но и теперь не могу простить себѣ такой глупой выходки противъ моего наставника, къ которому я питалъ и теперь питаю чувство живой моей признательности за то вниманіе, какимъ онъ поддержалъ и ободрилъ меня на первыхъ порахъ труднаго для меня академическаго ученія. Пока мы находились въ низшемъ отдѣленіи, значительное число нашихъ товарищей, чувствуя слабость силъ своихъ, увольнилось изъ академіи, а по переходѣ въ высшее отдѣленіе въ одинъ годъ умерло четверо отъ чахотки, и въ числѣ ихъ нашъ первый товарищъ Звѣревъ, поступившій въ академію уже съ слабымъ здоровьемъ. По случаю смерти студента Лебедева, изъ тверскихъ, пронесся въ академіи слухъ невѣроятный, но встревожившій почти всѣхъ въ академіи. Лебедевъ чрезвычайно былъ прилеженъ, но какъ-то все безъ желаемаго имъ успѣха, тоско-

валъ и хирѣлъ. Въ воскресенье утромъ я видѣлъ его въ больницѣ нашей съ лицомъ, покрытымъ какою-то сильною сыпью, которая, по словамъ его, вдругъ появилась на всемъ его тѣлѣ; на вопросъ мой: что съ нимъ? онъ отвѣчалъ: „умираю!" Послѣ обѣдни я ушелъ въ городъ, и, когда въ 7 часовъ вечера возвратился въ академію, мнѣ сказали, что Лебедевъ отнесенъ уже на Волковское кладбище. Такъ поспѣшно хоронили обыкновенно умиравшихъ отъ чахотки. На другой день поутру стали говорить, что въ день погребенія Лебедева, ночью, когда въ одномъ нумерѣ студенты еще не спали, одинъ изъ жившихъ тамъ же товарищей, изъ тверскихъ, лежалъ на кровати еще не раздѣвшись, можетъ быть, дремалъ; вдругъ онъ въ страшномъ испугѣ всталъ и сказалъ товарищамъ, что сію минуту видѣлъ Лебедева, явившагося ему и сказавшаго, что его похоронили живого; говорили, что тогда же Лебедевъ являлся эконому академіи и ректору, видѣвшему его въ своей передней комнатѣ и чрезвычайно испугавшемуся, и что, когда дежурный старшій поутру приходилъ къ ректору, онъ спрашивалъ у него, что у васъ тамъ говорятъ о явленіи Лебедева, и прибавилъ: „если еще кто увидитъ Лебедева, то пусть скажетъ ему: запрещаю тебѣ именемъ Господа Іисуса Христа являться".

VIII.

Первая моя проповѣдь и моя болѣзнь.—Павскій.—Ректоръ Григорій.—Кочетовъ.—Марковъ.—Назаровъ.—Іоаннъ.—Смарагдъ.—Игнатій.—Левитскій.

На первой трети богословскаго курса намъ назначили писать проповѣдь. Я только что сталъ знакомиться съ богословскими предметами; въ семинаріи же не слушалъ еще Гомилетики, и потому для меня труденъ былъ этотъ родъ сочиненія; притомъ товарищи смущали меня, говоря, что написать академическую проповѣдь и для нихъ нелегко по причинѣ строгой критики профессора. Предварительно требовалось составить планъ проповѣди и представить его на исправленіе инспектору, что я, поломавши голову, исполнилъ, какъ умѣлъ. По исправ-

леніи плана, я составилъ и самую проповѣдь и началъ уже ее переписывать, какъ вдругъ почувствовалъ нестерпимую боль въ головѣ и пошелъ въ больницу, гдѣ открылась у меня нервная горячка столь сильная, что академическій врачъ не надѣялся, чтобы я ее перенесъ; но Богъ меня помиловалъ: кризисъ совершился благополучно, я сталъ мало-по-малу поправляться, но оглохъ и долго не могъ подняться на ноги. Ректоръ приказалъ старшему номерному не принимать меня изъ больницы, пока я не выздоровѣю совершенно. Такимъ образомъ, я пробылъ въ больницѣ девять недѣль, чрезъ что пропустилъ не мало лекцій; пришлось опять много трудиться, но укрѣпившіяся мои силы позволили мнѣ переносить эти труды. Вторая моя проповѣдь далась мнѣ легче. Перешагнувъ этотъ камень преткновенія, мнѣ легче стало проходить курсъ академическихъ наукъ, и жизнь моя въ академіи текла благополучно безъ всякихъ непріятныхъ для меня приключеній до самаго окончанія моего курса. Теперь запишу мои воспоминанія о нѣкоторыхъ моихъ наставникахъ.

Премьеръ перваго курса петербургской духовной академіи знаменитый Герасимъ Петровичъ Павскій, получившій уже докторскій крестъ, къ сожалѣнію, не читалъ намъ ни одного изъ богословскихъ предметовъ, а преподавалъ только еврейскій языкъ, толкуя о халдеизмахъ, часто встрѣчающихся въ книгахъ ветхаго завѣта; но изъ этой премудрости я ровно ничего не могъ понимать. Впрочемъ, мы читали нѣкоторыя богословскія лекціи Павскаго, составленныя для студентовъ петербургскаго университета, и увлекались новизною его взглядовъ въ прекрасной статьѣ о религіи. Говорили, что, когда по окончаніи перваго курса, начальство академіи и самъ митрополитъ уговаривали Павскаго вступить въ монашество, онъ рѣшительно отвѣчалъ, что хочетъ обабиться, и вскорѣ женился на дочери бѣднаго старообрядческаго священника, съ которою былъ счастливъ, хотя не на долго; имѣлъ отъ нея двухъ дочерей, которыхъ самъ воспитывалъ. Одинъ мой товарищъ бывалъ въ домѣ Павскаго и говорилъ о немъ, какъ о добрѣйшемъ человѣкѣ, довольно веселомъ, общительномъ и простосердечномъ до наив-

ности. Будучи уже священникомъ съ магистерскимъ крестомъ, Павскій, пріѣхавъ однажды въ гости къ одному гвардейскому священнику и увидѣвъ на дворѣ снѣжную горку, съ которой дѣти катались на подушкѣ отъ кресла, всталъ съ саней и не заходя еще въ домъ, побѣжалъ на горку и съ нея скатился.

Ректоръ нашъ, Григорій Постниковъ, по академіи былъ товарищемъ Павскаго и по списку выпущенъ третьимъ; вступивъ въ монашество, онъ назначенъ былъ бакалавромъ по каѳедрѣ богословія и инспекторомъ академіи и въ этомъ званіи прежде всѣхъ своихъ товарищей получилъ степень доктора богословія за свои обширныя и глубокія познанія. Въ наше время онъ былъ уже викарнымъ епископмъ ревельскимъ и въ этомъ санѣ преподавалъ намъ догматическое богословіе. Долго онъ читалъ намъ введеніе въ эту науку, излагая ходъ ея развитія на востокѣ и западѣ; къ отцамъ церкви онъ выражалъ благоговѣйную вѣру; изъ западныхъ богослововъ онъ предпочиталъ англійскихъ. Хорошо зная англійскій языкъ, перевелъ съ него на русскій извѣстную книгу „Христіанскія изысканія въ Азіи“. Догматику онъ читалъ намъ по своимъ запискамъ, изъ которыхъ двѣ полныя и превосходныя статьи о свойствахъ Божіихъ и о трехъ лицахъ Божества напечатаны были въ Христіанскомъ чтеніи. Это былъ первый въ Россіи духовный журналъ, которому Григорій положилъ основаніе и въ которомъ много писалъ. Въ лекціяхъ рѣчь Григорія была проста, тяжеловата, но ясна, положительна и опредѣлительна. Онъ говорилъ медленно, устремляя глаза на слушающихъ. Прослушавъ его лекцію, продолжавшуюся по тогдашнему 2 часа, мы, выходя изъ класса, такъ хорошо знали ее наизусть, что не находили надобности изучать ее впослѣдствіи. Григорій не любилъ витіеватости и краснорѣчія въ сочиненіяхъ, требуя только ясности и основательности. Онъ однажды сказалъ намъ: „слава Богу, что знаменитый нашъ проповѣдникъ сталъ писать проще“.

Я помню, какъ въ рѣчи своей при гробѣ митрополита Михаила Григорій въ самыхъ простыхъ, но сильныхъ и трогательныхъ словахъ выразилъ глубокую скорбь объ утратѣ этого святителя, котораго онъ душевно чтилъ и уважалъ. Оригинально

было его слово въ храмовой академическій праздникъ въ день двѣнадцати апостоловъ. Въ концѣ литургіи, вышедши изъ царскихъ вратъ съ посохомъ къ аналою, на которомъ лежало евангеліе, онъ раскрылъ его и прочиталъ слова: „вы есте соль земли" и проч.; потомъ, обратившись къ студентамъ, окончившимъ курсъ, сказалъ имъ, что и они подобно апостоламъ посылаются на проповѣдь просвѣщать духовное юношество; что и имъ на этомъ поприщѣ предлежатъ свои труды и подвиги; что на нихъ возлагаются великія обязанности и надежды. „Какія это обязанности и какъ онѣ должны быть вами исполняемы— сказалъ онъ, о томъ довольно вамъ преподано. Исполните ваши обязанности и наши надежды словомъ и дѣломъ",—и тѣмъ заключилъ свое поученіе, которое по формѣ могло быть только приступомъ къ проповѣди. Григорій, какъ въ жизни своей, такъ и въ обращеніи съ людьми, какого бы состоянія они ни были, былъ одинаково простъ. Извѣстнаго, знаменитаго митрополита литовскаго Іосифа, прибывшаго, кажется, въ Москву на коронацію, онъ при встрѣчѣ спросилъ: „а вы зачѣмъ пріѣхали?" Когда Іосифъ передалъ этотъ вопросъ Филарету, послѣдній сказалъ: „Григорій хотѣлъ выразиться какъ можно проще, а вышло грубо". Съ простотою и прямотою характера у Григорія соединялась какая-то безыскусственная, какъ бы прирожденная его личности, важность: важенъ онъ былъ и передъ студентами и въ кругу профессоровъ, между которыми были соученики его по первому курсу; впрочемъ, къ Павскому, премьеру своего курса, онъ относился съ нѣкоторымъ почетомъ: во время экзаменовъ по языкамъ онъ сажалъ его подлѣ себя, поручая ему спрашивать студентовъ и оцѣнивать ихъ отвѣты. Всегда важный и всѣми уважаемый, епископъ Григорій былъ величественъ, когда въ церкви совершалъ священнодѣйствіе. Бывшій въ Петербургѣ на чредѣ священнослуженія ректоръ черниговской духовной семинаріи архимандритъ Іеронимъ, сказывалъ мнѣ, что когда ему случалось служить съ Григоріемъ литургію, ему представлялось, будто онъ видитъ предъ собой священнодѣйствующаго Василія Великаго. Серьезный и величавый по виду, Григорій чуждъ былъ холоднаго эгоизма и мел-

кой взыскательности; къ намъ онъ былъ снисходителенъ безъ потачки, ко всѣмъ былъ добръ не на словахъ, а на дѣлѣ; сострадателенъ къ страждущимъ: студентамъ, обращавшимся къ нему за помощью, ихъ роднымъ, потерпѣвшимъ то или другое несчастіе, онъ помогалъ изъ своего кармана; одному студенту по случаю выдачи сестры за мужъ онъ оказалъ отъ себя щедрыя пожертвованія; иногда ходатайствовалъ за студентовъ у министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицына и получалъ отъ него для нихъ вспоможеніе. И моей матери, по случаю чрезвычайнаго голода въ нашей черниговской губерніи, онъ исходатайствовалъ у него сто рублей. Когда Григорій, будучи уже архіереемъ, на выносѣ одного важнаго покойника получилъ за погребеніе деньги, то возвратившись въ академію, тотчасъ призвавъ къ себѣ дежурнаго старшаго и вручивъ ему тѣ деньги, велѣлъ купить въ библейскомъ обществѣ для всѣхъ студентовъ по экземпляру библіи. Подъ ректурою Григорія, благодаря его гуманности и благотворному вліянію, жизнь наша въ академіи текла тихо и спокойно. Не чувствуя надъ собою стѣсняющаго давленія отъ начальства, какъ бы предоставленные самимъ себѣ, подъ наблюденіемъ только комнатныхъ старшихъ за порядкомъ, мы вели себя благопристойно, потому что не знали праздности, постоянно занимаясь своимъ дѣломъ, соревнуя другъ другу и думая только о благоуспѣшномъ продолженіи и окончаніи нашего курса. Мы боялись какими-нибудь неприличными выходками огорчить нашего ректора, цѣня его отеческое о насъ попеченіе. Мы никогда не жаловались на приготовляемую для насъ въ академіи пищу. Григорій самъ посылалъ дежурнаго старшаго по комнатамъ нашимъ узнавать, какого мы желаемъ улучшенія въ столѣ нашемъ.

Держась строго охранительнаго начала касательно церковныхъ постановленій, онъ однако жъ по докладу нашего врача о томъ, что студенты при усиленныхъ занятіяхъ заболѣваютъ отъ постной пищи, испросилъ у митрополита разрѣшеніе слабосильнымъ студентамъ давать во время постовъ скоромную пищу, разумѣется, исключая первой и послѣдней недѣли

великаго поста. Но въ догматическихъ своихъ убѣжденіяхъ касательно вѣры и православія, Григорій былъ стоекъ, непреклоненъ и неуступчивъ предъ кѣмъ бы то ни было. Было обстоятельство, когда онъ, будучи уже петербургскимъ митрополитомъ, въ синодѣ безбоязненно противился незаконнымъ притязаніямъ оберъ-прокурора. Сколь достопочтенна была личность Григорія, показываетъ отзывъ Филарета, который въ одномъ изъ писемъ своихъ говоритъ о немъ: „хотя Григорій и ученикъ мой, но и мнѣ есть чему отъ него поучиться". Вообще, будучи строгъ болѣе къ самому себѣ, чѣмъ къ другимъ, желая всѣмъ дѣлать добро и во всѣхъ видѣть доброе, Григорій во взглядахъ своихъ бывалъ одностороненъ и довѣрчивъ, отчего иногда ошибался въ людяхъ и ошибки свои самъ сознавалъ.

Соученикъ Павскаго, протоіерей Акимъ Семеновичъ Кочетовъ, ординарный профессоръ исторіи, преподавалъ намъ, въ низшемъ отдѣленіи, русскую исторію по своимъ запискамъ, а въ высшемъ отдѣленіи церковную исторію по печатному руководству, составленному Иннокентіемъ Пензенскимъ, исправленному и дополненному имъ самимъ. Это былъ нашъ самый любимый профессоръ. Мы съ особеннымъ удовольствіемъ слушали превосходныя лекціи его, особенно, когда онъ съ нами проходилъ эпоху папъ, тогда онъ былъ особенно краснорѣчивъ и увлекателенъ. Въ обоихъ отдѣленіяхъ я пользовался его особеннымъ вниманіемъ и благоволеніемъ, за что питаю къ нему въ душѣ моей живѣйшую признательность. Служа при академіи, Кочетовъ одновременно преподавалъ богословіе въ царскосельскомъ лицеѣ и тамошнія свои лекціи напечаталъ подъ заглавіемъ: „черты дѣятельнаго христіанскаго ученія", за которыя получилъ степень доктора богословія.

Гомилетику намъ читалъ молодой бакалавръ іеромонахъ магистръ Павелъ Марковъ. Не смотря на то, что со студенческой скамьи онъ недавно пересѣлъ на каѳедру преподавателя, тѣмъ не менѣе онъ былъ на своемъ мѣстѣ. Лекціи, имъ составляемыя, были разумны и поучительны и излагались въ строгомъ порядкѣ, ясно и послѣдовательно. На немъ лежала обязанность исправлять составляемыя нами расположенія мыс-

лей для сочиненія по нимъ проповѣдей. Эту обязанность онъ исполнялъ съ строгою критикой. Самонадѣянный и раздражительный товарищъ нашъ Назоровъ, будучи недоволенъ замѣчаніями бакалавра, пришелъ въ его квартиру и началъ съ нимъ спорить, вѣроятно, дерзко; бакалавръ разсердился и разорвалъ его тетрадь. Назоровъ побѣжалъ къ ректору, не говоря ни слова подалъ ему клочки тетради и не вдругъ отъ злости могъ высказать свою жалобу. Ректоръ успокоилъ его, а бакалавру сдѣлалъ замѣчаніе. Продолжу мои воспоминанія о Назоровѣ, чтобы уже болѣе къ нему не возвращаться. Назоровъ по характеру своему былъ чрезвычайно самолюбивъ, самоувѣренъ и, при раздражительности своей, злопамятенъ; при малѣйшей непріятности, полученной имъ отъ товарища, онъ злостно отъ него отоворачивался и долго съ нимъ не говорилъ. Такія нравственныя качества его извѣстны были только намъ, а предъ начальствомъ онъ всегда велъ себя сдержанно, исключая вышеизложенной его выходки противъ бакалавра. Отличныя его способности и успѣхи особенно выдвинули его на окончательномъ испытаніи, послѣ котораго онъ выпущенъ вторымъ магистромъ и назначенъ инспекторомъ и профессоромъ въ какую-то семинарію. Это еще болѣе усилило его самолюбіе. На службѣ онъ повелъ себя гордо и своевольно, надѣлалъ дерзостей мѣстному архіерею и, самовольно оставивъ должность свою, уѣхалъ въ Петербургъ; здѣсь приняли его снисходительно и даже съ участіемъ, оставили при академіи, давъ ему какое-то порученіе, и, можетъ быть, сдѣлали бы бакалавромъ, но онъ и здѣсь долго не удержался; по какому-то капризу, не сказавшись никому, онъ уѣхалъ въ свою родную Кострому, гдѣ, не имѣя никакой службы, сталъ пить и потомъ бродить съ мѣста на мѣсто; претерпѣвая нищету, просилъ денегъ у земляка своего и товарища архіепископа Арсенія, котораго въ академіи часто огорчалъ и даже презиралъ. Чрезъ 15 лѣтъ послѣ моей съ нимъ разлуки онъ написалъ мнѣ письмо, въ которомъ жаловался на несчастную судьбу свою, говоря, что термометръ его жизни дошелъ до точки замерзанія, что съ горя хотѣлъ было поступить въ монахи, чему что-то помѣшало, въ заключеніе просилъ и у меня денегъ.

При одномъ взглядѣ на конвертъ письма, адресованный его рукою, мнѣ вспомнился испугъ, причиненный имъ мнѣ въ академіи. Но какъ я былъ пораженъ, когда дней чрезъ 10, по полученіи письма, онъ самъ лично явился ко мнѣ! Взглянувъ на него, я въ ту же минуту почувствовалъ припадокъ, прежде повторявшійся вслѣдствіе моего испуга. Онъ предсталъ предо мною въ самомъ жалкомъ видѣ, почти въ рубищѣ. Принявъ его, какъ товарища, я сталъ разспрашивать о его несчастіи, а онъ умолялъ меня не любопытствовать и ничего не говорить съ нимъ объ академіи, прибавивъ, что онъ теперь уже не тотъ, чѣмъ былъ прежде. Онъ пришелъ ко мнѣ за тѣмъ, чтобы я посодѣйствовалъ ему въ какомъ-нибудь домѣ сдѣлаться учителемъ дѣтей. На другой день послѣ его прибытія, я снабдилъ его кой-какой одеждою, предлагалъ деньги, но онъ отъ нихъ отказался, вѣроятно, боясь распиться. Я отправилъ его къ одному знакомому помѣщику, къ которому онъ пошелъ пѣшкомъ и у котораго нѣсколько времени училъ дѣтей такъ, что имъ были очень довольны, но распившись, потерялъ и это мѣсто; отсюда Назоровъ куда-то побрелъ, и что съ нимъ потомъ сталось—не извѣстно. Такъ погубилъ самъ себя человѣкъ, щедро надѣленный дарами природы, но несчастный по своему характеру.

Самую большую и существенную пользу въ составленіи нами проповѣдей оказалъ намъ инспекторъ академіи архимандритъ, впослѣдствіи архіепископъ новочеркасскій, докторъ богословія Іоаннъ Доброзраковъ, отличный проповѣдникъ. Онъ обыкновенно вечеромъ призывалъ въ свою квартиру студента, написавшаго проповѣдь, и съ нимъ, иногда до полуночи, занимался ея исправленіемъ, строго критикуя ее по всѣмъ правиламъ герменевтики, логики и словесности, порицая излишнее риторство и фразерство, въ особенности игру размашистой фантазіи, и требуя порядка въ мысляхъ и чистоты языка. Часто окритикованную такимъ образомъ проповѣдь онъ заставлялъ студента вновь передѣлать и представить ему на исправленіе.

Для слушанія лекцій по предмету чтенія священнаго писанія всѣ студенты обоихъ отдѣленій собирались въ одинъ

классъ. Этотъ предметъ со времени поступленія моего въ академію читалъ бакаларъ іеромонахъ Смарагдъ, который впослѣдствіи занималъ архіепископскія каѳедры въ разныхъ епархіяхъ и наконецъ былъ архіепископомъ рязанскимъ. Дѣльными его лекціями мы всѣ были довольны. Разсказывали о его странныхъ, причудливыхъ поступкахъ, когда онъ былъ архипастыремъ, но мы знали его только какъ добраго человѣка и разумнаго преподавателя; намъ не нравилось только его особенное пристрастное отношеніе къ нѣкоторымъ изъ нашихъ товарищей студентовъ. Одному изъ любимыхъ имъ студентовъ IV курса, посредственному по успѣхамъ, онъ написалъ проповѣдь, которая, конечно, была очень хороша и назначена для напечатанія въ опытѣ студенческихъ сочиненій. Товарищи, не любившіе этого студента, отыскали собственноручную рукопись Смарагда и представили ректору Григорію, который тотчасъ велѣлъ взять проповѣдь изъ типографіи, а Смарагду далъ такую головомойку, что онъ нѣсколько времени ходилъ, какъ помѣшанный.

Былъ у насъ еще одинъ бакалавръ, іеромонахъ Игнатій, впослѣдствіи архіепископъ Воронежскій, который по своимъ знаніямъ могъ бы принести студентамъ дѣйствительную пользу, но вмѣсто того онъ только возбудилъ противъ себя ихъ нерасположеніе. Изъ этого вышла цѣлая исторія. Игнатій не получилъ академическаго образованія, окончилъ только курсъ въ архангельской семинаріи и тамъ былъ учителемъ греческаго языка, который онъ зналъ основательно. Когда въ академіи потребовался особый преподаватель греческаго языка въ низшемъ отдѣленіи, то бывшій, прежде Іоанна, инспекторъ Наѳанаилъ рекомендовалъ земляка своего Игнатія и онъ былъ вызванъ въ академію преподавать греческій языкъ. Въ скоромъ времени онъ былъ сдѣланъ магистромъ по экзамену въ закрытой конференціи. Затѣмъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Игнатій, какъ магистръ, сдѣланъ бакалавромъ по предмету чтенія священнаго писанія.

Вотъ тутъ-то и открылась вся его непригодность. Когда онъ началъ составлять и читать свои лекціи студентамъ, лекціи были не что иное какъ безпорядочныя выписки изъ тол-

ковниковъ священнаго писанія, изложенныя какимъ-то тарабарскимъ языкомъ, который мы назвали языкомъ Телемахиды. Къ счастію, Игнатій недолго томилъ насъ своими наставленіями; вскорѣ вызванъ былъ изъ московской академіи отличный бакалавръ Азбукинъ, въ которомъ мы имѣли преподавателя, достойнаго всякаго уваженія. Но отъ Игнатія мы все-таки не избавились. Ректоръ Григорій, много занятый своими обязанностями по академіи, по званію викарія и по дѣламъ коммиссіи духовныхъ училищъ, самъ уже не могъ преподавать намъ догматическаго богословія и передалъ свои записки Игнатію, чтобы онъ продолжалъ по нимъ читать намъ лекціи. Ничего не было-бы для насъ непріятнаго, еслибы Игнатій былъ только чтецомъ. Но онъ сталъ пускаться въ объясненія, которыя были для насъ не нужны, многіе изъ насъ лучше его знали догматику; болѣе смѣлые и бойкіе стали дѣлать ему возраженія, которыхъ онъ не въ состояніи былъ опровергнуть, горячился и приходилъ втупикъ. Но среди товарищей нашихъ оказался его горячій защитникъ, студентъ Левицкій, изъ новгородскихъ семинаристовъ, весьма способный и съ крѣпкой головой. Еще въ низшемъ отдѣленіи онъ былъ замѣченъ въ вольномысліи, за что мы и называли его внукомъ Марфы Посадницы. Начальство стало понижать его въ спискахъ. Левицкій сталъ осторожнѣе и, зная, что Игнатій пользуется расположеніемъ Григорія, началъ къ Игнатію подлаживаться и угодилъ ему своею защитою противъ нашихъ возраженій.

Послѣ чтенія догматики намъ положено было слушать каноническое право, которое въ академіи до того времени не преподавалось. Вѣроятно, между бакалаврами не было специалиста преподавателя этой науки, Игнатій же не имѣлъ тогда опредѣленнаго занятія, и Григорій поручилъ ему читать намъ каноническое право. Такимъ образомъ Игнатій явился уже самостоятельнымъ между бакалаврами преподавателемъ, яко Саулъ во пророцѣхъ. Опять, только еще съ большею ревностью, сталъ онъ морочить наши головы своими лекціями; лекціи эти наполнены были длинными выписками изъ отцевъ церкви безъ всякаго систематическаго порядка и украшены фразеологіею.

Мы пытались было приводить въ порядокъ эти несвязные отрывки, но такъ какъ изъ нихъ не выходило ничего путнаго, то согласились между собою выучивать Игнатіевскія лекціи слово въ слово, что и нетрудно было сдѣлать намъ, потому что, часто глумясь надъ ними, мы ихъ затверживали. Цѣлью нашего умысла было то, чтобы на ревизорскомъ экзаменѣ показать Филарету нелѣпость лекцій Игнатія. Но прежде нежели пришло время, когда мы могли сдѣлать такую непріятность Игнатію, ему представился удобный случай и онъ имъ воспользовался, чтобы причинить намъ досаду. Между тѣмъ Левицкій болѣе и болѣе приходилъ въ фаворъ у Игнатія, а этотъ рекомендаціями своими поселялъ въ Григоріи лучшее объ немъ мнѣніе. Время приближалось къ окончанію нашего курса; нужно было выбрать изъ студенческихъ сочиненій лучшее для напечатанія въ опытахъ. Григорій въ это время заболѣлъ и не могъ сдѣлать выборъ, а потому поручилъ его Игнатію съ тѣмъ, чтобы онъ выбранное сочиненіе исправилъ. Игнатій не задумался отдать предпочтеніе разсужденію Левицкаго объ Ангелѣ Хранителѣ, тогда какъ были другія сочиненія лучшихъ студентовъ превосходнѣе. Игнатій, исправляя трудъ Левицкаго, совсѣмъ его испортилъ.

Тогда Григорій увидѣлъ свою ошибку и упросилъ инспектора Іоанна какъ нибудь исправить испорченное дѣло. Іоаннъ раздѣлялъ вполнѣ наше негодованіе на Игнатія. Три товарища наши, посвященные въ монашество, обѣдавшіе вмѣстѣ съ инспекторомъ и другими монашествующими бакалаврами, говорили намъ, что за столомъ Іоаннъ часто вступалъ въ богословскіе споры съ Игнатіемъ и, какъ philosophus in utramque partem, сбивалъ его съ толку, то заставляя его согласиться съ своимъ мнѣніемъ, то доказывая несправедливость этого мнѣнія, котораго Игнатій не умѣлъ опровергнуть. Получивъ отъ Григорія сочиненіе Левицкаго для исправленія, онъ разсердился на Игнатія и спрашивалъ его: зачѣмъ онъ взялся не за свое дѣло, котораго совсѣмъ не разумѣетъ? Игнатій въ защиту свою только очвѣчалъ ему: „вскую совѣсть моя судится отъ иныя совѣсти.“ За всѣмъ тѣмъ Іоаннъ поправилъ разсужденіе Левицкаго

и оно было напечатано и читано самимъ Левицкимъ на публичномъ экзаменѣ предъ многочисленною публикою, что пріобрѣло ему карьеру. Но этою карьерою Левицкій воспользовался не къ добру. По окончаніи курса со степенью магистра, онъ былъ назначенъ инспекторомъ и профессоромъ философіи въ Орловскую Семинарію; тамъ вскорѣ предался пьянству, распоилъ пріѣхавшаго съ нимъ туда учителемъ товарища своего Вязнина и въ бѣлой отъ пьянства горячкѣ зажегъ Семинарскій домъ, а себя зарѣзалъ. Видно, несчастный не подумалъ объ ангелѣ хранителѣ, о которомъ написалъ разсужденіе въ академіи. Но обращусь послѣ этого непріятнаго эпизода къ воспоминаніямъ о нашемъ окончательномъ экзаменѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письма Г. Ф. Квитки къ А. А. Краевскому.

Въ августовской книжкѣ нашего журнала было высказано нами желаніе, чтобы поступившія въ 1889 г. въ собственность Императорской Публичной Библіотеки 14 писемъ Григ. Федор. Квитки къ А. А. Краевскому были опубликованы, какъ имѣющія значеніе біографическое и историко-литературное. Въ отвѣтъ на это наше желаніе, мы получили отъ директора Императорской Публичной Библіотеки, Аѳанасія Ѳедоровича Бычкова, копіи этихъ 14 писемъ съ любезно предоставленнымъ намъ правомъ помѣстить ихъ на страницахъ „Кіевской Старины", за что считаемъ долгомъ своимъ принести ему сердечную нашу благодарность.

Письма эти, писанныя въ промежутокъ времени между 21-мъ октября 1839 г. и 13 іюня 1843 года, представляютъ интересъ, какъ увидятъ читатели, не только потому, что ими кое-что дополняется и освѣщается въ жизни и дѣятельности самого Г. Ф. Квитки, но еще болѣе потому, что въ нихъ затрогиваются многія стороны въ издательствѣ „Отечественныхъ Записокъ" А. А. Краевскаго, равно какъ и вообще въ жизни русской журналистики и разныхъ литературныхъ партій съ ихъ направленіями. Оставляя пока въ сторонѣ заботу о всевозможныхъ выводахъ и обобщеніяхъ изъ этихъ писемъ, что можетъ составить предметъ особой статьи,—мы ограничимся теперь опубликованіемъ этого матеріала, очень интереснаго и безъ комментаріевъ, и только снабжаемъ его ближайшими библіографическими справками.

1.

Милостивый Государь Андрей Александровичъ! Благодарю васъ за все лестное, изложенное въ письмѣ, коимъ вы почтили меня. Отзывомъ своимъ вы предупредили меня, чего мнѣ не хотѣлось, и я все собирался благодарить васъ за всѣ ваши труды и за доставляемое намъ удовольствіе; но на сборахъ и сѣлъ, а вы меня и предупредили. Какъ понялъ сначала и какъ нашелъ вашъ журналъ, подробно излагалъ въ письмѣ когда то къ Евгенію Павловичу [1]). И теперь чѣмъ далѣе идетъ дѣло, тѣмъ болѣе вижу, что вы ни на шагъ отъ цѣли своей. Да укрѣпитъ васъ Богъ! „слѣдуя достигнешъ", а благодарности вамъ отъ такого рода людей, отъ коихъ вы ожидаете ее—навсегда останется. Жалкіе писки нетопырей, прозирающіе отблескъ свѣта и отъ того предвидящіе, что уродливость ихъ обнаружится, конечно должны усиливаться, въ надеждѣ, что они могутъ заглушить проявляющійся свѣтъ. Жалки они, но несносны своимъ пискомъ и (тѣмъ) болѣе, что ожидаешь услышать среди тишины—ну хоть чириканіе воробушка, какъ вдругъ слухъ поражается кваканіемъ лягушекъ, карканіемъ воронъ, старающихся увѣрить, что они то и есть соловьи и канарейки; силятся заглушить визгомъ, пискомъ, кваканіемъ настоящихъ пѣвчихъ птицъ, коихъ слушалъ бы съ удовольствіемъ. Несносно! Вы скажете, „пускай себѣ визжатъ, они не заглушатъ пѣнія". Такъ точно, но каково слушателямъ, коихъ уши страдаютъ? Благая цѣль ваша авось либо загонитъ ихъ въ болото. Общее желаніе.

Благодарю за устроеніе моихъ счетовъ. Бывъ въ другихъ обстоятельствахъ, мои условія были бы другаго рода.

Я пишу всегда прямо и черноваго нѣтъ у меня, я его высылаю, какъ вы и видите изъ моихъ тетрадокъ; рѣдко перечитываю. „Головатаго" [2]) не имѣлъ времени пересмотрѣть и потому боюсь, чтобы въ именахъ не надѣлалъ путаницы. Въ статьѣ другаго рода оно бы ничего, а тутъ жаль мнѣ будетъ самому

---

[1]) Гребенкѣ.

[2]) Головатый (матеріалъ для исторіи Малороссіи). Историческая монографія напечатанная въ Отечеств. Зап. 1839 г. т. 6.

на себя. Узнавъ, что статья поступила къ вамъ, я тотъ же часъ писалъ къ Евгенію Павловичу, прося его провѣрить имена, но, кажется, опоздалъ. Если съ сей стороны что мною наврано, потрудитесь, гдѣ при случаѣ, оговорить. Желая изобличить кривыя сужденія, я со всею готовностью, доставлялъ бы вамъ статьи, но все то, что во время досуговъ написалось, все то отправилъ на дружеское, безпристрастное разсмотрѣніе и обсужденіе. Теперь, увлекаемый одобрительными отзывами вашими и другихъ, пишу Халявскаго [1]), всю жизнь или эпохи жизни его сравниваю съ теперешними обычаями. Но за всѣмъ тѣмъ, буду урывать время, написать что и особенное для вашего журнала по желанію вашему. Не однимъ исполненіемъ обязанности своей, гг. сотрудники ваши должны заграждать уста дерзко квакающихъ на нихъ, но пора бы всѣмъ имъ (или значительному числу и полновѣснымъ изъ нихъ) шикнуть на нихъ серьезно, какъ на шалостливыхъ уличныхъ ребятишекъ, авось-либо унялись-бы? Дерзость выше мѣры, затрогивать такъ людей съ именемъ, съ извѣстностію, съ славою, и кому же? По крайней мѣрѣ я такъ понимаю это дѣло и полагаю, что грубая дерзость ихъ требуетъ уже наконецъ ускромленія. Я не читаю ихъ выходокъ равнодушно; сильное негодованіе овладѣваетъ мною за всѣхъ, кого они смѣютъ затрогивать—и все жду имъ урока, жду тщетно, къ прискорбію! В. А. Владиславлевъ просилъ у меня статьи именно для Лит. прибавленій. Я предназначалъ туда: „Вотъ тебѣ и кладъ [2]), потому что г. Луганскій въ первомъ № прибавленій помѣстилъ сказку о кладѣ, разсказываемую у нихъ и сходную съ разсказомъ Основьяненка. Я полагалъ, что въ тѣхъ же листахъ прилично было бы и мой разсказъ, на который онъ ссылался, помѣстить; но это совершенно остается въ вашей волѣ, гдѣ угодно будетъ вамъ его помѣстить. Пріймите повтореніе увѣренія о большой къ вамъ благодарности за полезные

---

[1]) Панъ Халявскій. Романъ въ 2 хъ томахъ; напечатанъ въ Отечеств. Зап. 1839 г. т. 4-й только 1-й томъ, а 2-й вошелъ въ отдѣльное изданіе, вышедшее въ 1840 г.

[2]) Малорусскій подлинникъ напечатанъ въ собраніи повѣстей (1834—37 гг.), а русскій переводъ—въ Литературной Газетѣ 1839 г.

труды ваши и увѣренія, что я всегда и всѣмъ готовъ содѣйствовать имъ и что ни въ какомъ случаѣ не уклоняюсь отъ обязанности моей, высылая, по мѣрѣ возможности, что напишется и будетъ годно для такого журнала. Вѣрьте также и душевному уваженію, питаемому къ вамъ съ душевной преданностію покорнѣйшаго вашего слуги Григорія Квитки.

21 октября 1839. Харьковъ.

Г-нъ Гамазовъ усладилъ меня бесѣдою въ теченіе только нѣсколькихъ часовъ, сообщая мнѣ, что у васъ въ Петербургѣ подѣлывается *по нашей* части. Онъ поручилъ мнѣ передать вамъ его поклонъ, но я долго времени продержалъ его. Изъ Одессы располагалъ писать къ вамъ, а здѣсь не успѣвалъ.

2.

Милостивый государь Андрей Александровичъ! Съ сею почтою получилъ я письмо отъ П. А. Плетнева; къ величайшему удивленію моему, онъ пишетъ, что не имѣетъ еще отъ васъ денегъ, слѣдовавшихъ мнѣ. Это меня много разстроиваетъ. Убѣдительнѣйше прошу успокоить меня съ сей стороны. Затѣмъ если угодно вамъ помѣщать мои статьи въ журналахъ вашихъ, скажите со всею откровенностію, съ какою я и мыслю объ васъ и отношусь къ вамъ: какую цѣну вы полагаете за мои піески? Отъ листа-ли это печатнаго будетъ, или отъ *штуки*; что мнѣ кажется не удобно: однимъ словомъ, скажите рѣшительно и я доставлю вамъ что нибудь, чѣмъ, быть можетъ, понравимся читателямъ вашимъ. Двѣ, три готовы. И для какого именно журнала? Прямоты, чистосердечія, искренности и добраго расположенія вашего проситъ уважающій васъ и благодарный за труды ваши Григ. Квитка.

Если не въ тягость вамъ передать Евгенію Павловичу мой поклонъ. Молчаніе его поселяетъ мысль, не въ Малороссію-ли укатилъ? Да не забудетъ-же Основьяненка. Борщъ, вишневка, вареники и панночки—всѣ прелести наши—ожидаютъ его.

28 февраля. 40. Харьковъ.

3.

Милостивый государь Андрей Александровичъ! За разлитіемъ водъ и безпутицею, письмо ваше отъ 17 марта получилъ

я только 31-го и скорблю, что отвѣтъ мой замедлится. Все повѣренное вами принялъ съ искреннимъ участіемъ, душею болѣзнуя читалъ и скрою его навсегда отъ всѣхъ и каждаго. Горько положеніе ваше! Неумѣстны будутъ всѣ мои „зачѣмъ"... коими, платя за откравенность вашу, имѣлъ бы право осыпать васъ—и потому лучше молчать о томъ, что случилось, и болѣе потому, что нечѣмъ исправить. Самое полновѣсное изъ всѣхъ „зачѣмъ" было бы „зачѣмъ довѣрять подпискамъ безъ существеннаго? Но о всѣхъ судитъ каждый по себѣ... и не допускаетъ никакой недовѣрчивости, не постигая о возможности уклониться отъ слова. Конечно, тяжелъ вамъ этотъ годъ, но какъ високосный, какъ 40-й унесетъ съ собою все непріятное навсегда! Да успокоитъ васъ Богъ и да подкрѣпитъ силы ваши пройти бодро чрезъ всѣ непріятности! Трудно, тяжело вамъ! Вижу васъ, слышу что вы, въ горькіе часы, думаете. Положеніе ваше очень знакомо. И на мнѣ лежала обязанность устроить и вести публичное заведеніе, съ шумомъ и блескомъ основанное обществомъ, члены коего на другой день забыли обѣщаніе платить деньги, а между тѣмъ не оставляли наблюдать за ходомъ дѣла. Все ваше мнѣ знакомо; а потому если не удивляюсь, какъ у васъ постоянно идутъ занятія, такъ скорблю, что, не смотря на состояніе духа и души, вы не можете, хотя на короткое время, оставить, отстранить ихъ и отдохнувъ, поразмысливъ, запастись новыми силами. А что было бы, еслибъ этотъ духъ и эта душа шли на распашку, не стѣсняемые посторонностями и еще горькими?.. Хорошо еслибъ начальствующіе взялись предложить подписку по своимъ мѣстамъ, все было бы хоть что нибудь, но незначительное; вижу здѣсь на мѣстѣ, какъ это все идетъ и къ сожалѣнію кредитъ къ подпискамъ (хотя бы и по такой формѣ) портится всеусерднѣйше, благодаря нѣкоторымъ продолжающимъ усиливать недовѣренность. Почти ни о чемъ уже предлагать не можно. Но попробуйте. Не можно-ли еще прибѣгнуть къ испрошенію помощи свыше, на поддержку, на основаніе, на что знаете и какъ знаете. Лишь бы помогли вамъ вытти изъ теперешняго непріятнаго положенія.—Удивительное дѣло, какъ другимъ сходитъ все съ рукъ! Не далѣе

какъ въ 4-й кн. Сынъ От., сегодня здѣсь полученной, читаю выходку противъ неисправнаго издателя Библ. ром.—и кто же шумитъ? Полевой, грѣшный за исторію, Телеграфъ и, свѣжо, за прошлогодній Сынъ Отеч. и проч. и проч. и проч. кругомъ *обмаравшійся.* Мѣдный лобъ! Я не торгашъ писаньями, что вы могли замѣтить по Халявскому и Головатому. Кромѣ перваго, о второмъ слышу самые лестные отзывы, получаю безъименныя письма изъ Петерб.; говорятъ, что Головатый перлъ журнала и проч., между нами говоря; и я за эти статьи не придерживался постановленныхъ цѣнъ, а безъ всякаго разсчета бывъ обязанъ заплатить 700 р. тамъ на мѣстѣ,—почитая что это не будетъ для васъ обременительно, просилъ уплатить. Надѣясь на очищеніе того долга, я вошелъ въ новые счеты; а когда уже и новаго перешло гораздо, тогда узнаю, что еще и старое лежитъ на мнѣ... Съ тою же откровенностію скажу, что это меня, ну, поставило въ непріятное положеніе въ моихъ отношеніяхъ къ человѣку, съ которымъ до того шло все чисто. Вотъ почему, все мое у него и я не имѣю права располагать уже ничѣмъ. Не для меня, а сякъ-такъ очищу свои счеты съ П. А. Плетневымъ, но для полученія статьи въ журналъ, если бы вы могли ему уплатить, тогда бы все пошло чисто и гладко. Теперь могу-ли я потребовать отъ него какой статьи для васъ, когда онъ ни отъ васъ, ни отъ меня (чего я никакъ не могу сдѣлать) не получитъ уплаты и въ правѣ заключить обо мнѣ, что на мысль придетъ. Согласитесь, что предположеніе мое справедливо и даже въ такомъ случаѣ, когда бы я выслалъ прямо къ вамъ статью. Согласившись на это, видите-ли, въ какомъ я стѣснительномъ положеніи по пламенному желанію содѣйствовать вашему прекрасному, благородному, полезнѣйшему дѣлу!—Въ новыхъ счетахъ у насъ пошло бы чище и глаже. Наприм., можетъ для васъ не такъ тягостно будетъ, совреме-немъ уже, уплачивать мнѣ высылкою періодическихъ изданій на 1841 годъ, книгъ достойныхъ, портретовъ и тому под.? Можетъ у васъ идетъ это обмѣномъ или другимъ неотяготительнымъ счетомъ? О чемъ прошу при случаѣ, чтобъ было заблаговременно, сказать мнѣ откровенно. Не знаю, какъ при-

няты *Украинскіе дипломаты* [1]), но эту статью предполагалъ для васъ; теперь припасаю въ родѣ такомъ же, авось кончится между нами эта непріятность, связавшая меня совершенно въ отношеніи къ Отеч. Записк., всѣми единогласно признаннымъ за журналъ полезнѣйшій, благородный, умный, дѣлающій честь времени—и какому? Искренно желаю, всѣми способами, только возможными для меня, содѣйствовать такой единственой цѣли. Пусть и моя лепта послужила къ составленію богатаго капитала на будущее время; и моя песчинка вошла въ составъ огромной колонны, и теперь постыжающей дѣтскія кучки, и чуть ли еще не навозныя... Благое намѣреніе всегда вѣнчается успѣхомъ. Я на себѣ испыталъ и вижу мое дитя въ блескѣ, въ извѣстности, хотя оно при проходѣ моемъ, не протягиваетъ ко мнѣ руки, не улыбается даже, но я имъ въ себѣ тѣшусь, горжусь... такъ и вы будете вознаграждены и утѣшены. Только мужайтесь, бодрствуйте. Искренно желаетъ вамъ и твердости, и самой скорой перемѣны на самое лучшее уважающій васъ, благодарный и не лестно преданнѣйшій Григорій Квитка.

3 апрѣля 40. Основа.

4.

16 октября 40. Основа.

Милостивый государь Андрей Александровичъ! Страховое ваше письмо я получилъ не такъ скоро, какъ бы слѣдовало, по причинѣ формъ. Благодарю васъ, что вы не измѣнили ко мнѣ добраго своего расположенія. Письмо ваше точно не дошло ко мнѣ, къ моему сожалѣнію. Это и не новость при здѣшнихъ порядкахъ. Благодарю васъ за успокоеніе меня въ счетахъ моихъ съ П. А. Плетневымъ. Теперь я почитаю это дѣло рѣшеннымъ, которое и должно поступить въ архивъ. О новомъ препорученіи вами мнѣ сдѣланномъ, т. е. о написаніи чего-либо въ Отеч. Записки, не знаю какъ быть. Оконченнаго нѣтъ ничего а написать не знаю какъ удосужусь. У насъ были выборы, слѣд. было много заботъ и частые выѣзды, при чемъ я простудился и до сего времени не приду въ силы. Когда соберусь со всѣми

---

[1]) Повѣсть, напечатан. въ Современникѣ 1840 г. № 18-й.

силами, приступлю дописывать вамъ повѣсть. О чемъ тотъ-же день васъ извѣщу и буду просить о высылкѣ газетъ и журналовъ, разсчитывая, что повѣсть—чонка (sic) будетъ объемиста. Она будетъ въ особомъ родѣ. Халявскаго-же не могъ вамъ передать, потому что онъ уже выходитъ цѣлый, какъ видно по объявленіямъ. Попадется на зубки ваши, пощадите его по сердечушку! Позабочусь, чтобы и для вашего журнала написалось бы что интересное, да пора и забастовать. При выборахъ на меня пала должность предсѣдателя уголовной палаты. Тутъ уже не до повѣстей. Писалъ бы, какъ и хотѣлъ больше, но рука не служитъ. Слабъ еще. Все-таки подтверждаю: какъ расположуся, немедленно извѣщу васъ. Не откажите только въ высылкѣ изданій по запискѣ, которую пришлю. А что статья удовлетворитъ васъ въ объемѣ и можетъ быть въ чемъ другомъ, въ томъ надѣюсь.

Будьте одинаковы къ искренно преданнѣйшему Григор. Квиткѣ.

Къ доброму Е. П. Гребенкѣ, уже было и перо взялъ, чтобъ писать, но не здужаю. Съ нетерпѣніемъ жду его Альманаха.—Пусть потрудится спытать Ѳ. А. Кони: „А що добродію! Чи не забули вы що é на свитѣ Основьяненко, може бъ дали яку звистку?" Буду писать къ Евг. Павл. особо, укрѣпляся въ силахъ.

5.

Милостивый государь Андрей Александровичъ! Прочитавъ въ VI кн. Отеч. Записокъ выходки противъ меня, долженъ былъ бы печатно отвѣчать, но найдя въ ней же возраженія противъ написаннаго, улыбнулся и отложилъ, подумавъ, что вы, конечно, не перечитывали всего наполнившаго эту книжку. Въ одной статьѣ (говоря о Ластовкѣ) кричатъ объ открытіи моего настоящаго имени. Оно и не было секретомъ и неоднократно было напечатано; при томъ же это у насъ вообще: коренное прозваніе—одно и рѣдко употребляемое, а другое, данное по отцу, мѣсту жительства или по какому случаю, то остается его собствен. Начавши писать Малорос. повѣсти, все требовало подписать приданное прозваніе, а не собственное, которое противно

нашимъ обычаямъ и многому. Оно употребляется только въ актахъ. Ну, оно бы и ничего, но прочитавши въ той же кн. въ смѣси о *Перепемскомъ* (?) [1]), послѣднія слова, я покраснѣлъ и уже не придумалъ сильнѣе что отвѣчать.

2-е) Пеняя зачѣмъ пишутъ по малорос. и выставляютъ мужиковъ (это въ разборѣ тоже Ластовки), въ другомъ мѣстѣ при разборѣ соч. Жоржъ-Занда хвалятъ ее, что она не избираетъ состояній, а отыскиваетъ человѣка и описываетъ его и проч. Все это прочитавши, согласитесь, мнѣ нечего было возражать; но при всемъ этомъ мнѣ стало жаль, что вы не имѣете досуга перечитывать мелкихъ статей въ вашихъ книжкахъ. На томъ дѣло у меня по этимъ предметамъ и кончилось. Поговоримъ о другомъ. Что бы намъ уже покончить старые счеты, одолжите меня высылкою книгъ по приложенной запискѣ. Тѣмъ смѣлѣе прошу васъ объ этомъ, видя изъ письма вашего, что вы брались удовлетворить меня такого рода предметами. Пересылка книгъ чрезъ почту будетъ не удобна и отяготительна для васъ. Можно отправить чрезъ *контору транспортовъ*, отъ коей исправно все доставляется сюда. Нужно только выслать на мое имя квитанцію конторы, по коей здѣсь выдадутъ мнѣ посылку. Въ сокращеніе переписки по этому предмету скажу вамъ, что г. Плетневъ писалъ ко мнѣ, что денегъ отъ васъ не получилъ. Будьте здоровы. Подвизайтесь на общую пользу. Съ удовольствіемъ слышу, что Отеч. Записк. имѣютъ все больше и больше подписчиковъ. Онѣ того стоятъ.

Преданный вамъ Григорій Квитка.

11 іюля 41. Основа.

Комедія Шельменко-деньщикъ цензурована 1838 года, что ясно видно на книжкѣ, а повѣсть въ 1840-мъ. Слѣд. изъ комедіи сдѣлана повѣсть, а не комедія изъ повѣсти. Опять ошибочное замѣчаніе въ От. Зап. [2]).

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Вѣроятно, слово не разобрано при перепискѣ; не идетъ-ли тутъ рѣчь о повѣсти Квитки „*Перекотиполе?*“

[2]) Идетъ рѣчь о повѣсти „Украинскіе дипломаты“, которую считали первотворомъ для комедіи „Шельменко денщикъ“ (см. соч. Гр. Данилевскаго „Основьяненко“, стр, 124).

Мусинъ-Пушкинскій Сборникъ 1414 г., какъ источникъ для изученія Слова о полку Игоревѣ.

Недавно изданный Вс. Срезневскимъ Мусинъ-Пушкинскій сборникъ 1414 г. въ исправной копіи начала XIX в. (прилож. къ LXXII т. Зап. Имп. Ак. Н.) даетъ намъ поводъ сдѣлать нѣсколько отрывочныхъ замѣчаній относительно характеристическихъ особенностей творческихъ пріемовъ и языка включенныхъ въ него произведеній, постольку, поскольку это можетъ имѣть связь съ поэтическимъ складомъ, символикой и формами Слова о полку Игоревѣ.

Параллельное ему изученіе сборниковъ, подобныхъ Мусинъ-Пушкинскому, крайне необходимо уже потому, что они пользовались громадною популярностью въ древней Руси, преимущественно у лицъ „преизлиха насыщьшемъся сладости книжныя“ (Сб. стр. 36), отличались выдающимися достоинствами и появились, въ начальной редакціи, ранѣе Слова, а потому, естественно, должны были оказать на него большое вліяніе [1]).

Сборникъ Мусинъ-Пушкинскій заключаетъ въ себѣ матеріалъ для сравненія особенно драгоцѣнный, ибо въ основу его легли капитальныя творенія митрополита Иларіона и мниха Іакова, опередившихъ на цѣлое столѣтіе автора Слова о полку Игоревѣ.

Въ составъ Мусинъ-Пушкинскаго Сборника, переписаннаго съ древнѣйшаго списка Матвѣемъ Кусовымъ для Новгородской

---

[1]) Еще большую долю вліянія внесли они въ наши лѣтописи. Напр., описывая построеніе новой церкви св. Богородицы во Владимірѣ-Волынскомъ Мстиславомъ Даниловичемъ, лѣтописецъ повторяетъ буквально слова Иларіона (Ипат. изд. 1871 г., стр. 606).

Софіи въ 1414 г., вошли: 1) „Похвала князю рускому Володимиру“, соч. Іаковомъ мнихомъ, съ прибавленіемъ похвалы св. Ольгѣ и молитвы князя Владиміра; 2) Слово Иларіона о второмъ законѣ, и о благодати и истинѣ, съ добавленіемъ Слова о Христѣ и Адамѣ, и др.; 3) Церковныя пѣснопѣнія: Тропарь св. Владиміру, „Канонъ св. Кюрика и Улиты матере его“ и пр. 4) „ Житие блаженнаго Володимера“; 5) „Мученіе св. Курика и матери его Оулиты“.

Мы не намѣрены входить въ подробное разсмотрѣніе состава изданнаго Вс. Срезневскимъ сборника, содержащаго статьи, которыя составитель его счелъ умѣстнымъ пріурочить къ 15 іюля; для насъ важны запечатлѣнные въ немъ древне-русскіе литературные обычаи, равно какъ отдѣльные обороты, выраженія и слова.

Въ древне-русской литературѣ ярко отражаются впечатлѣнія, производимыя разнообразными явленіями природы; но ни одно изъ этихъ явленій не оставило въ ней такого глубокаго слѣда, какъ „Солнцю-свѣтъ“, т. е. солнечный свѣтъ.

...„Игорю оутрѣпѣ [1]) *Солнцю свѣтъ*“. Сынъ Божій „яко же солнцю свѣтъ снидѣ на землю“,—говорится въ Словѣ о Христѣ и Адамѣ (стр. 43). Героическая тема Слова о полку Игоревѣ—одушевленная борьба тьмы со свѣтомъ; представители солнечной стихіи—князья русскіе, представители мрака—князя половецкіе. Святозарное начало, воплощаясь въ князьяхъ русскихъ, даетъ имъ божественныя свойства, перешедшія по наслѣдству отъ краснаго солнышка Владиміра Святого. Этой солнечной натурой одаренъ былъ и главный герой похода на половцевъ Игорь Святославичъ, „внукъ великаго Трояна“. Тѣсное общеніе Игоря съ солнцемъ видно, между прочимъ, и изъ приведеннаго стиха [2])—Когда солнце затмилось на небѣ, бросивъ зловѣщую тѣнь на дружины сѣверскаго князя, то тотчасъ-же воспрянулъ дьяволъ (дивъ) и поднялъ кличъ, созывая полчища своихъ исчадій—бѣсовъ, которые въ образѣ половцевъ бросились Игорю на встрѣчу со всѣхъ концовъ

---

[1]) Ср. „Возложи *оторопъ* на Адама и у спячего выня ребро“. (Сб. стр. 34).
[2]) Въ другихъ стихахъ Игорь прямо уподобляется солнцу.

обширной половецкой земли. Авторъ поэтической повѣсти переноситъ на дѣйствующихъ въ ней лицъ задолго уже до него сложившееся на Руси и развившееся въ миѳологическую теорію представлѣніе о свойствахъ солнца, какъ силы благотворной, живительной, созидающей и господствующей надъ міромъ, первенствующей по степени своей власти. Образуя зерно языческаго культа, оно, при насажденіи въ Руси христіанской вѣры, пустило новые ростки, приняло библейскую окраску, но въ корнѣ осталось незыблемымъ. Такъ какъ и мниху Іакову, и Иларіону, и инымъ писателямъ, учителямъ и проповѣдникамъ приходилось вести упорную борьбу съ милліонами „невѣгласовъ",—„страхомъ повелѣвшаго крестившихся" (Сб. стр. 61), то весьма понятно, что, при сочиненіи своихъ похвальныхъ словъ, назидательныхъ проповѣдей, тропарей и каноновъ, они, силою обстоятельствъ, вынуждены были примѣняться къ уровню умственнаго развитія народныхъ массъ, къ ихъ міровоззрѣнію и вообще внутреннимъ условіямъ быта, чтобы облегчить воспринятіе ими христіанскихъ истинъ, а потому рѣчь свою уснащали уподобленіями, примиряющими, съ богословской точки зрѣнія, древне-русскія миѳологическія идеи съ христіанскою моралью[1]). Одинаковая черта проглядываетъ въ словахъ Кирилла Туровскаго и позднѣйшихъ проповѣдниковъ, также какъ и въ благочестивыхъ разглагольствованіяхъ нашихъ лѣтописцевъ.

Наиболѣе благопріятную сферу для превращенія языческихъ вѣрованій въ христіанскія представляли восходъ и закатъ солнца и производимыя ими измѣненія свѣтовыхъ волнъ, начиная отъ появленія ранней зари до полнаго сгущенія ночнаго мрака. „*Солнцю* восиявшю,—тако и законъ благодати явльшися и студеньство нощное погибе, *солнцьи* теплотѣ землю согрѣвшю"

---

[1]) По словамъ А. С. Петрушевича, праздникомъ Рождества Христова греческая церковь нарочно покрыла языческій праздникъ Солнца (diem natalem invicti Solis), падающій на 25 декабря, и потому Христа называетъ Солнцемъ правды въ тропарѣ, сочиненномъ на праздникъ Рождества.—Карачунъ-Крокъ, 1876, стр. 11, 33. Статья о Карачунѣ перепечатана въ Литературномъ Сборникѣ 1887 г., стр. 82—199.

(стр. 40). „Владиміръ, служившій прежде дьяволу и бѣсомъ, отвержеся дьявола и бѣсовъ и всея службы его“ (стр. 27, 31), приде отъ *тмы* дьявола на *свѣтъ*... всю землю русскую исторже изъ устъ дьяволь и къ Богу приведе и къ *свѣту* истеньному... Нача *мракъ* идолскі и отъ насъ отходити и *заря* благовѣрья явися, тогда *тма* бѣсослуженія погибе и *солнце* еоуангельское землю нашю осиа“... „Отъ *тмы* къ *свѣту* приближающеся“... „*Темна* бѣху дѣла ихъ, не възлюбиша *свѣтъ*“ (стр. 51). Царство небесное противополагается *тьмѣ* кромешной (стр. 53).

Въ Мусинъ-Пушкинскомъ сборникѣ Владиміру язычнику приписываются усвоенныя имъ отъ дьявола звѣрскія, скотскія склонности: „*акы звѣрь* бяхъ, много зла творяхъ и живяхъ акы скотина“. Въ Словѣ о полку Игоревѣ духъ тьмы дивъ—дьяволъ является также источникамъ зла (обиды, охватившей русскую землю) съ звѣрскими качествами, присущими и бѣсовымъ дѣтямъ, кощеямъ (кощунникамъ), деремемъ (дерьму), хиновѣ [1])—половцамъ. Поднятый дивомъ „свистъ *звѣринъ*“ (т. е. звѣрскій) послужилъ сигналомъ для ихъ соединенія. Просвѣтивъ крещеніемъ и себя и русскую землю, Владиміръ святой сталъ на высоту недосягаемую,—и вотъ сочинитель Слова о Христѣ и Адамѣ обращается къ „внуку Игореву и Ольгину съ такимъ вопросомъ: „Не видѣвъ еси Христа, не ходилъ еси по немь, како *оунукъ* его обрѣтеся“?! Въ житіи Владиміра, правнука Рюрикова“ (стр. 74), останавливаетъ наше вниманіе слѣдующее моленіе, хотя по. формѣ далеко не исключительное, но потому, что посвящено первому христіанскому князю:—„*Дажь*, Господи по сердцю твоему и вся прошенія твоя исполни, *дажь* ти, Господи, вѣнечъ съ праведными“. Коль скоро Ярославна величала солнце *тресвѣтлымъ*, къ имени Владиміра св. присоединяется въ сборникѣ эпитетъ „треблаженный: „О, блаженный и *треблаженный* княже Володиміре!“—*Треблаженный* отецъ и учитель“. (стр. 21, 68),—то несомнѣнно, что *Дажьбожій внукъ*, в. кн. Всеволодъ Яро-

---

[1]) „Cumani dicti vulgariter *Cunove*“ .(Rocznik Miechowski, подъ 1300 г.) У Тимора Cumani—Curii. Если чтеніе правильно, то получило бы еще большій, вѣсъ двусмысленное выраженіе: „Дорыскаше (Веселовъ) до *куръ* Тмуторокання“.

славичъ, и его сынъ *Троянъ* Слова о полку Игоревѣ, выступающіе на ряду съ великимъ Хорсомъ Изяславомъ Ярославичемъ и Ярославомъ Осмомысломъ Галицкимъ, метавшимъ подобно Перуну, громозди чрезъ облака и грозы по землямъ, сидѣвшему *высоко* на златокованномъ столѣ, какъ и славнодержавный Володимеръ, уподобивыйся купчю, ищющю добраго бисера, *на высотѣ* стола сѣдя матере градовомъ богоспасеннаго Киева" (стр. 68, 69), суть миѳологическіе потомки оунука Христова,— „подобника Христа" (стр. 67), краснаго солнышка русскихъ былинъ—Владиміра Святославича, отожествленнаго, по моему мнѣнію, съ Дажьбогомъ въ повѣсти объ Игоревомъ походѣ. Правда, Владиміръ св. въ другихъ древнерусскихъ памятникахъ не называется прямо Дажьбогомъ, но, по свидѣтельству лѣтописца Малалы, приведенному въ Ипатской лѣтописи, „Солнце наричають Дажьбогъ... Солнце—царь, сынъ Свароговъ, еже есть Дажьбогъ, бѣ бо мужъ силенъ" (стр. 200), а въ былинахъ и Мусинъ-Пушкинскомъ сборникѣ качества Владиміра, какъ *подателя* благъ, откуда, вѣроятно, и происходитъ слово Дажьбогъ, приравниваются къ солнечнымъ:—„Болѣ же всего бяше милостыню творя... *всяку потребу даяше*... Блаженный князь Володимиръ имяше сокровище свое на небесѣхъ, съкрывъ милостынею и добрыми своими дѣлы... милости гнѣздо... Кто исповѣсть многыя твои нощныя милостыня и дивныя щедроты.... Бѣ велми милостивъ, многи створи добродѣтели" (стр. 28, 31, 62, 77). Воинскія доблести Владиміра св., побѣдителя радимичей, вятичей, ятвяговъ, серебряныхъ болгаръ, козаръ и печенѣговъ, отодвигаются былинными пѣвцами и книжниками на второй планъ, тогда какъ славные походы Дажьбожьяго правнука, Владиміра Мономаха, составляютъ главное содержаніе народныхъ о немъ преданій, его собственнаго поученія и лѣтописныхъ разсказовъ о его княженіи. „Его же слухъ произиде по всимъ странамъ, наипаче же бѣ страшенъ поганымъ". Отъ него, какъ отъ солнца, падали лучи на русскую землю:—„акы солнце луча пущая" (Ип. 208). Принося преславному *кагану* Владиміру св. „похвалныя вѣнча", витіи восхищались не столько его ролью собирателя, устроителя и охранителя русской земли,

сколько ролью ея *просвитптеля*, ихъ умъ поражали не столько успѣхи его на поприщѣ ратномъ, сколько успѣхи въ борьбѣ, направленной противъ идолопоклонства, съ того момента, когда къ нему „припахне воня св. Духа", когда онъ, войдя въ св. купѣль, „отрясъ слѣпоту душевную вкупѣ и телесную" (стр. 69) и когда удалось ему „попрать языческіе куміры Перуна, Хороса и ины многы". Завязкою всѣхъ похвальныхъ вѣнцовъ, какіе свивались Владиміру св., представляются въ Мусинъ-Пушкинскомъ сборникѣ дѣянія „великаго Костянтина",—слава же Игоря Святославича сплетается со славою *стараго*) Владиміра Мономаха, прозваннаго Трояномъ, именемъ языческаго божества, поклоненіе которому повидимому очень было распространено въ русскомъ народѣ въ XI и XII вѣкахъ.

„Того стараго Владиміра нелзѣ бѣ *пригвоздити* къ горамъ Кыевскимъ". Въ этомъ превосходномъ стихѣ величавый образъ неутомимаго подвижника, „добраго *страдальца* за русскую землю", по выраженію лѣтописи, возникнетъ передъ нами съ такими божественными свойствами, какими только и могла одарить его простодушная полуязыческая фантазія благодарнаго народа въ воздаяніе за *спасеніе* отечества отъ разоренія, вслѣдствіе внутреннихъ княжескихъ смутъ, и отъ полнаго порабощенія погаными половцами. Страданія Мономаха отъ гула княжескихъ крамолъ выражены въ стихахъ:

„Сынъ Всеволожь Владимиръ
По вся утра уши закладаше въ Черниговѣ" [1]).

Глаголъ „пригвоздити" пѣвецъ, кажется мнѣ, заимствовалъ изъ церковныхъ тропарей, гдѣ онъ встрѣчается весьма часто.

Чѣмъ ближе знакомимся мы съ литературными особенностями вошедшихъ въ Мусинъ-Пушкинскій сборникъ статей, тѣмъ болѣе обнаруживаемъ аналогіи со внѣшними признаками излюбленныхъ пѣвцомъ образовъ и уподобленій. Христіанскія

---

[1]) Такъ въ Сборникѣ Владиміръ Святославовичъ—внукъ *стараго* Игоря (стр. 59).

[2]) Стихъ моего чтенія: „Бориса же Вячеславича слава на судъ приведе и на *ка(з)ньину*", обнаруживаетъ, что пѣвецъ считалъ крамолы *казнью* (наказаніемъ) для Мономаха (Ср. объясн. св. Θеодосія о казняхъ Божіихъ).

идеи, проникшія въ Русь чрезъ Византію, зачастую облекались талантливыми писателями изъ среды русскаго духовенства, при литературной обработкѣ ихъ для русскаго народа, въ гимнографическую форму, и потому, по введеніи христіанства, охотно и легко усваивались народными пѣвцами. Послѣдніе пользовались книжной символикой въ переложеніи на живой народный языкъ, какъ художественнымъ элементомъ для героической обстановки своихъ славныхъ пѣсенъ въ честь *обожаемыхъ* князей, не пренебрегая притомъ, судя по проникнутому отъ начала до конца христіанскимъ настроеніемъ Слову о полку Игоревѣ, національными преданіями и нравами языческаго культа. Въ краткомъ сравнительномъ очеркѣ мы постараемся наглядно показать эту аналогію, отмѣчая выраженія Мусинъ-Пушкинскаго сборника, способствующія пониманію языка древнѣйшаго нашего памятника пѣсеннаго творчества.

И въ Сборникѣ и въ Сказаніи о походѣ Игоря страстное желаніе получаетъ *огненный* характеръ:—„Владиміръ вжела сердцемъ и *возгорѣлся* духомъ". У мниха Іакова (по списку, напечат. Голубинскимъ въ Ист. Рус. цер. I, 1, 280): *разгорашется* святымъ Духомъ сердце его, *хотя* святого крещенія [1]). *Пылъ* души Игоря при видѣ солнечнаго затмѣнія такъ изображаетъ пѣвецъ:

„*Спала* князю умь по *хоти* и жалость,—
(Оже) знаменіе ему заступи искусити Дону великого".

Въ изображеніи пѣвцомъ состоянія русской земли послѣ Каяльской битвы какъ бы отражаются послѣдствія грѣхопаденія съ его адскими муками:—„Постави въ вратахъ Едему хѣровимъ съ *пламяньнымъ* копьемъ, бранящe Адаму входа" (стр. Сб. 34).

„Въ *пламянѣ* рози жены русскія въсплакашась"...

Здѣсь пламенная разлука *розь* или *рознь* русскихъ женъ съ погибшими мужьями намекаетъ на огненную геену, въ которую попала вся Русь, ибо ранѣе пѣвецъ говоритъ:

---

[1]) Ср: Андрей Боголюбскій духомъ *разгоресся* божественнымъ (Ип. 397).— „Дьяволъ *разже* сердце Игореви Ольговичю" (Лавр. подъ 1142 г.).

„За нимъ (т. е. Игоремъ) кликну карна (сѣтованье)
И жля (горесть) поскочи по русской земли,
Смагу (пекло) людемъ мычючи".

Многіе смагу считаютъ смолою, но едва-ли позволительно съуживать очень широкое понятіе смаги, какъ *жара*, хоть подъ смагу, конечно, подходитъ и горящая смола, названная въ сборникѣ пекломъ („пеколъ"): „Изъ коноба почерплюще *пеколъ* клокочущь поливати ю" (стр. 85).

Въ одномъ стихѣ Слова мыкавшая смагу желя разливается печалью, соотвѣтствуя *юдоли плачевной* („дебрь кисаня") въ Святославовомъ сновидѣніи:

„*Печаль* жирна тече среди земли русской".

Сходный по внѣшности, но противоположный по содержанію образъ находимъ и въ Сборникѣ:—„По земли нашей внезапу *потече* источникъ еуангельскій".—Адское положеніе русской земли совпадаетъ съ ликованіемъ готскихъ красныхъ дѣвъ, воспѣвавшихъ, на берегу синяго моря, время бусово, т. е. смурое, пасмурное отъ набѣжавшихъ съ моря черныхъ тучъ, и торжество самого Дива, повергавшагося на русскую землю посредствомъ своихъ исчадій-половцевъ.

„По русской земли *прострошася* половци". Въ Сборникѣ читаемъ: — «По всей земли вѣра *простреся*"... „Вѣра благодатная по всей земли *распростреся* и до нашего языка русскаго дойде" (стр. 41—53).

Мнихъ Іаковъ, собирая по слуху отъ многихъ лицъ свѣдѣнія о Владимірѣ Святославичѣ, приводитъ письмо апостола Луки къ Өеофилу со ссылкою на то, что „мнози *начаша повѣсти* дѣяти о извѣстныхъ вещахъ, бывшихъ въ насъ". Пѣвецъ вопрошаетъ:

„Не лѣпо ли ны бяшеть, братія, *начяти* старыми словесы
Трудныхъ *повѣстій* (т. е. повѣствованія) о пълку Игоревѣ".

„Владиміръ заповѣда въ церквахъ *памяти* святыхъ *творити пѣнья* на славу и на хвалу Богу" (стр. Сб. 22).

„Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяще *пѣснь творити*"...

„По выраженію сборника:—„И мьзда имъ (праведнымъ) отъ Господа и *строенье* имъ отъ Вышняго» (стр. 30) [1]). Здѣсь

[1]) Эти слова Соломона повторяетъ и лѣтописецъ (Ип. 44).

строенье, какъ и въ лѣтописи *строй* земскій, о коемъ думалъ Владиміръ св. со своей дружиной,—синонимъ поэтическаго *древа*; когда это слово употребляется пѣвцомъ въ переносномъ значеніи на живомъ языкѣ:

„Растѣкашется *мыслію по древу*"..
—„Скача, славію, по *мыслену древу*"...

Владиміръ народъ свой пасъ правдою:—„землю свою *пасущю* правдою" (стр. Сб. 59). Когда, послѣ солнечнаго затмѣнія, Игорь двинулся въ половецкія степи, то угрожавшая ему бѣда питала (надеждою), пробавляла птицъ—половцевъ, служила имъ кормиломъ:

„Уже бо бѣды его *пасетъ* птицъ"...

Приведенное въ Сборникѣ выраженіе пророка Исаіи: „горы и холмы смирятся "(стр. 57). помогло пѣвцу сложить стихи объ успокоеніи половецкой земли Святославомъ Кіевскимъ:—

„Наступи на землю половецкую...
Притопта холми и яругы"...

Въ книжной литературѣ въ большомъ ходу было уподобленіе людей птицамъ, напр:—„Въсхотѣ собрати чада своя, якоже сбираетъ кокошь птенца подъ крілѣ свои (стр. 52). Въ Словѣ о полку Игоревѣ уподобленіе людей пернатымъ существамъ—на первомъ планѣ, причемъ соколы князья русскіе добраго гнѣзда принимаютъ однажды образъ серафимовъ-шестокрыльцевъ.

Сборникъ свидѣтельствуетъ о крайней растяжимости „формы „ваю" [1] (двойств. число, именит. *ва*):—„память *ваю*,—„помогайта сродникомъ *ваю*" „да спасуся *ваю* молитвами"—„похваляя *ваю*",—святую *ваю* сыну Бориса и Глѣба" (стр. 73, 80 и др.). Поэтому предложенный мною переводъ стиха:—

„Не ваю ли злачеными шеломы по крови плаваша"—не *за вашими ли* и т. д. не требуетъ исправленія, тѣмъ болѣе, что сами шеломы не плаваютъ, золоченые шеломы носили только князья, а опущеніе предлоговъ въ пѣснѣ, какъ и во всей древнерусской письменности, есть явленіе заурядное.

Въ Сборникѣ:—мучити *нежрущая* кумиромъ",—„*пожри* богомъ",—„бѣсомъ не *жру*" (стр. 82, 84, 85). Слѣдовательно,

[1]) По теоріи, она употребл. только въ родит. и мѣстн. падежахъ.

смиренная или тощая р. Стугна, поглотившая („пожръши") юнаго брата Мономахова Ростислава, вмѣстѣ съ тѣмъ принесла его въ *жертву*.—Форма Днѣпрь:

...„князю Ростиславу затвори Днѣпрь-темнѣ березѣ" (при темномъ берегѣ) встрѣчается въ Минеѣ XVI в. и многихъ другихъ памятникахъ (стр. Сб. 107).

Въ Сборникѣ:—„*То же* блаженый Давидъ глаголаше";—„*Сего бо* память держать" (стр. 21 и 80). Въ Словѣ о полку Игоревѣ: „*Сего бо* [1]) (стараго Владиміра Мономаха) нынѣ стали стязи"...—„*То же* (также) звонъ слыша давный великій Всеволодъ"

Этотъ звонъ раздавался отъ крамольныхъ ратей Олега Святославича, отъ посѣянныхъ имъ распрей и *которы* (ср. Сб. стр: 39). Кромѣ приведенныхъ мною въ историческомъ изслѣдованіи Слова о полку Игоревѣ доказательствъ тождества *когана* Олегова и „начальника державы Рускыя" (Сб. стр. 69) Всеволода Ярославича съ Дажь-божьимъ внукомъ, а Изяслава Ярославича съ Хорсомъ, можно замѣтить, что божественная природа и того, и другого поэтически объединяется авторомъ Слова указаніемъ на одинаковый способъ достиженія до упомянутыхъ князей извѣстій о совершавшихся тревожныхъ событіяхъ—посредствомъ *звона*. Слышалъ мятежный звонъ Дажь-божій внукъ, слышалъ въ Кіевѣ подобный же звонъ великій Хорсъ, когда его призывали полочане на вѣчѣ у св. Софіи, въ разгарѣ борьбы его съ волкообразнымъ оборотнемъ Всеславомъ Брячиславичемъ.

Заключительные стихи Слова напоминаютъ церковныя похвальныя пѣснопѣнія. Сказавъ, что Игорь ѣдетъ къ св. Богородицѣ Пирогощей „*по Боричеву*";—откуда свергнутъ былъ Перунище (стр. Сб. 107),—пѣвецъ описываетъ впечатлѣніе, произведенное возвратомъ Игоря на родину:—

„*Страны* ради, *грады* весели"... и предлагаетъ пѣть князьямъ славу, провозглашая заздравный тостъ:—

„Здрави князи и дружина,
Поборая за христьяны на поганыя плъки!"

---

[1]) Ср. подобную форму „*оуже бо*", неоднократно встрѣчающуюся и въ Словѣ о полку Игоревѣ, и въ Сборникѣ (напр. стр. 66).

Въ Сборникѣ:—„Вся *Страны* и *градъ* и людіе чтутъ и славятъ когождо ихъ учителя;—похвалимъ же и мы... великаго кагана нашея земли... похвальными гласы... Израсти намъ свои пестнѣй лѣторасли Романа и Давида [1]), да молятся о насъ къ Господу *княземъ нашимъ подати побѣду на поганые враги*".

Универсальной школой, въ которой вырабатывались древнерусскія похвальныя пѣснопѣнія, были столь обычные въ Руси пиры и братчины (см. Ип. стр. 340, 458 и др.). Вліяніе ихъ отразилось и на безподобномъ Словѣ Иларіона:—„Откуду испи память будущая жизни *сладкую чашю?*" (стр. 63). Наоборотъ, Святославу Кіевскому довелось испить (во снѣ) *горькую чашу*, знаменовавшую попойку кровавымъ виномъ на берегахъ р. Каялы.

„Сватовъ попоиша а сами полегоша"..

Если при параллельномъ изученіи статей Мусинъ-Пушкинскаго Сборника и пѣсеннаго сказанія о походѣ Игоря бросаются въ глаза преобладаніе въ первомъ радостныхъ, а во второмъ скорбныхъ мотивовъ, то такое рѣзкое различіе обусловливается органическою *болѣзнью* Руси, поразившей ее въ княженіе Ярослава 1-го и принявшей во второй половинѣ XI вѣка столь острый характеръ, что пѣснотворецъ старой поры Боянъ сравнивалъ русскую землю съ тѣломъ, лишеннымъ головы. Вотъ почему авторъ изданнаго Х. Лопаревымъ „Слова о погибели русскыя земли" относитъ начало этого гибельнаго процесса къ Ярославу 1-му, какъ значится и въ заголовкѣ Слова и какъ явствуетъ изъ указанія его на продолжительность недуга:—„А въ ты дни *болѣзнь* крестіяномъ отъ *великаго Ярослава* и до Володимера, и до *нынѣшняго* Ярослава и до брата его Юрья князя Володимірскаго". Коль скоро пѣсенный разсказъ о походѣ Игоря начинается

„Отъ *стараго* Владимера до *нынѣшняго* Игоря",—

то очевидно, что современный жившему въ XIII в. автору Слова о погибели Русскыя земли Ярославъ названъ нынѣшнимъ въ отличіе отъ *стараго* Ярослава Слова о полк. Игоревѣ.—Теченіе болѣзни въ среднемъ своемъ фазизѣ совпадаетъ съ эпохой

[1]) Крестныя имена Глѣба и Бориса.

Владиміра Мономаха доказательствомъ чего служитъ помѣщенная въ томъ же Словѣ о погибели слѣдующая былинная характеристика Владиміра:

..."Покорено было Богомъ крестиянскому языку поганьскыя страны... Володимеру и Мона(ма)ху, которымъ то половци дѣти своя ношаху въ колыбѣли, а Литва изъ болота на свѣтъ не выникываху, а оугры твердяху каменыи городы желѣзными вороты, абы на нихъ великый Володимеръ тамо не вьсѣхалъ, а нѣмци радовахуся, далече боудоуче за синимъ моремъ; боуртаси, черемиси, вяда и моръдва борть ничахоу на князя великаго Володимера и жюръ Мануилъ (т. е. богачъ Мануилъ?) цaрегородскій опасъ имѣя, поне и великыя дары посылаша къ немоу, абы под нимъ великый князь Владиміръ Царя-города не взялъ".

А. В. Лонгиновъ.

ТРИ ШЕЛЕСТА.

(Изъ исторіи колеивщины).

Въ гайдамацкомъ движеніи 1768 г. принимали участіе три лица, носившіе фамилію Шелестъ. Мы не знаемъ, были-ли это родственники или только однофамильцы; правдоподобнѣе послѣднее, потому что фамилія Шелестъ была довольно распространенною среди крестьянскаго населенія южной Россіи: въ актахъ, напечатанныхъ въ „Архивѣ юго-западной Россіи", упоминаются крестьяне съ этою фамиліею и въ Смѣлянщинѣ, и въ Бѣлоцерковщинѣ, и на Волыни. Въ документахъ, относящихся къ эпохѣ колеивщины, упоминаются Еско (Іосифъ), Василій и Кондратъ Шелесты. Ни одинъ изъ нихъ не игралъ особенно выдающейся роли въ движеніи; но при детальномъ изученіи эпохи представляютъ интересъ и личности второстепенныя. Кромѣ того, сообщаемые ниже факты могутъ представить тотъ интересъ, что даютъ нѣсколько новыхъ подробностей для исторіи колеивщины и заключаютъ нѣкоторыя характерныя черты эпохи. Наконецъ, сообщаемыя подробности могутъ предупредить возможность смѣшать три лица, носившихъ одну и ту же фамилію, но совершенно различныхъ по своей дѣятельности.

Еско Шелестъ былъ однимъ изъ первыхъ организаторовъ возстанія 1768 г. Краткія, но весьма интересныя свѣдѣнія о немъ встрѣчаются въ показаніи, данномъ Максимомъ Желѣзнякомъ на допросѣ въ русской слѣдственной коммиссіи [1]). Желѣз-

[1]) Слѣдственное дѣло о гайдамакахъ найдено въ К. Центр. Архивѣ И. М. Каманинымъ, которому мы обязаны приводимыми ниже подробностями изъ показаній Желѣзняка.

някъ показалъ, что въ 1767 г. онъ вышелъ изъ Запорожья съ цѣлью провести нѣкоторое время въ монастырскомъ послушаніи. До конца года онъ прожилъ въ Жаботинскомъ Онуфріевскомъ монастырѣ, а въ началѣ слѣдующаго 1768 г. перешелъ въ монастырь Мотронинскій. Весною 1768 г. явилось въ этотъ монастырь семь запорожцевъ, изъ которыхъ одинъ—Еско Шелестъ—называлъ себя атаманомъ. Онъ показывалъ и читалъ письмо кошевого Калнишевскаго, въ которомъ указывалось на необходимость стать на защиту гонимаго въ Польшѣ православія и угнетаемаго крестьянства и съ этой цѣлью начать истребленіе поляковъ и жидовъ и разграбленіе ихъ имущества. Въ ссорѣ съ однимъ изъ своихъ товарищей-запорожцевъ Шелестъ былъ убитъ, и тогда-то Желѣзнякъ почелъ себя обязаннымъ стать во главѣ задуманнаго движенія.

Къ этому Шелесту относится, конечно, записанный Кулишемъ изъ вторыхъ рукъ разсказъ о началѣ гайдамацкаго движенія [1]), хотя нѣкоторыя подробности этого разсказа, и въ особенности извѣстіе о смерти Шелеста, не согласны съ показаніемъ Желѣзняка. У Кулиша *Шелестъ съ двумя своими товарищами* Лусконогомъ и Гнидою поселились въ *трехъ монастыряхъ*—Мотронинскомъ, Мошенскомъ и Лебединскомъ—и собирали тамъ гайдамаковъ. Когда собралось по *300 человѣкъ* въ каждомъ монастырѣ, пріѣхалъ изъ Запорожья Желѣзнякъ и повелъ ихъ всѣхъ на м. Тальное, а потомъ въ Умань. Послѣ Уманской рѣзни начались преслѣдованія и казни гайдамаковъ. Въ числѣ казненныхъ были и первые предводители гайдамаковъ—Шелестъ, Лусконогъ и Гнида: ихъ разстрѣляли близь м. Монастырища. Сравнивая этотъ разсказъ съ показаніемъ Желѣзняка, мы видимъ, что у Кулиша Шелестъ представленъ однимъ изъ сообщниковъ Желѣзняка, участвовавшимъ во всѣхъ его предпріятіяхъ и казненнымъ уже послѣ окончательнаго подавленія возстанія; въ показаніи Желѣзняка онъ является иниціаторомъ возстанія и умираетъ, не доживъ до осуществленія своихъ плановъ. Въ разсказѣ Кулиша онъ представленъ дѣяте-

---

[1]) „Записки о южной Руси,“ т. I, стр. 293—302: „Вербовка въ гайдамаки и развязка Уманской трагедіи 1768 г.“.

лемъ второстепеннымъ; въ показаніи Желѣзняка—однимъ изъ крупнѣйшихъ дѣятелей возстанія. Само собою разумѣется, что во всѣхъ этихъ разногласіяхъ предпочтеніе должно быть отдано безусловно показанію Желѣзняка, тѣмъ болѣе, что разсказъ, записанный Кулишемъ, какъ можно видѣть изъ самаго содержанія его, имѣетъ характеръ поэтическаго преданія, а не достовѣрнаго изложенія фактовъ [1]).

Василій Шелестъ былъ одинъ изъ ватажковъ гайдамацкихъ въ юго-западной части Кіевщины. Свѣдѣнія о немъ, заимствованныя изъ книги Кодненской военно-судной коммиссіи, сообщены Я. Н. Шульгинымъ въ его „Очеркѣ Коліивщины“ [2]). Въ актахъ кодненской коммиссіи упоминается девять его сообщниковъ; изъ нихъ семь казнены смертью, и только два отдѣлались розгами. „О ватажкѣ этомъ, говоритъ г. Шульгинъ, въ кодненской книгѣ есть только отдѣльныя упоминанія въ судебныхъ отмѣткахъ, но нѣтъ о немъ ни одного цѣльнаго документа. Мы не знаемъ поэтому даже численности его ватаги и тѣхъ пунктовъ, въ которыхъ онъ перебывалъ“. Очевидно это былъ ватажокъ второстепенный. Г. Шульгинъ относитъ къ нему приведенный выше разсказъ Кулиша, въ которомъ имя Шелеста не названо; но мы видѣли уже, что разсказъ этотъ можетъ относиться только къ Еску Шелесту.

Совершенно иную роль въ томъ же гайдамацкомъ движеніи игралъ *Кондратъ Шелестъ*, свѣдѣнія о которомъ встрѣтились намъ въ одной изъ актовыхъ книгъ К. Центр. Архива [3]). Это былъ типъ ренегата, ради личныхъ выгодъ, „для лакомства несчастнаго,“ измѣнившаго своимъ единоплеменникамъ и единовѣрцамъ. Онъ былъ козакъ изъ Кейдановки, Богуславскаго

---

[1]) Въ особенности разсказъ о казни гайдамаковъ: „Бувъ я разъ у Монастырыщи; а за Монастырыщемъ есть ямы глыбокіи; то я ставъ да й дывлюсь: щобъ се за ямы булы? Колыжъ иде старый чоловикъ. „Дидусю! “кажу „що сце за ямы таки?“ „А ты“, каже, „хиба не тутешній?“ „Ни“, кажу, „я здалека, ажъ изъ Чигырынського повиту.“ „Оце жъ,“ каже, „ваши Чигырынськи гайдамаки лежять. Тутъ ихъ порубано ажъ девятьсотъ; и якъ навалылы землею, то кровъ изъ ямъ свыстала вгору заввышки съ чоловика. А чи бачишъ тры хреста гень—гень стоять? Ото лежять ихъ ватажки. Тамъ порозстрелювалы Шелеста, Лусконога и Гниду“.

[2]) „Кіевская Старина“ 1890, № 4, стр. 43—44. Отдѣльный оттискъ стр. 94—95.

[3]) Книга № 93, акты № 204—209, листы 352—357.

староства. Мы не знаемъ его прежней службы, но изъ документовъ видно, что въ 1768 г. онъ принималъ дѣятельное участіе въ усмиреніи гайдамацкаго движенія, за что и получилъ отъ старосты Богуславскаго гр. Яна Клеменса Браницкаго первую милость—увольненіе отъ уплаты „податковъ скарбовыхъ.“ Въ „привилеѣ,“ данномъ ему по этому случаю Браницкимъ, заслуги его опредѣляются такимъ образомъ: „Nie tylko miasto Bohusław z całym starostwem od irrupcyi haydamackiey uwolnił, buntow między pospolstwem żadnych nie dopuscił, ale też y transporta moie wszystkie, niemniey y intraty ocalił“ (актъ № 208). Г. Шульгинъ, на основаніи кодненской книги, сообщаетъ нѣкоторыя подробности борьбы К. Шелеста съ гайдамаками. Шелестъ захватилъ въ плѣнъ скрывавшагося въ лѣсу вблизи г. Богуслава гайдамацкаго ватажка Грицька Волка, который передъ тѣмъ ограбилъ с. Погибляки (Звенигор. у.). Вскорѣ Богуславскіе козаки вмѣстѣ съ Шелестомъ ушли изъ Богуслава по призыву полковника Протасьева, дѣйствовавшаго противъ Неживого и Швачки. Въ отсутствіе Шелеста другой ватажокъ Савечка ограбилъ Богуславскій замокъ и завладѣлъ хранившеюся тамъ добычею Волка. Шелестъ, возвратившись въ Богуславъ, не рѣшился преслѣдовать Савечка, въ виду разсказовъ о численности его загона, и уже Протасьевъ съ своею командою настигъ Савечка у м. Мошенъ и разсѣялъ его ватагу [1]). Въ приведенномъ разсказѣ Шелестъ названъ, конечно на основаніи кодненской книги, сотникомъ Богуславскимъ; хотя, какъ увидимъ дальше, онъ утвержденъ былъ въ этомъ званіи только въ 1770 г., но весьма вѣроятно, что и въ 1768 г. онъ исполнялъ уже обязанности сотника.

Въ слѣдующемъ 1769 г. К. Шелестъ съ прежнимъ усердіемъ продолжалъ борьбу со своими единоплеменниками. Отъ этого времени сохранился данный ему „Ordynans na palenie futorow haydamackich“. Приводимъ этотъ документъ въ подлинникѣ.

„Die decima nona decembris, millesimo septingessimo sexagesimo nono anno, w Horodyszczu, daię ten ordynans panu

[1]) „Кіевская Старина“ 1890 стр. 49—50. Отд. оттискъ стр. 100—101.

Szelestowi, sotnikowi J. O. Hetmana Koronnego, ażeby za odebraniem onego spalnidował (?) wszystkie lasy nad Kozacką Doliną [1]) będące y gdzie kolwiek zastanie futory, co iest przechowaniem haydamakow y wszystkiego hultaystwa, wszystkie generalnie popalił, żadnego nie zostawuiąc, co serio zalecam y podpisuię się. Datum ut supra. R. Z. Skrżynca Dzierżek, chorągwi znaku pancernego, kommendant podjazdow ukrainskich generalny. L. S." (актъ № 204).

Вѣроятно и это порученіе было исполнено въ точности, потому что въ послѣдующіе годы Кондратъ Шелестъ получилъ рядъ новыхъ милостей. Въ 1770 г. онъ былъ утвержденъ въ званіи сотника. Въ „патентѣ", данномъ тѣмъ же гр. Браницкимъ, Шелестъ признается за „aktualnego sotnika y kommendanta ludzi gruntowych Bohusławskich do słuzby kozackiey obowiązanych", при чемъ на него возлагается обязанность „porżądek należyty w tey że milicyi kozackiey Bohusławskiey utrżymywać, wiernosci oneyże... pilnie przestrżegać" (актъ № 209).

Въ слѣдующемъ 1771 г. Шелестъ получилъ отъ гр. Браницкаго право построить мельницу на р. Россавѣ (актъ № 205); а еще черезъ нѣсколько лѣтъ ему дано было во владѣніе („держаніе") селеніе Юхны [2]), входившее въ составъ Богуславскаго староства. Въ актовой книгѣ не сохранилось акта первоначальнаго пожалованія, а записаны только двѣ подтвердительныя грамоты—1775 г., данная Ю. Ржевусскою (актъ № 206) и 1778 г. гр. Браницкимъ (актъ № 207). Въ послѣдней грамотѣ послѣ указанія на заслуги Шелеста, которое представляетъ буквальное повтореніе приведеннаго выше отрывка изъ грамоты 1768 года, самое пожалованіе формулировано слѣдующимъ образомъ: „Umysliłem mu dać wieś Juchny z poddanstwem, arędą, czynszami, łąkami, lasami, jak iest w swoim o brębie, oraz wszelkiemi proventami z niey pochodzącemi, jakoż ninieyszym przywilejem moim tak iemu samom jako y żenie jego Chwesce Cioropownie

---

[1]) Село Казацкая Долина, теперь Козацкое, близь города Звенигородки.

[2]) С. Юхны находится близь г. Богуслава. По современнымъ люстраціямъ въ немъ числилось отъ 10 до 13 дворовъ; годовой доходъ опредѣлялся въ 150—200 злотыхъ.

y ich successorom do dalszey woli y łaski mojej nadaię y wszelkiego rżądzenia się iako swoią wsią własną dopuszczam y pozwalam".

Этимъ оканчивается рядъ документовъ Кондрата Шелеста, занесенныхъ въ актовую книгу. Документы эти достаточно ясно рисуютъ личность Шелеста, очень напоминающаго своею дѣятельностью одного изъ его предшественниковъ—извѣстнаго Савву Чаленка. Мы не имѣемъ свѣдѣній о дальнѣйшей судьбѣ этого человѣка, но едва-ли и она не была сходна съ судьбою Чаленка. Въ одномъ документѣ 1792 г., въ напечатанномъ въ „Архивѣ юго-западной Россіи"[1]) встрѣчается случайное упоминаніе о могилѣ какого-то полковника Шелеста,—именно положеніе одного земельнаго участка опредѣлено слѣдующими словами: „prosto Buteni, na gruntach Tunickich, koło szlachu Pustowoytowskiego, gdzie *krżyż Szelesta pułkownika* był leżącego" Весьма вѣроятно, что упоминаемый здѣсь „полковникъ" есть бывшій сотникъ Кондратъ Шелестъ, тѣмъ болѣе, что мѣстность, гдѣ погребенъ этотъ полковникъ, находится вблизи владѣній Кондрата Шелеста: с. Туники лежитъ верстахъ въ 2-3 отъ с. Юхны. Самый же способъ погребенія—не на кладбищѣ, а на большой дорогѣ наводитъ на предположеніе о насильственной смерти...

В. Щербина.

[1]) Арх. Ю.-З. Россіи. ч. VI, томъ 2, стр. 466.

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ ОБЪ ОТРАВЛЕНІИ ЗМѢИНЫМЪ ЯДОМЪ.

Содержаніе.

Предисловіе.—Варіанты малорусскіе, великорусскіе. бѣлорусскіе, польскіе, чехоморавскіе, сербскіе, болгарскіе, литовско-латынскіе, мадьярскіе, албанскій, румынскій, нѣмецкіе, англійскіе и италіанскіе.—Обзоръ мотивовъ.—Предположеніе о происхожденіи нѣкоторыхъ галицко-русскихъ и малорусскихъ варіантовъ.—Предположеніе о происхожденіи всего цикла пѣсенъ.

Въ устной словесности западно-европейскихъ и славянскихъ народовъ существуетъ обширный циклъ пѣсенъ о сестрѣ отравительницѣ. Эти пѣсни и являются предметомъ настоящаго нашего ислѣдованія. Мы дали имъ другое оглавленіе на слѣдующемъ основаніи: отравленіе змѣинымъ ядомъ составляетъ самую характерную черту этихъ пѣсенъ. Сестра отравительница выступаетъ въ большинствѣ варіантовъ славянскихъ; но въ западно-европейскихъ и, главное, въ старинныхъ италіанскихъ варіантахъ отравительницей является дѣвушка или вдова,, а жертвой ея—невѣрный любовникъ. Такимъ образомъ, терминъ „сестра отравительница" не обнимаетъ всего цикла пѣсенъ. Въ виду большого количества малорусскихъ варіантовъ—мы настоящее изслѣдованіе начнемъ съ ихъ разсмотрѣнія и на нихъ преимущественно сосредоточимъ наше вниманіе. Несомнѣнно, что въ народѣ циркулируетъ много незаписанныхъ еще пѣсенъ этого разряда; затѣмъ, мы должны оговориться, что изъ записанныхъ, вѣроятно, многія ускользнули отъ нашего вниманія; при всемъ томъ, многочисленность и сходство изданныхъ варіантовъ даютъ намъ поводъ предполагать о сходствѣ неизданныхъ и открывать возможность приступать къ научному ихъ обзору, систематизаціи и, если не къ рѣшенію, то, по крайней мѣрѣ, къ

постановкѣ вопросовъ объ ихъ происхожденіи и путяхъ распространенія.

№ 1—2. Двѣ пѣсни изъ Литинскаго уѣзда Подольской губ.:

Ой у поли кирныченька,
Тамъ дивчина воду брала
Съ козаченькомъ розмовляла..

Она предлагаетъ козаку посватать ее; козакъ предлагаетъ ей отравить сначала брата. Дѣвушка говоритъ, что мать не научила ее чаровать. Козакъ тогда говоритъ:

Ой у лиси на ялыни
Ой тамъ высыть три гадыни;
На гадыну сонце пече
А зъ гадыны ропа тече.
Пидставъ дивча коновочку
Пидъ гадячу головочку,
Якъ прыйде братъ зъ дороги,
То ты чары прыготовышь...

Дѣвушка предлагаетъ брату „цёго пыва"; братъ хочетъ, чтобы она сначала выпила; но она говоритъ, что уже пила.

Якъ братъ пыва да и напывся,
По коныку повотывся,
По коныку вороному,
По сидельци золотому.

Дѣвушка возобновляетъ свое предложеніе о сватовствѣ и получаетъ отказъ: счарувала брата, говоритъ козакъ, счаруешь и меня (*Чубин.* V. стр. 432, 433).

№ 3. Въ варіантѣ изъ Балтскаго уѣзда начало: „Ой у поли дви тополи." Армяне (вармяне) подговариваютъ дѣвушку уйти съ ними. Дѣвушка боится брата и, по совѣту армянъ, отравляетъ его. Змѣя одна, виситъ на калинѣ; „болить іи головочка"; армяне отказались взять отравительницу,—„ни брата, ни вермана." Вышла она за жебрака, носила за нимъ торбу и часто получала отъ него удары „въ морду" (*Чуб.* V. 433).

№№ 4—6. Въ трехъ варіантахъ изъ галицкаго Покутья, почти тождественныхъ съ №№ 1—2, въ концѣ пѣсни соблазнитель названъ „сербиномъ"; отравительница выходитъ замужъ за нищаго и также получаетъ отъ него удары „въ морду" (*Kolberg*, Pokucie II. 44—46).

№ 7. Въ вар. изъ стрійскаго округа (въ Галиціи) сербъ выступаетъ уже въ самомъ началѣ пѣсни:

Ходитъ Сербинъ по надъ рѣку,
За нѣмъ бѣжитъ дѣвка въ вѣнку.
„Ой сербине, сербиночку,
Возьми меня дѣвчиночку.

Сербинъ говоритъ, что боится ея брата. Дѣвушка предлагаетъ отравить брата и при этомъ сама объясняетъ, что ядъ достанетъ изъ змѣиной головы. По возвращеніи брата съ охоты, сестра подноситъ ему отраву въ черномъ пивѣ. Пѣсня оканчивается отказомъ серба жениться на отравительницѣ брата (*Голов.* I 207),

№ 8. Близкій варіантъ изъ Липовецкаго у. Кіев. губ. „Ой Свербыно, Свербыночку" изданъ въ *Zbiór wiadomosci* т. VIII 169.

№ 9. Въ галицко-рус. варіантѣ первый стихъ оригиналенъ: „Сѣдятъ ткачи на варштатѣ, звѣдуются о своmъ братѣ." Воевода проситъ у дѣвушки вѣнокъ (символъ цѣломудрія). Опасаясь противодѣйствія со стороны старшаго брата, дѣвушка отравляетъ его. Въ этомъ вар. подробно описано приготовленіе яда; по совѣту воеводы:

Идь до саду вишнёваго,
Ламай гинча зеленого,
Частуй брата при обѣдѣ;
Готуй же го подъ пецками,
Уварь же го въ зимней водѣ,
Намочь же го до скляници,
Та го вынесь до свѣтлицы.

Пѣсня оканчивается такъ: братъ отравленъ, а сестра отравительница закована въ цѣпи и осуждена на висѣлицу (*Голов.* I 207—208).

№ 10. Въ близкомъ галицкомъ вар. дѣвушка отравляетъ брата по совѣту „чуджоземца." Отравой служитъ зѣлье. По смерти брата сестра раскаивается и проситъ сжечь ее, пепелъ развѣять по полю; „няй зъ мя росте бѣлый квѣтъ, няй то знае цилый свѣтъ"—такъ кончается этотъ варіантъ (*Голов.* I 208).

№ 11. Въ вар. изъ Галиціи начало: „Ой ты зъ-за горы, а я зъ-за другой." Здѣсь развитъ способъ приготовленія яда изъ гада рябенькаго и ящерицы. Особенностью представляется еще то, что у брата послѣ первой ложки „одно личко слѣзло,"

послѣ второй—другое лицо, а послѣ третьей „цѣла тварь облѣзла“ (*Голов.* I 209).

№ 12. Малор. вар. (изъ Залеванщины), изд. въ сборникѣ г. Поповскаго въ „*Zbiór wiadomosci*“ VIII стр. 8, представляетъ повтореніе вар. № 1—2, 7 и 8. Начало: „Ой Сердене, Серденочку, сватай мене дивчиночку“. Сердене, очевидно, народно-этимологическое толкованіе слово „сербинъ“. Пѣсня оканчивается, какъ №№ 3, 4, 5, 6.

№№ 13—14. Два варіанта изъ Угорской Руси говорятъ вообще объ отравленіи молодца дѣвицей за невѣрность, они близки извѣстной малор. пѣснѣ „Ой не ходы, Грыцю“. Брата нѣтъ. Способъ приготовленія ядовитаго зелья изъ кореньевъ напоминаетъ великорусскія пѣсни (*Де-Волланъ*, Угро-рус. нар. пѣс. 40—41).

№ 15. Въ вар. изъ Ушицкаго у. дивчина Настя отравляетъ парубка перепелкой на маслѣ и смѣется надъ нимъ во время его мученій (*Чубин.* V 434).

№ 16. Въ одномъ вар. (безъ обозначенія мѣста) начало: „Жене Васыль волы съ поля, въ сопилочку грае...“ Дѣвушка у криницы приглашаетъ Василя къ себѣ; ея мать даетъ ему сначала пирогъ съ шалфеемъ и мятой, чтобы вызвать любовь; потомъ пирогъ со змѣей. Василь пришелъ домой и проситъ у матери совѣта (*Чуб.* V 434).

№№ 17—19. Къ этому варіанту близко стоятъ три галицкихъ, изъ Покутья. Отравительницей является въ двухъ Парася, въ одномъ Одокія; жертва во всѣхъ трехъ вар. названа Иваномъ. Начало 1-го „Иванъ коне наповайе, а въ сопивку грае“, во 2-мъ также упоминается сопилка. Отрава поднесена въ пирогѣ и въ яблокахъ. Дана отрава дѣвушкѣ ея матерью (*Kolberg*, Pokucie II, 42—44).

№ 20. Буковинскій вар. у *Купчанка* 141 очень близокъ къ помѣщеннымъ у Кольберга изъ Покутья. Соблазнитель—Иванъ, отравительница—Парася. Отрава упоминается мимоходомъ. При смерти Ивана присутствуютъ односельчане.

№ 21. Въ вар. изъ Харьковской губ. „Ой дивчино чернобрыва“ дѣвушка накопала въ лѣсу ядовитаго коренья, вымыла

его въ Дунаѣ, положила въ стаканъ меду и отравила своего брата. Она спрашиваетъ, какъ онъ чувствуетъ у себя на сердцѣ. Козакъ отвѣчаетъ, что у него на сердцѣ „черни камушки лежатъ" (*Чуб.* № 435)—пѣсня краткая и испорченная.

№ 22. Въ другомъ вар. Харьковской губ. („ой, сонъ, маты, ой, сонъ, маты, головоньку клонитъ") дѣвушка кладетъ отраву въ пирогъ. Она говоритъ, что отрава тогда пройдетъ, когда въ полѣ ири дорогѣ разовьется сухой дубъ (*Чуб.* V 436).

№ 23. Въ третьемъ вар. изъ Харьковской губ. „Маты сына научала" не ходить на вечерницы. Дѣвушка его напоила отравленнымъ медомъ. Парубокъ идетъ домой и проситъ мать послать за ворожкой. Пѣсня оканчивается сожалѣніемъ парубка, что ему болѣе нельзя ходить на улицу (*Чуб.* № 436).

№ 24. Въ вар. изъ Полтавской губ. („Ой дивчино, дивчинонько"), мужчина проситъ дѣвушку полюбить его и, чтобы братъ не побилъ ее, отравить его. Далѣе слѣдуетъ совѣтъ достать ядъ изъ змѣи—почти дословное повтореніе вар. № 1—2. Отрава положена въ пиво. Отравительница выходитъ замужъ за нищаго и получаетъ отъ него побои (*Чуб.* V 915).

№ 25. Весьма замѣчателенъ слѣдующій галицко-русскій варіантъ, по близости къ западно-европейскимъ. Это соединительное звено между восточно-малорусскими и западно-европейскими пѣснями о сестрѣ отравительницѣ:

Сынку Васыльку, жалости мои!
Ой цы ходывъ ты до вдовы на вечерныци.
Ходывъ я, ненько, щире серденько,
До тои чаровныци.

Мать спрашиваетъ, что вдова варила? Сынъ отвѣчаетъ, что варила рыбку зъ лабочками (?). Мать спрашиваетъ, гдѣ она ее поймала? О.—Въ огородѣ въ лободѣ. Вопросъ: Гдѣ она ее вправляла? О.—Ожогомъ подъ порогомъ. Вопросъ: Цы вдова еи ила? О.—Не ѣла, говорила, что у нея голова болитъ. Вопросъ: Ѣли ли дѣти ея? О.—Не ѣли, бо спатоньки хотѣли. Этими словами и оканчивается пѣсня. Смыслъ ея ясный—отравленіе парубка. (*Голов.* II 584). Въ этомъ варіантѣ заслуживаетъ особеннаго вниманія его діалогическая форма.

Отъ объемистаго ствола пѣсень о сестрѣ отравительницѣ пошло нѣсколько могучихъ вѣтвей. Первой такой вѣтвью представляются пѣсни объ отравленіи дѣвицей невѣрнаго любовника на мотивъ весьма популярной пѣсни „Ой не ходы, Грыцю, на вечерныци". Пѣсни этого рода встрѣчаются почти во всѣхъ сборникахъ малорусскихъ пѣсенъ. Извѣстны онѣ и въ Бѣлоруссіи (*Шейнъ*, стр. 235). Второй вѣтвью, повидимому, являются тѣ также весьма многочисленныя пѣсни, въ которыхъ отравленіе молодца дѣвушкой является не какъ фактъ, а какъ уподобленіе, сравненіе, напримѣръ—слѣдующая угорско-русская пѣсня;

На дворѣ хмарно и вѣтеръ вѣе,
Самъ я не знаю, что ми ся дѣе,
Дѣвчина любила, серденько явила,
И приваду дала, та и зачаровала.
„Ей такъ бы ты зналъ изъ сѣни до хати,
Якъ я тебе знала да чимъ чаровати;
У мене чароньки черныи бровеньки
И приваду доньки румняни личоньки".
О якъ болитъ, кедь укуситъ
Люта гадинонька;
Еще лучше, кедь счаруетъ
Люба дѣвчинонька.
Кедь укуситъ гадинонька,
Найдешь зеля лѣки;
Кедь счаруетъ дѣвчинонька—
Пропалъ есь на вѣки (*Де-Волланъ*, 42).

№ 26. Въ Великороссіи пѣсня о сестрѣ отравительницѣ хорошо извѣстна.

Стругалъ стружки добрый молодецъ,
Брала стружки красна дѣвица,
Бравши стружки на огонь клала
Все змѣй пекла, зѣлье дѣлала.
Сестра брата известь думала,
Выходила посередъ двора,
Наливала чашу прежде времени,
Подносила брату милому.
Ты пей, сестра, напередъ меня.
„Пила, братецъ, наливаючи.
Тебя, братецъ, поздравляючи.

Канула капля коню на гриву
У коня грива загорѣлася...

Братъ срубилъ сестрѣ голову.

И онъ сжегъ ея тѣло бѣлое
Что до самаго до пепла;
Онъ развѣялъ пухъ (sic!) по чисту полю,
Заказалъ всѣмъ тужить и плакати (*Сахаровъ*, Сказанія рус. нар. III² 202).

Этотъ варіантъ, самый грубый и жестокій изъ извѣстныхъ мнѣ варіантовъ, записанъ до 1841 г., года изданія Сказаній Р. Н. Подобная суровость могла существовать и въ инородныхъ варіантахъ; въ италіанскомъ братъ грозитъ убить.

№ 27. Своеобразная версія у Сахарова ib. стр. 206: Дѣвушка копаетъ ядовитые коренья и отравляетъ милаго дружка (не брата). Умирающій проситъ похоронить его на распутьѣ, посадить въ головахъ дерево и т. д.

№ 28—29. Два близкихъ великорусскихъ варіанта въ сборникѣ *П. В. Шеина* 327 № 56 и 57. Что пѣсни эти представляютъ великорусскую передѣлку пѣсенъ о сестрѣ отравительницѣ, видно изъ 57 № сб. Шеина „Разнегодная дѣвчонка" по лугу гуляла, накопала ядовитыхъ кореньевъ, наварила и поднесла ихъ „братцу родному". Къ вечеру братъ „поразохался", и въ полночь „попа спросилъ", а къ бѣлу свѣту умеръ. завѣщавъ похоронить его межъ трехъ дорогъ (петербургской, московской и тверской". Проѣзжающіе Богу молятся (за брата) и проклинаютъ сестру. Варіанты Шеина записаны № 56 въ Рязанской, № 57 въ Тверской губ.

№ 30. Въ Терской области записанъ великорусскій варіантъ „Свѣтила звѣзда, она передъ мѣсяцемъ". Дѣвица поднесла молодцу сткляницу" вина съ отравой. Молодецъ проситъ дѣвицу выпить, получаетъ отказъ; онъ вылилъ вино на землю:

Мать сырая-то земля, она загоралася,
А лютая змѣя, она взвивалася,
А красная-то дѣвица, она испугалася,
И доброму то молодцу на шеюшку бросалася.

Этими словами и заканчивается вся пѣсня (*Сборн. матер. для изуч. Кавказа* VII 83)[1]).

[1]) Въ сборникѣ „Древнихъ Россійскихъ стихотвореній" Кирши Данилова, составленномъ, вѣроятно, въ началѣ XVIII ст., а впервые изданномъ въ 1804 г.,

№№ 31—32. Бѣлорусскіе варіанты въ сборникахъ *Шеина* стр. 234, № 409 и *Романова* I, 48 представляютъ почти буквальное повтореніе великорусскихъ Сахарова (безъ убійства отравительницы) и Шеина (подъ № 57). Въ обоихъ бѣлорусскихъ варіантахъ сестрѣ не удается отравить брата: онъ выливаетъ вино на гриву коня, грива загорается и братъ бранитъ сестру.

№ 33. У поляковъ циркулируетъ много пѣсенъ о сестрѣ-отравительницѣ, и значительная часть ихъ вошла въ I т. Lud *Кольберга* (стр. 115). Въ однѣхъ пѣсняхъ отравительницей является краковянка (Krakowianka, otròj brata etc.), въ другихъ подолянка. Приведемъ здѣсь варіантъ изъ Прасныша, написаннаго *Хельховскимъ* въ Вислѣ 1888 II 139. „Na Podoli bialy kamnien"; на камнѣ сидитъ подолянка; къ ней подходитъ подо-

---

находится любопытный великорус. варіантъ пѣсни о сестрѣ отравительницѣ, причемъ вмѣсто змѣинаго яда отрава приготовляется изъ кореньевъ. Въ этомъ вар все вниманіе пѣвца сосредоточено на приготовленіи отравы. Пѣсня краткая

Кабы по горамъ, горамъ, высокіимъ горамъ,
Кабы по доламъ, доламъ, по широкіимъ доламъ,
А и покрай было моря синяго,
И по тѣмъ хорошіимъ зеленымъ лугамъ.
Тутъ ходила, гуляла душа красна дѣвица.
А копала она коренья, зѣлье лютое.
Она мыла тѣ кореньица въ синемъ морѣ,
А сушила кореньица въ муравленой печи,
Растирала тѣ коренья въ серебряномъ кубцѣ,
Разводила тѣ кореньица меды сладкими,
Разсычала коренья бѣлымъ сахаромъ—
И хотѣла извести своего недруга;
Не взначае извела своего друга милаго
Она по роду братца родимаго.
И расплачется дѣвица надъ молодцемъ,
Она плачетъ, дѣвица, убиваючи,
Она жалобно, дѣвица, причитаючи:
„Занапрасно головушка погибнула".

Пѣсня эта—искаженіе пѣсенъ о сестрѣ-отравительницѣ. Ошибка встрѣчается въ болгарскомъ вар.; но ошибка какъ разъ обратная: сестра вмѣсто брата отравила любовника. Варіантъ Кирши Данилова представляетъ интересъ въ томъ отношеніи, что указываетъ на распространеніе пѣсенъ о сестрѣ отравительницѣ въ Великороссіи въ началѣ XVIII в.

лянецъ и проситъ у ней вѣнокъ. „Я дала бы, да боюсь брата, говоритъ она. Отрави брата, совѣтуетъ подолянецъ. Подолянка говоритъ, что не знаетъ чѣмъ. „Отыщи змѣиныхъ листьевъ, свари ихъ и напой брата“. Братъ возвратился съ похода, привезъ сестрѣ подарки (sukienecki). Сестра потчиваетъ его отравленнымъ виномъ. Братъ падаетъ съ коня и проситъ сестру позаботиться о его дѣтяхъ. Колоколъ звонитъ о смерти брата, а сестру ведутъ въ тюрьму. Пѣсня оканчивается раскаяніемъ отравительницы. Любопытно, что конецъ этого польскаго варіанта совпадаетъ съ началомъ галицко-русской пѣсни, отмѣченной выше подъ № 9.

Siedzo siewcy na warstacie
Spivajo pieśń o jy bracie,
Okujciez me w bialy kamnień,
Niech nie slyse pieśni o niem.

№№ 34—35. Съ этимъ варіантомъ почти дословно сходны два польскихъ вар. въ сб. *Kozlowskiego*, Lud (pieśni, podania etc. z Mazowsza Czerskiego) стр. 52—53. Начало тожественное „Na podolu biały kamien“. Подолянку къ отравѣ склоняетъ подолянецъ. Послѣднихъ 4 строкъ (Siedzo...) нѣтъ. Эти варіанты оканчиваются просьбой брата, обращенной къ сестрѣ отравительницѣ, позаботиться о его дѣтяхъ. Отрава обычная—змѣя. Въ одномъ изъ варіантовъ братъ названъ Ясей. Козловскій въ примѣчаніи говоритъ, что такого рода пѣсни распространены у поляковъ, чеховъ и венгерскихъ словаковъ. Указаны польскіе вар. у Кольберга, Войцицкаго, Конопки и Жег. Паули.

№ 36. Чехамъ и моравцамъ пѣсня о сестрѣ-отравительницѣ хорошо извѣстна (сборники *Кукулевича*, *Эрбена*, *Сушила*). Моравскіе варіанты отличаются полнотой; въ нихъ какъ-бы сведены мотивы пѣсни. Таковъ, напр., слѣдующій варіантъ, который приводимъ вполнѣ:

Ulianka čista panna
U Dunaja šaty prala.
Dojeli tam tře husaři,
Pod' Uliško pojed' s nami.
Ja bych s wami rada jela,
Dybych tu bratra nemela.
Bratra možeš otraviti,
Možeš s nami předca jeti.
Jak bych ja ho otravila?
Temu sem sa neučila.
Bež do lesa doboveho,
Najdeš hada jedoveho.
Uvař mu hozsnidaničku,
Jak rybičku s černu mačku.

Už Janiček z hory jede,
Malovane dřevo veze.
Hned mu wrata otvirala
Vrane kone vyprahala.
Ulianko, co noveho,
Ze vypřahaš kona meho?
Pod' Janičku k snidaničku,
Maš přichystanu rybičku.
A co suto za rybičky
Dyt' nema žadna hlavičky.
Hlavičky sem urubala
Pod okenko zakopala.
Jak ten prvni kusek zedl
Hned na leve ličko zbledl.
Jak ten druhy kuzek zedl
Hned na obe lička zbledl.
Jak ten třeti kusek zedl,
Hned nacele telo zbledl.
Bež Uliško pro pivečko
Ať si ovlažim srdečko
Donesla mu lužovice:
Pij, Janičku, pij velice.
Bež, Uliško, pro perinku,
Nech položim svu hlavenku.
Donesla mu tvrdy kamen'
Ostavaj tu s panem Bohem
Bojanovske zvony zvoňa,
Ulianku drabi hoňa.
Ty Mutenske zezwanaju,
Ulianku dohaňaju.
A Hodonske dožvonily,
Ulianku dohonili.
Janička na krchnv nesu,
Ulianku kati vezu.
Zazdite mia do kameni
Nech o mne pesničky neni.
Zednici ju zazdivali
Panny pesničku skladaly.
Ulianku už zazdili
Panny pesničku složily.
Sušil, Moral. narod. pisne, II, 167—168.

Въ варіантахъ ничтожныя особенности. Вездѣ братъ жалуется, что у него заболѣло сердце. Способъ приготовленія яда не сложный.

№ 37. Въ сербской пѣснѣ: „Сунце зађе међу две планине"; парубокъ лежитъ между двумя дѣвицами; одну любитъ, другую не любитъ.

Ан' говори лепота девојка:
„Льуб' и мене, момче неженьено!"
Ньој говори момче неженьено:
„Льубно б'те, лепото довојко!
Али не смем од брата твојега:
У тебе је братац кавгација [1]),
Кудгод иде, онъ замеће кавгу".
Кад то чула лепота девојка,
Она иде у гору зелену,
Те премеће дрвье и каменье.
Док је нашла гују [2]) отравницу.
Заклала је злаћеним прстеном,
Уточила по кондира [3]) једа,

[1]) Спорщикъ, кавга—споръ, ссора.
[2]) Гуја—змѣя.
[3]) Кондир—чаша

Оно друго вином доточила,
Па га дала свом брату рођеном,
Те је свого брата отровала;
Па отиде момку нежењену;
„Љуби мене, момче нежењено,
Ја сам мого брата отровала“.
Ал' говори момче нежењено:
„Ид' одатле, једна отровнице!
Кад си свога брата отровала,
Отроваћеш и мене јунака (*Караджичъ*, Срп. нар.
пјесме I, 215 № 302).

№ 38. Въ сборникѣ сербскихъ народныхъ пѣсенъ *Райковича* подъ № 251 (стр. 221) находится краткій варіантъ „Шокица“: начало обычное у сербовъ (сунце дало међу горицата). Молодецъ Іово предлагаетъ дѣвушкѣ отравить брата; дѣвица говоритъ, что она попроситъ вилу собрать ядовитаго зѣлья:

Іа ћу рећи погоркињи вили
Да сабере од отрава биља,
Па ћу свога брата отровати“—
—Курво, кучко, бијела Шокице..
Кад би свога брата отровала
И мене би млађака јунана.

Отравленіе не происходитъ. Пѣсня очень краткая и несомнѣнно, выродилась изъ пѣсенъ съ отравленіемъ.

№ 39. Въ сборникѣ *Мажуранича* „Hrvatske narodne piesme“ I, стр. 152: „Солнце между горами, Юро между дѣвицами“ и пр.—сходно съ сербскими. Въ половину сосуда налитъ змѣиный ядъ; долитъ виномъ. Братъ возвращается съ охоты. „Junak pije na zemplju se sruši“. Юро отвергаетъ отравительницу:

Odi z Bogom mlajahna divojko,
Kad si svoga brata otrovala,
Kormo l'nebiš tudjega junaka.

Сербскіе варіанты, сравнительно съ моравскими, польскими и малорусскими, отличаются краткостью.

№ 40. Въ болгарской пѣснѣ—передаю ее въ переводѣ—Стоянъ склоняетъ красавицу Бояну къ уходу; но братъ не даетъ ее. Стоянъ совѣтуетъ Боянѣ отравить брата. „Я отравила бы, отвѣчаетъ Бояна, но нечѣмъ“. Пойди въ глухое мѣ-

сто (*осой*), возьми двѣ змѣи, свяжи ихъ зеленымъ снуркомъ (гайтаномъ, собств. кантомъ) и повѣсь на зеленый яворъ: Яворъ будетъ цвѣсти, а ядъ капать. Нацѣди его въ чашку и дай брату напиться. Бояна такъ и поступила. Напился братъ яду (люта ракіа), упалъ съ коня (отъ коня падна) и ударился объ остріе сабли (*Миладиновъ* Бълг. нар. пѣс. 363—364).

№ 41. Въ другой болгарской пѣснѣ, неизданной въ печати, мотивъ о сестрѣ отравительницѣ получилъ такую своеобразную обработку: Турокъ хочетъ увезти дѣвицу: отецъ и мать ея согласны: братъ не согласенъ. Турокъ предлагаетъ отравить брата змѣинымъ ядомъ. По ошибкѣ дѣвица поднесла ядъ своему любовнику и горько о томъ сожалѣетъ.

№ 42. Въ сборникѣ македонскихъ болгарскихъ пѣсенъ *Верковича* (№ 317) родные мужа приготовляютъ ядовитое кушанье изъ двухъ змѣй и отравляютъ молодую и прекрасную замужнюю женщину Стану.

№№ 43—44. Пѣсни о сестрѣ отравительницѣ извѣстны латышамъ и литовцамъ. Въ литовской пѣснѣ изъ Трокскаго уѣзда Виленской губ.: "Ой на горѣ на высокой Аленушка ленъ таскала. Генералъ предлагаетъ А. уйти съ нимъ. А. говоритъ, что братъ не позволитъ. Генералъ предлагаетъ отравить брата. А. говоритъ, что у ней нѣтъ такого зѣлья. Генералъ совѣтуетъ сорвать въ саду ядовитую траву, сварить ее съ чаемъ, слить въ стаканъ и отнести въ свѣтлицу. Братъ умеръ. Генералъ побоялся жениться на отравительницѣ. Пѣсня оканчивается словами сестры: "нужно и мнѣ теперь нищенствовать и за братца молиться". (*Перетцъ* въ Кіев. Стар. 1892, VI, 466). Въ близкомъ литовскомъ варіантѣ братъ возвращается съ охоты; приготовленіе отравы буквально сходное. Упавъ съ коня, братъ проситъ сестру приготовить ему постельку; генералъ отказывается отъ женитьбы, и отравительница рада выйти и за нищаго (*Kolberg*, въ Zbiòr wiadomośći III 208—209). Послѣдняя подробность о нищенствѣ отвѣчаетъ тѣмъ малорусскимъ варіантамъ, гдѣ отравительница идетъ замужъ за нищаго. По описанію приготовленія яда, эта литовская пѣсня представляетъ очень близкій, мѣстами дословный варіантъ галицко-русской пѣсни № 9.

№ 45. Въ албанской пѣснѣ мужчина подговариваетъ дѣвушку извлечь изъ головы змѣи ядъ и въ смѣси съ виномъ отравить брата.

№ 46. Въ румынской пѣснѣ свекруха приказываетъ повару сварить три змѣиныхъ головы и отравить невѣстку; существуютъ сходныя новогреческія и италіанскія пѣсни (*Child* I. 156).

№ 47. Пѣсни о сестрѣ, отравившей брата, распространены и среди мадьяръ. Братъ носитъ имя Ивана. Отравительницей является не родная сестра, а золовка. Мать спрашиваетъ, гдѣ онъ былъ? О.—у золовки! В. Что ѣлъ? О.—Пятнистую жабу (въ вар. рака). Умирающій (Иванъ) оставляетъ матери горе, братьямъ быковъ и лошадей, сестрамъ домашнія вещи, золовкѣ—вѣчное проклятіе (*Child* I 154, II 499).

№№ 48—50. Въ нѣмецкихъ пѣсняхъ о „Schlangenköchin" сынъ (Генрихъ) на вопросы матери отвѣчаетъ, что онъ былъ у своей любовницы, ѣлъ пеструю рыбу (=змѣю), остатки которой далъ собакѣ, и собака издохла. Умирая, Генрихъ желаетъ своимъ родителямъ всего хорошаго, а отравительницѣ адскія мученія. Въ одномъ нѣмецкомъ вар. мать спрашиваетъ у сына, гдѣ постлать ему постель и получаетъ, отвѣтъ: на кладбищѣ. Въ варіантахъ отравительницей является бабушка или тетка. Подобнаго рода пѣсни записаны въ Швеціи и Даніи. Отравительницей является въ нихъ мачиха или тетка, жертвой—дѣвушка. Въ концѣ пѣсенъ обычныя благопожеланія роднымъ и проклятіе отравительницѣ (*Child* I 152—154).

№ 51. Сербо-лужицкая пѣсня объ отравленіи молодаго человѣка въ сборникѣ *Гаупта и Шмалера* (I, 110) представляетъ передѣлку германскихъ пѣсенъ и сходна съ ними даже въ мелочахъ.

№ 52. Уже въ концѣ XVIIIв. въ Англіи были распространены баллады объ отравленіи брата. Около 20 варіантовъ издано въ послѣднее время въ превосходномъ сборникѣ Чайльда. Въ одномъ изъ лучшихъ варіантовъ фигурируетъ лордъ Рандаль и по его имени названы другія англійскія и шотландскія баллады этого рода. Всѣ баллады изложены въ діалогической

формѣ. Гдѣ ты былъ, мой сынъ?—спрашиваетъ мать. О. Въ лѣсу зеленомъ. В. Кого тамъ встрѣтилъ? О. Любовницу мою. В. Что она дала тебѣ? О. Зажаренную змѣю. В. Кому бросилъ остатки? О. Моимъ собакамъ. В. Что съ ними сдѣлалось? Поздыхали. Мать: Ты отравленъ, мой сынъ. Сынъ: Сердце болитъ. Далѣе идутъ вопросы матери, что сынъ завѣщаетъ своимъ роднымъ, и отвѣты, что онъ оставляетъ братьямъ и сестрамъ коней, быковъ, родителямъ горе и бѣдность, своей возлюбленной адскій огонь. Всѣ англійскіе и шотландскіе варіанты начинаются съ вопроса матери:

O where have you been, Lord Ronald, my son?... т. е. гдѣ ты былъ, мой сынъ (имя рекъ), далѣе съ повтореніемъ, гдѣ ты былъ мой красавчикъ? и затѣмъ слѣдуютъ отвѣты сына (*Child* 157—166, II 498, IV 498, VI 499 и VIII 449).

№ № 53—54. Существуетъ много италіанскихъ варіантовъ разбираемой пѣсни, причемъ древнѣйшіе слѣды ихъ восходятъ къ 1629 и 1656 годамъ. Мать спрашиваетъ сына, гдѣ онъ былъ? Онъ былъ у милой, отравленъ угремъ (змѣей), посылаетъ за врачомъ, умирая, оставляетъ матери дворецъ, братьямъ лошадей, сестрамъ приданное, любовницѣ висѣлицу (*Child* I 153). Встрѣчаются буквальныя совпаденія съ малорусскими пѣснями, напр. „el mio cuor sta mal", „e la n'a dato m'anguila zostita"... Въ нѣкоторыхъ варіантахъ жена добываетъ изъ змѣи ядъ и пытается отравить мужа, по возвращеніи его съ охоты; но мужъ заставляетъ ее выпить отраву. Между нѣкоторыми италіанскими и галицко-русскими пѣснями обнаруживается замѣчательное, совпаденіе, на примѣръ:

Dove si stâ jersira.
Xiglinol mio caro, fiorito e gentil?
Dove si stâ jersir?
Son stâ dalla mia dama;
Signora Mama, mio core sta mal [1]) (*Child* I 153).

Съ этимъ началомъ италіанской пѣсни совпадаетъ слѣд.:

Сынку Васильку, жалости мои,
Ой цы ходывъ ты къ вдовы на вечерныци,

---

[1]) Буквальный переводъ: Гдѣ ты былъ вчера вечоромъ, мой милый дорогой сынъ? Гдѣ ты былъ вчера вечеромъ? Я былъ у моей дамы, матушка, и мое сердце болитъ....

Хсдывъ я, неньк⁰, щире серденько. (*Голов.* II 584).

. . . .

Братъ ся пива напивае
За серце ся истискае (*Голов.* I 207).

Италіанскія пѣсни этого рода называются L' Avvelenato, т. е. отравленный. Любопытно совпаденіе по діалогической формѣ и по содержанію, доходящее до мелочей, напр. jersira (вчера вечеромъ) вполнѣ отвѣчаетъ лалорусскимъ вечерницамъ.

Вообще, италіанскіе варіанты имѣютъ замѣчательно большое сходство съ славянскими, напр., слѣдующій (Donna Lombarda) изъ Піемонта, напечатанный въ "Canti popolari del Piemonte" (1888 г.) *Нигры* (передаю въ переводѣ на рус-языкъ). Полюби меня, милая ломбардка; "какъ мнѣ любить тебя, когда у меня мужъ"; отрави мужа; "укажи, какъ это сдѣлать".—Въ саду за домомъ есть змѣя, поймай ее, столчи и брось въ окно; когда мужъ возвратится съ охоты, дай ему вина. "Отчего, милая ломбардка, такое мутное вино?" (спрашиваетъ мужъ).—Вѣтеръ съ моря его помутилъ. Далѣе мужъ заставляетъ ее выпить вино, угрожая мечомъ. За первымъ глоткомъ у ломбардки измѣнился цвѣтъ лица, за вторымъ она позвала священника, а за третьимъ могильщика. Этотъ италіанскій варіантъ почти буквально совпадаетъ съ галицко-русскимъ подъ № 11.

Сравненіе варіантовъ, западно-европейскихъ и славянскихъ, показываетъ, что мы имѣемъ дѣло съ одной пѣсныю. Сходство варіантовъ настолько велико, что не представляется достаточнаго основанія для постановки теоріи о версіяхъ пѣсни. Можно намѣтить только такія особенности: въ западно-европейскихъ варіантахъ болѣе выдержана діалогическая форма пѣсни, въ славянскихъ она выдержана лишь въ весьма немногихъ варіантахъ, сохранена еще кое-гдѣ въ началѣ пѣсенъ и совсѣмъ потеряна въ концѣ. Крупнѣе другая особенность: въ европейскихъ варіантахъ обычны пожеланія умирающаго и роздача роднымъ имущества, въ славянскихъ—нѣтъ ни пожеланій, ни просьбъ, ни завѣщаній, если не считать проскальзывающей въ нѣкоторыхъ варіантахъ просьбы умирающаго позаботиться о его дѣтяхъ.

Обратимся къ болѣе детальному обзору мотивовъ пѣсни о сестрѣ отравительницѣ.

Относительно запѣва нужно сказать, что въ славянскихъ варіантахъ нѣтъ опредѣленнаго запѣва, а въ западно-европейкихъ установившимся пріемомъ начала пѣсенъ этого рода оказывается обращенный къ сыну вопросъ матери, гдѣ онъ былъ. Изъ славянскихъ варіантовъ сходство по запѣву обнаруживается лишь въ сербскихъ (молодецъ между двумя дѣвицами) и отчасти великорусскихъ (струганье стружекъ, какъ символъ любви, на основѣ матеріальнаго характера)

Славянскіе варіанты начинаются съ того мотива, что дѣвица проситъ мужчину жениться на ней. Мѣсто дѣйствія первой ихъ встрѣчи—криницы въ полѣ, поле, лугъ, берегъ рѣки (Дуная въ № 21), во многихъ варіантахъ совсѣмъ не обозначается.

Соблазнитель въ малорусскихъ пѣсняхъ сербъ, армянинъ, вообще чужестранецъ или инородецъ; въ моравскихъ—гусары, вообще сторонніе люди; въ болгарскихъ и польскихъ также замѣтно такое обособленіе (турокъ № 41, подолянецъ №№ 33—34).

Отравительницей является въ западно-европейскихъ варіантахъ большею частью любовница, въ славянскихъ сестра; жертвой—любовникъ или братъ. Въ древнѣйшемъ италіянскомъ варіантѣ дѣвушка отравляетъ своего возлюбленнаго. Въ малорусскихъ, великор. и бѣлор. варіантахъ собственныя имена встрѣчаются рѣдко; въ галицко-русскихъ отравительница названа Параской, а жертва Иваномъ. Послѣднее имя усвоено моравскими и мадьярскими пѣснями. Въ западно-европейскихъ пѣсняхъ личныя имена обычны (Генрихъ, лордъ Рандаль, Тиранти).

Въ малор. вар. (№№ 16—19) обнаруживается тенденція вину преступленія перенести на мать дѣвушки; она дала яду.

Въ отраву въ громадномъ большинствѣ западно-европейскихъ и славянскихъ варіантовъ идетъ змѣя, иногда двѣ или три змѣи; въ одномъ галиц.-рус. съ добавленіемъ ящерицы; въ многихъ варіантахъ змѣя прямо не названа, а лишь подразумѣвается подъ „пестрой рыбой“; изрѣдка она замѣнена

жабой (мадьярскій варіантъ), иногда (вар. малор., англ.) упоминается отрава, безъ указанія, изъ чего она составлена. Въ одномъ малорусскомъ варіантѣ (№ 3) у змѣи болитъ голова, что отвѣчаетъ народному повѣрью, будто у змѣй всегда болитъ голова, вѣроятно, отъ присутствія въ ней яда. Въ нѣкоторыхъ варіантахъ (№ 26 и др.) сила яда характеризуется тѣмъ, что отъ капли загорается у коня грива.

Повѣрье о возможности отравленія змѣинымъ ядомъ раздѣляютъ многіе народы. Въ русской сказкѣ, записанной въ Терской области, колдунья даетъ такой совѣтъ: „пусть царица испечетъ хлѣбъ на змѣиномъ салѣ и дастъ его сыну: какъ только онъ съѣстъ его, такъ его и разорветъ на нѣсколько частей“ (*Сборн.* матер. для изуч. Кавказа VII, 144). Это повѣрье прочно держалось въ древней Россіи. Такъ, лѣтописецъ по поводу эпидеміи 1286 г. говоритъ слѣдующее: „Татаре многа зла сотвориша Русской землѣ, а же не мечемъ и не огнемъ, понеже Русь помогаху имъ, но чарами своими: иземше бо серце человѣческое мочаху въ ядѣ аспидномъ и полагаху въ водахъ и отъ сего воды вся въ ядъ обратишася и аще кто отъ нихъ піяше, абіе умираше, и отъ сего великій моръ бысть по всей Русской землѣ“! Въ кабардинской сказкѣ про Ишибадиноко всѣ нарты съ богатыремъ Сосруко во главѣ совѣщаются, какъ погубить Ишебадиноко: они налили въ чашу бѣлаго сане (вина?) и опустили туда три ядовитыхъ змѣи (*Сборн.* матер. для изуч. Кавказа XII, 34).

Весьма интересна одна подробность въ малор. (№№ 1—2) и болгар. (40) вар.: змѣю вѣшаютъ на дерево, чтобы ядъ стекалъ въ поставленный внизу сосудъ. У Лопарей существуетъ обычай вѣшать убитыхъ змѣй на дерево (*Харузинъ* 206). Въ дѣтствѣ я живалъ въ Малороссіи, въ мѣстности очень низменной и обильной змѣями. Припоминаю, что деревенскіе ребятишки за лѣто убивали много змѣй и почему-то вѣшали ихъ на деревѣ лентами. Случайная ли это игра дѣтей, или она вызвана какимъ-нибудь повѣрьемъ, отвѣчаетъ лопарскому обычаю и, быть можетъ, стоитъ въ связи съ разобраннымъ пѣсеннымъ мотивомъ—судить не берусь.

Въ нѣкоторыхъ варіантахъ обозначена посуда, въ малор. (1—2) коновочка, въ сербскихъ (37) кондиръ (т. е. чаша или бокалъ), большею частью склянка (10, 30, 43).

Приготовленіе яда въ иныхъ пѣсняхъ обойдено молчаніемъ, въ другихъ объяснено: простое извлеченіе изъ змѣиной головы (1—2), настой на хододной водѣ и пр. (9, 11). Тенденція къ объясненію приготовленія яда обнаруживается почти исключительно въ малорусскихъ пѣсняхъ.

Ядъ большею частью смѣшивается съ другимъ напиткомъ, чаще всего съ пивомъ (1—2, 7, 24), изрѣдка виномъ (30, 33), медомъ (23) или преподносится въ пирогѣ (11).

Братъ возвращается обыкновенно съ охоты (7, 34, 44, 53, 54), иногда съ дороги (1), чаще всего безъ обозначенія. Такъ какъ возвращеніе съ охоты встрѣчается въ пѣсняхъ разныхъ народовъ (малоруссовъ, поляковъ, латышей, италіанцевъ), то эту подробность нужно признать одной изъ наиболѣе древнихъ.

Въ одномъ малорусскомъ вар. (16) обнаруживается сначала любовная приворожба и потомъ слѣдуетъ отравленіе—очевидная амплификація, плохо мотивированная.

Дѣйствіе яда обнаруживается въ томъ, что братъ падаетъ съ коня (1, 33, 39, 40, 44), жалуется на боль въ сердцѣ (21, 36, 62, 53), измѣняется въ лицѣ (11, 36, 54).

Въ одномъ малорусскомъ варіантѣ (22) встрѣчается описательное выраженіе „никогда“, взятое изъ другихъ пѣсенъ, вѣроятно, изъ цикла пѣсенъ о смерти солдата (см. мою ст. въ Этнограф. Обозр. 1893, II).

Умирающій въ западно-европейскихъ варіантахъ высказываетъ послѣднюю свою волю; въ малорусскихъ удержалось (въ № 9) пожеланіе для отравительницы висѣлицы. Такое пожеланіе встрѣчается въ италіанскихъ и англійскихъ вар. Въ нѣмецкихъ, англійскихъ, шведскихъ и датскихъ для отравительницы оставлены адскія мученія.

Въ одномъ болгарскомъ вар. дѣвушка по ошибкѣ подноситъ ядъ любовнику (41).

Въ польской пѣснѣ (33) преступность сестры усилена той чертой, что братъ привезъ ей подарки.

Въ англійскихъ, германскихъ (и отрасли ихъ сербо-лужицкомъ) вар. умирающій проситъ мать постлать ему постель. Въ славянскихъ пѣсняхъ этотъ мотивъ встрѣчается изрѣдка (въ моравскихъ). Обращеніе умирающаго къ матери довольно обычно въ малорусскихъ пѣсняхъ (23).

Въ малор. вар. при смерти брата присутствуютъ односельчане (20)—оригинальная черта.

Отравительница въ немногихъ пѣсняхъ (10, 33) обнаруживаетъ раскаяніе.

Почти во всѣхъ варіантахъ соблазнитель отказывается отъ женитьбы на отравительницѣ.

Отравительница выходитъ замужъ за нищаго въ малор. и латышскихъ пѣсняхъ (3, 4, 5, 24, 43, 44), въ послѣднихъ, вѣроятно, въ зависимости отъ малорусскихъ.

Казнь отравительницы встрѣчается въ славянскихъ и западно-европейскихъ пѣсняхъ (9, 26, 33, 36, 53, 54): ее садятъ въ тюрьму, вѣшаютъ; братъ обезглавливаетъ ее (26) или только грозитъ казнью (53); сожигаютъ (10, 26).

Умершаго брата хоронятъ со звономъ въ нѣкоторыхъ польскихъ и моравскихъ варіантахъ (33, 36).

Есть намеки (напр. въ № 9) на пѣсни, сложенныя о сестрѣ отравительницѣ.

Пѣсни объ отравленіи змѣинымъ ядомъ издавна были популярны въ Европѣ. Онѣ легко переходили отъ одного народа къ другому. Пути ихъ движенія и распространенія переплетались, и опредѣлить ихъ въ настоящее время весьма затруднительно. Пѣсня первоначально возникла гдѣ-то въ западной Европѣ, быть можетъ, въ Италіи, гдѣ она циркулировала уже въ началѣ XVII в. Въ Малороссію пѣсни этого рода проникли, повидимому, разными путями и въ разное время. Самый интересный галицко-русскій варіантъ (№ 25) несомнѣнно идетъ прямо съ запада; онъ стоитъ въ ближайшемъ родствѣ съ мадьярскими, нѣмецкими и италіанскими пѣснями этого рода. Сходство простирается даже на мелочи. Другой любопытный галицко-русскій варіантъ (№ 9) стоитъ въ близкомъ родствѣ съ польскимъ (33) и моравскимъ (36). Третій галицко-русскій ва-

ріантъ (№ 11) вмѣстѣ съ моравскимъ (36) прямо примыкаетъ къ италіанскому (54). Въ виду того, что во многихъ малорусскихъ варіантахъ упоминается сербинъ, можно думать о посредствующемъ значеніи для нѣкоторыхъ малорусскихъ пѣсенъ сербскихъ варіантовъ, хотя въ извѣстныхъ въ печати сербскихъ пѣсняхъ этого рода не обнаруживается большого сходства съ малорусскими. Возможно, что „сербинъ“ попалъ случайно въ значеніи чужеземца вообще. Изъ Малороссіи пѣсни о сестрѣ-отравительницѣ легко могли проникнуть въ Великороссію, гдѣ къ нимъ приросъ новый запѣвъ, въ Бѣлоруссію, въ Литву. Великорусскія обработки въ искаженіи могли возвращаться въ Малороссію, и такимъ выродкомъ можно считать харьковскій варіантъ (№ 21). Въ малорусскихъ варіантахъ (№ 1—2) можно усмотрѣть вліяніе болгарскаго (40), по большому сходству полученія яда. Главный токъ шелъ, повидимому, съ запада чрезъ Чехію и Моравіюкъ южнымъ и восточнымъ славянамъ.

Вопросъ о происхожденіи цикла пѣсенъ объ отравленіи брата сестрой—вопросъ темный. Можетъ быть, мы подойдемъ къ его разрѣшенію, если прiймемъ во вниманіе, что въ сказкахъ разныхъ народовъ, сказкахъ весьма распространенныхъ, извѣстныхъ уже съ давняго времени, встрѣчается попытка матери отравить сына. Мать влюбляется въ великана, чудовище, чародѣя или просто сосѣдняго царя, убиваетъ мужа и хочетъ извести своего сына, который оказывается обыкновенно богатыремъ и мститъ потомъ матери и ея любовнику. Изъ сказокъ этотъ мотивъ проникъ въ повѣсти, напр., въ сѣверо-французскій романъ о Бовѣ Королевичѣ и его многочисленныя италіанскія передѣлки (*Веселовскій*, въ Ист. литер. Галахова, 453), равно какъ и въ русскіе переводы. Въ старинномъ русскомъ переводѣ „прекрасная королева Милитриса, вшедъ въ королевскія палаты, начала мѣсить два хлѣбца своими руками на змѣиномъ салѣ въ пшеничномъ тѣстѣ“. Она послала эти хлѣбцы съ дѣвкой Бовѣ въ темницу; но дѣвушка пожалѣла Бову, бросила хлѣбы собакамъ; „и сколь скоро выжлецы хлѣбцы съѣли и скоряя того ихъ разорвало по макову зерну (*Памятн. древн.*

письм. 1879 I, 58). Припомнимъ, что въ нѣкоторыхъ славянскихъ варіантахъ братъ бросаетъ хлѣбъ собакамъ, которыя издыхаютъ. Извѣстно, что пѣсни жили въ тѣсномъ общеніи со сказками. Легко могло случиться, что сказочный или даже повѣствовательный мотивъ о матери отравительницѣ въ XIV или XV вѣкѣ получилъ въ западной Европѣ во Франціи и въ Италіи пѣсенную обработку съ замѣной сына и матери братомъ и сестрой. Этотъ мотивъ могъ распространяться въ устной словесности европейскихъ народовъ параллельно съ распространеніемъ сказки о Бовѣ Королевичѣ.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

Отрывки изъ записокъ Автонома Акимовича Солтановскаго.[1])

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Печатая отрывки изъ записокъ А. А. Солтановскаго уже второй годъ и почти подходя къ окончанію ихъ, мы вынуждены теперь, благодаря нѣкоторымъ обстоятельствамъ, объяснится передъ читателями по поводу этихъ записокъ, или—лучше сказать—повторить въ цѣльномъ объясненіи то, что разновременно указано было нами въ примѣчаніяхъ къ нимъ.

Дѣло въ томъ, что въ послѣднее время мы получили по поводу этихъ записокъ нѣсколько писемъ, упрекающихъ насъ въ печатаніи матеріала, неправильно освѣщающаго теченіе событій и характеристику выводимыхъ лицъ. Упреки эти, какъ намъ кажется, вытекаютъ изъ неосновательнаго смѣшенія воззрѣній редакціи съ воззрѣніями автора записокъ. Между тѣмъ мы имѣли случай опредѣленно высказаться по этому вопросу, когда въ одномъ изъ примѣчаній къ запискамъ А. Солтановскаго (№ 6-й 1892 г., стр. 424) сказали: „мемуары—это такой матеріалъ, который имѣетъ цѣну даже при условіяхъ неточнаго и невѣрнаго освѣщенія фактовъ и лицъ, т. к. самое это освѣщеніе служитъ характеристикой и мемуариста, и—еще болѣе—того круга, въ какомъ онъ вращался, что является до извѣстной степени отголоскомъ общественныхъ настроеній". Въ виду этого мы всегда помѣщаемъ тѣ факты, которые имѣются въ

[1]) См. „Кіевская Старина" 1893 г. № 9.

мемуарахъ, не измѣняя ихъ и только дѣлая поправки въ тѣхъ случаяхъ, когда намъ возможно провѣрить фактическую сторону сообщаемаго, а также оговаривая общія положенія, если чувствуемъ, что авторъ одностороненъ и своеобразенъ въ своихъ взглядахъ. И то, и другое нами было постоянно дѣлаемо при печатаніи мемуаровъ А. Солтановскаго. Такъ, по поводу стремленій его почти всѣ бѣды сваливать на польскую интригу, мы сдѣлали совершенно опредѣленную оговорку, сказавши, что это у автора составляетъ какую-то болѣзненную особенность (см. № 6, 1892 г, стр. 422 и 426; въ № 11-мъ 1832 г. стр. 235). Равнымъ образомъ, нами дѣлались всѣ фактическія поправки въ тѣхъ случаяхъ, которые мы могли провѣрить, какъ напр.: кіевскій и ровенскій періоды его воспоминаній. Поэтому, повторяя еще разъ, что редакція не можетъ отвѣтствовать за направленіе печатаемыхъ въ изданіи мемуаровъ такъ, какъ она должна отвѣтствовать за помѣщаемыя оригинальныя статьи, мы просимъ только всѣхъ интересующихся возстановленіемъ истинной передачи фактовъ сообщать намъ свои дополненія и поправки, особено если окажется что-либо извращеннымъ у автора мемуаровъ.

Городъ Маріамполь находится по перворазрядному петербургско-варшавскому шоссе отъ Сувалокъ въ 60 верстахъ. Первая почтовая станція—около колоніальной деревни Шиплишки, вторая почтовая станція—уѣздный городъ Кальварія и третья—уѣздный городъ Маріамполь. Кальварія и Маріамполь переполнены жидами, ведущими съ Пруссіей оживленную контрабанду. Въ Кальваріи имѣетъ свое мѣстопребываніе протестантскій Суперъ-Интендантъ. Я сказалъ, что Шиплишки колоніальная деревня. Сувалкскій, Кальварійскій, Маріампольскій и Владиславовскій уѣзды сувалкской губерніи наполнены такими деревнями и селеніями. Домы въ этихъ колоніяхъ тянутся по обѣ стороны дороги, по прямой линіи на три, четыре версты. Около каждаго дома все его хозяйство: и токъ, и садъ, и огородъ, и пахотное поле, и сѣнокосъ. Было время, когда предполагалось такимъ

образомъ заселить все царство Польское. Опытъ начатъ съ сувалкской губерніи: но почему-то, все дѣло пріостановилось, хотя колоніальное устройство крестьянскаго хозяйства имѣетъ за собою всѣ преимущества. Все у хозяина подъ рукою; за всѣмъ наблюдать легко, и не теряется попусту время на переходы къ пахотнымъ полямъ и сѣнокосамъ, часто отстоящимъ отъ усадьбы въ нѣсколькихъ верстахъ. Я прибылъ въ Маріамполь часа въ четыре. Остановился въ еврейской гостинницѣ и отправился пообѣдать въ кондитерскую. Начальнику Дирекціи Высочайшимъ указомъ предоставлены были обширныя права. Поэтому меня ожидали въ Маріампольской прогимназіи съ порядочнымъ страхомъ. Инспекторъ гимназіи старикъ Лянгри, человѣкъ умный и практическій, поручилъ знакомымъ телеграфировать о выѣздѣ моемъ изъ Сувалокъ въ Маріамполь, но никто не зналъ, куда я направлюсь, почему Лянгри не извѣстили телеграммой. Лянгри поручилъ мишуресамъ (прислужникамъ) во всѣхъ заѣзжихъ домахъ сейчасъ извѣстить его въ случаѣ моего пріѣзда. Когдая занялъ квартиру въ гостинницѣ, мишуресъ сейчасъ явился ко мнѣ съ записною книгой, требуя, чтобы по военному положенію, я внесъ въ книгу указанія: кто я? откуда и куда ѣду? Я отвѣчалъ ему по польски, что ночую у нихъ и завтра утромъ распишусь. Едва я расположился обѣдать за столомъ, вошелъ молодой человѣкъ высокаго роста, брюнетъ, съ усиками и сѣлъ противъ меня за столомъ обѣдать. Кондитерская стала пополняться офицерами, гренадерами Астраханскаго полка. Всѣ они оказались знакомыми брюнета. Завязался разворъ. Вдругъ одинъ изъ офицеровъ спрашиваетъ брюнета: „Что же вашъ сатрапъ еще къ вамъ не собрался?"—Ждемъ съ трепетомъ каждую минуту.—Зачѣмъ же такъ трепетать?"—замѣтилъ другой офицеръ.—Какъ зачѣмъ?—возразилъ брюнетъ:—его права надъ нами таковы: войдетъ въ классъ, окинетъ тебя взглядомъ; не понравилась физіономія—и убирайся вонъ!—„Это уже слишкомъ", сказалъ одинъ изъ офицеровъ: „этого и у насъ не водится". Изъ кондитерской я отправился посмотрѣть зданіе прогимназіи. Въ открытыя на площади двери входили и выходили ученики. Вошелъ и я. Прошелъ корридоромъ и вмѣстѣ съ учениками сталъ подыматься по лѣстницѣ на вто-

рой этажъ, откуда слышалось пѣніе костельныхъ пѣсенъ. Ученики торопливо стали сторониться, давая дорогу какому-то толстому старику, сходившему внизъ по лѣстницѣ. Посторонился и я. Старикъ, окинувъ меня глазами, и, видимо, принимая за кого-нибудь изъ родственниковъ одного изъ учениковъ, важно прошелъ мимо меня. На второмъ этажѣ происходили классы церковнаго пѣнія. Разспросивъ учениковъ о времени начала занятій въ классахъ и узнавъ отъ нихъ, что проходившій мимо меня старикъ—инспекторъ Лянгри, я въ сумерки возвратился на свою квартиру въ гостинницу. Подавая мнѣ самоваръ, мишурисъ опять сталъ меня допрашивать: „панъ у насъ еще никогда не останавливался, вѣрно ѣдетъ издалека". Я отвѣтилъ, что живу въ сейненскомъ уѣздѣ. „Панъ тамъ имѣетъ majątek?"—Да.—Жидъ успокоился. Значитъ, не начальникъ, не москаль. Утромъ, едва стало разсвѣтать, какъ зазвонили въ монастырѣ Маріановъ, а вслѣдъ за тѣмъ сталъ звонить гимназическій колокольчикъ. Мишурисъ принесъ самоваръ. Я сталъ одѣваться и видѣлъ черезъ площадь, какъ со всѣхъ сторонъ къ дверямъ прогимназіи потянулись ученики. Прибыли учителя и стали на площади строить въ рядъ учениковъ по классамъ. Наконецъ вышелъ Лянгри, и ученики потянулись мимо гостинницы въ направленіи къ волковишско-кабартскому шоссе. Вошедшій мишурисъ объяснилъ мнѣ, что они идутъ на мшу въ монастырь Маріановъ, который расположенъ далеко отъ прогимназіи на концѣ города; что ходятъ туда каждое утро молиться, не смотря ни на какую погоду. Я вручилъ мишурису записку и поручилъ ему догнать инспектора и передать ее ему. Мишурисъ сказалъ, что сейчасъ нельзя, что это можно сдѣлать, когда будутъ возвращаться изъ костела. Тогда я объявилъ мишурису, что я начальникъ дирекціи. Мишурисъ бросился съ запискою со всѣхъ ногъ. Вслѣдъ за тѣмъ послышался топотъ, и ученики бѣглымъ шагомъ, имѣя впереди тучнаго Лянгри, пронеслись въ зданіе прогимназіи. Минутъ черезъ пять уже представлялся мнѣ въ мундирѣ, весь запыхавшійся и раскраснѣвшійся, Лянгри. Я его обласкалъ, пораспросилъ обо всѣхъ ихнихъ порядкахъ, и мы отправились въ прогимназію. На ниж-

немъ этажѣ направо дверь вела въ 3-ій классъ. Мы вошли. Передъ нами, у доски, назначая урокъ, стоялъ вчерашній брюнетъ. Онъ узналъ меня, поблѣднѣлъ, затрясся и выпустилъ изъ рукъ мѣлъ. Я подошелъ къ нему, подалъ ему руку, сталъ ласково его расспрашивать, и, занявши на ученической скамьѣ мѣсто, просилъ его продолжать урокъ. Онъ скоро оправился и очень толково назначилъ урокъ и затѣмъ сталъ спрашивать учениковъ. Прежде всего онъ заставилъ двухъ или трехъ передѣлать назначенный имъ урокъ. Это мнѣ очень понравилось, я изъявилъ ему свое удовольствіе. Учитель весь просіялъ. Это былъ учитель математики Т-ій, получившій воспитаніе въ Царствѣ Польскомъ, но хорошо усвоившій себѣ русскій языкъ, на которомъ онъ разговаривалъ съ офицерами въ кондитерской. Около десяти часовъ явился въ прогимназію законоучитель ксендзъ Ч—ъ, монахъ—генералъ ордена Маріановъ. Ему было не болѣе 28 лѣтъ. Онъ изъ крестьянской литовской семьи. Родители его живутъ въ одномъ изъ селеній маріампольскаго уѣзда. Ч—ъ кончилъ академію, весьма умный и симпатичный человѣкъ. Послѣ смерти генерала, онъ единогласно избранъ былъ на мѣсто покойнаго капитуломъ, въ которомъ было нѣсколько старыхъ монаховъ изъ важныхъ титулованныхъ польскихъ фамилій. Это лучше всего рекомендуетъ умъ и характеръ Ч—а. Въ инспекторской Лянгри и Ч—у я заявилъ, что прогимназія—заведеніе свѣтское, и потому, достаточно ученикамъ посѣщать костелъ въ воскресные и праздничные дни. Что ежедневное посѣщеніе костела, отстоящаго отъ прогимназіи далеко, въ зимнее время можетъ имѣть вредное вліяніе на здоровье учениковъ и, сверхъ того, обременяя дѣтей, можетъ сдѣлать ихъ равнодушными къ религіи. Ч—ъ возразилъ, что это такой издавна обычай; что въ прогимназіи большинство—дѣти литвиновъ крестьянъ, и что многіе изъ нихъ по желанію родителей изъ 7-го класса поступаютъ въ сейненскую духовную семинарію. Я отвѣчалъ, что имъ тогда и время и необходимость будетъ въ посѣщеніи частомъ костела, такъ какъ семинарія—духовно-учебное заведеніе, спеціально приготовляющее однихъ пастырей. Ч—ъ объявилъ: я согласенъ, пусть ограничатся праздничными и воскресными днями. Я за-

мѣтилъ, что вполнѣ увѣренъ, что Ч—ъ мое предложеніе не смѣшаетъ съ поползновеніемъ на притѣсненіе католической религіи, чего у меня и въ умѣ не можетъ быть, и что противорѣчило бы требованіямъ правительства. Онъ заявленіемъ моимъ остался доволенъ. Впослѣдствіи, при содѣйствіи инспектора Терновскаго, когда прогимназія была преобразована въ гимназію, мнѣ удалось убѣдить Ч—а читать З. Божій или на языкѣ большинства учениковъ—литовскомъ, или на языкѣ государственномъ. Ч—ъ сначала сталъ читать по литовски, производя объясненія на русскомъ языкѣ, а потомъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что литовскій языкъ понятенъ не для всѣхъ учениковъ, продолжалъ чтеніе на языкѣ русскомъ. Примѣръ его далъ мнѣ возможность ввести чтеніе З. Божія на русскомъ языкѣ. Литовскіе крестьяне охотно опредѣляютъ своихъ дѣтей въ учебныя заведенія. У нихъ существуетъ родъ майоратства. Старшій сынъ наслѣдуетъ отъ отца все наслѣдство. Другіе, если имѣютъ охоту и способности, поступаютъ въ учебныя заведенія, затѣмъ нѣкоторые въ семинарію и служатъ чиновниками или пастырями. Неспособные же просто служатъ или у старшаго брата или у чужихъ батраками. Успѣхи въ маріампольской гимназіи были выше успѣховъ въ Сувалкской гимназіи. Это произошло отъ незначительнаго участія маріампольской прогимназіи въ революціи. Въ банды пошло только нѣсколько поляковъ, дѣтей служащихъ правительству чиновниковъ, и то они были взяты поголовно жандармами-вѣшателями. Литовскіе крестьяне своихъ дѣтей не пускали въ лѣсъ, и Лянгри имъ въ этомъ содѣйствовалъ всѣми мѣрами. Когда въ Маріамполь являлись вербовщики, побуждая молодежь пистолетами и кинжалами идти въ банды, Лянгри болѣе взрослыхъ учениковъ пряталъ на гимназическомъ чердакѣ, въ голубятникѣ, и по ночамъ только самъ приносилъ имъ пищу, боясь довѣрять сторожамъ, чтобы не выдали. Лянгри былъ хорошій патріотъ; но, во первыхъ, не вѣрилъ въ успѣхъ возстанія, во вторыхъ, полагалъ, что грѣшно втягивать въ такое дѣло учащуюся молодежь. Онъ самъ разсказывалъ, что не столько боялся кинжальщиковъ, которые на часъ только налетали на городъ,

сколько начальниковъ уѣзднаго и особенно жандармскаго, которые главенствовали въ революціонной организаціи маріампольскаго уѣзда. Не только литовскіе крестьяне, но вообще крестьяне всего Царства Польскаго, и поляки и русины-уніаты, не сочувствовали возстанію. Ихъ гнали насильно. Добровольно поступала только панская и ксендзовская прислуга. Литовскіе крестьяне, весьма зажиточные, вслѣдствіе маіоратной системы, имѣютъ прекрасныхъ, рослыхъ лошадей, весьма дорого стоющихъ. Они закапывали свои деньги и цѣнности въ землю, а лошадей прятали, пересылая съ мѣста на мѣсто, при приближеніи банды. Одни только евреи, ловя рыбу въ мутной водѣ, вполнѣ сочувствовали революціи. Въ бандахъ они по своей трусости не участвовали, но давали повстанцамъ деньги, шпіонили, доставляли изъ-за границы контрабандой оружіе, свинецъ и порохъ. Были между ними такіе артисты, которые въ одно и то же время служили шпіонами и полякамъ, и русскимъ. Много ихъ за свои продѣлки попало на висѣлицу. По разсказамъ жандармскіе уѣздные начальники-поляки и нижніе жандармскіе чины-поляки знали о долженствовавшей произойти рѣзнѣ русскихъ съ 10-го на 11 января 1863 года. Жандармы пѣли въ костелахъ, лежали кржыжемъ, а нижніе чины передали при разныхъ случаяхъ свое оружіе повстанцамъ. Правительство въ нѣсколькихъ случаяхъ заподозрило жандармовъ-поляковъ и поспѣшило змѣнить ихъ русскими, предоставивъ уволеннымъ и офицерамъ и нижнимъ чинамъ пансіонъ. Я засталъ курьера въ Плоцкой Дирекціи, отставнаго жандарма-поляка. Онъ получалъ пенсію въ треть 12 р. и жалованье по своей должности. Уволенъ онъ послѣ того, какъ, объѣзжая свой участокъ, былъ въ одномъ мѣстѣ окруженъ повстанцами, которые отняли у него коня и оружіе, а самого, какъ поляка, отпустили во-свояси. Общій голосъ указывалъ, что бойкая, молодая жена его, посѣщавшая на разсвѣтѣ ежедневно монастырь, съ согласія мужа предупредила ксендзовъ о его выѣздѣ изъ Плоцка и договорилась о порядкѣ его обезоруженія. Муравьевъ поручилъ генералу, Никол. Степ. Ганецкому, пройтись по лѣсамъ сувалкской губерніи и выбить оттуда банды, врывавшіяся черезъ Нѣманъ

въ сѣверозападный край. Небольшой русскій отрядъ, состоявшій изъ пѣхоты, козаковъ и одной пушки, провѣдалъ о бандѣ, скрывавшейся въ лѣсахъ помѣщика Годлевскаго, расположенныхъ между Ковно и Маріамполемъ. Эта банда такъ ловко увиливала отъ русскихъ, имѣя повсюду шпіоновъ, что отрядъ дня три путалъ напрасно по лѣсу. Молодой лѣсной сторожъ нѣмецъ предложилъ свои услуги указать мѣстопребываніе банды. Онъ просилъ только, чтобы его одѣли по военному, вооружили и помѣстили въ ряды солдатъ, и затѣмъ, чтобы онъ до окончанія возстанія съ молодой женой у двумя дѣтьми могъ оставаться и питаться при отрядѣ. (Цивилизованные нѣмцы: помѣщики, пасторы, купцы, фабриканты были иа сторонѣ повстанцевъ; но простонародіе, съ которымъ повстанцы обращались жестоко,—при случаѣ женщинамъ обрѣзывали носъ, груди, уши, а мужчинъ насильно брали въ банды,—было на сторонѣ правительства). Одну изъ родственницъ жены лѣснаго сторожа въ ковенской губерніи повстанцы изнасиловали, повыдергали косы, обрѣзали груди и нагую повѣсили за ноги внизъ головою на деревѣ, Она была своевременно снята родными съ дерева и осталась въ живыхъ. Но лѣсной сторожъ поклялся мстить повстанцамъ. Онъ навелъ русскій отрядъ на банду такъ неожиданно, что банда была моментально разбита и разсѣяна. Нѣмца въ рядахъ солдатъ никто не узналъ. Но маріампольскій жандармскій начальникъ скоро открылъ виновника пораженія банды. Жондъ приговорилъ его къ смерти. Нужно было только достать его изъ русскаго отряда. И вотъ кальварійскій судъ прислалъ въ отрядъ повѣстку нѣмцу, чтобы онъ въ назначенный срокъ явился въ означенный судъ въ качествѣ свидѣтеля о порубкѣ кѣмъ-то лѣса у помѣщика Годлевскаго. Нѣмецъ, конечно, не явился. Судъ посредствомъ уѣзднаго маріампольскаго начальника требуетъ его выдачи и отправки въ судъ. Начальникъ отряда отказался выдать полиціи нѣмца. Тогда въ отрядъ является съ двумя жандармами жандармскій уѣздный маріампольскій начальникъ и убѣждаетъ начальника отряда не противиться закону, отпустить съ нимъ нѣмца въ судъ. Жандармскимъ честнымъ словомъ онъ ручается возвратить его въ от-

рядъ послѣ трехъ сутокъ невредимымъ. Нѣмца, не смотря на его и жены его слезы, передали жандармамъ. Жандармскій начальникъ при отношеніи передалъ его уѣздному начальнику, указавъ въ отношеніи, что такъ какъ повстанцы готовы покуситься на жизнь нѣмца, а между тѣмъ онъ на честное жандармское слово отпущенъ изъ отряда, то въ Кальварію нѣмца слѣдуетъ отпустить не иначе, какъ подъ крѣпчайшимъ карауломъ, Въ сумерки шесть человѣкъ караульныхъ, вооруженныхъ палками, повели нѣмца въ кальварію. На дорогѣ есть небольшая липовая рощица, а близъ нея корчма. Караульные пожелали зайти въ корчму. Нѣмецъ настаивалъ продолжать путь; но его не послушали. Нѣмецъ едва вошелъ въ корчму, какъ изъ другой горенки вышли шесть жандармовъ-вѣшателей. Оторопѣвшій и обезумѣвшій отъ страха нѣмецъ бросился въ топившуюся печь. Его удержали, раздѣли до нага, истязали, сняли съ плечъ кожу, вынули сердце и понесли въ липовую рощу, гдѣ и повѣсили на деревѣ, прибивъ гвоздями къ спинѣ повѣшеннаго декретъ народоваго жонда. Уѣздный и Жандармскій начальникъ поспѣшили по своему донести объ этомъ происшествіи. Но военное вѣдомство подняло слѣдстіе, и жандармскій и уѣздный начальники переведены были въ другія мѣста Царства Польскаго. Слѣдствіе продолжалось до самой смерти обоихъ этихъ начальниковъ, и за ихъ смертью было прекращено.

Законоучитель начальн. католич. сувалк. училища, молоденькій викарій Ф—ій и учит. этого училища, пожилой человѣкъ С—ій, по отзыву начальства, считались неблагонадежными. С—ій былъ однимъ изъ сборщиковъ податей для Жонда, и нажилъ себѣ деньги и порядочный домъ. Подати собиралъ со всѣхъ, и даже съ евреевъ. С—ій мнѣ прямо заявилъ, что онъ никогда не училъ дѣтей русскому языку и учить не будетъ. Польскимъ дѣтямъ этотъ языкъ чужой и совсѣмъ не нужный. Конечно, я его постарался скоро удалить отъ должности. Онъ въ городѣ пользовался между поляками всѣхъ слоевъ большимъ значені-

емъ. Совѣтники губернскаго правленія и члены гражданскаго трибунала были съ нимъ за панибрата. При новомъ учителѣ, который изъявилъ готовность преподавать всѣ предметы на русскомъ языкѣ, въ томъ числѣ и З. Божій, мнѣ удалось наконецъ удалить изъ этого училища и викарія Ф—аго. Разъ послѣ обѣда я зашелъ въ училище, желая послушать его преподаваніе. Въ училищѣ стоялъ страшный шумъ. Учитель, воспользовавшись приходомъ на урокъ Ф—аго, вышелъ по своимъ дѣламъ. Ф—ій же, указавъ ученикамъ по книжкѣ къ слѣдующему уроку, тоже вышелъ. Ученики, оставшись безъ надзора, зашумѣли. На вопросъ—гдѣ ксендзъ, одинъ бойкій десятилѣтній мальчуганъ брякнулъ: пошелъ до „паненокъ". И всѣ ученики, подмигивая одинъ другому, стали улыбаться. „До какихъ паненокъ?" спросилъ я.—А вотъ живутъ рядомъ, во второмъ этажѣ.—„Онъ каждый урокъ ходитъ къ нимъ?"—Каждый, отвѣчали ученики: назначитъ по книжкѣ, что выучить, да и идетъ до паненокъ.—Я послалъ за Ф—имъ. Онъ прибѣжалъ весь красный, распотѣвшій, съ волосами, прилипшими къ вискамъ, и сталъ извиняться, что на минуту только забѣжалъ къ кузинѣ отдать письмо. Я предложилъ ему слушать урокъ. Онъ взялъ въ руки книжку и, читая вопросъ то тому, то другому ученику, слѣдилъ за его отвѣтомъ по книжкѣ. Если ученикъ передавалъ ему отвѣтъ вполнѣ вѣрно своими словами, Ф—ій говорилъ ему: Не!—и читалъ отвѣтъ изъ книжки. На предложеніе мое назначить слѣдующій урокъ, онъ прочиталъ его изъ книжки и не прибавилъ ни одного объясняющаго слова. Между тѣмъ явился учитель и сказалъ мнѣ, что въ сосѣдствѣ съ училищемъ помѣщается публичный домъ. На другой день я уволилъ Ф—скаго отъ должности и о его поведеніи и преподаваніи сообщилъ епископу Г—фу Лубенскому, а при содѣйствіи военнаго начальника Август. Отдѣла успѣлъ удалить публичный домъ.

Въ Волковышск. уѣздѣ я засталъ слѣд. училища: 1) Волковышск. католич. (1802), 2) Волковышск. Еванг. (1833 г.) 3)

Вержболов. католич. (1807) 4) Вержболов. Еванг. (1850 г.) 5) Выштинецкое католич. (1552) 6) Посвонское католич. (1839) и 7) Посвон. Еванг. (1850).

Я первый разъ объѣзжалъ началь ныя училища въ сопровожденіи бухгалтера дирекціи, литвина, который служилъ мнѣ пере водчикомъ въ литовской мѣстности. Часа въ 3 послѣ обѣда весною 1865 г. мы подъѣзжали къ селенію-колоніи—Посвонь. Солнце ярко свѣтило, и было до вольно тепло. Далеко вдали потянулась колонія Посвонь, а предъ нами съ правой стороны на большомъ холмѣ, поросшемъ соснами, стоялъ костелъ на самомъ верху, а кругомъ его между сосенъ виднѣлись кресты—это было приходское кладбище. Во всей литовской мѣстности мнѣ весьма часто встрѣчались костелы и вокругъ нихъ кладбища на холмахъ, поросшихъ соснами. У подошвы холма въ Посвони стоялъ порядочный домикъ. Налѣво отъ дороги, саженяхъ во ста отъ костела и кладбища, ближе къ колоніи, виднѣлся большой фольварокъ. Людей нигдѣ никого не было видно, и потому не у кого было спросить, гдѣ училищный домъ. Бухгалтеръ побѣжалъ къ домику у подошвы холма, полагая найти тамъ костельнаго сторожа. Но сейчасъ-же воротился и доложилъ, что это и есть училищный домъ. Я отправился туда. Когда мы отперли дверь въ теплыя сѣни, то оттуда понесло вонью свинаго хлѣва и послышалось хрюканье. Бухгалтеръ, ступившій въ сѣни ногою, загрязъ почти по колѣни въ вонючей грязи. Въ середину оказалось проникнуть весьма труднымъ. Я обошелъ кругомъ домъ. На одной его половинѣ я сквозь окна увидѣлъ скамейки, классную доску, распятіе на стѣнѣ и штукъ сорокъ индѣекъ, а также множество гусей и гусенятъ. На другой его половинѣ, вѣроятно служившей нѣкогда жилищемъ учителю, помѣщался курятникъ, гдѣ, кромѣ множества куръ, цыплятъ, были утки. Въ спискѣ училищъ, полученномъ мною изъ Правит. коммиссіи, въ Посвони значился попечителемъ, законоучителемъ и учителемъ мѣстный администраторъ ксендзъ Игнатій Бучневскій. Повсемѣстно попечителями и законоучителями начальныхъ училищъ были мѣстные ксендзы. Въ нѣкоторыхъ же училищахъ въ одномъ ксендзѣ сосредочивались всѣ три должности: и по·

печительская, и законоучительская, и учительская. За каждую изъ этихъ должностей полагалось денежное вознагражденіе, которое, по раскладкамъ, утвержденнымъ губернскимъ правленіемъ, собиралось со всѣхъ жителей города, мѣстечка или гмины безъ исключенія. Въ раскладку включались всѣ гражданскіе чиновники, въ томъ числѣ и губернаторы. Иногда пробощъ или администраторъ считался только попечителемъ, а законъ Божій преподавалъ викарный ксендзъ. Гимназіи и прогимназіи были вполнѣ въ рукахъ своихъ капеллановъ, начальныя училища—въ рукахъ прочаго духовенства. На должности капеллановъ назначались лица образованныя и по большей части принадлежавшія къ ордену іезуитовъ. Они сдѣлали свое дѣло. Цѣлыя поколѣнія, прошедшія черезъ стѣны гимназій и прогимназій, навсегда остались врагами русскаго правительства, русскаго народа, православія и всего русскаго. Во время повстанія эти заведенія послали много бойцевъ въ ряды бандъ, главный контингентъ которыхъ состоялъ изъ лицъ, получившихъ воспитаніе въ этихъ заведеніяхъ. Прочее же духовенство, по разнымъ причинамъ, по своей распущенности, лѣни, малообразованности, жадности, пренебреженію къ простому народу и дружбѣ съ панами, притѣснявшими мужиковъ,—не съумѣло воспользоваться тѣмъ положеніемъ, которое создано было для него руками русскаго правительства, служившаго въ этомъ случаѣ орудіемъ ловкой польской интриги. Духовенство не успѣло внушить народу посредствомъ воспитанія вражды къ русскому правительству. Наканунѣ самой революціи оно спохватилось; но для пропаганды избрали не школу хлопскую, а таинство исповѣди, и старались особенно дѣйствовать на женщинъ, запугивая ихъ, что москали хотятъ всѣхъ католиковъ обратить въ схизму и дѣтей ихъ забрать въ солдаты и загнать въ Сибирь. Не знаю, какъ могъ терпѣть такой порядокъ воспитательнаго дѣла въ царствѣ его строгій намѣстникъ князь Варшавскій Паскевичъ. Или онъ не придавалъ этому никакого значенія, разсчитывая усмирить силою всякую революціонную попытку, или онъ былъвв еденъ въ обманъ недалекими лицами, занимавшими мѣста попечителей Варшавскаго учебнаго округа, а также іезуитскими пріемами ксендзовъ.

Каждый ученикъ гимназіи, прогимназіи и начальнаго училища долженъ былъ также твердо, какъ *Отче Нашъ*, знать катехизисъ *o czci Cešarza.* Визитатору сейчасъ же тыкали въ носъ отвѣтъ учениковъ изъ этого катехизиса и пускали въ ходъ увѣренія о своей преданности и преданности учащихся Najjaśniejszemu Panu. Русскій недалекій визитаторъ удовлетворялся этимъ, находилъ, что духовенство хорошо руководитъ школами, и въ такомъ духѣ писалъ отчетъ о своихъ визитаціяхъ. Полякъ же визитаторъ видѣлъ все въ настоящемъ свѣтѣ и по мѣрѣ силъ старался заставить лѣнивое духовенство усерднѣе приняться за дѣло. Разсказывали мнѣ, что попечителя Варшавскаго округа, Муханова, на всѣ манеры обманывали. Такъ какъ ему часто приходилось, благодаря довѣрчивости, попадать въ просакъ и получать нахлобучки, то онъ пересталъ, наконецъ, довѣрять окружавшимъ его чиновникамъ полякамъ. Когда ему докладывали о чемъ нибудь съ указаніемъ рѣшенія дѣла, то онъ сталъ класть резолюціи, прямо противоположныя докладу. Чиновники сейчасъ смекнули въ чемъ дѣло и стали ему докладывать какъ разъ наоборотъ желаемому. Мухановъ, оставаясь вѣрнымъ принятой имъ методѣ, клалъ резолюціи согласно съ настоящими цѣлями поляковъ.

Отыскавши училищный домъ, мы двинулись далѣе искать учителя, ксендза Бученевскаго. Остановившись у воротъ фольварка, мы подозвали проходившаго мимо батрака, и мой спутникъ спросилъ его, гдѣ живетъ пробощъ, гдѣ пробоство. Это и есть пробоство, отвѣтилъ батракъ. Оставивъ бухгалтера у повозки, я пошелъ съ батракомъ въ главный домъ. Предъ домомъ стоялъ изящный фаэтонъ, запряженный четверней. Кучеръ и лакей въ ливреѣ. Около дома стоялъ флигель. Далѣе еще какія то службы, далѣе сараи и амбары, гумна и, наконецъ, огородъ и садъ. По двору сновала прислуга, мужчины и женщины. Оставивъ въ прихожей пальто верхнее, я въ легкомъ пальто, которое закрывало вицмундиръ, вошелъ въ гостинную направо. Въ передней изъ-за дверей налѣво слышались женскіе голоса и смѣхъ. Минуты черезъ три въ гостинную вбѣжалъ раскраснѣвшійся молодой ксензъ и спросилъ, что мнѣ нужно. Я отвѣчалъ, что

имѣю дѣло къ пробощу. Подождите, пробощъ теперь прочитываетъ вечернія молитвы; я ему скажу о васъ. Минутъ черезъ десять въ передней послышались шаги, женскіе и мужскіе голоса и смѣхъ. Я догадался, что уѣзжаютъ гости, вѣроятно посѣщавшіе какую-нибудь сестру или родственницу ксендза, и подошелъ къ окну, уставленному горшками съ цвѣтами. Изъ передней выпорхнули двѣ элегантныя молодыя дамы. Около одной бочкомъ семенилъ и смѣялся ксендзъ, лѣтъ за 50; а около другой—уже видѣнный мною молодой ксендзъ. Не допустивъ лакея, ксендзы усадили дамъ въ экипажъ и отошли на крыльцо. Дамы, уѣзжая, оглядывались и посылали ксендзамъ воздушные поцѣлуи. Старикъ ксендзъ махалъ имъ темнымъ клѣтчатымъ платкомъ. Сдѣлавъ какія то распоряженія прислужникамъ, старикъ вошелъ въ гостинную, имѣя въ одной рукѣ серебряную табакерку, а въ другой темный носовой платокъ. Какъ то стороною взглянувъ на мое старое пальтишко, Бученевскій прошелъ къ столу и, не оглядываясь, спросилъ пренебрежительно: czego pan potrzebuje?—Я начальникъ Учебной Дирекціи, прибылъ ревизовать ввѣренное вамъ училище.—При этомъ я разстегнулъ пальто и обнаружилъ вицмундиръ. Какъ на винтѣ повернулся Бученевскій и, отвѣшивая низкіе поклоны, приблизился ко мнѣ и поклонился низко еще разъ, хватая руками мое колѣно: Ach jaśny panie! Какъ я счасливъ васъ видѣть. Мы и ждали и не ждали васъ. Думалось, послѣ праздниковъ. Я и дѣтей уже распустилъ по домамъ; но ихъ можно будетъ къ завтрему собрать. Ксендзъ викарій! ксендзъ викарій, заоралъ онъ, бросаясь въ боковую дверь. Скорѣе зовите Шимона, скорѣе подавать самоваръ. Я объявилъ Бученевскому, что ночевать не имѣю времени, что за чай благодарю—не буду пить; что онъ не вправѣ былъ такъ рано отпустить на праздники учениковъ; что нечего дѣлать, въ другой разъ познакомлюсь съ его учениками, а теперь желаю осмотрѣть училищное помѣщеніе. Оно очень далеко отсюда, возлѣ кладбища! отвѣчалъ Бученевскій. Ничего,—пойдемъ!—

Ксендзъ викарій! ксендзъ викарій! опять заметался Бученевскій: Шимона! ключъ отъ училища. Бученевскій, наконецъ, самъ побѣжалъ искать ключъ. Спустя нѣсколько минутъ онъ

заявилъ, что ключъ гдѣ то запряталъ органистъ, а самъ пошелъ провожать учениковъ въ колонію. Я настоялъ, чтобы осмотрѣть хоть снаружи училище. Бученевскій первый подскочилъ къ дверямъ училищнаго дома и, будто силясь ихъ отпереть, заявилъ: авось не заперты! Нѣтъ, нѣтъ! нельзя отпереть! Я подошелъ къ окну и сказалъ ему: смотрите, да вѣдь училище полно учащимися, всѣ скамейки ими заняты".—Не можетъ быть! сказалъ Бученевскій, смотря въ окно. Какъ же это ихъ заперъ органистъ! Правда, правда, много народа! продолжалъ Бученевскій, считая меня близорукимъ, и думая какъ-нибудь извернуться, хотя уже два раза солгалъ, заявивъ разъ, что ученики распущены на праздники, а другой разъ—будто органистъ пошелъ ихъ провожать въ колонію. А знаете, Господинъ Начальникъ, залебезилъ онъ около меня. У насъ есть ученики, которые хорошо читаютъ по русски. Я всегда въ училищѣ придавалъ большое значеніе русскому языку. Но бухгалтеръ, которому я подмигнулъ, прервалъ рѣчь Бученевскаго, сказавъ, что дѣйствительно весь классъ наполненъ народомъ, но только индючьимъ. А, такъ вы опекаете индюковъ и ихъ обучаете! замѣтилъ я. Попеременно Бученевскій то блѣднѣлъ, то багровѣлъ и сдѣлался молчаливымъ. Бухгалтеръ отперъ дверь въ сѣни. „Вѣдь дверь не заперта"—сказалъ я. Оттуда выскочили нѣсколько свиней. „Г. Бученевскій, прошу васъ въ теченіе недѣли убрать изъ училища свиней, индюковъ, куръ и утокъ, училищный домъ вычистить и выбѣлить и по исполненіи этого донести мнѣ рапортомъ. Не прощаясь съ Бученевскимъ, я сѣлъ въ подъѣхавшую нейтычанку и уѣхалъ. Къ пасхѣ я освободилъ Бученевскаго отъ всѣхъ трехъ его должностей и назначилъ туда особаго учителя, который обязанъ былъ преподавать и З. Божій. Отъ него я послѣ узналъ, что въ училищномъ домѣ никогда не происходило ученія; что нѣсколько дѣтей обучалось за условленную плату въ квартирѣ органиста, и, что въ случаѣ визитацій, а визитаторы обыкновенно ночевали у Бученевскаго, изъ колоніи приглашали нѣсколько юношей, учившихся въ Маріампольской прогимназіи, и заставляли ихъ читать по-русски и рѣшать ариѳметическія задачи. Вотъ вслѣдствіе какихъ

причинъ училище Бученевскаго въ глазахъ визитаторовъ стояло выше другихъ училищъ.

Въ Владиславовскомъ уѣздѣ я нашелъ слѣдующія 11 училищъ: 1) Владислав. Католич. (1802); Владисл. Еванг. (1802); 3) Шаки Еванг. (1802); Судорга Кат. (1847); 5) Судорга Еванг. (1859); 6) Гришкибуда Катол. (1840); 7) Лукше Катол. (1816); 8) Сынтовты Кат. (1839); 9) Гелгудышки Кат. (1833); 10) Гелгудышки Еванг. (1833) и 11) Словики Кат. (1846). Словики— колоніальная колонія возлѣ самой прусской границы. Костелъ съ кладбищемъ на холмѣ, покрытомъ соснами, и у подножья холма училищный домъ, а по другую сторону холма плебанія, т. е. обширный, прекрасно обставленный фольварокъ, все это саженяхъ въ 60-ти отъ пограничнаго столба и рва, по дну котораго сочится какая-то рѣченка. Подъѣзжая, мы сейчасъ же признали училищный домъ; но были удивлены тѣмъ, что крыша его не была ничѣмъ защищена отъ дождей и снѣга. Заглянулъ я въ окно—классная пустая комната. Входимъ въ сѣни. Входная дверь сорвана съ петель и только приставлена къ дверямъ. Отворяю дверь налѣво, гдѣ должна быть квартира учителя, мнѣ представляется слѣдующее зрѣлище: довольно просторная комната съ развалившимся очагомъ безъ всякой утвари и рухляди. Посрединѣ комнаты тлѣетъ костеръ на каменномъ полу. Вокругъ костра сѐмь душъ: высокая женщина въ одной грязной рубахѣ съ распущенными по плечамъ черными косами, и шестеро совершенно нагихъ дѣтей, въ числѣ ихъ красавица дѣвушка брюнетка лѣтъ 15-ти или 16-ти. Завидѣвъ меня, она съ крикомъ бросилась въ уголъ комнаты, присѣла на корточки ко мнѣ спиной и закрыла лицо руками. На кострѣ, въ котелкѣ грѣлась вода, въ которую старая женщина бросала кусочки свѣжаго картофеля, вырѣзанные изъ гнилыхъ картофельныхъ обрѣзковъ, лежавшихъ тутъ-же въ кучѣ. На крикъ дочери старуха поднялась и грозно меня спросила: за чѣмъ я пожаловалъ? Я объявилъ ей зачѣмъ. Нужны намъ ваши визитаціи! я жена учителя, а это мои дѣти! любуйтесь! Все какъ

Богъ создалъ. Двое зимою опухли и умерли отъ холода и голода. Ксендзъ пробощъ, опекунѣ училища, зимою всю солому стянулъ съ крыши на подстилку своему скоту. Мы не можемъ выпросить у него куска хлѣба; все продала, даже дѣтскія рубахи. Только еще на мнѣ осталась одна дырявая рубаха, за нее никто ничего не дастъ. Мужъ три года каждый день ходитъ къ войту гмины за жалованьемъ, но войтъ три года смѣется,—говоритъ: прійди завтра! а завтра повторяется тоже самое. Прежде войтомъ былъ панъ, то не диво, что мужу не хотѣлъ платить жалованья, а теперь крестьянинъ, человѣкъ добрый, отъ души радъ бы помочь; не смѣю, говоритъ, противиться ксендзу опекуну и паничу писарю! „За что же на васъ озлился ксендзъ?".—Какъ за что? Онъ мужа силою отдалъ въ банду, а мужъ бѣжалъ и скрывался за границей, пока не пришли москали и не побили повстанцевъ.—„Чѣмъ же вы питаетесь съ семьей?"—Теперь ничего не имѣемъ. Вотъ вчера экономка ксендза сажала картофель и гнилые обрѣзки выкинула на улицу за заборъ. Мои голыя дѣтки пригоршнями подобрали ихъ. Попадаются между ними не совсѣмъ сгнившіе кусочки; ихъ мы обрѣзываемъ и вотъ сегодня полакомимся картофельнымъ супомъ. Я послалъ бухгалтера за ксендзомъ. Онъ его зналъ лично и засталъ его на гумнѣ, но тотъ отказался явиться ко мнѣ, ссылаясь на нездоровье. Я далъ несчастному семейству своихъ десять рублей. Жена учителя, которая была еще далеко не стара, а казалась старушкою отъ голода, бросилась цѣловать мои ноги и звать дѣтей благодарить благодѣтеля. На зовъ ея и взрослая красавица, закрываясь руками, подбѣжала и упала у моихъ ногъ. Я обѣщалъ учительшѣ, что если ей въ теченіе мѣсяца не уплатятъ за три года всего жалованья и не доставятъ за эти же годы топлива, то я изъ своего жалованья удовлетворю ихъ. Послѣ я узналъ, что пробощъ, притѣсняя это семейство, руководствовался не одними патріотическими побужденіями. Онъ надѣялся, что заставитъ родителей отдать ему на поруганіе свою красавицу дочь. Онъ велъ переговоры черезъ свою экономку, а разъ, въ отсутствіе учителя, самъ явился въ его семейство и предлагалъ золотыя

горы, чтобы сейчасъ только отпустили къ нему красавицу дочь. Учительша стала бранить и клясть его. Но пробощъ, не обращая на это вниманія, распаленный страстью, схватилъ нагую красавицу на руки и хотѣлъ ее унести силою. Мать оборвала сѣдому селадону ухо и вырвала клокъ сѣдыхъ волосъ, исцарапала ему лице и руки и таки отстояла свою дочь. Побѣжденный и поруганный, онъ выскочилъ изъ комнаты, крича: постой подлая, ты сама приведешь ко мнѣ свою дочь. Съ этого времени учитель, учительша и дочь лишены были права пользоваться таинствомъ исповѣди и евхаристіи. Конечно, все это не безъизвѣстно было мѣстнымъ властямъ; но ксендзъ засыпалъ ихъ подарками, давалъ деньги и угощалъ ихъ на славу. Воротившись въ Сувалки, я сейчасъ же обо всёмъ этомъ сообщилъ, и письменно и изустно, начальнику августовскаго военнаго отдѣла, Николаю Степановичу Ганецкому. Онъ былъ страшно возмущенъ и при мнѣ составилъ и послалъ военному владиславовскому начальнику грозную телеграмму. Сдѣлавъ ему угрожающій выговоръ, Ганецкій предписалъ объявить пробощу арестъ, приставить къ нему стражника, изъ средствъ ксендза въ теченіе пяти дней покрыть училищную крышу, починить мебель, двери, окна, печи, выбѣлить весь домъ, за три года удовлетворить учителя жалованьемъ и топливомъ, и объ исполненіи телеграммой донести. Въ случаѣ сопротивленія ксендза, заковать его и прислать въ военно-судную коммиссію въ Сувалки; а предписаніе выполнить на счетъ всего имущества ксендза. Въ пять дней все было исполнено. Посѣщая вторично Сувалки, я уже не засталъ этого ксендза.

(Продолженіе слѣдуетъ).

„ЧЕРНОКНИЖНИКЪ“

(ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ БАБУШКИ).

Хорошая, добрая старуха была покойная моя бабушка Елена Петровна Бурчемуха... Давно уже отошла она въ вѣчность, и вѣроятно давно уже и косточки ея въ гробу превратились въ прахъ, а воспоминанія о ней, связанныя съ воспоминаніями невозвратнаго счастливаго дѣтства, никогда не изгладятся изъ моей памяти!...

Ея согбенная фигурка, ея симпатичное покрытое морщинами, блѣдное лицо съ сѣдыми завитушками на вискахъ, впалые благородные глаза, торопливая чопорная походка; всегда озабоченный видъ въ хлопотахъ по хозяйству, не смотря на свои 80 съ лишнимъ лѣтъ... мягкій, ласкающій голосъ, когда она уговаривала насъ не шалить, а заниматься уроками съ старымъ типичнымъ „метромъ“ учителемъ, прозваннымъ нами въ насмѣшку „Ромбамбулею“...—все это и теперь, какъ живое, стоитъ передъ моими глазами и не забудется никогда.

Да и не у однихъ насъ родныхъ образъ этого милого человѣка запечатлѣлся навсегда: ее и до сихъ поръ помнятъ старики с. Пятыгорки, кіевской губерніи, гдѣ мы жили тогда и гдѣ она такъ много помогала бѣдному, крѣпостному люду своими совѣтами, помощью въ несчатныхъ случаяхъ и „ликамы“... Чего, чего только она не знала и отъ какой болѣзни не было у нея снадобьевъ или „зилля“!.,.

— „Хороша, проста була людына, хай надъ нею земля перомъ... А що то за мягке сердце и скилько намъ, биднымъ,

допомагала у всякій прыгоди и нужди"...—Такъ ее поминаютъ крестьяне старожилы с. Пятыгорки.

Сколько страшныхъ сказокъ, разсказовъ и воспоминаній о глубокой старинѣ передали намъ ея уста.... Съ какимъ благоговѣйнымъ вниманіемъ мы, дѣтвора, да и не только дѣтвора, а и всѣ присутствовавшіе тогда въ нашемъ дому, выслушивали ея интересныя повѣствованія, когда она, бывало, въ длинные, зимніе вечера, торжественно усѣвшись съ работой у камина, начнетъ своимъ симпатичнымъ голосомъ передавать какую нибудь быль или преданіе... Ея украинская, смѣшанная съ польской, рѣчь звучала какъ-то монотонно, придавая еще болѣе таинственности ея разсказу и перенося насъ въ далекую, невозвратную пору...

Какъ трепетно бились наши юныя сердца, какимъ суевѣрнымъ страхомъ проникались мы, какъ живо рисовались въ нашемъ воображеніи образы разныхъ „видьмъ", „упырей", „колдуновъ", „заколдованные замки", „средневѣковые польскіе рыцари" и всѣ несчастныя жертвы дьявольскаго навожденія!...

Много она пережила, много и перестрадала на своемъ вѣку... Многому сама была свидѣтельницей, многое слышала отъ старыхъ людей,.. О многомъ разсказывалъ и отецъ ея, а нашъ прадѣдъ, блаженной памяти, уніатскій священникъ Петро Бурчемуха... А онъ былъ человѣкъ бывалый, жилъ во времена старой Польши, былъ родомъ изъ древней украинской шляхты, и потому на его глазахъ творилось не мало чудесъ и дѣлъ кровавыхъ, когда „крывда побывала правду"...

Отъ тѣхъ разсказовъ и страшно становилось и хорошо, да такъ хорошо, что слушалъ-бы и не наслушался!...

— „Еще во времена владычества надъ нами Польши"...— такъ начала бабушка свой новый разсказъ, въ одинъ скучный зимній вечеръ, усаживаясь по обыкновенію въ мягкомъ креслѣ, у камина, съ неизбѣжнымъ вязаньемъ въ рукахъ...—„поселился тутъ, недалеко отъ насъ, въ своемъ богатомъ помѣстьи-мѣстечкѣ около Бердичева, знатный польскій панъ, Стольникъ Королев-

скій, Янъ Сангайло... Прибылъ онъ въ наши края съ многочисленной дворней прямо изъ Варшавы, а имѣніе это получилъ въ даръ отъ короля за особыя заслуги и отличіе при дворѣ...

Надо вамъ знать, что имѣніе это принадлежало раньше другому вельможѣ польскому, графу какому-то, фамилію его, хотя мнѣ и называли, но теперь я забыла,—давно это было... Графъ за какую-то провинность былъ казненъ въ Варшавѣ, а имѣніе его конфисковано въ королевскую казну и впослѣдствіи уже подарено Стольнику Яну Сангайло.

Пріѣздъ пана Стольника надѣлалъ много шуму... И дѣйствительно явился онъ къ намъ съ особенной пышностью и окружилъ дворъ свой неслыханной роскошью.. О его позолоченныхъ экипажахъ, лошадяхъ арабской крови, внутренней обстановкѣ и убранствѣ „палаца", о широкой жизни, разсказывали просто чудеса; хотя знакомства онъ ни съ кѣмъ изъ сосѣдей-помѣщиковъ не заводилъ, т. к считалъ всѣхъ недостойными его особы.

Къ нему только изрѣдка наѣзжали гости, но все больше разные магнаты изъ Варшавы, и тогда у Стольника въ палацѣ происходили балы, маскарады и разныя увеселенія, расказы о которыхъ съ завистью выслушивала наша „шляхта околичная", но проникнуть туда имъ не удавалось,—панъ Стольникъ всегда грубо ихъ выпроваживалъ, гнушаясь такимъ знакомствомъ.

Стольникъ Янъ Сангайло, не смотря на свои уже немолодыя лѣта, былъ еще очень красивъ и статенъ. Высокій ростъ, атлетическое сложеніе, орлиный взглядъ темныхъ очей, громадныя съ просѣдью усы, подбритая съ чубомъ голова—все въ немъ было эфектно. Да и вообще вся его мощная фигура дышала жизнью и здоровьемъ... Но было что-то несимпатичное въ его лицѣ,—оно какъ-то сразу поражало своею гордостью и надменостью, такъ что безъ страха нельзя было на него смотрѣть.

Нрава онъ былъ самаго крутого, съ подданными обращался строго и деспотически. На его конюшняхъ по цѣлымъ днямъ раздавались душу раздирающіе крики несчастныхъ, наказуемыхъ „хлоповъ". А наказывалъ онъ праваго и виноватаго одинаково и такимъ образомъ вселялъ въ своихъ крѣпостныхъ—холоповъ неимовѣрный страхъ и рабское повиновеніе..

Часто уѣзжалъ онъ надолго въ Варшаву ко двору и тамъ тратилъ безумно громадныя средства на разныя забавы и удовольствія, и поэтому обложилъ своихъ крѣпостныхъ двойными поборами и налогами.

Стольникъ былъ вдовъ и имѣлъ единственную дочь, панну Казимиру, которая воспитывалась въ Варшавѣ, въ монастырѣ Кармелитокъ, и только по достиженіи совершеннолѣтія была имъ привезена сюда въ имѣніе.

Панна Казимира красавица была неописанная... Стройна какъ тополь, глаза небеснаго цвѣта; золотистые роскошные волосы и вся ея нѣжная фигура, въ противоположность отцу, напоминала что-то ангельское, неземное... Когда она иногда появлялась въ ближайшемъ костелѣ, всѣ окрестные обыватели съѣзжались посмотрѣть и полюбоваться на нее... Но панъ Сангайло держалъ ее взаперти, никуда, кромѣ костела, и то очень рѣдко, не пускалъ и ни съ кѣмъ не знакомилъ. Оставалась она на попеченіи старухи-няни, на видъ очень сердитой женщины, и кромѣ этой няни, въ домѣ у нихъ никого не было—ни родственниковъ, ни близкихъ друзей.

Такъ прожилъ панъ стольникъ въ нашихъ краяхъ нѣсколько лѣтъ, окруживъ свой палацъ какой-то таинственностью и недоступностью. Возвращался онъ изъ своихъ частыхъ поѣздокъ въ Варшаву все какимъ-то болѣе и болѣе раздраженнымъ и злымъ, что, конечно, отражалось на его подданныхъ, съ которыми онъ обращался еще строже. А однажды, по возвращеніи его изъ столицы, всѣ замѣтили въ немъ большую перемѣну: онъ постарѣлъ, сгорбился, опустился, потерялъ свой прежній надменный видъ и какъ будто сталъ мягче и ласковѣй... Поселился въ имѣніи навсегда и положительно никуда уже не выѣзжалъ.

Разсказывали, что за какую-то вину онъ былъ лишенъ королевскихъ милостей и водворенъ на безвыѣздное проживаніе въ своемъ имѣніи.

Понемногу онъ совсѣмъ смирился и зажилъ уединенной, замкнутой жизнью, предаваясь иногда чрезмѣрному употребленію разныхъ „старокъ“ и „наливокъ“, которыхъ у него было

неистощимый запасъ въ громадныхъ подвалахъ и погребахъ палаца.

Панна Казимира, между тѣмъ, пышно разцвѣтала... Но жизнь ея молодая была куда какъ непригляднa!.. Лишенная подругъ, свѣта и людей, постоянно замкнутая въ четырехъ стѣнахъ, гдѣ она видѣла только пьянаго-деспота отца, да злую старуху няню, сварливую, вѣчно ничѣмъ недовольную особу,— породили въ красавицѣ-дѣвушкѣ какую-то апатію ко всему. Она была постоянно грустна, задумчива, ничѣмъ особенно не интересовалась, да и не было къ тому никакой возможности... Панъ Стольникъ, по прежнему, не принималъ никого изъ сосѣдей, хотя сначала многіе добивались знакомства съ нимъ, но послѣ неудачныхъ попытокъ, понемногу совсѣмъ какъ-будто и забыли о его существованіи.

Страшная буря и ураганъ разразились надъ помѣстьемъ пана Стольника въ одну изъ майскихъ ночей... Вѣтеръ неистово ревѣлъ и завывалъ, ломая и вырывая съ корнемъ старыя деревья въ заглохшемъ панскомъ саду Сангайлы.... Молнія безпрерывно сверкала и освѣщала бушующую стихію, частые раскаты грома съ страшнымъ грохотомъ поминутно раздавались и заставляли трепетать все живущее... Дождь лилъ, какъ изъ ведра, и стучалъ безпрерывной дробью въ окна жилищъ... Сорванныя вѣтромъ листья съ деревьевъ и солома съ крышъ сельскихъ хатокъ носились и кружились въ воздухѣ.... Вѣтряныя мельницы съ трескомъ замахали крыльями, будто руками, взывая о помощи... Скотъ въ хлѣвахъ ревѣлъ... Воробьи безпокойно чирикали подъ крышами, пробужденные разбушевавшеюся природой.... Вороны каркали, перелетая съ мѣста на мѣсто, уносимые сильными порывами вѣтра.... Домашняя птица тоже пробудилась, повыползала на необыкновенный свѣтъ молніи и оглашала воздухъ безпокойнымъ крикомъ, точно воплями отчаянія... А молнія все сверкала и уже сливалась въ одинъ общій, какой-то зловѣщій, матовый свѣтъ.... Происходило въ природѣ по истинѣ свѣтопредставленіе.... Такую ночь у насъ называютъ „воробьиной“...

Во многихъ хатахъ селяне позажигали передъ св. иконами „громницы" [1]) и со страхомъ и трепетомъ прислушивались къ неистовому грохоту бури... Раздавался плачъ испуганныхъ дѣтей и громкая молитва стариковъ...

А буря все бушуетъ съ новой силой... Раскаты грома не замолкаютъ... Ливень разражается потоками, потоки, шумя съ горъ, затопляютъ улицы, площади и дворы... Небольшая рѣченка Гнилопята выступаетъ изъ береговъ и заливаетъ ближайшіе сѣнокосы и огороды!..

Въ такую-то ночь, къ парадному подъѣзду палаца пана Стольника, подъѣзжала, запряженная четверкой-цугомъ усталыхъ коней, элегантная карета... Раздались три удара „бича", и карета остановилась у подъѣзда... Изъ нея поспѣшно выскочилъ закутанный въ плащъ человѣкъ и нетерпѣливо схватился за ручку звонка.

Стольникъ въ это время сидѣлъ задумчиво въ своемъ кабинетѣ, прислушиваясь къ завыванію бури и понемногу тянулъ изъ небольшого серебрянаго кубка старый медъ... А панна Казимира въ своей комнатѣ тихо молилась у образа Богоматери...

Вдругъ раздался давно наслыханный звонокъ... Это всѣхъ переполошило...

Панъ стольникъ вздрогнулъ и громко окликнулъ слугу-камердинера.

— Эй, Вавжыне, что это значитъ?..

— Не могу знать, ясновельможный пане—со страхомъ отвѣтилъ старый слуга,—кажется кто-то къ намъ пріѣхалъ?..

— Какого это чорта могло принесть въ такую непогоду?... Пойди, узнай!...

Слуга схватилъ свѣчу и побѣжалъ отворять заржавѣвшую дверь парадного подъѣзда...

Дверь со скрипомъ отворилась—и въ корридоръ вошелъ незнакомецъ въ плащѣ.

— Чей это палацъ?... спросилъ онъ.

— Ясновельможного пана стольника, Яна Сангайло.

---

[1]) Страстныя свѣчи

— А-а, слыхалъ... Передай ясновельможному пану Стольнику, что сбившійся съ дороги по случаю непогоды родовитый шляхтичъ проситъ его пріюта на эту ночь..

— Заразъ, вельможный пане...

И слуга, оставивши въ корридорѣ зажженную свѣчу, бросился вверхъ по лѣстницѣ въ кабинетъ Стольника доложить, какъ ему передалъ незнакомецъ.

— Пусть войдетъ. Приготовить комнату и взять на конюшню его лошадей!..—съ неохотой отдалъ приказаніе панъ Стольникъ... И въ это время подумалъ: „вѣроятно, какой нибудь захудалый шляхтичъ-сосѣдъ“...

Незнакомецъ вошелъ въ переднюю, и пока козачекъ снималъ съ него плащъ, самъ панъ Стольникъ вышелъ навстрѣчу съ зажженной канделяброй въ рукахъ...

— Имѣю честь видѣть пана Стольника?.. спросилъ незнакомецъ.

— Да, я самъ... А кого имѣю честь принимать въ своемъ домѣ?

— Родовитый шляхтичъ Юзефъ Вишневскій; ѣду изъ Варшавы къ себѣ въ имѣніе, на Украину; застигла непогода, прошу пріюта!..

— Изъ Варшавы?.. удивился панъ Стольникъ и, уже любезнѣе прибавивъ „прошу“..., ввелъ гостя въ парадную гостинную и молча указалъ на кресло... Шляхтичъ, поклонившись, сѣлъ

Это былъ молодой, красивый человѣкъ, довольно большого роста, курчавый брюнетъ, съ черными какъ смоль волосами и такими же громадными усами, молодцовато закрученными вверхъ... Блѣдно-матовый цвѣтъ лица и большіе, круглые, каріе глаза, съ какимъ-то быстрымъ, пронизывающимъ взглядомъ... Одѣтъ онъ былъ въ роскошный „кунтушъ“, шитый золотомъ и украшенный драгоцѣнными каменьями.

Послѣ небольшой паузы, во время которой они оглядывали другъ друга, панъ Стольникъ началъ разговоръ.

— Что новаго въ Варшавѣ?..

— Да все по старому... Недавно былъ сеймъ... шумѣли... Иностранцы одолѣваютъ... Скоро нашей шляхтѣ родовитой, кажется, не будетъ мѣста при дворѣ...

Такой отвѣтъ пана Юзефа сразу понравился Сольнику.

— Охъ, правда, правда... Я вотъ давно не былъ въ Варшавѣ, да и не поѣду... Обидно...

— Поговариваютъ о новомъ раздѣлѣ...

— Доигрались!.. Впрочемъ, оно иначе и быть не можетъ... Мы стали посмѣшищемъ всего цивилизованнаго міра...

И разговоръ на эту тему продолжался еще долго.

Стольникъ воодушевлялся давно имъ забытыми политическими вопросами, а панъ Юзефъ по многимъ вопросамъ сходился и соглашался съ мнѣніемъ Стольника,—это ему даже льстило... Такъ что въ концѣ концовъ Стольникъ положительно увлекся замѣчательнымъ умомъ и краснорѣчіемъ молодого человѣка, повеселѣлъ и былъ въ восторгѣ отъ такого неожиданнаго знакомства.

Къ ужину была вызвана и представлена новому гостю панна Казимира.

Панъ Вишневскій былъ пораженъ необыкновенной красотой панны.... Онъ въ продолженіе всего ужина не сводилъ съ нея глазъ, а панна Казимира дрожала отъ его взгляда, и ей, не привыкшей къ обществу постороннихъ, становилось неловко и даже какъ-то страшно.... Все время она сидѣла потупившись и съ нетерпѣніемъ ждала окончанія ужина, чтобы скорѣе удалиться въ свою комнату... Панъ Вишневскій, повидимому, произвелъ на нее непріятное впечатлѣніе...

Наконецъ, ужинъ кончился... Стольникъ совсѣмъ повеселѣлъ, острилъ, смѣялся, шутилъ и таки изрядно хватилъ разныхъ наливокъ, старокъ и венгерскаго...

Я благословляю непогоду!... воскликнулъ онъ,—такъ какъ, благодаря ей, въ моей замкнутой, одинокой жизни появился свѣтлый лучъ, и я могу душу отвесть интереснымъ разговоромъ съ такимъ пріятнымъ во всѣхъ отношеніяхъ и умнымъ собесѣдникомъ!...

— И я въ свою очередь въ восторгѣ, во первыхъ потому, что мнѣ привелось свесть столь пріятное знакомство съ такимъ именитымъ шляхтичемъ, какъ шановный панъ Стольникъ Крулевскій Янъ Сангайло, а во вторыхъ,—я здѣсь встрѣтилъ диво-

красоту и очарованъ прелестями божественной дочери его, панны Казимиры!...

При этомъ Вишневскій съ чувствомъ поцѣловалъ руку панны.

Казимира отъ такихъ похвалъ покраснѣла и молча удалилась къ себѣ. Стольникъ-же съ паномъ Юзефомъ еще долго бесѣдовали и разошлись положительно друзьями, а прощаясь, даже заключили другъ друга въ крѣпкія объятія.

Буря и непогода на дворѣ стихли... И скоро все замолкло и погрузилось въ сладкій сонъ....

Недѣля на исходѣ, а панъ Вишневскій все еще гоститъ въ палацѣ Стольника, и панъ Сангайло отъ него въ восторгѣ, ни за что не отпускаетъ, все проситъ еще погостить.

Какъ вдругъ, въ одну ночь въ палацѣ поднялась страшная тревога... Поднято на ноги все населеніе мѣстечка, собранъ народъ и изъ окрестныхъ селъ; гонцы отправлены въ разныя стороны на розыски!...

Разнеслась по окрестностямъ неслыханная вѣсть... Таинственный незнакомецъ, гостившій у пана Стольника, тайно бѣжалъ изъ палаца и увезъ съ собой его единственную дочь, панну Казимиру!... Самые тщательные розыски и погоня ни къ чему не привели... Всѣ гонцы возвращались съ недоброй вѣстью: „ни слуху, ни духу... пропали, какъ въ воду канули!...“

Панъ Стольникъ съ горя сошелъ съ ума... Онъ въ припадкѣ отчаянія бросился изъ окна верхняго этажа своего палаца и скончался въ страшныхъ мученіяхъ.

Этотъ, по истинѣ, ужасный случай произвелъ на всѣхъ потрясающее впечатлѣніе...

Было наряжено самое строгое слѣдствіе и отъ „жонду“, но тоже ни къ какимъ результатамъ не привело...

Пана Стольника похоронили съ особенной торжественностью въ Бердичевскомъ кляшторѣ, а имѣніе, впредь до возвращенія наслѣдницы, опять поступило въ королевскую казну.

Долго еще объ этомъ выдающемся случаѣ судила и толковала околичная шляхта. Одни говорили, что неблагодарная

дочь сама бѣжала съ любовникомъ, другіе, что насильно увезена,—словомъ всякій на свой ладъ, т. к. дѣйствительной причины никто не зналъ... Но понемногу случай этотъ сталъ забываться, какъ и все на свѣтѣ забывается скоро...

Прошло много лѣтъ...

Много воды утекло съ тѣхъ поръ, много во всемъ и перемѣнъ произошло.

Къ отцу моему, а вашему прадѣду, блаженной памяти священнику уніатскому, Петру Бурчемухѣ, однажды пришла, неизвѣстно откуда, и попросила, пріюта какая-то старуха-странница.

По симпатичнымъ чертамъ лица и хорошему обращенію, можно было заключить, что она не простого, а шляхетскаго происхожденія. Замѣчательно тихаго нрава, добрая, простая, ласковая, она сразу заслужила общую симпатію семьи.

Прожила она у насъ нѣсколько времени и хотѣла было удалиться, но мы ее всѣ такъ полюбили и привыкли къ ней, что, какъ родную, пріютили и оставили жить до самой смерти.

Все время она была молчалива, никому ничего не разсказывала о себѣ и о своей жизни. Кто она и откуда, такъ и оставалось для всѣхъ тайной.... Вѣры она была католической и почти ежедневно посѣщала ближайшій костелъ, гдѣ усердно молилась Богу.

Хотя мы и интересовались ея прошлымъ, однако она объ этомъ никогда не заводила рѣчи и даже словомъ не обмолвилась.

Такъ прожила она у насъ нѣсколько лѣтъ.

Возвращаясь какъ то изъ бердичевскаго костела, куда ходила „на отпустъ“, она простудилась въ ненастную погоду, заболѣла, слегла въ постель и уже больше не вставала.

Передъ смертью подозвала къ себѣ отца и мать моихъ и повѣдала имъ свою печальную повѣсть.

Тутъ только обнаружилось, что она была несчастная Казимира Сангайло.

Разсказала она слѣдующее.

„Я еще не очень стара, но горе и страданія, какія я пережила въ своей жизни, меня преждевременно состарили. Отецъ мой былъ родовитый шляхтичъ, стольникъ при дворѣ польскаго короля. Жили мы роскошно и богато, а мать я потеряла, когда еще была малымъ ребенкомъ и почти совсѣмъ ея не помню.. Воспитаніе получила хорошее, въ Варшавѣ... Отецъ мой, когда я достигла совершеннолѣтія, увезъ меня въ деревню, и я тамъ жила одинокой безъ родныхъ и друзей. По придворнымъ интригамъ отецъ скоро попалъ въ немилость короля, ему запретили въѣздъ въ Варшаву, и мы съ тѣхъ поръ поселились навсегда въ деревнѣ...

Скучно и однообразно тянулась наша жизнь. Озлобленный на всѣхъ отецъ удалялся отъ людей, жилъ отшельникомъ, былъ характера грубаго, притомъ часто напивался и со мной обращался строго. Но все таки онъ любилъ меня...

Однажды, въ темную, бурную ночь, къ намъ неожиданно заѣхалъ неизвѣстный молодой человѣкъ и попросилъ пріюта отъ непогоды...

Отецъ мой принялъ его ласково, что съ нимъ случалось очень рѣдко. Разговорились—и Юзефъ Вишневскій (такъ назвался онъ), понравился старику въ особенности за то, что тоже былъ недоволенъ и озлобленъ на несправедливости тогдашняго „жонда"... Панъ Вишневскій, удерживаемый отцомъ, прогостилъ у насъ довольно долго.. Онъ былъ красивъ и статенъ, но мнѣ не понравился... Я помню, когда впервые меня отецъ съ нимъ познакомилъ, я потупилась, испугалась и не могла выносить демоническаго взгляда его темныхъ, какъ ночь, очей. Вѣроятно, у меня было и тогда предчувствіе чего-то недобраго... Онъ говорилъ мнѣ всегда массу любезностей, отъ которыхъ я только краснѣла и молчала. Кромѣ неподдѣльнаго страха, онъ мнѣ ничего не внушалъ, и какъ ни старался быть любезнымъ, я боялась его все болѣе и болѣе... И неудивительно, я тогда была еще очень молода и людей не знала совсѣмъ...

Прожилъ онъ у насъ больше недѣли. . Была чудная лунная лѣтняя ночь... Соловьи въ нашемъ паркѣ, неумолкая перекликались своей чарующей трелью... Ароматъ цвѣтущей сирени

й жасмина благоухалъ повсюду... Мнѣ вдругъ пришла охота выйти въ паркъ и насладиться этой дивной ночью... Я вышла и незамѣтно, увлекаемая волшебнымъ пѣніемъ соловья, зашла далеко въ глубину сада, почти къ самому пруду... Прислонясь къ стволу высокой липы и глядя въ прозрачныя, блестѣвшія серебромъ при лунномъ свѣтѣ, струи пруда, я прислушивалась къ тихому плеску волнъ и невольно задумалась о своемъ одиночествѣ и жизни неприводьной...

Вдругъ, точно изъ земли, передо мною выросла фигура нашего таинственнаго гостя съ его демоническимъ взглядомъ.. Я обмерла, вскликнула и со страха не могла произнесть ни одного слова!...

— Не бойся, панна, я тебѣ зла не сдѣлаю никакого; а что случится съ тобой, такъ знай — это предопредѣленіе судьбы!

Я еще больше испугалась и только почувствовала, что силы меня оставляютъ и я падаю... Затѣмъ чувствовала его прикосновеніе; помню, какъ онъ схватилъ меня на руки и несъ. Что же дальше было, я не помню...

Не знаю, долго-ли я пролежала въ обморокѣ, но очнулась я уже въ каретѣ, которая насъ мчала съ страшной силой... Я стала звать на помощь, рвалась выскочить изъ кареты, но онъ взялъ меня за руку, усадилъ опять на мѣсто и твердо сказалъ:

— Напрасны, панна, твои усилія: тебя никто здѣсь не услышитъ, т. к. мы далеко отъ твоего дома!... Покорись своей судьбѣ, такъ видно ей угодно...

И дѣйствительно, усилія къ освобожденію были напрасны. Мы проѣзжали темнымъ, дремучимъ лѣсомъ, и никто не могъ слышать моихъ криковъ и воплей. Я рыдала, просила, умоляла отпустить, но онъ оставался непоколебимъ...

Наконецъ, выбившись изъ силъ, въ безполезныхъ попыткахъ освободить себя, я умолкла... Со мной случился опять обморокъ, въ которомъ я пролежала вѣроятно очень долго...

Сознаніе вернулось... Я оглянулась и увидѣла, что лежу на роскошной постели, окруженная заботливымъ уходомъ молчаливыхъ слугъ... Мой похититель сидѣлъ у изголовья...

— Гдѣ я и что со мной?...

— Успокойся, милая панна, ты теперь въ моемъ замкѣ, тутъ тебя никто не обидитъ, и ты найдешь здѣсь довольство и любовь.

— Гдѣ же отецъ мой?

— О, его уже нѣтъ на свѣтѣ...

— Какъ нѣтъ?

— Онъ не перенесъ разлуки съ тобой!...

— Боже мой!... воскликнула я и зарыдала.

— О, злодѣй! Что ты сдѣлалъ съ нами?... Зачѣмъ похитилъ мой покой?... Чего ты хочешь отъ меня?...

— Любви твоей, панна!... Тихо сказалъ онъ и началъ страстно цѣловать мою руку.

— Ты ея никогда не получишь,—я могу только презирать и проклинать тебя!...

— Перестань, вѣдь это все равно ни къ чему не приведетъ... Тебѣ нѣтъ возврата... А лучше покорись своей участи, полюби меня!... Я окружу тебя довольствомъ и всѣми прелестями жизни... Я богатъ. знатенъ... Чего же тебѣ желать лучшаго?...

— Я боюсь тебя!...

— Привыкнешь—и, повѣрь, скоро вся ненависть забудется.

Да, мнѣ несчастной оставалось только покориться своей судьбѣ и переносить все безропотно... Вѣдь никто не спасетъ меня... я сама, безпомощна, одинока...

И я покорилась.

Юзефъ, такъ его дѣйствительно звали, окружилъ меня неслыханной роскошью... Его чудный домикъ поражалъ богатствомъ и блескомъ... Громадныя залы были отдѣланы дорогими тканями, рѣдкія картины въ золоченныхъ рамахъ, чудная заграничная мебель, статуи, зеркала и все вообще убранство и обстановка ослѣпляла пышностью и заключала несмѣтное богатство.

А все таки я чувствовала себя одинокой, точно въ тюрьмѣ, въ этихъ пышныхъ хоромахъ и не разъ проливала слезы о судьбѣ своей злосчастной!

Панъ Юзефъ часто выѣзжалъ куда-то и пропадалъ по нѣскольку дней и недѣль сряду.

Я все его еще боялась и никакъ не могла свыкнуться со своимъ положеніемъ. Юзефъ обращался со мной необыкновенно ласково и ни словомъ, ни жестомъ не позволялъ оскорбить меня. По временамъ ласкалъ, завѣрялъ въ любви, но все это мнѣ не нравилось, и душа моя не лежала къ нему... Я со страхомъ принимала его ласки и тогда только отдыхала свободно, когда оставалась одинокой въ своей комнатѣ, гдѣ я долго и усердно молилась Пресвятой Дѣвѣ, изливала передъ Ней всѣ свои душевныя страданія и муки!...

Что особенно непріятно поражало меня въ замкѣ, это какая-то таинственность и тишина, въ которую все было облечено. Никто посторонній къ намъ никогда не показывался. Слуги молча исполняли приказанія и отличались какою-то угрюмостью и несловоохотливостью... Вообще мы жили точно отшельники на необитаемомъ островѣ, что еще больше нагоняло на меня тоску и отчаяніе.

Юзефъ, когда бывалъ дома, по цѣлымъ днямъ и ночамъ занимался въ своемъ кабинетѣ, входъ въ который былъ всѣмъ безусловно воспрещенъ. Чѣмъ онъ тамъ занимался, никто не зналъ. Меня вначалѣ это и не интересовало, но съ теченіемъ времени явилось невольное любопытство узнать, по крайней мѣрѣ, чѣмъ онъ занимается и что за человѣкъ такой. Главное— почему самъ онъ никогда и словомъ не обмолвился о себѣ и вообще о своей таинственной жизни! Я уже говорила, что онъ часто уѣзжалъ изъ дому неизвѣстно куда и зачѣмъ... Уѣзжая, онъ всякій разъ приходилъ ко мнѣ, нѣжно цѣловалъ въ голову и говорилъ:

— Я уѣзжаю, мой другъ! Будь умница и не скучай безъ меня, я скоро вернусь...

И за тѣмъ удалялся... Мнѣ, впрочемъ, было тогда все равно, есть ли онъ дома или нѣтъ.

Я запиралась въ своей комнатѣ, которую очень полюбила, и тамъ просиживала по цѣлымъ днямъ. Я даже боялась выходить изъ замка въ садъ. Хотя садъ былъ прекрасный, съ густой тѣнистой зеленью: массой цвѣтовъ и всякихъ рѣдкихъ тропическихъ растеній. Замокъ и садъ обнесенъ былъ громадной каменной стѣной, а за стѣной виднѣлись верхушки густого, темнаго лѣса, и никакихъ признаковъ посторонняго жилья не доносилось изъ-за стѣнъ высокихъ. Не слышно было ни лая дворовыхъ псовъ, ни крика домашней птицы,—значитъ, за стѣнами былъ одинъ дремучій лѣсъ, который шумѣлъ и нагонялъ тоску... Мнѣ становилось еще страшнѣе въ этомъ саду, я убѣгала и опять пряталась въ своей комнатѣ.

Теперь любопытство узнать, чѣмъ онъ занимается и кто онъ, росло во мнѣ съ каждымъ днемъ.

Я часто рѣшалась подходить къ его таинственному кабинету, прислушивалась и даже заглядывала въ отверстіе замка́ когда онъ занимался тамъ, но никогда ничего не могла разсмотрѣть.

Однажды онъ засталъ меня за этимъ... Я смутилась, покраснѣла... Но онъ кротко замѣтилъ мнѣ:

— Дитя мое, никогда не старайся проникнуть въ эту дверь; я тебѣ запрещаю, иначе ты дорого можешь поплатиться за свое любопытство.

Мнѣ показалось такое его замѣчаніе очень обиднымъ, Я ушла въ свою комнату и долго проплакала....

Однако, съ тѣхъ поръ любопытство мое еще болѣе увеличилось, и теперь у меня было только одно желаніе, которое не давало мнѣ покоя ни днемъ, ни ночью: во что-бы то ни стало прослѣдить за нимъ и узнать все.

Случай къ тому не замедлилъ представиться.

Панъ Юзефъ уѣхалъ куда-то. Онъ по обыкновенію простился со мной и сказалъ, что вернется не скоро....

Я заперлась было въ своей комнатѣ, съ намѣреніемъ никуда не выходить, т. к. уже ночь наступила, но подстрекаемая любопытствомъ, я не утерпѣла, взяла свѣчу и потихоньку отправилась взглянуть хоть издали на эту таинственную дверь, такъ тщательно оберегаемую моимъ сожителемъ.

Каково же было мое удивленіе и радость, когда я замѣтила, что ключъ въ дверяхъ оставленъ!.. Вѣроятно, Юзефъ второпяхъ забылъ его вынуть и взять со собой?..

Я замерла отъ восторга.... Теперь-то я непремѣнно узнаю все!...

Тихонько, на цыпочкахъ, я обошла кругомъ всѣ комнаты и, убѣдившись, что всѣ слуги спятъ, съ замирающимъ отъ волненія сердцемъ, приблизилась къ дверямъ кабинета и схватилась дрожащею рукою за ключъ.... Повернула два раза.... Раздался металлическій звонъ пружины и эхомъ понесся по пустымъ комнатамъ. . Я испугалась этого зловѣщаго звука и со страхомъ отскочила отъ двери... Но понемногу овладѣла собою... Еще разъ прислушалась.... все было тихо, какъ въ могилѣ....

Войти или нѣтъ?...

Я рванула за ручку двери и... вошла!...

Въ это время мнѣ послышался какъ-будто тяжелый стонъ, отъ котораго мурашки пробѣжали по тѣлу! .. Свѣча, которую я трепетно сжимала въ рукахъ, озарила все своимъ дрожавшимъ свѣтомъ.... И когда я рѣшилась взглянуть, я обмерла отъ ужаса и едва удержалась на ногахъ, что-бы не упасть!...

Глазамъ моимъ представилась необычайная обстановка!...

Всѣ комнаты были обиты чернымъ сукномъ съ какими то бѣлыми изображеніями и фигурами—не то буквы, не то знаки .. Кругомъ невообразимый безпорядокъ и хаосъ, такъ что вначалѣ нельзя было ничего разобрать... Все было разбросано по полу или развѣшано по стѣнамъ... Я замѣтила между прочими предметами много поломанныхъ металлическихъ крестовъ и какихъ-то символическихъ изображеній, попранныхъ подъ ноги... По полу, тутъ и тамъ, валялась масса человѣческихъ череповъ, отъ которыхъ изъ впадинъ отъ глазъ исходилъ фосфорическій свѣтъ... Въ разныхъ мѣстахъ и по угламъ комнаты стояло нѣсколько скелетовъ въ бѣлыхъ покрывалахъ, въ разныхъ причудливыхъ позахъ, и я замѣтила даже какъ-будто выраженіе ужаса на ихъ костяныхъ лицахъ со всклоченными волосами... Свѣтильникъ на подставкѣ съ шестью потухшими саженными черными восковыми свѣчами возвышался чуть-ли не до пото-

лка.... На полкахъ стояло нѣсколько большихъ стеклянныхъ шаровъ и банокъ, соединенныхъ между собою стекляными же трубками, и въ нихъ бурлила, клокотала и переливалась какая то жидкость, издававшая трупный запахъ.... Валялись въ безпорядкѣ изломанные гроба съ остатками человѣческихъ костей... Это былъ по истинѣ кабинетъ смерти!... А по срединѣ комнаты возвышался громадный траурный аналой и на немъ лежажала раскрытая большая черная книга, черные-же пергаментные листы съ бѣлыми по нимъ выпуклыми непонятными буквами, гіеролифами и изображеніями....

Въ ужасѣ я тогда поняла все!... Юзефъ былъ „чернокнижникъ"!...

Непомня себя отъ страха, я схватила съ аналоя эту дьявольскую книгу, убѣжала съ ней въ свою комнату и бросила въ горѣвшій каминъ.... Пламя сразу ее охватило.... Пергаментные листы затрещали, свернулись, покоробились... раздался душу раздирающій крикъ, за тѣмъ послѣдовалъ страшный взрывъ, точно ударъ грома!... Изъ камина хлынулъ потокъ краснаго пламени и искръ и охватилъ всю комнату.... Въ пламени копошились и выскакивали какія-то невиданныя безобразныя фигуры не то людей, не то звѣрей съ искаженными лицами,—все это издавало нечеловѣческій плачъ и визгъ!...

Не знаю, какъ я выбѣжала изъ замка и очутилась на дворѣ и стала звать на помощь.... Но никто не являлся ко мнѣ... Я осѣнила себя крестнымъ знаменіемъ и начала громко читать молитвы....

Моментально весь замокъ обратился въ бушующее море пламени, громадные языки котораго доходили подъ самое небо!... Изъ пламени все еще выскакивали нечеловѣческіе образы съ искаженными лицами... Все это производило невообразимый трескъ, шумъ, адскій крикъ и визгъ!... Поднялся страшный ураганъ, молнія пронизывала небо и раздавались частые раскаты грома!... А пламя разгоралось и разгоралось, казалось—горѣли даже камни и земля, издавая смрадный запахъ!...

Вдругъ послышался стукъ копытъ.... Я оглянулась.... То мчался на конѣ Юзефъ.... Лицо его было искажено ужасомъ,

глаза налиты кровью.... Онъ соскочилъ съ коня, который тутъ же палъ, и бросился ко мнѣ съ крикомъ:

—„Казимира, Казимира!.. Что ты надѣлала?“

Онъ хотѣлъ вѣроятно убить меня, но кровь хлынула у него изо рта и глазъ, и онъ грохнулся замертво на землю... Пламя въ отвратительномъ образѣ человѣческомъ съ страшнымъ хохотомъ простерло къ нему свои огненныя руки и пожрало его!...

Я бросилась бѣжать!...

Меня нашелъ лежавшей безъ чувствъ, въ лѣсу одинъ бѣдный крестьянинъ и привезъ къ себѣ въ хижину... Долго я у него пролежала въ горячкѣ и бреду.... Однако начала понемногу поправляться, выздоравливать, и наконецъ оправилась и совсѣмъ.... Съ тѣхъ поръ я посвятила себя Богу.... Много святыхъ мѣстъ я обошла и горячо молилась Господу Вседержителю о прощеніи грѣховъ моихъ и раба Божьяго Юзефа.... Я никогда никому не разсказывала о происшедшемъ со мною.... Теперь, почуявъ близкій часъ смерти, я исповѣдываюсь передъ вами.... Никого небыло у меня на свѣтѣ ближнихъ, а вы призрѣли, пріютили меня несчастную—и Богъ васъ за это не оставитъ.... Я благословляю небо, что умираю здѣсь, гдѣ когда-то жилъ мой несчастный отецъ.... А теперь прошу ко мнѣ отца духовнаго!...

Къ утру старушки не стало....

Вотъ что творилось когда-то на свѣтѣ Божьемъ!!.. Такъ окончила бабушка свой печальный разсказъ.

К. Ванченко-Писанецкій.

Частная переписка Григорія Андреевича Полетики.[1]

(1750—1784 г.).

46) Брата Степана Андреевича, изъ Коровинецъ, 1758 г., 21 октября.

Милостивый государь, братецъ Григорій Андреевичъ. На полученное мною сего октября 21 числа, чрезъ Матвѣя Можневскаго писмо, симъ отвѣтствую. О хлѣбѣ коровинскомъ нѣкакого слѣдствія, какъ въ представленіи генералной войсковой канцеляріи написано, не било, но генералная канцелярія утвердясь толко на поданномъ въ 1749 году отъ умершого Семена Полуботка доношеніи о томъ къ гетману, змислила представленіе сама собою, оной же хлѣбъ зъ сѣмянъ при селѣ Коровинцахъ находячихся приобрѣтенъ билъ, а не зъ его собственнихъ, какъ подданніе показуютъ; сію крайную обиду намъ первоначално началъ, здесь обрѣтаючійся плутъ Туманскій, которой за брата своего, по Крижановскому, и на мене весма золъ, и всякіе дѣлаетъ здесь интриги къ обидѣ моей, при чемъ и представленіе о хлѣбѣ онъ змислилъ, нарушивъ всѣ бывшія опредѣленія генералной канцеляріи, чтобъ оному бить при наслѣдникахъ максимовскихъ, какъ вы можете усмотрѣть зъ сообщающогося при семъ къ вамъ генералной войсковой канцеляріи представленія къ гетману, при которомъ и доношеніе посилалъ умершого Павла Ласкевича; сія лихая искра хотѣла поле спа-

[1] См. „Кіевская Старина“ 1893 г., № 10.

лить, но сама первіе погибла. О хлѣбѣ всемъ перемолоченномъ вѣдомость посылаю и при томъ покорно прошу совѣта, ежели отъ генералной войсковой канцеляріи пришлютъ отбѣрать хлѣба, отдавать ли оной? Притомъ же Полуботокъ претентуетъ двѣ тисячѣ копъ оного и болѣе, но того по вимолоту не явилось нѣ десятой долѣ, едно что его столко и не било, а другое за гнилостью много пропало; ежели будутъ усилять додавать до претендуемаго числа, то я на сіе вздумавъ проектъ сей, чимъ сіе дѣло до получения вами резолюціи въ сенатѣ на аппеляцію (которую вы какъ найскорѣйше подавайте) проволочитъ и отдачи не учинитъ, и вамъ въ разсмотрѣние пишу. Теперь я наряженъ на шесть мѣсяцей въ походъ къ Богу рѣки, куда сего числа и виижжаю, где потомъ буду жить безотлучно поколь отъ васъ отвѣтъ получу, а отецъ имъ отказать можетъ, что какъ дѣло, такъ и хлѣбъ въ моемъ вѣдомствѣ, и онъ де за поворотомъ съ походу рощитатся и возвратить можетъ, а вы между тѣмъ объ указѣ можете постараться. Я безмѣрно удивляюсь о нечаянной перемѣнѣ сребролюбивой души, которой видимо по всему, что совѣсть и постоянство держитъ въ сребрѣ, и людямъ дѣлаетъ что либо за тоже, еднакъ ему заслужить обѣщался какъ за свое, такъ и за сые Антонъ Стефановичъ, которой такожъ его превознѣсъ похвалами, вашимъ ровними. Я зъ своимъ лубенскимъ вертопрахомъ [1]) уже примирился, когда билъ онъ въ Антона Стефановича; теперь, какъ сказуютъ, хочъ въ ухо вбгай, за то, что всѣмъ его дурачествамъ я далъ мѣсто. О сервѣзѣ я намѣренія не оставилъ, но что присилка денегъ на оной промедлѣлась, то причиною сему плутъ мой дебѣторъ Собецскій, которой будучи мнѣ полтори тисячи рублей виноватъ, просрочилъ, и понынѣ не отдалъ; я зъ другой сторони поисправившись денгамы, буду просить васъ, милостиваго г—ря братца, по замѣтки мною данной, заказать оной зделать, а теперича по написаніи сего виежжаю въ походъ, и желаю васъ и протчихъ братей моихъ, которимъ отъ мене нижайшій поклонъ, выдѣть по веснѣ, ежели буду живъ, въ Пѣтербурги.

---

[1]) И. И. Кулябка, полковникъ лубенскій.

Впрочемъ есмъ съ моимъ усердіемъ вашъ всего добра желательный братъ и покорный слуга Стефанъ Полѣтика.

47) Брата Степана Андреевича, (изъ Коровинецъ?), 1759 г., 23 января.

М. г. братецъ Григорій Андреевичъ. На полученное мною сего генваря 17 числа писмо, при взаимномъ моемъ новимъ годомъ поздравленіи, зъ желаніемъ въ ономъ всѣхъ вамъ, милостивому государю, братцу, благощастнихъ прогрессовъ, симъ въ отвѣтъ доношу, что я сего на датѣ положенного числа отежжаю въ Глинскъ, къ Антону Стефановичу, где исполнить всѣ ваши приказанія долженъ, и по полученіи потребного вамъ сообщить и о всемъ увѣдомить не оставлю. О хлѣбѣ коровинскомъ я уповаю, что вы въ полученнихъ письмахъ отъ мене получили всему хлѣбу сколко оного вимолочено вѣдомость, и для того теперича не сообщаю оной; о послѣдовавшихъ отъ лубенского вѣтрогона [1]) мнѣ обидахъ, я васъ тогда за печаллю моею и за скоримъ отездомъ куріера, обстоятелно увѣдомить не моглъ, для того, что его безчеловѣчнихъ поступокъ неможно описать и на десяти листахъ, еднакъ слава Богу, что онъ, якъ плутъ остался зъ своими намѣреніями, а я при моемъ прежнем состояніи зостаюсь; вы за обозного [2]) очень угадали, что сухая безъстия много наврала, которая за мои немаліе одолженія горше всѣхъ повредила, взявши мзду сребролюбивой и безсовѣстной своей души отъ противной мнѣ стороны. За рекомендаціи я васъ покорно прошу, а о писмѣ къ вѣтрогону архипастира [3]) и нетрудѣте, якожъ я ихъ обоихъ держу единакового сложенія, и въ томъ мнѣ нынѣ и нужди не состоитъ, объ архіереѣ въ Петербурги пущай не просятъ Бога, лубенскій полкъ за его умолитъ, что намъ такого полководтца сходатайствовалъ, которой разоривши людей въ полку, долженъ и себѣ зъ дѣтми ожидать погибели, чрезъ свои сверхъ натурал-

[1]) Лубенскій полковникъ Кулябка

[2]) Иванъ Андреевичъ Марковичъ?

[3]) Сильвестръ Кулябка. См. Кіевск. Стар. 1893 г., № 1, стр. 171.

ніе и всей Малой Россіи удивителніе поступки. Я напослѣдокъ, милостивый государь, братецъ, и сего не пропущаю за куріозъ донесть, что его шатость [1]) засваталъ билъ умершого сотника лохвицкого Коченовского жену за себя, и сего генваря 14 числа, великолѣпною и шестинадцятилѣтъ птиметру приличною церемониею и щеголствомъ, состоящою со всего полку, приехалъ билъ для полученія своего желанія въ Лохвицу, гдѣ въ еи домѣ, въ избахъ, приборъ засталъ, еи-же не получилъ, которая уехавши къ дѣверу своему маіору Качановскому, въ Парахвѣевку, звѣнчалась съ полковникомъ компанѣйскимъ Игнатомъ Часникомъ. Его же шатость съ превеликимъ стидомъ и присутствующіе ему въ Лубнѣ обратно возвратились. Протоколѣстъ Дергунъ, которій къ дому нашему пріятель и человѣкъ добрій, писалъ ко мнѣ чрезъ нарочного, чтобъ я, милостивій государь, братецъ, вамъ рекомендовалъ съ прозбою о неоставленіи его въ слѣдующей къ вамъ его прозбѣ, и я объ немъ, яко добромъ и въ интересахъ нашихъ услужномъ человѣку, васъ покорно прошу, въ прозбахъ его возможнихъ не оставить, чемъ его поощрите къ должнимъ услугамъ. А я напослѣдокъ остаюсь зъ должнимъ почтеніемъ вашъ всего доброжелательній братъ и покорній стуга Стефанъ Полѣтика.

48) Брата Степана Андреевича, 1760 г.—мая.

Милостивій государь, братецъ, Григорій Андреевичъ. На писмо ваше прошлого генваря отъ 22 отпущенное, чрезъ служителя Антона Стефановича, я и понынѣ не моглъ отвѣтствовать за всегдашними моими, по нынѣшнему моего наряду въ Пруссію, отъ дому отлучками, а нынѣ при виѣздѣ туда, какъ на оное въ отвѣтъ донесть, такъ и о обращеніяхъ домовыхъ обявить имѣю. По прописанному въ писмѣ вашемъ приказанію объ распоряженіи насъ и объ удовольствіи сестеръ, я всемѣрно отъ батюшки старался, о чемъ обстоятелно вамъ швагеръ Афанасій Прокофѣевичъ [2]), который сихъ чиселъ къ вамъ въ Пе-

[1]) Такъ называетъ П—ка своего полковника Кулабку, иронизируя надъ его легкомысліемъ. Шатость значитъ собственно непостоянство.

[2]) Шкляревичъ.

тербургъ намѣренъ зъ двома сыновями виѣздить, можетъ обявить, но вмѣсто того, чтобъ всѣмъ зделать тишину и удоволство, получилъ крайную себѣ обиду, ибо батюшка не токмо по писму вашему ничего учинить не похотѣлъ, но и остатнюю мелницу аксютинскую, мною владѣемую, отнялъ отъ мене, чѣмъ мене, при нынѣшнемъ моемъ походѣ, такъ несносно обидилъ и разорилъ, что я ей, братецъ, оставляю жену съ такимъ порядкомъ, что и каши нѣ іщего зварить, а причина сему—лугъ, купленный мною у козаковъ коровинскихъ Савченковъ, который батюшка, не імѣя никакой правилности, началъ билъ пустошить, за что отъ гетмана по козачей жалобѣ велѣно козаковъ совсѣмъ удоволствовать и не интересоватса, а притомъ и гвалти пополнить; я изъ сего видячи батюшкину обиду по инстинку (sic) нашихъ недоброхотовъ, чтобъ чемъ дѣло прекратить, старался о куплѣ оного, но зато, вмѣсто благодаренія, несносную претерпѣваю обиду. Хочай же я о возвращеніи оной мелницѣ нѣсколко разъ просилъ, но онъ потому отъ мене требуетъ, чтобъ я ему купленний лугъ уступилъ и деньги бы мною данныя отъ него принялъ, съ чего, милостивый государь, братецъ, можете отческое милосердіе признать, ибо вмѣсто того, чтобъ еще своимъ добромъ долженъ бы наградить всѣхъ равно, а не отнимать отъ дѣтей и собственное нажитое, мнѣ не жаль било, ежели бъ онъ, кромѣ насъ, имѣлъ бы другихъ дѣтей, да такъ несправедливо поступалъ, я въ семъ случаѣ иного средства не изобралъ, кромѣ, о семъ обявивъ, просить васъ, чтобъ вы къ нему писали о возвращеніи зъ забратимъ хлѣбомъ десять лѣтъ уже мною владѣемой мелницѣ, чтобъ моей женѣ не довелось бы по-подъ-окнами хлѣба просить, а о протчемъ роздѣлѣ, который батюшка намѣреваетъ безъ меня, васъ всѣхъ созвавъ въ домъ, зделать, я не согласую и моей части принять никому не повѣрю, яко жъ со всего видимо, что батюшка, (имѣя предъ симъ къ роздѣлу намъ всѣмъ наслѣдниіхъ частей довольное время и при битности вашей не единожди въ домѣ, ничего порядочного не сдѣлалъ, нынѣча избираетъ оному время въ отлучку мою въ отдаленный походъ), желаетъ мене вовся обидить, еднакъ я всѣ сіи несправедливие предпріятия оставлю на совѣст-

ное васъ всѣхъ благоразсмотрѣніе и братерскую любовъ, и поручаю жену и дитину мою подъ собственное, милостивый государь, братецъ, ваше призрѣніе, которой въ отлучку мою въ сеії отдаленный и опасный походъ, буди доведется мнѣ и жизнь тамо окончить, прошу нижайше не оставить и содержать то, что я за то при жизни и по жизни вашъ непрестанный благодарникъ вашъ покорнѣйшій слуга Стефанъ Полѣтика.

Съ Ласкевичами дѣло я пріостановилъ до возвращенія моего зъ походу и полученія отъ васъ резолюціи за хлѣбъ. Петро, послихавши объ отдачѣ Полуботчихѣ хлѣба, весма началъ билъ старатисъ, чтобъ дѣло рѣшено было въ гадяцкой полковой канцеляріи скорѣе по резону, что и онъ его не мало захватилъ, еднакъ въ семъ ему не удалось. Я особливо еще вздумалъ сіе, чтобъ свои съ ними дѣла зачать вмѣстѣ зъ Можневскими, которие согласились со мною искать на нихъ за неотдачу денегъ и такъ старатся буду, чтобъ всѣ вмѣстѣ рѣшени били, какъ и ордеромъ генералной войсковой канцеляріи, которой я испросилъ, велѣно, дабы ихъ симъ скорѣе принудить до крайнего окончанія и миру. Петро Васильевичъ будучи вмѣстѣ со мною въ Гадячѣ въ августѣ мѣсяцѣ сходился на миръ, но я съ миру усмотрѣлъ его плутовство: мирится не похотѣлъ, ибо онъ желалъ отдачи имъ всѣхъ купленныхъ дворовъ у Радченковой, въ Гадячѣ же мы съѣхались были для начатія дѣла, но не зачали затѣмъ, что Павелъ Ласкевичъ на повѣренного не давши полной вѣрующой, умеръ, а по едной Петровой вѣрующой я вступать въ дѣла не похотѣлъ, ибо жена бъ Павлова или дѣти могли бъ за другое на насъ искать; и такъ я требую, чтобъ была вѣрующая и отъ Павловой жены, которая когда подастъ, то въ тѣ поры и въ дѣло вступить имѣю.

49) Луки Татищева, изъ Лондона, 1761 г., 14 декабря.

Милостивый государь мой Григорій Андреевичъ! Какъ я не сумнѣваюсь о вашего высокоблагородія въ С.-П.-Бурхъ, до полученіи сего моего писма, изъ Малороссіи возвращеніи, такъ и не хочу болше медлить васъ, прежде всего съ тѣмъ усердно поздравя, въ протчемъ честь имѣть (sic) служить моимъ долж-

нымъ отвѣтомъ на ваше ко мнѣ почтенное послѣднее (письмо?) отъ 8 минувшого октября, принося вамъ, милостивому государю, моему во первыхъ покорнѣйшее благодареніе мое за столь благосклонной вашъ мнѣ подарокъ, которой я чрезъ шкипера Андерсона, якоже и послѣднія три книги, чрезъ обратно отъѣхавшаго сюды капитана Ганакта, съ покорною благодарностію моею, изъ здѣшней таможни получилъ. Я оныя принимая съ обязателнѣйшимъ признаніемъ повиновенія моего ко всемъ вашимъ повеленіямъ, которыя всегда съ особливою охотою исполнять обязуюсь, прошу въ протчемъ быть совершенно удостовѣрену о продожительномъ раченіи моемъ къ соблюденію вашей дражайшей дружбы. Безъ сомнѣнія вы уже изволили осмотреть посланные мною съ шкиперомъ Галакомъ разныя вещи; а нынѣ прилагая при семъ щетъ издержаннымъ мною при томъ случае отъ васъ, въ два раза, полученнымъ денгамъ, изъ онаго явствуетъ, коликое число по уплаченіи послѣдней Вистону суммы 12 фунтовъ и 18 шиллинговъ, у меня дѣйствительно остается; сожалѣю при томъ, что при такихъ весма трудныхъ обстоятельствахъ, я никакъ не могъ книгъ мимо таможни къ вамъ отправить. Мнѣ самому желателно было во угожденіе ваше извѣстную желаемую вами карету, купивъ съ протчими вещми, къ вамъ отправить, но къ моему сожалѣнію еще по нынѣ я оной не отъискалъ по причине: 1-е, что сумма у меня оставшая на то совсемъ не доволна, а 2-е, что здѣсь не принимаютъ кромѣ совершеннаго уплаченія, никакихъ задатковъ; и такъ я долженъ обжидать, пока оная сумма по вашему обѣщанію на то дополнится. Чтожъ до посланныхъ мною къ вамъ золотыхъ часовъ касается, я не сумнѣваюсь, что оныя вамъ совсемъ понравятся, лаская себя, что тожъ самое и съ брилиянтовымъ перстнемъ воспослѣдовать можетъ. О чемъ всемъ ожидаю вашего скораго увѣдомленія. За купленныя вами на мой щетъ вещи, какъ книги и мѣхъ, покорное мое благодареніе вамъ, милостивый государь мой, принося, издержанные вами на оные денги 31 р. 36¼ к. при семъ съ добримъ усердиемъ имѣю честь уплатить, сравнивъ оные съ тѣми 6-ю фунтами, которые я при расщете полученной мною въ начале сего года

отъ васъ суммы 800 р. и при уплаченіи Маршу 16 фунтовъ изъ оной за книги, изъ своихъ собственныхъ недостающия заплатилъ, ссылаясь о семъ на писмо мое отъ вамъ отъ 26 генваря сего истекающаго года, якоже и на предъ тѣмъ отправленной щетъ. Сверхъ же сего доведется вамъ еще отъ того около 5-ти шил. по курсу въ доплату имѣть, кои я на щетъ при семъ приложенной поставляю. Что же до ассюранціи касается, то я послѣдуя въ томъ поступкамъ всехъ торговыхъ людей, принужденъ былъ ассюровать при этомъ опасномъ времени почти весь капиталъ мною къ вамъ отправленной, то есть книги, перстень и часы, хотя правда не такъ еще дорого, какъ то я послѣ оныхъ въ отправленіи къ ихъ преосвященствамъ новгородскому и нынѣшнему с.-п. бургскому архиепископамъ ихъ часовъ, а именно по 8 процентовъ учинить принужденъ былъ.—Столь великія издержки здѣсь въ таможнѣ платимыя мнѣ весма скучны, ибо я самъ такожде принужденъ былъ заплатить въ оной за посланныя отъ васъ ко мнѣ двѣ небольшія связки около 10 рублей, не смотря на то, что въ томъ я еще по рекомендаціи княжеской доношеніемъ въ оную представлялъ. Господинъ Осборнъ въ протчемъ съ великимъ желаніемъ ожидаетъ, и чаятелно такъ, какъ жиды своего мессию, присланія отъ васъ должной ему суммы, въ чемъ я его и увѣрить не преминулъ. Я съ особливою радостию увѣдомляюсь чрезъ писмо его высокородия Якова Алексѣевича о ея импер. велич. высочайшей къ вамъ довѣренности и милости, пожаловавъ васъ въ надворные совѣтники, съ чемъ ваше высокородие вседушно отъ сердца моего поздравляю, желая при томъ при наступленіи новаго года паки скораго возобновленія ея высочайшихъ знаковъ къ вамъ милостей, съ препровожденіемъ всякого пожеланного добраго благосостоянія здравия, въ чемъ я принимаю истинное участіе, имѣю честь въ протчемъ пребыть съ обыкновеннымъ моимъ высокопочитаніемъ и преданностію, вашего высокородия, всепокорнѣйшій слуга Лука Татищевъ.

Роспись издержаннымъ деньгамъ на ниже писанныя вещи комисіи мнѣ отъ васъ данныя, изъ присланныхъ въ два разные времена, суммъ 1200 и 325 рублей, а именно:

	фун.	шил.	пнс.
Вистону въ уплату по реестру заплачено.	70	0	0
Осборну по реестру, и за ящикъ и веревки, ...	29	5	6
Его расходы въ отправленіи книгъ на корабль.	0	7	0
Давису по реестру	27	15	0
Его ящики и веревки	0	17	6
Въ отправленіи оныхъ на корабль	0	12	0
Athanasius	0	8	0
Вилкоху по реестру	3	8	6
Бекеру по реестру за книги	9	10	0
Ящики, веревки и при отправленіи оныхъ на корабль	0	12	6
За объявку въ таможню вышеозначенныхъ книгъ и протчіи тамъже по сему дѣлу издержки	5	6	6
Мною особливо всего издержано	1	7	0
Ассюранціи за 220 фунтовъ стерлинговъ по 5-ти процентовъ. . .	11	11	0
Перстень брилиянтовой.	60	60	
Часы золотые	20	20	
Три пары шелковыхъ сѣрыхъ наилутчихъ чулковъ, по 15-ти шил. каждая пара	2	5	0
Две пари черныхъ по 13-ти шил. пара	1	6	0
Итого.	248	11	6
Въ первый разъ полученныя мною 1200 рублей по курсу учинили.	235	10	0
Въ другой разъ 300 рублевъ учинили	60	0	0
Въ два раза переводъ	195	10	0
Сумма . . .	248	11	6
Въ остатке	46	18	6

Издержки на Якова Алексеевича.

	фун.	шил.	пнс.
Охотничья фузея	3	0	0
12 паръ нитяныхъ исподнихъ чулковъ по 4 шил. и 2 пенса пара .	2	10	0
Итого.	5	10	0
Полученные мною вышеупомянутыэ на его собственные издержки сверхъ 1500 р. 25 рублей учинили по курсу	5	0	0
Слѣдователно отъ сего щета остается вамъ получить.	0	10	0
	46	18	6
Вычетъ .	46	8	6
Вистону по реестру	80	2	6
а 6 ящиковъ	1	16	0
Веревки, перевозъ, ботъ, выгрузку и проч.	0	19	6
	82	18	„

Уплачено ему какъ выше показано	% — 0 — 0
Слѣдовательно теперь еще доплатить ему	12 — 18 — 0
	46 — 8 — 6
Фунтовъ стерл.	34 — 9 — 6
Упоминаемыя въ выше реченномъ писмѣ моемъ извѣстныя въ доплату вамъ надлежащия деньги.	0 — 5 — 0
Всего у меня остается	34 — 14 — 6

Лука Титищевъ.

50. Отца Андрея Павловича Полетики, изъ Хмѣлова, 1762 г., 12 декабря.

Любезнѣйшій сынъ мой Григорій Андреевичъ! Писмо ваше отъ 25 ноября съ Москвы пущенное, получилъ я исправно декабря 10-го. За присланныя отъ васъ при томъ своихъ трудовъ двѣ книжки много вамъ благодарствую. Объявляете, что подали въ сенатъ апелляціонную челобитную и копію оной ко мнѣ прислали и стараться будете до отъѣзду своего исходатайствовать резолюцію о перенесеніи дѣла въ сенатъ, а пока того не получите, выѣзжать оттуда не намѣрены, тако жъ о дѣлѣ берестовскомъ [1]), заводномъ съ графомъ Гаврилою Ивановичемъ Головкинымъ и о протчемъ; на что вамъ порознь въ отвѣтъ пишу: 1) челобитная, кажется, написана порядочно и, какъ знаете, такъ и старайтеся; оное дѣло, ежели (Богъ дастъ) рѣшено будетъ въ ползу, больше нужно для васъ, а не для меня, и пріѣздъ вашъ сюда зависитъ на волѣ вашей, когда управитеся, тогда и пріѣзжайте, желаю здоровыхъ васъ видѣть; 2) кареты и хомутовъ уже не покупайте, ибо они нужны были для свадбы Андреевой, которая обошлась и въ здѣшнихъ, каковы есть, колясках; ему жъ въ каретѣ не ѣздить, а кромѣ того, хотя старого манеру, такая какъ за Татьяною Павловною, однакъ красивая, трипомъ выбитая, карета ему за женою придана; я жъ кромѣ обыкновенной моей тарадайки, въ другой ѣздить не привыкну; 3) что жъ касается до наглостей прикащика берестовского, то можете увидѣть обстоятельнѣйше съ приложенныхъ при семъ копій, какова мнѣ невинно

[1]) За село Берестовку.

отъ его послѣдовала обида: Стефанъ задрался съ нимъ не напрасно, но потому, что онъ точно поля коровинскія пооралъ, пашни на нихъ насѣялъ, которыя Стефанъ велѣлъ выбить скотомъ козачимъ, а прикащикъ заграбилъ за то козачихъ болѣе ста лошадей; Стефану жъ разсудилось поступить инако нельзя, не допуская своего поля нагло завладѣть, а прикащику не должно было грабить, но розвестись, чье окажется поле, графское-ли или наше; но онъ, того не дѣлая, не токмо козачія заграбилъ лошади, но и мое стадо, которое отъ того мѣста въ нѣсколько десятъ верстъ было, и ни малѣйшей причины не было такой, за чтобъ меня онъ могъ грабить; съ Стефаномъ задрался, съ нимъ же было ему и росправится, а меня не зачепать невинного; я писалъ къ ему и билъ челомъ въ полковую лубенскую канцелярію, откуда предлагано ему тотъ скотъ возвратить, но онъ не послушалъ; теперь хотя я въ генералную войсковую канцелярію послалъ чрезъ Андрея доношеніе, однакъ не уповаю, чтобъ и оттуда съ пользою что послѣдовало, потому что крайне ослушенъ является, колми паче можетъ отказаться, когда уже своему господину далъ знать. Прилѣжно прошу о семъ доложить графу Гаврилѣ Ивановичу и просить о возвращеніи хотя моего скота, а съ Стефаномъ пускай розвѣдуются какъ хотятъ; ежели не схочетъ графъ безъ суда опредѣлить отъ себе депутатовъ о разборѣ между Берестовкою и Коровинцами границы, во пресѣченіе таковыхъ споровъ, когда жъ ни на то, ни на другое не согласится, то написавъ отъ меня и подписавъ мое имя, подать самому его ясневелможности доношеніе съ крайнимъ прошеніемъ о возвращеніи грабежей и о розборѣ, ежели не возможно коммиссіею безъ суда, то хотя и судомъ. Когда бъ то можно такую милость сыскать у его ясневелможности, чтобъ не судомъ, но нарочно опредѣлить коммиссію разобрать границу, весьма бъ хорошо, и такой волокиты какъ по судамъ не было бъ, о чемъ пожалуйте постарайтеся, и графъ Гаврила Ивановичъ конечно на сіе пристать не откажется; протчее припосылая отеческого моего вамъ благословенія, пребываю вашъ доброжелателный отецъ Андрей Полѣтика.

51) Брата Степана Андреевича, 1762 г.,—декабря.

Милостивый государь, братецъ Григорій Андреевичъ! Двѣ книжечки переводу и составу вашего я отъ батюшки получилъ, за коихъ одолженіе и въ оныхъ за доброе нравоученіе покорнѣйше благодарю. Я уповаю, что вы уже чрезъ письма батюшкины доволно извѣстни о происходимихъ обидахъ отъ приказчика берестовского [1]), который столь началъ усилововатся, что уже добрался и до опредѣленныхъ вамъ и мнѣ въ степѣ частей. Я, не могучи ракалѣи попустить себе въ обиду, мало его понудилъ, чтобъ подалѣ отсунулся, и то самимъ дѣломъ уже доказалъ, что мужики комличанскіе [2]) бросили брать захваченную землю. Еднакъ лучше всего бы, милостивый государь братецъ, ежели бы вы постарались въ графа Головкина, чтобъ онъ съ нами сдѣлалъ границю для общего покою, дабы въ слѣдующее лѣто прикажчикъ съ мужиками чего еще новаго не вздумали. Я васъ, уже другой годъ наступуетъ, ожидаю, какъ Израиль мессіи очей, и я получу обѣтованіе отче, еднакъ не дождусь вижу скоро, а остаюсь, какъ и сами знаете, милостивый государь, братецъ, противъ денежныхъ заборовъ, безъ владѣнія настояще моею наслѣдною частию въ обидѣ; я бы съ оной уповаю также (нажилъ) пятсотъ рублей своими трудами, какъ хто батюшкиными користуется, моглъ, который въ ту сумму изъ моей части людей владѣя оными собираетъ прибыли. Я тѣмъ будучи обиженъ, смѣю вамъ доложить, что я по той роспискѣ, на якой подписался доволнымъ, въ разсужденіи отдачи по веснѣ дворовъ коровинскихъ и части всей мнѣ, когда ей не имѣю во владѣніи, не доволенъ, и хочу получить равную часть и въ заборѣ денежномъ противъ прочихъ браттей моихъ. Впрочемъ все предавъ въ ваше справедливое разсуждение, въ ожиданіи вашего скораго пріѣзду, есмь съ моимъ почтеніемъ вашъ покорнѣйшій слуга Стефанъ Полѣтика.

---

[1]) См. выше письмо № 50.

[2]) Жители поселенной недалеко отъ Коровинецъ слободы Комлычки.

52) Брата Степана Андреевича, изъ Коровинецъ, 1763 г., 24 февраля.

Милостивый государь, братецъ Григорій Андреевичъ! Росписку на взятие въ отдѣлку кровати хорошимъ мастерствомъ тулского ружейного мастерства Тихономъ Крижовымъ десять рублей деньги при семъ къ вамъ, милостивому государю, моему братцу, посылаю, по которой покорнѣйше прошу, въ проѣздъ чрез Тулу, приказать объ ономъ мастерѣ справится и ежели есть кроват сдѣлана, то оную взять или денги въ задатокъ имъ забратие отобрать. При томъ же мнѣ довелось теперича знать, что аптекарь Нейдгардъ визичилъ жителствующему въ городѣ Ромнѣ (кой уже умре) Якубовичу тридцать рублей денегъ, которихъ въ закладъ взялъ у оного Якубовича на Собецкого добра всѣ крѣпости, мнѣ же съ тѣхъ Собецкого добръ дворъ въ городѣ Ромнѣ съ лавками и лугъ надъ селомъ Волковцями состоящихъ, по куплѣ достались, почему и тѣ крѣпости мнѣ весма нужни, покорнѣйше прошу васъ, милостивого государя, моего братца, какъ я слыхалъ, что оного аптекаря Нейдгарда по умертвіи его жена нинѣ въ Москвѣ находится, приказать объ оной справится, и ежели по справкѣ сыщутся подлѣнніе въ оной крѣпости, то тѣ крѣпости, что ей подлежатиметъ заплативъ, викупить, я вамъ, милостивому государю, моему братцу, з особливимъ благодареніемъ данныя за оние денги возвратить имѣю, въ чемъ отъ васъ и увѣдомленія скорого ожидать буду. О семъ же я пишу и къ Ивану Андрдевичу, къ которому при семъ и конвертъ прилагаю, покорнѣйше прошу чрезъ певную и вѣрную оказію къ нему сослать. Я же есмь съ должнѣйшимъ почтеніемъ вашъ всего доброжелателный братъ и покорнѣйшій слуга Стефанъ Полѣтика.

53) Брата Степана Андреевича, изъ Коровинецъ, 1763 г., 9 декабря.

Милостивый государь, братецъ Григорій Андреевичъ! На писмо ваше, со многими запросами ко мнѣ присланное, я какъ за недосужствомъ своимъ, а особливо за многими по тому дѣлу справками, иного вамъ чрезъ сіе отвѣта предписать

не могу, кромѣ слѣдующого: о требуемыхъ вами справкахъ вы инако отъ меня не можете быть завѣрены, буди вамъ того потребно, какъ при персоналномъ свиданиѣ, а чтобъ вы иногда въ надобности вашей могли знать и о дѣлѣ съ Ласкевичами и протчими гдѣ оно, то оное все подлинное (вамъ объявляю) содержится у батюшки нашего, которое мною, по стужателному его приказу, давно уже препоручено, о чемъ можете быть отъ него удостовѣрены; о хлѣбѣ же общемъ коровинскомъ увѣдомляю васъ, что осталной отъ согнитія и перемолоченный чрезъ нарочно присланного отъ суда полкового гадяцкого, содержится по порученіи оного нарочного въ моемъ присмотрѣ и понынѣ въ цѣлости, которой буди вамъ по какимъ-либо вашимъ утвержденіямъ нынѣ надобенъ, вы можете чрезъ тотъ приказъ перемолоченный получить отъ мене, которой и молотить велѣлъ, я же вамъ, милостивому государю, братцу, открываюсь, что какъ не былъ вашимъ рабомъ, такъ и впредь, нѣчемъ отъ васъ будучи не одолженъ и вашего собственного ничего же не занявши, и по обявленному вами съ Ласкевичами дѣлу служить не желаю, и предъ вами какъ претензію вашу всю, такъ и поступленние вами на бумажки пятисотные денги въ цѣлости оставляю, по коему вы отвѣтчикамъ равного себѣ и прокуратора сыскать можете. Впротчемъ, восписавши мой отвѣтъ, пребываю васъ, милостивого государя, братца, доброжелателный братъ и покорный слуга Стефанъ Полѣтика.

54) Графа Владиміра Григорьевича Орлова, изъ Москвы, 1767 г., 23 іюля.

Государь мой Григорій Андреевичъ! Я конечно не думалъ, чтобы то, о чемъ вы ко мнѣ пишете, такъ мѣдлително списовалось. Когда вы съ своей стороны пищиковъ, какъ вы обещаете, найгтить можете, то тѣмъ и поспѣшнѣе сіе дѣло пойдетъ, которихъ прошу и пріискать. А то, что вы переслать сюда намѣрены были, прошу оное на нѣсколко времяни удержать у себя. Братъ Федоръ Григорьевичъ доволенъ очень, что онъ былъ виною радости причиненной отцу вашему; благодаритъ васъ за писаніе и кланяется вамъ. Желая вамъ

всякаго благополучія, пребываю съ искреннымъ почтеніемъ, государь мой, вашъ покорный слуга г. Володимеръ Орловъ. (*Собственноручное*).

55) Брата Козьмы Андреевича [1]), *изъ Ромна, 1768 г., 2 іюня.*

Милостивый государь, братецъ, Григорей Андрѣевичъ! При отъѣздѣ Елены Ивановны, любезной супруги вашей, взялъ я на откупъ Педковщину и Бардаковщину, въ такихъ обязателствахъ, которые изъяснены у контрактахъ нашихъ. Мы какъ договоръ дѣлали горячо, то и теперъ оной меня сжетъ, ибо Андрѣй Андрѣевичъ и Петръ Афанасьевичъ [2]), будучи при договорѣ нашемъ, увѣряли меня, будьто Бардаковщина вся засѣяна рожью, а я на слова ихъ увѣрясь, заключилъ контрактъ, а послѣ увидѣлъ, что ржи на всемъ томъ полѣ ни зерна не посѣяно, кромѣ яриннаго хлѣба, которымъ по справедливости и слѣдовало бы мнѣ договоренную въ контрактѣ сумму хлѣба вамъ дать; и такъ въ разсужденіе и рѣшеніе ваше отдаю сію задачу, что ежели я принужденъ буду отдавать рожью, какъ я обязался, а не яриннымъ хлѣбомъ, то будущаго лѣта у васъ вся корысть можетъ пропасть, въ разсужденіи того, что я хотя купивши рожь за чистыя денги, или изъ другого моего хозайства собравши, вамъ отдать долженъ, а убытокъ мой возвращать буду нанимая все поле на пастьбу во время ярманковъ, ежели вамъ заблагоразсудится, оставить оную Бардаковщину при мнѣ и на будущое лѣто, то есть до того же срока, какъ нанята Педковщина, то я выполню за сей годъ все по контракту; оное лѣто соглашусь держать изъ половины дохода сѣемаго хлѣба, о которомъ вашемъ согласіи прошу немедлѣнно мнѣ дать знать, ибо люди начинаютъ уже просить поля подъ рожь, а я не дождавшись отъ васъ отвѣта, того учинить не могу, равнымъ образомъ и будущею весною подъ засѣвъ яринного хлѣба, безъ крайняго моего убытка, дать не можно, а для увѣренія можетъ служить и одно ваше писмо, не перемѣняя

[1]) Козьма Андреевичъ Полетика, майоръ, род. 1737 † 1771. Былъ женатъ на Настасьѣ Ивановнѣ Марковичъ. Дѣтей не оставилъ.

[2]) Шкларевичъ.

контракта. Въ протчемъ увѣдомляю васъ, милостивого государя! братца, что въ фамиліи нашей все идетъ благополучно, кромѣ того, что братъ Стафанъ Андрѣевичъ, какъ то и неудивително, безпрестанно всѣхъ безсовѣстіемъ своимъ безспокоитъ, и теперь чрезъ нахалной его грабежъ, на великомъ степу, у Чесночки и Телесницкого стада, наварилъ такого пива, которое со временемъ весма твердо ему покажется. Въ протчемъ съ должнымъ моимъ пребываю почтеніемъ, вашъ, милостивого государя, братца, покорнѣйшій братъ и слуга Козма Полѣтика. P. S. Прошу покорно не забыть о печаткѣ, о которой словесно я просилъ.

56) Брата Козьмы Андреевича, изъ Ромна, 1770 г., 1 февраля.

Милостивый государь мой, братецъ, Григорѣй Андрѣевичъ! Новымъ годомъ васъ, милостиваго государя. съ фамиліею Вашею поздравляю, желаю во всякомъ благополучіи оной проводить. За календарь покорнѣйше благодарствую. При семъ доношу, что безпутное наше въ Коровинцахъ владѣніе отчасу насъ разоряетъ за неучиненіемъ общаго и вѣчнаго роздѣла, которого дѣйствіе нами каждую весну полагается, но, за неприсутствіемъ вашимъ или повѣренного вашего, безъ дѣйствія остается. Повѣрьте, милостивый государь, братецъ, что Стефанъ Андрѣевичъ, показывая видъ толко одинъ, что желаетъ скоро вѣчного раздѣла, тѣмъ временемъ ползуется самъ почти всѣми невроздѣлѣ находящимися землями, къ крайнему нашему убытку. Дуброва почти въ пень вырубана для новозанятой его въ Коровинцахъ плотины; того ради просимъ всѣ здѣлать сему безпорядку конецъ. Ежели вы намѣрены сѣно ваше продать, то прошу скоро меня увѣдомить и объявить цѣну, или положится на томъ, что сторонніе люде за скитду будутъ давать, вы теперь сходною цѣною можете ихъ продать, ежели до лѣта онѣ не останутся. Я васъ, милосивый государь мой, братецъ, многократно просилъ и теперь покорнѣйше прошу о печаткѣ, которой у себя не имѣю; ежели оная здѣлана будетъ и прислана, то денги тотъже часъ съ благодареніемъ отданы будутъ кому отъ васъ приказано будетъ. Въ протчемъ объявляю, что въ

домѣ отческомъ все кажется благополучно, и пребываю съ должнымъ почтеніемъ вашъ, милостивого государя моего, покорнѣйшій слуга и братъ Козма Полѣтика.

57) Брата Степана Андреевича, изъ Коровинецъ, 1768 г., 30 сентября.

Милостивый государь мой, братецъ, Григорій Андреевичъ! Съ писма вашего, опущенного прошлого іюля отъ 27 числа, я увѣренъ, что отъ васъ повѣрено быть при роздѣлѣ принадлежащихъ до села Коровинецъ угодій Петру Афанасьевичу [1]), а сверхъ того, естьли ему не возможно будетъ при ономъ быть, то посылаете другую вѣрующую къ Василю Василіевичу Янжулу, но по выправки моей, объявилъ мнѣ Афанасій Прокофьевичъ, что ни Петръ Афанасьевичъ, ниже Янжулъ, который съ нимъ видѣвшись въ Ромнѣ объявлялъ, таковыхъ вѣрующихъ они не имѣютъ, съ чего видно, что вамъ, милостивый государь братецъ, продажа моего степу, о когоромъ я къ вамъ предъ симъ писалъ не нужна, ибо чрезъ неприсылку отъ васъ вѣрующей проходитъ уже время и нашей роздѣлки, а наступаетъ зѣма; оная жъ продажа отъ меня вамъ объявлена для той крайней причины, что батюшка мнѣ за подлежащую ему тысячу рублей денги отдыху не даетъ, и въ силу моглъ до нового году, давъ процентъ, упросить обождать; и такъ, я чрезъ сіе еще принужденъ къ вамъ адресовать, прося отъ васъ конечного объявленія о вашемъ желаніи, которое буди вы совершенно содержите, то прошу прислать кого, или кому повѣрите, для договору и для заплаты, не дожидая нашего роздѣлу, которой уже въ вашеи волѣ останется, а я оного степу часть, на меня надлежащую, намѣренъ для васъ уступить за двѣ тысячи рублей, хочай то мнѣ присланній отъ графа Головкина повѣренный сулитъ то, что я пожелаю, только бъ въ торгъ ишолъ, но я не дождавшися отъ васъ отвѣта конечного, ниже слова съ нимъ о семъ не говорилъ; опасаться же вамъ Полуботковъ иску, по моему мнѣнію, недлячего, для того, что ихъ доискъ по всѣмъ

---

[1]) Шкляревичъ.

законамъ сумнительній, другое что вы продавца имѣете такого, въ которого собственнихъ имѣній на болшую сумму, не дай Богъ хочай бы и то собилось, останется. Въ ожиданіи отъ васъ скорѣйшого увѣдомленія, есмь зъ всегдашнимъ моимъ почтеніемъ, милостивый государь, братецъ, вашъ доброжелателнѣйшій и покорнѣйшій слуга Стефанъ Полѣтика.

КЪ РИСУНКУ

(ДАРЪ ГЕТМАНА МАЗЕПЫ ГРОБУ ГОСПОДНЮ).

Въ алтарѣ церкви Воскресенія, въ Іерусалимѣ, въ храмѣ гроба Господня, съ давнихъ временъ сохраняется художественнаго чекана массивная серебряная доска, въ особо торжественныхъ случаяхъ возлагаемая на престолъ во время литургіи и служащая подножіемъ для Св Даровъ.

Драгоцѣнная доска эта, съ изображеніемъ плащаницы, принадлежитъ Сокровищницѣ Св. Гроба. Мало кому извѣстно, что это—одно изъ приношеній Гетмана Мазепы Патріархіи Іерусалимской.

При отсутствіи правильнаго веденія записей вкладамъ Святогробской ризницы, довольно трудно опредѣлить время принесенія этого дара. По всему вѣроятію, оно относится къ послѣднимъ годамъ патріаршества Блаженнѣйшаго Досиѳея (1669—1707), или же къ самому началу патріаршества Хрисанѳа (1707—1731). На самой же доскѣ не обозначено ни года чекана, ни времени вклада.

Доска эта, или, какъ называютъ ее въ Іерусалимѣ, антиминсъ, изображеніе коей прилагается [1]) укрѣплена на деревянномъ основаніи и имѣетъ 106 сантиметровъ длины при 83 ширины. Посреди ея, въ широкой рамкѣ богатаго орнамента,

---

[1]) Фотографическій снимокъ былъ *впервые* сдѣланъ по моему заказу въ началѣ текущаго года, съ разрѣшенія патріарха Герасима іеромонахомъ русской миссіи.

серебрянаго по золоченному фону,—тонкая, художественная гравюра по металлу, повидимому, чужеземной работы [1]. Вся композиція ея отличается итальянскимъ характеромъ во вкусѣ старыхъ мастеровъ.

У подножія креста, предъ отверстымъ гробомъ, изнемогающую отъ скорби Богоматерь поддерживаетъ и утѣшаетъ любимый ученикъ Спасителя, Іоаннъ, заступившій Ей мѣсто сына. Іосифъ изъ Аримаѳеи и Никодимъ благоговѣйно опускаютъ въ гробъ обернутое пеленою тѣло Великаго Страдальца. У ногъ Его колѣнопреклоненная Марія Магдалина. Позади—два Ангела, съ погребальными факелами въ рукахъ, проливаютъ слезы [2]. По сторонамъ креста—копіе и губа, сверху—доска съ начальными буквами І. Н. Ц. І. ІΣ. ΧΣ. НН. КА., а надъ нею вырѣзана надпись:

„Подаѧніемъ Ясневелможнаго Его **Млⷭ҇ти Пана Іѡанна** Мазепи Россійскаго Гетмана".

То-же награвировано по латыни внизу, подъ изображеніемъ гроба:

„Sumptu illustrissimi Domini Ioannis Mazefa (sic) Ducis Rossiae ".

Широкій, около 20 сантиметровъ, бортъ, окаймляетъ гравюру. Среди богатаго, рельефнаго орнамента изъ сплетающихся по золотому фону серебряныхъ цвѣтовъ, листьевъ и плодовъ, въ стилѣ возрожденія, помѣщены предметы, напоминающіе Страсти Христовы: чаша искупленія, сосудъ съ водой, колонна и орудія бичеванія, нарукавники, хитонъ, кошель съ 30 серебрянниками, лѣстница, копіе, губа съ оцтомъ, терновый

---

[1] Не русское происхожденіе этого произведенія искусства обличается уже одною ошибкою въ имени жертвователя, котораго граверъ назвалъ Mazefa. вмѣсто Masepa.

[2] Въ собраніи южнорусскихъ гравированныхъ антиминсовъ церковно-археологическаго музея при Кіевской Духовной Академіи находится полотняный антиминсъ, освященный Черниговскимъ архіепископомъ Іоанномъ Максимовичемъ, въ 1697 г. для храма Св. Тройцы, во градѣ (мѣстечкѣ) Пакули. Этотъ антиминсъ, № 2145, весьма сходенъ съ описываемой гравюрой.

вѣнецъ и фонарь; въ углахъ рамки—изображенія четырехъ Евангелистовъ; въ верхней ея части, надъ крестомъ, нерукотворный ликъ Спасителя, а въ нижней—родовой гербъ Мазепы, т. е. крестъ, сопровождаемый полумѣсяцемъ и шестиугольною звѣздой. На крестѣ буквы: М(азепа) Іѡ҃а Г(етманъ). Гербъ этотъ вполнѣ согласенъ съ тѣмъ изображеніемъ его, которое было помѣщено мною въ „Кіевск. Стар.“ за 1886 г. [1]).

Даръ этотъ не былъ, конечно, единственнымъ. Въ богатой сокровищницѣ Святогробской Общины найдется еще, безъ сомнѣнія, не мало другихъ цѣнныхъ вкладовъ той же эпохи и того же происхожденія—благочестивыя приношенія отъ Малороссіи, разсѣянныя по православнымъ храмамъ и обителямъ мусульманскаго востока.

При посѣщеніи ризницы древне-православнаго храма во имя Св. Архангеловъ, въ Босніи, въ Сараевѣ, минувшимъ лѣтомъ, вниманіе мое было привлечено старинною церковною утварью несомнѣнно русскаго происхожденія [2]). Массивнаго, вызолоченнаго серебра потиръ, дискосъ, звѣздица, лжица и копіе, работы прошлаго вѣка, невѣдомыми путями попали изъ Малороссіи въ самое сердце Боснійской земли.

Потиръ, вѣсомъ въ 5 фунтовъ, въ верхней части своей украшенъ медальонами изъ финифти. Въ нихъ, по матово-золотому фону, находятся изображенія Распятія. Христа, Дѣвы Маріи и Іоанна Предтечи. На подножіи сосуда, среди рельефнаго орнамента помѣщены; „Моленіе о чашѣ“, „бичеваніе“, „возложеніе терноваго вѣнца“ и „перенесеніе креста“. Средняя часть украшена изображеніями шестикрылыхъ серафимовъ. По верхнему краю чаши надпись: „Ядый Мою плоть и піяй Мою кровь во Мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ“, а на днѣ ея вырѣзано:

„Сія чаша м҃. і҃. т. принесена ѿ малоросіи трꙋдомъ и иждивеніемъ того м҃: Игꙋменом Никодимомъ а вкладчики во-

---

[1]) См. мою замѣтку: „Мазепа—князь и его шляхетскій и княжескій гербъ“

[2])Пробирные знаки 1782 г., съ изображеніемъ Георгія Побѣдоносца и буквами: С. П. К. С. Б. Д. О. П:

оной бившаго Запорожія козакъ іль Θеодоровичъ и воной іосиповичъ; 1786: м҃ца а҃ гѹста 1. ч҃л.". Далѣе, другимъ шрифтомъ, по сербски, прибавлено:

„Сѵѹ чашѹ приложилъ Х҃. лазарь Х. манойловичъ ѹ цр҃кѹ Сараевску на 1804".

Въ срединѣ массивнаго вызолоченнаго (1½ фунта) дискоса находится гравированное изображеніе Предвѣчнаго Младенца, покоящагося въ сіяніи и окруженнаго Ангелами; надъ Нимъ Богъ Отецъ и Духъ Святой. Вокругъ надпись: „Се агнецъ Б҃жи вземляй грѣхи всего мира", а подъ дискосомъ:

„Сіи Дискосъ М҃ С҃ Т. съ чашею и со ѹборомъ равно принесеній игѹменомъ Никодимом Борисовичемъ з Здимірові 1786 м҃ца а҃в. І. ч҃л." и далѣе:

„Сѵи дискосъ приложилъ хаџи Лазарь хаџи Манойловичъ ѹ церквѹ Сараевскѹ на 1804".

На звѣздицѣ (½ фунта вѣсу), съ изображеніемъ Бога Саваоѳа въ центрѣ и Іоанна Златоуста съ Василіемъ Великимъ по краямъ, вырѣзано:

Сія звезда М҃. С҃. Т҃. и ложца и копіе и блюдце съ чашею и дискосомъ равно принесени 1786" и опять:

„Сѵѹ звездѹ приложилъ Хаџи Лазарь Хаџи Манойловичъ ѹ церквѹ Сараевскѹ на 1804".

Какимъ обазомъ очутилась эта утварь въ столицѣ Босніи и кто такой былъ Лазарь Манойловичъ, пожертвовавшій ее въ церковь своего роднаго города—рѣшить мудрено. Званіе хаджи", т. е. поклонника, бывшаго у Св. мѣстъ, заимствованное и перенятое у мусульманъ, совершавшихъ паломничество въ Мекку, пріобрѣло издавна права гражданства среди православнаго населенія Босніи и Герцеговины [1]).

Вывезъ-ли боснякъ Манойловичъ малорусскую церковную утварь изъ Новой Сѣчи, возникшей послѣ разгрома Запорожья, гдѣ, быть можетъ, самъ находился въ числѣ иноземныхъ „брат-

---

[1]) Такъ, напр. бывшій Митрополитъ Боснійскій и извѣстный Славянскій патріотъ, Савва Косановичъ, именуется и подписывается этимъ званіемъ.

чиковъ",—пріобрѣлъ-ли случайно ее изъ третьихъ рукъ, во время своихъ странствованій по Св. Землѣ, или же добылъ ее съ боя у турокъ, ограбившихъ православный храмъ—вотъ рядъ предположеній, которымъ, по всему вѣроятію, такъ и суждено остаться догадками.

Князь Александръ Дабижа.

Іерусалимъ—Босна-Сарай 1892—1893.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Троцины. (*Къ исторіи малорусскаго шляхетства*). Троцины происходятъ изъ с. Переволочны, прилуцкаго уѣзда. Въ полов. XVII вѣка, тамъ жилъ козакъ Василій, у котораго было два сына Трофимъ и Степанъ. Старшій—Трофимъ выдвинулся изъ рядоваго козачества, благодаря хорошему голосу сына своего Антона, за который его взяли въ Москву, въ пѣвчіе къ царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ. По представительству сына—пѣвчаго, отецъ въ 1688 г. получилъ сотничій урядъ въ м. Срѣбномъ; кромѣ уряда, тотъ же сынъ выхлопоталъ отцу позволеніе заселить слободою разоренное татарами село Охоньки [1]). На Срѣбрянскомъ урядѣ Трофимъ оставился до 1707 г., когда повышенъ былъ на урядъ полковаго судьи. Занимая уряды сотника, а потомъ полковаго судьи, Трофимъ повидимому стѣснялся называться тѣмъ «уличнымъ» прозвищемъ, которое занимъ усвоено было въ это время и въ публичныхъ актахъ писался по имени отца—Васильевичемъ. Васильевичемъ звался и младшій братъ Трофима—Степанъ. Такъ братья названы,—только по имени отца,—въ декретѣ прилуцкаго полковаго суда 1703 г., разрѣшившемъ споръ братьевъ объ общей ихъ мельницѣ на р. Удаѣ, въ с. Переволочной. Но въ народѣ Трофимъ Васильевичъ слылъ подъ именемъ Троця (уменьшительное отъ имени Трофимъ). Троць оставался полковымъ прилуцкимъ судьею и въ измѣну Мазепы. Тогдашній прилуцкій полковникъ Дмитрій Горленко, будучи однимъ изъ самыхъ близкихъ сторонниковъ измѣнившаго гетмана, пошелъ за нимъ къ шведамъ; но прилуцкая полковая

[1]) „С. Охоньки здавна было татарами забранное и спустошенное и когда сотникъ срѣбрянскій Антонъ Троцина, еще не бувши сотникомъ, при двору государыни Софьи Алексѣевни служилъ, тогда получилъ отъ гетмана Мазепы указъ, дабы отцу его сотниковому вольно было тое пустое селище осадить." Генер. слѣдствіе о маєтностяхъ прилуцкаго полка, рукопись Румянцевскаго Музея.

старшина, обозный Носъ и судья Троць,—за своимъ полковникомъ не пошли. Вскорѣ послѣ этого Троць оставилъ войсковую службу, вѣроятно по старости. Не смотря однако на свою старость, Троць не избѣгъ одного изъ тѣхъ доносовъ, которыми нѣсколько лѣтъ послѣ измѣны Мазепы разныя темныя личности старались выслуживаться, и вытребованъ былъ въ Петербургъ, какъ видно изъ слѣдующаго прошенія сына его Антона, написаннаго къ гетману въ 1718 году.—«По неволѣ отецъ мой, за ненавистныхъ людей неправеднымъ уданьемъ (доносомъ), взятъ по указу въ С.-Петербургъ, гдѣ при своей старости и остатной на здоровьи слабости, претружденный на дорозѣ, будучи, скончилъ судьбами Божими животъ свой, теды я, упадаючи до ногъ вельможности вашей, прошу подтвердить мнѣ тое сельце Охоньки, которымъ отецъ мой по грамотѣ монаршой и по поважному вельможности вашей унѣверсалу, владѣлъ.» На прошеніи этомъ Антонъ Трофимовичъ подписался *Троциною*. Такимъ образомъ сынъ Троця сталъ писаться по имени отца, но только въ малорусской формѣ этого имени: вмѣсто Трофимова явилось Троцинъ, которое затѣмъ было передѣлано въ часто встрѣчающуюся форму малорусскихъ личныхъ прозвищъ—Троцина.

Антонъ Троцина покинулъ Москву или за потерею голоса или, быть можетъ, послѣ того, какъ царевна Софья лишилась возможности имѣть свой «дворъ». Возвратившись на родину, онъ поступилъ на службу въ генеральную канцелярію и служилъ здѣсь около девяти лѣтъ, какъ самъ говоритъ въ своемъ завѣщаніи. Служба въ гетманской канцеляріи дала возможность сыну и здѣсь помочь своему отцу: въ 1695 г. Мазепа отправилъ въ Москву плѣнныхъ турковъ, добытыхъ при взятіи Кизикерменя, и нарядилъ при этомъ для представленія плѣнниковъ царю полковниковъ Бороховича, Мировича и Мокіевскаго.—Антонъ Троцина выпросилъ у гетмана, чтобы съ этими посланцами отправленъ былъ въ Москву и его отецъ, такъ какъ посланцы непремѣнно должны были получить при этомъ разныя милости. Расчеты сына Троцины оправдались, такъ какъ за эту поѣздку отецъ получилъ царскую грамоту на Охоньки.

Изъ гетманской канцеляріи Антону Троцинѣ уже нетрудно было занять Срѣбрянскій сотничій урядъ, когда отецъ повышенъ былъ урядомъ судейства. На сотничьемъ урядѣ Троцина выпросилъ у своего полковника Носа разоренное татарами «селище» Карпиловку (при рѣкѣ Галкѣ), которое онъ затѣмъ «осадилъ» слободою. А послѣ смерти отца, Антону Тр—нѣ достались и Охоньки. Не смотря на свой

незначительный урядъ, Антонъ Троцина пользовался не малымъ значеніемъ не только межъ своими полчанами но и у гетмана Скоропадскаго. Троцина былъ хорошо грамотнымъ человѣкомъ и слылъ за дѣльца, совѣтомъ котораго дорожили. Кромѣ того онъ былъ горячимъ защитникомъ мѣстной старшины отъ тѣхъ обидъ и стѣсненій которые послѣдней пришлось терпѣть отъ новопоставленнаго въ 1715 году полковника извѣстнаго Игната Галагана. Сотникомъ Троцина оставался не менѣе тридцати лѣтъ и оставилъ срѣбрянскій урядъ только за старостью, въ 1739 г., имѣя въ то время болѣе 75 лѣтъ отъ роду. За время такой долгой службы Троцина нажилъ значительныя земельныя имѣнія, которыми и распорядился въ своемъ завѣщаніи, написанномъ въ 1741 г.—Троцина былъ человѣкъ довольно образованный для своего времени, и его завѣщаніе, писанное какъ видно самимъ завѣщателемъ, представляетъ нѣкоторый бытовой интересъ, какъ можно видѣть изъ слѣдующаго отрывка. «Разсмотря отверстима очима довольное продолженіе, по волѣ Божіей, въ жизни моей, такожъ и нынѣ состоящую мою глубокую старость (въ это время Троцинѣ было около 78 лѣтъ), которая не къ чему иному меня изневоляетъ, какъ только денно и нощно памятовать, разсуждать и мыслить о конечномъ терминѣ жизни моей, коего по состоянію лѣтъ моихъ и слабости здоровья моего, уже безмедлительно чаю. А понеже чрезъ показанное житіе мое въ тонкость могъ усмотрѣть вѣка сего непостоянность, въ коемъ между прочимъ и сіе (могъ усмотрѣть), что многихъ отцевъ дѣти, еще не погребши тѣлесъ родителей своихъ, заразъ (сейчасъ) за позасталые отческіе движимыя и недвижимыя добра (имѣнія) въ великіе позвы (тяжбы) и ростырки (споры) входятъ и едни другихъ въ крайнее разореніе приводятъ; а чтобъ родителей своихъ по христіанску, по должности, отпоминать, того ниже въ мысли имѣютъ. Къ тому же тѣ же чада, слѣдуя непостоянству вѣка сего, къ оному—забывши Бога и его спасительныя заповѣди, вмѣсто должной родителямъ своимъ почести, во всемъ противятся и благословеніе ихъ за ничто имѣютъ; безъ благословенія—родительскія добра движимыя забираютъ, недвижимыя разоряютъ и во владѣніе себѣ привлекаютъ, что я на себѣ самомъ отъ сына моего Николая, сотника срѣбрянскаго, узнаю, который Бога не боясь, людей не срамлясь, забывши сыновнюю должность, великія мнѣ противности и укоризны дѣлаетъ насильнымъ забратіемъ въ обиду мою, собственнаго имѣнія, которое я не съ отчизны, ни съ дѣдизны имѣю, но власнымъ моимъ трудамъ набытыя (пріобрѣтенныя), а иные отца моего, а его

Николая дѣда, у разныхъ владѣльцевъ чрезъ трудность великую, откупленные...»

Непріязненныя отношенія между отцемъ и сыномъ повели къ тому, что Т—на имѣнія свои завѣщалъ второбрачной своей женѣ и прижитымъ съ нею дѣтямъ. Затѣмъ, Т—на завѣщаніе свое заключаетъ такимъ образомъ: «а если бы кто изъ дѣтей моихъ (отъ первой жены у Антона Т—ны, кромѣ сына Николая, были еще и дочери) сей послѣдней воли моей тестаментъ имѣлъ перемѣнять и касовать, то на таковаго родительское мое покладаю неблагословеніе въ сей вѣкъ и въ будущій, и таковой будетъ со мною судиться предъ нелицемѣрнымъ судьею во второмъ пришествіи, когда прійдетъ судити живыхъ и мертвыхъ и воздать комуждо по дѣламъ его». Послѣ написанія этого завѣщанія Антонъ Т—на прожилъ еще восемь лѣтъ и умеръ въ 1746 г., имѣя отъ роду болѣе 85 лѣтъ.

А. Л.

Къ исторіи культуры *(латинская надпись на кіевской библіи 1758 г.)*. Въ небольшомъ собраніи южнорусскихъ старопечатныхъ книгъ В. В. Тарновскаго есть, между прочимъ, превосходный экземпляръ такъ называемой елизаветинской библіи кіевской печати (1758 г., in-folio), замѣчательной по роскоши своего изданія и до сихъ поръ къ сожалѣнію подробно неописанной.—(Такое описаніе дало бы цѣнный матеріалъ для исторіи южно-русскаго типографскаго искусства). На этомъ экземплярѣ библіи по листамъ прописана слѣдующая небезъинтересная замѣтка одного изъ бывшихъ владѣльцевъ книги. «Священного 1752 года, м-ца сентевріа 12 дня, куплена бунчуковымъ товарищемъ Петромъ Чарнолускимъ для домашней его потребы. Куплена у моляра ропского (изъ м. Ропска) Ѳоми за дванадцать рублей денегъ, въ дому его хвоевскомъ (въ с. Хвосвичахъ). Ex libris Petri Ciołek Czarnołuski. Hic liber meus taestis est Deus quis illum querit. Hoc nomen erit nominatus Ciołek Czarnołuski, vocatus ad majorem Dei gloriam, beatissimam Virginis Mariae et omnium sanctorum». „Упоминаемый здѣсь Петръ Чарнолузскій былъ сынъ стародубскаго сотника Ивана Чарнолузскаго. См. опис. Ст. Малор., I, 138).

А. Л.

Договоръ священника съ прихожанами сто лѣтъ назадъ. Предлагаемый документъ заимствованъ изъ архива церкви села Юрковецъ, прилукскаго уѣзда, полтавской губерніи. Это одинъ изъ договоровъ священниковъ съ прихожанами, устанавливающій размѣръ платы за церковныя требы и службы. Документы, подобные этому, появлялись уже въ нашей исторической печати. Настоящее условіе относится къ числу позднѣйшихъ по времени изъ намъ извѣстныхъ и утверждено ближайшею духовною властью. Бумаги, подобныя этой, встрѣчаются не во всѣхъ южно-русскихъ церковныхъ архивахъ, а только въ нѣкоторыхъ. Объяснять ли это общею участью архивныхъ документовъ, исчезающихъ въ такомъ числѣ, или тѣмъ, что подобные договоры не были явленіемъ общимъ, а предоставлялись доброй волѣ прихожанъ? Болѣе близкое изученіе старыхъ южно-русскихъ церковно общественныхъ порядковъ должно разъяснить этотъ вопросъ, какъ и подобные ему другіе, къ выясненію которыхъ желательно видѣть собранными поболѣе матерьяловъ. «Выпись изъ Черниговской духовной дикастеріи, села Юрковецъ новорукоположенному цѣлопарохіальному священнику, Ѳедору Липяцкому, въ томъ, что по положенію между имъ и прихожанами того села при промоціи его во священство учиненному, имѣетъ онъ Липяцкій получать отъ нихъ прихожанъ за дѣло служенія своего, какъ то: за крещеніе младенца и за нареченіе имени пять копѣекъ, за обвѣнчаніе своихъ прихожанъ десять копѣекъ, а изъ стороннаго имущественнаго два рубля, зъ неимущаго стороннаго пятьдесятъ копѣекъ, за освященіе дому десять копѣекъ, за отправленіе обѣда десять копѣекъ, за похороны—великій десять копѣекъ, малый пять копѣекъ, за евангеліе пять копѣекъ, за сорокоустъ два рубля, за субботникъ пятьдесятъ копѣекъ, на отправленіе сорокоуста пшеницы чистой митой одну мѣрку, за исповѣдь отъ старыхъ по копейки, а отъ малыхъ по денежки, за освященіе пасокъ по 1 коп., за маслосвятіе одинъ рубль, роковщины, въ годъ отъ каждаго вола, по одной осминѣ, а отъ непашущихъ по пять копѣекъ; чемъ онъ Липяцкій и доволенъ быть долженъ, не вымагая болѣе отнюдъ ничего, а естли кто и болѣе дать добровольно что либо пожелаетъ, то ему тѣмъ пользоваться свободно; за силу учиненнаго его преосвященства опредѣленія, при печати, дана 1793 года апрѣля 18 дня. Черниговскаго Преображенскаго собора ключарь протоіерей Григорій и другія подписи.

Сообщ. **В. Г.**

Антифѣевка. Въ фельетонѣ «Кіевскаго Слова», за 1893 годъ № 2062, напечатано слѣдующее преданіе: «Въ былые годы жилъ въ Кіевѣ околодочный надзиратель Антифѣевъ, избравшій резиденціей Лукьяновку и командовавшій «Полянкой» и «Волчьимъ Яромъ». Г. околодочный былъ поклонникъ культурныхъ центровъ и терпѣть не могъ пустырей. Не желая, чтобъ «Волчій яръ» оправдывалъ свое названіе, надзиратель шепнулъ окрестнымъ обывателямъ: «селитесь здѣсь, обстраивайтесь, благоденствуйте и... меня не забывайте». Обыватели послѣдовали благому совѣту, начали обстраиваться и вознаградили благодѣтельнаго надзирателя не только при жизни, но даже послѣ его смерти: многіе старожилы называютъ эту мѣстность Антифѣевкой».

Мы слышали это преданіе о происхожденіи названія Антифѣевки въ болѣе полномъ и исправномъ видѣ, отъ одного кіевскаго старожила, покойнаго Ильи Ищенка, который разсказывалъ намъ слѣдующее. Послѣ Севастопольской войны, участвовавшіе въ ней отставные офицеры пользовались привилегіей занимать полицейскія должности преимущественно предъ другими лицами. Изъ числа такихъ офицеровъ былъ и квартальный надзиратель Антифѣевъ. По словамъ Ищенка, это былъ человѣкъ безкорыстный, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ человѣкъ военный, не имѣвшій ни малѣйшаго понятія о правахъ квартальнаго надзирателя. По добротѣ сердечной, онъ безпрекословно разрѣшалъ кіевскому бѣдному люду строить хижины и землянки въ необитаемыхъ дотолѣ «Полянкѣ» и «Волчьемъ Яру». Образовалось такимъ образомъ значительное поселеніе въ этихъ трущобахъ, кркоторомъ дошло, наконецъ, свѣдѣн:е и до высшаго начальства въ о аѣ. Тогдашній кіевскій генералъ-губернаторъ, князь Васильчиковъ, съ большимъ удивленіемъ узналъ о существованіи въ Кіевѣ какого-то поселенія, невѣдомаго начальству, и немедленно отправился на мѣсто открытія. Генералъ-губернатору сопутствовала его супруга, въ свою очередь весьма заинтересовавшаяся удивительнымъ открытіемъ. Убѣдившись воочію въ незаконномъ основаніи и существованіи Антифѣевки, генералъ-губернаторъ тутъ-же на мѣстѣ распекъ квартальнаго надзирателя Антифѣева за его проступокъ и обѣщалъ послать его туда, «куда Макаръ телятъ не гоняетъ». Но жители Антифѣевки, видя собиравшуюся грозу надъ головой своего отца и благодѣтеля, т. е. Антифѣева, схватились за колеса генералъ-губернаторскаго экипажа и слезно умоляли его пощадить Антифѣева. Ихъ просьбу поддержала и генералъ-губернаторша, княгиня Васильчикова, и убѣдила

своего мужа простить Антифѣева, а жителямъ Антифѣевки выдать надлежащіе документы на владѣніе заселенною ими землю.

Н. П.

„Stabat mater dolorosa“ въ народной поэзіи волынской губерніи. Въ апрѣльской книгѣ журнала «Русской Старины» г. Н. Финдейзенъ привелъ подстрочный переводъ средневѣковой католической піессы «Stabat mater», послужившій темою для оригинальной музыкальной композиціи извѣстнаго композитора А. Н. Сѣрова. Арія «Stabat mater» —одно изъ выдающихся произведеній Сѣрова.

Въ ровенскомъ уѣздѣ, волынской губерніи, народная память хранитъ въ числѣ многихъ религіозно-мистическихъ произведеній стихи, сродные по своему характеру съ «Stabat mater». Чтобы видѣть сродство, слѣдуетъ только сличить переводъ піессы, помѣщенный въ «Русской Старинѣ», съ текстомъ волынскихъ стиховъ. Приведемъ сначала переводъ Финдейзена:

Стояла Матерь Скорбящая
Возлѣ креста, вся въ слезахъ—
Пока висѣлъ на крестѣ Сынъ.
Душу скорбной, душу стенящую,
Горько болящую
Насквозь пронзилъ мечъ.
О, какъ печальна и огорчена
Была она, благословенная
Матерь Единороднаго!
Она скорбѣла и плакала
И дрожала при видѣ
Сына страданій избраннаго!
Есть-ли человѣкъ, который бы не заплакалъ,
Христову Матерь видѣвъ,
Въ такой мукѣ!
За грѣхъ людей
Увидѣла (она) Іисуса въ страданіяхъ
И бичеванью преданнаго!
Видѣла своего возлюбленнаго Сына
Умирающимъ, безутѣшнымъ,
Пока въ мукахъ испустилъ духъ [1]).

По словамъ автора, «поэзія эта сложена чуть ли не въ IX в. монахами».

---

[1]) Русс. Стар. 1893 г. IV стр. 84 и 85.

Малорусскій текстъ:

Тамъ на гори монастырь,
А коло нёго—церква,
Коло церкві—хрестъ святый,
А на хресті—Сынъ возлюбленный.
Копіемъ груди прободены,
Ребра на боку избычованы,
Оцтомъ губы напояны,
Свята голова на бикъ нахиляна....
Маты Божая стенае,
Въ пречисты груды ударяе.
— „Матойко моя, возлюбленная,
„Не плачь, не стенай,
„Велыкого жалю не май;
„Бо воскресну на третю зорю,
„Буде радость велыка на всёму мыру!
— „Ой, сынойку мій, возлюбленный,
„Хочь хожу, хочь сыжу,—
„Все на тебе гляжу:
„Биле тило на кресті простыраецця,
„Слёзойки изъ очей вылываюцця.
„Руки й ноги гвоздемъ прибываюцця,
„Терный винець на голову набываецця,
„Копіемъ боки пробождаюцця,
„Губы оцтомъ напояюцця,
„За когти шпыци забываюцця;
„Пренасвятійша кровь розлываецця,
„Пречестнійша головойко нахиляецця,
„Животворящій духъ испускаецця.....
„Хто мое горе може знаты,
„Хто може знаты, та не вздыхаты?
„Ой, чи хутко та третя зора на свитъ зыйде?
„Ой, чи хутко мій Сынъ возлюбленный зъ мертвыхъ выйде"?
Вже третя зоря на неби блыскае,
Вже Сынъ возлюбленный зъ мертвыхъ воскресае! [1])

Сходство содержанія замѣтно. Разница въ томъ, что латинская піесса заключаетъ описаніе внутренняго состоянія Божіей Матери, при видѣ своего Сына на крестѣ, *въ объективно-монологической формѣ*; а малорусская—изображаетъ тоже состояніе въ формѣ *діалогической*, въ формѣ разговора между Іисусомъ Христомъ и Божіей Матерью,— при чемъ внутреннее состояніе ея изображается *субъективнѣе*, въ болѣе сильныхъ душевныхъ волненіяхъ. Въ первой—о настроеніи скор-

[1]) Записано въ м. Березно, ровенскаго уѣзда.

бящей Божіей Матери говорятъ зрители, посторонніе свидѣтели драмы; во второй—она сама говоритъ о своемъ горѣ. Вслѣдствіе этого малорусская піесса больше выигрываетъ въ смыслѣ драматизма, психологической яркости и пластичности. Послѣдніе стихи объ ожиданіи «третей зори» имѣютъ трогательно-поэтическій оттѣнокъ.

Кромѣ вышеприведенныхъ стиховъ, въ народѣ извѣстны другіе стихи въ такомъ же родѣ, но менѣе складные и менѣе содержательные. Напримѣръ:

Тамъ на гори церковка стояла,
Тамъ Божа Матойка спочивочовъ мала,
Пришовъ до неи сынъ іи:
—„Матойко моя, возлюбленная,
„Чи ты спишь, чи лежишь, чи започиваешь"?
—„Сыну мій, возлюбленный,
Була я заснула,
„Лице твое бачила:
„На крести прибыто,
„Руки—нози гвоздями пробыто,
„Терновымъ винцемъ набыто,
„Копіемъ боки пробыто,
„За когти шпыци забыто
„Пренасвятійшую кровь розлыто." [1])

Сравнимъ съ «Snem Przenajswiętszej Panny» въ «Памятн. Русс. Стар.»:

«Zasnęla była przenajświętsza Panta Boga Rodzica w Brytanii na górze Oliwnéj i przyszedl do niej Pan Chrystus Iesus, syn onej najmilejszy i mówi: matka moja najmilsza. spisz li albo-li slyszysz?—I mówi: spałam, alem się ocknęła i śnił mi się dziwny sen o Tobie: widziałam cię w ogrojcu pojmańego i związanego, przed Annasza, Kajfasza, Pilata, Heroda przywedzionnego, u słupa przywięzanego, z twej świętey glowy krew strumieniami płynęła, a twoje przenajświętsze ciało jak skorupa się padało». [2])

---

[1]) Записано въ м. Степани, ровенскаго уѣзда.

[2]) Памятн. стар. русс. лит. вып. III. С.П.Б. 1862 г. стр. 128. Въ „Малорусскихъ народныхъ преданіяхъ и разсказахъ" Драгоманова (1867 г., Кіевъ) въ числѣ „листовъ", какіе носятъ на тѣлѣ, записанъ такой „Сонъ пресвятой Богородицы": „колы йидного часу заснула була пресвятая Дыва Богородица на гори Оливні прыйшовъ до неи Іисусъ Христосъ и сказавъ:" матынко моя мылая, чи ты спишь, чи ты чуешь? „Умовила до нёго Пресвятая Богородица:" спала сину мій миліцій та збудилась і снився мини страшный та дывный сонъ о тоби. Выділа я, що ты у саду молывся Богу отцеви, що Іуда жидамъ продавъ тебе и тебе спіймано и до Кайафи

Къ тому же циклу духовныхъ стиховъ, имѣющихъ своею темою сонъ Богородицы или «stabat mater», слѣдуетъ отнести слѣдующія народныя стихотворенія,—записанныя въ волынс. губерніи.

У недилю ранейко—
Сходыло сонейко;
Божая Матейка
Свого сынойка
За ручейку водыть;
Повела его зъ рання на пузне,
Зъ пузнёго на море,
Зъ моря на камень.
На камени монастырь стоявъ,
Въ монастыри престолы стоялы,
На престолахъ свичи горилы
Передъ свичами кныги лежалы
Коло хреста Божа маты стала.
Вышовъ до неи Петро—Павло.
Ісусъ Христосъ каже:
— „Петре, Петре!...
„Не вважай ты на мою муку,
„Визьмы ты хреста въ руку,
„Понесы ты его по всимъ свити,
Дай-же ты старому и малому
„И бидному и богатому“.
А хто буде сю молытовку читаты,
Той не буде наглои смерти маты [1]).

Варіантъ того-же, записанный изъ устъ другаго лица въ м. Березномъ, ровенскаго уѣзда:

приведено и до стовпа привязано и збито и сплювано и терновимъ винкомъ короновано; а твое пречистое тило якъ кора видъ дерева видпадано, изъ твоеи святои головы кровь риками плынула... А потому на христи на гори Голгофти гвоздямы тило твое прыбылы и копіемъ ребро твое пробылы и уси безъ мылосердія надъ тобою булы“ (стр. 167—168). Въ числѣ „духовныхъ стиховъ“, собранныхъ Варенцовымъ, находимъ „Сонъ Мати Маріи“ съ такими стихами, записанными въ архангельской губерніи:

Въ нозѣ мои гвозди забиша,
Копіемъ бога у меня прободоша,
Желчью меня напоиша.. и пр.

(„Сборн. русс. дух. Стих.“ Варенц. Спб. 1860 г. стр. 49). Варіантовъ „Сна Богородицы“ много. Ихъ можно встрѣтить въ каждомъ почти сборникѣ этнографическихъ произведеній какъ прозаическихъ, такъ и поэтическихъ.—

[1]) Записано въ м. Степани.

Пришовъ до Христа Павелъ и Петро:
— „Ой, Господи Боже нашъ,
„Терпишь муки за насъ“!
— „Павле, Петре! Не дывиця вы на мои муки,
„Да берите-жь вы Христа въ руки,
„Да пойдите по всёму свити,
„Да закажите й малому, й старому,
„Й вбогому, й багатому“.
А хто сю молытву взмолыть,
Тому Богъ царство небесное створыть;
Хто сю молытву рано й вечоръ гадаты-ме,—
Той не буде наглои смерти маты-ме.

Сравн. въ «Памятн. стар. русс. литер.» великорусскій варіантъ:

Пресвятая Богородица,
Гдѣ спала, почивала?
Въ городѣ Ерусалимѣ
За Божьимъ престоломъ....
Кто эту молитву знаетъ,
Трижды въ день читаетъ,—
Спасенъ бываетъ [1]).

Въ этихъ повѣствованіяхъ о разныхъ путешествіяхъ Пресвятой Богородицы и ея встрѣчахъ сказалось, кажется, вліяніе средневѣковой католической мистики, богатой различными необыкновенными приключеніями библейскихъ лицъ и широкимъ полетомъ религіозной фантазіи. Упоминаніе въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ-молитвахъ католическихъ святыхъ и польскихъ-спеціальныхъ терминовъ говоритъ за несомнѣнность этого вліянія. Жаль, что многія изъ произведеній въ этомъ родѣ въ устахъ народа въ настоящее время совершенно потеряли свой смыслъ и представляютъ по мѣстамъ несвязный наборъ отрывочныхъ фразъ, какъ объ этомъ можно судить по слѣдующимъ религіознымъ стихамъ:

Пришовъ, растворывся
На гробъ оглянувся:
Господь Богъ и духъ мой!
Кости мои смиренныя!
Стану я въ порога,
Якъ Ангелъ у Бога.
Яне! Яне!
Божій каплане!
Стережи души и тѣла.

---

[1]) Памятн. стар. русск. литер. т. III, стр. 128.

Или:

Утворывся Христовъ гробъ,
Затворылося пекло,
Возрадовався Господь Богъ и духъ мой.
Кости жъ мои смиренныя
И три речи Господнія..

Или:

Господь ручейки згорнувъ,
И ножейки стулывъ,
И свои ранойки растворывъ.
Пришовъ до ёго Петро-Павло.
Каже имъ Господь-Богъ,
Наказуе имъ пресвятый Янъ:
— „Стережить вы души и тила
„Зъ вечера до пувночи,
„Зъ пувночи до свитанья,
„Зъ свитанья до змерканья,
„А зъ змерканья до чистого кананья,
„Во вѣки вѣковъ. Аминь“ [1]).

Трудно сказать что либо опредѣленное объ этихъ отрывкахъ въ такомъ видѣ... Отрывки-ли это какой нибудь одной религіозной пѣсни, потерявшіе свое начало и конецъ? или перепутанные стихи различныхъ пѣсенъ? въ какой степени сказалось на композиціи этихъ стиховъ католическое вліяніе?

Кромѣ вліянія польской религіозной литературы, на образованіе малорусскихъ религіозныхъ пѣсенъ имѣла вліяніе еще апокрифическая византійская литература, проникавшая въ Малороссію чрезъ посредство южнорусскихъ славянъ. Быть можетъ, и она оставила тутъ свои слѣды? **Ѳ. Кудринскій.**

Къ вопросу о порчѣ малорусскихъ пѣсенъ. Ив. Сер. Аксаковъ во время своей поѣздки по Малороссіи слушалъ малорусскія народныя пѣсни и восторгался ихъ прелестью. «Вообще (малорусская) пѣсня въ народѣ хорошо сохранилась, писалъ онъ въ своихъ письмахъ изъ Малороссіи, и я не думаю, чтобы онѣ могли дойти до такой степени путаницы и нелѣпицы, какъ большая часть пѣсенъ, которыя поетъ великорусскій народъ» [2]). Къ сожалѣнію, слова Акса-

---

[1]) Записано въ мѣст. Степани.

[2]) Ив. Сер. Аксаковъ въ его письмахъ III ч. I томъ м. 1892 г. См. реценз. въ „Вѣст. Евр.“ 1893 г. V кн. стр. 300.

кова не оправдываются, и въ настоящее время уже явился вопросъ о «Порчѣ украинскихъ народныхъ пѣсенъ»[1]) и о вліяніи на характеръ современной малорусской пѣсни пѣсенъ великорусскихъ.

Пѣсни великорусскія идутъ въ Малороссію разными путями, но, главнымъ образомъ, заносятся на родину солдатами. Во многихъ мѣстахъ Малороссіи слышится или солдатскій напѣвъ малорусской пѣсни, или настоящая солдатская пѣсня. Въ житомирскомъ уѣздѣ хлопци пропоютъ великорусскую пѣсню не хуже «москалей». Чисто-народная украинская пѣсня иногда оканчивается совершенно безсмысленнымъ великорусскимъ концомъ. Напримѣръ:

Ой не ходы, бородатый,
Коло моій хаты,
Ой не топчи, бородатый,
Зеленои мяты.
Не для тебе, бородатый,
Я мяту садыла,
Для того іи садыла,
Кого я любыла.
Не для тебе, бородатый,
Мяту поливала,
А для того поливала,
Кого циловала.
Циловала—мыловала
Молодого хлопця,
Молодого не простого,
Бровы на шнурочку"...
— „Промовъ, промовъ, дѣвчинонько,
Ласкове словечко,
Бо пойду въ Петербургъ
Куплю три *пакупки* (sic!)
Куплю шубку, куплю юбку,
Куплю душевреньку (душегрѣйку?)
Кому юбка, кому шубка,
Кому душевренька,
Молодому баринови
Молодая *дѣфка* (sic!)".

(Записана 1892 года въ м. Степани, ровенскаго уѣзда, волынс. губ.).

— Де ты навчилася такои писни? спрашиваю молодыцю, которая пѣла её.

— Ой, чи я знаю... Хлопци спиваютъ часомъ на выгони, той навчилася...

— Щожъ то таке «душевренька»?

— Ой, чи я знаю... Такъ спиваютъ...

«Душевренька» кажется—душегрѣйка. Какъ могла попасть «душевренька», «пакупка» и «дѣфка» въ малорусскую пѣсню и составить ея конецъ? Несомнѣнно, тутъ сказалось эстетическое вліяніе великороссовъ солдатъ, вызванныхъ для разныхъ работъ (рубки лѣса, проведенія желѣзныхъ дорогъ) на полѣсьи.

Или вотъ еще пѣсня, которую поютъ, «якъ капора бьютъ», т. е. бьютъ сваи въ водѣ для моста. Это великорусская «дубинушка», принявшая вовсе несвойственныя ей малорусскія формы.

[1]) Кіевс. Стар. 1893 г. м. іюнь.

Когда подымаютъ канатами «бабу» вверхъ, то поютъ такъ:

А на першую залогу
Помолимся хлопци богу...
Якъ дубинушка стукне,
Вохъ, зеленая сама пойдетъ...

И бьютъ «залогу», опускаютъ «бабу» на сваи. Потомъ снова начинаютъ:

А вы хлопци налягайте,
За канатики лапайте,
А канатики гнылыи,
А хозяивы скупыи,

На роботу гонять рано,
За роботу платять мало...
Якъ дубинушка стукне,
Вохъ, зеленая сама пойдетъ...

И опять — «залога»... и т. д.

Напѣвъ обмалороссившейся дубинушки потерялъ живость и энергичность переходовъ. Пѣсня поется растянуто, томно, плаксиво.

Ѳ. Кудринскій.

Письмо гр. Кирилла Разумовскаго къ матери [1]. Извѣстно, какимъ вліяніемъ на сына пользовалась мать всемогущаго гетмана Кирила Разумовскаго, особенно въ вопросахъ, касавшихся округленія своихъ маетностей. Въ изслѣдованіи А. Васильчикова «Семейство Разумовскихъ» т. I можно найти много любопытныхъ фактовъ, относящихся къ тому періоду, когда графъ К. Разумовскій жилъ по-царски въ своемъ глуховскомъ дворцѣ, разсылая оттуда свои «милостивые универсалы» и между прочимъ преподнося въ нихъ разныя имѣнія какъ матери своей, такъ и ея дочерямъ. Къ этому-же періоду относится одно маленькое письмо графа къ матери, изъ Глухова отъ 18 октября 1751 года, не вошедшее въ указанное изслѣдованіе А. А. Васильчикова и хранящееся у А. Ѳ. Бадрова, теперешняго владѣльца той самой Алексѣевщины (подлѣ г. Козельца, черниг. губ.), гдѣ любила жить старушка-мать гетмана. Письмо писано на полулистѣ, сложенномъ вдвое.

Милостивая государыня матушка! Увѣдомившись черезъ посланнаго вашего, что вы имѣете нужду въ нѣкоторомъ вспоможеніи къ дому вашему Адамовскому, того ради хотя вы на нѣкоторое только время просили, однако-жъ я изъ почтенія къ вамъ сыновняго опредѣлилъ въ вѣчное и спокойное владѣніе въ полку Кіевскомъ мѣс-

[1]) За сообщеніе этого письма приносимъ глубокую благодарность А. Ѳ. Бадрову.

течко Носовку и Кобыжщу со всѣми въ оныхъ жительствующими свободными и посполитыми людьми и съ надлежащими ко онымъ мѣстечкамъ грунтами и угодьями и всѣми принадлежностьми, на что вамъ государыня матушка и универсалъ при семъ посылаю, желая отъ всего серца оными маетностями благополучно и долголѣтно владѣть. А себя препоручая вашимъ родительскимъ молитвамъ, пребываю вашъ послушній синъ графъ К. Разумовскій.

Глуховъ, октября 18 дня 1751 году.

Къ этимъ-же дѣламъ о подаркахъ относится и маленькое письмо правителя гетманской канцеляріи, вліятельнаго человѣка при графѣ, Григорія Николаевича Теплова къ матери гетмана. Это письмо въ подлинникѣ хранится тамъ-же.

Милостивая государыня графиня Наталія Демьяновна! По повелѣнію вашему чрезъ господина Пустоту какъ о дворахъ, такъ и о Івасѣ я Его Ясневельможности того-жъ часу доложилъ. На что и резолюція воспослѣдовала, вашему сіятельству угодная. И такъ, я ваше сіятельство всенижайше поздравляю введеніемъ новыхъ маетностей, которыя собственно персонѣ вашего сіятельства принадлежатъ, желая всеусердно и всегда пользоваться ясневельможнаго Гетмана и вашего любезнѣйшаго сына почтеніемъ и ласковостію къ родительницѣ своей. При чемъ предаю себя въ неотмѣнную вашего сіятельства высокую милость есмь со всегдашнимъ высокопочитаніемъ вашего сіятельства милостивой государыни всенижайшій слуга Григорій Тепловъ.

Глуховъ октября 18 дня 1751 году.

P. S. Дѣвушку Надежду его сіятельство приказавъ просить прислать, а для взятія братъ ея родной посланъ.

Мѣстечко Остропыль Новоградъ-Волынскаго уѣзда Волынской губерніи. Остропыль расположенъ при рѣкѣ Случи, новоградъ-волынскаго уѣзда, 5 стана, волости остропольской. Грязное мѣстечко-на половину переполненное нечистоплотными евреями. Въ Острополѣ 2 православныя каменныя церкви, 1 каменный римско-католическій костелъ и 1 деревянная еврейская синагога. Въ мѣстечкѣ состоятъ: волостное правленіе, народное одноклассное училище министерства народнаго просвѣщенія, почтовое отдѣленіе, аптека. Въ

году бываетъ 12 ярмарокъ; торгуютъ скотомъ и хозяйственными произведеніями. Народонаселенія около 10 000 д. об. пола.

Мы не имѣемъ здѣсь въ виду дать послѣдовательный историческій очеркъ исторіи мѣстечка, т. к. подробный историческій очеркъ данъ нами въ № 29 «Волынскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» за 1891 годъ. Здѣсь мы собственно скажемъ о тѣхъ остаткахъ старины, которые могутъ внушать учено-археологическій интересъ и подробное описаніе которыхъ и слово о нихъ не вошли въ нашу статью объ Остраполѣ. Къ таковымъ относятся: замокъ, нѣкоторыя церковища, 2 урочища, носящія названіе «Кибала», и нѣсколько кургановъ-могилъ. Чтобъ указать на важное значеніе такихъ памятниковъ, какъ историко-вспомогательныхъ источниковъ, достаточно будетъ сослаться на статью профессора Д. Я. Самоквасова: «Древнія земляныя насыпи и ихъ значеніе для науки», («Древняя и Новая Россія», № 3, 1876 г., стр. 262).

1. *Замокъ*. Древнее остропольское замчище, гдѣ въ старину была крѣпость-замокъ, представляетъ собою обширную и высокую площадь, спланированную искусствомъ человѣка и ограниченную на южной сторонѣ крѣпкими валами. Она простирается до вала, который, какъ мы упомянули, служилъ на сѣверѣ города сухопутною крѣпостною границею. Въ этомъ валу, по преданію, была «желѣзная брама» или главныя входныя крѣпостныя ворота замка, зарытыя будто-бы въ землю неподалеку отъ теперешней Преображенской церкви. Теперь главную, серединную, часть замчища занимаетъ помѣщичья усадьба со службами; южная, главно-укрѣпленная часть—остается открытою, т. е. незастроенной; тутъ расположены хорошо сохранившіеся высокіе валы. Сюда въ замокъ бѣжало въ тревожныя годины вражескихъ набѣговъ и пожаровъ все мѣстное и окрестное населеніе. Конечно, тутъ въ свое время были палисады, городни, бойницы, стрѣльницы и тому подобныя приспособленія; но отъ нихъ теперь и слѣда не осталось. Вся южная и восточная стороны замчища омываются Случью; сторона восточная представляетъ довольно высокую отвѣсную природную скалистую стѣну, на которую взобраться не вездѣ можно. Русло рѣки съ этой стороны усѣяно громадными глыбами гранита; вода здѣсь, встрѣчая въ камнѣ препятствіе и прорываясь въ тысячу проходовъ, шумитъ, бурлитъ, пѣнится и клокочетъ, отчего въ этомъ мѣстѣ часть рѣки получила въ устахъ народа поэтическое названіе «шумъ»; противоположный берегъ весь въ

скалахъ. Въ общемъ, съ этой стороны замчище представляетъ грандіозный видъ, полный поэтической прелести, и особенно обаятеленъ въ тихій лѣтній вечеръ, когда выходящій на небесный просторъ полный мѣсяцъ озаряетъ своимъ мягкимъ палевымъ свѣтомъ всю округу и все тонетъ и выступаетъ, какъ очарованное, въ голубомъ блескѣ воскресающей ночи. Съ западной стороны замчище омываетъ рѣчка «Бѣлка», которая у южной стороны укрѣпленія сливается съ водами Случи и образуетъ въ этомъ мѣстѣ широкое водное пространство, замыкаемое шлюзами красиваго шестиаркаднаго, сложеннаго изъ тесаннаго гранита, моста, составляющаго замѣчательную постройку магнатовъ-владѣльцевъ Острополя въ прошломъ столѣтіи—князей Любомірскихъ. Вся западная сторона замчища незначительно выступаетъ надъ уровнемъ протекающей воды и, вообще, можетъ назваться слабою по отношенію укрѣпленности; но есть основаніе предполагать, что въ этомъ мѣстѣ замокъ былъ защищенъ особымъ укрѣпленіемъ. Такимъ укрѣпленіемъ могъ служить католическій «кляшторъ», или монастырь, который именно здѣсь, по народному преданію, существовалъ. Существованіе здѣсь въ старину зданія доказывается присутствіемъ въ этомъ мѣстѣ ломаннаго кирпича, кусками кафель и изразцовъ, грубыхъ, перержавѣвшихъ гвоздей и скобъ, кусками листоваго желѣза, массою грубой битой обожженой посуды. Во время польскаго владычества здѣсь, въ крѣпости, очень умѣстно допустить существованіе католической святыни, которая, служа мѣстомъ моленія, могла въ то же время выполнять и стратегическое назначеніе. Само преданіе народное о существованіи здѣсь «кляштора», какъ таковое, уже можетъ носить въ своей основѣ долю правды. И именно въ этомъ мѣстѣ, какъ бы въ оправданіе высказаннаго нами предположенія о существованіи здѣсь особаго, вспомогательнаго укрѣпленія, нерѣдко образуются провалы, обнаруживающіе существованіе здѣсь глубокаго и, вѣроятно, обширнаго подземелья, какія обыкновенны въ укрѣпленіяхъ, но, къ сожалѣнію, мѣсто это никѣмъ не изслѣдовано и провалы каждый разъ засыпаются землею и навозомъ. Народная молва пріурочиваетъ въ этомъ мѣстѣ сокрытіе клада. Мѣсто это служитъ лѣтомъ подъ выгонъ овецъ и называется «пастивныкъ». Оно представляетъ особую площадь, такъ какъ отдѣляется отъ главнаго замчища проселочною дорогой сравнительно недавняго происхожденія; въ старину-же, конечно и несомнѣнно, составляло нераздѣльное цѣлое со всей замковою площадью по своей очевидной общеродности и топографической слитности. Уро-

чище это приходится противъ въѣздныхъ воротъ въ усадьбу помѣщика, занимающую главную часть замчища. Черезъ Бѣлку тутъ для соединенія съ западною частью города въ старину былъ перекинутъ висячій мостъ. Устои его сохранились донынѣ.

Какъ разъ противъ этого мѣста, на востокъ, приходясь посреди главной замковой площади, откуда начинается теперь усадьба помѣщика, въ тѣни купы молодыхъ елей, убого стоитъ грубый сѣрый каменный крестъ, безъ надписи. Это церковище—мѣсто, гдѣ существовалъ храмъ. Здѣсь была церковь, которая, вѣроятно, въ свое время называлась *замковою* по причинѣ существованія своего въ чертѣ крѣпостной площади. Церковь эта была православная, деревянная, во имя Преображенія Господня, извѣстная въ народѣ больше подъ названіемъ Спасской. Приходомъ она очень древняя. Она существовала уже въ 1596 году, при Остропольской протопопіи, когда Острополь составлялъ маетность древняго православнаго рода князей Острожскихъ, которымъ можно приписывать и ея заложеніе, а также укрѣпленіе или возобновленіе, если даже не основаніе самого замка Остропольского. Такъ, протопопъ ея Кириллъ подписался на протестѣ Брестскаго собора противъ уніи и на обязательствѣ всѣми силами противодѣйствовать ея распространенію, въ 1596 году 9 октября, а также на синодальномъ универсалѣ, изображающемъ событія на Брестскомъ соборѣ, предложенія присланныхъ на соборъ депутатовъ отъ духовенства и дворянства, переговоры съ послами королевскими и торжественный обѣтъ стоять за вѣру православную [1]). Церковь эта существовала здѣсь еще въ первой половинѣ текущаго столѣтія, когда сгорѣла. Въ виду указанія устнымъ преданіемъ на существованіе въ старину въ мѣстѣ, что напротивъ нея, на западъ надъ рѣчкою Бѣлкою, католическаго храма-кляштора, церковь эта, слѣдуетъ думать, далеко позднѣйшаго происхожденія, чѣмъ самъ допускаемый католическій кляшторъ, кончившій, въ такомъ случаѣ свое существованіе несомнѣнно до ея заложенія и до водворенія здѣсь православнаго элемента. Тѣмъ серьезнѣе вниманія заслуживаетъ мѣсто послѣдняго, гдѣ образуются оговоренные нами провалы. Какъ подъ польскимъ монастырищемъ, такъ и подъ церковищемъ здѣсь слѣдуетъ предполагать существованіе подземелій или усыпальницъ, въ которыя по обыкновенію опускались гробы храмосоздателей и лицъ почетныхъ въ приходѣ. Оба эти мѣста, какъ весьма древнія

---

[1]) Архивъ, ч. 1, стр. 529.

по происхожденію и по исключительному своему положенію въ замковой площади, заслуживаютъ особеннаго вниманія. Но помимо этого еще, надо думать, и само замчище таитъ въ себѣ погреба и подземелья.

2. *Кибала.* Изъ другихъ памятниковъ старины въ Острополѣ заслуживаютъ вниманія два урочища «Кабала»,—2 холма, служившіе въ старину конечными укрѣпленными пунктами сухопутной крѣпостной линіи города съ сѣверной стороны и стягивавшей рѣчную дугу Случи, которая омываетъ территорію поселенія; находятся каждый въ полуверстѣ отъ теперешняго мѣстечка, оба надъ Случью: одинъ на западъ, у помѣщичьей рощи «березина», другой на востокъ—въ урочищѣ «Луговщина». Разстояніе между обоими пунктами по прямой линіи—около 2—хъ верстъ. Что это за слово «Кибала», а равно значеніе его—собственное это названіе, или нарицательное въ малорусской устной терминологіи всякаго подобнаго возвышеннаго пункта--объяснять не беремся. Первая насыпь, что на западѣ, стоящая надъ Случью, у помѣщичьей рощи «березина», представляетъ высокій крутой холмъ. Въ устахъ народа онъ извѣстенъ также, кромѣ собственнаго своего названія «Кибала», еще подъ именемъ *замчища*. Вся юго-западная сторона его представляетъ отвѣсную сторону. Тутъ, внизу, тихо протекаетъ Случь. Съ трехъ сторонъ—южной, восточной и западной, опоясываютъ и облегаютъ холмъ три концентрическихъ ряда валовъ, постепенно понижающихся по мѣрѣ уклоненія къ конечной сѣверной части холма и на южной фронтовой сторонѣ достигающихъ высшей своей точки, образующихъ здѣсь какъ-бы гребень. Съ трехъ сторонъ холма по правильному бугру—какъ-бы подъ пушечные лафеты. По всему вѣроятію это основанія бывшихъ тутъ когда-то бойницъ, или башенъ. Бугры эти находятся въ защитѣ валовъ. Съ восточной стороны укрѣпленія проходитъ русло и журчитъ тутъ чуть-чуть замѣтный ручеекъ, который въ старину, благодаря приспособленію, составлялъ, вѣроятно, съ этой стороны укрѣпленія глубокую канаву. На верху «кибалы», въ краевомъ поясѣ ея площади, подъ неглубокимъ слоемъ земли, лежитъ кирпичный фундаментъ. Изъ этого надо заключать, что «кибала» эта не есть случайный окопъ какого-нибудь преслѣдуемаго и поставленнаго въ необходимость обороняться военнаго отряда, какъ, напр., окопъ Шереметьева подъ м. Чудновымъ, житомірскаго уѣзда волынской губерніи, а съ восточной другой «кибалой», такимъ образомъ, она составляла сооруженія, имѣвшія цѣлью болѣе постоянное на-

значеніе. Тогда устное преданіе, что на сѣверной сторонѣ города крѣпостные валъ и ровъ проходили «отъ Случи до Случи», находитъ себѣ подтвержденіе, и въ обѣихъ «Кибалахъ» можно усматривать конечные укрѣпленные пункты этого вала. Камня на камнѣ не осталось здѣсь отъ существовавшихъ построекъ, изъ чего слѣдуетъ заключать, что онѣ были деревянныя на кирпичномъ фундаментѣ, или древность ихъ такъ глубока, что само время, наконецъ, изгладило всякіе слѣды ихъ бытности. Во всякомъ случаѣ, это глубокая, незапамятная древность. Кирпичъ фундамента совершенно перегнилъ и разсыпается въ пыль при прикосновеніи. На самой «Кибалѣ» и кругомъ здѣсь попадается множество черепковъ чрезвычайно грубой и толстой первобытной обожженной посуды. Самимъ намъ приходилось находить по близости отсюда 2 раза обожженныя глиняныя грузила для рыболовныхъ сѣтей, какія теперь не употребляются уже. Все это говоритъ объ осѣдлости здѣсь людей въ старину. По народному преданію здѣсь, на «кибалѣ», тоже была и *церковь*. Здѣсь очень вѣроятно предполагать существованіе погребовъ, или подземелій, не тронутыхъ, очевидно, рукою искателя клада, такъ какъ нигдѣ на поверхности не замѣтно попытокъ въ этомъ родѣ, или слѣдовъ, чтобы раскопки когда-либо были производимы. Если допускать здѣсь, по народному преданію, еще и существованіе въ старину храма, то тутъ необходимо должно предполагать мѣсто усыпленія разныхъ лицъ, удостоенныхъ погребенія здѣсь. По преданію здѣсь закопанъ кладъ. Площадь этой «кибалы» представляетъ пространство приблизительно въ 30×13 саженъ. Составляетъ она участокъ одного мѣстнаго крестьянина; какъ мѣсто неудобное для обработки, стоитъ порожнякомъ. Въ ближайшемъ разстояніи отъ «кибалы», всего въ нѣсколькихъ саженяхъ, протекающая здѣсь Случь носитъ названіе «переправы», куда народное преданіе пріурочиваетъ переходъ какого-то непріятеля. Съ вершины «кибалы», на юго-западѣ, за Случью, на помѣщичьихъ поляхъ, принадлежащихъ къ предмѣстью Острополя «Калиновка», можно еще различить едва уже замѣтные 2 кургана; ежегодно проходящій по нимъ плугъ успѣлъ сравнять ихъ почти съ лицемъ земли, и скоро они совсѣмъ исчезнутъ. Сейчасъ на сѣверъ отъ «кибалы» находится «*селисько*», занимающее крестьянскія поля. По преданію, здѣсь было село, быть можетъ, одно изъ предмѣстій стараго Острополя. Очень возможно, что «переправа», «кибала», «селисько» и курганы, имѣютъ между собою тѣсную фактическую связь, не оставшуюся безъ послѣдствій и на судьбу самого Острополя.—Другая «кибала» на

противоположной сторонѣ мѣстечка, сѣверо-восточной, въ урочищѣ «Луговщина»,—тоже надъ Случью. Окружностью она значительно меньше первой, описанной. Здѣсь валы едва замѣтны; но сама «кибала» представляетъ высокій пунктъ, обращенный утесомъ, какъ и первый, къ югу. И здѣсь попадаются остатки грубой битой глиняной посуды, а равно и эта насыпь заключаетъ въ себѣ, вѣроятно, подземелья и можетъ интересовать археолога.—Вообще, ученая раскопка «костелища» на «пастивнику», древняго церковища на «замчищѣ» въ усадьбѣ помѣщика, обѣихъ «кибалъ» и упомянутыхъ кургановъ была бы не лишня и желательна въ интересахъ научныхъ.

Въ заключеніе скажемъ, что въ острополькой главной еврейской синагогѣ сохраняется на еврейскомъ языкѣ подробное описаніе нападенія на Остраполь *Шевчика* (Швачки вѣроятно). Въ мѣстечкѣ, сейчасъ за еврейскими лавками, указываютъ мѣсто, гдѣ, по преданію, былъ убитъ *Шевчикомъ* и похороненъ тутъ-же остропольскій еврейскій раввинъ, вышедшій во главѣ депутаціи отъ мѣстныхъ евреевъ съ хлѣбомъ-солью и предложеніемъ выкупа за оставленіе мѣстечка въ покоѣ. Когда здѣсь бываетъ еврейская свадьба, молодые обязательно танцуютъ здѣсь подъ музыку и пьютъ вино въ память этого раввина.

Николай Александровичъ Компанскій.

Намъ сообщаютъ, что юбилейное торжество пятидесятилѣтія кіевской археографической коммиссіи состоится въ слѣдующемъ порядкѣ: 19-го ноября, въ 12 часовъ дня, въ залѣ I-ой гимназіи будетъ отслужено старѣйшимъ членомъ коммиссіи прот. П. Г. Лебединцевымъ молебствіе, по окончаніи котораго откроется публичное торжественное собраніе членовъ коммиссіи, въ присутствіи высокопоставленныхъ лицъ, почетныхъ гостей и всѣхъ, кто пожелаетъ явиться на это торжество. Собраніе начнется чтеніемъ записки о дѣятельности коммиссіи въ истекшее пятидесятилѣтіе, послѣ чего послѣдуетъ пріемъ депутацій и чтеніе адресовъ и привѣтствій.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга седьмая. Спб. 1893.

Несмотря на архаическій языкъ и излишнее нагроможденіе фактовъ, трудъ г. Барсукова, по окончаніи его, представитъ необходимую книгу при изученіи исторіи нашего просвѣщенія въ первой полов. XIX в. Разнообразіе свѣдѣній, даваемыхъ книгою г. Барсукова, очень велико и находится въ прямомъ отношеніи съ живымъ характеромъ Погодина, дневникъ котораго положенъ въ основу неутомимо продолжаемаго г. Барсуковымъ труда. Седьмая книга «Жизни и Трудовъ» П—на обнимаетъ собою 1842 и 1843 гг.—Лѣтомъ 1842 г. П—нъ, ѣдучи за границу, посѣтилъ между прочимъ и Малороссію, о которой отзывается съ немалою долею сентимента. Видъ малороссійскихъ селъ, встрѣченныхъ путешественникомъ подъ Харьковомъ, вызываетъ у него такое сравненіе: «какъ я люблю эти села съ шоколатными кровлями», восторгается П—нъ, «что за прелесть эти бѣлыя хаты въ тѣни зеленыхъ развѣсистыхъ деревьевъ... Видно съ перваго взгляда, что обитатель ихъ въ дружбѣ съ природою, что онъ любитъ свой домашній кровъ и не покидаетъ его безъ крайней нужды. Совсѣмъ не то въ Великой Россіи: деревца вы не увидите часто подлѣ избы, и рѣдко сидитъ дома заботливый хозяинъ; онъ спѣшитъ съ промысла на промыселъ. У него изба—только ночлегъ». Но Малороссія встрѣтила путешественника не совсѣмъ ласково. Пріѣхавъ въ Харьковъ около полуночи, П—нъ направился прямо въ архіерейскій домъ, къ его хозяину, знаменитому Иннокентію, но оказалось, что преосвященный живетъ на дачѣ; П—нъ отправился на дачу и хотя владыку засталъ еще гуляющимъ въ саду, но дорожную усталость путника подкрѣпить было почти что

нечѣмъ: у хозяина монаха нашлись только «огурцы и нѣсколько яицъ». — «При прощаніи преосвященный Инокентій выразилъ П—ну желаніе, чтобы онъ посѣтилъ ихъ общаго пріятеля М. А. Максимовича, уединившагося на свою Михайлову Гору». П—нъ и самъ желалъ повидаться съ старымъ товарищемъ и поѣхалъ къ пріятелю, по золотоношской дорогѣ. И здѣсь Малороссія снова вызвала у путешественника сентиментальное восклицаніе: «что за милыя, простодушныя лица встрѣчались мнѣ на станціяхъ»! записываетъ П—нъ въ своемъ дневникѣ; но за то, увы, оказалось, что—«ѣсть нигдѣ нечего»! У одного сторожа на (станціи) спросилъ путешественникъ яицъ и получилъ въ отвѣтъ: «нѣтъ, не несутся проклятыя!» Въ довершеніе неудачъ—и Максимовича не оказалось дома... Въ числѣ писемъ, которыя приведены г. Барсуковымъ въ этой книгѣ изъ обширной переписки П—на, приведено и письмо г. Кулиша, писанное имъ вскорѣ послѣ напечататанія его романа «Михайло Чарнышенко». Прочитавъ этотъ романъ, Шевыревъ писалъ къ П—ну: „хорошо бы Кулѣша завербовать (въ Москвитянинъ), въ повѣстствователи.“ «Москвитянинъ» сотрудниками былъ небогатъ, а потому П—нъ тогда же обратился къ молодому писателю, приглашая его къ сотрудничеству. Г. Кулишъ отвѣчалъ (въ мартѣ 1843 г.) пространными письмами, отрывки изъ которыхъ приводимъ здѣсь.—«Замышляю я» пишетъ г. Кулишъ, «такъ много, что иногда боюсь, не слишкомъ ли я самонадѣянъ? Во первыхъ, я хочу издать (съ помощью нѣкоторыхъ особъ) всѣ малороссійскія лѣтописи съ возможно полными комментаріями; во вторыхъ, издать малороссійскія пѣсни, которыхъ много собрано лично мною въ народѣ; въ третьихъ, издать народныя преданія, легенды, мифологію, пословицы и всякую мелочь; въ четвертыхъ, издать исторію малороссійскихъ фамилій, какъ огромный сборникъ матеріаловъ для исторіи; и наконецъ, въ пятыхъ, написать на основаніи всего этого, исторію Малороссіи, если почувствую, что буду къ тому годенъ. Молю васъ осчастливить меня присланіемъ тѣхъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ, о которыхъ вы изволили писать. Я продержу ихъ у себя такой срокъ, какой вы сами назначите.... Воспитывался я въ Кіевскомъ университетѣ, на святой же Руси до сихъ поръ не сподобился еще бывать, и потому я почти брежу вашею Московіею, изучая русскую старину. Вѣрую, что... я облетаю современемъ тѣ страны, по которымъ тоскуетъ душа моя, и нагляжусь и на Русь безпредѣльную, и на всю словенскую нашу родню». Въ другомъ своемъ письмѣ г. Кулишъ проситъ

П—на напечатать въ Москвитянинѣ его критическую статью противъ Сенковского. «Объ этомъ», пишетъ Кулишъ,— «вмѣстѣ со мною проситъ васъ и мой добрый благодѣтель, помощникъ попечителя кіевскаго учебнаго округа М. В. Юзефовичъ, который сожалѣетъ, что случай не позволилъ ему имѣть удовольствіе познакомиться съ вами во время проѣзда вашего черезъ Кіевъ. Въ рецензіи моего романа Сенковскій еще безсовѣстнѣе уродуетъ исторію Малороссіи и безъ церемоніи дѣлаетъ насъ поляками, чѣмъ мы ни въ какомъ случаѣ быть не желаемъ, и молчать на его выходки значило бы соглашаться съ его сужденіями». Черезъ нѣкоторое время г. Кулишъ сдѣлалъ П—ну слѣдующее предложеніе: «Уже съ годъ» пишетъ г. К. «сидитъ у меня въ головѣ романъ, почти совсѣмъ готовый, но я не хочу писать его, во первыхъ, потому, что въ Кіевѣ большой книги печатать не стоитъ, а во вторыхъ, потому, что хотѣлось бы глубже изучить историческую эпоху, а матеріаловъ для изученія нѣтъ. Еслибъ кто купилъ его на наличныя деньги, то я, пожалуй написалъ бы. Но для этого нужно имѣть великій авторитетъ. Пожалуй, купите вы, я напишу для вашего журнала, если ему нужно порядочное литераттрное произведеніе, ибо, судя по тѣмъ статьямъ, какія до сихъ поръ въ немъ помѣщались, онъ, кажется, не слишкомъ объ этомъ хлопочетъ, а этого то и не достаетъ ему для ходкости.... Имя моего романа: *Сотникъ Шрамко и его сыновья*[1]), картина того чуднаго и загадочнаго времени, которое наступило по смерти Богдана Хмельницкаго. На сценѣ будутъ дѣйствовать Брюховецкій и Самко.... Этимъ романомъ, кажется, я нѣчто сдѣлаю для исторіи Малороссіи. Если вы въ самомъ дѣлѣ захотѣли бы его пріобрѣсть, то вотъ условія: 1) отъ печатнаго листа по пятидесяти рублей серебромъ; 2) никакихъ перемѣнъ и пропусковъ не дѣлать; за все отвѣчаетъ мое имя, о которомъ я долженъ заботиться больше, чѣмъ кто либо; 3) деньги за десять листовъ выслать впередъ и съ того только времени начнется изложеніе его на бумагѣ; 4) право отдѣльнаго изданія остается за мною....»

Есть въ книгѣ г. Барсукова не безъинтересныя свѣдѣнія о возникновеніи харьковскаго «*Молодика*». Вотъ что писалъ извѣстный Каразинъ по этому поводу къ П—ну: «предложеніе Бецкаго о харьковскомъ альманахѣ идетъ довольно успѣшно, вотъ и я уже успѣлъ роздать до сорока билетовъ. Жаль, что онъ нарекъ его по-хохлацки,

---

[1]) Это конечно—будущая *Черная Рада*. Примѣч. ред.

противъ моего совѣта. Это имя (Молодикъ), заставляя подозрѣвать, что будетъ наборъ только хохлацкихъ піесъ, кои уже всѣмъ надоѣли, и которыми, вѣрьте, меньше всѣхъ дорожатъ харьковцы (съ гордостью давно причисляющіе себя къ старой Россіи), многихъ останавливаетъ....».

К—цъ.

Вниманію г. любителей рыбной ловли. Кіевъ 1892. 16°. 16 стр.

Въ этой маленькой книжкѣ съ такимъ неопредѣленнымъ названіемъ, собраны чрезвычайно интересныя свѣдѣнія объ оскудѣніи Днѣпра рыбою. «На уменьшеніе количества рыбы въ Днѣпрѣ, особенно въ послѣдніе года, имѣли вліяніе слѣдующія причины: развитіе пароходства, уничтоженіе по лугамъ лозы и вообще растительности, ловъ рыбы промышленниками во время ея нереста, очистка русла Днѣпра отъ корчей, сборъ икры весною, отравленіе рыбы кукольваномъ, постепенное уменьшеніе ячеекъ рыболовныхъ снастей, употребляемыхъ промышленниками и уничтоженіе рыбы во время ея нереста стрѣльбою изъ ружей и острогами». Авторъ, какъ видно, принадлежитъ къ числу рыболововъ-любителей и хорошо знаетъ то, о чемъ говоритъ. Пароходство вредно вліяетъ на размноженіе рыбы, п. ч. волны расходящіяся отъ пароходовъ, постоянно размываютъ песчаные берега Днѣпра... Отмытый отъ береговъ песокъ засыпаетъ глубокія мѣста и омуты, которые представляютъ любимыя убѣжища рыбы». На протяженіи 200 верстъ Днѣпра, вверхъ и внизъ отъ Кіева, уцѣлѣли отъ размывовъ берега и остались глубокія мѣста только въ Завихѣ, Чернинѣ, Троецкомъ, Осетровой Лукѣ, Ковтебахъ, Копанкахъ и Молодецкомъ. Къ числу убѣжищъ для рыбы относятся завалы, т. е. мѣста, въ которыхъ Днѣпръ съ очень мелкаго и быстраго (глубиною не болѣе 1—1½ арш.) переходитъ сразу въ тихій и очень глубокій (отъ 3-хъ до 7 саж.). Въ завалахъ держится всегда крупная рыба, особенно хищная (бѣлуга, судакъ, сомъ). Въ осеннее время рыба собирается (гуртуется) на зиму исключительно только въ этихъ завалахъ. Но большіе пароходы, проходя по мели т. е. по гребню завала, вздымаютъ колесами воду и песокъ, и этимъ самымъ засыпаютъ завалы. Теперь остались хорошіе завалы около Глѣбовки, Троецкаго, Лящевки, Осетровой, Шиняговки, Молодецкаго и Романыхп...» Какъ видно, Днѣпръ хорошо знакомъ автору, и онъ, «какъ любитель, занимающійся рыбною охотою 19 лѣтъ», несомнѣнно

принесъ посильную пользу сообщеніемъ своихъ наблюденій надъ уменьшеніемъ рыбы въ Днѣпрѣ. Къ сожалѣнію, замѣченное явленіе въ Днѣпрѣ, относительно сильнаго уменьшенія рыбы, повторяется и въ другихъ сосѣднихъ рѣкахъ. Разсказъ о томъ—какъ много рыбы было въ Деснѣ еще въ 60-хъ годахъ и какъ мало ее осталось черезъ 25 лѣтъ, см. въ журн. «Прир. и Охота», 1888 г., № 10, стр. 1—52,—«по Деснѣ», Н. Вербицкаго.—А въ нач. XVIII в. не только въ Днѣпрѣ и Деснѣ, но и въ Сеймѣ—водилась еще и бѣлуга, т. е. одна изъ наибольшихъ рѣчныхъ рыбъ. Васька Годунъ, «рыбалка двору рейментарского, житель с. Пекарева» жаловался въ 1725 г. на своего сотника Троцкаго, что когда онъ, Годунъ, началъ устраивать на Сейму для себя «езъ» (загородь въ рѣкѣ для ловли рыбы), то и Троцкій «привязался къ нему сполникомъ быти и упевнилъ его не кривдити и коштъ по половинѣ ложити....». Но кончилось тѣмъ, что кромѣ половины, сотникъ забралъ еще «двѣ билюги и осетровъ 12....» [1]).

К—цъ.

Каталогъ военноученаго архива главнаго штаба. Выпускъ V-й. С. П. Б. 1893 г., 132.

Нельзя не отмѣтить за послѣднее время крайне симпатичнаго явленія, относящагося къ дѣятельности нашихъ русскихъ архивовъ: многіе изъ нихъ стараются сдѣлать извѣстными свои рукописныя богатства публикѣ и съ этою цѣлью издаютъ «описанія», «обозрѣнія» «каталоги» и т. п. Всѣмъ извѣстно, какую огромную пользу приносятъ спеціалистамъ описанія дѣлъ Московскаго архива мин. юстиціи, Святѣйшаго Синода, морскаго министерства. Въ настоящее время это движеніе захватило даже и провинціальные архивы—и мы имѣемъ уже цѣлый рядъ описаній, дающихъ отчетливое понятіе о содержащихся въ нихъ документахъ.

На этотъ же путь вступилъ и главный военный штабъ, начавшій недавно издавать опись своего богатаго архивнаго хранилища. Теперь передъ нами лежитъ уже 5-й выпускъ этого каталога, состоящій изъ трехъ отдѣловъ: въ 1-мъ помѣщается перечень статистическихъ матеріаловъ, хранящихся въ архивѣ Главнаго штаба, во 2-мъ—астрономическихъ и геодезическихъ работъ, въ 3-мъ—генеральныхъ картъ

---

[1]) Изъ архивныхъ свѣдѣній.

Россіи. Во всѣхъ этихъ трехъ отдѣленіяхъ мы найдемъ не мало документовъ, заключающихъ весьма важныя данныя для исторіи, географіи этнографіи и статистики южной Россіи—Малороссійскихъ губерній, югозападнаго края, Новороссіи и Харковщины.

Въ виду спеціальнаго характера «Кіевской старины» мы отмѣтили только эти данныя, но прибавимъ при этомъ, что аналогичные источники здѣсь можно отыскать и для всѣхъ остальныхъ областей Россіи.

Въ первомъ отдѣлѣ къ *территоріи нын. черниговской и полтавской губ. относятся слѣдующія матеріалы*: 1) Топографическое описаніе Новгородъ-Сѣверскаго Нам. 1787 г. 2) Топографическое описаніе Малороссійской губ. 3) Вѣдомость о селеніяхъ малорос. губ. съ указаніемъ числа жителей, уплачивающихъ подати; 4) Краткая выписка о малороссійскихъ народахъ и о запорожцахъ, 5) Статистическое описаніе б. Украинской линіи въ предѣлахъ полт. губ., 6) Подробное описаніе малор. полт. губ. съ приложеніемъ письма гражданскаго губ. Казаневича гр. Аракчееву 1808 г. 7). Топографическое описаніе полт. губ. 1818 и 1819 г., 8) Военно статистическое описаніе полт. губ. (Облеухова), 9) Военно топогр., статистическое описаніе полт. губ. (и нѣк. др. менѣе важныя рукописи, относящіяся къ полт. губ.), 10) Черниговскаго Намѣстн. топограф. опис. съ краткимъ географ. и истор. опис. Малыя Россіи 1786 г. 11) особое или топорафическое описаніе Новгородъ Сѣверска 1781 г. 12) Краткая исторія о г. Стародубѣ 1785 г., 13) Сокращенное историческое описаніе черниговской губ. вообще и всякаго города въ особенности 1787 г., 14) Записка о Слободскихъ раскольникахъ черн. губ. 1839 г. 15) Военно-топогр., статист. описаніе Черниг. губ; 16) Матеріалы къ составленію топогр. и стат. опис. Черн. губ.; 17) Описаніе городамъ, посадамъ Черн. губ. 1809 г. и др.

Къ Юго-Зап. краю относятся: 1) Оффиціальное обозрѣніе имѣнія Синявскихъ въ воеводствѣ русскомъ и Подольской землѣ 1568 г. (на польскомъ яз.), 2) Топогр. опис. Кіевск. намѣстн. 1785 г. 3) Тоже 1786 г.; 3) Сокращенное геогр. опис. Кіев. губ. 1787 г., 4) Военно топогр. статист. описаніе Кіев. губ., 5) Топогр. опис. губ. г. Кіева и его повѣта и нѣк. др. 6) Люстрація Летичевскаго староства 1765 г. (на польскомъ яз.), 7) Историческіе очерки городовъ Под. губ. 8) Вѣдомость о населенныхъ мѣстахъ Под. губ. 1803 г. 9) Военно топогр. и стат. описаніе Под. губ. и др. 10) Историческія записки о древней Волыни (Безкорниловича) 1845 г.,

11) Географ. и экономич. опис. городовъ Вол. губ. 1798 г. 12) Вѣдомость о населеніи, евреяхъ, городахъ, мѣстечкахъ, селеніяхъ Волын. воеводства 1789 г. (на польскомъ яз.) и др.

Къ Новороссіи—1) Вѣдомости къ атласу Вознесенскаго нам. 2) Описаніе атласа Новорос. губ. 1799 г., 3) Планъ о Новорос. и Азовской губ., 4) Рапортъ о благосостояніи Вознес. губ. съ извѣщеніемъ о внутреннихъ по губерніи и заграничныхъ происшествіяхъ, 5) Описаніе Екатеринославскаго нам. 1793 г., 6) Тоже 1795 г., 7) Военно топогр., стат. описаніе Екат. губ., 8) Опис. Екат. губ. 1808 г. и др. 9) Карта Новорос. губ. Елисаветградской пров. съ показаніемъ вновь поселенныхъ въ оной запорожцами слободъ 1773 г. и др. 10) Генеральная карта Тавр. губ., представляющая древнія именованія мѣстъ, городовъ, рѣкъ и пр. 1791 г., 11) Записка о крымскихъ татарахъ, 12) Топографическое описаніе Таврическаго нам., 13) Описаніе Таврич. губ. 1807 г., 14) Описаніе Козлова, Маріуполя и т. д.

Къ Харьковщинѣ: 1) Цѣлый рядъ описаній бывшей Украинской линіи, 2) Два топогр. опис. Харьковскаго нам., 3) Вѣдомости по Харьк. нам. о числѣ народа, о суммахъ, 4) Атласъ геометр. планамъ 15 уѣздамъ Харьк. нам. 1790 г., 5) Опис. Слоб. Укр. губ., 6) Описаніе г. Ахтырки съ уѣздомъ и др.

Изъ генеральныхъ картъ отмѣтимъ слѣдующія: 1) Карту Украйны 1650 г. (Боплана), 2) Собраніе картъ Западной Россіи 1665—70 г. (на франц. яз.), 3) Генеральную карту трехъ малорос. губ. 1782 г., 4) Географ. карту польской Украйны 1788 г. (на польскомъ яз.), 5) Карту Малорос. губ., раздѣленной на 20 повѣтовъ, 6) Карту Новгородъ Сѣвер. губ. съ планами городовъ, 7) Карту Кіев. губ 1797 г., 8) Генеральную карту Кіев губ., раздѣленную на 10 полковъ, 9) Атласъ Кіев. губ 1800 г., 10) Карту Под. губ. 1797 г. и 1798 г., 11) Нѣсколько картъ Полт. губ., 12) Атласъ Черниговскаго нам. 1787 со специіальными картами каждаго уѣзда, 13) Два атласа Новгородъ Сѣверскаго нам., 14) Карту Новгородъ Сѣверской губ. съ раздѣленіемъ уѣздовъ, 15) Атласъ Харьк. нам. 1787 г., 16) Геометрическую карту Слоб. Укр. губ. 1797 г., 17) Карту Слоб. нам., раздѣленную по Выс. учрежденію о губерніяхъ на 15 округовъ, 18) Геометр. карту Харьк. нам., 19) Карту Слоб. Укр. губ. 1802 г., 20) Карту Слоб. Укр. губ. 1794 г., 21) Карту Вознесенской губ., 22) Атласъ Екатериносл. нам. 1790 г., 23) Тоже 1793 г., 24) Карту Екатер. губ. 1808 г., 25) Атласъ Таврич. обл. 1787 г., 26) Тоже

1793 г., 27) Карту части Кубанской степи 1772—1774 г., 28) Карту Азовской и Новорос. губ. 1775 г., 29) Тоже 1778 г. (двѣ), 30) Генер. геометр. карту Азов. губ. 1779 г., 31) Генер. карту Азов. губ. 1782 г., 32) Генер. карту Новорос. губ. 1782 г., 33) Карту, представляющую полуденную страну Рос. Имп. 1783 г., 34) Карту Екатер. и Тавр. обл. 1786 г., (на франц. яз). 35) Генер. карту Екатерин. нам. 1786 г., 36) Атласъ, изображающій область Озу или Едизанъ—Очаковскую землю 1791 г., 37) Карту полуденной границы Рос. Имп. 1792 г., 38) Генер. карту Новороссійской губ. 1797 г., 39) Атласъ Новорос. губ. 1799 г., 40) Атласъ новопріобрѣтенной области отъ Порты Оттоманской и присоединенной къ Екатерин. нам., 41) Общую карту губерній и областей, состоящихъ подъ начальствомъ гр П. А. Зубова, 42) Карту отъ устья р. Днѣстра, по берегу Чернаго моря до замка Гаджибея и по польской границѣ до вершины р. Тилигула, 43) Карту Кубанской степи и Новорос. губ. 1778 г. и мн. др.

Уже изъ этого перечня—а онъ далеко не полонъ—видно, какое огромное количество историкогеографическаго матеріала для южнорусскаго края заключается въ Архивѣ Главнаго Военнаго Штаба. Правда, свѣдѣнія о рукописяхъ въ каталогѣ столь кратки и подчасъ неопредѣленны, что по нимъ нельзя составить себѣ яснаго понятія о содержаніи документовъ; мы не знаемъ, напримѣръ, ничего объ объемѣ ихъ; во многихъ случаяхъ не указано даже время, къ которому относится памятникъ; но нельзя все таки не выразить глубокой признательности лицамъ, завѣдующимъ военно-ученымъ архивомъ главнаго штаба за изданіе настоящаго выпуска ихъ каталога. Съ появленіемъ его въ свѣтъ, сдѣлалось ясно, что при серьезной историко-географической работѣ по исторіи Малороссіи, Новороссіи и Слободской Украйны невозможно обойтись безъ справокъ въ этомъ богатомъ хранилищѣ. Пожелаемъ же, что бы вслѣдъ за 5-мъ вып. послѣдовали и другіе.

Д. Багалѣй.

Каталогъ коллекціи древностей А. Н. Поль, въ Екатеринославѣ, вып. I, составила К. Мельникъ Кіевъ, 1893 г., V+217 стр., портретъ и XIV табл. снимковъ.

А. Н. Поль (+1890 г.), одинъ изъ видныхъ общественныхъ дѣятелей нашего юга, среди разнообразной практической дѣятель-

ности, посвящалъ не мало времени и средствъ на собираніе древностей, преимущественно мѣстныхъ. Въ результатѣ образовалось обширное собраніе, характеризующее прошлую жизнь края въ различныя эпохи. Коллекціи касаются, главнымъ образомъ, южной Россіи и Новороссійскаго края и по нѣкоторымъ отдѣламъ представляютъ довольно полные подборы предметовъ. Въ настоящемъ выпускѣ каталога, послѣ краткаго біографическаго очерка А. Н. Поля, помѣщено описаніе IX отдѣловъ собранія. Замѣтимъ, что это не каталогъ въ общепринятомъ смыслѣ, а вполнѣ научное описаніе, составленное съ полнымъ знаніемъ дѣла, со всѣми научными пріемами. Не многія частныя собранія въ Россіи описаны такимъ образомъ, а собраній древностей частныхъ лицъ, если взять даже только южную Россію, найдется не мало; составленіе такого рода научныхъ каталоговъ и можно рекомендовать владѣльцамъ коллекцій, такъ какъ въ виду частыхъ случаевъ уничтоженія послѣднихъ (распродажи послѣ смерти владѣльцевъ, разнаго рода несчастные случаи и т. п.), только такимъ путемъ и можетъ быть, хотя отчасти, сохранено ихъ значеніе для науки.

Мы не имѣемъ возможности подробно останавливаться на каждомъ отдѣлѣ каталога, одни изъ нихъ болѣе обильны и интересны, другіе менѣе; сдѣлаемъ лишь бѣглый очеркъ ихъ.

Первый отдѣлъ занимаютъ древности каменнаго вѣка; предметы, сюда относящіеся, раздѣляются на двѣ группы: кремневыя отбивныя и полированныя каменныя орудія; первыя составляютъ нѣсколько отдѣльныхъ коллекцій, набранныхъ на мѣстахъ стоянокъ и мастерскихъ первобытнаго человѣка, между ними есть коллекція предметовъ т. н. древнекаменнаго вѣка, вторыя найдены спорадически. Интереснѣйшая часть собранія описана во второмъ отдѣлѣ— это бронзовый вѣкъ; бронзовые предметы найдены всѣ въ басейнѣ Днѣпра, преимущественно въ Екатеринославской губ., поступали они въ коллекцію иногда цѣлыми кладами; тутъ есть формы для отливки орудій, указывающія на мѣстное приготовленіе ихъ; вообще этотъ отдѣлъ по своей полнотѣ представляетъ рѣдкій подборъ предметовъ. Слѣдующіе затѣмъ отдѣлы расположены въ такомъ порядкѣ: отдѣлъ III—древности греческихъ колоній, главнымъ образомъ, изъ Керчи и Херсонеса. Отдѣлъ IV—скифскія древности; предметы этого отдѣла добыты изъ новороссійскихъ скифскихъ кургановъ, къ сожалѣнію, прежнія записи запутаны, и составительницѣ каталога не всегда можно было точно возстановить мѣсто находки.

Отдѣлъ V—древности княжескаго періода; онѣ могутъ быть распредѣлены на три группы: а) предметы съ княжей горы (городище на Днѣпрѣ, близъ г. Канева)[1]), б) изъ кургановъ у с. Любомировки екатеринославск., г., верхнеднѣпровск. у., в) предметы, найденные въ окрестности м. Никополя; кромѣ того, много вещей найдено спорадически. Отдѣлъ VI—предметы запорожской и южно-русской старины; многіе изъ предметовъ найдены на мѣстѣ Запорожской Сѣчи. Отдѣлъ VII—предметы, относящіеся къ сравнительной этнографіи; вещи добыты у инородцевъ сѣверо восточной Россіи, въ Области Войска Донскаго, у Маріупольскихъ грековъ и т. п. Отдѣлъ VIII—оружіе, отд. IX—монеты и медали.

Къ каталогу приложенъ географическій указатель. Для болѣе нагляднаго ознакомленія съ описанными предметами, типичные изъ нихъ помѣщены въ снимкахъ на XIV таблицахъ, сдѣланныхъ фототипіей[2]). Какъ рисунки, такъ и вообще все изданіе и съ внѣшней стороны исполнено превосходно.

Коллекціи А. Н. Поль предназначены къ продажѣ; настоящій каталогъ, благодаря своимъ научнымъ достоинствамъ, дастъ возможность пользоваться ими не только теперь, когда онѣ еще цѣлы, но и на будущее время; но, во всякомъ случаѣ, желательно было бы, чтобы это богатое собраніе не ушло изъ Россіи, и даже осталось именно на югѣ, какъ собраніе чисто мѣстное; и намъ кажется, что городу Екатеринославу болѣе всего прилично почтить память А. Н. Поля, такъ много сдѣлавшаго для края, пріобрѣтеніемъ его коллекцій въ общественную собственность.

Н. Б.

[1]) Въ общемъ очеркѣ древностей Княжей горы сказано (стр. 105), что предметы этого городища, начиная съ каменнаго вѣка, простираются до временъ козацкихъ,—насколько намъ извѣстно, послѣдняго рода предметовъ на Княжей Горѣ найдено не было.

[2]) Укажемъ на опечатки, которыя могутъ затруднить пользованіе таблицами въ IV отдѣлѣ (скифскія древности), предметы за №№ 180, 195, 196, 199, 207, 222, 225, 227, 237, 238, 240, 241, 242, 244 и 245 изображены не на VIII табл., какъ указано въ каталогѣ, а на IX.

шой романъ изъ области будущаго А. Лемана; „Аріасвати“—фантастическій романъ Н. Соколова; „Черная душа“ (исторія одного пограничнаго разбойника)—разсказъ Ѳ. Тютчева; „Мститель“ (изъ жизни нашихъ средне-азіатскихъ окраинъ)—разсказъ В. Губаревичъ; „Морфинистка“—разсказъ А. Зарина“; „Мірскія диковинки“—рядъ разсказовъ В. Желиховской; „Лиллипуты“ (тайны микроскопическаго міра)—научный романъ А. Бленара; разсказы проф. Н. Вагнера, Н. Каразина и Д. Мамина-Сибиряка; „Жертвы моря“ (разсказы изъ исторіи крушеній судовъ нашего военнаго флота)—Мораки (псевд.); „Тайны алхиміи“—Очерки Н. Павловича; „Письма изъ Африки“—Г. Сенкевича; „Страна чудесъ“ и „Въ царства Рулетки“—разсказы изъ путешествія С. Дмитревскаго; „Лазуревый гротъ“—очеркъ С. Донскаго“; „Орочони“ (вымирающее племя)—этнографическій очеркъ А. Максимова; „Изъ песковъ Судана“—очерки послѣдняго путешествія д-ра А. Елисѣева; „Очерки изъ путешествій по Абиссиніи“—извѣстнаго путешественниа В. Машкова; „Семь церквей Апокалипсиса“—В. Желиховской; „Столицы міра“—разсказы С. Донскаго; „Плеяды“ и „Сатурнъ„ его кольца и спутники“—очерки проф. С. Глазенапа; „Друзья человѣка“—большой очеркъ д-ра зоологіи А. Никольскаго; „Ящерицы, плачущія кровавыми слезами“—В. Максимова; „Чтеніе мыслей“—П. Соловьева; „Воля“—П. Успенскаго“; „Черезъ сто лѣтъ“—очерки Б. Битнера; „Живая машина“—очеркъ І. Ясинскаго; рядъ популярныхъ біографій русскихъ ученыхъ и путешественниковъ; очеркъ изъ астрономіи, зоологіи, ботаники, метереологіи, физической географіи, минералогіи, геологіи, физики, химіи, медицины, технологіи, по сельскому и домашнему хозяйсву, по отдѣлу „Наука и забава“, извѣстія о новѣйшихъ путешествіяхъ, изобрѣтеніяхъ и открытіяхъ; полезные совѣты и рецепты; фокусы и забавы и пр. и пр. Большинство статей иллюстрировано мелкими рисунками.

Въ художественномъ отдѣлѣ принимають участіе художники: Казанцевъ В, Г., Каразинъ Н. Н., акад. Кившенко А. Д., Піотровичъ С. К, акад.Самокишъ Н. С., Самокишъ-Судковская Е. П., Сокорвскій Э. К. и друг.

Подписная цѣна на ежедневный журналъ „Природа и Люди“ съ приложеніемъ 12 книгъ „Полезной библіотеки:

Безъ доставки 4 руб, съ оставкой и пересылкой 5 руб., заграницу 8 Рублей.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб., къ 1 февраля 1 руб. и къ 1 мая остальныя.

За 1889—1890 г. журналъ весь разошелся, за 1891, 1892 и 1893 гг. осталось небольшое количество экземпляровъ, цѣна которыхъ брошюрованномъ видѣ, со всѣми приложеніями, —4 руб. за каждый годъ, а въ роскошномъ переплетѣ 5 рублей. Пересылка съ наложеннымъ платежомъ по вѣсу и разстоянію.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи „Природа и люди“, С.-Петербургъ, Стремянная ул., собств. домъ, № 12.

Редакторъ С. Груздевъ—Издатель П. Сойкинъ.

Доставившему подписку на десять экземпляровъ 11-ый безплатно.

1—3.

Субота. 22. Сегодня рано виехалемъ зъ Сваркова и пріехалемъ до города на службу, и у ясневельмож. обѣдалемъ. У господара отобралемъ купчую отъ полковника Оболдуева данную, тако жъ купчую отъ Коваленка на поле и третую отъ есманскаго чловѣка на дворъ, а ему далемъ розискъ въ Сварковѣ чинившійся 1719-го году о Клевенѣ, Яремою Омеляновимъ бурмистромъ и Савою Матвѣевимъ, для индукованя до книгъ. Ездилемъ до Количова и оттоль до церкви Михайловской на вечерню. Купилисмо дворъ у Шевчихи, близъ лазнѣ нашой городовой, за 14 р. и 50 копѣекъ.

Неделя. 23. Срѣбранскій сотникъ [1]) сказивалъ о нашемъ нещастю нѣякомсь. У подполковника Количова были крестини синови его новораждшагося. Антипъ Соколовскій, сотникъ бакланскій, преставился подъ карауломъ. Полковникъ бувшій нѣжинскій Петръ Толстой зъ женою своею Уляною Івановною, зъ синами Александромъ и Іваномъ и дочерю Настасіею, виехали зъ Глухова по указу, которихъ зъ ясневел. опроважали до Товстодубова, а ночовали отъ Глухова верстъ за 7. Войтъ глуховскій Александеръ Іванов. женился на Карписѣ пороховничцѣ.

Понеделокъ. 24. Тамже на вчорайшомъ ночлѣзѣ обѣдалисмо, а по обѣдѣ переехавши Есмань, отъ Глухова въ 14 верстахъ отстоящее село, пріехали до Толстодубова, где и заночовалисмо, а Толстодубовъ отъ Есманѣ въ 13 верстахъ отстоитъ. Войтъ Александеръ вчора женившійся, померъ нечаянно.

Вовтор. 25. Сей день тутъ же простоялисмо увесь и съ нами капитанъ Петръ Михайл. Черторизскій, которому велено Толстого до граници опроводить и вислать, и тамъ же ночовалисмо.

Середа. 26. Сегодня на томъ же ночлѣгу обѣдалисмо. Простились зъ Толстимъ и его женою, они поехали въ свой путь, а ми всѣ возвратились домой, въ разлученіи ясневелможная омлѣла была, заледво водкою гунгарскою (венгерскою) оную посилили. За поворотомъ моимъ, увѣдомился я, что куріеръ былъ въ Глуховѣ зъ С.-П-бурху, черезъ которого вѣстно учинилось, что дѣла мало-

[1]) Троцина.

россійскіе перенесени въ колегію иностраннихъ дѣлъ и что для избранія гетмана едетъ Салтиковъ сенаторъ сюда, а въ резиденти Наумовъ.

Четвер, 27. Лозовскому на покупку 100 дощокъ и 50 куфъ въ 10 носатокъ мѣрою далемъ 4 р. и ему жъ купить 50 квартъ алѣи на постъ Спасовъ казалемъ. Юдко жидъ принюсъ потребки до двохъ кунтушовъ и тясму зъ кутаси до трости, за що ему далъ 5 р. съ полтиною Вѣжевскій. Писалемъ до родителя о тутейшомъ поваженню и опредѣленіи порутчика Щоголева въ Шабалиновъ для слѣдствія о перевозѣ Указъ зъ тайного верховового совѣта въ колегію малор. принесенъ отобрать отъ ясневелможной диплонъ и привилеия. Обѣдалисмо у ясневел. и съ нами Миклашевскій зъ панею своею Степанъ. По обѣдѣ ездилемъ до степана Миклашевского, а потомъ зъ ясновел. былъ у Кошелева и оттоль у брегадира и у ясневел. вечералъ. Купилемъ на мѣстѣ кляпсидру за 5 а., спалню лазобную за 4 гривни, зеркало за полкопи. Романъ не молодикъ пріехалъ зъ Ромна, зъ котораго донесенья тако жъ и зъ листу Якова Дуброви увѣдомилемся, что 1) въ Плавнищахъ медвѣдь убилъ 5 пчолъ, а осталось цѣлой зъ роями 40; 2) о шинкару Денису Роменскомъ который хочетъ зъ двора нашего вийти, а погодно платить по 6 р.; 3) коней прислано сюда 12 непродажнихъ, а опрочъ тихъ два ворониxъ бѣлоногихъ; 4) а продали 5 коней, а товару 6, вовни рунъ 550, за все взято грошей 388 зол. и полъ 9 шаг., у господаря роменскаго было 130 зол. Архипомъ даннихъ, итого всѣхъ тамъ въ Ромнѣ пріемнихъ грошей нашихъ было 518 зол. и полъ 9 шаг. зъ того числа послалъ Яковъ до стар. Сухонос. на сѣно 300 зол., а на покупки розійшлось 68 шаг.; 5) господаръ тамъ удержалъ у себе 30 зол. для найму воловиковъ до двору годовихъ, а решту 120 зол. привюзъ сюда Романъ и покупки: юхтъ 2, кагвенолъ 2 фунта, родзѣнокъ полъ пуда, паперу полъ рази, киндяковъ зеленихъ 5, рижу фунт. 15, цукру голову, тютюну тур. око, имбрикъ вел. на чай мѣдній 6) зъ Сухоносовки прислано вовни въ Роменъ, по ищисленію Романа, 624 рунъ, а бранки 150; по писму Плетюнки недолѣчились

простой 6, а бранки 18 рунъ. Вѣжевскому ключникъ далъ 10 р. рибнихъ, що и въ его реестрѣ прописано. Астровскій попъ пріехалъ зъ Чернѣгова зъ листомъ отвѣтнимъ до мене п. Якова Полуботка, до которого знову писалемъ.

Пятокъ. 28. Сегодня ездилемъ рано до ясневел., а оттуду знову назадъ повернулся. Вѣжевскому Романъ 24 р. отдалъ, которіе зъ собою привезлъ.

Субота. 29. Сегодня рано ездилемъ до правителей, оттоль у церквѣ ст. Анастасіи службы Божой вислухавши, обѣдалемъ у ясневел. Куріеръ зъ повѣсти г. Волкова пріехалъ сегодня, чтобъ генералъ маіоръ Веляминовъ съ поспѣшеніемъ ехалъ въ С. П—бурхъ. Ассесоръ колежскій Волковъ приходилъ къ ясневелможной передъ обѣдомъ отъ коллегіи зъ таковимъ предложеннемъ, чтобъ не требуя къ себѣ зъ коллегіи указу, видала грамоту на маетности всѣ жалованную и того жъ часу видала, якую при немъ, Волкову, Яснополскій и отнеслъ въ колегію, и отдалъ. Капитанъ Бранчанинъ здешнего гварнизону по указу отписалъ домъ гетманскій, а другую половину того жъ двора, купленную отъ ясневелможной, оставилъ при ней. Милемъся въ лазнѣ, а потомъ вечералемъ у п. судіиной, зъ ясневелможною.

Неделя. 30. Сегодня кушалемъ у ясневел. Волинскій и Романъ отправлепи въ Роменъ; Волинскому данъ приказъ въ 17 пунктахъ, о устроеніи шинковъ, побыттю пчоли самой подлой, виготованню поля, большого противъ прежнего, на жито и сѣна, такожде везде по футорахъ и виправѣ грошей зъ шинкарей, а особливе въ Лохвицѣ, о млинѣ подолянчиномъ, чтобъ оний былъ сторгованъ, о спробованню умолоту пашнѣ и о протчемъ, а черезъ Романа до родителки при письмѣ послани 10 кущиковъ лилѣи и бандура для направки. Лизогубъ Семенъ присилалъ къ ясневел. сотника срѣбранскаго зъ объявленіемъ своей поволности съ прошеніемъ кулбаки и шаблѣ, що ему черезъ Кондзеровского и отослано.

Понеделокъ. 31. Сегодня кушалисмо у ясневел., куда и о. Мойсѣй явился, опровадившій сестру Уляну Івановну за Сѣвскъ. У Шевчихи Алексѣихи, близъ солодовника Степана, купилисмо домъ

за 14 р;, на что и купчая зъ ураду тутейшого за подписаніемъ атамана и бурмистра дана. Ходилемъ зъ Яснополскимъ господаремъ и Александромъ вина венгерскаго у Цибулскаго осматривать, которое по 20 р. анталъ продавался.

Мѣсяць августъ. Вовторникъ. 1. Сегодня швабского полотна на 2 каѳани купилъ Вѣжевскій мнѣ 15 аршинъ, по 13 шаг. Писма зъ Ромна принесени отъ князь Мих. Михай. Голѣцина до ясневел. и до род. зъ обѣщаніемъ показованія благодѣянія писанніе, отъ род. ко мнѣ о томъ же. Архипъ явился и показалъ о себѣ, что отъ его по облѣкахъ всѣхъ даннихъ ему 4 великихъ, а пятимъ малимъ доводилось всѣхъ грошей 204 р. и 20 к., а отдалъ Вѣжевскому 54 р. съ полтиною, Кулику 40 р., господареви Роменскому 20 р. да другимъ разомъ 26 зъ полтиною, итого въ отдачи 150 р. а доводится еще отдать 51 р. да 20 а.

Середа. 2. Сегодня ездилъ я до млина Радионовского, где собранной видѣлъ пшеницѣ полубочковъ 6, да жита около четверика и болше. Сторговалъ господаръ лѣсъ на вирубъ за 7 р. зъ 10 а. у мужички баницкой вдови и задатку Вѣжевскій далъ оной 4 р. и 10 а. ¼, а 3 р. потомъ мѣютъ отдатись безъ 2 гривенъ. У вечеру былемъ у ясневел., где тако жъ были генералша Веляминова зъ дочерю и Семенъ Лизогубъ.

Четвер. 3. Службы Божой слухалемъ у ст—ихъ Анастасій, а обѣдалъ у дворѣ и зъ Александромъ виторговалемъ вина венгерского столового анталъ за 8 червонихъ и рубля. Романъ, стар. тулиголов., пріехалъ и сказовалъ, что нажалъ жита 180 коп., а умолотно такъ зъ 7 копъ взялъ 5 четвертей; а пчоли всеей 34. У вечеру повернулась зъ двора жена моя. Х. получили 7 р. бы.

Пятокъ. 4. Сегодня протопопъ глух. приходилъ о Гурію и поповичу розговаривать.

Субота. 5. Коммунѣковалемся сегодня, а обѣдалемъ у себѣ. Писмо отъ п. Михайла зъ Сорочинець получилемъ зъ требованіемъ присилки денегъ и баранковъ. Писмо получилемъ отъ родителя, что родителка вчорась виехала зъ Ромна къ Глухову, а будетъ завтра у мутинской

пустинцѣ, куди и я, зъ Глухова поехавши, пріехалъ на ночь въ Ярославецъ, где и ночовалемъ.

Преображеніе. Неделя. 6. Сегодня рано зъ Ярославця поехавши, пріехалъ передъ службою Божою въ пустинку Мутинскую, где и родителку засталемъ. Пообѣдавши тутъ и до вечора забавивши, пріехали наночь въ Камень. Получилемъ писмо отъ стар. перер., что неучинено комисаровъ полегки жадной въ тяжести за неизмѣрно наложенніе порцѣи чинячойся и что збѣгшій мужикъ Коркушка не повернулся до сихъ часъ въ село.

Понеделокъ. 7. Сегодня отправилисмо писма въ Роменъ до род., зъ вѣдомостми, о которихъ нижей будетъ и до сотника роменского, чтобъ онъ переслалъ листъ до Волинского писанний о частомъ его отзиваннюся, о нарванню орѣховъ доволного числа на олѣй и чтобъ старался полегку учинить въ Перервинцяхъ. Обѣдалисмо тутъ же и съ нами Іваниха лубенская и тютка Огіенкова а по обѣдѣ, поехавши черезъ Ворголъ, пріехалемъ въ Глуховъ и былъ у ясневелможной, и позно уже въ свой домъ пріехалемъ. У Ворглѣ видѣлъ я слугу Степана Миклашевского повернувшогося зъ Гиляни, который въ юнѣ м-цѣ виехалъ зъ Астраханѣ, где еще людей моихъ оставилъ зъ судномъ. Увѣдомился я, что Семенъ Лизогубъ писалъ до ясневелможной, упоминаючись подѣлу поровной половинной части зъ сестрою Уляною.

Вовтор. 8. Сегодня рано ездилъ я до Семена Лизогуба зъ Кондзеровскимъ для розговору въ інтересѣ ясневел., а потомъ и въ другій разъ по обѣдѣ зъ таковимъ приговоромъ, чтобъ его женѣ третая часть по смерти ясневел. недвижимаго имѣнія была выдѣленна, а о движимомъ имѣніи, далъ бы онъ реестръ чого требуетъ, а такъ онъ подалъ реестръ зъ запросомъ лишнего, а надъ все червонныхъ 10000, чего ради ему ясневелможная отказала. Помянутый Семенъ Лизогубъ, тако жъ сотникъ срѣбранскій Троцина и стародубовскій Галецкій поехали въ С.П-бурхъ зъ челобитными отъ полковъ благодарственними до двору монаршого. Левенецъ пріехалъ и сказалъ, что князь Михайло Михайловичъ Кголѣцинъ поехалъ въ С-П-Бурхъ прошедшого юля 30-го числа почтою. Роди-

телка пріехала въ Глуховъ и купно всѣ обѣдалисмо у ясневел. Принялемъ до себе на службу поляка, прозиваемаго Зеленского.

Середа. 9. Сегодня получилъ я писмо отъ Василя Дорошенка зъ Астрах., 16-го апр. писанное, о тамошнемъ ихъ поводженню. Зъ присланнихъ зъ С.П.Бурху газетъ отъ 23-го юня вѣдомо учинилось, что его императорское величество, подъ часъ первого своего присутствія въ тайномъ верховномъ совѣтѣ, показалъ общенародно милосердіе свое въ слѣдуючихъ пунктахъ: 1) положенніе за прописку при переписѣ людей и крестянъ мужеска полу душъ денги сложить; 2) въ Малой Россіи ко удоволству тамошнего народа учинить, по прежнему обыкновенію, гетмана и протчіихъ генералную старшину, во всемъ по содержанію пунктовъ, на которихъ сей народъ отъ начала въ подданство россійской имперіи пришелъ; 3) соль, которая чрезъ нѣкоторіе года въ Россіи продавалась исъ казни императорской, отдать для всенародной ползи въ волний торгъ по прежнему, со взятиемъ пошлинъ; 4) вотчинной коллегіи со всѣми дѣлами быть въ Москвѣ; 5) торгъ сѣбирскій соболѣной и другихъ заповѣднихъ товаровъ, которіе прежде сего исъ казни императорской продавались для всенародной ползи, отдать въ волную торговлю съ платежемъ пошлинъ. Юля отъ 7-го дня его цесарского величества римского полномощний минѣстръ и посолъ графъ Рабутинъ, обрѣтаючійся въ С.П.Бургѣ, свѣтлѣйшому герцогу, генералиссимусу, реихсмаршалу и многихъ орденовъ кавалеру князю Александру Даниловичу Меншикову обявилъ: получилъ де онъ отъ его цесарского величества римского своего государя указъ, чтобъ его свѣтлости донесть, что его цесарское величество римское его свѣтлѣйшого князя пожаловалъ въ Силезіи лежащее герцогство Козелъ съ принадлежащимъ и на оное герцогство потребний дипломъ пришлется въ скорости; а въ писмѣ его цесарского величества римского къ свѣтлости написано: високорожденний любезний дядя и князь. Любовь ваша мнѣ черезъ своего атютанта въ своемъ присланномъ писмѣ писанномъ въ С.П.Бурхе мая 8-го, печалную о временномъ отшествіи блаженной всероссійской самодержици Екатерини Алексіевни моей во время жизни дружболюбезной сестри, тако жъ и бла-

гопріятную вѣдомость о восприятіи по ея любвѣ послѣдной диспозиціи россійского престола моего любезного племѣнника и родственника нинѣ государствующаго любвѣ обявилъ, и яко первій случай мнѣ дѣйствително къ сердечной печали побудилъ, тако о другомъ полное имѣю доволствованіе, ибо чрезъ то не толко наслѣдіе въ Россіи къ радости увеселенію и удоволствованію всѣхъ обивателей наступилб, но и между нами предъ краткимъ временемъ учиненний союзъ въ прежнемъ своемъ существѣ истинно сохранено и укрѣплено, о чомъ мнѣ тамо обрѣтаючийся мой полномочній минѣстръ и посолъ графъ Рабутинъ доносилъ, что сіе дѣйство предъ многимъ временемъ отъ любвѣ вашей происходило, за что вся Россія къ вѣчному благодаренію вамъ обязанна пребываетъ, а я такожде чувственное причастіе въ семъ воспріемлю, чего для любовъ ваша отъ сего времени во всемъ, что къ удоволствованію и возвишенію вашему къ фамилѣи вашей быть можетъ, на мене изволте быть благонадежни, яко же графъ Рабутинъ о семъ пространно изяснитъ, а я дядевскою склонностію, імператорскою милостію и желаніемъ вамъ всего благаго постоянно благосклонннимъ пребываю. Данъ въ Вѣнѣ. юня 1727-го году. Карлъ.

Принялемъ на службу молодика, родомъ зъ Воронѣжа, Василя Басѣстенка. Писалемъ писма: 1 до род. и указъ въ дѣлѣ ясневел. приложенъ, а 2 писмѣ до Несторовича и до господара ромен. о збѣгшюмъ служцѣ Савцѣ, чтобъ его зъ Ромна въ колодкахъ прислали сюда.

Четвер, 10. Сегодня службы Божой у ст. Анастасіи слухалъ и тамъ же во дворѣ обѣдалъ. По обѣдѣ ездилемъ до Сваркова, где будинокъ обмазованъ и имбаръ глиною намазованъ былъ зъ середини, а пріехалъ оттуду позно въ Глуховъ. Получилемъ писмо отъ швакгра п. Якова Полуботка и цедулу, что Андрѣй швакгеръ въ Чернѣговъ къ ему брату своему пріехалъ на ночъ, а не увидѣвшись, скоро свѣтъ, знову отехалъ въ Кувѣгичи и что къ нему очинъ досадно писалъ и же поехалъ въ Кіевъ сказивалъ его слуга либо отдавца.

Пятокъ. 11. Сегодня писалемъ въ отвѣтъ до п. Якова Полуботка на листъ его, обявляя и свой жаль, что ко мнѣ швакгеръ

п. Андрѣй ничого не писалъ отвѣтно, до которого я отзивался въ моемъ інтересѣ и жени моей.

Субота. 12. Сегодня службы Божой слухалисмо въ Анастасіи и во дворѣ обѣдалисмо. Жену мою въ колясцѣ кони носили, а машталѣра побыли велми. Былъ у мене Кутневскій, а потомъ почепскій и ямпольскіе управители.

Неделя. 13. Сегодня службы Божой слухали у ст. Анастасіи и тамъ обѣдали во дворѣ. Писалемъ писмо до архиерея бѣлагор. Тихорского, которій сюда до ясневел. писалъ пастирско утѣшаючи. У вечеру просидѣлъ у Кошелева, куда Количовъ и Волковъ пріехали.

Понеделокъ. 14. Обѣдалемъ у себе, а по обѣдѣ ездилемъ до ясневел. брегад. и въ лазнѣ Кондзеровского мился. Архипу положилемъ строкъ до 1-го ноевр. всѣ гроши стягнуть, который въ розговорѣ обявилъ, что Гаврило принялъ грошей 184 р., 8 гривенъ и 5 копѣекъ.

Успеніе. Вовтор. 15. Сегодня службы Божой слухалисмо у ст. Анастасіи, а у насъ обѣдалисмо и ясн. Александръ Левицкій поехалъ въ С.П.Бурхъ, черезъ котораго писалемъ до преосвященнаго архиерея Новогор. и ему жъ далемъ 7 р., на покупку млинка на кофе, чаю фунта самого доброго и замочка круглого маленкого.

Середа. 16. Церковъ бѣлополовская Покровъ Пресвятой Богородицы згорѣла. Куріеръ зъ С.П.Бурху пріехалъ и привезлъ писма отъ старшини енер. до правителей о состоявшомся милосердіи его императ. в-ва надъ Малою Россіею обявлюючое, да онъ же сказивалъ, что обехалъ г-на Наумова у Вишного Волочка, сюда едугого для избранія гетмана. Получилъ я писма зъ Ромна отъ род. и брата Марка, зъ прилогомъ писма Грановского, писара пол. нѣжинского, взглядомъ садовника писанний, чтобъ по оного подводу послать для поднятгя его.

Четвор. 17. Сегодня купила род. анталъ вина за 25 р. Виехала род. зъ Глухова, которую мы обое опровожалисмо и недоежджаючи Ярославця заночовали.

Пятокъ. 18. Сегодня разлучился я рано зъ родителкою, а жена моя при оной осталась и поехали они до Каменя, а я про-

брался черезъ Дунаецъ до пасѣки уздицкой. Въ пасѣцѣ всеей, пчоли по осмотру показалось 224, убыть приказалъ я 36, а подрѣзать 80, а въ рештѣ остается на зиму пчоли 188. Оттуду поехалъ я до футора Калюжновского, где увѣдомился о накошенныхъ 50 возахъ сѣна тамъ же и 406 копахъ жита нажатихъ. Пріехалъ на ночъ въ Сварковъ, когда конь п. Михайла носилъ мене, и ночовалъ тамъ.

Субота. 19. Сегодня рано пріехалъ я зъ Сваркова въ Глуховъ былъ у церквѣ ст. Анастасіи и во дворѣ обѣдалъ. Савку молодика збѣгшого моего привезено зъ Ромна въ Глуховъ, которому за збѣгъ учинено наказаніе. Да получилъ я писма зъ Ромна отъ род., отъ брата Марка и Несторовича повшехно писанние и писмо отъ Волинского о его бытности въ Перервинцяхъ и проч.

Неделя. 20. Сегодня службы Божой слухалъ у Михайла, а обѣдалъ во дворѣ. Хлопецъ мой Василецъ ушолъ въ ночѣ до Гудовича, за которимъ всю ночь ездили Вѣжевскій, Тарасъ и Петро Кухтикъ, а зде ходили ключникъ Климъ зъ Кухтиками. Былъ я рано у брегадира; по обѣдѣ у Попова, Количова и п. Федоровой Савичевой и у Кошелева. Слуга п. Михайла Процко пріехалъ зъ Сорочинецъ отъ пана своего зъ родиннимъ зваромъ, что Богъ ему далъ сына Івана, который родился 9-го августа. Онъ же привезлъ писмо отъ брата Семена, что родитель на спину и бокъ правий боленъ на колку. Вѣжевскій осталніе 11 р. взялъ у брата Федора Юрченка.

Понеделокъ. 21. Сегодня рано былъ я у брегадира, где и зъ Гудовичемъ видѣлся и говорилъ о хлопцю, которого онъ видать не хочетъ. По обѣдѣ былъ у генералшѣ и сотнички глуховской, которихъ именинницами Васси поздравлялъ.

Вовтор. 22. Сегодня обѣдалъ я у себе, а со мною Холодовичъ, сотникъ воронежскій, Ударъ, Карпъ Огіевичъ и дѣти. По обѣдѣ виправилемъ Удара въ Роменъ и черезъ его писалемъ до род. о повоженю и хлопцю Гудовучомъ отнятомъ, до родителки о заплаченномъ мною анталѣ за 25 р., до братовъ Семена объ Удару, а Марка—о Савцѣ и чтобъ ознаймилъ о здоровю родителскомъ.

Вечоромъ ездилемъ до брегадира, где у Гудовича упоминалемся объ хлопцю. Пріехалъ канцеляристъ Романовичъ зъ С.П.Бурху, обехавшій г. Наумова въ Москвѣ, который сказивалъ, что Наумовъ будетъ сюда жъ въ септовр. и гетманомъ устроенъ будетъ въ Глуховѣ панъ полковникъ миргородскій и старшина вся; онъ же говорилъ, что въ Сенчѣ сотникомъ устроенъ Милорадовичъ, синъ полковничий. Далемъ Вѣжевскому грошей 30 р., зъ которихъ далъ и зъ давнѣйшихъ господару 25 р.

Середа. 23. Сегодня былъ я у ясневел, а по обѣдѣ былъ у мене Романовичъ, тако жъ Левенецъ и сотникъ глух. Романовичеви далемъ въ позику будку свою зехать до Сорочинець, черезъ которого писалемъ до родителя и пана Михайла Скоропадского. Получилемъ зъ Ромна писма отъ брата Марка, Романа Волинского, а отъ Котлубая о томъ, что 40 таляровъ не доправилъ толко на должникахъ, неимѣючихъ що отдать.

Четвер. 24. Сегодня былъ я у церквѣ с. Анастасіи на службѣ Божой и въ дворѣ обѣдалъ. Послана дѣвка Прюска и Тарасъ до Ромна для забраття нѣкоторихъ рѣчій. Ей же и печатка моя сталная дана и черезъ ихъ писалемъ до род. и Волинского о господарскихъ дѣлехъ. Потомъ писалемъ до Котлубая, отвѣтуючи на листъ его писанний (что виправилъ онъ всѣ гроши, толко 40 таляр. недоправилъ), же должниковъ самихъ на отслугу озметъ, толко бы на ратушу приговорено годъ почему имъ служить, о томъ же и чтобъ увѣдомилъ, почему тамъ пашня и медъ продается, и о наймѣ паробковъ писалемъ до Романа.

Пятокъ. 25. Сегодня былъ у мене Кутневскій, Федоръ Савичъ, сотникъ Холодовичъ, Заруцкій попъ. По рощоту показалось зъ родителскихъ реестровъ: оставленного въ Астраханѣ 1724-го году, тютюну папушъ 16605, а по реестру Демяна продажномъ папушъ 10800, недостаетъ до полного числа 5805, винявши зась кромѣ продажи розийшовшійся тютюнъ 270 папушъ, останется 5535, По порахунку Якова Дуброви, въ семъ году мартѣ м-цѣ бывшомъ, показались шинкари въ долгахъ, а именно: роменскій шинкарь Денисъ виненъ 357 зол. и 5 шаговъ, лохвицкій шинкарь

Петро Тихоновъ 217 зол. шаг. 6 и надъ тое 15 коп., итого всѣхъ 255 зол. и 2 шаг., лубенскій шинкарь Артемъ виноватъ 129 зол. и шаг. 8. Summa 742 зол. и 5 шаг. Забара войтъ и шинкаръ сварковскій виноватъ 24 р. и 4 гривни.

Субота. 26. Сегодня рано были мы зъ Левенцемъ у брегадира и поздравляли его именинницею Наталіею Алексіевною, сестрою его величества, потомъ на службѣ Божой у Николая и на молебнѣ, гдѣ и съ пушекъ стреляно. Обѣдалемъ у дворѣ. Хлопецъ мой другій Федорецъ ушолъ.

Неделя. 27. Сегодня службы Божой слухалемъ у ст. Анастасіи, а обѣдалъ во дворѣ, где у ясневел. обѣдали генералша, Количова, Кошелева, Волкова Василисса. Хлопця привелъ Климъ ключникъ Федорця знову.

Понеделокъ. 28. Сегодня въ дому кушалъ. 3 т. зложилемъ въ библіотеку въ еденъ взялемъ; зъ мѣшка вилѣчилемъ 30 р. Вѣжевскому на заплатку господареви, 20 р. за медъ, пудъ по 40 а., а пудовъ 13. Былъ у мене Милорадовичъ, зъ С.П.Бурху пріехавшій въ сотники въ Сенчу. У вечеру начала быть во мнѣ алтерацѣя и черезъ всю ночъ держала мене.

Вовтор. 29. Сегодня зъ дому никуда невиездилъ. Подалемъ явочное челобитте въ вой. енер. канцеллярію за хлопця моего Василця, которого Гудовичъ принявши, невидалъ, а въ немъ убитку мнѣ учинившогося въ оной челобитной прописанного, именно: за убійство отцемъ его учинившееся 24 р., за ученіе 15 р., да захваталъ хлопецъ утекомъ своимъ вещей на 10 р., неотшукано 30 чет., а кромѣ тихъ 49 р., всѣхъ 109 р.

Середа. 30. Былъ на службѣ Божой у ст. Анастасіи, а кушалъ въ дворѣ. Повернулся Ударъ зъ Ромна и привезлъ писмо ко мнѣ отъ родителя зъ приложеннимъ писмомъ урадовимъ на хлопця Василця даннимъ 721-го году, сент. 4-го дня; за нимъ же и дѣвка Проска пріехала въ Ромны зъ вещми. По реестру войта свар. Забари показалось, что новогребелскіе люде полемъ сварковскимъ завладѣвшіе, того жъ поля болшую часть другимъ людямъ на сторону заставили, а нѣкоторимъ продали, а именно: 1) Івана

Халка новогреблского поле, подъ Черневомъ на 50 копъ, подъ попомъ Стафаномъ нива копъ у 30, у козака Медведя Івана нива копъ на 20, за 9 копъ заставлена, у винника гетманского Дениса подъ Хомомъ копъ на 50, Федоръ Юрченко купилъ ниву зъ цѣлиною на 100 копъ, за 8 р. Якубѣ подъ мѣстомъ заставлена за 8 копъ, подъ Сухимъ Дубомъ на 40 копъ, въ той же руцѣ заставлени виннику гет. Денису нива за 5 р., еще ему жъ заставлена нива за 9 копъ. У Тума Оробенка у середной руцѣ на 50 копъ, въ его жъ въ третой руцѣ, подъ Черневомъ, на 80 копъ, 2 ниви заставлени, една Оробенку Василю, другая Ігнату Сердюченку за 5 коп., у Василя Оробенка, Сиплого новогребелского, поля подъ Заруцкого рукою, копъ на 40, у середней руцѣ также на 40 копъ, того жъ Сиплого подъ Черневомъ на 50 копъ. Лоевскій, атаманъ сорочинскій, отъ пана полковника мир. пріехалъ для квартери его персони, а негде инде толко зде у насъ. Кролевецъ городокъ, въ которомъ о 1-мъ сентевр. болшій отъ всѣхъ бываетъ ярмарокъ, кгорѣлъ, церковъ храмъ Богоматере згорѣла жъ, кромѣ святителя Николая, въ ночѣ пожаръ былъ.

Четвер. 31. Князь Іванъ Юревичъ Трубецкій, зъ Кіева въ С.П.Бурхъ слѣдуючій, пріехалъ въ Глуховъ. Сторожъ роменскій пріехалъ зъ Ромна отъ род. и привезлъ писмо и 25 р. за вина анталъ, и на кафанъ мнѣ матеріи 5 локоть, чтобъ еще столко жъ въ Королевцѣ прикупить. Да тотъ же сторожъ привезлъ мнѣ писмо отъ Волинского зъ Лохвицѣ, 29-го август. пушенное, въ якомъ пишетъ, что на Кривой Рудѣ по 20-е число августа сѣна было скиртъ 55, а въ въ Перервинцяхъ 40, гдѣ еще готуется, жита знято въ Сухонос. 105 копъ, у Перер. 150, на Кривой Рудѣ 78, въ Сухоносовкѣ на степку жъ сѣна стало скиртъ 18 У князя Трубецкого была ясневел. и я при ней, который стоялъ наметами въ полѣ, передъ дворомъ п. Федора Савича Писаревича. Отъ Петра Петровича Толстого пріехали до ясневел. Сенковъ да Алексѣй Михайловъ, люде его.

Мѣсяцъ Сентевр. Пятокъ. 1. Сегодня принималъ я лѣкарство пургуючое и vomitorium зъ немалимъ дѣйствіемъ. Вина лутшого уже 16 бутилокъ взялисмо зъ антала.

Субота. 2. Сегодня рано зъ отцемъ Никифоромъ булисмо въ церквѣ святого Михайла и виняли депозитъ зовсѣмъ згнилий. Вѣжевскій и Петро кухаръ, имъ Вѣжевскому 2 р. и гусарку астраханскую легкую далъ я, такъже 2 р. и Петру. Обѣдали у мене Левенецъ, Лоевскій, Романовичъ канцеляристъ По обѣдѣ ездилъ я въ городъ и былъ у ясневел. и господара Яснополского, а передъ вечоромъ поехалъ на ночъ въ Тулиголови.

Неделя. 3. Сегодня поехалемъ рано зъ Тулиголовъ и пріехалемъ на обѣдъ въ Кролевецъ, где и обѣдалемъ зъ п. Павловою и Іванихою Радионенковою; по обѣдѣ ходилемъ по ярмарку и видѣлемъ погорѣлое мѣстечко едва не все.

Понеделокъ. 4. Сегодня тутъ въ Кролевцу пробавилемъ, покупки нѣкоторіе споражаючи, которихъ особливий приложенъ реестрикъ.

Вовтор. 5. Сегодня виехалемъ рано и пріехалемъ до Тулиголовъ на обѣдъ, а по обѣдѣ поехавши, пріехалемъ на ночъ въ Глуховъ, где Бурковского у себе засталемъ. Получилемъ писма черезъ Тараса зъ Ромна отъ Романа, что зъ шинкаремъ роменскимъ Денисомъ, задолжившимся намъ на 70 р., поручилась август. 31-го Марія Хиросиха зъ синомъ своимъ Гавриломъ, теща его, что онъ Денисъ на каждий ярмарокъ виплачоватись будетъ въ Ромнѣ по 6 р., а еслиби где онъ ушолъ неуплатя, то за то тое они отбуватъ повинни. Онъ же Романъ пишетъ, что въ пасѣцѣ моей на Плавинищахъ убилъ пчолъ 16 и взялъ толко одно вѣдерко меду, а оставилъ на зиму пчолъ 22. Другое писмо получилемъ отъ Якова, что писалъ къ нему стар. Сунонос., жебы онъ прислалъ грошей 20 р. косарамъ за сѣно, якого уже готоваго 80 скиртъ, а на 20 кошеного. Пріехалъ Соколенко отъ родителя зъ нѣкоторими рѣчами для обсилки.

Середа. 6. Сегодня службы Божой слухалисмо у судейской церквѣ и у судіиной по службѣ были, а обѣдалисмо у себе и съ нами сотникъ глух. Левенець, Добронизкій, Лоевскій, Пироцкій, судіина, сотничка. Отправилемъ Данила Соколенка въ Роменъ зъ писмомъ до род., до Заборовского объ увѣдомленіи мене о людяхъ моихъ, до

Романа о посилаючихся 3-хъ куфахъ гор., якую ему Соколенку, заехавши въ Тулиголови, взять належитъ, о чомъ и до стар. Тулиголов. писано. Еще жъ писалемъ до Никити Плетюнки, ганячи ему, что онъ мимо Волинского описалъся ко мнѣ, требуючи 100 зол. на сѣно. Отъ п. Михайла Скор. получилемъ писмо вчора писанное зъ Ромна Сухого, где онъ зъ тестемъ своимъ п. полковникомъ миргородскимъ обрѣтается. Слугѣ п. судіиной далисмо копу на купленне ганишу въ Кролевцѣ.

Четвер. 7. Сегодня обѣдалисмо сами у себе. По обѣдѣ ездилемъ до Борковского, а жена моя зъ судіиною поехали въ монастиръ Гамалѣевскій на праздникъ.

Пятокъ. 8. Сегодня у церквѣ ст. Анастасіи службы Божой слухалъ. Петру Греку глуховскому отдалемъ денги, якіе доводились отъ мене Шереметцеву да Димитрію Греку, за которіе поручился Стеріевичъ, тоесть 30 р. и 35 копѣекъ, лѣчилъ Климъ ключникъ.

Субота. 9. Сегодня рано были у мене Квасовскій, отецъ Никифоръ, Бурковскій, Милорадовичъ Гаврило, гадяцкій полковникъ, а обѣдалъ самъ я и со мною Левенецъ. Получилъ я писмо отъ род. через козака роменского Панченка о томъ, что ездилъ въ Вовковцѣ и видѣлся зъ п. полковникомъ миргородскимъ.

Неделя. 10. Сегодня рано былъ я у брегадира, а слухалъ службы Божой у ст. Анастасіи и обѣдалъ у Кондзеровскаго зъ п. Михайломъ Скоропадскимъ, на обѣдъ пріехавшимъ. Послалемъ того жъ козака Панченка до род. зъ извѣстіемъ о пріездѣ г-на минѣстра, завтра надѣючомся. Жена моя пріехала зъ Гамалѣевки и Ляхъ явился. Князь свѣтлѣйшій, герцогъ, генералѣссимусъ, рейхсъ маршалъ, фелтмаршалъ, многихъ ординовъ кавалеръ и проч. Александеръ Даниловичъ Меншиковъ спаде съ толь високого степени и висланъ указомъ зъ С.П.Бурху со всѣмъ домомъ.

Понеделокъ. 11. Сегодня обѣдалъ у мене п. Михайло и Кутневскій. Пріехалъ въ Глуховъ наименованній рейментаръ, п. полковникъ миргородскій и, недоиждджаючи Глухова, сталъ наметами у ставка, при селцѣ Слѣпороду, куда и я зъ п. Михайломъ ездилъ,

и оттуду на ночъ пріехалъ въ домъ свой. Черезъ Бузинского получилъ я писмо отъ род., чтобъ ему стоять у мищанскомъ дворѣ.

Вовтор. 12. Сегодня обѣдалисмо сами, а по обѣдѣ ездилемъ вечоромъ уже до Количова, где посидѣвши мало приехалемъ до своей квартери чи дому. Получилемъ писмо отъ род. о зближеннюся его къ Сейму. Отправилемъ Бузинского до род., ознаймуючи о себѣ и что нѣтъ минѣстра.

Середа. 13. Пріехали ко мнѣ швакгеръ Яковъ Полуботокъ, Павелъ Апостолъ наименованний пол. мир. и п. Михайло Скор., и обѣдали у мене, а швакгеръ и ночовалъ со мною. Коня ступака у Опанаса Шостака виминялемъ гнѣдого, лѣтми 10, на своего сивострокатого и въ додатку ему 2 р. денегъ далемъ.

Четвер. 14. Сегодня зъ швакгеромъ ездилисмо до церкви ст. Анастасіи на службу, а по службѣ були зъ Іваномъ Максимовичемъ у Кондзеровского, и поехалисмо оба до себе, где и обѣдалисмо, и съ нами попъ Астровскій; по обѣдѣ поехалисмо до обоза и бувши у п. полковника миргор., назадъ позно пріехалемъ. Минѣцкій, сотникъ іваницкій, пріехалъ въ Глуховъ зъ С П.Бурху, котории сказовалъ, что г-на Наумова развѣ за неделю надѣятись въ Глуховъ прибитія и оний едетъ въ великой силѣ въ інтересахъ малор. стягаючойся. Лаврентій Гурка, бывшій архиерей астраханскій, определенъ архиереемъ устюжскимъ, а въ Астрахань Варлаамъ Леннѣцкій.

Пятокъ. 15. Сегодня поехалисмо обое зъ женою до футора Калюжновского и въ Сварковъ, а зъ Сваркова къ Глухову, куда не доежджаючи, поехалемъ самъ въ Гамалѣевку и заночовалемъ въ Словутѣ.

Субота. 16. Сегодня рано вставши, зъ ночлѣга пріехалемъ на службу Божую въ монастиръ Гамалѣевскій, где засталемъ и п. Михайла Скор. и отца Кирила, бувшого въ Ірклимѣ (?) Мы оба обѣдалисмо тутъ, а по обѣдѣ п. Михайло поехалъ въ Глуховъ, а я остался, и въ банѣ мился. Получилемъ листъ род. зъ приложеннимъ реестромъ, которій данъ зъ колегіи зборщикомъ о зборахъ, чтобъ оніе збирани были по силѣ указу нинѣшнего, а именно: збирать

всѣ тіе збори въ казну, которіе по пунктамъ Богдана Хмелницкого, при бытности другихъ гетмановъ, збиривались на гетмановъ, полковниковъ, старшину, церкви и проч. навет якіе и на слуги войсковіе збиривались, тоесть именно; торговое, ковшики, ваговое, вѣдерковое, кромѣ старшинъ и знатного товариства. такъ же и ярмарковое, стацѣю зъ ратушнихъ посполитихъ людей, поводное, скутное діогтевое, отъ вина волоского, отъ тапъ [1]), покуховнее показанщину, ралцѣ, поколющину, тютюнную десятину, пчоляную десятину, зъ посполитихъ на слуги войсковіе.

Неделя. 17. Сегодня по службѣ Божой, якой вислухалемъ въ монастирѣ, обѣдалемъ купно зъ ясневел,, а по обѣдѣ поехавши, пріехалемъ въ Глуховъ и видѣлся зъ п. Федоромъ.

Пенеделокъ. 18. Сегодня рано ездилъ я до обозу, купно при п. полковнику миргородскомъ, ездилемъ противъ минѣстра, которого уже въ ночѣ споткалисмо, недоежджаючи Есманѣ и зъ нимъ повернулись ноччю жъ въ Глуховъ, где оного стрелбою пушечною привитано, и сталъ квартерою въ дворѣ загородномъ, где генералъ маэоръ Веляминовъ жилъ, а помянутій минѣстръ називается Федоръ Василіевичъ Наумовъ, достоинствомъ тайний совѣтникъ дѣйствителний, малороссійскій минѣстръ и сенаторъ.

Вовтор. 19. Сегодня рано ездилъ я зъ правителями до г-на минѣстра, который мнѣ приказалъ послать по родителя о его скоромъ пріездѣ и я повернувшись отъ оного, послалъ сторожа чорнуского. Произийшло слово, что отъ родителя моего взята будетъ команда полку луб. Послани указы отъ г-на минѣстра во всѣ полки къ полковникамъ зъ оберъ офѣцерами о скоромъ ихъ въ Глуховъ пріездѣ. Пріехалъ родитель въ Глуховъ передъ свѣтомъ въ ночѣ.

Середа. 20. Сегодня рано былъ родитель у минѣстра Наумова, которій сказалъ, что указъ къ нему на отездѣ его зъ С.П.Бурху присланъ отлучить родителя отъ команди безъ показанія явной причини. П. Федоръ дядко поѣхалъ въ Прилуку для того, что жена его велми слаба. Вѣжевскій доправилъ денги позиченніе Раковичу п. Федору 9 р.

---

[1]) т. е. палатокъ.

1852. **Бенефисъ для малороссійскаго дворянства.** (1882, № 4, 173—175).

1853. **Береза** К. Выборные священники. (1882, № 4, 166—168).

1854. **Библіографическій** указатель книгъ, касающихся юга Россіи. (1888, № 1—6, 8—12; 1889, № 1—9, 11; 1890, № 1, 2, 4).

1855. **Борковскій** Іоаннъ. Исповѣдь Маргаса. (1886, № 3, 625—634).

1856. **Бучневичъ** В. Е. Колоколъ «Кизикерменъ». (1886, № 12, 747—749).

1857. **Бучневичъ** В. Е. Памятникъ Котляревскаго въ Полтавѣ. (1889, № 8, 550)

1858. **Бѣлинскій** С. Нѣмецкій трингельдъ на южно - русской почвѣ. (1885, № 1, 191—196).

1859. **В.** Н. Изъ записной книжки. (1886, № 2, 3, 4, 398—402, 621—625, 814—818).

1860. **В.** Н. Къ исторіи церковныхъ и монастырскихъ архивовъ. (1891, № 7, 148—151).

1861. **Василенко** В. «Памьятковый прочуханъ» или примѣненіе писаннаго закона съ сферѣ обычнаго права. (1885, № 5, 170—172).

1862. **Васильевъ** М. Изъ письма въ редакцію. (1885, № 1, 205).

1863. **Г.** Съ дороги. (1889, № 4, 206—213).

1864. **Г.** Бѣгуны отъ науки. (1890, № 4, 153—155).

1865. **Г.** В. Картинки старины. Кіевскій спектакль начала XVIII вѣка. (1887, № 4, 681—692).

1866. **Г.** В. Добрый починъ. (1887, № 10, 379—381).

1867. **Галагановскій** фамильный архивъ. (1883, № 11, 452—469).

1868. **Гатцукъ А.** Письмо въ редакцію. (1883, № 11, 516—518).

1869. **Гильфердингъ** А. Ф. Конкурсъ на соисканіе преміи его имени въ 1000 р. (1889, № 4, 216).

1870. **Гоголь** Н. В. Сборъ пожертвованій на сооруженіе въ Москвѣ памятника ему. (1888, № 11, 99—100).

1871. **Годичное** собраніе общества пр. Нестора и отчетъ о его дѣятельности за 1884 - 85 г. (1885, № 11, 562—566).

1872. **Горленко** В. Распродажа въ Вишневецкомъ замкѣ. (Корресподенц. «К. Ст.»). (1884, № 10, 136—366).

1873. **Дашкевичъ** Н. Историческое общество Нестора Лѣтописца въ 1881 г. (1882, № 3, 581—592).

1874. **Два** слова о цыганахъ въ предѣлахъ бывшей гетманщины (1886, № 10, 401—402)

1875. **Для справокъ.** (1888, № 1—3, 39—40, № 40, 31, № 5, 66—68, № 6, 90—92, № 9, 78—82, № 7, 24—26, № 10, 45—50, № 12, 150—152, № 11, 96—97, 97—99, 99—100. 1889, № 2—3, 506—512, 746—751, № 1, 248—249, № 4, 216, 215—216, 214—215, № 5—6, 638—639, № 6, 361—292, № 8, 550—552, № 9, 780, № 10, 197, № 11, 96—97, 97—99, 99—100.

1876. **Добротворскій** Н. Курскіе и орловскіе кудеяры. (1888, № 12, 117—123).

1877. **Дорошенко** П. Служебная отписка по поводу рожденія урода. (1886, № 7, 562—563).

1878. **Древность** малороссійскаго табаководства. (1890, № 6, 549—551).

1879. **Е.** А. Архіерейскій подарокъ. (1888, № 12, 129—135).

1880. **Е.** А. Два намѣстника. (1889, №, 7, 221 - 231).

1881. **Е.** Александра Копные суды въ лѣвобережной Украйнѣ. (1885, № 10, 189—203).

1882. **Е.** П. Потребность въ біографическомъ словарѣ южно-

русскихъ дѣятелей и нѣсколько словъ о его программѣ. (1886, № 4, 805—809).

1883. **Е** П. Околдованіе начальства (1886, № 5, 175—178).

1884. **Еф.** П. Послѣдствіе клятвопреступленія. (1884, № 3, 510—511).

1885. **Е—ко.** П. Переобмундированіе Воронежскихъ чиновниковъ конца XVIII ст. (1886, № 7, 575—576).

1886. **Ефименко** П. Административное распоряженіе по поводу слуховъ о кончинѣ міра. (1883, № 7, 583—585).

1887. **Ефименко** П. Одинъ изъ протестовавшихъ. (1882, № 3, 602—608).

1888. **Ефименко** П. Подозрѣніе взведенное на проѣзжающихъ въ отравленіи воды во время холеры 1848 г. (1883, № 7, 573—582).

1889. **Ефименко** П. Библіографическій указатель трудовъ П. П. Чубинскаго. (1884, № 5, 138—142).

1890. **Ж.** И. Двѣ афиши черниговскаго театра 20-хъ годовъ. (1889, № 5, 6, 631—632).

1891. **З.** И. По поводу слова «перемотъ». (1889, № 10, 197).

1892. **Зиньковскій** Т. Зазывающее сообщеніе. (1883, № 8, 773).

1893. **И.** С. Н. Вулканъ въ Тавридѣ въ концѣ XVIII стол. (1885, № 3, 580—581).

1894. **Изъ** литературныхъ нравовъ. (1889, № 9, 780).

1895. **К.** Осиротѣлые колокола. (1882, № 1, 218—220).

1896. **К.** А. Судьба одного кіевскаго сооруженія. (1884, № 6, 344—353).

1897. **К.** Д. Для справокъ. (1888, № 6, 90—92).

1898. К. О. «Писанный крестъ». (1887, № 11, 585—586).

1899. **К—ко.** Панъ Янъ Монастырскій, (раціональный хозяинъ-помѣщикъ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія). (1883, № 1, 185—193).

1900. **К—шъ** В. Давнишняя справка о крестномъ ходѣ въ г. Березнѣ. (1887, № 3, 581—583).

1901. **К—шъ** В. Малорусская «Паленица». (1897, № 9, 196—197).

1902. **Козаки** въ партикулярной надобности. (1882, № 4, 171—172).

1903. **Каманинъ** И. Послѣдняя самозащита г. Кіева. (1882, № 7, 186—188).

1904. **Каминскій** Ѳ. Еще щепотка на могилу Шевченка. (1885, № 3, 519—530).

1905. **Каразинъ** В. Н. Объ открытіи подписки на памятникъ ему. (1889, № 7, 291—292).

1906. **Карповъ** Г. Ѳ. Премія его имени. (1891, № 1, 184—185).

1907. **Комаровъ** М. Изъ записной книжки. (1887, № 3, 579—581).

1908. **Компанейскія** иголки. (1882, № 2, 425—426).

1909. **Конкурсъ** на соисканіе Кирилло-Меѳодіевской преміи въ 1500 р. и 500 р. (1889, № 4, 215—216).

1910. **Костомаровъ** Н. Изъ прожитыхъ на Волыни дней. (1884, № 2, 325—332).

1911. **Кулишъ** П. Брошенный изъ-за угла камень. (1885, № 9, 184).

1912. **Къ** вопросу о сохраненіи памятниковъ историческихъ лицъ. (1891, № 10, 136—137).

1913. **Къ** исторіи театра въ Юго-Западномъ краѣ. (Переписка Каменецъ-подольскихъ актеровъ съ духовной католической властью по поводу воспрещенія послѣднею спектаклей во время великаго поста и произнесеннаго на актеровъ и актрисъ церковнаго отлученія). (1885, № 7, 458—476).

1914. **Къ** свѣдѣніямъ о гибели провинціальныхъ архивовъ. (1891, № 4, 167—168).

1915. **L.** Пропавшія рукописи Н. И. Костомарова. (1889, № 10, 183—184).

1916. **L.** Объ имени святителя, нетлѣнно почивающаго въ Нѣжинскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ. (1887, № 5, 185—189).

1917. **Л***** Изъ воспоминаній о быломъ. (Со словъ разсказчика). (1889, № 8, 527—531).

1918. **Л***** Изъ прошлой жизни. (1888, № 12, 135—142).

1919. **Л.** А. Сабля Мазепы. (1883, № 1, 213).

1920. **Л.** А. Будто бы домъ Богдана Хмельницкаго. (1890, № 3, 532—533).

1921. **Л.** А. Мамаевъ дубъ. (1891, № 4, 163—164).

1922. **Л.** А. «Отъ чего духъ геройства въ Малороссіи исчезъ?» (1883, № 4, 893—895).

1923. **Л.** А. Полковничьи чиншевики. (1891, № 4, 161, 162—163).

1924. **Л.** А. Предположеніе объ открытіи французскаго пансіона для дѣтей въ Ромнѣ, въ 1781 г. (1890, № 9, 494—495).

1925. **Л.** А. Запорожцы посылаютъ изъ Петербурга въ Сѣчь за водкой. (1889, № 1, 224—225).

1926. **Л.** А. Еще свѣдѣнія о «дикомъ полѣ». (1887, № 11, 577—580). (см. № 1948).

1927. **Л.** А. Гдѣ и какъ продавались изданія Черниговской Ильинской типографіи въ прошломъ вѣкѣ. (1889, № 4, 199—200).

1928. **Л.** И. Князь Яблоновскій въ неловкомъ положеніи. (1883, № 5, 181—184).

1929. **Л.** О. Указатель къ изданіямъ кіевской коммиссіи для разбора древнихъ актовъ т. II. Имена географическія К. 1883. Сост. *И. Новицкій.* (1884, 509—511). (рецензія).

1930. **Л.** О. Слезно-рыдающее доношеніе малороссійскаго дидаскала. (1891, № 9, 489—491).

1931. **Л.** О. Панская «пыха». (1887, № 9, 195—196).

1932. **Л.** О. Необычная застава. (1882, № 7, 192—194).

1933. **Л.** П. Въ какомъ видѣ могутъ быть изображены св. равноапостольный князь Владиміръ и св. княгиня Ольга, и имѣемъ ли мы ихъ подлинныя изображенія? (1888, № 5, 259—264).

1934. **Л—ій** А. Гетманскіе клейноды (1758 г.) (1882, № 5, 343—344).

1932. **Л—въ** П. Гдѣ подлинникъ Любечской чудотворной иконы Божіей Матери. (1883, № 6, 385—387).

1936. **Л—въ** П. Многолѣтіе, возглашенное въ Кіевѣ въ началѣ XVIII ст. (1884, № 7, 545—546).

1937. **Левицкій** О. «Пророкъ»—Многовѣръ и судъ надъ нимъ въ Кіевѣ. (1825—1833). (1885, № 5, 79—106).

1938. **Левицкій** О. Необыкновенная ярмарка. (Корреспонденція «Кіев. Старины»). (1883, № 9—10, 301—309).

1939. **Левченко** М. Исчезнувшія и исчезающія въ Южной Россіи животныя. (1882, № 8, 373—379).

1940. **Леонидъ** Архим. Келейный лѣчебникъ преосвященнаго Варлаама Лвницкаго. (1890, № 11, 326).

1941. **Линниченко** И. А. Замѣтка о старыхъ и новыхъ «копачахъ». (1888, № 12, 149—150).

1942. **Литвинова** П. Еще о старинныхъ трактахъ или дорогахъ въ Южной Россіи. (1883, № 3, 682—683).

1943. **Любичъ** А. Отпустъ. (1890, № 10, 134—143).

1944. **Малорусскія** изданія 1882 г. (1883, № 6, 11, 353—366; 484—493).

1945 **Маркевичъ** А. Столбцы, принадлежащіе гр. М. М. Толстому (въ Одессѣ). (1889, № 2, 3, 506—512; 746—751).

1946. **Маркевичъ** А. О. варвинской иконѣ. (1888, № 11, 96—97).

1947. **Мацѣевичъ** Л. Процессъ стариннаго церковнаго суда, выраженный въ малорусскихъ междометіяхъ. (1882, № 1, 222—223).

1948. **Мацѣевичъ** Л. «Нѣчто о дикомъ попѣ». (1886, № 4, 821—826). (см № 1926).

1949. **Миллеръ** О. Даръ пятьдесятницы и наши первоучители (Посвящено памяти Н. И. Костомарова, сказано въ торжественномъ собраніи славянскаго общества 13 мая 1885 г.). (1885, № 9, 31—50).

1950. **Милорадовичъ** графъ. Не узнанная рукопись. (По поводу статьи: «Василій Леонтьевичъ Кочубей въ разсказѣ его современника 1708 г.», помѣщенной въ декабрьской книжкѣ «Русской Старины» 1883 г.). (1884, № 2, 351—352).

1951. **N.** Волынская бывальщина (2 случая изъ недавняго прошлаго). (1886, № 6, 368—371).

1952. **Н. Ѳ.** Журнально-газетные статьи и матеріалы по Южно-Русской исторіи. (1885, № 1, 3, 206—214, 597—612).

1953. **Ни—къ** Ѳ. Не привившійся на Полтавской почвѣ ревень. (1883, № 8, 764—767).

1954. **Науменко** В. Маленькое разъясненіе. (1889, № 5—6, 666—669).

1955. **Науменко** В. Къ исторіи газетно-журнальн. дѣла въ Кіевѣ. (1884, № 11, 529—534).

1956. **Николайчикъ** Ѳ. Библіографическій указатель сочиненій Н. И. Костомарова. (1885, № 5, IX—XXV).

1957. **Новицкій** И. Древній способъ публикаціи. (1882, № 3, 597—601).

1958. **фонъ-Носъ** Степанъ. Курта. (1882, № 8, 385—387).

1959. **фонъ-Носъ** Ст. Невольное переселеніе и тоска по родинѣ, какъ подозрительное чувство. (1882, № 7, 189—190).

1960. **фонъ-Носъ** Ст. Украинскій Соломонъ. (Его кейфъ и судъ). (По фамильнымъ воспоминаніямъ). (1883, № 7, 492—505).

1961. **Notus.** Курьезный бракъ. (1882, № 5, 349—352).

1962. **Notus**. Скоромная водка. (1882. № 1, 220—222).

1963. **О.** В. Ребяческая забава въ серьезную минуту. (1884, № 5, 168—169).

1964. **О.** И. Волынская бывальщина. (1884, № 1, 165—168).

1965. **О—въ** И. Волынская бывальщина. (1886, № 4, 818—821).

1966. **О—скій** I. Письмо изъ Вѣны о кафельномъ производствѣ въ Галиціи. (1883, № 2, 473—476).

1967. **Образчикъ** Малорусской «покормежной». (1884, № 1, 171—173).

1968. **Общество** «Бѣлаго креста». (1889, № 1, 248—249).

1969. **Объясненіе** виньетки. (1883, № 1, I—VI).

1970. **Отчетъ** комитета общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ за мартъ—май мѣсяцы 1889 г. (1889, № 8, 550—552).

1971. **Отчетъ** гласнаго 1865 г. (1886, № 2, 414—419).

1972. **Отъ** редакціи. (1888, № 10, I—IV).

1973. **П. Б.** Какъ разсудилъ панъ Староста Каневскій. (1885, № 10, 367—370).

1974. **П. М.** Традиціонная характеристика кіевскихъ монастырей. (1883, № 9, 10, 325—326).

1975. **П. Н.** Одесское общество исторіи и древностей въ 1881 г. (1882, № 3, 616—618).

1976. **П—нъ Ф.** Изъ воспоминаній о маневрахъ подъ Елисаветградомъ. (1885, № 1, 200—205).

1977. **Панская** находчивость. (1889, № 5, 6, 637—638).

1978. **Петровъ** Н. Библіотека барона Шодуара и вновь открытое древнее изображеніе свв. Бориса и Глѣба и, можетъ быть, св. Владиміра. (1888, № 8, 33—39).

1979. **Печать** на югѣ Россіи. (1889, № 4, 214—215).

1980. **Письмо** въ редакцію. (1889, № 5, 6, 638—639).

1981. **Плотниковъ** И. Любечъ, 27 іюля 1887 г. (1887, № 9, 197—198).

1982. **Познанскій** Борисъ. Разбойникъ Тараненко. (1890, № 7, 123—128).

1983. **Польскій** театръ въ Каменцѣ 1860—61 гг. (1889, № 9, 774—776).

1984. **Пономаревъ** С. Изъ письма въ редакцію и по поводу его. (1886, № 2, 409—410—414).

1985. **Посылка** гетмана Апостола въ Москву за лекарствами. (1889, № 3, 739).

1986. **Равита** Ф. Ѳома Падурра. (Критическій очеркъ). (1889, № 9, 727—751).

1987. **Разновидности** марцѣпанъ и ганнусковой горѣлки. (1883, № 9, 10, 12, 237—253, 637—651),

1988. **Романовичъ-Славатинскій** А. Воспоминанія объ архивѣ государственнаго совѣта. (1888, № 6, 409—458).

1989. **Рудковскій** А. О дикихъ лошадяхъ въ Херсонской губерніи. (1882, № 11, 391—393).

1990. **Руссетъ** Елисавета. Высшіе женскіе курсы въ бывшей гетманщинѣ. (1884, № 1, 173—174).

1991. **Русская** святыня на Западѣ Европы. (1885, № 2, 377—381).

1992. **С—ко.** Изъ фамильныхъ преданій. (1885, № 4, 782—783).

1993. **С—чъ** А. Изъ школьнаго міра. (Нѣсколько словъ объ общежитіяхъ при сельскихъ училищахъ). (1889, № 3, 744—746).

1994. **Саббатовскій** П. Записавшійся во власть помѣщика священникъ. (1883, № 5, 184—185).

1995. **Савченко** Ив. П. Ура безъ двухъ буквъ. (Эпизодъ изъ жизни графа Браницкаго). (1884, № 12, 749—750).

1996. **Св. муро** въ старину и какіе съ нимъ случаи бывали. (1882, № 10, 180—183).

1997. **Свидѣтельство** полтавскаго полковаго суда, выданное въ 1683 г. запорожцу, у котораго въ пьяной ссорѣ откушено было ухо, на возстановленіе «чести и доброй славы». (1890, № 4, 163).

1998. **Свѣдѣнія** о засѣданіяхъ Историч. Общества Нестора Лѣтописца за первую половину 1888 года. (1888, № 10, 35—44).

1999. **Синицкій** Д. А. Любопытныя рукописи одной частной библіотеки. (1885, № 10, 338—342).

2000. **Содержаніе** одного изъ Чепинскихъ сборниковъ историческихъ бумагъ о Малороссіи. (1891, № 1, 174—176).

2001. **Справочный** указатель статей и замѣтокъ, помѣщенныхъ въ журналѣ «Кіевская Старина» за 1882—1887 гг. (1888, № 1, 2, 3, I—LXXX).

2002. **Старинные** тракты, или дороги въ Южной Россіи. (1882, № 6, 543—546).

2003. **Сумцовъ** Н. Шпиталь въ м. Боромлѣ. (1883, № 9—10, 309—312).

2004. **Суплика**, або замыслъ на попа. (1885, № 3, 543—550).

2005. **Т.** А. Традиціонный промыслъ харьковскихъ коцарей. (1886, № 6, 364—368).

2006. **Тындытниковъ** Семенъ. Безсоновское туранство Малороссіянъ. (1886, № 2, 394—398).

2007. **У. О.** К. Ф. Коденская книга и три бандуриста. (1882, № 4, 161—166).

2008. **Указатель** книгъ и статей по исторіи Южной Россіи за 1881 г. (1882, № 1, 2, 199—203, 396—401).

2009. **Указатель** личныхъ именъ къ «Наказамъ малороссійскихъ депутатовъ. (1889, № 8, I—XX).

2010. **Успенскій** Ѳ. Отвѣтъ на полемическую замѣтку В. Г. Васильевскаго. (1889, № 12, 604—621).

2011. **Церкви** старинной постройки въ полтавской епархіи. (1888, № 11, 97—99).

2012. **Цыбульскій** К. Роковое чтеніе псалтири. (Изъ быта и нравовъ старыхъ кіевскихъ «спудеевъ». (1884, № 2, 336—342).

2013. **Цыбульскій** К. Ненаучные пріемы въ научномъ дѣлѣ (По поводу одного газетнаго извѣстія о рѣдкомъ дѣлѣ). (1887, № 2, 377—383).

2014. **Черняевъ** Н. Справка объ авторѣ «топографическаго описанія харковскаго намѣстничества». (1886, № 3, 601—602).

2015. **Шеболдаевъ** П. Вольныя литературныя упражненія въ южно-русскихъ судахъ XVII ст. (1885, № 11, 558—561).

2016. **Шевченко** Т. Г. Библіографич. указатель матеріаловъ для изученія жизни и произведеній его. М. Комарова. (1886, № 3, 4, 570—571, 778—786).

2017. **Шугуровъ** Н. Невольная ошибка. (Письмо въ редакцію). (По поводу портрета И. Ѳ. Тимковскаго, помѣщеннаго въ № 9 «К. Ст.» 1891 г.). (1891, № 12, 472—473).

2018. **Ястребовъ** В. Н. Еще отписка о рожденіи урода. (1886, № 8, 756—758).

2019. **Экстренные** расходы изъ суммъ Малороссійской Коллегіи. (1882, № 5, 312—315).

2020. **Ѳедотовъ-Чеховскій** А. А. Бракоразводный казусъ конца XVI ст. (1887, № 1, 177—180).

Алфавитный указатель личныхъ и географическихъ именъ.

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

І.

К.

Л.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLIII.

1893 г.

ДЕКАВРЬ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1893.

СОДЕРЖАНІЕ.

Дозволено Цензурою Кіевъ 4 Декабря 1893 г.

ВОСПОМИНАНІЯ ЮСИФА САМЧЕВСКАГО.[1]

(1800—1886 г.).

IX.

Филаретъ ревизоръ.—Публичный экзаменъ.—Подписка студентовъ.—Архіерей изъ моихъ товарищей.—Присужденіе степеней.—Назначеніе мѣстъ службы.

Филаретъ, въ санѣ іеромонаха, архимандрита, епископа ревельскаго, архіепископа тверскаго, ярославскаго и московскаго, въ теченіе пятнадцати лѣтъ, отъ 1809—1823, трудился на пользу петербургской духовной академіи въ званіи баккалавра, профессора, ректора и ревизора. Мы видѣли его впродолженіе четырехъ лѣтъ нашего курса ревизоромъ по два раза въ годъ, передъ праздникомъ Рождества Христова и передъ вакаціею. Хотя мы съ нимъ въ это время довольно ознакомились и притомъ знали, что онъ имѣетъ хорошее мнѣніе о нашемъ курсѣ, однакожъ готовились къ окончательному экзамену съ особенною заботливостью и не безъ боязни.

Наружностію своею онъ никого не озадачивалъ: ростомъ онъ былъ ниже средняго, тѣломъ худощавъ, лицомъ благовиденъ, съ нѣкоторою улыбкою на устахъ, съ окладистой черной бородой; голосъ его былъ благозвученъ и всегда спокоенъ; рѣчь его была правильна, какъ-бы отчеканена въ форму готовую въ печать въ моментъ ея произнесенія. Но въ искрившихся его глазахъ проявлялась проницающая, испытывающая сила: мы не могли смотрѣть на него прямо, когда передъ нимъ отвѣ-

[1]) См. Кіевск. Стар. 1893 г., № 11.

чали. Ни одного студента онъ не оставлялъ безъ возраженій, которыя сперва казались легкими, но потомъ изъ нихъ онъ развивалъ многіе вопросы, касавшіеся всѣхъ отдѣловъ науки. Если кто на всѣ его вопросы отвѣчалъ удовлетворительно, онъ обыкновенно ставилъ въ спискѣ своемъ единицу, высшій баллъ въ то время, а за отличный отвѣтъ писалъ 1^2. На экзаменъ онъ всегда пріѣзжалъ ровно въ восемь часовъ утра и продолжалъ его до двухъ часовъ по полудни, успѣвая въ это время спросить человѣкъ пять или шесть. Испытаніе обыкновенно начиналось съ богословскихъ предметовъ; билеты по нимъ были смѣшаны; каждый студентъ бралъ по два билета. Когда кому изъ студентовъ выпадалъ билетъ изъ каноническаго права, Филаретъ слушалъ съ особеннымъ вниманіемъ часто заставлялъ отвѣчающаго повторять одно и тоже, но видя, что студентъ отвѣчаетъ бойко и твердо, наконецъ, спрашивалъ: такъ у васъ написано въ лекціяхъ, что-ли? Студентъ отвѣчалъ, что такъ точно. Игнатій однажды не утерпѣлъ при этомъ, всталъ съ своего мѣста и сказалъ: „приведите, господинъ, свидѣтельство изъ Тертуліана“.—„Да развѣ въ канонахъ можно приводить свидѣтельство изъ Тертуліана, который не чистъ по Церкви?“ сказалъ Филаретъ и затѣмъ долго что-то говорилъ ректору Григорію, который молчалъ.

Замыселъ нашъ удался: Игнатій на слѣдующій учебный годъ въ академіи не былъ оставленъ, а посланъ ректоромъ въ Новгородъ. Когда устные экзамены кончились, Филаретъ сказалъ намъ: „Отвѣчали всѣ хорошо, посмотримъ каковы будутъ сочиненія?“ Онъ далъ двѣ темы, изъ которыхъ помню одну: „Что значитъ сердце по разуму священнаго писанія“. Сочиненіе мы писали въ его присутствіи въ то время, когда производилось испытаніе студентовъ низшаго отдѣленія, а когда испытаніе оканчивалось, сочиненія собирали и представляли Филарету, который, засунувъ ихъ за кожанный свой поясъ, уходилъ изъ зала: Однажды во время частныхъ нашихъ испытаній пріѣхалъ въ академію изъ Царскаго села самъ министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князь А. Н. Голицынъ, который прежде при такихъ испытаніяхъ никогда

не бывалъ у насъ, и, сѣвши на кресло, сказалъ намъ: „вотъ я, господа, отпросился у Государя Императора, чтобы имѣть удовольствіе послушать васъ". Мы встали и поклонились ему. По окончаніи частныхъ испытаній былъ у насъ публичный экзаменъ или торжественный актъ, на которомъ присутствовали: министръ Голицынъ, всѣ члены св. синода, главнѣйшее столичное духовенство и многія знатныя особы другихъ вѣдомствъ, въ числѣ ихъ Сперанскій и уважаемый всѣми престарѣлый митрополитъ католическихъ церквей въ Россіи—Богутъ Сестренцевичъ въ пышномъ кардинальскомъ одѣяніи съ андреевской лентой на шеѣ. Выпускные студенты читали избранные трактаты по разнымъ предметамъ академическаго ученія. Болѣе всѣхъ при испытаніи говорилъ Филаретъ, котораго присутствующіе слушали съ напряженнымъ вниманіемъ, какъ бы своего наставника. Вмѣшивался и петербургскій митрополитъ Серафимъ при богословскихъ преніяхъ, сыпалъ текстами изъ священнаго писанія и, обращаясь къ сидѣвшему подлѣ него Филарету, спрашивалъ: „вѣдь такъ, преосвященный?" Филаретъ давалъ свои объясненія, въ которыхъ бывалъ иногда другой смыслъ, а Серафимъ говорилъ: „вотъ такъ точно и я думалъ". Сперанскій молча слушалъ собесѣдованія, только разъ потребовалъ себѣ еврейскую библію и показывалъ въ ней что-то Филарету. Сестренцевичъ тоже молчалъ, закрывъ глаза, какъ будто спалъ, но послѣ экзамена на закускѣ у ректора разсуждалъ о бывшихъ на экзаменѣ преніяхъ. По окончаніи акта ректоръ раздавалъ главнѣйшимъ лицамъ изъ присутствовавшихъ экземпляры опытовъ студенческихъ сочиненій. Актъ, начавшійся молитвою „Царю Небесный", заключенъ былъ молитвою „Достойно есть"; пѣли студенты. Въ тотъ же день взяли отъ всѣхъ студентовъ по двѣ подписки: одну въ томъ, что они даютъ обѣщаніе не принадлежать ни къ какому тайному (кружку) обществу, а въ другой они должны были написать, въ какое званіе они намѣрены поступить по выходѣ изъ академіи. Разумѣется, всѣ студенты росписались, что поступятъ въ духовное званіе, потому что въ противномъ случаѣ имъ не давали бы магистерскихъ и кандидатскихъ денежныхъ окладовъ. Одинъ только студентъ

Видякинъ изъявилъ желаніе поступить въ свѣтское званіе. Въ монашество изъ нашего курса пошло шесть человѣкъ. Изъ этого числа Арсеній Москвинъ былъ митрополитомъ кіевскимъ, двое архіепископами: Гедеонъ Вишневскій въ Полтавѣ, Ѳеодосій Озеровъ въ Симбирскѣ, и одинъ—викаріемъ московскимъ, Виталій Щепетевъ—одинъ изъ даровитѣйшихъ и успѣшнѣйшихъ въ нашемъ курсѣ, умеръ въ молодости. Вообще надо сказать, что самые даровитые изъ моихъ товарищей были недолговѣчны; долѣе всѣхъ жили и далѣе всѣхъ пошли по службѣ: митрополитъ Арсеній, поступившій въ академію съ большимъ запасомъ знаній и много въ ней трудившійся; и В. Б. Барановъ въ продолженіе курса не выдававшійся особенно изъ своихъ сотоварищей, которому безпримѣрно посчастливилось въ званіи царскаго духовника получить ордена св. Владиміра первой степени и Андрея Первозваннаго. На другой день послѣ акта собралась подъ предсѣдательствомъ Филарета конференція для присужденія намъ, окончившимъ курсъ, магистерскихъ и кандидатскихъ степеней. Филаретъ вручилъ секретарю конференціи привезенныя имъ наши экзаменаціонныя сочиненія съ собственноручными на нихъ отмѣтками. Сочиненія эти онъ приказывалъ секретарю читать, когда возникали между членами конференціи разногласія, и, если отмѣтки показывали, что разсужденіе автора было удовлетворительно, онъ говорилъ: по моему мнѣнію такой-то магистръ, на что всѣ соглашались. Всѣхъ удостоенныхъ степени магистра въ нашемъ курсѣ было 25-ть, въ число ихъ включенъ былъ и я. Хотѣли было сдѣлать магистромъ одного іеромонаха, слушавшаго съ нами только половину курса, но Павскій, обыкновенно не противорѣчившій при назначеніи степеней, сказалъ: „слишкомъ дешевы будутъ у насъ магистры, если будемъ давать эту степень лицамъ, не прослушавшимъ полнаго академическаго курса и не оказавшимъ достаточныхъ успѣховъ“. Возраженіе Павскаго имѣло рѣшающую силу. Товарищи мои, не получившіе степени магистра, вышли младшими кандидатами. Старшихъ кандидатовъ, съ правомъ полученія магистерской степени черезъ годъ на службѣ, въ нашемъ курсѣ не было; не было ни одного выпущеннаго изъ

академіи съ званіемъ студента, которое не считалось академической степенью. Вскорѣ послѣ конференціи коммиссіи духовныхъ училищъ послѣдовало назначеніе намъ мѣстъ службы. Мнѣ съ товарищемъ моимъ Охотинымъ назначено служить профессорами черниговской семинаріи. Двумъ товарищамъ моимъ, Видякину и Соловскому, не дали мѣстъ по духовной службѣ; Видякину, какъ поступающему въ свѣтское званіе, а Соловскому, потому что онъ попалъ въ Ордонанзъ-Гаусъ; онъ поставленъ былъ въ спискѣ кандидатовъ послѣднимъ и поступилъ въ епархіальное вѣдомство.

И такъ, я благополучно окончилъ многотрудный для меня курсъ, который легче и успѣшнѣе я проходилъ бы, если бы имѣлъ терпѣніе прослушать богословскій курсъ въ Невской семинаріи. Благодарю Бога, что Онъ, въ лицѣ Державина и митрополита Михаила, послалъ мнѣ благодѣтелей, помѣстившихъ меня въ академію и тѣмъ отклонившихъ мое стремленіе къ вольной жизни. Въ академіи я находился въ средѣ избраннаго товарищества, въ ней я имѣлъ лучшихъ наставниковъ, ободрявшихъ меня своимъ вниманіемъ; въ ней я получилъ образованіе по моимъ силамъ; они вывели меня на дорогу къ честной службѣ и на прощаніи благословили меня напутствіемъ, послужившимъ мнѣ въ благо на всѣхъ путяхъ моей жизни и службы, Что было бы со мною, если бы я, безпріютный, въ раннемъ возрастѣ, по легкомыслію своему попалъ въ толпу жалкихъ канцеляристовъ того времени, въ эту юдоль нравственнаго мрака и пороковъ! Куда бы привела меня вольная воля, губящая юношей! Благословляю промыслъ Божій, спасшій меня отъ погибели.

X.

Состояніе академіи во время шестаго выпуска.—Серафимъ, Григорій, Филаретъ

Прежде нежели стану описывать обстоятельства моей жизни на службѣ, я хочу поразсказать о томъ, что стало съ моею alma mater—петербургской духовной академіей по выбытіи моемъ изъ ея незабвеннаго для меня пріюта. Здѣсь я уже буду

описывать событія не какъ очевидецъ, а по разсказамъ людей, бывшихъ свидѣтелями тѣхъ событій. Окончаніемъ нашего курса заключился счастливый періодъ жизни петербургской духовной академіи. Студентамъ шестаго выпуска пришлось потерпѣть невзгоду, совсѣмъ ими незаслуженную. Всѣмъ извѣстно, какую безграничную власть въ старые годы имѣли епархіальные архіереи надъ состоявшими въ ихъ вѣдомствѣ семинаріями; бывали случаи, что они самовольно, отдавали учениковъ старшихъ классовъ въ солдаты. Когда въ 1809 году послѣдовало преобразованіе духовной учебной части, власть епархіальныхъ архіереевъ надъ училищами была значительно ограничена: учреждена была коммиссія духовныхъ училищъ для поднятія духовно-учебной части въ Россіи. Въ томъ же году она открыла первый курсъ въ петербургской духовной академіи и впослѣдствіи по образцу ея въ Москвѣ, Кіевѣ и Казани.

Въ этихъ высшихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ приготовляемы были лучшіе наставники, получавшіе въ нихъ званіе магистровъ и кандидатовъ. Когда эти наставники заняли мѣста преподавателей въ семинаріяхъ, то послѣднія стали пользоваться нѣкоторымъ самоуправленіемъ подъ наблюденіемъ архіереевъ и подъ высшимъ надзоромъ коммиссіи духовныхъ училищъ, которая распредѣляла и увольняла преподавателей, не сносясь съ архіереями, а иногда и противъ ихъ воли. Такими новыми порядками по духовно-учебной части епархіальные архіереи, тогда еще не имѣвшіе ученыхъ степеней, были недовольны и непріязненно относились къ магистрамъ, кандидатамъ и къ самому академическому образованію. Но академіи были обезпечены въ своихъ правахъ, пока князь Голицинъ оставался министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и пока Филаретъ лично присутствовалъ въ св. Синодѣ и въ коммиссіи духовныхъ училищъ, гдѣ онъ имѣлъ сильный и часто рѣшающій голосъ. Въ 1824 и 1825 годахъ обстоятельства перемѣнились. Министерствомъ народнаго просвѣщенія пропущена была изъ-за границы въ Россію какая то книга, противная христіанскому вѣроученію. Извѣстный архимандритъ Фотій, имѣв-

шій громадное вліяніе на Императора Александра Павловича, заставилъ митрополита Серафима отправиться прямо во дворецъ съ означенною книгою и умолять Его Величество о защитѣ вѣры и церкви. Государь, незадолго передъ тѣмъ повелѣвшій закрыть всѣ массонскія ложи въ Петербургѣ и во всей Россіи, уволилъ князя Голицына отъ обоихъ министерствъ. Митрополитъ Серафимъ, нерасположенный къ новому образованію, сдѣлался тогда первоприсутствующимъ въ святѣйшемъ синодѣ, гдѣ съ нимъ засѣдали въ то время кіевскій митрополитъ Евгеній и ярославскій архіепископъ Авраамій, ненавистникъ академій. Филаретъ находился въ то время въ Москвѣ и терпѣлъ огорченія отъ своихъ завистниковъ, успѣвшихъ въ томъ, что повелѣно было пріостановить печатаніе его катехизиса, за сочиненіе котораго Филаретъ получилъ высочайшую награду и грамоту отъ Синода. Вотъ при какихъ обстоятельствахъ студенты шестаго выпуска оканчивали свое ученіе въ академіи. Въ Петербургѣ защитникомъ ихъ оставался одинъ только ректоръ Григорій, но онъ былъ тогда только викаріемъ, подвластнымъ митрополиту Серафиму, и ему то первому, а потомъ и студентамъ нанесенъ былъ ударъ отъ противниковъ новаго образованія. За нѣсколько времени до окончанія курса нужно было по положенію шить выпускнымъ студентамъ фраки. Когда Григорій доложилъ о томъ коммиссіи духовныхъ училищъ, митрополитъ Серафимъ сказалъ, что при этомъ случаѣ нужно посудить о самой академіи, и, обратясь къ митрополиту Евгенію, спросилъ его, какъ онъ о ней думаетъ. Евгеній отвѣчалъ, что онъ недавно сдѣлался членомъ коммиссіи и потому не можетъ сказать своего мнѣнія. „Я васъ уполномачиваю“, сказалъ Серафимъ. Тогда Евгеній началъ спрашивать Григорія: „сколько въ прошедшемъ курсѣ выпущено магистровъ?“—„25-ть“, отвѣчалъ Григорій. — „Сколько напечатано было большихъ студенческихъ сочиненій?“—„Одно“.—„Почему не 25?“—„Потомучто въ опытахъ печатались только немногія написанныя при экзаменахъ сочиненія, а на изданіе нѣсколькихъ томовъ студенческихъ сочиненій академія не имѣла средствъ“.—„Слѣдовало бы обратиться къ коммиссіи, которая

не пожалѣла бы на то денегъ". Далѣе Евгеній спрашивалъ: „по какому печатному руководству читалось догматическое богословіе?" Григорій отвѣчалъ, что печатнаго удовлетворительнаго по этому предмету руководства не имѣется, и что онъ читалъ богословіе по своимъ запискамъ, изъ которыхъ напечаталъ два трактата въ христіанскомъ чтеніи.—„Почему же Вами до сихъ поръ не составлено и не напечатано полное руководство?"—„Потому что такой трудъ потребовалъ бы много досужаго времени, а я былъ занятъ многими другими должностями".—„Вамъ бы слѣдовало отъ нихъ отказаться".—„Я повиновался волѣ начальства, возлагавшаго на меня эти обязанности, и теперь готовъ исполнить, что ему касательно меня будетъ угодно.

Огорченный такими укоризненными притязаніями, Григорій возвратился въ академію и на другой день въ классѣ сказалъ студентамъ, оканчивающимъ курсъ: „Коммиссія духовныхъ училищъ на насъ нападаетъ, требуя, чтобы всѣ студенты представили къ экзамену свои большія разсужденія; объявляю вамъ, что кто изъ васъ не напишетъ такого сочиненія, не получитъ академической степени. Студенты сильно встревожились и начали усиленно работать надъ сочиненіями и въ то же время приготовляться къ самому строгому испытанію. Большія разсужденія ими были написаны и отпечатаны въ пяти большихъ томахъ.

Не извѣстно, былъ-ли кто назначенъ ревизоромъ при частныхъ испытаніяхъ. Когда насталъ день публичнаго экзамена, Григорій самъ во время испытанія по богословскимъ предметамъ стоялъ предъ посѣтителями около первой партіи студентовъ, приказавъ своимъ баккалаврамъ сидѣть на своихъ мѣстахъ. Экзаменъ длился при молчаніи первенствующихъ посѣтителей, молчалъ и Евгеній, отъ котораго студенты ожидали возраженій. Наконецъ, митрополитъ Серафимъ сдѣлалъ выходку, совсѣмъ ему не удавшуюся. Когда одинъ студентъ, произнося трактатъ изъ гомилетики, сказалъ, что изъ словъ Моисея и апостола Павла, въ которыхъ они молятъ Господа Бога изгладить ихъ изъ книги живота, только бы онъ пощадилъ вѣрующихъ, можно выводить для проповѣди такую тему, что христіане должны жер-

твовать общему благу своимъ частнымъ благополучіемъ, Серафимъ сказалъ, что такихъ словъ Моисея и апостола Павла нельзя брать въ основаніе проповѣди, потому что они сказали ихъ въ нѣкоторомъ изступленіи. Григорій, выслушавъ это возраженіе, подошелъ къ столу, за которымъ сидѣли первоприсутствующіе, и, поклонившись митрополиту, твердымъ голосомъ сказалъ: „простите меня ваше высокопреосвященство, я привыкъ вѣровать и вѣрую, что боговдохновенные мужи всегда говорили по духу Божію и никогда ничего не говорили въ изступленіи разума“. Серафимъ замолчалъ—и испытаніе по богословію кончилось. Григорій сталъ подносить членамъ синода и другимъ важнѣйшимъ лицамъ экземпляры пятитомныхъ студенческихъ сочиненій, лежавшихъ передъ ними на столѣ. Когда посѣтители стали выходить изъ залы, Сперанскій подошелъ къ студентамъ, поздравилъ ихъ съ благополучнымъ окончаніемъ курса и сказалъ, что онъ съ особеннымъ удовольствіемъ слушалъ ихъ испытаніе. Не смотря однакожъ на то, что затребованныя отъ студентовъ сочиненія были поданы, и на то, что успѣхи ихъ по испытанію оказались достаточными, коммиссія духовныхъ училищъ опредѣлила никому изъ нихъ при выпускѣ изъ академіи не давать степени магистра и удостоивать ею только черезъ два года тѣхъ, которые при отличныхъ аттестаціяхъ акадаміи будутъ представлены епархіальными архіереямя съ одобрительными отзывами объ ихъ службѣ.—Григорій оставилъ академію, будучи посланъ епископомъ въ Калугу.

Черезъ годъ послѣ выпуска шестаго курса Петербургской академіи, въ Москвѣ студенты оканчивали свой курсъ. Остававшемуся тамъ Филарету коммиссія назначила быть ревизоромъ при испытаніи. Произведши это испытаніе самымъ строгимъ образомъ, Филаретъ въ представленіи своемъ коммиссіи написалъ, что онъ признаетъ семь студентовъ вполнѣ достойныхъ получить степени магистра при самомъ выпускѣ изъ академіи на основаніи положенія академическаго устава, утвержденнаго высочайшею властью. Послѣ такого представленія члены коммиссіи не могли уже не утвердить его признанія. Впослѣдствіи, когда Филаретъ пріобрѣлъ особенное расположеніе государя,

стали по прежнему давать студентамъ магистерскую степень при самомъ ихъ выпускѣ. По кончинѣ Александра Благословеннаго всѣмъ стало извѣстно, что, кромѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны и князя Голицына, одному только Филарету покойный Государь благоволилъ открыть государственную тайну и повелѣлъ ему хранить ее въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, гдѣ онъ и обнародовалъ ее, когда наступило къ тому время. Вышедъ изъ алтаря и держа надъ своею головою ковчегъ, въ которомъ находился пакетъ съ этой тайной, Филаретъ сказалъ предстоявшимъ сановникамъ: „внимайте, Россіяне, въ семъ гробѣ скрывается послѣдняя воля Александра Благословеннаго; 25 лѣтъ вы исполняли ее и были счастливы, исполните ее въ послѣдній разъ... и прочее...; послѣ того поставилъ ковчегъ на приготовленномъ среди храма столѣ, отперъ его находившимся у него ключемъ, вынулъ пакетъ и, показавъ присутствующимъ нетронутую на пакетѣ печать и надпись покойнаго государя: „вскрыть послѣ моей смерти“, взломалъ печать; вынулъ изъ пакета вложенные въ него документы и далъ сенатскому прокурору, чтобъ онъ ихъ прочелъ. Въ числѣ документовъ находился и манифестъ, написанный по порученію государя Филаретомъ. По прочтеніи всѣхъ бумагъ началась въ соборѣ присяга Императору Николаю Павловичу, затѣмъ присягнула и вся Москва безъ всякаго волненія въ народѣ, который вѣрилъ, что владыка разрѣшилъ ему первую присягу и благословилъ на вторую. Когда впослѣдствіи времени спрашивали Филарета, правда-ли, что онъ предъ присягою сказалъ: „разрѣшаю и благословляю“— онъ отвѣчалъ, что такихъ словъ тогда онъ не говорилъ и не могъ говорить, а сказалъ только, что какъ первая присяга отвергнута тѣмъ самымъ лицомъ, которому она была сдѣлана, то мы должны присягнуть законно-унаслѣдовавшему Государю Императору Николаю Павловичу. О такомъ совершеніи присяги Филаретъ увѣдомилъ Государя въ письмѣ своемъ къ нему, на которое Его Величество отвѣчалъ рескриптомъ, изъявлявшимъ Филарету его особенное благоволеніе и при томъ прислалъ ему въ награду брилліантовый крестъ на клобукъ. Послѣ коронаціи, предъ которою Филаретъ встрѣтилъ Государя съ своею

многознаменательною рѣчью, онъ былъ возведенъ въ санъ митрополита Московскаго. Восходя на высшую іерархическую ступень, Филаретъ не забылъ поднять оставшагося въ Калугѣ ученика своего Григорія, котораго забыли или, лучше сказать, не хотѣли включить въ санъ архіереевъ, предстоявшихъ при коронаціи. Разсказывали, что во время обѣда, которымъ Филаретъ угощалъ прибывшихъ въ Москву архіереевъ, прискакалъ отъ Государя курьеръ съ повелѣніемъ, чтобы Филаретъ явился къ Его Величеству въ петровскій дворецъ, поручивъ своему викарію вмѣсто себя быть хозяиномъ за столомъ. Государь спрашивалъ Филарета, сдѣлано-ли надлежащее распоряженіе относительно церковнаго церемоніала при короновaніи? Филаретъ отвѣчалъ, что при составленіи церемоніала въ синодѣ онъ не присутствовалъ, и что по разсмотрѣнію таковаго онъ находитъ одну только несоотвѣтственность, заключающуюся въ томъ что въ порядкѣ предстоянія архіереевъ противъ одного изъ нихъ будетъ стоять духовникъ Его Величества, а не архіерей. „Что-жъ, теперь уже нельзя поправить эту несоотвѣтственность?“ спросилъ Государь. Филаретъ отвѣчалъ, что если Его Величеству угодно будетъ, можно еще вызвать изъ Калуги епископа Григорія. „Это тотъ Григорій, который былъ ректоромъ петербургской духовной академіи?“—спросилъ Государь.—„Тотъ самый“—сказалъ Филаретъ. „Такъ поспѣшите его вызвать“, сказалъ Государь. Филаретъ, возвратившись на свое подворье, засталъ у себя гостей и объявилъ имъ, что Его Величеству угодно, чтобы Григорій присутствовалъ при коронаціи, что не по сердцу пришлось его недоброжелателямъ, да нечего уже было дѣлать.

Григорій послѣ коронаціи былъ награжденъ орденомъ Владиміра второй степени.

Послѣ этого Григорій, отличенный вниманіемъ Государя, сталъ восходить на высшія іерархическія ступени и въ санѣ тверского архіепископа вмѣстѣ съ Филаретомъ засѣдалъ въ синодѣ, съ нимъ же вмѣстѣ священнодѣйствовалъ и при короновaніи Императора Александра II, надъ которымъ Филаретъ, какъ первенствующій іерархъ, совершилъ священное миропомазаніе. Въ то-же время Григорій былъ возведенъ Государемъ

въ санъ Петербургскаго митрополита. Учитель семью годами пережилъ своего ученика, и оставаясь въ Москвѣ, не смотря на случавшіяся неблагопріятныя для него обстоятельста, сохранилъ за собою великое значеніе для церкви и отечества до самой кончины своей, послѣдовавшей на 86-мъ году его жизни.

XI.

Предсказанія обо мнѣ.—Оберъ-священникъ Державинъ.—Отъѣздъ мой изъ Петербурга.—Пановъ.—Станція Долговка.—Г. Луга.—Г. Велижъ.—Станція Паноровка.—Священникъ Антоній.—Свиданіе съ матерью въ селѣ Колпынкѣ. Село Лисконоги и свиданіе съ братомъ.—Протоіерей Ленковскій.—Прибытіе въ Черниговъ.

Приступая съ изложенію моихъ воспоминаній о служебной моей жизни, раскажу прежде, какъ, сверхъ моего чаянія и желанія, случайно исполнилось надо мною предсказаніе, которому не хотѣлось вѣрить. Передъ окончаніемъ академическаго курса, праздникъ Пасхи я проводилъ въ домѣ оберъ-священника Державина. Вечеромъ вся семья его уѣхала въ гости, и я остался въ домѣ только со старушкою ключницей. Напоивъ меня чаемъ, она стала раскладывать карты и спросила меня, не хочу-ли я, чтобы она обо мнѣ загадала. Я отвѣчалъ, что никакому гаданію не вѣрю. Она все-таки продолжала перекладывать карты и говорила мнѣ: 1-е, что я получу то, чего желаю и въ чемъ сомнѣваюсь, второе, что мнѣ предстоитъ далекое путешествіе; третье, что на пути моемъ въ чужомъ домѣ я увижу пожилую женщину, очень мнѣ близкую, можетъ быть, мать; четвертое, что въ своемъ домѣ я увижу молодого человѣка, также мнѣ близкаго, можетъ быть, брата; пятое, что эта пожилая женщиина и этотъ молодой человѣкъ будутъ мнѣ рекомендовать одну дѣвицу, можетъ быть, въ невѣсты, но что я буду отъ нея отворачиваться; шестое, что не смотря на то, я на ней женюсь. Первые два пункта этого предсказанія, гадальщица могла сказать мнѣ, зная изъ моихъ разсказовъ что я желалъ и сомнѣвался получить степень магистра и что меня пошлютъ на службу въ какую нибудь другую губернію; но послѣдніе четыре пункта заключали въ себѣ такія обстоятельства, которыя ни мнѣ, ни ей ни по какому случаю не могли быть извѣстны.

Предъ окончаніемъ моего курса я просилъ Державина, что-бы въ коммиссіи духовныхъ училищъ мнѣ не назначали слишкомъ отдаленнаго мѣста службы, и притомъ говорилъ ему, что я желалъ-бы получить мѣсто въ губерніяхъ Петербургскаго учебнаго округа, особенно Могилевской и Орловской, какъ ближайшихъ къ Чернигову, который принадлежалъ къ Кіевскому округу и въ которомъ потому я уже не надѣялся получить мѣсто въ семинаріи; но духовная коммиссія сверхъ моего чаянія назначила меня и товарища моего Охотина профессорами въ Черниговскую семинарію.

Приближалось время моего отправленія на мѣсто службы. Я какъ-то медлилъ отъѣздомъ. Во 1-хъ, необходимо было окопироваться, а во 2-хъ, и главнымъ образомъ—потому, что мнѣ тяжело было разстаться съ Петербургомъ, съ которымъ за пятнадцать лѣтъ моего въ немъ пребыванія я сроднился, и въ которомъ долженъ былъ навсегда оставить людей привязавшихъ къ себѣ мое сердце.

Таковъ былъ, во-первыхъ, незабвенный мой благодѣтель оберъ-священникъ Иванъ Степановичъ Державинъ. Онъ по смерти родителя моего сталъ самымъ попечительнымъ отцомъ для нашего осиротѣлаго семейства; вытребовалъ изъ полка, въ которомъ отецъ мой былъ священникомъ, оставшуюся тамъ небольшую сумму денегъ отца моего и сохранилъ до совершеннолѣтія моего и брата Николая; для матери моей исходатайствовалъ положенную пенсію; для обученія меньшаго моего брата Николая въ Новгородъ—Сѣверскомъ духовномъ училищѣ и потомъ въ черниговской семинаріи высылалъ армейскую сумму; меня въ армейской семинаріи приблизилъ къ своему семейству, среди котораго я находилъ всегда себѣ отраду; безъ моей просьбы удержалъ меня въ Петербургѣ, дабы я получилъ академическое образованіе и имѣлъ право на лучшую участь по службѣ, и мѣсто для этой службы открылъ мнѣ на моей родинѣ; въ довершеніе всѣхъ своихъ благодѣяній при моемъ съ нимъ прощаніи указалъ мнѣ еще путь, по которому, слѣдуя къ мѣсту своего назначенія, я могъ скоро прибыть на мою родину и увидѣть родныхъ, которыхъ пятнадцать лѣтъ я не видѣлъ.

Державинъ сказалъ мнѣ, что когда-то онъ былъ командированъ синодомъ, вмѣстѣ съ черниговскимъ архіепископомъ Михаиломъ, (впослѣдствіи митрополитомъ петербургскимъ), на слѣдствіе надъ Сѣвскимъ архіереемъ Досифеемъ, что во время этой командировки онъ проѣзжалъ черезъ родной мой городъ Новгородъ-Сѣверскъ и совѣтовалъ мнѣ со станціи Усвятъ повернуть на смоленскій трактъ, который чрезъ Стародубъ прямо приведетъ меня въ Новгородъ-Сѣверскъ, отъ котораго въ 12-ти верстахъ находится село Лисконоги, гдѣ жила моя мать и находился во время ваканцій братъ мой.

Могъ-ли бы самъ покойный отецъ мой такъ устроить судьбу мою? Не милость ли промысла Божія послала мнѣ въ лицѣ Державина такого многопопечительнаго благодѣтеля? Въ избыткѣ чувствъ моей къ нему благодарности и скорби о разлукѣ съ нимъ, при прощаніи, когда онъ благословлялъ меня, я могъ только пасть предъ нимъ на колѣни и одними слезами выразить мою къ нему признательность, навсегда запечатлѣвшуюся на моей памяти и сердцѣ—это замое утѣшительное изъ моихъ воспоминаній. Простившись съ Державинымъ, я долженъ былъ проститься съ семействомъ священника Петрова, въ которомъ я всегда былъ радушно принятъ. Здѣсь опять не обошлось безъ слезъ съ обѣихъ сторонъ. Въ академіи меня съ нетерпѣніемъ ожидалъ товарищъ мой Охотинъ; онъ побуждалъ меня скорѣе выѣзжать изъ Петербурга, такъ какъ всѣ почти сокурсники наши уже разъѣхались. Мы вдвоемъ пошли проститься съ инспекторомъ академіи Іоанномъ, который сказалъ намъ, что онъ самъ былъ профессоромъ черниговской семинаріи, что сначала ему Черниговъ не понравился; но что потомъ онъ оставлялъ его съ сожалѣніемъ; думаю,—сказалъ онъ,—что и вамъ послѣ Петербурга Черниговъ покажется непригляднымъ и скучнымъ, но когда вамъ придется разставаться съ нимъ, вы будете также жалѣть о разлукѣ съ добрыми черниговцами, какъ нѣкогда жалѣлъ и я. Выѣзжая изъ Петербурга, я долженъ былъ перенести еще одну горестную разлуку съ лицомъ, о которомъ еще не говорилъ въ моихъ воспоминаніяхъ. Это былъ студентъ шестаго курса, кроткій, чувствительный и добросердечный Михаилъ

Ивановичъ Пановъ, землякъ пріятеля моего Козловскаго, который меня съ нимъ познакомилъ. Въ самомъ скоромъ времени мы такъ подружились, что насъ назвали братьями. Въ свободное время мы всегда почти сходились другъ съ другомъ и часто вмѣстѣ занимались своими предметами. Я по силамъ моимъ помогалъ Панову въ его учебныхъ занятіяхъ, а онъ дѣлился со мною тѣми лакомствами и пищей, которыя онъ покупалъ на деньги, присылаемыя ему родными. Разскажу здѣсь одинъ смѣшной съ нами случай. Передъ праздникомъ Рождества Христова въ Петербургѣ на конной площади собираются изъ разныхъ мѣстъ торговцы съ рѣзанною живностію. Пановъ повелъ меня на эту площадь, чтобы купить тамъ что-нубудь для нашей скромной пищи. Купивъ двѣ утки, мы увидѣли въ мѣшкѣ что-то похожее на большіе орѣхи или мерзлыя яблоки. Что это такое? спросилъ Пановъ. Куриные пупки—отвѣчалъ продавецъ. Купили мы и ихъ. Пришедши съ нашими покупками въ больничную кухню, мы сами стали стряпать; обмыли пупки налили въ кастрюлю воды и когда она закипѣла, положили въ нее пупки и насыпали рису. Пришелъ больничный сторожъ и, увидѣвъ наше поварское занятіе, спросилъ: что это вы, господа, варите?—Супъ съ куриными пупками.—А разрѣзывали-ли вы ихъ и очистили-ли ихъ внутренность?—Нѣтъ.—Такъ вылейте же вашъ супъ въ помои, посмотрите на его желтый цвѣтъ и понюхайте чѣмъ онъ пахнетъ. Дѣло кончилось нашимъ общимъ хохотомъ, и потомъ товарищи, узнавши о нашей стряпнѣ, долго смѣялись надъ нами.

Отъ смѣшнаго опять перехожу къ печальному. Пановъ провожалъ меня до первой станціи Софія, что близъ Царскаго села. Здѣсь мы должны были разстаться, долго мы съ нимъ обнимались и плакали, пока Охотинъ не заставилъ меня садиться въ повозку. Пановъ поѣхалъ со слезами; со слезами понесся и я по пустынному тракту, скорбя о томъ, что разстался съ Петербургомъ, Державинымъ и Пановымъ. Охотинъ былъ молчаливъ, серьезенъ и, кажется, недоволенъ моею плаксивостью, но я былъ счастливъ что имѣлъ спутника; не говоря уже о печальномъ настроеніи моего духа, я къ тому же не имѣлъ ни-

какого понятія о почтовой ѣздѣ, и Охотинъ всѣмъ распоряжался по своему усмотрѣнію, часто противъ моего желанія. Онъ могъ днемъ и ночью спать на тѣсной и тряской телѣгѣ, катившейся по вымощенной тогда бревнами дорогѣ, и потому приказывалъ ямщикамъ закладывать для насъ лошадей и ночью, что для меня было непріятно. Со станціи Домовка два обратные ямщика уговорили насъ сѣсть поодиночкѣ на ихъ телѣгахъ. Охотинъ тому и обрадовался, что могъ одинъ на просторѣ спать. Я, изнемогая отъ тряски, тоже задремалъ, но проснувшись ночью увидѣлъ, что повозка моя стоитъ на мѣстѣ и на ней не было ямщика; я сталъ кричать, но отвѣта не было; страхъ нашелъ на меня,—я опасался, что лошади отъ какого нибудь испуга могутъ понести меня или случится со мною какая нибудь напасть отъ человѣка или звѣря; и въ такомъ опасеніи пробылъ, пока не услышалъ звяканья колокольчика; оказалось, что ямщикъ мой ходилъ отыскивать своего сонливаго товарища и нашелъ ту телѣгу также стоящую на мѣстѣ, а сѣдока и возницу спящими.—Въ гор. Лугѣ намъ не дали лошадей, потому что всѣ были забраны подъ военный обозъ. Поневолѣ пришлось ночевать. Не вынося нашей поклажи, мы рѣшились спать въ телѣгѣ. Еще вечеромъ мы видѣли на станціонномъ дворѣ большаго привязаннаго къ колесу медвѣдя, съ которымъ забавлялись ямщики. Ночью Охотинъ заблагоразсудилъ пойти спать въ станціонную комнату, а я вскорѣ увидѣлъ того медвѣдя, сорвавшагося съ веревки и бѣгающаго по двору; въ страшномъ испугѣ я прибѣжалъ въ комнату и, разбудивъ Охотина, укорялъ его за то, что онъ оставилъ меня одного, а онъ только посмѣялся надо мною. Когда медвѣдь былъ опять привязанъ, мы оба уже ночевали на телѣгѣ. Въ городѣ Велижѣ, на западной Двинѣ, намъ отказали въ лошадяхъ. Хозяйка гостинницы, жидовка, предложила намъ обѣдъ, и мы, забывши совѣтъ академическаго доктора—не ѣсть въ дорогѣ жидкой и жирной пищи, съ большимъ аппетитомъ пообѣдали, за что я поплатился въ дорогѣ сильною рѣзью въ животѣ и около получаса пролежалъ на землѣ. Охотинъ не испыталъ подобной болѣзни, потому что при обѣдѣ пилъ водку, которой

я еще не пробовалъ, и которую послѣ, по его настоянію, сталъ понемногу употреблять. Со станціи Усвятъ, мы по совѣту Державина поворотили на смоленскій трактъ. Въ Смоленскѣ мы провели сутки у нашихъ товарищей Козловскаго и Глухарева, которые прибыли туда недѣли за двѣ до насъ; отдохнувши у нихъ, мы продолжали путь по ровной дорогѣ, проѣхали Стародубъ и прибыли на станцію Паноровку, отстоящую въ 50-ти верстахъ отъ Новгородъ-Сѣверска, въ который думали въ тотъ-же день отправиться, но тутъ представилось намъ неожиданное препятствіе. Станціонный смотритель объявилъ намъ, что какъ мы два раза измѣнили законный маршрутъ, по которому изъ станціи Усвятъ намъ должно было ѣхать на Могилевъ, а изъ Стародуба прямо на Черниговъ, то онъ считаетъ себя въ правѣ не давать намъ лошадей, пока мы не заплатимъ ему двойныхъ прогоновъ. Мы долго съ нимъ спорили, но онъ оставался непреклоненъ. Предполагая, что упрямецъ одумается, мы пошли прогуляться по берегу рѣки Ревны, протекающей чрезъ селеніе Паноровку, и видѣли на другой сторонѣ этой рѣки много каменныхъ строеній и между ними прекрасную церковь и большой домъ, на балконѣ котораго находилось много господъ обоего пола и разнаго возраста. Въ этомъ домѣ черезъ двадцать лѣтъ я радушно былъ принимаемъ за гостя. Возвратившись на станцію и не видя въ смотрителѣ ни малѣйшей уступчивости въ его требованіи, ночевали тамъ, а поутру разсудили удовлетворить его корыстолюбіе и получили лошадей. Отъѣхавъ отъ Паноровки верстъ десять, я увидѣлъ съ моей стороны стоявшій близъ дороги хуторъ и выходившаго изъ него бѣлокураго священника безъ шапки; онъ направлялся къ нашей повозкѣ и просилъ остановиться; подошедши къ ней, онъ спросилъ: „Откуда господа ѣдете?"—Изъ Петербурга—отвѣчалъ я.—Нѣтъ ли между вали Самчевскаго?—Я обозвался, и тогда онъ сказалъ, что мать давнымъ давно меня ожидаетъ и сильно безпокоится, что доселе я не прибылъ, что онъ тотъ самый бывшій въ селѣ Роговкѣ дьячекъ Антонъ, который по порученію отца моего меня высѣкъ розгою, что онъ гоститъ теперь у своего родственника въ этомъ хуторѣ и предложилъ намъ остановиться въ

немъ съ тѣмъ, что онъ съ своими родственниками проселочнымъ путемъ привезетъ насъ прямо въ село Лисконоги. Я обрадовался такому благопріятному предложенію; перенесли наши чемоданы въ хуторъ и отпустили лошадей. Насъ угостили завтракомъ, за которымъ я въ первый разъ увидѣлъ женщинъ, пьющихъ водку. Когда мы проѣзжали село Колпынку, отстоящую отъ Лисконогъ верстахъ въ пятнадцати, от. Антонъ, сидѣвшій со мной на одной повозкѣ, остановилъ лошадей у одного дома и сказалъ мнѣ: „Здѣсь живетъ вашъ родной по матери дядя отецъ Стефанъ Калиновскій, не угодно-ли вамъ зайти къ нему.“ Я рѣшительно отказывался, спѣша скорѣе увидѣть мать свою. „По крайней мѣрѣ, сказалъ онъ, я забѣгу въ домъ узнать—живъ-ли вашъ дядя, такъ какъ онъ былъ очень боленъ“. Минутъ черезъ пять онъ возвратился и сказалъ: „Здѣсь ваша матушка!“ Эта неожиданная вѣсть такъ меня поразила, что я нѣсколько времени не могъ придти въ себя. Когда мы съ нимъ вошли въ дворъ, онъ указалъ мнѣ мою мать, отпиравшую тогда амбаръ. Съ волненіемъ я подошелъ къ ней и вскричалъ: „Матушка!“ Она съ изумленіемъ взглянула на меня и думая, что надъ нею шутятъ, сказала: „Я сына здѣсь не ожидаю.“—Да вѣдь я сынъ вашъ Іосифъ,—сказалъ я!—„А покажи мнѣ свою лѣвую руку,—и съ этими словами она отвернула рукавъ моего сюртука и рубахи и, увидѣвъ шрамъ на рукѣ моей, со слезами бросилась обнимать меня.

Такимъ образомъ исполнился третій пунктъ моего петербургскаго гаданія. Я видѣлъ мать мою на пути моемъ въ чужомъ домѣ. Повидавшись съ больнымъ дядей, я на одной повозкѣ съ матушкой поѣхалъ въ Лисконоги; за нами вслѣдъ ѣхали другія двѣ повозки; на одной изъ нихъ былъ Охотинъ. Въ дорогѣ матушка моя, безпрестанно обнимая меня, говорила о своемъ житьѣ-бытьѣ во время пребыванія моего въ Петербургѣ, говорила, что меньшой братъ мой Левъ умеръ въ младенчествѣ, что братъ мой Николай, бывшій въ риторическомъ классѣ семинаріи, вздумалъ отнажды съ однимъ своимъ товарищемъ передъ праздникомъ Рождества Христова изъ Чернигова пѣшкомъ отправиться въ Лисконоги, что на пути своемъ при сильномъ

морозѣ они слишкомъ озябли, сѣли отдохнуть въ лѣсу подъ сосною и уже начали было засыпать, но спасены были отъ смерти проѣзжавшими людьми, которые взяли ихъ къ себѣ на сани и довезли до ближайшаго села; что братъ Николай переведенъ теперь изъ риторическаго класса въ философскій и находится на вакаціяхъ въ нашемъ домѣ, съ нетерпѣніемъ ожидая моего пріѣзда и горюя, что я до сихъ поръ еще не пріѣхалъ. Мы подъѣхали къ Лисконогамъ, и я съ восторгомъ увидѣлъ родныя, незабвенныя для меня мѣста. Вотъ тѣ вербы, подъ которыми я гулялъ съ мальчишками; вотъ то озеро, въ которомъ я съ ними украдкой купался, и за что былъ наказываемъ матерью; а вотъ на горѣ и домъ нашъ, въ которомъ я провелъ мое дѣтство. Когда мы подъѣхали къ воротамъ дома, мать сказала мнѣ, что хочетъ обмануть брата, будто къ нему пріѣхалъ его товарищъ, и чтобы я подалъ ему свою подорожную. Вошедши во дворъ, матушка закричала: Николаша! къ тебѣ пріѣхалъ изъ Чернигова панычъ съ какимъ-то письмомъ.

Братъ, бывшій въ это время въ огородѣ, въ отвѣтъ на это закричалъ: „мнѣ теперь не до паничей и не до писемъ, когда Богъ знаетъ, живъ-ли братъ мой."—Да иди-же скорѣе, говорила мать,—панычъ дожидается. Когда братъ сталъ подходить, я хотѣлъ было подать ему подорожную, но мать, не выдержавши, закричала: „это братъ твой Іосифъ!" Мы обнялись въ слезахъ. Въ это время вышелъ изъ комнатъ другой дядя мой, отецъ Симеонъ Калиновскій, заступившій послѣ отца моего его мѣсто и жившій въ нашемъ домѣ. Мы вошли въ домъ, братъ занялся раскупоркою моего чемодана, а мать повела меня по комнатамъ, указывая мнѣ диванъ, на которомъ я родился, и ту кровать, на которой я заваленъ былъ шубами; въ саду она указала ту яблоню, подъ которой отецъ меня высѣкъ за похищеніе яблокъ; указала мнѣ и тотъ коноплянникъ, въ которомъ я заблудился, и прочее. Вотъ исполнился и четвертый пунктъ предсказанія—я видѣлъ брата въ собственномъ домѣ, и мы плакали.

На другой день послѣ моего пріѣзда, во время нашего завтрака, пріѣхалъ изъ Новгородъ-Сѣверска дьячекъ съ пись-

момъ къ дядѣ отъ соборнаго протоіерея Стефана Яковлевича Ленковскаго, который просилъ дядю познакомить съ нимъ прибывшихъ изъ Петербурга профессоровъ. Я отказывался отъ этой поѣздки, желая короткое время провести въ родномъ домѣ, но дядя, мать и братъ усиленно начали просить меня побывать у Ленковскаго, говоря, что онъ всегда имъ благодѣтельствовалъ, особенно, когда братъ мой учился въ новгородъсѣверскомъ духовномъ училищѣ подъ его начальствомъ, какъ смотрителя этого училища; что Ленковскаго во всемъ уѣздѣ всѣ уважаютъ и любятъ, какъ добраго человѣка и начальника духовнаго управленія. Нечего было дѣлать, нужно было согласиться, и я на другой день отправился въ Новгородъ-Сѣверскъ съ моимъ братомъ. Охотинъ не могъ намъ сопутствовать, потому что у него въ дорогѣ сдѣлалась на лицѣ сыпь. При отъѣздѣ нашемъ матушка говорила мнѣ, что я въ домѣ Ленковскаго увижу хорошенькую дочь его, на что я не обратилъ вниманія. По пріѣздѣ въ Новгородъ-Сѣверскъ мы остановились сперва въ домѣ родной тетки моей, младшей сестры моей матери, по фамиліи Нюховой, гдѣ также мнѣ говорили о дочери Ленковскаго.

Когда мы пришли въ домъ послѣдняго, онъ чрезвычайно привѣтливо принялъ насъ и съ перваго взгляда мнѣ очень понравился своею сановитостью и добрымъ лицемъ. Вскорѣ появилась жена его, Евдокія Федоровна, а за нею и дочь ихъ, Варвара Степановна; мнѣ она нисколько не показалась хорошенькою или, лучше сказать, просто не понравилась. Въ небольшомъ домѣ Ленковскаго была необыкновенная чистота и порядокъ. Угощеніе за обѣдомъ было весьма обильное, пища вкусная, было и вино, котораго я пилъ немного, а водки совсѣмъ не употреблялъ, что, какъ я послѣ узналъ, хозяевамъ очень понравилось. При прощаніи моемъ съ отцемъ Ленковскимъ, онъ просилъ меня познакомить его съ моимъ товарищемъ Охотинымъ и назначилъ день нашего пріѣзда—30-е августа, день тезоименитства Императора. По возвращеніи домой матушка спрашивала меня, какъ мнѣ показалась дочь Ленковскаго. Я отвѣчалъ, что не нахожу въ ней ничего хорошаго и

что вообще не хочу думать ни о какихъ барышняхъ. И такъ, исполнился пятый пунктъ предсказанія—мнѣ дочь Ленковскаго не понравилась.

30-го августа я съ братомъ и съ Охотинымъ пріѣхалъ въ Новгородъ-Сѣверскъ прямо въ соборъ, гдѣ тогда отецъ Ленковскій съ духовенствомъ отправлялъ торжественное молебствіе. Здѣсь онъ мнѣ еще болѣе понравился, когда я увидѣлъ его въ облаченіи. По окончаніи молебствія, протоіерей Ленковскій самъ повелъ насъ въ домъ свой, весьма близко отстоящій отъ собора; въ домѣ было уже довольно гостей и въ числѣ ихъ бывшій студентъ четвертаго выпуска петербургской духовной академіи—Лукашевичъ, учитель новгородъ-сѣверскаго духовнаго училища. Въ академіи я былъ съ нимъ мало знакомъ, зналъ только, что онъ выпущенъ послѣднимъ кандидатомъ, что ему за какую-то провинность въ поведеніи не дали учительскаго мѣста въ семинаріи, и назначили учителемъ новгородъ-сѣверскаго духовнаго уѣзднаго училища только потому, что онъ въ академіи далъ обѣтъ поступить въ монахи. Во время обѣда, когда вся компанія весело болтала, Лукашевичъ, непомѣрно угостившись водкой и виномъ, ни съ того, ни съ сего обратился ко мнѣ съ такими словами: „Помните-ли, Іосифъ Акимовичъ, какъ мы съ вами погуливали въ Петербургѣ?“ Озадаченный такимъ наглымъ обращеніемъ, я отвѣчалъ, что не знаю, гулялъ-ли онъ, бывши студентомъ академіи, а мнѣ было не до гулянья, что можетъ подтвердить мой товарищъ. Яковъ Ивановичъ Охотинъ, бывшій самъ навеселѣ, защищалъ меня, сильно кольнулъ Лукашевича, сказавъ, что если-бы мы погуливали въ академіи, то не кончили бы курса магистрами и профессорами семинаріи, а попали-бы развѣ только въ уѣздные учителя. Ленковскій при этомъ сказалъ, что и онъ такъ думаетъ. По окончаніи обѣда, когда гости разошлись, Ленковскій просилъ у насъ извиненія, что пьяный Лукашевичъ сдѣлалъ такую непріятную для него, для насъ и для всѣхъ присутствующихъ выходку; при этомъ онъ разсказалъ намъ о Лукашевичѣ слѣдующее. Когда въ черниговскомъ семинарскомъ правленіи было получено извѣстіе о назначеніи Лукашевича учителемъ и

исправляющимъ должность инспектора въ новгородъ-сѣверскомъ духовномъ училищѣ, то черниговскому архіерею въ то же время сообщено было объ обѣщаніи Лукашевича поступить въ монашество и поручено наблюдать за его поведеніемъ. Лукашевичъ, поступивъ на службу, сталъ вести нетрезвую жизнь и при такомъ поведеніи вздумалъ сдѣлать предложеніе дочери Ленковскаго, но получивъ рѣшительный отказъ, женился на дочери другаго протоіерея, Васильковскаго, находившагося съ Ленковскимъ въ непріязненныхъ отношеніяхъ. Вслѣдъ затѣмъ со стороны тестя и зятя начались интриги и потомъ отъ послѣдняго доносы на Ленковскаго въ семинарское правленіе, въ которыхъ Лукашевичъ между прочимъ писалъ, что будто Ленковскій навязывалъ ему въ невѣсты дочь свою и теперь мститъ ему за то, что онъ не согласился взять ее по причинѣ ея болѣзненнаго состоянія и дурнаго характера. Отъ Ленковскаго семинарское правленіе требовало объясненія на такіе доносы. Изъ этихъ взаимныхъ пререканій составилось большое дѣло, которое впослѣдствіи я самъ читалъ въ семинарскомъ правленіи. Рѣшительному окончанію этого дѣла послужило представленное Ленковскимъ въ семинарское правленіе собственноручное письмо Лукашевича, въ которомъ онъ, сватаясь на дочери Ленковскаго, выхвалялъ ея качества и изъяснялъ къ ней свою любовь. Архіерей на протоколѣ семинарскаго правленія положилъ такую резолюцію: для возстановленія въ новгородъ-сѣверскомъ духовномъ училищѣ прежняго въ немъ порядка и тишины поручить инспекторскую въ немъ должность благонадежнѣйшему учителю, а Лукашевичу объявить, что если онъ не исправится въ своемъ поведеніи, то будетъ удаленъ и отъ учительской должности. Окончивъ весь этотъ разсказъ, Ленковскій опять извинялся предъ нами въ томъ, что онъ пригласилъ на обѣдъ къ себѣ Лукашевича, какъ человѣка намъ знакомаго по Петербургу, желая тѣмъ доставить намъ удовольствіе. Когда мы прощались съ Ленковскимъ, онъ убѣдительно просилъ насъ не прерывать знакомства съ нимъ и не оставлять его нашими отвѣтными письмами, такъ какъ онъ по должности смотрителя духовнаго училища зависѣлъ отъ семинарскаго

правленія и нуждался въ нашей къ нему пріязни. Мы разстались съ нимъ какъ гости пріятные всему семейству; жена и дочь его выражали надежду на продолженіе нашего знакомства и надавали на дорогу въ Черниговъ много разныхъ печеній, которыми сама дочь поручила брату моему угощать насъ во время путешествія. По возвращеніи въ домъ нашъ, матушка опять спрашивала меня, какъ мнѣ показалась дочь Ленковскаго. Я отвѣчалъ то же, что и прежде говорилъ о ней. Черезъ два дня мы выѣхали изъ Лисконогъ въ Черниговъ на двухъ сельскихъ подводахъ, изъ которыхъ на одной сидѣлъ я съ братомъ, а на другой Охотинъ со всѣмъ нашимъ багажемъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письма Г. Ф. Квитки къ А. А. Краевскому.

(ОКОНЧАНІЕ)[1].

6[2]).

Милостивый Государь Андрей Александровичъ! Вы обрадовали меня вашимъ письмомъ. Я полагалъ, что вы уже оставили,—если не забыли меня. Мнѣ бы это было прискорбно тѣмъ болѣе, что все то дѣло выходило изъ пустяковъ. Съ такою же прямотою и откровенностью скажу вамъ и увѣряю въ томъ, что *никто* рѣшительно не стоитъ и не стоялъ между нами, чтобы поселить во мнѣ какіе либо толки и превратныя сужденія. Прочтя Отеч-хъ Зап-къ извѣстн. книгу и выходки противъ меня, я принялъ ихъ въ настоящемъ смыслѣ, коего и вы не отринете, и при случаѣ сказалъ вамъ, что запало въ душѣ моей, удивлялся противорѣчіямъ, въ той же книгѣ встрѣчавшимся, и не зналъ, чему все это приписать. Потомъ, какъ уже высказавши все, я забылъ и оставилъ какъ минувшее--до случая—дѣло. Принимаю ваши изъясненія и, соглашаясь съ ними, молчу и васъ прошу оставить все безъ вниманія, полагая что подобнаго между нами никогда болѣе не произойдетъ. Но долженъ вамъ сказать, что при появленіи у насъ той кн. От. Зап. здѣсь все взбунтовалось противъ вашего журнала (не о мнѣ рѣчь, это частное, а вообще о духѣ журнала), чрезъ нѣсколько дней измѣнившемъ сужденія свои на счетъ Малор. ли-

---

[1]) См. № 11.

[2]) Шестое и седьмое письма печатаются съ пропусками.

тературы. Евгеній Павловичъ, бывъ здѣсь, самъ слышалъ нѣкоторыя слабыя выходки; были громче, разительнѣе. Жаль очень, что онъ не засталъ того *пана*, гдѣ пилъ вонючую воду, онъ бы услышалъ еще болѣе. Но и это дѣло кончено............ Чужбинскій (въ 10 кн. Москвитянина) началъ хорошо, но не дописалъ. Мы просили-бы рецензентовъ оставить насъ въ покоѣ, а заниматься разборомъ своихъ. *Салдацкій патретъ* [1]) намекалъ имъ о томъ, но они за незнаніемъ языка, пропустили безъ вниманія.

Все въ сторону, вашу руку—и опять по прежнему. Чего убѣдительно прошу.

Благодарю васъ за приступъ къ исполненію моихъ просьбъ.

Посылки еще не получилъ, но она придетъ на дняхъ. Обыкновенно черезъ мѣсяцъ послѣ отправленія получается здѣсь. Теперь прошу объ исполненіи и послѣдней просьбы: по прилагаемой запискѣ подписать по адресу на полученіе французскихъ журналовъ и, если можно, съ первою почтою выслать билеты, чтобы подписавшаяся была обезпечена и не упустила-бы срока для подписки. Еслибы я зналъ, что не отягощу васъ издержками сверхъ нашего счета, въ надеждѣ удовлетворить васъ, то я просилъ бы и еще нѣкоторыхъ изданій, за что и поспѣшилъ бы расплатиться одною—другою статьею, но безъ вашего объясненія не говорю ничего..........

NB. Не смотрите на языкъ, на изложеніе, на удачное или на ловкое сцѣпленіе приключеній, но главное смотрите на цѣль и въ какой степени она достигнута.

Объ этомъ прошу Васъ вспомните скоро—скоро.

Овому талантъ, овому ничего. Какъ не разсказано, но для чего размазано, и отъ чего *такъ* разсказано, пожалуйста вникните; это рѣдко наблюдаютъ всѣ гг. судьи. И вамъ некогда До будущей бесѣды.

Какъ былъ таковъ и всегда преданнѣйшій Григорій Квитка.

25 октября 41. Основа.

Объ удержаніи имени Основьяненка скажу при случаѣ.

---

[1]) Повѣсть, напечатанная въ альманахѣ „Утренняя Звѣзда“ 1833 г.

7.

28 декабря, 41. Основа.

Милостивый государь Андрей Александровичъ! Отъ души благодарю васъ за все безпокойство къ очищенію счетовъ нашихъ, и чрезъ то моя жена снабжена на цѣлый годъ свѣдѣніями о французской литературѣ. Въ долгу не останусь у васъ, вышлю вамъ—не знаю когда за отвлеченіями—и не знаю еще что. Вы желали бы чего изъ исторіи нашей; мы, слобожане, не составляемъ Малороссіи. Еще они, малороссіяне, судили, да рядили, какъ бы отстать отъ нечистыхъ ляховъ и къ кому бы *выгоднѣе* пристать, какъ предки наши не долго думавши, поднялись и пошли къ родному Батюшкѣ, Царю Русскому, сѣли по Украйнѣ слободами (селеніями по границѣ) и давай отбиваться отъ татаръ и заслонять собой Россію. И этому едва 200 лѣтъ. Раздумщиковъ между нашими не было, слѣдовательно, все шло тихо и чинно. Только и дѣйствій, что поколотятъ татаръ и усмирятъ ихъ на сколько времени. Тутъ не разгуляешься воображеніемъ, не отыщешь характера особеннаго, всѣ были на одну стать, исторіи поживы никакой. Случались только смуты отъ Татаръ, не найду ли тамъ чего стоящаго Отеч. Записокъ— и скажу вамъ, что объ этомъ хлопочу не лѣниво. Лишь бы попалось что подъ руку, тотчасъ передамъ вамъ. А въ случаѣ повѣсть пригодная слѣпится (у меня онѣ часто набѣгаютъ, потому что этотъ народъ прекурьезный съ своими понятіями, чувствами, какихъ, право, не найдешь въ гостинныхъ), доставлю вамъ............

Будьте здоровы въ новомъ годѣ и да исполняется все по желанію вашему. Не перемѣняйте расположенія къ уважающему васъ и преданному Григорію Квиткѣ.

. . . .

8.

Милостивый государь Андрей Александровичъ! Благодаря вашему старанію, всѣ выписанные Вами французскіе журналы на имя жены моей получаются исправно, выключая Journal général de la littérature de France, котораго и до сего времени нѣтъ въ полученіи, а можетъ быть по какимъ-нибудь разсче-

тамъ, не нашимъ, они и не будутъ высылаемы; въ такомъ случаѣ я просилъ бы, если только можно сдѣлать эту перемѣну, чтобы вмѣсто того Journal de la littér. etc. выписать для насъ же на имя жены моей Отечественныя записки 42 года. Повторяю—если это не затруднитъ васъ. Journal—съ пересылкою стоитъ 24 серебр. „Отечественныя Записки съ пересылкою 15 р. 80 к. Остатокъ очиститъ передержанное Вами. Покорнѣйшій Григорій Квитка.

7 февраля 42. Основа.

9.

17 октября 42. Харьковъ.

Милостивый государь Андрей Александровичъ! Есть у меня статья подъ названіемъ „1812-й годъ въ провинціи“ [1]). Въ ней изложено все, начиная отъ первыхъ извѣстій о вторженіи непріятеля, собранія ополченія, вѣстей о Смоленскѣ, Бородинской битвѣ, занятія Москвы, изгнаніи и истребленіи злодѣевъ. Все это изложено въ дѣйствіи, разсказы, толки, понятія, дѣйствія сословій, кое-какіе эпизоды—и проч. и проч. Статья будетъ изъ 50-ти или болѣе страницъ моего мелкаго и тѣснаго письма. Слѣдовательно, въ печатномъ займетъ листа четыре, когда не болѣе. Скажите со свойственною вамъ откровенностью, пригодна-ли она для вашихъ От. Зап. За недосугомъ по занятіямъ служебнымъ, не могу ранѣе окончить какъ въ декабрѣ или генварѣ къ концу. Можете-ли вы, за нее, абонироваться для меня на нѣкоторые журналы русскіе и иностранные, на какую сумму, и чтобы я уже съ новаго года получалъ ихъ? Если согласитесь, то вслѣдъ доставлю вамъ записку о журналахъ и сколько будетъ написано статьи, вѣрно половина. Изъ начала вы посудите о послѣдующемъ и тогда рѣшительно скажете, пригодна ли она вамъ и снабдите меня журналами (къ чему время не уйдетъ), а если не понравится, то возвратите мнѣ ее, или передадите, куда буду просить васъ тогда. Ожидаю незамедлительнаго вашего рѣшенія и поздрав-

---

[1]) Повѣсть, напечатанная въ От. Зап. 1843 г., т. 27.

ляю васъ съ возрастающимъ успѣхомъ вашихъ Отеч. Записокъ. Новый годъ да исполнитъ всѣ ваши желанія.

Не перемѣняйте расположенія къ преданнону Григорію Квит.

И здѣсь что-то начинаютъ пошевеливаться. Кажется скоро выйдетъ что-нибудь и наше—цѣлое. Наше, не пугайтесь, *не хохлацкое*, а мѣстное, людское [1]).

10.

Съ 1843-мъ новымъ годомъ, будьте здоровы, милостивый государь Андрей Александровичъ, благополучны во всѣхъ вашихъ предпріятіяхъ и все да будетъ по желанію вашему! Въ первый день года первое письмо пишу къ вамъ и спѣшу препроводить послѣдній кусокъ моей статьи. Хотя и увѣренъ, что вы скажете мнѣ, но убѣдительнѣйше прошу, со всею откровенностью сказать, какъ вы находите ее и что будутъ судить и рядить о ней. Предметъ то интересный, но выполнено-ли желаніе. Прикажете въ наборѣ смотрѣть внимательно за прибавленіями отъ 64-й страницы. Знаки, кажется, ясны, но бѣда если перепутаютъ.

Выходкою противъ *честныхъ* журналистовъ, ей Богу, не воздержался, пусть идетъ; впрочемъ ваша воля, не моя.

И какъ кстати вы доставили удовольствіе моей Аннѣ Григорьевнѣ, присылкою книгъ и болѣе миленькою шляпкою, очень ей поправившеюся. Къ самому празднику все пришло. Извините за хлопоты, если онѣ были вамъ не по рукѣ, и скажите откровенно, не отяготимъ-ли васъ на будущее время?—Не получая отъ васъ извѣстія долго, я было посомнился на счетъ достоинства статьи, но вижу, что она принята. И такъ теперь, пока только двѣ просьбы: о высылкѣ Рындину (моему доктору, который меня держитъ на свѣтѣ) кн. От. Зап. и о подписи подъ моими статьями только: „Основьяненко" и больше ничего. Грицка прочь. Извините, оканчиваю. Ѣду идолопоклонствовать. Всегда одинаковой къ вамъ Григорій Квитка.

---

[1]) Вѣроятно, имѣется въ виду „Молодикъ", альманахъ, вышедшій въ Харьковѣ въ 1843 году.

11.

Милостивый Государь Андрей Александровичъ! Благодарю васъ много и очень много за удовольствіе, доставляемое и на сей годъ вашими „Отечеств. Записками". Первую книгу съ наслажденіемъ прочелъ и снова благодарилъ, равно и за будущее наслажденіе въ слѣдующихъ книжкахъ, въ коихъ постараюсь быть вкладчикомъ, хотя къ концу года, чѣмъ нибудь. Также всѣ изданія русскія, очень исправно получаются. Вотъ французскія не идутъ въ ладъ. Прилагаю у сего записочку, что еще не получено ни одного №. Въ прошломъ годѣ также все исправно получалось, выключая одной книж., какъ гласитъ записочка съ подробнымъ оглавленіемъ статей, помѣщенныхъ въ ней, какъ видно изъ извѣстія въ послѣдующей. Не пособитъ ли газетн. экспедиція, отыскавъ ее у себя или дополнивъ изъ лишнихъ, можетъ у ней имѣющихся.

Не найдете ли лишнимъ сказать въ От. З. такъ, гдѣ нибудь, въ уголкѣ, въ извѣстіяхъ, чтобы дополнить страницу, что „Молодикъ", литературный сборникъ, составляемый въ Харьковѣ Г. Бецкимъ, уже печатается съ генваря сего года и наконецъ выйдетъ. Многіе подписчики сѣтуютъ за невыдачу его и ведутъ толки о Бецкомъ à la Полевой, такъ хотѣлось бы оправдать его.

Будьте здоровы и не ослабѣвайте въ трудахъ на пользу и удовольствіе общее.

Искренно преданнѣйшій и уважающій васъ Григор. Квитка

10 февраля 43 Харьковъ

Журналовъ и книгъ получено и получается на 537. 83

По разсчету что за кѣмъ будетъ?

Изъ высылаемыхъ фр. журналовъ, С. Петербургская газетная Экспедиція пишетъ, что 2-й и 4-й №№ Magasin pittoresque не высланы. Можетъ до сихъ поръ и Revue de Paris не досланныя кн., о которыхъ я писалъ прежде, получены, то просимъ о высылкѣ.

5 № Revue Etranger-не висланъ еще. Одолжили бы высылкою, что бы изданіе было вполнѣ.

12.

Милостивый Государь Андрей Александровичъ! Изъ Лит. Газеты увидѣлъ, что мой „1812 годъ“ помѣщенъ въ журналѣ Вашемъ. Книги самой еще не получилъ за неприходомъ тяжелой почты, съ которою, не знаю отъ чего, разсылается журналъ Вашъ. По моему предположенію статья моя заняла у васъ 8-9 листовъ. Прежде нежели сообщите вы мнѣ обѣщанный разсчетъ, обстоятельства требуютъ безпокоить васъ покорнѣйшею просьбою о высылкѣ по прилагаемой запискѣ. Не вмѣстно вамъ такое порученіе, но вы избаловали насъ, угодивъ очень зимнею шляпкою. Полагаю, что денегъ у васъ достаточно для того будетъ, а высылка нужна непремѣнно скорѣе, если бы можно, что бы къ празднику здѣсь было. Если же почему либо невозможно этого сдѣлать, по разсчетамъ, или по неудобству вамъ, въ такомъ случаѣ убѣдительно прошу васъ потрудиться и отложа всѣ заботы, съ первою почтою увѣдомить, что бы мы могли распорядиться, или не накупить здѣсь того же, но дряннаго.

Къ осени прислать вамъ что нибудь придумаю и озабочусь.

Искренно преданнѣйшій и покорнѣйшій слуга Григорій Квитка.

20 Марта 1843 Харьковъ.

13.

25 Апрѣля 43 Харьковъ.

Милостивый Государь Андрей Александровичъ! Благодарю васъ чувствительно за все ваше одолженіе въ присылкѣ по запискѣ моей. Скоро и все прекрасное, выключая шляпки. Она какъ то найдена не такъ изящною, какъ прочее все; и матерія, изъ коей она сдѣлана, простовата, и чепчика подъ ней нѣтъ, и вообще не удовлетворительна, полагаю, что мы причиною, назначивъ цѣну сообразно съ здѣшними, слѣдовало бы написать просто шляпку *такую-то*, во что обойдется. Впередъ наука, полагая, что вы не откажете въ просьбѣ нашей, когда доставлю вамъ статью, которую припасать приступаю. Времени мало. №№ Magasin pittoresque не получены и по нынѣ (2-й и 4-й). Весьма бы интересно получить, чтобъ вполнѣ было изданіе.

Каковы отзывы о моей статьѣ? Хотѣлось бы знать. Кромѣ неяснаго моего почерка, отчего нѣкоторыя слова измѣнены въ смыслѣ, есть пропуски въ словахъ и даже въ строчкахъ. Примѣчаю, что и *Пчелѣ* понравилась цѣль; если припомните, вызываетъ современниковъ описывать старину и былое въ ихъ время и помѣщая въ журналахъ. Подавилась Пчела въ словѣ, хотѣвши сказать, что какъ сдѣлано въ Отечеств. Запискахъ. Будьте здоровы—главное для васъ и любящихъ васъ. Не ослабѣвайте на подвигѣ—нужное для всѣхъ насъ, любящихъ истину и русское слово.

Преданный вамъ и искренно благодарящій васъ, почитающій и покорнѣйшій слуга Григорій Квитка.

14

Милостивый Государь Андрей Александровичъ! Благодарю, искренно, отъ всей души благодарю за все присланное вами, за всѣ ваши труды и хлопоты. Все прекрасно, какъ только желать было можно. Долгъ по счету вѣрному не на долго останется за мной, постараюсь, чтобъ статья была пригодна для Отеч. Записокъ. Іюньской книжки нѣтъ еще у насъ; жду съ нетерпѣніемъ суда о „Молодикѣ“. Ваше замѣчаніе, что внутренность не отвѣчаетъ заглавію: за чѣмъ статьи—и о чемъ?—не Украинцовъ?—не только драть за уши, не знаю какъ здѣшнимъ стихотворцамъ и намекнуть о ихъ произведеніяхъ? Вѣдь то стихотворцы. Вотъ вамъ одного изъ нашихъ произведенія. Коли пригодны, удостойте чести стать въ вашемъ журналѣ, а если заслуживаютъ вознагражденіе, то сочинитель проситъ экземпл. вашего журнала на сей годъ. Адресъ хотя на мое имя. Если видно въ сочинителѣ дарованіе, то я и еще буду его поджигать, чтобъ высылалъ вамъ.

П. И. Григорьевъ, веселившій нашъ Харьковъ своею отличною игрою, доставитъ вамъ это письмо и разскажетъ вамъ о личности моей и о моихъ обстоятельствахъ, гнетущихъ меня.

Будьте здоровы и успѣвайте въ благихъ трудахъ и намѣреніяхъ вашихъ. Вашъ искренно преданный Григорій Квитка.

13 іюня 43. Харьковъ.

Никогда не должно основываться на первыхъ мысляхъ, измѣняемыхъ по разсмотрѣнію обстоятельствъ. Шляпка вышла въ послѣдствіи больше чѣмъ хороша—прелестна, какъ разсмотрѣлись да поприглядѣлись на здѣшнія выписныя.

Замѣтивъ на пакетѣ вашемъ черную печать, я погрустилъ о горѣ вашемъ, а узнавъ о причинѣ, принимаю искреннее участіе. Знаю и испытываю, какое благо добрая жена!

Отрывки изъ записокъ Автонома Акимовича Солтановскаго.[1]

(ПРОДОЛЖЕНІЕ).

У каждаго уѣзднаго военнаго начальника были еще участковые военные начальники: поручики, штабсъ-капитаны. Скоро ихъ испортила большая власть и угодничество пановъ и ксендзовъ. Они зазнались и стали во всемъ потакать панамъ и ксендзамъ. Конечно, между ними были исключенія, но довольно рѣдкія. Я сразу замѣтилъ, что мнѣ много будетъ съ ними хлопотъ по училищному дѣлу. Я рѣшился расположить ихъ къ себѣ своимъ авторитетомъ и ласковымъ обхожденіемъ. Но это рѣдко пособляло. Пришлось ихъ гнуть. Нѣкоторые изъ этихъ господъ успѣли жениться на полькахъ, помѣщичьихъ дочкахъ, и зажили барами на ихъ приданое.

Въ мѣстечкѣ Шакахъ вла дислаовскаго уѣзда учителя жаловались, что имъ неисправно выплачивается содержаніе. Бургомистръ сознался, что складку училищную жители вносятъ неохотно, и часто участковый начальникъ пріостанавливаетъ сборъ таковой. Учителя прибавили, что участковый въ большой дружбѣ съ пробощемъ, а пробощъ злится за устраненіе его отъ должности попечителя училища. „Почему вы сами не просите участковаго начальника?" —Къ нему нѣтъ доступа: онъ сдѣлался большой баринъ!—отвѣчали учи-

[1]) См. „Кіев. стар." 1893 г., № 11.

теля. „Кто онъ?“—Поручикъ N.—Я думалъ, что если я, вмѣсто того чтобы пригласить его къ себѣ для объясненій, сдѣлаю ему визитъ, то N охотно исполнитъ мое требованіе, и мнѣ не прійдется безпокоить генерала Ганецкаго. Часовъ въ 11 утра, оставляя Шаки, я подъѣхалъ къ квартирѣ N. Долго я напрасно звонилъ съ параднаго хода. Мнѣ не отпирали. Думая что никого нѣтъ дома, я направился уже къ экипажу. Но вдругъ изъ-за забора слышу: тебѣ, панъ, что нужно? Вижу стоитъ солдатикъ съ щеткой въ рукахъ. „Начальникъ дома?“—Дома!—„Отопри мнѣ входъ!“—Туда нельзя—отвѣчалъ солдатикъ: идите черезъ дворъ.—Онъ ввелъ меня въ кухню, а затѣмъ въ свою лакейскую комнату и понесъ мою карточку барину. Входя, солдатикъ не заперъ за собою двери, и начальникъ и я очутились лицомъ къ лицу: онъ—на креслѣ у самовара, я—въ лакейской. N былъ въ рубахѣ и въ персидскомъ халатѣ въ накидку, въ туфляхъ на босую ногу. Онъ окинулъ меня юпитерскимъ окомъ, посмотрѣлъ карточку и сказалъ громко, чтобы я слышалъ; „Что за невѣжливость безпокоить въ такую раннюю пору! Скажи этому начальнику Дирекціи, что раньше часу я его не приму. Пусть явится въ часъ!“ Не дожидаясь передачи этихъ словъ, я вышелъ и уѣхалъ изъ Шакъ. Пришлось обо всемъ передать Начальнику Военнаго Отдѣла. Спустя нѣсколько дней генералъ Ганецкій сообщилъ мнѣ, что училищная складка во всемъ участкѣ N собрана вполнѣ, и учителя исправно получаютъ жалованье. При этомъ Ганецкій сказалъ, что участковому N предписано строжайше, при проѣздѣ моемъ черезъ его участокъ, встрѣчать меня на границѣ участка въ полной формѣ, рапортовать объ исправномъ сборѣ складки и исправной выдачѣ учителямъ жалованья и топлива, провожать меня отъ училища къ училищу и въ мѣстахъ отдыха и ночлега отводить мнѣ приличныя и удобныя квартиры. Квартира въ объѣздѣ не полагалась. При этомъ Ганецкій просилъ меня держать себя съ участковымъ начальникомъ N по-начальнически. При первомъ объѣздѣ я встрѣтилъ N на границѣ его участка и выслушалъ отъ него рапортъ. N скакалъ двое сутокъ впереди моего экипажа. Въ училищныхъ комнатахъ держался у порога, а въ

ночлежной квартирѣ стоялъ у порога до тѣхъ поръ, пока я не опустилъ его, все спрашивая, не будетъ ли какихъ приказаній. Это хорошо подѣйствовало и на другихъ участковыхъ. Они стали являться во время моихъ объѣздовъ ко мнѣ; исполняли мои требованія и просили въ случаѣ надобности присылать прямо къ нимъ требованія, не обращаясь къ начальнику Отдѣла. Требованія эти будутъ исполняться безъ замедленія. Такимъ образомъ, благодаря Ганецкому учителя стали исправно получать свое содержаніе, а при обезпеченномъ ихъ состояніи уже не такъ трудно было, какъ слѣдуетъ, вести учебную часть.

Въ Маріампольскомъ уѣздѣ я нашелъ слѣдующія 8 училищъ: 1) Маріамп. Катол. (1808); 2) Маріамп. Еванг. (1840); 3) Пильвишки Катол. (1833); 4) Пильвишки Еванг. (1833); 5) Бальвержишки Кат. (1844); 6) Прены Кат. (1802); 7) Прены Еван. (1849) и 8) Годлево Еван. (1846).

Въ Августовскомъ уѣздѣ были слѣд. училища: 1) Август. Кат. (1806 г.); 2) Рачки Кат. (1834); 3) Гутта Штабинская Кат. (1859); 4) Штабинъ (1859); 5) Липскъ Кат. (1812) и 6) Сопоцкинъ Кат. (1850). И такъ во всей губерніи я нашелъ 48 начальныхъ училищъ, которыя учреждались въ разное время. Филипповское въ XVI столѣтіи, Виштинецкое тоже въ XVI столѣтіи; всѣ прочія въ XIX столѣтіи; начиная съ 1800 и по 1864 годъ. Липскъ и Сопоцкинъ находятся въ мѣстности, сплошь и рядомъ населенной русскими уніатами, которые въ домашнемъ обиходѣ, не смотря на знаніе польскаго языка, употребляютъ между собою русскій языкъ. Въ Сопоцкинскомъ и Липскомъ училищахъ русскій языкъ вовсе не преподается; З. Божій читали для уніатскихъ дѣтей католическіе ксендзы. Уніатскіе священники были всѣ шляхетскаго католическаго происхожденія; они получили воспитаніе въ базиліанской школѣ. Они носили костюмъ католическихъ ксендзовъ. Въ обращеніи съ народомъ употребляли польскій языкъ. Хотя богослуженіе совершалось на церковно-слявянскомъ; но разныя *литанья* и *гимны* пѣлись на польскомъ языкѣ въ сопровожденіи *органа*. При богослуженіи употреблялись колокольчики, какъ это имѣетъ мѣсто въ костеляхъ. Эти священники внушали народу, что

уніаты, имѣя своимъ главою римскаго папу, составляютъ особый видъ католиковъ и поляковъ, и потому они имѣютъ право совершать таинства и требы и въ своихъ храмахъ, и въ католическихъ костелахъ. Вся разница въ томъ, что католики, даже хлопы католики—шляхетскаго происхожденія, а уніаты всѣ хлопскаго происхожденія. Богатые уніаты, особенно уніатки, чтобы причислить себя къ шляхетскому польскому происхожденію, переставали мало по малу посѣщать свои церкви, а ходили въ костелы, исполняли тамъ таинства и требы и заносились въ костельные списки въ число католическихъ прихожанъ. Такимъ образомъ много уніатскихъ семействъ числились и въ церковныхъ уніатскихъ спискахъ, какъ уніаты, и въ костельныхъ спискахъ, какъ католики. Уніатскіе священники во всемъ подражали католическимъ ксендзамъ и тоже, какъ послѣдніе, братались съ панами и держали ихъ руку. Все различіе отъ ксендзовъ состояло только въ томъ, что уніатскіе священники были женаты. Но семейства ихъ стыдились посѣщать хлопскія уніатскія церкви. Они посѣщали костелы и въ нихъ исповѣдывались, считая себя настоящими католиками. Семейства этихъ священниковъ въ религіи и въ политикѣ были фанатичнѣе самихъ поляковъ-католиковъ, и въ революціи 1863 г. принимали очень дѣятельное участіе.

Оставляя Сувалкскую учебную Дирекцію въ 1871 году, я оставилъ въ ней слѣдующія учебныя заведенія, снабженныя въ достаточномъ количествѣ учебными пособіями, въ томъ числѣ для нагляднаго обученія, и во всѣхъ этихъ училищахъ преподаваніе всѣхъ предметовъ происходило на русскомъ языкѣ: 1) Сувалкская семиклассная мужская гимназія, 2) Сувалкская шестиклассная женская гимназія; 3) Маріампольская семиклассная гимназія, 4) Вейверскіе Педагогическіе трехклассные курсы и 5) Начальныя училища: въ Августовскомъ уѣздѣ—34; въ Маріамп. уѣздѣ—19; въ Владиславовскомъ уѣздѣ—13; въ Волковышскомъ уѣздѣ—21; въ Кальварійскомъ уѣздѣ—16; въ Сейнскомъ уѣздѣ—15; въ Сувалкскомъ уѣздѣ—23. Въ теченіе 64-хъ лѣтъ въ Сувалкской, прежде Августовской губерніи, устроено было всего 46 училищъ, т. ч. со старыми двумя (XVI вѣка) я

засталъ 48 училищъ. Въ теченіе пяти лѣтъ я успѣлъ вновь открыть *девяносто три* училища, подготовилъ учителей для нихъ, завелъ въ нихъ библіотеки, снабдилъ всѣми учебными пособіями, въ томъ числѣ наглядными, прочно водворилъ въ нихъ государственный языкъ. Для православныхъ дѣтей, оставшихся сиротами послѣ православной солдатки матери или послѣ православнаго солдата отца, открылъ училища въ Сувалкахъ, Маріамполѣ и Кибортахъ. Для единовѣрцевъ, которымъ предстояло тоже, въ виду необходимости грамотности, посылать дѣтей въ польскія училища, открылъ четыре училища. Для старообрядцевъ открылъ три училища и для русскаго населенія грекоуніатской мѣстности тринадцать училищъ. Евреи тоже получили свои самостоятельныя училища, въ которыхъ всѣ предметы и религія преподавались на русскомъ языкѣ. Нѣмцы волей неволей должны были учиться по-русски. Правда, за нихъ мнѣ пришлось вытерпѣть и много униженій и сдѣлать своимъ врагомъ сенатора Витте, который пригласилъ меня въ Царство Польское. Онъ принялъ сторону Жерве; приписалъ ему почти весь успѣхъ учебнаго дѣла; мнѣ надѣлалъ грубостей; но какъ порядочный и при томъ осторожный человѣкъ, сознавая, съ одной стороны, свою несправедливость, съ другой, опасаясь компрометировать себя въ сочувствіи нѣмецкимъ стремленіямъ, онъ выражалъ въ одно и то же время одобреніе моимъ дѣйствіямъ, особенно послѣ министерской ревизіи, и старался косвенно препятствовать мнѣ въ принимаемыхъ мною мѣрахъ и обходить меня наградами; онъ называлъ меня въ лицо своимъ другомъ, говорилъ, что высоко цѣнитъ мою дѣятельность, а за глаза представлялъ меня человѣкомъ грубымъ, упрямымъ, безтактнымъ и немножко краснымъ.

Я лично познакомился съ каждой гувернанткой и гувернеромъ, съ каждой содержательницей ученической картиры, предварительно забравъ справки о ихъ нравственномъ и политическомъ поведеніи и у жандармскаго, и у военнаго начальства, и такъ ихъ направилъ, что въ 1870 году они всѣ шли указаннымъ мною путемъ.

Всѣ города, мѣстечки и посады переполнены были еврейскими религіозными школами (хедерами), въ которыхъ учили

меламеды, религіозные учителя, большею частью фанатики, внушавшіе дѣтямъ ненависть вообще къ христіаннамъ и въ особенности къ русскимъ. Я назначилъ меламедамъ годичный срокъ для выдержанія испытанія въ Дирекціи въ толковомъ чтеніи и письмѣ по-русски, и тѣхъ только допускалъ къ преподаванію въ хедерахъ, которые выдержали удовлетворительно это испытаніе. Такимъ образомъ чтеніе и письмо на русскомъ языкѣ проникло и въ эти училища. Чтобы не произвести волненія между еврейскимъ населеніемъ, я предварительно пригласилъ къ себѣ изъ всей губерніи раввиновъ на совѣщаніе и объяснилъ имъ необходимость евреямъ знать государственный языкъ, сказавъ, что кромѣ этой цѣли у меня нѣтъ другой, и что преподаваніе религіи останется неприкосновеннымъ. Они обѣщали обратиться во время богослуженія въ синагогахъ къ евреямъ и успокоить ихъ. Дѣйствуя такъ, я имѣлъ основаніе въ какомъ-то постановленіи совѣта Царства Польскаго, по которому тѣ только меламеды должны были допускаться къ преподаванію, которые получали номинацію отъ училищной власти. Хедеровъ въ губерніи оказалось до 500, а учащихся въ нихъ дѣтей болѣе 10,000.

Католическое духовенство относилось къ учебному дѣлу съ крайней безпечностью и равнодушіемъ, пока всѣ училища состояли въ полномъ его распоряженіи. Они обращали вниманіе на училища настолько, насколько они доставляли духовенству доходную статью. Теперь же, когда училища не только стали рости, какъ грибы послѣ дождя, но и получили русскую окраску, и не только въ ихъ стѣнахъ, но и на поляхъ, и въ лѣсахъ, при работахъ и пасеніи скота, послышалась русская пѣсня, духовенство вдругъ обнаружило интересъ къ учебному дѣлу. Съ одной стороны, ложными слухами и предсказаніями оно старалось поселить въ народѣ нелюбовь къ училищамъ, руководимымъ властью; съ другой—оно стало учреждать секретныя училища для мальчковъ и дѣвочекъ по плебаніямъ, гдѣ преподавателями явились органисты, а также дьячки и пономари, и снарядило множество странствующихъ учителей, которые за ничтожное вознагражденіе, переходя изъ селенія въ

селеніе, обучали дѣтей, согласно указанію ксендзовъ. Эти учителя состояли изъ разнаго сброда: изъ семинаристовъ, гимназистовъ, удаленныхъ за дурное поведеніе и неуспѣшность изъ заведеній; изъ панской прислуги, изъ грамотной монастырской прислуги и прислуги католическаго духовенства; изъ изгнанныхъ изъ службы чиновниковъ и офиціалистовъ. Всѣ эти люди заявили себя добрыми патріотами, побывавши въ повстанскихъ бандахъ и подравшись съ москалями. Исполняя волю ксендзовъ, они, приходя въ деревню или селеніе, внушали матерямъ, что въ руководимыхъ правительствомъ училищахъ ихъ дѣти погибнутъ. Тамъ ихъ учатъ по-русски для того, чтобы послѣ забрать всѣхъ въ москали и приготовить къ принятію московской схизматицкой вѣры; что дѣвочки тоже отступятъ отъ польской вѣры и сдѣлаются московками. Мужиковъ они подговаривали не платить училищной складки, извиняясь бѣдностью и тѣмъ, что дѣды и прадѣды ихъ счастливо жили, не учась русской грамотѣ. Явились даже попытки организовать правильныя учебныя заведенія. Такихъ попытокъ было двѣ: одна—въ селеніи Вейверы, лежащемъ на перворазрядномъ шоссе изъ Ковно въ Маріамполь; другая—въ стѣнахъ духовной семинаріи въ Сейнахъ. Съ открытіемъ желѣзныхъ дорогъ перворазрядное шоссе потеряло свое значеніе. Почто-содержатели помѣстились въ собственныхъ домахъ, а двухъ-этажныя зданія почтовыхъ станцій со всѣми хозяйственными постройками остались безъ употребленія. Въ Вейверахъ подлѣ самаго шоссе стояло пустымъ такое зданіе. Въ немъ произвольно помѣстились какія то три монахини подъ видомъ сестеръ милолосердія и открыли пріютъ для бѣдныхъ дѣтей. Во время революціи пріютъ этотъ служилъ ширмою для сокрытія депо военныхъ припасовъ для бандъ. Въ хозяйственныхъ постройкахъ складывалось сѣно, овесъ, мука, полотна, сукна, сухари, которые со всѣхъ помѣщичьихъ фольварковъ присылали сборщики податей, адресуя предметы эти для надобностей пріюта. Въ подвалахъ же зданія хранилось оружіе, порохъ, свинецъ; точили палаши, ковали пики; шили рубахи, штаны, шапки, мундиры и шинели для повстанцевъ. Жандармы и военныя власти постоянно шмыгали

по шоссе около зданія, знали, что тамъ благочестивый пріютъ; но никому не приходило въ голову искать въ такомъ видномъ, бойкомъ мѣстѣ склады всевозможныхъ повстанскихъ принадлежностей. Когда повстанье стало затихать, и депо исчерпало свои запасы, благочестивыя монахини организовали вольное училище для дѣтей всѣхъ сословій. Боясь однакожъ, чтобы учебное вѣдомство ихъ не накрыло въ большомъ зданіи почтовой станціи, пріискали для училища помѣщеніе въ глухой части селенія. Объѣзжая дирекцію на нанятыхъ лошадяхъ, взятыхъ на биржѣ, я останавливался для корма лошадей въ корчмахъ на большихъ и проселочныхъ дорогахъ. Съ извощиками и хозяевами корчемъ говорилъ по-польски. Взятый съ биржи извощикъ вовсе не зналъ, кого онъ везетъ. На вопросъ хозяевъ онъ обыкновенно отвѣчалъ: пана изъ Сувалокъ! Канцелярія моя тоже не знала, куда я отправляюсь. Пока кормили лошадей, я сидѣлъ въ общей комнатѣ въ корчмѣ и курилъ трубку. Меня не стѣснялись посѣтители корчмы и разговаривали обо всемъ свободно. Тутъ-то я узналъ о существованіи въ Вейверахъ и Сейнахъ секретныхъ училищъ; объ учреждаемыхъ училищахъ въ плебаніяхъ и мѣстопребываніи многихъ странствующихъ учителей, и кто они такіе. Ксендзы, объѣзжая свои парохіи во время рождественскихъ праздниковъ, посѣщали школы странствующихъ учителей, производили дѣтямъ испытанія и награждали ихъ крестиками, молитвенниками на польскомъ языкѣ и разными изображеніями святыхъ.

Въ теченіе трехъ лѣтъ я напрасно обращался къ губернатору, прося его содѣйствія въ искорененіи незаконныхъ учителей и учительницъ среди народа, заводимыхъ съ вредною для правительства цѣлью польскимъ духовенствомъ. Указывалъ я въ своихъ отношеніяхъ тѣ плебаніи, гдѣ ксендзы, и кто именно, открыли училища; называлъ фамиліи странствующихъ учителей и мѣста ихъ дѣятельности. Губернаторъ не отвѣчалъ мнѣ. Но, когда, вслѣдствіе заявленія Предсѣдателя Коммиссіи по крестьянскихъ дѣламъ въ Учредительный комитетъ данъ былъ губернатору Высочайшій выговоръ,—тогда только онъ сочинилъ, литографировалъ и разослалъ уѣзднымъ начальникамъ

секретный циркуляръ, въ которомъ въ общихъ выраженіяхъ приглашалъ ихъ содѣйствовать распространенію законныхъ училищъ, противодѣйствовать интригамъ пановъ и духовенства и обратить вниманіе на незаконныхъ учителей. Этотъ циркуляръ впрочемъ остался безъ всякихъ послѣдствій для учебнаго дѣла. На Крестьянскую Коммиссію возложено было Учредительнымъ Комитетомъ не только содѣйствовать учебному дѣлу, но принимать всѣ зависящія мѣры къ открытію училищъ среди народа. Въ Сувалкской губерніи Коммиссары за все время до 1870 г. и пальцемъ не шевельнули для содѣйствія Дирекціи. Напротивъ, часто они мѣшали, состоя въ весьма интимныхъ отношеніяхъ съ панами и ксендзами. Комисары и не въ состояніи были по своему образованію помочь учебному дѣлу. Сенаторъ Соловьевъ, при закрытіи Учредительнаго Комитета, напечаталъ брошюру, въ которой весь успѣхъ учебнаго дѣла въ Царствѣ и открытіе и организованіе всѣхъ народныхъ училищъ приписалъ коммиссіямъ по крестьянскимъ дѣламъ. Это—крупная ошибка Соловьева, вѣроятно, введеннаго въ обманъ ложными отчетами предсѣдателей Коммиссій по крестьянскимъ дѣламъ.

Вейверское училище монахинь представляло не столько опасности для учебнаго дѣла, сколько училище, организованное епископомъ, графомъ Лубенскимъ, въ стѣнахъ Сейнской Семинаріи. Къ монахинямъ я боялся самъ проникнуть, опасаясь, чтобы онѣ не обвинили меня въ какомъ нибудь насиліи; но, посѣщая Сейнскую Семинарію, я рѣшился посѣтить Епископское училище. Вскорѣ послѣ прибытія въ Сувалки, я счелъ нужнымъ сдѣлать визитъ Епископу, графу Лубенскому, въ его резиденціи въ Сейнахъ. Я пріѣхалъ въ Сейны поздно вечеромъ, остановился въ заѣзжемъ еврейскомъ домѣ. Съ мишурисомъ заговорилъ по-польски и обѣщалъ на слѣдующій день расписаться въ домовой книгѣ. Извощикъ мой не зналъ, кого онъ привезъ. Между тѣмъ ксендзъ какимъ-то чудомъ провѣдалъ о моемъ пріѣздѣ. Епископа не было дома; но онъ ожидалъ моего визита, и, отлучаясь изъ Сейнъ, приказалъ немедленно дать ему

знать въ случаѣ моего пріѣзда. Онъ гостилъ у какой то графини. Ксендзъ послалъ къ нему гонца. Когда я взошелъ на крыльцо епископскаго палаца и спросилъ швейцара, дома ли епископъ,—онъ, не отвѣчая на мой вопросъ, отперъ передо мною дверь и пригласилъ меня въ переднюю. Два лакея раздѣли меня и пригласили подняться вверхъ по парадной лѣстницѣ. На площадкѣ меня привѣтствовали два ксендза низкими поклонами и повели выше. Другіе два лакея раскрыли передо мною дверь въ гостинную. Меня встрѣтили два прелата низкими поклонами и просили присѣсть на диванѣ. Я спросилъ: могу-ли видѣть епископа. Они отвѣчали, что его нѣтъ дома, но къ нему еще утромъ посланъ гонецъ, и онъ не позже, какъ черезъ часъ будетъ дома. Оффиціантъ открылъ дверь въ столовую и доложилъ, что поданъ завтракъ. Прелаты стали меня приглашать къ завтраку. Я отказывался, что такъ рано не завтракою. Они просто умоляли отвѣдать епископской хлѣба соли, иначе ихъ епископъ сгонитъ со свѣта, скажетъ, что они не съумѣли меня принять и упросить. На столѣ оказалось блюдо котлетъ съ горошкомъ, блюдо рыбы, сыръ, икра, балыкъ и нѣсколько бутылокъ вина. Я взялъ на тарелку котлетку; мнѣ налили рюмку вина. Я сталъ закусывать; но прелаты не прикасались къ пищѣ. Это меня немного смутило. Я боялся, не отравлена-ли пища; но продолжалъ ѣсть, боясь обнаружить трусость. Прелаты на мой вопросъ объяснили, что они не могутъ ѣсть, потому что будутъ еще служить мшу. Послѣ завтрака я отправился въ семинарію. Прелатъ, регенсъ семинаріи, старичекъ Андрушкевичъ представилъ мнѣ четыре семинарскихъ класса. Учениковъ въ приготовительномъ классѣ оказалось 14, въ философскомъ 20, во 2 философскомъ 25 и въ теологическомъ 3. По слухамъ секретное училище состояло подъ управленіемъ и руководствомъ кс. Іезуита Мезоніевъ. На третій день графъ Лубенскій въ каретѣ шестеркою бѣлыхъ коней съ форейторомъ прикатилъ ко мнѣ въ Сувалки съ ревизитомъ. Онъ былъ очень любезенъ.

При дальнѣйшемъ осмотрѣ начальныхъ училищъ и разборѣ училищныхъ дѣлъ, переданныхъ въ Дирекцію изъ гу-

бернскаго правленія, открыто мною множество безпорядковъ. Въ Зусно училище нѣсколько лѣтъ числилось только на бумагѣ. Въ дѣйствительности не оказалось ни училищнаго дома, ни мебели, ни учебныхъ пособій, ни учителя. Учитель пошелъ въ банду и пропалъ безъ вѣсти. Часть училищной мебели присвоилъ себѣ ксендзъ опекунъ, а часть растаскана неизвѣстно кѣмъ. Складка въ пользу училища собиралась, и ксендзъ опекунъ получалъ подъ росписку въ свой карманъ и деньги на наемъ помѣщенія для училища и учителя, и жалованье, слѣдовавшее пропавшему безъ вѣсти учителю, и жалованье блюстителя училища. Въ Пренахъ учитель тоже отправился въ лѣсъ. Бургомистръ, ксендзъ и жители безъ всякаго разрѣшенія и утвержденія избрали учителемъ нѣкоего Лейковскаго, раненнаго въ бандѣ повстанца, и ему поручили училище. Въ Калетникѣ жители составили приговоръ собрать деньги и построить домъ для училища и учителя. Когда явился Высоч. указъ объ учрежденіи учебныхъ дирекцій, мѣстный пробощъ занялъ выстроенный уже домъ училищный для костельной прислуги. Посланные Жерве чиновники губернскаго правленія, поляки, такъ называемые губернаторскіе делегаты, для описанія зданій, принадлежащихъ костеламъ, училищный домъ въ Калетникѣ отписали на костелъ. Жерве утвердилъ этотъ актъ. Когда я, на основаніи приговора, потребовалъ возвращенія означеннаго дома учебному вѣдомству, Жерве отписывался и даже собственноручно написалъ мнѣ многолистный отвѣтъ, въ которомъ силился доказать, что его делегаты поступили правильно, такъ какъ общество измѣнило свое намѣреніе открыть училище и домъ пожертвовало костелу. Между тѣмъ общество составило новый приговоръ, въ которомъ постановило открыть въ построенномъ имъ домѣ училище и на содержаніе его опредѣлило сумму, но училище и учитель еще долго тѣснились въ сырой, темной и тѣсной комнатѣ, уступленной даромъ однимъ хозяиномъ подъ училище. Въ Филиппово тоже не оказалось учителя: онъ бѣжалъ за границу. Нѣкоторыя училища заняты были подъ помѣщенія ротныхъ квартиръ, а въ Маріамполѣ училищный домъ занятъ былъ ротною церковью. Училище-же

помѣщено было въ монастырѣ Маріановъ. Благодаря Ганецкому, училищные дома были немедленно очищены военными властями. Не только ксендзы, помѣщики, панки, гминные писаря дѣлали все возможное, чтобы помѣшать организовать училища на основаніи Высоч. указа 1864 года о начальныхъ училищахъ въ Царствѣ Польскомъ, но всѣ вообще польскіе чиновники стремились къ той же цѣли, дѣйствуя или непосредственно, или посредствомъ податливыхъ русскихъ властей. Я замѣтилъ, что со времени изданія Высоч. указа всѣ лѣсничіе прекратили отпускъ топлива для училищъ, слѣдующаго имъ по штатамъ. Мнѣ стоило много труда заставить Жерве настоять на своевременномъ отпускѣ для училищъ топлива. Казенныхъ палатъ тогда еще не было, и государственныя имущества состояли въ вѣдѣніи губернскаго правленія и губернатора. Время вакацій въ училищахъ зависѣло отъ воли опекуна-ксендза. Въ нѣкоторыхъ училищахъ ученіе продолжалось мѣсяцъ, въ другихъ 6 недѣль, въ иныхъ 4 мѣсяца, а въ иныхъ 6 и 7 мѣсяцевъ въ году. Въ росписаніи предметовъ преподаванія было страшное разнообразіе. Такъ, въ иныхъ начальныхъ училищахъ читались польская исторія и французскій языкъ; въ другихъ географія Польши, всеобщая географія и языки латинскій и нѣмецкій; въ нѣкоторыхъ—польская грамматика, польская поэзія и латинскій языкъ. Одинъ русскій языкъ не имѣлъ мѣста въ росписаніи преподаваемыхъ предметовъ. Въ книжныхъ шкафикахъ въ училищахъ я находилъ и карты Польши въ предѣлахъ отъ моря и до моря, и исторію Польши разныхъ авторовъ, и Kmiotka, и польскія грамматики, и польскія хрестоматіи (Wypisy). Иногда попадался русскій букварь или грамматика Востокова, затасканная, безъ начала и конца. Попадались даже какіе-то обрывки изъ Колокола, изд. Герценомъ, Богъ вѣсть, какъ попавшіе въ начальныя училища.

О Вейверскомъ училищѣ монахинь я могъ писать подлежащимъ властямъ, основываясь на слухахъ; но объ училищѣ графа Лубенскаго нужно было писать на основаніи достовѣрнаго факта. Семинарія въ Сейнахъ составляетъ одно зданіе съ кафедральнымъ костеломъ. Она обнесена каменною стѣною и, кромѣ главнаго,

имѣетъ боковые входы. Оба этажа семинаріи изрѣзаны корридорами, изъ которыхъ частыя двери въ отдѣльныя келіи. Тамъ, вѣроятно, прежде помѣщался монастырь и жили монахини. Изъ личнаго осмотра зданія съ улицы и изъ разспросовъ я узналъ, что есть въ стѣнѣ калитка, черезъ которую можно проникнуть въ семинарію; сверхъ того, можно еще проникнуть черезъ ворота чернаго двора. Однажды я объявилъ въ своей канцеляріи, что уѣзжаю только на сутки въ Смоляны и назначилъ чиновникамъ къ слѣдующему дню срочную работу. Я зналъ, что изъ канцеляріи сейчасъ будетъ сообщено въ городъ, куда я уѣхалъ. Поѣхавъ по смолянской дорогѣ, я свернулъ проселкомъ на сейнское шоссе и подъѣхалъ къ боковой въ стѣнѣ калиткѣ. Я былъ одѣтъ въ баранью шубу и такую же шапку, и выглядѣлъ польскимъ панкомъ въ такомъ костюмѣ. Калитка оказалась незапертой. Я проникъ въ корридоръ. Слышу за первой дверью женскіе голоса, пѣсни. Отворяю дверь со словами: Niech będzie pochwalony Jesus Christus! Передо мною нѣсколько красивыхъ молодыхъ дѣвушекъ: одна изъ нихъ занята какими то выкройками и шитьемъ, другія на серединѣ комнаты, вѣроятно, шалили. Въ отвѣтъ мнѣ: amen! Одна дѣвушка подбѣжала съ вопросомъ, что мнѣ нужно? Я отвѣчалъ, что хочу опредѣлить племянника въ школу ксендза Мезоніевъ и просилъ указать мнѣ, гдѣ помѣщается школа. Дѣвушка разсказала мнѣ, куда идти. Пробираясь корридорами, я подошелъ къ указанной мнѣ дѣвушкой двери. Вдругъ дверь отворилась и оттуда выскочили въ курточкахъ три мальчика лѣтъ 9-ти или 10-ти. Они остановились, оторопѣли. Я спросилъ ихъ: „здѣсь ли училище ксендза Мезоніевъ, и дома-ли онъ самъ“. Мальчики переглянулись, пошептались, и одинъ изъ нихъ посмѣлѣе отвѣчалъ: „я Васъ провожу въ училище! ксендза Мезоніевъ нѣтъ: онъ служитъ; вотъ они извѣстятъ его. „Два мальчика кинулись куда-то бѣгомъ, а говорившій предложилъ мнѣ поворотить въ изгибы корридора. Низенькая дверь, изъ которой выскочили мальчики и на которую указала дѣвушка, заставила меня предполагать, что дѣйствительно училище не здѣсь, что тутъ или какая то каморка, или чего добраго отхожее мѣсто.

Я пошелъ впередъ, мальчикъ за мною. Я предлагалъ ему вопросы. Онъ отвѣчалъ на нихъ очень сдержанно и осторожно. Вдругъ на мой вопросъ не послѣдовало отвѣта. Я оглянулся—мальчикъ исчезъ, вѣроятно, въ одной изъ боковыхъ дверей, бывшихъ по обѣ стороны корридора. Увидя себя обманутымъ, я быстро воротился къ двери, указанной дѣвушкой, отворилъ ее и очутился въ темной каморкѣ. Когда глазъ привыкъ различать въ темнотѣ, я замѣтилъ, что каморка наполнена старыми хоругвями, поломанными скамьями и поломанными деревянными подсвѣчниками. Я думалъ уже убраться назадъ въ корридоръ; но гдѣ то за стѣною послышался гулъ, будто въ пчелиномъ ульѣ. Я поворотилъ въ эту сторону голову и замѣтилъ тоже низенькую дверь. Приписывая гулъ собранію дѣтей, я быстро сбросилъ съ себя шубу и отворилъ дверь. Передо мною была большая свѣтлая, училищная комната, съ каѳедрой, скамьями, на которыхъ сидѣло душъ 40 мальчиковъ, а предъ скамьями стоялъ высокій молодой ксендзъ съ поднятою вверхъ рукою. Онъ что-то разъяснялъ дѣтямъ.

Узнавши меня, а ксендзы уже всѣ успѣли меня примѣтить, онъ такъ и окаменѣлъ съ поднятою вверхъ рукою. Я поздравствовался съ дѣтьми. Они не поднялись, только устремили на ксендза вопросительный взглядъ. На вопросы мои ксендзъ откровенно мнѣ объяснилъ все, вѣроятно, пораженный неожиданностью. Я узналъ, что мальчиковъ болѣе 40; что они всѣ содержатся на пожертвованія помѣщиковъ и средства епископа, что ихъ обучаютъ: религіи, языкамъ польскому и французскому, ариѳметикѣ, польской и французской исторіи и географіи; что здѣсь дѣти всѣхъ сословій, преимущественно же изъ простого званія изъ-за Нѣмана; что есть русины-уніаты. Ксендзъ показалъ мнѣ ихъ спальный залъ и столовую. Въ спальнѣ стояло по три кровати рядомъ и ночной столикъ, опять три кровати и т. д. Послѣ я узналъ, что дѣти по тройкѣ сидѣли и въ классѣ, и въ столовой, и даже гуляли, что ихъ исповѣдывали каждый день. Но исповѣдывающійся говорилъ не свои грѣхи, а грѣхи своихъ двухъ неразлучныхъ товарищей, которые онъ обязанъ былъ подмѣчать. Явился кс. Мезоніевъ; онъ былъ смущенъ, но старался казаться раз-

вязнымъ, кланялся, говорилъ мнѣ всякаго рода любезности, между прочимъ, что епископъ будетъ крайне жалѣть, если узнаетъ, что я проѣзжалъ черезъ Сейнъ, а его не было. Онъ такъ радъ меня видѣть; онъ очарованъ вами! Объ этихъ училищахъ я донесъ Главному Директору Коммиссіи народнаго просвѣщенія и сообщилъ Начальнику Отдѣла Ганецкому, губернатору Жерве и жандармскому штабъ-офицеру. Предполагая, что епископъ едвали-бы самъ рискнулъ, безъ всякаго разрѣшенія, основать это іезуитское училище, я обратился къ Жерве съ запросомъ, нѣтъ ли у него въ дѣлахъ Губернскаго правленія какихъ-нибудь свѣдѣній объ этомъ училищѣ. Жерве не медля отвѣчалъ мнѣ, что свѣдѣній никакихъ не имѣется и что указанныхъ мною училищъ въ стѣнахъ семинаріи не существовало и не существуетъ. Но вслѣдъ за тѣмъ отъ Ганецкаго сообщено было подробное описаніе Сейнскаго училища; присланы были бумаги Годлевскаго училища съ извѣщеніемъ, что монахини выѣхали изъ губерніи, и сдѣланъ запросъ, что дѣлать съ Сейнскимъ епископскимъ училищемъ. Я тоже запросилъ Главнаго Директора, какъ быть съ этимъ училищемъ: принять-ли его въ вѣдѣніе дирекціи или нѣтъ, и кто въ первомъ случаѣ долженъ въ немъ преподавать и какіе предметы. Епископъ, между тѣмъ, отправился въ Варшаву; жена графа Берга, итальянка, католичка, къ епископу чрезвычайно благоволила. Главный Директоръ извѣстилъ меня, что епископъ обязался немедленно закрыть училище. Жерве, узнавши отъ епископа подробности открытія училища, назвалъ меня передъ епископомъ сыщикомъ, а не начальникомъ Дирекціи. Сами поляки мнѣ передавали, что, дѣлая распоряженіе въ своей канцеляріи или въ Губернскомъ Правленіи о какой-нибудь отпискѣ мнѣ или Дирекціи, онъ выражался такъ: отвѣтьте на эту бумагу начальнику сыщиковъ или—отвѣтьте на бумагу Сыскной Дирекціи

Поощряемыя Жерве и его супругою польскія тенденціи дошли до того, что одна дѣвица, состоящая подъ надзоромъ жандармовъ, поселившись во второмъ этажѣ дома, стоявшаго насупротивъ, черезъ улицу, противъ помѣщенія Дирекціи и моего, безъ всякаго разрѣшенія открыла, въ подрывъ женской

вновь открытой гимназіи, женскій пансіонъ и распустила слухъ, что если я посмѣю явиться въ ея пансіонъ, то она прикажетъ, воспитанницамъ выгнать меня вѣниками, намоченными въ помояхъ. На просьбу мою объ упраздненіи этого пансіона, Жерве отвѣчалъ, что эта дама бываетъ у его жены и ему извѣстна съ хорошей стороны, и что она содержитъ не пансіонъ, а бѣлошвейную школу, о которой въ Высоч. указѣ нѣтъ никакихъ указаній. На возраженіе мое, что я съ балкона лично каждый день вижу въ открытую дверь, какъ въ пансіонѣ читаютъ, пишутъ и работаютъ на классной доскѣ, и что дѣвицы, вѣроятно съ умысломъ меня дразнить выходятъ на свой балконъ и декламируютъ изъ тетрадокъ польскіе патріотическіе стихи,— Жерве отвѣчалъ, что это мнѣ воображаются все незаконныя училища, учителя и учительницы, которыхъ, благодаря бдительности полиціи, вовсе не существуетъ. Просить жандармское вѣдомство вмѣшаться въ это дѣло оказалось невозможнымъ; требовать, что-бы полиція совмѣстно со мною посѣтила и обревизовала пансіонъ, оказывалось мало практическимъ, такъ какъ м-мъ Жерве могла содержательницу своевременно извѣстить объ этомъ, и я остался-бы въ дуракахъ. Доносить Главному Директору—ни къ чему-бы не повело. Жерве могъ указать, что это моя выдумка, какъ слѣдствіе излишней подозрительности. Пущенная въ ходъ угроза содержательницей пансіона явно указывала, что содержательница дѣйствуетъ съ вѣдома Губернатора и Губернаторши и въ угоду имъ готова дѣйствительно произвести скандалъ. Я пригласилъ къ себѣ по дѣлу въ 11 часовъ утра офицера земской стражи и адъютанта жандармскаго штаба, съ которымъ я былъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Когда въ пансіонѣ начались занятія и на балконъ открыли двери, я пригласилъ ихъ въ качествѣ свидѣтелей взглянуть на то, что происходило въ такъ называемой бѣлошвейной. Тутъ же въ качествѣ свидѣтелей были: мой дѣлопроизводитель и бухгалтеръ. Я сказалъ офицеру земской стражи, что доношу по начальству, и онъ подъ присягой долженъ будетъ подтвердить то, что видятъ всѣ здѣсь присутствующіе. Офицеръ бросился въ пансіонъ. Поднялась тревога. Нѣкоторыя дѣвушки выско-

чили на балконъ и стали подъ горшки съ олеандрами прятать книги и тетради, другія съ кипами книгъ и тетрадей стали заднимъ ходомъ удирать черезъ огороды и заборы. Но нѣсколько штукъ было накрыто офицеромъ, записаны ихъ фамиліи и отобраны у нихъ книги, тетради и росписаніе ежедневныхъ въ пансіонѣ занятій. Офицеръ при рапортѣ все это представилъ Жерве. Вилять оказалось уже невозможнымъ. Жерве извѣстилъ меня, что, заподозрѣвъ такую-то дѣвицу въ содержаніи пансіона безъ законнаго разрѣшенія, онъ приказалъ произвести у нея осмотръ, который подтвердилъ подозрѣніе, почему по его распоряженію пансіонъ закрытъ, а содержательница, какъ уроженка сѣверо-западнаго края, высылается изъ губерніи на родину. Офицеръ земской стражи получилъ строжайшій выговоръ отъ Жерве за осмотръ пансіона безъ его разрѣшенія и приказаніе впредь не смѣть ни въ чемъ слушаться начальника Дирекціи.

Коммиссія Народнаго просвѣщенія предложила мнѣ пригласить архитектора и составить смѣту на починку и приспособленіе, для помѣщенія женской гимназіи, зданія, принадлежавшаго въ Сувалкахъ Коммиссіи Народнаго Просвѣщенія. Это зданіе занималъ Начальникъ военнаго Августовскаго отдѣла Ганецкій и его управленіе. Онъ немедленно покорился моему требованію и очистилъ зданіе. Коммиссія, сверхъ того, поручила мнѣ пріискать зданіе для помѣщенія педагогическихъ курсовъ, и притомъ, если возможно, въ селеніи или въ деревнѣ, подалѣе отъ городовъ и мѣстечекъ. Если таковое зданіе отыщется, то узнать его стоимость и, составивъ смѣту на ремонтъ его, обо всемъ этомъ донести Коммиссіи. Въ цѣлой губерніи оказалось только три зданія. 1). Наружныя стѣны, безъ крыши и внутренняго переплета въ какомъ-то селеніи. Это зданіе принадлежало Ком. внутреннихъ и дух. дѣлъ; его нужно было совсѣмъ разобрать и, воспользовавшись уцѣлѣвшими кирпичами, воздвигнуть новое зданіе. Это стоило-бы весьма дорого и затянуло-бы открытіе педагогическихъ курсовъ на продолжительное время. 2), Другое зданіе предлагала экономія Годлевскаго имѣнія въ селеніи Годлево, лежащемъ въ 10 верстахъ отъ губерн-

скаго города Ковно. Это зданіе—былъ старый хлѣбный сарай, безъ оконъ и дверей, съ одними только въѣздными воротами. Внутри не было переплета. За него просила экономія на чиншевомъ правѣ три тысячи рублей, и сверхъ того, если когда-нибудь педагогическіе курсы будутъ въ Годлево упразднены, то зданіе должно поступить обратно, безъ всякаго вознагражденія, въ вѣдѣніе Годлевскаго имѣнія. Это зданіе для приспособленія для курсовъ нужно было тоже разобрать, такъ какъ стѣны насквозь пропитаны были сыростью. Устроить здѣсь курсы обошлось-бы еще дороже, чѣмъ въ первомъ мѣстѣ, и при томъ зданіе составляло-бы не собственность Ком. Нар. Посвѣщ., а помѣщика. 3), Третье зданіе—это была почтовая вейверская контора. Оно составляло собственность почтоваго вѣдомства. Продавалось съ публичнаго торга три раза. Но никто его не купилъ. Въ первый разъ оцѣнено было въ 6000 руб., второй разъ въ 2000, а третій разъ въ 1000 руб. При этомъ двухъ-этажномъ каменномъ зданіи, крытомъ желѣзомъ, были хозяйственныя постройки, колодезь и четыре десятины земли. Оно лежало въ 3-хъ верстахъ отъ станціи желѣзной дороги изъ Ковно въ Эйдкуненъ, въ 12-ти верстахъ отъ уѣзднаго города Маріамполя и въ 18-ти или 20-ти отъ Ковно. По желѣзной дорогѣ можно было пріѣхать въ Ковно въ 1/2 часа. Это было очень важно: православный инспекторъ и его семейство могли часто въ Ковно посѣщать церковь, исповѣдываться, дѣлать закупки припасовъ, пользоваться врачебною помощью. Изъ маріампольскаго казначейства тоже не далеко было получать содержаніе. Желѣзная крыша, оставаясь долго безъ окраски, поржавѣла во многихъ мѣстахъ и дала течь. Потолки въ этихъ мѣстахъ стали прогнивать. Нужно было дать крупный ремонтъ. По составленной маріампольскимъ уѣзднымъ архитекторомъ смѣтѣ на все это требовалось 1000 р. сер. Вейверское почтовое зданіе я избралъ для курсовъ и съ подробнымъ его описаніемъ и смѣтою представилъ Правит. Ком. Нар. Просвѣщенія. Между тѣмъ какъ-то вскорѣ послѣ этого представленія я зашелъ къ жандармскому полковнику Бѣлановскому. Онъ встрѣтилъ меня словами, что по спѣшному дѣлу самъ собирался ко мнѣ. Тутъ

онъ показалъ мнѣ донесеніе маріампольскаго уѣзднаго жандармскаго начальника. Послѣдній писалъ, что по неизвѣстной для него причинѣ начальникъ Дирекціи избралъ для помѣщенія педагогическихъ курсовъ вейверскую почтовую контору—зданіе, которое невозможно реставрировать по крайней его ветхости. Въ этомъ зданіи въ капитальныхъ наружныхъ и внутреннихъ стѣнахъ во многихъ мѣстахъ отъ верху до основанія такія трещины, что въ нихъ можно просунуть руку. Начальникъ Дирекціи вѣроятно прикажетъ ихъ заштукатурить; но это не остановитъ разрушенія—все зданіе вдругъ можетъ разсыпаться и своими развалинами погребсти и воспитанниковъ, и воспитателей. Вслѣдствіе этого во избѣжаніе несчастнаго случая, онъ счелъ своею священною обязанностію довести до свѣдѣнія начальства о такомъ незаконномъ и вопіющемъ дѣйствіи Начальника Дирекціи. Помѣщеніе курсовъ въ Вейверахъ, въ глухомъ селеніи въ 22 верстахъ отъ города Ковно затруднитъ пропитаніе воспитанниковъ и послужитъ не къ ихъ развитію, а къ одичанію среди грубыхъ литовскихъ мужиковъ. Къ этому онъ счелъ нужнымъ присовокупить, что, сколько ему извѣстно, Годлевская экономія предлагала начальнику Дирекціи на весьма выгодныхъ условіяхъ обширное каменное зданіе въ Годлево, селеніи, имѣющемъ видъ мѣстечка и лежащемъ всего въ 10-ти верстахъ отъ Ковно. Но начальникъ Дирекціи не сошелся какъ-то съ управляющимъ Годлевскаго имѣнія и предпочелъ вейверскую почтовую контору. Я объяснилъ Бѣлановскому все дѣло по пріисканію зданія для курсовъ. „Не повидавшись съ вами, я не рѣшался дать ходъ этому донесенію. Теперь же я его сгоню со свѣта; онъ, безъ сомнѣнія, взялъ взятку отъ управляющаго Годлевскимъ имѣніемъ, и вслѣдствіе этого настрочилъ эту кляузу. Такихъ мнѣ офицеровъ не нужно!“ Я отвѣчалъ Бѣлановскому, что хотя я лично съ инженеръ-архитекторомъ осмотрѣлъ все зданіе подробно; но не можетъ быть, чтобы маріампольскій жандарм. начальникъ безъ всякаго основанія позволилъ себѣ представить подобное донесеніе. Можетъ быть, мы съ архитекторомъ просмотрѣли какія-нибудь опасныя трещины. Я сейчасъ ѣду въ Вейверы и по дорогѣ въ Маріамполѣ

захвачу архитектора. Посему и прошу до моего возвращенія не давать хода этому дѣлу. При вторичномъ, самомъ подробномъ, осмотрѣ не только не оказалось опасныхъ, но даже и безопасныхъ трещинъ въ капитальныхъ стѣнахъ зданія. Въ осмотрѣ участвовалъ войтъ гмины, гминный писарь и понятые, и составленъ протоколъ осмотра. Боясь какихъ-нибудь новыхъ интригъ, я донесъ объ этомъ случаѣ Главному Директору Коммиссіи Народнаго Просвѣщенія, а Бѣлановскій съ своей стороны сдѣлалъ объ этомъ представленіе. Маріамп. жандармск. начальника вызвали въ Варшаву и подвергли двухнедѣльному аресту, затѣмъ онъ былъ куда-то переведенъ.

Къ Годлевскому имѣнію принадлежали и Вейверы. Но это селеніе перешло къ помѣщику Пусловскому, женившемуся на дочери помѣщика Годлевскаго. Старикъ Годлевскій умеръ въ бытность мою въ Сувалкской губерніи. Онъ имѣлъ болѣе 90 лѣтъ. О Годлевскомъ я слышалъ слѣдующій разсказъ. Онъ служилъ въ польскихъ уланахъ и прокутилъ свое небольшое имѣніе. Съ Наполеономъ 1-мъ въ корпусѣ Понятовскаго былъ въ Москвѣ. Затѣмъ сопровождалъ Наполеона на островъ Эльбу. Дрался вмѣстѣ съ нимъ подъ Ватерло. Когда Наполеона засадили на островъ св. Елены, Годлевскій воротился на родину. Въ качествѣ авантюриста, бонвивана, веселаго и занимательнаго разсказчика переѣзжалъ отъ одного богатаго пана къ другому. Объявлены были торги на казенныя земли, покрытыя лѣсами, въ сѣверной части Августовской губерніи. Торги должны были состояться въ казенной Ковенской Палатѣ въ извѣстное число и въ извѣстный часъ. Не имѣя ни копѣйки денегъ, Годлевскій у разныхъ знакомыхъ пановъ досталъ тысячъ двадцать. Зная, что главные конкуренты для покупки земель и лѣсовъ явятся изъ Пруссіи (евреи не имѣли права покупать земли), Годлевскій отправился по дорогѣ въ Эйдкуненъ и заплатилъ на всѣхъ почтовыхъ станціяхъ за то, чтобы подъ разными предлогами прусскихъ купцовъ продержали на станціяхъ лишнее время, и помѣшали бы имъ поспѣть къ торгамъ въ Ковно. Членамъ торговаго присутствія тоже поднесена была приличная взятка. Земли и лѣсъ остались за Годлевскимъ. Но едва кончились торги,

какъ явились прусскіе купцы. Они вступили въ переговоры съ Годлевскимъ и того-же дня онъ за часть только лѣса получилъ столько денегъ, сколько слѣдовало внести въ казну за всѣ земли и лѣсъ, пріобрѣтенный на торгахъ. Затѣмъ Годлевскій сталъ по частямъ ежегодно продавать остальной лѣсъ. Возвратилъ помѣщикамъ взятыя у нихъ двадцать тысячъ и приступилъ къ устройству фольварковъ. Въ теченіе своей жизни онъ построилъ 25 фольварковъ, 1000 экономическихъ строеній, завелъ нѣсколько селеній, деревень и одно мѣстечко. Оставивъ большіе участки лѣса подлѣ своихъ фольварковъ, остальное пространство онъ обратилъ въ пахатныя поля. Лѣса по большей части состояли изъ лиственныхъ породъ, и потому земля оказалась очень плодородною. Годлевскій, не имѣя ни копѣйки денегъ, выше указанной аферой, смышленостью и трудолюбіемъ достигъ громаднаго богатства и считался въ Сувалкской губерніи однимъ изъ самыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ. Другое, хотя и не столь крупное, имѣніе возникло въ южной части Сувалкской губерніи. Это такъ называемое штабинское имѣніе. Графъ Бржестовскій воспитывался въ какомъ-то инженерномъ и артиллерійскомъ училищѣ и вступилъ въ польскую артиллерію. Родители его во время неурядицъ потеряли и прожили все свое крупное имѣніе. Въ наслѣдство молодому графу и его сестрѣ достались только штабинскіе лѣса, не имѣвшіе никакой цѣнности. Графъ ходилъ съ Наполеономъ въ Москву. Послѣ долго проживалъ и учился на разныхъ заводахъ въ Европѣ. Воротившись на родину, онъ устроилъ въ своихъ лѣсахъ чугунный заводъ, послѣ пивоваренный и портерный и, наконецъ, винокуренный. Лѣсъ ничего не стоилъ; кирпичъ тоже приготовлялся на мѣстѣ; всякое старое желѣзо и чугунъ пріобрѣтались за безцѣнокъ; рабочіе стоили пустякъ—графъ не требовалъ отъ нихъ вида. Къ нему стекались со всѣхъ сторонъ люди, поссорившіеся съ полиціею и судомъ. Полиція въ эти лѣса никогда не заглядывала. Графъ самъ управлялъ всѣми работами, оставаясь на заводѣ отъ утра до вечера, и заводъ отлично пошелъ. Штабинская чугунная посуда пріобрѣла извѣстность не только на мѣстѣ, но и въ сѣверо-западномъ краѣ

и даже въ пограничной Пруссіи. Штабинское пиво, портеръ и спиртъ требовались даже въ Варшаву. Портеръ, при хорошихъ качествахъ, отличался баснословною дешевизною—15 коп. за бутылку.

Графъ каждому рабочему отводилъ землю и давалъ лѣсъ на постройку усадьбы. Графъ для своихъ рабочихъ сочинилъ уставъ. Кто изъ нихъ не хотѣлъ подчиняться уставу, тотъ могъ отправляться на всѣ четыре стороны. Пьянство и воровство строго наказывались тѣлесно. Но наказанія опредѣлялись и приводились въ исполненіе сходкою рабочихъ. Три раза высѣченный изгонялся изъ Штабинскаго имѣнія. Шинкарь имѣлъ право продать каждому рабочему въ зимнее время не болѣе трехъ рюмокъ водки, а въ лѣтнее—двухъ. Водка продавалась въ шинкѣ только для проѣзжихъ. Кто прослужилъ въ заводахъ 10 лѣтъ, тому усадьба съ землею дарилась въ вѣчное и потомственное владѣніе. Кто умеръ на заводѣ или окалѣчилъ себя, таковаго семейству назначалось пожизненное содержаніе. Кто выслужилъ на заводѣ 35 лѣтъ, тому опредѣлялась пожизненная пенсія. И механики, и надсмотрщики, и управляющіе на заводахъ сначала были простыми рабочими, а потомъ, подъ руководствомъ графа усвоивъ спеціальныя познанія, занимали высшія мѣста, съ высшимъ окладомъ содержанія. По торговымъ дѣламъ графу иногда приходилось отлучаться за границу. Онъ тамъ закупалъ цѣлыя партіи подарковъ для своихъ служащихъ, ихъ женъ и дѣтей. Изъ рабочихъ заводовъ образовалось два селенія: Гутта-Штабинская, гдѣ былъ простой, но удобный одноэтажный, каменный помѣщичій домъ и всѣ заводы, и мѣстечко Штабинъ. Графъ выплатилъ слѣдуемую часть своей сестрѣ, которая умерла старою барышней въ Варшавѣ, и сверхъ того выработалъ огромный капиталъ, помѣщенный въ процентныхъ бумагахъ. Умирая въ шестидесятыхъ годахъ, онъ завѣщалъ всѣ свои земли и лѣса, свои заводы и свой капиталъ своимъ рабочимъ, жителямъ Гутты-Штабина и мѣстечка Штабинъ, на томъ основаніи, что ихъ честному и усердному труду онъ обязанъ этимъ богатствомъ, которое по всей справедливости должно перейти послѣ его смерти къ нимъ, а не къ его

родственникамъ, никогда, ни въ чемъ ему не помогавшимъ. Жители означенныхъ селеній и мѣстечка отличались трезвостью и честностью. А между тѣмъ или они сами въ молодости, или ихъ отцы представляли всякій сбродъ—убійцъ, воровъ, фальшивыхъ монетчиковъ и проч. Трудъ исправилъ ихъ. Но не каторжный трудъ, не каторжные порядки, а трудъ умѣренный, строгіе, но гумманные порядки. Это образецъ исправительной колоніи для преступниковъ всякаго рода. Долго оспаривалась законность завѣщанія, и правительство поспѣшило взять Штабинское имѣніе и заводы въ свою администрацію; оно, кажется, желало обратить это имѣніе въ выморочное, но въ виду множества родственниковъ, наконецъ, утвердило завѣщаніе. Имѣніе, капиталъ и заводы достались сотрудникамъ покойнаго графа; но казенная администрація въ сильной степени успѣла испортить заведенные порядки и даже надѣлала долговъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Культъ хлѣба въ малорусскихъ колядкахъ.

Земледѣліе—это главный и основной нервъ жизни Малороссіи. Естественно, что оно должно было наложить свою печать на бытъ и воззрѣнія народа, которые и вылились въ величественный культъ хлѣба и земледѣлія, приноровленный къ празднованію Рождества Христова. Насколько можно теперь судить по оставшимся обрядамъ и пѣснямъ, народный праздникъ Рождества представлялъ собою культъ солнца, или собственно празднованіе въ честь возобновляющейся силы солнца и затѣмъ, въ частности, въ честь его благотворнаго дѣйствія на урожай хлѣба. Этотъ культъ земледѣлія представленъ въ живыхъ еще образахъ древне-языческаго міровоззрѣнія, хотя мѣстами старинныя представленія подновлены позднѣйшими христіанскими чертами.

Къ чествованію хлѣба направлены прежде всего многія обрядности, а затѣмъ и колядки [1]). Первенствующее значеніе въ нашемъ народномъ празднованіи Рождества занимаетъ кутья—родъ каши, приготовляемой изъ пшеничныхъ или ячменныхъ зеренъ, смѣшанныхъ съ ситой и растертыхъ макомъ: Самое приготовленіе ея указываетъ на особое почтеніе къ этому священному роду пищи. Приготовляютъ *кутью* часто за день до сочельника. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ для нея требуется со-

---

[1]) Замѣтка объ этомъ въ популярной формѣ уже была сообщена мною въ „Южномъ Сборникѣ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая" (Одесса, 1892 г.) подъ заглавіевъ: „*Колядки, воспѣвающія хлѣбъ и урожай*". II отд. 152—456.

вершенно новый горшокъ. Сваривши, несутъ ее съ особымъ почетомъ *на покутя,* говоря: „иде кутя на покутя“ (уманскій уѣздъ). При этомъ въ почетномъ углу, *на покути*, устраиваютъ особенное мѣсто, кладутъ въ углу сѣно и снопъ жита. Хозяинъ обыкновенно самъ выбираетъ хорошій снопъ жита, иногда вымолоченный, такъ называемый *куль*, несетъ его и квокчетъ для того, по повѣрію народа, чтобы цыплята водились.

Ѣдять кутью въ сочельникъ вечеромъ, послѣ восхода первой звѣзды и ѣдятъ ее обыкновенно послѣ другихъ кушаньевъ, въ заключеніе; иногда, впрочемъ, въ бѣдныхъ семействахъ въ этотъ вечеръ только и подается, что кутья и узваръ. Дѣвушки и хозяева при этомъ гадаютъ по кутьѣ. Дѣвушки, взявши первую ложку кутьи въ ротъ, выходятъ на дворъ и слушаютъ, откуда собака лаетъ,—предвѣщаніе, что оттуда будетъ и суженый. Хозяинъ набираетъ ее (кутьи) въ ложку, подходитъ къ окну, или выходитъ на дворъ и говоритъ; „Морозе, морозе, ходы до насъ кути исти, а колы не идешъ, то нейды й на жито пшеныцю и всяку нашныцю“ [1]). Послѣднюю ложку кутьи бросаютъ въ потолокъ и наблюдаютъ, если много кутьи прилѣпилось, то признакъ, что будутъ хорошо роиться пчелы. По объясненію профессора Сумцова, бросаніе кутьи въ потолокъ означаетъ жертвоприношеніе солнцу [2]). Почтеніе къ кутьѣ на столько большое, что важнѣйшіе моменты Рождественскихъ праздниковъ величаются именемъ кутьи: *богатая кутья*—наканунѣ Рождества Хр. и *голодная кутья*—наканунѣ Богоявленія.

Къ земледѣльческому культу относятся еще нѣкоторыя преданья и обряды. „Послѣ перваго кушанья (въ Рождественскій сочельникъ) хозяинъ, закрывъ глаза, вытаскиваетъ изъ сѣна стебель; если онъ окажется длинный, то будетъ хорошій урожай, въ противномъ случаѣ плохой“ [3]).—Выходятъ еще послѣ кутьи и смотрятъ на небо: если оно чистое, звѣздное—будетъ сухое лѣто, не будетъ урожая; если же падаетъ снѣгъ, иней—будетъ дождливое лѣто, урожайное.

---

[1]) Труды Этн. Стат. Эксп. т. III, 263.

[2]) Хлѣбъ въ обрядахъ и пѣсняхъ Н. Сумцова

[3]) Тр. Э. Ст. Экст. III, 263.

Принадлежности паханія и обрядовое сѣяніе также свидѣтельствуютъ о томъ же культѣ земледѣлія. Въ сочельникъ на столъ кладутъ плугъ и упряжь, а подъ Новый годъ „пашутъ землю и какъ бы приготовляютъ ее для посѣва, при чемъ пѣснями и тѣлодвиженіями представляютъ процессъ паханія“ [1]). Утромъ, въ день Новаго года ходятъ мальчики и посѣваютъ, т. е. представляютъ процессъ сѣянія; набираютъ въ рукавицу зеренъ ржи, пшеницы, гороху, гречки, проса, ячменя и, входя въ хату, обсыпаютъ хозяина и хату, говоря: на счастье, на здоровье, та на нове лито; роды, Боже, жыто, пшеныцю и всяку пашныцю.“ [2]) Желаютъ вызвать урожай и слѣдующими символическими приготовленіями: во время богатаго, „щедраго“ вечера (наканунѣ Новаго года), хозяинъ садится за столъ, обкладываетъ себя пирогами и кнышами; хозяйка приглашаетъ дѣтей ужинать, которыя, входя въ хату, спрашиваютъ: „А де жъ нашъ батько?“—А хиба жъ вы мене не бачите,“ отвѣчаетъ отецъ изъ-за кучи пироговъ.—„Ни, не бачимо, тату!“—Дай же, Боже, щобъ завше не бачилы,“ т. е. чтобы всегда было такое изобиліе хлѣба, какъ въ этотъ вечеръ.“ [3])

Освящающее значеніе хлѣба видно въ слѣдующемъ обрядѣ: „вечеромъ (въ голодную кутью) хозяинъ дома, взявъ хлѣбъ съ крестомъ на верху, называемый пирогомъ, идетъ къ дверямъ строенія, гдѣ помѣщается скотъ, и говоритъ: „Хто иде?“ —„Богъ!“ —„Що несе?“—„Пирогъ.“ Послѣ этого входитъ къ скоту, благословляетъ его этимъ хлѣбомъ, разламываетъ на нѣсколько кусочковъ и раздаетъ скоту“ [4]).

Колядки въ поэтической формѣ нагдлядно обрисовываютъ культъ земледѣлія. Особенно глубокое значеніе имѣетъ то обстоятельство, что, по изображенію пѣсенъ, самъ Господь присутствуетъ среди нивы, снаряжаетъ плугъ, пашетъ, обѣщаетъ урожай, какъ поется въ слѣдующей колядкѣ:

„Ой витай, витай, пане господару,
Подійм́ить свою та головочку,
Ой подывиться та й въ квартырочку—
По вешій обори самъ Господь ходыть.

[1]) Тр. Э. Ст. Экск. III, 437.
[2]) Ibid. 1.
[3]) Тр. Э. Экск. III, 438.
[4]) Ibid. 3.

Ой ходыть, ходыть, та все лагодыть:
Лагодыть волы и по тры плугы,
Бычки-третячки та й по чотыры".

Далѣе колядка развиваетъ, что Господь „лагодыть кони на тры бороны, лошаки-стрыжаки та й по чотыры." —Кладетъ„ стижки тай въ тры рядкы, яру пшеныцю та по чотыры" [1]).

Картина малороссійскаго паханія, когда хозяинъ выходитъ на поле, а хозяйка выноситъ обѣдъ, представлена въ такой идеальной формѣ, или скорѣе въ апотеозѣ:

„А въ поли, въ поли плужокъ ходыть,
А за тимъ плужкомъ самъ Богъ ходыть.
Маты Божа исты носыть,
Бога просыть:
„А роды, Боже, жыто, пшеныцю,
Всяку пашныцю,
Безъ куколю, безъ метлички." [2])

Идеализація паханія представлена и въ слѣдующей интересной колядкѣ:

„А въ чистомъ полѣ, близко дороги,
Ой дай Боже!
Оретъ ми плужокъ четвêрничкою,
Жичь, Боже, на рôкъ шестêрничкою!
А все волики, все половіи,
А въ нихъ роженьки все золотіи,
А воловоды все шолковіи,
На нихъ яремцû все тисовіи,
На нихъ снôпочки все кидровіи,
А занôсочки все мѣдяніи.
Та выйшла идъ нимъ Божая Мати,
Та и сказала: „Орѣтъ же, сынки,
А здовга пивки, а здрôбна скибки!
Та посѣемо мы яру пшеницю,
Та вродитъ же ся що стебло-сребро,
Що стебло-сребро, золотый колосъ...
Накладемо жъ кôпъ, якъ на небѣ звѣздъ,
Стане господарь межи копами,
Якъ ясевь мѣсяцъ межи звѣздами." [3])

Слѣдующая колядка, очень гуманная по своему теплому чувству, присоединяетъ, что за плугомъ, кромѣ Господа и Божьей Матери, ходитъ еще св. Петро. „Самъ мылый Господь",

---

[1]) Тр. Этн. Ст. Эксп. III, № 76 А. 346.
[2]) Ibid. № 15 А, 451.
[3]) Головацкій, Нар. пѣсни Галицко—Угорск. Руси II, № 24, 17 и 18 стр.

поется, „волыки гоныть, Пречиста Дѣва ѣстоньки носыть, а святый Петро за плугомъ ходыть, все Бога просыть: „Ой роды, Боже, жыто, пшеныцю, жыто, пшеныцю, всяку пашныцю!“ „Буде пшенычка Богу на хвалу, людёмъ на дару; будутъ копоньки, яко звѣздоньки, будутъ снопоньки, якъ дробенъ дождживъ.“

Подобная этой колядка присоединяетъ еще новыхъ святыхъ, какъ—то:

„Святый Спасъ волойки напасъ,
Святый Михаилъ волы напоивъ,
Святый Петро волы погонивъ.
Пророки яли, волы запрягали,
Святый Микита, занôсъ затыка.
Самъ Господь Богъ за плужкомъ ходитъ,
Пресвята Дѣва ѣстоньки носитъ:
„Орѣте, сынки, довгои нивки,
Будемъ сѣяти жито, пшеницю,
Буде житенько, якъ очеретець,
Буде пшениця, якъ тростениця“ [1]).

Важнѣйшіе моменты въ жизни нивы олицетворяются въ видѣ трехъ праздниковъ, которые приводитъ самъ Господь. Колядка обращается къ хозяину:

По твойму полю самъ Господь ходыть,
Самъ Господь ходыть тры святци водыть:
Першее святце-святее Юрие,
Другее святце-святый Петро,
Третее святце-святая Илія.
Святее Юрие землю одомкае,
Святый Петро жыто зажынае,
Святая Илія у копы складае.“ [2])

Къ указаннымъ праздникамъ дѣйствительно приноровлены въ Малороссіи всѣ поступательныя дѣйствія въ жизни хлѣбопашца. Ильѣ, замѣнившему собою образъ громовника, приписывается въ колядкахъ большое значеніе для хлѣбопашества: „Шовъ Илья на Васыля“ (поется въ щедривкѣ), въ его пужечка житяночка; куды ею махнеть,—тамъ жито ростеть.“ [3]). Илья оберегаетъ ниву: „А де ты була, святая Илья?“ спрашиваетъ щедривка,—„Ой була бо я въ полю за сторожа, ой стерегла я жита, пшаныци, жита, пшаныци, всякой пашници, щобъ

---

[1]) Головацкій, Н. п. Г. У. Р. III, № 21, 17.
[2]) Тр. Э. Ст. Эксп. III, № 65, 337.
[3]) Ibid. № 16, 452.

зъ кораюшка не выломыло, щобъ зъ колосочка не выдзебало, щобъ колинчика не выломало" [1]).

Посѣвъ въ колядкахъ представляется съ миѳической точки зрѣнія, гдѣ эпитетъ „золотой" указываетъ на соотношеніе съ солнцемъ.

Що тамъ добраго въ уграхъ слыхати?
„Добрѣ слышано, бо южь пoорано,
Южь поорано, злотомъ засяно,
Павяным перцомъ заволочено
Золотымъ мечомъ загорождено." [2]),

Послѣ посѣва естественно ожиданіе урожая. Колядки представляютъ это въ живой формѣ, гдѣ самъ Богъ призываетъ хозяина и приноситъ ему даръ-урожай:

„Буйгъ тебе зове, даръ тоби дае:
Широке поле, жито густее,
Коренистее, стеблистее,
Колосистее,—ядренистее.
Изъ колосочка жита мисочка,
А зъ снопочка—три зъ верхомъ бочки" [3]).

Господь даруетъ хозяину три доли, которыя понимаются, какъ доля земледѣльца.

„Ой выйды, выйды, пане господарочку,
Кличе тя Господь на порадочку
Даруе тоби тры доли въ поли:
Першая доля щастя, здоровья,
Другая доля—волы, коровы,
Третяя доля—жито, пшеныця,
Всяка пашныця" [4]).

Пожеланія урожая представляются въ видѣ совершившагося факта, при этомъ въ условіяхъ малорусскаго быта:

„Щось тоби давъ Буйгъ,
Ой давъ тоби Буйгъ
Пшеници копу.
Копа пшеници,
На паляниця,
А стожокъ гречки
На варенички" [5]).

То-же знаменованіе урожая представляется символическимъ дѣйствіемъ, которое такъ изображаетъ колядка: „У сей дворъ Богъ навитавъ: Исусъ Хрыстосъ народывся, всему свиту знадобывся. Взяла его маты подъ уста, пиднесла его маты пидъ небеса, *дала ему маты житяную пужку,—де пужкою махне, а тамъ жито росте*" [6]). Тотъ же смыслъ имѣетъ и хожденіе

---

[1]) Тр. Э. Ст. Экск. III, № 19, 454.
[2]) Головац. Н. п. Г. У. Р. II, № 1, 72; ср. 18, 13, № 1.2.
[3]) Тр. Э. Ст. Эксп. III, № 110, 385 и № 109.
[4]) Тр. Э. Ст. Эксп. III, № 149, 421.
[5]) Ibid. № 111, 386.
[6]) Ibid № № 50 А, 321.

„съ козою,“ которая, вѣроятно, олицетворяетъ собою скотьяго бога, имѣющаго соотношеніе къ хлѣбопашеству. Хожденіе этой „козы“, по смыслу колядки, производитъ урожай:

„Де коза ходыть, тамъ жыто родыть,
Де не бувае, тамъ вылягае
Де коза тупъ, тупъ,
Тамъ жита симъ купъ;
Де коза рогомъ,
Тамъ жито стогомъ!
Де коза хвостомъ,
Тамъ жито кустомъ“ [1]).

Пожеланія урожая весьма часты въ колядкахъ и щедривкахъ; они имѣютъ форму молитвы:

„А вродыжь, Боже, серебло стебло,
Серебло стебло, женцеви зерно“ [2]).

Вотъ болѣе подробныя пожеланія:

Дай же ти, Боже, въ полѣ урожай,
Въ поли урожай, а въ гумно звожай,
А въ гумнѣ хлѣбно, въ уборѣ вбо̂йно,
Въ дому весѐльно, на славу втѣшно!“ [3]).

При „посѣваніи“, на Новый годъ, мальчики причитаютъ подобныя пожеланія:

„Сѣйся, родися,
Всяка пашниця,
Ячмень, овесъ, гречка,
Горохъ, сочевиця,
На той Новый Ро̂къ! [4])

Дождь и свѣтила небесныя, вліяющія на урожай, выводятся въ колядкахъ въ олицетворенномъ видѣ гостей, являющихся къ хозяину и обѣщающихъ ему свои благодѣянія:

„Пане господару, вставай съ постели, видчиняй двери.
Застеляй столы—клады калачи зъ ярои пшеныци.
Прийде до тебе ажъ трое гостей—
Вси трое разомъ.
Перший гостонько дрибный дощикъ.
Другій гостонько ясный мисяць.
Третій гостонько—ясне сонце.
„Якъ я зійду тры разы въ маю,
То зрадуеция жито, жито—пшеныця—всяка пашныця.
Якъ я зійду зъ вечера пизно,
То зрадуеция весь звиръ у поли,, вся рыба въ мори,

1) Тр. Э. Эксп. III, №. 1, 265.
2) Головацк. Н. п. Г. У. Р. III, № 4, 117.
3) Ibid. II, № 54, 37; и № 2. 122.
4) ibid. III, № 2, 150—151 и № 1, 150.

Чумакъ въ дорози, худоба у вози.
Якъ я зійду въ недилю рано, то зрадуецця старе й мале,
криве й слипе" [1]).

Три гостя въ галицкой колядкѣ называются тремя царями, „Пріѣдутъ до тя три царû въ гостѣ: одинъ царенько—ясное сонце, другій царенько—та ясный мѣсяць, третій царенько—та дробенъ дощикъ". Въ колядкѣ поочередно обращаются къ каждому изъ этихъ трехъ „товарищей" съ вопросомъ, какія благодѣянія онъ приноситъ. Вопросъ дождю: „Чимъ ся похвалишь, третій товаришь, третій товаришь, зъ дробины дождикъ?"—Я ся похвалю, бо якъ испаду три разы мая мѣсяца, зрадуе ми ся жито—пшениця, жито—пшениця, всяка пашниця" [2]).

Среди трехъ „товарищей", вмѣсто дождя, появляется самъ Господь, который посылаетъ дождь,—очевидно, болѣе позднѣйшія народныя представленія. Здѣсь товарищи похваляются сами своими благодѣяніями:

„Выхваляеся другій товарищь,
Другій товаришь, свѣтлое сонце:
„Якъ же я зôйду въ недѣлю рано,
Я обôгрѣю горы, долины,
Горы, долины, темны лѣсове,
Темны лѣсове, чистое поле,
Чистое поле господарентя".
Третій товаришь, самъ Богъ небесный.
„Якъ же я спущу дрôбного дождьжу,
Зрадуе ми ся весь мирный свѣтокъ,
Всяка сѣвбиця господарентя" [3]).
Весъ мирный свѣтокъ, жито, пшениця.

Къ тремъ гостямъ присоединяется „зорничка" и „пшеничка". „Зорничка каже: „Не е надъ мною, кедь я изыйду на Родство рано, зрадуеся ми гость въ дорозѣ, гость въ дорозѣ, вся тварь во Бозѣ"... Пшеничка каже: „Не е надъ мене, безъ мене нигдѣ служба не буде, ни въ простыхъ церквахъ, ни въ монастыряхъ" [4]).

Мотивъ о трехъ гостяхъ, благодѣтельствующихъ міру и хлѣбу, очень распространенъ въ колядкахъ (ср. Тр. Этн. Ст. Эксп. III, № 138 А, 409; Головацк. Нар. п. Г. и У. Р. II, № 60, 40; № 19, 26; № 14, 10; III, № 1, 3).

---

[1]) Кіевск. Ст. 1890 г. № 12, 519.
[2]) Головацк. Нар. п. Г. У. Р. III, № 2. 105.
[3]) Ibid. № 2, 4.
[4]) Ibid. стр. 130—7.

Приведенныя черты изъ рождественскихъ обрядовъ и колядокъ указываютъ на несомнѣнное присутствіе среди религіозныхъ празднествъ малорусскаго народа и теперь еще культа земледѣлія. Правда, онъ не сконцентрировался, какъ въ классическихъ культахъ, вокругъ отдѣльнаго божества; но является почитаніемъ всѣхъ силъ, покровительствующихъ урожаю. Олицетворенныя силы небесныя являются въ дружеской семьѣ среди земледѣльца; онѣ ему пашутъ, лелѣютъ и возвращаютъ ниву. Здѣсь небо низведено на землю. Всѣ аттрибуты земледѣлія представлены въ благородныхъ миѳическихъ чертахъ; а смыслъ земледѣлія заключенъ въ томъ гуманномъ чувствѣ, которое заставляетъ все, что ниспослано изъ рога изобилія, употреблять *„Богу на хвалу, людемъ на дару“*.

Хр. Ящуржинскій.

СТАРЦЫ.

ПОЛѢССКАЯ ЛЕГЕНДА.

Среди темнаго лѣса черногузовскаго пролегаетъ теперь дорога битая, широкая. Чрезъ нѣсколько часовъ ѣзды по лѣсу можно услышать собачій лай, и всякій знаетъ, что скоро будетъ нивка, а на ней хуторъ лѣсника. Тутъ половина лѣсной дороги.

Но еще и теперь въ черногузовскомъ лѣсу встрѣчаются мѣстами непроходимыя трущобы, въ которыя не дай Богъ кому забраться противъ ночи и о которыхъ разсказываютъ разное.

А что-же было прежде, когда лѣсъ былъ густой, буйный и такъ великъ, что никто не могъ сказать, гдѣ онъ начинается и гдѣ ему конецъ? Никто не зналъ—кто въ немъ живетъ. Дорогъ тогда въ лѣсу не было. Были только маленькія тропинки. Да и тѣ не уходили далеко въ глубь лѣса. Онѣ вились по опушкѣ. Въ одномъ мѣстѣ онѣ сходились и шли одна о бокъ другой, какъ-бы боясь потеряться, въ другомъ—далеко расходились, въ третьемъ—пересѣкались.... А то вдругъ гдѣ-нибудь исчезали среди густыхъ кустарниковъ, и слѣду имъ не было. Громадныя сосны и дубы считали тутъ столѣтіями время своей жизни, и ихъ корни свободно выползали на верхъ, безъ опасенія быть подрубленными. Эти обнаженные, причудливо перевивавшіеся корни напоминали какія-то лапы съ безчисленнымъ множествомъ ногтей, на которыхъ держалось дерево.

Порою въ бурную погоду, когда дерево сильно качалось изъ стороны въ сторону, какая нибудь сосна не выдерживала,

и дерево вываливалось съ корнемъ, но оно не падало.... Этого не допускала лѣсная чаща. Его поддерживали товарищи. Сосна склонялась своей верхушкой на могучихъ сосѣдей и, словно въ обморокѣ, большое дерево такъ и лежало по цѣлымъ десятилѣтіямъ на груди какого нибудь крѣпкаго дуба. А внизу, подъ приподнятой корнями землей, открывалось удобное логовище для лѣсныхъ обитателей. Скоро тутъ поселялся медвѣдь или волкъ.

Среди этихъ дебрей свободно протекалъ какой нибудь ручеекъ. Катилъ онъ свои свѣтлыя воды по узкому руслу, то стыдливо прятался въ кусты орѣшины, то падалъ легкимъ водопадомъ съ какой нибудь балки, загородившей путь, то привольно разливался въ низинѣ по зеленому, дѣвственному мху. Ни мостика, ни кладки, ни слѣдовъ человѣка.... Мѣсто топкое, вязкое... Идти нельзя... А если кто и ухитрялся перейти на ту сторону, то хорошо замѣчалъ, гдѣ переходъ. Иначе, ни за что не найти ему этого мѣста на обратномъ пути, и будетъ онъ блуждать по лѣсу не одинъ часъ, а быть можетъ и не одинъ день, пока выйдетъ изъ черногузовскаго лѣса. Иной ходитъ, ходитъ и съ ужасомъ замѣчаетъ, что чѣмъ дальше, тѣмъ глуше лѣсъ. Онъ въ другую сторону—такая же гуща... Слышится какой-то трескъ... На ближайшей соснѣ снята кора. Это слѣды медвѣжьей лапы. Назадъ... А назади, словно сдвигаясь плотнѣе другъ къ дружкѣ, стоятъ рядомъ сосны и какъ-бы загораживаютъ путь.

Въ страшномъ раздумьи останавливается путникъ и дико водитъ кругомъ глазами. Дрожащія губы невольно шепчутъ молитву, ноги слабѣютъ, сердце крѣпко бьется. А вечерняя заря догораетъ на верхушкахъ высокихъ деревьевъ, и сумерки быстро спускаются на лѣсъ. Онъ боится поднять глаза и взглянуть вверхъ,—а что если на какой либо вѣткѣ повисла русалка и тихонько неслышно качается!?... Стоитъ только выдать свое присутствіе чѣмъ нибудь—и пропалъ человѣкъ: его защекочутъ на смерть. Были случаи... И пробѣгаютъ въ головѣ путника всѣ слышанные имъ разсказы о насильственной смерти отъ щекота русалокъ. Помнятся даже имена погибшихъ. Страшно отъ од-

ного воспиминанія. Онъ взглянулъ вверхъ. Русалокъ, слава Богу, нѣтъ. Но отъ этого не легче. Вмѣсто русалки сидитъ на сучкѣ зозуля и куетъ. А это развѣ на добро? Никогда зозуля въ глухомъ лѣсу не куетъ на добро.

И кто можетъ знать, что ждетъ путешественника, неосторожно углубившагося въ темный черногузовскій лѣсъ?

II.

Но не русалками и дикими звѣрями, не высокими деревьями и пущами славился черногузовскій лѣсъ. Его славу разнесли по всему свѣту двѣнадцать старцевъ--слѣпыхъ лирниковъ, двѣнадцать родныхъ братьевъ—пѣсенниковъ, которые нѣкогда жили въ этомъ лѣсу.

Это было давно. Село N, что стоитъ при рѣкѣ близъ лѣса, состояло тогда изъ нѣсколькихъ лишь хатъ, а рѣка шла полноводнѣе и шире.

Жилъ одинъ дѣдокъ—пастухъ. Не было у него роду, не было и мѣста для житья опредѣленнаго. Переходилъ онъ съ мѣста на мѣсто и пасъ скотъ. Давали ему крестьяне въ складчину нѣсколько корцовъ пашни,—тѣмъ онъ и жилъ. Пастухъ онъ былъ добрый, исправный. Не было еще случая, чтобы пропала у него скотина.

Но случилось однажды—выбилось изъ стада, которое онъ пасъ, „лошеня.“ Извѣстно „жеребя—молоде та дурне, взяло та и потягло соби въ черногузовскій лисъ.“ Зажурился дѣдъ, „засумовавъ“... Да и развѣ не жаль? Оно хоть и молодое, а всё выросло-бы, коняка бы и вышла. „Треба шукать, нема що“... Опоясался дѣдъ обротью, топоръ со собою взялъ насѣчки (знаки) на деревьяхъ дѣлать, чтобы по нимъ изъ лѣсу выйти, и пошелъ въ лѣсъ. Пока была тропинка, шелъ по ней: видно было—куда идти. Не стало скоро тропинки, пошелъ себѣ куда глаза глядятъ. Идетъ и дороги не замѣчаетъ. Думу разную думаетъ да всё время отъ времени кличетъ: „ціось, ціось, ціось!“... чтобъ „лоша“ отозвалось. Колода-ли тамъ какая подъ ногами встрѣтится,—онъ такъ прямо на нее... Перелѣзетъ да и дальше. Ручей-ли перебредетъ... Долго такъ-то шелъ дѣдокъ да шелъ...

И всё—„ціось, ціось, ціось!..." Порою и остановится, прислушается, не отзовется ли „лоша." Слышится ему въ отвѣтъ словно какъ-бы корова или быкъ мычитъ. „Що се таке," думаетъ пастухъ. Еще остановился; еще послушалъ, такъ и есть—быкъ или корова. Идетъ дальше. Въ одномъ очень глухомъ мѣстѣ межъ сосенъ нашелъ онъ поляну. Растетъ тутъ на полянѣ трава пышная да душистая и цвѣты разные. „Отъ, думаетъ, паша, тутъ бы моя стегнявая напаслась-бы..." Видны и слѣды. Присмотрѣлся онъ къ слѣдамъ—много человѣческихъ слѣдовъ и еще какъ будто скотины. Сосчиталъ онъ слѣды: человѣческихъ слѣдовъ много, а копытъ—словно какъ-бы на одну скотину. Известно—пастухъ, сейчасъ и разчиталъ... Ничего. Остановился онъ отдохнуть немного на полянѣ. Легъ на землю, на небо смотритъ, любуется да и думаетъ: одно—куда-бы это его ціоська утекла такъ далеко, а другое—чьи-бы слѣды такіе въ такой-то глуши? Слѣдовъ на двѣнадцать человѣкъ, а скотина одна. И какая, въ самомъ дѣлѣ, скотина такая, что её двѣнадцать пастуховъ пасетъ?.

Думалъ, думалъ да и заснулъ,—потому что усталъ. Долго-ли лежалъ, кто его знаетъ, только слышится ему сквозь сонъ пѣніе да такое-то хорошее, такое-то душевное. Схватился съ земли, оглянулся кругомъ... Видитъ—на лужайкѣ лежитъ большой быкъ, весь бѣлый—бѣлёшенекъ, а роги золоченые, сіяютъ... Глаза большіе, на него такъ и уставились. Лежитъ, жвачку жуетъ, наѣлся... А поодаль отъ него сидятъ рядомъ старцы. Разъ, два, три, четыре... двѣнадцать старыхъ, престарыхъ старцевъ, такихъ, какъ на образахъ малюютъ. Сидятъ они на травѣ и какъ-бы дремлютъ. „Чого се воны?!" подумалъ пастухъ и сталъ вглядываться въ старцевъ. Анъ, всѣ-то они слѣпые, ни у одного глаза то настоящаго нѣтъ, у всѣхъ вмѣсто глазъ бѣльма и всѣ, какъ одинъ, такъ похожи другъ на друга, словно братья родные, и роста—одного, и бороды у всѣхъ сѣдыя, длинныя.

Подивился пастухъ. Замеръ на своемъ мѣстѣ. Нужно посидѣть, посмотрѣть, что дальше будетъ. Опять сѣлъ пастухъ, люльку закурилъ... А больше всего его охота беретъ поглядѣть, какъ они пойдутъ, безъ глазъ-то... Наблюдаетъ.

Вотъ одинъ изъ старцевъ, самый крайній, поднялъ свою палку вверхъ и стукнулъ ею о земь. Какъ одинъ, старцы поднялись и встали съ своихъ мѣстъ. Другой разъ стукнулъ палкою старецъ—и всѣ шапки съ головъ своихъ поснимали. И головы у всѣхъ были лысыя, бѣлыя. Третій разъ стукнулъ старецъ,—открыли свои лиры старцы, взялись за кобзы и дружно въ голосъ запѣли:

Ой гукъ, браця, ой гукъ браця!
Де старци бредуть?
Та веселая-жъ та дориженька,
Куды воны йдуть...
Ой заросло, зацвило,
Дороги не выдно...
Ни проихать, ни пройты,
Ни коня провести...
А мы тута ходымо,
По лиси, поросли,
Та все Бога просымо
Любови—мылости.

Ой дай, Боже, добра людямъ,
Добра та подмоги
На тяжкую годынойку,
На несчастну долю...
Роды, Боже, жито людямъ,
Жито и пащыцю.
А для вола та для коня,
Щей травы копыцю.
Ой гукъ, браця, ой гукъ, браця!
Де старци бредуть?
Та веселая-жъ та дориженька,
Куды воны йдуть.

Долго такъ то пѣли старцы. Пѣли они и „про свитъ" Божій, и про Дунай „зъ Днипромъ, про святого Юрка, про запорожье, и про гору почаевскую та Божую Маты." И про что, про что только они не пѣли?

Снялъ шапку пастухъ, служалъ и заслушался. Легъ на земь, положилъ долони подъ подбородокъ да такъ и замеръ въ одномъ положеніи. Забылъ и гдѣ лежитъ, и какъ лѣсъ называется, и кого видитъ предъ собой... И люлька изо рта выпала, въ травѣ сама курится. Слушалъ-бы такъ, кажется, до самаго вечера.

Кончили пѣніе старцы и надѣли на головы шапки. Очнулся и пастухъ. Оглянулся и обмеръ отъ страха: за нимъ—„маты моя ридная!"—видимо невидимо всякихъ звѣрей: и медвѣдей, и лисицъ, и волковъ, и всѣ мирно лежатъ, пѣсни слушаютъ. А какъ увидѣлъ среди нихъ свое „лоша," глаза выпучилъ, не вѣритъ... Такъ и есть—его „лоша. "Лежитъ оно рядомъ съ волкомъ и словно не замѣчаетъ своего сосѣда. Подивился пастухъ. Глянулъ вверхъ,—а на деревьяхъ птицы всякія: тутъ и сорока-бѣлобока, и воронъ-каркунъ, и сычъ-деркачъ,

и зозуля-перебендя, и еще какія-то птицы чудныя, такія, что и названія имъ нѣтъ. Всякое галичье тоже прилетѣло старцевъ послушать.

Когда кончилось пѣніе, быкъ съ золотыми рожками, что лежалъ на полянѣ, замычалъ и поднялся съ своего мѣста. И сталъ въ лѣсу ревъ, пискъ, свистъ, большой „галасъ“ поднялся отъ рева-воя звѣринаго, отъ пѣнья-писка пташинаго.

„Не буты, певне, мени живому, не бачить вже мени бильше свита Божого“, думаетъ пастухъ, „пропавъ, зъидятъ мене звири ни за що... Пропало и мое бидне лоша...“

Извѣстно, одинъ разъ пропадать человѣку. Остался пастухъ поглядѣть. Опять люльку закурилъ. Все одно гибнуть...

Ну, что дальше будетъ? Вотъ подошелъ одинъ изъ старцевъ къ быку и взялъ его одной рукой за рогъ, а другой на клюку опирается. А за нимъ, положивъ руки другъ дружкѣ на плечо, потянулись и братья. Быкъ всталъ и пошелъ въ лѣсъ. „Потяглы за нымъ и старци зъ нывки.“

А за старцами полетѣли птицы и пошло звѣрье всякое. Все ломится, все „прецця,“—„побый ёго сыла Божая,“—каждому хочется ближе къ старцамъ быть. Рядомъ съ волкомъ идетъ тутъ коза, съ ястребомъ летитъ голубь, и даже мышь паскудная бѣжитъ въ травѣ за котомъ-мурботомъ. Что мышь?!—черепаха и та путается по травѣ.. Тоже живая душа... Но, что болѣе всего удивляло старца—„лоша“ межъ ними.

„Ото дурне... И чого ще воно?! Що воно тямыть?!..“

Остановились старцы. Видятъ, что всѣ идутъ за ними и что покою имъ не дадутъ. Передній снялъ шапку, поклонился и сказалъ:

— „Дзинькуе вамъ, честна компанія, за вашу прихильность! Але пробачайте, бо тильки разъ мы спиваемо на одному мисти, а другій разъ пидемо на друге мисце. Гарну писню не вартъ дуже часто спиваты. Живить соби нищечкомъ, не турбуйтеся, тай бувайте здоровеньки!“

И ушли, „потяглы дали.“

III.

Отстали звѣри и стали на раду. Пугачъ—сова сѣлъ на пень,—даромъ что слѣпой,—подумалъ, подумалъ да и говоритъ:

— Якъ гарно старци спиваютъ...

А синица:

— И я такъ потрафлю.

— А ну, попробуй, говоритъ пугачъ и наставилъ уши.

Синица натянула свое горлышко и запѣла: „помагай Бигъ, помогай Бигъ!"

— Ну, де вже тоби спиваты такъ! говоритъ пугачъ: въ тебе горло дуже тонке.

А перепелыця:

— Я заспиваю, я заспиваю, я заспиваю.

Индюкъ „булькоче щось таке," мышь пищитъ, волкъ воетъ, ворона—край, край, а „деркачъ свое дере." Поднялось такое, „щой Боже..."

Змѣй сталъ на дыбы и говоритъ:

— Тс... щобъ-же вы вси оглохлы... Чи почумилы вы, чи що... тс... Цытьте-но, пугачъ заспивае.

— Ну, колы такъ, говоритъ пугачъ, колы нихто не вмiе спиваты, то слухайте-жъ мене. Ось, я вамъ заспиваю.

Тѣ думали, що и „назоправди заспивае, бо хто-жъ его знае, якъ ще винъ заспивае."

Надулся пугачъ, выпялилъ свои слѣпые баньки и какъ заведетъ свое... всѣ такъ и покотились со смѣху. Гусь—„го, го, го..." а боцюнъ—„не такъ, не такъ..."

— Куды вже тоби спиваты, говорятъ ему: ось иды, лучше спаты, бо ты пугачъ, тоби треба у день спаты.

„Бо таки и такъ, правду кажучи, де то звычаяно, щобъ сычъ у день та спивавъ"...

Обидѣлся пугачъ, снялся съ пня, улетѣлъ, да головою прямо въ сосну. Оттого у него иногда и шишка бываетъ „на лобу."

Многимъ хотѣлось пѣть. Всѣ пробовали свои голоса. Прилетѣлъ на послѣдокъ и соловей.

„Ну, той ще нибы ничого... добре,—лыхо ма,—заспивавъ, але всежъ таки не такъ, якъ ты старци."

Смотрѣлъ пастухъ на эту комедію и самъ подъ конецъ разсмѣялся. Забавнымъ ему показалось, какъ птицы и звѣри такіе, да захотѣли по человѣчьи пѣть.

Увидѣлъ онъ, что звѣри очень занялись пѣніемъ, и думаетъ: „отъ бы втикты, щобъ не побачилы.“ Да тихонько по за деревьями, бокомъ, чтобы не такъ замѣтно... отошелъ да—„ціось, ціось, ціось!“ „Лошеня“ и прибѣжало. Онъ его на оброть и.., „деркача“... Такъ и убѣжалъ.

Долго, долго блуждалъ онъ по лѣсу, долго путался и лишь поздними сумерками, когда бабы огни на припечку тушили, вышелъ въ какое-то чужое, совершенно неизвѣстное ему село. А изъ этого села добрался и до своего. Вездѣ, гдѣ онъ ни проходилъ, разсказывалъ про братьевъ лѣсовиковъ и ихъ пѣніе.

IV.

И стало скоро вездѣ извѣстно, что въ лѣсу черногузовскомъ живетъ двѣнадцать братьевъ, старцевъ-слѣпцовъ, что поютъ они по временамъ и что водитъ ихъ поводырь—быкъ съ золочеными рожками. Богъ ихъ знаетъ святый, откуда они взялись, чѣмъ они кормятся и гдѣ живутъ. Сначала люди не вѣрили, что такіе старцы есть на свѣтѣ. Многіе нарочно шли въ лѣсъ увѣриться... И слава о старцахъ послѣ этого еще больше разошлась по свѣту.

Въ старое время послушать старцевъ было не трудно. Для этого нужно было только взять съ собой топорикъ для знаковъ на деревьяхъ, чтобы не заблудиться, да рогатину какую нибудь на случай недобраго звѣря, войти въ лѣсъ и прислушиваться, въ которой сторонѣ зареветъ быкъ, въ ту и идти. Тамъ были старцы. Когда они пѣли, нужно было сидѣть или лежать, не шевелясь. Чуть только человѣкъ зашевелится, крякнетъ или чихнетъ, старецъ старшій говорилъ—„чужій духъ несе“... и всѣ звѣри бросались на этого человѣка и готовы были разорвать, но старцы опять начинали пѣть и опасность проходила. А потомъ, когда пѣніе кончалось, звѣри сами подражали пѣнію старцевъ, и въ это время легко можно было уйти.

Когда черногузовскій лѣсъ сталъ рѣдѣть, когда дорогу чрезъ него проложили, старцы стали встрѣчаться рѣже. А потомъ и совсѣмъ перестали жить въ лѣсу. Ушли изъ лѣса, обидѣлись.

Случилось это такъ.

Проѣзжали однажды чрезъ черногузовскій лѣсъ чумакъ, жидъ и панъ. Ѣдетъ сначала чумакъ волами. Слышитъ—пѣсня. Остановился. Очкура распустилъ, люльку по обыкновенію закурилъ и сталъ слушать. И долго такъ-то слушалъ да и задумался... Заслушались и волы, легли на землю и лежатъ себѣ тишкомъ.

Ѣдетъ затѣмъ, „бидою" жидъ Ицко, тотъ, что въ сели „гандлюе." И этотъ остановился. Даромъ что жидъ, а пѣсню слушаетъ. Сѣлъ на своей „биди," спустилъ ноги, подложилъ руки подъ пейсахи, забылъ и про „гендель свуй"...

Ѣдетъ, наконецъ, панъ четвернею—цугомъ. Издалека слышно, что панъ ѣдетъ: бубенчики звенятъ, а фурманъ изъ бича такъ и бьетъ, такъ и „ляскае." Наѣхалъ. „Тпрру"... сдерживаетъ кучеръ лошадей. Стоятъ на дорогѣ чумацкій возъ и „жидивська бида"—проѣхать нельзя. Панъ выглянулъ изъ кареты:

— Что такое?

— Старци спиваютъ, проихать неможна.

— Какіе старцы?

„Таки и таки"... докладываетъ фурманъ.

— Это что еще за коляда такая... Вонъ гнать ихъ! Мнѣ некогда тутъ ихъ разныя пѣсни слушать!

И поѣхалъ,—такъ что курево выше лѣса столбомъ пошло за его каретой.

И замолкли старцы. Обидѣлись. Старшій изъ нихъ покачалъ головой и сказалъ:

— Зъ давнёго давня, зъ вику вичного, ще якъ свитъ стоить... мы гуртомъ по свити ходымо та для міра спиваемо, а ще не чулы, щобъ намъ хто таке сказавъ. Такій то теперь свитъ наставъ...

Разошлись они по свѣту. На каждую сторону пошло ихъ по три. Разсказываютъ, что пока они не померли, то пѣли пѣс-

ни на Ивана Купала, потомъ колядовали людямъ на Рождество; а какъ померли, то вмѣсто ихъ пошла на коляду молодежь. Съ тѣхъ поръ такъ это и держится, что молодежь колядуетъ. А быкъ, что водилъ ихъ, въ землю провалился и на томъ мѣстѣ стала гора высокая съ двумя горбами. И до сихъ поръ тамъ еще трава ростетъ густая та высокая и паша хорошая. Череда тамъ любитъ пастись. И называется это урочище „бычачій рогъ бо быковыще.“

„Ось такая-то на свити ходыть байка про старцивъ, а въ решти, хто его знае, може то и правда...“

Ѳ. Кудринскій.

АВТОБІОГРАФІЯ СТЕПАНА ЛУКИЧА ГЕЕВСКАГО.[1]

(1813—1862 г.).

(Продолженіе).

ГЛАВА VIII.

Новый міръ для меня. Презрѣніе, питаемое высшими классами къ низшимъ. Та же метода ученія. Жажда быть сочинителемъ. Подвиги гимназистовъ въ казенномъ корпусѣ.

Гимназія въ то время состояла только изъ четырехъ классовъ: это, конечно, было и лучше, потому что небогатые люди могли воспитывать дѣтей своихъ въ ближайшихъ уѣздахъ цѣлыхъ три года въ училищахъ, имѣть надъ ними надзоръ, такъ сказать, подъ рукою и только для дальнѣйшаго образовнія отсылать въ губернскій городъ. Теперь это дѣлается иначе: дитя, только что вышедшее изъ младенческаго возраста, везутъ въ губернію, отдаютъ его на руки людямъ, совершенно для него чуждымъ, часто надъ такими дѣтьми не бываетъ никакого ни нравственнаго, ни учебнаго надзора, и оканчивается тѣмъ, что изъ третьяго и четвертаго, а иногда и изъ втораго класса они оставляютъ гимназію, только начавши учиться.... Сверхъ того, и родители чрезвычайно стѣсняются этимъ, ибо содержаніе въ уѣздномъ и губернскомъ городѣ обходится не одинаково. Но не въ этомъ дѣло.

---

[1]) См. „Кіев. Стар." 1893 г. № 10.

И такъ, я поступилъ въ третій классъ; это по нынѣшнему устройству гимназій означаетъ, что я былъ въ шестомъ классѣ. Мнѣ было тогда тринадцать съ половиною лѣтъ, я зналъ коечто и побольше, прочиталъ бездну книгъ, познакомился немножко съ жизнью и уже имѣлъ о себѣ понятіе довольно выгодное не въ шутку. Кромѣ того, такъ уже и заведено было, что ученики третьяго и четвертаго классовъ не сближались съ перво-и второклассными. Мы считали себя уже людьми высшаго сорта.

Такъ какъ учителя приходили къ намъ очень рѣдко, то мы распоряжались временемъ по своему и часто позволяли себѣ даже вовсе не ходить въ гимназію. Впрочемъ, къ чести нашей замѣтить должно, что мы не злоупотребляли свободой своей. Любимыми занятіями нашими были литературныя бесѣды и похожденія за травами и цвѣтами во время лекцій ботаники.

Я забылъ сказать, что въ третьемъ классѣ у насъ прибавился еще одинъ хорошій учитель, Павелъ Ивановичъ Иваницкій, преподававшій намъ физику и естественную исторію. — Объ этихъ двухъ родахъ занятій нашихъ стоитъ поговорить подробнѣе. Учитель словесности въ третьемъ классѣ приказывалъ намъ сочинять на заданныя темы разнаго рода сочиненія и между тѣмъ позволялъ брать изъ библіотеки книги и журналы. Мы обыкновенно собирались въ классъ и въ продолженіе какихъ нибудь полутора часа или читали что нибудь новое и занимательное, или сочиняли всѣ вмѣстѣ. Конечно, каждый изъ насъ писалъ отдѣльно, но прежде мы составляли совѣтъ: что и какъ писать,—мы, такъ сказать, помогали другъ другу и въ мысляхъ, и въ слогѣ. Свобода быть безъ учителя въ классѣ, позволяла намъ подобнаго рода взаимное сообщеніе мыслей, и я даже теперь не могу не признать этого чрезвычайно полезнымъ, потому что только при такомъ методѣ можно допустить возможность сочиненія или выраженія мыслей.

Можетъ ли ребенокъ 12 или 13 лѣтъ выдумать или сочинить что нибудь самъ. Мы въ это время и шутили, и смѣялись, даже иногда позволяли себѣ подтрунивать надъ однимъ изъ товарищей, который вовсе не имѣлъ никакихъ способностей не

только къ сочиненіямъ, но даже къ отчетливому выучиванію уроковъ. Такъ какъ учитель И. Г. Бутковъ настаивалъ, чтобы и онъ что нибудь сочинялъ, то мы уже, по христіанскому состраданію, принимались диктовать ему что ни попало. Помню, однажды онъ избралъ себѣ тему: *Подражаніе Одѣ Богъ.* Надобно было сочинить въ стихахъ: это уже было рѣшительно выше силъ его. Въ продолженіе цѣлаго часа онъ не написалъ ни одного стиха и чуть не плакалъ въ ожиданіи учителя, который и самъ любилъ въ веселый часъ надъ нимъ позабавиться. Въ остальные полчаса мы надиктовали ему слѣдующіе два куплета:

О Ты, который выше насъ живешь
Во оной звѣздной неба сферѣ,
Который царства создаешь
Въ земной сей низкой атмосферѣ!
О Ты, который былъ и есть
Всегда, вездѣ и тутъ и здѣсь,
Къ тебѣ я мысли возсылаю
И всю надежду на тебя,
О Боже мой я полагаю—
Помилуй и спаси меня!

Когда-бъ умножилъ я сто разъ
Твое величье на земное,—
О, и тогда ты выше насъ,
Какъ передъ мѣднымъ золотое!
Великъ ты въ кедрахъ и въ былинкѣ,
Великъ въ мѣшечкѣ и въ рядиинкѣ..
Кто равенъ, Господи, Тебѣ?
Мы черви, гады предъ Тобою;
Предъ мудростью Твоей святою
Нѣтъ больше мудрости во мнѣ!

Стихи эти принадлежатъ всему классу. Одинъ начиналъ другой подсказывалъ слѣдующій стихъ, третій и четвертый придумывали риѳму и такъ далѣе. Можетъ быть, было бы сочинено и еще нѣсколько куплетовъ или строфъ, но вдругъ пришелъ учитель... Какъ водится, онъ спросилъ кого-то изъ піитики, потомъ принялся отбирать сочиненія... Сочиненіе нашего идіота обратило его вниманіе. — Онъ улыбнулся, началъ читать и потомъ уже принялся разбирать.—Въ этомъ прошелъ цѣлый часъ— мы хохотали до упаду, и самъ учитель нашъ не могъ удержаться—былъ превеселый классъ.—Если мы не писали сочиненій до прихода учителя, то уже навѣрное что нибудь читали вслухъ. Сколько я припомнить могу, въ этомъ случаѣ мы читали съ большою пользою, особенно, если попадалось что нибудь запимательное. Въ это время явился уже и Булгаринъ со своими юмористическими статьями подъ именемъ похожденій по гостиннымъ, залламъ и переднимъ—въ то время онъ замѣнялъ

нынѣшняго Гоголя—хохотали вдоволь; сочиненія Пушкина, Жуковскаго, Батюшкова, рукописная комедія Грибоѣдова „Горе отъ ума“ и нѣкоторыя другія сочиненія очень много насъ занимали. Случалось, что и учитель давалъ намъ нѣкоторыя объясненія и замѣчанія; но чаще всего мы объясняли себѣ сами—и не столько въ какомъ нибудь ученомъ отношеніи (филологическомъ, историческомъ), сколько касательно вкуса. Мы читали много, читали съ удовольствіемъ, даже съ наслажденіемъ, а потому не мудрено, что умственныя способности наши развивались весьма порядочно и у насъ проявлялись ученики, которые писали весьма порядочно и прозой, и стихами—въ особенности этимъ прославились Сокологорскій и Кованько.

Мы питали теплую любовь къ наукамъ и литературѣ, занимались свободно, безъ ферулы, но тѣмъ не менѣе занимались съ успѣхомъ и пользой... Какъ дѣти, мы и шалили, но шалости эти вовсе не были лишены мысли. Я забылъ еще сказать, что у насъ было правило при переходѣ въ третій классъ дарить въ библіотеку гимназіи какія нибудь книги—и правило это соблюдалось строго, не смотря на то, что учитель словесности только желалъ этого. Кто не далъ книги, тотъ не имѣлъ права брать книгъ изъ библіотеки—лучшаго наказанія для любознательныхъ молодыхъ людей выдумать невозможно, а между тѣмъ и библіотека увеличивалась, и ученики были довольны. На основаніи этого *jus non scriptum* и я внесъ въ библіотеку полтавской гимназіи двѣ части повѣстей князя Шаликова. Часто, услышавши отъ учителя о какой нибудь хорошей книгѣ, мы складывались по гривеннику, двугривенному, покупали эту книгу, прочитывали ее, сначала всѣ вмѣстѣ, а потомъ каждый по одиночкѣ и наконецъ приносили въ даръ гимназической библіотекѣ. Сдѣлавши такую раскладку, мы даже выписывали издававшійся въ то время журналъ *Галатею* (кажется Раичъ издавалъ этотъ журналъ) съ картинками и по прошествіи года отдавали въ ту же библіотеку. Не забудьте, что мы всѣ почти были люди бѣдные, ходили въ нанковыхъ сюртучкахъ и въ овечьихъ тулубчикахъ, въ юфтовыхъ сапогахъ, часто на босую ногу, и безъ перчатокъ...

Другое любимое занятіе наше было—ботанизированіе. Въ то время въ гимназіяхъ преподаваема была естественная исторія, т. е. зоологія, ботаника и минералогія, разумѣется, въ объемѣ незначительномъ, но тѣмъ не менѣе нельзя не пожалѣть, что въ нынѣшнее время этотъ столь важный предметъ изгнанъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній. И чѣмъ же замѣненъ теперь этотъ предметъ? Греческимъ языкомъ. Да вѣдь это чудеса!—скажутъ безъ сомнѣнія чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ... И упрекъ этотъ будетъ справедливъ, потому что для какого помѣщика, для какого офицера (даже генерала), для какого изъ чиновниковъ гражданскихъ окажется крайняя надобность въ такомъ чисто спеціальномъ предметѣ, какъ греческій языкъ? Между тѣмъ какъ естественныя науки, кромѣ того, что знакомятъ человѣка съ окружающей его природою, все-же могутъ пригодиться и въ практическомъ смыслѣ для всѣхъ сословій вообще, во многихъ случаяхъ жизни. Но если потомки наши вспомнятъ, что за греческій языкъ еще награждали чинами четырнадцатаго класса оканчивающихъ курсъ учениковъ гимназіи, то уже извините—ей Богу будутъ смѣяться... Но это въ сторону: дѣло томъ, что мы любили ботанизировать. Лекціи батаники нарочно были назначены утромъ отъ восьми до десяти часовъ, не помню въ какіе дни, два раза въ недѣлю.—По этому случаю, во время лѣта, мы имѣли право приходить въ гимназію въ девять часовъ; до того же отправлялись въ поля и сады для собиранія травъ и цвѣтовъ: это было лучшее для насъ время. Мы собирались и ходили въ городской садъ, за городъ, но чаще всего въ садъ графини Разумовской. Хотя случалось, что мы дѣлали маленькія злоупотребленія, а именно—иногда поигрывали въ мяча на чистомъ воздухѣ, но также не забывали своего дѣла и въ урочный часъ являлись въ гимназію съ огромными связками всего, что попадалось подъ руку: siringa vulgaris, leonthodon taruxacum, fragaria vesea, prunus cerasus, tulipa silvestris и тому подобное. Все это раскладывалось въ классѣ симетрически въ ожиданіи учителя. Нашъ почтеннѣйшій Павелъ Ивановичъ Иваницкій являлся, и тутъ то уже мы узнавали премудрость: о пестикахъ и тычинкахъ, плодотворной пыли, листьяхъ и стволѣ,

корняхъ, питаніи и т. п. Къ чести нашего учителя надобно замѣтить, что онъ былъ большой мастеръ своего дѣла, и мы таки научались у него кое-чему. Кромѣ того, этотъ же учитель преподавалъ намъ зоологію, минералогію и физику. Весь курсъ этихъ четырехъ предметовъ былъ раздѣленъ на два года, т. е. въ третьемъ и четвертомъ классахъ. У насъ былъ въ полтавской гимназіи (и теперь есть) прекрасный физическій, зоологическій и минералогическій кабинеты и гербаріумъ для цвѣтовъ. Мы очень часто дѣлали опыты, знакомились съ силами и богатствомъ природы и, кромѣ того, пріятно проводили время.

Естественная исторія вовсе не была у насъ наукою педантическою для одного только зазубриванія. Мы знакомились съ нею практически. Къ довершенію пріятности времяпровожденья служилъ также и нашъ наставникъ.

Характеръ этого человѣка въ полномъ смыслѣ оригиналенъ: онъ почти никогда не улыбался, пунктуаленъ до такой степени, что у него тетради минералогіи были сшиты голубымъ шелкомъ, ботаническія—зеленымъ и зоологическія—краснымъ; кромѣ того, имѣлъ на лицѣ множество бородавокъ (отъ чего мы и называли его бородавкой) и ходилъ съ незапамятныхъ временъ въ одномъ и томъ же черномъ фракѣ. Мы часто надъ нимъ подшучивали; такъ, особенно замѣчателенъ слѣдующій случай: ученикъ Вельсавскій, взявши у него тетрадь ботаники, перемѣнилъ шелкъ,—вмѣсто зеленаго поставилъ красный, желая узнать, замѣтитъ ли онъ это; на другой же классъ таже тетрадь была сшита прежняго цвѣта шелкомъ—и онъ не сказалъ ни слова. Для записыванія улыбокъ у насъ была особенная тетрадка, въ которой отмѣчалось: такого-то числа Иваницкій улыбнулся по такому-то случаю. Я говорю объ улыбкахъ Иваницкаго, потому что онъ никогда не смѣялся, вѣроятно не умѣлъ!

Но что значатъ подобнаго рода шалости въ сравненіи съ тѣми, которыя происходили въ казенномъ корпусѣ? Это рѣзвость не болѣе. Въ то время при полтавской гимназіи существовало заведеніе казеннокоштныхъ воспитанниковъ, которые учились вмѣстѣ съ нами въ классахъ гимназіи. Начальникомъ этого заведенія былъ извѣстный и незабвенный литераторъ

Иванъ Петровичъ Котляревскій—сочинитель Энеиды, Наталки Полтавки, Москаля Чаривника и многихъ народныхъ маллороссійскихъ пѣсенъ. Въ помощь ему было назначено четыре надзирателя, въ числѣ которыхъ особенно замѣчателенъ Бережной. Сколько любили, уважали и вмѣстѣ боялись казенные воспитанники своего начальника Котляревскаго, столько же, напротивъ, ненавидѣли, презирали и преслѣдовали Бережнаго. Дежурство этого послѣдняго никогда не обходилось безъ исторій, послѣ которыхъ обыкновенно происходило слѣдствіе, никогда впрочемъ ничего не открывавшее, ибо всѣ воспитанники стояли горой другъ за друга и умѣли прятать концы такъ, что и самъ Иванъ Петровичъ, не могши развязать этого Гордіева узла, часто говаривалъ: „Ну, чортовы диты, уже куралесятъ черезчуръ, та и вы—бо, Пане Бережный, мабуть насолыли имъ, бо воны люблять васъ, якъ собака цыбулю“. Бдительность увеличивалось, но была дѣйствительна только до слѣдующаго дежурства Бережнаго. Изъ числа многихъ шалостей разскажу только о двухъ самыхъ замѣчательныхъ. Однажды послѣ ужина, когда всѣ уже воспитанники были въ постели и самъ Бережной отправился въ свою комнату, одинъ изъ шалуновъ, разумѣется, съ согласія и одобренія всѣхъ товарищей, заперъ потихоньку спальню надзирателя, такъ чтобы онъ никакимъ образомъ не могъ выйти, привязалъ къ колокольчику, который висѣлъ на столбѣ близъ гимназическаго крыльца, длинную веревочку, провелъ эту веревочку въ окно верхняго этажа (гдѣ жили воспитанники, а классы были внизу), изъ окна въ спальню, гдѣ, разумѣется, огни были потушены, и здѣсь, легши въ свою кровать, принялся звонить сколько есть мочи. Услышавши этотъ звонъ, Бережный вскочилъ съ постели; но каково было его изумленіе и безпокойство, когда онъ увидѣлъ себя арестованнымъ. Онъ стучалъ въ двери, но это было напрасно: все, повидимому, погружено было въ мертвый сонъ. Разумѣется, сбѣжались служители, отперли дверь, зажглись огни, но виновный въ тревогѣ все-таки не былъ найденъ, потому что всѣ спали, и веревочка, привязанная къ колокольчику, болталась уже на дворѣ... А воспитанники хохотали подъ одѣялами!.

Другое произшествіе, болѣе занимательное, было слѣдующее. Воспитанники, которыхъ было до ста, приготовили себѣ заблаговременно военные костюмы (они отличались чрезвычайнымъ искусствомъ дѣлать разныя вещи изъ картону, бумаги, галуновъ, мишуры и т. п.), и когда наступила ночь и надзиратель, все тотъ-же Бережный, уже уснулъ, то они завѣсили окна верхняго этажа шинелями, одѣялами. простынями, чтобы не было видно на улицу свѣта, разставили на всѣхъ дверяхъ часовыхъ и рѣшились сдѣлать парадный разводъ, окончивши его ужиномъ, для котораго также было припасено заблаговременно достаточное количество продуктовъ и даже вина. Все это сдѣлано было въ величайшей тайнѣ и тишинѣ. Разводъ сдѣланъ былъ удачно; но когда дѣло дошло до ужина, то звонъ тарелокъ, стукъ скамей и столовъ, и наконецъ развеселившаяся и неосторожная молодость—измѣнили.

Запертый надзиратель проснулся, надѣлалъ шуму, сбѣжались служители, и, хотя воспитанники успѣли затушить огни, лечь въ постель и притвориться спящими, но набѣжавшая команда успѣла захватить въ плѣнъ столы съ неоконченными съѣстными припасами, недопитыя бутылки съ виномъ и множество одѣялъ, шинелей и простынь на окнахъ. Это происшествіе надѣлало довольно шуму и сдѣлалось довольно извѣстнымъ даже въ городѣ. Слѣдствіемъ его было то, что Иванъ Петров. Котляревскій приказалъ нѣкоторыхъ посадить въ карцеръ на три дня, другихъ подвергъ инымъ наказаніямъ, а надзирателю и двумъ солдатамъ велѣно было спать въ самыхъ спальняхъ.—

Но и послѣ этого воспитанники не унимались—и на дежурствѣ Бережнаго появлялись лунатики, привидѣнія въ саванахъ (т. е. простыняхъ), раздавались дикіе голоса, пѣли пѣтухи и тому подобное.

ГЛАВА IX.

Дальнѣйшій ходъ моего образованія въ Полтавской Гимназіи. Страшная болѣзнь, меня постигшая. Окончаніе курса и полученіе аттестата.

Въ предыдущей главѣ собирался говорить я о жаждѣ моей *сдѣлаться сочинителемъ*, но поговоривши о другомъ, совершенно

потерялъ изъ виду этотъ предметъ. Вы уже знаете, какъ шла у насъ словесность, и потому можете судить, что при малѣйшемъ талантѣ, при ничтожномъ успѣхѣ, при одномъ одобреніи учителя—не могло не родиться въ головѣ учениковъ желанье *сочинительствовать*, желаніе, которое у молодыхъ людей нерѣдко обращается въ страсть ужасную, гибельную страсть, стоющую впослѣдствіи многихъ слезъ и невыкупаемую цѣлыми годами душевныхъ мученій. По моему мнѣнію, это гораздо хуже прочихъ пріятельницъ своихъ: картежной игры, поклоненія Бахусу, скупости и любостяжанія, и можетъ быть нехуже только любви къ женщинамъ! И въ самомъ дѣлѣ, картежники или рыцари зеленыхъ столовъ и поклонники Бахуса, особенно въ нынѣшнемъ вѣкѣ, и славны, и почтенны, и вездѣ приняты—и часто или живутъ да поживаютъ на чужой счетъ, или еще впридачу и увеличиваютъ объемъ своихъ кармановъ; любостяжатели и скупцы, отказывая себѣ, положимъ и въ необходимомъ, нѣсколько лѣтъ, могутъ наконецъ опомниться, взглянуть на свою шкатулку и „сказать о себѣ: теперь пора жить—станетъ!“ Но что скажетъ тотъ, который золотое время юности потратилъ на пустыя мечты и вздохи, который наперекоръ благородному стремленію своему, во вредъ собственному здоровью, добивался славы авторской, извѣстности—и на мѣсто этой славы и извѣстности видѣлъ холодное равнодушіе людей, безсмысліе всего окружающаго его? что долженъ почувствовать онъ, когда прихотливый, своенравный, вѣчносуетный и часто пустой свѣтъ не только пройдетъ молчаніемъ, но и заклеймитъ презрѣніемъ тѣ святыя мечты, тѣ возвышенныя вѣрованія, для которыхъ онъ жертвовалъ земными благами своими? Какимъ негодованіемъ, правда безсильнымъ для другихъ, но все-таки убійственнымъ для него, должно закипѣть сердце его, когда онъ увидитъ паркетнаго шаркуна безъ мысли, рыцаря зеленаго стола безъ совѣсти и чести, пользующихся тѣми благами, до которыхъ ему никогда не достигнуть въ жизни?—

О Боже всемогущій! къ чему всѣ эти—
Мечты поэзіи, созданія искусства?

Неужели для того, чтобы вмѣстѣ съ чумой, холерою, войнами, религіознымъ фанатизмомъ и азіатской тираніей истреблять

людей которые могли бы, по мнѣнію Мальтуса, безъ этого размножиться и дойти до страшной необходимости сдѣлаться канибалами?

Дѣйствительность, необходимость, польза... Значитъ вистъ и преферансъ, или контр-дансъ и полька гораздо полезнѣе и необходимѣе поэзіи и даже поэтовъ!... На эти мысли навело меня желаніе, родившееся во мнѣ еще въ дѣтствѣ, сдѣлаться сочинителемъ. Учитель всегда одобрялъ опыты мои въ прозѣ и стихахъ; о нѣкоторыхъ даже говорилъ съ восторгомъ. Помню, что когда я представилъ ему стихотвореніе подъ названіемъ: *Мысли на полтавскомъ монументѣ* [1]), то онъ, расхваливши его, читалъ въ классѣ въ примѣръ ученикамъ, и когда дошелъ до заключительныхъ стиховъ, въ которыхъ содержится обращеніе къ орлу, сидящему на памятникѣ съ вѣнкомъ:

Лети, орелъ, вѣнчай главу героя,
Вѣнчай чело безсмертнаго Царя,—

то сказалъ, что это очень удачное заключеніе и что это стихотвореніе можетъ быть *напечатано.* Необдуманное слово!

Съ тѣхъ поръ я только и мечталъ о печати. Мнѣ казалось, что если-бы я когда нибудь достигъ этого, то всѣ неиначе бы смотрѣли на меня, какъ съ благоговѣніемъ. Я писалъ очень много стиховъ и еще болѣе прозы, и безъ хвастовства скажу, что и теперь, когда прошли десятки лѣтъ, когда я по прежнему такъ же много писалъ и даже печаталъ, я не могу вспомнить безъ восторга этого упоительнаго міра поэзіи, въ которомъ я жилъ тогда: И въ самомъ дѣлѣ, чего я не писалъ тогда? Оды, сонеты, гимны, элегіи, разговоры... Даже написалъ пять пѣсенъ романтической поэмы: *Рыцарь Орферонъ,* которая къ величайшему сожалѣнію моему потеряна; но въ памяти моей сохранились изъ нея восемь стиховъ, которые я впослѣдствіи помѣстилъ въ одномъ изъ своихъ напечатанныхъ стихотвореній.

Вотъ они: Ахъ, мнѣ назначено судьбою
Въ уютномъ уголкѣ витать,

---

[1]) Стихотвореніе это сохранилось въ рукописной тетради подъ заглавіемъ „Упражненіе въ прозѣ и стихахъ“ 1829 г.

И тихой слабою струею
Великихъ пѣсенъ не играть...
Умолкну я, умолкнетъ лира,
И пѣснь унылая моя
Не прогремитъ въ предѣлахъ міра —
Она умолкнетъ, какъ и я! [1]).

Такими несбыточными грезами, такими надеждами согрѣвалъ я свое сердце, которое радостно и отрадно билось подъ нанковымъ сюртучкомъ стариннаго покроя!

И такъ, любимыми моими предметами въ третьемъ и четвертомъ классахъ гимназіи были: словесность и естественная исторія; это безъ сомнѣнія происходило отъ того, что учители этихъ двухъ предметовъ заинтересовали меня въ пользу этихъ двухъ предметовъ, и кромѣ того, я самъ имѣлъ природное къ нимъ пристрастіе. Что-же сказать о другихъ учителяхъ? Право— почти нечего. Сорочинскій, по прежнему, попивалъ пуншъ и являлся въ гимназію только по крайнему настоянію Александры— въ классѣ же, по прежнему, толковалъ о томъ, чего мы вовсе не могли понять. Ефремовъ ѣздилъ по утрамъ на базары, а послѣ обѣда на свою мызу—лекціями же занимался только въ свободное время. Рождественскій, отдавши намъ двѣ тщательно переписанныя собственною рукою и хорошо переплетенныя тетрадки (Русской исторіи—одну и статистики—другую), считалъ, что съ его стороны все сдѣлано, а потому изрѣдка являлся къ намъ для выслушиванія уроковъ; остальное же время посвящалъ разведенію канареекъ, соловьевъ, чижиковъ, скворцовъ и другихъ пернатыхъ въ своей квартирѣ—въ чемъ былъ превеликій искусникъ, такъ что у него водились цѣлыя семейства птицъ съ чадами и домочадцами. Однимъ словомъ, образованіе мое шло наилучшимъ образомъ по тогдашнемъ способамъ, и мнѣ, наконецъ, слѣдовало окончить курсъ... Но—подобно тому, какъ римскимъ сенаторомъ можно было сдѣлаться только въъ шестьдесятъ лѣтъ— и студентомъ нельзя быть иначе какъ въ шестнадцать. А мнѣ

---

[1]) Сочиненія и переводы въ стихахъ С. Г. Харьковъ. 1835 г. Стихотвореніе — Уединеніе, стр. 7—9, см. восемь заключительныхъ стиховъ.

не доставало мѣсяцевъ шесть; волею или неволею, я долженъ былъ остаться въ гимназіи еще на годъ по *собственному моему желанію*, какъ сказано въ журналѣ педагогическаго совѣта.

Тогда мнѣ жаль было, почему вмѣсто 15½ лѣтъ я не имѣю 16½... а теперь все бы отдалъ, чтобы имѣть вмѣсто 34-хъ, только четырнадцать! Suum cuique!

Разумѣется, что начинать новый академическій годъ, оставшись на другой годъ въ послѣднемъ классѣ гимназіи, и притомъ имѣя отъ роду около шестнадцати лѣтъ, въ полномъ сознаніи собственной пользы—весьма легко, и потому, какъ только началось ученіе, я охотно отправился въ гимназію въ прежній классъ, но не къ прежнимъ моимъ товарищамъ, которые, къ счастію для нихъ, имѣли 16 лѣтъ, а нѣкоторые и 18. Впрочемъ—всѣ почти ученики были мнѣ хорошо знакомы, потому что третій и четвертый классы всегда вели между собою дружбу.— Когда по обыкновенію своему директоръ посѣтилъ классы гимназіи, то привѣтствовалъ меня словами: „а ты,—старичокъ,—здѣсь... теперь ты долженъ быть украшеніемъ и честью своего класса!" Я, разумѣется, поклонился на это привѣтствіе, а бывшій въ то время въ классѣ учитель Иваницкій сказалъ: „*да онъ дѣльное дѣло сдѣлалъ*"! и при этомъ улыбнулся. Это оригинальное выраженіе и эта улыбка не ускользнула отъ наблюдательности учениковъ и тотчасъ же внесены были въ журналъ. Когда директоръ вышелъ изъ класса, Иваницкій спросилъ у меня урокъ и остался такъ доволенъ, что съ нимъ очень рѣдко случалось, ибо онъ не любилъ хвалить. Такъ какъ мнѣ почти нечего было дѣлать, то я сочинялъ и сочинительствовалъ на славу..... Не было такого рода сочиненія, начиная отъ превращенной хріи до героической поэмы, въ которомъ бы я не пробовалъ силъ своихъ! На этомъ сочинительскомъ поприщѣ было мнѣ такъ весело и отрадно: сверхъ того явился новый товарищъ, перешедшій изъ третьяго класса, Кованко, который имѣлъ порядочный талантъ писать. Странное дѣло! Въ направленіи его дарованія замѣтна была противоположность поразительная: то

онъ въ своихъ сочиненіяхъ былъ важенъ не по силамъ и не по лѣтамъ, то разбитной до повѣсничанья и пошлости! Онъ писалъ, напримѣръ, эпопею: *Санханіатонъ* и въ то же время сочинялъ родъ пародій на своего смотрителя Бережнаго, сочинялъ оды въ родѣ Ломоносова, перелагалъ псалмы и всю книгу Іова и вмѣстѣ съ тѣмъ состряпалъ преуморительную оду на того же Бережнаго, подъ названіемъ: *Симпатическая Кочерга.* Кромѣ того, сочинилъ акаѳистъ тому—же Бережному, и, кажется, похвальное слово. Однимъ словомъ, по своимъ сочиненіямъ онъ былъ душею нашего общества, и мы очень любили его. Въ такихъ и подобнаго рода занятіяхъ проходилъ послѣдній годъ моего пребыванія въ гимназіи. Наступило Свѣтлое Христово Воскресеніе, и въ субботу на вербной недѣлѣ я и братъ мой Андрей отправились по обыкновенію домой. Праздники проведены въ кругу родныхъ, разумѣется, весело: въ Ѳоминъ понедѣльникъ надобно было ѣхать обратно въ Полтаву—и мы поѣхали. Весна была весьма пріятная и довольно теплая, а потому, не стѣсняя себя шинелями, мы отправились въ однихъ сюртукахъ. Ѣхать было весело и пріятно. Мы очень часто вставали изъ экипажа, бѣгали и, уставши до поту, вновь садились; доѣхали до Шведской могилы, всходили на самую вершину ея и уже вечеромъ прибыли въ Полтаву. Казалось, все ничего: мы ужинали и легли спать—все было благополучно... Но пробужденіе мое было не столько счастливо и даже вовсе не отрадно—я былъ въ горячкѣ!...

Сначала, какъ это обыкновенно бываетъ въ такой болѣзни, я помнилъ себя и узнавалъ окружающихъ меня, хотя, впрочемъ, окружающихъ всего было четыре души: двѣнадцатилѣтній братъ Андрей, два брата двоюродныхъ—Николай и Савва Ильичи, которые цѣлый день были на службѣ въ казенной палатѣ и только къ обѣду и къ ужину возвращались домой, да камердинеръ нашъ Иванъ, которому отъ роду было лѣтъ девять или десять. Къ счастію моему, въ это время случился въ Полтавѣ дядя мой Илья Ивановичъ, который на другой день болѣзни моей выѣхалъ изъ Полтавы и тотчасъ же по возвращеніи домой извѣстилъ моего отца объ опасной моей болѣзни. Отецъ мой, по получе-

ніи письма, тотчасъ собрался въ дорогу и въ одинъ день прибылъ въ Полтаву, не смотря на разстояніе около 80 верстъ и на старость свою. Онъ засталъ меня въ совершенномъ безпамятствѣ... Ни слезъ его, ни ласкъ, ни заботъ обо мнѣ—я уже не видѣлъ и не слышалъ. Разумѣется, тотчасъ былъ приглашенъ лѣкарь (богоугоднаго заведенія — фамиліи къ сожалѣнію не помню). Онъ нашелъ меня въ отчаянномъ положеніи: метался и билъ все, что попадалось подъ руки, вскакивалъ съ кровати и бѣжалъ; часто случалось, что декламировалъ стихи, большею частью изъ Энеиды Котляревскаго, которую не задолго предъ болѣзнію читалъ и почти всю зналъ наизустъ. Меня не оставляли ни на одну минуту одного; въ противномъ случаѣ я перебилъ бы все и сломалъ бы себѣ шею: папенька и кучеръ нашъ Матвѣй не отходили отъ меня. Докторъ приходилъ каждый день два раза и при взглядѣ на меня сомнительно покачивалъ головою, — наконецъ послѣ усиленныхъ просьбъ отца моего сказать истину о моей болѣзни, отвѣчалъ: „развѣ одинъ Богъ можетъ спасти его"! Можете представить положеніе моего отца при одномъ этомъ обстоятельствѣ; но судьбѣ угодно было испытать его терпѣніе и вѣру гораздо большими несчастіями. Надобно замѣтить, что во все время моей болѣзни учреждено было между Полтавою и нашимъ хуторомъ постоянное сообщеніе, такъ что одинъ человѣкъ (верховой) ежедневно пріѣзжалъ съ извѣстіемъ то въ Полтаву изъ хутора, то изъ Полтавы въ хуторъ. Въ то самое время, когда докторъ извѣстилъ отцу моему безнадежность моего положенія, прискакалъ верховой изъ хутора, что братъ Ваня, который былъ тогда малюткой, заболѣлъ также горячкой; черезъ три дня новое извѣстіе: Алеша (братъ умершій) также въ горячкѣ... Папенька писалъ къ матери нашей, „чтобы она спасала меньшихъ, а онъ будетъ молиться Богу о спасеніи старшихъ".—Въ это время сдѣлался переломъ въ моей болѣзни; но заболѣлъ горячкою братъ мой Андрей. И такъ, все семейство моего отца было въ горячкѣ и почти въ одно время. Переломъ въ моей болѣзни послужилъ къ моему спасенію: прошелъ двадцать одинъ день и докторъ сказалъ, что я останусь живъ! Но надобно было смотрѣть за каждымъ моимъ

движеніемъ и въ особенности за пищей; разумѣется, все исполняемо было въ строжайшей точности. Въ это время, т. е. на 25 или 26-ой день, я началъ уже помнить себя и узналъ отца... Помню, что возлѣ моей кровати стояли то перемѣнно, то вмѣстѣ папенька и кучеръ Матвѣй, то приходилъ докторъ, бралъ меня за руку, кормилъ меня иногда самъ, а иногда при немъ папенька; помню, что у меня былъ страшный аппетитъ, и я безпрерывно напоминалъ, что пора уже ѣсть... Но, не смотря на все это, я не только не могъ встать съ кровати, но даже и поворотиться. Однажды отецъ мой наклонился ко мнѣ, поцѣловалъ меня въ лобъ и сказалъ: „ну, Степаша, слава Богу, ты будешь здоровъ— молись Богу и благодари Его за свое спасеніе"! Я силился поднять руку, чтобы сотворить крестное знаменіе, но рука моя не шевелилась. Папенька перекрестилъ меня и заплакалъ... и теперь еще, по прошествіи двадцати лѣтъ, я живо помню и эту крестящую меня руку моего отца, и слезы, которыя упали въ это время на мое одѣяло, и поцѣлуй, незабвенный для меня поцѣлуй! Могу-ли я когда либо забыть тебя, незабвенный родитель мой! Этого мало, что ты далъ мнѣ жизнь—это такъ легко; нѣтъ ты спасъ мнѣ жизнь; ты любилъ меня такъ пламенно, такъ нѣжно, такъ умно любилъ меня, какъ теперь не любятъ дѣтей своихъ, начиняя ихъ пряниками и конфектами безъ толку и ладу, и наряжая ихъ куклами, какъ въ маскарадъ. Нѣтъ, ты не такъ любилъ меня: ты былъ и отцемъ, и другомъ, и совѣтникомъ, и строгимъ судьею моимъ! О, я никогда не забуду тебя—и если тѣнь твоя можетъ оставить на время горній міръ, то спустись и осѣни меня твоею любовію и нѣжностію и вразуми меня быть столько же терпѣливымъ, какъ былъ ты, для перенесенія бѣдъ жизни! Я началъ мало по-малу приходить въ себя, начиналъ мыслить, чувствовать и сознавать свое существованіе; но тяжкая болѣзнь, которую перенесъ я, надолго прииковала меня къ постели—я не могъ подняться на ноги. Кромѣ слабости, у меня были на бокахъ *пролежни*—большія раны, въ особенности была большая рана на поясницѣ, слѣды ея и теперь еще весьма явственны. Отецъ мой жилъ уже въ Полтавѣ цѣлый мѣсяцъ, имѣя у себя дома двухъ сыновей въ го-

рячкѣ и оставивши все хозяйство безъ присмотра въ самое нужное время, въ маѣ мѣсяцѣ, когда нужно было быть весьма дѣятельнымъ. Братъ Андрей, который также былъ боленъ горячкою, вскорѣ выздоровѣлъ; ибо у него была болѣзнь легкая, а потому отецъ нашъ рѣшился перевезти больныхъ въ деревню— въ чемъ согласился и докторъ. Насъ перенесли въ бричку и уложили.

Бричка была тщательно закупорена, и мы шагомъ совершили многотрудное и страдальческое для меня путешествіе, путешествіе, потому что раны мои причиняли мнѣ жестокую боль и при самой медленной и осторожной ѣздѣ.... Мы наконецъ доѣхали и такъ-же перенесены были въ комнаты изъ брички: я перемѣнилъ только мѣсто лежанія, но все-таки долженъ былъ лежать. Здѣсь уже начала лечить меня отъ раны маменька какими-то пластырями, которые дѣйствовали весьма успѣшно, такъ что недѣли черезъ три раны начали заживать, а силы мои между тѣмъ возстановлялись.... Помню, какъ однажды въ прекрасный лѣтній день (вѣроятно въ половинѣ Іюня), около захожденія солнца меня вынесли на крыльцо, посадили на кресло и обложили подушками! Природа во всемъ очарованіи своемъ представилась глазамъ моимъ: мнѣ казалось, что я воскресъ изъ мертвыхъ и въ первый разъ, послѣ долгой разлуки, увидѣлъ и зелень деревьевъ, и тихое зеркало пруда, и движущіяся крылья мельницы, и дымъ хатъ, и стада, которыя въ это время возвращались съ поля! Я былъ въ невыразимомъ восторгѣ— въ это время я вполнѣ сознавалъ всю прелесть жизни! Я бы полетѣлъ къ этимъ очаровательнымъ предметамъ, но не было силы, и я долженъ былъ оставаться среди подушекъ и пластырей, которыми былъ обвязанъ. Не ближе, какъ черезъ недѣлю еще послѣ этого, меня начали водить по комнатѣ, и только уже въ Іюлѣ я рѣшился самъ пойти въ садъ, и то съ костылемъ и въ сопровожденіи человѣка. Кромѣ изнуренія силъ и ранъ, горячка лишила меня волосъ, такъ что въ это время голова моя была такъ-же гола, какъ ладонь.—

Все это вмѣстѣ взятое, равно мысль объ экзаменѣ, который я долженъ былъ окончательно выдержать въ гимназіи для

полученія аттестата, сильно безпокоили меня,—и я, почувствовавъ себя въ послѣднихъ числахъ Іюля бодрѣе и здоровѣе, настаивалъ у отца ѣхать въ Полтаву.... Папенька помедлилъ еще съ недѣлю до совершеннаго поправленія моего здоровья, и мы поѣхали въ Полтаву, чтобы не упустить времени сдать экзаменъ въ Харьковѣ для поступленія въ тамошній Университетъ. Со страхомъ и трепетомъ приближался я къ крыльцу директорскаго дома, помышляя объ экзаменѣ, который долженъ былъ я выдержать безъ приготовленія и безъ силъ послѣ тяжкой, почти смертельной болѣзни. Но страхъ мой совершенно прошелъ, когда я увидѣлъ доброе, благородное, улыбающееся лицо нашего добраго директора Ивана Дмитріевича Огнева. Послѣ обычнаго привѣтствія и разспросовъ о моемъ здоровьи, онъ сказалъ папенькѣ, что экзамена держать никакого не нужно, что гимназія знаетъ меня весьма хорошо, что сверхъ того я же держалъ уже экзаменъ въ прошломъ году, и что намъ стоитъ только отправиться въ канцелярію гимназіи и получить совершенно готовый аттестатъ. Послѣ этого, сдѣлавъ мнѣ наставленіе, какъ учиться и вести себя въ Университетѣ, онъ отпустилъ насъ. Аттестатъ мой дѣйствительно былъ готовъ—и черезъ два часа мы ѣхали уже обратно въ хуторъ...... Но мечты мои летѣли въ другую сторону....... Харьковъ! Университетъ! Студентъ! Все это занимало меня на цѣлую дорогу!.....

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

МАЛОРУССКАЯ НАРОДНАЯ ОДЕЖДА.[1]

Козелецкій уѣздъ.

Придерживаясь той же схемы, которая положена въ основаніе описанія народной одежды въ нѣжинскомъ уѣздѣ, мы приведемъ прежде всего нѣкоторыя данныя о климатическихъ и и почвенныхъ условіяхъ мѣстности, входящей въ составъ козелецкаго уѣзда, позаимствовавши ихъ изъ изданныхъ въ 1882 году черниговскимъ губернскимъ земствомъ „Матеріаловъ для оцѣнки земельныхъ угодій, т. V, козелецкій уѣздъ",—а также о занятіяхъ ея обитателей, такъ какъ несомнѣнно, что тотъ или иной характеръ народной одежды находится въ непосредственной связи съ продуктами добывающей или обрабатывающей промышленности данной мѣстности, а также съ тѣмъ или инымъ родомъ занятій населенія.

Козелецкій уѣздъ находится въ южной части черниговской губерніи. Границами его служатъ: съ сѣвера черниговскій уѣздъ, съ запада—остерскій, съ востока—нѣжинскій, и, наконецъ, съ юга—полтавская губернія; по наружному очертанію онъ имѣетъ видъ параллелограмма, нѣсколько расширеннаго къ югу.

Площадь уѣзда представляетъ изъ себя довольно ровную поверхность. Наиболѣе возвышенная часть уѣзда южная, менѣе возвышенная—сѣверная. Что касается средней и юго-западной части уѣзда, то онѣ представляютъ низменность и изобилуютъ болотами. Между послѣдними особенно обращаетъ на себя вниманіе по своей величинѣ болото Трубайло, тянущееся въ юго-западной части уѣзда на нѣсколько верстъ, начиная отъ с. Мостища и вплоть до с. Кулажинецъ. У с. Ничеговки,

[1]) См. „Кіев. Стар." 1893 г. № 5.

нѣсколько сѣвернѣе указаннаго болота, находится другое, называемое Слуковъ; оно болѣе значительной частью своей поверхности лежитъ впрочемъ уже въ остерскомъ уѣздѣ. Изъ другихъ болотъ нельзя не упомянуть о болотѣ Калитѣ, находящемся между селеніями--Копти, Песоцкое, Гладкое, Сморжки и Потюте. Рѣка Остеръ при своемъ теченіи, затопляя низменныя и топкія мѣста своихъ береговъ, образуетъ въ средней части уѣзда цѣлую систему болотъ, изъ которыхъ особенно отличается по своимъ размѣрамъ болото Карашня, тянущееся отъ с. Берлозъ вплоть до х. Беркова. Въ сѣверной части уѣзда обращаетъ на себя вниманіе, по своей величинѣ, болото Галчинъ—оно имѣетъ пять верстъ длины и двѣ версты ширины; болото это прежде было озеромъ.

Что касается рѣкъ, то количество ихъ въ козелецкомъ уѣздѣ крайне незначительно, да и имѣющіяся рѣки съ качественной стороны не представляютъ ничего привлекательнаго. Главная рѣка Остеръ не только не судоходная, но даже не сплавная; ширина ея отъ трехъ до пятнадцати саженъ, а глубина нигдѣ не превышаетъ и трехъ аршинъ. Берега ея низменные, топки и болотисты—течетъ эта рѣка по средней части уѣзда съ востока на западъ.

Козелецкій уѣздъ лежитъ на сѣверной окраинѣ средины черноземной полосы и долиной р. Остра раздѣляется на двѣ части: сѣверную—нечерноземную (песчаную по западной границѣ, суглинистую на остальномъ пространствѣ) и южную—черноземную. Въ характерѣ обѣихъ частей, и помимо чернозема, большая разница. Сѣверная—вообще низменна, сплошь изрѣзана большими и малыми болотами и довольно лѣсиста; южная, кромѣ самаго юго-западнаго угла, вообще возвышенна, вмѣсто болотъ имѣетъ рѣчки въ сравнительно крупныхъ берегахъ съ ясно обозначеннымъ теченіемъ, и вовсе безлѣсна. Типичный черноземъ залегаетъ на всемъ протяженіи довольно пологой, но все-таки куполообразной возвышенности, и вмѣстѣ съ ней имѣетъ своими рѣзко обозначенными границами: съ сѣвера болотистую долину р. Остра, съ сѣверо-запада болотистую низменность Трубайло и съ запада полосу сыпучихъ песковъ,

обязанныхъ своимъ происхожденіемъ, вѣроятно, тому-же Трубайлу. На востокѣ, со стороны нѣжинскаго уѣзда, хотя мѣстность тоже значительно понижается, но черноземъ, не прерываясь, сливается съ черноземомъ этого уѣзда и вообще черноземной полосой.

При существующихъ въ козелецкомъ уѣздѣ почвенныхъ условіяхъ количество успѣшно культивируемыхъ сельско-хозяйственныхъ растеній весьма ограничено. Хорошо растутъ на черноземѣ ячмень, конопля, картофель, на нечерноземѣ—ячмень и конопля; хуже—на черноземѣ—пшеница и рыжей, на нечерноземѣ—картофель и просо; рѣже сѣютъ на черноземѣ—табакъ, просо и ленъ, на нечерноземѣ—табакъ, жито и овесъ.

Главнѣйшимъ занятіемъ населенія козелецкаго уѣзда, какъ и сосѣдняго съ нимъ нѣжинскаго уѣзда, весьма похожаго по своимъ топографическимъ условіямъ, является земледѣліе, въ особенности въ южной части уѣзда, гдѣ крестьяне, неограничиваясь обработкой собственныхъ полей, берутъ въ аренду значительные участки у крупныхъ землевладѣльцевъ; кромѣ того, въ значительной степени развиты скотоводство и овцеводство. Что касается другихъ занятій сельскаго населенія козелецкаго уѣзда, то о нихъ не имѣется, къ сожалѣнію, въ печати такихъ точныхъ и подробныхъ указаній, какъ по нѣжинскому уѣзду.

Переходя къ описанію народной одежды козелецкаго уѣзда, на основаніи однородныхъ, что и по нѣжинскому уѣзду, источниковъ и по прежней схемѣ, мы будемъ отмѣчать ея особенности сравнительно съ таковой же одеждой нѣжинскаго уѣзда. Имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи свѣдѣнія относятся къ различнымъ пунктамъ уѣзда—с. Лихачевъ, с. Хрещатое, с. Копти (сѣверъ), с. Браница (средина), м. Новый Быковъ, с. Вороньки и с. Старая Басань (югъ).

Мужская сорочка, также какъ и въ нѣжинскомъ уѣздѣ, кроится изъ домашняго пеньковаго или льняного холста съ отложнымъ воротникомъ, *ковниромъ,* пришитымъ къ густымъ сборкамъ, но съ особенно длиннымъ, большею частью до пояса, разрѣзомъ спереди, *пазухой*; ковниръ обыкновенно вышивается въ гладь, зубчиками или звѣздочками и застегивается лентой или

тесьмой, *стенжкой*; въ послѣднее время стали повязывать шею покупными платками и шарфами, въ особенности парубки. Сорочка запускается въ широкіе штаны, съ *матней* или *крисломъ* до колѣнъ и калошами шириной около аршина съ двумя глубокими карманами, *кишенями*. Штаны шьются почти исключительно изъ толстаго полотна, раскрашиваемаго домашнимъ способомъ—выбойки, *пайстры*. Берется обыкновенно кусокъ полотна и настилается постепенно на квадратную доску, съ вырѣзанными на ней различными рисунками, предварительно намазанную олеей, смѣшанной съ голландской сажей, и придавливается сверху другой гладкой доской, вслѣдствіе чего на полотнѣ получаются оттиски рисунковъ. На зиму штаны шьются изъ болѣе тонкаго, чѣмъ на свитѣ, сукна, спеціально для этого приготовляемаго. Поверхъ сорочки надѣваютъ обыкновенно однобортную *жилетку*, съ пуговицами до самаго верху и съ маленькимъ стоячимъ воротникомъ, изъ покупныхъ матерій. Своеобразную особенность крестьянской одежды козелецкаго уѣзда составляетъ, такъ называемая, *катанка*—нѣчто въ родѣ короткой куртки изъ домашняго сукна. Спинка катанки не сшивается на поясницѣ, а выкраивается обыкновенно изъ одного цѣльнаго куска *до двухъ усовъ*; воротникъ въ ней высокій, стоячій, обшитый зубчатой тесемкой; на рукавахъ обшлаги, *закавраши*, иногда кожанные; съ правой стороны *кишеня*. Застегивается катанка сбоку на три деревянныя самодѣльныя пуговицы, *гузи*, *гузики*. Катанку носятъ обыкновенно лѣтомъ прямо поверхъ сорочки, лѣтомъ же носятъ болѣе зажиточные крестьяне, и въ особенности *парубки*, чимерку, или *жупанъ*, *чемлитъ*, которая шьется обыкновенно изъ покупныхъ матерій—черкасина, нанки и т. п., съ густыми сборками у таліи сзади. Кромѣ того, обычной верхней одеждой бываютъ—свита и кирея; свита шьется *до шести*, *восьми* и *десяти усовъ* или складокъ сзади, кирея выкраивается изъ трехъ цѣлыхъ длинныхъ до полу кусковъ со вставными клиньями съ боковъ. Зимней верхней одеждой служитъ *кожухъ* и изрѣдка *толубъ*; кожухъ шьется или *до двухъ усовъ*, или *подъ заборку*, т. е. съ нѣсколькими складками сзади у таліи, съ высокимъ стоячимъ смушковымъ воротникомъ; толубъ шьется не

въ талію, также какъ и кирея, съ которой онъ совершенно схожъ по крою, съ широкимъ отложнымъ воротникомъ. Въ послѣднее время толубъ выходитъ изъ употребленія. Верхняя одежда опоясывается синимъ, краснымъ или зеленымъ поясомъ.

Обувью служатъ обычные *чоботы* и *черевики*, и кромѣ того, преимущественно въ сѣверной части уѣзда, валянки, *лямци*, и лапти, *постолы*; лямци покупаются на валюшняхъ, а постолы плетутся дома или изъ липовой коры, *лутья*, или изъ вязовой коры, *лыка*, которыя покупаются на ярмаркахъ. На головѣ мужчины носятъ смушковыя шапки вершковъ шесть вышиной, брили и яломки; послѣдніе, впрочемъ, съ очень недавняго времени и исключительно въ сѣверной части уѣзда.

Кромѣ вышеотмѣченныхъ остатковъ старины и новшествъ, болѣе характерныхъ особенностей въ мужской одеждѣ не замѣчается.

Женщины носятъ длинныя, почти до ступней, сорочки, съ широкими, собранными въ густыя сборки у наплечій и у кистей рукъ, рукавами, расшитыми иногда въ гладь бѣлыми нитками, или же преимущественно *мережанными* у наплечій; мережками же украшаютъ и подолъ, *подолки*, сорочекъ; вышиванье цвѣтной бумагой, *заполочью*, мало распространено.

Поверхъ сорочки подвязываютъ обыкновенно запаску, состоящую изъ двухъ кусковъ—задняго чернаго, *сиряка*, и передняго синяго, *попередныци*; по праздникамъ носятъ плахты или пестрыя, или одноцвѣтныя, причемъ иногда квадратики пестрой плахты вышиваютъ различными узорами гарусомъ, или нашиваютъ на нихъ кусочки разныхъ цвѣтовъ шерстяныхъ матерій. По различнымъ узорамъ плахты называются—*хрещатка*, *копытаха*, *репяхивка*, *слывянка*, *мотыливка*, *рожева*, *крывуляста* и т. п., плахты съ нашивками называются *накладни*. Красивыя домашняго тканья плахты стоятъ пятнадцать и болѣе рублей. *Сподницу* изъ покупныхъ матерій носятъ рѣдко, въ особенности въ сѣверной части уѣзда, исключительно почти женщины, служившія прислугой въ городахъ, и маленькія дѣвочки.

Поверхъ сорочки надѣвается обыкновенно *корсетка*, и стеганая *юбка* изъ покупныхъ матерій. До послѣдняго времени

носили еще короткія свиты изъ темнаго домашняго сукна *до двухъ усовъ съ ластивками* (кусочками сукна, преимущественно краснаго, вшиваемаго вверху усовъ, у таліи); ковниръ, пасы и закавраши въ нихъ отдѣлывались зеленымъ и чернымъ шнуркомъ; кромѣ того, были въ употребленіи еще и длинныя свиты изъ бѣлаго сукна *до двухъ усовъ,* расшитыя въ разныхъ мѣстахъ чернымъ шнуркомъ. Зимою носятъ обыкновенно кожушанку, схожую совершенно по своему крою съ юбкою, иногда чѣмъ-нибудь покрытую и обшитую кругомъ, *облямованную,* шленскимъ смушкомъ, *хутрянку*; сравнительно рѣже носятъ кожухъ, и еще рѣже толубъ, длинные, пошитые не въ талію, съ широкими отложными воротниками.

На ноги обуваютъ, кромѣ обыкновенныхъ чоботъ и черевиковъ, теперь съ низкими, а прежде съ высокими каблуками, пидборами, почти посрединѣ ступни, еще сапьянци, сапоги изъ красной кожи, съ высокими острыми подковами, вмѣсто подборовъ, впрочемъ преимущественно въ сѣверной и средней части уѣзда, ближе къ остерскому уѣзду.

На головѣ замужнія женщины носятъ обыкновенно *очипокъ,* который шьется изъ разныхъ ситцевъ, иногда изъ парчи, и состоитъ изъ двухъ частей—*причельника,* съ зубцами или безъ зубцовъ, и *вершка*; причельникъ сзади не сшивается и къ нему пришиваются *поворозки,* ленточки, для завязыванія очипка. Если женщина выходитъ изъ дому, то повязываетъ поверхъ очипка большой покупной платокъ, *маслиновый, прохоривській, загряньшній* и т. п., въ три обхвата, но такъ, чтобы былъ видѣнъ вершокъ очипка, въ противоположность нѣжинскому уѣзду. Дѣвушки заплетаютъ волосы въ одну косу и при этомъ вплетаютъ ленты, длиною въ $2^1/_2$ аршина каждая, преимущественно, красныя, зеленыя, синія и голубыя; иногда ленты пришпиливаются кромѣ того къ вѣнкамъ изъ искусственныхъ разноцвѣтныхъ бумажныхъ цвѣтовъ, пришитыхъ къ ободку изъ цвѣтнаго картона, вѣнки эти называются *теремками.* Если дѣвушки повязываются платкомъ, то дѣлаютъ это такъ, чтобы темя оставалось открытымъ. Старухи повязываютъ головы черными платками, а кое-гдѣ въ праздники и посты надѣваютъ старинный

головной уборъ—*намитку*, на шеѣ, какъ замужнія, такъ и дѣвушки, носятъ стекляныя *намиста* различныхъ яркихъ цвѣтовъ, къ которымъ привѣшиваются обыкновенно по-срединѣ крестики и ладонки, покупаемыя въ Кіевѣ, во время хожденія на богомолье; на пальцахъ носятъ *перстни*, въ ушахъ сережки, также покупаемыя въ Кіевѣ.

Матеріалъ для настоящаго описанія собранъ въ 1890 году.

Н. Степовой.

Вопросъ о литературномъ источникѣ украинской оперы И. П. Котляревскаго „Москаль-Чаривныкъ“.

Касаясь пять лѣтъ тому назадъ произведеній начинателя новой украинской литературы, И. П. Котляревскаго, и выясняя литературныя отношенія его поэмы и оперъ и связь послѣднихъ съ ближайшей средой, въ которой вращался украинскій поэтъ, мы высказали предположеніе, что фабула, составившая основу одной изъ народныхъ оперъ Котляревскаго, именно „Москаля-чаривныка“, написаннаго въ 1819 г., „перехожая и весьма распространенная“, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы указали и на чисто мѣстныя подробности, внесенныя нашимъ поэтомъ въ заимствованную схему [1]).

Говоря вскользь о томъ, что „Москаль-чаривныкъ“ своею рамкою примыкаетъ къ бродячему анекдоту, мы имѣли въ виду цѣлый рядъ сходныхъ фабулъ въ западноевропейскихъ литературахъ [2]). Въ настоящей замѣткѣ мы остановимся подробнѣе на этихъ фабулахъ. Болѣе обстоятельное разсмотрѣніе ихъ въ связи съ оперою Котляревскаго не только можетъ содѣйствовать болѣе правильному пониманію послѣдней, устраняя толкованія въ родѣ предложеннаго Львовскимъ профессоромъ Огоновскимъ [3]), но послужитъ также новымъ подтвержденіемъ

---

[1]) Отзывъ о сочиненіи г. Петрова: „Очерки исторіи Украинской литературы XIX столѣтія“ (Отчетъ о двадцать-девятомъ присужденіи наградъ графа Уварова, 1888 г.), стр. 40—41 и 54, прим. 3, отдѣльнаго оттиска.

[2]) Въ названномъ выше отзывѣ мы отмѣтили одну изъ позднѣйшихъ французскихъ обработокъ разсматриваемаго сюжета.

[3]) По мнѣнію г. Огоновскаго, въ разсматриваемой опереткѣ „скрываеся мабуть сеся провôдна гадка, що Украину стараеся подолѣти культура россійска, що

высказаннаго нами ранѣе наблюденія о ближайшемъ и непосредственномъ отношеніи нѣкоторыхъ произведеній украинской литературы къ произведеніямъ западно-европейскимъ и, наконецъ, ознакомить съ однимъ изъ нелишенныхъ интереса и въ такомъ уже обиліи собранныхъ въ наукѣ эпизодовъ странствованій и превращеній литературныхъ сюжетовъ.

Рядъ извѣстныхъ намъ европейскихъ литературныхъ пересказовъ фабулы, обработанной, между проч., и И. П. Котляревскимъ, начинается уже въ такую отдаленную пору, какъ время процвѣтанія средневѣковыхъ сатирическихъ повѣстенокъ, носившихъ во французской литературѣ названіе fabliaux.

Въ этихъ повѣстенкахъ не разъ предметомъ осмѣянія служили мужья, обманываемые женами, при чемъ героями любовныхъ похожденій весьма часто являлись лица духовныя. Одною изъ такихъ повѣстей, достигшихъ наиболѣе широкаго распространенія, былъ разсказъ подъ заглавіемъ: „Le pauvre Clerc“— „Бѣдный клеркъ“ (т. е. ученикъ, студентъ теологіи), XIII-го в. [1]).

Содержаніе этого фабльо слѣдующее. Жилъ-былъ въ Парижѣ студентъ. Кое-какъ маялся онъ тамъ, но, наконецъ, по причинѣ бѣдности, долженъ былъ проститься съ университетомъ и наукой и оставить городъ, чтобы вернуться въ родительскій домъ. Безъ пищи и питья, не спѣша, шелъ онъ цѣлый день до солнечнаго заката. Вотъ показались крыши жилья, и путникъ направился къ мызѣ. Въ домѣ онъ засталъ хозяйку и служанку и смиренно, по обычаю вагантовъ, попросилъ пристанища. Крестьянка отказала ему въ ночлегѣ, такъ какъ мужа ея не было дома, и она де боялась впускать безъ него постороннее лицо. Студентъ повторилъ свою просьбу и получилъ опять суровый отвѣтъ. Во время этого разговора какой-то парень принесъ два боченка

однако се змагане не вдѣє ничого, по-за-якъ Украина придержуе ся вѣрно рôдныхъ святощій“. Ист. литературы рускои, ч. II, 1 воддѣлъ, стр. 206.

[1]) Въ средніе вѣка на западѣ терминъ „клеркъ“ имѣлъ широкое значеніе; такъ были называемы не только лица, принадлежавшія непосредственно къ клиру, но и всѣ вообще причастныя духовному просвѣщенію, хотя бы они и не принимали посвященія. *Clericus* и *literatus* были однозначащіе термины. Странствующіе *Clerici vagantes*, бродившіе по главнымъ странамъ Закада вплоть до XVI в., отличались крайнимъ свободомысліемъ.

вина, которое хозяйка тотчасъ же припрятала въ темный уголъ, а служанка пекла пирогъ и вынула изъ печи свинину. Голодный путникъ все еще стоялъ на порогѣ и еще разъ попросилъ позволенія остаться, но его выпроводили съ гнѣвомъ, захлопнувъ за нимъ дверь. Едва онъ отошелъ нѣсколько шаговъ, какъ показался человѣкъ въ черной священнической одеждѣ, закутанный съ головы до ногъ; онъ прошелъ мимо студента, не поклонившись ему, и вошелъ въ домъ, гдѣ былъ принятъ съ честію. Замѣтивъ то, студентъ воскликнулъ: „А я-то гдѣ проведу эту ночь?" Возгласъ путника услышалъ проходившій въ тотъ моментъ по дорогѣ крестьянинъ, возвращавшійся съ мельницы съ мѣшкомъ муки. Онъ пригласилъ студента къ себѣ, какъ оказалось—въ тотъ самый домъ, изъ котораго путникъ былъ такъ неласково отправленъ незадолго передъ тѣмъ. Заслышавъ стукъ и голосъ мужа, жена пришла въ смятеніе и выпроводила своего гостя въ конюшню, пообѣщавъ уложить скоро своего мужа въ постель, и затѣмъ открыла мужу ворота. Вошедши въ домъ съ гостемъ, крестьянинъ спросилъ жену, что она дастъ имъ поѣсть? Та отвѣчала, что не припасла ничего, такъ какъ ничего и не было въ домѣ, когда утромъ ея мужъ отправлялся на мельницу. Крестьянинъ, заботясь не столько о себѣ, сколько о гостѣ, велѣлъ испечь хоть хлѣба, потому что жена не обѣщала ничего другаго. Въ ожиданіи этой скудной трапезы крестьянинъ попросилъ своего гостя разсказать что-нибудь, чтобы провести какъ-нибудь время до ужина. Студентъ извинился, что не знаетъ повѣстенокъ, какія всегда на готовѣ для всякаго у fableors (т. е. перехожихъ разсказчиковъ); онъ предложилъ разсказать лишь о дѣйствительномъ событіи, объ ужасѣ, какого натерпѣлся утромъ того дня. Разсказчикъ де вышелъ изъ темнаго лѣса на опушку и встрѣтилъ тамъ стадо свиней, пасшихся безъ пастуха. Прибѣжалъ большой волкъ и схватилъ откормленную свинью, чтобы полакомиться ею, „и мясо ея, повѣрьте мнѣ—увѣрялъ разсказчикъ,—было столь же жирно, какъ сваренное вотъ въ томъ горшкѣ вашею служанкою". Удивленный крестьянинъ спросилъ жену, дѣйствительно-ли у нихъ есть свинина, и получилъ въ отвѣтъ,

что жена хотѣла такимъ способомъ сдѣлать мужу сюрпризъ. Повеселѣвшій хозяинъ просилъ студента продолжать разсказъ, и гость сейчасъ же вновь озадачилъ крестьянина, сказавъ, что кровь свиньи, растерзанной волкомъ, была такъ же красна, какъ вино, принесенное въ тотъ вечеръ въ домъ хозяина. Жена послѣдняго, опять спрошенная, правду ли сказалъ гость, съ досадой должна была подтвердить, что кто-то позаботился и о винѣ. Приглашенный разсказывать далѣе, студентъ сообщилъ, что онъ хотѣлъ бросить чѣмъ-нибудь въ волка и поднялъ для того камень, валявшійся подлѣ, но камень не былъ такъ великъ, какъ пирогъ, свѣже-испеченный въ печи у крестьянина. Хозяинъ благословляетъ приключеніе студента и полагаетъ, что разсказъ уже оконченъ, но гость заявляетъ, что на томъ не конецъ: волкъ глядѣлъ на студента такъ же злобно, какъ глядитъ теперь въ окошечко изъ конюшни священникъ. Тутъ крестьянинъ бросился къ священнику и началъ надѣлять его подзатыльниками, стащилъ съ него одежду и вытолкалъ изъ дома. Платье бѣжавшаго досталось студенту. Заканчивается повѣсть нравоученіемъ, предназначеннымъ для женщинъ: никого не выпроваживать изъ дому съ обидой, хотя бы и не ожидалась когда-нибудь новая встрѣча съ тѣмъ лицомъ [1]).

Dunlop и Liebrecht давно уже замѣтили, что этотъ fabliau послужилъ источникомъ нѣсколькихъ поэмъ и повѣстей въ старой шотландской и англійской литературѣ, а F. H. von der Hagen и Гриммы сдѣлали другія сближенія [2]). Въ послѣднее

[1]) *A. de Montaiglon et G. Ragnaud*, Recueil général et complet des fabliaux des XIII et XIV siècles, Par., V. Прежде было издано въ *Méon*, Nouveau Recueil de fabliaux et contes, Par. 1823; *Le grand d'Aussy*, Fabliaux, III. По мнѣнію Raynaurd-a, изъ всѣхъ fabliaux напечатанныхъ Meon-омъ, le conte le plus piquant le plus dramatique est celui du *Pauvre Clerc*". Journal des Savans 1824 p. 608.

[2]) *John Dunlop's* Geschichte der Prosadichtungen oder Geschichte der Romane, Novellen. Märchen u. s. w. Uebertragen u. vielfach vermehrt von F. Liebrecht, Berlin 1851, S 209 и примѣч. 277 на стр. 489. См. далѣе статью Liebrecht-a: „Beiträge zur Novellenkunde" въ Germania, I (1856), S. 263. *Von der Hagen*, Gesammtabenteuer, Stuttg. u Tüb. 1850, III, № LXI: „Der geäffte Pfaffe" и замѣчанія на стр. XXIX. Brüd. Grimm, Kinder und Hausmärchen, III³, 109—110.

время указано значительное количество обработокъ темы fabliau „Le pauvre clerc“ у различныхъ французскихъ разсказчиковъ [1]), выяснена уже довольно обстоятельно исторія этой фабулы въ другихъ литературахъ [2]), и указаны сродныя ей народныя сказки и пѣсни [3]).

Многія изъ средневѣковыхъ сатирическихъ повѣстенокъ возводятся къ индійской сказочной литературѣ. Туда же относятъ происхожденіе и разсматриваемой фабулы [4]), но въ Панчатантрѣ, гдѣ есть нѣсколько разсказовъ о невѣрныхъ женахъ, принимающихъ любовниковъ, мы не встрѣтили повѣсти, которая совпадала бы съ занимающею насъ фабулою во всѣхъ существенныхъ подробностяхъ. А между тѣмъ, повидимому, разсказъ, переданный въ фабльо „Le pauvre Clerc“, состоялъ въ какой-то связи съ восточною повѣствовательною литературою, потому что и въ этомъ fabliau и въ Сирійской и другихъ сказкахъ, относящихся къ тому же разряду повѣстенокъ, замѣчается нѣкоторое отношеніе къ животному эпосу, что́ весьма харак-

---

[1]) Разум. „*Le soldat devin, le Soudan de Babylon*“ и др. См. *J. Bédier*, Les fabliaux, études de littérature populaire et d'histoire littéraire du moyen âge, Par. 1893, p. 410-411.

[2]) *W. Hertz*, Spielmannsbuch. Novellen in Versen aus dem zwölften und dreizehnten Jahrhundert. Stuttgart 1886, S. 353—359. Въ дальнѣйшемъ перечнѣ мы воспользовались отчасти указаніями Hertz-а.

[3]) См. статью пр. *Сумцова*: „Пѣсни о гостѣ Терентіи и родственныя имъ сказки“ въ XII-й кн. „Этнографическаго Обозрѣнія“ (1892, № 1); его же замѣтку: „Дополненіе къ статьѣ: „Пѣсни о гостѣ Терентіи“ въ XVIII кн. „Этногр. Об.“ (1893), стр. 164, и „Нѣсколько варіантовъ на тему о гостѣ Терентіи“, *А. Малинки*, ib, XVI, 146—147.

[4]) Проф. *Уленбекъ* въ статьѣ: „Нидерландскія народныя пѣсни“, „Живая Старина“, 1893, вып. II, стр. 192, указываетъ на четвертый разсказъ Панчатантры. См. *Benfey*, Pantschatantra, zweiter Theil, Leipz. 1859, 38—46, и *L. Fritze*, Pantschatantra, Leipz. 1884, 52—64. Въ этомъ разсказѣ путешествующій ограбленный браминъ Devasarman повстрѣчался съ уходившимъ изъ дому ткачемъ, и послѣдній велѣлъ своей женѣ хорошо угостить путника; она же болѣе думала о свиданіи съ любовникомъ, и, указавъ гостю постель, поспѣшила принарядиться и вышла изъ дому, но столкнулась съ возвращавшимся мужемъ; потомъ свиданіе съ любовникомъ состоялось при помощи ея подруги, оставшейся на мѣстѣ ткачихи и лишившейся носа, такъ какъ пьяный ткачъ, проснувшись, принялъ жену цирюльника за свою жену и отрѣзалъ ей носъ; браминъ въ концѣ разоблачилъ продѣлки обѣихъ. Въ разсказѣ этомъ, так. обр., слито два мотива.

терно [1]). Во всякомъ случаѣ, откуда бы ни вышелъ этотъ мотивъ, онъ распространился во многихъ мѣстахъ и составилъ содержаніе разнообразныхъ литературныхъ произведеній, сказокъ и пѣсенъ.

Изложенный нами по faubliа изводъ, въ которомъ главное дѣйствующее лицо (иногда—слуга крестьянина) приводитъ къ развязкѣ и изобличенію любовной интриги замужней женщины со священникомъ, выступая въ роли разсказчика передъ мужемъ ея, признаютъ древнѣйшею редакціею разсматриваемой повѣстенки. По этому изводу любовнику приходится терпѣть въ концѣ поруганіе и побои.

Къ этому древнѣйшему изводу, кромѣ указанныхъ fabliaux, относится одинъ разсказъ въ стихахъ у нѣмецкаго поэта первой половины XIII-го в. Stricker-а, озаглавленный „Von einem kundigen Knechte“ [2]) (О проворномъ батракѣ), а также въ другой старонѣмецкой обработкѣ—въ Schwank-ѣ (забавной повѣсти): „Der kündige Knecht“, на который указалъ Гриммъ [3]). Полагаютъ, что всѣ эти пересказы вышли независимо одинъ отъ другаго изъ устно передававшихся разсказовъ. Подобная сказка и теперь еще въ ходу въ Венеціи. Этотъ болѣе древній по сравненію съ другими изводъ прекрасно задуманъ и разсказанъ.

Оставляя въ сторонѣ эту редакцію занимающей насъ повѣстенки, какъ не имѣющую ближайшаго отношенія къ фабулѣ оперетки Котляревскаго, мы скажемъ нѣсколько подробнѣе о

---

[1]) Въ разсказѣ Панчатантры, указанномъ въ предыдущемъ примѣчаніи, случай въ животномъ мірѣ, видѣнный Devasarman омъ, не оказываетъ никакого вліянія на ходъ дѣйствія.

[2]) Kleinere Gedichte von dem Stricker, herausg. von K. A. Hahn, Quedlinb u. Leipz. 1839 (Bibl. der ges deutschen National-Literatur, XVIII-ter B.) 9—20.

[3]) Kinder und Hausmärchen, gesammelt durch die Brüder Grimm, Dritter Band, dritte Auflage, Göttingen 1856, S. 109. Въ двухъ изъ сказокъ, помѣщенныхъ г. Малинкою въ XVI-й кн. „Этнографическаго Обозрѣнія“, продѣлки невѣрной жены также изобличаетъ работникъ. Мы слышали въ Волынской губерніи сказку о томъ, какъ наймитъ, договорившійся съ хозяиномъ, чтобы тотъ позволилъ ему „гедзкаться“, прибѣгалъ домой, когда хозяинъ бывалъ на полѣ, подсматривалъ и изводилъ любовниковъ хозяйки.

судьбахъ другаго извода, параллельнаго первому, только что упомянутому.

Письменные пересказы анекдота въ этой, болѣе новой, редакціи, въ которыхъ изобличитель подготовленной невѣрною женою либо прерванной возвращеніемъ мужа любовной пирушки прикидывается колдуномъ, сохранились въ бóльшемъ количествѣ и въ болѣе совершенномъ видѣ. Впервые они встрѣчаются въ литературѣ XV—XVI вв. Эти пересказы отличаются своеобразными чертами, и ни одинъ изъ главныхъ разрядовъ ихъ не можетъ считаться съ полною достовѣрностію за источникъ другаго. Повидимому, болѣе вѣроятно, что содержаніе различныхъ болѣе старыхъ пересказовъ было почерпаемо непосредственно изъ народной словесности. Общій ходъ разсказа въ нихъ такой же, какъ въ fabliau. Въ XV и XVI вв. продолжали еще странствовать перехожіе студенты, и въ большинствѣ пересказовъ свидѣтелемъ любовной пирушки и потомъ изобличителемъ является клеркъ либо студентъ, просящій гостепріимства у жены, угощающей любовника, какъ и герой изложеннаго fabliau—клеркъ. Невѣрная жена—въ большинствѣ разсказовъ мельничиха, а любовникъ ея почти всегда—мѣстный приходскій священникъ. Вообще чужака, который ищетъ пріюта для ночлега, хозяйка довольно скоро выпроваживаетъ изъ дому, но потомъ онъ возвращается либо по собственному желанію, либо, какъ въ fabliau,—въ сопровожденіи хозяйкина мужа. Пришлый гость хвалится обыкновенно передъ хозяиномъ знаніемъ волшебства и вызывается показать пробу такого своего искусства. Онъ чертитъ волшебный кругъ, дѣлаетъ тотъ или другой фокусъ и затѣмъ указываетъ, въ какомъ мѣстѣ стоятъ кушанья и вино. Въ заключеніе онъ помогаетъ ускользнуть любовнику, которому пришлось немало перетрусить: мнимый колдунъ вызываетъ сокрытаго ухаживателя въ качествѣ своего служебнаго дьявола, повелѣвъ ему показаться въ человѣческомъ образѣ, и такъ помогаетъ ему выпутаться изъ бѣды. При этомъ мужъ съ удивленіемъ восклицаетъ: „Какъ однако дьяволъ похожъ на нашего священника!“ Такимъ образомъ въ этомъ изводѣ разоблачающій любовныя шашни относится къ ухаживателю за чужою женою добродушнѣе, чѣмъ въ

fabliau: онъ какъ бы полагаетъ, что виновный достаточно наказанъ уже тѣмъ страхомъ, который ему пришлось испытать.

Благодаря комикѣ въ положеніи дѣйствующихъ лицъ и въ развязкѣ, эта редакція фабулы о невѣрной женѣ пользовалась особымъ успѣхомъ у разсказчиковъ и либреттистовъ въ теченіе четырехъ съ лишнимъ вѣковъ.

Въ нѣмецкой литературѣ эту повѣсть передали въ стихахъ: Hans Rosenplüt въ Schwank-ѣ: „Von einem varnden schuler" (Напечат. Ad. v. Keller-омъ въ Fastnachtspiele, III, Stuttg. 1853, 1172—1176), Burchard Waldis (Aesopus, 4 Buch, 42 Fabel) [1]) и Eucharius Eyering (Proverbiorum Copia, Eissleben 1601, II, 431 и слѣд.) [2]). Въ нѣмецкой прозѣ эта фабула была пересказана нѣмецкимъ юмористомъ XVI в. Michael-омъ Lindener-омъ (Rastbüchlein, 1558). Schwank Rosenblüt-а былъ переработанъ въ драматической формѣ Гансомъ Саксомъ въ масляничной пьесѣ (Fastnachtspiel) подъ заглавіемъ: „Ein Fastnacht Spil mit vier Personen: Der farendt Schuler mit dem Teuffelbannen", относящейся къ 1550 — 51 гг. [3]). У Rosenblüt-а и у Ганса Сакса дѣйствіе происходитъ въ хижинѣ крестьянина, какъ и въ старошотландской поэмѣ, о которой сейчасъ будетъ рѣчь. У обоихъ поэтовъ странствующій ученикъ скрывается въ самой хижинѣ, и виновный отдѣлывается отъ бѣды легко. У нихъ и у Lindener-а изгоняющій мнимаго дьявола (священника, спрятавшагося отъ мужа) уговаривается со священникомъ касательно всей послѣдующей комедіи и проводитъ мечемъ будто бы заколдован-

---

[1]) У Waldis-а студентъ называетъ мнимаго дьявола Calcedoni.

[2]) У Waldis-а и у Eyering-а изгоняющій діавола говоритъ по латыни къ спрятавшемуся священнику.

[3]) Новѣйшее изданіе—въ „Elf Fastnachtspiele aus den Jahren 1550 и 1551 von Hans Sachs". Herausg. von E. Goetze, Halle a/S., 1883 (Neudrucke deutscher Litteraturwerke des XVI и XVII Jahrhunderts), S. 124—135. Объ источникѣ этой пьесы Ганса Сакса см. въ ст. *A. L. Stiefel*: „Ueber die Quellen der Hans Sachsischen Dramen", Germania XXXVI (1891), S. 22. Ранѣе Stiefel я къ тѣмъ же выводамъ пришелъ *L. Lier* въ статьѣ: „Studien zur Geschichte des Nürnberger Fastnachspieles", помѣщенной въ „Mittheilungen des Vereins für Geschichte der Stadt Nürnberg", Nürnb. 1889. Отголоски фабулы, обработанной въ „Der farendt Schuler", усматриваются въ двухъ другихъ пьесахъ Ганса Сакса: „Das heiss Eisen" и „Der gestolen Pachen"; см. ст. Stiefel-я, S. 23 и 25.

ный кругъ. У Rosenblüt-а и у Ганса Сахса священнику приходится вымазать себя сажею для уподобленія чорту и уходить нагишемъ, оставивъ одежду ученику, какъ и въ fabliau; при этомъ у Ганса Сахса священникъ, являющійся въ видѣ діавола, набрасываетъ еще на плечи лошадиную кожу, и ему велятъ самому принести спрятанное кушанье и вина, какъ и у Сервантеса. У Eyering-а и въ нѣмецкой сказкѣ, о которой см. ниже, находимъ совпаденія съ старошотландскою поэмою: „странствующаго ученика (hinfahrende Schüler)“ у Eyering-а, крестьянина нѣмецкой сказки и обоихъ монаховъ старошотландской поэмы хозяйка укладываетъ спать въ сѣно, и возвращающійся мужъ ея узнаетъ о пребываніи ихъ тамъ по ихъ храпу или кашлю.

Въ стихахъ разсматриваемая фабула была пересказана далѣе въ XVI в. въ Шотландіи и въ Англіи. Въ поэмѣ „Бервикская братія“ (The Freirs of Berwick), приписываемой Шотландскому поэту William-у Dunbar-у (род. въ 1455 г., † ок. 1513 г.) [1], любовникомъ жены содержателя гостинницы въ Бервикѣ на Tweed-ѣ оказывается superior Black Friar-скаго аббатства, братъ John, съ которымъ трактирщица хотѣла провести весело ночь въ отсутствіе мужа; но къ ея горю подоспѣлъ мужъ, и угощеніе и самый посѣтитель должны были быть припрятаны. Добрый трактирщикъ, узнавъ, что на чердакѣ у него ночуютъ не успѣвшіе добраться на ночлегъ въ свой монастырь два монаха якобинца (White Jacobin friars, т. е. доминиканцы, кармелиты), приглашаетъ ихъ сойти, и одинъ изъ нихъ, подсмотрѣвшій, что происходило между хозяйкой и аббатомъ до прихода трактирщика, берется изрядно угостить послѣдняго будто бы при помощи магіи, изученной имъ въ Парижѣ, указываетъ, гдѣ находятся вино и яства, и въ концѣ вызываетъ своего мнимаго слугу (аббата) и велитъ ему удалиться [2].—Ту же тему развиваетъ поэма Allan-а

[1]) См. *H. Morley*, English Writers, VII, 1891, p. 153—158.

[2]) Не сохранилось ни одного экземпляра изданія этого произведенія 1603 года; уцѣлѣлъ лишь экземпляръ изданія 1622 г., носящаго заглавіе: „The Merrie Historie of the Three Friers of Berwicke“.—Послѣднее изданіе произведеній Dunbar-а принадлежитъ Schipper-у и помѣщено въ Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Classe, Bd. XL—XLII, Wien 1892—1893, подъ заглавіемъ: „The poems of William Dunbar edited with introductions, various readings and notes“.

√ Ramsay-я „The Monk and the Millers Wife“ (нач. XVIII в.) [1]).— Въ изложенномъ прозой сказаніи о знаменитомъ Roger-ѣ Bacon-ѣ, первое изданіе котораго относится къ 1612 г., но которое могло быть написано еще въ концѣ XVI в., одна глава носитъ такое надписаніе: „какъ солдатъ, слуга брата Бэкона, вызвалъ заклинаніемъ пищу и добылъ ее для себя и для хозяина“ [2]). Въ этой повѣсти доставляетъ хорошій ужинъ себѣ и обманутому мужу Miles, который называетъ своего мнимаго поставщика дьяволомъ Bemo. По словамъ Thoms-а, подробности разсказа о колдованіи, къ которому будто бы прибѣгъ Miles, указывая, гдѣ находились кушанье и вино, заимствованы изъ поэмы The Freirs of Berwick, приписываемой Dunbar-у [3]). Во всѣхъ этихъ англо-шотландскихъ изводахъ любовникъ не уходитъ такъ благополучно, какъ въ остальныхъ: убѣгая черезъ двери по повелѣнію мнимаго колдуна, называющаго его своимъ служебнымъ чортомъ, посѣтитель чужой жены получаетъ порядочную потасовку отъ мужа.

Въ эпоху Возрожденія разсматриваемою старою шуткой касательно обманутаго мужа воспользовался и авторъ „Донъ Кихота“, Сервантесъ, въ одной изъ своихъ интерлюдій (Entremeses) или фарсовъ. Въ этой пьесѣ, носящей заглавіе „La Cueva de Salamanca“, изображена любовная пирушка двухъ парочекъ: госпожи и ея служанки и ихъ любовниковъ, сакристана и цирюльника. Въ то время, когда они угощаются, является Саламанкскій студентъ, и всѣ они весело проводятъ часокъ—другой, пока не началъ стучаться въ двери мужъ хозяйки дома. Яства

---

[1]) Къ тому же, вѣроятно, кругу сказаній относится фабула изданной въ 1533 году интерлюдіи Гейвуда: „Веселая сцена между мужемъ Джономъ, Tyb его женой и господиномъ Іоанномъ, священникомъ“ („A Mery Play between John the Husbande, Tyb the Wife, and Sir Jhan the Priest), но въ этой пьесѣ самъ мужъ приглашаетъ священника на ужинъ, хотя и подозрѣваетъ свою жену въ любовныхъ отношеніяхъ съ нимъ.

[2]) Early English Prose Romances, Ed. by W. I. Thoms, sec. ed., Vol. I, Lond. 1858, The Famous Historie of Fryer Bacon, p. 229—235.—О Miles говорится (p. 197): „Fryer Bacon had one onely man to attend on him and he too was none of the wisest, for he kept him in charity, more then for the any service he had of him. This man of his (named Miles) never could indure to fast“...

[3]) P. 186.

и любовники быстро упрятываются, а оставшійся встрѣтить хозяина студентъ прикидывается чернокнижникомъ, затѣмъ вызываетъ въ качествѣ своихъ прислужниковъ обоихъ своихъ товарищей по пирушкѣ, и они приносятъ полную корзину винъ и холодныхъ закусокъ.

Въ литературѣ новаго времени начиная съ половины XVII вѣка этой фабулѣ посчастливилось не менѣе, чѣмъ въ литературѣ среднихъ вѣковъ и времени Возрожденія, но при этомъ въ ней нѣтъ уже прежней свѣжести, а также разнообразія, и пересказы ея въ новое время явно вяжутся одинѣ съ другимъ.

Рядъ новыхъ передѣлокъ разсматриваемой фабулы открываетъ пересказъ въ Contes aux heures perdues du Sieur d'Ouville, Par. 1650, 2, повторенный въ нѣкоторыхъ другихъ сборникахъ [1]). У Ouville-я, какъ и въ англійской повѣсти о Бэконѣ, вмѣсто странствующаго студента, или ученика, въ роли чародѣя выступаетъ солдатъ, которому была отведена квартира въ домѣ одного Гренадскаго мѣщанина и который подсмотрѣлъ въ щелку, какъ жена этого мѣщанина угощала своего возлюбленнаго, молодаго адвоката. Въ нѣмецкой повѣствовательной литературѣ должны быть отмѣчены пересказы Abraham-a a Sancta Clara (Iudas der Erzschelm, 1686) и Nic. Bärmann-a (1826), въ датской—Андерсена.

Въ новое время выдвинулся въ литературѣ комическаго характера новый видъ драмы — комическая опера. Фабула объ обманутомъ мужѣ вполнѣ подходитъ къ рамкамъ этого литературнаго рода и потому съ половины XVII в. она получала по преимуществу драматическую форму при различныхъ передѣлкахъ, начиная съ французской комедіи „Les Fous divertissants" R. Poisson-a (1658—1735). Знаменитый комикъ Людовика XIV, Dancourt переработалъ пьесу Poisson-a въ одноактную пьесу „Le bon soldat", поставленную на сценѣ въ первый разъ 10 октября 1691 г. [1]). Особаго распространенія достигла передѣлка Dan-

[1]) Напр., въ сборникѣ: „Contes à rire, ou Récreations Françoises, Nouvelle édition, corrigée et augmentée, t. I, Lille M. DCC. LXXXIV, p. 121—130: „D'un jeune Soldat qui jouit de la femme d'un Bourgeois sous prétexte d'etre devin".

[2]) Къ сожалѣнію, этой пьесы мы не нашли въ изданіи „Les oeuvres de Monsieur d'Ancourt. Troisième edition. Augmentée de plusieurs comedies qui n'avoient point été imprimées. T. I—IX. Imprimé a Rouen et se vend A Paris. M. DCC. XXIX".

court-овой пьесы, усвояемая суффлеру Théâtre italien, Anséaume-у, и носящая заглавіе „Le soldat Magicien" [1]). Въ прошломъ столѣтіи эта комическая опера была дважды переведена на нѣмецкій языкъ. Въ послѣдней четверти прошлаго вѣка тотъ же сюжетъ былъ самостоятельно обработанъ на нѣмецкомъ языкѣ въ комедіи P. Weidmann а, въ передѣланномъ изъ этой комедіи Singspiel [2]), затѣмъ въ мелодрамѣ и въ настоящемъ столѣтіи въ музыкальномъ Quodlibet [3]).

Во французскихъ обработкахъ начиная съ Ouville-вой главное дѣйствующее лицо—человѣкъ военный. Любовникъ у Abraham-а a Sancta Clara—судебный писецъ, очень скоро понявшій, къ чему клонилось колдовство, и повернувшій его въ свою пользу, у Ouville-я — адвокатъ, а въ нѣмецкой комедіи Weidmann-а и въ опереткахъ, заимствованныхъ изъ нея, любовникомъ мельниковой дочери оказывается Ingenieurlieutenant u. Hydraulicus.

Эти позднѣйшія обработки разсматриваемой темы, комедіи и оперетки, по большей части плоски и уступаютъ средневѣковымъ изводамъ, изъ которыхъ наиболѣе художественнымъ считаютъ старошотландскій, приписываемый Dunbar-у. Чѣмъ проще художественное изложеніе, тѣмъ лучше оно оказывается приспособленнымъ къ характеру самаго разсказа; въ искусственной же обстановкѣ городскаго быта, въ которую фабула объ обманутомъ мужѣ и мнимомъ колдовствѣ была переносима въ новое время, она утрачиваетъ иногда свѣжесть и долю правдоподобія.

На ряду съ литературными обработками разсказа о приключеніи невѣрной жены и ея любовника [4]) теперь указаны на-

---

[1]) Подробнѣе о ней см. далѣе.

[2]) Эта оперетка была представлена также въ чешскомъ переводѣ въ Прагѣ въ 1785 году.

[3]) Обо всѣхъ этихъ произведеніяхъ новаго времени см. у Hertz-a S. 355—357.

[4]) Въ представленномъ выше перечнѣ этихъ обработокъ мы оставили въ сторонѣ рядъ повѣстей и пьесъ, въ которыхъ также происходитъ прятаніе любовника невѣрною женою при появленіи мужа, но которыя, не смотря на то, не имѣютъ ближайшаго отношенія къ разсматриваемому сюжету.

родныя сказки на ту же тему на широкомъ пространствѣ начиная отъ Сиріи и Кавказа и оканчивая Италіею и Лотарингіею, а также народныя пѣсни[1]).

Въ европейской группѣ этихъ народныхъ сказокъ любовникомъ, попадающимъ въ затруднительное положеніе, какъ и въ литературныхъ пересказахъ, оказывается нерѣдко духовное лицо (священникъ, дьячекъ, органистъ)[2]). При этомъ однѣ сказки относятся къ первому изъ двухъ разсмотрѣнныхъ нами изводовъ[3]), а другія ко второму, повѣствующему объ открытіи спрятанныхъ женою кушаньевъ и напитка и затѣмъ любовника

---

[1]) См. въ цитов. выше статьѣ Уленбека изложеніе содержанія голландской пѣсни „Het das een vrowtje van Amersfoort“: молодая женщина, вышедшая замужъ за старика, отправила мужа за сѣномъ, а сама послала дочь пригласить пастора, для угощенія котораго приготовила курицъ и каплуновъ, зажаренныхъ на вертелѣ, и рейнское вино. Когда она разсказывала объ этомъ угощеніи пришедшему пастору, разговоръ подслушалъ мужъ, вернувшійся тѣмъ временемъ домой и спрятавшійся за занавѣской. Гг. Сумцовъ и Уленбекъ пріурочиваютъ къ разбираемому мотиву и пѣсни о гостѣ Терентіи и нѣкоторыя, сходныя съ послѣдними, другія произведенія народной словесности. Онѣ сходятся съ разсмотрѣнною фабулою въ общей темѣ о принятіи женою любовника и объ обманѣ мужа, но при этомъ заключаютъ иныя подробности (напр., о томъ, что прохожій вноситъ мужа въ мѣшкѣ или кулѣ соломы) и не говорятъ объ угощеніи, приготовленномъ для любовника невѣрною женою, но достающемся мужу и его гостю, не выдающему прямо ни продѣлки хозяйки, ни ея любовника и прикидывающемуся либо колдуномъ, либо имѣющимъ въ своемъ распоряженіи животное или же кожу животнаго, обладающія способностію вѣдовства. Всѣ эти специфическія особенности заставляютъ выдѣлить разсматриваемыя въ настоящей статьѣ фабулы, какъ особую вѣтвь въ „чрезвычайно сложномъ, по справедливому выраженію г. Сумцова (Этногр. Об. XII, 108), и вѣтвистомъ циклѣ сказаній о невѣрной женѣ“. Въ пѣсняхъ и сказаніяхъ, относящихся къ типу пѣсенъ о Терентіи, невѣрность жены также открываетъ прохожій или вообще постороннее лицо, но жена предварительно прикидывается больною, и способъ изобличенія—иной, болѣе замысловатый; сверхъ того въ сказкахъ этого типа часто усматриваются слѣды пѣсенной формы. Къ этому типу относится сказка № 95 („Der alte Hildebrand“) въ сборникѣ братьевъ Гриммовъ (Bd. II и примѣчаніе въ томѣ III) и сказка № 41 въ сборникѣ *E. Meier-a* (Deutsche Volksmärchen aus Schwaben, Neue Ausgabe, Stuttg. 1863: „Der Müller Hillenbrand“).

[2]) Сказка, записанная въ Курской губ. и сообщенная проф. Сумцову г. Ханенкимъ, сказки малорусскія и польскія, нѣмецкая въ сборникѣ Гриммовъ.

[3]) Такова Венеціанская сказка, приведенная Cosquin-омъ изъ сборника Bernoni.

при помощи мнимаго колдовства [1]). Повидимому, второй изводъ численно преобладаетъ и въ народной словесности. Сирійская изъ сѣверной Месопотаміи сказка, на которую указалъ Cosquin [2]), не примыкаетъ ни къ тому, ни къ другому типу: въ ней изобличаетъ продѣлку невѣрной жены лиса и притомъ—прямо, безъ притворнаго колдовства и безъ пособія какихъ-нибудь предметовъ, мнимо сообщающихъ о мѣстѣ нахожденія кушаньевъ и любовника, припрятанныхъ женою. По мнѣнію проф. Сумцова, къ тому же, что и послѣдняя, разряду сказокъ относятся тѣ повѣстенки, въ которыхъ обличаетъ жену въ невѣрности какая-нибудь птица, сорока, либо попугай [3]). Съ ними

---

[1]) Сказка, записанная въ Терской области (Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, Вып. XVI, Тифлисъ 1893, стр. 358—359); сказка, записанная въ с. Łukówiec Гарволинскагоуѣзда, Сѣдлецкой губерніи (Zbiór Wiadomości do antropologii krajowej. T. VIII, Krak. 1884, str. 314—317: O dwoch braci mądrym i głupim); нѣмецкая сказка, напечатанная въ сборникѣ братьевъ Гриммовъ (Kinder und Hausmärchen gesammelt durch die Brüder Grimm, Erster Bd, 7-te Auflage, Götting., 1857, № 61: Das Bürle), въ которой дѣйствующимъ лицомъ является мельничиха; сказка, приведенная г. Сумцовымъ изъ Chełchowski, Powiesci, I, и Лотарингская сказка, сообщенная Cosquin омъ (Этногр. Об. XII, 112) Къ другой польской сказкѣ, приведенной г. Сумцовымъ изъ того же сборника Хелховскаго (ib.), подходитъ сказка, слышанная нами отъ одной крестьянки с. Слипчичъ, Житомірскаго уѣзда, Волынской губерніи (см. приложеніе). Искавшій бѣды и лишившійся при томъ своей одежды залѣзъ незамѣтно подъ печь въ хатѣ одной крестьянки, мужа которой не было дома. Едва она расположилась пировать съ любовникомъ, какъ послышался на дворѣ голосъ мужа, выпрягавшаго воловъ, и женѣ пришлось спрятать любовника подъ печь, а кушанья и водку также скрыть Когда мужъ принялся за ужинъ, жена украдкой носила водку и кушанья любовнику подъ печь, но всѣмъ этимъ пользовался голый, а затѣмъ послѣдній, поѣвъ и выпивъ, началъ постепенно выманивать у любовника одежду, грозя въ противномъ случаѣ затянуть пѣсню. Утромъ, когда хозяйка пошла доить коровъ, этотъ искавшій наканунѣ бѣды и добывшій себѣ подъ печью одежду вышелъ изъ хаты, затѣмъ вернулся немного погодя, когда хозяинъ проснулся и хозяйка приготовила завтракать, и объявилъ имъ, что въ ихъ хатѣ есть чортъ, котораго и взялся выгнать по просьбѣ хозяина. Онъ велѣлъ хозяйкѣ вскипятить четыре чугуна кипятка, а хозяину отворить двери, стать возлѣ нихъ съ раскаленною кочергою и отдѣлать ею чорта, который будетъ убѣгать, и, когда все было готово, выпроводилъ любовника изъ-подъ печи, начавъ лить туда кипятокъ.

[2]) Cosquin привелъ эту сказку изъ книги: Der neuaramaeische Dialekt des Tur' Abdin von S. Prym und A. Socin, Goettingen 1881, Bd. II, № 91.

[3]) Г. Сумцовъ, Этнограф. Об. XII, 117, указываетъ вслѣдъ за г. Пыпинымъ на „Повѣсть о семи мудрецахъ", „Тысячу и одну ночь" и исторію сорока визи-

Сумцовъ сближаетъ и напечатанную Cosquin-омъ Лотарингскую сказку: „Le corbeau", въ которой дѣвочка предлагаетъ обманутому мужу купить ворона, выдаваемаго ею за вѣщую птицу и своимъ карканьемъ будто бы указавшаго, гдѣ скрыты кушанья и вино, приготовленныя для любовника[1]). Другая Лотарингская сказка о воронѣ, помѣщенная въ сборникѣ Cosquin-а, по способу, какимъ мужъ узнаетъ о спрятанныхъ женою воронѣ, пирогѣ и винѣ, напоминаетъ fabliau „Le pauvre clerc", т. е. примыкаетъ къ первому типу разсмотрѣнныхъ нами сказаній, но подробность о воронѣ, котораго купила вопреки запрещенію мужа сама жена, утратила смыслъ, стала искаженіемъ, и къ ней примѣшалась подробность изъ сказаній того типа, къ которому относится пѣсня о Терентіи: мужъ оказывается предварительно сговорившимся съ нищимъ, котораго и подсылаетъ къ своей женѣ для наблюденія за нею. Въ этой Лотарингской сказкѣ вмѣстѣ съ тѣмъ утратилось упоминаніе о любовникѣ. О любовникѣ не говорятъ и нѣкоторыя другія сказки [2]). Къ разразсматриваемой группѣ сказокъ примыкаетъ лишь въ первой своей части нѣмецкая сказка: „Der Trommelschläger vom alten Fritz", по которой о любовной связи жены содержателя постоялаго двора со священникомъ случайно узналъ возвращавшійся на родину барабанщикъ стараго Фрица, прусскаго короля [3]).

Вотъ какое разнообразіе замѣчается въ народныхъ пересказахъ разсматриваемой темы. Въ связи съ литературными обработками ея они даютъ обильный матеріалъ для возстановленія послѣдовательной исторіи и видоизмѣненій этого сюжета. Предостав-

---

рей. Въ сказкѣ послѣдняго сборника также говорится о томъ, что жена пировала и веселилась съ любовникомъ, и это разсказалъ мужу попугай, но жена перехитрила послѣдняго, и мужъ пересталъ вѣрить попугаю. См. переводъ этой сказки (№ 5) въ статьѣ *В. Григорьева*: „Сказки сорока везирей и царицы", помѣщенный въ № 1 „Москвитянина" 1844 г. (стр. 24—25 отдѣльнаго оттиска).

[1]) Основательность этого сближенія доказываетъ указанная выше сказка въ сборникѣ Гриммовъ, въ которой воронъ оказывается завернутымъ въ шкуру, принесенную ночующимъ у мельничихи крестьяниномъ. Эта сказка отличается полнотою и весьма интересна, хотя даетъ сводный пересказъ.

[2]) Сказки итальянскія и нѣмецкія, указанныя Cosquin-омъ, и польская: Этнограф. Об. XII, 112—113.

[3]) *H. Pröhle*, Kinder- und Volksmärchen, Leipz. 1853, № 63, S. 202—207.

ляя болѣе полное и окончательное выясненіе этого любопытнаго эпизода исторіи литературъ будущему, мы ограничимся пока приведенными данными, признавая ихъ достаточными для цѣли настоящаго разысканія, и обратимся къ вопросу о томъ, какое мѣсто должно быть отведено въ исторіи разсматриваемаго мотива оперѣ И. П. Котляревскаго; другими словами: воспользовался ли Котляревскій какою-нибудь изъ многочисленныхъ литературныхъ обработокъ разсказа о приключеніи съ невѣрной женою и ея любовникомъ, или же почерпнулъ идею своей пьесы изъ народной пѣсни либо изъ сказки, какъ то утверждаютъ, напр., г.г. Петровъ и Сумцовъ [1])?

У Котляревскаго комическое приключеніе разыгрывается въ хатѣ простого козака, и слѣдовательно на основаніи одной обстановки въ разсматриваемой пьесѣ нельзя составить никакого заключенія объ ея источникѣ: мы видѣли, что нерѣдко дѣйствіе помѣщаютъ въ обстановкѣ крестьянскаго быта не только сказки, но и литературныя произведенія, перечисленныя нами. Сверхъ того, малорусскія сказки, напечатанныя г. Малинкою, выставляютъ, обманутымъ мужемъ, какъ и Котляревскій, козака, отправившагося въ Крымъ; въ сказкѣ, записанной въ Курской губерніи и напечатанной въ сборникѣ Аѳанасьева, также говорится о посылкѣ мужа женою „въ Крымъ-градъ,“ и затѣмъ поведеніе жены разоблачаетъ солдатъ. Съ другой стороны, въ народныхъ сказкахъ либо нѣтъ упоминанія о колдовствѣ, которое играетъ такую видную роль у Котляревскаго, либо подсмотрѣвшій продѣлки жены притворяется получающимъ свѣдѣнія о кушаньяхъ отъ вѣщей птицы, или-же отъ какой-нибудь шкуры. Далѣе, любовникъ невѣрной жены при-

[1]) Г. *Петровъ*, Очерки исторіи Украинской литературы XIX стол., стр. 33—34, указываетъ на одну изъ чумацкихъ пѣсенъ, записанную въ Полтавской губерніи и говорящую о томъ, что въ отсутствіе чумака жена его пригласила къ себѣ „вечерати“ дьяка, который и явился, но затѣмъ попалъ въ бѣду, потому что вернулся изъ Крыма чумакъ. Ср. стр. 86.—Г. Сумцовъ въ статьѣ: „Пѣсни о гостѣ Терентіи и родственныя имъ сказки“, „Этногр. Об. XII, 111, говоритъ: „На народной сказкѣ разбираемаго мотива построена комедія И. П. Котляревскаго „Москаль—чаривныкъ“. Къ сожалѣнію, г. Сумцовъ не указалъ точнѣе сказки, которую считаетъ наиболѣе близкою къ разсказу, могшему послужить источникомъ оперы Котляревскаго.

надлежитъ у Котляревскаго къ разряду тѣхъ лицъ, которыя во французскихъ повѣстяхъ XVII в. и въ драматическихъ пьесахъ XVIII в. смѣнили своихъ средневѣковыхъ предшественниковъ въ этихъ роляхъ.

Вопросъ усложняется еще тѣмъ, что къ схемѣ сказокъ нѣсколько подходитъ построеніе комедіи В. А. Гоголя (отца нашего знаменитаго писателя), озаглавленной: „Простакъ, или хитрость женщины, перехитренная солдатомъ", а пьеса Гоголя весьма близка по времени возникновенія [1]) и по содержанію [2]) къ оперѣ Котляревскаго, такъ что одно изъ этихъ произведеній явилось несомнѣнно подъ вліяніемъ другого, и между учеными существуетъ разногласіе относительно того, которая изъ этихъ комедій должна быть признана оригинальною, и на чьей, слѣдовательно, сторонѣ заслуга перваго замысла? [3])

---

[1]) „Москаль—чаривнык" появился на Полтавской сценѣ въ 1819 г. Комедіи В. А. Гоголя, по мнѣнію г. Петрова (стр. 78) „написаны были между 1822 и 1825 годами." Ср. данныя о В. А. Гоголѣ въ книгѣ *Шенрока*: Матеріалы для біографіи Гоголя, Т. 1. М. 1892, стр. 30, 46, 50.

[2]) Тетяна у Котляревскаго говоритъ Финтику; „Та яки и вы здаетесь чудни, якъ спиваете! Мовъ несамовыти..." Параска у Гоголя также заподазриваетъ поющаго неистово дьячка въ сумасшествіи. Въ обѣихъ комедіяхъ солдатъ притворяется скоро засыпающимъ, и жены уговариваютъ мужей, чтобы они не шумѣли, потому что солдатъ можетъ проснуться. Съ прибытіемъ мужа солдатъ почти тотчасъ же поднимается у обоихъ поэтовъ и, междупроч., у обоихъ онъ выражаетъ желаніе покушать „лавреникова," и возбуждаетъ смѣхъ своимъ пѣніемъ малорусской пѣсни, которая вдобавокъ одна и та же въ обѣихъ комедіяхъ. Въ обѣихъ комедіяхъ отзывъ о пѣніи солдата одинаковъ: „втявъ до гаплыкивъ;" въ обѣихъ жена притворяется принимающею участіе въ пирушкѣ мужа и солдата. Въ числѣ волшебныхъ словъ, произносимыхъ солдатомъ, у Котляревскаго читаемъ: „Берденъ," а у Гоголя: „беръ... дачъ." У перваго солдатъ говоритъ про себя о Тетянѣ: „будешь посговорчивѣе," а у второго: „Постой же, плутовка, я тебя накажу." Солдатъ, собираясь вызвать чорта, въ обѣихъ пьесахъ завязываетъ глаза мужу и женѣ, и мужъ выказываетъ страхъ въ ожиданіи нечистой силы. Въ обѣихъ комедіяхъ солдатъ входитъ въ концѣ въ уговоръ съ хозяйкою, обѣщая устроить благополучную развязку. Можно бы и еще отмѣтить очевидныя совпаденія, какъ, напр., въ выраженіяхъ: „да́леби, ажъ шкура болыть такъ исты хочетця!" (у Котляревскаго) и „ далиби ажъ серце болыть, що ничимъ васъ нагодуваты".

[3]) Г. Кулишъ (Основа 1862, № 2, стр. 19) сначала писалъ: „Въ которомъ именно году сочинена комедія *Простакъ*, намъ еще неизвѣстно, но весьма возможно, что—прежде „*Москаля-Чаривныка*" и „*Наталки Полтавки*", но затѣмъ

Зная лишь въ общихъ чертахъ содержаніе пьесы, усвояемой Anséaume-у, мы не были въ состояніи рѣшить съ большею или меньшею вѣроятностію вопросъ, случайны или не случайны совпаденія съ нею въ оперѣ Котляревскаго, и такъ какъ въ библіотекѣ Университета св. Владиміра не оказалось экземпляра пьесы „Le soldat Magicien," то мы должны были отложить рѣшеніе этого вопроса до возможности полнаго знакомства съ необходимымъ матеріаломъ.

Во время научныхъ занятій въ Британскомъ Музеѣ зимою 1890—91 г. мы разсмотрѣли, между проч., и комическую оперу „Le soldat Magicien" и убѣдились, что въ ней есть черты, къ которымъ имѣетъ отношеніе опера Котляревскаго.

Для того, чтобы это было нагляднѣе, скажемъ прежде всего нѣсколько словъ о пьесѣ „Le soldat Magicien."

Въ изданіи, которымъ мы пользовались [1]), пьеса эта носитъ слѣдующее заглавіе: „Le Soldat Magicien, opera-comique en un acte; Représenté pour la premiere fois sur le Théâtre de l'Opera-

(стр. 22) выразился нерѣшительно: „Содержаніе пьесы Гоголя-отца почти то самое, что у Котляревскаго въ Москалѣ—Чаривникѣ. Мы не знаемъ навѣрное, которая изъ этихъ двухъ пьесъ написана прежде." Г. Петровъ (стр. 80) предполагаетъ, что онѣ самостоятельнаго происхожденія: „Мы съ своей стороны не считаемъ нужнымъ ставить пьесы Котляревскаго и Гоголя отца въ генетическую связь между собою и думаемъ, что обѣ онѣ, независимо одна отъ другой, могли возникнуть изъ народныхъ источниковъ." Г. Огоновскій, Ист. литер. руской, ч. II, 2. воддѣлъ стр. 733, выразился такъ: „Драматичный сей тьôръ есть неначе вправнымъ переспѣвомъ „Москаля—Чарôвника" Ивана Котляревскаго."

[1]) Сборникъ, въ которомъ помѣщенъ „Le Soldat Magicien", озаглавленъ такъ: Nouveau Theatre de la Foire ou recueil De Pieces, Parodies & Opera-Comiques Représentés sur le Théâtre de l'Opera Comique, depuis son rétablissement jusqu'à présent. Année 1761. Avec les Airs, Rondes & Vaudevilles notés. Nouvelle édition. Tome cinquiéme. A Paris... M. DCC. LXIII..." Въ этомъ томѣ „Théâtre de la Foire" помѣщено 8 пьесъ; разсматриваемая оперетка занимаетъ четвертое мѣсто. Каждая пьеса имѣетъ особый заглавный листъ и отдѣльную пагинацію. Повидимому, „Le Soldat Magicien" не есть оригинальное произведеніе Anséaume-а, названнаго авторомъ этой пьесы въ изданіи 1766 года, поцитов. у Hertz-а: въ перечнѣ драматическихъ произведеній, присоединенномъ къ „Le précautions inutiles, opera-comique, par M. Achard, Par. M. DCC. LX", Le Soldat Magicien не значится подъ рубрикой произведеній „De M. Anseaume", а упомянутъ въ рубрикѣ: „Suite des Opera-Comiques de differens Auteurs"; то же находимъ и въ „Suite" при „Le Soldat Magicien".

Comique de la Foire S. Laurent, le 14 Août 1760... A Paris... MDCCLX". Дѣйствующія лица: г. Арганъ, буржуа; его жена; Криспэнъ, слуга г. Аргана; г. Блондино, прокуроръ; солдатъ; трактирщикъ. Дѣйствіе происходитъ въ провинціальномъ городѣ.

Пьеса состоитъ изъ 16 сценъ. Въ ней чередуются проза и стихи.

Сцена открывается игрою Аргана и его жены въ триктракъ, при чемъ г-жа Арганъ не обнаруживаетъ охоты къ этой игрѣ, встаетъ и бранитъ ея изобрѣтателя. Мужъ межъ тѣмъ можетъ произносить лишь отрывочныя восклицанія. По уходѣ жены г. Арганъ поетъ арію о рѣзвости и строптивости своей жены, производящей въ гнѣвѣ столько шуму, что мужу остается только молчать. Правда, жена его притворяется кроткой, какъ ягненокъ, „но такой ягненокъ во сто разъ хуже дракона". Затѣмъ слѣдуетъ арія объ обманчивости женскихъ ласкъ. Арганъ рѣшаетъ обуздывать впредь капризы строгостію. Онъ зоветъ лакея Криспэна и, собираясь уходить, спрашиваетъ, гдѣ жена; завязывается разговоръ о г-жѣ Арганъ. Криспэнъ говоритъ, что г. Арганъ слишкомъ строгъ съ женою, но должно бояться ея отчаянія: „женщина, которую оскорбляютъ, въ концѣ отомститъ за себя". На замѣчаніе Криспэна, что Арганъ полагается на добродѣтель жены, послѣдній отрицаетъ то, говоритъ, что будетъ впредь болѣе, чѣмъ прежде, наблюдать за ея поведеніемъ, и велитъ Криспэну наблюдать за всѣми поступками госпожи и точно докладывать ему обо всемъ, что будетъ происходить. Криспэнъ говоритъ, что это трудно, но, получивъ кошелекъ отъ Аргана, поетъ, что будетъ вѣренъ ему, какъ Церберъ, и будетъ строже самой суровой дуэньи. Оставшись одинъ, Криспэнъ трижды пересчитываетъ полученныя деньги и говоритъ: „пусть случится, какъ придется, лишь бы я нашелъ въ томъ выгоду".

Слышится шумъ, и появляется солдатъ. Онъ предъявляетъ билетъ на право ночлега и быстро ладитъ съ Криспэномъ.

Входитъ г-жа Арганъ и, узнавъ, что солдату нужно помѣщеніе лишь на одну ночь, велитъ Криспэну отвести его въ комнату на верху. По пути туда солдатъ хотѣлъ остановиться въ кухнѣ, но Криспэнъ заявилъ, что, къ сожалѣнію, тамъ ничего нѣтъ покушать.

По уходѣ Криспэна и солдата, г-жа Арганъ радуется тому, что мужъ ея ушелъ, и его, безъ сомнѣнія, не будетъ дома до трехъ часовъ утра. „Но тѣмъ лучше, присутствіе его не настолько пріятно, чтобы быть желательнымъ... Вотъ къ чему сводится супружество, и вотъ награда, получаемая нами за пожертвованіе нашею свободою". Слѣдуетъ „ariette" на тему:

Tous les voeux d'une fillotte
Ont l'hymen pour premier objet,
Ardemment elle souhaite
Les plaisirs qu'elle s'y promet..
La pauvrette, ah! la pauvrette
Ne sçait pas ce qu'elle fait.

(Всѣ помыслы дѣвочки имѣютъ первымъ предметомъ супружество; она пламенно желаетъ удовольствій, которыя сулитъ себѣ... Бѣдненькая, ахъ! Бѣдненькая не знаетъ, что она дѣлаетъ).

Возвратившійся Криспэнъ сообщаетъ, что онъ запроторилъ солдата туда на верхъ, на чердакъ, и заводитъ разговоръ о наблюденіи, возложенномъ на него г. Аргапомъ, при чемъ обнадеживаетъ госпожу, что ей нечего бояться. Затѣмъ онъ докладываетъ ей о приближеніи ея знакомаго, „этого почтеннаго прокурора".

Вошедшій mr. Blondineau заявляетъ, что онъ явился согласно уговору и имѣетъ сообщить нѣчто, но о томъ надо поговорить секретно. M-me Argant говоритъ, что можно смѣло бесѣдовать и при Криспэнѣ, и прокуроръ высказываетъ участіе къ печальному положенію m-me Argant, которая начинаетъ и сама жаловаться на муки, претерпѣваемыя ею отъ „сварливаго, ревниваго, скупаго, вздорливаго, сердитаго, грубаго, страннаго" мужа:

Enfin en lui sont réunis
Les défauts de tous les maris.

(Въ немъ соединились, наконецъ, недостатки всѣхъ мужей). Блондино восклицаетъ, что она вовсе не заслуживаетъ столь несправедливаго обращенія, и ему остается объяснить ей... „но время...". M-me Argant приглашаетъ его остаться поужинать и велитъ Криспэну позаботиться объ ужинѣ. Тотъ говоритъ, что

отправится къ трактирщику своихъ пріятелей, и Блондино даетъ лакею секретно деньги, поручая ему устроить все какъ слѣдуетъ.

Оставшись вдвоемъ съ m-me Argant, прокуроръ указываетъ ей на возможность выхода изъ ея тягостнаго положенія путемъ прекращенія сожительства и раздѣла имущества, или же полнаго развода и вступленія въ новый бракъ. Г-жѣ Арганъ не нравятся эти средства въ виду шума, который поднялся бы въ свѣтѣ. Блондино, говоритъ, что, если бы такъ думали всѣ женщины, бѣдные прокуроры умерли бы съ голоду; онъ однако руководится не корыстными побужденіями въ ея дѣлѣ и въ качествѣ награды проситъ только небольшаго мѣстечка въ ея сердцѣ. Затѣмъ Блондино изъясняется въ любви, беретъ m-me Argant за руку, не отстаетъ, не взирая на ея отнѣкиванія, и проситъ „маленькаго поцѣлуя". „Ахъ, какой безумецъ"! восклицаетъ m-me Argant. Блондино приглашаетъ ее отомстить ревнивцу и пользоваться свободою, она же отнѣкивается. Въ концѣ рѣчь сводится съ обѣихъ сторонъ къ жестокости мужа, но m-me Argant замѣчаетъ приближеніе Криспэна и велитъ прокурору замолчать.

Криспэнъ докладываетъ, что ужинъ готовъ, и съ трактирщикомъ и его мальчикомъ разставляетъ кушанья. Лишь только m-me Argant и прокуроръ усѣлись за столъ и прокуроръ запѣлъ объ удовольствіи сидѣть рядомъ съ нею, послышался стукъ въ дверь. M-me Argant, прокуроръ и Криспэнъ поютъ тріо, въ которомъ выражаютъ свое замѣшательство; они не знаютъ, что дѣлать. Наконецъ, Криспэнъ предлагаетъ спрятать весь ужинъ въ буфетъ, прокурору скрыться въ каминъ, а m-me Argant взяться за книгу.

Вошедшій mr. Argant негодуетъ на то, что его продержали такъ долго подъ дверью на улицѣ, и затѣмъ спрашиваетъ объ ужинѣ, на что m-me Argant отвѣчаетъ, что не ожидала его. Отведши въ сторону Криспэна, Арганъ освѣдомляется, не приходилъ ли кто-нибудь, и узнаетъ, что не было никого за исключеніемъ солдата. Входитъ послѣдній и предъявляетъ свой видъ. Прочитавъ бумагу, Арганъ приглашаетъ солдата идти спать, но тотъ заявляетъ, что онъ пытался-было уже заснуть,

но безуспѣшно, потому что не ужиналъ. „Велика бѣда"! восклицаетъ Арганъ; „мнѣ самому приходится лечь безъ ужина, мнѣ"! Солдатъ говоритъ, что онъ самъ угоститъ хозяина; онъ вѣдь немного колдунъ. Затѣмъ солдатъ чертитъ кругъ своей саблей, становится посреди этого круга и произноситъ: „Gaddem. Trink Meinher Hircoglan", и речитативомъ велитъ демонамъ, ему подвластнымъ и засѣдающимъ на пирахъ обжоръ въ этомъ мірѣ и въ аду, доставить въ буфетъ предметы, которые перечисляетъ; въ концѣ солдатъ аріеттой приглашаетъ присутствующихъ заглянуть въ буфетъ. Криспэнъ и m-me Argant притворяются испугавшимися, а mr. Argant дрожитъ. Тогда солдатъ самъ открываетъ буфетъ и приглашаетъ кушать, пока горячо. Криспэнъ говоритъ своей госпожѣ, что солдатъ—либо въ сношеніяхъ съ діаволомъ, либо знаетъ ихъ секреты, но солдатъ убѣждаетъ m-me Argant не тревожиться: онъ не желаетъ причинять ей огорченіе. Затѣмъ вмѣстѣ съ Криспэномъ онъ ставитъ кушанья на столъ. Арганы не хотятъ садиться за столъ, и тогда солдатъ, чтобы подать примѣръ, садится первый. Хозяйка слѣдуетъ его примѣру, при чемъ мужъ напрасно старается удержать ее. Солдатъ усердно приглашаетъ кушать. Сначала Криспэнъ, а потомъ и хозяйка принимаются ужинать, мужъ же ея никакъ не рѣшается отвѣдать произведеній адской кухни и на всѣ приглашенія отвѣчаетъ, что онъ не голоденъ. Поѣвъ, солдатъ изъявляетъ готовность показать дьявола, который оказалъ такую услугу. M-me Argant упрашиваетъ не дѣлать этого, но солдатъ говоритъ, что надо же поблагодарить то, а что̀ дьяволъ сдѣлалъ. M-me Argant и Криспэнъ боятся предательства, солдатъ же велитъ открыть всѣ двери, чтобы дьяволъ могъ спокойно пройти: „особливо, чтобы ничто его не задержало, въ противномъ случаѣ я не отвѣчаю за послѣдствія". Криспэнъ открываетъ двери, и солдатъ спрашиваетъ, въ какомъ видѣ долженъ предстать діаволъ. Хозяева заявляютъ, что не желаютъ его видѣть, но солдатъ приказываетъ дьяволу исполнить повелѣніе и, чтобы не испугать присутствующихъ, принять не совсѣмъ чуждый ему видъ прокурора: „выходи, дорога тебѣ открыта, выходи и возвратись въ адъ". Прокуроръ вылѣзаетъ изъ камина, въ которомъ скрывался, и убѣгаетъ. Mr. Argant

въ ужасѣ бросается въ кресло и взываетъ о помощи. Обратившись къ m-me Argant, солдатъ спрашиваетъ, понимаетъ ли она теперь случившееся, и получаетъ утвердительный отвѣтъ. Затѣмъ слѣдуетъ комическая сцена, въ которой г. Арганъ, все еще не оправившійся отъ ужаса, зоветъ свою „дорогую жену", притворяющуюся испуганною не менѣе его, вспоминаетъ о дьяволѣ, объ огромной головѣ его, о пламени, которое выходило изъ его глазъ, и говоритъ, что еще видитъ дьявола. M-me Argant вторитъ мужу, а остальные съ улыбкою подхватываютъ его слова. Наконецъ, солдатъ говоритъ: „не бойтесь ничего, онъ ушелъ, чтобы болѣе не возвращаться", но тутъ появляется трактирщикъ, и Криспэнъ восклицаетъ: „нѣтъ, нѣтъ, вотъ онъ"! Криспэнъ, не уплатившій трактирщику, и солдатъ озадачены. Трактирщикъ обращается къ mr. Argant со счетомъ, а mr. Argant къ г. „Магику". Очутившійся въ затруднительномъ положеніи солдатъ утверждаетъ, что ужинъ поставленъ по его требованію дьяволомъ, но послѣдній не обѣщалъ сдѣлать то безплатно. Трактирщикъ настаиваетъ на уплатѣ, а mr. Argant долго не соглашается и только послѣ общихъ увѣщаній идетъ поискать денегъ. Солдатъ, боясь новаго приключенія, велитъ Криспэну уплатить трактирщику деньгами, которыя были даны прокуроромъ, и лакей волей-неволей долженъ то исполнить. Трактирщикъ уходитъ, восклицая: „ахъ, ахъ, ахъ...". M-me Argant предлагаетъ вопросъ солдату, какъ онъ сумѣлъ все это такъ устроить. Оказывается, что солдатъ видѣлъ все происходившее сквозь трещину въ потолкѣ изъ комнаты на верху, въ которой его помѣстили.

Явившись съ деньгами, mr. Argant спрашиваетъ съ удивленіемъ, куда дѣвался дьяволъ. Солдатъ отвѣчаетъ, что силою своего искусства онъ заставилъ дьявола уйти, откуда тотъ пришелъ. Mr. Argant благодаритъ солдата за оказанную услугу и проситъ, не возьмется ли онъ привести къ покорности демона, который постоянно бѣситъ г. Аргана (послѣдній разумѣлъ при этомъ свою жену), m-me же Argant прибавила съ своей стороны: „я ничего не прошу у васъ для своего мужа, потому что не думаю, чтобы при всемъ вашемъ могуществѣ вы могли сдѣлать изъ него человѣка любезнаго". Солдатъ говоритъ, что можетъ пособить

обѣимъ сторонамъ, что это зависитъ отъ нихъ, и, обратившись къ женѣ, поетъ: „вы будьте менѣе кокетливы, и онъ будетъ менѣе ревнивъ“; мужу же онъ подаетъ такой совѣтъ: „а вы, когда будете не такъ угрюмы, скупы и суровы, то жена ваша будетъ прилагать всѣ старанія угодить вамъ“. Супруги обѣщаютъ слѣдовать этому совѣту, и солдатъ приглашаетъ ихъ къ полному взаимному прощенію, при чемъ они должны обнять другъ друга. Слѣдуетъ Quatuor о мирѣ. Пьеса заканчивается словами Криспэна: „теперь будемъ жить въ мирѣ“.

Сопоставляя французскую пьесу, содержаніе которой мы изложили, съ оперой Котляревскаго, нельзя не замѣтить, что канва обоихъ произведеній представляетъ довольно много сходнаго: въ обѣихъ опереткахъ видимъ появленіе ухаживателя, принадлежащаго къ *судебному* персоналу, въ отсутствіе мужа, приготовленіе ужина на деньги Ловеласа, прибытіе солдата, выраженіе имъ желанія покушать и удаленіе его спать голоднымъ, неожиданное возвращеніе хозяина дома и смущеніе парочки, готовившейся ужинать вдвоемъ, прятаніе ухаживателя и ужина, затѣмъ выходъ солдата, обѣщаніе его угостить хозяина ужиномъ, добытымъ при помощи колдовства, указаніе солдатомъ мѣста нахожденія кушаньевъ и напитка и въ концѣ освобожденіе ухаживателя, котораго солдатъ вызываетъ въ качествѣ будто бы пособлявшаго ему дьявола.

Нельзя сказать, что такое значительное совпаденіе могло произойти и помимо знакомства Котляревскаго съ французскою опереткою „La Soldat Magicien“, и что случайно могли быть даны обѣимъ пьесамъ и одинаковыя названія. Кромѣ этого общаго сходства еще усматриваются болѣе частныя совпаденія. Такъ, есть сходныя черты въ обрисовкѣ нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ и въ ихъ образѣ дѣйствій. Солдатъ Котляревскаго бойчѣе французскаго, но поступки того и другого весьма сходны. Между прочимъ, во французскомъ оригиналѣ, приступивъ къ колдовству, солдатъ произноситъ нѣмецкія слова: „Trink Meinher“; у Котляревскаго солдатъ также употребляетъ нѣмецкое слово: „шнапсъ“. Далѣе и въ той и въ другой пьесѣ солдатъ спрашиваетъ мужа и жену, въ какомъ видѣ долженъ показаться

чортъ [1]). Финтикъ, подобно прокурору, не прочь бы „возлобызати розы устъ“ чужой женушки, но встрѣчаетъ въ томъ отпоръ. Изъясняясь въ любви, прокуроръ обращается къ судебной терминологіи; напримѣръ, въ Ariette:

Sur ma requête à votre tour
Daignez faire droit en ce jour,

прокуроръ обѣщаетъ апеллировать на отрицательный отвѣтъ со стороны m-me Argant.—Въ какой трибуналъ? спрашиваетъ послѣдняя.—Къ моей любви, отвѣчаетъ прокуроръ. Сравнимъ въ пѣснѣ Финтика:

Ты—судъ мой и расправа,
Ты—милый протоколъ *и проч.*

Теорія Финтика: „хибá—развѣ замужней не можно любúти“ соотвѣтствуетъ мольбѣ прокурора:

Rendez mon sort hereux en vous donnant à moi
De votre liberté
Faites usage.

Думаемъ на основаніи всѣхъ этихъ фактовъ, что Котляревскій былъ знакомъ съ оперой „Le Soldat Magicien“ и воспользовался ея схемой для своей пьесы; онъ воспроизводилъ ситуаціи французской оперы, имѣя ее передъ собою, либо по памяти.

Такъ какъ „Москаль-чаривныкъ“, съ другой стороны, представляетъ несомнѣнную близость къ комедіи Гоголя-отца и родство съ послѣднею, то сходство оперетки Котляревскаго съ французской пьесою, съ которою почти не соприкасается комедія „Простакъ“ [2]), окончательно рѣшаетъ вопросъ о взаимномъ отношеніи обѣихъ малорусскихъ пьесъ: первенство по времени должно быть признано за произведеніемъ Котляревскаго.

Ставя вопросъ о томъ, не имѣлъ ли въ виду Котляревскій оперу „Le Soldat Magicien“, когда писалъ своего „Москаля-ча-

---

[1]) Замѣтимъ тутъ, что mr. Argant-у показалось, будто у уходившаго чорта была огромная голова, и изъ глазъ выходило пламя; у Котляревскаго солдатъ, желая отклонить Михайла отъ разговора съ мнимымъ чортомъ, говоритъ: „голосъ его сильнѣе грома; когда заговоритъ, изъ глазъ его *засверкаютъ молніи*“.

[2]) Въ послѣдней есть лишь одна существенная черта, сближающая комедію В. А. Гоголя съ французскою пьесой: Параска не любитъ своего мужа, какъ и m-me Argant, но причины семейнаго разлада не однѣ и тѣ же въ той и другой пьесѣ.

ривныка", мы не обвиняемъ украинскаго поэта въ плагіатѣ. Извѣстно значеніе заимствованія даже въ художественной дѣятельности величайшихъ поэтовъ. Къ заимствованію фабулъ обращались даже корифеи творчества. Въ художественныхъ созданіяхъ весьма часто важна не столько оригинальность матеріальной основы ихъ, сколько обработка и развитіе послѣдней. Для оцѣнки ихъ бываетъ важно, что̀ сдѣлалъ извѣстный поэтъ изъ заимствованнаго матеріала.

Съ этой точки зрѣнія получаютъ особое значеніе различія въ обработкѣ одного и того же сюжета у различныхъ поэтовъ. Потому, отмѣчая, что̀ есть заимствованнаго въ произведеніи Котляревскаго, необходимо имѣть въ виду и существенныя отличія „Моск.Ч." отъ соотвѣтственной французской пьесы. Объ этихъ отличіяхъ мы и скажемъ нѣсколько словъ въ заключеніе нашей замѣтки.

Сходясь съ „Le Soldat Magicien" въ общихъ очертаніяхъ фабулы, „Москаль-чаривныкъ" является самостоятельнымъ произведеніемъ во многихъ подробностяхъ, въ обрисовкѣ характеровъ дѣйствующихъ лицъ и въ основной идеѣ.

Въ произведеніи Котляревскаго не видимъ того, что наполняетъ начальныя и заключительную сцены французской пьесы и служитъ къ изображенію печальныхъ отношеній въ семьѣ Аргановъ. M-me Argant была готова въ концѣ концовъ обмануть своего мужа, и послѣдній былъ одураченъ ею, лакеемъ и солдатомъ. У Котляревскаго Тетяна любитъ своего мужа и вѣрна ему; въ концѣ она сознается ему во всемъ, хотя солдатъ готовъ былъ помочь Финтику уйти, не будучи узнаннымъ. Потому интрига не вполнѣ правдоподобна въ украинской оперѣ, гдѣ Тетяна сразу не имѣла надобности скрывать отъ мужа присутствіе Финтика. У Котляревскаго между женою и мужемъ ся не видно никакого разлада, и тѣмъ не менѣе Тетяна не запрещала Финтику приходить къ ней въ отсутствіе мужа, хотя и подозрѣвала не совсѣмъ чистыя его намѣренія; она боялась только, какъ бы объ этихъ посѣщеніяхъ не узнали другіе (напр.,—дивчата, приходившія „на вечорныци прясты"), а также ея мужъ. Потому-то она хотѣла - было сначала скрыть отъ Михайла присутствіе

Финтика и ужинъ, приготовленный на деньги последняго; подъ конецъ же ей какъ будто стало стыдно дурачить долѣе мужа. Во всемъ этомъ можно усматривать нѣкоторую непослѣдовательность, какъ равно не вполнѣ согласуется съ деревенскими нравами подробность объ изготовленіи Тетяною ужина на счетъ Финтика, очевидно заимствованная изъ французской пьесы, гдѣ она умѣстна. Благодаря большему соотвѣтствію фабулы съ семейными отношеніями, въ оперѣ „Le Soldat Magicien“ болѣе правдоподобія и комизма. Вмѣстѣ съ тѣмъ сложнѣе и интрига въ ней, и тѣмъ болѣе приводится въ напряженіе интересъ, испытываемый зрителемъ. Котляревскій упростилъ дѣйствіе, перенесъ его изъ буржуазной среды въ хату козака и сократилъ количество дѣйствующихъ лицъ (у него ихъ не шесть, какъ во французской пьесѣ, а четыре), но не совсѣмъ удачно передѣлалъ заимствованную фабулу.

Котляревскій поднялся за то выше въ выразительности и богатствѣ рѣчи, въ бойкости діалога и въ обработкѣ характеровъ, которые въ „Le Soldat Magicien“ не столь индивидуальны, и обнаружилъ при этомъ гораздо болѣе самостоятельности и таланта.

Во французской пьесѣ наиболѣе удачно очерченъ характеръ лакея. Сварливый же и ревнивый буржуа, собиравшійся построже наблюдать за женой, вполнѣ оказывается потомъ простакомъ, чѣмъ нѣсколько нарушается единство характера. Михайло у Котляревскаго не столь труслив и смѣшенъ. Тетяна совсѣмъ не походитъ на m-me Argant. Она не знаетъ никакихъ колебаній, не податлива къ ухаживаніямъ, стойка, не измѣняетъ мужу въ мысляхъ и не прочь бы проучить Финтика при случаѣ за волокитство, словомъ—не смотря на указанный выше промахъ примѣрная жена, отъ которой можно смѣло „не сподиватысь городянського бешкету“. Солдатъ у Котляревскаго держитъ себя гораздо развязнѣе и бойчѣе, что вполнѣ согласуется съ тѣмъ, какъ держали себя наши солдаты по деревнямъ въ старое время, когда, являясь на квартиру, выказывали себя „сердитыми, крикливыми“ и могли „побить хозяйку“. Равнымъ образомъ рѣзче очерченъ въ украинской оперѣ и ухаживатель, „крапивное сѣмя“, у котораго „совѣсть купоросомъ подправлена“. Въ обрисовкѣ его Котляревскій

впалъ даже въ нѣкоторое преувеличеніе, но, по всей вѣроятности, этотъ типъ близко воспроизводилъ дѣйствительность, какъ и нѣсколько родственный ему „Возный“ въ „Наталкѣ Полтавкѣ“.

Слѣдовательно, въ обрисовкѣ характеровъ дѣйствующихъ лицъ Котляревскій выказалъ много наблюдательности; онъ черпалъ данныя изъ живой дѣйствительности и изъ непосредственнаго соприкосновенія съ народомъ и его жизнью.

Вдумываясь въ послѣднюю, Котляревскій внесъ совершенно новыя идеи въ заимствованную имъ схему и притомъ идеи свѣжія, затрогивавшія животрепещущіе вопросы и глубоко гуманныя.

Правда, для выраженія этихъ идей Котляревскій обратился къ рутинному пріему разглагольствованій дѣйствующихъ лицъ на различныя моральныя темы, вслѣдствіе чего зритель можетъ соскучиться, выслушивая разсужденія на сценѣ объ обязанности уважать родителей, о томъ что „вышедшіе въ люди“ не должны презирать свое родное гнѣздышко и бѣдную братію, о лукавствѣ „письменныхъ людей“ по части нравственности, и т. п. Но нужно сказать, что эти разсужденія не лишены были глубокаго смысла въ ту пору, когда писалъ Котляревскій, да и теперь еще сохраняютъ свое значеніе. Такъ, въ образѣ Финтика авторъ хотѣлъ показать, до чего доводитъ искаженіе здоровыхъ народныхъ началъ въ личностяхъ, отъ одного берега отплывшихъ, но къ другому не приставшихъ, какъ не проходитъ даромъ пренебреженіе къ тому народу, изъ котораго выходятъ иногда въ другую обстановку свысока потомъ глядящіе на него. Тетяна въ своемъ разговорѣ съ Финтикомъ прекрасно разоблачаетъ моральное убожество послѣдняго, и въ ея рѣчахъ мы узнаемъ воззрѣнія автора „Энеиды“, горячо любившаго народъ и клеймившаго смѣшныя явленія жизни съ силою и яркостію, нѣсколько напоминающими кисть Гоголя. Моральную легкость Котляревскій усматривалъ не въ народной средѣ, а въ полуобразованныхъ выскочкахъ, каковъ Каленикъ Кононовичъ, „полиціи писецъ“, цѣнящихъ лишь внѣшность, высокомѣрно глядящихъ даже на своихъ родныхъ, и негодующихъ на то, что мать ихъ „въ нынѣшнее просвѣщенное время одѣвается по старинному и носитъ очипокъ, намитку, плахту и прочіе мужичіе наряды“.

Потому у Котляревскаго выступила совсѣмъ иная идея, чѣмъ въ западныхъ и въ народныхъ изводахъ обработанной имъ фабулы. У Котляревскаго на первомъ мѣстѣ уже не измѣна жены или готовность измѣнить. Вмѣсто легкой насмѣшки надъ женскимъ легкомысліемъ и невѣрностію и надъ ловеласничествомъ католическаго духовенства или же дѣятелей приказнаго міра, у Котляревскаго выдвинулось противоположеніе легкихъ нравовъ людей, неосновательно заявляющихъ притязаніе на интеллигентность, крѣпкимъ нравственнымъ устоямъ деревенскаго люда, хотя и лишеннаго городскаго лоска, но крѣпкаго своими здоровыми началами жизни. Благодаря тому получилось очень граціозное сочетаніе идиллическаго и сатирическаго жанра. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ легкую рамку оперетки Котляревскій ввелъ и такой вопросъ, серьезный и глубоко захватывавшій тогда и потомъ[1]) украинцевъ, мыслившихъ и дорожившихъ своимъ личнымъ достоинствомъ, какъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ двухъ племенъ, составившихъ великое русское государство. Въ немногихъ сценахъ, въ которыхъ солдатъ-постоялецъ сталкивается со своими хозяевами-украинцами, проведена весьма отчетливо идея необходимости взаимнаго уваженія и равноправности, долженствующая устранить племенную рознь и высокомѣрное отношеніе къ „хохламъ" и устроить надлежащій modus vivendi. Эта идея ясно выступаетъ въ слѣдующемъ разговорѣ солдата, Михайла и Тетяны:

„*Солдатъ.* Ну, что и говорить? Вѣдь вы—природные пѣвцы. У насъ пословица есть. Хохлы никуда не годятся, да голосъ у нихъ хорошъ.

Михайло. Никуды не годятця? Ни, служивый, така ваша пословиця никуды теперь не годытця. Я тоби коротенько скажу. Теперь уже не те, що давно було. Искра дотéпу розжéврылась. Ось заглянь въ столыцю, въ одну и въ другу, та заглянь и въ Сенатъ, та киньея по министрахъ, та тогди и говоры, чи годятця наши куды, чи ни?

Солдатъ. Спору нѣтъ, что нынче и вашихъ много есть заслуженныхъ, способныхъ и отличныхъ людей даже и въ арміи, да пословица-то идетъ, вишь ты.

---

[1]) См., между проч. статью Венелина „о спорѣ южанъ съ сѣверянами".

Михайло. Пословиця? Колы на те пишло, такъ и у насъ есть ихъ про Москаливъ не трохи. Такъ, напримиръ: „Зъ Москалемъ знайся, а каминь за пазухою держи". Одъ чого-жъ вона выйшла, самъ розумний чоловикъ—догадаесся."

Этотъ споръ разрѣшаетъ Тетяна слѣдующими словами: „Годи вамъ спорытысь. Теперъ чи Москаль, чи нашъ, все одно: вси одного царя. Тилько въ тимъ разныця, що одни дуже шпаркы, а други смырни."

Въ другомъ мѣстѣ Тетяна даетъ понять солдату, что только путемъ достодолжной учтивости, не унижая достоинства хозяевъ,—онъ можетъ встрѣтить привѣтливость и полное радушіе, къ которымъ способны эти хозяева по свойственной имъ сердечности. „Я рада була, що на Финтикивъ коштъ погодуетця служивый. А цей служивый таку вечерю пиднявъ, якъ чортъ въ лотокахъ. Я спровадыла его спати голодного."

Въ силу этой и подобныхъ идей, внушавшихъ чувства справедливости и человѣчности, къ самому произведенію Котляревскаго можно примѣнить слова солдата, заканчивающія пьесу: „шутка, кстати сдѣланная, больше дѣлаетъ иногда пользы, чѣмъ строгія наставленія."

Ясно изъ сказаннаго, какъ много содержанія и бытовыхъ данныхъ въ небольшомъ произведеніи Котляревскаго, вообще отличающемся рельефными очертаніями. У французскаго либреттиста Котляревскій заимствовалъ лишь общую схему, да и то не вполнѣ, и въ ея предѣлахъ представилъ весьма удачную и интересную жанровую картинку, полную жизни, дающую полезный урокъ и людямъ въ родѣ Финтика, и солдатамъ, которые не прочь побушевать, но встрѣчаютъ деликатный и однако стойкій отпоръ со стороны людей, сознающихъ свое достоинство и дорожащихъ имъ.

Въ концѣ прошлаго вѣка и въ началѣ настоящаго въ Россіи явилось немало комедій-оперъ подъ вліяніемъ вѣянія, проникавшаго къ намъ съ запада. „Украинская опера" Котляревскаго—одна изъ самыхъ талантливыхъ и интересныхъ по идеѣ, вложенной въ скудную опереточную фабулу, и по обрисовкѣ характеровъ. Въ нѣкоторой степени и въ „Москалѣ-Ча-

ривныкѣ“ наблюдаемъ то же, что̀ усматривается въ созданіяхъ крупныхъ литературныхъ дарованій: въ заимствованную, истрепанную вѣками, схему внесена свѣжая мысль, и вѣковой сюжетъ, выхваченный изъ непрерывнаго круговращенія, предстаетъ въ обновленномъ художественномъ видѣ, примѣненномъ къ новымъ потребностямъ жизни, неустанно движущейся впередъ.

Н. Дашкевичъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Сказка о приключеніи любовника, посѣщавшаго невѣрную жену. Записана въ житомирскомъ уѣздѣ.

Бувъ такій чоловикъ, що не знавъ биды, да й пишовъ въ свитъ биды шукать. Ну, й прыйшовъ надъ якусь ричку и пытаетьця: „я николы не бачивъ биды и хочу зобачыть еи.“ Отъ ему и говорять: „скинь съ себе все и лизь въ воду, перелизь на другій берегъ, тамъ зобачишь биду.“ Ну, й вынъ переплывъ на ту сторону и назадъ вернувся и не бачывъ жаднои биды. Отъ вынъ вылизъ, хотивъ вже вдягнутьця, а одежи ёго нема; отъ ему и бида. Що вынъ голый, то ему не було куды дитьця, и вынъ сыдивъ до вечера въ води; въ вечери вынъ вылизъ и влизъ до иднои женщины подъ пичъ такъ, що вона не бачила. Еи чоловика не було вдома. До еи прыйшовъ полюбовныкъ. Пріихавъ чоловикъ и начавъ собкать зъ воламы на подвирьи. Вона почула, и не було ій куды ёго (полюбовныка) дить, то вона его сховала подъ пичъ, а тамъ сыдивъ той голый, що шукавъ биды. Вона сховала одъ чоловика печену гуску, макаранъ и повну бутельку горилки, а половыну оставыла, и дала чоловику вечерать. Чоловикъ бувъ голодный, занявся вечерою, и не бачыть вынъ того, що вона носыть тому подъ пичь горилку чаркамы и печеню, и млыньци. А той вже говорыть голый до полюбовныка:, Ты вже ивъ и пывъ, а це вже нехай буде мыни.“ Выпывъ голый горилки и наився печени и млыньцивъ, а тоди каже: „теперь буду спивать.“ А той каже: „не спивай, еи чоловикъ въ хати, то тоби буде смерть и мыни.“ „Ну, говорыть, отдай мыни те, що на тоби, то я не буду спивать.“ Оддавъ ему чоботы, винъ взувся, тоди каже: „буду спивать.“ Той говорыть: „не спивай,“ а вынъ

каже: „дай же мыни штаны.“ Той идны штаны давъ голому, а други у его осталысь. „Дай же ще свитку, то не буду спивать, а то буду.“ Вдягнувся вынъ у свытку и знову каже: „буду спивать;“ „дай мыни ще сорочку.“ Вынъ ему давъ и сорочку. Вынъ склавъ сорочку й каже: „буду спивать;“ тоди говорыть: „дай же й други штаны, бо мыни въ идныхъ буде холодно, якъ я выйду.“ Склавъ други штаны и ще каже: „буду спивать, бо вже нагрився.“ А той говорыть: „не спивай“ Тоди, говорыть: „дай же мыни шапку, то не буду спивать“ Полюбовныкъ дуже его просывъ, щобъ вынъ не спивавъ, бо ему не хотилось оддать шапки, бо добра шапка була; а посли мусывъ оддать. Тоди дождалы воны ранку, хазяйка встала пошла до коривъ, а той одягняный вылизъ соби и пошовъ. Выйшовъ на улицю, походывъ трохи. Посли, якъ чоловикъ еи всравъ, вона затопыла въ печи, напекла млыньцивъ, и силы воны снидать. Тоди вынъ заходыть въ хату и говорыть: „у васъ, люде добры, чортъ е подъ пичью.“ А чоловикъ каже: „А якъ тоби, жинко, вчора казавъ, що шось шептало у насъ подъ пичью, а ты казала: то тоби такъ витеръ нашугавъ въ уши, то тоби такъ здаетьця.“ Вже журытьця чоловикъ, якъ бы выпроводыть чорта, и просыть того чоловика, который ночовавъ подъ пичью и прыйшовъ,—щобъ выпроводыть. А той сказавъ, що не штука его выпроводыть, „можна.“ Сказавъ, щобъ жинка нагрила штыры баняки окропу, и одчинывъ дверы, хазяина поставывъ у дверяхъ съ гарячею коцюбою, щобъ чортъ такъ не выскочывъ, щобъ его можна було опарыть и трохи прыпекты, и сказавъ ему,—якъ буде бигты чортъ, то щобъ бывъ его коцюбою по голови. А жинка мало не плаче, а все таки гріе воду. Якъ зогрила воды, то вынъ засунувъ окрипъ подъ пічъ, и вывернувъ подъ голого, и другій банякъ,—а третій прыготовывъ, щобъ лынуть на его, якъ буде бигты съ-подъ печи. Отъ вынъ выскочывъ съ-подъ печи и хотивъ въ дверы, а жинка хотила не дать чоловику, щобъ вынъ ударывъ его по голови, такъ чорта не лопавъ, а жинци руку выбывъ, и жинка осталась слаба, а тому, що чорта выгнавъ ему, заплатывъ.

ЛЕОНИДЪ ИВАНОВИЧЪ ГЛѢБОВЪ.

НЕКРОЛОГЪ

29 минувшаго октября мѣсяца скончался въ Черниговѣ хорошо извѣстный всей Малороссіи и Галичинѣ писатель Леонидъ Ивановичъ Глѣбовъ. У насъ въ Россіи его знаютъ и цѣнятъ почти исключительно за его талантливыя басни, выдержавшія три изданія, а въ Галиціи, сверхъ того, онъ извѣстенъ всякому грамотному человѣку и какъ писатель лирическихъ стихотвореній, печатавшихся до послѣдняго времени въ тамошнихъ періодическихъ изданіяхъ („Зоря"), а также какъ превосходный писатель задушевныхъ дѣтскихъ стиховъ въ видѣ загадокъ и отгадокъ къ нимъ, помѣщавшихся въ маленькой газеткѣ для дѣтей „Двинокъ".

Леонидъ Ивановичъ родился 19 февраля 1827 года въ полтавской губерніи, въ хорольскомъ уѣздѣ, въ селѣ Веселый Подолъ. Принадлежалъ онъ къ купеческому роду, но науку проходилъ такую, какая выпадала и на долю дворянъ, а именно—гимназическую. Еще раньше поступленія своего въ полтавскую гимназію, онъ сталъ пописывать русскіе стишки, и первымъ его опытомъ была сатира на одного помѣщика, написанная имъ на десятомъ году жизни. Эти задатки увлеченія стихотворствомъ еще болѣе развились въ немъ, когда онъ поступилъ въ гимназію, гдѣ, кромѣ обычнаго въ то время въ учебныхъ заведеніяхъ литературнаго настроенія, онъ подпадаетъ вліянію учителя Мирецъ-Имшенецкаго, особенно поощрявшаго писательскія способности въ ученикахъ. Будучи въ 5-мъ классѣ, молодой поэтъ уже могъ имѣть въ своемъ собраніи стиховъ около

сотни піесъ, написанныхъ по-русски, и даже отпечатать въ 1847 г. отдѣльной брошюрой 50 стихотвореній.

Болѣзнь помѣшала молодому, двадцатилѣтнему юношѣ окончить гимназію, и пришлось ему, въ качествѣ недоучки, поселиться въ родительскомъ домѣ, въ кременчуцкомъ уѣздѣ, въ селѣ Горбахъ. Тутъ онъ, готовясь къ поступленію въ нѣжинскій лицей и, слѣдовательно, не теряя надежды на продолженіе перерваннаго курса, не отставалъ и отъ поэзіи, начавъ теперь увлекаться малорусскимъ стихотворствомъ, т. к. въ 1848 году впервые познакомился съ произведеніями Т. Г. Шевченка и Е. П. Гребенки. Результатомъ этого было написаніе имъ сейчасъ же первыхъ опытовъ своихъ въ баснописательствѣ, ограничившемся на первыхъ порахъ передѣлкою басенъ Крылова „Волкъ и Котъ" и „Волкъ и Пастухи", при чемъ первая можетъ быть названа только переводомъ подлинника, а вторая представляетъ настолько далекую передѣлку, что почти имѣетъ право быть посчитана самостоятельной. Начиная съ этого момента, т. е. съ 1848 года, становится Леонидъ Ивановичъ почти исключительно малорусскимъ писателемъ и не перестаетъ увлекаться поэзіей даже и тогда, когда, поступивъ въ 1849 году въ нѣжинскій лицей, тянетъ тяжелую для него лямку студенчества въ теченіе шести лѣтъ (до 1855 г.), постоянно отрываемый отъ работы всякими невзгодами, изъ которыхъ наибольшая—смерть отца, заставившая его на цѣлый годъ покинуть лицей и поселиться въ деревнѣ. Кромѣ того, въ 1852 году онъ женился, и слѣдовательно прибавились еще и семейныя заботы. Но не смотря на все это, онъ не покидалъ ни науки, ни поэзіи и даже, начиная съ 1853 года, сталъ сотрудничать въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, представлявшихъ тогда очень цѣнное изданіе, помѣщавшее на своихъ страницахъ научные матеріалы, маленькія изслѣдованія, этнографическіе матеріалы и произведенія мѣстной поэзіи. Тутъ-то и сталъ печататься Леонидъ Ивановичъ съ своими баснями, лирическими піесами и этнографическими работами; а увлекаясь какъ-разъ въ это время театромъ, онъ написалъ драматическую піесу „Остапова правда". А вѣдь

время съ 1847 по 1857 годъ, по выраженію г. Кулиша, было самымъ безплоднымъ въ малороссійской словесности, т. к. почти единственнымъ являлся тогда Л. И. Глѣбовъ со своими баснями.

Эти связи литературныя связали Леонида Ивановича съ Черниговомъ и всякими иными отношеніями, такъ что, по окончаніи лицея, онъ поступилъ сюда на службу, хотя и ненадолго: вскорѣ отправился онъ на должность учителя въ Черный Островъ (подольск. губ.), откуда въ 1858 году былъ переведенъ на учительскую-же должность въ черниговскую гимназію. Здѣсь оставался онъ до самой своей смерти, но только не въ должности учителя, съ которою долженъ былъ очень скоро разстаться, (1863 г.), помимо своего желанія, такъ точно, какъ долженъ былъ прекратить и начатое имъ въ 1861 году періодическое изданіе „Черниговскій Листокъ", посвященный, главнымъ образомъ литературѣ украинской и поддерживаемый такими силами, какъ П. Кулишъ и М. Номисъ. Съ 1863-го по 1867-й годъ Л. И. Глѣбовъ пережилъ самые тяжелые дни въ своей жизни: безъ мѣста, безъ матеріальныхъ средствъ, гонимый судьбою и людьми, онъ съ трудомъ перебивался со дня на день, перенесши сильную болѣзнь, бывшую причиною его слѣпоты, и лишившись въ это же время жены. Единственнымъ утѣшеніемъ для него при такихъ условіяхъ была пріязнь черниговскаго общества, отъ души полюбившаго его и въ концѣ концовъ выхлопотавшаго ему право въ 1867 году занять скромное мѣсто завѣдывающаго черниговской земской типографіей, каковую должность онъ занималъ до самой своей смерти.

Занимая этотъ далеко не видный постъ въ теченіе многихъ лѣтъ, Леонидъ Ивановичъ однако-же игралъ въ Черниговѣ не послѣднюю роль, конечно, не въ смыслѣ административныхъ вліяній, но въ смыслѣ тѣхъ нравственныхъ воздѣйствій, которыя могутъ являться только при условіи душевной чистоты и того авторитета, какимъ пользуется человѣкъ опредѣленной идеи. Что Черниговъ цѣнилъ и уважалъ своего ветерана-поэта, это можно видѣть изъ той задушевности, съ какою черниговское общество отнеслось къ празднованію пятиде-

сятилѣтія литсратурной дѣятельности Леонида Ивановича въ 1891 году, повторяю опять—*задушевности*, но не торжественности. Да и нельзя было черниговцамъ не выражать самыхъ теплыхъ симпатій къ тому человѣку, котораго чуть не каждый въ городѣ зналъ издавна, зналъ—какъ скромнаго, почтеннаго старца, связавшаго имя свое съ именемъ доброты и сердечности. Прибавьте къ этому, что каждый изъ мѣстныхъ гражданъ сочеталъ въ своей памяти имя Леонида Ивановича съ какимъ-нибудь мастерски нарисованнымъ имъ басеннымъ образомъ, или съ задушевнымъ стихотвореніемъ, или съ игривой загадкой для дѣтей. Нельзя было безъ умиленія глядѣть на то, какъ почтенный слѣпой старикъ, подкрѣпивши себя послѣобѣденнымъ сномъ, въ небольшомъ кружкѣ ближайшихъ пріятелей своихъ начнетъ бывало вечеромъ читать свои изустно сложенныя басни и другія піески—и невольно каждый изъ присутствующихъ всецѣло проникнется и художественными образами, мелькающими одинъ за другимъ, и въ особенности превосходнымъ, мѣткимъ, украинскимъ языкомъ, которымъ въ совершенствѣ владѣлъ покойный. Будучи и ранѣе знакомъ съ баснями Л. И. Глѣбова по печатнымъ изданіямъ ихъ, я имѣлъ случай въ одну изъ поѣздокъ моихъ въ Черниговъ пойти къ нему на поклонъ и тамъ слышать это простое, безыскусственное, но милое и по своему искусное чтеніе басенъ самимъ авторомъ. Читались и напечатанныя уже басни, и особенно, еще не видавшія печатнаго станка—и я долженъ былъ сознаться, что мнѣніе мое о Л. И. Глѣбовѣ, какъ баснописцѣ, высказанное сравнительно давно (Кіев. Стар. 1883 г. № 6) и, конечно, въ пользу автора, теперь не только укрѣпилось, но пошло значительно дальше въ томъ же направленіи. Мнѣ невольно припомнилось, что и знаменитый Крыловъ сталъ баснописцемъ уже въ пожиломъ возрастѣ и съ годами только обнаруживалъ все сильнѣе свой талантъ; такъ и Леонидъ Ивановичъ, на склонѣ жизни своей опять усиленно начавшій писать басни и иныя изъ нихъ помѣщать въ галицкихъ журналахъ „Зоря“ и „Дзвинокъ“, съ каждой новой баснею все шелъ впередъ по пути совершенствованія своего несомнѣннаго таланта. Есть и еще одна черта сходства его съ

Крыловымъ—это, хотя и въ меньшей степени, чѣмъ у послѣдняго, увлеченіе его сценическими піесами. Но какъ Крыловъ имя свое создалъ не на драмѣ, а на басняхъ, такъ и имя Л. И. Глѣбова перейдетъ въ потомство не тѣми драматическими его піесками, которыя немногимъ и теперь извѣстны, но тѣми баснями, которыя—повторяемъ—очень популярны и у насъ, и въ Галиціи, и тѣми загадками и отгадками въ стихахъ, которыя выучиваются наизусть преимуществено въ Галиціи и связаны тамъ съ именемъ „Дидуся Кенира“—псевдонимъ Л. И. Глѣбова.

Года два тому назадъ, когда я былъ въ Черниговѣ у Леонида Ивановича, мы много разговаривали о необходимости издать всѣ его басни, напечатанныя какъ въ Россіи, такъ и заграницей, прибавивъ къ нимъ порядочный запасъ тогда еще новыхъ, ненапечатанныхъ имъ нигдѣ. Мысль эту признавалъ самъ Леонидъ Ивановичъ, и если, не выполнилъ ея при жизни своей, то только по свойственной ему нерѣшительности, да по отсутствію матеріальныхъ средствъ. Думается намъ, что теперь, послѣ смерти всѣми глубокоуважаемаго поэта нашего, слѣдуетъ близкимъ къ покойному людямъ позаботиться о томъ, чтобы его мечты объ изданіи были осуществлены если не въ формѣ полнаго собранія всѣхъ его сочиненій, то по крайней мѣрѣ въ видѣ полнаго сборника его басенъ и стихотворныхъ загадокъ. Такимъ изданіемъ будетъ выполнено одно изъ обязательствъ благодарныхъ современниковъ по отношенію къ почтенному литературному имени, долженствующему служить назидательнымъ урокомъ и для грядущихъ поколѣній.

В. Науменко.

Документы, извѣстія и замѣтки.

М. М. Макаровскій. (*Къ пятидесятилѣтію его сочиненій*). Въ недлинной и небогатой фактами исторіи малороссійской словесности, въ первомъ ея періодѣ,—который по непосредственности творчества авторовъ и по близости ихъ къ народной жизни, можно назвать періодомъ «органическимъ»,—есть имя, пользующееся далеко меньшею извѣстностью, какая принадлежитъ ему по праву. Это—имя Михаила Макаровскаго (1783—1846). Двѣ поэмы его, единственно что извѣстно изъ всего написаннаго имъ, напечатаны въ «Южнорусскомъ Сборникѣ» 1854 года. Онѣ написаны въ самые послѣдніе годы его жизни и, лучшая изъ нихъ, «Наталя, або дви доли разомъ»—ровно пятьдесятъ лѣтъ назадъ. Нѣсколько свѣдѣній о его жизни,—все что извѣстно о немъ,—сообщены издателемъ поэмъ, ученикомъ его, Метлинскимъ.

Сынъ священника во флотѣ, а потомъ сельскаго—въ южной Полтавщинѣ, воспитанникъ полтавской семинаріи и послѣ домашній учитель въ домахъ нѣсколькихъ помѣщиковъ (Коденця, Кулябки и Корсуна), онъ сталъ впослѣдствіи учителемъ наукъ и языковъ въ уѣздномъ училищѣ въ Гадячѣ и кончилъ жизнь смотрителемъ этого училища. Умъ, справедливость и даръ слова отличали его. Онъ владѣлъ образованіемъ гораздо большимъ, чѣмъ люди того скромнаго общественнаго положенія, какое онъ занималъ. Зналъ и говорилъ по латыни, французски и нѣмецки. Былъ любимъ и уважаемъ горожанами Гадяча и своими учениками. Былъ холостъ, занимался литературой, но только въ послѣдніе годы жизни обратился къ сочинительству на народной рѣчи Украины, бытъ и языкъ которой зналъ глубоко.

Таковы несложные, скромные факты жизни этого человѣка, который въ другое время и въ другой средѣ, оставилъ бы, можетъ

быть, по себѣ глубокій слѣдъ. По счастью художественный даръ свой онъ выразилъ хотя въ одномъ произведеніи, но съ такою свѣжестью и силой, которыя не могутъ быть не названы необычайными. Писанная безъ всякаго разсчета, безъ мысли о выгодѣ или авторскомъ честолюбіи, безъ надежды даже на напечатанье, но по одному лишь глубокому влеченью духа, его поэма «Наталя» для всѣхъ любителей малороссійской поэзіи останется навсегда истинной жемчужиной. Взлелѣянная и выношенная въ душѣ живопись этой поэмы такъ дышетъ сельской патріархальной стариной, блещетъ такими живыми красками, что не боится времени, какъ не боится его неподдѣльный драгоцѣнный металлъ. Это историческая картинка стародавняго сельскаго быта во всей роскоши описаній талантливаго, наблюдательнаго и умнаго автора. Въ обѣихъ своихъ поэмахъ, какъ въ «Наталѣ», такъ и въ менѣе удачной «Гарасько, або таланъ у неволи», Макаровскій оригиналенъ и чуждъ подражанія, какъ Шевченку, появившемуся незадолго до этого времени написанія имъ этихъ произведеній, такъ кому-бы то ни было изъ малороссійскихъ авторовъ. Онъ чуждъ рутины, чуждъ общеизвѣстныхъ образовъ малороссійской поэзіи,—садка, очей, бровей и т. п.,—ставшихъ избитыми отъ повтореній. Его литературный вкусъ, воспитанный на образцахъ міровой поэзіи, дѣлаетъ его строгимъ къ себѣ и учитъ искать лишь своихъ собственныхъ словъ, самостоятельнаго творчества. При всемъ этомъ онъ остается вполнѣ національнымъ писателемъ, проникнутымъ духомъ и образами окружающей крестьянской жизни и даже ея міровоззрѣніемъ.

Содержаніе «Натали» можно передать въ нѣсколькихъ словахъ. Крестьянка Харитина горюетъ съ дочерью Наталкой въ отсутствіи мужа, который ушелъ за Дунай въ погонцы и пропалъ безъ вѣсти. Трудомъ и честью она поддерживаетъ свою жизнь и духъ. Наталка встрѣчается съ чумакомъ Опанасомъ, и молодые люди влюбляются другъ въ друга. Опанасъ признается отцу, тотъ ѣдетъ собрать справки о семьѣ и увидѣть Наталку и послѣ того даетъ согласіе на бракъ. Во время свадьбы возвращается отецъ невѣсты, нажившій въ чужихъ краяхъ состояніе, которое и передаетъ Наталкѣ и ея дѣтямъ послѣ смерти. Вотъ несложная канва поэмы. Но все дѣло въ ней въ яркости и красотѣ того ряда картинъ, изъ котораго она сосостоитъ.

Это прекрасный образчикъ эпоса. Взоръ поэта смотритъ на изображаемую жизнь и людей съ той высоты, откуда все ясно видно. Не

видно лишь намъ самого поэта. Событія, лица, обстановка представютъ въ своей непосредственности, безъ авторскихъ комментаріевъ. Жизнь, характеры, побужденія этихъ людей извѣстны поэту въ подробностяхъ и онъ рисуетъ ихъ въ свободномъ, чуждомъ усилій разсказѣ. Нѣтъ несносныхъ, ничего незначущихъ общихъ мѣстъ, ремесленныхъ строфъ, безъ толку растягивающихъ повѣствованіе. На лицо то, что нужно и нѣтъ ничего мертваго, вымученнаго: все даетъ пищу воображенію. Рядъ картинъ, описаній, характерныхъ рѣчей, то наивныхъ, то трогательныхъ, нижется ровною, равноцѣнною ниткою поэтическихъ зеренъ, и читатель одновременно проникается и содержаніемъ изображаемаго и любуется увѣреннымъ и спокойнымъ искусствомъ художника. Приглядимся внимательнѣе къ составнымъ частямъ этой милой поэмы, не подвергавшейся еще обстоятельному разбору.

Пѣсня первая: Любощи. «Здѣсь описаны Харитина и Наталка, ихъ простая, трудовая жизнь. Съ Наталкой вдругъ скоилось неожиданное горе: она заболѣла безъ видимой причины. Ни домашнія средства, ни усилія знахарокъ не помогаютъ ей. Одна только изъ ворожей, опытнымъ глазомъ узнаетъ причину болѣзни. Это неожиданная любовь, въ которой Наталка и признается сосѣдкѣ своей, Чемеричкѣ. Возлѣ рѣки, куда ходила за водою, она встрѣтила незнакомаго чумака, который гнался за воломъ. Онъ попросилъ напиться у ней воды и, когда пилъ воду, то стоялъ какъ вкопанный и смотрѣлъ на нее. Съ перваго взгляда она его полюбила. Тоже самое впечатлѣніе произвела и она на Опанаса. Возвратясь домой, онъ сдаетъ отчетъ родителямъ о поѣздкѣ въ Крымъ. Отецъ и мать его толкуютъ о необходимости брака. Онъ признается во всемъ дядьку своему Хмарѣ; тотъ сначала отговариваетъ, убѣждая жениться на богатой, но послѣ ѣдетъ въ село, гдѣ живетъ Наталка, въ качествѣ развѣдчика, ночуетъ въ домѣ Харитины и, увидѣвъ мать и дочь, становится сторонникомъ этой свадьбы. Послѣ этого Опанасъ признается и роднымъ и проситъ ихъ согласія. Отецъ рѣшается ѣхать въ Теплицы самъ смотрѣть и сватать Наталю за Панаса.

Эта первая пѣсня, по темѣ своей, имѣетъ сходство съ гетевскимъ «Германомъ и Доротеей». Здѣсь, какъ и тамъ, сынъ зажиточныхъ людей неожиданно влюбляется въ незнакомую бѣдную дѣвушку, проситъ у родныхъ согласія на бракъ и посылаетъ отъ себя на развѣдки довѣренныхъ лицъ. Дядько Хмара играетъ туже роль какъ гетевскіе «Честные шпіоны», пасторъ и аптекарь, идущіе въ лагерь

бѣглецовъ, среди которыхъ находится Доротея. Но на этихъ чисто внѣшнихъ данныхъ сходство двухъ произведеній обрывается, да и содержаніе малороссійской поэмы принимаетъ потомъ иной оборотъ. Подражаніе же въ описаніяхъ, въ краскахъ, въ подробностяхъ отсутствуетъ совершенно, и яркій старинно-малороссійскій сельскій колоритъ отличаетъ сочиненіе Макаровскаго. Внезапность любви—черта вѣрная психологически». Безуміе, которое по выраженію Фауста «умнѣе всѣхъ наукъ», какъ извѣстно чувство, наименѣе поддающееся отчету. Жизнь Харитины съ дочерью, картина встрѣчи молодыхъ людей, знахарки, дядько Хмара, награждаемый за свою миссію «клункомъ тарани»,—все дышетъ натурою. Панасу нравится Наталка, но онъ не даромъ выросъ среди традиціонныхъ, патріархальныхъ, сельскихъ порядковъ, онъ сынъ своихъ родителей и менѣе пылокъ, чѣмъ Германъ. Онъ не сомнѣвается и надѣется на все доброе, но, разъ только видѣвши Наталку, не знаетъ ее и, посылая дядька, онъ наставляетъ его:

„Роспытайся: дивка, кажуть, дочя удовыци...
Хай и такъ! Якъ-же у серци виру й Бога мае,
И худои за собою славоньки не знае,
То я выкыну, тай швыдко, молодецьку штуку:
Дамъ ій серденько за серце, рученьку за руку...
Оженюся, щобъ старая ненька отдыхала
И пораду, и помогу, и потиху мала“.

Простодушный дипломатъ выдаетъ себя за дневальнаго, ѣдущаго съ пакетами къ исправнику, просится ночевать въ хату Здорихи и, хорошо приглядываясь къ жизни Наталки и матери, такъ описываетъ ихъ племяннику:

„...ій имня Наталка,
По хозяйству мовъ не ходыть, а лита якъ галка;
Чепурна, пылка якъ искра, огрядна, змазлыва,
Говирка, зирка, моторна; ще и тымъ щаслыва,
Що на грыщахъ не бувала и на вечерныцяхъ;
Славыться своею честью й розумомъ въ Теплыцяхъ.
Маты тожъ хозяйка добра, чесна и товкуща,
И на поли, и въ господи, и въ торгу тямуща,
Не яку худобу мае, а жыве зъ достаткомъ.
Хлиба, соли не бороныть, зъ толкомъ и порядкомъ.
Я напывся и наився тамъ якъ у господи.
Хоть не знала, не гадала о своій прыгоди.
Отъ тоби, небожъ, вся правда, правда безъ обману,
Я кажу що окомъ бачывъ, що нема изъяву,—

И въ шынку мени казалы, и якъ бувъ въ дорози
Не було худого слова—видъ людей небози.
По сій мови, небораче, колы маешъ волю,
И бажаешъ викъ дилыты зъ дивчиною долю,
Батька упросы и неньку, щобъ благословылы,
И тебе туды зо мною швыдче одпустылы,
Бо, бачъ, ся голубка швыдко полыне изъ дому,
Выйде замужъ молодая на таланъ другому".

Послѣ такихъ несомнѣнныхъ свѣдѣній, Панасъ смѣло обращается съ своимъ признаньемъ и просьбой къ отцу, и они рѣшаютъ ѣхать въ Теплицы.

Пѣсня вторая: «Весилля».—Уже съ утра въ тотъ день на дворѣ Харитины скрегочетъ и скачетъ сорока. Признакъ вѣрный: будутъ гости. Какъ вотъ ѣдетъ двѣ повозки, въ нихъ отецъ Панаса, онъ самъ и еще нѣсколько человѣкъ съ ними. Харитина принимаетъ ихъ со всѣмъ радушіемъ, на какое способна, и подчуетъ лучшимъ, что у нея есть. Отецъ Панаса, довольный всѣмъ, что видитъ и слышитъ, говоритъ о цѣли пріѣзда. Наступаетъ рѣшительная минута: слово за Харитиной. Она видитъ, что предъ ней честные люди, что Наталка будетъ счастлива, но ей приходится разстаться съ единственнымъ близкимъ существомъ, съ дочерью, которая выросла при ней и дѣлила съ ней трудъ и горе. Отъ волненія она не можетъ говорить и этому волненію старается противопоставить силу воли, по удивительному выраженію автора, «какъ рыба противъ волнующейся пѣны (шуму)». Но мѣсто это надо прочесть въ подлинникѣ.

„Якъ почула Харытына видъ Уласа речи,
Червонила то блиднила, стоя коло печи;
И дытыны молодои и себе жалила,
Викъ свій зъ нею коротаты—и отдать хотила.
Трычи говорыть пріймалась, трычи оставлялась,
Такъ якъ рыба проты шуму довго умудрялась,
И, нешвыдко, положывшы хрестъ святый на груды:
—Слухай, каже, пане Власе, чуйте добри люде!
Колы Господь показавъ вамъ до мене дорогу,
То нехай же такъ и буде, якъ угодно Богу.
Повинчаемъ дитокъ нашыхъ, та ажъ въ ту недилю,
Щобъ зибратысь якъ и треба вамъ и намъ къ весилью.
А за мене не турбуйтесь: маю вамъ сказаты,
Що й на крамъ не проминяю дворыща и хаты;
Буду жыть якъ Господь судыть и свою дружыну
Помынать не перестану, поки тутъ же згыну".

За сговоромъ слѣдуетъ шумное веселье, которое тянется до ночи и продолжается большую часть слѣдующаго дня. Проводивши гостей, Наталка думаетъ думу о своей будущей долѣ. Мать же, рѣшившись выдать дочку, вся предается хозяйственнымъ заботамъ и приготовленью къ свадьбѣ. Покупаются всю недѣлю нужные подарки, сосѣдки энергически рѣжутъ живность, пекутъ и варятъ. Наканунѣ свадьбы Наталка идетъ на село скликать гостей, какъ велитъ обычай. Большая часть селянъ радуется ея удачѣ, и только изрѣдка раздаются за ней рѣчи зависти.

Между тѣмъ въ Хрестцахъ идутъ свои приготовленія, и вотъ отецъ и мать со всѣми обычными порядками выряжаютъ сына къ невѣстѣ. Вотъ онъ и въ дорогѣ:

> По надъ полемъ тамъ якъ хмара пылъ великій вьетця
> Кононенкивъ честный поиздъ валкою несетця:
> И бояре símbolo бованіють, гарни, чорнобрыви,
> И дивчата й молодыци, люби и змазлыви...

Ѣхать не близко: поѣзжане кормятъ лошадей и отдыхаютъ въ полѣ, потомъ почуютъ подъ открытымъ небомъ, подъ возами, вблизи большаго села Жовенъ... У Харитины въ воскресенье съ утра въ хатѣ собирается народъ. Какъ пташки пѣли дружки за столомъ; народъ, услышавши звуки музыки, высыпалъ изъ хаты на встрѣчу поѣзда. У воротъ подростки взяли съ него обычный выкупъ. Начался обмѣнъ подарковъ съ обѣихъ сторонъ. И сваты, и родня были одарены щедро—«тилько лыха имъ недоставало...» Молодыхъ на минуту посадили за столъ, и начался трогательный обрядъ благословенія, во время котораго плакали и невѣста, и женихъ. Но вотъ смычки ударили по струнамъ, молодыхъ ведутъ въ церковь. Вѣнчаетъ батюшка, дружно поютъ «дьякъ, дяченята, пысарь сельскій, пысаренко й де-яки хлопьята»—и свадьба вновь наполняетъ хату и дворъ Харитины. Уже всѣ собираются усѣсться за столъ и приступить къ длинному и торжественному свадебному обѣду, какъ вдругъ народъ столпился на дворѣ и движется въ хату, провожая кого-то незнакомаго. Въ эту минуту неожиданно появляется отецъ Наталки.

Эта глава поэмы совершенно переноситъ насъ въ старинное село съ его наивною жизнью зрѣлище этой честной простоты всегда будетъ укрѣпляющимъ для усталой души, всегда освѣжитъ ее какъ росой, и спасибо мастерамъ слова, которые сберегли его въ своемъ сердцѣ и запечатлѣли для насъ.

Въ третьей пѣснѣ—«Батько», авторъ введши новый элементъ интереса, который на время мѣняетъ настроеніе, даетъ свободу потомъ своему описательному дару. По созвучію съ народнымъ бытомъ, которымъ онъ такъ полонъ, онъ останавливается на картинѣ свадьбы, какъ бы забывшись на ней; такъ забывается время въ торжественные дни крестьянскихъ свадебъ, на которыхъ пированье длится недѣлю и больше. Интересъ этой главы весь въ описаніяхъ эпизодовъ свадебнаго пира. Вотъ Олекса Шеверенко «домогается вырвы»; вотъ танецъ свитилки Кадкаливны и Ризенка, горлыця, гдѣ отличается Собкивна, матерынка, коцюбура и бѣшенный плясъ Омелька Косюры. Тутъ же вставлены воспоминанія стариковъ о козацкихъ свадьбахъ въ еще болѣе отдаленную старину и о порядкахъ на нихъ. Краткимъ разсказомъ о дальнѣйшей судьбѣ героевъ кончается это въ своемъ родѣ образцовое произведеніе.

Вторая поэма Макаровскаго—«Гарасько» ведетъ насъ въ совсѣмъ новую сферу. Содержаніе ея навѣяно отчасти «Кавказскимъ плѣнникомъ». Забродчикъ Герасимъ ѣдетъ на суднѣ промышленника-грека близъ кавказскихъ береговъ. Судно разбивается бурей, экипажъ погибаетъ, спасается чудомъ лишь Гарасько и выплываетъ на берегъ. Здѣсь его ловитъ арканомъ черкесъ, беретъ въ плѣнъ и дѣлаетъ своимъ пастухомъ. Въ него влюбляется сестра черкеса Мериме и, послѣ долгихъ приготовленій, бѣжитъ съ нимъ вмѣстѣ, захвативъ много добра у брата и, съ помощію пріятеля своего отца, грека Фоки, спасается въ Таганрогѣ. Здѣсь Мериме принимаетъ христіанство и выходитъ замужъ за Гараська, который, при содѣйствіи того же Фоки, дѣлается значительнымъ таганрогскимъ купцомъ. Онъ ѣдетъ на родину, беретъ къ себѣ стариковъ родителей и проводитъ жизнь въ Таганрогѣ въ довольствѣ и счастіи.

Въ похвалу поэмѣ можно поставить ея свободный, легкій стихъ и нѣкоторыя, преимущественно описательныя, мѣста. Что до ея «морали»,—то она мелка; но авторъ стоитъ въ ней на уровнѣ крестьянской массы. Первое стремленіе огромнаго большинства этой массы—это стремленье къ матерьяльному достатку. Быть можетъ, оно естественно и законно у людей бѣдныхъ, но, безъ иного противовѣса, оно приводитъ, конечно, къ моральному упадку, что мы и видимъ ярко и наглядно въ нашихъ селахъ теперь, гдѣ развитіе кулачества, стремленія, направленныя на наживу, паденье старыхъ нравственныхъ устоевъ, приводятъ народъ къ положительному одичанію. Въ развитіи своемъ, говоритъ великій нѣмецкій поэтъ, народъ ищетъ

сначала новаго, потомъ исключительно полезнаго и наконецъ уже добраго; и тогда только достигаетъ своей настоящей силы и значенія». Но въ этихъ поискахъ ему надо помогать. Иначе худшіе его элементы уклоняются въ звѣрство, а лучшіе въ кривотолки и сектантство. Просвѣщеніе и образованіе, широкія и свободныя, одни могутъ только вывести народныя массы изъ потемокъ.

Возвращаясь къ нашему автору, давно забытому и покоящемуся въ землѣ, въ лицѣ его мы воспоминаемъ многихъ и многихъ людей творческаго таланта, забытыхъ, затерянныхъ, затертыхъ жизнью. Могущественное влеченье и какія-нибудь случайныя счастливыя условія— и такое дарованье выявится наружу и, подобно Макаровскому, оставитъ по себѣ нѣкоторый слѣдъ. А сколько погибло ихъ въ сумеркахъ безкультурнаго существованія и сколько гибнетъ еще теперь! Велико число этихъ погибшихъ силъ и велики потери, которыя несетъ благодаря этому общее дѣло человѣческаго развитія...

Глаголь.

Къ исторіи Кіевской Археографической Коммиссіи. Печатаемые документы имѣютъ значеніе въ двухъ отношеніяхъ: во 1-хъ, они показываютъ, что въ самомъ началѣ Кіевская Археографическая Коммиссія живо интересовалась исторической судьбой и лѣвобережной Малороссіи, къ чему она охладѣла въ послѣдующее время; во 2-хъ—документы содержатъ свѣдѣнія о румянцевскомъ архивѣ и о судьбѣ гетманскихъ клейнодовъ послѣ уничтоженія Малороссійской коллегіи. Гдѣ нужно искать все это?

Донесеніе управляющему палаты. 13 ноября 1843. № 2987.

Господину исправляющему должность управляющаго черниговскою палатою государственныхъ имуществъ.

По предписанію вашего высокородія отъ 26 октября № 14202 была произведена чрезъ помощника моего Сергѣенка аккуратная справка въ архивахъ глуховскихъ уѣзднаго и земскаго судовъ; но значащихся по описи, приложенной при раппортѣ поручика Волчанецкаго къ покойному графу Петру Александровичу Румянцеву-Задунайскому отъ 12-го октября 1788 года, журналовъ, книгъ и другихъ бумагъ, относительно Молдавской войны, въ помянутыхъ архивахъ не имѣется. Тамъ правятся нынѣ дѣла съ 1760 года, но всѣ они есть исковые и уголовные, касающіеся жителей черниговской губерніи,—сть также крѣпостныя и писцовыя книги.

Помощникъ Сергѣенко, стараясь сколь можно объ отысканіи сихъ бумагъ, нашелъ въ Глуховѣ старика Максименка, служившаго еще за бывшей коллегіи, который помнитъ, что въ 1787, 1788 и 1789 годахъ дѣла коллегіи и войсковаго генеральнаго суда переданы въ черниговское, полтавское и екатеринославское губернскія правленія, а регаліи, какъ то: бунчукъ и булава гетмана отвезены въ Кіевъ бывшимъ капитаномъ штатной (инвалидной команды) (*не разобр.*), Андреемъ Васильевичемъ и что архивъ собственно графа Петра Александровича, состоявшій отдѣльно отъ архива коллегіи, весь перевезенъ въ Кіевъ.

О чемъ имѣю честь донести вашему высокородію, докладывая притомъ, что справка въ Глуховѣ произведена по 9 число сего ноября, но ранѣе сего числа я не могъ донести, потому что 9, 10 и 11 числа нельзя было переправиться чрезъ Десну изъ Глухова въ Новгородъ-Сѣверскъ.

Въ Высочайше учрежденную при Кіевскомъ, Волынскомъ и Подольскомъ генералъ-губернаторѣ временную коммиссію для разбора древнихъ актовъ.

От сотрудника оной коммиссіи коллежскаго совѣтника Ѳедора Китченка.

Лично въ коммиссію въ февралѣ мѣсяцѣ имѣлъ я честь представить:

1) Малороссійскую лѣтопись, безъ начала, до 1707 году.

2) Краткое описаніе Малой Россіи, какъ оная послѣ самодержавія вел. кн. Владиміра была подъ польскимъ владѣніемъ и проч. и какіе потомъ были козацкіе гетманы и дѣйствія украинскія, наченшіяся съ року отъ Рождества Христова 1340-го (безъ конца—до 1716 г.). Много сходна съ изданною обществомъ любителей русскимъ древностей *лѣтописью самовидца о войнахъ Богдана Хмельницкаго*. М. 1846.

3) Акты объ отправкѣ въ С.-Петербургъ ко двору Анны Іоанновны козаковъ, бабъ и дѣвокъ, умѣющихъ танцовать, къ январю мѣсяцу 1740 года.

Другая половина сихъ актовъ, кажется, находится у г. почетнаго попечителя черниговской гимназіи М. О. Судіенка.

Въ дополненіе къ симъ документамъ, лично переданнымъ мною въ коммиссію, имѣю честь препроводить: книгу копій грамотъ городовъ Кіева и Чернигова, и кромѣ того копіи грамотъ г. Нѣжина:

1) Яна Казиміра на польскомъ языкѣ.
2) Алексѣя Михайловича.
3) Его же.
4) Его же.
5) Богдана Хмѣльницкаго 1656 г.
6) Царя Петра Алексѣевича.
7) Императрицы Анны.

Сотрудникъ коммиссіи инспекторъ черниговской гимназіи
Ѳедоръ Китченко.

№ 15. 31 марта 1847. Черниговъ.

Въ Высочайше утвержденную Временную Коммиссію для разбора древнихъ актовъ

отъ сотрудника оной коллежскаго совѣтника Ѳедора Китченка.

Въ дополненіе къ посланнымъ мною въ истекшемъ 1847 году копіямъ грамотъ и привиллегій городовъ черниговской губерніи имѣю честь препроводить при семъ копіи *грамотъ и привиллегій города Чернигова.*

Коллежскій совѣтникъ Ѳедоръ Китченко

№ 80. 16 ноября. 1848.

Полтавскіе цехи въ концѣ 17-го и началѣ 18-го вѣка.

Цеховая организація, такъ широко распространенная въ старой Малороссіи, въ многочисленныхъ переживаніяхъ сохраняющаяся еще и въ настоящее время въ различныхъ мѣстностяхъ, далеко еще не представляется вполнѣ изученною въ своемъ историческомъ прошломъ. Въ литературѣ сообщено уже, правда, не малое количество матеріаловъ, относящихся къ внутренней организаціи и дѣйствіямъ городскихъ и сельскихъ цеховъ и братствъ за 17-ое и 18-ое столѣтія, еще больше, пожалуй, имѣется указаній на сохраняющіеся доселѣ обломки старинныхъ братствъ, существуютъ и спеціальныя изслѣдованія, подчасъ очень широко ставящія относящіеся сюда вопросы, но и за всѣмъ тѣмъ мы еще очень далеки отъ полной исторіи малорусскихъ цеховъ, и многіе пункты ея и по сейчасъ представляются темными и неясными изслѣдователю, располагающему только печатными матеріалами. Приходится поэтому дорожить каждымъ источникомъ, проливающимъ свѣтъ на новыя стороны вопроса, остававшіяся

до нѣкоторой степени въ тѣни въ извѣстныхъ ранѣе матеріалахъ. Таково именно, кажется намъ, значеніе двухъ документовъ, предлагаемыхъ нами вниманію читателей «Кіевской Старины». Не говоря уже о томъ, что они относятся къ Полтавщинѣ, т. е. къ такой мѣстности, исторія цеховъ которой до сихъ поръ наименѣе представлена и въ изслѣдованіяхъ, и въ печатныхъ матеріалахъ, но и самое содержаніе ихъ заключаетъ въ себѣ немало любопытнаго и новаго. Самые документы найдены нами, во время занятій въ харьковскомъ историческомъ архивѣ, въ одной изъ связокъ хранящейся тамъ румянцевской описи полтавскаго полка (Х. И. А., Полт. отд., Рум. Оп., св. № 55, fo 38—39 и 40). Оба они представляютъ изъ себя копіи съ подлинныхъ документовъ, снятыя спеціально для описи, къ тому же, очевидно, не особенно старательными писцами, такъ какъ въ обоихъ встрѣчаются ошибки въ правописаніи, слишкомъ явныя для того, чтобы онѣ нуждались въ исправленіи. Тотъ и другой актъ есть полковничьи универсалы, данные основаннымъ въ городѣ Полтавѣ цехамъ, первый ткацкому, второй бондарскому. Наиболѣе интересенъ изъ нихъ первый, представляющій собственно не одинъ, а цѣлый рядъ документовъ, такъ какъ на первоначальномъ универсалѣ полковника Демьяна Гуджола, данномъ полтавскимъ ткачамъ при основаніи цеха въ 1662 году, имѣются и подтвержденія позднѣйшихъ полковниковъ вплоть до 1719 года. Эти подтвержденія не ограничиваются однако простой санкціей перваго универсала: по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ нихъ заключаютъ въ себѣ и новыя постановленія, развивающія далѣе цеховую организацію. Въ то время, какъ въ универсалѣ Гуджола установленъ только порядокъ избранія цехмистра или старшаго брата, цеховыя собранія, цеховый судъ и повинности или поборы «до скринки братерской» безъ точнаго опредѣленія послѣднихъ,—полковникъ Павелъ Семеновичъ точно опредѣляетъ размѣръ этихъ поборовъ и установляетъ правило, чтобы «братья» не держали болѣе двухъ хлопцевъ въ ученьи, равно какъ утверждаетъ лавниковъ, а приписка 1677 года за подписью городового атамана, войта и полкового писаря запрещаетъ «перемовлять» челядниковъ подъ страхомъ пени. Если предположить,—и намъ это кажется очень вѣроятнымъ,—что въ этихъ дополненіяхъ мы имѣемъ дѣло не съ разъясненіями ранѣе существовавшаго порядка, а съ новыми правилами, то передъ нами обломокъ исторіи цеха на протяженіи двухъ десятилѣтій. Но и помимо того, эти постановленія вводятъ насъ въ малоизвѣстную сферу промышленной организаціи малорусскихъ цеховъ, рисуя любо,

пытныя ея черты. Универсалъ, выданный полковникомъ Павломъ Семеновичемъ бондарскому цеху въ 1676 году, помимо другихъ общихъ со всѣми подобными документами чертъ, интересенъ разграниченіемъ сферы цеховой и общей юрисдикціи. Наконецъ, отмѣтимъ еще одно обстоятельство: какъ ткацкій, какъ и бондарскій цехъ, по нашимъ документамъ, не ограничиваются предѣлами г. Полтавы, но простираются и на села, связывая ихъ въ одну общую организацію.

В. М.

Полтавскіе цехи.

I.

Демянъ Гуджолъ полковникъ войска его царского пресвѣтлого величества запорожскаго полтавскій. Въ вѣдомость доношу симъ писмомъ моимъ, кому толко оказанно будеть, яко и на потомніе часы, ижъ здалося намъ за речъ слушную, а найбарзей за устнымъ упрошенемъ вѣры годныхъ особъ обывателей полтавскыхъ ремесла ткацкого, ижбы с промежку ихъ слушний порядокъ заставалъ, яко от давніхъ часовъ в томъ зоставалы, яко и въ иныхъ городехъ столичнихъ найдуется, и мы на то позволяемъ і ствержаемъ пысмомъ моимъ памятаючы на слова реченніе от апостола Павла: братство возлюбыте, Бога бойтеся; тые тежъ поминеніе ремесныкы мѣютъ съ промежку себе кого любя товариша вѣры годного за старшого брата мѣть, зовѣмаго цехмистромъ, и вшелякій порядокъ и сходкы в дому зособномъ и повинность належачую до скринкы братерской складать и въ проступныхъ выни брать, хтоби непослушнымъ зоставалъ, ремесла того во всей диоцезіи Полтавскихъ селъ къ городу належачихъ, позволяемъ пану цехмистру і всей братии ремесла помененного, абы то в завѣдованю ихъ было такъ теперъ, яко и на потомніе часы, волность тежъ мѣютъ ужыть волно: кануны сытить для розмноженыя свѣчы на хвалу и честь всемогущему Богу, в Тройцы единаго славимаго, ведле примноженяя ихъ бы і колко разъ на годъ тую моцъ и порадокъ позволывши панамъ ремесникомъ ремесла плотецкого ствержаю писмо моимъ и печатей двѣ казалемъ прытиснуть полку Полтавского и городовою Полтавскою. Писанъ в Полтаве в ратушы року ҂АХЗК (1662) мѣсяца февраля ЇЗ (17) дня.

Вышъ менованій полковникъ руку свою казалъ подписать.

Тую справку вышмованную (sic) в семъ пысмѣ в серединѣ опызанную цехмыстрови ткацкому и всемъ ткачамъ симъ моимъ створ-

жаю пысаніемъ, хотечы, абы иначей не было на установу сыю, на що для лѣпшое вѣры і важносты печать мою притыснуть росказалемъ и руку подписать в тіи слова. Григорѣй Вотязенко полковныкъ вѣрній войска Его Ц. Пр. В-ва З-жеского Полтавскій, деялось в Полтавѣ априля а҃ (1) дня ахѯе (1665) року. Гаврыилъ Мыклашевскій на тотъ часъ пысаръ полку Полтавского рукою.

О мистыріи.

О мыстыріи хтобы хотѣлъ еднаючы в томъ помыненномъ ремеслу зоставать, мѣетъ дать до цеху копъ десять литовской лѣчбы, уступку до скринки братерской золотыхъ два; ві (12) фунтовъ воску, фунтъ ладану, бочокъ двѣ пива, чотиры гарцы горѣлкы, цеберъ пыва отъ мѣсца, визволокъ от хлопца цеберъ пыва; ві (12) грошей до скринки братерской; челяды чотири грошы.

Братѣ тежъ того ремесла плотенного такъ в городѣ, яко и по селахъ, ведле ихъ звичаю не волно болшей мѣры, кромъ двохъ хлопцовъ, в науку хотячихъ вступиты, а на кого бы ся то довелось, жебы мѣлъ болшей двохъ хлопцовъ, теди таковый попадетъ у вину врадовую копъ десять, а до скринкы братерской копъ двѣ и полкаменя воску безотпускне.

Бундатора (sic) того ремесла особъ вѣры годныхъ четиры обывателе полтавскіе на имя Прокопій Вишневецъкій, Стефанъ Хмелныцкій, Иско Сатановскій, Андрей Зжовскій, пры тыхъ особахъ чотирохъ имѣютъ двадцать особъ в лавы заседать за для вшелякого предку (sic), который позволовшы (sic) ствержаемъ и на потомніе часы.

Павелъ Семеновичъ полковникъ войска Его Ц. Пр. В-ва З-го Полтавскій рукою. Данылъ Войцыховычъ писаръ на тотъ часъ полковій полтавский рукою.

Стосуючыся до волы антецессоровъ моихъ все его илеколвекъ отпысанно есть в симъ лысты якоби иначей не било, с подпысомъ руки моей и печатью для поваги и лучшое тимъ вѣре конфѣрмую в Полтавы февраля ки (28) ахо҃з (1677) и то тежъ освѣдчаемъ на писму: который би важился братъ перемовлять хлопцы, вины камень воску до скринки братерской, а челядныка хто бы ся важилъ перемовлять, вины до скрынкы братерской фунтовъ шесть, который бы тежъ братъ любъ жена его важился за платы (sic) запобегаючы работы по городахъ, гды би то на кого ся оказало за слушнымъ доводомъ вины, до скринкы братерской фунтовъ шесть воску.

Климъ Чорнушенко атаманъ городовий руку свою казалъ подписать.

И Семенъ Федоровичъ войтъ полтавскій съ коллегами.

Фылонъ Горкуша.

Александръ Никитовичъ писарь полтавскій рукою власною.

Я тежъ Прокопъ Левенецъ п-къ Его Ц. Пр. В-ва войска З-го П-кій казалемъ к тому жъ фундошу (sic) печать свою притиснути с подписомъ руки.

Року ахоѳ (1679) мѣсяца декабря 1 дня.

Кирилло Ивановичъ на тотъ часъ писаръ полтавскій, Федоръ Жученко полковникъ полтавскій рукою.

Поневажъ фундушъ сей од антецесоровъ нашихъ предшлыхъ полковниковъ слушне есть ферованій цеху ткацкому, теди ими оний аби нѣ от кого нѣ в чимъ нарушений не билъ подписомъ руки нашей и притисненіемъ печати полковой конфермуемъ.

в Полтавы сентября і (10) дня, ахпа (1681).

Леонтий Черпякъ полковныкъ войска Его ц. пр. в-ва З-жского П—кій.

Сие писание от антецессоровъ нашыхъ цеху ткацкому виданное било мнѣ презентованно, якое яко есть слушное, такъ я оное примоцы заховуючи, рукою моею подписавшы печатью полковою утверждаю. В Полтавѣ року 1719 декамрия 5 дня.

Его ц. пр. в-ва войска З-го П-кій п-къ Иванъ Черныкъ рукою.

II.

Павло Семеновичъ полковникъ его ц. пр. в-ва войска запорожского полтавскій.

Симъ нашимъ оказательнимъ писанемъ ознаймуемъ каждому, кому тилко потребно мѣло зоставать, такъ теперъ, яко и на часи далшіи, всему старшому и меншому з товариства и всему уряду, на началстве зостаючимъ, пану войту зо всею колекгою: на прозбу убогихъ ремесниковъ бондаровъ и на онихъ поглядаючи и докуки забиранемъ суду отъ ремества ихъ разного того понехавши хотячи мѣже собою мѣти порядокъ, яко и другіе ремесники старшого брата, котораго зволять все братя мѣти для порядку своего человѣка пристойнюго Ивана Карповича къ тому тежъ и другого змѣжи себе обобравши, в томъ тежъ ремествѣ, такъ в городѣ Полтавѣ самой, яко и в селахъ заживаючи того ремества схилность тому мѣти братству,

а повинность вся отъ нихъ повина бути и вигода такъ двору панскому надлежачая суду, которого потребная и на правизнами, особливо к самой ратуши города нашего, а в томъ южъ онихъ тяжаромъ иншимъ не мѣетъ потягати, такъ городовихъ бондаровъ, яко и мешкаючимъ по селахъ в подводахъ, тилко такъ звиклую повинность на всіомъ повинни отдаваты, яко и другие цехи отправуютъ слушній мѣючи порядокъ мѣже собою и вступного брата за малій посваръ ведле звичаю сказ(р?)аты, кромѣ заданя слова нестатечного братъ брату и кривавой рани тую злость варуй Боже не мѣютъ тежъ таиты предъ врядомъ нашимъ, что ствердивши на всемъ видаемъ тимъ ремесникомъ сие наше писаніе при нашой звиклой печати с подписомъ руки. Писанъ року Божого 1676 паннуария 30 дня.

Звишъ менованній полковникъ рукою власною.

Раздѣлъ посполитыхъ въ 1774 году. Печатаемое ниже и заимствованное изъ фамильныхъ бумагъ Горленковъ, «доношеніе» писано Андреемъ Павловичемъ Горленкомъ, правнукомъ прилуцкаго полковника Дмитрія, державшаго сторону Мазепы, и внукомъ бунчуковаго товарища Андрея, женатаго на дочери Даніила Апостола. Интересъ его заключается въ томъ, что въ немъ идетъ вопросъ о раздѣлѣ посполитыхъ между наслѣдниками. Документъ, такимъ образомъ, лишній разъ свидѣтельствуетъ, что права на личность посполитаго фактически существовали и раньше извѣстнаго указа Екатерины: они вытекали изъ жизни и изъ связи посполитаго съ землей. Когда дѣлилось имѣніе между наслѣдниками, тѣмъ самимъ производился раздѣлъ и посполитыхъ, сидѣвшихъ на землѣ, входившей въ составъ этого имѣнія.

Въ судъ земскій повѣту иваницкаго отъ вахмистра Андрея Горленка доношеніе. При селѣ Ярошовки, на общихъ наслѣдниxъ сѣнокоснихъ земляхъ, минувшаго сего 774 году лѣтного времени, общими-жъ того села дядей моихъ да господъ полковника і подкоморого і ихъ подданими укошенное сѣно безъ роздѣлу состоитъ; а притомъ какъ село Давидовка[1]), по учиненному между оними господами

---

[1]) Нынѣ Пирятинскаго уѣзда, полтавской губ.

дядями моими і мною заключенію, поставлена на двѣ части въ роздѣлъ господину подкоморому і мнѣ з братомъ по двадцять четире хати посполитскіе, а кто і кому именно не показано, но оставлено то посполитихъ давидовскихъ імненное раздѣленіе до персональнаго господина подкоморого со мною о состоянии всякого подданого усмотрения: іначежъ сѣну на три части, а давидовскихъ подданнихъ на двѣ, раздѣления произвесть неудобно, какъ не при битности шляхти з вознимъ; тѣмъ прошу суда земского, прежде опредѣленнимъ к роздѣлки комисарату а не другому кому повелѣть воспомянутое сѣно, при Ярошовки укошенное, и давидовскихъ подданихъ надлежащихъ с равно умѣрениемъ раздѣлить, і каждаго наслѣдника во владѣние увесть і о томъ суду земскому засвидѣтельствовать къ прекращению вовся споровъ і другихъ непокойствъ. Вахмистръ Андрей Горленко. 1774 году, ноября 7 дня.

Сообщ. В. Г.

Оригинальное вѣнчаніе (1766). Съ 1760 года поселился въ Кіевѣ на Подолѣ сербскаго гусарскаго полка премьеръ-маіоръ Гавріилъ Савичъ. Кромѣ казенной пенсіи 50 р. въ годъ, человѣкъ этотъ владѣлъ нѣкоторыми средствами, жилъ въ собственномъ *домѣ и имѣлъ нѣсколько человѣкъ крѣпостной* прислуги [1]). Уже на старости

[1]) Контрактъ этотъ цѣликомъ напечатанъ въ 10 вып. моихъ „Ист. матер. изъ архива Кіев. Губ. Пр.“ въ замѣткѣ „Сербскій маіоръ Савичъ—кіевскій обыватель“, въ которой изложено, между прочимъ, и возникшее изъ нарушенія сказаннаго контракта дѣло. Савичъ, какъ видно, былъ человѣкъ безпокойный и велъ не мало дѣлъ по разнымъ денежнымъ претензіямъ. Кромѣ изложенныхъ въ упомянутой замѣткѣ мнѣ встрѣтилось еще одно дѣло его, тянувшееся 9 лѣтъ безъ всякаго результата. Въ 1764 г. онъ далъ орловскому купцу Максиму Плотникову 54 рубля на покупку для него двухъ крѣпостныхъ мальчиковъ; затѣмъ другому купцу орловскому же Семену Уткину далъ въ займы подъ вексель 228 р. Противъ обоихъ купцовъ, не исполнившихъ своихъ обязательствъ, онъ и предъявилъ искъ; но такъ какъ орловскій магистратъ видимо потворствовалъ неисправности своихъ земляковъ, то Савичъ посылалъ въ Орелъ своего повѣреннаго полк. асаула Максима Леонтовича, который однако ни въ чемъ не успѣлъ, и Савичъ въ 1779 г. возбудилъ жалобу уже противъ орловскаго магистрата. Савичъ, какъ видно, давалъ деньги въ займы многимъ лицамъ. Такъ по его просьбѣ взыскивалъ магистратъ съ асессора Волкова по векселю, выданному на имя мѣщ. Тохая 110 р., въ 1789 г. уже по смерти Савича взыскивалось съ секретаря верх. земскаго суда Павла Хохули триста рублей, которые онъ долженъ былъ Савичу по векселю, доставшемуся по духовному завѣщанію Савича капитану Гускину. Савичъ умеръ въ 1789 году.

лѣтъ, будучи вдовымъ, онъ далъ протоіерею Бѣлявскому тысячу рублей и заключилъ съ нимъ любопытный договоръ о «дожитіи»: протоіерей обязывался содержать его у себя въ домѣ, довольствуя его самого и его прислугу всѣмъ необходимымъ. Въ числѣ этой послѣдней былъ человѣкъ крайне малаго роста Авраамъ, который и приглядѣлъ себѣ невѣсту, солдата Кошманова дочь Татьяну. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1766 года эта Татьяна, будучи уже замужемъ за Авраамомъ, подала въ губ. канцелярію доношеніе, въ которомъ заявляла, что де вѣнчалъ ее въ домѣ Савича отставной полковой священникъ Филипъ Требуховичъ, *«поставя по средѣ избы столъ и сдѣлавъ изъ вишневыхъ прутьевъ вѣнцы»*, и что затѣмъ отъ насилій Савича «и отъ немилостивыхъ его побоевъ она изъ дому его бѣжала къ отцу ея». Савичъ въ своемъ объясненіи, отрицая вполнѣ взводимую на него клевету, говорилъ, что сбѣжала Татьяна по подговору отца своего, потому, что онъ ее «за ея къ работѣ лѣность побилъ».

Губ. канцелярія разсудила, что доносу Татьяны «вѣрить не можно», но такъ какъ обвѣнчана она была необычнымъ образомъ съ «крѣпостнымъ человѣкомъ, которому по малому его росту совершенныхъ лѣтъ почесть сумнительно, повѣнчана въ избѣ», то о дѣйствительности самаго брака сужденіе предоставить духовной консисторіи. По разсмотрѣніи этой послѣдней, «оное бракосочетаніе явилось дѣйствительное», сами же Авраамъ и Татьяна заявили, что они желаютъ жить вмѣстѣ, только бы не во дворѣ Савича. Въ концѣ концовъ губ. канц., согласно волѣ помѣщика, рѣшила: «учиня ей Татьянѣ наказаніе при немъ Савичѣ батоги, отдать ему для житья ей съ мужемъ ея, и его Савича крѣпостнымъ человѣкомъ».

А. А.

Отъ императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ. Императорское общество исторіи и древностей россійскихъ открываетъ третій конкурсъ на соисканіе Высочайше утвержденной преміи имени Геннадія Өедоровича Карпова. Срокъ представленія сочиненій истекаетъ 1 ноября сего 1895 г. О результатѣ конкурса объявлено будетъ 24 апрѣля 1896 года.

Правила о порядкѣ присужденія преміи, утвержденныя г. Министромъ народнаго просвѣщенія, слѣдующія:

§ 1. Къ соисканію преміи имени Геннадія Ѳедоровича Карпова допускаются всѣ самостоятельныя изслѣдованія по русской исторіи, основанныя на первоисточникахъ.

§ 2. Въ случаѣ представленія нѣсколькихъ сочиненій одинаковаго достоинства предпочтеніе отдается тому изъ нихъ, которое относится къ изученію Малороссіи.

§ 3. Въ соисканіи преміи имѣють право участвовать и члены общества.

§ 4. Срокомъ доставленія сочиненій на соисканіе преміи полагается 1-ое ноября предшествующаго конкурсному года

§ 5. Сочиненія доставляются на имя императорскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ или же на имя его секретаря.

§ 6. На конкурсъ допускаются какъ печатныя такъ и рукописныя сочиненія на русскомъ языкѣ. Авторамъ ихъ предоставляется на волю выставлять на нихъ свое имя, или же скрывать его подъ девизомъ, помѣщеннымъ въ особомъ, приложенномъ съ рукописи, конвертѣ, равно какъ и на самой рукописи.

§ 7. Въ случаѣ присужденія преміи за сочиненіе, представленное въ рукописи, премія выдается автору не прежде, какъ по напечатаніи его сочиненія.

§ 8. Сочиненія, уже удостоенныя преміи какимъ-либо другимъ ученымъ учрежденіемъ, на соисканіе преміи имени Геннадія Ѳедоровича Карпова не допускаются.

§ 9. Премія выдается въ количествѣ 500 рублей и ни къ какомъ случаѣ не дробится.

§ 10. Право на полученіе ея принадлежитъ только авторамъ и ихъ наслѣдникамъ, но отнюдь не издателямъ награжденныхъ сочиненій.

§ 11. Въ началѣ ноября мѣсяца года, предшествующаго конкурсному, общество избираетъ изъ среды себя особую комиссію, въ составѣ 5 членовъ, по присужденію означенной преміи.

§ 12. Члены этой комиссіи не могутъ участвовать въ конкурсѣ.

§ 13. Комиссія для каждаго сочиненія избираетъ особаго рецензента или изъ своей среды, или же изъ членовъ общества; а въ случаѣ надобности приглашаетъ къ разсмотрѣнію сочиненій и постороннихъ ученыхъ.

§ 14. Рецензентамъ, не входящимъ въ составъ комиссіи, послѣдняя можетъ присуждать золотыя медали.

§ 15. Письменныя рецензіи на коркусныя сочиненія должны быть доставлены не позже 1-го апрѣля конкурснаго года.

§ 16. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ коммиссія имѣетъ сужденіе о присужденіи преміи. Постановленіе ея объявляется въ чрезвычайномъ засѣданіи общества, 24-го апрѣля, въ день кончины Геннадія Ѳедоровича Карпова.

§ 17. Въ случаѣ неприсужденія въ какомъ-либо году преміи, она присоединяется къ основному капиталу, изъ процентовъ съ котораго она составляется.

§ 18. Проценты, получаемые съ капитала, сверхъ 500 рублей, употребляются на вознагражденіе рецензентовъ золотыми медалями.

§ 19. О результатахъ каждаго присужденія общество печатаетъ подробный отчетъ, съ приложеніемъ рецензіи увѣнчаннаго преміею сочиненія.

Замѣтка По поводу помѣщенной въ октябрьской книгѣ «Кіевской Старины» рецензіи г. Титова, мы получили отъ г. Горленка слѣдующее разъясненіе:

«Въ рецензіи г. Титова на изданную мною брошюру «Записки Іоасафа Горленка» указано, что одно изъ писемъ, въ ней помѣщенныхъ, приписанное Іоасафу Горленку, принадлежитъ не ему, а Іоасафу Миткевичу, смѣнившему его на той же бѣлгородской епископской каѳедрѣ. Письмо это находится въ кіевскомъ церковно-археологическомъ музеѣ; не живя въ Кіевѣ, я попросилъ снять копію съ письма одного изъ своихъ знакомыхъ г. Ч-, самого же автографа не видалъ и не могъ сравнить съ почеркомъ Іоасафа Горленка, мнѣ хорошо извѣстнымъ. О существованіи письма узналъ я изъ «Извѣстій церковно-археологическаго общества при кіевской академіи» за 1877 годъ, составляемыхъ проф. Н. И. Петровымъ, гдѣ на страницѣ 27, въ перечнѣ вновь поступившихъ въ музей предметовъ, подъ буквою Д. сообщено о полученіи «отъ предсѣдателя кіевской археографической комиссіи тайнаго совѣтника М. В. Юзефовича *собственноручнаго письма бѣлгородскаго епископа Іоасафа Горленка*». Въ виду такого категорическаго заявленія, сдѣланнаго, какъ я думалъ, по сличеніи съ другими рукописями І. Горленка, я не могъ считать ничѣмъ инымъ, какъ ошибкою дату 1763 годъ, которой въ моей копіи помѣчено было письмо. Приведенные г. Титовымъ доводы не оставляютъ никакого сомнѣнія въ принадлежности письма Іоасафу Миткевичу, и ошибка г. Петрова, а затѣмъ и моя должна быть исправлена, по поговоркѣ древнихъ—«ne quid falsi audeat, ne quid veri non audeat historia».

БИБЛІОГРАФІЯ.

Кіево-Подольская Успенская соборная церковь. Историко-статистическое изслѣдованіе студента 4-го курса кіевской духовной академіи іеродіакона Антонина. Кіевъ. 1891. 8°. 112 стр. Съ 1 рис.

Кіево-Подольская церковь Николая Добраго. Историко-археологическій очеркъ. Студента кіевской духовной академіи Александра Георгіевскаго. Кіевъ. 1892. 8°. 175 стр *Съ двумя рис.*

Обѣ монографіи писаны на Евгеніе-Румянцевскую премію и обѣ составляютъ полезные своды всѣхъ извѣстныхъ уже свѣдѣній объ этихъ кіевскихъ церквахъ. О первой изъ этихъ церквей мѣстными учеными высказано предположеніе, что въ ней слѣдуетъ видѣть лѣтописную церковь св. Богородицы, «рекомой Пирогощи», (Чтен. въ Ист. Общ. Нестора лѣтоп., V, отд. 2-е, стр. 113 и слѣд.), начатой постройкою въ 1136 году и оконченной въ 1136 г. Авторъ настоящей монографіи подробно разсматриваетъ это мнѣніе и въ концѣ концовъ соглашается съ нимъ. Послѣдующая судьба Успенской Подольской церкви разсказана кратко (стр. 8—16), по недостатку историческаго матеріала. Авторъ полагаетъ, что «накопившійся вѣками историческій матеріалъ касательно сей церкви погибъ въ пламени, во время разоренія и пожара Подола при взятіи его «въ августѣ 1651 г. Радзивиломъ, но былъ ли дѣйствительно накопленъ этотъ матеріалъ—для этого никакихъ данныхъ у насъ нѣтъ... Приводя свѣдѣнія о священникахъ Успенской церкви, авторъ подробно говоритъ о знаменитомъ проповѣдникѣ Іоаннѣ Левандѣ, который священствовалъ при этой церкви 23 года (1763—786 г.). Въ Успенской церквѣ сохранились памятники лишь недавней старины, да и то въ самомъ незначительномъ количествѣ. Старѣйшая чаша церкви, напр., относится къ 1694 г., старѣйшее евангеліе—1693 г., московской пе-

чати. Между церковными книгами довольно интересенъ синодикъ, по его фигурнымъ украшеніямъ, относящійся впрочемъ только къ 1743 г.

Въ описаніи Добро-Николаевской церкви замѣчается большее количество архивнаго матеріала, а потому и исторія церкви разсказана подробнѣе. Первое извѣстіе объ этой церквѣ относится къ 1660 г., когда кіевскій полковникъ Дворецкій, укрѣпляя разные «пляцы» за церковью св. Николы Добраго, упомянулъ, что эту «церковь небожчикъ славной памяти Матфей Кушка, гетманъ войска запорожского, фундацію заложивши, побудовалъ». Существуетъ впрочемъ мнѣніе нѣкоторыхъ изыскателей кіевской старины, что Кушка былъ лишь возобновителемъ Добро-Николаевской церкви и что послѣдняя де «существовала гораздо раньше нашествія Батыя»; такое мнѣніе основывается на записанномъ въ старыхъ рукописяхъ «чудѣ св. Николая о половчинѣ, сотворшемся въ градѣ Кіевѣ», причемъ предполагается, что упоминаемая въ этомъ сказаніи церковь св. Николая и есть именно теперешняя церковь Николая Добраго. Отсюда видно, что мнѣніе о древности Доброниколаевской церкви основывается лишь на весьма шаткихъ догадкахъ. Исторія этой церкви съ XVII в. разсказана авторомъ очень подробно съ извѣстною долею даже и критики, безъ которой едва-ли и предстоитъ надобность въ подобныхъ описаніяхъ... Добро Николаевская церковь, какъ и Успенская, сохранила тоже мало памятниковъ старины. Старѣйшій крестъ этой церкви относится къ 1720 г., а старѣйшее евангеліе къ 1681 г. (тоже московской печати) Въ церковной б-кѣ книгъ старыхъ южнорусскихъ типографій имѣется всего три: Тріодь, 1640 г. и Евхологіонъ 1649 г.—кіевской печати и Тріодь 1646 г.—львовской печати. Но въ церковномъ архивѣ сохранилось нѣсколько актовъ, относящихся къ перв. полов. XVII в. описанныхъ къ сожалѣнію, безъ достаточныхъ подробностей и объясненій; слѣдовало бы упомянуть—которые изъ нихъ подлинники и затѣмъ привести отрывки изъ актовъ 1620—1631 г., упоминающихъ о «козакахъ войска запорожского»; слѣдовало бы также объяснить названіе церковныхъгрунтовъ»—куничными». Болѣе подробнымъ обслѣдованіемъ перечисленныхъ имъ актовъ XVII в., авторъ монографіи могъ бы внести и нѣкоторыя новыя подробности въ топографію Подола XVII в., такъ какъ сіи акты, повидимому заключаютъ въ себѣ таковыя.

Отдавая полную справедливость трудолюбію молодыхъ ученыхъ въ описаніи кіевскихъ церквей, мы находили бы болѣе полезнымъ

для мѣстной исторіи направить эти силы къ описанію кіевскихъ монастырей, и въ особенности Пустынниколаевскаго и Выдубицкаго, давно ожидающихъ своихъ историковъ. Особенно интересною должна быть исторія перваго изъ нихъ, если будущій историкъ трудолюбиво обслѣдуетъ и затѣмъ представитъ—повѣсть о земельныхъ богатствахъ Николаевскаго монастыря, который между прочимъ былъ однимъ изъ колонизаторовъ лѣвобережной Малороссіи. Матеріалы для описанія Николаевскаго монастыря сохранились, можно сказать, богатые: кромѣ значительнаго количества цѣнныхъ бумагъ этого монастыря, находящихся въ библіотекѣ мѣстной духовной академіи, въ монастырѣ имѣется, говорятъ, и свой еще архивъ... Такой же свой архивъ имѣетъ, какъ говорятъ, и Выдубицкій монастырь, но обстоятельной исторіи этотъ монастырь до сихъ поръ не имѣетъ...

А. Л.

Историческій очеркъ Милеевской св. Параскавіевской церкви въ связи съ обзоромъ окатоличенія и ополяченія Завепрянской Руси. Магистра священника Александра Будиловича. Варшава. 1890. 8°. 216 стр.

Настоящая книжка священника А. Будиловича, составляющая оттискъ изъ Х.-Варшавск. Епарх. Вѣстн. за 1889 г., заключаетъ въ себѣ между прочимъ историческій очеркъ мѣстности, расположенной между рѣчками Вепремъ и Быстрицею, въ Польшѣ, къ сѣверу отъ люблинскаго Красностава. Здѣсь жили и живутъ малороссы, какъ объ этомъ подробно говоритъ объяснительная записка къ этнографической картѣ царства польскаго Н. Галкина [1]). Въ нач. XVII в. русское населеніе этой мѣстности подверглось сильному давленію епископа Мефодія Терлецкаго, настойчиво обращавшаго народъ въ унію. Можетъ быть эти религіозныя притѣсненія и были одною изъ причинъ, что населеніе здѣшнихъ мѣстъ въ нач. XVII в. стало уходить—далеко на востокъ—на лѣвый берегъ Днѣпра, гдѣ новыя свои поселенія называло родными именами Красностава, Холма, Парчова,... [2]) Какъ обстоятельно составленный очеркъ фактической исторіи «Завепрянской Руси» книжка о. Будиловича заслуживаетъ полнаго вниманія и благодарности автору.

А. Л.

---

[1]) Записки Русск. Геогр. Общ. по отдѣленію Этнографіи, IV. (Спб. 1871.), стр. 160 и слѣд.

[2]) См. Опис. Ст. Малор., II, 149.

Charles Burnier. En. Russie. Sensations et paysages. Paris et Lausanne 1893 A. Lemerre et F. Payot editeurs.

Сборникъ стихотвореній Шарля Бюрнье—одна изъ многочисленныхъ теперь книгъ, вызванныхъ франко-русскимъ сближеніемъ. Настроеніе такихъ книгъ по отношенію къ Россіи обыкновенно самое благодушное, такъ какъ французскіе авторы не считаютъ возможнымъ говорить теперь что либо, что не было бы похвалой ихъ союзникамъ. Интересныя съ точки зрѣнія даннаго момента, такія книги имѣютъ, конечно, преходящее значеніе и не подлежатъ строгому разбору. Всѣми этими свойствами отличается и книга Бюрнье, выдѣляющаяся, какъ первый, кажется, опытъ цѣлаго тома стиховъ о Россіи.

Страну нашу французскій авторъ обозрѣваетъ случайнымъ туристомъ, какъ признается самъ, не зная ни нашего языка, ни нравовъ, ни законовъ. Онъ слѣдуетъ почти обычному маршруту путешественниковъ, начинаетъ Петербургомъ и кончаетъ южнымъ берегомъ, Крыма. Въ столицахъ онъ описываетъ «достопримѣчательности», историческія мѣста и нѣкоторыя случайно встрѣченныя сценки. Особый отдѣлъ посвященъ въ книгѣ, почему то, жидамъ. Южной Россіи кромѣ Крыма, касаются два отдѣла: «Кіевъ» и «Въ Степяхъ».

При такихъ данныхъ, наблюденія Бюрнье могутъ быть, конечно, только поверхностными, да и впечатлѣнія едвали могутъ быть безошибочными. Его занимаетъ все, какъ непохожая на западную жизнь новинка, и онъ спѣшитъ и читателя поразить сейчасъ этимъ мѣстнымъ колоритомъ:

On chauffe avec du bois la machine du train,
Une icône est placé dans la salle d'attente
Le samovar repand sa vapeur excitante,
On boit de la vodka pour aiguiser la faim... [1]).
(„La Frontiere").

Въ Петербургѣ авторъ описываетъ видъ города съ высоты Исакіевскаго собора, домикъ Петра Великаго, Неву, соборы Казанскій и Петропавловскій, смотръ казаковъ, катанья на тройкахъ, цыганъ. Въ томъ же родѣ и описаніе Москвы, причемъ, конечно, вспоминается двѣнадцатый годъ и походъ Наполеона въ Россію, столь плачевно кончившійся.

---

[1]) Локомотивъ топятъ дровами, въ станціонной залѣ на стѣнѣ—икона; самоваръ распространяетъ свой возбуждающій паръ, чтобъ обострить аппетитъ пьютъ водку. (Стих. „Граница").

Въ стихотвореніяхъ о Кіевѣ очень большая піеса посвящена богомольцамъ, религіозное усердіе которыхъ очень трогаетъ автора. Затѣмъ слѣдуютъ маленькіе наброски, озаглавленные: «Нищій», «Подолъ», «Днѣпръ», «Заходъ солнца», «Крестьянки» (продавщицы молока и ягодъ) и, какъ впечатлѣніе народнаго быта, который авторъ наблюдалъ на рынкахъ, улицахъ и на берегу Днѣпра, пьеса носящая заголовокъ, «Невинныя удовольствія». Она такъ курьезна, что должна быть приведена цѣликомъ.

Comme des ecureuils, ils grignotent les graines
Du tournesol volant, la mesure, un copec.
Ils crachent autour d'eux le noir tegument sec,
Mais l'amande a le gout douceatre et gras des faines.
Ils boivent lentement l'eau fraiche dont sont pleines
Des cruches a la panse arrondie, au long bec,
Ou nagent des quartiers de limons d'or avec
Un gros morceau de glace aux irizantes veines.
Ils se baignent tout nus sur les bords du Dnieper,
Se sechent au soleil, puis s'alignent de pair,
Pour someiller un peu, couchés la tete a l'ombre.
Braves gens, qui rester sans haines ni desirs,
Vous-vous faites ainsi la vie un peu moins sombre:
Adonnez-vous toujours aux innocents plaisirs! [1]).

Что это такое—наивность или злая иронія? Рѣшить довольно трудно, но несомнѣнно только, что, прочитавши эту піесу, отъ дальнѣйшаго разбора книги можно смѣло отказаться.

В Г.

Этнографическое обозрѣніе. Книги XV, XVI и XVII (1892 № 4, 1893 №№ 1 и 2).

Въ XV книгѣ «Этногр. Обозр.» помѣщено окончаніе замѣчательнаго изслѣдованія *Вл. Охримовича* «Значеніе малорусскихъ сва-

---

[1]) Какъ бѣлки, они грызутъ сѣмена подсолнечника, чашечка которыхъ стоитъ копѣйку. Они отплевываютъ вокругъ себя сухую, черную скорлупу, зерно же имѣетъ сладковатый и маслянистый вкусъ жолудя.—Они медленно пьютъ свѣжую воду, которой наполнены пузатые кувшины съ длинными горлышками, гдѣ плаваютъ куски золотистыхъ лимоновъ и большіе обломки льда съ радужными жилками.—Голые они купаются на берегахъ Днѣпра, обсушиваются на солнцѣ, потомъ вытягиваются одинъ за однимъ, чтобы подремать немного, улегшись головою въ тѣнь.—Добрые люди, живущіе безъ вражды и желаній, вы дѣлаете себѣ этимъ жизнь не такою мрачною: предавайтесь всегда невиннымъ удовольствіямъ!

дебныхъ обрядовъ и пѣсенъ въ исторіи развитія семьи». Здѣсь авторъ группируетъ остатки гетеризма, семьи кровосмѣсительной и пуналюанской и рода въ малорусскихъ свадебныхъ обрядахъ и пѣсняхъ, дополняя и разъясняя наблюденія, произведенныя надъ послѣдними, аналогіями, почерпнутыми изъ весеннихъ и купальныхъ игръ, изъ веснянокъ, колядокъ, обжинковыхъ и др. обрядовыхъ пѣсенъ, причемъ онъ не выходитъ за границы малорусскаго и бѣлорусскаго племенъ.

По своимъ задачамъ близка къ изслѣдованію г. Охримовича статья *М. В. Довнаръ-Запольскаго* «Бѣлорусская свадьба въ культурно-религіозныхъ пережиткахъ» (XVI и XVII кн.), но отличается отъ него въ методологическомъ отношеніи: тогда какъ первый группируетъ изучаемый имъ матеріалъ въ систематическомъ порядкѣ, второй предпочитаетъ объяснять свадебные обряды въ послѣдовательности ихъ исполненія, причемъ, наряду съ печатнымъ, пользуется и собраннымъ имъ самимъ, пока еще не изданнымъ, матеріаломъ; обряды бѣлорусской свадьбы онъ ставитъ въ связь съ параллельными фактами изъ ритуаловъ различныхъ индо-европейскихъ народовъ, но почему-то совершенно избѣгаетъ аналогій съ малорусскими свадебными обрядами.

Закончена печатаніемъ (въ XV книжкѣ) ст. *А. Ветухова* «Народныя колыбельныя пѣсни». Въ послѣдней главѣ своего труда авторъ рисуетъ самого творца пѣсни, насколько національныя черты его нашли для себя въ ней отраженіе. «Въ малороссійскихъ пѣсняхъ, говоритъ онъ,... семейное счастіе ставится выше личнаго, общественному же благосостоянію приносится въ жертву и то, и другое...» Мать желаетъ ребенку здоровья, хочетъ видѣть въ немъ утѣху и радость себѣ, но въ то же время старается развить въ немъ готовность служить и ближнимъ.... Служеніе дорогой родинѣ—основная черта малоросса,.... отразившаяся довольно ярко и въ колыбельныхъ пѣсняхъ.... Не менѣе ярко оттѣняются и другія качества, безъ которыхъ человѣкъ не можетъ достойно служить обществу и государству: религіозность, честность и правдивость.... Бодрость, веселость духа, какое-то мужество и твердость передъ опасностями и невзгодами почти всегда характеризуютъ малорусскую пѣсню, а вмѣстѣ съ нею и малорусскую женщину».

В. Ѳ. Миллеръ продолжаетъ печатать «Матеріалы для исторіи былинныхъ сюжетовъ» (кн. XV и XVII). Въ одномъ изъ своихъ «Экскурсовъ въ область русскаго народнаго эпоса» проф. Миллеръ разви-

валъ предположеніе, что въ битвѣ Добрыни со змѣемъ могли сохраниться отголоски исторической борьбы дяди Владиміра Добрыни съ новгородскимъ язычествомъ. Въ настоящей статьѣ онъ подтверждаетъ эту мысль сближеніемъ былиннаго повѣствованія съ мѣстнымъ новгородскимъ преданіемъ, связаннымъ съ Юрьевскимъ скитомъ, который въ народѣ слыветъ подъ именемъ Перюнскаго. Вторая глава въ статьѣ XV книжки посвящена конямъ князя Владиміра. Владиміръ представляется въ былинахъ обладателемъ и любителемъ хорошихъ коней. Фактическаго основанія для этого преданія авторъ ищетъ въ лѣтописномъ извѣстіи о мѣдныхъ коняхъ, привезенныхъ Владиміромъ изъ Корсуня. Слѣдующая глава трактуетъ о Данилѣ Ловчанинѣ. Авторъ пытается рѣшить вопросъ: откуда зашло въ былины имя Данилы, и съ этою цѣлью сближаетъ былину о Данилѣ Ловчанинѣ съ сказаніемъ о началѣ Москвы, при чемъ высказываетъ предположеніе, что народное преданіе объ убіеніи московскаго князя Даніила Александровича могло повліять на наименованіе Данилой Ловчаниномъ богатыря былины. Въ XVII книжкѣ авторъ помѣстилъ статью «Добрыня-сватъ». Повѣствованіе былинъ о сватовствѣ для Владиміра Опраксы Добрынею авторъ сближаетъ съ приведенными въ лѣтописи родовыми преданіями о полоцкихъ князьяхъ и сватовствѣ Владиміра, при посредствѣ Добрыни, къ дочери полоцкаго князя Рогволода.

П. И. также продолжаетъ печатать свои интересные матеріалы «Изъ области малорусскихъ народныхъ легендъ», сопровождая ихъ своими обстоятельными комментаріями, въ которыхъ сближаетъ ихъ съ апокрифами и др. произведеніями древней книжной литературы. Свой взглядъ на народное творчество авторъ формулируетъ въ послѣдней статьѣ (XVII кн. «Этн. Об.») въ рѣшительныхъ выраженіяхъ. «Можно смѣло утверждать, безъ боязни встрѣтить противорѣчіе—говоритъ онъ,—что въ наше время народное творчество не производитъ почти ничего новаго поэтическаго, что оно большею частію только перерабатываетъ или, точнѣе сказать, портитъ старыя книжныя сказанія.... По нашему мнѣнію, добавляетъ г. П. И., народное творчество и въ старину не было произведеніемъ представителей низшей массы народа, а выходило изъ высшихъ слоевъ его». Въ XVII книжкѣ журнала напечатаны имъ легенды о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ: всемирномъ потопѣ, Авраамѣ и Лотѣ, Іосифѣ Прекрасномъ, Моисеѣ и царѣ Давидѣ.

Н. Ѳ. Сумцовъ помѣстилъ въ XVI книжкѣ «Этн. Об.» изслѣдованіе, темой для котораго послужила весьма распространенная мало-

русская пѣсня о смерти козака, убитаго въ степи. Авторъ подыскиваетъ для нея параллели въ пѣсняхъ великорусскихъ, бѣлорусскихъ, польскихъ, сербскихъ, румынскихъ и даже англійскихъ и шотландскихъ.

Въ XVII кн. тому же автору принадлежитъ небольшая статья «Изъ сказаній о пчелахъ», гдѣ также, между прочимъ, привлеченъ къ сравнительному изученію малорусскій матеріалъ.

Статья извѣстнаго путешественника по Азіи *Г. Н. Потанина* «Персонажъ Наранъ-Гэрелъ (Лучъ солнца) въ степныхъ сказаніяхъ» (XV кн.) съ методологической стороны вызываетъ невольное недоумѣніе. Въ монгольскихъ преданіяхъ онъ ищетъ параллелей и для корсунскаго преданія о Гикіи, дочери Ламаха, и для лѣтописныхъ преданій о взятіи Корсуня, и для легендъ о св. Кириллѣ и о мощахъ папы Климента, но ни одна изъ нихъ не можетъ вызвать къ себѣ довѣрія, по той причинѣ, что основаніемъ для нихъ служитъ всегда какая нибудь одна черта, обыкновенно, весьма неопредѣленная, и взятая внѣ связи съ деталями разсказа. Въ доказательство приведемъ примѣръ: сравненіе извѣстнаго разсказа Константина Порфирородннаго о Гикіи съ монгольскими преданіями о спасеніи родины посредствомъ проституціи. На самомъ дѣлѣ, въ корсунскомъ преданіи никакой проституціи даже и нѣтъ, мы находимъ тамъ бракъ, заключенный по обоюдному согласію Ламаха съ царемъ босфорскимъ Асандромъ, при чемъ Гикія играла вполнѣ пассивную роль и, конечно, выходя замужъ за сына Асандра, совсѣмъ и не думала о спасеніи родины, которой тогда не угрожала явная опасность; опасность эта открылась для Гикіи случайно, и то лишь три года спустя послѣ выхода замужъ. Остальныя подробности корсунскаго преданія и могольскихъ не имѣютъ между собою рѣшительно никакого сходства. Или вотъ еще параллель разсказа о томъ, какъ та же самая Гикія притворилась мертвой, съ цѣлью испытать вѣрность херсонесцевъ своему слову (въ награду за ея патріотическій подвигъ они обѣщались похоронить ее въ чертѣ города), съ сказаніемъ саги о Гаральдѣ, который тоже притворяется мертвымъ, съ цѣлью взять непріятельскій городъ!.. Параллель преданія о взятіи Коростеня съ разсказомъ саги о взятіи Гаральдомъ-же города посредствомъ птицъ могла бы еще имѣть значеніе, если бы эти два преданія не стояли другъ противъ друга столь одиноко, какъ у г. Потанина, и если бы она не имѣла характера случайности.

Въ той же книжкѣ *М. К. Васильевъ* окончилъ печатаніе своихъ матеріаловъ, появившихся подъ заглавіемъ «Антропоморфическія представленія въ вѣрованіяхъ украинскаго народа». Въ настоящей книжкѣ матеріалъ распредѣленъ по слѣдующимъ рубрикамъ: Молнія, Вѣтеръ, Огонь, Колодецъ, Вода, Земля, св. Понедѣльникъ, Недѣля, Пятница, Мара, Доля, Злыдни.

Дополненіемъ къ матеріаламъ г. Васильева служитъ библіографическая статья *Н. Ѳ. Сумцова* о Долѣ и Недолѣ.

Г. *Васильеву* принадлежатъ также замѣтки «Къ легендамъ о голодѣ, холерѣ и войнѣ» (XV кн.) и «Народная пѣсня о смерти солдата (дополненіе къ ст. Сумцова) (XVII кн.).

В. П. Горленко напечаталъ (въ XV кн.) варіанты двухъ малорусскихъ думъ: «Азовскіе братья» и «Коновченко». Первая изъ нихъ была списана имъ съ записи извѣстнаго издателя думъ Лукашевича, послѣ смерти его утраченной, вторая записана г-мъ Горленко лично. Варіанты г. Горленко отличаются интересными подробностями.

Если мы упомянемъ еще о замѣткѣ *А. Малинки* «Преданіе о дрокѣ» (дрокъ—родъ овода), то содержаніе указанныхъ книжекъ «Этн. Обозр.» будетъ исчерпано.

Въ отдѣлѣ «Критики и библіографіи» помѣщено довольно много отзывовъ о книгахъ и періодическихъ изданіяхъ, имѣющихъ отношеніе къ югу Россіи. Отдѣлъ этотъ ведется въ «Этн. Обозрѣніи съ рѣдкой тщательностью.

В. Я.

Библіографическія замѣтки[1]

II. Русскій Архивъ 1893 г. №№ 1-10.

Въ статьяхъ г. Труворова (*№ 2*) „Обзоръ дѣятельности губернскихъ архивныхъ коммиссій за 1891 г.“ встрѣчаемъ упоминанія о работахъ таврической коммиссіи въ 4 выпускахъ, гдѣ помѣщенъ рядъ замѣтокъ и изслѣдованій по южнорусской исторіи. Статья В. П. Горленка „Миргородъ и Яновщина“ (*№ 3*)—путевыя впечатлѣнія и поэтическія размышленія; на стр. 303—304 передается небезъинтересная бесѣда автора съ лакеемъ Гоголя Якимомъ Нимченко. Обращаемъ вниманіе читателей на сводъ данныхъ объ изображеніи Украины француз-

[1]) См. „Кіев. Стар.“ 1893 г. № 10.

скими писателями, собранныхъ тѣмъ же г. Горленкомъ (№ *6*). Въ этой статейкѣ упоминаются Бопланъ, Вогюэ, Деруледъ, а также путешествія де-Лагарда, Тиссо, наконецъ поэтическія произведенія Гриценка. Конечно, съ живымъ интересомъ будетъ прочтена замѣтка М. К. въ № *7* „къ свѣдѣніямъ объ украино-славянскомъ обществѣ, его программа и правила". Напомнимъ, что объ этомъ любопытнѣйшемъ эпизодѣ въ исторіи нашей общественной мысли и правительственной дѣятельности самыя важныя свѣдѣнія помѣщены за 1892-й г. въ № 7. Въ запискахъ Мартоса о турецкой войнѣ 1806—1812 гг. есть упоминаніе о Мазепѣ и его могилѣ (№ *7* стр. 345). По поводу же двухъ частныхъ писемъ, касающихся Малороссіи 1654-го года и извлеченныхъ для № *4* архива яко бы изъ бумагъ О. М. Бодянскаго (содержаніе писемъ—опасенія малорусскаго духовенства и отрицательное отношеніе къ соединенію Малороссіи съ Московсимъ государствомъ),—мы должны замѣтить, что письма эти уже были напечатаны О. М. Бодянскимъ въ Чтеніяхъ Моск. Общ. Исторіи и Древ. за 1861 г. кн. III, отд. V, стр. 1—8 съ приложеніемъ польскихъ подлинниковъ, о чемъ слѣдовало бы издателю Архива, по крайней мѣрѣ, упомянуть.

III. „Русская Старина" 1893 го г. №№ 1—10.

„Русская Старина" перенесла въ прошломъ году значительное измѣненіе: вмѣсто умершаго редактора, М. И. Семевскаго во главѣ журнала стали два редактора—гг. Шильдеръ и Зыковъ. Журналъ, впрочемъ, не измѣнилъ своего характера, кромѣ, развѣ, какъ намъ показалось, увеличенія количества обработаннаго, а не сырого матеріала, преимущественно появлявшагося въ журналѣ за предыдущіе годы. При новой редакціи появился и новый отдѣлъ библіографіи—обозрѣніе историческихъ журналовъ.

Отмѣтимъ статьи, касающіяся юга. Въ №№ *5 и 9* помѣщена біографическая статья В. И. Срезневскаго о Вадимѣ В. Пассекѣ и его письма къ И. И. Срезневскому. В. Пассекъ родился въ Сибири (1868), прожилъ девять лѣтъ въ Москвѣ (1825—1834 гг.), гдѣ вращался въ кружкѣ А. Герцена. Въ 1834 г. стремился въ Харьковъ на профессорскую кафедру русской исторіи, но арестъ Герцена и Огарева закрылъ Пассеку доступъ въ университетъ. Три года, однако, Пассекъ провелъ на югѣ Россіи то въ Харьковѣ, то въ своей деревнѣ около Харькова. На югѣ Россіи, В. Пассекъ сталъ страстнымъ украинофиломъ. Около этого времени В. Пассекъ сблизился съ

И. Срезневскимъ, издававшимъ „Запорожскую Старину". Сходство настроеній и воззрѣній на исторію юга сблизило обоихъ. Пассекъ издаетъ въ слѣдующіе за 1834-мъ годы „Путевыя письма", „Города Харьковской губерніи съ картами, планами и гербами", „Курганы и городища въ харьковской губерніи", наконецъ „Очерки Россіи", главнымъ образомъ посвященные югу Россіи. Всѣхъ выпусковъ изданія было 5 (около 1000 стр., совмѣстно). Въ изданіи принималъ дѣятельное участіе и И. Срезневскій. Дальнѣйшее продолженіе задуманной Пассекомъ работы прекратилось: Пассекъ простудился и умеръ отъ скоротечной чахотки осенью 1842 года. Въ письмахъ къ И. И. Срезневскому видна постоянная заботливость В. Пассека о своихъ изданіяхъ, самая мелочная и тщательная; онъ пишетъ, напримѣръ, о корректурѣ изданія малорусскихъ пѣсенъ: „не надобно писать *що*, не могу его видѣть; вѣрнѣе *шо* или *што*" (№ 9, стр. 550). Любопытна характеристика Одессы (1827 г.) и ея космополитическаго характера сравнительно съ Харьковомъ, что заставляетъ Пассека воскликнуть: „хотѣлось бы видѣть (въ Одессѣ), хоть скверную, но національную рожу" (№ 9 стр. 552).

Въ *№ 6* помѣщены любопытныя воспоминанія І. Д. С. объ А. А. Котляревскомъ, какъ преподавателѣ спеціальныхъ классовъ (высшихъ) Московскаго Александровскаго сиротскаго корпуса. Авторъ въ живомъ и любопытномъ очеркѣ представляетъ намъ А. Котляревскаго тѣмъ-же отзывчивымъ, чуткимъ ко всему доброму идеалистомъ, какимъ онъ былъ и на профессорской кафедрѣ. и въ дружескомъ кругу, и за научной, и за литературной работой. А. Котляревскій руководилъ самостоятельными работами юношей по русскому языку въ тотъ періодъ времени, когда другими руководителями по русскому языку, исторіи, физикѣ, законовѣдѣнію, были такія лица, какъ Бестужевъ-Рюминъ, Ѳеоктистовъ, М. Н. Капустинъ, Любимовъ, Ешевскій и др. Но отношеніе учителя и учениковъ не ограничивались только классомъ. „Теплыя, дружескія отношенія—не прекращались и по выходѣ кадетъ изъ заведенія. Молодые офицеры, вчерашніе школьники, въ бытность въ Москвѣ—нѣтъ, нѣтъ, да и забѣгали къ Котляревскому, а лучшіе изъ учениковъ засиживались и по долгу; заходилъ и самъ онъ къ нимъ; съ довѣрчивостью относились эти юноши-офицеры къ немногимъ старшему ихъ преподавателю, съ полной откровенностью передавали ему такія интимныя подробности о своей личной жизни, о полковой обстановкѣ, о которыхъ не рѣшились бы иногда сказать своему родному отцу, и въ такихъ то случаяхъ нрав-

ственное вліяніе Котляревскаго сказывалось въ полной силѣ (стр. 626). Воспоминанія относятся къ 1858—1862 г. Заимствуемъ изъ статьи І. Д. С. описаніе важныхъ событій въ жизни А. К., относящихся къ 1862—63 гг., о которыхъ извѣстно очень мало. А. К. только что женился тогда и жилъ въ Москвѣ на Бронной. Я, говоритъ І. Д. С., передъ отъѣздомъ въ Петербургъ рѣшилъ навѣстить знакомыхъ московскихъ. „Ѣду въ Бронную къ Котляревскому—никого, не могу добиться толку... Увезли, уѣхалъ... Смутное предчувствіе чего то ужаснаго охватываетъ меня...“ Наконецъ дѣло выяснилось. Котляревскій арестованъ по дѣлу Кельсіева и отправленъ въ Петербургъ въ Петропавловскую крѣпость еще въ концѣ іюля (62-й г.). Впослѣдствіи я слышалъ отъ Екат. Сем. Котляревской, что за ея мужемъ, повидимому, слѣдили уже въ іюнѣ, и на дорогѣ изъ Петербурга въ Москву ихъ сопровождалъ сыщикъ—очень любезный и разговорчивый молодой человѣкъ, который обращался все къ Ал. Ал. К—му съ разными политическими и общественными разговорами А. А. отмалчивался до невѣжливости, такъ что Е. С. даже замѣтила: что же ты, Александръ, ничего не отвѣчаешь?... „Зубы болятъ“, проворчалъ на это А. А. Чуть ли не на другой день ихъ пріѣзда на дачу въ Братцово (2-я половина іюня) явились за К—скимъ жандармскій штабъ-офицеръ В—ковъ съ полицейскими чинами, съ понятыми и съ тѣмъ любезнымъ молодымъ человѣкомъ, который сопровождалъ Котляревскихъ изъ Петербурга. Въ Москвѣ на квартирѣ уже былъ сдѣланъ обыскъ; повидимому ничего подозрительнаго не было найдено. К—скаго повезли изъ Братцова къ оберъполиціймейстеру, откуда, впрочемъ, скоро отпустили домой. Но 21 іюля его уже арестовали вторично и 23 іюля съ товарнымъ поѣздомъ отправили въ Петербургъ. Ѣхали около трехъ дней. Молодая жена сопровождала его. Далѣе І. Д. С. разсказываетъ, что онъ, конечно, въ Петербургѣ „прежде всего отправился къ Е. С. Котляревской; видъ ошеломленной, разбитой, глубоко страдающей женщины поразилъ меня, а общее горе сблизило насъ такъ, какъ будто съ дѣтства мы были знакомы. Котляревскій оказался совершенно невиновнымъ, но тѣмъ не менѣе онъ просидѣлъ въ крѣпости около полугода и вышелъ оттуда разбитымъ нравственно и физически“ (стр. 629—630). Такое потрясеніе не прошло даромъ для А. К.: оно во многомъ способствовало въ послѣдствіи преждевременной его кончинѣ (1881-й г.).

Упомянемъ о рѣчи И. И. Срезневскаго надъ гробомъ Квитки и о письмѣ Срезневскаго къ Н. И. Костомарову по поводу празднованія 100-лѣтія со дня рожденія Квитки (1878-ой г. въ *№ 8*), а также о статьѣ В. Ѳ. Боцяновскаго—Волынское церковно-археологическое древлехранилище (*№ 10*). Въ *№ 11* встрѣчаемъ выдержки изъ писемъ принца Карла Нассау къ женѣ подъ заголовкомъ „Императрица Екатерина II въ Крыму въ 1787-мъ году. Письма взяты изъ сочиненія: „Un paladin au XVIII siècle.—Le prince Charles de Nassau Siegen d'après sa corresdondance original inédite de 1784 á 1789. Par le marquis d'Aragon. Paris 1893". Принцъ Нассау былъ посредникомъ при свиданіи короля Станислава и Екатерины; благодаря скоро установившимся хорошимъ отношеніямъ съ Потемкинымъ, принцу удалось достигнуть желаемаго—свиданія короля и императрицы. Письма разсказываютъ о путешествіи отъ Кіева до Канева и пребываніе Екатерины въ Крыму. Къ несчастью нѣтъ писемъ, касающихся наименѣе извѣстной части путешествія императрицы, отъ Канева до Крыма.

И.

Книги, касающіяся юга Россіи и вышедшія въ концѣ 1892 г. и въ началѣ 1893 г. (1 дек. 1892 г.— 1 окт. 1893 г.).

Адресъ-календарь одесскаго градоначальства на 1893 г. Од. 1892. in-16. LVIII+568 стр. ц. 60 к.

Акинфіевъ И. Я. Путешествіе по югу Россіи и Сѣверному Кавказу. Екатеринославъ. 1893. in-8. 67 стр. ц. 50 к.

Акты по дѣлу гор. Павловска съ именующими себя Павловскими старожилами о землѣ. Ч. II. Производство Харьков. Судеб. Палаты. Спб. 1893. in-8. VI+348 стр.

Акты, издаваемые виленскою археографич. коммиссіею. Т. XIX. Акты, относящіеся къ исторіи бывшей холмской епархіи. Вильна. 1892. in-4. CLXXVI+405 стр.

Акты, издаваемые виленскою коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Т. XX. Акты, касающіеся гор. Вильны. Вильна 1893. in-4. CCXX+668 стр.

Андреяновъ М. А. Полтавская битва (Чтеніе для солдатъ и народа). Изд. Педаг. Музея военно-учеб. зав. Спб. 1893. in 8. 18 стр.

Андріевскій А. А. Реляціи кіевскаго генералъ-губернатора за 1768 и. 1769 г. (Отискъ изъ VII кн. «Чтеній въ истор. общ. Нестора Лѣтописца»). К. 1892. in-8. 139 стр.

Андрусовъ Н. Геотектоника Керченскаго полуоствова. Съ геолог. картою и 2 табл. (Отд. отт. изъ XXI т. «Матер. для геологіи Россіи»). Спб. 1893. in-8. 271 стр.

Антоновичъ В. Б. Матеріалы по археологіи Россіи, изд. Имп. Археологич. Коммиссіею. № 11. Древности юго-зап. края. Роскопки въ странѣ древлянъ. Съ 7 план. и 47 политипажами. Спб. 1893. in-4. 78 стр. ц. 2 р.

Багалѣй Д. И. Къ исторіи ученій о бытѣ древнихъ славянъ (Крит. оцѣнка книги проф. Собѣстіанскаго «Ученіе о національныхъ особенностяхъ характера и юридич. быта древ. славянъ» въ Кіевѣ. К. 1892. in-8. 59 стр.

Безплатная лечебница для приходящихъ, учрежденная граф. С С. Игнатьевою. Отчетъ за 1892 г. К. 1893. in-8. 17 стр.

Березинская система и предполагаемый днѣпровско-двинскій путь. Отчетъ коммиссіи по изслѣдованію Зап. группы искусств. водныхъ системъ. Спб. 1893. in 8. 208+176 нен. стр. и 2 карты.

А. Л. Бертье Делагаръ. Матеріалы по археологіи Россіи, изд. Имп. археологическою комиссіею. №12. Древности южной Россіи. Раскопки Херсонеса. Съ 7 тнбл. и 2 политип. Спб. 1893. in-4. 64 стр. ц. 2 р.

Бершадскій С. А. О наслѣдованіи въ выморочныхъ имуществахъ по Литовскому праву. Спб. 1892. in-8. 94+2 стр.

Британъ М. И. Настольный литературно-экономическій календарь «Бессарабія» на 1893 г. съ справ. отд. и адресъ-календаремъ. Кишиневъ. 1892. in-8. 181+IV стр. ц. 50 к.

Броуновъ И. П. Труды приднѣпровской метеорологической сѣти. Т. I, вып. 4: Снѣжный покроъ въ бассейнѣ Днѣпра въ февр., март., апр. и маѣ 1893 г. К. 1893 г., 8 д., 26+1 стр. и 1 картина.

Тоже, вып. 6-й: Замерзаніе и вскрытіе водъ въ зиму 1892—93г. К. 1893 г., 8 д. 22 стр.+1 картина.

Бюллетень Одесской Земской управы. Сост. стат. бюро одес. земск. управы № 2 ноябрь и декабрь 1892. Од. 1893. in-8 23 стр.

Бѣлогрицъ-Котляревскій Н. свящ. Историческое обозрѣніе Комышанскаго (преобразованнаго въ двухклассное) сельскаго народнаго училища за время его 50-лѣтняго существованія. Съ 1843 по 1893 г. М. Комышна. 1893. in-8. XI+87+53 стр.

Васюта О. Мусій Крыныця, або правда крывду переважыть. Севастополь, 1893. in-16. 30 стр. ц. 10 к.

Василенко А. Найкращи Малорусськи писни. Екатеринославъ. in-16. 74 стр. ц. 40 к.

Великій князь Ярославъ I Великій. (Разсказы изъ рус. исторіи). Изд. 3. М. 1893. in-8. 52 стр. ц. 10 к.

Величковскій Алексѣй, свящ. Краткій историческій очеркъ распространенія христіанства въ Черниговской землѣ. Рѣчь, сказанная на торжественномъ актѣ черниговской гимназіи. 1892 г. октября 1-го. Черниговъ. 1892. in-8. 13 стр.

Велицынъ А. А. Нѣмцы въ Россіи. Очерки историческаго развитія и настоящаго положенія нѣмецкихъ колоній на югѣ и востокѣ Россіи. Изд. «Рус. Вѣстн.» Спб. 1893. in-8. 280+2 стр. ц. 1 р. 50 к.

Венгрженовскій Сергѣй. Авантюра XVI в. (эпизодъ изъ исторіи Молдав. княж.) (Отт. изъ ж. «Кіевск. Стар.»). К. 1893. in-8 56 стр.

Вериго А. А. проф. Изъ отчетовъ городской химической лабораторіи въ Одессѣ. Изд. одесск. гор. общ. управленія. Од. 1893. in-8. 7 стр.

Вержбицкій Т. І. Памятная книжка курской губ. на 1893 г. Изд. курск. стат. ком. Съ 7 видами Курска и 1 портр. Курскъ. in-8. 36+16+40+10+82+17+127+227+V стр. ц. 1 р. 30 к.

Вержболовичъ М. Исторія минской духовной семинаріи. Вып. I. Дореформенный періодъ. Минскъ. in-8. 187 стр.

Верещинскій Л. Рабочій шахтеръ въ Донецкомъ бассейнѣ. Очеркъ. Спб. in-8. 18 стр. ц. 50 к.

Викула П. Ѳ. свящ. По поводу столѣтія возсоединенія Подоліи съ Россіей. 1793. Прошедшее Подоліи. Изд. 2-е Каменецъ Подольскъ. 1893 in-16. 64 стр. ц. 10 к.

Витеръ. Народная казка. Хар. 1893. in-16. 24 стр.

Владимірскій Будановъ М. Ф. Крестьянское землевладѣніе въ Запад. Россіи до пол. XVI в. (отт. изъ VII кн. «Чтеній въ ист. общ. Нестора Лѣтописца»). К. 1892. in-8. 83 стр.

Волынскій народный календарь на 1893 годъ. (Годъ 5-й). Изд. Ѳ. Досинчука. Житоміръ. 1892. in 8. 98. стр. ц. 20 к.

Второе продолженіе каталога библіотеки Импер. Харьковскаго университета. Вып. 2-й. (V. Историческія науки. VI Филологія). Харьковъ. 1892. in 8. VIII+съ 765—1438 стр. столб.

Гаврышъ Ал. Закохана. Поэма. К. 1893. in-8. 16 стр. ц. 5 к.

Галя и Назаръ, или добро за зло. Повѣсть, заимствованная изъ соч. Т. Г. Шевченка. Изд. Губанова. М. 1893. in-16. 106 стр.

Георгіевскій Александръ. Кіево-Подольская церковь Николая Добраго. (Ист.-археол. очеркъ, писанный на Евгеніе-Румянц. премію). К. 1892. in-8. II+175 стр. ц. 1 р.

Николай Васильевичъ *Гоголь*, какъ учитель жизни. М.1893. in-16.72 стр.

Гоголь Н. В. Сочиненія. Изд. 11-е Ред. Н. С. Тихонравова. Съ 2 портр. Гоголя, 2 автогра, и 3 собственноруч. рис. 5 томовъ. Спб. 1893 in-8. XII+488+591+583+611+419 стр. ц. 6 р.

Гоголь Н. Тарасъ Бульба. Повѣсть. Иллюстрир. изд. Спб. 1893. in-8. 170 стр. ц. 30 к.

Гоголь Н, Старосвѣтскіе помѣщики. Перевелъ Атанасянцъ (отд. отт. изъ сб. „Араксъ"). Спб· 1893. in—8. 32 стр. (На армянскомъ яз.)

Горленко В. Изъ исторіи южно-русскаго общества начала XIX в. (Письма В. И. Чарныша, А. И. Чепы, В. Г. Полѣтики и замѣтки къ нимъ, съ портр. В. Г. Полетики). К. in -8. 36+14 стр.

Городское общественное управленіе въ 1893 г. Одесса. Изд. одесс. гор. общ. упр. Од. iń—8. VIII+81+9 стр. и 2 плана.

Григорій, архим. настоят. нѣжинск. Благовѣщенск. монастыря. Празднованіе 50-лѣтняго юбилея его. (Извл. изъ „Черн. Еп.Изв." 1892. in—8. 23 стр

Грушевскій М. Къ вопросу о Болоховѣ. (Отт. изъ VП кн. „Чтеній въ ист. общ. Нестора Лѣтописца") К. in—8. 9 стр.+1 карта.

Д—скій А. Система карательныхъ мѣръ въ Запорожьи. (Истор.-Юрид. очеркъ). Изд. ред. ж. „Кіев. Стар.". К. 1893. in—8. 66 стр.

Дабижа А. князь. Малороссійская обитель на Аѳонѣ. К. 1893. in—8. 7 стр.

Данилевичъ В. Е. Монетные клады, принадлежащіе Мюнцъ-Кабинету Университета св. Владиміра. II (отт. изъ „Унив. Изв." за 1893 г.) К. 1893. n—8. стр. 21—44.

270-е засѣданіе Имп. Одесскаго Общества исторіи и древностей 24 мая 1893 г. Од. in—8 17 стр.

267-е засѣданіе Имп. Одесскаго общества исторіи и древностей. Од. in—8. 8 стр.

Десятилѣтіе архипастырскаго служенія преосвященнѣйшаго Веніамина въ черниговской епархіи. (Извл. изъ „Черниг. Еп. Изв." 1892 г.). Черниговъ. 1892. in—8. 15 стр.

Десятилѣтіе народныхъ чтеній въ г. Одессѣ (1882—1892). Къ отчету одесск. славянскаго благотворительнаго общества свв. Кирилла и Меѳодія за 1892 г. Од. 1893. in—8. 22 стр.

Дмитріевъ В. Н. Осмотръ пещеръ во время поѣздки на Чатырдагъ 29 іюня 1892 г. (Съ прил. карты и 2 табл. метеоролог. наблюд.) (Изъ зап. крым. горн. клуба за 1893 г.) Од. 1893. in—8. 11 стр.

Довнаръ-Запольскій М. Мотивы свадебныхъ пѣсенъ пинчуковъ. Этногр. этюдъ. (Отт. изъ „Гродн. Губ. Вѣд."). Гродно. 1893. in—8. 69 стр.

Житецкій П. Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ. Изд. ред. ж. „Кіев. Стар." К. 1893. in—8. IV+249 стр. Ц. 2 р.

Житіе преп. Антонія печерскаго. Од. in—8. 19 стр.

Житіе преп. Арефы печерскаго. Спб. in—16. 8 стр.

Житіе преп. Θеодосія печерскаго. Од. in—8. 48 стр.

Журналъ совѣта братства св. Михаила, князя Черниговскаго отъ 26 марта (4 и 6 мая) 1892 г. (Извл. изъ Чернигов. Еп. Изв." 1892 г.) Черниговъ. 1892. in—8. 12 стр.

Запорожскій атаманъ Грицко Нечай. Изд. Т. Кузина. Спб. 1893. in—16. 95 стр.

Звѣревъ Ст. Памятная книжка Воронежской губ. на 1893 годъ. Изд. ворон. стат. ком. Воронежъ. 1893. in—8. VI+12+35+116+176+78 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Земско-медицинскій сборникъ. Вып. VI. (Губерніи: Бессарабская, Владимірская, Воронежская, Вятская, Новгородская, Олонецкая, Орловская, Полтавская, Рязанская, Самарская, и Тамбовская). Обработалъ Д. Н. Жбанковъ. (Общ. рус. врачей въ пам. Н. И. Порогова). М. 1893. in—8. 56+17+6+29+66+25+46+70+28+13+67+105+89+17+84+25 стр.

Зинченко Н. Мысъ Фіолентъ и Георгіевскій Монастырь въ Крыму (891—1891). По пов. 1000-лѣтія основанія монастыря. Изд. 2-е. Спб. in—8. 32 стр.

Златогорскій Н. Первый западно-русскій справочный календарь на простой 1893 годъ. Вильно. 1892. in—8. 72+54 стр. Ц. 25 к.

Значеніе этнографическаго изученія Гродненской губерніи (отт. изъ „Гродн. Губ. Вѣд."). Гродно. 1893. in—8. 11 стр.

Знойко Н. Историческій очеркъ Ришельевской гимназіи. (За періодъ времени съ 1881 по 1892 г.) Сост. по пор. педаг. сов. Од. 1893. in—8. 73 стр.

И. М. Ж. Князь Владиміръ Красное Солнышко. Повѣствованіе о томъ, какъ онъ княжилъ въ стольномъ градѣ Кіевѣ и крестилъ святую Русь. Изд. Морозова. М. 1893. in—16. 36 стр.

Ивинъ Ив. Илья Муромецъ, набольшій богатырь Кіевскій во времена св. кн. Владиміра. Сост. по лучшимъ русскимъ былинамъ, собр. Сахаровымъ, Рыбниковымъ и Кирѣевскимъ. М. 1893. in—16 102+II стр.

Jeż T. T. Ze wspomnień Odesskich. Варш. 1893. in—8. 55 стр.

Извлеченіе изъ протоколовъ Кіевской духовной академіи за 1890—1891 г. К. 1892. in—8. 383+45+58 стр.

Извѣковъ Н. свящ. Статистическое описаніе православныхъ приходовъ Литовской епархіи. Вильно. in—16. 161 стр.

Jilinsky, lieut.-gen. et schort sketch of the Work of canalization of Polesié (Marshes of Pinsk in Western Russia. Спб. 1893. in—8 11 стр.

Jilinsky lieut.-gen, A short szetch of the Work of irrigatión in the south of Russia accoplished by order of the Ministry of imperial Domains. Спб. 1893. in—8, 13 стр.

Инструкція для учащихъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ хорольскаго уѣзда. Полтава. 1893. in—8 89 стр.

Историко-юридическіе матеріалы, извлеченные изъ актовыхъ книгъ Витебской и Могилевской губ., хранящихся въ центральномъ архивѣ въ Витебскѣ, и изданные подъ ред. и. д. архиваріуса сего архива М. Веревкина. Вып. 23-й. Витебскъ. 1892. in—4. VIII+512+6 нен.+XXX стр. ц. 2 р.

Календарь Черниговской епархіи на 1893 г. (Годъ 3-й). Черниговъ. 1893. in—8. 393 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Календарь Черниговской губ. на 1893 г. Изд. Черниг. губ. стат. ком (Годъ 7-й). Черниговъ. 1892. in—8. 337+VI стр. Ц. 1 р.

Караманенко С. сан. врачъ. Азіатская холера въ одесскомъ уѣздѣ. 1892 г. (Изъ медиц. и санитар. отчета по одесск. уѣзду за 1892 г.) Од. 1893. in—8. 56 стр.

Карскій Е. Ф. Православныя святыни гор. Вильна. Спб. in--8. 44 стр.

Карскій Е. Ф. Къ вопросу о разработкѣ стараго западно-русскаго нарѣчія. Библіогр. очеркъ. Вильна. 1893. in—4. 48 стр.

Каталогъ библіотеки Импер. Одесскаго общества исторіи и древностей. Од. 1893. in—4. 81 стр.

Квитка Григорій (Основьяненко). Драматическія сочиненія. Изд. Іогансона. К. 1893. in—8. 246 стр. Ц. 35 к.

Кіевъ въ карманѣ. Путеводитель съ адресъ-календаремъ, историч. описаніемъ Кіева и анекдотами. Изд. С. Гомолинскаго. К. in—16. 107 стр.

Кіево-Печерская Гимназія. Отчетъ о состояніи гимназіи за семилѣтній періодъ ея существованія ($18^{85}/_{86}$—$18^{91}/_{92}$). Съ приложеніями. 1. К. 1892. in—8. XCVIII+156 стр.

Кіевскій всенародный календарь на 1894 г. Изд. Губанова. Съ картой жел. дор. К. in—8. 192 стр. Ц. 25 к.

· *Кіевскій* всеобщій календарь на 1894 годъ. Москва. Изд. Сытина, 8 л., 182 стр., Ц. 20 к.

Кипріановичъ Г. Жизнь Іосифа Сѣмашки, митрополита литовскаго и виленскаго и возсоединеніе зап.-русскихъ уніатовъ съ православною церковью въ 1839 г. Съ 3 портр. Вильно. in—8. IV+XIII+448 стр.

Клоссовскій А. Климатъ Одессы по наблюденіямъ метеорол. обсерваторіи Имп. Новор. университета Од. 1893. in—4. 71 стр. и 1 табл.

Кононенко М. С. Княгиня кобзарь. (Баллада). К. 1893. in—8 35 стр. Ц. 15 к.

Кость Лирнык. Писни Лирныка. Написавъ въ Полтави въ 1887-мъ року. Спб. 1892. in—8. 156 стр.

Котляревской И. П. Москаль-Чаривникъ. Малор. опера въ 1 дѣйств. Изд. 2-е Іогансона. К. 1892. in—64. 127 стр.

Коханскій В. Одесса и ея окрестности. Полный иллюстрированный путеводитель и справочная книга съ 4 планами, 4 картами, и 90 рис. (4 годъ изд.) Од. 1893. in—8. 360+228 стр. Ц. 40 к.

Краткая историческая записка Кіевскаго реальнаго училища (1873—1892 г.). Составлена для гигіенич. выставки въ С.-Петербургѣ. К. 1893. in—8. 31 стр.

Краткій отчетъ о состояніи Александровскаго Могилевскаго реальнаго училища за 1891—92 г. Могилевъ на Днѣпрѣ. 1893. in—8. 47 стр.

Краткое описаніе житія иже во святыхъ отца нашего Тихона, епископа воронежскаго. Съ изображеніемъ святителя и снимкомъ съ собственноруч. его письма. М. 1892. in—8. II+90 стр.

Круковскій В. Отчетъ о состояніи Черниговской гимназіи за 1891—92 уч. г. Черниговъ. 1892. in—8. 51 стр.

Крыжановскій Е. М. Собраніе сочиненій. 3 т. К. 1890. in—8. XLIX+652+981+784+XL стр.

Кудринскій Ѳ. Божій часъ. (Изъ недавн. прошлаго). Изд. ж. «Кіев. Ст.». К. 1892. in-8. 18 стр.

Кудринскій Ѳ. Замчисько. Разсказъ. (Отт. изъ «Кіев. Стар.»). К. 1893. in-8. 14 стр.

Кудринскій Ѳ. Ѳаддей Чацкій. Изд. ред. ж. «Кіев. Стар.». К. 1893. in-8. 27 стр.

Левицкій О. И. Старинныя воззрѣнія на самоубійство и отголосокъ ихъ въ народныхъ обычаяхъ южной Руси. К. 1982. in-8. 16 стр.

Левицкій О. И. Опись актовой книги Кіевскаго центральнаго архива № 2084. (Оффиціальное изданіе архива). К. 1892. in-8. 56 стр.

Леопардовъ Н. О началѣ Славяно-Руси со стороны историко-археологической. К. 1892. in-8. 33 стр.

Лилеевъ М. И. Новые матеріалы для исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубѣ XVII—XVIII вв. К. 1893. in-8. XXIII+278+V стр.

Липранди А. П. (*А. Волынецъ*) «Отторженная возвратихъ». Паденіе Польши и возсоединеніе Зап.-русскаго Края. Спб. 1893. in-8. 80 стр. Ц. 1 р.

Лозово-совастопольская жел. дорога. Статистика перевозовъ грузовъ, совершенныхъ по лозово-севастоп. ж. д. въ 1892 года, отправленіе, прибытіе и транзитъ. Спб. 1893. in-8. VIII+317 стр.

Лонгиновъ А. В. Князь Ѳедоръ Любартъ Ольгердовичъ и родственныя связи русскихъ князей съ угорскимъ домомъ. Вильно 1893. in-8. 54 стр.

Любавскій Матвѣй. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-русскаго государства ко времени изданія перваго литовскаго статута. Историч. очерки съ картою Литовско-русск. государства въ концѣ XV и нач. XVI вѣк. (Изъ «чтеній въ Имп. общ. ист. и др. Рос. при Моск. универ.). М. 1893. in-8. VIII+884+C+VI стр.

Лѣсковъ А. С. д-ръ. Санитарный отчетъ о ходѣ холерной эпидеміи 1892 года въ г. Кіевѣ. К. 1893. in-8. 35 стр.

Ляцкій З. А. Значеніе литовскаго языка въ вопросѣ о происхожденіи Руси. Сообщеніе IX археол. съѣзду. Поневѣжъ 1893. in-8. 46 стр.

Мир-скій К. П. Бабське військо. Пов изъ Малор. нар. быта. Од. 1893. in-16. 30 стр.

Миро-го К. П. Жиночи хытрощи. (Малорос. нар. повѣсть) Од. 1893. in-16. 29 стр.

Мир-ой К. П. Максымъ Лобода и его бида. (Малороссійська повисть зъ народнего побыту). Од. 1893. in-16. 30 стр.

Мазепа Иванъ гетманъ Малороссіи. Истор. разсказъ въ 2 частяхъ. Части 1 и 2. М. 1893. in-16. 71 стр.

Маріуцъ-Гринева М. Н. Отчетъ по ея женской практической школѣ сельскаго хозяйства и домоводства. Съ 31 марта по 1 ноября 1893 г. К. 1893. in-8. 7 стр.

Маркевичъ А. И. проф. Южная Русь при Екатеринѣ II. Од. 1893. in-8. 31 стр.

Марковичъ, Дмитрій. Замѣтки и воспоминанія объ Аѳанасіѣ Васильевичѣ Марковичѣ. Изд. ред. ж. «Кіев. Стар.». К. 1893. in-8. 28 стр.

Марковичъ Яковъ, генеральн. подскарбій. Дневникъ его. (1717—1767 г.). Изд. «Кіев. Стар.» подъ ред. Ал. Лазаревскаго. Ч. I (1717—1725). К. 1893. in-8. XVI+329 стр. Ц. 2 р.

Мельникъ К. Каталогъ коллекціи древностей А. Н. Поль въ Екатеринославѣ. Вып. I. К. 1893. in-8. V+217 стр. и XIV табл.

Мельниковъ Н. П. инж.-техн. Замѣтка къ исторіи стараго Перекопскаго канала. Съ прил. рис. канала. Од. 1893. in-8. 28 стр.

Миллеръ Д. П. Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій. Историч. разсказъ Изд. Харьк. общ. распр. въ народѣ грамотности. Хар. 1893. in-16. 46 стр.

Милорадовичъ графъ. Любечъ и его святыня. Черниговъ. 1892. in-8. 70 стр.

Милорадовичъ графъ. Чудотворная Любечская икона Божіей Матери въ Любечѣ. Съ тропаремъ, кондакомъ и молитвою. Изд. 3. М. in-16. 36 стр.

Милорадовичъ В. Рождественскія святки въ сѣверной части Лубенскаго уѣзда. Изд. Полтав. губ. стат. ком. Полтава. 1893. in-8. 24 стр.

Мирославскій К. П. Весели полтавци. Украинская комедія въ 3 дѣйств. съ пѣніемъ, хорами и танцами. Өд. 1893. in-8. 62 стр.

Мирославскій К. П. Замордованный Марко, або зъ мылымъ зустрилася тай одружылася. Малорос. оперетта въ 1 дии. Од. 1893. in-8. 30 стр.

Мирославскій К. П. Гайдамаки. Историч. картины временъ гайдамачества въ 4 дѣйствіяхъ, съ хорами и танцами. Од. 1893. in-16. 63 стр.

Мирославскій К. П. Козаче серце. Историч. картины въ 3 дѣйств. съ пѣніемъ, хорами и танцами. Од. 1893. in-16. 64 стр.

Мирославскій К. П. Гетманци. Историч. картины временъ Запорожья въ 4 дѣйств. съ пѣніемъ, хорами и танцами. Од. 1893. in-8. 62 стр.

Михаилъ, митрополитъ Кіевскій XII в 1131—1147 (отт. изъ «Кіев. Стар.»). К. 1892. in-8. 14 стр.

Михальчукъ К. Къ южно-русской діалектологіи. А. И. Соболевскій «Очеркъ русской діалектологіи. III Малорусское нарѣчіе». (Живая Старина, вып. VI 1892 г.). (Оттискъ изъ журнала „Кіев. Стар.“). Кіевъ 1893 г.; 8 д., 35 стр.

Михальчукъ К. Статистика въ области діалектологіи (А. А. Дикаревъ Воронежскій Этнографич. Сборникъ 1891 г.). (Отт. изъ ж. «Кіев. Стар.»). К. 1893. in-8. 20 стр.

Можайскій Иванъ. Святые мученики: князь Михаилъ Черниговскій и бояринъ его Өеодоръ. Стихотвореніе. Новгородъ. 1893 in-8. 11 стр. Ц. 10 к.

Мукиловъ Н. Народная школа въ Юго-Зап. Краѣ. (Ист.-статист. очеркъ). К. 1892. in-8. 60 стр. Ц. 50 к.

Надлеръ В. К. проф. Одесса въ первыя эпохи ея существованія. Од. 1893. in-8. 100 стр.

Надлеръ В. К. проф. Дюкъ де-Ришелье на Кавказѣ. Основаніе Новороссійска. Од. 1893. in-8. 16 стр.

Надлеръ В. К. пр. Къ изученію исторіи г. Одессы. Од. 1893. in-8. 11 стр.

Науменко В. Къ пятидесятилѣтію со дня кончины Г. Ф. Квитки-Основьяненка. I. Біографическій очеркъ. II. Квитка, какъ малорусскій писатель передъ судомъ критики. Съ портретами Г. Ө. Квитки. (Оттискъ изъ журнала «Кіевская Старина»). Кіевъ 1893 г., 8 д., 59 стр.

Недоборовскій Зосима. Мои воспоминанія. Изд. ред. ж. «Кіев. Стар.» К. 1893. in-8. 20 стр.

Neufeld A. Die Chortitzer Centralschule 1842—1892. Zum funfzigsten Jahrestag der Schule. Бердянскъ. 1893. in+8. 30 стр.

Никольскій Н. П. Мангупъ-Кале. (Съ прил. карты). (Изъ Зап. Крымск. горн. клуба за 1893 г). Од. 1893. in-8. 15 стр.

Новороссійскій календаръ на 1893 годъ, изд. Одес. город. общ. управленіемъ подъ ред. А. С. Бориневича. Т. 2. Отд. IV литературный. Од. 1893. in-8. 208 стр.

Новороссійскій календарь на 1893 годъ, изд. город. обществ. управленіемъ подъ ред. А. С. Бориневича. Од. 1892. in-8. 224+227+VII стр. Ц. 1 р.

Нѣсколько словъ, поученій и бесѣдъ по случаю празднованія 900-лѣтія учрежденія епископской каѳедры на Волыни. Изд. свящ. М. Н. Житоміръ. 1892. in 8. 168+II стр.

Обзоръ дѣятельности одесскаго отдѣленія Общества для распространенія просвѣщенія между евреями за 25 лѣтъ его существованія (1867—1892). Од. 1893. in-8. 27 стр.

Обзоръ. Одесскій календарь-альманахъ на 1893 г. Съ мѣстнымъ отдѣломъ и адресъ-календаремъ г. Одессы. Изд. подъ ред. Г. Каранта. Од. 1893. in-8. 120+72 стр.

Общество Донецкой каменно-угольной ж. д. Отчетъ по эксплоатаціи за 1892 г. М. 1893. in-4. 161+37. стр. и 34 приложенія. Приложеніе 16 вѣдомостей.

Общество Лозово-Севастопольской жел. дороги. Отчетъ по эксплоатаціи дороги за 1892 г. Спб. in 4 67½ печ. л.

Общественная дѣятельность женщины въ Одессѣ Изд. Одесскаго город. общ. управленія. Од 1893. in-. 15 стр.

Овсянико-Куликовскій Д. А. А. Потебня, какъ языковѣдъ-мыслитель (оттискъ изъ журнала «Кіевская Старина»). Кіевъ 1893 г., 8 д., 59 стр.

О выборѣ мѣста для санитарнаго средне учебнаго заведенія въ Крыму. («Крымскій горный клубъ»). («Изъ Запис. Крым. Горн. Клуба» за 1892 г.). Од. 1892. in 8. 13 стр.

Одесское городское обществ. управленіе. Городскія учрежденія по народному образованію. К. 1893. in-4, 76 табл., чертежей и снимковъ.

Одесскій юмористическій календаръ съ каррикатурами на 1893 г. Идз. Монъ-де-Пена и фонъ-Гинтова. Годъ 1-й. Од. 1892. in-8. 39 стр. Ц. 20 к.

О новодворской иконѣ Божіей Матери, главной святынѣ Каменскаго монастыря. (Извл. изъ „Черн. Еп. Изв." 1892 г.). Черниговъ 1892. in-8. 12 стр.

Оношко Г. И. Краткій физико-географическій очеркъ. Гродненской губ. Гродно 1893. in-8. 52 стр. и 1 карта.

Опись Конотопской сотни 1711 года Изд. А. Лазаревскій. Черниговъ. 1892. in-8. 30 стр.

Отчетъ нѣжинскаго братства «Божіей Матери всѣхъ скорбящихъ Радости» съ 24 окт. 1891 по 24 окт. 1892 г. Черн 1892. in.-8. 20 стр.

Отчетъ Кіевскаго Свято-Владимірскаго братства ревнителей православія за 28-й годъ существованія его съ 1 авг. 1891 по 1 авг. 1892 г. К. 1892. in-8. 14 стр.

Отчетъ о дѣятельности историко-филологическаго общества при Имп. Новороссійскомъ университетѣ за 1891—92 г. Одесса. in-8. 7 стр.

Отчетъ и протоколы физико математическаго общества при Имп. университетѣ св. Владиміра за 1892 г. (Отт. изъ «Унив. Изв.») К. 1893. in-62+16+7+5+8 стр.

Отчетъ первой одесской, городской безплатной народной читальни за 1892 г. Од. 1893. in-8. 20 стр. I планъ.

Отчетъ одесскаго общества изящныхъ искуствъ за 1892 г. Од. 1893 in-8. 23 стр.

Отчетъ Маріинской общины Россійскаго общества Краснаго Креста за 1892 г. К. 1893. in-8. 39+9+28+4+8+4 стр.

Отчетъ Кіевскаго отдѣленія Имп. русск. музыкальнаго общества и учрежденнаго при немъ Музыкальнаго училища, за 1891—92 г. К. 1893. in-8. 24 стр.

Отчетъ Кіевскаго общества поощренія художествъ, состоящаго подъ почетнымъ предсѣдательствомъ Е. И. В. Вел. Князя Владиміра Александровича Съ 15 ноября 1891 г. по 15 ноября 1892 г. К. 1893. in-8. 30 стр.

Отчетъ правленія одесскаго славянскаго общества имени свв. Кирилла и Меѳодія за 1892 г. Од. 1893. in-8. 63 стр.

Отчетъ о дѣятельности одесскаго мѣстнаго управленія россійскаго общества Краснаго Креста за 1892 г. Од. 1893. in-8. 96 стр.

Отчетъ Талмудъ-Торы гор. Бердичева. Съ 1 янв. 1892 по 1 янв. 1893. Бердичевъ. 1893. in 8. 47 стр. (На еврейск. яз.)

Отчетъ правленія евангелической больницы въ Одессѣ за 1892 г. Од. 1892. in-8. 30 стр.

Отчетъ о состояніи и дѣятельности Имп. Харьковскаго университета за 1891 годъ и рѣчь орд. проф. Ир. П. Скворцова. Хар. 1892. in-8 184 стр.

Отчетъ выборныхъ 17-му съѣзду горнопромышленниковъ юга Россіи съ 1 сент. 1891 по 1 сент. 1892. Хар. 1892. in-8. 31+45 стр.+7 абл.

Отчетъ о взаимномъ земскомъ страхованіи отъ огня по Харьковской губ. за 1891 г. Хар. 1892. in-8. 32 стр. и 7 табл.

Отчетъ уполномоченныхъ XVI съѣзда горнопромышленниковъ юга Россіи, представленный XVII съѣзду о результатахъ ходатайствъ о нуждахъ горной промышленности на югѣ Россіи. Хар. 1892. in-8. 52+129 стр.

Отчеты щигровскаго общества сельскаго хозяйства за 1891—92 г. Курскъ. 1892. in.-8. IV+61 стр.

Отчетъ Кіевскаго биржевого комитета за 1892 годъ. К. 1893. in 8. 42 стр

Отчетъ о состояніи Кіевской 4-й гимназіи за 1891—92 учебо. годъ К. 1893. in-8. 34 стр.

Отчетъ о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школа грамоты черниговской епархіи за 1890—91 учеб. годъ. (Извл. изъ «Черн. Епарх. Изв.» 1892 г.) Черниговъ. 1892 г. in-8. 90 стр.

Отчетъ о дѣятельности Луцкаго православнаго Крестовоздвиженскаго братства, за 1891—92 г. К. 1893. in-8. 33 стр.

Отчетъ о состояніи техническихъ классовъ при смѣлянскомъ заводскомъ училищѣ граф. Бобринскихъ за 1891—92 уч. г. К. 1892.in-8. 18 стр.

Отчетъ Кіевскаго техническаго желѣзно-дорожнаго училища за 1891—92 уч. г. К. 1893. in-8. 21 стр.

Отчетъ одесскаго комитета торговли и мануфактуръ,за 1892 г. Од. 1893. in-8. 193+36+6 стр.

Отчетъ одесской городской публичной библіотеки за 1892 г. Од. 1893. in-8. 23 стр.

Отчетъ Имп. одесскаго общества исторіи и древностей за 1892 г. Од. in-8. 52 стр.

Отчетъ о состояніи Немировской гимназіи за 1891—92 г. Немировъ. 1893. in-8. 63 стр.

Отчетъ одесскаго комитета правосл. миссіонерскаго общества за 1892 г. Од. 1893. in 8. 10 стр.

Отчетъ одесскаго фармацевтическаго общества за 1892 годъ. Од. 1893. in-8. 22 стр.

Отчетъ о дѣятельности одесскаго отдѣленія Имп. русскаго техническаго общества за 1892 г. Од. 1893. in-8. 84 стр.

Отчетъ еврейскаго одесскаго общественнаго училища „Ешиботъ“ за 1892 г. Од. 1893. in-8. 15+9 стр.

Отчетъ о состояніи Кіевской рисовальной школы за 1892 годъ. К. 1893. in-8. 16 стр.

Отчетъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа о состояніи учебныхъ заведеній округа за 1892 г. К. 1893. in-8. 45+122+24+52+14+14+14+79+41+10+11+12 стр.

Отчетъ попечительнаго совѣта одесскойаТалмудъ-Тары за 1892 г. Од. 1893. in-8. 43 стр.

Отчетъ Асѣевской низшей сельско-хозяйственной школы 2 разряда зміевскаго земства за 1891 годъ. Хар. 1892. in-8. 83 стр.

Отчетъ медицинскій и ветеринарный по Зміевскому уѣзду за 1891 г. Хар. 1892. in-8. 112 стр.

Отчетъ о дѣятельности Харьковскаго общества распространенія грамотности въ народѣ за 1891 г. Хар. 1892. in.-8 29 стр.

Отчеты о народныхъ чтеніяхъ въ Харьковѣ за 1891—92 учеб. годъ Хар· 1893 .in-8. 16 стр.

Отчетъ одесской лѣчебницы для приходящихъ за 1892 г. (58-й. годъ существованія) Од. 1893. in-8.13 стр.

Отчетъ одесскаго отдѣленія Имп. рус. музыкальнаго общества съ 1 сент. 1891 по 1 сент. 1892 г. Од. 1893. in-8· 46 стр.

П—въ А. Артистка малорусской труппы М. К. Зеньковецкая. Краткій біограф. очеркъ съ характеристикою ея дарованія въ отзывахъ лучшей театр. критики, фотограф. портретомъ и посвященными ей стихотвореніями. (По поводу 10-лѣтней дѣятельности). Од in-8. 12 стр. ц. 60 к.

Пазухинъ А. Егоръ Урванъ, атаманъ запорожскаго войска. Историч. повѣсть. М. 1893. Изд. Сытина и К°. in-16. 142 стр.

Памятная книжка для гг. членовъ одесскаго отдѣленія, посѣтившихъ Кіевъ въ маѣ 1893 г. (Кіевскоо отдѣленіе Имп. русскаго техническаго общества) К. 1893 in-8. 52 стр. плана.

Памятная книжка Виленской губ. на 1893 г. Изд. Вилен. губ. стат. комитета подъ ред. А. И. Шверубовича, Вильно. 1892. in-8. XII+56+436 +167 стр. ц. 1 р.

Памятная книжка Городненской дирекціи нар. училищъ оа 1892—93 г Изд. гродн. дир. нар. учил, Гродно. 1892. in-8. 66 стр.

Памятная книжка Кіевской губ. на 1893 г. Изд. Кіев, губ. стат. комитета К. 1893. in-8. 185+79+35 стр. ц. 1 р.

Памятная книжка Гродненской губ. на 1893 г. Изд. Гродн. губ. стат. Ком. подъ ред. А. Э. Штритеръ. Гродно. 1892. in-8. 30+XXXVI+297+ 46+77+60+25+35 стр. ц. 1 р.

Памятная книжка и адресъ календарь полтавской губ. на 1893 г. Сост. Д. А. Иваненко. Полтава 1893 in-8. 62+88+281+150+46 стр. ц. 1 р.

Памятная книжка Могилевской губ. Сост. могилев. губ. стат. комитетомъ. Могилевъ на Днѣпръ. 1893. in-8. VI+441+XXXIII стр ц. 1 р.

Петровъ Н. Новооткрытый Кіевскій проповѣдникъ второй половины XVII в. (Изъ ж. „Труды Кіев. дух· акад." 1892). К. in—8. 34 стр.

Петропавловскій И. Сильвестръ II, князь Святополкъ-Четвертинскій, еп. Могилевскій и состояніе при немъ православной церкви въ Могилевской епархіи (1704—1728) (отт. илъ „Могил. Еп. Вѣд.") Могилевъ на Днѣпрѣ. in—8. 100 стр.

Платоновъ Іоаннъ прот. Общій очеркъ судебъ Черниговской епархіи

Платоновъ Іоаннъ прот. Общій очеркъ судебъ Черниговской епархіи въ ея прошлой церковно-исторической жизни. Въ память 900-лѣтія черниговской каѳедры въ г. Черниговѣ. (993—1892). (Извл. изъ „Черн. Еп. Изв." 1892 г.). Черн. 1892. in—8 25 стр.

Платоновъ Іоанъ, прот. Блаженный святитель Θеодосій Углицкій, архіепископъ черниговскій и чудеса отъ мощей его. (Съ изображеніемъ святителя Θеодосія). Черниговъ. 1892. in—8. 116 стр.

Платоновъ Іоаннъ прот. Каменскій Свято-Успенскій женскій монастырь и его святыня. (Извл. изъ „Черн. Еп. Вѣд.“ 1892 и дополнено). Черн. 1892. in—8. 28 стр.

По Дону. Справочникъ для области войска донскаго. Изд. ред. газ. „Донская Рѣчь“. Новочеркасскъ. 1893. in 8. XVI+169 стр., рис., планъ и карта Ц. 60 к.

Покровскій Θ. В. Археологическія эскурсія по Виленской губ. Вильна. 1893. in-8. 50 стр.

Причины колебанія урожаевъ винограда на южномъ берегу Крыма. (Изъ «Зап. Имп. общ. сел. хоз. южн. Россіи»). Од. 1893. in-8. 17 стр.

Пролиски. Збирныхъ зъ виршивъ. Од. 1893. in-8. 32 стр.

Пташицкій С. Л. Къ вопросу объ изданіяхъ и комментаріяхъ Литовскаго Статута. Ист.-библ. справка. Спб. 1893. in-8. 78 стр.

Р. Л. Н. Порча украинскихъ народныхъ пѣсенъ. (Отт. изъ жур. «Кіев. Стар.»). К. 1893. in-8. 15 стр.

Разинъ А. Гетманъ Степанъ Остряница. Повѣсть изъ рус. ист. 1638. Спб. in-12. 108 стр. Ц. 15 к.

Рева И. М. Кіевскій крестьянинъ и его хозяйство. К. 1893. in-8. 62 стр. Ц. 50 к.

Rechenschafts-Bericht der Verwaltung der Evangelischen Hospitals in Odessa für 1892. Од. 1893. in-8. 28 стр.

Родинъ К. Г. Изслѣдованіе послѣ третичныхъ образованій въ Харьковскомъ уѣздѣ. Хар. 1892. in-8. 88 стр.

Рума Р. Матеріалы для изученія пьянства въ Черниговской губ. Черниговъ. 1892. in-8. 25 стр.

Русская классная библіотека изд. подъ ред. А. Н. Чудинова. Пособіе при изученіи рус. литературы. Вып. XIII. Былины. (Былины про старшихъ богатырей, былины Кіевскаго и Новгородскаго цикла. Духовные стихи. Историческія пѣсни. 8 объяснител. статей). Изд. И. Глазунова. Спб. 1893. in-8. IV+173 стр.

Русская классная библіотека, изд. подъ ред. А. Н. Чудинова. Пособіе при изученіи рус. литер. Вып. XII лѣтопись Нестора со включеніемъ поученія Владиміра Мономаха. Спб. 1893. in-8. III+198 стр. Ц. 50 к.

Рубинштейнъ С. Ф. Къ вопросу о выморочномъ правѣ въ губерніяхъ Сѣверо-Западнаго края. (Отт. изъ «Вилен. Вѣстн.» за 1893 годъ). Вильно 1893. in-8. 32 стр.

Рѣчь и отчетъ, читанные въ торжественномъ собраніи Кіев. дух академіи 26 сент. 1892. г. К. 1892. in-8. 167+52 стр.

Рябошапка П. Т. Розбыта бандура. К. 1893. in-8. 193+IV стр.

Сапуновъ А. Рѣка Западная Двина. Истор.-географ. обзоръ. Съ картами планами и рисунками. Витебскъ. 1893.- in-8· 508+LXIX стр. ц. 4 р.

Сарычъ Мих. Братскій привѣтъ братьямъ и сестрамъ карпато-руссамъ, живущимъ въ придѣлахъ Карпатскихъ горъ и въ Америкѣ—изъ столицы православнаго Русскаго Царя. Спб. in-32. 88 стр.

Сборникъ обязательныхъ для городскихъ жителей постановленій, дѣйствующихъ въ одесскомъ градоначальствѣ и правахъ, изд. городскою управою. Изд. одес. город. общ. управленія. Од. 1893. in-12. 191 стр.

Сборникъ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, извлеченныхъ изъ архивъ М—ва Нар. Просвѣщенія Т. I. Учебныя заведенія въ Зап. губерніяхъ до учрежленія виленскаго учебнаго округа 1783—1803 г. изд. М—ва Нар. Просв. Спб. in-8. LX+896+142 стр. столб.

Сборникъ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ г. Кіевѣ въ частныхъ рукахъ. Серія 2-я. Вып. II. К. 1893. in-4. 33 стр.+X том.

Святловскій Е. В. Смертность въ Черниговской губ. по волостямъ Изд. ред. „Земск. Сборн. Черн. губ.“ Черниговъ. 1893. in-8. 18 стр. и 1 картограмма.

Святой Михаилъ, вел. князь Кіево-Черниговскій и бояринъ его Ѳеодоръ Изд. общ. распр. полез. книгъ. М. in-16. 16 стр.

Севастополь въ 1855—1856 г. 25 фототипическихъ снимковъ съ рѣдкаго фотографическаго альбома. Изд. П. Харитоненко и Н. Голубовъ. М. in-2. 2 стр.+25 табл.

Сергій епископъ. Вступительное чтеніе въ пользу голодающихъ въ ю.-в. Россіи и братства св. Михаила, кн. черниговскаго. Затѣмъ чтеніе о святыхъ и святыняхъ и панихиды объ архипастыряхъ черниговскихъ. (Извл. изъ „Черн. Еп. Изв.“ 1892 г.) Черн. 1892 in-8, 19 стр.

Сергій епископъ Св. благов. князья и страстотерпцы Борисъ и Глѣбъ. Изд. Братства св. Михаила кн. Черниговскаго. (Извл. изъ „Черн. Еп. Изв.“ 1892 г.) Черн. 1892. in-8. 19 стр.

Сикорскій И. А. праф. Психопатическая эпидемія 1892 г. въ Кіевской губ. (Од. изъ „Унив. изв.“ за 1893 г.) К. 1893. in-8. 46 стр.

Систетатическій католоґъ библіотеки книгъ Кіевской дух. академіи. Т. I. Богословіе, Вып. 2. К. 1892. in-8. 436 стр.

Славинъ Николай. Іоаннъ Максимовичъ, митрополитъ тобольскій, бывшій архіепископъ черниговскій. Изд. братства св. Михаила, кн. черниговскаго. Черн. 1892. in-8.16 стр.

Слюсаревъ Д. Церкви и монастыри, построенные въ Кіевѣ князьями, начиная съ сыновей Ярослава до прекращенія кіевскаго великокняженія. (Пи-

сано на Евгеніе-Румянц. премію), (Изъ Эп. „Труды Кіев. дух. ак." за 1892 г.) К. 1892. in-8. 103 стр. ц. 75 к.

Соколовъ И. Георгіевскій Балаклавскій монастырь въ Крыму (Съ 4 рис.) Спб. in-8. 16 стр.

Соловьевъ I. свящ. О. протоіерей I. Г. Наумовичъ. Очеркъ духовно-просвѣтительной дѣятельности. Съ портр. М. 1893. in-8. 45 стр.

Спилка И. Правдыве оповидання. Хар. 1893. in-16. 24 стр.

Списокъ населенныхъ мѣстъ Черниговской губ., имѣющихъ не менѣе 10 жителей по даннымъ за 1892 г. Изд. Черн. губ. стат. ком. Черниговъ. 1892. in-8. 94 стр. ц. 50 к.

Справочная книжка на время контрактовъ для лицъ пріѣзжающихъ и живущихъ въ Кіевѣ на 1893 г. (II-й годъ изд.) К. 1893. in-16. 40+4 стр. ц. 20 к.

Срезневскій Вс. Украинскій альманахъ. К. 1893 in 8. 14 стр.

Статистика Россійской имперіи. Изд. Центр. стат. ком. М. В. Д. Спб. 1893. in-4.

Вып. XLVI Харьковская губ. 15+19 стр.

Вып XLVII. Херсонская губ. 15+13 стр.

Стебницкій А. И. Статистическіе очерки пчеловодства Волынской губ. Черниговъ. 1892. in-8. 44 стр. ц. 30 к.

Степаненко Н. Н. Хата и другіе разсказы. Ромны. 1893. in-16. 87 стр.

Столѣтіе возсоединенія Подольской губ. съ Россіей. Съ краткой исторіей Подоліи въ вопросахъ и отвѣтахъ. (Приложеніе къ календарю). Каменецъ-Под. i1892. in-16 115 стр.

Сумцовъ Н. Ѳ. Легенда о грѣшной матери. (Отт. изъ ж. „Кіев. Стар.") К. 1893. in-8. 14 стр.

Сумцовъ Н. Ѳ. Г. Ѳ. Квитка, какъ этнографъ (По пов. 50-лѣтія со дня кончины его) (Отт. изъ ж. „Кіев. Стар.") К. in-8. 25 стр.

Сумцовъ Н. Ѳ. Современная малорусская этнографія. Часть 1-я (съ портр. А. А. Пашебни.) Изд. ред. ж. Кіев. Стар." К. 1893. in-8. IV+ 168 стр.

Сѣверскій Я. Г. Памятники древне-русскаго законодательства. Русская Правда. Судныя грамоты. Судебники. Съ предвар. замѣчаніями и краткимъ словаремъ. Спб. 1893. in-8. 128 стр. ц. 1 р.

Сѣверо-Западный календарь на 1893 г. Изд. подъ ред. А. И. Слупскаго. Минскъ. 1892. in-8. 88+35 стр.

Тарновскій В. В. Каталогъ предметовъ малорусской старины и рѣдкостей коллекціи его Вып. I. Шевченко. К. 1893. in-8. 34 стр.

Тиховскій Ю. Такъ называемая „Краткая Кіевская лѣтопись (Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина"). Кіевъ 1893 г. 8 д. 11 стр.

Труды коммиссіи по описанію имѣній, состоящей при Кіевскомъ обществѣ сельскаго хозяйства и сел. хозяйств. промышленности. Вып. I. К. 1893. in-8. V+231 стр. и 3 плана.

Тутковскій П. Кіевскій мамонтъ. Чтеніе для народа. Изд. кіевск. коммис. народн. чтеній. Кіевъ 1893 г. 8 д., 13 стр.

Указатель главнѣйшихъ торговыхъ и промышленныхъ фирмъ г. Одессы на 1893 г. Од. in-8. 48 стр.

Учеб. библіотека, Поученіе дѣтямъ Владиміра Мономаха къ Олегу, поученій Ксенофонта,нѣкоего отца, св. Василія Вел. и матеріаловъ для характеристики Мономаха.. Ред. и прим. В. А. Воскресенскаго. Спб. 1893. in-8. XIV+49 стр. ц. 25 к.

Фаусекъ В. А. Ялта и ея ближайшія окрестности. (Справоч. книжка). Ялта. 1893. in-8. 161 стр.

Харьковскій календарь на 1893 годъ. (годъ XXI). Въ 2 книгахъ. Съ прил. карты харьк. губ. Изд. харьк. губ. стат. комитета. Харьковъ. 1893 in-8. XXIV+426+48+V+210 стр.

Харьковскій студенческій сборникъ. Хар. 1893. in-8. 397 стр. ц. 2.

Хойновскій І. А. Раскопки Великокняжескаго двора древняго града Кіева, произведенныя весною 1892 г. Археол.-историч. изслѣдованіе, иллюстрир. 156 рис. К. 1893 in-4. 78+IV стр. и XXIX табл. рис. ц. 4 р.

Чайковскій Ф. С. Пожары въ Черниговской губ. по даннымъ за десятилѣтіе 1880—89 гг. Черниговъ. 1892. in-8. 17 стр.

Чечоттъ В. А. Двадцатилѣтіе кіевской русской оперы (1867—1892). К. 1893. in-16. 55 стр.

Чарнушенко Васыль. Квиточка. Лубны. 1892. in-16. 44 стр. ц. 10 к.

Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора Лѣтописца. Кн. 7-я. Изд. подъ ред. М. Ф. Владимірскаго-Буданова и Н. П. Дашкевича. К. 1893. in 8 VI+40+253+211+52 стр. Ц. 3 р.

Шаховской М. Л. Князь. 1892 годъ. Харьковская губ. въ сельскохозяйственномъ отношеніи. (Приложеніе къ отчету земскаго отдѣла харьков. губ. зем. упр.) Харьк. 1892. in—8. 140 стр.+7 картъ.

Шашинъ А. Поѣздка въ херсонскую губ. и бесѣды съ сектантами зап. происхожденія. М. in—8. 56 стр.

Шведовъ Өедоръ. Первое пятилѣтіе общества попеченія о больныхъ дѣтяхъ гор. Одессы. 1887—1892. Од. 1893. in—8. 44 стр.

Шевченко Тарасъ. Наймычка. Поэма. Хар. in—16. 31 стр.

Шенрокъ В. И. Матеріалы для біографіи В. Н. Гоголя Т. 2-ой. М. М. 1893. in—8. XII+403 стр. Ц. 2 р.

Шереметевъ Сергій гр. На Днѣпрѣ. Спб. 1893. in—8. 12 стр.

Шляпошниковъ М. докторъ. Медицинскій путеводитель г. Харькова на 1893 годъ. Хар. 1893. in—8. 26 стр. Ц. 10 к.

Шостаковскій И. Бурсакъ. Жарти въ 1 д-іи, зъ спивамы. К. in—64. 63 стр.

Шперлингъ О. Г. врачъ. Сколько населенія въ г. Бердичевѣ? (Дѣтская смертность. Потребность въ учрежденіи пріюта. Бердичевъ. 1893 г. in—16. 6 стр. Ц. 15 к.

Щербицкій О. В. Судьбы православія и русской народности въ быв. литовскомъ государствѣ и въ частности въ г. Вильнѣ. Вильно. 1892. in—8. 26 стр.

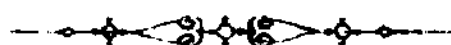
Эварницкій Д. И. Исторія села Фалѣевки—Садовой, херсонской губ. и уѣзда. Изд. Н. Н. Кометадіуса. Спб. 1892. in—8 VI+99 стр. и приложенія.

Ярошевскій С. О. Выходцы изъ Межеполя. Ром. въ 3 част. Спб. 1893. in—8. 328 стр.

Ясинскій М. Н. Обзоръ послѣднихъ изданій виленской археографической коммиссіи. (Акты, изд. вил. арх. ком. Т. т. XI—XVII. Вил. 1880—1891). (Отт. изъ VII кн. «Чтеній въ ист. обществѣ Нестора лѣтописца») К 1893. in—8. 38 стр.

Ястребовъ В. Малорусскія прозвиша херсонской губ. Этнограф. очеркъ Од. 1893. in—8. 17 стр.

Ялта. Изъ воспоминаній о дѣятельности В. А. Рыбицкаго. Съ 1869—no 1893 г. Изд. Ц. Вержиковскаго. Ялта. 1893. in—8. 26 стр. Ц. 30 к.



на обыкновенной бумагѣ и 20 коп. для экземпляра на лучшей бумагѣ. На послѣдующую половину изданія допускается разсрочка на такихъ же условіяхъ.

Частныя лица, пользуясь разсрочкой, получаютъ или 1) ежемѣсячно по 5 вып. съ наложеннымъ платежемъ въ 1 руб. 50 к. для экземпл. на обыкновенной бумагѣ и въ 2 руб. для экземпл. на лучшей бумагѣ и на расходы по пересылкѣ, или 2) каждые 2 или 3 мѣсяца—по переплетенному тому съ наложеннымъ платежемъ въ 4 руб. 50 коп. для экземпл. на обыкновенной бумагѣ и въ 6 руб. для экземпл. на лучшей бумагѣ и на расходы по пересылкѣ.

3—3.

---

1) Сообщеніе справокъ о резолюціяхъ Кассаціонныхъ Департаментовъ и Общаго Собранія Правительств. Сената производится въ „Юр ич Газетѣ“ въ отдѣлѣ „Почтоваго ящика“ и при томъ не болѣе 4-хъ разъ въ теченіе года. Лица или учрежденія, желающія получать по дѣламъ Кассаціонныхъ Департаментовъ Сената справки по почтѣ, прилагаютъ два рубля за каждую справку по каждому отдѣльному дѣлу, а желающія получить ее по телеграфу, прилагаютъ еще и стоимость телеграммы.

2) Всякія иныя справки и порученія должны быть оплачиваемы по взаимному соглашенію съ редакціей.

3) Разрѣшеніе юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимся имущественныхъ и личныхъ интересовъ, сообщеніе совѣтовъ и т. п. производится письменно по почтѣ, на условіяхъ особаго соглашенія съ редакціею.

4) Лица и учрежденія, обращающіяся къ намъ за справками, обязаны сообщить: а) бандероль, за которою получаютъ „Юридическую Газету“; б) когда и кѣмъ поданы прошеніе или жалоба; в) на рѣшеніе какого присутственнаго мѣста или должностнаго лица, и г) когда и какимъ присутственнымъ мѣстомъ или должностнымъ лицомъ прошеніе или жалоба отправлены въ сенатъ или другое правительственное учрежденіе.

5) Редакція „Юридической Газеты“ также принимаетъ на себя и указаніе повѣренныхъ для веденія дѣлъ.

Подписка на «Юридическую Газету» съ приложеніемъ въ 1893 году продолжается. 3—3.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО Казанскаго Университета.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 1894 ГОДЪ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей, сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при Университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные

Ученыя Записки выходятъ періодически шесть разъ въ годъ книжками въ размѣрѣ не менѣе 15 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать въ редакціи по 1 руб. 50 коп. Подписка принимается въ Правленіи Университета.

Редакторъ **Ѳ. Мищенко.**

Печатается по опредѣленію Совѣта Императорскаго Казанскаго Университета. 3—3.

Объ изданіи въ 1894 году

ЖУРНАЛА

ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (за исключеніе вакантныхъ іюля и августа) въ количествѣ 10 книгъ въ годъ, отъ 15 до 20 листовъ, подъ редакціею В. М. Володимірова, при ближайшемъ участіи въ редакціи отдѣла гражданскаго права К. П. Змирлова.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки . . 8 р.	съ пересылкой въ другіе города 9 р.
съ доставкой въ С.-Петербрргѣ 8 р. 50 к.	за границей . . . . 12 р.

отдѣльно книга журнала 2 р.

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того, РѢШЕНІЯ КАССАЦІОННЫХЪ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ СЕНАТА, платятъ за журналъ и за рѣшенія съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой въ другіе города 13 р.

Листы рѣшеній кассаціонныхъ департаментовъ сената разсылаются немедленно по выходѣ изъ сенатской типографіи, за время съ 1-го января по 13-е декабря подписнаго года.

Лица, несостоящія въ числѣ подписчиковъ на журналъ, могутъ подписываться въ редакціи отдѣльно на кассаціонныя рѣшенія по 4 руб. съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ иные города.

Допускается разсрочка подписной платы въ слѣдующіе сроки: въ январѣ 5 руб. съ кассац. рѣш. 8 руб. и въ іюнѣ остальная, до подписной цѣны, сумма **Гг. дѣйствительные члены с-петербургскаго юридическаго общества** пользуются правомъ подписки на журналъ за половинную цѣну т. е. 4 р. 50 к. а съ кас. рѣш. 8 р. 50 к. Тоже право представляется студентамъ университетовъ и вообще учащимся и кандидадамъ на судебныя и военно-судебныя должности, удостовѣрившимъ свое званіе.

Отвѣтственный Редакторъ *Д. А. Торопов*ъ.

почившій. 4) Прот. Іоаннъ Сергіевъ (Кронштадскій). Писатели: 5) Пушкинъ. 6) Лермонтовъ. 7) Гоголь. 8) Тургеневъ. 9) Достоевскій. 10) Графъ Л. Толстой и 11, Композиторъ Глинка.

Цѣна бюста изъ металла, на выборъ, для подписчиковъ три руб. (безъ доставки).

Адресъ главной конторы: СПБ., Невскій пр., у Аничкова моста, д. 63—40.

Подробное объяленіе высылается по требованію безплатно.

1—3.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ.

VII-й годъ изданія.

„СѢВЕРЪ"

еженедѣльный литературно-художественный журналъ

Подписчики „СѢВЕРА" въ 1894 году получатъ:

52 №№ прекрасно иллюстрированнаго журнала въ 56—64 столбцовъ каждый сброшюрованныхъ въ изящную цвѣтную обложку.

12 №№ отдѣльныхъ иллюстрированныхъ „Парижскихъ модъ", составленныхъ по лучшимъ моднымъ парижскимъ журналамъ.

12 отдѣльныхъ выкроекъ: изъ нихъ 6 вырѣзныхъ въ натуральную величину и 6 на отдѣльныхъ листахъ.

ежемѣсячное безплатное приложеніе къ журналу

*„БИБЛІОТЕКА СѢВЕРА"

12 томовъ сочиненій извѣстнѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ писателей и путешественниковъ.

Въ настоящемъ году въ „БИБЛІОТЕКѢ СѢВЕРА" будутъ напечатаны: изъ пріобрѣтеннаго редакціей въ собственность, полнаго собранія сочиненій

Н. Д. АХШАРУМОВА.

Чужое имя романъ *Мандаринъ*, романъ || *Концы въ воду* повѣсть *Ночное*, раасказъ.

Смерть Слепцова кавказская быль.

СОЧИНЕНІЯ:

баснописца И. А. КРЫЛОВА съ художественными иллюстраціями.

Е. А. БАРАТЫНСКАГО. Стихотворенія.

В. Н. ГОЛОВИНА. кругосвѣтное путешестіе. подъ редакціей профес. Э. Ю. Цетри.

МЕЛЬМО-СКИТАЛЕЦЪ. романъ Матюреня.

Остальныя сочиненія Н. Д. Ахшарумова будутъ помѣщены въ библіотекѣ „СѢВЕРА" 1895 г. Такимъ образомъ подписчики „СѢВЕРА" получатъ это полное цѣнное литературное приложеніе безплатно.

Другое безплатное приложеніе Популярная Библіотека Прикладныхъ Знаній.

1. Томъ: Русскій Сельскій Хозяинъ. Популярное изложеніе организаціи новаго непреустройства стараго хозяйства въ Россіи (съ приложеніемъ 7-ми нигдѣ не напечатанныхъ писемъ о сельскомъ хозяйствѣ А. Н. Энгельгарда) Соч. С. Ѳ. Шарапова.

того,—природа есть вмѣстѣ занимательнѣйшая наставница, интереснѣйшая книга, способная увлечь собою всякаго человѣка. Вотъ почему, задавшись цѣлью создать общедоступный журналъ для семейнаго чтенія, равно интересный для всѣхъ и каждаго, мы и избрали предметомъ для него какъ вообще природу, такъ въ особенности міръ существъ разумныхъ.

Блестящій успѣхъ нашего журнала, большое количество подписчиковъ за истекшіе четыре года указываютъ намъ, насколько назрѣла потребность въ такомъ журналѣ, какъ „Природа и Люди".

Въ настоящемъ году журналъ „Природа и люди" сохранитъ прежнюю программу и направленіе, завоевавшіе себѣ симпатіи читающей публики, т. е. по прежнему, наряду съ занимательными романами, повѣстями и разсказами, будетъ помѣщать на своихъ страницахъ и массу статей по разнымъ отраслямъ науки и практической жизни.

Въ 1894 подписномъ году журналъ „Природа и Люди" дастъ своимъ подписчикамъ:

52 еженедѣльныхъ номера. Каждый № въ размѣрѣ 2 листовъ большого формата (16 страницъ плотной печати) заключаетъ въ себѣ 6—8 статей, не считая мелкихъ, и 6—10 художественныхъ рисунковъ. Такимъ образомъ по истеченіи года составится большой изящный томъ, содержащій болѣе 800 стран. и украшенный до 500 рисунковъ.

12 книгъ литературныхъ приложеній. Книги будутъ выходить ежемѣсячно въ размѣрѣ отъ 120 до 160 страницъ каждая, на хорошей глазированной бумагѣ, съ иллюстраціями. Въ нихъ будутъ помѣщены избранныя сочиненія популярно-научнаго или практическаго характера. Въ отдѣльной продажѣ стоимость этихъ книгъ въ нѣсколько разъ превышаетъ подписную цѣну на журналъ „Природа и Люди", такъ что только при большомъ количествѣ подписчиковъ издатель имѣетъ возможность дать

безплатно

столь цѣнное приложеніе, которое будетъ выходить подъ общимъ названіемъ:

Полезная библіотека.

1) Астрономія въ вопросахъ и отвѣтахъ.—Г. Паркиля. Перев. А. Лякидэ, подъ редакціею проф. С. Глазенапа.

2) Научныя развлеченія—д-ра В. Буринскаго.

3) Подъ водою—Л. Фигье. Перев. подъ редакціею и съ дополненіями П. Лебедева.

4) Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ—проф. Ф. Эсмарка. Перев. подъ ред. д-ра С. Груздева.

5) Первые обитатели Москвы—большой разсказъ изъ жизни первобытнаго человѣка. Г. Полозова.

6) Самоучитель фотографіи—Ф. Дилайе. Перев. подъ редакц. Е. Буринскаго.

7) Рыболовъ-любитель—Ѳ. Пескова.

8) Пять внѣшнихъ чувствъ—Л. Фигье. Перев. подъ ред. д-ра Ю. Малиса.

9) Электричество въ домашнемъ быту—В. Тюрина.

10) Жизнь земли (Популярная геологія)—проф. Ф. Пуше.

11) Домашній обиходъ (Сборникъ полезныхъ совѣтовъ и рецептовъ по всѣмъ отраслямъ хозяйства—Ф. Груздева.

12) Чудеса гипнотизма—д-ра Ю. Малиса.

Въ №№ журнала въ наступающемъ году будутъ напечатаны: „Храмъ науки"—большой романъ изъ университетской жизни І. Ясинскаго; „Новая жизнь"—боль

въ 1870 г., она употребитъ всѣ усилія къ тому, чтобы журналъ не только не утратилъ своего прежн. интереса, но. напрот., оживился бы еще болѣе и давалъ бы какъ можно менѣе сыраго матер. и какъ можно болѣе матер. литературно разработанн. Смѣемъ думать, что наши подписч. не могутъ упрекнуть, что мы не сдержали своего обѣщ. Не трогая драгоцѣн. и общирнаго архива, собран. покойн. издател. „Русской Старины" и пріобрѣтен. редакц. благодаря благосклон. содѣйствія, многихъ достойн. лицъ намъ удалось дать въ течен. года не мало интересн. статей-котор. составили солидный вкладъ въ отечеств. историч. литературу. Мы тѣмъ смѣлѣе можемъ надѣяться на дальнѣйшее улучшен. журнала, что въ теченіе одного года мы пріобрѣли много цѣнныхъ произвед. воспомин, и общирн. запис. разныхъ лицъ, за весьма долгій періодъ времени. Съ нѣкотор. изъ этихъ произвед. наши читат. имѣли уже случай познакомиться; къ числу ихъ принадл., между проч., Зап. А. И. Михайловскаго-Данилевскаго. Восп. В. А. Панаева, Зап. М. Я. Ольшевскаго начатыя въ этомъ г.

Въ теченіе 1894 г. будутъ печататься, между прочими, слѣдующія произвед: Записки В. А. Инсарскаго.—Автобіог. архимандр. Фотія.—За полстолѣтія, мемуары докт. А. И. Ильинскаго,—Записки П. Н. Глѣбова.—Записки С. Н, Глинки.—Изъ записокъ принца Евгенія Виртембергскаго.—Воспоминанія А. А. Харитонова.—Изъ прошлаго А. И. Ильинскаго,—Записки А. Т. Болотова.

Такія важныя пріобрѣт. въ теченіе одного года новыхъ историческ. вполнѣ обработан. матеріал., устанавл. связь редакціи съ интеллигентн. обществ. лицъ, интересующ. отечеств. исторіею, даютъ намъ надежду, что и впредь редак. въ состояніи будетъ удовлетв. любознат. лицъ, интересующ. историч. событіями въ разныя эпохи русской жизни. Въ 1893 г. редакція начала новый отдѣлъ „Обозрѣніе историческ. журналовъ." Давая краткое содерж. помѣщающихся въ нихъ статей, ред. „Русской Старины" имѣетъ полную возможн. знакомить и на будущ. время своихъ читател. съ цѣннымъ историч. матеріал., разбросаннымъ по разнымъ изданіямъ. Так. образомъ программа издан, на 1894 г. будетъ слѣдующая: 1) Семейн. хроники.—2) Записки и воспомин.—3) Историч. изслѣдованія.—4) Очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ.—5) Жизнеопис. и матеріалы къ біограф. достопамятн. рус. дѣятелей: людей государств., ученыхъ, военныхъ писателей духовн. и свѣтск.. артис. и художник.—6) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ.—7) Перепл. замѣчательн. лицъ, автобіогр., замѣтки и дневники.—8) Историч разск. и преданія.—9) Челобитн. и разные документы, рисующіе бытъ русск. общества прошл. временъ.—10) Мемуары и разск. иностран., насколько они касаются Россіи и ея исторі .—11) Отзывы о содерж. историч. статей, помѣщаем. какъ въ разн. періодич. историч изданіяхъ, такъ и въ общихъ литературн.—12) Народная словесность.—13) Архивн документы.—14) Родословія.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками.—Журналъ выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Иногородные подписчики адресуютъ свои требованія и высылаютъ деньги непосредственно въ главную контору редакціи журнала „Русская Старина" СПБ., Фонтанка. 145. Кромѣ того подписка принимается въ Москвѣ, Варшавѣ, Харьковѣ, Казани, Кіевѣ, Одессѣ и другихъ провинціальныхъ городахъ при главныхъ книжныхъ магазинахъ.

За своевременную и аккуратную доставку журнала редакція принимаетъ на себя полную отвѣтственность только въ томъ случаѣ, если подписка сдѣлана чрезъ

редакцію журнала „Русская Старина": С.-Петербургъ, Фонт., 145 Можно получить въ редакціи журналъ „Русская Старина" за 1870, 76, 77, 78, 79, 80 и 81 гг. по 8 р. за годъ, т. е. за 12 книгъ и за 1884, 85, 86, 88, 89, 90, 91, 92 и 93 гг. по 9 р. за годъ, т. е. за 12 книгъ.

гимназій. Проф. В. И. Модестова; 19) Пенсіонное обезпеченіе народныхъ учителей. А. М. Тютрюмова; 20) Состояніе народнаго образованія въ селахъ Европейской Россіи. А. Н. Страннолюбскаго; 21) Краткій очеркъ начальнаго народнагоо бразованія въ Орловской губ. С. А. Бобровскаго; 22) Народное образованіе въ Херсонской губ. И. П. Бѣлоконскаго; 23) Воскресныя школы въ Ставрополѣ-Кавказскомъ. Я. В. Абрамова; 24) О предметахъ преподаванія въ начальныхъ школахъ. А И. Анастасіева; 25) Объ учебномъ курсѣ народныхъ училищъ. К. С. И.; 26) Ближайшія задачи Спб. Комитета грамотности въ дѣлѣ распространенія сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній въ народной средѣ. А. М. Калмыковой; 27) Система мѣръ распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній въ средѣ народа. Евг. Д. Максимова; 28) Начальное обученіе письменному изложенію мыслей (Дидактическіе совѣты учителямъ народныхъ школъ) А. И. Анастасіева; 29) Геометрія въ городскихъ училищахъ, В. А. Латышева; 30) О преподаваніи алгебры въ гимназіяхъ. Его-же; 31) Авторитетное слово въ области методики математики. С. И. Шохоръ-Троцкаго, 32) Бесѣды о преподаваніи географіи. А. Ѳ. Соколова; 33) О церковно-славянскомъ языкѣ. А. И. Тарнавскаго; 34) О мѣрахъ къ поднятію уровня сочиненій абитуріентовъ. А. А Дмитревскаго; 35) Желательная постановка экстемпоральныхъ работъ по древнимъ языкамъ. Его-же; 36) Конспектъ девяти весеннихъ ботанико-зоологическихъ экскурсій въ окрестностяхъ С.-Петербурга. Проф. Д. Н. Кайгородова.

Кромѣ того въ „Русской Школѣ" за 1893 годъ заключается цѣлый рядъ критическихъ статей и рецензій слѣдующихъ постоянныхъ сотрудниковъ „Русской Школы": А. И. Анастасіева, З. Б. Вулиха, К. А. Иванова, П. Г. Мижуева, В А Мякотини, Е. Н. Соловьева, Н. В. Тулупова и многихъ другихъ (всего болѣе 80 рецензій); обзоръ нѣсколькихъ иностранныхъ педагогическихъ журналовъ, а также цѣлый рядъ статей по хроникѣ народнаго образованія. Я В. Абрамова. Отчеты о засѣданіяхъ Спб. и Московскаго комитетовъ грамотности; отчеты о засѣданіяхъ общепедагогическаго отдѣла Педагогическаго музея; цѣлый рядъ замѣтокъ по статистикѣ народнаго образованія въ Западной Европѣ и въ Россіи и т. п.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками не менѣе восьми печатныхъ листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки шесть рублей, съ доставкой 6 р. 50 коп., для иногороднихъ семь рублей, съ пересылкой за границу девять рублей.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (Лиговка, гимназія Гуревича) и въ главныхъ отдѣленіяхъ конторы въ книжныхъ магазинахъ Карбасникова и „Новаго Времени" и А. М. Калмыковой.

Редакторъ-издатель *Я. Г. Гуревичъ.*

1—3.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ

НА

Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

Годовое изданіе состоитъ изъ четырехъ (каждая отъ 35 до 40 и болѣе печатныхъ листовъ) книжелъ выходящихъ въ неопредѣленные сроки. Въ Чтеніяхъ помѣщаются какъ изслѣдованія, такъ и матеріалы по различнымъ вопросамъ русской

за годъ съ пересылкою. В. Чтеніе за 1879—1883 гг. по 4 р. за экземпляръ съ пересылкою.

Епарх. Вѣдомости за 1880, 1881 и 1882 г. г. (въ сброшюрованомъ видѣ) по 3 руб. 50 коп. а за 1883, 1884, 1885 и 1886 г. по 4 р. за экземпляръ съ пересылкою.

„Труды Кіевской Духовной Академіи" продаются *по уменьшенной цѣнѣ*: 1860—1866, 1868 гг. по 3 р.; за 1869—1873 гг. по 4 р.; за 1874—1878 гг. по 5 р. съ пересылкою, за 1879—1882 гг. по 6 р., за 1883—1893 гг. по 7 р. съ пересылкою. **Экземпляры "Трудовъ„ за 1884 г. всѣ распроданы**

Мѣсячныя книжки „Трудовъ" 1860—1873 гг. отдѣльно продаются по 65 коп., съ пересылкою 80 коп.; 1874—1894 гг. по 1 руб.

ОБЪ ИЗДАНІИ
УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ
въ 1894 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.
2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.
3. Свѣдѣнія о преподователяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.
4. Обозрѣнія преподованія по полугодіямъ.
5. Програмы, конспекты, и библіографическіе указатели для учащихся.
6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.
7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учубной, административной и хозяйственной части Университета.
8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.
9. Годичные отчеты по Университету.
10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.
11. Разборы диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п.. а также и самыя диссертаціи.
12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.
13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.
14. Ученые труды преподавателей и учащихся.
15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части—1)—оффиціальную и протоколѣ, отчеты и т. п. 2)—неоффиціальную (статьи научнаго содержанія),

съ отдѣлами критико-библіографическимъ. посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной, и научной хроники, заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ. и т. п. свѣдѣнія, Въ прибавленіяхъ печатаются матеріалы, указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п,

---

Университетскія Извѣстія въ 1894 году будутъ выходить въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ Извѣстій безъ пересылки шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ, а съ пересылкой семь рублей, Въ случаѣ выхода приложеній (больсочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики Извѣстій, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за готовое изданi Университетскихъ Извѣстій 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ тробованіями своими къ коммиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургѣ. на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Редакторъ *В. Иконниковъ.* 1—3

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсроча: при подпискѣ—4 руя., 1 Мая—2 руб., и 1 Іюля—руб., а для служащихъ въ административныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ разсрочка допускается ежемѣсячными взносами по 1 руб. въ первые восемь мѣсяцевъ въ году (1 Янтаря по 1 Августа включительно)

Подписка для иногороднихъ принимается въ главной конторѣ редакціи Трехсвятительская ул., № 16 (у церкви Андрея Первозваннаго).

Подписавшіеся на 1894 годъ получать всѣ номера газеты, вышедшіе въ текущемъ 1893 году.

Издатели: *І. П. Мануковъ и М. Е. Краинскій.*
Редакторъ *М. Е. Краинскій.*

1—3

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XLIII, 1893 Октябрь, Нобрякь и Декабрь.

Четвер. 21. Принесенъ зъ С.П.Бурху именний печатний, указъ за собственною рукою его величества, составленний 8-го сентевр., въ якомъ виражено, чтобъ никакихъ указовъ и писемъ, которіе бъ партикулярно о какихъ нибудь дѣлехъ писани были отъ князя Меншикова и другихъ, неслухать и по онихъ исполненія никакого не производить подъ опасеніемъ его величества гнѣва. Получилъ я отъ Горки, архиерея Великоустюжского, листовъ 2 и тестаментъ, въ якомъ и мнѣ 100 р. отдать приказалъ. Приговорилъ минѣстръ стать брегадиру въ нашемъ дому, котораго упросилемъ, чтобъ ясневелможной квартера зде была, а не брегадиру. Демянъ, Алексѣй, Андрушко и кучеръ пріехали зъ Астраханѣ и привезли дѣвочку калмичку, давно за мене купленную.

Пятокъ. 22. Сегодня рано былъ я зъ родителемъ у минѣстра, где пересмотрувано бунчука и булави гетманскихъ и другихъ клейнотовъ, тако жъ читанъ указъ членамъ колежскимъ написанный, въ якомъ выражено, что колегіи не быть, а быть гетману и суду енералному, до котораго суда два зъ членовъ приданни, а именно брегадиръ Арсеніевъ и подполковникъ Количевъ и третій, еще которого именно неписано, и суду то̃му отправоватись по нашимъ правамъ, въ которіе немѣшали бы оніе члени, но точію присутствовали для правосудія и имѣли бы одного подканцеляриста, да копеиста, которіе бы всякіе дѣла записивали въ протоколъ; а кто недо̃воленъ будетъ судомъ тѣмъ, и ему бы волно бить челомъ гетману, а гетманъ зъ минѣстромъ таковіе дѣла будутъ разсмотривать, неправихъ судей за то штрафовать. Ясневелможная зъ своего веригинского двора переехала въ нашъ дворъ, где и обѣдала, и ночовала. Пріехалъ братъ Семенъ и всѣ полчане лубенскіе. Старшина лубенская были у минѣстра, который имъ сказавши объ отставцѣ отъ полковничества родителя, велѣлъ имъ подписатись, что чули таковий указъ зъ прилогомъ тимъ, чтобъ всякъ въ обидахъ своихъ па род. чоломъ били, о чомъ имъ и указъ данъ, и оній указъ они, ударивши въ котли и собравши народъ, читали. Сказивалъ сіе атаманъ 23-го сентевр., едучимъ намъ зъ обозу отъ полковника мир.

Субота. 23. Сегодня поздно ездилъ родитель до Наумова, а кушалисмо у себе и ясневел. съ нами, а по обѣдѣ ездилемъ до секретара Напѣева.

Недѣля. 24. Сегодня рано ездилисмо зъ родителемъ до обозу, где были у п. полков. миргор., и я былъ у п. Павла и повернувшись назадъ, кушалисмо у себе, и съ нами швакгри п. Полуботки, а ясневел. и родитель у п. судіиной.

Понеделокъ. 25. Сегодня обѣдалисмо у себе. Шрамко отозвался сварковскій до род. зъ суплѣкою о двору оробювскоъ. Алексѣй слуга повернулся зъ Сваркова и обявилъ, что риба вся зложена тамъ въ ліодовнѣ, а именно сули 6000, чабака 6000, сазоней 500, сомовъ 100, да тамъ же сули Семена Бардака 400, воловъ 56 и 5 воловъ въ Ромнѣ Роману злѣценни, возовъ 14, а пятнадцятий въ Ромнѣ жъ; яромъ 29 зъ привоями ремѣнними, шворней желѣзнихъ 10 и проч., въ Глуховѣ тутъ зложено 3 бочки и четвертее барило осятрини просулной и барило каваяру. Вечералисмо вкупѣ у себе зъ ясневел. и Стаховичемъ.

Вовтор. 26. Сегодня службы божой слухалисмо въ церквѣ ст. Анастасіи, где архиепископъ кіевскій служилъ. Бувши я у канцеляріи Наумова, получилъ отъ секретара указъ вичитать объ отставцѣ родителя отъ команди, яковий составленъ въ іностранной колегіи, за рукою графа Головкина, юля 29-го, а въ ономъ указѣ виражено, что того жъ юля 26-го состоялся указъ въ тайномъ верховномъ совѣтѣ—отлучить отъ полку полковника полку лубенского Андрея Маркова и освѣдительствовать о поступкахъ его въ битность его при томъ полку, о тягостехъ тому полку отъ его бивших, и таковое свѣдителство за рукою его г-на Наумова и тѣхъ хто покажетъ, присилать въ тайний верховний совѣтъ, къ якому указу приложили руки правители вой. енер. канцеляріи и старшини пол. лубенская, что онимъ таковий указъ обявленъ, и къ оному жъ указу особливое приложенно предложенно г-на Наумова, въ якомъ вираженно, дабы всякъ на родителя моего жалоби имъ показанніе заносили, не посягая и не закривая. Кушалъ родитель у Наумова, а ми у себе сами съ присутствующими.

Середа. 27. Сегодня были мы на водцѣ и ясневел. у п. судіиной, а обѣдали всѣ у насъ. По обѣдѣ, ездили мы зъ род. до банѣ своей мѣской. Столповскій приходилъ сюда и обѣдалъ съ нами, а говорилъ родителеви, что неволно мовитъ намъ ходить до васъ, въ томъ фискалуютъ обозний и Савѣцкій.

Четвер. 28. Сегодня былъ я рано у п. Михайла, швакгровъ п. п. Полуботковъ, а обѣдали у себе зъ Борковскимъ, Писалемъ до...

Пятокъ. 29. Андрѣевскій староста отправленъ въ С.П.Бурхъ зъ чоло....Андрушку кучеру и пастухови сулацкому далемъ по 5 коп., а Юску Сердюченку 2 р. Молодикамъ подавалемъ китай и футра сѣріе.

Субота, 30. Сегодня службы божой слухалисло у судейской церквѣ, а по службѣ ясневелможная, родитель, я и Савѣцкій писаръ зайшли до судійной на водку. Савѣцкій тамъ въ притомности всѣхъ насъ и Рожанского гадяцкого говорилъ, что минѣстръ велѣлъ имъ обявить въ полку, чтобъ зъ обидами отзивались всемъ на родителя, ничего не закривая, о чомъ и указъ дать на писмѣ обѣщалъ. А потомъ поехалисмо до ясневелможной и тамъ обѣдалисмо, а потомъ до швакгровъ ездилисмо, оттоль я ездилъ до минѣстра, где и родитель былъ.

Октавр. мѣсяцъ. Неделя 1. Сегодня рано пріехали мы до полковника миргородского Даніила Апостола, где всѣ были съ знатнихъ людей и бунчуковіе, а полковники и старшина полковая и сотники зъ всѣми козаками, при войсковой музицѣ, зъ знаками, ишли пѣшо въ городъ, поневажъ вчорайшого дня при котлахъ и трубачахъ таковий обявленъ указъ, чтобъ нѣхто въ городъ сегодня конемъ неехалъ, а пѣшо ишолъ; а постановилися округъ площадѣ, будучой между Николаемъ святимъ и Тройцею церквами. Потомъ, полковникъ миргородскій и мы всѣ при немъ пріехали до минѣстра, откуду перврй секретаръ его Напѣевъ взявъ на блюдо сребранее, тавтою червоною покритое, грамоту государеву поехалъ въ каретѣ, а предъ нимъ и около его ишли салдати, по немъ Левенецъ правитель на подушки, тожъ таѳою чирвоною покритую, неслъ булаву гетманскую, за нимъ несли: сотникъ глуховскій—короговъ, Гречаний Федоръ—бунчукъ, Іванъ Гамалѣя—значокъ, Андрей Миклашевскій—также

на подушцѣ печать. Предъ ними и около нихъ ишли салдати оружейно, за ними ишли мы бунчуковіе и канцеллярія енер., а потомъ, въ каретѣ зъ минѣстромъ ехалъ полковникъ миргородскій и когда такъ прибули до помянутой площадѣ, где краснимъ сукномъ столъ укритъ былъ и къ оному придѣлани сходи, то несшіи особи клейноти стали близъ того стола, а зъ другой сторони сталъ минѣстръ зъ полковникомъ миргород. и другіе полковники, потомъ минѣстръ обявивъ всѣмъ рѣчъ на словахъ, что онъ сюда пріехалъ для избранія гетмана и чтобъ волними голосами оного вибирали, призвалъ через брегадира Арсеніева зъ церкви ст. Николая архиеереовъ кіевского и чернѣговского и архимандриту печерского, спросилъ всѣхъ о комъ благоволятъ, на что всѣ отказали, указуючи миргородского; потомъ, минѣстръ сійшовши на столъ, въ голосъ спросилъ всѣхъ козаковъ, велѣвши имъ зближитись, и отказали тако жъ, и спрашивалъ три рази на кого изволяютъ, отказовали на миргородского; тогда минѣстръ, зиходячи зъ стола, обернулъся до полковника миргородского сказалъ: его імператорское величество, по волнимъ голосамъ, именнимъ своимъ указомъ жалуетъ тебе въ гетмани, и тогда его нѣкоторіе зъ нашихъ подняли подъ руки и звели на столецъ. Тогди заразъ стрелба учиннлась во всѣхъ полкахъ и отъ полку солдатъ, котораий тутъ же на другой сторонѣ площадѣ стоялъ, и съ пушекъ по роскатахъ, а гетмана зъ толця знову подъ руки звели, которому минѣстръ булаву и другіе клейноти давалъ въ руки; зъ духовенства архиерей кіевскій привѣтствовалъ оного и тако всѣ пойшли въ церкевъ Николая, и служба божая началась. По совершеніи службы божой, молебенъ былъ соборний, а по молебнѣ гетманъ присягу виконалъ на вѣрность его імпер. в-ву, а потомъ казанно было, по казанню конецъ при стрелбѣ пушечной, и тако окончилась церемонѣя тая. Вишедши зъ церкви, пошолъ гетманъ съ минѣстромъ и архиереями и всѣми въ дворъ гетманскій, где всѣ и кушали при стрелбѣ пушечной.

Понеделокъ. 2. Сегодня рано собирались всѣ до гетмана зъ поздравленіемъ, а я ездилемъ оттуду до архиерея кіевского и посидѣвши у его доволно, пріехалемъ домой и обѣдалисмо сами. По

полуднѣ, у третемъ часу, зехались всѣ зъ знатнѣйшихъ до минѣстра, где вечерали и гуляли до полночи при пушечной стрелбѣ.

Вовтор. 3. Сегодня обѣдалисмо у себе и ясневелможная съ нами; приходилъ до насъ архимандритъ печерскій кланятись ясневел., а по обѣдѣ ездила ясневел. и мы до его, отца архимандриты, где застали чернѣговского архиерея и тамъ позабавилисмося долго, оттуду заехалемъ до швакгровъ своихъ, а потомъ и домой. Получилемъ писмо отъ Волинского, въ якомъ означаетъ, что въ Перервинцяхъ сѣна укошено 72 скирти, а жита посѣяли 40 четвериковъ роменскихъ.

Середа 4. Сегодня обѣдалисмо у ясневелможной, а по обѣдѣ родитель остался для минѣстровой, мѣвшой быти у ясневел., а я отехалъ въ домъ свой и засталемъ швакгровъ своихъ Полуботковъ у себе, которимъ и о нашемъ говорилисмо, інтерессѣ, и они обѣщали.

Четвер. 5. Сегодня рано ездилемъ въ городъ, видѣлемся зъ п. Михайломъ и въ церквѣ ст. Анастасіи службы божой слухалемъ. Отъ его жъ зачулемъ, что князь Михайло Махайловичъ Голѣцинъ, когда пріехалъ въ С П.Бурхъ, то пожалованъ зосталъ милостію монаршою, же дочерамъ его всякой дано на вѣно по 1000 р. червонныхъ. Обѣдалисмо у себе, а по обѣдѣ ходилъ я до отца архимандрити печерского, отоль ездилемъ до ясневел. и тамъ вечералемъ.

Пятокъ 6. Епископъ новопоставленний переясловскій „ “ Поповъ пріехалъ въ Глуховъ зъ Москви, которій сказивалъ, чте свѣт. князь Меншиковъ сосланъ въ силку въ Аранибурхъ со всѣю фамилѣею своею и чтобъ не воспоминать въ церквѣ дочерѣ его, а обрученной государевой невѣсти Маріи Александровни. Устроенни старшина енер.: Галаganъ обознимъ енер., Кочубей полков. полтавскимъ, Раковичъ мѣетъ быть прилуцкимъ полковникомъ, Рощаковскій судіею енер., Турковскій другимъ, Семенъ Чуйкевичъ писаремъ енер., Іванъ Гамалѣя асауломъ енер., Андрей Миклашевскій—хоружимъ енер., бунчучнимъ енер. Григор. Стороженко, сотникъ ічанскій, зъ которихъ не всѣ еще утверждени такъ. Писма до князей Галѣциновъ, Димитрія и Михайла Михайловичевъ, составилисмо, а отъ архим. печер. до князя Дмитрія Мих. и до отца Копи въ пакетъ еденъ запечатали.

Субота. 7. Духовенство все, архиерей кіевскій и чернѣговскій и архимандритъ печер. розехались во свояси, а мы обѣдали у себе зъ ясневелможною. По обѣдѣ ездилемъ въ городъ, до двору гетманского, где и ясневел. пріехавши, была воспріемницею зъ Наумовимъ, а комендатша зъ гетманомъ, синови Милорадовича, полков. гадяцкаго.

Неделя. 8. Сегодня обѣдалисмо зъ ясневел. у судіиной. Родитель отехалъ въ Роменъ.

Понеделокъ. 9. Сегодня на именинахъ моихъ обѣдали у насъ ясневелможная, Количовъ Андрей Івановичъ зъ женою, полковникъ нѣжинскій Хрущовъ, п. Михайло, Степанъ Миклашевскій, п. судіина. Ясневел. дала атласу зеленого на портище, для именинъ. Послани въ С.П.Буриъ Михайло Забѣла, Лукашъ переясл. [1]), Мартинъ Штишевскій, Григор. Стороженко, до двору монаршого зъ тимъ, что избранъ гетманъ.

Вовтор. 10. Сегодня рано былъ я у церквѣ ст. Анастасіи на службѣ, а по службѣ у п. Михайла, а на обѣдъ пріехалемъ до ясневел. Обослалемъ ясневелможную рибою вялою, чабаковъ 1000, сули 200, короповъ 50. Наказани ключникъ, дѣвки и проч. за ночную продерзость. Епископъ новопоставленний переясловскій Поповъ бувъ у ясневел. и сказовалъ, что государиня царица Евдокія, супруга бывшая его величества блаженной памяти Петра Первого, а нинѣ щасливе государствующого монарха Петра Второго бабка, обрѣтается въ Москвѣ у Новодѣвичого монастира при достойной славѣ, чести и почитаніи отъ всѣхъ.

Середа. 11. Сегодня отехалъ Леонтій Янковскій въ домъ, черезъ которого писалемъ до род. и Волинского зъ особна о присилцѣ виправи и Андрушка сюда въ Глуховъ въ скорости. У вечеру былемъ у Наумова, который сказивалъ, что гетманъ прислалъ къ ему чолобитнихъ до 20, поданнихъ на отца моего, хочай онъ гетману и говорилъ, чтобъ такихъ чолобитнихъ непринималъ онъ, але подавали бы чолобитчики ему Наумову. Демянъ росписался, что по облѣкахъ долженъ онъ на должникахъ стягать денги, а особливо

---

[1]) Лука Васильевичъ, обозный переяславскій, родоначальникъ Лукашевичей.

доводячіеся денги долженъ онъ отдать, якіе стратилъ на свои потреби, а именно 48 р. и 53 коп.

Четвер. 12. Сегодня празновали рожденіе его імпер. в-ва и съ пушекъ стреляли. Обѣдалисмо въ дому зъ сотникомъ глинскимъ, а у вечеру ездили до ясневелможной и тамъ вечерали.

Пятокъ. 13. Сегодня рано былъ я у двору гетманского, где минѣстръ и гетманъ, призвавши Кондзеровского, допитовались объ вѣдомостяхъ, якіе онъ подалъ о зборахъ на гетмана, вибиравшихся въ колегію бувшую малор. Якова посилалемъ до Демяна хорунчого, который облѣкъ его, въ якомъ и другихъ облѣки пописани, задолжившихся въ Сулаку, читалъ матерѣ его и братови, чтобъ они, ежели бы умеръ, по немъ уищали, въ чомъ они не отрѣкалися. Лозовскому, поехавшому въ Роменъ, далисмо 3 р. на ячмѣнь. Черезъ его жъ писалемъ до родителей обоихъ зъ прошеніемъ присилки дуль сушенихъ и чтобъ Лозовскій обсилками и насъ не миновалъ. Получилемъ отъ род. писма, въ якихъ ко мнѣ пишетъ, что подданніе непослушни стали, козаковъ для посилки зъ писмами заборонютъ давать и протчіе дѣлаются досади и укоризни.

Субота. 14. Сегодня отъ п. гетмана получилемъ писма до родителя и обозного лубен. отвѣтніе на листъ родителскій, чтобъ посланъ былъ хто зъ значковичъ въ маетности родителскіе и полковіе, дабы они по прежнему послушенство отдавали до двора родителского, поколь родитель пришлетъ копіи грамотъ и унѣверсаловъ, по которихъ розибравши маетности, собственніе при родителю останутся, а полковіе мѣютъ отобратися. Якіе листи зъ моимъ листомъ послалемъ до родителя черезъ сторожа глинского. У вечеру былъ я у минѣстра Наумова, который презентовалъ челобитнихъ 5 на родителя, поданнихъ гетманови, а отъ него при веденіи до минѣстра присланнихъ: 1) отъ Татіяни Кулябковни Василевой, за футоръ, 2) отъ Петровского за Сухоносовку, 3) отъ Шила, козака чигириндубровского, за коня якогось, 4) отъ Повторацкого ясманского, за грунтъ, 5) сотниковъ переясловского и стародубовского, за 2 пушки, въ Царицинѣ оставленнихъ. Гетманова пріехала въ Глуховъ, зъ родомъ своимъ, нинѣшная. П. Михайлу черезъ Алексѣя

послалемъ 4 баранци, ему давно купленніе по 2 р., а особливе 13 для вибору, которіе въ него и остались.

Неделя. 15. Сегодня кланялися мы гетмановой нинѣшной, а обѣдалисмо въ дому, и съ нами Степанъ Миклашевскій зъ панею и Іванъ Максимовичъ. П. Михайлу послалемъ параманъ свой, чили murum hyspanicum. Ездилемъ у вечеру до ясневелможной и вечералемъ тамъ.

Понеделокъ. 16. Рано ездилемъ до п. Михайла, оттуду пріехавши въ домъ, обѣдалемъ зъ Романовичемъ и сотникомъ глинскимъ, по обѣдѣ билъ у ясневелможной, а вечералисмо у себе зъ ясневел., которая у п. судіиной и ночовала. Получилемъ зъ Ромна вѣдомость о пріездѣ п. полковника ахтирского въ домъ его, прошлого числа 11-го сего м-ця, въ середу. Особливе зъ Ромна привезена копія розиску, Протасіевимъ о старшинѣ лубенской чинившогося.

Вовторокъ. 17. Сегодня службы божой и молебня за именинника родителя слухами у судейской церквѣ и обѣдали у судіиной. Явился тамъ же Лѣсаневичъ, протопопи прилуцкого братъ меншій, інспекторовавшій у братовъ моихъ, который нѣсколко лѣтъ по чужихъ краяхъ перекгриновалъ, а теперь пріехалъ зъ С.П.Бурху и сказивалъ, что при его еще битности, въ первихъ числехъ сентевр., князь Меншиковъ зъ високого степени щастя своего спаде и віехалъ. указомъ чили висланъ зъ С.П.Бургу, якъ слишно до Оранибурха.

Середа. 18. Сегодня рано послалемъ слугу Тараса въ Роменъ до род. о его прибитіи сюда. Ему жъ Тарасу дана інструкцѣя въ 9 пунктахъ, о томъ именно: чтобъ каретку дать обмаліовать, у Дениса шинкара взять 6 р., бить ему въ Сухоносовцѣ, футорѣ и Перевинцяхъ, виправу сюда вислать и проч. Обѣдалисмо сами у себе, а по обѣдѣ ездили до ясневельможной. Левенецъ присилалъ ко мнѣ слугу своего Данила зъ тимъ, что когда Калюжненки сегодня пану гетману кланялись, позволилъ имъ у футорѣ моемъ мене имъ грабить; тожъ и Климови ключникови отъ мене за тимъ же, для лутшого извѣстія къ нему посланному, говорилъ. Ясневелможная п. Михайловой Скоропадской [1]) подарила у вечеру кунтушъ

[1]) Т. е. дочери новоизбраннаго гетмана, Прасковьѣ Даниловнѣ, которая въ первый разъ была замужемъ за Мих. Вас. Дунинымъ-Борковскимъ, а затѣмъ вдовою, вышла замужъ за вдовца Мих. Вас. Скоропадскаго.

богатий златоглавній, горностаями подшитий а одонками опушеній, сподницю златоглаву на табинѣ, шнуровку шитую красную аксамитную.

Четвер. 19. Сегодня рано былъ я у Левенца и тожъ мнѣ говорилъ, зъ чимъ вчора слугу своего Данила присилалъ. Обѣдали у себе зъ глинскимъ сотникомъ, а по обѣдѣ ездили зъ ясневел., зъ которою, мѣючою ехать завтра до Гамалѣевки, простились.

Пятокъ. 20. Сегодня рано былъ я у п. Михайла Скоропадского, лежачого ради болѣзни его, куда приходилъ п. Павелъ, (Апостолъ), сотникъ глух., Дмитрашко, новопріехавшій зъ чужихъ краевъ, Максимовичъ и Рудановскій. Въ притомности п. Михайла и Івана Максимовича, говорилемъ сотникови глуховскому о Калюжненкахъ, напрасно на насъ чоломбитствуючихъ, о чомъ онъ вислухавши, сказалъ, что, мовитъ, и я подписался на купчой доброволно. Увѣдомилемся, что посланіе наши Семенъ Лизогубъ съ товарищи приняти милостиво въ С.П.Бурсѣ и сподобились его величеству песонално кланятись. Въ інструкцѣи минѣстру, въ 18 мъ пунктѣ, данной, написано: гетманъ и онъ въ надаванню маетностей и въ отбиранню мѣютъ писать въ іностранную колегію и оттуду себѣ просить резолюціи, а безъ того нѣчого не дѣлать, тако жъ гетману не владѣть маетностми на уради полковіе належними, до ратушей прислушаючими и измѣнничими. Сотникъ глинскій Афанасій (Жуковскій) сказивалъ, что бувъ онъ зъ Матвѣемъ Себастіяновичомъ, канцеляристою, у Андрѣихи Горленковой (дочь Апостола), которая спомянувши о писма свои и унѣверсали данніе на маетности ихъ бывшіе, а теперь подъ монастиремъ Гамалѣвскимъ найдуючіесь [1]), матерно лаяла ясневелможную и родителя. Получилемъ листъ отъ Волинского писаній и подводъ 11 прійшло зъ Сухоносовки въ Глуховъ, и привезено зъ Перевинецъ сира дѣжокъ 4, масла дѣжокъ 23, особливе передомъ посланихъ сира дѣжка, а масла дѣжокъ двѣ, орѣховъ мѣховъ 7, хмелю возъ, проса 9 четвер.,

1) О томъ, какъ гетманша Скоропадская съ помощью мужа укрѣпила маетности Андрея Дмитріевича Горленка, женатаго на Марьѣ Даниловнѣ Апостолъ, за Гамалѣевскимъ монастыремъ см. въ Русск. Арх. 1875 г., II, 255 и слѣд.

. . . . . . ? гусей 30, индиковъ 13, курей 50, утокъ 12, овецъ 40, цибулѣ вѣнковъ 30, часнику мѣшокъ, петрушки сноповъ 4. Да ознаймуетъ Волинскій въ листѣ, что: 1) на сухоносовцевъ наложено порцѣй 6, рацѣй, 7; 2) сѣна на Кривой Рудѣ 91 скиртъ наймомъ кошенихъ, а грошовихъ 8; 3) ярини въ Сухонос. у Перер. и у фут. знято проса 165 коп., овса 180 копъ, гречки 109, пшеницѣ ярой 40, ячменю 58 копъ, а жита 355 копъ. Пчоли поставили въ імшаникъ 65 въ Сухонос., а 85 побыли, а меду взяли 3 дѣжки.

Субота. 21. Сегодня службы Божой слухалемъ у ст. Михайла, по службѣ заездилемъ до п. Михайла, а обѣдалемъ у себе зъ сотникомъ глинскимъ. Возовъ воловихъ 5, сѣна моего въ Ясманѣ уготованного, а оттоль сюда везенного, не доежджая Глухова, завернули гайдуки гетманскіе въ дворъ, и скидано по указу, о которомъ засвѣдителствовалъ Михайло якійсь слуга гетманскій, что ему тое учинить приказано отъ обоихъ. Сіе говорили посиланіе отъ мене люде мои Климъ и Алексѣй до п. Мих.—Зъ Ромна повернувшіеся подводи пріехали въ Глуховъ овдокольскіе и привезли 3 мѣха дуль и 2 солѣ.

Неделя. 22. Сегодня обѣдалемъ у себе зъ Опанасомъ, сот. глинскимъ и Василемъ Гинею, а по обѣдѣ поехалемъ въ городъ до п. Михайла, где зъ нимъ, зъ п. Павломъ и Лукою французомъ, игравшими въ карти, сидѣлемъ долго и пріехалемъ на ночъ въ домъ свой. Отпущени подводи сухоносовскіе зъ Глухова при приставу Кондрату Шаповаленку, которому и денегъ 20 р. на жито до Волинского послалемъ, и до его жъ Волинского писалемъ листъ на аркушѣ въ 16 пунктахъ, где и то приложено, чтобъ прислалъ сюда проса чи пшона много, также и прочее.

Понеделокъ 23. Сегодня обѣдалисмо у себе зъ п. Конзеровскою, зъ которою до нее издилисмо на іменини сина ея Якова, откуду позванъ до Наумова ездилемъ. Такъ же и у п. Михайла былемъ, потомъ у пана гетмана былемъ, куда первей неприпущено жолдакомъ [1]), а потомъ былъ, однако жъ очей его не получили видѣть.

---

[1]) Жолдаки составляли особую гетманскую придворную команду и употреблялись какъ для караула въ гетманскомъ домѣ, такъ и для посылокъ. См. Опис. Ст Малороссіи, II, 221.

Получилемъ письмо отъ п. Павловой кролевецкой (Огіевской), въ которомъ требуетъ 300 зол. отдачи теперъ, а столько жъ после за 15 куѳъ гор., до которой отписалемъ, что торгъ у насъ несостоялся по 8 руб. за куѳу гор., але по 6 р. принять я казалемъ, въ якой силѣ и 100 зол. посилаю черезъ козака, чили человѣка ея, прозиваемого Кобѣжского, да и тое приложено, что 5 р. Григорій синъ еи взялъ и зъ прежнихъ денегъ остатокъ сюда надлежитъ зачести.—8 четвер. безъ малного чого купилъ Алексѣй ячменю и зсипалъ у муру по 2 р.

Вовтор. 23. Висшеписанний листъ и денги послалемъ до п. Павловой. П. Левенцу заплатили за медъ 7 р. безъ зол,. по 4 а. пудъ. У лазнѣ милемся у Кондзеровского. Бувъ у п. Михайла, где увѣдомился, что домъ князя Миншикова отданъ чили пожалованъ князь Михайлу Мих. Голѣцину въ С.П.Бурсѣ. Рано присланъ по мене минѣстръ Наумовъ солдата чили сторожа колежского, куда когда я пріехалъ, онъ зъ комнати вийшовши зъ гетманомъ, виговарувалъ мнѣ будто мы говоримъ, что минѣстръ обнадежилъ насъ въ томъ, що хочъ бы хто и билъ чоломъ на насъ, однакожъ тое уничтожится, але все било зъ объявлення гетманского; понеже тамъ же гетманъ и то сказалъ, что говорилъ здесь родитель мой о томъ будто обозного минѣстръ бранилъ за то, что онъ публѣковалъ отца въ полку и побужалъ людей къ жалобамъ, тамъ же кричалъ онъ же на мене за Калюжненковъ, говорячи, что отняли ми футоръ у нихъ, а не купили.

Серева. 25. Сегодня обѣдалисмо сами и съ нами попъ Астровскій. Пріехалъ родитель въ Глуховъ. Вино все на груши сухіе повисипали. Жена моя устрахнувшись зъ той причини, что мене до минѣстра позвано, заболѣла и всю ночъ противъ четверга не спала.

Четвер. 26. У сотника глух. обѣдали гетманъ, минѣстръ и проч., а мы зъ родителемъ у себе. У Клима ключника принялемъ денги 29 р. за рибу теперешнего привозу проданную, а именно: сомовъ 100, да чабака 4600, и отдалемъ оніе денги Алексѣеви слугѣ на покупку овса.

Пятокъ. 27. Сегодня начали родителя моего судить въ канцеляріи минѣстра, Пироцкій, Турковскій, въ справѣ калюжновской. 30 р. зъ мѣшка далемъ вновъ панеи на росходъ, зъ которихъ заразъ Василеви Савущенкови за поставъ сукна, весною взятій, далемъ 8 р. 16 а. 4 д. Несторовичъ пріехалъ зъ Ромна, который сказивалъ, что говорилъ обозній. будто указъ имъ таковий данъ—зъ нимъ Несторовичемъ поступить для того, что онъ намъ свой. Онъ же привезлъ копію указу, чили унѣверсалу рейментарского и полкового, публѣкуючого объ отставцѣ и проч. род., именно: по титлѣ, пану полковникови наказному лубенскому, п. п. старшинѣ тамошней полковой, сотникомъ, атаманнѣ, войтомъ и кому о томъ вѣдати надлежатиметъ, симъ нашимъ ознаймуемъ унѣверсаломъ. Обявили намъ превосходителний его милость Өедоръ Василіевичъ Наумовъ, его імператорского величества тайной совѣтникъ, минѣстръ, велено Андрея Марковича отъ полковничества лубенского отставить, а которіе онъ полчанамъ тамошнимъ починилъ обыди, о томъ слѣдовать и чинить справедливость. А понеже донеслося намъ вѣдати, что многіи полчане лубенскіе отъ его, Марковича, хочай имѣютъ обыди, тилко жъ зъ чолобиттемъ ити боятся, же нѣкоторіи его Марковича фаворити проглашаютъ, что онъ знову будетъ полковникомъ, того ради симъ унѣверсаломъ нашимъ предлагаемъ, дабы вы во всемъ полку лубенскомъ обявили подлинно: если хто зъ обывателей полку тамошнего имѣетъ отъ него, Марковича, якую обиду въ правду, тотъ бы безъ опасенія зъ челобиттемъ сюда приходилъ до его превосходителства г-на тайного совѣтника и минѣстра, и таковимъ всѣмъ обидимимъ будетъ, по расмотренію дѣла, чиненна достойная справедливость, безъ всякой поблажи, и слушное награжденіе непремѣнно по вишеписанному его імпер. в-ва указу. Данъ въ Глуховѣ. Октовр. 20. 1727 году. У подлинного: звишменованний гетманъ рукою власною. По сему указу зъ Ромна наказний отъ себе послалъ 22-го октовр. указы въ сотнѣ, приказуючи оніе читать въ городахъ и селахъ, а имя фаворитовъ протолковалъ похлѣбцами.

Субота. 28. Знову призивано родителя до канцеляріи минѣстровой, где въ той же справѣ судили Пироцкій да Турковскій, куда и сотника зъ атаманомъ глуховскимъ для свѣдителства призивано, где атаманъ Ѳедоръ Омеляновичъ призналъ, что когда Калюжнову старую, которой футоръ Калюжновскій есть внесеньемъ [1]), видѣлъ онъ въ 709 году, на ратушѣ, продававшою свой тотъ футоръ родителеви, тогда онъ, атаманъ, упоминалъ еи, чтобъ не продавала, понеже на тое имѣла дѣла дѣтей своихъ наслѣдниковъ, отказала на тое: что мовитъ, волно мнѣ продать, не ихъ се отцевщина, але моя, що атаманъ два рази говорилъ. Пріехавшій Несторовичъ и Соколничій слуга говорили, что въ Ромнѣ замѣшанне учинилось, читано висшепомянутий универсалъ 5 разъ зъ протолкованнемъ обозного. Коваля покладали бить, що онъ зъ опредѣлення сотничого ездилъ до генер. Дукляса отъ род. Поехалисмо у вечеру зъ родителемъ и пріехали въ ночѣ до монастиря Гамалѣевского, где застали ясневел. и Кондзеровского.

Неделя. 29. Сегодня на обѣдъ пріѣхалъ минѣстръ Ѳедоръ Василіевичъ Наумовъ зъ женою своею, сестрою, такъ же и съ племенницею, зъ сотникомъ глуховскимъ и Степаномъ Миклашевскимъ въ монастиръ Гамалѣевскій на іменины ея велможности, где и заночовали. Въ Ясманѣ чолобитчикъ Полторацкій забралъ сѣна 14 воз. нашего, подводи ясманскіе брали, а онъ завозилъ въ гетманскій дворъ.

Понеделокъ. 30. Сегодня тутъ вчорайшіе гостѣ и мы съ нимъ праздновали.

Вовторникъ. 31. Сегодня рано поехалъ минѣстръ, зъ ѳамилѣею своею и ассисстовавшими ему, зъ монастира, а обѣдалъ въ сотника глух. у Маковѣ, куда и мы, поноровя мало, пріехали, и оттоль о полдни поехали, пріехали позно въ Глуховъ. Ключникъ мой обявилъ мнѣ, что въ Есманѣ и остатокъ сѣна моего забрано.

Мѣсяцъ ноеврій. Середа. 1. Сегодня рано были у насъ протопопъ глух. Галях. и протчіе, а обѣдалисмо сами зъ род. и Несторовичемъ; по обѣдѣ родитель ездилъ до министра.

[1]) Т. е. приданымъ.

Четвер. 2. Сегодня рано былъ родитель у минѣстровой канцеляріи судимъ Рощаковскимъ и Турковскимъ въ дѣлѣ Василченковъ лубенскихъ, а я зъ п. Михайломъ видѣлъся, а по обѣдѣ съ протопопою Голяховскимъ. До Булгакова посилалъ я Клима и 5 р. далемъ. Зъ писма брата Марка вѣдомо учинилось, что въ Гданску воли продани родителскіе по 14 таляр. зъ золотимъ. Принесенъ указъ зъ С.П.Бурха до г-на Наумова—отписать деревнѣ и мѣстечка, бывшіе во владѣніи князя Меншикова, на его імператорское величество.

Пятокъ. 3. Сегодня черезъ нарочного получилъ я писмо отъ брата Марка, ко мнѣ писанное, что гайдаи (погонщики воловъ) зъ Гданска пришедшіи, говорили, же мои воли продани по 17 таляр. зъ золотимъ. Сеей ночи противъ суботи прибѣгли зъ футора Калюжновского нарубки, даючи знать, что возовъ 16 пріехало туда у футоръ братъ сѣно наше, чего ради послалъ я Алексѣя и Юска молодиковъ туда, жебы тихъ людей сюда припроводить и припроважено уздицкихъ 2 члвѣка и пристава гетманского слугу Данила при Левенцу служившого.

Субота. 4. Помянутого слугу Данила гетманского отослалемъ въ дворъ гетманскій, питаючись за чіимъ вѣдомомъ посилано, где отказалъ Степанъ конюшій гетманскій, что зъ іменного расказання гетманского посиланъ онъ по сѣпо тое, якое подарили Калюжненки. Тотъ же Данило прийшолъ до насъ знову и сказалъ, что онъ присланъ къ намъ отъ гетмана, даби ми вѣдали, чта онъ знову туда едетъ у футоръ брать сѣно наше и чтобъ тамъ бойки не было, требовалъ отъ насъ посилки туда молодика указомъ гетманскимъ, чего ради посиланъ былъ Юско машталѣръ, а онъ туда пріехавши, забралъ наше все сѣно на вози 14 и припроводилъ въ Глуховъ до двору гетманского. Веригинцовъ людей нашихъ [1]) отняли отъ насъ на урядъ глуховскій, где когда Климъ упоминался, укорали тамъ войтъ, а барзѣй Пуховичъ. Указъ или обявленіе за собственною монаршою рукою состоялося, что въ прійдучомъ 1728 году

[1]) Веригинъ—одно изъ предмѣстій Глухова.

въ януар. м-цѣ, будетъ его величество въ Москвѣ коронованъ и помазанъ.

Неделя. 5. Сегодня обѣдалисмо у себе сами зъ родителемъ и Несторовичемъ, который у вечеру и отехалъ отъ насъ.

Понеделокъ. 6. Сегодня до князь Мих. Мих. Голѣцина отправили писмо, а другое къ Шипову о состояніи нашомъ увѣдомляючое, а отправили до ахтирского (полковника), до которого и я зъ подякованнемъ за поздоровленне писалемъ. Булисмо оба зъ родителемъ у канцеляріи минѣстровой, где Шрамко, козакъ сварковскій, родителеви сказалъ, что у его развѣ есть воровская чолобитная, о чомъ протестовалъ суддямъ, ходилъ до минѣстра, однакожъ ничего оному Шрамку не здѣлалося. Ясневелможная пріехала въ Глуховъ, зъ Гамалѣовки, у которой увечеру былисмо и потомъ въ свою пріехали квартеру.

Вовтор. 7. Родитель ради слабости здоровя своего не билъ у суда, але мусѣлъ картою своею ознаймить судящимъ болѣзнь свою.

Середа. 8. Сегодня на іменини п. Михайла прошена ясневелможная и обѣдала у пана гетмана, а мы у себе кушалисмо.

Четвер. 9. Караулного офѣцера присилалъ Наумовъ до отца— взять его и не честю, несмотря и на его болѣзнь, а потомъ уже на мое прошеніе, чили протестованне о его род. болѣзни, онъ велѣлъ отъ брами завернуть, а потомъ знову, по оскарженню Турковского, послати казалъ, после облишилъ, а я за род. поднялся отвѣтствовать. У вечеру ездилемъ до ясневел. зъ п. судіиною и тамъ вечералемъ.

Пятокъ. 10. Сегодня въ канцеляріи у суда отвѣтствовалемъ на чолобитніе двѣ: Ющенковой Даниловой роменской и Словуя Требинского, сотника іркдѣевского, чолобитствовавшихъ на родителя. Посиланъ билъ Юско машталѣръ отъ мене въ Ясмань, ведлугъ сѣна забранного и повернулся сюда зъ Левченкомъ, войтомъ нашимъ ясманскимъ, который сказку учинилъ тутъ въ Глуховѣ, что чолобитчикъ нашъ заводилъ подводи въ Ясмань ясманскіе къ сѣну нашему, якіе подводи взявши тое сѣно, отвезли въ Глуховъ до двору гетманского, по указу. Братъ Марко поехалъ въ Роменъ,

съ которимъ послано и писмо род. до князя Мещерского, въ Лубнѣ, о тутейшомъ поводженню нашемъ ознаймуючее. Войту роменскому далисмо 10 р, а зъ 10 р. еще остался я виноватъ. Меду купили 10 пуд. и и 13 фунт. пудъ по 7 зол. Кравцеви Лескови далисмо 2 р. У Алексѣя отобрала панѣ назадъ 29 руб., даннніе ему отъ ключника. Калюжненки празванни передъ судъ, спрашивани отъ судей для чего они давно не явились тутъ, отказали, что по указу пана гетмана ездили доставать грошей 200 руб., отложить намъ за футоръ, якихъ доставши теперь явились, то жъ и килкократне потвердили, а я 3 раза протестовался передъ суддями о посяжцѣ на насъ таковой, а суддѣ были Турковскій да Рощаковскій, да тутъ же секретаръ Непѣвъ (Непѣевъ) сидѣлъ, а зъ канцелярист.—Ладинскій, Забѣла борзенскій [1]) молоденкій.

Субота. 11. Сегодня былъ я у суда и подалъ челобитную минѣстру о грабижѣ сѣна, 29-го октовр. учинившомся отъ Повторацкого ясманского въ Ясманѣ, которій призналъ въ допросѣ, что онъ велѣлъ брать, а взято такое сѣно до двору гетманского; еще и о томъ признатъ, что онъ 21 октовр. велѣлъ гетманскимъ гайдукамъ сѣно на дорозѣ у тихъ воловиковъ взять и завернуть въ дворъ гетманскій. Тамъ же, въ суду, ирклѣевскій сотникъ уличалъ допросъ мой криво. Ездилисмо по обѣдѣ обое до ясневел., где повечеравши и повернулисмося.

Неделя. 12. Сегодня обѣдалисмо у себе и съ нами Заруцкій воронѣжскій, которому родитель и сукна доброго 6 локоть подарилъ.

Понеделокъ. 13. Сегодня обѣдалисмо у п. судіиной зъ ясневелможною и Количовимъ, а по обѣдѣ ездилисмо къ ясневел., у которой били дами великоросс.

Запустъ. Вовтор. 13. Сегодня обѣдалисмо у себе и зъ нами Ладинскій. Пріехалъ братъ п. Семенъ зъ Ромна, черезъ которого получилемъ листъ отъ п. полковника ахтирского къ себѣ писанній зъ поздравленіемъ. Отправилемъ старостенка сухоносовского зъ листами до Якова и Волинского объ учиненню надлежащой рахуби зъ старостъ и футоровъ, да Волинскому жъ въ листѣ на кожухъ

[1]) Т. е. Забѣла, жившій въ Борзнѣ, для отличія отъ Забѣлъ Обтовскихъ, жившихъ въ с. Обтовѣ. См. Опис. Стар. Малор., II, 149 и 321.

M.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Щ.

Э.

Ю.

Я.

Ѳ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ

УКАЗАТЕЛЬ

„КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ“

ЗА ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ

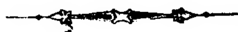
(1882—1891 гг.).

Цѣна 75 коп.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., д. № 4.
1893.

Настоящій указатель, печатавшійся въ видѣ приложеній въ 1893 году (№№ 3, 4, 5, 6, 7, 11 и 12), служитъ справочной книгой къ журналу „Кіевская Старина“ за первыя 10 лѣтъ ея существованія, обозначая какъ всѣ статьи и матеріалы, такъ и рецензіи и мелкія замѣтки. Не гоняясь за мелочной систематизаціей, составитель указателя нашелъ болѣе удобнымъ установить *восемь отдѣловъ*, а именно: 1) *Археологія* (№№ 1—70); 2) *Исторія*: а) *матеріалы* (№№ 71—310), б) *статьи* (№№ 311—604), в) *исторія мѣстностей и учрежденій* (№№ 605—693); 3) *Литература*: а) *матеріалы* (№№ 694—799), б) *статьи* (№№ 800—844); 4) *Этнографія* (№№ 845—1073); 5) *Біографическіе матеріалы*: біографіи, характеристики, некрологи, воспоминанія о лицахъ, письма (№№ 1074—1236); 6) *Портреты, рисунки и статьи о нихъ* (№№ 1237—1290); 7) *Библіографія* (№№ 1291—1843); 8) *Дополненія и поправки* (№№ 1844—2020). Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ восьми отдѣловъ статьи расположены въ алфавитѣ авторовъ (отдѣлы: 1-й, 2-й (*б* и *в*), 3-й (*а* и *б*) 4-й и 8-й), а въ остальныхъ – въ алфавитѣ предметовъ, гдѣ большую роль играетъ самый матеріалъ, а не авторъ, сообщающій его, какъ напр.: въ отдѣлѣ библіографическомъ.

Сознавая, что и при этой упрощенной системѣ составленія указателя возможны промахи, составитель, для облегченія справокъ, прилагаетъ къ библіографическому указателю еще и *алфавитный указатель личныхъ и географическихъ именъ*, встрѣчающихся въ заглавіи статей (стр. 87—108).



Козаки с. Лемешей козелецкаго уѣзда, родины графовъ Разумовскихъ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLIV.

1894 г.

ЯНВАРЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1894.